

801-04

2313

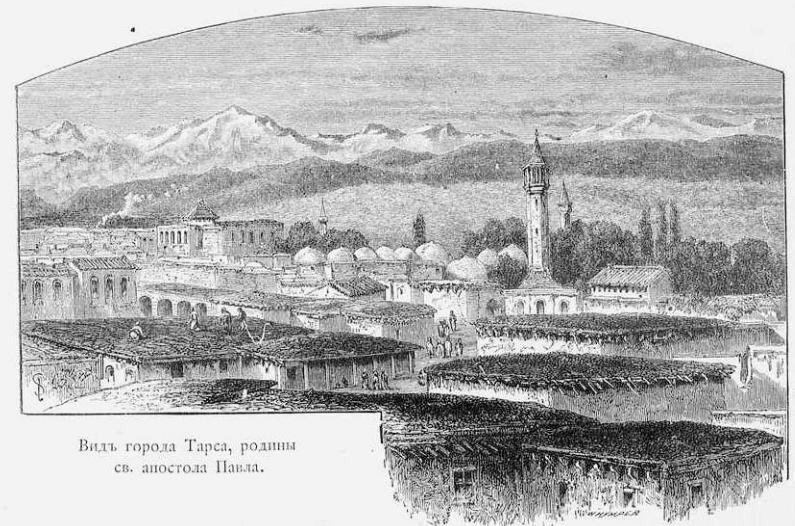
ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

СВЯТОГО ПЛАВА.

СОЧИНЕНИЕ

Ф. В. ФАРРАРА.

Переводъ съ XIX англійскаго изданія А. П. Лопухина.

Видъ города Тарса, родины
св. апостола Павла.

Изданіе иллюстрированное,

съ приложеніемъ картъ и болѣе 250 политипажей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1887.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ И. Л. ТУЗОВА,

*С.-Петербургъ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16, противъ
Гостиннаго Двора,*

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) ЖИЗНЬ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА. Опытъ историко-критическаго изложенья Евангельской исторіи. Съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени. Свящ. **Т. Буткевича**. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1887 г. Цѣна 4 р., въ изящномъ коленкор. переплетѣ 5 р.

2) ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ. Составлены по Четь-Минеямъ и другимъ книгамъ **Софіею Дестунисъ**. Съ изображеніями святыхъ и праздниковъ Академика **Ө. Г. Солнцева**. 12 книгъ Спб. 1886 г. Ц. 6 р.

3) ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА. Соч. **Ф. В. Фаррара**. Новый переводъ съ 30-го англійскаго изданія **А. П. Лопухина**, съ приложеніями: ученыхъ изысканій по отдѣльнымъ вопросамъ изъ жизни **І. Христа** и примѣчаніями къ тексту. Изданіе 2-е, исправленное, со множествомъ иллюстрацій и приложеніемъ раскрашенной карты Палестины. Роскошное изданіе отпечатано на веленовой бумагѣ. Спб. 1887 г. Ц. 8 р., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 10 р.

4) ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА. Соч. **Ф. В. Фаррара**. Полный переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія **А. П. Лопухина**. Со множествомъ иллюстрацій и съ приложеніемъ 4-хъ раскрашенныхъ картъ путешествій ап. Павла. Роскошное изданіе. Спб. 1887 г. Ц. 8 р., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 10 р.

5) СОЧИНЕНІЯ ЕПИСКОПА ИГНАТІЯ Брянчанинова. Съ приложеніемъ портрета автора. Изданіе 2-е, исправленное и пополненное. 5 томовъ. Спб. 1886 г. Ц. 10 р.

6) РУКОВОДСТВО КЪ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОМУ ЧТЕНІЮ АПОСТОЛЬСКИХЪ ПОСЛАНІЙ И АПОКАЛИПСИСА. Сост. **А. Ивановъ**. Изданіе

Опытъ историческаго изслѣдованія. **Григорія Воробьева**. Спб. 1885 г. Ц. 1 р.

11) КРУГЪ ПОУЧЕНІЙ (110) на всѣ воскресные и праздничные дни въ году и на седмицы: пасхальную, первую поста и страстную. Съ біографіею и приложеніемъ къ нимъ особо семи словъ и поученій, не относящихся къ сему кругу, и краткаго очерка исторіи города Киржача. Прот. **Алексія Бѣлоцвѣтова**. Изданіе третье, дополненное. Св. Синодъ, опредѣленіемъ отъ 1—20 Мая 1886 г., одобрилъ для приобрѣтенія въ церковныя библіотеки (Церк. Вѣст., № 31, 1881 г.). Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ изящномъ коленк. переплетѣ 2 р. 25 к.

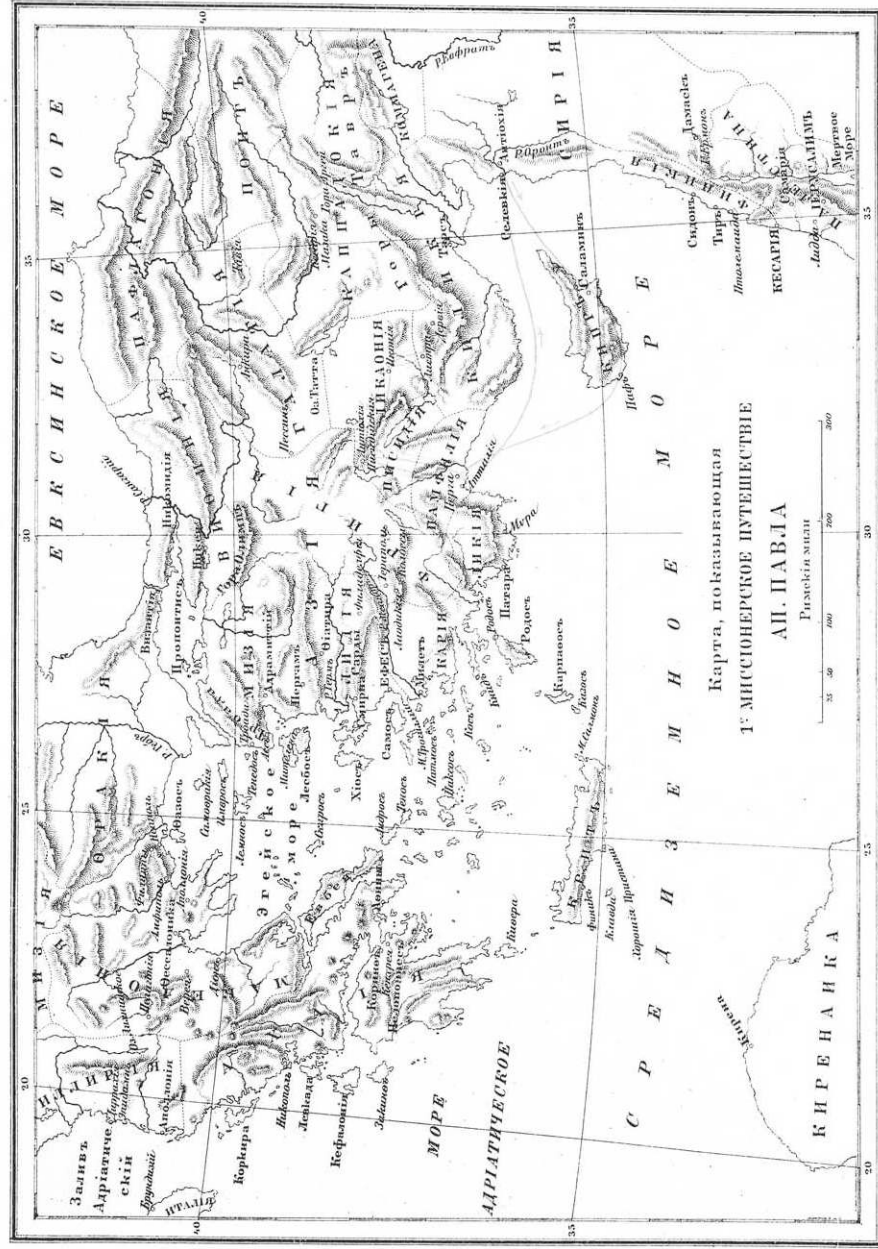
12) ТЕМЫ КЕМПИЙСКАГО. О подражаніи Христу. Четыре книги. Новый переводъ съ латинскаго. **Н. П. Побѣдоносцева**. Третье изданіе. Спб. 1885 г. Ц. 60 к.

13) ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ, чтимыхъ православною Церковію, съ свѣдѣніями о праздникахъ господскихъ и богородичныхъ, и о явленныхъ чудотворныхъ иконахъ. Составленыя Пресвященнымъ **Филаретомъ** (Гумилевскимъ), архіепискомъ Черниговскимъ, съ дополненіями изъ другихъ. Съ изображеніемъ святыхъ и праздниковъ, Академика **Ө. Г. Солнцева**. Съ приложеніемъ портрета преосвященнаго Филарета. На русскомъ языкѣ, за круглый годъ, двѣнадцать мѣсяцевъ: Январь, Февраль, Мартъ, Апрель, Май, Іюнь, Іюль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь. Спб. 1885 г. Ц. за всѣ 12 кн. 15 р.

14) ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ подвижницъ Восточной Церкви. Соч. **Филарета** (Гумилевскаго), архіеп. Черниг. Изданіе второе. Съ изображеніями святыхъ подвижницъ, Академика **Ө. Г. Солнцева**. Отпечатано на веленовой бумагѣ. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ изящн. перепл. 2 р. 25 к.

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ

С В. А ПОСТОЛА ПАВЛА.

Издание картографов И.А. Туглова.

МАСТЕРЪ ЗАВ. ИЛИНА С.П.

Р- 740

Р 6 $\frac{1}{449}$

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ СВЯТЫЙ ПАВЛЪ.

СОЧИНЕНІЕ

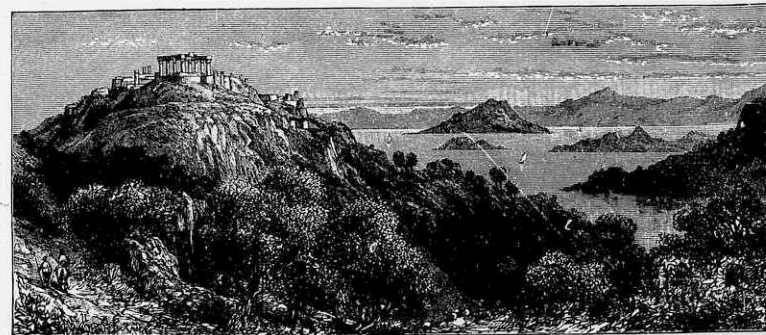
Ф. В. ФАРРАРА,

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ, ЧЛЕНА КОРОЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА, АРХИДІАКОНА И
КАНОНИКА ВЕСТМИНСТЕРСКАГО И ОРДИНАРНАГО КАПЕЛЛАНА
КОРОЛЕВЫ АНГЛІЙСКОЙ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ XIX АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

А. П. ЛОПУХИНА.

Εἰ καὶ Παῦλος ἦν ἀλλ' ἄνθρωπος ἦν.
Св. I. Златоустъ.

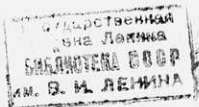
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ,
съ приложеніемъ картъ и болѣе 250 политипажей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА
1887.

23953

Невскій просп., 8.

44445-78

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется, С.-Петербургъ,
Декабря 9 дня 1886 года.

Цензоръ Архимандритъ Тихонъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

ПРЕДЛАГАЕМЪ русской публикѣ второй историко-экзегетическій трудъ автора знаменитой «Жизни Иисуса Христа» Ф. В. Фаррара, именно «Жизнь и труды св. ап. Павла». По своему содержанію онъ составляетъ прямое продолженіе перваго труда, хотя въ то же время, сосредоточиваясь на личности, составляющей главный предметъ его, имѣетъ характеръ полной законченности и самостоятельности. Въ немъ авторъ, съ своимъ обычнымъ мастерствомъ, при помощи имѣющагося у него необъятнаго научно-историческаго и экзегетическаго знанія, иллюстрируетъ дѣятельность апостоловъ и, во главѣ ихъ, св. ап. Павла, какъ она выражается въ книгѣ «Дѣяній Апостольскихъ» и посланіяхъ апостола языковъ. Поэтому настоящій трудъ составляетъ такое же полное и обстоятельное толкованіе на книгу Дѣяній и посланія ап. Павла, какимъ является «Жизнь Иисуса Христа» по отношенію къ четвероевангелію.

Въ этомъ отношеніи оба эти сочиненія Фаррара совершенно однородны, и въ обоихъ ихъ одинаково чувствуется рука блестящаго

писателя-экзегета. Но между ними есть и важное различие. Новый труд имѣетъ своимъ предметомъ область, въ которой больше, такъ сказать, обыденно-человѣческихъ сторонъ и сильнѣе чувствуется вліяніе обыкновенныхъ историческихъ условій и обстоятельствъ, чѣмъ въ той области, которая составляла предметъ исторіи «Жизни Иисуса Христа». На это указываетъ самый девизъ книги, которымъ служить изреченіе св. Златоуста: «хотя и Павелъ, все же человѣкъ онъ былъ». Отсюда самый трудъ носить на себѣ отпечатокъ большей смѣлости анализа и свободы въ изложеніи, чѣмъ сколько это возможно было въ прежнемъ сочиненіи. Авторъ имѣлъ возможность здѣсь еще полнѣе примѣнить тотъ мастерскій историко-критическій и вмѣстѣ живописно-повѣствовательный методъ, который даетъ ему возможность не только рисовать художественныя картины описываемой жизни, но и проникать вглубь, для уясненія самыхъ основъ и дѣйствующихъ началъ этой жизни. Но вслѣдствіе этого именно здѣсь больше въ самомъ текстѣ научно-историческаго элемента, а потому и самая книга получаетъ характеръ большей научной обстоятельности. Цѣлыя главы иногда посвящаются изложенію и разсмотрѣнію извѣстныхъ обстоятельствъ исторической жизни, которыя имѣютъ лишь пояснительное значеніе къ какому-либо факту изъ жизни св. ап. Павла, но чрезъ это еще яснѣе становится и самый характеръ лица, составляющаго главный предметъ книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ разсматриваемой эпохи. Тутъ берется тотъ именно великій моментъ, когда христіанство впервые выступаетъ какъ всемірно-историческая сила, долженствовавшая возродить и обновить древній разлагавшійся отъ дряхлости и внутренняго растлѣнія міръ. Предъ нами совершается глубокознаменательная драма въ области духа, та великая, всемірно-историческая драма, въ которой юная, только что народившаяся въ безвѣстномъ провинціальномъ городкѣ презрѣнной Палестины идея вступаетъ въ борьбу съ началомъ, всецѣло господствовавшимъ дотолѣ надъ міромъ. Начало это нашло высшее свое выраженіе въ классицизмѣ греко-римскаго міра, гдѣ оно выразилось въ блестящихъ произведеніяхъ искусства и литературы, сказало свое послѣднее слово во всеобъемлющей философіи и проявило всю глубину своего чувства въ художественномъ культѣ многобожія. И тѣмъ чудеснѣе и изумительнѣе фактъ, что все это гордое созданіе классическаго генія рухнуло отъ прикосновенія къ нему проповѣдниковъ религіи, которая

въ глазахъ классическаго разума была жалкимъ заблужденіемъ и полнымъ безуміемъ. Понятно, что эпоха и особенно тотъ моментъ, когда впервые произошла встрѣча между собою классическаго генія и христіанской вѣры, представляютъ живѣйшій драматическій интересъ, даютъ богатѣйшую пищу для философской мысли о судьбахъ человѣчества и служатъ неисчерпаемымъ источникомъ назиданія. А это именно эпоха, во всѣхъ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ, и служитъ предметомъ изображенія въ новомъ сочиненіи Фаррара, гдѣ подъ его мастерскимъ перомъ классическій міръ временъ римской имперіи возстаетъ предъ нами изъ своей полуторатыселѣтной могилы—какъ живой. Хотя языческій міръ временъ упадка служилъ уже предметомъ множества отдѣльныхъ и блестящихъ сочиненій, но трудно указать еще сочиненіе, въ которомъ бы дѣйствительное состояніе его, — состояніе внѣшняго величія и блеска съ безнадежнымъ растлѣніемъ и вымираніемъ внутри, — изображалось болѣе яркими и осязательными чертами, чѣмъ именно въ этомъ сочиненіи Фаррара. Многія главы, особенно тѣ, въ которыхъ изображается встрѣча великаго проповѣдника христіанства, апостола языковъ, съ представителями того классическаго міра, которому онъ именно и призванъ былъ проповѣдывать «безуміе» креста, составляютъ образецъ художественной характеристики историческихъ эпохъ. Такъ напр. въ XXVII главѣ, гдѣ описывается проповѣдь ап. Павла въ Аѣинахъ, этотъ знаменитый городъ, бывший центромъ классической образованности, возстаетъ предъ нами во всемъ шумномъ блескѣ своей былой славы; предъ нами развертывается яркая живописная картина его умственной и общественной жизни, намъ слышится даже, такъ сказать, своеобразный гвалтъ знаменитой аѣинской агоры, т. е. площади рынка, и при чтеніи этой главы мы какбы лично присутствуемъ при самой проповѣди апостола, въ которой онъ впервые открылъ высокомѣрнымъ мудрецамъ классическаго міра ихъ жалкое заблужденіе. Съ такою же яркостью описывается пребываніе и проповѣдь апостола Павла и во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ какъ языческаго, такъ и іудейскаго міра; и такъ какъ это изображеніе имѣетъ свою цѣлю ввести читателя въ самую сердцевину древняго міра, то для читателя вполнѣ уясняется не только то, въ какомъ ужасномъ и безнадежномъ состояніи находился этотъ міръ, но также и то, какъ онъ жаждалъ избавленія отъ такого своего невыносимаго состоянія, и какимъ сла-

достнымъ благовѣстомъ была проповѣдь о Христѣ для всѣхъ наиболѣе труждающихся и обремененныхъ въ томъ мірѣ. А вслѣдствіе этого вполнѣ становится яснымъ и самый процессъ распространения христіанства.

Тотъ же методъ историческаго анализа Фарраръ мастерски прилагаетъ къ изученію не только эпохи, но и отдѣльныхъ личностей, и особенно ап. Павла, и тутъ онъ нерѣдко вводитъ насъ въ самые тайники психической жизни, чрезъ что понятіе становится внѣшняя жизнь и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи особенно обращаетъ на себя вниманіе X глава: «обращеніе Савла», которая по мастерству психологическаго анализа можетъ быть поставлена въ образецъ того метода, которымъ нужно прилагать психологію къ изученію мотивовъ дѣйствующихъ историческихъ личностей и къ объясненію переломовъ въ направленіи ихъ дѣятельности. Фактъ обращенія Савла, не теряя своей чудесности, здѣсь получаетъ психологически-реальный характеръ, такъ какъ въ немъ отводится должное мѣсто и дѣйствию обыкновенныхъ условій психической жизни.

Наконецъ, наиболѣе выдающеюся особенностію настоящаго труда въ отличіе отъ «Жизни Иисуса Христа» служитъ то, что здѣсь весьма значительное мѣсто отведено собственно ученію о проповѣди св. ап. Павла. Въ то время какъ въ первомъ сочиненіи весь интересъ сосредоточивается на изображеніи фактовъ внѣшней жизни Спасителя, а собственно ученіе Его затрогивается лишь косвенно и вообще не подвергается болѣе или менѣе обстоятельному и цѣльному изложенію, въ настоящемъ сочиненіи догматическому ученію св. ап. Павла посвящаются цѣлыя главы—въ послѣдовательномъ изложеніи его посланій. Въ немъ подробно изслѣдуется вѣроучительная и нравоучительная сторона въ посланіяхъ апостола, изъ которыхъ впрочемъ одно, именно посланіе къ Евреямъ, не вошло въ эту книгу, такъ какъ изложеніе его по особымъ причинамъ отнесено авторомъ къ третьему его сочиненію: «Первые дни христіанства». Понятно, что при самомъ изложеніи ученія св. ап. Павла, особенно въ посланіи къ Римлянамъ, по необходимости должны были встрѣтиться нѣкоторыя особенности, имѣющія тенденцію выразить вѣроисповѣдной характеръ той церкви, къ которой принадлежитъ авторъ, и потому переводчику приходилось отчасти сглаживать выраженія подлинника;

но въ общемъ нужно сказать, что въ вѣроисповѣдномъ отношеніи авторъ настолько безпристрастенъ, что даже въ отношеніи ученія объ оправданіи вѣрою протестантскій принципъ не выступаетъ съ такою крайностію, чтобы становиться въ противорѣчіе съ догматическимъ ученіемъ православной церкви.

Что касается перевода, то при исполненіи его мы преслѣдовали ту-же самую цѣль, какъ и при переводѣ «Жизни Иисуса Христа», заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы воспроизвести текстъ подлинника въ его наиболѣе точной и близкой къ выраженіямъ автора формѣ. При изложеніи собственно посланій ап. Павла на нашей сторонѣ была та выгода, что въ то время какъ самъ авторъ, въ виду устарѣлости принятаго англійскаго перевода Библии, былъ вынужденъ вездѣ дѣлать свой собственный переводъ, мы легко могли пользоваться русскимъ синодальнымъ текстомъ, который по своей свѣжести и новизнѣ вполнѣ могъ удовлетворить цѣли, тѣмъ болѣе, что въ примѣчаніяхъ библейскій текстъ въ своихъ наиболѣе характерныхъ выраженіяхъ часто воспроизводится въ греческомъ подлинникѣ, который и даетъ возможность читателю судить о точности его русской передачи.

Въ настоящемъ изданіи трудъ Фаррара предлагается въ своемъ полномъ, несокращенномъ видѣ, со всѣми учеными приложениями и примѣчаніями, какимъ онъ является въ девятнадцатомъ библиотечномъ изданіи англійскаго подлинника, вслѣдствіе чего это русское изданіе полнѣе даже англійскаго иллюстрированнаго, въ которомъ произведены нѣкоторыя сокращенія какъ въ текстѣ, такъ и особенно въ ученыхъ приложенияхъ и примѣчаніяхъ. Съ внѣшней стороны настоящее изданіе вполнѣ воспроизводитъ роскошное иллюстрированное изданіе подлинника, со всѣми его картами и политипажами, которые еще болѣе оживляютъ страницы этой самой по себѣ глубокой и интересной книги. Рекомендуя русской читающей публикѣ этотъ новый трудъ Фаррара, мы можемъ сказать съ своей стороны, что чтеніе его, даже при всѣхъ возможныхъ несовершенствахъ перевода, способно доставить всякому мыслящему человѣку не только глубокое назиданіе, но истинное удовольствіе и наслажденіе, какое только можетъ испытываться при чтеніи талантливыхъ и согрѣтыхъ теплотою искренняго чувства произведеній.

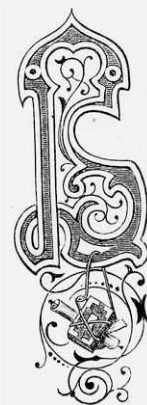
Прилагаемое затѣмъ предисловіе самого автора еще полнѣе можетъ уяснить тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ при составленіи этого своего втораго капитальнаго труда въ области библейско-исторической экзегетики.

С.-Петербургъ
21 ноября 1886 г.

А. Лопухинъ.

Предисловіе автора.

ВЪ СВОЕЙ „Жизни Иисуса Христа“ я старался по мѣрѣ своихъ силъ дать въ формѣ повѣствованія такой комментарий на Евангеліи, который бы представлялъ собою наиболѣе цѣнные результаты новѣйшихъ научныхъ изысканій. Изучая съ тщательною и вмѣстѣ благоговѣйною внимательностью каждую строку и каждое слово четырехъ евангелистовъ; доскидаясь наиболѣе подлинныхъ чтеній и наиболѣе точныхъ переводовъ; посѣтивъ самыя мѣста, среди которыхъ жилъ Спаситель; стараясь составить наиболѣе вѣрное и живое представленіе объ обстоятельствахъ того вѣка, въ которомъ Онъ жилъ, и объ обыденныхъ условіяхъ религіозной мысли и національныхъ обычаевъ, которыми Онъ былъ окруженъ, я имѣлъ въ виду, не упуская изъ вида Его божественной природы какъ Единороднаго насъ ради воплотившагося Сына Божія, показать главнымъ образомъ, въ ясномъ изложеніи ученія и дѣятельности, ту человѣческую сторону въ Его жизни, которою Онъ жилъ для примѣра намъ, и той смерти, которою Онъ умеръ за насъ и нашего ради спасенія.

Въ томъ сочиненіи я задавался цѣлію дать читателямъ при изученіи Евангелія болѣе возможности проникнуть въ ихъ полное значеніе и полнѣе и ярче уяснить ихъ непреложную истину. Въ настоящей книгѣ подобную же задачу предпринялъ я по отношенію къ Дѣяніямъ Апостольскимъ и къ Посланіямъ св. ап. Павла. Главною моею цѣлію было дать нѣкоторое пособие къ изученію той значительной части Новаго Завѣта, которая состоитъ изъ исторіи дѣятельности и твореній апостола народовъ; показать величіе труда и примѣра апостола,

который поистинѣ былъ „сосудомъ избранія“, и выяснитъ его характеръ и исторію его дѣятельности, насколько это необходимо для должнаго уразумѣнія тѣхъ посланій, которыя сдѣлались для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ христіанской церкви неопцнимымъ наслѣдіемъ мудрости и высшаго духовнаго знанія. Могу съ открытою совѣстью сказать, что для выполненія такой задачи я приложилъ всѣ свои силы и старанія. Обстоятельства не позволили мнѣ осуществить имѣвшася у меня сначала намѣренія лично посѣтитъ тѣ страны, въ которыхъ трудился ап. Павелъ; но это оказалось тѣмъ менѣе необходимо, что подробныя описанія ихъ можно найти въ сочиненіяхъ многихъ новѣйшихъ путешественниковъ. Эта сторона дѣла обстоятельно изложена въ извѣстныхъ трудахъ Конибера и Гаусона и Томаса Левина. Этими великодушными сочиненіямъ много обязаны всѣ, изучающіе жизнь и труды св. ап. Павла, и мнѣ нѣтъ надобности говорить, что своею настоящею книгою я отнюдь не имѣю намѣренія соперничать съ ними. Въ значительной степени она писана была съ иною цѣлію и съ иной точки зрѣнія. Главнѣйшею моею цѣлію было дать опредѣленное, точное и удобопонятное изложеніе ученія ап. Павла, религіозной борьбы, которую онъ принужденъ были вести; обстоятельствъ, дававшихъ ему поводъ къ изложенію ученія и нравственныхъ правилъ; глубочайшей сущности его богословія въ его постепенномъ обнаруженіи; его посланій вообще и каждаго посланія въ отдѣльности, какъ полнаго и законченнаго въ себѣ творенія. Задача эта, какъ мнѣ думалось, болѣе необходима, чѣмъ какъ обыкновенно предполагаютъ. При обычномъ у насъ изученіи Библии изъ года въ годъ въ отдѣльныхъ текстахъ и изолированныхъ главахъ весьма часто теряется изъ вида Библия какъ цѣлое, и даже общее значеніе отдѣльныхъ книгъ. Поэтому мнѣ думалось, что если бы мнѣ въ нѣкоторой степени удалось болѣе полно и опредѣленно уяснить каждое изъ посланій какъ въ ихъ общемъ характерѣ, такъ и въ частныхъ подробностяхъ, я оказалъ бы нѣкоторую услугу—какъ бы ни была она мала—церкви Божіей.

Для подобной цѣли было бы бесполезно просто лишь перевести посланія, хотя бы даже снабдивъ ихъ при этомъ примѣчаніями къ наиболѣе труднымъ мѣстамъ. Это слишкомъ старый методъ, и притомъ сравнительно легкій трудъ. Но сдѣлать посланія составною частью жизни, поставить читателя въ положеніе тѣхъ, кому впервые читаны были эти посланія въ младенческихъ общинахъ Македоніи и проконсульской Азіи,—такой методъ употребляется рѣже,

но онъ въ тоже время гораздо полезнѣе. Главнѣе всего я желаю сдѣлать посланія понятными и ясными. Въ виду этого я постоянно отступалъ отъ общепринятаго (англійскаго) перевода и въ представляемомъ собственномъ переводѣ стараюсь выяснитъ самый тонъ выражений, затемненный временемъ, и въ точности воспроизвестъ, насколько это возможно, силу и форму греческаго подлинника, даже въ тѣхъ шероховатыхъ оборотахъ и незаконченныхъ предложеніяхъ, которыя естественно сглаживаются въ переводахъ, предназначаемыхъ для общаго употребленія. Съ этою цѣлію я старался прежде всего выбрать наилучшее чтеніе, дать должную силу каждому выраженію, глагольнымъ формамъ и частицамъ и насколько возможно выяснитъ, что собственно разумѣлъ ап. Павелъ.

Въ виду этого я всячески старался избѣгать утомительныхъ для читателей безконечныхъ разсужденій по поводу часто неважныхъ мелочей, тѣхъ нескончаемыхъ опроверженій невозможныхъ гипотезъ, неистощимаго ряда безосновательныхъ объясненій, которыми обыкновенно обременяются толкованія. Какъ въ отношеніи чтеній, такъ и перевода и объясненія, я всегда даю лишь опредѣленное заключеніе, съ возможною краткостью и ясностью излагая основанія для нихъ.

Избѣгая перечисленія незначительныхъ и неустановившихся мнѣній, я избѣгалъ также затрудняющей громады ненужныхъ ссылокъ. Въ этой книгѣ, какъ и въ „Жизни Иисуса Христа“, я много пользовался данными еврейской письменности. Талмудъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе извѣстнымъ ученому міру; Мишна доступна изслѣдованію всякаго ученаго въ превосходномъ трудѣ Суренгузія, и наиболѣе важныя трактаты Гемары, въ родѣ Berachoth и Abhoda Zara, теперь доступны всѣмъ, во французскомъ и нѣмецкомъ переводахъ, исполненныхъ съ большою ученостью и тщательностью. Я тщательно изучилъ сочиненія разныхъ еврейскихъ ученыхъ, какъ Іоста, Греца, Шваба, Вейля, Рабиновича, Дейча, Деренбурга, Мунка и другихъ; но у меня было еще два особенно важныхъ пособия: первое—въ самомъ полномъ собраніи мѣстъ изъ всѣхъ отдѣловъ Талмуда, сдѣланномъ Герсономъ въ его „Талмудическихъ комментаріяхъ на книги Бытія и Исходъ“, и второе въ томъ обстоятельстве, что каждая талмудическая цитата въ этой книгѣ тщательно провѣрена ученымъ духовнымъ лицомъ изъ евреевъ, достоп. Волькенбергомъ, бывшимъ миссіонеромъ среди евреевъ въ Болгаріи. Всѣ ученые знаютъ, что ссылки на Гемару вообще отличаются крайнею неточностью и недостоверностью; но я имѣю

основаніе надѣяться, что, помимо быть можетъ случайныхъ погрѣшностей, на всякую еврейскую цитату на страницахъ настоящей книги можно положиться вполне.

Для наилучшаго осуществленія своей задачи я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, и хотя сознаю, что далеко не достигъ своего собственного идеала, сознаю множество неизбѣжныхъ несовершенствъ въ своемъ трудѣ, тѣмъ болѣе, что едва ли даже и возможно было избѣжать погрѣшностей въ книгѣ, содержащей цѣлыя тысячи цитатъ и затрагивающей множество критическихъ и экзегетическихъ вопросовъ, — все-таки я питаю надежду, что настоящій трудъ будетъ принятъ въ качествѣ доказательства новыхъ скромныхъ, но ревностныхъ усилий автора дать читателю пособіе къ болѣе основательному изученію той весьма значительной части Слова Божія, которая служитъ предметомъ изложенія въ немъ.

Ректорія св. Маргариты,
1879 г.

Ф. В. Фарраръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга I. Воспитаніе ап. Павла.

ГЛАВА I.

Вступленіе.

Три главныхъ апостола.—Св. Петръ и Іоаннъ.—Мѣсто св. ап. Павла въ исторіи Церкви.—Его воспитаніе въ іудействѣ.—Что намъ извѣстно о его жизни.—Новѣйшій критицизмъ въ отношеніи книги Дѣяній Апостольскихъ.—Источники для жизнеописанія ап. Павла.—Ихъ достаточность.—Величіе труда апостола народовъ.

Стр.

I

ГЛАВА II.

Дѣтство въ языческомъ городѣ.

Время рожденія.—Вопросъ о мѣстѣ рожденія.—Гискара или Тарсъ?—Мѣстоположеніе Тарса.—Его исторія и промышленность.—Равнодушіе ап. Павла къ красотамъ природы.—Его происхожденіе.—Раннее воспитаніе.—Соприкосновеніе съ язычествомъ.—Язычество, какимъ оно было въ Тарсѣ.—Язычество вообще.—Упадающая культура.—Впечатлѣнія, оставленныя на душѣ ап. Павла.—Ап. Павелъ гебраистъ.—Его предполагаемое знакомство съ классической литературой.—Несостоятельность этого мнѣнія

9

ГЛАВА III.

Школа раввиновъ.

Право римскаго гражданства.—Школьная жизнь въ Тарсѣ и Іерусалимѣ.—Гамалиилъ.—Неизгладимые слѣды раввинскаго воспитанія, какъ они отразились въ посланіяхъ.—Знаніе ап. Павломъ Ветхаго Завета.—Его методъ цитатъ и толкованія св. Писанія.—Примѣры.—Раввинскій по формѣ, свободный по духу.—Свобода отъ раввинскихъ ошибокъ.—Примѣры его аллегорическаго метода.—Ап. Павелъ какъ гагадистъ.—Гагада и Галаха

27

ГЛАВА XII.

Начало долгого мученичества.

«Во первыхъ іудею». — Появленіе ап. Павла опять въ Дамаскѣ. — Савль въ синагогахъ. — Не заурядный совопросникъ. — Силлогизмъ насилія. — Первый заговоръ убить ап. Павла. — Его бѣгство изъ Дамаска. — Путешествіе въ Іерусалимъ.

Стр.

153

ГЛАВА XIII.

Возвращеніе Савла въ Іерусалимъ.

Опять въ Іерусалимъ. — Опасенія и предчувствія. — Сердечная доброта ап. Петра. — Савль и Іаковъ. — Противоположность ихъ характеровъ и посланій. — Посредничество Варнавы. — Сношеніе съ ап. Петромъ. — Савль и еллинисты. — Восхищенное состояніе и видѣніе Савла въ Іерусалимѣ. — Заговоръ убить его. — Бѣгство. — Безмолвный періодъ въ Тарсѣ.

158

ГЛАВА XIV.

Императоръ Кай и іудеи. — Миръ церкви

«Церкви же были въ покоѣ». — Обзоръ этого періода. — Тиверій. — Возшествіе на престолъ Кая (Калигулы). — Иродъ Агриппа I. — Преслѣдованіе іудеевъ въ Александріи. — Паденіе Флакка. — Помѣшательство Кая. — Рѣшеніе его поставить свою статую въ храмъ Іерусалимскомъ. — Отчаяніе іудеевъ. — Легатъ Петроній. — Посольство Филона. — Умерщвленіе Кая. — Возшествіе на престолъ Клавдія.

169

Книга IV. Призваніе язычниковъ.

ГЛАВА XV.

Самаряне. — Евнухъ. — Сотникъ.

Ясная заря христіанства. — «Другія овцы не отъ стада сего». — Послѣдствія Савлова гоненія. — Филиппъ въ Самаріи. — Симонъ волхвъ. — Ефѳопскій евнухъ. — Значеніе его крещенія. — Ап. Петръ въ Іоппії. — Домъ Симона кожевника. — Двѣ проблемы: — въ какомъ отношеніи церковь находилась 1) къ язычникамъ и 2) къ обрядовому закону? — Христосъ и законъ Моисеевъ. — Изреченія пророковъ. — Недоумѣнія ап. Петра. — На кровлѣ дома кожевника. — Видѣніе. — «Что Богъ очистилъ, того не почитай нечистымъ». — Корнилій. — «Богъ не лицепріятенъ». — Смѣлый поступокъ ап. Петра. — Броженіе въ Іерусалимѣ. — Улаженіе его

178

Книга V. Антиохія.

ГЛАВА XVI.

Вторая столица христіанства.

Стр.

Открытая проповѣдь еллинистовъ язычникамъ. — Варнава въ Антиохіи. — Нужда въ сотоварищѣ. — Онъ приводитъ Савла изъ Тарса. — Третья столица міра — вторая столица христіанства. — Мѣстоположеніе и блескъ Антиохіи. — Ея населеніе. — Ея нравственное паденіе. — Скептицизмъ и легковѣріе. — Дафна и ея убѣжище. — Улица Сингонская. — Имя «христіанинъ». — Его историческое значеніе. — Дано язычниками. — Христіане и хрестіане. — Не сразу усвоено было церковію. — Отмѣчаетъ важную эпоху. — Радость обращенцевъ изъ язычниковъ.

195

ГЛАВА XVII.

Мученичество и возмездіе.

Годъ счастливаго труда. — Новое видѣніе. — Агавъ и голодъ. — Сборъ милостыни для бѣдныхъ собратій въ Іерусалимѣ. — Павелъ и Варнава посылаются для доставленія халюки. — Царское семейство въ Адіавенѣ. — Политика Ирода Агриппы I. — Мученичество св. Іакова старшаго. — Арестъ и избавленіе ап. Петра. — Агриппа во всемъ блескѣ его величія. — Пораженъ Богомъ. — Св. Маркъ.

208

ГЛАВА XVIII.

Іудейство и язычество.

Церковь въ Антиохіи. — Возбужденіе миссіонерскаго духа. — Пророки и язычники. — Трудности дѣла. — Враждебность іудеевъ по отношенію къ евангелію. — Отмѣна закона. — Распятый Мессія. — Политическая боязливость. — Ненависть язычниковъ ко всемъ іудеямъ и особенно къ іудеямъ-христіанамъ. — Развращенность языческаго міра. — Вторженіе восточныхъ суевѣрій. — Безотрадная гордость стоицизма. — Голосъ Духа

221

Книга VI. Первое миссіонерское путешествіе.

ГЛАВА XIX.

Кипръ.

«Посланные Духомъ Святымъ». — Путешествіе въ древности. — Видъ на будущее. — Павелъ, его физическая и нравственная природа. — Его необычанныя дарованія. — Варнава. — Маркъ. — Прибытіе на о. Кипръ. — Языческое населеніе. — Саламинъ. — Сирійская Афродита. — Пафъ. — Сергій Павелъ. — Элима. — Праведное обличеніе и судъ. — «Савль, онъ же и Павелъ»

231

П*

ГЛАВА XX.

Антиохія Писидійская.

Пергія.—Слабость Марка.—Проходы Тавра.—Поглощенность ап. Павла своимъ дѣломъ.—Антиохія Писидійская.—Богослуженіе въ синагогѣ.—Параши и гафтаръ.—Проповѣдь въ синагогѣ.—Образчикъ проповѣдническихъ пріемовъ ап. Павла.—Сила его проповѣди.—Вліяніе ея на іудеевъ.—Непосредственные слѣдствія.—«Вотъ мы обращаемся къ язычникамъ» 245

ГЛАВА XXI.

Конецъ путешествія.

Иконія.—Настойчивая враждебность іудеевъ.—Листра.—Исцѣленіе калѣки.—Нежеланныя почести.—Вѣтряная толпа.—Побіеніе камнями.—Вѣроятная встрѣча съ Тимофеемъ.—Дервія.—Обратный путь.—Возвращеніе въ Антиохію.—Время путешествія.—Значеніе опыта ап. Павла.—Апостоль народоу 259

ГЛАВА XXII.

Совѣщаніе въ Іерусалимѣ.

«Нѣкоторые изъ Іудей» посѣщаютъ Антиохію.—Жестокій законъ.—Обрѣзаніе.—Тяжкое иго.—Негодование ап. Павла.—Собраніе въ Іерусалимѣ.—Уполномоченные отъ Антиохіи.—Первое собраніе.—Частное совѣщаніе.—Три главные апостола склоняются ко взглядамъ ап. Павла.—Ихъ просьбы о помощи бѣднымъ.—Титъ.—Былъ ли онъ обрѣзанъ.—Сильная основанія въ пользу того, что былъ обрѣзанъ.—Побужденія ап. Павла.—Окончательное собраніе.—Оживленность преній.—Рѣчь ап. Петра.—Св. ап. Іаковъ.—Его характеръ и рѣчь.—Апостольское письмо.—Нерѣшенность вопросовъ.—Несомнѣнная подлинность посланія.—Запрещенія 272

ГЛАВА XXIII.

Апостолы Петръ и Павелъ въ Антиохіи.

Радость въ Антиохіи.—Авторитетъ ап. Павла.—Ап. Петръ въ Антиохіи.—Прибытіе «нѣкоторыхъ отъ Іакова». — «Онъ сталъ таиться и устранился». — Недостатокъ нравственнаго мужества.—Печальныя послѣдствія.—Доводы ап. Павла.—Характеръ ап. Петра.—Публичный укоръ.—Слѣдствія укора.—Злобность лже-кlementинскихъ сочиненій.—Жажда миссіонерства.—Разладъ между Павломъ и Варнавою.—Слѣдствія ихъ раздѣленія.—Все ко благу.—Варнава и Маркъ 295

ГЛАВА XXIV.

Начало втораго миссіонерскаго путешествія.—Ап. Павелъ въ Галатіи.—Павелъ и Сила.—Сухопутная дорога.—Киликійскія ворота.—Дервія.—Гдѣ Варнава?—Листра.—«Тимофей, сынъ мой». —Его обрѣзаніе и рукоположе 313

ніе.—Фригійскій и Галатійскій округъ.—Скудость извѣстій.—Галаты.—Болѣзнь ап. Павла.—Доброгатаго.—Различныя формы религіи.—Пессинъ, Анкира и Тавія.—Божественное руководство въ пути.—Троада.—Видѣніе.—«Прійди въ Македонію и помоги намъ». —Встрѣча съ св. Луккой.—Его характеръ и вліяніе 305

Книга VII. Христіанство въ Македоніи.

ГЛАВА XXV.

Филиппы.

Отплытіе въ Неаполь.—Филиппы.—Мѣсто молитвы.—Лидія.—Македонскія женщины.—Особенность филиппійскихъ обращеніевъ.—Дѣвица, обладающая «духомъ проричательнымъ». —Филиппійскіе преторы.—Ихъ несправедливость.—Бичеваніе.—Тюрьма и колоды.—Пѣніе псалмовъ въ темницѣ.—Землетрясеніе.—Обращеніе начальника тюрьмы.—Почетное освобожденіе и отпушеніе изъ Филиппъ 223

ГЛАВА XXVI.

Фессалоника. — Верія.

Фессалоника и ея исторія.—Бѣдность апостоловъ.—Щедрость филиппійцевъ.—Успѣхъ среди язычниковъ.—Сушность ученія.—Душевное состояніе ап. Павла.—Чернь и политархи.—Нападеніе на домъ Іасона.—Бѣгство въ Верію.—Жители ея «благомысленіе». —Сопатръ.—Бѣгство въ Аѳины 336

Книга VIII. Христіанство въ Ахавіи.

ГЛАВА XXVII.

Ап. Павелъ въ Аѳинахъ.

Древнія Аѳины.—Приведенное ими впечатлѣніе на ап. Павла.—Городъ статуи.—Языческое искусство.—Жертвенникъ «Невѣдомому Богу». —Аѳины во времена Римской имперіи.—Стоики и эпикурейцы.—Возбужденное любопытство.—Ареопагъ.—Насмѣшливое судбище.—Рѣчь ап. Павла.—Ея необычайная сила.—Тактъ и мудрость.—Многосторонность ея приложеній.—Издѣвательство надъ ученіемъ о воскресеніи.—Слѣдствія посѣщенія Аѳинъ ап. Павломъ 346

ГЛАВА XXVIII.

Ап. Павелъ въ Коринѣ.

Коринѣ.—Его населеніе и промышленность.—Культь Афродиты.—Аквила и Прискилла.—Оживленная дѣятельность.—Криспъ.—Характеръ коринѣскихъ обращеніевъ.—Вліяніе опыта на проповѣдь ап. Павла.—Разрывъ съ

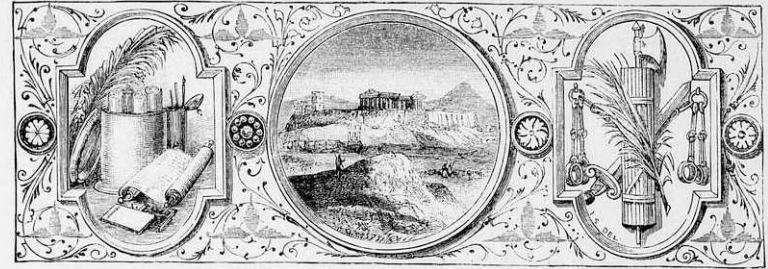
	Стр.
Видъ Дамаска издали	121
Видъ Иерусалима со стороны Дамаскихъ воротъ	123
30. Видъ Дамаска	123
Карта съ показаніемъ дорогъ изъ Иерусалима въ Дамаскъ	127
Гора Ермонъ	129
Кедры ливанскіе	131
Башня Антонія	134
35. Прямая улица въ Дамаскъ	136
На прямой улицѣ въ Дамаскъ	137
Деревня Каукаба, по дорогѣ въ Дамаскъ	140
На берегахъ Барады, въ Дамаскъ	142
Рынокъ въ Дамаскъ	150
60. Иудейская гробница	152
Берега Барады	153
Стѣны Дамаска	156
Древняя капитель изъ Иерусалима	158
Развалины Кесаріи	159
65. За стѣнами Иерусалима	160
Портикъ синагоги въ Мейронѣ	165
Римскіе бичи	173
Бюстъ императора Кая Калигулы	175
Остатки свайной стѣны у пристани древняго Тира	178
70. Яффа (древняя Јоппіа)	183
Кровли восточнаго дома	187
Видъ на Антиохію при приближеніи къ ней	195
Развалины стѣнъ Антиохіи	199
Императоръ Юліанъ	205
75. Голова Юліана	207
Видъ рѣки Оронта	208
Монета Артабана	211
Императоръ Клавдій	213
Развалины Кесаріи	216
80. Планъ Кесаріи	218
Монета Ирода Агриппы	219
Голова Антиоха Епифана	220
Антиохія	221
Бюстъ Императора Тиверія	226
85. Колизей въ Римѣ	228
Видъ Ларнаки на о. Кипрѣ	231
Голова Селевка I Сирійскаго	233
Монета Селевка I	234
Борьба съ дикими звѣрями	235
90. Голова Венеры	238
Морская пристань въ Ларнакѣ, на о. Кипрѣ	239

	Стр.
Храмъ Венеры	241
Древняя греческая церковь на о. Кипрѣ	243
Часть горнаго хребта Тавръ, близъ Тарса	247
95. Видъ одного изъ проходовъ въ горахъ Тавра	249
Антиохія Писидійская	251
Видъ ниши въ синагогѣ	253
Монета съ о. Кипра	258
Кара-Дагъ въ Таврѣ	259
100. Воля для жертвоприношенія	263
Атталія	267
Монета города Иконіи	271
Римская арка въ Тарсѣ	272
Карта Сиріи отъ Антиохіи до Самаріи	277
105. Входъ въ гробницу Пресв. Богородицы	281
Развалины синагоги	289
Видъ Киликійскихъ воротъ въ Киликіи	291
Антиохія	295
Древняя капитель изъ Иерусалима	304
110. Ворота въ Тарсѣ	305
Карта страны вокругъ Тарса	306
Адана въ равнинѣ Киликійской	307
Долина р. Кидна	309
Монеты городовъ Листры и Колоссы	312
115. Знойныя равнины и холмистыя горы въ проходахъ въ Малой Азіи	314
Привѣтствія со стороны туземцевъ римлянамъ	318
Римскій сотникъ	322
Римскій орелъ	323
Монеты города Фіатиры	327
120. Служительница Пнои на треножничѣ	329
Римскій ликторъ съ пучками розогъ	332
Салоники (Фессалоники)	337
Гора Олимпъ	341
Суній	348
125. Заливъ Элевзинскій близъ Аѳинъ	349
Развалины Пареонона	351
Развалины храма Тезея въ Аѳинахъ	352
Жертвенникъ изъ Аѳинъ	356
Сократъ	358
130. Мѣсто ареопага въ Аѳинахъ	361
Неронъ	363
Акрополь въ Коринѣ	371
Борьба гладиаторовъ съ дикими звѣрями	373
Гора Парнасъ	377
135. Римскій мозаичный мостъ	379
Сенека	382
Видъ Коринфскаго залива	385

	Стр.
Развалины христіанской церкви въ Іерополѣ	389
Мраморный фонтанъ, найденный въ Тарсѣ, близъ источника св. Павла	396
140. Римскіе войны въ битвѣ	399
Нижній помѣщеніи Колизея	401
Колодезь ап. Павла въ Тарсѣ	407
Придорожный источникъ въ Тарсѣ	408
Мостъ близъ Киликійскихъ воротъ	412
145. Развалины Сарды	415
Диана Ефесская	417
Разрушенная арка въ Ефесѣ	419
Деревня близъ Ефеса	423
Развалины церкви въ Листрѣ	426
150. Видъ Пергама	427
Ефесъ съ видомъ башни, такъ называемой темницы ап. Павла	431
Планъ Ефеса	434
Планъ храма или театра	436
Видъ береговъ Каріи, съ Милетомъ въ отдаленіи	437
155. Карта Коринфскаго перешейка	441
Первая страница пераго посланія къ Коринѳянамъ	453
Греческое пиршество	459
Гречанка съ покрываломъ на головѣ	461
Монета города Коринфа	470
160. Развалины Троады	471
Планъ храма Діаны въ Ефесѣ	473
Развалины Анкиры, столицы Галатіи	475
Часть колонны отъ храма Діаны въ Ефесѣ	479
Развалины церкви въ Листрѣ	484
165. Часть триумфальной арки въ Дамаскѣ	491
Монета Ареты	494
Карта для показанія дороги ап. Павла	496
Ефесъ со стороны Аія-Салука	499
Монета города Ефеса	502
170. Образчикъ арамейскаго письма	505
Гробница царицы Елены въ Иерусалимѣ	508
Часть фонтана изъ Анкиры	509
Монета города Анкиры, столицы Галатіи	511
Равнина въ Киликіи	514
175. Цибела	519
Капитель изъ Иерусалима	525
Помпей Великій	527
Фабриціевъ мостъ въ Римѣ	529
Статуя ап. Павла	537
180. Арка Тита въ Римѣ	542
Храмъ Минервы въ Римѣ	548

	Стр.
Св. ап. Павелъ	560
Входъ въ синагогу	563
Монета города Тарса, съ изображеніемъ гробницы Сардапала	570
185. Ашшера дорога къ Риму	571
Капитель колонны храма Діаны въ Ефесѣ	580
Римскій законодатель (консулъ въ курьельномъ креслѣ)	582
Неронъ	583
Монета Пергама	590
190. Римскій корабль	592
Пиршество	595
Воскрешеніе Евтиха	596
Улица въ Родосѣ	599
Замокъ Росса на берегу Ликіи	601
195. Окно въ церкви св. гроба Господня въ Иерусалимѣ	607
Римская когорта	613
Римскій сотникъ	617
Птолемаида, новѣйшая Акра	621
Театръ въ Милетѣ	623
200. Древняя іудейскія гробницы	626
Римская конница	632
Мостъ въ Тарсѣ	634
Башня Антонія въ Иерусалимѣ	636
Монета города Тарса (Коммодъ)	641
205. Тарсъ въ апрѣлѣ	642
Развалины Кесаріи	647
Римскій Императоръ въ торжественномъ засѣданіи	649
Монета Агриппы II	653
Сидонъ	654
210. Развалины итадели въ Сидонѣ	657
Островъ Салмона, близъ косы Кура, на Мальтѣ	666
Высадка римлянъ съ корабля	667
Мысъ Кура на островѣ Мальтѣ	669
Ап. Павелъ и ехидна	670
215. Въ Мессинскомъ проливѣ	672
Заливъ Путеевскій	673
Гладиаторы	680
Гробница Цециліи Метеллы въ Римѣ	684
Реджіо (древній Регіумъ или Ригія)	689
220. Арка Друза въ Римѣ	695
Водопроводъ въ Кампаніи	699
Монета города Тарса	703
Мессинскій проливъ	707
Долина р. Меандра съ Іерополемъ въ отдаленіи	709

	Стр.		Стр.
225. Домъ въ Тарсѣ	711	240. Базилика въ Пергамѣ	763
Монета города Ефеса	718	Долина рѣки Меандра	766
Развалины гимназій въ Лаодикии	721	Карта острова Крита	767
Развалины Иерополя	724	Большая мечеть въ Тарсѣ	769
Монета гор. Филадельфiи	726	Монета города Тарса	773
230. Отломокъ отъ храма Діаны Ефесской. 730		245. Замокъ и церковь ап. Іоанна въ Ефесѣ. 774	
Древнее изображеніе ап. Павла на стеклѣ 734		Развалины Пергама	777
Храмъ Діаны въ Ефесѣ	736	Базилика св. Константина въ Римѣ	780
Планъ гор. Ефеса	737	Римскій орелъ	790
Скульптурная группа съ подножія ко-		Видъ долины рѣки Кидна	793
лонны отъ храма Діаны Ефесской. 738		250. Монета города Тарса	798
235. Посланіе къ Ефесіанамъ IV, 5—32. . 740		Tre Fontane, близъ Рима	799
Колонна отъ храма Діаны въ Ефесѣ . 743		Пирамида Цестія, близъ Рима	800
Осада	748	Древнее изображеніе св. ап. Павла. . 802	
Нижнія помѣщенія Колизея въ Римѣ. 756		Погребальная урна изъ катакомбъ въ	
Входъ на арену въ амфитеатрѣ въ Пу-		Римѣ	804
теолѣ	758		

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА.

КНИГА I.

ВОСПИТАНІЕ АПОСТОЛА ПАВЛА.

ГЛАВА I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Онъ есть Мой избранный сосудъ. Дѣян. ix, 15.

Здѣ двѣнадцати учениковъ, которыхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ избралъ своими апостолами и провозвѣстниками въ теченіе короткихъ лѣтъ своего земнаго служенія, только двое, можно сказать, наложили на младенческую церковь печать своей личности. Это именно свв. апостолы Іоаннъ и Симонъ. Самъ Спаситель, въ данныхъ имъ прозваніяхъ, указалъ отличительныя особенности въ ихъ характерѣ и преимущество ихъ дарованій. Іоаннъ былъ названъ Сыномъ Грома, а Симонъ долженъ былъ во всѣ вѣка называться Кифой или Петромъ, апостоломъ краеугольнаго камня (1 Петр. ii, 4—8). Петру предоставлена была честь властно допустить перваго необрѣзаннаго язычника, на равныхъ правахъ, въ братство Христово, и онъ всегда считался главнымъ столпомъ первенствующей церкви (Гал. ii, 9). Іоаннъ съ другой стороны есть апостолъ любви, любимый апостолъ и избранный евангелистъ тѣхъ, внутреннее благочестіе которыхъ становится выше внѣшнихъ формъ. Петръ, какъ первый исповѣдавшій божественность Христа, и Іоаннъ, какъ возлюбленный другъ Іисуса какъ человѣка,—вотъ два имени среди общества апо-

столбовъ, которыя для человѣческихъ глазъ сияють особеннымъ блескомъ среди тѣхъ двѣнадцати драгоценныхъ камней, что легли въ основу новаго Иерусалима (Откр. ххi, 14)!

Но былъ и еще одинъ апостолъ, которому вѣрено было еще болѣе широкое, болѣе плодотворное и трудное дѣло,—которому надлежало основать гораздо больше церквей, вынести больше страданій, привлечь въ стадо Христова гораздо болѣе необъятное множество послѣдователей. Защита и поддержаніе новаго общества первоначально лежали на могучихъ плечахъ ап. Петра; и однакоже его терпѣніе не подвергалось столь ужасному испытанію, какъ терпѣніе того, на кого ежедневно падала обязанность «попеченія о всѣхъ церквахъ». Ап. Іоаннъ пережилъ всѣхъ другихъ апостоловъ и онъ едва избѣгъ участи, а вмѣстѣ и славы своего брата — быть однимъ изъ первыхъ мучениковъ за Христа; и однако даже его жизнь, удрученная долгой ссылкой и тяжкими невзгодами, была гораздо меньшимъ испытаніемъ, чѣмъ жизнь того, кто считалъ для себя лишь легкимъ огорченіемъ «каждый день умирать», «быть многократно при смерти» (1 Кор. xv, 31; 2 Кор. xi, 23). Нуженъ былъ третій типъ апостольства. Кромѣ апостола исповѣданія и апостола любви, церковь Христова нуждалась также и въ апостолѣ народовъ.

Поистинѣ невозможно преувеличить широту, значеніе и огромную важность услугъ, которыя оказаны были христіанству Павломъ Тарсійскимъ. Этотъ въ высшей степени самоотверженный дѣятель могъ бы съ основаніемъ указывать на то, что потрудился болѣе такихъ тружениковъ, какъ апостолы. Достаточнымъ правомъ на вѣчную благодарность человѣчества было бы для него и то, что онъ отъ Иерусалима до Иллирій, отъ Иллирій до Рима и быть можетъ даже до Испаніи проповѣдывалъ евангеліе, которое вдохнуло новую жизнь въ одряхлѣвшій и растлѣнный міръ. И однакоже все это быть можетъ было наименѣе прочнымъ изъ благъ, которыми воспользовалось человѣчество отъ его генія и жизни. Въ его посланіяхъ именно — какъ ни случайно было происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ — мы находимъ самыя раннія проявленія той христіанской литературы, которымъ міръ обязанъ своими богатѣйшими сокровищами поэзіи и краснорѣчія, правоучительной мудрости и духовнаго утѣшенія. Его именно уму, воспламеняемому любовью и озаряемому духомъ его Господа, мы обязаны первымъ систематическимъ изложеніемъ, во взаимной связи и причинномъ сочетаніи, великихъ истинъ той тайны благочестія, которая сокрытая отъ вѣковъ была открыта въ евангеліи Иисуса Христа. Его именно безбоязненной рѣшительности, его ясному взгляду, его нравственной возвышенности мы обязаны освобожденіемъ религіи отъ невыносимаго ига подзаконности, отдѣленіемъ живаго тѣла христіанства отъ трупа отмиреннаго левитства (Гал. iv, 9; Рим. viи, 3; Евр. viи, 18). Онъ былъ избраннымъ орудіемъ Бога въ предоставленіи возможности для всеобщаго распространенія христіанства. Какъ апостолъ народовъ, онъ былъ по преимуществу

апостоломъ свободы, культуры, разума; но кромѣ этого еще онъ былъ тѣмъ апостоломъ, который яснѣ всѣхъ показалъ для религіозной совѣсти человѣчества значеніе вѣры и во всѣ времена въ безчисленныхъ христіанахъ возбуждалъ чувство ихъ собственной безпомощности, убѣдительно и неотразимо указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на величіе и всеобщность того искупленія, которое совершилъ Спаситель Христосъ. И поэтому, когда вѣра Христова наиболѣе помрачалась въ сердцахъ людей, когда ея чистѣйшее пламя подвергалось крайней опасности погашенія — подъ мертвымъ ли неплотъ чувственности, или отъ леденящихъ вѣяній скептицизма,—религіозная жизнь болѣею частью оживала вновь подъ вліяніемъ его именна писаній ¹⁾. Одно изъ его именна строгихъ нравственныхъ правилъ — «будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти» (Римл. хп, 13)—сдѣлалось для бл. Августина руководящей звѣздой изъ мрака нравственныхъ заблужденій ²⁾, и въ его именна ученіи душа всякаго христіанина можетъ находить путь къ высшей ступени святой христіанской свободы — въ единеніи со Христомъ.

Въ промышленіи Божіемъ нерѣдко случалось, что разрушитель извѣстной системы воспитывался въ самомъ лонѣ той системы, которую онъ предназначенъ былъ потрясти или разрушить. Будда получилъ свое воспитаніе въ браминствѣ, Паскаль былъ воспитанъ въ іезуитской школѣ, Спиноза былъ иудей. Тоже самое было и съ апостоломъ Павломъ. Побѣдоносный врагъ языческой философіи и языческаго идолопоклонства провелъ свое дѣтство въ языческой средѣ философскаго города. Непримируемый противникъ іудейской исключительности по своему происхожденію былъ еврей изъ евреевъ. Человѣкъ, нанесшій смертельную рану духу фарисейства, былъ фарисей, сынъ фарисеевъ ³⁾; съ самой юности своей онъ воспитанъ былъ въ Иерусалимѣ у ногъ Гамаліила (Дѣян. ххп, 3; ххvi, 4); до совершенства изучалъ законъ отцовъ и жилъ «по строжайшему въ іудейскомъ вѣроисповѣданіи ученію» ⁴⁾. Какъ его дѣятельность во многихъ отношеніяхъ отличалась отъ дѣятельности другихъ апостоловъ, такъ и его воспитаніе было совершенно непохоже на ихъ воспитаніе. Ихъ ранніе годы проведены были въ селеніяхъ Геннисарета; его дѣтство прошло въ людномъ іудейскомъ кварталѣ языческаго города. Они за немногими исключеніями были люди, не отличавшіеся ни могучимъ геніемъ, ни сильными личными особенностями; онъ былъ человѣкъ сильнаго личнаго характера и чудесной умственной мощи. Они были «неучены и невѣжественны», незнакомы съ систематической техникой, неопытны въ методахъ, которые главнымъ образомъ и шли среди іудеевъ за богословскую ученость; онъ же въ качествѣ «ученика мудрецовъ» ⁵⁾ сидѣлъ у ногъ знаменитѣйшихъ изъ раввиновъ и избранъ былъ инквизиціоннымъ агентомъ синедріона потому именна, что всѣхъ своихъ современниковъ превосходилъ пылкой ревностью о преданіяхъ школъ ⁶⁾.

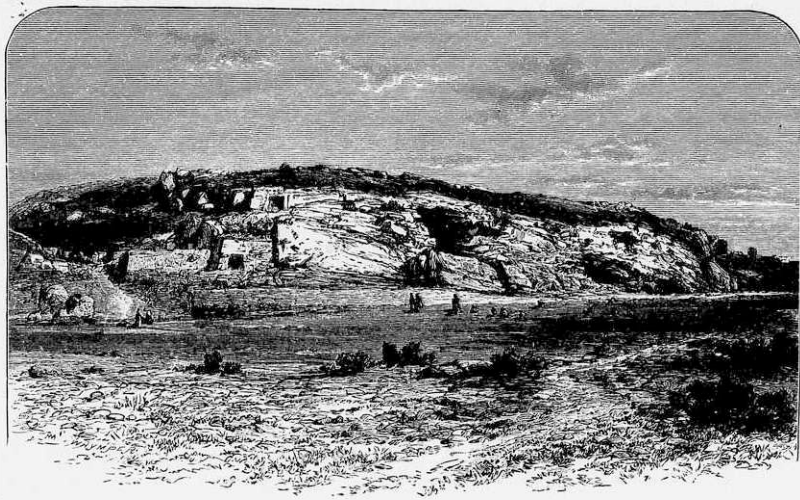
Это именна человѣкъ, жизнь и дѣятельность котораго лучше всего даетъ

намъ возможность понять и уяснить себѣ зарю христіанства, загоравшуюся надъ тьмою какъ іудейскаго, такъ и языческаго міра; человѣкъ, который высвободилъ христіанство изъ пеленокъ іудейства и вдохнулъ въ разлагавшійся языческій міръ новую радость и надежду. Изученіе его жизни даетъ намъ болѣе полное понятіе о необычайной возвышенности этого человѣка, а также и объ истинахъ, которыя онъ провозвѣщалъ до самой смерти. Мы должны рассмотретьъ эту жизнь во всей ея полнотѣ, съ рѣшимостью видѣть ее—какъ она казалась его современникамъ и какъ казалась самому апостолу. «Хотя онъ и Павелъ, говоритъ св. І. Златоустъ, всетаки онъ человѣкъ былъ»,—нѣтъ, мало того, самыя немощи его усугубляли его величіе. Онъ стоитъ бесконечно выше того, чтобы нуждаться въ сплошномъ безцвѣтномъ панегирикѣ. Если мы изобразимъ его какъбы свободнымъ отъ всякой человѣческой немощи, если мы взглянемъ на его дѣйствія такъ, какъ будто-бы они никогда не были ниже своего идеала, то мы не только изобразимъ невозможную личность, но даже станемъ въ прямое противорѣчіе съ его собственными неоднократными свидѣтельствами. Нашему разсмотрѣнію подлежитъ не безгрѣшный образецъ,—но жизнь человѣка, который съ глубочайшею искренностію самъ называлъ себя «первымъ изъ грѣшниковъ»; это дѣятельность того, обывденная жизнь котораго (βίη) была человѣческою, не божественною,—человѣческою по своей порывистости, человѣческою по ея чувствамъ и немощамъ, а также быть можетъ и по ея уступкамъ и приспособленіямъ къ обстоятельствамъ; но внутренняя жизнь его (ζωή) была истинно божественною, насколько она проявлялась въ дѣйствіяхъ Духа Святаго, насколько она была мертва для міра и сокрыта со Христомъ въ Богѣ ⁷⁾. Св. писанію совершенно чуждо намѣреніе изображать намъ нашихъ ближнихъ въ свѣтѣ безгрѣшныхъ героевъ или безупречныхъ полубоговъ. Мнѣніе, считающее неблагоговѣйнымъ предполагать, что въ жизни и дѣятельности апостола могли быть немощи, есть одинъ изъ видовъ того ложнаго смиренія, которое подъ предлогомъ почтенія унижаетъ св. писаніе и вмѣсто живаго послушанія выставляетъ поклоненіе мертвой буквѣ. Для насъ немного можетъ быть поучительнаго въ идеализированномъ изображеніи жизни нашихъ собратьевъ и сослужителей (Откр. xix, 10); но мы дѣйствительно находимъ для себя величайшій источникъ въ высшей степени важныхъ назиданій, когда замѣчаемъ въ борющейся душѣ торжество благодати Божіей, когда видимъ человѣка, который, будучи немощенъ подобно намъ, подвергаясь искушеніямъ и заблужденіямъ какъ и мы, становится однакоже способнымъ, вдохновившись святою цѣлю, побѣдить искушеніе, побороть себялюбіе, воздвигнуть даже среди немощей и грѣховъ величественное зданіе святой жизни, и такъ сказать «построить города Іудеи изъ разрушенныхъ крѣпостей Самаріи» ⁸⁾.

Можетъ показаться страннымъ, если мы скажемъ, что жизнь апостола Павла намъ извѣстна до глубочайшихъ тайнъ его сердца. Правда, что кромѣ немногихъ разрозненныхъ останковъ церковнаго преданія у насъ имѣется только два источ-

ника для изслѣдованія его жизни,—именно книга Дѣяній Апостольскихъ и Посланія самого апостола Павла; притомъ даже и въ отношеніи этихъ источниковъ, въ виду усиленныхъ работъ критической школы, теперь уже едва ли можно обходиться безъ достаточнаго оправданія ихъ подлинности. Но для полнаго изслѣдованія этого вопроса потребовалась бы особая книга, да дѣло это уже и достаточно сдѣлано другими, болѣе компетентными въ этомъ отношеніи. Все, что мы считаемъ нужнымъ сказать объ этомъ здѣсь, это то, что мы тщательно взвѣсили всѣ относящіеся сюда данныя, и если не всегда указываемъ основанія для того или другаго взгляда, всетаки не дѣлаемъ ни одного положенія, не имѣя на то вполне достаточныхъ основаній. О книгѣ Дѣяній Апостольскихъ намъ придется говорить при различныхъ обстоятельствахъ дальше, и не входя въ подробную защиту этой книги противъ нападокъ новѣйшей критики, мы теперь выразимъ только наше убѣжденіе, что даже если допустить, что это «древній ириниконъ», предназначенный къ улаженію партійныхъ распрій и имѣвшій цѣлю показать отсутствіе непримиримой противоположности между взглядами и постановленіями апостоловъ Петра и Павла; даже если мы отступимся отъ очевиднаго правила, по которому во всѣхъ пунктахъ, гдѣ повидимому является какое-либо противорѣчіе между Дѣяніями и Посланіями, авторитетъ послѣднихъ долженъ имѣть высшее значеніе; мало того, даже если мы признаемъ, что на форму и составъ книги Дѣяній Апостольскихъ имѣли то или другое вліяніе личныя и искусственныя соображенія,—при всемъ томъ книга Дѣяній Апостольскихъ во всѣхъ своихъ главныхъ чертахъ представляетъ подлинную и достовѣрную исторію. Допустимъ, что въ книгѣ Дѣяній мы имѣемъ картину такого полнаго единенія между послѣдователями апостоловъ обрѣзанія и апостола Павла, которое, какъ можно судить по Посланіямъ, не было такимъ полнымъ и ненарушимымъ; допустимъ, что въ книгѣ Дѣяній апостолъ Павелъ изображается дѣйствующимъ такъ, какъ онъ не дѣйствовалъ-бы, судя по Посланіямъ. Даже эти уступки имѣютъ весьма спорный характеръ; и однакоже, допуская даже ихъ, мы можемъ сказать лишь—что уже и само по себѣ достаточно очевидно—что оба эти источника имѣютъ за вѣдомо неполный и отрывочный характеръ. Они конечно неполны, и ни одна изъ этихъ книгъ даже и не имѣетъ своею цѣлю дать полное повѣствованіе о жизни апостола. Жизнь его—говоря вообще—извѣстна намъ только въ промежуткахъ между ея центральнымъ и позднѣйшимъ періодомъ, между 36 и 66 годами по Р. Х. Она подобна манускрипту, начало и конецъ котораго потеряны безвозвратно. Она подобна одной изъ тѣхъ рѣкъ, которыя, появляясь изъ невидомыхъ источниковъ, уходятъ въ почву, не достигнувъ моря. Но мало того: какъ неполны наши свѣдѣнія даже о той ея части, въ отношеніи которой у насъ имѣется достовѣрная лѣтопись! Въ этомъ отношеніи не можетъ быть болѣе неотразимаго доказательства, чѣмъ то знаменитое мѣсто втораго посланія къ Коринѣянамъ, гдѣ, клеветами враговъ вынужденный противъ своей воли прибѣг-

нута къ оправданію высоты своего апостольства, апостолъ Павелъ нашелъ необходимымъ написать очеркъ того, что онъ совершилъ и выстрадалъ въ теченіе своей жизни ⁹⁾. Эта «илиада скорбей» написана была еще задолго до завершенія его дѣятельности, и однакоже изъ упоминаемыхъ тамъ опасностей и невзгодъ на цѣлыхъ одиннадцать нѣтъ ни малѣйшаго указанія въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, хотя тамъ упоминаются и многія другія, происшедшія послѣ этого вынужденнаго очерка. Такъ, напримѣръ, св. Лука не упоминаетъ ни одного изъ пяти бичеваній іудейскими ремнями; упоминаетъ только объ одномъ изъ трехъ истязаній римскими прутьями; не говоритъ ни объ одномъ изъ трехъ кораблекрушеній, хотя съ тщательными подробностями описываетъ позднѣйшее кораблекрушеніе; не дѣ-

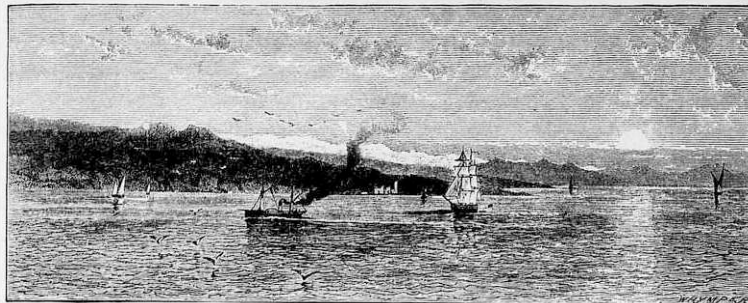
Голгоѳа.

лаетъ ни малѣйшаго намека на тѣ сутки, которыя были проведены въ глубинѣ морской; рассказываетъ только о двухъ изъ семи тюремныхъ заключеній, которыми подвергался апостолъ по свидѣтельству св. Климента ¹⁰⁾. Писатель книги Дѣяній не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на цѣлые классы опасностей, перенесенныхъ апостоломъ Павломъ, хотя онъ несомнѣнно былъ въ это время спутникомъ апостола; какъ напримѣръ—не упоминаются опасности на рѣкахъ, опасности отъ разбойниковъ, опасности въ пустынѣ, опасности между лжебратіями, голодь, жажда, постъ, стужа, нагота. И всѣ эти опасности и невзгоды, совершенно опускаемыя въ книгѣ Дѣяній, въ Посланіяхъ упоминаются такъ мимоходно, обще и безъ всякаго хронологическаго порядка, что едвали хоть одну изъ

нихъ можно опредѣлить съ нѣкоторою полнотою и указать ей должное мѣсто въ послѣдовательности событій жизни апостола. Въ такомъ случаѣ, кто можетъ утверждать, что въ такой жизни не было цѣлаго ряда событій, которыя, будучи введены св. Лукой въ свое повѣствованіе даже хоть просто для выясненія особенностей характера апостола, въ тоже время не нашли или не могли найти себѣ мѣста въ посланіяхъ; равно какъ не было такихъ событій и чертъ характера, которыя, будучи отмѣчены въ посланіяхъ, не находятъ отраженія въ повѣствованіи? А изъ самыхъ посланій—сколько сохранилось до насъ? Только тѣ немногія, которыя заключаются въ нашемъ канонѣ, изъ того несравненно большаго числа, которое написано апостоломъ ¹¹⁾. Но даже изъ этихъ дошедшихъ до насъ нѣкоторыя отдѣлены отъ другихъ большими промежутками времени; иныя почти не содержатъ никакихъ подробностей, которыя могли-бы имѣть біографическое значеніе, и не сохранилось ни одного, которое бы изображало намъ его дѣятельность въ ранній періодъ до вступленія на европейскую почву. Нельзя поэтому утверждать, что тотъ или другой изъ этихъ источниковъ долженъ быть отвергнутъ какъ недостоверный на томъ основаніи, что онъ представляетъ намъ новую сторону въ этомъ многостороннемъ характерѣ; или что событія въ повѣствованіи должны быть отнесены къ области едва ли добросовѣстныхъ измышленій на томъ основаніи, что они не согласуются сразу съ тѣмъ, что можно бы предполагать на основаніи краткихъ и разрозненныхъ писемъ изъ разнообразной и разносторонней корреспонденціи этой разнообразнѣйшей и сложнѣйшей жизни. Если-бы въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ было что-нибудь такое, что казалось бы непримиримымъ съ явными свидѣтельствами посланій, то мы безъ смущенія отвергли бы все такое. Но большая часть возраженій (если только не всѣ), выставляемыхъ противъ достовѣрности Дѣяній Апостольскихъ, кажутся намъ—по основаніямъ, которыя будутъ указаны послѣ—не только не состоятельными, но и крайне легкомысленными. Если въ этой книгѣ есть мѣста, которыя какъ будто бы бросаютъ тѣнь непослѣдовательности на характеръ великаго апостола, то все-таки нѣтъ ни одного такого случая, когда-бы какое-либо изъ нихъ не находило полнаго оправданія и подтвержденія въ несомнѣнныхъ произведеніяхъ самого апостола. Если бы не отверженіе со стороны людей значительной учености и таланта, то было бы совершенно излишне указывать на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ исторіи и въ обыденной жизни мы постоянно встрѣчаемся съ примѣрами, когда одна и таже жизнь съ совершенною добросовѣстностью изображается съ совершенною противоположныхъ сторонъ, или видимъ событія, которыя кажутся противорѣчивыми единственно потому, что неупомянутъ пунктъ соглашенія между ними. Помимо этого, точки соприкосновенія между книгой Дѣяній и Посланіями апостола Павла положительно безчисленны, и даже непреднамеренныя совпаденія между ними считаются цѣлыми десятками (въ доказательство чего достаточно указать на сочиненіе Палея *Nogae Paulinae*). Опровергать всѣ возраженія, выставляемые

противъ достовѣрности книги Дѣяній, было бы скучнымъ и неблагодарнымъ трудомъ; но рѣшительный отвѣтъ на нихъ данъ будетъ самымъ ходомъ разсказа въ нашей книгѣ, если только конечно не окажется, что намъ не удалось связать отдѣльныя данныя, или что попытка связать ихъ повела къ несообразнымъ и невозможнымъ результатамъ.

Мы думаемъ, поэтому, что у насъ достаточно и даже болѣе чѣмъ достаточно матеріала для того, чтобы показать, какова была жизнь великаго апостола и каковы были самъ апостолъ. Жизнеописаніе, заключающееся въ краткомъ очеркѣ, часто бываетъ болѣе вѣрнымъ и полезнымъ, чѣмъ то, въ которомъ излагаются всѣ мельчайшія подробности. Мы отнюдь не получаемъ больше понятія о великомъ человѣкѣ вслѣдствіе того, что намъ представится случай познакомиться съ мелочными обстоятельствами его обыденной жизни, или вслѣдствіе того, что ложное благоговѣніе передаетъ потомству пеструю и безцвѣтную смѣсь его заурядной переписки. Мы познаемъ человѣка во всей его истинности, когда познаемъ его въ томъ, что было въ немъ самаго величественнаго и лучшаго; мы вполне уясняемъ себѣ его значеніе для насъ и для міра, когда видимъ его въ высшемъ развитіи его благороднѣйшей дѣятельности, на самой вершинѣ проходимаго имъ поприща, въ полнѣйшей славѣ его жизни. Есть люди, жизнь которыхъ можетъ быть поучительною вслѣдствіе самой ея мелочности, и біографы такихъ людей понятно должны входить во всѣ подробности ихъ жизни. Но въ отношеніи лучшихъ и величайшихъ людей рѣшительно можно утверждать, что знать о нихъ больше значитъ знать о нихъ меньше. Вполнѣ возможно, что еслибы, въ отношеніи такой пылкой и порывистой личности, какъ апостолъ Павелъ, мелочная и рабски подробная лѣтопись сохранила намъ всякое поспѣшное выраженіе, всякое бѣглое замѣчаніе, всякое хоть минутное паденіе съ высоты возвышеннаго идеала, мелкія души, готовые всегда ликовать при видѣ того, какъ благороднѣйшіе изъ людей хоть на мигъ спускаются до одного уровня съ ними, могли бы находить кое-что для своего злорадства. Что это могло быть именно такъ, можно вполнѣ заключать изъ той силы и искренности самоосужденія, съ которыми самъ апостолъ признаетъ свои немощи. Но такая жалкая и мелочная лѣтопись, даже если бы она была совершенно правдива, только бы затемнила для насъ образъ великаго апостола Павла, какимъ онъ является намъ въ свѣтѣ исторіи: Павла, какимъ онъ сохранился до насъ въ лѣтописяхъ христіанства; Павла дѣятельнаго подобно Петру, и умозрительнаго подобно Іоанну; Павла какъ героя самоотреченія; Павла какъ могучаго поборника христіанской свободы; Павла какъ величайшаго пророка, величайшаго миссіонера, величайшаго богослова, — Павла, вдохновеннаго апостола народовъ, смиреннаго раба Господа Іисуса Христа.

Берегъ Киликіи.

ГЛАВА II.

ДѢТСТВО ВЪ ЯЗЫЧЕСКОМЪ ГОРОДѢ.

Гражданинъ не безызвѣстнаго города. Дѣян. хх, 39.

ОТЯ съ полною точностью мы не можемъ опредѣлить времени ни рожденія, ни смерти великаго апостола народовъ, но относительно того и другаго можно сдѣлать приблизительное заключеніе. Когда въ первый разъ упоминается о немъ по случаю мученичества св. Стефана, то онъ названъ юношей (Дѣян. vii, 58), а когда онъ писалъ посланіе къ Филимону, то самъ называетъ себя Павломъ — старцемъ¹²⁾. Хотя слова «юноша» и «старецъ», *νεανίας* и *πρεσβύτερος*, въ древности употреблялись неопредѣленно и точные предѣлы «юности» и «старости» тогда обозначались такъ же неопредѣленно какъ и всегда, однако же изъ того, что немедленно послѣ смерти Стефана Савлу было сдѣлано чрезвычайно важное порученіе и что онъ по всей вѣроятности былъ членомъ синагоги, слѣдуетъ, что ему въ то время было не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Затѣмъ, мученичество св. Стефана вѣроятно произошло въ началѣ 37 года по Рожд. Хр., а посланіе къ Филимону написано около 63 года. Въ послѣдній періодъ поэтому апостолу было не менѣе шестидесяти лѣтъ. Это можетъ казаться слишкомъ недостаточнымъ возрастомъ для того, чтобы называть себя старцемъ. Но «старость» весьма относительный терминъ, и тотъ, кто подвергся истязаніямъ и бичеваніямъ, кто томился въ тюрьмѣ и подвергался кораблекрушеніямъ, — тотъ, кто столько лѣтъ, кромѣ тяжкаго бремени умственного труда и отвѣт-

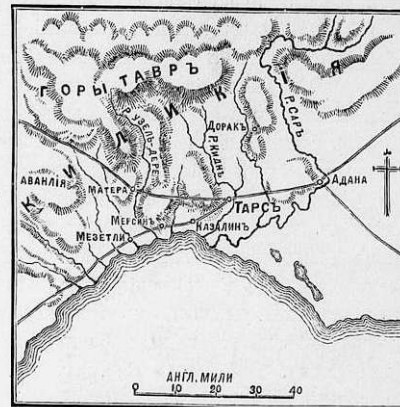
ственности, быть «томимъ огнемъ Сиріуса и колыхаемъ Евроклидономъ»¹³⁾, — такой человекъ вполне могъ назвать себя старымъ и дряхлымъ уже въ 60-ти лѣтнемъ возрастѣ, когда именно онъ писалъ изъ своей римской тюрьмы¹⁴⁾. Поэтому можно положить, что онъ родился въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ нашей эры и вѣроятно всего — въ 3 году по Рожд. Хр. Но такъ какъ наша Діонисіевская эра, какъ теперь извѣстно, на 4 года идетъ позади, то рожденіе величайшаго послѣдователя Христа навѣрно было въ томъ же самомъ десятилѣтіи, какъ и рожденіе Христа¹⁵⁾.

Но всѣ обстоятельства, окружавшія колыбель и дѣтство Савла, были совершенно отличны отъ тѣхъ, среди которыхъ провелъ свое дѣтство Спаситель. Въ незначительномъ и уединенномъ городкѣ Палестины, среди почти исключительно іудейской обстановки, Іисусъ «преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человекѣвъ»; Савлъ же провелъ свои дѣтскіе годы въ знаменитой столицѣ римской провинціи и съ самыми ранними сознательными воспоминаніями его связывались языкъ и обычаи языческаго міра.

Нѣтъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ полной точности выраженія «родившійся въ Тарсѣ», которое приписывается апостолу Павлу въ его еврейской рѣчи къ разъяренной толпѣ со ступеней башни Антоніи (Дѣян. ххп, 3). Что рѣчи въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ передаются не съ буквальной точностью, это можетъ быть вѣрнымъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ; но съ другой стороны тѣ, кто на подобныхъ основаніяхъ стараются смотрѣть на произведение св. Луки какъ на простой «трактатъ съ извѣстною цѣлью», должны помнить, что съ этой точки зрѣнія было бы гораздо сообразнѣе съ его цѣлью, если бы онъ заставилъ апостола Павла увѣрять, что онъ родился въ іудейскомъ городѣ. Поэтому мы должны отвергнуть любопытное и дважды повторенное увѣреніе блаженнаго Іеронима¹⁶⁾, что этотъ апостолъ родился въ Гискалѣ¹⁷⁾ и былъ взятъ своими родителями въ Тарсѣ, когда они оставили свой родной городъ, вслѣдствіе разрушенія его римлянами. Положеніе это теряетъ свое значеніе вслѣдствіе примѣси къ нему того, что кажется вопіющимъ анахронизмомъ въ отношеніи времени разрушенія Гискалы¹⁸⁾. Тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ вниманія. Бл. Іеронимъ, при своемъ основательномъ знакомствѣ съ святою землею, въ которой онъ провелъ столько лѣтъ своей жизни, сохранилъ для насъ нѣсколько подлинныхъ отрывковъ преданія, и можно быть увѣреннымъ, что онъ не отвергъ бы произвольно общаго убѣжденія, основаннаго на ясномъ свидѣтельствѣ Дѣяній Апостольскихъ. Если все это дѣло чистаго вымысла, то почти непонятно, чтобы при этомъ избрано было такое незначительное мѣстечко какъ Гискала, которая ни разу не упоминается въ Библии и получила свою извѣстность единственно благодаря Іудѣ Зилоту¹⁹⁾. Поэтому можно съ правомъ полагать, что преданіе, упоминаемое бл. Іеронимомъ, истинно въ томъ смыслѣ, что родители или дѣды ап. Павла были изъ Галилеи и вслѣдствіе той или другой причины (хотя ею и не можетъ

быть та, о которой упоминается въ преданіи) были вынуждены переселиться изъ Гискалы въ шумную столицу языческой Киликіи.

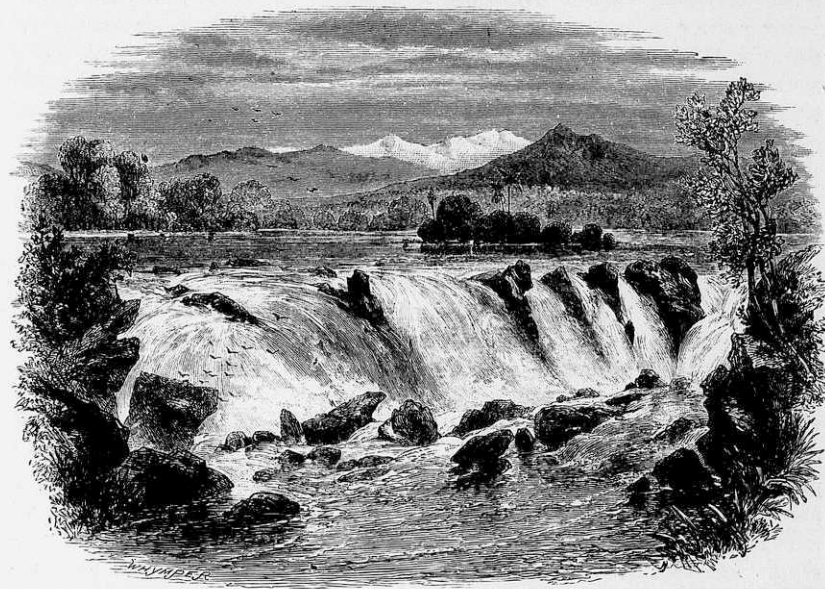
Если такъ, то это, какъ указываетъ и самъ бл. Іеронимъ, способствуетъ выясненію и другаго затрудненія. Ап. Павелъ при всякомъ удобномъ случаѣ съ чувствомъ достоинства прилагаетъ къ себѣ званіе не только израильтянина (Іоан. і, 47; Дѣян. хп, 16; Рим. ix, 4), которое можно считать «титоломъ чести», но также и званіе «еврея» — «еврея отъ евреевъ» (2 Кор. xi, 22; Фил. iii, 5). А извѣстно, что слово «еврей» въ своемъ собственномъ и техническомъ значеніи прямо противоположно названію «еллинистъ» (Дѣян. vi, 1), и ап. Павелъ, если онъ воспитанъ въ Тарсѣ, въ строгомъ смыслѣ могъ считаться только іудеемъ разсѣянна — однимъ изъ тѣхъ іудеевъ, которые, когда они даже не были не знакомы съ еврейскимъ языкомъ, что иногда случалось и съ ученѣйшими изъ нихъ, всетаки говорили на греческомъ, какъ на своемъ природномъ языкѣ²⁰⁾. Можно конечно сказать, что ап. Павелъ употребляетъ слово «еврей» только въ его общемъ значеніи и хотѣлъ имъ выразить то, что онъ не былъ еллинистъ въ такой степени, въ какой напр. былъ даже такой ученый іудей, какъ Филонъ, который при всей своей учености не зналъ ни еврейскаго языка Библии, ни арамейскаго простонароднаго языка, бывшаго еще извѣстнымъ подъ этимъ названіемъ²¹⁾. Быть можетъ ап. Павелъ поарамейски говорилъ даже свободнѣе, чѣмъ онъ говорилъ погречески²²⁾; а о его знакомствѣ съ еврейскимъ можно заключать изъ того, что онъ иногда обращается къ св. писанію въ еврейскомъ подлинникѣ, особенно когда переводъ LXX не соответствовалъ его цѣли. Интереснымъ, хотя и ненамѣреннымъ²³⁾ подтвержденіемъ этого факта служить то, что божественный голосъ въ видѣніи на дорогѣ въ Дамаскъ въ высшій моментъ его жизни говорилъ ему на языкѣ, который очевидно былъ языкомъ его собственныхъ внутреннихъ думъ. Такъ какъ поэтому народный еврейскій языкъ для него въ то время нѣкоторымъ образомъ былъ роднымъ языкомъ, а еврейскій языкъ Библии былъ языкомъ, приобретеннымъ въ школѣ, то ап. Павелъ могъ называть себя евреемъ, хотя строго говоря онъ былъ также и еллинистъ, и названіе это было бы еще болѣе точнымъ и вѣрнымъ, если его родители и предки почти до самаго его рожденія были палестинскими іудеями.

Карта окрестностей Тарса.

Городъ Тарсъ, въ которомъ родился ап. Павелъ, былъ совершенно непохожъ на тотъ грязный, бѣдный и полуразрушенный магометанскій городокъ, который и теперь еще носить это названіе и стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Естественныя черты города правда не измѣнились: его все еще окружаетъ плодородная равнина; снѣговья горы Тавра все еще высятся надъ нимъ; прозрачный и быстрый потокъ Кидна все еще освѣжаетъ его ²⁴). Но эти картины красоты и величія природы имѣютъ тѣмъ меньшее значеніе для насъ, что онѣ повидимому не оказали особеннаго вліянія на душу молодого Савла. Можно вообразить, какъ для другой натуры онѣ служили бы источникомъ постоянного вдохновенія; какъ онѣ проникли бы въ самый внутренній складъ его мысли; какъ въ людныхъ городахъ и грязныхъ темницахъ онѣ опять и опять предносились бы его внутреннему взору въ тяжкомъ уединеніи! Картины природы, среди которыхъ прошла вся жизнь Давида, были гораздо менѣе величественны и гораздо менѣе разнообразны, чѣмъ многія изъ тѣхъ, среди которыхъ выпало на долю жить ап. Павлу. Однакоже псалмы Давида представляютъ собою богатѣйшій сборникъ поэтическихъ описаній, между тѣмъ какъ въ посланіяхъ ап. Павла мы дышемъ только воздухомъ городовъ и синагогъ. Правда, онъ говоритъ о храмѣ нерукотворномъ, но никогда не указываетъ на его горныя башни, и только разъ намекаетъ на его почныя звѣзды (Дѣян. хvii, 24; 1 Кор. хv, 41). Для Давида вся видимая вселенная была однимъ обширнымъ домомъ Божіимъ, въ которомъ, подобно ангеламъ служащимъ, огонь и градъ, снѣгъ и туманъ, вѣтеръ и буря исполняютъ слово Его. Для апостола же Павла—хотя и онъ также зналъ, что «невидимое Бога, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы» — все это было бесспорной аксіомой, а не убѣжденіемъ только, постоянно обновлявшимся отъ умиленія и восторга. Очень немного писателей, которые, если судить только по ихъ сочиненіямъ, менѣе поддавались впечатлѣніямъ красотъ внѣшняго міра. Хотя ап. Павелъ нѣсколько разъ плавалъ вдоль и поперекъ по синимъ волнамъ Средиземнаго моря и знакомъ былъ съ красотой тѣхъ острововъ Греціи, гдѣ пылкая Сапфо любила и воспѣвала, гдѣ процвѣтали искусства войны и мира; хотя онъ то и дѣло путешествовалъ по одѣтымъ сосновыми лѣсами азиатскимъ холмамъ и во всемъ величіи видѣлъ Иду, Олимпъ и Парнасъ; хотя его жизнь подвергалась опасности и въ горныхъ потокахъ, и въ бурныхъ волнахъ, и хотя онъ часто бродилъ еще ребенкомъ по берегамъ своего роднаго потока, ходилъ смотрѣть то мѣсто, гдѣ онъ реветъ водопадомъ на своемъ скалистомъ пути,—его душа была такъ всецѣло поглощена великими нравственными и духовными истинами, которыя ему предстояло въ послѣдствіи провозглашать, что онъ ни однимъ стихомъ, ни даже единичнымъ выраженіемъ во всѣхъ своихъ посланіяхъ, не выдаетъ ни малѣйшаго отблеска восторга или умиленія красотою природы. Правда, въ его рѣчи въ Листрѣ есть прекрасное мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о благодати живаго Бога, «который сотворилъ небо и землю, и море

и все, что въ нихъ», и «не переставалъ свидѣтельствовать о Себѣ благодѣяніями, подавая намъ съ неба дожди и времена плодородныя, и исполняя пищею и веселіемъ сердца наши» (Дѣян. хiv, 15, 17). Но при этомъ случаѣ въ рѣчи принималъ нѣкоторое участіе его сотрудникъ Варнава. Даже самая рѣчь, если какъ предполагаютъ нѣкоторые ²⁵) она и не указываетъ здѣсь на отрывокъ какой нибудь хоровой пѣсни, по своему тону и по сущности сходна съ нѣкоторыми мѣстами Ветхаго Завета (Іов. v, 10; Псал. сxi, 15; Псал. cxlvi, 8 и 9). Помимо этого намека мы не находимъ ни одного слова, которое показывало бы,

Водопадъ р. Кидна, близъ Тарса.

что ап. Павелъ имѣлъ хоть малѣйшую воспримчивость къ впечатлѣніямъ природы. Есть натуры, въ которыхъ жгучій пылъ какой нибудь всезахватывающей цѣли подавляетъ всякую другую мысль, всякое другое желаніе, всякіе другіе восторги; а таковъ и былъ ап. Павелъ. Его жизнь была попреимуществу, если не исключительно, духовная жизнь; жизнь, которая была мертва для всякаго другаго интереса труждающагося и обремененнаго творенія,—жизнь, сокрытая со Христомъ въ Богѣ. Онъ видитъ міръ Божій только такъ, какъ онъ отражается въ сердцѣ и жизни человѣка. Правда, какъ показываетъ Гумбольдтъ въ своемъ

«Босмосъ», то чувство, которое называется сентиментальною любовью къ природѣ, въ древнее время было менѣе развито, чѣмъ въ наше ²⁶). Но въ ап. Павлѣ это равнодушіе къ внѣшнему міру зависѣло не отъ древности, не отъ его семитическаго происхожденія, а единственно отъ его личнаго характера. Поэзія Ветхаго Заветѣ полна нѣжности и жизни палестинскихъ пастбищъ. Въ бесѣдахъ и рѣчахъ Спасителя мы находимъ частыя указанія на красоту цвѣтовъ, на игривую беззаботность птицъ, на легкіе вѣтерки и красное полыми утреннихъ и вечернихъ облаковъ. Равнодушіе ап. Павла ко всему этому (вѣдь полное отсутствіе самыхъ отдаленныхъ намековъ на нихъ даже въ сравненіяхъ равносильно доказательству того, что внѣшняя природа не произвела глубокаго впечатлѣнія на его сердце) несомнѣнно зависѣло отъ исключительной силы и важности другихъ его думъ. Въ тоже время она могла зависѣть также отъ характера того ранняго воспитанія, которое сдѣлало его болѣе знакомымъ съ людными собраніями и толкучими базарами, чѣмъ съ видами и звуками природы ²⁷). Замѣчательно во всякомъ случаѣ, что единственный примѣръ, который онъ беретъ изъ природы, основывается не на естественномъ явленіи, а на искусственномъ процессѣ, и что даже этотъ процессъ, если не совсѣмъ неизвѣстный древнимъ, какъ разъ противоположенъ тому, какимъ онъ признавался обыкновенно ²⁸).

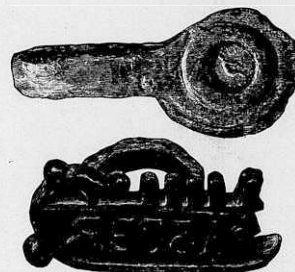
Но если ап. Павелъ остался чуждъ вліянія тѣхъ картинъ природы, которыми окруженъ Тарсъ, если никакіе звуки сосѣднихъ горъ или сосѣдняго моря не примѣшивались къ разнообразнымъ тонамъ его пламенной рѣчи, то другой результатъ этого чудеснаго воспитанія легко замѣтить какъ въ его языкѣ, такъ и въ его жизни.

Самое положеніе Тарса дѣлало этотъ городъ центромъ промышленной предпріимчивости и политическаго могущества. Будучи расположенъ на судоходной рѣкѣ, дававшей возможность прямого сообщенія съ заливами Средиземнаго моря, и находясь на плодородной равнинѣ подъ тѣмъ проходомъ чрезъ Тавръ, который извѣстенъ подъ названіемъ «Киликійскихъ воротъ», и въ тоже время посредствомъ Аманидскихъ и Сирийскихъ воротъ сообщаясь съ Сиріей, онъ былъ настолько естественнымъ центромъ торговли, что даже ошибка, заставившая его стать на сторону Антонія въ гражданской войнѣ, не могла поколебать его славы и благосостоянія ²⁹). Въ этомъ именно городѣ Клеопатра имѣла свое знаменитое свиданіе съ римскимъ триумвиромъ, то свиданіе, которое увѣковѣчено Шекспиромъ въ описаніи ея прогулки по серебристому Кидну:

Какъ пышный тронъ сіяла на рѣкѣ
Ея галера кованной кормою
Изъ зодота; на парусахъ былъ пурпуръ,
Благоухавшій дотога, что воздухъ
Какбы мѣлъ отъ страсти къ нимъ.
Подъ звуки флейтъ серебряныя весла разомъ

Воды касались, и вода съ любовью,
Любимъ ихъ, стремились вѣдѣ за ними.

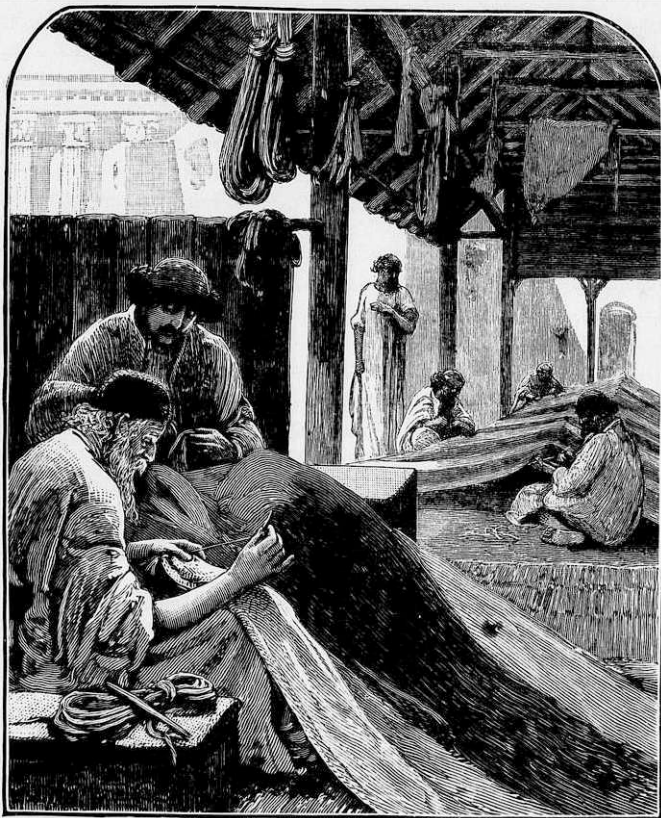
Процвѣтаніе его продолжалось и подъ управленіемъ Августа, и онъ пользовался тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что былъ не только столицей, но и вольнымъ городомъ: *libera* и *immunis*. Изъ Тарса именно огромныя массы строеваго лѣса, срубавшагося въ лѣсахъ Тавра, сплавлялись по рѣкѣ къ пристанямъ Средиземнаго моря; здѣсь именно разгружались суда, привозившія въ Азію сокровища Европы; здѣсь сначала сосредоточивались груды богатствъ изъ Малой Азіи предъ отправленіемъ ихъ въ Грецію и Итацію. На своихъ монетахъ городъ этотъ изображенъ сидящимъ среди тюковъ всевозможныхъ товаровъ. Бойкая и промышленная жизнь улицъ и базаровъ навѣрно была первымъ зрѣлищемъ, которое привлекло на себя вниманіе юнаго Савла. Безчестность, которую онъ могъ видѣть въ торговлѣ, могла внушить ему его метафорическія выраженія о «подѣлкѣ» и «искаженіи» слова жизни ³⁰); тутъ же онъ могъ замѣстовать и другія метафоры отъ имени и значковъ, которыми собственники клеймили свои лежавшіе на пристаняхъ товары ³¹), а также и отъ трудовыхъ денегъ, уплачиваемыхъ покупателями ³²). Быть можетъ даже «собраніе» гражданъ вольнаго города заставило его принять изъ перевода LXX и самое названіе общества послѣдователей Христа словомъ церковь — *ἐκκλησία*, первые примѣры употребленія котораго представляютъ его именно посланія ³³).

Свинцовыя и бронзовыя клейма
(Британскій Музей).

Рожденіемъ въ Тарсѣ обусловилося также и то ремесло, которымъ въ теченіе многихъ дней и ночей труда и самоотреченія апостолъ пріобрѣталъ себѣ насущный хлѣбъ. Главнымъ промысломъ города было плетеніе веревокъ и затѣмъ приготовленіе полотнищъ и покрывалъ для палатокъ изъ шерсти, которая въ огромномъ количествѣ добывалась отъ козыхъ стадъ въ горахъ Тавра ³⁴). Такъ какъ приготовленіе этихъ *сіісіа* было безыскусственнымъ трудомъ самаго зауряднаго свойства, то и ремесло дѣлателей палатокъ ³⁵) не только не пользовалось почетомъ, но и оплачивалось скудно. Отсюда однакоже нельзя еще заключать, что семейство ап. Павла принадлежало къ низшему классу. Изученіе ремесла было обязанностью, которую равнины внушали родителямъ всякаго іудейскаго мальчика ³⁶). Мудрость этого правила вполне оправдалась въ жизни ап. Павла, какъ несомнѣнно и сотенъ другихъ лицъ, когда именно невзгоды и превратности жизни заставили его зарабатывать пропитаніе ручнымъ трудомъ. Конечно, воспитывая такъ своего сына, родители ап. Павла не могли еще предвидѣть, чтобы ему пришлось когда нибудь зарабатывать себѣ хлѣбъ такимъ жалкимъ и худооплачиваемымъ трудомъ ³⁷). Но мы

видимъ, какъ тяжело онъ чувствовалъ бремя этого жалкаго труда, которымъ онъ предпочиталъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, чѣмъ зависѣть отъ милостыни обращенныхъ имъ христіанъ (1 Тесс. II, 6, 9; 2 Тесс. III, 8; 1 Кор. IX, 12, 15). Но этотъ трудъ имѣлъ то важное преимущество, что онъ, будучи совершенно механиче-

Дѣланіе палатокъ.

скимъ, давалъ полную свободу для работы ума. Сплетая черную вонючую козью шерсть, апостолъ могъ въ тоже время своею мыслью витать въ превышнихъ небесахъ или вести возвышенный разговоръ съ Аполлосомъ или Акиллой, съ Лукою и Тимоеемъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ, какіе только могутъ занимать умъ человѣка.

Прежде чѣмъ дальше разсматривать вліяніе, оказанное мѣстомъ рожденія на будущую судьбу ап. Павла, мы должны остановиться на вопросѣ касательно того, что извѣстно о его ближайшемъ семействѣ. Нужно признаться, что достовѣрнаго мы знаемъ о немъ очень мало. Тотъ фактъ, что оно какимъ то образомъ владѣло правомъ римскаго гражданства и оставило Палестину быть можетъ лишь за нѣсколько времени до рожденія Павла, съ цѣлью присоединиться къ іудеямъ разсѣяніи,—равнымъ образомъ тотъ фактъ, что столь многіе изъ сродниковъ ап. Павла носятъ греческія и латинскія имена³⁸⁾ и жили въ Римѣ или Ефесѣ³⁹⁾, можетъ на первый взглядъ повести къ предположенію, что весь его родъ принадлежалъ къ еллинамъ. Съ другой стороны мы ничего не знаемъ о тѣхъ причинахъ, которыя побудили его родителей оставить Палестину, и можемъ только догадываться касательно принадлежности имъ права гражданства. Если бы даже было несомнѣнно, что *συνγενής* означаетъ «сродники» въ нашемъ смыслѣ этого слова, а не «соотечественники», какъ думаетъ Ольсгаузенъ⁴⁰⁾, то всетаки среди іудеевъ обычай имѣть второе имя, которое они принимали во время пребыванія своего въ языческой странѣ, былъ такъ распространенъ, что Андроникъ и другіе, кого онъ привѣтствуетъ въ послѣдней главѣ посланія къ Римлянамъ, могли быть настоящими евреями. Настоящее имя Іасона могло быть, напримѣръ, Іисусъ, подобно тому какъ и дѣйствительнымъ именемъ Павла было Савлъ⁴¹⁾. Какъ бы то ни было, еврейскій характеръ этого семейства выдаетъ себя со многихъ сторонъ. Отецъ и дѣдъ ап. Павла были фарисеи (Дѣян. XXIII, 6) и слѣдовательно были самыми строгими блюстителями Моисеева закона. Родители его такъ живо помнили о своемъ происхожденіи отъ колѣна Веніаминова, одного изъ двухъ колѣнъ оставшихся вѣрными завѣту, что своего сына назвали Савломъ⁴²⁾ частью быть можетъ потому, что это имя означаетъ «испрошенный» (отъ Бога), а частью потому, что это было имя того несчастнаго царя изъ ихъ роднаго колѣна, печальная участь котораго повидимому въ теченіе многихъ столѣтій дѣлала самое имя его непопулярнымъ⁴³⁾. Вѣроятно не позже 13-ти-лѣтняго возраста они послали его для полученія образованія у Гамалила. У нихъ повидимому была замужняя дочь въ Иерусалимѣ, сынъ которой при одномъ достопамятномъ случаѣ спасъ жизнь Павла (Дѣян. XXIII, 16). Хотя они вѣроятно употребляли Библію обыкновенно въ переводѣ LXX, откуда взято и большинство цитатъ апостола⁴⁴⁾ и откуда берется почти вся его богословская фразеология, однако же они приучали его къ употребленію арамейскаго языка въ качествѣ своего роднаго языка и къ чтенію писанія въ высокочтимомъ еврейскомъ подлинникѣ, знаніемъ котораго немногіе обладали даже изъ ученыхъ іудейскихъ еллинистовъ.

Что ап. Павелъ былъ «гебранецъ» въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, это видно почти изъ всякаго стиха его посланій. Время онъ считаетъ по еврейскому календарю. Онъ дѣлаетъ постоянныя ссылки на іудейскіе обычаи, іудейскіе законы и іудейскіе праздники. Его метафоры и обороты рѣчи весьма часто заим-

ствованы из той спокойной семейной жизни, которою всегда отличались иудеи. Хотя онъ пишетъ погречески, но это никоимъ образомъ не греческій языкъ школь⁴⁵⁾, не тотъ греческій языкъ, который не смотря на случайныя антитезы и игру словъ найденъ былъ бы сноснымъ со стороны риториковъ его роднаго города. Знаменитый критикъ Лонгинъ правда хвалитъ его за мастерство догматическаго стиля, если только мѣсто это подлинно; но навѣрно какойнибудь тарсійскій профессоръ или аѳинскій философъ только насмѣялся бы надъ его еврейскими оборотами, надъ неудачною послѣдовательностью, пестрыми метафорами, странными формами и неправильнымъ построениемъ рѣчи⁴⁶⁾. Бл. Иеронимъ, критикуя его выраженіе *οὐ κατενάρκησα ὑμῶν* во 2 Кор. xi, 9 и xii, 13,—которое въ

Жители теперешняго Тарса.

нашемъ переводѣ передано: «самъ я не былъ вамъ въ тягость», но буквально повидимому означаетъ: я не привелъ васъ въ оцѣненіе,—говорить о многочисленныхъ киликизмахъ его слога, и вѣроятно онъ не чуждъ этого, хотя теперешнему читателю едва ли возможно съ точностью уловить ихъ⁴⁷⁾. Дѣло въ томъ, что хотя Тарсъ былъ городомъ значительнаго просвѣщенія, сама Киликія всетаки считалась варварскою страной въ умственномъ отношеніи и презиралась въ нравственномъ. Собственно языкомъ Киликіи былъ одинъ діалектъ финикійскаго языка⁴⁸⁾, а употреблявшійся въ нѣкоторыхъ городахъ греческій языкъ былъ настолько испорченъ, что послужилъ поводомъ къ термину «солецизмъ», которымъ во всѣхъ языкахъ стали обозначать невозможное построение рѣчи⁴⁹⁾.

Пребываніе іудея въ чужомъ городѣ могло, конечно, содѣйствовать ослабленію въ немъ національной религіи и дѣлать его равнодушнымъ къ его наслѣдственнымъ обычаямъ; но оно въ то же время могло произвести и какъ разъ противоположное дѣйствіе. Не было недостатка въ примѣрахъ такихъ іудеевъ-еллинистовъ, которые еллинизировались даже въ гораздо болѣе важныхъ отношеніяхъ, чѣмъ разговорный языкъ. Но съ другой стороны іудеи, какъ народъ, всегда выказывали почти чудесную живучесть и не только не теряли своей національности вслѣдствіе мѣстожителства среди язычниковъ, но даже укрѣплялись въ напряженности своего патриотизма и своей вѣры. Мы знаемъ, что такъ именно было съ многочисленной и важной общиной іудеевъ Тарса. Въ этомъ отношеніи они значительно отличались отъ іудеевъ Александріи. Они конечно не могли быть совершенно свободны отъ той ненависти, которая въ теченіе столѣтій вѣковъ тяготѣла надъ этой даровитой расой и которая уже въ то время господствовала среди римлянъ. Но все, что мы знаемъ о нихъ, показываетъ, что киликійскіе іудеи были способны, какъ и всѣ ихъ соплеменники, отплачивать за ненависть двойною ненавистью и за презрѣніе двойнымъ презрѣніемъ. Съ ихъ стороны это было еще болѣе вѣроятно вслѣдствіе тѣхъ условий, которыя окружали ихъ тамъ. Вѣра въ язычество гораздо глубже коренилась въ провинціяхъ, чѣмъ въ Италіи, и особенно сильна была въ Тарсѣ, который въ этомъ отношеніи былъ самымъ подходящимъ мѣстомъ погребенія Юліана отступника. Нѣтъ хуже періода и нѣтъ испорченнѣе мѣстъ, чѣмъ тѣ, которыя заволакиваютъ радужнымъ покрываломъ умственной культуры глубокую язву нравственнаго паденія; а таково именно и было состояніе Тарса. Будучи мѣстомъ знаменитой литературной школы, онъ въ то же самое время былъ столицей провинціи такъ низко цѣнившейся въ общемъ мнѣніи, что она считалась въ числѣ *τρία κάππα κήματα*—трехъ худшихъ областей древности, названія которыхъ начинались съ К,—именно Каппадокіи, Киликіи и Крита. Религія тамъ въ этотъ періодъ приняла главнымъ образомъ характеръ восточныхъ оргій, а народная вѣра многихъ даже въ Римѣ была странно смѣсью греческихъ, римскихъ и египетскихъ, фригійскихъ, финикійскихъ и іудейскихъ элементовъ. Дикая фанатическая восторженность оживляла вянущее и разпадаемое тѣлномъ язычество новыми ощущеніями безумной чувственности и чудовищнаго суевѣрія. Тарсійское идолопоклонство состояло изъ этой странной смѣси. Тамъ во времена Плутарха, на поколѣніе послѣ ап. Павла, еще показывали мечъ Аполлона, чудесно будто бы сохраненный отъ разрушенія и ржавчины. Гермесъ Эрѳуній или «счастьеподаватель» еще выступаетъ на ихъ монетахъ съ кошелькомъ въ рукѣ. Эскулапъ, по народному вѣрованію, все еще проявлялъ свое могущество и присутствіе въ сосѣднемъ городѣ Эгахъ⁵⁰⁾. Но по народному преданію основателемъ города считался ассиріянинъ Сардана-

Монета гор. Тарса
(съ изображеніемъ Гермеса
Эрѳунія).

паль, полунаторическое существование которого, благодаря синкретизму языческого культа, смешивалось с различными представителями бога-солнца—азиатского Сандана, финикийского Ваала и греческого Геркулеса. Грубая чувственность и самое происхождение этого культа, его потворство изысканной роскоши, безграничному обжорству и дикой распущенности были вполне достаточны для того, чтобы пробудить негодующее отвращение во всяком истоме иудей; и эта возмущенность естественной антипатии в сердцах народа, в котором истинная религия всегда соединялась с нравственною чистотою, еще усиливалась от патристического негодования при виде того, что в главном празднестве этого извращенного культа женоподобному Сардананалу и мужеподобной Семирамиде—одинаково омерзительным—богопоклонение приносилось в таких обрядах, которые по внешности походили на чистое и благодарственное ликование праздника куш. Ап. Павел навѣрно бывалъ свидѣтелемъ этого празднества. Онъ навѣрно видѣлъ въ Анхіалѣ и самый беззастѣнчиво наглый символъ циническаго грубоживотнаго самодовольства, олицетворявшагося въ статуѣ Сардананала, который въ этомъ изображеніи съ прищелкомъ пальцевъ произноситъ изрѣченіе, выгравированное на пьедесталѣ:

„Бѣшь, пей и наслаждайся, остальное все ничто“ ⁵¹⁾.

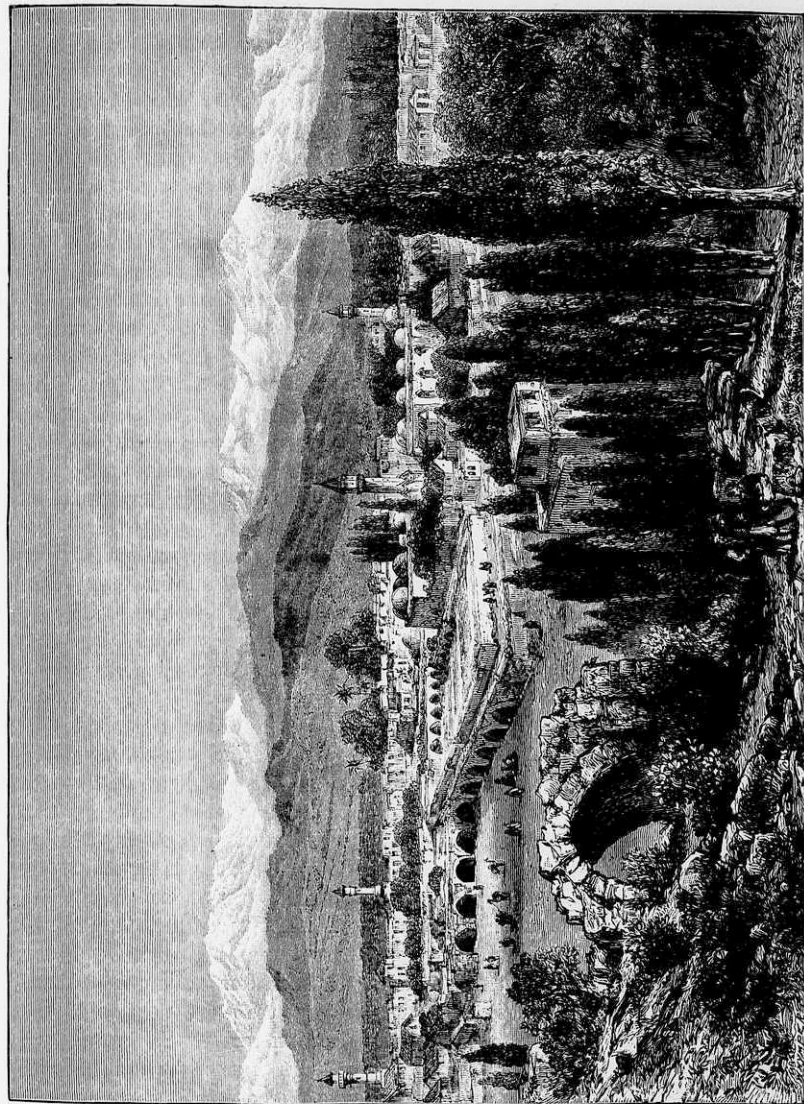
Такия зрѣлища и производимыя ими впечатлѣнія въ его душѣ не могли возбуждать чувства терпимости или только смущеннаго ужаса передъ зломъ. Они возбуждали съ одной стороны чувство отвращенія, а съ другой непоколебимое, усиленное послѣдующими наблюденіями убѣжденіе, что умственное извращеніе ведетъ къ нравственному паденію, которое въ свою очередь усиливаетъ первое, что заблужденіе въ умѣ влечетъ за собою крайнее заблужденіе въ жизни и въ волѣ, что потемнѣніе въ разумѣ неизбежно соединяется съ потемнѣніемъ духа и что изъ этой тьмы возникаетъ все то, что разрушаетъ безмертную жизнь. Кто не знаетъ, въ какомъ видѣ язычество представлялось тому, кто видѣлъ его съ самаго дѣтства въ его полномъ развитіи, долженъ прочесть ужаснѣйшее во всемъ св. писаніи мѣсто, въ которомъ полное пламя огня палищаго жгетъ дыханіемъ своего негодованія мерзости языческаго беззаконія. Подъ жгущимъ пыломъ святаго гнѣва мы видимъ язычество во всемъ его неестественномъ безобразіи. Тутъ оно не окружено ореоломъ воображенія, фантазія не прикрываетъ его своимъ мишурнымъ покровомъ; мы видимъ его какъ оно было. Совсѣмъ въ иномъ видѣ оно могло бы представиться, когда бы на него брошенъ былъ покровъ эллинской красоты, когда бы его возмущительныя чары были освѣщены луннымъ блескомъ генія Платона или блистательнымъ остроуміемъ Аристофана. Но тотъ, кто хотѣлъ бы составить истинное сужденіе о немъ, кто хотѣлъ бы видѣть его такъ, какимъ оно было, когда на него палъ лучъ вѣчности божества, долженъ видѣть его какъ оно представлялось проникающему взору чистаго и просвѣщеннаго апостольскаго ока. Ап. Павелъ, надѣленный чувствомъ внутренней чистоты и гармоніи въ болѣе

степени, чѣмъ мы видимъ въ поэмахъ Гомера и Мильтона,—непоколебимо, безъ всякаго очарованія соблазна и ужаса, видитъ въ этой раскрашенной Цирцеѣ не улыбающуюся дѣву, не свѣтлоую дочь солнца, а грязную и отвратительную блудницу; и схвативъ ее за волосы, онъ клеймитъ ее прокаженное чело пылающимъ клеймомъ ея позора. Отсеявъ пусть на всѣ послѣдующія времена и по всему міру она идетъ какъ заклейменная чародѣйка. Всѣмъ понятно это рдѣющее гнойностью клеймо, и никто уже теперь не можетъ обманомъ возбуждать въ сердцахъ сожалѣнія объ исчезнувшихъ красотахъ того міра, который не зналъ Бога (Рим. 1, 18—32).

Но кромѣ этого безграничнаго ужаса, возбуждавшагося при мрачномъ зрѣлищѣ языческой жизни, ап. Павелъ изъ своего ранняго знакомства съ ея особенностями вынесъ глубокое убѣжденіе, что земное знаніе не находится въ неразрывной связи съ небесною мудростію. Если можно положиться на повѣсть софиста Филострата и если только онъ не присваиваетъ себѣ возрѣвнѣ, заимствованныхъ имъ отъ христіанства, то юный Аполлоній Тіанскій, который впоследствии ставился язычниками въ уровень съ Христомъ, учился у оратора Евондема въ Тарсѣ въ то самое время, когда онъ былъ также и мѣстопробываніемъ юнаго Павла ⁵²⁾; и даже Аполлоній въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ былъ такъ пораженъ контрастомъ между мудростію, которою славился этотъ городъ, и жалкимъ нравственнымъ состояніемъ, что получилъ отъ своего отца позволеніе удалиться въ Эги и тамъ продолжать свое обученіе какъ въ болѣе религіозно-нравственномъ мѣстѣ ⁵³⁾. Та картина, которая впоследствии нарисована Филостратомъ, картина роскоши, кутежа, мелочности, фривольности и сплетенъ въ жизни Тарса, какъ ее наблюдали серьезный философъ будучи еще мальчикомъ, могла бы не имѣть историческаго значенія, если бы она во всѣхъ своихъ частяхъ не подтверждалась трезвымъ повѣствованіемъ его современника Страбона. «Такъ велика, говоритъ онъ, ревность жителей къ философіи и всякому другому всеобъемлющему образованію, что они превосходили даже Аѳины и Александрію и всякое другое, какое только можно упомянуть, мѣсто, въ которомъ были филологическія и философскія школы» ⁵⁴⁾. Описываемое имъ затѣмъ состояніе вещей, происходящее отъ такой общественной атмосферы, крайне забавно и въ тоже время достойно всякаго презрѣнія. Онъ вводитъ насъ въ профессорскій міръ временъ увяданія язычества. Этотъ профессорскій міръ совсѣмъ не таковъ, какимъ онъ является въ нашихъ университетахъ и академіяхъ, гдѣ христіанское братство и взаимное уваженіе выступаютъ на мѣсто жалкаго соперничества и гдѣ серьезные ученые люди посвящаютъ свою жизнь созерцанію свѣтлаго лика истины въ тихой наукѣ, а напоминаетъ профессорскій міръ временъ «Возрожденія», когда клики завистливыхъ ученыхъ, узкихъ, себялюбивыхъ, беззастѣнчивыхъ, низкихъ и безнравственныхъ скептиковъ услаждались сплетнями, скандалами и взаимнымъ соперничествомъ. «Троны» этихъ маленькихъ академическихъ божковъ были такъ же взаимно враждебны между

собою и низки въ нравственномъ отношеніи, какъ и престолы олимпійскихъ божествъ, въ которыхъ они, впрочемъ къ счастью, перестали уже вѣрить. Одинъ знаменитый профессоръ обворовывалъ правительство на поставкѣ масла; другой мстил своему оппоненту бѣдными эпиграммами; третій осквернял свой домъ почными оргіями, а риторическая зависть часто оканчивалась кровавыми раздорами. На это развращающее зрѣлище мелочности въ высокихъ мѣстахъ простой народъ смотрѣлъ съ умиленіемъ въ глазахъ, и мелочные раздоры этихъ интригующихъ софистовъ обсуждалъ какъ предметы необычайной исторической важности⁵⁵). Можно вообразить, какъ невыразимо отвратительной должна была казаться эта апопееза педантизма серьезному и благочестивому іудею; и быть можетъ эти именно тарейскія воспоминанія придали особенную остроту частымъ предостереженіямъ ап. Павла, что мудрецы язычества, «называя себя мудрыми, обезумѣли», что они «осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное ихъ сердце» (Римл. і, 21, 22); что «мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ, какъ написано: уловляетъ мудрыхъ въ лукавство ихъ», и еще: «Господь знаетъ умствованія мудрецовъ, что они суетны» (1 Кор. іі, 18—20). Хотя онъ такимъ образомъ подтверждаетъ свое мнѣніе по своему постоянному обычаю цитатами изъ св. писанія, изъ Іова и псалмовъ, какъ въ другихъ мѣстахъ изъ Исаи и Іереміи (Іовъ v, 13; Псал. хсп, 11; Ис. ххix, 14, хххix, 18; хliv, 25; Іер. viii, 9; 1 Кор. і, 18—27), но въ тоже время онъ то и дѣло повторяетъ на основаніи своего собственнаго опыта, что греки ищутъ премудрости и считаютъ крестъ безуміемъ. Но это безуміе Божіе мудрѣ человеческой мудрости и слабость Божія сильнѣе человеческой силы, и Богъ избралъ неразумное міра для того, чтобы поразить мудрыхъ, и низкое міра для пораженія сильнаго, и когда міръ своею мудростью не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу «юродствомъ прокламацій»⁵⁶) (въ своей сильной проницательности онъ любитъ прибѣгать къ антитезамъ для обличенія своихъ противниковъ), «юродствомъ проповѣди» спасти вѣрующихъ (1 Кор. і, 18—25; ii, 14; iii, 19; iv, 10; 2 Кор. xi, 16, 19). Если хваленая мудрость греческаго и римскаго міра была такою, какъ видѣлъ ее Савлъ, если самымъ образцомъ безсмыслия и безумія было то, во что вѣрилъ обращенный Павелъ, въ такомъ случаѣ Павелъ, какъ онъ говоритъ въ своей пылкой и презрительной ироніи, по крайней мѣрѣ предпочтетъ навсегда быть на сторонѣ и раздѣлить участь—этихъ глупцовъ и безумцевъ.

Затѣмъ ап. Павелъ былъ іудей до самой сердцевины—іудей по образованію, іудей по симпатіямъ, іудей по національности, іудей по вѣрѣ. Его темпераментъ никоимъ образомъ не былъ тѣмъ, что мы обыкновенно называемъ поэтическимъ темпераментомъ; и однако же, когда мы вспомнимъ, какъ вся поэзія, существовавшая въ глубинѣ его нравственной природы, была переполнена возвышенными образами, какъ самая его душа жила мыслями и надеждами его національной литературы; когда мы примемъ во вниманіе, какъ звѣзда Авраама повидимому сіяла

Общій видъ Тарса.

надъ его колыбелью въ языческой странѣ и его дѣтство въ мрачныхъ улицахъ неблагоговореннаго Тарса получало свѣжесть и бодрость отъ шелеста и шума дуба мамврійскаго⁵⁷⁾, то мы можемъ понять, что хотя во Христѣ нѣтъ ни юдея, ни еллина, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, а новое твореніе⁵⁸⁾, тѣмъ не менѣе онъ ни за какое благо земное не порвалъ бы своей связи съ избраннымъ народомъ. Въ своемъ посланіи къ Римлянамъ онъ говоритъ почти языкомъ талмудиста: «Израиль согрѣшилъ (Ис. Нав. vii, 11), но хотя онъ согрѣшилъ—говоритъ раввинъ Абба Баръ-Завда—онъ всетаки Израиль. Отсюда пословица: миръ среди крапивы всетаки называется миромъ»⁵⁹⁾. А когда мы читаемъ многочисленныя мѣста, въ которыхъ онъ восхищается своимъ участіемъ въ надеждахъ сыновъ Израиля, своимъ притязаніемъ на право быть плодоносною вѣтвью въ богатой маслинѣ іудейской жизни, когда онъ говоритъ о ихъ избраніи, о ихъ шехинѣ, о ихъ заветахъ, ихъ законѣ, ихъ богослуженіи, ихъ обѣтованіяхъ, ихъ отцахъ, ихъ пророчествахъ, ихъ правахъ на родство съ человѣчествомъ Христа (Римл. ix, 1—5; x, 1; xi, 1): то намъ становится вполне понятно глубина его патріотической ревности, когда, выражаясь языкомъ, который всегда былъ камнемъ преткновенія для религіознаго себялюбія, но который превосходитъ благороднѣйшее выраженіе геройскаго самоотверженія,—онъ объявляетъ, что онъ желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа (Римл. ix, 3) за братьевъ своихъ, родныхъ ему по плоти⁶⁰⁾. Мужественный духъ іудеевъ Тарса сотнями влекъ ихъ на смерть съ мечемъ въ рукѣ на побоище въ плѣнномъ Іерусалимѣ, гдѣ они проливали свою послѣднюю кровь, какбы желая потопить въ ней самый тлѣнъ пожара, которое разрушило ихъ возлюбленный храмъ. Тотъ же самый патріотизмъ горѣлъ въ духѣ, та же самая кровь текла въ жилахъ не только Савла фарисея, но и Павла узника Господня.

Изъ сказаннаго видно, что мы совершенно несогласны съ тѣми, кто держится своего излюбленнаго положенія, будто ап. Павломъ въ ранней молодости получено было высшее еллинское образованіе. Его слогъ и діалектическій методъ повидимому могутъ поддерживать этотъ взглядъ⁶¹⁾. Его слогъ однако же есть слогъ чловека, который писалъ на особомъ провинціальномъ греческомъ языкѣ, а мыслилъ на сирійскомъ, а его діалектическій методъ—чисто раввинскій. Что касается до его глубокаго знакомства съ языческою жизнью, то можно быть увѣреннымъ, что оно извлечено не изъ книгъ, а изъ роковаго нечестія, свидѣтелемъ котораго онъ былъ ежедневно. Іудей въ языческомъ городѣ не нуждался въ книгахъ для открытія ему «бездны сатаны». Въ этомъ отношеніи каковы поразительнымъ откровеніемъ для новѣйшаго міра служатъ безспорныя свидѣтельства развалинъ Помпей! Кто бы могъ ожидать, чтобы пороки городовъ Мертваго моря съ такимъ безстыдствомъ выступали на каждой улицѣ маленькаго провинціальнаго городка Італіи? Понятно, что никакимъ доскомъ нельзя было бы скрыть преступнаго чела этой неслыханно омерзительной жизни. Только землетрясеніе

могло поглотить ее, только вулканъ могъ сжечь ее. А если такова была Помпей, то можно судить на основаніи сочиненій Аристофана и Атенея, Ювенала и Марціана, Петронія и Апулея, Стратона и Мелеагера, которые могутъ считаться оправдателями отзыва ап. Павла о язычествѣ,—каковы были Тарсъ и Ефесъ, Коринѣ и Милетъ въ тѣ времена, когда тѣмъ была такъ глубока, что самыя дѣла тѣмъ не находили нужнымъ укрываться въ тѣхъ городахъ, гдѣ худшее нечестіе идолопоклонничества открыто выступало на улицахъ, рисовалось на рынкахъ, освѣщалось въ богослуженіи и изображалось на монетахъ. Въ такомъ случаѣ нужна-ли была ап. Павлу греческая ученость для того, чтобы постигнуть существо и характеръ этой нечестивой цивилизаціи? Мнѣніе Баумгартена, что ап. Павелъ послѣ своего обращенія ревностно изучалъ греческую литературу въ Тарсѣ въ видахъ своей миссіи среди язычниковъ, или что книги и пергаменты, которые онъ проситъ прислать себѣ изъ дома Карпа въ Троадѣ (2 Тим. iv, 13), были именно этого рода,—есть такое же безосновательное мнѣніе, какъ и то, что его родители посылали его учиться въ Іерусалимъ съ цѣлью отвлечь его отъ чаръ, начинавшихъ овладѣвать его воображеніемъ вслѣдствіе греческой учености. Правда, Гамалиилъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ раввиновъ, которые имѣли либеральный и просвѣщенный взглядъ касательно позволительности *хокма яванитъ* или «мудрости греческой»,—однимъ изъ немногихъ, которые выражали желаніе не совсѣмъ раздѣлнить бѣлый талисъ Сима отъ пестраго палліума Іафета⁶²⁾. Но съ одной стороны и самъ Гамалиилъ не доходилъ въ этомъ отношеніи до неразумной и ложной терпимости, которая не различаетъ добраго отъ худаго въ самыхъ полезныхъ предметахъ; а съ другой стороны если Гамалиилъ и позволялъ своимъ ученикамъ читать такія книги или части книгъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ темныя стороны язычества, то Савлъ во всякомъ случаѣ не былъ такимъ ученикомъ, который хотя бы на моментъ воспользовался такимъ «разрушительнымъ назиданіемъ»⁶³⁾. Іудей были такъ строги въ этомъ отношеніи, что иные изъ нихъ даже въ отношеніи нѣкоторыхъ своихъ священныхъ книгъ, какъ напр. книги Есепъ, держались того мнѣнія, что чтеніе ихъ подлежитъ сомнѣнію. Они не позволяли своей молодежи даже открывать книгу «Пѣснь пѣсней» до 21-лѣтняго возраста. Ничего поэтому не можетъ быть неслѣдственнаго въ томъ, что «фарисею изъ фарисеевъ», даже если его дѣтство прошло въ языческомъ Тарсѣ, не позволялось читать, быть можетъ не давалось даже знать о существованіи какихъ нибудь греческихъ книгъ, кромѣ самыхъ безвредныхъ и скромныхъ⁶⁴⁾. Но кто, читавшій ап. Павла, можетъ думать, что онъ когда нибудь изучалъ Гомера, Эсхилла или Софокла? Если бы онъ дѣйствительно изучалъ ихъ, то неужели у него, какъ такого писателя, который часто «мыслитъ цитатами», не осталось бы ни слѣда какого-либо воспоминанія или намека на эпическую или трагическую поэзію въ тѣхъ посланіяхъ, которыя онъ писалъ въ Аѳинахъ и Коринѣ, у самыхъ кургановъ Аякса и Ахиллеса? Если бы Павелъ читалъ Аристотеля, то сталъ ли бы

онъ вести доказательства въ томъ стилѣ, который усвоенъ имъ въ посланіяхъ къ Галатамъ и Римлянамъ? ⁶⁵⁾ Если бы онъ читалъ Платона, то неужели XV глава 1 посланія къ Коринѳянамъ не носила бы на себѣ хотя отдаленнѣйшаго намека на великолѣпныя мысли и гаданія Федона? Нѣтъ ничего очевиднѣе, что онъ никогда не проходилъ классическаго образованія; его греческій языкъ не есть языкъ аттиковъ; его риторика не есть риторика школь, и его логика не есть логика философовъ. Да и сомнительно, не ослабѣла ли бы и не перешла ли бы въ условность несравненная энергія и индивидуальность его слога и его мышленія, если бы онъ прошелъ длинный курсъ того единственнаго образованія, которое только и могли бы дать ему софисты Тарса ⁶⁶⁾.

ГЛАВА III.

ШКОЛА РАВВИНОВЪ.

Я преуспѣвалъ въ іудействѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ. Гл. 1, 14.

Міръ созданъ ради закона. Недаримъ, 32, 1.

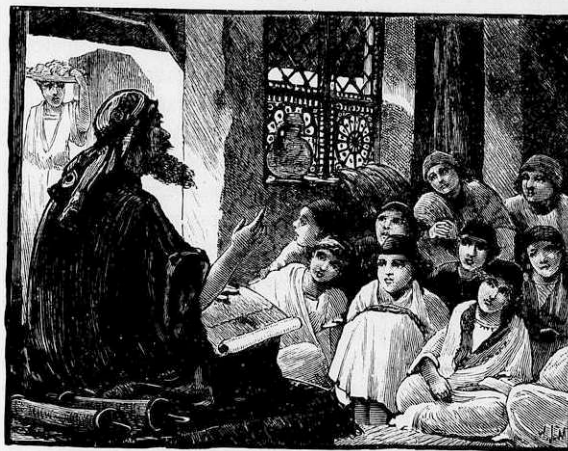
ОСЕЛѢ мы пытались при помощи собственныхъ твореній ап. Павла въ подробности прослѣдить значеніе и характеръ тѣхъ условій, которыя оказывали на его душу вліяніе въ дѣтскіе годы, проведенные имъ въ Тарсѣ, хотя конечно это вліяніе могло измѣниться или углубиться вслѣдствіе долгаго общенія съ язычниками и обращенцами изъ язычества въ позднѣйшіе годы. И мы уже видѣли достаточныя основанія для того, чтобы видѣть, что эллинизмъ имѣлъ на него лишь сравнительно поверхностное и временное вліяніе, между тѣмъ какъ еврейское воспитаніе и національность глубоко повліяли на самыя основы его жизни. Еврейскую сторону его характера, столь важную для пониманія его жизни и посланій, мы теперь и постараемся разсмотрѣть.

Что ап. Павелъ былъ римскій гражданинъ, что онъ могъ вездѣ во всѣхъ странахъ міра сказать въ свою защиту, когда это было нужно или возможно, *civis romanus sum*,—объ этомъ свидѣтельствуется такъ ясно и по обстоятельствамъ дѣла это является такъ вѣроятнымъ, что фактъ этотъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Встрѣчаются, правда, нѣкоторые затрудненія въ этомъ отношеніи, заставляющія многихъ нѣмецкихъ богослововъ отрицать его истину и приписывать самое свидѣтельство желанію со стороны автора Дѣяній Апостольскихъ «рекомендовать ап. Павла римлянамъ какъ римскаго уроженца» или «устранить

упрекъ, что проповѣдниками христіанства были враги римскаго государства». Правда, что если ап. Павелъ и былъ свободно рожденнымъ римскимъ гражданиномъ, то всетаки его законныя права, установленныя закономъ Порція (lex Porcia) ⁶⁷⁾, по его собственному свидѣтельству, восемь разъ были уже нарушены въ то время, когда онъ писалъ второе посланіе къ Коринѳянамъ ⁶⁸⁾, причемъ девятое нарушеніе этихъ правилъ было предотвращено только его прямымъ протестомъ. Въ пяти случаяхъ однако же это были іудейскія бичеванія, а это, какъ мы уже сказали и еще будемъ говорить послѣ, можетъ повести насъ къ предположенію, что въ отношеніи къ іудеямъ ап. Павелъ намѣренно воздерживался отъ заявленія своихъ гражданскихъ правъ, которыя въ устахъ іудея были бы сочтены омерзительнымъ знакомъ, что онъ хочетъ изъ подчиненія своей страны чужому игу извлекать личную выгоду. Іудейскія власти имѣли право подвергать бичеванію, и очень вѣроятно, что самъ Савлъ, когда онъ былъ ихъ агентомъ, не разъ бывалъ виновникомъ этого наказанія въ отношеніи другихъ христіанъ. Если это такъ, то онъ чувствовалъ новое побужденіе къ тому, чтобы воздерживаться отъ преимущества, которое могло освобождать его отъ власти его соотечественниковъ, и въ этомъ воздержаніи мы видимъ новую, насколько мы понимаемъ, доселѣ незамѣченную черту его природнаго благородства. Что касается римскихъ бичеваній, то ясно, что авторъ Дѣяній, зная преимущества, дававшіеся римскимъ гражданствомъ, въ то же время зналъ, что при смутныхъ обстоятельствахъ и въ отдѣльных мѣстахъ право это совершенно не принималось во вниманіе въ отношеніи тѣхъ, кто были слишкомъ слабы или незначительны, чтобы настаивать на немъ. Если при полномъ свѣтѣ публичности въ Сициліи, и притомъ когда права римскаго гражданства (civitas) были такою рѣдкостью, какой нибудь Веррестъ съ презрѣніемъ могъ игнорировать ихъ въ еще болѣе оскорбительной для римскаго достоинства степени, чѣмъ бичеваніе,—тогда остается очень немного затрудненія въ примиреніи выраженія ап. Павла, что онъ «трижды былъ битъ розгами», съ протестомъ, который онъ выразилъ преторамъ въ Филиппахъ и тысяченачальнику въ Іерусалимѣ. Какъ отецъ или дѣдъ ап. Павла приобрѣлъ это высоко цѣнимое преимущество, мы не имѣемъ возможности знать. Но оно несомнѣнно не принадлежало вообще гражданамъ Тарса, такъ какъ иначе Лисій въ Іерусалимѣ, зная, что ап. Павелъ изъ Тарса, могъ знать также, что онъ имѣетъ право римскаго гражданства. Но Тарсъ не былъ ни colonia, ни municipium, а только urbs libera, а это преимущество, данное ему императоромъ Августомъ, не давало въ то же время никакого права на civitas. Преимущество это могло быть или куплено отцемъ Павла или получено въ награду за какую нибудь особенную услугу, о которой для насъ не осталось ни малѣйшаго извѣстія ⁶⁹⁾. Когда Кассій наложилъ на городъ Тарсъ огромный штрафъ за то, что онъ сталъ на сторону Антонія, то многіе тарсяне будто бы были проданы въ рабство въ уплату этого штрафа; и по одному мнѣнію отецъ ап. Павла въ свои

ранніе годы былъ однимъ изъ этихъ лицъ и быть можетъ первымъ былъ освобожденъ изъ рабства и тогда же получилъ право гражданства во время пребыванія въ Римѣ. Но предположеніе это лишь возможно, не болѣе того.

Во всякомъ случаѣ это римское гражданство нисколько не противорѣчитъ постояннымъ заявленіямъ ап. Павла о его чисто іудейскомъ происхожденіи, равно какъ и не оказало замѣтнаго вліянія на его характеръ. Отецъ Савла могъ быть конечно доволенъ тѣмъ, что владѣть такимъ неотъемлемымъ и могшимъ перейти въ наслѣдство къ его сыну правомъ, которое могло служить ему защитой при многихъ возможныхъ въ тѣ времена опасностяхъ; но это нисколько не вліяло на то образованіе, которое онъ далъ молодому Савлу, а также и на судьбу, которую онъ намѣчалъ для него. Это образованіе, какъ мы ясно видимъ, было

Восточная школа.

обычнымъ образованіемъ всякаго іудейскаго мальчика. «Предразсудки фарисейскаго дома—говоритъ одинъ писатель—оказывали его колыбель; іудейскій духъ его возрасталъ подобно горчичному дереву въ Евангеліи, и нетерпимость, фанатизмъ, національная ненависть, гордость и другія страсти построили себѣ гнѣзда среди вѣтвей его» ⁷⁰⁾. Пяти лѣтъ отъ роду онъ началъ изучать Библію съ своими родителями дома, а быть можетъ даже еще раньше этого изучалъ «шему» ⁷¹⁾ или великое аллилуія (псалмы сѣи и сѣи), все или какую нибудь часть ихъ. Шести лѣтъ онъ уже долженъ былъ идти въ «виноградникъ», какъ позднѣйшіе раввины называли свои школы. Десяти лѣтъ онъ началъ изучать тѣ раннія и простыя откровенія устнаго закона, которыя впоследствии были собраны

въ «мишѣ»; тринадцати лѣтъ онъ долженъ былъ стать уже «сыномъ заповѣди» ⁷²⁾; пятнадцати лѣтъ долженъ былъ изучать болѣе подробныя и трудныя галахоты—тѣ правила, которыя въ послѣдствіи составили огромную массу гемары. Двадцати лѣтъ или раньше, подобно всякому правовѣрному іудею, онъ навѣрно женился. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ числился среди «учениковъ мудрецовъ» ⁷³⁾ и главнымъ образомъ занимался «преданіями отцевъ» ⁷⁴⁾.

Подобнымъ-то образомъ молодой Савль изъ Тарса росъ до тринадцатилѣтняго возраста, когда всякій іудейскій мальчикъ, если только онъ предназначался къ положенію раввина, поступалъ въ школу какого нибудь великаго учителя. Учителемъ, въ число учениковъ котораго записался Савль, былъ знаменитый раббанъ Гамалиилъ, сынъ раббана Сумеона и внукъ Гиллеля, «законоучителя уважаемаго всѣмъ народомъ» ⁷⁵⁾. Титулъ раббана іудеи давали только семи раввинамъ и трое изъ нихъ были Гамалиилы изъ этого рода, изъ которыхъ каждый въ свою очередь достигалъ высокаго положенія «наси» или предсѣдателя школы. Гамалиилъ I, подобно своему дѣду Гиллелю, занималъ нѣсколько странное положеніе либеральнаго фарисея. Фарисей по своей пламенной ревности къ преданіямъ отцевъ ⁷⁶⁾, онъ въ тоже время не имѣлъ той узкой исключительности, отличавшей Шаммаи, соперника его дѣда, и ту школу, которую основалъ Шаммаи. Свободомысліе его ума сказывалось въ дозволеніи читать языческую литературу; его великодушіе проявилось въ терпимости, которою дышетъ вся его рѣчь предъ синедріономъ. Что онъ былъ тайный христіанинъ ⁷⁷⁾, въ подтвержденіе этого преданія нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Но изъ многочисленныхъ замѣчаній о немъ въ талмудѣ, а также изъ приписываемыхъ ему изрѣченій мы видимъ, что онъ былъ именно человѣкъ такого характера, какимъ мы должны представлять его на основаніи краткаго замѣчанія о немъ и о его воззрѣніяхъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ. Въ обоихъ свидѣтельствахъ мы одинаково видимъ гуманнаго, разсудительнаго, великодушнаго и религіознаго человѣка, который обладалъ достаточнымъ образованіемъ для того, чтобы возвышаться надъ низкими страстями, и достаточной мудростью для того, чтобы видѣть сущность дѣла и дѣйствовать на томъ широкомъ началѣ, что поспѣшныя сужденія часто подлежатъ опасности заблужденія, что истина владѣетъ такою силою и такимъ величіемъ, что не нуждается въ помощи преслѣдованія, что свѣтъ небесный падаетъ на судьбы человѣческія и что этотъ свѣтъ Божій «показываетъ всѣ дѣла въ медленной исторіи ихъ созрѣванія».

У ногъ этого знаменитаго члена синедріона Савль Тарсійскій по всей вѣроятности провелъ много лѣтъ ⁷⁸⁾; и хотя на нѣкоторое время пламенная ревность его темперамента могла увлекать его до излишествъ нетерпимости, въ чемъ онъ измѣнялъ лучшимъ преданіямъ своей школы, тѣмъ не менѣе, такъ какъ свѣтъ благодати Божіей ускорялъ созрѣваніе въ его душѣ скромныхъ сѣмянъ всего того, что было мудраго и высокаго, мы можемъ думать, что нѣкоторые изъ этихъ

зародышей человѣколюбія были насаждены въ его сердцѣ именно его знаменитымъ учителемъ. Мы не только не видимъ ничего невѣроятнаго въ свидѣтельствѣ, что ап. Павелъ былъ ученикомъ Гамалиила, но даже думаемъ, что это свидѣтельство бросаетъ потокъ свѣта на характеръ и мысли апостола. За исключеніемъ Гиллеля, среди іудейскихъ раввиновъ, насколько мы видимъ ихъ въ свѣтѣ исторіи, нѣтъ ни одного, добродѣтели котораго дѣлали бы его болѣе подходящимъ учителемъ для Савла, чѣмъ именно внукъ Гиллеля. Нужно помнить, что темная сторона фарисейства, выставленная предъ нами въ евангеліяхъ,—зауряднаго и ходячаго фарисейства—полулицемѣрнаго, полумеханическаго и настолько себялюбиваго, что оно справедливо навлекло на себя молниеносное обличеніе Христа,—не обнимала собою всего фарисейскаго начала. Говоря о фарисействѣ, мы обыкновенно разумѣемъ законничество, перешедшее въ формализмъ, религію, выродившуюся въ обрядность, нравственность, раздѣлаемую казуистикой; разумѣемъ торжество и преобладаніе всѣхъ худшихъ и самыхъ низкихъ элементовъ въ религіозномъ духѣ партій. Но фарисеи были разные. Новый завѣтъ представляетъ намъ свѣтлую картину откровенности и мудрости въ такихъ фарисеяхъ, какъ Никодимъ и Гамалиилъ. Въ талмудѣ, среди многихъ другихъ величавыхъ фигуръ, выступающихъ въ мирѣ и праведности, достойныхъ народа, происшедшаго отъ Авраама, мы видимъ свѣтлые и благородные характеры Гиллеля, Сумеона, Хайи, Іуды «святаго». При мысли о такихъ-то именно личностяхъ ап. Павелъ, даже долго спустя послѣ своего обращенія, безъ всякаго чувства стыда или противорѣчія, могъ воскликнуть предъ синедріономъ: «мужи и братья, я фарисей, сынъ фарисеевъ». Въ тотъ моментъ онъ могъ сдѣлать это восклицаніе тѣмъ болѣе, что онъ выразительно имѣлъ въ виду воскресеніе изъ мертвыхъ, которое иные слишкомъ поверхностно характеризовали какъ доктрину, «которую Павелъ апостолъ заимствовалъ отъ Савла фарисея».

Очень интересно, а для изученія посланій ап. Павла и въ высшей степени важно прослѣдить вліяніе, которое эти годы имѣли на его характеръ и умъ. Многое изъ того, чему онъ научился въ теченіе ранней возмужалости до послѣдняго времени, оставалось существенною частью его познаній и опыта. До самаго дня своей смерти онъ не отрицалъ и не уменьшалъ преимуществъ іудея, и первымъ изъ этихъ преимуществъ онъ считалъ обладаніе «словомъ Божиимъ» (Римл. ш, 2). Онъ началъ изученіе св. писанія шести лѣтъ отъ роду, и ему, а также толкованіямъ на него, въ теченіе многихъ столѣтій скопившимся въ школахъ іудейскихъ, онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Плоды этого изученія болѣе или менѣе видны въ каждомъ написанномъ имъ посланіи; они особенно замѣтны въ тѣхъ посланіяхъ (какъ напр. посланіе къ Римлянамъ), въ которыхъ онъ всецѣло или отчасти обращался къ церквамъ, гдѣ вообще были многочисленны или преобладали обращенцы изъ іудеевъ.

Глубокое знаніе имъ ветхозавѣтныхъ книгъ показываетъ, какъ велико было

его знакомство съ ними съ ранняго дѣтства. Онъ не только часто ссылается на Пятокиниже, на Пророковъ и больше всего на Псалтирь, на каждомъ шагѣ аргументаціи переходя отъ цитаты къ цитатѣ, какъ будто бы безъ нихъ его доводъ, часто въ дѣйствительности совершенно независимый отъ нихъ, потерялъ бы значительную часть своей силы, но онъ также приводитъ, какъ очевидно, на память и часто въ одну короткую цитату вплетаешь словесное воспоминаніе нѣсколькихъ страницъ ⁷⁹⁾, хотя конечно, когда это требуется, ссылается и на подлинный еврейскій текстъ. Но настоящей «Библией» для него былъ греческій переводъ LXX, и онъ, какъ и многіе христіанскіе писатели, зналъ ее настолько, что его фразы постоянно принимаютъ библейскій ритмическій тонъ и его мысли постоянно окрашиваются библейскимъ колоритомъ.

Весьма замѣчательно то употребленіе, которое онъ дѣлаетъ изъ цитатъ въ полемическихъ видахъ. На первый взглядъ онъ часто приводитъ мѣста независимо отъ контекста, часто повидимому читаетъ между строкъ ⁸⁰⁾. Часто онъ повидимому обращаетъ вниманіе только на слова писанія, придавая имъ рѣшительное значеніе, независимо отъ ихъ первоначальнаго приложенія (1 Кор. xiv, 21; Римл. x, 6—9; 1 Кор. xv, 45). Слово и буква св. писанія на его взглядъ повидимому исполнены божественнаго таинственнаго вѣщанія, которое можно приводить не только въ дѣлѣ ученія, но и въ качествѣ поясненія въ простыхъ дѣлахъ текущей дѣйствительности (Римл. x, 15—21). Онъ приписываетъ чрезвычайно глубокую важность тому, что для обыкновеннаго читателя можетъ показаться простымъ грамматическимъ оборотомъ (Гал. iii, 16). Но если общимъ характеромъ этого приѣма аргументаціи ап. Павелъ былъ обязанъ долгому воспитанію въ раввинскихъ началахъ толкованія, то не нужно забывать, что хотя эти начала часто и видоизмѣняли форму его выраженій, они никоимъ образомъ не давали существеннаго матеріала его мыслямъ. Совершенно понятно, что человекъ, который прошелъ тщательную школу раввинства, которому до полной возмужалости никогда и на мысль не приходило, что можетъ быть какое нибудь другое образованіе выше этого,—не могъ сразу забыть укоренившихся уроковъ столь многихъ лѣтъ. Но это никоимъ образомъ и не было необходимо въ интересахъ религіозной истины. Традиціонное образованіе въ изъясненіи св. писанія, полученное имъ у ногъ Гамалиила, было не только весьма важно для него въ его спорахъ съ іудеями, но и обогащало его слогъ и придавало особую жизненность его доводамъ, не ослабляя его сужденія и не затемняя его мысли. Изысканность іудейскаго раввина никогда ни на одинъ моментъ не пересиливалась въ немъ здраваго смысла и священнаго разума христіанскаго учителя. Хотя приѣмъ ап. Павла въ толкованіи св. писанія несомнѣнно въ своихъ общихъ чертахъ напоминаетъ приѣмъ, господствующій въ талмудѣ, однако же практическая сила, вдохновенная мудрость, ясное созерцаніе великаго апостола дѣлаютъ его далекимъ отъ того чудовищнаго злоупотребленія числительными, каббалистическими,

замысловатыми и до нелѣпости тонкими точностями, которыя всякой мелочи придаютъ свое особое значеніе, отъ всякой попытки подражать замѣчательнымъ экзегетическимъ изворотамъ тѣхъ буквѣдствующихъ раввиновъ, которые сами гордились тѣмъ, что цѣлыя горы догматовъ навѣшивали на волоскахъ отдѣльныхъ текстовъ. Онъ несомнѣнно раздѣлялъ взгляды позднѣйшихъ іудейскихъ школъ—танаймовъ и амараймовъ—на сущность боговдохновенности. По этимъ взглядамъ, какъ мы находимъ ихъ и у Филона, слова св. писанія считались соразмѣрными и тождественными съ словами Бога, а въ грубыхъ и неумѣлыхъ рукахъ болѣе фанатическихъ талмудистовъ мертвой буквѣ часто придавалось такое значеніе, которое подавляло или разрушало всякій живой смыслъ. Но такъ какъ этотъ крайній и механическій буквализмъ, это притязаніе на безусловную непогрѣшимость даже въ случайныхъ подробностяхъ и мимолетныхъ намекахъ, это суевѣрное боготвореніе буквъ и словъ св. писанія, какъ будто бы представляющихъ членораздѣльные слова и непосредственное рукописаніе самого Бога—нигдѣ не поддерживается св. писаніемъ и напротивъ не разъ обличается въ изреченіяхъ Христа, то и въ посланіяхъ ап. Павла нѣтъ ни одного такого мѣста, гдѣ бы этому взгляду хотя бы косвенно придавался догматическій смыслъ ⁸¹⁾. Мало того: самымъ существеннымъ пунктомъ его отличія отъ іудействующихъ христіанъ было его отрицаніе вѣчнаго значенія всей системы законодательства, изложеніе котораго было непосредственно цѣлью Пятокинижія. Въ отвѣтъ на то, что ап. Павелъ обращается съ Вѣтхимъ Заветомъ подобно раввинамъ, нужно сказать, что онъ употребляетъ этотъ методъ съ тою цѣлью, чтобы освободить умы отъ рабства іудейству, и что онъ выводитъ при помощи этого метода не каббалу и не талмудъ—«философію для мечтателей и кодексъ для мумій» ⁸²⁾,—но главныя идеи Евангелія благодати Божіей.

Разсудительному и непредубѣжденному читателю посланій ап. Павла легко самому удостовѣриться въ томъ употребленіи, которое апостолъ дѣлаетъ изъ св. писанія. Онъ держится обычнаго способа ссылокъ, но облагораживаетъ и вышаетъ его ⁸³⁾. Что онъ не считаетъ этого метода безусловно необходимымъ, видно изъ устраненія его въ тѣхъ изъ посланій, которыя назначались главнымъ образомъ для христіанъ изъ язычниковъ ⁸⁴⁾, равно какъ и въ рѣчахъ въ языческихъ собраніяхъ. Но къ іудеямъ естественно онъ обращался съ тѣмъ приѣмомъ аргументаціи, который былъ вполне согласенъ съ ихъ собственнымъ диалектическимъ приѣмомъ. Многія изъ истинъ, которыя онъ доказываетъ другими соображеніями, могли приобретать новую силу вслѣдствіе своего созвучія съ извѣстными выраженіями св. писанія. Правда, мы не можемъ быть увѣрены въ нѣкоторыхъ случаяхъ, насколько ап. Павелъ считалъ ту или другую свою цитату доказательствомъ и насколько онъ пользовался ею просто какъ пояснительною формою. Такъ мы не затруднимся допустить принудительность его доказательства касательно того, что какъ іудеи, такъ и язычники были повинны предъ Богомъ. Но мы не

думаемъ, чтобы языкъ Давида касательно его враговъ въ хп и лп псалмахъ, а особенно его сильное выражение: «всѣ» и «нѣтъ, нѣтъ ни одного» придавали особенно много значенія всей аргументаціи. Иудей навѣрно взглянулъ бы иначе, и ап. Павелъ, какъ іудей, воспитанный въ этихъ началахъ толкованій св. писанія, конечно долженъ былъ смотрѣть на дѣло такимъ же образомъ. Такъ какъ іудеи легче могли принять всякое положеніе, которое выражалось для нихъ словами св. писанія, то ап. Павелъ, пройдя то же самое воспитаніе, естественно пользовался при толкованіи св. писанія этимъ же приемомъ, особенно когда писалъ къ нимъ. По отношенію къ нимъ подобнаго рода аргументація была такъ сказать аргументаціей изъ снисхожденія (*argumentum ex concessis*). Для насъ доказательная сила такого приѣма гораздо меньше, потому что она не имѣетъ для насъ, какъ имѣла для него и для его читателей, всей силы привычныхъ логическихъ приѣмовъ. При всемъ томъ мы лишь съ сердечною благодарностью можемъ отнести къ апостолу за ту прозорливость, съ которою онъ могъ давать изъясненіе глубоко еокровеннымъ истинамъ и находить въ такомъ повидимому незначительномъ замѣчаніи, какъ напр. замѣчаніе пророка Аввакума, что «душа гордаго чловѣка несправедна, что праведный мужъ будетъ жить въ своей стойкости»⁸⁵⁾, — т. е. что халдеи не будутъ пользоваться прочнымъ благосостояніемъ, а іудеи, мысленно представляемые здѣсь подъ видомъ праведнаго чловѣка, будутъ за свою вѣрность жить безмятежно, — то глубокое значеніе и силу, которыя мы придаемъ главнѣйшей истинѣ богословія ап. Павла, что «праведный вѣрою живъ будетъ»⁸⁶⁾.

Подобный же, но еще болѣе замѣчательный примѣръ этого кажущагося соподчиненія историческаго контекста въ истолковательномъ приложеніи пророческихъ словъ имѣется въ 1 Кор. хiv, 21. Здѣсь ап. Павелъ говоритъ о дарѣ языковъ и говоритъ о немъ съ полнымъ неодобреніемъ въ сравненіи съ возвышеннѣйшимъ даромъ пророчества, т. е. высшаго духовнаго ученія. Въ доказательство этого своего взгляда, а также и того, что языками, служащими главнымъ образомъ знакомъ невѣрующихъ, нужно пользоваться осторожно и въ извѣстныхъ границахъ въ собраніяхъ вѣрующихъ, онъ приводитъ изъ Пс. ххviii, 11⁸⁷⁾ слѣдующій стихъ, который онъ на этотъ разъ беретъ не изъ перевода LXX: «иными языками и иными устами буду говорить народу сему: но и тогда не послушаютъ Меня, говорить Господь». Полное значеніе и контекстъ этого стиха, въ подлинникѣ, весьма интересны и обыкновенно понимаются невѣрно. Онъ означаетъ, что такъ какъ пьяные безстыдные священники и лжепророки начали съ оскорбительною презрительностью насмѣхаться надъ способами и путями внушавагося имъ божественнаго назиданія⁸⁸⁾, то Богъ заговорить съ ними совершенно инымъ путемъ, именно посредствомъ ассиріянь, говорившихъ языками, которыхъ они не могли понять; и однако же къ такому внушенію, суровому и непонятному внушенію иноземныхъ повелителей, они останутся глухи. Это мѣсто совершенно неестественнымъ, какъ намъ можетъ казаться, способомъ

ап. Павелъ вставилъ въ необыкновенно возвышенный и остроумный доводъ, какъ будто бы онъ вполне объяснялъ, если даже и не доказывалъ, его взглядъ касательно дѣли и предѣловъ тѣхъ рѣчей восторженнаго духовнаго состоянія, которое извѣстно было подъ названіемъ *глоссолаліи* или «дара языковъ».

Еще одинъ примѣръ и быть можетъ самый замѣчательный дастъ намъ возможность лучше понять эту экзегетическую особенность, бывшую естественнымъ результатомъ многолѣтняго образованія апостола. Въ посланіи къ Галатамъ (п, 16) онъ говоритъ: «но Аврааму даны были обѣтованія и сѣмени его. Не сказано: и потомкамъ, какъ бы о многихъ, но какъ объ одномъ, и сѣмени твоему, которое есть Христосъ». На первый взглядъ, конечно, намъ можетъ показаться, что этотъ необыкновенно важный аргументъ здѣсь основывается на употребленіи еврейскаго слова *зера* и соотвѣтствующаго ему погречески *спѣрмѣ* у LXX въ единственномъ числѣ⁸⁹⁾; и что выводъ, который дѣлаетъ апостолъ, единственно основывается на томъ, что это слово не употреблено во множественномъ *зераямъ* (*спѣрмѣхѣ*) и что поэтому обѣтованіе (Быт. хп, 15) указываетъ на особенное исполненіе его въ одномъ изъ потомковъ Авраама. Этотъ взглядъ однако же ошибоченъ, потому что нелепимо, чтобы ап. Павелъ, хорошій гебраистъ и знатокъ еллинистическаго греческаго языка, не зналъ, что множественное *зераямъ*, какъ напр. въ 1 Цар. viii, 15, Дан. i, 12 и въ названіи талмудическаго трактата, не могло быть употреблено въ подлинномъ текстѣ этого обѣтованія, потому что оно могло означать только «различные роды зерна» — какъ разъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ самъ онъ употребляетъ *спѣрмѣхѣ* въ 1 Кор. xv, 38, и что греческое *спѣрмѣхѣ* въ смыслѣ потомства было бы не что иное, какъ невозможный варваризмъ. Отсюда аргументъ этотъ (если это только дѣйствительно аргументъ, а не то, что раввины называютъ *содѣ* — «тайной») въ дѣйствительности основывается не на томъ, какъ это обыкновенно полагаютъ, что *спѣрмѣхѣ* есть *единственное* число, а на томъ, что это *собирательное* имя и поэтому употреблялось иносказательно вмѣсто «сыновъ» или «дѣтей»⁹⁰⁾. И самъ ап. Павелъ заявляетъ, что этотъ собирательный терминъ прежде всего былъ приложимъ ко Христу, равно какъ въ другихъ мѣстахъ онъ прилагаетъ его духовно и къ рабамъ Христа. Въ толкованіи этого слова такимъ образомъ ап. Павелъ читаетъ между строками подлинника и получаетъ возможность видѣть въ немъ глубокое значеніе, которое хотя и истинно, но вѣсело не заключалось въ немъ первоначально. Онъ не говоритъ прямо, что обѣтованія Авраама нашли во Христѣ — какъ по намѣреніямъ Божиимъ они и должны были найти во Христѣ⁹¹⁾ — свое высшее и вѣрнѣйшее исполненіе, но, пользуясь своеобразнымъ іудейскимъ приемомъ толкованія, онъ уясняетъ эту высокую истину употребленіемъ собирательнаго имени, которое, по его мнѣнію, таинственно предзнаменовало его⁹²⁾.

Это мѣсто бросаетъ чудесный свѣтъ на тѣ приемы, съ которыми ап. Павелъ обращался съ книгами ветхаго завета. Раввинскій по формѣ его приѣмъ свободенъ въ

духъ. Не отвергая ни аморейскаго, ни александрійскаго способа толкованія св. писанія, ап. Павелъ никогда не впадаетъ въ чудовищныя нецѣлности того и другаго. Относясь къ буквѣ писанія съ чрезвычайнымъ почтеніемъ, онъ однако же обращаетъ буквальный смыслъ на служеніе духовной мысли. На мертвую букву Урима, заключающаго въ себѣ имена потеряннхъ колѣнъ, онъ бросилъ таинственно молніеносный лучъ, который озарилъ его свѣтомъ божественнаго невѣдомаго дотошъ вѣщанія. Слова священнхъ писателей становились для него лишь колесами и крыльями херувимовъ, которые неслись туда, гдѣ носился духъ. Нѣтъ ничего естественнѣе, нѣтъ ничего интереснѣе въ рукахъ боговдохновеннаго учителя, нѣтъ ничего цѣннѣе, чѣмъ такой способъ приложенія. Мы не видимъ въ ап. Павлѣ того холоднаго духа филоновой аллегоріи, который въ значительной степени помрачалъ подлинный и историческій смыслъ св. писанія и главнымъ образомъ направлялся къ извлеченію философскихъ тайнъ изъ его живыхъ страницъ; не видимъ также ни одного примѣра *гемагрии* или *нотарикона*, *атбаша* или *албама*, гиллелевыхъ *миддовъ* или метода Акибы, по которому цѣлыя постановленія закона основывались на черточкахъ буквъ. Немыслимо, чтобы въ эту призрачную таинственность и экзегетическую вольность могъ впасть человѣкъ, который отличался глубокою серьезностью и во всемъ томъ, что онъ писалъ, сознавалъ присутствіе Господа. Ни въ одномъ случаѣ онъ не дѣлаетъ изъ этихъ общихъ ссылокъ доказательной основы положенія, которое онъ старается напечатлѣть. При всякомъ случаѣ онъ представляетъ надежный доводъ, на которомъ и основываетъ свое заключеніе, и св. писаніе приводитъ только въ качествѣ подкрѣпленія и освѣщенія сказаннаго. Все это находится въ полномъ согласіи со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о его духовной исторіи, о той неподдѣльности, для которой она служить несомнѣннымъ подтвержденіемъ. Ни къ одной изъ истинъ своего благовѣстія онъ не дошелъ путемъ логическаго резонерства. Онъ самъ пришелъ къ нему по мановенію вдохновеннаго убѣжденія во время его чудеснаго обращенія или въ постепенномъ процессѣ послѣдующаго психологическаго опыта. Мы знаемъ изъ его собственныхъ устъ, что сначала онъ не находилъ въ св. писаніи этихъ истинъ и пришелъ къ нимъ не индуктивнымъ процессомъ при его изученіи. Онъ получилъ ихъ, какъ онъ часто говоритъ намъ, непосредственнымъ открытіемъ отъ Христа. Только уже послѣ того, какъ онъ позналъ ихъ истинность, онъ пришелъ къ сознанію, что онѣ *должны* заключаться въ писаніяхъ ветхаго завета. Когда онъ такимъ образомъ былъ озаренъ и сталъ видѣть, что онѣ дѣйствительно заключаются въ писаніи, то нашелъ, что все писаніе было исполнено ими. Зная, что сокровище скрывалось въ полѣ, онъ купилъ все это поле для того, чтобы сдѣлаться его владѣльцемъ. Когда Богъ открылъ ему ученіе объ оправданіи вѣрою, онъ увидѣлъ (какъ можемъ видѣть и мы, но какъ никто не видѣлъ раньше его), что оно заключалось въ вѣрности Авраама и въ «жизни» и «вѣрѣ» Аввакума. Признавая право и даже необходимость придавать духовное

значеніе св. писанію и признавая фактъ, что этимъ правомъ пользовались всѣ учителя школъ, въ которыхъ воспитывался Павелъ и на которыя съ умиленіемъ взирали его соотечественники, какъ имъ пользовались и всѣ вообще великіе учителя, мы можемъ получить ключъ ко всѣмъ указаннымъ нами мѣстамъ и увидимъ также ту принудительность, которую они имѣли для умовъ тѣхъ, кому и предназначались. Другими словами, ап. Павелъ, обращаясь къ іудеямъ, съ радостью объяснялся съ ними такъ сказать на ихъ собственномъ діалектѣ, а это такой діалектъ, въ которомъ и язычники могли получить немало глубокихъ уроковъ.

Другой примѣръ того же самаго метода мы видимъ тамъ, гдѣ онъ указываетъ на двухъ женъ Авраама, какъ на прообразы іудейскаго и христіанскаго завета, и въ борьбѣ и зависти обѣихъ, оканчивающейся изгнаніемъ Агари, иносказательно видить предзнаменованіе торжества новаго завета надъ ветхимъ. Въ этомъ иносказаніи, по чудесному смѣшенію, плотскіе потомки Сарры становятся съ *духовной* точки зрѣнія потомками Агари, а дѣти Агари становятся истиннымъ духовнымъ потомствомъ Сарры. Обитатели теперешняго Іерусалима, хотя они и произошли отъ Сарры и Авраама, получили предзнаменованіе объ отверженіи подъ видомъ потомства Измаила, а истинныя дѣти Авраама и Сарры суть лишь тѣ, кто дѣти въ духовномъ смыслѣ, а большинство изъ нихъ были не изъ избраннаго народа. Доказательство этого (если только можно употреблять это слово въ смыслѣ того, что самъ ап. Павелъ считаетъ только аллегорическимъ подтвержденіемъ) находится въ Ис. lxx, 1, гдѣ пророкъ, обращаясь къ новому Іерусалиму, который долженъ возстать изъ пепелища своихъ вавилонскихъ развалинъ, называетъ его бесплодной женщиной и повелѣваетъ ей радоваться, такъ какъ она имѣетъ гораздо больше дѣтей, чѣмъ та, которая имѣетъ мужа. Іудеи иносказательно преобразуются въ потомковъ Агари, язычники—въ сѣмя Авраамово и наслѣдниковъ обѣтованія ⁹³⁾.

Самое это сопоставленіе образа и прообраза, или существующей дѣйствительности и идеальнаго совершенства,—эта сводка, въ которой Агарь, Измаиль, Ветхій Заветъ, земной Іерусалимъ, новообращенные іудеи и проч. стоятъ лицомъ къ лицу съ своими духовными противниками: Саррой, Исаакомъ, Новымъ Заветомъ, небеснымъ Іерусалимомъ, христіанскою церковью и проч.,—есть раввинскій методъ расположенія ряда понятій и такимъ образомъ есть новое доказательство вліянія раввинскаго воспитанія на душу ап. Павла. По одному изъ положеній раввинской системы земля считалась «лишь тѣнью неба, и порядокъ вещей въ нихъ гораздо болѣе схожъ между собой, чѣмъ признается на землѣ». Такое воззрѣніе особенно прилагалось ко всему тому, что относилось къ жизни священнаго народа, и поэтому не было такого событія въ странствованіи по пустыни, которое не выставлялось бы прообразомъ въ дѣлахъ духовнаго опыта или небеснаго упованія ⁹⁴⁾. Это воззрѣніе открыто выражено въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ ⁹⁵⁾, гдѣ въ подтвержденіе этого не только манна дѣлается прообразомъ хлѣба евхаристіи,

но, по еще болѣе отдаленной аналогіи, переходъ чрезъ воды Чермнаго моря и руководство столпомъ облачнымъ изображается какъ крещеніе въ Моисей въ облакѣхъ и въ морѣ, и описывается какъ предызображеніе крещенія христіанскаго ⁹⁶⁾.

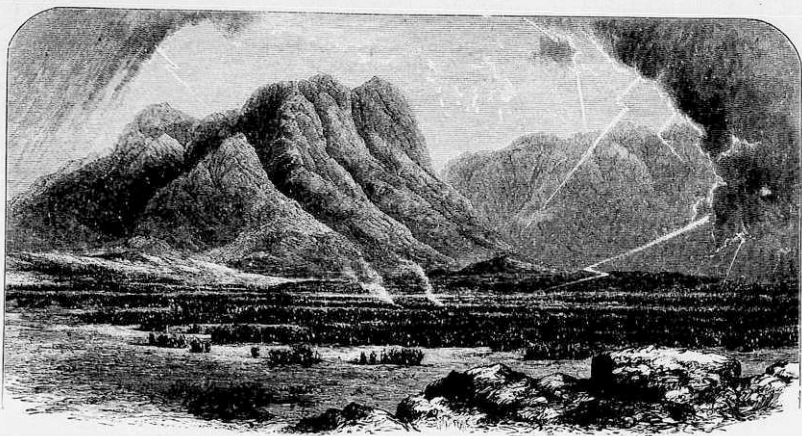
Но ап. Павелъ былъ еврей по своему происхожденію, а также по тому языку, который онъ изучалъ въ качествѣ своего роднаго языка, и хотя онъ, вѣроятно, отвергъ бы названіе себя еллинистомъ, которое дѣйствительно никогда и не прилагается къ нему, однако же самый его гебраизмъ въ одномъ чрезвычайно важномъ отношеніи, которое впрочемъ очень мало обращало на себя вниманіе ученыхъ, имѣеть еллинистическую основу и окраску. Это видно изъ того, какъ мы уже сказали, что, выражаясь на техническомъ языкѣ іудейскихъ школъ, онъ былъ или во всякомъ случаѣ до замѣтной степени сталъ въслѣдствіи *гадистомъ*, а не *галахистомъ* ⁹⁷⁾. Стоить только взглянуть въ мишну, а еще лучше въ гемару, чтобы видѣть, что предметомъ, которымъ главнымъ образомъ были заняты мысли и интересы палестинскихъ и вавилонскихъ раввиновъ и который почти составлялъ все воспитаніе ихъ учениковъ, была *галаха* или «правило», и если сравнить талмудъ съ *мидрашимъ*, то сразу будетъ видно, что нѣкоторые іудейскіе ученые посвящали себя почти исключительно *гадѣ*, а другіе — *галахѣ*, и что имена, часто встрѣчающіяся въ одной области іудейской литературы, рѣдко встрѣчаются въ другой. Эти два разряда ученыхъ презирали другъ друга: гагадисты презирали галахистовъ какъ мелочныхъ педантовъ, и въ свою очередь были презираемы какъ сомнѣнціе невѣжды. Нѣкоторые раввины совсѣмъ не любили преподавать гагады тѣмъ, которые не прошли основательно воспитанія въ галахѣ. «Я держусь увѣщанія моихъ предковъ, — сказалъ раввинъ Ионафанъ въ оправданіе своего отказа учить гагадѣ раввина Самлаи, — что гагаду не должно преподавать ни вавилонянину, ни южному палестинцу, потому что они надменны и невѣжественны». Слѣдствіемъ взаимнаго презрѣнія, съ которымъ одинъ классъ ученыхъ относился къ другому, было то, что гагадисты главнымъ образомъ занимались пророками, а галахисты — закономъ. Вслѣдствіе этого послѣдніе болѣе и болѣе проникались іудейскимъ, раввинскимъ, фарисейскимъ духомъ. Семь правилъ Гиллеля разрослись въ 12 правилъ у Измаила ⁹⁸⁾ и въ 33 правила у Акибы, и при помощи этихъ правилъ можно было почти все вывести изъ истиннаго закона ⁹⁹⁾. Буква закона такимъ образомъ потеряла свою сравнительную простоту въ безконечныхъ осложненіяхъ, пока, какъ свидѣлствуетъ талмудъ, дѣло не дошло до того, что Моисей съ изумленіемъ видѣлъ въ чудесномъ видѣніи, какъ Акиба изъ каждой черточки буквы извлекалъ цѣлыя мѣры законоположеній ¹⁰⁰⁾. Между тѣмъ гагадисты изъ изреченій пророковъ выводили духъ, который почти доходилъ до презрѣнія къ левитской обрядности (Ис. i, 11—13, лvin, 5—7; Іер. vii, 21), развивали мессіанское преданіе и давали могущественное, хотя часто и совсѣмъ ненамѣренное пособіе логикѣ христіанскаго толкованія. Это потому, что гагадисты улавливали духъ, между

тѣмъ какъ галахисты слѣпо рылись въ массахъ буквъ. Неудивительно, что іудеи становились настолько подозрительными къ гагадѣ, — какъ дающей возможность къ появленію еретическихъ тенденцій *минимовъ*, т. е. христіанъ, — что налагали молчаніе на тѣхъ, кто употреблялъ извѣстные подозрѣваемые гагадистическія выраженія, хотя сами по себѣ они были и совершенно безвредны. «Кто профанируетъ священныя вещи, говоритъ раввинъ Елизеръ Моденскій въ трактатѣ *Пирке-аботъ*, уменьшаетъ значеніе празднествъ, заставляетъ своего ближняго краснѣть публично, разрушаетъ заветъ Авраама и даетъ объясненіе закону, противное галахѣ, тотъ, даже еслибы онъ зналъ законъ и его дѣла были добры, всетаки теряетъ свое право на будущую жизнь» ¹⁰¹⁾.

Изъ этихъ интересныхъ подробностей легко видѣть, что если въ аудиторіи Гамалила одинаково преподавались какъ гагада, такъ и галаха, то ап. Павелъ, каково бы ни было его первоначальное отношеніе къ изученію послѣдней, не сохранилъ въ своихъ зрѣлыхъ лѣтахъ ни малѣйшаго слѣда такого изученія, хотя онъ въ то же время отнюдь не пренебрегалъ лучшими частями первой, и, озаренный Духомъ Божіимъ, находилъ въ полученномъ имъ воспитаніи по крайней мѣрѣ случайный зародышъ или иллюстрацію тѣхъ христіанскихъ и мессіанскихъ доводовъ, съ которыми онъ обращался съ такою неотразимою силою какъ къ суровымъ гебраистамъ, такъ и къ самымъ изувѣреннымъ еллинистамъ въ послѣдующіе годы ¹⁰²⁾.

Римская монета съ фигурой Свободы.

Синай.

ГЛАВА IV.

САВЛЬ — ФАРИСЕЙ.

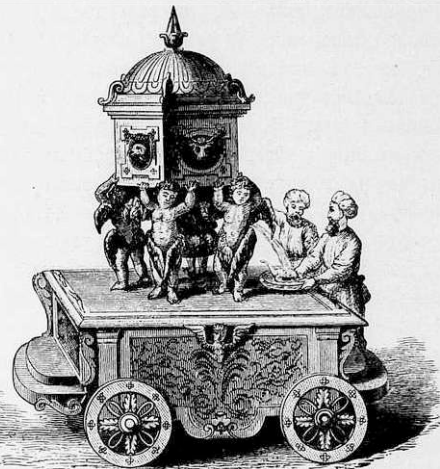
Быль неумѣреннымъ ревнителемъ отеческихъ преданій.
Гл. л. I, 14.

Я жилъ фарисеемъ по строжайшему въ нашемъ вѣро-
исповѣданіи ученію. Дѣян. xxvi, 5.

СЛИ накоплявшаяся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, между 13 и 33 годами жизни, ученость оставила и неизбежно должна была оставить явные слѣды на страницахъ посланій ап. Павла, то это тѣмъ болѣе нужно сказать о тѣхъ нравственныхъ подвигахъ, тѣхъ духовныхъ опытахъ и той внутренней борьбѣ, которые онъ долженъ былъ вынести въ теченіе того длиннаго періода, когда онъ «жилъ фарисеемъ».

Мы вполнѣ знаемъ, какая жизнь разумѣется подъ этимъ выраженіемъ. Мы знаемъ мелочную тщательность субботства, выражавшагося въ неуклонномъ исполненіи всѣхъ тѣхъ *аботъ* и *молдотъ* (этихъ первичныхъ и выводныхъ правилъ и запрещеній, выводовъ изъ этихъ правилъ и запрещеній, сочетаній этихъ выводовъ изъ правилъ и запрещеній, всевозможныхъ тонкостей казуистики совѣсти, возникавшихъ изъ безконечнаго разнообразія обстоятельствъ, когда оказывалось возможнымъ прилагать эти сочетанія выводовъ), которые

сдѣлали изъ субботы какъ «святой и славной отряды Господней» отчасти безжалостное и невыносимое бремя, отчасти сплели изъ нея сѣть поблажекъ, лицемерно предназначавшихся, совершенно въ грубомъ духѣ язычества, для обмана божества простымъ подобіемъ точнаго соблюденія¹⁰³). Мы знаемъ, съ какою тщательностью соблюдались правила касательно цвѣта оторочекъ и окраски кистей, касательно ѣды и питья. Мы знаемъ, съ какою тщательностью наблюдались тѣ и утомительныя и вмѣстѣ слѣдующія десятины мятъ, аниса и тмина, съ которыми связаны были серьезно-комическіе вопросы касательно того, должно ли давать десятину и отъ стеблей, или только отъ сѣмени. Мы знаемъ о двухдневномъ постѣ въ недѣлю, о тройныхъ молитвахъ каждый день и о троякомъ посѣщеніи храма. Мы знаемъ ту разборчивость въ водѣ и винѣ, которая всегда процѣживалась для того, чтобы даже трупъ какого-нибудь насѣкомаго не могъ оскорбить закона левитской чистоты. Мы знаемъ, съ какою тщательностью постоянно обмывались и вытирались мѣдныя чаши, горшки и столы, причемъ эти обмыванія доходили до такой степени, что, по случаю обмыванія золотой канделябры въ храмѣ, саддукеи насмѣшливо замѣчали, что ихъ соперники фарисеи вымыли бы самое солнце, если бы только представился случай къ тому. Мы знаемъ о тѣхъ многочисленныхъ омовеніяхъ, къ которымъ прибѣгали сами фарисеи, причемъ эти омовенія совершались по тщательно выработаннымъ церемональнымъ правиламъ и съ извѣстной жестикულიей, и все это не въ видахъ тѣлесной чистоты, а просто изъ суевѣрной заботливости о томъ, чтобы избѣгать всякой возможности заразиться какою либо обрядовою нечистотою. Мы знаемъ, какъ это понятіе совершенно левитской чистоты съ досадной назойливостью вторгалось во всю обыденную жизнь и приводило къ презрительному удаленію отъ всякаго соприкосновенія даже съ тѣнью тѣхъ людей, которые можетъ быть были гораздо чище и благороднѣе тѣхъ самыхъ обрядниковъ, что опасались прикосновенія къ нимъ даже краемъ своихъ одеждъ. Мы знаемъ назойливыя молитвы (Матѣ. vi, 5),

Мѣдный умывальникъ.

показныя милостыни (Матѣ. vi, 2), широкія филактеріи (Матѣ. xxiii, 5), мелочную обрядность (Марк. vii, 4—8), кастовую заносчивость (Іоан. vii, 49), безастѣнчивый прозелитизмъ (Матѣ. xxiii, 15), ненасытную алчность (Луки xx, 47), высокомерное домогательство преимуществъ (Луки xvi, 11), художественное лицемеріе (Матѣ. xxii, 17), которые часто скрывались подъ почтеннымъ видомъ высшей святости. И все это мы знаемъ не только изъ частыхъ обличеній Христа ¹⁰⁴⁾, но изъ великолѣпныхъ свидѣтельствъ талмуда, который цѣлый трактатъ посвящаетъ омовенію рукъ ¹⁰⁵⁾, другой трактатъ — истинному способу убиванія дичи ¹⁰⁶⁾, а одинъ трактатъ — вопросу о стебляхъ бобовъ ¹⁰⁷⁾. Но мы можемъ быть увѣрены, что эти крайности и уродства фарисейства были такъ же неприяты и гнуены въ глазахъ юнаго Павла, какъ они были и для всѣхъ благородныхъ фарисеевъ и самого Христа. Изъ семи классовъ фарисеевъ, которые талмудъ перечисляетъ въ различныхъ мѣстахъ, Савль тарсійскій, какъ мы можемъ быть совершенно увѣрены, не былъ «ни истекающимъ кровью» фарисеемъ, ни «известковымъ» фарисеемъ, ни «шехимитомъ», ни «боязливымъ» фарисеемъ, ни «спотыкающимся» фарисеемъ, ни «разрисованнымъ» фарисеемъ; но единственный классъ, которому онъ, какъ истинный и благородный израильтянинъ, могъ хотя сколько-нибудь уподобляться, и притомъ не въ духѣ самодовольства, а въ духѣ почти болѣзненной и лихорадочной заботливости исполнять все завѣданное, — былъ тотъ классъ, который назывался: «скажи-мнѣ-еще-какую-заповѣдь-и-я-исполню» ¹⁰⁸⁾.

А такой классъ, какъ бы онъ ни заблуждался самъ по себѣ, какимъ бы болѣзненнымъ чувствомъ ни сопровождался, какое бы чувство неудовлетворенности ни возбуждалъ онъ, — нельзя считать непременно низкимъ. Правда, онъ основанъ на заблужденіи, будто человѣкъ можетъ достигнуть спасенія исполненіемъ внѣшней обрядности, будто онъ можетъ количественною добротою достигнуть входа въ царство Божіе, будто это царство есть пища и питье, а не праведность, миръ и радость въ вѣрѣ. Случайно, по какому-нибудь неожиданному просвѣтленію убѣжденія, нѣкоторые изъ мудрейшихъ законоучителей иудейскихъ повидимому приходили отчасти къ сознанію той истины, что человѣкъ спасается не дѣлами подзаконной праведности, а милостью Божіей. Но общимъ религіознымъ убѣжденіемъ у иудеевъ было то, что хотя изъ 248 заповѣдей и 365 запрещеній Моисеева закона инныя были легки, а инныя тяжелы ¹⁰⁹⁾, однако же и всѣ ихъ, и въ отдѣльности и вмѣстѣ, необходимо было исполнить съ строгою тщательностію не только по духу, но и по буквѣ, и не только по буквѣ, но и въ безчисленныхъ выводахъ, къ которымъ могла повести буква, когда даже послѣдній слѣдъ смысла и значенія терялся въ нихъ подъ массой всевозможныхъ «опредѣленій». Этого, по ихъ воззрѣніямъ, будто бы непременно требовалъ Богъ. Только это считалось истиннымъ понятіемъ о безукоризненной праведности закона. И какъ много зависѣло отъ этого! Отъ него зависѣло не менѣе какъ восстано-

вленіе свободы, возстановленіе царства, возстановленіе избранности среди народовъ; не менѣе какъ возстановленіе ихъ національной независимости во всей ея полнотѣ, ихъ національнаго богослуженія во всемъ его блескѣ; не менѣе какъ воспламенѣніе древняго огня на престолѣ, возвращеніе священнаго масла, священнаго ковчега, облака славы промежъ крылъ херувимовъ; не менѣе, наконецъ, какъ осуществленіе надеждъ, которыя они и ихъ предки лелѣли въ теченіе столькихъ столѣтій. Если бы только одинъ человѣкъ могъ хотя въ теченіе одного дня исполнить весь законъ и не нарушить его ни въ одномъ пунктѣ, — нѣтъ, даже если бы одно лицо могло исполнить хотя одинъ пунктъ въ законѣ, касавшійся должнаго исполненія субботы, тогда, по ученію раввиновъ, прекратились бы всѣ невзгоды Израиля и наконецъ пришелъ бы Мессія ¹¹⁰⁾.

А къ этому то именно со всѣмъ пыломъ своей сильной натуры и стремился Савль. Сомнительно, чтобы уже въ этотъ періодъ онъ могъ придти къ сознанію крайняго ничтожества устнаго закона. Сознаніе это сквозь густой туманъ софистики и самообманна иногда пробивалось даже и у раввиновъ, и даже въ ихъ устахъ мы иногда находимъ выраженіе пророковъ, что смиреніе, милость и правда лучше жертвы. «Въ храмѣ нѣкогда была флейта, — говоритъ талмудъ, — сохранявшаяся отъ дней Моисея; она была гладкая, тонкая, сдѣланная изъ тростинки. По повелѣнію царя, она была обдѣлана въ золото, которое однако же уничтожило мягкость звука, такъ что золото должны были снять прочь. Были тамъ также кимвалъ и ступа, которые съ теченіемъ времени испортились и были исправлены мастерами, призванными изъ Александріи. Но этой поправкой они были такъ испорчены, что оказалось необходимымъ возстановить ихъ въ прежнее состояніе» ¹¹¹⁾. Не есть ли это иносказаніе? Не значить ли оно, что отягчая писанный законъ тѣмъ, что они называли золотомъ, но что въ дѣйствительности было мишурой и изгарью устнаго преданія, раввины разрушали или искажали его красоту и пользу? Но Савль вѣроятно не сознавалъ этого. Для него не было различія между относительной важностію писаннаго и устнаго, нравственнаго и обрядоваго закона. Исполнять должно было всѣ правила, а имъ не было числа. Если бы только можно было это сдѣлать, онъ сдѣлалъ бы, и такъ какъ отъ его тщательной точности въ исполненіи закона зависѣло пришествіе Мессіи, то Мессія долженъ былъ придти. Если другіе ученостію достигали законной праведности, то онъ долженъ былъ стать еще болѣе ученымъ. Если другіе были тщательны, то онъ долженъ былъ стать еще болѣе тщательнымъ. Вѣдь Богъ сотворилъ человѣка свободнымъ ¹¹²⁾. Въ такомъ случаѣ Онъ навѣрно не сталъ бы требовать исполненія закона, если бы это исполненіе было невозможно! Все указывало на завершившееся окончаніе одной великой эпохи въ исторіи міра и на разсвѣтъ другаго вѣка, которымъ должно было кончиться все. Самые язычники жаждали какого-то избавителя и чувствовали, что не могло быть другаго исхода изъ той физической бѣдственности и нравственной смерти, которыя распространялись въ

их разлагавшемся обществѣ ¹¹³). Глубокій мракъ тяготѣлъ какъ надъ избран-нымъ народомъ, такъ и надъ языческимъ міромъ. Отъ востока долженъ былъ возсіять спасительный лучъ, загорѣться очищающее пламя. Пусть же Израиль будетъ вѣренъ и Божіе обѣтованіе будетъ непреложно.

А мы изъ собственныхъ свидѣтельствъ апостола знаемъ, что если виѣшнее благочестіе было все; если повиновеніе закону не означало исполненія всего того, что превосходило всякую возможность осуществленія; если исполненіе его запрещеній не заключало въ себѣ исполненія всего того, что превосходило чувства человѣческія: тогда Савлъ въ отношеніи праведности закона былъ безпороченъ, такъ какъ жилъ по доброй совѣсти предъ Богомъ (2 Кор. xi, 22; Римл. xi, 1; Дѣян. xxi, 3, xxii, 1—6). Если бы онъ предложилъ великому Учителю вопросъ: «что мнѣ дѣлать, чтобы спа-стись?» и получилъ бы повелѣніе: «исполнить за-повѣди», то онъ несо-мнѣнно могъ бы отвѣтить въѣсть съ евангельскимъ юношей: «все это соблю-я отъ юности моея» и могъ бы даже прибавить: «и многое кромѣ того». И однако же мы видимъ въ его посланіяхъ, съ какою горечью сознавалъ онъ пустоту этого виѣшня-го послушанія, какимъ ужаснымъ и страшнымъ бременемъ для него было

Филактерин.

«проклятіе закона»! Даже нравственное послушаніе не могло заглушить въ немъ голоса совѣсти или удовлетворить порывовъ души, а что же могли сдѣлать эти обрядовыя мелочи? Мучительные вопросы то и дѣло возникали въ его душѣ. Какая польза была изъ всего этого? Откуда вытекала необходимость ихъ? Къ чему могло повести исполненіе ихъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ Богъ слѣдитъ за точно-стью объема пергаментнаго свитка или за количествомъ строкъ въ написанномъ на немъ текстѣ? или за тѣмъ, какія написаны въ немъ буквы? или за формою ящичка, въ который вложены они? или наконецъ за тѣмъ способомъ, какъ этотъ ящичекъ привязанъ къ рукѣ или ко лбу? ¹¹⁴). Важно ли въ самомъ дѣлѣ то, какъ понимать выраженіе «между двумя вечерами»? Такъ ли, какъ понимали его самаряне: «между закатомъ солнца и тьмою», или какъ утвер-ждали фарисеи: «между началомъ и концемъ солнечнаго заката»? Стоитъ ли

ΤΩΝΑΚΑΚΩΝ ΗΓΑΡΥΜΩΝΥΠΑ
ΚΟΝΕΙΣΤΑΝΤΑΣΑΦΗΚΕΤΟ
ΣΦΥΜΙΝΟΥΝΧΑΙΡΩ ΘΕΛΩΛΕ
ΥΜΑССΟΦΟΥΣΜΕΝΕΙΝΛΙΕΙΣ
ΧΑΘΟΝ ΑΚΑΙΡΕΟΥΣΛΕΙΣΤΟ
ΚΑΚΟΝ ΟΛΕΘΕΤΗΝΣΕΙΡΗΝΗΟ
ΕΥΝΤΡΙΨΑΙΤΟΝΣΑΥΑΝΑΝ.
ΕΝΤΑΧΕΙΠΟΤΟΥΣΤΟΛΛΟΝΑΙΩ.
Η ΧΑΡΙΣΤΟΥΚΥΗΜΩΝΙΥΧΥΜΕΟΥ
ΔΕΣΤΑΖΕΤΕΥΜΑΣΤΙΜΟΘΕΟΣ
ΟΣΥΝΕΡΓΟΣΜΟΥΚΑΙΟΥΚΙΟΣ
ΚΑΙΙΔΩΝ ΚΑΙΟΩΣΠΙΧΤΡΟΣ
ΟΙΟΥΓΓΕΝΕΙΣΜΟΥ
ΔΕΣΤΑΖΟΜΑΙΥΜΑΣΕΓΩΤΕΡΤΙΟΣ
ΟΓΡΑΨΑΣΤΗΝΕΠΙΣΤΟΛΗΝΕΝΚΑ
ΔΕΣΤΑΖΕΤΕΥΜΑΟΓΙΟΣΟΖΕΝΟΣ
ΜΟΥΚΑΙΟΛΗΣΤΗΝΣΕΚΚΛΗΣΙΑ
ΔΕΣΤΑΖΕΤΕΥΜΑΣΕΡΑΤΟΣΟΟΙ
ΚΟΝΟΜΟΟΤΗΝΣΠΟΛΕΩΣΚΑΙ
ΚΟΥΑΡΤΟΣΟΔΕΛΕΦΟΣ
ΤΩΔΕΧΥΝΑΜΕΝΩΥΜΑΟΤΗΡΙ
ΣΑΙΚΑΤΑΓΟΕΥΧΑΓΙΕΛΙΟΝΜΟΥΚΑΙ
ΤΟΚΗΡΥΓΜΑΙΥΧΥ ΚΑΤΑΧΤΟΙΚΑ
ΛΥΨΙΝΜΥΣΤΗΡΙΟΥΧΡΟΝΟΙΣ
ΛΙΩΝΟΙΣΣΕΣΙΓΗΜΕΝΟΥΦΛΑΝΕ
ΡΩΘΕΝΤΟΣΔΕΝΥΝΣΙΧΤΕΓΡΑΨΩ
ΠΡΟΦΗΤΙΚΩΝΚΑΤΕΠΙΤΑΓΗΝ
ΤΟΥΑΙΩΝΙΟΥΘΥ ΕΙΣΥΤΑΚΟΝ
ΤΠΙΣΤΕΩΣΕΙΣΤΑΝΤΑΤΑΕΘΝΗ
ΓΝΩΡΙΘΕΝΤΟΣΜΟΝΩΣΟΦΩ
ΘΩΔΙΔΙΥΧΥΩΗΔΟΣΧΕΙΣΤΟΤ
ΑΙΩΝΑΣΤΩΝΑΙΩΝΩΝΑΜΗ

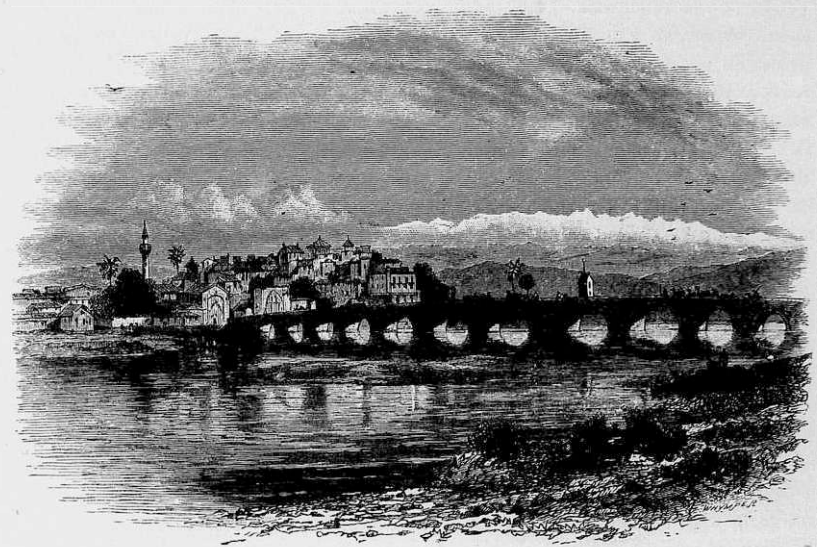
προς ρωμ. 1 = αγ. 5

обсуждения двух соперничающих школ вопрос: можно или нельзя есть яйца, съезденные в праздник? ¹¹⁵). Важны ли вообще эти предметы сами по себе? А если они и важны, то неужели погрешность в этих мелочах действительно может воспрепятствовать гнѣву ревниваго Бога? Какъ они могутъ содѣйствовать красотѣ святости? Какъ они могутъ наполнять душу милосердіемъ, которое лучше жертвы, воспитывать ее въ той справедливости и смиренности, въ томъ терпѣніи и чистотѣ, въ томъ мирѣ и любви, которые, какъ удостоились видѣть нѣкоторые изъ пророковъ, благоприятѣ Богу чѣмъ тысячи воловъ и тѣмы мѣръ масла? А за всѣми этими вопросами скрывался еще болѣе волновавшій іудейскія школы вопросъ: могъ ли за всѣмъ тѣмъ человѣкъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ достигнуть того идеала праведности, который требовался Богомъ и закономъ? А если онъ не могъ этого достигнуть, то что же оставалось для закона, какъ не изречь надъ нимъ приговора безвозвратнаго осужденія и непрѣмной смерти? (Рим. х, 5; Гал. iii, 10).

Затѣмъ не примѣшивалось ли ко всему этому номинальному обожанію закона глубоко укоренившееся лицемеріе, столь глубокое, что оно въ значительной степени было даже несознательное? Задолго раньше до явленія Христа раввины уже знали искусство отъѣживать комаровъ и проглатывать верблюдовъ. Они давно уже умѣли уничтожать то, что съ виду будто бы защищали. Гиллель, благодаря своей находчивости, могъ обойти всякое Моисеево постановленіе, какое только находилъ практически обременительнымъ. Фарисеи и саддукеи посредствомъ такъ называемыхъ «смѣшеній» могли отгнѣять въ свою пользу все то, что было имъ непріятно въ тщательномъ исполненіи субботы. Основное постановленіе субботняго года посредствомъ *проболла* было низведено на степень юридической фикціи. Учители, бывшіе настолько опытными въ казуистикѣ, что могли построить правила изъ самой ничтожной частички, съ легкостью могли вырабатывать и такіа постановленія, при видѣ которыхъ въ нѣмомъ изумленіи останавлился бы Моисей. Что можетъ быть опредѣленіе постановленія въ законѣ касательно нечистоты пресмыкающихся, и однако же талмудъ увѣряетъ, что «никто не можетъ быть назначенъ членомъ синедріона, если онъ не обладаетъ достаточною находчивостью для того, чтобы доказать на основаніи писаннаго закона, что пресмыкающіяся въ обрядовомъ отношеніи чисты» ¹¹⁶). А въ Іавніи былъ такой безукоризненный ученикъ, который могъ привести 150 доводовъ въ пользу обрядовой чистоты пресмыкающихся ¹¹⁷). Подобнаго рода софистика была въ полномъ ходу и въ то время, когда юный тарсійскій ученикъ сидѣлъ у ногъ Гамалиила; и можно ли вообразить такой періодъ въ его жизни, когда бы онъ не тяготился такой бессмысленной, такой тягостной и неискренней системой? Могъ ли онъ не замѣчать, что они «цѣликомъ нарушали то, что исполняли въ мелочахъ»?

Мы можемъ заключать изъ собственныхъ словъ ап. Павла, что эти годы

были трудными для него годами. Подъ достопочтенною внѣшностью фарисея лежало отчаянно бившееся сердце; подъ широкими филактеріями пылкій мозгъ работалъ надъ массою тревожныхъ вопросовъ. Савлъ, какъ фарисей, вѣровалъ въ вѣчность, онъ вѣрилъ въ воскресеніе, вѣрилъ въ ангеловъ и духовъ, въ голоса и явленія, въ сны и видѣнія. Но во всей этой борьбѣ къ достиженію собственной праведности, въ этой до мелочности мучительной и до возмѣстительности тягостной борьбѣ, повидимому не было никакой надежды на облегченіе или удовлетвореніе, не предстояло ничего кромѣ хотя и ослабленнаго, но всетаки неизбѣж-

Видъ окрестностей Тарса.

наго проклятія. Богъ былъ какбы глухъ къ нему и небо закрыто. Никакое видѣніе не открывалось для его дремлющаго чувства, ни одинъ голосъ не звучалъ въ его напряженныхъ ушахъ. Сознаніе грѣховности тяготило его; тѣмъ таинственности висѣла надъ нимъ; онъ постоянно падалъ и падалъ, и никакая рука не протягивалась на помощь къ нему. Всей своей душой онъ старался быть послушнымъ закону и былъ послушенъ ему. И всетаки не приходилъ Мессія!

Опытъ Савла Тарсійскаго былъ раздражающимъ душу опытомъ всѣхъ, кто ищетъ мира помимо любви Бога. Что жизнь Савла была свободна отъ вопіющихъ нарушеній закона, мы видимъ изъ его собственнаго смѣлаго указанія на свою

постоянную праведность. Онъ не былъ обращенцемъ изъ нечестія или развращенія. Говоря о своей жизни въ томъ ея видѣ, какъ она представлялась его ближнимъ, онъ постоянно указываетъ на ея строгую законосообразность; но онъ предается сильному самоосужденію, когда начинаетъ думать объ этой жизни, какою она представляется предъ Богомъ. Онъ нашель, что никакое внѣшнее законничество не могло дать ему чистаго сердца или вложить въ него правый духъ. Онъ нашель, что рабское послушаніе не водворяло мира внутри. Онъ стремился бы къ праведности, если бы только могъ знать такую праведность, которая была бы лучше праведности книжниковъ и фарисеевъ. Гудейскіе законоучители учили и постановляли, что если человекъ не чувствовалъ въ себѣ склонности дѣлать то или другое, то онъ долженъ былъ принуждать себя къ тому прямыми обѣтми; «обѣты—говоритъ раввинъ Акиба ¹¹⁸)—суть вмѣстители свѣтости». Но Савль фарисей, задолго до того, какъ онъ сдѣлался Павломъ апостоломъ, во всей полнотѣ позналъ тщету этого постановленія. Обѣты могутъ быть вмѣстителями формальнаго благочестія, но они не были и не могли быть школой для беззаконной души, они не могли дать успокоенія тому мѣсту въ человѣческомъ существѣ, гдѣ встрѣчаются между собою двѣ области добрыхъ и злыхъ побужденій ¹¹⁹)—именно сердцу, этому полю боевому, гдѣ страстные желанія сталкиваются съ положительными заповѣдями.

Даже по прошествіи уже двадцати лѣтъ труда, странствованій, борьбы и страданій, мы все еще можемъ въ посланіяхъ ап. Павла уловить печальные отголоски этихъ дней напряженной борьбы, какбы отголоски грома, которые по прекращеніи грозы еще слышатся въ отдаленныхъ холмахъ. Мы слышимъ эти отголоски болѣе всего въ посланіи къ Римлянамъ; мы слышимъ ихъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о проклятіи закона. Мы слышимъ ихъ, когда тономъ глубокаго самосожалѣнія онъ рассказываетъ о своей борьбѣ между плотью и духомъ, между закономъ грѣха въ его членахъ и тѣмъ закономъ Божиимъ, который при всей своей святости, справедливости и пользѣ для жизни, все-таки былъ закономъ къ смерти. Правда, въ то время, когда онъ писалъ такъ, онъ по крайней мѣрѣ самъ уже нашель миръ; онъ вынесъ изъ уроковъ своей жизни тотъ тяжелый опытъ, что дѣлами закона человекъ не можетъ оправдаться предъ Богомъ, но что только будучи оправданы вѣрою мы можемъ найти миръ съ Богомъ чрезъ Господа Иисуса Христа. И хотя, вникая въ свою собственную личность и вида въ ней страшную раздвоенность, онъ все еще находилъ внутри себя законъ, боровшійся противъ той внутренней радости, которую онъ чувствовалъ въ законѣ Божіемъ,—хотя, стоя въ этомъ немощномъ тѣлѣ, онъ чувствовалъ себя какъ заключенный въ тѣлѣ смерти, онъ все-таки въ отвѣтъ на вопросъ: «кто можетъ меня избавить?» въ порывѣ восторга восклицаетъ: «я благодарю Бога чрезъ Иисуса Христа нашего Господа» ¹²⁰). Но если апостолъ, найдя уже, что «нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во

Христѣ Иисусѣ» ¹²¹), все-таки еще чувствовалъ силу и продолжающееся дѣйствіе низшаго закона, усилившагося низвести его жизнь въ то рабство закону грѣха, отъ котораго освободилъ его Христосъ, то какіе часы уметвенной тоски долженъ былъ онъ пережить, когда не зналъ никакого другаго отношенія Бога къ своей душѣ, кромѣ невозможной, холодной, мертвенной заповѣди: «дѣлай это и ты будешь живъ!» Но могъ ли онъ дѣлать это? А если не могъ, то въ чемъ могла быть его надежда, въ чемъ его помощь? Былъ ли хотя какой нибудь голосъ сожалѣнія среди громовъ Синаи ¹²²)? Могла ли простая кровь воловъ и козловъ быть истиннымъ искупленіемъ за вольные грѣхи?

Но хотя мы и можемъ видѣть уметвенную борьбу, которую Савль переживалъ въ эти дни фарисейства, однако же событія этого періода покрыты мракомъ неизвѣстности. И только на два глубоко интересные для насъ вопроса мы, быть можетъ, въ силахъ дать нѣкоторый отвѣтъ.

1. Первый изъ нихъ: видѣлъ ли Савль когда нибудь Иисуса Христа?

На первый взглядъ можно бы думать, что на этотъ вопросъ имѣется отвѣтъ и отвѣтъ утвердительный въ 1 Кор. ix, 1, гдѣ онъ спрашиваетъ: «не апостолъ ли я? Не видѣлъ ли я Иисуса Христа Господа нашего?» и еще болѣе во 2 Кор. v, 16, гдѣ онъ говоритъ: «если же мы и знали Христа по плоти, то нынѣ уже не знаемъ» ¹²³).

Но болѣе внимательное разсмотрѣніе этихъ мѣстъ покажетъ, что они не заключаютъ въ себѣ непременно такого значенія. Въ первомъ изъ нихъ ап. Павелъ ни коимъ образомъ не могъ намекать на свое знакомство съ Иисусомъ Христомъ до Его распятія, потому что такое просто внѣшнее зрѣлище въ положеніи невѣрующаго въ Него не только не могло бы служить подтвержденіемъ его притязанія на апостолство, а скорѣй могло бы служить основаніемъ къ отверженію такого притязанія. Оно можетъ относиться только къ явленію ему Христа на дорогѣ въ Дамаскъ или къ какому нибудь подобному откровенію впоследствии ¹²⁴). Значеніе втораго мѣста менѣе очевидно. Тамъ ап. Павелъ выясняетъ основы своего апостолства во всеобъемлющей любви Христа къ человеку. Онъ показываетъ, какъ эта любовь проявилась въ Его смерти за всѣхъ и какъ слѣдствіемъ этой смерти и воскресенія до такой степени уничтожается себялюбіе въ его чадѣхъ, до такой степени измѣняется ихъ внутренній характеръ, что если «кто во Христѣ, тотъ новая тварь». Христосъ же, о которомъ онъ говоритъ здѣсь, есть воскресшій, прославленный, торжествующій Христосъ, въ которомъ все обновилось, потому что Онъ примирилъ человека съ Богомъ. Отеюда апостолъ не знаетъ никого и не судитъ никого просто по его человѣческимъ земнымъ отношеніямъ, а только по его союзу съ воскресшимъ Христомъ. Партизаны, которые пользовались и даже, какъ вѣроятно, злоупотребляли даже въ отношенія между ап. Павломъ и Петромъ, и сѣяли сѣмена раздора между обращенцами церковей, основанныхъ ап. Павломъ,—

постоянно умаляли апостольское значеніе Павла на томъ основаніи, что онъ не былъ очевидцемъ человѣческой жизни Христа. На это апостолъ всегда отвѣчалъ, что и онъ также зналъ Христа по непосредственному откровенію, что Богъ благоволилъ открыть въ немъ «Сына своего, чтобы онъ могъ благовѣствовать Его язычникамъ»¹²⁵). Было время, когда и онъ зналъ «Христа по плоти»,—не по непосредственному личному общенію съ нимъ во дни Его земнаго служенія, но по тому взгляду, который онъ и другіе составили о Немъ. До своего обращенія онъ считалъ Христа *меситомъ*—обманщикомъ, который обманывалъ народъ, или въ лучшемъ смыслѣ былъ учителемъ, который обманывалъ самого себя. Да и послѣ своего обращенія онъ быть можетъ не сразу постигъ всю *полноту* славы воскресшаго Христа, какъ стоящаго выше всякаго понятія объ иудейскомъ Мессіи. Все это теперь миновало. Постигнуть прославленнаго Сына Божія вѣрой было гораздо болѣе благословеннымъ преимуществомъ, чѣмъ знать живаго Мессію въ земномъ общеніи съ Нимъ. Еслибы даже онъ зналъ Христа какъ живаго человѣка, то знаніе это было бы менѣе близко, менѣе непосредственно, менѣе интимно, менѣе вѣчно по своему характеру, чѣмъ то ближайшее общеніе, въ которомъ онъ теперь жилъ и умиралъ въ Немъ; и хотя онъ зналъ о Немъ сначала только по ложнымъ слухамъ, затѣмъ имѣлъ о Немъ лишь неясное представленіе, какъ объ Иисусѣ Назарянинѣ,—зато теперь земное и человѣческое понятіе исчезло и на его мѣсто выступила истинная и духовная вѣра. Поэтому Христосъ, котораго онъ зналъ, не былъ «Христосъ по плоти», не былъ Христосъ во дни своей плоти, или Христосъ въ своихъ земныхъ отношеніяхъ, а Христосъ, сидящій во вѣки одесную Бога Отца. Видѣть Господа Иисуса своими плотскими глазами само по себѣ было ничто. Тутъ нечѣмъ было гордиться. Его видѣлъ и Иродъ, видѣли Его и первосвященникъ Анна, и Пилатъ, и многіе грубые иудейскіе бѣдняки, и звѣрскіе римскіе солдаты. Но видѣть Его очами вѣры, духовно постигнуть прославленнаго Искупителя—вотъ что значитъ быть дѣйствительно христіаниномъ.

Всѣ другія мѣста, которыя могутъ быть вообще приведены по этому вопросу, подтверждаютъ этотъ взглядъ и приводятъ насъ къ мысли, что ап. Павелъ никогда не видѣлъ или вообще едва ли видѣлъ Иисуса Христа какъ человѣка. И дѣйствительно, вопросъ: «кто ты, Господи?»¹²⁶) сохраненный во всѣхъ трехъ разсказахъ о его обращеніи, повидимому ясно показываетъ, что внѣшній обликъ Спасителя былъ незнакомъ ему, и этотъ взглядъ подтверждается указаніемъ на воскресшаго Христа въ 1 Кор. xv. Тамъ ап. Павелъ говоритъ, что ему, меньшему изъ апостоловъ и недостойному называться апостоломъ, Христосъ явился послѣ всѣхъ, какъ нѣкому извергу изъ апостольской семьи (1 Кор. xv, 9). И въ самомъ дѣлѣ немислимо, чтобы самъ Савль могъ дѣйствительно видѣть Иисуса во время Его земной жизни. То неизгладимое впечатлѣніе, которое производилъ самый Его внѣшній видъ, то невыразимое личное величіе, которое устрашало Его злѣйшихъ враговъ и тронуло грубую совѣсть Его римскаго судьи;

то невыразимое обаяніе и могущество слова Того, Кто говорилъ такъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ,—не могли бы пройти для него безъ слѣда. Мы чувствуемъ непреложное убѣжденіе, что Павелъ, еслибы онъ видѣлъ Христа, не только бы часто ссылался на Него, но что онъ въ такомъ случаѣ былъ бы избавленъ отъ того тяжкаго воспоминанія, которое болѣе всего терзало его въ послѣдующіе дни неизгладимымъ укоромъ, именно что онъ преслѣдовалъ Церковь Божію. Если въ самомъ дѣлѣ мы могли бы вообразить, что Савль видѣлъ Христа и, увидѣвъ Его, посмотрѣлъ на Него только съ ожесточенною ненавистью и съ гнѣвнымъ презрѣніемъ іерусалимскаго фарисея, тогда мы могли бы быть увѣрены, что то священное лицо, которое въ смутномъ снѣ видѣла жена Пилата, та безконечная скорбь въ глазахъ, одинъ блескъ которыхъ поразилъ покаяннымъ сокрушеніемъ сердце Петра,—съ такою силою постоянно вторгались бы въ сознаніе ап. Павла, что его грѣхъ въ преслѣдованіи христіанъ сдѣлался бы для него въ десять кратъ тяжелѣе отъ одной мысли, что, гоня и заключая ихъ въ тюрьмы, онъ еще разъ открыто распиналъ Сына Божія и предавалъ Его открытому позору. Сильная впечатлительность души Савла замѣчательнымъ образомъ выступаетъ въ томъ дѣйствіи, которое произвелъ на него предсмертный восторгъ св. Стефана. Слова Стефана, хотя выслушанныя въ то время съ внутреннею яростью, не только запали въ его душу, но и оказали неизгладимое вліяніе на его посланія. Если такое впечатлѣніе произвела рѣчь юнаго еллинаста, то какое же дѣйствіе могли бы произвести тѣ слова, которыя приводили въ восторгъ даже враждебныхъ Христу посланниковъ фарисеевъ? Можно ли понять, чтобы фарисейство Савла осталось нетронутымъ подъ громами того великаго и безпощаднаго обличенія, которое Христосъ произнесъ въ храмѣ въ послѣднюю недѣлю своего служенія, за три дня до своей смерти? Если бы Савль слышалъ одну изъ этихъ послѣднихъ бесѣдъ, видѣлъ одно изъ этихъ чудесъ, присутствовалъ при одномъ изъ этихъ страшныхъ, ужасныхъ и трагическихъ зрѣлищъ, на которыя онъ впоследствии указывалъ какъ на событія величайшей важности во всемъ теченіи человѣческой исторіи, то можетъ ли кто либо хотя на мигъ вообразить, что въ его сочиненіяхъ не осталось бы ни малѣйшаго воспоминанія объ этихъ зрѣлищахъ?

Такимъ образомъ можно считать достовѣрнымъ, что когда полуденный мракъ закрылъ страшную жертву Голгофы, когда народъ кричалъ о помилованіи разбойника-убійцы и требовалъ казни Спасителя, пришествіи котораго такъ долго ожидали благороднѣйшіе и святѣйшіе изъ ихъ отцовъ, Савла въ то время не было въ Іерусалимѣ. Гдѣ же онъ былъ? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить съ достовѣрностью. Онъ могъ быть въ Тарсѣ, который онъ даже послѣ своего обращенія считалъ своей родиной (Дѣян. ix, 30, xi, 25; Гал. i, 21), или еще вѣроятнѣе объясненіе его отсутствія можно видѣть въ Гал. v, 11. Тамъ онъ говоритъ, что нѣкогда онъ былъ проповѣдникомъ обрѣзанія. А мы знаемъ, что одной изъ особенностей тогдашняго фарисейства была живая ревность къ приобрѣтенію

прозелитовъ. «Вы обходите море и сушу—въ пылающихъ словахъ говорилъ имъ Христосъ—дабы обратитъ хотя одного; и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ» (Матѣ. ххiii, 15). Обращеніе, измѣнившее всю глубину религіознаго убѣжденія ап. Павла, не измѣнило конечно естественнаго расположенія его темперамента. Почему также порывистая ревность, тоже неутомимое желаніе всегда проповѣдывать какую либо истину и дѣлать какое либо доброе дѣло, всегда отличавшее его какъ апостола язычниковъ¹²⁷⁾, не могли пылать въ немъ также и въ тѣ ранніе дни и дѣлать изъ него миссіонера фарисейства? Если такъ, то онъ могъ находиться въ какомъ нибудь путешествіи, принятомъ по порученію партіи, которой онъ служилъ сердцемъ и душой, и именно въ то время, на которое выпало трехлѣтнее служеніе Христа на землѣ.

2. Другой вопросъ: былъ ли Савль женатъ? Имѣлъ ли онъ опору въ какомъ нибудь любящемъ сердцѣ во время тяжелой борьбы своей юности? При всѣхъ колебаніяхъ духа, происходившихъ вслѣдствіе несовершенной и неудовлетворявшей его вѣры, не было ли въ возмущенномъ морѣ его жизни маленькаго роднаго островка, гдѣ бы онъ могъ находить тихое убѣжище отъ непрестанныхъ думъ?

Какъ ни мало мы знаемъ о его домашнихъ обстоятельствахъ, какъ ни избѣгалъ онъ примѣшиванія своихъ личныхъ интересовъ къ занимавшимъ его душу великимъ истинамъ, на этотъ вопросъ, какъ кажется, можно отвѣчать утвердительно. Апостолъ Павелъ, котораго такъ часто укоряли въ эгоизмѣ, не имѣлъ ни капли того себялюбія, которое состоитъ въ придачѣ какой либо важности своимъ личнымъ обстоятельствамъ. На обстоятельства своей личной жизни онъ смотрѣлъ такъ, какъ будто они кромѣ его не имѣли значенія ни для кого. Когда онъ говоритъ о себѣ самомъ, то дѣлаетъ это только по одной изъ двухъ причинъ: или по необходимости отстоять свое апостольское достоинство, или изъ желанія своими замѣчательными житейскими опытами принести пользу другимъ. Все, что случалось лично съ нимъ—радости и лишенія его земной жизни, для него повидимому было предметомъ, къ которому онъ относился съ крайнимъ равнодушіемъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда они имѣли нравственное значеніе или касались уроковъ, которые онъ желалъ преподавать другимъ.

Такимъ образомъ только косвеннымъ путемъ мы можемъ добиться отвѣта на вопросъ о его семейной жизни. Если въ самомъ дѣлѣ онъ былъ членомъ синагогіи, то по іудейскимъ правиламъ для такого положенія онъ долженъ былъ быть женатымъ. О его официальномъ положеніи будетъ сказано послѣ, но касательно его женитбы съ вѣроятностью можно заключать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ его посланіяхъ. Въ 1 Кор. ix, 5 онъ спрашиваетъ у коринѳянъ: «или не имѣемъ власти имѣть спутницею сестру жену, какъ и прочіе апостолы и братья Господни, и Кифа»? Это мѣсто не даетъ еще рѣшительнаго отвѣта, хотя и указываетъ на его право какъ состоять въ бракѣ, такъ и взять свою жену съ собою въ проповѣдническое путешествіе, если бы только это оказалось полезнымъ¹²⁸⁾. По изъ 1 Кор. vii,

повидимому ясно выходитъ, что онъ причислялъ себя ко вдовцамъ; потому что онъ говоритъ: «безбрачнымъ и вдовымъ говорю: хорошо имъ оставаться (*μεινόντι*) какъ я». Что подѣ «безбрачными» онъ здѣсь разумѣетъ «вдовцовъ», для чего въ греческомъ нѣтъ specialнаго слова, это ясно изъ того, что къ тѣмъ, которые никогда не были женаты, онъ говорилъ уже раньше въ первыхъ семи стихахъ этой главы¹²⁹⁾. Имъ онъ гораздо свободнѣе чѣмъ другимъ предоставляетъ право вступать въ бракъ, если только они находили это полезнымъ для благочестія, хотя при настоящемъ состояніи вещей онъ выставляетъ и свое личное предрасположеніе къ безбрачію—для тѣхъ, которые владѣли благодатью внутренней чистоты. Но даже и помимо такого толкованія этого мѣста заключеніе касательно того, что ап. Павелъ по опыту зналъ брачную жизнь, можно дѣлать изъ той мудрости и нѣжности, которыми отличаются его замѣчанія объ этой жизни. Не испытанный никогда брачной жизни едва ли могъ бы писать объ этомъ предметѣ такъ, какъ пишетъ онъ, и не могъ бы выказывать такого глубокаго сочувствія къ нуждамъ всѣхъ и пользоваться живымъ довѣріемъ всѣхъ. Дѣлать какой нибудь выводъ изъ нѣжныхъ иносказаній, извлекаемыхъ имъ изъ примѣра кормленія маленькихъ дѣтей (1 Кор. iii, 2; vii, 14; iv, 15; 1 Тес. ii, 7; v, 3) едва ли было бы основательно. Едва ли вѣроятно, чтобы ап. Павелъ имѣлъ когда нибудь дѣтей. Если бы это было такъ, то онъ при своей чувствительной натурѣ едва ли обошелся бы безъ выраженія по отношенію къ нимъ той нѣжной любви, которая въ такой полнотѣ высказывается у него къ его духовнымъ дѣтямъ. Если бы онъ имѣлъ сына или дочь, то Тимофеемъ не былъ бы для него въ такой исключительной степени его «собственнымъ истиннымъ сыномъ» по вѣрѣ. Если мы правы въ своемъ предположеніи, что онъ былъ женатъ, то съ вѣроятностью можно думать, что брачная его жизнь была непродолжительна и что жены его уже не было въ живыхъ.

Но есть еще одно основаніе, хотя доселѣ повидимому не замѣченное, которое повидимому дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что Савль до своего обращенія былъ женатымъ человѣкомъ,—это именно та чрезвычайная важность, которую большинство іудеевъ во всѣ времена придавали браку какъ нравственному долгу, даже какъ положительной заповѣди, обязательной для каждаго человѣка¹³⁰⁾. Мишна опредѣляетъ годомъ брака 18-ти-лѣтній возрастъ¹³¹⁾, а 17-ти-лѣтній даже предпочитается. Вавилонскіе іудеи назначали этотъ возрастъ даже въ 14 лѣтъ¹³²⁾. Бракъ въ дѣйствительности есть первое изъ 613 правилъ. Обязательность брака они выводили частью изъ заповѣди прародителямъ (Быт. i, 28), частью изъ указаній на ранніе браки въ ветхомъ заветѣ (Притч. ii, 17; v, 18) и частью изъ иносказательныхъ объясненій такихъ мѣстъ, какъ Екклес. xi, 6; Іов. v, 24¹³³⁾. Раввины всѣхъ вѣковъ считали бракъ такою настоятельной обязанностью, что родители обязывались женить и отдавать замужъ своихъ дѣтей молодыми¹³⁴⁾; а тѣ немногіе, которые подобно Бенъ Азаю теоретически ставили выше обязанность быть болѣе свободнымъ отъ

житейскихъ узъ въ видахъ изученія закона, были лишь исключеніемъ изъ почти всеобщаго правила. Но даже и сами эти теоретики были женатые люди. Если бы ап. Павелъ питалъ хотя малѣйшее сочувствіе ко взглядамъ терапевтовъ и ессеевъ, если бы неодобрительное отношеніе его къ браку при извѣстныхъ непосредственныхъ обстоятельствахъ было бы окрашено какимъ нибудь гностическимъ фанатизмомъ касательно его сущности, то мы могли бы придти къ иному заключенію. Но онъ не держался такихъ взглядовъ ни раньше, ни послѣ своего обращенія (1 Кор. vii, 9 и 36; 1 Тим. iv, 3; v, 4); и несомнѣнно, что если онъ жилъ въ Иерусалимѣ неженатымъ фарисеемъ, то это явленіе было бы совершенно исключительнымъ.

Предполагаемое мѣсто вознесенія.

ГЛАВА V.

АПОСТОЛЪ ПЕТРЪ И ПЕРВАЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦА.

Онъ былъ избраннымъ изъ апостоловъ, устами учениковъ и главой ихъ общества. Св. Златоустъ.

АКОВЫ бы не были причины отсутствія Савла изъ Иерусалима во время короткаго періода служенія Иисуса Христа, при своемъ возвращеніи онъ всетаки неизбѣжно долженъ былъ много слышаться о Немъ. Но все слышанное имъ конечно передавалось исключительно съ точки зрѣнія фарисеевъ, которые съ такимъ ожесточеніемъ возставали противъ Его ученія, и съ точки зрѣнія саддукеевъ, ненависть и злоба которыхъ привели Его къ смерти. Но Савлу представлялось много случаевъ видѣть, что младенческая церковь не погибла, какъ надѣялись іерусалимскіе іудеи, вслѣдствіе казни ея Основателя. Къ крайнему своему изумленію и негодованію, онъ въ теченіе немногихъ дней своего пребыванія въ Иерусалимѣ могъ уже получить убѣдительное доказательство необыкновенной живучести общины, которую онъ считалъ лишь презрѣнной сектой.

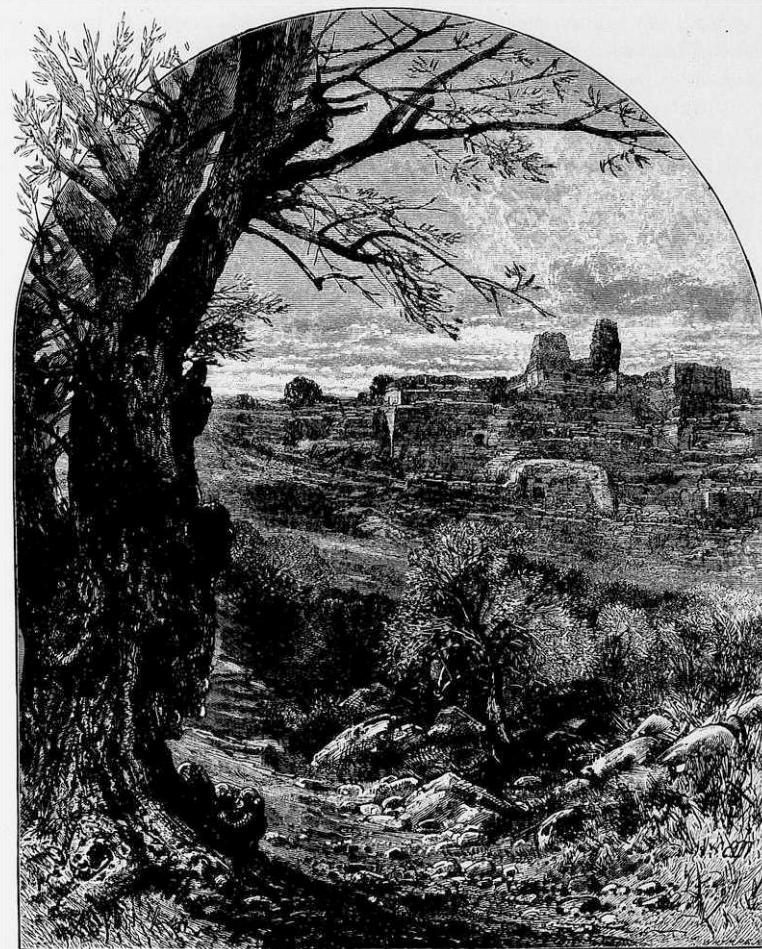
Откуда происходила эта непреодолимая энергія, эта неистощимая живучесть? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить исторія церкви и міра.

За смертью Иисуса Христа слѣдовалъ рядъ событій, дѣйствіе которыхъ будетъ чувствоваться до конца временъ,—событій, которыя по изумительной и неоспоримой духовной силѣ преобразили робкую горсть невѣжественныхъ и утраченныхъ учениковъ въ величавыхъ апостоловъ и учителей, сдѣлавшихся въ рукахъ Божіихъ орудіемъ возрожденія міра.

Воскресеніе Христа разсѣяло всѣ тучи съ ихъ опечаленныхъ сердецъ. За отчаяніемъ, которое на нѣкоторое время водворилось послѣ сильныхъ надеждъ, что Онъ былъ избавителемъ Израиля, наступило радостное непоколебимое убѣжденіе, что Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ. Въ свѣтѣ этого воскресенія все св. писаніе, вся исторія, все то, что они видѣли и слышали во время служенія Иисуса, озарилось и преобразилось. И хотя въ теченіе сорока дней между воскресеніемъ и вознесеніемъ общеніе съ ними воскресшаго Христа было не постояннымъ, а краткимъ и отрывочнымъ¹³⁵⁾, однако же—какъ свидѣлствуетъ самъ ап. Петръ въ подтвержденіе своего свидѣтельства въ обращеніи къ «разсѣяннѣмъ іудеямъ», которымъ онъ адресовалъ свое посланіе,—Богъ опять возродилъ ихъ воскресеніемъ Иисуса Христа изъ мертвыхъ къ упованію живому, къ наслѣдству нетлѣнному, неувядаемому, хранящемуся на небесахъ (1 Петр. 1, 3 и 4). Но и помимо этой славной истины, избранными свидѣтелями которой они сознавали себя¹³⁶⁾, ихъ воскресшій Спаситель далъ имъ много обѣтованій и наставленій и бесѣдовалъ съ ними касательно царства Божія. Въ своей послѣдней бесѣдѣ Онъ повелѣлъ имъ оставаться въ Іерусалимѣ и тамъ ожидать изліянія Духа, о которомъ они уже слышали отъ Него (Дѣян. 1, 4; Лук. xxiv, 49). Это обѣтованіе должно было исполниться на нихъ не только лично надъ каждымъ изъ нихъ, но и какъ на обществѣ, какъ на Церкви. И оно должно было исполниться въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ они были свидѣтелями Его крайняго униженія, и они были увѣрены, что имъ не придется ждать долго. Но хотя они и знали, что имъ немного дней спустя предстоитъ «креститься св. Духомъ и огнемъ», однако же съ цѣлью возбужденія ихъ вѣры и поддержанія ихъ въ бодрости точное время для этого не было опредѣлено имъ¹³⁷⁾.

Затѣмъ послѣдовало то послѣднее шествіе въ Виванію и та торжественная разлука на горѣ Елеонской, когда Спаситель ихъ былъ взятъ отъ нихъ и «облако взяло Его изъ вида ихъ». Но даже въ этой послѣдней бесѣдѣ Онъ ясно показалъ имъ ихъ положеніе и ихъ обязанности. Когда подъ вліяніемъ старыхъ мессіанскихъ мечтаній они спросили Его, не въ это ли время Онъ возстановитъ¹³⁸⁾ царство Израилю, Онъ прервалъ такіа грубыя мечтанія замѣчаніемъ, что не ихъ дѣло знать «времена или сроки»¹³⁹⁾, которые Отецъ положилъ въ своей власти¹⁴⁰⁾. Но хотя эти тайны Божіи не могли быть открыты ни имъ, ни кому либо вообще изъ живущихъ людей, они всетаки должны были получить—когда сойдетъ на нихъ Духъ Святой—особое право быть провозвѣстниками Христа, Его страданій и Его воскресенія сначала въ предѣлахъ св. земли, а затѣмъ и во всемъ мірѣ.

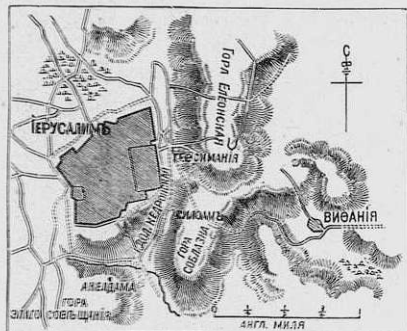
Съ гористыхъ склоновъ Елеона они возвратились обычнымъ субботнимъ поприщемъ¹⁴¹⁾ въ Іерусалимъ и собрались въ горницѣ¹⁴²⁾, которая была обыч-

Виванія.

нымъ мѣстомъ ихъ прежнихъ собраній. Это была одна изъ тѣхъ большихъ комнатъ подъ плоскою кровлею іудейскихъ домовъ, которая по ея уютности

предназначалась для религиозных цѣлей; а въ виду бѣдности этихъ галилейскихъ апостоловъ мы едва ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что это была та же самая комната, которою они уже пользовались во время тайной вечери и тѣхъ собраний въ первый день недѣли (Іоан. хх, 19, 26), на двухъ изъ которыхъ явился имъ Христосъ. Связанная съ столькими чудесными воспоминаніями эта горница повидимому была обычнымъ мѣстомъ пребыванія апостоловъ во время дней ожиданія ¹⁴³). Здѣсь въ назначенные часы молитвы къ нимъ присоединялись Матерь Іисуса ¹⁴⁴) и другія благочестивыя женщины, которыя служили Христу, равно какъ и Его братья, изъ которыхъ особенно одинъ ¹⁴⁵) отсель получаетъ важное значеніе въ исторіи церкви. До сихъ поръ эти «братья Господни» едва ли числились среди тѣхъ, кто вѣровалъ во Христа (Матѹ. хп, 46, хп, 55; Марк. vi, 3; 1 Кор. xv, 7), или если они и вѣровали въ Него, то только въ грубомъ смыслѣ, какъ въ земнаго Мессію. Теперь же, какъ можно съ вѣроятностью

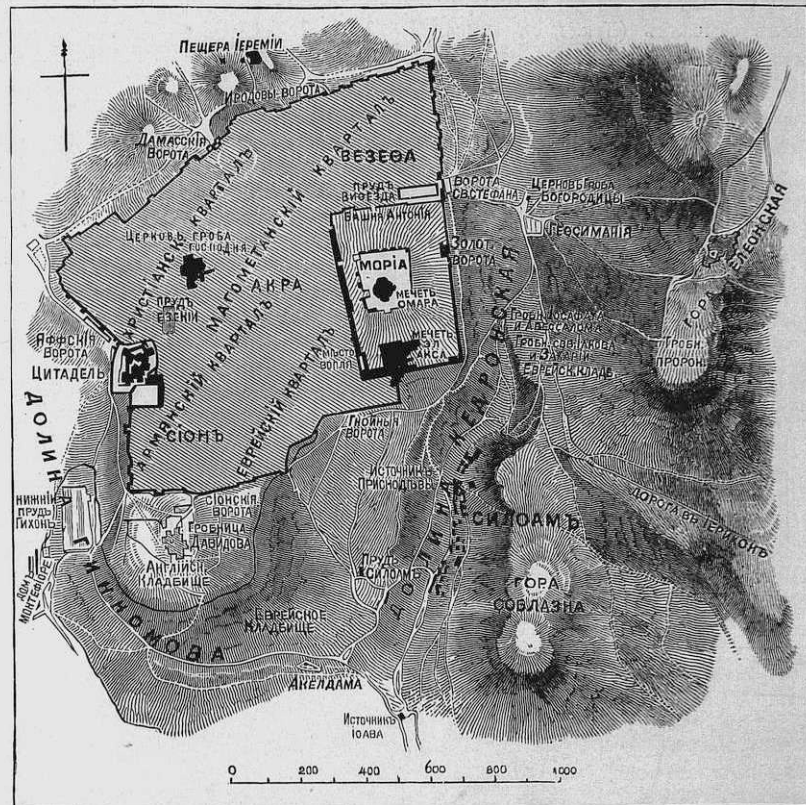

Путь отъ Іерусалима къ Віаніи.

заключать даже независимо отъ преданія, они измѣнили свое убѣжденіе и были обращены «силою Его воскресенія». Даже въ этихъ раннихъ собраніяхъ всей церкви Христовой въ Іерусалимѣ интересно видѣть, что хотя апостолы еще оставались іудеями по своей религіи, не измѣнившись ни въ чемъ, кромѣ вѣры въ Іисуса, какъ Христа Сына Бога живаго ¹⁴⁶), они однако же позволяли женщинамъ собираться съ ними на молитву не за особыми отгородками какъ при богослуженіи въ синагогѣ ¹⁴⁷), а въ томъ равенствѣ духовнаго общенія, которое въ послѣдствіи должно было развиваться въ славное ученіе, что среди искупленныхъ Христомъ нѣтъ уже ни іудея, ни язычника, ни раба, ни свободнаго, нѣтъ ни мужескаго пола, ни женскаго, но все одно во Христѣ Іисусѣ (Гал. iii, 28).

Въ теченіе десяти дней, протекшихъ между вознесеніемъ и пятидесятницей, одною изъ первыхъ заботъ апостоловъ было восполнить то мѣсто, которое оказалось въ ихъ обществѣ за выходомъ изъ него Іуды. Это было сдѣлано въ полномъ собраніи вѣрующихъ въ Іерусалимѣ, которые, вслѣдствіе отсутствія многихъ изъ тѣхъ пятисотъ, кому Христосъ явился въ Галилеѣ, собрались въ числѣ сѣмидесяти человекъ. Страшныя обстоятельства самоубійства предателя, о которыхъ передавались различныя ужасныя сказанія, оставили въ ихъ сердцахъ глубочайшую вѣру въ непосредственное Божіе возмездіе виновному. Онъ изъ злодѣйства лишился своего высокаго достоинства и удалился въ «свое собственное мѣсто» ¹⁴⁸). Что

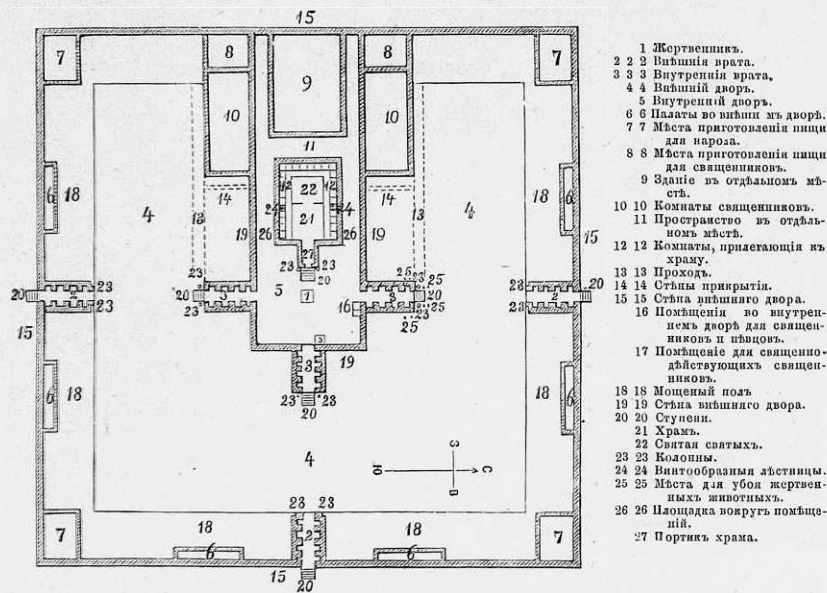
его мѣсто нужно было занять кѣмънибудь, это считалось необходимымъ какъ потому, что самъ Іисусъ избралъ двѣнадцать апостоловъ—по священному числу колѣнъ израилевыхъ,—такъ равно и потому, что ап. Петръ и церковь вообще видѣли въ Іудѣ отобразъ Ахитофела и, прилагая къ нему одно мѣсто 108 псалма,

Іерусалимъ и его окрестности.

желали, чтобы по удаленіи его кто нибудь другой занялъ его апостольскую должность ¹⁴⁹). Существеннымъ условіемъ для новаго апостола было то, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ воскресенія и находился въ общеніи съ учениками во все время пребыванія Спасителя съ ними. Способъ этого назначенія, единственный

въ новомъ заветѣ, повидимому вытекалъ изъ особаго положенія церкви въ теченіе первыхъ дней между вознесеніемъ и сошествіемъ Св. Духа. Какбы чувствуя, что они еще не обладали живою силою истиннаго различія духовъ, апостолы избрали двоихъ: Иосифа Варсаву, который въ языческихъ кружкахъ обыкновенно прозывался Густомъ, и Матеія ¹⁵⁰). Затѣмъ согласно ветхозавѣтнымъ примѣрамъ (Числ. xxvi, 55, 56; 1. Нав. vii, 14; 1 Цар. x, 20; Притч. xvi, 33) и іудейскимъ обычаямъ (Лук. i, 9), помоллись Богу, чтобы Онъ показалъ ¹⁵¹) того, кого Онъ избралъ. Имена ихъ были написаны на пластинкахъ и опущены въ

Планъ храма Соломонова.

сосудъ. Потрясли сосудъ и изъ него выпало имя Матеія. Онъ поэтому и принять былъ въ число двѣнадцати апостоловъ ¹⁵²).

Намъ ничего болѣе неизвѣстно касательно событій въ теченіе тѣхъ десяти дней, которые прошли между вознесеніемъ и пятидесятницей. Съ каждымъ изъ этихъ дней ныкая надежда, напряженное ожиданіе должны были возрастать все болѣе и болѣе, и особенно когда насталъ день пятидесятницы ¹⁵³). Это былъ первый день недѣли и пятидесятый день послѣ 16-го писана. Самыя обстоятельства этого дня должны были усиливать напряженность ихъ чувствъ. Пятидесятница была не только однимъ изъ трехъ великихъ годовыхъ праздниковъ и

Елеонская гора и Иерусалимъ.

праздникомъ жатвы, но она вмѣстѣ съ тѣмъ въ иудейскомъ сознаниіи отождествлялась, и совершенно правильно, съ годовщиной провозглашенія закона на Синаѣ ¹⁵⁴). Одного того обстоятельства, что насталъ другой торжественный праздникъ и что во время послѣдняго великаго праздника Спаситель ихъ былъ распятъ въ виду безчисленнаго народа собравшагося на Пасху, было достаточно для того, чтобы въ это торжественное утро ихъ думы всецѣло были поглощены непреодолимымъ предчувствіемъ предвѣстія перелома какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ исторіи міра,—предвѣстіемъ новаго и вѣчнаго посвященія ихъ на служеніе новому закону и на дѣло новой жизни.

Было раннее утро. Прежде чѣмъ насталъ «третій часъ дня», когда требовалось идти въ храмъ на утреннюю молитву ¹⁵⁵), вѣрующіе въ числѣ ста двадцати человѣкъ еще разъ по своему обычаю собрались въ горнищѣ. Нѣкоторые думаютъ, что великое событіе перваго дня пятидесятницы произошло въ храмѣ. Слово, передаваемое словомъ «домъ» ¹⁵⁶), могло одинаково означать и «палату», и дѣйствительно въ этомъ смыслѣ употребляется Иосифомъ Флавіемъ въ отношеніи тридцати небольшихъ помѣщеній, которыя прилегали къ сторонамъ храма Соломонова съ тридцатью другими комнатами надъ ними ¹⁵⁷). Но въ высшей степени невѣроятно, чтобы бѣдные и находящіеся подъ подозрѣніемъ ученики могли располагать одной изъ такихъ комнатъ. И затѣмъ извѣстно, что если въ Иродовомъ храмѣ эти комнаты были не больше помѣщеній находившихся въ храмѣ Соломоновомъ, то объемъ даже нижнихъ изъ нихъ былъ бы совершенно недостаточенъ для вмѣщенія такого большаго собранія лицъ. Это собраніе вѣроятно было одной изъ тѣхъ святыхъ и простыхъ трапезъ, которыя впоследствии были извѣстны у христіанъ подъ названіемъ *агасъ* или трапезъ любви. Едва ли нужно прибавлять, что нравственное значеніе, которое могло бы соединяться съ совершеніемъ этого событія въ храмѣ, нисколько не потеряло бы своей чудесности, даже если бы мы предположили, что знаменіе новой вѣры совершилось просто на улицѣ и въ простомъ жилищѣ, и именно какъ наглядное объявленіе о наступленіи тѣхъ дней, когда люди должны поклоняться Отцу не на Сіонѣ и не на горѣ Гаризимѣ, а поклоняться Ему вездѣ въ духѣ и истинѣ (Іоан. iv, 21—23).

Что составляетъ священность и важность этого событія, это—его внутреннее значеніе. Его необычайность состоитъ въ томъ, что оно было торжественнымъ началомъ новаго и конечнаго фазиса въ отношеніи Бога къ человечеству. Аврааму Онъ далъ обѣтованіе, которое было сѣменемъ религіи. Когда Онъ воззвалъ свой народъ изъ Египта, Онъ далъ имъ нравственный законъ и тотъ обрядовый законъ, который долженъ былъ служить оплотомъ для истинной теократіи. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ дѣйствія Моисеева завѣта, скинія и храмъ были видимымъ знакомъ присутствія Божества. Затѣмъ, въ теченіе короткаго періода жизни Христа на землѣ, Онъ обиталъ между людьми, живя въ скиніи подобно нашей и изъ того же самаго вещества ¹⁵⁸). Это смертное тѣло

Христа было храмомъ Божиимъ въ гораздо болѣе глубокомъ смыслѣ, чѣмъ можно сказать относительно какого бы то ни было дома, построеннаго руками человѣческими. Наконецъ Тотъ, кто далъ людямъ Сына своего для обитанія между ними, далъ имъ также своего Духа въ сердца ихъ. Болѣе этого уже нельзя было дать; ближе этого уже невозможно было стать къ нимъ. Отсалъ Его храмомъ должно было стать смертное тѣло всякаго крещеннаго христіанина, а Его Духъ сталъ предпочитать «всѣмъ храмамъ сердце правое и чистое». Кто признаетъ все это во всей полнотѣ его значенія, чье сердце и совѣсть свидѣтельствуютъ объ этой истинѣ, тотъ въ истинномъ свѣтѣ взглянетъ на исполненіе обѣтованія Христова въ изліяніи Его Духа и, считая вышнее чудо *наименѣе* чудесною частью событія въ день пятидесятницы, не будетъ, какъ говоритъ Неандеръ, пытаться объяснить большее меньшимъ или «считать страннымъ, что наичудеснѣйшее событіе во внутренней жизни человечества сопровождалось необычными вышними явленіями, какъ чувственными знаками Его бытія» ¹⁵⁹).

Когда сердца учениковъ горѣли такою пылкою ревностью и озарены были такою пламенною надеждою, вдругъ восторженному и ожидающему собранію явилось знаменіе того, чего они желали. Совершилось сошествіе обѣтованнаго Христомъ озаряющаго Духа Божія, совершилось крещеніе Духомъ Святымъ и огнемъ, почувствовалась чудесно преобразующая сила Духа свыше, какъ вѣчное доказательство имъ, а чрезъ нихъ въ непрерывномъ преемствѣ и всѣмъ принимающимъ слово ихъ, что Тотъ, который взять былъ отъ нихъ на небо, еще пребывалъ съ ними и будетъ пребывать съ ними навсегда, до скончанія міра.

Знаменіе это сопровождалось шумомъ какбы отъ несущагося сильнаго вѣтра, наполнило весь домъ, гдѣ они находились, явилось на подобіе раздробленнаго пламени ¹⁶⁰), которое, раздѣляясь въ разныхъ направленіяхъ ¹⁶¹), сверкало подобно огненнымъ языкамъ надъ головами каждаго изъ нихъ. Это не былъ вѣтеръ, а только шумъ «какбы отъ несущагося сильнаго вѣтра». Это не былъ огонь, а нѣчто такое, что было подобно трепещущимъ языкамъ пламени, которое горѣло, но не жгло—истинный символъ Св. Духа, который, подобно вѣтру, дуетъ гдѣ хочетъ, хотя мы не знаемъ, откуда онъ приходитъ и куда идетъ, и подобно воспламененному огню любви, горящему на священномъ алтарѣ всякаго вѣрующаго сердца, нерѣдко произноситъ даже лепечущими устами жгучія слова вдохновенія. Что эта первая пятидесятница отмѣтила собою начало новаго величайшаго момента въ судьбѣ человечества, этого навѣрно не будетъ отрицать никто. Несомнѣнно во всѣ вѣка съ этого времени сыны Божіи въ неизвѣстной дотолѣ степени были научаемы Духомъ Божиимъ; несомнѣнно съ этого момента въ неизвѣстной дотолѣ мѣрѣ мы можемъ знать, что Духъ Христовъ обитаетъ въ насъ. Мы несомнѣнно можемъ наслаждаться болѣе близкимъ единеніемъ съ Богомъ во Христѣ, чѣмъ сколько это возможно было для святыхъ ветхаго завѣта, и благодарною увѣренностью, что мы видимъ дни, которыхъ желали видѣть цари и

пророки и не видѣли, и слышать истины, которыхъ они желали слышать и не слышали. И этотъ Новый Заветъ во всей своей полнотѣ начался именно отсюда. Это не было исключительное посвященіе на особое священство, не было отдѣльное возведеніе на степень ограниченного апостольства: это было посвященіе всей церкви, ея мужей, женъ и дѣтей, посвященіе на то, чтобы всѣ они были «избраннымъ народомъ», царственнымъ священствомъ, святымъ народомъ, народомъ Божиимъ; это было возведеніе въ особое достоинство, которое должно было распространиться на все человѣчество. Каждый изъ тѣхъ ста двадцати человѣкъ не былъ исключительнымъ свидѣтелемъ откровенія и преемникомъ особаго благословенія, а былъ лишь предтечей и представителемъ слѣдующихъ милліоновъ. Чудо это не было лишь преходящимъ, а оказало свое дѣйствіе на всѣ слѣдующіе вѣка. Это не былъ шумный звукъ и блистательный свѣтъ, видимый только въ теченіе одного момента. Это—живая сила и непрерывающееся вдохновеніе. Это не просто видимый символъ собравшейся горсти человѣческихъ душъ въ горницѣ иудейскаго дома, а животворящее вѣяніе, которое отсюда будетъ оживлять своимъ дыханіемъ всѣ вѣка исторіи міра, потокъ свѣта, который все болѣе и болѣе будетъ разливаться отъ края до края, пока земля не переполнится знаніемъ Господа, какъ море переполняется водами. Если на это событіе нужно смотрѣть въ этомъ именно свѣтѣ, то внѣшній символъ получаетъ уже второстепенное значеніе. Тѣ, кто признаютъ истинность изложеннаго нами, не будутъ имѣть надобности входить въ утомительные споры касательно того, было ли все это знаменіе, шумѣвшее подобно вѣтру и блиставшее подобно пламени¹⁶²⁾, внѣшнею дѣйствительностью, или только субъективнымъ впечатлѣніемъ, настолько однако же живымъ, что можно было отождествить его съ самою вещью. Когда душа всецѣло переполнена духовнымъ свѣтомъ и духовнымъ огнемъ; когда она, какъ въ иудейскомъ сказаніи о великомъ законоучителѣ, какбы служить отголоскомъ гармоніи другихъ міровъ; когда она восхищена до третьяго неба и слышитъ слова, которыя невозможно человѣку глаголати; когда до отдаленнѣйшаго горизонта своего сознанія она какбы переполняется «шумомъ несущагося вѣтра»; когда, говоря языкомъ бл. Августина, естественная жизнь мертва и душа подъ пыломъ духовнаго озаренія трепещетъ жизнью сверхъестественной,—то что для такой души объективно и что субъективно? На эти вопросы можетъ быть только одинъ отвѣтъ: «въ тѣлѣ или внѣ тѣла—сказать не могу; знаетъ лишь Богъ»¹⁶³⁾.

Но когда отъ этихъ таинственныхъ явленій мы обратимся къ дѣйствию, произведенному ими въ тѣхъ, надъ кѣмъ они совершились, то мы приступаемъ къ явленіямъ, подлежащимъ болѣе точному опредѣленію. Здѣсь однако же необходимо полагать различіе между непосредственнымъ результатомъ и постояннымъ вдохновеніемъ. Первое поразило нѣкоторое собраніе людей, послѣднее оживотворило міръ. Первое повело къ немедленному обращенію, послѣднее есть сила святой жизни. Первое было новымъ и изумительнымъ взрывомъ невѣдомаго чувства

послѣднее стало постоянной силой, дающей возможность душѣ возноситься отъ земли къ небу—въ сильномъ полетѣ на двойственныхъ крыльяхъ вѣры и любви.

Но хотя и не можетъ быть никакого сравненія между дѣйствительной важною преходящаго явленія и постояннымъ дѣйствіемъ, для истиннаго пониманія вѣка апостольскаго необходимо точнѣе уяснить себѣ то, что сказано намъ о первомъ. «И они исполнились всѣ Духа Святаго—говорится о немъ—и начали говорить на иныхъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщевать»¹⁶⁴⁾.

При первомъ взглядѣ на слѣдующее затѣмъ повѣствованіе, независимо отъ аналогій другихъ мѣстъ св. писанія, является убѣжденіе, что за изліаніемъ Духа Святаго въ день пятидесятницы слѣдовалъ взрывъ рѣчей, въ которыхъ общество галилеянъ говорило на множествѣ невѣдомыхъ имъ дотогѣ языковъ; и это повело

Горница въ іудейскомъ домѣ.

къ заключенію, что въ теченіе всей своей жизни апостолы владѣли способностью говорить на языкахъ, которыхъ они никогда не изучали¹⁶⁵⁾.

Но если мы внимемъ въ тѣ мѣста, гдѣ указываются или обсуждаются такіе явленія, то они намъ покажутъ, что такой взглядъ на предметъ по меньшей мѣрѣ спорный (Марк. хvi, 17). Мы не будемъ касаться вопроса о подлинности этихъ мѣстъ. Слово *καινὰ* «новыми» опущено во многихъ переводахъ и манускриптахъ¹⁶⁶⁾; но если и удерживается гдѣ, то всетаки оно идетъ противъ общаго понятія, такъ какъ указываетъ на странныя рѣчи, а не на чужеземные языки. Въ другихъ мѣстахъ книги Дѣяній Апостольскихъ (х, 46; хix, 6; сн. xi, 15), гдѣ указывается на этотъ даръ св. Духа, не говорится объ употребленіи незнакомыхъ языковъ. Въ дѣйствительности этотъ взглядъ на предметъ главнымъ образомъ утвердился въ народномъ понятіи отъ вставки слова «незнакомый» въ 1 Кор. хiv

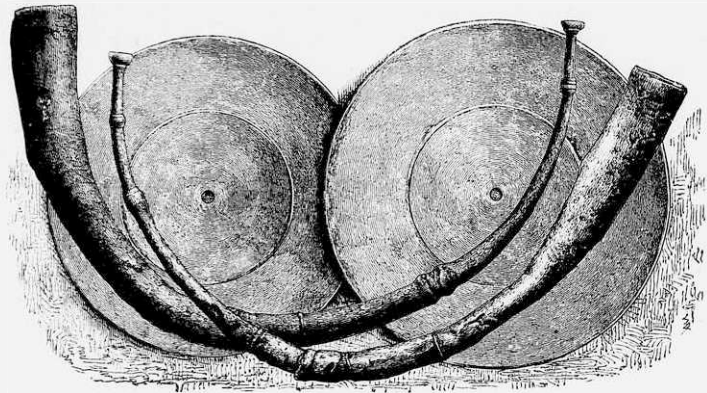
(1 Кор. xiv, 4, 13, 14, 27). Глоссолалия или «говорение языками» ставится въ связь съ «пророчествомъ», т. е. восторженною проповѣдью и прославленіемъ Бога. Единственное мѣсто, при помощи котораго мы можемъ уяснить себѣ это, есть тотъ отдѣлъ перваго посланія къ Коринѳянамъ, на который мы только что указали (1 Кор. xii—xiv, 33). При тщательномъ изслѣдованіи этого отдѣла, невозможно не придти къ заключенію, что по крайней мѣрѣ въ Коринѳѣ «даръ языковъ» не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія къ иностраннымъ языкамъ. На такое знаніе, если только это единственное мѣсто въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ не есть исключеніе, нѣтъ ни малѣйшаго указанія въ св. писаніи. Что это мѣсто не есть исключеніе, ясно видно изъ того, что ап. Петръ въ опроверженіе грубой насмѣшки, что будто это явленіе было результатомъ опьяненія, ограничивается лишь наиболѣе подходящей ссылкой въ доказательство столь необычайнаго событія, а то мѣсто пророка Іоіи, исполненіе котораго онъ видитъ въ изліяніи Духа въ день пятидесятницы, не содержитъ ни малѣйшаго намека на иностранные языки. Поэтому мнѣніе, что таково именно было немедленное слѣдствіе изліянія, неизвѣстно первымъ двумъ вѣкамъ и возникло только уже съ затѣмнѣніемъ истиннаго преданія о немъ. То мнѣніе, что даръ знанія неизучавшихся языковъ предназначался въ пособіе апостоламъ въ ихъ будущей проповѣди, влечетъ за собою массу недоразумѣній. Во первыхъ, такой даръ былъ бы совершенно чуждъ тому закону божественнаго промысла, по которому ничего не дается человѣку такого, что онъ можетъ самъ приобрести своими собственными усиліями. Во вторыхъ, благодаря всеобщей распространенности въ то время греческаго и латинскаго языка, въ исторіи не было еще періода, въ который настояло бы менѣе надобности въ такомъ именно дарѣ¹⁶⁷⁾. Въ третьихъ, хотя всѣ другія чудеса Новаго Завѣта находятъ себѣ аналогическіе примѣры, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени и послѣ смерти апостоловъ, среди нихъ, даже въ раннихъ сказаніяхъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека, которымъ бы предполагалось существованіе такого чудеснаго дара¹⁶⁸⁾. Въ четвертыхъ, хотя ап. Павелъ «говорилъ языками»¹⁶⁹⁾ болѣе всѣхъ своихъ обращенцевъ, но изъ повѣствованія о томъ, что случилось въ Ликаоніи, видно, что въ наиболѣе опасный моментъ онъ не понималъ ликаонійскаго діалекта. Въ пятыхъ, раннее христіанское преданіе явно утверждаетъ, что апостолы не обладали сверхъестественнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, такъ какъ Палій указываетъ, что Маркъ сопровождалъ ап. Павла въ качествѣ «толмача» (*ἐρμηνεύτης*); а Іеронимъ говоритъ, что Титъ былъ полезенъ ап. Павлу вслѣдствіе своего знанія греческаго языка¹⁷⁰⁾.

Такимъ образомъ мы по необходимости должны смотрѣть иначе на то выраженіе вдохновенія, которымъ сопровождалось небесное знаменіе въ день пятидесятницы. Ошибочное истолкованіе его возникло вслѣдствіе слишкомъ буквальнаго пониманія драматическаго воспроизведенія евангелистомъ Лукой неопредѣленнаго ропота толпы, ошибочно понявшей сущность того дара, свидѣтельница

дѣйствительнаго проявленія котораго пришлось ей быть. При внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, намъ думается, трудно избѣгнуть заключенія Неандера, что «чужіе языки, на которыхъ апостолы говорили при этомъ случаѣ, были лишь случайнымъ, а не существеннымъ элементомъ языка Духа Святаго»¹⁷¹⁾.

Въ древнія времена, особенно до Оригена, повидимому господствовало мнѣніе, что апостолы говорили только на одномъ языкѣ, но чудо состояло въ томъ, что каждый слушатель воображалъ, будто это былъ его собственный родной языкъ¹⁷²⁾. Объясненіе это замѣчательно тѣмъ, что показываетъ, какъ рано уже явилось сомнѣніе въ правильности пониманія этого событія. По новѣйшимъ воззрѣніямъ (опирающимся главнымъ образомъ на мнѣнія св. Кипріяна и Эразма), апостолы говорили только на одномъ языкѣ, но вслѣдствіе его особенной силы и знаменательности онъ былъ одинаково понятенъ всѣмъ слушателямъ. Что такое явленіе мыслимо, это исполнѣ можно допустить и оно получаетъ еще болѣе вѣроятности вслѣдствіе многихъ подобныхъ явленій въ исторіи церкви. Сказанія о разныхъ знаменитыхъ христіанскихъ подвижникахъ, надѣленныхъ духовною силою и способностью подавлять страсти, возжигать восторгъ или возбуждать чувство покаянія въ огромныхъ толпахъ, къ которымъ они обращались на языкѣ непонятномъ большинству слушателей, — совсѣмъ не вымыслы, и тотъ, кто когда нибудь присутствовалъ при рѣчи великаго оратора, хотя бы даже и внѣ сферы достиженія его голоса, легко можетъ понять сущность и силу производимаго такимъ образомъ впечатлѣнія¹⁷³⁾. Но ни одна изъ этихъ теорій, взятая въ отдѣльности, недостаточна для объясненія разсматриваемаго явленія. Почти всѣ теоріи касательно глоссолалии слишкомъ односторонни; истинный взглядъ можно получить только при сводѣ ихъ. Мнѣніе, что апостолы говорили на языкахъ совсѣмъ неизвѣстныхъ, или только отчасти извѣстныхъ, или только такихъ, которые раньше были знакомы проповѣдникамъ; что языкъ этотъ былъ мистическій, восторженный, поэтический, облеченный въ необычайную форму фразеологіи и выраженія¹⁷⁴⁾; что это было дионрамбическое изліяніе страннаго и ритмическаго славословія; что это было пламенное произношеніе отрывочныхъ словъ и текстовъ еврейскаго писанія; что это была дикая, непонятная, нечленораздѣльная послѣдовательность звуковъ, которые или не производили никакого впечатлѣнія на обыкновеннаго слушателя, или могли быть доступны лишь тому, кто имѣлъ особенную способность понимать восхищенный и экстагическій тонъ, — ни одинъ изъ этихъ взглядовъ не можетъ быть правильнымъ въ отдѣльности, всѣ они могутъ имѣть нѣкоторую долю истины въ ихъ сочетаніи. Таковъ именно смыслъ выраженія ап. Павла: «роды языковъ». Если мы допустимъ, какъ и должны допустить, что глоссолалія въ Коринѳѣ и въ другихъ мѣстахъ была тождественна съ глоссолаліей въ день пятидесятницы, тогда мы должны истолковывать разсказъ св. Луки, написанный, нужно сказать, въ гораздо ранній періодъ, въ непосредственномъ соприкосновеніи и даже подъ непосредственнымъ опытомъ

этого явления, при помощи полного и тщательнаго обследованія этого предмета ап. Павломъ. Что глоссолалія въ Коринѣхъ не была говореніемъ на иностранныхъ языкахъ, это слишкомъ ясно, чтобы требовались для того особаго доказательства. Ап. Павелъ, говоря о ней, сравниваетъ ее съ «бряцаніемъ кимвала», съ «мѣдью звучащей»¹⁷⁵⁾, съ «неяснымъ звукомъ трубы»¹⁷⁶⁾, съ «пераздѣльными тонами свирѣли или гуслей»¹⁷⁷⁾. Мы узнаемъ, что она безъ особаго истолкованія не могла быть назидательною для кого нибудь другаго, кромѣ самого говорящаго¹⁷⁸⁾; что даже самъ говорящій не всегда понималъ ее (1 Кор. xiv, 19); что она была спорадична въ своихъ проявленіяхъ (xiv, 27), возбужденна, нечленораздѣльна, изумительна (xiv, 2), предназначалась скорѣе въ знаменіе невѣрующимъ, чѣмъ въ пособіе вѣрующимъ; но даже и въ отношеніи невѣрующихъ, если не

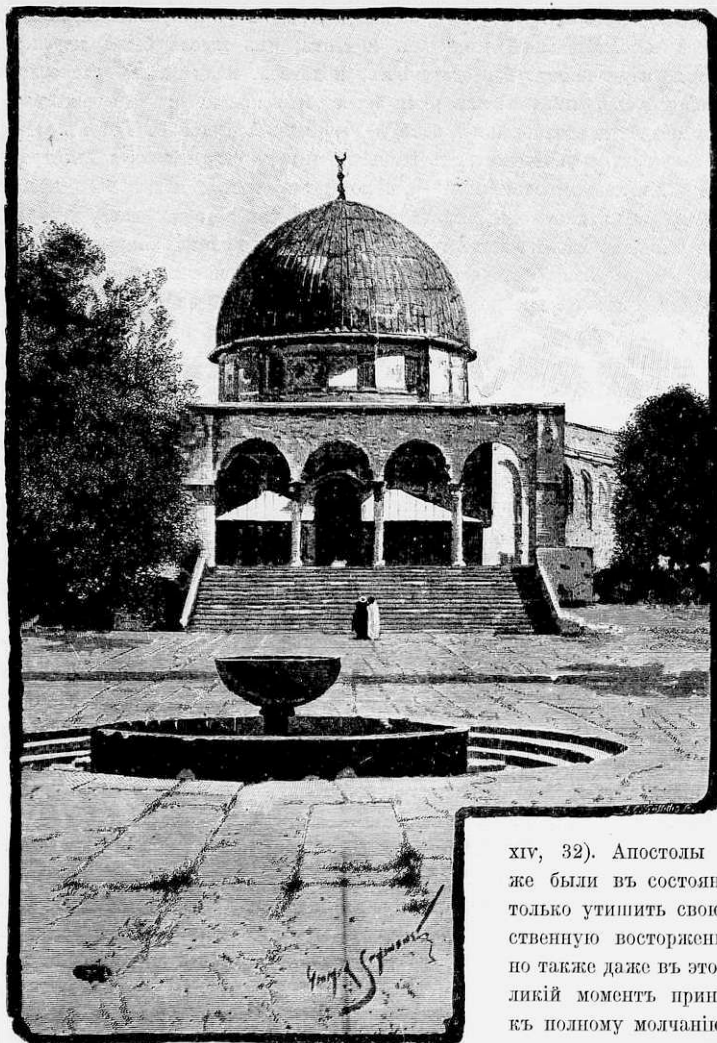
Древніе кимвалы и трубы.

ограничивалась извѣстными правилами, могла производить впечатлѣніе бѣснованія¹⁷⁹⁾; наконецъ, ограничиваемая даже въ своихъ проявленіяхъ со стороны наиболѣе правдивыхъ и благородныхъ подпадавшихъ ея дѣйствию лицъ, она все-таки часто вела къ сомнительнымъ и безпорядочнымъ поступкамъ (1 Кор. xiv, 9, 11, 17, 20—23, 26—28, 33, 40). Всякій, добросовѣстно вникнувъ въ эти указанія, едва ли будетъ сомнѣваться, что, когда сознаніе новой силы снизошло на собравшихся въ горницѣ учениковъ, они говорили не такъ, какъ обыкновенно говорятъ люди. Ихъ голосъ былъ чудесно необычаенъ въ своей высотѣ, въ своемъ тонѣ, въ своихъ переливахъ, въ своей проникающей, почти подавляющей силѣ¹⁸⁰⁾; произносимыя ими слова были восторженны, сильны, пламенны, полны таинственнаго значенія; употреблявшійся ими языкъ не былъ ихъ обычнымъ разговорнымъ языкомъ, а былъ еврейскимъ или греческимъ, латинскимъ или арамей-

скимъ, персидскимъ или арабскимъ, на какой только могъ направить ихъ всеподавляющій и несознательный импульсъ момента; ихъ мысли были переполнены восторгомъ, изумленіемъ, благодареніемъ, молитвой, пламеннымъ славословіемъ, дионарибическимъ гимномъ; ихъ рѣчи были обращены не отъ одного къ другому, но были подобны вдохновенной бесѣдѣ уединенной души съ Богомъ. И среди этихъ странныхъ звуковъ многихъ голосовъ, вдругъ загремѣвшихъ въ стройномъ аккордѣ восторженнаго состоянія¹⁸¹⁾, нѣкоторыхъ совѣтъ нельзя было правильно истолковать, такъ какъ они раздавались въ воздухѣ подобно лепету невѣдомыхъ языковъ и никому кромѣ самихъ говорившихъ ими, и притомъ говорившихъ какбы внѣ сознанія, не давали никакого опредѣленнаго значенія, будучи лишь проявленіями одной и той же восхищенности,—отголосками, произведенными въ различныхъ душахъ однимъ и тѣмъ же безграничнымъ святымъ вдохновеніемъ. Такимъ именно, какъ можно заключать изъ замѣчаній св. Луки и апп. Петра и Павла, и былъ «даръ языковъ». При такомъ истолкованіи онъ находится въ строгомъ согласіи съ извѣстными законами психологіи¹⁸²⁾ и показываетъ намъ, что болѣе естественнаго, болѣе очевиднаго и болѣе сильнаго знаменія изліянія Св. Духа и не могло быть.

Городъ Іерусалимъ въ это время былъ переполненъ смѣшанными толпами іудеевъ и прозелитовъ. Страшный шумъ¹⁸³⁾ конечно сначала остановилъ на себѣ изумленное вниманіе одного, затѣмъ другихъ и наконецъ цѣлой толпы жителей и прохожихъ. Самый вѣкъ — вѣкъ напряженнаго ожиданія какого-то божественнаго событія; самый день великой годовщины пятидесятницы и Синая; часъ, когда народъ уже начиналъ наводнять улицы по направленію къ храму,— все это конечно могло способствовать увеличенію толпы и возбужденію ея чувствъ. Сначала только нѣкоторые начали взбираться по наружной лѣстницѣ ведущей въ горницу, а затѣмъ стали тѣсниться и въ большемъ количествѣ, пока ихъ настойчивость, ихъ восклицанія страха, изумленія, удивленія и оскорбленія не нарушили святаго восторга апостоловъ. Церковь въ первый разъ лицомъ къ лицу оказалась съ міромъ, и этотъ міръ громко выражалъ свое изумленіе, въ которомъ однакоже слышались и открытые возгласы ненависти и презрѣнія. Что особенно обратило на себя вниманіе лучшей части толпы, это было то, что эти «галилеине» на странныхъ языкахъ прославляли милость и силу Божію; но большинство зрителей было переполнено чувствомъ презрѣнія, видя во всемъ этомъ одно дикое изуверство. Эти люди—насмѣшливо восклицали нѣкоторые изъ нихъ—слишкомъ рано воспользовались праздникомъ пятидесятницы (Втор. xvi, 11), «они напились сладкаго вина»¹⁸⁴⁾.

Эти грубыя насмѣшки и вынудили апостоловъ на немедленное объясненіе¹⁸⁵⁾. «Духи пророческіе», какъ говоритъ ап. Павелъ съ мужественною практическою мудростью, которая въ немъ встрѣчается въ такомъ рѣдкомъ сочетаніи съ пламеннымъ энтузіазмомъ, «послушны пророкамъ» (1 Кор.

Мечеть Омара въ Иерусалимѣ.

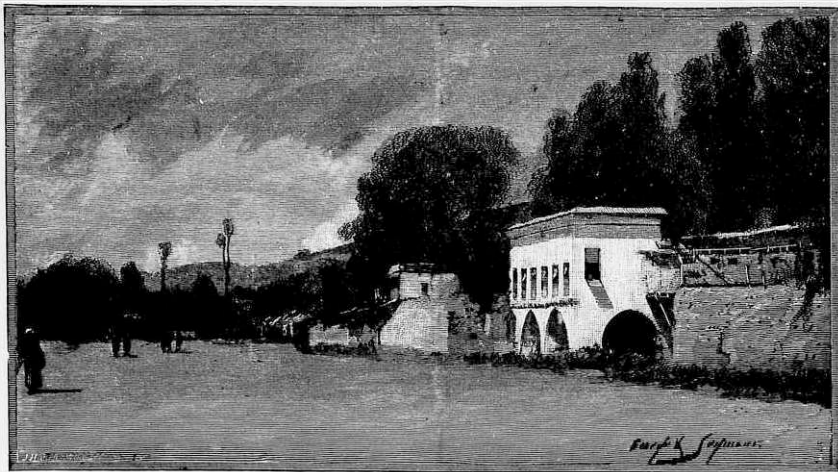
xiv, 32). Апостолы сразу же были въ состояніи не только утишить свою собственную восторженность, но также даже въ этотъ великій моментъ принудить къ полному молчанію восторженное чувство своихъ собратій. Они хорошо видѣ-

ли, что для ихъ положенія, какъ свидѣтелей Божественнаго откровенія, было бы въ высшей степени опасно, если бы что либо въ ихъ богопоклоненіи, хотя даже съ

оскорбительною цѣлю, могло быть представлено въ качествѣ вакханическаго обнаруженія безконтрольнаго чувства. Необходимо было сразу же доказать, что у ученика-христианина нѣтъ ничего общаго съ изувѣрнымъ факиромъ. Очистивъ комнату отъ всѣхъ вторшихся въ нее постороннихъ лицъ и освободивъ для себя пространство на верхней площадкѣ лѣстницы, откуда можно было говорить къ переполнявшей улицу толпѣ отъ имени всѣхъ собратій, апостолы выступили впередъ и Петръ первый обратился съ рѣчью, ставъ въ положеніе и начавъ говорить тономъ, который невольно обращалъ на себя вниманіе¹⁸⁶). Онъ прежде всего просилъ серьезнаго вниманія отъ слушателей и началъ говорить народу, что ихъ грубое подозрѣніе опровергалось уже тѣмъ, что было еще только 9 часовъ утра. Затѣмъ онъ продолжалъ объяснять имъ, что это было исполненіе пророчества Іоиля, по которому между другими знаменіями и чудесами послѣднихъ дней будетъ и особое изліяніе Духа Божія, подобное тому, проявленія котораго они сами были очевидцами. Цѣлью остальной его рѣчи было доказать, что этотъ Духъ былъ изліанъ тѣмъ же самымъ Іисусомъ Назореємъ¹⁸⁷), котораго они пригвоздили ко кресту, но воскресеніе и избавленіе отъ нѣдръ смерти котораго было предвозвѣщено въ псалмахъ Его славнаго предка.

Мощь, съ которою эта рѣчь пала на сердца слушателей, сила и безбоязненность, съ которою она произносима была человѣкомъ, который еще какихъ нибудь два мѣсяца тому назадъ отъ простаго вопроса любопытной служанки былъ устранинъ до того, что отрекся отъ своего Господа; пониманіе св. писанія, обнаруживавшееся въ людяхъ, которые еще такъ недавно были «неразумны и медлительны сердцемъ» для того, чтобы вѣрить во все то, что пророки говорили касательно Христа (Луки xxiv, 25); три тысячи народа сразу же крестившагося въ исповѣданіе новой вѣры—все это само по себѣ было въ высшей степени убѣдительнымъ доказательствомъ, даже болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ шумящій вѣтеръ, странные языки и трещащее пламя,—что нынѣ вѣстину исполнилось обѣщаніе Духа Утѣшителя и что насталъ новый вѣкъ въ отношеніяхъ Бога къ міру.

Бейрутская дорога въ Дамаскѣ.

ГЛАВА VI.

ПЕРВЫЯ ГОНЕНІЯ.

Если отъ Бога дѣло сіе, вы не можете разрушить его.
Гамалиилъ. Дѣян. у, 39.

ИЗНѢ первыхъ христіанъ была счастливымъ дѣтствомъ церкви въ ея ранней невинности. Она отличалась простотой, радостью, молитвой и братствомъ. Дома и въ мѣстахъ собранія ихъ жизнь была непрерывной молитвой, ихъ трапеза—непрерывною трапезою любви и непрерывной евхаристіей. Въ храмѣ они присутствовали при общественномъ богослуженіи съ единомышленнымъ рвеніемъ. При первыхъ порывахъ братской радости многие продавали свое имѣніе для увеличенія общаго достоянія. Численность маленькой общины возрастала ежедневно и масса народа смотрѣла на нихъ не только съ чувствомъ терпимости, но и съ любовью и почтеніемъ.

Слѣдовавшія затѣмъ событія сначала всѣ способствовали къ упроченію ихъ положенія. Исцѣленіе хромага у притвора Соломонова; затѣмъ смѣлая рѣчь Петра; непоколебимая стойкость, съ которою апп. Петръ и Іоаннъ выдерживали ярость саддукеевъ; тотъ способъ, съ которымъ всѣ

ученики относились къ гоненіямъ, даже радуясь имъ, если они испытывались ими при исполненіи своего долга¹⁸⁸⁾; та сила, съ которою они свидѣтельствовали о воскресеніи своего Господа; прекрасное зрѣлище ихъ единодушія; ужасающая неожиданность, съ которою Ананія и Савфира были поражены смертью; знаменіе чудесъ совершавшихся ими силою вѣры; ревность и благочестіе, которыми отличались всѣ ихъ собранія въ притворѣ Соломоновомъ,—содѣйствовали быстрому возрастанію численности и возвышенію положенія христіанскихъ собратій. По мѣрѣ усиленія ихъ вліянія, іерархическая клика, которая въ то время заправляла собраніемъ еще носившимъ названіе синедріона, приходила все въ болѣшую и болѣшую тревогу. Вопреки населенію, сочувствіе котораго дѣлало опаснымъ въ то время вмѣшиваться въ дѣла послѣдователей Иисуса, они наконецъ потребовали двухъ главныхъ апостоловъ въ торжественное собраніе синедріона и сената¹⁸⁹⁾. Въ этомъ, какъ и въ прежнемъ засѣданіи, вѣроятно присутствовала вся іерархическая партія—хитрый Анна, суетный Каіафа¹⁹⁰⁾, богатая, беззащитная, корыстолюбивая партія камитовъ, фавіевъ, кантеровъ и боетусимовъ¹⁹¹⁾, фарисейскіе законоучители съ Гамалииломъ во главѣ, Іохананъ—быть можетъ знаменитый Іохананъ Бен-Заккай¹⁹²⁾; Александръ—быть можетъ богатый братъ ученаго Филона¹⁹³⁾; тѣ самыя личности, которыя присутствовали и на тѣхъ тайныхъ, преступныхъ, бурныхъ, незаконныхъ собраніяхъ, на которыхъ они предали Господа Иисуса своимъ римскимъ палачамъ, опять собрались и здѣсь, но теперь уже съ чувствомъ нѣкоторой тревоги и страха, собрались для того, чтобы еще разъ сдѣлать послѣднее усиліе для искорененія ереси галилейской.

Апостолы, когда ихъ въ первый разъ потребовали въ синедріонъ, были арестованы вечеромъ начальникомъ храма, и получивъ строгую угрозу, скоро были отпущены и именно отчасти потому, что саддукеи относились къ нимъ слишкомъ свысока, а еще болѣе потому, что они не знали, какъ опровергнуть чудо исцѣленія хромага. Но апостолы тогда же открыто заявили, что законъ вышшаго долга вынуждаетъ ихъ пренебречь этими угрозами, и дѣйствительно продолжали поучать все возраставшія тысячи народа, распространяя то самое ученіе о воскресеніи, которое переполняло саддукеевъ особеннымъ негодованіемъ. Такъ очевидно невозможно было оставлять ихъ на свободѣ, и по приказу первосвященника они ввергнуты были въ тюрьму. Синедріонъ рано собрался для суда надъ ними. Но когда послали за ними въ тюрьму, то оказалось, что апостоловъ уже не было тамъ и что освобожденные Ангеломъ Господнимъ они спокойно учили въ храмѣ. Въ крайнемъ смущеніи члены синедріона еще разъ отправили храмоваго начальника арестовать ихъ, но на этотъ разъ безъ всякаго насилія, которое могло бы повести къ опаснымъ послѣдствіямъ. Апостолы не оказали никакого сопротивленія и тотчасъ же были поставлены тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ ихъ Спаситель—посрединѣ грознаго полукруга гнѣвныхъ судей. Въ отвѣтъ на негодующее напоминаніе со стороны первосвященника о полученномъ ими предосте-

реженіи, ап. Петръ просто высказалъ свой взглядъ на дѣло, что именно когда наша обязанность къ человѣку сталкивается съ нашею обязанностью къ Богу, то мы должны скорѣе повиноваться Богу ¹⁹⁴). Первосвященникъ сказалъ имъ: «вы хотите низвести на насъ кровь Того человѣка». Слова эти представляютъ страшный комментарий на наглый вопль: «кровь Его на насъ и на дѣтихъ нашихъ». Тогда синедрионъ не боялся Иисуса. Теперь онъ трепеталъ при мысли о мщеніи, которое могло быть низведено на него двумя изъ презрѣннѣйшихъ учениковъ. Фраза эта замѣчательна также въ томъ отношеніи, что въ первый разъ представляеть примѣръ уклоненія называть Христа по имени, что дѣлаетъ также и талмудъ, называя Его большею частью *Иелони* ¹⁹⁵), «нѣкто». Петръ не увеличивалъ тревоги священниковъ; онъ не сдѣлалъ намека на предстоящее мщеніе; онъ только сказалъ, что апостолы и Св. Духъ, дѣйствовавшій въ нихъ, были свидѣтелями воскресенія и прославленія Того, Кого они убили. При этихъ словахъ члены синедриона отъ ярости заскрежетали зубами и стали замышлять новое на законныхъ основаніяхъ убійство, совершеніе котораго однакоже по ихъ собственнымъ правиламъ могло сдѣлать ихъ проклятыми въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, какъ собраніе преданное дѣламъ крови ¹⁹⁶). Этотъ позоръ былъ отвращенъ словами одного мудраго мужа между ними. Насколько для подсудимыхъ апостоловъ послужила защитой вражда, господствовавшая между соперничающими партіями саддукеевъ и фарисеевъ, мы не знаемъ; но несомнѣнно, что только рѣчь Гамалиила избавила ихъ отъ худшихъ послѣдствій, чѣмъ бичеваніе іудейскими плетями, — извѣстные сорокъ ударовъ безъ одного, которые были получены ими, но отъ которыхъ они только ликовали (Втор. хху, 2).

Эта рѣчь Гамалиила была достойна внука Гиллея, одного изъ тѣхъ семи мудрецовъ, которые одни достигли высшаго титула раббановъ ¹⁹⁷), — того, кто впоследствии былъ предсѣдателемъ синедриона. Она подверглась странному непониманію. Предполагаемый въ ней анахронизмъ (на тридцать лѣтъ) въ указаніи на Февду заставилъ школу Баура совѣмъ отрицать подлинность этой рѣчи; но нужно еще доказать, что указаніе это невярно. То мнѣніе, что рѣчь эта была вызвана тайной склонностью его въ пользу христіанства и преданіе «клементинскихъ признаній», что Гамалиилъ былъ христіанинъ въ душѣ ¹⁹⁸), не имѣютъ ни тѣни вѣроятности въ свою пользу, такъ какъ всѣ указанія на него въ талмудѣ показываютъ, что онъ жилъ и умеръ фарисеемъ. Нѣтъ также ни малѣйшаго основанія для высказаннаго Шрадеромъ негодованія на предполагаемое будто этою рѣчью оправданіе принципа, что успѣхъ религіи служить достаточнымъ свидѣтельствомъ ея истинности. Нужно помнить, что мы имѣемъ лишь краткій очеркъ его рѣчи, и все, что повидимому разумѣлъ Гамалиилъ, заключалось въ слѣдующемъ: «оставьте этихъ людей теперь въ покоѣ: насколько мы можемъ видѣть, они лишь жертвы безвреднаго заблужденія. Въ ихъ дѣятельности нѣтъ ничего мятежнаго, въ ихъ ученія нѣтъ ничего опаснаго. Но если бы и было что

нибудь такое, намъ нечего бояться ихъ и нѣтъ надобности принимать насильственные мѣры предосторожности. Фанатизмъ и обманъ живутъ не долго, когда даже они поддерживаются народнымъ возмущеніемъ. Но во взглядахъ этихъ людей быть можетъ заключается чтонибудь больше того, чѣмъ кажется теперь. Быть можетъ нѣкоторый зародышъ истины, нѣкоторый лучъ откровенія возбуждаетъ въ нихъ своеобразный энтузіазмъ, и бороться противъ этого быть можетъ значить бороться противъ Бога». Гамалиилъ очевидно стоялъ не столько за систематическую терпимость, сколько за временную осторожность ¹⁹⁹). День полного разрыва между іудействомъ и христіанствомъ былъ очень близокъ, но еще не наступилъ. Его совѣтъ не былъ ни плодомъ безпечной самоувѣренности іудейскаго фанатизма, ни результатомъ того «лживаго взгляда на необходимость полного невмѣшательства въ теченіе вещей, который показываетъ, какъ низко уже пали іудеи въ богословіи и въ политической мудрости, если таковъ дѣйствительно былъ совѣтъ мудрѣйшаго изъ нихъ» ²⁰⁰). Можно еще подождать, думалъ Гамалиилъ, и послѣдить за развитіемъ этого новаго братства; внимательство въ его дѣла могло бы только повести къ безполезному раздору между народомъ и синедриономъ; между тѣмъ какъ нѣкоторое терпѣніе можетъ избавить отъ этой непріятности и указать то направленіе, въ которомъ нужно дѣйствовать. Гамалиилъ былъ достаточно прозорливъ для того, чтобы видѣть, что огонь неразумнаго фанатизма вымираетъ, когда на него не обращаютъ вниманія, и напротивъ яростно воспламеняется отъ преждевременнаго противодѣйствія. Пусть тѣ, кто осмѣливаются обвинять это возрѣніе мудраго раввина, вспомнятъ, что оно практически тождественно съ изреченіемъ Христа: «всякое растеніе, которое не Отецъ Мой небесный насадилъ, искоренится» ²⁰¹).

Совѣтъ этотъ былъ слишкомъ здравомысленъ и значеніе говорившаго было слишкомъ высоко, чтобы можно было отвергнуть его совѣтъ. Священники и раввины, мучимые уже преступною тревогою за послѣдствія своего страшнаго убійства, возобновили свое тщетное приказаніе апостоламъ не проповѣдывать болѣе во имя Иисуса и, наказавъ ихъ бичеваніемъ за непослушаніе своему первому внушенію, отпустили ихъ. Но ни въ общественныхъ собраніяхъ, ни въ частныхъ мѣстахъ апостолы не отступили отъ своей рѣшимости. Собранія ихъ попрежнему продолжались въ притворѣ Соломоновомъ; вечера любви попрежнему совершались въ домахъ собраний. Оба апостола не только не были утрачены наказаніемъ, а

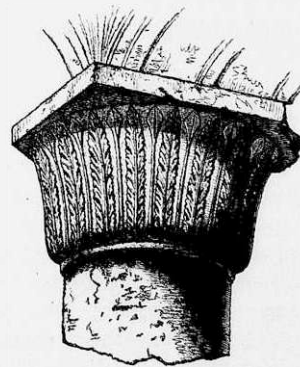

Фарисей, молящийся на перекресткѣ улицъ.

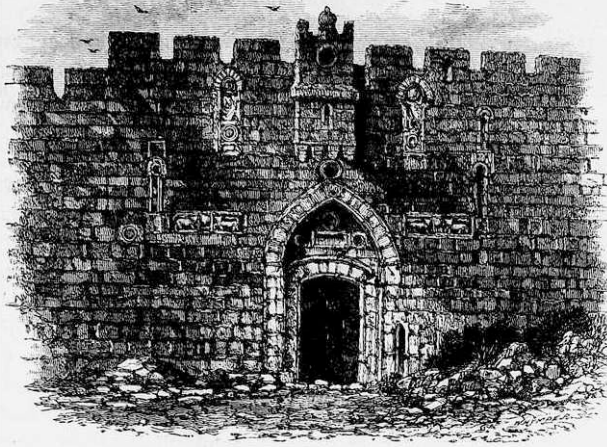
напротив радовались, что они сподобились чести быть обезпеченными во имя Того, въ котораго они вѣровали.

Но здѣсь мы должны нѣсколько остановиться для разсмотрѣнія тѣхъ основаній, которыя приводились многими новѣйшими критиками въ отверженіе исторической достовѣрности книги Дѣяній Апостольскихъ—съ цѣлію представить ее въ качествѣ повѣсти, написанной будто бы въ видахъ примиренія между іудействующими и павловыми христіанами. Нужно имѣть въ виду, что наша книга не полемическая: какъ въ «Жизни І. Христа», такъ и здѣсь нашей главной задачей было возможно болѣе широкое распространеніе ясныхъ познаній о зарѣ христіанства и возможно полное выясненіе значенія его раннихъ документовъ. Но мы тщательно изучили возраженія, выставляемыя противъ подлинности и свидѣтельства новозавѣтныхъ писаній, и не можемъ подавить изумленія отъ безосновательности многихъ изъ тѣхъ гипотезъ, которыя создавались съ цѣлію умаленія ихъ значенія. Добросовѣстность конечно требуетъ признавать присутствіе ошибки тамъ, гдѣ она можетъ быть доказана. Но та же самая добросовѣстность требуетъ отверженія всѣхъ обвиненій противъ точности священнаго историка, когда они основываются лишь на враждебномъ предубѣжденіи. Намъ кажется, что писатели въ родѣ Баура и Целлера, не смотря на свою обширную ученость и большую литературную проицательность, часто доказываютъ своими придиричвыми возраженіями и невниманіемъ къ противуположнымъ соображеніямъ основную слабость своей собственной системы ²⁰²). Гаусратъ напримѣръ совсѣмъ отвергаетъ то свидѣтельство, что Савль воспитывался «у ногъ Гамаліила», и это лишь на томъ основаніи, что ап. Павелъ самъ называетъ себя ревнителемъ отеческихъ преданій и поэтому скорѣе будто бы долженъ былъ принадлежать къ школѣ Шаммаи. Онъ не могъ, по мнѣнію этого писателя, быть воспитанъ раввиномъ, который отличался мягкостью и снисходительностью. Вслѣдствіе этого онъ предполагаетъ, что авторъ Дѣяній Апостольскихъ прямо выдумываетъ свидѣтельство о воспитаніи ап. Павла у Гамаліила съ цѣлію придать ему особенную важность, такъ какъ слава Гамаліила II, основателя школы въ Іавніи, подерживала во II столѣтіи славу его дѣда Гамаліила старшаго ²⁰³). Но какое значеніе можетъ имѣть критицизмъ, который такъ презрительно, даже можно сказать клеветнически, противорѣчитъ писателю, точность котораго въ тѣхъ предметахъ, гдѣ онъ можетъ подлежать тщательной провѣркѣ, получаетъ поразительное подтвержденіе изъ самыхъ различныхъ источниковъ! Можно бы считать неособенно важнымъ недостаткомъ въ точности евангелиста Луки, если бы онъ впалъ въ какое нибудь легкое замѣшательство касательно переписи Квирина, тетрархія абиленской, этнарха при Аретѣ, азіарховъ ефесскихъ, преторовъ филиппійскихъ, политарховъ ессалоникскихъ, протосовъ милетскихъ или въ вопросѣ о томъ, каковъ собственно былъ при безчисленныхъ перемѣнахъ того времени точный официальный титулъ римскаго правителя въ Кипрѣ или

Кориноѣ—пропреторъ или проконсулъ. На многихъ изъ этихъ пунктовъ рьяные критики съ торжествомъ обличали его въ невѣжествѣ и ошибкахъ; и однако же во всѣхъ этихъ пунктахъ его тщательная точность теперь совершенно доказана или сдѣлана въ высшей степени вѣроятною. Во всѣхъ историческихъ указаніяхъ, какъ напр. на характеръ Галліона, Феликса, Феста, Агриппы II, Ананіи, на голодъ въ царствованіе Клавдія, на повелѣніе объ изгнаніи іудеевъ изъ Рима, касательно смерти Агриппы I, правленія Ареты въ Дамаскѣ и проч.—онъ оказался совершенно правдивымъ и точнымъ въ передачѣ всѣхъ этихъ фактовъ. Можно ли послѣ этого обвинять его въ ложныхъ увѣреніяхъ касательно отношенія ап. Павла къ Гамаліилу, имѣя въ виду естественное предположеніе, что достигнувъ возмужалости ученикъ уклонился отъ ученія своего учителя ²⁰⁴)? Будемъ ли мы на подобныхъ же основаніяхъ обвинять Діогена Лаерція во лжи, когда онъ говоритъ, что Антисеенъ циникъ и Аристиппъ киренецъ—оба были учениками Сократа? Замѣчательный анекдотъ, который будетъ приведенъ послѣ, представляетъ страшную вражду между партіями раввина Еліезера и раввина Іошуа, изъ которыхъ первый назывался шаммаитомъ, а послѣдній—гиллелитомъ ²⁰⁵), и однако же оба они были учениками одного и того же раввина, знаменитаго послѣдователя Гиллеля—Іоханана Бен-Заккаи. Такихъ примѣровъ можно было бы привести безконечное множество. А если такъ, то что же остается отъ критицизма Гаусрата? Подобно многимъ тюбингенскимъ теоріямъ онъ разлетается въ прахъ ²⁰⁶).

Капиталь древней колонны, изъ Іерусалима.
(Нач. Pierotti, Jerusalem.)

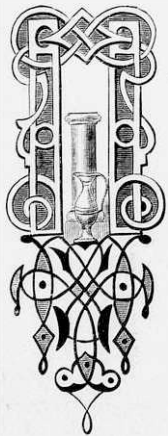
Ворота св. Стефана въ Иерусалимѣ.

КНИГА II. СВ. СТЕФАНЪ И ЕЛЛИНИСТЫ.

ГЛАВА VII.

РАЗСѢЯНІЕ: ЕВРЕЙСТВО И ЕЛЛИНИЗМЪ.

Не легко найти обитаемое на землѣ мѣсто, гдѣ бы не было этого племени и котораго бы оно не подчинило себѣ.
СТРАВОНЪ.

ОСТЕПЕННАЯ перемѣна въ отношеніяхъ между іудеями и христіанами была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ расширенія предѣловъ церкви. Между первыми обращенцами были какъ евреи, такъ и еллинисты, и это обстоятельство естественно повело къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ, отъ которыхъ зависѣла историческая будущность христіанства.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что полное пониманіе дѣла ап. Павла и хода событій послѣ вознесенія Христа всецѣло зависитъ отъ нашего взгляда на различіе между этими двумя классами іудеевъ, и такъ какъ этотъ предметъ обыкновенно рассматривается слишкомъ кратко, то мы должны остановиться здѣсь, чтобы рассмотреть и показать его въ его собственномъ свѣтѣ.

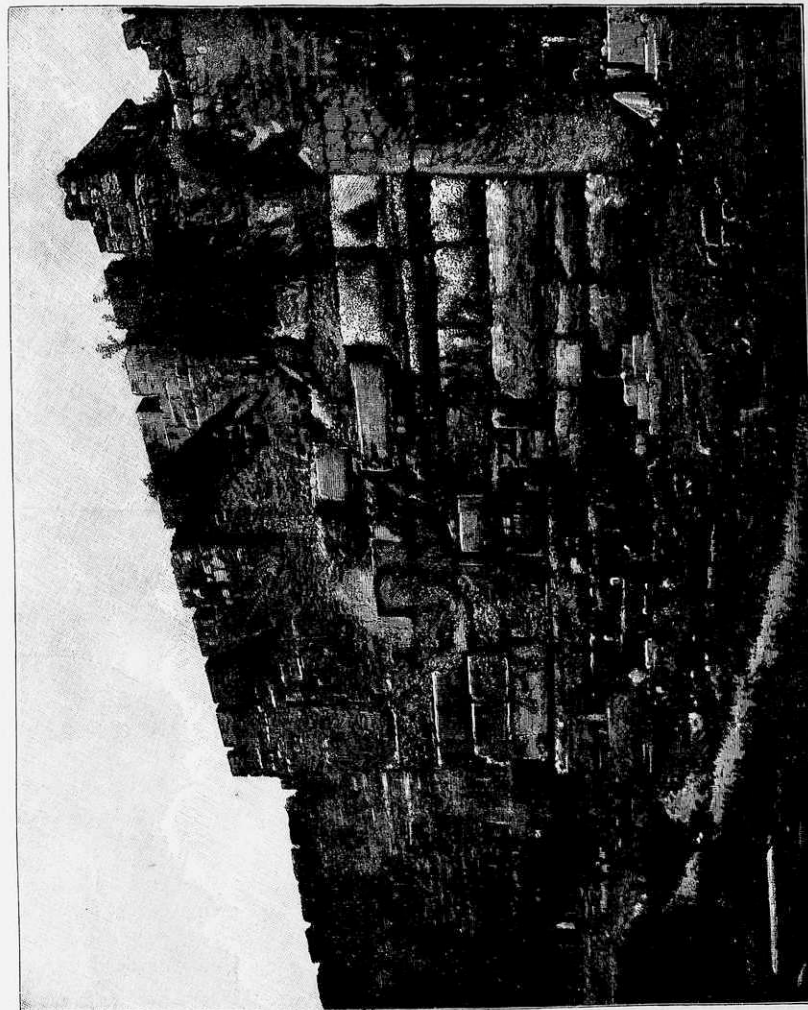
Когда послѣдовательные удары сначала ассирійскаго, затѣмъ вавилонскаго плѣненія разрушили всѣ надежды на политическое могущество и подавили всякое чувство государственнаго самолюбія въ сердцахъ іудеевъ, то теченію ихъ жизни дано было этимъ совершенно иное направленіе. Поселенные въ странахъ своего плѣненія, іудеи, получивъ тамъ полныя права гражданства и найдя широкое поприще для своей личной предпримчивости, быстро развили тотъ замѣчательный духъ торговой предпримчивости, которымъ они отличались во всѣ послѣдующіе вѣка. Только жалкая горсть народа (сравниваемая іудейскими писателями съ мякиной отъ пшеницы) воспользовалась позволеніемъ Кира и послѣдующихъ царей Персін возвратиться въ свою родную страну²⁰⁷). Остальные, хотя и ревниво сохранившіе свою національность и свое преданіе, признавали своимъ отечествомъ всякую страну, въ которую только они заносились потокомъ завоеванія, и постепенно умножались тамъ, пока, какъ говоритъ Іосифъ Флавій²⁰⁸), они не наполнили cadaго угла обитаемой земли, составивъ то замѣчательное населеніе, которое до настоящаго времени извѣстно подъ названіемъ «іудеевъ разсѣяннаго»²⁰⁹).

Это разсѣяніе избраннаго народа было однимъ изъ тѣхъ трехъ великихъ мировыхъ событій, въ которомъ христіанинъ не можетъ не видѣть руки Божіей, направлявшей потокъ исторіи къ приготовленію міра для откровенія Его Сына. Во первыхъ, безпредѣльные пространства, вошедшія въ область завоеваній Александра Македонскаго, дали цивилизованному міру единство языка, безъ котораго, говоря почеловѣчески, было бы невозможно для первыхъ проповѣдниковъ христіанства возвѣщать евангеліе въ различныхъ странахъ, по которымъ они проходили. Во вторыхъ, возникновеніе Римской имперіи создало то политическое единство, которое дало возможность повсемѣтнаго распространенія ученія новой вѣры. Въ третьихъ, разсѣяніе іудеевъ приготовило огромныя массы грековъ и римлянъ къ единству чистой нравственности и единобожія. Евангеліе вышло изъ столицы Іудеи; оно было проповѣдано на языкѣ Аѳинъ; оно распространялось по имперіи Рима. Стопы первыхъ его проповѣдниковъ отъ Евфрата до столбовъ Геркулесовыхъ направлялись по крѣпкимъ прямымъ дорогамъ, которыя римскіе легіоны, «эти грозные молоты земли»²¹⁰), прокладывали въ пустыняхъ въ качествѣ путей Божіихъ. Семитъ и аріецъ были несознательными орудіями въ рукахъ Бога для распространенія религіи, которая при первомъ ея началѣ была одинаково ненавидима и презираема ими. Буквы еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ, написанныя на крестѣ, были пророческимъ и несознательнымъ свидѣтельствомъ трехъ благороднѣйшихъ языковъ міра о непреложномъ правѣ на высшее достоинство Того, Кто пострадалъ для ослабленія вражды говорившихъ ими народовъ и для объединенія ихъ всѣхъ въ одной великой семьѣ Божіей.

Это соприкосновеніе іудея съ грекомъ повлекло за собою въ высшей степени важныя послѣдствія какъ для арійской, такъ и семитической расы. Правда, огромное различіе между нравами, обычаями, стремленіями, религіоз-

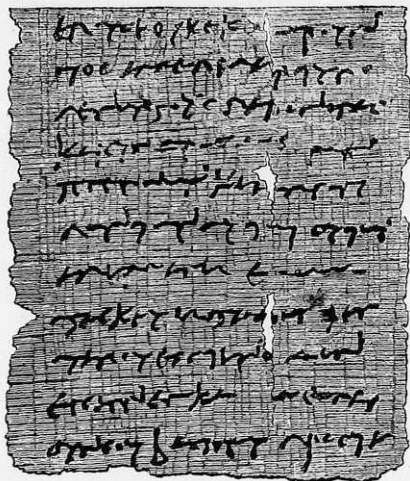
ными системами, всёю тоною духа и характером жизни этих двух великих семейств человеческого рода—возбуждали в них чувства взаимного недоверия и почти отвращения. Из хаоса противоречивых интересов, водворившагося по смерти Александра, возникли два великих государства: египетское и сирийское, управлявшиеся Птолемеями и Селевкидами. Эти династии унаследовали политические воззрения великого македонского завоевателя и стремились к слиянию разнородных находившихся под их правлением элементов. Об одинаково обращали свои взоры на Палестину, которая сдвигалась местом их непрерывных споров и постоянно переходила из рук одного в руки другого. Птоломеи, продолжая политику Александра, крайне заботились об усилении переселения иудеев в Египет. Селевкиды не только силою, но и различными гражданскими приманками, старались насколько возможно больше поселять их в своих западных городах. Как Лагиды, так и Селевкиды понимали значение иудеев как спокойных и любящих общественный порядок граждан. К берегам Средиземного моря стекалась все больше возрастающая масса греческих купцов и греческих колонистов. «Поток греческого переселения скоро встретился с потоком иудейского выселения. Подобно двум рекам, вливающим своим разноцветными волнами в один и тот же бассейн без смешения между собою, эти два народа устремились в новые македонские города и там одновременно обжились без смешения между собою, будучи постоянно разделяемы непримиримым различием в своих верованиях и обычаях, хотя постоянно входя в сношения, благодаря общности торговых дел и одинаковости защищавшего их интересы законодательства»²¹¹).

Такое состояние вещей на греков сказалось меньше, чем на иудеев. От этого сношения иудейство больше еллинизировалось, чем еллизм окрасился иудейством. Трудно найти больше поразительное доказательство этого факта, как полная потеря «сынами разсвещения» своего собственного родного языка. Что влияние их на языческий мир было менее благотворным, чем можно бы ожидать, виною этого в значительной степени были сами иудеи. Та отталкивающая униженность, которою часто отличается народ, неимеющий уже ничего, кроме воспоминаний, соединялась у них с непреодолимым предубеждением, укоренившимся самолюбием, нескрываемой антипатией к народам всякой другой расы и религии, что вместе с торгашескими наклонностями и обычаями отнюдь не всегда честными, и с успехом не всегда добросовестным, превратило в нелюбовь самое сочувствие, которым они должны бы пользоваться повсюду. Язык, которым говорят об иудеях писатели времен Римской империи, язык, выражающий рядом с любопытством сильное отвращение к ним, достаточно объясняет те взрывы черни, от насилий которой иудеи так много страдали в течение последующих веков. Эти взрывы, при всем неодобрении их со стороны правящих властей, часто не встречали должного противодействия. И

Ст-на Иерусалимская.

при всем томъ влияние, незамѣтно оказываемое іудеями на язычниковъ, среди которыхъ они жили, влекло за собою чрезвычайно важныя послѣдствія для христіанства. «Побѣжденные—говоритъ Сенека—предписали законы побѣдителямъ» (victi victoribus leges dederunt). Старое язычество въ интеллигентныхъ кругахъ въ значительной степени потеряло свою силу. Великій Панъ былъ мертвъ; за исключеніемъ отдаленныхъ деревенскихъ округовъ боги Олимпа повсюду были лишь пустыми словами. Въ Римѣ ужасы Тартара были предметомъ насмѣшки школьничковъ. Религія спустилась до степени механизма ²¹²).

Древняя греческая рукопись
(въ Британскомъ музеѣ).

бы захотѣлъ присутствовать при немъ. Греческій языкъ также сдѣлался по преимуществу языкомъ христіанства. Цѣлыя массы первыхъ обращенцевъ предъ тѣмъ, какъ обратиться въ христіанство, были іудейскими прозелитами. Изъ синагоги еллинистовъ они переходили въ церковь Христа.

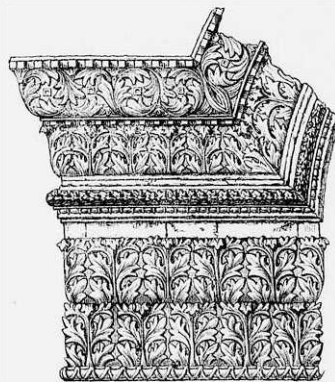
Вліяніе, производимое «сынами разсѣянія» на самихъ іудеевъ было конечно слишкомъ разнообразно, чтобы можно было опредѣлить его одною чертой. Но мы явно видимъ два послѣдствія, которыя изъ вѣка въ вѣкъ дѣйствовали въ противоположныхъ направленіяхъ, причемъ каждое рѣзко отличалось своимъ особымъ впечатлѣніемъ. Съ одной стороны они становились болѣе преданными своей религіи, съ другой—болѣе космополитическими въ своихъ взглядахъ. Хотя они и поселялись въ тѣхъ языческихъ странахъ, куда были увлекаемы завоеваніемъ или

послѣдствія этого не замедлили наступить. Тѣ, которые уже слишкомъ пали для того, чтобы чувствовать потребность въ религіи, съ тупымъ самодовольствомъ, подобно дикимъ животнымъ, погрязали въ стигійскомъ омутѣ отвратительной безнравственности; другіе становились приверженцами грубыхъ иноземныхъ суевѣрій ²¹³) или жертвой всевозможныхъ шарлатановъ. Но нѣкоторые были привлечены подъ тѣнь синагоги, и большинство изъ нихъ были женщины ²¹⁴), которыя, при всей ограниченности ихъ вліянія, всетаки не могли не привлечь вниманія своихъ ближайшихъ кружковъ къ принятой ими вѣрѣ. Во всякомъ значительномъ городѣ Римской имперіи богослуженіе въ синагогахъ совершалось погречески и это богослуженіе было открыто для всякаго, кто

путешествіемъ по дѣламъ торговли, но не нужно предполагать, что они уже совсѣмъ пренебрегали своею національностью или забывали свои преданія. Напротивъ того, огромное большинство держалось ихъ съ необычайнымъ упорствомъ. Въ уничтоженіи своей независимости они видѣли грозное возмездіе, давно провозглашенное тѣмъ множествомъ пренебрегавшихъ ими пророчествъ, въ которыхъ пророки укоряли ихъ за идолослуженіе. Отъ всѣхъ наклонностей къ многобожію іудей былъ исцѣленъ навсегда, и какбы въ видахъ вознагражденія за минувшіе вѣка неповиновенія и равнодушія, какбы въ видахъ достиженія исполненія того великаго обѣтованія Избавителя, которое было центромъ всѣхъ ихъ упованій, они тѣмъ съ большимъ пыломъ самосознательной гордости предавались тщательнѣйшему соблюденію своего закона и своей обрядности. Ихъ религіозная вѣрность—въ противоположность съ ихъ древнимъ отступничествомъ—обязана была стараніямъ *софери́мовъ* или книжниковъ. Они молились въ направленіи къ Іерусалиму; къ синопсису іерусалимскому они обращались за судебнымъ рѣшеніемъ дѣлъ; отъ *амораимовъ* и *танаимовъ* іерусалимскихъ они принимали рѣшеніе всѣхъ казуистическихъ затрудненій; изъ Іерусалима подавались огненные знаки, которые во многихъ странахъ возвѣщали имъ истинное начало новолуній; въ сокровищницу Іерусалима они приносили не только установленную храмовую подать въ полсикля, но и гораздо болѣе цѣнные дары, которые свидѣтельствовали о ихъ непоколебимой преданности религіи своихъ отцевъ. Въ Іерусалимѣ они содержали особую синагогу и въ Іерусалимѣ постоянно управлялись на поклоненіе

Полсикль
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

Подробности украшеній Золотыхъ воротъ
(изъ Pierotti Jerusalem)

святымъ мѣстамъ ²¹⁵). Неправильность, подозрѣніе, презрѣніе, возникавшія во многихъ странахъ вслѣдствіе исключительности ихъ предразсудковъ, особенности ихъ учреждений, зависть къ ихъ успѣхамъ—только еще болѣе фанатически привязывали ихъ къ исполненію своихъ левитскихъ правилъ, придавали имъ окраску мученичества изъ-за исполненія обязанностей. Для нихъ сдѣлалось требованіемъ совѣсти поддерживать тѣ учрежденія, на которыя ихъ языческіе сосѣди нападали съ оружіемъ насмѣшки и презрѣнія. Но эти же самыя обстоятельства способствовали замѣтному вырожденію религіознаго духа. Идолопоклонство, которое въ старыя времена привязывалось къ видимымъ символамъ чужихъ божествъ,

приняло только другую форму, когда сосредоточилось на мертвой букве книг и мелочной обрядности богослужения. Между массой иудейского народа религия постепенно почти выродилась в фетишизм. Она потеряла всякую силу и значение для сердца и совести, всю свою потребность, всю вдохновляющую теплоту, весь свой озаряющий свет. Она опутывала народ по рукам и по ногам сетью бессмысленных преданий; даже нравственный кодекс Моисеева законодательства был извращен казустикой, которая в одно и то же время боялась нарушить букву и смело извращала дух. Вместо нравственной возвышенности и духовного благоволения, иудейство в период своего падения порождало только неспособность к духовной проницательности, самоудовлетворенное правовое и преступное высокомерие. Убийство и лож она признавала законными при защите невежественных шибболетов и бесполезных форм. Различие между идеалом иудеев прежних и позднейших времен можно измерить только различием между нравственными началами Моисеева закона и бездушными правилами мишны.—различием, которое отделяет пятокнижие от талмуда, книгу Исход от *Абода-Зары* ²¹⁶).

Но рядом с такими результатами, производившимися влиянием языческого мира, во многих иудейских общинах были и другие, которые показывали, что на некоторые особенно личности окружающей языческой мир производил совершенно иное влияние. В лучших странах языческого мира можно было почерпнуть много великих и прекрасных уроков. Если Иерусалим сиял особенною благодатью, то Афины блистали также особенными дарами. Чувство красоты, изысканность искусства, широта и ясность взгляда, совершенство литературной формы, отличавшие греков века Перикла, оставили миру бессмертное наследие; и Рим также мог с своей стороны преподавать уроки достоинства, закона, мужества, колонизации и справедливости. Торговля имела по преимуществу космополитический характер. Иудейское племение вместе с следовавшими за ним событиями сдвинуло из иудеев торговый народ. Эта внутренняя склонность народа подавлялась сначала Моисеевым законодательством ²¹⁷), а затем влиянием пророков. Но когда эти ограничения устранились, иудей с пылом отдался делу, от которого его удерживали досел. Раввины не только не считали тождественными понятия «купца и хананея» ²¹⁸), но скоро начали воспринимать торговлю. «Нет хуже занятия как земледелие», сказал раввин Елеазарь. «Все нивы мира не вознаграждать вас так, как торговля» ²¹⁹), сказал Раб, смотря на золотистые колосья маиса, сгибавшиеся под дуновением летнего ветра ²²⁰). Так легко для народа преступить древнее законодательство, если оно стоит на дороге его интересов или склонностей! Моисеевы ограничения в отношении торговли были конечно непрактичны в сношениях с язычниками, и в материальных успехах иудей во всяком случае находили хоть некоторое возмездие себе за потерю

политической независимости. Бойкая городская жизнь произвела дальнейшую перемену в их воззрениях. Они начали сознавать, что Бог никогда не желал, чтобы народы мира становились между собой в отношении непримиримой вражды или завистливой разобщенности. Какойнибудь иерусалимский раввин, невежественный во всем небесном, земном и преисподнем, зная только свою *галлаху*, мог толковать обо всем остальном в мире как о советам неважных и пустых предметах ²²¹). Но образованный александрийский иудей скоро мог

Входъ въ Синагогу.

замечать, что сыны языческих стран в свою очередь получили от любви небесного Отца свою долю при распределении Им своих даров. Безмолвное и незамечное влияние жизни часто бывает самым прочным, и никакая исключительность не могла всецело закрыть глаз более интеллигентных «сынов разсвещения» на важность и значение богатейшей цивилизации. Всякий иудейский мальчик, знакомый с звуками и видами Тарса или Антиохии, не мог не сознавать, что не вся мудрость заключалась в заурядных рассуждениях раввинов;

что было кое-что цѣнное для человѣческаго рода и въ греческой наукѣ, которую іудейское невѣжество поносило какъ чародѣйство; что умственная сила можетъ находить и нѣкоторое лучшее примѣненіе, чѣмъ прозябаніе надъ *миддоами* Гиллея; однимъ словомъ, что съ развитіемъ человѣчества связываются болѣе широкія и возвышенныя обязанности, чѣмъ упорное отстаиваніе исключительныхъ преимуществъ іудей ²²²).

Естественно предполагать, что эти болѣе широкія симпатіи пробуждались особенно среди тѣхъ іудеевъ, которые впервые приходили въ близкое соприкосновеніе съ великими народами арійскаго племени. Это соприкосновеніе впервые совершилось благодаря завоеваніямъ Александра Македонскаго. Онъ поселилъ 8,000 іудеевъ въ Фивахъ; іудеи составляли $\frac{1}{3}$ населенія его новаго города Александрии. Большія массы ихъ были выведены изъ Палестины Птоломеемъ I и постепенно распространились изъ Египта не только «по округамъ Ливіи около Киренъ», но и по всему африканскому берегу Средиземнаго моря ²²³). Селевкъ Никаторъ послѣ битвы при Ипсѣ тысячами переселилъ ихъ изъ Вавилоніи въ такіе города, какъ Антиохія и Селевкия; а когда ихъ благосостояніе и развитіе на время подорваны были безсмысленными гоненіями Антиоха Епифана, то они расселились по всѣмъ направленіямъ, такъ что едва ли оставался такой портъ или коммерческій центръ въ Малой Азіи, Македоніи, Греціи или на Эгейскихъ островахъ, гдѣ бы нельзя было встрѣтить іудейскихъ общинъ. Огромное большинство этихъ іудейскихъ поселенцевъ приняли греческій языкъ и забыли тотъ арамейскій диалектъ, который былъ со времени плѣненія языкомъ ихъ народа.

Къ этимъ-то именно погречески говорящимъ іудеямъ главнымъ образомъ и относится названіе «еллинистъ». Въ новозавѣтныхъ книгахъ употребляются два слова: еллинъ и еллинистъ. Слово «еллинъ» или грекъ употребляется въ смыслѣ противоположности варварамъ или іудеямъ. Въ первомъ случаѣ оно означаетъ всѣ народы, говорившіе на греческомъ языкѣ ²²⁴); во второмъ оно равнозначуще слову «язычники» ²²⁵). Значеніе слова «еллинистъ» совершенно различно. Что касается формы, то оно прежде всего означаетъ того, кто «еллинизируетъ» въ языкѣ или образѣ жизни, и указываетъ на различіе въ образованіи и условіяхъ жизни, а не на различіе расы ²²⁶). Поэтому оно составляетъ собственно противоположность не по отношенію къ «іудеямъ», такъ какъ множество еллинистовъ были іудеи по рожденію,—но въ строгомъ смыслѣ по отношенію къ «евреямъ». Слово это только дважды встрѣчается въ новомъ завѣтѣ ²²⁷) и въ обоихъ случаяхъ употреблено объ іудеяхъ, которые приняли христіанство, но говорили погречески и употребляли греческій переводъ Библии LXX вмѣсто подлиннаго еврейскаго или халдейскаго targuma какого нибудь истолкователя ²²⁸).

Но этотъ еллизмъ имѣлъ много отбѣнокъ и поэтому точное значеніе слова «еллинистъ» разнообразится смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ оно употреблено. Употребленіе языка могло дѣлать изъ человѣка, говоря технически, елли-

ниста, хотя политически и богословски онъ оставался евреемъ. Въ такомъ именно положеніи повидимому были и тѣ еллинисты, которые оспаривали доказательствъ ап. Павла при его первомъ посѣщеніи Іерусалима (Дѣян. ix, 29). Съ другой стороны, слово это могло означать то отверженіе системы іудейства, которое у

Монеты (А) Птолемея I и (В) Антиоха Епифана (Тарсъ).
(Съ экземпляровъ въ Британскомъ Музее).

нѣкоторыхъ іудеевъ доходило до положительнаго отступничества, такъ что они стыдились своего іудейскаго происхожденія, и не только во времена Іасона и Менелая ²²⁹), но даже при Иродахъ перенимали внѣшніе обычаи жизни отъ грековъ и изглаживали всѣ внѣшніе признаки своей національности ²³⁰). Другіе,

עליון ה' יהוה אלהינו
יהוה אחד יהוה אחד
יהוה אחד יהוה אחד
יהוה אחד יהוה אחד
יהוה אחד יהוה אחד
יהוה אחד יהוה אחד
יהוה אחד יהוה אחד

Египто-арамейская надпись
(въ Луврскомъ музее)

напротивъ, подобно хитрымъ продіанскимъ князьямъ, были лицемеры, которые, такъ сказать, играли своей религіей, выставляя себя строгими іудеями въ Іерусалимѣ и беззащитными язычниками въ Беритѣ или Кесаріи. Но огромное большинство еллинистовъ занимало средину между этими крайностями. Соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ расширяло ихъ умъ и давало имъ возможность на столько поднимать свою голову изъ мутнаго тумана іудейской схоластики, что

они получали возможность отличать то, что вечно, от того, что имѣетъ только временное значеніе. Вдали отъ Иерусалима, гдѣ только и возможно было соблюдать обрядовый законъ, они вполне естественно приходили къ тому возвращенію на внѣшніе символы, по которому имъ придавалось значеніе лишь ради заключающихся въ нихъ внутреннихъ истинъ. Къ этому классу принадлежали мудрейшіе члены іудейскаго разсѣянія. Имъ-то мы и обязаны переводомъ LXX, сочиненіями Филона и Иосифа Флавія и обширнымъ кругомъ исторической, поэтической и апокрифической литературы. Египетъ былъ главнымъ центромъ этой греко-іудейской дѣятельности и многіе изъ іудеевъ Александріи даже славились въ области искусства, учености и вообще цивилизаціи грековъ²³¹). Едва ли можно удивляться тому, что эти болѣе развитые іудеи не довольствовались безплоднымъ раввинизмомъ. Неудивительно, что они желали представить факты своей исторіи и учрежденія своей религіи въ такомъ видѣ, чтобы они возможно менѣе возбуждали презрѣніе народовъ, среди которыхъ имъ приходилось жить²³²). Но хотя это и можно было сдѣлать съ полною добросовѣстностью, однако же все это несомнѣнно приводило нѣкоторыхъ изъ нихъ къ принятію незаконныхъ прибавленій къ своей исторіи и незаконныхъ объясненій своего св. писанія — однимъ словомъ къ тому методу толкованія, который, какъ допускавшій возможность выводить все изъ всего, уничтожалъ дѣйствительный смыслъ священныхъ книгъ²³³). Нечего также удивляться тому, что эта александрійская теософія, эти аллегорическія толкованія, этотъ духъ терпимости къ окружающимъ ихъ языческимъ системамъ, въ глазахъ строгихъ іудеевъ были измѣною Моисееву закону, прикрывавшейся тонкимъ слоемъ бессмысленной фразеологіи²³⁴). Отсюда возникъ антагонизмъ между прогрессивными еллинистами и евреями, все патріотическое бытіе которыхъ сосредоточивалось на Моисеевомъ и устномъ законѣ. Раздѣленіе между этими двумя элементами становилось все шире и шире, по мѣрѣ того какъ іудеи слѣдили за распространеніемъ христіанства въ языческомъ мірѣ. Сознаніе того, что быстрота этого распространенія зависѣла не только отъ болѣе возвышенности вѣры, но также и отъ низверженія невыносимаго ига, только еще болѣе придавала упорства ихъ исключительности. Незадолго именно до паденія Иерусалима въ школѣ раввина Ананіи Бен-Гискиа Бен-Гарона имѣло мѣсто то знаменитое собраніе, въ которомъ принято было 18 постановленій, имѣвшихъ своею исключительною цѣлью расширить пропасть различія между іудеями и язычниками. Эти постановленія, на которыя указываетъ только въ мишнѣ, находятся въ *Барайтъ* («дополнительномъ прибавленіи») раввина Сумеона Бен-Югая во II столѣтіи, и они состоятъ изъ запрещеній, дѣлающихъ невозможнымъ никакое сношеніе въ общественной жизни между іудеями и язычниками. Напрасно раввинъ Іошуа и болѣе мягкіе послѣдователи Гиллея протестовали противъ столь опаснаго изувѣрства. Споръ перешелъ отъ словъ къ дѣйствіямъ. На послѣдователей Гиллея противники напали съ мечами

и копьями и нѣкоторые изъ нихъ были убиты. «Этотъ день—говоритъ іерусалимскій талмудъ—былъ столь-же гибельнымъ для Израиля, какъ и тотъ, въ который они сдѣлали золотого тельца». Но по господствующему возвращенію этимъ 18 постановленіямъ повидимому придавалось такое значеніе, что ихъ не могъ уже отгнать и самъ Ілія, потому что они были запечатлѣны кровопролитіемъ; и въ народномъ сознаніи они нашли оправданіе въ ужасномъ побоищѣ, постигшемъ іудеевъ въ Беесаѣ, Кесаріи и Дамаскѣ²³⁵). Чувства іудеевъ по отношенію къ язычникамъ походили на ненависть евреевъ къ еллинистамъ. Въ послѣдующее время уже на христіанъ обрушилась вся ярость той ненависти, которою нѣкогда іудейскія сердца пылали противъ еллинизма. Когда возникъ вопросъ о томъ, можно ли сожигать евангеліе и другія книги христіанъ (*минимъ*) въ виду того, что въ нихъ часто встрѣчается имя Бога, то раввинъ Тарфонъ воскликнулъ: «пусть я потеряю своего сына, если только я не брошу эти книги въ огонь, лишь только онѣ попадутъ въ мои руки, сколько бы ни содержалось въ нихъ имени Бога. Человѣкъ, преслѣдуемый убійцей или угрожаемый ядовитой змѣей, долженъ скорѣе искать убѣжища въ храмѣ идола, чѣмъ въ домѣ *минимовъ*, потому что эти послѣдніе знаютъ истину и отрицаютъ ее, между тѣмъ какъ идолопоклонники отрицаютъ Бога потому, что не знаютъ Его»²³⁶).

Въ виду такихъ взглядовъ палестинскихъ іудеевъ въ отношеніи идолопоклонства, антагонизмъ между ними и болѣе свободомыслящими еллинистами возникалъ самъ собою и былъ такъ глубокъ, что неудивительно, если слѣды его встрѣчаются даже въ исторіи церкви, такъ какъ первые христіане—апостолы и ученики Иисуса Христа были почти исключительно евреи и израильтяне²³⁷) (первое названіе указываетъ на общую, а послѣднее—по преимуществу на религіозную особенность). Ихъ отношеніе къ еллинистамъ по направленію и по языку при всемъ смягчающемъ вліяніи христіанской любви было одинаково съ отношеніемъ къ нимъ другихъ іудеевъ. Ревнивость и взаимное недоверіе этихъ двухъ классовъ легко могли воспламениться при всякомъ удобномъ случаѣ, и поэтому совершенно согласно съ духомъ времени свѣдѣтельство, что, «когда умножились ученики», естественнымъ слѣдствіемъ этого былъ у еллинистовъ «ропотъ на евреевъ».

Частною причиною этого ропота было дѣйствительное или воображаемое пренебреженіе къ вдовамъ еллинистовъ въ ежедневной раздачѣ пищи и милостыни. Нѣкоторое неудовольствіе могло возникнуть изъ-за того, что всѣ должности въ церкви находились въ рукахъ у евреевъ, которые естественно могли болѣе обращать вниманіе на нужды своихъ ближайшихъ соотечественницъ. Вдовы же были такимъ классомъ, который болѣе всего нуждался въ помощи. Мы знаемъ, какое вниманіе ап. Павелъ обращалъ на ихъ положеніе даже въ Коринѣ, и мы уже упоминали, что нѣкоторые изъ мудрейшихъ постановленій, приписываемыхъ Гамалиилу, направлялись къ облегченію страданій, неразлучныхъ съ ихъ положеніемъ. Благодаря заключенности, въ которой по вѣковому обычаю жили жен-

щины на востокѣ, доля вдовы при отсутствіи людей, которые могли бы заботиться о ней, могла быть дѣйствительно безотрадною. Неравенство въ отношеніи къ нимъ естественно могло возбудить протестъ, тѣмъ болѣе что до своего обращенія эти вдовы имѣли право на пособіе изъ *корвана* или сокровищницы храма ²³⁸).

Но апостолы отнеслись къ этимъ жалобамъ съ тѣмъ безпристрастіемъ и великодушіемъ, которое служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало они были повинны въ пристрастіи по отношенію къ вдовамъ евреевъ. Созвавъ учениковъ на собраніе, они сказали имъ, что настало время, когда апостоламъ стало уже неудобно заниматься распределеніемъ милостыни ²³⁹),—тѣмъ дѣломъ, которое могло отвращать ихъ отъ болѣе серьезныхъ и важныхъ обязанностей. Поэтому они предложили собранію избрать семь человекъ изъ лицъ безукоризненнаго характера, высокихъ духовныхъ дарованій и практической мудрости, для того чтобы изъ нихъ составить то, что мы назвали бы хозяйственнымъ комитетомъ, и избавить апостоловъ отъ этого бремени, чтобы они могли посвятить всѣ свои силы на молитву и пастырскіе труды. Совѣтъ былъ принятъ и апостоламъ было представлено семь наиболѣе подходящихъ къ этому положенію лицъ. Они были допущены къ обязанностямъ своего положенія молитвой и возложеніемъ рукъ, что съ этого времени естественно сдѣлалось обычнымъ посвященіемъ на должность діакона ²⁴⁰).

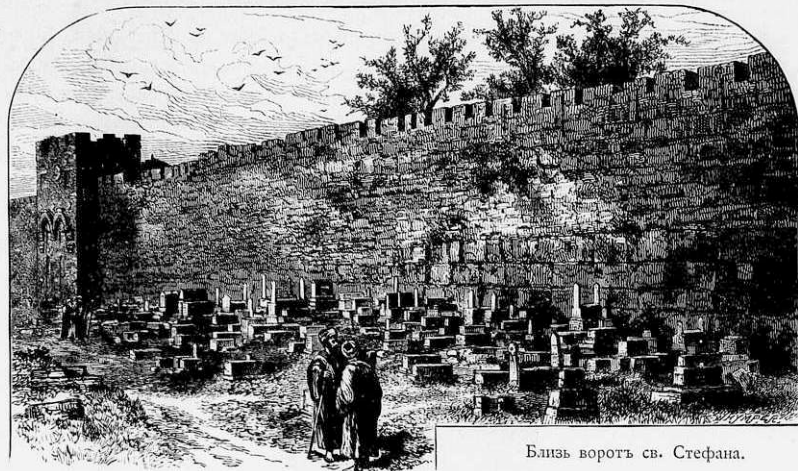
Эти семь избранниковъ были: Стефанъ, Филиппъ, Прохоръ, Никаноръ, Тимонъ, Парменъ и Николай, прозелитъ антиохійскій. На то, что всѣ они носятъ греческія имена, часто ссылались въ доказательство примирительнаго направленія апостоловъ, какъ будто бы они избрали всѣхъ членовъ этого комитета изъ того самаго класса, который имѣлъ нѣкоторое основаніе роптать. Но это едва ли было бы справедливо. Это значило перейти изъ одной крайности въ другую. Иудей того времени такъ часто принимали греческія имена, что одно это обстоятельство не даетъ возможности дѣлать какого бы то ни было вывода относительно національности избранныхъ. Но хотя и нельзя съ увѣренностью принять мнѣніе Гизелера, что трое изъ нихъ были евреи, трое еллинисты и одинъ прозелитъ, всетаки естественно предполагать, что самое безпристрастіе и здравый смыслъ требовали избранія ихъ изъ различныхъ классовъ церкви. А то обстоятельство, что язычникъ въ родѣ Николая Антиохійскаго былъ также избранъ для занятія столь почетной отвѣтственной должности, служить однимъ изъ многихъ указаній на то, какъ постепенно созрѣвало новое понятіе о царствѣ Божіемъ.

Хотя изъ семи избранниковъ намъ извѣстны только двое ²⁴¹), однако же избраніе это составляетъ весьма важный моментъ въ исторіи церкви. Изъ этихъ двухъ дѣятельность Филиппа мы рассмотримъ послѣ, а теперь должны прослѣдить дѣятельность Стефана, которая, при всей своей кратковременности, отмѣчаетъ начало достопамятной эпохи. На св. Стефана мы должны смотрѣть какъ на непосредственнаго предшественника того, кто игралъ наиболѣе выдающуюся

роль въ дѣлѣ его мученичества; на него нужно смотрѣть какъ на учителя ап. Павла въ гораздо болѣе истинномъ смыслѣ, чѣмъ самъ Гамаліиль. Самого ап. Павла справедливо называли «исполинскимъ Стефаномъ». Но если бы жизнь св. Стефана была продолжена, если бы онъ не былъ отозванъ быть можетъ еще въ высшія сферы дѣятельности, мы не знаемъ, до какой высоты нравственного величія могъ бы достигнуть онъ. Мы имѣемъ только одну его рѣчь, показывающую его умъ и вдохновеніе, и намъ дано бросить только одинъ взглядъ на его жизнь. Его рѣчь оказала вліяніе на всю жизнь и дѣятельность величайшаго изъ апостоловъ, а его смерть была первымъ мученичествомъ въ исторіи церкви Христовой.

Мученичество св. Стефана
(съ итальянскаго рѣзаного изображенія vi вѣка).

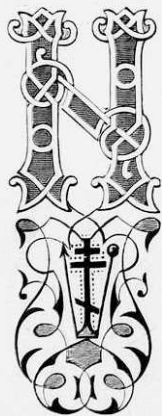

Близъ воротъ св. Стефана.

ГЛАВА VIII.

дѣятельность и мученичество св. Стефана.

Господи! не вмени имъ грѣха сего. Дѣян. vi, 60.

НАЗНАЧЕНІЕ семи діаконовъ, частью благодаря ихъ ревности и дѣятельности, а частью вслѣдствіе того, что оно предоставило больше свободы апостоламъ, повело къ замѣтному успѣху въ развитіи церкви. Въ Иерусалимѣ не только значительно увеличилось число учениковъ, но къ новой вѣрѣ склонилось даже много священниковъ²⁴²). До этого времени принятіе евангелія не только не влекло за собою разрыва съ иудействомъ, но было совмѣстимо съ самою строгою привязанностью къ закону. Нужно имѣть въ виду, что священники въ Иерусалимѣ и немногихъ другихъ городахъ представляли собою многочисленный классъ²⁴³) и что саддукеями въ богословіи и иродіанами въ политикѣ была только небольшая аристократическая клика, состоявшая изъ

немногихъ чужеземныхъ семействъ. Многіе изъ низшихъ степеней священства несомнѣнно были фарисеи, а такъ какъ фарисеи держались ученія о воскресеніи, то не было ничего несомѣстимаго съ ихъ преданіями и въ допущеніи мессіан-

ства воскресшаго Спасителя. Такое вѣрованіе въ это время и даже долгое время спустя дѣлало мало различія въ ихъ общемъ положеніи, хотя если бы они были истинно вѣрующими, оно должно было производить большое различіе въ ихъ внутренней жизни. Простота, ревность, единство, духовные дары малаго общества галилеянъ способны были привлекать серьезныхъ и разсудительныхъ между ними. Эти стороны могли привлекать ихъ даже больше, чѣмъ непреодолимая логика или подавляющее краснорѣчіе. Апостолы въ это время дѣйствовали не риторикой, и ни на моментъ не воображали себя чѣмъ-либо другимъ, кромѣ того, что они были простецы, неполучившіе образованія въ школахъ техническаго богословія и раввинской мудрости. Если бы они были чѣмъ нибудь другимъ, то аргументъ въ пользу истины христіанства, извлекаемый изъ чрезвычайной быстроты его распространенія, на половину потерялъ бы своей силы. Оружіе апостольской дѣятельности не было вещественнымъ. Они обращали въ свою вѣру не ученостію или аргументаціей, а силою новаго свидѣтельства и духомъ новой жизни.

До этого періода имя Стефана ни разу не встрѣчается въ христіанской исторіи, и такъ какъ преданіе, что онъ былъ однимъ изъ семидесяти учениковъ, не имѣетъ исторической основы²⁴⁴), то мы ничего и не знаемъ объ обстоятельствахъ его обращенія въ христіанство. Признаніе имъ однако же въ прославленномъ лицѣ, которое онъ увидѣлъ въ восторженномъ видѣніи, лица Того, Кто на землѣ называлъ себя Сыномъ Человѣческимъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые при жизни слышали ученіе Христа и изъ самаго источника черпали воду жизни²⁴⁵). Намъ конечно желательно было бы побольше знать о человѣкѣ, который на такомъ короткомъ поприщѣ выказалъ величайшее самоотверженіе и возвышеннѣйшее геройство. Но въ этомъ отношеніи св. Стефанъ раздѣляетъ одинаковую участь съ миллионами тѣхъ, имена которыхъ написаны въ книгѣ жизни: они бываютъ незамѣтны между людьми и о нихъ знаютъ только въ теченіе какого нибудь одного короткаго періода и по одному какому либо великому дѣлу. Только на одинъ мигъ первомученикъ Стефанъ вполнѣ выступаетъ на сцену исторіи. Мы знаемъ о его величій единственно только изъ свидѣтельства объ одной его рѣчи и объ одномъ днѣ его жизни,—о послѣдней рѣчи, какую когда либо онъ произносилъ, о послѣднемъ днѣ его земной жизни.

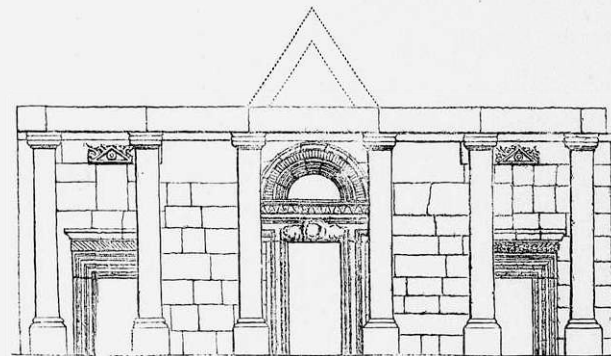
Избраніемъ своимъ въ число «семи» св. Стефанъ обязанъ былъ своей *вѣрѣ* вмѣстѣ съ своей любвеобильной дѣятельностью и неукоризненной святостію. Лишь только онъ былъ избранъ, какъ сдѣлался наиболѣе виднымъ изъ всѣхъ. Благодать, сіявшая въ его сотоварищахъ, еще ярче сіяла въ немъ²⁴⁶), и по силѣ совершенія чудесъ въ народѣ онъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ апостолами. Многіе люди, которые иначе умерли бы безвѣстными, раскрывали свойственное имъ величіе, когда имъ ввѣрялась власть. Великій подвигъ, совершенный св. Стефаномъ въ исторіи церкви, зависѣлъ отъ раскрытія тѣхъ силъ, которыя могли бы остаться

безъ примѣненія, если бы онѣ не были вызваны обязанностями, наложенными на него его новымъ положеніемъ. Раздаваніе милостыни было только частью назначеннаго ему дѣла. Подобно Филиппу, онѣ были не только діакономъ, но и благовѣстникомъ, и рѣчь, произнесенная имъ предъ синагогомъ, показывающая не только логическую силу и сосредоточенный пылъ великаго оратора, но и опытнаго полемиста, можетъ дать понятіе о томъ, какое впечатлѣніе производила его проповѣдь.

Мѣстомъ этого проповѣдничества были еллинистическія синагоги въ Иерусалимѣ. Раздавателю милостыни въ городѣ, гдѣ было такъ много бѣдныхъ, и необыкновенно краснорѣчивому еллинисту постоянно могли представляться случаи, когда онѣ не только могъ, но и вынуждался прибѣгать къ объясненію началъ новаго общества. До этого времени общество это находилось въ полномъ общеніи съ іудейскою церковью. Одного Стефана обвиняли за выраженіе недовѣрія къ началамъ фарисейства, и это служило явнымъ доказательствомъ того, какъ рано онѣ пришли къ истинному разумѣнію словъ Спасителя касательно объема и сущности Его царства. То, что въ душѣ даже ап. Петра было еще только зерномъ горчичнымъ, посѣяннымъ на почвѣ іудейства, въ душѣ св. Стефана выросло уже въ могучее дерево. Нѣкоторые апостолы все еще держались притворовъ синагоги. Для нихъ новое вино царствія небснаго еще не разорвало старыхъ мѣховъ. Доселѣ они считались лишь главами іудейской секты²⁴⁷⁾, и хотя вѣрили, что вѣра ихъ скоро станетъ вѣрою всего міра, все-таки они доселѣ повидимому нисколько не думали объ отмѣнѣ Моисеева закона или о свободномъ допущеніи необрѣзанныхъ язычниковъ къ полному равенству въ духовныхъ преимуществахъ. Прозелитъ праведности, въ родѣ Николая Антиохійскаго, принявшій печать обрѣзанія, могъ, правда, пользоваться уваженіемъ; но всякій, кто былъ только «прозелитомъ вратъ»²⁴⁸⁾, кто уклонился отъ принятія печати заключеннаго съ Авраамомъ завѣта, не считался полнымъ христіаниномъ, какъ не считался и полнымъ іудеемъ.

Поэтому доселѣ не безъ благосклонности относилась къ христіанамъ даже фарисейская партія, которая считала саддукеевъ коварными вѣроотступниками. Фарисеи склонны были даже воспользоваться воскресеніемъ, о которомъ проповѣдывали христіане, какъ удобнымъ средствомъ для пораженія своихъ соперниковъ. Да и не они были виновны въ убійствѣ Іисуса. Правда, они не двинули и пальцемъ для Его освобожденія и многіе изъ нихъ,—все тѣ лицемѣры, которыхъ какъ Іисусъ Христосъ, такъ и Іоаннъ Креститель называли порожденіемъ ехидниннымъ,—вѣроотно даже съ удовольствіемъ смотрѣли на преступленіе, посредствомъ котораго ихъ политическіе противники заставили смолкнуть ихъ общаго врага. Однако же они не боялись, чтобы Его кровь могла пасть на нихъ или чтобы апостолы когда нибудь стали относить къ нимъ или къ ихъ жизни Его страшное обличеніе. Хотя христіане свои частныя собранія дѣлали въ первый день недѣли, имѣли свое

особое ученіе, свои таинства, свою общую трапезу, однакоже во всей этой обрядности для фарисеевъ не было ничего предосудительнаго, а въ вѣрующей простотѣ и восторженномъ общеніи имущихъ у христіанъ было нѣчто даже привлекательное для нихъ²⁴⁹⁾. Они во всѣхъ отношеніяхъ были «благочестивые по закону»; они съ ужасомъ уклонились бы отъ всякаго нарушенія правилъ, отдѣлявшихъ чистую пищу отъ нечистой; они не только соблюдали предписанные въ пятокнижій праздники и постѣ, но даже принимали и такіе посты, которые освящались преданіями устнаго закона; они должнымъ образомъ обрѣзывали своихъ дѣтей, одобряли и принимали обѣты назореевъ, никогда не уклонялись отъ колѣнопреклоненія въ храмѣ и всегда по направленію къ нему обращались съ молитвой во всѣ три назначенные для того срока²⁵⁰⁾. Достаточно взглянуть только на символику Апокалипсиса, чтобы видѣть, какъ дороги имъ

Входъ въ іудейскую синагогу.

были имена, воспоминанія, левитская обрядность, храмовое богослуженіе ихъ іудейскихъ собратій. Нѣсколько лѣтъ спустя «было много тысячъ увѣровавшихъ іудеевъ и все они были ревнители закона и считали позоромъ всякое отступленіе отъ законнаго житія»²⁵¹⁾. Поэтому они просто составляли собою лишь новую синагогу въ городѣ, въ которомъ по свидѣтельству раввиновъ ихъ уже было не менѣе 480. Ихъ собраніе могло называться, да вѣроятно и называлось по географическому опредѣленію—«синагогой назарянъ».

Но это согласіе съ іудейскимъ народомъ могло быть только временнымъ и призрачнымъ. Если бы дѣйствительно первые вѣрующіе никогда не пошли дальше этой точки зрѣнія, то христіанство было бы не больше какъ новая ступень фарисейства, и притомъ еретическая ступень—вслѣдствіе принятія имъ распятаго Мессіи, хотя и достойная уваженія по строгости своей религіозной жизни. Но

если бы христианство никогда не было больше этого, тогда масличная ветвь погибла бы вмѣстѣ съ дикой маслиной, къ которой она была привита. Какъ для церкви, такъ и для міра было необходимо, чтобы это призрачное подобіе единства между религіозными воззрѣніями, которыя по своей сущности были совершенно непримиримы между собою, было явно и прямо разбѣно навсегда. Было необходимо, чтобы всѣхъ христіане какъ изъ іудеевъ, такъ и язычниковъ, увидѣли всю невозможность дѣлать новую заплату на старомъ вретнищѣ.

Эту истину Спаситель ясно проповѣдывалъ своимъ апостоламъ; но подобно многимъ другимъ Его словамъ она безплодно лежала въ ихъ умахъ. Послѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ глубочайшихъ бесѣдъ, въ полномъ сознаніи, что Онъ не могъ быть понятъ сразу, Христосъ говорилъ: «имѣющіе уши слышать да слышатъ». А апостолы, какъ они и сами откровенно сознаются, не всегда были изъ тѣхъ, которые имѣютъ уши для того, чтобы слышать. Какъ ни ясны и какъ ни часты были предсказанія, съ которыми Онъ обращался къ нимъ о своемъ распятіи и воскресеніи, первое изъ этихъ событій повергало ихъ въ отчаяніе и ужасъ, а второе поразило смущеніемъ и удивленіемъ. Тотъ, кто повелѣлъ изъ тьмы возсіяетъ свѣту, озарилъ ихъ сердца познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа (2 Кор. iv, 6, 7); но всетаки они сознавали, что это сокровище у нихъ было въ «глиняныхъ сосудахъ». Приписывать имъ равенство даровъ или полное единодушіе въ мнѣніяхъ — значило бы противорѣчить ихъ собственнымъ свидѣтельствамъ. Отрицать, что познаніе ихъ расширялось постепенно, значить игнорировать способъ божественнаго откровенія и идти противъ очевидныхъ фактовъ. До самаго послѣдняго времени они «знали отчасти и пророчествовали отчасти» (1 Кор. xiii, 9). Почему Іаковъ, братъ Господень, пользовался въ народѣ такимъ высокимъ уваженіемъ, какъ передаетъ объ этомъ преданіе? Почему іудеи смотрѣли съ такою ненавистью на ап. Павла? А потому, что ап. Павелъ гораздо болѣе чѣмъ Іаковъ сознавалъ, что въ будущемъ судьба христіанства будетъ отдѣлена отъ іудейскихъ учрежденій. Распятіе въ дѣйствительности было протестомъ іудея противъ вселенскаго распространенія вѣры. «Съ этого момента судьба іудейскаго народа была рѣшена. Его религія должна была убить его. Но когда храмъ объятъ былъ пламенемъ, то эта религія уже расправила свои крылья и понеслась для завоеванія всего міра»²⁵²).

Между тѣмъ, какъ можно было ожидать и какъ очевидно предвидѣлъ божественный Учитель, апостолы-галилеяне лишь послѣ всего пришли къ ясному сознанію неизбежности того, что Моисеевъ законъ долженъ былъ уступить мѣсто болѣе широкому откровенію даже для іудея. Говоря почеловѣчески, очень возможно, что истина эта во всей ея полнотѣ едва ли была бы когда постигнута ими, если бы сила ихъ разумѣнія по особенному божественному промышленію не была оживлена новыми уроками, полученными ими отъ разума и вѣры тѣхъ, которые были воспитаны на болѣе широкихъ началахъ. Уничтоженіе естественныхъ

различій не входитъ въ планъ божественнаго промышленія. Божественное вдохновеніе никогда не разрушаетъ личнаго характера и умственнаго склада святыхъ душъ, которыя оно дѣлаетъ сынами Божіими и пророками. Дары, какъ ап. Павелъ внушалъ младенческимъ церквамъ, могутъ быть различны, какъ бываютъ и различны служенія, различны дѣйствія, хотя во всемъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, одинъ и тотъ же Богъ (1 Кор. xii, 4—6). Св. Стефанъ и Савлъ, благодаря еллинистическому образованію, были съ дѣтства подготовлены къ принятію уроковъ, которые лишь съ трудомъ и при высшемъ озареніи давались разумѣнію апостоловъ изъ галилеянъ.

Между тѣмъ отношеніе закона къ Евангелію было какъ разъ однимъ изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ Спаситель, согласно съ своею божественною цѣлью, говорилъ съ извѣстною умѣренностью. Цѣлью Его было основать царство, а не провозглашать богословіе. Онъ умеръ не для того, чтобы формулировать систему, а для того, чтобы искупить человѣчество. Его дѣло состояло не въ построеніи догматовъ формальнаго символа вѣры, но въ очищеніи души человѣческой поставленіемъ ея въ непосредственное отношеніе къ Отцу небесному. Іудейскимъ обращенцамъ нужно было много лѣтъ для того, чтобы понять значеніе Его изреченія, что Онъ «пришелъ не нарушить законъ, но исполнить». Значеніе этихъ словъ могло стать яснымъ для нихъ лишь при свѣтѣ другихъ изреченій, значеніемъ которыхъ они пренебрегали. Апостолы видѣли, что Онъ исполнялъ законъ; видѣли, какъ Онъ молился въ храмѣ и синагогахъ, и сопровождали Его въ Его путешествіяхъ на праздники. Онъ никогда не говорилъ имъ ясно, что слава закона, подобно сіянію на лицѣ Моисея, должна была современемъ погаснуть. Они не способны были понять внутренняго значенія Его словъ и дѣйствій въ отношеніи субботы (Марк. ii, 27; Іоан. vi, 17), касательно внѣшней обрядности (Матѣ. ix, 13; xii, 7), касательно развода (Матѣ. xix, 3, 6, 8; v, 32), касательно будущей всеобщности духовнаго богопоклоненія (Іоан. iv, 22). Они несомнѣнно помнили, что Онъ говорилъ имъ о непреложности всякой іоты и черты въ буквѣ закона (Матѣ. v, 18), но они не замѣчали, что мысль о преимуществѣ нравственныхъ обязанностей надъ обрядовыми неизвѣстна самому закону. Они не видѣли также, что исполненіе Имъ закона состояло въ его одухотвореніи, что Онъ не только до безконечности раздвинулъ предѣлы его обязательствъ, но самый авторитетъ ихъ выводилъ изъ глубочайшихъ началъ и исполненію придавалъ божественное освященіе. Въ то же время они не замѣчали, какъ много заключалось въ выразительномъ указаніи Христа на слова пророка Осіи: «хочу милости, а не жертвы» (Матѣ. ix, 13; xii, 7). Они еще не созрѣли для убѣжденія, что придавать первостепенную важность Моисеевымъ постановленіямъ послѣ принятія ихъ въ царство небесное значило обращать свои взоры на угасающую звѣзду въ то время, когда уже постепенно разсвѣталъ день Божій.

О ранней дѣятельности св. Стефана въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ сообщается

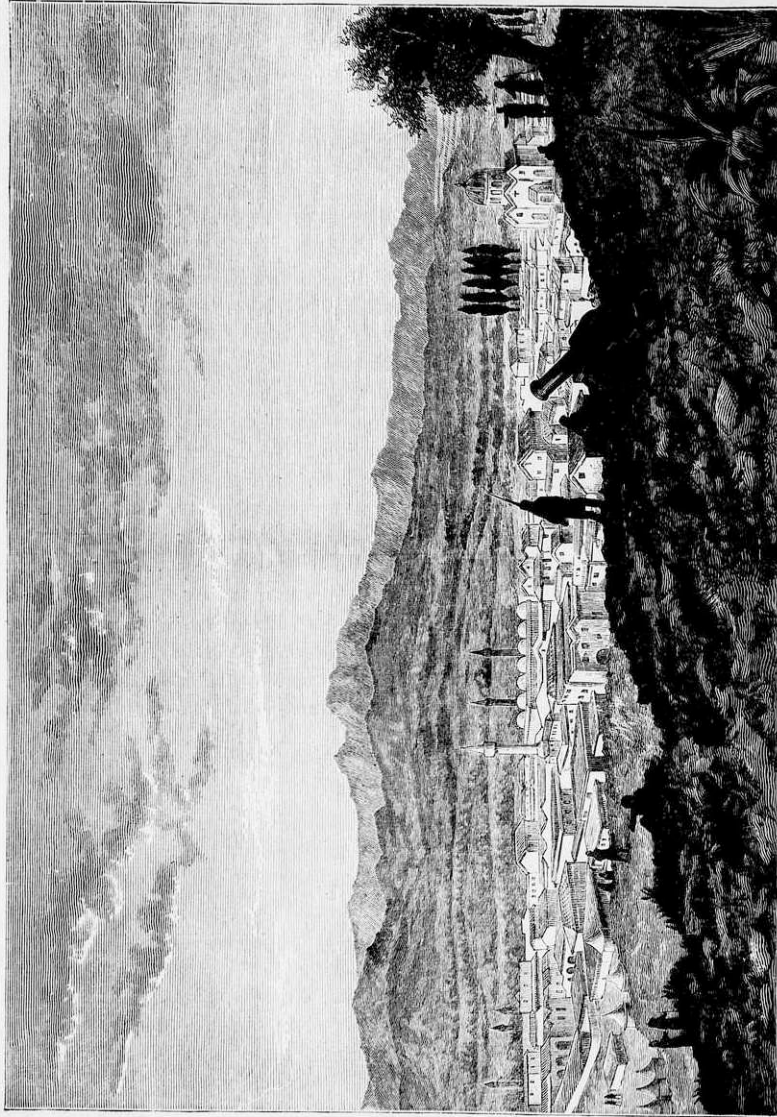
мало; но необычайная важность этого служенія становится тѣмъ болѣе ясною въ свѣтъ послѣдующей исторіи. Вѣроятно, онъ самъ никогда не могъ составить себѣ и отдаленнѣйшаго понятія о томъ огромномъ вліяніи, — вліяніи на милліоны христіанъ въ теченіе вѣковъ послѣдующей жизни, — которое по промыслу Божию должно было оказать первое ясное изложеніе впервые имъ замѣченныхъ истинъ. Если бы онъ сознавалъ это, то могъ бы еще болѣе благодарить Бога за ту ревность, съ которою онъ отдался на ихъ защиту, и за то святое муже-

Павлы
(Изъ Висконти).

ство, съ которымъ онъ ни на мигъ не поколебался подъ бурей насилія и ненависти, возбужденныхъ его словами.

Что именно привело его въ синагоги іудейскихъ еллинистовъ, мы не знаемъ: быть можетъ та же самая миссіонерская ревность, которая впоследствии влекла въ столь многія страны юношу тарсійскаго, бывшаго въ то время въ числѣ его сильнѣйшихъ противниковъ. Все, что мы знаемъ, это то, что нѣкоторые изъ такъ называемой «синагоги либертинцевъ, и киринейцевъ, и александрійцевъ и нѣкоторые изъ Киликіи и Асіи вступили въ споръ съ Стефаномъ». Выраженіе это

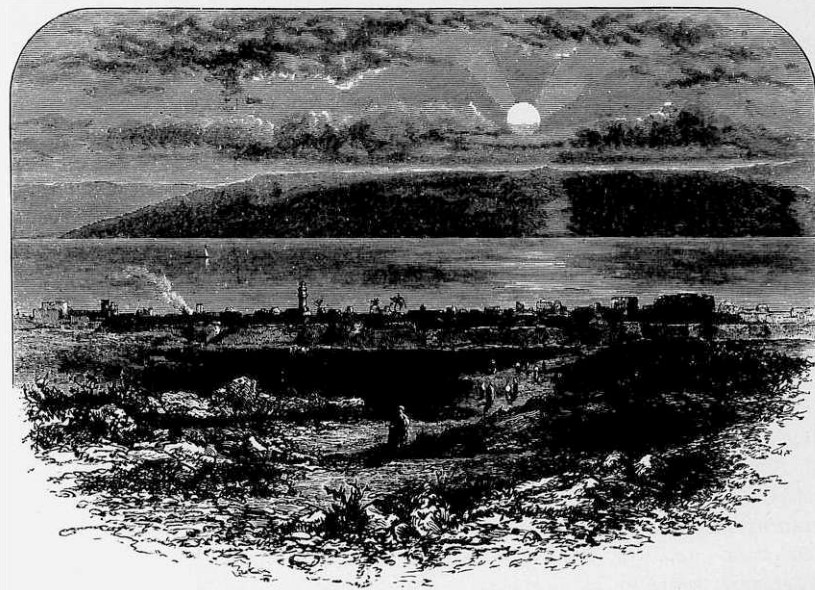
Тарсъ
(Изъ Davis, Life in Asiatic Turkey).

такъ темно, что невозможно опредѣлить: разумѣется ли здѣсь то, что противники Стефана были члены *одной* синагоги, соединившей въ себѣ эти разнородные элементы, или *пяти* разныхъ синагогъ, или *трехъ* синагогъ, именно синагоги отпущениковъ, синагоги африканскихъ и синагоги азіатскихъ еллинистовъ; или же наконецъ *двухъ* различныхъ синагогъ, изъ которыхъ одна была посѣщаемъ еллинистами изъ Рима, Греціи и Александріи, а другая — еллинистами изъ Киликіи и проконсульской Азіи. Число синагогъ въ Иерусалимѣ, какъ мы уже говорили, было такъ велико, что, какъ можно думать, каждая изъ этихъ общинъ имѣла свое отдѣльное мѣсто религіознаго собранія ²⁵³⁾, подобно тому, какъ и теперь въ Иерусалимѣ, гдѣ есть отдѣльныя синагоги для испанскихъ сефардимовъ, голландскихъ аншегодовъ и нѣмецкихъ и польскихъ ашкеназимовъ ²⁵⁴⁾. Отпущеники или либертинцы могли быть потомками іудеевъ, которыхъ Помпей отправилъ въ плѣнъ въ Италію, а іудеи вообще во множествѣ находились въ Греціи, въ Александріи и въ городахъ Азіи. Но для насъ наиболѣе интереснымъ изъ всѣхъ этихъ говорящихъ погречески іудеевъ является Савлъ Тарсійскій, который безъ всякаго сомнѣнія былъ членомъ синагоги киликійцевъ ²⁵⁵⁾ и который въ этотъ разъ не только навѣрно принималъ участіе въ спорахъ, поднятыхъ проповѣдничествомъ пылаго діакона ²⁵⁶⁾, но какъ ученикъ Гамалиила и ревностный фарисей занималъ видное положеніе въ качествѣ стойкаго поборника отеческихъ преданій.

Хотя Савлъ этого періода долженъ былъ рѣзко отличаться отъ того Павла «раба Іисуса Христа», какимъ мы знаемъ его въ послѣдствіи, однако же главные черты его личнаго характера были одни и тѣ же. Онъ не могъ не признать нравственной красоты, безбоязненнаго мужества, пылаго одушевленія, скрывавшихся въ нѣжномъ характерѣ св. Стефана. Пепелъ религіознаго формализма толстымъ слоемъ лежалъ и на его сердцѣ; но подъ нимъ еще горѣлъ огонь полной искренности. Хотя онъ въ теченіе многихъ лѣтъ воспитывался въ тонкостяхъ раввинства, онъ всетаки не до такой степени погрязъ въ этой мертвящей системѣ, чтобы не отличать гроба повапленнаго отъ благодати и свѣжести здоровой жизни. Когда онъ слушалъ св. Стефана, онъ навѣрное чувствовалъ громадное различіе между мертвымъ раввинствомъ и живою вѣрою, между пламеннымъ вдохновеніемъ и сухимъ толкованіемъ, между мелочной разборчивостью въ обрядовыхъ тонкостяхъ и проповѣдью, проникавшей въ глубину возмущеннаго сердца. Даже ярость, часто усиливающаяся отъ несознательнаго подъема непреодолимаго убѣжденія, не могла всецѣло воспрепятствовать ему замѣтить, что эти проповѣдники евангелія, которое онъ презиралъ какъ жалкое суевѣріе, находили во Христѣ источникъ свѣта и радости, любви и мира, въ сравненіи съ которыми его собственное состояніе походило на состояніе прикованнаго къ трупъ.

Мы лишь мелькомъ видимъ эти яростные споры. Непосредственнымъ слѣдствіемъ ихъ было явное торжество св. Стефана. Еллинисты были не въ силахъ

выстоять противъ мудрости и одушевленности, съ которыми говорилъ онъ. Презрительные раввинисты съ изумленіемъ и ненавистью должны были замѣтить, что тотъ, съ которымъ имъ приходилось имѣть дѣло, не былъ грубымъ провинціаломъ, безграмотнымъ *амаарецомъ* или жалкимъ простецомъ въ родѣ рыбаковъ и мытарей галилейскихъ, но что онъ не только получилъ языческое образованіе, но и обладалъ іудейскою ученостью, былъ полемистъ, который могъ бороться съ ними ихъ же собственнымъ оружіемъ и такъ же бойко говорить погречески, какъ и они сами. Воспитанные въ вѣковыхъ предубѣжденіяхъ, пропитанные

Берега Геннисарета.

преданіями, объ истинѣ которыхъ никогда не возникало и вопроса, они конечно воображали, что имъ легко одержать побѣду и убѣдить всякаго разумнаго чело-вѣка, какъ губительно для него принимать вѣру, на которую они съ высоты своего собственного невѣжества смотрѣли съ снисходительнымъ сожалѣніемъ. Каково же было ихъ замѣшательство, когда они нашли, что имъ пришлось стать лицомъ къ лицу не просто съ личнымъ свидѣтельствомъ, которое они могли презрительно отвергать, а съ аргументаціей, основанной на признаваемыхъ ими самими посы-кахъ, развиваемой по принятымъ ими методамъ и подкрѣпляемой ученостью,

которой они не въ силахъ были побѣдить! Какова была ихъ ярость, когда они слышали, какъ ученіе, ниспровергавшее наиболѣе влѣбляющія ими начала, доказывалось съ мудростью, которая отшучивалась не только по степени, но и по существу, отъ возвышеннѣйшей мудрости ихъ лучшихъ раввиновъ, даже тѣхъ, которыхъ они за ихъ достоинство награждали льстивыми титулами «двигателей горъ» и «гордости закона!»

Сначала споръ могъ возникнуть только касательно мессіанства Іисуса, значенія Его смерти и факта Его воскресенія. Это такіе предметы, на которые заурядный іудей считалъ едва ли стоящимъ тратить свои слова. Для него крестъ былъ непреодолимымъ камнемъ преткновенія. Во всѣхъ вѣкахъ мессіанская надежда занимала видное мѣсто въ умахъ просвѣщеннѣйшихъ іудеевъ, а во время плѣна и возвращенія изъ него она сдѣлалась центральной истиной ихъ религіи. Эта именно вѣра болѣе чѣмъ всякая другая воспламеняла ихъ патріотизмъ, утѣшала ихъ въ скорбяхъ и внушала имъ духъ повиновенія закону. Если Шаммаи обыкновенно проводилъ всю недѣлю въ размышленіи о томъ, какъ ему возможно строже соблюсти субботу, если фарисеи считали главною обязанностью своей партіи воздвигать ограду вокругъ закона, то вдохновляющимъ мотивомъ этого было убѣжденіе, что если бы только хотя въ теченіе одного дня Израиль былъ вполнѣ вѣренъ закону, то Мессія пришелъ бы. И какъ пришелъ бы! Князь дома Давидова, по ихъ воззрѣнію, долженъ былъ поразить всѣ народы мечемъ своихъ устъ: Онъ долженъ былъ разбить ихъ подобно сосуду горшечника, долженъ былъ возвести сыновъ Израиля на степенъ царей земли, питать ихъ мясомъ бегемота, левіаана и птицы бар-яхны и рассыпать у ихъ ногъ всѣ сокровища морей! И послѣ этого говорить, что *Іисусъ изъ Назарета* былъ обѣтованный Мессія, предполагать, что всѣ блестящіе пророчества патріарховъ, праотцевъ и пророчества Малахи — всѣ указывали или всѣ сосредоточивались на томъ, кто былъ плотникомъ назаретскимъ и кого они видѣли распятымъ между двумя разбойниками, — говорить, что ихъ самый Мессія только что былъ «повѣшенъ»²⁵⁷⁾ языческими тиранами по настоянію ихъ іерарховъ, — это для большинства слушателей въ синагогѣ было бы кощунствомъ, если бы и не показалось слишкомъ нелѣпымъ. Развѣ недостаточно было сразу отвѣтить на все это однимъ стихомъ закона: «проклятъ Богомъ всякъ висящій на древѣ»²⁵⁸⁾?

И однако же это именно положеніе старался доказать такой человекъ какъ Стефанъ, — не невѣжественный галилеянинъ, а ученый еллинистъ, и доказывалъ съ такою силой, что заставлялъ молчать, если не согласиться съ собою, и возбуждалъ если не убѣжденіе, то ненависть. При всемъ своемъ буквопоклонствѣ раввины-фарисеи лишь на половину читали свое писаніе или читали его лишь для того, чтобы пользоваться имъ какъ орудіемъ религіозной нетерпимости и выискивать взгляды, которые болѣе всего соответствовали ихъ личнымъ

предубѣжденіямъ. Въ основу толкованія они клали положеніе, что всѣ книги ихъ канона ни о чемъ другомъ не пророчествовали, кромѣ какъ о дняхъ Мессіи. Какъ въ такомъ случаѣ они могли совершенно упустить изъ виду, что Мессія изображается не только «торжествующимъ», но и «страждущимъ?»²⁵⁹⁾ Это могло бы казаться намъ удивительнымъ, если бы исторія не представляла многочисленныхъ доказательствъ, что люди могутъ всецѣло упускать изъ виду существенныя положенія и перетолковывать значеніе своихъ священныхъ книгъ, потому что при чтеніи этихъ книгъ сердце ихъ задержнуто завѣсой упорнаго предубѣжденія. Но когда эта сторона древняго пророчества, доказывавшаго, что Христу надлежало такимъ образомъ пострадать и войти въ славу свою (Луки xxiv, 26), раскрыта была предъ ними съ убѣдительнымъ, озаряющимъ краснорѣчіемъ че-

Входъ въ Іерусалимъ.
(Съ саркофага IV столѣтія въ Латеранѣ).

ловѣка, равнаго имъ по учености и превосходящаго ихъ по озаренію, то мы можемъ понять, въ какое затрудненіе они поставлены были этимъ. Какъ напр. они могли ослабить силу 53 главы пророка Ісаи, которой ихъ раввины открыто при-давали мессіанское толкованіе? Приложимость къ Мессіи того, что сказано тамъ о «рабѣ Іеговы» и оглубокомъ униженіи, переносимомъ ради другихъ, не только встрѣчается въ таргумѣ Іонаана и во многихъ раввинскихъ указаніяхъ вплоть до книги *Зоаръ*, но повидимому оставалось вполнѣ безспорнымъ до тѣхъ поръ, пока средневѣковые раввины не почувствовали крайняго неудобства отъ этого при своихъ спорахъ съ христіанами²⁶⁰⁾. Но это было лишь отдѣльное пророчество, а христіане могли приводить цѣлый рядъ мѣстъ, которыя по самымъ пра-

виламъ ихъ противниковъ не только оправдывали ихъ въ признаніи Христомъ того, кого распяли начальники іудейскіе, но даже явно предсказывали посланничество Его предтечи, Его служеніе на берегахъ Геннисарета, Его торжественный входъ въ Иерусалимъ, отверженіе народомъ, невѣріе въ Его предсказаніе, предательство чрезъ одного изъ Его собственныхъ послѣдователей, ничтожную цѣну за Его кровь, Его смерть какъ злодѣя, даже горкій и одурачившій напитокъ, который предложенъ былъ Ему на крестѣ, и жребій бросавшійся о Его одеждѣ, равно какъ и Его побѣду надъ гробомъ въ воскресеніи въ третій день изъ мертвыхъ и о конечномъ прославленіи одесную Отца ²⁶¹). Какую страшную неотразимость такіе доводы должны были имѣть для слушателей св. Стефана, поразительнѣе всего доказываетъ то, что ап. Павелъ самъ пользовался ими послѣ своего обращенія, которому несомнѣнно и содѣйствовали они отчасти. Въ первый разъ вѣроятно онъ услышалъ ихъ отъ св. Стефана, и они оказались для него столь убѣдительными, что онъ постоянно употребляетъ тѣже самые или сходные доводы въ разсужденіяхъ съ своими необращенными соотечественниками (Ефес. II, 20; Римл. IX, 34 и проч.).

Св. Стефанъ по ходу своей аргументаціи очевидно долженъ былъ приводить нѣкоторыя изъ тѣхъ глубокихъ изреченій касательно цѣли жизни Христа, которыя прозорливая ненависть сдѣлала болѣе понятными для враговъ Спасителя, чѣмъ они были на первыхъ порахъ даже для Его учениковъ. Многіе изъ тѣхъ священниковъ-фарисеевъ, которые крестились въ церковь Христову въ убѣжденіи, что ихъ новая вѣра совмѣстима съ неизмѣнною преданностью іудейству, показывали менѣе пониманія изреченій своего Учителя и менѣе оцѣнивали величіе Его миссіи, чѣмъ саддукеи, ненавистью которыхъ Онъ преданъ былъ въ руки гражданской власти. Изъ собственныхъ изреченій Христа естественно вытекало положеніе, что законъ Моисея, который іудеи вмѣстѣ и боготворили и обходили, подлежалъ отміну — не тѣ конечно нравственные постановленія его, которыя имѣютъ вѣчную обязательность, а та запутанная система, въ которой терялись и утопали эти нравственные заповѣди. Іудейскій народъ по справедливости чтилъ Моисея, какъ орудіе въ рукахъ Божіихъ для заложения глубочайшихъ основъ національной жизни. Какъ законодатель, десятизаконіе котораго по своей содержательной краткости превосходитъ всѣ другіе кодексы, какъ единственный законодатель, который наложилъ свое запрещеніе на источникъ зла — смѣлымъ запрещеніемъ даже злыхъ мыслей, какъ пророкъ, установившій для своего народа единобожіе, знаменательное богослуженіе и безпредѣльную надежду, — Моисей заслуживалъ благодарности и уваженія всего человѣчества. Но чтобы какой нибудь ничтожный членъ темной, такъ сказать лишь вчера возникшей, секты осмѣлился направлять свой языкъ противъ этого великаго имени и предсказывать отміну постановленій, многія изъ которыхъ были даны ихъ отцамъ въ древности съ пылающихъ скалъ Синаи, а другія возвышены изъ устъ

великаго учителя посредствомъ длиннаго ряда священниковъ и пророковъ, — это для нихъ было нѣчто хуже безумія и дерзости, это было богохульство и преступленіе.

Какъ же онъ смѣлъ сказать хотя одно слово противъ храма и высказать хотя одно сомнѣніе касательно вѣчности Его славы? Восторженные въ талмудѣ описанія его колоссальнаго объема и царственнаго великолѣпія составляютъ только отголоски той пламенной любви, которою дышать псалмы. Въ сердцѣ Савла всякое слово, звучащее неуваженіемъ «къ мѣсту, гдѣ обитаетъ честь Божія», должно было возбуждать особенное негодованіе. Когда пожарище охватило кедровыя кровли храма и расплатило его золотыя столы, всякій іудей въ городѣ былъ распаленъ яростью, заставлявшей его сражаться съ нечеловѣческой силою противъ безбожныхъ враговъ. Среди этихъ изступленныхъ борцовъ былъ отрядъ изъ тарсійскихъ юношей, которые съ радостью пожертвовали своею жизнью для спасенія Иерусалима. Ихъ душевное настроеніе въ этотъ страшный моментъ показываетъ намъ, что долженъ былъ чувствовать такой зилоть, какъ Савлъ тарсійскій, когда онъ слышалъ, какъ называвшій себя іудеемъ говорилъ вещи, звучавшія пренебреженіемъ къ «славѣ всей земли».

Пораженные въ аргументаціи, еллинисты синагогъ прибѣгли къ обычному способу пораженныхъ полемистовъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ власть. Они прибѣгли къ насилію для подавленія спора. Они сначала возбудили народъ, воспламеняющееся невѣжество котораго дѣлало изъ него готовое орудіе для всякаго агитатора, и чрезъ него возбудили вниманіе іудейскихъ властей. Заговоръ ихъ скоро созрѣлъ. Тутъ не было надобности въ полуночной тайнѣ, съ которою совершилось взятіе Иисуса; не было надобности заручаться услугами начальника храма для взятія Стефана при свѣтѣ бѣлаго дня, какъ это было при взятіи ап. Петра и Іоанна; не было надобности даже избѣгать какого либо подобія насилія, чтобы народъ не побилъ ихъ камнями за незаконное вмѣшательство. Обстоятельства дня давали имъ возможность дѣйствовать съ необычайною смѣлостью, потому что въ это время они пользовались чѣмъ-то въ родѣ междоцарствія отъ римской власти. Одобреніе толпы ослабло при первомъ указаніи на недостаточный патріотизмъ. Когда вслѣдствіе выставленныхъ еллинистами жесквидѣтельствъ всѣ свои іудейскаго общества пришли въ ярость, то они воспользовались этимъ благоприятнымъ моментомъ, неожиданно напали на Стефана ²⁶²), когда онъ или училъ въ синагогѣ, или исполнялъ обязанности раздавателя милостыни, и повидимому безъ всякаго промедленія повели его на судъ засѣдавшаго синедріона. А тутъ все уже было готово, и заранѣе указывало на предстоявшій обвинительный приговоръ. Подъ рукою были жесквидѣтели, которые дерзко обвиняли свою жертву въ непростѣнномъ богохуленіи на «святое мѣсто сіе (откуда повидимому можно заключать, что синедріонъ на этотъ разъ засѣдалъ въ знаменитой палатѣ четырехугольниковъ) и на законъ» ²⁶³). Въ подкрѣпленіе этого общаго обвиненія же-

свидѣтели показывали, что они слышали, какъ онъ говорилъ, что Иисусъ, «этотъ назарянинъ» ²⁶⁴), какъ они съ негодованіемъ прибавляли для отличія его отъ другихъ носившихъ тоже самое имя, — «разрушить мѣсто сіе и перемѣнить обычаи, которые передалъ намъ Моисей». Ясно, что лжесвидѣтели пытались основать свое обвиненіе на истинѣ. Это была хорошая уловка, къ которой во всѣ времена прибѣгали лжесвидѣтели. Полуистина часто есть самая гнусная ложь, потому что полную ложь гораздо легче побороть, чѣмъ ту, которая заключаетъ въ себѣ частицу истины. Если Стефанъ и не употреблялъ тѣхъ самыхъ выраженій, въ которыхъ его обвиняли, то навѣрно онъ употреблялъ другія подобныя имъ. Ему принадлежить безсмертная слава, что онъ помнилъ знаменитыя слова Спасителя и правильно истолковалъ ихъ. Противъ нравственнаго закона великаго десятизаконія синайскаго или какого либо изъ высоко челоуколюбивыхъ и мягкихъ постановленій, встрѣчающихся среди обрядовыхъ постановленій, онъ не произнесъ ни одного слова, такъ что въ этомъ его не обвиняютъ даже и лжесвидѣтели; но онъ могъ свободно говорить противъ вѣчнаго значенія обрядоваго закона, потому что, какъ мы видѣли, отмѣна его предполагалась уже той маловажною, которую придавалъ ему Иисусъ. Что же касается устнаго закона, то св. Стефанъ, образованіе котораго дѣлало для него невозможнымъ точное исполненіе его постановленій, вѣроятно не придавалъ ему значенія и не выказывалъ къ нему особаго почтенія. Употребленное свидѣтелями противъ него выраженіе повидимому показываетъ, что онъ главнымъ образомъ, если не исключительно, разумѣлъ этотъ устный законъ ²⁶⁵). То, что заставляло его учить, что Иисусъ долженъ былъ отмѣнить его постановленія, вѣроятно не было какое нибудь сомнѣніе касательно его подлинности, потому что въ то время критическій духъ еще не былъ развитъ настолько, чтобы возставать противъ ходячаго убѣжденія; но онъ предвидѣлъ будущее уничтоженіе этихъ «отеческихъ преданій» частью вслѣдствіе ихъ внутренней бесполезности, а частью потому, что онъ могъ слышать суровое обличеніе, которое худшія изъ этихъ преданій навлекли на себя изъ устъ самого Христа (Мат. xv, 2—6; Марк. vii, 3, 5, 8, 9, 13).

Но хотя св. Стефанъ и видѣлъ, что свидѣтельствовавшіе противъ него были лжесвидѣтели, потому что они перетолковали тонъ и истинное значеніе употребленныхъ имъ словъ; хотя онъ также сознавалъ, какъ опасно было его положеніе въ качествѣ обвиняемаго въ хуленіи противъ Моисея, противъ храма, противъ преданій и противъ Бога, — ему однако же никогда не приходило на умъ избѣжать этой опасности какой нибудь технической уверткой или компромиссомъ. Въ присутствіи того собранія, члены котораго обязаны были преданіямъ немалую часть принадлежавшаго имъ авторитета ²⁶⁶), подрывать довѣріе къ устному закону было небезопасно. Но Стефанъ не намѣренъ былъ ограничивать свою аргументацію этимъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что теперь настало время говорить, что это былъ такой моментъ, въ который онъ, даже если бы нужно

было умереть, долженъ былъ свидѣтельствовать о внутреннемъ значеніи царства своего Господа. Это вдохновеніе свыше придавало необычайное величіе и восторженность его взгляду, его словамъ, его позѣ. Вся его внѣшность получила особенную выразительность, все его существо преобразилось отъ сознанія, озарившаго особымъ блескомъ самое лицо его. Единогласное преданіе церкви свидѣтельствуетъ о его молодости и красотѣ; но теперь въ немъ было нѣчто еще болѣе прекрасное, чѣмъ юность или естественная красота. Въ сіявшемъ отъ него духовномъ свѣтѣ онъ былъ какбы ослѣненъ шехиной, которая давно уже исчезла изъ междукрылій херувимовъ въ храмѣ. Когда свидѣтели высказывали свое лжесвидѣтельство, никто еще изъ нихъ не замѣчалъ внезапнаго сіянія, которое начинало покрывать его; но когда обвиненіе кончилось и глаза всѣхъ отъ обвинителей обратились упорными взглядами на обвиняемаго ²⁶⁷), то всѣ сидѣвшіе въ синедрионѣ, а однимъ изъ нихъ по всей вѣроятности былъ Савлъ тарсійскій, смотря на него, «видѣли лице его какъ лице ангела».

При мгновенно наступившемъ безмолвіи раздался голосъ первосвященника Іонаана, который предложилъ обвиняемому обычный формальный вопросъ:

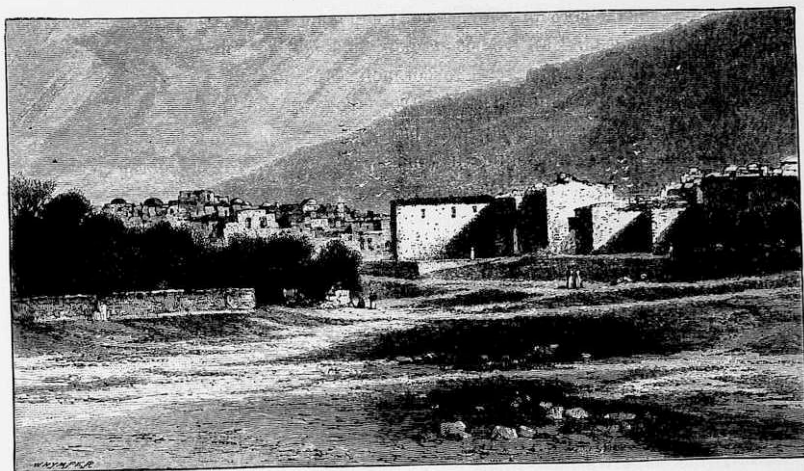
«Такъ ли это?» ²⁶⁸)

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ началась рѣчь, которая есть одинъ изъ первыхъ и одинъ изъ самыхъ интересныхъ документовъ христіанской церкви. Хотя она была сказана передъ синедриономъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она сказана была на греческомъ языкѣ, который при двуязычномъ состояніи Палестины, да и всего вообще цивилизованнаго міра, въ то время могъ быть совершенно понятенъ членамъ синедріона и который быть можетъ былъ единственнымъ языкомъ, на которомъ Стефанъ могъ говорить свободно ²⁶⁹). Цитаты изъ ветхаго завета берутся изъ перевода LXX даже тамъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ еврейскаго подлинника, и личная своеобразность, какою отличается почти всякое положеніе въ этой рѣчи, запрещаетъ намъ смотрѣть на нее какъ на простой перифразъ. Что она могла сохраниться до насъ, въ этомъ нѣтъ ничего особенно затруднительнаго. Помимо того, что при судебныхъ засѣданіяхъ синедріона всегда присутствовало два секретаря ²⁷⁰), бывають такіа слова и выраженія, которыя въ извѣстныя времена неизгладимо впечатлѣваются въ памяти слушателей, и такъ какъ мы имѣемъ возможность судить, какое глубокое впечатлѣніе было произведено этою рѣчью на ап. Павла, то мы не находимъ особенныхъ затрудненій въ принятіи того соображенія, что своимъ сохраненіемъ она обязана именно ему. Изобилующія въ ней *гаидоомы*, отступленіе отъ исторической точности, обильныя ссылки на ветхій заветъ, шероховатость слога и главнѣе всего сосредоточенная сила, дѣлающая въ отношеніи ея возможными различныя толкованія, — все это такіа характеристическія черты, которыя не оставляютъ и тѣни сомнѣнія, что, кто бы ни передалъ ее намъ, мы по крайней мѣрѣ имѣемъ здѣсь подлинное *изложене* самой рѣчи Стефана. И эта рѣчь отмѣчаетъ новую эпоху

въ дѣтописяхъ христіанства. Она повела къ послѣдствіямъ, благодаря которымъ церковь изъ іудейской секты въ Іерусалимѣ превратилась въ церковь язычниковъ и міра. Она отмѣчаетъ начало отдѣленія двухъ установленій, о которыхъ еще не знали, что они взаимно непримиримы.

Такъ какъ обвиненіе св. Стефана было отчасти истиннымъ и отчасти ложнымъ, то ему предстояло ниспровергнуть то, что было ложнаго, и оправдаться отъ порицанія въ томъ, что было истиннаго. Отсюда самозащита и обличеніе проходятъ по всей его рѣчи, но самозащита имѣетъ второстепенное значеніе, между тѣмъ какъ обличеніе главнымъ образомъ направляется къ тому, чтобы пробудить отъ дремоты совѣсть его слушателей. На обвиненіе въ богохульныхъ словахъ онъ ограничивается косвеннымъ опроверженіемъ этого обвиненія всѣмъ тономъ своей рѣчи. Вслѣдъ за деликатной просьбой о вниманіи къ себѣ онъ въ первыхъ же словахъ говоритъ о Богѣ, называя его однимъ изъ возвышеннѣйшихъ наименованій его величія, Богомъ шехины (славы). На исторіи Моисея онъ останавливается со всею восторженностью патріотическаго благоговѣнія. О храмѣ говоритъ съ полнымъ почтеніемъ. О Синаѣ и живыхъ провозвѣстникахъ закона онъ выражается съ такою торжественностью, какъ только могли желать самые набожные раввины. Но показывая такимъ образомъ, какъ нелѣпо обвинять его въ богохульствѣ, онъ въ то же время не упускаетъ изъ вида главную цѣль—выставить факты, которые имѣютъ гораздо болѣе глубокое значеніе, чѣмъ доказательство его невинности. Все искусство его рѣчи сосредоточивается въ томъ, что онъ, занятый повидимому спокойнымъ историческимъ обзоромъ, который съ увлеченіемъ и гордостью могъ бы слушать всякій іудейскій патріотъ, въ тоже время шагъ за шагомъ выводитъ заключенія, которыя съ непреодолимою силою свидѣтельствовали противъ воззрѣній его судей. Повидимому обозрѣвая только различныя странствованія Авраама и невзгоды патріарховъ, онъ въ дѣйствительности показываетъ, что завѣты Бога съ избраннымъ народомъ, заключенные въ Урѣ, Харранѣ и Египтѣ, были только частями одной непрерывной цѣпи истины, которая не только не зависитъ отъ обрядности или мѣстъ, но проявлялась уже раньше не только существованія скиніи и храма, не только раньше овладѣнія землей обѣтованной, но даже и раньше самаго обрѣзанія ²⁷¹). Излагая жизнь Іосифа, онъ косвенно указываетъ на отверженіе еще большаго избавителя, чѣмъ Іосифъ. Очерчивая три сороколѣтнихъ періода, изъ которыхъ состояла жизнь Моисея, онъ опять изображаетъ служеніе Христа, и молча указываетъ на то, что еврейскій народъ во всѣ періоды своей жизни былъ невѣренъ какъ Моисею, такъ и Богу. Съ этою-то цѣлію именно онъ рассказываетъ, какъ при первомъ выступленіи Моисея на помощь его страждущимъ соплеменникамъ они грубо отвергли его вмѣшательство и какъ, не смотря на это отверженіе, онъ былъ избранъ для избавленія ихъ отъ рабства. При недовѣріи къ этому особому порученію (при этомъ нужно замѣтить, какъ въ видахъ при-

влеченія глубочайшаго вниманія этотъ основной пунктъ въ его пользу вводится не съ показною торжественностью, а совершенно спокойно, какъ случайность въ общемъ историческомъ обзорѣ) Моисей долженъ былъ самъ приучать ихъ смотрѣть на свое посланничество какъ на временное, убѣждая ихъ повиноваться пророку, который подобно ему явится имъ впослѣдствіи. Но исторія Моисея, на котораго они полагались, была роковою для ихъ самовосхваленія своею вѣрностью ему. Даже когда онъ былъ еще на Синаѣ, они измѣнили ему и говорили о немъ какъ о «томъ Моисеѣ», о которомъ они не хотѣли знать, что случилось съ нимъ ²⁷²). Но невѣрные Моисею они были еще болѣе невѣрны Богу. Левитскія жертвоприношенія оставлены были съ самаго времени ихъ установленія и замѣнены жерт-

Наблусъ (древній Сихемъ) и гора Гаризимъ.

вами силамъ небеснымъ; скинія Молоха и звѣзда Ремфана ²⁷³) имъ были дорожѣ скиніи свидѣнія и шехины Божіей. Наконецъ Іеусъ (желая быть выслушаннымъ до конца, Стефанъ не упоминаетъ имени того Іисуса, которымъ наполнены были его мысли) привелъ ихъ со скиніею въ землю, которую онъ отнялъ у язычниковъ. Эта скинія, послѣ темной и безславной исторіи, была взята у нихъ, и взята, можно сказать, вслѣдствіе ихъ равнодушія и пренебреженія къ ней. Давидъ, ихъ собственный Давидъ, хотѣлъ замѣнить ее другою, но въ дѣйствительности построеніе Дома Божія было совершенно менѣе благочестивымъ Соломономъ ²⁷⁴). Но даже въ то самое время, когда построенъ былъ этотъ храмъ, въ молитвѣ Давида и въ посвященіи моленіи Соломона ²⁷⁵) высказывалось, что «Всевышній не въ

руководящихся храмахъ живеть». И для того, чтобы предостеречь отъ опаснаго суетвѣрія, въ которое склонно вырождаться благоговѣнiе, оказываемое материальнымъ предметамъ, для того, чтобы устранить возможность упованiя на пустыя слова въ родѣ: «храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень вотъ здѣсь»,—великій пророкъ воскликнулъ во имя Бога: «Небо престолъ Мой, и земля подножiе ногъ Моихъ. Какой домъ созиждете Мнѣ, говоритъ Господь, или какое мѣсто для покоя Моего? Не Моя ли рука сотворила все сiе» (Ис. лхvi, 1, 2)? Выводъ изъ этого, что *долженъ* настать день, о которомъ Иисусъ предсказывалъ женщинамъ самарянокъ, когда люди будутъ поклоняться Отцу небесному ни на Гери-зимиѣ, ни въ Иерусалимѣ, составляя великолѣпную защиту противъ обвиненiя, что сказанное имъ могло считаться хуленiемъ противъ храма.

Такъ онъ исчерпалъ предметъ своей рѣчи и показалъ, что хульные слова были далеки отъ его мыслей. Изъ его обзора національной исторiи было ясно, что защищаемыя имъ начала находились въ согласiи съ ученiемъ минувшихъ вѣковъ; что отверженiе Христа начальниками Его народа не могло служить доказательствомъ противъ его достоинства; что храмъ не *могъ* предназначаться въ качествѣ предмета безконечнаго почтенiя; наконецъ, если онъ и говорилъ, что Иисусъ долженъ былъ измѣнить законодательство, переданное Моисеемъ, то вѣдь самъ Моисей заявлялъ, что въ надлежащее время его завѣту суждено было окончиться. Приэтомъ онъ скорѣе излагалъ основанiя, изъ которыхъ слѣдовало такое заключенiе, чѣмъ настаивалъ на самыхъ выводахъ. Это онъ дѣлалъ въ виду ихъ раздраженности и предубѣжденiя и съ надеждой спокойно напечатлѣть истину въ ихъ сердцахъ. Онъ могъ бы продолжать исторiю въ теченiе столѣтiй, ознаменованныхъ слабыми или богоотступными царями, упивавшимися кровiю отверженныхъ пророковъ—вплоть до великаго возмездiя въ плѣнѣ; могъ бы показать, какъ послѣ плѣна устарѣлое идолослуженiе деревяннымъ и каменнымъ богамъ было замѣнено только болѣе утонченнымъ и самодовольнымъ идолопоклонствомъ формализма и боготворенiя буквы; какъ почтенiе къ книгѣ доходило до забвенiя содержащихся въ ней истинъ; какъ при заботѣ о десятинахъ мяты, аниса и тмина забывались важнѣйшiя истины закона; какъ куренiю отъ мертваго жертвоприношенiя придавалось болѣе значенiя, чѣмъ дѣламъ живаго милосердiя; какъ обрѣзанiе и суббота ставилось выше вѣры и нравственной истины; какъ наконецъ длинный рядъ преступленiй противъ посланниковъ Божiихъ завершился убiенiемъ Господа славы. Истина, когда на нее только наводить, часто сильнѣе дѣйствуетъ на сердце, чѣмъ когда ее облачаютъ въ слова, и первоначальною цѣлью св. Стефана быть можетъ было скорѣе руководить, чѣмъ опровергать. Но если такъ, то лица его слушателей показывали, что онъ не достигъ своей цѣли. Съ тупымъ самодовольствомъ слушали они рассказъ, въ которомъ знаменательные факты служили имъ поводомъ къ прославленiю своихъ отцовъ. Но вѣроятно было что нибудь въ выраженiи лицъ слушателей, что вдругъ убѣдило его въ бесполезности

обращаться съ словами увѣщанiя къ такому непреодолимому упорству, и онъ вдругъ прервалъ свой историческiй обзоръ и въ упоръ имъ загрозилъ всѣмъ громомъ своего гнѣва и презрѣнiя.

«Жестоковѣйные!» воскликнулъ онъ, «люди съ необрѣзанными сердцемъ и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, какъ отцы ваши, такъ и вы. Кого изъ пророковъ не гнали отцы ваши? Они убили предвозвѣстившихъ пришествiе Праведника, котораго предателями и убiйцами сдѣлались нынѣ вы. Вы, которые приняли законъ при служенiи ангеловъ²⁷⁶⁾, и не сохранили!»²⁷⁷⁾.

Столь безпощадное и безстрашное обличенiе изъ устъ узника, жизнь котораго зависѣла отъ ихъ воли, должно было поразить ихъ; и этотъ сильный взрывъ справедливаго негодованiя противъ тѣхъ, кого онъ называлъ «братьями и отцами», можетъ быть объясненъ только долгимъ сдерживанiемъ чувствъ у того, терпѣнiе котораго истощилось. Но онъ едва-ли могъ найти лучшихъ выраженiй для того, чтобы распалять ихъ ярость. Самые термины, которыми онъ характеризовалъ ихъ состоянiе, какъ заимствованные въ законѣ и у пророковъ, придавали особенную силу предварительному обзорѣ исторiи (Второз. ix, 6, 13; x, 16; xxx, 6; Неем. ix, 16; Иезек. xlv, 7; Иерем. ix, 26); а называть ихъ необрѣзанными *сердцемъ и ушами* значило съ презрѣнiемъ отвергать праздыя мечтанiя, что одного обрѣзанiя было достаточно для избавленiя ихъ отъ гнѣва Божiя, и что необрѣзанiе было хуже всякаго преступленiя²⁷⁸⁾. Выставить ихъ истинными сынами своихъ отцовъ и заклѣмить ихъ совѣсть, уже до болѣзненности пораженную сознаниемъ виновности, худшимъ убiйствомъ, чѣмъ худшее убiйство пророковъ, значило не только подрывать ихъ авторитетъ, такъ слѣпо принимавшiйся народомъ, но значило привлекать на судъ самыхъ судей его и на нихъ обращать всѣ стрѣлы обвиненiя. А такъ именно и поступали они не только въ дѣлѣ преданiя ими Мессии на распятiе, но и въ дѣлѣ неповиновенiя ихъ тому данному имъ при посредствѣ ангеловъ закону, на защиту святости и вѣчнаго значенiя котораго они въ этотъ самый моментъ повидимому и выступали.

Трудно во всей области литературы найти рѣчь, которая была бы болѣе искусна, содержательна и убѣдительна, чѣмъ эта рѣчь св. первомученика Стефана; и она становится поистинѣ изумительною, если мы вспомнимъ, что она повидимому произнесена была по вдохновенiю минуты²⁷⁹⁾.

Но безбоязненная смѣлость заключительнаго обличенiя Стефана распаляла ярость членовъ синагоги. На западѣ среди самыхъ пылкихъ народовъ едва ли кто можетъ вообразить себѣ ту яростную запальчивость, которая приводитъ въ бѣшенство толпу восточныхъ изуверовъ²⁸⁰⁾. Будучи едва въ силахъ продолжать подобiе судебнаго разбирательства, они выражали пожирившую ихъ сердца агонiю ненависти внѣшними знаками, которые почти совѣтъ неизвѣстны у народовъ новѣйшей цивилизацiи,—именно скрежетанiемъ и щелканiемъ зубовъ, мыслимымъ только въ людяхъ, въ которыхъ не совѣтъ еще такъ сказать умерли «обезьяна и

тигръ». Разсуждать съ людьми, которыхъ страсти пизвели на степень дикихъ звѣрей, было хуже чѣмъ бесполезно. Пламя святаго гнѣва погасло въ груди св. Стефана съ быстротою молніи. Это былъ праведный гнѣвъ; онъ относился не къ нимъ, но къ ихъ остылению; онъ имѣлъ въ виду не оскорбить, но пробуж-

Видъ отъ воротъ св. Стефана.

дать ²⁸¹⁾. Но св. Стефанъ сразу же увидѣлъ, что онъ не достигъ своей цѣли, и теперь все уже было кончено. Въ одинъ мигъ его мысли унеслись къ небу, откуда снизошло на него вдохновеніе. Отъ этихъ лицъ, принявшихъ отъ некажавшей ихъ злобы демонскій характеръ, опечаленный взоръ его обратился горько—къ небесамъ.

Тамъ, въ восторженномъ видѣніи, онъ увидѣлъ шехину, славу Божию, Иисуса, «стоящаго» какбы наготовѣ помочь ему и принять его «одесную Бога». Восхищенный этимъ дивнымъ богоявленіемъ, превыше всякой мысли объ опасности, онъ, какбы желая и своихъ враговъ сдѣлать участниками этого видѣнія, воскликнулъ: «Вотъ, я вижу небеса отверстыя ²⁸²⁾ и Сына человѣческаго стоящаго одесную Бога!» Въ такой моментъ ему некогда было, да онъ и не въ силахъ былъ взвѣшивать слова, которыя онъ говорилъ; но потому ли, что онъ вспомнилъ тотъ мессіанскій титулъ, который употреблялся самимъ Господомъ, когда Онъ предсказывалъ этому самому синадрию, что они увидятъ въ послѣдствіи Сына человѣческаго, сидящаго одесную силы, но только несомнѣнно, что это единственное мѣсто новаго заветъ, гдѣ І. Христосъ называется Сыномъ человѣческимъ не собственными устами, а устами другаго ²⁸³⁾.

Но этихъ возвышенныхъ словъ не могли выдержать чувства его слушателей. Затыкая свои уши, какбы съ цѣлію предохранить ихъ отъ оскверняющаго богослужества, они массою поднялись съ обѣихъ сторонъ полукруга, въ которомъ сидѣли, и съ дикимъ ревомъ ²⁸⁴⁾ ринулись на Стефана. О законномъ рѣшеніи дѣла теперь уже не было и рѣчи. Въ своей ярости они забыли всякій законъ и повлекли св. Стефана за городскія ворота, чтобы тамъ побить его камнями ²⁸⁵⁾.

Можно судить, какъ ожесточенна была ярость, когда она превратила торжественный синадрий въ шайку убійцъ. Правда, въ это время синадрий находился подъ саддукейскимъ вліяніемъ, и это вліяніе, какъ и во время суда надъ І. Христомъ, главнымъ образомъ сосредоточивалось въ семействѣ Анны, члены котораго были самыми безжалостными среди этой жестокой секты. Если мученичество это, какъ есть основанія думать, совершилось въ 37 г. по Р. Хр., то по всей вѣроятности это было въ короткое предсѣдательство первосвященника Іонаана, сына Анны. Злополучное семейство человѣка, котораго І. Флавій провозглашаетъ до исключительности благословеннымъ! Сѣдовласый отецъ съ своимъ зятемъ Каиафой обагрили свои руки кровію Иисуса; Іонаанъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего положенія въ должности былъ *наси* того синадрия, который убилъ св. Стефана; Теофилъ, другой сынъ Анны, былъ тѣмъ первосвященникомъ, который во время крайней озлобленности первыхъ гоненій далъ Савлу страшное порученіе въ Дамаскъ; Матея, третій сынъ его, со времени своего возвышенія въ это достоинство, былъ однимъ изъ тѣхъ вождей іудейскихъ, которыхъ Продъ Агриппа пытался примирить съ собою убіеніемъ Іакова, сына Зеведеева; и наконецъ Хананъ, младшій сынъ «порожденія ехиднина», незаконнымъ насиліемъ совершилъ убіеніе Іакова брата Господня ²⁸⁶⁾. Такимъ образомъ всѣ эти разсчитанныя убійства—столь рѣдкія въ то время—были направлены на послѣдователей Христа, и всѣ они были направляемы и одобряемы коварными, жадными, беззастѣнчивыми членами одного и того же рода саддукейскихъ іерарховъ ²⁸⁷⁾.

Св. Стефана затѣмъ безъ всякаго соблюденія обычной обрядности повлекли къ мѣсту казни. Его мысли очевидно были заняты печальнымъ зрѣлищемъ Голгофы; оно могло представиться ему теперь тѣмъ съ большою живостью, что онъ по всей вѣроятности проходилъ тѣми же воротами, которыми лишь четыре года предъ тѣмъ несъ крестъ свой Спаситель. Когда началось ужасающее побіеніе (въ слѣпой своей ярости убійцы видимо пренебрегли даже обычными мѣрами для ускоренія казни), онъ почти словами своего Учителя (Лук. ххп, 34, 46) воскликнулъ: «Господи Іисусе! пріими духъ мой!»²⁸⁸). А когда, израненный и истекая кровью, онъ могъ еще стать на колѣни, онъ опять въ духѣ своего Господа молился за своихъ убійцъ, и даже вопль его страданія звучалъ прощеніемъ, показывающимъ, какъ мало злобы было въ его суровыхъ, произнесенныхъ имъ предъ тѣмъ словахъ: «Господи, молился онъ, не вѣрни имъ грѣха сего!»²⁸⁹). Съ этимъ возгласомъ онъ отошелъ отъ гнѣва людей въ миръ Божій. Историкъ оканчиваетъ кровавую повѣсть многознаменательнымъ и прекраснымъ замѣчаніемъ, что мученикъ «почилъ»²⁹⁰).

Для исполненія своего страшнаго дѣла присутствующіе снимали свои одежды²⁹¹) и клали ихъ «у ногъ юноши, именемъ Савла».

Тутъ въ первый разъ упоминается въ исторіи имя, которому предназначено было отселѣ стать навсегда памятнымъ въ лѣтописяхъ міра. И при какихъ печальныхъ обстоятельствахъ упоминается оно! Савлъ выступаетъ правда не въ качествѣ дѣятельнаго участника въ дѣлѣ смерти, но онъ стережетъ одежды, сочувствуетъ насилію тѣхъ, что такимъ звѣрскимъ образомъ тушили въ крови свѣтъ на томъ лицѣ, которое какъ лицо ангела сіяло вѣрой и любовью.

Св. Стефанъ умеръ, и казалось съ нимъ могла бы умереть и вся та истина, которая была славой и крѣпостью христіанства. Но избавленіе язычниковъ и искупленіе ихъ кровію Христа—это были слишкомъ великія истины, чтобы ихъ можно было уничтожить совѣмъ. Истину можно подавить на время, даже на долгое время, но она всегда вновь воспринять изъ своей временной могилы. Савонарола и Гуссъ были сожжены, но реформація этимъ не была предотвращена. Св. Стефанъ утонулъ въ своей крови, но на его мѣсто выступилъ юноша, который стоялъ тутъ для возбужденія его убійцъ. Четыре года спустя послѣ того, какъ І. Христосъ умеръ на позорномъ крестѣ, св. Стефанъ былъ побитъ камнями за то, что былъ Его ученикомъ и послѣдователемъ; тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти первомученика Стефана умеръ и его смертельный противникъ, и умеръ за ту же самую вѣру святую.

Малый отрогъ горы Ермона.

КНИГА Ш. ОБРАЩЕНІЕ.

ГЛАВА IX. САВЛЪ—ГОНИТЕЛЬ.

Я даже до смерти гналъ послѣдователей сего ученія. Дѣян. ххп, 4.

НОГЪ юноши». Выраженіе это неопредѣленное, но есть основанія думать, что Савлу въ это время было не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду²⁹²). Почтеніе къ старости, сильное вообще на востокѣ, было особенно сильно у іудеевъ, и они никогда не вѣряли власти тѣмъ, кто не достигалъ полныхъ лѣтъ возмужалости. Можно считать несомнѣннымъ, что даже ученикъ Гамалила, такой гениальный и ревностный какъ Савлъ, не былъ бы назначенъ довѣреннымъ синедріона въ дѣлѣ отвѣтственнаго порученія раньше тридцатилѣтняго возраста; а если мы придадимъ буквальное значеніе выраженію: «когда убивали ихъ, я подавалъ голосъ»²⁹³), то это означаетъ, что Савлъ былъ членомъ синедріона. Если же такъ, то онъ въ это время, по самому свойству своего положенія, былъ человекомъ женатымъ²⁹⁴).

Но если правилом, чтобы членъ синедріона былъ женатымъ человѣкомъ, имѣлось въ виду обезпечить духъ нѣжности ²⁹⁵), то въ отношеніи Савла оно не достигало своей цѣли. Въ наступившемъ страшномъ гоненіи на христіанъ,—гоненіи, гораздо болѣе суровомъ, чѣмъ прежнія нападкі саддукеевъ на апостоловъ, онъ былъ душою заговора съ цѣлю искоренить христіанскую вѣру. Не довольствуясь вялымъ фанатизмомъ синедріона, онъ былъ и первымъ возбудителемъ, и главнымъ исполнителемъ религіозной мести. Обвиненіе, стоившее св. Стефану жизни, могло быть приложено отчасти и къ другимъ христіанамъ—еллинистамъ, и хотя ихъ взгляды могли быть болѣе свободными, чѣмъ взгляды галилейскихъ учениковъ, тѣмъ не менѣе узы любви между двумя вѣтвями церкви были еще такъ сильны, что судьбу одного класса нельзя было отдѣлять отъ судьбы другого. Иудеи въ сущности не любили преслѣдованія. Синедріонъ этого времени навлекъ на себя обвиненіе въ позорной слабости. *Сикарии* или тайные убійцы не были подавляемы; красная телица не убивалась ²⁹⁶); испытаніе горькой водой не употреблялось, потому что преступленіе прелюбодѣянія возросло въ небывалой степени ²⁹⁷). Когда равв. Еліезеръ арестовалъ нѣсколькихъ воровъ, то раввинъ Іошуа Бен-Корха укорялъ его словами: «Долго ли ты будешь предавать народъ Божій разрушенію? Пусть вырываетъ плеveled господинъ виноградника» ²⁹⁸). Но къ обольстителю (*меситг*), богохульнику (*мегадефа*) и идолопоклоннику не было ни снисхожденія, ни состраданія ²⁹⁹). По единодушному свидѣтельству самихъ іудеевъ, христіане не могли быть обвиняемы въ преступленіи идолопоклонства ³⁰⁰); но ихъ всетаки легко было подвести подъ наказаніе чрезъ побіеніе камнями, которое присуждалось за упомянутыя выше преступленія. Право налагать меньшія наказанія—бичеванія и отлученія—повидимому принадлежало не только синедріону, но даже и всякой мѣстной синагогѣ. Каковы бы ни были законныя полномочія этихъ собраній, каково бы своеволие ни допускалось вслѣдствіе временнаго ослабленія римскаго надзора ³⁰¹), всемъ этимъ пользовался и злоупотреблялъ юный Зилотъ. Мудрость терпимости, которую внушалъ Гамалиилъ, проявляется въ томъ фактѣ, что великое гоненіе, разразившееся надъ церковью въ Іерусалимѣ, было во всѣхъ отношеніяхъ важно для новой религіи. Оно разбило іудейство, которое иначе подвергло бы опасности распространеніе христіанства, и показало, что ученикамъ предстояла высшая миссія, чѣмъ прозябаніе въ галилейской синагогѣ. Священный огонь, который сталъ бы лишь теплиться на очагѣ горницы въ Іерусалимѣ, воспламенился съ новою силою и блескомъ, когда искры отъ него разсыпались по всей Іудеѣ и Самаріи и необрѣзанные язычники были допущены къ крещенію въ стадо Христово.

Торжественное погребеніе св. Стефана «благовѣйными мужами»,—христіанами ли еллинистами, или іудейскими прозелитами,—оплакиваніе его ³⁰²) ими съ біеніемъ себя въ грудь и ломаніемъ рукъ не измѣнили намѣренія Савла. Зрѣлище этой страшной смерти, предсмертная агонія и обезображенные останки того, кто

стоялъ предъ синедріономъ подобно ангелу въ красотѣ святости — все это едва ли могло пройти безъ слѣда для столь нѣжнаго отъ природы сердца. Но если мучительно видѣть агонію другихъ и особенно быть главнымъ дѣятелемъ въ ея причиненіи, зато это самое мученіе становилось тѣмъ болѣе высокой заслугой предъ закономъ. Если его безукоризненная строгость во всемъ касающемся подзаконной праведности начинала тайно подтачиваться еретическою неувѣренностью, то тѣмъ сильнѣе чувствовалась необходимость кровью смыть эти закрадывающіяся сомнѣнія. Подобно кардиналу Полю, когда папа Павелъ IV началъ подозрѣвать его правотѣріе, онъ долженъ былъ чувствовать себя полувынужденнымъ на преслѣдованіе,—чтобы доказать свою стойкость въ вѣрѣ.

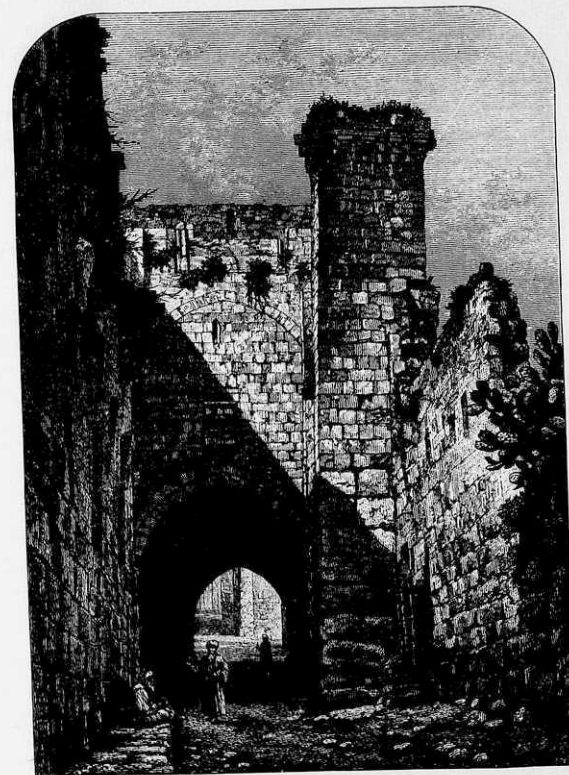
Дѣятельность его на страшномъ поприщѣ преслѣдованія, намъ кажется, всегда представлялась въ ослабленномъ свѣтѣ. Только когда мы соберемъ всѣ отдѣльныя мѣста (а ихъ не менѣе восьми), въ которыхъ дѣлается намекъ на этотъ печальный періодъ, когда только взвѣсимъ страшное значеніе употребляемыхъ тамъ выраженій,—тогда только мы почувствуемъ то бремя угрызений совѣсти, которое лежало на немъ, и тѣхъ издѣвательствъ, которыми подвергали его злобствующие враги. Онъ «терзалъ», буквально «опустошалъ» церковь ³⁰³). Сильнѣе этого уже нельзя было выразиться. Выраженіе это еще нигдѣ не встрѣчается въ новомъ завѣтѣ, но въ переводѣ LXX и въ классическомъ языкѣ оно прилагается къ дикимъ кабанамъ, подрывающимъ корни виноградниковъ ³⁰⁴). Не довольствуясь обыскомъ синагогъ, онъ получилъ полномочіе на обыскъ частныхъ домовъ, и даже изъ святаго уединенія христіанскихъ семействъ извлекалъ не только мужчинъ, но и женщинъ, предавая ихъ суду и ввергая въ темницы ³⁰⁵). Поиски его были такъ тщательны и слѣдствія ихъ такъ ужасны, что христіане Дамаска, имѣя это въ виду, съ трепетомъ говорятъ о Савлѣ только какъ о томъ, «кто *опустошалъ* (гналъ) въ Іерусалимѣ призывающихъ имя сіе» ³⁰⁶), употребляя сильное выраженіе, приложимое къ нашествію арміи, опустошающей побѣжденную страну огнемъ и мечемъ. Такъ именно передаетъ намъ объ этомъ св. Лука, приводя основаніе для разсѣянія церкви и послѣдующихъ благъ, возникшихъ отъ проповѣданія слова Божія въ болѣе обширныхъ предѣлахъ. Апостолы, прибавляетъ онъ, остались. Что собственно было причиной этого, мы не знаемъ; но такъ какъ прямое позволеніе со стороны Спасителя семидесяти ученикамъ убѣгать отъ преслѣдованія (Матѣ. х, 23) могло бы и для нихъ служить оправданіемъ въ заботѣ о своей безопасности, то причиной этого могло быть и повелѣніе имъ Іисуса оставаться въ Іерусалимѣ до истеченія двѣнадцати лѣтъ ³⁰⁷). Если, какъ думаетъ св. І. Златоустъ, они остались для поддержанія бодрости другихъ, то какъ же случилось, что въ то время, какъ пастыри остались цѣлы, стадо было расхищено? Или нельзя ли думать, что главная ярость гонителей пала на тѣхъ еллинистовъ, которые раздѣляли взгляды первомученика, и что апостолы избавились отъ гоненія благодаря своей строгой преданности Моисееву

закону, въ чемъ особенно выдавался одинъ изъ нихъ, именно такая личность, какъ Іаковъ, братъ Господень? Какъ бы то ни было, они во всякомъ случаѣ не сдѣлались жертвами этой ярости, которая была столь гибельною для многихъ изъ ихъ собратьевъ.

Въ двухъ изъ своихъ рѣчей и въ четырехъ изъ посланій ап. Павелъ обращается къ этому преступленію своего заблудшаго упорства. Въ посланіи къ Галатамъ онъ дважды употребляетъ то же самое выраженіе, которымъ охарактеризованъ его образъ дѣйствій христіанами въ Дамаскѣ³⁰⁸). Коринѳянамъ онъ пишетъ (1 Кор. xv, 9), что онъ «наименьшій изъ апостоловъ и недостойнъ называться апостоломъ, потому что гналъ церковь Божию». Филиппійцамъ онъ напоминаетъ (Филипп. iii, 6), что его прежняя еврейская ревность въ качествѣ фарисея дѣлала его «гонителемъ церкви Божіей». И даже когда уже начала ложиться на него тѣнь старости, онъ, вполне чувствуя, что прощенъ уже Тѣмъ, кто «пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ, изъ которыхъ я первый», онъ не можетъ подавить въ себѣ горькой мысли, что хотя и по невѣдѣнію онъ былъ прежде «хулителемъ, гонителемъ и обидчикомъ» (1 Тим. i, 13, 15). Обращаясь же къ тѣмъ, кто знали худшее, въ своей рѣчи къ разъяренной черни въ Іерусалимѣ со ступеней башни Антоніи, онъ прибавляетъ еще одинъ фактъ, который бросаетъ мрачный свѣтъ на лѣтописи гоненія. Онъ говоритъ, что кровь св. Стефана была не единственною кровью, которою запятнана его совѣсть. Онъ рассказываетъ народу, что онъ не только вязалъ и заключалъ въ темницы какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, но что онъ «гналъ ихъ до смерти» (Дѣян. xxi, 4). Наконецъ въ своей рѣчи въ Кесаріи онъ присоединяетъ еще то, что составляло быть можетъ самое темное воспоминаніе, — именно онъ говоритъ, что, заручившись полномочіями отъ первосвященника, онъ не только безсознательно исполнялъ предсказаніе Христа (Матѣ. x, 17; Марк. xiii, 9), бичуя христіанъ «многokrato» и «по всѣмъ синагогамъ», но что даже, когда *возникалъ вопросъ о смерти*, онъ подавалъ свой голосъ на то и по мѣрѣ силъ *принуждалъ ихъ хулить Іисуса*³⁰⁹). Мы говоримъ «по мѣрѣ силъ», потому что форма употребленнаго имъ глагола указываетъ на стараніе, которое не всегда могло оканчиваться успѣхомъ. Плиній въ одномъ мѣстѣ своего знаменитаго письма къ импер. Траяну изъ Виноиніи³¹⁰) говоритъ, что при допросѣ тѣхъ, которые въ анонимныхъ письмахъ были обвиняемы въ качествѣ «христіанъ», онъ считалъ достаточнымъ для ихъ испытанія заставлять ихъ приносить вино и куреніе статуямъ боговъ и изображенію императора и хулить имя Христа, и если они дѣлали это, то онъ отпускалъ ихъ безъ дальнѣйшаго разслѣдованія, потому что ему передавали, что настоящаго христіанина невозможно принудить къ исполненію чего-нибудь такого.

Мы не знаемъ, испыталь ли апостолъ въ теченіе своихъ страданій и принужденіе къ богохульству. Со всѣми другими преслѣдованіями, которыя онъ причинялъ христіанамъ, онъ самъ въ послѣдствіи познакомился во всей ихъ полнотѣ

и горечи. Горькую чашу безжалостнаго гоненія онъ выпилъ всю вплоть до дна одинокаго и страшнаго мученичества. Когда онъ уже не былъ высокомѣрнымъ раввиномъ, самоправеднымъ фарисеемъ, яростнымъ посланникомъ синадріона, снабженнымъ неограниченнымъ полномочіемъ въ подавленіи ереси, а былъ уже

Часть башни Антоніи
(Изъ Pierotti, Jerusalem).

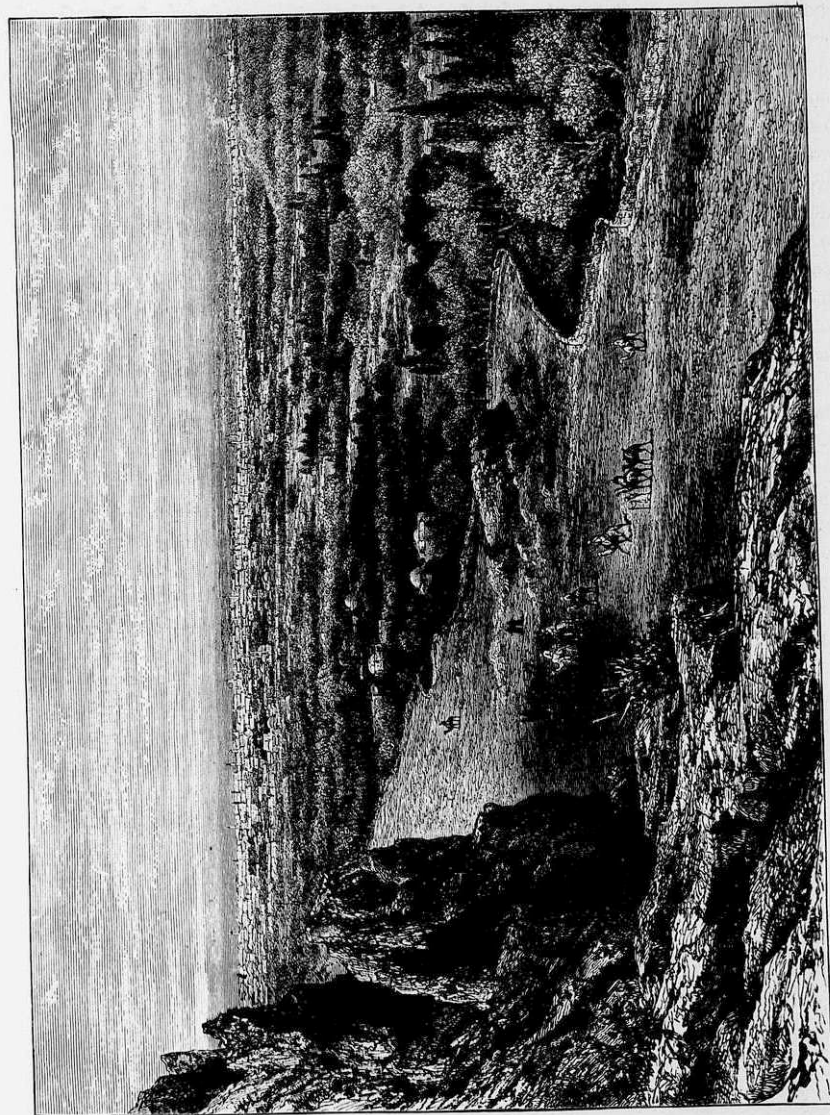
самъ презираемымъ, гонимымъ, ненавидимымъ, полуголоднымъ проповѣдникомъ той вѣры, которую онъ клеймилъ названіемъ богохульной ереси, — въ это время онъ пять разъ получалъ по сорока ударовъ безъ одного отъ разныхъ начальниковъ синагогъ. Онъ также былъ побиваемъ камнями, выдаваемъ своимъ гонителямъ, заключаемъ въ темницы и слышалъ смертный приговоръ, произне-

сенный противъ себя; и во всемъ этомъ онъ признавалъ праведное и милосердное пламя, которое очищало отъ тѣна его нѣкогда заблудшую душу,—легкое наказаніе, которое онъ заслужилъ, но которое далеко не могло равняться съ вѣчнымъ сокровищемъ достигнутой имъ славы. При всѣхъ этихъ страданіяхъ онъ даже радовался, неся ради Христа то, что онъ заставлялъ нести другихъ и самъ проходя чрезъ ту же пещь, которую онъ нѣкогда семь разъ накалялъ для другихъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы какое нибудь изъ этихъ страданій или даже всѣ вмѣстѣ могли въ той же степени терзать его душу, въ какой терзала его мысль, что онъ употреблялъ всю силу своего характера и всю тиранию своей нетерпимости на то, чтобы сломать трость колеблющуюся и погасить лентъ курящейся,—что онъ старался позорной силой страха и муки принудить нѣкоторые нѣжные сердца къ хуленію своего Господа.

Великое преслѣдованіе, съ которымъ такимъ образомъ связано имя ап. Павла и которое, судя по частымъ указаніямъ, а также и по слѣдъ относящихся къ нему выраженій, повидному было болѣе ужасно, чѣмъ обыкновенно думаютъ, съ яростью свирѣпствовало въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ Иерусалимѣ оно было вполне успѣшно. Теперь уже тамъ не было больше проповѣданія или чудесъ у притвора Соломонова: толпы уже не собирались на улицахъ въ ожиданіи прохожденія тѣни апп. Петра и Іоанна; въ домѣ Маріи, матери св. Марка, уже не было больше многочисленныхъ собраний. Если христіане и собирались, то собирались только съ боязливостью и тайкомъ, въ маломъ числѣ, и трапезы любви, если только онѣ вообще совершались, происходили вѣроятно такъ, какъ въ первые дни по воскресеніи, съ запертыми дверями—ради страха іудейскаго. Нѣкоторые изъ христіанъ понесли жестокое мученіе за свою вѣру; менѣе преданные члены церкви несомнѣнно отпали отъ нея; большинство сразу же бѣжало еще до наступленія бури ³¹¹).

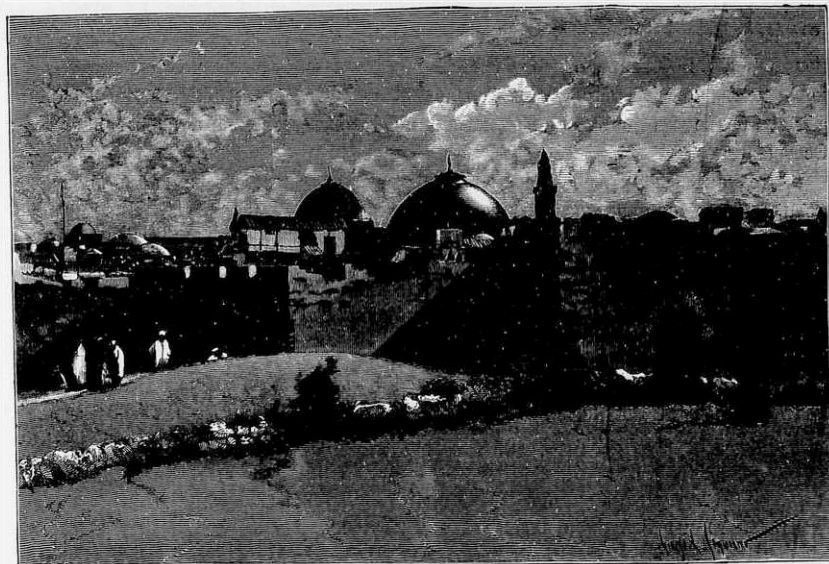
Быть можетъ съ цѣлю показать непрерывность враждебной дѣятельности, св. Лука вставляетъ здѣсь повѣствованіе о проповѣдничествѣ Филиппа, какъ удачномъ введеніи къ дѣятельности апостола языковъ. Къ этому повѣствованію мы возвратимся потомъ, а теперь должны прослѣдить дѣятельность Савла-гонителя и изложить то чудесное событіе, которое, молниеносно сверкнувъ надъ нимъ, сдѣлало его «апостоломъ языковъ», въ одинъ день преобразило Савла гонителя въ Павла—раба Іисуса Христа.

Въ Иерусалимѣ не было больше дѣла для Савла. Христіане разсѣлились изъ него, а тѣ, которые еще оставались тамъ, укрылись въ недоступныя для преслѣдованій мѣста. Но молодой ревнитель отеческихъ преданій не такой былъ человекъ, чтобы остановиться на половинѣ дѣла. Онъ поразилъ одну голову гидры ³¹²), но другія могли вырасти въ новыхъ мѣстахъ. Онъ вырвалъ ересь съ корнемъ въ священномъ городѣ, но сѣмена ея попадали на плодородную почву въ другихъ мѣстахъ и могли пышно взойти и разростись тамъ; поэтому онъ въ своей чрезмерной ярости, по его собственному выраженію ³¹³), началъ преслѣдовать ихъ даже въ

Видъ Дамаска издали.

чужихъ городахъ. Дамаскъ, онъ слышалъ, теперь сталъ главнымъ гнѣздомъ этого ненавистнаго ему заблужденія; тамъ онъ могъ найти широкое поприще для своей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что большинство живущихъ тамъ иудеевъ признавали надъ собою главенство синедріона. Неудовлетворенный всѣми своими прежними жестокостями, онъ отправился къ первосвященнику, и предсталъ ему въ такомъ душевномъ настроеніи, которое лучше всего опредѣляется выраженіемъ, что онъ «дышалъ угрозами и убійствами на учениковъ Господа» ³¹⁴). Первосвященникъ (по всей вѣроятности Теофилъ, возведенный въ этотъ санъ Вителліемъ въ день пятидесятницы въ 37 году по Р. Хр.) ³¹⁵) былъ саддукей, сынъ ненавистнаго дома Анны. Однакожь не у него, а у Савла впервые возникла мысль о преслѣдованіи ереси въ Дамаскѣ ³¹⁶). Не смотря на то, что ревнитель принадлежалъ къ другой школѣ и что отвѣтственность за «кровь того человѣка» должна была пасть и на саддукеевъ вмѣстѣ съ послѣдователями Гиллеля, Теофилъ выдалъ письма, которыя уполномочивали Савла устроить судилище въ Дамаскѣ и приводить оттуда въ Іерусалимъ въ цѣняхъ всѣхъ, кого онъ найдетъ—мужчинъ и женщинъ—для производства надъ ними вышшаго суда, примѣромъ милости котораго могла служить для нихъ участь св. Стефана ³¹⁷). Въ обыкновенное время, когда іудейская автономія, которая всегда означала іудейскую нетерпимость, была стѣснена строгими ограниченіями со стороны римскаго правительства, исполненіе такого жестокаго порученія было бы невозможно; этотъ фактъ представлялъ бы непреодолимую трудность, если бы одно случайное выраженіе во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (хл, 32) не давало ключа къ объясненію данныхъ обстоятельствъ. Изъ него видно, что городъ въ то время находился болѣе или менѣе въ рукахъ Ареты, могущественнаго эмира Аравіи ³¹⁸). Въ талмудѣ же есть указанія, что Арета находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ іудейскимъ первосвященникомъ ³¹⁹). Такимъ образомъ вотъ сколько стеклось различныхъ обстоятельствъ, чтобы дать Савлу исключительно благоприятный случай приводить христіанъ изъ Дамаска на судъ синедріона. Въ другой разъ никогда не могло представиться столько благоприятныхъ обстоятельствъ для искорененія ереси ненавистныхъ назарянъ.

Видъ Іерусалима со стороны Дамасскихъ воротъ.

ГЛАВА X.

ОБРАЩЕНІЕ САВЛА.

Достигъ меня Христосъ иисусъ. Филипп. ил, 12.

НАВЖЕННЫЙ вѣрительными грамотами, Савлъ отправился въ путь, составляющій около 270 верстъ. Путешествіе это тогда вѣроятно совершалось точно такъ же, какъ оно совершается теперь, на лошадяхъ и мулахъ, которые необходимы для путешественника по тамошнимъ ухабистымъ и дурнымъ дорогамъ, при утомительныхъ подъемахъ и спускахъ по непрерывно тянущимся крутымъ холмамъ. Савлъ, надо имѣть въ виду, путешествовалъ далеко не такъ, какъ Спаситель и Его смиренные ученики. Проповѣдуя евангеліе бѣдному люду, они не имѣли притязанія на какое либо высшее земное достоинство, на что нибудь выше званія плотника назаретскаго и рыбаковъ галилейскихъ, и потому ходили пѣшкомъ съ посохами въ рукахъ и котомками на плечахъ изъ деревни въ деревню, подобно другимъ «людямъ земли»,

которых так презирали долгополые книжники. Савль был совершенно въ иномъ положеніи, и небольшая свита, назначенная для него, относилась къ нему съ тѣмъ почтеніемъ, которое требовалось вообще въ отношеніи къ фарисею или раввину, а тѣмъ болѣе къ довѣренному посланнику могущественнаго первосвященника Оеофила.

Но какъ бы путешествіе ни совершалось, оно не могло занять меньше недѣли, и даже ярая ревность гонителя едва ли могла избавить его отъ обычной на востокѣ медленности путешествія. Такимъ образомъ, совершая свой путь по труднымъ и узкимъ дорогамъ, Савль былъ обреченъ на цѣлую недѣлю невольныхъ размышленій. До сихъ поръ онъ вращался въ вихрѣ неутомимыхъ занятій, оставлявшихъ очень мало времени для спокойнаго размышленія. Тѣ дѣятельные розыски, домашніе обыски, непрерывныя судбища, постоянная распорядительность по исполненію наказаній, заключеніе въ тюрьмы и даже быть можетъ дѣятельное участіе въ побіеніи камнями мужчинъ и женщинъ,—все это поглощало всю его дѣятельность и не давало ему времени прямо въ лицо взглянуть трудному вопросу или выникнуть въ тайны предчувствій, которыя начинали подниматься въ его душѣ³²⁰). Гордость,—гордость системы, обычная гордость самостоятельнаго мыслителя, исключительная національная фарисейская гордость, въ которой онъ воспитался,—запрещала ему серьезно подумать, не заблуждался ли онъ наконецъ. Безъ смиренія нѣтъ искренности, безъ искренности не можетъ быть любви къ истинѣ. Савль чувствовалъ, что онъ не могъ и не хотѣлъ убѣдиться, чтобы весь опытъ его тридцатилѣтней жизни былъ лишь ничтожной паутиной и чтобы вся подзаконная праведность его была истасканной ветошью. Онъ не могъ и не хотѣлъ допустить возможности, чтобы такіе люди какъ Петръ и Стефанъ могли быть правы, между тѣмъ какъ люди подобные ему и членамъ синагоги могли заблуждаться; или чтобы Мессія могъ быть какимъ нибудь назаретовцемъ, который былъ распятъ какъ злодѣй; или чтобы послѣ столькихъ вѣковъ ожиданія Мессіи, такъ что вся религіозная жизнь евреевъ вращалась на ожидаемомъ пришествіи Его, Израиль вдругъ могъ оказаться спящимъ и даже умертвить Мессію, когда Онъ наконецъ пришелъ. Если подобныя сомнѣнія на моментъ вторгались въ его мысли, то презрительная самоувѣренность немедленно изгоняла ихъ и они искупались новою ревностью противъ обольстительнаго яда ереси, которая подобно змѣю дерзаетъ заползати въ сердца даже самыхъ ея гонителей. Что, какъ не бѣсовское внушеніе (думалось ему) могло насильно возобновлять въ его сознаніи слова и доводы этихъ хулителей закона и храма? Но онъ ни за что не позволилъ себѣ спуститься въ положеніе какого нибудь заблуждающагося бродяги! Никогда не спустится до уровня невѣжественныхъ людей, которые не знаютъ закона и прокляты за это...

Но навязчивыя сомнѣнія не удалялись отъ него. Пока у него было что дѣлать, онъ могъ разсѣивать вторгающіяся мысли страстью и дѣятельностью. Но когда его дѣло закончилось, когда въ Иерусалимѣ уже некого было преслѣ-

довать, тогда эти сомнѣнія опять стали сгущаться вокругъ него, и онъ явственно слышалъ приближеніе ихъ, какъ явственно слышится звуки отъ подкрадывающихся шаговъ въ пустомъ и чуткомъ пространствѣ. Не это ли и распаляло его ярость, и заставляло его «дышать угрозами и кровью»? Не это ли отчасти и побудило его идти къ коварному саддукею и просить о новомъ порученіи? Этотъ трудъ во имя закона, надѣялся онъ, избавитъ его отъ затруднительнаго состоянія воли, мучившейся въ борьбѣ противъ жгучихъ терзаній и разрушительныхъ предчувствій.

Видъ Дамаска.

Теперь же, когда онъ день за днемъ подвигался къ Дамаску, могъ ли онъ избавиться отъ собственныхъ мыслей? Съ своими спутниками онъ не могъ разговаривать; они просто назначены были ему для исполненія его приказаній. Они были подчиненные, простые служители синагоги, быть можетъ сторожа храма, невѣжественные левиты, все дѣло которыхъ должно было состоять только въ томъ, чтобы на возвратномъ пути конвоировать злополучную партію трепещущихъ христіанъ. Пустота же мысли, при которой удобно живетъ большинство людей, для Савла, можно быть увѣреннымъ, была невозможною вещью. Онъ не могъ не размышлять; мудрецы заповѣдывали религіозному іудею размышлять о

постановленіяхъ и обѣтованіяхъ закона. Съ того времени, какъ онъ встрѣтился съ Стефаномъ, быть можетъ теперь въ первый разъ онъ, пользуясь дорожнымъ уединеніемъ, имѣлъ полный досугъ спокойно и серьезно обсудить весь вопросъ, при чемъ его мысли не могли быть сбиваемы съ пути вліяніемъ фарисейскихъ одномысленниковъ. Онъ принужденъ былъ войти въ тайное судилище своей собственной совѣсти и поставить себя передъ нимъ. Торжественность этого сурового судилища была гораздо страшнѣе и приговоръ его безпристрастнѣе, чѣмъ въ синагогѣ или въ ареопагѣ, предъ которымъ ему послѣ приходилось стоять. Если въ характерѣ есть только какая нибудь серьезность; если червь порчи или порока не источилъ еще всего сердца, которое не втрисано и не низко по природѣ: то чье міросозерцаніе, чья нравственная жизнь не перевернулись бы совершенно (для многихъ переворотъ совершился бы уже въ этотъ моментъ) подъ давленіемъ серьезныхъ размышленій въ теченіе нѣсколькихъ дней непрерывнаго досуга?

Итакъ можно быть вполне увѣреннымъ, что, когда Савлъ день за днемъ подвигался впередъ при свѣтѣ утренняго солнца или подъ блескомъ яркихъ звѣздъ восточной ночи, мысль его работала упорно. Она то уходила назадъ въ далекое прошлое, то сумрачно заглядывала въ будущее. Вспоминались счастливые годы въ родномъ Тарсѣ, когда онъ ребенкомъ бѣгалъ по берегамъ серебристаго Кидна; счастливые часы въ школѣ Гамалиила, гдѣ впервые засіяла предъ его душой слава Моисея и Соломона, закона и храма, священства и избраннаго народа. Золотые были дни, когда онъ слушалъ объ обѣтованномъ торжествѣ Мессіи и когда ему говорили, какъ близокъ тотъ день, въ который святая земля станетъ владычицей царствъ, и высокомерная твердыня Рима, которая теперь такъ гнететъ подчиненные ему народы, разлетится какъ черепокъ. Но не поблекло ли что нибудь изъ блеска этихъ юношескихъ мечтаній? Что сдѣлала для него праведность закона? Жилъ онъ, насколько касалось людей, честно жизнью. Онъ былъ чрезмерно ревностенъ, чрезмерно неукоризненъ въ преданіяхъ отцевъ; но какую внутреннюю радость доставили они ему? какое просвѣщеніе? какое избавленіе отъ «закона его членовъ», который, что бы онъ ни дѣлалъ, упорно воюетъ противъ закона его духа? А его грѣхи гордости и страсти, его слабости—развѣ не накажетъ за нихъ ревнивый Богъ? Да есть ли и вообще какое нибудь средство противъ подзаконнаго проклятія «смерти»? Возможно ли вообще какое нибудь избавленіе отъ этой непрерывной борьбы природы, неудовлетворяющей собою и потому волнующейся подобно возмущенному морю? Обезпечено ли будетъ это избавленіе даже пришествіемъ Мессіи? Для народа это пришествіе будетъ торжествомъ и побѣдой; будетъ ли оно тѣмъ же и для отдѣльных личностей, будетъ ли миромъ совѣсти, оправданіемъ, избавленіемъ отъ тяжкаго рабства, забвеніемъ прошлыхъ грѣховъ, укрѣпленіемъ чловѣка въ его земной слабости?

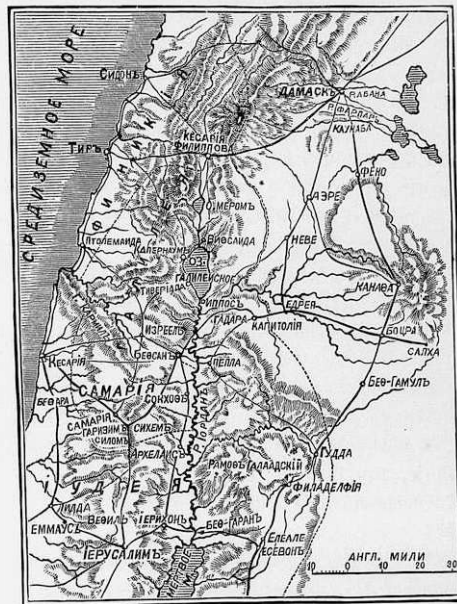
И по душѣ его молніей сверкнула мысль, что эти назаряне, которыхъ онъ

преслѣдуетъ и убиваетъ, говорятъ, что все это совершилось. Для нихъ Мессія пришелъ, и значить они нашли миръ. Правда, что ихъ Мессія былъ презираемъ и отвергнутъ; но не было ли это исполненіемъ того, что сказано объ отроцѣ Іеговы въ томъ пророчествѣ, на которое они постоянно ссылаются и которое общаетъ именно то, въ чемъ болѣе всего нуждается его возмущенная совѣсть:—

«Онъ взялъ на себя наши немощи, и понесъ наши болѣзни, а мы думали, что Онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и униженъ Богомъ. Но Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши, и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе мира нашего было на Немъ, и ранами Его мы исцѣлились. Всѣ мы блуждали какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ» (Ис. лп, 4—6).

Это мѣсто изъ пророка Исаи давало другой видъ пониманію Мессіи, отличный отъ того, которому его учили. Но равнины говорили, что всѣ пророчества—мессіанскія. Иисусъ былъ распятъ. Распятый Мессія—это ужасная идея; но хуже ли это того, какъ если бы Мессія былъ прокляженнымъ? И однако же идеальный рабъ Іеговы называется прокляженнымъ³²¹). Но если тѣлесныя качества Его ниже тѣхъ, какихъ вообще ожидалъ Израиль, то несомнѣнно нравственные качества, духовныя особенности должны быть безконечно возвышеннѣе, какъ онъ и слышалъ это отъ ненавистныхъ галилеянъ. Они говорили, —и это были поистинѣ благо-

словенныя слова,—о Мессіи, что чрезъ Него они получили прощеніе грѣховъ. Если это правда, то какое наступило бы безконечное блаженство; безнадежность тяжелой борьбы кончилась бы навсегда. И законъ общаетъ жизнь за совершенное послушаніе (Лев. xvi, 5; Галат. iii, 12). Но достигалъ ли кто когда нибудь и могъ ли кто достигнуть этого совершеннаго послушанія (Римл. x, 5)? Было ли оно въ языческомъ мірѣ, который хотя и не имѣетъ закона Моисеева, но имѣлъ свой собственный законъ естества? Было ли оно въ іудейскомъ мірѣ?—Увы, сколько глу-

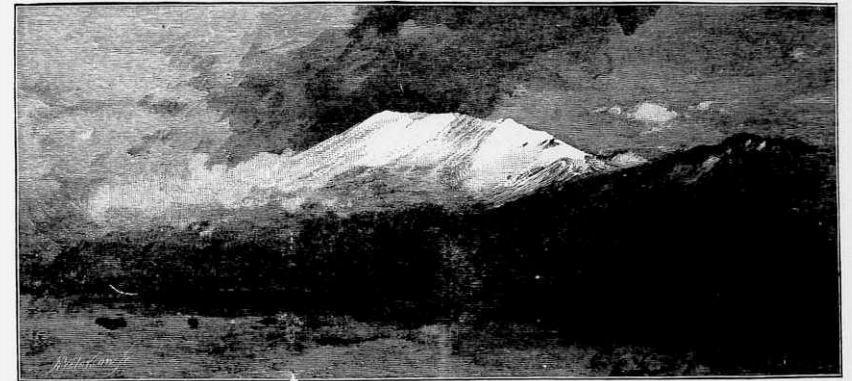
Карта съ показаніемъ дорогъ изъ Іерусалима въ Дамаскъ.

бокаго разочарованія заключается даже въ одномъ этомъ вопросѣ! Анна, Каиафа, Теофилъ, Измаиль Бенъ Фаби—составляютъ ли они образецъ праведности законной? А если, что также вѣрно, и Израиль не достигъ закона праведности, то на что оставалось надѣяться? ³²² Да, счастливы тѣ, кому прощена подзаконная праведность, грѣхи кого покрыты! Блаженъ тотъ, кому Господь не вѣняеть грѣха! Какое блаженство имѣть вблизи себя безконечнаго Бога, который казался всегда такъ далеко,—видѣть Его лице не затѣненное облаками, не чрезъ сверкающій столпъ огня, но какъ человѣкъ видѣть лице своего друга! О, такой человѣкъ достигъ пристанища отъ бури, покрова отъ непогоды, «тѣни отъ высокой скалы въ землѣ жаждущей» (Ис. xxxii, 2)!

И вотъ онъ съ чувствомъ угрызенія въ совѣсти все болѣе и болѣе замѣчалъ, что онъ неудержимо стремится по скользкому пути въ область того самаго ученія, которое онъ смертельно гналъ. Для этихъ назарянъ ихъ Сынъ человѣческой—дѣйствительный образъ невидимаго Бога. Правъ ли онъ былъ въ такомъ случаѣ, стараясь истребить вѣру столь чистую, столь возвышенную? Ересь ли она или нѣтъ, но что она чиста и возвышенна, этого онъ не могъ не признать. Лице Стефана, которое при его глазахъ обито было небеснымъ свѣтомъ, когда оно истекало кровію, неотвязчиво преслѣдовало его, какъ оно преслѣдовало его и послѣ, о чемъ есть достовѣрные свидѣтельства. Могъ ли Моисеевъ законъ вдохнуть такой божественный энтузіазмъ? Могъ ли онъ исполнить страдальцевъ такимъ непостижимымъ спокойствіемъ, такою свѣтлою надеждою? И гдѣ во всемъ пятокнижій онъ могъ найти наставленія столь нѣжныя, уроки столь дивныя, любовь столь невыразимую, побужденія столь властныя и неодолимые для души, какъ эти люди нашли въ ученіи и въ любви своего Господа? Эти блаженства, которыя онъ отъ нихъ слышалъ, эти дѣла исцѣляющей любви, о которыхъ свидѣлствуютъ столь многіе, эти притчи, исполненные божественнаго озаренія, эти нравственные и духовныя истины Учителя, который, хотя народъ и распялъ Его, говорилъ такъ, какъ никогда не говорилъ человѣкъ.... о, кто-же былъ Тотъ, который вдохновлялъ этихъ простыхъ рыбаковъ и невѣжественныхъ мытарей мудростію, недоступною Гиллелю и Гамалиилу? Кто же былъ Тотъ, къ Кому Его послѣдователи умирали, обращали свой послѣдній взоръ и возсылали свою послѣднюю молитву, Кто разливалъ надъ ними изъ отверзтыхъ небесъ несказанные славу и миръ, превосходящіе разумѣніе? Кто былъ Тотъ, который по ихъ завленію воскресъ изъ мертвыхъ; чье тѣло, какъ извѣстно, исчезло изъ гробницы въ скалѣ, въ которую оно было положено; о которомъ эти честные галилеяне (они скорѣе готовы умереть, чѣмъ солгать) свидѣлствовали, что они видѣли и слышали Его, что Онъ явился имъ въ саду, въ горницѣ, на открытой дорогѣ, четверемъ изъ нихъ на туманномъ озерѣ и болѣе чѣмъ пяти стамъ сразу на галилейской горѣ? Могъ ли быть правымъ тотъ путь, который привелъ его къ преслѣдованію ихъ? Могло ли быть Божіею волею то, что заставило его идти по дорогѣ, упитанной кровію? Требова-

лось ли отъ него производить тѣ ужасы, когда онъ женъ и матерей ввергалъ въ темницы и видѣлъ, какъ грубые служители синагоги безжалостно бичевали людей, жизнь которыхъ была любовью, смиреніемъ и святостію? Не заблуждался ли онъ наконецъ, не принималъ ли гордости за правоту, ярости за ревность? Не избивалъ ли онъ святыхъ земли,—тѣхъ, которые блистали добродѣтелью? Не былъ ли правъ Гамалииль, когда онъ высказалъ возможность, что, возставая противъ этихъ людей, можно оказаться противникомъ Бога?

Такъ день за днемъ душа его все болѣе и болѣе переполнялась тревожными сомнѣніями, его воображеніе преслѣдовалось сценами жестокости, которыя вопреки всей его ревности терзали его душу, и такъ онъ все далѣе и далѣе ѣхалъ къ Дамаску. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ онъ могъ бы интересоваться

Гора Ермонъ.

городами и картинами, которые приходилось проѣзжать: Вееилемъ и Силомомъ; бархатнозелеными полями, разстилающимися у подошвы горы Гаризима; гробницами и колодезьями Іакова; Веесаномъ съ его воспоминаніями о несчастной кончинѣ древняго царя, отъ котораго онъ получилъ самое имя свое; голубыми отливками Галилейскаго озера съ его безчисленными воспоминаніями о томъ назаретскомъ Пророкѣ, послѣдователей котораго онъ старался истребить. Но въ теченіе этихъ дней, если мы правильно судимъ, единственнымъ его желаніемъ было двигаться поскорѣе и усиленно дѣятельностью избавиться отъ мучительныхъ мыслей.

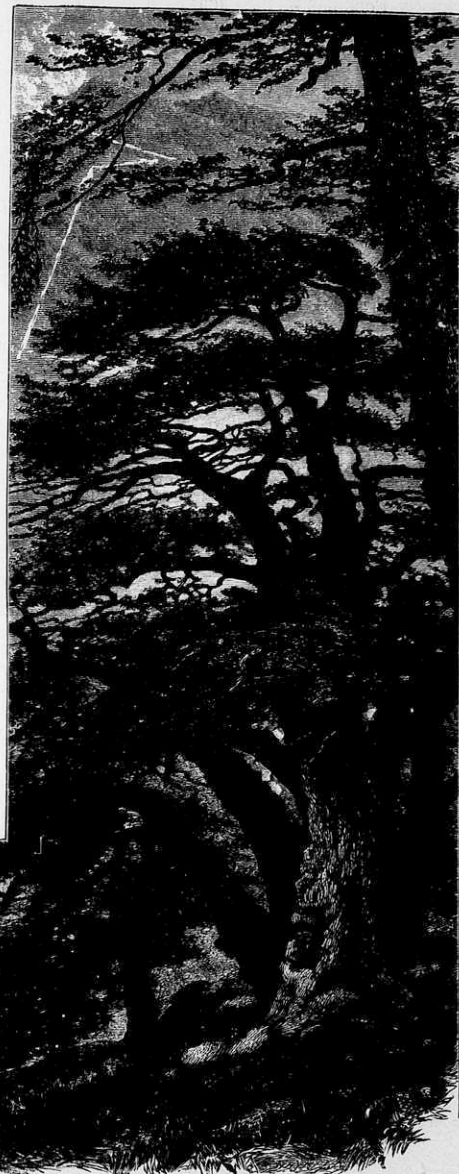
И вотъ близь уже былъ конецъ пути. Гора Ермонъ давно уже сверкала предъ путниками, а вонъ и цѣпь Антиливана. Они проѣхали голую, мѣловатую, волнистую равнину и достигли деревни Каукабы, т. е. «звѣзды». Отсюда откры-

вается видъ, который поражаетъ красотою глаза утомленнаго путника. Благодаря золотоструйной Аванѣ и извилистому Фарпару, протекающимъ по обѣимъ сторонамъ горнаго кряжа, пустыня цвѣтетъ подобно розѣ. Въмѣсто сѣрыхъ и каменистыхъ пустырей, путникъ начинаетъ проходить подъ трепещущими тѣнями вѣковыхъ маслинъ. Внизу, изъ тихаго моря зелени, среди листвы орѣховыхъ, гранатовыхъ и пальмовыхъ деревьевъ, поднимаются террасообразныя кровли и сверкающіе куполы незапамятно-древняго города, во всѣ вѣка сравниваемаго съ красотою Божьяго рая. Тамъ, среди садовъ и рощей съ роскошнѣйшими плодами, орошаемыхъ прозрачными водами и озолачиваемыхъ лучами неслыханнаго утра, видѣлся Дамаскъ, этотъ «глазъ востока»³²³). Къ этой-то странѣ потоковъ, къ этому городу источниковъ, къ этому Божьему раю посѣлалъ теперь Савль—не съ вѣстью милости, не для того, чтобы увеличить счастье и красоту этого уголка, но для того, чтобы бичевать, убивать, заключать въ темницы, и именно тѣхъ его обитателей, которые быть можетъ были наиболѣе смиренны, наиболѣе благородны, наиболѣе чисты сердцемъ. А Савль, при всей его настойчивости въ достиженіи цѣли, былъ человѣкъ съ хрупкою нѣжностію въ характерѣ³²⁴). Ревность и увлеченіе могли подвигнуть его на дѣла жестокости, но они никогда не могли подавить въ немъ сочувствія къ человѣку и отвращенія къ страданію и крови. Можно ли сомнѣваться послѣ этого, что при видѣ мерцающаго, подобно (по восточной метафорѣ) «пригоршнѣ жемчужовъ въ сосудѣ изъ смарагда», города—еще сильнѣе онъ почувствовалъ отвращеніе къ своему нечистому дѣлу, и еще больнѣе стали раны отъ угрызеній совѣсти?

Быль полдень, а въ Сиріи полуденное солнце свѣтитъ прямо надъ головою нетерпимымъ пламенемъ; безоблачное небо пышетъ какъ расплавленная мѣдь; побѣлѣвшая земля блещетъ подобно желѣзу въ печи; воздухъ при вдыханіи дрожить и жжетъ какъ проникнутый тонкимъ пламенемъ. Чтобы Савль и его спутники продолжали свой путь даже въ такіе часы, для этого надо предположить въ нихъ мучительное нетерпѣніе, страстную торопливость. Въ это время дня обыкновенно путешественникъ отдыхаетъ въ тавернѣ или лежитъ подъ покровомъ своей палатки. Но въ движеніяхъ этой партіи управлялъ Савль, а онъ съ нетерпѣніемъ спѣшилъ.

И вдругъ—кончилось все: нетерпѣливая поспѣшность, мучительная борьба, страшная миссія, яростное ослѣпленіе, лихорадочное желаніе подавить сомнѣнія преслѣдованіемъ. Вокругъ путниковъ вдругъ заблистала сильный свѣтъ съ неба³²⁵). Его видѣлъ не Савль только, но и всѣ его спутники. Надо имѣть въ виду, что сирійское полуденное солнце ни чѣмъ не можетъ быть превзойдено въ своемъ блескѣ; но этотъ свѣтъ съ неба былъ еще поразительнѣе въ своей яркости и еще пронзительнѣе въ своемъ пламени. Въмѣстѣ съ свѣтомъ, до спутниковъ Савла донесся какой-то страшный, но невинный голосъ. Какъ бы какимъ-то грознымъ мановеніемъ съ неба они всѣ были повергнуты въ оцѣпенѣніи на землю. Когда другіе

встали и отчасти оправились отъ ужаса, Савль лежалъ еще на землѣ. Они видѣли, что произошло что-то страшное. Если бы мы могли спросить ихъ, что это такое, то болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы они въ состояніи были объяснить намъ. Если бы имъ стали говорить, не былъ ли это внезапный ударъ грома, или необыкновенно яркій блескъ электрическаго пламени, или ослѣпляющій, удушливый, доводящій до изступленія порывъ сирокко, вообще какое нибудь рѣдкое явленіе, невиданное прежде,—они бы не знали что думать. Видѣніе было не для нихъ. Они видѣли свѣтъ ярче полуденнаго, они слышали, и слышали съ ужасомъ, невѣдомый шумъ, который потрясъ мертвое затишье полудня; но они не были обращены этимъ явленіемъ. Для іудея вся земля была наполнена невидимыми слугами Бога. Вътры—Его духи; пламень огненный—Его вѣстники; громъ—

Кедры ливанскіе.

голосъ Господень, потрясающій кедръ, даже кедръ ливанскіе. Небесный голосъ могъ снизойти къ іудею въ звукахъ, которыхъ никто кромѣ его не могъ понимать. Другіе могли утверждать, что былъ лишь громъ, когда въ дѣйствительности говорилъ ангелъ (Іоан. хі, 29).

Но то, что произошло теперь, назначалось не для спутниковъ Савла³²⁶; оно назначалось только для него, и онъ только одинъ могъ быть сознательнымъ свидѣтелемъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ. Они могли сказать только, что свѣтъ сіялъ съ неба, но для Савла это былъ свѣтъ отъ Того, Кто есть лучъ отъ свѣта, къ которому никто изъ людей приблизиться не можетъ (1 Тим. vi, 14—16; 2 Кор. хі, 1).

А относительно того, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ никогда не колебался. Это было основой и тайной его внутренняго бытія; это было неизмѣннымъ убѣжденіемъ его души; это было величайшимъ крикомъ и самымъ знаменательнымъ моментомъ его жизни. Другіе могли вдаваться въ разныя толкованія или робко высказывать сомнѣнія, Савлъ же твердо *зналъ*³²⁷. Въ этотъ моментъ Богъ открылъ ему свою тайну и свой завѣтъ. Богъ обрѣлъ его; Онъ повергъ его на землю какбы въ пылу побѣдоноснаго гнѣва — но для того, чтобы привести его къ торжеству, на которое съ умиленіемъ зрѣть ангелы и люди (2 Кор. ii, 14). Богъ говорилъ съ нимъ, повергъ его во тьму среди полудня — но для того только, чтобы зажечь полуденный свѣтъ въ полночномъ мракѣ его сердца. Съ этого момента Савлъ былъ обращенъ. Надъ нимъ совершилась полная, безповоротная, коренная переимѣна, которая и преобразила его. Богъ призвалъ его, «открылъ въ немъ Сына Своего» (Дѣян. ххii, 21; ххvi, 17, 18; Гал. i, 15, 16), далъ ему милость и власть стать апостоломъ для язычниковъ, послалъ его проповѣдывать вѣру, которую онъ доселѣ разрушалъ, озарилъ его сердце, чтобы «просвѣщать познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа» (2 Кор. iv, 6).

Вся тайна этой мощной переимѣны заключается въ одномъ фактѣ, въ томъ именно, что въ этотъ страшный моментъ онъ видѣлъ Господа Іисуса Христа (1 Кор. ix, 1; xv, 8). Ему — гонителю, ему, какъ нѣкоему извергу (1 Кор. xv, 10—29), явился воскресшій, прославленный Іисусъ. Онъ былъ плѣненъ Христомъ. На этомъ явленіи основывалась вся его вѣра; на этомъ залогѣ воскресенія, — безсмертія для него самого и для тѣхъ умершихъ, которые умираютъ во Христѣ, — держались все его надежды (1 Кор. xv, 10—29).

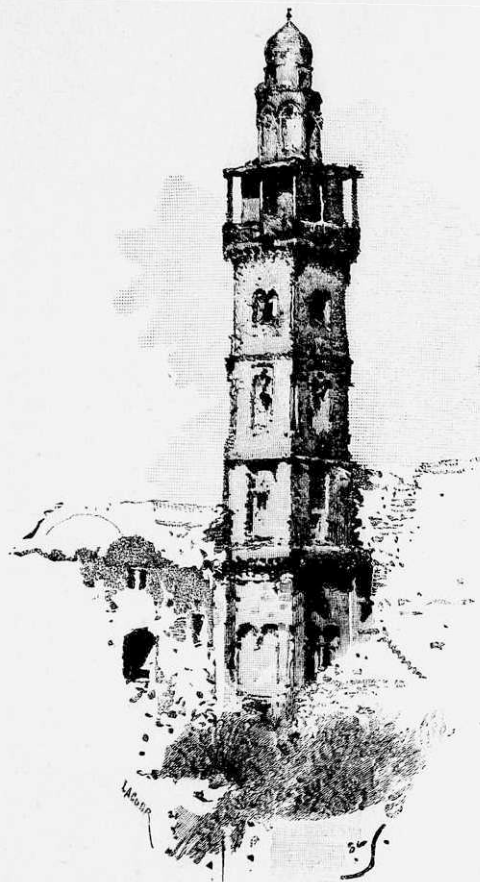
Крѣпость этого убѣжденія сдѣлалась руководящей силой для всей послѣдующей жизни ап. Павла. Онъ рассказываетъ, что, когда блескъ славы засіялъ надъ нимъ, онъ былъ повергнутъ на землю и оставался въ такомъ положеніи, пока голосъ не повелѣлъ ему встать; и когда всталъ — глаза его были ослѣплены; онъ открылъ ихъ, но ничего не видѣлъ. Если бы его самого спросили о томъ, о чемъ долго спорили въ новѣйшее время, именно, было ли явленіе ему воскресшаго Христа объективнымъ или субъективнымъ, то, какъ мы убѣждены, онъ даже не понялъ

бы вопроса (2 Кор. хii, 1). Правда, онъ употребляетъ для этого именно событія терминъ «видѣніе». «Я не былъ не послушенъ, говоритъ онъ царю Агриппѣ, небесному видѣнію»³²⁸). Но слово, употребленное для названія «видѣніе», означаетъ «пробуждающее видѣніе»; онъ поистинѣ видѣлъ и слышалъ, и принялъ откровеніе и посланничество отъ воскресшаго Христа. Развѣ сущность чуда станетъ менѣе чудесною отъ его субъективности, на которую повидимому указываютъ нѣкоторые выраженія? Развѣ глазъ и ухо единственные органы, которыми проводится въ душу опредѣленные и достовѣрные истины? Не самые ли, напротивъ, они слабые и ненадежные органы, и не болѣе ли всего подлежать они обману? Глазамъ путниковъ Савла Богъ открылся ослѣпительнымъ свѣтомъ; ихъ ушамъ страшнымъ шумомъ; но для души своего избраннаго слуги Онъ былъ видимъ въ неизреченной славѣ и говорилъ на еврейскомъ языкѣ; но проникли ли въ душу эти видѣніе и голосъ ненадежными органами чувствъ, или посредствомъ представлений, бесконечно болѣе интенсивныхъ, болѣе живыхъ, болѣе реальныхъ, болѣе неотразимыхъ и убѣдительныхъ для духа, который только и распознаетъ духовные предметы, — это вопросъ, которому тѣ только придадутъ важность, для кого душа есть не что иное, какъ матеріальный организмъ, которые не признаютъ другихъ вѣрныхъ сношеній между человѣкомъ и его Творцомъ кромѣ тѣхъ, что происходить посредствомъ несовершенныхъ чувствъ, и которые не могутъ себѣ представить ничего реального, кромѣ того, что можно схватить обѣими руками. Одинъ фактъ остается выше всякаго сомнѣнія, именно, что обращеніе ап. Павла было чудомъ въ высочайшемъ смыслѣ этого слова, — такимъ чудомъ, духовныя послѣдствія котораго простерлись на все послѣдующее вѣка исторіи человѣчества³²⁹).

Въ три раза повторяющихся у ап. Павла разсказахъ объ этомъ событіи могутъ быть найдены незначительныя варіаціи, вполне согласимыя и совершенно неважныя; но въ повѣствованіи о главномъ фактѣ нѣтъ ни тѣни разнообразія и нѣтъ возможности для сомнѣнія³³⁰). А главный фактъ, о которомъ ап. Павелъ постоянно разсказывалъ, состоитъ въ томъ, что послѣ нѣсколькихъ дней пути, когда они уже приближались къ Дамаску, произошло какое-то необычайное явленіе, которое показалось имъ какимъ-то огненнымъ пламенемъ и вмѣстѣ съ сверхъестественнымъ шумомъ остановило ихъ на пути; въ этомъ свѣтѣ, распростертый на землѣ, Савлъ видѣлъ человѣческій образъ³³¹) и слышалъ человѣческой голосъ, говорящій ему: «Савлъ, Савлъ (замѣчательна живость этого впечатлѣнія, которое сохраняется во всѣхъ формахъ разсказа³³²), что ты гонишь Меня? Трудно тебѣ идти противъ рока»³³³). Но въ этотъ страшный моментъ Савлъ не узналъ Того, кто говорилъ ему, потому что онъ никогда не видѣлъ Его на землѣ. «Кто ты, Господи?» сказалъ онъ. — «Я Іисусъ Назарянинъ, котораго ты гонишь».

«Іисусъ Назарянинъ!» Почему прославленный собесѣдователь принимаетъ здѣсь имя Своего уничтоженія на землѣ? Почему Онъ не сказалъ, спрашиваетъ св. І. Златоустъ: «Я Сынъ Божій; Слово изначальное; Тотъ, который сидитъ

одесную Отца; Тотъ, который во образѣ Божіемъ; который распростеръ небеса, сотворилъ землю; Тотъ, который уравнилъ море; который создалъ ангеловъ; который вездѣ и все исполняетъ; Тотъ, который превѣченъ и былъ рожденъ?»

Башня Антонія.

Почему Онъ не высказалъ всѣ эти свои возвышенныя титла и свойства, а сказалъ только: «Я Иисусъ Назарянинъ, котораго ты гонишь» — изъ земнаго города, изъ земнаго жилища? А потому, что гонитель не зналъ Его; если бы онъ зналъ Его, то не преслѣдовалъ бы. Онъ зналъ не то, что Онъ рожденъ отъ Отца, а лишь то, что Онъ происходилъ изъ Назарета. Если бы Онъ сказалъ ему: «Я Сынъ Божій, Слово изначальное; Тотъ, Кто создалъ небо», — Савлъ могъ бы отвѣтить, что онъ преслѣдовалъ не Его. Если бы Онъ высказалъ ему эти необъятныя, свѣтлыя и возвышенныя свойства, Савлъ могъ бы сказать, что Тотъ не былъ распятъ. Но чтобы дать ему знать, что онъ гонитъ Того, который сталъ плотію ³³⁴⁾, который принялъ видъ раба, который умеръ и погребенъ, Онъ называетъ себя именемъ своего земнаго происхожденія. «Я Иисусъ Назарянинъ, котораго ты гонишь». Такимъ образомъ гонимый имъ былъ Мессія, былъ небесный Пастырь его души, который, чтобы направить его блуждающія стопы на правый

путь, держалъ въ своихъ рукахъ невидимый роженъ, противъ котораго онъ, подобно строптивому волу, тщетно шелъ и боролся. Когда говорящій изъ неприступнаго свѣта повергъ его на землю съ мучительнымъ сознаніемъ этой страшной истины, онъ услышалъ велѣдъ

затѣмъ: «Встань и иди въ городъ, и сказано будетъ тебѣ, что тебѣ надобно дѣлать».

Въ такой формѣ, съ незначительною разницею, слова эти передаются въ повѣствованіи св. Луки и въ рѣчи самого ап. Павла предъ царемъ Агриппой. Изъ этой рѣчи можно бы заключить, что разговоръ былъ продолжительнѣе. Но тутъ слѣдуетъ спросить, могъ ли Савлъ послѣ перваго ужасающаго вопроса: «Савлъ, Савлъ! Что ты гонишь Меня?» — вопроса, который какъ бы огнемъ опалилъ его сердце, — самъ опредѣлить, сколько откровенія, преобразившаго его жизнь, онъ получилъ въ тѣ моменты, когда онъ, ослѣпленный и трепещущій, лежалъ на землѣ, и сколько въ послѣдующіе часы глубокой внѣшней тьмы и блистающаго внутренняго свѣта. Въ лѣтописяхъ человѣческихъ жизней было много примѣровъ духовныхъ переломовъ, сходныхъ съ этимъ по своей поразительной неожиданности и окончательной безповоротности. Для многихъ возстаніе отъ грѣховной смерти есть медленный и долгій процессъ; но другіе переходятъ отъ смерти къ жизни однимъ переломомъ убѣжденія, однимъ сильнымъ порывомъ. Такіе моменты вѣчности сокращаютъ въ часъ и часъ растягиваютъ въ вѣчность. Когда страшныя предостереженія Божіи пламенными буквами горятъ предъ душой, то она можетъ читать эти предостереженія и знать ихъ значеніе во всей полнотѣ, но она не знаетъ и не заботится о томъ, какихъ формъ были эти буквы. Какъ анатомъ можетъ отдѣлять каждый мускулъ и обнажать каждый нервъ организма и все-таки будетъ безконечно далека отъ открытія начала жизни, такъ и ученый критикъ можетъ разгадывать темныя слогі и спорить о возможныхъ разностяхъ ихъ чтенія, но не его дѣло толковать ихъ. Чтобы истинно понимать такіе духовные опыты, для этого мы должны читать сказанія о нихъ при свѣтѣ, который не на землѣ, а изливается съ неба.

Савлъ всталъ другимъ человѣкомъ: онъ упалъ въ смерть, а всталъ въ жизнь. Онъ упалъ во мракъ временныхъ вещей, а всталъ съ возвышеннымъ сознаніемъ вѣчныхъ. Онъ упалъ гордымъ, нетерпимымъ, преслѣдующимъ иудеемъ, а всталъ смиреннымъ, сокрушеннымъ въ сердцѣ, кающимся христианиномъ. Въ этотъ моментъ новый элементъ привзошелъ въ его бытіе. Отселѣ, по его собственному глубокому и любимому выраженію, онъ былъ «во Христѣ». Богъ обрѣлъ его; Иисусъ говорилъ съ нимъ и однимъ мановеніемъ измѣнилъ его изъ яраго фарисея въ истиннаго ученика, изъ убійцы святыхъ въ апостола народовъ. Это было новое рожденіе, новое твореніе. Когда мы читаемъ повѣствованіе объ этомъ, то если хоть одна искра благочестія теплится у насъ въ душѣ, не должны ли мы снять сапоги съ своихъ ногъ, потому что мѣсто, на которомъ мы стоимъ, святое мѣсто?

Савлъ всталъ, но все вокругъ него было темно. Ослѣпительное видѣніе исчезло, а вмѣстѣ съ нимъ не стало видно и сверкающаго города, зеленѣющихъ садовъ, палящаго полудня. Изумленные и испуганные спутники взяли его за руку и повели къ Дамаску. Онъ думалъ войти въ городъ со всею важною

посланника отъ синедріона, встрѣтитъ почетный пріемъ не только въ качествѣ великаго «ученика мудрецовъ», но и въ качествѣ представителя власти, которую все іудеи считали наисвященнѣйшею. Онъ думалъ оставить городъ быть

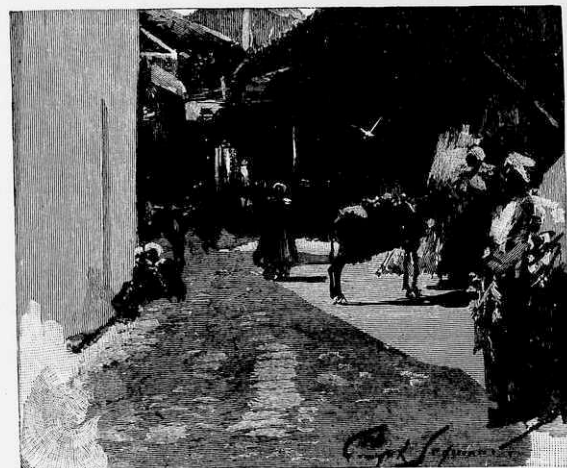

Прямая улица въ Дамаскѣ.

могетъ среди массъ восторженныхъ соотечественниковъ, въ сопровожденіи многочисленной партіи схваченныхъ имъ ненавистныхъ назаринъ. Но какъ не похоже все это было теперь! Его вели чрезъ городскія ворота — разбитого, сокрушеннаго, трепещущаго, и онъ уже не дышалъ угрозами и убійствами, а жаждалъ только, чтобы его научили, что ему дѣлать, и былъ нижайшимъ братомъ среди тѣхъ, кого онъ намѣренъ былъ истреблять.

Его отвели въ домъ Іуды, на длинной улицѣ, которая идетъ чрезъ городъ и до сихъ поръ называется Прямою. Тамъ съ мукой въ душѣ, въ слѣпотѣ, въ тѣлесныхъ страданіяхъ, въ умственномъ возбужденіи, безъ пищи и питья, Савлъ пролежалъ три дня; а блескъ поразившаго его свѣта постоянно предносился предъ его темными глазами и звуки того укоряющаго голоса все еще гремѣли въ его ушахъ. Никто не можетъ сказать, что пережила его душа въ эти три дня; какія пронеслись по ней воспоминанія пропалаго, какіе уроки для настоящаго и на-

что одинъ изъ братій, посѣщенія котораго онъ повидимому съ тщетнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, пришелъ и исцѣлилъ его. Братъ этотъ былъ Ананія, христіанинъ, но такой христіанинъ, котораго уважали все іудеи, и поэтому онъ могъ свободно появиться среди фарисейскихъ приверженцевъ, которыми, надо полагать, Савлъ былъ еще окруженъ. Не безъ боязни однакоже Ананія рѣшился на это посѣщеніе. Онъ слышалъ о ярости Савла въ Іерусалимѣ, о его свирѣпыхъ намѣреніяхъ относительно христіанъ въ Дамаскѣ и даже о письменныхъ полномочіяхъ отъ первосвященника, находившихся еще въ рукахъ у Савла. Онъ слышалъ также о томъ, что случилось съ нимъ на дорогѣ, но это не могло вполнѣ побѣдить въ немъ естественнаго недовѣрія. Тогда божественное внушеніе пришло

На Прямой улицѣ въ Дамаскѣ.

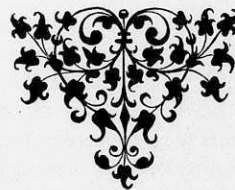
въ подкрѣпленіе того, кто какъ христіанинъ чувствовалъ долгъ вѣровать во все и уповать на все. Господь явился ему въ видѣніи и сказалъ, что этотъ безжалостный гонитель будетъ избраннымъ сосудомъ, чтобы возвыщать имя Христово предъ язычниками, царями и сынами Израиля. «И Я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя Мое»³³⁵), говорило видѣніе. Добрый Ананія не медлилъ долѣе. Онъ вошелъ въ домъ Іуды, и хотя уже самое появленіе его дышало миромъ, онъ обратился къ страдальцу съ дорогимъ привѣтствіемъ какъ къ брату и, возложивъ руки на его затемненные глаза, велѣлъ ему встать, смотрѣть и быть исполненнымъ св. Духа. «Крестись, прибавилъ онъ, и омой грѣхи твои, призвавъ имя Господа Іисуса». Слова благословенія и довѣрія

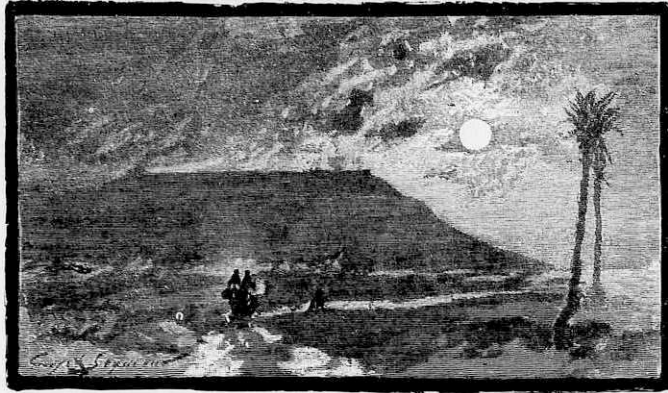
были исцѣленіемъ для возбужденныхъ нервовъ и болящаго сердца страдальца. Тотчасъ же «какбы чепуя отпала отъ глазъ его»³³⁶). Онъ всталъ и прозрѣлъ, принявъ пищи и укрѣпился; отъ рукъ своего смиренного собрата принявъ таинство, которымъ онъ допускался въ полное общеніе новой вѣры. Онъ сталъ членомъ церкви Христовой, истребленіе которой цѣлые мѣсяцы было самымъ страстнымъ его желаніемъ и непреклонною цѣлю жизни.

Бесѣда, которую онъ велъ съ Ананіей, а также несомѣнно и съ другими братьями, водворила въ немъ сладостное спокойствіе послѣ потрясающихъ моментовъ обращенія. Ананія навѣрно болѣе и болѣе укрѣплялъ его въ высокомъ назначеніи, которое указалъ ему голосъ откровенія. Что сталося съ его порученіемъ, какъ онъ поступилъ съ письмами первосвященника, какъ отнеслись ко всему этому его подчиненные, какія тревожныя вѣсти понесли они назадъ въ Іерусалимъ, какими глазами смотрѣли на него іудейскія синагоги въ Дамаскѣ—мы не знаемъ; но мы знаемъ, что для него становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что «Богъ предызбралъ его, чтобы онъ позналъ волю Его, увидѣлъ Праведника, и услышалъ гласъ изъ устъ Его, и былъ Ему свидѣтелемъ предъ всѣми людьми о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ» (Дѣян. ххп, 14, 15). Выходъ его изъ города былъ уже не такимъ, о какомъ онъ прежде мечталъ: въ страшной опасности быть схваченнымъ или убитымъ, онъ спущенъ былъ въ корзинѣ въ окно за городскую стѣну!

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать о важности факта обращенія ап. Павла, какъ доказательства истинности христіанства. Важность его такъ велика, что ее невозможно и преувеличить. Тотъ фактъ, что Савлъ однимъ порывомъ убѣжденія перешелъ отъ тьмы къ свѣту, отъ одного направленія къ другому, совершенно противоположному, не только характеризуетъ самую личность человѣка, но и доказываетъ силу и значеніе христіанства. Тотъ самый человѣкъ, который только что передъ тѣмъ преслѣдовалъ христіанство съ ожесточеннѣйшею ненавистью, вдругъ увѣровалъ въ Того, послѣдователей котораго онъ старался истреблять, и сталъ отъ этой вѣры «новымъ твореніемъ»: что это такое, какъ не побѣда христіанства, которою оно было обязано не чему другому, какъ обаянію своей собственной внутренней силы? Изъ всѣхъ обратившихся къ вѣрѣ во Христа не было другаго примѣра, въ которомъ бы христіанское начало прорвалось съ такою быстротой и силой чрезъ всѣ враждебныя ему начала и съ такою полнотою водворило свое господство. Отселѣ для Савла христіанство заключилось въ одно слово «Христось». И о чемъ же онъ свидѣтельствуетъ касательно Иисуса? Почти о каждомъ въ отдѣльности изъ первостепенныхъ фактовъ Его воплощенія, жизни, страданій, тайной вечери, суда, распятія, воскресенія, вознесенія и небснаго прославленія³³⁷). Уже около двухъ тысячъ лѣтъ прошло съ того времени, яркость историческихъ событій блекнетъ и даже самыя очертанія ихъ обезцвѣчиваются по мѣрѣ того, какъ они удаляются въ сѣдую глубь вѣковъ. Но развѣ наши современные критики болѣе проникательны, болѣе враждебны и болѣе стараются

ниспровергнуть истинность христіанства, чѣмъ этотъ великій законникъ, почетный раввинъ, посланникъ синадріона, передовой умъ тогдашнихъ школъ, этотъ еврей — ученый какъ Гиллель, патріотичный какъ Іуда Гавлонскій, пылавшій ревностію о законѣ какъ Шаммаи? Его не отдѣляли отъ этихъ событій вѣка времени. Онъ не могъ быть ослѣпленъ яркимъ блескомъ торжествующаго христіанства. Онъ ежедневно вращался между людьми, которые лично слѣдили жизнь Распятая отъ Вилеяса до Голгофы; не только между его простосердечными послѣдователями, но и между его учеными и могущественными врагами. Онъ говорилъ съ первосвященниками, которые присудили Христа къ распятію; онъ убивалъ послѣдователей, которые плакали надъ Его гробомъ. Онъ самъ чувствовалъ и наблюдалъ въ другихъ весь невыразимый ужасъ, который для всякаго правовѣрнаго іудея заключался въ мысли о Мессіи, «висящемъ на деревѣ». Онъ то и дѣло слышалъ доводы, которыми какой нибудь Анна и Гамалиилъ доказывали, что Иисусъ былъ обманщикъ народа. Событія, на которыя ссылались апостолы въ доказательство Его божественности, происходили при полномъ свѣтѣ современнаго знанія, на глазахъ у всѣхъ. Савлу не приходилось имѣть дѣла съ неустойчивыми теоріями критицизма или съ нападками на подлинность текста. Онъ могъ обращаться съ разспросами не къ древнимъ документамъ, а къ живымъ людямъ; онъ могъ анализировать не отрывочныя лѣтописи, а доказательства, бывшія на лицо. Онъ имѣлъ подъ руками тысячи средствъ, чтобы изслѣдовать дѣйствительность или недѣйствительность воскресенія, которое онъ дотогѣ такъ открыто и страстно отрицалъ. Принимая эту полуистребленную имъ вѣру, онъ все терялъ въ мірѣ и ничего осязательнаго не выигрывалъ. И тѣмъ не менѣе, вопреки всего этого, подавленный убѣжденіемъ, противостоять которому онъ чувствовалъ себя не въ силахъ,—Савлъ-фарисей сталъ свидѣтелемъ воскресенія, проповѣдникомъ Креста.

Деревня Каукаба, по дорогѣ въ Дамаскъ.

ГЛАВА XI.

АП. ПАВЕЛЪ ВЪ УЕДИНЕНІИ.

 Послѣ того ведетъ его Духъ въ пустыню.
МАРК. I, 12.

АВЛЪ теперь былъ «назаряниномъ», но должны были пройти еще годы въ воспитаніи его жизни и мысли, прежде чѣмъ онъ сталъ совершенно готовъ къ совершенію предназначеннаго ему великаго дѣла.

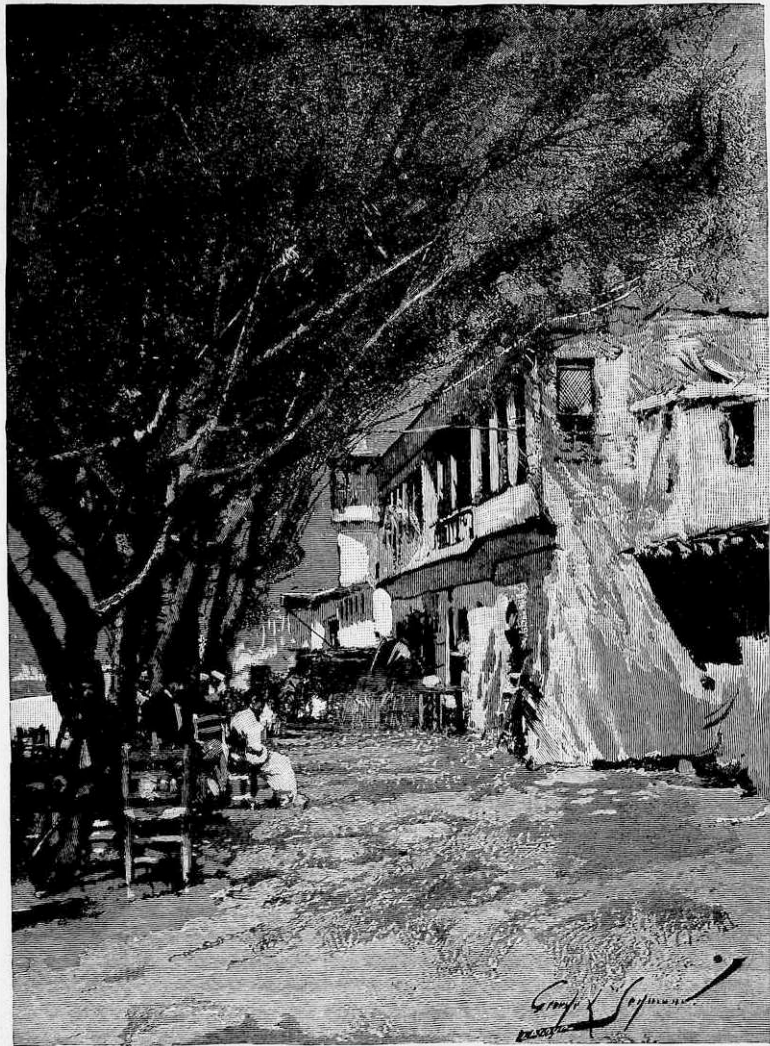
Еслибы книга Дѣяній Апостольскихъ была единственнымъ источникомъ свѣдѣній о немъ, то мы были бы вынуждены предполагать, что онъ немедленно послѣ этого событія выступилъ на поприще проповѣди. «И былъ Савлъ нѣсколько дней съ учениками въ Дамаскѣ, говоритъ св. Лука; и тотчасъ сталъ проповѣдывать въ синагогахъ объ Иисусѣ, что Онъ есть Сынъ Божій» (Дѣян. ix, 19, 20). И затѣмъ повѣствователь рассказываетъ объ изумленіи іудеевъ, о возраставшей силѣ доказательствъ Савла, о заговорахъ противъ него іудеевъ, спустя неопредѣленное время, и наконецъ о бѣгствѣ его изъ Дамаска.

Но св. Лука не даетъ и никогда не выражаетъ даже намѣренія дать полную біографію. Въ теченіе того времени, когда онъ былъ спутникомъ апостола,

его повѣствованіе дѣйствительно изобилуетъ многочисленными и точными подробностями; но даже если и въ этотъ послѣдній періодъ его жизни онъ никогда не упоминаетъ о Титѣ и даже никогда не указываетъ на то, что ап. Павелъ писалъ посланія, то нечего удивляться; что его замѣчанія о раннемъ періодѣ дѣятельности апостола отрывочны—или потому, что онъ не зналъ больше, или потому, что ради сокращенности онъ устраняетъ всѣ обстоятельства, которые не относились къ прямой цѣли его повѣствованія.

Вслѣдствіе этого, если мы обратимся къ біографическому обзору въ посланіи къ Галатамъ, въ которомъ ап. Павелъ ссылается на этотъ періодъ въ доказательство независимости своего апостольства, то мы найдемъ, что въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ событія трехъ лѣтъ сокращены въ такое же количество стиховъ, и что вмѣсто того, чтобы немедленно начать проповѣдывать въ Дамаскѣ, онъ немедленно удалился въ Аравію³³⁸). «Когда, говоритъ онъ, Богъ, избравшій меня отъ утробы матери моей и призавшій благодатию Своею, благоволилъ открыть во мнѣ Сына Своего, чтобы я благовѣствовалъ Его язычникамъ; я не сталъ тогда же совѣтоваться съ плотію и кровію, и не пошелъ въ Іерусалимъ къ предшествовавшимъ мнѣ апостоламъ, а пошелъ въ Аравію, и опять возвратился въ Дамаскъ».

Едва ли кто, намъ думается, прочитавъ внимательно это мѣсто, можетъ отрицать, что оно указываетъ на намѣренное удаленіе отъ человѣческаго общенія. Многіе изслѣдователи предполагали, что ап. Павелъ сначала проповѣдывалъ въ Дамаскѣ, затѣмъ удалился въ Аравію и потомъ возвратился, чтобы съ усилившеюся ревностью и силой опять проповѣдывать въ Дамаскѣ. Собственное выраженіе ап. Павла не только не благоприятно для такого взгляда, но видимо исключаетъ его. Къ чему могли бы привести насъ психологическія соображенія въ такомъ именно положеніи, въ какомъ находился Савлъ Тарсейскій послѣ своего внезапнаго и чудеснаго обращенія? *Менѣ всего* конечно къ тому предположенію, что онъ сразу же выступилъ на проповѣдничество и безъ всякаго промежутка перешелъ отъ положенія главнаго гонителя въ положеніе выдающагося поборника, такъ какъ это совершенно удалило бы его отъ всѣхъ глубокихъ и сильныхъ умовъ, пережившихъ подобный же переломъ въ себѣ. Все это возможно было бы въ чловѣкѣ мелкой натуры или поверхностныхъ убѣжденій; но мы не можемъ представить себѣ этого въ ап. Павлѣ. Такъ не бываетъ съ тѣми умами, которые остановлены въ самомъ разгарѣ своей дѣятельности испытующимъ голосомъ Божіимъ. Подобно тому, какъ орелъ, задержанный и сбитый какимъ-нибудь порывомъ бури, опускается на землю для того, чтобы расправить свои измятыя крылья, такъ и великая душа, прошедшая чрезъ огонь и воду, нуждается въ спокойномъ и безопасномъ мѣстѣ, въ которомъ она могла бы отдохнуть. Самыя глубокія убѣжденія чловѣка, которыми онъ жилъ въ теченіе всей своей жизни, могутъ быть перевернуты въ одинъ мигъ и этотъ мгновенный переворотъ часто причиняетъ

На берегахъ Барадъ, въ Ламаскѣ.

чудесную перемену. Но самая природа и характеръ челоѣка никогда не могутъ совершенно перемениться въ одинъ мигъ изъ того, чѣмъ они были прежде. Трудно вообразить болѣе полную перемену, болѣе глубокой разрывъ, чѣмъ тотъ, который отдѣлялъ Савла-гонителя отъ Павла-апостола; и мы увѣрены, что, подобно Моисею, подобно Иліѣ, подобно самому Спасителю, подобно почти всѣмъ великимъ умамъ въ древнія или новыя времена, которымъ ввѣрено было дѣло управления судьбами посредствомъ преобразованія убѣжденій челоѣчества,—подобно Буддѣ, подобно Магомету въ пещерѣ Гирской, подобно наконецъ всѣмъ великимъ людямъ, онъ нуждался въ спокойномъ періодѣ, въ которомъ могъ бы переработать свои мысли, утишить бурю своихъ чувствъ и побесѣдовать въ безмолвіи и уединеніи съ своей собственной душой и Богомъ. Ему необходимо было постигнуть св. писаніе, свою старую вѣру привести въ соотвѣтствіе со всѣми новыми убѣжденіями. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что, если бы Савлъ, не зная еще многихъ существенныхъ истинъ христіанства, не испытывалъ еще опытомъ его глубочайшей силы, началъ сразу доказывать его и проповѣдывать другимъ, — онъ едва ли бы могъ исполнить то дѣло, которое онъ совершилъ. Предполагать, что истины, проповѣдникомъ которыхъ онъ сдѣлался впоследствии, были всѣ открыты ему, какъ бы по одному молниеносному махію, во всей своей полнотѣ, значить предполагать то, что совершенно чуждо Богу въ отношеніяхъ съ челоѣческой душой, и что въ высшей степени противорѣчить появленію того длиннаго ряда посланій, въ которыхъ мы замѣчаемъ развитіе его мыслей. Даже на почвѣ исторической вѣроятности кажется невѣроятнымъ, чтобы Савлъ тотчасъ же способенъ былъ выступить съ проповѣдью вмѣсто гоненія. При такихъ обстоятельствахъ собратіямъ было бы трудно довѣрять ему, а еще труднѣе іудеямъ терпѣть его. Последніе отнесли бы къ нему какъ къ безчестному вѣроотступнику³³⁹), а первые не довѣряли бы ему какъ тайному шпіону.

Можно бы ожидать, что Савлъ спокойно останется среди христіанъ въ Дамаскѣ, смиренно посѣщая ихъ собранія, слушая ихъ, поучаясь отъ нихъ и занимая скромное мѣсто въ ихъ трапезахъ любви. Мы едва ли можемъ предположить, чтобы онъ въ эти первые дни своей христіанской жизни лелѣялъ полное намѣреніе независимо проповѣдывать Евангеліе. Какъ впоследствии ни нападали на него со всѣхъ сторонъ и какъ ни оскорбляемъ онъ былъ больше всего шпіонствомъ ложныхъ собратій и клеветничествомъ тѣхъ, которые желали набросить тѣнь сомнѣнія на его высшій авторитетъ, во всякомъ случаѣ было нѣчто провиденціальное въ томъ обстоятельствѣ, что событія, слѣдовавшія за его обращеніемъ, въ значительной степени удаляли его отъ всякаго видимаго ученичества въ отношеніи къ челоѣческимъ учителямъ. Какъ фарисей, онъ сидѣлъ у ногъ Гамалиила, какъ христіанинъ онъ никого изъ людей не называлъ своимъ учителемъ. Часто и съ полною убѣжденностью онъ утверждаетъ, что его ученіе, какъ и его авторитетъ, какъ его благовѣстіе, такъ и апостольство получены имъ

непосредственно отъ Бога. Главною цѣлью того въ высшей степени интереснаго и характеристическаго повѣствованія, которое занимаетъ двѣ первыхъ главы посланія къ Галатамъ, служить заявленіе, — которое онъ считалъ необходимымъ сдѣлать какъ можно сильнѣе, — что «Евангеліе, которое онъ благовѣствовалъ, не есть человѣческое, что онъ принялъ его и научился не отъ человѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа» (Гал. 1, 11, 12). Если бы онъ не могъ увѣрить своихъ обращенцевъ въ этомъ, если бы онъ не могъ ссылаться на видѣніе и откровеніе Господа, онъ представилъ бы новый примѣръ человѣка, мнѣнія котораго были ниспровергнуты и подавлены пустымъ авторитетомъ именъ. Не изъ личнаго чувства соперничества, къ которому такая до страстности серьезная натура, какъ онъ, совершенно неспособна, но изъ обязанности обратить вниманіе на истины, которыя онъ проповѣдывалъ, — онъ сознавалъ необходимымъ убѣждать основаннымъ имъ церкви въ томъ, какъ глубоко было бы ихъ безуміе, если бы онъ позволили отсталымъ проповѣдникамъ подзаконности отвратить себя отъ свободы его благовѣстія. Для распространенія истины необходимо было, чтобы его слушались какъ апостола, «избраннаго не человѣками и не чрезъ человѣка, но Іисусомъ Христомъ и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его изъ мертвыхъ». Если бы его апостольство истекало отъ (ἀπὸ) двѣнадцати прежнихъ апостоловъ или передано ему чрезъ посвященіе отъ (διὰ) кого нибудь изъ нихъ³⁴⁰⁾, тогда они могли бы предполагать въ себѣ нѣкоторую высшую власть, нѣкоторую принудительную силу. Если же, насколько дѣло касалось его, они не имѣли такой власти, то это потому, что онъ самъ получилъ свое апостольство прямо отъ Спасителя. И онъ часто указываетъ на эту независимость своего знанія. Онъ говоритъ Фессалоникійцамъ «словомъ Господнимъ»³⁴¹⁾, что тѣ, которые будутъ еще живы при второмъ пришествіи, не получатъ преимущества надъ умершими. Онъ говоритъ Ефесянамъ, что Богъ «чрезъ откровеніе возвѣстилъ ему тайну, которая не была возвѣщена прежнимъ поколѣніямъ сыновъ человѣческихъ, какъ нынѣ открыта св. апостоламъ Его и пророкамъ Духомъ Святымъ, — чтобы и язычникамъ быть сонаслѣдниками, составляющими одно тѣло, и сопричастниками³⁴²⁾ обитованій Его во Христѣ Іисусѣ посредствомъ благовѣствованія, котораго служителямъ сдѣлался онъ по дару благодати Божіей, данной ему дѣйствіемъ силы Его» (Ефес. III, 3—6). Колоссянамъ (I, 25) онъ говоритъ, что онъ сдѣлался служителямъ церкви «по домостроительству Божію, ввѣренному ему для нихъ, чтобы исполнять слово Божіе, тайну, сокрытую отъ вѣковъ и родовъ». Изъ этого и другихъ мѣстъ видно, что то, что онъ считалъ особеннымъ предметомъ полученнаго имъ откровенія, отчасти были правила, которыми долженъ руководствоваться христіанинъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, отчасти великія обстоятельства воскресенія (1 Кор. XV, 22; 1 Фессал. IV, 15), отчасти прямое видѣніе Спасителя, не только воскресшаго изъ мертвыхъ, но и прославленнаго одесную Отца; но особенно главный и отличительный предметъ его проповѣди о

«тайнѣ Христа», нѣкогда невѣдомой, но теперь открытой истинѣ, объ оправданіи вѣрою и свободномъ спасеніи язычниковъ безъ необходимости наложенія того ига рабства, которое даже иудей находилъ тяжелѣе, чѣмъ сколько можно было нести (Кол. IV, 3; Ефес. III, 3; VI, 19; Римл. XVI, 25).

Едва ли поэтому можно сомнѣваться въ томъ, что оправившись отъ потрясенія въ своихъ убѣжденіяхъ, отъ котораго душа его должна была долго трепетать, Павелъ провелъ лишь нѣсколько спокойныхъ дней съ Ананіей и съ другими братьями, которые подали ему руку дружбы. Онъ могъ бесѣдовать съ ними о жизни, которою Іисусъ жилъ на землѣ; онъ могъ слышать отъ нихъ тѣ воспоминанія о «жизни безгрѣшной, что подъ сирійскимъ небомъ процвѣтала», драгоценнѣйшіе годы которой впоследствии записаны были четырьмя евангелистами. Слущая все это, онъ питался «словеснымъ молокомъ»³⁴³⁾. Нельзя также сомнѣваться, что въ эти дни онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь укрощалъ и смирялъ свой духъ, такъ что его духъ былъ какбы новорожденнымъ спеленатымъ младенцемъ. Но о той тайнѣ, которую онъ долженъ былъ потомъ проповѣдывать, о томъ, что онъ выразительно называетъ «своимъ евангеліемъ» (1 Кор. IX, 17; Гал. II, 2, 7; 2 Фес. II, 14; 2 Тим. II, 8), — объ этомъ ничего не могли передать ему ни Ананія (который самъ былъ строгимъ иудеемъ), ни кто либо изъ учениковъ. Ей онъ научился только отъ самого Бога. Она открылась ему при помощи озаряющей силы Духа Христова въ тѣхъ откровеніяхъ, которыми сопровождался каждый шагъ, — въ томъ чудесномъ ходѣ воспитанія, изъ котораго состояла вся его жизнь.

Но онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ долго оставаться въ Дамаскѣ. Его положеніе тамъ было теперь невыносимо. Какъ ужасъ, съ которымъ христіане ожидали его прибытія, такъ и возбужденіе, произведенное имъ среди иудеевъ, дѣлали его предметомъ ненависти и подозрѣнія, молвы и любопытства. Онъ могъ даже подвергнуться опасности ареста со стороны самыхъ своихъ подчиненныхъ, для которыхъ внезапная перемѣна въ его убѣжденіяхъ могла казаться прекращеніемъ его власти. Но еще болѣе сильнымъ побужденіемъ къ удаленію, чѣмъ все это, было желаніе уединиться, сильное желаніе и даже непреодолимая необходимость быть на время наединѣ съ Богомъ. Онъ былъ пораженною ланью, и своимъ внутреннимъ чувствомъ вынужденъ былъ оставить стадо. Въ уединеніи чловѣкъ можетъ до сокровеннѣйшаго источника прослѣдить роковыя заблужденія своего прошедшаго; онъ можетъ молиться о томъ небесномъ свѣтѣ, уже не пламенѣющимъ полуденнымъ жаромъ, но тихо сіяющимъ во тьмѣ, который сдѣлалъ бы его способнымъ уразумѣть многія тайны жизни. Онъ можетъ ожидать исцѣленія своихъ глубокихъ ранъ отъ той же самой нѣжной руки, которая милостиво причинила ихъ. Онъ можетъ подобно Иліѣ въ пещерѣ Хорива пробывать въ пустынѣ, гдѣ при отдаленности отъ людей больше всего чувствуется близость Бога. И вотъ Савлъ удалился въ Аравію, — каковое слово, какъ намъ кажется, должно понимать

въ его народномъ и первоначальномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ Синайскаго полуострова ³⁴⁴).

Тотъ, кто былъ гонителемъ въ честь Моисея, отселѣ долженъ былъ самъ выступать въ качествѣ отступника отъ Моисея. Самому ревностному изъ живыхъ служителей Моисеева закона надлежало быть человѣкомъ, который убѣдительно-шимъ образомъ долженъ былъ доказать, что Моисеевъ законъ подлежалъ отміѣнѣ. Не естественно ли поэтому, что у него явилось желаніе посѣтить ту священную землю, гдѣ кустъ пылалъ не пожирающимъ огнемъ и гранитныя скалы трепетали отъ голоса изрекавшаго огненный законъ? Не покажется ли тѣмъ обрядности еще болѣе тѣмъ, если онъ посѣтитъ то самое мѣсто, гдѣ великій законодатель и великій пророкъ находился въ высокомъ общеніи съ Богомъ? Могъ ли онъ даже быть увѣреннымъ, что онъ вззошелъ на гору Сіонъ и въ градъ Бога живаго, небесный Іерусалимъ и къ Іисусу, ходатаю новаго завѣта, пока онъ не посѣтилъ той горы, къ которой можно было прикоснуться, и которая пылала огнемъ, гдѣ среди тьмы и бури, трубныхъ звуковъ и членораздѣльныхъ словъ, самъ Моисей до крайности объять былъ страхомъ и трепетомъ?

Какъ долго онъ находился тамъ, мы не знаемъ. Обыкновенно предполагаютъ, что пребываніе его было непродолжительное; намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что оно заняло не малую часть тѣхъ «трехъ лѣтъ» (Гал. I, 18), которыя, по его словамъ, прошли до посѣщенія имъ Іерусалима. Мало кто сомнѣвается, что эти три года нужно считать со времени его обращенія. Ясно однакоже, что послѣ своего обращенія онъ оставался съ учениками лишь нѣсколько дней (*ἡμεραι τιναί*); что затѣмъ при первомъ удобномъ случаѣ онъ удалился въ Аравію; что послѣ своего возвращенія онъ началъ проповѣдывать и что его служеніе въ Дамаскѣ спустя нѣкоторое время (*ἡμεραι ἱκαναί*) было прервано заговоромъ противъ него іудеевъ. Последнее выраженіе въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ переводится словами «довольно времени»; но хотя его проповѣдничество могло продолжаться нѣсколько дней, которые въ сравненіи съ его первымъ краткимъ пребываніемъ могли быть обозначены словами «довольно времени», но само по себѣ выраженіе это столь неопредѣленно, что его можно было употреблять для обозначенія почти всякаго періода отъ двухъ недѣль до трехъ лѣтъ ³⁴⁵). Что касается общей правильности этого заключенія, то мы не можемъ сомнѣваться въ ней; единственно, что можетъ возбуждать сомнѣніе—это то, означаетъ ли выраженіе «три года» три полныхъ года или оно означаетъ одинъ полный годъ и части (какъ бы онѣ ни были коротки) двухъ другихъ лѣтъ. Изъ хронологіи жизни апостола Павла мы не можемъ придти къ достовѣрному рѣшенію касательно этого пункта, хотя всѣ данныя, которыя мы имѣемъ въ этомъ отношеніи, скорѣе благоприятствуютъ болѣе продолжительному, чѣмъ болѣе короткому періоду.

Очень много зависитъ здѣсь отъ вопроса: не была ли физическая слабость и разстроенное здоровье отчасти причиной этого его удаленія и бездѣятельности?

Но здѣсь мы опять вступаемъ на неувѣренную почву, потому что здѣсь сразу же возникаетъ часто обсуждавшійся вопросъ касательно сущности того страданія, на которое ап. Павелъ съ такою выразительностью указываетъ какъ на «жало въ плоть». Мы должны здѣсь коснуться этого вопроса, потому что думаемъ, что это ужасное страданіе, въ чемъ бы оно ни состояло, произошло въ это самое время ³⁴⁶). Меланхолія, чрезъ которую, подобно полуденному огню, пробивается его восторгъ, глубокое уныніе, которое, подобно подавленному тону, звучитъ даже среди порывовъ овладѣвающей имъ восхищенности,—въ немалой степени зависѣли именно отъ этого страданія. Оно возбуждало въ ап. Павлѣ то мучительное самоиспытаніе, которое само по себѣ есть ежедневная пытка для человѣка, вопреки врожденной любви къ уединенію, противъ своей воли увлекающагося въ шумъ житейской суеты и борьбы. Оно повидимому подрѣзывало крылья его духа, такъ что иногда онъ какъбы внезапно падаетъ наземь, задержанный и пораженный во время нѣкоторыхъ изъ самыхъ своихъ возвышенныхъ и могучихъ полетовъ.

При самомъ даже бѣгломъ чтеніи посланій ап. Павла нельзя не замѣтить, что онъ въ своей внѣшности или личности замѣчалъ нѣчто такое, что давило его чувствомъ униженія, нѣчто такое, что вопреки всякаго естественнаго расположенія заставляло его прибѣгать къ выраженіямъ, которыя самому ему кажутся самовосхваленіемъ—ненавистнымъ ему, но которое онъ находитъ для себя болѣе необходимымъ, чѣмъ для другихъ людей. Онъ какъ будто сознавалъ, что его внѣшность была не въ его пользу. Всякій разъ, когда онъ переставалъ увлекаться потокомъ какой нибудь жгучей аргументаціи; когда его скорбь отъ коварнаго вторженія заблужденій, противъ которыхъ онъ направлялъ всю силу своего характера, истощалась въ словахъ неизмѣримаго негодованія; когда онъ оставляетъ возвышенный языкъ апостольскаго авторитета и боговдохновеннаго убѣжденія, мы слышимъ какой-то ноющий, умоляющій тонъ въ его личныхъ обращеніяхъ къ своимъ церквамъ, почти невозможный въ человѣкѣ, сознаніе личнаго мужества котораго не было бы подавляемо какими либо внѣшними недостатками, на которые онъ могъ, правда, ссылаться какъ на знаки служенія и вмѣстѣ покровительства своего Спасителя, но которые дѣлали его менѣе способнымъ стоять лицомъ къ лицу съ оскорбленіями противниковъ или съ неблагодарностью друзей. Въ его языкѣ слышится намъ человѣкъ, который былъ крайне чувствителенъ, но чувствительность темперамента котораго оскорблялась мизерностью внѣшности, которая правда могла забываться знавшими его друзьями, но въ незнакомыхъ людяхъ возбуждала предубѣжденіе не всегда преодолимое. Многіе, правда, изъ собратій въ основанныхъ имъ церквахъ привязались къ нему столь крѣпкими узами, что онъ могъ въ своихъ письмахъ говорить о ихъ глубокой любви, нѣжности и благодарности по отношенію къ нему (въ посланіяхъ къ Филиппійцамъ въ разныхъ мѣстахъ), такъ что онъ можетъ называть ихъ своими

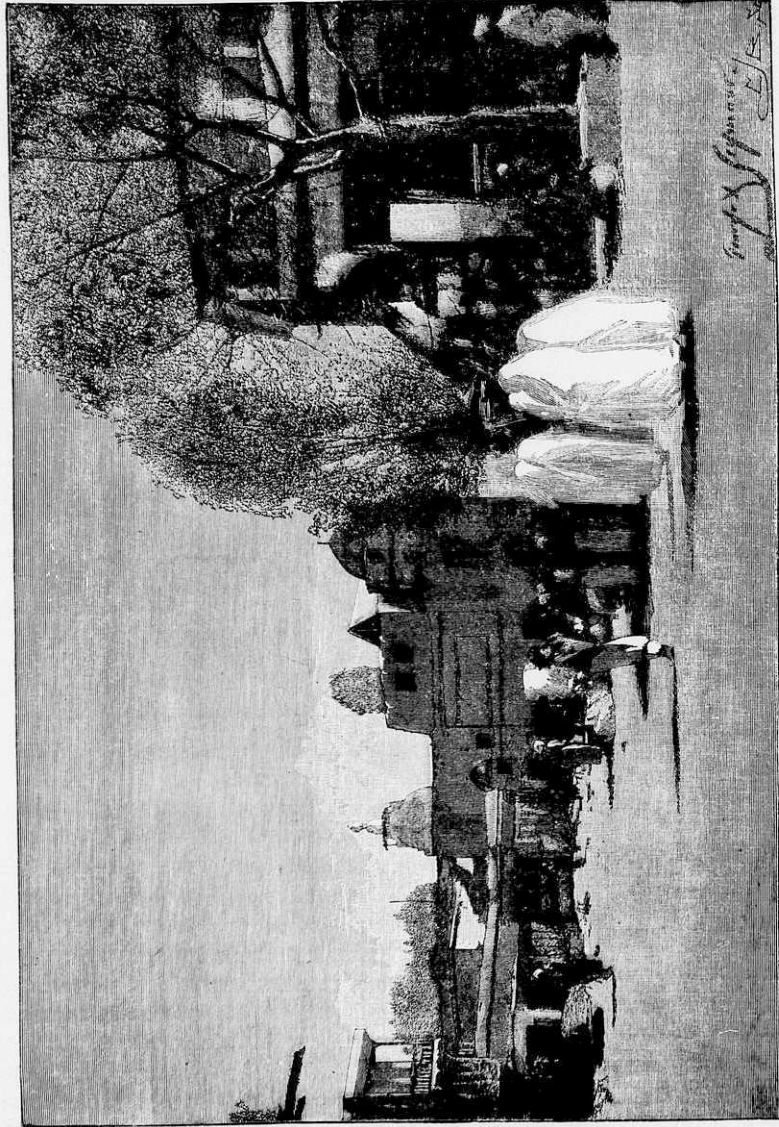
«малыми дѣтьми», можетъ предполагать у нихъ сильное желаніе видѣть его и можетъ снисходить къ ихъ желанію въ качествѣ особаго благорасположенія къ нимъ (2 Кор. I, 15, 23), и даже принужденъ улаживать тѣ чувства ревнующей привязанности, которыя возбуждались принятіемъ съ его стороны помощи отъ одной церкви и непринятіемъ ея отъ другихъ. Но онъ въ то же время хорошо знаетъ, что его ненавидятъ со всею силою ненависти и къ этой ненависти, что особенно уязвляло его духъ, въ значительной степени примѣшивалось несправедливое презрѣніе. Отъ этого презрѣнія даже со стороны презрѣнныхъ, отъ этой ненависти даже ненавистныхъ онъ могъ только страдать, хотя зналъ, что міръ часто награждаетъ услугу наказаніемъ и что это дань, которую добродѣтель получаетъ отъ порока.

Этимъ именно объясняется весь стиль и характеръ его посланій³⁴⁷⁾. Обвиненія, которыя его врагами дѣлались противъ него, основывались на особенностяхъ его метода и общенія, что дѣлало эти обвинения тѣмъ болѣе опасными и болѣе мучительными, что за ними было нѣкоторое правдоподобіе. Они были въ дѣйствительности новымъ примѣромъ тѣхъ полустинъ, которыя всегда хуже полной лжи. Такимъ образомъ, уславивая издѣвательство своихъ противниковъ, какъ это онъ дѣлаетъ часто, онъ говоритъ, что онъ лично между ними «скромнѣе» (2 Кор. х, 1, 2) и «невѣжда въ словѣ»³⁴⁸⁾, и приводитъ ихъ собственный упрекъ, что «въ личномъ присутствіи онъ слабъ и рѣчь его незначительна» (2 Кор. х, 10). Будучи завѣдомо человѣкомъ, который заботился о мирѣ и единеніи, старался о предупредительности ко всѣмъ людямъ,—который былъ готовъ быть всѣмъ для всѣхъ, только бы спасти ихъ, онъ не разъ долженъ прибѣгать къ защитѣ своей личности отъ обвиненій въ неискренности, коварствѣ, безчестности, злобѣ, чловѣкоугодничествѣ и лести (2 Кор. II, 17; IV, 2; 1 Фес. II, 3—5), что все быть можетъ обобщалось въ томъ презрительномъ о немъ мнѣніи, которое онъ съ такимъ негодованіемъ отвергаетъ, именно, что онъ «поступаетъ по плоти» (2 Кор. х, 2) или другими словами, что онъ руководится не духовными, а низкими и себялюбивыми побужденіями. Онъ долженъ также защищать себя отъ клеветы, что его самоуниженіе бесполезно и доведено до излишества (2 Кор. XI, 7); что даже его кажущееся самоотверженіе было только прикрытіемъ для низкихъ видовъ (2 Кор. XII, 16), и что вообще его поведеніе отличалось такою легкомысленностью, что нельзя было полагаться на его обещанія (2 Кор. I, 17). Какимъ же образомъ ап. Павелъ могъ сдѣлаться мишенью такихъ клеветъ? Несомнѣнно отъ того, что онъ совершенно противъ своей воли былъ вождемъ партіи и что во все времена существовали люди, которые услаждаются ложью, люди, «сердце которыхъ—пагуба, гортань—открытый гробъ, языкъ—отравленное жало»; но отчасти также и отъ того, что онъ считалъ тактъ, уступчивость, примирительность божественными орудіями, которыя Богъ позволилъ ему употреблять противъ всякаго противодѣйствія, и отчасти потому, что вообще не трудно было издѣваться и

насмѣхаться надъ его уныніемъ духа, надъ смиреніемъ въ жизни, которыя или были прямымъ слѣдствіемъ какого нибудь тѣлеснаго недуга, или могли явиться отъ сознанія этого недуга. Мы сразу видимъ, что все это исполнѣ было бы естественно въ согбенной и слабой фигурѣ, которую изобразилъ Альбрехтъ Дюреръ, но что это было бы невозможно для того величественнаго оратора, котораго Рафаэль помѣстилъ на ступеняхъ ареопага³⁴⁹⁾.

И ап. Павелъ постоянно указываетъ на это. Едва ли есть такое посланіе, въ которомъ бы онъ не намекалъ на свои душевные пытки, свои тѣлесныя страданія, свои гоненія и свои слабости. Онъ говоритъ Коринѣянамъ, что «при свиданіи съ ними онъ былъ въ немощи, и въ страхѣ, и въ великомъ трепетѣ» (1 Кор. II, 3). Онъ напоминаетъ Галатамъ, что онъ благовѣствовалъ имъ въ первый разъ «въ немощи плоти» (Гал. IV, 13). Онъ говоритъ о невыносимомъ бремені жизни, подъ которымъ онъ непрерывно вздыхаетъ³⁵⁰⁾. Непріятности, стѣсненія, гоненія, изложеніе, которыми постоянно сопровождалась его жизнь, представляются ему постояннымъ, такъ сказать, умерщвленіемъ Христа въ его тѣлѣ³⁵¹⁾, постояннымъ предательствомъ на смерть ради Христа, постояннымъ проявленіемъ силы смерти въ его вѣншней жизни³⁵²⁾. Онъ ежедневно умиралъ, часто былъ въ смерти (2 Кор. XI, 23; 1 Кор. XV, 31); онъ былъ какбы убиваемъ въ теченіе всей своей жизни (Римл. VIII, 36).

Но это обстоятельство, равно какъ и то, что онъ повидимому писалъ погречески и мыслить посирійски, составляетъ ключъ къ особенностямъ языка ап. Павла. Сознаніе того, что ему не подъ силу было великое дѣло, порученное ему Богомъ, опасеніе, чтобы его личное ничтожество не заставило кого нибудь изъ его слушателей сразу отвергнуть ученіе, провозглашаемое слабымъ, болѣзненнымъ, бѣдствующимъ и обремененнымъ чловѣкомъ, который, хотя и посланникъ Христа, въ своей вѣншности имѣлъ такъ мало доказательствъ своего посланничества; сознаніе, что его огненный духъ, «разрывавшій свое глиняное жилище», содержался, подобно свѣтильникамъ въ кувшинахъ Гедеона, въ хрупкомъ глиняномъ сосудѣ (2 Кор. IV, 7)—повидимому такъ неотступно угнетали его, что все слова его становились слишкомъ слабыми для выраженія владавшагося въ нихъ значенія. Отсюда его языкъ во многихъ мѣстахъ носитъ слѣды почти болѣзненной возбужденности, именно въ порывистыхъ переходахъ отъ приниженности къ притязаніямъ на дѣйствительное величіе его трудовъ (1 Кор. XV, 10), отъ презрительности и негодованія въ отношеніи неустойчивыхъ вѣтрениковъ и интригующихъ клеветниковъ къ напряженной и тоскующей любви (см. въ посланіяхъ къ Галатамъ и во 2 посл. къ Коринѣянамъ). Иногда сердце его бьется такимъ живымъ чувствомъ, его мысли стремятся съ такою порывистостью, что вслѣдствіе частыхъ переходовъ и вставокъ все значеніе его рѣчи затемняется (Гал. IV, 12). Чувство его такъ напряженно, что самыя слова его получаютъ необычайную жизненность, дѣлаются какбы живыми существами (Гал. IV, 14; 1 Кор. IV, 13;

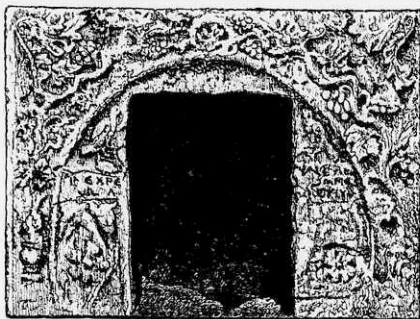
Рынокъ въ Дамаскѣ.

Филипп. ш, 8). Иногда онъ почти высокомеренъ въ сознании своей правоты, которая дѣлаетъ его равнодушнымъ къ вульгарному критицизму (1 Кор. iv, 3), и саркастиченъ до горечи въ своемъ самоуничиженіи (1 Кор. iv, 10; х, 15; 2 Кор. xi, 16—19; хп, 11). Въ одномъ или двухъ примѣрахъ враги могли почти прилагать слово «грубый» къ языку, которымъ онъ осмѣиваетъ, поносить или разоблачаютъ клеветниковъ своего благовѣстія (Гал. ш, 1; iv, 17 въ греческомъ подлинникѣ); въ одномъ или двухъ мѣстахъ онъ говоритъ съ отбѣнкомъ ироніи, почти раздраженія о тѣхъ «почитаемыхъ столпами» «высшихъ апостолахъ», которые, даже если бы они были въ десять кратъ больше, ничего не придали бы ему³⁵³). Но буря запальчивости утихаетъ въ мигъ; онъ скорбитъ даже изъ-за самой необходимой и вполне заслуженной суровости, и все у него оканчивается выраженіями нѣжности и какбы даже потокомъ слезъ³⁵⁴).

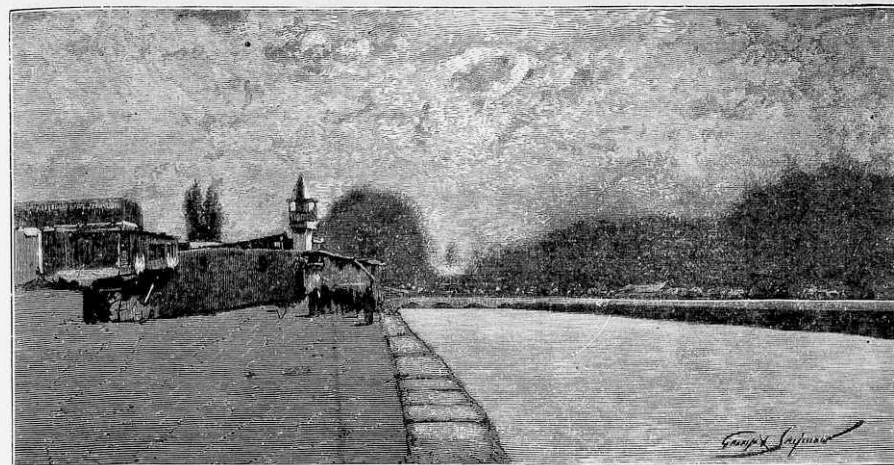
Правда, въ Савлѣ Тарсійскомъ мы замѣчаемъ ту же неутомимость, напряженность и дѣятельную порывистость, которую мы видимъ въ Павлѣ апостолѣ; но трудно вообразить въ Савлѣ Тарсійскомъ ту нервную боязливость, трепетную чувствительность, то глубокое недовѣріе къ своимъ собственнымъ дарамъ и силамъ, помимо благодати Божіей, которыя такъ часто проявляются въ языкѣ Павла, узника Иисуса Христа. Трудно вообразить, чтобы такой человѣкъ, какимъ сталъ апостолъ, могъ быть когда нибудь яростнымъ гонителемъ, вторгавшимся даже въ священное уединеніе мирныхъ домовъ, ревностнымъ истребителемъ ереси даже въ отдаленныхъ городахъ, какимъ былъ Савлъ до видѣнія, бывшаго ему на пути въ Дамаскъ. Изъ опыта извѣстно, что какое нибудь физическое страданіе, особенно если оно приметъ форму страшнаго безобразія, часто дѣйствуетъ именно подобнымъ же образомъ на человѣчскій характеръ³⁵⁵). Оно смиряетъ смѣлаго, заносчиваго дѣлаетъ скромнымъ, самонадѣяннаго—боязливымъ, тѣхъ, которые нѣкогда любили общественность, заставляетъ скрываться отъ толпы, уничтожаетъ всякую самоувѣренность и заставляетъ прибѣгать къ смиренному подчиненію волѣ Божіей. Даже опасной болѣзни иногда бываетъ достаточно для произведенія подобныхъ результатовъ; но когда болѣзнь оставляетъ видимый знакъ на тѣлѣ на всю жизнь, вліяніе ея усиливается. Она измѣняетъ веселаго мечтателя въ суроваго аскета, любителя общества—въ трудолюбиваго миссіонера, беззаботнаго воина—въ самоотверженнаго отшельника.

Въ чемъ состояло это «жало въ плоть», мы подробно рассмотримъ въ отдѣльномъ приложеніи³⁵⁶). Но что оно, въ чемъ бы ни заключалось, было для ап. Павла прямымъ слѣдствіемъ видѣній и откровеній и прямымъ противовѣсомъ тому высокомерію и самопревозношенію, которыя при другихъ обстоятельствахъ не преминули бы явиться въ такомъ характерѣ вслѣдствіе такихъ исключительныхъ явленій,—объ этомъ онъ самъ говоритъ намъ не разъ. Поэтому мы естественно приходимъ къ предположенію, что впервые его здоровью нанесенъ былъ ударъ во время того величайшаго изъ всѣхъ откровеній, когда ему было видѣніе воскресшаго Христа,

именно когда онъ въ полуденное время ѣхалъ въ Дамаскъ. Если такъ, то мы видимъ новое основаніе для его удаленія отъ всякаго труда и общественности, потому что оно было необходимо не только для его души, но и для тѣла.

Иудейская гробница.

Берега Барады.

ГЛАВА XII.

НАЧАЛО ДОЛГАГО МУЧЕНИЧЕСТВА.

Будь смѣлъ какъ леопардъ, быстръ какъ орелъ, подвиженъ какъ молодой конь, храбръ какъ левъ,—чтобы исполнять волю Отца твоего небеснаго. ПЕСАХИМЪ.

СПОКОЕННЫЙ уединеніемъ, укрѣпленный быть можетъ новыми откровеніями воли Божіей, яснѣе сознавая истину и долгъ, Савлъ возвратился въ Дамаскъ. Намъ нѣтъ надобности искать другихъ побужденій къ его возвращенію, чѣмъ тѣ, которыя явились вълѣдствіе убѣжденія, что онъ теперь былъ достаточно приготовленъ къ исполненію дѣла, на которое призвалъ его Христосъ.

Онъ не сразу выступилъ съ своей миссіей къ язычникамъ. Проповѣдь апостольская прежде всего направлялась къ іудеямъ (Римл. i, 16; Дѣян. iii, 26; xiii, 38, 39, 46; Иоан. iv, 22) и въ этомъ именно смыслъ прямыхъ указаній даны были самимъ Христомъ (Лук. xxiv, 47; сн. Ис. ii, 2, 3; xlix, 6; Мих. iv, 2). Кромѣ того язычники были такъ незнакомы съ учрежденіемъ проповѣдничества, все ихъ религиозное міросозерцаніе

было такъ чуждо всякой формы догматическаго и нравственнаго убѣжденія, что начинать проповѣдью имъ было почти невозможно. Повліять на язычниковъ было легче всего чрезъ іудеевъ. Прозелиты, многочисленные въ каждомъ городѣ, были особенно многочисленны въ Дамаскѣ, и при ихъ посредствѣ можно было быть увѣреннымъ, что всякая истина, провозглашенная въ іудейской синагогѣ, хотя бы даже только чрезъ посредство прозелитокъ, могла быстро доходить до языческой агоры.

Поэтому естественно, что Савлъ прежде всего посвятилъ себя синагогамъ и тамъ началъ проповѣдывать свое благовѣстіе. Такъ какъ христіане все еще находились въ общеніи съ синагогой и храмомъ, такъ какъ ихъ вождь Ананія былъ такъ набоженъ по закону, что пользовался доброй репутаціей у всѣхъ іудеевъ, жившихъ въ Дамаскѣ (Дѣян. ххп, 12), то молодому раввину и не могло представиться въ этомъ отношеніи никакихъ препятствій; а такъ какъ онъ былъ ученикомъ наиболѣе знаменитыхъ іудейскихъ школъ, то первыя появленія его на аренѣ полемики возбуждали значительное любопытство и вниманіе. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы враждебность къ назарянамъ, которою самъ Савлъ былъ одержимъ въ Иерусалимѣ, въ то время уже распространилась до Дамаска. Новости медленно распространяются въ восточныхъ странахъ, и тѣ мгновенныя волны мнѣнія, которыя наводняютъ нашу новѣйшую цивилизацію, были неизвѣстны въ древнія времена. Въ столицѣ Сиріи іудеи и христіане все еще жили вмѣстѣ во взаимной терпимости, если не во взаимномъ почитаніи. Они жили такъ и въ Иерусалимѣ, пока искра ненависти не вспыхнула отъ столкновенія еллинистовъ свободомыслящей школы съ еллинистами узкой іудейской школы, христіанскихъ еллинистовъ, приверженцевъ *галладовъ*, съ іудейскими еллинистами, приверженцами *залахи*. Причиной этого столкновенія если не вполне, то въ значительной мѣрѣ былъ Савлъ, и онъ намѣренъ былъ возбудить ту же борьбу и ту же взаимную ярость и въ Дамаскѣ, когда онъ застигнутъ былъ³⁵⁷⁾ на своемъ нечистомъ дѣлѣ видѣніемъ и укоромъ своего вознесшагося Господа.

Но полномочіе и письма были предоставлены только ему, и никто, кромѣ немногихъ пылкихъ зилотовъ, въ дѣйствительности не желалъ, чтобы благочестивыи и почтенныя личности въ родѣ Ананіи, — сыны Авраамовы, слуги Моисеевы, — были съ веревкой на шеѣ извлекаемы изъ мирныхъ домовъ и бичуемы народомъ съ которымъ они жили въ полномъ согласіи, и гонимы въ Иерусалимѣ фанатиками, которые постарались бы принять всѣ мѣры, чтобы добиться противъ нихъ того роковаго приговора, который бы осудилъ ихъ на возмутительные ужасы почти уже вышедшей изъ употребленія казни.

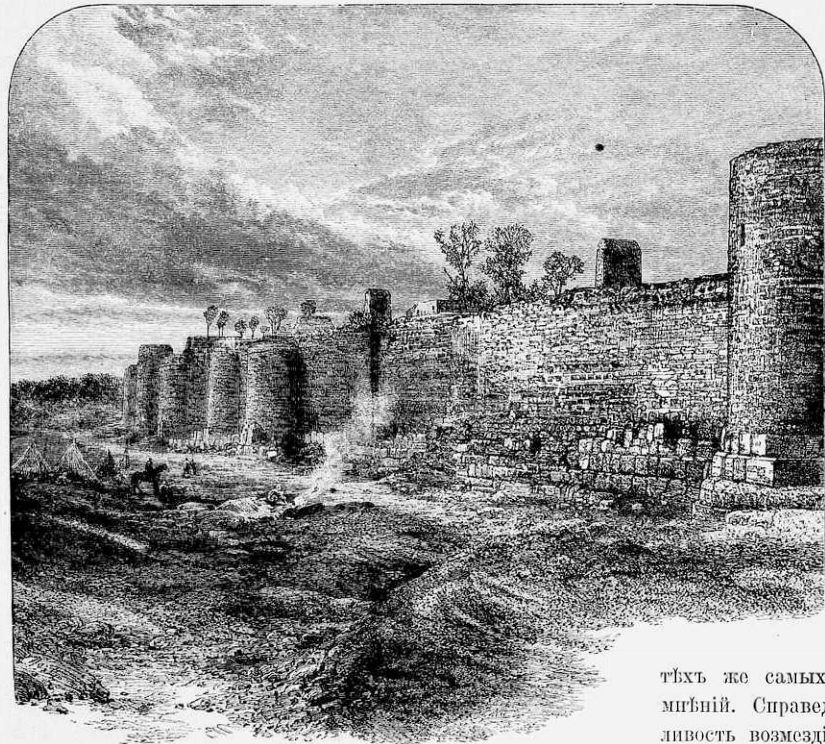
Такимъ образомъ всякій правитель синагоги, котораго Савлъ могъ поражать всѣмъ блескомъ высокой учености и всею нетерпимостью пламенной ревности, могъ съ удовольствіемъ видѣть и слушать человѣка, который уже не страшилъ его полномочіями синедріона, а самъ подлежалъ тѣмъ же самымъ

наказаніямъ, которыя не за долго предъ тѣмъ онъ готовъ былъ навлекать на другихъ.

И если бы Савлъ оказался только посредственнымъ полемистомъ, то спокойствіе іудейскаго самолюбія не было бы затронуто и онъ не возмущилъ бы застоявшагося потока ихъ законническаго самоудовлетворенія. Онъ не говорилъ объ излишествѣ обрѣзанія, ничего не говорилъ о временности храмоваго служенія или о замѣнѣ его болѣе духовнымъ богослуженіемъ. Онъ не выразилъ ни единого слова касательно обращенія къ язычникамъ. Предметомъ его проповѣди былъ «Иисусъ Сынъ Божій»³⁵⁸⁾. Сначала его проповѣдь не возбуждала особеннаго негодованія. Богомольцы синагогъ чувствовали только крайнее изумленіе³⁵⁹⁾, что это тотъ самый человѣкъ, который гналъ и истреблялъ въ Иерусалимѣ называвшихся «этимъ именемъ» (см. выше стр. 74) и который прибылъ въ Дамаскъ съ непремѣнною цѣлью вести ихъ связанными на судъ первосвященника. Но когда разъ нанесена серьезная рана самолюбію, терпимость рѣдко держится въ обществѣ. Тоже самое было и съ іудеями Дамаска. Они скоро поняли, что имѣли дѣло уже не просто съ Ананіей. Ап. Павелъ въ теченіе всей своей жизни имѣлъ несчастіе возжигать самую сильную вражду, потому что при всей примирительности и нѣжности своего темперамента онъ постоянно вносилъ въ свою аргументацію ту напряженность и прямоту, которыя возбуждаютъ дремлющее противодѣйствіе. Вялый полемистъ всегда встрѣтится съ вялою терпимостью. Но всякій полемистъ, честная убѣжденность котораго въ своемъ собственномъ ученіи дѣлаетъ его всецѣло преданнымъ ему, всегда долженъ рассчитывать на тяжелую жизнь, огорчаемую ненавистью и гнѣвомъ тѣхъ, кому онъ принужденъ внушать непріятное дѣло пересмотра своихъ собственныхъ убѣжденій. Никто не любитъ быть пробуждаемъ внезапно. Іудеи негодовали на человѣка, который нарушалъ глубокую дремоту ихъ ходячихъ убѣжденій. Ихъ довѣренные учителя не любили, чтобы ихъ тревожили въ ихъ непогрѣшимомъ невѣжествѣ. Они начали въ Дамаскѣ относиться къ Савлу съ тою дикою ненавистью, которая преслѣдовала его отсель до послѣдняго дня его жизни. На основаніи ихъ собственнаго писанія, при помощи ихъ собственныхъ методовъ толкованія, ихъ собственнымъ стилемъ діалектики, истолкованіемъ тѣхъ же самыхъ пророчествъ, значенія которыхъ они не оспаривали, онъ просто повергалъ ихъ въ смущеніе. Онъ могъ теперь пользоваться тѣми же самыми началами, противъ которыхъ онъ нашелъ невозможнымъ выстоять, слыша ихъ изъ устъ св. Стефана. Результатомъ всего этого было неотразимое доказательство, что наступалъ послѣдній вѣкъ въ земномъ промышленіи Божіемъ, что все старое исчезало и все становилось новымъ.

Если извѣстная аргументація непреодолима и однако же если слышащіе ее не хотятъ уступить ей, то она неизбежно возбуждаетъ ожесточенную ярость. Такъ было и съ іудеями. Прошло уже нѣсколько времени съ возвращенія Савла изъ Аравіи³⁶⁰⁾, и они не видѣли возможности избавиться

отъ этого опаснаго для нихъ противника. Поэтому они прибѣгли къ тому, что св. Іоаннъ Златоустъ называетъ «силлогизмъ насилія». Въ оправданіе этого они могли приводить по крайней мѣрѣ то (и какой горькій упрекъ могло возбудить такое оправданіе въ собственной совѣсти Савла!), что они поступали съ нимъ только такъ, какъ онъ самъ поступалъ со всѣми другими, кто держался

Стѣны Дамаска.

собственнымъ устамъ ту отравленную чашу нетерпимости, которую онъ заставлялъ пить другихъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ этотъ періодъ апостолъ подвергся одному и быть можетъ даже болѣе чѣмъ одному изъ тѣхъ пяти іудейскихъ бичеваній, которыя онъ, по его разсказу Коринѣянамъ, потерпѣлъ отъ рукъ іудеевъ: потому что едва ли вѣроятно, чтобы они сразу же прибѣгли къ болѣе сильнымъ мѣрамъ, а бичеваніе могло слу-

тѣхъ же самыхъ мѣръ. Справедливость возмездія такимъ образомъ подносила къ его

жить ему предостереженіемъ, что послѣдуетъ еще нѣчто худшее. Въ дѣйствительности немного имѣется болѣе поразительныхъ доказательствъ той тяжести, которую апостолъ такъ весело, можно сказать даже съ такою радостью, сносилъ въ теченіе своей жизни, чѣмъ то обстоятельство, что въ своей собственной біографіи о всѣхъ этихъ пяти бичеваніяхъ, не смотря на всю ихъ ужасность, онъ упоминаетъ лишь мелькомъ, и что въ своихъ посланіяхъ онъ лишь случайно намекаетъ на нихъ среди еще болѣе невыносимыхъ мученій ³⁶¹).

Но изъ примѣра апостоловъ въ Іерусалимѣ мы знаемъ, что никакія такія страданія или опасности не могли прекратить его проповѣдничества. Подобно имъ, въ такомъ безчестіи онъ видѣлъ честь. Наконецъ іудеи, до невозможности возмущенные челоѣкомъ, котораго они ненавидѣли какъ отступника, и котораго не могли даже презирать какъ еретика, составили тайный заговоръ съ цѣлю убить его ³⁶²). Объ этомъ заговорѣ дано было знать Савлу и онъ сталъ остерегаться его. Тогда іудеи прибѣгли къ болѣе сильнымъ и болѣе открытымъ мѣрамъ. Они днемъ и ночью сторожили у городскихъ воротъ для того, чтобы лишить его возможности побѣга. Въ этомъ дѣлѣ имъ помогали и правитель области, который давалъ имъ возможность такой охраны. Правитель этотъ былъ или арабскій намѣстникъ Ареты, или главный начальникъ самихъ іудеевъ ³⁶³), который легко могъ имѣть такую власть при дружественномъ князѣ.

Такимъ образомъ Савлу грозила опасность погибели при самомъ началѣ его дѣятельности. Но этому не надлежало быть. Ученики «взяли Савла» ³⁶⁴) (другое изъ тѣхъ выраженій, которыя повидимому показываютъ, что онъ крайне нуждался въ помощи) и, посадивъ его въ большую корзину ³⁶⁵), спустили его внизъ чрезъ окно дома, прилежавшаго къ стѣнѣ ³⁶⁶). Для этого они быть можетъ выбрали благоприятный моментъ, когда патруль прошелъ и не успѣлъ еще возвратиться опять. Во всякомъ случаѣ побѣгъ этотъ былъ крайне унижительною и быть можетъ это униженіе или даже быть можетъ то, что оно совершилось среди раннихъ опасностей, которымъ онъ подвергался, такъ неизгладимо напечатлѣлось въ душѣ ап. Павла. Почти двадцать лѣтъ спустя онъ съ особенною выразительностью упоминаетъ о немъ въ посланіи къ Коринѣянамъ, и это послѣ многихъ другихъ мукъ и крайне опасныхъ побѣговъ, которые намъ могли бы показаться гораздо болѣе страшными ³⁶⁷).

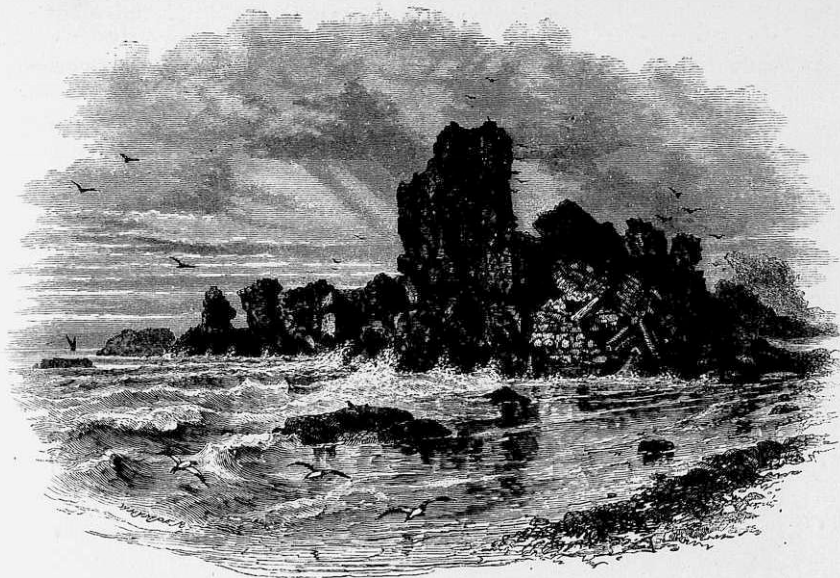
Здѣсь, такимъ образомъ, позоромъ и опасностью заключилась первая страница бурной и тяжелой дѣятельности Павла. Какъ онъ достигъ Іерусалима, это можетъ быть только предметомъ гаданія. Несомнѣнно, что когда онъ темною ночью пробирался одинъ, особенно когда онъ проходилъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ плѣнилъ его Христосъ, и въ одинъ мигъ его жизни сосредоточилъ всю вѣчность, — его сердце было переполнено думами, которыя слишкомъ глубоки для выраженія въ словахъ. Изъ выраженія, которое онъ употребляетъ въ своей рѣчи къ Агриппѣ, иные выводятъ, что онъ быть можетъ проповѣдывалъ во многихъ

синагогахъ въ тѣ дни, которые проведены были въ путешествіи въ Іерусалимъ (Дѣян. xxvi, 20); но это повидимому противорѣчитъ его собственному заявленію, что «церквамъ Христовымъ во Іудеѣ лично онъ былъ неизвѣстенъ» (Гал. i, 22). Не невѣроятно однако же, что онъ могъ иногда останавливаться въ гостинницахъ, которыя бывали при іудейскихъ синагогахъ, и если такъ, то онъ могъ проповѣдывать первыя истины Евангелія іудеямъ, не входя въ тѣсное соприкосновеніе съ христіанскими общинами.

Во всякомъ случаѣ путешествіе его не могло быть продолжительно, такъ какъ онъ говорить, что главною цѣлью его было посѣщеніе ап. Петра, признаніе со стороны котораго было бы драгоцѣнно для него, помимо той помощи и того просвѣщенія, которое онъ несомнѣнно могъ получить отъ бесѣды съ апостоломъ, долго жившимъ въ ближайшемъ общеніи со Христомъ.

Древняя капитель изъ Іерусалима.

Развалины Кесаріи.

ГЛАВА XIII.

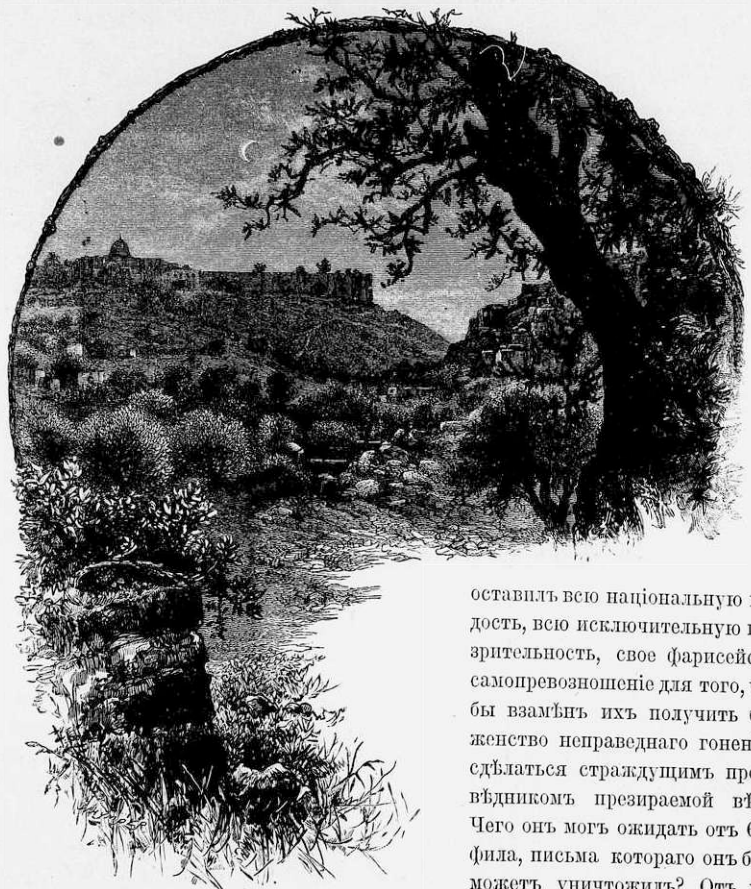
ВОЗВРАЩЕНІЕ САВЛА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Самъ Павелъ, поверженный и наставленный голосомъ небеснымъ, посланъ былъ къ человѣку, чтобы принять отъ него таинства. Бл. Августинъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ въ Іерусалимъ должно было стоить не малыхъ усилій будущему апостолу. Какъ мучительно должны были быть угрызенія его совѣсти, когда онъ приближался къ мѣсту, гдѣ онъ видѣлъ трупъ св. Стефана лежащимъ подъ грудой побившихъ его камней! Съ какимъ страшнымъ интересомъ долженъ былъ онъ теперь смотрѣть на мѣсто распятія и на то мѣсто, гдѣ лежалъ въ садовомъ гробу Тотъ, который теперь воскресъ и былъ прославленъ! Въ какомъ ужасномъ смущеніи должно было найдти чувство вслѣдствіе крайней перемѣны его теперешнихъ отношеній къ священникамъ, вѣру которыхъ онъ оставилъ, и къ христіанамъ, Евангеліе которыхъ онъ принялъ! Онъ оставилъ Іерусалимъ раввиномъ, фарисеемъ, фанатическимъ защитникомъ устнаго закона; онъ входилъ въ него человѣкомъ, который отвер-

галь значеніе подзаконной праведности, который вполнѣ презиралъ жалкіе останки іудейскаго преданія. Высокомѣрный человекъ сдѣлался невыразимо смиреннымъ; дикій гонитель—невыразимо нѣжнымъ; самодовольный раввинъ въ одинъ мигъ

За стѣнами Іерусалима.

старыхъ товарищей по аудиторіи Гамаліила, видѣвшихъ въ Савлѣ Тарсѣйскомъ человека, который по своей учености былъ гордостью школы Гиллелиа и по своей ревности соперникомъ школы Шаммаи? Какъ отнесутся къ нему эти друзья его

юности, эти учителя и товарищи его жизни, послѣ того какъ онъ, провозглашая свою систему, свою ученость, свое убѣжденіе, всю свою жизнь, а потому и ихъ, неисправимымъ заблужденіемъ,—сдѣлался открытымъ приверженцемъ маленькой общины, которую онъ нѣкогда гналъ и истреблялъ?

Но среди естественныхъ опасеній, которыми онъ не могъ не волноваться, заглядывая въ будущее, онъ несомнѣнно могъ утѣшать себя мыслью, что онъ найдетъ братскій привѣтъ среди тѣхъ мирныхъ и благородныхъ людей, о вѣрѣ которыхъ онъ зналъ и любви которыхъ другъ къ другу онъ завидовалъ, когда даже еще ненавидѣлъ ихъ. Какимъ блаженствомъ было бы для него участіе въ этомъ мірѣ, который онъ нѣкогда старался разрушить; внушеніе другимъ тѣхъ доводовъ, которые убѣждающимъ образомъ дѣйствовали на его собственную душу, даже когда онъ еще отчаянно противодѣйствовалъ имъ! Какъ пріятно было бы услышать изъ священныхъ и благородныхъ устъ слово о Томъ, Кого онъ нѣкогда хулил! Савлъ конечно могъ думать, что любовь, благородство, радость его новыхъ собратій болѣе чѣмъ вознаграждать его за то вліяніе и почетъ, которые онъ добровольно оставилъ, и что пользованіе съ ними высокими плодами духа—любовью, радостью, миромъ, долготерпѣніемъ, нѣжностью, добротой, вѣрою, смирениемъ, умѣренностью—будетъ блаженствомъ, ради котораго онъ могъ оставить весь міръ. Неудивительно поэтому, что онъ «старался пристать къ ученикамъ» (Дѣян. ix, 26). Его знакомство съ человѣческой природой, правда, могло предупредить его, что «довѣріе лишь медленно растетъ», что такой пріемъ, котораго онъ желалъ, былъ едва ли возможенъ для него. Быть можетъ онъ слишкомъ много рассчитывалъ на перемѣну, произведенную въ человѣческомъ расположеніи благодатію Божіей.

Но, увы! его ожидало новое испытаніе. Ап. Петръ, правда, котораго ему особенно хотѣлось видѣть, сразу принялъ его съ обычнымъ великодушіемъ порывистаго сердца и, будучи женатымъ человекомъ, безъ замедленія предложилъ ему гостепріимство (Гал. i, 18); но на первыхъ порахъ этимъ и ограничилось все. Что Петръ раньше другихъ собратій поднялся выше духа подозрительности, это не могло не говорить въ пользу его личнаго величія и доброты и совершенно согласно съ тѣмъ естественнымъ благородствомъ, котораго мы вправѣ ожидать въ человѣкѣ, котораго любилъ и благословлялъ самъ Христосъ. Въ это время онъ былъ вождемъ церкви въ Іерусалимѣ. Находясь въ такомъ положеніи, онъ не бѣжалъ съ другими при приближеніи бури. Онъ долженъ былъ знать, что у ногъ этого молодого фарисея лежали одежды убійцы св. Стефана. Онъ навѣрно боялся его, быть можетъ даже скрывался отъ него, когда онъ вторгался въ дома христіанъ. Мало того, сердце Петра вѣроятно поражалось скорбью, когда онъ видѣлъ, какъ его маленькая церковь избивалась, разгонялась и истреблялась, и любвеобильная община, вѣра которой была такъ свѣтла, восторгъ такъ заразителенъ, взаимная любовь такъ нѣжна и чиста, немилосердно разрушалась безжалостнымъ гонителемъ.

ствомъ «ученика школь». Тѣмъ не менѣе съ несомнѣвающимся прямою свѣтлою натуры, съ тою духовною пронизательностью, посредствомъ которой божественная любовь не только замѣчаетъ дѣйствительное достоинство, но даже создаетъ его тамъ, гдѣ оно раньше не существовало, — Петръ открываетъ свои двери тому, кого болѣе низкій челоуѣкъ могъ бы совсѣмъ отвергнуть какъ коварнохитцаго волка среди стадъ.

Но изъ другихъ вождей церкви, если только кто нибудь изъ нихъ былъ въ это время въ Иерусалимѣ, никто еще не приближался къ новому обращенцу, никто не рѣшался побесѣдовать съ нимъ. Его повсюду встрѣчали холодными недоувѣрчивыми взглядами. Въ одинъ мигъ онъ потерялъ всѣхъ своихъ старыхъ друзей и казалось вѣроятнымъ, что онъ не приобрететъ на мѣсто ихъ новыхъ. Христiane, смотря на него съ ужасомъ и недоувѣріемъ, не вѣрили, чтобы онъ былъ ученикомъ Христа ³⁶⁸). Они бытъ можетъ слышали объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его обращеніе, но эти обстоятельства случились три года передъ тѣмъ. Извѣстія о его недавней проповѣди и недавней опасности въ Дамаскѣ вѣроятно еще не достигли до нихъ; но даже если и такъ, то они казались столь странными, что имъ простительно было смотрѣть съ сомнѣніемъ на гонителя, обратившагося въ собрата, — даже просто изъ боязни, чтобы подъ мнимымъ обращеніемъ не оказалась только хитрость Савла съ цѣлью узнать ихъ тайны и накрыть ихъ для довершенія ихъ окончательной гибели. И такимъ образомъ его сношенія съ христianeами на первыхъ порахъ въ церкви іерусалимской почти ограничились его приѣмомъ въ домѣ Петра. «Другаго же изъ апостоловъ не видѣлъ я никого», — пишетъ онъ къ Галатамъ, «кромя Іакова брата Господня». Но хотя онъ и *видѣлъ* Іакова, онъ повидимому имѣлъ мало общенія съ нимъ. Все, что мы знаемъ о первомъ епископѣ іерусалимскомъ, показываетъ, что характеры этихъ двухъ людей были чрезвычайно различны — почти до непримиримой противоположности. Даже съ самимъ Господомъ, какъ ясно показываютъ изреченія евангелія (Мат. хп, 46; Марк. ш, 31; Лук. ви, 19; Иоан. ви, 5), старшій изъ Его братьевъ повидимому въ теченіе всей Его земной жизни имѣлъ мало общенія. Правда, онъ принималъ Его мессіанское достоинство, но принималъ только въ іудейскомъ смыслѣ и былъ недоволенъ тѣмъ, что въ Его жизни было наиболѣе божественнаго. Если преданіе вѣрно изображаетъ его какъ законника, назорца, почти есеея, проводящаго всю свою жизнь въ молитвѣ въ храмѣ, то именно его преданность Моисееву закону, едва измѣненная лишь совнѣ его обращеніемъ къ христianeству, и приобрѣла ему даже отъ іудеевъ названіе «праведнаго». Если онъ, какъ можно думать, былъ авторъ извѣстнаго подъ его именемъ посланія, то мы видимъ, какъ мало еще его духовная жизнь была проникнута тою великою истиной, которая для ап. Павла была самымъ дыханіемъ и жизнью христianeства. Въ этомъ посланіи мы находимъ суровую и возвышенную нравственность, которая ставитъ его безконечно выше грубаго упрека въ томъ,

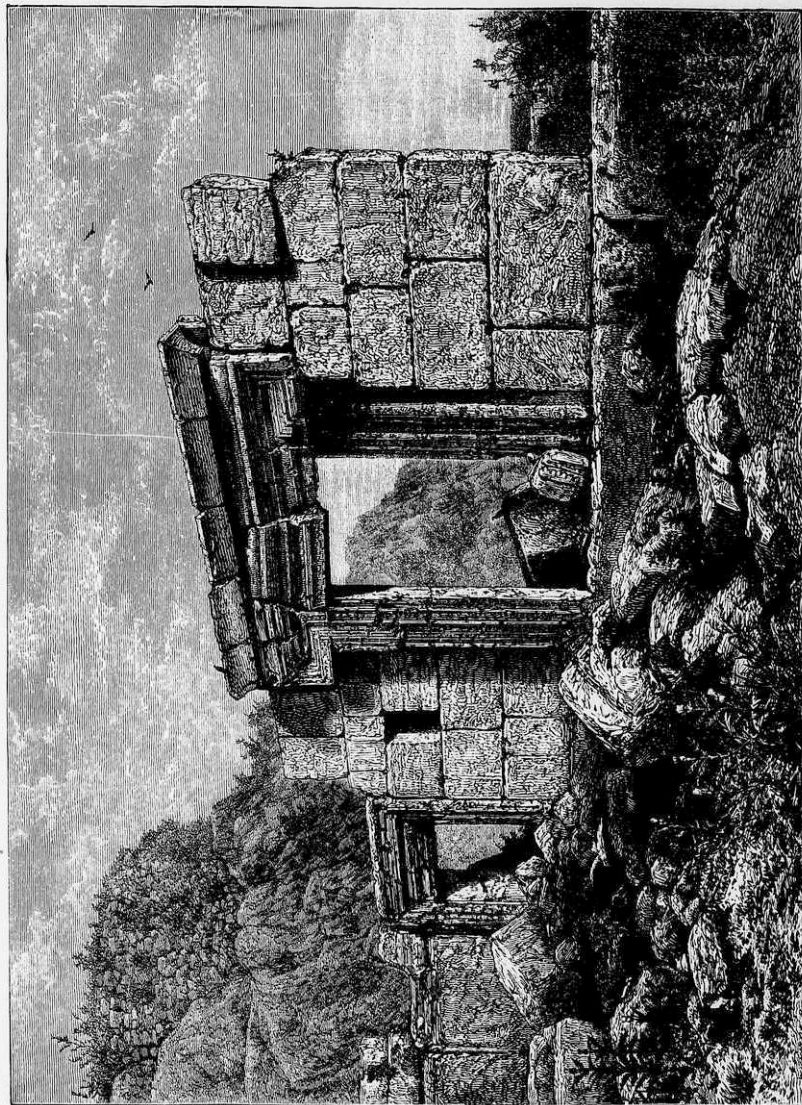
что это «просто соломенное посланіе» ³⁶⁹); но тѣмъ не менѣе мы не находимъ въ немъ ни одного прямого слова касательно воплощенія, или распятія, или искупленія, или оправданія вѣрою, или освященія духомъ, или воскресенія изъ мертвыхъ. Мнѣніе, что оно написано было въ противовѣсъ или ученію ап. Павла, или опаснымъ слѣдствіямъ, которые иногда могли вытекать изъ этого ученія, въ высшей степени сомнительно; и все, что мы можемъ сказать объ этомъ предположеніи, это — то, что оно по крайней мѣрѣ не такъ чудовищно, какъ измышленное нѣмецкими богословами, по которому будто бы ап. Павелъ и его послѣдователи съ негодованіемъ, хотя и прикровенно, поносятся подъ видомъ Валаама и Іезавели церковью Пергама и Фіатирѣ (Откр. п, 20), николаитовъ церковью Ефесской (Откр. п, 6) и «сатанинскаго сборища изъ тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что они Іудеи, но не суть таковы, а лгутъ» — въ церкви филаделфійской (Откр. ш, 9). И однако же при совмѣстномъ чтеніи посланія Іакова съ любымъ посланіемъ ап. Павла нельзя не замѣтить большаго различія между друма апостолами. Св. Іаковъ былъ челоуѣкъ замѣчательно непоколебимый; ап. Павелъ умѣлъ во время уступать, но онъ менѣе всего склоненъ былъ уступать въ тѣхъ именно пунктахъ, которые болѣе всего возбуждали сочувствіе Іакова. То, что мы знаемъ объ ап. Петрѣ, вполне согласно съ тою доброю готовностью, съ которою онъ принималъ подозрѣваемаго и лишеннаго друзей еллиниста. То, что мы знаемъ объ Іаковѣ, заставляетъ насъ напередъ предполагать, что его отношенія къ Павлу никогда не могли имѣть болѣе чѣмъ формальнаго характера, который они и носятъ въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ и еще болѣе въ посланіи къ Галатамъ. Но то обстоятельство, что между ап. Павломъ и ап. Іаковомъ было мало видимаго сочувствія и взаимообщенія и что они останавливаются на видимо противоположныхъ сторонахъ истины, отнюдь не даетъ намъ права неодобрительно относиться къ тому или другому. Различія, повидимому возникающія изъ анализа истины въ отдѣльныхъ умахъ, сливаются въ общности болѣе широкаго синтеза. Когда ап. Павелъ учитъ, что мы «оправдываемся вѣрою», онъ проповѣдуетъ безконечно великую истину; но въ то же время и ап. Іаковъ проповѣдуетъ драгоценную истину, когда онъ съ различнымъ оттѣнкомъ значенія въ обоихъ словахъ говоритъ, что «челоуѣкъ оправдается дѣлами» ³⁷⁰). Истины, которыя было поручено проповѣдывать этимъ двумъ великимъ апостоламъ, восполняли и дополняли одна другую, а не противорѣчили между собою. Мы наслѣдовали обоѣ стороны этой великой истины.

Челоуѣкомъ, который вывелъ новаго обращенца изъ этой тяжелой отчужденности, той изолированности, которая въ это время могла бы быть для него еще вдвое мучительнѣе, — былъ мудрый и великодушный Іосифъ. О немъ уже упоминалось въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ какъ о кипрскомъ левиѣ, который, не смотря на предразсудки своего сословія, однимъ изъ первыхъ присоединился къ новой общинѣ и освятить ея благочестивое общеніе имѣній продажою своего собственнаго имущества. Достоинство и любвеобильность его характера, не менѣе какъ

принесенные имъ жертвы, дали ему заслуженное высокое положеніе среди преслѣдуемыхъ собратій; а та сила, съ которою онъ проповѣдывалъ вѣру, приобрѣла ему названіе Варнавы или «сына увѣщанія» ³⁷¹). Его тѣсныя отношенія съ ап. Павломъ въ послѣдующее время, его путешествіе въ Тарсъ изъ Антиохіи для оказанія ему помощи, и единство ихъ цѣлей до печальной размолвки, окончательно раздѣлившей ихъ, могли бы одни сдѣлать вѣроятнымъ, что они знали другъ друга еще въ этотъ ранній періодъ жизни, въ теченіе котораго по большей части завязывается тѣснѣйшая дружба. Преданіе утверждаетъ, что Іосифъ былъ ученикомъ Гамалиила, и тоже самое чувство, которое заставило его пристать къ школѣ, особенностью которой было между прочимъ позволеніе изученія «греческой мудрости», — могло также еще раньше заставить его отплыть съ Кипра, чтобы видѣть, чему можно было научиться въ академіи Тарса. Если такъ, то онъ естественно могъ придти въ соприкосновеніе съ семействомъ Савла, и такимъ образомъ началась дружба, которая продолжалась и въ Иерусалимѣ. Она нарушена была обращеніемъ Варнавы, но теперь возобновилась вслѣдствіе обращенія Савла.

Быть можетъ также этой именно дружбѣ Савлъ былъ обязанъ своимъ допущеніемъ въ качествѣ гостя въ домъ ап. Петра. Между Варнавою и Петромъ была тѣсная связь благодаря личности Марка, который былъ племянникомъ Варнавы (Кол. iv, 10) и котораго Петръ любилъ такъ нѣжно, что называетъ его своимъ сыномъ. Самый домъ, въ которомъ жилъ Петръ, могъ быть домомъ Маріи, матери Марка. Едва ли вѣроятно, чтобы бѣдный рыбакъ галилейскій имѣлъ собственный домъ въ святомъ городѣ. Во всякомъ случаѣ Петръ отправляется въ этотъ домъ немедленно послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы, и если онъ жилъ въ немъ, то отношеніе Варнавы къ его владѣльцѣ давало ему нѣкоторое право просить гостепріимства для Савла. Какъ ни великодушнъ былъ Петръ, отъ него требовалась почти нечеловѣческая степень довѣрія, чтобы сразу же принять подъ свой кровъ человѣка, который прибѣгалъ ко всякимъ насиліямъ, чтобы искоренить церковь Христову. Но если такой высокопочитаемый человѣкъ, какъ Варнава, готовъ былъ ручаться за него, то конечно Петръ былъ не такимъ человѣкомъ, который могъ бы холодно отнестись къ нему. Такимъ образомъ и случилось, что первый доступъ въ среду тѣхъ, кого гналъ раньше Савлъ, онъ получилъ благодаря высокому покровительству величайшаго изъ двѣнадцати апостоловъ.

Воображеніе тщетно старается проникнуть за завѣсу 2,000 лѣтъ, отдѣляющую насъ отъ взаимообщенія этихъ двухъ апостоловъ. Варнава, какъ можно быть увѣреннымъ, часто присутствовалъ въ этомъ маленькомъ кружкѣ и велъ много глубоководныхъ бесѣдъ съ своимъ прежнимъ другомъ. Марія, мать Марка, также могла поразсказать кое-что ³⁷²). Маркъ могъ быть личнымъ свидѣтелемъ болѣе чѣмъ одной трогательной сцены. Но какъ безпредѣльно было богатство духовной мудрости, которое раскрывалъ ап. Петръ! Не ясно-ли, что изъ его именно устъ ап. Павелъ слышалъ о событіяхъ ранняго служенія Иисуса въ теченіе

Портикъ синагоги въ Мейронѣ.
(Съ позволенія, изъ «Memoirs of the Palestine Exploration Fund»)

галилейского года, о воскресении дочери Таира, о преображении, о бесѣдѣ въ синагогѣ капернаумской и о страшныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ день распятія? И не естественно-ли предполагать, что такой слушатель — столь высоко образованный и въ необычайной степени озаренный Святымъ Духомъ Божиимъ — съ твердостью воспринялъ многія изъ словъ Спасителя и въ самую глубину ихъ значенія проникъ съ тою тонкою прозорливостью, отъ которой въ свою очередь и ап. Петръ могъ многому научиться?

Только тупое воображеніе не остановится хотя на моментъ на тѣхъ немногихъ дняхъ, которые два такихъ человѣка провели въ интимныхъ бесѣдахъ въ безвѣстномъ домѣ города Іерусалима. Но какъ ни плодотворна была ихъ бесѣда, она однако же не сразу обезпечила новому ученику доступъ къ братьямъ, бѣдность и гонимость которыхъ онъ пришелъ раздѣлить. Тогда-то именно и выступилъ Варнава и спасъ Савла для дѣла церкви. Тоже самое умѣнье распознавать характеръ, таже самая любвеобильная прозорливость, которая впоследствии дала ему возможность найти въ Маркѣ достойнаго спутника въ ихъ второмъ путешествіи, несмотря на его первую неудачу, теперь заставили его безъ замедленія высказаться въ пользу искренности Савла. Взявъ его за руку, онъ привелъ его къ апостоламъ [какое названіе здѣсь прилагается къ Петру ³⁷³], Іакову, брату Господню ³⁷⁴ и старѣйшинамъ собранной церкви] и тамъ разсказалъ имъ всѣ обстоятельства, о которыхъ они или не слыхали, или въ истинѣ которыхъ еще не были увѣрены. Онъ говорилъ имъ о видѣніи на дорогѣ въ Дамаскъ и о той безобязанности, съ которою Савлъ доказалъ свою искренность въ томъ самомъ городѣ, куда онъ шелъ съ враждебными намѣреніями. Слова Варнавы оказали свое дѣйствіе и его собственное довѣріе сообщилося и другимъ. Савлъ былъ допущенъ въ среду христіанъ и «пребывалъ онъ съ ними входя и исходя» (Дѣян. ix, 28). Какъ при этомъ, такъ и при послѣдующихъ случаяхъ, апостолъ много былъ обязанъ великодушію и проницательности Іосифа Кипрскаго. Ближе всего къ человѣку, который совершаетъ величайшія и наиболѣе благодѣтельные дѣла, стоитъ тотъ, кто самъ, быть можетъ будучи совсѣмъ неспособенъ къ высокому дѣлу, однако же первый оказываетъ помощь и ободреніе гению другихъ. Мы часто дѣлаемъ больше добра своимъ сочувствіемъ, чѣмъ своимъ трудомъ, и оказываемъ міру болѣе услуги отсутствіемъ ревности и признаніемъ заслуги, чѣмъ сколько могли бы оказать напряженными усиліями личнаго честолюбія.

Какъ только Савлъ былъ признанъ христіанами въ качествѣ собрата, онъ возобновилъ свою дѣятельность, начатую въ Дамаскѣ. Замѣчательно однако же, что онъ не осмѣлился проповѣдывать христіанамъ изъ евреевъ. Онъ посѣщалъ синагоги еллинистовъ, въ которыхъ впервые раздался голосъ св. Стефана, и проповѣдывалъ тамъ съ неменѣе значительною энергіею. На немъ лежала обязанность, хотя и требовавшая не мало мужества, чтобы голосъ его во имя Господа Іисуса

раздался въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прежде разражался богохульствомъ противъ Него. Но это самое обстоятельство увеличивало и его опасность. Проповѣдничество его опять было прервано заговоромъ убить его ³⁷⁵).

Безполезно поэтому было продолжать проповѣдь въ томъ мѣстѣ, пребываніе въ которомъ грозило вѣрною смертію. Галилейская община прознала объ этомъ заговорѣ. Нужно отдать справедливость іудеямъ, что они выказывали мало искусства въ держаніи этихъ кровавыхъ замысловъ въ секретѣ. Церкви естественно не только желала спасти жизнь Савла, но и избѣжать опасности новаго взрыва ненависти. Однако же не безъ борьбы и только послѣ яснаго внушенія, что такова воля Божія, Савлъ уступилъ настоянію своихъ собратьевъ. Какъ тяжело отозвалось на немъ это принудительное бѣгство, можно видѣть изъ той горечи, съ которою онъ говоритъ о немъ ³⁷⁶) даже по истеченіи многихъ лѣтъ. Едва онъ провелъ недѣли двѣ въ Іерусалимѣ, какъ напряженность его молитвъ и чувствъ закончилась видѣніемъ (Дѣян. xxi, 17), въ которомъ онъ опять видѣлъ божественное лицо и слышалъ божественный голосъ, остановившій его безумное движеніе къ воротамъ Дамаска. «Поспѣши и выйди скорѣе изъ Іерусалима,—сказалъ ему Іисусъ,—потому что здѣсь не примутъ твоего свидѣтельства обо Мнѣ». Но Савлу показалось невѣроятнымъ, чтобы могли противостоять его свидѣтельству. Если видѣніе воскресшаго Христа, благодаря которому онъ обратился, было доводомъ, который, по самой сущности дѣла, не могъ быть самъ по себѣ убѣдительнымъ для другихъ, то Савлу всетаки казалось, что, узнавъ его умственную силу и сопоставивъ его теперешнюю преданность христіанству съ его прежнимъ гонительствомъ на него, іудеи не могли не слушать такого учителя, какъ онъ. Онъ старался также загладить, насколько отъ него зависѣло, тѣ бѣдствія и ужасы, которые были имъ совершены въ прошломъ; но какъ ни глубоки были его желанія въ этомъ отношеніи, какъ ни пылки были его надежды, божественный голосъ кратко и повелительно сказалъ ему: «иди, Я пошлю тебя далеко къ язычникамъ» ³⁷⁷).

Все противоудѣйствіе теперь исчезло; и мы можемъ теперь видѣть то, что въ то время было крайне темнымъ и таинственнымъ для самого ап. Павла, именно, что холодность, съ которою онъ былъ принятъ въ Іерусалимѣ, и полуочевидное желаніе ускорить его уходъ,—событіе, столь чуждое его собственнымъ планамъ и желаніямъ, что онъ даже противоудѣйствуетъ божественному голосу, принуждавшему его къ тому,—входила отчасти въ глубокой планъ провидѣнія. Годы спустя, когда ап. Павелъ «стоялъ на высокомъ эшафотѣ послѣдняго позора», онъ могъ въ одной изъ своихъ сильнѣйшихъ рѣчей ссылаться на краткость своего пребыванія въ Іерусалимѣ и на малочисленность лицъ, съ которыми онъ входилъ въ общеніе, въ доказательство того, что онъ не отъ церкви іерусалимской получилъ свои полномочія и не апостоламъ въ Іерусалимѣ обязанъ былъ преданностью церкви. Но хотя онъ теперь еще не предвидѣлъ этого, однако же онъ усту-

пилъ внушеніямъ своихъ собратій, и едва прошло двѣ недѣли со времени его прибытія, они проводили его въ прибрежный городъ Кесарію Стратонову³⁷⁸⁾, откуда онъ могъ отправиться въ свой родной Тарсъ. О его движеніяхъ при этомъ случаѣ мы ничего болѣе не слышимъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ; но въ посланіи къ Галатамъ онъ говоритъ, что онъ прибылъ въ страны Сиріи и Киликіи, но оставался совершенно чуждымъ церквамъ Іудей бывшимъ во Христѣ, такъ какъ все, что они слышали о немъ, ограничивалось слухами, что ихъ прежній гонитель былъ теперь благовѣстникомъ той самой вѣры, которой онъ нѣкогда былъ разрушителемъ,—слухи, которые дали имъ поводъ прославить въ немъ Бога³⁷⁹⁾.

Такъ какъ мы затѣмъ находимъ его въ Тарсѣ, то можно бы предполагать, что онъ прямо отплылъ туда и остался тамъ. Однако же выраженіе, что онъ «отшелъ» въ страны Сиріи и Киликіи, повидимому показываетъ, что дѣло было не такъ³⁸⁰⁾. Сирія и Киликія въ это время были политически раздѣлены между собою, и есть мѣсто для предположенія, что корабль, на которомъ отплылъ апостолъ, направлялся не въ Тарсъ, а въ Тиръ или Сидонъ или Селевкию, портъ Антиохійскій. Существованіе друзей и учениковъ Савла въ финикійскихъ городахъ и церквахъ, какъ Сиріи, такъ и Киликіи (Дѣян. xxi, 2; xxvii, 3; xv, 23, 41), указываетъ, хотя только и съ неясною опредѣленностью, на возможность того, что онъ совершилъ часть своего путешествія въ Тарсъ сушей и проповѣдывалъ по пути. Даже нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи³⁸¹⁾, что направленіе его могло опредѣлиться однимъ изъ тѣхъ кораблекрушеній, которымъ, по его словамъ, онъ подвергался. Но объ обстоятельствахъ этихъ трехъ кораблекрушеній можно только гадать. Они случились въ теченіе того періода, когда св. Лука не былъ спутникомъ ап. Павла и онъ считалъ достаточнымъ дать изъ своего собственнаго журнала живописное повѣствованіе лишь о той послѣдней катастрофѣ, опасности которой онъ раздѣлялъ. Дѣятельность въ Сиріи и Киликіи быть можетъ заняла періодъ между отправленіемъ Савла въ Тарсъ и призывомъ его на новое поприще труда въ Антиохіи Сирійской. Въ теченіе этого времени онъ быть можетъ склонилъ къ вѣрѣ нѣкоторыхъ изъ членовъ своего собственнаго семейства и, быть можетъ, пользовался обществомъ другихъ, которые раньше его увѣровали въ Христа. Но все это не можетъ быть доказано съ достовѣрностью и мы не имѣемъ возможности съ вѣрою возстановить событія періода, о которомъ даже преданія забыты были въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Во всякомъ случаѣ пребываніе Савла въ Тарсѣ было главнымъ образомъ періодомъ ожиданія и приготовленія, лѣтописъ которыхъ не имѣетъ большаго значенія въ исторіи христіанской церкви. Нивы, на которыхъ ему надлежало жать, теперь еще желтѣли для жатвы; руки жнеца укрѣплялись и сердце его приготовлялось къ труду.

ГЛАВА XIV.

ИМПЕРАТОРЪ КАЙ И ІУДЕИ. — МИРЪ ЦЕРКВИ.

Разсказывать объ остальномъ значило бы разсказывать о чудовищѣ. Светоній о Калигулѣ.

СЛѢДЪ за поспѣшнымъ бѣгствомъ Савла изъ Іерусалима, св. Лука прибавляетъ: «церкви же по всей Іудеѣ, Галилеѣ и Самаріи были въ покоѣ, назидаясь и ходя въ страхѣ Господнемъ; и при утѣшеніи отъ Св. Духа умножались»³⁸²⁾. На первый взглядъ могло бы почти казаться, какъ будто этотъ внутренній миръ, содѣйствовавшій столь счастливому возрастанію, связывался въ умѣ писателя съ отсутствіемъ того, обращеніе котораго возбудило бѣшенство въ выдающихся противникахъ церкви. Однако же этотъ оборотъ выраженія просто означаетъ то, что авторъ возвратился къ прерванной нити своего повѣствованія. Отсутствіе гонительства, содѣйствовавшаго благосостоянію вѣры, достаточно объясняется тѣми событіями, которыя тогда совершались въ языческомъ мірѣ. Перерывъ въ лѣтописи дѣятельности апостола даетъ намъ возможность также остановиться для того, чтобы сдѣлать обзоръ столкновеній іудейской и языческой жизни, какъ они выразились въ то время въ выдающихся событіяхъ. Едва ли нужно говорить, что такой обзоръ имѣетъ прямое отношеніе ко времени, слѣдовавшему за Христомъ, и къ дѣлу Его великаго апостола.

Множество данныхъ показываютъ, что Савлъ былъ обращенъ въ началѣ 37 года по Рожд. Хр., а его краткое пребываніе въ Іерусалимѣ поэтому было въ 39 году. Но вотъ въ мартѣ 37 года императоръ Тиверій умеръ, и Кай, — прозвище котораго Калигула или «сапожекъ», данное ему въ дѣтствѣ солдатами его отца, Германика, вытѣснило его собственное имя, — наслѣдовалъ

владычество надъ міромъ. Какъ ни жестокъ былъ деспотизмъ Тиверіа, онъ распространялъ на религію іудеевъ ту презрительную терпимость, которая была признаннымъ началомъ римской политики. Когда Пилать распалилъ ихъ фанатизмъ вывѣскою повелѣнныхъ щитовъ въ своемъ дворцѣ въ Іерусалимѣ³⁸³), Тиверій, вслѣдствіе сдѣланнаго къ нему обращенія, укорилъ услужливость своего прокуратора и повелѣлъ ему удалить щиты въ Кесарію. Правда, что онъ позволилъ выслать 4000 іудеевъ изъ Рима въ Сардинію и съ безпощадною жестокостію наказывалъ тѣхъ, которые, изъ боязни нарушить Моисеевъ законъ, отказывались отъ военной службы³⁸⁴); эта суровость однако же не вытекала изъ какой либо враждебности къ самому народу, а только завистію отъ негодованія на намѣренное лицемеріе, которое, подъ предлогомъ прозелитства, склонило Фульвію, благородную римскую даму, къ іудейской религіи, и къ тому омерзительному мошенничеству, съ которымъ ея учитель съ своими сотоварищами присвоили себѣ подарки изъ золота и пурпура, вѣренныя имъ ею въ качествѣ приношенія на храмъ іерусалимскій. Но даже и это не мѣшало ему покровительствовать іудеямъ, насколько возможно, въ ихъ собственной странѣ; и когда Вителлій, легатъ сирійскій, пришелъ къ убѣжденію, что навѣрно существуютъ дѣйствительныя причины для жалобъ, которыя поднимались противъ прокуратора во всѣхъ трехъ частяхъ его области, то Пилать, который былъ вызванъ въ Римъ къ отвѣту за свои злоупотребленія, вѣроятно получилъ бы строгій выговоръ отъ престарѣлаго императора. Но прежде чѣмъ Пилать прибылъ, Тиверій окончилъ свою долгую, разочарованную, преступную и мрачную жизнь.

Восшествіе на престолъ Кая было привѣтствовано всѣмъ римскимъ міромъ взрывомъ восторга³⁸⁵), и болѣе всего оно повидимому должно было водворить золотую эру благоденствія именно между іудеями. Если у юнаго императора и былъ какой нибудь другъ, то это Иродъ Агриппа. Этотъ князь, если онъ и могъ хотя сколько нибудь возбуждать къ себѣ сочувствіе въ качествѣ внука Ирода Великаго, имѣлъ однако же право на преданность къ себѣ іудеевъ какъ сынъ умерщвленнаго Аристовула, внукъ убитой Маріамны и потому прямой потомокъ той великой линіи асмонейскихъ князей, съ именами которыхъ связывалось воспоминаніе о послѣдней славѣ іудейской независимости. Вслѣдствіе этого, когда до Іерусалима дошло извѣстіе, что Тиверій наконецъ умеръ, іудеи вздохнули свободно и не только съ полною охотностію приняли присягу въ преданности Каю, взятую Вителліемъ съ огромныхъ массъ народа, собравшихся на праздникъ Пятидесятницы, но и принесли щедрое всеожоженіе о благоденствіи царствованія, которое должно было повергнуть ихъ въ глубочайшее бѣдствіе, въ болѣе мрачное униженіе, чѣмъ то, которому они подвергались въ теченіе царствованія прежняго владыки Рима³⁸⁶).

Кай не терялъ времени въ публичномъ заявленіи своего благорасположенія къ иродіанскому князю, который съ замѣчательною прозорливостію добивался его

дружбы не только еще когда стало вѣроятнымъ его восшествіе на престолъ, но даже и вопреки прямыхъ внушеній прежняго императора³⁸⁷). Однажды, прогуливаясь въ одной каретѣ съ Каемъ, Агриппа довольно неосторожно выразилъ свое желаніе скорѣй увидѣть то время, когда Тиверій передастъ имперію своему болѣе достойному преемнику. Такое замѣчаніе легко могло быть перетолковано въ преступленіе государственной измѣны, въ *lesa majestas*, въ оскорбленіе величества. При томъ дворѣ, который изобиловалъ шпіонами и въ которомъ немногіе осмѣливались болѣе чѣмъ шепотомъ выражать свои мысли, было исполнѣ естественнымъ, что продажный рабъ, бывшій у нихъ кучеромъ, сталъ добиваться аудіенціи у Тиверія, чтобы сообщить ему слышанное, и когда, по ходатайству самого Агриппы, онъ получилъ возможность къ этому, его сообщеніе привело стараго императора въ такое негодованіе, что онъ немедленно приказалъ арестовать іудейскаго князя. Несмотря на свое царственное одѣяніе, Агриппа былъ схваченъ, закованъ въ цѣпи и отвѣденъ въ тюрьму, въ которой онъ томился въ теченіе шести остальныхъ мѣсяцевъ жизни Тиверія. Почти первою мыслію Кая по восшествіи на престолъ было освободить своего друга, который оказывалъ ему такую дружественную любовь даже раньше, чѣмъ опредѣлилась его судьба. Агриппа тотчасъ же былъ освобожденъ изъ-подъ стражи. Нѣсколько дней спустя Кай послалъ за нимъ, возложилъ на его голову діадему, предоставилъ ему четвертовластничество Ирода, Филиппа и Лизанія, и подарилъ ему золотую цѣпь, равную по вѣсу той желѣзной цѣпи, въ которой онъ былъ закованъ!

Хотя Агриппа и былъ простымъ вѣтрянымъ искателемъ приключеній, однако же онъ имѣлъ одну хорошую черту въ смыслѣ вѣшняго почтенія къ религіи своего народа. Эдомитская примѣсь въ его крови не исполнѣ изгладилась болѣе благородныя инстинкты асмонейскаго князя, и даже пребываніе на Капрѣ не совсѣмъ изгладило у него изъ памяти то, что онъ велъ свою линію отъ священника модинаскаго. Іудеи исполнѣ могли ожидать, что при императорѣ, съ которымъ ихъ князь былъ въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ, ихъ интересы будутъ болѣе обезпечены, чѣмъ даже сколько при великодушномъ Юліѣ и либеральномъ Августѣ. Но ихъ надеждамъ суждено было потерпѣть жестокое разочарованіе и никакое царствованіе не повергало ихъ въ болѣе ужасныя бѣдствія, чѣмъ царствованіе друга Агриппы.

Въ августѣ 38 года Агриппа прибылъ въ Александрію по пути въ свое новое царство. Его прибытіе было совершено безъ всякой пышности. Такъ какъ въ Александрію, гдѣ его предшественники были неизвѣстны, онъ менѣе всего хотѣлъ выставить свою новоиспеченную царственность, то поэтому, хотя завидѣвъ Фаросъ еще въ сумеркахъ, онъ приказалъ капитану остановиться въ открытомъ морѣ, пока не смеркнется совсѣмъ, чтобы пристать незамѣченнымъ³⁸⁸). Но пребываніе въ городѣ личности, которая была вмѣстѣ и іудеемъ, и царемъ, и иудеяминомъ, и Иродомъ, и любимцемъ кесаря, не могло конечно оставаться

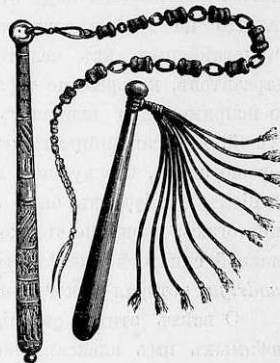
долго въ секретѣ; и если оно было предметомъ восторговъ для іудеевъ, то выше всякихъ границъ распалило зависть египтянъ. Флаккъ, губернаторъ Александріи, посмотрѣлъ на прибытіе Агриппы какъ на намѣренное оскорбленіе ему, и ругательствомъ, тайно высказаннымъ на іудейскаго князя, онъ далъ поводъ къ тѣмъ оскорбленіямъ, которымъ тотчасъ же была готова предаться александрійская чернь. Не пользуясь нигдѣ популярностью, іудеи въ Александріи возбуждали къ себѣ особенную ненависть. Ихъ богатство, ихъ численность, ростовщичество, исключительность, преимущества, которыми они надѣлены были со стороны двухъ первыхъ кесарей³⁸⁹), возбуждали въ низшемъ населеніи разноплеменнаго города ярость и омерзеніе къ нимъ. Мысль объ іудейскомъ царѣ была для нихъ не только смѣшною, но и оскорбительною. По всѣмъ улицамъ раздавались ругательства противъ него, всѣ театры и зрѣлища изощрялись въ дерзкихъ фарсахъ, составленныхъ съ цѣлью его оскорбленія. Наконецъ, буйная чернь схватила одного нагаго бѣднаго идиота, по имени Каравву, который обыкновенно бывалъ мишенью насмѣшекъ уличныхъ мальчишекъ: притащивъ его въ гимназію, буяны одѣли его въ рогожу на подобіе *маллива*, слѣпили для него изъ камышевыхъ листьевъ корону, дали ему камышинку вмѣсто скипетра и, окруживъ его шутовскимъ отрядомъ тѣлохранителей изъ мальчишекъ, вооруженныхъ палками, издѣвательски преклоняли передъ нимъ колѣна и совѣтовались съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Свое издѣвательство буяны заканчивали громкими криками: *марисъ, марисъ!* — сирійскимъ словомъ, означающимъ «государь».

Поощренные безнаказанностью и молчаливымъ одобреніемъ префекта, они затѣмъ подкупили его, чтобы онъ не обращалъ вниманія на болѣе серьезныя буйства. Сначала они подняли крикъ о томъ, чтобы въ синагогахъ были воздвигнуты изображенія Кая надѣясь этимъ вызвать со стороны іудеевъ противодѣйствіе, которое можно бы было истолковать въ смыслѣ измѣны. Это значило бы дать примѣръ, который могъ бы быть роковымъ для іудеевъ не только въ Египтѣ, но и во всѣхъ другихъ странахъ. Раздраженный быть можетъ рѣшительностью іудеевъ, Флаккъ, вопреки привилегій, давно обезпеченныхъ за ними закономъ и грамотою, издалъ приказъ, въ которомъ онъ называлъ ихъ «чужестранцами и иноплемениками», и согналъ ихъ всѣхъ въ одну часть одного квартала въ городѣ, гдѣ было совершенно невозможно имъ жить. Чернь затѣмъ открыто взбунтовалась и начала грабить лавки оставленнаго квартала, заперла іудеевъ въ отведенномъ имъ узкомъ участкѣ, била и убивала всѣхъ, которые въ мукахъ голода осмѣливались оставить его, и сожигала цѣлыя семьи живыми, иногда даже на сырыхъ дровахъ и вѣтвяхъ, что еще болѣе усиливало ихъ ужасныя мученія. Флаккъ съ своей стороны арестовалъ 38 главныхъ членовъ ихъ совѣта и, лишивъ ихъ всего ихъ имущества, велѣлъ ихъ бить по розгамъ ликторовъ, а бичами самыхъ заурядныхъ палачей и притомъ съ такою жестокостью, что нѣкоторые изъ нихъ вслѣдствіе этого умерли. Дома ихъ были

обысканы подъ предлогомъ нахожденія въ нихъ оружія, но хотя въ нихъ ничего не было найдено, кромѣ обыкновенныхъ столовыхъ ножей, мужчины и женщины были увлекаемы въ театръ, гдѣ имъ приказывали ѣсть свиное мясо и мучили ихъ, если они отказывались отъ него³⁹⁰).

Но ни эти попытки пріобрѣсти популярность среди языческаго населенія попущеніемъ его ярости противъ своихъ іудейскихъ сосѣдей, ни показная публичная преданность и унизительныя частныя искательства не спасли Флакка отъ заслуженной имъ кары. Едва прошло въ этихъ буйствахъ два мѣсяца, какъ Кай прислалъ сотника съ отрядомъ солдатъ, которые, высадившись на берегъ ночью, тотчасъ же направились къ дому Стефаніона, отпущенника Тиверія, съ которымъ Флаккъ въ то время пировалъ арестовали его безъ всякаго затрудненія и отправили въ Римъ. Здѣсь онъ увидѣлъ, что двое низкихъ демагоговъ, Исидоръ и Лампо, которые дотолѣ были въ числѣ его паразитовъ и постоянно возбуждали въ немъ ненависть къ іудеямъ, теперь были его главными обвинителями. Онъ найденъ былъ виновнымъ. Собственность его была конфискована и самъ онъ сосланъ былъ сначала на мизерный скалистый островъ Гиару, а затѣмъ на Андросъ. Въ одну изъ тѣхъ безсонныхъ ночей, которыя пробуждали и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливали его бѣшенство, Кай, размышляя о заявленіи одного помилованнаго имъ изгнанника, что во время своей ссылки онъ обыкновенно молился о смерти Тиверія, порѣшилъ окончательно раздѣлаться съ партій знатныхъ преступниковъ, которыхъ императорская тиранія собрала на безплодныхъ островкахъ Средиземнаго моря. Флаккъ былъ одною изъ первыхъ жертвъ, и Филонъ, съ чувствомъ пожирающей мстительности, рассказываетъ объ ужасномъ способѣ, какимъ онъ во рвѣ былъ изрубленъ на куски слугами деспота³⁹¹).

Кай началъ свое царствованіе умѣренностью, но крутой переходъ отъ припущенной простоты прежняго времени къ безграничной роскоши и сластолюбію во время самодержавія, крутое погруженіе во все то, что, какъ говоритъ Филонъ³⁹²), «разрушаетъ какъ душу и тѣло, такъ и всѣ связи, соединяющія и усиливающія ихъ», навлекло на него болѣзнь, которая измѣнила весь складъ его мозга. До этого времени онъ былъ худымъ и жестокимъ человѣкомъ. Отселъ онъ сталъ бѣшеннымъ и кровожаднымъ чудовищемъ. Послѣ этой именно болѣзни и непосредственно за убійствомъ Тиверія Гемелла, Макрона и Марка Силана, освободившимъ его отъ всякаго опасенія соперничества или ограниченія, онъ дико началъ настаивать на своей божественности. Предшественники его ограничивались тѣмъ, что позволяли считать себя или свое положеніе божественнымъ,

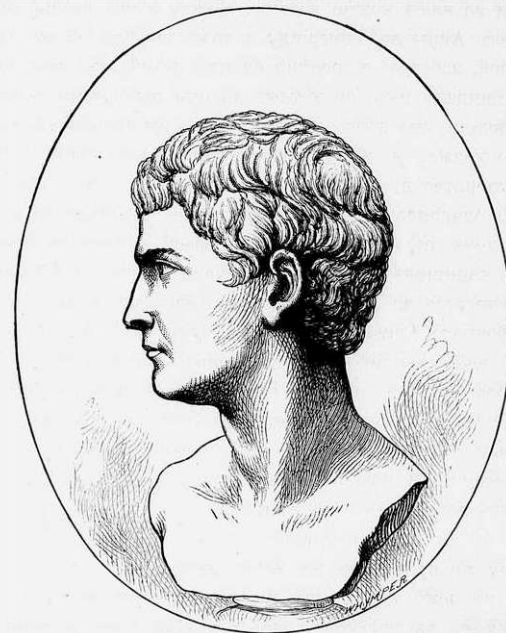
Римскіе бичи.

не присвоивая себѣ дѣйствительнаго достоинства и свойства существующихъ боговъ³⁹³). Но презирая всѣхъ простыхъ полубоговъ въ родѣ Трофонія и Амфіара, Кай началъ всенародно являться сначала въ видѣ Геркулеса, Бахуса или одного изъ Диоскуровъ, а затѣмъ и въ качествѣ Апполона, Марса, Меркурія и даже Венеры (?) и требовалъ, чтобы хоры воспѣвали гимны въ честь его божескихъ свойствъ; и наконецъ онъ не остановился даже предъ тѣмъ, чтобы настаивать на своемъ совершенномъ равенствѣ съ самимъ Юпитеромъ. Большинство римлянъ, частью изъ низкой трусости, частью изъ презрительнаго равнодушія, не затруднялось насмѣхаться надъ этимъ безумствомъ; но іудеи, къ ихъ вѣчной чести, ни за что не хотѣли согласиться на ужасное признаніе божескаго достоинства за мерзвѣйшимъ изъ человѣчества. Такъ какъ при дворѣ Кая было множество паразитовъ, которые не теряли случая проявить свою враждебность къ іудеямъ, то непримиримая ненависть ко всему этому народу скоро овладѣвала всей его душой. Александрійцы не замедлили воспользоваться этою его антипатіей. Они хорошо знали, что лучшею лестью для императора и наиболѣе ужаснымъ оскорбленіемъ для іудеевъ было именно поставленіе изображенія Кая въ іудейскихъ синагогахъ, и они не только сдѣлали это, но даже въ роскошной и знаменитой главной синагогѣ Александріи³⁹⁴) воздвигли бронзовую статую въ старой золотой *quadriga*, которая нѣкогда принадлежала Клеопатрѣ.

О всѣхъ этихъ событіяхъ Кай получалъ извѣстія частью изъ наиболѣе любимыхъ имъ александрійскихъ газетъ, которыя, какъ говоритъ Филонъ, онъ предпочиталъ всякой другой литературѣ, а частью благодаря непрерывнымъ наговорамъ противъ іудеевъ, внушавшимся ему египетскими шутами въ родѣ пресловутаго Геликона³⁹⁵). Бѣдствія іудеевъ въ Александріи наконецъ сдѣлались столь ужасными, что они отправили почтеннаго Филона съ четырьмя другими лицами съ посольствомъ къ безумному царственному юношѣ, котораго они отказывались боготворить. Филонъ оставилъ намъ объ этомъ посольствѣ разсказъ, который хотя и написанъ съ его обыкновенною риторическою расплывчатостью, однако же крайне интересенъ въ смыслѣ лѣтописи того времени. Онъ открываетъ намъ небольшой просвѣтъ въ обыденную жизнь императорскаго двора въ Римѣ, лѣтъ десять спустя послѣ смерти Христа.

Первое свиданіе посланныхъ съ Каемъ произошло въ то время, когда онъ гулялъ въ саду своей матери на берегахъ Тибра, и кажущаяся любезность его приѣма обманула всѣхъ ихъ, кромѣ самого Филона. Прождавъ нѣкоторое время, іудеи получили приказаніе слѣдовать за нимъ въ Путолу, и тамъ-то именно одинъ человѣкъ съ безобразнымъ видомъ и кровожадными глазами бросился къ нимъ и съ трясущимся отъ возбужденія тѣломъ и съ подавленнымъ рыданіемъ и голосомъ едва въ силахъ былъ передать имъ страшное извѣстіе, что Кай высказалъ намѣреніе воздвигнуть золотой колоссъ своей личности съ свойствами Юпитера во «святая святыхъ» самаго іерусалимскаго храма. Выразивъ свой

ужасъ и свое возбужденіе, посланные спросили о причинѣ этого сатанинскаго святотатства и имъ было сказано, что этимъ они обязаны совѣту того «скорпионоподобнаго раба» Геликона, который «съ ядовитымъ аскалонцемъ» по имени Аппелесомъ (низкимъ трагическимъ актеромъ) подсказалъ Каю эту мысль во время припадка ярости, съ которою императоръ услышалъ, что іудеи въ Іамніи разрушили мишурный жертвенникъ, воздвигнутый язычниками того города въ честь его божественности, единственно съ намѣреніемъ нанести ему оскорбленіе.

Бюстъ императора Кая Калигулы
(H. Visconti).

Это рѣшеніе не было только временной или праздною угрозой; Кай написалъ объ этомъ Петронію, легату сирійскому, и повелѣлъ ему выполнить его со всею предосторожностью и настойчивостью; и хотя легатъ вполнѣ зналъ объ опасномъ характерѣ этого предпріятія, онъ принужденъ былъ доставить необходимый матеріалъ для статуи художникамъ Сидона.

Лишь только злополучные іудеи услышали объ этомъ угрожающемъ имъ оскорбленіи, какъ объята были невыразимымъ ужасомъ, заставившимъ ихъ

забыть о всемъ другомъ. Тутъ было не до преслѣдованія христіанъ, когда дѣло шло о драгоцѣннѣйшемъ наслѣдствѣ ихъ собственной религіи. Тысячами стекаясь въ Финикію, они переполнили всю страну, раздѣлились на шесть партій: стариковъ, юношей, мальчиковъ, старухъ, женщинъ и дѣвицъ, и наполнили воздухъ воплями и прошеніями, валяясь по землѣ и пригоршнями посыпая пылью свои головы. Петроній, чувствительный и почтенный человѣкъ, былъ тронутъ ихъ бѣдствіемъ и съ цѣлью выиграть время приказалъ сидонскимъ художникамъ, чтобы они дѣлали статую въ совершенствѣ, довольно прозрачно намекая имъ, чтобы они дѣлали ее какъ можно дольше. Между тѣмъ, чтобы испытать іудеевъ, онъ отправился изъ Акры въ Тиверіаду и тамъ видѣлъ тѣ же самыя сцены. Въ теченіе сорока дней, забывъ о посѣвѣ своихъ полей, они валялись на землѣ, и когда легаты спрашивали ихъ, не хотятъ ли они выступить войною противъ кесаря, то іудеи отвѣчали, что нѣтъ, но что они готовы скорѣй умереть, чѣмъ видѣть оскверненіе своего храма, и въ доказательство своей искренности протягивали свои шеи. Видя упорство въ ихъ рѣшеніи, осаждаемый просьбами Аристовула и Хелки старшаго, опасаясь также голода изъ-за пренебреженія полевыми работами, Петроній, хотя съ опасностью для своей собственной жизни, обѣщалъ іудеямъ, что онъ напишетъ и походатайствуетъ о нихъ, если только они разойдутся мирно и возьмутся за свое хозяйство. Какъ іудеи, такъ и язычники считали знакомъ особеннаго благословенія Божія для этого мужественнаго и гуманнаго рѣшенія, что какъ только Петроній окончилъ свою рѣчь, небо, послѣ долгой засухи, заволокло тучами и выпалъ обильный дождь. Онъ сдержалъ свое слово и написалъ письмо Каю, сообщая въ немъ, что если продолжать дѣло со статуей, то іудеи забросаютъ свои поля и настанетъ великая опасность видѣть всю страну въ состояніи голода, что будетъ опаснымъ даже для него самого и его свиты, если онъ исполнитъ свое намѣреніе посѣтить эту страну.

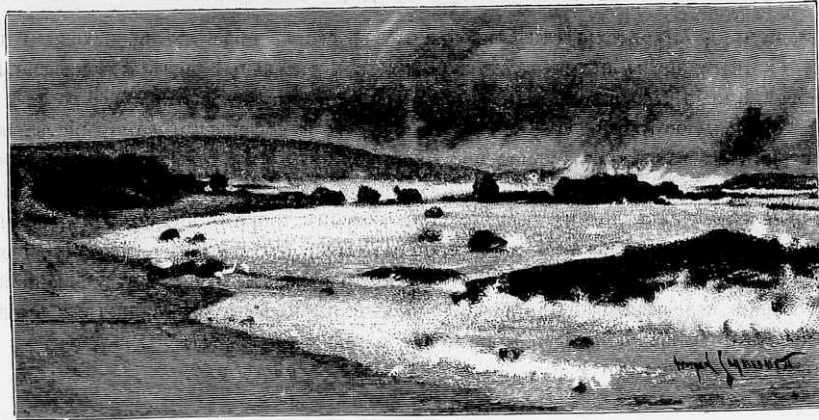
Между тѣмъ въ полномъ невѣденіи о всемъ случившемся, Агриппа прибылъ въ Римъ и сразу же прочиталъ на лицѣ императора, что произошло что-то неладное. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ впалъ въ обморокъ и въ теченіе нѣкотораго времени лежалъ въ глубокомъ забытіи. При помощи всего своего вліянія на Кая, онъ успѣлъ только добиться временной пріостановки исполненія его намѣренія, и это было не за долго предъ тѣмъ, какъ императоръ высказалъ о своемъ намѣреніи взять изъ Рима колоссъ изъ позолоченной бронзы съ цѣлью отнять возможность всякаго извиненія въ промедленіи и лично наблюдать за постановкой его въ храмъ, который съ этого времени долженъ будетъ считаться посвященнымъ «новому Юпитеру, блистательному Каю». Даже въ теченіе этого короткаго періода нерѣшительности, онъ былъ такъ разгнѣванъ на Петронія за выказанную имъ гуманность, что написалъ ему письмо съ приказаніемъ совершить самоубійство, если онъ не хочетъ умереть отъ руки палача.

Эти событія и знаменитое посольство Филона къ Каю, о которомъ онъ оста-

вилъ намъ до мучительности живописный рассказъ, вѣроятно происходили въ августѣ 40 года. Въ январѣ слѣдующаго года мстительный мечъ мужественнаго трибуна Кассія Херея избавилъ міръ отъ невыносимаго деспота ³⁹⁶).

Корабль, который везъ Петронію приказъ о совершеніи самоубійства, къ счастью былъ задержанъ бурной погодой и прибылъ уже только 27 дней спустя послѣ полученнаго имъ извѣстія, что тирана не было въ живыхъ. Отъ Клавдія, который своимъ престоломъ всецѣло былъ обязанъ тонкимъ интригамъ Агриппы, іудеи пользовались добротою и вниманіемъ. Петроній получилъ поэтому повелѣніе подавлять и наказывать всѣ попытки оскорблять ихъ ³⁹⁷) въ спокойномъ исполненіи ихъ религіозныхъ обязанностей, и Клавдій строго запретилъ возносить себѣ молитвы и приносить какія бы то ни было жертвы ³⁹⁸).

Остатки свайной стѣны у пристани древняго Тира.

КНИГА IV. ПРИЗВАНІЕ ЯЗЫЧНИКОВЪ.

ГЛАВА XV.

САМАРЯНЕ. — ЕВНУХЪ. — СОТНИКЪ.

Блаженъ и евнухъ, не сдѣлавшій беззаконія рукою, и не помыслившій лукаваго противъ Господа, ибо дается ему особенная благодать въры и пріятнѣйшій жребій въ храмъ Господень.
Премудр. III, 14.

ВЕРЪ, преуспѣяніе и святое созиданіе церкви зависѣли несомнѣнно отъ того покоя отъ гоненій, который наступилъ вслѣдствіе того, что іудеи были всецѣло поглощены стараніями объ отвращеніи ужаснаго кощунства Кая. Но мы не можемъ не спросить при этомъ: неужели христіане безразлично смотрѣли на страшное оскорбленіе, которому готова была подвергнуться ихъ національная религія? Было бы совершенною неожиданностью, если бы они взглянули на оскорбленіе святыни храма Іеговы какъ на вещь, которая къ нимъ не имѣла больше никакого отношенія. Можно-ли предполагать, что Іаковъ, братъ Господень, или Симонъ Зилоть, довольные своею свободою отъ гоненій, не принимали никакого участія въ отчаянныхъ усиліяхъ своего

народа возбудить къ себѣ сочувствіе легата сирійскаго? Мыслимо ли, чтобы они оставались спокойно дома въ то время, когда другіе іудеи десятками тысячъ стремились въ главную его квартиру въ Кесарію или, посылая прахомъ свои головы, валялись предъ нимъ въ Тиверіадѣ? Или не удерживала ли ихъ собственная личная опасность отъ присоединенія къ массамъ изувѣровъ, съ негодованіемъ отвергавшихъ ихъ содѣйствіе? Не были ли они принуждены ограничивать свою дѣятельность назиданіемъ младенчествующихъ церквей Палестины, такъ какъ имъ даже не позволено было принимать участіе въ надеждахъ и страхахъ своихъ соотечественниковъ? Съ полною вѣроятностью мы можемъ полагать, что іудейскіе христіане съ отвращеніемъ смотрѣли на предполагаемое святотатство. Но если школа Гилмели и Шаммаи, клика Ханана и Ирода ненавидѣли ихъ лишь немного менѣе, чѣмъ они ненавидѣли любимцевъ Кая, всетаки апостоламъ очевидно ничего не оставалось дѣлать, какъ только наслаждаться своею непосредственною свободою отъ опасности и пользоваться наступившимъ такимъ образомъ покоемъ для распространенія царства Божія. Пусть мятутся народы и племена замышляютъ тщетное. Но имъ по крайней мѣрѣ можно было безмятежно чтить Сына ³⁹⁹) и пользоваться благословеніемъ тѣхъ, которые уповаютъ на Бога. Это была глубочайшая полночь въ исторіи міра. Но Гесемъ церкви Христовой все болѣе и болѣе серебрился загоравшеюся зарей.

Вслѣдствіе этого внѣшняго мира и внутренняго развитія совершилось событіе, которое не потеряетъ своей достопамятной важности до скончанія міра, именно допущеніе язычниковъ въ церковь Христову. Это великое событіе должно было казаться неизбѣжнымъ для людей въ родѣ св. Стефана, еллинистическое воспитаніе которыхъ освободило ихъ отъ суроваго духа іудейской исключительности. Но опытъ всей исторіи показываетъ, какъ трудно для ума освободиться отъ взглядовъ, которые, благодаря воспитанію, вѣдряются въ плоть и кровь; и хотя Іисусъ изрекалъ слова, которые могли имѣть только одно логическое объясненіе, но прежніе ученики, даже сами апостолы не постигли еще ихъ полного значенія. Откровеніе Бога во Христѣ было только лучемъ во тьмѣ. Внезапно проливать среди полночной тьмы полный потокъ духовнаго озаренія было бы чуждо способу божественнаго отношенія къ человѣческому роду. Разсвѣтъ уже совершился, но должно было пройти еще много лѣтъ, прежде чѣмъ насталъ полный и ясный день.

Но вотъ наступило и время, когда другія овцы, о которыхъ говоритъ Іисусъ, — овцы не отъ стада сего ⁴⁰⁰), — должны были также услышать голосъ Его. Какъ въ коевенномъ, такъ и въ прямомъ отношеніи, человѣчество обязано было этимъ апостолу Павлу въ неизмѣримо болѣе степени, чѣмъ всякому другому челоѣку. Правда, ключи царства Божія ввѣрены были ап. Петру въ награду за его великое исповѣданіе, — и согласно съ этимъ высокимъ иносказаніемъ ему же предоставлена была честь открытія язычникамъ дверей христіанской церкви. И

въ высшей степени важно, что это именно было такъ. Борьба ап. Павла противъ враждебности іудейства совнѣ и закваски іудейской внутри была сурова и продолжалась въ теченіе всей жизни. И однако же при его смерти одна только вѣра могла дать ему возможность видѣть, что она была не напрасна. Но славныя усилія его жизни были бы бесплодны, если бы главный принципъ, о которомъ шло дѣло, не былъ освященъ высокою санкціей, которой никто не осмѣливался оспаривать, — санкціей знаменитѣйшаго и авторитетнѣйшаго изъ двѣнадцати апостоловъ. Хотя такимъ образомъ ап. Петру было предоставлено по божественному промыслу выступить съ починомъ въ этомъ дѣлѣ, однако же только тому, кого до двѣнадцати апостоловъ формально признавали апостоломъ не-обрѣзанія, міръ обязанъ развитіемъ христіанской вѣры въ христіанское богословіе и освобожденіемъ христіанства отъ тѣхъ іудейскихъ ограниченій, которые были бы гибельны въ отношеніи его всеобщаго распространенія⁴⁰¹). Для язычниковъ очевидно было бы невозможно принять дополнительные законы іудейства. Если бы послѣдователи Христа отказались подать имъ руку дружества на какихъ бы то ни было другихъ условіяхъ, тогда міръ пошелъ бы своею собственною дорогою, и Мамона, Велеаръ и Веелзевулъ вполне предавались бы растлѣнію язычества, которое падало глубже и глубже въ бездну нечестія.

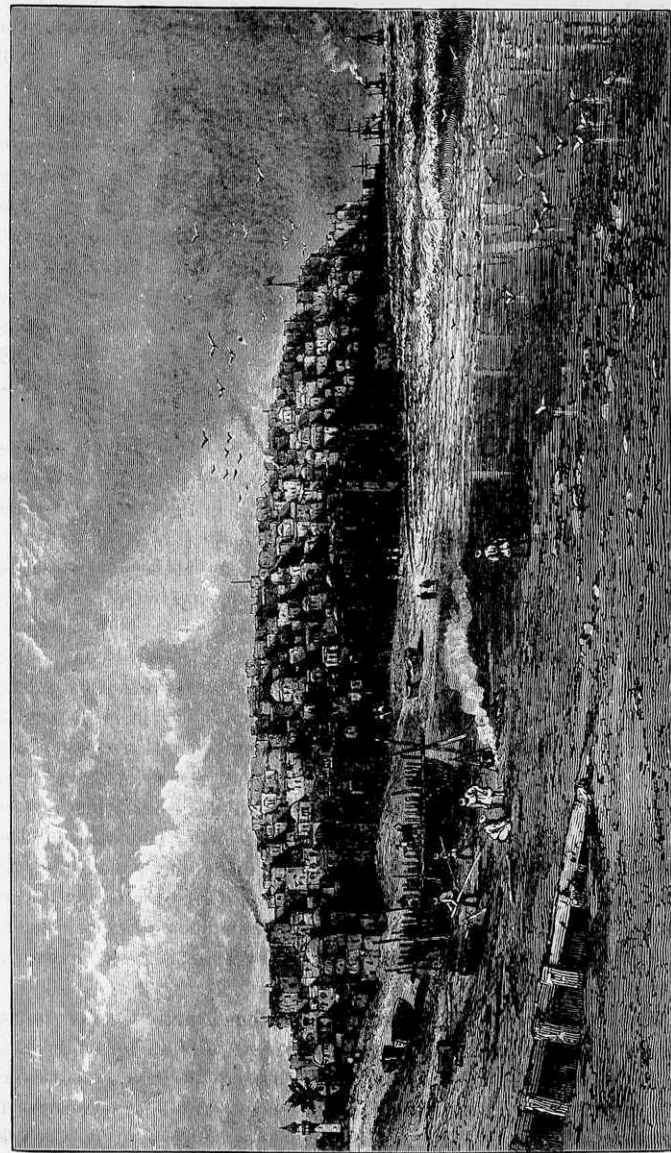
И такъ какъ этимъ избавленіемъ язычники обязаны были прямо посланіямъ и трудамъ ап. Павла, то первое начало его косвенно возникло вслѣдствіе тѣхъ самыхъ гоненій, которыхъ онъ былъ наиболѣе яростнымъ дѣятелемъ. Гонимель вѣры несознательно оказался самымъ могучимъ ея распространителемъ. Когда онъ гналъ и истреблялъ членовъ церкви, то они, разсѣявшись по всѣмъ странамъ, вездѣ проповѣдывали евангеліе міру. Для свободомыслящихъ еллинистовъ это было золотой случай, и Филиппъ, бывшій сотрудникомъ Стефана, съ радостью воспользовался имъ для проповѣди евангелія ненавистнымъ самарянамъ. Глаза Іисуса уже видѣли въ этой странѣ поля, желтѣющія для жатвы, и Филиппъ, при помощи своихъ высокихъ духовныхъ дарованій и ревности, не только приобрѣлъ множество обращенцевъ, но даже пресѣкъ вліяніе могущественнаго *юсса* или волшебника по имени Симона⁴⁰²). Густинъ Философъ называетъ его Симономъ Гиттонскимъ и его вообще отождествляли съ Симономъ волхвомъ, первымъ ересеучителемъ⁴⁰³), и съ Симономъ Кипрскимъ, которымъ Феликсъ пользовался для уловленія измѣнчивыхъ привязанностей царицы Друзиллы. Этотъ человѣкъ, хотя, какъ послѣ оказалось, изъ самыхъ своекорыстныхъ и недостойныхъ побужденій, принялъ даже крещеніе, и успѣхъ вѣры между его прежними обращенцами былъ столь замѣчателенъ, что требовалъ немедленнаго присутствія апостоловъ. Апостолы Петръ и Іоаннъ отправились изъ Іерусалима для утвержденія новообращенныхъ, и присутствіе ихъ имѣло своимъ слѣдствіемъ не только публичное посрамленіе Симона⁴⁴), но также и то изліяніе особыхъ проявленій, которымъ сопровождался даръ обѣтованнаго Утѣшителя.

Но Филиппу выпала честь совершить еще одно великое обращеніе, долженствовавшее еще болѣе рѣшительно доказать, что насталъ день, когда правила іудейства должны были потерять свою силу. Руководимый божественнымъ внушеніемъ и голосомъ ангела, онъ направился на югъ по пустынной дорогѣ, ведущей изъ Елевѣрополя къ Газѣ⁴⁰⁵), и тамъ встрѣтилъ свиту богатаго еѣіопскаго евнуха, который занималъ высокое положеніе казначея Кандакии Мероэ⁴⁰⁶). Есть основаніе думать, что эта страна до извѣстной степени была обращена въ іудейство іудеями, проникшими въ нее изъ Египта во времена Псамметиха, потомки котораго еще существуютъ подъ именемъ Фалазіанъ⁴⁰⁷). Евнухъ, благочестиво исполняя обязанности прозелита вратъ, что въ его положеніи было болѣе чѣмъ возможно, отправлялся въ Іерусалимъ на богомолье и быть можетъ даже для того, чтобы присутствовать на одномъ изъ великихъ годовыхъ праздниковъ. Ѣдучи въ каретѣ во главѣ своей свиты, онъ, согласно съ правилами раввиновъ, проводилъ время въ чтеніи св. писанія и въ этотъ самый моментъ громко читалъ по греческому переводу LXX⁴⁰⁸) пророчество Ісаи: «какъ овца веденъ былъ Онъ на закланіе и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отвергаетъ устъ своихъ. Въ униженіи Его судъ Его совершился, но родъ Его кто разъяснитъ? ибо вземлетъ отъ земли жизнь Его»⁴⁰⁹). Филиппъ спросилъ его, понимаетъ ли онъ что читаетъ? Евнухъ сознался, что все это было темно для него, и вѣжливо пригласивъ Филиппа сѣсть къ себѣ въ карету, онъ спросилъ его, кто же это такой, о комъ говорить пророкъ? Филиппъ такимъ образомъ получилъ возможность раскрыть христіанское толкованіе этого великаго пророчества и настолько овладѣлъ вниманіемъ своего слушателя, что когда они доѣхали до источника воднаго — быть можетъ въ Беэцурѣ неподалеку отъ Хеврона⁴¹⁰) — евнухъ попросилъ Филиппа, чтобы онъ крестилъ его. Просьба эта была обращена къ великодушному еллинисту и немедленно была исполнена, хотя тутъ были основанія, которые заставили бы призадуматься Іакова или Симона. Но не смотря на запрещеніе Второзаконія⁴¹¹), Филиппъ видѣлъ, что христіанской церкви надлежало быть безконечно болѣе широкой и болѣе духовной общиной, чѣмъ та, которая предполагалась Моисеевымъ обрядовымъ закономъ. Припоминая быть можетъ величественное предсказаніе Ісаи (Ис. lvi, 3, 8), которое видимо поднималось выше левитскаго запрещенія, припоминая быть можетъ также нѣкоторыя изъ любящихъ словъ и обѣтованій своего учителя Христа, онъ тотчасъ же сошелъ съ евнухомъ въ воду. Произнесъ исповѣданіе вѣры⁴¹²), онъ совершилъ крещеніе надъ тѣмъ, кто былъ не только, какъ вѣроятно, язычникъ по рожденію, но и евнухъ по состоянію. Законъ Второзаконія запрещалъ ему быть членомъ церкви іудейской, но Филиппъ допустилъ его въ церковь христіанскую⁴¹³), въ которой не было ни іудея, ни еллина, ни мужскаго пола, ни женскаго, ни раба, ни свободного⁴¹⁴).

Послѣдующая дѣятельность Филиппа въ городахъ Филистии и морского

прибрежья, равно какъ и въ теченіе его долгаго послѣдующаго пребыванія въ Кесаріи ⁴¹⁵⁾, была несомнѣнно плодотворна. Но главное значеніе его жизни для христіанской исторіи заключалось въ его успѣшной проповѣди ненавистнымъ самарянамъ и въ этомъ смѣломъ крещеніи обезображеннаго чужеземца. Хотя онъ былъ и діаконъ, онъ однако же не убоился исполнить божественное внушеніе, которое предзнаменовывало окончательное забвеніе исключительныхъ преимуществъ. Нельзя сомнѣваться, что этотъ именно безбоязненный починъ Филиппа и содѣйствовалъ выработкѣ убѣжденій ап. Петра, равно какъ и то, что ап. Петръ завѣдомо съ логическою послѣдовательностью снизошелъ ко всѣмъ тѣмъ истинамъ, которые всего дороже были сердцу ап. Павла.

Мирно посѣщая общины, что дѣлалось и возможнымъ, и желательнымъ въ слѣдствіе процвѣтанія новой вѣры, ап. Петръ направился на югъ и ободренный многими обращеніями, послѣдовавшими за исцѣленіемъ Энея и воскрешеніемъ Тавионы, онъ остановился въ Іоніи для того, чтобы укрѣпить юныя, но процвѣтающія церкви въ равнинѣ Саронской. Что онъ поселился въ домѣ Симона кожевника, объ этомъ упоминается какъ объ одномъ изъ тѣхъ случайныхъ обстоятельствъ, которые всегда бываютъ въ разсказахъ писателей, близко знакомыхъ съ описываемыми ими событіями. Но мы можемъ видѣть въ немъ особое значеніе. Оно показываетъ съ одной стороны, какъ скромны были обстоятельства даже главнѣйшаго изъ апостоловъ, такъ какъ именно только бѣдность могла побудить его остановить свой выборъ на этомъ именно домѣ. Но оно показываетъ далѣе, что Петръ уже оставилъ равнинскую щепетильную разборчивость, такъ какъ едва ли можно вообразить, чтобы онъ нашелъ невозможнымъ достать другое жилище ⁴¹⁶⁾, — а въ домѣ кожевника не согласился бы жить ни одинъ строгій и неуклонный послѣдователь устнаго закона. Постоянное соприкосновеніе съ кожами и трупами различныхъ животныхъ, необходимое въ этомъ ремеслѣ, и самые матеріалы, которые требуются для него, дѣлали его нечистымъ и омерзительнымъ въ глазахъ всѣхъ строгихъ законниковъ. Если кожевникъ женился, не упомянувъ о своемъ ремеслѣ, то женѣ дозволялось искать развода ⁴¹⁷⁾. Законъ деверства могъ быть нарушенъ, если деверъ бездѣтной вдовы былъ кожевникъ, Дворъ кожевника долженъ былъ отстоять по крайней мѣрѣ на 50 локтей отъ всякаго города ⁴¹⁸⁾ и даже еще далѣе, какъ сказалъ раввинъ Акиба, если онъ находился къ западу отъ города, откуда сильнѣе была тяга вѣтра. Ремесло, на которое смотрять съ такимъ отвращеніемъ, понятно понижаетъ самоуваженіе и всѣхъ занимающихся имъ, и хотя дворъ Симона быть можетъ и не находился рядомъ съ его домомъ, но самый выборъ его дома въ качествѣ мѣстожительства не только доказываетъ то, какъ скромны были средства, которыми могъ располагать Петръ, но также и то, что онъ уже стоялъ выше іудейскихъ предразсудковъ и могъ признавать достоинство честнаго труда даже въ самомъ низкомъ ремеслѣ. Два вопроса необычайной важности постоянно должны были предноситься

Эфеса (древняя Іонія).

уму ап. Петра въ это время: именно, отношеніе церкви къ язычникамъ и отношеніе какъ іудейскихъ, такъ и языческихъ христіанъ къ Моисееву закону или, какъ быть можетъ, будетъ гораздо точнѣе сказать — хотя различіе это тогда еще и не сознавалось — къ обрядовымъ законамъ. Въ домѣ кожевника въ Іопіи этимъ затрудненіямъ суждено было найти божественное и окончательное разрѣшеніе.

Вопросы эти были крайне затруднительны. Что касается перваго вопроса, то если допускать теперь язычниковъ къ обладанію полными и равными преимуществами, то неужели Богъ оставилъ свой избранный народъ? Неужели древнія обѣтованія потеряли свою силу? Что касается втораго вопроса, то неужели законъ не былъ божественнымъ? Развѣ онъ не былъ провозглашенъ среди громовъ Синаи? Могъ ли онъ имѣть обязательную силу для *одного* народа, если онъ не предназначенъ былъ для *всѣхъ*? Развѣ самъ Іисусъ не былъ послушенъ его заповѣдямъ? Если нужно проводить различіе между обрядовыми и нравственными постановленіями, то гдѣ слѣды этого различія: въ самомъ ли законодательствѣ, или въ словахъ Христа? Развѣ Онъ не велѣлъ прокаженному идти показаться священникамъ и принести за свое очищеніе жертву, какъ заповѣдывалъ Моисей во свидѣтельство имъ (Матѣ. viii, 4; Марк. i, 44)? Развѣ Онъ не сказалъ: «не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушитъ пришелъ Я, а исполнить» (Матѣ. v, 17)? Развѣ Онъ опять не сказалъ: «доколѣ не пройдетъ небо и земля, ни одна іота или черта не пройдетъ изъ закона, пока не исполнится все» (Матѣ. v, 18; Луки xvi, 17)? Эти недоумѣнія и сомнѣнія должны были еще ждать своего разрѣшенія, пока Богъ опытомъ миссіонерскаго труда не возвысилъ до полной зрѣлости боговдохновенный геній Савла Тарсійскаго. Въ этотъ періодъ вѣроятно никто еще изъ людей не могъ точно опредѣлить будущихъ отношеній между іудеями и язычникомъ или разрѣшить затрудненія, возникавшія изъ этихъ вопросовъ. Св. Стефанъ, который могъ бы просвѣтить апостоловъ относительно этого великаго предмета, уже не существовалъ больше. Апостолъ Павелъ былъ еще подозрѣваемымъ новичкомъ. Тотъ день, когда эти вопросы были вполнѣ разрѣшены въ великихъ посланіяхъ къ Галатамъ и Римлянамъ, былъ еще далекъ. Въ планахъ Божіихъ нѣтъ поспѣшности. Только уже когда рабство стало невыносимымъ, призванъ былъ Моисей. Только уже когда недоумѣнія достигли высшаго своего развитія, Савлъ выступилъ на арену богословской мысли. Только съ исполненіемъ временъ родился и самъ Христосъ.

Но даже и въ этотъ періодъ ап. Петръ, особенно когда онъ оставилъ Іерусалимъ, навѣрно былъ вынужденъ признать, что возраженія правовѣрнаго іудея противъ одинаковаго участія язычниковъ въ преимуществахъ евангелія могли находить встрѣчныя возраженія одинаковой важности; и что доводы гебраистовъ касательно вѣчнаго значенія Моисеева закона находили противовѣсъ въ логикѣ фактовъ и встрѣчныхъ доводовъ, которыми нельзя уже было больше пренебрегать.

Въ самомъ дѣлѣ если Христосъ сказалъ, что Онъ пришелъ исполнить законъ, то не сказалъ ли Онъ также много такого, что показывало, что эти слова имѣли болѣе глубокое значеніе, чѣмъ то первоначальное, которое можно было придавать имъ? Развѣ Онъ не доказалъ цѣлыхъ шесть разъ болѣе широкой свободы для субботы, чѣмъ сколько допускали книжники ⁴¹⁹? Не выказывалъ ли Онъ нѣчто въ родѣ пренебреженія къ ненужнымъ обрядовымъ омовеніямъ (Матѣ. xv, 20)? Не воздерживался ли Онъ самъ отъ хожденія три раза въ году въ Іерусалимъ на три великихъ праздника? Не приводилъ ли Онъ часто съ одобреніемъ словъ пророка Осіи: «милости хочу, а не жертвы» (Марк. xii, 33; Матѣ. ix, 13; xii, 7)? Не повторялъ ли Онъ часто, что весь законъ и пророки висятъ на двухъ широкихъ и простыхъ заповѣдяхъ (Матѣ. xxii, 40)? Не показывалъ ли Онъ словомъ и дѣломъ своего невниманія къ простому обрядовому оскверненію, которому законъ придавалъ такую глубокую важность (Матѣ. xv, 17; Марк. vii, 19)? Не отказался ли Онъ освятить своимъ авторитетомъ побіенія камнями блудницы? Не говорилъ ли Онъ даже, что Моисей допускалъ многія вещи, сами по себѣ нежелательныя, единственно по жестокости іудейскихъ сердецъ?

И кромѣ всего этого, не ясно ли, что по Его намѣренію церковь Его должна быть вселенскою? И эта вселенскость предлагаемаго благовѣстія, милости и усвоенія развѣ не ясно указывалась въ ветхомъ заветѣ? Развѣ пророки не предсказывали объ окончательномъ призваніи язычниковъ (Рим. xv, 9, 10, 11)? Но если язычникамъ надлежало быть допущенными въ число святыхъ и братій; если, какъ предсказывалъ самъ Іисусъ, надлежало быть наконецъ только одному стаду и одному Пастырю ⁴²⁰), то какъ все это могло быть, если за Моисеевымъ закономъ нужно признавать вѣчное и всеобщее значеніе? Не ясно ли, что язычники, какъ масса, никогда не примутъ всей системы Моисеева закона и никогда не примутъ главнымъ образомъ жестокаго установленія обрѣзанія? Не будетъ ли такое требованіе къ нимъ вѣрнымъ поводомъ къ отказу имъ въ христіанскомъ благовѣстіи? Но если они и примутъ его, то мыслимо ли, чтобы язычники никогда не были чѣмъ нибудь болѣе простыхъ пришельцевъ вратъ, оставленныхъ какъ бы внѣ притворовъ истиннаго духовнаго храма? Если такъ, то не подрывалась ли въ самомъ корнѣ первоначальная идея христіанства? Не дѣлались ли невозможными его лучшія и существеннѣйшія установленія? Какъ могли быть трапезы любви, какъ могло быть совершеніе ѣвхаристіи, какъ могло быть прекрасное зрѣлище христіанской любви и христіанскаго единенія, если церковь должна была состояться не изъ членовъ, связанныхъ между собою равенствомъ и братствомъ, а изъ пролетаріата терпимыхъ язычниковъ, лишенныхъ даже преимуществъ бѣсть за однимъ столомъ съ аристократіей выше ихъ стоящихъ іудеевъ? Какимъ смутнымъ, умаленнымъ и искаженнымъ былъ бы такой идеалъ рядомъ съ величественной идеей искупленныхъ народовъ міра, приходящихъ къ Сіону съ пѣніемъ и ликованіемъ въ сердцахъ!

Но изъ-за всѣхъ этихъ недоумѣній поднимался еще болѣе широкій и вѣковѣчный вопросъ. Христосъ умеръ для того, чтобы взять на себя грѣхи міра: какаѣ же нужда могла быть въ жертвоприношеніяхъ? Какое значеніе могла имѣть тѣнь, когда дарована была самая сущность (1 Кор. xiii, 10; Кол. ii, 17; Евр. x, 1)? Въ чемъ могло быть значеніе прообразовъ, когда они исполнились въ славномъ Первообразѣ? Какаѣ пользы оставалась въ свѣтильникѣ скинии, когда уже Солнце правды блистало въ своемъ полномъ величіи?

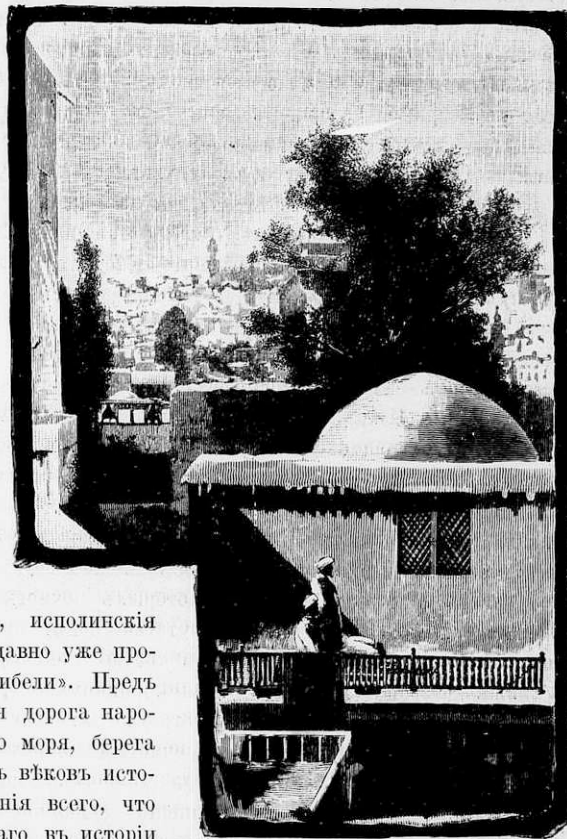
Такія мысли, такіе вопросы и недоумѣнія, требуя опредѣленнаго отвѣта, которымъ можно было бы руководиться въ ежедневной дѣятельности среди умножающихся затрудненій, неизбежно должны были въ это время занимать мысли многихъ изъ братій. Въ умѣ ап. Петра они должны были получить еще болѣе важное значеніе, такъ какъ отъ него во многихъ отношеніяхъ зависѣлъ самый починъ ⁴²¹). Судьбы міра въ теченіе вѣковъ исторіи, — вопросъ о томъ, должны ли прежде окончанія этого короткаго *отка* неоцѣненные блага жизни и смерти Христа ограничиться приверженцами отживающаго завѣта и гибнущей національности, или свободно распространиться на всѣ племена человѣчества, — вопросъ о томъ, должны ли истомленные народы быть принуждаемы къ принятію особенностей семитскаго племени, или не искать другаго убѣжища кромѣ святыни Иизды или философской школы въ Аѳинахъ, — все это, говоря почеловѣчески, зависѣло отъ того, по какому направленію пошелъ бы тотъ, кто былъ на землѣ лишь галилейскимъ рыбакомъ. Но Богъ всегда избираетъ себѣ пригодное орудіе. Въ рѣшеніи первостепенныхъ вопросовъ прямота сердца часто служить болѣе вѣрной гарантіей мудрости, чѣмъ сила разума. Когда подлежитъ достиженію самоотверженная цѣль, то никогда не бываетъ недостатка въ сверхъестественномъ озареніи. Когда только мы желаемъ сдѣлать что-нибудь правое, то мы непременно услышимъ голосъ позади насъ говорящій: «это истинный путь, идите имъ», сколько бы мы ни имѣли поводовъ сворачивать съ него направо или налево.

Съ такими недоумѣніями въ душѣ, но вмѣстѣ и съ такимъ желаніемъ найти правый путь, ап. Петръ однажды въ полдень взошелъ на плоскую кровлю дома кожевника для своей полуденной молитвы ⁴²²). Очень возможно, что домъ этотъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ его долго указывали потомъ. Оно лежитъ на югозападномъ краю этого маленькаго городка, и быющій здѣсь источникъ могъ быть полезенъ кожевнику, если только онъ занимался своимъ ремесломъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ жилъ. Смоковница теперь покрываетъ его своею тѣнью, и возможно, что такое же дерево и тогда защищало апостола отъ жгучихъ лучей сирійскаго солнца. Во всякомъ случаѣ взору его представлялась та же самая картина, которую мы можемъ осматривать и теперь съ этого самаго мѣста: маленький восточный городъ съ рядами своихъ плоскихъ кровлей и низкихъ квадратныхъ домовъ, затѣняе-

мыхъ деревьями и садами; полоса низменныхъ топей и песчаного берега; море, далеко разстилающееся по направленію къ островамъ язычниковъ, подобно золотому зеркалу ярко горящее подъ лучами восточнаго солнца и нарушаемое въ своей тишинѣ лишь крыльями чаекъ, собирающихся на скользкихъ скалахъ внизу города, или лѣннивымъ валомъ, перебѣгающимъ полосу рифа, который сказаніе связываетъ съ исторіей Андромеды. Здѣсь встрѣчаются между собою востокъ и западъ; позади лежатъ Филистія и Св. Земля. За Иорданомъ и за багряными холмами, составляющими восточныя твердыни его долины, и далѣе затѣмъ за Евфратомъ лежали знаменитыя и колоссальныя

деспотическія государства, исполинскія формы имперій, которыя давно уже пролили «по пути къ своей гибели». Предъ нами открывается большая дорога народовъ, тѣ воды внутренняго моря, берега котораго въ теченіе многихъ вѣковъ исторіи были мѣстомъ совершенія всего, что есть лучшаго и величайшаго въ исторіи человѣчества. Задумчиво смотря на море и на городъ, не думалъ ли ап. Петръ о томъ древнемъ пророкѣ, который восемь вѣковъ предъ тѣмъ посланъ былъ Богомъ изъ этого самаго порта проповѣдывать покаяніе одному изъ этихъ могущественныхъ царствъ гибнущихъ язычниковъ, и котораго Богъ вразумилъ необычайными путями (Іона i, 3)?

Былъ полдень, и во время своей молитвы и размышленія апостолъ, который всю свою жизнь былъ близко знакомъ съ скудною пищею бѣдности, почувствовалъ сильный голодь. Но обѣдъ еще не былъ готовъ и во время его ожиданія

Кровля восточнаго дома.

его голодъ, его недоумѣнія, его молитвы о руководствѣ по промыслению Божію направились къ исполненію высшихъ цѣлей. Есть нѣчто неподражаемо естественное въ томъ способѣ, которымъ истины необычайной важности приходили на умъ искателей истины. Повѣствованіе носить на себѣ печать подлинности и мы невольно чувствуемъ, что это наиболѣе близкое отраженіе формы, въ которой божественное внушеніе явилось честному и пылкому апостолу, когда онъ въ голодномъ отдыхѣ, послѣдовавшемъ за его полуденной молитвой, полусонно занимался размышленіями на раскаленной плоской кровлѣ подъ палищимъ небомъ, устремивъ свой взоръ къ западу и къ будущности, за сверкающимъ моремъ.

Съ нимъ сдѣлалось нѣчто въ родѣ иступленія ⁴²³⁾.

Небо казалось открытымъ. Въмѣсто палищихъ лучей, неба и моря, предъ нимъ явилось нѣчто въ родѣ большого полотна ⁴²⁴⁾, которое на веревкахъ, привязанныхъ къ четыремъ краямъ, спускалось къ нему съ неба на землю ⁴²⁵⁾. Въ немъ, какъ въ нѣкоемъ ковчегѣ, находились всякія четвероногія земныя, звѣри, пресмыкающіяся и птицы небесныя ⁴²⁶⁾, и былъ гласъ ему: «встань, Петръ, заколи и ѣшь». Но даже при всемъ своемъ голодѣ, еще болѣе усиливаемомъ видомъ пищи, Петръ не забылъ правилъ своего воспитанія. Среди этихъ животныхъ и пресмыкающихся находились свиньи, верблюды, зайцы и вообще твари, которыя не отбрасывали жвачки и не имѣли раздвоенныхъ копытъ, что все ясно было запрещено въ пищу закономъ. Лучше умереть съ голоду, чѣмъ нарушить правила *Кашара* и ѣсть то, самая мысль о чемъ возбуждала ужасъ въ іудеѣ ⁴²⁷⁾. Петру казалось страннымъ, что голосъ съ неба безъ всякаго ограниченія велѣлъ ему убивать и ѣсть тварей, среди которыхъ нечистыя такъ перемѣшаны были съ чистыми. Мало того, самое присутствіе среди нихъ нечистыхъ повидимому оскверняло все полотно ⁴²⁸⁾. Какъ ни кратко повѣствованіе объ этой восхищенности, въ которой тѣлесныя ощущенія, принимая чудовищную форму объективныхъ предметовъ, сдѣлались средствомъ духовнаго озаренія ⁴²⁹⁾, но оно ясно показываетъ, что хотя чистыя и нечистыя животныя были перемѣшаны въ этомъ бѣломъ полотнѣ, взглядъ Петра главнымъ образомъ палъ на послѣднихъ, равно какъ это было и въ отношеніи «грѣшниковъ» изъ язычниковъ и ихъ допущенія къ преимуществамъ братства, чѣмъ главнымъ образомъ вѣроятно и заняты были его мысли. Вслѣдствіе этого съ тою простою и смѣлою самоувѣренностью, которая въ его характерѣ такъ своеобразно сочеталась съ порывами боязливости и подавленности, онъ смѣло отвѣчаетъ обратившемуся къ нему голосу и напоминаетъ небесному собесѣдователю, что онъ, такъ сказать, не принялъ во вниманіе постановленій закона ⁴³⁰⁾.

«Нѣтъ, Господи (читатель тотчасъ же припоминаетъ сцену изъ Евангелія, въ которой ап. Петръ, ободренный похвалою Христа, приступилъ къ Нему и началъ убѣждать Его, говоря: «да не будетъ съ Тобою такъ, Господи»), потому что—прибавилъ онъ съ отѣнкомъ истой іудейской гордости—я никогда не ѣлъ ничего сквер-

наго или нечистаго». Тогда въ другой разъ былъ гласъ къ нему: «что Богъ очистилъ, того ты не почитай нечистымъ». Такъ было трижды и затѣмъ видѣніе исчезло; полотно сразу отдернуто было на небо. Изступленіе кончилось. Петръ былъ одинъ съ своими собственными думами; все было тихо; не было ни малѣйшаго шопота съ палищаго неба; у его ногъ безмолвно разливалось сверкающее море.

Что это значило? Голодъ ап. Петра былъ подавленъ недоумѣніями въ истолкованіи странныхъ знаменій, которыми, какъ онъ сразу почувствовалъ, Св. Духъ руководилъ его къ истинѣ,—къ той истинѣ, на основаніи которой онъ долженъ дѣйствовать, какъ бы ни были важны слѣдствія, какъ бы ни были мучительны непосредственные результаты. Не было ли это большое бѣлое полотно изображеніемъ міра омытаго до бѣла ⁴³¹⁾, и не были ли четыре угла его знаменіемъ, что находившимся среди нихъ надлежало быть собранными отъ востока и запада, отъ сѣвера и юга, и не были ли всѣ эти животныя и пресмыкающіяся, чистыя и нечистыя, образомъ всѣхъ народовъ, обитающихъ землю? А если такъ, то не было ли позволеніе, нѣтъ—даже повелѣніе, ѣсть какъ чистое, такъ и нечистое указаніемъ на то, что левитскій законъ былъ близокъ къ отиѣнѣ (Евр. viii, 13) и что съ нимъ также неизбѣжно должно исчезнуть то отвращеніе отъ всякаго общенія съ языческими народами, которое главнымъ образомъ основывалось на его постановленіяхъ? Что въ самомъ дѣлѣ могло означать повелѣніе, которое прямо противорѣчило повелѣнію Моисея (Лев. xi, 7; Втор. xiv, 8)? Не означало ли оно въ дѣйствительности, что все должно было обновиться? Что даже эти нечистыя твари нужно считать такими, которыя исходятъ съ неба, и что въ этомъ новомъ мірѣ, въ этомъ чистомъ мірѣ нельзя уже больше называть язычниковъ «собаками», но что іудеи и язычники должны были встрѣтиться въ совершенномъ равенствѣ между собой, одинаково очищенные кровію Христа?

Связь между символомъ и означаемымъ предметомъ здѣсь не такъ отдаленна и произвольна, какъ обыкновенно предполагаютъ. Различіе между чистой и нечистой пищею было одной изъ непреодолимыхъ преградъ между язычникомъ и іудеемъ, преградой, которая не допускала никакого общенія между ними, такъ какъ она дѣлала невозможнымъ для нихъ встрѣтиться за однимъ и тѣмъ же столомъ или въ общественной жизни. Въ обществѣ язычника іудеи на каждомъ шагѣ подлежали тѣмъ обрядовымъ оскверненіямъ, которыя влекли за собою всевозможныя отлученія и неудобства, и мало того — сами язычники дѣлались нечистыми въ глазахъ іудеевъ главнымъ образомъ чрезъ принятіе нечистой пищи. Едва ли можно выразить словами ту напряженность ужаса и отвращенія, съ которою іудеи относились къ свиньямъ ⁴³²⁾. Онѣ были для него самымъ воплощеніемъ всего того, къ чему онъ относился со всею силою омерзенія. Онъ избѣгалъ даже самаго названія свиньи по имени, а говорилъ о ней только какъ о *дабуръ ашеръ* («нѣкая вещь»). Когда при Гирканѣ свинью коварно положили въ сундукъ и подняли на стѣну Иерусалима, то іудеи рассказывали, что тотчасъ землетря-

сене поклёбало св. землю ⁴³⁹). И однако же это грязное и свирёлое животное, о котором нельзя было даже и думать без осквернения себя, было не только главным лакомством на языческих пирах ⁴⁴⁰), но в той или другой формѣ было самымъ обыкновеннымъ предметомъ языческаго потребления. Какъ же могъ Іудей соприкасаться или даже говорить съ человѣческимъ существомъ, которое свободно лакомилось свинымъ мясомъ и которое даже быть можетъ въ этотъ самый день ѣло эту мерзость? Ощущение всякихъ предметовъ пищи было гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ какъ доселѣ думали, условіемъ принятія язычниковъ въ полное равенство во всѣхъ преимуществахъ.

И несомнѣнно, когда такіа мысли пронеслись по душѣ ап. Петра, онъ вспомнилъ также ту замѣчательную «притчу» Іисуса, объясненія которой онъ, съ своими собратьями, иногда спрашивалъ у Него. Іисусъ въ немногихъ словахъ, но предвѣрилъ имъ тѣмъ выразительнымъ обращеніемъ, къ какому Онъ прибѣгалъ для привлеченія особеннаго вниманія къ изреченію, имѣвшему болѣе чѣмъ обыкновенное значение и глубину: *«слушайте Меня съ и разумите»; «имѣющие уши слышать, да слышатъ»* (Марк. VII, 14, 16), — сказала: «ничто входящее въ чловѣка навнѣ не можетъ осквернить его; но что исходитъ изъ него, то оскверняетъ чловѣка». Что Онъ затѣмъ продолжалъ говорить именно о томъ, что оскверняетъ чловѣка лишь то, что исходитъ изъ него, — это довольно легко было понять и заключало въ себѣ глубочайшую истину; но имъ такъ трудно было понять первую половину этого положенія, что они попросили Его объяснить «притчу», которая, какъ казалось имъ, находилась въ прямомъ противорѣчій съ Моисеевымъ закономъ. Выражая свое удивленіе недостатку имъ разума, Онъ показатъ имъ, что то, что входитъ въ чловѣка совѣй, дѣлается только частью его тѣлеснаго организма, входя «не въ сердце его, а въ чрево и выходя воны». *Этимъ именно*, сказалъ Онъ, какъ ты можешь теперь въ первый разъ съ полною ясностью представилось уму Петра — *«сочисается всякая пища»* ⁴⁴¹), и продолжалъ затѣмъ развиватъ тѣ великія истины касательно внутренняго характера всякаго дѣйствительнаго оскверненія и касательно зарожденія всякаго преступленія и злыхъ мыслей, которыя заключаютъ въ себѣ столь торжественное предостереженіе. Намъ кажется, что именно это видѣніе въ Іонію впервые успало ап. Петру истинное значеніе одного изъ тѣхъ ясныхъ изреченій Христа, въ которыхъ высказывалась грядущая отмена Моисеева закона. Несомнѣнно тому факту, что ап. Петръ, какъ руководитель св. Марка при написаніи его евангелія и единственный авторитетный свидѣтель этого видѣнія въ дѣяніяхъ Апостольскихъ, есть источникъ *обоихъ* повѣствованій, — мы обязаны тѣмъ доселѣ незамѣченнымъ обстоятельствомъ, что два слова «сочисать» и «осквернять», очевидно имѣющія особенное значеніе, являются двумя наиболее выдающимися словами въ повѣствованіи объ *обоихъ* событіяхъ.

Когда такимъ образомъ ап. Петръ размышлялъ, озадаченный, но въ то же

время и озаренный въ своей проясняющейся душѣ новымъ свѣтомъ, случилось обстоятельство, которое придало его видѣнію полное значеніе. Воспитанный, подобно *всѣмъ* Іудеямъ, въ полной вѣрѣ въ постоянную дѣятельность провидѣнія во *всѣхъ*, какъ величайшихъ, такъ и самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ жизни, Петръ былъ какъ разъ въ томъ настроеніи, въ которомъ онъ всего болѣе способенъ былъ принять дальнѣйшія указанія воли Божіей, откуда бы они не исходили. Привыкшимъ источникомъ такого руководства въ то время были небесные голоса, которые Іудеи считали единственными оставшимися у нихъ способомъ вдохновеннаго вразумленія и которымъ они давали названіе *Бат-колы* ⁴⁴²). Первые слова, которыя Петръ услышалъ послѣ своего необычайнаго видѣнія, были произнесены голосами язычниковъ. Во дворѣ, подъ нимъ, находились три язычника, изъ которыхъ одинъ былъ въ одѣяніи воина. Спросивъ, гдѣ находится домъ Симона кожевника, они затѣмъ спросили, живетъ ли здѣсь Симонъ, прозываемый Петромъ. Лучъ небеснаго свѣта тотчасъ же озарилъ его душу. Онъ видѣлъ чудесную связь между своимъ видѣніемъ и вопросомъ этихъ язычниковъ, и внутренній голосъ предупредилъ его, что эти люди пришли по внушенію воли Божіей и что онъ долженъ идти съ ними безъ всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ или замедленій. Онъ тотчасъ же повиновался, сошелъ съ крыши, сказалъ спрашивающимъ, что онъ то самое лицо, которое они ищутъ, и спросилъ, что имъ нужно. Они имѣли странное порученіе. «Корнилія», — сказали они, — сотникъ, мужъ добродѣтельный и боищійся Бога, обоимъ всѣмъ народамъ Іудейскимъ, получилъ отъ святаго ангела повелѣніе призвать тебя въ домъ свой и послушать рѣчь твоихъ». Петръ тотчасъ же предложилъ бесплатное и простое гостепріимство, обычное на востокѣ, и такъ какъ было слишкомъ жарко и они слишкомъ были утомлены, чтобы сразу же пускаться въ обратный путь, они остались съ нимъ до слѣдующаго утра. Дальнѣйшій разговоръ могъ показатъ Петру, что Корнилій былъ сотникомъ италіянскаго отряда ⁴⁴³), что «не только онъ, но и весь его домъ, боялись Бога»; что щедрость его милостынъ и искренность его молитвъ были *всѣмъ* извѣстны; и что внушеніе послать за Петромъ даю было ему въ то время, когда онъ постился предыдущимъ днемъ въ три часа дня. Онъ исполнилъ это внушеніе съ такою быстротою, что, не смотря на жаръ и пятидесятиверстное разстоеніе по берегу и равнинѣ, посланные имъ прибыли въ Іонію къ полудню слѣдующаго дня.

Слѣдующимъ утромъ *всѣ* они отправились въ путешествіе, которое должно было имѣть такіа важныя слѣдствія. Какое глубокое значеніе самъ ап. Петръ придавалъ послѣдствіямъ, могущимъ произойти изъ этого, видно изъ того, что онъ пригласилъ не менѣе шести изъ своихъ братьевъ въ Іонію сопроводить его и быть свидѣтелями всего, что должно было совершиться ⁴⁴⁴). Путешествіе продолжалось два дня, такъ какъ на востокѣ вообще путешествуютъ медленно и идти можно было только во время часовъ прохлады. Такимъ образомъ только на четъ

вертый день послѣ видѣнія Корнилія, въ первый разъ въ теченіе 2,000 лѣтъ іудеи и язычники встрѣтились на широкой почвѣ совершеннаго религіознаго равенства предъ Богомъ, ихъ общимъ Отцемъ. Пораженный священнымъ характеромъ этого случая, пораженный также быть можетъ чѣмъ либо во внѣшности главнаго изъ апостоловъ, Корнилій, который вышелъ встрѣчать Петра, на порогѣ повергся къ его ногамъ ⁴³⁹), подобно тому, какъ 300 лѣтъ предъ тѣмъ Александръ Великій повергся къ ногамъ первосвященника Іаддуя ⁴⁴⁰) и шесть столѣтій спустя Эдвинъ Деирскій — къ ногамъ Павлина ⁴⁴¹). Петръ тотчасъ же поднялъ благочестиваго воина и, несомнѣнно къ удивленію сопровождавшихъ его собратій, быть можетъ даже къ своему собственному удивленію, нарушилъ всѣ преданія своей жизни, равно какъ и національные обычаи многихъ вѣковъ, вступивъ съ нимъ въ свободный разговоръ въ присутствіи собравшихся языческихъ родственниковъ сотника. Это онъ дѣлалъ не изъ забывчивости вслѣдствіе особенной восторженности, но съ полнымъ сознаніемъ, что онъ, дѣлая теперь то, что доселѣ считалось нечестивымъ ⁴⁴²), дѣлалъ это согласно съ божественнымъ откровеніемъ. Корнилій затѣмъ рассказалъ о причинахъ, побудившихъ его послать за Петромъ, и апостолъ началъ свою торжественную рѣчь къ нимъ знаменитымъ заявленіемъ, что теперь онъ съ несомнѣнною увѣренностью видѣлъ, что «Богъ не лицепріятенъ, но во всякомъ народѣ бои́ййся Его и поступа́ющій по правдѣ пріятенъ Ему» ⁴⁴³). Никогда не изрекалось болѣе возвышенныхъ словъ. Но ихъ нельзя истолковывать въ томъ смыслѣ, въ какомъ толкуютъ ихъ сектанты, именно, что «всякій человѣкъ спасется тою вѣрою, которую онъ исповѣдуетъ», такъ что онъ долженъ стараться сообразовать свою жизнь съ этимъ закономъ и свѣтомъ природы». Если бы это именно разумѣлъ апостолъ, что было бы совершеннымъ анахронизмомъ въ отношеніи его, то ему не было бы надобности проповѣдывать Корнилію, какъ это онъ сдѣлалъ, главныя истины христіанской вѣры; для него было бы достаточно внушить Корнилію продолжать свою молитву и благотворительность, не раскрывая ему единственнаго подъ небесемъ имени Іисуса Христа, чрезъ которое вѣрующій получить прощеніе. Петръ разумѣлъ безразличіе въ національности, а не безразличіе въ религіи. Всѣ, кто по силѣ возможности, боятся и любятъ Бога съ искренностью въ сердцѣ, будутъ спасены чрезъ искупленіе Христа; нѣкоторыхъ изъ нихъ и даже многихъ Онъ приведетъ къ познанію Его въ этой жизни и всѣ увидятъ и познаютъ Его въ жизни грядущей (ср. Римл. II, 6, 10, 14, 15).

Петръ затѣмъ продолжалъ напоминать этимъ язычникамъ все, что они слышали ⁴⁴⁴) объ Іисусѣ Христѣ Господѣ всѣхъ: о Его жизни и служеніи послѣ крещенія Іоаннова; о томъ, какъ Богъ помазалъ Его Святымъ Духомъ и силою; какъ Онъ ходилъ повсюду, благотворя и исцѣляя всѣхъ, страдавшихъ подъ тиранніей діавола; затѣмъ о распятіи и воскресеніи изъ мертвыхъ, свидѣтелями которыхъ были ученики, предназначенные голосомъ своего

воскресшаго Спасителя свидѣлствовать, что Онъ есть опредѣленный Судія живыхъ и мертвыхъ. И въ то время, когда Петръ продолжалъ разъяснять на основаніи пророковъ, что всѣ, кто вѣруетъ въ Него, должны получить прощеніе грѣховъ имени Его, вдругъ на этихъ некрещеныхъ язычниковъ, какъ и на присутствовавшихъ іудеевъ, снизошло то высшее вдохновеніе, которое дало имъ даръ языковъ, какъ и апостоламъ во время Пятидесятницы: «Духъ Святой сошелъ на всѣхъ». Шестъ собратій, которые сопровождали Петра изъ Іопіи, конечно должны были изумиться. Эти некрещеные, необрѣзанные, нечистые люди, бывшіе идолопоклонниками, языческими собаками, пожирателями нечистыхъ животныхъ, самое прикосновеніе къ которымъ влекло за собою обрядовое оскверненіе,—говорили и славили Бога въ выраженіяхъ, которые могли исходить только изъ сердца до сокровеннѣйшей глубины возбужденныхъ божественнымъ вліяніемъ. Съ смѣлою готовностью Петръ воспользовался благоприятнымъ моментомъ. Видѣнное имъ зрѣлище подняло его выше всѣхъ іудейскихъ предразсудковъ и вздымающийся потокъ убѣжденности смылъ догматы и привычки его раннихъ лѣтъ. Ссылаясь на это доказательство духовнаго равенства язычника съ іудеемъ, онъ спросилъ: «можетъ ли кто запретить креститься водою»? Никто не оспаривалъ принудительности доказательствъ того, что Богъ хотѣлъ допустить Корнилія и его друзей къ преимуществамъ христіанскаго братства. Петръ не только повелѣлъ имъ креститься во имя Господне, но даже охотно принялъ ихъ приглашеніе «пробыть у нихъ нѣсколько дней».

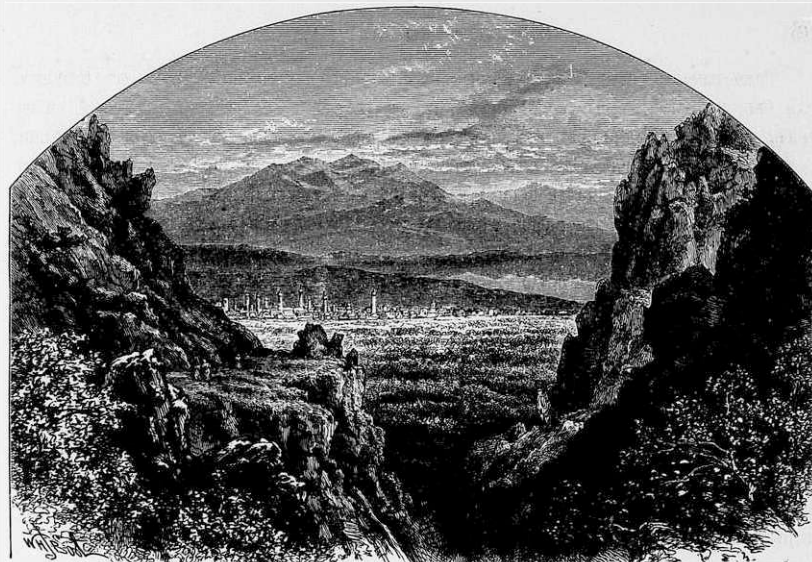
Извѣстіе о такомъ изумительномъ переворотѣ скоро достигло Іерусалима, и когда Петръ возвратился въ св. городъ, то онъ былъ встрѣченъ со стороны болѣе строгихъ зилотовъ, присоединившихся къ христіанству, тѣми изъ нихъ, о которыхъ мы послѣ услышимъ какъ о приверженцахъ обрѣзанія, съ негодующимъ ропотомъ: «ты ходилъ къ людямъ необрѣзаннымъ и ѣлъ съ ними» ⁴⁴⁵). Сообщаться съ ними, входить въ ихъ домъ—развѣ это не было достаточнымъ оскверненіемъ? Соприкоснуться въ обыденной жизни съ людьми, которые никогда не принимали печати завіта, ежедневно соприкасаться съ тѣми, которые «жрали омерзительныя вещи въ своихъ сосудахъ» — развѣ это не было достаточно ужаснымъ? Но *нѣтъ съ ними, ѣсть пищу, приготовленную язычниками, вкушать мясо, которое незаконно убито языческими руками, пренебрегать правилами Кашара, принимать пищу изъ блюдовъ, оскверненныхъ всякимъ родомъ нечистыхъ насѣкомыхъ или животныхъ и даже быть можетъ «нѣкою вещью»*—можно ли было подумать объ этомъ безъ ужаса и омерзенія ⁴⁴⁶)?

Такимъ образомъ ап. Петръ былъ встрѣченъ въ Іерусалимѣ чѣмъ-то въ родѣ укора. Но онъ встрѣтилъ эту бурю съ полнымъ мужествомъ ⁴⁴⁷). То, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ не произвольно, а на каждомъ шагѣ подъ прямымъ водительствомъ Божиимъ. Онъ рассказалъ имъ о своемъ видѣніи на кровлѣ въ Іопіи и о томъ явленіи ангела, которое побудило Корнилія обратиться къ нему. Нако-

нецъ онъ сослался на изліяніе Св. Духа, которое въ этихъ язычникахъ проявилось тѣми же самыми знаменіями, какъ и въ нихъ самихъ. Развѣ это не было обѣтованнымъ крещеніемъ Духомъ Святымъ? Не было ли это доказательствомъ того, что Богъ принялъ этихъ язычниковъ въ такой же полнотѣ, какъ онъ принялъ и *ихъ*? «Кто же я, чтобы могъ воспренятствовать Богу?»

Смѣлая защита на время заставила смолкнуть противниковъ нововведенія, которое они считали противнымъ писанію и закону. Они не могли оспаривать фактовъ, подтвержденныхъ прямымъ свидѣтельствомъ ихъ шести собратій, которыхъ Петръ, сознавая важность событія, благоразумно бралъ съ собою изъ Іонніи, какъ равнымъ образомъ не могли отрицать и видимаго одобренія неба. Большинство было въ пользу недоумѣннаго, но благодарнаго признанія совершившагося. Но послѣдующія событія ясно доказываютъ, что между ними было все-таки недовольно нѣкоторое меньшинство, совершенно не расположенное жертвовать исключительностью своихъ преимуществъ въ пользу равенства въ царствѣ Божіемъ. Даже и въ языкѣ нѣкоторыхъ другихъ ⁴⁴⁸) мы замѣчаемъ слабый отголосокъ недовольства и недоумѣнія. Да и вообще они не хотѣли допустить этого какъ общаго правила. Единственный пунктъ, на который они соглашались, заключался не въ томъ, чтобы язычниковъ допустить къ полному общенію безъ обрѣзанія, а еще менѣе въ томъ, чтобы вообще оправдывать іудеевъ въ принятіи съ ними пищи, какъ это дѣлалъ Петръ, но только въ томъ, что «видно, и язычникамъ далъ Богъ покаяніе въ жизнь».

Между тѣмъ, и насколько мы видимъ, совершенно независимо отъ этого первоначальнаго движенія, церковь переживала новый и важный кризисъ въ Сиріи, который перенесъ митрополию христіанства изъ Іерусалима въ Антиохію, какъ вполнѣдствіи она перенесена была изъ Антиохіи въ Римъ.

Видъ Антиохіи при приближеніи къ ней.

КНИГА V. АНТИОХІЯ.

ГЛАВА XVI. ВТОРАЯ СТОЛИЦА ХРИСТИАНСТВА.

Если злословить васъ за имя Христово,
то вы блаженны. 1 Петр. iv, 14.
Ихъ изъ ненависти и презрѣнія народъ
назвалъ христіанами. Тацитъ.
Я христіанинъ. Муч. Поликарпъ.

УКОВОДЯЩІЙ Промыслъ Божій такъ ясно замѣтенъ въ ходѣ человѣческихъ событій, что христіанинъ едва ли нуждается въ дальнѣйшемъ доказательствѣ того, что въ нихъ существуетъ «рука направляющая». Въ событіяхъ его собственной незамѣтной жизни дѣйствія Божіи часто бываютъ сокрыты отъ него. Но когда онъ слѣдитъ за исторіей народовъ и религій, онъ ясно можетъ услѣдить божественныя цѣли и видѣть уроки, которые рука Божія пишетъ на всякой страницѣ исторіи. Что кажется крайнею гибелью часто есть полное спасеніе; что считалось жестокимъ бѣдствіемъ постоянно превращается въ величайшее благо.

Такъ именно было съ гоненіемъ, которое послѣдовало по смерти св. Стефана. Если бы оно было менѣ жестоко, то оно не достигло бы предназначенной цѣли. Савль, разрушая церковь іерусалимскую, неосознанно закладывалъ основы, на которыхъ впослѣдствіи онъ—тотъ же самый, но уже не тотъ же—долженъ былъ самъ созидать зданіе церкви Божіей. Савль-гонитель противоположными средствами дѣлалъ то же самое дѣло, какъ и Павелъ-апостоль.

Когда члены юной церкви бѣжали въ ужасѣ изъ св. города, они далеко разнесли съ собою благовѣстіе изъ Іерусалима. Сначала, какъ и естественно было, они бесѣдовали только съ іудеями. Они не скоро могли услышать о томъ, какъ Филиппъ благовѣствовалъ въ Самаріи и какъ своимъ крещеніемъ внуха онъ допустилъ въ церковь Христову того, кого Моисей исключалъ изъ общества Израиля. Крещеніе благочестиваго воина совершилось еще позднѣе и вѣсть о немъ не сразу могла дойти до разбѣянныхъ христіанъ. Въ Финикіи поэтому и на Кипрѣ проповѣдничество ихъ сначала ограничивалось предѣлами іудейства, и только когда уже странствующие еллинисты прибыли въ Антіохію, они осмѣлились *проповѣдывать язычникамъ* ⁴⁴⁰). Были ли это лишь такіе язычники, которые уже приняли «Ноевъ завітъ», или между ними были и другіе, которые еще ни въ какомъ отношеніи не были приверженцами синагоги, объ этомъ намъ не сообщается. Греческіе прозелиты въ это время были зауряднымъ явленіемъ во всякомъ значительномъ городѣ имперіи (см. Дѣян. xiv, 1; xviii, 4; Іоан. xii, 20), и возможно предполагать, что они-то и давали большинство по крайней мѣрѣ новыхъ обращенцевъ. Какъ бы то ни было, дѣятельность этихъ безыменныхъ благовѣстниковъ была въ высшей степени успѣшна. Она получила печать благословенія Божія и множество грековъ обратилось къ Господу. Фактъ этотъ есть не что иное, какъ начало обширнаго *обращенія язычниковъ*. Это одинъ изъ великихъ *моментовъ* въ развитіи дѣятельности, начатой Стефаномъ, продолженной Филиппомъ, освященной Петромъ и наконецъ завершившейся въ жизни, дѣятельности и посланіяхъ ап. Павла.

Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Іерусалима, оно возбудило большое вниманіе, и члены церкви рѣшили послать кого-нибудь изъ своей среды для наблюденія за происходящимъ. Выборъ посланнаго показывалъ, что доселѣ еще преобладали совѣты партіи умѣренности, потому что они отправили великодушнаго и примирительнаго Варнаву. Левитское происхожденіе и та жертва, которую онъ сдѣлалъ изъ своей собственности въ пользу общаго достоянія, сочетались въ немъ съ симпатичнымъ характеромъ и свободною культурою, дававшими ему естественный авторитетъ, которымъ онъ всегда располагалъ въ пользу человеколюбія и мудрости.

Прибытіе такого человѣка было особеннымъ благомъ. Эта новая церковь, которая въ огромной части состояла изъ язычниковъ, предназначена была служить источникомъ новаго направленія въ развитіи христіанства. Варнава увидѣлъ

благодать Божію въ этомъ дѣлѣ и радовался ему, оправдывая свое счастливое наименованіе «сына утѣшенія» увѣщаніемъ вѣрующихъ всѣмъ сердцемъ прилѣпляться къ Господу. Его дѣятельность привлекла еще больше обращенцевъ, потому что, какъ съ выразительнымъ одобреніемъ прибавляетъ св. Лука, «онъ былъ мужъ добрый и исполненный Духа Святаго и вѣры».

Дѣло шло успѣшно въ его рукахъ и требовало столько мудрости, знанія и энергіи, что онъ скоро почувствовалъ нужду въ сотрудникѣ. Несомнѣнно, если бы онъ пожелалъ этого, онъ могъ бы заручиться содѣйствіемъ одного изъ апостоловъ или изъ ихъ довѣренныхъ сотрудниковъ. Но Варнава невольно замѣтилъ, что болѣе свѣжая точка зрѣнія, болѣе ясный умъ, болѣе широкое образованіе, болѣе полная свобода отъ старыхъ убѣжденій нужны были для столь великаго и деликатнаго дѣла. Самъ еллинистъ и теперь будучи призванъ къ служенію не только для еллинистовъ, но и для грековъ, онъ желалъ помощи человѣка, который бы поддерживалъ дѣло истины и свободы съ наибольшою способностью и непоколебимою убѣжденностью. Былъ только одинъ человѣкъ, кто во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчалъ его требованіямъ. Это былъ уполномоченный синедріона, зилотъ изъ фарисеевъ, нѣкогда бывший гонителемъ, Савль Тарсійскій. Со времени своего побѣга изъ Іерусалима Савль сдѣлался болѣе или менѣе незамѣтнымъ у руководящихъ апостоловъ. Мы теряемъ его изъ виду въ Кесаріи на его пути въ Тарсъ, и все, что Варнава теперь зналъ о немъ, было то, что онъ спокойно жилъ дома, ожидая призванія со стороны Господа. Вслѣдствіе этого онъ отправился за нимъ, и самый оборотъ выраженія показываетъ, что онъ не безъ затрудненія нашелъ его. Павелъ охотно принялъ приглашеніе оставить свое заключеніе и присоединиться къ своему другу на поприщѣ этого новаго труда въ великой столицѣ Сиріи. Такимъ образомъ Варнава дважды спасалъ Савла для дѣла христіанства. Его самоотверженному благородству раньше всѣхъ другихъ принадлежитъ честь признанія пылкой энергіи, неуспянной дѣятельности, непоколебимаго мужества, озареннаго и озаряющаго разума, которымъ предложено было пойти на дѣло возрожденія и просвѣщенія міра свѣтомъ евангелія.

Для начала такого служенія не могло быть болѣе удобнаго мѣста, чѣмъ Антіохія. Объ этой царницѣ Востока, объ этой третьей митрополіи міра, объ этой резиденціи императорскаго легата Сиріи, объ этомъ обширномъ городѣ быть можетъ съ полумилліоннымъ населеніемъ не должно судить по ничтожному, бѣдному, разрушенному землетрясеніями Антакіе настоящаго времени ⁴⁵⁰). Это былъ не просто восточный городъ съ низкими, плоскими кровлями и грязными, узкими улицами, а греческая столица, обогащенная и увеличенная римскою щедростью. Антіохія лежитъ въ пунктѣ соединенія между хребтами Ливана и Тавра. Ея естественное положеніе на сѣверномъ склонѣ горы Сильпія съ судоходною рѣкою, широкимъ историческимъ Оронтомъ, текущимъ у ея подножія, было и

красиво и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно. Извивы рѣки орошали всю поросшую лѣсомъ равнину, и такъ какъ городъ находился только въ 28 верстахъ отъ берега, то морское дыханіе давало ему здоровую прохладу. Эти естественныя преимущества еще болѣе увеличены были щедрымъ геніемъ древняго искусства. Построенный Селевкидами ⁴⁵¹⁾ въ качествѣ царственной резиденціи ихъ династіи, городъ на всемъ своемъ обширномъ многоверстномъ пространствѣ былъ окруженъ стѣнами изумительной высоты и толщины, которыя перекинуты были черезъ рѣкы и вершины горъ съ такимъ смѣлымъ величіемъ замысла, что придавали городу видъ, будто онъ защищался самыми окружающими его горами, какъ будто эти исполинскіе оплоты были его естественными стѣнами. Дворецъ царей Сиріи находился на островѣ, образовавшемся вѣдѣствіе искусственнаго канала и рѣки. По всей длинѣ города отъ Золотыхъ или Дафнійскихъ воротъ къ западу проходилъ почти на десять верстъ великолѣпный проспектъ, украшенный деревьями, коллонадами и статуями. Первоначально построенный Селевкомъ Никаторомъ онъ поддержанъ былъ Продомъ Великимъ, который, какъ для удовлетворенія своей страсти къ архитектурѣ, такъ и въ награду народу антиохійскому за его расположеніе къ іудеямъ, вымостилъ его на пять верстъ плитами бѣлаго мрамора ⁴⁵²⁾. Широкіе мосты перекинуты были чрезъ рѣку и ея различные притоки; бани, водопроводы, базилики, виллы, театры тѣснились на ровной долинѣ и, отбѣняемые живописными и скалистыми уступами, придавали городу блескъ достойный его славы, уступавшей величіемъ развѣ только Александріи и Риму. Съ этимъ блескомъ соединялись безчисленные признаки роскоши и удобства. Подъ вѣтвистыми деревьями, отбѣнявшими берега рѣки, среди садовъ блиставшихъ массами цвѣтовъ, среди лавровыхъ и миртовыхъ рощъ сверкали веселыя виллы богатѣйшихъ жителей, украшенныя греческими фресками со всею изысканностью, какую только римское богатство могло позаимствовать у іонической роскоши. Искусство приходило на помощь для возвышенія красотъ природы и одна исполинская скала горы Сильпія, высившаяся надъ городомъ, была вытесана искусствомъ Леія въ подобіе человѣческое. Во дни Антиоха Епифана эпидемія свирѣпствовала въ странѣ и для того, чтобы утишить гнѣвъ боговъ, царь приказалъ скульптору всю горную массу вытесать въ одну огромную статую. Огромное сумрачное лицо подъ скалистымъ подобіемъ короны смотрѣло на площадь города и извѣстно было у антиохійцевъ подъ названіемъ Харонія, будто бы изображавшаго «того мрачнаго перевозчика», который перевозилъ души мертвыхъ въ своей мрачной лодкѣ чрезъ воды Стикса.

Понятно, что такой городъ долженъ былъ привлекать огромную массу жителей, и жители эти были всевозможныхъ національностей. Основа населенія состояла изъ природныхъ сиріянъ, представителями которыхъ въ настоящее время служатъ марониты ⁴⁵³⁾; но сирійскіе цари приглашали множество колонистовъ для населенія ихъ резиденціи, и важнѣйшими изъ нихъ были греки и

Развалины стѣнъ Антиохіи.

иудей. Послѣ завоеванія Сиріи Помпеемъ къ нимъ прибавился гарнизонъ римлянъ⁴⁵⁴). Дворъ легата сирійскаго, окруженный военнымъ блескомъ, привлекалъ въ свой блестящій кругъ не только множество хищныхъ и властолюбивыхъ чиновниковъ, но также множество разныхъ льстецовъ, рабовъ, художниковъ, литераторовъ и вообще разныхъ приживаловъ, присутствие которыхъ казалось необходимымъ для двора императорскаго намѣтника. Автономія города и вслѣдствіе этого свобода его отъ налога на собственность дѣлала его пріятнымъ мѣстомъ обитанія для многихъ другихъ. Мягкіе, уступчивые и легконравные сиріане, хитрые, увертливые и развращенные греки внесли съ своей стороны не малую долю развращенія, усиливается разслабляющимъ климатомъ и легконравнымъ обществомъ. Рядомъ съ ними жила многочисленная колонія іудеевъ, управляемая, какъ и въ Александріи, своимъ собственнымъ архонтомъ и даже чѣмъ-то въ родѣ синедріона, но въ то же время всецѣло преданная центральному правительству въ Іерусалимѣ. Ливаній изъ личнаго опыта могъ утверждать, что тотъ, кто сидѣлъ на рыночной площади Антиохіи, могъ изучать нравы и обычаи всего міра.

Города, въ которыхъ постоянно происходитъ притокъ разноплеменнаго населенія, рѣдко бываютъ не безнравственными и не развращенными. Даже Римъ, при упадкѣ его цезаризма, содрогался при мысли о подонкахъ развращеннаго общества, которое, въ видѣ арлекиновъ, пандаровъ, музыкантовъ и танцовщицъ вливалось въ Тибръ изъ сирійскаго Оронта. Сатирическіе писатели его говорили объ этомъ вліяніи восточной жизни въ томъ смыслѣ, что она вносила новые міазмы даже въ тотъ тѣлѣ, который потокъ славы оставлялъ на голыхъ пескахъ греческой жизни⁴⁵⁵). Повидимому, таковъ уже законъ человѣческаго общенія, что, когда племена смѣшиваются между собою въ огромныхъ массахъ, худшія качества каждаго изъ нихъ усиливаются до общаго развращенія. Грязь и нечистые осадки соединяющихся потоковъ оскверняютъ чистоту и пріятность, которою они отличались прежде. Если бы іудеи были менѣе исключительны, менѣе высокомерны безразличны къ нравственному благу кого либо кромѣ себя, то они могли бы задерживать потокъ безнравственности. Но ихъ презрительная отчужденность или мѣшала имъ сдѣлать нѣкоторое усиліе для улучшенія состоянія своихъ согражданъ, или дѣлала ихъ усилія тщетными. Ихъ синагоги, одна по крайней мѣрѣ, зданіе которой имѣло притязаніе на нѣкоторую архитектурную красоту, такъ какъ была украшена бронзовою добычей, нѣкогда принадлежавшей храму іерусалимскому⁴⁵⁶) и возвращенной въ принадлежъ угрыженія совѣсти Антиохомъ Елифаномъ іудеямъ Антиохіи, — гордо вздымались среди сверкающихъ храмовъ боговъ Эллады. Но духъ тѣхъ, которые молились въ нихъ, дѣлалъ ихъ безчувственными свидѣтелями всего окружающаго, и іудеи, подавленные убѣжденіемъ, что они были единственными любимцами Іеговы, проходили съ улыбкой презрѣнія или съ дикимъ изувѣрствомъ плевали въ лицо тѣхъ статуй, которыхъ никакая классическая красота не

могла избавить отъ позора, заключавагося въ томъ, что онѣ были «нѣмыми идолами». Тамъ несомнѣнно были и другіе прозелиты, кромѣ Николая и Луки; но эти прозелиты, сколько бы ихъ ни было, до этого времени не оказывали замѣтнаго вліянія на веселый и преступный городъ. И если лучшіе изъ іудеевъ пренебрежительно относились ко всѣмъ попыткамъ дѣятельной пропаганды, зато тамъ несомнѣнно много было такихъ коварныхъ и безчестныхъ іудеевъ, которые поддерживали свои собственные интересы пропагандой нечестія. Если іудейская народность произвела не мало лучшихъ и величайшихъ людей въ чловѣчествѣ, то въ то же время она произвела не мало и самыхъ гнусныхъ и преступныхъ. Іудеи въ Антиохіи были совершенно такого же смѣшаннаго характера, какъ и іудеи въ Александріи или въ Римѣ, Паризѣ или Лондонѣ; и можно быть совершенно увѣреннымъ, что между ними было много такихъ, которые вмѣсто того, чтобы свидѣтельствовать объ Іеговѣ, только усиливали въ развращенной массѣ безбожное идолопоклонство и развращеніе.

Такимъ образомъ для большей массы населенія въ Антиохіи не было ничего такого, что могло бы въ полномъ смыслѣ называться религіей, которая служила бы оплотомъ противъ вздымающагося потока римской чувственности и греко-сирійской распущенности. То, что оставалось тамъ отъ религіи, принимало форму грубѣйшаго обожанія природы или самаго безсмысленнаго суетвѣрія. За нѣсколько лѣтъ до основанія христіанской церкви въ Антиохіи, въ 37 году, тамъ случилось одно изъ тѣхъ страшныхъ землетрясеній, которымъ этотъ городъ подвергался во всѣ времена⁴⁵⁷). На первый взглядъ казалось бы невѣроятнымъ, чтобы такой уметвенно развитый и литературный городъ, какъ Антиохіа, городъ остряковъ и философовъ, казуистовъ и риторовъ, поэтовъ и сатириковъ, — могъ сдѣлаться сразу предметомъ обольщенія со стороны жалкаго знахаря, по имени Дебборія, который заявлялъ, что онъ можетъ отвращать подобныя бѣдствія столько же смѣшными талисманами, какъ и пресловутыя шлюхи отъ землетрясенія, на которыя такъ часто встрѣчаются намеки въ новѣйшей литературѣ. Однако же, въ дѣйствительности, въ такомъ кажущемся противорѣчій нѣтъ ничего страннаго. Исторія не разъ доказывала, что границы атеизма соприкасаются съ предѣлами самаго страннаго легковѣрія⁴⁵⁸).

Въ этотъ-то городъ языческаго удовольствія, въ среду населенія, разореннаго общественными налогами и оскверненнаго самымъ необузданнымъ развратомъ, въ среду интригъ и беззаконій всякаго рода, худшаго въ чловѣческомъ родѣ населенія въ худшемъ изъ періодовъ чловѣческой исторіи⁴⁵⁹), — съ живымъ нетерпѣніемъ направлялся Савль Тарсійскій. По дорогѣ, въ восьми верстахъ отъ города, онъ долженъ былъ видѣть на берегахъ рѣки по крайней мѣрѣ опушку лавровъ, кипарисовъ и миртъ, указывавшихъ на «благодатную рощу Дафна у Оронта»⁴⁶⁰) и завидѣлъ быть можетъ даже колоссальную статую Апполона⁴⁶¹), высѣченную Селевкомъ Никаторомъ. Но въ рощи не было уже болѣе ничего благодатнаго, кромѣ ея

естественной и неизгладимой красоты, и несомненно набожный иудей ни за что не согласился бы войти въ ея оскверненные предѣлы. Эти предѣлы, которымъ предоставлено было право убѣжища, были, подобно всѣмъ убѣжищамъ въ древнія и новѣйшія времена, гораздо болѣе покровомъ для омерзительныхъ негодяевъ, чѣмъ для гонимой невинности (2 Макк. iv, 33), и эти тѣнистыя рощи были темными берлогами всякаго нечестія. Къ ихъ картинной живописности, къ ихъ богатой листвѣ, къ ихъ благоухающимъ травамъ, къ ихъ непрерывно бьющимъ фонтанамъ пламенный обращенецъ не могъ относиться съ восторгомъ. Онъ могъ только съ чувствомъ нѣкотораго недовольства вспоминать, что роща эта дала поводъ къ пословицѣ, которая выражала собою преизбытокъ ничтожества ⁴⁶²⁾, и что ея грязные притоны отвергли одинъ рѣдкій случай прикрыть добродѣтель отъ гоненія, когда именно добрый Онія былъ взятъ изъ нея и коварно убитъ правителемъ покровительствуемаго ею города ⁴⁶³⁾.

Таковъ-то былъ городъ, въ которомъ на Сингонской улицѣ началъ проповѣдывать Савлъ. Онъ могъ вступитъ въ него тѣми воротами, которыя вполнѣ назывались «воротами херувима», потому что 27 лѣтъ спустя (въ 70 г. по Р. Хр.) они были украшены коллосальными золочеными орнаментами, которые Титъ взялъ изъ храма іерусалимскаго. Это былъ населенный кварталъ по близости къ сенату, площади и амфитеатру, гдѣ всякій разъ, когда во время своей проповѣди Савлъ поднималъ глаза къ нижнимъ скаламъ горы Сильпія, онъ встрѣчался съ суровымъ взглядомъ и скалистой короной мрачнаго перевощика ада. Но почва была готова для его проповѣди. Это былъ глубочайшій мракъ предъ разсвѣтомъ. Когда человѣчество падаетъ до безнадѣжнаго скептицизма, помощь Божія часто бываетъ близко. «Среди развращенныхъ и сластолюбивыхъ антиохійцевъ, подавленныхъ горечью жизни и больныхъ отъ грѣха», тамъ во всякомъ случаѣ было много такихъ, которые, отчаявшись во всякомъ благородствѣ и чистотѣ, готовы были съ восторгомъ привѣтствовать проповѣдь всякой новой вѣры, которая бы обѣщала прощенье за прошлое и облагораживала настоящее. Дѣятельность развивалась и крѣпла, и въ теченіе цѣлаго года апостолы трудились въ братскомъ союзѣ и при постоянномъ взаимномъ ободреніи. Успѣхъ ихъ трудовъ въ высшей степени рѣшительно обозначенъ былъ изобрѣтеніемъ новаго слова, которое было предназначено для славнаго безсмертія; въ Антиохіи именно ученики Иисуса въ первый разъ названы были **христіанами**.

Всегда интересно отмѣчать возникновеніе новаго и особенно знаменитаго слова. Не мало было и такихъ словъ, которыя, получивъ общее признаніе, однако же существовали лишь временно. Не такъ было съ словомъ «христіанинъ». Оно отмѣчаетъ рѣшительную эпоху и было скорѣе произведеніемъ общества, чѣмъ какого-либо отдѣльнаго человѣка. Болѣе быть можетъ чѣмъ всякое другое когда либо изобрѣтавшееся слово оно составляетъ, если такъ можно выразиться, порогъ въ потокъ всемірной исторіи; оно означаетъ появленіе истинной вѣры среди языч-

никовъ и отдѣленіе этой вѣры отъ вѣроисповѣданія іудеевъ. Всѣ прежніе вѣка, народы и религіи несутъ ему свою дань. Лежащая въ его основѣ идея есть семитическая и сосредоточиваетъ въ себѣ вѣка ожиданія и пророчества въ исторической личности Того, который былъ помазанъ въ качествѣ пророка, первосвященника и царя для всего человѣчества. Но эта іудейская идея передается греческимъ словомъ, въ знакъ того, что великія религіозныя истины, хранителемъ которыхъ была доселѣ іудейская народность, отселѣ становились общимъ достояніемъ человѣчества и должны были поэтому выражаться на языкѣ, на которомъ заключалась наиболѣе совершенная литература міра и который былъ введенъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ народомъ, игравшимъ наиболѣе блестящую роль въ гражданскихъ лѣтописяхъ прошлаго. И эта греческая передача іудейской идеи была запечатлѣна римскою формой, принявъ латинское окончаніе ⁴⁶⁴⁾, какбы въ предзнаменованіе того, что это новое названіе должно было стать соразмѣрнымъ съ тѣмъ огромнымъ владычествомъ, которое располагало судьбами міра. И если слово это такимъ образомъ было связано съ глубочайшими и величественнѣйшими воспоминаніями прошлаго и настоящаго, то какая чудесная исторія предстояла ему въ будущемъ! Отселѣ оно должно было обозначать особенность, указывать сущность всего, что есть нравственновеликаго и идеальноблагороднѣйшаго въ состояніи человѣчества. Съ того времени, когда ревъ дикихъ звѣрей въ амфитеатрѣ прерывался мужественнымъ заявленіемъ *christianus sum*, «я христіанинъ», — съ тѣхъ поръ какъ мученики, подобно «воинству Сцеволы», укрѣпляли свое мужество этимъ названіемъ въ то самое время, когда, такъ сказать, безъ содроганія купались въ пламенбующемъ огнѣ, съ этимъ именемъ стала соединяться идея всякаго терпѣнія, всякаго героическаго постоянства, всякаго мисіонерскаго предпріятія, всякаго человѣколюбиваго усилія и всякаго самопожертвованія для общаго блага человѣчества. Какъ мало предполагали тѣ остряки въ Антиохіи, которые впервые напали на это слово, казавшееся имъ наиболѣе удачною кличкой для презрѣнной секты, что отселѣ весь ихъ городъ будетъ особенно знаменитъ вслѣдствіе связанныхъ съ нимъ «христіанскихъ» воспоминаній, что слава Селевка Никатора и Антиоха Епифана померкнетъ предъ славой Игнатія и Златоуста, и что долго спустя послѣ того, какъ могущество императорскихъ легатовъ покрыто уже было прахомъ забвенія, равно какъ и блистательный дворецъ Селевкидовъ, въ которомъ они жили, — міръ съ неустаннымъ интересомъ будетъ останавливаться на всякой подробности изъ жизни безвѣстнаго выходца съ Кипра и немошняго тарсійца, проповѣди которыхъ возбуждали въ нихъ только остроты и смѣхъ. Еще менѣе имъ конечно могло придти на мысль, что отселѣ все лучшее и величайшее въ искусствѣ, въ литературѣ, въ правительствѣ, въ философіи, въ краснорѣчьи, въ наукѣ, въ колонизаціи, наконецъ даже все, что есть лучшаго, чистѣйшаго и прекраснѣйшаго въ созданіяхъ человѣческихъ, будетъ обозначаться именно тѣмъ названіемъ,

которое предназначалось лишь въ смыслъ дерзкаго издѣвательства. Въ этомъ словѣ заключается тайна мудрости греческой, пылкая ревность латинскихъ отцевъ и краснорѣчіе тѣхъ и другихъ; уединенность отшельниковъ, набожность иноковъ, самоотверженность миссіонеровъ, знаніе ученыхъ, величественные планы государственныхъ мужей, отвага рыцарей, мужество реформаторовъ, любовь филантроповъ, чистота и миръ семействъ, все, что только есть благороднаго и возвышеннаго—все это отъ мрачной бѣдности катакомбъ до великолѣпія соборовъ составляетъ исторію христіанской церкви. И почему же все это заключалось въ этомъ одномъ словѣ? Потому именно, что оно является живымъ свидѣтелемъ того, что вѣра челоѣчества сосредоточивается не въ формулахъ, но въ исторической дѣйствительности, не въ мертвой системѣ, но въ живомъ лицѣ его Господа. Ироническая надпись на крестѣ Иисуса Христа была написана греческими, латинскими и еврейскими буквами, и этотъ крестъ, бывшій орудіемъ позора и муки, сталъ символомъ національной гибели іудея, добровольной преданности грековъ и римлянъ, сладостнѣйшихъ надеждъ и пламенной благодарности цивилизованнаго міра. На легкомысленныхъ улицахъ Антиохіи было изобрѣтено смѣшное и оскорбительное названіе, но вокругъ него навсегда сосредоточилась глубочайшая вѣра и чистѣйшая слава челоѣчества.

Мы высказали предположеніе, что названіе это было дано язычниками и дано болѣе въ насмѣшку. Оно не могло быть дано іудеями, которые предпочитали презрительное названіе «галилеянь»⁴⁶⁵⁾ и во всякомъ случаѣ не захотѣли бы оскорблять грязью отступничества (вѣдь такъ только они смотрѣли на это) слово, въ которомъ сосредоточивались ихъ наиболѣе желанныя надежды. Терминъ этотъ, по всей вѣроятности, не былъ изобрѣтенъ и самими христіанами. Въ новомъ заветѣ, какъ извѣстно, онъ встрѣчается трижды: одинъ разъ въ историческихъ замѣчаніяхъ о его происхожденіи и только въ двухъ другихъ мѣстахъ въ смыслѣ названія употребленнаго врагами. Оно было употреблено Агриппою II при его полунасмѣшливомъ, полубезномъ распросѣ ап. Павла⁴⁶⁶⁾ и оно употреблено ап. Петромъ въ смыслѣ обвинительнаго имени, подъ которымъ собратія подлежали преслѣдованію и порицанію (1 Петр. iv, 16). Но въ теченіе жизни апостоловъ оно повидимому не успѣло сдѣлаться ходячимъ среди самихъ христіанъ⁴⁶⁷⁾, и они предпочитали неопредѣленные и любящіе названія въ родѣ: «братія» (Дѣян. xv, 1; 1 Кор. vii, 12), «ученики» (Дѣян. ix, 26; xi, 29), «вѣрующіе» (Дѣян. v, 14), «святые» (Римл. viii, 27; xv, 25), «церковь Христова» (Ефес. v, 25), «путь Господень»⁴⁶⁸⁾, «избранные» (2 Тим. ii, 10), «вѣрные»⁴⁶⁹⁾, которыя получали еще болѣе нѣжности вслѣдствіе любвеобильнаго общенія ихъ между собою во время столь тяжкихъ испытаній и гоненій. Правда, впоследствии, когда названіе христіанъ приобрѣло столь сильное обаяніе, что самый звукъ его получилъ особенную силу, императоръ Юліанъ пытался запретить его употребленіе особымъ указомъ⁴⁷⁰⁾ и хотѣлъ возстановить вмѣсто

него болѣе позорное названіе «назарянь», которое еще и доселѣ въ ходу на востокѣ. По одному преданію названіе это было изобрѣтено Евдіемъ, первымъ епископомъ антиохійскимъ, и оно даже принято на соборѣ⁴⁷¹⁾. Но ошибочность его дѣлается ясною уже изъ того, что до этого времени самое слово «Христосъ» едва начало входить въ употребленіе въ качествѣ собственнаго имени, и то ходячее названіе, которымъ стали обозначать приверженцевъ Иисуса, повидимому возникло вслѣдствіе невѣжества и небрежности язычниковъ, которые, думая, что

Императоръ Юліанъ
(Изъ Visconti).

«Христосъ» есть имя, а не титулъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій ухватились за первое выдающееся слово, подъ которымъ стало имъ извѣстно христіанское проповѣдничество⁴⁷²⁾. Но даже и это слово, благодаря преобладанію римскаго вліянія, часто употреблялось въ испорченной формѣ *chrestiani*, какъ будто бы оно произошло отъ греческаго *chrestos* — *χρηστός* (превосходный), а не отъ *christos* — *χριστός* (помазанный)⁴⁷³⁾. Последнее названіе, возникшее вслѣдствіе возрѣвній и обычаевъ, которые дотолѣ были почти исключительно особен-

ностью иудеевъ, могло казаться мало понятнымъ для греческаго или римскаго слуха. Поэтому можно считать за достовѣрное, что это знаменитѣйшее изъ всѣхъ возвышеннѣйшихъ словъ обязано было своимъ происхожденіемъ остроумію, которымъ славились въ древности антиохійцы, часто изобрѣтавшіе удачныя наименованія ⁴⁷⁴). Но въ какомъ бы смыслѣ ни дано было это названіе, ученики скоро должны были принять столь подходящій для нихъ терминъ. Названіе, данное имъ въ качествѣ насмѣшливаго прозвища, они приняли какъ особое отличіе. Тѣ, кто впослѣдствіи ликовали отъ презрительныхъ поношеній и ругательствъ, радовались, когда ихъ называли даже *sarmenticiae* и *semachi* ⁴⁷⁵) (отъ названія тѣхъ столбовъ и кольевъ, къ которымъ ихъ привязывали), конечно не могли стыдиться названія, которое въ дѣйствительности было ихъ броней, ихъ побѣдной колесницей ⁴⁷⁶). Они гордились имъ тѣмъ болѣе, что даже невѣжественное искаженіе его, на которое мы только что указали, заключало въ себѣ знаменательный смыслъ. Если греки и римляне говорили правильно *Χριστός*—*Christus*, они высказывали невольное свидѣтельство всеобщему Царю; если они невѣжественно говорили *Χρηστός*—*Chrestus*, они свидѣтельствовали о безгрѣшномъ Богочеловѣкѣ. Говоря *χριστιανοί*—*christiani*, они показывали, что новая вѣра исходила отъ божественнаго лица; говоря же *χρηστianoί*—*chrestiani*, они употребляли слово, которое свидѣтельствовало о любвеобильности и благости ⁴⁷⁷). И кромѣ всего этого для самихъ христіанъ имя это было тѣмъ дороже, что оно постоянно напоминало имъ, что они были также помазанными отъ Бога, были святымъ народомъ, царственнымъ священствомъ, что они имѣли помазаніе отъ Св. Духа, который воспомянулъ имъ всякую истину ⁴⁷⁸).

Названіе это отмѣчаетъ въ высшей степени важный шагъ въ развитіи христіанства. Доселѣ на христіанъ смотрѣли какъ на темныхъ сектантовъ въ иудействѣ. Греки при своей легкомысленности, римляне при своей поверхностной презрительности ко всѣмъ «ненавистнымъ» и «иноземнымъ суевѣріямъ», никогда не давали себѣ труда разузнать, было ли какое нибудь различіе между иудеями и христіанами, и огуломъ приписывали всѣ внутреннія неурядицы, которыя то и дѣло нарушали миръ среди этихъ ненавистныхъ имъ фанатиковъ, подстрекательствамъ какой-то неизвѣстной личности по имени *Chrestus* ⁴⁷⁹). Между тѣмъ въ Антиохіи, третьемъ городѣ въ имперіи, народъ видѣлъ, что между двумя этими вѣрованіями было непримиримое различіе, и это онъ выразилъ уже тѣмъ самымъ, что далъ христіанамъ особое названіе, которое и стало навсегда печатью, обозначающею самую сущность ихъ вѣры и отдѣлявшей ихъ отъ религіи, въ которой они были рождены и воспитаны.

Появленіе такого названія ясно обозначаетъ успѣхъ, которымъ сопровождалось миссіонерское дѣло этихъ первыхъ благовѣстниковъ. Они трудились очевидно на почвѣ, которая обѣщала принести обильный плодъ. Съ какимъ порывомъ радости должны были болѣе благоразумные даже изъ иудеевъ привѣтство-

вать проповѣдь евангелія, которое выводило ихъ изъ положенія ненавистной колоніи, живущей въ смертельной враждѣ съ окружающими ихъ язычниками? Съ какимъ пыломъ и язычникъ, сердце котораго было тронуту и глаза котораго были открыты, долженъ былъ восторгаться божественнымъ озареніемъ и безграничнымъ упованіемъ? Какимъ блаженствомъ должно было трепетать его сердце отъ тѣхъ чувствованій, которыя были слѣдствіемъ изліянія Св. Духа и которыми сопровождалась благодать крещенія? Почувствовавъ новую жизнь, начинавшую струиться въ его иссохшихъ костяхъ, съ какимъ омерзеніемъ онъ долженъ былъ отвернуться отъ своего прежняго «я» и съ какимъ глубокимъ рвеніемъ бросить отравленные грозды язычества, чтобы собирать благодатные плоды, растущіе на древѣ жизни въ раю Божиѣмъ! Какой трепетъ, однимъ словомъ, испытывало его сердце, какой восторгъ чувствовала его душа отъ такихъ возвышенныхъ словъ: «и такими были нѣкоторые изъ васъ, но омылись, но освятились, но оправдались именемъ Господа нашего Иисуса Христа и Духомъ Бога нашего» ⁴⁸⁰).

Голова Юліана
(увеличена съ монеты въ Британскомъ музеѣ).

Видъ рѣки Оронта.

ГЛАВА XVII.

МУЧЕНИЧЕСТВО И ВОЗМЕЗДІЕ.

Слово же Божіе росло и распространялось.
Дѣян. хп, 24.

АКЪ росла и увеличивалась церковь Христова въ Антиохіи. Въ теченіе цѣлаго года (и это навѣрно былъ счастливѣйшій годъ въ жизни Савла) онъ трудился здѣсь съ своимъ возлюбленнымъ сотоварищемъ. Спокойный и примирительный тактъ Варнавы былъ вдохновляемъ ревностью Савла. Каждый изъ нихъ употреблялъ всѣ свои дарованія для того, чтобы устранить тысячи препятствій, которыя еще затрудняли свободное теченіе потока благодати Божіей. Очень возможно, что при восторженности столь успѣшнаго служенія Савла имѣлъ то восхищенное откровеніе, которое онъ описываетъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, именно когда онъ былъ восхищенъ въ рай до третьяго неба ⁴⁸¹⁾ и слышалъ неизреченныя слова, которыя

нельзя человѣку передать. Это было однимъ изъ тѣхъ восхищенныхъ состояній, которыя сами іудеи считали наивысшею формою откровенія, однимъ изъ тѣхъ моментовъ вдохновенія, въ которыхъ душа, подобно Моисею на Синаѣ, видитъ Бога лицомъ къ лицу и не умираетъ. Апостолу Павлу, какъ нужно имѣть въ виду, для совершенія предстоявшаго ему дѣла, требовались болѣе полное самоотверженіе, болѣе непоколебимая вѣра, болѣе безбоязненное мужество, болѣе свѣтлый взглядъ, болѣе славное торжество надъ несознательными предразсудками, чѣмъ всякому другому когда-либо жившему человѣку. Для него нужны были такіе именно моменты для поддержанія его невыразимыхъ тягостей, для возжиганія вдохновляющаго пламени въ такой жизни. Сіяніе на лицѣ Моисея могло исчезнуть какъ отблескъ съ горнаго пика по заходѣ солнца, но пылъ въ сердцѣ Павла никогда не могъ потухнуть. Невыразимые глаголы могли смолкнуть въ его душѣ, но ничто впослѣдствіи не могло изгладить того впечатлѣнія, которое произведено было этимъ вѣчнымъ откровеніемъ. Среди бурь и невзгодъ, среди борьбы и дѣятельности, даже въ тѣ моменты, когда гибла всякая земная надежда, голосъ Божій несомнѣнно все еще раздавался въ его сердцѣ, видѣніе Божіе все еще ярко рисовалось предъ его духовными очами.

Изъ времени этой дѣятельности сообщается только объ одномъ случаѣ, именно о посѣщеніи нѣкоторыхъ собратій изъ Іерусалима, изъ которыхъ одинъ, по имени Агавъ, предсказалъ о скоромъ наступленіи общаго голода. Предостереженіе это было не напрасно. Оно оживило чувство взаимности среди христіанъ въ Антиохіи и дало возможность первымъ изъ языческихъ церквей выразить свое почтеніе по отношенію къ достопочтимымъ собратіямъ, терпѣвшимъ нужду въ церкви іерусалимской, тѣмъ именно, которые «видѣли и слышали, осиявали руками своими Слово жизни» (1 Іоан. і, 1). Обитавшимъ въ Іудеѣ собратіямъ было сдѣлано приношеніе. Жители этой страны и особенно святаго города во всѣ времена, какъ даже и въ настоящее время, обыкновенно разсчитывали на *халуку* ⁴⁸²⁾ или милостыню, которая и теперь охотно дается имъ по ихъ бѣдности іудеями, живущими въ другихъ странахъ. Огромныя суммы, собираемыя въ видѣ храмовой подати, стекались въ переполненные сундуки *Бени Ханана*, какъ это бываетъ и теперь. Отдѣльными ручейками они обыкновенно утекаютъ и въ сундуки старѣйшинъ разныхъ *ашкеназимовъ* и *анисегодовъ*. Но конечно нельзя было надѣяться на то, чтобы изъ этихъ сокровищъ могла перепастъ нѣкоторая часть на облегченіе голода страждущихъ учениковъ. Священники, которые морили голодомъ своихъ ближайшихъ сослужителей и помощниковъ ⁴⁸³⁾, едва ли склонны были оказывать помощь своимъ бѣдствующимъ противникамъ. И вотъ язычники, которые пользовались духовнымъ благодѣяніемъ отъ іудейскихъ христіанъ, съ радостью вознаградили ихъ за это сборомъ милостыни на удовлетвореніе ихъ земныхъ нуждъ (Римл. хv, 26, 27). Собранныя такимъ образомъ суммы были ввѣрены церковью Варнавы и Савлу для доставки по назначенію.

Въ точности нельзя опредѣлить, въ которомъ собственно мѣсяцѣ эти посланные прибыли на помощь къ своимъ голодающимъ собратіямъ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это было въ 44 году. По своему прибытіи они нашли, что церковь находилась въ крайнемъ бѣдствіи отъ воздвигнутаго на нее новаго гоненія. Очень возможно, что свирѣпое гонительство еще разъ разсѣяло главныхъ апостоловъ, такъ какъ намъ ничего не сообщается о сношеніи съ ними посланныхъ представителей церкви антиохійской. Даже прямо говорится, что милостыня была вручена не апостоламъ, а старѣйшинамъ. Правда, что подъ именемъ старѣйшинъ могли подразумѣваться и апостолы. Но быстрый и чисто экономическій характеръ этого посѣщенія и совершенное молчаніе о дальнѣйшихъ подробностяхъ скорѣе повидимому подтверждаютъ первое предположеніе.

Церковь антиохійская была не единственной благотворительницей и помощницей бѣдствующимъ христіанамъ Іерусалима. Если юныя церкви помогали своимъ христіанскимъ братіямъ, то іудеи нашли себѣ благотворителей въ лицѣ членовъ одного замѣчательнаго дома, именно царской семьи адіавенской, исторія которой въ это время связывается съ исторіей Іудеи и проливаетъ знаменательный свѣтъ на раннія лѣтописи христіанства.

Адiавена, нѣкогда провинція Ассиріи, теперь составляетъ часть новѣйшаго Курдистана. Монобазъ, царь этой области, женился на своей сестрѣ Еленѣ и отъ этого брака имѣлъ двоихъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Изатъ, былъ любимцемъ своихъ родителей ⁴⁸⁴). Чтобы спасти его отъ зависти другихъ его братьевъ, царь и царица послали его ко двору Авеннерига, царя Харакса-Спазинскаго, который выдалъ за него свою дочь. Въ то время какъ онъ жилъ въ этомъ какбы почетномъ изгнаніи, одинъ іудейскій купецъ, по имени Ананія, сумѣлъ найти доступъ въ гаремъ Авеннерига и обратилъ въ іудейскую вѣру нѣкоторыхъ изъ его женъ. Этимъ путемъ онъ познакомился съ Изатомъ, котораго онъ также сдѣлалъ прозелитомъ. Отецъ предъ своею смертію вспомнилъ объ Изатѣ и предоставилъ ему княжество Харрское; а когда Монобазъ умеръ, то Елена собрала представителей и именитыхъ людей Адіавены и сообщила имъ, что Изатъ назначается наслѣдникомъ престола. Сатрапы приняли это рѣшеніе, но совѣтовали ей назначить своего старшаго сына Монобазу временнымъ правителемъ до прибытія его брата, а другихъ братьевъ заключить въ оковы, чтобы потомъ подвергнуть ихъ избіенію, согласно съ принятымъ обычаемъ древняго деспотическаго востока ⁴⁸⁵). Изатъ однако же по своему прибытіи былъ радостно привѣтствованъ и признанъ своимъ старшимъ братомъ, и самъ освободилъ всѣхъ своихъ остальныхъ братьевъ, хотя и отправилъ ихъ въ Римъ и къ другимъ сосѣднимъ дворамъ въ качествѣ заложниковъ. Впослѣдствіи мы изложимъ тѣ замѣчательныя обстоятельства, которыя привели его къ принятію обрѣзанія ⁴⁸⁶); теперь же только упомянемъ, что его царствованіе было продолжительно и успѣшно и ему удалось оказать столь важныя услуги Артабану, 19-му члену дома Арсакидовъ, что онъ полу-

чилъ отъ него царство Низибійское вмѣстѣ съ правомъ носить его тиару съ поднятою вверхъ острокопечностью и спать на золотой кровати, что считалось особеннымъ преимуществомъ царей персидскихъ. Но даже и раньше этихъ событій Елена была такъ поражена успѣхами и благочестіемъ своего сына, что сама приняла іудейство и въ это самое время жила въ Іерусалимѣ. Будучи необыкновенно богата и глубоко благоговѣя предъ іудейскими учрежденіями, она приняла дѣятельныя мѣры для облегченія бѣдствій голода, и привозомъ большого количества хлѣба изъ Александріи и сушеныхъ смоквъ съ Кипра она успѣла многихъ спасти отъ голодной смерти. Ея царственная щедрость находила большую поддержку въ пожертвованіяхъ Изата ⁴⁸⁷), приношеніями котораго іудеи пользовались и долго спустя послѣ прибытія Савла и Варнавы съ милостыней, привезенной ими изъ Антиохіи для своихъ страждущихъ собратій.

Монета Артабана

Они прибыли очевидно незадолго до пасхи или около половины марта, потому что св. Лука относитъ ихъ посѣщеніе ко времени Иродова гоненія, которое началось какъ разъ предъ этимъ великимъ праздникомъ и приняло бы особенно жестокий характеръ, если бы не было отвращено божественнымъ провидѣніемъ какъ разъ послѣ него. Да и помимо этого можно съ вѣроятностью полагать, что апостолы рассчитывали прибыть именно къ празднику какъ изъ естественнаго желанія присутствовать при этомъ великомъ годичномъ торжествѣ, такъ и потому, что въ это именно время бывало большое стеченіе поклонниковъ, и потому помощь ихъ могла быть особенно благовременною и необходимою.

Они прибыли слѣдовательно въ періодъ крайней опасности для маленькой церкви іерусалимской, которая доселѣ въ теченіе пяти лѣтъ наслаждалась ненарушимымъ миромъ ⁴⁸²).

Иродъ Агриппа I, о которомъ мы уже упоминали, былъ однимъ изъ тѣхъ своеобразныхъ характеровъ, въ которыхъ внѣшнее благочестіе уживается съ нравственною распущенностью. Въ другомъ своемъ сочиненіи мы рассказали странную исторію о той роли, которую въ одинъ замѣчательный день ему пришлось играть въ римской исторіи ⁴⁸⁹), а также о томъ, какъ его изворотливая рѣчь и рѣшимость спасли Римъ отъ революціи и поставили страннаго чудака Клавдія на престолъ его племянника. Клавдій, который при всей своей педантической и чисто женской эксцентричности не былъ лишенъ извѣстной доброты и прямоты, не отказался признать, что онъ обязанъ былъ этому іудейскому князю своей жизнью и своей имперіей. Вслѣдствіе этого вѣроятно, или по крайней мѣрѣ благодаря отчасти вліянію Агриппы, онъ вскорѣ, по восшествіи своемъ на престолъ, отмѣнилъ законъ «о нечестіи», на которомъ особенно настаивалъ Кай ⁴⁹⁰) и кото-

рымъ налагались самыя жестокія наказанія за всякое уклоненіе отъ боготворенія императора. Но дальнѣйшее расширеніе власти Агриппы повлекло за собою бѣдственные послѣдствія для церкви Христовой. Иудеямъ исполнѣ были возвращены всѣ ихъ привилегіи, которыми они когда-либо пользовались, и Агриппа отплылъ въ Палестину, исполнѣ заручившись императорскою благосклонностью и великолѣпными прирѣзками—въ видѣ Иудеи и Самаріи, Авилины и округа Ливанскаго ⁴⁹¹⁾ къ Трахонитской тетрархіи Ирода Филиппа, которую онъ получилъ при восшествіи на престолъ Кая ⁴⁹²⁾.

Понятно, что князь асмонейской крови ⁴⁹³⁾, обладая теперь столь же обширнымъ владѣніемъ, какъ и владѣніе его дѣда Ирода Великаго, долженъ былъ попытаться пріобрѣсти: любовь народа, управлять которымъ онъ былъ посланъ. Помимо тонкой политики, вынуждавшей поступать такъ, чтобы въ одно и тоже время нравиться иудеямъ и льстить римлянамъ, наслаждаться жизнью среди языческой роскоши и въ тоже время поддерживать репутацію набожнаго фарисея, — Агриппа повидимому былъ искрененъ въ своемъ желаніи по крайней мѣрѣ въ Иерусалимѣ быть точнымъ блюстителемъ Моисеева закона. Св. Лука даже въ своихъ краткихъ и какбы случайныхъ намекахъ на него обнаруживаетъ замѣчательную вѣрность историческимъ фактамъ, когда именно представляетъ его намъ съ этихъ двухъ сторонъ. Осуществляя свою политику, Агриппа старательно заискивалъ у иудеевъ и особенно у фарисеевъ. Онъ не упускалъ ничего такого, что могло бы пріобрѣсти ему ихъ довѣріе или польстить ихъ гордости; да и его жена Кипра ⁴⁹⁴⁾ повидимому также была привязана къ этой партіи, какъ и ея родственница Саломія, сестра Ирода Великаго ⁴⁹⁵⁾.

Ясно, что такой царь,—царь, желавшій поджигать чувство національности въ иудеяхъ ⁴⁹⁶⁾, удовлетворять саддукеевъ, находить поддержку у фарисеевъ и быть популярнымъ въ толпѣ,—едва поселился въ Иерусалимѣ, который былъ обычнымъ мѣстомъ его пребыванія ⁴⁹⁷⁾, какъ уже долженъ былъ слышаться множества жалобъ на христіанъ. Въ это время они сдѣлались одинаково ненавистны всѣмъ классамъ иудеевъ, такъ какъ считались не только изувѣрами, но и богоотступниками, отвергавшими заветъ, заключенный Богомъ съ ихъ предками. Истребленіе христіанъ, поэтому естественно могло мелькнуть въ головѣ Агриппы, было бы лучшимъ и самымъ дешевымъ способомъ пріобрѣсти себѣ общую популярность. И вотъ въ самое время посѣщенія Иерусалима двумя апостолами на праздникъ пасхи въ качествѣ уполномоченныхъ отъ Антиохіи онъ именно и «поднялъ руки на нѣкоторыхъ изъ принадлежащихъ къ церкви, чтобы сдѣлать имъ зло; и убилъ Іакова, брата Іоаннова, мечемъ; видя же, что это пріятно иудеямъ, вслѣдъ за тѣмъ взялъ и Петра» (Дѣян. хп, 1—3). Такимъ образомъ одной чертой св. Лука отмѣчаетъ главную суть политики Агриппы, беззащитно стремившагося къ той популярности, которую легко можно было пріобрѣсти потворствомъ иудейскимъ предрассудкамъ. Въ первосвященникахъ этого времени онъ могъ найти охотныхъ

помощниковъ. Первосвященникомъ тогда былъ вѣроятно Еліоенай, котораго Іосифъ Флавій называетъ сыномъ Кантеры, но котораго талмудъ называетъ сыномъ Каиафы ⁴⁹⁸⁾. Если такъ, то онъ навѣрно былъ одушевленъ наслѣдственной ненавистью къ послѣдователямъ Христа и былъ готовымъ орудіемъ въ рукахъ Ирода. При полномъ согласіи такихъ союзниковъ и при неограниченности власти, которою обладалъ Агриппа, «назарянамъ» легко было нанести смертельный ударъ. Теперь жертвою былъ выбранъ уже не смѣлый еллинистъ, не одушевленный против-

Императоръ Клавдій.

никъ иудейской исключительности. Ап. Іаковъ, какъ старшій братъ возлюбленнаго ученика, быть можетъ какъ родственникъ самого Христа, какъ одинъ изъ первѣйшихъ среди возлюбленнѣйшихъ апостоловъ, какъ одинъ не только изъ двѣнадцати, но изъ трехъ избранныѣйшихъ учениковъ, какъ сынъ отца, очевидно занимавшаго болѣе высокое общественное положеніе, чѣмъ остальные изъ апостольскаго общества, повидимому занималъ главенствующее положеніе въ христіанской церкви Иерусалима, и на этомъ только основаніи, а не потому, насколько можно

видѣть изъ фактовъ, чтобы онъ имѣлъ что нибудь противъ себя лично, онъ былъ такъ неожиданно схваченъ и замученъ, что не сохранилось ни одной подробности объ обстоятельствахъ его мученической смерти. Два слова ⁴⁹⁹⁾ посвящены лишь разсказу о смерти перваго апостола со стороны историка, который съ такою подробностью повѣствовалъ о мученичествѣ св. Стефана. Дополняя это краткое повѣствованіе, христіанское преданіе свидѣтельствуеъ, какъ непреклонность и увѣщанія Іакова обратили самого его обвинителя къ вѣрѣ Христовой, такъ что онъ сдѣлался добровольнымъ участникомъ его смерти ⁵⁰⁰⁾. Но быть можетъ въ этой одинокой и незаписанной кончинѣ «сына Громова» намъ дается нѣкоторое духовное назиданіе. Онъ стоялъ рядомъ съ Іисусомъ у одра дочери Іаировой, на священной горѣ и при мукахъ сада Геосиманскаго; онъ хотѣлъ нѣкогда низвести огонь съ неба на тѣхъ, которые недружелюбно отнеслись къ его Господу; онъ заявлялъ притязаніе на то, чтобы сидѣть по близости къ Его престолу на будущемъ судѣ. И вотъ глубокий урокъ преподанъ намъ въ томъ обстоятельствѣ, что ему пришлось смиренно и безмолвно, въ крайнемъ самоотреченіи, безъ всякаго видимаго утѣшенія, безъ всякаго внѣшняго прославленія, безъ всякой пышности въ обстановкѣ, даже безъ всякаго свидѣтельства о его погребеніи,—погибнуть первымъ изъ вѣрующихъ, изъ тѣхъ немногихъ вѣрующихъ, которые все оставили для того, чтобы слѣдовать за Христомъ, и такимъ образомъ первому осуществить на себѣ то предостерегающее предсказаніе, что онъ долженъ будетъ выпить Его горькую чашу и креститься Его огненнымъ крещеніемъ.

Ап. Іакову суждено было пасть отъ меча мучителя передъ пасхой. Всеобщее одобреніе, заявленное въ отношеніи этого факта со стороны іудеевъ и ставшее еще болѣе замѣтнымъ вслѣдствіе присутствія огромныхъ массъ народа, собравшагося въ Іерусалимъ для празднованія пасхи, подстрекнуло царя (которому не было сладости благоуханія, чѣмъ голосъ народнаго одобренія) нанести еще болѣе жестокий ударъ христіанамъ арестомъ знаменитѣйшаго изъ апостоловъ. Съ этою цѣлію схваченъ былъ ап. Петръ, но такъ какъ передъ пасхой уже не было времени для окончанія суда надъ нимъ, и іудеи не хотѣли сами причинять ему смерть въ теченіе праздника, то его содержали въ тюрьмѣ до истеченія семи священныхъ дней, чтобы тогда и предать смерти съ возможно большою торжественностью при огромномъ стеченіи народа ⁵⁰¹⁾. День за день апостолъ оставался подъ строгимъ карауломъ, привязанный обѣими руками въ двумъ воинамъ и оберегаемый другими двумя воинами. Видя всю невознаградимость лишенія столь мужественнаго, столь преданнаго, столь одареннаго духовнымъ огнемъ и мудростью апостола, христіане іерусалимскіе изливали свое сердце и душу въ молитвахъ о его избавленіи. И все казалось было тѣтно. Наступила послѣдняя ночь праздника; заря слѣдующаго утра должна была возвѣстить Петру о предстоявшихъ ему попыткахъ на судѣ и о вѣрной смерти. Казалось, пришелъ уже день, когда, какъ предсказывалъ ему Спаситель, другой опойшетъ его

и поведетъ его, куда онъ не хочетъ. Но въ этой послѣдней крайности Богъ не оставилъ своего апостола и свою церковь. Въ самую послѣднюю ночь божественнымъ заступничествомъ, столь внезапнымъ, таинственнымъ и поразительнымъ, что самому Петру, когда онъ вполне удостоверился въ своемъ спасеніи, оно казалось какбы видѣніемъ (Дѣян. хп, 9), великій апостолъ былъ избавленъ отъ своихъ гонителей. Кратко разсказавъ объ обстоятельствахъ своего избавленія собратіямъ, собравшимся въ домѣ Маріи, матери Іоанна Марка евангелиста, онъ поручилъ имъ передать тоже самое извѣстіе Іакову, брату Господню, и другимъ христіанамъ, которые не присутствовали здѣсь, и удалился на нѣкоторое время въ безопасное уединеніе, между тѣмъ какъ Ироду оставалось изливать свое безсильное мщеніе на неповинномъ отрядѣ воиновъ.

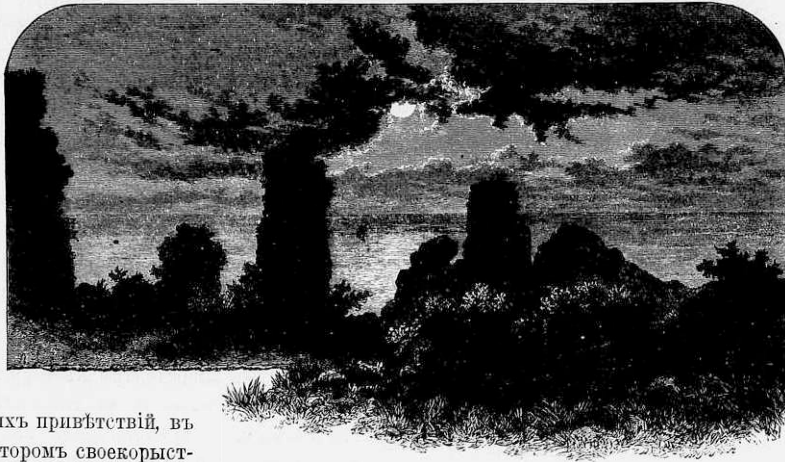
Но кровь мученичества готовила возмездіе на головы тѣхъ, которые ее проливали. Мы видѣли Агриппу въ высокомерной полнотѣ своей тиранніи. Но вскорѣ затѣмъ мы видимъ его въ страшныхъ мукахъ своей кончины. Въ началѣ апрѣля 44 года онъ казнилъ Іакова и арестовалъ Петра. Но вѣроятно въ томъ же самомъ мѣсяцѣ окончился короткий и преступный блескъ его царствованія и онъ неожиданно подрѣзанъ былъ такъ сказать въ самомъ разцвѣтѣ своей жизни.

При своей изворотливости и космополитичности, какъ и прилично искателю приключеній, испытанному въ юношествѣ и въ зрѣломъ возрастѣ всевозможныхъ превратности судьбы, Агриппа могъ изображать изъ себя язычника въ Кесаріи съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ онъ изображалъ изъ себя фарисея въ Іерусалимѣ. Обычная клика раввиновъ и іерарховъ смотрѣла сквозь пальцы на эту сторону его жизни и умѣла въ своемъ воображеніи различать Ирода, приносившаго всеожженіе въ храмѣ, отъ Ирода, сидѣвшаго въ амфитеатрѣ въ Беритѣ; Ирода, плакавшагося въ храмѣ во время пасхи на то, что онъ не чистокровный іудей, отъ Ирода, который присутствовалъ на языческихъ зрѣлищахъ во время кесарскихъ юбилеевъ ⁵⁰²⁾. Только одинъ смѣлый фарисей, Симонъ по имени, отважился на нѣкоторое время мужественно выразить свое особое мнѣніе въ этомъ отношеніи. Во время отсутствія Агриппы изъ Іерусалима онъ созвалъ собраніе и объявилъ, что дѣйствія царя настолько незаконны, что на этомъ основаніи, равно какъ и на основаніи его іудейскаго происхожденія, его должно отлучить отъ храма. Такъ какъ въ планы Агриппы не входило порывать отношенія съ фарисеями, то онъ просто послалъ взять этого Симона въ Кесарію, заставилъ его сидѣть съ собою рядомъ въ театрѣ и затѣмъ ласково спросилъ его, видѣлъ ли онъ что нибудь такое, что противорѣчитъ «закону Моисееву». Симонъ дѣйствительно убѣдился (или только хотѣлъ показать, что убѣдился), что тамъ не было никакого открытаго нарушенія Моисеева постановленія, попросилъ прощенія у царя, и потому былъ отпущенъ съ небольшимъ подаркомъ.

Но въ этомъ самомъ театрѣ Агриппа и нашелъ свою кончину. Между Іудеей

и финикийскими городами Тиромъ и Сидономъ возникли важныя недоразумѣнія, и такъ какъ эта прибрежная полоса всецѣло зависѣла въ своемъ существованіи отъ жатвы палестинской, то жителямъ этихъ торговыхъ городовъ было въ высшей степени важно находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ этимъ маленькимъ самодержцемъ (сн. 3 Цар. v, 9; Іезек. xxvii, 17; Езд. iii, 7). Тяжелый голодъ, который отозвался на нихъ съ особенною жестокостью, заставилъ ихъ еще болѣе стараться о примиреніи, и посѣщеніе Агриппы Кесаріи по одному торжественному случаю доставило имъ благопріятный для этого случай.

Случаемъ этимъ было извѣстіе, что импер. Клавдій благополучно возвратился изъ своей экспедиціи въ Британію и былъ встрѣченъ въ Римѣ цѣлымъ хоромъ лести-

Развалины Кесаріи.

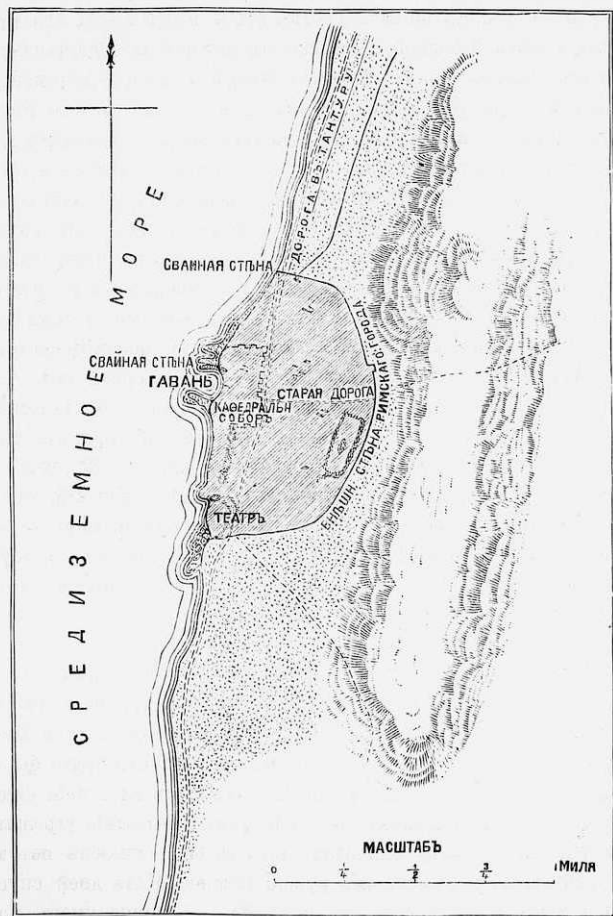
выхъ привѣтствій, въ которомъ своекорыстные областные царьки находили для себя

политичнымъ принимать горячее участіе ⁵⁰³). Агриппа всегда былъ радъ воспользоваться всякимъ случаемъ, который давалъ ему возможность утолить свою страсть къ гладиаторскимъ зрѣлищамъ и къ жестокой пустотѣ римскихъ развлеченій. Вслѣдствіе этого онъ посѣтилъ въ Кесарію, бывшую тогда римскою столицей Палестины, и приказалъ сдѣлать всѣ приготовленія для блистательнаго торжества. Въ этотъ городъ прибыли и депутаты отъ Тира и Сидона, позаботившись заручиться однимъ другомъ при дворѣ, въ лицѣ нѣкоего Власта, надзирателя царскихъ спаленъ ⁵⁰⁴). На второе утро праздника, при раннемъ разсвѣтѣ жаркаго дня сирийской весны, Агриппа далъ аудіенцію финикийскому посольству. Это именно было такое время, такое мѣсто и такой случай, при которыхъ онъ былъ радъ развернуть все свое великолѣпіе и свое богатство. Вслѣдствіе этого онъ

вошелъ въ театръ съ своею царскою свитой, въ полномъ одѣяніи шитомъ серебромъ и, сѣвъ на возвышенное мѣсто, обратился къ тириямъ и сидонянамъ съ изысканною рѣчью. Когда онъ сидѣлъ тамъ, солнце сіяло на его блестящей одеждѣ и обладало его особеннымъ великолѣпіемъ. Театръ былъ переполненъ его креатурами, его подданными, праздною толпою, удовольствія которой онъ доставлялъ щедрою рукой, и народомъ, благосостояніе котораго зависѣло отъ его царскаго благорасположенія. Кое-гдѣ среди толпы стали слышаться голоса, что это говорилъ имъ Богъ ⁵⁰⁵),—Богъ, сіяющее явленіе котораго блистало предъ ихъ глазами. Въ полномъ разцвѣтѣ своей жизни и мужественной красоты, которою отличался его родъ, на вершинѣ своего могущества, въ седьмомъ году своего царствованія, въ полнотѣ своего богатства ⁵⁰⁶), самодержецъ по своему положенію и еще болѣе самовластный благодаря поддержкѣ со стороны того страннаго существа, котораго его тонкая рѣчь избавила отъ кинжала, чтобы возвести на императорскій тронъ, — окруженный также въ этотъ моментъ льстецами и паразитами и сидя въ срединѣ одного изъ тѣхъ великолѣпныхъ зданій, которыми, какъ знали іудеи и язычники, городъ былъ обязанъ архитектурной страсти его рода, слабый умъ Агриппы не выдержалъ этого опьяняющаго куренія. Онъ вообразилъ себя Богомъ, за котораго провозглашалъ его народъ. Почему же и ему не принять также апофеозы, которая такъ подобострастно дѣлалась Калигулѣ или Клавдію? Онъ принялъ богохульственное обоженіе, которое, какъ царь іудейскій, онъ долженъ бы отвергнуть съ ужасомъ и негодованіемъ. Въ этотъ самый моментъ его судьба была рѣшена. Это былъ новый примѣръ той ироніи небесъ, которая часто повидимому ставитъ людей въ особенно пышное положеніе въ тотъ самый моментъ, когда произносится приговоръ, который осуждаетъ ихъ на самое жестокое и ужасное паденіе ⁵⁰⁷).

Совѣтъ повидимому не произошло ничего особеннаго. Никакого крика не раздалось въ ухахъ трепещущихъ слушателей. Никакая страшная рука не писала огненныхъ буквъ на стѣнѣ. Св. Лука просто говоритъ, что ангелъ Божій поразилъ Ирода. Іосифъ Флавій приводитъ странный случай, что будто бы на одной изъ веревокъ, протянутыхъ чрезъ театръ, какъ разъ надъ Агриппой сидѣла сова, которую увидѣлъ онъ и призналъ въ ней предзнаменованіе угрожающей ему смерти ⁵⁰⁸). Видѣлъ ли онъ сову или нѣтъ, но онъ былъ увезенъ изъ театра въ свой дворецъ разбитымъ, пораженнымъ рукою Божіею. Пять дней спустя—пять дней внутренней муки и напраснаго отчаянія ⁵⁰⁹) — Агриппа умеръ на 54 году своей жизни и въ 4 году своего царствованія надъ всѣмъ владѣніемъ своего дѣда. И если онъ своими щедрыми благодѣяніями и приобрѣлъ къ себѣ расположеніе іудеевъ, то язычники ненавидѣли его тѣмъ болѣе, что онъ былъ не только іудей, но и отступникъ. Постѣдовательнаго іудея они могли еще терпѣть до нѣкоторой степени, хотя и ненавидя его; но къ этимъ вѣтраннымъ отступникамъ они всегда чувствовали непреодолимое презрѣніе. Извѣстіе о смерти Агриппы

было принято населением и особенно солдатами, какъ въ Кесаріи, такъ и въ Севастіи, празднествами, каруселями и всякими видами необузданнаго разгула. Недовольствуясь украшеніемъ себя вѣнками изъ цвѣтовъ и приношеніемъ возліяній

Планъ Кесаріи.

перевозику Стикса, они вытаскивали изъ дворца статуи дочерей Агриппы и подвергали ихъ самымъ позорнымъ издѣвательствамъ. Клавдій, по своей глупой неподвижности, оставилъ это оскорбленіе ненаказаннымъ, и буйные, распущенные

солдаты не мало содѣйствовали тому злу, которое немного лѣтъ спустя разразилось надъ Іудеей бурей огня и меча ⁵¹⁰).

Савлъ и Варнава могли быть личными свидѣтелями этихъ сценъ на своемъ обратномъ пути изъ Іерусалима въ Антіохію. Порядокъ событій въ повѣствованіи св. Луки быть можетъ зависеть отъ представлявшагося удобства послѣдовательнаго разсказа о всемъ томъ, что онъ имѣлъ сказать объ Иродѣ Агриппѣ, и главнымъ образомъ отъ желанія показать, какъ внезапное гоненіе на церковь, повидимому грозившее ей полнымъ истребленіемъ, было остановлено освобожденіемъ Петра и задержано возмездіемъ Божиимъ. Это было бы тѣмъ болѣе естественно, если, какъ кажется, есть основаніе думать, ужасная смерть Ирода случилась въ томъ самомъ мѣсяцѣ, въ которомъ проліетіемъ крови невиннаго апостола изъ простой жажды популярности онъ завершилъ свои преступленія ⁵¹¹). Если Савлъ и Варнава были въ Іерусалимѣ во время темничнаго заключенія ап. Петра, то они могли присутствовать и при молитвенномъ собраніи въ домѣ Маріи, матери Марка и родственницы Варнавы. Если такъ, то этимъ сразу же объясняются всѣ тѣ живыя подробности, которыя св. Лука передаетъ касательно событій этого замѣчательнаго времени ⁵¹²).

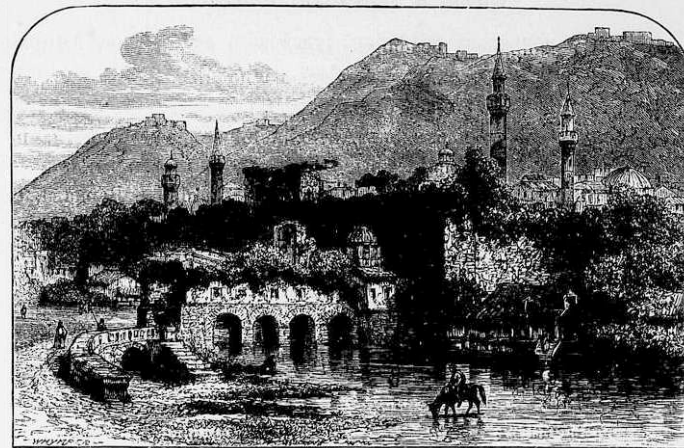
Монета Ирода Агриппы
(съ ауреяпапа въ Британскомъ музеѣ).

Во всякомъ случаѣ они должны были много разъ слышать толки о смерти Агриппы и признавали въ ней новое доказательство промысленія Божія въ мірѣ. Но это для нихъ была основная истина. Ихъ мнимое равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ просто вытекало изъ того, что они всецѣло были поглощены другими заботами. Ихъ умы были заняты болѣе важными дѣлами, чѣмъ гордость и паденіе царей, и посѣщеніе ими Іерусалима было лишь простымъ эпизодомъ въ дѣятельности ап. Павла, такъ что въ посланіи къ Галатамъ онъ оставляетъ его почти безъ всякаго упоминанія (Гал. II, 1). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Апостолъ имѣетъ свою цѣлью показать самостоятельность своего апостольства. Это второе посѣщеніе Іерусалима поэтому не имѣло никакого отношенія къ тому предмету, которымъ онъ занятъ былъ. Болѣе одиннадцати лѣтъ уже прошло со времени распятія Христа, и очень древнее преданіе говоритъ, что двѣнадцать лѣтъ (что для іудеевъ могло означать одиннадцать лѣтъ съ небольшимъ) были періодомъ, назначеннымъ Спасителемъ для пребыванія апостоловъ въ святомъ градѣ ⁵¹³). Даже если мы не будемъ придавать особеннаго значенія этому преданію, все-таки достоверно то, что оно близко соответствуетъ завѣдомымъ фактамъ, и мы поэтому можемъ полагать, что около этого времени апостолы начали разсѣваться въ разныхъ направленіяхъ. Ап. Павелъ проходитъ молчаніемъ это посѣщеніе съ милостыней или потому, что оно въ такой связи не воспроизвелось въ его памяти, или потому, что упоминаніе о немъ не имѣло никакого отношенія къ его цѣли.

Тѣмъ не менѣе при этомъ посѣщеніи случилось одно обстоятельство, которое повлекло въ будущемъ печальныя послѣдствія для обоихъ апостоловъ. Варнава, какъ мы видѣли, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Іоанну Марку, сыну ⁵¹⁴⁾ той Маріи, въ домѣ которой находилась горница. Поэтому вполне естественно предполагать, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Савлъ, въ теченіе своего короткаго пребыванія въ Іерусалимѣ гостили въ домѣ Маріи, и сердце ея сына могло воспламениться огнемъ ревности отъ пылкаго духа его дяди и еще болѣе пламенной ревности его великаго сотоварища. Опасность дальнѣйшаго преслѣдованія повидимому миновала. Но Петра, ближайшаго друга и учителя Марка, уже не было больше въ Іерусалимѣ и, не смотря на естественную озабоченность, причиняемую гнетомъ голода, мать-христіанка согласилась разлучиться съ своимъ сыномъ и онъ оставилъ Іерусалимъ въ сообществѣ съ апостоломъ языковъ.

Голова Антіоха Ефесскаго
(увеличена съ монеты въ Британскомъ музѣ).

Антиохія.

ГЛАВА XVIII.

ІУДЕЙСТВО И ЯЗЫЧЕСТВО.

Кто разрушаетъ ограду (по мнѣнію раввиновъ—«ограду вокругъ закона»), того ужалитъ змѣй, Екклес. х, 8.

ОГДА Варнава и Савлъ возвратились въ Антиохію, они нашли, что церковь еще ликовала отъ успѣшной дѣятельности. Ей очевидно предназначено было затмить значеніе св. города въ качествѣ центра, какъ оплота вѣры. Въ церкви іерусалимской было много ослабляющихъ обстоятельствъ, которыхъ не было въ Антиохіи. Она подавлялась гнетущей бѣдностью. Она должна была выносить тяжесть первыхъ гоненій. Жребій ея былъ брошенъ въ самое пекло іудейской ненависти, и въ тоже время воззрѣнія наиболѣе вліятельныхъ предстоятелей въ ней настолько были сродны съ ихъ старымъ іудейскимъ міросозерцаніемъ, что они естественно менѣе чувствовали побужденій къ приобрѣтенію прозелитовъ среди язычниковъ.

Совершенно иначе было въ Антиохіи. Тамъ предразсудки іудеевъ отличались болѣе крайнимъ характеромъ и притязанія язычниковъ приобрѣтали болѣе неотразимую важность. Въ Іерусалимѣ христіане вполне зави-

сѣли отъ милости и капризовъ мелочнаго іудейскаго деспота. Въ Антиохіи іудеи принуждены были относиться къ христіанамъ на почвѣ полного равенства подъ безпристрастнымъ началомъ римскаго закона ⁵¹⁵).

Объ устройствѣ первой церкви въ Антиохіи ничего не говорится, но повѣствуется о небольшой группѣ пророковъ и учителей ⁵¹⁶), которые занимали выдающееся положеніе при богослужебныхъ собраніяхъ. Это были Варнава, Сүмеонъ (прозываемый ради отличія *Ниперомъ* и поэтому быть можетъ, подобно Луцію, уроженецъ Киренъ), Манаилъ и Савль. О Сүмеонѣ и Луціѣ совершенно ничего неизвѣстно, такъ какъ предположеніе, что Луцій есть одно и то же лицо съ Лукой евангелистомъ слишкомъ безосновательно, чтобы заслуживать опроверженія. О Манаилѣ, или какъ собственно онъ назывался поіудейски—Манаимѣ, сообщается интересное обстоятельство, что онъ былъ молочнымъ братомъ Ирода Антипы. Поэтому высказывалось предположеніе, что онъ могъ быть сыномъ того есеея, который своимъ высокимъ авторитетомъ оказалъ большое вліяніе на Ирода Великаго ⁵¹⁷) и, когда еще Иродъ былъ мальчикомъ, въ школѣ гладилъ его по головѣ и говорилъ, что онъ нѣкогда будетъ царемъ ⁵¹⁸). Если такъ, то Манаилъ былъ однимъ изъ немногихъ раннихъ обращенцевъ, выпедшихъ изъ богатыхъ сословій. Но такъ какъ ничего нельзя привести въ доказательство того, что онъ находился въ такихъ именно отношеніяхъ съ знаменитымъ есеемъ, то въ такомъ случаѣ едва ли онъ и могъ быть его сыномъ ⁵¹⁹).

Въ этотъ именно періодъ особеннаго служенія, сопровождаемаго постомъ, Святый Духъ внушилъ ученикамъ сильное убѣжденіе въ необходимости новой дѣятельности, предстоявшей въ церкви, а также и въ томъ, что этотъ трудъ поручается Варнавѣ и Савлу ⁵²⁰). Подлинное выраженіе, которымъ изложено это божественное внушеніе, повидимому указываетъ на внезапное убѣжденіе, послѣдовавшее за тщательнымъ обсужденіемъ дѣла, а также и на то, что этими пророками и учителями было совершено особое моленіе и особое пощеніе ⁵²¹) для того, чтобы получить руководство въ рѣшеніи вопроса о направленіи того пути, который былъ уже намѣченъ этимъ двумъ апостоламъ.

Ап. Павелъ навѣрно давно уже ожидалъ того дня, въ который Господь найдеть его готовымъ къ исполненію Его обѣщанія «послать его далеко къ язычникамъ» (Дѣян. ix, 15, 16). Чѣмъ глубже онъ размышлялъ о предсказанной ему миссіи, тѣмъ болѣе сознавалъ, что она предопредѣлена въ совѣтахъ Божіихъ. Язычники поклонялись идоламъ. Но вѣдь тоже самое дѣлали и ихъ собственные отцы, когда они обитали за Евфратомъ. Іудейскіе раввины допускали, что и самъ Авраамъ былъ лишь первымъ изъ прозелитовъ ⁵²²). Если, какъ свидѣтельствовало преданіе, Фарра былъ дѣлательемъ идоловъ и если Авраамъ получилъ первое свое призваніе, какъ сказалъ св. Стефанъ, еще живя въ Урѣ Халдейскомъ, то почему же не считать среди избранниковъ Божіихъ и тысячъ язычниковъ? Развѣ Богъ не отъ одной плоти и крови произвелъ всѣ народы земли? Развѣ престарѣлый

Сүмеонъ не предсказывалъ, что младенецъ Іисусъ будетъ свѣтомъ къ просвѣщенію язычниковъ, равно какъ и славой народа своего Израиля? И развѣ среди Его человѣческихъ предковъ не считались Раавъ, блудница іерихонская, и Руѣ, любящая женщина изъ проклятаго рода моавскаго? Развѣ Гадасса (Есеиръ) не была султаншей въ сералѣ Ксеркса? Развѣ самъ Моисей не былъ женатъ на египтянкѣ ⁵²³)? И среди великихъ ученыхъ позднѣйшихъ временъ развѣ не высказывалось мнѣніе, что Шаммаи былъ потомкомъ Амана амалекитянина ⁵²⁴)? Затѣмъ, какъ ни необходима была враждебность къ смѣшаннымъ бракамъ и ко всякому другому близкому общенію съ язычниками въ преобразовательный періодъ Ездры и Нееміи, всетаки развѣ Софонія не возвышалъ голосомъ пророчества, что всѣ люди будутъ поклоняться Іеговѣ «каждый съ своего мѣста, всѣ острова народовъ» (Соф. ii, 11)? Мало того, развѣ не заключается въ обѣтованіи Аврааму, что «въ немъ благословятся всѣ народы земли» (Быт. xii, 3; Гал. iii, 14), болѣе глубокаго значенія, чѣмъ какое допускалось въ обычномъ толкованіи? Развѣ пророчество, что «всѣ концы земли увидятъ спасеніе нашего Бога» (Ис. lii, 10), означаетъ лишь то, что увидятъ его всѣ за исключеніемъ чужеземцевъ, какъ обреченныхъ на гибель? Если язычники должны придти къ свѣту Сіона и царь — къ восходящему сіянію надъ нимъ, если острова должны были ожидать Бога, равно какъ и корабли еарсійскіе (Ис. lx, 3, 9), то развѣ это означало лишь то, что народы эти будутъ лишь отдаленными и терпимыми слугами, допускаемыми только къ внѣшнему ученію и менѣе возвышеннымъ благословеніямъ и терпимы только какъ сомнительные поклонники на внѣшнихъ дворахъ храмовъ? Не будетъ ли такое благословеніе для нихъ похожимъ на благословеніе Исава (что было почти въ родѣ проклятія), что обитаніе ихъ будетъ отъ тука земли и отъ росы небесной выше ⁵²⁵)? Наконецъ, если такія основанія были необудительны, а если даже и убѣдительны, то всетаки недостаточны для того, чтобы сломить оплотъ предубѣждений, который былъ болѣе непреодолимымъ препятствіемъ, чѣмъ средостѣніе раздѣленія,—то была ли нужда еще въ какихъ нибудь доводахъ, когда они такъ недавно слышали *заповѣдь* своего Господа, чтобы они *шли во весь міръ проповѣдывать евангеліе всей твари* (Марк. xvi, 15) и предсказаніе, что они будутъ свидѣтелями Христу даже до края земли (Дѣян. i, 8)?

Такими убѣжденіями наверно было наполнено сердце апостола Павла задолго до того, какъ онъ могъ убѣдить другихъ присоединиться къ нему въ осуществленіи ихъ. Постоянный опытъ показываетъ, что сила доводовъ, которые кажется должны бы произвестъ немедленное дѣйствіе, часто бываетъ недостаточна для пріобрѣтенія даже неохотнаго согласія. Но цѣль ап. Павла нашла счастливую поддержку въ открытой искренности Варнавы, въ умственной свѣжести церкви антиохійской и въ необыкновенномъ дѣйствіи, произведенномъ примѣромъ ап. Петра, который даже церковь іерусалимскую заставилъ примириться съ крещеніемъ сотника Корнилія.

Но и помимо непреодолимого отвращения къ язычникамъ, навѣрно существовавшего въ душахъ іудеевъ и іудейскихъ христіанъ, какъ остатка почти вѣковой нетерпимости, — даже если предположить, что этого отвращения уже не существовало *внутри* церкви, всетаки попытка склонить къ новой вѣрѣ огромныя противодействующія силы іудейства и язычества *оно* ея могла казаться лишь неосуществимымъ мечтаниемъ. Могъ ли кто нибудь, кромѣ тѣхъ, сердца которыхъ пылали ревностью, разрушавшей всякія препятствія, и блистали вѣрой, которою казалось легко было двигать горы, слушать безъ улыбки о томъ предложеніи благовѣствовать міру, которое тогда дѣлалось лишь двумя бѣдными іудеями, — іудеями, которые, какъ іудеи по рожденію, были предметомъ презрѣнія у язычниковъ, и какъ іудеи-отступники отъ того, что казалось самою сущностью іудейства, были предметомъ отвращения для самихъ іудеевъ? Возможно ли вообразить двухъ проповѣдниковъ, которые могли бы менѣе рассчитывать на успѣхъ своей проповѣди «сначала іудею, потомъ елліну»? И если для принятія такой миссіи требовалось не менѣе какъ религіозный геній и пламенная вѣра Павла, то несомнѣнно только непосредственная помощь Св. Духа могла увѣнчать эту миссію столь величественнымъ и вѣковѣчнымъ успѣхомъ.

Если бы эта миссія даже исключительно предназначалась для іудеевъ, то представляемая ею затрудненія казались бы непреодолимыми. Она должна была потерпѣть полную неудачу, если только іудей не могъ быть убѣжденъ въ двухъ вещахъ, изъ которыхъ одна была въ высшей степени противна его гордости, а другая въ высшей степени противна его убѣжденіямъ и обѣ крайне чужды его глубочайшимъ предубѣжденіямъ. Дѣлаясь христіаниномъ, онъ былъ бы принужденъ допустить, что всѣ его лелѣянные мечты о Мессіи были грубо плотскими и ложными и что когда, послѣ двадцатилѣтняго ожиданія Его пришествія, Спаситель внезапно пришелъ въ свой храмъ, то іудеи не только отвергли, но даже распяли Его и этимъ довершили вину, которую отцы ихъ навлекли на себя пролитіемъ крови пророковъ. Затѣмъ онъ долженъ былъ признать, что не только его наслѣдственные обычаи, но даже законъ, страшный огненный законъ, который по его вѣрованію данъ былъ самимъ Богомъ на дымящейся вершинѣ Синаи, долженъ былъ во всемъ, что іудеи считали наиболѣе отличительнымъ въ немъ, уступить мѣсто болѣе возвышенному и болѣе духовному откровенію этого распятаго Мессіи. Наконецъ, онъ безъ ропота не могъ отказаться отъ тѣхъ исключительныхъ преимуществъ, отъ того религіознаго высокомерія, которымъ онъ метилъ своимъ противникамъ за оскорбленіе себя, считая Бога существомъ, «смотрящимъ на лица», и себя особеннымъ любимцемъ неба.

Но къ ненависти примѣшивался и страхъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ таинственности восточныхъ гаремовъ, въ заднихъ отдѣленіяхъ дворцовъ и теремовъ, въ такихъ безопасныхъ мѣстахъ, какъ гаремъ Авеннерига и пріемный залъ Елены адіавенской, въ палатахъ Маріи палмирской, Фульвіи жены Сатур-

нина или Пoppіи въ Золотомъ дворцѣ ⁵²⁶⁾ іудей довольно охотно склонялся къ своей вѣрѣ вліятельныхъ прозелитовъ, а болѣе умѣренные іудеи довольствовались въ такихъ случаяхъ даже ихъ общимъ сочувствіемъ. Они находили легкимъ для себя поѣдать дома вдовицъ и произносить длинныя молитвы. Но они хорошо сознавали, что всякій дальнѣйшій успѣхъ въ попыткѣ склонить языческихъ прозелитовъ къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ ихъ религіи повлекъ бы за собою крайнюю опасность для ихъ общины ⁵²⁷⁾ и повелъ бы въ каждомъ городѣ имперіи къ возобновленію такихъ сценъ, свидѣтельницами которыхъ была недавно Александрія. Вѣроятно они остановили бы безтактную ревность со стороны даже самаго правотѣрнаго раввина. Но они наполнялись яростью при видѣ того, что она обнаруживалась человѣкомъ, который, какъ отщепенецъ, возбуждалъ болѣе смертельную ненависть, чѣмъ самый испорченный изъ язычниковъ. Для нихъ Павелъ былъ даже болѣе ненавистенъ, чѣмъ Флаккъ, и Павелъ тѣмъ болѣе былъ ненавистенъ для нихъ, что онъ былъ нѣкогда Савломъ. А чтобы этотъ дерзкій отщепенецъ не только проповѣдывалъ, но проповѣдывалъ язычникамъ, и проповѣдывалъ язычнику ученіе, которое ставило его на одинъ уровень съ іудеями, и еще хуже: ставило его на этотъ уровень безъ принятія съ его стороны обрядовъ, безъ которыхъ іудей едва ли могъ и считаться іудеемъ, — эта мысль наполняла ихъ яростью, которая годъ отъ году распалась все болѣе и болѣе, становясь роковою для жизни ап. Павла, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ была зловѣщью гибельною для его счастья и мира ⁵²⁸⁾.

Но и помимо этихъ препятствій, предполагая даже, что миссіонеры будутъ имѣть успѣхъ въ обращеніи своихъ соотечественниковъ и такимъ образомъ при посредствѣ «пришельцевъ вратъ» будутъ имѣть возможность чрезъ синагогу войти въ первое соприкосновеніе съ языческимъ міромъ, даже и послѣ всего этого не могло ли казаться, что тутъ затрудненія ихъ еще только начинались? Могли ли они питать надежду произвести хотя малѣйшее впечатлѣніе на эту громадную колышущуюся массу идолопоклонства и растлѣнія? Кое-гдѣ быть можетъ они могли склонить сердце какой нибудь мягкосердечной женщины, смертельно изстрадавшейся отъ жестокости и пошлости, свидѣтельницей которыхъ ей постоянно приходилось быть; кое-гдѣ быть можетъ имъ удастся склонить къ себѣ какого-нибудь раба угнетеннаго, невѣжественнаго, жаждущаго найти убѣжище отъ невыносимыхъ тягостей древняго рабства; но даже если бы они могли питать и такую надежду, то какъ далеко имъ было до обращенія языческаго міра со всей его великолѣпной суетностью и блестящимъ очарованіемъ?

Вѣдь для массы язычниковъ, какъ мы сказали, самая ихъ личность была ненавистною уже потому, что они были іудеи ⁵²⁹⁾. Они не только не могли избѣгнуть этой ненависти, но какъ христіанскіе іудеи должны были вдвойнѣ подвергаться ей. Въ теченіе перваго столѣтія христіанства греки и римляне никогда не задавались мыслью разслѣдовать, не было ли какого нибудь различія

между иудеем и христианином⁵³⁰). Для них христианство было только более опасный, более суеверный, более нетерпимый иудей, который к безумию обыкновенный иудей прибавлял еще необъяснимое безумие боготворения распятого злодѣя. Мятежи, которые повлекли за собою изгнание иудеевъ изъ Рима, Светоній приписываетъ подстрекательству нѣкаго мятежника, котораго онъ по своему невѣжеству называетъ Chrestus, и воображаетъ Его еще въ живыхъ. Непокосимостъ

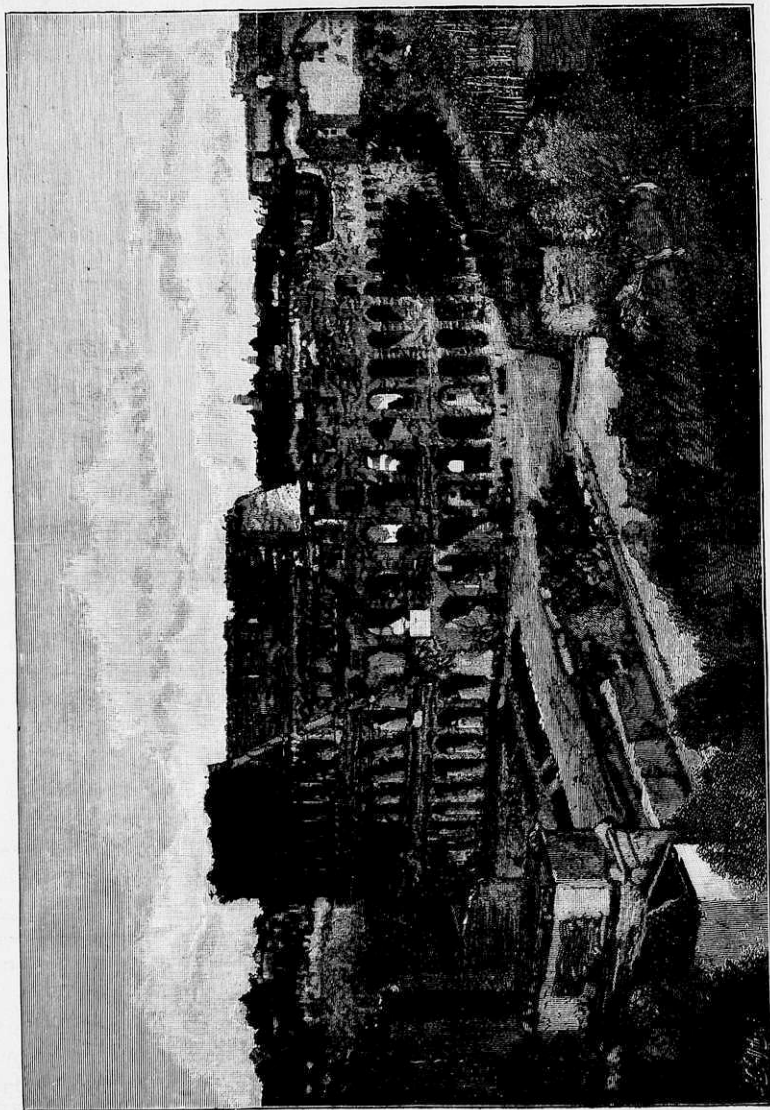

Бюстъ императора Тиверія
(изъ Visconti).

христианъ во время гоненій возбуждала нѣчто въ родѣ восторженнаго изумленія⁵³¹). Но даже Плиній могъ назвать христианство только «безобразнымъ и изувѣреннымъ суевѣріемъ», хотя его откровенное доношеніе о христианахъ въ Вионіи отнимаетъ силу у его собственныхъ эпитетовъ; а Тацитъ и Светоній, говоря о христианствѣ, характеризуютъ его еще болѣе суровыми эпитетами: «убійственнаго», «гибельнаго» и «новаго суевѣрія»⁵³²).

Изысканій міръ, въ который отправлялся апостолъ, какъ «овца среди вол-

ковъ», въ это время находился въ наихудшемъ своемъ состояніи. Западные страны, къ которымъ направлялся потокъ миссіи, были по преимуществу греческія и римскія; но это были побѣжденная Греція и развращенный Римъ. Это была Греція, которая потеряла свой геній и удерживала свою лживость, и это былъ Римъ, который потерялъ свою простоту и сохранялъ еще свою грубость. Это была Греція въ своей худшей роли обольстительницы и паразита; это былъ Римъ въ эпоху его самаго изысканнаго обжорства и самаго блестящаго тѣсна. Сердце Римской имперіи подъ властью кесарей было болотомъ гніющихъ водъ. Римскій цезаризмъ нашелъ въ новѣйшее время себѣ защитниковъ и даже Тиверій имѣетъ своихъ панегиристовъ, но никакая защита не заставитъ молчать осуждающую очевидность несомнѣнныхъ фактовъ. Никакая защита не заставитъ смолкнуть страшное обличеніе, которое ап. Павелъ дѣлаетъ обитателямъ императорской столицы⁵³³). Если такъ было съ зеленѣющимъ деревомъ, то что же должно было стать съ сухимъ? Каково же было состояніе волчцовъ, если таково было состояніе могучихъ деревьевъ лѣса? Если св. Іоаннъ въ Апокалипсисѣ называетъ Римъ блудницею, заставлявшею народы пить чашу вина ея блудодѣяній, то онъ употребляетъ при этомъ отнюдь не болѣе суровый языкъ, чѣмъ Сенека, который говоритъ о Римѣ, какъ о сточной ямѣ всякой мерзости⁵³⁴), или чѣмъ Ювеналь, который сравниваетъ его съ грязной водосточной трубой, въ которую стекали омерзительные подонки всякаго ахейскаго и сирійскаго потока⁵³⁵). Подавляемая позоромъ, причиняемымъ ей деспотизмомъ сумасшедшихъ и чудовищ⁵³⁶); развращаемая распутствомъ сцены и ожесточаемая жестокостями амфитеатра; кишя паразитами, обманщиками, острожниками и распутнѣйшими рабами; не имѣя никакой серьезной религіи, никакого общественнаго воспитанія; устрашаемая наглыми солдатами и обвинявшею чернью—столица міра представляетъ въ этомъ періодѣ картину позора и бѣдствія, безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ міра. Но низведенный до отупѣнія кошмаромъ цезаризма римскій міръ искалъ себѣ утѣшенія въ суевѣріи, чувственности и стоицизмѣ. Суевѣріе главнымъ образомъ состояло въ принятіи загадочныхъ системъ жречества, въ возбуждающихъ чувственность обрядахъ, въ ужасныхъ умиловительныхъ жертвахъ, заимствованныхъ изъ разлагающихся мнелогій Египта или изъ грубочувственныхъ религій Галатіи и Фригіи⁵³⁷). Все это настолько укоренилось и настолько было опасно для нравственности и порядка, что уже задолго до этого времени сенатъ напрасно пытался запретить обряды, совершаемые въ честь Сабазія, Изиды и Сераписа⁵³⁸). Дребезжанье sistra и хриплые голоса безбородыхъ галловъ были знакомы уже каждому римскому городу⁵³⁹). Чувственность сдѣлалась болѣе постыдна и болѣе безстыдна, чѣмъ когда либо въ исторіи. И среди этого поголовнаго развращенія было лишь немного такихъ, которые еще держались добродѣтели и простоты древней семейной жизни и религіи. Стоицизмъ, въ которомъ находили убѣжище болѣе великіе и страждущіе умы того времени — Кремуцій Кордъ,

Колизей въ Римѣ.

Оразей Петъ, Гельвидій Прискъ, Анней Корнутъ, Мусоній Руфъ, Барей Соранъ—былъ благороденъ и героиченъ, но жестокъ и неестественъ. Чтобы оцѣнить реакцію болѣе благородныхъ инстинктовъ челоѣка противъ растлѣнія языческой жизни, чтобы составить себѣ понятіе, до какой степени Духъ Божій можетъ содѣйствовать неосознанно ищущимъ его и до какой бездны паденія силы зла могутъ низводить своихъ послушныхъ рабовъ, — должно перейти черезъ пропасть, отдѣляющую Петронія и Аппулея отъ благороднаго достоинства такихъ «по природѣ христіанскихъ душъ», каковы Эпиктетъ и Аврелій. Кто хотѣлъ бы далѣе оцѣнить неосцѣненные заслуги, которыя христіанство можетъ еще оказать даже наиболѣе возвышеннымъ отъ природы душамъ, долженъ сравнить холодъ, мрачность, мучительную напряженность, высокомерную исключительность, надменное отчаяніе стоицизма съ теплотою, огнемъ, сіяющей надеждой, безграничной нѣжностью, свободно-братскою чувствительностью, дѣятельною благотворительностью, безконечно мирнымъ самоудовлетвореніемъ христіанства, какъ оно со всѣми своими сильными и животрепещущими симпатіями проявляется въ посланіяхъ ап. Павла.

И это различіе между стоицизмомъ и христіанствомъ отражается на жизни ихъ послѣдователей. Въ то время какъ послѣдніе истые представители римской государственности и римской доблести считали великимъ дѣломъ держаться поодаль отъ ласкательства, въ которомъ съ беззастѣнливой низостью погрязали всѣ другіе сенаторы,—въ то время какъ они ставились въ образецъ геройства за такіа дѣла, какъ выходъ изъ сената въ тотъ моментъ, когда дѣлалось предложеніе о какой либо болѣе чѣмъ обычной гнусной лести,—въ то время какъ они такимъ образомъ пожирали свои собственные сердца въ сознаніи безполезнаго протеста и находили труднымъ охранять даже свои собственные души отъ «зараженія позоромъ міра»,—два іудея, носившихъ безвѣстное имя, неимѣвшихъ никакого положенія, безъ званія, богатства и вліянія, безъ всякаго литературнаго, политическаго или военнаго генія, безъ всякаго образованія кромѣ такого, которое всякій благородный римлянинъ презиралъ, какъ безполезное и чудовищное, — но сильные крѣпостью священнаго дѣла и непреодолимые въ ревности сознательнаго вдохновенія, скромно отправились въ первое изъ тѣхъ путешествій, которымъ предстояло обновить міръ. Ихъ выславъ на него Тотъ, Кто сотворилъ и возлюбилъ міръ, зналъ нужды міра, для спасенія котораго Онъ умеръ, и если Онъ послалъ ихъ безъ всякихъ видимыхъ средствъ для исполненія своего великаго плана, то только потому, что Онъ «избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное, и незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ» (1 Кор. 1, 27, 28, 29).

Какъ ни громадно было такимъ образомъ предстоявшее имъ дѣло, сопря-

женное притомъ повидимому съ непреборимыми затрудненіями, старѣйшины церкви антиохійской были убѣждены, что Варнава и Савлъ были дѣйствительно избранными Богомъ орудіями для этой миссіи и потому не смѣли долѣе противиться ясному велѣнію воли Божіей. Еще разъ они совершили нарочитое моленіе съ постомъ⁵⁴⁰), возложили на головы этихъ двухъ великихъ собратъевъ руки посвященія и отправили ихъ въ путь. Уже въ своемъ видѣніи Павелъ былъ предназначенъ быть апостоломъ язычниковъ⁵⁴¹). Но теперь, послѣ этого торжественнаго посвященія, онъ принимаетъ титулъ апостола въ его болѣе специальномъ значеніи (Дѣян. xiv, 4, 14; см. Іоан. xvi, 18; Евр. iii, 1). Въ теченіе нѣкотораго времени, какъ напр. въ своихъ посланіяхъ къ Фессалоникійцамъ, онъ смиренно воздерживается отъ присвоенія себѣ этого титула; но когда имя его поносилось, когда ученіе его отвергалось, когда авторитетъ его подвергался нареканіямъ, онъ не только принималъ его⁵⁴²), но и наставлялъ на своемъ независимомъ положеніи въ качествѣ учителя и на своемъ правѣ считаться отнюдь не ниже главнѣйшихъ изъ двѣнадцати апостоловъ.

Видъ Ларнаки на о. Кипрѣ.

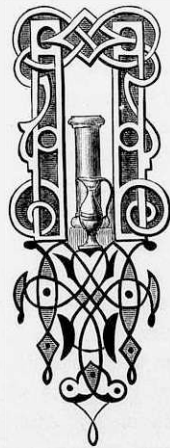
КНИГА VI.

ПЕРВОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

ГЛАВА XIX.

КИПРЪ.

Ты скажешь: неужели и Павелъ боялся опасностей? Да, боялся, и даже очень. Хотя и Павелъ, все же человекъ онъ былъ. Но я поэтому и удивляюсь ему, что, боясь и даже трепеща опасностей, онъ прошелъ вселенную, повсюду сълагавъ вѣстие. Св. І. Златоустъ.

ОСЛАБЛЕННЫЕ Духомъ Святымъ», будучи болѣе сознательными орудіями воли Божіей, быть можетъ болѣе, чѣмъ это было раньше или послѣ того, и отправляясь въ путешествіе болѣе великое и важное по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ всякое другое путешествіе когда-либо предпринимавшееся человекомъ, — Савлъ и Варнава, сопровождаемые болѣе юнымъ спутникомъ, Іоанномъ Маркомъ, двинулись въ путь. Какія мысли занимали ихъ умъ, когда они оставляли Антиохію гдѣ они проповѣдывали съ такимъ успѣхомъ? Въ веселомъ и сластолюбивомъ городѣ были десятки тысячъ язычниковъ и тысячи іудеевъ, которые не приняли христіанства; но эти два апостола были призваны на другое дѣло. Они

прошли между театромъ и амфитеатромъ⁵⁴³), перешли чрезъ главный проспектъ города съ его деревьями, статуями и колоннадами, миновали римскій гарнизонъ охранявшій резиденцію легата Сиріи въ старомъ дворцѣ Селевкидовъ, прошли по мосту чрезъ Оронть и, оставляя рощу Дафна справа на противоположномъ берегу рѣки, пошли среди олендровыхъ и другихъ цвѣтущихъ кустарниковъ, составляющихъ пышную опушку для пурпурныхъ скалъ, по дорогѣ въ Селевкию, отстоявшую на тридцать верстъ отъ Антиохіи. Исторія съ презрѣніемъ изгладила изъ своихъ лѣтописей имена безчисленныхъ царей, которые, во главѣ своихъ армій и со всею пышностью и военнымъ блескомъ отправлялись изъ своихъ столицъ для разоренія или покоренія народовъ; но столѣтія спустя, послѣ того какъ эти завоеватели въ свою очередь были забыты, она все еще сохраняетъ въ благодарной памяти человѣчества имена двухъ бѣдныхъ іудеевъ, которые отправились въ путь лишь съ посохомъ въ рукѣ, не имѣя въ своихъ сумкахъ быть можетъ ничего болѣе, кромѣ немногихъ финиковъ для утоленія голода въ трудномъ пути.

Изъ Антиохіи они могли направиться къ Тарсу. Но ап. Павелъ по всей вѣроятности уже проповѣдывалъ въ своей родной Киликіи⁵⁴⁴), и такъ какъ Варнава былъ родомъ съ Кипра, то они туда и направили свой путь. Къ западу, именно къ Хиттиму и островамъ язычниковъ, естественно направлялось теченіе миссіи. Всѣ сухопутные тракты болѣе или менѣе были опасны и трудны. Дороги, за немногими исключеніями, были плохи; повозки громоздки и дороги; разбойники по дорогамъ многочисленны и дерзки. Но благодаря полному подавленію пиратства Помпеемъ, Средиземное море сдѣлалось безопаснымъ и съ развитіемъ мореплаванія оно стало «брачнымъ кольцомъ для народовъ»⁵⁴⁵). Вдоль восточнаго берега Малой Азіи іудеи давно уже были разсѣяны въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ настоящее время, и если распространенность греческаго языка повсюду облегчала имъ сношеніе съ людьми, то сила римскаго закона, господствовавшая надъ отдаленнѣйшими провинціями имперіи, давала миссіонерамъ полное покровительство и свободу дѣйствій. Въ виду этого они спустились по скалистымъ ступенямъ къ порту Селевкии⁵⁴⁶) и съ одной изъ его пристаней сѣли на корабль, отправлявшійся на о. Кипръ. И вотъ такимъ образомъ началась «великая христіанская Одиссея»⁵⁴⁷). Апостольскій корабль поднялъ паруса, подулъ вѣтеръ и на легкихъ крыльяхъ своихъ понесъ евангеліе Христово. Если Римъ вообще имѣлъ много основаній жаловаться на то, что подонки нравственной гнили изъ сирійскаго Оронта сливались въ желтоводный Тибръ, то въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ сирійская рѣка дѣлала вознагражденіе за прошлое, неся на своемъ направлявшемся къ морю потокѣ величайшихъ вѣстниковъ мира и любви.

Плывя на югозападъ по тысячеверстному пространству того синяго моря, по которому одному изъ нихъ суждено было плавать такъ много разъ,—по тому морю, которое четыре раза подвергало его кораблекрушенію на своихъ неліце-

пріятныхъ волнахъ и въ теченіе цѣлыхъ сутокъ колыхало его въ своей бурной утробѣ; сидя на носовой части и бросая задумчивый взглядъ на холмы, осыпавшіе мѣсто ихъ будущихъ трудовъ, или оглядываясь назадъ на скалистый съ суровымъ языческимъ изображеніемъ выступъ горы Казія, «на которомъ три столѣтія позднеѣ курилась послѣдняя языческая жертва»⁵⁴⁸), они должны были чувствовать глубокое волненіе при мысли, что теперь въ первый разъ вѣра, отъ которой зависѣли надежды міра, отправлялась изъ своей родной Сиріи въ совершенно новыя страны. Ап. Павелъ не зналъ еще, сколько испытаній отъ каждаго неудачъ, сколько ужасныхъ трудностей готовила предстоявшая имъ будущность! Это будущее—та огненная печь, въ которой чистое золото его геройскаго духа должно было очиститься отъ всякой чуждой примѣси—было мило-стииво сокрыто отъ него, хотя въ общихъ очертаніяхъ онъ конечно и могъ кое-что предвидѣть изъ этихъ испытаній. Но если бы онъ предвидѣлъ все ожидавшее его, если бы онъ предвидѣлъ бичеванія, побои, побіеніе камнями, кораблекрушенія (2 Кор. xi, 23—33), непрерывные труды пѣшаго путешествія по невыносимымъ и опаснымъ дорогамъ, опасности отъ разлившихся рѣкъ и бушующихъ потоковъ, опасности отъ горныхъ разбойниковъ, опасности отъ іудеевъ, отъ язычниковъ, отъ ложныхъ христіанъ, опасности въ городѣ, пустынѣ и морѣ, отъ изувѣрной черни, которая почти разорвала его въ куски, томительныя ночи, холодъ, наготу, жажду, голодъ, непрерывную отвѣтственность, хроническую болѣзнь и слабость,—всѣ издѣвательства, всѣ оскорбленія, всѣ взрывы негодованія, которые клали камни преткновенія на путь слабыхъ⁵⁴⁹), суровое тюремное заключеніе, непрерывную смерть,—все то, что завершилось какбы окончательной неудачей всего дѣла, одиночествомъ, цѣпями, осужденіемъ, мрачной холодной тюрьмой⁵⁵⁰), безвѣстнымъ мученичествомъ,—если бы онъ предвидѣлъ всѣ эти опасности и невзгоды—могли бы онъ вынести все это? Его человѣческій духъ могъ бы ужаснуться предстоявшихъ ему трудовъ и мукъ, вѣроятно болѣе тяжелыхъ, чѣмъ какіе когда либо выпадали на долю человѣка. Мы однако же не сомнѣваемся, что даже и въ этотъ ранній періодъ своей миссіонерской дѣятельности онъ мужественно сказалъ бы: «я не считаю своей жизни дорогой для себя», и вѣра христіанина дала бы ему возможность произнести: «я могу дѣлать все чрезъ Христа, который укрѣпляетъ меня».

Голова Селевка I Сирійскаго
(увеличена съ монеты въ Британскомъ музеѣ).

Тѣмъ не менѣе, на всякій чисто человѣческій взглядъ, какъ ап. Павелъ съ физической стороны мало былъ способенъ для столь опаснаго и громаднаго труда, который предстоялъ ему! Сильнѣйшій атлетъ могъ бы содрогнуться при мысли о непрестанномъ трудѣ, безсонныхъ ночахъ, ручной работѣ, умышленномъ возбужденіи. Поколебался бы самый могучій ораторъ при мысли, что ему придется стать лицомъ къ лицу съ столь многими враждебными владыками и яростными толпами. Самое возвышенное нравственное мужество могло бы испугаться

Монета Селевка I
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

сплоченнаго противодѣйствія какъ ложныхъ друзей, такъ и яростныхъ враговъ. Апостолъ же Павелъ былъ не Милонъ, не Демосеенъ и не Сципіонъ Африканскій. Онъ былъ физически слабъ и до мучительности чувствителенъ. По внѣшности онъ былъ невзраченъ, рѣчь его неизящна, духъ его часто подавленъ страхомъ. Но надъ слабымъ тѣломъ и боязливой душой господствовалъ столь без-

страшный духъ, что онъ въ теченіе всей своей жизни готовъ былъ смѣло идти на всякое мученіе, стоять противъ черни, обращаться съ рѣчью къ трибуналамъ, и столь же мало трепеталъ предъ гнѣвными тиранами, какъ и предъ бушующими морями. Онъ могъ бы обратиться къ своему немощному тѣлу съ словами, съ которыми обратился одинъ великій герой, вступая въ самую жестокую сѣчу битвы: «а, ты трепещешь! но ты затрепетало бы еще больше, если бы знало, куда я намѣренъ повести тебя сегодня» ⁵⁵¹⁾!

Совмѣстное свидѣтельство преданія и древнѣйшихъ попытокъ изображенія даютъ намъ возможность представить себѣ внѣшній видъ великаго апостола. Одинъ новѣйшій писатель, который не можетъ скрыть своего крайняго отвращенія, примѣшивающагося къ неохотному восторгу, вѣроятно былъ недалеко отъ истины, назвавъ его «маленькимъ невзрачнымъ іудеемъ» ⁵⁵²⁾. Вотъ предъ вами чело́вѣкъ, внѣшность котораго способна лишь возбудить пренебреженіе. Однако же стоитъ только заговорить съ нимъ, и предубѣжденіе, произведенное его внѣшностью и манерами, мигомъ исчезнетъ. Когда въ моменты вдохновляющаго восторга или тоскующей любви душа просіявала изъ этого блѣднаго немощнаго лица; когда съ зажигающимъ энтузіазмомъ чело́вѣкъ забывалъ о своей внѣшности и своей немощи и раскрывался во всемъ величіи своей героической силы; когда, торжествуя надъ слабостью, онъ поражалъ своихъ враговъ грозными обличеніями или какбы вздымался на крыльяхъ пророчества для того, чтобы вдохнуть отраду и утѣшеніе тѣмъ, которыхъ возлюбилъ онъ, — тогда только можно было видѣть, что это за чело́вѣкъ. Это и есть ап. Павелъ, сидящій, какбы на освѣщенныхъ

солнечнымъ свѣтомъ высотахъ и воспѣвающій славный гимнъ въ честь христіанской любви. Это Павелъ, стоящій лицомъ къ лицу съ Петромъ и оправдывающійся въ своемъ обвиненіи; это Павелъ, предающій сатанѣ дерзкаго преступника въ Коринѣ; это Павелъ съ острою, но деликатною ироніей обличающій вздутыя претензіи мнимой премудрости; это Павелъ, низвергающій на подпольные заговоры іудействующихъ громы своего нравственнаго негодованія; это Павелъ, ослѣпляющій Елиму ужасомъ своего пылкаго укора; это Павелъ, овладѣвающій, такъ сказать, всѣми 270 душами на полуразрушенномъ кораблѣ и простымъ авторитетомъ естественнаго превосходства распоряжающійся сотникомъ и римскими воинами, узникомъ которыхъ онъ былъ; это Павелъ, умиротворяющій чернь маніемъ своей руки на ступеняхъ башни Антоніи; это Павелъ, заставляющій трепетать даже Феликса; это Павелъ, высказывающій тономъ равенства высокія любезности правителямъ и царямъ; это Павелъ, «борющійся съ дикими звѣрями» въ Ефесѣ и одинъ выступающій лицомъ къ лицу со львомъ въ Римѣ. Когда вы его видите и слышите, то забываете, что все это сокровище скрывалось въ глиняномъ сосудѣ; изъ жалкаго кувшина сіялъ во тьмѣ скрытый тамъ свѣточъ, который ужасомъ поражалъ враговъ и звѣздой руководящую свѣтилъ для друзей.

Если такимъ образомъ невзрачность, болѣзненность ⁵⁵³⁾ и сознание того, что онъ принадлежалъ къ ненавистной сектѣ и проповѣдывалъ презрѣнное безуміе, если все это было ужасно невыгодными для него сторонами, то онѣ находили зато болѣе чѣмъ достаточный противовѣсъ въ его несравненныхъ дарованіяхъ. Изъ внѣшнихъ преимуществъ онъ обладалъ основательнымъ знакомствомъ съ умственнымъ сокровищемъ своего народа, хорошимъ знаніемъ греческаго языка, знаніемъ ремесла, которымъ онъ могъ содержать себя, и знакомствомъ

Борьба съ дикими звѣрями
(съ скульптурнаго изображенія въ Британскомъ музеѣ, изъ Ефеса).

съ правами и обычаями всѣхъ классовъ и народовъ, пріобрѣтеннымъ имъ вслѣдствіе долгаго пребыванія какъ въ іудейскихъ, такъ и въ языческихъ городахъ. Будучи вдовцемъ и бездѣтнымъ, онъ не былъ обремененъ какими-либо семейными связями и могъ нести лишь личную муку, не подвергая ей тѣхъ, которые бы зависѣли отъ него. Наконецъ, обладаніе правами римскаго гражданства, хотя оно и недостаточно было для защиты его отъ областнаго самоуправства и хотя онъ вѣроятно не опирался на него среди своихъ соплеменниковъ, все-таки не разъ могло сослужить ему службу при самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ. Но все это было бы ничто безъ обладанія другими, гораздо болѣе высокими качествами, каковыми именно были: изумительная выносливость, которую не могли истощить никакія испытанія и которая давала возможность физически слабѣйшему изъ апостоловъ⁵⁵⁴) сдѣлаться наиболѣе неутомимымъ и дѣятельнымъ; высокое убѣжденіе, что Богъ призвалъ его къ особому апостолству, чтобы «покорять язычниковъ» вѣрѣ «словомъ и дѣломъ» (Римл. xv, 18); «энтузіазмъ челоувѣчности», заставлявшій его охотно имѣть общеніе, ради спасенія душъ, съ людьми ли, которые были нѣкогда ворами и пьяницами, или съ кроткими, невинными и нѣжными женщинами (1 Кор. vi, 6—11); деликатность, которая дѣлала его одинаково на мѣстѣ какъ среди рабовъ, такъ и среди царей; сила слога, которая поднималась или понижалась, смотря по обстоятельствамъ, иногда спускаясь до низшей разговорной формы и иногда поднимаясь до вдохновеннѣйшаго краснорѣчія; ясность взгляда, которая всегда имѣла въ виду одну цѣль и для достиженія ея жертвовала всѣмъ другимъ (1 Кор. ix, 19); полная свобода отъ того рабства мелочности, которымъ отличаются мелкія души и благодаря которымъ религія всегда коснѣетъ въ формулѣ или замираетъ въ обрядности; духъ уступчивости, тактъ организациі, охотность сносить и терпѣть, снисходить и уступать; терпимость къ челоувѣческимъ предразсудкамъ; довольство, дававшее ему возможность удовлетворяться меньшимъ противъ того, чѣмъ сколько ему надлежало. Но въ душѣ Савла были еще болѣе драгоценныя для дѣла его жизни качества, чѣмъ даже эти. Въ ней онъ пылалъ къ своимъ обращенцамъ нѣжностью, которая заставляетъ его слова иногда звучать такъ, что въ нихъ какбы слышатся приступы рыданія, — особенно когда онъ съ одной стороны думаетъ о ихъ привязанности, а съ другой — о ихъ неблагодарности (1 Тесс. ii, 7, 11; Гал. iv, 19; 1 Кор. iv, 15; Фил. 10). Въ немъ была убѣжденность, которая даетъ ему возможность предвосхищать самый приговоръ страшнаго суда (Римл. ii, 16) и заставляетъ его запальчиво восклицать, что даже если бы ангелъ съ неба сталъ проповѣдывать евангеліе отличное отъ его, то и онъ былъ бы обманщикъ (Гал. i, 8). Въ немъ была миссіонерская неусыпность, такъ часто встрѣчаемая въ труженикахъ спасенія, которая влечетъ его изъ города въ городъ, съ одного материка на другой ради дѣла Божія; было пламенное и сильное рвеніе, благодаря которому основывать церкви между язычниками, въ качествѣ перваго вѣстника евангелія мира,

было для него источникомъ высшаго наслажденія въ жизни (Римл. x, 18; xv, 18; Гал. i, 16; 1 Кор. i, 1, ш, 10; ix, 16; 2 Кор. xi, 2); и наконецъ, но быть можетъ важнѣе всего, въ немъ была совершенная вѣра, полнѣйшее самопожертвованіе, самозабвеніе, самоуничженіе, которое заставляло его добровольно, даже съ радостью, приносить въ жертву возлюбія всю свою жизнь, чтобы только переходить изъ города въ городъ въ качествѣ раба и узника за триумфальной колесницей Христовой.

Безконечное личное превосходство ап. Павла почти изгладило воспоминаніе о сотрудникахъ, содѣйствію которыхъ онъ былъ такъ много обязанъ; но мы не должны забывать, что при всѣхъ опасностяхъ его великаго дѣла Варнава всегда былъ рядомъ съ нимъ, руководилъ его своею спокойною мудростью и поддерживалъ его своимъ стойкимъ достоинствомъ. Варнава, другъ его юности, быть можетъ школьный товарищъ по наукѣ, тотъ, кто взялъ его за руку и вывелъ изъ безвѣстнаго уединенія, кто работалъ съ нимъ въ Антиохіи и раздавалъ съ нимъ милостыню въ Іерусалимѣ, — все еще раздѣлялъ его трудности и никогда не завидовалъ и не ропталъ, когда даже видѣлъ, какъ самъ онъ постепенно подчинялся могущественной личности младшаго обращенца. Для насъ Варнава всегда будетъ менѣе видной и памятной личностью, чѣмъ ап. Павелъ; но не будемъ забывать, что до этого времени онъ занималъ болѣе высокое положеніе и оказывалъ болѣе сильное вліяніе на дѣла церкви. Какъ левитъ, какъ проповѣдникъ, какъ челоувѣкъ, который ради нуждъ общины пожертвовалъ всѣмъ своимъ земнымъ достояніемъ, какъ личность въ высшей степени пользовавшаяся довѣріемъ апостоловъ, Варнава въ эти ранніе дни способенъ былъ придать воззрѣніямъ ап. Павла тотъ вѣсъ, который они едва ли могли бы пріобрѣсти иначе. Только когда уже началась настоящая дѣятельность, Варнава повидимому естественно снизошелъ въ болѣе подчиненное положеніе. Какъ только они оставили Саламинъ, то измѣнился и самый порядокъ именъ въ повѣствованіи о нихъ. Сергій Павелъ еще посылаетъ за «Варнавою и Савломъ», но именно Савлъ тотчасъ выступаетъ впередъ противъ Елимы; именно «Павелъ съ своими сотоварищами» отплываетъ изъ Пафа въ Пергу; Павелъ отвѣчаетъ на призывъ говорить въ Антиохіи Писидійской; Павелъ подвергается побіенію камнями въ Листрѣ, и вообще отселъ во всей остальной исторіи, кромѣ окружныхъ посланій отъ Іакова и церкви іерусалимской, мы видимъ «Павла и Варнаву»⁵⁵⁵).

Но мы не должны упускать изъ виду также и младшаго изъ трехъ путешественниковъ, Іоанна, по прозванію Марка, который ходилъ съ ними въ качествѣ ихъ сослужителя, соотвѣтствующаго быть можетъ нашему понятію діакона⁵⁵⁶). Присутствіе дѣятельнаго послушника, который могъ дѣлать всѣ нужныя приготовленія и распросы, было почти необходимо такому немощному челоувѣку какъ Павелъ. Если и Варнава, подобно ап. Павлу, съ неохотностью лично совершалъ крещеніе (1 Кор. i, 13—17), то можно предполагать, что между прочимъ въ этомъ помогалъ имъ Маркъ. Важнымъ обстоятельствомъ для ихъ обоихъ было и

то, что Маркъ, какъ завѣдомый другъ и любимецъ ап. Петра, едва ли бы принялъ участіе въ миссіи, если бы она не имѣла полного одобренія его блистательнаго покровителя. Ап. Павелъ несомнѣнно чувствовалъ, что въ этомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ какъ теперь, такъ и въ концѣ своей жизни, Маркъ былъ или могъ быть «полезенъ ему для служенія». Его натура настойчиво требовала утѣшенія въ сотовариществѣ; безъ этого онъ находилъ свое дѣло невыносимымъ и себя жертвою подавляющаго унынія⁵⁵⁷). Принятые имъ начала, его рѣшимость, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не будетъ обременять своихъ обращенцевъ, миссіонерская отвага, приводившая его къ такимъ опасностямъ, противъ которыхъ можетъ выступить только самый мужественный человѣкъ, лишали его того источника женскаго общества — сестры-жены, которымъ пользовались другіе апостолы и которое часто бывало весьма полезно для самыхъ ревностныхъ миссіонеровъ. Но Павелъ былъ миссіонеръ особаго рода, и мы не знаемъ, какъ было раньше, но теперь онъ во всякомъ случаѣ былъ одинокимъ человѣкомъ.

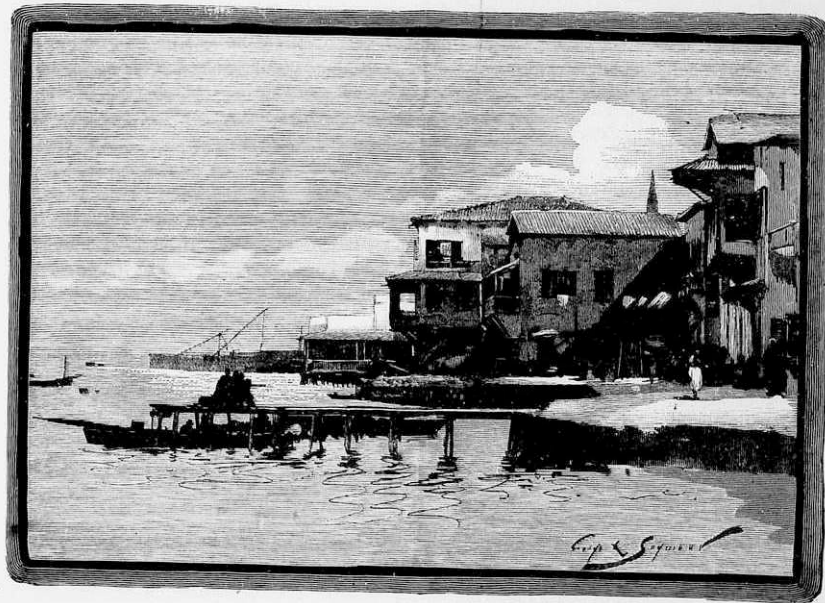
Таковы были трое скромныхъ христіанскихъ миссіонеровъ, корабль которыхъ, направляясь къ югозападу, подплылъ къ горамъ Кипра и, оставляя длинный мысъ Динареть справа, вступилъ въ заливъ Саламинскій. Открывшаяся картина навѣрно была очень знакома Варнаву. Предъ ними лежалъ цвѣтущій торговый городъ, извѣстный своимъ храмомъ саламинскаго Юпитера, который преданіе приписывало Тевкеру, сыну Теламона. За храмомъ въ полукругѣ замыкающихъ холмовъ расстилалась богатая равнина, орошаемая обильными потоками Педіея. Мѣсто-

Голова Венеры
(съ павской монеты въ Британскомъ музеѣ).

для которыхъ было особенно желательно ихъ посѣщеніе, такъ какъ со времени Стефанова гоненія Кипръ постоянно имѣлъ участіе въ распространеніи христіанства (Дѣян. xxi, 16).

Что Варнава имѣлъ значительный голосъ въ вопросѣ о вознагражденіи такимъ образомъ своего роднаго острова за услугу, оказанную имъ Антіохіи (Дѣян. xi, 20), можно выводить изъ того обстоятельства, что впоследствии, когда онъ разлучился съ Павломъ, онъ вмѣстѣ съ Маркомъ еще разъ избралъ его мѣстомъ своихъ миссіонерскихъ трудовъ. Послѣ этого перваго посѣщенія ап. Павелъ, какъ ни часто онъ бывалъ поблизости его, никогда повидимому не при-
ставалъ къ нему, не желая быть можетъ строить на основаніи другихъ; и ни

Морская пристань въ Ларнакѣ, на о. Кипрѣ.

въ одномъ изъ своихъ посланій онъ не говоритъ ни о Кипрѣ, ни о другихъ кипріотахъ. Заключается или нѣтъ какая нибудь истина въ сказаніи, которое говоритъ, что Варнава былъ замученъ въ царствованіе Нерона и погребенъ близъ Саламина, но вполнѣ по достоинству ему именно посвящены церковь и лежащій близъ нея гротъ въ этомъ городѣ.

Но помимо тѣхъ удобствъ, которые заключались въ связяхъ Варнавы съ островомъ, это несомнѣнно было великолѣпное мѣсто въ качествѣ пункта отправленія для благовѣстія міру. Будучи однимъ изъ самыхъ большихъ

острововъ на Средиземномъ морѣ, обладая плодородною почвой, разнообразный въ своемъ физическомъ строеніи и лежа поблизости къ тремъ великимъ материкамъ, онъ самой природой предназначенъ быть удобнымъ центромъ обширной торговли. Торговля естественными произведеніями, главнымъ образомъ металломъ и виномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что императоръ Августъ передалъ мѣдные рудники Проду Великому, привлекала сюда большое іудейское населеніе. Численность іудеевъ тамъ была такъ велика, что въ царствованіе Траяна (116 г. по Рожд. Христ.) они, подъ предводительствомъ нѣкоего Артемія, возстали противъ туземныхъ жителей и въ страшномъ кровопролитіи избили ихъ до 240,000 человекъ. Возмущеніе было подавлено съ страшною суровостью императоромъ Адрианомъ и послѣ этого времени ни одинъ іудей, подъ страхомъ смерти, не могъ вступать на берегъ Кипра⁵⁵⁸).

О дѣятельности ап. Павла съ сотрудниками въ Саламинѣ ничего не сообщается кромѣ того, что они «проповѣдывали слово Божіе въ синагогахъ іудейскихихъ»⁵⁵⁹). Изъ этого видно, что Саламинъ былъ однимъ изъ городовъ, гдѣ іудейскій кварталъ былъ достаточно многочисленъ для содержанія нѣсколькихъ синагогъ; а что касается язычниковъ, то если апостолы и входили вообще въ соприкосновеніе съ ними, то вѣроятно только съ прозелитами. Извѣстія объ этой части ихъ путешествія скудны и вообще не дается даже никакого указанія на продолжительность ихъ пребыванія на Кипрѣ. Дѣятельность между язычниками несомнѣнно встрѣчала препятствія въ той апотеозѣ чувственности, которою славился островъ. Соприкосновеніе грековъ съ финикиянами содѣйствовало сліянію между тонкимъ сластолюбіемъ эллинской народности и болѣе пылкою страстностью финикиянъ и другихъ народовъ востока; а приморское населеніе, которое приходило на островъ въ столкновеніе со всѣми цивилизованными народами, легко научалось всякому распуску. Венера была главной богиней и такъ какъ она отъ этого обстоятельства получила названіе Киприды, то поэты чаще всего называютъ ее пафійскою, амаузійскою или идалійскою—по имени ея храмовъ въ различныхъ частяхъ острова. Однако же въ пафійскомъ храмѣ, гдѣ въ жертву не приносилось крови, гдѣ ея древнѣйшее святилище, знаменитое даже во времена Гомера⁵⁶⁰), распространяло съ многочисленныхъ жертвенниковъ благоуханіе постоянного куренія⁵⁶¹) и куда прибывали цари и императоры для поклоненія ей, образъ ея, заключавшійся въ самомъ ея святилищѣ, былъ не изысканной женской фигурой, созданной рукой Фидія или Скопы, а грубой угловатой глыбой бѣлаго мрамора⁵⁶²) — въ родѣ Ашеры, — какой только и могъ служить фаллическимъ символомъ ассирійскаго и сидонскаго божества, откуда происходила эта форма поклоненія природѣ⁵⁶³). И такъ какъ ея храмы имѣли право убійства, — право, которое способствовало склоненію по содѣйствію съ ними преступниковъ всякаго рода, то и помимо прямыхъ свидѣтельствъ легко представить себѣ, что культъ этотъ былъ до послѣдней степени безнравственный, что пафійское божество было не Афродитой Ураніей⁵⁶⁴), а нис-

шимъ видомъ Афродиты пандемонійской; что культъ ея былъ просто превращеніемъ религіи въ служеніе похоти. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ между іудеями и греками или финикийскими обитателями должна была существовать смертельная вражда, какая только существовала въ древности между іудеями и хананеями. Взаимная ненависть, питаемая такимъ образомъ, завершилась междоусобицей, скоро разразившейся между соперничающими классами населенія, и это быть можетъ было одной изъ причинъ, почему намъ ничего не сообщается о проповѣди язычникамъ на островѣ Кипрѣ.

Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Саламинѣ, миссіонеры обходили весь островъ⁵⁶⁵). Отъ Саламина до Пафа онъ имѣетъ около 175 верстъ въ длину; и они вѣроятно слѣдовали главной дорогой вдоль берега, сворачивая въ такіе мѣста, какъ Китій, родина Зенона стоика, Амаѣ, одно изъ святилищъ Венеры, и вообще въ такіе города, гдѣ они могли встрѣтить іудеевъ, обращеніе которыхъ къ вѣрѣ было ихъ главною цѣлью. Но объ ихъ путешествіи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, пока они не достигли города Пафа. Подъ этимъ названіемъ разумѣется однако же, какъ показываетъ повѣствованіе, не древній и знаменитый Пафъ, новѣйшая Куклія, въ который ежегодно совершались паломничества для поклоненія древнему святилищу, бывшему столь «славно безславнымъ» въ теченіе многихъ вѣковъ, а болѣе новый Пафъ⁵⁶⁶), новѣйшая Башта, теперь разлагающаяся и бѣдная деревушка, но тогда бойкій портъ и резиденція римскаго проконсула Сергія Павла⁵⁶⁷). То обстоятельство, что Сергій Павелъ имѣлъ при себѣ, очевидно въ своемъ собственномъ домѣ, іудейскаго обманщика по имени Варъ Іисуса, который кичился лестнымъ для себя титуломъ Елимы, т. е. улема или волшебника⁵⁶⁸), нисколько не набрасываетъ тѣни на умственный уровень личности самого проконсула. Даже такой знатный невѣръ, какъ Филиппъ Egalité, человекъ весьма развитой и способный, не отказывался отъ попытки предугадать свою судьбу посредствомъ гаданія надъ чашей и изслѣдованія зеренъ кофе (Κολοκοράντια; см. Быт. хлvi, 5). Вѣрованіе въ нѣкоторую личную силу, распоряжающуюся человѣческимъ судьбой, стоящую выше его и надъ нимъ, есть существенная потребность человѣческаго духа. Человѣчество никогда не можетъ обойтись безъ этой вѣры, какъ бы она въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстное время

Храмъ Венеры
(съ кипрской монеты въ Британскомъ музее).

ни казалась отдѣльнымъ лицамъ излишнею. Гордые римляне, потерявъ всякую твердую почву въ своей національной религіи, чувствовали себя вынужденными какою то инстинктивною необходимостью искать хоть какого нибудь сношенія съ невидимымъ міромъ, хотя бы даже при посредствѣ мистическаго волшебства востока. Марій обращался къ предсказательству еврейки Марѣы. Въ этотъ замѣчательный періодъ авгуры, звѣздочеты, халдеи, математики, астрологи, маги, предвѣщатели, предсказатели судьбы, чревоушнители, снотолкователи⁵⁶⁹⁾ во множествѣ стекались въ Римъ и приобретали такое значеніе, что навлекали на себя негодованіе какъ сатириковъ, такъ и историковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Апполонъ Тианскій и позднѣе Александръ Абонотихскій и циникъ Перегринъ, обратили на себя всеобщее вниманіе. Едва ли было такое римское семейство, которое не содержало бы у себя своего собственнаго предсказателя судьбы, и Ювеналъ говоритъ, что императоръ Тиверій сидѣлъ на своемъ скалистомъ о. Капреѣ «съ цѣлымъ стадомъ халдеевъ»⁵⁷⁰⁾. Ничего не могло быть поэтому естественнѣе, что интеллигентный и любознательный римлянинъ, при скучномъ досугѣ своей провинціальной жизни, живя среди смѣшаннаго населенія полуфиникійскаго происхожденія и преданнаго чудовищнымъ формамъ религіи, забавлялся во время досуга странными суевѣріями, которыми онъ былъ окруженъ отовсюду⁵⁷¹⁾. Частыя землетрясенія на о. Кипрѣ способны были придавать настроенію обитателей его тотъ мрачный и суевѣрный колоритъ, который часто встрѣчается въ странахъ, подлежащихъ такимъ ужаснымъ бѣдствіямъ; а новый Пафъ недавно предъ тѣмъ⁵⁷²⁾ былъ опустошенъ землетрясеніемъ, которое оставило по себѣ глубокое впечатлѣніе. Быть можетъ вслѣдствіе этого, а быть можетъ и по другимъ причинамъ, Варъ Исусъ приобрѣлъ необыкновенное вліяніе. Но кромѣ того мы имѣемъ новое подтвержденіе точности св. Луки (одно изъ тѣхъ отдѣльныхъ и случайныхъ и потому неподлежащихъ подозрѣнію подтвержденій, которыя такъ часто встрѣчаются для установленія правдивости священныхъ писателей), именно въ томъ, что Кипръ былъ особенно знаменитъ своими школами религіознаго обмана, изъ которыхъ одна была завѣдомо іудейская. Симонъ волхвъ по всей вѣроятности былъ жителемъ Китія⁵⁷³⁾. У Плинія есть въ высшей степени замѣчательное мѣсто, которое, если сопоставить его съ указаніемъ его на Сергія Павла, можно считать смутнымъ воспоминаніемъ въ душѣ римскаго повѣствователя объ этихъ самыхъ событіяхъ, слышанныхъ имъ отъ самого проконсула, о которомъ мы говоримъ теперь. Онъ передаетъ, что въ Пафѣ было двѣ школы предсказателей, одна изъ которыхъ считала своими основателями Моисея, Іамніа и Ютапа — іудеевъ, и одного гораздо болѣе недавняго киприанина⁵⁷⁴⁾. Къ этой-то школѣ вѣроятно и принадлежалъ Варъ Исусъ, и указаніе Плинія еще разъ бросаетъ своеобразный свѣтъ на тщательную правдивость священнаго повѣствователя⁵⁷⁵⁾.

Тѣже самыя чувства, что побуждали Сергія Павла имѣть при себѣ въ прокон-

сульской резиденціи іудейскаго кудесника, естественно могли побудить его послать и за новыми учителями, дѣятельность которыхъ очевидно обратила на себя вниманіе любящею ревностью, столь отличною отъ презрительной холодности синагоги. Но положеніе прорицателя при римскомъ проконсулѣ, даже если бы оно продолжалось только одинъ годъ⁵⁷⁶⁾, было слишкомъ отѣнно и выгодно, чтобы уступать его безъ борьбы. Елима поэтому вступилъ въ открытое состязаніе съ апостолами и не стѣснялся ни доводами, ни оскорбленіями въ своемъ стараніи убѣдить Сергія въ нелѣпости новой вѣры. Тогда Савлъ (и этимъ моментомъ повѣствователь воспользовался для того, чтобы заявить, что онъ назывался и именемъ Павла, которое отселѣ исключительно и прилагается къ нему) смѣло выступилъ впередъ, чтобы встрѣтить всю силу нападенія кудесника. Менѣе убѣжденный или менѣе смѣлый человекъ могъ бы легко устрашиться личнаго столкновенія съ лицомъ, которое очевидно занимало почетное положеніе въ самомъ семействѣ сановнаго римлянина. Но въ душѣ такого человека, какъ ап. Павелъ, при всемъ его безконечномъ состраданіи къ невѣжеству, безконечномъ сочувствіи къ слабости, безконечной нѣжности къ покаянію, не было съ другой стороны мѣста для компромисса съ обманомъ, не могло быть снисходительности къ алчности, мира съ хананеємъ. Воспылавъ праведнымъ гнѣвомъ, съ пыломъ негодованія въ душѣ, онъ выступилъ противъ человека, низкую жадность и безсовѣстность котораго онъ видѣлъ самъ и хотѣлъ обнажить для другихъ. Устремляя на ложнаго прорицателя и кудесника свой неотразимый взоръ, который дѣлался быть можетъ еще болѣе упорнымъ вслѣдствіе слабости его зрѣнія (сн. Дѣян. ххп, 1), апостолъ воскликнулъ: «О, исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣйства, сынъ діавола⁵⁷⁷⁾, врагъ всякой правды! перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ»? И затѣмъ, замѣтивъ ужасъ, объявившій душу обличеннаго лицомъ вслѣдствіе этого смѣлаго и громоуноснаго удара, онъ тутъ же прибавилъ: «И нынѣ вотъ рука Господня на тебя: ты будешь слѣпъ и не увидишь солнца до времени»⁵⁷⁸⁾. Заклятіе мгновенно возымѣло силу; кудесникъ сразу же почувствовалъ, что его обманъ обнаженъ и самъ онъ уничтоженъ, что онъ стоялъ предъ лицомъ карающаго правосудія. Туманъ заволокъ ему зрѣніе, наступила для него полная тьма, и въ отчаяніи, растопыривъ руки, онъ искалъ вожакаго.

Неудивительно, что проявленіе столь поразительной и столь неотразимой духовной силы должно было произвести сильное впечатлѣніе на душу проконсула (Дѣян. хп, 12). Глубока ли была его вѣра въслѣдствіи или нѣтъ, мы не имѣемъ данныхъ, которыя бы давали намъ возможность судить о томъ. Но молчаніе св. Луки повидимому указываетъ, что онъ не крестился, и мы едва ли можемъ смотрѣть на него какъ на глубокаго и на всю свою жизнь убѣдившагося обращенца, такъ какъ иначе, при рѣдкости сановныхъ людей въ христіанской общинѣ, мы несомнѣнно услышали бы о немъ отъ христіанскихъ повѣствователей, какъ

мы слышимъ о тѣхъ весьма немногихъ, которые въ этотъ періодъ, подобно Флавію Клименту или Флавію Домицилѣ, присоединились къ церкви изъ знатныхъ и вліятельныхъ классовъ.

Часто поднимался вопросъ, почему въ этомъ мѣстѣ повѣствованія имя Савла окончательно замѣняется именемъ «Павелъ»⁵⁷⁹). Старый отвѣтъ, данный бл. Иеронимомъ, что онъ принялъ это имя какъ трофей совершеннаго имъ обращенія Сергія Павла, давно уже, какъ и слѣдовало быть, оставленъ: въ такомъ рѣшеніи его заключалась бы вульгарность, немислимая въ ап. Павлѣ. Ничто также не говоритъ и въ пользу того соображенія, что онъ принялъ это имя изъ чувства смиренія въ знакъ того, что онъ былъ «меньшій» изъ апостоловъ⁵⁸⁰). Гораздо вѣроятнѣе, что онъ или и прежде носилъ попеременно это имя для удобства въ своихъ сношеніяхъ съ язычниками, или это римское имя могло указывать на обладаніе имъ правами римскаго гражданства и быть можетъ на нѣкоторую связь его отца или дѣда съ Эмилиевымъ семействомъ, носившимъ прозваніе Павла. Если онъ усвоилъ это имя при настоящемъ случаѣ, то это быть можетъ потому, что оно ближе всего подходило къ еврейскому имени Савль, особенно въ его греческой формѣ. Но эту форму онъ не могъ употреблять въ сношеніяхъ съ греками вслѣдствіе того, что слово это по гречески было бы созвучно съ насмѣшливымъ терминомъ «верхоглядный» или «пустой человѣкъ». Самая перемѣна имени была такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что она съ давняго времени была въ ходу среди его соотечественниковъ. Иосифъ извѣстенъ былъ у египтянъ подъ именемъ Цафнаѣ-Панеахъ; Даниилъ у ассиріянъ — подъ именемъ Валтасара; Гадасса у персовъ — подъ именемъ Есеири; Иисусъ, Гиллель, Онія, Иосифъ, Тарфо у грековъ были извѣстны подъ именами Иасона, Полліона, Менелая, Егезиппа и Трифона. Если не по созвучію, то имя часто измѣнялось по переводу, какъ напр. Петръ вмѣсто «Кифа», Дидимъ вмѣсто «Θома». Иногда однако же перемѣна имени среди язычниковъ зависѣла отъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр. Иосифъ принялъ прозваніе «Флавій» въ честь Веспасіана. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ и другіе примѣры въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ въ лицѣ Іоанна и Іосіа, которые были извѣстны подъ латинскими именами Марка и Іуста. У ап. Павла однако же, какъ замѣтили уже древніе христіанскіе писатели, перемѣна имени обозначаетъ также полную перемѣну во всѣхъ условіяхъ его жизни. «Павелъ терпитъ то, что Савль прічинялъ; Савль побивалъ камнями, а Павелъ былъ побиваемъ камнями; Савль подвергалъ христіанъ бичеваніямъ, а Павелъ пять разъ принялъ по сорока ударовъ безъ одного; Савль гналъ церковь Божию, — Павелъ былъ спускаемъ въ корзинѣ отъ гонителей; Савль вязалъ, — Павелъ былъ въ оковахъ»⁵⁸¹).

Древняя греческая церковь на о. Кипрѣ.

ГЛАВА XX.

АНТІОХІЯ ПИСИДІЙСКАЯ.

Учитель язычниковъ отвѣтитъ тебѣ, эта евангельская труба, сосудъ золотой, сіяющей на весь міръ. Бл. Иеронимъ.

БОЙДЯ теперь Кипръ, «Павелъ и бывшіе при немъ» — какъ выражается св. Лука, какбы указывая на то, что вся сила миссіи сосредоточивалась теперь въ одномъ человѣкѣ — сѣли на корабль въ Пафѣ, чтобы отправиться въ Пергію въ Памфилию. Отправились ли они въ Пергію согласно съ преднамѣреннымъ планомъ, или это только была часть «невидаимаго провидѣнія Божія» — мы не знаемъ. Для древняго путешественника не всегда было легко съ точностью держаться того направленія, въ какомъ бы онъ желалъ, и ему невольно приходилось, по условіямъ круговаго плаванія того времени, руководиться въ своихъ движеніяхъ случайною встрѣчею судовъ, направлявшихся въ тѣ или другіе порты⁵⁸²). Между тѣмъ между Пафомъ, политической столицей Кипра, и Пер-

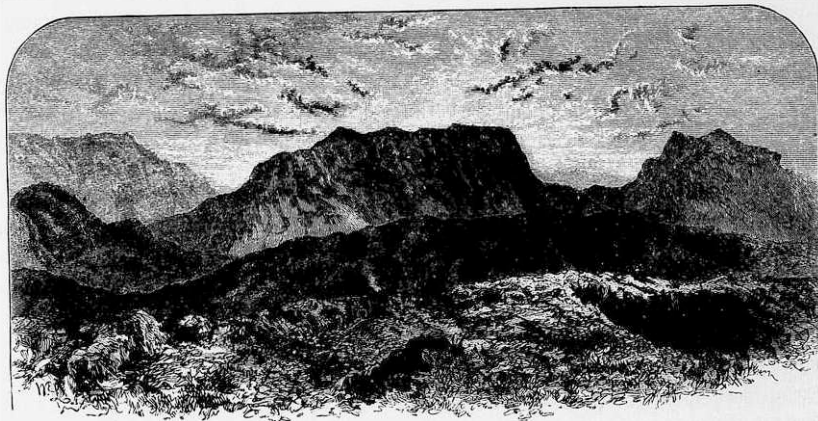
гией, столицей Памфилии, въ то время были постоянныя сношенія, какъ было бы вѣроятно еще и теперь между Саталией и западнымъ портомъ Кипра, если бы не препятствовали тому опасный характеръ заброшенной теперь гавани Баффа. И вотъ корабль съ миссіонерами снялся съ якоря и направился въ Пергію. Войдя въ глубокую бухту Атталіи и поднявшись вверхъ по широкой, въ то время судоходной, рѣкѣ Кестръ, они бросили якорь подъ скалами, завершавшимися Акрополемъ веселаго греческаго города Пергіи и мраморными-колоннами его знаменитаго храма Артемиды.

Но въ Пергіи они не остановились и ихъ пребываніе тамъ отмѣчено только единственнымъ, но удручающимъ событіемъ. Это именно оставленіе Іоанномъ Маркомъ миссіонерскаго дѣла: «отдѣлившись отъ нихъ, онъ возвратился въ Іерусалимъ». Причины, которыя такимъ образомъ заставили его оглянуться назадъ, послѣ того, какъ онъ уже положилъ свою руку на плугъ, не объясняются; но очевидно, что пылкой душѣ Савла во всякомъ случаѣ онъ казался достойными порицанія, такъ какъ мы увидимъ, что впослѣдствіи онъ отказалъ въ предложеніи сотрудничества человѣку, который выказалъ такую недостаточную рѣшимость (Дѣян. xv, 38). Но легко однако же понять смѣшанныя побужденія, которыми руководился Маркъ. Онъ былъ молодъ. Новизна дѣла утомила его. Оно было сопряжено съ немалыми трудностями даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ на Кипрѣ. Мать его была въ Іерусалимѣ быть можетъ одна и даже быть можетъ подвергалась гоненію. Быть можетъ также молодой человѣкъ недоволенъ былъ возрастающимъ превосходствомъ Павла надъ его дядей Варнавой. И кромѣ всего этого Маркъ, воспитанный въ самомъ лонѣ церкви іерусалимской, быть можетъ серьезно началъ опасаться той широкой свободы въ допущеніи членовъ въ церковь, которая повидимому отодвигала на задній планъ древнюю святыню не только устнаго, но даже и писаннаго закона. Таковы быть можетъ были недоумѣнія, опасенія, полусознательная ревность, которыя наполняли его душу. При другихъ условіяхъ его могли бы тревожить угрызения совѣсти за оставленіе святаго дѣла, но теперь поступокъ его находилъ оправданіе въ предстоявшихъ ему очевидныхъ трудностяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Маркъ взглянулъ на величественный хребетъ Тавра и вспомнилъ, что имъ теперь приходилось проходить страны съ разнородными языками, неупорядоченнымъ правленіемъ, полуварварскимъ населеніемъ, съ перемѣшанными до чудовищности культами, съ разбойничьими притонами памфилійцевъ, селгензовъ, писидійцевъ, ликаонійцевъ, исаврійцевъ, киликійцевъ, клитовъ, гомоданензовъ⁵⁸³), онъ быть можетъ не съ сожалѣніемъ открылъ свое нерасположеніе къ дѣлу, на которое онъ вступилъ по побужденіямъ сыновняго долга. Въ это время его отсутствіе навѣрно было положительнымъ несчастіемъ для ап. Павла даже болѣе, чѣмъ для Варнавы. Варнава, при всемъ своемъ расположеніи къ своему другу и сотруднику, долженъ былъ чувствовать отсутствіе своего

племянника съ его благородной веселостью, живописной рѣчью, живымъ наблюдательнымъ духомъ, которыми онъ облегчалъ суровую сосредоточенность Павла на всецѣло поглощавшемъ его дѣлѣ; и Павелъ, который всегда любилъ личные услуги младшихъ сотоварищей, навѣрно былъ огорченъ, когда ежедневныя труды въ отсутствіи молодаго и сильнаго товарища становились все тяжелѣе. Въ его сердцѣ навѣрно шевелилось чувство нѣкотораго негодованія противъ человѣка, который оставилъ ихъ въ тотъ самый моментъ, когда меньше всего его можно было замѣнить кѣмънибудь другимъ и когда трудности, которыя онъ могъ бы значительно облегчать, начали принимать наиболѣе тяжелый характеръ.

Такимъ образомъ Маркъ оставилъ ихъ, а миссіонеры сразу же направились вовнутрь страны. Хотя намъ и не сообщается о существованіи синагоги въ

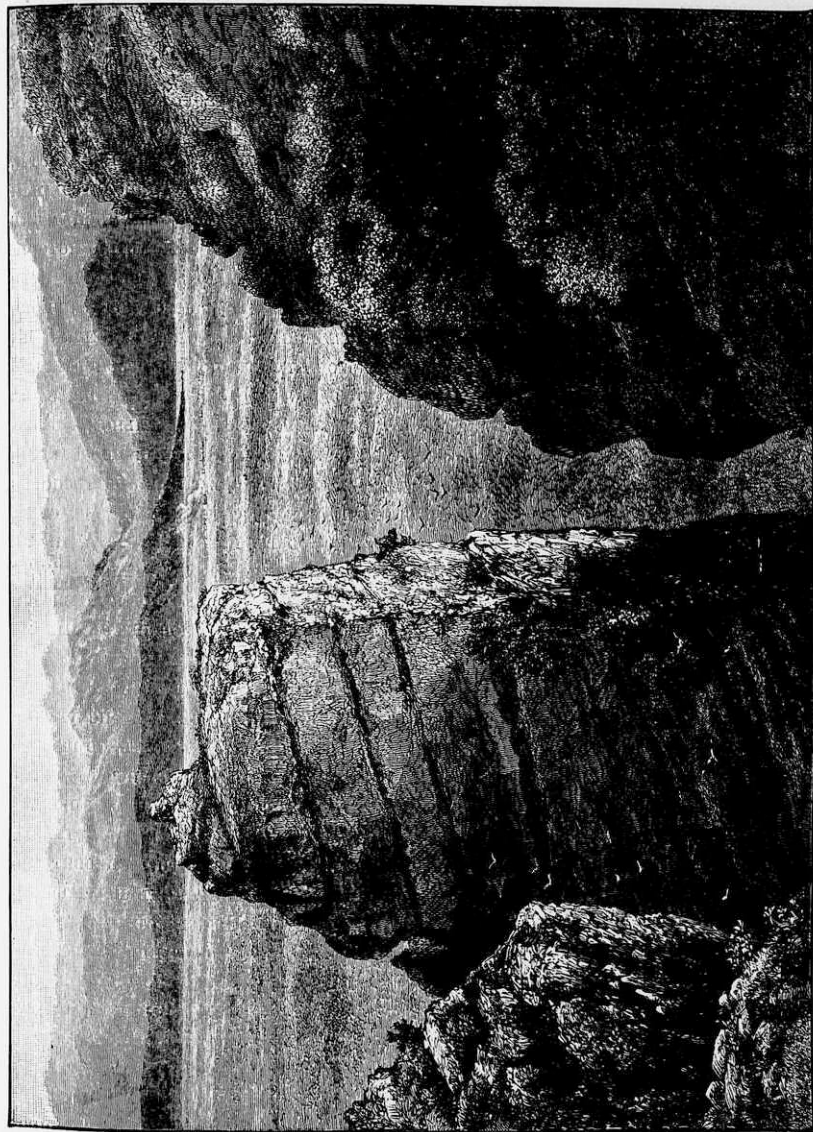

Часть горнаго хребта Тавръ, близъ Тарса.

Пергіи, но такъ какъ они проповѣдывали тамъ на своемъ обратномъ пути, то навѣрно были особыя обстоятельства, которыя заставили теперь оставить это мѣсто. Причину этого указывали въ вѣроятности того, что они прибыли въ этотъ городъ около середины весны⁵⁸⁴), когда все населеніе городовъ по равнинамъ и берегу моря обыкновенно удаляется во внутрь страны въ Яилы или, какъ сказали бы въ Швейцаріи, въ Альпы,—горныя пастбища, которыя даютъ возможность избѣгать жестокаго и нездороваго жара низменныхъ странъ⁵⁸⁵). Поэтому было бы бесполезно проповѣдывать въ Пергіи въ то самое время, когда главное населеніе ея было въ отсутствіи; и какойнибудь изъ многочисленныхъ каравановъ или какаянибудь семейная партія переселенцевъ, переполнявшихъ дороги мулами, верблюдами и стадами, могли доставить апостоламъ удобный случай

для путешествія подъ ихъ покровомъ. Безъ такого руководства было бы неразумно, если совсѣмъ не невозможно, имъ самимъ отправиться по тѣмъ опаснымъ дорогамъ, гдѣ вѣроятно снѣговые заносы еще лежали во многихъ мѣстахъ и мосты могли быть разломаны и снесены быстрыми разливами бурныхъ потоковъ.

Тѣ немногіе изъ новѣйшихъ путешественниковъ, которые посѣтили эти области Малой Азіи, подробно и живо описываютъ изобилующіе тамъ обрывистые, скалистые подъёмы; саркофаги и скульптурныя гробницы среди скалъ; узкія долины, по которымъ бурно стремятся рѣки и надъ которыми грозно высятся утесы, изрытые пещерами; неожиданно раскрывающіеся величественные виды, когда вы смотрите «со скалистыхъ ступеней престола зимы на богатую и зеленѣющую равнину лѣта съ голубымъ моремъ вдали». Тутъ встрѣчаются постоянныя перемѣны климата, различные поясы растительности, смѣняющіеся по мѣрѣ движенія путешественника; среди темныхъ сосновыхъ боровъ, одѣвающихъ низменные склоны, сверкаютъ многочисленныя водопады; чащи гранатовъ и олеандровъ окутываютъ рѣчныя ложбины; дикіе цвѣты своими богатыми узорами украшаютъ траву; безчисленныя стада пасутся на обширныхъ пастбищахъ, безконечныя пространства которыхъ прерываются только видомъ пастушескихъ шляпъ изъ козьей шерсти, дѣлающихся въ настоящее время изъ того же самаго матеріала, при помощи котораго ап. Павелъ своимъ ремесломъ добывалъ себѣ насущный хлѣбъ. И когда путешественникъ выходитъ на обширную центральную плоскость Малой Азіи, то онъ видитъ передъ собой очаровательную красоту прѣсныхъ и соленыхъ озеръ, по берегамъ которыхъ дорога часто вьется на цѣлыя десятки верстъ; черепахи въ мелкихъ прудахъ тамъ грѣются на солнцѣ; встрѣчаются стаи дикихъ лебедей, которые то наполняютъ воздухъ шумомъ своего полета, то расправляютъ свои перья на тихой поверхности воды; аисты по цѣлымъ часамъ терпѣливо стоятъ на болотистыхъ прудахъ, вылавливая рыбу. Таковы навѣрно были картины, которыя повсюду представлялись взорамъ ап. Павла и Варнавы, когда они пробирались изъ Пергіи въ Антиохію Писидійскую. Всякаго новѣйшаго миссіонера онѣ наполнили бы восторгомъ. Мунго Паркъ въ одномъ трогательномъ мѣстѣ описываетъ, какъ его душа, находившаяся на краю смерти, мгновенно ожила среди скучной растительности и пустыни при видѣ единственнаго пучка изумрудно-зеленаго мха съ его тонкими нитями и красивыми усиками; и вообще записки миссіонеровъ, которые въ новѣйшее время пробирались по этимъ горамъ съ проповѣдью мира, изобилуютъ великолѣпными описаніями картинъ, которыя имъ приходилось встрѣчать и которыя они считали какбы притворами въ величественный храмъ единого истиннаго Бога. Но, какъ мы уже замѣтили раньше, въ описаніяхъ апостола или его историка нѣтъ ни малѣйшаго слѣда такого чувства. Любовь къ картинамъ природы, которая въ новѣйшее время составляетъ столь постоянный и сильный источникъ наслажденія, была мало извѣстна древнимъ вообще и, за немногими поэтическими исключеніями, быть можетъ менѣе всего знакома была

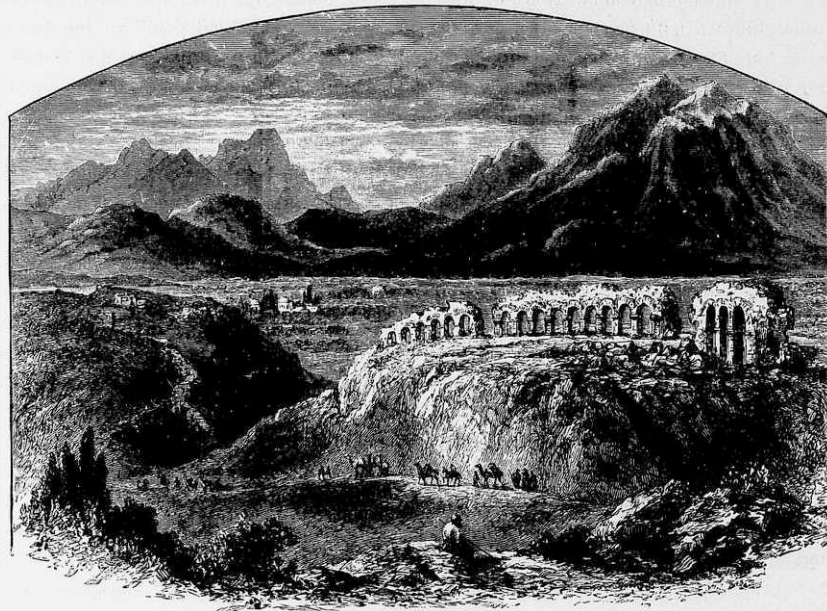
Видъ одного изъ проходовъ въ горахъ Тавра.

семиатамъ⁵⁸⁶). Какъ часто ап. Павелъ взбирался по горнымъ проходамъ Тавра; какъ часто видѣлъ онъ Олимпъ, «вздыхающійся снѣговою вершиной къ роднымъ ему небесамъ»; какъ часто проходилъ онъ пѣшкомъ «по берегамъ тѣхъ великихъ рѣкъ, которыя текутъ какъ Божья вѣчность»; какъ часто его корабль бороздилъ синія воды Эгейскаго моря среди тѣхъ живописно разбросанныхъ острововъ, которые «подобно лиліямъ покрываютъ поверхность моря и ликуютъ въ своей красотѣ, когда тихія воды ласкаютъ берега Эллады». Но всѣ эти славныя и очаровательныя картины не оставили никакого впечатлѣнія на его душѣ, или по крайней мѣрѣ не оставили слѣда на страницахъ его посланій⁵⁸⁷). Мы могли бы сожалѣть о потери, которую онъ несъ такимъ образомъ, могли бы жалѣть объ отсутствіи для него того источника утѣшенія, который иначе всегда былъ бы у него подъ рукою, если бы для ап. Павла такія утѣшенія не были излишни. Душа, которая жила на небѣ (Фил. III, 20; Еф. II, 6 и проч.), мысли, которыя были полны безсмертныхъ думъ, убѣжденіе, что Господь былъ постоянно близъ него, забота о душахъ, за которыя умеръ Христосъ, дѣлали его равнодушнымъ ко всему остальному. Богъ далъ бы ему и всѣ другія утѣшенія, если бы онъ нуждался въ нихъ; но тѣ ноги, которыя всегда находились на золотыхъ улицахъ новаго Іерусалима, безтрепетно ступали по вулканической почвѣ міра, скрывающей въ себѣ цѣлый адъ огня, который въ послѣдствіи долженъ будетъ превратить его въ пепелъ (2 Петр. III, 7). Чаша, которая была полна новаго вина царства небеснаго, не имѣла въ себѣ мѣста для винограднаго плода даже тѣхъ земныхъ удовольствій, которыя являются даже самыми невинными, самыми общедоступными и благословеннѣйшими на землѣ.

Не нужно забывать, что въ такой поглощенности ап. Павла своимъ дѣломъ рядомъ съ невыгодой была и своя выгода. Если ап. Павелъ никогда не указываетъ на преходящія красоты мѣстностей, по которымъ онъ проходилъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не высказываетъ и ни единого слова касательно постоянныхъ неудобствъ, тягостей и трудностей путешествія всякаго рода. Записки новѣйшихъ путешественниковъ рассказываютъ намъ объ ужасающихъ дождяхъ, о палящемъ жарѣ, о страшной истомѣ непрерывной общественности, о ядовитыхъ насѣкомыхъ, объ ослѣпляющихъ буряхъ пыли, объ истощающихъ перемѣнахъ погоды, о скудости и дурномъ качествѣ пищи. Но для ап. Павла всѣ эти заурядныя тягости, которыя часто однако же требуютъ для терпѣливаго перенесенія ихъ большаго героизма, чѣмъ тѣ болѣе серьезныя опасности, которыя для препобѣжденія ихъ требуютъ всѣхъ нашихъ силъ, — были ничто. Скуку и тягости путешествія онъ чувствовалъ такъ же мало, какъ мало заботился и о вознагражденіи за нихъ. Все это не имѣло отношенія къ его главной цѣли и составляло безразличный для него порядокъ обыденной жизни.

И вотъ такимъ образомъ апостолы пробирались по долинѣ Кестра, прошли по восточному берегу большаго и прекраснаго озера Эйердира и, пройдя

пространство въ 40 миль, на что вѣроятно потребовалось около недѣли, они прибыли въ цвѣтущій и торговый городъ Антіохію Писидійскую или Антіохію Кесарійскую. Изъ Страбона мы знаемъ, что городъ этотъ основанъ былъ Магнетомъ, переоснованъ Селевкомъ и въ послѣдствіи императоромъ Августомъ превращенъ былъ въ римскую колонію съ свободнымъ муниципальнымъ управленіемъ. Выгодное положеніе его на дорогахъ, которыя къ югу соединяли его съ Пергіей и Атталіей, къ западу — съ Апамеей, къ сѣверу — съ большими городами Галатіи

Антіохія Писидійская.

и къ востоку — съ Иконіей и Киликійскими воротами, дѣлало его большимъ коммерческимъ центромъ малоазійской торговли лѣсомъ, масломъ, шкурами, козьимъ волосомъ и ангольскою шерстью. Истинное его положеніе, такъ какъ онъ долгое время былъ смѣшиваемъ съ Акшеромъ, древней Филомеліей, — было открыто Арунделемъ въ 1833 году⁵⁸⁸). Наиболѣе замѣчательны между его развалинами остатки великолѣпнаго водопровода, который свидѣтельствуетъ о быломъ значеніи города. Монеты его главнымъ образомъ замѣчательны тѣмъ, что на нихъ самое видное мѣсто съ одной стороны дается его колоніальнымъ

привилегіямъ, а съ другой — его древнѣйшему культу луны, какъ божества извѣстнаго подъ именемъ Мин-Архея. Этотъ культъ въ прежнее время былъ очень цвѣтущимъ, и храмъ Мина кишѣлъ іеродулами, жившими на счетъ его имущества и доходовъ. Страбонъ рассказываетъ, что за семьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, по смерти царя Аминта, которому Писидія была предоставлена Маркомъ Антоніемъ, храмъ этотъ былъ закрытъ; но хотя богослуженіе быть можетъ и лишилось своего прежняго блеска, оно все-таки вѣроятно еще продолжалось среди невѣжественнаго туземнаго населенія.

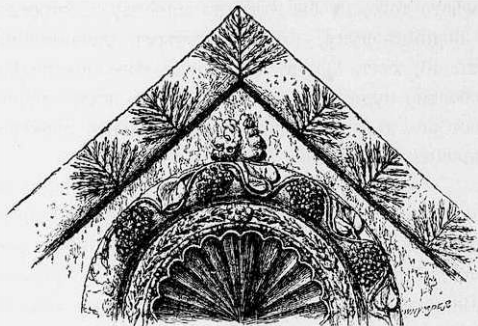
Но проповѣдь апостоловъ на первое время была обращена не къ природнымъ писидійцамъ и не къ грекамъ, которые составляли наносный слой въ населеніи, не къ римлянамъ, которые были позднѣйшими пришельцами въ немъ, а къ іудеямъ, которые прибыли туда вмѣстѣ съ потокомъ латинскаго переселенія, обеспечивавшаго за ними одинаковыя преимущества съ другими жителями. Первою заботою апостоловъ (а это именно было такое дѣло, въ которомъ Маркъ могъ бы быть особенно полезенъ для нихъ) было несомнѣнно отправиться «въ помѣщеніе для странниковъ», имѣвшееся при синагогѣ, и затѣмъ найти удобное помѣщеніе въ іудейскомъ кварталѣ, позаботиться о способахъ продажи киликійскихъ палатокъ, плетеніемъ которыхъ ап. Павелъ честнымъ путемъ добывалъ себѣ пропитаніе. Ремесло это занимало только его руки, не мѣшая его размышленіямъ или его проповѣди, и можно съ основаніемъ предполагать, что нѣкоторые изъ его обращенцевъ, особенно лучшихъ, были приобретены скорѣе ученіемъ и бесѣдами въ уютныхъ комнатахъ, гдѣ онъ трудолюбиво занятъ былъ работой, а не шумными и прерываемыми проповѣдями въ общественныхъ синагогахъ.

Но миссія Павла и Варнавы предназначалась не для немногихъ только. По субботнимъ днямъ они всегда посѣщали синагогу и, пользуясь благоприятнымъ случаемъ, обращались съ проповѣдью къ собранію. Посѣщеніе Антиохіи Писидійской замѣчательно и интересно событіями, которыя повели къ первой проповѣди ап. Павла, записанной въ повѣствованіи.

Въ городѣ была только одна синагога, которая поэтому навѣрно была большая. Устройство ея несомнѣнно было почти тождественно съ тѣмъ, какимъ оно бываетъ въ настоящее время на востокѣ. При входѣ въ низкое квадратное, ничѣмъ не украшенное зданіе, отличавшееся отъ языческихъ мѣстъ богослуженія полнымъ отсутствіемъ внутри всякихъ скульптурныхъ украшеній, прежде всего видна была съ одной стороны рѣшетчатая перегородка, за которой безмолвно сидѣла масса закутанныхъ женщинъ. Передъ ними стояла каедрa чтеца и по близости къ ней, впереди всего остальнаго собранія, находились главныя мѣста, которыя обыкновенно занимались раввинами и фарисеями. *Киблахъ* или священное направленіе, въ которомъ возносилась всякая молитва, былъ Іерусалимъ; и на этой сторонѣ находилась занавѣса, за которой былъ ковчегъ или ящикъ, содержащій священные свитки⁵⁸⁹). Павелъ, какъ бывшій членъ синагоги, и Варнава, какъ

левитъ, и оба, какъ люди съ высокимъ іудейскимъ образованіемъ, вполне могли имѣть право занять мѣсто въ креслахъ или на скамьяхъ, отведенныхъ для старѣйшинъ. Но быть можетъ они знали, что говорилъ въ этомъ отношеніи Спаситель, и поэтому заняли мѣста среди обыкновенныхъ богомольцевъ⁵⁹⁰). Всякій при входѣ покрывалъ свою голову *таллиомъ* и затѣмъ начинались молитвы. Онѣ прочитывались *шмелихомъ* или «апостоломъ прихода»⁵⁹¹), который стоя читалъ ихъ среди стоящаго собранія. Языкъ приэтомъ вѣроятно употреблялся греческій. Еврейскій языкъ давно уже и для іудеевъ былъ лишь языкомъ школьнымъ, понимался только немногими и въ отдаленныхъ мѣстахъ въ родѣ Антиохіи Писидійской извѣстенъ былъ быть можетъ только двумъ-тремъ членамъ въ городѣ. Не смотря на упорный консерватизмъ нѣкоторыхъ раввиновъ, іудеи, какъ народъ, имѣли настолько здраваго смысла, чтобы видѣть, какъ бесполезно было бы произносить молитвы на такомъ языкѣ, который непонятенъ народу⁵⁹²). Послѣ молитвъ слѣдовало первое чтеніе или *параши*, и оно, благодаря святости, которую іудеи приписывали самымъ звукамъ и буквамъ писанія, читалось поеврейски, но переводилось или пересказывалось, стихъ за стихомъ, *метургеманомъ* т. е. толкователемъ. *Хаззанъ* т. е. служитель синагоги бралъ свитокъ *торы* изъ ящика и передавалъ чтецу. Рядомъ съ чтецомъ стоялъ толкователь, если только онъ не исполнялъ эту должность самъ, какъ это легко было для всякаго, такъ какъ переводъ LXX въ то время былъ распространенъ повсюду. Послѣ *параши* читалась краткая *гафтара* или что мы назвали бы вторымъ чтеніемъ изъ пророковъ, причемъ переводъ на общепонятный народный языкъ давался по окончаніи каждаго трехъ стиховъ. Затѣмъ слѣдовалъ *мидрашъ*, изъяснительная бесѣда. Она велась не опредѣленнымъ какимъ-либо священнослужителемъ, а всякимъ желающимъ. Какъ въ настоящее время ко всякому знатному иностранцу, которому случается быть при этомъ, въ видѣ особой чести обращаются съ просьбою прочитать *тору*, такъ и въ то время *рошъ га-кенесетъ* могъ также попросить проповѣдывать всякаго, кто, по его мнѣнію, могъ сдѣлать это съ пользою для собранія молящихся⁵⁹³).

Такъ и при этомъ случаѣ, когда гафтара и параши были кончены, *батла-ни*, «люди досуга», завѣдывавшіе дѣлами синагоги и соотвѣтствующіе нашимъ

Видъ ниши въ синагогѣ.

церковнымъ старостамъ, послали хаззана спросить чужестранцевъ, не желаютъ ли они сказать слово назиданія для народа. Нѣкоторая молва, что это были проповѣдники новаго и замѣчательнаго ученія, навѣрно уже распространилась въ маленькой іудейской общинѣ и очевидно народъ уже ожидалъ, что ихъ попросятъ о проповѣди. Ап. Павелъ тотчасъ же принялъ предложеніе ⁵⁹⁴). Іудейскій проповѣдникъ во время произнесенія проповѣди обыкновенно сидѣлъ (Жук. IV, 20), какъ это часто дѣлается и римско-католическими проповѣдниками; но ап. Павелъ, вмѣсто того, чтобы идти на кафедру, повидимому просто всталъ съ своего мѣста и поднявъ руку, съ протянутымъ указательнымъ пальцемъ (сн. Дѣян. XII, 17; XXI, 40; XXVI, 1),—въ положеніи того, который, не смотря на частые приступы робости, судя по дошедшимъ до насъ проповѣдямъ и рѣчамъ, въ моменты восторга и возбужденія былъ смѣлымъ ораторомъ, — началъ свою рѣчь къ ожидающему собранію.

Рѣчь эта, какъ и рѣчь Спасителя въ Назаретѣ, естественно принимала болѣею частію форму мидраша или толкованія того, что собраніе только что выслушало въ одномъ изъ двухъ предложенныхъ чтеній. Къ тому же методу повидимому прибѣгъ и ап. Павелъ въ этой его первой записанной рѣчи. Два слова въ этой краткой рѣчи, изъ которыхъ одно имѣетъ крайне необычную форму ⁵⁹⁵), а другое употреблено въ крайне необычномъ значеніи ⁵⁹⁶), и тотъ фактъ, что эти два слова встрѣчаются въ I главѣ Второзаконія и въ I главѣ пророка Исаи, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ исторической части этой рѣчи ап. Павелъ занимается предметомъ, указываемымъ въ первой изъ этихъ главъ, а обѣтованіе свободнаго допущенія прямо подсказывается во второй, — дѣлаютъ въ высшей степени вѣроятнымъ, что эти именно двѣ главы и были только-что прочитаны въ собраніи. Его рѣчь или скорѣе краткое изложеніе ея, которое только и дается въ краткомъ повѣствованіи св. Луки ⁵⁹⁷), какъ разъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ мастерскаго сочетанія и истолкованія этихъ двухъ дневныхъ чтеній изъ св. писанія, какое только мы и должны были ожидать отъ такого проповѣдника. И когда, обращаясь къ іудейскому указателю чтеній и имѣя въ виду его необычайную древность, мы находимъ, что эти самыя два чтенія соединяются въ качествѣ парашы и гафтары въ одну и ту же субботу, то мы видимъ тутъ убѣдительное доказательство, что эти именно два чтенія и были читаны въ ту субботу въ синагогѣ антиохійской болѣе чѣмъ 1800 лѣтъ тому назадъ ⁵⁹⁸). Здѣсь опять мы находимъ другой поразительный и совершенно случайный примѣръ точной правдивости повѣствованія св. Луки, равно какъ и случайное доказательство того, что ап. Павелъ говорилъ погречески. Последнее обстоятельство однако же едва ли нуждается въ доказательствѣ. Греческій языкъ въ это время былъ языкомъ всего цивилизованнаго міра въ гораздо болѣе степени, чѣмъ французскій есть общій языкъ для образованныхъ классовъ Европы. Всѣ іудеи несомнѣнно понимали его, и сомнительно даже, чтобы многіе изъ нихъ понимали писидійскій

діалектъ; крайне невѣроятно, чтобы ап. Павелъ зналъ что-нибудь пописидійски, а что онъ мгновенно приобрѣлъ его, благодаря дару языковъ, то это можно считать только искусственнымъ предположеніемъ, выходящимъ изъ ошибочнаго толкованія.

Рѣчь ап. Павла интересна не только какъ примѣръ болѣе или менѣе импровизаторскаго такта, съ которымъ онъ пользовался чтеніями св. писанія и произведенными ими свѣжими впечатлѣніями на души своихъ слушателей, но гораздо болѣе еще какъ образецъ тѣхъ фактовъ и доводовъ, съ которыми онъ обращался въ первыхъ своихъ рѣчахъ къ смѣшаннымъ собраніямъ іудеевъ и прозелитовъ. Многочисленные и исключительно свойственные ап. Павлу выраженія ⁵⁹⁹), которыми изобилуетъ эта рѣчь, показываютъ, что или записъ ея была сохранена нѣкоторыми антиохійскими христіанами, или что онъ самъ сообщилъ ее св. Лукѣ ⁶⁰⁰). Она важна затѣмъ какъ указаніе того, что даже въ этотъ ранній періодъ своей дѣятельности ап. Павелъ, подъ руководствомъ Духа Божія, пришелъ если не къ полному разумѣнію, то по крайней мѣрѣ къ зародышу тѣхъ истинъ, которыя онъ впоследствии развилъ съ такою великою силою и подавляющею убѣдительностью. Ученіе объ оправданіи вѣрою и о бесполезности дѣла закона въ достиженіи отпущенія грѣховъ ясно заключается въ этой краткой, но поразительной рѣчи, которая также даетъ намъ возможность проникнуть въ методъ ап. Павла въ отношеніи практическаго приложенія св. писанія, принятія имъ ходячей хронологіи своего народа ⁶⁰¹), и наконецъ видѣть то дѣйствіе, которое было произведено на его душу рѣчами, слышанными имъ отъ ап. Петра и отъ св. Стефана. Отъ послѣдняго изъ нихъ онъ заимствуетъ то, что можно назвать историческимъ методомъ; отъ перваго — замѣчательный мессіанскій аргументъ въ пользу воскресенія, который онъ находитъ въ одномъ мѣстѣ II-го псалма ⁶⁰²).

Начавъ съ любезнаго обращенія къ іудеямъ и прозелитамъ и похваливъ ихъ ревностное вниманіе, онъ прежде всего коснулся того промысленія Божія въ исторіи Израиля, о которомъ имъ только-что было прочитано въ гафтарѣ. Богъ избралъ ихъ, лелѣялъ ихъ въ Египтѣ, избавилъ ихъ отъ рабства, питалъ ихъ въ пустынѣ, изгналъ ради нихъ семь народовъ изъ Ханаана, управлялъ ими посредствомъ судей въ теченіе 450 лѣтъ и затѣмъ на 40 лѣтъ, по преданію, далъ имъ царемъ чловека, котораго (намекая на свое собственное имя и колѣно, что было неподржаемо естественно въ его устахъ) онъ называетъ «Сауломъ, сыномъ Кисовымъ, мужемъ изъ колѣна Веніамина». Затѣмъ, сливая три отдѣльныхъ мѣста св. писанія касательно Давида въ одну общую цитату (13—22), онъ возвѣщаетъ основную истину, проповѣдывать которую и было главнымъ его задачей, именно, что отъ сѣмени Давидова Богъ, по своему обѣтованію, воздвигъ Того, Кто, какъ означаетъ самое Его имя, былъ Спаситель и о которомъ прямо свидѣтельствовалъ великій признаваемый ими пророкъ Іоаннъ Креститель. Правда, правители Іерусалима — и на этой непріятной сторонѣ предмета онъ останав-

ливается лишь слегка — скорѣе по невѣденію, чѣмъ изъ преднамѣренной злобы, предали Его смерти, исполняя такимъ образомъ прямые пророчества св. писанія. Но (и на этотъ великій фактъ онъ ссылаясь для устранения страшнаго соблазна креста)—**Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ** (23 — 31). Это былъ несомнѣнный историческій фактъ, о которомъ какъ фактъ, засвидѣтельствованномъ ихъ осязательными чувствами, могли свидѣтельствовать многіе изъ нихъ самихъ. Но чтобы они не смутились отъ этого свидѣтельства, онъ продолжалъ раскрывать, что оно было въ согласіи со всѣми тѣми пророчествами, которыя въ теченіе вѣковъ были наиболѣе вдохновляющею частью ихъ народной вѣры. Воскресеніе, о которомъ они свидѣтельствовали, было высочайшимъ исполненіемъ псалма, въ которомъ Богъ обращался къ Давиду какъ къ своему сыну. Въ св. писаніи находятся особенно два мѣста, которыя предвозвѣщали эту великую истину. Одно у пророка Исаи, гдѣ пророкъ обѣщаетъ истиннымъ чадамъ Божиимъ святые и великія милости Давида; другое есть то, на которомъ ап. Петръ останавливался въ своей рѣчи въ день пятидесятницы, именно увѣренная надежда, выраженная въ *мѣстамъ* или «золотомъ псалмѣ», что Богъ не оставитъ души Его во адѣ и не дастъ святому своему увидѣть тлѣніе. Въ этомъ пламенномъ убѣжденіи заключалось больше, чѣмъ сколько могло касаться самого Давида. Онъ умеръ, онъ увидѣлъ тлѣніе; но Тотъ, кто отъ сѣмени Давида, кого Богъ воскресилъ, о Немъ только стало истиннымъ то, что Его душа не осталась въ преисподней и Его плоть не увидѣла тлѣнія. Поэтому предметомъ ихъ проповѣди было прощеніе грѣховъ чрезъ Него. Въ Моисеевомъ законѣ (и ап. Павелъ опять лишь слегка и въ выраженіяхъ, которыя менѣе всего могли бы причинить оскорбленіе, коснувшись этой опасной почвы) не провозглашается отпущенія грѣховъ; но для всѣхъ вѣрующихъ въ Иисуса было не только отпущеніе, но и *оправданіе*. Цитата изъ пророка Аввакума составляла поразительное заключеніе проповѣди, которая такимъ образомъ была переполнена глубочайшими истинами и изумительнымъ свидѣтельствомъ. Она предостерегала ихъ, что какъ ни поразительно это свидѣтельство, но если они не будутъ вѣрить ему, какъ отцы ихъ не вѣрили угрозѣ о вавилонскомъ плѣненіи, то этимъ могутъ навлечь на себя страшный и грозный приговоръ (32—41) ⁶⁰³.

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія своихъ слушателей, истолковывая только что прочитанныя имъ мѣста, ссылаясь на признаваемые ими пророчества, приводя писанія, считаемыя ими священными, опираясь на исторію, къ которой они чувствовали такую глубокую привязанность, и изливая потоки свѣта на тѣ «темныя рѣчи на арфѣ», которыя доселѣ нуждались въ своемъ истинномъ объясненіи, сочетая такимъ образомъ любезность съ предостереженіемъ, обѣтованія прошедшаго съ исполненіями ихъ въ настоящемъ, потопляя такъ сказать мрачный ужасъ, возбуждавшійся при мысли о распятомъ Мессіи, въ разгорающемся свѣтѣ Его воскресенія,—ап. Павелъ пользуется и аргументаціей, и ссылками,

и свидѣтельствомъ для убѣжденія ихъ въ новомъ и могущественномъ упованіи, которое онъ предлагалъ имъ теперь, и для подготовленія ихъ къ тому, что казалось столь труднымъ для нихъ, именно къ отбѣнѣ стараго, которое, достигнувъ своего божественнаго исполненія, должно теперь считаться недействительнымъ символомъ и обветшалою тѣнью, такъ какъ во Христѣ все должно обновиться ⁶⁰⁴).

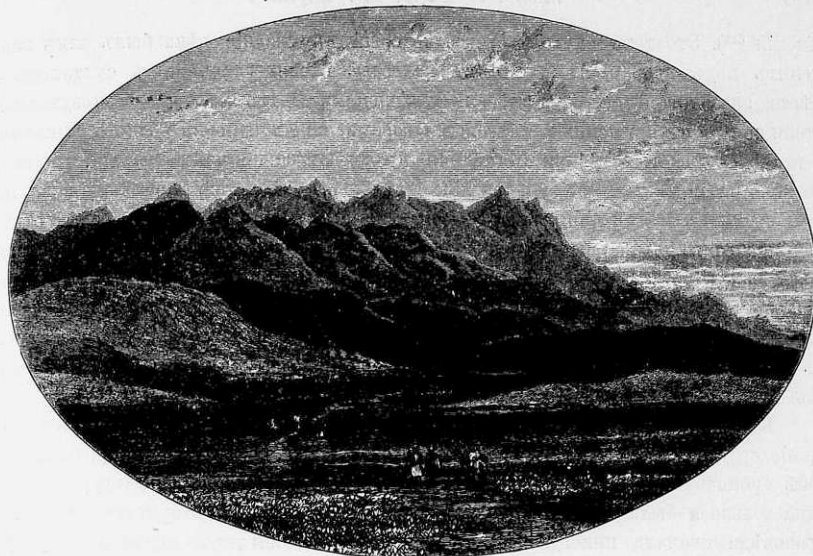
Не удивительно, что столь сильная бесѣда должна была произвести глубокое дѣйствіе. Даже іудеи были глубоко тронуты ею. Когда народъ началъ расходиться изъ синагоги, то какъ іудеи, такъ и язычники ⁶⁰⁵), одинаково просили, чтобы тотъ же самый предметъ онъ разъяснялъ имъ и въ бесѣдѣ на слѣдующую субботу ⁶⁰⁶). И по окончаніи всего собранія многіе какъ изъ іудеевъ, такъ и изъ «пришельцевъ вратъ», послѣдовали за Павломъ и Варнавой съ цѣлю дальнѣйшихъ распросовъ и бесѣды съ ними. Какъ въ этотъ день, такъ и въ теченіе всей недѣли апостолы дѣлали все, что могли для расширенія познаній этихъ совопросниковъ и для утвержденія ихъ нарождающейся вѣры ⁶⁰⁷). Между тѣмъ вѣсть о великой бесѣдѣ распространилась по всему городу. На слѣдующую субботу огромная толпа народа всѣхъ классовъ, національностей и сословій тѣснилась къ дверямъ синагоги. Надменная исключительность іудеевъ тотчасъ же забила тревогу. Имъ стало досадно, что одна рѣчь этого сомнительнаго странника съ его сомнительными новшествами произвела больше впечатлѣнія, чѣмъ цѣлые годы ихъ прозелитства. Они негодовали, что человѣкъ, вдругъ явившійся среди нихъ какъ бы изъ среды свѣговъ Тавра съ изумительнымъ благовѣстіемъ, сразу же поразилъ сердца всѣхъ чудодѣйственной симпатіей любви, и проповѣдью о спасеніи могъ совершить больше, чѣмъ сколько совершили они въ теченіе столѣтій построеніемъ недоступной ограды вокругъ исключительной святости своего закона. Ап. Павелъ—опять главный ораторъ—теперь уже имѣлъ дѣло не съ внимательными и охотными слушателями; онъ то и дѣло былъ прерываемъ плоскими возраженіями и оскорбительными насмѣшками ⁶⁰⁸). Наконецъ оба апостолы видѣли, что настало время для того, чтобы положить конецъ этой сценѣ и прекратить форму дѣятельности, которая вела только къ возбужденію и обидамъ. Собравшись съ мужествомъ (а не многія дѣйствія требуютъ больше мужества, чѣмъ безобязанное объявленіе въ высшей степени непріятнаго намѣренія разъясненной толпѣ) они воскликнули, что теперь они исполнили свой долгъ и очистили свою совѣсть въ отношеніи своихъ соотечественниковъ. Они сдѣлали имъ предложеніе вѣчной жизни и это предложеніе было презрительно отвергнуто ими ⁶⁰⁹). «Вамъ первымъ надлежало быть проповѣдану слову Божию; но какъ вы отвергаете его и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни, то вотъ мы обращаемся къ язычникамъ. Дѣлая такъ, мы исполняемъ пророчество Исаи, который сказалъ о нашемъ Господѣ, что Онъ былъ предназначенъ во свѣтъ язычникамъ и во спасеніе до края земли».

Съ радостью и благодареніемъ язычники привѣтствовали проповѣдь, которая

теперь исключительно имъ свободно предлагала болѣе и даже болѣе, чѣмъ всѣмъ благословенію іудейства, безъ его законническихъ требованій. Всѣ, кто по благодати Божіей рѣшили войти въ ряды жаждавшихъ вѣчной жизни ⁶¹⁰), принимали вѣру. Болѣе и болѣе начало распространяться слово Господне ⁶¹¹). Но іудеи были слишкомъ могущественны, чтобы можно было легко поразить ихъ. Среди ихъ прозелитовъ было много женщинъ, изъ которыхъ инныя были изъ высокаго званія ⁶¹²). Благодаря своимъ коммерческимъ связямъ, они имѣли также друзей среди главнѣйшихъ представителей города, даже среди муниципальных римскихъ властей. При всей своей терпимости ко всякой узаконенной религіи римляне питали глубокое отвращеніе къ религіознымъ смутамъ, и пока іудеи вели себя мирно, они совершенно охотно давали имъ свое покровительство. Въ виду того, что все шло гладко, пока не явились эти новые пришельцы, римляне легко могли отнестись къ нимъ съ подозрѣніемъ, тѣмъ болѣе, что на нихъ съ неудовольствіемъ взглянули и хозяйки ихъ семействъ ⁶¹³). Онѣ приняли участіе въ возбужденіи противъ апостоловъ и имъ удалось достигнуть изгнанія ихъ изъ предѣловъ города. Апостолы отряхли съ ногъ своихъ глубокий прахъ знойныхъ дорогъ во свидѣтельство противъ нихъ (Матѣ. х, 14) и отправились въ Иконію, гдѣ они находились уже подъ другою властью ⁶¹⁴). Но уходъ ихъ не разрушилъ зарождающейся церкви, основанной ими. Можно бы думать, что они въ уныніи оставили своихъ обездоленныхъ обращенцевъ; но это было не такъ. Они оставили по себѣ ликованіе новой надежды, воодушевленіе новой вѣрой, изліяніе Св. Духа въ сердца тѣхъ, которые познали небесное обѣтованіе.

Монета съ о. Кипра
(съ византийскаго въ Британскомъ музеѣ).

Кара-Дагъ въ Таврѣ.

ГЛАВА XXI.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

Ликонійцы невѣрны, какъ свидѣлствуетъ и Аристотель. Схолія на Илиаду.

ОГДА васъ будутъ гнать въ одномъ городѣ—бѣгите въ другой, сказалъ Спаситель своимъ двѣнадцати апостоламъ, когда посылалъ ихъ на проповѣдь, какъ овецъ среди волковъ (Матѣ. х, 23). Изгнанные изъ Антиохіи ⁶¹⁵), апостолы послѣдовали этому наставленію. Они могли бы перебраться чрезъ Парорійскій хребетъ въ Филомелію и такимъ образомъ направиться на западъ въ Синнаду и Фригійскіе города или въ Колоссы и Лаодикію. Чѣмъ именно они руководились въ своемъ пути, мы не знаемъ; но они пошли къ югу отъ Пароріи и, слѣдуя людной дорогой, направились къ пріятному городу Иконіи. На пространствѣ болѣе чѣмъ ста верстъ дорога идетъ къ юго-востоку по блѣднымъ равнинамъ, по которымъ обитаютъ дикіе ослы и пасутся безчисленные стада овецъ, пока не достигаетъ зеленого оазиса, на которомъ стоитъ самая

Иконія ⁶¹⁶). Это тотъ самый городъ, который въ средніе вѣка былъ такъ знаменитъ подъ названіемъ Конье въ качествѣ столицы румскихъ султановъ и мѣста знаменитой осады Готфрея Бульонскаго. Здѣсь на краю безпредѣльной степи и почти окруженные сѣтловыми горами, они вошли въ область Ликаоніи и такимъ образомъ вступили въ столичный городъ независимой тетрархіи. Политическая независимость въ управленіи отдѣльных областей, преобладавшая въ это время въ Малой Азіи, была полезна для апостоловъ, именно въ томъ отношеніи, что она давала имъ возможность избѣгать отъ власти одного правителя подъ власть другаго. Изгнаніе ихъ изъ Антиохіи навѣрно было утверждено колониальными властями, находившимися подъ властью пропретора Галатійскаго. Но въ Иконіи они были уже внѣ области этого пропретора, такъ какъ этотъ округъ въ царствованіе Августа принадлежалъ разбойническому князю Аминтѣ и былъ еще независимой тетрархіей, состоявшей изъ четырнадцати городовъ ⁶¹⁷).

Какъ и въ Антиохіи, первой ихъ заботой несомнѣнно было найти себѣ помѣщеніе среди своихъ соотечественниковъ, а также и средства для пріобрѣтенія себѣ пропитанія. Въ субботу они, по обыкновенію, вошли въ синагогу, которая одна только и была у тамошняго іудейскаго населенія. Въ приглашеніяхъ къ проповѣди сначала никогда не было недостатка и они проповѣдывали съ одушевленіемъ, которое пріобрѣло имъ многихъ обращенцевъ какъ среди іудеевъ, такъ и прозелитовъ. Батланімы, равно какъ и начальники синагоги, повидимому были противъ нихъ, но сначала противодѣйствіе ихъ не имѣло значенія ⁶¹⁸). Нѣкоторые изъ іудеевъ однако же возбудили умы язычниковъ противъ нихъ ⁶¹⁹). Апостолы повидимому пріобрѣтали особенно сильное вліяніе на «пришельцевъ врать». Не легко было поколебать ихъ интересъ къ такому ученію или ихъ благодарности къ тѣмъ, которые жертвовали всѣмъ, что есть дорогаго въ жизни, для своего желанія проповѣдывать это ученіе. Но когда пробудилось іудейское негодованіе, когда синагога сдѣлалась еженедѣльной сценой яростныхъ споровъ ⁶²⁰), то довольно легко было убѣдить языческихъ жителей города, что эти проповѣдники, какъ уже изгнанные изъ Антиохіи, были опасными поджигателями народныхъ страстей, такъ какъ они вездѣ возмущали миръ городовъ. Не смотря однако же на эти собирающіяся тучи, апостолы удерживали подъ собою почву, и мужество ихъ поддерживалось очевиднымъ благословеніемъ, сопровождавшимъ ихъ труды. Пока они были способны не только увлекать умы своихъ слушателей, но и подтверждать святость своей миссіи знаменіями и чудесами, они чувствовали, что не время еще было уступать противодѣйствію. Ихъ пребываніе поэтому продолжилось, и все населеніе города раздѣлилось на двѣ партіи: одна — состоявшая изъ ихъ враговъ, другая — изъ ихъ приверженцевъ. Наконецъ духъ раздѣленія разгорѣлся настолько, что вожаки враждебной партіи изъ іудеевъ и язычниковъ составили заговоръ убить апостоловъ ⁶²¹). Объ этомъ имъ заблаговременно дано было знать и они еще разъ должны были спастись бѣгствомъ. Оставляя тет-

рархію Иконійскую, они все еще продолжали путь большой дорогой и, пройдя семьдесятъ верстъ, достигли округа Антиоха IV, царя Коммагенскаго, и вступили въ маленький городъ Листру Ликаонійскую.

Положеніе Листры доселѣ еще не опредѣлено съ совершенною точностью. Но есть основаніе думать, что она находилась на мѣстѣ, извѣстномъ теперь подъ названіемъ Бин-Бир-Килиссехъ или «тысяча и одна церковь» — нѣкогда бывшая епископская кафедра, заваленная теперь развалинами священныхъ зданій. Оно лежитъ въ сѣверной котловинѣ огромной изолированной массы погасшаго вулкана, «подобно исполину vzdымающагося надъ равниной» ⁶²²), называется Кара-Дагъ или «черная гора», и до сихъ поръ служитъ притономъ опасныхъ разбойниковъ.

Но какъ въ Листрѣ, такъ и въ прилегающихъ деревняхъ, апостолы повидимому проповѣдывали съ успѣхомъ и оставались по нѣсколько времени. При одномъ случаѣ ап. Павелъ замѣтилъ среди своихъ слушателей челоуѣка, который былъ калѣка отъ рожденія. Его очевидная жажда послушать ⁶²³) заставила его выдвинуться впередъ къ апостолу, какъ къ челоуѣку, который могъ совершать чудесныя дѣла. Изъ повѣствованія очевидно, что ап. Павелъ не всякаго страдальца готовъ былъ исцѣлять. Онъ исцѣлялъ, такъ сказать, только тѣхъ, которые въ своей пламенной вѣрѣ шли на встрѣчу его духовной силѣ. Устремляя на него свой взоръ, апостолъ громкимъ голосомъ воскликнулъ: «встань прямо!» Встрепенувшись отъ чудесной силы, калѣка всталъ и началъ ходить. Толпа, присутствовавшая при проповѣди, которая повидимому на этотъ разъ говорила подъ открытымъ небомъ, была свидѣтельницей этого чуда и вслѣдствіе крайняго возбужденія, быть можетъ изъ чувства страха обращаясь къ своему природному ликаонійскому нарѣчію ⁶²⁴), вскричала: «боги въ образѣ челоуѣческомъ сошли къ намъ; высокій и почтенный видомъ есть Зевсъ, а другой, младшій и меньшій ростомъ, но говорящій такъ могущественно, есть Эрміей» ⁶²⁵). Не понимая туземнаго нарѣчія, апостолы не знали, что говорила толпа ⁶²⁶) и отправились въ свое помѣщеніе. Между тѣмъ молва объ этомъ поразительномъ событіи распространилась повсюду. Ликаонія была отдаленнымъ уголкомъ, гдѣ еще жила наивная вѣра въ древнія міеологіи ⁶²⁷). Въ центральной Азіи не только было нѣкоторое сходство между ихъ легендами и вѣрованіями іудеевъ ⁶²⁸), но эта мѣстность славилась притомъ нѣсколькими легендарными богоявленіями, знаменитѣйшее изъ которыхъ, какъ повѣствуется въ прекрасномъ сказаніи о Филимонѣ и Бавкидѣ ⁶²⁹), произошло по сосѣдству съ этою именно мѣстностью. Нетронутые возрастающимъ невѣріемъ, относясь съ полною вѣрою ко всѣмъ чудеснымъ сказаніямъ и съ великимъ почтеніемъ ко всякому, кто повидимому облеченъ былъ особенно священнымъ характеромъ ⁶³⁰), ликаонійцы охотно ухватились за мысль, что они еще разъ сподобились посѣщенія боговъ, въ которыхъ они еще вѣрили даже и въ этотъ невѣрующій вѣкъ. А въ такомъ случаѣ

они не хотѣли оказаться виновными въ томъ нечестивомъ скептицизмѣ, который, по народному сказанію, нѣкогда привелъ ихъ соменнаго князя Ликаона къ превращенію въ волка, или въ негостепримности, которая могла бы лишитъ всѣхъ, кромѣ одной престарѣлой четы, того, что могло быть источникомъ безконечныхъ благъ для всѣхъ ихъ. Предъ воротами города находился храмъ Зевса, ихъ покровителя бога. Жрецъ Зевса воспользовался этимъ случаемъ. Въ то время, какъ апостолы оставались въ полномъ невѣдѣніи касательно всего происходящаго, онъ досталъ воловъ и вѣнки, и теперь, въ сопровожденіи праздничной толпы, пришелъ къ воротамъ для совершения имъ жертвоприношенія⁶³¹⁾. Павелъ и Варнава лишь послѣ всѣхъ узнали, что ихъ хотѣли сдѣлать предметомъ идолопоклонства. Но когда они услышали объ этомъ, то при своемъ живомъ сознаніи страшнаго величія единого истиннаго Бога были до такой степени поражены ужасомъ, какъ это едва ли и могли понять язычники⁶³²⁾: разрывая свои одежды, они съ криками бросились къ толпѣ, увѣщевали и умоляли ее вѣрить, что они лишь обыкновенные смертные подобно имъ самимъ и что самою цѣлью ихъ миссіи было отвращать ихъ отъ этого пустаго идолопоклонства къ единому, живому и истинному Богу, который сотворилъ и небо, и землю, и море, и все, что въ нихъ. Такимъ образомъ, мало по малу заставляя толпу обратить вниманіе на свои увѣщанія, они объяснили, что въ теченіе прошлыхъ поколѣній Богъ какъ бы попускалъ всѣмъ народамъ ходить своими путями⁶³³⁾ и не давалъ имъ особенныхъ откровеній; но даже и въ тѣ дни Онъ не переставалъ свидѣтельствовать о себѣ благодѣяніями, подавая имъ съ неба «дожди и времена плодоносныя, и исполняя пицей и веселіемъ сердца наши».

Съ такимъ сильнымъ, но любвеобильнымъ и убѣдительнымъ протестомъ обратились апостолы противъ наивнаго суетвѣрія простодушныхъ ликаонійцевъ. Въ такой опасный моментъ имъ было не до проповѣди Христа; единственною цѣлью ихъ было отвратить темный народъ отъ идолопоклоннической жертвы и обличить пустоту многобожія, часть котораго составляли такіа жертвоприношенія. Ап. Павелъ, который очевидно былъ при этомъ главнымъ ораторомъ, исполнять это съ тѣмъ вдохновеннымъ тактомъ, который всегда можетъ разнообразить свои выраженія соответственно потребностямъ даннаго момента. Нельзя читать этой рѣчи безъ того, чтобы не замѣтить ея тонкое и неподражаемое совпаденіе съ его обычными мыслями и выраженіями⁶³⁴⁾. Ритмическое заключеніе вполнѣ согласно съ стилемъ его наиболѣе возвышеннаго настроенія; и кромѣ удачной ссылки на естественные дары Божіи въ городѣ, который, самъ по себѣ занимая не невыгодное положеніе, былъ окруженъ безлѣсной равниной, можно естественно предполагать, что выраженіе «исполняя пицей и веселіемъ сердца наши» было подсказано видомъ вѣнковъ и праздничной пышности, окружавшей воловъ, изъ которыхъ народъ послѣ сдѣлалъ бы общественный пиръ. Не невозможно также, что слова эти могли быть отголоскомъ лирическихъ пѣсней⁶³⁵⁾,

которыя пѣлись при приближеніи процессіи къ воротамъ. Употребленіе ихъ въ болѣе истинномъ и возвышенномъ значеніи было бы совершенно согласно съ счастливой способностью схватывать удачный моментъ аргументаціи, что блистательно выказалъ ап. Павелъ въ Афинахъ, когда онъ текстомъ своей проповѣди сдѣлалъ неясную надпись на жертвенникѣ невѣдомому богу.

Но жителямъ Листры не хотѣлось лишиться своего праздника и своего пира; и тѣ, кто были такъ сказать вожаками въ провозглашеніи новаго богоявленія Зевса и Эрмія, вѣроятно ни мало не смутились отъ рѣчей апостола.

Волъ для жертвоприношенія
(снимокъ съ скульптурнаго изображенія въ Британскомъ музѣ).

Ренанъ справедливо замѣчаетъ, что древній язычникъ не имѣлъ понятія о чудѣ, какъ доказательствѣ ученія. Если же апостолы имѣли возможность творить чудеса и однако же безспорно отвергали всякое притязаніе на то, чтобы ихъ считали богами, то что же они такое и что же случилось съ ихъ чудомъ? Ликаонійцы въ неприятомъ смятеніи своихъ чувствъ и съ безпокойнымъ сознаніемъ того, что они поставили себя въ смѣшное положеніе, готовы были отмстить свою ошибку на тѣхъ, которые невинно причинили ее. Это былъ невѣрный и вѣтранный народъ, поддававшійся, кромѣ обычной вѣтренности толпы, мгновеннымъ взрывамъ чувства и увлеченія⁶³⁶⁾. При своемъ разочарованіи они готовы были допу-

сказать, что если эти два таинственных странника не боги, то они просто презрительные иудеи, и если их чудо было не знакомъ ихъ божественности, то оно совершенно темными чарами, о которыхъ имъ передавали римляне. Вслѣдствіе этого, по прибытіи въ Листру иудеевъ Антиохіи или Ликаоніи, имѣвшихъ единственною цѣлью поселить свою ядовитую враждебность къ апостоламъ и въ этой мѣстности, чернь быстро предалась мятежу и буйству. Она начала побивать ап. Павла камнями и когда буяны думали, что онъ уже мертвъ, потащили его за городскія ворота, бросивъ его быть можетъ предъ самымъ храмомъ Юпитера, въ который они и хотѣли предъ тѣмъ ввести его какъ воплощеніе ихъ покровителя бога. Но Павелъ не былъ мертвъ. Это было не иудейское побіеніе камнями, совершаемое съ роковою преднамѣренностью, а внезапный мятежь, не рассчитывавшій на намѣренное убійство. Ап. Павелъ, склонный къ частымъ обморокамъ, былъ ошеломленъ, но не убитъ; и когда ученики въ мучительномъ нетерпѣніи стояли вокругъ него, считая его уже трупомъ, онъ пришелъ въ сознаніе и поднялся съ земли. Толпа между тѣмъ разсѣялась, и онъ быть можетъ переодѣтый или подъ покровомъ вечерняго мрака (всѣ эти подробности не имѣли никакого значенія для ап. Павла и потому не сохранены его біографомъ) опять вошелъ въ городъ.

Не въ домѣ ли Евники и Лойды нашелъ онъ тотъ сладостный покой и нѣжный уходъ, въ которыхъ онъ послѣ столь страшнаго испытанія теперь нуждался болѣе чѣмъ когда нибудь? Если Листра была такимъ образомъ мѣстомъ одного изъ его сильнѣйшихъ страданій и притомъ такихъ страданій, которые, какъ ни мало онъ останавливался на нихъ, вѣроятно оставили на его уже ослабленномъ тѣлѣ слѣды на всю его жизнь, то она также дала ему по благому промыслу Божію безконечное вознагражденіе. Въ Листрѣ именно онъ обратилъ къ вѣрѣ Христовой сына Евники, тогда быть можетъ пятнадцатилѣтняго мальчика ⁶³⁷), къ которому впослѣдствіи онъ питалъ глубочайшую привязанность и любовь, дышавшія въ каждой строкѣ направленныхъ къ нему посланій. Это былъ Тимофей, котораго онъ избралъ себѣ спутникомъ при своихъ послѣдующихъ путешествіяхъ, котораго онъ посылалъ съ своими наиболѣе важными порученіями, которому онъ вручилъ надзоръ надъ наиболѣе важными церквами, котораго онъ призывалъ къ утѣшенію въ своемъ послѣднемъ тюремномъ заключеніи, котораго всегда считалъ сыномъ по вѣрѣ, ближайшимъ и любезнѣйшимъ своему сердцу. Если бы Лука былъ съ ап. Павломъ въ его первомъ путешествіи, онъ вѣроятно упомянулъ бы объ обстоятельстве, которое ап. Павелъ несомнѣнно считалъ однимъ изъ величайшихъ благословеній Божіихъ и которое могло бы загладить чувствомъ благодарности даже горькія воспоминанія о Листрѣ (2 Тим. III, 11). Но мы, зная на основаніи скудныхъ указаній самого ап. Павла, что онъ здѣсь именно впервые встрѣтился съ благороднѣйшимъ и возлюбленнѣйшимъ изъ всѣхъ его обращенцевъ, можемъ съ удовольствіемъ остановиться на мысли, что Тимофей со слезами стоялъ въ той группѣ учениковъ, которые окружали окровавленнаго проповѣдника, что сердце его запало

восторгомъ и благодарностью, когда онъ увидѣлъ, что апостолъ приходитъ въ сознаніе. Онъ быть можетъ помогъ ему тайно пробраться въ домъ своей матери и тамъ быть можетъ не только перевязалъ его раны, но также читалъ ему въ мрачные и мучительные часы какія-нибудь изъ благодатнѣйшихъ мѣстъ того св. писанія, въ которомъ онъ измлада воспитанъ былъ.

Но послѣ столь жестокаго обращенія едва ли было бы безопасно оставаться далѣе, хотя на одинъ день еще, въ городѣ, гдѣ они подверглись столь звѣрскому насилию. Даже если бы ярость черни истощилась сама собой, то злоба иудеевъ едва ли была утолена этимъ. Единственнымъ спасеніемъ еще разъ должно было стать бѣгство; еще разъ они должны были бѣжать въ другую область. Подъ сѣрымъ покровомъ утра, когда городъ еще спалъ, они оставили Листру ликаонійскую и направились въ городъ Дервію ⁶³⁸), который находился отсюда на разстояніи тридцати пяти верстъ въ области Исаврійской. Тяжело подумать, какъ человѣкъ, съ которымъ только-что поступили такъ жестоко, долженъ былъ совершать 35-тиверстное путешествіе, такъ сказать въ собственныхъ рукахъ неся свою жизнь и еще страдая и истекая кровью отъ страшнаго нападенія предыдущаго дня! Но если мрачныя и скалистыя вершины Кара-Дага, бѣлые отдаленные снѣга горы Эгея ⁶³⁹) и серебристое полотно Бѣлаго озера мало были способны улаживать его истомленные глаза или утишить его возбужденный духъ, зато мы можемъ быть увѣрены, что съ нимъ былъ Тотъ, Кого онъ нѣкогда преслѣдовалъ, но ради котораго теперь былъ готовъ перенести все, и что часъ за часомъ, въ то время, какъ онъ слабыми и усталыми ногами шелъ изъ жестокаго и вѣтрянаго города, онъ все болѣе и болѣе утѣшался блаженнымъ упованіемъ на Бога.

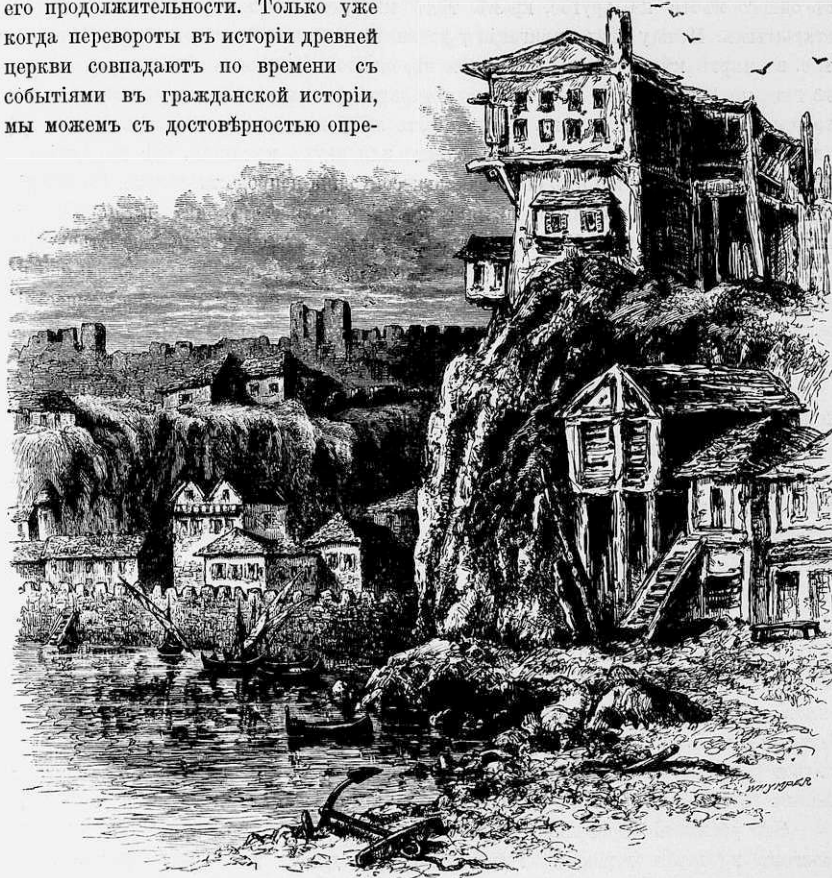
Въ Дервіи миссіонеры имѣли возможность спокойно отдохнуть. Иудеи быть можетъ не знали, что ап. Павелъ былъ еще живъ. Эта тайна, открытіе которой грозило опасностью апостолу, навѣрно глубоко сохранялась маленькой общиной его листрійскихъ учениковъ. Во всякомъ случаѣ, въ Дервію иудеи не преслѣдовали за нимъ съ своею неугасимой ненавистью. Дервія не упоминается среди тѣхъ мѣстъ, гдѣ, какъ онъ пишетъ Тимофее, онъ терпѣлъ страданія и гоненія. Дѣятельность его здѣсь повидимому была счастлива и успѣшна и завершилась обращеніемъ тѣхъ учениковъ, которыхъ онъ всегда считалъ «своей надеждой, радостью и вѣнцомъ ликованія». Здѣсь также онъ приобрѣлъ еще одного друга въ Гайѣ, деревнинѣ, который впослѣдствіи сопровождалъ его при его послѣднемъ посѣщеніи Іерусалима ⁶⁴⁰).

Такъ какъ они теперь были такъ близко отъ Кибистры (новѣйшей Эрегли), отъ которой нѣсколько переходовъ привели бы ихъ къ Киликійскимъ воротамъ, а чрезъ Тарсъ—въ Антиохію, то можно бы думать, что они здѣсь отправятся въ обратный путь. Почему же они не пошли этимъ путемъ? Въ этомъ отношеніи быть можетъ справедливо остроумное замѣчаніе Левина ⁶⁴¹), что «дорога эта, какъ иногда бываетъ и теперь, сдѣлалась въ то время непроходимой отъ

наводнения Ак-Гюля, разливавшегося вследствие таяния зимних снѣговъ, и что путь чрезъ горы ⁶⁴²⁾ былъ также неудобенъ и небезопасенъ». Но причиной этого могло быть просто и сознание того, что въ присутствіи ихъ еще нуждались юныя основанныя ими церкви. Вслѣдствіе этого они пошли назадъ по пустынной и пыльной равнинѣ, тянущейся на тридцать пять верстъ отъ Дервіи къ Листрѣ, на семьдесятъ верстъ отъ Листры къ Иконіи и на сто слишкомъ верстъ отъ Иконіи до Антиохіи. Легко представить, сколько требовалось героизма для того, чтобы еще разъ выступить противъ опасностей, которыя могли предстоять имъ здѣсь. Но они знали значеніе словъ своего Господа: «кто близъ Меня, тотъ близъ огня». Они несомнѣнно приняли всѣ необходимыя предосторожности и охотно подчинились всѣмъ даже унижительнымъ условіямъ, требовавшимся осторожностью, входя въ города быть можетъ переодѣтыми или быть можетъ только въ поздніе часы ночи и рано утромъ. Христіане рано должны были познакомиться съ тайными ходами, полупночными собраніями и таинственными паролями, при помощи которыхъ только они и могли избѣгать ярости своихъ враговъ. Но апостолы благополучно достигли своей цѣли. Они совершили путь свой въ безопасности, повсюду утверждая учениковъ въ вѣрѣ, увѣщевая ихъ къ постоянству, убѣждая ихъ въ спасительности тѣхъ неизбежныхъ испытаній, которыми мы только и можемъ входить въ царство Божіе ⁶⁴³⁾. Такъ какъ для обезпеченія порядка и единства въ этихъ маленькихъ общинахъ обращенцевъ нужна была нѣкоторая организація, то они дѣлали торжественныя собранія, на которыхъ съ молитвой и постомъ назначали старѣйшинъ ⁶⁴⁴⁾, прежде чѣмъ сподобить ихъ послѣдняго прощальнаго благословенія. Такимъ образомъ они прошли чрезъ Ликаонію, Иконію и Писидію и достигли Памфили; и такъ какъ при первомъ своемъ путешествіи они не имѣли возможности проповѣдывать въ Пергіи, то они проповѣдывали въ ней теперь. Возможно, что они не нашли корабля для отплытія по Кестру къ мѣсту своего назначенія. Поэтому они отправились въ двадцативосьми-верстный сухой путь къ цвѣтущему приморскому порту Атталіи при устьѣ Катаракта, который въ то время пѣнистымъ водопадомъ пробивалъ свой путь къ морю чрезъ скалистый хребетъ; и оттуда (они повидимому никогда не останавливались надолго среди пестраго и непостояннаго населенія этихъ приморскихъ городовъ) сѣли на корабль и отправились въ Селевкію, еще разъ видѣли скалистый островъ горы Казія, поднялись на склоны Корифея и направились подъ великолѣпныя тѣни каменнаго дуба, миртовъ и земляничныхъ деревьевъ на берегахъ Оронта, пока еще разъ не перешли хорошо извѣстный имъ мостъ и завидѣли мрачную голову Харона, уставившагося надъ Сингонской улицей, по сосѣдству съ которой маленькая христіанская община готовилась встрѣтить ихъ съ сердечнымъ приѣтомъ и безграничной любовью.

Такъ окончилось первое миссіонерское путешествіе ап. Павла, первый такъ сказать полетъ орла, который скоро долженъ былъ воспарить еще болѣе смѣлымъ

крыломъ, еще въ болѣе обширныхъ кругахъ, среди еще болѣе яростныхъ бурь. Мы слѣдили за нимъ по краткимъ замѣткамъ св. Луки, но не имѣемъ возможности въ точности опредѣлить ни времени начала этого путешествія, ни его продолжительности. Только уже когда перевороты въ исторіи древней церкви совпадаютъ по времени съ событіями въ гражданской исторіи, мы можемъ съ довѣрностью опре-

Атталія.

дѣлать время, къ которому они должны быть отнесены ⁶⁴⁵⁾. Мы видѣли, что Павелъ и Варнава посѣтили Іерусалимъ около времени смерти Ирода Агриппы, а это было въ апрѣлѣ 44-го г. по Рожд. Христ. Послѣ этого они

возвратились въ Антиохію, и ближайшее, что вслѣдъ затѣмъ сообщается о нихъ это—ихъ послушаніе божественному внушенію, которое избрало ихъ благовѣстниками для язычниковъ. Возможно думать поэтому, что они провели около года въ Антиохіи, такъ какъ имъ не легко было бы найти корабли для путешествія съ одного мѣста на другое, кромѣ тѣхъ мѣсяцевъ, въ которые море считалось открытымъ. Между тѣмъ навигація у древнихъ начиналась съ восходомъ Плеяды, т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ, и мы съ полною вѣроятностью можемъ полагать, что мартъ 45 года по Р. Х. и есть то время, съ котораго они начали свои проповѣдническіе труды. Все остальное затѣмъ можетъ быть лишь предметомъ гаданій. Въ Кипрѣ они повидимому провели не болѣе одного или двухъ мѣсяцевъ⁶⁴⁶; въ Антиохіи Писидійской пребываніе ихъ было также несомнѣнно непродолжительно. Въ Иконіи они оставались «значительное время»; но въ Листрѣ, затѣмъ опять въ Дервіи и на ихъ обратномъ пути въ Пергіи и Атталіи, какъ можно судить по повѣствованію, они едва ли оставались подолгу. Принимая во вниманіе время, необходимое на самое путешествіе, мы едва ли можемъ предполагать, чтобы первое путешествіе заняло болѣе одного года и они возвратились въ сирійскую Антиохію быть можетъ позднею весною 46 года⁶⁴⁷.

Но какъ ни кратокъ былъ періодъ этого путешествія, слѣдствія его были неизмѣримы. Хотя ап. Павелъ возвратился изъ этого путешествія совершенно разбитымъ, хотя двадцать лѣтъ спустя чрезъ завѣсу жестокихъ испытаній онъ все еще обращается взоромъ назадъ, какъ бы они случились только вчера, «къ гоненіямъ, страданіямъ постигшимъ его въ Антиохіи, Иконіи, Листрѣ, каковыя гоненія онъ перенесъ и отъ всѣхъ ихъ избавилъ его Господь» (2 Тим. ii, 11); хотя путешествія и насилія, непрестанно угрожавшія его жизни, опасности, которыя способны бы были разбить даже самые желѣзные нервы, дѣлали его болѣе чѣмъ когда нибудь подлежащимъ припадкамъ острыхъ страданій и тяжелаго унынія (Гал. i, 10; vi, 17); однако же, не смотря на все это, онъ возвратился съ жаждою миссіонерства въ своемъ сердцѣ, съ рѣшимостью болѣе сильною, чѣмъ когда либо, опять проповѣдывать міру и быть готовымъ къ назиданію благовременно и безвременно; съ установившимся убѣжденіемъ, что по труду и назначенію жизни, къ которому Богъ призвалъ его, ему надлежало быть именно апостоломъ язычниковъ (1 Кор. ix, 21; Гал. v, 11; Римл. xv, 16; Ефес. iii, 6 и проч.).

Это убѣжденіе постоянно тѣснилось въ его душу, укрѣпляясь отъ живыхъ опытовъ во всѣхъ городахъ, гдѣ только приходилось имъ проповѣдывать. До извѣстнаго предмета, который впрочемъ находился почти у самаго порога ихъ главнаго пункта, и іудеи готовы были слушать ихъ; но когда начинали замѣчать, что проповѣдуемое имъ евангеліе было всеобщее, что оно проповѣдывало Бога, которому сынъ Авраама нисколько не дороже, чѣмъ всѣ боящіеся Его и любящіе праведность въ какомъ бы то ни было народѣ, что оно въ дѣйствительности придало титулу «сынъ Авраамовъ» значеніе лишь иносказательное, ни сколько

не зависящее отъ особенныхъ преимуществъ крови, то они тотчасъ же воспламенялись иростнымъ гнѣвомъ. Это было какъ бы презрѣніе и негодованіе старшаго брата къ возвратившемуся блудному сыну и его отказъ пользоваться преимуществами, которыя отнынѣ онъ долженъ раздѣлять съ другими⁶⁴⁸). Глубоко укоренившееся въ іудеяхъ религіозно-національное высокомеріе выступало въ грозномъ всеоружіи. Кто это такіе темные нововводители, осмѣлившіеся идти противъ лелѣянныхъ надеждъ и традиціонной славы почти двадцати столѣтій? Кто эти дерзкіе еретики, которые во имя вѣры, отвергнутой всѣми раввинами, проповѣдывали языникамъ отверженіе исключительности правъ іудеевъ на всѣ обѣтованія и на всѣ преимущества, которыя были такъ дороги цѣлымъ поколѣніямъ ихъ отцовъ?

Но это было еще не все. Отвергать преимущества было уже въ ихъ глазахъ достаточно непатріотичнымъ дѣломъ. Но какой истинный іудей, какой блюститель *галаци* могъ вынести такое темное беззаконіе, какъ отступничество отъ ея началъ? Развѣ іудеи уже недостаточно дѣлали, свободно допуская въ свои синагоги «пришельцевъ врать»? Развѣ они не снисходили даже до того, чтобы считать сыномъ Израиля всякаго язычника, который принималъ завѣтный обрядъ обрѣзанія и обѣщалъ быть вполне преданнымъ писанному и устному закону? Но новые учителя, особенно Павелъ, на ихъ взглядъ, употребляли такіа выраженія, которыя, доведенныя до своего логическаго заключенія, могли означать только крайнее униженіе древнихъ преданій и даже священнаго обряда обрѣзанія. Правда, они быть можетъ никогда открыто не провозглашали отміны этого обряда, но ясно, что онъ занималъ второстепенное мѣсто въ ихъ воззрѣніяхъ и они не имѣли склонности дѣлать между ихъ іудейскими и языческими обращеніями то неизмѣримое различіе, которое отдѣляло «пришельцевъ правды» отъ «пришельцевъ врать».

Очень возможно, что только событія этого путешествія окончательно дали возможность созрѣть взглядамъ ап. Павла на этотъ важный предметъ. Обыкновенный законъ природы въ этомъ случаѣ не нарушался, и такъ какъ онъ возрасталъ въ благодати и въ познаніи Господа Иисуса Христа, то его собственные посланія⁶⁴⁹), хотя каждое изъ нихъ имѣетъ свою особенную высочайшую цѣль, несомнѣнно обнаруживаютъ нѣкоторое различіе въ способѣ раскрытія истины, что можно отчасти приписать именно созрѣванію его духа. Замѣчательно, что ап. Павелъ, когда его противники насмѣхались надъ нимъ, что онъ нѣкогда былъ проповѣдникомъ обрѣзанія, не отвѣчаетъ на эти издѣвательства отрицаніемъ, а просто говоритъ, что во всякомъ случаѣ его гоненія составляютъ знакъ того, что *теперь* время это миновало. Въ дѣйствительности онъ просто устраняетъ эти указанія на прошедшее словами, которыя дѣлали бы невозможными какія либо сомнѣнія касательно его убѣжденій въ настоящемъ. Тѣмъ же самымъ способомъ въ первой части своего посланія къ Галатамъ (i, 10) онъ предупреждаетъ обвиненіе

себя въ челоѣкоугодничествѣ (обвиненіе, которое, какъ онъ видѣлъ, было ложно по самому существу, между тѣмъ какъ даже клеветническая злоба могла находить нѣкоторое оправданіе для него въ его широкомъ безразличіи къ мелочамъ) не стараніемъ объяснить свой прежній образъ дѣйствія, а строгимъ обличеніемъ, которое никто не могъ принять за челоѣкоугодничество или искательство. Правда, во второй главѣ посланія къ Галатамъ ап. Павелъ, повидимому, явно разумѣетъ двѣ вещи. Во первыхъ, что именно предательство и шпіонство лжебрагій впервые заставили его придавать этому вопросу первостепенное значеніе; во вторыхъ, что его взгляды на этотъ предметъ въ то время далеко были еще неокончательные и что онъ лишь съ нѣкоторымъ опасеніемъ касательно практическаго рѣшенія его отправился на совѣщаніе въ Иерусалимъ. Результатъ этого совѣщанія, — именно открытіе того, что Иаковъ и Киѳа не могли ничего сообщить больше для рѣшенія этого предмета, — именно и заставилъ его впервые рѣшиться противодѣйствовать всѣми силами наложенію этого ига на язычниковъ и прямо вступить на тотъ путь, съ котораго онъ уже потомъ не сходилъ. Но изъ этого путешествія онъ узналъ, что ничто кромѣ мудрости Божіей, уничтожающей челоѣческое неразуміе, ничто кромѣ благодатнаго Духа Божія, разрушающаго желѣзные мускулы на выѣ плотскаго упорства, не могло принудить іудеевъ къ принятію проповѣдуемыхъ имъ истинъ. Ап. Павелъ видѣлъ, что работниковъ въ виноградникѣ невозможно было никогда привести къ сознанію, что они убили наслѣдника, какъ убили почти и всѣхъ, кто приходили раньше Его. Хотя Онъ впервые пришелъ въ свои собственныя владѣнія, Его собственный народъ отказался принять Его⁶⁵⁰). Израиль по плоти не могъ снизойти съ своего высокогѣрнаго самодовольства для того, чтобы принять свободный даръ вѣчной жизни.

Поэтому, теперь болѣе чѣмъ когда нибудь, ап. Павелъ убѣдился, что его главное дѣло было среди язычниковъ. Быть можетъ ярость и презрѣніе іудеевъ воспалили въ немъ, не смотря на его нѣжное сердце и скорбь, слишкомъ опасное для естественнаго челоѣка негодованіе, слишкомъ пламенный гнѣвъ. Быть можетъ онъ чувствовалъ, насколько другіе были болѣе приспособлены имѣть дѣло съ ними, чѣмъ онъ, — тѣ другіе, сродство которыхъ съ ними было сильнѣе и которые менѣе понимали неизбѣжное будущее, именно, что язычники очевидно были готовы къ принятію евангелія. Для этихъ другихъ овецъ Божіихъ очевидно настало исполненіе временъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые были расположены къ вѣчной жизни, ученіе о свободномъ спасеніи чрезъ Сына Божія было бесконечно сладостно. Не малое число ихъ даже въ іудейскомъ ученіи находило по крайней мѣрѣ нѣчто близкое къ этому⁶⁵¹). Но принятіе іудейства сопровождалось неизбѣжнымъ принесеніемъ тяжелой жертвы. Даже для того, чтобы сдѣлаться пришельцемъ вратъ, необходимо было подвергаться многому такому, что было ненавистно для язычниковъ; а сдѣлаться пришельцемъ вратъ еще ничего не значило. Болѣе строгіе изувѣры іудейства придавали такъ мало значенія этой

ступени, что она почти не означала ничего. Какъ же могъ челоѣкъ соглашаться на принятіе того, что одно только могло сдѣлать его пришельцемъ правды, — того, что возвышая его на эту ступень, налагало на него бремя обрядностей, которыя, будучи мертвы, какъ въ духѣ, такъ и въ буквѣ, однако же дѣлали его жизнью бременемъ и отдѣляли его не нравственно только, но и въ обществѣ, отъ всего, что онъ наиболѣе любилъ и цѣнилъ⁶⁵²). Жертвы, которыя долженъ былъ принести африканскій обращенецъ, оставляя полигамію, браминъ — жертвуя своей кастой, представляють лишь малую долю того, что долженъ былъ нести язычникъ, если онъ дѣлался іудеемъ. Съ какою же радостью долженъ былъ поэтому такой челоѣкъ принять вѣру, которая, предлагая ему чистѣйшую нравственность и сладостнѣйшую надежду въ будущемъ, величайшую силу въ настоящемъ и полнѣйшее отпущеніе грѣховъ въ прошедшемъ, давала ему эти неоцѣнимыя блага безъ унизительнаго обряда обрѣзанія и временныхъ оскорбительныхъ различій въ пищѣ! Стоицизмъ могъ лишь утѣшать его безплодной бездѣйственностью «категорическаго императива»; евангеліе предлагало ему въ качествѣ силы, не нуждавшейся ни въ какомъ дополненіи, духъ живаго Христа. Да, ап. Павелъ чувствовалъ, что язычники не могли отказаться отъ предложеннаго имъ спасенія. Самому ему придется быть можетъ увидѣть лишь зеленѣющія былинки, или въ лучшемъ случаѣ собрать лишь нѣсколько скудныхъ колосѣвъ; но послѣ, какъ онъ былъ увѣренъ, будетъ собрана полная жатва. Отселѣ онъ сознавалъ себя исключительно апостоломъ язычниковъ и ради этого высокаго призванія онъ радъ былъ пожертвовать своею жизнью.

Монета города Иконіи
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

Римская арка въ Тарсѣ.

ГЛАВА XXII.

СОВѢЩАНІЕ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

Ибо, будучи свободенъ отъ всѣхъ, я всѣмъ
поработилъ себя, дабы больше приобрести.
1 Кор. ix, 19.

ЕРВЫМЪ дѣломъ ап. Павла и Варнавы, по ихъ прибытіи въ Антіохію, было созвать собраніе церкви и дать отчетъ о своей миссіи и своемъ успѣхѣ, служившемъ очевиднымъ доказательствомъ того, что Богъ теперь, открывая язычникамъ «дверь вѣры», своимъ явнымъ благословеніемъ показалъ, что безбоязненный опытъ миссіи язычникамъ находился въ согласіи съ Его волей.

Нѣкоторое время миссіонеры-апостолы мирно отдыхали отъ своихъ трудовъ и опасностей среди мирныхъ служеній въ новой митрополиі христіанства. Но такова уже доля чело­вѣка, что ненарушимый миръ не можетъ долго пребывать въ этомъ мірѣ. Церковь скоро начать волно­вать споръ, который не только имѣлъ подавляющую важ-

ность, но повидимому даже угрожалъ опасностью всей судьбѣ христіанской вѣры.

Обращенцы изъ іудеевъ и язычниковъ въ Антіохіи, отвергнувъ различіе во взглядахъ и обычаяхъ, возникавшихъ изъ ихъ прежнихъ воззрѣній, жили вмѣстѣ, будучи душой и тѣломъ соединены узами общей любви къ своему общему Спасителю. Если они вступали въ сомнительныя пренія между собой ⁶⁵³), то скоро оказывались лицомъ къ лицу съ проблемами, которыя имъ трудно было рѣшить; поэтому они предпочитали заниматься только тѣми безконечными духовными преимуществами, въ отношеніи которыхъ они считали себя равными участниками.

Въ эту любящую братскую общину между тѣмъ украдкой вторглись нѣкоторыя личности изъ Іудеи ⁶⁵⁴), которыя на время глубоко возмутили миръ церкви. Фарисеи, едва освободившіеся отъ своего фарисейства, іудеи, еще находившіеся въ узахъ своихъ узкихъ предубѣжденій, братья, за которыми едва ли еще могло быть признано святое имя братьевъ ⁶⁵⁵)—всѣ подобныя личности вторглись въ церковь съ мелочнымъ духомъ зависти и шпіонства ⁶⁵⁶), не съ возвышенными какими либо цѣлями, а съ цѣлью измѣннически предать крестъ свободы и подвергнуть свободныхъ христіанъ Антіохіи подзаконному рабству. Св. Лука, вѣрный своей примирительной цѣли, просто называетъ ихъ «нѣкоторыми пришедшими изъ Іудеи»; но ап. Павелъ съ пыломъ негодующаго спора и подъ болѣе сильнымъ впечатлѣніемъ ихъ вреднаго вліянія гнѣвно называетъ ихъ «вкравшимися лжебратіями», скрытно приходившими подсмотреть за «свободой» христіанъ ⁶⁵⁷). Но хотя во всѣхъ указаніяхъ на этотъ замѣчательнѣйшій эпизодъ въ исторіи ранняго христіанства апостолъ и евангелистъ пишутъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, они совершенно согласны между собою въ отношеніи сущности дѣла. Сопоставленіе сообщаемыхъ ими подробностей даетъ намъ возможность воспроизвести наиболѣе важныя обстоятельства спора, который навсегда рѣшилъ будущность церкви изъ язычниковъ ⁶⁵⁸).

Эти братія по имени, но враги въ сердцѣ, прибыли съ жестокимъ, по внѣшности правдоподобнымъ, заранее составленнымъ ученіемъ, съ однимъ изъ тѣхъ *шибболетовъ*, которыми улаждаются формалисты и которые обыкновенно наносятъ смертельный ударъ болѣе возвышенной и духовной религіи. Они требовали повиновенія закону Моисея, особенно непремѣннаго принятія обрѣзанія ⁶⁵⁹), какъ наиболѣе существеннаго обряда, и отрицали возможность спасенія на какихъ бы то ни было другихъ условіяхъ. Возможно, что до сихъ поръ ап. Павелъ считалъ обрѣзаніе обязательнымъ для іудеевъ, любвеобильно снисходя въ отношеніи къ язычникамъ. Для такого своего взгляда на этотъ вопросъ онъ ожидалъ озаренія свыше, которое и сообщено было ему быстрымъ теченіемъ обстоятельствъ, какъ сообщилось и всему міру чрезъ паденіе Іерусалима. Но даже среди іудеевъ того времени болѣе разумные и болѣе просвѣщенные видѣли, что для благочестиваго язычника простое внѣшнее обрѣзаніе не могло имѣть *существеннаго значенія*. Ананія,

который имѣлъ честь обратить царское семейство въ Адіавентѣ, прямо совѣтовалъ Изату, что для него нѣтъ надобности рисковать своей короной, подвергаясь внѣшнему исполненію ненужнаго обряда⁶⁶⁰). Только уже когда въ дѣло вмѣшались такіе люди, какъ Елеазаръ, изувѣрные и узкіе буквоѣды школы Шаммаи, нѣкоторые стали настаивать на внушеніи пришельцамъ вратъ, что ихъ вѣра и ихъ святость не имѣетъ никакого значенія, если только они не примутъ посвященія въ пришельцевъ правды⁶⁶¹). Изать и Монобазъ, какъ это вполне естественно у боязливыхъ и суевѣрныхъ натуръ, рисковали всѣмъ, чтобы только удовлетворить взглядамъ этихъ непреклонныхъ зилотовъ, все равно какъ изъ болѣе низкихъ побужденій уступили имъ Азизъ, царь Эмесскій, и Полемонъ Киликійскій съ цѣлью приобрести руки богатыхъ и прекрасныхъ князей дома Иродова⁶⁶²). Но понятно, что такое принятіе Моисеева закона, какъ и можно было ожидать, было крайне исключительнымъ; и ап. Павелъ видѣлъ, что если христіанству суждено снизойти на степень простаго превращенія вѣры во Христа, какъ іудейскаго Мессію, въ самодовольство шаммаитскаго фанатизма⁶⁶³) или даже въ простую угрозу закономъ, то было невозможно, даже было нежелательно, чтобы оно продолжало самое свое существованіе. Сила привычки, конечно, могла въ природномъ іудеѣ освѣжить новымъ виномъ евангелія старую обрядность, доходившую до охраненія подонковъ раввинскаго преданія. Въ Іерусалимѣ христіаніи могли и не чувствовать ущерба, который онъ несъ отъ привязыванія своей новой жизни къ трупъ безсмысленныхъ *алаховъ*; но въ Антиохіи во всякомъ случаѣ и еще болѣе въ новопросвѣщенныхъ равнинахъ Малой Азіи такое рабство никогда не могло быть допущено.

Можно вообразить ту скорбь, съ которою ап. Павелъ наблюдалъ за этимъ постояннымъ, этимъ систематическимъ⁶⁶⁴) покушеніемъ уничтожить все то, что уже было сдѣлано, и сдѣлать невозможнымъ всякій дальнѣйшій успѣхъ для христіанства. Неужели же такимъ образомъ живой жизнедательный духъ долженъ былъ рѣшительно пасть жертвой мертвой буквы? Неужели эти новые фарисеи должны были проходить море и землю для приобретенія хоть одного прозелита въ тѣхъ лишь видахъ, чтобы можно было присоединить высокомѣріе іудея къ пороку язычника и сдѣлать его въ десять разъ болѣе узкимъ, чѣмъ они сами? Неужели суевѣрное поклоненіе мертвымъ постановленіямъ должно было подавлять ниспосланную съ неба свободу чадъ Божіихъ? Если Моисей по божественному водительство наложилъ на народъ, состоявшій изъ грубыхъ и жестоковѣрныхъ рабовъ, не только нравственный законъ, обязанности котораго самъ Христосъ придавалъ безконечную важность, но также и гнетущее иго «учрежденій недобрыхъ и постановленій, которыми они не могли быть живы» (Іезек. хх, 25): то неужели это иго, послѣ того какъ оно уже было отмѣнено, послѣ того какъ оно сдѣлалось отчасти невозможнымъ, и въ большей части потеряло свое значеніе, неужели должно было налагать его на выи, которыя оно могло только

раздражать и приводить въ неистовство⁶⁶⁵)? Неужели Титъ, молодой, мужественный, свободный и чистый, подобно огню горящій любовью ко Христу на алтарѣ своей души, долженъ былъ подходить подъ мѣрку какого нибудь невозрожденнаго фарисея, который, нося свой широкій *теффилинъ* и свои *цицины* съ точнымъ числомъ нитей и узловъ, былъ однако же совершенно чуждъ любви Христа и ничего не вѣдалъ касательно Его свободнаго для всѣхъ спасенія? Неужели къ христіанамъ, которые всѣ были братьями, избраннымъ родомъ и царскимъ священствомъ, іудеи, которые не имѣли предъ ними никакихъ преимуществъ, кромѣ весьма сомнительнаго преимущества самого іудейства, должны были относиться какъ къ нечистымъ тварямъ, съ которыми имъ непристойно было даже ѣсть? Іудеи были щедры на выраженія своего презрительнаго превосходства по отношенію къ прозелитамъ. Но можно ли было, хотя на одинъ моментъ, терпѣть такіа выраженія въ братствѣ Христовомъ⁶⁶⁶)?

Легко понять, съ какимъ пламенемъ въ душѣ ап. Павелъ долженъ былъ часто возбуждать эти вопросы во время горячихъ, только-что возникшихъ, споровъ (Дѣян. хv, 2). Можно вообразить, съ какимъ живымъ интересомъ языческіе прозелиты ожидали результата спора, который долженъ былъ рѣшить, достаточно ли было для нихъ для вступленія въ церковь Христову приносить такіе плоды, какъ любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, кротость, доброта, вѣра, скромность, умѣренность, или же они также должны воздвигать *мезузоты* на своихъ домахъ, подвергаться обрѣзанію и удерживаться отъ вольныхъ покупокъ на рынкѣ, не прикасаться совершенно безвредныхъ родовъ пищи и одинъ изъ семи дней опутывать строгостью мелочныхъ и условныхъ обрядовъ. Намъ можетъ показаться удивительнымъ, что ясныхъ изреченій пророковъ было недостаточно для того, чтобы показать, что сущность религіи есть *вѣра*, а не внѣшнее обрядовое служеніе; и что Господь требуетъ отъ насъ не мелочной точности въ отношеніи одежды и пищи, а требуетъ только, чтобы мы дѣлали справедливость, любили милость и смиренно ходили по путямъ Божіимъ (Мих. vi, 8; Втор. x, 12; Осія vi, 6; 1 Цар. хv, 22). Но приверженцы іудейства имѣли преданіе, авторитетъ и пятокнижіе на своей сторонѣ, вслѣдствіе чего подъ давленіемъ привычки многіе іудейскіе обращенцы были неспособны противостоять заключеніямъ, которыя они однако же сознавали ложными. Насколько вообще они были истинными христіанами, они не могли не сознавать, что цѣлью заповѣди Христовой была любовь отъ чистаго сердца и чистой совѣсти и вѣра нелицемѣрная; но когда ихъ противники развертывали предъ ихъ глазами свитки *торы* и спрашивали ихъ, неужели они дерзаютъ презирать великую святыню Синаи или ослаблять обязательность законовъ, изреченныхъ Моисеемъ среди горящаго пламени, то заурядный іудей и заурядный язычникъ становились втупикъ. Въ отношеніи этихъ предметовъ поученія Іисуса были лишь лучемъ во тьмѣ; они конечно должны были современемъ разгорѣться яркимъ пламенемъ, но теперь еще пока мерцали только

среди глубокой полночи. Они еще не понимали, что исполнение закона со стороны Христа было его отъѣздомъ и что держаться прообраза при существовании первообраза значило держать зажженные свѣчи при сіяніи солнца. Отъ этой угрожавшей церкви опасности поглощенія въ исключительной обрядности ее спасъ одинъ человѣкъ, и именно ап. Павелъ. Со всею силою своей аргументаціи, съ полнымъ сознаниемъ своего авторитета, онъ утверждалъ и настаивалъ, что обращенцы изъ язычниковъ должны оставаться на тѣхъ свободныхъ условіяхъ, на которыхъ они впервые приняли вѣру Христа ⁶⁶⁷).

Когда казалось не предвидится и конца спорамъ по этому вопросу ⁶⁶⁸), стало необходимымъ предоставить его на рѣшеніе церкви въ Іерусалимѣ и особенно тѣхъ апостоловъ, которые жили съ Іисусомъ на землѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что на этомъ планѣ настаивали и даже требовали его сами іудействующие ⁶⁶⁹), которые навѣрно вполне сознавали, что большинство этой церкви съ тревогой и подозрѣніемъ смотрѣло на то, что они считали противоиудейскими новшествами. Въ самомъ способѣ, съ которымъ они выставляли безконечное превосходство авторитета живыхъ свидѣтелей жизни Іисуса, подобно Іакову и Кифѣ, быть можетъ была даже известная доля нахальства (чѣмъ и объясняется почти раздраженный языкъ ап. Павла въ послѣдствіи). На самое отправленіе ихъ въ Іерусалимъ они несомнѣнно смотрѣли какъ на необходимый актъ подчиненія, какъ на судъ надъ Павломъ и Варнавою на іерусалимскомъ соборѣ ⁶⁷⁰). Въ этотъ періодъ самъ ап. Павелъ еще очевидно не дошелъ до полного сознанія независимости своего апостольскаго авторитета. Когда онъ говоритъ Галатамъ, что «совѣщавшійся съ двѣнадцатью апостолами касательно проповѣданнаго имъ евангелія, что не напрасно ли онъ подвизается», онъ показываетъ, что въ этотъ періодъ онъ не вполне еще достигъ того непоколебимаго убѣжденія, которое давало ему въ послѣдствіи возможность сказать, что если бы «онъ или ангелъ съ неба проповѣдывалъ другое евангеліе, да будетъ анаѡема» ⁶⁷¹). Въ дѣйствительности онъ именно на этомъ соборѣ пришелъ къ убѣжденію, что его авторитетъ совершенно равенъ авторитету апостоловъ, которые были во Христѣ раньше его; что они не могли ничему научить его и ничего прибавить ему; что напротивъ были такіе области дѣятельности, которыя скорѣе принадлежали ему, чѣмъ имъ, и въ которыхъ они стояли по отношенію къ нему въ положеніи учениковъ (Гал. II, 7 — 9); что Іисусъ исполнилъ свое собственное обѣщаніе, что для его чадъ было *лучше*, если Онъ уйдетъ отъ нихъ, потому что Его общеніе съ ними дарами Св. Духа было тѣснѣе и полнѣе, чѣмъ при Его дѣйствительномъ присутствіи на землѣ. Тѣмъ не менѣе ап. Павелъ долженъ былъ въ рѣшеніи проповѣдуемыхъ имъ истинъ подвергнуться человѣческому авторитету. Это обстоятельство было для него внутреннимъ голосомъ, духовнымъ внушеніемъ, которое открыло ему, что это его направленіе было мудро и необходимо. Св. Лука, передавая вышнюю сторону этого событія, говоритъ, что ап. Павелъ пошелъ по

желанію церкви антиохійской; но самъ апостолъ Павелъ, умалчивая объ этомъ или считая это свое путешествіе выраженіемъ воли небесъ, говоритъ своимъ обращенцамъ, что онъ отправился «по откровенію». Отъ самого апостола Павла также мы узнаемъ интересное сообщеніе, что между сопровождавшими его и Варнаву были Титъ, быть можетъ критскій язычникъ, котораго онъ обратилъ въ Кипрѣ во время своего перваго путешествія ⁶⁷²). Ап. Павелъ взялъ его какъ языческаго представителя своихъ собственныхъ обращенцевъ, живой залогъ и свидѣтеля, что къ необрѣзаннымъ грекамъ, при видѣ того, что они были равными участниками дара Св. Духа, нельзя относиться какъ къ собакамъ и извергамъ. Завѣдомое одобреніе Божіе нельзя было устранять ради фантастическихъ требованій людей, и высокомѣрная терпимость или нескрываемое презрѣніе іудеевъ къ прозелитамъ было бы не только преступленіемъ, но и невѣжествомъ, когда они выказывали его по отношенію къ брату по вѣрѣ.

Какъ начало, такъ и все продолженіе ихъ сухопутнаго путешествія сопровождалось открытымъ сочувствіемъ къ ихъ взглядамъ. Изъ Антиохіи ихъ съ честью провожали на ихъ пути, и когда они проходили чрезъ Беритъ, Тиръ, Сидонъ и Самарію, повѣствуя церквамъ объ обращеніи язычниковъ, они повсюду встрѣчали единодушныя выраженія одобренія и радости. По прибытіи въ Іерусалимъ, они были приняты апостолами и старѣйшинами, и изложили имъ исторію своей проповѣди и ея результатовъ вмѣстѣ съ необходимыми вопросами, который возникъ въ слѣдствіе ея. Очевидно, при этомъ именно случаѣ нѣко-

Карта Сиріи отъ Антиохіи до Самаріи.

торые изъ христіанскихъ фарисеевъ сразу же начали упорно настаивать на нравственной необходимости Моисеева закона и обрѣзанія, высказывая такимъ образомъ прямое порицаніе началамъ, на которыхъ вели свою миссію Павелъ и Варнава⁶⁷³). Изложенный такимъ образомъ противоположными сторонами вопросъ былъ слишкомъ важенъ, чтобы можно было его рѣшить непосредственнымъ голосованіемъ; свободное сужденіе церкви касательно такого важнаго вопроса могло быть высказано только на общемъ собраніи. Ап. Павелъ воспользовался временемъ до его созванія съ своею обычною мудростью и дѣловитостью. Зная, что рѣшеніе, достигаемое въ смѣшанныхъ собраніяхъ, зависитъ отъ тысячи всевозможныхъ случайностей, опасаясь, чтобы голоса смѣшаннаго собранія не выразили коллективной неспособности или коллективнаго предубѣжденія, онъ постарался склонить на свою сторону вождей церкви частнымъ изложеніемъ сущности того ученія, которое онъ проповѣдывалъ. Вождами этими были въ это время, какъ онъ говоритъ намъ, Іаковъ⁶⁷⁴), который упомянуть первымъ вслѣдствіе своего положенія въ качествѣ главы церкви іерусалимской, Петръ и Іоаннъ. Ему удалось настолько склонить ихъ на сторону своего дѣла, онъ доказалъ имъ съ такою неотразимою силою, что они не могутъ настаивать на обращеніи христіанъ изъ язычниковъ въ правовѣрныхъ іудеевъ, не навлекая на себя страшной отвѣтственности въ прегражденіи навсегда свободнаго русла благодати Божіей, — что они склонились на его сужденія касательно миссіи язычникамъ. Какъ ни знамениты они были въ своей собственной области, какъ ни велика была сила ихъ характера, какъ ни самобытны ихъ личныя воззрѣнія, они не могли выстоять противъ личнаго превосходства ап. Павла (см. Іоан. хvi, 7). Въ присутствіи человѣка, вся природа котораго выдавала силу вдохновеннаго убѣжденія, они сознавали, что они не могли удерживать за собой безусловнаго положенія вождей или начальниковъ⁶⁷⁵). Вслѣдствіе этого съ полнымъ великодушіемъ и благороднымъ сочувствіемъ къ дѣлу своихъ соратниковъ на нивѣ Христовой, они подали Павлу и Варнавѣ правую руку дружества и признали ихъ апостолами язычниковъ. Съ одной только трогательной просьбой обратились они къ нимъ. Церковь іерусалимская съ самаго начала томила въ крайней бѣдности. Она страдала быть можетъ отъ временнаго опыта общенія имуществъ; она терпѣла также несомнѣнно отъ низкаго класса своихъ первыхъ обращенцевъ, отъ обуревавшихъ ее преслѣдованій и отъ хроническаго голода, которому былъ подверженъ святой городъ. Павелъ и Варнава работали въ богатой Антиохіи и имъ приходилось путешествовать среди язычниковъ, которые если и не были богаты, то во всякомъ случаѣ были вполне обеспечены средствами къ жизни. Поэтому должны ли они допустить умирать съ голоду тѣхъ, которые ходили съ Іисусомъ по берегамъ озера Галилейскаго и сидѣли у ногъ Его, когда онъ говорилъ нагорную проповѣдь? Однажды они уже привезли изъ Антиохіи благодарно принятую *халку*⁶⁷⁶), которая въ тягчайшую годину голода и преслѣдованія столько же облег-

чила судьбу братьевъ, сильно царственная щедрость Елены поддержала іудеевъ. Конечно, они не позволятъ своимъ религіознымъ разногласіямъ отратить ихъ отъ помощи голодающей церкви. Возможно, что іерусалимскіе христіане фарисейской партіи относились къ нимъ съ высокомерной враждой и нескрываемымъ отвращеніемъ, но навѣрно это нисколько не повліяетъ на ихъ доброжелательство къ церкви. Три главы страдающей церкви просили миссіонеровъ, трудившихся въ богатомъ языческомъ мірѣ, «чтобы они помнили о бѣдныхъ». Это была просьба во всѣхъ отношеніяхъ пріятная нѣжному и сочувствующему сердцу ап. Павла⁶⁷⁷). Независимо отъ всякой просьбы, онъ уже выказалъ добровольную ревность (Дѣян. xi, 29) въ святомъ дѣлѣ сочувствія страждущимъ, и теперь, когда къ нему обратились уже прямо съ просьбою, онъ былъ радъ всѣми средствами показать, что, не желая поступиться ни одной іотой существа истины, онъ готовъ былъ принести всякую жертву дѣлу благотворенія. Съ этихъ поръ ап. Павелъ составилъ планъ собранія милостыни для бѣдныхъ святыхъ въ Іерусалимѣ и отдался исполненію его съ свойственною ему ревностью. Едва ли среди посѣщенныхъ имъ была такая церковь или такой народъ, отъ которыхъ бы онъ не требовалъ приношенія, и сами галаты знали о тѣхъ постоянныхъ сборахъ, которые онъ производилъ среди нихъ⁶⁷⁸). Во время самой ожесточенной борьбы съ іудействующими, нагло провозглашавшими себя въ качествѣ посланныхъ отъ Іакова, онъ никогда не ослаблялъ своихъ добрыхъ усилій въ пользу благотворенія іерусалимской церкви, явно доказывая этимъ, что даже богословскія разногласія не затемняли въ немъ благородной чувствительности сердца, которое, вслѣдствіе постоянныхъ огорченій, научилось биться сочувствіемъ къ страждущимъ.

Такимъ образомъ одна часть его миссіи въ Іерусалимѣ была исполнена, когда именно «братъ Господень», великій апостолъ, которому Христосъ вручилъ «ключи царства небеснаго», и возлюбленный ученикъ, который склонялъ свою голову во время тайной вечери на грудь Ему, открыто выразили ему свое дружественное признаніе. Этимъ именно событіемъ онъ попреимуществу и занимается въ посланіи къ Галатамъ. Въ ихъ церквахъ сварливые юдаисты осмѣлились порицать его дѣло и обезславливать его ученіе на основаніи мнимаго авторитета матери церкви и ея епископа. Цѣлью ап. Павла было доказать, что его апостольская независимость была признана тѣми самыми лицами, которыя теперь выставались въ противовѣсъ его мнѣніямъ. Въ его выраженіяхъ быть можетъ есть нѣкоторый отбѣнокъ неточности; но съ другой стороны всякій безпристрастный читатель сразу увидитъ, что сущность антагонизма, на который онъ намекаетъ, заключалась въ разединеніи, а не противодѣйствіи, въ антагонизмѣ скорѣе послѣдователей, чѣмъ вождей, — въ личной антипатіи юдаистовъ къ ап. Павлу, а не ап. Павла къ двѣнадцати апостоламъ⁶⁷⁹).

Но св. Лука занимается другой стороной этого дѣла. Для него авторитетъ ап. Павла былъ внѣ всякаго сомнѣнія и не былъ предметомъ обсуж-

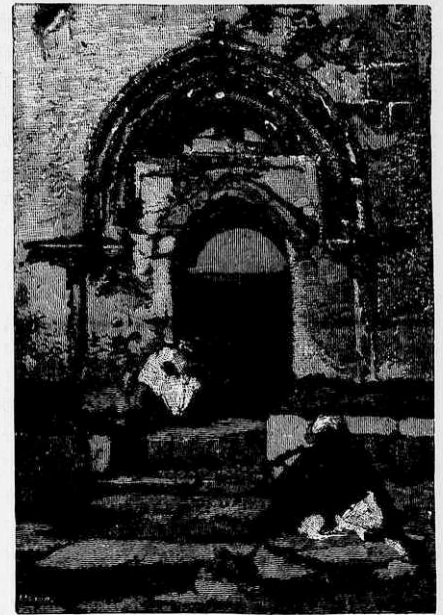
денія у тѣхъ, для кого онъ писалъ; но не то было съ *ученіемъ* ап. Павла, и цѣль св. Луки состоитъ въ томъ, чтобы показать, что главные начала его не только не были опасны, но нашли формальное признаніе со стороны старѣйшихъ апостоловъ. Что при этомъ была жестокая борьба, онъ и не старается скрыть этого, но приводитъ подлинный документъ въ доказательство того, что она кончилась торжественно въ пользу апостола язычниковъ.

Болѣе частную форму разсужденія приняли вслѣдствіе присутствія Тита, какъ одного изъ спутниковъ ап. Павла. Вокругъ этого молодого человѣка очевидно и возникъ самый ожесточенный споръ. Юдаисты настаивали, что онъ долженъ подвергнуться обрѣзанію. Пока онъ оставался необрѣзаннымъ, они отказывались ѣсть вмѣстѣ съ нимъ или считать его въ истинномъ смыслѣ братомъ. Они даже негодовали на ап. Павла за его свободное товарищество съ этимъ язычникомъ, подобно тому, какъ они прежде негодовали на Петра за принатіе гостепріимства отъ Корнилія. Этими спорами были возмущаемы вечера любви, а вмѣстѣ съ ними и совершеніе таинства причащенія. Какъ для Тита, такъ и для ап. Павла, это было вѣроятно безпокойное время, именно благодаря бурѣ сталкивающихся мнѣній, высказываемыхъ съ тою сварливою настойчивостью, которую іудеи всегда проявляютъ при возбужденіи своего религіознаго фанатизма. Даже по прошествіи пяти или шести лѣтъ⁶⁸¹⁾ ап. Павелъ не можетъ говорить объ этомъ періодѣ въ своей жизни безъ волненія, которое до такой необычайной степени отзывается на его языкѣ, что дѣлается неполнымъ для насъ даже самый результатъ спора. Галаты несомнѣнно хорошо знали о немъ, но намъ было бы желательно получить болѣе полныя и достовѣрныя свѣдѣнія. Вопросъ заключается въ томъ, уступилъ ли на этотъ разъ ап. Павелъ, или нѣтъ? Другими словами, былъ ли Титъ обрѣзанъ? Что касается Тимофея, то ап. Павелъ завѣдомо принялъ во вниманіе его іудейское происхожденіе съ материнской стороны и поэтому обрѣзалъ его какъ іудея, а не какъ язычника, потому что иначе было бы невозможно обезпечить за нимъ допущеніе его въ среду іудеевъ. Но даже этого было бы достаточно для возбужденія обвиненій въ непослѣдовательности, которыя, какъ мы знаемъ, поднимались противъ него впоследствии. Но если онъ уступилъ бурѣ, поднятой въ отношеніи Тита,—если онъ, самый стойкій христіанскій поборникъ необрѣзанія, передовой провозвѣстникъ истины, что во Христѣ Иисусѣ нѣтъ ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, но вѣра, дѣйствующая любовью, — допустилъ, чтобы взрослый языческій обращенецъ подвергся іудейскому обряду, неимѣвшему другаго значенія, кромѣ обязательства исполнять Моисеевъ законъ,—тогда дѣйствительно его можно было бы обвинять въ принеженіи въ жертву того самаго начала, которое онъ отстаивалъ теперь. Онъ конечно могъ бы заявить, что онъ сдѣлалъ это только въ видахъ мира, такъ какъ иначе самая жизнь Тита подверглась бы опасности, или потому, что самое его присутствіе въ святомъ городѣ могло бы возбудить ложные слухи и страшны

волненія⁶⁸¹⁾, какъ это было въ послѣдующіе годы, вслѣдствіе присутствія Трофима. Онъ могъ бы сказать: «я обрѣзалъ Тита только потому, что не было другой возможности разумно уладить поднятый споръ». Но если онъ и дѣйствительно уступилъ, то какъ бы ни были благородны и человѣколюбивы его побужденія, онъ всетаки далъ бы своимъ противникамъ оружіе противъ себя, которымъ они конечно и не преминули бы воспользоваться.

Что его съ особенною настойчивостью побуждали склониться на эту именно мѣру, это очевидно, и быть можетъ чрезвычайная горячность его выражений зависить именно отъ воспоминанія о всемъ томъ, что онъ претерпѣлъ въ этой ожесточенной борьбѣ⁶⁸²⁾. Выдерживая до конца, онъ несомнѣнно вынужденъ былъ вынести давленіе почти всего общества церкви въ Іерусалимѣ. Быть можетъ даже самъ Варнава, какъ это и было впоследствии, не удержался твердо на почвѣ истинъ, которыя казались достаточно ясными ему, когда онъ трудился одинъ съ ап. Павломъ на пустынныхъ возвышенностяхъ Ликаоніи. Несомнѣнно, нравственное мужество ап. Павла могло восторжествовать надъ этимъ страшнымъ испытаніемъ, если онъ имѣлъ твердость и силу стоять противъ такого сильнаго давленія. Что касается мужества, то конечно никакой страхъ не заставилъ бы его уступить; но не могъ ли онъ уступить на время въ смыслѣ человѣколюбивой уступки съ цѣлью обезпечить рѣшительное торжество своихъ началъ въ будущемъ?

Вникнемъ въ его подлинныя выраженія во всей ихъ неподкрашенности. «Потомъ», писалъ онъ чрезъ четырнадцать лѣтъ послѣ этого событія⁶⁸³⁾, «опять ходилъ я въ Іерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою и Тита⁶⁸⁴⁾. Ходилъ же по откровенію и предложилъ тамъ⁶⁸⁵⁾ и особо знаменитѣйшимъ благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ, не напрасно ли я подвизаюсь⁶⁸⁶⁾ или подвизался⁶⁸⁷⁾. Но они и Тита, бывшаго со мною, хотя и еллина, не принуждали обрѣзаться; но (онъ былъ только обрѣзанъ?) изъ-за вкравшихся лжебрагій скрытно приходившихъ подсмотрѣть за нашею свободою, которую мы имѣемъ во Иисусѣ Христѣ, чтобы

Входъ въ гробницу Пресв. Богородицы.

поработить насъ⁶⁸⁸⁾; имъ мы даже⁶⁸⁹⁾ ни на часть не уступили *изъ подчиненія*, дабы истина благоустроенія сохранилась у васъ⁶⁹⁰⁾. И въ знаменитыхъ⁶⁹¹⁾ чѣмъ либо, какими бы ни были они⁶⁹²⁾ когда-либо, для меня нѣтъ ничего особеннаго: Богъ не взираетъ на лице человѣка. И знаменитые не возложили на меня ничего болѣе». Таковъ буквальный переводъ собственныхъ словъ ап. Павла въ этомъ замѣчательномъ мѣстѣ; и онъ затѣмъ продолжаетъ разсказывать о высказанномъ ему признаніи со стороны трехъ главныхъ апостоловъ, что его авторитетъ никоимъ образомъ не терпѣлъ ограниченія въ сравненіи съ ними; мало того, въ отношеніи къ язычникамъ онъ даже считался особенно одареннымъ и находился подъ особеннымъ руководствомъ Божиимъ.

Но разумѣть ли онъ въ этомъ мѣстѣ то, что онъ «ни на часть не уступилъ и не обрѣзалъ Тита, не смотря на огромное давленіе на него», или онъ разумѣть лишь слѣдующее: «я допускаю, какъ не прискорбно допускать это, что въ отношеніи Тита я уступилъ. Титъ былъ обрѣзанъ, но не по *принужденію*; я уступилъ, но не изъ *подчиненія*; сдѣланная мною уступка, какъ она ни велика и ни ошибочна, не была однако же полнымъ отступленіемъ отъ начала, а только чертой братолюбивой снисходительности?»

Нужно помнить, что для ап. Павла имѣли значеніе «идеи, а не формы»; то обстоятельство, что обрѣзаніе было дѣломъ само по себѣ безразличнымъ, допускаемая истина, что человѣкъ могъ спастись благодатію Господа Иисуса Христа и только ею — могли побудить его, при сильномъ давленіи (Дѣян. xv, 10), согласиться, чтобы обрядъ этотъ былъ совершенъ съ тѣмъ именно безразличіемъ къ возвеличиванію мелочей, которое заставляетъ его съ взрывомъ горькой ироніи сказать Галатамъ: «о, если бы были удалены возмущающіе васъ! Къ свободѣ призваны вы, братія, только бы свобода не была поводомъ къ угожденію плоти, но любовію служите другъ другу» (Гал. v, 12). Когда ап. Павелъ принималъ обѣтъ назорейскій, когда онъ обрѣзывалъ Тимофея (Дѣян. xvi, 3), онъ дѣлалъ это изъ благороднаго желанія устранить всѣ ненужные поводы смущенія и не затруднять своего дѣла упорнымъ отказомъ поступиться неважными вещами. Мы знаемъ, что завѣдомымъ правиломъ его было быть всѣмъ для всѣхъ, если только онъ этимъ могъ приобрести кого нибудь; онъ обладалъ слишкомъ высокимъ духомъ, чтобы препираться изъ-за предметовъ, неимѣющихъ никакого значенія. Но нельзя ли представить, что въ ожесточенномъ спорѣ, благодаря которому самое пребываніе его въ Іерусалимѣ, пока не обрѣзанный Титъ находился среди членовъ церкви, дѣлалось для него тягостнымъ, Павелъ могъ встать и сказать: «я прибылъ сюда для улаженія этого чрезвычайно важнаго предмета. Если присутствіе Тита кажется вамъ оскорбительнымъ подтвержденіемъ отвергнутыхъ вами положеній, то хорошо: это только частный случай, и такъ какъ вопросъ все еще не рѣшенъ, я обрѣжу его и затѣмъ мы болѣе спокойно приступимъ къ обсужденію общаго вопроса». Не могъ ли онъ взглянуть на это дѣло какъ на случай, въ ко-

торомъ бесполезно было на время уступить, чтобы впослѣдствіи достигнуть болѣе полной побѣды? Что касается друзей, раздѣлявшихъ его взгляды, то не могъ ли онъ сказать: «какое значеніе имѣетъ частный случай? онъ рѣшительно не означаетъ ничего. Титъ самъ настолько благороденъ, чтобы желать обрѣзанія ради мира; онъ вполне понимаетъ, что это только уступка жестокому предубѣжденію. Оно можетъ быть чрезвычайно полезно ему для обезпеченія будущаго допущенія въ іудейскія собранія. Для него, равно какъ и для насъ, оно будетъ считаться порѣзаніемъ, а не обрѣзаніемъ; вышнее обрядностью, совершенно изъ добровольнаго добродушія, а никоимъ образомъ не въ смыслѣ торжественнаго правила и прецедента или знаменательнаго обряда»? Да и самъ Титъ не сталъ ли бы просить апостола, чтобы онъ не занимался съ особенной настойчивостью вопросомъ касательно его лично? Не могъ ли онъ вполне естественно сказать: «мнѣ прискорбно, что такой шумъ и споръ возникъ изъ за меня, и я совершенно согласенъ утишить его, сдѣлавшись пришельцемъ правды»? Если Титъ поступилъ именно такимъ благороднымъ образомъ, то нежеланіе ап. Павла воспользоваться его великодушіемъ могло бы еще болѣе увеличиться, и однако же его врагамъ было бы дано въ руки новое оружіе противъ него. «Моисей», сказали бы они, «установилъ обрѣзаніе. Мы не можемъ позволить этому язычнику присутствовать при нашихъ вечерахъ любви безъ него; онъ самъ, къ его чести, совершенно готовъ согласиться на это; почему же ты продолжаешь возмущать миръ нашего Израиля своимъ отказомъ согласиться на это?»

Но что бы ни выставляли противъ этого взгляда, мы не можемъ понять, почему, если бы ап. Павелъ не уступилъ, онъ употребляетъ столь неопредѣленный языкъ, что какое бы мы ни придавали ему значеніе — отрицательное или положительное, онъ все-таки заставляетъ многихъ и теперь, какъ и въ ранніе вѣка церкви, думать, что апостолъ сдѣлалъ именно то самое, что, по общему предположенію, онъ самъ отрицалъ. Ничего не могло быть легче или пріятнѣе сказать: «я не обрѣзалъ Тита, хотя дѣлались всевозможныя усилія къ тому, чтобы принудить даже меня къ этому. Неисполненіе этого съ моей стороны — даже въ Іерусалимѣ, при началѣ всего спора, даже въ главныхъ пристанищахъ іудейской тираніи, предъ лицомъ очевиднаго желанія апостоловъ — доказываетъ какъ мою независимость, такъ и мое постоянство». Но неизмѣримо труднѣе было для него объяснить, почему онъ дѣйствительно уступилъ въ столь важномъ случаѣ. Быть можетъ Титъ былъ подлѣ него, когда онъ писалъ это самое мѣсто, и если такъ, то для ап. Павла это было бы еще болѣе тяжкимъ напоминаніемъ объ уступкѣ, которая болѣе чѣмъ все другое могла бы доказывать его подчиненность и его неискренность. Поэтому онъ, стараясь показать, почему онъ поступилъ такъ и какихъ побужденій у него не было при этомъ, въ концѣ концовъ, самъ не замѣчая того, не даетъ достаточной ясности выраженію своей мысли⁶⁹³⁾. И если послѣ рѣшенія собранія и выдержанной

борьбы ап. Павелъ всетаки нашелъ желательнымъ обрѣзать Тимофея просто съ цѣлію избѣжать смущенія іудеевъ, которыхъ онъ намѣревался посѣтить, то не могли ли тѣ же самыя побужденія руководить имъ и раньше, когда онъ видѣлъ, какъ присутствіе Тита повергало въ волненіе всю церковь? Если ложные выводы, которые можно сдѣлать изъ этой уступки, были гораздо важнѣе въ дѣлѣ чистокровнаго язычника, то съ другой стороны необходимость устраненія смуты была также настоятельна, и обязательность обрѣзанія была менѣе оспариваема въ то время. Несомнѣнно однако же, что подобный образъ дѣйствія могъ повести только къ добру. Только при такой мѣрѣ было возможно напр. для Тита быть епископомъ церкви критской. Ни одинъ обрѣзанный іудей въ то время не могъ бы потерпѣть «епископства» необрѣзаннаго язычника.—Мы долго остановились на этомъ вопросѣ потому, что въ жизни ап. Павла не много такихъ обстоятельствъ, которыя имѣли бы болѣе важное значеніе для опредѣленія какъ его характера, такъ и условій его времени. Онъ скорѣе бы умеръ, скорѣе бы вынесъ разрывъ между церковью іерусалимской и церквами его языческихъ обращенцевъ, чѣмъ допустить мысль, что спасеніе не можетъ быть внѣ ограды Моисеева закона. Въ томъ или другомъ случаѣ онъ былъ готовъ, можетъ быть, благодаря своему великодушію, слишкомъ готовъ для собственного мира сдѣлать почти все отъ него зависящее, только бы не привести себя и еще болѣе дорогое для него Евангеліе, которое онъ проповѣдывалъ, въ столкновеніе съ адамантовыми стѣнами фарисейскаго изуверства. Но онъ постоянно даетъ понять, что его начало оставалось неприкосновеннымъ, что Христосъ во всякомъ смыслѣ отмѣнилъ проклятіе закона, что кромѣ его всеобщихъ нравственныхъ началъ законъ былъ уже необязателенъ для язычниковъ, что «преданія отцовъ» не имѣли для нихъ больше никакого значенія. Онъ во что бы то ни стало, при почти безграничной уступчивости въ отдѣльных случаяхъ, при непоколебимой устойчивости, когда опасность грозила основнымъ началамъ, хотѣлъ установить, насколько дѣло во всякомъ случаѣ касалось язычниковъ, истину, что Христосъ разорвалъ рукописаніе, направленное противъ насъ, и уничтожилъ его совсѣмъ, пригвоздивъ обрывки его къ кресту своему (Кол. II, 14).

И вотъ такимъ образомъ шель этотъ великій споръ. Апостолы, во всякомъ случаѣ вожди ихъ, благодаря частному сношенію съ нимъ, склонились на его сторону. Противники отчасти были приведены къ молчанію, благодаря личной уступкѣ. Ап. Павелъ съ замирающимъ сердцемъ ожидалъ результата собранія, которое должно было рѣшить, долженъ ли былъ Іерусалимъ еще оставаться митрополіей вѣры, или онъ останется въ сторонѣ, какъ сѣдалище отсталаго законничества, между тѣмъ какъ Евангеліе Христа должно было вступить на новый путь отъ Антиохіи къ западу. Одного только не должно быть: онъ не долженъ ежедневно возрастающее, крѣпнущее христіанство закутывать въ обветшавшія пеленки отмѣненной системы. Онъ не долженъ дѣлать христіанство религіей омовеній и очи-

щеній, временъ и новолѣтій, пищи и питья, а религіей святости и благодати, религіей, въ которой люди могутъ ѣсть или не ѣсть, смотря по своему желанію, и могутъ считать каждый день одинаково священнымъ, такъ чтобы со всею силою проявить въ своей жизни любовь къ человѣку, возникающую отъ корня любви къ Богу.

Неудивительно, что споръ былъ оживленный и горячій⁶⁹⁴). Несомнѣнно, какъ и во всѣхъ подобныхъ собраніяхъ церкви, при обсужденіи спорныхъ вопросовъ высказывалось не мало взаимныхъ обвиненій и недоразумѣній, не было недостатка въ примѣрахъ несостоятельной аргументаціи, неточности языка, не ясныхъ понятій. Св. Духъ конечно былъ съ ними и тогда, какъ бываетъ и теперь при собраніяхъ вѣрныхъ христіанъ. Онъ былъ съ ними для того, чтобы руководить и вдохновлять ихъ. Но ни тогда, ни теперь—какъ мы ясно видимъ изъ новаго завѣта и изъ опыта исторіи—Его вліяніе не дѣйствовало съ такою силою чтобы чудесно подавлять человѣческое разномысліе или сглаживать человѣческое несовершенство. Сторонники ап. Павла подвергались страшнымъ для іудея обвиненіямъ въ неустойчивости, безрелигіозности, отступничествѣ, недостаткѣ патристическаго чувства и въ невѣріи въ откровенную истину. Развѣ Моисей не былъ боговдохновенъ? Развѣ можно священное пятоконіе низводить на степень мертвой буквы? Развѣ можно идти противъ страшныхъ проклятій, произнесенныхъ на Гевалѣ? Неужели свитки торы нужно было съ презрѣніемъ побросать въ Мертвое море? Съ другой стороны тѣ, которые поддерживали необходимость обрѣзанія и повиновенія закону, становились беззащитными предъ роковымъ вопросомъ: если законъ необходимъ для спасенія, то какое же значеніе послѣ этого имѣло дѣло Христа?

Но когда вопросъ этотъ былъ такимъ образомъ достаточно обсужденъ, поднялся ап. Петръ⁶⁹⁵). На какую сторону онъ станетъ, въ этомъ едва ли можно было сомнѣваться. Въ дѣйствительности онъ уже выступалъ однажды противъ подобнаго же противодѣйствія. Но исключительный случай былъ конечно совершенно отличнымъ дѣломъ отъ общаго правила. Правда, что Петръ стоялъ теперь не одинъ, а находилъ нравственную поддержку, которая была такъ необходима ему, въ спокойномъ достоинствѣ Варнавы и пылкомъ геніѣ Павла. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ задача его была даже болѣе трудною, чѣмъ прежде, и, поднимаясь на высоту этого дѣла, онъ говорилъ съ подавляющей смѣлостью и силой⁶⁹⁶). Его рѣчь вполне соответствовала практическому, прямому, неказуистическому складу его ума. Исполненный энергическаго убѣжденія въ виду логики фактовъ, онъ напомнилъ собранію, какъ задолго предъ тѣмъ⁶⁹⁷) вопросъ этотъ уже былъ практически рѣшенъ. Богъ избралъ его для приобрѣтенія перваго малаго общества обращенцевъ изъ языческаго міра и даръ Духа Святаго показалъ имъ, что они были очищены вѣрою. Налагать на нихъ бремя закона, бремя въ ежедневной жизни, которую онъ окружалъ бесполезною и часто даже

неисполнимою обрядностью, бремя совѣсти, такъ какъ оно создавало чувство обязанности, въ отношеніи котораго законъ не могъ ни вдохновить къ исполненію, ни избавить отъ упущеній его, налагать такое бремя, которое считалось невыносимымъ какъ со стороны ихъ отцевъ, такъ и ихъ самихъ⁶⁹⁸), значило бы просто insultare Бога поставленіемъ препятствій Его явнымъ дѣламъ и противодѣйствіемъ Его явной воли. Въ одномъ были согласны всѣ присутствующіе (сн. Дѣян. xi, 17), именно, что какъ іудейскіе, такъ и языческіе обращенцы могли спастись только благодатію Господа Иисуса Христа. Выводъ такимъ образомъ былъ очевиденъ, именно, что они не спасались и не могли спастись дѣлами закона. Соблюденія этихъ дѣлъ іудеи, кому они первоначально и заповѣданы были, естественно должны были держаться, пока не явился новый свѣтъ; но эти наслѣдственные обряды никогда не предписывались язычникамъ, и такъ какъ они были не необходимы для спасенія, то они очевидно для язычниковъ были бы не только бременемъ, но и положительно камнемъ преткновенія.

Вліяніе и достоинство ап. Петра водворили въ собраніи молчаніе. Возбужденіе теперь настолько утихло, что Павелъ и Варнава могли быть выслушаны безъ перерывовъ. Варнава, который въ іудейской церкви все еще удѣрживалъ свое достоинство и который у слушателей въслѣдствіе выказанной имъ раньше щедрости настолько же пользовался сочувствіемъ собранія, насколько ап. Павелъ въслѣдствіе своихъ прежнихъ гоненій—несочувствіемъ,—говорилъ первымъ; но какъ онъ, такъ и ап. Павелъ повидимому воздерживались отъ аргументаціи по этому вопросу. Всѣ доводы были высказаны въ частныхъ совѣщаніяхъ, когда слова могли быть обсуждаемы свободно. Здѣсь они находились не для того, чтобы настаивать на принятіи своихъ взглядовъ, а для того, чтобы выслушать мнѣнія апостоловъ и управляемой ими церкви. Варнава повидимому никогда не вступалъ въ споры, а ап. Павелъ былъ слишкомъ мудръ, чтобы обсуждать богословскія разногласія предъ смѣшаннымъ собраніемъ. Они поэтому ограничились только простымъ изложеніемъ хода своей миссіи, останавливаясь особенно на тѣхъ «знаменіяхъ и чудесахъ», совершенныхъ ими среди язычниковъ, которыя были убѣдительнымъ доказательствомъ того, что хотя они и не могли приобрѣсти одобренія человѣческаго, зато во все время они пользовались благословеніемъ Бога.

Затѣмъ поднялся Іаковъ. Всякій изъ присутствовавшихъ долженъ былъ чувствовать, что практическое рѣшеніе церкви (а ап. Павелъ долженъ былъ чувствовать, что, говоря почеловѣчески, и будущность христіанства) зависѣло отъ того, что скажетъ онъ. Онъ возбуждалъ у всѣхъ особенное чувство почтенія къ себѣ, равно какъ и благоговѣнія ко всему, что онъ говорилъ и что дѣлалъ. Облеченный таинственнымъ и неопредѣлимымъ достоинствомъ «брата Господня», онъ внушалъ это достоинство всѣмъ своимъ существомъ, своей одеждой, образомъ жизни и внѣшностью. Преданіе, передаваемое однимъ звѣнитскимъ сказаніемъ и заимствованное отсюда Егезиппомъ⁶⁹⁹), изображаетъ его носящимъ не шерстяную одежду,

а одѣтымъ въ тонкое бѣлое полотно съ головы до ногъ, причемъ, въслѣдствіе соприкосновенія въ своей родословной съ священническимъ родомъ, или въ качествѣ символа своего «епископства» въ Іерусалимѣ, онъ носилъ на своемъ челѣ *петалонъ* т. е. золотую дощечку, составлявшую знакъ первосвященства⁷⁰⁰). По свидѣтельству преданія, онъ былъ такъ благочестивъ и такъ высокочтимъ всѣмъ іудейскимъ народомъ, что ему только одному, подобно первосвященнику, позволялось входить въ святая святыхъ; велъ безбрачную⁷⁰¹) и аскетическую жизнь; долгіе часы одиноко проводилъ въ храмѣ, молясь за народъ, пока колѣна его не становились столь жесткими и одеревенѣлыми, какъ у верблюда; имѣлъ силу совершать чудеса; въслѣдствіе его молитвъ выпадалъ дождь; благодаря его заслугамъ угрожавшій гнѣвъ Божій былъ отвращенъ отъ іудейскаго народа; онъ принялъ титулъ «праведнаго» и *обліама* т. е. «оплота народа» и имѣлъ своихъ прообразовъ въ лицѣ пророковъ⁷⁰²). Во всякомъ случаѣ, можно съ полнымъ вѣроятіемъ принимать, что онъ былъ назорей, даже аскетъ, который по наклонности своего характера былъ болѣе привязанъ къ Бану, Іоанну Крестителю и суровымъ общинамъ ессеевъ, чѣмъ къ ученикамъ Того, который свободно ѣлъ и пилъ, изливая на общественную жизнь свѣтъ своей священной радости, присутствовалъ на пиршествѣ фарисеевъ въ Капернаумѣ, на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской и не устранился даже отъ слезъ или благовоній, которыми Марія Магдалина и Марія Вивеанская омывали ноги Емуду.

Такой-то именно человѣкъ и поднялся теперь съ рѣчью. Онъ носилъ длинные волосы назорея, ниспадавшіе по бѣлой одеждѣ, и поражалъ суровостью взгляда, вполне характеризующаго человѣка, который былъ такъ строгъ въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ непоколебимъ въ своихъ сужденіяхъ, такъ рѣшительнъ и остръ въ своей рѣчи. Важность его мнѣнія заключалась въ увѣренности, что она едва ли могла быть, по крайней мѣрѣ номинально, не принята большинствомъ, среди котораго онъ пользовался особенною властью, правда чисто мѣстной и ограниченою, но въ этихъ предѣлахъ гораздо большею, чѣмъ даже власть Петра. Самые яростные фанатики едва ли могли отказаться отъ подчиненія сужденію того, который до глубины своего существа былъ преданнымъ іудеемъ, на кого даже необращенные іудеи смотрѣли съ почтеніемъ, въ сознаніи котораго «законъ», о которомъ апостолы Петръ и Іоаннъ лишь только упоминаютъ въ своихъ посланіяхъ, настолько занималъ преобладающее и выдающееся мѣсто, что онъ даже ни разу не упоминаетъ о евангеліи и говорить о немъ только подъ видомъ то же закона, хотя и «совершеннаго закона свободы» (Іак. i, 25; п. 12).

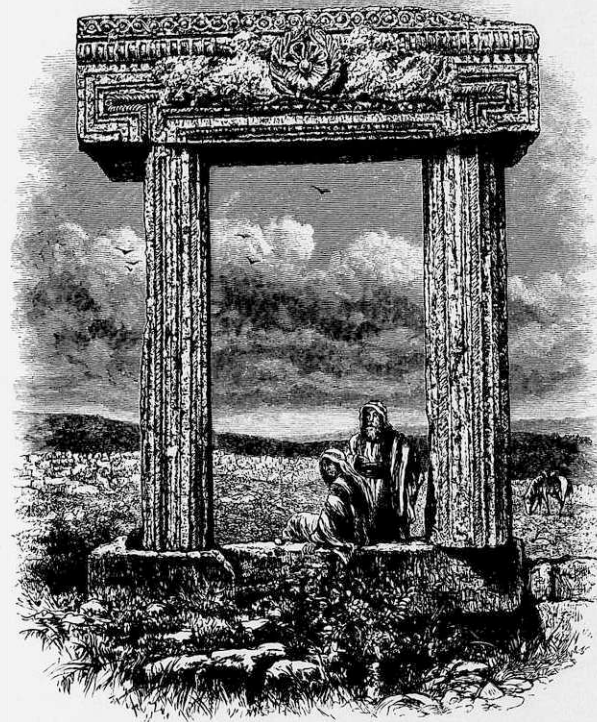
Его рѣчь, которая, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, носилъ на себѣ внутреннюю печать подлинности⁷⁰³), была совершенно іудейскою въ тонѣ и однако же показывала, что частные доводы апостоловъ язычниковъ не прошли безслѣдно для ума, который, если и нѣсколько суровый и узкій въ сравненіи съ умомъ Павла и даже Петра, всетаки былъ умомъ замѣчательнаго и святаго чело-

вѣка, не способнаго протививиться явному указанію Духа Божія. Ап. Петръ, увлеченный пыломъ сильнаго благодатнаго убѣжденія, порывы котораго часто выводили его за предѣлы обыкновеннаго состоянія, безбоязненно изложилъ тѣ широкія начала, которыя быть можетъ были отголоскомъ мыслей, внушенныхъ ему ап. Павломъ. Трудно было ожидать, чтобы ап. Іаковъ говорилъ съ одинаковою широтою и смѣлостью. Если бы онъ поступилъ такъ, то мы сразу же почувствовали бы, что онъ говорилъ не отъ себя, не языкомъ своего собственнаго посланія и говорилъ не то, чего можно было ожидать отъ него въ виду того, какимъ мы его знаемъ. Но хотя его рѣчь и совершенно отлична отъ рѣчи ап. Петра, хотя въ ней предлагались ограниченія тамъ, гдѣ онъ провозглашалъ свободу, однако же она шла гораздо дальше, чѣмъ можно было предполагать, дальше, чѣмъ желали бы изувѣры, и главнѣе всего она снисходительно относилась къ главному предмету спора, показывая, что обрѣзаніе и обрядовый законъ не имѣли вообще существеннаго значенія для язычниковъ.

Попросивъ къ себѣ вниманія, онъ напоминаетъ собранію, что Симонъ ⁷⁰⁴) (какъ, употребляя еврейскую форму имени, онъ характеристически называетъ своего собрата апостола) рассказалъ имъ о божественномъ внушеніи, которое повело ихъ къ призванію язычниковъ, и это, по его мнѣнію, было совершенно согласно съ древнимъ пророчествомъ и слѣдовательно съ божественнымъ пред-
установленіемъ ⁷⁰⁵). Но очевидно—и это было явно для всѣхъ іудеевъ,—что язычники никогда не примутъ всего Моисеева закона. Его авторитетное рѣшеніе ⁷⁰⁶) поэтому приняло форму братскаго снисхожденія. Онъ предлагалъ избавить обращенныхъ язычниковъ отъ всѣхъ ограниченій, кромѣ четырехъ, которыя относились къ тому, что называлось «Ноевымъ завѣтомъ» (см. Быт. ix, 4) — именно отъ воздержанія отъ всѣхъ предметовъ, оскверненныхъ приношеніями идоламъ ⁷⁰⁷), отъ блуда, удавленины и крови ⁷⁰⁸), «ибо», прибавляетъ онъ въ словахъ, имѣющихъ болѣе чѣмъ одно значеніе, «законъ Моисеевъ отъ древнихъ родовъ по всѣмъ городамъ имѣетъ проповѣдующихъ его и читается въ синагогахъ каждую субботу». Этимъ прибавленіемъ онъ вѣроятно хотѣлъ сказать, что такъ какъ законъ Моисеевъ былъ повсюду читаемъ въ синагогахъ, посѣщаемыхъ какъ іудейскими, такъ и языческими обращенцами, то этимъ будетъ дано знать язычникамъ, что этотъ законъ, который читается имъ, неполнѣе обязательнѣе для нихъ, а лишь настолько, насколько этого требуетъ снисходительность къ іудею; а іудеямъ этимъ показано будетъ, что апостолы не желаютъ отмѣнять *ради нихъ* того закона, исполненія постановленій котораго они еженедѣльно были свидѣтелями.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ пунктовъ въ этой рѣчи есть аргументъ, выводимый изъ пророчества Амоса, которое сначала считалось пророчествомъ о возвращеніи Израиля изъ плѣна, и которое ап. Іаковъ съ яснымъ пониманіемъ все болѣе расширяющагося кругозора пророчества относитъ къ идеальному возстановленію, именно къ принятію Іеговы въ качествѣ общаго

Отца небеснаго великою семьею человѣчества. Въ возстановленіи разрушенной скиніи Давидовой онъ видитъ созданіе церкви Христовой какъ идеальнаго храма, къ которому должны присоединиться также и язычники. Удивительно также, что, приводя это пророчество, онъ ссылается не на еврейскій подлинникъ, а

Развалины синагоги.

главнымъ образомъ на переводъ LXX ⁷⁰⁹). Греческій текстъ здѣсь существенно разнится отъ еврейскаго и отличается отъ него по самому существу толкованія, такъ какъ онъ истолковывается не только въ смыслѣ идеальнаго перехода отъ іудейскаго храма къ церкви, но и въ прямомъ отношеніи къ язычникамъ. Именно:

«Чтобъ *взыскали Господа прочіе чело́вѣки* и всѣ народы, между которыми возвѣстится имя Мое,—говорить Господь».

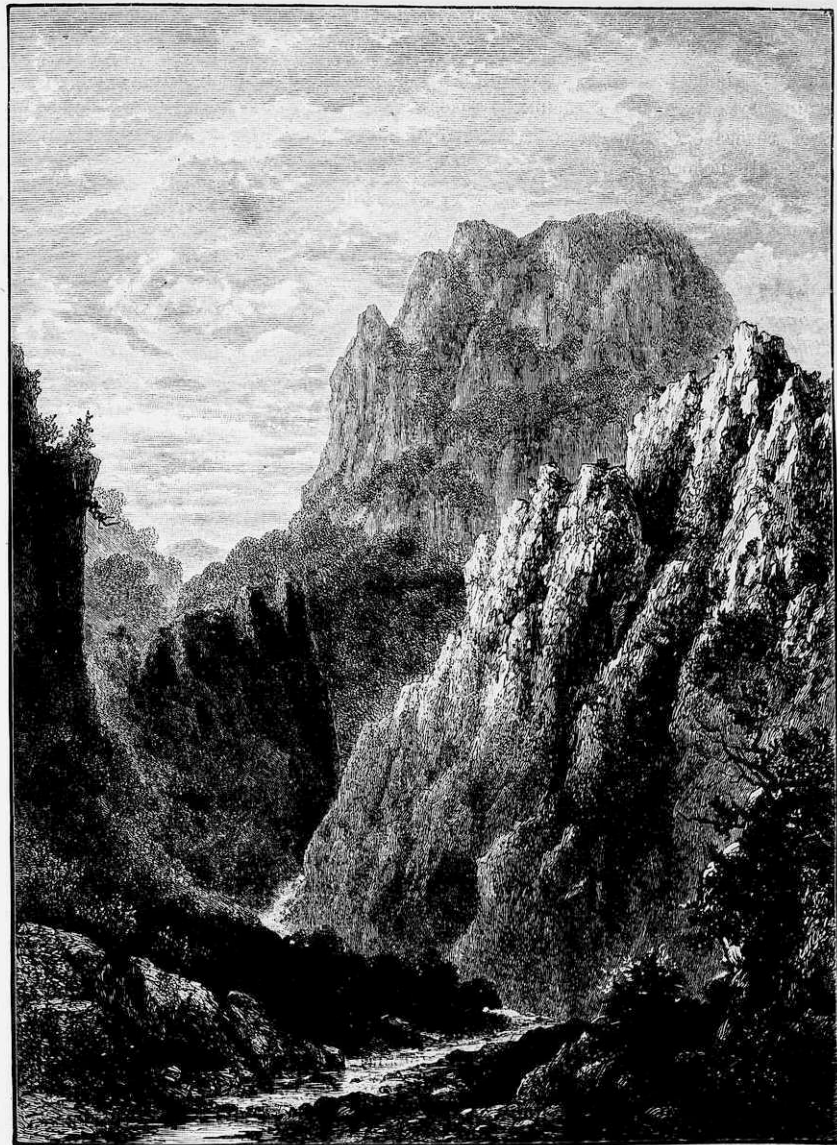
Но еврейскій подлинникъ говоритъ гораздо менѣе для цѣли оратора:

«Чтобъ *они овладѣли останками дома* и всѣхъ народовъ, между которыми возвѣстится имя Мое,—говорить Господь».

Различіе это зависитъ отъ одного изъ тѣхъ безчисленныхъ и часто большихъ разночтеній въ подлинномъ текстѣ, рѣшительнымъ доказательствомъ которыхъ служить переводъ LXX, что и дѣлаетъ этотъ переводъ столь интереснымъ предметомъ изученія.⁷¹⁰⁾ Придаваемое этому мѣсту св. Іаковомъ значеніе можно считать заключающимся скрытно также и въ еврейскомъ текстѣ, и однако же оно болѣе прямо поддерживается другими мѣстами (напр. Псал. lxxxv, 9; xxi, 31; сл. 18; Ис. xlii, 7); но то обстоятельство, что здѣсь и въ другихъ мѣстахъ новозавѣтные писатели приводятъ и основываютъ свои доказательства на несомнѣнно разнѣющимся отъ подлинника переводѣ LXX, приводя ихъ часто на память и часто отлично какъ отъ этого перевода, такъ и отъ еврейскаго, — показываетъ, насколько ихъ глубокое благоговѣніе къ писанію было далеко отъ суевѣрнаго поклоненія буквамъ или отдѣльнымъ словамъ его.

Споръ теперь прекратился, потому что всѣ вожди высказались по главному вопросу. Возраженія смолкли, голосъ главнѣйшаго старѣйшины произнесъ авторитетное заключеніе. Оставалось только довести это заключеніе до свѣдѣнія тѣхъ, кого оно непосредственно касалось. Апостолы, старѣйшины и вся церковь поэтому утвердили рѣшеніе и избрали двухъ изъ своей среды лицъ, высокопочитаемыхъ Іуду Варсаву и Силу⁷¹¹⁾ для сопровожденія представителей отъ церкви антиохійской на ихъ обратномъ пути въ качествѣ удостовѣрителей подлинности ихъ письменнаго сообщенія. Посланное съ ними письмо заключало въ себѣ выработанное опредѣленіе и читалось слѣдующимъ образомъ: «Апостолы и пресвитеры⁷¹²⁾ и братія находящимся въ Антиохіи, Сиріи и Киликіи братьямъ изъ язычниковъ: радоваться⁷¹³⁾. Поелику мы услышали, что нѣкоторые вышедшіе отъ насъ смутили васъ *своими рѣчами* и поколебали⁷¹⁴⁾ ваши души, говоря, что должно обрѣзываться и соблюдать законъ, чего мы имъ не поручали⁷¹⁵⁾; то мы, собравшись, единодушно разсудили, избравъ мужей, послать ихъ къ вамъ съ возлюбленными нашими Варнавою и Павломъ⁷¹⁶⁾, чело́вѣками⁷¹⁷⁾, предавшими души свои за имя Господа нашего Іисуса Христа⁷¹⁸⁾. Итакъ, мы послали Іуду и Силу, которые изъяснятъ вамъ тоже и словесно. Ибо угодно Св. Духу⁷¹⁹⁾ и намъ не возлагать на васъ никакого требованія⁷²⁰⁾ болѣе, кромѣ сего необходимаго: воздерживаться идоложертвеннаго, и крови, и удавленныи, и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите. Соблюдая сіе, хорошо сдѣлаете. Будьте здравы»⁷²¹⁾.

Что касается общаго значенія іерусалимскаго собора, то нужно сказать, что онъ никоимъ образомъ не походилъ на вселенскіе соборы церкви ни по своей

Видъ Киликійскихъ воротъ, въ Киликіи.

истории, ни по составу, ни по цели. Это не было собрание уполномоченных делегатов, а просто собрание церкви иерусалимской для принятия депутации от церкви антиохийской. Даже Павел и Варнава повидимому не имели голоса в решении, хотя их просвещенный голос конечно мог бы иметь больше веса, чем голоса смещанного собрания, и они вовсе не находились в подчиненном положении по отношению к Иакову. К церкви иерусалимской могли обращаться за советом из уважения к ней, но она не имела права на преимущественный авторитет, равно как и не имела общего преимущества связывать своими решениями свободную церковь Божию⁷²²) «Постановления» этого «собора» имели лишь значение мудрого руководства, обращенного к одной области и имеющего только временное значение⁷²³). Это в действительности было местное соглашение. Неизвестно, как отнеслась вселенская церковь к первым двум из его ограничений, но третье, немного лѣтъ спустя, было два раза вновь обсуждаемо и решено ап. Павлом на тех же самых началах, но отнюдь не с тождественным заключением (Рим. xiv; 1 Кор. viii). Уступка, сдѣланная им в отношении язычников в признании необходимости обрѣзанія, равным образом считалась мертвой буквой со стороны иудействующей партии и стоила ап. Павлу жесточайшей борьбы, которую ему приходилось вести в течение всей своей жизни. Если это окружное послание считать обязательным и окончательным постановлением и если собрание одной церкви не из уполномоченных, а из всех ее членов считать собором, то никогда соборное решение не было менее авторитетным и никогда определение не считалось столь недействительным как со стороны отвергавших значение его уступок⁷²⁴), так и со стороны тех, которые обсуждали не менее трех из его четырех ограничений⁷²⁵), как будто бы они еще представляли собою открытый вопрос.

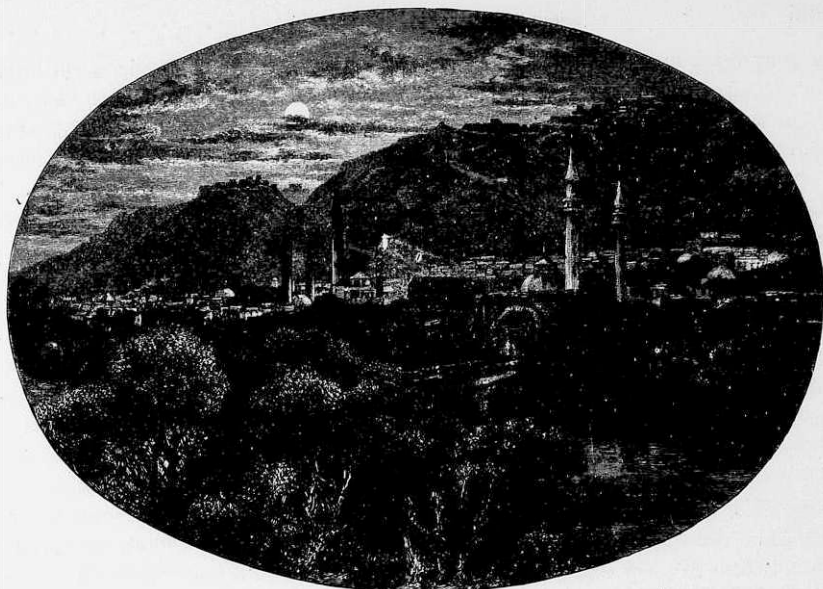
Послание это для церквей было как бы вѣстью мира. Самая ограниченность его в это время была лучшим доказательством его вдохновенной мудрости. В виду тогдашняго состоянія церкви, никакое другое решение не могло яснее показать в себѣ руководства Духа Божія⁷²⁶). Оно было тем важнее, что оставались еще многие вопросы неразрешенными. Главы церкви допускали (а это значило что-нибудь), что обрѣзаніе было не существенно для язычников, и они съ замѣчательным свободомыслием повидимому не настаивали на различіи между чистою и нечистою пищею, и главнѣе всего не настаивали на воздержаніи от свинины. Этими уступками они несомнѣнно устраняли большія затрудненія на пути обращенія из язычества. Но за всемъ темъ оставалось множество самых настоятельных вопросов, и каждой партии предоставлялось держаться почти совершенно тех же мнѣній, как и прежде. Язычникъ не могъ быть принужденъ къ обрѣзанію и Моисееву закону. Отлично; но не было ли бы для него безоглядно лучше принимать их? Не могло ли в умахъ иудейскихъ христіанъ, как и в умахъ позднѣйшихъ раввиновъ, таиться убѣжденіе, что «даже, если

язычники соблюдаютъ семь Ноевыхъ постановленій, они не получаютъ той же награды, какъ израильтяне?»⁷²⁷). Ясно во всякомъ случаѣ, что ни теперь, ни послѣ иудействующіе христіане не допускали догматическихъ началъ ап. Павла, какъ они впоследствии изложены в посланіяхъ къ Галатамъ и Римлянамъ. В лучшемъ смыслѣ они считали его вѣроотно Ананіей для будущихъ Елеазаровъ⁷²⁸). Кромѣ того оставался незатронутымъ горячій вопросъ объ общественныхъ отношеніяхъ. Титъ подвергся обрѣзанію какъ единственному условію, на которомъ члены церкви в Іерусалимѣ хотѣли принять его в полное братство и равенство съ собою. Имъ, конечно, хорошо было рѣшать съ большимъ или меньшимъ равнодушіемъ касательно всехъ «дальнихъ» и «внѣшнихъ»⁷²⁹), предполагая, что гораздо легче мириться съ терпимостью в отношеніи необрѣзанныхъ христіанъ, если они находились в отдаленныхъ городахъ; но иудей былъ иудеемъ даже если бы онъ жилъ в дикихъ пустыняхъ Исавріи или палящихъ равнинахъ Фригіи; и какимъ же образомъ это рѣшеніе, состоявшееся в Іерусалимѣ, могло помочь ему в разрѣшеніи практическаго вопроса: «долженъ ли онъ или нѣтъ раздѣлять общую трапезу, ежедневно соприкасаться съ людьми, которые свободно ѣдятъ то, о чемъ ни одинъ истинный иудей не можетъ и подумать безъ содроганія и ужаса,—именно нечистое животное?»

Все это были вопросы, которые за всемъ темъ могли быть представлены только решению времени. Предразсудковъ, накопившихся в течение пятнадцати вѣковъ, нельзя было устранить в одинъ день. Какъ болѣе просвѣщенные, такъ и болѣе суевѣрные изъ иудеевъ и язычниковъ продолжали мыслить в большинствѣ такъ же, какъ они мыслили и прежде, пока мракъ предубѣжденія не былъ разсѣянъ разговарившимъ свѣтомъ истории и разума.

Подлинность этого окружнаго посланія очевидна изъ его поразительной естественности. Авторъ религіознаго вымысла никоимъ образомъ не могъ измыслить нѣчто такое, что оставляло бы такъ много неразрѣшеннымъ. И этою подлинностью также объясняется поразительное явленіе тяжкаго нравственнаго преступленія среди такихъ чисто обрядовыхъ дѣлъ, какъ различіе родовъ пищи. В исторіи міра нельзя указать еще другаго періода, в который апостоламъ было бы такъ необходимо внушать своимъ обращенцамъ изъ язычества воздерживаться отъ блуда, равно какъ отъ предметовъ, принесенныхъ в жертву идоламъ, удавленны и крови. Первое изъ этихъ четырехъ запрещеній было совершенно понятно, потому что для христіанина изъ язычниковъ часто было необходимо доказывать своимъ иудейскимъ братьямъ, что онъ не имѣетъ склонности «къ омерзительному идолопоклонству», которое онъ такъ недавно оставилъ. Слѣдующія два запрещенія были желательны какъ снисхожденіе къ невыразимому ужасу, съ которымъ иудеи и многие другіе восточные народы смотрѣли на употребленіе в пищу крови, считавшейся «сущностью жизни»⁷³⁰). Но только в такой именно періодъ нравственное оскверненіе могло быть поставлено в уровень съ предметомъ чисто

національнаго предубѣжденія. Что чтеніе это правильно ⁷³¹⁾ и что здѣсь запрещается именно грѣхъ блуда ⁷³²⁾, а не идолопоклонство, или смѣшанный бракъ, или бракъ между лицами кровнаго родства (1 Кор. v, 1), или двойные браки (1 Тим. iii, 2), или что нибудь другое въ этомъ родѣ,—это можно считать несомнѣннымъ. Какъ же объяснить этотъ фактъ? Только именно безграничнымъ развращеніемъ язычества, только суровою чистотою христіанской нравственности. Іудеи, какъ народъ, вѣроятно были самыми чистыми среди всѣхъ народовъ міра; и однако даже они не считали этого грѣха тѣмъ нравственнымъ преступленіемъ, которымъ учить насъ считать его христіанство ⁷³³⁾; и они жили среди міра, который считалъ его настолько безразличнымъ дѣломъ, что Сократъ не высказываетъ ему порицанія ⁷³⁴⁾, а Цицеронъ объявляетъ, что ни одинъ языческій моралистъ никогда и не мечталъ отнести къ нему съ полнымъ запрещеніемъ ⁷³⁵⁾. Что же именно такъ измѣнило взгляды, съ которыми относится къ чувственности совѣтъ древнихъ и новѣйшихъ народовъ? Мы не колеблясь отвѣчаемъ, что причина этого заключается въ чистотѣ, которой дышетъ и которою вдохновляетъ всякая страница Новаго Завѣта, и въ особенности въ словахъ нашего благословеннаго Спасителя и въ доводахъ ап. Павла. Если румянецъ скромности на юныхъ щекахъ есть святое явленіе, если какъ для лицъ, такъ и для народовъ гибельно «сжигать въ безумной пустотѣ» драгоценнѣйшіе дары жизни, если распутство есть проклятіе и позоръ, которое, болѣе чѣмъ все другое, снѣдаетъ сердце человѣческаго счастья,—тогда святой благодѣтель, духовности котораго мы обязаны неопредѣлимъ даромъ запечатлѣнія этихъ истинъ въ сердца юности всѣхъ христіанскихъ странъ, есть именно апостолъ народовъ. Наученный Духомъ Божиимъ, онъ болѣе ясно, болѣе спокойно, болѣе убѣдительно, чѣмъ кто-либо изъ іудеевъ, навсегда показалъ гнусность, унижительность и заражающую мерзость грѣховъ, которые чрезъ тѣло вѣдряютъ свой ядъ и заражаютъ своимъ тѣломъ самую душу,—грѣховъ, которые имѣютъ то гибельное свойство, что не только разрушаютъ миръ и подвергаютъ опасности спасеніе души, отвѣтственной самой за себя, но также и души другихъ, которыя, вслѣдствіе преступнаго вліянія грѣшника, могутъ остаться нераскаянными, хотя ради ихъ, какъ и для него самого, умеръ Христосъ.

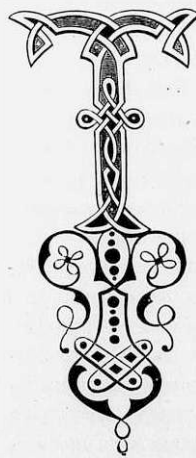

Антиохія.

ГЛАВА XXIII.

АПОСТОЛЫ ПЕТРЪ И ПАВЕЛЪ ВЪ АНТІОХІИ.

Отдѣлены въ своихъ трапезахъ, разьединены въ своихъ помѣщеніяхъ. Тацитъ.

ТАКОВЪ именно былъ результатъ совѣщанія, на которомъ настаивали іудействующие христіане, и насколько дѣло касалось главнаго предмета, то они потерпѣли пораженіе. Апостолы почти съ негодованіемъ отвергли домогательства этихъ людей и выразили имъ свой укоръ. Они высказали свое неудовольствіе на то, что іудействующие нарушаютъ миръ церкви, и объявили, что обрѣзаніе не должно быть обязательнымъ для язычниковъ. Немного нужно было силы логики для того, чтобы видѣть, что въ виду сущности самого христіанства, рѣшеніе это по крайней мѣрѣ означало, что обращенцы, будутъ ли это іудеи или язычники, должны снисходительно относиться другъ къ другу и сходиться совершенно равными во всѣхъ религіозныхъ и общественныхъ собраніяхъ. Возвращеніе уполномоченныхъ

поэтому было приветствуемо съ радостію въ Антиохіи и присутствіе среди нихъ такихъ просвѣщенныхъ учителей, какъ Иуда и Сила, которые въ дѣйствительности и представляли собою то, на что фарисейская партія живо заявляла свои притязанія, — т. е. прямыхъ выразителей мнѣнія апостоловъ, — внушало общее чувство единства и довѣрія. Послѣ короткаго пребыванія тамъ, эти двое уполномоченныхъ возвратились въ Иерусалимъ⁷³⁶). На Силу однако же величіе ап. Павла произвело столь сильное впечатлѣніе, что онъ опять возвратился въ Антиохію и на нѣкоторое время соединилъ свою судьбу съ великимъ апостоломъ язычниковъ⁷³⁷).

И дѣйствительно, ап. Павелъ, благодаря силѣ своихъ убѣжденій, просвѣщенности своего разума, величію своей цѣли, занялъ совершенно господствующее положеніе въ общинѣ. Онъ сталъ во главѣ управленія церкви. Будущность христіанства зависѣла отъ язычниковъ, и для язычниковъ дѣйствія и посланія ап. Павла были гораздо важнѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ апостоловъ. Его апостольство было признаваемо ими вполне и рѣшительно. Онъ вступалъ съ ап. Петромъ и Иоанномъ и даже внушавшимъ всеобщее благоговѣніе «братомъ Господнимъ» въ разсужденія и оказался настолько равнымъ съ ними по дарамъ Духа Божія, что для нихъ невозможно было противиться его призванію. Онъ значительно расширилъ ихъ духовный кругозоръ, а они ничего не придали ему. Онъ возвратился изъ Иерусалима болѣе чѣмъ когда-нибудь съ сознаниемъ своей силы и святости своихъ цѣлей въ будущемъ. Онъ вдохнулъ въ церковь Антиохіи свои собственные убѣжденія съ такою силой, которой никто не могъ противостоять.

Но такъ какъ посланіе изъ Иерусалима возбудило много вопросовъ и не давало общихъ правилъ, то неизбежно должны были возникнуть впоследствии серьезныя осложненія. Скоро случилось событіе, которое до послѣдней степени подвергло испытанію умственную твердость и нравственное мужество ап. Павла. Ап. Петръ, повидимому около этого времени, началъ тотъ рядъ обширныхъ путешествій, которые, какъ ни мало мы знаемъ о нихъ, тѣмъ или другимъ путемъ привели его къ его окончательному мученичеству въ Римѣ. Мы уже не слышимъ опять о его присутствіи въ Иерусалимѣ. Иоаннъ по всей вѣроятности продолжалъ оставаться тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а Петръ могъ чувствовать свое присутствіе излишнимъ. Притомъ не невѣроятно также, что такъ какъ ап. Петръ держался болѣе широкихъ взглядовъ, къ которымъ онъ пришелъ вслѣдствіе общенія съ своимъ собратомъ апостоломъ, то онъ быть можетъ оказывался уже менѣе способнымъ сочувствовать іудействующему христіанству, преобладавшему въ Иерусалимѣ. Во всякомъ случаѣ, немного спустя послѣ этого времени, мы находимъ его въ Антиохіи и тамъ онъ такъ открыто принимаетъ взгляды ап. Павла, что не только со всѣми язычниками допускалъ свободное общеніе, какое онъ гораздо раньше имѣлъ съ Корнилиемъ, но даже и во многихъ

другихъ отношеніяхъ повидимому отвергъ бремя іудейства⁷³⁸). Павелъ конечно не могъ не радоваться такому открытому свидѣтельству, что взгляды апостола обрѣзанія по этому предмету совершенно сходились съ его собственнымъ взглядомъ. Но этой радости суждено было скорѣе серьезно затмиться. Подобно тому, какъ миръ церкви антиохійской былъ предъ тѣмъ возмущенъ «нѣкоторыми пришедшими изъ Иерусалима», такъ и теперь онъ былъ нарушенъ прибытіемъ «нѣкоторыхъ отъ Іакова». До этого времени на вечерахъ любви въ Антиохіи различіе между іудеями и язычниками исчезало въ братолюбивомъ христіанскомъ общеніи, и это братское равенство поддерживалось въ присутствіи апостола, который съ раннихъ поръ своего ученичества жилъ въ ближайшемъ общеніи съ Христомъ. Но вотъ вдругъ тучка затѣнила это братское общеніе⁷³⁹). Подъ влияніемъ особой боязливости и своей увлекавшейся натуры Петръ, поддававшийся, какъ и всегда, впечатлѣнію минуты, вдругъ сильно измѣнился. Его отношеніе къ языческимъ обращенцамъ измѣнилось, «онъ сталъ таиться и устраниваться», чтобы не оскорбить строгихъ приверженцевъ брата Господня⁷⁴⁰). О послѣднихъ не говорится, чтобы они прямо опирались на высокій авторитетъ св. Іакова или имѣли какое нибудь особое порученіе отъ него; но были просто строгіе іудеи, которые, при всей своей снисходительности къ несоблюденію закона со стороны язычниковъ, смотрѣли однако же съ подозрѣніемъ, быть можетъ почти съ ужасомъ на всякаго іудея, отвергавшаго обязанности, которыя для него во всякомъ случаѣ они считали обязательными и священными⁷⁴¹). Ложный стыдъ, боязнь того, что могутъ сказать эти люди, нежеланіе встрѣтиться съ порицаніемъ, усиливавшееся вслѣдствіе многолѣтней укоренившейся привычки, измѣненной видѣніемъ въ Іоппіи, но не устранившейся совсѣмъ, — быть можетъ тягостное воспоминаніе о всемъ томъ, что происходило раньше, когда онъ общался съ необрѣзанными и ѣлъ съ ними — привели Петра къ прямому лицемѣрію⁷⁴²). Безъ всякой завѣдомой перемѣны во взглядѣ, безъ слова открытаго объясненія, онъ вдругъ перемѣнилъ весь образъ своей жизни, вслѣдствіе чего, почти неизбежно, и другіе христіане изъ іудеевъ должны были послѣдовать примѣру этой перемѣны и неустойчивости. Апостолъ, который казался «столпомъ», оказался «тростью, вѣтромъ колеблемою»⁷⁴³). Къ огорченію и смущенію Павла, даже Варнава, — Варнава его сотрудникъ въ церквахъ язычниковъ, — даже Варнава, который стоялъ рядомъ съ нимъ въ дѣлѣ защиты свободы язычниковъ въ Иерусалимѣ, и тотъ былъ увлеченъ потокомъ непослѣдовательности и помня, что онъ левитъ, забылъ, что онъ христіанинъ. Въ дѣйствительности наступила сильная іудейская реакція. Тутъ вопросъ былъ не о снисхожденіи, но о принципѣ. Бѣтъ съ язычниками, жить, какъ живутъ язычники, было для іудея или законно, или незаконно. При свѣтѣ тѣхъ истинъ, которыя заключались въ самой основѣ Евангелія, это было законно; и если церкви надлежало быть единой и нераздѣльной, то положеніе, что на язычниковъ не должно налагать ига Моисеева закона, повидимому означало, что они

не должны были терять своего положенія въ христіанскомъ обществѣ вслѣдствіе уклоненія отъ этого ига. Но колебаться относительно этого предмета, дѣйствовать сегодня такъ, а завтра совершенно иначе, ставить вопросъ дружественнаго общенія въ зависимость отъ присутствія или отсутствія людей, которые будто бы были представителями суровой личности Іакова, это ни при какихъ обстоятельствахъ не могло быть справедливымъ. Было бы чудовищно, если бы къ необрѣзаннымъ обращенцамъ изъ язычниковъ въ одно время относились какъ къ братьямъ, а въ другое избѣгали ихъ какъ какихъ нибудь парій. Это было настолько неправильное, не прямое дѣло, что ап. Павелъ ни на одинъ мигъ не могъ согласиться на него. Онъ не могъ видѣть торжества фарисейской партіи надъ нерѣшительностью людей въ родѣ Петра и Варнавы. Къ нравственной слабости, поддающейся извѣстнымъ увлеченіямъ, онъ относился съ величайшею снисходительностью, но никогда не позволялъ себѣ поддерживать миръ съ своекорыстнымъ самолюбіемъ, которое во всякій данный моментъ могло жертвовать долгомъ для избѣжанія неудобствъ. Ап. Павелъ сразу же увидѣлъ, что Кифа⁷⁴⁴),—а это еврейское имя лучше всего шло къ его еврейскому недостатку,—былъ неправъ, неправъ умственно, если не нравственно, и что онъ главнымъ образомъ былъ отвѣтственъ за то заблужденіе, которому подвергались и другіе по его примѣру. Онъ поэтому не замедлилъ прямо выступить противъ него. Тутъ не было мѣста для частныхъ переговоровъ. Укоръ долженъ быть такъ же публиченъ, какъ и самое заблужденіе, или все дѣло могло бы подвергнуться страшной опасности. Быть можетъ немногое требуетъ болѣе твердой рѣшимости, чѣмъ открытое порицаніе тѣхъ, которые по возрасту и положенію выше насъ. Для того, кто былъ жестокимъ гонителемъ христіанъ, укорять того, кто жилъ въ постоянномъ общеніи съ Христомъ, было очень труднымъ дѣломъ. Еще мучительнѣе было подвергать тому же самому порицанію Варнаву и другихъ друзей; но этого требовалъ долгъ, а долгъ такая вещь, отъ которой никогда не устранился Павелъ.

Поднявшись въ какомъ нибудь общественномъ собраніи церкви, на которомъ присутствовали какъ іудеи, такъ и язычники, онъ прямо обратился къ Петру съ словами, вполне рассчитанными на то, чтобы показать, что онъ былъ виновенъ⁷⁴⁵). «Если ты», сказалъ онъ въ присутствіи всѣхъ, «будучи іудеемъ, живешь по язычески, а не поіудейски, то для чего⁷⁴⁶) язычниковъ принуждаешь⁷⁴⁷) жить поіудейски?»⁷⁴⁸). Этимъ выраженіемъ ап. Павелъ изобличалъ своего собрата апостола скорѣе въ непослѣдовательности, чѣмъ въ его настоящемъ образѣ дѣйствій. Онъ имѣлъ въ виду раскрыть непослѣдовательность, которую Петръ хотѣлъ утаить. Онъ прямо обвинялъ его въ дѣланіи того самаго, что онъ хотѣлъ прикрыть своимъ теперешнимъ удаленіемъ отъ языческаго общенія. «Ты жилъ какъ христіанинъ среди язычниковъ-христіанъ; ты можешь перемѣнить свой образъ дѣйствій въ этотъ моментъ, но это будетъ твой свободный выборъ. Если для тебя, природнаго іудея, такъ необходимо содержать законъ, то какъ же можетъ

это быть необходимо, даже въ смыслѣ пособия къ совершенству, въ отношеніи язычниковъ, если они будутъ дѣлать тоже самое? Однако это именно становится необходимымъ или по крайней мѣрѣ желательнымъ, если безъ этого ты даже не считаешь язычниковъ достойными твоего постоянного общенія. Если твое настоящее отчужденіе означаетъ, что ты считаешь нечистой тѣсью съ ними, то ты практически принуждаешь ихъ быть подобными тебѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Но пусть будетъ такъ, если таковъ твой взглядъ. Однако пусть же этотъ взглядъ будетъ ясно понятъ всѣми. Церковь не должна заблуждаться касательно того, чему ты служишь примѣромъ. Если въ самомъ дѣлѣ такой образъ дѣйствій неправиленъ, тогда скажи такъ и выскажи намъ свои основанія. Но если этотъ образъ дѣйствій правиленъ, въ такомъ случаѣ имъ признается полное равенство и свобода, во имя Христа, за нашими языческими братьями, и ты не вправѣ болѣе набрасывать тѣнь сомнѣнія на это своимъ теперешнимъ поведеніемъ». По мнѣнію нѣкоторыхъ, рѣчь ап. Павла къ Петру въ дѣйствительности кончилась этимъ именно вопросомъ и что осталшая часть главы представляетъ собою лишь доводы, обращенные къ Галатамъ. Но хотя благодаря своему возбужденію ап. Павелъ и могъ несознательно перейти отъ того, что онъ сказалъ въ собраніи въ Антіохіи, къ аргументаціи, съ которою онъ обращался къ отступникамъ среди обращенцевъ въ Галатѣ, однако же онъ едва ли могъ упустить случай внушить свои ясныя убѣжденія по этому предмету ап. Петру и церкви Антіохійской. Онъ хотѣлъ возможно яснѣе внушить присутствующимъ единственно законное и логическое слѣдствіе изъ установленныхъ уже пунктовъ; и мы едва ли можемъ сомнѣваться, что онъ при этомъ случаѣ употребилъ нѣкоторые изъ тѣхъ поразительныхъ доводовъ, которые мы разсмотримъ впослѣдствіи при изложеніи посланія къ Галатамъ⁷⁴⁹).

Всѣ эти доводы вращаются на великой истинѣ, которую Св. Духъ такъ твердо укрѣпилъ въ немъ,—на истинѣ оправданія вѣрою. Если никто не можетъ спастись помимо вѣры и милости Христа, то даже для іудея законы становились излишни. Іудеи однако же могъ на основаніи національнаго патриотизма, безъ всякой укоризны для себя, продолжать соблюдать свои древніе и почтенные обряды⁷⁵⁰), если только онъ не считалъ ихъ полнымъ якоремъ спасенія для себя. Но язычникъ никоимъ образомъ не былъ связанъ ими, и относиться къ нему какъ къ низшему вслѣдствіе такой его свободы значило бы дѣйствовать въ противорѣчіи съ первыми началами христіанской вѣры. Противоположные взгляды ап. Павла и іудействующихъ христіанъ здѣсь пришли въ явное столкновеніе и тѣмъ самымъ къ полному выясненію, отъ котораго зависѣло ихъ рѣшеніе. Вѣра безъ закона, говорили іудействующие, означаетъ состояніе языческой «грѣховности»; вѣра съ закономъ, отвѣчалъ ап. Павелъ, означаетъ, что Христосъ умеръ напрасно⁷⁵¹). Среди добрыхъ и святыхъ людей любовь могла бы послужить умиротвореніемъ; но когда споръ сдѣлался ожесточеннымъ между вдохновеннымъ убѣжденіемъ съ одной стороны и преднамѣреннымъ отщепенствомъ съ другой,

то дѣло дошло до жестокихъ выраженій. «Ваше начало есть уничтоженіе Моисея, боговдохновенности, самой религіи», говорили іудействующіе; это примой рационализмъ, это явное отступничество. «Ваше евангеліе», отвѣчалъ Апостолъ, «вовсе не есть евангеліе; это отрицаніе Евангелія, это рабство плотскимъ началамъ, это отрицаніе Христа».

Укоръ невыносимъ, когда онъ дѣлается изъ-за гордости или ненависти; но раны отъ друга всегда лучше, чѣмъ драгоцѣнные бальзамы отъ врага, разможжающаго голову. Намъ ничего не сообщается о непосредственномъ дѣйствіи словъ ап. Павла на Петра и Варнаву, и въ отношеніи послѣдняго мы даже опасаемся, что, если даже и неосознанно, они, благодаря слабости и неустойчивости человѣческой природы, содѣйствовали лишь усиленію чувства прежняго разномыслія. Но если обнаруженная ап. Петромъ слабость была совершенно въ его характерѣ, какъ онъ вообще извѣстенъ намъ, зато равнымъ образомъ въ немъ сильно было и сознаніе благородной натуры, которое сразу же могло сообщить ему твердость. Игла компаса можетъ колебаться и уклоняться, и однако же по своей сущности она всегда указываетъ въ истинномъ направленіи къ сѣверу; такъ и ап. Петръ: если онъ иногда уклонялся отъ совершенства въ силу временныхъ побужденій и искушеній; если послѣ того, какъ онъ первымъ исповѣдалъ божественность Христа, онъ первый и отнесся къ Нему съ высокомѣріемъ; если въ одно время онъ становится Его ученикомъ, а въ другое проситъ Его отойти отъ него, потому что самъ онъ грѣшный человѣкъ; если онъ то погружаетъ въ море всякую вѣру, то потопляетъ въ волнахъ всякій страхъ; если то мужественно одинъ извлекаетъ мечъ ради своего Учителя противъ цѣлой толпы вооруженныхъ людей, то отрекается отъ Него съ клятвами при вопросѣ простой служанки,—въ виду всего этого нечего удивляться и тому, что апостолъ, который при случаѣ могъ быть мужественнѣйшимъ поборникомъ равенства язычниковъ, на время ради страха человѣческаго поддался искушенію измѣнить дѣлу, совершенію котораго онъ такъ много содѣйствовалъ самъ⁷⁵²). Но лучшимъ доказательствомъ того, что онъ самъ сожалѣлъ о своей слабости и слишкомъ былъ благороденъ, чтобы питать какую-нибудь вражду къ своему изобличителю,—это видно изъ почтительныхъ и любвеобильныхъ выраженій, въ которыхъ онъ говоритъ объ ап. Павлѣ и его посланіяхъ (2 Петр. III, 15). Это еще яснѣе видно изъ того, что онъ усваиваетъ самыя мысли и доводы ап. Павла и въ обращеніи между прочимъ къ Галатамъ прямо ссылается на тѣ самыя слова посланія, въ которыхъ его образъ дѣйствій подвергался такому сильному осужденію⁷⁵³).

Но въ то время какъ Петръ при своей простой возвышенной душѣ могъ почти радоваться прямому изобличенію ошибки и далеко былъ отъ всякаго гнѣва противъ младшаго и въ этотъ періодъ гораздо менѣе знаменитаго человѣка, который публично обличалъ его, совершенно не такъ отнеслись къ этому дѣлу многіе приверженцы, дѣлавшіе его главою партіи⁷⁵⁴). Каковы собственно были особенности ученія

Кифовой партіи въ Коринѣхъ, мы не имѣемъ возможности опредѣлить, и единственно, что мы можемъ съ вѣроятностью полагать, это то, что ихъ взгляды были тождественны съ менѣе крайними эвѣонитами, которые считали Моисеевъ законъ во всей его полнотѣ обязательнымъ для всѣхъ іудеевъ. Каковы бы ни были дѣйствія Іакова или тѣхъ, которые признавали его авторитетъ⁷⁵⁵), ни въ Новомъ Завѣтѣ, ни въ древнихъ христіанскихъ сочиненіяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда вражды между апп. Павломъ и Петромъ или кореннаго разногласія въ ихъ взглядахъ⁷⁵⁶). Мнѣніе о враждебности между ними возникло просто вслѣдствіе пагубной склонности черезчуръ умничающаго критицизма «пренебрегать ясными фактами и останавливаться на сомнительныхъ намекахъ». Критики этой школы съ радостью ухватились за «Клементины»—зловную и трусливую эвѣонитскую поддѣлку неизвѣстнаго времени — какъ истинный ключъ къ новозавѣтной исторіи, въ то же время преднамѣренно игнорируя и устраняя несомнѣнно болѣе вѣсскій авторитетъ. Такъ молчаніе⁷⁵⁷) Іустина Философа касательно имени и посланій ап. Павла истолковывается въ смыслѣ прямой враждебности его по отношенію къ нему, между тѣмъ какъ указаніе *подлиннаго* Климента, показывающее полное согласіе между апостолами, приносится въ жертву тайнымъ нападкамъ поддѣльщика, принимающаго его имя. Но вся аргументація ап. Павла сосредоточивается не на предположеніи, что онъ выступалъ съ благовѣстіемъ совершенно противоположнымъ благовѣстію другихъ апостоловъ, но на временной измѣнѣ ап. Петра его *собственной* вѣрѣ, его *собственнымъ* убѣжденіямъ, его *собственному* обычному исповѣданію⁷⁵⁸); и всѣ послѣдующіе факты доказываютъ, что оба эти апостола относились другъ къ другу съ величайшимъ взаимнымъ почтеніемъ и въ теченіе всей своей жизни находились въ дружественныхъ и добрыхъ отношеніяхъ, такъ что даже и сама смерть не раздѣлила ихъ⁷⁵⁹).

Такимъ образомъ, благодаря ап. Павлу, опять была одержана побѣда, и іудействующіе христіане, которые съ такимъ усердіемъ старались привести малый корабль церкви къ вѣрному крушенію и гибели на скалахъ національнаго изувѣрства, не могли долѣе опираться на санкцію колеблющагося Петра. Но лишь только все уладилось въ церкви антѣохійской, какъ прежняя жажда миссіонерства заплыла въ сердца Павла и съ благороднымъ порывомъ побуждала его прекратить даже кажущуюся недѣятельность. Отправившись къ своему прежнему сотоварищу Варнавѣ, онъ сказалъ: «пойдемъ опять, посѣтимъ братьевъ нашихъ по всѣмъ городамъ, въ которыхъ мы проповѣдывали слово Господне, какъ они живутъ». Варнава охотно принялъ предложеніе, но высказалъ мысль, что они должны бы взять съ собой и его племянника Марка⁷⁶⁰). Но этому ап. Павелъ сразу воспротивился. Молодого человѣка, который неожиданно ушелъ домой изъ Памфиліи и предоставилъ имъ однимъ, когда уже было поздно найти другаго сотоварища, вѣдаться съ трудностями и опасностями путешествія, — Павелъ не находилъ удобнымъ брать съ собой. Ни тотъ, ни другой не хотѣли уступить; ни

тотъ, ни другой не хотѣли осуществить великаго и смиреннаго христіанскаго урока поступаться своимъ правомъ. Вслѣдствіе этого между этими двумя вѣрными служителями церкви возникъ споръ столь же ожесточенный, какъ и плачевный ⁷⁶¹⁾, и единственная надежда на миръ при такихъ обстоятельствахъ заключалась въ ихъ полномъ разлученіи. Они разлучились и оба страдали по своей общей винѣ. Правда, они разлучились, чтобы простить другъ другу, любить и почитать одинъ другаго, говорить другъ о другѣ съ любовью и почтеніемъ, но уже никогда не трудиться вмѣстѣ, никогда не помогать другъ другу и не способствовать дѣлу Божію сочетаніемъ своихъ разнообразныхъ дарованій, никогда не раздѣлять между собой славу церковей, приобретенныхъ Христу отъ язычниковъ, и по всей вѣроятности въ теченіе всей своей жизни сожалѣть о томъ самолюбіи, недостаткѣ взаимной уступчивости и устранивающей всякій гнѣвъ кротости, которыя въ одинъ прискорбный моментъ лишили ихъ обоихъ неоцѣнимаго утѣшенія взаимной дружбы.

Кто изъ нихъ былъ правъ и кто виноватъ? Нѣтъ надобности соразмѣрять печальную мѣру порицанія между ними ⁷⁶²⁾ или останавливаться на слабостяхъ, пятнавшихъ совершенство людей, которые оставили свѣтлые примѣры въ наслѣдство всему міру. Въ сущности дѣла каждый изъ нихъ былъ отчасти правъ и отчасти виноватъ ⁷⁶³⁾; ошибка ихъ заключалась въ той настойчивости, которая не допускала взаимной уступки. Каждый оставался при своемъ. Варнава былъ можетъ слишкомъ поддавался влиянію чувства пристрастія къ родственнику; ап. Павелъ—воспоминанію о личномъ негодованіи. Варнава былъ можетъ погрѣшилъ въ сторону снисходительности, Павелъ — въ сторону строгости. Болѣе вины кажется было на сторонѣ ап. Павла, и однако же самая вина его выходила изъ его возвышеннѣйшаго идеала ⁷⁶⁴⁾. Онъ всецѣло былъ проникнутъ всепоглощающимъ сознаніемъ величія и важности своего дѣла и потому не могъ снисходительно относиться къ кому бы то ни было, кто въ самый моментъ, когда начали учащаться опасности, оставилъ великое священное дѣло. Маркъ, уже положивъ свою руку на плугъ, оглянулся назадъ; и вслѣдствіе этого, сознавая серьезность препятствія, которое возникло бы отъ повторенія такого поступка, сознавая возвышенные качества, которыя необходимы были всякому, на кого выпадала честь такой высокой отвѣтственности, ап. Павелъ съ полнымъ правомъ могъ настаивать на томъ, что дѣла этого нельзя ставить въ зависимость отъ нетвердости лица (Притч. xxv, 19). Варнава съ другой стороны могъ настаивать на крайней невѣроятности того, чтобы человѣкъ, который теперь соглашался опять выступить на святое дѣло, опять могъ оставить его, и онъ могъ справедливо спрашивать: неужели одна ошибка должна была заклеить человѣка на всю жизнь? Оба они настаивали на своемъ и оба понесли кару. Ап. Павелъ отправился своимъ путемъ и много разъ въ послѣдовавшіе затѣмъ бурные и тревожные дни онъ навѣрно съ горечью чувствовалъ, среди враждебнаго настроенія окружающихъ людей и народовъ, недостатокъ въ томъ спокойномъ мужествѣ и благородствѣ,

которыя всецѣло дышали жизнь и характеръ «сына утѣшенія». Варнава также пошелъ своей собственной дорогой и, лишившись величія и пылкости Павла, подвергся сравнительному забвенію, и не только уже не раздѣляетъ безсмертную благодарность, окружающую память его сотоварища, но самое имя его никогда уже не встрѣчается опять, кромѣ какъ въ отдѣльных намекахъ въ посланіяхъ его великаго друга.

Дружба ихъ отъ этого однакоже не была разстроена. Варнава не сдѣлался іудействующимъ и никоимъ образомъ не противодействовалъ дѣлу ап. Павла. Посланіе, которое извѣстно подъ его именемъ, подложно ⁷⁶⁵⁾, но тенденція его противоіудействующая, чего не могло бы быть, если бы послѣ размолвки въ Антіохіи онъ постоянно держался противной ап. Павлу партіи. Въ «Дѣяніяхъ Апостольскихъ» о немъ не упоминается больше. Ограничивался ли онъ въ своей миссіонерской дѣятельности своимъ роднымъ островомъ, куда онъ почти немедленно отправился съ Маркомъ, или онъ, какъ повидимому можно заключить изъ намека въ посланіи къ Коринѳянамъ, расширилъ ее гораздо дальше—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно продолжалъ работать на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и прежде, не беря съ собою никакихъ женскихъ сотрудниковъ и ничего не принимая отъ церковей, которымъ онъ проповѣдывалъ ⁷⁶⁶⁾.

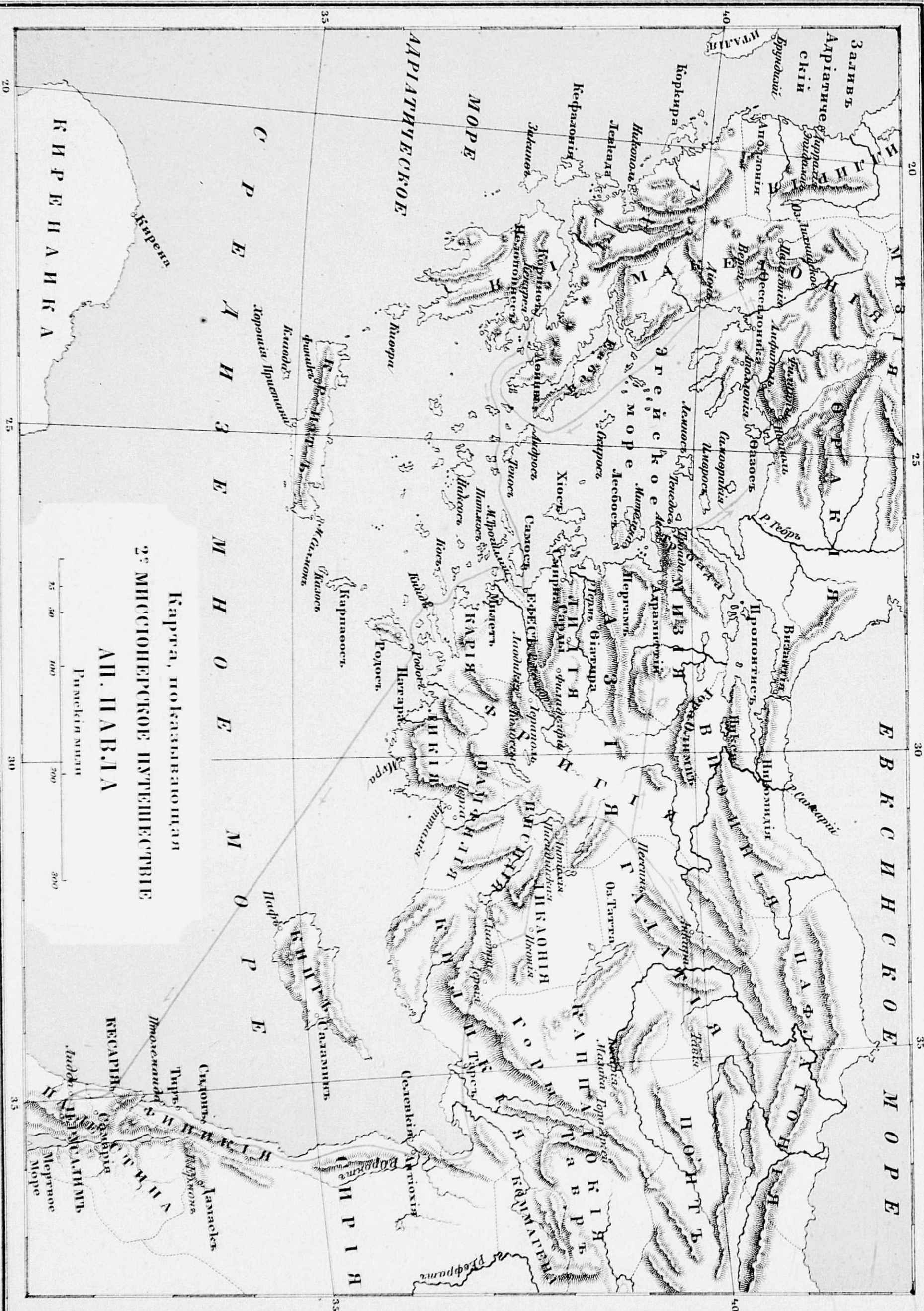
Но хотя эти апостолы, насколько они погрѣшили, оба потерпѣли за свою погрѣшность, однако же Богъ и эту погрѣшность направилъ ко благу. Отсѣлъ они вели миссіонерскую дѣятельность уже не въ одной, а въ двухъ различныхъ сферахъ, и отсѣлъ также дѣятельность и взгляды ап. Павла были гораздо свободнѣе и живѣе, такъ какъ менѣе стѣнялись сообществомъ и менѣе подвергались реакціи. До сихъ поръ его положеніе въ церкви іерусалимской много зависѣло отъ влияния Варнавы. Теперь ему приходилось стоять совершенно одному, полагаться исключительно на себя самого и на свое собственное апостольское достоинство; на благопріятный пріемъ своихъ взглядовъ онъ могъ рассчитывать единственно только въ силу права и разума, а также крупныхъ благотворительныхъ приношеній, которыя онъ удѣлялъ церкви іерусалимской изъ милостыни, собираемой имъ среди церковей отъ обращенныхъ имъ язычниковъ.

Даже и Марку принесла пользу та размолвка, причиной которой онъ былъ. Если нѣжное пристрастіе одного миссіонера еще открывало для него миссіонерскую дѣятельность, то суровый судъ другаго несомнѣнно содѣйствовалъ тому, чтобы сдѣлать изъ него болѣе серьезнаго человѣка. Все, что мы отсѣлъ знаемъ о немъ, обнаруживаетъ въ немъ какъ великія дарованія, такъ и самоотверженную дѣятельность. Въ своемъ евангеліи онъ съ поразительною живостью воспроизводитъ познанія и опытность своего друга и учителя, ап. Петра, къ которому онъ въ свои позднѣйшіе годы стоялъ въ такомъ же самомъ отношеніи, въ какомъ Тимофей къ Павлу (1 Петр. v, 13). Но даже и ап. Павелъ видѣлъ достаточныя основанія не только измѣнить свое прежнее неблагопріятное мнѣніе о немъ, но даже

пригласить его опять въ качествѣ сотрудника себѣ (Филим. 24). Онъ убѣждаетъ колоссянъ оказать Марку добрый привѣтъ (Кол. iv, 10) и даже письменно обращается къ Тимоѳею съ просьбою, чтобы онъ привезъ его въ Римъ для утѣшенія его въ его послѣднемъ темничномъ заключеніи, такъ какъ апостольскій находилъ его «нужнымъ для служенія» ⁷⁶⁷), полезнымъ въ томъ именно, въ недостаткѣ чего онъ нѣкогда обвинялъ его.

Древняя капитель изъ Іерусалима
(изъ Pierotti, Jerusalem).

К И Р Е Н А И К А

75 50 100 200 300
Риски и мели

Карта, показывающая
2^е МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
АН. ПАВЛА

Издание Императорская И.Д. ТУЗОВА.

КАРТОГР ЗАВ. А. МАБИНА С.П.Б.

Ворота въ Тарсѣ.

ГЛАВА XXIV.

НАЧАЛО ВТОРАГО МИССИОНЕРСКАГО ПУТЕШЕСТВІЯ: АП. ПАВЕЛЬ ВЪ ГАЛАТІИ.

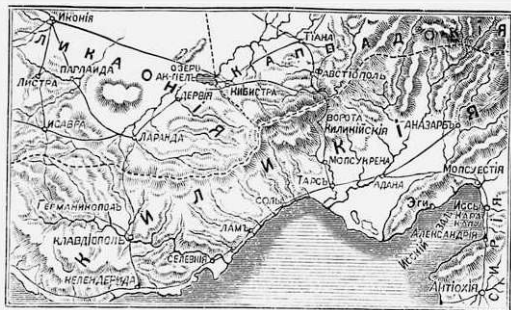
Поутру пойдѣмъ въ виноградники, посмотримъ, распустилась ли виноградная лоза.

Пѣсн. VII, 13.

НАМЕНАТЕЛЬНОЕ молчаніе касательно общественнаго сочувствія къ Варнавѣ и Марку вмѣстѣ съ выдающимся указаніемъ на него въ отношеніи ап. Павла повидимому показываетъ, что церковь антїохійская вообще признавала, что ап. Павелъ былъ болѣе правъ. Другимъ указаніемъ на тоже самое служитъ тотъ фактъ, что Сила согласился сдѣлаться его сотоварищемъ. До сихъ поръ Сила такъ тѣсно былъ связанъ съ церковью іерусалимской, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ посланныхъ, которые избраны были для засвидѣтельствованія подлинности окружнаго посланія, и въ самомъ послѣднемъ замѣчаніи о немъ, находящемся въ св. писаніи, мы видимъ его еще въ обществѣ ап. Петра, такъ какъ послѣдній посылаетъ его изъ Вавилона съ письмомъ къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ самыхъ церквей, которыя онъ посѣщалъ съ

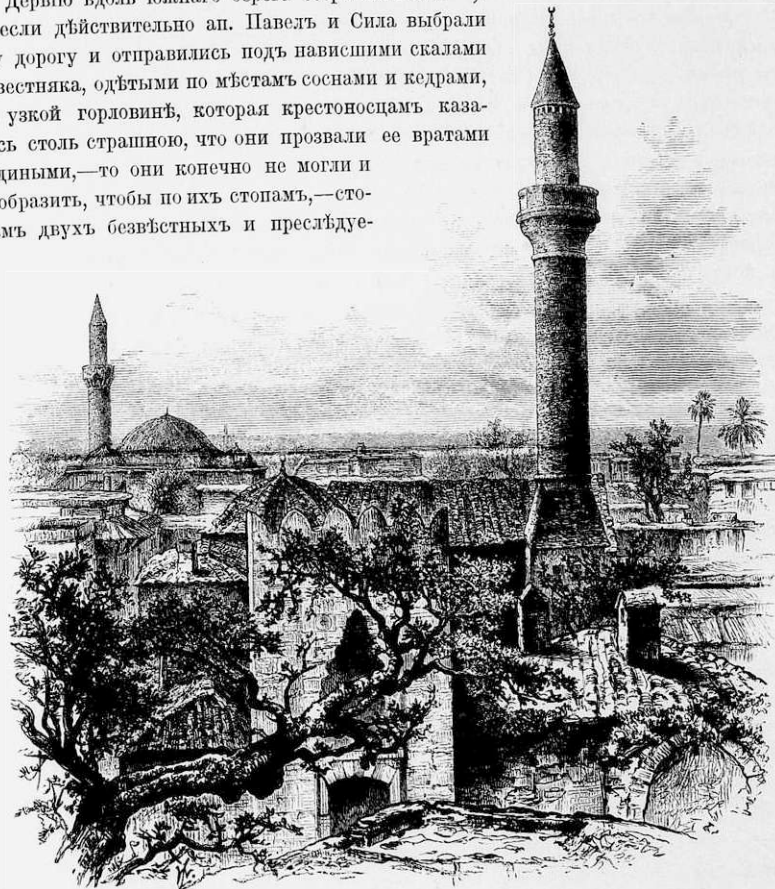
ап. Павломъ ⁷⁶⁸). Его преданность началамъ ап. Павла, не смотря на тѣсную связь, соединявшую его съ иудейскими христіанами, есть достаточное доказательство, что онъ былъ человѣкъ высокаго ума и любвеобильнаго сердца. И въ качествѣ признаннаго пророка Іерусалима и Антиохіи, онъ своимъ сотовариществомъ могъ вполне заполнить пустоту, оставленную въ миссіи уходомъ Варнавы. Самое имя его Селиванъ ⁷⁶⁹), а также и то обстоятельство, что онъ по видимому былъ также римскій гражданинъ (Дѣян. хvi, 20, 37), даютъ возможность заключать, что онъ имѣлъ нѣкоторую связь съ языческимъ міромъ, для котораго онъ поэтому и могъ быть болѣе пригоднымъ благовѣстникомъ. Во всякомъ случаѣ для ап. Павла было истиннымъ счастьемъ имѣть такого достойнаго сотоварища. И когда они отправились во второе великое путешествіе, неся съ собою надежды и судьбу христіанства, то собратія съ особенною сердечностью поручали ихъ благодати Божіей.

Карта страны вокругъ Тарса.

Первою цѣлью ап. Павла было утвердить церкви, которыя онъ уже основалъ. Такое утвержденіе прозелитовъ представляло собою обычное иудейское правило ⁷⁷⁰), и послѣ нѣкотораго колебанія мнѣній, происшедшаго даже въ Антиохіи, ап. Павелъ естественно желалъ знать, насколько благоденствовали новооснованныя имъ общины, такъ какъ онѣ подвергались преслѣдованіямъ совиѣ и волновались смутами внутри. Вслѣдствіе этого онъ началъ свою миссію съ посѣщенія церквей Сиріи и Киликіи. Онъ отправился вѣроятно вдоль восточнаго берега Иссійскаго залива и чрезъ Сирійскія и Аманидскія вѣрты къ городамъ Александріи и Иссу ⁷⁷¹). Тамъ дорога поворачивала на западъ и вела чрезъ Мопсуестію и Адапу въ Тарсъ. Изъ Тарса предъ нимъ открывались три дороги: одна вдоль берега Средиземнаго моря къ киликійской Селевкіи, откуда она поворачивала внутрь чрезъ ликаонійскую Ларанду въ Дервію; другая узкая и малоупотребляемая тропинка чрезъ горы Исаврійскія; третья, которую онъ по всей вѣроятности и избралъ какъ самую

безопасною, была наиболѣе употребляемою и наиболѣе удобною: она шла чрезъ знаменитыя Киликійскія вѣрты ⁷⁷²) и вела прямо въ Тіану, затѣмъ поворачивала на югозападъ, по направленію къ Кивистрѣ, и оттуда въ Дервію вдоль южнаго берега озера Ак-Гіоля ⁷⁷³). И если дѣйствительно ап. Павелъ и Сила выбрали эту дорогу и отправились подъ нависшими скалами известняка, одѣтыми по мѣстамъ соснами и кедрми, по узкой горловинѣ, которая крестоносамъ казалась столь страшною, что они прозвали ее вратами Іудиными, — то они конечно не могли и вообразить, чтобы по ихъ стопамъ, — стопамъ двухъ безвѣстныхъ и преслѣдуе-

Адапа въ равнинѣ Киликійской.

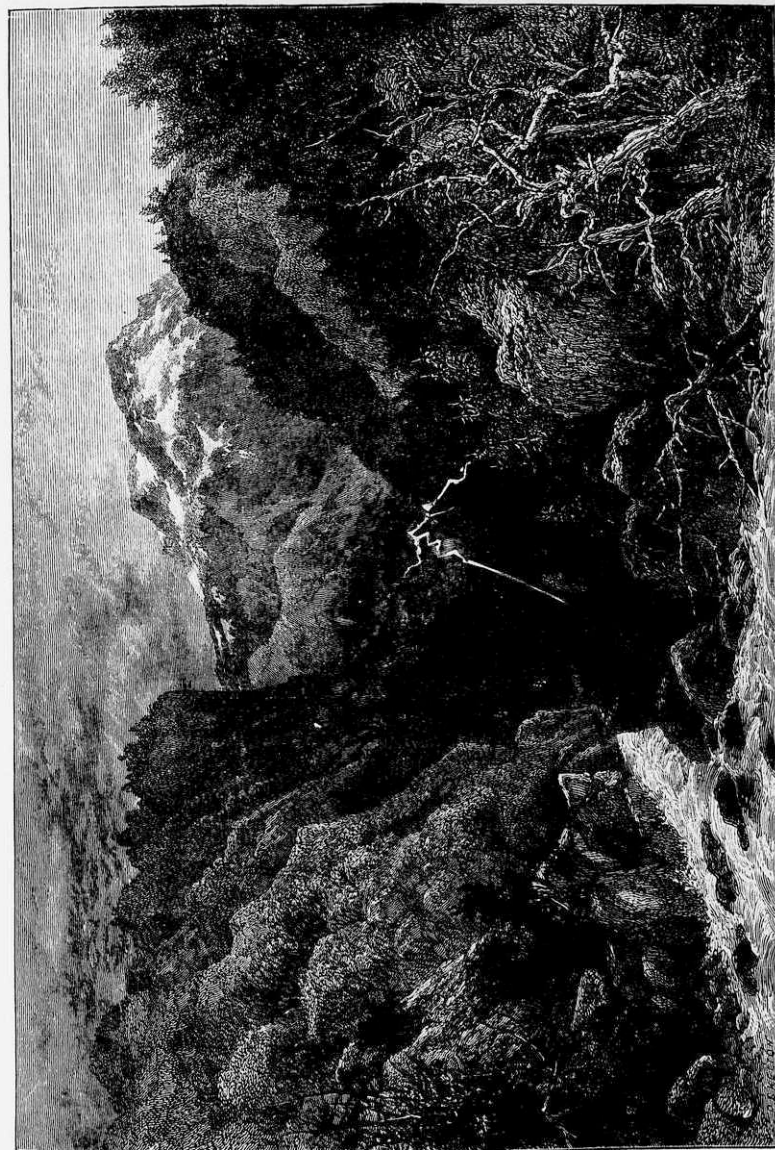
мыхъ иудеевъ, — на нѣсколько вѣковъ послѣ могли проходить этою же самой дорогою цари съ войсками. Они конечно и предположить не могли, чтобы эти воины, представлявшіе собою отборнѣйшее рыцарство Европы, съ крайнимъ отвраще-

ніемъ относясь къ имени іудеевъ, въ тоже время клялись избавить св. гробъ Христа, признаваемого ими своимъ Спасителемъ, изъ рукъ могущественнѣйшаго народа, который также признавалъ Его пророкомъ, хотя и не вѣрилъ въ Его божественность!

Какою бы дорогою ни пошли ап. Павелъ и Сила, во всякомъ случаѣ имъ самимъ приходилось быть вѣстниками о себѣ, самимъ извѣщать о своемъ собственномъ прибытіи. Не трудно вообразить то удивленіе, волненіе и радость христіанъ въ маленькомъ Песаврійскомъ городкѣ, когда они сразу узнавали хорошо знакомую имъ фигуру мисіонера, который, нѣкогда прибывъ съ противоположной стороны, съ зіяющими еще ранами отъ жестокаго побіенія камнями, впервые научилъ ихъ вѣрѣ Христовой. Но мы можемъ также вообразить и то беспокойство, которое во время этого посѣщенія столь возлюбленныхъ имъ церковей должно было часто переполнять сердце Павла, когда почти первый вопросъ, съ которымъ его привѣтствовали со всѣхъ сторонъ, былъ: «гдѣ же Варнава?» Варнава былъ человѣкъ, который, по самой природѣ своей, внушалъ къ себѣ почтеніе и любовь; и такъ какъ Сила, какъ бы ни велики были его проповѣдническія дарованія и ни высоки его полномочія ⁷⁷⁴⁾, все-таки былъ для нихъ совершеннымъ незнакомцемъ, котораго они не могли привѣтствовать съ одинаковою сердечностью, то мы можемъ быть вполне увѣрены, что если ап. Павелъ погрѣшилъ въ этомъ печальномъ разладѣ, то онъ долженъ былъ часто съ сожалѣніемъ вспоминать о немъ.

Изъ Дервіи они еще разъ отправились въ Листру. Изъ ихъ посѣщенія намъ рассказываетъ одинъ только случай, но такой, который оказали благотворное вліяніе на всю будущность великаго апостола. При своемъ прежнемъ посѣщеніи онъ обратилъ юнаго Тимофея, и въ домѣ-то матери этого юноши Евники ⁷⁷⁵⁾ и его бабки Лойды онъ съ Силой вѣроятно и былъ принятъ. Эти двѣ набожныя женщины были іудейки, принявшія теперь христіанскую вѣру. Бракъ Евники съ грекомъ ⁷⁷⁶⁾ и необрѣзанность ея сына указываютъ на неособенно строгую приверженность къ іудейству, которая, какъ не несомнѣстная «съ пеллицемѣрною вѣрою», болѣе всего вѣроятно и содѣйствовала принятію ими Евангелія; и самъ Павелъ свидѣтельствуетъ о ихъ искренней религіозности и тщательномъ воспитаніи въ св. писаніи, которое они дали своему ребенку.

Можно предполагать, что Евника была вдова, и если такъ, то она выказала прекрасный духъ самопожертвованія, разлучаясь съ своимъ единственнымъ сыномъ. Юный Тимофей былъ болѣе всего извѣстенъ и болѣе всего любимъ въ томъ маленькомъ кругѣ сотоварищей и послѣдователей, главнымъ образомъ обращенцевъ изъ язычниковъ, которые отсель упоминаются въ связи съ странствованіемъ апост. Павла. Изъ многихъ, кого любилъ ап. Павелъ, ему никто не былъ дороже юнаго ученика изъ Листры. Самъ не имѣя ни жены, ни дѣтей, онъ съ чисто отеческою любовію принялъ Тимофея, считая его какбы своимъ собственнымъ

Долина рѣки Кидна.

сыномъ. «Тимоѳею, моему сыну», «мой истинный сынъ въ вѣрѣ»—таковы названія, съ которыми онъ обращался къ нему (1 Тим. I, 2, 18; 2 Тим. II, 2); а филиппійцамъ, онъ напоминаетъ, насколько имъ извѣстна была вѣрность Тимоѳея, такъ какъ «онъ, какъ сынъ отцу, служилъ ему въ благовѣствованіи» ⁷⁷⁷). И какъ ни бѣгли черты, которые даютъ намъ возможность представить себѣ характеръ юнаго листрійца, онъ однако же всѣ удивительно живописны и согласны между собой. Онъ былъ настолько безупреченъ въ своемъ характерѣ, что какъ въ его родной Листрѣ, такъ и въ Иконіи, собратья горячо и охотно свидѣтельствовали о его достоинствахъ ⁷⁷⁸). Не смотря на застѣнчивость и боязливость, усилившіяся вслѣдствіе его молодости (Дѣян. XVI, 2), онъ такъ всецѣло сердцемъ и душою соединился съ апостоломъ, что между своими многочисленными друзьями и сотоварищами апостолъ не находилъ никого еще столь правдивымъ, столь всецѣло самоотверженнымъ, столь искренне преданнымъ дѣлу Христову ⁷⁷⁹). Въ дѣйствительности, онъ былъ болѣе чѣмъ кто либо alter ego апостола. Они вполне знали другъ друга ⁷⁸⁰). И великій миссіонеръ-апостолъ, который при своихъ сердечныхъ страданіяхъ и нравственныхъ мукахъ такъ глубоко нуждался въ искреннемъ сочувствіи и дружествѣ и тяжкіе недуги котораго дѣлали необходимымъ для него личныя услуги какого нибудь всецѣло преданнаго сотоварища,—навѣрно считалъ преданную нѣжность Тимоѳея особеннымъ благомъ Божиимъ для избавленія его отъ подавляющей скорби. Но какъ ни любилъ его ап. Павелъ, онъ еще больше любилъ свои церкви, и если какая нибудь церковь нуждалась въ предостереженіи или руководительствѣ или самъ Павелъ желалъ знать, насколько она преуспѣваетъ, то онъ всегда просилъ Тимоѳея побѣдить свою робкую скромность ⁷⁸¹), когда нужно ли было утѣшить гонимыя церкви Македоніи (Дѣян. XIX, 22; 1 Фессал. III, 2; Фил. II, 18—20), или утишить самонадѣянную смуту въ Коринѣ (1 Кор. XVI, 10), или быть надзирателемъ церкви Ефесской (1 Тим. I, 3) съ ея многими смутами совнѣ и внутри. Вообще ни одно имя не связано такъ тѣсно съ именемъ апост. Павла, какъ имя Тимоѳея. Не только два отдѣльных посланія были адресованы къ нему, но онъ также упоминается вмѣстѣ съ ап. Павломъ въ числѣ тѣхъ пяти лицъ, отъ имени которыхъ надписываются и другія посланія (1, 2 Фессал. 2 Кор.; Фил.; Кол.); онъ былъ съ ап. Павломъ въ теченіе большей части его втораго миссіонерскаго путешествія (Дѣян. XVI, 3; XVII, 14; XVIII, 5); онъ былъ съ нимъ въ Ефесѣ (1 Кор. IV, 17; XUI, 10); онъ сопровождалъ его въ послѣднемъ путешествіи въ Иерусалимъ (Дѣян. XX, 4); онъ утѣшалъ его при первомъ тюремномъ заключеніи въ Римѣ (Фил. II, 18—20); его проситъ ап. Павелъ въ адресованномъ къ нему второмъ посланіи послышать изъ Ефеса и принести съ собою фелонь, книги и пергаменты, которые апостолъ оставилъ у Карна въ Троадѣ, и побыть съ нимъ при его второмъ тюремномъ заключеніи, пока еще можно было повидѣть его живымъ (2 Тим. IV, 9, 13). Прошло уже около шестнадцати лѣтъ между тѣмъ временемъ, когда ап. Павелъ взялъ Тимоѳея въ сотоварищи себѣ въ

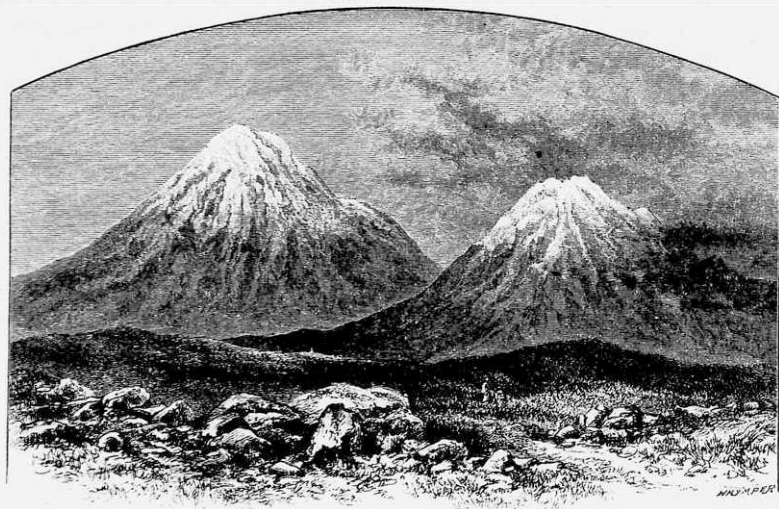
Листрѣ ⁷⁸²), и тѣмъ временемъ, когда въ истомленномъ одиночествѣ своего темничнаго заключенія онъ еще разъ писалъ посланіе своему возлюбленному ученику ⁷⁸³); но даже въ этотъ позднѣйшій періодъ ап. Павелъ обращался къ нему, какъ будто бы онъ былъ все тѣмъ же юношей, какимъ онъ впервые сопровождалъ его на благословенной дѣятельности. «Тимоѳею, говоритъ Гаусратъ, какъ христ. Ахиллеусу сказаніе приписываетъ вѣчную юность»; что, по мнѣнію этого писателя, одно сказаніе приписываетъ вѣчную юность; что, по мнѣнію этого писателя, составляетъ одинъ изъ признаковъ того, что оба пастырскія посланія, адресованные къ Тимоѳею, были произведеніемъ писателей втораго вѣка ⁷⁸⁴). Но несомнѣнно и очевидно, что если Тимоѳею, когда ап. Павелъ впервые обратилъ его къ вѣрѣ Христовой, было не болѣе 16—17 лѣтъ отъ роду, то онъ далеко еще не былъ въ возрастѣ полной возмужалости, когда писано было ему второе посланіе. Но даже если бы онъ былъ и старше, то нѣтъ ничего проще и естественнѣе, какъ забывчивость старца, что тѣ, кого онъ зналъ мальчиками, давно уже достигли полной возмужалости ⁷⁸⁵).

Таковъ былъ юноша, который теперь сдѣлался сотоварищемъ ап. Павла. Какъ ни молодъ онъ былъ, но проницательный взглядъ Павла видѣлъ въ немъ духъ любящаго и скромнаго долга,—какъ несомнѣнный признакъ одной изъ тѣхъ простыхъ преданныхъ натуръ, которыя сочетаютъ пылъ мужества съ нѣжностью смиренія. Когда Іисусъ посылалъ своихъ учениковъ, Онъ посылалъ ихъ по-двое; но то было только въ ихъ родной землѣ. Совершенно иное дѣло было путешествовать во всѣхъ климатахъ земли—подъ ослѣпляющею пылью и палящимъ зноемъ равнинъ Ликаоніи и по мрачнымъ вулканическимъ скаламъ и безпріютнымъ горнымъ хребтамъ Азіи. Ап. Павелъ много страдалъ вслѣдствіе ухода Марка изъ Писидіи и съ тѣхъ поръ мы никогда не видимъ его по крайней мѣрѣ безъ двухъ сотоварищей, каковыми были въ это время Сила и Тимоѳей, впоследствии Титъ и Тимоѳей въ Македоніи и Ахаіи, а Лука и Аристархъ при его путешествіи въ Римъ.

Намъ можетъ показаться удивительнымъ, что первую мѣрою, принятою ап. Павломъ, было обрѣзаніе Тимоѳея, и что не смотря на то, что обрядъ этотъ могъ бы быть совершонъ какимъ нибудь израильяниномъ, онъ совершилъ его собственными своими руками ⁷⁸⁶). Правда, мы видѣли, что по всей вѣроятности онъ принужденъ былъ обрѣзать и язычника Тита; но намъ не сообщается ни о какомъ давленіи на него въ совершеніи того же самаго обряда надъ Тимоѳеемъ, который, хотя и сынъ іудейки, выросъ безъ исполненія этого обряда. Ничего нѣтъ достоинства, какъ то, что по взгляду ап. Павла обрѣзаніе не имѣло значенія. Его вѣрнѣе, какъ то, что по взгляду ап. Павла обрѣзаніе не имѣло значенія. Его образъ дѣйствія поэтому можетъ быть разсматриваемъ только какъ вторая уступка, или средство предупрежденія какихъ нибудь столь сильныхъ предразсудковъ, что они иначе могли бы самую дѣятельность его сдѣлать невозможною. Св. Лука говоритъ, что онъ сдѣлалъ это «ради іудеевъ, находившихся въ этихъ мѣстахъ, ибо всѣ знали объ отцѣ его, что онъ былъ еллинъ». Если же это было такъ хорошо

как галаты. Но Промыслъ готовилъ для нихъ славное поприще; они были задержаны въ Галатіи и ихъ пребываніе тамъ сопровождалось въ высшей степени замѣчательными результатами.

Св. Лука, который пользуется обычнымъ географическимъ терминомъ, подѣ именемъ Галатіи несомнѣнно разумѣлъ ту центральную область малоазійскаго полуострова⁷⁹⁸), которая была населена народомъ, извѣстнымъ древнему міру подѣ именами кельтовъ, галатовъ, галловъ и (въ болѣе позднее время) галло-грековъ. Исторія ихъ вкратцѣ такова. Когда огромный потокъ арійскаго переселенія началъ стремиться изъ долинъ Океуса и степей Туркестана на западъ, кельт-

Знойныя равнины и холодныя горныя проходы въ Малой Азіи.

ское племя раньше другихъ устремилось съ своихъ родныхъ сѣдалищъ⁷⁹⁹). Оно постепенно заняло большую часть центра и запада Европы. Различныя племена этого семейства были разбросаны различными теченіями и преніятствіями, встрѣчавшимися на пути ихъ шествія. Одинъ изъ ихъ Бренновъ⁸⁰⁰), за четыре столѣтія до христіанской эры, повергъ Римъ въ глубочайшее униженіе, другой, 111 лѣтъ позднѣе⁸⁰¹), наполнилъ сѣверную Грецію ужасомъ и грабежомъ, и когда его орды были прогнаны назадъ бурями и необычайными явленіями природы, послѣдовавшими за мужественнымъ отпоромъ грековъ въ Дельфахъ, то они присоединились къ другому племени, подѣ начальствомъ Леоннорія и

Лутарія⁸⁰²), какимъ то способомъ пробившись чрезъ Геллеспонтъ и побѣдоносно основались въ западныхъ странахъ Малой Азіи. Но ихъ поборы скоро возбудили противъ нихъ возстаніе, которое повело къ полному низверженію ихъ владычества и они постепенно основались въ центральной области, которая отчасти пересѣкается долинами рѣкъ Сангарія и Галиса. Здѣсь мы встрѣчаемъ ихъ въ видѣ трехъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣло свою собственную столицу. Въ Фритіи были толитобогі съ своею столицею Пессиномъ, въ центрѣ тектосаги съ столицей Анкирой и къ востоку на берегахъ Понта были трокмы съ столицей Тавіей⁸⁰³). Эти три племена первоначально раздѣлялись каждое на четыре тетрархіи, но наконецъ, въ 65 г. до Р. Хр., они соединились подѣ властью Діотара четвертовластника толитобогскаго—Эгберта Галатійской исторіи⁸⁰⁴). Римляне, подѣ начальствомъ Манлія Вульсона, покорили ихъ въ 189 г. до Р. Хр.⁸⁰⁵), но оставили имъ номинальную независимость и въ 36 г. до Р. Хр. Маркъ Антоній сдѣлалъ Аминту царемъ. По смерти его, въ 25 г. до Р. Хр., Галатія была присоединена къ Ликаоніи и части Писидіи и сдѣлалась римской провинціей, и такъ какъ она была одною изъ императорскихъ провинцій, то управлялась пропреторомъ. Таково было политическое состояніе этой страны, когда ап. Павелъ вступилъ въ Пессинъ, который, хотя и былъ одною изъ столицъ, лежалъ на окраинѣ и въ это время назывался Севастомъ толитобоговъ⁸⁰⁶).

Причиной, заставившей ап. Павла остановиться въ этой странѣ, былъ, какъ онъ самъ говоритъ намъ, жестокій приступъ болѣзни. И самый способъ его указанія на это даетъ намъ основаніе заключать, что это былъ новый приступъ страданія отъ того «жала въ плоть», которое, по нашему мнѣнію, было острой офталміей, сопровождаемой, какъ это часто бываетъ, сильнымъ мозговымъ возбужденіемъ⁸⁰⁷). Въ своемъ посланіи къ галатскимъ обращенцамъ онъ трогательно говоритъ объ этомъ. Мѣсто это по новѣйшему слововыраженію читалось бы такъ⁸⁰⁸): «прошу васъ, братія, будьте какъ я (т. е. свободны отъ ига виѣшней и безполезной обрядности), потому что и я, какъ вы» (Гал. II, 17; I Кор. IX, 21). «Хотя я и іудей, но я поставилъ себя въ уровень съ вами, язычниками. И вотъ, я желаю, чтобы вы стояли со мною на одномъ и томъ же уровнѣ, а не пытались дѣлать изъ себя іудеевъ. Я не хочу говорить, какъ бы жалуюсь на васъ. Вы ничѣмъ не обидѣли меня⁸⁰⁹). Нѣтъ, вы знаете, что когда я благовѣствовалъ вамъ въ первый разъ, то благовѣствовалъ по причинѣ моей немощи плоти, которая задержала меня на пути; поэтому, вы не могли чувствовать благодарности ко мнѣ, какъ будто бы я пришелъ съ преднамѣреннымъ цѣлью проповѣдывать вамъ; и кромѣ того я былъ въ это время слабъ, мучимъ страданіемъ, подверженъ припадкамъ, съ воспаленными глазами, такъ что вслѣдствіе того недуга, которымъ Богъ испытываетъ меня, вы могли бы возгнаться на мной. Вся моя виѣшность была испытаніемъ для васъ, искушеніемъ къ отвер-

женію меня. Но вы не поступили такъ; вы были очень добры ко мнѣ. Вы могли бы отнести ко мнѣ съ презрительнымъ равнодушіемъ ⁸¹⁰⁾; вы могли бы взглянуть на меня съ положительнымъ отвращеніемъ ⁸¹¹⁾,—но вмѣсто всего этого вы оказали мнѣ почтеніе, возлюбили меня, приняли меня какъ ангела Божія, даже какъ Того, о которомъ я проповѣдывалъ вамъ. Какъ рады вы были видѣть меня! Съ какимъ рвеніемъ вы поздравляли себя и меня ради этого благословеннаго случая, — нѣтъ, скорѣе ради этого благаго промысла Божія, которое удержало меня среди васъ ⁸¹²⁾. Вы такъ были великодушны и любвеобильны ко мнѣ, что право ради помощи мнѣ въ то время, какъ я бѣдственно находился въ темномъ помѣщеніи, не вынося даже луча свѣта безъ мучительныхъ страданій, вы, если бы только это могло помочь мнѣ, вырвали бы свои собственные глаза и дали бы ихъ мнѣ ⁸¹³⁾.

Нѣтъ ничего естественнѣе, что обширное странствованіе по палящимъ равнинамъ и знобящимъ горнымъ ходамъ Малой Азіи, постоянная перемѣна климата, жестокое тѣлесное утомленіе, вихри тонкой ослѣпляющей пыли, укушенія насѣкомыхъ, грубость и скудость ежедневной пищи содѣйствовали возвращенію болѣзни апостола, здоровье котораго уже и такъ было сильно потрясено. И несомнѣнно, это именно отчаяніе и мука, возникшія при видѣ своего собственнаго удрученнаго состоянія, придавали его ученію ту напряженность, ту побѣдоносную серьезность, которыя производили столь сильное впечатлѣніе на теплыхъ душой галловъ ⁸¹⁴⁾. Если они готовы были принять его какъ Христа Иисуса, то это только потому, что Христосъ Иисусъ былъ альфа и омега, начало и конецъ всей его проповѣди среди нихъ. И поэтому въ своемъ обращеніи къ чувству ихъ стыдливости онъ употребляетъ одно изъ своихъ неподражаемо-живописныхъ выраженій, говоря: «о, несмысленные галаты! Какой дурной глазъ очаровалъ васъ ⁸¹⁵⁾, васъ, у которыхъ передъ глазами предначертанъ былъ мною Иисусъ Христосъ, какбы у васъ распятый» ⁸¹⁶⁾?

Но живая ревность галатовъ, ихъ порывистая привязанность, ликующая радость, съ которою они приняли новое ученіе, зависѣли не единственно отъ состраданія, которое вмѣстѣ съ удивленіемъ возбуждалъ въ нихъ новый учитель. Все это могло зависѣть въ нѣкоторой мѣрѣ также и отъ сходства, представляемаго новой религіей съ возвышеннѣйшими и благороднѣйшими пунктами ихъ древнихъ вѣрованій; и во всякомъ случаѣ, будучи по природѣ религіозны ⁸¹⁷⁾, они прежде всего были привлечены ученіемъ, которое обѣщало прощеніе чрезъ искупленіе кровію. Но быстрое обращеніе галатовъ еще гораздо больше зависѣло отъ могущественнаго изліянія духа, которымъ сопровождалась проповѣдь Павла и отъ новыхъ силъ ⁸¹⁸⁾, которыя онъ проявилъ среди своихъ обращенцевъ при допущеніи ихъ въ церковь. Но это, конечно, можно сказать только о наиболѣе искреннихъ и преданныхъ среди нихъ обращенцевъ; между ними несомнѣнно много было и такихъ, быстрое обращеніе которыхъ зависѣло отъ той живой

восприимчивости, той любви къ перемѣнѣ, которой они отличались вообще ⁸¹⁹⁾, какъ сродные по характеру съ греками, съ которыми они въ это время уже были въ значительной степени перемѣшаны. Это былъ слишкомъ быстрый всходъ добраго сѣмени на бѣдной и сухой почвѣ. Это былъ внезапный пылъ огня среди людей легкихъ, сухихъ и горячихъ, какъ солома. Измѣна старой религіи, сердечное принятіе новой, сочетаніе древняго культа съ такимъ, который былъ введенъ совершенно недавно и совершенно непохожъ на него— все это уже имѣло свои примѣры въ исторіи галатовъ. Какъ кельты, они принесли съ собой въ Азію свой старый друидизмъ съ его высокомернымъ жречествомъ и жестокими жертвоприношеніями ⁸²⁰⁾. Но они уже соединяли вмѣстѣ съ нимъ дикое природо-боготвореніе, дикій естественный культъ Агдистиды или Цибелы, матери боговъ. Они вѣрили, что черный камень, упавшій съ неба, былъ ея изображеніемъ и въ теченіе столѣтій, послѣ того какъ онъ былъ увезенъ въ Римъ ⁸²¹⁾, они все еще продолжали почитать ея старый храмъ, давали милостыню ея бродячимъ жрецамъ-евнухамъ, рассказывали о мищеніи, которое она проявила надъ злосчастнымъ Атисомъ, и съ благоговѣйнымъ страхомъ относились къ сосновымъ рощамъ Диндима ⁸²²⁾. И однако же въ то время, какъ этотъ фригійскій культъ процвѣталъ въ Пессинѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи услуги цѣлыхъ массъ жрецовъ-евнуховъ, и въ то время какъ въ Тавіи главнымъ предметомъ богопоклоненія былъ колоссальный бронзовый Зевсъ обыкновеннаго греческаго типа ⁸²³⁾, въ Анкирѣ съ другой стороны установилось римское боготвореніе императора Августа, которому на общественныя пожертвованія въ Азіи былъ построенъ изъ бѣлаго мрамора храмъ, въ развалинахъ существующій еще и теперь ⁸²⁴⁾. Ап. Павелъ навѣрно видѣлъ еще въ полной цѣлости знаменитый monumentum ancyranum, завѣщаніе Августа, выбитое на мраморѣ въ храмѣ и взятое съ надписи, сдѣланной по его собственному повелѣнію на бронзовыхъ плитахъ предъ его мавзолеемъ; но въ то время, какъ онъ могъ взглянуть на него съ интересомъ и прочитать съ еще болѣе глубокимъ удовольствіемъ на одномъ изъ столбовъ опредѣленіе, въ которомъ императоръ награждалъ преданность ему іудеевъ дарованіемъ имъ религіозной свободы ⁸²⁵⁾, онъ только съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ и негодованіемъ могъ размышлять о легкомыслии духа, который съ такою готовностью могъ сочетать древнѣйшія изъ идолопоклонническихъ заблужденій съ новѣйшими, искреннія и дикія оргіи Диндимены съ унизительною лестию коварнаго интригана, равно какъ о страстной преданности одуряющему культу и о разсчитливомъ поклоненіи политическому успѣху. Въ дѣйствительности три столицы этихъ трехъ галатійскихъ племенъ такъ сказать въ сокращеніи давали всю ихъ исторію и опредѣляли ихъ характеръ. Переходя изъ Пессина въ Анкиру и Тавію, апостолъ видѣлъ остатки совершенно устарѣлыхъ культовъ рядомъ съ другими, которые возбуждали смѣхъ своею новизною. Онъ видѣлъ переходъ отъ фригійскаго боготворенія природы чрезъ греческую мнѣологію къ римскому услов-

ному культу. Онъ не могъ не считать этого худымъ знакомъ и онъ увидѣлъ бы печальный примѣръ еще худшей стороны тѣхъ качествъ, которыя выразились въ его восторженномъ приѣмѣ, если бы могъ читать описаніе правовъ галатовъ у позднѣйшаго греческаго историка, по которому они съ такою жаждою бросались на все новое, что если бы они только увидѣли край плаща философа, то сразу же схватились бы и прильнули къ нему, какъ стальные пластинки льнуть къ маг-

Привѣтствія со стороны туземцевъ римлянамъ
(съ Траяновой колонны въ Римѣ).

ниту⁸²⁶⁾. Въ дѣйствительности, какъ ему пришлось съ горечью узнать въ послѣдствіи, религиозные взгляды галатовъ были болѣе или менѣе отраженіемъ впечатлѣній даннаго момента и они съ наивною страстностью хватились за всякое новое ученіе новаго пришельца. Но при первомъ его посѣщеніи ихъ недостатки, повидимому, не обнаружили для него такъ ясно. Обычная склонность къ мечтательству и соперничеству, къ пьянству и жадности, къ тщеславію и самохвалству,

къ коварству и припадкамъ ярости была незамѣтна между ними⁸²⁷⁾, такъ какъ она видимо сдерживалась, если и не вполне подавлялась могущественнымъ вліяніемъ на нихъ новой вѣры и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ можно думать, исцѣлена была также благодатію Св. Духа. Все, что видѣлъ апостолъ, это только преданность и любовь, отсутствіе предубѣжденности и жажда учиться,—всѣ та живость и сердечность, которыя были искупляющими чертами въ ихъ кельтскомъ характерѣ⁸²⁸⁾.

Какъ долго ап. Павелъ былъ задержанъ среди нихъ своею болѣзною, мы не знаемъ; но очевидно настолько долго, что онъ успѣлъ основать нѣсколько церквей—по одной быть можетъ въ каждой изъ трехъ столицъ и даже быть можетъ въ нѣкоторыхъ изъ меньшихъ городовъ. Успѣхъ его среди галловъ былъ очевиденъ, хотя при отсутствіи всякихъ личныхъ привѣтствій въ его посланіи къ нимъ мы не можемъ сказать, принялъ ли вѣру кто нибудь изъ туземныхъ фригійцевъ, греческихъ поселенцевъ или римскаго правительственнаго класса. Но хотя онъ завѣдомо пишетъ имъ какъ бывшимъ язычникамъ и идолопоклонникамъ⁸²⁹⁾, между обращенцами навѣрно было и значительное количество лицъ изъ іудейскаго населенія⁸³⁰⁾, которое во множествѣ было привлечено въ Галатію ея плодородіемъ, выгодной торговлей и привилегіями, обеспечивавшими за нима свободное отправленіе своей религіи. Эти іудеи и ихъ посѣтители изъ Іерусалима, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, оказались весьма опаснымъ элементомъ для юной церкви.

Успѣхъ этой непреднамѣренной миссіи быть можетъ задержалъ ап. Павла на нѣкоторое время даже послѣ его выздоровленія, и когда онъ возвращался изъ Тавіи въ Пессинъ, ему представился случай, котораго онъ всегда желалъ для утвержденія его недавнихъ обращенцевъ въ вѣрѣ. Изъ Пессина миссіонеры отправились въ Мизію и предполагали проникнуть въ многочисленные и богатые города западной Віиціи, въ то время сенаторской провинціи. Но ихъ планы неизвѣстнымъ для насъ образомъ были опять разстроены. «Духъ Іисуса»⁸³¹⁾ не допустилъ имъ вступить въ страну, которой суждено было, правда, скоро быть обращенной, но не ими, и которая играетъ важную роль въ исторіи первенствующей церкви⁸³²⁾. Еще разъ чудесно задержанные въ исполненіи своихъ намѣреній, они не пытались проповѣдывать въ Мизіи⁸³³⁾, которая въ своихъ скудныхъ малонаселенныхъ возвышенностяхъ представляла мало удобствъ для благовѣстія, а пошли прямо въ Троаду, гдѣ ожидало ихъ необыкновенно важное событіе, котораго одного достаточно для объясненія намѣренія Того, кто предназначалъ цѣли, столь отличныя отъ намѣчаемыхъ самими апостолами.

Со склоновъ Иды⁸³⁴⁾ ап. Павелъ и Сильванъ съ своимъ младшимъ сотоварищемъ спустились въ лощину, отдѣлявшую эту гору отъ порта и колоніи. Они были на классической почвѣ. Съ каждымъ шагомъ впередъ предъ ними открывались картины, которымъ блистательная поэзія Греціи придавала бессмертный интересъ. Выйдя изъ сосновыхъ рощъ богатаго источниками холма съ его прекра-

своей легендой объ Энонѣ и ея возлюбленномъ, они видѣли подъ собою веселыя равнины «вѣтряной Трои», гдѣ великіе герои древнихъ временъ такъ часто «ушивались воинственнымъ пыломъ битвъ». Но ихъ умы были заняты другими мыслями.

Городъ, въ который они теперь прибыли, былъ основанъ преемниками Александра Великаго и былъ возведенъ на степень колоніи съ *jus italicum*. Эта привилегія дарована была жителямъ единственно въслѣдствіе романтическаго интереса, который римляне чувствовали къ легендарной колыбели своего величія, — интереса, который едва не заставилъ Константина основать тамъ вмѣсто Византіи столицу западной имперіи. Намъ ничего не сообщается о проповѣди въ Александріи — Троадѣ. Ап. Павелъ посѣщалъ ее по крайней мѣрѣ при трехъ различныхъ случаяхъ. Тамъ именно жилъ Карпъ, у котораго въ домѣ ап. Павелъ вѣроятно⁸³⁵) и останавливался, и онъ нашелъ это мѣсто особенно удобопріемлемымъ для проповѣди Евангелія (2 Кор. II, 12). На этотъ разъ однако же его пребываніе было очень непродолжительно⁸³⁶), потому что ему предназначено было другое дѣло.

Ап. Павелъ уже много лѣтъ трудился среди сирійцевъ, киликійцевъ и смѣшанныхъ племенъ Малой Азіи. Но во время этой миссіонерской дѣятельности ему случалось бывать и въ такихъ римскихъ колоніяхъ, какъ Антиохія Писидійская, и часто поэтому приходилось бывать въ обществѣ грековъ и римлянъ. Онъ самъ былъ римскій гражданинъ, и изъ частыхъ намековъ въ его посланіяхъ видно, что онъ, подобно св. Лукѣ, былъ пріятно пораженъ порядкомъ, дисциплиной, достоинствомъ и почтеніемъ къ закону, которыми отличались римляне, и особенно мужествомъ, рѣшимостью, смѣлымъ духомъ самоотверженія, которыя отличали римскаго воина⁸³⁷). Въ своихъ позднѣйшихъ посланіяхъ онъ говоритъ, какъ часто его мысли обращались къ самому Риму⁸³⁸), и такъ какъ онъ размышлялъ о божественно предопредѣляемой будущности христіанства, то мы не можемъ сомнѣваться, что бродя вокругъ бойкой въ то время, но теперь запущенной и пустынной гавани Троады, онъ съ надеждою и свѣтлыми мечтами обращался взорами къ холмамъ оо. Имброса и Самофракии; и быть можетъ когда въ какой нибудь ясный вечеръ виднѣлся былъ колоссальный пикъ Аѳона, онъ казался ему какбы величественнымъ ангеломъ, призывавшимъ его нести благовѣстіе на западъ. Духъ Иисуса, досель руководившій его дѣятельностью, не позволилъ ему проповѣдывать въ древнихъ и знаменитыхъ городахъ Азіи, запретилъ ему вступитъ въ Византію и глубже вонзалъ жало въ его плоть, чтобы онъ опять проповѣдывалъ среди галловъ. Съ нетерпѣніемъ поэтому онъ долженъ былъ ожидать дальнѣйшаго указанія; и оно дано было ему. Однажды ночью ему явился македонскій воинъ⁸³⁹) и сталъ увѣщевать его такими словами: «прійди въ Македонію, и помоги намъ». Когда наступило утро, ап. Павелъ разсказалъ это видѣніе своимъ сотоварищамъ⁸⁴⁰). «Послѣ сего видѣнія, тотчасъ мы положили», говоритъ повѣствователь, который здѣсь

въ первый разъ является спутникомъ ап. Павла, «отправиться въ Македонію, заключая, что призываетъ насъ Господь благовѣствовать тамъ». Съ такою краткостью и простотой разсказывается случай, который важнѣе всѣхъ другихъ въ дѣлѣ введенія Евангелія Христова среди наиболѣе передовыхъ и дѣятельныхъ народовъ міра и притомъ тѣхъ именно народовъ, въ руки которыхъ неизбѣжно должна была перейти его будущая судьба.

Во время этого же посѣщенія Троады произошла первая встрѣча ап. Павла съ Лукой, авторомъ книги Дѣяній Апостольскихъ и Евангелія. На эту встрѣчу самъ св. Лука съ глубокою скромностью указываетъ неожиданнымъ употребленіемъ мѣстоименія «мы»; но даже и помимо этого живая точность въ передачѣ подробностей въ непосредственно слѣдующемъ повѣствованіи находится въ такомъ поразительномъ контрастѣ съ скудными свѣдѣніями предыдущаго повѣствованія, что мы невольно чувствуемъ личное присутствіе самого писателя на борту корабля, отчаливавшаго теперь въ далекій путь отъ одной изъ тѣхъ гранитныхъ колоннъ, которыя и теперь еще можно видѣть на пустынныхъ берегахъ гавани древней Троады.

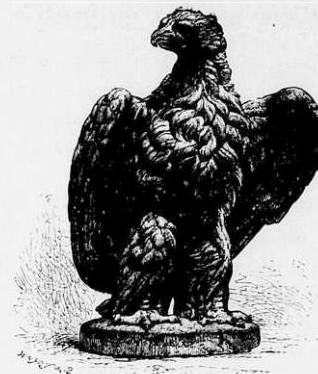
Для ап. Павла это была счастливая встрѣча, потому что изъ всѣхъ сотрудниковъ, въ обществѣ съ которыми ему приходилось совершать свое великое дѣло, только одинъ Тимофей былъ дорожее ему, чѣмъ Лука. Изъ появленія и исчезновенія перваго личнаго мѣстоименія въ послѣдующихъ главахъ книги Дѣяній⁸⁴¹) мы видимъ, что св. Лука сопровождалъ ап. Павла въ Филиппы, и затѣмъ семь лѣтъ спустя опять присоединился къ нему тамъ, чтобы уже никогда не разлучаться съ нимъ во все то время, когда мы имѣемъ возможность слѣдить за его жизнью. Какъ глубоко ап. Павелъ былъ привязанъ къ нему, видно изъ даваемого ему титула «возлюбленный врачъ»; какъ всецѣло была его преданность, видно изъ трогательнаго замѣчанія: «только Лука со мною». Онъ раздѣлялъ его путешествіе, его опасности и страшное кораблекрушеніе; онъ посѣщалъ и утѣшалъ его въ долгихъ тюремныхъ заключеніяхъ сначала въ Кесаріи, потомъ въ Римѣ. Болѣе всего этого, онъ сдѣлался біографомъ великаго апостола, и его преданности, его способности, его точной передачѣ фактовъ мы обязаны почти всѣмъ, что мы знаемъ о томъ, кто потрудился болѣе всѣхъ апостоловъ и которому болѣе чѣмъ кому бы то ни было изъ нихъ дѣло Христа обязано своимъ упроченіемъ и распространеніемъ въ мірѣ.

О самомъ Лукѣ, помимо того, что намъ извѣстно о его жизни и характерѣ изъ его собственныхъ книгъ, мы знаемъ немного. Нѣтъ основанія отвергать единогласное преданіе, что по рожденію онъ былъ антиохіецъ⁸⁴²), и изъ указаній ап. Павла ясно, что онъ былъ обращенецъ (Кол. IV, 10, 11, 24). Что онъ былъ тонкій наблюдатель, точный повѣствователь, человѣкъ образованный и хорошо владѣвшій греческимъ стилемъ⁸⁴³), это мы видимъ изъ его двухъ книгъ, и въ нихъ также открывается его нѣжный и мужественный, симпатичный и самоотверженный

характеръ. Одинъ случайный намекъ ап. Павла показываетъ, что онъ былъ врачъ, и это указаніе замѣчательнымъ образомъ подтверждается своеобразными оборотами его рѣчи ⁸⁴⁴). Положеніе врача въ то время было отнюдь не столь высоко, какъ теперь, и это вовсе не исключаетъ возможности того, что св. Лука могъ быть отпущенникомъ; но въ этомъ и во всѣхъ другихъ касающихся его отношеніяхъ св. писаніе и преданіе не сообщаютъ намъ никакихъ свѣдѣній. Что онъ былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ, это поразительно доказывается его рассказомъ о кораблекрушеніи, вслѣдствіе чего высказывалось даже мнѣніе, что онъ занимался медицинскимъ дѣломъ на большихъ торговыхъ корабляхъ, совершавшихъ постоянное плаваніе между различными портами Средиземнаго моря ⁸⁴⁵). Во всякомъ случаѣ, изъ того, что здѣсь впервые вводится въ повѣствованіе его имя, сами собой вытекаютъ два вывода. Именно во-первыхъ тотъ, что онъ уже былъ знакомъ съ ап. Павломъ быть можетъ въ Антиохіи, и во вторыхъ, что хотя онъ по своей жизни и понятіямъ связанъ былъ съ Филиппами и Троадою, но его послѣдующая тѣсная привязанность къ апостолу какъ во время его путешествія, такъ и во время тюремныхъ заключеній быть можетъ возникла изъ желанія съ его стороны принести апостолу пользу своимъ медицинскимъ искусствомъ и оказать ему помощь при частыхъ приступахъ его болѣзни ⁸⁴⁶). Продолжительность болѣзни, удручавшей ап. Павла въ Галатіи, быть можетъ была первой причиной, которая побудила Луку сопровождать апостола и такимъ образомъ начать то братское товарищество, которое сдѣлалось однимъ изъ величайшихъ благъ въ удручаемой скорбями жизни апостола.

Римскій сотникъ.

Римскій орелъ
(въ Британскомъ музеѣ).

КНИГА VII.

ХРИСТИАНСТВО ВЪ МАКЕДОНІИ.

ГЛАВА XXV.

ФИЛИППЫ.

День коротокъ; дѣла много; въ рабочихъ недостатокъ; награда великая; господинъ торопитъ.

Пирге-Абоетъ.

СПОЛНЕННЫЕ возвышенныхъ надеждъ, вдохновенные сознаніемъ высшаго руководительства Духа Божія, благовѣстники вмѣстѣ съ Лукой и Тимоеемъ отплыли изъ порта Троады. Быстро уносимые южнымъ вѣтромъ по назначенному имъ пути, они могли видѣть въ этомъ новый знакъ, что съ ними былъ Тотъ, который повелѣваетъ и вѣтрамъ исполнять волю свою ⁸⁴⁷). Вслѣдствіе благопріятнаго вѣтра они въ два дня проплыли то пространство, которое заняло пять дней на обратномъ пути (Дѣян. xx, 6). Въ первый день они прошли мимо о. Тенедоса и Имброса прямо къ о. Самоеракии и бросили якорь на ночь въ подвѣтренной сторонѣ его. Смотри при звѣздномъ свѣтѣ или при ранней зорѣ на выдвигающійся пикъ, подъ тѣнью котораго находится этотъ древній островъ, не размышлялъ ли ап. Павелъ о связанныхъ

съ нимъ древнихъ мистеріяхъ, не бесѣдовалъ ли съ своими сотоварищами о древноязыческихъ божествахъ—кабирахъ, или не спрашивалъ ли кого нибудь изъ греческихъ или римскихъ матросовъ о странныхъ названіяхъ Аксіохера, Аксіохерса и Аксіохерсы? Не безынтересно было бы знать объ этомъ, но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ въ этомъ отношеніи, и очень вѣроятно, что ко всѣмъ этимъ второстепеннымъ явленіямъ онъ былъ, по обыкновенію, совершенно равнодушенъ.

На слѣдующій день, все еще быстро увлекаемые тѣмъ же вѣтромъ⁸⁴⁸), они миновали устье знаменитаго Неста; прошли къ сѣверу отъ Оаза, среди мѣстностей, переполненныхъ воспоминаніями о Фукидидѣ; въ первый разъ любовались «золотоносными утесами» Пангея; видѣли скалистый мысъ и на немъ оживленный морской портъ, надъ которымъ взымался мраморный храмъ дѣвственной Діаны; и такимъ образомъ, бросивъ якорь на рейдѣ, они, и трое изъ нихъ въ первый разъ, вступили на европейскую почву. Это былъ Неаполь во Фракіи—новѣйшая Кавала,—который служилъ портомъ для македонскихъ Филиппъ. Здѣсь ап. Павелъ не оставался долго; какъ въ Селевкии, Атталіи, Пергѣи, Пиреѣ и Кенхреѣ, онъ повидимому считалъ этотъ портъ лишь мѣстомъ отправленія во внутренній городъ⁸⁴⁹). Въслѣдствіе этого онъ сразу же оставилъ Неаполь западными воротами и отправился по Эгнатійской дорогѣ, которая, пройдя нѣкоторое пространство по берегу, поворачиваетъ къ сѣверу черезъ узкій проходъ горы Пангея и затѣмъ извивается по великолѣпной зеленой равнинѣ, гдѣ съ одной стороны по обширнымъ болотамъ среди камышей бродили стада длиннорогихъ буйволовъ, а на лежащихъ на другой сторонѣ богатыхъ луговинахъ, орошаемыхъ тающими снѣгами Гема и освѣжаемыхъ водами Зигакта, цвѣли и благоухали столбистыя розы. Черезъ двѣнадцать верстъ отсюда имъ приходилось потомъ проходить по кладбищамъ, окаймлявшимъ дорогу по сосѣдству всѣхъ древнихъ городовъ, и затѣмъ верстахъ въ двухъ далѣе былъ самый городъ Филиппы, акрополь котораго давно уже видѣлся съ вершины своего обрывистаго и башнеобразнаго холма⁸⁵⁰).

Городъ Филиппы заключалъ въ себѣ достопамятную лѣтопись двухъ обширныхъ имперій. Нѣкогда это было мало извѣстное мѣстечко, называвшееся въслѣдствіе своихъ потоковъ и источниковъ Кренидами; но Филиппъ, отецъ Александра, сдѣлалъ его пограничнымъ городомъ для защиты Македоніи отъ фракійцевъ и содѣйствовалъ возвышенію его значенія чрезвычайно выгодной разработкой находящихся въ его сосѣдствѣ золотыхъ рудниковъ. Августъ, гордый своею побѣдой надъ Брутомъ и Кассіемъ, одержанной при подошвѣ того холма, на которомъ стоитъ этотъ городъ и на вершинѣ котораго Кассій совершилъ самоубійство, возвысилъ его на степень колоніи, что и сдѣлало его, какъ называетъ св. Лука, если и не въ полномъ смыслѣ первымъ, то всетаки однимъ изъ первыхъ городовъ этого округа Македоніи⁸⁵¹). Вѣроятно поэтому-то именно ап. Павелъ и направился прямо въ него. Когда Персей, послѣдній преемникъ Александра

Великаго, былъ разбитъ въ Пиднѣ (22 іюня 168 г. до Р. Хр.), Македонія была низведена на степень римской провинціи, раздѣленной на четыре округа. Согласно коварной политикѣ Рима, эти округа были разъединены одинъ отъ другаго различіемъ привилегій и особенностью интересовъ, поддерживавшихъ между ними взаимное соперничество. Начинаясь къ востоку отъ рѣки Неста, была «первая Македонія», достигавшая до Стримона; «вторая Македонія»—до Аксія; «третья Македонія» — до Пеней, и «четвертая Македонія» — до Иллиріи и Эпира⁸⁵²). Столицами этихъ округовъ были: Амфиполь, Фессалоника, въ которой постоянно имѣлъ свою резиденцію проконсулъ всей провинціи, Пелла и Пелагонія. Можно съ основаніемъ полагать, что ап. Павелъ въ отвѣтъ на призывъ видѣнія первоначально намѣревался посѣтить, какъ въслѣдствіи онъ быть можетъ и посѣтилъ, всѣ четыре столицы. Но Амфиполь, не смотря на свою историческую славу, потерялъ свое прежнее значеніе, между тѣмъ какъ важныя колоніальныя привилегіи сдѣлали въ дѣйствительности Филиппы наиболѣе важнымъ городомъ провинціи.

Ап. Павелъ не безъ любопытства могъ посмотреть на знаки римскаго гражданства, которые здѣсь его взглядъ встрѣчалъ на каждомъ шагу, именно извѣстные S. P. Q. R.; на знаменитыхъ легіонныхъ орловъ; на вооруженіе римскихъ воиновъ, которое въслѣдствіе приходилось ему такъ точно описывать; на двѣ статуи Августа, изъ которыхъ одна была въ плащѣ императора, а другая—въ полунагому одѣяннѣ божества. Проходя же Эгнатійской дорогой, пролегавшей черезъ городъ, они навѣрно видѣли и изображеніе покровительствующихъ божествъ, грубо высѣченныхъ на скалѣ, что показывало, что древняя міеологія еще номинально принималась населеніемъ. Можно ли думать, что они были настолько выше всякаго чувства юмора, чтобы не улыбнуться съ своимъ сотоварищемъ богу, носившему, когда проходя мимо храма, посвященнаго деревенскому богу, носившему также имя Сильвана, они видѣли изображеніе старика «раздувагоса отъ ѣды, дряхлаго и безобразнаго», идола, которому поклонялись деревенскіе переселенцы изъ Италіи, бывшіе первыми колонистами города, и приносили ему въ жертву плоды и вино?

Они прибыли въ срединѣ недѣли, и первую ихъ заботу, по обыкновенію, было достать себѣ помѣщеніе и независимое пропитаніе, въ чемъ Лука несомнѣнно могъ содѣйствовать своею медицинской практикой. Быть можетъ они надѣялись встрѣтить здѣсь іудейскую общину, пріютившуюся подъ крыльями римскаго орла; но если такъ, то они ошиблись. Филиппы былъ военнымъ и земледѣльческимъ, а не торговымъ городомъ, и іудеевъ въ немъ было такъ мало, что у нихъ даже не было синагоги. Если въ теченіе этихъ дней апостолы пытались проповѣдывать, то это могло быть только въ частныхъ домахъ, потому что когда пришла суббота, то они даже не были увѣрены, чтобы въ городѣ могла быть *просега* или молитвенный домъ⁸⁵³). Они однако же достаточно знакомы были съ обычаями іудеевъ, чтобы быть увѣренными, что если была у нихъ молебеня, то она находилась

гдѣ нибудь на берегу рѣки, внѣ города. И вотъ они, выйдя за ворота ⁸⁵⁴), отправились вдоль древней шоссейной дороги, которая прямо вела къ Гангитамъ ⁸⁵⁵). Имъ пришлось пройти и подъ триумфальной аркой, построенной въ память великой побѣды Филиппа за 94 года предъ тѣмъ ⁸⁵⁶),—побѣды, окончательно рѣшившей торжество императорской системы, которая имѣла столь громадныя послѣдствія для исторіи міра. Дойдя до берега рѣки, миссіонеры были на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ происходила битва и близъ котораго находились лагери Брута и Кассія, отдѣлявшіеся рѣкой отъ войска Октавіана и Антонія.

Но когда они достигли бѣдной, устроенной на открытомъ воздухѣ молебни ⁸⁵⁷), то къ удивленію они нашли здѣсь въ сборѣ лишь нѣсколько женщинъ. Ясно, что не настало еще время для формальныхъ молитвъ. Они поэтому сѣли и вступили въ разговоръ съ маленькимъ собраніемъ ⁸⁵⁸). Слова ихъ сопровождались полнымъ благословеніемъ. Среди женщинъ сидѣла одна лидійская прозелитка, уроженка города Фіатиры, которая принадлежала тамъ къ классу красильщиковъ ⁸⁵⁹). Необычайная роскошь того времени создавала большой спросъ на пурпуръ на рынкѣ Рима, и Лидія находила выгодный сбытъ для своего ремесла среди гражданъ въ Филиппахъ. Въ то время какъ она сидѣла и слушала, стрѣла убѣжденія пронзила ея сердце. Она приняла вѣру и крестилась вмѣстѣ съ своими рабами и дѣтьми ⁸⁶⁰). Ея обращеніе сразу же принесло добрый плодъ, такъ какъ она вообще была гостепріимна. «Если вы», сказала она, «признали меня вѣрною Господу, то войдите въ домъ мой и живите у меня». Какъ ни скромно высказана была эта просьба, но согласиться на нее не было бы согласно съ тѣми началами, которыми ап. Павелъ руководился при своей дѣятельности. Вполнѣ признавая право всякаго проповѣдника вѣры на матеріальную помощь со стороны тѣхъ, кому онъ проповѣдывалъ религіозную истину и даже право путешествовать вмѣстѣ съ сестрой-женою или прислуживающею діакониссою, онъ однако же не только не хотѣлъ воспользоваться здѣсь этимъ правомъ, но просилъ какъ особенной милости чтобы она не настаивала на своей просьбѣ, потому что онъ хотѣлъ доказать искренность своего служенія полнымъ его безкорыстіемъ. Лидію однако же нельзя было убѣдить этимъ. Это была очевидно одна изъ тѣхъ благородныхъ натуръ, которыя знаютъ, насколько лучше и благословеннѣе давать, чѣмъ принимать, такъ что и ап. Павелъ не считалъ себя вправѣ настаивать на своемъ отказѣ. Ремесло Лидіи было очень выгодное, и въ ея богатствѣ, соединенномъ съ тою любовью, которую апостолъ питалъ къ церкви филиппійской гораздо болѣе всѣхъ другихъ церквей, мы видимъ и вѣроятное основаніе, почему онъ возбуждалъ ревность въ другихъ церквахъ, когда принималъ денежную помощь отъ филиппійскихъ обращенцевъ, и только именно отъ нихъ ⁸⁶¹).

Изъ нѣкоторыхъ данныхъ очевидно, что среди македонянъ женщины занимали болѣе независимое положеніе и пользовались большимъ почтеніемъ, чѣмъ у другихъ народовъ древняго міра ⁸⁶²). Въ своихъ посланіяхъ къ филиппійцамъ ап.

Павелъ съ особенною выразительностью упоминаетъ о двухъ женщинахъ Еводіи и Синтихи, которыя пользовались большою извѣстностью въ христіанской общинѣ, хотя, къ несчастью, онѣ не могли быть во всемъ согласны одна съ другою (Фил. iv, 2). То значеніе, которое эти женщины имѣли въ распространеніи Евангелія, едва ли можно преувеличить. И если только не случайно, что въ молебнѣ въ первую субботу въ Филиппахъ собрались только женщины, то мы можемъ предположить, что не малое число обращенцевъ (Дѣян. xvi, 40), упоминаемыхъ немного послѣ этого, первоначально были обращены къ вѣрѣ при помощи ихъ именно вліянія. Единственные обращенцы, которые упоминаются по имени, это Епафродитъ, къ которому какъ Павелъ, такъ и филиппійская церковь повидимому относились съ глубо-

Монеты города Фіатиры
(съ акземплярновъ въ Британскомъ музеѣ).

кимъ почтеніемъ; Климентъ и Сизигъ или «сожремникъ» ⁸⁶³), къ которому ап. Павелъ обращается съ игривымъ намекомъ на значеніе его имени и проситъ его содѣйствовать своимъ евангельскимъ трудомъ поборникамъ евангелія—Еводіи и Синтихи. Но кромѣ нихъ были еще и другіе непоименованные соратники, которымъ ап. Павелъ даетъ высокое свидѣтельство, что «имена ихъ записаны въ книгѣ жизни».

Эти первыя недѣли въ Филиппахъ видимо сопровождались счастливымъ успѣхомъ для дѣла, такъ какъ результатомъ ихъ было основаніе церкви, членамъ которой апостолъ находилъ нужнымъ дать лишь нѣсколько предостереженій и противъ которыхъ онъ не выразилъ не единого слова порицанія. Почти

полное отсутствіе іудеевъ было равносильно почти полному отсутствію преслѣдованія. Филиппійцы были всецѣло преданы своей христіанской вѣрѣ. Все посланіе ап. Павла къ нимъ дышетъ радостью и благодарностью. Имѣя въ виду, что онъ пишетъ къ колоніи,—колоніи римскихъ «атлетовъ», онъ напоминаетъ имъ о гораздо болѣе возвышенномъ и болѣе облагораживающемъ гражданствѣ, чѣмъ гражданство Рима⁸⁶⁴). Епафродита онъ называетъ не только своимъ соратникомъ, но также своимъ совономъ, тѣмъ, кто стоялъ съ нимъ плечо къ плечу въ новой македонской фалангѣ, которая должна была двинуться на завоеваніе міра. Свои метафорическія выраженія онъ беретъ съ арены борьбы и состязаній⁸⁶⁵). Какъ ап. Павелъ, такъ и св. Лука повидимому восторгались сильной, мужественной римской натурой своихъ обращенцевъ, изъ которыхъ многіе были рабы и отпущенники, но большинство были воины, собранные во время гражданскихъ войнъ изъ различныхъ областей Италіи,—люди суроваго закала, воспитанные въ здоровой укрѣпляющей дисциплинѣ римскихъ легионовъ и неиспорченные развращающимъ еллинизмомъ пестраго населенія. Ап. Павелъ любилъ и уважалъ ихъ болѣе чѣмъ мечтательныхъ и суевѣрныхъ ефесянъ, вѣтряныхъ и пылкихъ галловъ или высокомерныхъ и сварливыхъ ахейцевъ. Обращаясь къ Фессалоникиѣ и Филиппамъ, онъ обращался къ людямъ гораздо болѣе величаваго и мужественнаго духа, болѣе преданнымъ и вѣрнымъ, чѣмъ жители Коринфеа съ ихъ горделивымъ, выдававшимъ себя за знаніе невѣжествомъ или чѣмъ жители Азіи съ ихъ сладострастнымъ мистицизмомъ и церемониальною мелочностью. Теперь онъ въ первый разъ находился среди народа, который считался наиболѣе здоровымъ элементомъ древняго міра⁸⁶⁶), среди народа, который былъ такъ сказать свѣтильникомъ въ узкихъ и кривыхъ улицахъ сумрачнаго города, или звѣздой, изливающей пріятный свѣтъ на темномъ небосклонѣ; среди неиспорченныхъ дѣтей природы, заброшенныхъ въ среду измельчавшей, но коварной и до ничтожества выродившейся расы (Фил. II, 15).

Но пребываніе ихъ въ этомъ плодоносномъ полѣ труда было прервано однимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, которое затронуло зловую алчность нѣкоторыхъ лицъ, постаравшихся вслѣдствіе этого возбудить противъ Павла и Силы страсти черни. Между преслѣдованіями іудеевъ и язычниковъ замѣчается то характеристическое различіе, что первыя всегда возбуждались религіознымъ фанатизмомъ, а послѣднія—личными и политическими интересами, имѣвшими случайную связь съ религіозными вопросами. Апостолы доселѣ безпрепятственно трудились главнымъ образомъ потому, что въ этомъ городѣ или совсѣмъ не было іудеевъ, или ихъ было тамъ немного, и притомъ безъ всякаго вліянія. Но вотъ однажды, направляясь къ моленной, они встрѣтили одну дѣвицу рабыню, которая отличалась крайне возбужденною, быть можетъ эпилептической натурою. Такъ какъ подобная натура считалась особеннымъ свойствомъ служительницъ Пифіи въ Дельфахъ, то, по общему мнѣнію, дѣвица обладала духомъ «проричательнымъ»⁸⁶⁷).

Въ древности весьма мало понимали истинный характеръ патологическихъ припадковъ умственнаго возбужденія, и часто странные проблески ума и даже иногда генія среди мрака извращеннаго разума принимались за вдохновенныя и пророческія изреченія. И эта жалкая дѣвица среди городской черни пользовалась громкой славой гадалыцы и предсказательницы будущаго⁸⁶⁸). Какъ рабыня, она не могла сама обладать никакою собственностью, кромѣ того, что предоставлялось ей господами, и поэтому плата за всѣ гаданія и предсказанія этой жалкой проричательницы была хорошимъ источникомъ доходовъ для тѣхъ, кому она принадлежала. Какъ окруженной особеннымъ суевѣрнымъ почтеніемъ, этой дѣвицѣ очевидно предоставлялось больше свободы, чѣмъ сколько допускалось обыкновеннымъ женщинамъ даже въ Филиппахъ, и если она была іудейскаго происхожденія, то вѣроятно слышала кое-что касательно Павла и его ученія. Они произвели на нее сильное впечатлѣніе. Поэтому встрѣтивъ людей, о которыхъ она слышала такъ много, она повернулась⁸⁶⁹) и послѣдовала за ними къ рѣкѣ, постоянно выкликая—быть можетъ въ тѣхъ самыхъ фразахъ, которыя она слышала отъ нихъ:—«сіи чловѣки рабы Бога всевышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія»⁸⁷⁰). На это сначала можно было не обращать вниманія; но наконецъ выкрики ея сдѣлались настолько серьезнымъ препятствіемъ къ продолженію проповѣди, что ихъ нельзя было долѣе оставлять безъ всякаго вниманія.

Въ порывѣ жалости и негодованія⁸⁷¹) — жалости къ страдальцѣ и негодованія на эту постоянную надоедливость—ап. Павелъ вдругъ повернулся къ ней и обращаясь къ пифійскому духу, которымъ по общему вѣрованію была одержима дѣвица, сказалъ: «именемъ Іисуса Христа повелѣваю тебѣ выйти изъ нея». Слова эти произвели мгновенное дѣйствіе. Властно спокойное заклинаніе возстановило въ ея существѣ нарушенную гармонию. Она избавилась отъ припадковъ, а также

Служительница Пифіи на треножникѣ (съ древней вазы).

прекратились и тѣ неестественные, дикіе выкрики, которые при своей необычайности и пронзительности естественно могли быть принимаемы за сивиллинскія прорицанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для господъ ея исчезла всякая надежда на доходъ отъ ея прорицаній. Источникъ ихъ доходовъ исчезъ вмѣстѣ съ духомъ ⁸⁷³⁾. Часть столь важной для нихъ собственности такимъ образомъ сдѣлалась совершенно бесполезной для нихъ.

Увидѣвъ такой уронъ, господа этой рабыни пришли въ неописанную ярость. Они едва ли могли идти прямо къ властямъ города и заявить, что Павелъ единственнымъ словомъ изгналъ могущественнаго демона; но они рѣшились отмстить ему тѣмъ или другимъ способомъ, тѣмъ болѣе, что въ римской колоніи, составленной первоначально изъ отставныхъ Антоніевыхъ солдатъ и населенной теперь большею частью ихъ потомками, равно какъ и надѣленными отчасти правами гражданства отпущенниками изъ Италіи ⁸⁷³⁾, легко было возбудить вражду противъ двухъ-трехъ, лишенныхъ всякихъ связей, іудеевъ. Это было тѣмъ легче, что филиппійцы быть можетъ слышали извѣстіе о тѣхъ смутахъ и мятежахъ въ Римѣ, которые повели къ изданію указа импер. Клавдія, изгонявшаго всѣхъ іудеевъ изъ столицы ⁸⁷⁴⁾. Они рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы произвести буйство на подобномъ же основаніи ⁸⁷⁵⁾. Они внезапно арестовали Павла и Силу и повлекли ихъ на судъ къ властямъ города ⁸⁷⁶⁾. Эти власти повидимому передали дѣло на разсмотрѣніе дуумвировъ ⁸⁷⁷⁾, которые были главными начальниками колоніи и, въ подражаніе обычаямъ и титуламъ императорскаго Рима, имѣли дерзость называть себя «преторами» ⁸⁷⁸⁾. Ведя своихъ узниковъ къ этимъ «преторамъ», буйны кричали: «сіи люди, будучи іудеями, возмущаютъ нашъ городъ и проповѣдуютъ обычаи, которыхъ намъ, римлянамъ, не слѣдуетъ ни принимать, ни исполнять» ⁸⁷⁹⁾. Чернь знала дѣйствительное состояніе дѣла, но видимо сочувствовала владѣльцамъ рабыни, которые въ этомъ случаѣ по отношенію къ апостоламъ дѣйствовали совершенно такъ же, какъ нѣкогда дѣйствовали гадаряне по отношенію къ Спасителю, когда исцѣленіемъ бѣсноватаго задѣты были ихъ выгоды. Въ душѣ грековъ и римлянъ, какъ мы видѣли, всегда таилась искра отвращенія къ іудеямъ. И вотъ всѣ празднолюбцы агоры шумно стали на сторону обвинителей, и областные дуумвиры, вдвойнѣ грозные и опасные вслѣдствіе пустой надменности отъ присвоенныхъ ими себѣ павлиныхъ перьевъ «преторскаго достоинства», рѣшили, что чернь права, или что во всякомъ случаѣ подобныя личности изъ іудеевъ непременно всегда настолько виноваты, чтобы заслуживать хорошаго наказанія. Они не смущались тѣмъ, что имъ такою дешевою цѣною придется удовлетворить римское самовнѣніе своего города, гордившагося тѣмъ, что граждане его принадлежали къ племени Вольтинія ⁸⁸⁰⁾. Это было новое доказательство того, что самый ничтожный человѣкъ, стоитъ только обдѣлать его хотя самою незначительною властью, готовъ «выкидывать подвиги самаго дерзкаго властолюбія хоть даже предъ самимъ небомъ».

Павлу и Силѣ здѣсь приходилось имѣть дѣло не съ надменнымъ безпристрастіемъ и гордою пренебрежительностію такого образованнаго человѣка, какъ Галліонъ, но съ грубымъ самоуправствомъ разныхъ «Вивіевъ и Флоровъ», которые въ то время играли свою короткую роль на узкой сценѣ города Филиппъ. Обладая римскимъ гражданствомъ, проповѣдники отнюдь не могли ожидать, чтобы ихъ дѣло милосердія закончилось столь незаконнымъ къ нимъ отношеніемъ, какъ полное пренебреженіе къ ихъ гражданскимъ правамъ, или, чтобы ихъ безъ суда и слѣдствія нахально присудили къ наказанію, котораго заслуживаютъ только самые низкіе злодѣи ⁸⁸¹⁾. А такъ именно и случилось. Мнимые «преторы» хотѣли подражать «божественному» Клавдію, и обрушились на этихъ странствующихъ іудеевъ съ тѣмъ же наказаніемъ, которое злые подвиги ихъ соотечественниковъ навлекли на нихъ въ Римѣ. Такъ какъ судопроизводство происходило несомнѣнно на латинскомъ языкѣ, который Павелъ и Сила быть можетъ не совсѣмъ понимали, и сопровождалось разными законническими формами, съ которыми они были незнакомы, то они или не имѣли времени опереться на свое гражданское право передъ тѣмъ, какъ ихъ уже сдали въ руки ликторовъ ⁸⁸²⁾, или же, если они и ссылались на него, то ихъ голоса были заглушены буйными воплями черни. Не успѣли они еще высказать хотя одно слово въ свою собственную защиту, какъ былъ произнесенъ приговоръ: «summove, lictores, despoliate, verberate». Апостолы были схвачены; одежды ихъ грубо содраны съ нихъ ⁸⁸³⁾; ихъ повлекли и привязали руками къ *palus* или къ бичевальному столбу на городской площади. Взывали ли они тщетно погречески къ своимъ разъяреннымъ врагамъ: «мы римскіе граждане», или, что гораздо вѣроятнѣе, сносили это страшное наказаніе въ томъ величавомъ безмолвіи, которое въ моменты высшаго духовнаго восхищенія лишаетъ боли самое страданіе — неизвѣстно ⁸⁸⁴⁾; во всякомъ случаѣ на той площади, развалины которой сохраняются еще и теперь, въ виду грязныхъ псдонковъ провинціального пограничнаго города и своихъ собственныхъ сострадательныхъ друзей, они въ рукахъ звѣрскихъ ликторовъ перенесли то издѣвательство, тѣ удары, пинки, мученія и побои, то безчестіе и крайній позоръ, несправедливое нанесеніе которыхъ даже хладнокровный и жестокій язычникъ не могъ бы описывать безъ волненія и негодованія ⁸⁸⁵⁾. Это было первое изъ тѣхъ трехъ разгрома римскихъ ликторовъ, которыя перенесъ ап. Павелъ, и нѣтъ надобности останавливаться хотя сколько нибудь на изображеніи его мучительности и опасности для здоровья. Въ наше время мы не можемъ читать безъ содроганія даже о бичеваніи какого нибудь звѣрскаго преступника, и наша кровь заходѣла бы отъ невыразимаго ужаса, если бы подобный фактъ, или хотя что нибудь подобное ему случилось въ жизни какихъ либо извѣстныхъ проповѣдниковъ. Но такіе ужасы по крайней мѣрѣ восемь разъ повторялись въ жизни великаго апостола, организмъ котораго былъ истерзанъ отъ непрерывныхъ страданій и въ жизни котораго эти муки были лишь каплею

въ морѣ терпѣнія, такъ что изъ восьми случаевъ, въ которыхъ онъ подвергался этимъ ужаснымъ бичеваніямъ, только этотъ одинъ онъ считалъ стоящимъ михоходнаго упоминанія впоследствии⁸⁸⁶).

Но это еще было не все. Не удовольствовавшись столь жестокимъ бичеваніемъ, дуумвиры, съ тѣмъ же чудовищнымъ нарушеніемъ всякихъ законовъ, ввергли Павла и Силу въ темницу и дали тюремщику специальное приказаніе крѣпко накрѣпко содержать ихъ тамъ. Заключивъ изъ этого приказанія, что эти узники виновны въ какомъ либо чрезвычайно тяжеломъ преступленіи, и рѣшившись содержать ихъ подъ усиленной охраной, тюремщикъ не только ввергнулъ ихъ во внутреннее помѣщеніе темницы, мрачной и грязной, но и велѣлъ ноги ихъ забить въ «колоду». «Колода» эта была орудіемъ пытки, употреблявшимся во

Римскій ликторъ съ пучками розогъ.

многихъ странахъ, и состояла изъ бруса, имѣвшаго пять отверстій: по два для рукъ и ногъ и одно для шеи⁸⁸⁷). Тюремщикъ на этотъ разъ забилъ въ колоду только ихъ ноги; и однако же неудивительно, что память объ этомъ страданіи сохранялась въ душѣ ап. Павла и многіе годы спустя, когда мы представимъ себѣ, что могъ чувствовать страдалецъ, который, вполне сознавая тяжкую несправедливость въ отношеніи къ себѣ и только недавно оправившись отъ тяжелой болѣзни, послѣ долгаго и ужаснаго бичеванія, слѣдовавшаго за буйнымъ и звѣрскимъ насиліемъ, изъ рукъ бушующей черни былъ ввергнутъ въ удушающую и мрачную темницу и въ теченіе всей ночи пробылъ въ такихъ оковахъ, что не было никакой возможности, кромѣ самаго неудобнаго положенія, даже заснуть на грязномъ голомъ полу⁸⁸⁸).

Однако же и надъ всѣми этими бѣдствіями Павелъ и Сила восторже-

ствовали въ душѣ. Съ геройскою бодростью они утѣшали себя въ теченіе долгихъ темныхъ часовъ ночи молитвою и гимнами⁸⁸⁹). Для каждаго іудея, какъ и для каждаго христіанина, псалмы Давида давали неистощимый запасъ священнаго пѣснопѣнія. Въ эту ночь темница такъ сказать бодрствовала. Въ воздухѣ, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, была страшная тишина и жаръ—признакъ наступающей катастрофы; но какъ бы то ни было, преступники филиппійской тюрьмы слышали священныхъ пѣсни двоихъ своихъ союзниковъ, которые, не заслуживъ ничего, страдали тяжелѣе всѣхъ. «Темница», по выраженію одного писателя, «сдѣбалась Одеономъ». И преступники съ завистью и изумленіемъ слушали тѣ «пѣсни ночи», которыми Богъ вдохновлялъ невинныхъ. Никогда быть можетъ не было еще ничего подобнаго въ исторіи міра, и это полное торжество духа мира и радости надъ позоромъ и мукой было знаменіемъ того, что должно было произвести христіанство впоследствии. И въ то время, какъ они пѣли, а заключенники слушали быть можетъ стихи, которые изъ глубины души взывали къ Богу, «уносясь къ Нему предъ утреннюю стражей», пѣли быть можетъ слова: «пашущіе пахали на хребтѣ моемъ и проводили длинныя борозды; но праведный Господь разсѣкъ узы нечестивыхъ», или торжественно возвѣщали: «такъ Господь разрушилъ врата мѣдныя и низвергъ веріи желѣзныя», — вдругъ почувствовался сильный ударъ землетрясенія, который потрясъ самыя основы тюрьмы. Темничныя двери открылись; цѣпи узниковъ сорвались съ колець въ стѣнѣ (Дѣян. xvi, 26). Пробужденный отъ сна и увидѣвъ двери темницы открытыми, начальникъ тюрьмы тотчасъ же извлекъ свой мечъ и хотѣлъ убить себя, думая, что его узники убѣжали, и зная, что онъ самъ долженъ будетъ отвѣчать за нихъ своею жизнью⁸⁹⁰). Самоубійство въ то время было обычнымъ убѣжищемъ отъ бѣдствія, и въ Филиппахъ быть можетъ сочтено было бы не только естественнымъ, но и героическимъ поступкомъ⁸⁹¹). Ап. Павелъ однако же тотчасъ замѣтилъ его намѣреніе и, всегда въ совершенствѣ владѣя собою даже среди опасности, закричалъ ему громкимъ голосомъ: «не дѣлай себѣ никакого зла, ибо всѣ мы здѣсь». Всѣ эти обстоятельства — землетрясеніе, приступъ внезапнаго ужаса, порывъ радости, отвратившей его отъ самоубійства, скромная терпѣливость и спокойное прощеніе со стороны узниковъ—сразу расплавили сердце этого человѣка. Попросивъ свѣта, онъ бросился во внутренность темницы и въ трепетѣ волненія повергся къ ногамъ Павла и Силы. Затѣмъ освободивъ ихъ ноги отъ колоды и выведя ихъ изъ внутренняго заключенія, воскликнулъ: «государи мои (κύριοι), что мнѣ дѣлать, чтобы спастись»? Самый тонъ рѣчи показывалъ въ немъ глубокое благоговѣніе. Вопросъ его былъ какъ бы отголоскомъ вопроса бѣсноватой⁸⁹²). И апостолы отвѣчали ему отчасти словами, которыя онъ самъ употребилъ: «вѣруй», сказали они, «въ Господа (Κύριον) Иисуса Христа и спасешься ты и весь домъ твой». Глубоко тронутый, начальникъ темницы тотчасъ же собралъ все свое семейство, а Павелъ и Сила, не смотря на всѣ

свои страданія и утомленіе, проповѣдывали имъ о Томъ, въ которомъ они могли найти спасеніе ⁸⁹³). Затѣмъ начальникъ тюрьмы, сжалившись надъ ихъ положеніемъ, омылъ ихъ истерзанныя спины и немедленно затѣмъ со всѣмъ своимъ домомъ крестился въ новую вѣру ⁸⁹⁴). Все это повидимому совершилось въ предѣлахъ тюрьмы. Проповѣдники доселѣ и не подумали о нищѣ или покоѣ. Уведя ихъ по лѣстницѣ въ верхнюю комнату своего дома, онъ накрылъ для нихъ столъ, и въ этотъ возвышенный часъ посвщенія отъ живаго Бога онъ со всѣмъ своимъ домомъ чувствовалъ тотъ порывъ возвышенной радости, который естественно истекалъ изъ новой вдохновляющей вѣры ⁸⁹⁵).

Разсвѣлъ день, и дуумвиры пришли въ смятеніе. Чувствовали ли они землетрясеніе ⁸⁹⁶) и были испуганы, чтобы эти «рабы Бога Всевышняго» не оказались чѣмъ нибудь болѣе бѣдныхъ іудейскихъ странниковъ, какими они казались, или до нихъ дошло извѣстіе о крайне поразительныхъ событіяхъ этой ночи, они во всякомъ случаѣ устыдились своей грубой несправедливости. Они чувствовали крайнюю необходимость затушить все это дѣло и насколько возможно скорѣе отбѣлаться отъ этихъ странныхъ узниковъ. Вслѣдствіе этого они послали своихъ ликторовъ въ тюрьму, но уже не для того, чтобы употреблять свои розги въ возмутительномъ нарушеніи справедливости, но чтобы «отпустить тѣхъ людей». Начальникъ тюрьмы поспѣшилъ къ Павлу съ извѣстіемъ объ освобожденіи, которое, какъ ему думалось, несомнѣнно будетъ принято съ искреннею радостью. Но ап. Павелъ чувствовалъ, что по крайней мѣрѣ какое нибудь вознагражденіе должно быть дано за невыносимую несправедливость и что ради другихъ, если не для самого себя, этимъ областнымъ судьямъ нужно было преподать урокъ, чтобы они не съ такою легкостью злоупотребляли своею властью по навѣтамъ буйной черни. Пославъ ликторовъ за самими дуумвирами, онъ строго сказалъ имъ, придавая особый вѣсъ каждому слову: «насъ, римскихъ гражданъ, безъ суда всенародно били и бросили въ темницу, а теперь тайно выпускаютъ; нѣтъ, пусть придутъ и сами выведутъ насъ» ⁸⁹⁷). Ликторы отправились съ этою вѣстью къ преторамъ и это повергло ихъ въ немалое безпокойство. По своему невѣжеству, предубѣжденію и начальственному высокомерію, они совершили вопіющее нарушеніе римскаго закона ⁸⁹⁸). Они осудили двухъ римскихъ гражданъ, не давъ имъ узаконеннаго права на открытое судопроизводство ⁸⁹⁹); и, осудивъ ихъ, оскорбили родовое право и привилегію гражданства выводомъ ихъ къ позорному столбу и бичеваніемъ. Этимъ они нарушили законъ Порціи ⁹⁰⁰) предъ лицомъ всей черни форума, и притомъ въ присутствіи лицъ, изъ которыхъ иные по крайней мѣрѣ совершенно охотно могли ввязаться въ это дѣло и донести обо всемъ этомъ высшимъ властямъ. Своимъ поступкомъ они прямо публично оскорбили законъ и величіе Рима ⁹⁰¹). Имъ грозила крайняя несприятность самимъ предстать на судъ проконсула съ отвѣтомъ за это вопіющее беззаконіе; поэтому, полагаясь на примирительность іудейскаго характера въ отношеніи простыхъ личныхъ несправед-

ливостей, они прибыли въ тюрьму, сопровождаемые, какъ говорить одинъ манускриптъ, многими друзьями ⁹⁰²). Прося прощенія у своихъ узниковъ, они съ особенною настойчивостью просили ихъ оставить городъ, извиняясь тѣмъ, что они ошиблись въ ихъ личности, и указывая на то, что въ случаѣ, если они останутся дольше, они еще разъ могутъ быть причиною буйства черни ⁹⁰³). Павелъ и Сила однако же были достаточно смѣлые люди и не намѣрены были хоть сколько нибудь оправдывать обращеніе съ ними уходомъ изъ города. Изъ темницы они направились къ дому Лидіи и, только уже повидѣвъ всѣхъ собранныхъ братьевъ и давъ имъ свое послѣднее наставленіе, они оставили это плодотворное поприще, гдѣ проповѣдь ихъ была грубо прервана первымъ взрывомъ языческаго гоненія. Но согласно съ принятымъ ап. Павломъ обычаемъ (сн. хvii, 14; хviii, 19; Тит. 1, 5; 2 Тим. iv, 20) они оставили Луку позади себя ⁹⁰⁴). Въ Филиппахъ ему быть можетъ представилась благопріятная возможность для употребленія своего медицинскаго искусства и въ тоже время онъ могъ руководить и укрѣплять маленькую общину филиппійскихъ обращенцевъ, которыхъ ожидали еще впереди дни и годы тяжкихъ гоненій ⁹⁰⁵).

ГЛАВА XXVI.

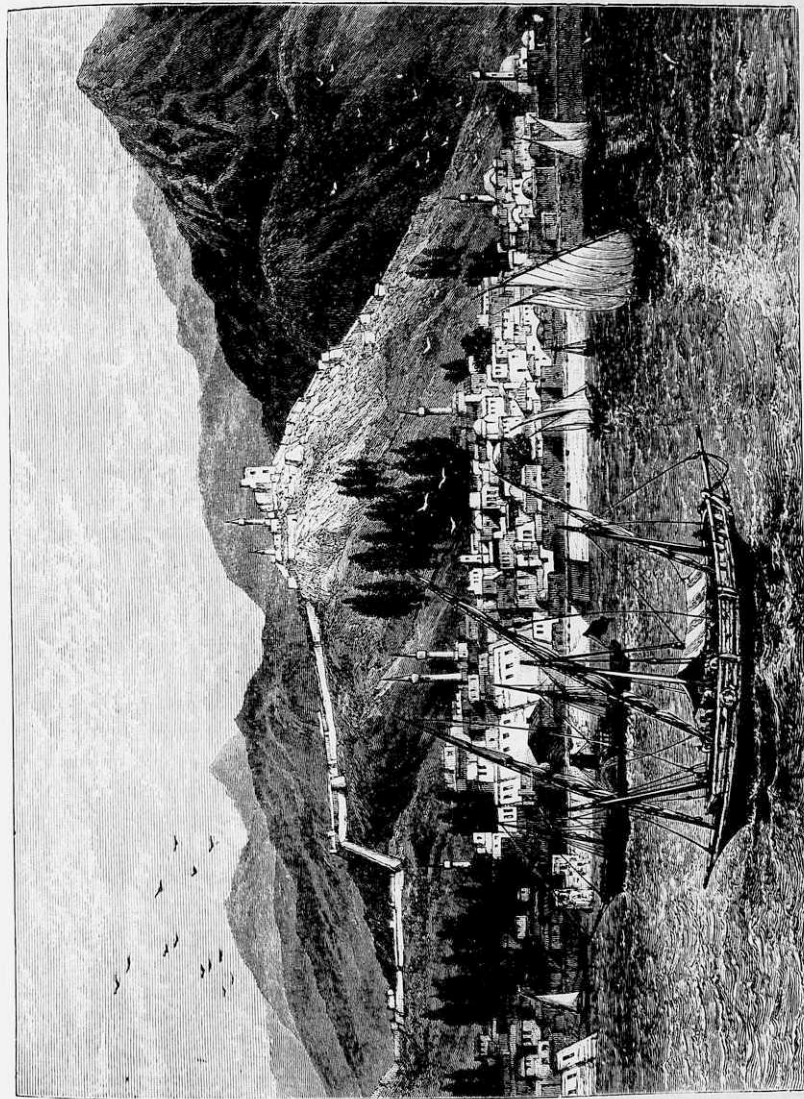
ФЕССАЛОНИКА. — ВЕРЕЯ.

Ибо вы помните, братія, трудъ нашъ и
изнуреніе. 1 Фесс. II, 9.

СТАВИВЪ Филиппы съ ихъ смѣшаннымъ воспоминаніемъ о страданіи и счастьи, Павелъ съ Сильваномъ и Тимоеемъ отправились къ прекрасному городу Амфиполию, отстоявшему на день пути — верстъ на 50 отсюда. Онъ лежитъ къ югу отъ великолѣпнаго озера, подъ прикрытіемъ холмовъ, въ пяти верстахъ отъ моря, на краю необыкновенно плодородной равнины. Крѣпость его естественнаго положенія, почти окруженаго большимъ изгибомъ рѣки, лежащія близъ него рудники и сосѣдній лѣсъ, дававшій аѳинскому флоту столь превосходный строевой матеріалъ, дѣлали его положеніе необыкновенно важнымъ во время Пелопонезскихъ войнъ. Если ап. Павелъ когда нибудь читалъ Геродота, онъ съ ужасомъ могъ вспомнить о человѣческомъ жертвоприношеніи Ксеркса ⁹⁰⁶),

зарывшаго въ этомъ мѣстѣ живыми девять юношей и девять дѣвицъ; и если онъ читалъ Фукидида (что впрочемъ крайне сомнительно, не смотря на нѣкоторую аналогію между ихъ формами выраженія), онъ съ особеннымъ интересомъ посмотрѣлъ бы на погребальный холмъ Бразиды съ воспоминаніями о блистательной побѣдѣ его надъ Клеономъ ⁹⁰⁷). Если онъ читалъ Ливія (что опять отнюдь не вѣроятно), онъ могъ бы вспомнить тотъ фактъ, что въ этомъ городѣ Павелъ Эмилиѣ ⁹⁰⁸), одинъ изъ того рода, отъ котораго его отецъ или дѣдъ быть можетъ получилъ свое имя, объявилъ отъ имени Рима, что Македонія должна быть свободна. Но все это имѣло мало значенія или даже вовсе не имѣло никакого значенія для этихъ іудейскихъ миссіонеровъ. Въ Амфиполѣ не было синагоги и поэтому не было возможности сразу же обратиться съ проповѣдью къ іудеямъ

Салоники (Фессалоника).

или язычникамъ ⁹⁰⁹). Они поэтому на слѣдующій день отправились въ пятидесятиверстный путь, среди необыкновенно прекрасныхъ картинъ природы, вдоль Стримонскаго залива по лѣсистому проходу Авлонскому, гдѣ ап. Павелъ быть можетъ видѣлъ гробницу Эврипида, и вдоль береговъ озера Больбы въ Апполонію. Переночевавъ здѣсь, они на слѣдующій день, держа свой путь чрезъ мысъ Халикідскій и оставивъ къ югу Олинеъ и Потидею съ ихъ возбуждающими воспоминаніями, прошли еще почти 60 верстъ по направленію къ знаменитому городу Фессалоникѣ, столицѣ всей Македоніи, которая, хотя и свободный городъ ⁹¹⁰), была однако же резиденціей римскаго проконсула.

Положеніе его на Эгнатійской дорогѣ, командующей входомъ въ два большихъ внутреннихъ округа, и во главѣ Термейскаго залива—дѣлало его важнымъ мѣстомъ торговли. Съ того времени, какъ Кассандръ возстановилъ его и переименовалъ его изъ Теры въ Фессалонику въ честь своей жены, дочери Филиппа Македонскаго, онъ всегда былъ цвѣтущимъ городомъ, соединяя съ собою много историческихъ воспоминаній. Здѣсь Цицеронъ провелъ время своего печальнаго изгнанія ⁹¹¹). Здѣсь триумфальная арка, стоящая еще и теперь, служила воспоминаніемъ побѣды Октавія и Антонина въ Филиппахъ. Отсюда, какъ бы звукомъ трубы, не только во времена ап. Павла ⁹¹²), но и въ теченіе послѣдующихъ столѣтій слово Божіе провозглашалось среди сосѣднихъ племенъ. Здѣсь импер. Θεодосій совершилъ то ужасное избиеніе, за которое св. Амвросій, съ истинно геройскимъ мужествомъ святителя, на восемь мѣсяцевъ отлучилъ его отъ церкви Миланской. Здѣсь добрый и ученый епископъ Евстацій писалъ тѣ латинскія схолии на Гомера, которыя ставятъ его въ первый рядъ древнихъ комментаторовъ. Онъ получилъ названіе «православнаго города», потому что въ теченіе столѣтій онъ былъ оплотомъ христіанства, но въ 1430 г. былъ взятъ Амуратомъ II. Салоники еще и теперь составляютъ большой торговый портъ съ 70,000 жителей, изъ которыхъ почти треть евреи. И звѣрство магометанскаго фанатизма, которое въ послѣднее время опять сдѣлало его имя знаменитымъ въ исторіи, есть только начало событій, которыя имѣютъ повлечь за собой полное измѣненіе карты и судьбы южной Европы.

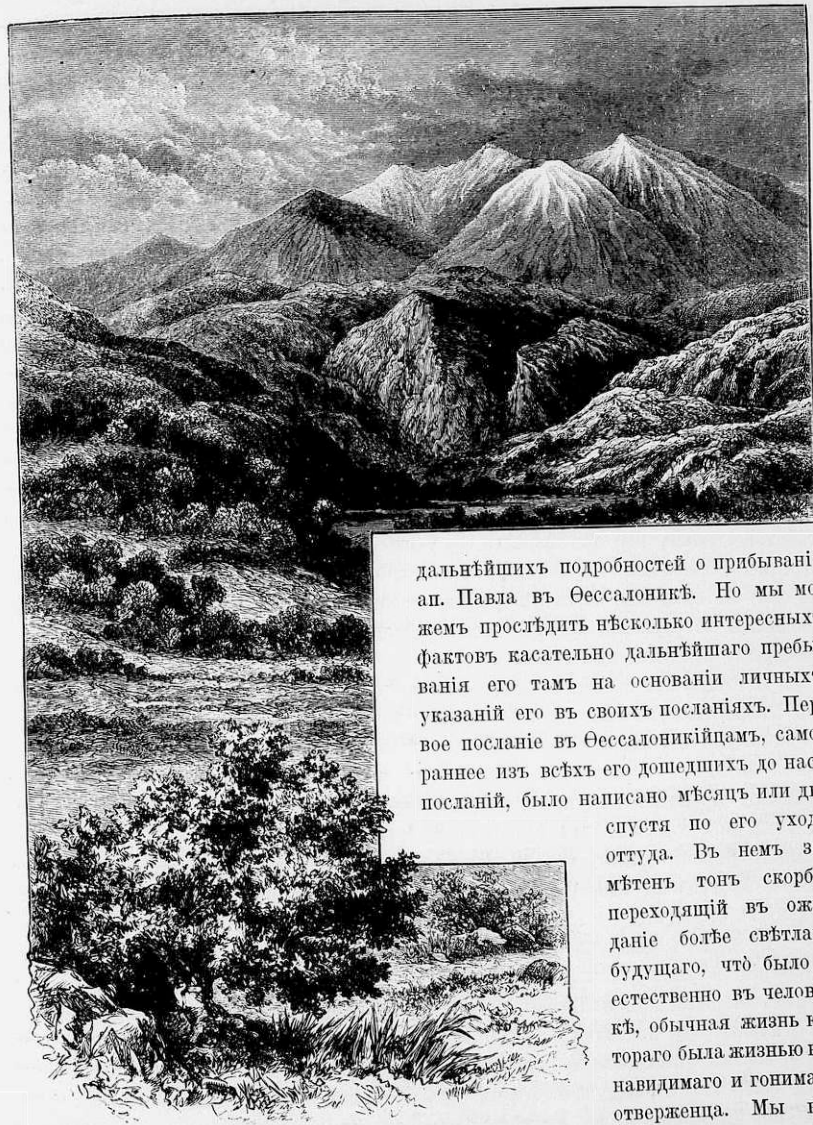
Въ этомъ-то городѣ, задавленномъ теперь проклятіемъ ислама, но еще прекрасномъ на своихъ склонахъ, одѣтыхъ виноградниками горъ Пеліона и Олимпа, и остановились миссіонеры, такъ какъ здѣсь была единственная іудейская синагога, которая служила для цѣлаго округа ⁹¹³). Обезпечивъ себѣ средства добычанія насущнаго хлѣба, что было не очень легкимъ дѣломъ, они нашли себѣ помѣщеніе въ домѣ одного іудея, который свое имя Иисуса передѣлалъ на греческій манеръ въ Гасона (Рим. xvi, 21). Даже если помѣщеніе имъ было дано даромъ, ап. Павелъ, не принимая болѣе никакой помощи, принужденъ былъ дено и ношно прибѣгать къ самому тяжелому труду ⁹¹⁴) для того, чтобы хотя сколько нибудь удовлетворять свои нужды. Но даже этого было недостаточно.

Въ добавокъ къ его обычной бѣдности (если даже онъ и обладалъ частными средствами, то теперь онъ видимо все потерялъ ихъ) ⁹¹⁵) — издержки путешествія отъ Филиппъ вѣроятно лишили его и спутниковъ почти всехъ бывшихъ у нихъ денегъ. Если бы не временная щедрость филиппійцевъ, то апостолъ былъ бы поставленъ въ весьма затруднительное положеніе и даже быть можетъ лишился бы всехъ средствъ продолжать свое путешествіе дальше (Фил. iv, 15, 16). Между извѣстіемъ о двухъ приношеніяхъ отъ Филиппъ и рассказомъ апостола о своихъ собственныхъ трудахъ нѣтъ никакого противорѣчія; потому что ничто не показываетъ, чтобы онъ оставался въ Фессалоникахъ болѣе трехъ недѣль ⁹¹⁶). Въ дополненіе къ тому обстоятельству, что второе приношеніе отчасти требовалось для его новаго путешествія, мы находимъ, что въ это самое время свирѣпствовалъ голодъ, вслѣдствіе котораго цѣна на пшеницу поднялась въ шесть разъ противъ ея обыкновенной цѣны ⁹¹⁷). Не смотря на крайнія затрудненія, въ которыя этотъ голодъ ставилъ ап. Павла и его сотоварищей, великій миссіонеръ становился только еще рѣшительнѣе въ своемъ намѣреніи отстранять отъ своего служенія всякія подозрѣнія, дѣлая его исключительно даровымъ. Такое безкорыстіе много укрѣпляло его положеніе особенно въ той «глубокой бѣдности», которая навѣрно преобладала въ тѣ времена среди низкихъ по рожденію прозелитовъ презираемой религіи. Если ап. Павелъ не отказался принять приношеній отъ города Филиппъ, то это потому, что они пришли неожиданно въ часъ наиболѣе тяжелой нужды и притомъ отъ тѣхъ, которые имѣли возможность подѣлиться деньгами и которые, какъ онъ хорошо зналъ, были бы огорчены всякимъ отказомъ въ принятіи предложенной ими помощи. Притомъ всемъ извѣстно было, что помощь эта явилась безъ всякой просьбы съ его стороны и что, насколько дѣло касалось личной жизни ап. Павла, онъ былъ крайне равнодушенъ къ лишениямъ и давалъ примѣръ непоколебимой выносливости, облегчавшейся вслѣдствіе полнѣйшаго упованія на Бога (Фил. iv, 11, 12).

Три субботы подъ рядъ онъ ходилъ въ синагогу и бесѣдовалъ съ іудеями. Можно бы думать, что произведенное надъ нимъ насиліе въ Филиппахъ, отъ котораго еще оставались тяжкіе слѣды, нѣсколько охладить его ревность и заставить его опасаться другаго гоненія. Но какъ ни свѣжи еще были тяжкіе слѣды перенесеннаго имъ избиенія, онъ велъ свои бесѣды съ неослабною ревностью и смѣлостью ⁹¹⁸), объясняя пророчества и доказывая на основаніи ихъ, что Мессія надлежало пострадать и воскреснуть изъ мертвыхъ и что «сей Христосъ есть Иисусъ, котораго я проповѣдую вамъ» ⁹¹⁹). Слушатели синагоги главнымъ образомъ состояли изъ іудеевъ и нѣкоторые изъ нихъ убѣдились и присоединились къ церкви ⁹²⁰). Между ними особенно выдавался своимъ послѣдующимъ благочестіемъ и особенно тѣмъ, что былъ почти единственнымъ горячо преданнымъ обращенцемъ, приобретѣннымъ ап. Павломъ изъ «людей обрѣзанія», — Аристархъ, раздѣлявшій опасности ап. Павла ⁹²¹) во время насилій со стороны черни въ

Ефесѣ, принимавшій участіе въ его посѣщеніи Іерусалима, въ его путешествіи и кораблекрушеніи и его послѣднемъ тюремномъ заключеніи. Новую вѣру однако же приняли не малое число прозелитовъ и грековъ⁹²²⁾, и между ними не мало было женщинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя занимали видное положеніе въ обществѣ. Это застарѣлое упорство іудеевъ, стоявшее въ прискорбномъ противорѣчій съ охотнымъ обращеніемъ язычниковъ и особенно женщинъ, которыя во все время болѣе отличались религіозною ревностью, чѣмъ мужчины, есть постоянное явленіе въ ранней исторіи христіанства. Да это и неудивительно. Іудей во всякомъ случаѣ имѣлъ религію, которая поднимала его на высоту нравственнаго превосходства надъ его языческими современниками; но у язычника того времени совсѣмъ не было религіи, стоящей этого названія. Если іудей болѣе и болѣе принималъ обрядность за тѣ драгоценныя истины, для которыхъ эта обрядность была лишь вѣншиимъ выраженіемъ, то онъ по крайней мѣрѣ сознавалъ, что въ этихъ обрядахъ и церемоніяхъ, которыя онъ соблюдалъ съ фанатическою ревностью, заключались глубокія истины. Но на какія глубокія истины могла опираться греческая женщина, если ея жизнь была чиста и если ея мысли поднимались выше обыденной домашности, которая считалась единственною добродѣтью ея пола? Какое утѣшеніе могла она находить въ холодныхъ сѣрыхъ глазахъ Аѳины или въ застывшей улыбкѣ чувственной Афродиты? И когда оессалоникійскій грекъ поднималъ свои глаза къ обезлюдѣвшему небу Олимпа, вздымавшемуся надъ синимъ заливомъ, у котораго стоялъ его городъ, когда его воображеніе не могло уже болѣе помѣщать престолъ Зевса и сѣдалища его величественныхъ божествъ на той сверкающей вершинѣ, гдѣ, какъ съ ядовитой ироніей замѣтилъ Цицеронъ, онъ ничего не видѣлъ, кромѣ снѣга и льда,—чѣмъ онъ могъ восполнить пустоту, оставленную въ его сердцѣ мертвой религіей⁹²³⁾? Принявъ обрѣзаніе, онъ могъ стать лишь такъ сказать илотомъ іудейства. И такая жертва не привлекала его. Но евангеліе, которое проповѣдывалъ Павелъ, было общедоступнымъ ученіемъ, не имѣло надменныхъ исключеній или отталкивающихъ обрядовъ. Оно, какъ божественный даръ любви и свободы, одинаково являлось ко всемъ, и этотъ даръ заключалъ въ себѣ все, что было наиболѣе дорогаго для настрадавшейся и унылой души. Неудивительно поэтому, что церковь Оессалоники состояла главнымъ образомъ изъ язычниковъ, какъ это ясно доказывается словами самого ап. Павла (1 Оесс. I, 9; II, 14) и полнымъ отсутствіемъ какихъ либо ссылокъ на ветхій заветъ въ его двухъ посланіяхъ къ Оессалонійцамъ. Во время трехнедѣльной проповѣди въ синагогѣ ап. Павелъ ограничивался въ своей аргументаціи св. писаніемъ; но для обращенцевъ изъ язычниковъ, склонившихся къ новой вѣрѣ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, такіе доводы были бы непонятны, равно какъ были бы бесполезны для тѣхъ, которые вѣровали въ личное свидѣтельство о воскресеніи Христѣ.

Упомянувъ о первыхъ трехъ субботахъ, св. Лука не даетъ намъ никакихъ

Гора Олимпъ.

дальнѣйшихъ подробностей о пребываніи ап. Павла въ Оессалонику. Но мы можемъ прослѣдить нѣсколько интересныхъ фактовъ касательно дальнѣйшаго пребыванія его тамъ на основаніи личныхъ указаній его въ своихъ посланіяхъ. Первое посланіе въ Оессалоникиятамъ, самое раннее изъ всѣхъ его дошедшихъ до насъ посланій, было написано мѣсяцъ или два

спустя по его уходѣ оттуда. Въ немъ замѣтенъ тонъ скорби, переходящій въ ожиданіе болѣе свѣтлаго будущаго, что было и естественно въ человѣкѣ, обычная жизнь котораго была жизнью ненавидимаго и гонимаго отверженца. Мы видимъ, что юная церковь

въ Фессалоникѣ отличалась преданностью вѣрѣ, любовью и терпѣніемъ, которыя дѣлали ее славнымъ образцомъ для всѣхъ церквей Македоніи и Ахаіи (1 Фесс. 1, 2, 3, 6—8). Она сіяла тѣмъ ярче, вслѣдствіе жестокихъ огорченій, которыя съ самаго начала удручали братьевъ, но не могли поколебать ихъ твердости или затмить ихъ радости (2 Фесс. 1, 4, 5; 1 Фесс. II, 14; 1, 6). Ап. Павелъ въ своемъ посланіи къ нимъ могъ указывать на собственную дѣятельность и примѣръ между ними; на смѣлость, которую онъ выказывалъ вопреки теперешнему противодействию и прежнимъ гоненіямъ; на полное отсутствіе всякихъ обманчивыхъ обѣтовъ въ ученіи, которое явно предостерегало ихъ, что быть близъ Христа значило быть близъ огня ⁹²⁴⁾; на убѣжденіе, подтверждавшееся силою Духа Святаго, подтверждавшего его ученіе (1 Фесс. II, 1, 2); на простоту и искренность, которыя давали ему возможность ссылаться на нихъ, какъ на свидѣтельство того, что его Евангеліе было совершенно чуждо всякой обманчивой лести, грѣховныхъ побужденій или тщеславнаго самоискательства (1, 5); на независимость, которую онъ сохранялъ (II, 3—6); на самоотверженную нѣжность, которую онъ выказывалъ; на постоянные труды по ремеслу (II, 6; 2 Фесс. III, 8—10); на безупречную чистоту жизни; на личный примѣръ въ осуществленіи своихъ назиданій (1 Фесс. II, 9). И этотъ высокій примѣръ произвелъ свое надлежащее дѣйствіе, потому что они приняли его ученіе съ полною сердечностью, какъ божественное благовѣстіе (1 Фесс. II, 13), и вдохновили его тою любовью къ нимъ, въ силу которой ихъ образъ постоянно предносился его воображенію, хотя непреодолимые затрудненія препятствовали осуществить ему два раза высказанное намѣреніе посѣтить ихъ опять.

Посланіе это бросаетъ также свѣтъ на ту особенную черту въ ученіи ап. Павла, которая въ послѣдствіи сдѣлалась главнымъ основаніемъ для нападокъ на него. Его страданія естественно обращали его мысли къ будущему; жестокость людей заставляла его все больше полагаться на помощь Божию; злоба земныхъ правителей и преобладаніе неправды на землѣ вмѣстѣ съ обстоятельствами, которыхъ мы коснемся въ послѣдствіи, наполняли его ученіе надеждами и пророчествами о новомъ царствѣ и о возвращеніи царя. Его надежда на скорое наступленіе втораго пришествія была источникомъ ободренія среди непрерывныхъ огорченій.

Въ самомъ дѣлѣ, въ жизни ап. Павла мало было спокойныхъ періодовъ служенія. Ревнивость и ненависть, которыя преслѣдовали его изъ города въ городъ въ Писидіи и Ликаніи, преслѣдовали его также и здѣсь. Всѣ іудеи отъ перваго до послѣдняго, іудеи, къ которымъ онъ въ глубинѣ своего сердца чувствовалъ нѣжнѣйшую привязанность, сдѣлались казнью и бѣдствіемъ для всей его страждущей жизни. Въ Антиохіи и Іерусалимѣ іудеи, номинально числившіеся въ стадѣ Христовомъ, противодействовали его ученію и отравляли ему жизнь; во всѣхъ другихъ городахъ іудеи именно опять поно-

силы и хулили святое имя, о которомъ проповѣдывалъ онъ. При насажденіи церквей ему постоянно приходилось бояться ихъ смертельнаго противодействія; при поливаніи ихъ—еще болѣе смертельнаго ихъ содружества. Іудеи, которые ненавидѣли Христа, добивались погубленія и его собственной жизни; іудеи, которые исповѣдывали свою любовь ко Христу, подрывали всѣ его усилія. Одна партія подвергала опасности его существованіе; другая—разрушала его миръ. Никогда до самой смерти онъ не былъ совершенно свободенъ отъ ихъ изувѣрскихъ замысловъ или ихъ коварныхъ клеветъ. Совнѣ они при всякомъ случаѣ набрасывались на него подобно стаѣ волковъ; внутри они сами прикрывались овечьими шкурами, чтобы разгонять и терзать его стада. Въ Фессалоникѣ ему пришлось встрѣтиться съ новою формою преслѣдованія съ ихъ стороны. Это было не чисто іудейское преслѣдованіе, какъ въ Палестинѣ, не чисто языческое, какъ въ Филиппахъ, или совмѣстное, какъ въ Иконіи, а просто было звѣрскимъ нападеніемъ черни, подстрекаемой іудеями. Злобствуя ⁹²⁵⁾ по обыкновенію на то, что ненавистная проповѣдь о распятіи Мессіи въ нѣсколько недѣль приобрѣла больше приверженцевъ, чѣмъ сколько они могли въ теченіе многихъ лѣтъ склонить къ ученію Моисея, озлобленные болѣе всего тѣмъ, что они лишились почтенія и преданности со стороны знатныхъ женщинъ, они заключили темный союзъ съ самыми грязными подонками фессалоникійскаго населенія. Благодаря тому унизительному взгляду, съ которымъ въ древнія времена относились ко всякому ручному ремеслу ⁹²⁶⁾, во всякомъ большомъ городѣ была огромная масса празднолюбивыхъ бездѣльниковъ; приживаловъ, питавшихся подавненіями богатыхъ; льстецовъ, пресмыкавшихся у ногъ вліятельныхъ лицъ; уличныхъ лацарони; обыкновенныхъ бродягъ и шелопаетовъ; горлановъ форума ⁹²⁷⁾, «уголовныхъ дамъ и кавалеровъ», постоянно посѣщавшихъ судебныя засѣданія, и вообще тѣхъ подонковъ, которые повсюду выбрасывались волнами цивилизаціи. Заручившись помощью этихъ негодяевъ и отверженцевъ ⁹²⁸⁾, іудеи возбудили волненіе въ городѣ и подстрекнули чернь напасть на домъ Іасона, чтобы схватить апостоловъ и повести ихъ на судъ народнаго собранія. Но ап. Павелъ заблаговременно получилъ предостереженіе объ этомъ и со своими сотоварищами скрылся въ безопасное мѣсто. Не достигнувъ своей цѣли, іудеи схватили Іасона и еще нѣсколькихъ изъ тѣхъ, кого они считали христіанами, поволокли ихъ къ политархамъ ⁹²⁹⁾ или главнымъ начальникамъ свободнаго города Фессалоники. «Эти люди, кричали они, эти всесвѣтные возмутители ⁹³⁰⁾ пришли и сюда, а Іасонъ принялъ ихъ; всѣхъ ихъ слѣдуетъ подвергнуть наказанію на основаніи crimen majestatis, такъ какъ они идутъ противъ указовъ кесаря и говорятъ, что есть другой царь по имени Іисусъ» ⁹³¹⁾. Но черни не удалось достигнуть своей цѣли. Эти семь политарховъ, жившихъ подъ самою тѣнью проконсульской резиденціи, были люди гораздо болѣе высокаго положенія и гораздо болѣе проникнутые римскимъ сознаніемъ законности, чѣмъ провинціальныя дуумвиры

въ Филиппахъ. Ни властямъ, ни вообще населенію города не понравился такой оборотъ дѣла. Было слишкомъ нелѣпо предполагать, чтобы подобные ремесленники, въ родѣ Іасона и его друзей, могли серьезно замышлять революцію или дѣйствительно могли быть виновны въ оскорбленіи величества (*laesa majestas*)³³²). Достаточно было немного вникнуть въ дѣло, чтобы видѣть, что это было лишь религиозное мнѣніе, содержимое нѣсколькими бѣдняками. И поэтому, не принимая никакихъ крутыхъ мѣръ и не подвергая ихъ какому бы то ни было наказанію, они удовлетворились тѣмъ, что заставили Іасона и другихъ съ нимъ лицъ дать нѣкоторые денежные обезпеченія³³³), что они не будутъ нарушать общественнаго спокойствія, и затѣмъ отпустили ихъ. Но это уже съ достаточностью показывало, что дальнѣйшая миссіонерская дѣятельность теперь была невозможна. Никакія власти не любятъ присутствія въ области своей юрисдикціи даже невинныхъ элементовъ возбужденія, и если Павелъ и Сила были бы приведены къ нимъ лично, то они не отдѣлались бы такъ легко. Кромѣ того, при недостаточной организаціи полиціи въ древности, съ вѣрностью можно полагать, что снисходительность городской власти была бы недостаточной защитой для двухъ бѣдныхъ іудеевъ отъ ненависти и насилія черни. Во всякомъ случаѣ, имъ вѣроятно не хотѣлось подвергать Іасона и его друзей раззоренію чрезъ лишеніе тѣхъ скудныхъ заработковъ, которые они должны были оставить въ залогѣ. Братья поэтому позаботились о томъ, чтобы дать возможность Павлу и Силѣ бѣжать ночью. Но не невозможно, что Тимофеей на нѣкоторое время остался съ ними съ цѣлю благоустроить церковь и преподавать послѣднія назиданія и увѣщанія, которыя бы давали имъ бодрость выдерживать гоненія многихъ лѣтъ³³⁴). Къ церкви ессалоникійской, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была лучшимъ приобрѣтеніемъ его миссіи, ап. Павелъ чувствовалъ особую привязанность, выражавшуюся въ зоркой заботливости, съ которою онъ наблюдалъ ея интересы (1 Тесс. II, 18).

Когда ночь утихла буйство, свирѣпствовавшее по улицамъ Тессалоники, Павлу и Силѣ было принесено въ ихъ потаенномъ пребываніи извѣстіе о результатѣ суда предъ политархами. Съ разсвѣтомъ легко могло начаться еще болѣе опасное возмущеніе и поэтому они рѣшили немедленно бѣжать. Они собрали все свое бѣдное достояніе и подъ покровомъ ночи пробрались по безмолвнымъ и безлюднымъ улицамъ подъ триумфальную арку Августа и вышли западными воротами. Куда имъ было теперь идти? Изъ Филиппъ, настоящей столицы первой Македоніи, они были прогнаны въ Тессалонику, столицу второй Македоніи. Случайно затронувъ языческіе интересы, они поплатились въ Филиппахъ бичеваніемъ, насиліемъ и тюремнымъ заключеніемъ. Ярость іудейской ненависти подвергала опасности самую ихъ жизнь и была причиной непріятностей и убытка для ихъ друзей и въ вольномъ городѣ—Тессалоники. Идти ли имъ теперь въ Пеллу, знаменитую родину юнаго грека, который покорилъ себѣ міръ и геній котораго оставилъ неизгладимое впечатлѣніе на общественномъ и политическомъ состояніи міра? Но это

было бы совершенно бесполезно. Іудейскія синагоги разсѣянныя находились въ тѣсномъ общеніи между собою и они теперь очевидно порѣшили преслѣдовать бѣглецовъ изъ одного мѣста въ другое съ цѣлю особенно заставить смолкнуть ап. Павла, который, какъ они клеветнически утверждали, былъ главнымъ отступникомъ, убѣждавшимъ всѣхъ людей повсюду оставлять законъ Моисеевъ. Другая и менѣе употреблявшаяся дорога вела къ сравнительно незначительному городу, лежащему въ сторонѣ отъ большой дороги, и въ немъ, по крайней мѣрѣ на время, ихъ присутствіе могло оставаться незамѣченнымъ. Свернувъ съ *Via Egnatia* на дорогу, которая шла въ болѣе южномъ направленіи, бѣглецы въ темнотѣ направились ею. Ночное бѣгство на пространствѣ по крайней мѣрѣ 90 верстъ по неизвѣстной дорогѣ, сопряженное съ опасностями преслѣдованія и переправы чрезъ большія и часто разливавшіяся рѣки, въ родѣ Аксія, Эхидора, Лидіи и нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ притоковъ Галиакмона,—совершено было въ полномъ безмолвіи. Можемъ ли мы удивляться вслѣдствіе этого отсутствію всякаго намека на красоты, удовольствія и приключенія во время этого путешествія апостола, которое было лишь тяжкимъ трудомъ и страданіемъ,— путешествія чловѣка, вся жизнь котораго съ ея безконечными испытаніями была зрѣлищемъ для міра, ангеловъ и чловѣковъ (1 Кор. IV, 9)?

Городъ, который они имѣли въ виду въ качествѣ мѣста убѣжища, былъ Верея³³⁵), и ихъ побужденіе направиться туда получаетъ неожиданную и поразительную иллюстрацію изъ одного мѣста у Цицерона. Въ своей пламенной филиппикѣ противъ Пизона, онъ говоритъ ему, что послѣ его безобразнаго управленія Македоніей, онъ сдѣлался столь непопуляренъ, что долженъ былъ инкогнито бѣжать въ Тессалонику ночью³³⁶), и что оттуда, невынося концерта вопилыщниковъ и бури жалобъ, онъ оставилъ большую дорогу и побѣжалъ проселочной дорогой въ городъ Верею. Мы не можемъ сомнѣваться, что это сравнительно отчужденное положеніе и было причиной, почему Павелъ и Сила считали его безопаснѣе, чѣмъ болѣе знаменитую и людную Пеллу.

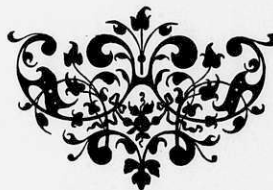
Проходили по пріятнымъ улицамъ городка — «росистымъ отъ сверкающихъ ручьевъ», Павелъ и Сила, не смотря на все свое мужество и рвеніе, навѣрно съ унылымъ сердцемъ направлялись, по обычному исполненію долга, въ синагогу іудейскую. Но если жизнь христіанскаго миссіонера имѣетъ и мрачную сторону, то она имѣетъ и свѣтлыя стороны, и послѣ всѣхъ бурь, встрѣченныхъ ими, они были облегчены въ своемъ тяжеломъ настроеніи въ высшей степени ободряющимъ приѣмомъ. Іудеи этой синагоги были менѣе упорны, менѣе коварны, чѣмъ какими ап. Павелъ находилъ ихъ повсюду. Когда онъ изложилъ имъ свои обычные доводы изъ псалмовъ, изъ пророка Исаи, изъ Аввакума касательно Мессіи, которому надлежало умереть, пострадать и воскреснуть опять, касательно вѣры, какъ средства оправданія, то іудеи, даже вполне понявъ цѣль и логическое заключеніе его доводовъ, не набросились на него съ враждою, а оказались³³⁷) «бла-

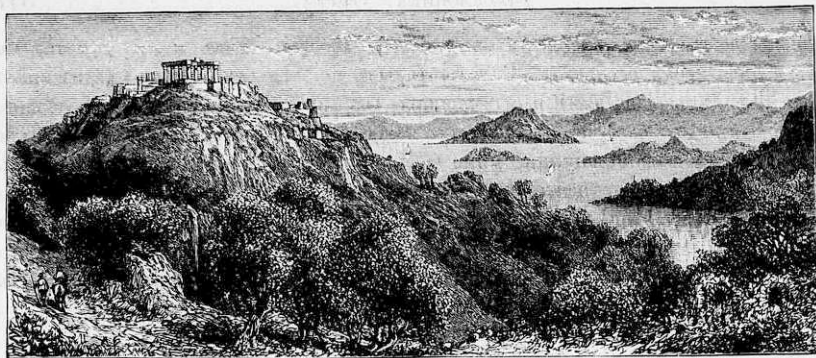
гомысленнѣе» іудеевъ Фессалоники,—были болѣе великодушны, просты, искренны и преданы истинѣ. Въмѣсто того, чтобы гнѣвно отвергать это новое евангеліе, они ежедневно и прилежно изслѣдовали св. писаніе для того, чтобы провѣрить доводы и ссылки ап. Павла съ подлиннымъ свидѣтельствомъ слова Божія. Слѣдствіемъ этого было то, что какъ греки, такъ и многіе изъ іудеевъ увѣровали,—не только мужчины, но и женщины изъ болѣе почтенныхъ классовъ. Среди этихъ простодушныхъ верейцевъ апостолъ навѣрно провелъ нѣсколько недѣль покоя, потому что два раза во время этого своего пребыванія ап. Павелъ задумывалъ намѣреніе опять идти къ своимъ возлюбленнымъ фессалоникиѣцамъ. Непредвидѣнные обстоятельства воспрепятствовали этому (1 Фесс. II, 18), и интересы этой преслѣдуемой церкви такъ тяжело давили его душу, что или изъ Вереи, или впоследствии изъ Аѣинъ онъ послалъ Тимофея для того, чтобы онъ изслѣдовалъ ея состояніе и донесъ ему. Въ Вереѣ былъ приобрѣтенъ одинъ преданный и вѣрный другъ, какъ лично для ап. Павла, такъ и для христіанства, именно въ лицѣ Сопатра.

Но конечно нельзя было надѣяться, чтобы все также хорошо шло и въ будущемъ, особенно, когда извѣстіе объ успѣхѣхъ проповѣди ап. Павла въ Вереѣ дошло до синагоги фессалоникиѣской. Ненавистное имя Павла подобно искрѣ воспламенило злобную ярость іудеевъ и они тотчасъ же отправили посланныхъ для возбужденія противъ него черни и въ Вереѣ⁹³⁸). Еще разъ ап. Павелъ заблаговременно получилъ предостереженіе отъ одного изъ своихъ преданныхъ друзей. Противостоять этой настойчивой и организованной ненависти, которая теперь преслѣдовала ихъ изъ города въ городъ не было никакой возможности. И такъ какъ было ясно, что Павелъ, а не Сила былъ главнымъ предметомъ преслѣдованія, то ими было порѣшено, что Павелъ долженъ опять удалиться изъ города, а Сила и Тимофей, которые были его сотрудниками во время пребыванія въ Вереѣ, должны были остаться тамъ для того, чтобы заботиться о нуждахъ церкви и поливать то доброе сѣмя, которое начало произрастать въ ней.

И вотъ, еще разъ въ своемъ обычномъ положеніи бѣглеца, ап. Павелъ оставилъ Верею. Онъ былъ не одинъ, такъ какъ вслѣдствіе слабости своего зрѣнія онъ постоянно нуждался въ сотоварищахъ. «Братья» проводили ап. Павла по направленію къ морю⁹³⁹), а также несомнѣнно и далѣе на пространствѣ 28 верстъ до колоніи Діона⁹⁴⁰), отсюда онъ отплылъ въ Аѣины. Что онъ отправился не сухимъ путемъ, это кажется несомнѣнно. Это былъ бы болѣе долгій, болѣе дорогой, болѣе опасный и болѣе утомительный путь. Если ап. Павелъ не въ силахъ былъ путешествовать одинъ, такъ что даже морскимъ путемъ нѣкоторые изъ верейскихъ братьевъ должны были сопровождать его, пока онъ не прибылъ въ безопасное помѣщеніе въ Аѣинахъ, то ясно, что сухимъ путемъ его затрудненія, не говоря уже объ опасности преслѣдованія, были бы гораздо больше. Молчаніе св. Луки касательно какого бы то ни было города, посѣщенного на пути, имѣетъ

рѣшающее въ этомъ отношеніи значеніе⁹⁴¹). И вотъ, какъ можно думать, въ какое либо время осенью ап. Павелъ отплылъ по бурнымъ волнамъ Средиземнаго моря и видѣлъ, какъ снѣговыя вершины Олимпа утопали въ далекой синевѣ. Онъ плылъ вдоль береговъ, на которыхъ каждый холмъ и мысъ переполнены были героическими воспоминаніями; мимо Оссы и Пеліона, мимо берега Термопильскаго, вдоль береговъ Эвбеи⁹⁴²), вокругъ «мраморнаго утеса» Сунія, гдѣ еще въ цѣлости высился бѣлый храмъ, — пока не завидѣлъ хорошо извѣстнаго плема и копья богини — покровительницы Аѣинъ на акрополѣ знаменитаго города⁹⁴³). Обогнувъ племъ и войдя въ великолѣпную гавань, корабль бросилъ якорь въ полномъ виду Пареемона и Прописи.

Суній.

КНИГА XIII. ХРИСТИАНСТВО ВЪ АХАІИ.

ГЛАВА XXVII.

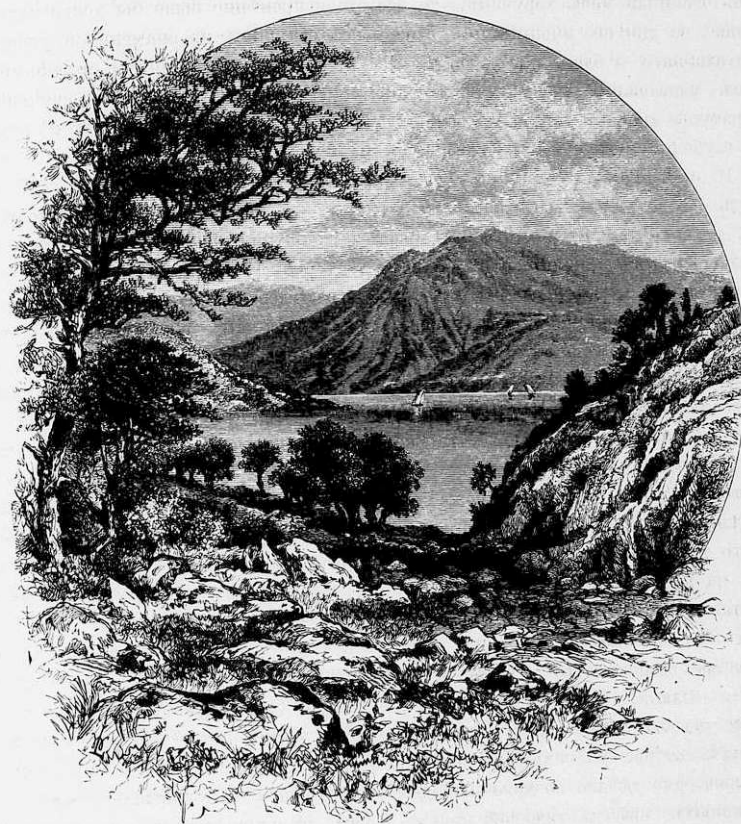
АП. ПАВЕЛЪ ВЪ АѢИНАХЪ.

Гдѣ теперь слава Греціи? Гдѣ имя Аѣинъ?
Гдѣ пустошное философѣ? Поселянинъ изъ Га-
лилеи, поселянинъ изъ Вифсаиды превозмогъ ихъ
всѣхъ. Св. І. Златоустъ.

ѢИНЫ!... Какимъ трепетнымъ восторгомъ и теперь наполняется душа всякаго путешественника, впервые вступающаго на эту классическую землю! Какимъ жаднымъ взоромъ онъ пробѣгаетъ по окрестностямъ и вѣбшимъ картинамъ города, который на берегу Эгейскихъ волнъ, въ прозрачномъ воздухѣ юга, сверкаетъ какъ глазъ,—городъ, который былъ матерью искусствъ и краснорѣчія! Съ приближеніемъ къ Акрополю какой рой блестящихъ воспоминаній проносится по душѣ; сколько великихъ, героическихъ и прекрасныхъ фигуръ пройдетъ по сценѣ воображенія! Вступая на аттическую почву, мы вступаемъ въ «священную землю идеала»; подходимъ къ самому святилищу «прекрасной гуманности» языческаго міра. Въ Аѣинахъ именно человѣческая форма, благодаря тщательному воспитанію, достигла своего высшаго изящества и

своей обаятельнѣйшей красоты; тутъ человѣческая свобода развернулась во всемъ своемъ блескѣ; человѣческій разумъ достигъ своей наивысшей утонченности и гибкости; искусство достигло наиболѣе законченнаго совершенства; поэзія изда-

Заливъ Элевзинскій близъ Аѣинъ.

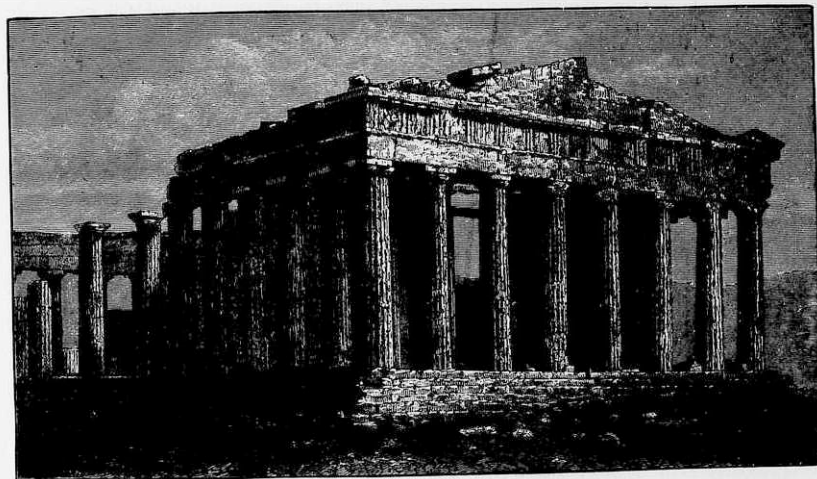
вала свои сладостнѣйшіе и возвышенно-очаровательные звуки; философія въ совершенныхъ до музыкальности формахъ изрекла свои глубочайшія мысли. Если бы міру возможно было собственными силами познавать Бога; если бы было во власти человѣка обращать въ хлѣбъ камни пустыни; если бы непреходящее счастье было

посильно человеческому чувству или было бы одним из произведений культуры; если бы человеку дано было самому без посторонней помощи достигать спасения дарами и качествами своей собственной природы и самому себя сдѣлать новый рай, намѣсто потеряннаго Едема, предъ входомъ въ который все еще пламенѣетъ огненный мечъ херувима, — то все это непременно было бы достигнуто въ Афинахъ во дни его процвѣтанія. Никто, воспитавшись на знаменитой учености этого славнаго и блестящаго города и будучи обязанъ лучшими сторонами въ своемъ образованіи часами, проведенными за чтеніемъ исторіи и изученіемъ литературы многихъ славныхъ сыновъ его, не можетъ вступить въ этотъ городъ безъ глубочайшихъ чувствъ благодарности, любви и интереса ⁹⁴⁴).

И ап. Павелъ несомнѣнно долженъ былъ знать по крайней мѣрѣ хоть что-нибудь о городѣ, на языкѣ котораго онъ говорилъ и съ писателями котораго не былъ незнакомъ. Мнѣніе, что онъ имѣлъ законченное классическое образованіе, не выдерживаетъ критики, и отсутствіе въ его посланіяхъ какихъ бы то ни было историческихъ ссылокъ указываетъ, что онъ подобно громадному большинству своихъ соотечественниковъ былъ равнодушенъ къ исторіи языческаго міра, хотя и основательно знакомъ былъ съ исторіей Израиля. Правда, въ своихъ воззрѣніяхъ онъ былъ не менѣе свободенъ и универсаленъ, можно сказать даже болѣе, чѣмъ самые прогрессивные еллинисты, самые образованные гагадисты его времени. Тѣмъ не менѣе онъ смотрѣлъ на «мудрость греческую» какъ на нѣчто совершенно призрачное и второстепенное, какъ на результатъ крайне односторонняго и даже не чистаго просвѣщенія, и однакоже снисходительно относился къ «временамъ невѣдѣнія». Поэтому приставъ гдѣ-нибудь въ Фалерѣ или Пирей, ап. Павелъ безъ всякаго трепетнаго умиленія, безъ всякаго восторга красотой и величіемъ смотрѣлъ на величественныя зданія Акрополя, вздымавшагося надъ моремъ менѣе значительныхъ храмовъ и блиставшаго ослѣпительной бѣлизной на фонѣ чистаго голубаго неба. Напротивъ, чувство подавленности и тяжести въ сердцѣ, внутреннее беспокойство и волненіе повидимому сразу овладѣли его воспримчивой и пылкой душой, и болѣе всего подавляющимъ образомъ подѣйствовало на него чувство своего одиночества, тягостное чувство отсутствія того братскаго утѣшенія, которое онъ находилъ въ обществѣ своихъ возлюбленныхъ сотрудниковъ и которое одно дѣлало возможнымъ для него трудъ или поддерживало его среди ежедневныхъ невзгодъ тяжелой жизни. Когда онъ прощался съ своими преданными верейскими собратями, которые во все время его путешествія берегли его какъ зѣницу ока, то единственная его просьба была въ томъ, чтобы Сила и Тимофей съ возможною скоростью прибыли къ нему опять. Въ словахъ св. Луки мы еще можемъ уловить отголосокъ той нетерпѣливой настойчивости, которая показываетъ, что одиночество ⁹⁴⁵), и притомъ одиночество въ такомъ мѣстѣ, была бременемъ, сносить которое было ему труднѣе всего.

Но даже если бы эти его двое сотрудниковъ могли немедленно отправиться въ

Афины, то всетаки неизбѣжно должна была пройти по меньшей мѣрѣ недѣля прежде, чѣмъ Сила могъ прибыть къ нему изъ Верей, и еще болѣе продолжительное время прежде, чѣмъ Тимофей могъ прѣхать изъ Фессалоники; а въ эти дни безпокойнаго и тяжелаго ожиданія ему не много было что дѣлать. Когда собраты въ первый разъ провожали его до назначеннаго ему скромнаго помѣщенія, то онъ вѣроятно мало чувствовалъ расположенія замѣчать виды и звуки на улицахъ знаменитаго языческаго города, хотя кто нибудь изъ болѣе зоркихъ его собратій быть можетъ и указывалъ ему, при проходѣ черезъ развалины длинныхъ стѣнъ Темистокла къ Пирейскимъ воротамъ, на алтарѣ съ надписью

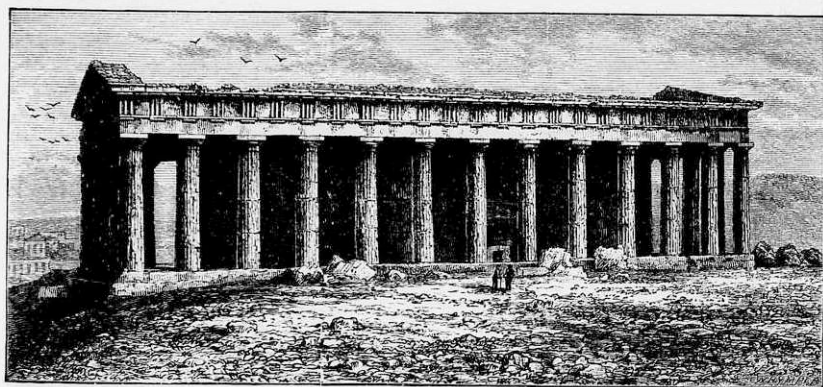

Развалины Паросиона.

«ΑΓΝΩΣΤΟΙΣ ΘΕΟΙΣ ⁹⁴⁶), которая около этого же самаго времени обратила на себя вниманіе Аполлонія Тианскаго и пятьдесятъ лѣтъ спустя разсматривалась путешественникомъ Павзаніемъ, проходившимъ тою же дорогой ⁹⁴⁷). Но когда собраты оставили его, онъ, не имѣя случая еще выступить на дѣятельность, облегчалъ свое уныніе и скуку тѣмъ, что бродилъ по городу въ разныхъ его направленіяхъ — съ чувствомъ любопытства ⁹⁴⁸), къ которому въ значительной степени примѣшивались и чувства грусти и негодованія ⁹⁴⁹).

Страна въ это время была разорена римскимъ владычествомъ, но самый городъ все еще сохранялъ кое-что изъ своей древней славы. Никакой Секундъ Карина еще не налагалъ своихъ жадныхъ и грязныхъ рукъ на несравненныя

аѳинскія статуи Фидіа. Превычайное множество этихъ именно статуй въ городѣ, гдѣ, какъ говоритъ Петроній⁹⁵⁰, легче было встрѣтить бога, чѣмъ человека, главнымъ образомъ и поглотило вниманіе ап. Павла. Съ минутнымъ интересомъ онъ могъ взглянуть на длинныя колоннады магазиновъ, блиставшихъ товарами со всѣхъ портовъ Эгейскаго моря; но подобныя зрѣлища были отчасти знакомы ему въ Тарсѣ, Антиохіи и Фессалоникѣ. Онъ могъ пройти по великолѣпному, Пикилійскому портику (*ποικίλη*) и тамъ разсматривать живописныя, все еще яркія и свѣжія картины, изображавшія гомеровы совѣты, о которыхъ онъ вѣроятно ничего не зналъ, и тѣ аѳинскія битвы, къ которымъ онъ, не исключая даже Мараѳона⁹⁵¹, не видно чтобы чувствовалъ какой нибудь интересъ. При всей обширности его духовнаго кругозора въ него не входило много гражданскаго

Развалины храма Тезея въ Аѳинахъ.

знанія, и даже если ап. Павелъ въ этомъ отношеніи стоялъ на одномъ уровнѣ съ Гамаліилами своего времени, то все-таки онъ мало зналъ или даже совсѣмъ не зналъ греческой исторіи⁹⁵². Вслѣдствіе этого же онъ навѣрно равнодушно отнесся къ безчисленнымъ бюстамъ всевозможныхъ греческихъ знаменитостей, отъ Солона и Эпименида вплоть до новѣйшихъ софистовъ и космитовъ, и еще болѣе былъ равнодушенъ къ тѣмъ продажнымъ побрякушкамъ, которыя аѳинское раболовіе позволяло римскому самовластію. Въ послѣднемъ отношеніи достаточно было только взглянуть на греческія статуи, съ которыхъ сняты были головы, чтобы на мѣсто ихъ поставить новыя римскія головы, или на пьедесталы, съ которыхъ удалены были прежніе герои, чтобы освободить мѣсто для мясистой и одутлой фizioноміи какого нибудь новаго проконсула. Какой нибудь

удей могъ съ гордостью показать ему статуи Гиркана, асмонейскаго первосвященника, и той прекрасной Вереники, о которой апостолъ конечно и не думалъ, что ему придется въ скоромъ времени отстаивать предъ ней свое дѣло⁹⁵³. Но главное вниманіе ап. Павла навѣрно было устремлено на изумительное множество храмовъ и на безчисленныхъ «идоловъ», которые стояли со всѣхъ сторонъ. Аѳины были городомъ статуй. Тамъ были статуи Фидіа, Мирона и Лизикла, а вмѣстѣ съ тѣмъ безчисленныя статуи безвкусныхъ и механическихъ копистовъ этого мертваго періода въ исторіи народа; статуи такой почтенной древности какъ масляничная Аѳина, спадшая будто бы съ неба, и статуи такъ сказать вчерашняго производства; статуи исполинскія и крохотныя; статуи всадниковъ, лицъ въ стоячемъ и сидячемъ положеніи, статуи лицъ въ возбужденномъ и созерцательномъ состояніи, одиночныя и цѣлыми группами, простыя и раскрашенныя; статуи деревянныя, глиняныя, каменные, мраморныя, бронзовыя, изъ слоновой кости и изъ золота, во всевозможныхъ положеніяхъ и сочетаніяхъ, статуи, выглядывавшія изъ cadaго закоулка и подобно часовымъ стоявшія по всѣмъ улицамъ города⁹⁵⁴. Въ Аѳинахъ, говоритъ Павзаній, было болѣе статуй чѣмъ во всей остальной Греціи вмѣстѣ взятой, и многочисленность ихъ должна была тѣмъ болѣе поразить и смутить ап. Павла, что во время долгихъ юношескихъ лѣтъ своего образованія въ Іерусалимѣ онъ никогда не видѣлъ болѣе одного человѣческаго изображенія и даже самымъ воспитаніемъ приученъ былъ смотрѣть какъ на нечестіе на всякую попытку нарушить ясную и выразительную заповѣдь Божію въ этомъ отношеніи. Полученное имъ ранѣе еллинистическое образованіе, его природная широта умственнаго взгляда, послѣдующее знакомство съ языческою жизнью и главнѣе всего полная перемѣна въ его возрѣніяхъ касательно универсальности и непреложности Моисеева закона, правда, безконечно расширили для него сдвинутый горизонтъ іудейской нетерпимости. Но сознание достоинства и красоты языческаго искусства было рѣшительно невозможно для того, кто былъ воспитанъ въ школѣ раввиновъ⁹⁵⁵. Въ его образованіи не было ничего такого, что дало бы ему возможность восхищаться простымъ величіемъ Пропилей, суровой красотой Парѳенона, массивными размѣрами храма Тезея, изысканнымъ изяществомъ храма безкрылой Побѣды. Отъ нагой красоты и здоровой мощи юныхъ фигуръ, изображенныхъ на карнизахъ, онъ могъ только отвернуться съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, если даже не съ полнымъ презрѣніемъ. Когда воспитатель Карла V, добрый кардиналъ тортозскій, вззошелъ на папскій престолъ подъ именемъ Адріана VI, и окружающіе его повели его въ Ватиканъ показать ему заключающіяся въ немъ великолѣпныя сокровища неподобныхъ статуй, то единственнымъ его замѣчаніемъ, высказаннымъ съ тѣмъ необработаннымъ акцентомъ, который возбудилъ столько презрѣнія и смѣха у его недостойныхъ подданныхъ, было: *sunt idola antiquorum*⁹⁵⁶. Замѣчаніе это сдѣлалось источникомъ насмѣшекъ и шутокъ насчетъ почтеннаго папы, и несомнѣнно оно въ первосвященникѣ XVI вѣка показываетъ сильный

духъ іудейства, не смягченнаго и не тронутаго эллинской культурой. Но, какъ допускали даже писатели, проникнутые самыми утонченными эстетическими симпатіями, старый нѣмецъ-папа былъ болѣе чѣмъ на половину правъ. Во всякомъ случаѣ, нѣчто въ родѣ отвращенія, подсказавшаго это невыгодное замѣчаніе о статуяхъ, было бы не только естественнымъ, но и неизбѣжнымъ въ фарисеѣ столицы іудейства, воспитавшемся подъ самою сѣнію храма Всевышняго. Мы, привыкнувъ видѣть Бога во всемъ, что есть изящнаго и прекраснаго; поставленные Его любовію въ всякой опасности отъ исчезнущаго язычества; наученные Его словомъ распознавать лучи отъ Источника Свѣта во всякомъ изяществѣ истиннаго искусства и во всякомъ восторгѣ поэтическаго вдохновенія,—можемъ съ признательностью восхищаться изысканными созданіями генія древности; но если бы ап. Павелъ отнесся къ нимъ такъ же, онъ не былъ бы тѣмъ Павломъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. «Предубѣжденія иконоборствующаго іудея, съ крайнею несправедливостію говорить Ренанъ, ослѣпляли его; онъ принималъ эти несравненные изображенія за идоловъ. Павелъ, говоритъ его биографъ, возмущился духомъ при видѣ этого города, полнаго идоловъ. Да, прекрасные и чистые образы, истинные боги и богини—тренежителі! Вотъ человѣкъ, который заноситъ молотъ надъ вами. Онъ уже произнесъ роковое слово: вы *идолы*. Ошибка этого маленькаго невзрачнаго іудея будетъ смертнымъ приговоромъ для васъ»⁹⁵⁷).

Да, имъ былъ произнесенъ смертный приговоръ какъ ложнымъ богамъ и ложнымъ богинямъ, какъ «богамъ язычества»⁹⁵⁸), которые не что иное, какъ идолы; но имъ не былъ произнесенъ смертный приговоръ какъ произведеніямъ искусства, какъ созданіямъ божественно-дарованной способности воображенія, какъ внѣшнимъ отголоскамъ той внутренней красоты, которая есть даръ Божій; имъ не произнесено смертнаго приговора ни въ одномъ изъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ онѣ имѣютъ цѣну и значеніе для человѣчества. Христіанство неодобрительно относилось къ искусству лишь настолько, насколько оно было служебнымъ орудіемъ идолопоклонства и порока; какъ только миновала опасность съ этой стороны, оно вдохновляло и облагораживало искусство. Пусть сантименталисты съ сожалѣніемъ вздыхаютъ «о славѣ Греціи и величіи Рима»; но въ язычествѣ была и другая, совсѣмъ не приглядная сторона, и вотъ ея-то и былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ ап. Павелъ. Язычество, въ его лучшемъ смыслѣ, было лишь формою естественной религіи и имѣло въ себѣ свои собственныя жизненныя силы; но увы—оно не имѣло въ себѣ достаточно здороваго нравственнаго чувства, чтобы спасти свою жизненную силу отъ порчи. Ап. Павлу не было надобности прибѣгать къ историческимъ справкамъ для того, чтобы убѣдиться, что наивысшая степень культуры можетъ быть совмѣстима съ глубочайшей бездной развращенія и что рядомъ съ изысканной красотой можетъ быть разлагающій тлѣніи крайній безнравственности. Мало того, онъ по личному наблюденію зналъ то, къ чему мы приходимъ только путемъ логическаго сравненія, именно, что связь между

поверхностнымъ блескомъ и внутреннимъ растлѣніемъ не случайная, что напротивъ самые цвѣты, дававшие упоительный медъ древняго искусства, были пропитаны ядомъ, и что совершенство скульптуры было бы не мыслимо безъ нагаго атлетства, способствовавшаго пороку. Для того, кто совершенство человѣчества полагалъ въ совершенномъ послушаніи нравственному закону, для кого чистота и строгое самоограниченіе были элементами единственно верховнаго идеала,—въ то время невозможно было любить, невозможно было даже снисходительно смотрѣть на искусство, которое завѣдомо было слугой идолопоклонства и скрытно покровителемъ распутства. Наше сожалѣніе о погибшемъ блескѣ Аѣны будетъ менѣе горько, если мы будемъ помнить, что этотъ городъ болѣе всѣхъ другихъ былъ развратителемъ міра. Онъ возжигалъ алтари своего генія не чистымъ энміамомъ, а поддерживалъ его огнемъ чувственности. Гораздо лучше священное варварство, если только это было варварство, для котораго эта прекрасная блудница не имѣла никакого очарованія, чѣмъ прикровенное богоотступничество, старающееся возратить себѣ силу чародѣйства и наполнить чашу своего беззаконія. Гораздо лучше прямое іудейство, вопрошающее, что общаго между Христомъ и веліаромъ, между храмомъ Божиимъ и идолами, чѣмъ растлѣнный еллінизмъ, который подъ предлогомъ художественнаго воспитанія или археологическаго знанія наложилъ глубокую печать чувственности на новѣйшую литературу и повидимому удовлетворяется только тогда, когда до дна испиваетъ чашу похоти плотской.

Едва ли могло подавлять ап. Павла и сознаніе аѣнскаго величія. Если даже онъ обладалъ болѣе глубокимъ знаніемъ прошлой исторіи, чѣмъ какъ это кажется, то все-таки Греція, которую онъ теперь видѣлъ, была лишь тѣнью и трупомъ—«той же самой Греціи, но Греціи уже не живой»⁹⁵⁹). Въ то время она уже такъ сказать жила воспоминаніями подвиговъ былаго; она лишь мертвыми устами повторяла отголоски древней философіи, которая никогда не могла удовлетворить стремленій міра. Ея блескъ не былъ уже произведеніемъ внутренняго огня, а лишь внѣшнимъ мерцающимъ отраженіемъ. Прошли уже столѣтія послѣ того, какъ все, что было великаго и героическаго въ ея исторіи, оставило по себѣ лишь слѣдъ какбы обманчиваго сновидѣнія; теперь она была слабой и презрительно третируемой плѣнницей чужеземнаго варвара⁹⁶⁰), и лишь надменно величалась пустымъ воспоминаніемъ о той славѣ, для которой сама она не сдѣлала ничего, да даже ничего не имѣла и изъ наслѣдства, кромѣ памятниковъ разложенія и тлѣнія. Среди множества всевозможныхъ предметовъ, которые ап. Павелъ видѣлъ въ Аѣинахъ, было однакоже нѣчто и такое, къ чему онъ не могъ не отнестись съ сочувствіемъ и восторгомъ. Онъ съ интересомъ, конечно, прочиталъ правоучительныя надписи на статуяхъ Меркурія (*Εριαι*), подаренныхъ гражданамъ тиранномъ Иппархомъ⁹⁶¹), и съ нѣкоторымъ сочувствіемъ могъ посмотрѣть на такіе жертвенники, какъ посвященные умѣренности и благочестію.

Но среди множества жертвенниковъ, видѣвшихся на каждой улицѣ, былъ одинъ, на которомъ онъ съ глубочайшимъ волненіемъ почиталъ древнюю надпись:

ΑΓΝΩΣΤΟΙΘΕΩΙ

Невѣдомому Богу.

Болѣе извѣстные жертвенники, надписи на которыхъ были во множественномъ числѣ и которые только свидѣтельствовали объ универсальности древняго язычества, имѣли для него меньше интереса. Мнѣніе бл. Иеронима, что ап. Павелъ

тутъ неправильно прочиталъ въ единственномъ числѣ вмѣсто множественнаго ⁹⁶²⁾, есть лишь одно изъ самоувѣренныхъ положеній, которыми отличается этотъ писатель. Надпись, на которую апостолъ обратилъ вниманіе въ своей рѣчи въ ареопагѣ, очевидно была древняя, которую онъ замѣтилъ только на одномъ жертвенникѣ ⁹⁶³⁾. Былъ ли это одинъ изъ тѣхъ жертвенниковъ, которые Эпименидъ посовѣтовалъ воздвигнуть аѳинянамъ какому бы то ни было богу—τῷ ἀπρόκτιστοι Θεῷ—на томъ мѣстѣ, гдѣ лягутъ черная и бѣлая овцы, которыхъ, по его словамъ, нужно было выпустить изъ ареопага; или онъ былъ посвященъ какому-нибудь богу, имя котораго съ теченіемъ времени стерлось и было забыто ⁹⁶⁴⁾;

или онъ воздвигнутъ былъ аѳинянами во время какого-нибудь бѣдствія, источника котораго они не могли доискаться ⁹⁶⁵⁾—все это было безразлично для ап. Павла. По крайней мѣрѣ едва ли онъ могъ предположить, что жертвенникъ этотъ предназначался для того Іеговы, который былъ столь таинственнымъ для языческаго міра ⁹⁶⁶⁾. Онъ взглянулъ на него, какъ на доказательство открытой несостоятельности, неудовлетворенности стремленій язычества. Онъ видѣлъ въ немъ или хотѣлъ прочитать въ его надписи признаніе особаго Божества, къ которому они стремились, но до познанія котораго они не въ силахъ были достигнуть; а это былъ Тотъ, проповѣдь о которомъ онъ признавалъ главной задачей

Жертвенникъ изъ Аѳинъ
(въ Британскомъ музеѣ).

своей миссіи. Этою-то именно мыслью онъ утѣшался въ своемъ тревожномъ одиночествѣ въ чужомъ для него городѣ; этою именно мыслью воспламенялся въ немъ внутренній огонь, когда онъ бродилъ по уставленнымъ идолами улицамъ ⁹⁶⁷⁾.

Среди іудеевъ онъ трудился немного. Правда, ему нерѣдко приходилось бесѣдовать съ ними ⁹⁶⁸⁾ и ихъ прозелитами въ синагогѣ или въ посѣщаемыхъ ими собраніяхъ ⁹⁶⁹⁾; но вѣроятно этихъ бесѣдъ было немного и мы не находимъ ни слѣдовъ проповѣди, съ которой бы онъ обращался къ нимъ, ни извѣстія о томъ, какъ они отнеслись къ ней. Главную свою дѣятельность онъ проявилъ на рыночной площади Аѳинъ,—на той самой агорѣ, на которой за четыре столѣтія до него Сократъ употреблялъ тотъ же самый методъ ученія ⁹⁷⁰⁾,—проявилъ тѣмъ способомъ, къ которому онъ повидимому не прибѣгалъ еще нигдѣ, бесѣдуя ежедневно и публично со всѣми прохожими. Его личность и ученіе скоро обратили на него общее вниманіе. Аѳины во всѣ времена были городомъ празднолюбцевъ, и даже въ самый вѣкъ процвѣтанія граждане его въ насмѣшку прозывались гапеніанами ⁹⁷¹⁾—вслѣдствіе того жаднаго любопытства и неизлечимой болтливости, которыя даже тогда были наиболѣе выдающимися ихъ особенностями. Ихъ величайшій ораторъ прямо укорялъ ихъ въ томъ, что они вмѣсто того, чтобы заблаговременно и мужественно выступить на защиту своихъ вольностей, которымъ угрожала опасность, постоянно забавлялись лишь распросами о самыхъ послѣднихъ новостяхъ ⁹⁷²⁾; а св. Лука, всякій случайный намекъ въ краткомъ повѣствованіи котораго носить печать правдивости и знакомства съ дѣломъ, повторяетъ ту же самую характеристику при измѣнившихся обстоятельствахъ постигшей ихъ въ то время превратной судьбы. Даже поселившіеся тамъ иностранцы заражались тѣмъ же недугомъ, и агора въ этотъ поздній періодъ упадка не менѣе гремѣла любознательной болтовней, чѣмъ и въ славные дни Перикла или Платона.

Въ толпѣ любопытствующихъ слушателей конечно рано или поздно должны были показаться и нѣкоторые изъ аѳинскихъ философовъ. Вдоль одной стороны агоры тянулся никилійскій портикъ или такъ называемая *στέγη ποικίλη*, которую Зенонъ сдѣлалъ своей школой и отъ которой стонки получили самое свое названіе; а неподалеку находились и сады Эпикура. Рядомъ съ приверженцами этихъ двухъ философскихъ школъ тутъ были и академики, бывшіе послѣдователями Платона, и перипатетики, преклонявшіеся предъ авторитетомъ Аристотеля, и эклектики всякихъ оттѣнковъ ⁹⁷³⁾. Весь городъ въ дѣйствительности былъ какъ бы однимъ сплошнымъ университетомъ. Онъ переполненъ былъ профессорами, риториками, учителями, совопросниками, собесѣдователями, лекторами, грамматиками, педагогами и гимнастами всякаго рода; и среди всѣхъ этихъ софистовъ и любомудровъ не было ни одного, кто бы обнаруживать хоть частичку самобытности или умственной силы. Лѣстивые скептики жили въ лицемѣрной дружбѣ съ безбож-

ными жрецами, да и не было достаточнаго основанія для возбужденія антагонизма между пустыми словонизверженіями философіи и бездушною обрядностью мертвой религіи ⁹⁷⁴). И изъ этой пестрой толпы дилетантствующих претендентовъ на мудрость нѣтъ ни одного имени, которое хоть сколько нибудь всплыло бы на поверхность—изъ полной безвѣстности. Ихъ такъ называемая философія была не лучше простой игры громкими фразами ⁹⁷⁵), скучнымъ повтореніемъ избитыхъ

Сократъ
(изъ Visconti).

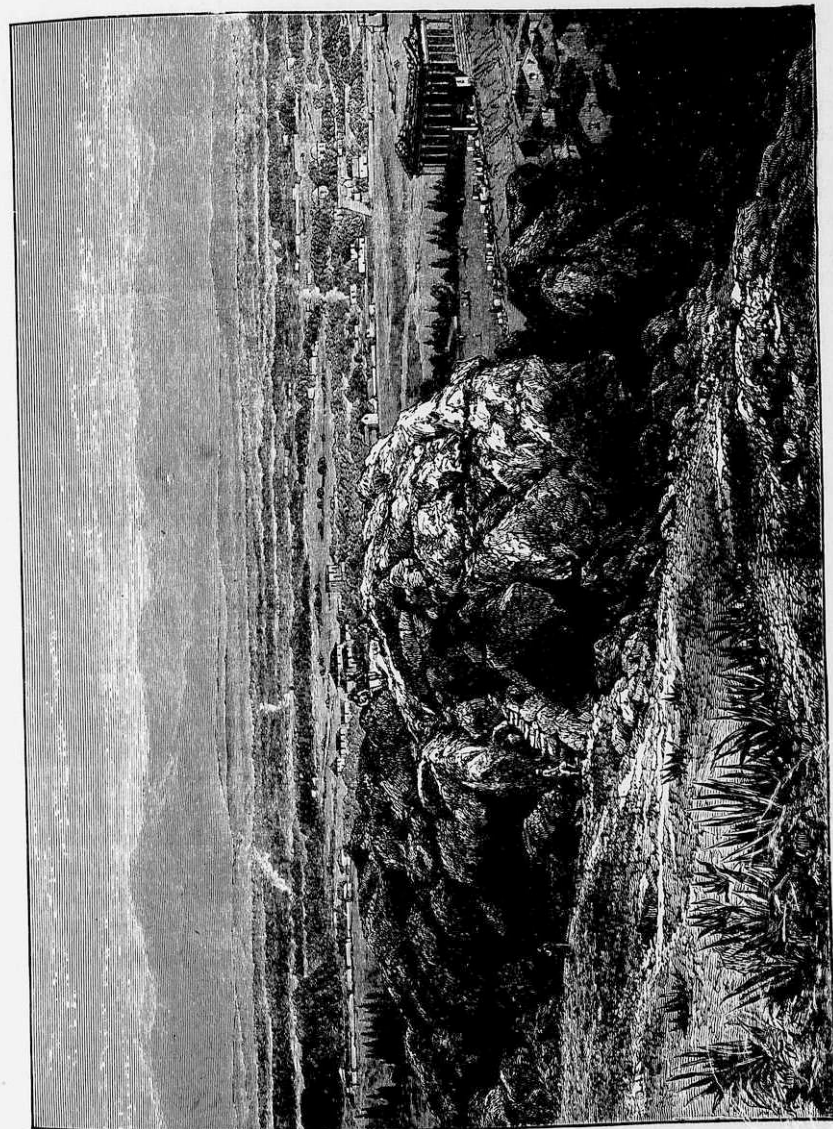
терминовъ, бессмысленнымъ отзвукомъ пустыхъ формулъ. Въ это время она находилась даже въ большемъ упадкѣ, чѣмъ въ то время, когда Цицеронъ, посѣтивъ Аѳины, назвалъ всю ихъ философію простымъ хаосомъ, въ которомъ все *ἀνα κάτω*—перевернуто вверхъ дномъ ⁹⁷⁶). Тутъ были эпикурейцы, которые все еще держались основнаго положенія своего учителя, что высшее благо есть удовольствіе; были стоики, утверждавшіе, что высшее благо есть добродѣтель; но изъ этихъ

эпикурейцевъ нѣкоторые забыли мнѣніе, что лучший источникъ удовольствія заключается въ добродѣтели, а изъ этихъ стоиковъ многіе довольствовались лишь своимъ теоретическимъ мнѣніемъ, мало заботясь о его практическомъ приложеніи. Къ лучшей сторонѣ обихъ системъ ап. Павелъ могъ отнестись съ сочувствіемъ, но недостатки и вырожденіе ихъ обихъ возникали изъ двухъ злыхъ источниковъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ истекаютъ всѣ грѣхи и бѣдствія человѣка, — именно изъ чувственности и гордости. Правда, что когда Эпикуръ проповѣдывалъ міру свое ученіе о томъ, что удовольствіе есть высочайшее благо, онъ и свою жизнь сообразовалъ съ этимъ ученіемъ. Но знаменитый садъ, гдѣ въ скромной умѣренности жилъ самъ Эпикуръ ⁹⁷⁷), скоро выродился въ мѣсто крайняго распутства, и его опредѣленіе удовольствія какъ состоящаго въ отсутствіи тѣлесной боли или умственнаго разстройства (*ἀταραξία*), привело къ идеалу жизни, граничившему съ женственною изнѣженностію и переходившему въ полнѣйшій эгоизмъ. Онъ передвинулъ лишь центръ тяжести нравственной системы, а его выродившіеся послѣдователи, соглашавъ съ нимъ въ признаніи того, что удовольствіе должно быть цѣлю земнаго бытія, выбирали при этомъ ближайшія и болѣе грубыя удовольствія чувственности предпочтительно предъ удовольствіями разума или одобреніями совѣсти. Болѣе суровые и возвышенные эпикурейцы въ родѣ Лукреція и Кассія были рѣдки; представителями школы обыкновенно выступали низкіе и грубые сластолюбцы, которые руководились девизомъ: «будемъ ѣсть и пить, потому что завтра можемъ умереть» (сн. Екклес. v, 18; Прем. п. 7—9). Съ другой стороны, ихъ великіе стоическіе соперники едва ли имѣли основаніе гордиться предъ ними дѣйствительностью своего болѣе благороднаго ученія. Стремясь къ достиженію подчиненія себѣ не только страстей, но и всѣхъ внѣшнихъ условій, величавъ обманчивымъ равнодушіемъ ко всякому страданію или горю ⁹⁷⁸), высокомерно стоя одиноко въ своей безпомощной независимости и самонящей крѣпости, стоики съ ихъ хвастливой апатіей настолько напрягали силу воли, что она наконецъ надрывалась подъ неестественнымъ напряженіемъ; и это придавало ихъ жизни сознательную неискренность, которая въ худшемъ классѣ изъ нихъ дѣлала изъ ихъ философіи плащъ для прикрытія всякаго честолюбія и безчестности, и наполняла души болѣе благородныхъ между ними скорбію, переходившею въ болѣзненное самолюбіе и непреодолимое отчаяніе. Въ худшемъ своемъ вырожденіи стоицизмъ дѣлался апотеозой самоубійства, а эпикурейство прославленіемъ плотской похоти ⁹⁷⁹).

Какъ ап. Павелъ отнесся ко взглядамъ и аргументамъ этихъ соперничающихъ школъ, этихъ такъ сказать фарисеевъ и саддукеевъ языческаго міра ⁹⁸⁰), мы не знаемъ. Философы эти, вѣроятно, считали бесполезнымъ входить въ разсужденіе объ отвлеченныхъ философскихъ началахъ съ человѣкомъ, формальная логика котораго совѣтъ не походила на аристотелевскую, который не имѣлъ ни малѣйшаго знакомства съ техническими тонкостями философіи и къ которому

они могли относиться только съ презрѣніемъ какъ къ простому варварскому и необразованному иудею. Быть можетъ и самъ онъ съ такимъ рвеніемъ хотѣлъ довести до нихъ благовѣстіе о царствѣ небесномъ, что вопросы о нравственной точкѣ зрѣнія у него ставились въ соподчиненное отношеніе къ религіозной истинѣ, изъ которой по его убѣжденію единственно могла вытекать нравственность. Они быть можетъ хотѣли бы поразсудить о «высочайшемъ благѣ», а онъ проповѣдывалъ имъ о Христѣ. Во всякомъ случаѣ, когда ему пришлось обратиться къ нимъ съ рѣчью, онъ не дѣлаетъ никакихъ намековъ на болѣе общеизвѣстные пункты различія между философскими школами, а всецѣло останавливается на разностяхъ между ихъ взглядами и его собственнымъ воззрѣніемъ на сущность и свойства Божества. Даже съ философами, толковавшими съ нимъ на площади рынка ⁹⁸¹⁾, онъ говорилъ въ своей бесѣдѣ не объ удовольствіи или добродѣтели, а объ Иисусѣ и воскресеніи ⁹⁸²⁾. Единственнымъ результатомъ этого было возбужденіе нѣкотораго любопытства въ нихъ, желанія выслушать болѣе связанное изложеніе того, что онъ говорилъ. Но это любопытство едва ли поднималось выше чувства презрительности. Въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ какъ будто бы проповѣдывалъ о «чужихъ божествахъ» ⁹⁸³⁾; а по другимъ онъ просто былъ «суетное слово» ⁹⁸⁴⁾, залетная птица, подбирающая крохи чужой учености, жертва подражательнаго увлеченія, собиратель обрывковъ знанія. Таковъ былъ взглядъ большинства этихъ развязныхъ мудрецовъ на проповѣдника значеніе котораго для міра бесконечно превосходило всѣ ихъ велеученыя философскія школы.

Нѣкоторыми изъ слушателей однакоже вполне овладѣло любопытство вмѣстѣ съ желаніемъ развлечься чѣмъ нибудь новенькимъ. Насколько они понимали его, имъ казалось, что онъ превозглашалъ новую религію. Толпа на ровномъ пространствѣ агоры дѣлала затруднительнымъ слышать его всѣмъ, и такъ какъ ареопагъ могъ представить не только удобное мѣсто для публичной рѣчи, но и былъ тѣмъ помѣщеніемъ, гдѣ собирався судъ, разсматривавшій всѣ дѣла касательно государственной религіи, то быть можетъ съ чувствомъ нѣкоторой шутовскости они повели его туда по скалистымъ ступенямъ (существующимъ еще и теперь) на верхнюю площадку и поставили его на «камень безстыдства», съ котораго обвиняемые передъ ареопагомъ обыкновенно защищали свое дѣло ⁹⁸⁵⁾. Затѣмъ, съ вѣжливостью, которая однако же звучитъ иронически и въ намѣреніи наиболѣе развязныхъ вожаковъ толпы долженствовала послужить комической пародіей на судебный допросъ, они начали спрашивать его въ томъ же родѣ, какъ и въ древнія времена ихъ предки подвергали суду и осуждали по подобному же обвиненію Анаксагора, Діагора, Протагора и Сократа ⁹⁸⁶⁾. Они сказали ему: «Можемъ ли мы знать, что это за новое ученіе, проповѣдуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь въ уши наши. Посему хотимъ знать, что это такое»? И такимъ образомъ слушатели съ живымъ любопытствомъ, выдающимъ однако же худо скрываемое презрѣніе и шутку, размѣстились по каменнымъ ступенямъ и

Мѣсто ареопага въ Афинахъ.

вездѣ, откуда только можно было слышать, что за новость будетъ проповѣдывать этотъ странный проповѣдникъ новой какой-то вѣры.

Но совсѣмъ не съ легкимъ настроеніемъ отвѣчалъ на всѣ эти разспросы ап. Павелъ. «Маленькій невзрачный іудей», который былъ благороднѣйшій изъ всѣхъ іудеевъ, быть можетъ стоялъ на томъ самомъ камнѣ, на которомъ нѣкогда стоялъ и невзрачный грекъ, бывшій благороднѣйшимъ изъ всѣхъ грековъ, и отвѣчалъ на тоже самое обвиненіе. Но Сократъ могъ шутить даже въ виду опасности, грозившей его жизни; апостолъ же Павелъ, имѣя даже обезпеченіе своей безопасности въ терпимости религіознаго равнодушія своихъ судей, всецѣло былъ проникнутъ свойственнымъ его національности чувствомъ важности и не имѣлъ склонности раздѣлять ихъ шутиловость. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ характеровъ, которые слишкомъ угрюмы и слишкомъ серьезны для легкаго юмора, — одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые всегда и во всемъ поступаютъ серьезно. Одинъ новѣйшій писатель быть можетъ былъ правъ, замѣтивъ, что въ обыкновенномъ обществѣ ап. Павелъ не считался бы занимательнымъ членомъ. Съ другой стороны, онъ былъ слишкомъ глубоко убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, на которое онъ былъ призванъ голосомъ и видѣніемъ самого Спасителя, чтобъ хоть сколько нибудь оскорбиться легкомысленными намеками или презрительными насмѣшками. Онъ не былъ смущенъ и важностью его судейскихъ слушателей, славой его философствующихъ критиковъ или строгимъ характеромъ обстановки, среди которой онъ находился теперь. Надъ нимъ на высотѣ пятнадцати сажень подобно грандіозному алтарю Эллады вздымался скалистый остовъ Акрополя, того Акрополя, который, для грека былъ тѣмъ же, чѣмъ Синай для еврей — блестящимъ пупомъ пита, окаймленного концентрическими кругами Аѳинъ, Аттики, Эллады и міра⁹⁸⁷. Подъ нимъ лежалъ тотъ храмъ страшныхъ богинь, присутствіе которыхъ придавало особенную торжественность этому мѣсту и страшнаго имени которыхъ было достаточно для того, чтобы удержать Нерона, хотя онъ повиненъ былъ даже въ матереубійствѣ, отъ вступленія въ этотъ знаменитый городъ⁹⁸⁸. Но ап. Павелъ не былъ подавленъ ни ужасами и блескомъ многобожія въ сѣдалищѣ его величественнѣйшихъ памятниковъ и въ судѣ его наиболѣе внушительной юрисдикціи, ни славой умственной философіи, съ живыми представителями которой онъ стоялъ теперь лицомъ къ лицу. Онъ зналъ, какъ знали и его слушатели, что вѣра у нихъ въ это изищное идолопоклонство исчезла⁹⁸⁹. Онъ зналъ, какъ знали и его слушатели, что ихъ стремленіе къ невидимому не находило удовлетворенія ни въ чужеземныхъ суевѣріяхъ, находившихъ себѣ приверженцевъ въ невѣжественныхъ кругахъ женскаго пола, ни въ тѣхъ пустыхъ системахъ, которыя не въ силахъ были дать духовнаго міра даже немногимъ. Онъ стоялъ подъ голубымъ сводомъ неба⁹⁹⁰, болѣе пространнаго и величественнаго храма, чѣмъ какой можетъ воздвигнуть человѣкъ. И поэтому съ глубочайшею важностью и съ чувствомъ спокойнаго безстрашія онъ обратился къ нимъ съ рѣчью: «Аѳиняне!»⁹⁹¹ сказалъ онъ, окидывая ихъ много-

значительнымъ взглядомъ и протянувъ руку, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ при обращеніи къ народу, — «по всему вижу я, что вы какбы особенно набожны»⁹⁹². Этимъ деликатнымъ вступленіемъ, согласнымъ съ благопріятнымъ свидѣтельствомъ и многихъ другихъ писателей въ отношеніи ихъ города, какъ общей святыни Греціи⁹⁹³, естественно могло быть только болѣе привлечено ихъ вниманіе и даже приобретено нѣкоторое личное расположеніе къ самому оратору. «Ибо, продолжалъ онъ, проходя и осматривая ваши святыни⁹⁹⁴, я нашелъ и жертвенникъ⁹⁹⁵, на которомъ написано: **невѣдомому Богу**⁹⁹⁶. Сего-то, котораго вы не зная⁹⁹⁷ чтите, я проповѣдую вамъ. Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ будучи⁹⁹⁸ Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ⁹⁹⁹ храмахъ живетъ, и не требуетъ служенія¹⁰⁰⁰ рукъ человѣческихъ, какбы имѣющихъ въ чемъ либо нужду¹⁰⁰¹. Самъ дая всему жизнь и дыханіе и все. Отъ одной крови¹⁰⁰² онъ произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію (Гов. хп, 23), дабы они искали Бога, не ощущать ли Его¹⁰⁰³ и не найдутъ ли Его; хотя Онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ¹⁰⁰⁴, ибо мы Имъ живемъ; и движемся, и существуемъ, какъ и нѣкоторые¹⁰⁰⁵ изъ вашихъ стихотворцевъ говорили:

(Мы всѣ нуждаемся въ Немъ),

Ибо мы Его и родъ.

Итакъ мы, будучи родомъ Божиимъ, не должны думать, что Божество

Неронъ
(съ бюста въ Британскомъ музеѣ).

подобно золоту или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго»¹⁰⁰⁶).

Какъ очевидно ни сокращена здѣсь эта рѣчь, мы, прежде чѣмъ передавать ея заключеніе, остановимся нѣсколько, чтобы отмѣтить высокое искусство, съ которымъ она составлена, и тотъ глубокий смыслъ, которымъ проникнуто каждое изъ глубокихъ и возвышенныхъ ея положеній. Такое искусство особенно необходимо было въ обращеніи къ слушателямъ, которые придавали риторикѣ первостепенную важность, а также необходимо было и въ тѣхъ видахъ, чтобы воспользоваться каждымъ моментомъ, въ который онъ могъ надѣяться овладѣть хоть бѣглымъ вниманіемъ этой разсѣянной и вѣтряной толпы. Вдаваться сразу же въ изложеніе отличительнаго ученія христіанства или дѣйствовать съ тою пренебрежительностью къ чужимъ мнѣніямъ, которая обыкновенно бываетъ неразлучна съ невѣжественнымъ фанатизмомъ—значило бы обречь себя на полную неудачу; а такъ какъ единственнымъ его желаніемъ было расположить въ пользу своего дѣла разумными доводами и любовью, то онъ старается относиться къ нимъ какъ язычникъ къ язычникамъ и говорить съ тою широтою и снисходительностью взгляда, которая ужаснула бы іудеевъ, и съ тѣмъ классическимъ изяществомъ, которое очаровывало язычниковъ. Въ необыкновенно вѣжливыхъ выраженіяхъ и въ изысканно примирительныхъ доводахъ признавая ихъ набожность въ отношеніи своихъ боговъ и подкрѣпляя свои взгляды ссылкой на ихъ собственныхъ поэтовъ, онъ въ тоже время ловкимъ оборотомъ примѣненія мысли къ наглядному факту открываетъ основное заблужденіе всѣхъ классовъ своихъ слушателей. Какъ будто останавливаясь только на пунктахъ согласія, въ дѣйствительности онъ во всѣхъ отношеніяхъ разбиваетъ ихъ природное и умственное самодовольство¹⁰⁰⁷). Благое провидѣніе (другіе, но понятно не ап. Павелъ, сказали бы—счастливый случай)¹⁰⁰⁸), остановившее его вниманіе на надписи на безымянномъ жертвенникѣ, сразу дало ему возможность видѣть у нихъ по крайней мѣрѣ хоть частицу того вѣрованія, которое онъ и старался выяснитъ имъ. Слушатели его изъ эпикурейцевъ думали, что міръ произошелъ изъ сочетанія атомовъ; онъ говоритъ имъ, что міръ и все, что въ немъ, обязаны своимъ происхожденіемъ ихъ невѣдомому Богу, по творческому слову котораго произошло все. Они думали, что боговъ много, но что они находятся далеко и, кромѣ случайнаго метанія перуновъ, совсѣмъ не заботятся о человѣчествѣ; онъ говоритъ имъ, что существуетъ только одинъ Богъ, Господь неба и земли. Вокругъ ихъ поднимался цѣлый рядъ храмовъ—столь прекрасныхъ, какъ только могутъ создавать руки человѣческія; и однако же онъ, подъ самою тѣнію Пропилей и Пареемона и въ виду сотенъ боговъ съ ихъ колоннообразными святилищами изъ великолѣпнаго мрамора, говоритъ народу, что этотъ единый Богъ живетъ не въ ихъ рукотворенныхъ храмахъ¹⁰⁰⁹), а въ вѣковѣчномъ храмѣ своего собственнаго творенія. Но отвергая такимъ образомъ многобожіе толпы, онъ въ своей рѣчи съ одина-

ковою силою направляется и противъ пантеизма стоиковъ и практическаго безбожія эпикурейцевъ. Когда онъ развѣнчивалъ, такъ сказать, безчисленные храмы, стоики могли совершенно соглашаться съ нимъ¹⁰¹⁰); когда же онъ говорилъ, что Богъ не нуждается въ нашемъ внѣшнемъ служеніи, эпикурейцы въ этихъ словахъ могли почти слышать ученіе своей собственной школы¹⁰¹¹); но съ другой стороны онъ заносилъ топоръ надъ корнемъ ихъ самыхъ излюбленныхъ убѣжденій, когда прибавлялъ, что матерія не есть вѣчная сущность, что Богъ не безличная абстракція и провидѣніе не простое внутреннее тяготѣніе въ насъ, которое подобно теченію атомовъ направляется то въ ту, то въ другую сторону, но что Онъ есть Творецъ и Вседержитель, любящій Господь матеріальной вселенной, всѣхъ Его чадъ въ великой семьѣ человечества и всѣхъ народовъ, какъ іудея, такъ и язычника, какъ грека, такъ и варвара, которые всѣ получили отъ Него указаніе предѣловъ своего бытія и своихъ владѣній. Въ одной этой многозначительной мысли онъ выставилъ такъ же ложность всѣхъ притязаній на самобытное происхожденіе народовъ, національнаго самопревозношенія на счетъ другихъ, равно какъ и всѣхъ древнихъ мнѣній касательно мѣстной ограниченности дѣйствія народныхъ боговъ. Презрѣнный іудей, надъ которымъ они издѣвались, принадлежалъ къ народу, который такъ же дорогъ Богу, какъ и изящный грекъ, и Его попеченіе съ высоты небеснаго трона, съ котораго Онъ зрѣть на всѣхъ обитателей земли, простирается одинаково и на всѣхъ варваровъ. И когда онъ говорилъ имъ, что Богъ далъ имъ способность находить Его и что они лишь смутно искали Его въ темнотѣ, когда онъ извѣстнымъ полустигіемъ Арата и Клеанеа (быть можетъ знакомымъ имъ изъ употребленія его на торжественныхъ празднествахъ) подтвердилъ истину, что мы близко къ Нему и дороги Ему, овцы пажити Его и люди рукъ Его,—то всѣмъ этимъ они были подготовлены къ заключенію, что всѣ эти художественныя фигуры (на которыя онъ во время рѣчи указывалъ рукой), всѣ эти рѣзные, кованыя и литыя изображенія не были и не могли быть подобіями Его, и имъ не должно поклоняться¹⁰¹²), хотя бы они были такъ же почтенны, какъ «съ неба спадшій образъ»—*διπτε:ε:ς ἀγαλμα*—ихъ покровительницы-богини, или такъ же славны, какъ золотослонокостная статуя, на которую Фидій употребилъ весь свой художественный геній, а Афины свои богатства.

Доселѣ такимъ образомъ съ снисходительною осторожностью, избѣгавшей всякой оскорбительности, и съ силою аргументаціи и краснорѣчія, къ которой нельзя было остаться равнодушнымъ, ап. Павелъ раскрывалъ заблужденія своихъ слушателей, главнымъ образомъ сопоставляя ихъ съ соотвѣтствующими истинами, провозглашеніе которыхъ было главной задачей его миссіи¹⁰¹³). Но чтобы провозглашеніе которыхъ было главной задачей его миссіи, стое раскрытіе заблужденій не окончилось только равнодушіемъ и отчаяніемъ, онъ хотѣлъ научить стоиковъ воспитывать въ себѣ симпатію вмѣсто апатіи, смиреніе вмѣсто гордости, и то сознаніе собственной слабости, которое вмѣсто самонадѣянности, отрицающей всякую нужду въ Богѣ, во всемъ полагается на Него;

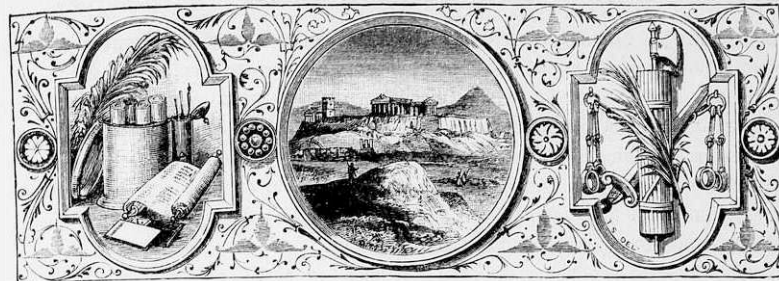
хотѣлъ и эпикурейцевъ привести къ сознанию привосходства духовнаго блага надъ чувственнымъ удовольствіемъ, живаго Спасителя надъ отдаленными и равнодушными богами. Поэтому онъ продолжалъ говорить имъ, что въ теченіе долгихъ вѣковъ ихъ исторіи Богъ, оставляя¹⁰¹⁴⁾ времена ихъ невѣдѣнія, теперь, когда пришло и для нихъ царство небесное, призываетъ и ихъ къ покаянію, — теперь, когда назначенъ уже день, въ который Онъ будетъ праведно судить вселенную, посредствомъ предопредѣленнаго Имъ Мужа, того самаго Иисуса, дѣло котораго Богъ запечатлѣлъ и удостовѣрилъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ...

Но этого было довольно. Взрывъ грубыхъ насмѣшекъ прервалъ его слова¹⁰¹⁵⁾. Греки и сами философы могли слушать съ удовольствіемъ, даже съ нѣкоторою склонностію къ убѣжденію, когда онъ раскрывалъ имъ ничтожество боговъ Акрополя, надъ которыми даже ихъ отцы, на четыре столѣтія раньше, не боялись уже издѣваться. Но теперь, когда онъ дошелъ до предмета, въ которомъ къ его проповѣди примѣшались уже чисто іудейскія воззрѣнія и чудеса, когда онъ началъ говорить имъ о томъ крестѣ, который былъ для нихъ безуміе, и о томъ воскресеніи изъ мертвыхъ, которое было совершенно чуждо ихъ строю мысли, то весь интересъ рѣчи пропалъ для нихъ. Для нихъ это было въ родѣ того, какъ еслибы помѣшанный въ вообще здравую и складную рѣчь вставилъ одно изъ дикихъ измышлений своего разстроеннаго ума. «Чужія божества», о которыхъ онъ по ихъ мнѣнію проповѣдывалъ, сдѣлались слишкомъ чудовищными, чтобы даже оставившись дольше на разслѣдованіи о нихъ. Они не находили стоящимъ тратить на такой предметъ досуга, который былъ имъ нуженъ для менѣе чудовищной болтовни¹⁰¹⁶⁾. Сами они не настолько близко къ сердцу принимали свои религіозныя убѣжденія и этого слабаго безвѣстнаго проповѣдника не считали настолько важнымъ лицомъ, чтобы заботиться о примѣненіи къ ап. Павлу того постановленія ареопага, которое привело Сократа къ принятію яда, выпитаго въ тюрьмѣ почти на глазахъ у нихъ; но они отнеслись къ великому проповѣднику съ тою презрительною терпимостію, которая гибельнѣе для успѣха, чѣмъ всякое противодѣйствіе. Начавъ расходиться, нѣкоторые изъ нихъ разразились открытыми издѣвательствами, между тѣмъ какъ другіе, сознавая, что такой ораторъ заслуживалъ по крайней мѣрѣ нѣкоторой вѣжливости въ отношеніи къ себѣ, съ вѣжливой ироніей сказали ему: довольно на этотъ разъ. «Объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время». Но даже если они и серьезно говорили это, удобнаго времени для этого уже не представилось больше, какъ не представилось въ послѣдствіи и Феликсу (Дѣян. xxiv, 25). На этомъ холмѣ, передъ этой толпой ап. Павелъ уже никогда не проповѣдывалъ больше. Онъ удалился изъ среды ихъ, опечаленный быть можетъ ихъ насмѣшками, сознавая ихъ духовную неспособность и видя, что его общественная дѣятельность въ этомъ городѣ миновала. Онъ смѣло могъ выступить противъ противодѣйствія, но равнодушіе отняло у него силу. Правда, онъ приобрѣлъ одного достойнаго послѣдователя — но только

одного¹⁰¹⁷⁾ — въ Діонисіѣ Ареопагитѣ¹⁰¹⁸⁾ и еще въ одной женщинѣ, вѣроятно іудейкѣ, самое имя которой съ достовѣрностію неизвѣстно¹⁰¹⁹⁾; но въ Аѣинахъ онъ не основалъ церкви, аѣинянамъ не писалъ посланія, и въ Аѣины, какъ ни часто онъ бывалъ по сосѣдству, никогда уже не ступалъ ни ногой. И св. Лука говоритъ намъ чистую, прямую правду. Ап. Павелъ подвергся тамъ презрѣнію и насмѣшкамъ, и онъ ни на минуту не пытается представить дѣло какъ нибудь иначе; рѣчь ап. Павла, въ отношеніи ея непосредственной цѣли, потерпѣла полную неудачу, и св. Лука не скрываетъ этой неудачи¹⁰²⁰⁾. Онъ показываетъ намъ, что апостолъ подвергался не только преслѣдованіямъ отъ отчаяннаго изувѣрства, но и насмѣшкамъ отъ религіознаго равнодушія.

И однако же посѣщеніе имъ Аѣинъ не было напраснымъ. Для него оно было очень печально. Даже когда Тимофеей прибылъ для утѣшенія его въ уныніи и одобренія его въ одиночествѣ, онъ чувствовалъ столь сильную тоску по своимъ вѣрнымъ и испытаннымъ обращенцамъ въ Фессалоникѣ, что, такъ какъ имъ все еще приходилось выдерживать бурю гоненія, онъ пожертвовалъ своими собственными чувствами и отослалъ его назадъ для поддержанія и ободренія этой борющейся церкви¹⁰²¹⁾. Онъ оставилъ Аѣины, какъ и жилъ въ нихъ, презираемымъ и одинокимъ. И однако же, какъ мы уже сказали, посѣщеніе его не было напраснымъ. Многія изъ глубочайшихъ мыслей въ посланіи къ Римлянамъ возникли быть можетъ въ слѣдствіе размышлений апостола о видимой неудачѣ его въ Аѣинахъ. Волна можетъ отхлынуть и превратиться въ пѣнистый дождь, но напоръ прилива продолжается съ неограничимъ величіемъ и силой. Конечно высокомѣрные аѣинскіе философы и предположить не могли, что незначительный случай, въ которомъ они снисходительно приняли участіе, былъ для нихъ началомъ конца¹⁰²²⁾. Ксерксъ съ своими персами останавливался лагеремъ на мѣстѣ ареопага и предавалъ пламени храмы Акрополя на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какія приводилъ ап. Павелъ, именно, «что боги не могутъ быть заключены въ стѣнахъ, и что вся вселенная ихъ обиталище и храмъ»¹⁰²³⁾. И однако же мечъ и огонь Ксеркса, все миллионы его необъятнаго полчища, были ничто, если мы сравнимъ достигнутые ими результаты съ тѣмъ, что послѣдовало за видимой неудачей бѣднаго и презираемаго дѣлателя палатокъ. Огромное большинство посѣтителей Аѣинъ связываютъ ихъ въ своемъ воспоминаніи съ именемъ апостола Павла, хотя со времени блестящаго періода въ нихъ ступали ноги поэтовъ, царей и побѣдителей. Они не вспоминаютъ о Цицеронѣ, Virgilіѣ или Германикѣ, а думаютъ о странствующемъ дѣлательѣ палатокъ. Во всѣхъ его кажущихся пораженіяхъ скрытно лежалъ зародышъ вѣрной побѣды. Онъ не основалъ церкви въ Аѣинахъ, но тамъ, быть можетъ при содѣйствіи новообращеннаго Ареопагита, — все-таки возникла церковь. Въ слѣдующемъ столѣтіи она дала общему дѣлу христіанства своихъ мучениковъ-епископовъ и краснорѣчивыхъ апологетовъ¹⁰²⁴⁾. Въ третьемъ столѣтіи она процвѣтала въ мирѣ и чистотѣ. Въ

четвертомъ она имѣла своихъ представителей на Никейскомъ соборѣ, и благородное краснорѣчіе двухъ великихъ христіанскихъ друзей св. Василія Великаго и Григорія Назіанзина было выработано въ христіанскихъ школахъ этого города. И не много прошло еще вѣковъ, какъ будучи не въ силахъ выстоять противъ прободенныхъ рукъ, держащихъ деревянный крестъ, тысячи боговъ его бѣжали во мракъ забвенія, и сама дѣва-богиня, покровительница города, не смотря на свои молніеносные глаза, увѣковѣченные Гомеромъ, и на могучее копье, сдѣланное изъ трофеевъ Мараѳона, уступила свой храмъ той смиренной галилейской Дѣвѣ, что жила подъ кровлей плотника Назаретскаго,—уступила Дѣвѣ, Матери распятого Христа ¹⁰²³).

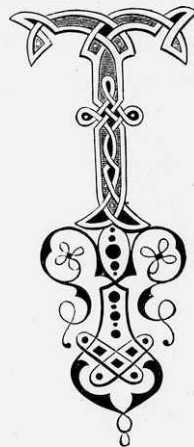

ГЛАВА XXVIII.

АП. ПАВЕЛЪ ВЪ КОРИНѢ.

Немудрое Божіе премудрѣе челоѣковъ, и
немощное Божіе сильнѣе челоѣковъ.

1 Кор. I, 25.

АКИМЪ же незамѣтнымъ незнакомцемъ, какимъ и прибылъ, еще быть можетъ даже незамѣтнѣе, ап. Павелъ оставилъ Аѣны. Посѣщеніе этого города такъ мало произвело на него впечатлѣнія, что только разъ въ послѣдствіи онъ намѣкаетъ на него въ своихъ посланіяхъ, и хотя съ акрополя коринѣскаго ему быть можетъ часто приходилось видѣть знаменитый акрополь аѣнскій, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія побывать въ немъ опять. Это былъ его единственный опытъ столкновенія съ языческимъ фарисействомъ пышной философіи. Гораздо болѣе подавали надежды озлобленные іудеи и невѣжественные варвары, болѣе надежды подавали даже испорченные и жалкіе рабы, чѣмъ тѣ, которые сдѣлались глупцами, потому что въ своемъ самомнѣніи считали себя исключительно мудрыми;

которые задавлены были духовнымъ невѣжествомъ, происходившимъ отъ нравственной слѣпоты, и въ слѣдствіе того, что совѣсть потеряла всякую силу надъ ними, сдѣлались пустыми въ своемъ мечтательствѣ, и безуміемъ омрачилось ихъ сердце.

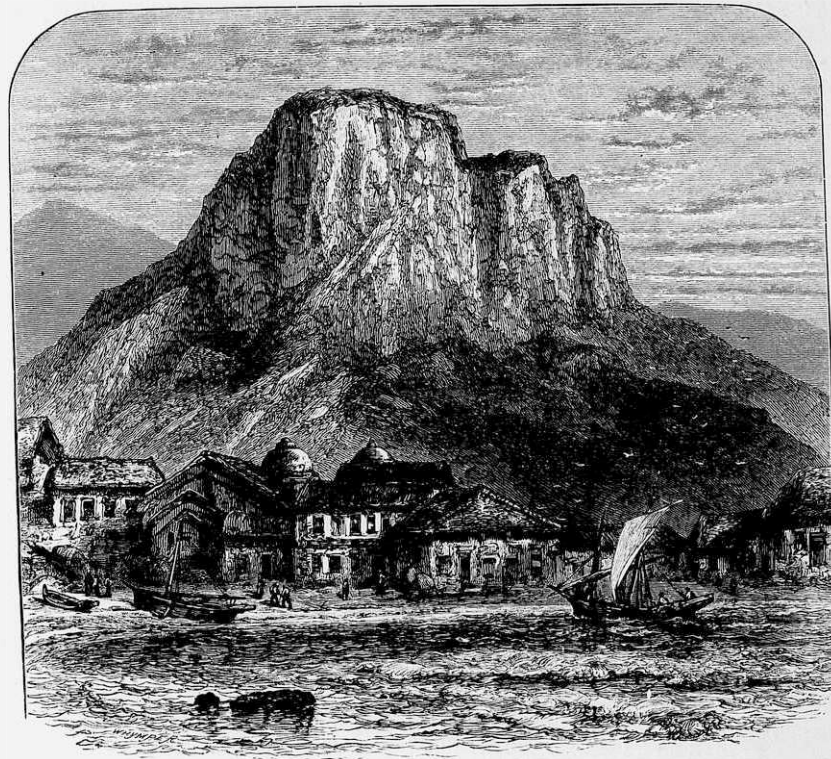
Онъ отплылъ въ Коринѣ, который въ то время былъ столицей южной Греціи, составлявшей римскую провинцію Ахаію. Бѣдность, нежеланіе терять время, а также и болѣзненное состояніе апостола дѣлаютъ почти несомнѣннымъ, что онъ отправился не сухимъ путемъ, который семидесятиверстнымъ пространствомъ отдѣляетъ Аѣны отъ Коринѣа и который повелъ бы его черезъ Элев-

зинь и Мегару, а отплылъ прямо по Саронскому заливу, через пять часовъ плаванія по которому корабль могъ бросить якорь у низкихъ зеленыхъ холмовъ и соснового лѣса Кенхрей. Оттуда, пройдя пѣшкомъ вдоль Экзамильской долины, на разстояніи пятнадцати верстъ, онъ могъ прибыть въ самый городъ, гнѣздящійся подъ огромной массой своей скалистой цитадели. Подъ стѣною этого коринесскаго вышгорода (Акрокоринѳа), поочередно бросавшаго свою тѣнь на два прилежавшихъ къ нему моря ¹⁰²⁶), ап. Павлу суждено было провести почти два года своей богатой приключеніями жизни.

Тотъ городъ, въ который онъ вступилъ теперь, не былъ уже древнимъ Коринѳомъ—Коринѳомъ Періандра, Фукидида или Тимолеона,—а просто «Колонія Юлія» или «*Laus Juli Corinthus*», возникшій на развалинахъ древняго города. Когда гегемонія отошла отъ Спарты и Аѳинъ, то Коринѳ занялъ ихъ мѣсто и въ качествѣ вождя ахейскаго союза считался свѣтомъ и славой Греціи. Фламиній, послѣ того какъ битва при Киноскефалахъ разрушила надежды Филиппа, провозгласилъ (въ 196 г. до Р. Хр.) въ Коринѳ независимость Эллады. Но когда городъ былъ взятъ Л. Мумміемъ въ 146 году, то жители его подверглись страшному избиенію, всѣ богатства и сокровища его были захвачены торжествующимъ побѣдителемъ и самый городъ былъ разрушенъ и опустошенъ. Въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ онъ лежалъ въ развалинахъ и только уже Юлій Цезарь, заинтересованный красотой и важною его положеніемъ, изъ желанія обратить вниманіе на богиню, культъ которой славился этотъ городъ и за потомка которой онъ выдавалъ самого себя, заново перестроилъ его и опять населилъ его колоніей ветерановъ и отпущенниковъ ¹⁰²⁷).

Колонія почти сразу же разцвѣла пышно и богато. Стоя такъ сказать на мосту между двумя морями, она своими двумя гаванями—Лехейской на Коринѳскомъ и Кенхрейской на Саронскомъ заливѣ—быстро стянула къ себѣ торговлю востока и запада. Діолкъ или земляной каналъ, по которому корабли можно было перетаскивать черезъ перенеекъ, былъ въ постоянномъ употребленіи, потому что онъ избавлялъ путешественниковъ отъ необходимости огибать опасный мысъ Малою ¹⁰²⁸). Иудеи, своимъ острымъ чутьемъ предугадывая хорошіе торговые барыши, греки, привлекаемые извѣстностью самаго мѣста и славой знаменитыхъ истмійскихъ игръ, массами стекались подъ покровительство римской колоніи. Останки классическихъ древностей, находимыхъ подъ мусоромъ развалинъ и пепелища, и удачныя подражанія, къ которымъ повели они, составили одинъ изъ самыхъ раннихъ предметовъ занятія и торговли города. Великолѣпныя зданія, обогащаемыя древними колоннами изъ мрамора и порфира и украшенныя золотомъ и серебромъ, скоро начали подниматься бокъ-о-бокъ съ жалкими деревянными лачугами съ соломенными кровлями, дававшими убѣжище массѣ бѣднѣйшаго люда ¹⁰²⁹). Торговля оживлялась все болѣе и болѣе. На рынки, которые посѣщались всѣми народами цивилизованнаго міра, скоро проникли и всевоз-

можные предметы роскоши—арабскій бальзамъ, египетскій папирусъ, финикійскіе финики, ливійскія издѣлія изъ слоновой кости, вавилонскія ткани и ковры, киликійскій козій волосъ, ликаонійская шерсть, фригійскіе рабы. Съ богатствомъ водворилась поверхностная утонченность и развились литературные вкусы. Жизнь богатѣйшихъ горожанъ отличалась изысканною роскошью и умственной возбуж-

Акрополь въ Коринѣ.

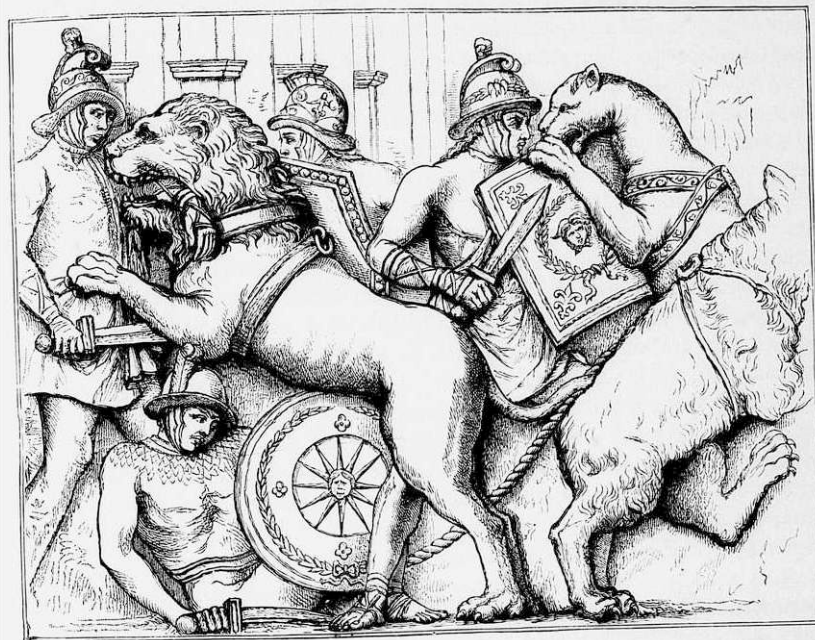
денностью, и этою господствующею тенденціей заражена была и вся народная масса, вплоть до рабовъ. Коринѳ былъ «базаромъ житейской суеты» въ римской имперіи, былъ такъ сказать и Лондономъ и Парижемъ перваго вѣка христіанской эры.

Въ среду этого-то пестраго и разнороднаго населенія греческихъ авантю-

ристовъ и римскихъ мѣщанъ съ примѣсю финикійскихъ подонковъ, въ среду этой массы іудеевъ, отставныхъ солдатъ, философовъ, купцовъ, матросовъ, отпущенниковъ¹⁰³⁰), рабовъ, ремесленниковъ, разносчиковъ и агентовъ всякихъ видовъ порока,—въ колонию «безъ аристократіи, безъ преданій и безъ солидныхъ гражданъ»—направлялся истомленный іудейскій странникъ. Онъ вступилъ въ нее такъ же, какъ вступилъ и въ Аѳины—разбитымъ и одинокимъ труженикомъ; но здѣсь онъ еще болѣе терялся среди низкой и безпечной толпы. Однако же это былъ именно тотъ городъ, изъ котораго и жителямъ котораго ему пришлось писать тѣ знаменитыя посланія, влияние которыхъ должно было простираться на всю исторію міра. Какъ мало мы понимаемъ происходящее вокругъ насъ! Богатые магнаты Коринѳа конечно и не подозрѣвали, что главное историческое значеніе ихъ города въ теченіе этой эпохи будетъ сосредоточиваться на преніяхъ, происходившихъ въ жалкой синагогѣ, и на мысляхъ, высказанныхъ въ мастерской дѣлателя палатокъ согбеннымъ и истомленнымъ іудеемъ—столь одинокимъ и жалкимъ, запыленнымъ съ дороги и истощеннымъ приступами болѣзни и гоненій! Поистинѣ люди часто ничего не знаютъ о живущихъ среди нихъ величайшихъ дѣятеляхъ міра.

Обращаясь къ посланіямъ къ Фессалоникійцамъ и Коринѳянамъ и вникая въ чувства, волновавшія апостола въ это время, мы видимъ, что онъ крайне страдалъ отъ тѣлесной немощи¹⁰³¹) и безпокойства, отъ виѣвшихъ невзгодъ и внутреннихъ тревоженій. Онъ напоминаетъ фессалоникійцамъ, что онъ преждедалъ ихъ о своихъ и ихъ собственныхъ скорбяхъ, и трогательно говорить о томъ утѣшеніи, которое онъ получилъ отъ извѣстія о твердости ихъ вѣры—среди своихъ тяжкихъ страданій (1 Фесс. III, 4, 7). Если бы онъ обладалъ темпераментомъ новѣйшаго времени, то могъ бы часто облегчать себя и водворять въ своей душѣ миръ, взбираясь на крутизну коринѳскаго акрополя и съ его грандіозной вершины любуясь двумя морями, что бѣжали парусами всевозможныхъ странъ, или наблюдая за огненнымъ шаромъ заходящаго солнца, въ заревѣ котораго тонули острова и горы, кипарисовыя и сосновыя рощи. Но весь его интересъ заключался въ тѣхъ людныхъ улицахъ, гдѣ у Господа было такъ много народа, и въ разнообразныхъ обстоятельствахъ обыденной жизни. Какое глубокое впечатлѣніе произвело на него все это, можно видѣть изъ его коринѳскихъ посланій. Примѣры свои онъ беретъ главнымъ образомъ изъ языческихъ обычаевъ,—упоминаетъ о борьбѣ съ дикими звѣрями¹⁰³²), которой никогда бы не допустили въ Аѳинахъ, гдѣ былъ даже особый жертвенникъ «Жалости»; говорить о прекрасной аренѣ, на которой онъ съ интересомъ смотрѣлъ на изнѣщество, крѣпость и ловкость молодыхъ атлетовъ; о состязаніяхъ въ бѣгѣ (1 Кор. IX, 24) и кулачной борьбѣ (ст. 27), объ оскорбительномъ тщеславіи римскаго триумфа (2 Кор. II, 14—16), о длинныхъ волосахъ женоподобныхъ денди (1 Кор. XI, 14), о трибуналѣ проконсула (2 Кор. V, 10), о зрѣлищахъ въ театрѣ (1 Кор. IV, 9) и увядающемъ вѣнкѣ изъ истмійскихъ цвѣтовъ (1 Кор. IX, 25).

Въ языческой жизни была одна особенность, которая съ подавляющею силою открылась предъ его сознаніемъ въ Коринѳѣ и наполнила его чистую душу безпредѣльною скорбію. Это именно грубая безнравственность города, славившаяся своею распущенностью даже среди наиболѣе распущенныхъ городовъ разлагающагося язычества¹⁰³³). Самое названіе его сдѣлалось синонимомъ безобразнаго кутежа и распутства. Эта ужасающая распущенность Коринѳа зависѣла

Борьба гладиаторовъ съ дикими звѣрями
(съ мраморнаго барельефа, найденнаго будто бы въ театрѣ Марцелла въ Римѣ).

частью отъ массы постоянно прибывавшихъ матросовъ, которые дѣлали его вертепомъ пороковъ всякаго рода, а частью отъ громаднаго численнаго превосходства рабовъ, которыхъ два столѣтія спустя тамъ насчитывались цѣлыя десятки тысячъ¹⁰³⁴). Между тѣмъ религія не только не служила преградой къ этой поголовной безнравственности, а напротивъ сама принимала подъ свое покровительство тѣ самыя безобразія, подавлять которыя было ея главной задачей. Тысяча іеродуловъ или жрецовъ были посвящены на служеніе «нечистотѣ» въ гнусномъ

храмъ Афродиты Пандемской. Знаменитыя гетеры (Ланды) древняго времени, гробницы которыхъ въ Коринѣ обозначались сфинксомъ съ человѣческой головой между лапами, имѣли многихъ безстыдныхъ и алчныхъ послѣдовательницъ. Съ востока и запада сдвигались подонки мерзости въ этотъ новый Содомъ классической культуры¹⁰³⁵), и оргіи Пафской богини славилась такъ же, какъ и оргіи Изиды или Асеры. Изъ этого именно города, и изъ среды его безнадежнаго пролетаріата апостолъ бралъ краски для своей ужасающей картины состоянія языческаго міра (Рим. 1, 21—32). Къ христіанамъ этого именно города онъ чаще всего обращался съ торжественными предостереженіями и пылающимъ негодованіемъ, съ суровыми запрещеніями плотскаго грѣха (1 Кор. v, 1; vi, 9—20; x, 7, 8; 2 Кор. vi, 14; vii, 1). Обращенцамъ именно, приобретеннымъ изъ гнусныхъ вертеповъ коринѣскихъ рабовъ и ремесленниковъ, онъ пишетъ, что они также погрязали въ безднѣ грѣха и позора (1 Кор. vi, 9—11; 2 Кор. xii, 21). Въ отношеніи этого именно города высказывается печальное положеніе, что въ мірѣ язычества чистая и честная жизнь была почти совсѣмъ незнакомымъ дѣломъ (1 Кор. v, 9, 10). Всѣ грѣхи тѣсно связаны между собой тончайшими нитями родства. Распутство отнюдь не было единственнымъ порокомъ, которымъ славился Коринѣ. Это былъ и городъ пьяницъ¹⁰³⁶), городъ шарлатановъ и обманщиковъ всякаго рода. Но чѣмъ хуже былъ городъ, тѣмъ болѣе нужны были труды апостола и тѣмъ болѣе было вѣроятности, что многіе въ немъ жаждутъ избавленія отъ рабства растлѣнія къ славной свободѣ чадъ Божіихъ.

Въ такомъ именно мѣстѣ болѣе чѣмъ гдѣ и когда либо было необходимо для ап. Павла, чтобы онъ не только представлялъ собой примѣръ полнѣйшей безукоризненности, но и воздерживался даже отъ такихъ вещей, которыя, сами по себѣ будучи совершенно позволительны, давали бы однакоже оружіе къ руки врагамъ Христа. И поэтому, чтобы какіе нибудь жадные лавочники и ремесленники не стали обвинять его въ исканіи своихъ собственныхъ выгодъ, онъ рѣшился ничего не принимать изъ ихъ рукъ. Въ такомъ міровомъ портѣ онъ легко могъ зарабатывать себѣ пропитаніе выдѣлкой палатокъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ необыкновенно счастливъ. Онъ встрѣтилъ тутъ одного іудея изъ Понта, по имени Акилу¹⁰³⁷), который съ своей женой Прискиллою занимался этимъ именно ремесломъ. Такъ какъ ничего не говорится ни о ихъ крещеніи, ни о ихъ обращеніи, то вѣроятно они были уже христіанами, и Павелъ подружился съ ними на всю жизнь и былъ обязанъ этой дружбѣ многими счастливыми часами своей жизни. Эта прекрасная чета жила теперь въ Коринѣ въслѣдствіе указа импер. Клавдія, которымъ всѣ іудеи были изгнаны изъ Рима¹⁰³⁸). Какъ ни жестока была эта мѣра, но она скоро сдѣлалась мертвой буквой и вѣроятно причинила лишь немного беспокойства этимъ изгнанникамъ, такъ какъ самое свойство ихъ ремесла повидимому дѣлало даже желательнымъ для нихъ переходъ съ мѣста на мѣсто. Въ Коринѣ, какъ въслѣдствіи и въ Ефесѣ, ап. Павелъ

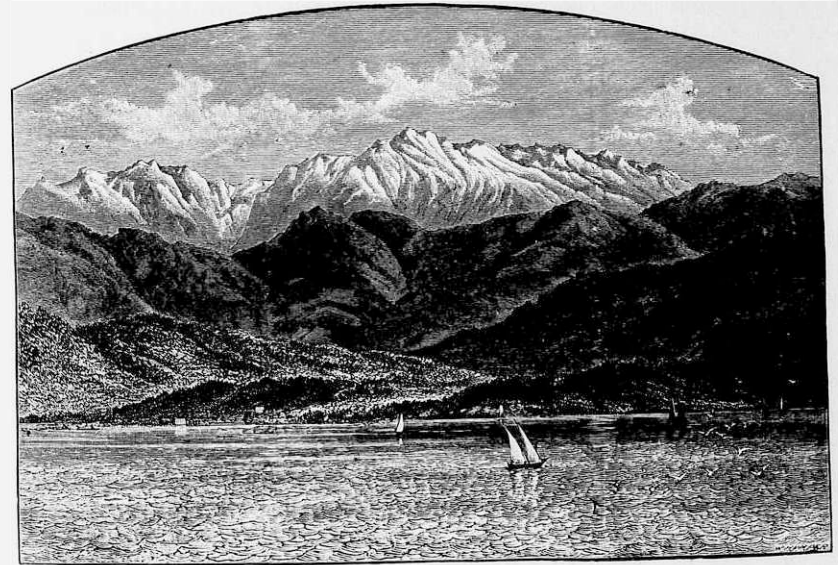
работалъ у нихъ въ качествѣ компаньона и пользовался частью общей выручки. Заработки однакоже къ несчастію были скудны. Это было время общаго застоя, и хотя апостолъ трудился денно и нощно, но при всѣхъ своихъ усиліяхъ не въ состояніи былъ зарабатывать себѣ достаточнаго пропитанія даже для утоленія голода (2 Кор. xi, 9; 1 Кор. iv, 11, 12; ix, 4). Онъ зналъ, что значить страдать даже по мукамъ голода, но даже и при такомъ голоданіи онъ не хотѣлъ принимать пособія отъ своихъ ахейскихъ обращенцевъ. Онъ пришелъ къ полной рѣшимости, что, будучи готовъ принимать необходимую помощь отъ общинъ, которыя любили его и были любимы имъ, онъ не хотѣлъ пользоваться подобнымъ пособіемъ, которое онъ считалъ несомнѣннымъ правомъ апостола, здѣсь въ Коринѣ, и именно въ тѣхъ видахъ, чтобы кто нибудь не сказалъ, что и онъ также, подобно массѣ промышленниковъ кругомъ его, дѣйствуетъ лишь изъ своекорыстныхъ видовъ (см. Дѣян. xx, 34; 1 Кор. ix, 12; 2 Кор. vii, 2; 1 Тесс. ii, 9; 2 Тесс. iii, 8). Охотно поэтому, даже съ радостью, онъ сдѣлался сотоварищемъ по работѣ этой почтенной четы, которые оба были соплеменниками и братьями; тѣмъ болѣе, что и при самомъ упорномъ трудѣ онъ всетаки могъ давать желавшимъ наставленіе. Но теперь болѣе чѣмъ когда либо субботній покой давалъ ему возможность для его главнаго дѣла. Въ этотъ день его всегда можно было найти въ іудейской синагогѣ, и его еженедѣльные бесѣды производили глубокое впечатлѣніе какъ на іудеевъ, такъ и на грековъ.

Но когда съ прибытіемъ Силы изъ Вереи и Тимоеея изъ Фессалоники окончилось время его одиночества, онъ получилъ возможность проявить еще болѣе усиленную дѣятельность. Не только самое присутствіе ихъ было поддержкой для него, но они также ободрили его доброю вѣстію, и доставили ему приношеніе отъ филиппійцевъ (Фил. iv, 15; 2 Кор. xi, 9), которое облегчило его гнетущую нужду. Вслѣдствіе этого за прибытіемъ ихъ послѣдовалъ новый подъемъ міссіонерскаго духа и апостолъ еще съ болѣе пылкимъ усердіемъ работалъ въ пользу дѣла своего Учителя¹⁰³⁹). Въ этотъ періодъ проповѣдь его была обращена главнымъ образомъ къ іудеямъ и единственною цѣлію его было доказать изъ св. писанія мессіанское достоинство Иисуса (1 Кор. xv, 3). Но въ отношеніи ихъ онъ не имѣлъ болѣе или менѣе замѣтнаго успѣха. Правда, имъ обращенъ былъ Криспъ, управитель синагоги, со всѣмъ своимъ семействомъ; и ап. Павелъ, быть можетъ по причинѣ отсутствія своихъ сотрудниковъ, отступилъ даже отъ своего обычнаго правила и крестилъ его собственными руками (1 Кор. i, 14). Но іудеи вообще отнеслись къ нему враждебно, что наконецъ выразилось въ языкѣ, образцы котораго представляетъ талмудъ¹⁰⁴⁰). Такъ какъ затѣмъ ничего болѣе нельзя было достигнуть стараніемъ убѣдить ихъ, то онъ наконецъ отрясъ прахъ одежды своихъ и, призывая ихъ во свидѣтели своей неповинности въ ихъ крови (Іезек. xxxiii, 4), объявилъ имъ, что съ этихъ поръ будетъ проповѣдывать только язычникамъ.

Онъ уже и обратилъ нѣсколько язычниковъ низшаго и вѣроятно рабскаго

происхождения, и первымъ изъ нихъ было семейство Стефаново ¹⁰⁴¹). Съ Криспомъ и этими преданными новообращенцами онъ перешелъ изъ синагоги въ сесѣднее помѣщеніе, которое предоставлено было въ его распоряженіе прозелитомъ, по имени Густомъ ¹⁰⁴²). Въ этомъ помѣщеніи онъ продолжалъ проповѣдывать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Все число коринѣскихъ обращенцевъ было вѣроятно невелико, скорѣе считалось десятками, чѣмъ сотнями. Это съ вѣроятностью можно полагать, иначе они не могли бы все собираться въ одной комнатѣ небольшихъ домовъ древности, и не могли бы все присутствовать за общей трапезой. Подробныя правила касательно замужнихъ женщинъ, вдовъ и дѣвицъ повидимому показываютъ, что женскій элементъ въ этомъ небольшомъ обществѣ вѣрующихъ значительно преобладалъ надъ мужскимъ, вслѣдствіе чего оказалось необходимымъ даже постановить правило, чтобы женщины не учили и не проповѣдывали среди нихъ, хотя Прискилла и Фива и отличались своими заслугами въ обществѣ дѣлѣ (Рим. хvi, 1, 2). И однако же, какъ ни мало было это общество вѣрующихъ, какъ ни низко общественное положеніе большинства изъ нихъ, какъ ни порочно прошлое нѣкоторыхъ между ними,—не смотря на все это, благодаря общедоступности метода, содержаніе проповѣди ап. Павла быстро и съ жадной усвоивалось ими. Самъ онъ отнюдь не чувствовалъ себя спокойно среди этихъ бойкихъ, интеллигентныхъ, любящихъ споры и риторику, софистическихъ грековъ. Они не имѣли открытой простоты его ессалоникійскихъ обращенцевъ, нѣжной симпатіи филиппійскихъ и отзывчивой впечатлительности его галатскихъ христіанъ. Они скорѣе похожи были на насмѣшливыхъ и самодовольныхъ аѳинянъ. Въ Аѳинахъ онъ прибѣгалъ къ поэтическому и изящному стилю, и почти совсѣмъ не произвелъ никакого впечатлѣнія. Въ Коринѣ поэтому онъ началъ дѣйствовать совершенно инымъ способомъ. Будучи настолько немощенъ и робокъ, что иногда даже дрожалъ во время своей проповѣди (1 Кор. ii, 3), сознавая, что его вышность была совсѣмъ неприглядна въ глазахъ этихъ знатоковъ красоты, и его рѣчь могла возбуждать лишь презрѣніе въ этихъ опытныхъ цѣнителяхъ краснорѣчія ¹⁰⁴³); зная вообще, что въ земномъ его существованіи вся сила его могла заключаться лишь въ его немощахъ (2 Кор. xii, 5, 9), апостолъ однако же намѣренно рѣшился не избѣгать, какъ это было въ Аѳинахъ, проповѣди о крестѣ (1 Кор. i, 23; ii, 2). Изъ Коринѣа онъ могъ видѣть снѣговыя вершины Парнасса и Геликона; но онъ порѣшилъ никогда болѣе не украшать своей проповѣди поэтическими цитатами или убѣдительными изреченіями человѣческой мудрости ¹⁰⁴⁴), а полагаться только на простое величіе самаго предмета своей проповѣди и на изліяніе Духа, которымъ несомнѣнно сопровождалась она. Конечно, въ его рѣчахъ была и мудрость, но это не мудрость міра сего, не та мудрость, которой искали греки. Это была мудрость духовная, изъ которой онъ могъ открыть имъ лишь начатки, не жесткую пиццу какъ взрослымъ, а лишь молоко какъ младенцамъ въ вѣрѣ. Онъ старался только о ясномъ и

простомъ изложеніи ученія распятаго Христа (1 Кор. i, 17; ii, 2; 2 Кор. i, 18). Но чего недоставало въ формальной силлогистикѣ или ораторской декламаци, то болѣе чѣмъ восполнялось силою свыше. Ап. Павелъ рѣшилъ, что если приобрѣтать послѣдователей Христу, то нужно приобрѣтать не человѣческимъ краснорѣчіемъ, а божественною любовью. И онъ не ошибся въ этомъ высшемъ упованіи. Среди всехъ невзгодъ, отличавшихъ его пребываніе среди аѳинянъ, онъ ссылается на ихъ личное знаніе, что какъ и чего бы ни думали и ни говорили они промежъ себя касательно слабости его рѣчи, но они не могли отрицать тѣхъ «знаменій,

Гора Парнасъ.

чудесъ и силъ» (2 Кор. xii, 12), которыми при помощи Св. Духа сопровождалась его дѣятельность. Они помнили, какъ часто подъ скромною кровлею Густа развѣзались источники сильнаго и глубокаго религіознаго чувства, среди восторженнаго собранія раздавались чудесные звуки «языковъ» и совершались дѣла, которые показывали этому малому обществу вѣрующихъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ была высшая сила, чѣмъ какая свойственна человѣку, и она могла убѣждать и утѣшать ихъ. И такимъ образомъ многіе коринѣяне, и язычники гораздо въ большемъ числѣ чѣмъ іудеи, приняты были чрезъ крещеніе въ церковь (Дѣян. xviii, 8).

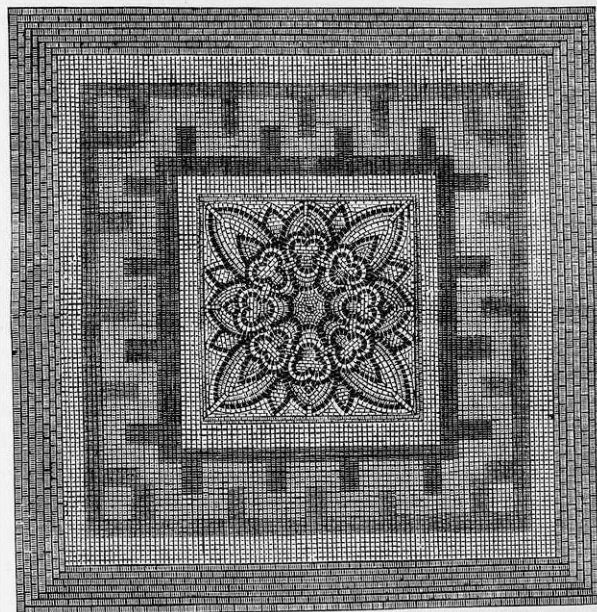
Большинство изъ нихъ было изъ низшихъ классовъ; но всетаки между ними было нѣсколько и богатыхъ жителей, каковы Гай, а можетъ быть и Хлоя, и даже Ерастъ, казначей города. Да и не въ Коринѣ только начали обращаться въ христіанство. Ап. Павелъ «весь міръ считалъ своимъ приходомъ», и едва ли вѣроятно, чтобы при своей неутомимой ревности къ дѣлу онъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ безвыходно оставался въ стѣнахъ города. Мы знаемъ, что церковь была и въ Кенхрейхъ, діаконисса которой впоследствии «носила подлѣ полѣй своего одѣянія всю будущность христіанскаго богословія»¹⁰⁴⁵), а малыя общины святыхъ были разсыяны по всей Ахаіи¹⁰⁴⁶).

И однакоже, при всемъ успѣхѣ дѣла, требовалось не мало мужества проповѣдывать это ученіе въ такомъ городѣ, и самое сосѣдство синагоги съ домомъ Густа навѣрно часто приводило къ несприятнымъ столкновеніямъ между іудеями и маленькой общиной христіанъ. Среди всѣхъ скорбей, на какія указываетъ ап. Павелъ при всякомъ упоминаніи объ этомъ долгомъ пребываніи въ Коринѣ, съ особенною горечью онъ жалуется на своихъ соплеменниковъ. Въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ онъ отзывается о нихъ съ необычайнымъ негодованіемъ, говоря, что они «не угождаютъ Богу, и всѣмъ человѣкамъ противятся» и что своими попытками препятствовать проповѣданію язычникамъ о Христѣ переполняютъ мѣру своихъ грѣховъ (1 Ѳесс. II, 14—16). Разрывъ съ ними былъ открытый и рѣшительный. Если они отлучили его и одна мысль о нихъ наполняла его такимъ гнѣвомъ и отчаяніемъ, то несомнѣнно борьба съ ними была постояннымъ источникомъ безпокойства и опасности. Все это могло бы даже окончиться удаленіемъ ап. Павла на новое поприще труда, если бы онъ въ крайнемъ уныніи, какъ это часто бывало въ его тягчайшей нуждѣ, не получилъ подкрѣпленія въ небесномъ видѣніи. Господь, котораго онъ видѣлъ на пути въ Дамаскъ, явился ему ночью и сказалъ: «Не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я съ тобою, и никто не сдѣластъ тебѣ зла; потому что у Меня много людей въ этомъ городѣ».

Но вотъ наконецъ споръ между іудеями и христіанами дошелъ до яростной вражды. Проконсулъ Ахаіи¹⁰⁴⁷) окончилъ въ это время срокъ своей службы и на его мѣсто на должность эту императоромъ назначенъ былъ Маркъ Анней Новатъ, который, будучи усыновленъ дружественнымъ риторомъ Луціемъ Юніемъ Аннеемъ Галліономъ, принялъ послѣднее имя, подлѣ которымъ онъ и извѣстенъ вообще. Среди своихъ современниковъ онъ пользовался совершенно инымъ мнѣніемъ, чѣмъ то, которое ошибочно сдѣлало его имя въ христіанскомъ мірѣ синонимомъ индифферентизма. Въ отношеніи своихъ друзей это былъ въ высшей степени пріятный и симпатичный человѣкъ. Братъ Сенеки и дядя Лукана, онъ былъ самымъ популярнымъ и любимымъ членомъ этого знаменитаго дома. Онъ въ высшей степени одаренъ былъ тѣмъ свѣтлымъ и милымъ характеромъ, который составляетъ признакъ высшей утонченности, и ему лишь одному изъ

древнихъ постоянно придается знаменательный эпитетъ—«милый Галліонъ»¹⁰⁴⁸). «Ни одинъ смертный не милъ такъ отдѣльному лицу, какъ онъ милъ всѣмъ»¹⁰⁴⁹), писалъ о немъ Сенека. «Даже тѣ, которые любятъ моего брата Галліона всѣми силами своей души, любятъ его еще недостаточно»¹⁰⁵⁰), говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ былъ самымъ цвѣткомъ языческой любезности и языческой культуры,—былъ римлянинъ со всѣмъ римскимъ достоинствомъ¹⁰⁵¹) и римскою серьезностью, и однако же обладалъ всѣмъ изяществомъ и изысканностью грека»¹⁰⁵²).

Таковъ-то былъ человѣкъ, отъ рѣшенія котораго зависѣла судьба ап. Павла. Кто бы ни былъ прежнимъ проконсуломъ, но онъ во всякомъ случаѣ не былъ человѣкомъ, съ которымъ іудеи осмѣливались бы шутить и они ни разу не пытались отдѣлаться отъ своего соперника передачей его въ руки гражданской власти. Но вотъ, когда прибылъ новый проконсулъ, который быть можетъ былъ еще не знакомъ съ обязанностями своей должности и котораго желаніе быть популярнымъ при началѣ сво-

Римскій мозаичный номость.

его управленія могло заставлять любезно относиться къ зажиточнымъ іудеямъ, имъ думалось, что они безнаказанно могутъ совершить нѣкоторое насилие. Они собрались толпой, схватили Павла и поволокли его къ мощному возвышенію, на которомъ находилось судейское сѣдалище проконсула. Они очевидно разсчитывали на неопытность и на признанную всѣми мягкость характера новаго проконсула, и вотъ со всею мятежностью и буйностью, отличавшими этотъ народъ, они съ криками обвиняли Павла въ томъ, что онъ «учить людей чтить Бога не по закону». Хотя императоръ Клавдій и изгналъ іудеевъ изъ Рима, но ихъ религія была всетаки religio licita, то есть дозволенной

со стороны государства; но религія «этого человѣка», какъ настаивали они, хотя и могла сходить подъ названіемъ іудейства, была совсѣмъ не іудействомъ; это была фальшивая поддѣлка подъ іудейство и, направляясь противъ Моисеева закона, тѣмъ самымъ становилась *religio illicita*, недозволенной религіей¹⁰⁵³). Таково было обвиненіе, на которомъ съ гвалтомъ настаивали іудеи, и лишь только оно выяснилось, ап. Павелъ готовъ былъ выступить на самозащиту. Но Галліонъ не намѣренъ былъ утруждать себя выслушиваніемъ этой безпорядочной процедуры. Онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на ап. Павла и просто отвѣчалъ іудеямъ презрительнымъ отверженіемъ ихъ обвиненія и удаленіемъ ихъ самихъ отъ судилица. Вполнѣ зная и уважая существующіе законы, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличаясь чисто римскою нелюбовію къ льстивопримирительному языку и еще болѣе тѣмъ римскимъ высокомеріемъ къ народу, который онъ подобно своему брату вѣроятно ненавидѣлъ и презиралъ, онъ прекратилъ все это дѣло заявленіемъ, что ихъ обвиненіе противъ Павла какъ нарушителя Моисеева или вообще какого бы то ни было закона, какой только онъ могъ признавать, было крайне безосновательно. «Если бы тутъ было какое нибудь гражданское преступленіе или противонаравственное дѣйствіе¹⁰⁵⁴), то я имѣлъ бы причину вникнуть въ дѣло и выслушать васъ; но когда дѣло идетъ объ ученіи¹⁰⁵⁵), о простыхъ названіяхъ и о *вашемъ* законѣ, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей въ этомъ». Потушивъ такимъ образомъ дѣло, «государь Галліонъ» приказалъ ликторамъ очиснить судъ. Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что они живо и коротко исполнили приказаніе, изгоняя и выталкивая обезкураженную и ропщущую толпу, на разочарованную злость которой, если только на его лицѣ отражались выраженные въ его словахъ чувства, онъ съ не скрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ съ высоты своего трибунала¹⁰⁵⁶). Потребовалось почти два столѣтія для того, чтобы римляне поняли наконецъ, что христіанство есть нѣчто безконечно болѣе важное, чѣмъ іудейская секта, за которую они ошибочно его принимали. Было бы гораздо лучше для нихъ и для міра, если бы они освободились отъ этого презрѣнія и постарались понять, въ чемъ заключается тайная сила религіи, которой они не могли ни искоренить, не подавить. Но сожалѣя о такомъ отсутствіи философскаго взгляда на дѣло, отдадимъ справедливость, по крайней мѣрѣ римскому безпристрастію. Въ Галліонѣ, Феликсѣ, Фестѣ, въ сотникѣ Юліѣ и даже въ Пилатѣ¹⁰⁵⁷), какъ ни на различныхъ стояли они ступеняхъ нравственнаго сознанія правды, мы не можемъ не восхищаться тою разсудительною проницательностью, съ которою они сразу же замѣчали подпольную несправедливость и кляузную враждебность іудеевъ съ ихъ ложными обвиненіями, возводимыми на невинныхъ людей. Какъ ни глубоко было невѣденіе Галліона въ отношеніи сущности представленнаго на его судъ дѣла, но онъ поступилъ согласно строжайшей справедливости, когда «прогналъ ихъ отъ судилица».

Но дѣло не кончилось этимъ. Легкомысленные греки¹⁰⁵⁸), не смѣя вмѣшиваться въ это дѣло до объявленія приговора проконсула, теперь крайне забавлялись при видѣ того, какое полное фіаско потерпѣлъ злобный умыселъ іудеевъ; и такъ какъ высшая власть объявила обвиненіе противъ Павла незаконнымъ, то они воспользовались случаемъ расправиться съ самими обвинителями. Коноводомъ іудейской партіи былъ нѣкій Сосеенъ, который быть можетъ былъ преемникомъ Криспа по должности начальника синагоги и ревность котораго быть можетъ болѣе всего поджигалась недостатками въ этомъ отношеніи его предшественника¹⁰⁵⁹). Знали ли коринѣяне, что ап. Павелъ былъ римскій гражданинъ или нѣтъ, но они по крайней мѣрѣ видѣли, что онъ отдѣлился отъ синагоги и что его взглядовъ держались многіе язычники. Они считали поэтому нетерпимымъ, чтобы іудеи съ такою наглостью ввели обвиненія на человѣка, который въ нѣкоторой степени принадлежалъ къ нимъ. Слишкомъ соблазнительно было теперь случай показать этимъ жидамъ, какія чувства питаютъ они къ нимъ, и дать имъ урокъ, какъ они должны вести себя въ будущемъ. И вотъ они схватываютъ Сосеена и подвергаютъ его избіенію въ самой базиликѣ передъ судищемъ, на самыхъ глазахъ проконсула. Древняя глосса говоритъ, что Галліонъ прикинулся, будто ничего не видѣлъ, что они дѣлали¹⁰⁶⁰); но самый текстъ показываетъ, что онъ съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на это ихъ самоуправство. Пока дѣло не доходило съ ихъ стороны до серьезнаго нарушенія общественнаго спокойствія, ему не было никакого дѣла до того, какъ они тамъ считались между собой. Онъ былъ знакомъ съ такими буйствами въ Римѣ. Іудеи вездѣ были мятежными, фанатичнымъ народомъ. Что же ему было за дѣло, если какіе нибудь греческіе уличные мальчишки хотѣли произвести надъ ними вполнѣ заслуженную экзекуцію? Тѣмъ лучше будетъ, если они хорошенько проучатъ этого Сосеена, а съ нимъ кое-кого и еще изъ жиновъ. Тѣмъ скорѣе, думалось ему, они будутъ соблюдать порядокъ въ будущемъ и меньше охоты будетъ нарушать его своими низкими просеками и злобой, своими буйствами и расправами¹⁰⁶¹).

Объ одномъ однакоже мы не можемъ не пожалѣть въ этомъ дѣлѣ. Именно о томъ, что слишкомъ нетерпѣливое чувство справедливости Галліона лишило насъ другой рѣчи ап. Павла, которая, произнесенная при такихъ обстоятельствахъ и передъ такимъ судьей, имѣла бы глубочайшій интересъ. Но Галліонъ отклонилъ все это дѣло, какъ незаслуживающее никакого вниманія. Если только онъ находилъ стоющимъ упоминать о немъ въ какомъ нибудь изъ писемъ къ своему брату Сенекѣ, то навѣрно онъ писалъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: «Едва я прибылъ, какъ іудеи попытались испробовать мою неопытность, и привлекли ко мнѣ нѣкоего Павла, который повидимому приверженецъ Хреста или Христа, — о комъ мы слышали кое-что и въ Римѣ. Я не считалъ нужнымъ вмѣшиваться въ ихъ злобныя суетвѣрія и приказалъ выпроводить ихъ вонъ. Греки воспользовались этимъ, стали на сторону Павла и въ отмщеніе злобѣ іудеевъ избили

одного из них. Ты бы посмѣялся, если бы былъ тутъ, надъ глупыми шалостями этой turba furens. Sed haec haec hactenus».

Но легкомысліе, сужающее обыкновенно по внѣшности, всегда навлекаетъ на себя возмездіе. Оно боготворитъ смертное и презираетъ божественное; привѣтствуетъ обманщика и отвергаетъ ангела. Оно составляетъ свои сужденія по внѣшнимъ случайностямъ и игнорируетъ вѣчную реальность. Надменный, знатный и образованный Гал-

Сенека
(изъ Visconti).

ліонъ, братъ знаменитаго Сенеки, проконсулъ Ахаіи, популярнѣйшій человѣкъ и извѣстный писатель своего времени, былъ бы конечно крайне изумленъ, если бы кто нибудь сказалъ ему, что такое ничтожное событіе будетъ навѣчно занесено въ исторію; что это будетъ единственное событіе въ его жизни, которымъ будетъ интересоваться потомство; что ему будетъ обязанъ онъ своимъ бессмертіемъ; что во всѣ времена о немъ будутъ судить по тому, какимъ онъ выказалъ себя въ это утро; что онъ лишился высшаго блага своей жизни, когда не далъ высказаться жалкому іудейскому узнику,

котораго онъ своимъ рѣшеніемъ избавилъ изъ ярости его соплеменниковъ; что будетъ измышлена и перейдетъ къ потомству цѣлая переписка между іудеемъ Савломъ или Павломъ и его великимъ братомъ Сенекой¹⁰⁶²); что въ теченіе цѣлыхъ столѣтій будетъ господствовать убѣжденіе, что этотъ жалкій узникъ обратилъ блистательнаго философа къ своему «проклятому суетѣрію», и что Сенека заимствовалъ у него благороднѣйшія мысли своихъ сочиненій; что въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ этотъ согбенный, съ больными глазами, немощный, безвѣстный іудей, противъ котораго всѣ другіе іудеи возставали съ какимъ-то озлобленіемъ, будетъ считаться безконечно важнѣе всѣхъ обоженныхъ императоровъ и стоиковъ; что тѣ вопросы объ ученіи, простыхъ именахъ и іудейскомъ законѣ, выслушать которые онъ отказался съ такимъ презрѣніемъ, сдѣлаются впослѣдствіи важнѣйшими изъ всѣхъ вопросовъ, когда либо волновавшихъ весь цивилизованный міръ. И однако же все это именно было такъ.

Да и самъ ап. Павелъ навѣрно такъ же мало подозрѣвалъ все это, какъ и «милый Галліонъ». Съ потрясеннымъ отъ этого новаго насилія сердцемъ и быть можетъ печально размышляя объ изреченіи своего Учителя, что Онъ пришелъ низвести на землю не миръ, а мечъ, онъ направился отъ бѣлы великаго проконсула въ домъ Іуста или быть можетъ въ свое помѣщеніе въ убогой мастерской Акилы и Прискиллы.

ГЛАВА XXIX.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ ОЕССАЛОНИКІЙЦАМЪ.

Послѣдній день сокрытъ, дабы лучше
соблюдались всѣ остальные дни.

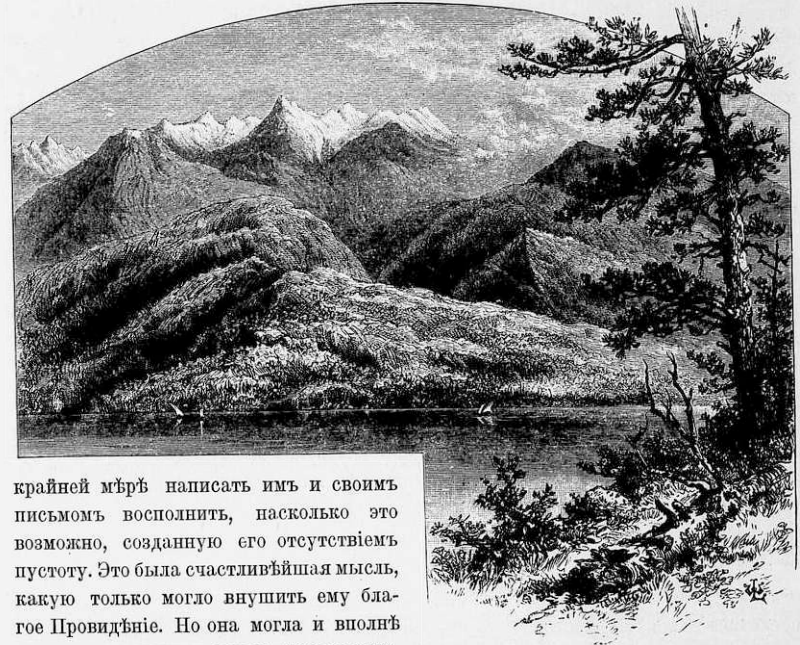
Бл. Августинъ.

О ВРЕМЯ пребыванія апостола Павла въ Коринѣхъ и вѣроятно передъ арестомъ его со стороны іудеевъ въ началѣ 53 или въ концѣ 52 года по Р. Х. совершилось событіе, имѣвшее неизмѣримое значеніе какъ въ жизни самого апостола, такъ и въ исторіи христіанства. Онъ написалъ къ жителямъ Оессалоники, гдѣ онъ проповѣдывалъ и основалъ церковь раньше посѣщенія Аѳинъ и Коринѳа, письмо, которое быть можетъ было первымъ письмомъ, какое когда либо онъ писалъ христіанскимъ церквамъ¹⁰⁶³), и которое несомнѣнно по времени написанія есть первое изъ тѣхъ, какія только дошли до насъ. Онъ началъ имъ ту новую форму дѣятельности, которая оказала неизмѣримое вліяніе на всѣ поколѣнія христіанскаго міра.

Мы уже видѣли, что ап. Павелъ оставилъ Тимофея въ Македоніи и, соединившись съ нимъ въ Аѳинахъ, опять разстался съ нимъ, хотя и съ сильнымъ неохотою и большимъ самоотреченіемъ, такъ какъ сердце его рвалось къ его оессалоникійскимъ обращенцамъ и онъ дважды встрѣчалъ препятствіе къ исполненію своего искренняго желанія посѣтить ихъ еще разъ. Сдѣлавъ все возможное для утѣшенія и поддержанія ихъ въ ихъ многочисленныхъ испытаніяхъ, Тимофей, въ сопровожденіи Силы, возвратился въ Коринѣхъ, и апостолъ безъ сомнѣнія долго и съ глубокимъ интересомъ бесѣдовалъ съ ними о друзьяхъ и собратяхъ, которые приобрѣтены были Христу въ этомъ македонскомъ городѣ. Состояніе тамошней церкви, возбуждая въ общемъ чувство радости, требовало нѣкотораго совѣта и ободренія. Но теперь уже ап. Павелъ не могъ послать туда

Тимофея. Онъ нуженъ былъ здѣсь для другаго дѣла. Другія церкви нуждались въ его личныхъ услугахъ. Да онъ и самъ не могъ обходиться безъ сотоварищей по труду среди города, который требовалъ отъ него всей энергіи и силы. Но если онъ ни самъ не могъ отправиться къ оессалоникійцамъ, ни послать къ нимъ своихъ вѣрнѣйшихъ и возлюбленнѣйшихъ соратниковъ, то могъ по

Видъ Коринѳскаго залива.

крайней мѣрѣ написать имъ и своимъ письмомъ восполнить, насколько это возможно, созданную его отсутствіемъ пустоту. Это была счастливейшая мысль, какую только могло внушить ему благое Провидѣніе. Но она могла и вполнѣ естественно придти ему въ голову, такъ какъ у іудейскихъ общинъ издавна былъ обычай сноситься между собою посредствомъ странствующихъ депутацій, и необычайное развитіе сношеній между главными городами Италіи, Греціи и Азіи дѣлало удобнымъ отправленіе того или другаго изъ братьевъ въ качествѣ посыльнаго съ извѣстными порученіями. А письменная корреспонденція по самой своей формѣ лучше всего соотвѣтствовала личному характеру апостола. Она соотвѣтствовала той пламенности чувства, которая не могла мириться съ составленіемъ формальныхъ трактатовъ. Она могла вестись или прерываться смотря по требо-

ванію обстоятельств или чувств писателя. Она допускала полную свободу выражения, которая гораздо сильнее и гораздо естественнее у апостола, чѣмъ правильные силлогизмы или округленные періоды книги. Она допускала нѣкоторую нѣжность и нѣкоторую фамильярность личнаго сношенія. Ни въ какую другую литературную форму онъ не могъ излить ту духовную полноту, которая заставила одного христіанскаго писателя справедливо сказать, что онъ одинъ только изъ писателей повидимому писалъ не пальцами, перомъ и чернилами, а самыми своими сердцемъ, самыми своими чувствами, обнаженнымъ трепетаніемъ своего внутреннего существа¹⁰⁶⁴),—которая заставила бл. Иеронима сказать, что въ его писаніяхъ что ни слово, то молнія и громъ¹⁰⁶⁵),—которая заставила Лютера сказать, что его выраженія подобны живымъ существамъ съ руками и ногами. Богословское значеніе этого факта неизмѣримо, и къ глубокому ущербу церкви имъ слишкомъ пренебрегали доселѣ. Богословы относились къ языку ап. Павла такъ, какъ будто бы онъ каждое слово выводилъ съ аккуратностью холоднаго діалектика, съ мелочною тщательностью ученаго, съ бездушнымъ формализмомъ философствующаго догматика. Его посланія взяты въ цѣломъ, со всѣми ихъ неразрѣшимыми антиноміями, такъ же отрицаютъ этотъ невозможный и вредный способъ отношенія къ нимъ, какъ и нагорная проповѣдь. Эпистолярная форма имѣетъ въ высшей степени свободный, личный, подвижной и сердечный характеръ. Диктованное письмо есть какбы разговоръ, записанный стенографомъ. Однимъ словомъ, она лучше всего давала возможность ап. Павлу быть самимъ собой и со всею живостью напоминать его духовнымъ дѣтямъ о томъ нѣжномъ, страждущемъ, вдохновенномъ, уныломъ, страшномъ, пылкомъ, смиренномъ и непреклонномъ учителѣ, который прежде всего училъ ихъ быть подражателями¹⁰⁶⁶) ему и его Господу и отвращаться отъ пустой обрядности или мертвыхъ идоловъ, чтобы служить живому и истинному Богу и ожидать Его Сына съ небесъ, котораго Онъ воскресилъ изъ—мертвыхъ, того Иисуса, который избавляетъ насъ отъ грядущаго гнѣва.

И одною изъ причинъ этой живой, отличающей посланія ап. Павла, свѣжести стили было то, что они всѣ, или за немногими исключеніями, не носятъ на себѣ печати предварительной усидчивой обдуманности или схоластической правильности, но прямо со всею свѣжестью и пыломъ выливались изъ сердца, переполненнаго страстною искренностью горячихъ, непосредственныхъ чувствъ. Онъ писалъ иногда письмо даже въ пылу возбужденнаго чувства, съ сильнымъ беспокойствомъ ожидая затѣмъ извѣстія о томъ, какъ оно принято было, полусожалѣя и даже болѣе чѣмъ полусожалѣя, что и послалъ его (2 Кор. vii, 8). Еслибы онъ писалъ болѣе формально, то никогда бы не подвинулъ такъ, какъ онъ подвинулъ теперь, сердце человечества. Возьмите изъ посланій ап. Павла слѣды страсти, гнѣвныхъ выраженій, тоскующей любви, грознаго обличенія, ѣдкаго сарказма печальнаго самовосхваленія, быстрыхъ вопросовъ, пламенной мольбы, откровенной

разговорности, личныхъ подробностей,—тѣ слѣды его собственной личности на каждой страницѣ, которые невѣжественными и недѣльными критиками назывались проявленіями крайняго себялюбія, и они никогда бы не были тѣмъ, чѣмъ они являются теперь рядомъ съ псалмами Давида—драгоценнѣйшимъ сокровищемъ христіанскаго благочестія, послѣ четырехъ евангелій самою любимой и лелѣянною книгою христіанскаго міра. Мы не можемъ не любить человѣка, совершеннѣйшая искренность котораго даетъ намъ возможное чувствовать самое біеніе его сердца; человѣка, который не умѣетъ носить той маски сдержанности и фарисейства, что даетъ другимъ возможность употреблять рѣчь лишь для того, чтобы скрывать свои мысли,—который если бить, такъ бьетъ прямо, безъ всякаго обманчиваго подѣлуя,—который мужественно и открыто высказываетъ свои чувства, говоритъ своимъ языкомъ и прямо выражаетъ свою любовь, ненависть, свое презрѣніе и негодованіе,—который не завистливый ученикъ, не носящій клеветникъ, не изощренный краснобай правдоподобнаго лицемерія, не механическій повторитель затасканныхъ девизовъ, а человѣкъ, который если понадобится — съ градомъ слезъ возьмется за перо, чтобы излить свои глубочайшія думы (2 Кор. ii, 4), который съ одинаковою правдивостью и искренностью можетъ убѣждать и обличать, наказывать и миловать, жалѣть и прощать какъ врага, такъ и друга,—человѣкъ, торжествующая вѣра и несравненное вліяніе котораго въ немалой степени возбуждали тотъ беззаботный и ликующій энтузіазмъ, что преобладалъ въ жизни первенствующей церкви.

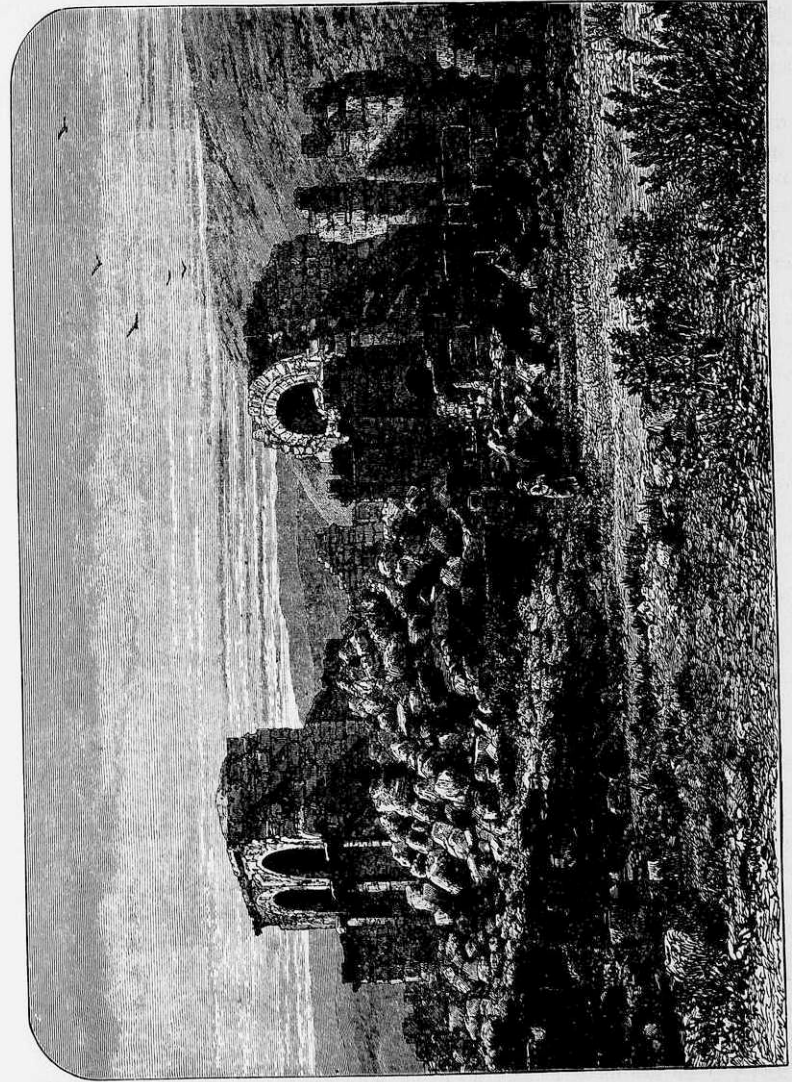
И такимъ образомъ, когда Тимоѳей рассказалъ ему все, что замѣтилъ въ жизни братьевъ въ Фессалоникѣ, то можно быть увѣреннымъ, что, переполненный въ своемъ сердцѣ новою заботою, онъ захотѣлъ письменно высказать имъ совѣтъ и утѣшеніе¹⁰⁶⁷), и чрезъ нѣсколько дней онъ диктовалъ вступительныя слова:

«Павелъ и Силуанъ и Тимоѳей церкви¹⁰⁶⁸) Фессалоникской въ Богѣ Отцѣ и Господѣ Иисусѣ Христѣ: благодать вамъ и миръ отъ Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа»¹⁰⁶⁹).

Это вступленіе само по себѣ составляетъ интересную иллюстрацію характера ап. Павла. Хотя это исключительно его собственныя письма, однакоже онъ избѣгаетъ личнаго самовыставленія, и ставитъ рядомъ съ собой не только почтеннаго Силу (Дѣян. xv, 22, 32, 34), но даже и юнаго Тимоѳея¹⁰⁷⁰), и въ этихъ своихъ болѣе раннихъ посланіяхъ постоянно употребляетъ «мы», а не «я». Этимъ онъ не имѣетъ въ виду показать, что самое посланіе написано совмѣстно съ этими его сотоварищами, такъ какъ онъ употребляетъ ту же форму, когда говорить только о себѣ лично¹⁰⁷¹); но онъ дѣйствуетъ такъ изъ скромности (обычной въ языкахъ и литературахъ всѣхъ народовъ), которая не любитъ безъ нужды часто выставлать первое личное мѣстоименіе¹⁰⁷²). Въ посланіяхъ ко всѣмъ другимъ церквамъ, кромѣ Филиппійской, для которой этотъ титулъ былъ ненуженъ, онъ называетъ себя Павломъ апостоломъ, но онъ не употребляетъ этого

титула прямо въ посланіи къ Фессалоникійцамъ (см. 1 Фесс. II, 6), потому что его право на этотъ титулъ въ его болѣе специальномъ смыслѣ еще не оспаривалось коварными юдаистами¹⁰⁷³). Въ своихъ первыхъ пяти посланіяхъ онъ всегда обращается къ «церкви», въ своихъ послѣднихъ посланіяхъ къ «святѣмъ», хотя причина этого для насъ не ясна¹⁰⁷⁴); но въ всѣхъ церквамъ одинаково онъ повторяетъ свое вступительное привѣтствіе: «благодать вамъ и миръ»¹⁰⁷⁵). Это—прекрасное и замѣчательное сочетаніе привѣтствій іудея и грека, востока и запада, съ ихъ господствующими идеалами спокойствія и душевной радости. Торжественнымъ привѣтомъ іудея было: *шаломъ*—«миръ вамъ»; болѣе легкій привѣтъ грека былъ *χαίρειν*—«радоваться»; церковь Христова, обладательница радости, которой не поколеблетъ смута, и наслѣдница мира, превосходящаго разуміе,—соединила эти два привѣтствія, но внесла въ оба болѣе глубокое и болѣе духовное значеніе¹⁰⁷⁶).

Послѣ этого привѣтствія¹⁰⁷⁷) апостолъ начинаетъ свое письмо выраженіемъ благодарности Богу за нихъ самихъ, съ чѣмъ онъ обращается даже къ коринѳянамъ, дѣла которыхъ находились въ слишкомъ прискорбномъ противорѣчій съ идеальнымъ ихъ названіемъ «святыхъ», и онъ никогда не опускаетъ его, кромѣ гнѣвнаго посланія къ богоотступнымъ галатамъ. Эта черта такъ характеристична для его духовнаго настроенія и стиля, что получила даже техническое названіе, и нѣмецкіе ученые называютъ ее «Danksagung» («благодареніемъ») посланій¹⁰⁷⁸). Это не было лишь условный комплиментъ или риторическая формула. Тѣ, къ кому онъ писалъ, какъ ни низко падали они съ высоты своего идеала, все таки были обращенцы, были церковью, святыми, братьями. Среди нихъ могли быть немощные, могли быть ложные, могли быть грѣшные члены; но какъ церковь они были омыты, освящены и оправданы, и жизнь даже тѣхъ изъ нихъ, которые были недостойны своего высокаго званія, представляла однакоже благопріятный контрастъ съ жизнью окружавшихъ ихъ язычниковъ. Но выраженіе благодарности за фессалоникійцевъ особенно полно и сердечно. Это преизбытокъ сердечной признательности, да и вообще все посланіе отличается особенною ласкою и любвеобильностію¹⁰⁷⁹). Апостолъ пишетъ имъ, что онъ всегда благодаритъ Бога за всѣхъ ихъ, поминая ихъ въ своихъ молитвахъ, постоянно памятуя дѣйственность ихъ вѣры, силу ихъ любви, терпѣливость ихъ надеждъ¹⁰⁸⁰). Онъ напоминаетъ имъ о силѣ, полнотѣ и духовной помазанности, которыми сопровождалась его проповѣдь евангелія, а также и о томъ, какъ они сдѣлались¹⁰⁸¹) подражателями¹⁰⁸²) ему и Христу—съ такою духовною радостью среди столь тяжкихъ скорбей¹⁰⁸³), что стали образцомъ для всѣхъ церквей сѣверной и южной Греціи, и ихъ вѣра сдѣлалась какбы трубнымъ звукомъ¹⁰⁸⁴), пронесшимся по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря. Ихъ вѣра въ Бога была такъ извѣстна всѣмъ и повсюду, что ап. Павлу или его сотоварищамъ не было надобности рассказывать, какъ они потрудились въ Фессалоникѣ, такъ какъ всякій слышалъ объ ихъ

Развалины христіанской церкви въ Герополѣ.

обращении от идолопоклонства к вѣрѣ въ живаго Бога ¹⁰⁸⁵) и к ожиданию пришествия воскресшаго Христа, который избавляет насъ отъ грядущаго гнѣва.

Онъ обращается къ нимъ поэтому какъ къ неподкупнымъ свидѣтелямъ плодотворности его посѣщенія ихъ и той смѣлости, съ которою онъ встрѣтилъ опасности въ Фессалоникѣ послѣ столь недавняго и мучительнаго насилія, перенесеннаго въ Филиппахъ. Даже изъ этихъ вступительныхъ выражений благодарения очевидно, что въ его словахъ есть скрытый намекъ на тѣхъ, которые при случаѣ не преминули бы дать совершенно иной рассказъ о его образѣ дѣйствія и побужденіяхъ ¹⁰⁸⁶). Эти ссылки на ихъ знаніе жизни, характера и дѣятельности Павла и его двухъ сотрудниковъ-миссіонеровъ было бы излишне, если бы они никогда не подвергались нареканіямъ. Но легко понять, что какъ іудеи въ своемъ рвеніи возвратить себѣ тѣхъ членовъ синагоги, которые присоединились къ христіанской общинѣ, такъ и язычники, раздражаемые безмолвнымъ укоромъ своей грѣховной жизни, не прочь были отъ наушнической клеветы на новаго учителя и не прочь также попытаться внушить и другимъ свои подозрѣнія касательно его. Города того времени кишѣли обманщиками и шарлатанами всякаго рода. Не были ли и эти трое бѣдные іудеи — этотъ молчаливый и важный старецъ, этотъ застѣнчивый и кроткій юноша, и этотъ маленький невзрачный мечтатель — не были ли они лишь новою разновидностью этихъ *юесъ*, въ родѣ странствующихъ галловъ и поклонниковъ Изиды, разныхъ халдеевъ, математиковъ, или жрецовъ Митры? ¹⁰⁸⁷). Что у нихъ за цѣли? Не съ худыми ли намѣреніями заманиваютъ они въ свои общины вдовъ и дѣвицъ? Не нагрѣваютъ ли они этимъ втихомолку себѣ руки? Или не собственнаго ли прославленія добиваются они? Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, на нихъ сыпались всевозможныя обвиненія и нападки, которыя переполняли ап. Павла горькимъ негодованіемъ; но на клевету такого рода онъ могъ отвѣчать спокойно. Такая клевета была слишкомъ самоочевидна и нелѣпа, чтобы повредить имъ; подозрѣнія слишкомъ злы, чтобы могъ кто нибудь вѣрить имъ. Чтобы опровергнуть ихъ, ему стоило только сослаться на извѣстные факты; и въ самомъ дѣлѣ не было никакой надобности въ опроверженіи, такъ какъ его ессалоникскіе друзья сами *знали* все, и Богъ былъ свидѣтелемъ тому (1 Фесс. II, 5), что въ дѣятельности и проповѣди миссіонеровъ не было обмана, или чего-нибудь нечистаго, не было худыхъ побужденій, тайной корысти, желанія склонить на свою сторону лестью или низкимъ ласкательствомъ. Они трудились не изъ себялюбія, а изъ любви къ ближнимъ; не ради славы, но чтобы излить нѣжность своего сердца и всю жизнь свою положить за своихъ обращенцевъ ¹⁰⁸⁸), желая ихъ съ такою же нѣжностью ¹⁰⁸⁹), съ какою кормилица мать лелѣетъ своихъ дѣтей у своей теплой груди ¹⁰⁹⁰), отрекаясь отъ своихъ собственныхъ правъ и ничего не беря отъ нихъ, не налагая на нихъ ни малѣйшаго бремени ¹⁰⁹¹). Братія знали, что свое проповѣдничество они считали славнымъ преимуществомъ ¹⁰⁹²),

и такъ какъ единственнымъ ихъ желаніемъ было угодить Богу, то они терпѣли и трудились ¹⁰⁹³) денно и нощно ¹⁰⁹⁴), чтобы заработать себѣ насущный хлѣбъ, представляя безукоризненный примѣръ святости въ отношеніи Бога и праведности въ отношеніи людей, и всегда увѣщавая своихъ послѣдователей всѣхъ и каждаго ¹⁰⁹⁵) жить достойно Бога и царства Христа Его (II, 1—12).

Вотъ почему ессалоникійцы, благодареніе Богу, приняли ихъ проповѣдь за то, чѣмъ она была — за божественное, а не человеческое благовѣстіе, сносили страданіе отъ рукъ своихъ языческихъ сосѣдей съ тѣмъ же примѣрнымъ мужествомъ, какъ и церкви іудеевъ, которыя одинаковымъ образомъ были гонимы іудеями. И здѣсь ап. Павелъ, какъ это нерѣдко бываетъ у него, «ухватывается за слово». Одно случайное упоминаніе объ іудеяхъ заставляетъ его уклониться отъ прямого предмета, чтобы перейти къ обличенію ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ во время самаго разгара борьбы, окончившейся его негодующимъ удаленіемъ изъ ихъ синагоги въ Коринѣхъ, при живомъ воспоминаніи о томъ, какъ эти убійцы Господа и пророковъ ¹⁰⁹⁶), не угодя Богу ¹⁰⁹⁷) и будучи общими врагами человѣка ¹⁰⁹⁸), гонялись за нимъ изъ города въ городъ и пытались помѣшать его проповѣди язычникамъ. И такимъ-то образомъ, говорить онъ, они переполняютъ мѣру своей виновности, но конечный гнѣвъ приближается къ нимъ — въ довершеніи ихъ грѣховъ. Самый ихъ грѣхъ (какбы такъ говорить онъ), грѣхъ препятствія проповѣди евангелія, былъ для нихъ наказаніемъ; ихъ ярость противъ Христа была гнѣвомъ Бога противъ нихъ; ихъ духовное настроеніе было и будетъ грознымъ приговоромъ для нихъ ¹⁰⁹⁹).

Уклонившись такимъ образомъ, вслѣдствіе своего чувства негодованія не іудеевъ, отъ предмета собственной самозащиты (по которому въ сущности и не было надобности еще что нибудь говорить), онъ затѣмъ продолжаетъ, что считаетъ ессалоникійцевъ своей надеждой, радостью и вѣнцомъ похвалы (1 Фесс. XVI, 12 по LXX) въ пришествіи Христа; чувствуя въ отсутствіи ихъ какъ чувствуетъ отецъ, лишенный своихъ дѣтей ¹¹⁰⁰), онъ дважды намѣревался побывать у нихъ, и дважды воспрепятствовалъ ему сатана ¹¹⁰¹). Онъ однако же сдѣлалъ все, что только можно было при такомъ положеніи. Онъ разстался съ Тимофеемъ въ Афинахъ и отправилъ его къ нимъ, чтобы не дать имъ поддаться ¹¹⁰²) тѣмъ жестокимъ скорбямъ, о неизбежности которыхъ они заранѣе получили отъ него надлежащее предостереженіе, и удостовѣриться въ ихъ вѣрѣ, чтобы какъ не искусилъ ихъ искушитель и не сдѣлалъ тщетнымъ самый трудъ принесенныхъ имъ извѣстій были столь благоприятны, сообщенія его объ ихъ вѣрѣ, любви, стойкости и преданности были такъ радостны, что все это, не смотря на всѣ его тяжкія страданія, привело апостола въ восторгъ, и было для него какбы свѣжимъ источникомъ жизни. Онъ не находитъ словъ благодарить Бога за такое благословеніе, и оно усилило его молитвы къ Богу, чтобы Онъ сподо-

билъ его побывать у нихъ и повидѣть ихъ, и восполнить то, чего недостаетъ ихъ вѣрѣ. Этотъ историческій или личный отдѣлъ своего посланія апостолъ заключаетъ пламенной молитвой, чтобы Богъ усугубилъ духъ любви, преобладающей уже среди нихъ, и такимъ образомъ сподобилъ бы ихъ въ непорочной святости предстать предъ Нимъ въ пришествіе Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его ¹¹⁰⁴).

Отъ этихъ искреннихъ и любящихъ внушеній онъ обращается къ практической части своего посланія. Онъ проситъ ¹¹⁰⁵) и умоляетъ ихъ не останавливаться въ дѣлѣ своего самоусовершенствованія, а все болѣе и болѣе идти впередъ по тому христіанскому пути, который онъ намѣтилъ для нихъ. И затѣмъ онъ приступаетъ къ тѣмъ специальнымъ внушеніямъ, которыя, какъ онъ зналъ, были нужныѣ всего. Впервыхъ и прежде всего онъ восхваляетъ добродѣтель чистоты. Фессалоникійцы лишь недавно были призваны изъ язычества, которое очень легко смотрѣло на грѣхи плоти. Побороть грѣховныя привычки цѣлой жизни нельзя было въ одинъ день. Имъ еще угрожала опасность уклоненія ко грѣху чувственности. Имъ необходимо было напомнить, что не смотря на всю легкость отношенія язычниковъ къ блуду ¹¹⁰⁶) и даже еще болѣе тяжкимъ и смертнымъ грѣхамъ ¹¹⁰⁷) эти грѣхи были прямо противны заповѣдямъ Божіимъ и немедленно навлекутъ на себя возмездіе Того, воля котораго была ихъ освященіемъ и который наложилъ на нихъ долгъ — хотя и трудный — приобрести твердое и спокойное господство надъ своею плотію и ея похотями ¹¹⁰⁸). Если же нѣкоторые среди нихъ открыто пренебрегали этими заповѣдями, какъ будто бы это были лишь заповѣди самого апостола, то имъ напоминаетъ, что этимъ самымъ они отвергаютъ не человѣческаго какого нибудь учителя, а Бога, который призвалъ ихъ не къ нечистотѣ, а къ святости ¹¹⁰⁹), и давая имъ Духа своего Святаго не только усугублялъ ихъ долгъ, но и вдохновлялъ ихъ новой силой освящать храмъ Его въ сердцахъ своихъ ¹¹¹⁰).

Слѣдующая христіанская добродѣтель, о которой онъ говоритъ, есть братолюбіе. Онъ считаетъ нужнымъ говорить о ней потому ¹¹¹¹), что самъ Богъ научилъ ихъ какъ сознавать этотъ долгъ, такъ и осуществлять его въ жизни не только въ отношеніи къ членамъ собственной своей церкви, но въ отношеніи всѣхъ христіанъ Македоніи (iv, 9, 10).

Затѣмъ они должны болѣе преуспѣвать и усердно стараться о томъ, чтобы жить тихо ¹¹¹²), дѣлать свое дѣло, работать своими собственными руками ¹¹¹³), не вмѣшиваться въ дѣла другихъ, и не рассчитывать на помощь другихъ, а поступать благоприлично предъ всѣми, даже непринлежащими къ церкви (ст. 11, 12).

И вотъ этими нравственными увѣщаніями, этимъ приглашеніемъ къ воздержанію отъ чрезмѣрнаго возбужденія по вопросу о кончинѣ міра, къ спокойному исполненію насущныхъ обязанностей, ближе всего касавшихся ихъ теперь, онъ подготовилъ почву для устраненія серьезнаго недоумѣнія, удручавшаго нѣко-

торыхъ изъ нихъ. Со времени ухода ап. Павла изъ Фессалоники въ ихъ маленькой общинѣ умерло нѣсколько членовъ, и эта смерть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ поселила крайнее уныніе духа. Они слышали ученіе, возбуждавшее въ нихъ надежду на пришествіе Христа. Это благословенное пришествіе должно было разрѣшить для нихъ всѣ недоумѣнія, уладить всѣ неправды, вознаградить за всѣ страданія. Что надежда на рожденіе Мессіи была для іудея, тѣмъ надежда на Его второе пришествіе со всѣми Его святыми была для первенствующихъ христіанъ. Естественно поэтому, что вопросъ объ этомъ занялъ видное мѣсто въ посланіи къ церкви, которая съ самаго своего основанія и въ теченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ подвержена была особеннымъ скорбямъ (2 Кор. vii, 5). Что же нужно было думать о тѣхъ, которые умерли и поэтому не видѣли пришествія Христа? Что думать о тѣхъ, жизнь которыхъ окончилась самымъ обыденнымъ образомъ — безъ исправленія неправдъ и безъ утѣшенія въ бѣдахъ? Не лишились ли они обѣтованія, не обманулись ли въ своихъ надеждахъ, не дождавшись даже событія, на которое они устремляли всю свою вѣру? А если съ ними было такъ, то не будетъ ли такъ же и съ другими? Если для умершихъ такимъ образомъ оказалось напраснымъ ихъ ожиданіе, то не будетъ ли тоже и съ живыми? Ап. Павелъ уже далъ имъ совѣтъ, который могъ удерживать ихъ отъ слишкомъ сильнаго раздумья касательно неизвѣстнаго момента пришествія Христа. Онъ убѣждалъ ихъ быть чистыми, любящими, прилежными, и проводить свою обыденную жизнь въ честной простотѣ и вѣрности долгу. Но въ тоже время онъ не оставилъ своихъ обращенцевъ въ недоумѣніи касательно ихъ умершихъ друзей. Въ словахъ, въ которыхъ съ тѣхъ поръ находили утѣшеніе миллионы скорбящихъ у гроба, онъ говоритъ имъ, чтобы они не скорбѣли какъ тѣ, которые совсѣмъ не имѣютъ надежды ¹¹¹⁴), потому что «если мы вѣруемъ, что Иисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Иисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ» ¹¹¹⁵). При этомъ онъ входитъ даже въ подробности. Онъ говоритъ имъ «словомъ Господнимъ» ¹¹¹⁶), что смерть въ дѣйствительности не дѣлаетъ различія между живыми и умершими, потому что въ страшный моментъ великаго дня самъ Господь при возищеніи, при гласѣ архангела ¹¹¹⁷) и трубѣ Божіей ¹¹¹⁸), сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде, а потомъ мы оставшіеся въ живыхъ ¹¹¹⁹) вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ, въ срѣтеніе Господу на воздухѣ, и такъ всегда съ Господомъ будемъ. «И такъ, заключаетъ онъ, утѣшайте другъ друга сими словами» ¹¹²⁰).

Но когда же это будетъ? Послѣ какого времени или срока? ¹¹²¹). Это вопросъ, отвѣчать на который ему не было надобности, такъ какъ имъ самимъ въ точности ¹¹²²) извѣстенъ былъ единственный отвѣтъ, который можетъ быть данъ на него, что именно день Господень придетъ какъ тать въ нощи, какъ внезапная пагуба для тѣхъ, что возлюбили тьму. Но они не чада тьмы, а чада свѣта, такъ что, какъ бы ни внезапно насталъ этотъ день, они не окажутся неготовыми къ нему ¹¹²³).

Пусть же поэтому они будутъ всегда трезвы и бодрственны, какъ воины, вооруженные вѣрою и любовію вмѣсто панцыря и надеждой спасенія вмѣсто плема ¹¹²⁴⁾, такъ какъ Богъ предназначилъ ихъ не для гнѣва, но для полученія спасенія чрезъ Того, который умеръ для того, чтобы они — въ жизни ли, или смерти — могли жить съ Нимъ во вѣки (v, 1—11). Онъ увѣщаетъ ессалоникійцевъ постоянно назидать и утѣшать другъ друга этими словами. Но развѣ не спрашивали нѣкоторые изъ нихъ: «что же станетъ съ іудеями? съ язычниками? съ грѣшниками и отступниками среди насъ самихъ»? Быть можетъ и спрашивали. Но здѣсь, какъ и въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Коринтеянамъ, ап. Павелъ или не предполагалъ такихъ вопросовъ, или не находилъ нужнымъ отвѣчать на нихъ. Быть можетъ онъ зналъ прекрасный еврейскій афоризмъ: «учись говорить — не знаю». Несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что для него идея воскресенія такъ тѣсно связана съ идеей вѣры, надежды и нравственного возрожденія, что когда бы онъ ни говорилъ о ней, онъ всегда и почти исключительно говоритъ въ связи съ воскресеніемъ святыхъ ¹¹²⁵⁾.

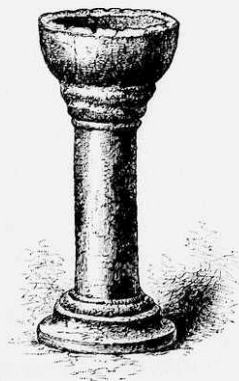
Къ тѣмъ мыслямъ, которыя высказываются въ разсужденіи ап. Павла по этому важному предмету, мы возвратимся потомъ. Свое посланіе онъ оканчиваетъ нравственными увѣщаніями, подсказанными несомнѣнно нуждами церкви, увѣщаніями, отличающимися поразительной жизненностью, силой и красотой. Среди ессалоникійцевъ замѣчались слѣды *непослушанія*, и онъ увѣщаетъ ихъ оказывать должное почтеніе и любовь, ради успѣшности труда, духовнымъ труженикамъ и вождямъ ихъ общины ¹¹²⁶⁾ и быть въ мирѣ между собою. Далѣе онъ говоритъ имъ, быть можетъ въ этихъ послѣднихъ стихахъ обращаясь специально къ пресвитерамъ, — чтобы они предостерегали тѣхъ изъ своихъ безпокойныхъ собратій, которые склонны были къ неповиновенію. Среди нихъ замѣчалось уныніе, и онъ проситъ ихъ «утѣшать малодушныхъ, поддерживать слабыхъ, быть долготерпѣливыми ко всѣмъ». Они должны избѣгать воздаяніа зломъ за зло, а всегда искать добра и другъ другу и всѣмъ (12—15) ¹¹²⁷⁾. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ неопціенныхъ увѣщаній. Закрадывается ли уныніе въ ихъ сердца? Пусть они отражаютъ его воспоминаніемъ, что постоянная радость, непрестанная молитва, всеобщее благодареніе — такова о нихъ воля Божія во Христѣ Иисусѣ. Если среди нихъ случались житейскія столкновенія, разногласія во мнѣніяхъ среди возбужденныхъ мечтателей, всецѣлая поглощенность которыхъ ожиданіемъ пришествія Христа отнимала у нихъ всякую энергію или желаніе исполнять свои обыденныя обязанности, дѣлая ихъ также неспособными къ воспріятію болѣе спокойныхъ увѣщаній, въ такомъ случаѣ, кромѣ увѣщанія къ миру и предложенія благо-роднаго правила избѣгать всякихъ видовъ зла ¹¹²⁸⁾, онъ предостерегаетъ ихъ, что они не должны угашать Духа или унижать пророчества, то-есть не должны ни подавлять пылкаго вдохновенія, ни унижать спокойной бесѣды (1 Кор. xiv, 39), но испытывать все, что говорится имъ, и держаться хорошаго ¹¹²⁹⁾.

Затѣмъ, указавъ на отзывчивость Бога къ молитвамъ, онъ еще разъ молить, чтобы Богъ освятилъ ихъ во всей полнотѣ, ихъ тѣла, духъ и душу ¹¹³⁰⁾ сохранилъ во всей цѣлости безъ порока въ пришествіе Господа. Онъ проситъ ихъ молить за себя, проситъ ихъ привѣтствовать всѣхъ братій лобзаніемъ святымъ ¹¹³¹⁾; заклінаетъ ихъ Господомъ ¹¹³²⁾ прочитать его посланіе всей церкви и такимъ образомъ заканчиваетъ своимъ обычнымъ благословеніемъ: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа съ вами. Аминь» ¹¹³³⁾. Эти послѣдніе три стиха были вѣроятно написаны имъ собственною рукою.

Легко представить, съ какимъ восторгомъ было привѣтствовано такое письмо со стороны юной, гонимой и недоумѣвающей церкви; сколько оно утѣшило скорбей, сколько разрѣшило сомнѣній, сколько вдохнуло радости, надежды и свѣжаго энтузіазма. Во всякомъ случаѣ, какъ пріятно было имъ получить утѣшеніе среди бури внѣшней вражды, найти ободреніе среди унынія отъ внутренняго недостатка вѣры — и притомъ въ словахъ возлюбленнаго учителя, благовѣстіе котораго измѣнило все теченіе ихъ жизни! Имъ пріятно было чувствовать, что и отсутствуя лично апостолъ присутствовалъ съ ними въ сердцѣ (1 Фесс. ii, 17), молясь за нихъ и заботясь о нихъ, и въ то же время радуясь извѣстіямъ объ ихъ постоянствѣ; но еще важнѣе было получить слово, которое могло утѣшать зарождавшіяся несогласія этой малой и любящей, но неопытной и невольной еще устроенной общины, и слышать божественно-авторитетное ученіе, которое разсѣвало ихъ мрачныя опасенія. Но мало этого, если посланіе ап. Павла производило такое сильное впечатлѣніе и теперь на насъ, не смотря на притупленіе нашей чувствительности вслѣдствіе долгаго обыденнаго знакомства съ нимъ, то какимъ молніеноснымъ блескомъ должны были сіять слова апостола для ессалоникійцевъ въ своей свѣжей оригинальности, — слова, сіяющія такъ сказать свѣтомъ самаго неба? «Принявъ слово при многихъ скорбяхъ съ радостію Духа Святаго» (i, 6) — это не искусственный *оксморонъ*, игра противорѣчивыми словами, а слово, пришедшее изъ новаго міра, котораго они были счастливыми обладателями. «Иисусъ избавляющій насъ отъ грядущаго гнѣва» (i, 10); «Богъ призавшій насъ въ свое царство и славу» (ii, 12); «воля Божія есть освященіе ваше» (iv, 3); «такъ всегда съ Господомъ будемъ» (iv, 17); «всѣ вы сыны свѣта и сыны дня» (v, 5); «смотрите, чтобы кто кому не воздавалъ зломъ за зло» (v, 15); «всегда радуйтесь» (v, 16); какія свѣтлыя надежды, какія святые обязанности, какія золотыя обѣтованія, какая славная отвѣтственность, какіе возвышенные идеалы, какая высота нравственности, никогда не достигавшаяся ихъ величайшими писателями, какое чудесное обновленіе всего духа и смысла жизни — заключались для нихъ въ этихъ простыхъ словахъ ¹¹³⁴⁾! Это короткое посланіе выяснило имъ радостную истину, что они могли въ своей обыденной жизни пользоваться тѣмъ вѣнцомъ мысли, котораго достигали только рѣдкіе и величайшіе умы ихъ народа въ самые восвышенные моменты вдохновенія, а вмѣстѣ и величіемъ той жизни, которая,

въ своей совершенной невинности въ отношеніи къ Богу и человѣку, не была извѣстна даже и имъ.

Замѣчательно, что въ этомъ посланіи ап. Павелъ не менѣе четырехъ разъ намекаетъ на пришествіе Христа (II, 19; III, 13; IV, 15; V, 23) и употребляетъ при этомъ слово *παρουσία*—«присутствіе», которое въ этомъ смыслѣ встрѣчается также во второмъ посланіи (2 Фесс. II, 1, 8), и только еще однажды во всѣхъ другихъ посланіяхъ (1 Кор. XV, 23). Быть можетъ онъ въ послѣдствіи, послѣ ошибочныхъ выводовъ, сдѣланныхъ ессалоникійцами изъ его письма, и вредныхъ послѣдствій, произведенныхъ на нихъ частыми эсхатологическими указаніями, сталъ менѣе выдвигать это ученіе. Достоверно однако же лишь то, что эта именно неправильность въ толкованіи его письма и произведенное ею понятное возбужденіе и безпокойство¹¹³⁵) и побудили его скорѣ послѣ полученія свѣдѣній объ этихъ результатахъ написать второе посланіе¹¹³⁶). Несомнѣнно также, что съ этого времени видимое личное пришествіе Христа и близость конца, составляющія преобладающій предметъ перваго посланія къ ессалоникійцамъ, получаютъ уже гораздо болѣе второстепенное значеніе, и хотя языкъ апост. Павла въ посланіи былъ понятъ неправильно, но это ложное пониманіе было не преднамѣреннымъ, а совершенно естественнымъ, и что въ своихъ позднѣйшихъ письмахъ онъ скорѣ говоритъ о своей смерти, чѣмъ вторымъ пришествіи, когда онъ встрѣтитъ Господа. Божественный и постоянно разгорающійся свѣтъ исторіи сдѣлалъ яснымъ для церкви, что предсказаніе Спасителя касательно Его возвращенія первоначально относились къ прекращенію іудейскаго завѣта, къ завершенію всего прошедшаго и къ наступленію послѣдняго великаго періода въ отношеніяхъ Бога къ человѣчеству.

Мраморный фонтанъ, найденный въ Тарсѣ, близъ источника ап. Павла.

ГЛАВА XXX.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ЕССАЛОНИКІЙЦАМЪ.

Ибо этому надлежать быть прежде, но не тотчасъ конецъ. Лук. XXI, 9.

Е ПРОШЛО еще нѣсколько мѣсяцевъ, какъ ап. Павелъ услышалъ, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ ессалоникійцы все еще продолжали и даже болѣе чѣмъ прежде волноваться вопросомъ о кончинѣ міра, — къ крайнему вреду для своего нравственнаго усовершенствованія. Когда онъ писалъ имъ раньше, они удручаемы были уныніемъ по случаю смерти собратій, которые по ихъ предположенію лишились такимъ образомъ по крайней мѣрѣ части тѣхъ свѣтлыхъ надеждъ, которыя были главной, почти единственной поддержкой для нихъ въ огненной печи скорбей. Ясное увѣреніе апостола повидимому устранило всякое безпокойство въ этомъ отношеніи; но теперь они считали немедленное пришествіе Христа столь несомнѣннымъ, что нѣкоторые изъ нихъ склонны были даже пренебрегать его увѣщаніями и проводили свою жизнь въ бездѣльномъ религіозномъ возбужденіи¹¹³⁷). Ап. Павелъ видѣлъ, какъ пагубно было бы такое состояніе для всякаго успѣха христіанства, и главною цѣлію его втораго посланія было успокоить и обуздать тотъ болтливый энтузіазмъ, который грозилъ выродиться въ распущенность и празднолюбіе. Они не должны были оставлять трудный путь настоящаго ради того миража, который повидимому такъ близко подводилъ ихъ къ зеленѣющему эдему будущаго; они не должны были святыню непосредственнаго долга приносить въ жертву сладкой мечтѣ неосуществимыхъ ожиданій. Пришествіе Христа могло быть близко; но оно еще не такъ скоро наступало, какъ они воображали изъ ложнаго пониманія того, что онъ говорилъ имъ, или на основаніи ошибочныхъ слуховъ, а быть можетъ и письменныхъ поддѣлокъ, приписывавшихъ апостолу

слова, которыхъ онъ никогда не говорилъ, и мнѣній, которыхъ онъ никогда не держался.

Выраженіе, за которое особенно ухватился апокалипсическій фанатизмъ менѣе благоразумныхъ ессалоникійцевъ, было слѣдующее: «Мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ» (1 Фесс. iv, 15). Не было ничего неестественнаго въ томъ, что они истолковали это мѣсто въ томъ смыслѣ, что самъ учитель ихъ ожидалъ дожить до пришествія Господа¹¹³⁸). Если такъ, то оно близко, и если близко, то къ чему мелочныя заботы обыденной жизни, къ чему мелочныя усилія обиденныхъ трудовъ? Развѣ не достаточно было какъ нибудь прожить до зари этого близкаго дня или до сѣни той быстро близящейся ночи, когда смолкнутъ и исчезнутъ всѣ земные интересы, лишь только прогремѣть голосъ Божій и раздастся трубный гласъ архангельскій?

Теперь вопросъ: таково ли было дѣйствительно значеніе словъ ап. Павла? Вопросъ этотъ много разъ подвергался самымъ всестороннимъ и горячимъ обсужденіямъ. Его дѣлали даже (безъ всякой надобности) боевымъ полемъ для рѣшенія вопроса о боговдохновенности. Нѣкоторые старались отстаивать немыслимое и едва ли искреннее мнѣніе, что ни ап. Павелъ, ни апостолы вообще не ожидали близкаго пришествія Христова; другіе напротивъ утверждали, что они вполнѣ были убѣждены въ томъ, что пришествіе это состоится при жизни ихъ ближайшаго поколѣнія, даже при собственной ихъ жизни.

Не въ интересахъ полемики, а въ интересахъ истины, мы постараемся показать, что ни одно изъ этихъ крайнихъ воззрѣній не можетъ быть принято. Если бы взглядъ ессалоникійцевъ былъ совершенно безоснователенъ, то ап. Павлу было бы легко сказать имъ, какъ сказали за него новѣйшіе толкователи: «вы ошибочно приняли мое общее выраженіе за специфическое и личное. Когда я сказалъ: «мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня», я не имѣлъ въ виду ни себя самого, ни васъ въ особенности, а вообще *живущихъ*—тѣхъ, къ которымъ мы теперь принадлежимъ, въ отличіе отъ мертвыхъ, о состояніи которыхъ я говорилъ вамъ¹¹³⁹). Вы ошиблись предполагая, будто я разумѣлъ, что Господь явится еще до моей смерти». Но онъ совсѣмъ не говоритъ этого¹¹⁴⁰); онъ только говоритъ имъ, чтобы они не срывались съ якоря своей тихой жизни, не отталкивались, какъ онъ выражается, отъ своего здраваго смысла¹¹⁴¹) предположеніемъ, что онъ говорилъ о немедленности¹¹⁴²) наступленія дня Господня. Онъ ясно говоритъ имъ, что прежде наступленія того дня произойдутъ еще извѣстныя событія; и эти то событія исключали возможность того, чтобы второе пришествіе совершилось завтра или на слѣдующій день. Но съ другой стороны онъ не говоритъ имъ, что день Господень не близокъ (*ἐγγύς*). Если бы онъ сдѣлалъ такъ, онъ лишилъ бы нѣкотораго значенія тѣ увѣщанія, которые составляли главный предметъ его проповѣди въ Фессалоникѣ, такъ какъ они представляли единственно выдающійся пунктъ ученія въ его первомъ посланіи¹¹⁴³). Если

судить о взглядахъ ап. Павла по его собственному языку, а не по предзанятымъ мнѣніямъ школьной учености, то мы можемъ угадать, что бы отвѣтилъ онъ на прямой вопросъ: «думаешь ли ты лично дожить до втораго пришествія Господня?» Въ этотъ періодъ своей жизни онъ отвѣтилъ бы такъ: «я не могу съ рѣшительностью говорить объ этомъ предметѣ. Я ясно вижу, что до Его пришествія

Римскіе воины въ битвѣ
(съ Траяновой колонны въ Римѣ).

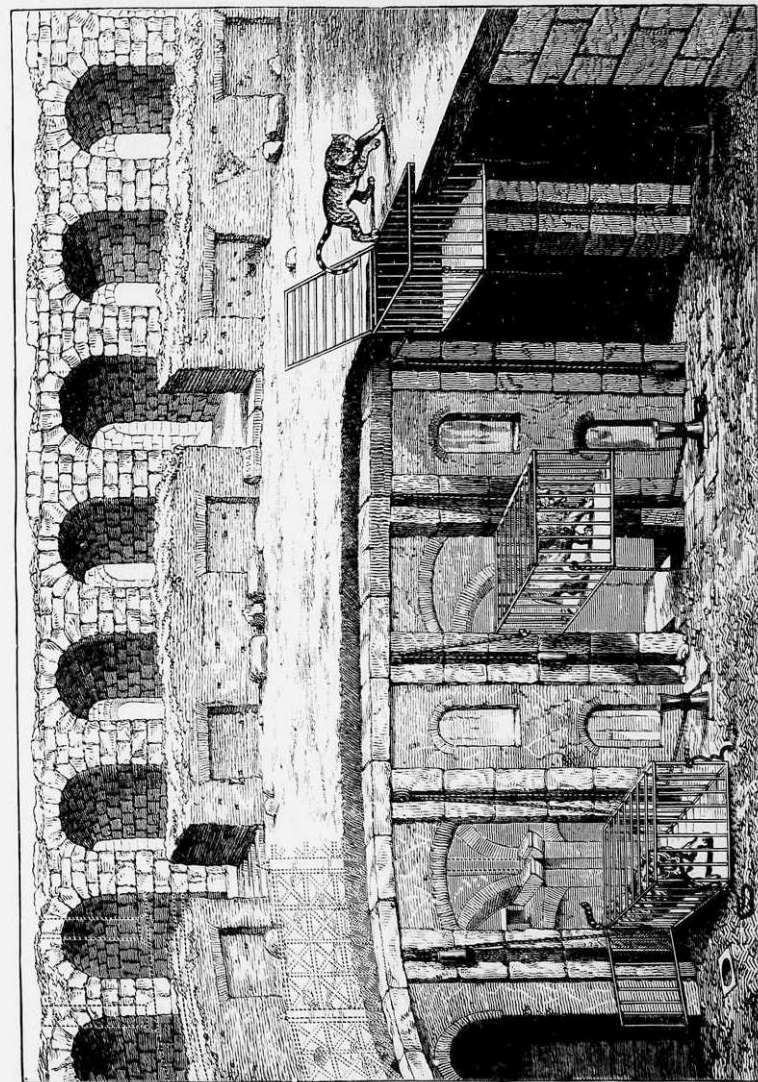
должны совершиться извѣстныя событія; но вообще я ожидаю Его». Но въ позднѣйшій періодъ своей жизни онъ сказалъ бы такъ: «Быть можетъ и такъ, я не могу сказать. Вообще же я не надѣюсь дожить до этого дня; да и нѣтъ особенной важности въ томъ—доживу ли я, или нѣтъ. Въ тотъ день живые не будутъ имѣть никакого преимущества надъ умершими. Чего я теперь ожидаю, къ чему стремлюсь—это моя собственная смерть. Я знаю, что когда умру, я

буду со Христомъ, и вотъ объ этой-то стезѣ къ Нему теперь я и забочусь. Въ болѣе ранніе годы по моемъ обращеніи всѣ мы ожидали болѣе быстрого преуспѣянія антихриста, болѣе быстрого устраненія сдерживающихъ силъ, болѣе скорого озаренія облаковъ у пламенѣющихъ ногъ Спасителя. Къ чему я теперь стремлюсь, это скорѣе духовное единеніе съ Господомъ, чѣмъ Его видимое пришествіе. Возможно также, что Онъ придетъ многими путями. Если мы въ Его пророчествѣ ближайшія событія принимали за отдаленнѣйшія, то это только было частью того невѣденія, которое, какъ Онъ самъ предупреждалъ насъ, въ отношеніи этого предмета раздѣляютъ даже ангелы на небесахъ. Развѣ Онъ не сказалъ, когда еще былъ съ нами: «не знаете ни дня, ни часа, въ который придетъ Сынъ человѣческій; ни ангелы, которые на небесахъ, ни Сынъ, но только Отецъ»? Одно только мы знаемъ, что Господь всегда близъ насъ, и изъ Его пришествія мы извлекаемъ тотъ урокъ, который Онъ преподавалъ намъ и которому мы научились отъ Него, именно: «бодрствуйте и молитесь, ибо не знаете, когда настанетъ это время».

Что таковы именно были взгляды ап. Павла и другихъ апостоловъ на кончину міра, касательно которой они сами по слову Спасителя не могли знать ничего опредѣленнаго и точнаго, это, какъ намъ кажется, будетъ очевидно для всякаго, кто добросовѣстно взвѣситъ и сравнитъ между собой всѣ приведенныя нами мѣста ¹¹⁴⁴).

Между тѣмъ насколько подъ этимъ «днемъ Господнимъ» разумѣлись такіа событія, какъ паденіе Іерусалима и окончательный приговоръ надъ іудейскимъ народомъ, то даже самое буквальное толкованіе ихъ словъ находится въ полномъ согласіи съ дѣйствительными событіями. Не нужно упускать изъ вида этого замѣчательнаго совпаденія. 19 декабря 69 года по Рожд. Хр. капитолійскій храмъ былъ сожженъ во время войны между Вителліемъ и Веспасіаномъ, — войны, которую Тацитъ называетъ прискорбнѣйшимъ и позорнѣйшимъ ударомъ и знакомъ гнѣва боговъ. 10 августа 70 года римскій воинъ бросилъ головню и въ храмъ іерусалимскій. «Такимъ образомъ, говоритъ Деллинггеръ ¹¹⁴⁵), въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ національное святилище Рима и храмъ Божій, два важнѣйшихъ мѣста богослуженія въ древнемъ мірѣ, были обязаны своимъ разрушеніемъ римскимъ солдатамъ — безмысленнымъ орудіямъ высшаго рѣшенія и суда Божія. Нужно было очистить мѣсто для поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ. Наслѣдники этихъ двухъ храмовъ, капитолійскаго и іудейскаго, горсть ремесленниковъ, нищихъ, рабовъ и женщинъ — жили въ это время въ темныхъ закоулкахъ Рима; и только за два года предъ тѣмъ, когда они впервые обратили на себя общественное вниманіе, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ осуждены были на сожженіе живыми въ императорскихъ садахъ, и другіе — на растерзаніе дикихъ звѣрей».

Мы можемъ поэтому кратко сказать, что цѣлію второго посланія къ Тесса-

Нижняя помпѣиія Коллея.

лоникійцамъ было отчасти увѣрить ихъ, что хотя ап. Павелъ и считалъ день Господень близкимъ, хотя онъ не исключалъ возможности для нихъ дожить до него, однако же день этотъ наступалъ не такъ еще скоро, чтобы по крайней мѣрѣ оправдывать прекращеніе обыденныхъ обязанностей жизни ¹¹⁴⁶). Говоря: «мы живущіе», онъ отнюдь не утверждалъ съ положительностью, что онъ доживетъ до втораго пришествія, какъ положительно не утверждалъ и того, что онъ умретъ прежде его совершенія, когда, годы спустя, онъ писалъ: «что воскреснѣйшій Господь Иисуса воскреситъ чрезъ Иисуса и насъ» (2 Кор. iv, 14). Что «мы» въ этихъ случаяхъ имѣло общій характеръ, это очевидно изъ того, что онъ употребляетъ его о мертвыхъ и о живыхъ въ томъ же самомъ посланіи, говоря въ одномъ мѣстѣ: «не всѣ мы умремъ» ¹¹⁴⁷) и въ другомъ: «Богъ воскреситъ и насъ силою Своею» ¹¹⁴⁸).

О близости конечнаго миссіанскаго пришествія іудейскій и христіанскій міръ были согласны между собой, и даже язычники находились въ состояніи безпкойнаго ожиданія. Испытанія апостола заставляли его естественно останавливаться на этомъ предметѣ какъ въ своей проповѣди въ Фессалоникѣ, такъ и въ своемъ первомъ посланіи. Второе его посланіе въ общихъ чертахъ слѣдуетъ за первымъ, которое въ дѣйствительности сдѣлалось образцомъ для всѣхъ другихъ. Въ высшей степени замѣчательнъ тотъ способъ, какимъ посланія сочетаютъ однообразие метода съ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія ¹¹⁴⁹). Въ этомъ отношеніи они составляютъ отраженіе жизни безконечно разнообразной въ своихъ приключеніяхъ и однако же направляемой одною господствующею идеей. Кромѣ случаевъ, когда особенныя обстоятельства, какъ въ посланіяхъ къ Коринѳянамъ, видоизмѣняютъ его обычный планъ, его посланія состоятъ обыкновенно изъ шести частей, именно: 1) торжественнаго привѣтствія; 2) выраженія благодарности Богу за Его дѣло среди тѣхъ, кому онъ пишетъ; 3) отдѣла, посвященнаго религіозной доктринѣ; 4) отдѣла, посвященнаго практическому назиданію; 5) отдѣла, состоящаго изъ личныхъ подробностей и привѣтствій, и 6) заключительнаго собственноручнаго благословенія, которое служило знакомъ подлинности посланія. Мы уже замѣтили, что таково общее построеніе перваго посланія, и это же самое не менѣе будетъ видно и въ предлагаемомъ изложеніи втораго ¹¹⁵⁰).

Послѣ привѣтствія, въ которомъ апостолъ, какъ и въ первомъ посланіи, упоминаетъ вмѣстѣ съ собой Силу и Тимофея ¹¹⁵¹), онъ еще разъ благодаритъ Бога за преуспѣяніе ¹¹⁵²) ихъ вѣры, за избытокъ любви, соединяющей ихъ другъ съ другомъ, что дало ему, какъ и другимъ ¹¹⁵³), возможность считать ихъ среди церквей Божіихъ ¹¹⁵⁴) образцомъ вѣры и терпѣнія, не смотря на всѣ гоненія и скорби, переносимыя ими. Эти невзгоды, говоритъ онъ, составляютъ доказательство того, что настоящее состояніе вещей не можетъ быть окончательнымъ; что настанетъ время, когда гонители ихъ будутъ наказаны, а сами они получатъ облегченіе отъ бѣдствій ¹¹⁵⁵),—и это время настанетъ съ явленіемъ Господа Иисуса

съ неба въ пламенѣющемъ огнѣ ¹¹⁵⁶), съ ангелами силы Его, для совершенія отмщенія язычникамъ, не познавшимъ Бога и не покоряющимся благовѣствованію Господа Иисуса Христа. Отмщеніе это будетъ состоять въ вѣчномъ отчужденіи отъ присутствія и славы могущества Христа ¹¹⁵⁷), когда Онъ придетъ прославиться въ святыхъ своихъ и явится дивнымъ во всѣхъ увѣровавшихъ въ Него ¹¹⁵⁸). А чтобы они удостоились этой славы, онъ молится, чтобы Богъ сдѣлалъ ихъ достойными ихъ званія и совершилъ всякое благоволеніе благодати, которой они наслаждаются ¹¹⁵⁹), и дѣйственность ихъ вѣры какъ къ славію ихъ Господа, такъ и къ ихъ собственной славію, по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа (2 Фесс. i, 3—12).

Затѣмъ слѣдуетъ наиболѣе замѣчательный отдѣлъ посланія, тотъ, ради котораго очевидно и написано оно. Въ первомъ своемъ посланіи онъ увѣщевалъ ихъ къ спокойствію и прилежанію; но безпокойство общанія, непредназначенно увеличенное его собственными словами, пересилило его увѣщанія, и теперь онъ хотѣлъ дать имъ дальнѣйшее и болѣе опредѣленное наставленіе по этому великому предмету. Это особенно становилось необходимымъ вслѣдствіе того, что ихъ надежды разгорались въ пожирающее пламя частью отъ пророчествъ, которые считались свыше вдохновенными, частью отъ словъ или писемъ, которые выдавались за запечатлѣнные его авторитетомъ. Поэтому онъ пишетъ языкомъ, въ которомъ замѣтна нѣкоторая таинственность и недосказанность ¹¹⁶⁰).

«Молимъ васъ, братія, касательно ¹¹⁶¹) пришествія Господа нашего Иисуса Христа и нашего собранія ¹¹⁶²) къ Нему, не спѣшить колебаться умомъ и смущаться ни отъ духа ¹¹⁶³), ни отъ слова, ни отъ посланія какбы нами посланнаго ¹¹⁶⁴), будто уже наступаетъ день Христовъ ¹¹⁶⁵). Да не обольститъ васъ никто никакъ: ибо ¹¹⁶⁶) доколѣ не прійдетъ прежде отступленіе, и не откроется человѣкъ грѣха ¹¹⁶⁷), сынъ погибели ¹¹⁶⁸), противящійся ¹¹⁶⁹) и превозносящійся выше всего называемаго Богомъ ¹¹⁷⁰), или святынею, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ ¹¹⁷¹) какъ Богъ, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у васъ, говорилъ вамъ это? И нынѣ вы знаете, что не допускаетъ ему открыться въ свое время (а не раньше). Ибо тайна беззаконія уже въ дѣйствіи, только пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь ¹¹⁷²). И тогда откроется беззаконникъ, котораго Господь Иисусъ убьетъ духомъ устъ Своихъ, и истребитъ явленіемъ пришествія Своего ¹¹⁷³); того, котораго пришествіе, по дѣйствию сатаны, будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными, и со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ погибающихъ ¹¹⁷⁴), за то, что они не приняли любви истины для своего спасенія. И за сіе пошлетъ имъ Богъ ¹¹⁷⁵) дѣйствіе заблужденія, такъ что они будутъ вѣрить лжи (1 Тим. iv, 1, 2), да будутъ осуждены всѣ, не вѣровавшіе истинѣ, но возлюбившіе неправду» ¹¹⁷⁶).

Объ этомъ своеобразномъ, но несомнѣнно подлинномъ мѣстѣ, которое однако же такъ непохоже на все остальное въ посланіяхъ ап. Павла, мы скажемъ

потомъ. Апостолъ затѣмъ говоритъ имъ, что ихъ положеніе, благодареніе Богу совершенно отлично отъ тѣхъ, которые обольстились антихристомъ, такъ какъ они видятъ, что Богъ избралъ и призвалъ ихъ отъ начала ¹¹⁷⁷⁾ къ освященію, спасенію и славѣ ¹¹⁷⁸⁾. Поэтому онъ увѣщаетъ ихъ прежде всего твердо стоять и держаться того ученія и преданія, которое они приняли какъ отъ него лично, такъ и изъ его посланія, и молить, чтобы Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богъ Отецъ нашъ утѣшилъ и утвердилъ ихъ во всякой благодати (2 Фесс. II, 13—17).

Начиная практическій отдѣлъ, онъ молить, чтобы евангеліе также свободно распространялось и между другими, какъ и среди ихъ, и чтобы ему избавиться отъ беспорядочныхъ и лукавыхъ людей ¹¹⁷⁹⁾; и выражая свое упованіе на Бога и свою увѣренность въ нихъ, онъ молить Господа, дабы Онъ управилъ сердца ихъ въ любовь Божію и въ терпѣніе Христово ¹¹⁸⁰⁾. Этого терпѣнія не доставало нѣкоторымъ изъ нихъ, которые, какъ ему передавали, поступали безчинно, не слѣдуя постановленнымъ имъ правиламъ и данному имъ примѣру. Постановленное же имъ правило состояло въ томъ, что человѣкъ, который не работаетъ, не имѣетъ права и ѣсть, а данный имъ примѣръ былъ, какъ они знали, примѣромъ порядка, мужественной самопомощи, упорнаго трудолюбія, ради котораго онъ добровольно отказался даже отъ своего права на содержаніе отъ нихъ (III, 1—11).

Поэтому онъ именемъ Христа повелѣваетъ и увѣщаетъ ¹¹⁸¹⁾ тѣхъ, которые вели себя безчинно, и тѣхъ, все занятіе которыхъ состояло въ пустой суетливости ¹¹⁸²⁾, чтобы они жили мирно, трудолюбиво зарабатывая себѣ пропитаніе; и если кто-либо и по полученіи этого его письма не станетъ слушать его совѣта, то они должны имѣть его на замѣчаніи и не имѣть съ нимъ общенія, чтобы устыдить его, не считая однако же его врагомъ, а увѣщавая какъ брата. Что касается остальныхъ, то пусть они не ослабѣваютъ въ добрѣ ¹¹⁸³⁾; и затѣмъ онъ и это письмо заканчиваетъ молитвой, да дастъ Самъ Господь мира имъ миръ всегда и во всемъ. Господь да будетъ со всѣми ими (III, 12—16).

Продиктовавъ такимъ образомъ письмо — вѣроятно своему преданному товарищу Тимоѳею,—апостолъ самъ беретъ перо, пользоваться которымъ онъ едва могъ вслѣдствіе своего слабаго зрѣнія, и пишетъ:

«Привѣтствіе моею рукою Павловою, что служить знакомъ во всякомъ посланіи ¹¹⁸⁴⁾; пишу я такъ: Благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами. Аминь» ¹¹⁸⁵⁾.

Какъ ни цѣнны для насъ и вообще для христіанскаго міра практическія наставленія этого короткаго посланія, но явнымъ побужденіемъ къ его написанію было очевидно желаніе разсѣять заблужденія касательно близости пришествія Христа, которыя препятствовали слабымъ и нетерпѣливымъ должнымъ образомъ исполнять свои обязанности, и этимъ подрывали то почтеніе къ нимъ среди язычниковъ, которое способна была внушать безпорочность первыхъ христіанъ. Для ессалоникійцевъ трактатъ объ этомъ предметѣ могъ имѣть глубочайшій интересъ. Для насъ онъ

уже не представляетъ такого непосредственнаго интереса, тѣмъ болѣе, что и трудно опредѣлить въ точности, что собственно имѣлъ въ виду ап. Павелъ, или другими словами—ни въ его и ни въ послѣдующее время не совершалось такихъ событій, которыя бы христіане единогласно могли признать соответствующими излагаемому имъ состоянію. Нѣтъ надобности однако же печалиться, что это мѣсто должно быть отнесено къ тѣмъ очень немногимъ въ новомъ завѣтѣ мѣстамъ, которыя представляютъ для насъ неразрѣшимую загадку. Ессалоникійцамъ въ высшей степени важно было знать, что имъ нѣтъ надобности вставать каждое утро съ подавляющимъ чувствомъ трепетнаго ожиданія, что вотъ солнце померкнетъ еще до своего захода, въ воздухѣ прогремѣтъ труба архангела и все земное потеряетъ всякое значеніе. Что касается такихъ увѣреній, то все въ нихъ отчетливо и ясно. Нѣтъ ничего неяснаго и въ языкѣ ап. Павла. Трудности этого мѣста возникаютъ исключительно вслѣдствіе нашей неспособности объяснить его послѣдующими событіями. Но эти два—три неясныхъ мѣста нисколько не уменьшаютъ значенія посланій ап. Павла ¹¹⁸⁶⁾. Такъ какъ его единственная цѣль всегда есть назиданіе, то мы можемъ быть увѣрены, что предметы, которые у него являлись случайны, обозначены неясно и не вполне обработаны, составляютъ не существенную часть тѣхъ главныхъ истинъ, распространенію которыхъ онъ посвятилъ свою жизнь. На мессіанскія обстоятельства втораго пришествія онъ едва намекаетъ опять. Онъ все болѣе и болѣе останавливается на таинственномъ единствѣ со Христомъ и все менѣе и менѣе на Его второмъ пришествіи. Онъ часто говоритъ о внутреннемъ присутствіи Христа и о соединеніи съ Нимъ вѣрующихъ, и едва уже упоминаетъ о томъ срутеніи Его въ воздухѣ, о которомъ Онъ говорилъ въ этомъ посланіи (1 Кор. VIII, 6; Гал. III, 28; Ефес. IV, 6 и пр.).

Можно положить за правило, что писатель всегда желаетъ быть понятнымъ ¹¹⁸⁷⁾ и обыкновенно пишетъ такъ, чтобы его поняли особенно тѣ, къ которымъ онъ обращается. Не трудно видѣть, что апостолъ здѣсь говоритъ ессалоникійцамъ о томъ, что какъ ни близко пришествіе Христа, оно во всякомъ случаѣ наступаетъ не такъ скоро, какъ думали они, потому что, прежде чѣмъ оно совершится, должно наступить «отступленіе», которое найдетъ свое конечное и полное осуществленіе въ явленіи «человѣка грѣха»—воплощеннаго сатаны, который самъ вторгнется въ храмъ Божій и выступитъ соперникомъ Ему. Затѣмъ, съ нѣкоторою таинственностью и неясностью, напоминающими книгу пророка Даніила и откровеніе ап. Іоанна ¹¹⁸⁸⁾, и съ нѣкоторою неопредѣленностью языка онъ напоминаетъ имъ о неоднократныхъ своихъ устныхъ наставленіяхъ касательно чего-то и относительно какого-то лица ¹¹⁸⁹⁾, сила котораго сначала должна быть устранена, прежде чѣмъ тайна беззаконія достигнетъ своего личнаго и конечнаго осуществленія. Они знаютъ, говоритъ онъ, что служить «задержкой» для полнаго развитія этого враждебнаго нечестія, которое уже въ дѣйствіи и будетъ дѣйствовать, пока не устранится «удерживающій». По устраненіи его, беззаконникъ, вооруженный могуще-

ством и ложными знаменіями для привлеченія тѣхъ, которые осуждены на гибельное обольщеніе, заявить о себѣ съ силою, которую убьетъ Христосъ духомъ устъ своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія Своего. Между спасенными такимъ образомъ и вторымъ пришествіемъ лежатъ два событія—«удаленіе удерживающаго» и появленіе «беззаконника». Гибель послѣдняго будетъ одновременна съ событіемъ, котораго они, какъ часто увѣщевалъ ихъ апостолъ, должны были ожидать съ нетерпѣніемъ.

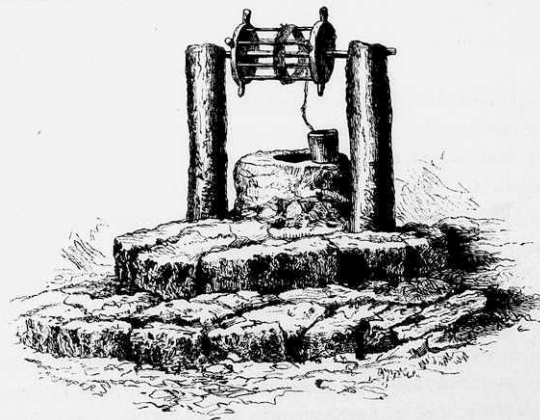
Объ этомъ именно ясно говорить ап. Павелъ; но какъ же объяснить все это? и почему все это выражено такъ загадочно?

На второй вопросъ отвѣтить не трудно. Оно выражено загадочно по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что все кажущееся намъ загадочнымъ было уже устно объяснено ессалоникійцамъ, которые поэтому ясно понимали все это; и во-вторыхъ потому, что съ самымъ изложениемъ этого предмета на письмѣ связывалась очевидная опасность. Это само по себѣ служить достаточнымъ доказательствомъ, что онъ разумѣетъ здѣсь римскую имперію и римскаго императора. Тонъ апост. Павла здѣсь совершенно сходенъ съ тономъ Юсіфа Флавія, когда онъ объясняетъ пророчество Давіида. Всѣ іудеи подъ четвертой монархіей разумѣли римскую имперію; но когда І. Флавій доходитъ до камня, который долженъ въ дребезги разбить гордый истуканъ, онъ останавливается и замѣчаетъ, что «онъ не находитъ удобнымъ объяснять это»¹¹⁹⁰⁾, по той очевидно причинѣ, что для него было бы политически опасно дѣлать объясненіе этого.

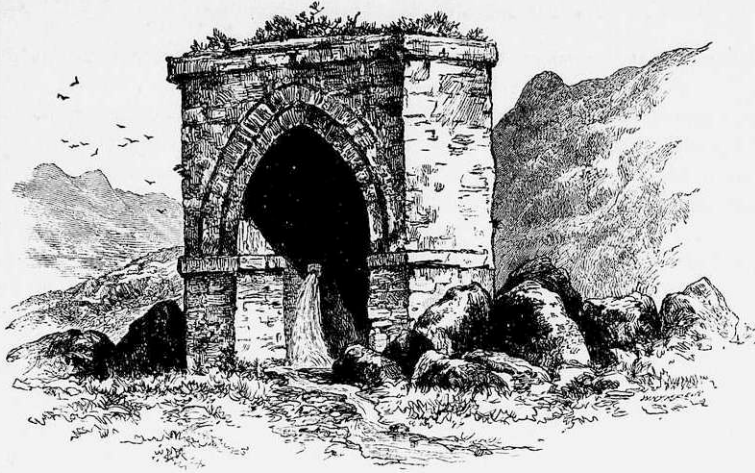
Эта причина сразу же устраняетъ то предположеніе, что подъ «задержкой» или «удерживающимъ» разумѣется какая нибудь отдаленная сила или личность, въ теченіе столѣтій не появлявшаяся на историческомъ горизонтѣ, даже если бы мы и могли вообще принять мнѣніе, что ап. Павелъ высказывалъ нѣкоторое отдаленное предсказаніе событій, которыя, хотя и могли осуществиться въ отдаленные вѣка, но не могли имѣть никакого значенія для ессалоникійцевъ. Когда нѣкоторые римско-католическіе комментаторы говорятъ, что реформація именно была «отступленіемъ», Лютеръ «человѣкъ грѣха», а Германская имперія «задержка»; или когда многіе протестантскіе писатели не задумываясь отождествляютъ папу римскаго съ человѣкомъ грѣха, то можно только спросить, неужели, помимо традиціоннаго экзегезиса, они дѣйствительно держатся такого взгляда? Если, какъ мы видѣли, ап. Павелъ дѣйствительно считалъ день Господень близкимъ, хотя и не немедленнымъ, то неужели подобные комментаторы предполагаютъ съ одной стороны, что ап. Павелъ имѣлъ представленіе о Лютерѣ? Или съ другой стороны—что главнымъ осуществленіемъ беззаконности, главнымъ представителемъ силы сатаны является папство? Можетъ ли кто нибудь, изучившій исторію церкви во всей ея полнотѣ, серьезно доказывать, что папство и есть по преимуществу та сила, которая *противится и превозносится* выше всего, называемаго Богомъ или святынею?¹¹⁹¹⁾ что существенною особенностью его служатъ беззаконіе, ложны

чудеса и богохульственное самопревозношеніе? или что уничтоженіе папства (которое давно уже политически и органически такъ слабо) «духомъ устъ и явленіемъ пришествія»—будетъ главною цѣлю втораго пришествія Христа? Затѣмъ, неужели они предполагаютъ, что ап. Павелъ, во время своего перваго посѣщенія ессалоникійцевъ, неоднократно говорилъ имъ о развитіи и возвышеніи папства—о событіи, которое въ ихъ значеніи этого слова могло считаться имѣющимъ наступить только по истеченіи многихъ столѣтій,—ессалоникійцамъ, которые думали, что пришествіе Христа можетъ наступить не сегодня такъ завтра, и для которыхъ потребовались два посланія, чтобы разувѣрить ихъ въ этомъ? Если эти предположенія не падаютъ подъ тяжестью своей внутренней безосновательности, то пусть они во имя спокойнаго разума и христіанской любви будутъ отнесены отнынѣ къ той обширной области гипотезъ, которыя съ накопленіемъ данныхъ современемъ оказывались совершенно несостоятельными¹¹⁹²⁾.

Что подъ «задержкой» разумѣется римская имперія, а подъ «удерживающимъ» римскій императоръ, это можно считать несомнѣннымъ; всѣ остальные соображенія—лишь неувѣренные гаданія. Въ особомъ приложеніи мы съ возможною краткостью укажемъ, какъ сомнительны и большею частью крайне безцѣльны были всѣ дѣлавшіяся доселѣ попытки дать болѣе или менѣе опредѣленное объясненіе употребленнымъ здѣсь выраженіямъ; и затѣмъ съ такою же краткостью укажемъ на тѣ области, гдѣ мы должны искать иллюстрацій, могущихъ пролить нѣкоторый свѣтъ на то, что разумѣлъ здѣсь ап. Павелъ¹¹⁹³⁾. А затѣмъ, имѣя въ виду крайній недостатокъ единства между христіанскими толкователями, мы ограничимся теперь заявленіемъ бл. Августина: «признаюсь, я совершенно не знаю, что разумѣетъ апостолъ».

Колодезь ап. Павла въ Тарсѣ.

Придорожный источникъ въ Тарсѣ.

КНИГА IX.

ЕФЕСЬ.

ГЛАВА XXXI.

АП. ПАВЕЛЬ ВЪ ЕФЕСЬ.

Богъ же творилъ не мало чудесъ руками
Павла. Дѣян. xix, 11.

ПРАВЕДИВОСТЬ Галліона обезпечила ап. Павлу спокойное пребываніе въ Коринѣ, какъ оно и было предсказано видѣніемъ, ободрившимъ его среди прежнихъ невзгодъ. Этимъ затишьемъ бури вражды онъ воспользовался для дальнѣйшей проповѣди, продолжавшейся быть можетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и затѣмъ порѣшилъ вновь посѣтить Іерусалимъ, въ которомъ онъ уже не былъ почти три года. Быть можетъ онъ собралъ кое что въ пользу бѣдныхъ; но во всякомъ случаѣ онъ сознавалъ важность поддерживать дружественныя отношенія съ другими апостолами и съ матерью-церковью. Ему хотѣлось также присутствовать на приближавшемся праздникѣ, по всей вѣроятности Пятидесятницѣ, и тѣмъ показать, что не смотря на свои дѣятельные труды въ языческихъ городахъ, и на свободу, которую онъ отстаивалъ

для языческихъ обращенцевъ, не смотря на ожесточенную вражду многихъ синагогъ, стоившую ему уже такъ дорого, онъ всетаки въ душѣ оставался вѣрнымъ, хотя и свободомыслящимъ іудеемъ. Поэтому онъ простился съ своими обращенными имъ къ вѣрѣ друзьями, и въ сопровожденіи Прискиллы и Акилы отправился въ Кенхрей. Въ этомъ оживленномъ морскомъ портѣ, гдѣ уже образовалась маленькая церковь, въ которой Фива была діакониссой, онъ представилъ еще новое доказательство своей вѣрности Моисееву закону. Въ благодарность за нѣкоторое избавленіе¹¹⁹⁴)—быть можетъ отъ припадка болѣзни или насилія іудеевъ—онъ принялъ по нему обѣтъ назорейства. Согласно съ этимъ обѣтомъ онъ воздерживался отъ вина и отпустилъ длинные волосы. По законному обряду очищенія, служившему окончаніемъ этого обѣта, онъ долженъ былъ обрить свою голову и непременно въ Іерусалимѣ; но такъ какъ странствующему іудею часто невозможно было побывать въ святомъ городѣ въ то самое время, когда оканчивался періодъ его обѣта, то назорею повидимому позволялось стричь свои волосы¹¹⁹⁵), подъ условіемъ однако же, чтобы онъ сохранялъ отстриженные пряди, пока не принесетъ жертвы всесоженія, жертвы за грѣхъ и жертвы мира въ храмѣ, когда волосы на головѣ сбрасывались дочиства и все сожигались на огнѣ подъ приношеніемъ жертвы мира. Поэтому ап. Павелъ остригъ свои волосы въ Кенхреяхъ и затѣмъ отплылъ въ Ефесъ. Упоминаніе объ этомъ фактѣ отнюдь не лишено важнаго значенія. Принятый ап. Павломъ обѣтъ былъ высоконателльнымъ доказательствомъ его *личной* вѣрности левитскимъ установленіямъ и его желанія усвоить примирительный образъ дѣйствій въ отношеніи іудейскихъ христіанъ святаго города¹¹⁹⁶).

Черезъ нѣсколько дней плаванія, если только была хорошая погода, корабль могъ бросить якорь въ знаменитой гавани Панорма, которая въ то время представляла лѣсъ мачтъ въ центрѣ всей торговли Средиземнаго моря, а теперь есть лишь покрытое камышемъ болото въ области заустѣнія. Прибытіе его совпало или съ кануномъ субботы, или однимъ изъ трехъ недѣльныхъ собраній въ синагогѣ, и онъ сразу же, съ своимъ обычнымъ рвеніемъ и самозабвеніемъ, появился среди ефесскихъ іудеевъ. Они представляли собой многочисленную и вліятельную общину, дѣятельно занятую торговлей, и пользовались нѣкоторыми особыми привилегіями отъ римскихъ императоровъ¹¹⁹⁷). Не только дозволена была ихъ религія, но даже молодежь ихъ была изъята отъ воинской повинности. Одинъ изъ нихъ, нѣкій «халдей» или «астрологъ» Балбиллъ, воспользовавшись все усиливающимся суетвѣріемъ, неразлучнымъ съ разложеніемъ религіи, сумѣлъ въ это время проникнуть даже въ высшіе слои римскаго общества, пока не сдѣлался приближеннымъ самого Нерона¹¹⁹⁸). Привыкнувъ въ этой кипучей митрополіи встрѣчаться со всевозможными мнѣніями и воззрѣніями, іудеи сначала не оказали никакого противодѣйствія доводамъ странствующаго раввина, который проповѣдывалъ о распятомъ Мессіи. Мало того, они даже просили его подольше

побыть у нихъ. Его желаніе побыть въ Іерусалимѣ и сполнить свой обѣтъ сдѣлало это невозможнымъ, но прощаясь съ ними онъ обѣщалъ, что если Богу угодно (Іак. IV, 15) онъ скоро возвратится сюда. Еще разъ поэтому онъ сѣлъ на корабль и отплылъ въ Кесарію. Оттуда онъ посѣщилъ въ Іерусалимѣ, который онъ теперь посѣщалъ уже въ четвертый разъ по своему обращеніи. Онъ вступилъ въ него нѣкогда обновленнымъ человѣкомъ (около 37 г. по Рожд. Хр.); во второй разъ онъ былъ въ немъ съ приношеніемъ отъ церкви Антиохійской страдавшимъ отъ голода бѣднякамъ (въ 44 г.); въ третій разъ онъ приходилъ сюда за рѣшеніемъ споровъ, возникшихъ между іудействующими и языческими христианами и грозившихъ, даже уже тогда, разорвать нешвенный хитонъ Христа (около 50 года по Рожд. Хр.). Четыре года теперь прошло съ того времени, и онъ прибылъ еще разъ—въ качествѣ слабого и гонимаго миссіонера, чтобы найти сочувствіе въ своихъ раннихъ обращенцахъ (около 54 г.), подкрѣпить свой духъ единеніемъ съ ними, повѣдать имъ важнѣйшія извѣстія о церквяхъ, основанныхъ имъ во время второго его путешествія, не только въ Азіи, но и въ первый разъ въ Европѣ также, и даже въ столь важныхъ городахъ, какъ Филиппы, Фессалоника и Коринѣ. Если бы христиане въ Іерусалимѣ знали, какъ важны будутъ для будущности христианства послѣдствія этихъ опасныхъ и трудныхъ путешествій, если бы они видѣли, что труды ап. Павла болѣе всего содѣйствовали вселенскому дѣлу церкви Христовой,—то съ какою бы любовью и съ какимъ благоговѣніемъ привѣтствовали они его! Какъ бы они старались всѣми видами доброты, ободренія, почести, сердечной молитвы поддержать и укрѣпить его и еще ярче зажечь въ немъ пылающій огонь энтузіазма, чтобы еще болѣе подготовить его въ будущемъ къ еще болѣе геройскимъ жертвамъ и еще болѣе безграничнымъ усиліямъ! Если бы было нѣчто подобное, то св. Лука въ интересахъ своего великаго христианскаго *приникона*, самъ ап. Павелъ въ повѣствованіи галатамъ о всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ двѣнадцатью апостолами—сдвали бы не рассказали объ этомъ. Между тѣмъ Лука поспѣшно проходитъ все это событіе, ограничившись тремя словами, что ап. Павелъ «привѣтствовалъ церковь» (Дѣян. ххп, 22), не останавливаясь даже на извѣщеніи, что онъ исполнилъ свой обѣтъ, или произведено ли было какое благоприятное впечатлѣніе въ отношеніи его іудейскаго правовѣрія самымъ фактомъ исполненія такого обѣта¹¹⁹⁰). Есть основанія однакоже опасаться, что сдѣланный ему пріемъ былъ холодный и нелюбезный; что даже, если св. Іаковъ и принялъ его побратетки, то окружавшіе «брата Господня» іудействующіе христиане отнеслись къ нему иначе. Ихъ ревнивое несочувствіе къ тому свободному отношенію къ закону, которое онъ установилъ среди своихъ обращенцевъ изъ язычниковъ, повело къ рѣшенію со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдовать по его пятамъ, подрывать его вліяніе, что все, къ великому огорченію его послѣдующихъ дней, имѣло столь пагубное для него значеніе. Съ печальнымъ сердцемъ, съ чувствомъ даже быть можетъ него-

дованія на такую недружелюбную холодность, долженъ бы былъ ап. Павелъ посѣшнить окончить это свое посѣщеніе. Но въ немъ не шевельнулось ни одно изъ такихъ чувствъ. Онъ рѣшился раздѣлять одинаковую участь съ своимъ Господомъ, котораго ненавидѣли фарисеи и убили саддукеи. Онъ раздѣлялъ одинаковую участь со всѣми великими пророками и всѣми истинно великими мыслителями, жившими какъ раньше такъ и послѣ его. Такъ какъ онъ не дорожилъ своею жизнью, то конечно никакая злоба застоявшейся традиціи или пренебрежительность подозрительной узкости не могли отклонить его съ этого божественно назначеннаго ему пути. Богъ сподобилъ его великой чести,—поручилъ ему священное дѣло. Ему нужно было трудиться, нужно было проповѣдывать евангеліе! Если повинувшись этому призванію Бога онъ встрѣчалъ сочувствіе и доброту въ людяхъ—хорошо; если нѣтъ, то и не важно. Жизнь могла быть тяжелою, но вѣдь она коротка, и легкое временное огорченіе было ничто въ сравненіи съ лучезарной и вѣчной славой. Еще разъ онъ отправился изъ Іерусалима, чтобы вступить въ новый и, какъ оказалось, въ высшей степени блистательный, въ высшей степени плодотворный и въ высшей степени тяжелый періодъ своей трудовой жизни.

Изъ Іерусалима онъ отправился въ Антиохію, гдѣ, какъ легко представить себѣ, его ожидалъ болѣе теплый и радушный пріемъ. Въ этомъ сердечномъ кругу онъ пробылъ нѣкоторое время, и оттуда, послѣ нѣсколькихъ дней труда и борьбы, ободряемый по всей вѣроятности сообществомъ Тимофея и Тита, а быть можетъ также Гаія, Аристарха и Ераста, онъ еще разъ прошелъ чрезъ знаменитыя Киликійскія ворота Тавра¹²⁰⁰) и сухимъ путемъ прошелъ по восточной части Малой Азіи¹²⁰¹), утверждая на своемъ пути церкви Галатіи и Фригіи. Въ Галатіи онъ велѣлъ каждое воскресенье производить сборъ для бѣдныхъ въ Іерусалимѣ¹²⁰²). Онъ нашелъ необходимымъ также сдѣлать имъ нѣкоторыя серьезныя внушенія, и хотя тогда еще не было у нихъ прямого уклоненія отъ преподаннаго имъ ученія, онъ однакоже могъ замѣтить нѣкоторое ослабленіе того пылаго рвенія, съ которымъ онъ принялъ быть въ первый разъ этимъ славнымъ, но вѣтрянымъ населеніемъ (Гал. IV, 16; V, 21). Позабывшись такимъ образомъ объ обезпеченіи заложеннаго имъ раньше основанія, онъ спустился съ фригійскихъ возвышенностей и предъ нимъ снова открылся Марсель Эгейскаго моря, встрѣчное и складочное мѣсто востока и запада, великая столица проконсульской Азіи. Посѣщеніе это сопровождалось въ высшей степени важными послѣдствіями.

Ефесъ былъ третьей столицей и новымъ исходнымъ пунктомъ христианства. Въ Іерусалимѣ христианство родилось въ колыбели іудейства; Антиохія была исходнымъ пунктомъ церкви христианъ изъ язычниковъ; Ефесу суждено было стать свидѣтелемъ его полного развитія и окончательнаго сочетанія его разрозненныхъ элементовъ въ трудѣ Іоанна, апостола любви. Онъ лежалъ верстахъ въ

двухъ отъ Икарійскаго залива, въ великолѣпной азіатской луговинѣ, гдѣ тысячи лебедей и другихъ водяныхъ птицъ кишѣли по извилинамъ р. Кайстера ¹²⁰³). Зданія его гнѣздились у подошвъ Коресса и Пріона, въ пріятномъ соседствѣ

Мостъ близъ Киликійскихъ воротъ.

ортигійскихъ дубравъ. Гавань его, бывшая нѣкогда одною изъ самыхъ защищенныхъ и удобныхъ на Средиземномъ морѣ, отчасти была уже испорчена ошибочными инженерными работами, но все-таки еще посѣщалась множествомъ кораблей со

всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра. Онъ находился на встрѣчномъ пунктѣ большихъ дорогъ, которыя вели къ сѣверу въ Сарды и Троаду, къ югу въ Магнезію и Антиохію, и такимъ образомъ владѣлъ легкимъ доступомъ къ большимъ рѣчнымъ

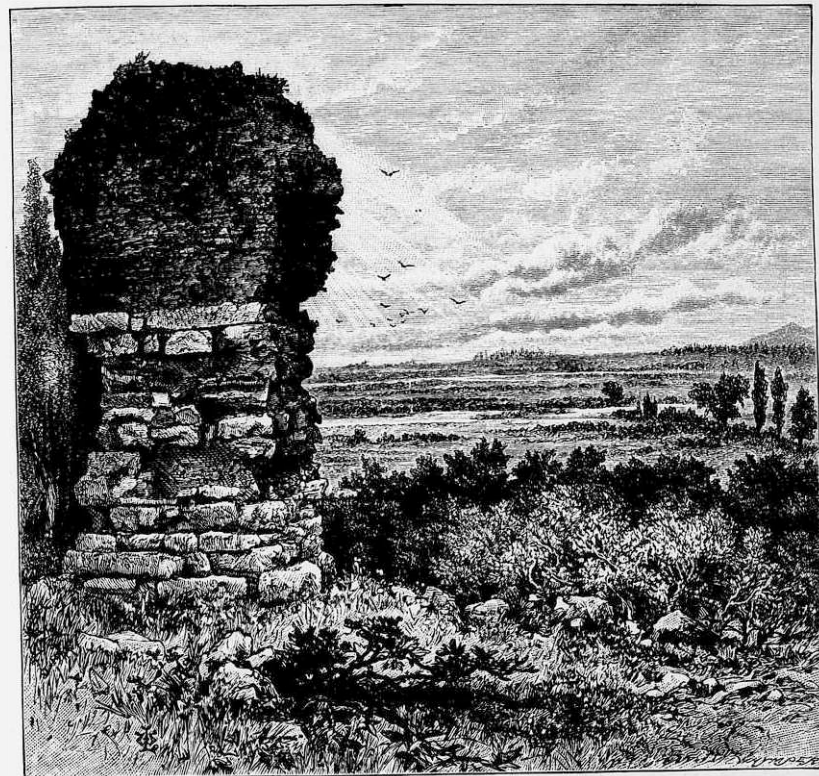
долинамъ Герма и Меандра и ко всей внутренности материка. Озера и рѣки кругомъ изобиловали рыбой, и при здоровомъ воздухѣ и несравненномъ мѣстоположеніи населеніе его было разнообразное и огромное. Рынки его, блиставшіе произведеніями всемірнаго искусства, были своего рода базарными центрами Азіи. Они доставили патмосскому изгнаннику своеобразный колоритъ для тѣхъ страницъ Апокалипсиса, въ которыхъ онъ перечисляетъ «товары золотые и серебряные, и камни драгоценные, и жемчугъ, и виссонъ, и порфиру, и шелкъ, и багряницу, и всякое благовонное дерево, и всякія издѣлія изъ слоновой кости, и всякія издѣлія изъ дорогихъ деревьевъ, изъ мѣди и желѣза и мрамора, корицу и ениміамъ и муро и ладанъ, и вино и елей, и муку и пшеницу, и скоть и овецъ, и коней и колесницы, и тѣла и души человѣческія» (Откр. xviii, 12, 13).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ефесъ былъ столько же славенъ, сколько богатъ и обширенъ. Быть можетъ ни одна еще страна въ мірѣ не была мѣстомъ столькохъ знаменитыхъ событій въ древней исторіи, какъ именно берега Малой Азіи. Весь берегъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ сѣдалищемъ лучшей эллинской культуры, и Геродотъ заявляетъ, что это было прекраснѣйшее мѣсто для городовъ его времени ¹²⁰⁴). Тутъ именно—въ Лесбосѣ, Смирнѣ, Ефесѣ и Галикарнассѣ зародились и процвѣтали лирическая и эпическая поэзія, философія и исторія, и въ лѣтописяхъ человѣческой культуры нѣтъ болѣе славнаго имени, чѣмъ имя великой столицы іонійской. Здѣсь именно Анакреонъ создавалъ и пѣлъ тѣ легкія пѣсни, которыя такъ шли къ мягкому темпераменту греческихъ колонистовъ въ этомъ роскошномъ воздухѣ; здѣсь именно Мимнермъ писалъ свои элегіи, Фалесъ далъ первый импульсъ философін, Анаксимандръ и Анаксименъ провозгласили тѣ космогоническія теоріи, которыя потрясли наивныя вѣрованія аѳинскихъ гражданъ; здѣсь глубочайшій изъ греческихъ мыслителей «Гераклитъ мрачный» размышлялъ о тѣхъ истинахъ, которыя онъ выражалъ съ такою несравненною силой; здѣсь его другъ Гермодоръ потерпѣлъ наказаніе за свою добродѣтельную жизнь, будучи изгнанъ изъ города, который чувствовалъ укоръ своимъ порокамъ въ его простомъ безмолвномъ присутствіи ¹²⁰⁵); здѣсь Гиппонакъ вливалъ въ свои сатиры ихъ смертоносный ядъ ¹²⁰⁶); здѣсь наконецъ Перразій и Апеллесъ изучали свое безсмертное искусство. И это все еще въ сущности былъ греческій городъ. Правда, что съ того времени, какъ Атталъ, царь пергамскій, почти за двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ, завѣщалъ свое царство въ наслѣдство римлянамъ, власть ихъ постепенно расширилась во всѣхъ направленіяхъ, пока они не сдѣлались окончательно полновластными господами Фригіи, Мизіи, Каріи, Лидіи и всѣхъ прилегающихъ острововъ Греціи, влѣдствіе чего блескъ Ефеса въ матеріальномъ отношеніи возросъ еще болѣе, такъ какъ онъ сдѣлался резиденціей римскаго проконсула. Но присутствіе нѣсколькихъ сановныхъ римлянъ съ ихъ свитами, усиливая пышность и могущество города, не вліяло однакоже на преобладавшій въ немъ особенный эллинистическій складъ цивилизаціи, которая была гораздо больше пропитана

восточными, чѣмъ западными элементами. Ефесцы пресмыкались у ногъ императоровъ, лѣстили имъ съ отвратительнымъ раболѣпствомъ, строили храмы въ честь ихъ пороковъ и слабостей, боготворили ихъ на своихъ надписяхъ и монетахъ ¹²⁰⁷). Даже сенатъ, это жалкое подобіе его, не прочь былъ принимать участіе въ общей гнусности и боготворился гражданами за потворство въ ней ¹²⁰⁸). Римляне, видя, что имъ нечего бояться этихъ выродившихся іонійцевъ, помогали имъ матеріально, когда они терпѣли отъ землетрясеній, щедро раздавали почетные титулы, которые сами по себѣ были униженіемъ для нихъ, оставляли за ними номинальную автономію и вполнѣ предоставляли имъ прожигать жизнь въ безумныхъ вакханаліяхъ, которыя поочередно происходили въ паніонскихъ, ефесскихъ, артемидскихъ и лукулловскихъ играхъ. Таковъ-то былъ городъ, въ которомъ ап. Павелъ нашелъ себѣ сферу дѣятельности, отличную отъ всѣхъ другихъ, гдѣ только приходилось ему трудиться доселѣ. Онъ былъ болѣе эллинистиченъ, чѣмъ Антиохія, отличался болѣе восточнымъ характеромъ чѣмъ Коринѣ, былъ болѣе многолюденъ чѣмъ Аѳины, болѣе богатъ и утонченъ чѣмъ Фессалоника, отличался болѣе скенитическимъ духомъ, чѣмъ Анкира или Пессинъ. И этотъ городъ, за единственнымъ исключеніемъ Рима, былъ наиболѣе важнымъ мѣстомъ его труда, и впослѣдствіи ему суждено было стать не только первою изъ семи церквей Азіи, но и мѣстомъ засѣданія одного изъ тѣхъ великихъ вселенскихъ соборовъ, которые опредѣлили вѣру христіанскаго міра.

Сами ефесцы пользовались въ то время весьма худою славой. Ефесъ былъ центромъ отжившихъ суевѣрій, которыя поддерживались единственно благодаря своекорыстію различныхъ жреческихъ обществъ. Къ югу отъ города находилась орошаемая водами Кенхрія масличная и кипарисовая роща (Лето ¹²⁰⁹), гдѣ все еще показывалось масличное дерево, за которое схватывалась богиня, когда она произвела на свѣтъ своихъ славныхъ близнецовъ. Здѣсь находился холмъ, съ котораго Эрмесъ объявилъ объ ихъ рожденіи ¹²¹⁰); здѣсь куреты, съ своими сверкающими мечами и щитами, защищали ихъ въ дѣтствѣ отъ дикихъ звѣрей; здѣсь самъ Аполлонъ нашелъ себѣ убѣжище отъ ярости Зевса, когда онъ убилъ циклоповъ; здѣсь Вакхъ или Бахусъ побѣдилъ и пощадилъ амазонокъ во время своего шествія по Востоку. Таковы именно были доводы, которые представлены были ефесскими уполномоченными римскому сенату съ цѣлію отклонить рѣшеніе ограничить ихъ право убѣжища. Это право главнымъ образомъ принадлежало великому славившемуся по всему міру храму Артемиды, названіемъ «служителя» котораго величался Ефесъ ¹²¹¹). Они конечно знали, что право это было гибельнымъ для нравственности и благосостоянія города. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка святилища привлекали къ себѣ всякій сбродъ и все что было негоднаго, всякихъ мошенниковъ, должниковъ и убійцъ окружной мѣстности, которые неизбежно обѣдняли и развращали и всю окружающую мѣстность ¹²¹²), такъ и вокругъ великаго храма ефесскаго собиралась всевозможная мерзость Азіи. Легенда раз-

сказывала, какъ по окончаніи построенія храма Митридатъ сталъ на его кровлѣ и объявилъ, что право убѣжища въ немъ будетъ простираться по черту кругомъ его—куда только онъ можетъ дотрѣлти изъ лука, и стрѣла чудесно пролетѣла на разстояніе почти ста сажень. Слѣдствіемъ этого было то, что Ефесъ, и безъ того

Развалины Сарды.

находясь подъ развращающимъ вліяніемъ условий, обычныхъ во всѣхъ большихъ приморскихъ городахъ, еще въ самомъ себѣ имѣлъ особый источникъ опасности и заразы ¹²¹³). Ионія была развратительницей Греціи ¹²¹⁴), Ефесъ былъ развратителемъ Ионіи — любимой сценой самыхъ сладострастныхъ сказаній, яркимъ зрѣлищемъ самыхъ вопіющихъ пороковъ.

Храмъ, который былъ главной гордостью города и однимъ изъ чудесъ свѣта¹²¹⁵), во всемъ своемъ величїи видѣнъ былъ прямо съ гавани. Ефесъ былъ наиболѣе величественнымъ изъ того, что Овидій называетъ «величественными городами Азїи»¹²¹⁶), и храмъ былъ его великолѣпнѣйшимъ украшеніемъ. Древнїй храмъ былъ сожженъ Геростратомъ—ефесскимъ еумасбродомъ, пожелавшимъ увѣковѣчить этимъ свое имя въ исторїи—въ самую ночь рожденія Александра Великаго: онъ былъ вновь построенъ съ щедрымъ великолѣпіемъ изъ добровольныхъ пожертвованій всей Азїи, причемъ даже женщины жертвовали свои драгоценности, подобно тому какъ женщины іудейскія жертвовали свои драгоценности въ пустынь. Для предохраненія отъ землетрясеній, основы его были заложены при огромныхъ расходахъ на искусственномъ фундаментѣ изъ кожь и древеснаго угля, загрунтованныхъ въ болотистомъ мѣстѣ¹²¹⁷). Уже издали онъ сверкалъ лучами подобно звѣздѣ¹²¹⁸). Окружавшая его галерея состояла изъ ста двадцати колоннъ іонійскаго типа, высѣченныхъ изъ парійскаго мрамора. Надъ рѣзными изъ кипарисова дерева вратами были столь огромныя и тяжелыя перекладины, что требовалось чудо для того, чтобы поднять ихъ на мѣсто. Ведшая на кровлю лѣстница была будто бы высѣчена изъ одной громадной виноградной лозы съ о. Кипра. Нѣкоторыя изъ колоннъ отличались живописной рѣзбой изысканной красоты¹²¹⁹). Внутри были образцовыя произведенія Праксителя и Фидїя, Скопы и Поликлета. Картины величайшихъ греческихъ художниковъ, изъ которыхъ одна—портретъ Александра Великаго, исполненный Апеллесомъ—была приобрѣтена будто бы за сумму, равную 30,000 рублей на новѣйшія деньги, украшали внутреннія стѣны. Самая кровля храма была изъ кедроваго дерева и поддерживалась колоннами изъ яшмы, на основахъ изъ парійскаго мрамора¹²²⁰). На этихъ колоннахъ висѣли необычайной цѣнности дары, приношенія по обѣтамъ признательнаго суетвїя. Въ концѣ его стоялъ большой жертвенникъ, украшенный барельефами Праксителя, и за нимъ огромными складками падала пурпурная завѣса. За этой завѣсой находилось мрачное и страшное святилище, въ которомъ стоялъ самый священный идолъ классическаго язычества; и затѣмъ, позади этого святилища была комната, которая, находясь подъ непосредственнымъ покровомъ святилища, считалась богатѣйшимъ и самымъ надежнымъ банкомъ древняго міра.

Идолъ, для котораго воздвигнуто было это несравненное капище, былъ такъ древнїй, что вмѣстѣ съ Аѣиной акропольской, Артемидой таврической, Димитрой сицилійской, Афродитой пафеской и Цибелой пессинской раздѣлялъ ту великую честь, что статуя его считалась *Διοτρίς* *Ἀγχα*—«спадшей съ неба»¹²²¹). Самый матеріалъ, изъ котораго она была сдѣлана, былъ предметомъ спора: одни говорили—изъ виноградныхъ лозъ, другіе изъ чернаго дерева, нѣкоторые изъ кедра, и иные—изъ камня¹²²²). Это не былъ безформенный метеоритъ въ родѣ каабы въ Меккѣ, Геркулеса гіетскаго¹²²³), или чернаго камня въ Пессинѣ; не былъ также фалли-

ческий конусъ въ родѣ финикійской Афродиты въ Пафѣ¹²²⁴), равно какъ не былъ и простой чурбанъ въ родѣ кадмейскаго Вакха¹²²⁵); но въ тоже время мы не должны, руководясь именемъ Артемиды, предаваться ложному представленію, что она въ нѣкоторомъ родѣ была похожа на трепетную «охотницу—чистую и прекрасную» греческой и римской міеологии. Ее часто слишкомъ идеализировали въ новѣйшихъ изображеніяхъ¹²²⁶), но въ дѣйствительности это былъ омерзительный фетишъ, первоначально служившій символомъ плодородія и производительной силы природы. На монетахъ, которыя, такъ какъ они носятъ изображеніе головъ Клавдія и Агриппины, навѣрно ходили въ это время и быть можетъ бывали и въ рукахъ ап. Павла, она изображается въ видѣ фигуры, закутанной въ родѣ мумїи, покрытой чудовищнымъ нагрудникомъ¹²²⁷), съ трезубцемъ въ одной рукѣ и съ дубиной въ другой. Самое безобразіе и неуклюжесть идола увеличивали суетвѣрный страхъ къ нему, и къ статуѣ Артемиды ефесской относились съ болѣе трепетнымъ благоговѣніемъ, чѣмъ къ Аѣинѣ Фидїя или Юпитеру капитолійскому. Іудейскія воззрѣнія и чувства ап. Павла, хотя онъ и воздерживался отъ хуленія богини¹²²⁸), конечно заставляли его считать оскверненіемъ вступать въ ея храмъ; но на монетахъ, изображеніяхъ и въ снимкахъ ему навѣрно часто приходилось видѣть странный образъ великой Артемиды ефесянъ, культу которой, подобно культу столь многихъ и болѣе прекрасныхъ и гуманныхъ идоловъ язычества, суждено было пасть и подвергнуться забвенію вслѣдствіе его именно проповѣди¹²²⁹).

Хотя греки и соперничали съ персами въ щедрости приношеній на возобновленіе этого храма, но идолослуженіе въ немъ въ сущности имѣло совершенно восточный характеръ. Жрецы щедро пользовались доходами съ обширныхъ имуществъ и цѣнныхъ рыбныхъ ловлей, и этими жрецами или мегабизами, равно какъ и стоявшимъ во главѣ ихъ «ессеномъ»¹²³⁰), были жалкіе персидскіе или фри-

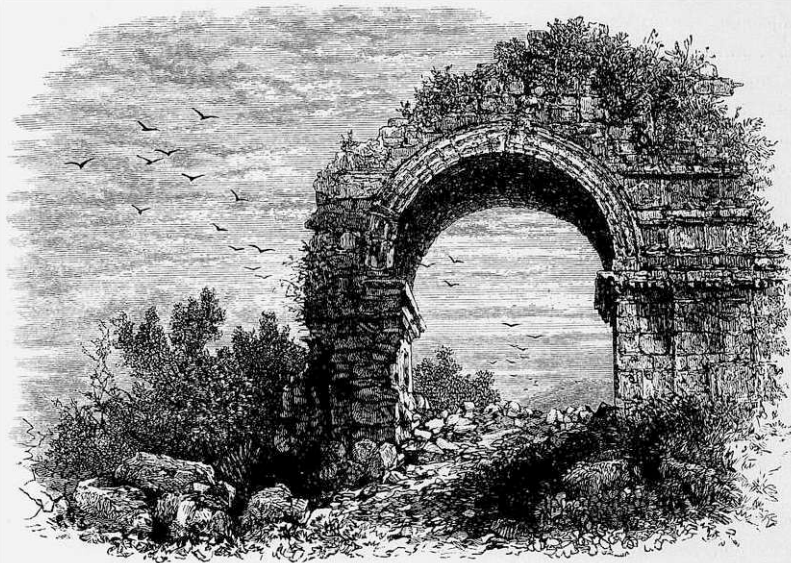
Діана Ефесская.

гійскіе внухи, которые только вмѣстѣ съ мелиссами или дѣвственными жрицами и массой праздныхъ рабовъ и могли совершать идолослуженіе этой «матери боговъ». Сколько разъ на площадяхъ и въ окрестностяхъ Ефеса ап. Павлу навѣрно приходилось съ скорбію и негодованіемъ видѣть этихъ до отвращенія обрюзглыхъ и безбородыхъ представителей гнуснаго культа¹²³¹! Много разъ ему навѣрно приходилось изъ іудейскаго квартала слышать пронзительный пискъ ихъ флейтъ и нескладное бречанье тамбуриновъ; много разъ навѣрно приходилось видѣть ихъ отвратительныя пляски и коривантическія процессіи, когда съ развѣвающимися волосами и съ дикими выкриками, потрясая смоляными факелами, они всячески старались заразить и толпу сочувствіемъ къ оргіеобразному культу, который мало отличался отъ самаго безобразнаго распутства¹²³². Даже греки, при всей своей неспособности увлекаться такими порывами религіознаго изувѣрства, повидимому поддавались вліянію этихъ безобразныхъ фанатиковъ. Ни въ одномъ еще городѣ не собирались они такими многотысячными толпами въ театрѣ, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ издавать одинъ и тотъ же крикъ, какъ будто бы всѣ они были персидскими дервишами или индійскими йогами. Это бессмысленное повтореніе одного и того же клика было отголоскомъ крикливыхъ причитаній, бывшихъ одною изъ особенностей культа Диндимены въ Песинѣ¹²³³.

Неудивительно будетъ вслѣдствіе этого, что подъ покровомъ такого культа должно было процвѣтать суевѣріе всякаго рода. Ефесъ отличался отъ другихъ посѣщенныхъ ап. Павломъ городовъ главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что это былъ по преимуществу городъ астрологій, волшебства, причитаній, амулетовъ, заклинаній и чародѣйственнаго шарлатанства всякаго рода. На статуѣ богини, или вѣрнѣе быть можетъ на перевернутой вверхъ дномъ пирамидѣ, служившей основой для ея закутанныхъ и безформенныхъ ногъ, были написаны извѣстныя таинственныя формулы, которымъ придавалось волшебное значеніе. Это повело къ происхожденію пользовавшихся славой «ефесскихъ писаній», которыми алчное шарлатанство съ избыткомъ надбѣляло жаждущее суевѣріе. Среди нихъ были слова: *аскіонъ, катаскіонъ, ликсъ, тетрасъ, дамнаменеусъ, эсіа*¹²³⁴, которыя по смыслу и дѣйствию были почти одинаковы съ *daries, derdaries, astataries, ista, pista, sista*, считавшимися Какономъ Старшимъ лучшимъ цѣлебнымъ средствомъ отъ вывиха¹²³⁵, или *шаврири, ерири, ирири, рири, ири, ри*, произносимыми съ пристукиваніемъ по крышкѣ кувшина, что у раввиновъ считалось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для изгнанія бѣса слѣпоты¹²³⁶.

Рассказы, которые вездѣ встрѣчены были бы съ насмѣшкой, въ Ефесѣ находили полную и охотную вѣру. Вѣроятно около времени посѣщенія этого города ап. Павломъ онъ былъ посѣщенъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ, и здѣсь именно жизнеописатель его Филостратъ выводитъ на сцену нѣкоторые изъ его подвиговъ. Одинъ изъ нихъ тѣмъ болѣе интересенъ, что совершонъ

быть въ томъ самомъ театрѣ, отъ вступленія въ который едва уговорили ап. Павла, хотя ему грозила опасность быть разорваннымъ на куски. Во время посѣщенія Ефеса Аполлоніемъ Тіанскимъ тамъ свирѣпствовала эпидемія и вслѣдствіе этого онъ пригласилъ народъ на собраніе въ театрѣ. Когда народъ собрался, то онъ всталъ и указалъ имъ на дряхлаго и жалкаго старика, который будто бы и былъ причиной свирѣпствовавшей чумы. Народъ тотчасъ же схватился за камни и, несмотря на протесты несчастнаго старика, убилъ его до смерти. Когда

Разрушенная арка въ Ефесѣ.

потомъ откопали подъ камнями злополучную жертву, то тамъ оказался трупъ молосской собаки, въ которую преобразился демонъ¹²³⁷, и на этомъ мѣстѣ ефесяне воздвигли статую Геракла Анотрпейскаго! Филостратъ писалъ свое баснословное жизнеописаніе не раньше 218 г. по Р. Х., и его героя Аполлонія новѣйшіе невѣры пытались выставить даже въ нѣкоторомъ родѣ языческимъ соперникомъ Іисуса евангелій. Пусть однако же всякій прочтаетъ это жалкое произведеніе и посудитъ самъ! Языческій софистъ, при всемъ своемъ высокоумномъ образованіи и до раздражительности перетонченной изысканности рѣчи, изобилуетъ анекдотами, которые показались бы до жалости глупыми, если бы они

были переданы необразованными рыбаками галилейскими, не смотря на то, что они были чужды всякой культуры и писали на полтора столѣтія раньше.

Съ другой, еще болѣе мрачной стороны, рисуется Ефесъ этого времени въ письмѣ псевдо-Гераклита. Какой-то образованный и умный іудей¹²³⁸⁾, принявъ псевдонимъ великаго древняго философа, написалъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ объясняетъ причину, почему его называютъ «плачущимъ философомъ», и почему его никогда не видѣли смѣющимся. Въ нихъ онъ вполне оправдываетъ традиціонное замѣчаніе, что все населеніе Ефеса заслуживало бы того, чтобы все его задушить до послѣдняго человѣка. Тутъ онъ спрашиваетъ, какимъ же образомъ, не смотря на крайнее развращеніе, городъ находится въ цвѣтущемъ состояніи, и совершенно въ духѣ ветхаго завѣта онъ видитъ въ этомъ благосостояніи иронию и проклятіе неба. Что касается Артемиды и ея культа, то онъ не находитъ словъ для выраженія своего презрѣнія къ нимъ. Сумракъ ея святилища есть символъ нечестія, что ненавидитъ свѣтъ. Онъ предполагаетъ, что статуя ея «каменная» въ томъ презрительномъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется у Гомера, то есть глупая и грубая. Онъ осмѣиваетъ стоящую вверхъ дномъ пирамиду, на которой стоитъ она. Онъ говоритъ, что смертные, благоденствующіе подъ ея покровительствомъ, хуже скотовъ, въ виду того, что даже собаки не уродуютъ одна другую, между тѣмъ какъ ея мегабизъ долженъ быть изуродованъ, такъ какъ богиня слишкомъ скромна, чтобы позволить служить у себя здоровому мужчине. Но вмѣсто восхваленія ея скромности, жрецы ея должны бы проклинать ее за распутство, вслѣдствіе котораго было небезопасно иначе приближаться къ ней и которое такъ дорого стоило имъ. Что касается оргій, факельныхъ торжествъ и древнихъ церемоній, то онъ только и можетъ сказать о нихъ, что все это—покрывало для всякой мерзости. Все это сдѣлало его одинокимъ человѣкомъ. Вотъ почему онъ не могъ смѣяться. Какъ могъ онъ смѣяться, когда онъ слышалъ гвалтъ этихъ безстыдныхъ бродячихъ жрецовъ и былъ свидѣтелемъ всякой невыразимой мерзости, такъ гордо процвѣтавшей вслѣдствіе ихъ развращающаго вліянія, — свидѣтелемъ убійствъ, мотовства, разврата, обжорства и пьянства? И затѣмъ онъ переходитъ къ нравственнымъ и религіознымъ увѣщаніямъ, показывающимъ, что мы имѣемъ предъ собою сочиненіе какого нибудь іудейскаго необращеннаго Аполлоса, который однакоже есть ревностный и краснорѣчивый проповѣдникъ единого Бога и Моисеева закона.

Въ этомъ городѣ ап. Павелъ видѣлъ, что «для него отверста великая и широкая дверь», хотя и «противниковъ много» (1 Кор. хvi, 9). Во время его отсутствія произошелъ случай, который получилъ глубокое значеніе для будущаго. Среди тысячъ народа, привлекавшагося въ Ефесъ по дѣламъ или ради удовольствій и вообще тѣмъ, что называется случайною, былъ одинъ іудей изъ Александріи по имени Аполлоній¹²³⁹⁾ или Аполлосъ, который не только обладалъ образованіемъ, составлявшимъ гордость и славу іудеевъ этого города

въ вѣкъ Филона, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ глубокимъ знаніемъ св. Писанія и особеннымъ даромъ пламеннаго краснорѣчія¹²⁴⁰⁾. Онъ былъ лишь настолько христіанинъ, насколько зналъ и принялъ крещеніе Іоанна; но и при такомъ неполномъ знакомствѣ съ ученіемъ христіанства, онъ однакоже говорилъ и разсуждалъ въ синагогѣ съ такою силою и смѣlostью, что обратилъ на себя вниманіе іудейскихъ дѣлателей палатокъ — Прискиллы и Акилы. Они пригласили его къ себѣ въ домъ и показали ему чисто начаточный характеръ ученія Іоаннова. Быть можетъ слышанные имъ отъ нихъ расказы о коринѣской церкви пробудили въ немъ желаніе посѣтить Ахайю, и они, замѣтивъ, какъ его служеніе могло бы быть полезно среди тонкихъ и развитыхъ грековъ, не только одобрили его желаніе¹²⁴¹⁾, но написали даже для него «рекомендательное письмо»¹²⁴²⁾ къ коринѣскимъ старѣйшинамъ. Въ Коринѣ его краснорѣчіе произвело громадное впечатлѣніе и онъ сдѣлался столпомъ крѣпости для собратій. Онъ настолько воспользовался ученіемъ ап. Павла, какъ оно могло отразиться въ бесѣдахъ съ нимъ Прискиллы и Акилы, что въ своихъ публичныхъ спорахъ съ враждебными іудеями онъ съ непреодолимою силою на основаніи ихъ собственнаго писанія доказывалъ мессіанство Христа и такимъ образомъ былъ сколько пріятель христіанамъ, столько же страшенъ для іудеевъ. Онъ поливалъ то, что насаждалъ ап. Павелъ¹²⁴³⁾.

Ко времени прибытія ап. Павла въ Ефесъ Аполлосъ уже выбылъ въ Коринѣ. Онъ однакоже возвратился сюда до отбытія ап. Павла, и великій апостолъ съ любопытствомъ и интересомъ долженъ былъ смотрѣть на этого пламеннаго и даровитаго обращенца. Въ менѣе возвышенной душѣ могла бы даже шевельнуться зависть къ его дарованіямъ, тѣмъ болѣе, что не смотря на свою меньшую высоту они однакоже своимъ блескомъ производили болѣе непосредственнаго впечатлѣнія, чѣмъ его собственные. Но ап. Павелъ былъ слишкомъ благороденъ духомъ, чтобы допустить въ себѣ хоть малѣйшее проявленіе столь обыкновеннаго, но въ тоже время и столь низкаго чувства. Аполлосъ ненамѣренно подорвалъ преданность къ нему нѣкоторыхъ изъ его коринѣскихъ обращенцевъ; его имя сдѣлалось въ этой беспорядочной общинѣ девизомъ раздѣленія. И однако же ап. Павелъ никогда не говоритъ о немъ безъ теплаго сочувствія и восторга (Тит. iii, 13), и очевидно цѣнилъ высокую и благородную деликатность, которая заставила его отказаться отъ вторичнаго посѣщенія Коринѣа (1 Кор. хvi, 12), не смотря на самыя настойчивыя приглашенія, и это изъ очевиднаго желанія не давать поощренія увлекающимся сторонникамъ, которые старались поставить его въ недостойное соперничество съ неизмѣримо болѣе его великимъ апостоломъ.

Среди огромнаго населенія Ефеса были всевозможныя формы религіознаго вѣрованія, и Аполлосъ былъ не единственнымъ обращенцемъ къ несовершенной и полуразвитой формѣ христіанства. Ап. Павелъ по своему прибытіи нашелъ тамъ странный по своей запоздалости остатокъ религіознаго воззрѣнія въ лицѣ

каких-то двѣнадцати лицъ, которые, подобно Аполлосу и быть можетъ въ связи съ нимъ, были еще учениками Іоанна Крестителя. Хотя и при жизни Спасителя были люди, которые держались своего прежняго учителя до самой его казни, и хотя прежняя слава его проповѣди приобрѣла ему много такихъ послѣдователей, которые и по смерти его продолжали сплоченно жить въ темныхъ сектахъ¹²⁴⁴⁾, но оставаться въ такомъ положеніи можно было только по невѣденію. Ап. Павелъ поэтому обратился къ нимъ съ разспросами, и найдя, что они мало или ничего не знали объ окончательномъ фазисѣ ученія Іоанна или объ откровеніи Христа, не знали даже самаго имени Духа Святаго, онъ преподавалъ имъ дальнѣйшее наставленіе, пока они не сдѣлались способными къ принятію крещенія и не проявили тѣхъ даровъ св. Духа—говоренія языками и пророчества,—которые считались общепринятымъ доказательствомъ полнаго и истиннаго вступленія въ Церковь Христову (см. Евр. vi, 4—6).

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, согласно съ своимъ обычнымъ планомъ, апостолъ былъ постояннымъ посѣтителемъ синагоги и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы посредствомъ назиданія и аргументаціи возвести на степенъ полнаго убѣжденія произведенное имъ на первыхъ порахъ впечатлѣніе. Св. Лука кратко проходить эти обстоятельства, но тамъ навѣрно было не мало ожесточенной борьбы и возбудженныхъ споровъ, прежде чѣмъ іудеи въ концѣ концовъ не только прибѣгли къ рѣшительному отверженію его, но и къ такой яростной враждѣ, что ап. Павелъ еще разъ, какъ и въ Коринѣ, принужденъ былъ выйти изъ ихъ общины. Мы не можемъ вполне представить себѣ той мучительности, которую причиняли ему такіа обстоятельства. Его жизнь была такъ удручена испытаніями, что каждое испытаніе, какъ ни тяжелое само по себѣ, проходило среди массы другихъ еще болѣе мучительныхъ и тяжелыхъ. Но нужно помнить, что ап. Павелъ, будучи и христіаниномъ, все еще считалъ себя истиннымъ израильтяниномъ и на немъ чувствительно отзывалось это невольное отчужденіе отъ религіозной общины своего дѣтства. Можно думать, что во время этой ранней борьбы онъ еще разъ добровольно подчинился признанному авторитету синагоги и понесъ нѣкоторые изъ тѣхъ пяти бичеваній отъ іудеевъ, изъ которыхъ каждое было бы ужаснымъ событіемъ въ обыденной жизни человека.

Пока оппозиція ограничивалась законными средствами, ап. Павелъ охотно присутствовалъ при богослуженіи въ синагогахъ и предлагалъ обычные «мидраши», или пояснительныя поученія на чтенія изъ св. Писанія; но когда іудеи не только отвергли и оклеветали его, но даже стали стараться на каждомъ шагѣ поставятъ ему преграды для миссіонерской дѣятельности среди своихъ сосѣдей—язычниковъ, то онъ увидѣлъ, что настало время вполне выдѣлить своихъ учениковъ изъ среды іудейства¹²⁴⁵⁾, и такъ какъ число ихъ было теперь уже значительно, то онъ нанялъ для нихъ школу Тиранна—какого-то языческаго софиста этого, довольно ходячаго въ то время, имени¹²⁴⁶⁾. Это была одна изъ тѣхъ школъ риторики и

философіи, которые были обычнымъ явленіемъ въ такихъ городахъ какъ Ефесъ, гдѣ было много лицъ, гордившихся преслѣдованіемъ интересовъ чисто умственной и литературной жизни. Это новое мѣсто богослужебнаго собранія дало апостолу возможность видѣть своихъ собратій ежедневно, между тѣмъ какъ въ синагогѣ это было возможно лишь три раза въ недѣлю. Его труды и проповѣдничество не оставались безъ успѣха. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ онъ продолжалъ дѣлать Ефесъ центромъ своей миссіонерской дѣятельности, и такъ какъ слава его про-

Деревня близъ Ефеса.

повѣди начала распространяться повсюду, то онъ несомнѣнно самъ предпринималъ небольшія путешествія по окрестнымъ мѣстамъ, такъ что, по сильному выраженію св. Луки: «все жители Азіи слышали проповѣдь о Господѣ Іисусѣ, какъ іудеи, такъ и елліны»¹²⁴⁷⁾. Въ самомъ Ефесѣ слава о немъ достигла необычайной степени—особенно вслѣдствіе необычайныхъ чудесъ, «которые Богъ творилъ руками Павла»¹²⁴⁸⁾. Самъ онъ ничего не говоритъ объ этомъ—даже намекомъ, и хотя въ своей извѣстной рѣчи ефесскимъ пресвитерамъ¹²⁴⁹⁾ говоритъ имъ о своихъ слезахъ, испытаніяхъ и опасностяхъ всякаго рода, ни словомъ не

упоминает о знаменіяхъ и чудесахъ, на совершеніи которыхъ онъ явно оставивается въ посланіи къ Коринѳянамъ. Хотя ап. Павелъ и вѣровалъ, что Богъ для содѣйствія дѣлу евангелія, далъ ему власть творить чудеса, превосходящія всякую возможность человѣческаго опыта, и въ нихъ смиренно признавалъ дѣло Духа Святаго, снисходившаго къ его вѣрѣ и молитвѣ, но все-таки онъ отнош. не часто пользовался этимъ даромъ и никогда—для своихъ собственныхъ цѣлей, или даже въ болѣзни дорогихъ ему собратіи. Въ Ефесѣ чудотвореніе и употребленіе цѣлительнаго волшебства и всевозможныхъ чаръ было самымъ обычнымъ дѣломъ. Нечего поэтому удивляться, что ефесяне придавали цѣлебную силу даже одеждѣ, принадлежавшей ап. Павлу, его платкамъ и переднику, употреблявшемуся имъ во время занятія своимъ ремесломъ¹²⁵⁰), и ихъ носили для накладыванія на больныхъ и бѣсноватыхъ. Св. Луки въ это время не было съ апостоломъ въ Ефесѣ, и потому онъ не передаетъ никакихъ подробностей; ясно однако, что передававшій ему объ этомъ воздержался отъ заявленія, что все это дѣлалось съ позволенія апостола. Но такъ какъ Ефесъ былъ центромъ всякаго изыскаемаго волшебства и заклинанія, то цѣлебное приложеніе платковъ и опоясаній ап. Павла получило важное значеніе, представляя явное доказательство превосходства христіанской вѣры даже въ твердыя язычества и подготавливая почву для введенія святой религіи въ центръ восточнаго фанатизма и греческаго порока. Тотъ, кто «не слѣдуя Іисусу», былъ однако же способенъ изгонять бѣсовъ именемъ Его, едва ли не былъ прообразомъ и тѣхъ другихъ, которые, хотя и безъ всякаго права, дѣйствуя въ пользу добра, находили въ сопредѣльной области естественнаго и сверхъестественнаго силу, дававшую имъ возможность совершать дѣла, которыя направлялись къ утвержденію и поддержанію истины.

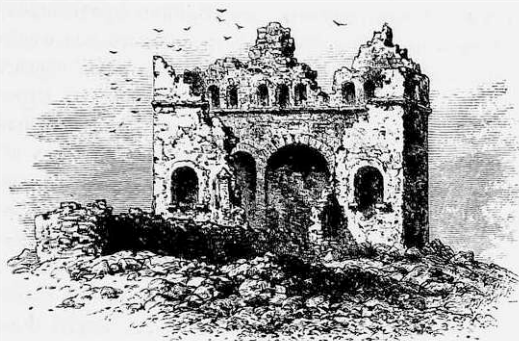
Но чтобы этимъ не дать повода къ ложнымъ и суевѣрнымъ представленіямъ о сущности дѣла, св. Лука сохранилъ рассказъ, заключающій прямой укоръ механическому чудодѣйству. Среди іудеевъ было чрезвычайно распространено искусство заклинаній, и оно часто связывалось съ грубѣйшимъ легковѣріемъ и съ вопіющимъ обманомъ¹²⁵¹). Въ Ефесѣ въ то время были іудейскіе знатный священникъ по имени Скева¹²⁵²), семеро сыновей котораго ходили изъ мѣста въ мѣсто, заявляя о своей силѣ изгонять бѣсовъ. Когда до нихъ дошла слава ап. Павла и они услышали несомнѣнно и объ исцѣленіяхъ, производившихся вслѣдствіе приложенія платковъ его, то сразу же сообразили, что они, присоединивъ его имя къ имени Іисуса, получаютъ способность совершать исцѣленія даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ безсильны были даже «кольцо и корень Соломона»¹²⁵³). Ободренные быть можетъ нѣкоторымъ на первыхъ порахъ успѣхомъ (такъ по крайней мѣрѣ выходитъ изъ разсказа), двое изъ этихъ семи странствующихъ шарлатановъ¹²⁵⁴) посѣтили человѣка, который очевидно страдалъ буйнымъ сумасшествіемъ, но повидимому сохранялъ еще ясное сознаніе въ отношеніи нѣкоторыхъ предметовъ, какъ это часто бываетъ у многихъ умалишенныхъ. Обра-

щаясь къ злымъ духамъ, они воскликнули: «заклинаемъ васъ Іисусомъ, котораго проповѣдуетъ Павелъ». На этотъ разъ однако же заклинаніе потерѣло позорную неудачу. Бѣсноватый съ злою усмѣшкой отвѣтилъ имъ: «Іисуса я знаю¹²⁵⁵), и Павелъ мнѣ извѣстенъ; а вы кто такіе?» и затѣмъ, бросившись на нихъ, съ неимоверною силою изорвалъ на нихъ одежду и нанесъ имъ такіе побои, что они едва вырвались изъ дома—избитые и нагие.

Столь замѣчательное событіе не могло остаться незамѣченнымъ. Оно съ быстротою молніи разнеслось среди болтливыхъ ефесянъ и произвело не мало ужаса и смущенія, и результатомъ этого было одно чрезвычайно благотворное слѣдствіе. Мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, что раннимъ христіанамъ, искупленнымъ изъ язычества, въ грубой ли безнравственности рабскаго положенія или въ утонченной мерзости высшихъ классовъ, нужна была страшная борьба, чтобы при помощи Божіей освободиться отъ рабства прежней грѣховности. Сурово торжественная выразительность частыхъ предостереженій ап. Павла и самые факты, случившіеся въ ранней исторіи Церкви, рѣшительно показываютъ, что къ первымъ обращенцамъ нужно было относиться съ крайнею снисходительностью, и отъ духовныхъ властей ихъ требовалось неуспынное наблюденіе за ними. Произведенный случившеюся съ сыновьями Скевы неспокоемъ переполохъ послужилъ къ обнаруженію поразительнаго факта, что нѣкоторые изъ собратіи, принявъ христіанство, не оставляли однако вѣры въ чародѣйство. Устрашенные въ своей совѣсти, эти тайные грѣшники, прибѣгавшіе къ помощи «цѣлебныхъ искусствъ», въ общемъ собраніи исповѣдывали и открывали дѣла свои. Да и не только обманутые сознавались въ своемъ заблужденіи, сами обманщики признавались въ своихъ темныхъ дѣлахъ и представили рѣшительное доказательство искренности, съ которою они отказывались отъ всякаго шарлатанства въ будущемъ. Они снесли дорогія кабалистическія книги¹²⁵⁶), служившія для нихъ орудіемъ ихъ ремесла, и публично сожгли ихъ. Это было нѣчто въ родѣ Monte della Pietà, воздвигнутой кающимися жителями Флоренціи по увѣщанію Савонаролы; и это тайное чернокнижіе практиковалось въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что цѣнность книгъ, сожженныхъ такимъ образомъ чернокнижниками въ порывѣ покаянія, восходила до пятидесяти тысячъ драхмъ серебра, что по нашему счету составитъ не менѣе 12.500 рублей золотомъ¹²⁵⁷). Этотъ необычайный костеръ, который навѣрно продолжался довольно значительное время¹²⁵⁸), былъ столь поразительнымъ протестомъ противъ господствующаго легковѣрія, что это несомнѣнно было однимъ изъ обстоятельствъ, которыя придали проповѣдничеству ап. Павла столь широкую извѣстность по всей Азіи.

Этимъ маленькимъ рядомъ событій и ограничивается св. Лука въ повѣствованіи о знаменитомъ пребываніи ап. Павла въ Ефесѣ, которое, по собственнымъ словамъ апостола, обнимало періодъ въ три года¹²⁵⁹). Если бы мы не имѣли болѣе никакихъ данныхъ, то можно бы предполагать, что до самаго послѣдняго мятежа

это былъ періодъ почти непрерывнаго успѣха и благополучія. Однако же, какъ мы видимъ изъ посланій ¹²⁶⁰) и изъ рѣчи ап. Павла къ ефесскимъ пресвитерамъ (Дѣян. xx, 18—35), дѣло было далеко не такъ. Правда, это было ревностное, непрестанное, трудолюбивое пастырское служеніе, которое доводило увѣщаніе и поученіе до каждаго отдѣльнаго члена церкви. Но это служеніе въ тоже время сопровождалось потоками слезъ, и хотя вообще увѣщивалось успѣхами, но было временемъ такихъ подавленныхъ испытаній, болѣзни, гоненія и бѣдственности, что по своей скорбности вѣроятно превосходило всякій другой періодъ въ жизни

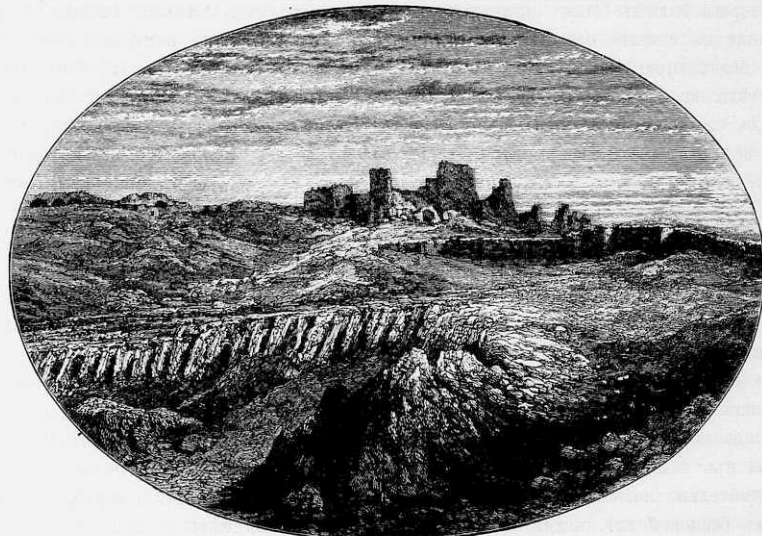

Развалины церкви въ Листрѣ.

апостола. Можно предполагать, что во время этого именно періода испытаны имъ многія изъ тѣхъ опасностей, которыя онъ съ такою пылкою краткостью перечисляетъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ. Онъ не былъ вполнѣ безопасенъ ни отъ іудеевъ, ни отъ язычниковъ, ни отъ номинальныхъ христіанъ. Онъ одинаково терпѣлъ какъ отъ рукъ разбойниковъ, такъ и важныхъ властей; онъ подвергался побіенію камнями отъ грубыхъ провинціаловъ въ Листрѣ, битъ былъ римскими поселенцами въ Филиппахъ, преслѣдуемъ греческою чернью въ Ефесѣ, арестованъ яростными іудеями въ Коринѣ, и терпѣлъ всевозможныя козни и клевету отъ фарисействующихъ іудеевъ изъ Іерусалима. Разбойниковъ онъ могъ встрѣчать и въ окрестностяхъ города (2 Кор. xi, 26), какъ это по преданію впоследствии было съ ев. Іоанномъ, и внутри страны, когда онъ отправлялся для основанія различныхъ церквей ¹²⁶¹). Онъ несомнѣнно подвергался тамъ опасностямъ отъ своихъ собственныхъ соплеменниковъ, потому что онъ напоминаетъ пресвитерамъ Ефеса, что онъ вытерпѣлъ отъ козней іудеевъ ¹²⁶²). Часто долженъ былъ онъ подвергаться опасностямъ и отъ язычниковъ на узкихъ улицахъ города. О его опасностяхъ отъ лжебратій, въ родѣ Фигелла, Гермогена и Александра, можно составить понятіе по тѣмъ клеветническимъ навѣтамъ на его личность и по той междоусобной оппозиціи его ученію, которыя такъ часто огорчали его до глубины души. Опасности въ пустынѣ и на морѣ были неизбѣжнымъ удѣломъ всякаго, кому приходилось предпринимать большія путешествія въ то время, когда мореплаваніе было еще такъ несовершенно и пути сообщенія такъ опасны. Обо всѣхъ этихъ опасностяхъ

онъ писалъ именно вскорѣ послѣ отбытія изъ Ефеса и если, какъ можно думать, онъ предпринималъ болѣе чѣмъ одно путешествіе изъ гавани Ефеса въ различныя мѣста по берегамъ Леванта, то быть можетъ въ это именно время онъ потерпѣлъ то особенно опасное кораблекрушеніе, спасаясь отъ котораго онъ проплавалъ цѣлыя сутки по бурнымъ волнамъ ¹²⁶³). И во все это время, съ трепещущимъ отъ сочувствія, или пылающимъ отъ негодованія сердцемъ (2 Кор. xi, 29), онъ совершалъ обязанности многотруднаго пастырскаго служенія, неся на себѣ безпокойное бремя всѣхъ церквей, изъ которыхъ инныя, подобно церквамъ Коринѳа и Галатіи, при-

онъ писалъ именно вскорѣ послѣ отбытія изъ Ефеса и если, какъ можно думать, онъ предпринималъ болѣе чѣмъ одно путешествіе изъ гавани Ефеса въ различныя мѣста по берегамъ Леванта, то быть можетъ въ это именно время онъ потерпѣлъ то особенно опасное кораблекрушеніе, спасаясь отъ котораго онъ проплавалъ цѣлыя сутки по бурнымъ волнамъ ¹²⁶³). И во все это время, съ трепещущимъ отъ сочувствія, или пылающимъ отъ негодованія сердцемъ (2 Кор. xi, 29), онъ совершалъ обязанности многотруднаго пастырскаго служенія, неся на себѣ безпокойное бремя всѣхъ церквей, изъ которыхъ инныя, подобно церквамъ Коринѳа и Галатіи, при-

Видъ Пергама.

чиняли ему самыя тяжкія страданія. Не было недостатка и въ чисто физическихъ лишеніяхъ и испытаніяхъ. Вѣрный своему правилу—не ѣсть чужаго, ставящаго въ зависимость, хлѣба (Дѣян. xx, 34), онъ неустанно трудился въ Ефесѣ для своего пропитанія, и не только онъ самъ, но даже и Аристархъ и другіе бывшіе съ нимъ собратья; и однако даже всѣ его труды и страданія, всѣ безсонныя ночи, работы и опасности не спасали его отъ холода и наготы, отъ постоянныхъ мукъ голода во время вынужденныхъ или добровольныхъ постовъ ¹²⁶⁴). И въ то время какъ онъ, подобно полководцу на полѣ битвы, зорко наблюдалъ за всѣми слабыми или подвергавшимися опасности пунктами; въ то время какъ сердце его разры-

валось отъ извѣстій о недостаткахъ тѣхъ, за которыхъ онъ готовъ былъ положить свою душу; въ то время какъ новая могущественная и организованная партія вела противъ него враждебную дѣятельность въ тѣхъ самыхъ церквахъ, которыя онъ основалъ съ такимъ трудомъ и опасностями ¹²⁶⁵); въ то время какъ онъ подвергался постояннымъ бичеваніямъ, нападеніямъ черни и оскорбленіямъ, страдая въ то же время отъ частыхъ припадковъ болѣзни и унынія духа; въ то время какъ онъ единолично и велъ борьбу и направлялъ весь ходъ великаго дѣла,—при всемъ этомъ онъ находилъ еще время путешествовать для основанія или утвержденія другихъ церквей и писать, какбы самую кровію своею, письма, которыя должны были приковывать вниманіе тысячъ самыхъ возвышенныхъ умовъ въ теченіе восемнадцати столѣтій послѣ того, какъ самъ онъ уже легъ въ безвѣстную могилу. Изъ нихъ мы видимъ, что во время самаго повидимому успѣха онъ находился среди людскаго безумія, слабости и позора, съ висящимъ надъ его головой смертнымъ приговоромъ; былъ поражаемъ, гонимъ и тревожимъ со всѣхъ сторонъ; безпріютный, терпя голодъ, жажду и недостатокъ въ одеждѣ, онъ былъ поносимъ и злословимъ и какъ соръ для міра былъ попираемъ всѣми (1 Кор. iv, 8—13; 2 Кор. iv, 8, 9). Мало того, онъ былъ какбы на аренѣ съ дикими звѣрями и не только каждый день, но каждый часъ, говоря почеловѣчески, онъ боролся съ дикими звѣрями въ этомъ большомъ, распутномъ городѣ іонійскомъ; каждый день онъ жилъ такъ сказать заживо поборавшей его смертью. Онъ говоритъ, что онъ былъ подобно преступному рабу заклеименъ клеймомъ Господа Иисуса (Гал. vi, 17); что его умерщвляли всякій день (Римл. viii, 36); что онъ былъ «множественно при смерти» (2 Кор. xi, 23); что онъ постоянно носилъ съ собою мертвость распятаго Христа (2 Кор. iv, 10); его жизнь была безконечнымъ умерщвленіемъ, его исторія—надпись на крестѣ. Удивительно ли, если при такихъ бѣдствіяхъ были времена, когда падалъ и его геройскій духъ? Удивительно ли, если онъ говоритъ о слезахъ, трепетѣ и уныніи сердца, о крайнемъ безпокойствѣ, когда, подавляемый выше всякой мѣры и силы, онъ отчаявался въ самой своей жизни (2 Кор. i, 8), въ то же время подвергаясь почти сверхчеловѣческимъ испытаніямъ безъ борьбы и безъ страха? Удивительно ли, если онъ нашелъ себя вынужденнымъ сказать, что если такова вся жизнь въ надеждѣ на Христа, то онъ былъ бы самымъ жалкимъ изъ людей (1 Кор. xv, 19)? И однако же, полагаясь на Спасителя, съ какимъ торжествомъ держался онъ противъ прилива подавляющихъ невгодъ? Во всеоружіи Божию съ какою безобязанностью онъ не переставалъ бросаться въ самый пылъ нескончаемой битвы, въ которой нѣтъ пощады ¹²⁶⁶? Неукротимый духъ! Повергнутый на земь, прикованный подобно плѣннику къ триумфальной колесницѣ своего Господа (2 Кор. ii, 14—16), влачимый какбы изъ города въ городъ въ узахъ и среди оскорбленій (Дѣян. xx, 23), какъ позорное зрѣлище, служа для уличной черни жалкимъ свидѣтелемъ гордаго торжества побѣдителя, — онъ всетаки благодарить Бога, что онъ такой именно плѣнникъ. и

величается своими невздами и немощами. Несравненный и геройскій духъ! Много святыхъ Божіихъ трудились, страдали, путешествовали, проповѣдывали, были злословимы, гонимы, заключаемы въ темницы и мучимы за дѣло Христово. Они величаво вздымаются надъ грубымъ стадомъ себялюбивыхъ и ищущихъ благъ жизни людей; но даже всѣ труды нѣкоторыхъ изъ величайшихъ изъ нихъ вмѣстѣ, всѣ ихъ страданія взятые вмѣстѣ не были равны трудамъ и страданіямъ ап. Павла, и только очень немногіе были тѣмъ, чѣмъ былъ онъ — великимъ, самобытнымъ мыслителемъ, равно какъ и преданнѣйшимъ практическимъ труженикомъ для дѣла своего Господа.

Но изъ этого періода мы знаемъ изъ Дѣяній Апостольскихъ только объ одномъ заключительномъ событіи ¹²⁶⁷), и сомнительно даже, изображено ли оно для насъ хоть въ половину столь ужасными красками, какъ оно было въ дѣйствительности. Достоверно то, что нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ нами невгодъ должны быть отнесены къ этой завершающей опасности, и что при всей его привычности къ ежедневнымъ опасностямъ въ самыхъ худшихъ ихъ формахъ эта особенная опасность и сопровождавшія ее обстоятельства, которыя скорѣе мелькомъ указываются, чѣмъ подробно излагаются въ повѣствованіи, произвели самое сильное впечатлѣніе на душу апостола.

По истеченіи около двухъ лѣтъ, онъ, при своей неуспынной ревности, почувствовалъ, что ему невозможно было долѣе оставаться въ школѣ Тиранна. Онъ составилъ планъ отправиться изъ Ефеса послѣ пятидесятиницы, еще разъ посѣтить церкви Македоніи и Ахаіи, основанныя имъ во время втораго путешествія, и отплыть изъ Коринѳа для пятаго посѣщенія Іерусалима, послѣ котораго уже онъ надѣялся увидѣть и Римъ, великую столицу цивилизованнаго міра. Сопоразно съ этимъ планомъ онъ уже отправилъ двухъ изъ своихъ сотрудниковъ, Тимофея и Ераста, въ Македонію съ повѣніемъ имъ присоединиться опять къ нему въ Коринѳъ. Ерастъ ¹²⁶⁸)—если только это казначей города—былъ человѣкомъ вліятельнымъ и потому лучше всего могъ позаботиться какъ о приготовленіяхъ къ приему апостола, такъ и о приведеніи въ исполненіе еженедѣльныхъ сборовъ, которыми въ это время сильно интересовался апостолъ Павелъ. Посѣщеніе Іерусалима дѣлалось необходимымъ для доставленія бѣдствующимъ христіанамъ этого города милостыни, которую онъ теперь собиралъ среди языческихъ церквей и которую естественно желалъ доставить лично, какъ возможно лучшій знакъ прощенія и братства, представителямъ недружелюбной къ нему общины. Не таковъ впрочемъ былъ его первоначальный планъ (2 Кор. i, 16—23). Онъ первоначально намѣревался и даже объявилъ о своемъ намѣреніи въ недошедшемъ до насъ письмѣ ¹²⁶⁹) отплыть изъ Ефеса прямо въ Коринѳъ, пройти оттуда сухимъ путемъ къ церквамъ Македоніи, оттуда вновь отплыть въ Коринѳъ и такимъ образомъ еще разъ отправиться моремъ изъ Коринѳа въ Іерусалимъ. Всѣскія основанія, какъ надо думать, заставили отказаться отъ этого плана. Худыя извѣстія

касательно состоянія Коринфской церкви, послуженны имъ отъ рабовъ Хлои, заставили его написать его первое пространное посланіе къ Коринфянамъ, въ которомъ онъ молча оставляеть свое первоначальное намѣреніе, но посылаетъ Тита и съ нимъ «брата» для улаженія по возможности возникшихъ среди нихъ грубыхъ безпорядковъ (1 Кор. xvi, 5—7). Вѣроятно въ это же самое время онъ послалъ извѣстіе къ Тимосею, не будучи увѣренъ однако же—дойдетъ ли оно къ нему въ время, — чтобы онъ не ходилъ въ Коринѣ, но или возвратился къ нему, или ожидать его въ Македоніи. Первое посланіе къ Коринфянамъ было написано около праздника пасхи—въ апрѣлѣ, и вѣроятно въ слѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ совершилось событіе, которое въ самый послѣдній моментъ сдѣлало опаснымъ его дальнѣйшее пребываніе въ Ефесѣ и ускорило его отбытіе изъ него.

Былъ мѣсяцъ май, и повидимому ничто уже не грозило мирному окончанію сопряженнаго съ столькими тревоженіями служенія. Но мѣсяцъ этотъ былъ специально посвященъ богинѣ Ефеса и назывался по ея имени—Артемидинымъ¹²⁷⁰). Въ теченіе этого мѣсяца происходила большая ярмарка, называвшаяся Ефесія, которая привлекала огромную массу народа со всѣхъ концовъ Азіи, и сопровождалась чрезвычайнымъ блескомъ и шумнымъ разгуломъ. Дѣлалось почти то же, что и на большихъ христіанскихъ празднествахъ въ средніе вѣка—съ ихъ мальчиками-епископами и безпутными аббатами. Боги были олицетворяемы избравшимися представителями, которые въ теченіе цѣлаго мѣсяца пользовались притворно комическимъ поклоненіемъ. Какой нибудь Алитархъ изображалъ Зевса, Грамматей игралъ роль Аполлона, Амфиалъ олицетворялъ Гермеса, и въ безчисленныхъ процессіяхъ, съ церемоніями и жертвоприношеніями, они проходили по улицамъ; ихъ ставили на возвышенность въ публичныхъ мѣстахъ, одѣвали въ бѣлыя или золототканья одежды и увѣнчивали коронами, осыпанными жемчугомъ и драгоценными камнями. Театръ и арена переполнялись праздничными толпами—слушать музыкальныя состязанія, любоваться конными бѣгами и атлетическимъ молодечествомъ, или съ трепетомъ болѣе жестокаго чувства смотрѣть на ужасающую борьбу людей со звѣрами. Огромные расходы по этимъ продолжительнымъ празднествамъ и пышнымъ зрѣлищамъ всецѣло неслись коллегией десяти азіарховъ, которые такимъ образомъ исполняли то же назначеніе, какъ и *Singule Aediles* въ Римѣ. Это были высокочинные люди, ежегодно выбиравшіеся изъ богатѣйшихъ гражданъ главныхъ городовъ Азіи, и на нихъ лежала обязанность управлять играми и увеселеніями и наблюдать за порядкомъ въ театрѣ. Тяжелое денежное бремя этой должности окупалось почетными привилегіями и общественными отличіями. Имена ихъ чеканились на монетахъ и заносились въ общественныя надписи, а гирлянды и пурпурныя одежды, которыми они отличались во все продолженіе праздника, были внѣшними знаками народной признательности¹²⁷¹).

Въ теченіе священнаго мѣсяца городъ стономъ стоналъ отъ всякаго рода

ликованій; веселыя процессіи постоянно шествовали къ знаменитому храму; пьянство и разгулъ разливались все шире; даже въ мягкую весеннюю ночь агора кишѣла оживленными толпами празднотцевъ и кутиль¹²⁷²). Въ такое время

Ефесъ съ видомъ башни, такъ называемой
темницы ап. Павла.

было неизбежно особенное огульное фанатизма, и нѣтъ ничего

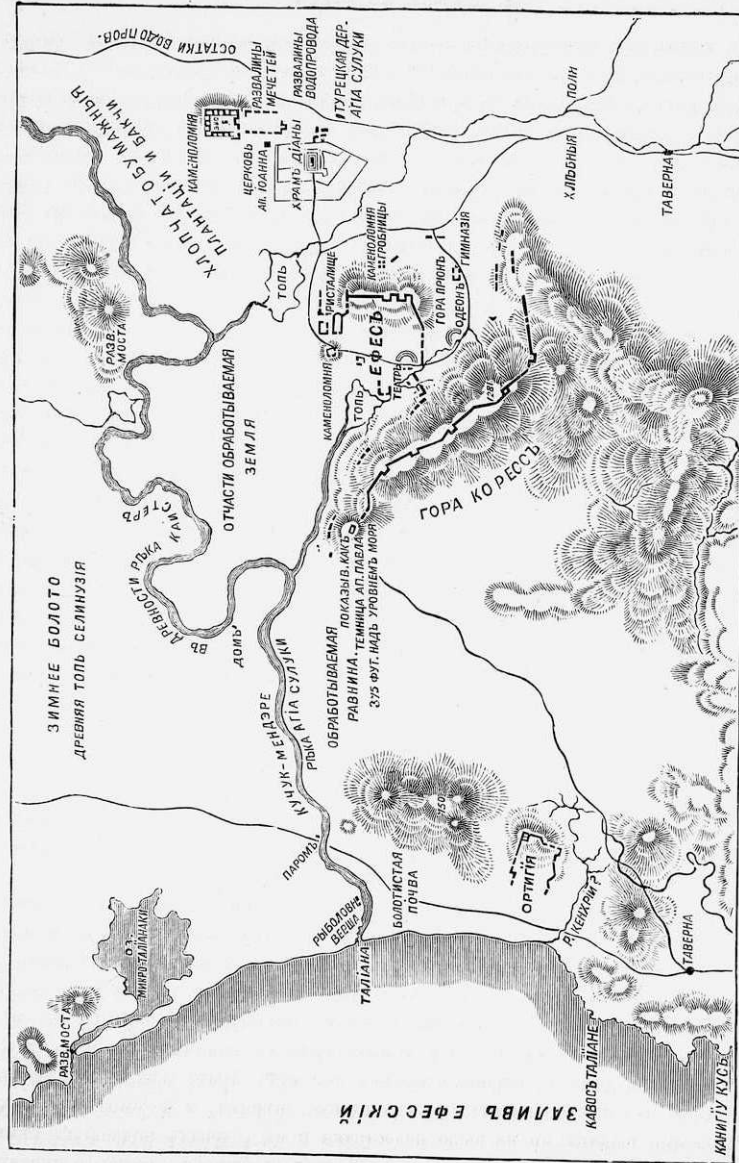
невѣроятнаго, что безстыдная и распутная чернь, подстрекаемая евнухами-жрецами и іеродулами Артемиды, избрала предметомъ своихъ оскорбленій маленькую общину, собиравшуюся въ школѣ Тиранна, и ея всѣмъ извѣстнаго учителя. Въ этомъ году замѣчалось видимое уменьшеніе безшабашнаго разгула во время Артемидина

мѣсяца, и причина этого упадка была вполне извѣстна¹²⁷³). Не только въ Ефесѣ, но и во всѣхъ главныхъ городахъ проконсульской Азіи былъ возбужденъ глубокий интересъ проповѣдничествомъ нѣкоего Павла, который въ самой столицѣ идолопоклонства, какъ извѣстно, спокойно проповѣдывалъ, что тѣ, кои сдѣланы

человѣческими руками, совѣтъ не боги. Много народа склонилось къ принятію этой проповѣди; еще болѣе было такихъ, которые по крайней мѣрѣ подъ влияніемъ ея стали равнодушно относиться къ безсмысленной обрядности и причитаніямъ, и даже къ храмамъ и идоламъ. Слѣдствіемъ этого было то, что въ Ефесѣ «произошелъ не малый мятежъ противъ пути Господня». Павелъ и его проповѣдь, «братья» и ихъ собранія—были у всѣхъ на языкѣ, и не мало роняющихъ проклятій производилось противъ нихъ мегабизомъ и мелиссами, а также и сотнями приживалокъ, собирающихся вокругъ всякаго большого учрежденія. Наконецъ это художническое озлобленіе прорвалось наружу. Болѣе всего убытковъ понесъ отъ уменьшенія благоговѣнія къ богинѣ и ея святилищу нѣкій серебряныхъ дѣлъ мастеръ, по имени Димитрій, который продавалъ поклонникамъ маленькія серебряныя модели храма и изображенія въ память посѣщенія ими Ефеса¹²⁷⁴) и его храма. Они были похожи на маленькія алебастровыя или серебряныя копія Лоретто и другихъ знаменитыхъ зданій Италіи; да и не только въ Ефесѣ, но и въ каждомъ знаменитомъ центрѣ языческаго культа спросъ на эти вещи вызывалъ большое предложеніе ихъ со стороны промышленниковъ. Димитрій нашелъ, что его промышленность начинаетъ подрываться, и такъ какъ измощенная толпа священныя рабовъ и музыкантовъ не осмѣливалась вступиться за культъ, который питалъ ихъ преступную праздность, онъ рѣшился самъ, насколько это было возможно для него, остановить это грозящее ему бѣдствіе. Созвавъ на собраніе всѣхъ художниковъ и простыхъ рабочихъ, занимавшихся этимъ ремесломъ¹²⁷⁵), онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой сначала возбудилъ ихъ страсти предостереженіемъ о грозящемъ имъ разореніи (см. Дѣян. хvi, 19), и затѣмъ взывалъ къ ихъ дремлющему фанатизму объ отмщеніи за оскорбленное величіе ихъ храма и упадающее великолѣпіе богини, которую боготворила вся Азія и весь міръ¹²⁷⁶). Рѣчь эта была какбы искрой для горячаго матеріала. Интересы ихъ страдали¹²⁷⁷) и суевѣріе ихъ подвергалось опасности; а ярость, которая могла встрѣтить лишь презрѣніе, если бы возникала только изъ матеріальной алчности, принимала болѣе почтенный видъ, когда прикрывалась плащомъ религіозной ревности. Отвѣтомъ на рѣчь Димитрія былъ единодушный кликъ—девизъ Ефеса: «велика Артемида Ефесская»! Такое большое собраніе ремесленниковъ произвело много возбужденія въ городѣ. Толпы народа стекались отовсюду—изъ каждаго портика, съ агоры, гимназіи и улицъ. Весь городъ повергся въ состояніе мятежа, и народъ устремился въ іудейскій кварталъ и къ мастерской Акилы. Чтò собственно произошло тамъ, объ этомъ мы не имѣемъ подробностей, кромѣ того, что жизнь апостола была въ величайшей опасности. Чернь однако же обманулась въ своей добычѣ. Ап. Павла, какъ при подобной же опасности въ Фессалоникѣ, или не было дома въ это время, или онъ удачно скрытъ былъ Прискиллою и ея мужемъ, которые сами подвергались опасности быть убитыми при своихъ усиліяхъ защитить его (Рим. хvi, 4). Такъ какъ однако же мятежники

не могли найти главнаго предмета своихъ розысковъ, то они схватили двоихъ изъ его спутниковъ, Гаія македонянина¹²⁷⁸) и преданнаго ему Аристарха¹²⁷⁹). Захвативъ этихъ двухъ лицъ, толпа съ дикостью устремилась въ обширное помѣщеніе театра¹²⁸⁰), который всегда стоялъ открытымъ и еще видимыя развалины котораго—«развалины грандіознаго вида»—показываютъ, что это былъ одинъ изъ величайшихъ театровъ въ мірѣ и могъ вмѣщать до 30,000 зрителей¹²⁸¹). Ап. Павелъ, гдѣ бы онъ ни былъ спрятанъ, находился въ положеніи, дававшемъ ему возможность сноситься съ своими учениками. Крайне беспокоясь за неизвѣстную судьбу своихъ сотоварищей, онъ хотѣлъ прямо идти въ театръ и тамъ обратиться съ рѣчью къ мятежникамъ. Быть можетъ нѣтъ болѣе великаго мужества чѣмъ то, которое требуется отъ человѣка, который, въ виду грозящей опасности быть разорваннымъ на куски, осмѣливается выступить лицомъ къ лицу съ оскорбленіями и яростью дико-озлобленной толпы. Но силы и духъ ап. Павла всегда поднимались на высоту великихъ событій, и хотя онъ былъ такъ чувствителенъ, что не могъ писать суроваго письма безъ потоковъ слезъ, и такъ немощенъ, что едва могъ выносить одиночество даже въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ былъ исполнѣ способенъ на этотъ въ высшей степени геройскій подвигъ. Онъ всегда хотѣлъ стоять впереди всѣхъ въ битвѣ за дѣло своего Учителя. Но его друзья лучше офѣнивали величіе опасности. Гаій и Аристархъ занимали слишкомъ соподчиненное положеніе, чтобы дѣлаться козлами отпущенія для мщенія толпы; но они были увѣрены, что простое появленіе этой согбенной фигуры съ истомленнымъ и измощеннымъ лицомъ, которая была такъ хорошо извѣстна во многихъ городахъ Азіи, было бы немедленнымъ сигналомъ для ужаснаго кровопролитія. Ихъ противофѣйствіе нашло подтвержденіе въ дружественномъ сообщеніи отъ нѣкоторыхъ азіарховъ¹²⁸²), которые справедливо предполагали возможность геройскаго побужденія, могшаго заставить апостола выступить противъ народной бури. Стараясь предотвратить кровопролитіе и спасти жизнь того, дарованія и величіемъ котораго они привыкли восторгаться, и исполнѣ зная воспламенимость ефесской черни, они послали ап. Павлу рѣшительное предостереженіе—не показываться въ театръ.

Мятежъ между тѣмъ мало-по-малу улегся, ограничившись простымъ шумомъ. Рабочіе, правда, захватили Гаія и Аристарха; но такъ какъ толпа не нуждалась въ этихъ жалкихъ грекахъ, самый видъ которыхъ не показывалъ ихъ связи съ христ. общиной, считавшейся вообще просто іудейскою сектой, то они и не знали, что имъ дѣлать съ ними. Большинство въ этомъ смѣшенномъ собраніи, не имѣя возможности разобраться въ противорѣчивыхъ крикахъ, поднимавшихся со всѣхъ сторонъ, не знали даже хорошенько, зачѣмъ они тутъ. Быть можетъ они смутно догадывались, что кого-то хотятъ бросить дикимъ звѣрямъ, и несомнѣнно между разнообразными выкриками не было недостатка и въ голосахъ подобныхъ тѣмъ, которыми нѣсколько лѣтъ спустя оглашался театръ въ Смирнѣ—во время мучени-

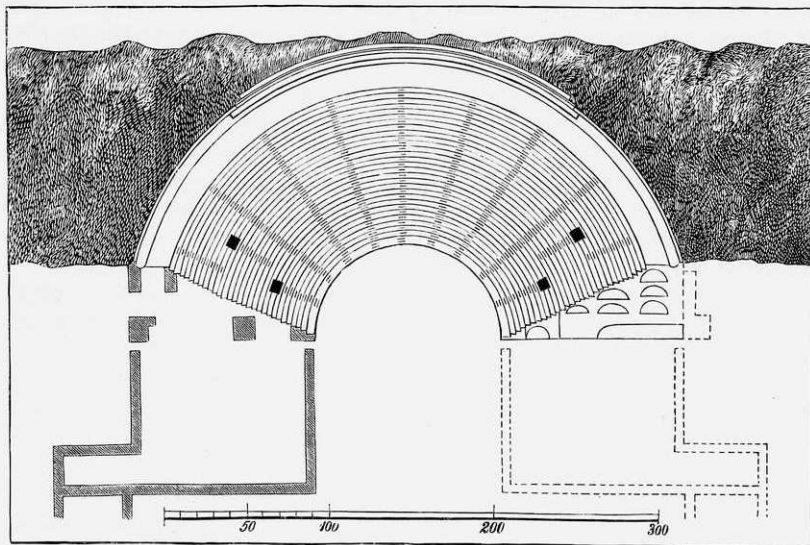
Планъ Ефеса.

чества св. Поликарпа: «Павла на съѣденіе лвамъ»! «Христіанъ отдать лвамъ»¹²⁸³! Одно только вообще было извѣстно всѣмъ, что именно люди, послужившіе причиной возмущенія, были іудейскаго происхожденія, а греческая чернь никогда не прочь была выразить свою крайнюю ненависть къ іудейскому народу. Іудеи, съ другой стороны, считали крайне обиднымъ, что имъ, такъ долго жившимъ рядомъ съ ефесянами въ совершенно дружелюбныхъ торговыхъ отношеніяхъ, приходилось переносить непопулярность ради секты, которую они такъ же ненавидѣли, какъ только могли ненавидѣть ее и греки. Они старались объяснить грекамъ и римлянамъ, чего тѣ никакъ не могли постигнуть сами, что іудеи отнюдь не христіане, хотя христіане и могли быть іудеями. Вслѣдствіе этого они обратились съ просьбою къ нѣкому Александру, чтобы онъ заступился за нихъ и объяснилъ въ чемъ дѣло. Этотъ человѣкъ вѣроятно былъ мѣдникъ, который вполнѣ справедливо много также зла сдѣлалъ ап. Павлу и который по сродству ремесла съ нѣкоторою вѣроятностью могъ бы повліять на Димитрія и его рабочихъ. Эта попытка свалить всю народную ненависть на христіанъ потерпѣла полную неудачу. Александру удалось кое-какъ пробраться впередъ, гдѣ онъ и выступилъ передъ чернью съ поднятой рукой, пытаясь обратить вниманіе толпы на свою рѣчь. Но лишь только въ толпѣ разглядѣли хорошо знакомыя черты іудейской фizioноміи, какъ вся народная ненависть вырвалась въ отчаянномъ воплѣ: «велика Артемида Ефесская!»¹²⁸⁴), который переливался изъ устъ въ уста, пока не прогремѣло отдаленное эхо въ скалахъ Пріона и Коресса, и въ этомъ привычномъ и единодушномъ кликѣ утонуло все другое.

Въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ эта пестрая греческая толпа, на подобіе завывающихъ дerviшескихъ, продолжала непрерывно издавать свой безсмысленный вопль¹²⁸⁵). Этимъ временемъ между тѣмъ она уже достаточно утомилась, чтобы дать возможность объясниться. До сихъ поръ власти, опасаясь, чтобы это происшествіе не окончилось пробужденіемъ римской подозрительности и не повело къ ограниченію ихъ привилегій, тщетно старались остановить потокъ возбужденія; но теперь, воспользовавшись минутнымъ затишьемъ, блюстителю порядка—комическому ли то чиновнику, выбиравшемуся сенатомъ и народомъ на время артемидина праздника, или, что болѣе вѣроятно, постоянному городскому должностному человѣку—удалось возстановить порядокъ¹²⁸⁶). Это было тѣмъ легче ему, что человѣкъ, умѣвшій сказать такую искусную и умную рѣчь, едва ли не могъ не внушать къ себѣ уваженія, возвышавшагося достоинствомъ самаго положенія. «Ефесяне! воскликнулъ онъ: какой человѣкъ не знаетъ, что Ефесъ есть служитель¹²⁸⁷) великой богини Артемиды и Діонета? Если же въ этомъ нѣтъ спора, то надобно вамъ быть спокойными, и не поступать опрометчиво¹²⁸⁸) А вы привели этихъ мужей, которые ни храма Артемиды не обокрали¹²⁸⁹), ни богини вашей не хулили¹²⁹⁰). Если же Димитрій и другіе съ нимъ художники имѣютъ жалобу на когонибудь; то есть судебныя собранія¹²⁹¹), и есть проконсулы¹²⁹²): пусть жалуются

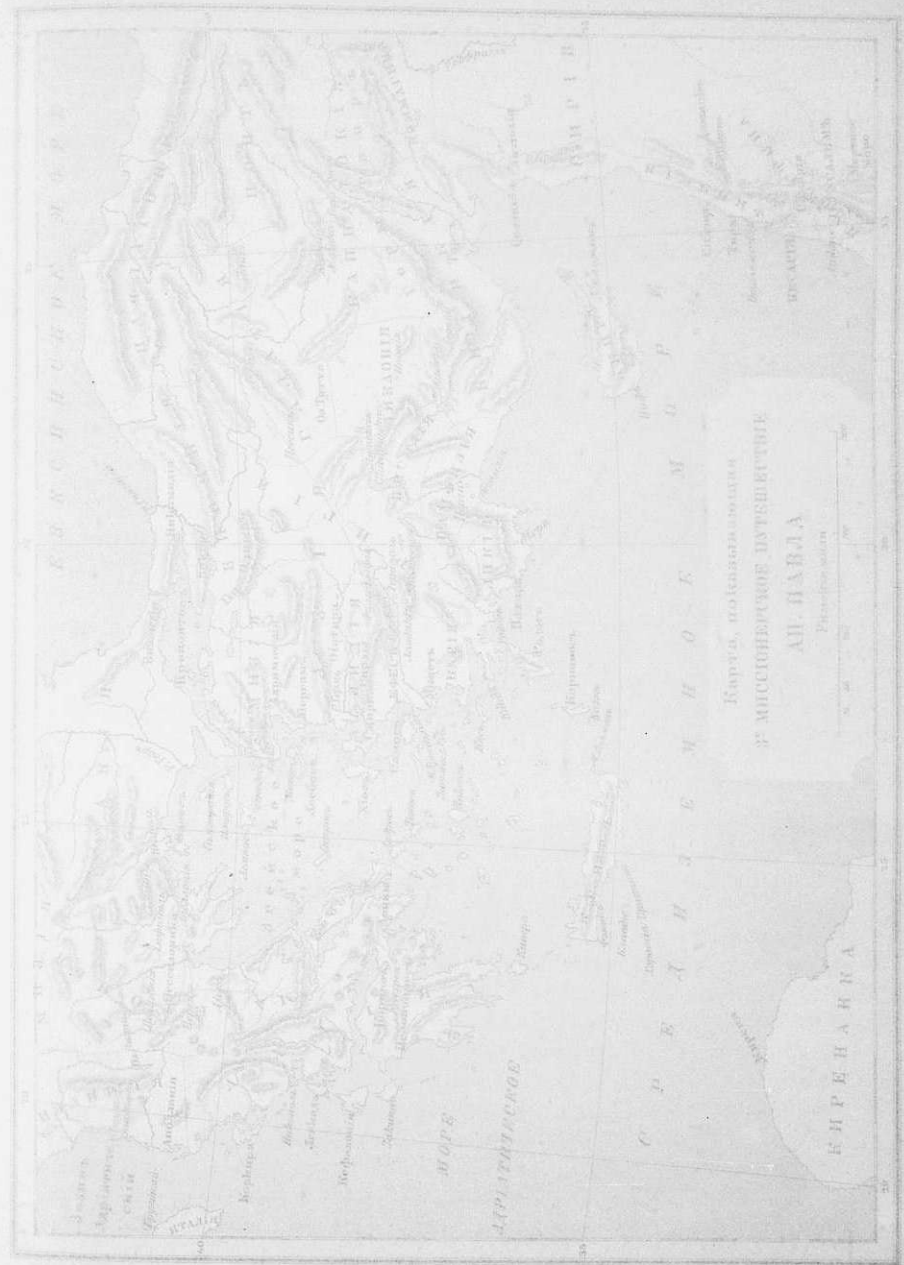
другъ на друга. А если вы ищете чего-нибудь другаго, то это будетъ рѣшено въ другомъ собраніи ¹²⁹⁸). Ибо мы находимся въ опасности за происшедшее нынѣ быть обвиненными въ возмущеніи, такъ какъ нѣтъ никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище».

Рѣчь эта сразу произвела поразительное дѣйствіе. Смятеніе прекратилось. Умная рѣчь этого всѣми уважаемаго человѣка заставила толпу раскаяться въ своемъ неразумномъ мятежѣ, и испугаться его возможныхъ послѣдствій, какъ это намекнулъ блюститель порядка въ своей рѣчи, попеременно дѣйствовавшій

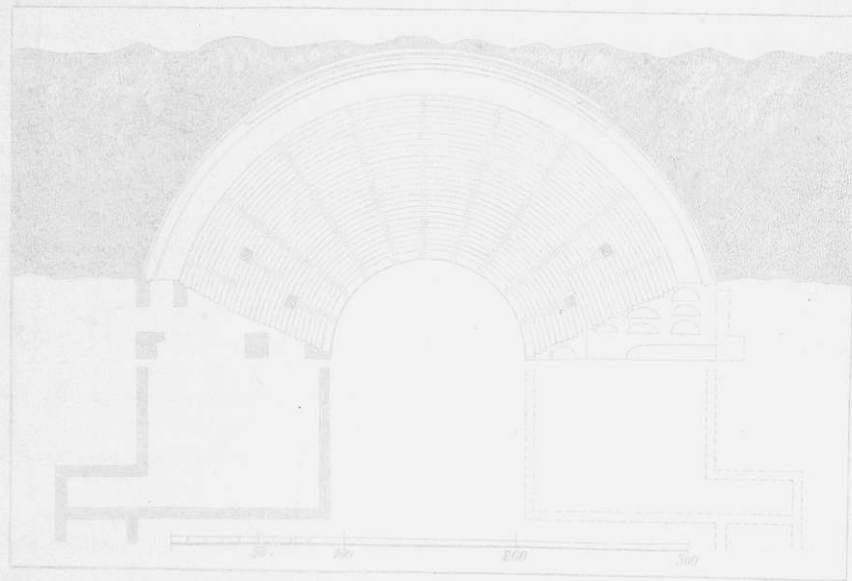
Планъ храма или театра.

лестью, запугиваніемъ, вразумленіемъ и успокоеніемъ. Она живо напомнила имъ, что такъ какъ Азія была сенаторскою, а не императорскою провинціей и управлялась поэтому проконсуломъ съ нѣсколькими чиновниками, а не пропреторомъ съ легиономъ солдатъ, то они сами были отвѣтственны за сохраненіе добраго порядка и навѣрно были бы сочтены виновниками нарушенія спокойствія. День безпорядка могъ на цѣлые годы невыгодно отозваться на ихъ привилегіяхъ. Рѣчь блюстителя порядка есть образецъ обращенія къ народу. Такое смятеніе со стороны ефесянъ было недостойнымъ, такъ какъ величіе ихъ культа не подвергалось никакому оскорбленію; оно не оправдывалось ничѣмъ, такъ какъ

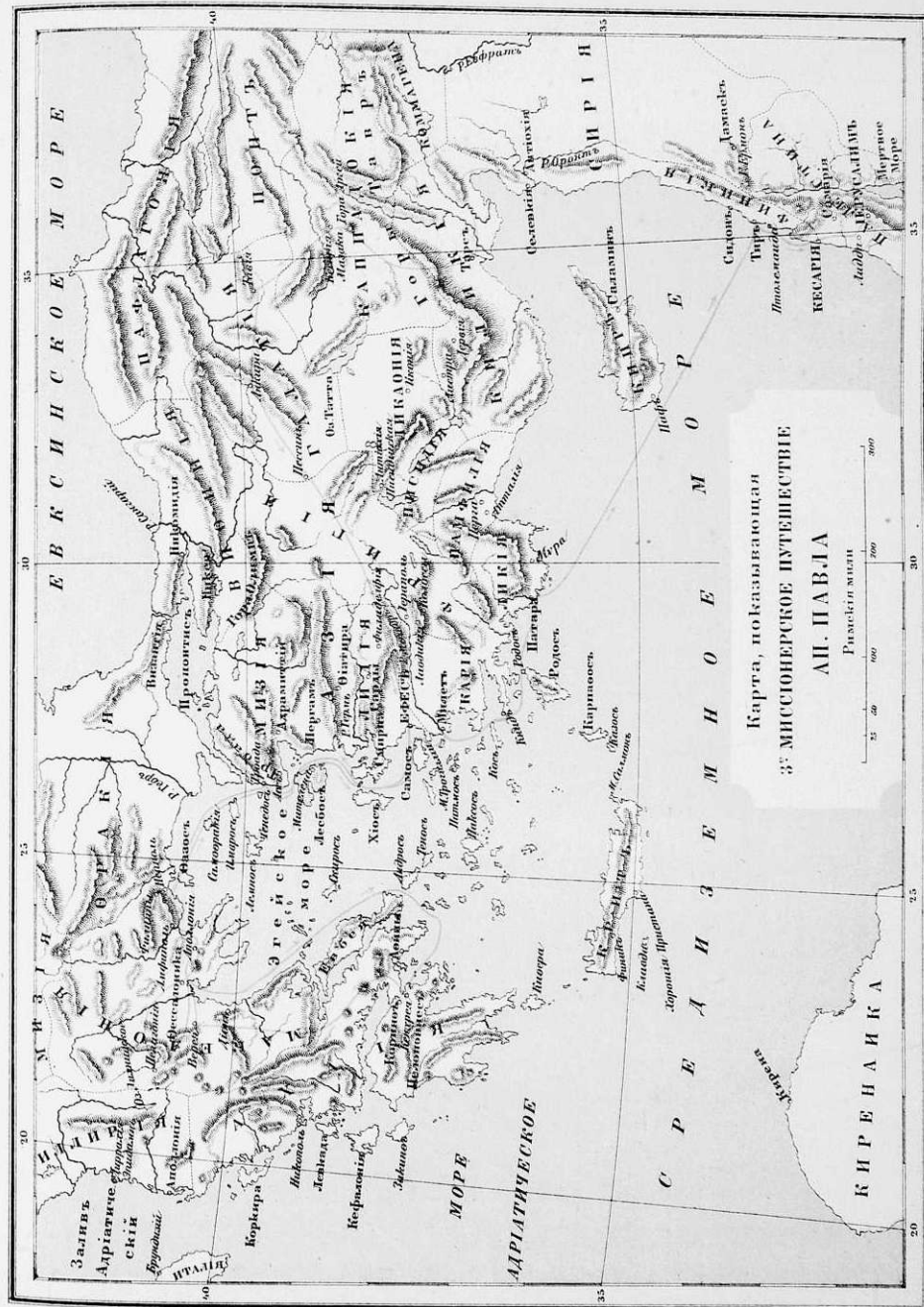
дрота, ни дута. А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет рѣшено въ дѣлѣхъ соборахъ¹⁶³⁾. Ибо мы находимся въ опасости за происшедшее, чтобы быть обвиненными въ возмущеніи, такъ какъ нѣтъ никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое собраніе».

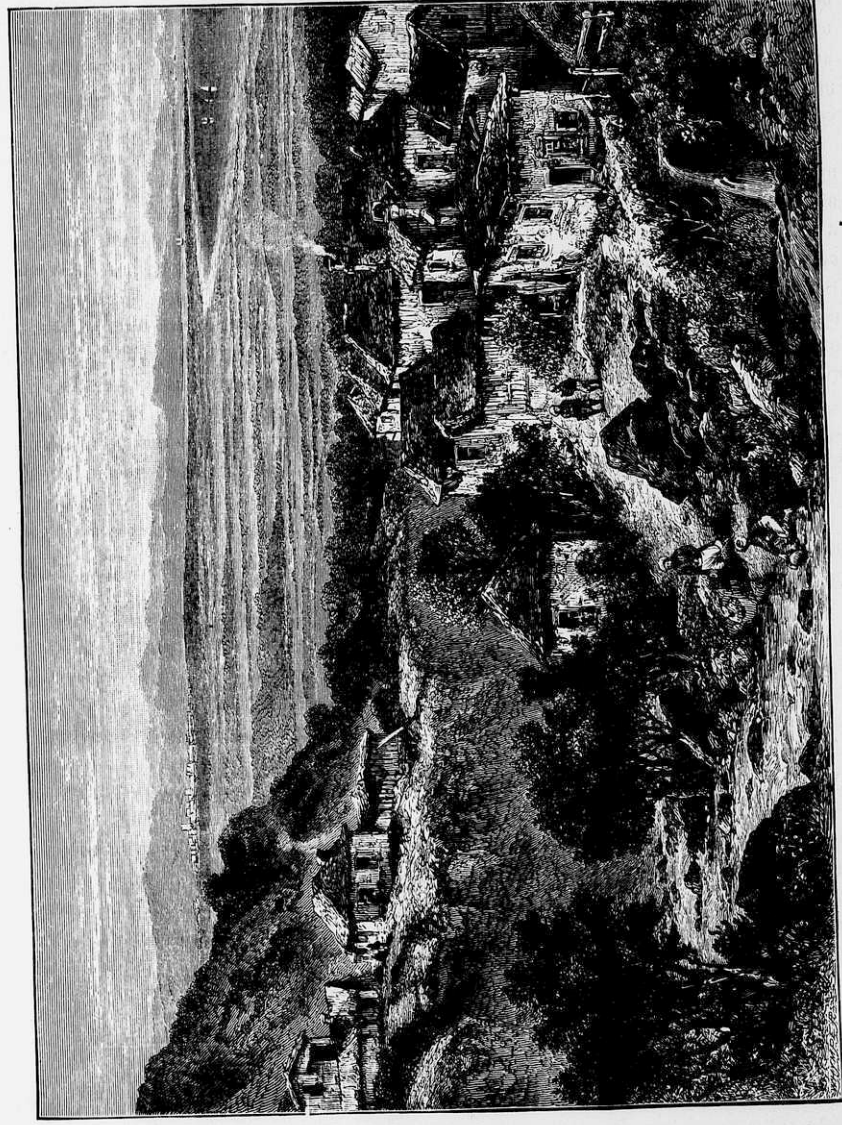
Рѣчь эта сразу произвела поразительное дѣйствіе. Смятеніе прекратилось. Умилъ рѣчь этого всѣми уважаемаго человѣка заставила толпу раскаться въ своемъ неразумномъ мятелѣ, и испугаться его возможныхъ послѣдствій, какъ это намекалъ блестящій порядокъ въ своей рѣчи, попеременно дѣйствовавшій

Планъ храма или театра.

дѣлствомъ, запугиваніемъ, раздраженіемъ и успокоеніемъ. Она живо напомнила имъ, что такъ какъ Азія была сенаторскою, а не императорскою провинціей и управлялась поэтому преимущественно съ нѣсколькими чиновниками, а не префекторомъ съ легіонами солдатъ, то они сами были ответственны за сохраненіе добраго порядка и наизбрно были бы сочтены виновниками нарушенія спокойствія. День безпорядка могъ на Азіяхъ тогда невыгодно отозваться на ихъ привилегіяхъ. Рѣчь блестящаго порозка есть, образецъ обращенія къ народу. Такое смятеніе со стороны ефесцевъ было недостойнымъ, такъ какъ величіе ихъ культа не подвергалось никакому оскорбленію; оно не оправдывалось ничѣмъ, такъ какъ

Видъ береговъ Каріи, съ Милетомъ въ отдаленіи.

нельзя было ничего доказать противъ этихъ лицъ; оно было излишне, такъ какъ подъ рукой были и другія средства для возмездія имъ; наконецъ, если ни гордость, ни справедливость не могли повліять на нихъ, то по крайней мѣрѣ страхъ римлянъ¹²⁹⁴⁾ могъ воздержать ихъ. Народъ крайне устыдился своего поступка и блюститель порядка получилъ возможность распустить его изъ театра.

Однако же, собственно для личности. ап. Павла, опасность едва ли могла прекратиться въ теченіе мѣсяца, праздника котораго были испорчены имъ, и въ городѣ, который, такъ сказать, былъ переполненъ подорванными интересами и оскорбленными суевѣріями. Былъ ли онъ ввергнутъ въ темницу, или вообще каковы были опасности, на которыя онъ намекаетъ потомъ, или какимъ путемъ Богъ избавилъ его «отъ столь близкой смерти» (2 Кор. I, 10), мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ для него стало невозможнымъ осуществить свое намѣреніе пробывать въ Ефесѣ до пятидесятиницы¹²⁹⁵⁾. Все, что намъ сообщается о дальнѣйшихъ событіяхъ, это то, что когда прекратился мятежъ, апостолъ созвалъ своихъ учениковъ и, высказавъ имъ утѣшеніе¹²⁹⁶⁾, простился съ ними — вѣроятно на многіе годы, и быть можетъ на-всегда¹²⁹⁷⁾. Онъ отправился, моремъ или сухимъ путемъ — мы не знаемъ, въ Македонію. Съ Силой онъ окончательно расстался въ Іерусалимѣ. Тимофей, Титъ, Лука, Ерастъ — всѣ находились въ другихъ мѣстахъ; но Гаій и Аристархъ, спасенные отъ своего опаснаго положенія въ театрѣ, были еще съ нимъ, и къ нему еще присоединилось двое ефесянъ — Тихикъ и Трофимъ, которые оставались преданными ему до самаго окончанія его дѣятельности.

Основанная ап. Павломъ въ Ефесѣ церковь сдѣлалась знаменитой христіанской митрополіей, давшей цѣлый рядъ епископовъ, и тамъ четыре столѣтія спустя происходилъ великій вселенскій соборъ, который низложилъ Несторія, еретическаго патріарха константинопольскаго¹²⁹⁸⁾. Но «свѣтильникъ» ея на цѣлыя столѣтія былъ «сдвинутъ съ мѣста» (Откр. II, 5): жалкая магометанская деревня, ближайшая къ мѣстоположенію древняго Ефеса, не имѣетъ ни одного христіанина въ своемъ незначительномъ населеніи¹²⁹⁹⁾. Храмъ его представляетъ сѣрую груду развалинъ; гавань — поросшее камышемъ болото, гдѣ слышатся лишь стоны болотной выпни; лихорадки и забвеніе царствуютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ богатство древней цивилизаціи скопилось среди самыхъ грубыхъ суевѣрій и омерзительнѣйшихъ пороковъ. «Шумный полетъ воронъ, говоритъ новѣйшій путешественникъ, какбы оскорблялъ его безмолвіе; мы слышали выкрики перепела въ предѣлахъ его бывшаго театра и расталища»¹³⁰⁰⁾.

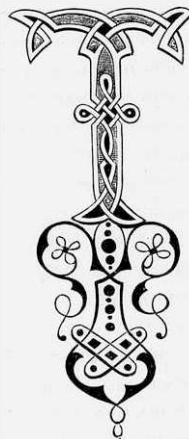

ГЛАВА XXXII.

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ КОРИНОѢ.

Горе мнѣ, если не благовоитъ вамъ.

1 Кор. IX, 16

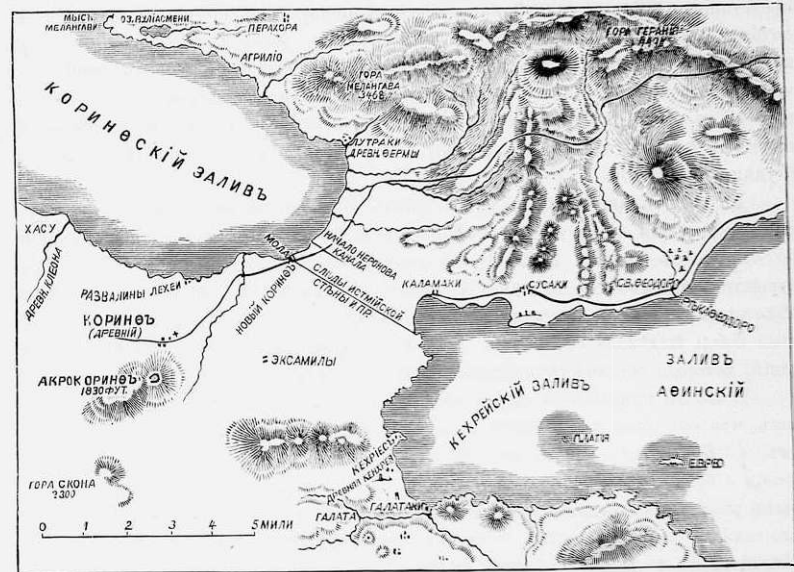

ТРУДНО представить испытанія и безпокойства, которыя удручали жизнь великаго апостола во время его пребыванія въ Ефесѣ, если не принимать во вниманіе всей важности причинъ, заставлявшихъ страдать его вслѣдствіе заблужденій другихъ его обращенцевъ. Первое посланіе къ Коринѣянамъ было написано въ теченіе послѣдней части его трехлѣтняго пребыванія въ іонійской митрополіи¹³⁰¹⁾ и оно раскрываетъ предъ нами состояніе вещей, которое должно было раздирать его сердце. Всякій, кому выпадала тяжелая привилегія чувствовать глубокую личную отвѣтственность за какое нибудь великое и возлюбленное учрежденіе, лучше всего оцѣнить всѣ огорченія, которыя какбы волна за волной пронеслись по морю его житейскихъ невзгодъ, когда онъ время отъ времени получалъ мрачныя извѣстія изъ Галатіи и Коринѣа, показывавшія, какъ успѣшно вражды плевели возрастали среди доброй, посѣянной имъ пшеницы.

Апоплось, по своемъ возвращеніи въ Ефесъ, должно быть рассказать ему нѣсколько очень неблагоприятныхъ подробностей. Теперь ап. Павелъ уже не былъ у коринѣянъ почти три года и они, какъ можно видѣть, ожидали его прибытія къ нимъ съ такимъ нетерпѣніемъ, которое дѣлало ихъ даже несправедливыми по отношенію къ нему. Эта маленькая община, состоявшая изъ обращенцевъ, вышедшихъ большею частью изъ низкаго положенія, а отчасти даже изъ вертеповъ зазорной жизни, изъ рабовъ, и притомъ самаго низшаго разбора, оставлена была имъ среди языческаго міра, который въ Коринѣѣ представлялся подъ самыми веселыми и заманчивыми формами. Привычекъ

жизни нельзя оставить въ одинъ день. Даже тѣ изъ христіанъ, обращеніе которыхъ было наиболее искренно, должны были всетаки вести страшную борьбу противъ двухъ искушеній: искушенія безчестности, которое примѣнялось къ обычнымъ способамъ добыванія средствъ жизни, и искушенія чувственности, которое сплеталось съ самою сущностью языческаго бытія. Съ христіанствомъ въ нихъ пробудилась совѣсть. Грѣхи, которыми они раньше съ такою легкостью предавались, какъ совершенно безразличному дѣлу, теперь требовали напряженного усилія для того, чтобы противоудѣствовать имъ или побѣдить ихъ, и за всякой неудачей, а тѣмъ болѣе при коварной немощи, слѣдовали муки угрызенія совѣсти и позоръ. И когда они вспоминали о сравнительно болѣе веселой и легкой жизни, которую они проводили будучи еще язычниками; когда они ежедневно испытывали, сколько грѣховъ можно было совершать безъ малѣйшаго смущенія; когда они чувствовали, что тяжесть ихъ жизни удвоилась, а тѣ земныя удовольствія, которыми они нѣкогда считали единственнымъ облегченіемъ, стали теперь для нихъ невозможными или преступными, — въ виду всего этого они, будучи еще неспособны представить себѣ великое утѣшеніе христіанской радости и христіанской надежды, чувствовали непреодолимый соблазнъ совѣтъ отпасть въ язычество, или съ жадностью слушать всякаго учителя, ученіе котораго, будучи развито логически, могло содѣйствовать ослабленію строгости ихъ священныя обязанности. Когда съ ними былъ ап. Павелъ, то они находились въ сравнительно безопасномъ положеніи. Непреодолима сила его личнаго вліянія дѣйствовала на нихъ обаятельнымъ образомъ, и при его возвышающемъ присутствіи, при вдохновляющихъ бесѣдахъ, при его ободряющемъ примѣрѣ они находили гораздо легче сбрасывать съ себя все, что было низкаго и преступнаго, потому что имъ тогда было доступнѣе все высшее и святѣйшее. Но когда его такъ долго не было съ ними, когда они ежедневно жили въ большихъ разгульныхъ улицахъ, среди хитрыхъ, многочисленныхъ торговцевъ, видя и слыша все, что могло подавлять духовное стремленіе и поджигать плотскія желанія; когда веселая обыденная жизнь кипѣла кругомъ ихъ, а колесницы Господа были еще далеко, — то едва ли будетъ удивительно, если ихъ христіанское настроеніе начало ослабѣвать. Они были омыты чистой водой крещенія; они питались въ таинствѣ тѣломъ и кровію Христа; но, увы! Коринѣе не былъ небомъ и проза обыденной жизни смѣнила поэзію ихъ первоначальной восторженности, и имъ стало трудно представить себѣ, чтобы эти шумныя улицы могли для нихъ ежедневно оживляться чудесною манной. Ихъ состояніе было подобно раздутью и вѣздуху жены Лота, когда среди страшной бури сѣры и огня она оглянулась на Содомъ съ его плотскими удовольствіями. Неужели имъ нельзя было больше принимать участія въ *сисситіяхъ* по праздничнымъ днямъ? Неужели имъ нельзя принимать участія въ веселой брачной процессіи въ сумерки и слушать веселыя шутки? Неужели имъ нельзя смотрѣть на пляски іеродуловъ при какомъ нибудь великолѣпномъ празднествѣ въ храмахъ Акрокоринѣа? Неужели

вся жизнь должна состоять для нихъ изъ тернистыхъ сомнѣній? Неужели съ этихъ поръ они должны жить лишь въ области странныхъ мечтаній о будущемъ, не смотрѣть на веселыя лица юныхъ божествъ, увѣнчанныхъ гирляндами изъ розы и гіацинта, а взирать только на искаженное лицо Того, Кто былъ украшенъ терновымъ вѣнкомъ? Да, имъ трудно было предпочесть царство Божіе, трудно было помнить, что они теперь избавлены были отъ рабства египетскаго; трудно было при ихъ испорченности дышать здоровымъ и рѣзкимъ воздухомъ чистой пустыни; трудно было отказаться отъ грубаго и близкаго ради нематеріальнаго и далекаго;

Карта Коринѣйскаго перешейка.

трудно не стремиться къ кипящимъ котламъ съ мясомъ и не отвращаться отъ легкой ангельской пищи; трудно отказаться отъ краснаго вина въ блистающей чашѣ ради холодной воды изъ духовнаго источника; трудно поборать и распинать страсти, которыя нѣкогда освящались подъ покровомъ религіи; трудно не считать все эти искушенія непреодолимыми и видѣть путь избавленія, который Богъ указалъ имъ въ отношеніи каждаго изъ нихъ; трудно было радоваться, а не страдать даже до ропота на все эти тягости жизни. А голосъ, который научилъ ихъ дѣламъ Божіимъ, теперь уже давно замолкъ, потому что уже въ теченіе трехъ

лѣтъ они не видѣли апостола, рука котораго указала имъ путь къ небу. Съ нѣкоторыми изъ нихъ было тоже самое, что и съ Израилемъ, когда Моисей находился на Синаѣ: они стали ѣсть, пить и веселиться — въ честь золотого тельца. Многіе, даже очень многіе изъ нихъ, иные впрочемъ со стыдомъ и тайно, а другіе открыто, оправдывая свою измѣну демонскимъ ученіемъ извращенной истины, опять погрузились въ плотскую нечистоту, пьянство, грубое себелюбіе, какъ будто бы они никогда не слышали небеснаго призванія или никогда не принимали вѣчнаго дара.

Обо всемъ этомъ ап. Павелъ могъ узнать и отъ Аполлоса, и поэтому когда представился¹³⁰² ему случай написать имъ письмо (оно потеряно и быть можетъ потому, что было очень коротко и представляло собою дѣловую записку), въ которомъ онъ извѣщалъ коринѣянъ о своемъ предположеніи, вполнѣдствіи впрочемъ оставленномъ, опять посѣтить ихъ съ цѣлію производства благотворительнаго сбора въ пользу бѣдныхъ святыхъ въ Иерусалимѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ этомъ письмѣ кратко, но выразительно, просилъ ихъ не имѣть общенія съ блудниками (1 Кор. х, 1—14).

Но вотъ пришло письмо изъ Коринѣа. Оно однако же не только не выражало сожалѣнія о пагубныхъ безпорядкахъ, въ которые впали члены церкви, но отличалось тономъ полного самодовольства, обнаруживая въ тоже время существованіе многихъ недоумѣній касательно ученія и связанныхъ съ нимъ нѣкоторыхъ практическихъ предметовъ. Самая постановка подобныхъ вопросовъ сама собою выдавала нѣкоторыя изъ нравственныхъ и умственныхъ заблужденій, которыя община такъ неумѣло хотѣла скрыть при писаніи этого письма¹³⁰³.

1. Послѣ привѣтствій ему и отвѣта, сдѣланнаго въ приводимыхъ имъ словахъ, что они «все его помнятъ и держатъ преданіе такъ, какъ онъ передалъ имъ» (1 Кор. xi, 2), они предлагали ему цѣлый рядъ вопросовъ касательно безбрачія и брака, которые очевидно горячо обсуждались въ общинѣ и рѣшались въ очень различныхъ смыслахъ. Какъ смотрѣть на брачную жизнь: не преступна ли она сама по себѣ, и если нѣтъ, то быть можетъ всетаки не желательна? Или если не нежелательна, то всетаки не ниже ли она и не менѣе ли богоугодна, чѣмъ безбрачіе? Что касается лицъ уже находящихся въ брачномъ состояніи, то не должны ли они или во всякомъ случаѣ не благопріостойнѣе ли и не святѣе ли для нихъ жить между собою такъ, какъ будто бы они были не въ бракѣ? Могутъ ли вдовы и вдовцы вступать въ бракъ во второй разъ? Можно ли терпѣть смѣшанные браки между христіанами и язычниками, или христіанскій супругъ долженъ отвергнуть языческую жену, христіанская жена оставить языческаго мужа? Должны ли отцы заботиться объ устроеніи браковъ своихъ дочерей, или оставлять ихъ въ дѣвствѣ?

2. Затѣмъ, что имъ думать касательно жертвъ, приносимыхъ идоламъ? Своему вопросу по этому предмету они предпослали самоувѣренное замѣчаніе, что они «всѣ знаютъ объ этомъ» (1 Кор. viii, 1), и быть можетъ высказывали свое мнѣніе

въ томъ смыслѣ, что идолъ есть ничто въ мірѣ и что ихъ христіанской свободѣ позволительно все. Однако же имъ желательно было знать, могли ли они когда нибудь присутствовать при идолопоклонническихъ празднествахъ? Вопросъ этотъ былъ важенъ для бѣдныхъ, для которыхъ *visceratio*¹³⁰⁴ было не малымъ пособіемъ и развлеченіемъ. Можно ли было покупать на открытомъ рынкѣ то мясо, которое безъ ихъ вѣдома быть можетъ приносилось идоламъ? Могли ли они въ качествѣ гостей ходить къ своимъ языческимъ друзьямъ и родственникамъ и подвергаться опасности принимать въ пищу то, что составляло часть жертвоприношенія идоламъ¹³⁰⁵?

3. Затѣмъ между ними возникъ также споръ касательно правила, которое нужно соблюдать въ собраніяхъ. Должны ли мужчины сидѣть въ нихъ съ покрытыми головами? Могутъ ли женщины являться съ непокрытыми головами? И могутъ ли онѣ вести бесѣды и учить публично?

4. Они затруднились также касательно духовныхъ даровъ. Что важнѣе: говорить языками, или проповѣдывать? Когда двое или трое начинали проповѣдывать или говорить языками въ одно и тоже время, то какъ нужно было поступать въ такомъ случаѣ?

5. Нѣкоторые изъ нихъ были смущаемы сильными сомнѣніями касательно воскресенія. Были даже такіе, которые думали, что подъ воскресеніемъ разумѣется нѣчто совершенно духовное и что оно уже совершилось. Этотъ взглядъ возникъ вслѣдствіе громадныхъ въ чисто матеріальномъ отношеніи затрудненій, которыми окруженъ весь предметъ воскресенія тѣла. Не разрѣшить ли имъ ап. Павелъ нѣкоторыхъ изъ этихъ затрудненій?

6. Апостолъ просилъ ихъ произвести сборъ въ пользу бѣдныхъ въ Иудеѣ, но имъ хотѣлось бы услышать нѣсколько болѣе касательно этого. Какой-бы планъ онъ посоветовалъ имъ при этомъ сборѣ?

7. Наконецъ имъ очень хотѣлось еще разъ видѣть среди себя Аполлоса. Они восхищались его краснорѣчіемъ и увлекались его познаніями. Не побудить ли его ап. Павелъ опять прийти къ нимъ, а также не посѣтить ли ихъ и самъ, какъ онъ общался имъ?

Таковы, какъ мы видимъ изъ перваго посланія къ Коринѣянамъ, были вопросы, заключавшіеся въ письмѣ, принесенномъ апостолу въ Ефесъ Стефаномъ, Фортунатомъ и Аханкомъ. Ап. Павелъ конечно подробно бесѣдовалъ съ этими достойными рабами о церкви, отъ которой они были посланы. Въ самомъ уже письмѣ содержалось достаточно матеріала, чтобы возбудить нѣкоторую тревогу въ его душѣ, а нѣкоторые изъ вопросовъ явно выдавали возбужденное состояніе умовъ въ членахъ этой церкви. Но когда онъ подробно поговорилъ съ этими пастителями, принадлежавшими дому Хлои, и они рассказали ему всю чистую правду, то онъ былъ пораженъ ужасомъ и въ то же время подавленъ скорбью. Въ отвѣтъ на его разспросы они невольно, пунктъ за пунктомъ, раскрыли состояніе вещей, которое еще болѣе омрачило и безъ того удрученную невзгодами душу апостола.

8. Прежде всего онъ узналъ отъ нихъ, что основанная имъ црковь была плачевно раздираема партіями.

Это было результатомъ посѣщенія Коринѳа различными учителями, которые были тамъ послѣ ап. Павла и на его основаніи воздвигали зданія изъ весьма сомнительныхъ матеріаловъ. «Много учителей, много спору»—таково было одно изъ мудрыхъ изреченій великаго Гиллея, и оно вполне оправдалось въ Коринѳѣ, гдѣ, по саркастическому выраженію ап. Павла, они имѣли «десять тысячъ учителей». При партійныхъ раздорахъ упущена была изъ виду возвышенная цѣль христіанства, и глубочайшая духовность его содержанія испарилась въ сварливыхъ преніяхъ. Онъ получилъ печальную вѣсть о господствующихъ среди ихъ «раздорахъ, зависти, гнѣвѣ, ссорахъ, ябедахъ, клеветахъ, гордости и безпорядкахъ» (2 Кор. xii, 20).

I. Изъ всего этого обнаружилось, что даже посѣщеніе и ученіе Аполлоса принесло вредъ,—вредъ, котораго онъ конечно не намѣренъ былъ причинять и о которомъ, какъ преданный другъ и послѣдователь Павла, онъ конечно первый и сожалѣлъ. Проповѣдь самого ап. Павла въ Коринѳѣ отличалась намѣреннымъ простотою, состояла главнымъ образомъ въ изложеніи ученія объ Искупителѣ, расцѣломъ за грѣхи міра, и выражена была языкомъ, который не имѣлъ никакого притязанія на ораторское краснорѣчіе. Между тѣмъ Аполлосъ, посѣтившій Коринѳъ послѣ него, при всей своей даровитости, оказался неопытнымъ христіаниномъ, и не только блескомъ своего пылкаго и чарующаго краснорѣчія, но также и изысканной утонченностью, столь свойственной александрійскому уму, ненамѣренно далъ коринѳянамъ поводъ прежде всего пренебрежительно отнестись къ несофистической простотѣ ученія ап. Павла и затѣмъ дать волю всѣмъ тѣмъ скептическимъ мечтаніямъ, которыми расшатывалась ихъ вѣра. Какъ способъ, такъ и содержаніе пылаго обращенца настолько увлекали ихъ, что, вопреки его собственному желанію, они вывели Аполлоса на степень главы партіи и довели его взгляды до опасныхъ крайностей. Приверженцы Аполлоса такъ кичились самоуваженіемъ своего знанія, такъ переполнялись важностью своей умственной свободы, что начали также притязать на роковую свободу и въ нравственномъ отношеніи. Они развлекали воскресныя собранія тщеславными выходками соперническаго ораторства; выказывали презрительное отношеніе къ строгому благочестію болѣе слабыхъ братьевъ; побуждали женщинъ ораторствовать въ публичныхъ собраніяхъ наравнѣ съ мужчинами; повинны были въ крайне непослѣдовательномъ и неустойчивомъ поведеніи, и даже старались прикрыть плащомъ софистическаго извиненія одно столь гнусное преступленіе, что къ совершившему его чувствовали омерзеніе самые язычники. Изъ разсказовъ, переданныхъ ап. Павлу объ этой Аполлосовой партіи, онъ не могъ не видѣть, что все дѣло заключалось въ ложномъ выводѣ изъ его собственнаго ученія,—въ тѣхъ полуистинахъ, которыя всегда гораздо опаснѣе прямыхъ заблужденій. Если даже преподавныя имъ самимъ

истины можно было извратить въ еретическія мнѣнія, какъ они и были въслѣдствіи провозглашены Маркіономъ, то своимъ острымъ взглядомъ онъ могъ сразу открыть въ излишествахъ александрійскаго краснорѣчія Аполлоса страшный зародышъ того, что въслѣдствіи развилось въ антиномистическій гностицизмъ.

II. Но Аполлосъ былъ не единственный учитель, посѣтившій Коринѳъ. Туда приходили и нѣкоторые іудейскіе христіане, которые съ такимъ же увлеченіемъ приняты были іудейскими членами церкви, какъ Аполлосъ греками¹³⁶). Снабженные рекомендательными письмами отъ нѣкоторыхъ изъ двѣнадцати апостоловъ въ Іерусалимѣ, они добивались признанія авторитета Петра или, какъ они предпочитали называть его, Кифы. Правда, они не учили обязательности обрѣзанія, какъ другіе представители ихъ партіи въ Галатіи. Мѣстные обстоятельства давали тамъ нѣкоторые шансы на успѣхъ ученію, которое въ Коринѳѣ было бы отвергнуто съ презрѣніемъ; притомъ быть можетъ они чувствовали по крайней мѣрѣ нѣкоторое уваженіе къ соглашенію, состоявшемуся въ Іерусалимѣ. Однако же вліяніе ихъ было въ высшей степени вредно и послужило причиной возникновенія «Петровой» партіи въ церкви. Эта партія,—духовные предки тѣхъ, которые въслѣдствіи изливали свою ненависть на ап. Павла въ лже-кLEMENTИНАХЪ,—открыто и тайно подрывала его авторитетъ и возбуждала къ отверженію его ученія. Кифа, говорили они, есть истинный глава апостоловъ, а слѣдовательно и христіанъ; въ его руки Христосъ передалъ ключи царства; на камнѣ его исповѣданія надлежитъ строиться церкви Мессіи. Павелъ же дерзкій самозванецъ, отношеніе котораго къ Кифѣ въ Антіохіи было въ высшей степени непристойно. Кто такой въ самомъ дѣлѣ Павелъ? Совсѣмъ не апостолъ, а самозванный нововводитель. Онъ былъ членомъ синагога, гнавшимъ церковь, и сдѣлался отступникомъ отъ іудейства. Что такое представлялъ онъ собою въ Коринѳѣ? Проповѣдующаго дѣлателя палатокъ и ничего больше. Кифа и другіе апостолы и братія Господни во время путешествій были сопровождаемы своими женами или служанками женщинами и пользовались почетомъ и содержаніемъ, на которое они имѣли право. Почему же Павелъ не дѣлалъ того же самаго? Очевидно потому, что онъ чувствовалъ непрочность своего положенія. А что касается его втораго посѣщенія, то этотъ слабый, колеблющійся никѣмъ неуполномоченный самозванецъ навѣрно не придетъ опять. Самое ученіе его еретическое, особенно въ виду того равнодушія, которое онъ проповѣдывалъ въ отношеніи левитскаго закона. Не разрушалъ ли онъ той самой ограды вокругъ закона, возведеніе которой было вѣковой задачей знаменитѣйшихъ раввиновъ? Совсѣмъ иначе было послѣ проповѣди ап. Петра въ праздникъ пятидесятницы! Истиннымъ знакомъ духовности было говореніе языками, а не простое сомнительное теоретическое увѣщаніе.—Вся эта подпольная интрига противъ апостола народовъ конечно не находила ни малѣйшаго одобренія ни въ

любящей и благородной натурѣ ап. Петра, ни въ деликатной скромности Аполлоса, именемъ котораго также она прикрывалась отчасти.

III. Затѣмъ прибыли представители еще новой партіи іудействующихъ, и для одного изъ нихъ было недостаточно имени даже самого Клифы. Онъ выдавалъ себя за приверженца Іакова¹³⁰⁷⁾, и для него даже ап. Петръ былъ недостаточно правотѣренъ. Онъ называлъ себя послѣдователемъ Христа и отвергалъ всякое другое имя. Быть можетъ онъ былъ одинъ изъ Деспосиновъ. Во всякомъ случаѣ онъ гордился тѣмъ, что лично видѣлъ Христа и зналъ Его во плоти. Основываясь на безбрачій Спасителя, равно какъ и Іакова, епископа іерусалимскаго, этотъ учитель видимо раздѣлялъ ессейское отвращеніе къ браку. Это онъ именно возбудилъ всѣ тонкіе вопросы касательно безбрачія и брачной жизни. Онъ также собралъ вокругъ себя нѣсколькихъ іудеевъ съ эвѣнитскими наклонностями, и они-то сдѣлали девизомъ партіи даже священное имя Христа¹³⁰⁸⁾.

9. Такимъ образомъ, какъ теперь впервые узналъ вполнѣ ап. Павелъ, церковь коринѣская была мѣстомъ раздоровъ, споровъ и раздѣленій, которыя разрушали и ея единство, и ея крѣпость. Всѣ эти неприглядныя стороны коринѣяне обходили въ своемъ самодовольномъ письмѣ едва ли добросовѣстнымъ молчаніемъ. Но это еще и не все, что они скрыли. Они спрашивали касательно духовныхъ даровъ, но только домохозяды Хлои сообщили ап. Павлу печальную вѣсть, что собранія церкви выродились въ столь шумныя, дикія, беспорядочныя сцены, что были даже случаи, когда язычники, случайно попавши на эти собранія, могъ сказать только, что всѣ они сумасшедшіе. Иногда сразу вставали съ подюжины энтузіастовъ, изливая цѣлый рядъ звуковъ, которыхъ не могъ понять ни одинъ человѣческій разумъ, а иногда даже среди этихъ неприличныхъ, полупривторныхъ восторговъ (особенно какъ это могло быть съ нѣкоторыми изъ сирійскихъ эмисаровъ) раздавались иногда слова, отъ которыхъ стыла кровь и всѣ содрогались отъ ужаса¹³⁰⁹⁾. Иногда двое или трое проповѣдниковъ перебивали другъ друга, стараясь завладѣть вниманіемъ собранія всѣ въ одно и тоже время. Женщины на перебой предлагали свои собственныя мнѣнія, являясь при томъ въ собранія съ непокрытыми головами и какъ будто не стыдась даже того, что ихъ принимали за гетеръ, которыя однѣ только дозволяли себѣ эту неприличную вольность. Изъ мѣста мира воскресныя собранія сдѣлались мѣстомъ бурныхъ, запальчивыхъ, самолюбивыхъ, бессмысленныхъ и вредныхъ словопреній.

10. Но было еще нѣчто худшее. Можно было бы по крайней мѣрѣ предполагать, что вечера любви сохраняли еще хотя сколько нибудь свой прежній братскій любвеобильный характеръ, достойный великой евангелической жертвы. Но далеко было не такъ. Губительная закваска себялюбія, выражающаяся въ формахъ чувственности и гордости, проникла даже въ эти нѣкогда святыя и братолюбивыя собранія. Цѣлованіе мира сдѣлалось лишь лицемѣрной формой между братьями, которые въ этотъ самый моментъ быть можетъ тягали другъ друга на

судъ къ трибуналу языческаго претора изъ-за какого нибудь самаго пустаго и зауяднаго предмета. Богатые приносили съ собой свою собственную изысканную провизію и жадно пожирали ее, не дожидаясь остальныхъ; между тѣмъ какъ бѣдные и жалкіе Лазари,—полумертвые отъ голода рабы, неимѣвшіе сами ничего для приношеній, съ ненавистью и завистью смотрѣли на своихъ счастливыхъ, но недружелюбныхъ собратій, не дававшихъ имъ ни крохи отъ своихъ приношеній. Жадность и себялюбие такимъ образомъ вторглись въ область самаго священнаго союза; а отъ господствующаго коринѣскаго грѣха упоенія участники вечера воздерживались такъ мало, что были случаи, когда иные въ пьяномъ безстыдствѣ простирали свои руки къ самой чашѣ Господней!

11. Наконецъ и хуже всего было то, что не только распушенность находила своихъ открытыхъ защитниковъ, такъ что христіане не стыдились сидѣть за трапезой среди чувственной обстановки языческихъ храмовъ, но одинъ выдающийся членъ церкви жилъ даже въ позорномъ грѣхѣ съ своею собственною мачихой при жизни своего отца; и хотя сами язычники съ гнусностью относились къ этому преступленію, онъ всетаки не былъ изгнанъ изъ христіанскаго общества, не только не принужденъ былъ къ покаянію, но даже находилъ собратій, которые готовы были не только снисходительно смотрѣть на его грѣхъ, но даже хвастались тѣмъ, что они оставляли его безнаказаннымъ. Человѣкъ этотъ повидимому былъ знатною, вліятельною личностью, которую церкви, большею частью состоявшей изъ рабовъ и женщинъ, выгодно было имѣть въ своей средѣ. Несомнѣнно это-то именно и заставляло относиться къ нему снисходительно, что отчасти можно было оправдывать началомъ христіанской свободы, а отчасти извѣстнымъ раввинскимъ мнѣніемъ, что старыя связи признавались какбы несуществующими вслѣдствіе новыхъ условій положенія прозелита, или какими либо особыми обстоятельствами, неизвѣстными намъ. Но эта личность лишь наиболѣе выдавалась своею преступностью, и примѣръ ея отнюдь не былъ единственнымъ. Среди коринѣянъ были христіане, даже многіе, которые безнаказанно предавались плотской нечистотѣ, блуду и распутству (2 Кор. xii, 21). Ни въ одномъ изъ посланій предостереженія апостола противъ этого грѣха,—господствующаго грѣха Коринѣа,—не высказываются съ болѣе торжественною и внушительною строгостью (1 Кор. v, 11; vi, 15—18; x, 8; xv, 33, 34).

Когда ап. Павелъ слушалъ этотъ перечень беззаконій, когда онъ слушалъ мрачный разсказъ о крушеніи всѣхъ его лучшихъ надеждъ, которыя онъ лѣлѣлъ во время своего полторагодоваго миссіонерскаго труда, то поистинѣ сердце его должно было разрываться отъ скорби. Онъ могъ бы въ крайнемъ отчаяніи опустить руки; могъ бы провозгласить всю свою жизнь и свою проповѣдь печальной неудачей; могъ бы, подобно Илиѣ, бѣжать въ отдаленную пустыню и молиться: «теперь, Господи, возьми мою жизнь, ибо я не лучше своихъ отцевъ». Но не такъ повліяли всѣ эти печальныя извѣстія на неукротимаго

апостола. Правда, сердце его трепетало от скорби, глаза его переполнялись слезами когда он, до конца выслушав все, что ему передали рабы Хлои, приступил к размышлению о том, что ему дѣлать. Прежде всего конечно нужно было отказаться от имѣвшагося у него въ виду скорого посѣщенія Коринѳа. Ни онъ, ни они не были теперь въ такомъ настроеніи, въ которомъ бы ихъ встрѣча могла имѣть какой либо другой, а не безконечно мучительный характеръ. Онъ долженъ сразу же отправить Тита въ Коринѳъ съ извѣстіемъ о перемѣнѣ его плана, равно какъ и для того, чтобы озаботиться сборомъ и сдѣлать все, что возможно до встрѣчи съ нимъ въ Троадѣ. Нужно было отправить также посланнаго къ Тимофею съ сообщеніемъ, чтобы онъ въ настоящее время не отправлялся въ Коринѳъ. Затѣмъ онъ могъ бы написать также апокалипсическое письмо, полное пылкаго обличенія и грозныхъ анафемъ; онъ могъ бы разразиться надъ этими надменными, развратными и сварливыми поносителями христіанскаго имени страшными укорами и прогремѣть надъ ихъ трепещущею совѣстью громами Синаи. Не таковъ однако же духъ, съ которымъ онъ приступилъ къ письму. Въ глубокомъ волненіи, которое онъ однако же счумѣлъ почти вполне подавить, собравшись со всѣмъ мужествомъ своей натуры, забывъ всѣ опасности и испытанія, окружавшія его въ Ефесѣ, прося Бога о мудрости и руководствѣ, въ которыхъ онъ такъ глубоко нуждался, подавляя въ себѣ всякое личное негодованіе, всякое возможное чувство себялюбивой мстительности за тѣ униженія, которыми онъ былъ подвергнутъ лично,—онъ подозвалъ къ себѣ Сосеена и, отдавшись предстоявшему ему дѣлу со всѣмъ пыломъ преисполненнаго чувствами сердца, онъ началъ диктовать ему одно изъ наиболѣе изумительныхъ и краснорѣчивыхъ своихъ писемъ—первое пространное посланіе къ Коринѳянамъ. Какъ ни различны предметы, которыми оно занимается, какъ ни глубоки были затрудненія, съ которыми ему предстояло вѣдаться, какъ ни новы были вопросы, которые онъ долженъ былъ рѣшать, какъ ни чужды ему были многіе изъ обращенцевъ, къ которымъ онъ долженъ былъ обращаться, мы сразу же видимъ, что посланіе это отнюдь не было произведеніемъ долгаго и усидчиваго труда. Озаренный Духомъ Божиимъ, ап. Павелъ обладалъ тою прозорливостью, которая сразу же проникаетъ въ сердцевину всякаго нравственнаго затрудненія. Онъ съ одинаковою способностью умѣлъ вѣдаться какъ съ іудейскою узкостью и іудейскимъ фарисействомъ, такъ и съ греческою культурою и греческою чувственностью. Съ величайшимъ мастерствомъ онъ прилагаетъ начала христіанства къ частнымъ и сложнымъ обстоятельствамъ жизни, равно какъ съ божественнымъ авторитетомъ порѣшаетъ величайшіе вопросы догматическаго богословія. Способъ іудейскаго противодѣйствія, съ которымъ ему приходилось имѣть здѣсь дѣло, былъ видоизмѣненъ соприкосновеніемъ съ эллинизмомъ; но онъ все еще покоился на началахъ обрядности и поэтому его нужно было опровергать духовными истинами. Какъ бы ни были темны проблемы, какъ бы ни были

запутаны частности, сами истины сразу становятся прозрачными и стройными при свѣтѣ сравнительнаго ихъ анализа. При назиданіи своихъ обращенцевъ ап. Павлу не было надобности долго сидѣть при полуночномъ огнѣ. Даже самыя обработанныя его посланія не были предметомъ тщательной обработки. Они подобно яркимъ искрамъ прямо вылетали изъ сердца, въ которомъ огонь любви къ Богу до самой смерти горѣлъ все болѣе и болѣе разгоравшимся пламенемъ.

1. Самое вступительное привѣтствіе перваго посланія къ Коринѳянамъ выказываетъ всю полноту сердца апостола. Такъ какъ авторитетъ его оспаривался, то онъ называетъ себя «волею Божіею призваннымъ апостоломъ Іисуса Христа» и обращается къ коринѳянамъ какъ къ церкви, освященной во Христѣ Іисусѣ и призванной быть святыми, соединяясь съ ними въ молитвѣ о ниспосланіи благодати и мира всѣмъ, кто какъ бы ни были различны оттѣнки ихъ мнѣнія или ихъ мѣсто жительства — всѣ призываютъ имя Господа нашего Іисуса Христа¹³¹⁰). Такимъ образомъ въ самомъ привѣтственномъ обращеніи къ нимъ онъ заявляетъ свои правана апостольскій авторитетъ и требуетъ единства и святости, въ которыхъ они такъ глубоко нуждались. «Замѣть также», говоритъ Златоустъ, «какъ онъ всегда пригвождаетъ ихъ къ имени Христа, не упоминая иного человека—апостола ли, или учителя, но постоянно упоминая о Томъ, къ которому они стремятся какъ люди, готовящіеся пробудить тѣхъ, которые находятся въ дремотѣ послѣ кутежа. Нигдѣ еще ни въ какомъ другомъ посланіи имя Христа не употребляется такъ часто. Здѣсь же оно употребляется постоянно и онъ сплетаетъ изъ него почти все свое введеніе»¹³¹¹).

2. Хотя въ надписаніи и присоединено имя Сосеена¹³¹²), онъ однако же далѣе продолжаетъ говорить имъ въ первомъ лицѣ, что непрестанно благодарить Бога за благодать, данную имъ во Христѣ Іисусѣ, за краснорѣчіе и знаніе, которыми они обогатились въ Немъ, такъ что, ожидая откровенія Христа, они не имѣли недостатка ни въ какомъ дарованіи; и такъ какъ свидѣтельство Христа утвердилось среди нихъ, то пусть Христосъ укрѣпитъ ихъ быть непорочными до конца, ибо вѣренъ Богъ, который призвалъ ихъ въ общеніе Сына Своего Іисуса Христа Господа нашего¹³¹³).

3. Это общеніе прямо подводитъ его къ одному изъ тѣхъ предметовъ, которыми было переполнено его сердце. Онъ слышалъ изъ безспорнаго источника и не отъ одного только лица о раздѣленіяхъ и раздорахъ между ними; поэтому онъ именемъ Христа умоляетъ ихъ стремиться къ большому единству въ мысли и дѣйстви¹³¹⁴). Они говорили: «я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ, а я Христовъ». Но развѣ раздѣлился Христосъ¹³¹⁵)? Нѣкоторые изъ нихъ называли себя его партіей; но развѣ онъ распялся за нихъ? Развѣ въ его имя они крестились? Очень возможно, что Аполлосъ подъ живымъ впечатлѣніемъ крещенія Іоанна, которому онъ слѣдовалъ, особенно останавливался на важности этого вступительнаго обряда; но люди были такъ склонны придавать важность простому человѣческому свя-

щеннослуженію, что ап. Павелъ, какъ его учитель, намѣренно воздерживался отъ его совершенія, и за исключеніемъ Криспа и Гаія и, какъ онъ воспоминаетъ въ слѣдствіи, Стефана и его семейства, онъ не можетъ вспомнить, чтобы крестилъ кого нибудь изъ нихъ. Христосъ послалъ его не крестить, но проповѣдывать и притомъ не въ премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Упомянутое о проповѣди переноситъ его мысль къ заблужденіямъ партіи Аполлоса. Они придавали необыкновенную важность краснорѣчію, логикѣ, тому, что они называли и восхваляли какъ мудрость. Онъ показываетъ, что они находились на совершенно ложной дорогѣ. Такую человѣческую мудрость, такое ласкающее слухъ краснорѣчіе, такіе поверхностныя и внѣшнія приманки онъ отвергалъ съ преднамѣренностью. Онъ мало училъ о человѣческой мудрости. Она устранялась откровеніемъ¹³¹⁶); она не привела міръ къ познанію Бога; она не удержала міръ отъ распятія Христа. И поэтому онъ не проповѣдывалъ имъ о Логосѣ или зонахъ, не проповѣдывалъ Филоновыми аллегоріями или съ философскою утонченностью. Онъ не предлагалъ ни знаменія іудеямъ, ни премудрости грекамъ. То, что онъ имѣлъ проповѣдывать, міръ считалъ презрѣннымъ безуміемъ, именно крестъ и ученіе распятаго Мессіи, — что для іудеевъ соблазнъ; распятаго Спасителя — что для грековъ кажется смѣшнымъ; но Богу угодно было спасти вѣрующихъ юродствомъ (съ точки зрѣнія міра) его проповѣди¹³¹⁷), которая для бывшихъ на пути спасенія была премудростью и силою Божіей. Проповѣдники Христа не суть мудрые, могущественные и знатные міра сего, но обыкновенно неразумные, немощные и презираемые¹³¹⁸). Не съ могуществомъ міра, а съ его безсиліемъ, не съ его силою, а съ слабостью, не съ его знаніемъ, а съ невѣденіемъ, не съ его знатностью, а съ безславіемъ, не съ царями и философами, но съ рабами и женщинами дружили проповѣдники религіи Христа и чрезъ нихъ то Богъ предопредѣлилъ такъ открыть свою божественную силу, что никакая слава не можетъ прибавиться человѣку, кромѣ какъ чрезъ полное уничтоженіе всякой *человѣческой* славы. Поэтому то ап. Павелъ и приходилъ къ нимъ не съ риторікою, но съ простымъ ученіемъ о распятѣ Христѣ¹³¹⁹); не съ ораторскимъ достоинствомъ и блескомъ, а въ слабости, страхѣ и трепетѣ; не съ заманчивымъ краснорѣчіемъ, а съ духовнымъ откровеніемъ и духовною силою, такъ чтобы человѣкъ могъ совершенно теряться въ Богѣ и они могли бы вполнѣ чувствовать, что происхожденіе ихъ вѣры не человѣческое, но божественное¹³²⁰).

4. Однако же они не должны заключать изъ этого смѣлаго парадокса, что содержаніе и методъ его ученія были полнымъ безуміемъ. Напротивъ, это особая мудрость глубочайшаго и возвышеннѣйшаго рода; только эта мудрость Божія сокрыта отъ мудрыхъ міра сего; мудрость проникновенія въ предметы, которые никогда не видѣлъ глазъ, и которыхъ никогда не слышало ухо, и которые никогда не всходили на сердце человѣку¹³²¹); мудрость — открытая ему тѣмъ Духомъ Божіимъ, который одинъ испытуетъ глубины Божіи¹³²²). Объ этихъ то предметахъ онъ

училъ въ словахъ, приобрѣтенныхъ не отъ земной мудрости, но отъ того самаго Духа Божія, который сочетаетъ духовное съ духовнымъ¹³²³); и эта то духовная мудрость для естественнаго человѣка¹³²⁴) и есть безуміе, потому что она можетъ быть постигнута только духовною способностью, которой совсѣмъ лишены естественный человѣкъ. Она для него то же, что живопись для слѣпца, или музыка для глухаго¹³²⁵). Но духовный человѣкъ обладаетъ тонкою способностью распознаванія и, участвуя въ Духѣ Христа, тѣмъ самымъ поднимается выше простаго естественнаго разумѣнія.

5. И затѣмъ апостолъ прибавляетъ съ нѣкоторою ироніей, что объ этомъ божественномъ состояніи, которое было земнымъ безуміемъ, онъ могъ преподавать имъ только самые простые начатки; въ своемъ совершенствѣ оно было только для совершенныхъ; но они, которые считали себя столь мудрыми и учеными, были въ духовной мудрости лишь младенцами, нуждавшимися въ молокѣ, которое онъ и давалъ имъ, а не въ жесткой пищѣ, которую они, будучи плотскими, еще не способны были принимать по своей слабости¹³²⁶). Эти слова могли бы имъ показаться жесткими; но, при господствѣ у нихъ зависти, распри и раздѣленія, какъ могутъ они считать себя чѣмъ либо другимъ, а не людьми плотскими, совсѣмъ не духовными? Павелъ и Аполлосъ! Кто такіе Павелъ и Аполлосъ, какъ не простые человѣческіе служители? Павелъ насаждающій, Аполлосъ поливающій — оба они сами по себѣ ничто, но каждый изъ нихъ составляетъ одно по своему служенію и каждый изъ нихъ отвѣтственъ за свою собственную долю въ немъ. Только Богъ давалъ жатву. «Мы — Божіи соработники; вы — Божіе поле и Божіе зданіе». Павелъ, какъ мудрый архитекторъ, заложилъ основаніе, другіе строили на немъ уже различныя зданія. Но основаніе было и могло быть только одно, именно Христосъ; а золото, серебро, дорогой мраморъ, бруссы, сѣно, солома и другіе строительные матеріалы, употребляемые для возведенія зданія на немъ, должны были испробованы въ своемъ истинномъ качествѣ всенспытующимъ огнемъ Божіимъ¹³²⁷) и, если окажутся негодными, должны были уничтожены, какъ бы ни былъ добросовѣстенъ строитель. Если его построеніе устоитъ, то онъ будетъ награжденъ; а если окажется неустойчивымъ, то оно будетъ сожжено всепожирающимъ пламенемъ, и онъ понесетъ уронъ, хотя самъ онъ, такъ какъ онъ строилъ на истинномъ основаніи, и спасется какъ бы отъ огня¹³²⁸). Развѣ они не знаютъ, что они храмъ святой, храмъ для Духа Божія? Если кто разрушаетъ храмъ Божій, того разрушаетъ Богъ. А человѣческая мудрость можетъ только разрушать его, потому что предъ Богомъ человѣческая мудрость есть безуміе. Простая человѣческая мудрость того или другаго любимаго учителя не имѣетъ никакого значенія для дѣйствительнаго назиданія. Если человѣкъ нуждается въ божественной мудрости, то пусть онъ приобрѣтаетъ ее смиренными стезями того, что считается человѣческимъ безуміемъ. Какъ поэтому недостойно хвалиться простыми человѣческими учителями, какъ недостойно это ихъ безконечнаго пре-

имуущества и надежды, когда все было их—Павель, Аполлосъ, Кифа, вселенная, жизнь, смерть, теперешнее, настоящее и отдаленное будущее, все было ихъ, а они сами—Христовы, а Христосъ—Божій. Ихъ партийные вожаки лишь жалкія твари, отъ которыхъ требуется лишь одно—преданность. Что касается его самого, то для него очень мало значить, какъ они судятъ о немъ, — на основаніи ли своихъ соблазнительныхъ мнѣній, или по ничтожности слабого преходящаго дня человѣка¹³²¹). Но онъ и самъ не судитъ о себѣ. Правда, онъ ничего не знаетъ за собой предосудительнаго, никакого грѣха въ своемъ служеніи¹³³⁰). Но даже онъ и на это не полагается въ своемъ оправданіи, а полагается только на судъ Божій. «Посему не судите никакъ прежде времени, пока не придетъ Господь, который и освѣтитъ скрытое во мракѣ, и обнаружить сердечныя намѣренія». Тогда и только тогда каждому изъ нихъ будетъ отъ Бога заслуженная похвала (IV, 1—4).

6. Апостолъ съ деликатностью намѣренно выдвинулъ свое собственное имя и имя Аполлоса (вмѣсто имени Кифы или іерусалимскаго посланнаго), какъ невольныхъ вождей партій, къ которымъ они относились крайне пренебрежительно, именно въ тѣхъ видахъ, чтобы коринѣяне не мудрствовали сверхъ того, что имъ преподано¹³³¹), и увидѣли, что онъ, понося ихъ дутую ожесточенность между собою въ соперническомъ выставленіи того, что въ концѣ концовъ было не внутренними ихъ заслугами, если бы онъ даже и существовали, руководился не какими либо чувствами зависти или ревности, а даромъ Божіимъ¹³³²). И какое же хвастовство выказали они во всемъ этомъ партійномъ духѣ! Для нихъ голодъ, бѣдность и борьба—все это миновало. Какого довольства и пресыщенія достигли вы; какъ вы богаты; на какихъ престолахъ возсѣдаете вы—и все это безъ насъ! Если это дѣйствительно все такъ, то о, если бы мы могли по крайней мѣрѣ участвовать въ вашемъ царственномъ возвышеніи! Но положеніе насъ, бѣдныхъ апостоловъ, совершенно иное, «ибо я думаю, что намъ, послѣднимъ посланникамъ, Богъ судилъ быть какъ бы приговоренными къ смерти¹³³³), потому что мы сдѣлались позорищемъ для міра, для ангеловъ и человѣковъ. Мы—безумны Христа ради, а вы—мудры во Христѣ; мы—немощны, а вы—крѣпки; вы—въ славу, а мы—въ безчестіи. Даже донинѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу (срав. 2 Кор. XI, 27), и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословятъ насъ—мы благословляемъ; гонятъ насъ—мы терпимъ; хулятъ насъ—мы молимъ; мы какъ соръ для міра¹³³⁴), какъ прахъ всѣми попираемый донинѣ». Я знаю, что это горькія ироническія слова контраста между вами и нами; но я пишу не къ постыженію вашему. Я только вразумляю васъ, какъ возлюбленныхъ дѣтей моихъ. Ибо вы всетаки мои дѣти. Множество учителей, какъ я знаю, слѣдовало за мною; но (здѣсь встрѣчается одно изъ характеризующихъ его порывистыхъ выраженій) даже если бы вы имѣли тысячи наставниковъ¹³³⁵) во Христѣ, у васъ всетаки было бы не много отцовъ. Вѣдь «я родилъ васъ во

Π ΛΥΛΟCΑΝΟCΤΟΛΟCΙΧΥΑΙΛΟC
ΑΝΗΜΑΤΟCΟΥΚΛΙCΟΥCΟCΗCΟCΑΛΕC
ΦΟCΗΗΕΚΚΛΗCΙΑΤΟΥΘΥΠΙΟΥ
ΕΝΚΟΡΙΝΩΝΗΓΙΑCΜΕΝΟΙC
ΕΝΧΩΝΗΚΑΝΤΟΙΟΑΤΙΟΙCΟΥ
ΤΤΑCΙΝΤΟΙCΕΠΙΚΛΑΟΥΜΕΝΟC
ΤΟΟΝΟΜΑΤΟΥΚΥΥΕΝΤΙΑΝΠ
ΤΟΤΩΧΥΤΩΝΠΟΚΑΙΝΗΜΩΝ
ΧΑΡΙCΥΜΙΝΚΑΙΕΡΗΝΗΑΠΟΘΥ
ΤΙCΗΜΩΝΚΑΙΕΥΧΥ
ΕΥΧΑΡΙCΤΩΤΩCΩCΜΟΥΠΑΝΤΟ
ΤΕΤΕΡΙΥΜΩΝΕΠΙΤΗΧΑΡΙΤΥ
ΘΥΤΗΛΑΘΕΙCΠΥΜΙΝΕΝΧΩΝ
ΟΤΕΝΤΙΑΝΤΕΙΛΟΥΤΙCΟΝ
ΕΝΧΥΤΩΕΝΤΙΑΝΤΙΛΟΓΩΚΑΙ
ΤΑCΗΓΗCΕΚΛΑCΤΟΜΥ
ΤΥΡΙΟΝΤΟΥΧΥCΕΚΑΙΩΝ
ΕΝΥΜΙΝΩCΤΟΥΜΑCΜΗΥCΕ
ΡΕΙCΟΕΕΝΜΗCΑΝΙΧΑΡΙCΜΑΤΙ
ΗΓΕΚΛΑCΟΜΕΝΟΥCΤΗΝ
ΑΠΟΚΑΛΥΨΗΝΤΟΥΚΥΝΗΜΩΝ
ΙΧΥΟCΚΑΙΕΚΑΙΩCΕΙΥΜΑC
ΕΩCΤΕΛΟΥCΑΝΕΓΚΑΝΤΟΥC
ΕΝΤΗΝΜΕΡΧΤΟΥΚΥΝΗΜΩΝ
ΤΙCΤΟCΟCΑΤΟΥCΚΑΙΟΝΤΕ
ΕΙCΚΟΙΝΑΝΤΟΝΤΟΥΥΙΟΥΑΥΤ
ΙΧΥΤΟΥΚΥΝΗΜΩΝ
ΤΤΑΡΑΚΑΛΩΕΥΜΑCΑΛΕΦΟΙΚΑ
ΤΟΥΟΝΟΜΑΤΟCΤΟΥΚΥΝΗΜΩΝ
ΙΧΥΙΝΑΤΟΥΤΟΛΕΓΗΤΕΝΑΝ
ΤΕCΑΙΜΙΝΕΝΥΜΙΝΕΧΙCΜΑΤΙ
ΗΤΕΚΕΚΑΓΗΡΤΙCΜΕΝΟΙCΕΝ
ΤΩΑΥΤΩΝΟΙΚΑΙΕΝΤΗΧΥΤΗ
ΓΝΩΜΗ ΕΛΙΧΩΝΓΑΡΜΟΙ
ΤΕΡΙΥΜΩΝΑΛΕΦΟΙΜΟΥC
ΤΩΝΧΛΟΝCΟΤΕΡΙΑCΕΝΥ
ΜΙΝΕΙCΙΝ ΛΕΓΩCΕΤΟΥC
ΟΤΙΕΚΑCΤΟCΥΜΩΝΛΕΓΕΓΕΝ
ΜΕΝΕΙΜΠΙΛΑΥΟΕΓΩCΕ
ΑΠΟΛΛΩΕΓΩCΕΚΗΦΑCΕΥΧΥ
ΜΕΜΕΡΙCΤΑΙΟΧCΜΗΠΧΥC
ΕCΤΑΥΤΩΝΥΤΕΡΙΥΜΩΝ
ΗΕΙCΤΟΟΝΟΜΑΤΙΧΥΟΕCΑ
ΤΤΙCΕΝΤΕΕΥΧΑΡΙCΤΩΤΩ
ΘΩΜΟΥΟΤΙΟΥΕΝΧΥΜΑΙ
ΕΒΑΠΤΙCΘΕΙΜΙΝΚΡΙCΤΙΟΝ
ΚΑΙΓΑΙΟΝΗΜΑΝΤΙCΕΠΗΓ
ΟΤΙΕΙCΤΟΕΜΟΝΟΝΟΜΑCΕCΑ
ΠΤΙCΟΝΤΕΕΒΑΠΤΙCΘΕΚΑΙ
ΤΟΝCΤΕΦΑΝΧΟΙΚΟΝΟΠΟ
ΟΥΚΟΙΛΑCΙΤΙΝΑΛΛΟΝΕCΑ

ΤΤΙCΑΟΥΓΑΡΗΘΕCΤΑ
ΜΕΧCΑΠΤΙCΙΝΑΛΛ
ΓΕΛΙΖΕCΟCΟΥΚΕΝΟC
ΑCΤΟΥΝΑΜΗΚΕΝΙCΙΝ
ΡΟCΤΟΥΧΥΟΛΟΓΟCΓΑΡ
ΟΡΟΥΤΟΙΟΜΕΝΑΠΟΛΛΑΥ
ΝΟΙCΜΥΡΙΑCΕΝΤΟΙC
CΩCΟΜΕΝΟΙCΗΜΙΝΑΥΜ
ΜΙCΟΥCΕCΤΙΝΤΕΓΓΙΓΙΑΙC
ΓΟCΩΤΗΝCΟΦΙΑΝΤΩΝ
ΦΩΝΚΑΙΤΗΝCΥΝΕCΙΝΤΩ
CΥΝΕCΩΝΑCΤΗCΩ
ΤΤΟΥCΟCΤΟΥΓΡΑΜΜΑΤΕΥ
ΤΟΥCΥΝΖΙΤΗΠΙCΤΟΥΑΥ
ΝΟCΤΟΥΤΟΥΧΥΤΕΜCΥΡΑΝ
ΟCΤΗΝCΟΦΙΑΝΤΟΥΚΟC
CΤΕΙΑΝΓΑΡΕΝΤΗCΟΦΙΑΤΟΥ
ΟΥΟΥΚΕΓΝΩΟΚΟCΜΟCΑΥ
ΤΗCΟCΦΙΑCΤΟΝΟΝΕΥΑΚ
CΗCΟCΕΛΙCΤΗCΜΥΡΙΑCΤΟΥ
ΚΗΡΥΓΜΑΤΟCCΩCΑΙΤΟΥCΗ
CΤΕΥΟΝΤΑCΕΠΕΙΝΗΑΙΟΥ
ΔΑΙΟΙCΗΜΕCΑΙΤΟΥCΗΝΚ
ΕΛΛΗCΟCΦΙΑΝΕΠΙΖΗCΙ
ΗΜΕΙCΕΚΗΡΥCCΟΜΟΝΥ
ΕCΤΑΥΡΩΜΕΝΟΝΙΟΥΑΙΟC
ΜΕΝΕΚΑΝΑΛΛΟΝΕCΕΝΕCΙΝ
ΔΕΜCΥΡΑΝΑΥΤΟΙCΕΛΕΤΙC
ΚΑΝΤΟΙCΙΟΥCΑΙΟΙCΤΕΚΑΙC
ΑΝCΙΝΧΗΝΟΥΑΥΝΑΜΙΝΚΑΙ
ΟΥCΟΦΙΑΝΟΤΙΤΟΜCΥΡΑΝ
ΤΟΥΟΥCΟΦΩΤΕΡΟΝΤΩΝ
ΑΝΩΝΕCΤΙΝΚΑΙΤΟΛCΘΕ
ΝΕCΤΟΥΟΥΙCΧΥΡΟΤΕΡΟΝ
ΤΩΝΑΝΩΝCΤΙΝΕCΑCΙC
ΓΑΡΤΗΝΚΑΝCΙΝΥΜΩΝΑΛΕ
ΦΟΙΟΤΙΟΥΠΟΛΛΟΙCΟΦΟΙΚΑ
ΤΑCΡΚΑΟΥΠΟΛΛΟΙΥΝCΤΙ
ΟΥΠΟΛΛΟΙΕΥΓΕΝΕΙCΑΛΛ
ΤΑΜCΥΡΑΤΟΥΚΟCΜΟΥΕΞΕΛ
CΤΑCΟCCΙΝΑΚΑΤΑΙCΧΥΑΙΝ
ΤΑΙCΧΥΡΑΚΑΙΤΑCΓΕΝΗΤΟΥ
ΚΟCΜΟΥΚΑΙΤΑCΧΟΥCΕΝ
ΜΕΝΑΧΕΛΕCΤΑΤΟCCΤΑΜ
ΟΝΤΑΙΝΑΤΧΟΝΤΑΚΑΤΑΡΤΙ
ΟΤΙCΜΗΚΑΧΗΝΟΝΤΕC
CΑΡΕΝΩΠΙΟΝΤΟΥΟΥ
ΕCΑΥΤΟΥCΕΥΜΕΙCΕCΤΜΕΝ
ΧΩΙΟΥCΘΕΓΕΝΗΝΟCΦΙC
ΗΜΙΝΑΠΟΟΥCΑΚΑΙΟCΥΝΗ
ΚΑΙΑΓΙΑCΜΟCΚΑΙΑΠΟΧΥΤ

Христѣ Иисусѣ благовъствованіемъ, посему умоляю васъ: подражайте мнѣ, какъ я Христу. Для сего я послалъ къ вамъ моего возлюбленного и вѣрнаго сына Тимофея, который напомнитъ вамъ о путяхъ моихъ во Христѣ, какъ я учу вездѣ во всякой церкви»¹³³⁶). Не думайте однако же, что я боюсь лично выступить противъ разпаленной вражды тѣхъ, которые говорятъ, что я въ дѣйствительности не намѣренъ придти самъ. Я приду и приду скоро, если угодно будетъ Господу, и испытаю не то, что говорятъ эти возгордившіеся критики, а то, что они на самомъ дѣлѣ, не слово только, но дѣйствительность. «Чего вы хотите? съ жезломъ придти къ вамъ, или съ любовью и духомъ кротости?» (iv, 6—21).

7. Для одного по крайней мѣрѣ требовался жезлъ. О поступкѣ того негодяя, который живетъ съ женою своего отца,—столь омерзительномъ, что подобнаго ему не бываетъ даже среди язычниковъ¹³³⁷), вполне извѣстно между вами, и однако же, вмѣсто того, чтобы изгнать преступника со скорбью и позоромъ, вы (о, какъ чудовищна тайна неизбѣжной связи между чувственностью и гордостью) вы изощрялись въ софистической мудрости для извиненія этого дѣла¹³³⁸), «а я, отсутствуя тѣломъ, но присутствуя у васъ духомъ, уже рѣшилъ, какъ бы находясь у васъ, сдѣлавшаго такое дѣло въ собраніи вашемъ, во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще съ моимъ духомъ, силою Господа нашего Иисуса Христа, предать сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы духъ былъ спасенъ въ день Господа нашего Иисуса Христа»¹³³⁹). Если какое либо мѣсто письма было написано съ рыданіями, находящими отголосокъ въ самыхъ словахъ, которые Сосеенъ записывалъ изъ устъ апостола, то именно это. Онъ самъ берется произнести страшный приговоръ отлученія. Онъ отсутствуетъ, но онъ какбы тамъ, и тамъ, силою Христа, онъ произноситъ грозный приговоръ, которымъ предастъ преступника сатанѣ — съ цѣлю необычайнаго милосердія, чтобы разрушеніемъ его тѣла спасти его душу. И затѣмъ онъ прибавляетъ: «нечѣмъ вамъ хвалиться¹³⁴⁰); развѣ не знаете, что малая закваска кваситъ все тѣсто? И такъ, очистите старую закваску, чтобы быть вамъ новымъ тѣстомъ, такъ какъ вы (духовно) безквасны¹³⁴¹), ибо пасха наша, Христосъ, заклава за насъ¹³⁴²); посему станемъ праздновать не съ старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины» (v, 1—9).

И здѣсь онъ останавливается для того, чтобы объяснить то мѣсто въ его послѣднемъ посланіи, которое возбудило удивленіе. Въ немъ онъ запретилъ имѣть общеніе съ блудниками. Это побудило ихъ поставить удивленный вопросъ¹³⁴³): неужели они обязаны совершенно удалиться отъ міра? Онъ разумѣлъ, какъ онъ объясняетъ имъ теперь, что если какой либо христіанинъ завѣдомо виновенъ или въ блудодѣяніи или въ какомъ либо другомъ смертномъ грѣхѣ¹³⁴⁴), съ такимъ они не должны имѣть общенія, даже не должны сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ. Все это должно бы быть весьма понятно для нихъ. Какое дѣло ему, какое дѣло имъ судить касательно внѣшняго для нихъ міра? Это мѣсто имѣетъ

какбы характеръ надстрочной прибавки, и онъ затѣмъ присоединяетъ краткое общее правило: «и такъ, извергните развращеннаго изъ среды васъ»¹³⁴⁵).

8. Намекъ на осужденіе естественно приводитъ его къ другому предмету. Какъ смѣютъ они, предназначенные быть судіями міра и ангеловъ, обращаться по своимъ житейскимъ дѣламъ къ человѣческому суду и притомъ къ суду языческому? Почему бы имъ лучше не поставить самыхъ смиренныхъ членовъ своей церкви судьями надъ собою въ такихъ дѣлахъ? Пусть постыдятся! Столько мудрыхъ между ними и однако же нѣтъ никого настолько мудраго, чтобы разобратъ простыя житейскія распри! Гораздо лучше не имѣть совѣтъ распри между собою, а понести неправду и потерю; но увы! вмѣсто этого нѣкоторые изъ нихъ сами причиняютъ неправду и потерю и притомъ причиняютъ своимъ собственнымъ собратьямъ. Затѣмъ слѣдуетъ суровое предостереженіе, что неправедные не наследуютъ царства Божія: «не обманывайтесь!»—формула, которою онъ всегда начинаетъ самыя торжественныя мѣста—«ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злорѣчивые, ни хищники, царства Божія не наследуютъ, и такими были нѣкоторые изъ васъ¹³⁴⁶), но омылись, но осыятились, но оправдались именемъ Господа нашего Иисуса Христа и духомъ Бога нашего». Нѣкоторые изъ нихъ, очевидно склонны были обманываться; имъ правилось заблуждаться по этому пункту и они смѣло говорили, что христіанинъ свободенъ, что «все ему позволительно», потому что онъ находится уже не подъ закономъ, но подъ благодатью. «Все мнѣ позволительно». Да, говорить ап. Павелъ, но не все полезно. «Все мнѣ позволительно».—Да, но я не хочу стать рабомъ роковой тирании чего либо. Онъ разумѣетъ не яства, которые быть можетъ побудили ихъ доказывать, что они могутъ дѣлать все, что имъ угодно, независимо отъ Моисеева закона. Это *adiaphora*, вещь безразличная, въ отношеніи которой каждый человѣкъ можетъ поступать какъ ему угодно; они и воспринимающій эти яства желудокъ суть нѣчто преходящее, которое пройдетъ само собою. Не такъ съ тѣломъ; оно создано не для блуда, но для Господа, и какъ Богъ воскресилъ Христа, такъ Онъ воскреситъ и тѣла святыхъ Христовыхъ. И затѣмъ—такимъ образомъ случайно, какбы только мимоходомъ—онъ излагаетъ на всѣ времена непреложное правило, лежащее въ основѣ священной обязанности цѣломудрія. Онъ говоритъ имъ, что ихъ тѣла и ихъ, члены не ихъ собственные, но Христовы; что единство со Христомъ разрушается союзомъ съ нечистотой; что чувственность есть грѣхъ противъ собственного тѣла человѣка, что тѣло христіанина не его собственное, а есть храмъ живущаго въ немъ Духа и что самъ онъ не принадлежитъ себѣ, а купленъ дорогою цѣною. «Посему», говоритъ онъ, вполне сознавая, что теперь изложилъ истины, которые будутъ непреоборимы для какого бы то ни было скептицизма, «прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которые суть Божіи»¹³⁴⁷).

9. Этот параграфъ, касающійся трехъ предметовъ, именно: цѣломудрія, яствъ, приносимыхъ въ жертву идоламъ, и воскресенія, служить естественнымъ введеніемъ къ его отвѣтамъ на ихъ вопросы по этимъ предметамъ, и они отличаются возвышеннымъ характеромъ въ своемъ челоуколюбіи, своей мудрости и великодушіи. Онъ не говоритъ о бракѣ отвлеченно, но о бракѣ въ отношеніи къ близкому пришествію Христа, и въ отношеніи къ обстоятельствамъ и условіямъ Коринѳа, какъ самаго развращеннаго города древней Греціи. Письмо отъ коринѳянъ было повидимому писано тѣми членами церкви, которые (частію быть можетъ изъ негодующаго протеста противъ воззрѣній той партіи, которая приняла антиномистическія мнѣнія) считали, повидимому, безбрачіе единственно совершенной формой жизни. Въ отвлеченномъ смыслѣ ап. Павелъ вполне соглашается съ ними ¹³⁴⁸). Онъ приводитъ съ нѣкоторымъ одобреніемъ ихъ выраженіе, что дѣвственная жизнь лучше ¹³⁴⁹), и выражаетъ желаніе, чтобы всѣ имѣли ту же духовную благодать ¹³⁵⁰)—даръ воздержанія—какъ и онъ самъ. Но такъ какъ этого не было, то въ качествѣ позволительнаго средства противъ всеобщаго преобладанія безнравственности онъ рекомендуетъ (но не въ видѣ какого либо внушенія), что христіане должны жить вмѣстѣ въ брачномъ состояніи, а не въ безбрачномъ отшельничествѣ (vii, 1—7). Что касается вдовцевъ ¹³⁵¹) и вдовицъ, то ихъ безбрачіе въ останкѣ ихъ жизни должно быть почетнымъ состояніемъ; но бракъ былъ бы лучше, чѣмъ постоянныя плотскія похоти ¹³⁵²). Разводъ не одобрялся самимъ Христомъ и соотвѣтственно съ этимъ апостолъ высказался противъ самовольнаго расторгенія брачныхъ союзовъ уже существующихъ между язычниками и христіанами, такъ какъ дѣти отъ такихъ союзовъ святы, а поэтому и союзы священны, и такъ какъ вѣрующая жена или вѣрующій мужъ могли склонять къ вѣрѣ и своихъ невѣрующихъ сочленовъ. Общее правило, которое, какъ онъ выразительно желалъ, должны были соблюдать всѣ христіане, состояло въ томъ, чтобы они оставались въ томъ состояніи, въ которомъ были призваны, обрѣзанные ли или не обрѣзанные, такъ какъ «обрѣзаніе ничто и необрѣзаніе ничто, но все въ соблюденіи заповѣдей Божіихъ» ¹³⁵³). Даже если христіанинъ былъ рабомъ и не могъ получить себѣ свободу, то ему лучше и не смущаться своимъ рабствомъ ¹³⁵⁴), зная, что земное состояніе не имѣетъ никакого значенія съ духовной точки зрѣнія ¹³⁵⁵). Что касается дѣвицъ, то онъ могъ только высказать свое мнѣніе, что имѣя въ виду близость конца, настоящую бѣдственность и огорченія, съ которыми въ такое время неизбежно связывалось замужество, для нихъ было бы лучше не выходить замужъ. Бракъ, правда, какъ онъ ясно говорилъ имъ, не есть грѣхъ, но онъ желаетъ избавить ихъ отъ связанныхъ съ нимъ невзгодъ; онъ не желаетъ, чтобы онѣ въ это короткое время ¹³⁵⁶) несли на себѣ удручающее бремя преходящихъ земныхъ и челоуческихъ заботъ или вполне пользовались міромъ симъ ¹³⁵⁷), но чтобы обратили всѣ свои помыслы къ Богу ¹³⁵⁸). Если поэтому отецъ рѣшилъ не отдавать свою

дочь, дѣвицу, въ замужество, онъ дѣлалъ хорошо; но если любящій искалъ ея руки и обстоятельства направляли къ этому, то онъ не дѣлалъ ничего худого и отдавая ее въ замужество ¹³⁵⁹). Вдовицы могутъ, если хотятъ, вступать опять въ бракъ, но согласно съ изложенными имъ началами онъ думалъ, что имъ было бы лучше не вступать въ него. Это лишь его желаніе и его совѣтъ; онъ не высказываетъ при этомъ никакого опредѣленнаго правила; однако же, давая такой совѣтъ, онъ думалъ, что онъ также, какъ заявляли и другіе учителя, имѣлъ Духа Божія (vii, 1—40).

10. Что касается настоятельнаго вопроса, затрогивавшаго ихъ ежедневную жизнь ¹³⁶⁰), касательно яствъ, приносимыхъ идоламъ, то онъ приводитъ, но только не въ видахъ опроверженія, ихъ самодовольное замѣчаніе, что они «все знаютъ»;—но знаніе во всякомъ случаѣ гораздо ниже челоуколюбія и самое притязаніе на то, что они владѣютъ имъ, было доказательствомъ ихъ духовной гордости и невѣденія. Если они знаютъ, что идолъ есть ничто въ мірѣ и ихъ совѣсть касательно этого предмета была совершенно чиста и спокойна, то лично для нихъ не было бы грѣхомъ ѣсть эти жертвы; но если другіе, совѣсть которыхъ слаба, видя ихъ пирующими въ языческихъ храмахъ, нашли бы въ этомъ показномъ выставленіи отсутствія всякаго смущенія ¹³⁶¹) поводъ подражать имъ въ томъ, что они сами считали дурнымъ, тогда это ихъ знаніе и свобода становятся камнемъ преткновенія, гибельнымъ примѣромъ ¹³⁶²), источникомъ смерти для совѣсти брата; и такъ какъ поражать такимъ образомъ не мощную совѣсть брата есть грѣхъ противъ Христа, то онъ лучше никогда бы не прикоснулся мяса опять, пока существуетъ міръ, чѣмъ быть повиннымъ въ гибельномъ соблазнѣ для своего брата ¹³⁶³).

11. Въ этомъ мѣстѣ начинается замѣчательное отступленіе, которое, не смотря на уклоненіе отъ предмета, косвенно однако же поддерживаетъ то положеніе, которое нѣкоторые изъ его противниковъ старались поколебать, и хотя въ своихъ подробностяхъ имѣетъ личный характеръ, однако же, какъ это постоянно бываетъ у ап. Павла, содѣйствуетъ подтвержденію вѣчныхъ истинъ. Они могли возразить, что тѣмъ, что высказано имъ, онъ ограничивалъ ихъ свободу и дѣлалъ совѣсть слабыхъ узамъ для разума сильныхъ. Но, подробно излагая ихъ возраженія, онъ показываетъ имъ, что онъ самъ исполнялъ то, чему училъ. Онъ также былъ свободенъ и апостолъ, во всякомъ случаѣ ихъ апостолъ, и имѣлъ полное право дѣлать то, что дѣлали и другіе апостолы—Деспосины и самъ Кифа, рассчитывая на церкви, что онѣ будутъ содержать ихъ и женъ ихъ ¹³⁶⁴). Онъ даже довольно пространно защищаетъ это право, какъ земными примѣрами изъ жизни воина, работника и пастуха (ix, 7), такъ и прекраснымъ раввинскимъ мидрашемъ о незагражденіи рта волу молотятщему (ix, 8—10); обычнымъ правиломъ благодарности за полученное благодѣяніе (11, 12); постановленіемъ іудейскаго храма (13) и правиломъ Христа (14); но какъ ни ясно было это право и какъ

ни настойчиво онъ поддерживалъ его, онъ однако же самъ никогда не пользовался имъ и, что бы ни говорили враги, никогда не будетъ пользоваться имъ. Онъ *долженъ* проповѣдывать евангеліе, не смотря ни на какія затрудненія; единственной его наградой оставалась возможность хвалиться, что онъ никогда не добивался своихъ правъ вопліи, но проповѣдывалъ евангеліе даромъ и такимъ образомъ устранялъ всякій возможный источникъ соблазна. Какъ ни свободенъ однако же онъ былъ, онъ сдѣлалъ себя рабомъ (какъ въ немногихъ отношеніяхъ онъ просилъ и ихъ быть) ради другихъ; рабомъ для всѣхъ, чтобы можно было приобрести больше; ставя себя въ ихъ положеніе, отвѣчая на ихъ сочувствіе и даже на ихъ предрасудки; дѣлаясь иудеемъ для иудеевъ, законникомъ для законниковъ, человекомъ безъ закона для людей безъ закона (не будучи чуждъ закона предъ Богомъ, но подзаконенъ Христу) ¹³⁶⁵), слабымъ для слабыхъ, всѣмъ для всѣхъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ. И если онъ такъ отрекся отъ самого себя, то не должны ли они также отречься отъ себя ¹³⁶⁶)? Въ своихъ истмійскихъ играхъ каждый изъ нихъ старался получить вѣнокъ, и сколько труда и терпѣнія они должны были вынести для того, чтобы выиграть этотъ тлѣнный вѣнецъ! Ап. Павелъ дѣлалъ тоже самое. Онъ прямо стремился къ цѣли; онъ прямо наносилъ удары и не по воздуху только, но по противнику ¹³⁶⁷); мало того, онъ усмирить и поработить тѣло свое ¹³⁶⁸), чтобы, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ или вычеркнутымъ изъ списка бойцовъ ¹³⁶⁹).

Если онъ старался такъ много, то могли ли они думать, что имъ все достанется легко? Не такъ это было съ израильтянами въ пустынѣ. Они также въ нѣкоторомъ смыслѣ были крещены въ Моисея въ столпѣ облачномъ и въ волнахъ Чермнаго моря ¹³⁷⁰), они также въ нѣкоторомъ смыслѣ принимали евхаристію въ небесной маннѣ и пили изъ духовнаго камня ¹³⁷¹); и однако же какъ многіе изъ нихъ ¹³⁷²) пали вслѣдствіе объяденія, идолослуженія, похоти, возмущенія, ропота, и навсегда сдѣлались предметомъ страшнаго предостереженія противъ необузданнаго самовольства! Да, стезя долга трудна, но не невозможна, и нѣтъ такого искушенія, которое бы превосходило силу человѣческую, потому что вмѣстѣ съ испытаніемъ Богъ даетъ и возможность его продолженія. Пусть они остерегаются всякаго подозрительнаго равнодушія касательно идолослуженія. Какъ евхаристія соединяла ихъ въ тѣснѣйшемъ общеніи со Христомъ и другъ съ другомъ, такъ что всѣ отъ вкушенія одного хлѣба становятся однимъ тѣломъ и однимъ хлѣбомъ, такъ и вкушеніе языческой жертвы было равносильно общенію съ демонами ¹³⁷³). Идолъ, какъ они высказывались, есть ничто; но онъ *представляетъ* собою злаго духа ¹³⁷⁴), и общеніе съ демонами есть нечистая и чуждая примѣсь къ ихъ дружеству во Христѣ, опасное пренебреженіе къ ихъ союзу съ Богомъ. Онъ еще разъ повторяетъ, что то, что позволительно, не всегда полезно или назидательно. Пусть братолюбіе, а не себялюбіе будетъ ихъ руководящимъ правиломъ. Отъ нихъ не требуется щепетильной разборчивости. Они могутъ покупать на рынкѣ.

могутъ ѣсть за частнымъ столомъ у язычниковъ все, что угодно, не разспрашивая о происхожденіи этой пищи; но если ихъ вниманіе нарочито обращено на то, что какое либо блюдо составляло часть идоложертвеннаго, тогда, какъ бы они ни настаивали на томъ, что «Господня земля и исполненіе ея», что имъ кажется тяжкимъ стѣсненіемъ, когда ихъ судятъ или ограничиваютъ ихъ свободу въ совершенно безразличныхъ дѣйствіяхъ, которыя они могли бы совершать даже въ религіозномъ духѣ,—тѣмъ не менѣе пусть они подражаютъ примѣру самого Павла, который только что подробно выясненъ имъ, который былъ въ дѣйствительности примѣромъ Христовымъ и состоялъ въ полномъ самоотреченіи и удаленіи отъ всякаго преднамѣреннаго соблазна какъ для иудеевъ, такъ и для язычниковъ и вообще церкви Божіей.

Въ этомъ возвышенномъ отдѣлѣ посланія, столь замѣчательномъ по своимъ любвеобильнымъ началамъ и по своему высокому здравому смыслу, совершенно ясно, что всѣ симпатіи ап. Павла теоретически были съ сильными, хотя онъ по видимому чувствуетъ нѣчто въ родѣ *практической* наклонности въ сторону аскетизма. Онъ ни подъ какимъ видомъ не одобряетъ показнаго, наглаго, оскорбительнаго своевольтва. До извѣстной степени должны быть уважаемы и предразсудки, даже нелѣпыя и изувѣрные предразсудки, и было бы грубымъ себялюбіемъ и ненужною несправедливостью уязвлять ихъ. Кромѣ того, было бы несправедливо подавать имъ примѣръ насилія надъ смущающейся совѣстію. Но когда это смущеніе и это изувѣрство слабыхъ дѣлались въ свою очередь назойливыми, тогда, какъ вопліи сознаетъ ап. Павелъ, ихъ нужно подавлять и останавливать, чтобы слабость не поставила закона для силы. Иное дѣло терпѣть слабыхъ, иное дѣло давать имъ тираническія отношенія къ другимъ. Ихъ невѣденіе не должно становиться предѣломъ для дѣйствительнаго знанія, ихъ близорукость не должна заграждать горизонта для истинной прозорливости, ихъ рабское суетворіе не должно стѣснять свободы Христовой. Въ предметахъ, гдѣ небольшою снисходительностью и самоотреченіемъ можетъ быть устранено смущеніе, тамъ сильные должны уступать и ограничивать себя въ своихъ пра-

Греческое пиршество
(съ скульптурнаго изображенія въ Британскомъ музеѣ).

вахъ; но въ томъ, что касалось ежедневной практики, какъ напр. покупки мяса на рынокъ или принятія обычныхъ приглашеній, тамъ немощные не должны становиться назойливыми или добиваться преобладанія. Нѣкоторые, несомнѣнно, могли неодобрительно высказаться касательно этихъ уступокъ. Они могли обвинять ап. Павла, какъ они обвиняли и ап. Петра, въ нарушеніи страшнаго Синайскаго закона. Они могли назвать его «беззаконникомъ» или другимъ какимъ-либо оскорбительнымъ именемъ, какъ только хотѣли; но онъ не такой человѣкъ, чтобы можно было застрашать его этимъ или заставить отказаться отъ яснаго и вѣрнаго начала дружнымъ, но бессмысленнымъ шумомъ. Если бы его стали обвинять въ ниспроверженіи мудраго опредѣленія собора іерусалимскаго, то онъ могъ бы спокойно отвѣтить, что это было лишь временное и мѣстное правило, установленное для нѣсколькихъ по преимуществу іудейскихъ церквей; что ему не придавалось какого либо всеобщаго или вѣчнаго значенія, но что онъ теперь разсматривалъ предметъ по самой его сущности и излагалъ начала, приложимыя ко всякой церкви, въ которой, какъ въ коринтской, язычники составляли наиболѣе многочисленный классъ.

12. Затѣмъ его вниманіе привлечено было однимъ второстепеннымъ предметомъ. Нѣкоторые мужчины, какъ видно, въ собраніяхъ сидѣли съ покрытыми головами, а нѣкоторыя женщины—съ открытыми, и коринтяне спрашивали его мнѣнія касательно этого предмета. Благодаря ихъ за ихъ добрую почтительность къ его правиламъ и желаніямъ, онъ сразу же рѣшаетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія высшихъ началъ. Что касается мужчинъ, то ихъ обыкновеніе сразу могло показаться вызывающимъ недоумѣніе, такъ какъ по іудейскому и римскому обычаю молиться они всегда должны были съ покрытою головою, а по греческому обычаю съ непокрытою головою. Ап. Павелъ рѣшаетъ въ пользу греческаго обычая. Христосъ есть глава человѣка и мужчина можетъ поэтому стоять предъ Богомъ съ непокрытою головою; но если онъ покрываетъ свою голову, то этимъ безъ всякой нужды наноситъ ей безчестье, потому что отрекается отъ высшей славы, полученной имъ чрезъ воплощеніе Христа. Совсѣмъ иное дѣло въ отношеніи женщинъ. Глава женщины есть мужчина, и поэтому въ молитвѣ, въ присутствіи Господа, своего господина, она должна являться съ покрытою головою¹³⁷⁵). Сама природа, давая женщинѣ покровъ изъ волосъ, научаетъ, что это рѣшеніе правильно, и преподавая естественный урокъ, что остриженная голова была бы безчестьемъ для женщины, какъ и длинные волосы, знакъ женственности, были бы безчестьемъ для мужчины. Открытая голова мужчины есть также знакъ его превосходства, и такъ какъ женщина согрѣшила первая и вообще болѣе подлежитъ искушенію ко грѣху, то она должна носить на головѣ своей знакъ власти надъ нею, для ангеловъ¹³⁷⁶). Мужъ и жена составляютъ одно во Христѣ, но по этой то причинѣ и должны быть соблюдаемы различія въ ихъ внѣшности. Во всякомъ случаѣ ап. Павелъ не намѣренъ входить въ какое-либо особое разсужденіе касательно этого

предмета. Если природа не убѣдила ихъ въ томъ, что онъ правильно разрѣшилъ этотъ вопросъ, то онъ могъ только отослать ихъ къ установившемуся обычаю, который и долженъ имѣть рѣшающее значеніе для всѣхъ, исключая разумѣется тѣхъ, которые любятъ спорить¹³⁷⁷).

13. Затѣмъ слѣдуетъ суровый укоръ—тѣмъ болѣе суровый, что онъ прикрывается дважды повтореннымъ выраженіемъ «не хвалю васъ»,—за позорную самолюбивость и беспорядочность, которыми они позволили вторгнуться въ ихъ вечера любви, сопровождающія таинство Господне,—въ особенности за объѣденіе, пьянство и показное хвастовство богатѣйшихъ членовъ общины и презрительное равнодушіе, которое они показывали къ нуждамъ и потребностямъ своихъ болѣе бѣдныхъ собратьевъ. Простое повѣствованіе объ установленіи и цѣли вечера Господней, которое онъ получилъ отъ Господа и передавалъ имъ, и торжественное предостереженіе объ опасности, связанной съ ея профанаціей и проявившейся уже въ болѣзни, слабости и смерти многихъ изъ нихъ, онъ выставляетъ какъ врачебное средство противъ ихъ грубыхъ беспорядковъ. Онъ говоритъ имъ, что отсутствіе способности различенія (*διάκρισις*) въ ихъ сердцахъ сдѣлало необходимымъ судъ (*κρίμα*), который былъ милостивымъ приготовленіемъ (*παίδευσμα*) къ спасенію ихъ отъ окончательнаго осужденія (*κατάκριμα*)¹³⁷⁸). Разрѣшеніе всѣхъ второстепенныхъ предметовъ, о которыхъ они спрашивали его, хотя и не сознавались въ существованіи у нихъ позорныхъ неурядицъ, оставлено апостоломъ до его личнаго прибытія къ нимъ (хл, 17—34).

14. Слѣдующія три главы, изъ которыхъ хлп, содержащая описаніе чело-вѣколюбія, есть славнѣйшій перлъ даже въ посланіяхъ ап. Павла,—занимаются отвѣтомъ на ихъ вопросы касательно духовныхъ даровъ. При тѣхъ страшныхъ беспорядкахъ, которые указаны нами, едва ли будетъ удивительнымъ, что глоссо-

Гречанка съ покрываломъ на головѣ
(съ терракотной статуи въ Британскомъ музеѣ).

лалія приводила къ ужаснымъ злоупотребленіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видимъ, или потому, что необузданно предавались великому возбужденію и поэтому становились безсильными жертвами всякой богохульной мысли, случайно пронесившейся по ихъ смутному уму; или вслѣдствіе какого-либо отуманивающего философскаго мудрованія, старавшагося сдѣлать различіе между Логосомъ и распятымъ Христомъ, между человѣкомъ Иисусомъ и Господомъ Христомъ; или быть можетъ вслѣдствіе какого либо еще неразрѣшеннаго іудейскаго затрудненія касательно стиха: «проклятъ всякій висящій на деревѣ» (Втор. xxi, 23) — среди непонятныхъ и темныхъ восклицаній издавали иногда даже восклицанія *Anathema Iesus* — «да будетъ проклятъ Иисусъ». Имѣя еще очень смутное понятіе касательно истинной сущности дара языковъ, кориняне, въ своемъ великомъ смущеніи, спрашивали ап. Павла, что имъ думать объ этомъ? Онъ торжественно далъ имъ прямой отвѣтъ. Когда они были невѣжественными поклонниками нѣмыхъ идоловъ, они быть можетъ привыкли къ ложному вдохновенію Пнеи или Сивиллы, которыя могли производить такое настроеніе въ человѣкѣ, что онъ съ распущенными волосами и пѣною у рта произносилъ отрывочныя восклицанія, что они и считали духомъ Пнеона, Трофонія или Диса; но теперь онъ излагаетъ имъ великое правило того «различенія духовъ», которое дало бы имъ возможность дѣлать различіе между восхищенными выраженіями божественнаго вдохновенія и механическими и безумными бреднями женской слабости или лицемѣрнаго суевѣрія. Каковы бы ни были внѣшнія явленія, главное значеніе имѣютъ выраженія духа. Ни одинъ человѣкъ, истинно вдохновленный свыше, не можетъ произнести анаемы на Иисуса ¹³⁷⁹⁾, равно какъ не вдохновленный имъ не можетъ сказать отъ сердца «Иисусъ есть Господь». *Харізма* или дары различны; различны также и «служенія» или способы ихъ проявленія; различны также дѣйствія силы и слѣдствія ихъ; но источникъ ихъ одинъ и тотъ же — одинъ Св. Духъ, отъ котораго они всѣ исходятъ; одинъ Господь, отъ котораго получаетъ свой авторитетъ всякое истинное служеніе; одинъ Богъ, отъ котораго исходить всякое дѣяніе доброе и всякъ даръ совершенный (Іак. i, 17). И это различное проявленіе одного и того же Духа, практическая ли мудрость или научное знаніе, героизмъ вѣры съ исходящими отъ нея дарами исцѣленія или сила власти, безстрастно выраженная, способность различать между истинными и ложными духовными проявленіями, или наконецъ роды языковъ, истолкованіе языковъ ¹³⁸⁰⁾, — все это соподчинено одной и той же цѣли — назиданію. И поэтому допускать какое-либо столкновеніе между дарами, предаваться какому либо соперничеству въ ихъ проявленіи, значитъ раздирать единство, господствующее надъ всѣмъ этимъ богатымъ разнообразіемъ, высказывать сомнѣнія касательно единства ихъ происхожденія, разрушать единство ихъ дѣйствія. Эти дары: чудотвореніе, пророчество, различеніе духовъ, разные языки — отдѣльно встрѣчались въ различныхъ лицахъ; но каждый изъ нихъ, апостолъ ли, пророкъ

или учитель, есть только крещенный членъ одного тѣла Христова; и новымъ приложеніемъ древней классической басни Мененія Агриппы апостолъ еще разъ поясняетъ роковыя слѣдствія, которыя всегда происходятъ отъ всякаго спора между тѣломъ и его членами ¹³⁸¹⁾. Пусть они желаютъ лучшихъ даровъ (и языки, которыми они наиболѣе тщеславились, онъ намѣренно назвалъ послѣдними), и однако онъ теперь желаетъ указать имъ путь гораздо болѣе возвышенный, чѣмъ всякіе дары. И затѣмъ, поднимаясь на крыльяхъ вдохновеннаго выраженія, онъ, какъ бы съ озаренныхъ солнцемъ горныхъ высотъ, *изливаетъ* свой славный гимнъ **христіанской любви**. Безъ нея, пусть человѣкъ даже говорить не только человѣческими, но даже и ангельскимъ языками, онъ всетаки будетъ лишь мѣдью звенящей или кимваломъ звучащимъ ¹³⁸²⁾; безъ нея — пусть онъ имѣетъ даръ пророчества, знаетъ всѣ тайны и *имѣетъ* всякія познанія и всю вѣру, такъ что можетъ и горы переставлять, — онъ всетаки ничто. Пусть онъ раздастъ все свое имѣніе и отдастъ все *свое* тѣло на сожженіе, а любви не имѣетъ, то нѣтъ ему никакой пользы въ томъ. Затѣмъ слѣдуетъ то описаніе любви, которое должно бы написать золотыми буквами на сердцѣ каждаго христіанина. «Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ; любовь не завидуетъ, любовь не превозносится ¹³⁸³⁾, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла ¹³⁸⁴⁾, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ» ¹³⁸⁵⁾. Пророчества, языки и знаніе — все это имѣетъ лишь временный характеръ и все исчезнетъ, когда придетъ совершенное; а любовь — это цвѣтокъ, который никогда не увядаетъ ¹³⁸⁶⁾. Все это лишь лепетаніе чувства и разсужденіе младенца; но любовь принадлежитъ къ совершенному мужеству, когда мы увидимъ Бога не какъ въ смутномъ отраженіи зеркала, но лицомъ къ лицу, и узнаемъ Его не отчасти, а вполне, подобно тому, какъ и Онъ знаетъ насъ вполне. Вѣра, надежда и любовь — вотъ три не преходящихъ дара, но постоянно обитающая благодать; но величайшая изъ нихъ есть любовь — величайшая потому, что она составляетъ корень двухъ другихъ; величайшая потому, что тѣ служатъ ради насъ, а любовь — для другихъ; величайшая потому, что не въ вѣрѣ и не въ надеждѣ находится настоящее пользованіе небомъ, а только въ возвышенномъ и озаренномъ благословеніи «вѣры, дѣйствующей любовью»; величайшая потому, что вѣра и надежда имѣютъ человѣческій характеръ, а любовь божественна по самой своей сущности (хп. 31 — хш. 13).

15. На этомъ основаніи, столь божественномъ, столь незыблемомъ, легко было построить рѣшеніе касательно взаимнаго отношенія между духовными дарами. Легко видѣть, что проповѣдничество выше glossolалии, потому что одно было въ высшей степени непонятнымъ дѣломъ, а другое — источникомъ общей пользы. Говорящій языками, если только онъ не могъ въ то же время истолковывать или не могъ кто нибудь другой истолковывать за него нечленораздѣльныхъ востор-

говъ, произносилъ лишь невнятные звуки, подобно неопредѣленному звуку трубы или смѣшаннымъ звукамъ арфы или флейты. При отсутствіи всякаго истолкованія, говореніе языками есть лишь говореніе на воздухъ. Оно не имѣетъ никакого значенія и такъ же бесполезно, какъ жаргонъ варвара. Такъ какъ они особенно гордились этимъ даромъ, то пусть они молятся о полученіи способности истолковывать свои изреченія. Молитва, пѣснь духа должны сопровождаться согласіемъ разума; иначе «языкъ» будетъ бесполезенъ всякому обыкновенному молящемуся, такъ какъ онъ, не понимая говоримаго, не можетъ отвѣчать «аминь»¹³⁸⁷) на голосъ священнодѣйствующаго. Ап. Павелъ благодаритъ Бога, что онъ также былъ способенъ къ этому глубокому духовному движенію, поддавался вдохновенію глоссолаліи даже болѣе, чѣмъ кто либо изъ нихъ¹³⁸⁸); и однакоже онъ такъ мало цѣнилъ этотъ даръ, можно сказать даже — такъ унижалъ его, какъ часть общественнаго богослуженія, — что сказавъ имъ, что онъ скорѣе готовъ сказать пять понятныхъ словъ для наученія другихъ, чѣмъ десять тысячъ словъ на «невѣдомомъ языкѣ»¹³⁸⁹), онъ проситъ ихъ не быть младенцами въ разумѣ, а быть младенцами въ порокахъ, и приводить въ духъ того истолкованія, съ которымъ могли быть знакомы его іудейскіе обращенцы, мѣсто изъ пророка Исаи¹³⁹⁰), въ которомъ Іегова угрожаетъ пьянымъ священникамъ Іерусалима, что такъ какъ они не хотятъ слушать простой проповѣди пророка, то онъ преподастъ имъ урокъ (хотя также бесполезно) посредствомъ завоевателей, говорящихъ языкомъ, котораго они не понимаютъ. Изъ этого онъ выводилъ, что «языки» совсѣмъ не предназначаются для церкви, а суть только знакъ для невѣрующихъ, и что они, употребляемые такъ смутно и беспорядочно, какъ это было въ Коринѣ, могли только возбуждать даже въ невѣрующихъ презрительное замѣчаніе, что они сами представляютъ собою секту бессмысленныхъ фанатиковъ, между тѣмъ какъ слѣдствіемъ проповѣди могло бы быть внутреннее убѣжденіе, пламенная молитва и признаніе присутствія Божія среди нихъ (xiv, 1—26).

16. Беспорядки затѣмъ въ коринѣской церкви возникали вслѣдствіе себялюбиваго соперничества между ними выказать свой собственный спеціальнѣйшій даръ — языкъ ли, псаломъ, ученіе или откровеніе. Если они будутъ помнить, что цѣль молитвы есть назиданіе, то такія сцены не повторятся. Только немногіе поэтому въ извѣстное время должны говорить языками и только въ томъ случаѣ, если кто нибудь можетъ изъяснить; иначе они должны подавлять въ себѣ побужденія къ этому. Не должны также двое проповѣдывать въ одно и тоже время. Если соперничество въ бессмысленныхъ восклицаніяхъ среди глоссолалистовъ поддерживалось какимъ нибудь сирійскимъ энтузіастомъ, то болѣе терпимый, но еще болѣе непріятный беспорядокъ производимъ былъ соперничествомъ страдавшихъ «эгоизмомъ ораторства» проповѣдниковъ, приверженцевъ и поклонниковъ Аполлоса. Для исцѣленія этого недуга апостолъ излагаетъ

правило, что если говорить одинъ проповѣдникъ, а другой чувствуетъ непреодолимое желаніе сказать что нибудь, то первый долженъ перестать. Бесполезно ссылаться на то, что они не въ силахъ воздерживаться отъ проповѣдничества. Духи, вдохновляющіе истиннаго пророка, находятся подъ должнымъ контролемъ пророка, и Богъ есть виновникъ не смятенія, а мира. Женщины не должны говорить въ церкви совсѣмъ, и если онѣ нуждаются въ какомъ нибудь поясненіи, то должны спрашивать объ этомъ своихъ мужей дома. Таково было общее правило для всѣхъ церквей, и никто не имѣлъ права измѣнять этого мудраго и добраго постановленія. Развѣ коринѣяне представляли собою самую первую церковь? Развѣ они были только единственною церковью? Истинный проповѣдникъ, человѣкъ истинно духовный, сразу признаетъ, что эти постановленія суть заповѣди Господа, а для непреодолимаго изувѣрства и упорнаго невѣжества ап. Павелъ не желаетъ ничего говорить больше. Самъ собою выступаетъ отсюда тотъ выводъ, что проповѣдничество нужно ободрять и глоссолалію не запрещать, если только она не нарушала общаго правила, что все должно совершаться прилично и въ порядкѣ. Изъ выясненнаго отношенія ап. Павла къ «языкамъ», — явленію первоначально священному и важному, но подлежащему легкой возможности поддѣлки и тяжкаго злоупотребленія и поэтому непригодному для полезнаго служенія, — можно замѣчать однакоже, что апостолъ склоняется даже къ полному подавленію проявленія самаго чувства, о которомъ онъ отзывался такъ неодобрительно. Во всякомъ случаѣ, съ этого времени мы мало или ничего не слышимъ о «дарѣ языковъ». Нѣчто сходное съ нимъ проявлялось иногда въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя эпохи исторіи христіанской церкви. По своей сущности это есть естественное слѣдствіе свѣжаго и всеувлекающаго религіознаго чувства, но ему такъ легко подражать симптомами истерики и онъ часто ведетъ къ столь беспорядочнымъ и плачевнымъ слѣдствіямъ, что за рѣдкими отдѣльными исключеніями онъ вообще имѣлъ противъ себя то сознаніе необходимости приличія и порядка, которое излагаетъ здѣсь ап. Павелъ, что потомъ и было вполне признано спокойною мудростью христіанской церкви. Контроль и подавленіе восторженнаго чувства, выражавшагося въ глоссолаліи, есть практическое его уничтоженіе, хотя это ни коимъ образомъ не влечетъ за собою необходимаго подавленія вдохновляющаго убѣжденія, изъ котораго оно впервые возникло (xiv, 26—40).

17. Затѣмъ слѣдуетъ безсмертная глава, въ которой апостолъ утверждаетъ въ коринѣянахъ вѣру въ воскресеніе и разрѣшаетъ ихъ затрудненія касательно его. Если они не хотятъ совершенно отвергнуть принятаго ими Евангелія, въ которомъ они пребывали и которымъ они спасались, то они твердо должны держаться вновь повторяемыхъ имъ теперь истинъ, что Христосъ умеръ за грѣхи наши, былъ погребенъ и въ третій день воскресъ. Онъ перечисляетъ Его явленія по воскресеніи, именно явленіе Кифѣ, двѣнадцати, болѣе чѣмъ пяти стамъ братій сразу, изъ которыхъ большинство еще были живы, Іакову, всѣмъ апостоламъ;

наконецъ, какбы нѣкому извергу, и ему самому ¹³⁹¹⁾; «ибо я, прибавляетъ онъ, наименьшій изъ всѣхъ апостоловъ и недостойнъ называться апостоломъ, потому что гналъ церковь Божію; но благодатию Божіею есмь то, что есмь; и благодать Его во мнѣ не была тщетна; но я болѣе всѣхъ ихъ потрудился: не я впрочемъ, а благодать Божія, которая со мною; и такъ, я ли, они ли, мы такъ проповѣдуемъ, и вы такъ увѣровали» ¹³⁹²⁾.

Если же Христосъ воскресъ, то откуда явилось чудовищное ученіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, что не будетъ воскресенія мертвыхъ? Эти двѣ истины не отдѣлимы одна отъ другой. Если Христосъ не воскресъ, то тщетна вѣра ихъ, грѣхи ихъ не прощены, умершіе ихъ погибли; и если ихъ надежда во Христѣ не предназначена къ осуществленію, то они самые жалкіе изъ людей. Но такъ какъ Христосъ воскресъ, то воскреснемъ также и мы, и какъ всѣ люди принимаютъ участіе въ смерти, принесенной Адамомъ, такъ и всѣ оживутъ въ новую жизнь во Христѣ ¹³⁹³⁾. Но каждый въ своемъ порядкѣ: первенецъ Христосъ, потомъ Христовы, въ пришествіе Его; а затѣмъ конецъ, когда Онъ передастъ царство Богу Отцу, и когда истребится послѣдній врагъ—смерть и Богъ будетъ все во всемъ. А если бы не было воскресенія, то зачѣмъ имъ и креститься для мертвыхъ ¹³⁻⁴⁾ и зачѣмъ апостолы мужественно идутъ на встрѣчу опасности смерти? Въ похвалу себѣ о нихъ во Христѣ онъ заявляетъ, что онъ каждый день какбы умираетъ. И если, говоря почеловѣчески, онъ боролся со звѣрями въ Ефесѣ ¹³⁹⁵⁾, то какая ему польза, если мертвые не воскреснутъ? Эпикурейцы могли находить нѣкоторое оправданіе для своего дикаго и печальнаго правила: «будемъ ѣсть и пить, потому что завтра умремъ». Неужели общеніе съ язычниками произвело въ нихъ это опасное невѣріе? О, пусть они не обманываются, пусть остерегаются этой опасной закваски. «Худыя сообщества развращаютъ добрые нравы». Пусть они сразу же пробудятся къ праведности отъ опьяняющаго сновидѣнія своего невѣрія и пусть отвергнуть привившіяся къ нимъ грѣховныя привычки! Къ стыду ихъ приходится сказать, что «нѣкоторые изъ нихъ не знаютъ Бога» (хв, 12—35).

Что же касается матеріальныхъ затрудненій, то ап. Павелъ не только устраняетъ ихъ однимъ восклицаніемъ: «безразсудный!», но говоритъ, что тѣло умираетъ, какъ умираетъ и сѣмя, и наши тѣла въ воскресеніи будутъ отличны отъ теперешнихъ, какъ вновь выросшее зерно отличается отъ посѣяннаго, и между собой такъ же различны, какъ различны тѣла небесныя и тѣла земныя, или какъ одна звѣзда разнится отъ другой въ славѣ. Тлѣнность, уничиженность, немощность смертнаго тѣла, въ которое при рожденіи насаждается душа, уступать мѣсто нетлѣннѣ, славѣ, силѣ воскреснаго тѣла. Намѣсто матеріальнаго явится духовное; небесный образъ оживляющаго духа Христова замѣнитъ земной образъ Адама, простую душу живу ¹³⁹⁶⁾. Такимъ образомъ въ немногихъ простыхъ словахъ ап. Павелъ опровергаетъ заблужденія коринѳянъ каса-

тельно физическаго тождества воскреснаго тѣла съ теперешнимъ, мнѣніе, которое подавало поводъ къ столь многимъ презрительнымъ матеріалистическимъ возраженіямъ. Ап. Павелъ не говоритъ съ Пруденціемъ:

Me ne dente, nec ungue
Fraudatum redimet patefacti fossa sepulchri,

но что «плоть и кровь» не могутъ наследовать царствіе Божіе; что съ пришествіемъ Христа тѣла живыхъ измѣнятся во мгновеніе ока, а тѣла умершихъ воскреснутъ въ небесное, духовное и прославленное тѣло ¹³⁹⁷⁾.

Такимъ образомъ тѣло будетъ не то же самое, но духовное тѣло, чѣмъ сразу устранялись всѣ грубыя матеріалистическія возраженія. Въ извѣстный моментъ живые и мертвые, при звукѣ послѣдней трубы, измѣнятся отъ тлѣнія къ нетлѣннѣ, отъ смертнаго естества къ безсмертію. «Тогда обудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою. Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда ¹³⁹⁸⁾? Жало же смерти—грѣхъ, а сила грѣха—законъ. Благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. И такъ, братья мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспѣвайте въ дѣлѣ Господнемъ, зная, что трудъ вашъ не тщетенъ предъ Господомъ» ¹³⁹⁹⁾.

Такъ оканчивается эта знаменитая глава—надежда миллионѣ живущихъ, утѣшеніе въ утратѣ умершихъ. И если, какъ мы видѣли, ап. Павелъ былъ наиболѣе страждущимъ и въ этой жизни наиболѣе жалкимъ изъ людей, то какое же славное преимущество было у него при этихъ невзгодахъ, какая славная награда предстояла ему за всѣ его труды и страданія въ томъ именно, что онъ такъ былъ одаренъ и озаренъ Духомъ святымъ, что могъ такимъ образомъ какбы случайно даже изливать слова, которыя поднимаются въ область, стоящую выше всѣхъ затрудненій и возраженій, и которыя научаютъ насъ признавать въ смерти не проклятіе, а вѣнецъ, не поражение, а побѣду, не ядовитого змія, а скровеннаго ангела, не злѣйшаго врага, но величайшее родовое право челоуѣчества. Не обличеніемъ въ неправотѣ, не нетерпѣливымъ подавленіемъ всякаго разсужденія, не перунами негодующей власти встрѣчаетъ онъ чудовищное невѣріе, такъ близко затрогивающее самыя основныя истины христіанства, именно отрицаніе воскресенія. Онъ старается опровергнуть его личными доводами, полезными примѣрами, спокойнымъ и возвышеннымъ размышленіемъ, пылкими увѣщаніями, пламеннымъ краснорѣчіемъ вдохновеннаго убѣжденія. Анагема тутъ была бы болѣе, чѣмъ бесполезна; на отлученіе онъ едва лишь намекаетъ; но опроверженіе опаснаго заблужденія посредствомъ изложенія возвышающей истины получило свою высшую и непреходящую награду въ утвержденіи вѣры, въ озареніи надежды безчисленныхъ поколѣній.

Замѣтимъ также, что вдохновенное убѣжденіе ап. Павла въ истинѣ воскресенія основывается, какъ и все его богословіе, на мысли, что жизнь христіанина

есть «жизнь во Христѣ». Онъ не касается мнѣній Платона касательно нашихъ воспоминаній о прежнемъ состояніи бытія; но вмѣсто неосуществившихся идей, на которыхъ создаетъ свое ученіе Платонъ, онъ предлагаетъ осуществившіеся идеалы Христа. Онъ не основываетъ своихъ доводовъ, какъ это дѣлаетъ Кантъ, на неспособности человѣчества повиноваться «категорическому императиву» долга, а указываетъ на безгрѣшнаго человѣка. Онъ не слѣдуетъ древнимъ и не останавливается на ложныхъ аналогіяхъ, доставляемыхъ бабочкой или мотылькомъ; и его не сбиваетъ, какъ это было съ знаменитѣйшими ему современниками и послѣдующими мыслителями, господствовавшая тогда басня о фениксѣ. При своей аргументаціи онъ не основывается на законѣ непрерывности, на неразрушимости атомовъ, на сохраненіи силы или на общей вѣрѣ человѣчества. Но единственная его мысль, единственный его доводъ состоитъ въ слѣдующемъ: вы Христовы, а Христосъ воскресъ; если вы умерли съ Нимъ ко грѣху, то и должны жить съ Нимъ въ праведность здѣсь, а слѣдовательно и къ славѣ потомъ. Жизнь, которою вы теперь живете, находится въ вѣрѣ въ Сына Божія, и будучи вѣчна по своей сущности, она содержитъ въ себѣ залогъ своей собственной неразрушимой жизненности. Онъ учитъ насъ какъ въ явленіяхъ человѣческаго грѣха, такъ и въ явленіяхъ человѣческой святости видѣть истину воскресенія. Христосъ умеръ для прощенія грѣха, для награды, надежды и поддержанія святости. Онъ обитаетъ оденую Бога. Онъ не столько приводитъ доказательства въ пользу воскресенія, сколько изображаетъ его и заставляетъ насъ чувствовать его силу. Воскресеніе христіанина отъ смерти грѣха къ жизни праведности превосходитъ и поглощаетъ собою меньшее чудо его воскресенія отъ сна смерти къ жизни вѣчной.

18. Посланіе заканчивается практическими указаніями и привѣтствіями. Апостолъ учреждаетъ еженедѣльный сборъ приношеній, какъ это онъ сдѣлалъ и въ Галатіи, для святыхъ въ Іерусалимѣ. Онъ пишетъ коринѳянамъ, что онъ, если будетъ возможность, или самъ отнесетъ собранную у нихъ милостыню въ Іерусалимъ, или поручитъ ее какимъ либо посланнымъ отъ нихъ, снабженнымъ ихъ рекомендательными письмами. Безъ всякаго разъясненія онъ объявляетъ имъ объ отъѣздѣ своего намѣренія касательно посѣщенія ихъ мимоходомъ при проходѣ чрезъ Македонію, равно какъ и по возвращеніи своемъ оттуда, но извѣщаетъ ихъ, что намѣренъ придти къ нимъ изъ Македоніи и быть можетъ перезимуетъ у нихъ, такъ чтобы они могли помочь ему въ его дальнѣйшемъ путешествіи, и что онъ намѣренъ остаться въ Ефесѣ до пятидесятницы, потому что для него «отверста великая и широкая дверь, и противниковъ много».

Къ нимъ быть можетъ придетъ Тимофей. Если такъ, то они не должны презрительно относиться къ его юности или смущать его своимъ противодѣйствіемъ, но содѣйствовать ему въ его святомъ дѣлѣ и помогать ему мирно на его пути къ апостолу съ тѣми, которые будутъ сопровождать его. Они просили,

чтобы опять посѣтилъ ихъ Аполлосъ. Ап. Павелъ сдѣлалъ все для удовлетворенія ихъ желанія, но Аполлосъ, хотя и надѣялся посѣтить ихъ въ будущемъ, отказался придти къ нимъ въ настоящее время, руководясь по всей вѣроятности благороднымъ чувствомъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ его посѣщеніе принесло бы больше вреда, чѣмъ пользы¹⁴⁰⁰⁾.

При этомъ высказывается краткое, живое увѣщаніе: «Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, будьте мужественны, тверды; все у васъ да будетъ съ любовью».

Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько словъ доброй похвалы Стефану, Фортунату и Ахаику; изъ нихъ Стефанъ былъ самымъ первымъ его ахейскимъ обращенцемъ, и всѣ они посвятили себя на служеніе святымъ, своимъ посѣщеніемъ утѣшили его въ его отсутствіи отъ нихъ и изъ самихъ доставленіемъ этого посланія. Онъ внушаетъ оказывать должное почтеніе и уваженіе къ такимъ истиннымъ труженикамъ. Очень возможно, что эти слова были прибавлены послѣ, чтобы коринѳяне не предположили, что это именно отъ нихъ—въ особенности если они были изъ семейства Хлои — ап. Павелъ слышалъ такіе печальные рассказы о ихъ церкви, и такимъ образомъ склонны были бы недружелюбно принять ихъ по ихъ возвращеніи. Затѣмъ слѣдуетъ заключительное собственноручное привѣтствіе: «мое, Павлово, привѣтствіе собственноручно»; но прежде чѣмъ написать послѣднее благословеніе, въ немъ еще разъ проявляется взрывъ сильнаго и негодующаго чувства. «Кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ анаема¹⁴⁰¹⁾; *маранава*, Господь близокъ. Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами». Всего естественнѣе было окончить этимъ, но ему пришлось такъ долго увѣщавать, высказать столь много суроваго, что онъ, для того чтобы показать, какъ не смотря на все это была непоколебима его любовь къ нимъ, дѣлаетъ необычное прибавленіе: «а любовь моя со всѣми вами во Христѣ Іисусѣ. Аминь»¹⁴⁰²⁾.

Такъ оканчивается длиннѣйшее и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ величайшее и наиболѣе характеристическое изъ посланій ап. Павла. При написаніи его онъ подавилъ въ себѣ волновавшія его глубочайшія чувства; но когда оно было отправлено, онъ, опасаясь послѣдствій, которыя оно могло произвести, боялся, не сказалъ ли онъ слишкомъ много; боялся, чтобы излишняя суровость не произвела отчужденія въ тѣхъ, которыхъ онъ желалъ только приблизить къ себѣ; его собственная душа была потрясена полусдержаннымъ громомъ и онъ опасался, чтобы посланная имъ молнія не поразила слишкомъ глубоко души, въ которыя онъ метнулъ ея. Онъ желалъ бы даже воротить это посланіе (2 Кор. vii, 8) и съ трепетнымъ безпокойствомъ ожидалъ первыхъ извѣстій о томъ, какъ оно было принято въ Коринѣ. Но Богъ все направилъ къ лучшему; тѣ писанія, которыя естественно и вольно вытекаютъ изъ благороднаго и искренняго чувства, при всей своей суровости способны произвести глубочайшее впечатлѣніе на міръ, и меньше встрѣчаютъ противодѣйствія; во всякомъ случаѣ, они всегда бываютъ болѣе полезны чѣмъ заученныя и тщательныя выраженія, составленныя по

всѣмъ правиламъ изысканной условности. Не только церковь Кориноа, но и весь христіанскій міръ получилъ неизмѣримую пользу не только отъ искренности одушевлявшихъ апостола чувствъ, но и отъ порывистой самопроизвольности языка, въ который воплотились они въ его первомъ посланіи къ Кориноянамъ.

Монета города Кориноа
(съ экземпляровъ въ Британскомъ музее).

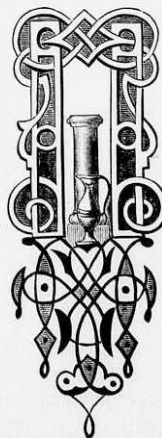

Развалины Троады.

ГЛАВА XXXIII.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ КОРИНОЯНАМЪ.

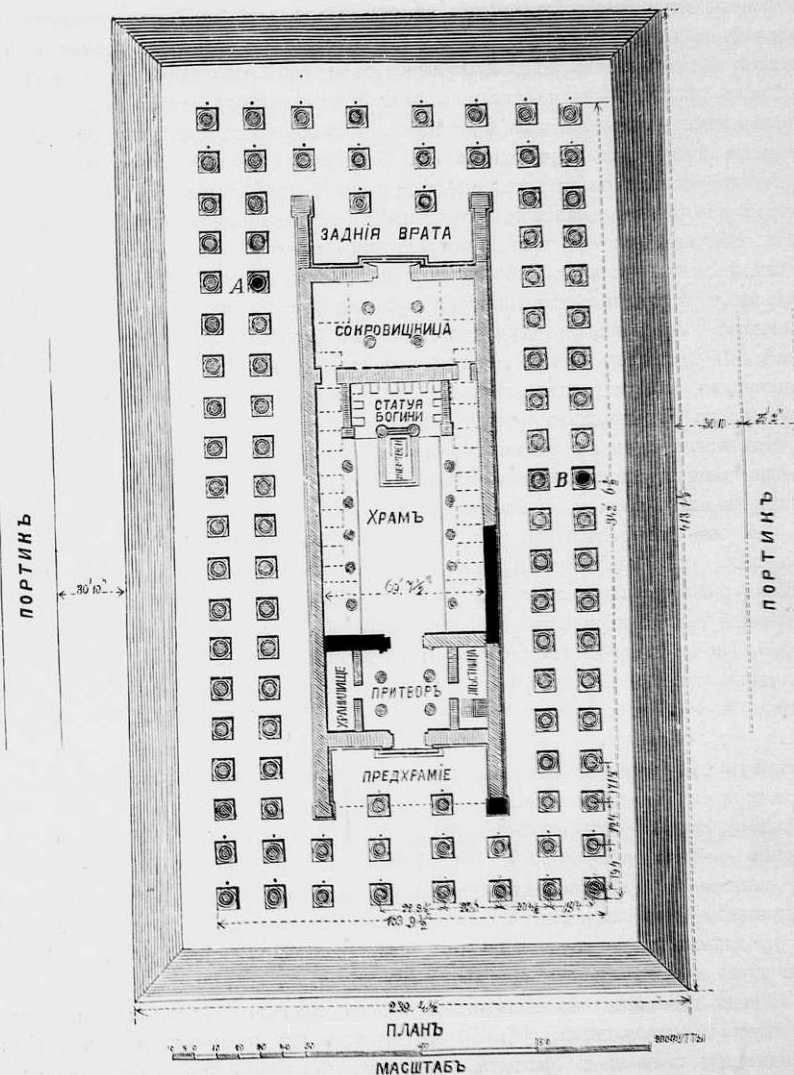
Есть три вѣнца: вѣнецъ закона, вѣнецъ священства и вѣнецъ царства: но вѣнецъ добраго имени выше ихъ всѣхъ. Пирке-А боеъ.

О ОСТАВЛЕНІИ Ефеса ап. Павелъ прямо отправился въ Троаду съ своею обычною высокою цѣлью проповѣдывать Евангеліе Христа (2 Кор. II, 12, 13). Онъ былъ въ этомъ городѣ и раньше; но его пребываніе тамъ было очень коротко, вслѣдствіе умоляющаго видѣнія челоуѣка изъ Македоніи, которое и рѣшило его великое намѣреніе нести благовѣстіе въ Европу. Но хотя проповѣдь его была теперь успѣшна и «дверь была открыта ему въ Господѣ»¹⁴⁰⁸), онъ не могъ оставаться тамъ, вслѣдствіе своего крайняго безпокойства: «онъ не имѣлъ покоя для своего духа, потому что не нашелъ тамъ своего брата Тита». Титу велѣно было присоеди- ниться къ нему въ Троадѣ; но быть можетъ вслѣдствіе уско- реннаго ухода изъ Ефеса ап. Павелъ прибылъ въ этотъ

городъ раньше, чѣмъ ожидалъ Титъ, тѣмъ болѣе, что при неправильности навигаціи того времени легко было всегда запоздать. Во всякомъ случаѣ его не было тамъ и ап. Павелъ становился болѣе и болѣе безпокойнымъ, такъ что наконецъ впасть въ невыносимо тяжелое настроеніе духа и чувствуя, что не можетъ болѣе продолжать своего дѣла, оставилъ Троаду, чтобы отправиться въ Македонію. Тамъ наконецъ онъ встрѣтилъ Тита, который облегчилъ его мучительное настроеніе духа извѣстіемъ изъ Коринѳа, которое, хотя и не вполне высказанное, было однакоже вообще благопріятно. Отъ Тита онъ узналъ, что перемѣна его намѣренія касательно посѣщенія Коринѳа послужила поводомъ къ неблагопріятнымъ сужденіямъ (2 Кор. I, 17), и что много обидныхъ замѣчаній касательно его характера и способа дѣятельности старательно распространялось особенно однимъ иудейскимъ учителемъ (п, 1; в, 11; вп, 2, 3; х, 10; хі, 18—20). Тѣмъ не менѣе дѣйствіе перваго посланія было удовлетворительно. Оно причинило коринѳянамъ скорбь, но скорбь эта была спасительная и имѣла своимъ послѣдствіемъ порывъ въ нихъ усердія, приступъ плача и ревности по апостоламъ (вп, 6—11). Самъ Титъ былъ принятъ сердечно, даже со страхомъ и трепетомъ (вп, 13, 15). Съ гнуснымъ преступникомъ, изблеченнымъ въ посланіи апостола, коринѳяне расправились быстро и даже сурово (п, 5—10), и все, что ап. Павелъ говорилъ Титу въ похвалу церкви, оправдалось на томъ, что онъ видѣлъ (вп, 14). Вслѣдствіе этого, онъ опять послалъ къ нимъ Тита (вп, 6) для окончанія начатаго имъ добраго дѣла и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ испытаннаго и вѣрнаго брата: во всѣхъ церквахъ похваляемаго за благоустройство (вп, 18, 23); и на этотъ разъ Титъ отправился не только съ охотой, но даже съ полнымъ рвеніемъ ¹⁴⁰⁴).

Въ какомъ городѣ Македоніи ап. Павелъ встрѣтился съ Титомъ, а также съ Тимофеемъ, мы не знаемъ. Съ подробностями ихъ движеній сопряжены значительныя неясности, и вообще всѣ событія этой части путешествія оставлены въ повѣствованіи безъ всякаго вниманія; можно только предполагать, что въ теченіе его ап. Павелъ доходилъ даже до Иллири (Римл. хv, 19). Гдѣ нибудь во время этого путешествія, но вѣроятно не въ Филиппахъ, какъ говоритъ надпись къ посланію, — потому что, какъ очевидно изъ самаго посланія, онъ посѣтилъ большую часть церквей Македоніи ¹⁴⁰⁵), — онъ написалъ свое второе посланіе къ Коринѳянамъ. Изъ него мы узнаемъ, что въ этой области онъ удрученъ былъ какою-то особенною скорбію — влѣдствіе ли тяжелой болѣзни или вышшняго преслѣдованія, внутренняго безпокойства или быть можетъ всего этого вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ во время своего пребыванія въ Македоніи онъ страдалъ отъ того же самаго подавляющаго бѣдствія, которымъ закончилось его пребываніе въ Ефесѣ и которое заставило его удалиться изъ Троады (вп, 2). Самыя церкви находились въ бѣдственномъ состояніи, которое ап. Павлу естественно приходилось раздѣлять (iv, 8—12), и по его собственному описанію онъ находился въ полномъ умственномъ и нравственномъ изможденіи. «Плоть наша не имѣла никакого покоя; но мы были

Планъ храма Діаны въ Ефесѣ.

стѣснены отсюду: отвнѣ нападенія, внутри страха» (vii, 5). Но это помогаетъ намъ уяснить себѣ дѣйствительное значеніе и содержаніе этого посланія, писаннаго среди такихъ обстоятельствъ. Если **надежда** есть основной тонъ посланія къ Фессалоникійцамъ, **радость** — въ посланіи къ Филиппійцамъ, **вѣра** — въ посланіи къ Римлянамъ и **небо** — въ посланіи къ Ефессянамъ, то **скорбь** есть господствующее слово во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ¹⁴⁰⁶). Посланіе къ Фессалоникійцамъ содержитъ возрѣніе апостола на второе пришествіе; посланіе къ Галатамъ есть торжественное выраженіе его негодованія на отступленіе іудействующихъ; посланіе къ Римлянамъ есть систематическое и такъ сказать научное изложеніе его возрѣній о томъ, что можно назвать, выражаясь новѣйшимъ языкомъ, схемою спасенія; посланіе къ Филиппійцамъ есть изліяніе нѣжной и радостной привязанности къ своимъ возлюблѣннѣйшимъ обращенцамъ; первое посланіе къ Коринѳянамъ показываетъ намъ, какъ онъ прилагалъ начала христіанства къ обыденной жизни въ отношеніи къ вопіющимъ заблужденіямъ наиболѣе неудовлетворительной церкви; его второе посланіе къ Коринѳянамъ открываетъ окно въ самыя чувствованія его сердца и есть взволнованная самозащита уязвленнаго и любящаго сердца въ отношеніи неблагодарныхъ и заблуждающихся, но еще не вполне погибшихъ и подающихъ надежду на исправленіе душъ¹⁴⁰⁷).

И эта самозащита не была излишнею. Въ этомъ посланіи, какъ видно изъ него, ап. Павелъ въ первый разъ открыто выступаетъ противъ заблужденія іудействующихъ, которое приняло страшные размѣры и грозило извратить основныя начала проповѣдуемаго имъ Евангелія. Изъ него видно, что въ нѣкоторыхъ изъ основанныхъ имъ церквей возникла іудейская партія, которая находила подкрѣпленіе въ письмахъ изъ Іерусалима и не только опровергала его мнѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ грубо поносила его личный характеръ и его побужденія. Даже изъ неясныхъ намековъ и косвенныхъ внушеній можно видѣть ея коварную дѣятельность; и въ этомъ посланіи мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ нею и ея беззастѣнчивымъ противоdѣйствіемъ, которое притомъ по своему характеру сильно отличается отъ прежняго. Ап. Павелъ уже не борется противъ безумія воображаемой мудрости или злоупотребленія истинной свободой; онъ уже не занимается исправленіемъ практическихъ безпорядковъ и теоретическихъ заблужденій. Онъ выставляетъ свои собственныя права противъ мнимыхъ правъ его противниковъ и поддерживаетъ свой апостольскій авторитетъ, который такъ грубо и такъ открыто подрывали его враги.

Очень возможно, что нападеніе это было вызвано приговоромъ ап. Павла на гнуснаго преступника¹⁴⁰⁸). По его дѣлу между коринѳскими христіанами повидимому произошелъ раздоръ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ стояли за него, а другіе — за отца. По всему дѣлу видно, что мы не знаемъ всѣхъ его обстоятельствъ, такъ какъ иначе непонятно, какъ такой преступникъ, если бы не было смягчающихъ данныхъ, могъ бы находить защитниковъ своего преступленія,

возбуждавшаго ужасъ даже въ средѣ язычниковъ. Даже тѣ, кто ставили плотской грѣхъ на одинъ уровень съ яденіемъ идоложертвеннаго и поэтому считали его дѣломъ безразличнымъ, и взглядъ которыхъ ап. Павелъ съ такимъ благороднымъ негодованіемъ опровергаетъ въ своемъ первомъ посланіи, не могли бы стать на

Развалины Анкиры, столицы Галатіи.

сторону этого лица, если бы въ его преступленіи не было какого нибудь оправдывающаго обстоятельства. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было такъ, онъ едва ли бы осмѣлился оставаться членомъ церкви и вмѣстѣ съ своимъ оскорбленнымъ отцомъ посѣщать вечера любви и участвовать въ таинствахъ. Вполнѣ вѣроятно, и на это повидимому указываютъ всѣ намеки на него во второмъ посланіи, что онъ былъ скорѣе человекъ немощный, чѣмъ безнравственный. Но даже это не

было бы для него оправданіемъ въ преступленіи, за которое самъ Галліонъ приговорилъ бы его къ смерти или ссылкѣ, и за которое Моисеевъ законъ наказывалъ исключеніемъ изъ общества (Лев. xvi, 8; xx, 11; Втор. xxv, 20). Поэтому навѣрно было что нибудь такое, чѣмъ можно было извинять гнусность его преступленія, и ап. Павелъ долженъ былъ прямо сказать коринѣянамъ, что къ его рѣшенію не примѣшивалось никакого личнаго чувства (2 Кор. vi, 11, 12). Онъ очевидно внушалъ, чтобы всѣ члены церкви на своемъ общемъ собраніи какбы въ присутствіи самого апостола предали преступника сатанѣ, такъ чтобы осужденіе пало на его тѣло ради спасенія его души. Такъ именно онъ и повелѣвалъ сдѣлать церкви. Но сдѣлали ли они это? Это, по меньшей мѣрѣ, кажется сомнительнымъ. Что они удалили его отъ своего общенія,—это несомнѣнно, и самая угроза отлученія, висѣвшая надъ нимъ, сопровождаемая (какъ съ несомнѣнностью вѣровали какъ онъ, такъ и вся церковь) сверхъестественнымъ осужденіемъ, была достаточна для того, чтобы повергнуть его въ бездну скорби и покаянія. Въ это время среди коринѣскихъ христіанъ свирѣпствовали болѣзни и смерть, и ап. Павелъ говорилъ имъ, что это было прямое наказаніе за ихъ профанацию вечера Господней. Преступникъ очевидно не упорствовалъ, и въ своемъ второмъ посланіи ап. Павелъ открыто прощаетъ ему, снимаетъ свой приговоръ, очевидно, на томъ основаніи, что коринѣяне уже сдѣлали тоже. И въ самомъ дѣлѣ, если желаемая цѣль покаянія человѣка и очищенія церкви отъ всякаго сообщничества или безразличнаго равнодушія къ его преступленію были достигнуты безъ принятія крайнихъ мѣръ, то ап. Павелъ даже увѣщаваетъ коринѣянъ утѣшить и простить этого человѣка и въ дѣйствительности возвратитъ ему полное членство въ церкви. Тѣмъ не менѣе они повидимому не выполнѣ точно исполняли повелѣніе апостола, и какъ будто противодѣйствующая ему партія, такъ сказать, возстала противъ него и стала подрывать самый его авторитетъ. Противники апостола говорили, что онъ не пришелъ и не придетъ. Конечно-де можно писать строгія и угрожающія письма, но вѣдь не письмами, а совершеніемъ чудесныхъ дѣлъ Кифа поразили неправду въ лицѣ Ананіи и Сапфиры, равно какъ и Симона волхва. Павелъ не могъ сдѣлать этого. Да и какъ можно ожидать этого отъ человѣка столь мизернаго по внѣшности, столь колеблющагося въ своихъ намѣреніяхъ и столь слабаго въ рѣчи? Вѣдь Павелъ не былъ избранъ двѣнадцатымъ апостоломъ, да онъ и не апостолъ совсѣмъ. Какъ злоупотребленія среди его послѣдователей показывали, что его ученіе опасно, такъ и его неспособность исправить ихъ есть доказательство, что его авторитетъ призраченъ. Самый фактъ, что онъ не требовалъ отъ своихъ обращенцевъ средствъ содержанія для себя, показываетъ только, какъ онъ не увѣренъ въ своемъ собственномъ положеніи. То, въ чемъ дѣйствительно нуждается церковь, это именно прежняя строгость Моисеева закона, кто нибудь изъ Іерусалима, какой нибудь истинный апостолъ съ своей женою, который сталъ бы

управлять ими съ дѣйствительнымъ авторитетомъ, или по крайней мѣрѣ какой нибудь посланный отъ Іакова и братьевъ Господнихъ проповѣдывать «другое Евангеліе» — болѣе согласное съ волею Іисуса¹⁴⁰⁹). Павелъ, доказывали они, никогда не зналъ Іисуса и совершенно ложно представлялъ Его (2 Кор. xi, 4), потому что Христосъ сказалъ, что ни одна іота или черта не должна погибнуть изъ закона и хлѣбъ дѣтей не должно бросать псамъ. Павелъ проповѣдывалъ лично отъ себя (2 Кор. xii, 5) и повидимому едва ли былъ отвѣтственъ за то, что онъ проповѣдывалъ. Онъ человѣкъ полоумный, и однако же въ его безуміи есть нѣкоторый методъ, который проявляется отчасти въ самопревозношеніи и отчасти въ жадности, каковыя оба качества очень вредны для интересовъ его послѣдователей¹⁴¹⁰). Что напр. можетъ быть лукавѣе и коварнѣе образа дѣйствій въ отношеніи сбора, о произведеніи котораго онъ настаиваетъ повсюду¹⁴¹¹)? Онъ велѣлъ имъ произвести сборъ въ своемъ первомъ письмѣ¹⁴¹²); въ отвѣтъ на ихъ вопросы (1 Кор. xvi, 1—4) онъ велитъ, чтобы они производили этотъ сборъ, какъ и въ галатскихъ церквахъ, еженедѣльно, и послѣ этого послать еще Тита для поддержанія ревности въ этомъ дѣлѣ. И дѣйствительно, лучшаго посланнаго и нельзя было избрать для этого дѣла, потому что Титъ самъ грекъ и поэтому вполне пригоденъ для завѣдыванія такими дѣлами среди грековъ; и вдобавокъ еще онъ посѣтилъ Іерусалимъ, такъ что могъ на основаніи своихъ личныхъ наблюденій говорить о томъ бѣдствіи, которое угнетало бѣдныхъ собратій; присутствовалъ затѣмъ при великомъ собраніи въ Іерусалимѣ, въ которомъ Павелъ и Варнава получили особенное порученіе заботиться о бѣдныхъ. Однако, даже это удивительно разумное назначеніе и видимая независимость и деликатность души, заставлявшія Павла (высказавшаго при этомъ полнѣйшее знаніе ихъ характера, какъ и показали дальнѣйшія событія) выполнѣ отказаться отъ всякой матеріальной поддержки съ ихъ стороны,—не могли защитить его отъ грубой клеветы, что это была лишь хитрая уловка скрыть дѣйствительное намѣреніе и лучше заручиться возможностью полученія денегъ. Противъ такихъ то низкихъ и безстыдныхъ клеветъ и рѣшился защищать себя ап. Павелъ! Злостная клевета, подобно гадюкѣ, гнѣздилась въ сухихъ листьяхъ павшихъ и иссохшихъ сердецъ отъ начала міра. Даже добрые люди не всегда совершенно свободны отъ нея; и первенствующая христіанская церковь, при всей близости своей къ чистому идеалу невѣсты Господа Іисуса, была однакоже (какъ видно изъ посланій ап. Павла) во многихъ отношеніяхъ отравлена ея ядомъ. Чистое одѣяніе крещенія не сохранялось незапятнаннымъ ни въ томъ, ни въ какомъ-либо другомъ вѣкѣ. Нужно помнить, что церковь, къ которой писалъ ап. Павелъ, состояла изъ мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ большинство съ самой колыбели было знакомо со всею низостью и порочностью бѣднѣйшихъ классовъ языческаго міра—въ самомъ испорченномъ городѣ язычества. Ихъ невѣжество и порочность, все ихъ воспитаніе и теперешняя бѣдность естественно дѣлали ихъ подозри-

тельными, и хотя нельзя сомневаться въ томъ, что они были нравственно лучшими изъ того класса, къ которому они принадлежали, хотя между ними былъ не одинъ безгласный Эпиктетъ (который хотя и рабъ былъ любезенъ безсмертнымъ), и хотя самое принятіе ими христіанства доказывало стремленіе ихъ сердецъ къ лучшему, чувствительную совѣсть, терпѣливый духъ, однакоже многіе изъ нихъ не могли конечно побѣдить въ себѣ застарѣлыхъ привычекъ жизни. Но Божіе милосердіе обращаетъ даже зло къ добру, и недостойной злобѣ темныхъ іудейскихъ клеветниковъ мы обязаны наставленіями, которыя мы получаемъ изъ большей части посланій ап. Павла¹⁴¹³). Какая-нибудь легкая особенность часто лучше, чѣмъ все другое, можетъ показать общее направленіе извѣстнаго творенія. Мы уже замѣтили, что выдающеюся мыслью въ этомъ посланіи является «скорбь»; но можно еще замѣтить, что хотя «похвальба» была болѣе всего чужда истинной скромности ап. Павла, наиболѣе противна его чувствительному смиренію, однакоже бахвальство его беззащитныхъ противниковъ заставило его ради самозащиты дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ, и слово «похвала» въ этихъ немногихъ главахъ встрѣчается не менѣе 29 разъ, между тѣмъ какъ оно встрѣчается только 26 разъ во всѣхъ остальныхъ посланіяхъ ап. Павла¹⁴¹⁴).

Второе посланіе къ Коринѳянамъ и посланія къ Галатамъ и Римлянамъ представляютъ три главныхъ фазиса въ его полемикѣ съ іудействомъ. Въ посланіи къ Галатамъ онъ навсегда опровергъ отталкивающее требованіе, чтобы язычники обрѣзывались; въ посланіи къ Римлянамъ онъ навсегда установилъ положеніе, что іудеи и язычники были одинаково повинны предъ Богомъ и могли оправдаться только вѣрою, но не дѣлами закона. Въ обоихъ этихъ посланіяхъ онъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія, опредѣляетъ второстепенное и чисто дисциплинарное значеніе закона, какъ подготовительной ступени для раздаянія свободной благодати. Въ обоихъ посланіяхъ онъ окончательно показываетъ, что вмѣсто ложнаго увѣренія, будто «тщетно быть христіаниномъ, не будучи іудеемъ», нужно поставить совершенно противоположную истину, что тщетно быть христіаниномъ, если кто-либо, будучи христіаниномъ, полагается на то, что онъ іудей. Но при всей неотразимости этихъ доводовъ, они были бы бесполезны, если бы іудействующимъ удалось поколебать его апостольскій авторитетъ и доказать, что онъ не имѣлъ права считать себя учителемъ. Защита его апостольскаго права поэтому далеко была не его личнымъ дѣломъ; она заключала въ себѣ защиту самой истины его благовѣстія. Однакоже эта защита противъ нападенія столь глубоко уязвляющаго и столь вреднаго для его дѣла представляла непреоборимую трудность. Его противники могли ссылаться на «рекомендательныя письма» и по крайней мѣрѣ на данный имъ авторитетъ отъ апостоловъ, которые жили съ Иисусомъ (2 Кор. iii, 1—18). Ап. Павелъ не могъ и не хотѣлъ дѣлать того же. Свой авторитетъ онъ имѣлъ не отъ двѣнадцати; его общеніе съ ними было непродолжительно. Свое апостольство онъ получилъ не отъ нихъ, а непосред-

ственно отъ Христа. Онъ также «видѣлъ Господа» (1 Кор. ix, 1), но онъ не хотѣлъ останавливаться на этомъ, частью потому, что его общеніе съ Христомъ было несравненно меньше, чѣмъ общеніе Петра или Іакова, а отчасти потому, что онъ ясно видѣлъ и желалъ, чтобы его обращенцы видѣли, что духовное единеніе гораздо тѣснѣе и важнѣе, чѣмъ личное общеніе. Онъ могъ ссылаться

Часть колонны отъ храма Діаны въ Ефесѣ
(въ Британскомъ музее).

только на двѣ вещи: на видѣніе и откровеніе, полученное имъ отъ Господа, и главнымъ образомъ на свое чудесное обращеніе; равно какъ и на тотъ усѣхъ, на ту дѣятельность и духовную силу, которыя налагали печать божественнаго одобренія на его безпримѣрное служеніе (2 Кор. ii, 14; iii, 2; x, 20—23; 1 Кор. ix, 1; xv, 10 и проч.). Но первое изъ этихъ свидѣтельствъ прямо и легко отстранялось какъ субъективное—какъ во время его собственной жизни, такъ и столѣтіе

тельными, и хотя нельзя сомневаться в том, что они были нравственно лучшими из того класса, к которому они принадлежали, хотя между ними был не один безгласный Эпиктет (который хотя и раб был любезен бессмертным), и хотя самое принятие ими христианства доказывало стремление их сердец к лучшему, чувствительную совесть, терпеливый дух, однакоже многие из них не могли конечно победить в себе застарелых привычек жизни. Но Божие милосердие обращает даже зло к добру, и недостойной злобы темных иудейских клеветников мы обязаны наставлениями, которые мы получаем из большей части посланий ап. Павла¹⁴¹³). Какая-нибудь легкая особенность часто лучше, чем все другое, может показать общее направление известного творения. Мы уже замечали, что выдающаяся мысль в этом послании является «скорбь»; но можно еще заметить, что хотя «похвальба» была больше всего чужда истинной скромности ап. Павла, наиболее противна его чувствительному смирению, однакоже бахвальство его беззащитных противников заставило его ради самозащиты действовать тем же оружием, и слово «похвала» в этих немногих главах встречается не менее 29 раз, между тем как оно встречается только 26 раз во всех остальных посланиях ап. Павла¹⁴¹⁴).

Второе послание к Коринфянам и послания к Галатам и Римлянам представляют три главных фазиса в его полемике с иудейством. В послании к Галатам он навсегда опроверг отталкивающее требование, чтобы язычники обрзывались; в послании к Римлянам он навсегда установил положение, что иудеи и язычники были одинаково повинны пред Богом и могли оправдаться только верою, но не делами закона. В обоих этих посланиях он, с различных точек зрения, определяет второстепенное и чисто дисциплинарное значение закона, как подготовительной ступени для раздаяния свободной благодати. В обоих посланиях он окончательно показывает, что вместо ложного утверждения, будто «тщетно быть христианином, не будучи иудеем», нужно поставить совершенно противоположную истину, что тщетно быть христианином, если кто-либо, будучи христианином, полагается на то, что он иудей. Но при всей неотразимости этих доводов, они были бы бесполезны, если бы иудействующим удалось поколебать его апостольский авторитет и доказать, что он не имевший права считать себя учителем. Защита его апостольского права поэтому далеко была не его личным делом; она заключала в себя защиту самой истины его благовестия. Однакоже эта защита против нападения столь глубоко уязвляющего и столь вредного для его дела представляла непреодолимую трудность. Его противники могли ссылаться на «рекомендательные письма» и по крайней мере на данный им авторитет от апостолов, которые жили с Иисусом (2 Кор. iii, 1—18). Ап. Павел не мог и не хотел делать того же. Свой авторитет он имел не от двенадцати; его общение с ними было непродолжительно. Свое апостолство он получил не от них, а непосред-

ственно от Христа. Он также «видел Господа» (1 Кор. ix, 1), но он не хотел останавливаться на этом, частью потому, что его общение с Христом было несравненно меньше, чем общение Петра или Иакова, а отчасти потому, что он ясно видел и желал, чтобы его обращения видели, что духовное единение гораздо тише и важнее, чем личное общение. Он мог ссылаться

Часть колонны отъ храма Діаны въ Ефесѣ
(изъ Британскомъ музеѣ).

только на две вещи: на видение и откровение, полученное им от Господа, и главным образом на свое чудесное обращение; равно как и на тот успех, на ту деятельность и духовную силу, которая налагала печать божественного одобрения на его безпримечное служение (2 Кор. ii, 14; iii, 2; x, 20—23; 1 Кор. ix, 1; xv, 10 и проч.). Но первое из этих свидетельств прямо и легко отстранялось как субъективное—как во время его собственной жизни, так и столетие

послѣ ¹⁴¹⁵). Трудность убѣдить его противниковъ въ этомъ предметѣ отражается въ горячности апостола, той горячности, которая возникала отчасти вслѣдствіе того, что заставляла его прибѣгать къ нѣкоторому ненавистному для него самовозвеличенію. Его единственнымъ непреодолимымъ оружіемъ былъ «мечъ духовный, который есть слово Божіе».

Теперь перейдемъ къ самому изложенію этого замѣчательнаго посланія. По крайней напряженности духа, съ которою оно было писано, и постоянной борьбѣ между чувствами благодарности и негодованія, по своеобразности выраженій ¹⁴¹⁶) и причинной связи оно гораздо труднѣе всякаго другаго. Трудный стиль посланія съ его переходами отъ горькой ироніи къ пламенной искренности, тотъ способъ, по которому слово за словомъ, то «скорбь», то «утѣшеніе», то «похвала», то «слабость», то «простота», то «явленіе» овладѣваютъ душою апостола — съ особенною силою только показываютъ частые взмахи восторженнаго краснорѣчія. Открывающаяся здѣсь глубина нѣжности ко всѣмъ благороднымъ и истиннымъ можетъ служить мѣрою дерзости и неправды, которыя вызвали въ заключительныхъ словахъ его столь суровое негодованіе. Изъ всѣхъ посланій это одно даетъ намъ возможность проникнуть въ самую глубину сердца апостола.

Другая характеристическая черта этого посланія замѣчена зоркимъ взглядомъ Бенгеля. «Все посланіе», говоритъ онъ, «напоминаетъ намъ дорожный путеводитель, но заключающій въ себѣ драгоценнѣйшія наставленія». «Самыя стадіи его путешествія отмѣчены въ немъ», говоритъ Станлей, — «невзгоды въ Ефесѣ, безпокойство въ Троадѣ, утѣшеніе въ Македоніи и предстоящій путь въ Коринѣ» ¹⁴¹⁷).

Послѣ привѣтствія, гдѣ апостолъ упоминаетъ вмѣстѣ съ собою Тимофея, который вѣроятно былъ его писцомъ, и съ краткою выразительностью называетъ себя «волею Божіею апостоломъ Исуса Христа», онъ начинаетъ обычнымъ выраженіемъ благодарности, въ которомъ слова «скорбь» и «утѣшеніе» неразрывно сочетаются между собою съ выраженіемъ предположенія, что коринѣяне имѣютъ единеніе съ нимъ въ обѣихъ.

«Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Исуса Христа, Отецъ милосердія и Богъ всякаго утѣшенія, утѣшающій насъ во всякой скорби нашей, чтобы мы могли утѣшаться находящихся во всякой скорби тѣмъ утѣшеніемъ, которымъ Богъ утѣшаетъ насъ самихъ! Ибо по мѣрѣ какъ умножаются въ насъ страданія Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше; скорбимъ ли мы, скорбимъ для вашего утѣшенія и спасенія, которое совершается перенесеніемъ тѣхъ же страданій, какъ и мы терпимъ ¹⁴¹⁸). И надежда наша о васъ тверда. Утѣшаемся ли, утѣшаемся для вашего утѣшенія и спасенія, зная, что вы участвуете какъ въ страданіяхъ нашихъ, такъ и въ утѣшеніи» ¹⁴¹⁹).

Затѣмъ онъ намекаетъ на страшную скорбь, чрезвычайную и превосходящую его силы, причиненную ли внѣшними врагами или болѣзью, только что

перенесенною имъ въ Азіи,—скорбь, которая привела его на край отчаянія и могилы, дабы онъ могъ полагаться только на Того, кто воскрешаетъ мертвыхъ. «Того, который избавилъ насъ отъ столь *близкой* смерти, и избавляетъ, и на котораго надѣемся, что и еще избавитъ». И такъ какъ молитвой многихъ была приобретена для него эта великая милость, то онъ проситъ, чтобы свои благодаренія они присоединили къ благодареніямъ многихъ и чтобы ихъ молитвы все еще продолжались о немъ ¹⁴²⁰).

Какъ бы ни были злобны клеветы противъ него, онъ вполне сознаетъ правоту ¹⁴²¹) и искренность своихъ отношеній ко всѣмъ людямъ и особенно къ тѣмъ, которые «не по плотской мудрости, но по благодати Божіей». Нѣкоторые подозрѣвали его въ томъ, что онъ пишетъ частныя письма и секретныя посланія, входитъ въ тайныя сношенія съ отдѣльными членами своей общины; но онъ говоритъ имъ, что ничего не писалъ, кромѣ того, что они теперь читаютъ и вполне признаютъ, и будутъ, какъ онъ надѣется, признавать и впредь, и даже больше чѣмъ теперь, такъ что нѣкоторые изъ нихъ ¹⁴²²) уже и теперь признали, что они и онъ взаимно составляютъ предметъ похвалы въ день Господень. Вотъ основаніе, почему онъ намѣревался первоначально посѣтить ихъ дважды. Былъ ли онъ тогда повиненъ въ легкомыслии, вѣтряности, капризности, въ которыхъ обвиняли его вслѣдствіе переменъ имъ своего намѣренія? Значитъ ли его «да» — «да» тоже, что «нѣтъ» — «нѣтъ», подобно измѣнчивымъ мнѣніямъ вѣтрянаго человѣка ¹⁴²³)? Если имъ угодно говорить это о немъ, какъ о *человѣкѣ*, то во всякомъ случаѣ въ немъ есть одно выразительное «да», одно неизмѣнное рѣшеніе, и это именно проповѣдь о Христѣ. Исусъ Христосъ Сынъ Божій, проповѣдуемый имъ вмѣстѣ съ Сильваномъ и Тимофеемъ, не есть «да» и «нѣтъ»; но въ Немъ одно «да», и поэтому также вѣчный «аминь» христіанина слѣдуетъ за всѣми обѣтованіями Божіими ¹⁴²⁴). Тотъ, кто утвердилъ (*eis christum*) и помазалъ ихъ (*christas*) — есть Богъ, который и запечатлѣлъ и далъ залогъ духа въ сердца ихъ ¹⁴²⁵). Апостолъ призываетъ Бога въ свидѣтели своей собственной души, что онъ не приходилъ доселѣ ¹⁴²⁶) въ Коринѣ, щадя ихъ. И затѣмъ, сознавая, что на каждой фразѣ его письма будутъ останавливаться враждебные взгляды съ желаніемъ направлять его смыслъ противъ него, онъ говоритъ, что, употребляя выраженіе «щадя ихъ», онъ не хочетъ этимъ выразить какого либо своего господства надъ ихъ *второй*, потому что вѣра свободна и стоитъ сама по себѣ; но что онъ говоритъ какъ соучастникъ ихъ радостей, и поэтому рѣшилъ, что его второе прибытіе къ нимъ не должно быть въ скорби ¹⁴²⁷). Естественно ли для него желать скорби для тѣхъ, кто причинялъ ему радость, или понести скорбь отъ тѣхъ, отъ которыхъ онъ долженъ былъ получать радость? Его радость, какъ онъ былъ вполне увѣренъ, была и ихъ радостью также, и поэтому онъ, вмѣсто того, чтобы придти къ нимъ, написалъ имъ; и это прежнее письмо, какъ ни горько было его содержаніе, написано было не съ цѣлью огорченія ихъ, но написано въ скорби и уныніи сердца и многихъ слезахъ, чтобы они

могли понять, какъ сильно онъ любить ихъ. Правда, онъ чувствовалъ огорченіе; но это огорченіе касалось не его только, но и ихъ, и онъ не хотѣлъ, чтобы оно всею тяжестью ложилось на всѣхъ ихъ ¹⁴²⁸). А грѣшникъ, который причинилъ эту общую скорбь, потерпѣлъ уже достаточное наказаніе отъ укора большинства изъ нихъ ¹⁴²⁹); такъ что теперь напротивъ они должны простить и утѣшить его, чтобы человекъ этотъ—виновный, опозорившій себя, но теперь искренно кающийся—не былъ поглощенъ чрезмерною печалью. Пусть они теперь увѣрятъ его въ своей любви. Цѣль прежняго письма была достигнута испытаніемъ ихъ повинности. Если простили они (что они уже отчасти и сдѣлали тѣмъ, что не строго исполнили его приговоръ), то прощаетъ и онъ; «ибо и я, если въ чемъ простилъ кого ¹⁴³⁰), простилъ для васъ отъ лица (Притч. viii, 30 по lxx) Христова, чтобы не сдѣлалъ намъ ущерба сатана: ибо намъ не безызвѣстны его умыслы» (i, 2—ii, 11).

Да, онъ не пришелъ къ нимъ лично, а написалъ имъ; и что же было слѣдствиемъ этого? Его беспокойство касательно того, какое дѣйствіе произведетъ его письмо, а также и перемѣна его плана, было такъ сильно, что почти убило его. Какъ ни успѣшно было начало его проповѣди Евангелія Христова въ Троадѣ, онъ оставилъ свое дѣло тамъ, потому что не могъ вынести тревоги и сердечной боли, причиненной ему неприбытіемъ Тита. Онъ поэтому отправился въ Македонію. Тамъ, наконецъ, онъ встрѣтилъ Тита; но апостолъ не упоминаетъ объ этомъ, вслѣдствіе желанія скорѣе возблагодарить Бога, который такимъ образомъ явно руководилъ его въ дѣлѣ служенія Христу. Благоуханіе этого служенія распространяется повсюду, но для однихъ оно живительный запахъ на жизнь, а для другихъ—запахъ смертоносный на смерть. Эта метафора такъ овладѣваетъ ап. Павломъ, что онъ даже не останавливается для объясненія ея. Онъ въ одно и то же время и побѣжденный врагъ, увлекаемый въ триумфъ, и благоуханіе, сожигаемое въ знакъ торжества побѣдителей. Горящій еиміамъ для однихъ есть знакъ жизни, постоянно возобновляющейся въ свѣжихъ порывахъ, для другихъ есть знакъ пораженія, постоянно приближающаго ихъ къ смерти. Для него самого, вмѣстѣ и плѣнника, и участника въ торжествѣ, оно есть знакъ смерти, и смерти ежедневной, и въ то же время оно есть залогъ жизни выше жизни самой ¹⁴³¹). И кто способенъ къ такому служенію? Ибо онъ не повреждаетъ слова Божія, какъ дѣйствуютъ многіе ¹⁴³²),—разные торгаши, поддѣльщики и обманные разгласители поддѣльного ученія, но проповѣдуетъ искренно, какбы въ присутствіи самого Бога, въ единеніи со Христомъ (ii, 12—17; см. Ис. i, 22, по lxx).

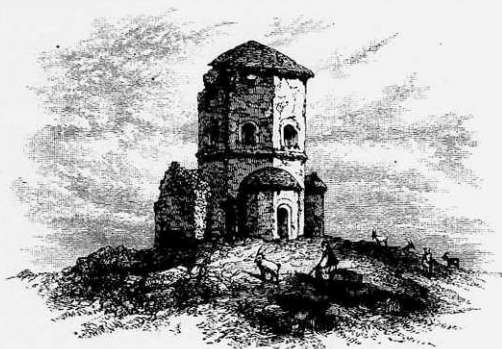
Но не есть ли это самоличная рекомендація его по отношенію къ нимъ? Неужели ему нужны одобрительныя письма къ нимъ ¹⁴³³)? И здѣсь опять слѣдуетъ одна изъ тѣхъ странно запутанныхъ и однако же сильныхъ метафоръ, столь свойственныхъ величайшему, въ высшей степени чувствительному воображенію: «Вы», пишетъ ап. Павелъ,—«наше письмо, написанное въ сердцахъ нашихъ,

узнаваемое и читаемое всѣми людьми. Вы показываете собою, что вы письмомъ Христовымъ, чрезъ служеніе наше написанное не чернилами, но Духомъ Бога живаго не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотныхъ скрижаляхъ сердца» ¹⁴³⁴). Онъ не нуждается въ рекомендательномъ письмѣ къ нимъ; они сами его рекомендательное письмо ко всѣмъ людямъ. Это письмо Христово, котораго онъ только писецъ и носитель ¹⁴³⁵). И оно написано не на гранитѣ, подобно закону Моисея, а на самыхъ сердцахъ ихъ. Такимъ образомъ они въ одно и то же время есть одобрительное письмо, написанное на сердцѣ Павла, и имѣютъ письмо Христа, написанное на ихъ собственныхъ сердцахъ Духомъ Божиимъ, и въ написаніи этого то письма ап. Павелъ былъ видимымъ орудіемъ (iii, 1—3).

Это было смѣлое выраженіе, но оно выходило изъ той увѣренности, которою вдохновлялъ Христосъ, и относилось къ дѣлу Божію. Дѣло это состояло въ служеніи новаго завета не въ мертвящей буквѣ, а въ животворящемъ Духѣ ¹⁴³⁶), способность къ которому дана отъ Бога. И какое славное служеніе? Если служеніе закона,—не смотря на то, что онъ направлялся къ смерти, написанъ былъ земными буквами, начертанъ на гранитныхъ плитахъ,—проявляло въ себѣ такую славу, что сыны Израиля не могли смотрѣть на лице Моисея по причинѣ славы лица его преходящей ¹⁴³⁷), то насколько славно то служеніе жизни, праведности и духа, въ сравненіи съ которымъ всякая другая слава есть тьма ¹⁴³⁸), и притомъ слава не преходящая (*διὰ δόξης*), но постоянная (*ἐν δόξει*). Сознаніе того, что ему поручено такое служеніе, придавало ему увѣренность. Моисей обыкновенно полагалъ покрывало на свое лице, чтобы сыны Израиля не могли видѣть потемненія преходящей славы, и то покрывало, которое онъ носилъ на своемъ свѣтомъ лицѣ, когда говорилъ съ ними, напоминаетъ апостолу о томъ покрывалѣ, которое они все еще носили на своихъ ожесточенныхъ умахъ—при самомъ чтеніи ими закона, который долженъ былъ потерять свою силу, лишь только они обращались отъ Моисея къ Христу ¹⁴³⁹), отъ буквы къ духу, отъ рабства къ свободѣ. «Мы же всѣ открытымъ лицемъ, какъ въ зеркалѣ, взирая на славу Господню, преобразуемся ¹⁴⁴⁰) въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа». Какъ же можетъ тотъ, кому ввѣрено такое служеніе, падать духомъ? Какъ можетъ онъ (какъ обвиняли его враги) снисходить до «постыдныхъ дѣлъ»? Крайне жива ¹⁴⁴¹) такая клевета. Онъ не руководился коварствомъ; онъ не искажалъ чистаго слова Божія, но его одобрительное письмо, единственное, въ которомъ онъ нуждался, должно было открывать истину, которую онъ предоставлялъ совѣсти всякаго человека предъ Богомъ. На истинахъ, которыя онъ проповѣдывалъ, не было никакого покрывала; если и было покрывало, то только въ потемненномъ разумѣ погибающихъ, столь ослѣпленныхъ невѣріемъ со стороны бога міра сего ¹⁴⁴²), что и свѣтъ Евангелія славы Христовой не могъ возсіять для нихъ. О немъ именно, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ, образѣ Божіемъ, о Немъ, а не о себѣ самихъ проповѣдывали Павелъ и всѣ истинные апостолы. Его обвиняли въ свое-

корысти и самовосхваленіи. Такіе грѣхи *невозможны* для того, который зналъ цѣну славы своего благовѣстія. Все, что онъ могъ проповѣдывать о себѣ, это то, что Христосъ—Господь, а онъ ихъ рабъ ради Христа, «потому что Богъ, повелѣвшій изъ тьмы возсіяты свѣту, озарилъ и ихъ сердца, дабы просвѣтитъ ихъ познаниемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа» (III, 4—IV, 6).

Служеніе славно; но какъ немощны служители! Подобно свѣтильникамъ, сокрытымъ Гедеономъ въ кувшины, ихъ сокровище свѣта заключалось въ глиняныхъ сосудахъ¹⁴⁴³), чтобы преизбыточная слава ихъ побѣды надъ міромъ и

Развалины церкви въ Листрѣ.

идолослуженіемъ міра была приписываема Богу, а не имъ. Вотъ почему они въ одно и то же время и слабы и сильны—слабы сами по себѣ, сильны въ Богѣ: — «отвсюду притѣсняемы, но не стѣснены; въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаиваемся; гонимы, но не погибаемъ; всегда носимъ въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ тѣлѣ нашемъ; ибо мы

живые непрестанно предаемся на смерть ради Іисуса, чтобы жизнь Іисусова открылась въ смертной плоти нашей, такъ что смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь—въ насъ». Испытанія главнымъ образомъ—наши, благословія—ваши. Однакоже мы знаемъ, что за этою ежедневною смертію нашею послѣдуетъ воскресеніе. Воскресившій Христа воскреситъ также и насъ отъ ежедневной смерти нашей огорченной жизни¹⁴⁴⁴) и отъ смерти, которою кончается она, и приведетъ насъ съ вами къ славѣ Божіей умноженіемъ благодати и болѣе обильнымъ преизбыткомъ благодаренія. По этой то причинѣ мы не боимся; но даже, если бы нашъ вѣншній человѣкъ былъ разрушенъ, то внутренній человѣкъ обновляется изо дня въ день. «Ибо кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу, когда мы смотримъ не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вѣчно»¹⁴⁴⁵). «Земный нашъ домъ, эта хижина, разрушится; но мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный». Мы стонемъ, мы подавлены въ этой хижинѣ плоти¹⁴⁴⁶) и желаемъ облечься въ небесное наше жилище, только бы намъ вообще не оказаться нагими¹⁴⁴⁷), но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью¹⁴⁴⁸). И Богъ, который создалъ насъ для этой цѣли, далъ намъ залогъ Духа, чтобы такъ именно и было. Отсюда,

такъ какъ мы ходимъ вѣрою, то сама смерть теряетъ для насъ всякій ужасъ; это будетъ лишь допущеніе въ ближайшее присутствіе нашего Господа. Благоутюждать ему—это наше единственное желаніе, потому что всѣ мы станемъ предъ Его судилищемъ для принятія того, что сдѣлано нами съ тѣломъ, получить все по заслугамъ за наше добро и зло, не по произволу, а по дѣйствительной заслугѣ¹⁴⁴⁹). Въ этомъ заключается наша торжественная вѣра и ее-то мы стараемся внушить и вамъ¹⁴⁵⁰). Богъ видитъ искренность, и мы надѣемся, что она также видна будетъ и для нашей совѣсти, такъ какъ мы говоримъ вамъ все это не ради внушенія къ себѣ довѣрія, но единственно съ тою цѣлю, чтобы вы могли хотя что-нибудь сказать тѣмъ, которые хвалятся лицемъ, а не сердцемъ, т. е. совершенно вѣншними преимуществами, а не внутренними. Они называютъ насъ безумнымъ (см. Дѣян. XXVI, 24),—хорошо, если такъ, то это для Бога; а если мы здравомыслящи, то это для васъ¹⁴⁵¹). Наше единственное побужденіе есть любовь Христова. Такъ какъ Онъ умеръ за всѣхъ, то всѣ въ Его смерти умерли для грѣха, и поэтому цѣлю Его смерти было то, чтобы мы не жили болѣе сами для себя, но для Того, который умеръ и воскресъ за насъ. Поэтому мы не признаемъ отсѣлъ никакого другаго отношенія къ Нему, кромѣ чисто духовнаго. Ваши іерусалимскіе пришельцы хвалятся тѣмъ, что они знали Христа во время Его земной жизни, и на этомъ основываютъ свое превосходство надъ нами. Если мы когда либо признавали за собой такое преимущество, если мы когда нибудь ссылались на то, что мы видѣли живаго Христа, съ этого момента мы отказываемся отъ всѣхъ такихъ взглядовъ¹⁴⁵²). «Итакъ, кто во Христѣ, тотъ новая тварь; древнее прошло, теперь все новое». Тотъ, котораго мы проповѣдуемъ, есть духовный Христосъ, прославленный Христосъ, котораго Богъ отдалъ за грѣхи наши, въ которомъ Богъ примирилъ міръ съ собою, не вмѣняя людямъ преступленій ихъ. И наше служеніе есть служеніе примиренія, которое поручено намъ Богомъ и въ силу котораго мы, какъ посланники отъ имени Христова, умоляемъ васъ примириться съ Богомъ. «Ибо незнавшаго грѣха Онъ сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ, чтобы мы въ Немъ сдѣлались праведными предъ Богомъ»¹⁴⁵³). Какъ своихъ споспѣшниковъ, мы умоляемъ васъ, чтобы благодать Божія не тщетно была принята вами. И чтобы это наше служеніе не подвергалось порицанію, «мы никому ни въ чемъ не полагаемъ претыканія, но во всемъ являемъ эою¹⁴⁵⁴), какъ служители Божіи, въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, подъ ударами, въ темницахъ, въ изгнаніяхъ, въ трудахъ, въ бѣднѣхъ, въ постахъ, въ чистотѣ, въ благоразуміи, въ великодушіи, въ благости, въ Духѣ Святомъ, въ нелицемѣрной любви, въ словѣ истины, въ силѣ Божіей, съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ, въ чести и безчестіи, при порицаніяхъ и похвалахъ; насъ почитаютъ обманщиками, но мы вѣрны; мы неизвѣстны, но насъ узнаютъ; насъ почитаютъ умершими, но мы живы; насъ наказываютъ, но мы не умираемъ; насъ огорчаютъ, а мы всегда радуемся;

мы нищи, но многих обогащаемъ; мы ничего не имѣемъ, но всемъ обладаемъ» (iv, 7—vi, 10).

Апостолъ съ правомъ можетъ указывать на этотъ взрывъ пылкаго краснорѣчія какъ на доказательство того, что уста его открыты и сердце его отверсто для нихъ, и какъ на основаніе его просьбы, чтобы вмѣсто своей узкой зависти и подозрѣній, они, какъ дѣти, любили его съ такимъ же открытымъ сердцемъ, и такимъ образомъ вознаграждали бы его тѣмъ же и отстранялись отъ непристойнаго имъ содружества по невѣрію ¹⁴⁵⁵), отъ неестественнаго сочетанія правды и свѣта съ беззаконіемъ и тьмой, Христа съ ничтожествомъ ¹⁴⁵⁶), храма Божія съ идолами, — всего того, чрезъ что они могли бы лишиться славныхъ обѣтованій Божіихъ ¹⁴⁵⁷). Пусть они очистятся отъ своихъ нечистотъ внутри и совнѣ. И затѣмъ, какбы съ цѣлію запечатлѣть все сказанное и этимъ закончить свой предметъ, онъ восклицаетъ: «примите же насъ! мы никого не обидѣли, никому не повредили, ни отъ кого не искали корысти. Всѣ такіа обвиненія противъ насъ ложны. Не въ осужденіе говорю. Ибо я прежде сказалъ, что вы въ сердцахъ нашихъ, такъ чтобы вмѣстѣ и умереть и жить. Я смѣло говорю это, потому что исполненъ утѣшенія, преизобилую радостью, при всей скорби нашей. Ибо, когда пришли мы въ Македонію, плоть наша не имѣла никакого покоя; но мы были стѣснены отсюду: отъ нападенія, внутри страхи. Но Богъ, утѣшающій смиренныхъ ¹⁴⁵⁸), утѣшилъ насъ прибытіемъ Тита и не только прибытіемъ его, но и утѣшеніемъ, которымъ онъ утѣшался о васъ, пересказывая намъ о вашемъ усердіи, о вашемъ плачѣ, о вашей ревности по мнѣ, такъ что я еще болѣе обрадовался. Посему, если я опечалилъ васъ посланіемъ, не жалѣю, хотя и пожалѣлъ было; ибо вижу, что посланіе то опечалило васъ, впрочемъ на время. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились къ покаянію; ибо опечалились ради Бога, такъ что нисколько не понесли отъ насъ вреда. Ибо печаль ради Бога производитъ неизмѣнное покаяніе ко спасенію; а печаль мірская производитъ смерть. Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело въ васъ усердіе, какія извиненія, какое негодованіе *на виновнаго*, какой страхъ, какое желаніе, какую ревность, какое взысканіе. По всему вы показали себя чистыми въ этомъ дѣлѣ. Итакъ, если я писалъ къ вамъ, то не ради оскорбителя и не ради оскорбленнаго; но чтобы вамъ открылось ¹⁴⁵⁹) попеченіе наше о васъ предъ Богомъ. Посему мы утѣшились утѣшеніемъ вашимъ; а еще болѣе обрадованы мы радостію Тита, что вы все успокоили духъ его. Итакъ, я не остался въ стыдѣ, если чѣмъ либо о васъ похвалился предъ нимъ; но какъ вамъ мы говорили все истину, такъ и предъ Титомъ похвала наша оказалась истинною. И сердце его весьма расположено къ вамъ, при воспоминаніи о послушаніи всѣхъ васъ, какъ вы приняли его со страхомъ и трепетомъ. Итакъ радуюсь, что во всемъ могу положиться на васъ» (vi, 11—vii, 16).

Апостолъ затѣмъ представляетъ имъ доказательства этого. Церкви Маке-

доніи, говорить онъ, не смотря на свою бѣдность ¹⁴⁶⁰), на все свои огорченія, выказали похвальную щедрость, безграничную преданность и восторженное одушевленіе къ его желаніямъ, и, полагаясь на Бога выше всякихъ его ожиданій, не только произвели большою сборъ въ пользу святыхъ, но просили также его принять участіе въ самомъ его совершеніи. Ободренный этимъ, онъ просилъ Тита позаботиться объ устройствѣ этого добраго дѣла и среди нихъ. И такъ какъ они преизобилуютъ столь многими дарами и богатію, то пусть покажутъ также изобиліе и этой добродѣтели. Онъ говоритъ имъ это не въ видѣ повелѣнія, а только сообщаетъ имъ о томъ, что сдѣлали другіе, и проситъ (не для себя конечно) доказательства ихъ любви, такъ какъ Христосъ далъ имъ примѣръ обогащенія другихъ своею собственною ницетою. Они первые начали сборъ пожертвованій, но Македонія уже окончила его. Они не должны давать больше, чѣмъ сколько могутъ, потому что Богъ смотритъ не на даръ, но на духъ дателя. Не желаетъ онъ ихъ и обѣднить, чтобы обезпечить другихъ, а желаетъ только установить между іудейскими и языческими общинами взаимность въ помощи во время нужды. Титъ съ радостью принялъ это порученіе, и вмѣстѣ съ нимъ онъ послалъ еще одного брата, который похваляется во всѣхъ церквахъ за благоустройство и который притомъ избранъ отъ церквей сопутствовать ему въ дѣлѣ этого благотворенія. Ап. Павелъ такъ твердо рѣшился не давать ни малѣйшаго повода для низкихъ клеветъ, что самъ не хотѣлъ имѣть никакого соприкосновенія съ денежными дѣлами ¹⁴⁶¹). Вмѣстѣ съ Титомъ и названнымъ братомъ, онъ послалъ еще третьяго, ревность котораго не разъ была испытана при многихъ обстоятельствахъ и который нынѣ сталъ еще усерднѣе вслѣдствіе сильной своей увѣренности въ коринѣянахъ. Если имъ желательно знать что нибудь относительно этихъ трехъ посѣтителей, то Титъ былъ его сотоварищемъ и сотрудникомъ у нихъ; а другіе двое собратія—посланники церквей ¹⁴⁶²), слава Христова. Пусть коринѣяне дадутъ доказательство своей любви и оправдаютъ предъ всѣми церквами его похвалу въ отношеніи ихъ. Что касается общей желательности сбора, то ему нѣтъ надобности распространяться о ней. Онъ всегда хвалился ихъ ревностью и рассказывалъ церквамъ македонскимъ, что Ахаія взялась за это дѣло еще съ прошлаго года, и ревность ихъ поощрила многихъ. Братьевъ послалъ онъ къ нимъ для того, чтобы похвала его касательно ихъ не оказалась тщетною въ томъ случаѣ, если бы на самомъ дѣлѣ оказалось, что они не исполнили того, въ чемъ, какъ онъ говорилъ, они уже давно готовы. Поэтому онъ увѣщаетъ ихъ, чтобы они были щедры, уповаю на Бога, что онъ вознаградитъ ихъ. Пусть каждый изъ нихъ удѣляетъ по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ; ибо добротой дающаго любить Богъ. «При семъ скажу: кто сѣетъ скупю, тотъ скупъ и пожнетъ; а кто сѣетъ щедро, тотъ щедро и пожнетъ» ¹⁴⁶³). «Богъ же силенъ обогатить васъ всякою благодатію, чтобы вы, всегда и во всемъ имѣя всякое довольство, были богаты на всякое

доброе дѣло». И этотъ сборъ будетъ не только въ помощь святымъ, но также и для славы Божіей въ качествѣ благодаренія Ему и молитвой за нихъ. «Благодареніе», — говоритъ онъ, воспроизводя въ себѣ чувство благодарности принимающихъ—«благодареніе Богу за неизреченный даръ Его» (уп, 1—ix, 15).

Въ этомъ мѣстѣ измѣняется весь тонъ посланія — измѣняется настолько, что въ этомъ отдѣлѣ его (х, 1 — хш, 10) многіе видѣли не только совершенно отдѣльное письмо, но даже съ нѣкоторою правдоподобностью отождествляли его съ тѣмъ суровымъ посланіемъ, упоминаемымъ въ уп, 8 — 12, которое повергло коринѳянъ въ такую скорбь и побудило ихъ къ той оживленной дѣятельности, которая обыкновенно ставится въ связь съ первымъ существующимъ посланіемъ¹⁴⁶⁴). Такую гипотезу однакоже трудно принять, въ виду представляемыхъ всѣми манускриптами данныхъ; а когда мы примемъ во вниманіе существованіе постоянного обмена извѣстій между различными церквами, то гораздо проще и естественнѣе предположить, что если первая часть посланія была писана въ то время, когда онъ беспокоился касательно ихъ, а вторая послѣ того, какъ его душа была облегчена прибытіемъ Тита, то эта третья часть посланія была написана по прибытіи нѣкоторыхъ новыхъ вѣстниковъ, принесшихъ страшное извѣстіе, что изъ Іерусалима прибылъ какой-то учитель, противодѣйствіе котораго ап. Павлу было еще открытѣе и беззащитнѣе, чѣмъ тѣхъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло доселѣ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что эти главы были написаны въ совершенно различномъ духѣ отъ прежнихъ¹⁴⁶⁵). Въ нихъ нѣтъ той нѣжной изліятельности и искренней хвалы, которыми отличается только что изложенная часть, а преобладаетъ тонъ подавленного негодованія, въ которомъ нѣжность борется съ горькой ироніей, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самый языкъ дѣлается труднымъ и темнымъ¹⁴⁶⁶), подобно рѣчи человѣка, который съ трудностью воздерживается отъ выраженія того, что под-сказывается его внутреннимъ чувствомъ. Однако же въ высшей степени интересно и замѣчательно, что «смирненіе и кротость Христовы» повсюду господствуютъ и въ этой ироніи и онъ не изрекаетъ ни единого гнѣвнаго слова. Замѣтенъ также тонъ повелѣвающей власти, къ которой писатель принужденъ прибѣгнуть какъ къ крайнему средству, такъ какъ всякая снисходительность привела только къ печальнымъ злоупотребленіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ, и особенно одна личность¹⁴⁶⁷), щедро разсыпали свои порицанія и хуленія на ап. Павла, говоря, что его личность невзрачная (х, 1, 10), что его рѣчь необработанная (х, 6), что самъ онъ смѣлся только на словахъ и притомъ въ отдаленіи, что онъ поступаетъ «по плоти»¹⁴⁶⁸), что онъ несомнѣнно человѣкъ слабый и вѣроятно неразумный¹⁴⁶⁹). Свое единеніе съ Христомъ они выставляли какъ предметъ самовозношенія (х, 7); проповѣдывали другаго Христа и иное Евангеліе, внося иной духъ¹⁴⁷⁰); неизмѣримо хвалились своимъ превосходствомъ. Они вторгались въ ту область дѣятельности, въ которой они не трудились (х, 15), и подпольными

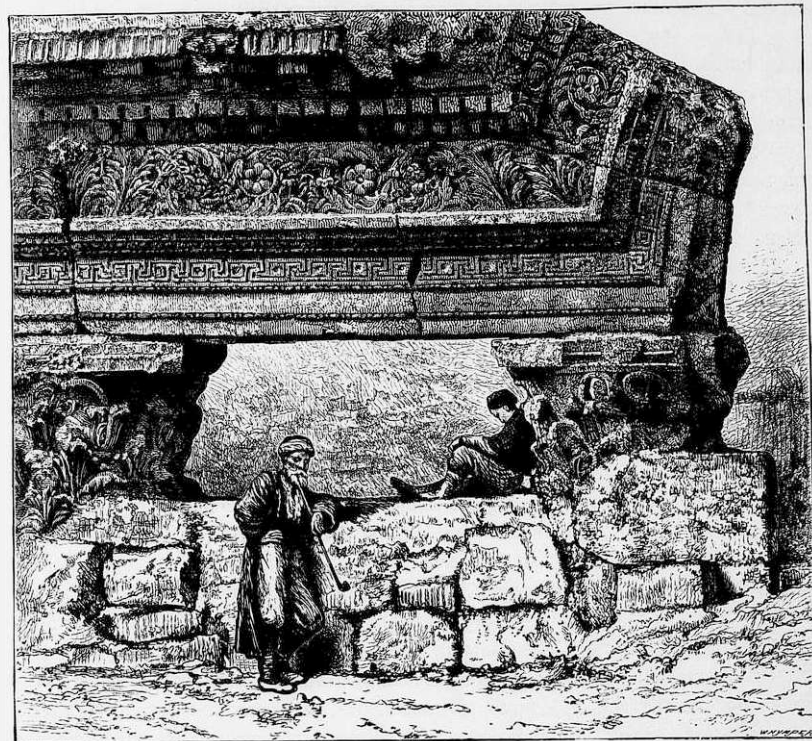
внушеніями отравляли въ коринѳянахъ простоту ихъ первоначальной вѣры (х, 3). Въ то время какъ ап. Павелъ въ своей дѣятельности содержался собственнымъ трудомъ и относился ко всѣмъ съ любвеобильною снисходительностью, эти люди и ихъ главные вожди выставляли свое притязаніе на апостольскій авторитетъ съ дерзостью, хищничествомъ и насиліемъ (х, 20, 21), которые заставили ап. Павла иронически замѣтить, что его слабость въ снисходительности къ своимъ обращенцамъ, вмѣсто господства надъ ними, была позоромъ для него. Но удивительно, что дѣятельность и ученіе подобной личности и его клики вызвали отдаленный отголосокъ сочувствія въ сердцахъ непостоянныхъ коринѳянъ. Они самовольно приняли ихъ къ себѣ; были ослаблены ихъ необычайными притязаніями; оглушены громомъ ихъ жадности и нашли подтвержденіе въ ихъ смѣломъ неуваженіи къ желаніямъ и постановленіямъ своего истиннаго учителя (х, 18; х, 8, 20; хп, 13, 14).

На этихъ-то пришельцевъ ап. Павелъ «мечетъ негодованіемъ своей неотра-зимой апологіи». «Какъ ни невзраченъ онъ по виду»¹⁴⁷¹), онъ убѣждаетъ ихъ кротостію и снисхожденіемъ Христовымъ, чтобы, когда онъ придетъ къ нимъ, онъ не былъ вынужденъ прибѣгнуть къ той твердой смѣлости, которую онъ думалъ употребить противъ нѣкоторыхъ, помышляющихъ о немъ, что онъ поступаетъ по плоти. «Если онъ и ходитъ по плоти, то не по плоти воинствуетъ», достаточно силенъ для того, чтобы подавить всякое превозношеніе, наказать всякое непослушаніе и разрушить твердыни противодѣйствія, и такимъ образомъ плѣнить всякое помышленіе въ послушаніе Христу. Судятъ ли они по внѣшности? Они должны убѣдиться, что онъ такъ же близокъ ко Христу, какъ и всякій членъ той партіи, которая присваиваетъ себѣ Его имя. Они должны убѣдиться, что каковъ онъ на словахъ въ посланіяхъ заочно, таковъ и на дѣлѣ лично¹⁴⁷²). Онъ, конечно, не снизойдетъ на низкую арену сравненія¹⁴⁷³) себя съ тѣми, которые сами себя выставляютъ, такъ какъ они измѣряютъ себя сами собою, и сравниваютъ себя съ собою неразумно; и не будетъ подражать имъ въ безмѣрной хвалѣ. Онъ ограничится въ своей похвалѣ тою мѣрою, которая дана ему Богомъ и которой достаточно для того, чтобы даже достигнуть и до нихъ, какъ и его Евангеліе дѣйствительно впервые достигло до нихъ, потому что онъ не простираетъ, подобно своимъ противникамъ, своей похвалы и въ область не своего собственного труда, но надѣется, что съ увеличеніемъ ихъ вѣры, они будутъ цѣнить его еще выше и предѣлъ его труда распространится еще шире до неизвѣданныхъ странъ. «Пусть же хвалящійся хвалится о Господѣ, такъ какъ не тотъ достоинъ, кто самъ себя хвалитъ, но кого хвалитъ Господь»¹⁴⁷⁴).

Апостоль проситъ ихъ быть снисходительными къ нему даже въ его неразуміи,—мало того, онъ увѣренъ, что они отнесутся къ нему именно такъ¹⁴⁷⁵). Онъ ревнуетъ о нихъ ревностію Божіею, желая видѣть ихъ въ качествѣ чистой невѣсты Христу; но боится, чтобы какъ змѣй хитростію своею прельстилъ Еву,

такъ не повредились бы и умы ихъ, уклонившись отъ простоты во Христѣ. Для нихъ, повидимому, было бы безразлично, если бы этотъ новый проповѣдникъ¹⁴⁷⁶⁾ проповѣдывалъ имъ другаго Христа, иного Духа, иное Евангеліе; но онъ заявляетъ, что проповѣдуетъ тоже самое, а въ такомъ случаѣ его авторитетъ не выше авторитета апостола, который заявлялъ, что у него нѣтъ ни въ чемъ недостатка противъ высшихъ апостоловъ¹⁴⁷⁷⁾. Хотя онъ и невѣжда въ краснорѣчіи, но во всякомъ случаѣ у него нѣтъ недостатка въ познаніи. Впрочемъ, они хорошо знаютъ его въ этомъ отношеніи¹⁴⁷⁸⁾, такъ что нѣтъ надобности и говорить объ этомъ, если только онъ не погрѣшилъ въ униженіи себя ради ихъ возвышенія, проповѣдуя имъ даромъ. Проповѣдуя коринѣянамъ, онъ въ то же время причинялъ издержки другимъ церквамъ, такъ какъ другіе платили ему за эту проповѣдь. Хотя онъ постоянно терпѣлъ нужду, находясь среди нихъ, онъ не утруждалъ ихъ своими вымогательствами, подобно какому нибудь гимноту, но пользовался пособіемъ отъ македонянъ и старался не налагать какого бы то ни было бремени на нихъ. Похвала эта не можетъ быть отнята у него¹⁴⁷⁹⁾, не потому (какъ Богу извѣстно!), чтобы онъ не любилъ ихъ, но потому, что онъ хочетъ отнять оружіе у тѣхъ, кому оно нужно, такъ чтобы въ этомъ предметѣ похвалы онъ и его противники стали на одной и той же почвѣ. Последнее замѣчаніе есть острый сарказмъ, такъ какъ если противники ап. Павла обвиняли его въ принятіи денегъ, то обвиняли его въ томъ, чего не дѣлалъ онъ, но что дѣлали именно они¹⁴⁸⁰⁾. «Ибо таковыя», съ пылкой суровостью прибавляетъ онъ, «лжеапостолы— лукавыя дѣлатели, принимающіе видъ апостоловъ Христовыхъ. И неудивительно, потому что самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣта¹⁴⁸¹⁾. А потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды; но конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ. Еще скажу: не почти кто нибудь меня неразумнымъ; а если не такъ, то примите меня, хотя какъ неразумнаго, чтобы и мнѣ сколько нибудь похвалиться». Онъ хвалится не чѣмъ либо возвышеннымъ, священнымъ, или духовнымъ. Это конечно неразуміе, но не по его собственной винѣ. Такъ какъ многіе усвоили себѣ этотъ именно способъ похвалы, то и онъ намѣренъ выступить противъ нихъ съ ихъ же собственнымъ оружіемъ; и коринѣяне, по своему благоразумію, навѣрно охотно будутъ терпѣть просто безвредныхъ глупцовъ, такъ какъ они терпятъ даже людей гораздо болѣе вредныхъ,—и людей, которые повергаютъ ихъ въ рабство, пожираютъ¹⁴⁸²⁾, и мѣняють ихъ,—людей, которые заявляютъ самыя дерзкія притязанія,—людей, которые поражаютъ ихъ прямо въ лице¹⁴⁸³⁾. «Къ стыду говорю, что *на это* у насъ не доставало силъ; а если кто смѣетъ хвалиться чѣмъ либо, то (скажу по неразумію) смѣю и я. Они евреи? и я. Израилѣтяне? и я. Сѣмя авраамово? и я¹⁴⁸⁴⁾. Христовы служители? (въ безуміи говорю) я больше». Затѣмъ слѣдуетъ чудесный отрывокъ, какой только можно встрѣтить въ автобіографіи,—отрывокъ, рядомъ съ которымъ самая опасная жизнь наиболѣе страждущихъ святыхъ терять свой ужасъ, и

который показываетъ намъ, какъ неполно наше знаніе о подробностяхъ жизни ап. Павла. «Я гораздо болѣе *былъ* въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе въ темницахъ и многократно при смерти. Отъ іудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сороку *ударовъ* безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ во глубинѣ

Часть триумфальной арки въ Дамаскѣ.

морской¹⁴⁸⁵⁾. Много разъ *былъ* въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ между лжебратіями, въ трудѣ и въ изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ голодѣ и жадѣ, часто въ постѣ, на службѣ и въ

наготѣ. Кромѣ постороннихъ приключеній, у меня ежедневное стеченіе людей ¹⁴⁸⁶), забота о всѣхъ церквахъ. Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Если должно мнѣ хвалиться, то буду хвалиться немощію моею. Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во вѣки, знаетъ, что я не лгу. Въ Дамаскѣ областный правитель царя Ареты стерегъ городъ Дамаскъ, чтобы схватить меня: и я въ корзину былъ спущенъ изъ окна по стѣнѣ, и избѣжалъ его рукъ» ¹⁴⁸⁷).

Таково было его «приготовление немощи», безъ котораго онъ не могъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и не могъ бы сдѣлать того, что онъ сдѣлалъ. Таковъ просвѣтъ на жизнь, не имѣющую себѣ подобной по самоотверженію, какъ вообще безпримѣрную въ исторіи міра. Здѣсь онъ порываетъ эту часть предмета. Не было ли у него намѣренія подобнымъ же образомъ перечислить и рядъ другихъ опасностей? Или, оглянувшись на эти опасности, не оканчивается ли онъ самою первою и самою позорною? Или быть можетъ у него никогда не было намѣренія рассказывать объ этомъ и онъ хотѣлъ лишь привести примѣръ позорнаго бѣгства въ Дамаскѣ, столь возмутительнаго для естественнаго достоинства восточнаго человѣка вообще и раввина въ особенности, какъ верхъ понесеннаго имъ безчестія? — Нѣтъ возможности отвѣтить на эти вопросы. Но въ этомъ мѣстѣ, потому ли, что его прервали, или потому, что измѣнилось его душевное настроеніе, или потому, что ему показалось, что онъ уже достаточно показалъ свое превосходство въ слабости добровольнаго униженія даже надъ «высшими» апостолами, — онъ останавливается и такимъ образомъ лишаетъ насъ неопѣннаго рассказа, который весь міръ читалъ бы съ затаеннымъ дыханіемъ и изъ котораго мы могли бы почерпнуть неопѣнные уроки. Какъ бы то ни было, онъ вдругъ восклицаетъ: «не полезно хвалиться мнѣ ¹⁴⁸⁸), ибо я прииду къ видѣніямъ и откровеніямъ Господнимъ. Знаю человѣка во Христѣ, который, назадъ тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли, не знаю, внѣ ли тѣла ¹⁴⁸⁹, не знаю, Богъ знаетъ), восхищенъ былъ до третьяго неба ¹⁴⁹⁰). И знаю о такомъ человѣкѣ (*только* не знаю, въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать. Такимъ *человѣкомъ* могу хвалиться; собою же не похваюсь, развѣ только немощами моими. Впрочемъ, если захочу хвалиться, не буду неразумнѣть, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумалъ о мнѣ болѣе, нежели сколько во мнѣ видѣть, или слышать отъ меня. И чтобы я не превозносился чрезвычайностію откровеній, дано мнѣ жало въ плоть ¹⁴⁹¹), ангелъ сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молилъ я Господа о томъ, чтобы удалилъ его отъ меня. Но Господь сказалъ мнѣ: довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совершается въ немощи. И потому я гораздо охотнѣе буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мнѣ сила Христова ¹⁴⁹²). Посему я благодушествоую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Хри-

ста: ибо, когда я немощенъ, тогда силенъ. Я дошелъ до неразумія, хвалясь: вы меня къ сему принудили. Вамъ бы надлежало хвалить меня, ибо у меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ высшихъ апостоловъ ¹⁴⁹³), хотя я и ничто. Признаки апостола оказались передъ вами всякимъ терпѣніемъ, знаменіями, чудесами и силами. Ибо чего у васъ недостаетъ передъ прочими церквами, развѣ только того, что самъ я не былъ вамъ въ тягость? Простите мнѣ такую вину. Вотъ, въ третій разъ я готовъ идти къ вамъ, и не буду отягощать васъ; ибо я ищущу не вашего, а васъ. Не дѣти должны собирать имѣніе для родителей, но родители для дѣтей. Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, не смотря на то, что, чрезвычайно любя васъ, я менѣе любимъ вами. Положимъ, что самъ я не обременялъ васъ; но, будучи хитръ, лукавствомъ бралъ съ васъ. Но пользовался ли я чѣмъ отъ васъ чрезъ кого нибудь изъ тѣхъ, кого посылалъ къ вамъ? Я упросилъ Тита и послалъ съ нимъ одного изъ братьевъ: Титъ воспользовался ли чѣмъ отъ васъ? Не въ одномъ ли духѣ мы дѣйствовали? Не однимъ ли путемъ ходили? Не думаете ли еще, что мы только оправдываемся передъ вами ¹⁴⁹⁴)? Мы говоримъ предъ Богомъ, во Христѣ, и все это, возлюбленные, къ вашему назиданію. Ибо я опасуюсь, чтобы мнѣ, по пришествіи моемъ, не найти васъ такими, какими не желаю; также чтобы и вамъ не найти меня такимъ, какимъ не желаете, — чтобы не найти у васъ раздоровъ, зависти, гнѣва, ссоръ, клеветъ, ябедъ, гордости, беспорядковъ, чтобы опять, когда прииду, не унижилъ меня у васъ Богъ мой, и чтобы не оплакивать мнѣ многихъ, которые согрѣшили прежде и не покались въ нечистотѣ, блудодѣяніи и непотребствѣ, какое дѣлали. Въ третій уже разъ иду къ вамъ ¹⁴⁹⁵). При устахъ двухъ или трехъ свидѣтелей будетъ твердо всякое слово. Я предварялъ и предваряю, какбы находясь у васъ во второй разъ, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрѣшившимъ и всѣмъ прочимъ, что, когда опять прииду, не пощажу. Вы ищете доказательства на то, Христосъ ли говоритъ во мнѣ: Онъ не безсиленъ для васъ, но силенъ въ васъ. Ибо хотя Онъ и распятъ въ немощи, но живъ силою Божіею; и мы также хотя немощны въ Немъ, но будемъ живы съ Нимъ силою Божіею въ васъ. Испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы; самихъ себя испытывайте. Или вы не знаете самихъ себя, что Иисусъ Христосъ въ васъ? Развѣ только вы не то, чѣмъ должны быть. О насъ же, надѣюсь, узнаете, что мы то, чѣмъ быть должны. Молимъ Бога, чтобы вы не дѣлали никакого зла, не для того, чтобы намъ показаться, чѣмъ должны быть; но чтобы вы дѣлали добро, хотя бы мы казались и не тѣмъ, чѣмъ должны быть. Ибо мы не сильны противъ истины, но сильны за истину. Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны; о семъ-то и молимся, о вашемъ совершенствѣ. Для того я и пишу сіе въ отсутствіи, чтобы въ присутствіи не употребить строгости ¹⁴⁹⁶) по власти, данной мнѣ Господомъ къ созиданію, а не къ разоренію» (хп, 13—хп, 10).

Но онъ не хотѣлъ кончить словами, въ которыхъ къ его безконечной и

самоотверженной снисходительности примѣшивалась такая непреклонная строгость. Поэтому онъ прибавляетъ своею рукою: «Впрочемъ, братія, радуйтесь, усовершеншайтесь, утѣшайтесь, будьте единомысленны, мирны: и Богъ любви и мира будетъ съ вами. Привѣтствуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ. Привѣтствуютъ васъ всѣ святые». И затѣмъ слѣдуетъ самое полное изъ его апостольскихъ благословеній, «оттолѣ принятыхъ церковью на всѣ вѣка, какъ конечное благословеніе ея служенія»: «благодать Господа нашего Исуса Христа, и любовь Бога Отца, и общеніе Святаго Духа со всѣми вами. Аминь» ¹⁴⁹⁷).

Монета Ареты
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XXXIV.

ВТОРОЕ ПОСѢЩЕНІЕ КОРИНѢА.

Рабу Господа не должно ссориться, но быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ.

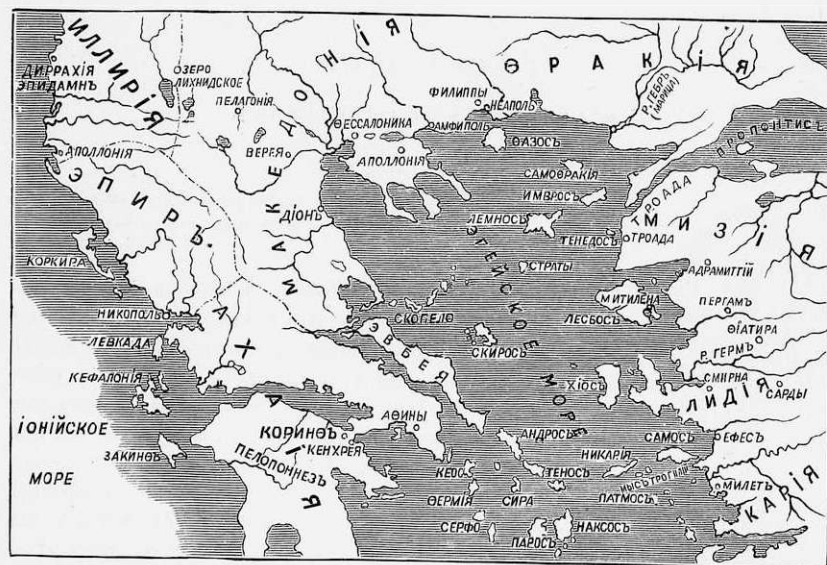
• 2 Тим. в. II, 24.

ВТОРОМЪ пребываніи ап. Павла въ Македоніи св. Лука говоритъ необыкновенно кратко. Причиною этого вѣроятно было то, что періодъ этотъ не ознаменовался какими либо особыми событіями, заслуживавшими того, чтобы отвести имъ мѣсто на его страницахъ. Онъ не имѣлъ своею задачею останавливаться на изслѣдованіи источниковъ внутренней скорби, такъ угнетавшей душу ап. Павла, или подробно передавать о тѣхъ огорченіяхъ, которыя составляли суть его обычной жизни. Ап. Павелъ быть можетъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ когда либо жившихъ людей (даже если мы возьмемъ тѣхъ, которые принесли свою жизнь въ жертву какому либо великому дѣлу Божію), опытомъ зналъ, что жизнь сплетается изъ множества испытаній, все различіе которыхъ состоитъ въ томъ, что одни изъ нихъ легче, другія — тяжелѣе. Но св. Лука, не говоря уже объ особыхъ цѣляхъ, повидимому руководившихъ имъ при писаніи своей книги, даетъ намъ полный разсказъ только о событіяхъ, которыхъ онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ ¹⁴⁹⁸), или тѣхъ, которыя онъ считалъ болѣе важными и касательно которыхъ онъ могъ получить несомнѣнно достоверныя свѣденія. Однимъ изъ многихъ доказательствъ неполноты его біографіи служить то, что онъ даже не упоминаетъ о такомъ сотрудникѣ ап. Павла, какъ грекъ Титъ, столь любезный ему, столь способный, дѣятельный и преданный, восторженною дѣятельностью

котораго ап. Павелъ такъ много пользовался въ организаціи милостынныхъ сборовъ и особенно въ трудномъ и щекотливомъ дѣлѣ сношенія съ коринѣскими христіанами въ самый неудовлетворительный періодъ ихъ смутной исторіи.

Св. Лука, поэтому минуя душевную скорбь и вѣнпнія гоненія, которые ап. Павелъ, по его собственному свидѣтельству, испытывалъ въ это время, ничего не говоритъ о тѣхъ многихъ тревоженіяхъ, относительно которыхъ, на основаніи посланій, мы можемъ сообщить кое-что. Все, о чемъ онъ сообщаетъ намъ, это лишь то, что ап. Павелъ проходилъ чрезъ эти страны и ободрялъ ихъ своимъ увѣщаніемъ. Онъ не упоминаетъ даже объ интересномъ обстоятельстве, что послѣ

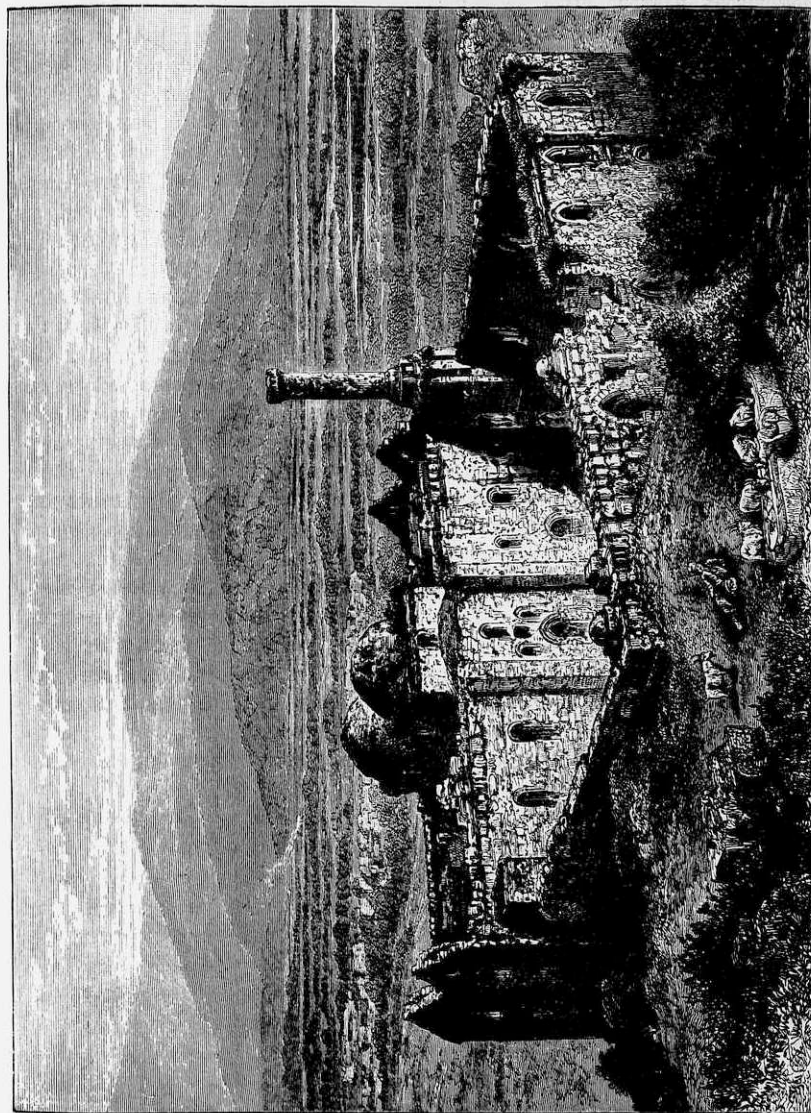
Карта для показанія дороги ап. Павла.

проповѣди, во время своего второго путешествія, въ Филиппахъ, Эссалоникѣ и Верѣ—трехъ столицахъ первой, второй и третьей Македоніи, онъ воспользовался намѣренной отсрочкой своего посѣщенія Коринѣа для того, чтобы пройти и четвертую Македонію вплоть до Иллиріи. Доходилъ ли онъ только до границы Иллиріи, или проникъ въ самую страну и достигъ даже до Деррахія и Никополя, и разумѣется ли подъ Иллиріей греческій округъ или римская провинція¹⁴⁹⁹⁾, извѣстныя подъ этимъ названіемъ, мы не можемъ сказать; но во всякомъ случаѣ ап. Павелъ упоминаетъ эту страну для обозначенія предѣла самаго далекаго круга своихъ миссіонерскихъ путешествій, центромъ которыхъ былъ Иерусалимъ.

Что сборъ милостыни сильно занималъ ап. Павла въ это время, это ясно изъ его частыхъ намековъ на нее и особенно изъ того мѣста, которое онъ отводитъ этому предмету въ своихъ посланіяхъ къ Коринѣянамъ. Однимъ изъ его испытаній было именно то, что онъ долженъ былъ постоянно обращаться за денежными пособіями къ малымъ общинамъ своихъ обращенцевъ, большинство изъ которыхъ при всей своей бѣдности должны были приносить большія жертвы ради своей христіанской вѣры. Онъ ясно видѣлъ, что этимъ обстоятельствомъ враги его съ беззастѣнчивостью могли воспользоваться для того, чтобы обратить его въ орудіе противъ него. Какъ бы ни были старательны и дѣловиты его распоряженія въ этомъ отношеніи, какъ бы ни настойчиво утверждалъ онъ, что самъ онъ не принимаетъ никакого личнаго участія при распредѣленіи и даже сбереженіи этихъ суммъ, не было недостатка въ личностяхъ, которыя втихомолку распространяли низкую клевету, что Павелъ дѣйствовалъ при этомъ изъ своекорыстныхъ выгодъ, и что даже то упорное трудолюбіе, съ которымъ онъ день и ночь занимался своимъ ремесломъ, не вполне удовлетворявшимъ его собственныя потребности, было только прикрытіемъ для затаеннаго плана алчности и самообогащенія. Еще тяжелѣе было для него, когда эти обвиненія исходили отъ представителей той самой церкви, ради бѣдныхъ которой онъ предпринималъ этотъ непріятный трудъ выпрашиванія милостыни¹⁵⁰⁰⁾. Но въ мірѣ не было человека, какъ бы ни былъ онъ невиненъ или святъ, который бы избѣжалъ людской злобы и клеветы; и въ дѣйствительности сила этой злобы и настойчивость этой клеветы часто бывають пропорціональны мужеству, съ которымъ онъ встрѣчаетъ низость міра. Ап. Павелъ не старался казаться равнодушнымъ къ этому жалу ненависти и клеветы. Онъ не скрывалъ того страданія, которое оно причиняло ему. Напротивъ, онъ жестоко чувствовалъ грубую несправедливость по отношенію къ нему, а также и тѣ препятствія, которыя она поставила великому дѣлу его жизни; и та горькая иронія и горячность, съ которыми онъ при всякомъ удобномъ случаѣ отвѣчаетъ имъ, служатъ показателемъ той мѣры страданія, которое они причиняли ему. Но обыкновенно онъ оставлялъ эти клеветы безъ всякаго вниманія и прощалъ тѣмъ, которые наносили ему это страданіе. Это былъ не такой человекъ, чтобы пренебрегать долгомъ на томъ основаніи, что онъ непріятенъ, или потому, что его побужденія въ исполненіи его могутъ быть перетолкованы въ худую сторону. А побужденія, которыми онъ руководился въ этомъ дѣлѣ, были особенно священны. Прежде всего главные апостолы въ Иерусалимѣ взяли съ него торжественное обѣщаніе заботиться о ихъ бѣдныхъ и поставили это обѣщаніе почти условіемъ того соглашенія, по которому ихъ церковь въ вопросѣ о положеніи обращенныхъ язычниковъ отказывалась налагать на нихъ иго закона. Вовторыхъ, нужда существовала въ дѣйствительности и помощь была необходима; поэтому было вполне согласно съ собственными чувствами ап. Павла дать имъ прекрасное доказательство той братской любви, которую онъ считалъ выше всѣхъ христіанъ.

скихъ добродѣтелей. Затѣмъ, въ ранніе годы его жизни, его неумѣренная ревность нанесла церкви іерусалимской страшный вредъ, и теперь онъ хотѣлъ показать искреннее сокрушеніе своего покаянія, дѣлая все, что для него было возможно, для вознагражденія за прежнее. Наконецъ онъ имѣлъ надежду, иногда усиливавшуюся, а иногда ослабѣвавшую, что такое явное доказательство безкорыстнаго братства со стороны основанныхъ имъ языческихъ церквей навѣрно тронетъ сердца фарисейской партіи матери церкви, и если оно и не въ состояніи будетъ совсѣмъ уничтожить разногласіе между христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ, то по крайней мѣрѣ предотвратитъ бесполезное расширеніе отдѣлявшей ихъ грани. Въ моменты глубокаго унынія, пиша изъ Коринѳа въ Римъ (Рим. хv, 25—32), признавая возможность усердіемъ со стороны христіанъ изъ язычниковъ показать, посредствомъ пособія въ земныхъ нуждахъ, свое сознаніе обязательства за духовное благодѣяніе, полученное ими отъ святаго города, и смотря на матеріальныя приношенія какъ на жатвенный сборъ для доказательства іудейскимъ христіанамъ истинности посяяннаго между язычниками сѣмени,—апостолъ однакоже не скрываетъ своихъ опасеній касательно того духа, въ которомъ можетъ быть принято даже это приношеніе, и убѣдительноше проситъ римлянъ не только подвизаться съ нимъ въ молитвахъ къ Богу, чтобы ему избавиться отъ іудейскаго насилія въ Іудеѣ, но также, чтобы и жертва, главнымъ совершителемъ которой былъ онъ, могла быть милостиво принята. Быть можетъ испытанія отъ столкновеній съ іудействующими въ Коринѳѣ въ это время нѣсколько охладили пылъ его надеждъ, но до своего прибытія туда (2 Кор. viii, 24; ix, 12—15) онъ выражалъ пылкую надежду, что ихъ человеколюбивые дары не только облегчатъ незаслуженное бѣдствіе, но и будутъ доказательствомъ ихъ искренней преданности Евангелію Христову и вызовутъ такимъ образомъ глубокую благодарность Богу (2 Кор. ix, 14). Увы! этимъ пламеннымъ ожиданіямъ (какъ есть много основаній опасаться) суждено было потерпѣть крайнее разочарованіе.

Закончивъ свое дѣло во всей Македоніи и не находя болѣе случаевъ для практическаго приложенія своей дѣятельности въ этихъ странахъ¹⁵⁰¹), онъ наконецъ отправился въ свое путешествіе въ Коринѳъ. Это было вѣроятно къ концу 57 года. Но путешествовалъ ли ап. Павелъ моремъ или сушей и изъ какого мѣста онъ отправился, мы не знаемъ. Послѣ его путешествія въ четвертую Македонію онъ быть можетъ возвратился въ Фессалонику, которая была удобнымъ мѣстомъ сбора различныхъ братьевъ, теперь сопровождавшихъ его. Въ виду значительнаго числа его спутниковъ становится въ высшей степени вѣроятнымъ, что онъ избралъ наиболѣе дешевый, хотя въ это позднее время года и болѣе опасный, путь и отправился на кораблѣ изъ Фессалоники въ Кенхреи. Такъ какъ онъ самъ положительно рѣшился не имѣть никакого соприкосновенія съ денежными дѣлами, то становилось необходимымъ, чтобы его повсюду сопровождали казначеи, назначенные разбросанными общинами для завѣдыванія деньгами. Сообщество этихъ

Ефесъ со стороны Айя-Сопки.

соработниковъ навѣрно было источникомъ великаго счастья для подавленнаго испытаніями и истомленнаго трудами апостола, и сочувствіе такихъ преданныхъ друзей навѣрно было какбы небесною освѣжительной росой для его духа. Тутъ былъ юный, спокойный Тимоѳей, возлюбленный сотоварищъ его жизни; тутъ былъ Тихикъ, который вышелъ изъ школы Тиранна и оставался преданнымъ ему до самой кончины (2 Тим. iv, 12); тутъ былъ Гаій Дервининъ, живой памятникъ добраго дѣла, совершеннаго имъ въ его первое миссіонерское путешествіе. Фессалоника дала этому маленькому обществу цѣлыхъ три члена — Іасона, его соотечественника, если не родственника, того самаго, домъ котораго при первомъ пребываніи ап. Павла въ Фессалоникѣ подвергся нападенію отъ разъяренной черни, которая, не найдя въ немъ гостя, повлекла его самого на судъ къ политархамъ; Аристарха, который раздѣлялъ съ нимъ опасности въ Ефесѣ, какъ въ послѣдствіи раздѣлялъ его страшное кораблекрушеніе на пути въ Римъ, и Секунда, подробности о которомъ неизвѣстны. Кромѣ ихъ, Верея отправила Сопатра, іудейскаго обращенца, того самаго, который вмѣстѣ съ другими посылаетъ свое привѣтствіе римскимъ христіанамъ¹⁵⁰²). Въ самомъ Коринѣ онъ опять предполагалъ встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ своихъ любезнѣйшихъ друзей — съ Титомъ, мужество и здравый смыслъ котораго дѣлали его столь неоцѣненнымъ для апостола; съ Лукою, «возлюбленнымъ врачомъ», который, по всей вѣроятности, былъ уполномоченнымъ отъ Филиппа; съ Трофимомъ, ефесскимъ грекомъ, ставшимъ роковой, но неповинной причиною ареста ап. Павла въ Іерусалимѣ, тѣмъ самымъ, которому долгое время спустя суждено было отправиться съ нимъ въ его путешествіе въ качествѣ узника, но раздѣлять его послѣднія страданія которому помѣшала болѣзнь, постигшая его въ Милетѣ (2 Тим. iv, 20), и со многими коринѣскими христіанами: Густомъ, Сосееномъ, Ерастомъ, Тертіемъ, Квартомъ, Стефаномъ, Фортунатомъ, Ахаикомъ и наконецъ Гаіемъ коринѣскимъ, у котораго ап. Павелъ намѣревался остановиться, и открытый домъ и христіанское гостеприимство котораго высоко цѣнились церковью.

Сообщество столь многихъ вѣрныхъ христіанъ не могло не быть свѣтлою точкой въ туманномъ календарѣ жизни ап. Павла. Въ какихъ счастливыхъ бесѣдахъ должны были проходить у нихъ вечера, особенно въ виду того, что ручной трудъ апостола никоимъ образомъ не мѣшалъ изліянію его души! Какое это было радостное и сердечное общеніе, возможное въ своей высшей степени только для чистыхъ и святыхъ душъ! Какой тутъ происходилъ обмѣнъ мыслей и надеждъ по глубочайшимъ предметамъ! Какіе часы взаимнаго утѣшенія среди глубокихъ невзгодъ; какія умирительныя трапезы любви; какое благословенное причастіе въ таинствѣ евхаристіи; какое изліяніе пламенныхъ молитвъ! Въ Коринѣ ап. Павелъ пробылъ три мѣсяца, и въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ онъ написалъ, по всей вѣроятности, посланіе къ Галатамъ и несомнѣнно посланіе къ Римлянамъ—два изъ глубочайшихъ и знаменитѣйшихъ его посланій¹⁵⁰³). И такъ какъ

только изрѣдка онъ писалъ собственной рукой, такъ какъ у него въ обычаѣ въ надписяхъ своихъ посланій упоминать вмѣстѣ съ собою одного или нѣсколькихъ, а иногда и цѣлое общество своихъ сотрудниковъ, равно какъ и посылать привѣтствіе отъ нихъ,—то нельзя ли съ несомнѣнностью предполагать, что эти письма громко прочитывались въ кругу маленькаго собранія друзей и составляли плодотворный предметъ долгихъ и искреннихъ разсужденій? Но предполагалъ ли ап. Павелъ, что эти немногіе свитки папируса до послѣднихъ вѣковъ міра будутъ принаивнѣе его неоцѣнимымъ сокровищемъ?

Но въ какомъ состояніи апостоль нашелъ дѣла, когда онъ перешелъ изъ дома Гаія въ домъ Густа? Св. Лука имѣетъ свою цѣлю показать то единство, которое существовало между христіанами въ отношеніи сущности и основныхъ предметовъ вѣры, и поэтому не останавливается на временныхъ разногласіяхъ, которыя, къ несчастью, раздѣляли ихъ. Правда, онъ не скрываетъ самаго существованія несогласія; но его желаніемъ повидимому было показать существенную гармонію, которую эти несогласія могли лишь нарушать, но не могли разрушить. Поэтому онъ не сообщаетъ ни одной подробности о встрѣчѣ ап. Павла съ ложными апостолами, обманными дѣателями, которые искажали и поддѣлывали слово Божіе, или съ тѣмъ дерзкимъ и надменнымъ учителемъ, который, при своей осанистой внѣшности, обработанной рѣчи и огромныхъ притязаніяхъ, опираясь на одобрительныя письма изъ Іерусалима и быть можетъ на преимущества личнаго знакомства съ Христомъ, отрицалъ апостольство ап. Павла и не упускалъ случая очернить его характеръ. Выступилъ ли этотъ человѣкъ прямо лицомъ къ лицу противъ ап. Павла? Высказали ли его послѣдователи то пренебрежительно наглое отношеніе къ апостолу, которое они уже высказали противъ него заочно? Какъ совершился тамъ опасный кризисъ, послужившій рѣшительнымъ испытаніемъ, на чьей сторонѣ находилась истинная сила? Пришелъ ли наконецъ апостоль съ жезломъ, или съ духомъ кротости? Чѣмъ онъ доказалъ свое апостольство—строгимъ ли примѣненіемъ дисциплины и произнесеніемъ отлученія, ужасомъ поразившаго дерзкихъ отступниковъ, или же въ виду возобновленія вѣрности заблуждающейся паствы и водворенія мира и доброй нравственности между ними сдѣлалось излишнимъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ? На всѣ эти вопросы мы не можемъ дать болѣе или менѣе увѣреннаго отвѣта. Мы можемъ лишь вообразить себѣ торжественное безмолвіе ожиданія, съ которымъ маленькая община, собравшись въ домѣ Густа, встрѣтила первое появленіе и первое слово того, любовь котораго они подвергали столь страшному испытанію и противъ личности котораго они высказывались съ столь недостойнымъ издѣвательствомъ. Личные вопросы однако же имѣли для него наименьшее значеніе. Всѣ хорошо знали, что его громы страшны не для партійной оппозиціи, а для нравственнаго упорства. Такъ какъ многіе безъ нихъ были гнусными грѣшниками, такъ какъ многіе даже не раскаялись и послѣ строгихъ укоровъ, то какъ они должны были содрогаться,

какъ ихъ виновная совѣсть должна была вселять во всѣхъ ихъ робость, когда наконецъ спустя болѣе чѣмъ три года они стояли лицомъ къ лицу съ тѣмъ самымъ апостоломъ, который могъ предать ихъ сатанѣ со всѣми страшными, связанными съ этимъ приговоромъ послѣдствіями. Но надъ всѣмъ этимъ лежитъ завѣса забвенія. Перо единственнаго человѣка, который могъ бы рассказать обо всемъ этомъ, ничего не написало и мы не слышимъ объ этомъ ничего и изъ другихъ источниковъ. Но что на время апостолъ торжествовалъ, что вслѣдствіе ли дѣйствительнаго примѣненія власти, или сердечнаго раскаянія со стороны его противниковъ, его апостольскій авторитетъ вновь установился твердо,—это можно вывести изъ его собственнаго намека, что пока не были устранены коринѣскія затрудненія, онъ не могъ приниматься ни за какое другое дѣло, и что въ посланіяхъ, которыя онъ писалъ въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ столицѣ Ахаіи, онъ строитъ планы уже для болѣе обширныхъ миссіонерскихъ трудовъ и свободно предается новой дѣятельности (Рим. I, 13; XV, 24, 32).

Не смотря на отсутствіе завѣдомыхъ фактовъ, мы имѣемъ возможность читать сокровеннѣйшія мысли, какія только проносились по душѣ ап. Павла. Два посланія, которыя онъ отправилъ въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ, во многихъ отношеніяхъ были самыми важными, какія только когда либо онъ писалъ. И можно представить себѣ всю высоту его умственной силы, когда онъ въ теченіе столь короткаго періода, при множествѣ отягчавшихъ его другихъ обязанностей и тревоженій, все-таки находилъ время для того, чтобы диктовать посланіе къ Галатамъ, которое отмѣчаетъ эпоху въ исторіи церкви, и посланіе къ Римлянамъ, которое прямо можно считать важнѣйшимъ изъ всѣхъ его вкладовъ въ систему христіанскаго богословія!

Монета города Ефеса

(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XXXV.

ВАЖНОСТЬ ПОСЛАНІЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

Кто вникнетъ въ законъ совершенный,
законъ свободы, тотъ блаженъ будетъ въ
своемъ дѣйствованіи. I ак. I, 25.

Бы уже видѣли, что при своемъ второмъ краткомъ посѣщеніи церкви Галатіи на пути въ Ефесъ ап. Павелъ повидимому уже не встрѣчалъ того сердечнаго увлеченія, съ которымъ встрѣчено было его первое проповѣдничество. Своимъ проницательнымъ взглядомъ онъ замѣтилъ зародыши наступающей опасности и высказанныя имъ предостереженія ослабили теплоту его прежняго отношенія къ нимъ. Но онъ едва ли могъ ожидать болѣе мучительнаго извѣстія, что обращенцы, бывшіе нѣкогда столь дорогими для него и столь любящими, уклонились отъ его истиннаго благовѣстія и увлеклись поверхностной обрядностью его іудействующихъ противниковъ. Эти люди, какимъ бы авторитетомъ ни прикрывались они, уже испортили его лучшее дѣло, смутивъ его счастливыхъ учениковъ въ Антиохіи и Коринѣѣ, и теперь рассчитывали произвести то же и въ Ефесѣ. Вторгаться такимъ образомъ въ область трудовъ другого, предоставлять ему выносить всѣ опасности и труды съ желаніемъ воспользоваться ихъ плодами, равнодушно и враждебно наблюдать за тѣмъ, какъ сѣятель со слезами возвращалъ свое доброе сѣмя, чтобы затѣмъ нахально и дерзко приступить съ своими безстыдными и алчными серпами къ зрѣющей жатвѣ, преслѣдовать по стопамъ смѣлаго самоотверженнаго миссіонера при посредствѣ легкомысленныхъ обезпеченныхъ челоукоугодниковъ, которые, безъ всякаго лично для себя риска, въ его отсутствіе вторгались въ устроенныя имъ паствы для того, чтобы расхищать его беззащитныхъ овецъ, возмущать своей мелочною обрядностью и механическимъ правотѣріемъ чистую воду христіанской

простоты и христианского счастья, подвергать опасности такимъ образомъ всю будущность христианства попыткой отвращенія его отъ свободы вселенскаго Евангелія къ рабству іудейскаго закона, построить ограду, которая, въ силу обязательнаго обрѣзанія, исключала бы изъ церкви благороднѣйшихъ изъ язычниковъ, допуская въ тоже время худшихъ изъ іудеевъ, — все это на проницательный взглядъ ап. Павла уже было довольно худо. Но вторгаться такимъ образомъ въ маленькія общины его галатскихъ обращенцевъ, пользоваться ихъ теплою привязанностью и слабымъ разумомъ, играть на колеблющемся легкомысліи, которое столь легко дѣлало ихъ жертвой особенно тѣхъ, которые водворяли у нихъ внѣшній культъ, въ ущербъ духовной религіи, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что онъ имѣлъ обаятельное для нихъ сходство съ ихъ древнимъ церемоніальнымъ язычествомъ, — все это ап. Павлу казалось низкимъ до невыносимости. Раздраженный этою вѣтряностью галатовъ и уязвленный справедливымъ негодованіемъ на тѣхъ, которые пользовались ею, онъ взялся за перо, чтобы исполнѣ яснымъ и прямымъ языкомъ выразить свое мнѣніе о ложности и бесполезности тѣхъ границъ, въ которыя эти христианскіе фарисеи хотѣли заключить начала христианства, — тѣ изношенные и расхудившіеся мѣхи, въ которые они старались вливать богатое, свѣжее и бродящее вино. Тутъ не было времени для любезныхъ распросовъ касательно побужденій, для тщательнаго взвѣшиванія элементовъ, не было мѣста для неопредѣленнаго компромиса или деликатной ссылки на дѣйствительный или предполагаемый авторитетъ. Правда, люди этого рода прибыли изъ Іерусалима и принадлежали къ той самой іерусалимской церкви, для бѣдныхъ членовъ которой онъ дѣлалъ столь большіе сборы, и въ одномъ выдающемся случаѣ они имѣли или по крайней мѣрѣ заявляли, что имѣли за себя авторитетъ св. Іакова. Но возможно ли, чтобы Іаковъ, при всей своей склонности къ Моисееву закону, настолько переступалъ всякую грань въ этомъ отношеніи, чтобы дать санкцію своего имени дѣлу, которое, какъ видѣлъ ап. Павелъ, было крайне губительно для болѣе широкихъ надеждъ христианства? Если такъ, то нечего было дѣлать. Іаковъ былъ человекъ — правда, святой человекъ, вдохновенный знаніемъ великихъ и возвышенныхъ истинъ, — но не болѣе непогрѣшимъ, чѣмъ Петръ и самъ Павелъ. Если Петръ не разъ выказывалъ замѣтное колебаніе, то могъ также колебаться и св. Іаковъ; а если такъ, то Іаковъ въ свою очередь былъ несомнѣнно не правъ. Но ап. Павелъ во всякомъ случаѣ никогда не говорить этого и не употребляетъ ни одного непочтительнаго слова по отношенію къ «брату Господню». Церковь іерусалимская при одномъ прежнемъ случаѣ «открыто отвергла» лицъ, которыя самочинно выступали въ качествѣ представителей отъ нея; и нѣтъ ни малѣйшаго доказательства того, чтобы она когда либо одобряла этотъ родъ противодѣйствующей шпіонской миссіи, которая была столь губельна для всякаго истиннаго прогресса, для всякой свободы, для всякой нравственности. Кто бы ни были эти іудейскіе учителя, но тщеславіе, партійный духъ и чув-

ственность были ихъ отличительными и неразлучными качествами. Судить о нихъ должно по плодамъ ихъ, а эти плоды были горьки и ядовиты. Нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ были люди худые, старавшіеся лукаво дружить со всѣми и истинную религію замѣнять внѣшнимъ благочестіемъ. Алчность, самохвалство, внѣшняя обрядность для нихъ составляли все; крестъ былъ ничто. Если бы они

Образчикъ арамейскаго письма
(изъ Британскаго музея).

не были худыми людьми, то они не были бы до такой нелѣпости непослѣдовательны, чтобы искажать и обходить тотъ самый законъ, о преданности которому они трубили повсюду. Если бы они не были худыми людьми, то не пользовались бы худшимъ изъ полемическихъ орудій — недостойнымъ издѣвательствомъ и личною клеветой. Однакоже этими именно низкими средствами они всячески усиливались подорвать вліяніе своего великаго противника. Они систематически

ослабляли его авторитетъ. По ихъ словамъ, онъ былъ не апостолъ совѣтъ; онъ несомнѣнно не изъ числа двѣнадцати; онъ никогда не видѣлъ Иисуса Христа, кромѣ какъ въ видѣніи, и такимъ образомъ не имѣлъ существеннаго качества для апостолства; все свое знаніе о христіанствѣ онъ почерпнулъ въ Іерусалимѣ и притомъ злонамѣренно извратилъ его; его евангеліе не было истиннымъ Евангеліемъ; свой авторитетъ онъ просто получилъ отъ главъ церкви въ Іерусалимѣ, суду которыхъ и нужно подвергать его ученіе. Многія изъ его прежнихъ толкованій Христова ученія были-де просто богохульственны. Это было дерзкое отступничество отъ устнаго и даже писаннаго закона, возстаніе противъ преданій отцовъ и даже противъ самого Моисея. Не было ли его проповѣдничество отрицаніемъ всякой боговдохновенности? Не могли ли они выставить противъ него цѣлый рядъ безчисленныхъ текстовъ? Не всякая ли почти строка пятюнкія Моисея говорить противъ него? Кто этотъ Павелъ, этотъ отступникъ отъ раввиновъ, который, по извѣстнымъ ему только побужденіямъ, сдѣлался номинальнымъ христіаниномъ изъ ожесточеннаго гонителя? Кто такой онъ, чтобы могъ возставать противъ великаго законодателя? ¹⁵⁰⁴⁾ Онъ утверждалъ, что законъ отмѣненъ, но какъ онъ могъ доказать это? Христосъ никогда не говорилъ такъ. Напротивъ, Онъ самъ сказалъ, что ни одна черта буквы закона не должна пройти, пока онъ не будетъ исполненъ весь. Объ этомъ могли засвидѣтельствовать двѣнадцать апостоловъ. Они сами исполняютъ законъ. Они живутъ въ мирѣ съ своими іудейскими братьями, которые однакоже не признаютъ Иисуса Мессіей. Не противны ли поэтому воззрѣнія Павла ихъ воззрѣніямъ, если онъ единственный христіанинъ, который не могъ показать своего лица въ Іерусалимѣ, не возбуждая опаснаго возмущенія? Кромѣ того, ему въ дѣйствительности и нельзя довѣрять. Онъ постоянно колеблется, говорить то одно, то другое, съ очевиднымъ намѣреніемъ челоукоугодничества. Что можетъ быть болѣе непоследовательнаго, чѣмъ его ученіе и образъ дѣйствія въ отношеніи обрѣзанія? Онъ говорилъ галатамъ, что не нужно обрѣзываться, и однакоже онъ самъ нѣкогда проповѣдывалъ обрѣзаніе, и не только проповѣдывалъ, но даже самъ совершалъ его! Можетъ ли онъ отвѣтить на два важныхъ вопроса: кто обрѣзалъ Тимофея? кто обрѣзалъ Тита?

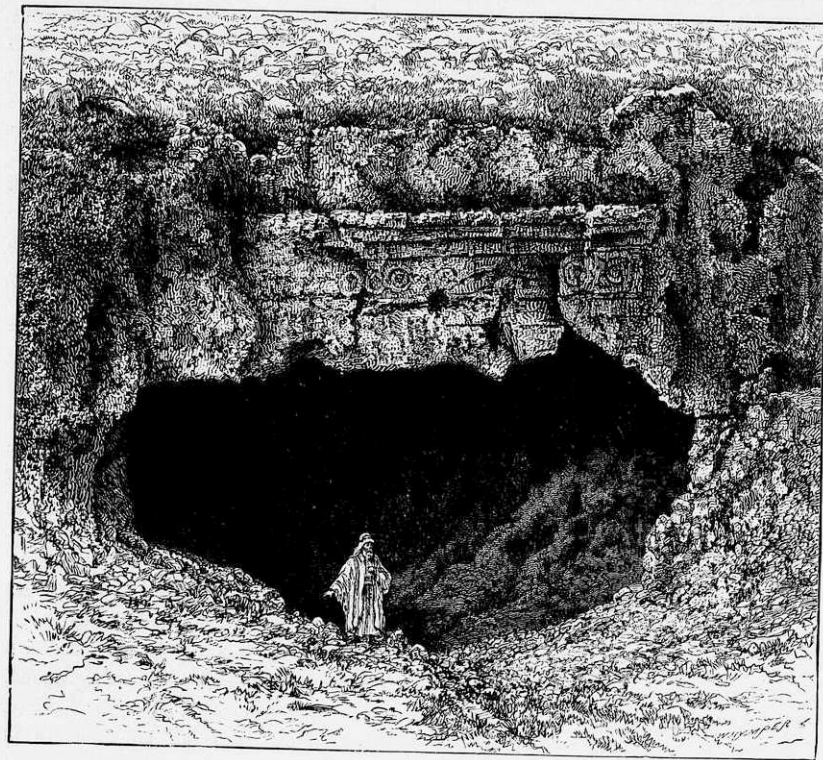
Ап. Павелъ видѣлъ, что настало время высказаться открыто. Дѣло шло о весьма жизненномъ предметѣ,—о самой сущности Евангелія, о самой свободѣ данной Христомъ, о самомъ искупленіи, ради котораго умеръ Онъ. Исходъ борьбы, очевидно, зависѣлъ единственно отъ него. Онъ одинъ былъ апостоломъ язычниковъ. Ему одному дано было видѣть все значеніе этого дѣла. Новая вѣра не должна быть задавлена при своемъ зарожденіи старыми предрасудками ея номинальныхъ приверженцевъ. Изъ ея пеленокъ не долженъ такимъ образомъ сдѣлаться для нея саванъ. Насталъ часъ, когда уступка сдѣлалась невозможной, и въ характерѣ его примирительности не должно быть мѣста для двухъ путей. Вслѣдствіе этого,

онъ отбросилъ всякую сдержанность и всякій компромисъ. Пылая праведнымъ гнѣвомъ, онъ началъ писать посланіе къ Галатамъ. Это его знамя борьбы съ несостоятельностью традиціоннаго авторитета, его трубный гласъ отлученія всѣмъ фарисеямъ христіанства, и онъ не издалъ фальшиваго звука ¹⁵⁰⁵⁾.

Къ счастью, онъ могъ придать особенную отчетливость своей аргументаціи, подведя ее къ одному опредѣленному пункту. Возстановивъ дѣла въ Галатіи, онъ могъ перенести борьбу на почву самаго Іерусалима. Новые учителя утверждали, какъ и раньше въ Антиохіи, что обрѣзаніе необходимо для христіанъ изъ язычниковъ. Если ап. Павлу удастся разбить этотъ бастионъ іудействующаго христіанства, то, какъ онъ зналъ, должна будетъ пасть и вся ихъ твердыня. Обрѣзаніе было существеннымъ знаменемъ іудейской народности, самымъ узломъ іудейской обрядности, самымъ древнимъ, самымъ своеобразнымъ и самымъ неизгладимымъ изъ іудейскихъ обрядовъ. Адамъ, Ной, Іаковъ, Іосифъ, Моисей, Валаамъ—всѣ были обрѣзаны ¹⁵⁰⁶⁾. Оно было такою полною печатью завѣта, что дано было даже не Моисею, а Аврааму. Іосифъ видѣлъ, что оно должнымъ образомъ совершалось въ Египтѣ. Моисей настаивалъ на необходимости его въ землѣ Мадіамской. Иисусъ Навинъ возобновилъ его въ Ханаанѣ и оно считалось столь священнымъ, что каменные ножи, которыми оно совершалось, были зарыты въ его могилѣ въ Оамнаѣ-сарай. Былъ ли хоть одинъ такой царь или пророкъ, который не былъ бы обрѣзанъ? Развѣ самъ Иисусъ не подвергался обрѣзанію? Развѣ Ілія не присутствовалъ всегда, хотя и невидимо для того, чтобы быть свидѣтелемъ его должнаго совершенія? Не считалось ли механическое отверженіе его болѣе омерзительнымъ изъ еллинистическихъ отступленій? Правда, что въ соборномъ посланіи апостоловъ, составленномъ на іерусалимскомъ совѣщаніи, было заявлено, что оно *не необходимо* для обращенцевъ изъ язычниковъ; но и не необходимая вещь можетъ быть въ то же время крайне *желательной*. Пусть они разсудятъ сами. Неужели они не слышали читаннаго закона? Развѣ законъ не боговдохновененъ? Если такъ, то какъ можно самовольно отвергать его ¹⁵⁰⁷⁾?

Такъ то всегда дѣйствовалъ юдаизмъ, который, начиная съ псалмовъ и чистаго монотеизма, переходилъ къ ножи обрѣзанія и къ игу левитскаго закона, налагая его и давая имъ своихъ послушныхъ рабовъ ¹⁵⁰⁸⁾. Такъ то іудействующіе проходили море и землю для приобрѣтенія хоть одного прозелита и, приобрѣтая его, въ десять разъ дѣлали его болѣе сыномъ геенны, чѣмъ сами. Высшимъ предметомъ похвалы іудея было именно то, что онъ такимъ образомъ клалъ свою національную мѣтку на самомъ тѣлѣ презрѣннаго и ненавистнаго для него язычника, который притомъ дѣлался въ глазахъ его почти еще болѣе презрѣннымъ и ненавистнымъ, если онъ надѣлся сравняться съ нимъ въ преимуществѣхъ, соглашавшихся сдѣлаться іудеямъ. Такимъ то образомъ они завлекли въ свою сѣть царское семейство Адіавенское. Елена, милостивая царица, которая кормила бѣдняковъ Іерусалима сушеными смоквами и гроздами во время голода, бывшаго въ

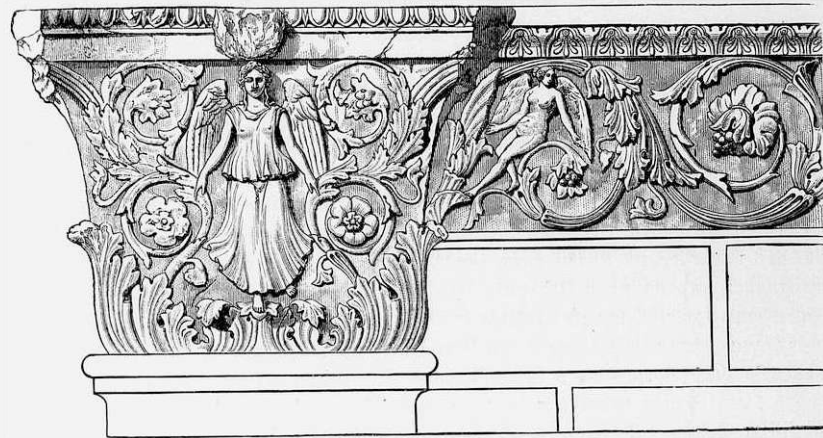
царствованіе Клавдія, и которая погребена была съ нѣкоторыми изъ ея дѣтей въ «гробахъ царей», приняла обѣтъ назорейства на семь лѣтъ. Какъ разъ предъ окончаніемъ обѣта въ Иерусалимѣ, по случайности ли, или по какому-либо умыслу—она прикоснулась къ трупу и поэтому должна была продолжить свой обѣтъ еще на семь лѣтъ. При окончаніи и этого срока она опять подверглась какому то

Гробница царицы Елены въ Иерусалимѣ.

ничтожному оскверненію и опять должна была возобновить его еще на семь лѣтъ. Ананія, іудейскій купецъ, по дѣламъ своей торговой промышленности, получилъ доступъ въ гаремъ царя Авеннерига и тамъ сдѣлалъ царицу прозелиткой, а благодаря ея вліянію и двоихъ ея сыновей: Изата и Монобазу. Но у него было настолько здраваго смысла, чтобы сказать имъ, что сущность закона состоитъ

въ любви къ Богу и любви къ ближнему. Онъ вѣроятно былъ гагадистъ и главнымъ образомъ цѣнилъ великія истины, для которыхъ внѣшняя обрядность Моисеева закона была лишь временнымъ хранилищемъ, и сознавалъ даже, что ради внѣшняго обряда, который не могъ вліять на сердце, не стоило смущать народъ и подвергать опасности самую династію. Онъ видимо обладалъ такою просвѣщенностью, которая не хотѣла смѣшивать тѣни съ сущностью¹⁵⁰⁹, и руководился убѣжденіемъ, что надпись на *хель* должна изгладиться и самый *хель* (средостѣніе) долженъ разрушиться (Ефес. II, 14). Но по стопамъ просвѣщеннаго Ананія прибылъ узкій изувѣръ, раввинъ Еліезеръ Галилейскій, и онъ въ отношеніи молодыхъ и неустойчивыхъ князей воспользовался тѣмъ же самымъ аргументомъ,

Часть фронтона изъ Анкиры.

какимъ іудействующій учитель, кто бы онъ ни былъ, пользовался въ отношеніи галатовъ: «царь мой, сказали онъ, ты грѣшишь противъ закона, а поэтому и противъ Бога. Недостаточно читать законъ; ты долженъ исполнять законъ. Прочти самъ, что онъ говоритъ объ обрѣзаніи, и ты увидишь, какъ ты не правъ»¹⁵¹⁰). Принцъ Изатъ былъ такъ пораженъ этимъ «непреклоннымъ правовѣріемъ», что онъ тайно удалился въ другую комнату и тамъ при помощи своего врача исполнилъ этотъ обрядъ. Не долго спустя онъ съ своимъ братомъ читалъ пятокнижіе и когда дошелъ до закона объ обрѣзаніи въ книгѣ Исходъ XII, 48, то Монобазъ взглянулъ на своего брата и сказалъ ему: «мнѣ жаль тебя, братъ мой!» и Изатъ сдѣлалъ тоже самое замѣчаніе относительно его. Это повело къ разговору, и братья сознались сначала другъ другу, а затѣмъ и царицѣ Еленѣ, что они оба тайно обрѣзались.

Царица естественно встревожилась и испугалась, такъ какъ дѣло могло повлечь за собой опасныя слѣдствія. Но это было ничто для іудейскаго фанатика. Его подвигъ могъ быть только новымъ источникомъ гласности и похвалы для него плотію его прозелитовъ. Затѣмъ, какъ мы читаемъ въ Талмудѣ, Раввинъ ¹⁵¹¹) былъ «великимъ другомъ» императора Антонія. При одномъ случаѣ императоръ спросилъ его: «дашь ли ты мнѣ кусокъ левіаана въ будущемъ мірѣ»? (мясо левіаана и птицы барьюхны, какъ извѣстно, по вѣрованію іудеевъ, будутъ предметомъ пиршества блаженныхъ). «Да», отвѣчалъ Раввинъ. — «Но почему же ты не позволяешь мнѣ ѣсть пасхальнаго агнца»? «Какъ могу я», отвѣчалъ Раввинъ, «когда написано, что никто не обрѣзанный не долженъ ѣсть его». Услышавъ это, Антоній будто бы совершилъ надъ собой обрядъ обрѣзанія и принялъ іудейство. Воображенію раввиновъ-фарисеевъ льстила мысль, что даже императоры, при всемъ своемъ величіи, принимали ихъ *галаговы*. Съ какимъ же чувствомъ могли они такимъ образомъ относиться къ человѣку, который предлагалъ величайшее благословеніе избраннаго народа безъ всякаго іудейскаго обряда самымъ низкимъ и презрѣннымъ рабамъ?

Своекорыстіе было добавочной и могучей приманкой для этихъ іудействующихъ проповѣдниковъ. Будучи христіанами, они, подобно двѣнадцати, подобно даже самому Павлу, были въ тоже время и іудеями. Въ Іерусалимѣ они продолжали неуклонно посѣщать богослуженіе въ храмѣ и собранія въ синагогахъ. Отлученіе отъ синагоги въ маленькихъ іудейскихъ общинахъ, въ родѣ тѣхъ, которыя находились въ Анкирѣ и Пессинѣ, было дѣйствительно очень важнымъ дѣломъ. Безконечно удобнѣе для нихъ было поэтому находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ іудеями, дѣлая обращенцевъ ап. Павла прозелитами правды. Такимъ образомъ обрѣзаніе было только такъ сказать остріемъ клина (Гал. v, 3, 6, 12—14). Имъ можно было обойти грозную опасность гоненій. Оно естественно повело бы къ принятію всѣхъ обрядовъ, о которыхъ обращенцы постоянно слышали изъ чтеній въ іудейскихъ собраніяхъ; но если нѣтъ, то и не важно. Въ дѣйствительности они не считали необходимымъ содержать весь законъ. Достаточно было внѣшняго принятія его. Дѣлая это, они могли въ дѣйствительности дѣлать все, что имъ хотѣлось. Противъ такого то лицемерія, противъ этого отступничества, этой низости, этой мертвящей внѣшности, этого ограниченія всей религіи механическимъ исполненіемъ обрядовъ и выступилъ ап. Павелъ съ своимъ грознымъ посланіемъ. Онъ не долженъ оставлять больше сомнѣнія касательно того, какъ онъ мыслить и чему учить. Онъ долженъ ринуться въ самую среду своихъ враговъ и сжечь свои корабли за собою. Онъ долженъ извлечь свой мечъ противъ этого ложнаго евангелія и бросить ножны. И вотъ по такому то поводу ап. Павелъ написалъ свое посланіе къ Галатамъ. Это былъ манифестъ свободы. Оно отмѣчало собою эпоху въ исторіи ¹⁵¹²). Къ церквамъ Галатіи онъ никогда не приходилъ опять, но слова, начертанныя на этихъ немногихъ листахъ папируса, независимо отъ того,

произвели ли они свое непосредственное дѣйствіе или нѣтъ, должны были произвести эхо, которое, «раскатываясь отъ души къ душѣ, будетъ гремѣть во вѣки вѣковъ».

Монета города Анкиры, столицы Галатіи.
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XXXVI.

ПОСЛАНИЕ КЪ ГАЛАТАМЪ.

Главное послание противъ іудейства.
Тертуллианъ.

ДЖЕ въ первой строкѣ привѣтствія апостола становится ясной одна часть его цѣли—именно защита своего апостольскаго авторитета ¹⁵¹³). Въ посланіяхъ къ Фессалоникійцамъ онъ не принималъ никакого титула власти; но со времени написанія этихъ посланій іудействующие обнаружили наклонность ограничивать титулъ «апостола» почти исключительно двѣнадцатью и затѣнять всѣхъ другихъ ихъ безграничнымъ авторитетомъ. Слово это имѣло два техническихъ смысла. Въ обыкновенномъ смыслѣ оно просто означало посланника или труженика въ дѣлѣ Евангелія и, какъ равное обычному іудейскому названію *шeliax*, свободно придавалось сравнительно безвѣстнымъ христіанамъ въ родѣ Андроника и Юнія ¹⁵¹⁴). Теперь ап. Павелъ высказывалъ свое право на этотъ титулъ въ его высшемъ смыслѣ, и не изъ тщеславія или самовозвышенія, а просто потому, что это было необходимо для блага его обращенцевъ. Онъ имѣлъ первостепенное качество апостола въ томъ, что онъ видѣлъ Христа, хотя изъ выясненныхъ имъ въ послѣднемъ посланіи основаній онъ и уклонился отъ настаиванія на этомъ. Онъ затѣмъ имѣлъ и дальнѣйшія качества, именно то, что его апостольство и апостольство Варнавы было открыто признано церковью іерусалимской. Но это основаніе онъ также предпочиталъ устранить, какъ неосязательное и даже сбивчивое, потому что его апостольство было получено не просто отъ чело-
вѣческой власти. Въ посланіи къ коринѳянамъ, изъ которыхъ иные оспаривали

его право, онъ намѣренно назвалъ себя «волею Божіею призваннымъ апостоломъ Иисуса Христа». Въ посланіи къ этимъ вѣтренымъ отступническимъ галатамъ необходимо было высказаться еще яснѣе, и вѣлѣдствіе этого онъ обращается къ нимъ съ своимъ полнымъ привѣтствіемъ, въ которомъ говоритъ какъ о своемъ собственномъ авторитетѣ, такъ и о дѣлѣ Христовомъ. Отвергая первый, они ставили временное отношеніе выше духовнаго промысленія; заблуждаясь относительно послѣдняго, они уничтожали ученіе о крестѣ.

«Павелъ Апостолъ, *избранный* не чело-
вѣками и не чрезъ чело-
вѣка, но Иису-
сомъ Христомъ и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его изъ мертвыхъ, и всѣ нахо-
дившіеся со мною братія ¹⁵¹⁵) церквамъ галатійскимъ: благодать вамъ и миръ
отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, который отдалъ Себя Самого
за грѣхи наши, чтобы избавить насъ отъ настоящаго лукаваго вѣка по волѣ
Бога и Отца нашего. Ему слава ¹⁵¹⁶) во вѣки вѣковъ. Аминь» (I, 1—5).

Это привѣтствіе замѣчательно не только по выраженному въ немъ утвер-
жденію независимости его апостольства, но и по искусству, съ которымъ апостолъ
соединяетъ съ этимъ предметомъ своего посланія великую богословскую истину
о нашемъ свободномъ избавленіи ¹⁵¹⁷) смертью Христа, а также и строгого крат-
костью терминовъ въ привѣтствіи тѣмъ, къ кому онъ пишетъ. Чувствомъ гнѣва
на заблужденіе отдаетъ отъ самой полноты его личнаго титула и отъ той крат-
кости рѣчи, съ которою онъ обращается къ галатамъ. Къ ессалоникійцамъ онъ
обращался какъ «къ церкви ессалоникской въ Богѣ Отцѣ и Господѣ Иисусѣ
Христѣ». Къ коринѳянамъ онъ писалъ, какъ къ «церкви Божіей, находящейся
въ Коринѣѣ, освященнымъ во Христѣ Иисусѣ, призваннымъ святымъ». Около
этого же самаго времени онъ писалъ къ римлянамъ, какъ къ «возлюбленнымъ
Божіимъ призваннымъ святымъ». Къ филиппійцамъ, ефесянамъ, колоссянамъ онъ
прибавляетъ слова: «святымъ во Христѣ Иисусѣ» и «святымъ и вѣрнымъ бра-
тіямъ». Но въ посланіи къ этимъ галатамъ, при своемъ пылкомъ желаніи сразу же
приступить къ обличенію ихъ заблужденія, онъ употребилъ только краткое
простое обращеніе къ «церквамъ галатійскимъ».

Затѣмъ, не выразивъ ни единого слова благодарности за ихъ святость, ихъ
дары или полученную ими благодать, о чемъ говорится во всѣхъ другихъ его
общихъ посланіяхъ, онъ сразу же переходитъ къ предмету, который наполнялъ
его душу праведнымъ негодованіемъ:

«Удивляюсь, что вы отъ призвавшаго васъ благодатію Христовою такъ
скоро переходите къ иному благовѣствованію, которое впрочемъ не иное ¹⁵¹⁸), а
только есть люди, смущающіе васъ и желающіе превратить благовѣствованіе
Христово. Но если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ
не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаема ¹⁵¹⁹). Какъ прежде мы
сказали, такъ и теперь еще говорю: кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы при-
няли, да будетъ анаема ¹⁵²⁰). У людей ли я нынѣ ищу благоволенія, или у Бога?

людямъ ли угождать стараюсь? Если бы я понынѣ угождалъ людямъ; то не былъ бы рабомъ Христовымъ» ¹⁵²¹).

Съ такою поражающею порывистостью, такою пылкою простотою, показалъ

Равнина въ Киликии.

онъ имъ, что время для примиренія миновало. Ихъ іудейскіе учителя говорили, что Павелъ человекъ вѣтряный и заискивающій и что онъ проповѣдывалъ имъ не истинное евангеліе. Онъ пишетъ имъ, что это они-то именно и извратили Евангеліе и что если они, или вообще кто либо

даже самъ Ангелъ будетъ проповѣдывать противно тому, что онъ проповѣдывалъ, то пусть падетъ на него отлученіе—*херемъ*. Онъ говорилъ объ этомъ и прежде, и чтобы показать имъ, что это не простая гнѣвная фраза, онъ теперь опять выразительно повторяетъ ее и обращается къ ней какъ къ торжественному доказательству, что въ чемъ бы они ни обвиняли его касательно прежнихъ его

дѣлъ и словъ, теперь во всякомъ случаѣ онъ высказывается такъ, что нельзя не понять его.

«Возвѣщаю вамъ, братія, что Евангеліе, которое я благовѣстствовалъ, не есть человѣческое. Ибо и я принялъ его и научился не отъ человека, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа. Вы слышали о моемъ прежнемъ образѣ жизни въ іудействѣ; что я жестоко ¹⁵²²) гналъ церковь Божию и опустошалъ ее, и преуспѣвалъ въ іудействѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ, будучи неумѣреннымъ ревнителемъ отеческихъ моихъ преданій. Когда же Богъ, избравшій меня отъ утробы матери моей, и призвавшій благодатию своею, благоволилъ открыть во мнѣ Сына Своего, чтобы и я благовѣстствовалъ Его язычникамъ; я не сталъ тогда же совѣтоваться съ плотію и кровію, и не пошелъ въ Іерусалимъ къ предшествовавшимъ мнѣ апостоламъ, а пошелъ въ Аравію, и опять возвратился въ Дамаскъ.

«Потомъ, спустя три года, ходилъ я въ Іерусалимъ видѣться съ Петромъ, и пробылъ у него дней пятнадцать. Другаго же изъ апостоловъ я не видѣлъ никого, кромѣ Іакова, брата Господня ¹⁵²³). А въ томъ, что пишу вамъ, предъ Богомъ, не лгу ¹⁵²⁴).

«Послѣ сего отшелъ я въ страны Сиріи и Киликии. Церквамъ Христовымъ въ Іудеѣ лично я не былъ извѣстенъ: а только слышали онѣ, что гнавшій ихъ нѣкогда нынѣ благовѣствуетъ вѣру, которую прежде истреблялъ; и прославляли за меня Бога (I, 11—24).

«Потомъ черезъ четырнадцать лѣтъ, опять ходилъ я въ Іерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою Тита ¹⁵²⁵). Ходилъ же по откровенію, и предложилъ тамъ, и особо знаменитѣйшимъ, благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ ¹⁵²⁶), не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался ¹⁵²⁷). Но они и Тита, бывшаго со мною, хотя и еллина, не принуждали обрѣзаться; но (онъ былъ обрѣзанъ лишь?) изъ-за вкравшихся лжебратій, скрытно приходившихъ подсмотрѣть за нашею свободою, которую мы имѣемъ во Христѣ Іисусѣ, чтобы поработить насъ; имъ мы даже ни на часъ не уступили изъ подчиненія (см. стр. 281), дабы истина благовѣствованія сохранилась у васъ ¹⁵²⁸). И въ знаменитыхъ чѣмъ либо, какими бы ни были они когда либо, для меня нѣтъ ничего особеннаго: Богъ не взираетъ на лице человека ¹⁵²⁹). И знаменитые не возложили на меня ничего болѣе. Напротивъ того, увидѣвъ, что мнѣ ввѣрено благовѣстіе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ (ибо содѣйствовавшій Петру въ апостольствѣ у обрѣзанныхъ содѣйствовалъ и мнѣ у язычниковъ), и узнавъ о благодати, данной мнѣ, Іаковъ, и Кифа, и Іоаннъ, почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія, чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ, только чтобы мы помнили нищихъ, что и старался я исполнять въ точности ¹⁵³⁰).

«Когда же Петръ пришелъ въ Антиохію, то я лично противосталъ ему; потому что онъ подвергался нареканію ¹⁵³¹). Ибо, до прибытія нѣкоторыхъ отъ Іакова

(см. Дѣян. хв, 24), ѣлъ вмѣстѣ съ язычниками; когда тѣ пришли ¹⁵³²), сталъ таиться и устранился, опасаясь обрѣзанныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ лицемѣрили прочіе іудеи, такъ что даже Варнава былъ увлеченъ ихъ лицемѣріемъ ¹⁵³³). Но когда я увидѣлъ, что они не прямо поступаютъ по истинѣ евангельской, то сказалъ Петру при всѣхъ: если ты, будучи іудеемъ, живешь поязычески, а не поіудейски: то для чего язычниковъ принуждаешь жить поіудейски? Мы по природѣ іудеи, а не изъ язычниковъ грѣшники ¹⁵³⁴); однакоже, узнавъ, что человекъ оправдывается не дѣлами закона, а тольکو вѣрою въ Иисуса Христа, и мы увѣровали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться вѣрою во Христа, а не дѣлами закона; ибо дѣлами закона не оправдается никакая плоть ¹⁵³⁵). Если же, ища оправданія во Христѣ, мы и сами оказались грѣшниками: то неужели Христосъ есть служитель грѣха ¹⁵³⁶)? Никакъ. Ибо, если я снова созидаю, что разрушилъ, то самъ себя дѣлаю преступникомъ. Закономъ я умеръ для закона, чтобы жить для Бога ¹⁵³⁷). Я сораспялся Христу. И уже не я живу, а живетъ во мнѣ Христосъ. А что нынѣ живу по плоти, то живу вѣрою въ Сына Божіа, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня. Не отвергаю благодати Божіей; а если закономъ оправданіе, то Христосъ напрасно умеръ» ¹⁵³⁸).

Теперь онъ достаточно защитилъ независимость своего апостольства, и такъ какъ это уничтоженіе смерти Христовой было практическимъ результатомъ отпаденія галатовъ къ іудейской обрядности, то онъ естественно переходитъ къ той догматической истинѣ, которой онъ коснулся также въ своемъ привѣтствіи, и излагаетъ ее теперь съ новымъ приступомъ изумленія и негодованія:

«О, несмысленные галаты ¹⁵³⁹)! Кто прельстилъ васъ не покоряться истинѣ, — *всѣмъ*, у которыхъ предъ глазами предначертанъ былъ Иисусъ Христосъ, *какъ бы* у васъ распятый ¹⁵⁴⁰). Сіе только хочу знать отъ васъ: чрезъ дѣла ли закона вы получили Духа, или чрезъ наставленіе въ вѣрѣ? Такъ ли вы несмысленны, что, начавъ духомъ, теперь оканчиваете плотію? Столь многое потерпѣли вы неужели безъ пользы? ¹⁵⁴¹) О, если бы только безъ пользы! Подающій вамъ духа и совершающій между вами чудеса, чрезъ дѣла ли закона сіе *производитъ*, или чрезъ наставленіе въ вѣрѣ? Такъ Авраамъ повѣрилъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность (Быт. хв, 6). Познайте же, что вѣрующіе суть сыны Авраама. И писаніе, провидя ¹⁵⁴²), что Богъ вѣрою оправдаетъ язычниковъ ¹⁵⁴³), предвозвѣстило Аврааму: въ тебѣ благословятся всѣ народы (Быт. хп, 3). Итакъ вѣрующіе благословляются съ вѣрнымъ Авраамомъ. А всѣ, утверждающіеся на дѣлахъ закона, находятся подъ клятвою. Ибо написано: проклятъ всякъ, кто не исполняетъ постоянно всего, что написано въ книгѣ закона (Втор. ххvп, 26). А что закономъ никто не оправдывается предъ Богомъ, это ясно: потому что праведный вѣрою живъ будетъ (Аввак. п, 4). А законъ не по вѣрѣ; но кто исполняетъ его, тотъ живъ будетъ имъ (Лев. хvп, 5). Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы закона, сдѣлавшись за насъ клятвою (ибо написано: проклятъ всякъ, виснцій на древѣ ¹⁵⁴⁴) (Втор. ххп, 23),

дабы благословеніе Авраамово чрезъ Христа Иисуса распространилось на язычниковъ, чтобы намъ получить обѣщаннаго Духа вѣрою» (п, 1—14).

Затѣмъ высказываются нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ доводовъ, которыми онъ обосновываетъ эти великія истины, — доводы, изумительно приспособленные къ убѣжденію тѣхъ, кому онъ писалъ, потому что они, не смотря на поразительную самобытность дѣлаемыхъ изъ нихъ выводовъ, заимствовались изъ ихъ собственныхъ началъ и основаны были на ихъ собственныхъ методахъ. Простаго перевода ихъ, безъ всякаго объясненія, будетъ достаточно для того, чтобы читатель могъ видѣть всю ихъ силу и все ихъ значеніе.

«Братія! говорю по *разсужденію* человеческому ¹⁵⁴⁵); даже человекомъ утвержденнаго завѣщанія никто не отмѣняетъ, и не прибавляетъ къ нему. Но Аврааму даны были обѣтованія и сѣмени его. Не сказано: и потомкамъ, какъ бы о многихъ, но какъ объ одномъ, и сѣмени твоему, которое есть Христосъ ¹⁵⁴⁶) (Быт. хп, 7). Я говорю то, что завѣта о Христѣ, прежде Богомъ утвержденаго, законъ, явившійся спустя четьреста тридцать лѣтъ ¹⁵⁴⁷), не отмѣняетъ такъ, чтобы обѣтованіе потеряло силу. Ибо если по закону наслѣдство; то уже не по обѣтованію; но Аврааму Богъ даровалъ *оное* по обѣтованію» (п, 15—18).

«Для чего же законъ? спрашиваете вы, какая польза отъ него»? Очень кратко ап. Павелъ даетъ имъ отвѣтъ, который въ посланіи къ Римлянамъ онъ излагаетъ съ гораздо большею полнотою.

Практическій отвѣтъ можетъ быть высказанъ въ положеніи, что законъ имѣетъ осудительный, временный, посредственный и воспитательный характеръ ¹⁵⁴⁸). Онъ данъ былъ для того, чтобы возбуждать въ душѣ сознаніе грѣха и такимъ образомъ приводить къ Спасителю, который въ должное время долженъ былъ прійти для того, чтобы сдѣлать его ненужнымъ ¹⁵⁴⁹); и онъ преподаванъ былъ чрезъ Ангеловъ ¹⁵⁵⁰), рукою человеческого посредника. Поэтому онъ былъ не обѣтованіемъ, а договоромъ; а обѣтованіе прямо отъ Бога гораздо выше договора, заключеннаго при человеческомъ посредствѣ между Богомъ и человекомъ ¹⁵⁵¹). Законъ поэтому былъ лишь «дополнительнымъ, вставочнымъ, временнымъ условіемъ». Съ какимъ изумленіемъ должны были относиться къ такимъ доводамъ тѣ, которые съ самаго ранняго дѣтства привыкли считать законъ божественнымъ, вдохновеннымъ, совершеннымъ и вѣчнымъ дѣломъ на землѣ; предметомъ, который стоилъ того, чтобы изучать его въ теченіе цѣлой жизни, толковать и защищать въ теченіе длиннаго ряда поколѣній! И въ какомъ величій выступаетъ въ апостолѣ самобытность, которая такимъ образомъ могла разрушить узы образовавшагося съ незапамятныхъ временъ предразсудка, и мужество, которое могло такимъ образомъ смѣло выступать противъ гнѣва оскорбленнаго убѣжденія! Это было озареніе и вдохновеніе Святаго Духа Божіа; да, но Духъ дѣйствуетъ посредствомъ человеческихъ орудій, которыя пригодны для принятія присущей Ему силы; а по великолѣпному изреченію китайскаго философа: «свѣтъ неба не можетъ сіять въ

извращенное чрево». Многие глубокомысленные и искренние иудеи, благодаря этому мгновенному проникновению въ историю своего народа и человечества, должны были признать, что они отводили закону слишкомъ высокое и исключительное положеніе; что обѣтованіе Аврааму было событіемъ, имѣвшимъ гораздо большее значеніе, чѣмъ синайское законодательство; что обѣтованіе, а не законъ было первоначальной и самобытной основой іудейства и что поэтому отпадать отъ христіанства опять къ іудейству значило отпадать отъ духа къ буквѣ, совершать неестественное отступленіе отъ того, что установилъ Богъ. Но затѣмъ онъ продолжаетъ:

«И такъ законъ противенъ обѣтованіямъ Божиимъ? Никакъ». Въ Божіемъ домостроительствѣ соединено и то и другое, и законъ есть *относительная* цѣль Божія, которая въ отношеніи абсолютной цѣли имѣетъ значеніе средства ¹⁵⁵²). «Ибо если бы данъ былъ законъ, могущій животворить; то подлинно праведность была бы отъ закона. Но писаніе всѣхъ заключило подъ грѣхомъ, дабы обѣтованіе вѣрующимъ дано было по вѣрѣ въ Иисуса Христа. А до пришествія вѣры мы заключены были подъ стражею закона, до того *времени*, какъ надлежало открыться вѣрѣ. Итакъ законъ былъ для насъ дѣтководителемъ ко Христу ¹⁵⁵³), дабы намъ оправдаться вѣрою. По пришествіи же вѣры, мы уже не подъ *руководствомъ* дѣтводителя. Ибо всѣ вы сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Иисуса; всѣ вы, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись. Нѣтъ уже іудея, ни язычника, ни раба, ни свободнаго; нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго: ибо всѣ вы одно во Христѣ Иисусѣ ¹⁵⁵⁴). Если же вы Христовы, то вы сѣмя Авраамово, и по обѣтованію наслѣдники (ш, 21—29). Еще скажу: наслѣдникъ, доколѣ въ дѣтствѣ, ничѣмъ не отличается отъ раба, хотя и господинъ всего. Онъ подчиненъ попечителямъ и домоправителямъ до срока, отцемъ *назначеннаго*. Такъ и мы, доколѣ были въ дѣтствѣ, были порабощены вещественнымъ началамъ міра. Но когда пришла полнота времени, Богъ послалъ Сына Своего (Единороднаго), который родился отъ жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе ¹⁵⁵⁵). А какъ вы сыны, то Богъ послалъ въ сердца ваши Духа Сына Своего, вопіющаго: Авва, Отче! Посему ты уже не рабъ, но сынъ; а если сынъ, то и наслѣдникъ Божій *чрезъ* Иисуса Христа. Но тогда, не зная Бога, вы служили *богамъ*, которые въ существѣ не боги. Нынѣ же, познавъ Бога, или лучше, получивъ познаніе отъ Бога, для чего возвращаетесь опять къ немощнымъ и бѣднымъ вещественнымъ началамъ ¹⁵⁵⁶), и хотите еще снова поработить себя имъ? Наблюдаете дни, мѣсяцы, времена и годы. Боюсь за васъ, не напрасно ли я трудился у васъ» (iv, 1—11; см. Кол. ii, 16).

Въ этомъ отдѣлѣ смѣлость мысли и выраженія даже еще болѣе поразительны. Апостолъ не только высказываетъ превосходство христіанскаго завѣта, но говорить объ іудейскомъ какъ просто юридическомъ дѣйствіи и дѣйствительномъ рабствѣ; мало того, онъ говоритъ объ обрядовомъ исполненіи левитскаго закона

какъ «о бѣдномъ вещественномъ началѣ» и даже случайно сравниваетъ его съ обрядами язычества, давая этимъ знать, что нѣтъ существеннаго различія между

Цибела
(съ статуи въ Британскомъ музеѣ).

соблюденіемъ полнолуній въ синагогѣ и соблюденіемъ ихъ въ храмѣ Мина; между живущими въ лиственныхъ кущахъ осенью или издающими вопли въ Альтисѣ весною; даже между обрѣзаніемъ и безобразнымъ увѣчьемъ, которому подвергались

жрецы Цибелы¹⁵⁵⁷). Восемнадцать вѣковъ прошло съ того времени, какъ написано было это посланіе, и оно такъ настроило весь складъ христіанской мысли, что въ настоящее время мы принимаемъ эти воззрѣнія какъ самое обыкновенное дѣло; однако же не нужно особенныхъ усилій воображенія для того, чтобы понять, какой яростный гнѣвъ воспламенялся въ душахъ іудеевъ и даже въ душахъ іудействующихъ христіанъ отъ словъ, которыя не только выражали презрѣніе къ обрядамъ, бывшимъ для нихъ самымъ дыханіемъ жизни, но и уязвляли до живаго ихъ естественную гордость, ставя ихъ лелѣянную вѣками обрядность и даже самый древній и высокоцѣнный залогъ ихъ національности на одинъ уровень съ языческими обычаями, къ которымъ они всегда относились съ ненавистью и презрѣніемъ. И однако же ап. Павелъ писалъ все это безъ малѣйшаго желанія затронуть ярость предразсудка. Обрядность языческаго культа, насколько она заключала въ себѣ или поддерживала искру истиннаго благочестія, не была предосудительною, а имѣла полезное назначеніе; въ этомъ отношеніи она стояла на одномъ уровнѣ съ обрядностью іудейства. Безконечное превосходство іудейскаго обряда состояло въ томъ, что онъ былъ тѣнью будущихъ благъ. Онъ исполнилъ свое назначеніе, и теперь долженъ подвергнуться отмѣнѣ. Вѣдь не ради горшка мы ухаживаемъ за цвѣткомъ, и горшокъ можетъ быть разбитъ, когда совѣмъ завяль цвѣтокъ. Льнуть къ тѣни, когда на мѣсто ея явилась уже самая вещь, значило ниспровергать порядокъ Божій.

Затѣмъ дѣлается сильное и нѣжное обращеніе къ галатамъ:

«Прошу васъ, братія, будьте, какъ я; потому что и я, какъ вы¹⁵⁵⁸). Вы ничѣмъ не обидѣли меня. Знаете, что *хотя* я въ немощи плоти благовѣствовалъ вамъ въ первый разъ: но вы не презрѣли искушенія моего во плоти моей и не возгнушались *имъ*¹⁵⁵⁹), а приняли меня, какъ Ангела Божія, какъ Христа Иисуса. Какъ вы были блаженны! Свидѣтельствую о васъ, что если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои, и отдали мнѣ. Итакъ, неужели я сдѣлался врагомъ вашимъ, говоря вамъ истину?»¹⁵⁶⁰).

«Ревнуютъ по васъ не чисто, а хотятъ васъ отлучить, чтобы вы ревновали по нимъ¹⁵⁶¹). Хорошо ревновать въ добромъ всегда, а не въ моемъ только присутствіи у васъ¹⁵⁶²). Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ! Хотѣлъ бы я теперь быть у васъ, и измѣнить голосъ мой¹⁵⁶³), потому что я въ недоумѣніи о васъ» (iv, 17—20).

Затѣмъ, возвращаясь какбы къ нападенію, онъ обращается къ нимъ съ необыпной аллегоріей о двухъ женахъ Авраама: Сарры и Агари и ихъ сыновьяхъ Измаилѣ и Исаакѣ¹⁵⁶⁴). Это прообразы двухъ заветовъ. Агарь представляетъ собою Синай, соотвѣтствуетъ или находится на одномъ уровнѣ съ закономъ, съ ветхимъ заветомъ и слѣдовательно земнымъ Іерусалимомъ, который находится въ рабствѣ подъ закономъ; Сарра же соотвѣтствуетъ свободѣ и обѣтованію и слѣдовательно новому завету и новому Іерусалиму, который есть свободная мать

всѣхъ насъ. Между ними долженъ быть антагонизмъ, какъ онъ былъ и между братьями, сыновьями рабыни и свободной; но онъ окончился для сына рабыни изгнаніемъ. Такъ и теперь: невѣрующіе іудеи, естественные потомки настоящей Сарры, суть духовные потомки Агари, изгнанной рабыни Синаитской пустыни, и они преслѣдуютъ язычниковъ, которые по пророчеству потомки истинной Сарры. Духовные потомки Сарры должны наследовать благословеніе, въ которомъ іудеи, происшедшіе отъ нея тѣлесно, не должны имѣть участія. Исаакъ, сверхъ естественный сынъ обѣтованія, представляетъ духовное сѣмя Авраамово, т. е. Христа и всѣхъ тѣхъ, которые, іудеи ли, или язычники, пребываютъ въ Немъ. «Поэтому, братія», прибавляетъ онъ, отождествляя себя гораздо болѣе съ язычниками, чѣмъ съ іудеями, «мы дѣти не рабы, но свободной. И такъ, стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства» (iv, 22—v, 1).

Какою странною и обидною должна была показаться іудеямъ такая аллегорія! Она имѣла филоновско-раввинскій характеръ, но была великолѣпнѣе, чѣмъ всякая аллегорія у Филона, потому что она не извращала исторію въ метафору и отличалась болѣею проницательностью, чѣмъ всякая аллегорія у раввиновъ¹⁵⁶⁵). Это поистинѣ значило «брать перо изъ душистаго гнѣзда феникса», чтобы сдѣлать изъ него стрѣлу, которая бы пронзила ему грудь. Іудеи, потомки Сарры, по непреодолимой логикѣ своего собственнаго излюбленнаго метода, сами оказываются отождествленными съ потомками презрѣнной и ненавистной Агари, все равно, какъ ранѣе предъ тѣмъ они слышали доказательства того, что не они, а обращенные язычники суть истинное сѣмя Авраамово (iv, 21—31).

И галаты не должны вводить себя въ заблужденіе: они не могутъ служить двумъ господамъ, не могутъ сочетать законъ съ Евангеліемъ. Они не должны воображать, что они легко могутъ избѣгнуть преслѣдованія, принимая обрѣзаніе; и, останавливаясь на этомъ пунктѣ, ап. продолжаетъ: «Смотрите, вотъ я, Павелъ, говорю вамъ: если вы обрѣзываетесь, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа. Еще свидѣтельствую всякому человѣку обрѣзывающемуся, что онъ долженъ исполнить весь законъ. Вы, оправдывающіе себя закономъ, остались безъ Христа, отпали отъ благодати. А мы духомъ ожидаемъ и надѣемся праведности отъ вѣры. Ибо во Христѣ Иисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовью» (v, 2—6). «Въ этомъ», какъ говоритъ Бенгель, «заключается все христіанство».

«Вы шли хорошо; кто остановилъ васъ, чтобы вы не покорялись истинѣ? Такое убѣжденіе не отъ Призывающаго васъ. Малая закваска заквашиваетъ все тѣсто. Я увѣренъ о васъ¹⁵⁶⁶) въ Господѣ, что вы не будете мыслить иначе; а смущающій васъ, кто бы онъ ни былъ, понесетъ на себѣ осужденіе. За что же гонять меня, братія, если я и теперь проповѣдую обрѣзаніе? Тогда соблазнъ креста прекратился бы. О, если бы возмущающіе васъ пошли нѣсколько дальше обрѣзанія и сдѣлались бы подобно жрецамъ Цибелы¹⁵⁶⁷)!

«Къ свободѣ призваны вы, братія; только бы свобода ваша не была поводомъ къ *уноженію* плоти: но любовію служите другъ другу (1 Петр. II, 16). Ибо весь законъ въ одномъ словѣ исполненъ¹⁵⁶⁸): любви ближняго твоего, какъ самого себя (Лев. XIX, 18). Если же другъ друга угрызаете и съѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ¹⁵⁶⁹).

«Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вождельнѣи плоти. Ибо плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти. Они другъ другу противятся, такъ что вы не то дѣлаете, что хотѣли бы. Если же вы духомъ водите, то вы не подѣ закономъ. Дѣла плоти извѣстны, они суть: прелюбодѣіаніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство¹⁵⁷⁰), вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, (соблазны), ереси, ненависть, убійства¹⁵⁷¹), пьянство, безчистство¹⁵⁷²), и тому подобное. Предваряю васъ, какъ и прежде предвѣрялъ, что поступающіе такъ царствія Божія не наследуютъ. Плодъ же духа¹⁵⁷³): любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Но тѣ, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Если мы живемъ духомъ, то по духу и поступать должны. Не будемъ тщеславиться, другъ друга раздражать, другъ другу завидовать» (v, 16—26).

Въ этомъ мѣстѣ происходитъ перерывъ. Быть можетъ нѣкоторыя обстоятельства въ Коринѣ сильно взволновали его. Быть можетъ въ этой непостоянной церкви совершилось новое нравственное паденіе, или что нибудь могло вдругъ напомнить ап. Павлу о подавляющемъ дѣйствіи, произведенномъ приговоромъ на того гнуснаго грѣшника, котораго онъ порѣшилъ предать сатанѣ. Какъ бы то ни было, но онъ говоритъ съ особою торжественностью:

«Братія! если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, вы духовные исправляйте такового въ духѣ кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушеннымъ. Носите бремена¹⁵⁷⁴) другъ друга, и такимъ образомъ исполните законъ Христовъ. Ибо кто почитаетъ себя чѣмъ нибудь, будучи ничто, тотъ обольщаетъ самъ себя. Каждый да испытываетъ свое дѣло, и тогда будетъ имѣть похвалу только въ себѣ, а не въ другомъ. Ибо каждый понесетъ свое бремя¹⁵⁷⁵). Наставляемый словомъ дѣлится всякимъ добромъ съ наставляющимъ (1 Кор. IX; Рим. XII, 13; 1 Фесс. V, 12). Не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посябуетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣнныя, а сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную. Дѣлая добро, да не унываемъ: ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ. И такъ, доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, а наипаче своимъ по вѣрѣ (vi, 6—10).

«Видите, какъ много написалъ я вамъ своею рукою¹⁵⁷⁶). Желающіе хвалиться по плоти принуждаютъ васъ обрѣзываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крестъ Христовъ. Ибо и сами обрѣзывающіеся не соблюдаютъ закона, но хотять, чтобы вы обрѣзывались, дабы похвалиться въ вашей плоти. А я не желаю хвалиться, развѣ только крестомъ Господа нашего Иисуса Христа,

которымъ для меня міръ распятъ, и я для міра. Ибо во Христѣ Иисусѣ ничего не значить ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь¹⁵⁷⁷). Тѣмъ, которые поступаютъ по сему правилу, миръ имъ и милость, и Израилю Божию. Впрочемъ никто не отягощай меня: ибо я ношу язвы Господа Иисуса на тѣлѣ моемъ¹⁵⁷⁸). Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духомъ вашимъ, братія. Аминь¹⁵⁷⁹).

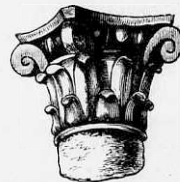
Таково посланіе къ Галатамъ. Безъ нѣкотораго знакомства съ тѣмъ, чѣмъ было іудейство въ то время и чѣмъ оно все болѣе и болѣе становилось, невозможно составить вѣрнаго понятія о томъ смѣломъ мужествѣ, той великолѣпной самобытности (скажемъ лучше: о той вдохновенной и вдохновляющей вѣрѣ), которая давала возможность ап. Павлу сбрасывать такимъ образомъ иго незапамятно-древнихъ преданій и смѣло пренебрегать ненавистью тѣхъ, среди которыхъ онъ былъ воспитанъ, какъ еврей и какъ фарисей. Нужно помнить, что въ это самое время школы раввинства окружали законъ ревнивою исключительностью, годъ отъ году увеличивавшеюся въ своей напряженности; и въ то самое время, какъ ап. Павелъ свободно открывалъ язычникамъ всѣ наиболѣе возвышенныя надежды и преимущества іудейства, не налагая ни одного изъ его тяжестей, раввины и рабаны уже прямо подходили къ заключенію, что всякій язычникъ, осмѣливавшійся идти дальше семи Ноевыхъ законовъ, всякій язычникъ, который бы напимѣръ имѣлъ смѣлость соблюдать субботу какъ день покоя, не дѣлаясь пришельцемъ правды и не принимая такимъ образомъ всего ига обрядоваго закона, «безъ прибавленія къ нему и безъ всякаго уменьшенія отъ него»,—заслуживалъ избѣнія и наказанія, съ провозглашеніемъ, что онъ этимъ законно навлекъ на себя наказаніе смерти¹⁵⁸⁰). Какое дѣйствіе произвело это посланіе на церкви галатскія, мы не можемъ сказать; но для церкви Христовой имъ сдѣлано было великое дѣло. Этимъ посланіемъ язычники навсегда были освобождены отъ опасности подчиненія своего христіанства невозможнымъ и плотскимъ условіямъ. Въ посланіи къ Римлянамъ обрѣзаніе уже не выступаетъ въ качествѣ важнаго практическаго вопроса. Правда, іудейство продолжало въ теченіе нѣкотораго времени оказывать на христіанство сильное вліяніе. Но посланіе Варнавы относится къ обрѣзанію съ пренебреженіемъ и приписываетъ его даже обольщенію злаго ангела¹⁵⁸¹); въ посланіи св. Игнатія сдѣланное ап. Павломъ различіе между истиннымъ и ложнымъ обрѣзаніемъ уже принимается вполне¹⁵⁸²) и даже въ «Клементинскихъ бесѣдахъ», не смотря на преобладаніе въ нихъ іудейскаго духа, не говорится ни слова о необходимости обрѣзанія, а говорится только, что всякій, желающій перестать быть еллинистомъ, можетъ достигнуть этого крещеніемъ и новымъ рожденіемъ¹⁵⁸³).

За посланіемъ къ Галатамъ быстро слѣдовало посланіе къ Римлянамъ, которое въ одно и тоже время отличается и замѣчательнымъ сходствомъ и вмѣстѣ несходствомъ съ нимъ. Въ это время душу ап. Павла не удручала никакая внѣшняя вражда, никакая глубокая внутренняя скорбь. Это былъ небольшой роздыхъ въ его трудовой жизни. Періодъ его зимняго пребыванія въ Коринѣ приближался

къ концу. Апостолъ уже обсуждалъ болѣе широкій кругъ своего ближайшаго миссіонерскаго путешествія. Потокъ его мыслей всецѣло направлялся къ западу. Онъ желалъ видѣть Римъ и утвердить Евангеліе въ столицѣ міра. Онъ не разсчитывалъ на долгое пребываніе среди римскихъ христіанъ, потому что его неизмѣннымъ правиломъ было не строить на основаніи другихъ. Но онъ желалъ найти въ нихъ помощь (а ее только и можно было найти въ великой столицѣ) при своемъ путешествіи въ Испанію, гдѣ еще не проповѣдано было Евангеліе. Его сердце рвалось къ тѣмъ берегамъ, корабли которыхъ онъ видѣлъ въ портахъ Лехея и Кенхрей и brave моряковъ которыхъ онъ могъ часто встрѣчать на людныхъ улицахъ востока.

Но прежде чѣмъ отправиться къ нимъ, онъ рѣшился совершить давно предполагавшееся посѣщеніе Іерусалима. Какъ бы ни относились къ нему члены этой церкви, любили ли они его или ненавидѣли, хотѣли ли они дать его обращенцамъ правую руку дружества или держать ихъ въ отдаленіи отъ себя, онъ самъ во всякомъ случаѣ желалъ имъ только добра. Онъ хотѣлъ оказать существенную помощь массѣ ихъ борющихся съ нуждой бѣдняковъ; хотѣлъ самъ сопровождать уполномоченныхъ, которые несли имъ вещественныя доказательства любви и великодушія христіанъ изъ язычниковъ и хотѣлъ самъ передать апостоламъ тѣ суммы (навѣрно достигшія въ это время значительнаго объема), которыя были собраны единственно благодаря его неустаннымъ стараніямъ. Съ какою ревностью и даже строгостью внушалъ онъ этотъ долгъ галатамъ, какъ устно, такъ и письменно! Съ какою настойчивостью онъ увѣщевалъ коринѳяны, во избѣжаніе всякой неувѣренности въ пожертвованіяхъ, давать ихъ въ видѣ еженедѣльнаго приношенія! Какъ онъ поощрялъ македонянъ ревностью ахеянъ и ахеянъ щедростью македонянъ! И послѣ всѣхъ этихъ усилій и стараній, всѣхъ грубыхъ клеветъ, съ которыми онъ долженъ былъ бороться для того, чтобы достигнуть своей благотворительной цѣли, было исполнѣ естественно для столь искренно сердечнаго чловека желаніе пожать хотя малую земную награду за всѣ свои труды, хотя бы въ видѣ личнаго присутствія при выраженіи того удовольствія, которое это приношеніе могло доставить матери церкви, и той помощи, которую оно могло оказать ей наиболѣе бѣднымъ членамъ. Но онъ не скрывалъ отъ самого себя, что при посѣщеніи Іерусалима онъ могъ подвергнуться великимъ опасностямъ. Онъ влагалъ свою голову въ львиную пасть іудейства, а весь его прежній опытъ показывалъ, что въ такомъ мѣстѣ и среди яраго фанатизма, особенно распалявшагося по случаю годовыхъ праздниковъ, ему на каждомъ шагу могли угрожать опасности какъ отъ его соотечественниковъ, такъ и опасности отъ его лжебратій. Удастся ли ему избѣжать этихъ опасностей, это было извѣстно одному Богу. Ап. Павелъ былъ чловекъ, который не любилъ самообмана. Онъ слишкомъ глубоко изучилъ книги священнаго писанія и книгу жизни, чтобы не знать того, какъ Богъ поступаетъ съ своими святыми. Онъ зналъ, какъ Ілія, какъ Ісаія, какъ

Іеремія, какъ Іезекіиль, какъ Данииль, какъ Іоаннъ креститель, какъ самъ Господь Іисусъ жили и умерли. Онъ зналъ, что преданность дѣлу Божию не обезпечиваетъ собою защиты отъ земныхъ бѣдствій и испытаній, и онъ безропотно приводилъ грустные слова псалмопѣвца: «за Тебя умерщвляютъ насъ всякій день; считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе» (Рим. viii, 36). Но угодно ли будетъ Богу, чтобы онъ избѣжалъ этихъ опасностей, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, думалось ему, было бы хорошо написать римскимъ христіанамъ, отвѣтить на всѣ возраженія и устранить всѣ сомнѣнія касательно дѣйствительной сущности его ученія — систематическимъ изложеніемъ его вѣры, касательно истинныхъ отношеній между іудеями и язычниками, между закономъ и Евангеліемъ, какъ они выступаютъ въ свѣтѣ великаго христіанскаго откровенія, что мы оправдываемся вѣрою во Христа. Только такое изложеніе могло избавить его отъ іудейскаго противодѣйствія со стороны лжеименныхъ христіанъ, которые разрушили половину его дѣла и грозили лишить всякаго значенія крестъ Христовъ. Онъ поэтому воспользовался первымъ благоприятнымъ случаемъ для того, чтобы написать и отправить величайшее изъ всѣхъ его посланій, — одно изъ величайшихъ и глубокомысленнѣйшихъ и наиболѣе вліятельнѣйшихъ изъ всѣхъ сочиненій, когда-либо писанныхъ перомъ чловеческимъ, — именно посланіе къ Римлянамъ.

Капитель изъ Іерусалима
(изъ Pierotti, Jerusalem).

ГЛАВА XXXVII.

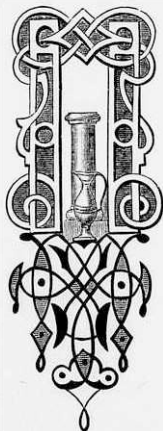
ПОСЛАНІЕ КЪ РИМЛЯНАМЪ И БОГОСЛОВІЕ АПОСТОЛА ПАВЛА.

Какъ человеку быть праведнымъ предъ Богомъ? Іов. хху, 4.

Павелъ великій провозвѣстникъ истины, похвала церкви. Св. І. Златоустъ.

I.

Вступленіе.

РЕЖДЕ чѣмъ приступить къ изслѣдованію посланія къ Римлянамъ, необходимо по возможности уяснить главную цѣль, которую апостолъ имѣлъ въ виду, равно какъ и условія церкви, къ которой онъ обращался.

Первый завоеватель, который въ значительномъ числѣ поселилъ іудеевъ въ Римѣ, былъ великій Помпей, относившійся къ этому народу съ крайнимъ презрѣніемъ ¹⁵⁸⁴). Въ столицѣ міра іудеи не замедлили обнаружить ту изумительную самопомощь, которою всегда отличался этотъ народъ. По особенностямъ своего религіознаго вѣрованія, они были слишкомъ бесполезны и мятежны, чтобы быть въ качествѣ обыкновенныхъ рабовъ. Но они во всѣхъ отношеніяхъ выказывали замѣчательное умѣнье приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ, что вмѣстѣ съ ихъ изумительною выносливостью обезпечивало за ними прочное и постоянно усиливавшееся положеніе въ мірѣ. Они скоро поэтому добились своей эмансипаціи, и начали быстро умножаться и богатѣть. Тѣсныя дружескія отношенія, существовавшія между Августомъ и Иродомъ Великимъ, еще болѣе содѣйствовали улучшенію ихъ положенія, и на зарѣ христіанской эры они уже настолько признавались составною частью римскаго населенія съ правами и собствен-

ною религіей, что политически мудрый императоръ отвѣлъ имъ особый кварталъ за Тибромъ, который они и занимали въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ ¹⁵⁸⁵). Изъ мрачныхъ переулковъ этого-то квартала, гдѣ они продавали сѣрные спички, старое платье и разбитую посуду и откуда ходили просить милостыню и предсказывать судьбу на Цестіевъ или Фабриціевъ мостъ ¹⁵⁸⁶), іудеи въ числѣ восьми тысячъ человекъ выходили для сопровожденія уполномоченныхъ, прибывшихъ изъ Іерусалима съ просьбою къ Августу ¹⁵⁸⁷). Несомнѣнно, опасность, возбуждаемая ихъ быстрымъ умноженіемъ, повела къ той жестокой попыткѣ Сеяна избавиться отъ

Помпей Великій
(увеличено съ монеты въ Британскомъ музеѣ).

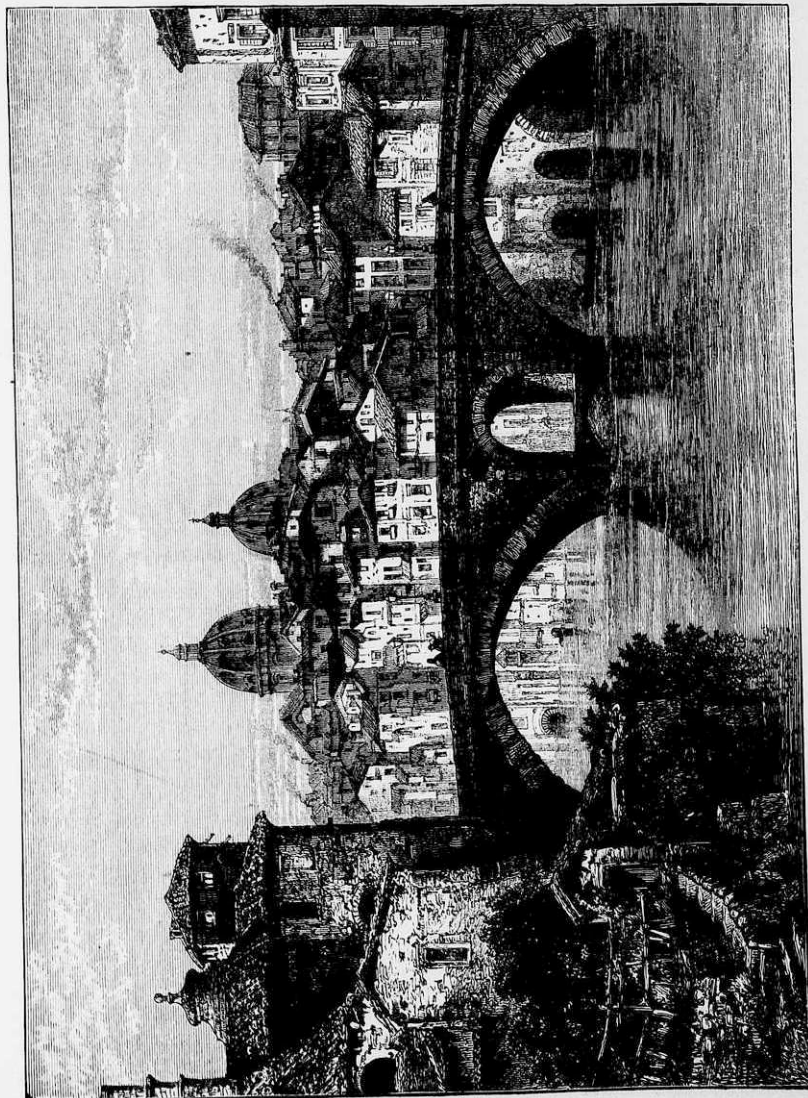
нихъ, о которой не только безъ всякаго сожалѣнія, но даже съ полнымъ злорадствомъ рассказываетъ Тацитъ ¹⁵⁸⁸). Послѣдующій, не менѣе жестокий указъ Клавдія (Дѣян. хviii, 2) повелъ къ дружбѣ ап. Павла съ Акиллой и Прискиллой и его вѣроятно можно отождествлять съ той мѣрой, о которой упоминаетъ Светоній въ знаменитомъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ «Impulsor Chrestus» ¹⁵⁸⁹). Если такъ, то почти несомнѣнно, что христіане не были отдѣлены отъ іудеевъ въ этомъ общемъ несчастіи, причиненномъ ихъ мессіанскими разногласіями ¹⁵⁹⁰). Но, какъ признаетъ Тацитъ, говоря о попыткѣ изгнать астрологовъ изъ Италіи, эти мѣры по обык-

повенію были столь же бесполезны, какъ и жестоки ¹⁵⁹¹). Иудеи, оставивъ на время Римъ, скоро опять начали возвращаться въ него ¹⁵⁹²). Ихъ подпольный прозелитизмъ ¹⁵⁹³) даже уже въ царствованіе Нерона получилъ столь сильное развитіе, что Сенека ¹⁵⁹⁴), отзывавшійся объ іудеяхъ какъ самомъ дурномъ народѣ въ мірѣ (*gens sceleratissima*), свидѣтельствуетъ о ихъ необычайномъ распространеніи. Поэтому несомнѣнно, что когда ап. Павелъ впервые прибылъ въ Римъ (въ 61 г. по Рожд. Хр.) и даже въ то время, когда онъ писалъ свое посланіе къ нимъ (въ 58 г.), іудеи, не смотря на неотмѣненный еще указъ Клавдія, данный только шесть лѣтъ предъ тѣмъ, составляли уже настолько большую общину, что опять были предметомъ безпокойства и ревности императорскаго правительства.

Мы не имѣемъ возможности даже приблизительно опредѣлить, сколько было христіанъ въ этой іудейской общинѣ и сколько вообще было членовъ въ христіанской церкви въ Римѣ. Но что ихъ было довольно много въ Римѣ, объ этомъ отчасти можно судить изъ неопредѣленнаго увѣренія Тацита, что «огромное множество» ея невинныхъ членовъ были избиты Нерономъ во время гоненія, которыми онъ старался отстранить отъ себя подозрѣніе въ преступномъ участіи въ пожарѣ 19 іюля 64 года ¹⁵⁹⁵). Даже привѣтствія, которыми наполнена послѣдняя глава посланія къ Римлянамъ, не помогаютъ намъ въ этомъ отношеніи. Тамъ привѣтствуются по имени двадцать шесть лицъ, кромѣ «домашней церкви» Акиллы и Прискиллы, нѣкоторыхъ изъ «домашнихъ» Аристовула и Наркисса ¹⁵⁹⁶), «братъевъ» съ Асинкритомъ и другими, и «святыхъ» съ Олимпаномъ и другими (Рим. хvi, 5, 14, 15). Все, что мы можемъ заключить изъ этихъ данныхъ (если бы мы только могли быть увѣрены, что шестнадцатая глава дѣйительно была обращена къ Риму), это то, что римскіе христіане не имѣли еще общаго мѣста собранія, а были раздѣлены по крайней мѣрѣ на три общины, группировавшіяся около различныхъ центровъ, собирались въ различныхъ мѣстахъ для богослуженія и не имѣли еще никакихъ видимыхъ слѣдовъ церковной организаціи. Но изъ этого еще не видно, насколько велики или малы были эти общины; притомъ шестнадцатая глава, хотя и несомнѣнно принадлежитъ ап. Павлу, вѣроятнѣе всего была обращена къ ефесской, а не къ римской церкви.

Допуская поэтому, какъ выразительно сообщаетъ намъ Тацитъ, что христіане въ Римѣ были многочисленны, остается для разрѣшенія два весьма темныхъ вопроса. Одинъ изъ нихъ: когда и какъ христіанство было введено въ Римъ? и другой: состояла ли римская церковь по преимуществу изъ іудеевъ, или по преимуществу изъ язычниковъ?

1. Преданіе отвѣчаетъ на первый вопросъ сообщеніемъ, что ап. Петръ былъ первый основатель христіанства въ Римѣ; но отвѣтъ этотъ почти до очевидности несостоятельный. Впервые мы встречаемъ его въ злонамѣренномъ и притомъ подложномъ сочиненіи, написанномъ уже въ концѣ втораго столѣтія для поддер-

Фабріціевъ мостъ въ Римѣ

жанія особой партіи. Это именно же-клементины¹⁵⁹⁷), въ которыхъ говорится, что Петръ былъ первымъ епископомъ Рима. Преданіе, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи выставляя новыя данныя, постепенно начало съ большею или меньшею увѣренностью утверждать, что онъ прибылъ въ Римъ во второй годъ царствованія Клавдія (въ 42 г. по Р. Хр.); что онъ встрѣтилъ и посрамилъ тамъ Симона волхва; былъ епископомъ римскимъ въ теченіе 25 лѣтъ; потерпѣлъ наконецъ мученичество чрезъ распятіе по его собственному смиренному желанію внизъ головою и что это совершилось 29 іюня, въ одинъ день съ мученическою смертію ап. Павла. Въ удостовѣреніе ихъ мученичества Гай указываетъ на ихъ «трофеи» близъ города¹⁵⁹⁸). Позднее происхожденіе этихъ подробностей, ошибки, съ которыми онѣ перемѣшаны, и очевидно партійный духъ, послужившій побужденіемъ къ ихъ измышленію, запрещаютъ намъ придавать имъ историческое значеніе. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы ап. Петръ могъ прибыть въ Римъ раньше года своей смерти. Во всякомъ случаѣ въ новомъ завѣтѣ единственно предполагаемый слѣдъ его пребыванія въ Римѣ находится въ крайне спорномъ намекѣ: «привѣтствуютъ васъ и изъ Вавилона»¹⁵⁹⁹). Онъ могъ умереть въ Римѣ; могъ даже проповѣдывать въ Римѣ; могъ даже быть принятъ іудейскимъ классомъ римскихъ христіанъ въ качествѣ своего «епископа»; но что онъ не былъ и не могъ быть ни въ какомъ истинномъ смыслѣ «первоначальнымъ основателемъ» римской церкви, это свободно допускаютъ даже сами римско-католическіе писатели.

Въ какое именно время были занесены сѣмена христіанства на берега Италіи (Дѣян. ххviii, 14), мы рѣшительно не можемъ сказать. Чтобы это совершилось еще во время земной жизни Христа—крайне невѣроятно, равно какъ не заслуживаетъ ничего болѣе простаго упоминанія и то сказаніе, которое приписываетъ императору Тиверію благоприятное мнѣніе касательно божества Христа¹⁶⁰⁰). Все, что можно съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ утверждать, это то, что благовѣстіе Христово вѣроятно было принесено туда впервые нѣкоторыми изъ тѣхъ іудеевъ и прозелитовъ изъ Рима, которые слышали рѣчь ап. Петра въ день Пятидесятницы (Дѣян. ii, 9), или какими либо другими лицами, которыя подобно самому ап. Павлу первыя сѣмена христіанскаго убѣжденія получили изъ неотразимыхъ доводовъ и пламеннаго краснорѣчія св. Стефана, когда именно имъ приходилось быть случайными посѣтителями синагоги отпущенниковъ (Дѣян. vi, 9).

2. Если это предположеніе вѣрно, то церковь римская очевидно должна была состоять сначала какъ изъ іудеевъ, такъ и язычниковъ. Простая вѣроятность не даетъ намъ возможности рѣшить, какой изъ этихъ классовъ преобладалъ, и если мы обратимся къ посланію, то встрѣтимся съ столь смутными указаніями, что различные изслѣдователи приходили къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ¹⁶⁰¹). Бауръ не можетъ вообразить, какъ возможно избѣгнуть заключенія, что апостолъ имѣетъ въ виду исключительно іудейскихъ христіанъ

Ольсгаузенъ съ другой стороны съ одинаковою увѣренностью высказывается въ пользу преобладанія язычниковъ. Тотъ и другой ссылаются на достаточные доводы, выводимые изъ самаго обращенія апостола. При самомъ началѣ ап. Павелъ, повидому, обращается ко всей церкви, какъ состоящей изъ язычниковъ: въ xi, 13, онъ говоритъ: «вамъ говорю, язычникамъ»; въ xv, 15, 16 пишетъ о себѣ какъ исключительно объ апостолѣ язычниковъ¹⁶⁰²), а въ x, 1 говоритъ объ іудеяхъ въ третьемъ лицѣ¹⁶⁰³), но съ другой стороны въ iv, 1 онъ говоритъ «объ Авраамѣ, отцѣ нашемъ» и заявляетъ, что онъ пишетъ тѣмъ, которые «знаютъ законъ» и нѣкогда были подъ рабствомъ ему. Если затѣмъ множество цитатъ изъ іудейскихъ писаній¹⁶⁰⁴), по предположенію, могло имѣть значеніе только въ отношеніи іудеевъ (хотя мы находимъ то же самое въ посланіи къ Галатамъ), то съ другой стороны въ апологетическомъ отдѣлѣ (ix—xi) аргументація скорѣе касается іудеевъ, чѣмъ обращается къ нимъ (ix, 1; x, 1; xi), и нравоучительныя правила въ главахъ о практической жизни, повидому, имѣютъ въ виду свободомыслящихъ язычниковъ гораздо болѣе, чѣмъ евіонитствующихъ іудеевъ. Взгляды послѣднихъ не опровергаются прямо, между тѣмъ какъ первые убѣждаются скорѣе отказаться отъ своей личной свободы, чѣмъ причинить кому нибудь личный соблазнъ.

Въ виду этихъ противорѣчивыхъ данныхъ, вообще принимается то рѣшеніе¹⁶⁰⁵), что даже обращенцы изъ язычниковъ въ большинствѣ образовались изъ прозелитовъ, которые въ Римѣ были особенно многочисленны¹⁶⁰⁶), такъ что «римская церковь казалась вмѣстѣ и іудейскою и языческою, іудейскою — по чувству, языческою — по происхожденію; іудейскою — потому, что апостолъ вездѣ разсуждалъ съ ними какъ съ іудеями; языческою — потому, что онъ выразительно обращается къ нимъ какъ къ язычникамъ». Таково несомнѣнно было состояніе другихъ церквей, и вѣроятно таково же было состояніе и церкви въ Римѣ. Но такъ какъ эта гипотеза никоимъ образомъ не разрѣшаетъ всѣхъ недоумѣній, то намъ кажется болѣе предпочтительнымъ предположеніе, что ап. Павелъ не столько обращается къ какому либо особому классу въ церкви Римской, сколько предвѣренно обсуждаетъ основной вопросъ и излагаетъ его отвлеченнымъ и догматическимъ методомъ. Съ римскими христіанами, какъ общиною, онъ завѣдомо незнакомъ былъ лично; но онъ зналъ, что іудеи и язычники, каждый съ своими особыми недоумѣніями и предразсудками существовали бокъ о бокъ въ каждой церкви, какую только ему приходилось посѣщать. Поэтому онъ хотѣлъ сразу изложить для всѣхъ, не только для римскихъ христіанъ, но и для всѣхъ вообще, кому бы ни пришлось читать его посланіе, начала, которыми они могли бы руководствоваться въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Онъ излагаетъ истины, которыя однѣ только могли совершенно обезпечить единство той церкви будущаго, въ которой должны были исчезнуть всѣ различія между іудеями и еллиномами. Естественно потому, что прежде чѣмъ лично посѣтить незнакомую церковь и притомъ столь важную, какъ церковь Рима, ему хотѣлось ясно изло-

жить имъ то Евангеліе, которое онъ намѣренъ проповѣдывать имъ. Но при этомъ едва ли вѣроятно, чтобы онъ пользу отъ этого усиленнаго труда хотѣлъ ограничить единичною церковью. Предположеніе, что съ этого посланія было сдѣлано нѣсколько копій, которыя съ соответствующими заключительными при- вѣтствіями были разосланы цѣликомъ или по частямъ и другимъ церквамъ, кромѣ римской, не только имѣетъ за себя внутреннюю правдоподобность, но даже способствуетъ объясненію и нѣкоторыхъ особенностей, представляемыхъ манускриптами, особенно въ построении заключительныхъ главъ ¹⁶⁰⁷⁾.

3. Затѣмъ мы приступаемъ къ вопросу: что было главною цѣлью посланія къ Римлянамъ? И здѣсь мы не должны удивляться, если встрѣтимся съ различными отвѣтами. Высочайшія произведенія гения во всѣхъ сочиненіяхъ, какъ въ гражданской, такъ и въ священной литературѣ, по самому своему существу многосторонни. Кто можетъ передать въ немногихъ словахъ основную идею такого произведенія, какъ «Prometeus Vincit» или «Гамлетъ»? Кто можетъ объединить всѣ мнѣнія касательно главной цѣли Екклесіаста или книги Іова? Однако, хотя цѣль посланія къ Римлянамъ вслѣдствіе недостаточности нашего знакомства съ данными касательно его происхожденія и точнаго состоянія церкви, къ которой оно было писано, истолковывается различно, все-таки невозможно излагать его, не опредѣливъ предварительно той или другой его существенной идеи.

Прежде всего скажемъ касательно общаго характера посланія. Какой характеръ имѣетъ оно: дидактическій или полемическій? общій или специальный? Толкователи высказывали различные взгляды, но ихъ легко примирить здѣсь. Полемическій элементъ имѣетъ въ немъ лишь косвенное и второстепенное значеніе; обсужденіе главнаго предмета имѣетъ общій характеръ, хотя непосредственный мотивъ къ нему былъ специальный. Тонъ его нисколько не имѣетъ той пылкой напряженности, которую всегда обнаруживаетъ ап. Павелъ, когда онъ занятъ полемикой съ прямыми своими противниками. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ хотѣлъ имъ защитить предъ римской церковью свой апостольскій авторитетъ, и несомнѣнно такая защита косвенно заключается въ мастерской аргументаціи посланія; однакоже, какъ весь стиль его непохожъ на ту горячность, съ которою апостолъ говоритъ въ посланіяхъ къ коринѳянамъ! Епископъ Вортсвортъ говоритъ, что это «апологія Евангелія противъ іудейства»; но гдѣ здѣсь пылкая укорительность и негодующее краснорѣчіе посланія къ Галатамъ? Здѣсь нѣтъ и слѣда ни крайней распушенности Коринѳа, ни мечтательнаго аскетизма Колоссъ, ни рабскаго фарисейства Галати. Ясно, что апостолъ не имѣетъ здѣсь дѣло съ какими либо особыми неурядицами, ересями или нападками на его авторитетъ ¹⁶⁰⁸⁾. Самое свое значеніе въ качествѣ систематическаго изложенія богословія ап. Павла посланіе къ Римлянамъ получаетъ вслѣдствіе того спокойствія и ясности, съ которыми апостолъ убѣждаетъ слѣдовать за нимъ въ обсужденіи отвлеченныхъ истинъ. Тутъ уже онъ повидимому совсѣмъ не имѣетъ дѣла съ узкимъ фана-

тизмомъ лицъ, которыя настаивали на невозможности спасенія помимо обрѣзанія. Еллинистическое іудейство великаго города, при всемъ его невѣжествѣ и застоѣ, было неспособно къ столь грубой нечѣстности, и при постановкѣ болѣе широкихъ и глубокихъ вопросовъ, естественно возникавшихъ между христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ, уже не было ничего такого, что могло бы раздражать апостола чувствомъ пагубнаго антагонизма. Правда, недалеко было то время, когда въ этомъ самомъ городѣ, которому онъ писалъ, нѣкоторые начали проповѣдывать Христа изъ злобнаго желанія увеличить тяжесть его узъ ¹⁶⁰⁹⁾; но это еще было въ неизвѣстномъ будущемъ. Онъ писалъ во время одного изъ тѣхъ немногихъ промежутковъ покоя и надежды, которые бывають даже въ самой тяжелой и гонимой жизни. Смуты въ Коринѣ временно стихли и авторитетъ его былъ восстановленъ. Съ глубочайшимъ интересомъ онъ устремлялъ свой взоръ на новыя поприща миссіонерскаго труда. Хотя онъ, вѣрный своему правилу никогда не строить на основаніи другихъ, и не могъ проповѣдывать въ Римѣ, тѣмъ не менѣе онъ утѣшался надеждой встрѣтить сердечный пріемъ въ императорскомъ городѣ, чтобы оттуда отправиться для насажденія креста на дѣвственной почвѣ Испаніи. А церковь Рима въ общемъ мнѣніи стояла высоко. Она состояла изъ іудеевъ и язычниковъ, изъ которыхъ первые недолго спустя стали повидимому въ упорно-враждебное отношеніе къ Евангелію; но ап. Павелъ конечно такъ же мало могъ предвидѣть это, какъ и то, что во второмъ столѣтіи евіонитство этого класса церкви поведетъ къ злостнымъ нападкамъ на его личный характеръ. Въ это время тамъ повидимому не было никакихъ открытых раздѣленій или ожесточенной вражды ¹⁶¹⁰⁾. Тамъ были разногласія между «слабыми», которые придавали большую важность различію въ пищѣ и питѣ, и «сильными», которые нѣсколько презрительно отвергали ихъ; но вообще іудеи повидимому были снисходительны, а язычники ухѣренны. Быть можетъ обѣ партіи обязаны были своей свободой отъ раздоровъ переходу язычниковъ въ церковь чрезъ двери синагоги; или быть можетъ еще болѣе незаконченности церковной организаціи, которая давала возможность иностраннымъ и греко-римскимъ обращенцамъ спокойно совершать богослуженіе въ своихъ маленькихъ общинахъ, собиравшихся подъ кровлею Акилы или Олимпана. Если іудейскія и языческія общины и были подѣлены между собою замѣтными различіями, то все-таки столкновеній между ними повидимому не существовало.

Какъ бы то ни было, но ап. Павелъ очевидно въ мирномъ настроеніи духа диктовалъ Тертію тѣ великія истины, составляющія предметъ посланія къ римлянамъ, которыя онъ дотолѣ никогда не развивалъ съ такою логическою полнотою ¹⁶¹¹⁾. Широкій дидактическій характеръ посланія, его свобода отъ тѣхъ приступовъ чувства, которыя мы находимъ въ другихъ его посланіяхъ, совершенно соответствуютъ тѣмъ историческимъ обстоятельствамъ, среди которыхъ оно было написано; другими словами, тѣмъ текущимъ событіямъ, которыя

вызывали его, какъ и всякое изъ другихъ его посланій. Ап. Павелъ находился на своемъ пути въ Иерусалимъ, и его тайныя опасенія касательно результатовъ этого посѣщенія были умѣряемы надеждой, что собранная имъ милостыня угладитъ путь къ благопріятному для него приему. Римъ былъ слѣдующимъ важнымъ мѣстомъ, которое онъ намѣревался посѣтить. Какъ онъ будетъ принятъ христіанами великаго города? Дошли ли до нихъ слухи отъ фарисеевъ іерусалимскихъ, что онъ безбожный и опасный отщепенецъ, пренебрегавшій всякимъ авторитетомъ и отвергавшій всякую истину? Во всякомъ случаѣ можно было ожидать съ вѣроятностью, что, даже если бы имъ не изобразили его въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, о немъ могли наговорить имъ только какъ о человѣкѣ, который готовъ отвергать не только всякія преимущества, но даже и исключительныя надежды и обѣтованія іудейства. Въ значительной степени это была правда, и если правда, то какія серьезныя, даже какія поразительныя слѣдствія связывались съ такимъ убѣжденіемъ! Эти воззрѣнія были столь противны убѣжденію минувшихъ вѣковъ, что они во всякомъ случаѣ заслуживали самаго тщательнаго изложенія, самой сильной защиты, самаго полного оправданія на основаніи древнихъ писаній. Такую защиту, послѣ глубокаго размышленія объ истинахъ, которыя Духъ Божій открылъ ему, ап. Павелъ и рѣшился предложить самымъ примирительнымъ и самымъ нѣжнымъ языкомъ, — языкомъ, который показывалъ, что и непреклонная твердость его убѣжденія отнюдь не погасила въ немъ огня патріотизма и не притупила живости его чувства ¹⁶¹²). Онъ заявляетъ неискоренимую любовь къ своимъ соплеменникамъ, глубокое сознаніе ихъ славныхъ преимуществъ въ тотъ самый моментъ, когда излагаетъ причины, почему эти его соплеменники временно были отвергнуты, и показываетъ, что эти преимущества безвозвратно уничтожены для нихъ ¹⁶¹³). Онъ объявляетъ свою готовность быть даже «отлученнымъ отъ Христа» ради Израиля — въ тѣхъ самыхъ строкахъ, въ которыхъ онъ, къ ужасу и негодованію своихъ іудействующихъ читателей, показываетъ, что не плотское, а духовное сѣмя Авраамово есть единственно истинный Израиль Божій ¹⁶¹⁴).

Если обычные отношенія іудеевъ къ язычникамъ отличались ожесточеннымъ характеромъ, если іудеи обыкновенно относились къ нимъ въ духѣ враждебной надменности, то очень возможно, что отдѣлъ, касающійся относительнаго положенія іудеевъ и язычниковъ (ix—xi), составляетъ, какъ доказываетъ Бауръ, зерно всего посланія, въ томъ смыслѣ, что это были первыя мысли, которыя представились уму апостола. Однако же было бы ошибочно сказать, что «все догматическое разсужденіе посланія можно считать не чѣмъ инымъ, какъ самымъ радикальнымъ и полнымъ опроверженіемъ іудейства и іудейскаго христіанства» ¹⁶¹⁵). Въ своей реакціи противъ чисто догматическаго взгляда, разсматривающаго посланіе какъ «сокращенное изложеніе догматики Павла въ формѣ апостольскаго посланія ¹⁶¹⁶)», Бауръ пришелъ къ взгляду, въ которомъ истори-

ческому элементу придается слишкомъ неумѣренное значеніе; и при своемъ нежеланіи считать центральный отдѣлъ простымъ сводомъ ученій, изложенныхъ въ первыхъ восьми главахъ, онъ заходитъ слишкомъ далеко, называя ихъ сердцевиной цѣлаго, для которой все остальное есть лишь добавленіе. Эти главы могутъ быть первыми въ порядкѣ мысли, не будучи первыми по степени важности; онъ могли составлять первоначальный мотивъ посланія и однако же могли имѣть совершенно второстепенное значеніе въ сравненіи съ величіемъ идей, къ которымъ привели онѣ.

Нельзя ли предположить, что посланіе произошло слѣдующимъ образомъ. Ап. Павелъ, намѣреваясь отправиться въ Иерусалимъ и затѣмъ начать новую миссію на западѣ, пришелъ къ мысли воспользоваться спокойнымъ промежуткомъ для того, чтобы написать посланіе римской церкви, къ которой онъ, хотя и не основанной имъ самимъ, не могъ не чувствовать глубочайшаго интереса. Ему извѣстно было, что какъ бы ни многочисленны въ ней были христіане изъ язычниковъ, зерно церкви во всякомъ случаѣ состояло изъ іудеевъ и прозелитовъ, которымъ было бы очень трудно принять истину, что Богъ не взираетъ на лица. Но эту то именно истину онъ и призванъ былъ проповѣдывать. Если іудеи не могли принять ее безъ смущенія, и если даже наиболѣе благоразумные между ними не могли не находить трудно постижимую мысль, чтобы ихъ обѣтованный Мессія, — Мессія, къ которому они стремились въ теченіе столѣтій бѣдствій и всякихъ невзгодъ, оказался въ концѣ концовъ даже болѣе Мессіей язычниковъ, чѣмъ іудеевъ, то ему въ высшей степени было необходимо изложить для нихъ эту истину съ такою ясностью и съ такимъ убѣдительнымъ сочувствіемъ, чтобы, на сколько возможно, смягчить неизбѣжный ударъ ихъ глубоко укоренившимся предубѣжденіямъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что, обращаясь къ болѣе свободомыслящимъ юдаистамъ, онъ имѣлъ дѣло не съ невѣжественною злобою тѣхъ, которые соврашали его простодушныхъ галатовъ. Въ посланіи къ церквямъ Галатіи, онъ, поражая однимъ потрясающимъ ударомъ змѣиную голову фарисейства, тѣмъ самымъ облегчалъ свою душу отъ накипѣвшей бури праведнаго негодованія. Теперь онъ могъ писать съ полнымъ спокойствіемъ, излагая болѣе важные вопросы касательно положенія христіанъ въ отношеніи къ закону и въ отношеніи іудейства къ язычеству и обоимъ ихъ къ христіанству. Что язычники были никоимъ образомъ не ниже іудеевъ въ отношеніи духовныхъ преимуществъ, — мало того, что язычники въ дѣйствительности даже превосходили іудеевъ тѣмъ рвеніемъ, съ которымъ они стремились въ церковь Христову ¹⁶¹⁷), это былъ фактъ, который невольно обращалъ на себя вниманіе всякаго христіанина изъ іудеевъ. Неужели же Богъ отвергалъ Израиля? Центральный отдѣлъ посланія (ix—xi) занимается разрѣшеніемъ этого именно важнаго недоумѣнія; и апостолъ старается тамъ показать, что 1) духовное сыновство не зависитъ отъ естественнаго происхожденія, такъ какъ истинное оправданіе человѣка, именно

оправданіе вѣрою, одинаково открыто какъ для іудеевъ, такъ и язычниковъ (ix); что 2) насколько іудеи теряли свое первенство въ божественномъ благорасположеніи, это зависѣло отъ ихъ собственнаго отверженія того свободнаго предложенія, которое было сдѣлано имъ (x); и что 3) это видимое отверженіе смягчается двойнымъ соображеніемъ: что а) оно не полное, не безусловное, такъ какъ всетаки «и въ нынѣшнее время по избранію благодати сохранился остатокъ истинныхъ израильтянъ»; и б) оно временное, неокончательное, такъ какъ когда окончательно будетъ обезпечено полное благословеніе язычниковъ, то всетаки останется славная надежда, что въ концѣ концовъ спасется и весь Израиль ¹⁶¹⁸).

Но съ этого пункта его мысли неизбежно должны были обратиться назадъ, и истины, которымъ онъ теперь въ первый разъ давалъ полное и формальное выраженіе, должны были получить подавляющую важность, въ сравненіи съ которой все другое получило лишь второстепенный интересъ. Отъ *относительнаго* его мысли перешли къ безусловному. Отъ вопроса касательно уничтоженія исключительныхъ преимуществъ іудеевъ онъ перешелъ къ вопросу о предопредѣленномъ планѣ Божіемъ для спасенія человѣчества—о его сущности, его міровой свободѣ, его необходимости. Этотъ планъ апостола выражается въ одной формулѣ *оправданія вѣрою*, и чтобы установить и объяснить ее, онъ долженъ былъ доказать всеобщность человѣческаго грѣха, неспособность, какъ іудея, такъ и язычника достигнуть спасенія дѣлами закона; показать вслѣдствіе этого «соподчиненное, относительное, отрицательное» значеніе закона, полную отгнѣну всякаго различія между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ въ свѣтѣ впервые теперь открывающагося завѣта. И такимъ образомъ дѣйствительное основаніе этого, какъ и всякаго другаго посланія, есть «Христосъ, какъ общее основаніе, на которомъ могутъ стоять іудей и язычникъ, внутренняя связь человѣческаго общества, корень человѣческой праведности» ¹⁶¹⁹). Вполнѣ можно допустить, что чрезъ всю эту возвышенную аргументацію и по многимъ затрогиваемымъ ею вопросамъ проходить скрытый тонъ полемики, и что апостолъ никогда не теряетъ изъ виду своей основной цѣли—доказать римскимъ христіанамъ, а чрезъ нихъ и всей церкви, новое поразительное ученіе, что такъ какъ уничтоженіе грѣха стало возможнымъ посредствомъ вѣры, то всѣ притязанія, основанныя на іудейской исключительности, низводились на ничто. Это главный пунктъ. Но даже практическіе вопросы, которые получаютъ краткое рѣшеніе въ концѣ посланія, разсматриваются въ строгомъ согласіи съ великими началами, которыми онъ такимъ образомъ установилъ касательно всеобщности грѣха и всеобщности благодати ¹⁶²⁰).

Таковы, какъ намъ думается, происхожденіе и основная идея посланія къ римлянамъ, въ которомъ Толіокъ видитъ «христіанскую философію всемірной исторіи». Общій очеркъ его можетъ быть данъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ полнаго и торжественнаго привѣтствія, апостолъ переходитъ самымъ простымъ и

Статуя ап. Павла
(изъ базилики св. ап. Павла въ Римѣ).

естественнымъ способомъ къ изложенію своего основнаго положенія объ оправданіи вѣрою ¹⁶²¹), которое онъ поясняетъ и подкрѣпляетъ ссылкой на Аввак. п, 4 по переводу лхх. Необходимость этого способа спасенія основывается на всеобщности грѣха, — явленіи, о которомъ правда учить человѣческій опытъ, но которое легко упускается изъ виду и поэтому нуждается въ обстоятельномъ подтвержденіи. Такимъ образомъ іудеи и язычники низводятся на одинъ и тотъ же уровень, и исключительность преимуществъ іудея усугубляетъ лишь его осужденіе (і, 16 — ш, 20). Слѣдовательно дѣлами закона, естественнаго ли, или Моисеева закона, никакая плоть не можетъ оправдаться и оправданіе можетъ быть достигнуто только вѣрою человѣка, принимающаго искупленіе Христово, такъ что всѣ одинаково зависятъ отъ свободной воли Божіей (ш, 21—30) ¹⁶²²). Сознавая крайнюю новизну этихъ выводовъ, апостолъ объясняетъ ихъ священнымъ писаніемъ (ш, 31—iv, 25), и затѣмъ останавливается на благословенныхъ слѣдствіяхъ самаго оправданія (v, 1—11). Эти слѣдствія предназначаются во всей нравственной и религіозной исторіи человѣчества, какъ сосредоточивающейся въ двухъ періодахъ, представляемыхъ Адамомъ и Христомъ (v, 12—21). Закончивъ такимъ образомъ изложеніе своего великаго ученія, апостолъ отвѣчаетъ на возраженіе, которое можетъ быть выставлено противъ него. Оно не только не уменьшаетъ тяжести грѣха или не стремится къ его умноженію, но, какъ показываетъ апостолъ, имъ проповѣдуется окончательное уничтоженіе грѣха (vi). Если бы кто нибудь былъ изумленъ этимъ близкимъ сопоставленіемъ закона и грѣха, то апостолъ показываетъ, что между тѣмъ какъ законъ самъ по себѣ святъ, справедливъ и добръ, съ другой стороны все, что онъ сказалъ о немъ въ отношеніи къ человѣчеству, доказывается его психологическими слѣдствіями, и что въ дѣйствительности законъ для измѣненной природы вѣрующаго замѣщенъ новымъ началомъ жизни — Духомъ Божіимъ, животворящимъ сердце человѣческое (vii, 1—viii, 11). Это естественно приводитъ его къ серьезному увѣщанію своихъ читателей жить достойно этой измѣненной природы и къ величественному взрыву благодаренія, которое наконецъ поднимается до вершины пламеннаго краснорѣчія (viii, 12—39).

Въ этомъ пунктѣ апостолъ оказывается лицомъ къ лицу съ вопросомъ, изъ котораго вѣроятно и вышли его мысли, — объ отношеніи іудейства къ язычеству и христіанства къ обоимъ. Въ отдѣлѣ, имѣющемъ безконечно важное значеніе, особенно для того вѣка, апостолъ показываетъ, что обѣтованія Божіи Израилю, при правильномъ ихъ пониманіи, *были и будутъ* исполнены, и что если и казалось, что они не исполнялись, то это зависѣло отъ упрямой жестокосердечности самого избраннаго народа (ix—xi). Остальная часть посланія имѣетъ болѣе практической и популярный характеръ. Онъ увѣщаетъ къ обязанностямъ святости, смиренія, единства, достойнаго пользованія обстоятельствами, надежды и главнѣе всего любви, на которой онъ останавливается съ особенною настойчивостью и

подробностью (xii). Затѣмъ, быть можетъ специально имѣя въ виду теократическія убѣжденія іудейскихъ христіанъ, онъ внушаетъ обязанность повиновенія гражданской власти и еще разъ обращается къ любви, какъ главнѣйшей изъ христіанскихъ добродѣтелей; подкрѣпляя эти практическія увѣщанія мыслью, что ночь грѣха и невѣденія теперь уже въ значительной степени прошла и уже близокъ былъ день (xiii), онъ затѣмъ указываетъ на необходимость взаимнаго снисхожденія и взаимной любви между сильными и слабыми — т. е. между тѣми, которые считали себя связанными предписаніями закона, и тѣми, которые признавали, что они были освобождены отъ этихъ обязательствъ славною свободою дѣтей Божіихъ; и ссылается при этихъ увѣщаніяхъ на тѣ взгляды, которые онъ уже выразилъ касательно взаимнаго отношенія іудеевъ и христіанъ (xiv—xv, 13). Остальная часть посланія имѣетъ главнымъ образомъ личный характеръ. Онъ прежде всего предлагаетъ серьезную и прекрасную апологію въ томъ, что онъ осмѣлился обратиться къ чужой церкви, — апологію, основанную на его апостольской миссіи (xv, 14—21), и затѣмъ представляетъ очеркъ его будущихъ плановъ, въ особенности прося ихъ молитвъ о благомъ успѣхѣ предстоящаго ему посѣщенія Іерусалима. Въ послѣдней главѣ, которая, какъ мы высказали уже, обращена была, по крайней мѣрѣ отчасти, не къ римлянамъ, а къ ефесянамъ, онъ внушаетъ Фивѣмъ благостно пещись о церкви (1, 2); посылаетъ искреннее привѣтствіе двадцати шести братьямъ (3—16); даетъ строгое предостереженіе тѣмъ, которые сѣяли раздоры, и заключаетъ ее обѣтованіемъ и благословеніемъ (17—20); повторяетъ послѣ нѣсколькихъ привѣтствій отъ бывшихъ съ нимъ друзей благословеніе (21—24) и заканчиваетъ полнымъ и выразительнымъ славословіемъ, въ которомъ нѣкоторые видятъ «литургическій антифонъ, созвучный съ основною мыслью посланія» ¹⁶²³).

II.

ОБЩАЯ МЫСЛЬ ПОСЛАНІЯ КЪ РИМЛЯНАМЪ.

Праведный вѣрою живъ будетъ.
АВВАК. п, 4.

Теперь мы подробнѣе изложимъ это посланіе, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ, факторовъ христіанскаго богословія, и попросимъ читателей, съ библіей въ рукѣ слѣдовать шагъ за шагомъ за великими истинами, какъ онѣ будутъ постепенно развертываться предъ нашимъ взглядомъ.

Привѣтствіе, занимающее первые семь стиховъ, замѣчательно тѣмъ, что оно самое длинное и самое торжественное изъ всѣхъ, находящихся въ посланіяхъ

ап. Павла. Если бы он руководился обычным методом своего времени, то начал бы свое письмо просто словами: «Павелъ, апостолъ Иисуса Христа, римскимъ христіанамъ привѣтствіе» ¹⁶²⁴). Но онъ съ совершенною самобытною предпочиталъ придавать своему первому привѣтствію болѣе знаменательный и менѣе условный оборотъ, и дѣлаетъ его проводникомъ истинъ, къ которымъ онъ съ самаго перваго начала хотѣлъ приковать вниманіе. Такимъ образомъ въ одномъ величественномъ положеніи, единство котораго не теряется несмотря на всѣ отступленія, разъясненія и вставки, онъ говоритъ римскимъ христіанамъ о своемъ торжественномъ избраніи ¹⁶²⁵) благодатию къ апостольству; о цѣли и вселенскомъ характерѣ этого апостольства; объ истинѣ, что Евангеліе не есть смѣлое новшество, но предопредѣленное исполненіе возвѣщеннаго въ писаніи завѣта ¹⁶²⁶); о происхожденіи Христа отъ Давида по плоти и возстановленіи Его въ силѣ какъ Сына Божія по духу святыни ¹⁶²⁷), чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ ¹⁶²⁸).

Читая это предложеніе, мы спрашиваемъ: заключалъ ли кто либо когда нибудь болѣе мыслей въ меньшемъ количествѣ словъ, и писано ли было когда либо письмо, которое бы открывало столь обширный горизонтъ мысли въ столь немногихъ начальныхъ строкахъ? ¹⁶²⁹).

Послѣ привѣтствія апостолъ переходитъ къ своему обычному благодаренію «чрезъ Иисуса Христа» за то, что вѣра Христа въ Римѣ возвышается во всемъ мірѣ ¹⁶³⁰), и торжественно увѣряетъ римлянъ, какъ въ своихъ непрестанныхъ молитвахъ о нихъ онъ молить Бога о дарованіи ему возможности посѣтить ихъ, потому что онъ съ нетерпѣніемъ желаетъ ихъ видѣть и преподавать имъ нѣкое дарованіе духовное къ утвержденію ихъ ¹⁶³¹). Затѣмъ, съ безконечною деликатностію, поправляя выраженіе, которое незнающимъ его могло отозваться выставленіемъ своего авторитета, онъ объясняетъ, что то, чего онъ давно желаетъ, — это *обмѣна* между ними взаимнаго одобренія ¹⁶³²); потому что желаетъ сообщить имъ ¹⁶³³), что хотя онъ и встрѣчалъ препятствія доселѣ, но часто намѣревался придти къ нимъ, чтобы и среди ихъ пожать плодъ своего служенія, какъ онъ пожиналъ и среди другихъ языческихъ народовъ. Ему поручено было нести благовѣстіе и онъ считаетъ его своею обязанностію, каковы своимъ долгомъ, который онъ долженъ платить всѣмъ язычникамъ, какъ грекамъ, такъ и не грекамъ, какъ цивилизованнымъ, такъ и не цивилизованнымъ народамъ. Поэтому онъ по силѣ своей возможности желаетъ проповѣдывать Евангеліе даже въ императорскомъ Римѣ (I, 8—15).

Это приводитъ его къ основной темѣ, которая и составляетъ предметъ его разсужденія. Многіе стыдились Евангелія; но не стыдился онъ ¹⁶³⁴); «потому что оно есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему, во первыхъ іудею ¹⁶³⁵), потомъ и еллину. Въ немъ открывается правда Божія отъ вѣры въ вѣру, какъ написано: праведный вѣрою живъ будетъ» (I, 16, 17).

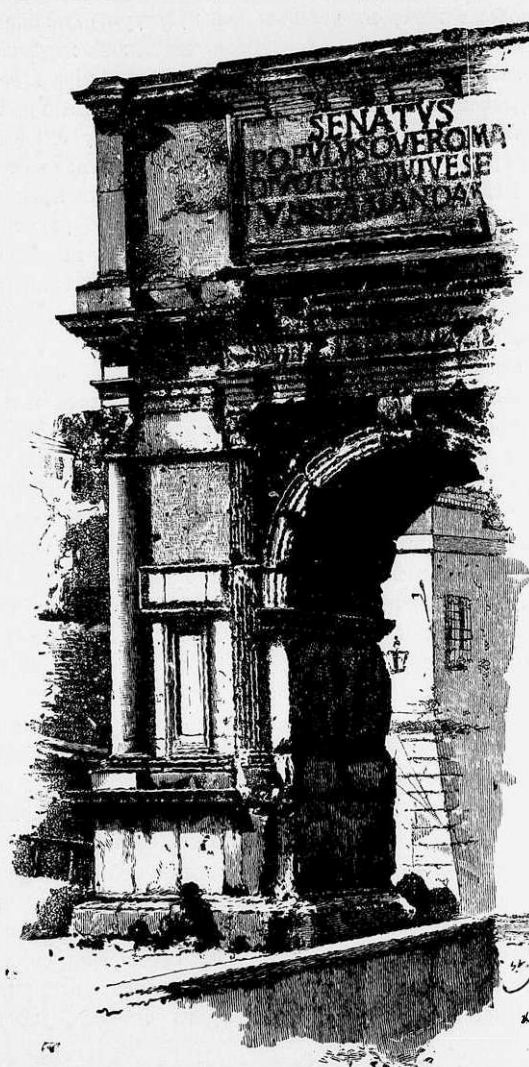
Какъ легко читать эти слова! И однакоже, они для своего надлежащаго

объясненія требуютъ цѣлаго посланія, и много томовъ было написано для изъясненія ихъ значенія. Римъ былъ центромъ человѣческой культуры, сѣдалищемъ самаго могущественнаго, самаго высокомѣрнаго деспотизма, когда либо видѣннаго міромъ, и апостолъ вполне знаетъ, что для культуры и могущества міра крестъ есть безуміе и слабость. И однакоже онъ не стыдится проповѣди объ этомъ крестѣ, потому что для всѣхъ, кто вѣруетъ въ него, для іудея ли, которому оно было преподано впервые, или для грека, которому оно теперь проповѣдуется, оно есть проявленіе силы Божіей съ цѣлью обезпеченія ихъ спасенія. Даже эти немногія слова: «во первыхъ іудею, *потомъ и еллину*» служатъ знакомъ, что для міра насталъ новый вѣкъ; и указавъ такимъ образомъ въ двухъ строкахъ источникъ (силу Божію) дѣйствія (спасенія) и всеобщность Евангелія (іудею и язычнику), апостолъ затѣмъ излагаетъ его сущность. «Въ немъ», говоритъ онъ, «открывается правда Божія отъ вѣры въ вѣру».

Мы часто повторяемъ эти столь знакомыя намъ слова; но какое значеніе должны мы соединять съ ними? Потребовалась бы цѣлая жизнь для того, чтобы прочесть все, что написано о нихъ въ безконечныхъ томахъ, переполненныхъ сухой экзегетикой, туманными размышленіями и скучной полемикой. Различныя партіи и секты спорили изъ за нихъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и усѣяли поле полемическаго богословія развалинами и мусоромъ техническихъ терминовъ и анахронизмовъ. Отъ блаженнаго Августина до Томы Аквината и затѣмъ отъ Томы Аквината до послѣдняго времени богословская полемика главнымъ образомъ вращалась на этихъ словахъ. Не покажется ли поэтому дерзостью попытка выразить въ одномъ простомъ предложеніи заключающуюся въ нихъ основную мысль ¹⁶³⁶)? Нѣтъ, если мы будемъ различать между «идеями головы» и «чувствами сердца»; нѣтъ, если мы будемъ помнить, что эта полемика возникала главнымъ образомъ изъ послѣдующихъ богословскихъ положеній. Мы можемъ понять воззрѣнія ап. Павла только въ свѣтѣ его собственныхъ частыхъ поясненій, дополненій и различныхъ способовъ выраженія; и съ этимъ руководствомъ, подводя итогъ результатамъ безконечныхъ разсужденій, продолжавшихся въ теченіе тысячи лѣтъ, мы можемъ истолковать эти его слова въ томъ смыслѣ, что по Евангельскому откровенію ¹⁶³⁷) міру, превѣчная правда Божія, которую, по оправдательному приговору, произнесенному однажды за всѣхъ въ искупительной смерти Христа, Онъ вмѣняетъ грѣшному человѣку, и которая, начинаясь для каждаго отдѣльнаго лица полнымъ съ его стороны принятіемъ этого примиренія своего съ Богомъ во Христѣ, оканчивается тѣмъ таинственнымъ единеніемъ со Христомъ, благодаря которому Христосъ становится для каждаго человѣка новой природой, оживляющей духъ.

Въ болѣе короткихъ словахъ едва ли возможно дать полное объясненіе этого глубокомысленнѣйшаго богословскаго положенія. Цѣль Евангелія Божія есть спасеніе человѣка. Человѣкъ грѣшенъ и не можетъ достигнуть святости никакими

своими собственными усилиями. Между тѣмъ безъ святости человѣкъ не можетъ

Арка Тита въ Римѣ.

нельзя свести къ строгому логическому опредѣленію, невозможно заключить въ формальную схему спасенія. Мы не должны упускать изъ виду одного элемента, который придаетъ истинность этимъ увѣреніямъ. Несомнѣнно громадная пропасть лежитъ между смѣлыми и пылкими изліяніями таинственнаго вдохновенія и холодными, аналитическими разсужденіями технического богословія; между вдохновенными выраженіями и выработанными системами; между ап. Павломъ и Томой Аквинатомъ. Умозрительная метафизика, *ученіе* о грѣхѣ, *теорія* о вѣрованіи, трансцендентальная онтологія—все это становится неизбѣжнымъ съ теченіемъ времени; но все это не составляетъ сущности и даже важнаго элемента въ христіанствѣ. Эта истина слишкомъ часто забывается. Но нужно строго различать между пониманіемъ того, что разумѣлъ ап. Павелъ, и претензіей изслѣдовать самую глубину вѣчныхъ истинъ, лежащихъ въ основѣ его ученія. Планъ домостроительства Божія, насколько онъ касается нашихъ дѣйствій и нашихъ надеждъ, мы можемъ постигнуть, не пытаясь даже втиснуть въ тѣсныя клѣтки нашихъ логическихъ формулъ тѣ непостижимыя тайны, которыя окружаютъ единственно доступную нашей учености часть ея.

Поэтому, безъ святости человѣкъ не можетъ быть спасенъ. Какъ же возможно достигнуть святости? Евангеліе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, и это посланіе есть самое полное и самое рѣшительное изложеніе этого божественнаго завѣта. Сущность отвѣта исключается въ одной фразѣ: «оправданіе вѣрою». Въ этомъ стихѣ оно выражено какъ «праведность и правда Божія», которая «открывается отъ вѣры въ вѣру». Слово «праведность» передается также словомъ «оправданіе». Но ни этому слову, ни слову «вѣра» ап. Павелъ никогда не давалъ формальнаго опредѣленія. Значеніе его можно понять только изъ его постоянно разнообразящихся выраженій, а также изъ тѣхъ доводовъ, которыми онъ подкрѣпляетъ, и цитируетъ, которыми онъ объяс-

такъ что его нельзя свести къ строгому логическому опредѣленію, невозможно заключить въ формальную схему спасенія. Мы не должны упускать изъ виду одного элемента, который придаетъ истинность этимъ увѣреніямъ. Несомнѣнно громадная пропасть лежитъ между смѣлыми и пылкими изліяніями таинственнаго вдохновенія и холодными, аналитическими разсужденіями технического богословія; между вдохновенными выраженіями и выработанными системами; между ап. Павломъ и Томой Аквинатомъ. Умозрительная метафизика, *ученіе* о грѣхѣ, *теорія* о вѣрованіи, трансцендентальная онтологія—все это становится неизбѣжнымъ съ теченіемъ времени; но все это не составляетъ сущности и даже важнаго элемента въ христіанствѣ. Эта истина слишкомъ часто забывается. Но нужно строго различать между пониманіемъ того, что разумѣлъ ап. Павелъ, и претензіей изслѣдовать самую глубину вѣчныхъ истинъ, лежащихъ въ основѣ его ученія. Планъ домостроительства Божія, насколько онъ касается нашихъ дѣйствій и нашихъ надеждъ, мы можемъ постигнуть, не пытаясь даже втиснуть въ тѣсныя клѣтки нашихъ логическихъ формулъ тѣ непостижимыя тайны, которыя окружаютъ единственно доступную нашей учености часть ея.

1. Мы можемъ поэтому съ вѣроятною основательностью сказать, что въ этомъ знаменитомъ положеніи посланія выраженіемъ «правда Божія», обозначающимъ прежде всего свойство Божіе, ап. Павелъ пользуется съ цѣлію выразить вѣрованіе этой правды свободнымъ дарованіемъ ея человѣку, такъ что человѣкъ можетъ считать ее какъ данную себѣ,—выразить праведность, которая исходитъ отъ Бога и составляетъ новое отношеніе человѣка къ Нему,—оправданіе человѣка, провозглашеніе его невинности, благодатное оправданіе въ виновности чрезъ Христа, то постановленное самимъ Богомъ начало, которое опредѣляетъ религіозный характеръ человѣчества и которымъ обусловливается религіозное сознаніе личности ¹⁶³⁸).

2. Говоря, что эта «правда Божія» открывается отъ «вѣры», ап. Павелъ разумѣетъ не то, что вѣра нѣкоторымъ образомъ есть заслуженная причина ея, потому что, какъ онъ показываетъ, человѣкъ оправдывается свободною благодатію, самое оправданіе имѣетъ свое основаніе въ свободномъ благорасположеніи Божіемъ, и причина его заключается въ искупительномъ дѣлѣ Христа ¹⁶³⁹); но онъ разумѣетъ то, что вѣра есть пріемлющее орудіе его ¹⁶⁴⁰), личное усвоеніе примиряющей любви Божіей, которая разъ навсегда осуществлена для всего рода человѣческаго крестною смертію Христа.

3. Наконецъ, говоря, что эта «правда Божія» открывается въ Евангеліи «отъ вѣры въ вѣру», апостолъ разумѣетъ часто разъясняющуюся въ его посланіяхъ истину, что христіанская вѣра имѣетъ различныя ступени и качества въ своемъ развитіи ¹⁶⁴¹). Оставляя безъ вниманія мертвую вѣру (*fides in formis*) ученыхъ, низшую ступень ея составляетъ 1) теоретическое убѣжденіе въ благости Божіей къ намъ во Христѣ на болѣе высокихъ основаніяхъ, чѣмъ чувственное

воспріятіе и обыденный опытъ, именно на самомъ фактѣ нашего упованія на Бога (*assensus fiducia*). На высшей ступени она 2) достигаетъ внутреннихъ чувствъ сердца и становится вѣрной пріемницей дара благорасположенія Божія, «когда она свободно предаетъ сердце благостной волѣ Божіей, какъ она является намъ въ словѣ примиреніе». На еще высшей ступени она 3) достигаетъ таинственной глубины и становится таинственнымъ сочетаніемъ со Христомъ (*unio mystica*) въ единствѣ любви и жизни, практическимъ опознаніемъ со Христомъ, которое завершается личнымъ усвоеніемъ Его жизни и смерти. Въ своемъ окончательномъ и полнѣйшемъ развитіи, она 4) поднимается отъ пассивнаго положенія пріемлющей на степень свободной дѣятельной силы, — «становится живымъ импульсомъ и силой добра во всякой фазѣ личной жизни»¹⁶⁴²). На этой послѣдней ступени она столь тѣсно соединяется съ *духомъ*, что они становятся неотдѣлимы между собой, такъ что то, что разсматриваемое совнѣ есть «вѣра», разсматриваемое свнутри — есть «духъ». Вѣра во всей широтѣ ея значенія у ап. Павла есть вмѣстѣ и единичный актъ, и развивающееся начало. Какъ единичный актъ, она есть самопреданіе души Богу, прилѣпленіе ко Христу какъ единственному средству, которымъ возможно для насъ усвоить эту примирительную любовь, и съ этой точки зрѣнія она можетъ быть разсматриваема какъ корень новаго отношенія человѣка къ Богу въ оправданіи и усыновленіи. Какъ развивающееся начало, она есть обновленіе личной жизни въ освященіи¹⁶⁴³), поддержаніе «правды Божіей», *объективно* перенесенной на насъ, во внутренней и всеуглубляющейся праведности нашей собственной жизни; это въ дѣйствительности новая духовная жизнь, жизнь въ вѣрѣ Сына Божія, который возлюбилъ насъ и предалъ себя за насъ¹⁶⁴⁴). И отсюда сразу становится очевидно нелѣпость радикальнаго противопоставленія между христіанской вѣрой и христіанскими дѣлами, потому что они такъ же не могутъ существовать въ разъединеніи другъ съ другомъ, какъ дерево въ разъединеніи съ своимъ корнемъ.

Согласно съ своимъ обычнымъ пріемомъ при провозглашеніи новой истины, ап. Павелъ старается подкрѣпить ее священнымъ писаніемъ ветхаго завѣта и въ словахъ «праведный вѣрою живъ будетъ», которыя пророкъ Аввакумъ первоначально употребилъ въ гораздо болѣе простомъ и обыденномъ смыслѣ, именно, что «праведный будетъ избавленъ своею вѣрностью», читаетъ глубочайшее значеніе. Эти простые слова онъ читаетъ въ свѣтѣ своего собственного духоозаренія, которое, подобно таинственному блеску урима, заставляетъ ихъ блистать еще болѣе божественнымъ значеніемъ. Словамъ «вѣра» и «жизнь» онъ придаетъ то значеніе, которое постигнуто изъ откровенія, и вслѣдствіе этого, какъ справедливо замѣчено, онъ начинаетъ тамъ, гдѣ оканчивается Аввакумъ. И самое его выраженіе «оправданіе вѣрою» отмѣчаетъ собой встрѣчный пунктъ двухъ завѣтовъ. Понятіе «оправданія» коренится въ іудействѣ. Понятіе «вѣры» есть особенность христіанства. Послѣднее слово настолько господствуетъ надъ первымъ,

что *δικαιοσύνη* отъ своего перваго значенія «правды», какъ качества Божія, переходитъ въ субъективное значеніе «оправданія», какъ такого состоянія человѣка, въ которомъ онъ долженъ стоять по отношенію къ Богу. Усвоеніе человѣкомъ примирительной любви Божіей во Христѣ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ перемѣну въ личной жизни человѣка: оправданіе становится освященіемъ, которое и есть залогъ будущей славы.

III.

Всееобщность грѣха.

Какъ іудей, такъ и славны всѣ подлѣ грѣхомъ. Римл. III, 9.

Выяснивъ такимъ образомъ одинъ предметъ, лежащій въ основѣ всей богословской системы ап. Павла, мы попытаемся уловить главную нить его мысли въ остальной части посланія.

I. Такъ какъ апостолъ уже останавливался на всеобщности Евангелія, то необходимо было показать, что оно одинаково примѣнимо какъ къ іудеямъ, такъ и къ язычникамъ, что всеобщность свободной благодати обуславливалась всеобщностью злонамѣреннаго грѣха. Праведность и грѣхъ, ученіе о спасеніи и ученіе о грѣхѣ — основныя мысли въ богословской системѣ ап. Павла. Первое есть теоретическое слѣдствіе нашей идеи о сущности Бога; второе есть историческій фактъ, выводимый изъ опыта и совѣсти.

Какъ есть праведность Божія, открывающаяся въ Евангеліи, такъ есть и гнѣвъ Божій противъ грѣха, всегда открывающійся съ неба, вслѣдствіе неизбѣжнаго дѣйствія предустановленныхъ законовъ Божіихъ, противъ всякаго нечестія и неправды тѣхъ, которые неправдою своею подавляютъ истину¹⁶⁴⁵), и такъ какъ міръ состоитъ главнымъ образомъ изъ язычниковъ, то апостолъ прежде всего и говоритъ о язычникахъ. Нѣкоторые могли думать, что ихъ невѣденіе Бога служило для нихъ извиненіемъ. Но это не такъ. Факты, которые лишаютъ ихъ возможности извиненія¹⁶⁴⁶), состоятъ въ томъ, во-первыхъ, что Богъ въ дѣйствительности открылся и имъ, и невидимыя свойства Его, — вѣчная сила и божество, — ясно были видимы въ Его дарахъ¹⁶⁴⁷); и во-вторыхъ, что хотя они знали Бога, однакоже, отрицая должную Ему славу и благодарность, они сами допустили себя погрузиться въ преступную тьму безсмысленнаго умышленія и въ карающее безуміе самовозвеличенной мудрости и самомнящей гордости падающей культуры, пока наконецъ не впали въ такую бездну духовнаго безсилія, которая доходила даже до идолослуженія гадамъ пресмыкающимся¹⁶⁴⁸); и въ-третьихъ,

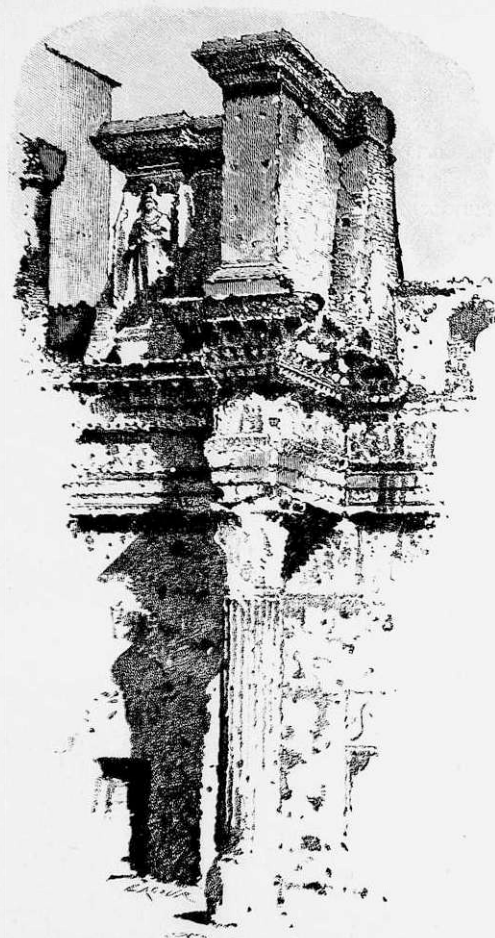
что умственная горделивость привела къ своему естественному результату и страшному наказанію—къ нравственному преступленію. Грѣхъ ихъ былъ неизвинителенъ, потому что онъ былъ произведеніемъ и возмездіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и естественнымъ плодомъ всеобщаго грѣха. Такъ какъ они преступно оставили Бога, то и Богъ предалъ ихъ нечестію ¹⁶⁴⁹). Сознательная ложь идолопоклонства сдѣлалась сознательнымъ позоромъ нечистоты. Эти «постыдныя страсти», которыми Богъ предалъ ихъ, растлили сердце человѣчества своимъ карающимъ тлѣномъ и заразили даже женщинъ своимъ позоромъ ¹⁶⁵⁰). Языческое общество, въ своемъ гнусномъ разложеніи, сдѣлалось одною отвратительною болѣзнью неестественнаго развращенія. Гангрена его вѣлалась въ самое сердце; міазмы его заразили воздухъ. Даже моралисты языческаго міра заражены были его развращеніемъ ¹⁶⁵¹). Богъ каралъ ихъ за это нравственное невѣдіе, попуская имъ падать еще глубже. Онъ наказалъ ихъ за презрѣніе, предавая ихъ еще большему презрѣнію. Простымъ слѣдствіемъ этого оставленія ихъ Богомъ было естественное имъ возмездіе, начинающееся даже въ этой жизни, вслѣдствіе чего ихъ нежеланіе познавать *Его* сдѣлалось *неспособностью* различать ¹⁶⁵²) самыя элементарныя свойства благородства и стыда. Поэтому сердца ихъ были отягчены всякимъ нечестіемъ, нечистотою на самыхъ низкихъ ея ступеняхъ; ненавистью въ самомъ худшемъ и сильномъ ея развитіи; безстыдствомъ, доходящимъ до преднамѣреннаго изысканія новыхъ видовъ зла ¹⁶⁵³); жестокостью и лживостью въ самыхъ отвратительныхъ проявленіяхъ. Но злѣйшимъ преступленіемъ, дальше котораго не можетъ уже идти самое преступленіе, было ужасающее развитіе нравственнаго зла, которое, не смотря на то, что они знаютъ о праведномъ судѣ Божіемъ, по которому дѣлающіе такіа дѣла достойны смерти ¹⁶⁵⁴), не только дѣлаютъ ихъ сами, но, съ демонскимъ злорадствомъ къ человѣческому паденію и человѣческому растлѣнію, положительно злорадствуютъ тѣмъ, которые также совершали такое зло. Грѣхъ, по справедливому замѣчанію, достигаетъ своей вершины, когда онъ возводится въ злыя *правила* и злыя *начала*. Тутъ порокъ не есть уже результатъ нравственной слабости или произведеніе худаго воспитанія, но порокъ добровольно принимаемый, со всѣми его послѣдствіями, порокъ, принимающій видъ самооправданія, порокъ, въ дѣйствительности вырабатываемый въ особую теорію, — некраснѣющее безстыдство Содомы въ ужасающемъ возрастаніи своего омерзительнаго грѣха ¹⁶⁵⁵).

Такъ ап. Павелъ бичевалъ дерзкую преступность языческой жизни. Для міра вообще, но особенно для тѣхъ вѣковъ переходности и увиданія, когда замѣчается внутреннее тяготѣніе къ языческимъ идоламъ, весьма полезно знать, что такое было язычество и къ чему оно стремилось. Міру полезно было, чтобы ему открыли разъ навсегда, какія черты выглядывали изъ-подъ улыбающейся маски, какое страдающее сердце, уязвленное ненавистью, напыщенное самоуслажденіемъ ¹⁶⁵⁶) билось подъ пурпурной одеждой. И въ описаніи ап. Павла нѣтъ ни одного обви-

ненія слишкомъ ужаснаго, нѣтъ ни одной краски слишкомъ темной. Онъ открываетъ намъ только то, что сами языческіе писатели, безъ всякаго смущенія, открываютъ намъ на тѣхъ страницахъ, на которыхъ они, подобно волнамъ взбаломученнаго моря, выворачиваютъ свою собственную грязь и тину (Іуд. 13; Ис. lvi, 20). Совершенно ложно утверждаютъ тѣ, которые говорятъ, что христіанство увеличило мрачность въ жизни человѣчества. Совершенно ложна мысль, что оно ослабило литературу, подорвало искусства. Въ этомъ отношеніи сущность его преднамѣренно извращалась. Правильно истолковываемое, оно не освящаетъ ни одной доктрины, ни одного такого начала, которымъ бы предполагалось уменьшить хотя одинъ счастливый импульсъ или омрачить хотя одно невинное удовольствіе. Оно лишь предостерегаетъ насъ противъ стремленія къ низшимъ и кратковременнымъ удовольствіямъ, какъ къ конечной цѣли. А таково именно и было роковое заблужденіе популярнаго въ то время идонизма. Сдѣланный ап. Павломъ очеркъ его нравственнаго растлѣнія и неизбѣжно слѣдовавшихъ за нимъ стыда и позора, есть новое и лучшее доказательство той истины, что «кто слѣдуетъ удовольствію, удовольствіе убиваетъ его, и гнѣвъ Божій раздражается надъ нимъ».

II. Исполнивъ такимъ образомъ одну сторону своей задачи, доказавъ виновность язычниковъ, апостолъ обращается къ іудеямъ. Но онъ дѣлаетъ это съ необычайнымъ тактомъ. Онъ не затрогиваетъ всѣхъ ихъ предразсудковъ, чтобы сразу же не возстановить ихъ противъ себя, а начинаетъ съ совершенно общаго положенія: «итакъ ¹⁶⁵⁷), невиннителенъ ты, всякій человѣкъ, судящій другаго». Это «итакъ» стремительно предвосхищаетъ то основаніе, почему тотъ, кто судитъ другихъ, невиннителенъ на этотъ разъ — именно потому, что онъ дѣлаетъ тоже самое. Онъ не говоритъ сразу, какъ могъ бы сказать: «вы, іудеи, такъ же невиннителны, какъ и язычники, потому что, судя ихъ, вы осуждаете самихъ себя, и хотя вы обыкновенно называете ихъ грѣшниками, вы и сами грѣшны не менѣе ихъ» ¹⁶⁵⁸). Это — заключеніе, которое онъ имѣетъ въ виду; но онъ хочетъ шагъ за шагомъ привести іудеевъ къ самоосужденію и притомъ къ дѣйствительному осужденію, а не въ его общемъ неопредѣленномъ значеніи ¹⁶⁵⁹). Онъ, конечно, говоритъ какъ объ іудеяхъ, такъ и объ язычникахъ *вообще*, не отрицая возможности исключеній. Но аргументацію противъ іудеевъ онъ долженъ выставить съ особенною тщательностью и постепенностью, потому что, ослѣпленные своими собственными преимуществами, они склонны были на себя совершенно иначе смотрѣть. Но они были менѣе извинительны, потому что были болѣе просвѣщены. Поэтому онъ начинаетъ словомъ «человѣкъ», а не «іудей», и спрашиваетъ воображаемую личность, къ которой онъ обращается, неужели онъ думаетъ, что Богъ сдѣлаетъ для него личное исключеніе въ своихъ неумолимыхъ опредѣленіяхъ? или неужели онъ намѣревается пренебрегать богатствомъ долготерпѣнія Божія, игнорируя ¹⁶⁶⁰), что единственное намѣреніе Его

привести къ покаянію,—и такимъ образомъ неужели онъ хочетъ собрать самому себѣ ужасное сокровище конечной гибели? Законъ Божій строгъ, универсаленъ,

Храмъ Минервы въ Римѣ.

безусловенъ. Въ силу его Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его ¹⁶⁶¹). Этотъ законъ поясняется двоякимъ приложеніемъ, которое, начинаясь и оканчиваясь наградой за добро и въ среднѣхъ предложеніяхъ вставляя наказаніе за грѣхъ ¹⁶⁶²), выражаетъ мысль, что это правило приложимо ко *всѣмъ*, причемъ апостолъ дважды повторяетъ, что оно приложимо сначала къ іудею, а потомъ и къ еллину, но къ іудею *вопервыхъ*, единственно вслѣдствіе его болѣе полнаго знанія и поэтому болѣе глубокой отвѣтственности. И упомянувъ такимъ образомъ имя іудея, онъ твердою рукою излагаетъ вѣчное правило (столь благословенное и однакоже столь поразительно новое для предубѣжденных народа, который, въ теченіе болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ, упивался оміамомъ духовнаго высокомерія), что *имѣть лицепріятія у Бога*: всякій народъ въ человечествѣ будетъ судимъ согласно съ его собственнымъ состояніемъ.

«Тѣ, которые, не имѣя закона, согрѣшили, виѣ закона и погибнуть; а тѣ, которые подъ закономъ согрѣ-

у язычниковъ; у іудеевъ — Моисеевъ законъ, у язычниковъ — естественный законъ, написанный на сердцахъ ихъ и достаточно ясный для того, чтобы въ день суда ¹⁶⁶³) обезпечить имъ оправданіе или осужденіе предъ прозорливымъ судомъ своей совѣсти въ согласіи съ рѣшеніемъ Христа судьи ¹⁶⁶⁴). Такимъ образомъ іудей и язычникъ стоятъ предъ Богомъ одинаково повинными, потому что одинаково осуждены за неисполненіе нравственнаго закона, который Богъ назначилъ имъ въ руководство въ ихъ жизни. Слово «*всѣ*», какъ справедливо замѣчено, есть господствующее слово всего посланія. *Всѣ* одинаково повинны, *всѣ* одинаково искушены, *всѣ* временно отвергнуты и *всѣ* наконецъ будутъ приняты. *Всѣ* наконецъ будутъ приведены къ живой гармоніи съ Богомъ, который есть надъ всѣми, чрезъ всѣхъ и во всѣхъ,—чрезъ котораго и отъ котораго все, и къ которому стремится все (Рим. v, 15—20; x, 12; 1 Кор. xv, 28; Кол. iii, 11; 2 Кор. v, 15; Евр. ii, 8 и проч.).

И затѣмъ ап. Павелъ обращается къ самодовольному іудею, который такимъ образомъ незамѣтно былъ какбы уловленъ логическимъ признаніемъ своей собственной виновности. Изобразивъ немногими чертами его самодовольное притязаніе на духовное, нравственное и умственное превосходство и затѣмъ оставивъ свою мысль неоконченною, апостолъ съ негодующимъ краснорѣчіемъ ставитъ вопросъ, въ которомъ уже нѣтъ никакого прикрытаго сарказма, а выступаетъ страшное обличеніе въ неотрицаемыхъ грѣхахъ. Онъ не употребляетъ ни одного слова открытой насмѣшки, не поноситъ слишкомъ яркимъ изображеніемъ слабостей, глупости и лицемерія фарисея, и однако же картина эта, сама по себѣ состоящая изъ выраженій совершенно изящныхъ и даже видимо изысканныхъ, поразительно рнеуетъ самомнящаго ханжу со всею его мнимою непогрѣшимостью, какбы высокомерно говорящей: «стань поодаль, потому что я святой тебя».

«Если же ¹⁶⁶⁵) ты называешься іудеемъ ¹⁶⁶⁶) и успокоиваешь себя закономъ ¹⁶⁶⁷), и хвалишься Богомъ, и знаешь волю Его, и разумѣешь лучше ¹⁶⁶⁸), научаясь изъ закона, и увѣренъ о себѣ, что ты путеводитель слѣпыхъ, свѣтъ для находящихся во тьмѣ, наставникъ неувѣждъ, учитель младенцевъ, имѣющей въ законѣ образъ вѣдѣнія и истины, какъ же ты, уча другаго, не учишь самого себя? Проповѣдуя не красть, крадешь? Говоря: не прелюбодѣйствуй, прелюбодѣйствуешь ¹⁶⁶⁹)? гнушаясь идоловъ, святотатествуешь ¹⁶⁷⁰)? хвалишься закономъ, а преступленіемъ закона безчестишь Бога? ибо (и здѣсь апостолъ оставляетъ вопросительный оборотъ рѣчи, чтобы произнести на нихъ категорическое осужденіе, которое тогда было такъ же справедливо, какъ и во дни приводимаго пророка) «ради васъ, какъ написано, имя Божіе хулился у язычниковъ» ¹⁶⁷¹). Они полагались на жертвы и приношенія, на десятины и филakterіи, на омовенія и *мезузозы*, но «*omnia vanitas praeter amare Deum et illi soli servire*» — «все пустота, кромѣ любви къ Богу и служенія Ему»,—и это то важнѣйшее постановленіе закона они совершенно забывали при тщательномъ исполненіи его

самых ничтожных мелочей. Въ дѣйствительности различіе между язычествомъ и іудействомъ предъ Богомъ состояло въ различіи между порокомъ и грѣхомъ. Іудеи были виновны въ грѣхѣ нарушенія прямыхъ и явныхъ заповѣдей; язычники ниспали на уровень извращенной природы. Язычники были наказаны за неестественное извращеніе истиннаго порядка міра тѣмъ, что они извратили всѣ естественныя отношенія и такимъ образомъ подверглись нравственному самоуничтоженію; а іудеи были допущены къ самому святилищу и такимъ образомъ повинны были въ болѣе глубокомъ святотатствѣ¹⁶⁷³).

Отъ этой пылкой напряженной рѣчи апостолъ переходитъ (весьма характеристическимъ для его стиля способомъ) къ болѣе спокойному тону. «Но»—какъ могъ возразить иной іудей съ упрямымъ предубѣжденіемъ богословскаго самоувѣрія, которое переходило у нихъ въ непобѣдимое убѣжденіе—«но мы *обрѣзаны*! Ты конечно, не ставишь насъ на одинъ уровень съ необрѣзанными—съ собаками и грѣшниками-язычниками»? На такое возраженіе, касающееся совершенно второстепеннаго пункта, хотя бы сами іудеи и придавали ему съ своей стороны необычайную важность, ап. Павелъ теперь можетъ дать совершенно рѣшительный отвѣтъ, потому что онъ изумительною силою аргументаціи уже лишилъ ихъ всякаго истиннаго преимущества и подвелъ ихъ подъ общее осужденіе. Поэтому онъ отвѣчаетъ словами, которыя, какъ ни спокойны и ни серьезны сами по себѣ, для іерусалимскаго фарисея звучали язвительнымъ парадоксомъ.

«Обрѣзаніе полезно, если исполнять законъ; а если ты преступникъ закона, то обрѣзаніе твое *стало необрѣзаніемъ*¹⁶⁷³). И такъ, если необрѣзанный соблюдаетъ постановленіе закона, то его необрѣзаніе не вмѣняется ли ему въ обрѣзаніе?¹⁶⁷⁴). И необрѣзанный по природѣ, исполняющій законъ, не осудитъ ли тебя, преступника закона при писаніи и обрѣзаніи? Ибо не тотъ іудей, кто таковъ по наружности, и не то обрѣзаніе, которое наружно, на плоти; но тотъ іудей, кто внутренно таковъ, и то обрѣзаніе, которое въ сердцѣ, по духу, а не по буквѣ; ему и похвала не отъ людей, но отъ Бога» (п. 25—29).

IV.

Возраженія и подтвержденіе.

Дѣлами закона не оправдается предъ
Нимъ никакая плоть. Рим. III, 20.

Доселѣ такимъ образомъ, какъ фактами, такъ и теоріей, ап. Павелъ показывалъ, что іудеи и язычники равны предъ Богомъ: одинаково виновны и одинаково искуплены. Но здѣсь іудей могъ съ ужасомъ воскликнуть: неужели же іудей не имѣетъ никакого преимущества? неужели обрѣзаніе не приноситъ никакой пользы?

Ап. Павелъ на это дѣлаетъ охотную уступку и отвѣчаетъ: у нихъ есть «великое преимущество во всѣхъ отношеніяхъ. А наипаче въ томъ, что имъ вѣрено слово Божіе». Результатомъ этого преимущества было то, что іудей стоялъ на болѣе высокой ступени религіознаго сознанія, чѣмъ язычникъ. Іудейство было религіей откровенія и поэтому религіей обѣтованія; а слѣдовательно религіей, которая прообразовательно и символически содержала элементы христіанства; религіей идеи, которая осуществилась въ христіанствѣ. Христіанство было въ дѣйствительности одухотворенное іудейство, переходъ отъ обыкновеннаго рабства къ свободѣ, отъ дѣтства къ совершеннолѣтію, отъ плоти къ духу; но даже съ этой стороны іудейство было, вслѣдствіе сокровища своего откровенія, подготовленіемъ къ безусловной религіи¹⁶⁷⁵). Это было его первымъ преимуществомъ. Что апостолъ могъ бы прибавить къ этому во-вторыхъ и въ-третьихъ, можно заключить изъ послѣдующаго намека (ix, 4, 5). Но въ этомъ пунктѣ онъ уклоняется отъ своего предмета въ сторону, стараясь скорѣе показать, что его прежніе доводы не указываютъ на оставленіе Богомъ Его великихъ обѣтованій. Это можно бы выставить въ качествѣ возраженія на то, что онъ говорилъ. Онъ отвѣчаетъ на это однимъ словомъ: «Ибо что же? если нѣкоторые изъ іудеевъ и невѣрны были, такъ неужели ихъ невѣрность уничтожаетъ вѣрность Божію? Совсѣмъ нѣтъ»¹⁶⁷⁶). Какъ священное писаніе, такъ и разумъ указываютъ на вѣрность Божію, хотя бы лживъ былъ всякій человѣкъ. Ужасъ, съ которымъ апостолъ отвергаетъ самую мысль, чтобы Богъ оказался невѣрнымъ, мѣшаетъ ясности его дѣйствительнаго отвѣта. Онъ заключается въ словѣ «нѣкоторые». Обѣтованія Божіи истинны; истинны народу, какъ народу, потому что *нѣкоторые* были уничтожены нравственнымъ непослушаніемъ, имѣющимъ свой корень въ невѣріи, но для всѣхъ истинныхъ іудеевъ обѣтованія эти непреложны (III, 1—4).

Могло бытъ выставлено еще болѣе смѣлое возраженіе. «Всѣ люди, ты говоришь, виновны. Если же наша неправда открываетъ правду Божію, то что скажемъ: не будетъ ли Богъ несправедливъ, когда изъясняетъ гнѣвъ»? Апостолъ останавливается на самой срединѣ этого возраженія и, какъ бы извиняясь даже за то, что онъ формулируетъ столь богохульственную мысль, прибавляетъ: «говорю по человѣческому разсужденію»¹⁶⁷⁷), «эти мысли не мои»; и затѣмъ съ негодованіемъ отвергаетъ самую эту мысль: «никакъ! ибо иначе какъ Богу судить міръ?»¹⁶⁷⁸). Подкрѣпившись такимъ образомъ этимъ, такъ сказать, *reductio ad absurdum* и очищенный нравственнымъ оправданіемъ, онъ шагъ за шагомъ слѣдуетъ за этой безбожной логикой до ея послѣдняго вывода: «ибо если вѣрность Божія возвышается моею невѣрностью къ славѣ Божіей, за что еще меня же судить, какъ грѣшника? и не дѣлать ли намъ зло, чтобы вышло добро, какъ нѣкоторые злословятъ насъ и говорятъ, будто мы такъ учимъ»? На это чудовищное извращеніе его ученія онъ не намѣренъ давать дальнѣйшаго отвѣта. Какъ въ природѣ, такъ и въ богословіи есть свои антиноміи. Отно-

сительная истинность доктринъ, ихъ истинность въ отношеніи человѣчества, не нарушается тѣмъ, что ихъ отодвигаютъ въ область абсолютнаго, и показываютъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ противорѣчіе, если ихъ низвести на силлогизмы. Мы не можемъ истины конечнаго и временнаго отодвигать въ область безконечнаго и вѣчнаго. Изложенное силлогистически существованіе зла можетъ считаться доказательствомъ или слабости или жестокости Бога; но такіе силлогизмы, помимо всякаго отвѣта на нихъ, отвергаются какъ бессмысленные и печетивные вѣрою и сознаниемъ человѣчества. Простое изложеніе нѣкоторыхъ возраженій есть самое дѣйствительное ихъ опроверженіе. Оно покажетъ, что въ нихъ заключается очевидная нелѣпость. Какъ бы ни были они правильны въ логическомъ отношеніи, въ нравственномъ они такъ отвратительны, духовно такъ ложны, что молчаніе есть единственный отвѣтъ, котораго заслуживаютъ они. А таково именно и есть только что изложенное ап. Павломъ возраженіе. Достаточно просто отвергнуть его съ чувствомъ ужасающаго отвращенія, тѣмъ *horror naturalis*, при которомъ достаточно одного *mihi uero*. Достаточно просто отвергнуть его, какъ мы отвергли бы самоочевидное зло. Нѣкоторые говорили, будто ап. Павелъ училъ гнусной лжи, что можно грѣшить ради опыта; или грѣшить для того, чтобы увеличить искупляющую славу Христову; или что цѣль оправдываетъ средства; или что мы можемъ дѣлать зло, чтобы вышло добро. Но на всѣ эти нелѣпыя злословія ап. Павелъ находить нужнымъ сказать только одно, именно, что «праведенъ судъ на таковыхъ» (III, 5—8).

На какое же преимущество можетъ ссылаться въ такомъ случаѣ іудей¹⁶⁷⁹⁾? Рѣшительно ни на какое! Не смотря на всѣ возраженія, какъ іудей, такъ и язычникъ одинаково оказываются подъ грѣхомъ. Здѣсь можно бы закончить этотъ отдѣлъ доказательства, и на доказанномъ фактѣ человѣческой исторіи ап. Павелъ могъ бы основать богословіе своего Евангелія. Но ни ему самому, ни его читателямъ доказательство это не могло казаться полнымъ безъ подтвержденія его священнымъ писаніемъ ветхаго завета. Поэтому онъ приводитъ рядъ отрывочныхъ мѣстъ изъ пятого, девятого, тринадцатаго, сто тридцать девятого псалмовъ, изъ пятидесятой главы пророка Исаи, значеніе которыхъ въ этомъ случаѣ основывается на употребленіи въ нихъ слова «всѣ», подъ которымъ разумѣются какъ язычники, такъ и іудеи. Законъ (подъ которымъ здѣсь разумѣется ветхій заветъ вообще) долженъ *включать* іудеевъ, потому что онъ специально *обращенъ* къ іудеямъ. Слѣдствіемъ закона является то, «что заграждаются всякія уста и *весь міръ* становится виновенъ предъ Богомъ»; виновенъ потому¹⁶⁸⁰⁾, что дѣлами закона¹⁶⁸¹⁾—слѣдствіе того именно, что ни іудей, ни язычникъ не повиновались ему — никакая плоть не оправдается предъ Богомъ. Такимъ образомъ апостолъ исполнилъ половину своей задачи. Прежде чѣмъ онъ могъ доказать свое положеніе (I, 17), что въ Евангеліи открывалось оправданіе вѣрою, ему сначала необходимо было доказать, что оправданіе не могло быть достигнуто никакими дру-

гими средствами. «Ибо», — говоритъ онъ, вводя здѣсь мысль, которая потомъ подробно доказывается въ его посланіи, «закономъ познается грѣхъ»¹⁶⁸²⁾.

V.

ОПРАВДАНІЕ ВѢРОЮ.

Человѣкъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣла закона. Римл. III, 28.

III. «Но нынѣ, — говоритъ онъ, и этимъ начинается одна изъ самыхъ знаменитыхъ страницъ во всѣхъ посланіяхъ ап. Павла, — «независимо отъ закона (котораго никто не исполнялъ) явилась правда Божія, о которой свидѣлствуютъ законъ и пророки». Сущность этого свидѣтельства онъ показываетъ послѣ, а теперь останавливается для того, чтобы дать болѣе полное и исчерпывающее опредѣленіе того, что онъ разумѣетъ подъ «правдой Божіей». «Правда Божія чрезъ вѣру въ Иисуса Христа во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ: ибо нѣтъ различія; потому что всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей, получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христѣ Иисусѣ, котораго Богъ предложилъ въ жертву умиловленія¹⁶⁸³⁾ въ крови Его чрезъ вѣру, для показанія правды Его въ прощеніи грѣховъ, содѣланныхъ прежде, во время долготерпѣнія Божія, къ показанію правды Его въ настоящее время, да *явится* Онъ праведнымъ и оправдывающимъ вѣрующаго въ Иисуса»¹⁶⁸⁴⁾.

Остановимся нѣсколько для того, чтобы перечислить отдѣльныя истины этого великаго положенія. Предъ нами раскрываются:

- 1) *Оправданіе*, — новое отношеніе примиренія между человѣкомъ и Богомъ.
- 2) *Вѣра*, — всецѣло преданное принятіе человѣкомъ дара Божія, восходящее до безусловной самопреданности, завершающейся личнымъ единеніемъ со Христомъ и дѣйствующее внутри его въ качествѣ духа новой жизни.
- 3) *Всегообщность* этого оправданія вѣрою, — возможность, предлагаемая всѣмъ, потому что въ немъ чувствуется нужда всѣмъ.
- 4) Это средство спасенія *дано*, а не *приобрѣтено*, и не можетъ быть *приобрѣтено*; оно есть свободный даръ милости или благодати Божіей.
- 5) Цѣль этой вѣры, источника спасенія, есть *жизнь и смерть Христа*, какъ а) искупленіе, т. е. выкупъ человѣчества отъ прямого рабства закону, грѣху и наказанію; и б) какъ умиловительная жертва¹⁶⁸⁵⁾ не въ отношеніи Бога (исключая грубаго, несовершеннаго и сбивающаго съ толку антропоморфизма), но съ конечной и несовершенной точки зрѣнія человѣка; и поэтому апостолъ

прибавляетъ, что Христосъ дѣлается такимъ *для насъ* посредствомъ вѣры въ Его кровь.

6) Основаніе для этого—откровеніе правды Божіей, которая могла бы иначе быть заподозрѣна вслѣдствіе отпущенія прежнихъ грѣховъ.

7) Имѣющаяся въ виду *цѣль*—чтобы въ совершенномъ согласіи съ правдою Богъ могъ оправдать всѣхъ, новая жизнь которыхъ коренится въ вѣрѣ.

Самовосхваленіе поэтому невозможно, такъ какъ не существуетъ заслуги. Дѣлами она недостижима, и въ тоже время исключается самымъ понятіемъ *отры*. Это одинаково истинно какъ въ отношеніи іудея, такъ и въ отношеніи язычника, и оправданіе есть свободный даръ Божій человѣку, какъ человѣку ¹⁶⁸⁶⁾, потому что онъ одинъ есть Богъ какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ. Для іудея вѣра есть источникъ, для язычника—орудіе этого оправданія ¹⁶⁸⁷⁾.

Но здѣсь нужно было опровергнуть новое возраженіе. Иудей могъ сказать: «но этой вѣрой ты уничтожаешь законъ»—разумѣя подъ закономъ весь Моисеевъ законъ и вообще ветхій заветъ, какъ содержащій исторію избраннаго народа. Напротивъ, отвѣчаетъ ап. Павелъ, я устанавливаю его на твердомъ основаніи (III, 31; см. VI; VIII, 4; XIII, 10), потому что я выставляю его въ истинномъ свѣтѣ, открывая его въ его истинныхъ отношеніяхъ; показывая, что онъ есть божественно необходимая часть высшей системы; усугубляя его духовность; дѣлая возможнымъ радостное повиновеніе его требованіямъ; указывая его божественное исполненіе. Я показываю, что сознаніе грѣха, явившись съ закономъ, есть необходимое подготовленіе къ принятію благодати. Но начнемъ съ самаго начала. Пойдемъ отъ Моисея даже къ Аврааму. Что же Авраамъ, отецъ нашъ, приобрѣлъ дѣлами? ¹⁶⁸⁸⁾. Своими дѣлами онъ ничего не приобрѣлъ предъ Богомъ, какъ ап. Павелъ и доказываетъ стихомъ, что «повѣрилъ Авраамъ Богу и это вмѣнилось ему въ праведность» ¹⁶⁸⁹⁾. Слово «вмѣнилось» повторяется одиннадцать разъ въ этой главѣ, есть основная нота всего этого мѣста и имѣетъ наибольшую важность въ дѣлѣ аргументаціи съ іудеями, которые думали, что Авраамъ повиновался закону даже прежде, чѣмъ онъ данъ былъ ¹⁶⁹⁰⁾. Для насъ оно имѣетъ лишь второстепенно значеніе, такъ какъ апостолъ не *выводилъ* своихъ взглядовъ изъ этихъ соображеній, а открывалъ истины, почерпнутыя имъ въ тѣхъ мѣстахъ, которые, пока онъ не истолковывалъ ихъ такимъ образомъ, повидимому не заключали въ себѣ этого глубочайшаго значенія. Нужно, говорить Де-Веттэ, не мало проницательности для того, чтобы соединить высшую точку религіознаго развитія съ историческимъ пунктомъ, на которомъ начался рядъ ступеней религіознаго развитія. «Воздаяніе дѣлающему», доказываетъ ап. Павелъ, «вмѣняется не по милости, но по долгу»; но вѣра Авраама была вмѣнена ему въ праведность, равно какъ и всѣмъ, которые вѣруютъ въ Того, кто оправдываетъ нечестиваго. «Такъ и Давидъ называетъ блаженнымъ человѣка, которому Богъ вмѣняетъ праведность, независимо отъ дѣлъ»; но это вмѣненіе не имѣетъ никакого отношенія къ обрѣзанію,

потому что фраза эта употребляется еще раньше, чѣмъ былъ обрѣзанъ Авраамъ, и обрѣзаніе было только печатью, *знакомъ* ¹⁶⁹¹⁾ праведности, вмѣненной ему по его вѣрѣ, дабы онъ считался «отцемъ вѣрующихъ», будутъ ли они обрѣзаны или не обрѣзаны. Закономъ ли дано Аврааму то великое обѣтованіе, на которое рассчитывали всѣ іудеи? Нѣтъ, и именно по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, обѣтованіе это было гораздо раньше закона и было бы совершенно уничтожено, если бы было поставлено въ зависимость отъ послѣдующаго закона; и во-вторыхъ, законъ причиняетъ чувство грѣховности (VII, 2 и слѣд.) и такимъ образомъ производитъ гнѣвъ, а не обѣтованіе. Отсюда сила вѣры Авраамовой проявилась въ томъ, что онъ ожидалъ исполненія обѣтованія Божія, не смотря на преклонность своего собственного возраста и возраста Сарры ¹⁶⁹²⁾, и она то вмѣнилась ему въ праведность; и объ этомъ передано намъ, потому что вѣра, обѣтованіе и рожденіе не просто историческія обстоятельства, но всѣ имѣютъ духовное значеніе, благословенное для всѣхъ «вѣрующихъ въ Того, кто воскресилъ изъ мертвыхъ Иисуса Христа, Господа нашего, который преданъ за грѣхи наши и воскресъ для оправданія нашего» ¹⁶⁹³⁾.

Этимъ образомъ доказано, что ученіе объ оправданіи не противно писанію и не уничтожаетъ, но на самомъ дѣлѣ устанавливаетъ законъ; и въ послѣднемъ стихѣ искусно вводится новое понятіе о смерти Христовой за наши грѣхи и о Его воскресеніи для вмѣненія намъ праведности, то понятіе, которое подробно развивается въ послѣдующихъ главахъ.

Но сначала, доказавъ этотъ пунктъ, апостолъ останавливается на его великихъ послѣдствіяхъ, которые могутъ быть выражены двумя словами: миръ и надежда.

Они разсматриваются вмѣстѣ. Мы имѣемъ миръ ¹⁶⁹⁴⁾, потому что чрезъ Христа имѣемъ доступъ къ свободной благодати Божіей, и можемъ не только наслаждаться надеждою на будущее, но даже и радоваться при скорбяхъ настоящаго, потому что онъ внушаетъ надежду, такъ какъ отъ скорби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія—опытность, отъ опытности—надежда (Матѣ. V, 10—12; Дѣян. V, 41; 1 Петр. IV, 13, 14; 2 Кор. XII, 10, 11). Вѣрность нашей надежды зависитъ отъ любви Божіей, излитой въ наши сердца Духомъ Его Святымъ, и она дѣлается несомнѣнною для насъ, потому что съ неизвѣстнымъ для человѣчества подвигомъ самопожертвованія ¹⁶⁹⁵⁾ Христосъ умеръ за насъ, не ради какой-либо праведности, а еще менѣе какого-либо достоинства нашего, но потому, что мы были грѣшниками и вратами. И такъ какъ мы примирены съ Богомъ Его смертію, то тѣмъ болѣе, примирившись, спасемся жизнью Его, такъ что наша надежда, основанная на этомъ примиреніи съ Богомъ, станетъ еще больше предметомъ хвалы съ нашей стороны ¹⁶⁹⁶⁾. Нашъ миръ поэтому есть непосредственное чувство, не требующее внѣшняго доказательства; и наша надежда основывается на любви Божіей, удовлетворяемой для насъ тремя способами, именно: смертію Христа за

насть, когда мы еще были врагами Божиими; твердостью въ перенесеніи скорбей и видимостью благословеннаго плода ихъ и, главнѣе всего, единеніемъ со Христомъ въ жизни и смерти (v, 1—12).

Мысль о всеобщности грѣха и всеобщности оправданія приводитъ ап. Павла къ одному изъ его великихъ очерковъ религіозной исторіи человѣчества. Для него эта исторія сосредоточивается въ трехъ великихъ моментахъ, связанныхъ съ жизнью Адама, Моисея и Христа, изъ которыхъ миссія Моисея была наименѣе важною. Эти три имени соответствуютъ тремъ ступенямъ религіозной исторіи міра—обѣтованію, закону и вѣрѣ, изъ которыхъ третья есть осуществленіе первой. Адамъ былъ прообразомъ Христа, и каждый изъ нихъ стоитъ какбы во главѣ длиннаго ряда потомковъ. Каждый представляетъ начало цѣлой эпохи. Перво-родный грѣхъ Адама породилъ грѣховное начало, отъ котораго никто не могъ освободиться въ его потомствѣ; а Христосъ ввелъ возможность новаго и спасительнаго начала, необходимость котораго стала очевидною вслѣдствіе закона Моисея. Здѣсь однако же, какъ замѣчается и въ другихъ мѣстахъ, логическое изложеніе не полно и запутано, и именно вслѣдствіе необычайно быстрого теченія мыслей апостола¹⁶⁹⁷).

«Посему, какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ, и грѣхомъ—смерть, такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили»¹⁶⁹⁸),—къ чему апостоль вѣроятно хотѣлъ прибавить, въ качествѣ второй половины параллели—*«такъ равно однимъ человѣкомъ пришло оправданіе и такимъ образомъ жизнь была возвращена всѣмъ»*. Окончаніе этой мысли было однако же устранено желаніемъ скорѣе разъяснить одно затрудненіе. Онъ сказалъ: «всѣ согрѣшили». Но нѣкоторые могли возразить: «какъ же такъ? ты уже сказалъ намъ, что гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ и преступленія; какъ же могли грѣшнить люди между Адамомъ и Моисеемъ»? Отвѣтъ на это далеко не ясенъ для пониманія. Ап. Павелъ могъ бы сослаться на законъ природы, преступленіе котораго влечетъ за собою грѣхъ; но онъ просто говорить: «ибо и до закона грѣхъ былъ въ мірѣ: но грѣхъ не вѣняется, когда нѣтъ закона». Если бы онъ сказалъ: «грѣхъ не приводится къ самосознанію», его мысль была бы вѣстѣ и ясна, и послѣдовательна; но употребленный имъ глаголъ (*ἐλλογῆται*) не допускаетъ этого смысла. Быть можетъ мы можемъ принять это слово въ томъ ходячемъ смыслѣ, что «онъ не такъ полно признается или вѣняется»,—взглядъ, который можетъ находить поясненіе въ замѣчаніи Спасителя, что грѣхъ Содомы и Гоморры былъ менѣе непростителенъ, чѣмъ грѣхъ Хоразина и Виисаиды. Повидимому, онъ хотѣлъ выставить различіе между «грѣхомъ» въ общемъ смыслѣ и «преступленіемъ» какаго либо особаго закона или законовъ въ частности¹⁶⁹⁹). «Всякій грѣхъ», какъ говоритъ Ѳома Аквинатъ, «можетъ быть названъ преступленіемъ настолько, насколько имъ претупается естественный законъ; но гораздо важнѣе претупать вѣстѣ и законъ естественный, и законъ писанный. И такимъ образомъ, когда

данъ законъ, преступленіе усиливается и заслуживаетъ большаго наказанія». Но единственное доказательство, представляемое ап. Павломъ для того, что грѣхъ былъ и во время этого періода, заключается въ томъ, что въ теченіе его также царствовала смерть¹⁷⁰⁰). Когда однако же онъ переходитъ отъ этого нѣсколько темнаго отвѣта (13, 14) для того, чтобы показать, какъ Адамъ былъ прообразомъ Христа, мысль его опять становится ясною. Онъ прежде всего останавливается на пунктахъ различія (15—18) и затѣмъ на пунктахъ сходства (18, 19). Результаты, произведенные Адамомъ и Христомъ, различаются между собою и качественно, и количественно, различаются какъ по степени, такъ и по роду.

1. Преступленіемъ Адама подверглись смерти многіе. Но въ гораздо большей степени преизбыточествуетъ для многихъ свободная благодать Христова¹⁷⁰¹).

2. Осужденіе рода человѣческаго на смерть произошло отъ *единичнаго* преступленія одного человѣка; оправданіе свободно давалось вопреки *многимъ* преступленіямъ.

3. Вслѣдствіе преступленія Адама началось царство *смерти*; но всѣ пріемлющіе обиліе благодати и даръ праведности гораздо болѣе будутъ царствовать въ жизни посредствомъ единого Иисуса Христа. Но вмѣстѣ съ этими различіями есть также и глубокое сходство. За однимъ преступленіемъ (грѣхомъ Адама) слѣдуетъ и одно осужденіе для всѣхъ; за однимъ актомъ правды (смертію Христа) слѣдуетъ и одно оправданіе, дающее жизнь всѣмъ; непослушаніемъ одного¹⁷⁰²) сдѣлались грѣшниками многіе¹⁷⁰³); послушаніемъ одного многіе сдѣлаются праведными (12—20). Такимъ образомъ ап. Павелъ въ этомъ мѣстѣ излагаетъ происхожденіе грѣха; но какъ бы онъ ни разрѣшалъ антиноміи его *родовой* необходимости и *индивидуальнаго* происхожденія, что онъ оставляетъ неразрѣшеннымъ, онъ несомнѣнно былъ бы готовъ сказать съ псевдо-Варухомъ, что «каждый изъ насъ есть Адамъ для своей собственной души».

Но здѣсь еще разъ возникаетъ вопросъ: что же станется съ закономъ? Неужели это божественное откровеніе окончится ничѣмъ? На этотъ вопросъ ап. Павелъ уже далъ одинъ отвѣтъ въ посланіи къ Галатамъ; теперь онъ даетъ другой, который, до своего полнаго объясненія, могъ бы произвести смущеніе. Галатамъ онъ объяснялъ, что до-мессіанскій періодъ былъ *tirosinium* міра и что въ теченіе этого періода законъ былъ необходимъ какъ педагогическое руководство. Римлянамъ онъ представляетъ новую точку зрѣнія и показываетъ, что законъ былъ не только необходимымъ звеномъ между обѣтованіемъ и его исполненіемъ, но и существеннымъ факторомъ въ религіозномъ развитіи міра. Онъ выставляется со стороны «силы грѣха», съ той именно стороны, съ которой онъ, давая познаніе о грѣхѣ, могъ стать посредникомъ между грѣхомъ и благодатью. «Законъ», говоритъ апостоль, пришелъ (употребленное имъ при этомъ слово имѣетъ почти унижающій смыслъ¹⁷⁰⁴), который, вѣроятно, не имѣлся имъ въ виду), чтобы умножилось преступленіе». Ужасная въ самомъ дѣлѣ цѣль, и онъ объясняетъ

ее впоследствии (vii): но даже здѣсь онъ спѣшитъ прибавить, что гдѣ умножился грѣхъ, тамъ стала преизобиловать благодать, что какъ грѣхъ царствовалъ къ смерти, такъ и благодать воцарилась чрезъ праведность къ жизни вѣчной Иисусомъ Христомъ Господомъ нашимъ¹⁷⁰⁵).

Слѣдующая глава (vi) имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ въ ней излагается возраженіе, которое могло казаться столь ужаснымъ, и показывается, какъ относиться къ этой видимой несообразности. Если благодать преизбыточествуетъ надъ грѣхомъ, то почему намъ не продолжать оставаться въ грѣхѣ? Отвергнувъ эту мысль своимъ обычнымъ рѣшительнымъ отвѣтомъ «никакъ», апостолъ переходитъ въ этой главѣ къ доказательству, сначала въ таинственномъ (vi, 1—15) и затѣмъ въ болѣе общедоступномъ изложеніи (15—23), нравственныхъ слѣдствій своего ученія. Въ первой половинѣ этой главы онъ пользуется метафорой смерти, въ послѣдней—метафорой *освобожденія*, для того, чтобы выяснитъ мысль, что между христіаниномъ и грѣхомъ нѣтъ ничего общаго.

Съ общей теоретической точки зрѣнія излишне и говорить христіанину о томъ, чтобы онъ не грѣшилъ; онъ *мертъ* для грѣха; самое названіе «избранный» или «святой» исключаетъ всякую мысль о грѣхѣ, потому что христіанинъ находится «во Христѣ». Это слово выражаетъ самую сущность всего, что есть наиболее отличительнаго въ богословіи ап. Павла, и однакоже оно совершенно тождественно съ основною мыслью ап. Іоанна, который (какъ намъ предлагаютъ думать беззапѣтчивые критики) будто бы издѣвается надъ нимъ въ Апокалипсисѣ какъ надъ Валаамомъ и Іезавелью, какъ надъ фальшивымъ іудеемъ и ложнымъ апостоломъ! Что въ выраженіи — «во Христѣ» заключается самая тайна, открытое таинство христіанской жизни, особенно какъ о ней учатъ апостолы Павелъ и Іоаннъ, это самоочевидно для всякаго мыслящаго читателя. Если это таинственное единеніе, къ которому то и дѣло обращаются оба апостола, выражено ап. Павломъ въ иносказаніи о камняхъ въ храмѣ, для котораго Христосъ есть основаніе (Ефес. ii, 19—22; см. 1 Петр. ii, 5; Ис. xlviii, 16), о членахъ тѣла, котораго Христосъ есть глава (Рим. xii, 5; Ефес. iv, 16; 1 Кор. xii, 12, 13, 27; Кол. i, 18), то ап. Іоаннъ приводитъ иносказаніе (на которое намекаетъ также и ап. Павелъ) о вѣтвяхъ и лозѣ виноградной (Іоан. xv, 5; Рим. vi, 5; Фил. i, 11), и оба апостола безъ всякаго образа, то и дѣло заявляютъ, что христіанская жизнь есть жизнь духовная, жизнь сверхъестественная, такая, какою мы можемъ жить только вѣрою, единеніемъ и участіемъ въ жизни Сына Божія (2 Кор. v, 17; Рим. vi, 8; Гал. ii, 20; Ефес. iii, 6; Кол. iii, 3; Іоан. x, 28; xiv, 19; xv, 4—10; 1 Іоан. v, 20; ii, 24 и проч.). Въ воззрѣніи обоихъ апостоловъ Христосъ есть наша жизнь и помимо Его мы не имѣемъ истинной жизни (Іоан. iii, 27; v, 24; xi, 25; xiv, 20; Гал. ii, 20; Кол. iii, 4; 1 Іоан. i, 1; v, 12 и проч.). Ап. Павелъ затѣмъ любитъ метафору объ облеченіи во Христа, какъ въ одѣяніе, объ облеченіи въ новаго человѣка (Гал. iii, 27; Рим. xiii, 14; Ефес. iv, 24; Кол. iii, 10), о преображеніи въ образъ славы Его

(2 Кор. iii, 18). Вообще слова «во Христѣ» и «со Христомъ» самыя частыя и употребительныя у него выраженія. Мы трудимся для Него, живемъ въ Немъ, умираемъ въ Немъ, возстаемъ въ Немъ и оправдаемся въ Немъ. Мы овцы Его, ученики Его, воины Его и слуги Его.

Такъ какъ жизнь христіанина сокрыта со Христомъ въ Богѣ, то и его смерть со Христомъ есть смерть для грѣха, его воскресеніе со Христомъ есть воскресеніе къ жизни. Погруженіе подъ воду крещенія есть единеніе съ смертію Христа; выходъ изъ воды крещенія есть воскресеніе съ Христомъ и рожденіе къ новой жизни. Что крещеніе для отдѣльнаго лица, то смерть Христова для всего рода человѣческаго. Если христіанинъ *соединился съ Христомъ въ Его смерти*, то онъ соединится также съ Нимъ и въ Его воскресеніи¹⁷⁰⁶). Древнее рабствующее грѣху челоуѣчество распято со Христомъ и новый челоуѣкъ оправданъ отъ грѣха, потому что онъ мертвъ для него и живетъ во Христѣ. Это идеалъ. Живите по нему. Свергните грѣхъ, который властвуетъ надъ вашей немощной природой. «Не предавайте членовъ вашихъ грѣху въ орудія неправды, но представьте¹⁷⁰⁷ себя Богу, какъ ожившихъ изъ мертвыхъ, и члены ваши Богу въ орудія праведности. Грѣхъ не долженъ надъ вами господствовать, ибо вы не подъ закономъ, но подъ благодатію» (vi, 1—15). «Умрите для грѣха, умрите для похоти, умрите для вашего стараго, рабскаго тѣлннаго я, умрите для побужденій животной страсти и самовластія мірскихъ желаній; потому что Христосъ умеръ также, и вы соединяетесь съ Нимъ въ смерти для того, чтобы соединиться съ Нимъ и въ жизни». Но эти слова опять выдвигаютъ призракъ стараго возраженія. «Что же, станемъ ли грѣшить, потому что мы не подъ закономъ, а подъ благодатію»? И это возраженіе ап. Павелъ опять отвергаетъ тѣмъ же самымъ аргументомъ, покрѣпляемымъ болѣе очевидной и менѣе таинственной иллюстраціей, въ которой онъ разъясняетъ изреченіе Спасителя: «не можете служить двумъ господамъ». Челоуѣкъ долженъ быть или рабомъ грѣха, или рабомъ послушанія въ праведность¹⁷⁰⁸). Благодареніе Богу! вы уже освобождены отъ этого прежняго рабства грѣху, когда вы подчинились тому ученію, которое дано вамъ провидѣніемъ Божиимъ; и затѣмъ, если изъ снисхожденія къ вашей челоуѣческой слабости я могу воспользоваться несовершеннымъ выраженіемъ, «вы стали рабами праведности»¹⁷⁰⁹). Плодомъ того прежняго рабства были позоръ и бѣдствіе. Заключеніемъ его была смерть. Это же новое рабство Богу есть совершенная свобода. Плодъ его «есть святость, а конецъ вѣчная жизнь, ибо возмездіе за грѣхъ—смерть, а даръ Божій—жизнь вѣчная во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ» (vi, 15—23).

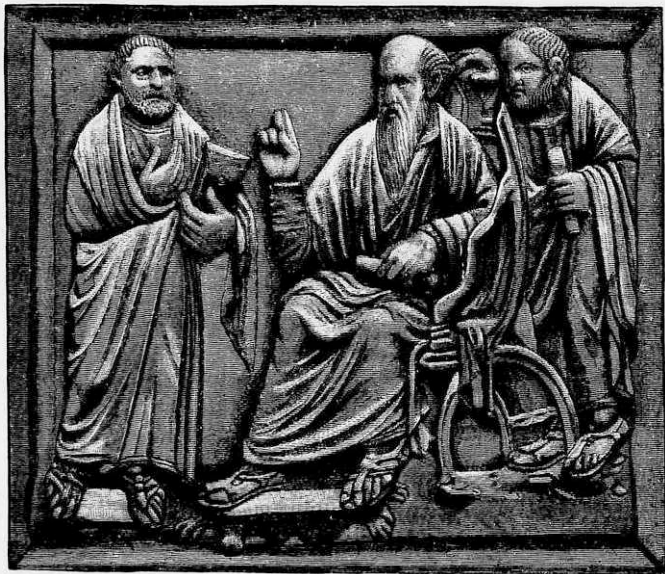
IV. Въ этомъ пунктѣ своей аргументаціи апостолъ чувствовалъ настоятельную нужду яснѣе опредѣлить и рѣшительнѣе установить свой взглядъ касательно положенія закона въ планѣ спасенія. Помимо обсужденія этого вопроса въ посланіи къ Галатамъ, онъ уже и въ этомъ посланіи сдѣлалъ три случай-

ных намека на предмет, который могъ утрашать незнакомыхъ съ его взглядами іудеевъ и языческихъ христіанъ Рима. Онъ уже говорилъ:

1) что «дѣлами закона не оправдается предъ Богомъ никакая плоть; ибо закономъ познается грѣхъ» (ш, 20);

2) что «законъ пришелъ послѣ, и такимъ образомъ умножилось преступленіе» (v, 20);

3) что христіанинъ не подъ закономъ, но подъ благодатію и что *поэтому* грѣхъ не долженъ господствовать надъ нимъ (vi, 14).

Св. ап. Павелъ

(съ изображенія по саоновой кости V или VI вѣка).

Такія положенія, оставленныя безъ объясненія и подтвержденія, могли бы сразу же отклонить всякаго іудейскаго читателя отъ надлежащаго изслѣдованія этого вопроса и возбудили бы только чувство недовѣрія и отвращенія; и поэтому апостолъ переходитъ къ трудной задачѣ оправданія своихъ взглядовъ.

Задача эта была трудна потому, что ему приходилось доказывать, на основаніи священнаго писанія и діалектически, истины, къ которымъ онъ пришелъ совершенно инымъ способомъ. Центральнымъ пунктомъ его собственнаго убѣжденія была проходящая чрезъ все посланіе къ Галатамъ (Гал. ii, 21; iii, 21)

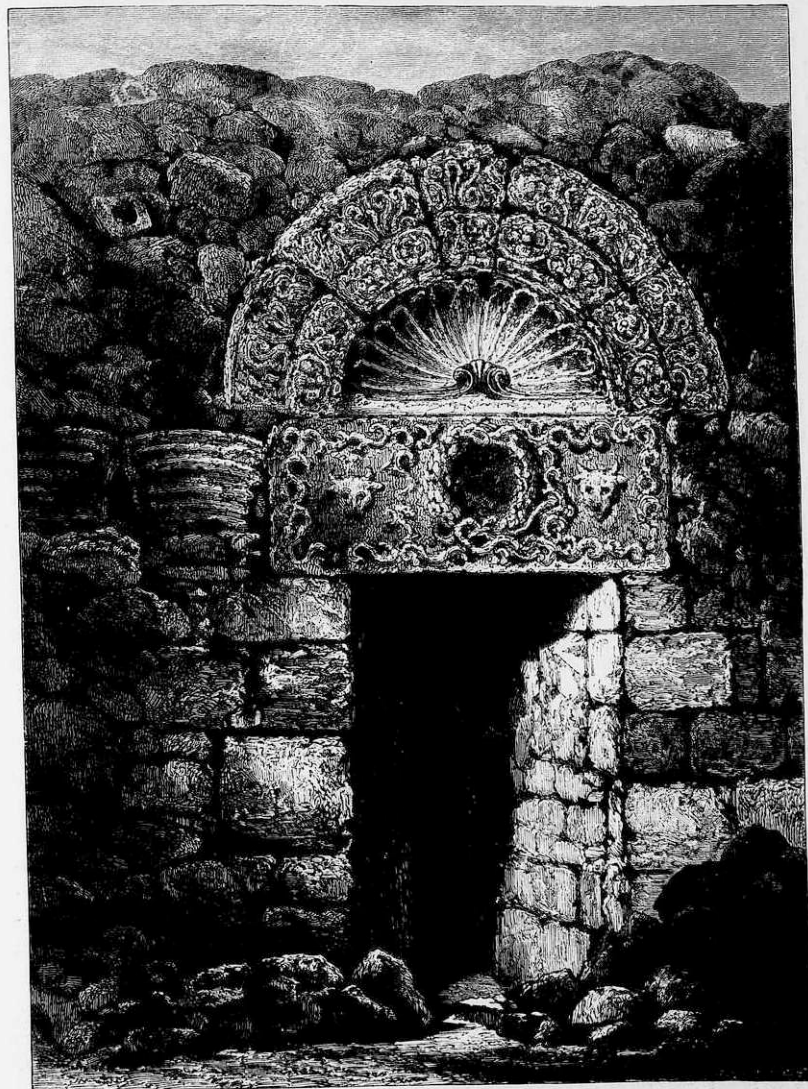
мысль, что если бы спасеніе можно было приобрѣтать «дѣлами», если бы законъ былъ достаточенъ для оправданія, то смерть Христа была бы излишня и напрасна. Если онъ правъ въ своемъ безусловномъ убѣжденіи, что только вѣрою въ кровь Спасителя мы оправдываемся предъ Богомъ, тогда ясно, что законъ явно обличался въ неспособности достигнуть этого результата. Подъ закономъ же ап. Павелъ разумѣлъ *весь* Моисеевъ законъ, такъ какъ онъ не полагаетъ различія между его отдѣльными частями. Въ посланіи къ Евреямъ эта мысль доказывается тѣмъ, что законъ былъ отмѣненъ полнотою его исполненія, что недостаточность его доказываетъ только его прообразовательный характеръ, и что прообразъ исчезъ съ исполненіемъ сущности, какъ звѣзда меркнетъ при свѣтѣ солнца. Этотъ аллегорическій методъ, къ которому нерѣдко прибѣгаетъ ап. Павелъ¹⁷¹⁰⁾, былъ естественнымъ результатомъ его раввинскаго образованія въ школахъ Гамалиила. Если бы ап. Павелъ прибѣгъ къ этому методу теперь, то хотя это несомнѣнно сдѣлало бы его аргументацію «менѣе рѣзкою и менѣе оскорбительною для сознанія іудеевъ»¹⁷¹¹⁾, но въ то же время сдѣлало бы ее и менѣе дѣйствительною для освобожденія церкви и міра. Законъ нужно было, такъ сказать, низвести изъ его первенствующаго положенія въ умахъ іудеевъ въ то отрицательное, дополнительное, второстепенное, недостаточное положеніе, которое одно только и принадлежало ему, прежде чѣмъ можно было съ нѣкоторымъ благоразуміемъ возстановить его въ положеніе разумнаго почета. Онъ имѣлъ только второстепенную, предварительную важность. Онъ введенъ былъ только *per accidens*. Цѣль его была воспитательная, а не конечная. Разсужденіе ап. Павла могло причинять скорбь. Но скорбь, которую онъ причинялъ, была необходимая и спасительная; и великимъ благомъ было какъ для іудеевъ, такъ и для всего міра, что, стараясь сдѣлать свои доводы удобопріемлемыми изложеніемъ ихъ въ возможно примирительномъ тонѣ, апостолъ въ то же время не старался смягчить производимаго ими смущенія ослабленіемъ ихъ внутренней силы.

I. Первымъ его положеніемъ было то, что закономъ нельзя оправдаться (Рим. ш, 20). Что имъ нельзя оправдаться, это очевидно, потому что если бы при посредствѣ закона можно было достигать этого, то смерть Христа была бы излишня. Но *почему же* законъ былъ такъ неэффективенъ? Ап. Павелъ скорѣе указываетъ, чѣмъ ясно излагаетъ, причину этого въ слѣдующей главѣ (viii). Это потому, что законъ, насколько дѣло касается его формы, имѣетъ внѣшній характеръ; это—повелѣніе со-внѣ; это—буква, которая произноситъ приговоръ смерти на нарушителей (2 Кор. iii, 6); онъ не имѣетъ въ себѣ силы сочувствія, которымъ можно тронуть сердце; онъ не имѣетъ силы для покоренія себѣ воли. Онъ въ одномъ смыслѣ «духовенъ», потому что «святъ, праведенъ и добръ»; но онъ ни коимъ образомъ не имѣетъ въ себѣ *животворящаго духа* и поэтому не можетъ вдохнуть жизнь. Почему же? Просто потому, что онъ встрѣчаетъ себѣ сильнаго,

поборающего его противника въ самомъ существѣ человѣка—въ господствѣ грѣха въ плоти. Законъ былъ «ослабленъ плотію»—т. е. чувственнымъ началомъ, господствующимъ надъ всѣмъ человѣкомъ въ душѣ и тѣлѣ¹⁷¹²). Въ человѣческомъ *духѣ* ап. Павелъ замѣчалъ нравственную наклонность къ добру, въ *плоти* же—нравственную наклонность ко злу, и отъ этихъ то разнородныхъ элементовъ возникаетъ «дуализмъ антагонистическихъ нравственныхъ началъ»¹⁷¹³). Естественная самопроизвольность человѣка противится божественному опредѣленію. Субъективная воля сильнѣе объективной заповѣди. Даже если бы человѣкъ могъ исполнить одну часть закона, онъ все-таки не могъ бы оправдаться, потому что законъ возложилъ проклятіе на того, кто не исполнялъ *всѣхъ* его требованій, невозможность чего явно чувствовалась и нравственнымъ сознаниемъ (Гал. III, 10; Іак. II, 10).

II. Но второе положеніе ап. Павла, что законъ умножилъ преступленіе (Рим. V, 2), звучало почти страшнымъ оскорбленіемъ. «Законъ, — какъ онъ уже говорилъ въ посланіи къ Галатамъ, — данъ до времени пришествія обѣтованнаго сѣмени *по причинѣ преступленій*»¹⁷¹⁴). Объяснять это положеніе въ смыслѣ «оплота противъ преступленій», хотя бы съ другой точки зрѣнія и въ другомъ отношеніи это могло бы быть и вѣрнымъ¹⁷¹⁵), — въ этомъ мѣстѣ нелѣпо, потому что ап. Павелъ доказываетъ неспособность закона произвести это дѣйствіе. Затѣмъ это совершенно противорѣчило бы тому, что онъ говоритъ, именно, что слѣдствіемъ закона было *умноженіе* преступленій. Правда, «грѣхъ» (*ἀμαρτία*) могъ бы существовать и внѣ закона, хотя, не будучи приведенъ къ свѣту самосознанія, онъ не сознавался бы человѣкомъ (Рим. V, 13; VII, 7); но апостолъ уже говорилъ намъ, что внѣ закона нѣтъ «преступленія» (IV, 15) и нѣтъ «вмѣненія» (V, 13), и человѣкъ живетъ въ состояніи относительной невинности, мало озабочиваемый существованіемъ объективнаго зла¹⁷¹⁶). Поэтому ап. Павлу предстояла трудная задача окончательно отдѣлать законъ отъ всякой *прямой* связи съ спасеніемъ, показать именно, что, при разсматриваніи дѣла съ богословской точки зрѣнія (а эта именно точка зрѣнія и звучала для іудея столь парадоксально и оскорбительно), Богъ явно предназначалъ его не для предупрежденія грѣха и совершенія праведности, но для *умноженія грѣха и содѣланія тѣла*¹⁷¹⁷). Онъ умножалъ грѣхъ потому, что, по психологическому закону, который мы не можемъ объяснить, но который ап. Павелъ излагаетъ здѣсь съ чудеснымъ проникновеніемъ въ человѣческую природу,—самое существованіе заповѣди дѣйствуетъ въ качествѣ побужденія къ ея нарушенію («*Permissum fit vile nefas*»); приводя грѣхъ къ полному самосознанію, законъ тѣмъ самымъ вызываетъ гнѣвъ¹⁷¹⁸) и такимъ образомъ дѣлается источникомъ жестокаго бѣдствія,—именно возбуждая въ совѣсти то чувство виновности, которое есть сознаніе разлада съ Богомъ, омрачая жизнь тѣнію страха и самопрезрѣнія, создавая чувство нравственной смерти и придавая тѣлесной смерти ея самое страшное жало (Рим. IV, 15; VII, 10—13).

III. Третье положеніе, что «мы не подъ закономъ, но подъ благодатию»

Входъ въ синагогу.

(Рим. vi, 14), было уже достаточно разъяснено; и нужно имѣть въ виду, что цѣлью ап. Павла было показать, что истинное богословское положеніе закона — т. е. его истинное положеніе въ божественномъ домостроительствѣ спасенія, заключается въ томъ, чтобы становиться между грѣхомъ и благодатію, быть побудительнымъ элементомъ въ совершеніи дѣла спасенія. Апостолъ доказалъ уже это исторически и экзегетически въ пятой главѣ, равно какъ и въ Гал. iii, настаивая на томъ обстоятельстве, что законъ, какъ дополнительное установленіе (Гал. iii), не можетъ уничтожить свободнаго обѣтованія, которое дано было на четыреста тридцать лѣтъ раньше его и освящено клятвою. Законъ поэтому доказываетъ, во-первыхъ, невозможность какого либо другаго пути въ достиженіи исполненія обѣтованія, кромѣ свободнаго благорасположенія, и во вторыхъ, невозможность считать это обѣтованіе въ качествѣ *дома* (*οἶκος*), когда оно есть свободный даръ. Съ этой точки зрѣнія законъ исполняетъ должность побудителя, заставляющаго человѣка добиваться того оправданія, которое возможно въ вѣрѣ. Объективно и исторически поэтому исторія человѣка можетъ быть разсматриваема въ четырехъ фазисахъ: грѣхъ, обѣтованіи, законъ, благодати — Адамъ, Авраамъ, Моисей, Христъ; субъективно и индивидуально также въ четырехъ фазисахъ — относительной невинности, пробужденной совѣсти, вмѣняемомъ преступленіи, свободномъ оправданіи. Одна есть божественная, другая — человѣческая сторона одного и того же процесса, и обѣ онѣ находятъ свое объясненіе, хотя независимо одна отъ другой, въ богословіи ап. Павла (Рим. v, vii, xi; Гал. iii и iv).

Если въ качествѣ новѣйшаго возраженія противъ этого богословія и методовъ аргументаціи и экзегезиса ап. Павла утверждаютъ, что они возбуждаютъ множество затрудненій; вливаютъ новое вино въ старые мѣхи, которые лопаются отъ его броженія; заключаютъ въ себѣ таинственную идеализацію полутораты тысячелѣтней исторіи и простаго буквального смысла большей части ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго писанія, и что самъ Моисей былъ бы утраченъ положеніемъ, что цѣлью его закона было только умноженіе преступленій и усиленіе чувства тяжести грѣха, какъ это и было съ нимъ, когда онъ по одному сказанію увидѣлъ, какъ раввинъ Акиба приписывалъ ему цѣлыя тысячи правилъ, которыхъ онъ никогда не постановлялъ; что законъ былъ очевидно данъ съ намѣреніемъ, чтобы ему повиновались, а не съ намѣреніемъ, чтобы его нарушали; что самъ ап. Павелъ говорилъ въ этомъ самомъ посланіи «объ оправданіи исполнителей закона», о дѣлахъ закона, о дѣланіи добра и о вознагражденіи за него (Рим. ii, 6—13; iv, 4) и о покинаніи посѣяннаго (Гал. vi, 7; 2 Тим. iii, 13; 1 Кор. xv, 58); что онъ въ каждомъ изъ своихъ посланій настаивалъ на необходимости нравственныхъ обязанностей, не какъ неизбѣжномъ результатѣ того единенія со Христомъ, въ которомъ состоитъ жизнь христіанина, но какъ о цѣли, къ которой христіане должны стремиться и для исполненія которой они должны прибѣгать къ настойчивымъ и суровымъ усиліямъ (1 Кор. ix, 25—27; Фил. iii, 14);

и что въ его пастырскихъ посланіяхъ эти нравственные разсужденія, подобно посланіямъ апп. Петра и Іакова, видимо все болѣе выступали впередъ (Мих. vi, 12; 1 Тим. iv, 7, 8; ii, 3; Тита iii, 8; ii, 14; 2 Петр. i, 10, 11; Іак. ii, 17, 24), между тѣмъ какъ высокія богословскія истины, повидимому, все болѣе отодвигались на задній планъ, — если будутъ высказаны эти возраженія, какъ они часто и высказывались въ дѣйствительности, то на нихъ можно также дать различные отвѣты. Мы нисколько не намѣрены игнорировать этихъ затрудненій, хотя при отдѣльномъ изслѣдованіи ихъ было бы легко показать, что излагать ихъ такимъ образомъ значитъ не вникать въ истинный характеръ умственной перспективы. Что касается стили аргументаціи ап. Павла, то тѣ, которые видятъ въ ней фальсификацію священнаго писанія, неправильное обращеніе съ словомъ *Божіимъ* (противъ чего явно возстаетъ самъ ап. Павелъ¹⁷¹⁹), должны прежде всего удостовѣриться, не потерпѣли ли они сами нѣкотораго умственнаго помраченія вслѣдствіе узкой подозрительности и невѣжественной предубѣжденности (2 Кор. iv, 1—7). Ап. Павелъ считалъ священное писаніе несомнѣннымъ словомъ *Божіимъ*, и однако, даже когда онъ повидимому приписываетъ простымъ словамъ и звукамъ чудодѣйственное значеніе, онъ никогда не позволяетъ буквѣ священнаго писанія затѣнять свѣтъ (*φωτισμός*) духовнаго озаренія (2 Кор. iv, 4). Даже когда онъ, повидимому, имѣлъ противъ себя все пятокнижіе, онъ никогда не допускалъ того, чтобы какимъ либо внѣшнимъ выраженіемъ поработить внутреннюю идею. Онъ зналъ, что одно слово *Божіе* не можетъ противорѣчить другому, и его аллегорическій и одухотворяющій методъ (который, въ той или другой формѣ, безусловно необходимъ, такъ какъ законъ говорить языкомъ сыновъ человѣческихъ, а человѣчскій языкъ, даже въ лучшемъ смыслѣ, есть асимптотъ мысли) не дѣлается орудіемъ механическаго вывода или личнаго каприза, но употребляется для подтвержденія общихъ истинъ, плодотворныхъ идей, духовнаго убѣжденія, прямыхъ откровеній, которыя подобны вѣчному храму, созидаемому во временной оградѣ отмѣннаго завѣта. За этотъ именно способъ обращенія съ священнымъ писаніемъ его и считало богохульникомъ непросвѣщенное и грубое фарисейство его времени, но онъ былъ въ этомъ отношеніи прямой преемникъ пророковъ, которые относились къ прежнимъ откровеніямъ съ духомъ священной независимости¹⁷²⁰, и съ ихъ мантией онъ получилъ двойную долю ихъ духа. Онъ сознавалъ, что истины, которыя его противники называли «безуміемъ» и «богохульствомъ», были такъ же святы, какъ трисвятое серафимовъ; что его «отступничество» отъ Моисея¹⁷²¹ вытекало изъ гораздо болѣе глубокаго благоговѣнія къ нему, чѣмъ какое было у его защитниковъ, и въ самыхъ крайнихъ изъ его мнимыхъ новшествахъ заключалось вѣчное значеніе.

А что касается видимыхъ противорѣчій, то ап. Павелъ, подобно всѣмъ великимъ мыслителямъ, очень мало заботился о нихъ. Сомнительно даже, предположили ли они явственно его уму. Онъ зналъ, что предопредѣленія безконечнаго

не могут быть заключены въ системы конечнаго. Онъ знаетъ, что какъ въ чело-
вѣческихъ, такъ и въ божественныхъ истинахъ встрѣчаются извѣстные антиноміи,
непримиримыя для простаго разума и однако же совершенно способны слиться
въ единство при свѣтѣ божественно озареннаго разума или, какъ сказалъ бы
онъ, духа челоѳического, таинственно соединеннаго съ духомъ Христовымъ. Онъ
знаетъ, что его ученіе, какъ схема, какъ система, какъ теорія спасенія, рассмат-
риваемая съ отвлеченной и идеальной точки зрѣнія, было истинно, и что его
изложеніе божественнаго преднамѣренія несомнѣнно, потому что онъ сознавалъ,
что получилъ его не отъ челоѳка и не черезъ челоѳка ¹⁷²²⁾, а по волѣ Божіей.
Но идеальное не тоже что дѣйствительное, и тѣ же самыя истины, будемъ ли
мы ихъ разсматривать въ ихъ богословскомъ отношеніи какъ часть одной
обширной философіи плана спасенія, или излагать обыденнымъ языкомъ въ ихъ
непосредственномъ отношеніи къ фактамъ обыденной жизни, являются намъ въ
совершенно различномъ свѣтѣ. Потому то, утверждая, что челоѳкъ оправды-
вается вѣрою, а не дѣлами закона, ап. Павелъ могъ въ тоже время свободно
говорить о томъ, что язычники исполняютъ законъ по природѣ вещей, что
исполняющій законъ будетъ оправданъ и что Богъ воздастъ каждому по дѣламъ
его (Рим. II, 13, 14; XIV, 10; см. также 2 Кор. V, 10; Гал. VI, 7; Ефес. VI, 8;
Кол. III, 24, 25).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы можемъ теперь продолжать
изложеніе посланія, главные идеи котораго отмѣчены нами. Переходя такимъ
образомъ къ дальнѣйшему изложенію своихъ взглядовъ касательно закона и
обращаясь (VII гл.) къ тѣмъ, которые знаютъ его, апостолъ затѣмъ подтверждаетъ
метафору, что христіанинъ умеръ для своего прежняго нравственнаго состоянія
и воскресъ къ новому. Женщина, мужъ которой умеръ, можетъ опять вступить
въ бракъ; мы мертвы для закона и потому свободны соединиться съ Христомъ.
На этой мимолетной иллюстраціи очевидно нельзя было настаивать особенно,
потому что она не заключаетъ въ себѣ надлежащей полноты: она неполна потому,
что слово «мертвый» употреблено здѣсь въ двухъ совершенно различныхъ смыслахъ,
и потому, что для того, чтобы сдѣлать эту аналогію полною, нужно думать, что
законъ умеръ для насъ, а не мы для закона. Но ап. Павелъ дѣлаетъ лишь
мимоходное употребленіе изъ этихъ примѣровъ для того, чтобы показать, что
новая жизнь христіанина влечетъ за собою совершенно новыя отношенія (2 Кор.
XI, 2; Ефес. V, 25), что со смертію естественно оканчиваются всѣ законныя
обязательства, и что наша связь съ воскресшимъ Христомъ такъ тѣсна, что она
можетъ быть сравнена съ брачнымъ союзомъ. Отсюда, все наше прежнее состояніе,
какъ по характеру, такъ и по результатамъ, измѣнилось, и съ нашею новою
жизнью воскресъ изъ мертвыхъ новый законъ, которому мы должны служить въ
обновленіи духа, а не въ ветхости буквы. Тотъ, кто умеръ для грѣха, умеръ и
для закона, потому что законъ можетъ царствовать, пока лишь царствуетъ

грѣхъ, и потому, что Христосъ въ своемъ распятомъ тѣлѣ уничтожилъ тѣло
грѣха ¹⁷²³⁾.

Но ап. Павелъ сознаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ такъ близко
сопоставилъ законъ и грѣхъ, что могъ причинить этимъ глубочайшее смущеніе.
Чтобы лучше и полнѣе уяснить свою мысль, онъ приступаетъ къ психологи-
ческому размышленію, необычайная важность котораго всегда признавалась неза-
висимо даже отъ его положенія въ системѣ богословія. Здѣсь онъ пишетъ какбы
самою кровію своего собственнаго сердца. Онъ обмакиваетъ перо въ свой внут-
ренній духовный опытъ. Здѣсь онъ имѣетъ дѣло не съ идеальнымъ или отвле-
ченнымъ, а съ страшными испытаніями своей дѣйствительной жизни. Дѣлалось
множество изслѣдованій о томъ, говорить ли онъ здѣсь о себѣ лично или о
другихъ, имѣетъ ли онъ въ виду возрожденнаго или невожатеннаго челоѳка.
Но пусть даже нравственно добрые люди взглянутъ внутрь своего собственнаго
сердца, и отвѣтъ будетъ ясенъ. Идеально христіанинъ безусловно составляетъ
едино съ Христомъ и мертвъ для грѣха; въ дѣйствительности же, какъ то и
дѣло ап. Павелъ говорить далѣе о себѣ самомъ, его жизнь есть борьба, въ
которой нѣтъ пощады. Въ каждомъ изъ насъ есть и Адамъ и Христосъ. «Ангель
ведетъ насъ за руку, а змѣй—за сердце». Здѣсь именно онъ изъ самопознанія
своего собственнаго сердца, подтверждаемаго знаніемъ сердца другихъ, объясняетъ,
что законъ хотя и не есть причина грѣха, есть однако же поводъ къ нему; и
что въ каждомъ челоѳическомъ существѣ дѣйствуютъ два закона, т. е. двѣ
противуположныхъ наклонности, которыя время отъ времени овладѣваютъ имъ
и влекутъ его въ противоположныхъ направленіяхъ. На основаніи такого опыта
онъ написалъ какбы сокращенную исторію жизни души. Когда мы разъ уяснимъ
себѣ, что «я» въ этомъ мѣстѣ употребляется въ различныхъ смыслахъ,—иногда въ
смыслѣ плоти, низшей природы, въ отношеніи къ которой ап. Павелъ могъ
говорить о себѣ, какъ о первомъ изъ грѣшниковъ; иногда о высшей природѣ,
могущей подниматься до той высоты духовной жизни, которую онъ рассмат-
ривалъ предъ тѣмъ; иногда вообще о себѣ, какъ членѣ челоѳическаго рода,—то
тогда легко будетъ слѣдить за его великой исторіей духа.

Самъ по себѣ законъ не есть грѣхъ, но онъ вызываетъ непослушаніе ¹⁷²⁴⁾
и создаетъ *сознаніе* грѣха. И безъ него существуетъ грѣхъ, но онъ мертвъ;
другими словами, скрытъ и несознательнъ. Это вѣкъ воображаемой невинности,
животнонеразумной жизни, нестыдящейся наготы. Но это есть состояніе «безъ-
нравственной успокоенности», которая не можетъ быть постоянной; состояніе
неумѣстной увѣренности, которая имѣетъ своимъ слѣдствіемъ частое уклоненіе
отъ долга. Когда слѣное стремленіе ко злу становится сознательнымъ отъ столк-
новенія съ прямою заповѣдью, тогда грѣхъ пріобрѣтаетъ новую жизнь на счетъ
того бѣдствія и позора, который есть духовная смерть ¹⁷²⁵⁾. Такимъ образомъ
грѣхъ, подобно сатанѣ, является подъ видомъ ангела свѣта и, взявъ поводъ отъ

заповѣди, обольщаетъ и умерщвляетъ ея человѣка, хотя самъ по себѣ «законъ святъ и заповѣдь свята, и праведна, и добра» ¹⁷²⁶).

«Какъ же такъ?» можетъ спросить кто нибудь: «неужели *доброе* сдѣлалось *смертоноснымъ*? Никакъ, отвѣчаетъ апостоль, но грѣхъ, оказывающійся грѣхомъ потому, что посредствомъ добраго причиняетъ мнѣ смерть, такъ что грѣхъ становится крайне грѣшенъ посредствомъ заповѣди». Какъ же случилось это? Это произошло вслѣдствіе борьбы высшихъ и низшихъ элементовъ нашего существа, вслѣдствіе спора между плотскою и рабскою натурой ¹⁷²⁷) и первоначальной духовностью закона, результатомъ чего является то, что во мнѣ являются какбы два человѣка, живущіе двумя различными жизнями; «ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ: а потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живеть во мнѣ, т. е. въ плоти моей, доброе; ибо желаніе добра *есть* во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу; добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Итакъ, я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое ¹⁷²⁸); ибо по внутреннему человѣку ¹⁷²⁹) нахожу удовольствіе въ законѣ Божиѣмъ: но въ членахъ моихъ вижу другой законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?»

«Благодарю Бога моего Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ!» Признакъ напряженности чувства, съ которымъ апостоль пишетъ это посланіе, явно сказывается въ томъ, что онъ характеристически опускаетъ упомянуть то самое, за что онъ благодаритъ Бога. Но слова: «Иисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ» достаточно показываютъ, что его благодарность воспламенена убѣжденіемъ, что избавленіе возможно, что избавленіе совершено ¹⁷³⁰). «Итакъ, тотъ же самый я умомъ моимъ ¹⁷³¹) служу закону Божию, а плотію—закону грѣха» ¹⁷³²); но это рабство значительно ослаблено, даже практически свергнуто. «Итакъ, нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Иисусѣ ¹⁷³³) живутъ не по плоти, но по духу». Грѣхъ есть рабство и смерть; духъ есть свобода и жизнь. Законъ, ослабленный плотію, былъ безсиленъ, но Богъ послалъ Сына своего въ подобіи плоти грѣховной, въ жертву за грѣхъ ¹⁷³⁴), и осудилъ ¹⁷³⁵) грѣхъ во плоти, чтобы оправданіе закона исполнилось въ насъ, живущихъ не по плоти, но по духу ¹⁷³⁶). Смерть Христа, такъ сказать, передвинула центръ тяжести нашей воли. Хотя Христосъ и въ насъ, тѣло всетаки можетъ подлежать смерти по причинѣ грѣха, но духъ, наша собственная духовная жизнь (апостоль не говоритъ просто «содержитъ элементы жизни», но выразительно говоритъ *есть* жизнь, вслѣдствіе праведности, насажденной животворящимъ Духомъ Божиимъ. Если въ насъ обитаетъ тотъ Духъ, который воскресилъ Иисуса Христа изъ мертвыхъ, то Тотъ, кто вос-

кресилъ Христа изъ мертвыхъ, дастъ и намъ полную жизнь, отчасти здѣсь, но окончательно за гробомъ ¹⁷³⁷). Но даже и здѣсь, въ нынѣшнемъ мірѣ, мы достигаемъ «жизни духа». Правда, мы никогда не можемъ исполнить *всего* закона (Гал. III, 10), но вмѣсто количественнаго исполненія поставляется исполненіе качественное и «всецѣлостъ расположенія заключаетъ въ себѣ всецѣлостъ закона». На этой ступени жизнь въ полномъ смыслѣ становится жизнью. Законъ духа есть «законъ духа жизни во Христѣ Иисусѣ».

Это именно и показываетъ намъ истинный законъ и истинный результатъ нашей *жизни*. Если мы руководимся Духомъ Божиимъ, то мы сыны Божіи, и духъ страха становится духомъ сыновства, и вопль рабства—воплемъ довѣреннаго обращенія къ Отцу небесному. Такимъ образомъ мы дѣлаемся сонаслѣдниками со Христомъ, и поэтому, чтобы раздѣлять Его славу, мы должны также раздѣлять Его страданія. Полная слава этого сыновства будетъ получена нами за гробомъ, и въ сравненіи съ нею страданія этой жизни ничто. «Ибо тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ: потому что тварь покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго его, въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣннѣ въ свободу славы дѣтей Божіихъ. Ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стонаетъ и мучится до нынѣ, и не только она, но и мы сами, имѣя начатокъ духа, и мы въ себѣ стонаемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего, ибо мы спасены въ **надеждѣ**. Надежда же, когда видитъ, не есть надежда: ибо если кто видитъ, то чего ему и надѣяться? Но когда надѣемся того, чего не видимъ, тогда ожидаемъ въ терпѣніи» (VIII, 18—25).

Надежда не есть обладаніе, не есть реальность. Она заключаетъ въ себѣ лишь ожиданіе будущаго плода; это вѣра во Христа, направленная къ будущему. Но мы имѣемъ даже нѣчто лучшее, чѣмъ надежда. Мы имѣемъ помощь въ немощи, заступленіе отъ святаго Духа Божія, когда даже мы не знаемъ, о чемъ должны молиться Ему. Притомъ мы знаемъ также, «что любящимъ Бога, призваннымъ по Его изволенію, все содѣйствуетъ ко благу. Ибо кого онъ предугналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образу Сына Своего, дабы Онъ былъ первороднымъ между многими братьями. А кого Онъ предопредѣлилъ, тѣхъ и призвалъ; а кого призвалъ, тѣхъ оправдалъ, а кого оправдалъ, тѣхъ и прославилъ» (VIII, 26—30).

«Что же сказать на это»? Что же кромѣ величественнаго изліянія довѣрія и восторга ¹⁷³⁸), назвавъ которое ораторскою рѣчью значило бы ослабить его силу, такъ какъ въ ап. Павлѣ немыслима ни какая искусственность построения. Этимъ изліяніемъ онъ удачно заканчиваетъ свое долгое и трудное разсужденіе, въ которомъ онъ провозгласилъ истины, еще никогда не формулировавшіяся съ самаго начала міра, но которыя отсѣлѣ никогда не будутъ забыты—до скончанія его. Тонкость діалектики, трудность полемической аргументаціи, новый

методъ одухотворяющаго экзегезиса—все это онъ закончилъ; и, твердый въ своемъ собственномъ откровенномъ убѣжденіи, онъ вѣдрилъ въ сознаніи міра и навсегда укрѣпилъ въ убѣжденіи христіанъ глубочайшія истины Евангелія, вѣренныя его проповѣди. Что же остается, какъ не дать полную волю своему чувству восторга, вопреки всѣмъ земнымъ страданіямъ, и «низвести всякое сомнѣніе на степень неѣпости» рядомъ быстрыхъ, одушевленныхъ, торжествующихъ вопросовъ, которые вызываютъ въ душѣ его слушателей лишь одинъ неотразимый отвѣтъ? Вопреки всѣмъ страданіямъ, которыя только можетъ причинить гоненіе, вопреки всякой борьбѣ, которую можетъ возбудить мятежная плоть, «все сіе мы преодолеваемъ силою возлюбившаго насъ. Ибо я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ ¹⁷³⁹⁾ отъ любви Божіей во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ». Не смотря на неудачи, не смотря на несовершенства, наша жизнь соединена съ жизнью Христа, нашъ духъ оживленъ духомъ Христовымъ. И чего же намъ бояться, если все время и все пространство, вся природа, всѣ ангелы небесные и всѣ демоны ада не въ силахъ нанести намъ вреда ¹⁷⁴⁰⁾?

Монета города Тарса, съ изображеніемъ гробницы Сардананала
(съ экземпляра въ британскомъ музее).

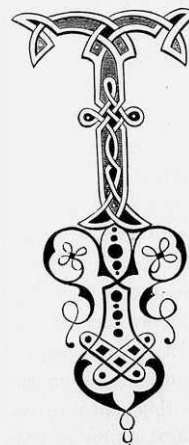

Аппіева дорога въ Римѣ.

ГЛАВА XXXVIII.

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ И СВОБОДНАЯ ВОЛЯ.

Все предвидѣно и свободная воля дана.
Міръ судится по благодати и все согласно дѣлѣ.
Акиба въ Пирке-Абооѣ.

ЕПЕРЬ мы переходимъ къ тремъ знаменитымъ главамъ (ix, x, xi), въ которыхъ ап. Павелъ занимается вопросомъ, побудившимъ его изложить предъ іудеями и язычниками Рима самую сущность его богословія. Онъ сообщилъ имъ свое благовѣстіе, которое онъ долженъ былъ проповѣдывать имъ, и въ силу котораго онъ былъ апостоломъ язычниковъ. Онъ показалъ, что іудеи и язычники одинаково повинны, одинаково искуплены. Испуленіе совершилось и именно вѣрою, въ томъ смыслѣ этого слова, которое онъ такъ полно объяснилъ. Увы! при всемъ томъ было ясно, что въ то время, какъ язычники принимали это великое спасеніе и стремились къ царству небесному, іудеи высокомерно держались поодаль и роковымъ образомъ *возлагали* все свое упованіе на отмыченную уже теперь систему, на преимущества, которыя теперь уже не были исключительными. Ихъ національныя надежды, ихъ личныя надежды зиждились одинаково

на ложном основании, опровергнуть которые и было неумолимым долгом ап. Павла. Против их естественной исключительности онъ выставляетъ непреклонное начало, что у нашего Отца небеснаго нѣтъ лицепріятія; противъ ихъ стремленія къ оправданію закономъ онъ доказываетъ, что они, подобно язычникамъ, грѣшники и не могутъ закономъ достигнуть оправданія. Очевидно, онъ такимъ образомъ становится лицомъ къ лицу съ трагическимъ фактомъ и страшной проблемой. Фактъ заключался въ томъ, что іудеи были отвергнуты, а язычники приняты. Даже въ такой ранній періодъ исторіи христіанства становилось уже яснымъ, что церковь будущаго должна быть главнымъ образомъ церковью язычниковъ, что іудейскій элементъ въ ней будетъ становиться болѣе и болѣе незначительнымъ и можетъ существовать только по мѣрѣ потери своей іудейской исключительности. А проблема заключалась въ вопросѣ: какъ все это возможно въ виду всѣхъ древнихъ обѣтовъ, при свѣтѣ ихъ величественной исторіи? Неужели Богъ нарушилъ свои обѣтованія? Неужели Богъ забылъ, что они были «сѣменемъ Авраама, раба Его, — чадами Іакова, котораго Онъ избралъ»? На этотъ глубоко важный вопросъ было два отвѣта: одинъ — богословскій, а другой — историческій. Богословскій отвѣтъ состоялъ въ томъ, что принятіе и отверженіе зависятъ отъ безусловной воли Божіей и согласуются съ предопредѣленнымъ Имъ избраніемъ къ милости или гнѣву. А историческій отвѣтъ состоялъ въ томъ, что отверженіе іудеевъ было естественнымъ результатомъ ихъ собственного упорства и жестоковѣрности. Два эти отвѣта могли казаться взаимно непримиримыми; но ап. Павелъ, сильный вѣрою, вдохновеніемъ и искренностью, никогда не отступаетъ отъ кажущихся несообразностей вѣчной истины. Онъ часто излагалъ истину въ ея различныхъ видахъ, не стараясь показать, что эти различные виды для свѣдѣннческаго разума дополняютъ другъ друга, а не противорѣчатъ, какъ это можетъ казаться, между собою. Предопредѣленіе есть извѣстная истина разума и откровенія; свободная воля есть истина откровенія и опыта. Онѣ обѣ вѣрны, и однако же кажутся взаимно исключительными, взаимно противорѣчивыми. Предвѣденіе Божіе допускается всѣми, но это никоимъ образомъ не разрѣшаетъ затрудненія касательно безусловнаго предопредѣленія. Если мы скажемъ, что ап. Павелъ здѣсь главнымъ образомъ имѣетъ въ виду большія массы людей, людей въ народахъ, и различіе между іудеями и язычниками, то это отчасти вѣрно; но онъ въ высшей степени ясно говоритъ также и о лицахъ, и Богъ есть не только Богъ народовъ, но и Богъ отдѣльныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, это принесеніе личности въ жертву интересамъ массы только бы увеличило затрудненіе. Мысль, что многіе, даже хотя бы едомитяне, будутъ спасены, и многіе, хотя бы израильтяне, погибнутъ, можетъ сдѣлать предвѣдѣніе Израиля и отверженіе Исава еще до рожденія ихъ менѣе поразительнымъ для насъ, и при посредствѣ извѣстныхъ особенностей семитскаго ідиума было бы вполне возможно экзегетически смягчить мучительную жестокость послѣдняго термина. Но даже и

тогда мы становимся лицомъ къ лицу съ фактомъ предопредѣленнаго ожесточенія сердца фараонова. Ап. Павелъ признаетъ, какъ признаетъ и все священное писаніе, естественность вопля человѣческой души; но безчувственная логика богословія, которая принуждена холодно разсуждать касательно предвѣденія Божія, можетъ лишь поразить высокомѣріе конечныхъ аргументовъ жезломъ откровенныхъ тайнъ. Человѣкъ есть лишь глина въ рукахъ горшечника. Богъ всемогущъ, Богъ всевѣдущъ, и однако же существуетъ зло, существуетъ грѣхъ, существуетъ смерть и послѣ смерти — судъ; грѣхъ прощенъ, и однако же мы получимъ воздаяніе за все содѣянное нами въ тѣлѣ и будемъ судимы по дѣламъ нашимъ. Все такимъ образомъ оканчивается тайной и всѣ тайны сводятся къ одной, именно къ существованію зла. Но, къ счастью, эта тайна никоимъ образомъ не можетъ тяготить насъ, потому что она утопаетъ въ полнотѣ Божіей. Объясненіе ея практически не имѣетъ никакого отношенія къ намъ. Она находится въ области совершенно отдѣльной отъ фактовъ обыденной жизни. Когда ап. Павелъ говоритъ намъ, что «помилованіе зависитъ не отъ желающаго и не отъ подвизающагося», то онъ имѣетъ здѣсь дѣло съ порядкомъ трансцендентальныхъ идей; но когда онъ переходитъ къ обыденнымъ фактамъ христіанской жизни, то онъ увѣщиваетъ насъ желать и убѣждаетъ насъ подвизаться въ достиженіи нашего собственнаго спасенія со страхомъ и трепетомъ; подобно тому, какъ говорить, что оправданіе достигается вѣрою, а не дѣлами, и однако же постоянно побуждаетъ насъ къ добрымъ дѣламъ и говорить, что Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его¹⁷⁴¹). Дальше этого мы не можемъ идти. Богословіе должно пояснять свои непреложныя опредѣленія сокрушительными аналогіями, но оно не можетъ коснуться сферы практическаго опыта или ослабить увѣщаніе христіанской нравственности. Богъ предопредѣляетъ, а человѣкъ свободенъ. Какъ это бываетъ, мы не можемъ сказать, но это такъ. Ап. Павелъ не пытается примирить эти два положенія. «Ни здѣсь, ни гдѣ либо, онъ не чувствуетъ себя призваннымъ къ разсмотрѣнію умозрительныхъ крайностей. И какъ бы ни умозрительно рѣшался этотъ вопросъ, безусловная зависимость и нравственное самопредопредѣленіе оба заключаются въ непосредственномъ христіанскомъ самосознаніи»¹⁷⁴²). Конечное не можетъ низводить безконечнаго въ предѣлы условности или выражать силлогизмами взаимныя отношенія между ними. Истины эти должно только излагать, когда есть нужда въ изложеніи ихъ, хотя каждая изъ нихъ относится къ отдѣльнымъ порядкамъ идей. Такъ какъ ихъ нельзя примирить, то онѣ должны быть оставлены одна подлѣ другой. Въ отношеніи такихъ вопросовъ, какъ внушаетъ св. писаніе, необходимо, чтобы сфера догмата и сфера бесѣды часто рассматривались, какъ будто бы онѣ практически были отдѣлены одна отъ другой, хотя въ дѣйствительности онѣ входятъ одна въ другую. И это потому, что обѣ онѣ заключаются въ окружающей насъ гораздо болѣе обширной сфере, именно сферы божественной, центръ которой для насъ находится повсюду и окружность хотя и нельзя сказать, чтобы «нигдѣ»,

но неизмѣримо дальше области нашего зрѣнія¹⁷⁴³). Это одно утѣшеніе. Затѣмъ, подобно тому какъ ап. Павелъ отказывается находить субстанціальную сущность нравственности гдѣ либо помимо глубочайшаго внутренняго расположенія, совершенно такъ же онъ относится и къ личному «я», поднимая его на степень всеобщаго «я», на степень той «человѣческости», которая присуща и отождествляется со всякимъ отдѣльнымъ лицомъ¹⁷⁴⁴). Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ *категорически утверждаетъ*, и безъ всякихъ ограниченій, искупленіе вселенной и человѣческаго рода (см. Рим. viii, 19—24; xi, 32; 1 Тим. ii, 3—6; см. Дѣян. iii, 21; Откр. xxi, 4; xxi, 3). Въ этой мысли и въ мысли о безконечной любви Божіей заключается проблескъ свѣта для самой печальной судьбы, какъ и для самой удручающей тайны въ судьбѣ личности. Логическое заключеніе догматики исправляется неизмѣнно увѣренностью нравственнаго убѣжденія и вдохновенною надеждою сыновней любви.

Но рассмотримъ подробнѣе, какъ ап. Павелъ относится къ столь странному для cadaго іудея факту, какъ преднамѣренное отрицаніе у израиля всякой тѣни особаго преимущества въ царствѣ Божіемъ; посмотримъ, какъ онъ доказываетъ ученіе, противъ котораго, на первый взглядъ, повидимому возстаетъ весь ветхій завѣтъ и полуторатысчелѣтняя исторія.

Нужно замѣтить, что при самой горячей полемикѣ ап. Павелъ всегда соединяетъ совершенную примирительность тона съ безусловною прямою изложеніемъ. Если онъ долженъ причинить смущеніе, онъ готовъ причинить его, на сколько оно неизбежно возникаетъ изъ истины, провозглашеніе которой онъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ. Несомнѣнно также, что многое изъ сказаннаго имъ могло быть перетолковано въ худую сторону; но пусть будетъ такъ. Есть люди, которые обращаютъ во зло даже самый солнечный свѣтъ Божій и ученіе о прощеніи превращаютъ въ проклетіе. Должны ли мы изъ за этого тушить солнечный свѣтъ? Должны ли мы говорить, что Онъ не прощаетъ? Нѣкоторые іудеи несомнѣнно были страшно потрясены въ своихъ убѣжденіяхъ провозглашеніемъ евангелія. Но должно ли заблужденіе быть безсмертнымъ на томъ основаніи, что искорененіе его сопряжено съ страданіемъ? И не лучше ли, какъ говоритъ Григорій Великій, причинить страданіе, чѣмъ оставить истину въ угнетеніи? Нѣтъ возраженія противъ провозглашенія новой или забытой истины болѣе ложнаго и болѣе несостоятельнаго, чѣмъ то, что она «опасна». Но на всѣхъ проповѣдующихъ истину Божію лежитъ обязанность излагать ее со всевозможною откровенностью и снисходительностью. Полемическій приѣмъ ап. Павла представляетъ въ высшей степени поразительный контрастъ съ богословскою полемикою почти всѣхъ вѣковъ. Онъ совершенно противоположенъ обычной злобности партійнаго критицизма и фарисейству холоднаго правовѣрія.

Такимъ образомъ, вполне зная, что высказанное имъ, будетъ въ высшей степени непріятно для іудеевъ, вполне зная, какъ жестоко они его ненавидятъ.

съ какимъ постоянствомъ ставили препятствія его ученію и преслѣдовали его самого, онъ начинаетъ свою рѣчь выраженіемъ самой нѣжной и самой сильной любви къ нимъ. «Истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуется мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему». И затѣмъ, въдѣствие напряженности своихъ чувствъ, онъ забываетъ выяснитъ причину своей печали, потому что она достаточно выясняется послѣдующимъ и тѣмъ, что было сказано раньше. Это печаль отъ мысли, что израильтяки такъ ожесточили свое сердце противъ евангелія. «Я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа¹⁷⁴⁵) за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т. е. израильтянъ, которымъ принадлежать усыновленіе (2 Кор. vi, 18), и слава (Исх. xvi, 10; 1 Цар. iv, 22 и проч.), и завѣты, и законоположеніе, и богослуженіе, и обѣтованія; ихъ и отцы, и отъ нихъ Христосъ по плоти, сущій надъ всѣмъ Богъ, благословенный во вѣки. Аминь»¹⁷⁴⁶). Объ этомъ торжественномъ заявленіи своей готовности даже отказаться отъ всѣхъ надеждъ на спасеніе, если бы только можно было спасти своихъ братьевъ по плоти, мы находимъ нужнымъ сказать только, что самая форма, въ которой оно выражено, показываетъ сознаніе имъ того, что такое желаніе по самой своей сущности невозможно. Дальнѣйшія объясненія излишни для тѣхъ, кто сознаетъ, какъ естественно, какъ возможно желаніе даже этого великаго самопожертвованія для людей съ такимъ великимъ сердцемъ, какъ Моисей или ап. Павелъ.

«Но не то, чтобы слово Божіе не сбылось»¹⁷⁴⁷). Этотъ пунктъ и предстоитъ доказать ап. Павлу, и онъ доказываетъ его тѣмъ, что дары Божіи составляютъ дѣло такого свободнаго избранія, что іудеи никоимъ образомъ не могутъ имѣть на нихъ исключительнаго притязанія.

Въ дѣйствительности не всѣ іудеи по природѣ въ тоже время и іудеи по духу, и поэтому не всѣ наслѣдники обѣтованія въ истинномъ смыслѣ. Быть сѣменемъ Авраама есть ничто само по себѣ. Авраамъ имѣлъ много сыновей, но только за однимъ изъ нихъ, сыномъ Сарры, было признано обѣтованіе¹⁷⁴⁸).

Мало того, даже изъ двухъ сыновей сына обѣтованія одинъ былъ отвергнутъ; и это настолько зависѣло отъ избранія и настолько было независимо отъ заслугъ, что прежде чѣмъ могъ быть вопросъ о заслугѣ, даже въ утробѣ матери старшій былъ осужденъ на рабство, а младшій избранъ для господства, какъ и написано у пророка Малахій: «Іакова Я возлюбилъ, а Ісава возненавидѣлъ»¹⁷⁴⁹).

«Что же, скажемъ, неужели неправда у Бога»? Для естественной логики вопросъ этотъ могъ казаться очень извинительнымъ, но ап. Павелъ просто устраняетъ его какъ неблагоговѣйный и невозможный, вновь излагая самый фактъ, которымъ онъ вызванъ, приводя два рѣшительныхъ мѣста изъ священнаго писанія¹⁷⁵⁰). Богъ имѣетъ безусловное право любить, кого Онъ хочетъ; ибо онъ говоритъ Моисею: «кого миловать—помилую, кого жалѣть—пожалѣю»; такъ что

«помилованіе зависит не отъ желающаго и не отъ подвизающагося, но отъ Бога милующаго». Богъ имѣетъ такое же безусловное право ненавидѣть, кого онъ хочетъ, потому что «Писаніе говоритъ Фараону: для того самаго Я и поставилъ тебя, чтобы показать надъ тобою силу Мою и чтобы проповѣдано было имя Мое по всей землѣ»¹⁷⁵¹).

Такимъ образомъ Богъ жалѣетъ и Богъ ожесточаетъ, кого Онъ хочетъ.

Но снова возникаетъ естественный вопросъ: «за что же еще обвинять, ибо кто противостанетъ волѣ Его»? Если грѣховность есть результатъ божественной воли, то что становится съ нравственною отвѣтственностью?

Ап. Павелъ прежде всего показываетъ, что вопросъ этотъ нелѣпъ. «Ты кто человѣкъ, что споришь съ Богомъ»? Не важно, что становится съ нравственною отвѣтственностью, это во всякомъ случаѣ не касается опредѣленія Божія. Человѣкъ есть лишь страдательная глина въ рукахъ горшечника; онъ можетъ придать ей форму, какую только хочетъ¹⁷⁵²).

Но ап. Павелъ не хотѣлъ такимъ образомъ просто уничтожить робкое совѣсности грѣшниковъ произвольною безотвѣтственностью безконечной силы. Онъ даетъ проблескъ надежды; проливаетъ потокъ свѣта на конечныя цѣли Божіи. Онъ задаетъ вопросъ, который самъ по себѣ заключаетъ великій и славный отвѣтъ, и самая форма вопроса показываетъ, какъ мало онъ желаетъ останавливаться на неимѣющихъ практическаго значенія неразрѣшимыхъ тайнахъ божественнаго изволенія.

«Что же, если Богъ, желая показать гнѣвъ и явить могущество свое, съ великимъ долготерпѣніемъ шадилъ сосуды гнѣва готовые къ гибели, дабы вмѣстѣ явить богатство славы Своей надъ сосудами милосердія, которые Онъ приготовилъ къ славію, надъ нами, которыхъ Онъ призвалъ не только изъ іудеевъ, но и изъ язычниковъ»? Это призваніе поясняется двумя мѣстами изъ пророка Осіи (Осія 1, 9, 10; II, 23), въ которыхъ пророкъ называетъ своего сына и дочь *Ло-амми* и *Ло-руама* (не-мой народъ и не-поощаженный), вслѣдствіе отверженія израиля, но въ тоже время предсказываетъ день, когда они опять будутъ Его народомъ и Онъ будетъ ихъ Богомъ; и двумя мѣстами изъ пророка Исаіи (Ис. X, 22; I, 10), въ которыхъ онъ предсказываетъ вмѣстѣ и отверженіе массы израиля и спасеніе только остатка его¹⁷⁵³).

По установленіи такимъ образомъ этого факта на основаніи св. писанія, какое же слѣдуетъ изъ него заключеніе? Не то ли, что въ виду полной зависимости избранія отъ свободной благодати Божіей, язычники, хотя и не искавшіе праведности, однако же достигали оправданія вѣрою; и что іудеи, хотя и искавшіе законной праведности, не достигали оправданія? Какъ можетъ быть объяснена эта странная аномалія? Каково бы ни было дѣйствіе божественнаго избранія, но отверженіе іудеевъ, говоря по человѣчески, зависитъ отъ ихъ собственной вины. Имъ хотѣлось стремиться къ невозможному оправданію дѣлами, и они отвергли

оправданіе вѣрой. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ ап. Павелъ опять ссылается на пророка Исаію (Ис. VIII, 14; XXVIII, 16). Они находили камень преткновенія во Христѣ. Для нихъ, какъ и для всѣхъ вѣрующихъ, Онъ могъ быть твердымъ камнемъ основанія; а они сдѣлали изъ Него камень соблазна¹⁷⁵⁴). Желаніе его сердца, его молитва къ Богу есть ихъ спасеніе. Но ихъ религіозная ревность приняла ложное направленіе. Они стремятся къ оправданію дѣлами и поэтому не хотятъ принять того способа Божія, который есть оправданіе вѣрою (IX, 30—X, 4).

По пути дѣла они не могутъ имѣть успѣха, потому что законъ находитъ свой единственный конецъ, свою цѣль и исполненіе во Христѣ¹⁷⁵⁵), а чрезъ Него только и возможно оправданіе. Даже эти истины апостолъ находитъ въ св. писаніи или поясняетъ ихъ цитатами изъ него. Онъ сопоставляетъ изреченіе Моисея, что человѣкъ, исполнившій законъ, живъ будетъ имъ¹⁷⁵⁶), съ тѣми другими изреченіями, которыя онъ влагаетъ въ уста какбы олицетворенной праведности: «не говори въ сердцѣ твоёмъ, кто взойдетъ на небо? т. е. Христа свести, или кто сойдетъ въ бездну? т. е. Христа изъ мертвыхъ возвести. Но что говорить писаніе? Близкое къ тебѣ слово въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ, т. е. слово вѣры, которое проповѣдуемъ. Ибо если устами твоими будешь исповѣдывать Іисуса Господомъ, и сердцемъ твоимъ вѣровать, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, то спасешься». Это опять подтверждается двумя цитатами почти въ тѣхъ же словахъ, одною изъ пророка Исаіи (XXVIII, 16): «всякій вѣрующій въ Него не постыдится»; и одною изъ пророка Іонія (II, 32): «всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется», — и подъ «всякимъ» конечно разумѣется какъ іудей, такъ и язычникъ¹⁷⁵⁷).

Но пользовались ли дѣйствительно іудеи благопріятнымъ случаемъ послушать Евангеліе? Рядомъ вопросовъ, соподчиненныхъ одинъ другому съ великою риторическою красотою, ап. Павелъ показываетъ, что сдѣлано было все, что только необходимо было для того, чтобы довести до ихъ слуха Христово благовѣстіе. Къ нимъ являлись проповѣдники, ноги которыхъ, какъ написано, прекрасны и которые проповѣдуютъ благовѣстіе мира; но увы! у нихъ не было *спри*, а поэтому не было и призванія Бога. Не всѣ послушались благовѣствованія. И это не потому, чтобы недостаточно его слышали, потому что согласно съ пророчествомъ (Ис. XLVIII, 4) слово проповѣдниковъ пронеслось по всему міру; но это было по недостатку вѣры, и объ этомъ также было предсказано пророкомъ Исаіей: «Господи, кто повѣрилъ слышанному отъ насъ»? Не было это и отъ недостатка предостереженія. Моисей (Втор. XXXII, 21) уже за цѣлые вѣка предъ тѣмъ говорилъ, что Богъ возбудитъ въ нихъ ревность и воспламенитъ ихъ гнѣвъ посредствомъ тѣхъ язычниковъ, которыхъ они по своей заносчивой исключительности презирали какъ «не-народъ»; и Исаія (LXV, 1, 2) прямо говоритъ: «Меня нашли не искавшіе Меня; Я открылся не вопрошавшимъ о Мнѣ», объ Израилѣ же онъ

говорить: «цѣлый день Я простираю руки Мои къ народу непослушному и упорному» (х, 14—21).

Такимъ образомъ цитатой за цитатой (и ихъ девять въ одной только этой главѣ, взятыхъ главнымъ образомъ изъ Второзаконія, Исаіи и Псалмовъ) ап. Павелъ излагаетъ свое убѣжденіе касательно теперешняго отверженія Евангелія израильскимъ народомъ; причемъ онъ старается смягчить ожесточенную ярость, которая естественно могла возникнуть какъ противъ него, такъ и противъ его ученія, излагая его въ словахъ, которыя могли удесятерять авторитетъ принятой имъ діалектической аргументаціи. Но установивъ такимъ образомъ двѣ весьма горькихъ и на первый взглядъ противоположныхъ истины — именно, что іудеи лишались всякихъ исключительныхъ преимуществъ по опредѣленію Божию (ix), и что этимъ своимъ лишеніемъ они обязаны были своему собственному преступному безвѣрію (х), апостолъ теперь приступаетъ къ болѣе утѣшительной и возвышенной задачѣ, именно къ объясненію того, какъ эти горькія истины теряютъ свое острѣйшее жало, когда мы признаемъ, что онѣ только частныя и преходящія явленія, случайно появляющіяся въ развитіи благословенной вселенской и вѣчной схемы спасенія.

«Итакъ, спрашиваю: неужели Богъ отвергъ народъ свой? Никакъ. Ибо и я израильтянинъ отъ сѣмени Авраамова, изъ колѣна Веніамина»; и затѣмъ апостолъ приводитъ примѣръ тѣхъ семи тысячъ человѣкъ, которыхъ Богъ «соблюлъ себѣ», именно тѣхъ, которые въ дни Іліи не преклонили колѣнъ предъ Вааломъ. При этомъ онъ остановился, чтобы сдѣлать замѣчаніе, что самое выраженіе: «Я соблюлъ себѣ» означаетъ, что они были спасены вѣрою, а не дѣлами. Но какимъ же образомъ случилось, что большинство не достигло своей цѣли, къ которой оно стремилось? Это потому, отвѣчаетъ онъ, что они ожесточились; «Богъ», какъ пророчествовалъ Исаія, «далъ имъ духъ усыпленія, глаза, которыми не видятъ, и уши, которыми не слышатъ, даже до сегодня» (xi, 1—11).

Затѣмъ возникаетъ другой страшный вопросъ: неужели это ожесточеніе, эта духовная слѣпота окончательная? «Неужели они преткнулись, чтобы совѣтъ пасть»? Ап. Павелъ опять восклицаетъ: «никакъ!» Самое ихъ паденіе предназначалось для спасенія язычниковъ и для возбужденія ихъ сердецъ къ лучшему. И здѣсь его читатели не могли не чувствовать, что онъ объясняетъ факты, которые совершались на ихъ собственныхъ глазахъ. Вездѣ Евангеліе сначала предлагалось іудею, и іудеи всегда отвергали его, и вслѣдствіе этого именно упорства его теперь стали предлагать повсюду язычнику. Мессія, отвергаемый іудеями, теперь постоянно прославлялся какъ Искупитель язычника. Церковь Христова теперь уже была обоснована съ достаточною твердостью, но уже и теперь Антиохія, Римъ, Ефесъ и Фессалоника были гораздо болѣе ея столицами, чѣмъ святой городъ. Но этотъ фактъ предназначалъ славную будущность. Если ихъ оскудѣніе такимъ образомъ было богатствомъ для язычниковъ, то какова же

будетъ полнота ихъ! Его великой миссіей было проповѣдывать благовѣстіе язычникамъ и этимъ, если возможно, подвинуть и іудеевъ къ соревнованію, потому что «если ихъ отверженіе есть примиреніе міра, то что будетъ принятіе, какъ не жизнь изъ мертвыхъ?»

А что именно будетъ такое возстановленіе Израиля, онъ это доказываетъ двумя пояснительными примѣрами.

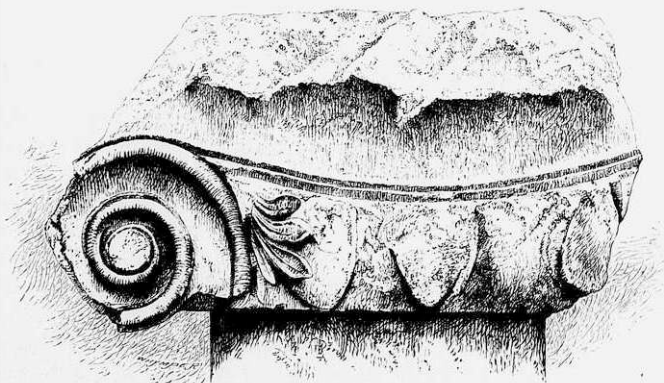
1. Когда приносилась жертва возношенія, то все тѣсто пріобрѣтало святость отъ того, что часть его посвящалась Господу. Такъ будетъ и съ іудеями. Ихъ начатокъ—Авраамъ и патриархи были святы, и ихъ святость идеально переносилась и на весь народъ.

2. Второй примѣръ имѣетъ болѣе широкую приложимость. Корень маслины есть источникъ ея плодovitости; но если нѣкоторые изъ ея вѣтвей теряютъ свою плодovitость и засыхаютъ, онѣ отламываются и ихъ замѣщаютъ вновь привитыми вѣтвями дикой маслины, которыя затѣмъ вполне пользуются всѣмъ богатствомъ соковъ дерева. Такими засохшими вѣтвями было въ настоящее время невѣрующее большинство израиля. Что они должны были отломиться, это происходило вслѣдствіе справедливой и необходимой строгости Бога. Объясненіе этой горькой истины, приведеніе ея къ сознанию самого народа было одною изъ цѣлей этого великаго посланія, и апостолъ выполнить ее съ неуклонною искренностью. Но между тѣмъ, если язычники въ свою очередь могли впадать въ искушеніе предаваться той исключительности, которую такъ долго похвалялись іудеи надъ ними, то какое же предостереженіе давалось и имъ въ изложеніи того, что предстояло въ будущемъ! И сколько утѣшенія могъ находить іудей въ этомъ иносказаніи для того, чтобы съ помощію болѣе возвышенныхъ и святыхъ мыслей оживить ослабѣвшія надежды своего патриотизма, облегчить свою уязвленную національную гордость? Вѣдь Христосъ всетаки есть лоза отъ ствола Іессеева и вѣтвь отъ корней его. Язычники допущены были въ церковь чрезъ притворы храма. Слово Божіе до этого момента находилось у іудеевъ. Самые зародыши христіанства находились въ іудействѣ съ его преимуществами, обѣтованіями и пророчествами. Своею богатою плодovitостью язычники обязаны были дереву, къ которому они были привиты. Поэтому у нихъ было мало причинъ, мало оснований для того, чтобы превозноситься надъ природными вѣтвями. У нихъ была глубокая причина находить предостереженія для себя въ судьбѣ, которой подвергались эти вѣтви. Они сами въ свою очередь могли также отломиться и (хотя здѣсь иносказаніе само по себѣ прерывается) старыя вѣтви могутъ быть опять привиты къ своему прежнему мѣсту¹⁷³⁸). Пусть они помнятъ, что источникомъ ихъ новыхъ преимуществъ была вѣра, равно какъ недостатокъ ея былъ причиною гибели тѣхъ, которыхъ они замѣстили; пусть они не высокоумдствуютъ, но боятся (xi, 16—24).

Заключительныя слова этого отдѣла посланія открываютъ славную перспек-

титу окончательной надежды для всѣхъ, сердца которыхъ достаточно велики и любящи для воспріятія ея. Апостолъ не хочетъ оставить собратій въ невѣдѣніи касательно тайны, что это ожесточеніе Израиля есть лишь условное и оно будетъ продолжаться только до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ; и онъ ссылается на священное писаніе (Ис. лх, 20) въ подтвержденіе своего пророчества, что «весь Израиль спасется», такъ какъ въ отношеніи къ благовѣстію они враги ради язычниковъ, а въ отношеніи къ избранію возлюбленные Божіи ради отцовъ.

«Ибо дары и призваніе Божіе непреложны»; разъ данные, они даны навсегда ¹⁷⁵⁹). Нѣкогда сами непослушные, язычники теперь были помилованы вслѣдствіе непослушанія іудеевъ; такъ іудеи теперь непослушны для помилованія язычниковъ, дабы и сами они были помилованы ¹⁷⁶⁰). «Ибо»—таково величественное заключеніе этого продолжительнаго изложенія божественныхъ плановъ—«всѣхъ заключилъ Богъ въ непослушаніе, чтобы всѣхъ помиловать».—Многіе, согласно съ своими богословскими взглядами, стараются ослабить или объяснить какъ нибудь иначе значеніе этихъ словъ; показать, что «всѣ» не означаютъ собственно «всѣ» въ радостномъ, хотя оно означаетъ это именно въ печальномъ предложеніи; или показать, что «всѣхъ помиловать» совершенно несовмѣстимо съ окончательною гибелью огромнаго большинства. Но какъ бы то ни было, апостолъ, созерцая всеобщность свободно искупающей благодати, заканчиваетъ взрывомъ хвалы и пророчества: «О, бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его! Ибо кто позналъ умъ Господень? Или кто былъ совѣтникомъ Ему? Или кто далъ Ему напередъ, чтобы Онъ долженъ былъ воздать? Ибо все изъ Него, Имъ и къ Нему. Ему слава во вѣки. Аминь».

Капитель колонны храма Діаны въ Ефесѣ
(теперь въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XXXIX.

ПЛОДЫ ВѢРЫ.

Люби ближняго твоего какъ самого себя.

Лев. хіх, 18.

ВЪ ЭТОМЪ пунктѣ посланія къ Римлянамъ замѣтенъ перерывъ, и по всему видно, что писатель теперь уже достигъ своей главной цѣли, изъ-за которой онъ собственно и приступилъ къ посланію. Но какъ и ко всѣмъ своимъ посланіямъ, онъ присоединяетъ еще возвышенныя практическія наставленія, которыя такимъ образомъ опирались теперь на прочномъ основаніи началъ, уже изложенныхъ имъ въ догматической части посланія. Никто глубже ап. Павла не сознавалъ, что для обезпеченія нашей вѣрности въ исполненіи даже малыхъ обязанностей требуются великія начала, и что всякая обязанность, какъ бы она ни была незначительна, пріобрѣтаетъ дѣйствительное величіе, когда разсматривается именно въ свѣтѣ этихъ началъ, изъ которыхъ возникаетъ ея исполненіе. Такъ какъ поэтому милосердіе Божіе, будучи источникомъ Его свободной благодати, было главнымъ предметомъ этого посланія, то ап. Павелъ начинаетъ практическую часть его словами: «итакъ, умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божіемъ» (потому что оно именно, а не ученіе объ избраніи и отверженіи составляетъ господствующій элементъ въ его душѣ), «представьте тѣла ваши въ жертву живую (а не мертвую, въ родѣ приношеній язычества или іудейства), святую, благоугодную Богу для разумнаго служенія вашего, и не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь ¹⁷⁶¹) обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познавать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная» (Рим. хп, 1 и 2).

Это общее увѣщаніе затѣмъ переходитъ въ подробности, правда не систематически и даже не синтаксически, но за то съ очевидною стремительностью и пылкостью чувства, что придаетъ языку совершенство, невозможное для сознательнаго искусства ¹⁷⁶²). Преобладающая мысль есть обязанность любви: къ братьямъ—любви безъ притворства; къ церкви—любви безъ самовозношенія; къ гражданской власти—любви безъ страха; въ міру—любви безъ пренебреженія его правами или безъ участія въ его безнравственности ¹⁷⁶³). Прежде всего, по

Римскій законодатель (консулъ въ курульномъ креслѣ).

данной ему благодати, апостолъ убѣждаетъ ихъ не думать о себѣ болѣе, нежели должно думать; но думать «скромно» (хп, 3) по мѣрѣ вѣры, какую каждому Богъ удѣлилъ; и онъ поясняетъ и подкрѣпляетъ эту обязанность скромной простоты въ исполненіи ихъ взаимныхъ служеній ¹⁷⁶⁴) опять указаніемъ на извѣстную аналогію отношенія тѣла и его членовъ (1 Кор. хп, 12—27), которою онъ уже пользовался въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ. Правоученіе этого иносказанія состоитъ въ томъ, что «разнообразіе безъ единства есть безпорядокъ; а единство

безъ разнообразія есть смерть» ¹⁷⁶⁵). Затѣмъ съ свободной смѣлой частичекъ неокончательныхъ и повелительныхъ наклоненій, мѣшая съ общими увѣщаніями частныя, апостолъ убѣждаетъ римскихъ христіанъ къ любви, добротѣ, ревности, надеждѣ, терпѣнію, молитвѣ, великодушію, прошенію, сочувствію, взаимному почтенію, самоограниченію, постоянной любви къ Богу, постоянному отвращенію отъ зла и усиліямъ побѣждать пороки добродѣтелями. Ясно, что опасности, которыя онъ болѣе всего предполагалъ среди римскихъ христіанъ, состояли

Неронъ
(увеличенъ съ монеты въ Британскомъ музѣ).

именно въ той ожесточенности, которая возникаетъ изъ нелюбящей и высоко-мѣрной самоувѣренности; но онъ придаетъ общую форму всемъ своимъ наставленіямъ, и глава эта не имѣетъ себѣ подобныхъ въ смыслѣ вдохновеннаго очерка лучшихъ добродѣтелей, какими только можетъ быть украшена жизнь христіанина ¹⁷⁶⁶).

Первая часть тринадцатой главы имѣетъ очевидно болѣе специальное приложение. Она содержитъ въ себѣ самое настойчивое увѣщаніе къ послушанію гражданской власти, обоснованное на частомъ повтореніи истины, что она установлена Богомъ; что цѣль ея есть необходимое подавленіе зла; что она при

обыкновенныхъ обстоятельствахъ не должна быть источникомъ страха для безкорыстной жизни и что ей должно повиноваться не изъ насильственного принужденія, но по праву и по совѣсти¹⁷⁶⁷). На этомъ основаніи они платили и подати¹⁷⁶⁸) и уплата ея должна считаться обязанностью по отношенію къ Богу (хш, 1—7).

Теплота, съ которою ап. Павелъ говоритъ такимъ образомъ о должностяхъ гражданскихъ правителей, можетъ на первый взглядъ показаться удивительною, когда мы вспомнимъ, что въ префектурѣ главою былъ такой человекъ какъ Гелій, въ преторіи—Тигеллинъ, въ провинціяхъ—Гессій Флоръ, а на императорскомъ тронѣ — Неронъ. Съ другой стороны нужно помнить, что нероновое гоненіе еще не начиналось, и что темныя дѣла отдѣльныхъ императоровъ и отдѣльныхъ правителей, проявившіяся въ необузданной алчности, честолюбіи и безобразномъ сластолюбіи, отнюдь еще не разрушили величественнаго идеала римскаго закона. Если были худые правители, то были также и добрые. Рядомъ съ какимъ нибудь Вевесомъ или Феликсомъ, областными правителями были и такіе высоконравственные люди какъ Цицеронъ и Барей Соранъ. Римское правительство, не смотря на то, что въ отдѣльныхъ случаяхъ оно обнаруживало крайнюю испорченность, было всетаки величественною силою, сдерживавшею анархическіе элементы, которые благодаря ему могли вести лишь подпольную дѣятельность. Если они иногда и прорывались наружу—въ незначительныхъ случаяхъ, а изрѣдка и въ болѣе важныхъ дѣлахъ, то всетаки цѣлая область законныхъ постановленій оставалась неприкосновенною отъ посягательствъ преступной несправедливости. Самъ ап. Павелъ потерпѣлъ отъ мѣстнаго самоуправства въ Филиппахъ; но вообще до этого времени онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе быть признательнымъ къ безпристрастію римскаго закона. Въ Коринѣ онъ нашелъ защиту въ гордой справедливости Галліона; въ Ефесѣ—въ разумной рѣчи общественнаго блюстителя порядка, а не долго спустя онъ обязанъ былъ своею жизнью мужественной энергіи Лизія и безпристрастному покровительству Феста и даже Феликса. Мало того, даже при первомъ судѣ надъ нимъ его беззащитная невинность восторжествовала не только надъ всѣмъ авторитетомъ саддукеевъ и враждебнаго ему синедріона, но даже и надъ тайнымъ вліяніемъ Алитур и Понпеи. Да и не было никакого основанія для іудеевъ быть мятежными и непокорными. Если жестокость Сеяна и святотатство Клавдія причинили имъ много страданій въ Римѣ, то съ другой стороны они пользовались покровительствомъ Юлія и Августа и владѣли законными правами, которыя давали ихъ религіи признанное достоинство *religio licita*. Можно съ достовѣрностью сказать, что во многихъ большихъ городахъ самымъ своимъ существованіемъ они обязаны были непоколебимой твердости и величію римскаго закона; потому что еслибы онъ не давалъ имъ своего покровительства, то они погибли бы отъ истребительной ярости языческаго населенія, которое вмѣстѣ и завидовало имъ и ненавидѣло ихъ¹⁷⁶⁹).

Нѣтъ сомнѣнія, что сила этихъ доводовъ могла быть вполне признаваема тѣми іудеями, которые воспользовались еллинистической культурой. Очевидно однако же, что здѣсь ап. Павелъ имѣетъ дѣло скорѣе съ религіозными, чѣмъ политическими или даже теократическими предубѣжденіями. Первенствующая церковь въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ не была чужда вліянію есеевскихъ и евіонитскихъ элементовъ, и свое доказательство той истины, что гражданская власть получаетъ свой авторитетъ отъ Бога, ап. Павелъ противопоставляетъ лишь ходячему предубѣжденію, что она была лишь вассальствомъ діавола. Невѣроятно, чтобы въ Римѣ могъ существовать такой зилотскій фанатизмъ, который считалъ бы незаконнымъ для іудея признавать какого либо другаго земнаго правителя, кромѣ Бога, и смотрѣлъ на уплату подати какъ на своего рода отступничество (Мате. ххп, 17). Гораздо вѣроятнѣе, что апостолъ старается здѣсь противодействовать тому мятежному неповиновенію, которое могло возникать изъ преобладанія хилиастическихъ воззрѣній, въ родѣ тѣхъ, которыя мы находимъ въ клементинскихъ бесѣдахъ, именно, что «настоящій міръ со всѣми его земными властями есть царство діавола», и что сынъ будущаго не только не долженъ смотрѣть на гражданскихъ правителей какъ на «служителей Бога къ добру», но какъ на воплощенныхъ представителей духовнаго врага. Сторонники этого дикаго дуалистическаго взгляда могли ссылаться въ свою пользу даже на нѣкоторые изреченія въ Евангеліи, указывающія на нравственную негодность міра, хотя эти изреченія имѣли совершенно иной смыслъ¹⁷⁷⁰), и поэтому ап. Павелъ, съ своею обычною твердостью, въ ясныхъ положеніяхъ излагаетъ правило, которое, говоря почеловѣчески, одно только и могло спасти возникающую церковь отъ полнаго истребленія,—именно правило держаться вдали отъ политическихъ тревоженій. Въ общемъ, какъ іудеи, такъ и христіане, хорошо усвоили себѣ это наставленіе, и поэтому тѣмъ болѣе было необходимо, чтобы добрыя слѣдствія этого вѣрнаго исполненія обязанностей гражданина, на которое указываютъ какъ іудейскіе историки, такъ и христіанскіе отцы, не должны были вытѣсняться фанатическими теоріями зарождавшагося манихейства.

Вопросъ касательно уплаты гражданскихъ налоговъ естественно приводитъ ап. Павла къ вопросу объ уплатѣ и другихъ повинностей: Единственный долгъ, который христіанинъ долженъ всѣмъ людямъ, есть долгъ любви, — той любви, которая предотвращаетъ насъ отъ всякой неправды и есть поэтому исполненіе закона. Къ этой любви онъ приглашаетъ ихъ сильнымъ иносказаніемъ о глубокой полночи и приближающемъ днѣ, такъ что теперь пора отвергнуть дѣла тьмы и облечься въ оружіе свѣта¹⁷⁷¹), — мало того, облечься даже въ Господа, Иисуса Христа, именно въ тѣсное духовное общеніе съ Нимъ¹⁷⁷²).

Четырнадцатая глава опять открываетъ существованіе евіонитскихъ элементовъ въ римской церкви. Въ чужомъ городѣ и особенно на свободѣ, строгій іудей, нетронутый вліяніемъ еллинизма, находилъ себя въ полной невозможности

исполнять требованія закона касательно чистой и нечистой пищи, а еще болѣе многія мелочныя прибавленія, сдѣланныя къ этимъ постановленіямъ раввинскимъ фарисействомъ, такъ что ему по необходимости приходилось или жертвовать своими убѣжденіями, или ограничиваться въ своей пищѣ самыми простыми веществами. Такъ какъ ап. Павелъ указываетъ на законъ, то вѣроятно здѣсь онъ имѣетъ въ виду гораздо болѣе глубоко укоренившіяся привычки. Его цѣль — примирить антагонистическія чувства двухъ классовъ христіанъ, которыхъ онъ называетъ относительно «сильными» и «слабыми». «Сильные» считали всѣ дни одинаково святыми или, какъ сказали бы «слабые», одинаково несвятыми; между тѣмъ какъ «слабые» окружали субботу и іудейскія празднества рядомъ постановленій, рассчитанныхъ на самое строгое ихъ соблюденіе¹⁷⁷³). Затѣмъ «сильные» ѣли всякаго рода пищу безъ малѣйшаго емущенія, между тѣмъ какъ «слабые» смотрѣли на всякую животную пищу съ такимъ отвращеніемъ и подозрѣніемъ, что ничего не хотѣли ѣсть кромѣ злаковъ¹⁷⁷⁴). Усвоивъ столь строгія правила, они очевидно шли дальше постановленій Моисеева закона; и такъ какъ мы видимъ, что тѣ же самые взгляды и привычки существовали въ Римѣ и въ теченіе слѣдующаго столѣтія¹⁷⁷⁵), то едва ли возможно избѣжать подозрѣнія, что іудействующее христіанство этихъ «слабыхъ» собратій было окрашено тѣми есеевскими, фригійскими и пинагорейскими элементами, которые заставляли ихъ смотрѣть на матеріальное и чувственное какъ на нѣчто само по себѣ опасное, если и не положительно злое. Епифаній говоритъ, что Евіонъ лично посѣщалъ Римъ¹⁷⁷⁶), и хотя болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы когда либо существовала такая личность, однако же это извѣстіе указываетъ на преобладаніе тамъ такихъ взглядовъ. Между тѣмъ однимъ изъ евіонитскихъ началъ было то, что всякая животная пища нечиста¹⁷⁷⁷), въ кlementинскихъ бесѣдахъ яденіе мяса приписывается нечистымъ демонамъ и кровожаднымъ исполинамъ; и ап. Петру влагается въ уста сдѣланное имъ Клименту заявленіе, что «онъ питается только хлѣбомъ, маслинами и (въ маломъ количествѣ) другими овощами»¹⁷⁷⁸), — преданіе, которое у Климента Александрійскаго связывается также съ именами св. Матфея и Іакова «брата Господня», изъ которыхъ послѣдній, какъ сообщаетъ оно, не пилъ вина или крѣпкихъ напитковъ¹⁷⁷⁹). Очень возможно, что ап. Павелъ не видѣлъ необходимости формально предостерегать римскихъ христіанъ противъ тенденцій дуализма. Такимъ могло быть подпольное происхожденіе ложныхъ мнѣній, прежде чѣмъ оно поднялось до яснаго сознанія. Что ап. Павелъ видѣлъ — это именно опасность, что если будутъ преобладать «немошные», то христіанство могло вырождаться въ тяжелую и холодную обрядность; или что «сильные» могли относиться къ своимъ слабѣйшимъ братьямъ съ тѣмъ грубымъ и самохвальнымъ презрѣніемъ, которое или подвергло бы насильно нѣжную совѣсть иныхъ, или произвело бы полный разрывъ между различными членами церкви (Гал. II; v, 1—9; vi, 12, 13).

Это затрудненіе онъ размариваетъ тѣмъ же мастерскимъ способомъ — соче-

тающимъ свободу мысли съ сочувствіемъ къ немошамъ человѣческимъ, непоколебимое убѣжденіе съ снисходительностью къ предразсудкамъ, — который онъ уже имѣлъ случай проявить по подобному же вопросу въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ. Но въ высшей степени замѣчательно различіе между тономъ этой главы и тономъ посланія къ Галатамъ: оно показываетъ въ апостолѣ удивительный тактъ и гибкость. Тамъ ему приходилось отстаивать права христіанской свободы противъ посягательства на нихъ фарисейства, вслѣдствіе чего утвержденіе свободы язычниковъ было дѣломъ существенной важности. Поэтому онъ говоритъ, какъ и слѣдовало говорить, съ почти суровою презрительностью о тѣхъ «бѣдныхъ вещественныхъ началахъ», которымъ іудействующіе усиливались придавать важное жизненное значеніе. Здѣсь тонъ его совершенно иной, потому что и цѣль его совершенно иная, равно какъ иного рода и его читатели. Здѣсь онъ можетъ съ полною безусловностью допускать право пользованія христіанской свободой. Что касается до важности исполненія отдѣльныхъ постановленій закона, съ которымъ такую важную заслугу соединяли «немошные», то ему не представляется случая болѣе чѣмъ косвенно заявить о своемъ собственномъ равнодушіи въ этомъ отношеніи. Все, что онъ считаетъ нужнымъ, это — предостеречь «сильныхъ», чтобы они не были заносчивы въ своемъ осужденіи, и «немошныхъ», чтобы они не были слишкомъ высокомѣрны въ своемъ самовозношеніи. Онъ доказалъ всеобщность благодати и теперь долженъ показать священный долгъ единодушія между ними, какъ одинаково призванными, и защищаетъ это единодушіе противъ порицанія съ одной стороны и противъ презрѣнія съ другой.

Онъ не пытается скрыть, куда клонится его собственное сочувствіе; онъ совершенно ясно объявляетъ себя на сторонѣ «сильныхъ». Жизнь христіанина есть жизнь во Христѣ и стоитъ безконечно выше мелочей подзаконной обрядности. «Царство Божіе» — такую великую аксіому онъ предлагаетъ для рѣшенія всѣхъ подобныхъ вопросовъ — «не пища и питіе; но праведность и миръ и радость въ Святомъ Духѣ». Поэтому «сильные», по сужденію ап. Павла, были правы. Но по этой самой причинѣ необходимо было предостеречь ихъ противъ презрительнаго по отношенію къ слабымъ превозношенія въ своей высшей нравственной свободѣ и мудрости.

1. Пусть всякая партія идетъ своимъ путемъ, если только она считаетъ его лучшимъ, но пусть каждая воздерживается отъ преступнаго и безумнаго осужденія другой. Богъ, а не человѣкъ, да будетъ имъ судія, передъ судомъ котораго долженъ оправдываться всякій человѣкъ. И онъ найдетъ свое оправданіе, потому что Богъ дастъ ему силу къ тому. Самомнѣніе въ обладаніи особенною озаренностью есть такое же оскорбленіе противъ закона, какъ и ханжествующее самодовольство. Первый совѣтъ поэтому, на которомъ апостолъ останавливается съ особенною настойчивостью, есть взаимная снисходительность, тщательное избѣжаніе пререканій и распри касательно спорныхъ предметовъ. Пусть поэтому не

будетъ между ними ни нетерпѣливой строгости, ни гордой презрительности, но пусть всѣ избѣгаютъ спора и взаимно признають честность убѣждений. Это разномысліе не имѣетъ существенной важности и человѣку не должно относиться съ презрительностью или насиліемъ къ тѣмъ, которые отличаются отъ него въ своихъ воззрѣніяхъ. Партийный духъ религіозныхъ общинъ слишкомъ часто находить пищу для своихъ ожесточенныхъ споровъ въ простой соломѣ и плевелахъ¹⁷⁸⁰⁾.

2. Второй преподаваемый апостоломъ совѣтъ заключается въ тщательной заботливости о томъ, чтобы не смущать нѣжной совѣсти ближняго. Нужно имѣть снисхожденіе къ немощи другихъ, довольствоваться меньшимъ чѣмъ должно и поступаться своими собственными правами¹⁷⁸¹⁾. По его собственному положительному убѣжденію эти правила касательно пищи не имѣютъ существеннаго значенія, и нѣтъ такой пищи, которая была бы нечиста сама по себѣ. Но если, дѣйствуя въ этомъ убѣжденіи, мы побуждаемъ и другихъ дѣлать тоже самое, не смотря на протестъ ихъ совѣсти, то въ угоду мнимому самосудовлетворенію мы разрушаемъ дѣло Божіе и убиваемъ душу, за которую умеръ Христосъ (1 Кор. viii, 13). Скорѣе чѣмъ сдѣлать это или поставить ненужный камень преткновенія на пути какаго-либо брата-христіанина, мы должны не есть мяса и не пить вина, потому что христіанская любовь гораздо дороже, чѣмъ даже христіанская свобода (xiv, 13—21).

3. Третій его совѣтъ касается повиновенія яснымъ убѣжденіямъ¹⁷⁸²⁾. Счастливыя чловѣкъ, который не находитъ смущенія въ вопросѣ о безвредныхъ по существу предметахъ. Но если другой не можетъ освободиться отъ этого смущенія, какъ бы оно ни было, безосновательно и однакоже будетъ стараться, не смотря на протестующій голосъ совѣсти, въ своемъ образѣ дѣйствій проявить такую же свободу, тогда онъ навлекаетъ на себя самоосужденіе. Почему? Потому что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ ложно по отношенію къ той вѣрѣ, которая есть господствующее начало его христіанской жизни, а все что не отъ вѣры, все, что заключаетъ въ себѣ жизнь саму по себѣ, а не жизнь во Христѣ—есть грѣхъ¹⁷⁸³⁾.

Отсюда вытекаетъ истинное правило жизни, что мы не должны угождать самимъ себѣ, какъ и Христосъ не угождалъ себѣ, но носить немощи слабыхъ и стремиться къ взаимному назиданію. Такъ учить священное писаніе, и ап. Павелъ молится о томъ, чтобы Богъ терпѣнія и утѣшенія, вдохновлять которое есть цѣль св. писанія, даровалъ имъ единомысліе между собою, по ученію Христа Иисуса; и обращаясь какъ къ «слабымъ» іудействующимъ, такъ и къ «сильнымъ» язычникамъ, онъ заключаетъ этотъ совѣтъ тѣмъ же самымъ общимъ правиломъ, которымъ онъ и началъ: «посему принимайте другъ друга, какъ и Христосъ принималъ васъ во славу Божію» (xv, 1—7).

Самъ Христосъ далъ собой примѣръ любви и помощи обѣимъ великимъ составнымъ частямъ церкви. Онъ сдѣлался служителемъ для обрѣзанныхъ ради

истины Божіей, чтобы исполнить данное отцамъ обѣтованіе, и служителемъ для язычниковъ изъ состраданія къ нимъ. Христосъ такимъ образомъ показалъ милость тѣмъ и другимъ; а что язычники дѣйствительно были сдѣланы участниками этой милости, которую они сами въ высокомѣрномъ сознаніи своей свободы быть можетъ не всегда чувствовали себя наклонными простирагъ и на своихъ болѣе слабыхъ собратьевъ,—онъ затѣмъ доказываетъ ссылкой на Второзаконіе, пророка Исаію и Псалмы (Втор. xxxii, 43; Псал. lvi, 49; схvi, 1; Ис. xi, 10). Последняя цитата окончивается словами: «язычники надѣются будутъ», и онъ заключаетъ этотъ отдѣлъ еще новою молитвою: «Богъ же надежды да исполнитъ васъ всякой радости и мира въ вѣрѣ, дабы вы силою Духа Святаго обогатились надеждою».

Но на этомъ еще не оканчивается посланіе. Ап. Павелъ еще разъ берется за перо, чтобы увѣрить римскихъ христіанъ въ своей увѣренности въ нихъ и извиниться въ смѣлости своего посланія. Онъ указываетъ на то, что онъ по мѣрѣ своихъ силъ желалъ исполнить то служеніе для язычниковъ, которое онъ называетъ здѣсь священнодѣйствіемъ, потому что онъ есть какбы орудіе для принесенія язычниковъ въ жертву благопріятную Богу¹⁷⁸⁴⁾. Этимъ апостольствомъ (воздавая всякую славу Богу), этими знаменіями, которыми оно сопровождалось, этою обширностью поприща его благовѣствованія, простиравшагося отъ Іерусалима до Иллирія, онъ можетъ смиренно похвалиться.

Но онъ и еще стремится проповѣдывать въ странахъ, гдѣ еще не проповѣдано было имя Христово. Онъ не останется у нихъ, потому что онъ достаточно видѣлъ, сколько зла причиняють разные строители, строящіе на основаніи, котораго не закладывали; но онъ часто чувствовалъ сильное желаніе посѣтить ихъ на своемъ пути въ Испанію¹⁷⁸⁵⁾, чтобы, насладившись ихъ обществомъ¹⁷⁸⁶⁾, найти у нихъ пособіе для своего дальнѣйшаго путешествія. Доселѣ обстоятельства препятствовали ему предпринять это путешествіе, но теперь, когда его дѣло на востокъ было закончено,—онъ надѣется привести его въ исполненіе и удовлетворить свое искреннее желаніе повидѣть ихъ. Въ настоящее время однакоже онъ намѣренъ отправиться въ Іерусалимъ для сопровожденія упомощенныхъ, которые должны доставить бѣднымъ святымъ нѣчто изъ земныхъ даровъ отъ христіанъ Македоніи и Ахаіи, что составляетъ лишь малую благодарность за тѣ духовные дары, которые были приняты отъ нихъ язычниками. По окончаніи этого дѣла онъ отправился въ Испанію и на своемъ пути туда посѣтитъ и ихъ, и увѣренъ, что придетъ къ нимъ съ полнымъ благословеніемъ благовѣствованія Христова. Поэтому онъ усердно проситъ ихъ молить, чтобы ему избавиться отъ тѣхъ опасностей, которыя, какъ онъ знаетъ, грозили ему со стороны іудеевъ въ Іерусалимѣ, и чтобы приношеніе, собранное его трудами, было благопріятно святымъ, такъ чтобы ему въ радости, если Богу угодно, прийти къ нимъ и успокоиться съ ними¹⁷⁸⁷⁾. «Богъ же мира да будетъ со всѣми вами. Аминь» (xv, 9—33).

Этимъ, по всей вѣроятности, и заканчивалось посланіе къ римлянамъ. Мы уже привели достаточное основаніе въ подтвержденіе остроумнаго предположенія¹⁷⁸⁸⁾, что большая часть шестнадцатой главы была обращена къ ефесской церкви¹⁷⁸⁹⁾. Даже при бѣгломъ чтеніи ея нельзя не замѣтить указанія на то, чего бы совсѣмъ нельзя предполагать на основаніи первой части посланія, — именно, что въ римской церкви были раздѣленія и беспорядки (17—20) и что разные учителя, рабы собственныхъ измышлений, старательно и злонамѣренно, ласкательствомъ и лживымъ краснорѣчіемъ обольщали сердца простодушныхъ (Фил. ш, 2, 18; 2 Кор. xi, 10). Затѣмъ нельзя не замѣтить также и того, что отношеніе апостола къ тѣмъ, къ кому онъ пишетъ въ 19 стихѣ этой главы, отличается гораздо болѣе суровымъ, отеческимъ и властнымъ характеромъ, чѣмъ въ другихъ главахъ. Если, какъ съ основательною вѣроятностью предполагаютъ, ап. Павелъ желалъ, чтобы кромѣ незнакомой ему церкви римской и другія церкви воспользовались плодомъ его наиболѣе зрѣлыхъ мыслей и прочитали самое зрѣлое изложеніе проповѣдуемаго имъ Евангелія, то вѣроятно съ главной части посланія было сдѣлано нѣсколько копій писцами, изъ которыхъ однимъ былъ Тертій, тѣмъ больше, что услугами его апостолу было весьма легко воспользоваться въ это время. Въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего вѣроятнѣе того, что окончанія различныхъ копій должны были разнообразиться соотвѣтственно обстоятельствамъ различныхъ церквей, и нѣтъ ничего болѣе возможнаго, чѣмъ то, что въ одной какой нибудь копій тщательно сохранены были всѣ эти различныя заключенія. Во всякомъ случаѣ этимъ предположеніемъ просто и легко объясняется существованіе трехъ заключительныхъ благословеній (20, 24, 27), которыя встрѣчаются только въ этой главѣ.

Самое полное изъ посланій ап. Павла заключается самымъ полнымъ изъ его славословій¹⁷⁹⁰⁾: «Могущему же утвердить васъ по благовѣствованію моему и проповѣди Іисуса Христа, по откровенію тайны, о которой отъ вѣчныхъ временъ было умолчано, но которая нынѣ явлена, и чрезъ писанія пророческія по повелѣнію вѣчнаго Бога возвѣщена всѣмъ народамъ, для покоренія ихъ вѣрѣ, единому премудрому Богу, чрезъ Іисуса Христа, слава во вѣки. Аминь»¹⁷⁹¹⁾.

Монета Пергама
(съ эваскиллара въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XL.

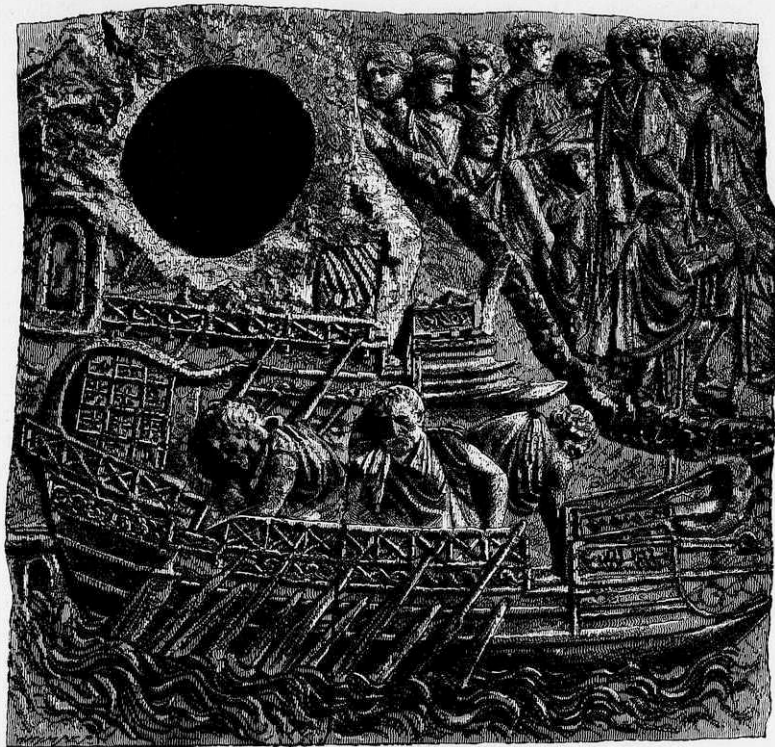
ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Покажи мнѣ человѣка, который бы дѣйствительно согласно исповѣдуемымъ имъ началамъ. Покажи мнѣ человѣка, который былъ бы боленъ и счастливъ, въ опасности и счастливъ, при смерти и счастливъ, въ изгнаніи и счастливъ, въ поношеніи и счастливъ. Эпиктетъ.

БЫЛО около февраля мѣсяца 58 года по Р. Хр., и дѣло, принятое ап. Павломъ въ Коринѣ, было удовлетворительно закончено. Пробывъ такимъ образомъ девять мѣсяцевъ въ Европѣ¹⁷⁹²⁾, апостолъ теперь желалъ добраться до Іерусалима къ празднику Пасхи, и потому онъ намѣренъ былъ отплыть прямо изъ Коринѣа въ одинъ изъ портовъ Палестины. Всѣ приготовленія были сдѣланы и повидимому онъ уже вошелъ на бортъ корабля, когда его извѣстили о неожиданномъ¹⁷⁹³⁾ заговорѣ со стороны іудеевъ съ цѣлью убить его. Намъ неизвѣстны подробности этого заговора. Мы знаемъ, что прежній заговоръ іудеевъ почти на пять лѣтъ раньше (въ 53 году) былъ разстроенъ здравомысліемъ Галліона; но даже если бы въ нихъ могло погаснуть чувство мщенія, нельзя все-таки сомнѣваться, что подъ тлѣющимъ пепломъ ихъ ненависти съ того времени могло вновь накопиться достаточно горячаго матеріала. Изъ каждаго морскаго порта Эгейскаго моря, съ возвышенности Малой Азіи, съ ея населенныхъ береговъ, изъ Троады подъ тѣнію горы Иды до Аенія подъ тѣнію горы Пентелика, отовсюду до нихъ доносилась молва о томъ смѣломъ исповѣданіи, которое повидимому попирало всѣ ихъ убѣжденія и отдавало язычникамъ ихъ самыя лелѣяныя надежды. Іудейскіе учителя, которые старались возбуждать іудействующихъ христіанъ противъ ап. Павла, находились въ совершенно дружескихъ отношеніяхъ

съ ними, и эти иудействующие съ большимъ удовольствіемъ распространяли самые худые слухи объ ученіи и дѣятельности ап. Павла. Но помимо всякаго искаженія, его дѣйствительной аргументаціи было совершенно достаточно для того, чтобы довести ихъ до безумной ярости. Мы можемъ быть увѣрены, что

Римскій корабль.
(съ Траяновой колонны).

ап. Павелъ училъ такъ же, какъ онъ и писалъ. И такъ какъ особенностью его ума, какъ мы замѣтили, было то, что онъ часто увлекался *словами* и наиболѣе сильными выраженіями ¹⁷⁹⁴⁾, то можно напередъ заключить, даже если бы это и не доказывалось съ избыткомъ его посланіями, что онъ еще болѣе поддавался и поглощался *мыслями*, которые могли въ извѣстное время возникать въ его непо-

средственномъ сознаніи. Мы можемъ считать психологически вѣрнымъ, что его бесѣды въ Коринѣ были отблескомъ тѣхъ самыхъ доводовъ, которыми наполнены два его посланія, писанныя имъ въ Коринѣ; а для іудеевъ тѣ выводы, къ которымъ они направлены, могли казаться вопіющимъ богохульствомъ. «Нѣтъ ни іудея, ни язычника»—что же поэтому случилось съ завітомъ, съ Авраамомъ и съ его сѣменемъ? «Нѣтъ ни обрѣзанія, ни необрѣзанія»—гдѣ же Моисей и весь блескъ Синая? «Немощныя и бѣдныя начала»—если эти названія прилагать къ боговдохновенной, священной, вѣчной Торѣ, въ которой говорилъ самъ Богъ, то гдѣ же слава міра? Неудивительно, что іудеи прибѣгли къ заговору. Ап. Павелъ подъ эгидой римской власти былъ безопасенъ въ городѣ, но они могли отмстить ему, лишь только корабль его оставить берегъ. Богатые іудейскіе купцы Коринѣа безъ затрудненія могли склонять на свою сторону матросовъ и капитановъ кораблей, которые находились въ достаточной зависимости отъ нихъ, чтобы произвести какое угодно насиліе за небольшое вознагражденіе.

Какъ былъ открытъ этотъ заговоръ—мы не знаемъ. Сцены смятенія и опасныхъ приключеній были столь обычнымъ явленіемъ въ жизни ап. Павла, что ни онъ, ни его спутники не считали нужнымъ разсказывать подробности о нихъ. Мы знаемъ только, что послѣ быстрого обсужденія дѣла было рѣшено, чтобы ап. Павелъ, въ сопровожденіи уполномоченныхъ, достаточно многочисленныхъ для защиты его отъ обычныхъ опасностей, отправился круговымъ путемъ чрезъ Македонію. Надежда достигнуть Іерусалима къ Пасхѣ конечно была оставлена: оставалась единственная надежда прибыть туда къ Пятидесятницѣ. Что все это случилось такъ, это послужило несомнѣнно къ благу, потому что еслибы ап. Павелъ былъ въ святомъ городѣ во время Пасхи, то онъ былъ бы замѣшанъ своими врагами въ мятежъ и кровопролитіи, которыми въ это время ознаменовалось безумное возстаніе египетскаго обманщика, называвшаго себя Мессіей ¹⁷⁹⁵⁾.

Изъ семи обращенцевъ ¹⁷⁹⁶⁾, которые сопровождали ап. Павла—именно: Сосипатръ, сынъ Пирра ¹⁷⁹⁷⁾, верейнинъ, Аристархъ и Секундъ изъ Фессалоники, Гаій Дервянинъ, Тимоей изъ Листры, Тихикъ и Трофимъ изъ Ефеса и Лука, всѣ, исключая послѣдняго, видимо оставили его въ Филиппахъ и отправились въ Троаду, чтобы ожидать его тамъ ¹⁷⁹⁸⁾. Св. Лука находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Филиппами, гдѣ ап. Павелъ оставилъ его при своемъ первомъ посѣщеніи ¹⁷⁹⁹⁾, и оба они остались въ римской колоніи для соблюденія Пасхи. Очень счастливо, можно думать, и спокойно проведено было это время ап. Павломъ въ лонѣ церкви, которую онъ любилъ больше всѣхъ,—среди самыхъ безупречныхъ и самыхъ любвеобильныхъ изъ всѣхъ его обращенцевъ. Навѣрно прошли годы, прежде чѣмъ ему опять пришлось провести Пасху въ столь мирномъ и счастливомъ кругу ¹⁸⁰⁰⁾.

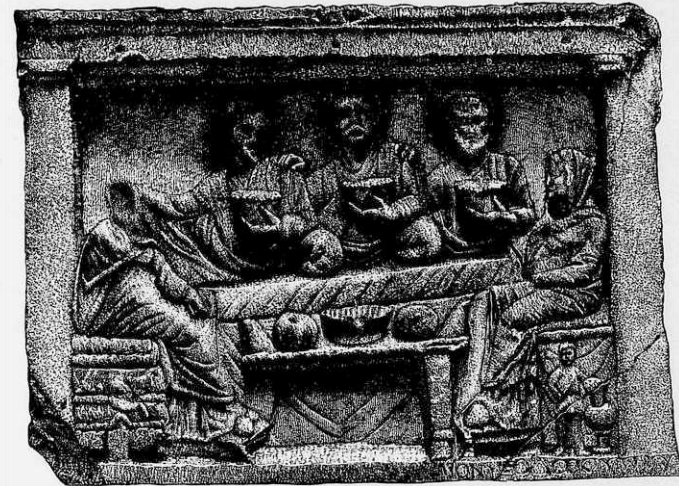
Восьмидневное празднество въ томъ году окончилось въ понедѣльникъ 3 апрѣля, и на слѣдующій день они отплыли. Задержанные штилемъ или про-

тивными вѣтрами, они плыли цѣлыхъ пять дней ¹⁸⁰¹) до Троады, и тамъ опять оставались семь дней (срав. хх, 6; ххi, 4; ххvii, 14). Медлительность эта непостижима, особенно въ виду той поспѣшности, съ которою апостолъ повидимому старался прибыть въ Иерусалимъ къ празднику Пятидесятницы. Было уже около 10 апрѣля, и такъ какъ Пятидесятница въ томъ году выпала на 17 мая, то ап. Павлу, при всей неправильности древней навигаціи, нельзя было терять ни одного дня. Можно быть вполне увѣреннымъ, что его вовсе не удерживали здѣсь ни блескъ города съ его гранитными храмами и массивной гимназіей, ни древнія и поэтическія воспоминанія окрестностей, ни даже очаровательность рощъ, горъ и видовъ синяго моря. Хотя во время своихъ прежнихъ посѣщеній этого города онъ два раза принуждаемъ былъ сокращать пребываніе въ немъ—однажды македонскимъ видѣніемъ и однажды желаніемъ встрѣтить Тита,—то все-таки едва ли могъ задержать его тамъ даже интересъ, который онъ по необходимости долженъ былъ чувствовать къ юной и процвѣтающей церкви города, какъ одного изъ тѣхъ немногихъ городовъ, въ которыхъ онъ не подвергался преслѣдованію. Медлительность поэтому вѣроятно происходила вслѣдствіе затрудненія найти или нанять требовавшееся ему судно (2 Кор. ii, 13).

Какъ бы то ни было, недѣльное пребываніе его тамъ ознаменовалось случаемъ, который въ высшей степени интересенъ, какъ одно изъ немногихъ даваемыхъ новымъ завѣтомъ указаній на древнее христіанское богослуженіе. Дикая безурядица, представлявшая въ церкви Коринтской столь странное зрѣлище тщеславія, фанатизма и алчности, могла бы дать намъ, если бы мы не считали ея совершенно исключительною, въ высшей степени неблагоприятное понятіе о древнихъ воскресныхъ собраніяхъ. Къ счастью, совершенно иная картина представляется намъ въ это апрѣльское воскресенье—въ Александрін-Троадѣ въ 58 г. по Р. Х. ¹⁸⁰²).

Это было вечернее собраніе. Имѣли ли христіане уже въ этотъ періодъ обычай собираться дважды—рано утромъ до зари для цѣнія и молитвъ и поздно вечеромъ для участія въ вечери любви и таинствъ Господнемъ, какъ это дѣлалось у нихъ лѣтъ пятьдесятъ послѣ этого времени въ сосѣдней провинціи Вигоніи ¹⁸⁰³), —мы не знаемъ. Соблюденіе воскреснаго дня въ первомъ столѣтіи довольно неясно. Иудейскіе христіане несомнѣнно продолжали соблюдать субботу, но ап. Павелъ не одобряетъ принятія такого обычая среди язычниковъ. Изъ его выраженій можно заключать даже, что онъ и вообще не смотрѣлъ благосклонно на всякое соблюденіе временъ или дней, когда оно отзывалось суботничествомъ (Римл. xiv, 5; Гал. iv, 10; Кол. ii, 16). Все, что мы знаемъ, это то, что со времени воскресенія Христа первый день недѣли ознаменовывался особыми христіанскими собраніями для религіозныхъ цѣлей, и что въ этотъ именно воскресный вечеръ члены церкви Троадской, согласно съ своимъ постояннымъ обычаемъ, собрались для участія въ вечери любви и для воспоминанія смерти Христовой въ таинствѣ евхаристіи ¹⁸⁰⁴).

Собраніе могло быть тѣмъ болѣе многочисленно, что на слѣдующій день апостолъ съ своими спутниками долженъ былъ оставить ихъ. Они собрались въ одной изъ тѣхъ верхнихъ комнатъ третьяго этажа, которые были самымъ прохладнымъ и пріятнымъ отдѣленіемъ восточнаго дома. Труды дневные были закончены, солнце уже сѣло, и такъ какъ прошло уже три недѣли съ пасхальнаго полнолунія, то только блѣдный серпъ луны могъ разгонять ночную тьму. Но горница была переполнена свѣтильниками ¹⁸⁰⁵); и въ порывѣ своего переполненнаго сердца ап. Павелъ, зная по многимъ таинственнымъ внушеніямъ объ ожидавшихъ его опасностяхъ, продолжалъ свою бесѣду съ ними до полночи.

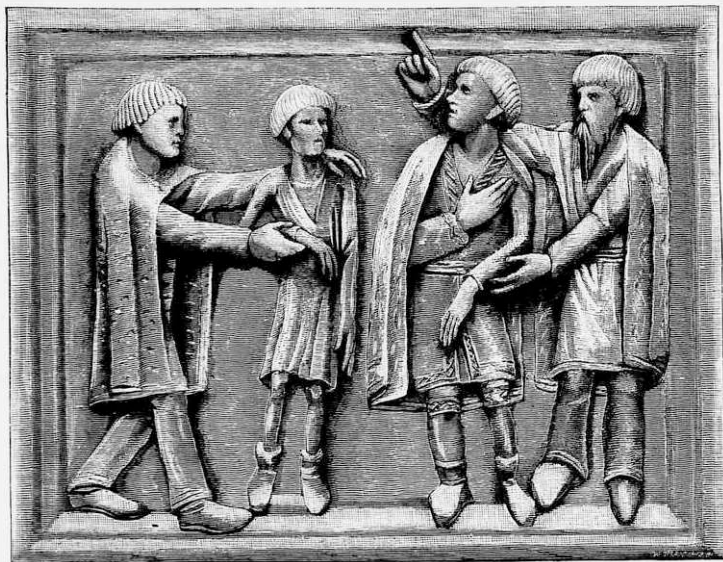

Пиршество

(съ скульптурнаго изображенія въ Британскомъ музеѣ).

На широкомъ подоконникѣ одного изъ открытыхъ оконъ, затворки котораго были настежь открыты для доступа прохладнаго морскаго вѣтерка, сидѣлъ юноша по имени Евтихъ ¹⁸⁰⁶). Время было очень позднее, бесѣда необыкновенно затянулась, предметы, о которыхъ шла рѣчь, вѣроятно превосходили его разумніе. Хотя онъ сидѣлъ въ самомъ пріятномъ мѣстѣ комнаты, гдѣ могъ пользоваться свободнымъ доступомъ свѣжаго воздуха, однако же жаръ отъ люднаго собранія и свѣтъ многихъ свѣтильниковъ, а также непрерывный потокъ рѣчи проповѣдника ¹⁸⁰⁷) совершенно усыпили Евтиха. Яркое описаніе св. Луки почти заставляетъ думать, что онъ наблюдалъ за нимъ, не желая быть можетъ тревожить его, но въ тоже время и сознавая отчасти его опасность; но вотъ юноша началъ

опускаться, голова его упала ему на грудь и наконецъ съ крикомъ и шумомъ онъ упалъ изъ третьяго этажа внизъ на дворъ¹⁸⁰⁸). Можно себѣ представить смятеніе и крики, которыми сразу былъ прерванъ голосъ проповѣдника, когда нѣкоторые изъ собравшихся бросились внизъ по лѣстницѣ¹⁸⁰⁹), чтобы посмотреть, что случилось. Было темно¹⁸¹⁰) и бѣдный юноша лежалъ безъ чувствъ и поднять былъ замертво¹⁸¹¹). Крикъ ужаса и вопль вырвался у окружающихъ; но Павелъ, сойдя внизъ, палъ на него и обнимая¹⁸¹²) его своими руками, сказалъ:

Воскресеніе Евтиха

(со снимка въ Ватиканскомъ музее. Подлинникъ въ Луврѣ).

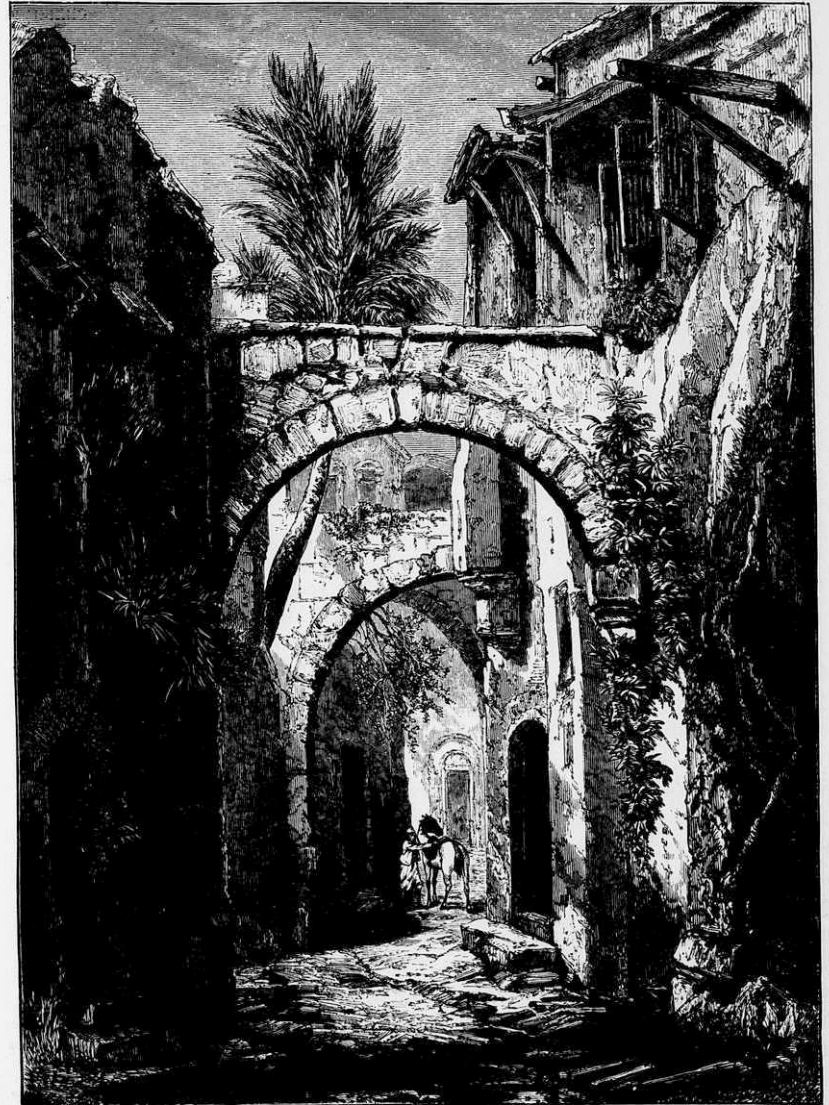
«не беспокойтесь, потому что его жизнь въ немъ». Успокоивъ этимъ замѣчаніемъ возбужденіе, онъ оставилъ юношу подѣ благотворнымъ вліяніемъ покоя и тишины, а также быть можетъ и доброй заботливости діакониссы и другихъ присутствующихъ женщинъ; потому что повѣствованіе просто прибавляетъ, что апостолъ опять пошелъ вверхъ и послѣ «преломленія хлѣба»¹⁸¹³) (какъ описывается евхаристическое священнодѣйствіе) и совершенія трапезы, которая послѣ называлась *агапой*, онъ продолжалъ дружески бесѣдовать съ собраніемъ до разсвѣта дня и затѣмъ вышелъ. Тѣмъ временемъ Евтихъ вполне оправился и его привели живаго—очевидно въ верхнюю комнату, и не мало утѣшились всѣ.

На слѣдующій день уполномоченные—«эти первые христіанскіе паломники въ святую землю»—сѣли на корабль и поплыли вокругъ мыса Лектейскаго, между тѣмъ какъ самъ ап. Павелъ отправился сухимъ путемъ¹⁸¹⁴) по низменной части мыса для присоединенія къ нимъ въ Ассѣ. Нужно ли ему было посѣтить друзей по пути, или онъ желалъ пройти эти тридцать пять верстъ пріятными дубовыми рощами по римскимъ дорогамъ въ безмолвномъ общеніи съ своимъ собственнымъ духомъ—мы не знаемъ; подобныя натуры, какъ ни сильны онѣ желаніемъ сочувствія, часто однако же чувствуютъ непреодолимую потребность въ уединеніи. Если онъ слышалъ объ остроумномъ приложеніи, какое сдѣлано было Стратоникомъ изъ стиха Гомера (*Ἄστρον ἴσ' ὅς κεν θάσσον κλέπτειν τερπιδ' ἔλκει*), то улыбаясь этой веселой шуткѣ, направленной противъ крутаго схода изъ города въ гавань, онъ могъ думать, что и для него также—на его пути къ узамъ и тюремному заключенію и быть можетъ къ самой смерти—заключалось печальное значеніе въ этой строкѣ¹⁸¹⁵). Пройдя между двумя саркофагами по улицѣ гробовъ и выйдя древними воротами, которыя въ развалинахъ стоятъ еще и теперь, онъ направился по крутому сходу къ гавани и тамъ нашелъ ожидавшій его корабль. Св. Лука, между другими находившійся на палубѣ корабля, даетъ намъ страницу изъ своего дневника, когда корабль летѣлъ на парусахъ среди острововъ Греціи. Плаваніе повидимому было вполне благопріятное. Сѣверо-западный вѣтеръ, господствующій въ это время года, каждый день надувалъ паруса, и корабль быстро несся по синему морю подѣ тѣнію древнихъ поэтическихъ горъ, мимо знаменитыхъ городовъ и вдоль зеленѣющихъ береговъ. Въ тотъ же самый вечеръ они прибыли въ Митилену, великолѣпную столицу Лесбоса, родину Сапфо и Алкея и колыбель лирической пѣсни. Здѣсь они бросили якорь, потому что безлунная ночь дѣлала небезопаснымъ путь среди многихъ выступовъ скалистата берега. На слѣдующій день они бросили якорь у скалистата Хиоса, зеленая равнина котораго были сказочной родиной Гомера¹⁸¹⁶), а на слѣдующій на короткое время остановились въ Самосѣ и затѣмъ, пройдя узкій каналъ, на ночь бросили якорь въ гавани Трогиллія подѣ хребтомъ Микалы, столь знаменитой побѣдой Конона. На слѣдующій день, проплывъ мимо гавани Ефеса, они бросили якорь въ Милетѣ. Ап. Павелъ съ радостью посѣтилъ бы Ефесъ, если бы позволило время, но ему такъ хотѣлось прибыть въ Іерусалимъ къ Пятидесятницѣ, что, во избѣжаніе всякаго замедленія добровольнаго или случайнаго, онъ противился всякому подобному искушенію. Въ Милетѣ однако же корабль долженъ былъ остановиться, и ап. Павелъ рѣшилъ воспользоваться этимъ краткимъ пребываніемъ тамъ. Онъ вѣроятно прибылъ около полудня и сразу же послалъ вѣстника къ старѣйшинамъ города Ефеса, чтобы они пришли повидаться съ нимъ¹⁸¹⁷). Ихъ отдѣляло лишь пространство въ 50—60 верстъ по хорошей дорогѣ, и старѣйшины¹⁸¹⁸) легко могли быть у него на слѣдующій день, который, считая съ отправленія его изъ Трояды, былъ вѣроятно воскресенье. Этотъ день

онъ провелъ въ ихъ обществѣ, и прежде чѣмъ разстаться съ ними, обратился къ нимъ съ рѣчью, которая изобилуетъ своеобразными формами выраженія и даетъ глубоко интересный очеркъ его дѣятельности въ Ефесѣ.

«Вы знаете, сказалъ онъ,—какъ я съ перваго дня, въ который пришелъ въ Асію, все время былъ съ вами, работая Господу со всякимъ смиренномудріемъ и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мнѣ по злоумышленію іудеевъ¹⁸¹⁹⁾; какъ я не пропустилъ ничего полезнаго¹⁸²⁰⁾, о чемъ вамъ ни проповѣдалъ бы и чему ни училъ бы васъ всенародно и по домамъ, возвѣщая іудеямъ и еллинамъ покаяніе предъ Богомъ и вѣру въ Господа нашего Иисуса Христа. И вотъ нынѣ я по влеченію Духа¹⁸²¹⁾ иду въ Іерусалимъ, не зная, что тамъ встрѣтятся со мною. Только Духъ Святой по всѣмъ городамъ свидѣлствуетъ, говоря, что узы и скорби ждутъ меня. Но я ни на что не взираю¹⁸²²⁾ и не дорожу своею жизнью, только бы съ радостью совершить поприще мое и служеніе¹⁸²³⁾, которое я принялъ отъ Господа Иисуса проповѣдать¹⁸²⁴⁾ Евангеліе благодати Божіей. И нынѣ вотъ я знаю, что уже не увидите лица моего всѣ вы, между которыми ходилъ я, проповѣдуя царство Божіе¹⁸²⁵⁾. Посему свидѣлствую вамъ въ нынѣшній день, что чистъ я отъ крови всѣхъ, ибо я не упустилъ возвѣщать вамъ всю волю Божію. И такъ, внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святой поставилъ васъ блюстителями пасти церковь Господа и Бога¹⁸²⁶⁾, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ кровію Своею. Ибо я знаю, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и изъ васъ самихъ¹⁸²⁷⁾ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою. Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года, ночь и день¹⁸²⁸⁾, непрестанно со слезами¹⁸²⁹⁾ училъ каждого изъ васъ. И нынѣ предаю васъ, братія, Богу и слову благодати Его, могущему назидать васъ болѣе и дать вамъ наслѣдіе со всѣми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ; сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили»—и при этомъ онъ протянулъ свои тонкія истощенныя трудомъ руки предъ ними—«руки мои сіи. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ трудясь, надобно поддерживать слабыхъ и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Онъ самъ сказалъ: блаженнѣе давать, нежели принимать»¹⁸³⁰⁾.

Послѣ этихъ словъ, которыя такъ ярко изображаютъ неутомимое трудолюбіе, глубокое смиреніе, совершенную нѣжность его апостольскаго служенія, трогательная торжественность сцены произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Онъ закончилъ свою молитву среди взрыва плача, и когда они прощались съ нимъ, тревожась за его будущее, тревожась и за свое собственное будущее, то всѣ склонили свои головы къ нему на шею (срав. Быт. хlv, 14; хlvі, 29) и горячо цѣловали его¹⁸³¹⁾, огорченные особенно его замѣчаніемъ, что они уже никогда не увидятъ его какъ видѣли доселѣ¹⁸³²⁾, никогда не будутъ больше смотрѣть на дорогое имъ лицо своего учителя, который столько вынесъ ради ихъ

Улица въ Родосѣ.

и которого они такъ любили. Если ап. Павелъ возбуждалъ къ себѣ сильную ненависть въ своихъ противникахъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ, при всѣхъ недостаткахъ своей вѣщности, онъ также вдохновлялъ къ себѣ и самую сильную привязанность. Онъ долженъ былъ, по сильному выраженію св. Луки ¹⁸³³), вырваться отъ нихъ. Печальные и подавляемые разными мрачными предчувствіями, они пошли съ нимъ къ кораблю, который въ это время ожидалъ его, и мы можемъ быть вполне увѣрены, что ап. Павелъ горько плакалъ, когда онъ вступалъ на палубу корабля, и въ свою очередь на берегу плачь собратій раздавался до тѣхъ поръ, пока паруса не слились въ неясное бѣлое пятно на далекомъ горизонтѣ; и пресвитеры ефесскіе съ тяжелымъ сердцемъ возвратились назадъ, чтобы еще разъ, уже безъ всякой надежды на помощь отъ своего духовнаго отца, встрѣтить испытаніе, ожидавшее ихъ въ городѣ Артемиды.

Вѣтеръ былъ совершенно благопріятный для путешественниковъ и вечеромъ они прямымъ курсомъ прибыли въ Косъ. Ни вина, ни пурпуръ, ни благовонія Коса не могли много интересовать эту малую общину ¹⁸³⁴); но если бы представилась возможность, то можно быть увѣреннымъ, что «возлюбленный врачъ» не упустилъ бы случая осмотрѣть достопримѣчательности Асклеіады—великой медицинской школы древняго міра. На слѣдующій день корабль обогнулъ мысъ Книдія и направился къ Родосу, гдѣ, по вступленіи въ гавань, они могли любоваться изумительнымъ, вошедшимъ въ пословицу, плодородіемъ этого прекраснаго острова розъ, и съ любопытствомъ посмотрѣли бы на развалины его величественнаго колосса, огромная масса бронзы котораго была уже разрушена землетрясеніемъ, хотя ноги его еще стояли на своемъ пьедесталѣ ¹⁸³⁵), съ котораго они тринадцать вѣковъ спустя были разломаны и унесены на девятистахъ верблюдахъ въ качествѣ безславной добычи іудея ¹⁸³⁶). Эта чудовищная масса,—одно изъ чудесъ свѣта,—была изображеніемъ солнца, и если языческіе обращенцы могли останавливаться на ней съ чувствомъ художественнаго очарованія, то ап. Павелъ вѣроятно могъ лишь съ улыбкою подумать о Дагонѣ, когда онъ палъ и осрамилъ своихъ поклонниковъ; или указать на него, какъ на символъ грядущаго дня, когда всѣ идолы падутъ и расточатся при возвращающейся зарѣ солнца правды. Морская держава, въ память которой была воздвигнута эта огромная статуя, такъ же рушилась и исчезла, какъ долженъ былъ исчезнуть и культъ Аполлона. И для ап. Павла произведеніе Хареса Линдскаго, не смотря на все его изящество и красоту, было лишь огромнымъ идоломъ, достойнымъ всякаго сожалѣнія, причемъ къ храму, воздвигнутому этому идолу богоотступнымъ идумейскимъ узурпаторомъ, называвшимъ себя царемъ іудеевъ, можно было относиться только съ праведнымъ презрѣніемъ ¹⁸³⁷).

На слѣдующій день, пройдя семь мысовъ, оканчивающихъ горный кряжъ «зеленющаго Крага», и устье желтой рѣки, дававшей свое имя Ксанозъ столицѣ Ликии, и такимъ образомъ издали видя храмы, богатые мраморомъ, теперь укра-

шающимъ Британскій музей, корабль, несшій на себѣ одного изъ величайшихъ рѣшителей судьбы будущаго, направилъ свой путь на востокъ къ Патарѣ. Подъ холмомъ, вздымавшимся надъ амфитеатромъ, среди пальмовыхъ деревьевъ, поднимался также храмъ и оракулъ Аполлона Патарскаго, отъ всего былаго блеска котораго теперь остается лишь единственная колонна и яма, быть можетъ употреблявшаяся для какихъ нибудь суевѣрныхъ обрядовъ ¹⁸³⁸).

Замокъ Росо на берегу Ликии.

Здѣсь ап. Павлу съ своими спутниками пришлось разстаться съ своимъ кораблемъ, на которомъ они совершили столь пріятный и, не смотря на всѣ мрачныя предчувствія, столь счастливый путь. Или назначеніе его кончилось здѣсь, или онъ направлялся дальше къ берегамъ Памфиліи или Киликіи. Но къ счастью они нашли здѣсь другой корабль, прямо направлявшійся въ Финикію, и они тотчасъ же сѣли на него и поплыли дальше. Вѣтеръ опять благопріятствовалъ имъ. Плывя не только днемъ, но и ночью при лунномъ свѣтѣ и дѣлая по сто-семидесяти-пяти верстъ въ сутки, они на разсвѣтѣ завидѣли ¹⁸³⁹) снѣговыя вершины Книра и, минуя Пафъ, гдѣ ап. Павелъ могъ вспомнить о Сергіѣ Павлѣ

и Элимѣ, въ какіе нибудь четыре дня прибыли въ Тиръ, гдѣ корабль ихъ долженъ былъ сложить свой грузъ. Ап. Павелъ теперь навѣрно уже пересталъ тревожиться касательно возможности своего прибытія въ Иерусалимъ къ Пятидесятницѣ, такъ какъ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, теперь онъ имѣлъ въ запасѣ цѣлыхъ двѣ недѣли. Въ Тирѣ было нѣсколько учениковъ и ап. Павелъ быть можетъ видѣлъ ихъ при прежнихъ случаяхъ (Дѣян. xxvi, 20; Гал. i, 21); но въ такомъ людномъ и промышленномъ городѣ требовалось не мало усилій для того, чтобы найти ихъ¹⁸⁴⁰). Съ ними ап. Павелъ пробылъ свой обычный семидневный періодъ, и они, по внушенію Духа, говорили ему, чтобы онъ не ходилъ въ Иерусалимъ. Хотя онъ и самъ сознавалъ о предстоящей ему опасности, однакоже онъ вполнѣ отдавался водительствоу того же самаго Духа, который велъ его впередъ какбы добровольнаго узника. По прошествіи недѣли¹⁸⁴¹), ап. Павелъ оставилъ ихъ, и въ это короткое время онъ такъ глубоко привязалъ ихъ къ себѣ, что всѣ члены маленькой общины, съ своими женами и дѣтьми, вышли провожать его въ путь. Прежде чѣмъ дойти до корабля, они всѣ, мужчины, женщины и дѣти, пали на колѣна гдѣ нибудь на скалистомъ берегу¹⁸⁴²), близъ того мѣста, гдѣ стоялъ корабль, и молились вмѣстѣ—онъ за нихъ, а они за него, прежде чѣмъ возвратиться домой; а онъ еще разъ взошелъ на корабль для послѣдняго перѣзда въ своемъ путешествіи отъ Тира до Птолемаиды, новѣйшей Акры. Тамъ они окончательно оставили свой корабль и отправились привѣтствовать учениковъ, съ которыми они пробыли одинъ день, и затѣмъ сухимъ путемъ отправились чрезъ рачину Саронскую, блиставшую въ это время тысячами весеннихъ цвѣтовъ, и прошли восьмидесятиверстный путь, отдѣляющій Акру отъ Кесаріи. Здѣсь ап. Павелъ остался до самаго кануна праздника. Всегда готовый встрѣтить опасность, когда призывалъ его долгъ, онъ не имѣлъ желанія растягивать ее продолжительность или увеличивать ее неизбежность. Въ Кесаріи поэтому онъ оставался съ своими сотоварищами въ теченіе нѣсколькихъ дней и это были послѣдніе счастливые дни той свободы, которою онъ наслаждался дотолѣ. Богу угодно было освѣжить его духъ этимъ краткимъ промежуткомъ радостнаго общенія и покоя. Въ Кесаріи они гостили у того, кто былъ связанъ съ ап. Павломъ тѣсными узами глубочайшаго сочувствія, именно у Филиппа евангелиста. Будучи подобно ему еллинистомъ и притомъ свободомыслящимъ еллинистомъ, Филиппъ, какъ конечно съ радостью призналъ ап. Павелъ, былъ первымъ, кто выказывалъ ему то сочувствіе и ясное пониманіе, безъ которыхъ было бы невозможно самое дѣло ап. Павла. Это былъ Филиппъ, который благовѣствовалъ ненавистнымъ самарянамъ; Филиппъ, который имѣлъ смѣлость крестить еіюпскаго евнуха. Судьба этихъ двухъ благородныхъ тружениковъ была тѣсно связана между собой. Яростное гоненіе Савла фарисея и было главной причиной, которая разсѣяла церковь іерусалимскую и такимъ образомъ сдѣлала бесполезнымъ учрежденіе семи діаконовъ. Вслѣдствіе бѣгства отъ этого именно гоненія измѣнилась дѣятельность Филиппа.

Съ другой стороны эта новая дѣятельность началась именно тѣмъ, что составляло задачу всей жизни Павла апостола. Когда ап. Павелъ и Филиппъ бесѣдовали между собою въ эти немногіе драгоценные часы, они могли перебрать въ своей душѣ много трогательныхъ воспоминаній о тѣхъ дняхъ, когда свѣтъ небесный, нѣкогда сіявшій на лицѣ Стефана, обращенномъ къ небу въ агоніи мученичества, палящимъ предзнаменовательнымъ огнемъ отразился также и на лицѣ юноши, имя котораго было Савлъ. И помимо общенія мыслей и воспоминаній, домъ Филиппа былъ благословенъ нѣжнымъ уходомъ четырехъ дочерей его, которыя, ожидая пришествія Христа, посвятили на служеніе Евангелію свою дѣвственную жизнь¹⁸⁴³).

Къ этой маленькой счастливой общинѣ вѣрующихъ пришелъ изъ Іудеи пророкъ Агавъ, который въ ранніе годы дѣятельности ап. Павла въ Антиохіи предостерегъ церковь отъ имѣвшаго наступить голода. Принявъ символическій образъ древнихъ пророковъ (сн. 3 Цар. xxi, 11; Ис. xx, 2; Іерем. xxi, 1 и проч.), онъ подошелъ къ ап. Павлу, развязалъ поясъ, которымъ подвизанъ былъ его *кетонеъ*, и, связывая имъ себѣ руки и ноги, сказалъ: «такъ говоритъ Духъ Святой: мужа, чей этотъ поясъ, такъ свяжутъ въ Иерусалимѣ іудеи и предадутъ въ руки язычниковъ». Собратья уже и сами знали о связанной съ предстоящимъ посѣщеніемъ опасности, но они еще не имѣли доселѣ столь опредѣленнаго извѣщенія объ этомъ, равно какъ и не предвидѣли, чтобы іудейское нападеніе могло окончиться римскимъ тюремнымъ заключеніемъ. Услышавъ это, сотоварищи ап. Павла усердно просили его, чтобы онъ остался тамъ, гдѣ находился, а они одни отправятся въ Иерусалимъ и доставятъ приношеніе отъ языческихъ церквей; и даже члены Кесарійской церкви присоединили свои слезные молебны къ слезнымъ молебамъ его возлюбленныхъ сотоварищей, упрасывая его не идти на явную опасность. Зачѣмъ ему подвергать опасности свою драгоценную жизнь? Такъ какъ Духъ дѣлалъ ему столь много предостереженій, то не было ли бы даже съ его стороны неразумнымъ выступать такимъ образомъ противъ самаго оплота его ожесточеннѣйшихъ враговъ? Ап. Павелъ не былъ нечувствителенъ къ ихъ любящимъ просьбамъ и доводамъ. И если бы онъ рѣшилъ, что для него совершенно неразумно настаивать на своемъ намѣреніи, то могъ бы имѣть для себя много извиненій; но этому не суждено было быть такъ. Намѣреніе его было непоколебимо. Даже голосъ пророка не могъ отворить его отъ послушанія призыву, который, по его сознанію, происходилъ отъ Бога. Какъ узникъ, приговоренный къ торжествующей колесницѣ Христа—что могъ онъ дѣлать? Что могъ онъ дѣлать, какъ не благодарить Бога, даже если Евангеліе, которое было для нѣкоторыхъ благоуханіемъ жизни, дѣлалось для него благоуханіемъ земной смерти? Разъ перстъ Божій указалъ путь возвышенной душѣ, она не свернетъ съ него ни направо, ни налево. «Что вы дѣлаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?» сказалъ онъ имъ; «я не только хочу быть узникомъ, но готовъ и

умереть въ Иерусалимѣ за имя Господа Иисуса». Тогда всѣмъ стало ясно, что дальнѣйшія упрасиванія были бы мучительны для него и вмѣстѣ бесполезны. Поэтому они успокоились и отерли свои слезы, говоря: «да будетъ воля Господня».

Слишкомъ скоро счастливые дни покоя и любящихъ бесѣдъ пришли къ концу. Отъ Кесаріи до Иерусалима было двадцать верстъ — три дня обычнаго пути. Праздникъ въ томъ году начинался съ закатомъ солнца въ среду 17 мая ¹⁸⁴⁴). Последнимъ днемъ въ Кесаріи было воскресенье. На слѣдующій день путники уложили свой багажъ ¹⁸⁴⁵)—(а онъ былъ драгоцененъ, потому что содержалъ въ себѣ *халюку*)—и сопровождаемые нѣкоторыми изъ кесарійскихъ обращенцевъ съ массой другихъ іудеевъ, стремившихся въ Иерусалимъ въ послѣдній день предъ началомъ праздника ¹⁸⁴⁶), съ все болѣе омрачавшимся сердцемъ отправились въ путь въ святой городъ. Народу къ Пасхѣ собралось въ Иерусалимѣ такъ много, что простому страннику не легко было найти себѣ даже помѣщеніе, такъ что онъ по необходимости долженъ былъ искать себѣ убѣжища въ какомъ нибудь временномъ шалашѣ за стѣнами города. Но собраты позаботились о томъ, чтобы приготовить ап. Павлу и уполномоченнымъ отъ церквей кровь въ домѣ Мнасона Киприянина, одного изъ первоначальныхъ учениковъ. У ап. Павла повидимому жила сестра въ Иерусалимѣ. Но мы не знаемъ, была ли она христіанка, и во всякомъ случаѣ ея домъ, который могъ быть хорошо извѣстенъ многимъ тарсійскимъ іудеямъ, не былъ бы безопаснымъ мѣстомъ покоя для человѣка, которому угрожало столько опасностей. И вотъ въ пятый разъ по своему обращеніи ап. Павелъ вступилъ въ Иерусалимъ. Онъ рѣдко вступалъ въ него такъ, чтобы не имѣть какой нибудь причины для беспокойства, и едва ли могло быть у него хотя одно воспоминаніе, которое бы не было для него безконечно мучительнымъ. Школа Гамалиила, синагога либертинцевъ, домъ, гдѣ первосвященникъ давалъ ему порученіе въ Дамаскъ, мѣсто, гдѣ обгаренная трава упивалась кровію Стефана—все это должно было возбуждать въ немъ мучительное чувство. Но никогда онъ не ступалъ по улицамъ святаго города съ столь глубокою скорбью, какъ теперь, когда онъ, избѣгая насколько возможно любопытныхъ глазъ, вступилъ въ него въ маленькомъ караванѣ кесарійскихъ поклонниковъ и языческихъ обращенцевъ. Онъ вступалъ въ городъ, гдѣ друзей было не много и гдѣ почти всякій изъ тѣхъ тысячъ, среди которыхъ онъ двигался, былъ дѣйствительнымъ или возможнымъ врагомъ, для которыхъ одного упоминанія его имени могло быть достаточно для того, чтобы они выхватили кинжалы изъ своихъ ноженъ или издали крикъ ненависти, могшій стать сигналомъ для яростнаго мятежа. Но онъ несъ съ собою пособіе, которое могло быть осязательнымъ доказательствомъ его преданности матери церкви, и братія, которыхъ онъ встрѣтилъ въ этотъ вечеръ въ домѣ Мнасона, съ радостью привѣтствовали его. Это могло на время ободрить его сердце, но не подавило тяжелаго сознанія,

что онъ находился въ городѣ, который былъ убійцей пророковъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ ту пылкую вражду, которая возжигалась при его присутствіи, потому что слишкомъ хорошо помнилъ, какова была его собственная вражда и вражда его партіи противъ христіанскихъ еллинистовъ въ прежнее время. Гнѣвъ, который онъ чувствовалъ тогда, теперь былъ пещью, семь разъ накаленной для него самого.

Слѣдующій день до солнечнаго заката прошелъ въ праздничныхъ церемоніяхъ, и большая часть его была проведена ап. Павломъ и его малымъ обществомъ въ собраніи пресвитеровъ, которые собрались для принятія его подъ предсѣдательствомъ св. Іакова ¹⁴⁴⁷). Пресвитеры уже были въ сборѣ, когда пришли и посѣтителы, и можно вообразить, съ какимъ трепетомъ любопытства, почти съ мучительною робостью, такіе «робкіе провинціальныя неопиты», какъ Тимофей и Трофимъ (особенно послѣдній, какъ необрѣзанный язычникъ, котораго учитель его поощрялъ считать себя совершенно свободнымъ отъ іудейскаго закона), чувствовали себя въ страшномъ присутствіи Іакова, «брата Господня», Іакова строгаго, въ блѣдомъ одѣяніи, таинственнаго пророка, въ средѣ собранія его іудейскихъ пресвитеровъ. Они чувствовали себя совершенно свободно въ своихъ собственныхъ азіатскихъ или еллинскихъ домахъ; но здѣсь въ Иерусалимѣ, «въ святомъ и славномъ градѣ», подъ самою тѣнію храма, лицомъ къ лицу съ зилотами и фарисеями, нуженъ былъ весь гений ап. Павла, чтобы безъ тѣни робости добиваться той божественной свободы, которая подвергалась суду отъ имени богатой чудесами исторіи и всей литературы боговдохновенныхъ книгъ. Этотъ свободный духъ былъ урокомъ, котораго не могли постигнуть сами іудеи. Нужно было землетрясеніе, которое бы повергло храмъ ихъ въ развалины и разсѣяло ихъ народъ на четыре вѣтра міра, чтобы они могли наконецъ убѣдиться въ тщетности своихъ вѣрованій, къ которымъ они лѣзли съ такою пылкостью. Они не перестали бы противиться этой логикѣ аргументаціи, если бы самъ Богъ въ надлежащее время не опровергъ все ихъ богословіе непреодолимой логикой фактовъ. Разрушеніе Иерусалима гораздо болѣе разубѣдило ихъ въ своемъ вѣковѣчномъ убѣжденіи, чѣмъ даже посланія ап. Павла.

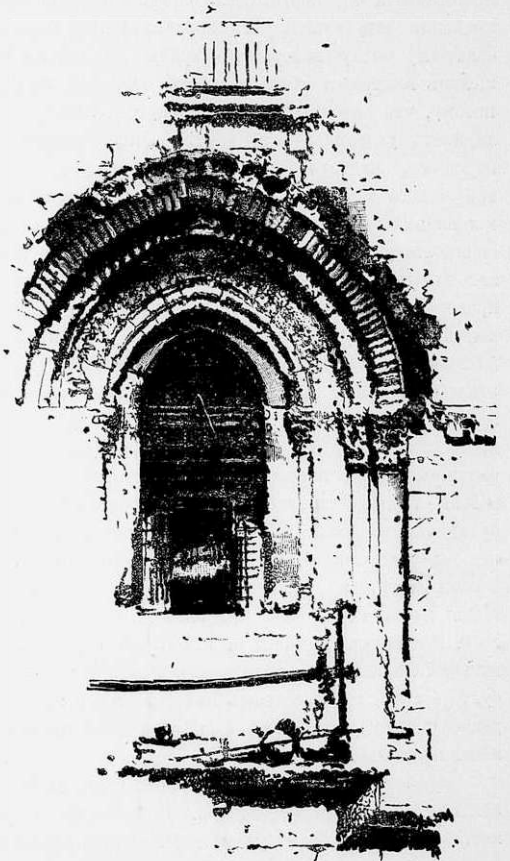
Когда мы читаемъ повѣствованіе книги Дѣяній Апост. при свѣтѣ посланій ап. Павла, то трудно устраниваться отъ впечатлѣнія, что встрѣча между ап. Павломъ и старѣйшинами Иерусалима отличалась холодностью. Понятно конечно, что первою цѣлью этой встрѣчи было представленіе пособія, отъ котораго ап. Павелъ ожидалъ такъ много. Одного за другимъ вызывалъ онъ впередъ своихъ возлюбленныхъ уполномоченныхъ, чтобы они могли своими собственными руками положить къ ногамъ Іакова тѣ суммы денегъ, которыя его языческія церкви собирали отъ своей скудости и которыя каждой своей монетой свидѣтельствовали о ихъ благородномъ самоотверженіи. Вотъ предъ ними лежали всѣ эти деньги, какъ поразительное доказательство той ревности, съ которою ап. Павелъ во всякомъ

случаѣ выполнилъ съ своей стороны состоявшееся въ Иерусалимѣ соглашеніе, когда—почти какъ бы въ вознагражденіе за уступки, противъ которыхъ всѣми силами возставали іудействующие,— три главныхъ апостола просили его позаботиться о бѣдныхъ. Это навѣрно было гораздо большее приношеніе, чѣмъ они имѣли основаніе ожидать, и при этомъ случаѣ можно бы ожидать сердечнаго сочувствія и искренняго радущія со стороны общины, которая получала столь осязательное доказательство благорасположенія язычниковъ. Однако же въ повѣствованіи не передается ни одного слова благодарности, и мы слишкомъ ясно видимъ, что едва скрываемое предчувствіе ап. Павла касательно того, какъ будетъ принятъ его даръ (Рим. xv, 31), подтвердилось. Принимающіе милостыню въ Иерусалимѣ никогда не отличались своею благодарностью¹⁸⁴⁸). Если бы теперь было иначе, то несомнѣнно св. Лука занесъ бы на страницы своего повѣствованія самый способъ, какимъ принято было это приношеніе. Хотя нѣкоторые по крайней мѣрѣ изъ братьевъ приняли ап. Павла съ радостью, старѣйшины церкви не поспѣшили однако же выразить ему свое привѣтствіе предыдущимъ вечеромъ, и послѣдующіе вечера слишкомъ ясно доказываютъ, что его главная награда заключалась лишь въ собственномъ сознаніи того, что онъ самъ поступалъ съ добротой и справедливостью, а не въ томъ, что ему удалось смягчить сердце іудействующихъ христіанъ. Благодарность не всегда пріобрѣтается вниманіемъ. Сборъ для святыхъ занимаетъ много страницъ въ посланіяхъ ап. Павла, какъ онъ много лѣтъ занималъ и его мысли. Но мы не видимъ никакой признательности со стороны принявшихъ приношеніе за тотъ трудъ любви, безъ котораго оно никогда не было бы собрано.

По окончаніи сдачи пожертвованій, ап. Павелъ подробно¹⁸⁴⁹) рассказалъ о совершенномъ имъ дѣлѣ, а также о церквахъ, которыя онъ утвердилъ или основалъ въ это третье описанное нами путешествіе. Сколько любви и восторга должно бы возбудить такое повѣствованіе! Но намъ единственно сообщается лишь то, что они, «выслушавъ, прославили Бога и сказали»:—что же именно? повторили лишь отголосокъ горькихъ, если даже невраждебныхъ укоровъ противъ ап. Павла съ прибавленіемъ заявленія, которое имѣло характеръ какъ бы угрозы для него: — «видишь, братья, сказали они, сколько тысячъ увѣровавшихъ іудеевъ, и всѣ они ревнители закона». Выраженіе это замѣчательно. Неужели въ самомъ дѣлѣ въ такую раннюю пору было «много тысячъ» іудейскихъ христіанъ, когда мы знаемъ, какъ незначительны по численности были церкви даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Римъ и Коринѣ, и когда мы знаемъ, какъ незначительно было число христіанъ, которые спустя десятилѣтія искали убѣжища въ Пеллѣ отъ предстоявшаго разрушенія Иерусалима? Если принять это выраженіе буквально, если было бы даже хотя двадцать тысячъ христіанъ, строгихъ ревнителей закона, то это только показываетъ, какъ велика была опасность для церкви, если бы она поглощена была, лишь нѣсколько отличной отъ прежней, синагогой. Во всякомъ случаѣ замѣчаніе

это указывало на крайнюю опасность положенія ап. Павла въ этомъ притонѣ яростнаго фанатизма, особенно когда старѣйшины прибавили къ сказанному: «и всѣ они» — т. е. всѣ эти тысячи, принявшіе вѣру и бывшіе ревнителями закона— «наслышались о тебѣ¹⁸⁵⁰), что ты всѣхъ іудеевъ, живущихъ между язычниками, учишь отступленію отъ Моисея, говоря, чтобы они не обрѣзали дѣтей своихъ и не поступали по обычаямъ. И такъ, что же? Вѣрно соберется народъ; ибо услышатъ, что ты пришелъ. Сдѣлай же, что мы скажемъ тебѣ: есть у насъ четыре чловека, имѣющіе на себѣ обѣтъ. Возьми ихъ, очистишься съ ними и возьми на себя издержки на жертву за нихъ, чтобы остригли себѣ голову, и узнаютъ всѣ, что слышанное о тебѣ несправедливо, но что и самъ ты продолжаешь соблюдать законъ. А объ увѣровавшихъ язычникахъ мы писали, положивъ, чтобы они ничего такого не наблюдали, а только хранили себя отъ идоложертвеннаго, отъ крови, отъ удавленны и отъ блуда».

Что же означало это предложеніе? Оно означало, что освобожденіе отъ обѣта назорейскаго могло совершиться только въ Иерусалимѣ и въ храмѣ, и что оно сопровождалось столь цѣннымъ приношеніемъ, какое только возможно было для бѣднаго чловека. Поэтому возникъ обычай, по которому богатые люди принимали

Окно въ церкви св. гроба Господня въ Иерусалимѣ.

на себя необходимые при этом издержки, и это считалось дѣломъ человѣколюбія и благочестія. Іудеи смотрѣли на этотъ родъ благотворенія, дѣлавшій возможнымъ для бѣдныхъ, какъ и для богатыхъ, принимать обѣты въ моменты испытанія и опасности, столь благоприятно, что, когда Агриппа I въ первый разъ посѣтилъ Іерусалимъ, онъ заплатилъ подобные расходы, давшіе возможность большому числу назореевъ остричь свои головы ¹⁸⁵¹⁾, не только потому, что онъ желалъ выставить на показъ свое почтеніе къ обрядовому закону, но также и потому, что онъ зналъ, что этимъ путемъ легче всего можно было приобрести популярность у фарисейской партіи. Лицо, которое такимъ образомъ уплачивало издержки, настолько считалось принимающимъ участіе въ обѣтѣ, что отъ него требовалось оставаться съ назореями въ теченіе цѣлой недѣли, которая, какъ мы видимъ изъ повѣствованія св. Луки, должна была пройти между объявленіемъ священнику объ окончаніи обѣта и его формальнымъ заявленіемъ, что онъ законнымъ образомъ окончился ¹⁸⁵²⁾. Поэтому, ап. Павелъ, въ случаѣ принятія предложенія, долженъ былъ въ теченіе недѣли жить съ четырьмя бѣдняками въ помѣщеніи храма, назначенномъ для этой именно цѣли; затѣмъ заплатить за шестнадцать жертвенныхъ животныхъ—жертвенное приношеніе ихъ; стоять среди этихъ назореевъ, когда священникъ приносилъ четыре одногоднихъ безпорочныхъ агнца въ жертву всесожженія и четыре одногоднихъ безпорочныхъ агницы въ жертву за грѣхъ, четыре безпорочныхъ барана въ жертву мира; затѣмъ смотрѣть на то, какъ назореямъ стриглись головы и какъ они сжигали свои волосы подъ кипящимъ котломъ жертвы мира въ то время, какъ священникъ бралъ четыре вскипаченныхъ бараньихъ плеча, четыре опрѣсночныхъ пріаника изъ четырехъ корзины и четыре опрѣсночныхъ хлѣбца, помазанныхъ масломъ, и клалъ ихъ на руки назореевъ и возносилъ ихъ въ качествѣ жертвы возношенія предъ Господомъ, что затѣмъ священникъ получалъ въ вознагражденіе себѣ. Все это онъ долженъ былъ сдѣлать не только для опроверженія несомнѣнной клеветы на него, что именно онъ училъ іудеевъ отступленію отъ Моисея (какъ будто бы вся его проповѣдь была простымъ отрицаніемъ!), но и для того, чтобы доказать, что молва о немъ была несправедлива и что онъ оставался неуклоннымъ исполнителемъ закона.

Все это дѣло конечно сопряжено было съ большими расходами; но важность заключалась не въ этомъ. Ап. Павелъ, при своей обычной бѣдности, едва ли могъ заплатить за все это; но если бы встрѣтилось какое нибудь затрудненіе съ этой стороны, то устраненіе его лежало бы на обязанности тѣхъ, которые сдѣлали самое предложеніе. Но было ли обвиненіе противъ него ложнымъ въ духѣ, какъ оно было ложно въ буквѣ? Правда ли, что онъ цѣнилъ и во всякомъ случаѣ съ нѣкоторою тщательностью все еще соблюдалъ законъ? Не заключалось бы въ такомъ образѣ дѣйствій съ его стороны нѣчто такое, что могло подвергнуться опасности перетолкованія въ смыслъ оставленія имъ своихъ собственныхъ началъ?

Если «эти іудействующие, которыхъ онъ не падалъ такими названіями, какъ «лже-апостолы», «лже-братія», «лукавые дѣятели», «посланники сатаны», «обрѣзанныки» (2 Кор. xi, 13; Гал. ii, 4; Фил. iii, 2), и прежде колебали преданность къ нему его обращенцевъ, обвиняя его въ непослѣдовательности, то не получили ли бы они еще большее основаніе для этого теперь? Правда, что въ концѣ своего втораго путешествія онъ добровольно принялъ на себя обѣтъ назорея. Но съ того времени обстоятельства сильно измѣнились. Въ это время вражды со стороны лжебратій уже не было; они не преслѣдовали его по стопамъ своими клеветами; они не отравляли вѣру его обращенцевъ внушеніемъ имъ законнической обрядности; они не подсылали своихъ приверженцевъ подрывать его ученіе и убѣждать основанныя имъ церкви къ отверженію его авторитета. И если всѣ эти обстоятельства измѣнились, то онъ измѣнился и самъ. Его вѣра никогда не была стереотипнымъ шибболетомъ или отупляющимъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же фразъ. Его жизнь, подобно жизни всѣхъ возвышенно добрыхъ и мудрыхъ людей, была постояннымъ воспитаніемъ. Его взгляды въ теченіе тѣхъ лѣтъ, которыя онъ жилъ исключительно среди языческихъ церквей и въ большихъ городахъ, сдѣлались яснѣе и рѣшительнѣе. Не говоря уже о ясныхъ началахъ, изложенныхъ имъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, онъ написалъ уже посланіе къ Галатамъ и возвыщенные тамъ начала подробно развилъ въ посланіи къ Римлянамъ. Самою цѣлью этихъ посланій было доказать ничтожество закона въ дѣлѣ оправданія. Человѣкъ, который писалъ, что ученіе іудействующихъ совершенно отлично отъ его благовѣстія и что всякій, проповѣдующій его, проклятъ (Гал. i, 6—9), — который открыто обличалъ Петра, когда онъ, поживъ съ христіанами изъ язычниковъ (ii, 14), затѣмъ обратился къ жизни іудействующихъ, — который сдѣлалъ своимъ основнымъ правиломъ, что «дѣлами закона не оправдается никакая плоть» (ii, 16), — который говорилъ, что снова созидать то, что разрушено, значитъ дѣлать себя самого преступникомъ (ii, 18), — который отзывался о законѣ какъ о проклятій, отъ котораго избавилъ насъ Христосъ, и заявлялъ, что законъ никогда не можетъ принести праведности (Рим. iii, 20; Гал. ii, 16), — который даже заявлялъ, что законъ, какъ рабство «немогущимъ и бѣднымъ началамъ», могъ быть приравниваемъ къ обрядамъ культа Цибелы и боготворенія луны, и отзывался объ обрѣзаніи лишь какъ о презрѣнномъ уродованіи (Фил. iii, 2; Гал. v, 12), — который то и дѣло говорилъ о смерти для закона и открыто искалъ содружества скорѣе у язычниковъ, которые были духовными, чѣмъ у отверженныхъ и преступно ослѣпленныхъ іудеевъ, которые были лишь плотскими потомками Авраама, — неужели такой человѣкъ, способный быть, не производя ложнаго впечатлѣнія, избѣгать столь привычной для него опасности смерти, выставкою на показъ своего правотворія въ подозрѣваемомъ отношеніи? Одинъ новѣйшій писатель сказалъ, что онъ не могъ сдѣлать этого, не впадая въ неправду, и что предполагать, чтобы авторъ посланій къ

Римлянамъ и Галатамъ стоялъ въ теченіе семи дней съ масляными лепешками въ рукѣ въ притворѣ храма и подчинялся всѣмъ обрядностямъ, которыми раввинская мелочность окружила Моисеево установленіе касательно завершенія назорейскаго обѣта, предполагать, чтобъ въ средѣ невѣрующихъ фарисеевъ и левитовъ онъ терпѣливо сносилъ все обрядовое ничтожество храмоваго служенія въ этотъ періодъ и такимъ образомъ довелъ все дѣло до описанной выше скучной процедуры,—значило бы дѣлать прямую несправедливость апостолу языковъ¹⁸⁵³).

Но предположеніе это ошибочное. Правда, естественный темпераментъ ап. Павла, нѣкоторая особенность также въ его восточномъ характерѣ склоняли его идти гораздо дальше по пути уступокъ, чѣмъ можно было предполагать; но помимо этого обстоятельства его положеніе было совершенно иное почти во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Мы можемъ вполне вообразить, что это неожиданное предложеніе было неприятно ему во многихъ отношеніяхъ; быть можетъ онъ не безъ нѣкотораго нетерпѣнія отнесся къ скучной церемоніальности системы, которая, какъ онъ зналъ, близилась къ своему паденію и обречена была на скорое уничтоженіе. Однако же при этомъ имѣлись въ виду два великихъ начала, которыхъ онъ твердо держался и по которымъ дѣйствовалъ постоянно. Однимъ изъ нихъ было снисхожденіе ради человеколюбія въ предметахъ безразличныхъ, такъ что онъ охотно дѣлался іудеемъ для іудея, чтобы спасти іудеевъ; и другое состояло въ томъ, что во время короткаго оставшагося ему времени и подъ давленіемъ настоящей необходимости обязанности каждаго человѣка было сообразоваться съ положеніемъ, на которое онъ былъ призванъ. Онъ былъ іудей и поэтому для него іудейскій церемоніалъ имѣлъ значеніе національнаго обычая и узаконеннаго учрежденія. Для него онъ имѣлъ, если не религиозное, то по крайней мѣрѣ гражданское значеніе. Если бы іудеи перетолковали его образъ дѣйствія въ нѣчто такое, чего онъ не имѣлъ въ виду, то это было бы исключеніе въ родѣ того, къ которому они постоянно прибѣгали по отношенію къ нему. Во время его перваго миссіонерскаго путешествія ему несомнѣнно часто приходилось нарушать строгія постановленія того закона, чести и процвѣтанію котораго онъ посвятилъ свою юность. Но хотя онъ не считалъ себя обязаннымъ исполнять все, что требовалось закономъ и раввинами, однако же онъ и не чувствовалъ въ себѣ препятствія исполнять все то, что не было незаконнымъ. Онъ возставалъ противъ левитства не какъ противъ внѣшняго подчиненія закону, но только какъ противъ вытѣсненія внѣшностью вѣры, къ которому могло приводить это законничество. Онъ не столько возставалъ противъ обрядовъ, сколько противъ полнаго упованія на нихъ. Онъ могъ желать, чтобы все это было не такъ, чтобы сдѣланное ему предложеніе влекло за собою менѣе тяжкую жертву. Быть можетъ онъ былъ бы радъ, если бы старѣйшины сказали ему: «братъ, тебя ненавидятъ здѣсь; во всякій моментъ можетъ подняться противъ тебя враждебный вопль толпы или кинжалъ сикарія можетъ вонзиться въ твое сердце. Мы не можемъ при такихъ

обстоятельствахъ быть отвѣтственными за твою жизнь. Ты далъ намъ великолѣпное доказательство твоей преданности и христіанской любви твоихъ обращенцевъ. Праздникъ окончился¹⁸⁵⁴). Удались теперь же въ безопасности, и съ нашими молитвами и благословеніемъ продолжай твое славное дѣло». Увы! таковъ совѣтъ только «могъ быть». Апостолъ принялъ сдѣланное ему предложеніе и на слѣдующій же день вступилъ въ храмъ съ тѣми четырьмя назореями, прошелъ все предварительное очищеніе, которое считалось необходимымъ въ устномъ законѣ, и извѣстилъ священниковъ, чтобы они съ этого времени начали счетъ тѣхъ семи дней, которые должны пройти до окончательныхъ жертвоприношеній и завершенія обѣта¹⁸⁵⁵).

Если пресвитеры преувеличивали примирительное значеніе этого дѣйствія въ отношеніи къ исполненію закона, то они несомнѣнно не вполне видѣли опасность, которой оно повергало великаго апостола, который болѣе всѣхъ ихъ потрудился для того, чтобы исполнить послѣднюю заповѣдь Христа, что они должны идти во весь міръ проповѣдывать Евангеліе всей твари. Городъ былъ переполненъ пришельцами изъ всѣхъ странъ міра, и мѣсто, гдѣ они болѣе всего любили собираться, это притворы храма. Поэтому даже если бы ап. Павелъ, въ виду того, что невзгоды многихъ лѣтъ состарили его лицо и согнули его станъ, былъ настолько счастливъ, чтобы остаться неузнаннымъ со стороны какого нибудь враждебнаго священника, знавшаго его въ прежнее время, то все-таки едва ли было возможно, чтобы кто нибудь изъ тѣхъ тысячъ, кого онъ встрѣчалъ въ чужестранныхъ городахъ, не узналъ его въ лицо и по фигурѣ. Если ему необходимо было жить въ святомъ городѣ, то гораздо безопаснѣе было бы ему оставаться въ безвѣстномъ домѣ Мнасона. Онъ могъ бы жить тамъ такъ же спокойно, какъ въ этомъ помѣщеніи назореевъ; но даже если въ теченіе этихъ семи дней, принужденный къ бездѣятельности, онъ скрывался тамъ какъ только могъ, и даже если другіе назореи воздерживались отъ раскрытія тайны столь знаменитаго имени, то было положительно невозможно, чтобы онъ вполне избѣжалъ взора тѣхъ тысячъ народа, которые проходили по дворамъ храма и принимали участіе въ его многочисленныхъ церемоніяхъ.

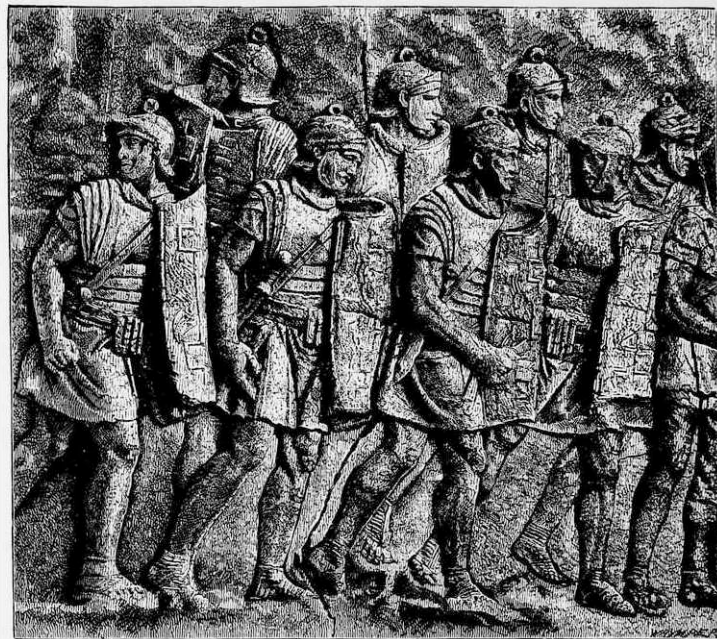
Между тѣмъ іудеи въ это время находились въ чрезвычайно горячемъ настроеніи духа, и чувствовался уже трепетъ землетрясенія, который долженъ былъ скоро поколебать подъ ихъ ногами землю и повергнуть ихъ храмъ и городъ въ груды развалинъ.

По смерти Ирода Агриппы I (въ 44 г. по Рожд. Христ.), императоръ Клавдій, думая, что его сынъ былъ еще слишкомъ юнъ для того, чтобы наслѣдовать управленію столь мятежнымъ народомъ, содержалъ его подъ своимъ надзоромъ въ Римѣ и назначилъ Куспія Фада на должность прокуратора Іудеи. Чтобы укрѣпить владычество надъ іудеями, онъ приказалъ, чтобы корона Агриппы и, что еще было несравненно важнѣе, «золотыя одѣянія» первосвященника были

какимъ нибудь образомъ заперты подъ охрану римлянъ въ башню Антоніи. Ярость іудеевъ, при одной мысли, что эти священные одѣянія будутъ подъ нечистой охраной язычниковъ, была такъ велика, что приказаніе это можно было исполнить только въ присутствіи въ Іерусалимѣ Кассія Лонгина, префекта Сири, и притомъ съ помощью большой военной силы. Клавдій почти непосредственно за этимъ отмѣнилъ это приказаніе по просьбѣ депутаціи изъ Рима, поддерживаемой вліяніемъ молодого Агриппы. Клавдій обязанъ былъ отцу Агриппы самымъ престоломъ, и такъ какъ юноша наследовалъ всю красоту, талантливость и изворотливость своего рода, то онъ былъ большимъ любимцемъ при императорскомъ дворѣ. Фаду наследовалъ Тиверій Александръ, племянникъ Филона¹⁸⁵⁶), который былъ особенно ненавистенъ іудеямъ, такъ какъ онъ былъ отступникомъ отъ ихъ религіи. За нимъ слѣдовалъ Куманъ, и около того же самаго времени Агриппа II былъ надѣленъ маленькимъ царствомъ халкидскимъ, освободившимся вѣлѣдствіе смерти его дяди Ирода, и ему былъ порученъ надзоръ за храмомъ и корваномъ, а также предоставлено и право назначенія первосвященника (въ 49 г. по Р. Х.). Прокураторство Кумана ознаменовалось началомъ страшныхъ мятежей. Въ самую первую Пасху, при которой только ему пришлось присутствовать, случилось событіе, которое было страшнымъ предзнаменованіемъ будущаго. Подобно тому, какъ и въ настоящее время турецкіе солдаты всегда готовы выступить изъ дома турецкаго губернатора при первомъ проявленіи какого нибудь безпорядка между разновѣрными паломниками, такъ и у римскаго коменданта башни Антоніи было обыкновеніе ставить отряды солдатъ вдоль кровли зданій, которыми крѣпость соединялась съ площадью храма, — такъ что они во всякій моментъ могли сойти по лѣстницамъ и появиться среди самой толпы поклонниковъ. Вѣлѣдствіе такого положенія воиновъ и произошелъ теперь въ высшей степени характерный случай. Одинъ римскій воинъ, стоя на караулѣ, утомленный бездѣятельностью и чувствуя глубокое отвращеніе ко всему тому, что происходило передъ его глазами и что казалось ему лишь презрѣнною глупостью ненавистныхъ іудеевъ, выразилъ свое презрѣніе къ нимъ жестомъ самаго возмутительнаго неприличія¹⁸⁵⁷). Іудеи тотчасъ же были охвачены приступомъ ярости. Они проклинали новаго прокуратора и начали бросать въ солдатъ камнями, которые повидимому всегда были наготовѣ у этого пылкаго народа. Опасаясь, что отрядъ у башни будетъ слишкомъ слабъ для усмиренія столь яростнаго возмущенія, Куманъ отправилъ въ покрѣпленіе ему всѣ свои силы изъ преторіи. При звукѣ шаговъ и блескѣ мечей воиновъ, жалкая безоружная толпа поклонниковъ была поражена паникой и всѣ бросились въ бѣгство. Толпа страшно стѣснилась въ воротахъ храма, и множество народа, отъ десяти до двадцати тысячъ, какъ различно опредѣляется эта цифра, было задавлено и задушено до смерти.

За этимъ ужаснымъ бѣдствіемъ слѣдовала другая трагедія. Одинъ императорскій посланникъ былъ ограбленъ разбойниками въ Бее-Горонѣ, неподалеку

отъ Іерусалима. Разъяренный такимъ оскорбленіемъ, Куманъ привлекъ къ ответственности сосѣднія деревни; при обыскѣ одной изъ нихъ, римскій солдатъ захватилъ экземпляръ священнаго писанія и сжегъ его предъ поселянами съ открытымъ богохульствомъ. Ужасъ оскорбленія состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что этотъ священный свитокъ содержалъ во многихъ мѣстахъ страшное и непроизносимое имя. Подобно тому, какъ во времена Пилата, когда онъ хотѣлъ

Римская когорта
(съ Траяновой колонны въ Римѣ).

вывѣсить позлащенные посвятительные щиты въ Іерусалимѣ и когда Калигула издалъ повелѣніе, чтобы его изображеніе было поставлено въ храмѣ, іудеи тысячами устремились въ Кесарію и поверглись тамъ ницъ предъ трибуномъ прокуратора. На этотъ разъ Куманъ счелъ за лучшее для отвращенія опасныхъ послѣдствій отдѣлаться принесеніемъ въ жертву рядоваго солдата, и іудеи на время были удовлетворены казнью своего оскорбителя.

Затѣмъ послѣдовало еще болѣе серьезное возмущеніе. Самаряне, побуждае-

мые старою ненавистью къ іудеямъ, убили нѣсколько галилейскихъ паломниковъ къ празднику Пасхи въ Ень-Ганнимъ, пограничной самарійской деревнѣ, той самой, которая нѣкогда отвергала Спасителя ¹⁸⁵⁸). Будучи не въ силахъ добиться отъ Кумана, котораго самаряне подкупили, наказанія виновной деревни, іудеи, тайно поощряемые первосвященникомъ Ананіей и его сыномъ Ананомъ, взялись за оружіе и, подъ предводительствомъ разбойника Елеазара, совершили надъ самарянами страшное мщеніе. Куманъ, услышавъ объ этомъ, отправился противъ нихъ съ войскомъ и разбилъ ихъ. Возобновленіе борьбы было предупреждено просьбами представителей Іерусалима, которые, узнавъ о страшныхъ послѣдствіяхъ этого дѣла, поспѣшили на поле битвы въ саванахъ и съ посыпанными пепломъ головами. Между тѣмъ на сцену выступилъ префектъ Сиріи Титъ Умидій Квадратъ и, выслушавъ обѣ стороны, нашелъ Кумана и его трибуна Целера виновными въ принятіи взятки и отправилъ ихъ въ Римъ вмѣстѣ съ Ананіей и Ананомъ на судъ къ императору ¹⁸⁵⁹). Ионаанъ, одинъ изъ самыхъ способныхъ экс-первосвященниковъ коварнаго дома Анны, былъ отправленъ ходатайствовать о дѣлѣ іудеевъ. Въ это время Агриппина была всемогущею у императора, а отпущенникъ Палласъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ какъ на него, такъ и на Агриппину, которая сама была много обязана его дружескимъ услугамъ. Тонкій Агриппа познакомилъ Ионаана съ Палласомъ и между ними повидимому былъ заключенъ даже нѣкоторый договоръ, чтобы Палласъ склонилъ императора рѣшить дѣло въ пользу іудеевъ, а Ионаанъ взялся попросить его, чтобы онъ, ради іудеевъ, назначилъ на доходное мѣсто прокуратора его брата Феликса. Заговоръ вполнѣ удался. Самаряне были обвинены, ихъ вожаки казнены, Куманъ сосланъ въ ссылку, Целеръ отправленъ въ Іерусалимъ для обезглавленія, Ананія и Ананъ торжественно были оправданы, и въ 52 году, за шесть лѣтъ до послѣдняго прибытія ап. Павла въ Іерусалимъ, Феликсъ, подобно своему брату, аркадскій рабъ—принявшій имя Антонія, въ честь своей первой наложницы, и имя Клавдія, въ честь своего покровителя,—сдѣлался прокураторомъ Іудеи.

Новый прокураторъ сначала дѣйствовалъ съ нѣкоторымъ приличіемъ и сдержанностью. Но скоро онъ началъ показывать себя въ своемъ истинномъ свѣтѣ и всевозможными видами жестокости и распутства выказывалъ и въ своей высокой должности низкую природу раба. Вслѣдъ за освобожденіемъ его изъ рабства, ему было поручено командованіе отрядомъ вспомогательныхъ войскъ, и онъ, дѣйствуя съ искусствомъ и проворствомъ отважнаго воина, успѣшно выполнилъ дѣйствительно полезное дѣло истребленія бандитовъ. Однако даже іудеи роптали на безстыдное равнодушіе, съ которымъ этотъ Борджіа перваго вѣка заманилъ главнаго бандита Елеазара къ себѣ подъ предлогомъ дружественнаго уваженія къ его искусству и храбрости и, немедленно заключивъ его въ цѣпи, отправилъ его узникомъ въ Іерусалимъ. Еще болѣе глубоко смущены они

были его дружбой съ Симономъ волхвомъ, который жилъ у него въ Кесаріи въ качествѣ гостя, и при помощи низкихъ ухищреній котораго «этому мужу или прелюбодѣю трехъ царицъ» удалось соблазнить даже Друзиллу, прекрасную сестру Агриппы II (прибывшаго теперь въ качествѣ царя въ Іудею) — отъ ея мужа Азиза, царя емесскаго. Но ровно за годъ до прибытія ап. Павла совершилось еще болѣе мрачное и гнусное преступленіе. Ионаанъ, которому часто съ горечью напоминали о его участіи въ томъ бѣдствіи, которое навлечено было на народъ учрежденіемъ должности прокуратора, день-отъ-дня все болѣе становившагося вымогательнымъ и жестокимъ, думалъ, что его высокое положеніе и важныя услуги самому Феликсу давали ему право на предъявленіе особыхъ требованій. Феликсъ однако съ такою настойчивостью отвергъ всякое вмѣшательство съ его стороны, что подкупилъ даже Дору, друга Ионаана, съ цѣлью совсѣмъ отдѣлаться отъ него. Дора подкупилъ какихъ то бандитовъ, которые, вооружившись кинжалами, закололи первосвященника въ одинъ изъ годовыхъ праздниковъ. Успѣхъ и полная безнаказанность этого преступленія послужили какбы преміей на убійство; убійства стали такъ часты въ Іерусалимѣ, какъ они были въ Римѣ во время папства Александра VI. Самый храмъ былъ огагрень кровью. Всякій, кому нужно было отдѣлаться отъ какого нибудь общественнаго или личнаго врага, находилъ это легкимъ и возможнымъ дѣломъ при помощи наемнаго убійцы. Въ это именно время впервые въ іудейской исторіи появляется зловѣщій терминъ *sicarius* или «тайный убійца».

Это было въ 57 г. по Р. Хр., а вѣроятно въ Пасху 58 года—только за семь недѣль до того времени, къ которому мы теперь подошли — египетскому лже-мессіи удалось увлечь съ собою къ мятежу тридцать тысячъ послѣдователей, которыхъ онъ увлекъ заманчивымъ обѣщаніемъ, что онъ поведетъ ихъ къ горѣ Елеонской и стѣны Іерусалима чудесно падутъ предъ ними. Четыре тысячи этихъ обманутыхъ бѣдняковъ повидимому сопровождали его до самой горы Елеонской. Но тамъ Феликсъ напалъ на нихъ, разбилъ ихъ при первой стычкѣ, четыреста человекъ убилъ, множество взялъ въ плѣнъ и подавилъ все движеніе. Египтянинъ однакоже какимъ то способомъ успѣлъ скрыться и о дальнѣйшей судьбѣ его ничего болѣе неизвѣстно. Но одно уже то, что послѣдователи стекались тысячами даже къ такому жалкому обманщику, показывало, какое опасное настроеніе умовъ господствовало среди іудеевъ.

Таково было состояніе вещей, въ такомъ возбужденномъ состояніи находились вожди и самый народъ іудейскій въ то самое время, какъ ап. Павелъ находился въ помѣщеніяхъ назореевъ. Прошло уже четыре дня и повидимому являлась надежда, что такъ какъ число паломниковъ начало уже рѣдѣть, онъ могъ разсчитывать на безопасность и въ теченіе трехъ остальныхъ дней, послѣ которыхъ ничто уже не могло бы ему воспрепятствовать исполнить свое давно желанное желаніе посѣтить Римъ и оттуда отправиться на проповѣдь Евангелія

даже въ Испанію. Увы! ему пришлось посѣтить Римъ, но не въ качествѣ свободнаго человѣка.

На пятый день во дворѣ женщинъ появились нѣкоторые іудеи изъ Ефеса и другихъ городовъ Азіи, а между ними быть можетъ и мѣдникъ Александръ; и пылъ ненависти мгновенно засвѣтился въ глазахъ одного изъ нихъ, когда онъ узналъ знакомыя ему черты ненавистнаго Савла. Онъ тотчасъ же обратился на него вниманіе нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, кому хорошо было извѣстно ученіе Павла. Извѣстіе это мгновенно разнеслось по вспылчивой, безпокойной, фанатической толпѣ, и въ одну минуту поднялся одинъ изъ тѣхъ страшныхъ воплей, которые всегда служатъ первымъ началомъ мятежа. Дикіе азійцы бросились на ап. Павла и взволновали всю огромную толпу крикомъ: «мужи израильскіе, помогите! Этотъ человѣкъ всѣхъ повсюду учить противъ народа и закона и мѣста сего; при этомъ и еллиновъ ввелъ въ храмъ и осквернилъ святое мѣсто сіе». Дѣйствительно ли они думали такъ или нѣтъ, мы не можемъ сказать; но у нихъ не было основаній для такого безумнаго обвиненія, кромѣ того обстоятельства, что они видѣли вмѣстѣ съ Павломъ на улицахъ Іерусалима ефесянину Трофима и предполагали, что Павелъ бралъ его съ собою также и въ священные предѣлы храма. Осквернять храмъ считалъ своимъ долгомъ всякій врагъ іудеевъ. Его оскверняли Антиохъ, Иліодоръ, Помпей; и очень недавно предъ тѣмъ народъ обвинялъ самарянъ въ злонамѣренномъ оскверненіи его посредствомъ разбрасываемыхъ въ его предѣлахъ мертвыхъ человѣческихъ костей. Тотчасъ же повсюду разнеслась молва, что это былъ тотъ самый Савлъ, о которомъ они слышали такъ много, Савлъ *месмо*; Павелъ, одинъ изъ галилейскихъ *минимовъ*, одинъ изъ послѣдователей «повѣшеннаго»; Павелъ богоотступникъ, раввинъ, который училъ и писалъ, что язычники имѣютъ одинаковыя преимущества съ іудеями; человѣкъ, который богохульствовалъ противъ *Торы*; человѣкъ, котораго тщетно бичевали въ синагогѣ; человѣкъ, который странствовалъ изъ города въ городъ, повсюду ставя іудеевъ въ непріятное отношеніе къ римлянамъ; и что онъ былъ схваченъ въ то самое время, когда взять съ собою въ храмъ языческую собаку, необрѣзаннаго *гера* ¹⁸⁶⁰). Наказаніемъ за такое преступленіе по закону была смерть,—смерть съ полнаго позволенія самихъ римлянъ; смерть даже противъ римлянина, который бы осмѣлился войти дальше *хела*. Они теперь находились во дворѣ женщинъ, но стоило только пройти чрезъ коринскія ворота и спуститься на пятнадцать ступеней внѣ ихъ, чтобы подойти къ самому *хелу*—«средостѣнню раздѣленія», той низкой каменной балюстрадѣ съ обелисками, на каждомъ изъ которыхъ была вырѣзана на каменныхъ доскахъ надпись на греческомъ и латинскомъ языкѣ, что «никакой чужеземецъ не долженъ вступать въ эту ограду подѣ страхомъ неминуемой смерти» ¹⁸⁶¹). Тутъ такимъ образомъ представлялся великолѣпный случай для должнаго отмщенія отступнику, который училъ отступленію. Толпа бросилась на ап. Павла и крикъ «на помощь!» разно-

сился повсюду по улицамъ ¹⁸⁶²). Защищаться было невозможно. Какой голосъ могъ бы быть слышимъ среди дикаго рева этого всевозрастающаго гвалта? Неужели же насталъ для апостола конецъ? Неужели онъ будетъ разорванъ на куски въ самыхъ предѣлахъ храма? Если бы онъ находился на дворѣ, то это было бы его неизбѣжною участью; но его спасла святость мѣста. Буяны поволокли его, тщетно старавшагося противодѣйствовать или говорить къ нимъ, чрезъ великія «прекрасныя» ворота изъ коринской бронзы внизъ по ступенямъ,

Римскій сотникъ.

между тѣмъ какъ левиты и начальникъ храма, озабочиваясь защитой священныхъ предѣловъ отъ оскверненія кровью, употребляли всѣ свои усилія для того, чтобы запретить тяжелыя ворота за толпой, устремившейся вслѣдъ за своей жертвой ¹⁸⁶³). Между тѣмъ римскій сотникъ, поставленный подѣ оружіемъ съ своими воинами на кровлѣ западныхъ пристроекъ, замѣтилъ, что вдругъ произошло дикое возмущеніе. Взрывъ ярости у этой восточной черни подобенъ смутному шуму лѣса, иногда вдругъ нарушающему глубокую тишину тропической

ночи. Молва мгновенно распространилась от храма по всему городу и толпы народа со всех сторон потекли к обширной площади двора язычников. Во всякий момент можно было опасаться, что эти бѣлыя колонны и этот мозаичный полъ будутъ обогреты кровью. Сотникъ тотчасъ же отправилъ извѣстіе Лизію, коменданту башни, что іудеи кого то схватили въ храмѣ и старались убить. Римляне, наученные долгимъ опытомъ своего пребыванія во враждебныхъ странахъ, были привычны къ быстрымъ движеніямъ, а тѣмъ болѣе въ городѣ, который, какъ пришлось горькимъ опытомъ узнать цѣлому ряду префектовъ и прокураторовъ, былъ, такъ сказать, центромъ пылкого, бессмысленнаго и непо-стижимаго фанатизма. Одного слова было достаточно для того, чтобы вокругъ Лизія собрался хорошо дисциплинированный отрядъ сотниковъ и воиновъ, и онъ мгновенно же ринулся внизъ на дворъ язычников. Хорошо извѣстный звонъ римскаго оружія остановилъ вниманіе толпы. Еще такъ недавно ими былъ полученъ столь ужасный урокъ. Воспоминаніе о томъ ужасномъ днѣ, когда они давили другъ друга до смерти цѣлыми тысячами, чтобы спастись отъ когорты Кумана, было еще свѣжо въ ихъ памяти. Они не осмѣливались выступить противъ закаленного войска своихъ побѣдителей.

Лизій съ своими воинами направился прямо чрезъ толпу къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ ап. Павелъ, и избавилъ его отъ его разъяренныхъ враговъ. Взявъ его и приковавъ его руки къ двумъ воинамъ цѣпами, онъ обратился къ нему съ вопросомъ, «кто онъ и что сдѣлалъ»¹⁸⁶⁴). Въ отвѣтъ поднялись такіе безпорядочные крики, что изъ нихъ ничего нельзя было узнать, и, отчаявшись достигнуть чего нибудь опредѣленнаго при такомъ положеніи дѣла, Лизій приказалъ вести апостола въ казармы¹⁸⁶⁵). Но лишь только онъ успѣлъ подняться на лѣстницы, ведшія на вершину зданія и затѣмъ въ крѣпость¹⁸⁶⁶), какъ чернь, опасаясь, что она будетъ лишена удовольствія совершить свое мщеніе, сдѣлала на него новое нападеніе съ дикими криками «смерть ему!»¹⁸⁶⁷) и ап. Павелъ, будучи не въ силахъ самъ идти въ своемъ скованномъ положеніи, взять былъ солдатами на руки и унесенъ изъ толпы. Онъ былъ избавленъ отъ участи быть разорваннымъ на куски главнымъ образомъ тѣмъ, что Лизій держалъ его вблизи себя. И когда спасшій его отрядъ уже готовъ былъ вступитъ въ казармы, ап. Павелъ сказалъ ему погречески: «можно ли мнѣ сказать тебѣ нѣчто»? «Ты знаешь погречески»? удивленно спросилъ комендантъ, «такъ не ты ли тотъ египтянинъ¹⁸⁶⁸), который предъ сими днями произвелъ возмущеніе¹⁸⁶⁹) и вывелъ въ пустыню четыре тысячи человѣкъ разбойниковъ?»¹⁸⁷⁰). «Нѣтъ», отвѣчалъ Павелъ, «я іудеянинъ, тарсянинъ, гражданинъ небезызвѣстнаго киликійскаго города¹⁸⁷¹); прошу тебя, позволь мнѣ говорить къ народу».

Такое смѣлое требованіе было высказано человѣкомъ, жизнь котораго была только что спасена (да и спасена ли еще!) отъ этой яростной черни, и который въ этотъ самый моментъ страдалъ отъ жестокаго избіенія. Большинство людей

въ такомъ положеніи были бы объаты и подавлены отчаяніемъ и опасеніемъ за свою жизнь и единственнымъ желаніемъ ихъ было бы только какъ нибудь поскорѣй скрыться изъ вида толпы. Не такъ было съ ап. Павломъ. Избавленный отъ своихъ свирѣпыхъ гонителей, едва спасенный отъ одной изъ самыхъ страшныхъ опасностей, именно кровожадной ярости толпы своихъ соотечественниковъ, онъ проситъ позволенія не только посмотреть на нихъ, но даже возвратиться назадъ и обратиться съ рѣчью къ густой многотысячной толпѣ, которая отдѣлилась отъ него лишь жидкимъ рядомъ римскихъ мечей¹⁸⁷²). Лизій далъ ему позволеніе говорить и вѣроятно приказалъ расковать одну изъ его рукъ. Занявъ видное мѣсто на лѣстницѣ, ап. Павелъ съ поднятой рукой далъ знакъ народу, что онъ желалъ обратиться къ нему съ рѣчью¹⁸⁷³). Чернь смолкла, потому что на востокъ толпа скорѣй поддается впечатлѣнію, чѣмъ у насъ въ Европѣ; и ап. Павелъ, говоря на сирійскомъ, туземномъ языкѣ Палестины и замѣчая священниковъ и членовъ синедріона среди толпы, началъ свою рѣчь словами:

«Мужи, братія и отцы!»¹⁸⁷⁴) Выслушайте теперь мое оправданіе передъ вами».

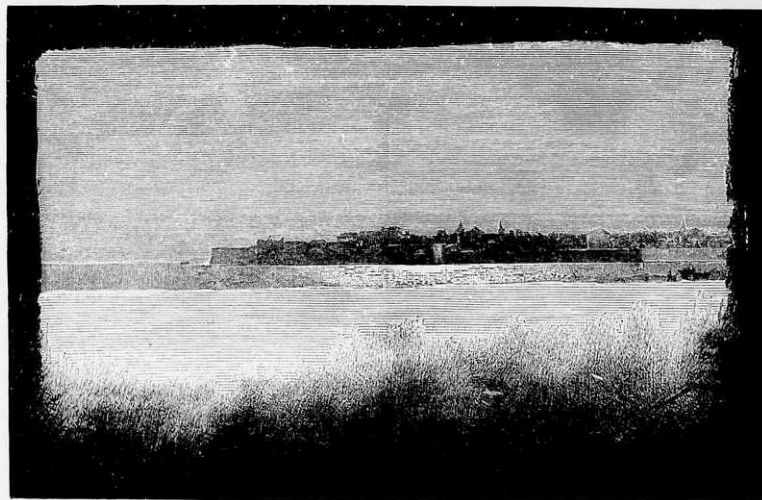
Звукъ ихъ собственнаго языка, показывавшій, на время утишилъ ярость толпы и водворилъ глубокое молчаніе. Въ этой безмолвной тишинѣ ап. Павелъ продолжалъ свою рѣчь. Она была приспособлена къ своей цѣли съ тѣмъ изумительнымъ искусствомъ, которое даже въ самые опасныя моменты повидимому никогда не оставляло великаго апостола. Высказывая имъ всю истину, онъ однако же опустилъ всѣ обстоятельства, которыя могли бы раздражать іудеевъ и которыя не имѣли прямого отношенія къ его непосредственной цѣли. А цѣль эта состояла въ томъ, чтобы показать, что онъ могъ вполне сочувствовать имъ въ этомъ взрывѣ ревности, потому что онъ самъ нѣкогда раздѣлялъ ихъ состояніе духа, и что лишь божественное откровеніе измѣнило направленіе его религіи и его жизни. Нѣкогда онъ и самъ былъ іудей¹⁸⁷⁵), рожденный правда въ Тарсѣ, но воспитанъ съ самой ранней молодости въ Іерусалимѣ у ногъ такого учителя, какъ ихъ великій раввинъ Гамалиилъ; что онъ былъ не просто іудей, но фарисей, который изучалъ самыя глубокія тайны *галлахи*¹⁸⁷⁶), и настолько былъ, подобно имъ, ревнителемъ по Богѣ, что до смерти гналъ послѣдователей «сего ученія», повергая въ темницу не только мужчинъ, но даже и женщинъ, въ доказательство чего онъ сослался на свидѣтельство бывшаго первосвященника Феофила и многихъ еще остававшихся въ живыхъ членовъ синедріона, которые снабжали его довѣрительными письмами въ Дамаскъ. Что же такое измѣнило весь духъ его жизни? Не что иное, какъ божественное видѣніе Іисуса Назарянина, который повергъ его ослѣпленнымъ на землю и велѣлъ ему вступитъ въ общеніе съ Ананіей¹⁸⁷⁷). Онъ не говоритъ имъ, что Ананія былъ христіанинъ, но (что также истинно)—что онъ былъ правовѣрный блюститель закона, такъ что къ нему относились съ почтеніемъ всѣ іудеи Дамаска. Ананія исцѣлилъ его отъ слѣпоты и сказалъ ему, что

«Богъ отцовъ нашихъ» предъизбралъ его, чтобы онъ позналъ волю Его, увидѣлъ «Праведника»¹⁸⁷⁸⁾ и услышалъ голосъ изъ устъ Его: такъ чтобы онъ могъ быть для Него «свидѣтелемъ передъ всѣми людьми» о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Затѣмъ онъ говоритъ о своемъ крещеніи и возвращеніи въ Иерусалимъ и, минуя всѣ ненужныя подробности, переходитъ къ тому пункту, что когда онъ двадцать лѣтъ тому назадъ молился въ этомъ храмѣ, то пришелъ въ изступленіе и опять увидѣлъ воскресшаго Иисуса, который повелѣлъ ему поспѣшно выйти изъ Иерусалима, потому что тамъ не примутъ его свидѣтельства о Немъ. Не только не желая идти отсюда, онъ даже сталъ увѣрять своего божественнаго Собесѣдователя, что необычайная перемѣна изъ Савла, яростнаго гонителя, — Савла, который заключалъ въ темницы и истязалъ вѣрующихъ по синагогамъ, Савла, у ногъ котораго складывались одѣянія тѣхъ, которые убивали Его исповѣдника¹⁸⁷⁹⁾ Стефана, — перемѣна такого человѣка въ Савла христіанина и проповѣдника Евангелія Иисуса Христа не могла не приобрести довѣрія къ его свидѣтельству. Но говорившій ему не позволилъ ему болѣе обращаться къ своимъ соплеменникамъ. Кратко, но рѣшительно послышался отвѣтъ, который былъ поворотнымъ пунктомъ для всей его послѣдующей жизни и дѣятельности: «иди, Я пошлю тебя далеко, къ **язычникамъ**!»

Этого роковаго слова, котораго онъ доселѣ тщательно избѣгалъ, но котораго невозможно было избѣгать больше, было довольно. До этого пункта іудеи продолжали слушать его съ глубочайшимъ вниманіемъ. Многіе изъ нихъ несомнѣнно были незнакомы съ фактами, на которые онъ ссылался теперь. Его необычайная серьезность и мастерство любимого ими языка очаровали ихъ тѣмъ болѣе, что стоявшіе кругомъ воины не могли понять ни одного слова изъ того, что онъ говорилъ имъ, такъ что его рѣчь имѣла видъ конфиденціального сообщенія однимъ только іудеямъ, причемъ чужеземнымъ варварамъ предоставлялось тщетно вслушиваться въ непонятную имъ рѣчь и мучиться отъ неудовлетвореннаго любопытства и подозрѣнія. Кто знаетъ, не вырвется ли вдругъ изъ его устъ какое нибудь мессіанское объявленіе? Не могъ ли тотъ, который восторженно излагалъ рассказъ объ этихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, рассказать о какомъ нибудь новомъ видѣніи, которое могло бы стать знакомъ, что настала послѣдняя часть, который зажжетъ ихъ сердца столь яростнымъ и всепожирающимъ огнемъ, что отъ него желѣзныя цѣпи римлянъ растаютъ какъ воскъ? Но неужели этимъ и должно кончиться все? Неужели можно ссылаться на видѣніе въ защиту невѣрія богоотступника? Неужели можно позволять этому злому человѣку приводить святое свидѣтельство въ пользу своихъ вопіющихъ преступленій? Возможно ли было сносить заявленіе, что видѣніе съ неба велѣло ему проповѣдывать «грѣшникамъ изъ язычниковъ» и открывать, какъ это онъ дѣлалъ, священныя преимущества іудеевъ этимъ необрѣзаннымъ псамъ? Вся народная толпа была объята однимъ и тѣмъ же чувствомъ; одинаковая и общая всѣмъ имъ ненависть мно-

венно запылала въ ихъ сердцахъ. Слово «язычники», подтверждая всѣ ихъ худшія подозрѣнія, упало подобно искрѣ на воспламеняющуюся массу ихъ фанатизма. Лишь только онъ произнесъ его¹⁸⁸⁰⁾, какъ поднялся страшный крикъ: «истреби отъ земли такого, ибо ему не должно жить»¹⁸⁸¹⁾!

Тогда началось одно изъ самыхъ отвратительныхъ и гнусныхъ зрѣлищъ, какія только можно видѣть на землѣ, именно зрѣлище восточной черни, которая, обезумѣвъ отъ безсильной ярости, выла, гоготала, проклинала, скрежетала зубами, размахивала руками, рвала на себѣ голубыя и красныя одежды, бросала пригоршнями пыль въ воздухъ, сопровождая все это самыми дикими тѣлодвиженіями, къ какимъ только способенъ необузданный фанатизмъ¹⁸⁸²⁾.

Олемаида, повѣявшая Акра.

Къ счастью, ап. Павелъ былъ недоступенъ для неистовой ярости іудеевъ¹⁸⁸³⁾. У нихъ доставало смѣлости потрясать воздухъ своими отчаянными и дикими криками и дѣлать дворъ храма какбы убѣжищемъ толпы сумасшедшихъ; но они не осмѣливались броситься на выставленное противъ нихъ остріе широкихъ римскихъ мечей. Въ страшномъ возбужденіи комендантъ приказалъ увести узника въ казармы и подвергъ его пыткамъ посредствомъ бичеванія, такъ какъ совершенно не понимая того, что говорилъ ап. Павелъ, онъ хотѣлъ узнать, что именно онъ сдѣлалъ для возбужденія этихъ яростныхъ криковъ. Солдаты тотчасъ же связали ему руки, раздѣли его до-нага и согнули его — въ положеніе той страшной и

часто роковой пытки, которой недалеко от этого самого мѣста нѣкогда подвергался и Спаситель¹⁸⁸⁴). Три раза уже предъ тѣмъ на своей изъязвленной спинѣ ап. Павелъ чувствовалъ розги римскихъ ликторовъ; пять разъ онъ подвергался іудейскому бичеванію по сорока ударовъ безъ одного. Здѣсь предстоялъ новый видъ муки, именно кнутъ—*horribile flagellum*,—который римляне употребляли для принужденія посредствомъ пытки къ сознанию въ истинѣ¹⁸⁸⁵). Но на этотъ разъ ап. Павелъ, не потерявъ самообладанія даже въ крайности, возразилъ противъ приказанія. Возраженіе бывало раньше бесполезнымъ, могло оказаться бесполезнымъ и теперь; но не мѣшало во всякомъ случаѣ испробовать его, тѣмъ болѣе, что какъ солдаты, такъ и ихъ сотники повидимому были уже благопріятно предрасположены къ нему его благороднымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ среди столь страшныхъ и столь неожиданныхъ опасностей. Онъ поэтому спокойнымъ голосомъ спросилъ ихъ: «развѣ вамъ позволено бичевать римскаго гражданина, да и безъ суда? Вопросъ этотъ былъ обращенъ къ сотнику, который стоялъ почти рядомъ съ нимъ для наблюденія за должнымъ исполненіемъ пытки. Сотникъ былъ крайне удивленъ этимъ вопросомъ. Это очевидно было не простой самохвалъ, не просто человѣкъ, который могъ бы выдумать это право для избѣжанія опасности или мученія. Притомъ немногіе даже осмѣлились бы присвоить себѣ высокое право сказать «*civis romanus sum*»¹⁸⁸⁶), такъ какъ обманъ наказывался смертю¹⁸⁸⁷); и сотникъ вполнѣ понималъ, что этотъ узникъ во всякомъ случаѣ не поступитъ такъ. Онъ приказалъ воинамъ остановиться, пошелъ къ коменданту и сказалъ ему съ нѣкоторою римскою грубостью: «смотри, что ты хочешь дѣлать¹⁸⁸⁸)? Этотъ человѣкъ римскій гражданинъ». Заявленіе было важное. Если узникъ былъ римскій гражданинъ, то тысяченачальникъ уже два раза нарушилъ законъ, дававшій узнику право на защиту, такъ какъ онъ не только заковывалъ его въ цѣпи, но и вопреки явному указу Августа велѣлъ начать надъ нимъ слѣдствіе посредствомъ пытки. Кромѣ того, будучи человѣкомъ, который самъ придавалъ высочайшее значеніе этому *jus civitatis*, онъ уважалъ его и во всѣхъ другихъ. Быстро подойдя къ нему, онъ спросилъ:

— «Скажи мнѣ, ты римскій гражданинъ?»

— «Да».

Но взглянувъ на узника, Лизій не могъ не усумниться. Онъ самъ былъ грекомъ или сирійцемъ, который купилъ себѣ это право гражданства и затѣмъ присвоилъ себѣ прозваніе Клавдія въ то время, когда пріобрѣтеніе этого преимущества было сопряжено съ большими расходами¹⁸⁸⁹). Былъ ли ап. Павелъ римскій гражданинъ или нѣтъ, но онъ очевидно былъ іудей и несомнѣнно очень бѣдный іудей: какъ же онъ могъ пріобрѣсть это право?

— «Я за большія деньги пріобрѣлъ это гражданство»¹⁸⁹⁰), замѣтилъ онъ съ тономъ сомнѣнія въ голосѣ.

— «А я и родился въ немъ», былъ спокойный отвѣтъ на недосказанное подозрѣніе Лизія.

Права гражданства за узникомъ очевидно нельзя было отвергать больше. Павелъ былъ раскованъ и воины опустили свои бичи. Но Лизій отнюдь не былъ свободенъ отъ безпокойства за послѣдствія своего незаконнаго образа дѣйствія¹⁸⁹¹). Стараясь сбыть съ своихъ рукъ это непріятное ему дѣло въ городѣ,

Театръ въ Милетѣ.

гдѣ самые ничтожные пустяки постоянно вели къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ, онъ велѣлъ старѣйшинамъ на слѣдующій же день созвать собраніе синедріона для того, чтобы судить узника.

Синедріонъ собрался въ полномъ составѣ членовъ. Онъ засѣдалъ уже не въ «*лишкаты гиназитъ*», знаменитой палатѣ съ мозаичнымъ поломъ, находившейся на южной сторонѣ двора священниковъ¹⁸⁹²). Если бы онъ собирався еще тамъ, то Лизій и его воины никогда не были бы допущены до того, чтобы своими нечистыми ногами вступать въ помѣщеніе, лежавшее за средостѣніемъ раздѣленія, за которое даже прокураторъ не смѣлъ вступать подѣ страхомъ смерти. Въ это время синедріонъ вѣроятно дѣлалъ свои собранія въ *ханувопъ* т. е. «лавкахъ», самое существованіе которыхъ было доказательствомъ могущества и богатства «ехиднина дома Анны»¹⁸⁹³). Въ это мѣсто и повелъ Лизій своего узника

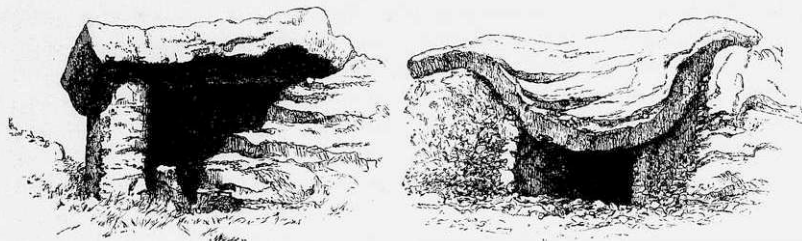
и поставил его передъ вождями народа. *Наси* или предѣдателемъ по обычаю быть первосвященникъ¹⁸⁹⁴). Апостолу сдѣланы были предварительные вопросы, и затѣмъ онъ, устремляя на собраніе свой упорный взглядъ¹⁸⁹⁵), началъ свою защитительную рѣчь словами: «мужи братія! Я всею доброю совѣстью жилъ предъ Богомъ до сего дня»¹⁸⁹⁶). Въ этихъ словахъ что то особенно оскорбило первосвященника. Ему быть можетъ не понравилось самое употребленіе термина «братія», обозначавашаго нѣкоторое равенство, вмѣсто одного изъ тѣхъ многочисленныхъ выраженій рабѣства, которое только и считалось приличнымъ для людей въ родѣ настоящаго узника при обращеніи къ великому собранію мудрыхъ. Но ап. Павелъ не былъ *ам-га-арецъ*; напротивъ, онъ былъ такой же раввинъ, такой же *хакамъ*, какъ и лучший «двигатель горъ» между ними, и онъ быть можетъ даже намѣренно употребилъ слово «братія» вмѣсто «отцы», потому что онъ также нѣкогда былъ членомъ синедріона. Смѣлое завіреніе совершенной невинности затѣмъ еще болѣе раздражило предѣдательствующаго *наси*, и на немъ быть можетъ нѣсколько мучительно отозвалось то, что его собственная общественная жизнь никоимъ образомъ не велась съ доброю совѣстью ни передъ Богомъ, ни передъ людьми. Первосвященникъ Ананія, сынъ Неведея¹⁸⁹⁷), назначенный на эту высокую должность Иродомъ халкидскимъ, былъ однимъ изъ худшихъ, если не самымъ худшимъ образчикомъ совершенно мірскихъ и безрелигіозныхъ саддукеевъ того вѣка, въ которомъ главные іерархи походили на распутнѣйшихъ кардиналовъ Авиньона или ѣздившихъ на охоту и пьянствовавшихъ епископовъ самаго темнаго періода среднихъ вѣковъ¹⁸⁹⁸). Исторія повѣствуетъ о возмутительномъ неразуміи его образа дѣйствій по отношенію къ самарянамъ и далеко неблагородныхъ средствахъ, при помощи которыхъ онъ избѣжалъ послѣдствій своей замѣшанности въ ихъ избіеніи. Къ этому изображенію его талмудъ прибавляетъ, что онъ былъ хищный тиранъ, который при своей алчности и жадности довелъ низшихъ священниковъ почти до голодной смерти, лишая ихъ принадлежащихъ имъ десятинъ¹⁸⁹⁹), и что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ хищниковъ, которые посылали своихъ слугъ съ дубинами на гумна для забирая десятинъ силою¹⁹⁰⁰). Должность первосвященника онъ занималъ въ теченіе періода, который по этимъ смутнымъ временамъ былъ необыкновенно продолжителенъ¹⁹⁰¹), хотя онъ и прерывался его отсутствіемъ, когда онъ въ качествѣ узника отправленъ былъ въ Римъ отвѣчать за свои преступныя дѣйствія. При этомъ случаѣ, благодаря одному актеру и наложницѣ, онъ повидимому выигралъ свое дѣло¹⁹⁰²); но впоследствии былъ низложенъ для того, чтобы освободить мѣсто Измаилу Бенъ Фаби, и лишь немногіе пожалѣли о немъ, когда онъ былъ вытащенъ изъ водосточной трубы, куда онъ спрятался, и погибъ отъ кинжала сикаріевъ, которыхъ во время своего благоденствія онъ безъ смущенія употреблялъ самъ для своихъ цѣлей¹⁹⁰³).

Его образъ дѣйствія по отношенію къ ап. Павлу вполне показываетъ его

характеръ. Едва апостолъ высказалъ первое положеніе своей защитительной рѣчи, какъ съ безобразною противозаконностью Ананія приказалъ приставамъ суда бить его по устами¹⁹⁰⁴). Узавленный столь вопіющимъ оскорбленіемъ, столь незаслуженнымъ насиліемъ, ап. Павелъ естественно запылалъ тѣмъ внезапнымъ чувствомъ гнѣва, котораго нечуждъ бываетъ самый возвышенный и благородный характеръ. Ни одинъ возвышенный характеръ не можетъ быть совершенно равнодушенъ къ невыносимому поправію справедливости. Оправляясь отъ удара, апостолъ воскликнулъ: «Богъ будетъ бить тебя, стѣна подбѣленная! Какъ! ты сидишь, чтобы судить по закону¹⁹⁰⁵) и вопреки закона велишь бить меня?»¹⁹⁰⁶) Выраженіе это подвергалось порицанію какъ непристойное по своей запальчивости, и его въ неблагопріятномъ смыслѣ для апостола сопоставляли съ смиреніемъ Христа предъ судилищемъ своихъ враговъ. «Гдѣ», спрашиваетъ блаженный Иеронимъ, «то терпѣніе Спасителя, Который—какъ агнецъ ведомый на закланіе не открываетъ устъ своихъ—такъ кротко спрашиваетъ бьющаго: если Я сказалъ худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня? Мы не унижаемъ этимъ апостола, но объявляемъ славу Богу, который, пострадавъ въ плоти, царствуетъ надъ неправдой и немощью плоти»¹⁹⁰⁷). Но намъ нѣтъ нужды напоминать читателю, что и Христосъ не разъ давалъ волю своему праведному негодованію и поражалъ дерзость и лицемѣріе молніей святаго гнѣва. Присутствующіе повидимому изумлены были смѣлостью укора ап. Павла, такъ какъ они сказали ему: «Первосвященника Божія поносишь?» Гнѣвъ апостола изсякъ въ этомъ мгновенномъ взрывѣ и онъ тотчасъ же извинился съ изысканною вѣжливостью и самообладаніемъ. «Я не зналъ, братія», сказалъ онъ, «что онъ первосвященникъ»; прибавляя къ этому, что еслибы онъ зналъ это, то не обратился бы къ нему съ укорительнымъ названіемъ «стѣны подбѣленной», потому что онъ всегда поступалъ по наставленію св. писанія: «начальствующаго въ родѣ твоёмъ не злословь»¹⁹⁰⁸).

Нѣкоторые находятъ крайне удивительнымъ, чтобы ап. Павелъ не зналъ, что Ананія былъ первосвященникъ, и эти его простые слова подвергались всевозможнымъ объясненіямъ. Слова эти, однакоже, не могутъ означать того, что онъ не способенъ былъ распознать титула Ананія¹⁹⁰⁹), или что онъ говорилъ въ этотъ моментъ, не принимая во вниманіе его должности¹⁹¹⁰), или что вообще онъ не могъ признавать первосвященника въ человѣкѣ, который поступалъ съ такимъ дерзкимъ беззаконіемъ. Принимая во вниманіе безславіе и незначительность, до которой ниспало первосвященство въ рукахъ людей, лишь на короткое время занимавшихъ эту высокую должность, лишь бы только посидѣть на первосвященническомъ креслѣ¹⁹¹¹); принимая во вниманіе, что одинъ изъ этихъ безрелигіозныхъ проходимцевъ сталъ даже носить шелковыя перчатки, чтобы не испачкать своихъ рукъ при жертвоприношеніи; въ виду того также, что римляне и Ироды постоянно возводили одного и низвергали другаго по своимъ

личным капризамъ и что народъ часто считалъ дѣйствительнымъ первосвященникомъ челоѣка, который въ дѣйствительности уже не занималъ этой должности; въ виду того также, что первосвященство этихъ рабобѣнныхъ саддукеевъ сдѣлалось лишь тѣнью того, чѣмъ оно нѣкогда было и что дѣйствительная преданность народа вполне перешла къ болѣе знаменитымъ раввинамъ,—будетъ совершенно понятно, что ап. Павелъ, послѣ своего долгаго отсутствія изъ Иерусалима ¹⁹¹²), не имѣлъ возможности въ теченіе немногихъ и притомъ всецѣло занятыхъ трудами дней, протекшихъ со времени его возвращенія въ Иерусалимъ, разузнать, кто именно—Каміеъ, Воеузимъ, или Канеера въ этотъ именно моментъ украшалъ себя пустымъ титуломъ, который онъ вѣроятно къ тому же позорилъ своею негодностью. Онъ конечно долженъ былъ знать, что первосвященникъ былъ *наси* синедріона, но въ многолюдномъ собраніи онъ могъ и не замѣтить, кто именно приказалъ его бить. Благодаря своему слабому зрѣнію, все, что онъ видѣлъ предъ собою, это — закутанную бѣлую фигуру, отъ которой вышелъ

Древнія іудейскія гробницы.

жестокій приказъ, и къ этой то личности, которая при своей вѣншей бѣлизнѣ и внутренней чернотѣ такимъ образомъ напоминала ему о набѣленной стѣнѣ гробницы, онъ и обратился съ своимъ негодующимъ обличеніемъ. Что онъ долженъ былъ извиниться, узнавъ важное положеніе виновника, это совершенно согласно съ тою высокою благовоспитанностью совершенно благороднаго челоѣка, которую онъ постоянно обнаруживалъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Но оправдывая минутное допущеніе челоѣческой слабости, если только можно такъ назвать его внезапную вспыльчивость, мы однакоже не можемъ защищать его послѣдующаго образа дѣйствія на этомъ собраніи. Конечно, было болѣе чѣмъ извинительно, если въ этотъ день апостолъ былъ нѣсколько возбужденъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, вслѣдствіе именно дикихъ и страшныхъ испытаній, перенесенныхъ имъ наканунѣ. Происходившее касательно его дѣла разсужденіе, его знакомство съ синедріономъ, котораго онъ нѣкогда былъ членомъ, легко давали ему возможность понять, что его судьи все еще главнымъ образомъ

раздѣлялись на двѣ партіи: саддукейскихъ священниковъ и фарисейскихъ старѣйшинъ и книжниковъ. Послѣдніе были популярны и многочисленны, а первые богаты и могущественны. Ап. Павлу хорошо было извѣстно, что эти двѣ партіи находились между собою въ непримиримой враждѣ, которая смолкала только въ присутствіи предмета общей ненависти. Онъ зналъ также, что однимъ изъ главныхъ предметовъ спора между ними былъ вопросъ касательно невидимаго міра и жизни за гробомъ ¹⁹¹³). Видя поэтому, что онъ не встрѣтитъ въ этомъ судѣ ни справедливости, ни милосердія, онъ рѣшилъ бросить между ними яблоко раздора, и, среди вавилонскаго смѣшенія языковъ, закричалъ: «мужи, братія! я фарисей, сынъ фарисея; за чаяніе воскресенія мертвыхъ меня судятъ!» Планъ этотъ обнаружилъ въ немъ тонкую прозорливость, и посѣянное такимъ образомъ раздѣленіе было на время чрезвычайно удачно; но достойно ли оно было ап. Павла? Между нимъ и фарисеями несомнѣнно были нѣкоторыя точки соприкосновенія. «Они учили о воскресеніи мертвыхъ: тоже и онъ. Они учили о пришествіи царства Божія: тоже и онъ. Они учили о пришествіи Мессіи: тоже и онъ. Они учили о сообщеніи Бога съ людьми посредствомъ ангеловъ, сновидѣній и видѣній: тоже и онъ. Онъ вполне раздѣлялъ съ фарисеями всѣ тѣ ученія, на основаніи которыхъ саддукеи и считали его соблазнителемъ народа». Все это правда, но съ другой стороны его вѣра въ воскресшаго Мессію не была тѣмъ пунктомъ, по которому главнымъ образомъ и призванъ онъ былъ къ отвѣту ¹⁹¹⁴). Это вѣрованіе, еслибы оно было одно, могло бы быть пройдено синедріономъ въ худшемъ смыслѣ какъ безвредное заблужденіе. Мало того, даже нѣкоторые изъ фарисейскихъ членовъ синедріона могли быть номинально христианами (Дѣян. ху, 5). Но ярость противъ ап. Павла возбуждалась гораздо болѣе тѣми вопросами, которые возникали изъ его ученія о ничтожествѣ закона и о допущеніи язычниковъ къ равнымъ преимуществамъ съ сѣменемъ Авраамовымъ. Не заключали ли поэтому слова апостола ложнаго намека? Имѣлъ ли онъ право разжигать существующую враждебность ¹⁹¹⁵)? Могъ ли онъ съ достоинствомъ сказать: «я фарисей»? Не отличается ли онъ въ дѣйствительности отъ фарисеевъ во всѣхъ основныхъ особенностяхъ ихъ системы? Не есть ли фарисейскій духъ по самой своей сущности противенъ христіанскому? (Матѣ. ххп, 25, 27; Іоан. хп, 43; Рим. п). Не доказывали ли два написанныхъ имъ величайшихъ посланій, что все ихъ богословіе во всѣхъ своихъ чертахъ было ложно? Не состояла ли вся дѣятельность его жизни въ томъ, чтобы разрушать всѣ эти законническія предписанія, изъ которыхъ они старались сдѣлать ограду? Не занимались ли они, какъ ему извѣстно было лучше всѣхъ, кованіемъ желѣзныхъ оковъ того ига рабства, которое онъ старался разбить звено за звеномъ? Не заключалось ли въ томъ, что онъ сказалъ, нѣчто похожее на *suggestio falsi*? Сдѣлаемъ всевозможныя извиненія въ челоѣческой слабости; допустимъ внезапную и временную разсѣянность, притомъ гораздо менѣе важную, чѣмъ какою нѣкогда увлекся его великій

собрать апостолъ въ Антиохіи; допустимъ даже, что непоколебимая прямота и рыцарская неуклонность въ дѣйствіи зависить отъ извѣстной національной черты, которая среди сѣверныхъ народовъ есть естественный результатъ вѣковаго воспитанія; признаемъ также безъ всякаго смущенія и стыда, что нѣкоторое условное отношеніе къ истинѣ въ позднѣйшіе вѣка считалось среди христіанскихъ добродѣтелей. Однакоже, не смотря на все это, мы не можемъ въ этомъ случаѣ исполнѣ видѣть, какъ ап. Павелъ могъ въ такомъ собраніи сказать безъ всякаго объясненія: «я фарисей». Если мы не находимъ возможнымъ порицать его за его строгій укоръ первосвященнику; если, подвергая образъ его дѣйствія тому окончательному суду, который состоитъ въ сравненіи съ началами и примѣромъ Спасителя, мы исполнѣ можемъ конять, что тотъ, кто называлъ Ирода «лицей», называлъ бы также Ананію «подбѣленной стѣной»; то съ другой стороны мы не можемъ не думать, что это искусственное усиленіе раздора между общими врагами на почвѣ самаго ограниченного соглашенія съ извѣстными положеніями, содержимыми нѣкоторыми изъ нихъ, было едва ли достойно ап. Павла; совершенно зная, что такое были фарисеи, мы не можемъ вообразить, чтобы божественный Учитель его когда либо при такихъ обстоятельствахъ могъ сказать: «я фарисей». Кромѣ того, этотъ образъ дѣйствія не былъ даже полезенъ. Онъ придалъ еще больше запальчивости разъяренной реакціи въ людяхъ, которые сознавали, что они были жертвою удачнаго замысла, и въ замѣчаніи ап. Павла предъ судилищемъ Феликса¹⁹¹⁶) мы склонны видѣть—хотя никто этого не замѣчалъ раньше—извѣстное чувство самообвиненія въ томъ способѣ, какимъ онъ освободилъ себя отъ угрожавшей ему опасности.

Но, какъ мы сказали, планъ этотъ на время сопровождался почти магическимъ успѣхомъ. Враги ап. Павла тотчасъ же схватились между собой. Первосвященникъ Ананія былъ такъ нелюбимъ фарисейскою партіей, что столѣтіе спустя все еще существовало преданіе о его насиліяхъ и алчности¹⁹¹⁷). Тотчасъ же поднялся страшный шумъ гнѣвныхъ голосовъ, и книжники, которые держали сторону фарисеевъ, всѣ поднялись для того, чтобы объявить ап. Павла невиннымъ. «Ничего худаго мы не находимъ въ этомъ человѣкѣ; если же Духъ или Ангелъ говорить ему, не будемъ противиться Богу»¹⁹¹⁸). Іудеи, даже эти знатные іерархи-раввины, опять выказали полную неспособность къ самообладанію. Даже въ священныхъ предѣлахъ синедріона за шумомъ послѣдовало столь сильное смятеніе, что ап. Павлу еще разъ грозила опасность быть разорваннымъ на куски, и на этотъ разъ притомъ руками ученыхъ и знатныхъ лицъ. Клавдій Лизій, болѣе и болѣе изумляясь буйности іудеевъ, которые сначала съ такимъ единодушіемъ напали на Павла въ храмѣ и половина которыхъ въ синедріонѣ повидимому теперь боролась въ его защиту, порѣшилъ не отдавать своего согражданина ожидающей его позорной участи и еще разъ приказалъ отряду воиновъ сойти внизъ, взять его изъ среды іудеевъ и отвести его въ такое мѣсто въ Іеру-

салимѣ, гдѣ величайшій іудей только и могъ найти себѣ безопасность, именно въ казармахъ чужеземныхъ завоевателей.

Рядъ такихъ возмутительныхъ сценъ въ теченіе двухъ дней подрядъ конечно долженъ былъ истомить и истощить ап. Павла, и даже столь безбоязненное мужество, какимъ обладалъ онъ, не могло непоколебимо подвергаться этой постоянной опасности неожиданной смерти. Слѣдующему дню суждено было опять принести новую опасность; но прежде чѣмъ она настала, милосердный Богъ, который всегда поддерживалъ своего вѣрнаго слугу при самыхъ худшихъ и мрачныхъ обстоятельствахъ, послалъ ему видѣніе, которое избавило его отъ всякой тревоги за его жизнь на много долгихъ и тяжкихъ дней. Какъ въ Іерусалимѣ при его первомъ видѣніи, какъ въ Коринѣ, и какъ вполнѣ въ бурномъ морѣ, Господь явился ему и сказалъ: «держай Павелъ, ибо какъ ты свидѣтельствовалъ о Мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ свидѣтельствовать и въ Римѣ».

Разсвѣтъ слѣдующаго дня съ достаточною доказаль, что его маневръ въ синедріонѣ имѣлъ только временный успѣхъ. Ярость противъ него была такъ неутѣшима и чувство разочарованія у членовъ синедріона, въ виду того, что Лизій освободилъ его отъ ихъ мщенія, было такъ велико, что на слѣдующее утро сорокъ человѣкъ изъ іудеевъ связали себя страшнымъ *херемомъ* не ѣсть и не пить, пока они не убьютъ его¹⁹¹⁹). Іудеи, подобно нѣкоторымъ христіанамъ въ худшія времена христіанства, вѣрили въ святость права убійства, какъ средства освобожденія отъ тирана или богоотступника¹⁹²⁰). Преступная слѣпота заставляла ихъ освящать даже религіозное убійство! Какую мрачную картину представляетъ намъ состояніе іудейской нравственности въ это время, показываетъ то обстоятельство, что подобно тому, какъ Іуда торговался съ членами синедріона о деньгахъ за кровь Спасителя, такъ и эти сорокъ сикаріевъ, безъ малѣйшаго стыда, но съ очевиднымъ сознаніемъ доблести пришли къ враждебной партіи синедріона съ цѣлью измышленія лжи, которая бы могла облегчить имъ убійство. «Мы клятвою заклинялись не ѣсть ничего, пока не убьемъ Павла. Итакъ, нынѣ же вы съ синедріономъ дайте знать тысяченачальнику, чтобы завтра онъ вывелъ его къ вамъ, какъ будто бы вы хотѣли точнѣе разсмотрѣть дѣло о немъ; мы же, прежде нежели онъ приблизится, готовы убить его». Не только не ужасаясь и не отвергая эту мысль, какъ отвергли бы ее даже язычники, выродившіеся іудеи, нахальные іерархи охотно согласились на это. Но тайна, извѣстная¹⁹⁴⁰) заговорщикамъ и требующая сообщества еще большаго числа людей, вовсе не была уже тайной. Темные намеки, зловѣщія тѣлодвиженія, слова худо скрываемого торжества и вообще отвращеніе къ человѣку, который училъ «отступленію отъ Моисея», несомнѣнно дѣлались такъ прозрачно у іудеевъ и даже, какъ можно опасаться, среди нѣкоторыхъ номинальныхъ іудейскихъ христіанъ, что во многихъ кругахъ и не думали скрывать кроваваго намѣренія. Когда ап. Петръ

былъ въ темницѣ и находился въ опасности подвергнуться казни, христіанская община въ Іерусалимѣ находилась въ состояніи тревоги и печали, и молитва къ Богу непрерывно возносилась о немъ днемъ и ночью; но къ ап. Петру и особенно къ ап. Петру этого ранняго періода относились съ совершенно иными чувствами, чѣмъ съ какими іудейскіе вѣрующіе смотрѣли на смѣлаго человѣка, который съ опасною независимостью относился къ Моисееву закону и его существовавшему завету, какъ къ предмету совершенно излишнему для обратившихся язычниковъ. Мы не слышимъ о молитвѣ какихъ нибудь старѣйшинъ или тысячъ народа объ ап. Павлѣ. Своимъ избавленіемъ онъ обязанъ былъ одному своему родственнику. Въ Іерусалимѣ жила его замужняя сестра, которая, сочувствовала она или нѣтъ взглядамъ своего брата (то обстоятельство, что нигдѣ не упоминается ни о ней, ни о ея семействѣ, и что ап. Павелъ повидимому никогда не заходилъ въ ея домъ, дѣлаетъ это по меньшей мѣрѣ весьма сомнительнымъ), имѣла однако же достаточно естественной привязанности къ нему, чтобы попытаться разстроить кроваваго планаго его убійства. Было бы желательно побольше узнать касательно подробностей всего этого, но намъ сообщается лишь то, что сынъ этой женщины, видимо простой мальчикъ, услышавъ о предполагаемой засадѣ, тотчасъ же отправился въ казармы крѣпости Антонія и, получивъ доступъ къ своему дядѣ, который, какъ римскій гражданинъ, былъ свободенъ отъ оковъ и содержался только подъ военной стражей (custodia militaris), открытъ ему о заговорѣ. Ап. Павелъ поступилъ съ своимъ обычнымъ здравомысліемъ и проворствомъ. Пославъ за однимъ изъ десяти сотниковъ гарнизона, онъ сказалъ ему: «отведи сего юношу къ тысяченачальнику; ибо онъ имѣетъ нѣчто сказать ему»¹⁹²¹⁾. Сотникъ немедленно отправился къ Лизію и сказалъ: «узникъ Павелъ, призвавъ меня, просилъ отвести къ тебѣ этого юношу, который имѣетъ нѣчто сказать тебѣ». Въ томъ приемѣ, съ какимъ римскій начальникъ отнесся къ іудейскому мальчику, проглядываетъ нѣкоторая ласка. Видя быть можетъ, что онъ былъ беспокоенъ и испуганъ, какъ вслѣдствіе опасности, которой онъ подвергался открывая эту тайну (такъ какъ подозрѣніе естественно могло пасть на него), такъ и вслѣдствіе того, что оказался въ присутствіи самой могущественной личности въ Іерусалимѣ, именно военного уполномоченнаго страшнаго прокуратора,—Лизій взялъ его за руку и отошелъ съ нимъ на такое мѣсто, гдѣ бы ихъ никто не могъ слышать, и началъ спрашивать его, чтѣ онъ имѣлъ сообщить ему. Мальчикъ сообщилъ ему, чтѣ онъ немедленно получить просьбу отъ синедріона созвать на слѣдующій день собраніе и еще разъ привести къ нимъ Павла для болѣе точнаго разсмотрѣнія его дѣла, и что болѣе сорока сикариевъ согласились касательно времени и мѣста для того, чтобы убить его узника; такъ что единственнымъ средствомъ разрушить этотъ заговоръ было отказать въ просьбѣ синедріона. Лизій видѣлъ важность тайны и немедленно принялъ свои мѣры. Онъ сказалъ мальчику, чтобы онъ не говорилъ никому о томъ, что онъ сдѣлалъ это

сообщеніе касательно заговора и, призвавъ двухъ сотниковъ, приказалъ имъ снарядить двѣсти легіонеровъ, семьдесятъ всадниковъ, двѣсти копьеносцевъ¹⁹²²⁾ съ двумя запасными лошадьми, чтобы быть готовыми сопровождать Павла въ безопасности въ Кесарію въ тотъ же самый вечеръ въ 9 часовъ. Онъ былъ чрезвычайно радъ освободиться отъ узника, который произвелъ столько возмущенія и который былъ предметомъ столь яростной вражды, что она во всякій моментъ могла повести къ бунту. Въ то время притомъ съ самою опасною беззащитностью разсыпались обвиненія въ подкупѣ. Целеръ, римскій всадникъ, гораздо болѣе высокаго чѣмъ онъ положенія, былъ варварски таскаемъ іудеями вокругъ стѣнъ Іерусалима и наконецъ обезглавленъ за принятіе подкупа отъ самарянъ¹⁹²³⁾; Агриппа I былъ вслѣдствіе такого же обвиненія уволенъ изъ Антіохіи, и даже такая личность, какъ прокураторъ Куманъ, былъ заключенъ въ тюрьму и лишился всѣхъ почестей. Римская администрація была такъ испорчена даже въ лицѣ высшихъ чиновниковъ, что еслибы ап. Павелъ былъ убитъ, то Лизія легко могли бы обвинить въ принятіи подкупа, заставившаго его снисходительно отнестись къ этому злодѣйскому умыслу¹⁹²⁴⁾. Теперь былъ достаточный предлогъ къ быстрой и тайной отсылкѣ ап. Павла, чѣмъ онъ и могъ освободиться отъ тяжелой отвѣтственности. Въ девять часовъ, въ тотъ же вечеръ, когда стемнѣло и улицы обезлюдѣли, большой отрядъ изъ четырехъ сотъ семидесяти воиновъ, отрядъ, необходимость котораго показываетъ опасное состояніе страны и степень тревоги Лизія, стоялъ готовымъ у воротъ казармъ, и прежде чѣмъ топотъ конскихъ копытъ и шумъ оружія началъ раздаваться по безмолвнымъ улицамъ города, комендантъ далъ командующему сотнику письмо, которое въ своей очевидной подлинности выдаетъ изумительную смѣсь правды и лжи и ни коимъ образомъ не оправдываетъ того мнѣнія, что Лизій былъ человѣкъ тупой и глупый. Письмо представляло собой одно изъ тѣхъ изложеній уголовныхъ обвиненій, называемыхъ *elogia*, которыя обыкновенно представлялись при передачѣ узника въ вѣденіе высшаго судьи; и оно было составлено такъ умно, что имъ устранялась всякая возможность обвиненія въ незаконномъ отношеніи къ римскому гражданину. Поступокъ Лизія, хотя нѣсколько поспѣшный на первый взглядъ, вообще былъ добръ и честенъ; и самъ онъ вѣроятно былъ увѣренъ ап. Павломъ, что, насколько дѣло касалось его лично, Лизій могъ отложить всякое попеніе касательно мѣры для защиты неотъемлемыхъ правъ, даваемыхъ правомъ римскаго гражданства.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Клавдій Лизій его превосходительству прокуратору Феликсу—радоваться.

«Сего человѣка іудеи схватили и готовы были убить; я, пришедши съ воинами, отнялъ его, узнавъ, что онъ римскій гражданинъ. Потомъ желая узнать, въ чемъ обвиняли его, привелъ его въ синедріонъ ихъ, и нашелъ, что его обвиняютъ въ спорныхъ мнѣніяхъ касательно закона ихъ, но что нѣтъ въ немъ

никакой вины, достойной смерти или оковъ. А какъ до меня дошло, что іудеи злоумышляютъ на этого человѣка; то я немедленно послалъ его къ тебѣ, приказавъ и обвинителямъ говорить на него предъ тобою. Будь здоровъ!

Ап. Павла посадили на одну изъ приготовленныхъ для него лошадей и отрядъ быстро двинулся въ путь по окрестностямъ Іерусалима, строго высмат-

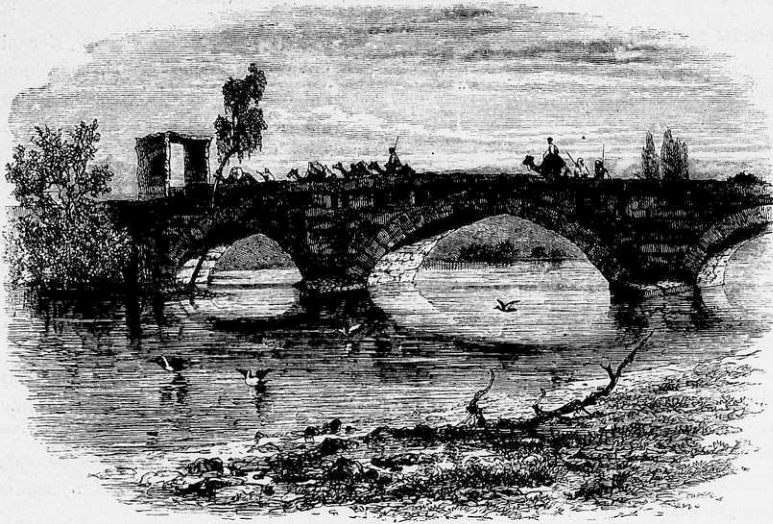
Римская конница
(съ Траяновой колонны въ Римѣ).

ривая за засадой. Миновавъ эту опасность, отрядъ, будучи слишкомъ многочисленъ и хорошо вооруженъ, чтобы опасаться простыхъ разбойниковъ, спокойно направился по римской дорогѣ въ отстоявшую на шестьдесятъ верстъ Антипатриду¹⁹²⁵). Здѣсь онъ остановился на ночлегъ. На слѣдующій день четыреста легіонеровъ и копьеносцевъ возвратились въ Іерусалимъ, между тѣмъ какъ конные

воины поѣхали дальше въ лежавшую въ пятидесяти верстахъ оттолѣ Кесарію. Ап. Павелъ такимъ образомъ вступилъ въ Кесарію съ пышною свитою, совершенно непохоже на то, какъ онъ оставилъ ее среди маленькой партіи своихъ собратьевъ христіанъ. Они вступили въ городъ уже при полномъ разсвѣтѣ дня и столь большая масса проходившихъ по улицамъ должна была привлечь на себя вниманіе любопытныхъ. Какъ Филиппъ и другіе христіане Кесаріи должны были удивиться, узнавъ о быстромъ исполненіи ихъ предчувствія, когда они увидѣли, что ихъ великій учитель, съ которымъ они разстались съ такими слезами, ѣхалъ по улицамъ прикованный своей правой рукой къ рукѣ всадника, среди толпы воиновъ изъ гарнизона Антоніи! Это шествіе ап. Павла какъ бы среди своихъ римскихъ тѣлохранителей было послѣднимъ предъ тѣмъ, какъ послѣ двухлѣтняго тюремнаго заключенія началось его путешествіе въ Римъ.

Сотникъ тотчасъ же представилъ своего узника Феликсу. Феликсъ, прочитавъ письмо Лизія, сдѣлалъ быстрый допросъ ап. Павлу, изъ какой онъ области, узнавъ что изъ Киликіи, сказалъ: «я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители»¹⁹²⁶). Затѣмъ онъ передалъ ап. Павла воину для содержанія его въ одной изъ комнатъ, прилегавшихъ къ старому Иродову дворцу, который теперь составлялъ великолѣпную резиденцію прокураторовъ Іудеи.

Мостъ въ Тарсѣ.

ГЛАВА ХLI.

АП. ПАВЕЛЬ И ФЕЛИКСЪ.

Антоній Феликсъ, по своей алчности
и распутству, съ рабскою низостью зло-
употреблялъ властью. Тацитъ.

ИМСКІЙ судья, къ которому приводился узникъ съ *elogium*, обязанъ былъ по возможности рассмотреть его дѣло въ теченіе трехъ дней. Феликсъ однакоже долженъ былъ послать извѣстіе въ Іерусалимъ и назначить время для суда, чтобы при немъ могли присутствовать обвинители; и такъ какъ путешествіе отсюда требовало почти двухъ дней, то только на пятый день по прибытіи ап. Павла въ Кесарію онъ преданъ былъ суду. Временный поворотъ въ его пользу, котораго въ это время фарисеи вѣроятно уже сами устыдились, смѣнили единодушною ненавистью. Старѣйшины вѣроятно обѣихъ партій поспѣшили для обвиненія своего противника. Ананія лично сопровождалъ ихъ, стремясь отмстить человѣку, который сравнилъ его съ поваленнымъ гробомъ. Этимъ высокопостав-

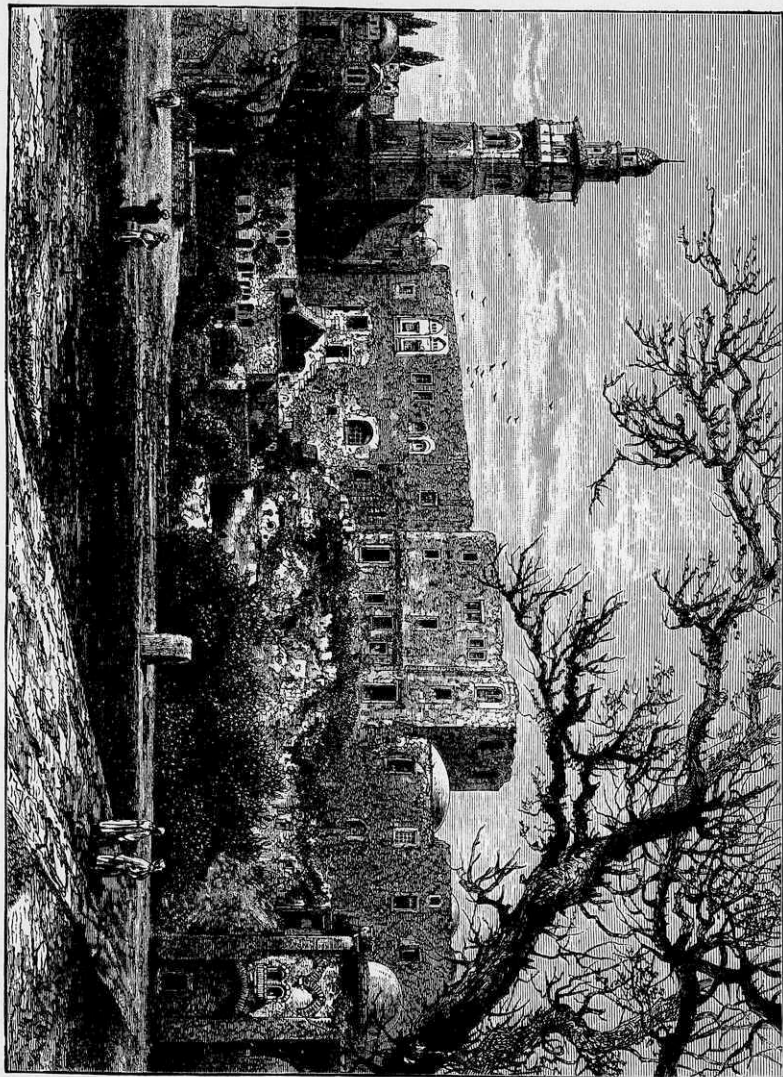
леннымъ личностямъ навѣрно было крайне непріятно, что онѣ вынуждены были поспѣшно отправиться въ утомительный стодвадцативерстный путь изъ религіозной столицы Іудеи въ политическую, чтобы побудить языческую собаку предать богоотступнаго *мессіа* ихъ юрисдикціи; но члены синагога, раздраженные неудачей, вѣроятно приняли всевозможныя мѣры для того, чтобы какъ нибудь отмстить своему оскорбителю.

Они хотѣли во что бы то ни стало добиться выдачи имъ ихъ жертвы и, будучи малоспособны защищать свое дѣло погречески или полатини и болѣе или менѣе невѣжественны въ порядкѣ римскаго судопроизводства, они поручили свое дѣло областному адвокату по имени Тертуллу. Все было сдѣлано съ должною формальностью. Сначала они изложили свою жалобу, а затѣмъ противъ нихъ выставленъ былъ узникъ, чтобы онъ могъ слышать и, если возможно, опровергнуть ихъ обвиненіе. Тертулла очевидно былъ опытный ораторъ и св. Лука вѣрно передалъ очеркъ его пространной рѣчи. Говоря съ ловкою любезностью, какъ будто бы и самъ онъ былъ іудей, онъ началъ льстивымъ комплиментомъ Феликсу, что служило обычнымъ *captatio benevolentiae*. Указавъ на прежніе подвиги Феликса противъ разбойниковъ и на недавнее подавленіе египетскаго лже-мессіи, онъ началъ увѣрять его превосходительство, съ истинно юридическою округленностью рѣчи, въ общей и неизмѣнной благодарности іудеевъ за миръ, который онъ обезпечилъ имъ, и за многія реформы ¹⁹²⁷⁾, которыя были начаты его правительственною мудростью. Въ дѣйствительности Феликсъ былъ крайне ненавидимъ народомъ, и хотя онъ несомнѣнно подавилъ отчасти разбойниковъ, однакоже съ самыхъ первыхъ дней своего управленія гораздо болѣе содѣйствовалъ разбойничеству ¹⁹²⁸⁾ и даже обвинялся въ участіи въ ихъ добычѣ вмѣстѣ съ Вентидіемъ Куманомъ, когда подъ его властью особо находилась Самарія ¹⁹²⁹⁾. Затѣмъ Тертулла столь же кратко извинился за нарушеніе спокойствія его превосходительства, такъ какъ необходимо было утрудить его тремя обвинительными актами противъ обвиняемаго, именно, что, во-первыхъ, онъ былъ общественною извою, жившею возбужденіемъ раздоровъ между іудеями по всему міру; во-вторыхъ, что онъ былъ коноводъ назарейской ереси; и въ-третьихъ, что онъ пытался осквернить храмъ. Вслѣдствіе этого то именно іудеи схватили его и хотѣли судить согласно съ своимъ собственнымъ закономъ; но Лизій насильственно вмѣшался въ ихъ дѣло и взялъ его изъ ихъ рукъ, приказавъ его обвинителямъ явиться къ прокуратору. Его превосходительство, обратившись къ Лизію ¹⁹³⁰⁾, могъ вполне удостовѣриться въ истинѣ этихъ обвиненій. Когда рѣчь кончилась, іудеи, за неимѣніемъ настоящихъ свидѣтелей, одинъ за другимъ стали говорить противъ ап. Павла ¹⁹³¹⁾, подтверждая истинность всего сказаннаго Тертуллою.

Тогда прокураторъ, уже достаточно убѣжденный, что это, какъ извѣстилъ его Лизій, была какая нибудь іудейская смута касательно мелочей Моисеева

закона, надменно далъ знакъ узнику, чтобы онъ сказалъ что нибудь противъ обвиненія. Въ своемъ *carpatio benevolentiae* ап. Павелъ поступилъ совершенно отлично отъ Тертулла. Оно состояло просто въ совершенно истинномъ замѣчаніи, что онъ могъ защищать себя тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ передъ Феликсомъ, что онъ былъ теперь прокураторомъ весьма значительное время ¹⁹³²⁾ и поэтому, вслѣдствіе своего знакомства съ іудейскими дѣлами, легко могъ удостовѣриться, что прошло лишь двѣнадцать дней ¹⁹³³⁾ съ праздника Пятидесятницы, на который онъ прибылъ совсѣмъ не съ мятежными цѣлями, а просто помолиться въ Іерусалимѣ; и что въ теченіе этого времени онъ не бесѣдовалъ ни съ кѣмъ и не имѣлъ случая привлекать толпы или производить возмущеніе ни въ храмѣ, ни въ синагогѣ, ни въ какой либо части города. Поэтому онъ положительно опровергалъ первый и третій пункты обвиненія и требовалъ отъ іудеевъ, чтобы они представили свидѣтелей въ подтвержденіе ихъ. Что касается до втораго пункта, то онъ готовъ былъ допустить, что принадлежитъ къ тому, что они называли сектой; но это была не болѣе незаконная секта, чѣмъ та, къ которой принадлежать они сами, такъ какъ онъ поклоняется Богу, поклоняться которому его, какъ іудея, учили всегда, открыто принималъ все ихъ св. писаніе, вѣрилъ, подобно большинству изъ нихъ, въ воскресеніе праведныхъ и неправедныхъ. Вслѣдствіе этой именно вѣры онъ всегда старался быть съ чистою совѣстью какъ предъ Богомъ, такъ и предъ людьми. До этого времени онъ не былъ въ Іерусалимѣ въ теченіе пяти лѣтъ и, при возвращеніи съ милостыней для бѣдныхъ своего народа и съ приношеніями для храма, іудеи нашли его въ храмѣ, гдѣ онъ спокойно и очищалъ себя по закону. Въ мятежъ, который послѣдовалъ затѣмъ, онъ былъ невиненъ. Онъ поднять былъ нѣкоторыми азіатскими іудеями, которые должны бы присутствовать въ качествѣ свидѣтелей и отсутствіе которыхъ было доказательствомъ слабости обвиненія противъ него. Но если нельзя было привести ихъ въ качествѣ свидѣтелей, то онъ требовалъ отъ самихъ обвинителей, чтобы они изложили результатъ своего суда надъ нимъ передъ синедріономъ, и доказали, есть-ли у нихъ хотя одинъ фактъ противъ него, кромѣ его восклицанія, сдѣланнаго имъ въ то время, когда онъ стоялъ предъ ними, что его судили по вопросу о воскресеніи изъ мертвыхъ.

Обвиненіе, очевидно, оказывалось несостоятельнымъ. Сдѣланное ап. Павломъ изложеніе фактовъ прямо противорѣчило единственному сдѣланному противъ него показанію. Разногласія въ ученіи между іудеями и имъ ни коимъ образомъ не могли послужить предметомъ судебного разбирательства, такъ какъ они касались вопросовъ, которые не подлежали вѣденію римскаго закона. Ап. Павлу не было надобности доказывать ученіе назарянъ или оправдывать себя въ принятіи его, такъ какъ въ это время оно еще не было объявлено *religio illicita*. Феликсъ совершенно сознавалъ это. Онъ имѣлъ гораздо болѣе точное знаніе объ этомъ ученіи, чѣмъ іудеи и ихъ нанятый адвокатъ ¹⁹³⁴⁾. Поэтому онъ

Рашина Антоніи въ Іерусалимѣ.

не хотѣлъ передать Павла синедриону, что могло бы быть опаснымъ и было бы несомнѣнно несправедливымъ; но въ тоже время онъ не хотѣлъ и оскорблять этихъ вліятельныхъ лицъ. Поэтому онъ отложилъ разбирательство дѣла — *rem ampliavit* — и именно на основаніи отсутствія Лизія, который могъ бы быть важнымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ, обѣщая однакоже дать свое окончательное рѣшеніе, лишь только онъ прибудетъ въ Кесарію. Ап. Павелъ былъ отведенъ подъ стражу, но Феликсъ далъ особое приказаніе сотнику¹⁹³⁵), чтобы стража надъ нимъ не была жестокою и чтобы друзьямъ его дозволялся свободный доступъ въ его тюрьму. Св. Лука и Аристархъ несомнѣнно пользовались этимъ позволеніемъ, и тяжелые часы заключенія несомнѣнно были облегчаемы также посѣщеніями Филиппа благовѣстника и другихъ христіанъ небольшой кесарійской общины, которымъ былъ такъ дорогъ ап. Павелъ¹⁹³⁶).

По своемъ возвращеніи въ Кесарію съ своей женой Друзиллой, Феликсъ, видимо желая удовлетворить ея любопытство увидѣть челоѣка, слухи о странной исторіи и чудесномъ могуществѣ котораго были такъ распространены въ народѣ, еще разъ потребовалъ къ себѣ ап. Павла и велѣлъ ему изложить передъ собою свое вѣроученіе. Апостолъ не преминулъ воспользоваться этимъ благоприятнымъ случаемъ. Феликсъ былъ язычникъ и притомъ его судья, а ап. Павелъ не имѣлъ своейю обязанностью судить тѣхъ, которые находились внѣ церкви. Съ полнѣйшею вѣжливостью и почтеніемъ къ держащей власти, апостолъ началъ излагать вѣру во Христа, проповѣданіе которой было возложеннымъ на него долгомъ, и притомъ такъ, что невольно затронулъ тѣ добродѣтели, въ которыхъ боже всего нуждалась слушающая его бесѣду преступная чета. Слалостлюбивая принцесса должна была краснѣть, когда онъ бесѣдовалъ о воздержаніи; хищный и несправедливый правитель долженъ былъ чувствовать укоры совѣсти, когда онъ говорилъ о справедливости, и оба они должны были содрогаться, когда онъ разсуждалъ о будущемъ судѣ. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе эта бесѣда произвела на Друзиллу, потому что хитрая принцесса сокрыла его въ своемъ непроницаемомъ сердцѣ. Феликсъ же, менѣе привычный къ такимъ истинамъ, былъ глубоко взволнованъ ими. Оглянувшись на преступное и позорное прошлое, онъ ужаснулся за самого себя. Нѣкогда онъ былъ рабомъ въ худшемъ изъ всѣхъ положеній, въ преступнѣйшую эпоху, въ развращеннѣйшемъ изъ городовъ. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ Палласомъ онъ достигъ положенія царедворца въ распутнѣйшемъ изъ дворцовъ. Онъ былъ начальникомъ тѣхъ вспомогательныхъ войскъ, хуже которыхъ не было въ мірѣ. Какія преступныя тайны похоти и крови скрывались въ его прежней жизни—мы не знаемъ; но простые и безспорныя свидѣтельства, іудейскія и языческія, священныя и гражданскія вполне открываютъ намъ, что такое онъ былъ: какъ онъ былъ жаденъ, какъ необузданъ, какъ коваренъ, какъ преступенъ, какъ запятнанъ кровью частныхъ убійствъ и народныхъ избіеній въ теченіе тѣхъ восьми лѣтъ, которыя теперь онъ провелъ въ управленіи сначала

Самаріи и затѣмъ Палестины. Позади себя онъ оставилъ цѣлый рядъ преступленій и теперь невольно чувствовалъ, что какбы вся земля колебалась подъ нимъ. Онъ не могъ вынести новаго ощущенія закрадывавшагося къ нему ужаса или укоровъ смущеннаго, чувствующаго свою вину сердца, которое начало трепетать даже въ его закаленной груди. Онъ прервалъ бесѣду апостола. «Теперь пойдѣ», сказалъ онъ, «а когда найду время, позову тебя». Однако же и угрызения совѣсти его не были совершенно безкорыстны. Ап. Павелъ очевидно произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и Феликсъ, пораженный его образомъ дѣйствій, его гениемъ и нравственною силою, нерѣдко призывалъ его къ себѣ для бесѣды съ нимъ касательно его вѣрованій. Но этотъ кажущійся интересъ въ религіозныхъ предметахъ былъ въ дѣйствительности сроденъ съ тѣмъ духомъ суетвѣрія, который заставлялъ его поддаваться обману Симона волхва и который не исключалъ у него надежды на полученіе взятки, которую, какъ онъ былъ увѣренъ, могъ дать ему Павелъ, принесшій столь значительныя суммы въ Іерусалимъ. Онъ не преминулъ дать ему намекъ, который не оставлялъ никакого сомнѣнія касательно его намѣренія. Но ап. Павелъ былъ невиненъ и не хотѣлъ ни воспользоваться какимъ либо незаконнымъ средствомъ для обезпеченія себѣ свободы, ни вообще отягчать своихъ духовныхъ чадъ сборомъ съ нихъ денегъ для выкупа, котораго онъ самъ не могъ заплатить по своей бѣдности. Онъ не хотѣлъ сомнительными челоѣческими способами нарушать плана Божія касательно его, или представить сомнительный примѣръ будущимъ *libellatici*. Поэтому онъ уклонился отъ принятія намековъ Феликса, а вслѣдствіе этого и долженъ былъ въ теченіе двухъ лѣтъ томиться въ темницѣ.

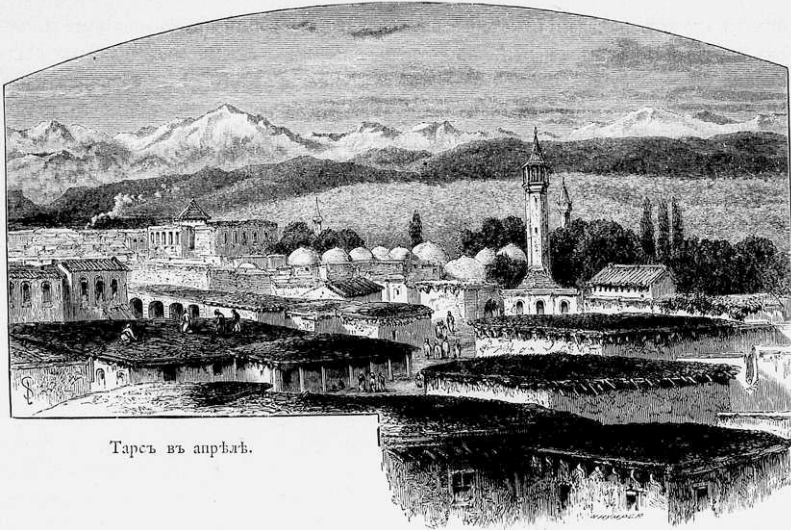
Но вотъ къ концу этого времени онъ былъ пораженъ ужаснымъ шумомъ на улицахъ Кесаріи. Правда, въ городѣ, состоявшемъ на половину изъ іудеевъ и на половину изъ грековъ или сирійцевъ, между ними постоянно происходили споры, переходившіе въ открытую вражду, изъ-за преимуществъ. Всѣмъ своимъ блескомъ городъ—съ его амфитеатромъ, его храмами и дворцомъ—былъ обязанъ одушевлявшей перваго Ирода страсти къ строительству. Іудейское населеніе было многочисленно и богато, и такъ какъ ихъ царь сдѣлалъ такъ много для города, то они считали его своею исключительною собственностью. И дѣйствительно, если бы не Иродъ, то Кесарія никогда бы не получила извѣстности въ исторіи. Единственно полезное учрежденіе его состояло въ гавани, которую Иродъ построилъ для него съ огромными расходами денегъ и труда и которая чрезвычайно нужна была на этомъ негостепріимномъ берегу. Но греки утверждали, что это ихъ городъ, доказывая, что онъ былъ построенъ Стратономъ и назывался башней Стратона, пока Иродъ изъ своей обычной лести къ императорскому дому не переимѣнилъ его названія. Къ концу тюремнаго заключенія ап. Павла греки и іудеи дошли до открытаго враждебнаго столкновенія на площади рынка, и такъ какъ греки были побиты въ схваткѣ съ своими разъяренными противниками, то

Феликсъ явился съ своими когортами и приказалъ іудеямъ разсѣяться. Такъ какъ побѣдоносная сторона не тотчасъ же повиновалась его повелѣнію, то Феликсъ, который, подобно всѣмъ римлянамъ, держалъ сторону языческой партіи, двинулъ на нихъ своихъ воиновъ. Воины эти вѣроятно были не настоящіе римляне, а набраны изъ провинціи¹⁹³⁷). Поэтому они съ злорадствомъ ринулись на іудеевъ, многіе изъ которыхъ тотчасъ же пали подъ ударами ихъ мечей. Недовольствуясь этимъ, Феликсъ, отвращеніе котораго ко всему іудейскому народу съ каждымъ годомъ увеличивалось, позволилъ имъ грабить дома богатѣйшихъ іудеевъ¹⁹³⁸). Этотъ послѣдній поступокъ не могъ остаться незамѣченнымъ. Правда, Феликсъ по свидѣтельству Тацита, такъ привыкъ полагаться на неотражимое вліяніе Палласа на императора Клавдія, что началъ даже думать, что онъ можетъ безнаказанно совершать какое угодно преступленіе. Но отравленные грибы Агриппины произвели свое дѣйствіе на Клавдія, и вліяніе какъ Палласа, такъ и Агриппины уже исчезало. Іудеи принесли формальную жалобу противъ Феликса на его образъ дѣйствій въ Кесаріи, и онъ отозванъ былъ въ Римъ къ отвѣту. Сопровождаемый Друзиллой и Симономъ волхвомъ, который въ это время занималъ у него положеніе домашняго волшебника, онъ отплылъ въ Италію, и самый послѣдній актъ его былъ дѣломъ вопіющей несправедливости. Онъ уже злоупотребилъ властью областного правителя и въ томъ, что отложилъ судъ надъ ап. Павломъ на два года. Римскій законъ страдалъ однимъ важнымъ недостаткомъ: хотя онъ и предписывалъ немедленно разсматривать дѣло всякаго узника, препровожденнаго въ высшую инстанцію суда съ *elogium*, но въ то же время не постановлялъ никакого правила касательно непремѣннаго окончанія суда, и такимъ образомъ давалъ въ руки несправедливаго префекта страшное орудіе пытки. Ап. Павелъ теперь уже два года томился въ Иродовомъ дворцѣ, а Феликсъ все еще не рѣшалъ его дѣла. Подобный же примѣръ упоминается у Филона, именно когда Флаккъ держалъ Лампона въ теченіе двухъ лѣтъ въ темницѣ въ Александріи¹⁹³⁹) по обвиненію въ «оскорбленіи величества», надѣясь истомить его наказаніемъ, которое было хуже смерти. У Феликса не было такого намѣренія, потому что онъ повидимому чувствовалъ къ ап. Павлу искреннее уваженіе; но такъ какъ Павелъ не хотѣлъ дать ему взятки, то Феликсъ не освобождалъ его и, будучи болѣе рабомъ своекорыстія, чѣмъ сколько онъ былъ рабомъ Антоніи, онъ наконецъ оставилъ его въ оковахъ съ цѣлью дать удовлетвореніе злобѣ іудеевъ, которыхъ онъ такимъ образомъ старался, но совершенно напрасно, склонить на свою сторону. Ему думалось, что онъ могъ примирить ихъ съ собою по нѣкоторымъ пунктамъ обвиненія противъ него, принеся въ жертву ихъ религіозной ненависти нѣкоторую долю справедливости. Но это быть можетъ было послѣдней каплей въ переполненной чашѣ его беззаконія. Какъ онъ закончилъ свою преступную жизнь, мы не знаемъ. Требовалось крайнее напряженіе падающаго вліянія его брата Палласа, чтобы

спасти его отъ наказанія, которое онъ заслужилъ своими преступленіями; и хотя онъ не былъ преданъ смерти или отправленъ въ ссылку, но долженъ былъ однако же съ цѣлію выпутаться изъ затрудненія растратить большую часть своего несправедливо пріобрѣтеннаго богатства. Друзилла имѣла отъ него одного сына, и этотъ сынъ, имя котораго было Агриппа, погибъ подъ лавой Везувія девятнадцать лѣтъ спустя послѣ этихъ событій¹⁹⁴⁰). Самъ Феликсъ съ этихъ поръ исчезаетъ со страницъ исторіи въ безвѣстности и позорѣ.

Монета города Тарса (Коммодъ)
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

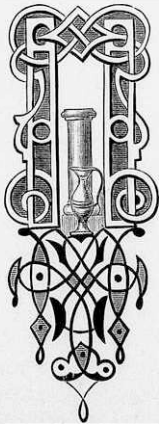
Тарсъ въ апрѣлѣ.

ГЛАВА XLII.

АП. ПАВЕЛЬ ПЕРЕДЪ АГРИППОЙ II.

Могла бы я Бога, чтобы всё случилось
такими какъ я, кроме этихъ узъ.

Дѣян. xxvi, 29.

РЕЕМНИКОМЪ Феликса былъ Порцій Фестъ (въ 60 году по Р. Хр.)¹⁹⁴¹⁾, который, будучи также вѣроятно, по своему происхожденію, не болѣе какъ отпущенникъ, оказался однакоже гораздо болѣе достойнымъ и честнымъ правителемъ. Его прокураторство было очень непродолжительно и ему пришлось управлять страной въ то время, когда въ ней господствовала самая необузданная анархія и раздоры дошли до кроваваго духа мщенья. Если бы онъ подольше оставался прокураторомъ, то при всей трудности задачи обуздать яростную ненависть между іудеями и язычниками онъ могъ бы достигнуть болѣе значительныхъ результатовъ. Священный повѣствователь выставляетъ его въ менѣе неблагоприятномъ свѣтѣ, и онъ во всякомъ случаѣ составляетъ въ

высшей степени благоприятную противоположность съ своими непосредственными предшественникомъ и преемникомъ, и именно тѣмъ, что онъ старался дѣйствовать вполне справедливо и не запятналъ своихъ рукъ взятками¹⁹⁴²⁾.

Первые его дѣйствія обнаруживаютъ въ немъ человека живаго и дѣятельнаго. Онъ прибылъ въ Палестину около мѣсяца августа и чрезъ три дня по своемъ прибытіи въ Кесарію прямо отправился въ Іерусалимъ. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, съ которыми онъ долженъ былъ встрѣтиться, было дѣло ап. Павла. Двухлѣтнее тюремное заключеніе, воспрепятствовавшее осуществленію злаго умысла іудеевъ, не могло подавить въ нихъ смертельной ненависти къ человеку, который свободнымъ предложеніемъ евангелія язычникамъ давалъ въ ихъ глазахъ одно изъ самыхъ роковыхъ предзнаменований угрожающаго имъ паденія. Страшное побоище на площади рынка между іудеями и сирийскими греками, послужившее причиной отставки Феликса, оставило послѣ себя неискоренимую вражду, и кесарійскіе іудеи единодушно¹⁹⁴³⁾ требовали немедленнаго наказанія ап. Павла. Когда Фестъ прибылъ въ Іерусалимъ, то его встрѣтили съ воплемъ о томъ же¹⁹⁴⁴⁾, и смерть Павла требовалась не только чернью, но и депутаціями главнѣйшихъ представителей Іерусалима, предводимыхъ Измаиломъ Бенъ-Фаби, новымъ первосвященникомъ¹⁹⁴⁵⁾. Мы уже имѣли случай видѣть, съ какою ловкостью іудеи пользовались неопытностью всякаго вновь прибывающаго къ нимъ правителя, съ цѣлью настроить его по возможности въ свою пользу, пока еще онъ могъ руководствоваться желаніемъ произвести на нихъ благоприятное впечатлѣніе. Но Фестъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ низкихъ и слабохарактерныхъ прокураторовъ, которые готовы были совершить преступленіе, лишь бы пріобрѣсти популярность. Палестинскіе іудеи скоро нашли, что имъ приходилось имѣть дѣло съ человекомъ, который весьма походилъ на «милаго» Галліона. Народъ, во главѣ съ своими іерархами, просилъ его, въ качествѣ первой милости имъ, не исключать дѣла ап. Павла изъ ихъ вѣденія, но привести узника въ Іерусалимъ, чтобы еще разъ подвергнуть его суду синедріона, на которомъ будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ не могъ вернуться отъ этого суда при помощи возбужденія богословскихъ распрей между ними. Въ дѣйствительности эти обрядники, гораздо менѣе смущавшіеся убійствомъ, чѣмъ церемоніальнымъ оскверненіемъ¹⁹⁴⁶⁾, уже позаботились о томъ, что если Фестъ согласится на ихъ просьбу, то ихъ наемные убійцы немедленно покончатъ съ ап. Павломъ еще на дорогѣ. Фестъ однакъ же проникъ въ ихъ злые умыслы и уклонился отъ согласія на ихъ просьбу, подѣ предложомъ вѣжливаго предложенія, что такъ какъ ап. Павелъ теперь находился въ Кесаріи, то онъ немедленно возвратится туда и вполне выслушаетъ ихъ жалобы. Такъ какъ они продолжали настаивать на своей просьбѣ, то Фестъ далъ имъ высокомѣрный и чисто римскій отвѣтъ, что каковы бы ни были ихъ восточныя понятія о справедливости, но у римлянъ не въ обычаѣ жертвовать жизнью личности въ пользу

ея обвинителей и что поэтому онъ долженъ поставить обвиняемого на личную ставку съ обвинителями и дать обвиняемому полную возможность самозащиты. Первосвященникъ съ своими соучастниками, находя, что они ничего не могли выиграть ни запугиваніемъ Феста, ни лестью ему, должны были еще разъ ограничиться составленіемъ наиболѣе вліятельной депутаціи для того, чтобы имѣть успѣхъ въ обвиненіи. Черезъ восемь или десять дней затѣмъ Фестъ возвратился во дворецъ въ Кесарію и на слѣдующій же день занялъ свое судейское мѣсто на трибуналѣ для выслушанія этого дѣла. Іудеи теперь уже нашли возможнымъ обойтись безъ наемнаго адвоката и судопроизводство превратилось въ сцену запальчиваго шума, въ которомъ ап. Павелъ на многія обвиненія противъ него отвѣчалъ спокойнымъ отрицаніемъ. Іудеи, шумной толпой окружая судилище, повторяли свои обвиненія его въ ереси, святотатствѣ и измѣнѣ; но такъ какъ противъ него не выступало ни одного свидѣтеля, то ап. Павлу ничего не оставалось болѣе, какъ вновь изложить самые факты. Въ это время іудеи повидимому точнѣе опредѣляли сущность обвиненія, именно, что Павелъ возбуждалъ смуту въ іудеяхъ разсѣянія, причемъ старались запугать Феста, какъ нѣкогда запугали Пилата, именемъ Кесаря (Дѣян. ххv, 8). Но Фестъ слишкомъ хорошо зналъ римскій законъ, чтобы не видѣть чрезъ всю эту ослѣпительную бурю ярости два ясныхъ факта, что онъ имѣлъ предъ собою неподсудное ему дѣло, такъ какъ весь вопросъ касался предмета, который входилъ въ область іудейскаго богословія; и что если бы даже была хотя капля истины въ іудейскихъ обвиненіяхъ, все-таки ап. Павелъ не былъ виновенъ ни въ чемъ такомъ, что бы приближалось къ уголовному преступленію. Желая положить конецъ этой сценѣ (а для достоинства благовоспитаннаго римлянина ничего не могло быть противнѣ этихъ воющихъ фізіономій, сверкающихъ глазъ и злобныхъ выкриковъ презрѣнныхъ жидовъ), — Фестъ спросилъ ап. Павла, желаетъ ли онъ идти въ Іерусалимъ и подвергнуться суду синедріона подъ его покровительствомъ¹⁹⁴⁷). Практически это было предложеніе перенести дѣло отъ римской юрисдикціи къ іудейской. Но ап. Павелъ очень хорошо зналъ, что онъ гораздо болѣе могъ рассчитывать на справедливость въ рукахъ римлянъ, чѣмъ въ рукахъ іудеевъ, преступления которыхъ теперь приводили къ гибели самый Іерусалимъ. Іудейскіе суды постоянно и съ яростію обвиняли его; языческіе трибуналы съ такими судьями, какъ Галліонъ, политархи, азіархи, Лизій, Феликсъ, Фестъ, даже такое чудовище, какъ Неронъ, всегда признавали его невиннымъ. Но ему уже надоѣли эти отсрочки, это яростное повтореніе клеветы, которую уже онъ опровергъ десять разъ; ему надоѣло быть яблокомъ раздора для взаимной вражды, равно какъ надоѣли и произвольные капризы областныхъ правителей. Скучныя казармы Кесаріи для пламенной ревности Павла были столь же ужасны, какъ и мрачная тюрьма Махера для свободной души Іоанна Крестителя. Какъ навѣрно ненавистенъ былъ ему этотъ дворецъ, обгащенный кровью убитыхъ Иродовъ и преслѣдуемый худшими воспо-

минаніями о ихъ преступленіяхъ! Какъ утомляла его бездѣятельность, какъ тяжело ему было сносить празднотство и распутство областныхъ солдатъ и мятежное столкновеніе между іудеями и язычниками, шумъ которыхъ постоянно доносился ему съ улицъ этого неблагоустроеннаго города! Его заключеніе несомнѣнно было для него періодомъ глубокаго внутреннего спокойствія и роста. Онъ зналъ, что дѣятельность его еще не кончена. Онъ ожидалъ исполненія воли Божіей. Онъ видѣлъ, что ему нечего было больше ожидать отъ первосвященниковъ или прокураторовъ, и поэтому онъ воспользовался первымъ благоприятнымъ случаемъ, чтобы избавиться отъ всего этого. Какъ римскій гражданинъ онъ имѣлъ одно важное преимущество, именно то право обращенія къ кесарю, которое все еще оставалось высшимъ трофеемъ народного торжества въ вѣковой борьбѣ. Ему стоило только произнести одно слово «*appello*» и на время должны были смолкнуть всѣ враги, жаждавшіе его крови¹⁹⁴⁸). Онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ правомъ. Прокураторъ былъ лишь тѣнью кесаря. Его предложеніе повидимому было добросовѣстно, но быть можетъ ап. Павелъ предвидѣлъ его послѣдствія. «Я стою», сказалъ онъ, «предъ судомъ кесаревымъ, гдѣ мнѣ и слѣдуетъ быть судиму. Іудеевъ я ничѣмъ не обидѣлъ, какъ и ты хорошо знаешь. Ибо если я не правъ и сдѣлалъ что нибудь достойное смерти, то не отрекаюсь умереть: а если ничего того нѣтъ, въ чемъ судьи обвиняютъ меня, то никто не можетъ выдать меня имъ», и затѣмъ онъ воскликнулъ: «*Caesarem appello!*» (требую суда Кесарева).

Обращеніе это поразило всѣхъ своею неожиданностью; даже Фестъ, который дѣйствовалъ съ добротою и справедливостію, хотя быть можетъ и не чуждою нѣкоторой лѣстивости по отношенію къ своимъ новымъ подчиненнымъ, былъ немного оскорбленъ имъ. Ему было непріятно, что его юрисдикція устранялась обращеніемъ къ высшей власти по самому первому дѣлу, какое только пришлось ему разсматривать. Ап. Павелъ не имѣлъ еще времени изучить его характеръ. Онъ несомнѣнно могъ бы болѣе положиться на него, если бы зналъ его лучше; но дѣла дошли до безнадежной запутанности, и быть можетъ ап. Павелъ имѣлъ нѣкоторое внутреннее предчувствіе, что таковъ былъ предназначенный Богомъ способъ, какимъ ему суждено было посѣтить Италію и привести благовѣстіе въ Римъ.

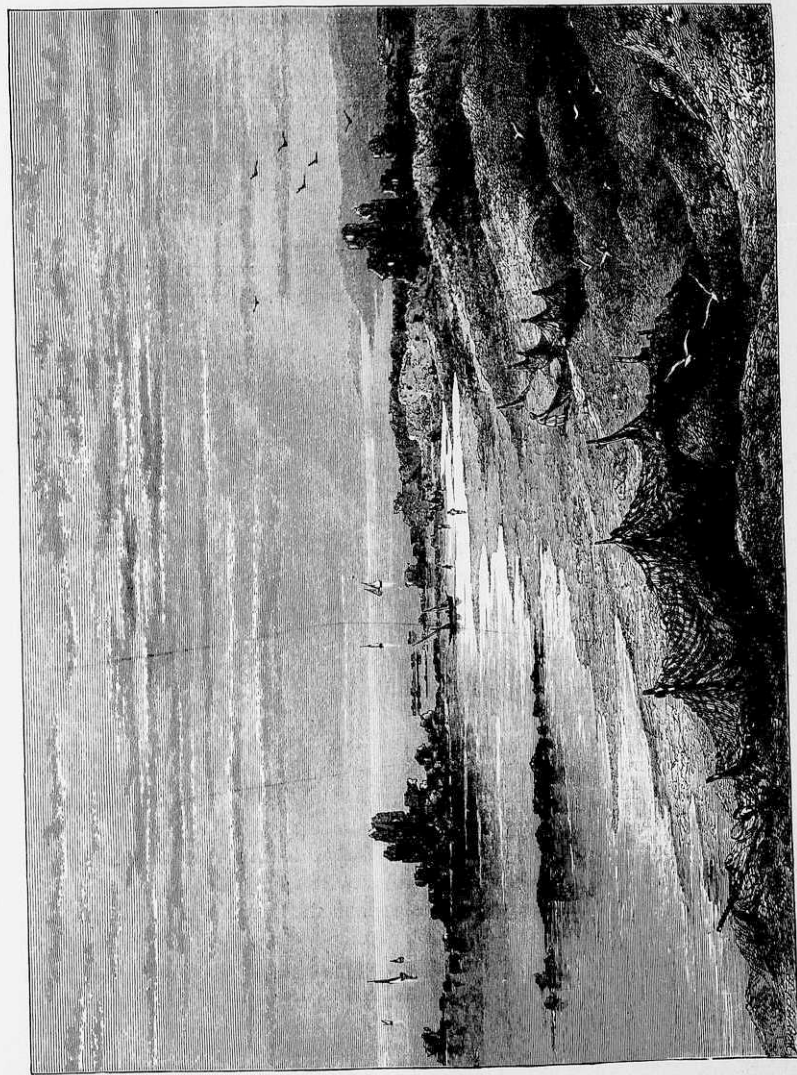
Заявленіе это сразу же положило конецъ всему производству въ судѣ. Фестъ сдѣлалъ краткое совѣщаніе съ своими *consilarii*, т. е. совѣтомъ своихъ помощниковъ, можно ли было признать это обращеніе къ кесарю законнымъ или нѣтъ. Дѣло было слишкомъ ясно, чтобы возможно было какое нибудь сомнѣніе въ этомъ отношеніи, и, подумавъ немного, Фестъ произнесъ слова, которые, какъ ни были они грубо высказаны, должны были трепетомъ поразить всѣхъ находившихся въ этомъ собраніи и болѣе всего сердце самого апостола: «*Caesarem appellasti, ad Caesarem ibis*» (ты потребовалъ суда кесарева, къ кесарю и отправись). За свое

уязвленное тщеславіе Фестъ быть можетъ отомстилъ невысказанною мыслью «ты мало знаешь, что значить обращаться къ кесарю!»

Прежде чѣмъ могъ представиться случай для отправки ап. Павла изъ Кесаріи въ Италію, конечно должно было пройти нѣсколько дней. Нужно было достать корабль, а также рассмотреть дѣла и другихъ узниковъ, которыхъ быть можетъ нужно было также отправить на рѣшеніе императора. Замедленіе это имѣло важное значеніе. Оно доставило ап. Павлу счастливый случай провозгласить истины христіанства въ присутствіи всѣхъ іудейскихъ и языческихъ вельможъ столицы и послѣднихъ представителей того идумейскаго дома блистательныхъ авантюристовъ, которые связывали себя съ принцами Асмонейскими и носили титулъ «іудейскихъ царей».

Не прошло и двухъ дней послѣ этого суда, какъ Агриппа II, послѣдній изъ Иродовъ, съ своей сестрой Вереникой прибыли въ Кесарію для заявленія своего почтенія новому прокуратору. Это была любезность, которой они никогда не могли опустить безъ ущерба для себя, и поэтому они послѣдовательно дѣлали подобные же визиты каждому новому прокуратору. Царская власть Агриппы при тогдашнемъ ея положеніи, зависѣла не отъ народной поддержки, а просто и единственно отъ воли императора. Какъ одно мановеніе императора сдѣлало его первымъ царемъ Халкиды (въ 48 году по Р. Хр.), затѣмъ царемъ тетрархін Филиппа (въ 52 году) и наконецъ различныхъ другихъ городовъ (въ 55 году), такъ въ одинъ прекрасный день тоже самое мановеніе могло и лишить его царства. Онъ не былъ, подобно своему отцу, «царемъ іудеевъ», и поэтому св. Лука, съ своею обычною точностью во всѣхъ этихъ подробностяхъ, называетъ его только «царемъ»; но такъ какъ онъ наслѣдовалъ своему дядѣ Ироду халкидскому и въ правѣ охраненія храма съ его священными одеждами, а также и въ правѣ назначенія на должность первосвященника, то онъ практически сдѣлался позолоченнымъ орудіемъ сохраненія порядка для римлянъ, и для него поэтому было чрезвычайно важно оставаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ ними ^{1:49}). Они въ свою очередь находили не излишнимъ лстить безвредному тщеславію этого призрачнаго царька.

Во время этого то именно визита Агриппы и Вереники Фестъ воспользовался случаемъ обратить вниманіе своего высокаго гостя на затруднительное дѣло узника Павла. Онъ разсказалъ Агриппѣ о той ярости, которая возбуждалась во всемъ іудейскомъ народѣ при одномъ упоминаніи этого имени и о бесплодности результатовъ только что законченнаго суда. Какъ бы іудеи ни старались искажать сущность дѣла, ясно было, что она состояла въ техническихъ особенностяхъ Моисеева закона ¹⁹⁵⁰), а также въ вопросѣ «о какомъ то Иисусѣ умершемъ, о которомъ Павелъ утверждалъ, что Онъ живъ» ¹⁹⁵¹), и вообще въ предметахъ, которые не входили въ юрисдикцію Феста. Да и нельзя было предполагать, чтобы онъ могъ знать что либо о нихъ. Узникъ однако же отказался подвергнуться суду предъ синедріономъ и обратился къ рѣшенію кесаря.

Развалины Кесаріи.

«Хотѣлъ бы и я послушать этого человѣка», сказали Агриппа ¹⁹⁵²). Фестъ съ удовольствіемъ согласился на это и на слѣдующій же день позаботился объ удовлетвореніи желанія царя.

Это не былъ, какъ обыкновенно представляютъ, новый судъ. Онъ никоимъ образомъ не былъ уже возможенъ. Агриппа не имѣлъ никакихъ судебныхъ правъ, да и самый авторитетъ прокуратора былъ устраненъ обращеніемъ къ кесарю. Это скорѣе было частное выслушаніе дѣла, нѣчто въ родѣ случайнаго зрѣлища для увеселенія царственныхъ гостей и праздно аристократіи Кесаріи какъ іудейской, такъ и языческой. Фестъ приказалъ приготовить для этого случая особый залъ и пригласилъ всѣхъ главныхъ начальниковъ войска и главнѣйшихъ обитателей города. Ироды любили зрѣлища и Фестъ удовлетворилъ ихъ страсть величественнымъ церемоналомъ. Онъ несомнѣнно явился въ своемъ пурпурномъ плащѣ, съ полной свитой ликторовъ и тѣлохранителей, которые съ оружіемъ въ рукахъ стояли позади золоченыхъ креселъ, поставленныхъ для него и его высокихъ гостей. Повѣствователь ясно говоритъ, что Агриппа и Вереника торжественно вступили въ преторію: она несомнѣнно въ блескѣ всѣхъ своихъ драгоценностей, а онъ въ своемъ пурпурномъ одѣяніи, оба съ золотыми коронками на головахъ, и въ сопровожденіи большой свиты во всей роскоши восточнаго одѣянія. Съ ихъ стороны было любезностью по отношенію къ новому правителю сдѣлать ему визитъ съ возможно большимъ блескомъ, и какъ онъ, такъ и его гости не прочь были представить зрѣлище, которое бы сразу показало ихъ важность и ихъ взаимную сердечность. Подумалъ ли Агриппа о своемъ прапрадѣдѣ Иродѣ и объ избіеніи невинныхъ младенцевъ? о своемъ двоюродномъ прадѣдѣ Антипѣ и объ убійствѣ Іоанна Крестителя? о своемъ отцѣ Агриппѣ I и о казни Іакова Старшаго? Вспомнилъ ли онъ при этомъ о томъ обстоятельстве, что они всѣ умерли или понесли позоръ скоро послѣ или даже прямо вслѣдствіе пролитія невинной крови мучениковъ? Сознавалъ ли онъ, какъ тѣсно, даже неразрывно вѣра въ этого «какого то Іисуса» свазана была съ судьбами его дома? Напомнила ли ему теперешняя пышность о бывшемъ шестнадцать лѣтъ раньше подобномъ же блескѣ, когда гораздо болѣе могущественный отецъ его стоялъ въ этомъ же самомъ театрѣ въ блистательномъ, шитомъ серебромъ одѣяніи и когда народъ кричалъ ему, что онъ Богъ? ¹⁹⁵³). Не омрачило ли его лицо какое-либо изъ этихъ мрачныхъ воспоминаній, когда онъ вступалъ въ этотъ бывший дворецъ его рода?—Едва ли. Крайнее тщеславіе, удовлетворенное самолюбіе всецѣло поглощали душу этого названнаго царька, когда онъ во всей пышности призрачной царственности величественно шелъ по обширной палатѣ, сѣлъ съ своею прекрасною сестрою рядомъ съ прокураторомъ и съ холоднымъ любопытствомъ взглянулъ на бѣднаго, истомленнаго, изможденнаго узника, бѣднаго отъ болѣзни и долгаго заключенія, котораго привели къ нему по его приказанію.

Фестъ открылъ засѣданіе короткой льстивою рѣчью, въ которой изложилъ причину настоящаго собранія, сказавъ, что съ одной стороны іудеи были въ высшей степени озлоблены противъ этого человѣка, и что съ другой, насколько можно было видѣть, онъ былъ совершенно неповиненъ въ какомъ либо уголовномъ преступленіи. Такъ какъ Павелъ былъ римскій гражданинъ и заявилъ объ аппелляціи къ кесарю, то необходимо было послать «государю» (Дѣян. xxv, 26)

Римскій императоръ въ торжественномъ засѣданіи
(снято съ изображенія на слоновой кости III или IV столѣтія по Р. Хр. въ Врещи).

какое нибудь болѣе подробное изложеніе дѣла въ видѣ *elogium'a*, и Фестъ находился въ затрудненіи касательно того, что именно нужно сказать. Поэтому онъ былъ радъ случаю привести узника въ это знаменитое собраніе, чтобы оно и особенно царь Агриппа могли выслушать, что онъ имѣетъ сказать въ свою защиту, и тогда, благодаря этому какбы предварительному суду, Фестъ будетъ избавленъ отъ смѣшнаго положенія, заставлявшаго его отпралять узника безъ

возможности выразить какое-либо определенное мнѣніе о преступленіи, въ которомъ онъ обвинялся.

Такъ какъ обвинителей тутъ не было, и притомъ собраніе это ни коимъ образомъ не было судейскимъ, то Агриппа, какъ личность, для которой была устроена вся эта сцена, сказалъ Павлу, что ему позволено говорить въ свою защиту. Если бы ап. Павелъ былъ человѣкъ мрачнаго характера, то онъ могъ бы съ презрѣніемъ отнестись къ пустотѣ этой пародіи на судопроизводство. Если бы онъ руководился какими нибудь личными побужденіями, то онъ могъ бы воспользоваться случаемъ, въ отсутствіи своихъ враговъ, лестно склонить собраніе въ свою пользу. Но господствующей чертой въ его характерѣ, какъ и въ характерѣ всѣхъ-великихъ людей, была постоянная серьезность, и единственнымъ его желаніемъ было защищать не свое собственное дѣло, а дѣло своего Учителя. Фестъ, съ чисто римскимъ ласкательствомъ, которое въ этотъ вѣкъ пресмыкало даже аппетитъ абсолютизма, употребилъ титулъ «государя», за который съ жадностью хватились позднѣйшіе императоры, но который болѣе ранніе и лучшіе изъ нихъ съ презрѣніемъ отвергали¹⁹⁵⁴). Но ап. Павелъ не разсыпался подобными преувеличенными титулами почтенія и не чувствовалъ ни малѣйшей робости предъ этимъ пышнымъ безсиліемъ призрачной власти.

Въ его рѣчи нѣтъ ни слова, которое бы не доказывало, въ какомъ онъ былъ спокойномъ настроеніи духа. Пурпурный плащъ прокуратора, связки прутьевъ ликторовъ, мечи легионеровъ, блистательное оружіе тысяченачальниковъ не смутили его ни на одинъ мигъ,—они были ужасомъ не для добрыхъ, а для злыхъ людей, и онъ сознавалъ, что его служеніе стояло выше всякой земной власти.

Протянувъ свою руку по обычаю всѣхъ вообще ораторовъ, которыхъ онъ часто слышалъ въ Тарсѣ или въ Антиохіи¹⁹⁵⁵), апостолъ началъ рѣчь искреннимъ замѣчаніемъ, что онъ былъ особенно счастливъ дѣлать свою защиту предъ царемъ Агриппой, не потому (что было бы ложно), чтобы онъ отличался какими либо особыми достоинствами, но потому, что этотъ князь получилъ отъ своего отца, усердіе котораго въ исполненіи закона, какъ писаннаго, такъ и устнаго, было всѣмъ извѣстно, тщательное воспитаніе во всемъ, касающемся іудейской религіи и обрядности, и поэтому онъ не могъ не чувствовать интереса къ вопросу, въ которомъ онъ былъ столь компетентнымъ судьей. Поэтому онъ просилъ терпѣливо выслушать его и еще разъ изложилъ извѣстную исторію своего обращенія изъ строгаго и изувѣрнаго фарисея къ вѣрѣ, что мессіанскія надежды его народа уже дѣйствительно исполнились въ лицѣ того Иисуса Назарянина, послѣдователей котораго онъ сначала яростно гналъ, но который, лично открывъ ему славу свою, привелъ его къ познанію, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ. Почему эта вѣра могла бы казаться неправдоподобною и его слушателямъ? Такою она сначала была и для него самого; но какъ онъ могъ противостоятъ личному свидѣтельству полуденнаго видѣнія? И какъ онъ могъ не повиноваться небес-

ному голосу, который послалъ его отрыть глаза какъ іудеямъ, такъ и язычникамъ, чтобы они могли обратиться отъ тьмы къ свѣту и отъ силы сатаны къ Богу, чтобы по вѣрѣ въ Иисуса они могли принять отпущеніе грѣховъ и часть со святыми? Онъ не былъ непослушенъ этому велѣнію. Въ Дамаскѣ, въ Іерусалимѣ, по всей Іудеѣ и въ послѣдствіи среди язычниковъ онъ былъ проповѣдникомъ покаянія и обращенія къ Богу, а также и соответствующей этому жизни. Вотъ почему іудеи схватили его въ храмѣ и пытались разорвать его въ куски; но въ этой, какъ и во всякой другой опасности, Богъ пришелъ къ нему на помощь, и свидѣтельство, которое онъ приносилъ малымъ и великимъ, не было ни богоухудствомъ, ни богоотступничествомъ, а простой истиной, прямо согласной съ ученіемъ Моисея и пророковъ, что именно Мессія долженъ былъ подвергнуться страданіямъ и что изъ Его воскресенія изъ мертвыхъ долженъ возсіять свѣтъ для просвѣщенія какъ язычниковъ, такъ и его народа.

Ап. Павелъ былъ вполне увлеченъ тѣмъ потокомъ священнаго и вдохновеннаго краснорѣчія, которое было столь могущественнымъ орудіемъ его миссіонерской дѣятельности. Онъ излагалъ царямъ, правителямъ и начальникамъ то свидѣтельство, которое было самою цѣлью его жизни. Была ли его рѣчь о другихъ предметахъ столь слабою и презрѣнною, какъ старались представлять ее враги его, мы не знаемъ; но объ этомъ предметѣ онъ во всякомъ случаѣ говорилъ съ своею привычною силою и съ пыломъ увлекающаго убѣжденія. Онъ вѣроятно сталъ бы подробно раскрывать великое положеніе, которое онъ только что кратко изложилъ, но въ этомъ пунктѣ его прервали. Всѣ эти факты и открытія были новостью для Феста. Хотя достаточно знакомый съ истиннымъ образованіемъ, чтобы признать ихъ даже въ этой восточной оболочкѣ, онъ могъ лишь съ удивленіемъ слушать этотъ вдохновенный рассказъ о видѣніяхъ, откровеніяхъ, древнихъ пророчествахъ и объ іудейскомъ Пророкѣ, который былъ распятъ и однако же воскресъ изъ мертвыхъ и былъ Богомъ, который могъ прощать грѣхи и божественнымъ свѣтомъ своего ученія разгонять тьму какъ язычниковъ, такъ и іудеевъ. Онъ болѣе и болѣе чувствовалъ изумленіе, и послѣднее замѣчаніе пересилило наконецъ его терпѣніе. Онъ вдругъ въ страшномъ возбужденіи громко прервалъ оратора: «безумствуешь ты, Павелъ!¹⁹⁵⁶ Большая ученость доводитъ тебя до сумасшествія». Это неожиданное восклицаніе остановило величественный потокъ краснорѣчія апостола, но оно не ослабило его изысканной вѣжливости. «Нѣтъ, достопочтенный Фестъ», сказалъ онъ, «я не безумствую, но говорю слова истины и здраваго смысла». Но не Фестъ былъ главнымъ лицомъ, къ которому была обращена рѣчь апостола, и притомъ онъ едва ли и могъ понять подобные доводы. Иное дѣло Агриппа. Онъ читалъ Моисея и пророковъ и отъ множества свидѣтелей слышалъ по крайней мѣрѣ о тѣхъ событіяхъ, на которыя указывалъ Павелъ. Къ нему поэтому апостолъ обратился съ доказательствомъ своего совершеннаго здравомыслія. «Ибо знаетъ»,

сказалъ онъ, «объ этомъ царь, предъ которымъ и говорю смѣло. Я отнюдь не вѣрю, чтобы отъ него было что нибудь изъ сего скрыто, ибо это не въ углу происходило». И затѣмъ, желая продолжать нить своей аргументаціи въ томъ самомъ пунктѣ, гдѣ она была прервана и гдѣ она могла быть наиболѣе поразительною для іудея, онъ спросилъ:

«Вѣришь ли, царь Агриппа, пророкамъ? Знаю, что вѣришь».

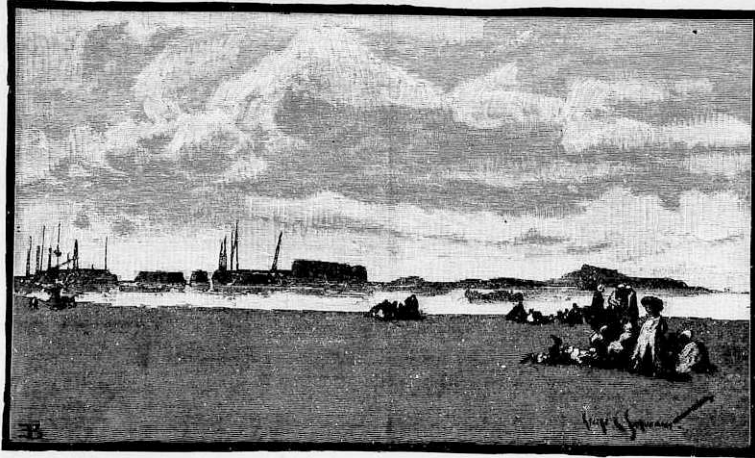
Но Агриппѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ это разсужденіе, а тѣмъ менѣе выразить свое согласіе. Не старый еще по лѣтамъ, но съ дѣтства привыкнувъ къ атмосферѣ циническаго невѣрія, онъ могъ только съ добродушнымъ презрѣніемъ свѣтскаго человѣка улыбаться восторженной серьезности человѣка, который могъ даже на моментъ вообразить себѣ, что будтобы онъ—царь Агриппа—способенъ склониться къ ереси назарянъ съ ихъ распятымъ Мессіей! Однако же онъ не хотѣлъ показаться невѣждою. Нельзя было не восхищаться пылкою ревностью оратора, которой не могли потушить ни бичеванія, ни темницы, той ясновидящей вѣрой, которой не могъ затмить даже и окружающій блескъ.

«Ты сразу хочешь убѣдить меня сдѣлаться христіаниномъ»¹⁹⁵⁷⁾! сказалъ онъ съ полуподавленной улыбкой, и этимъ ловкимъ изворотомъ придворной любезности отвѣтилъ на серьезный вопросъ ап. Павла. Его изысканное замѣчаніе объ этомъ пріемѣ пріобрѣтенія обращенцевъ несомнѣнно прозвучало очень остроумнымъ для всего знатнаго собранія, и они съ трудомъ могли подавить свой смѣхъ при одной мысли о томъ, что Агриппа, любимецъ Клавдія, другъ Нерона, царь Халкиды, Итуреи, Трохинита, назначающій первосвященника и верховный хранитель сокровищъ храма, склонится къ убѣжденію этого страннаго іудея! Чтобы Павелъ могъ сдѣлать царя христіаниномъ (!)—это казалось слишкомъ смѣшнымъ. Но смѣхъ этотъ былъ тотчасъ же подавленъ изъ сожалѣнія и удивленія къ бѣдному, но благородному узнику, когда онъ съ совершеннымъ достоинствомъ воспользовался двусмысленнымъ выраженіемъ Агриппы и сказалъ со всею пылкою искренностью любящаго сердца: «молилъ бы я Бога, чтобы мало ли, много ли»¹⁹⁵⁸⁾, не только ты, но и всѣ слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими, какъ я, кромѣ»—прибавилъ онъ, поднимая свою скованную руку, — «кромѣ этихъ узъ». Всѣ видѣли, что это не простой узникъ; человѣкъ, который могъ приводить такіе доводы, какъ приводилъ онъ, и говорить такъ, какъ говорилъ онъ; человѣкъ, наполненный восторгомъ вдохновляющей идеи, столь богатый счастьемъ твердой вѣры и спокойной совѣсти, что могъ говорить имъ, какъ онъ молится о томъ, чтобы всѣ они—всѣ эти царственные и знатные люди—могли стать такими же, какъ онъ, и который даже въ духѣ полного прощенія желалъ, чтобы участіе въ его вѣрѣ не соединялось съ участіемъ въ его скорбяхъ и несчастіяхъ, — долженъ былъ быть человѣкомъ, какого они еще никогда не видѣли или не знали ни въ мірѣ іудейства, ни въ мірѣ язычества. Но было бесполезно продолжать это зрѣлище. Любопытство теперь съ достаточностью было удовлетворено, и теперь, болѣе чѣмъ

когда либо, стало ясно, что хотя и можно считать Павла-узника мечтательнымъ энтузіастомъ или восторженнымъ фанатикомъ, но онъ никоимъ образомъ не былъ уголовнымъ преступникомъ. Царь, вставая съ своего сѣдалища, далъ знакъ о прекращеніи собранія; Вереника съ Фестомъ и съ своими свитами также поднялись съ своихъ мѣстъ, и когда знатное собраніе начало расходиться, то со всѣхъ сторонъ слышались замѣчанія, что Павелъ не заслуживаетъ смерти или даже заключенія. И въ самомъ дѣлѣ онъ произвелъ глубоко благопріятное на всѣхъ впечатлѣніе. Рѣшеніе Агриппы было дано вполне въ пользу его оправданія. «Этого человѣка», сказалъ онъ Фесту, «можно было бы освободить, если бы онъ не потребовалъ суда у кесаря». Въ Агриппѣ было слишкомъ мало фарисейства и слишкомъ много свѣтскаго свободомыслія, чтобы онъ не видѣлъ, что простое свободомысліе нельзя и не должно стѣснять внѣшними насиліями. Рѣшеніе этого дня вѣроятно спасло жизнь ап. Павлу на цѣлыхъ два года. Фестъ, въ виду того, что его собственное мнѣніе на основаніи римской справедливости было вполне подтверждено съ іудейской точки зрѣнія защитникомъ храма, едва ли преминулъ написать Нерону такой *elogium*, въ которомъ узникъ совершенно освобожденъ отъ всякаго уголовного обвиненія; и даже еслибы противъ него выступили іудеи съ своими обычными интригами, Неронъ не могъ осудить на смерть человѣка, котораго Феликсъ и Лизій, Фестъ, Агриппа и даже іудейскій синедрионъ на произведенномъ ими разбирательствѣ дѣла единогласно признали неповиннымъ въ какомъ бы то ни было уголовномъ преступленіи.

Монета Агриппы II
(съ экземпляра въ Британскомъ музеѣ).

Сидонъ.

ГЛАВА XLIII.

ПУТЕШЕСТВІЕ И КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Многіе дни не видно было ни солнца, ни звѣздъ, и исчезла всякая надежда къ спасенію.
Дѣя н. XXII, 20.

Ъ первымъ благопріятнымъ случаемъ ап. Павелъ вмѣстѣ съ другими узниками ¹⁰⁵⁰⁾, тоже обратившимися къ суду кесаря, были отправлены въ Италію подъ надзоромъ Юлія, сотника Августовой когорты. Эта Августова когорта была какимъ либо мѣстнымъ отрядомъ расположенныхъ въ Кесаріи войскъ этого имени, такъ какъ названіе «Августовъ» въ то время было такимъ же обыкновеннымъ, какъ у насъ названіе «императорскій»; отрядъ этотъ могъ также принадлежать къ Augustani—тѣмъ ветеранамъ, которые первоначально были собраны Августомъ въ качествѣ его лейбъ-гвардіи ¹⁰⁶⁰⁾; или онъ былъ дѣйствительно частью самой преторской гвардіи, которая, хотя и не часто, была посылаема изъ Италіи и въ другія страны для приведенія въ исполненіе какихъ либо важныхъ императорскихъ порученій ¹⁰⁶¹⁾. Въ повѣствованіи однако же не говорится, чтобы Юлій былъ сопровождаетъ своей когортой, и очень возможно, что онъ былъ командированъ съ

немногими избранными воинами изъ наиболѣе знатныхъ римскихъ полковъ для того, чтобы придать особенный блескъ прибытію Феста въ Палестину, какъ одну изъ богатѣйшихъ, но наиболѣе недовольныхъ императорскихъ провинцій ¹⁰⁶²⁾. Если это такъ, то Юлій сотникъ могъ быть тѣмъ самымъ Юліемъ Прискомъ, который впоследствии достигъ блистательнаго положенія одного изъ двухъ префектовъ преторіанцевъ и совершилъ самоубійство по случаю позорнаго низверженія своего покровителя ¹⁰⁶³⁾. Во время этого путешествія мы достаточно знакомимся съ нимъ, чтобы видѣть, что это былъ человѣкъ разсудительный, почтенный и добрый.

Римскіе воины по закону отвѣчали собственною жизнью за безопасность вѣрренныхъ имъ узниковъ, и отсюда произошелъ обычай — столь мучительный для узниковъ и тѣмъ болѣе непріятный, что онъ выстѣ съ тѣмъ безъ всякой нужды раздражалъ и легионеровъ,—именно обычай приковывать узниковъ длинною легкою цѣпью рука съ рукой къ римскимъ воинамъ, которые въ этомъ отношеніи смѣняли другъ друга. Можно вообразить, какъ страшно тяжело было не имѣть ни одного момента свободнымъ и быть прикованнымъ въ такой ужасной близости къ человѣку, который могъ быть самымъ грубымъ обрасчикомъ низшихъ классовъ и, съ дѣтства окруженный грубымъ и безнравственнымъ сообществомъ, могъ представлять собою лишь дерзкаго и развратнаго провинціала или угрюмага и звѣрскаго поселенина изъ подонковъ итальянскаго населенія. Можно съ вѣроятностью полагать, что при вступленіи на берегъ узникамъ нигдѣ не позволялось ходить безъ этого тяжелаго присмотра; но можно надѣяться, что они не всегда подвергались такимъ оковамъ на самой палубѣ огромнаго, качающагося, неуклюжаго купеческаго корабля, на которомъ имъ приходилось совершать свое вынужденное путешествіе.

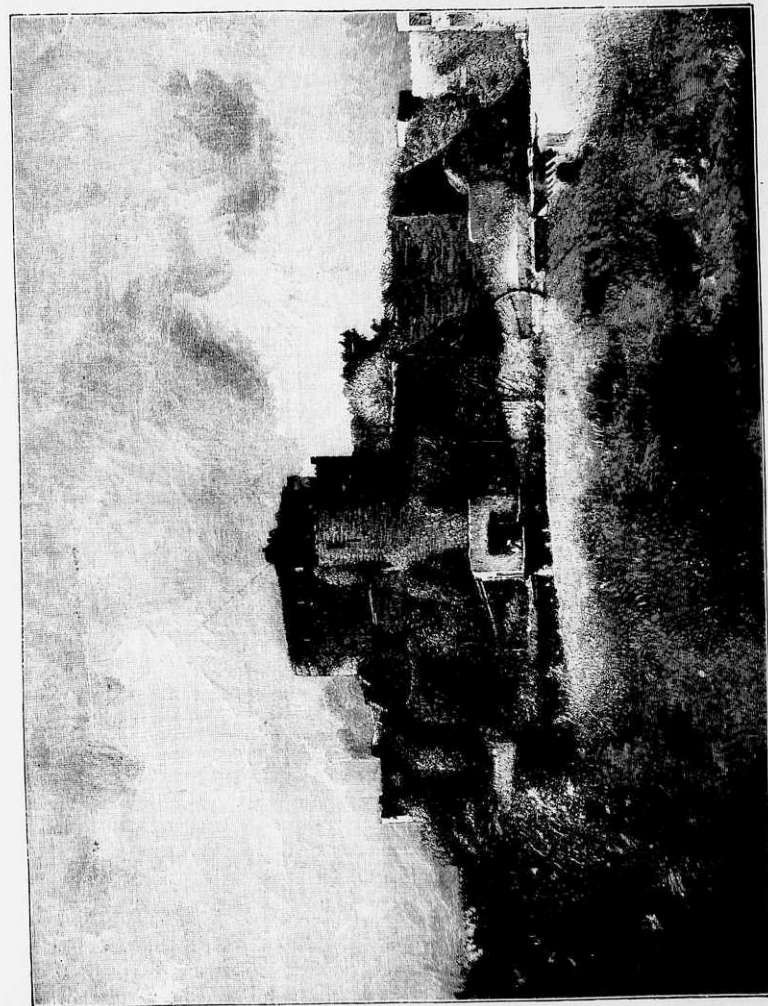
Такъ какъ Фестъ прибылъ въ Палестину къ концу іюня, то теперь дѣло подходило вѣроятно къ концу августа, и быстро приближалось время, когда обыкновенно оканчивалась гъ древности навигація; съ каждымъ днемъ погода становилась болѣе неувѣренною и путешествіе болѣе опаснымъ. И такъ какъ время было настоятельное, то Юлій, которому дано было это порученіе, посадилъ своихъ узниковъ на бортъ береговаго купеческаго корабля изъ Мизійскаго города Адромиттія. Такъ какъ корабль долженъ былъ приставать въ главныхъ портахъ западной Азіи, то имъ представлялась полная возможность найти корабль въ Ефесѣ или какомъ нибудь изъ ближайшихъ портовъ, на которомъ бы и можно было имъ совершить остальную часть своего путешествія; а если нѣтъ, то Юлій могъ въ крайнемъ случаѣ отправить своихъ воиновъ съ узниками изъ Адромиттія въ Троаду и оттуда на кораблѣ въ Неаполь, откуда по большой Эгнатійской дорогѣ, уже столь извѣстной ап. Павлу, можно было проникнуть чрезъ Филиппы и Фессалонику въ Диррахій. Диррахій и Брундузіи были для римлянъ тоже, что Кале и Дувръ для англичанъ; переплывъ Эгейское море, Юлій могъ направиться по

Аппиевой дорогѣ—среди тѣхъ самыхъ, только въ обратномъ направленіи, картинъ, которыя съ такимъ живымъ юморомъ описаны Горациемъ въ его *Iter ad Brundisium*,—и такимъ образомъ могъ прибыть въ Римъ. Эта именно дорога была пройдена св. Игнатіемъ съ его «десятью леопардами», которые сопровождали его на его мученичество и о которыхъ, съ намекомъ на непріятное сообщество ихъ, онъ говоритъ, что всю дорогу боролся съ дикими звѣрями. Однако же крайне невѣроятно, чтобы сухопутное путешествіе входило въ ближайшіе планы Юлія. Такъ какъ подъ своимъ надзоромъ онъ имѣлъ нѣсколько узниковъ, изъ которыхъ для каждаго требовалось десять воиновъ для охраны, то такое путешествіе было бы крайне тяжелымъ и долгимъ; и поэтому Юлій скорѣе всего могъ рассчитывать найти какой нибудь корабль, отправлявшійся изъ одного изъ большихъ портовъ Азіи въ столицу міра.

Ап. Павелъ во время этого путешествія былъ избавленъ отъ одного изъ самыхъ тяжелыхъ для него обстоятельствъ, именно одиночества. Его сопровождали Лука и Аристархъ: неизвѣстно, таково ли было ихъ первоначальное намѣреніе или нѣтъ, но оба они во всякомъ случаѣ силою обстоятельствъ были вынуждены оставаться вмѣстѣ съ нимъ и во время значительной части его тюремнаго заключенія въ Римѣ. Они несомнѣнно сопровождали его въ качествѣ простыхъ путешественниковъ, а не узниковъ, и должны были или сами заплатить издержки этого путешествія ¹⁹⁶⁴), или были также снабжены деньгами съ этою цѣлью со стороны христіанъ, которые знали, какъ необходима была помощь столь немощному тѣлесно человѣку, какъ ихъ блистательный апостоль.

Путешествіе началось счастливо и благополучно. Главный западный вѣтеръ былъ настолько благопріятенъ, что въ одинъ день по отплытіи они сдѣлали около ста двадцати верстъ, и вступили въ гавань Сидона. Тамъ они остановились, и Юлій, который едва ли не присутствовалъ среди блистательнаго собранія, слушавшаго рѣчь ап. Павла предъ Агриппой, былъ такъ милостиво расположенъ къ нему, что далъ ему даже позволеніе, быть можетъ просто на честное слово, выйти на берегъ и навѣстить своихъ друзей, составлявшихъ малую христіанскую общину въ этомъ городѣ. Его доброта была неоцѣнима для ап. Павла. Двухгодичное тюремное заключеніе навѣрно неблагопріятно отразилось на его здоровьи и онъ лишь скудно могъ быть снабженъ всѣмъ необходимымъ для продолжительнаго путешествія. Употребленное св. Лукой выраженіе, что Юлій позволилъ ему сходить къ своимъ друзьямъ и воспользоваться ихъ усердіемъ ¹⁹⁶⁵), повидимому показываетъ, что даже въ теченіе перваго дня путешествія онъ страдалъ или отъ морской болѣзни или отъ общей слабости. День, проведенный въ Сидонѣ, былъ счастливымъ промежуткомъ, который долженъ былъ приготовить его ко многимъ недѣлямъ страданія и ужаса на разъяренномъ морѣ.

Начиная съ этого дня, все путешествіе сдѣлалось рядомъ отсрочекъ и случайностей, которыя, послѣ двухъ мѣсяцевъ бурь и опасностей, закончились ужаснымъ

Развалины игнатіи въ Сидонѣ.

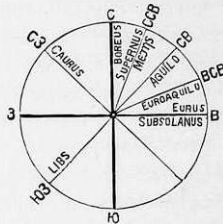
кораблекрушеніемъ. Лишь только они оставили Сидонскую гавань, какъ встрѣтились съ порывистыми этезійскими вѣтрами, которые упорно дуютъ съ сѣверо-запада. Это было непредвидѣнное обстоятельство, такъ какъ этезійскіе вѣтры обыкновенно прекращаются къ концу августа и смѣняются южными вѣтрами, на которые вѣроятно и рассчитывалъ капитанъ купеческаго корабля, надѣясь при посредствѣ ихъ прибыть въ портъ Адромитскій. Естественнымъ для него направлениемъ было бы плыть прямо отъ Сидона къ Патарѣ, оставляя Кипръ справа; но тѣ самые вѣтры, которые за два года предъ тѣмъ такъ неожиданно направили ап. Павла къ его кесарійскому тюремному заключенію, теперь были противъ его возвращенія, и корабль долженъ былъ плыть къ мысу Педальскому на юго-восточномъ берегу Кипра, такъ что островъ этотъ очутился слѣва, подъ защитой берега котораго они и плыли до мыса Динарета¹⁹⁶⁶). Обогнувъ этотъ мысъ, они могли идти противъ вѣтра при помощи сухопутныхъ вѣтерковъ и западныхъ теченій и направились прямо черезъ море, омывающее берега Киликіи и Памфиліи, и бросили якорь въ устьѣ рѣки Андріака, насупротивъ холма, увѣнчаннаго величественными зданіями Миры, прежней столицы Ликіи¹⁹⁶⁷).

Здѣсь они къ счастью, или, какъ оказалось послѣ, къ несчастью, нашли большой александрійскій хлѣбный корабль¹⁹⁶⁸), который, потерпѣвъ подобную же участь и будучи сбитъ съ прямого пути тѣми же самыми вѣтрами, которые сбили и адромитскій корабль, теперь намѣревался слѣдовать обычнымъ въ такихъ обстоятельствахъ путемъ, перебираясь черезъ Эгейское море отъ острова къ острову, къ сѣверу отъ Крита и такимъ образомъ къ югу отъ о. Кипера и затѣмъ въ Сиракузы¹⁹⁶⁹). Этотъ корабль, построенный для цѣлей торговли, снабжавшей всю Италію жизненными припасами, легко могъ доставить помѣщеніе для сотника съ его воинами и узниками, а также и для нѣсколькихъ пассажировъ, желавшихъ сопровождать ихъ. Они поэтому сѣли на этотъ корабль и отплыли въ Книду, послѣдній пунктъ, гдѣ они могли рассчитывать на прикрытіе береговой полосы съ его вѣтерками и теченіями. Разстояніе между этими двумя пунктами составляетъ около двухъ сотъ верстъ, и при благоприятныхъ обстоятельствахъ они могли прибыть къ своему назначенію чрезъ сутки. Но противные этезійскіе вѣтры все еще продолжали дуть съ необычайнымъ упорствомъ, и поэтому даже для того, чтобы достигнуть Книды, потребовалось много тяжелыхъ и неприятныхъ дней. И когда они прибыли наконецъ въ эту прекрасную и удобную гавань, то имъ суждено было потерпѣть новое тяжелое разочарованіе, такъ какъ они не могли войти въ нее. Если бы у нихъ была возможность сдѣлать это, то въ виду того, что время было уже позднее и вѣтеръ дуть постоянно противный, едва ли можно сомнѣваться, что они, если бы только не рѣшили продолжать путешествія сухимъ путемъ, должны были ждать тамъ болѣе благоприятнаго вѣтра, или—даже вовсе остановиться на зимовку въ портѣ, гдѣ было

все подъ рукой для удобства столь большого корабля и его многочисленнаго экипажа. Такъ какъ однако же вѣтеръ не позволялъ имъ ни зайти въ Книду¹⁹⁷⁰), ни продолжать своего прямого пути, который долженъ бы идти къ сѣверу отъ Крита, то имъ оставался лишь одинъ исходъ—направиться къ мысу Салмону у восточной оконечности этого острова и тамъ плыть подъ его прикрытіемъ. Достигнуть Салмона было сравнительно легко; но когда они обогнули его, то имъ чрезвычайно трудно было идти вдоль бурнаго берега, пока они не прибыли въ мѣсто, извѣстное подъ названіемъ Хорошія Пристани, немного къ востоку отъ мыса Маталы и неподалеку отъ малоизвѣстнаго города Ласеи. Пока вѣтеръ оставался въ прежнемъ направленіи, имъ бесполезно было продолжать свой путь, такъ какъ за мысомъ Маталой берегъ круто поворачивается на сѣверъ и тамъ они встрѣтились бы съ страшною яростью этезійскихъ вѣтровъ и, имѣя съ боку берегъ, неизбежно были бы выброшены на него бурей. Поэтому имъ необходимо было пристать въ Хорошихъ Пристаняхъ и подождать переменъ вѣтра. Время шло, а вѣтеръ все не переменялся. Дѣло подходило уже къ концу сентября. Въ Хорошихъ Пристаняхъ ап. Павелъ и бывшіе съ нимъ іудейскіе христіане вѣроятно совершили *кипторъ* или великій день очищенія¹⁹⁷¹), единственный постъ іудейскаго календаря, который въ томъ году выпалъ на 24 сентября. Осеннее равноденствіе миновало. Прошелъ и праздникъ Кущей, и нѣкоторые изъ матросовъ быть можетъ съ суевѣрнымъ ужасомъ наблюдали бывшее въ тотъ вечеръ затменіе солнца. Іудейскій сезонъ навигаціи теперь уже кончился¹⁹⁷²), но язычники не считали море закрытымъ до 11 ноября¹⁹⁷³). Возникъ споръ касательно того, остались ли имъ здѣсь на зиму, или воспользоваться первымъ благоприятнымъ вѣтромъ, чтобы, обогнувъ мысъ Маталу, добраться до порта Фениксъ или Финикъ, который лежалъ только на шестьдесятъ верстъ дальше. Ап. Павелъ, замѣтное превосходство котораго надъ окружающими обнаруживалось при всѣхъ обстоятельствахъ, получилъ позволеніе высказать свое мнѣніе и онъ выразительно совѣтовалъ остаться на зиму тамъ, гдѣ они находились: «мужи»¹⁹⁷⁴), сказать онъ, «я вижу, что плаваніе будетъ съ затрудненіями и большимъ вредомъ не только, для груза и корабля, но и для нашей жизни». Его мнѣніе могло имѣть большое значеніе, такъ какъ при своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ онъ былъ вполне знакомъ съ вѣтрами и опасностями моря, въ которомъ онъ три раза уже терпѣлъ кораблекрушеніе и однажды проплавалъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Однакоже капитанъ и владѣлецъ судна высказались за противоположное мнѣніе; и нужно допустить, что они имѣли въ свою пользу важное соображеніе. Хорошія Пристани давали защиту отъ столь долго господствовавшего сѣверо-восточнаго вѣтра, но онѣ были совершенно беззащитны противъ восточныхъ вѣтровъ и вообще были открыты съ большей части сторонъ. Поэтому было бы опасно зимовать въ такой гавани, и она была тѣмъ болѣе неудобна, что мѣсто само по себѣ было бѣдное, не близко даже къ городу Ласеѣ, и не могло представлять ни источниковъ зара-

ботка, ни развлечений для воинов и матросов. Было бы чрезвычайно тяжело проводить три или четыре месяца в таком скучном и пустынном месте, и поэтому казалось гораздо лучшим по возможности добраться до порта Феникса. Этот город, новейший Лутро, до которого им можно было достигнуть в несколько часов плавания, был единственною гаванью на южной стороне Крита, которая давала защиту от всякой погоды, почему и была обычным местом убежища для александрийских хлебных кораблей. Гавань его была окружена и защищена маленьким островом и, по описанию тех, которые выставляли ей выгоды, «лежала против югозападного и северозападного ветра» (против Либса и против Кавра). Комментаторы крайне затруднились объяснить это выражение в виду того, что вход в гавань Лутро (который есть несомненно древний Феникс) обращен к востоку, а два ее отверстия на оконечностях прикрывающего ее острова обращены как раз в противоположных направлениях, именно к северовостоку и к юговостоку. Объяснение этой своеобразной аномалии нужно искать не в грамматических примѣрах, а в субъективном представлении матросов, которые смотрят на гавань в тех направлениях, в которых они vyplывают в нее, и могли напримѣр сказать, что гавань лежала к северу, если только при вступлении в нее они поворачивали свой корабль к северу; все равно какъ далѣе они говорят о «некоторой приближающейся к нимъ землѣ», когда в действительности сами приближались к этой землѣ¹⁹⁷³). Но и кромѣ безопасности портъ Феникс очевидно былъ гораздо болѣе желательнымъ местомъ для зимовки почти трехсотъ человекъ, чѣмъ сравнительно неизвѣстныя и одинокія Хорошія Пристани, такъ что вообще в виду всѣхъ этихъ основаній казалось стоило сдѣлать маленький рискъ, чтобы добраться до него. Эти доводы склонили большинство, и сотникъ, отъ котораго зависѣло рѣшеніе, порѣшилъ, что такъ и должно быть. Ап. Павелъ не настаивалъ особенно на высказанномъ имъ мнѣніи¹⁹⁷⁴) и конечно всѣ надѣялись безопасно проплыть столь небольшое разстояніе. Однакоже послѣдствія показали, что апостолъ былъ правъ. Хорошія Пристани, не представляя собою первостепенной гавани, были всетаки защищены отчасти рифами и островками, и хотя было не совсѣмъ безопасно зимовать тамъ, однакоже рискъ былъ гораздо меньше, чѣмъ тотъ, который приходилось дѣлать, отбывая мысъ Маталу и такимъ образомъ подвергаясь возможности попасть подъ одинъ изъ техъ внезапныхъ сѣверныхъ урагановъ, которые могли подвергнуть корабль почти несомнѣнному крушенію. Но въ человѣческой натурѣ есть склонность играть своей судьбой, и сотникъ во всякомъ случаѣ едва ли могъ не послѣдовать мнѣнію знатоковъ морскаго дѣла, интересы которыхъ глубоко затрогивались тѣмъ или другимъ положеніемъ дѣла, предпочтительно предъ мнѣніемъ узника, знакомство котораго съ дѣломъ не было профессиональнымъ и который въ матеріальномъ отношеніи конечно менѣе всѣхъ ставилъ на ставку.

Желанный случай скоро представился¹⁹⁷⁷). Поднялся мягкій южный вѣтеръ, и бодро снявшись съ якоря, они, поднявъ паруса главной мачты и взявъ свою лодку на буксиръ, поплыли по-близости берега до мыса Маталы, и затѣмъ имъ оставалось лишь нѣсколько часовъ хорошаго и бойкаго плаванія до прекрасной и удобной гавани, ради которой они оставили скучную и неудобную Ласею. Вотъ наконецъ повидимому нѣкоторый лучъ засіялъ для нихъ въ ихъ утомительномъ и несчастномъ путешествіи. Быть можетъ они не мало добродушно посмѣялись надъ совѣтомъ ап. Павла, который бы лишилъ ихъ предстоящихъ удобствъ. Но увы! мягкій шелестъ южнаго вѣтерка въ парусахъ и снастяхъ былъ лишь глѣсною сиреною, заманивавшей ихъ къ гибели. Только что они миновали мысъ, какъ яростный тифонъ¹⁹⁷⁸), который подъ этими широтами часто наступаетъ вслѣдъ за мягкимъ вѣяніемъ южнаго вѣтра, разразился съ критскій Иды и съ ужасающею силою ринулся на злополучный корабль. Этотъ «левантѣецъ», какъ онъ теперь называется, въ древности извѣстенъ былъ подъ названіемъ Euroaquilō или Эвроклидона, которое въ точности указываетъ его направленіе, такъ какъ изъ послѣдующихъ замѣчаній св. Луки мы видимъ, что это навѣрно былъ восточно-северо-восточный вѣтеръ, который и продолжалъ дуть во всю остальную часть ихъ путешествія¹⁹⁷⁹). Съ самаго перваго момента, какъ только этотъ роковой буранъ ринулся съ холмовъ и захватилъ хлебный корабль¹⁹⁸⁰), положеніе его практически стало безнадежнымъ. Для него положительно было невозможно, да невозможно было бы и для самаго лучшаго судна, «противиться вѣтру»¹⁹⁸¹). Внезапность и ярость бурнаго порыва не дала возможности матросамъ даже спустить паруса главной мачты, или вообще предпринять что-нибудь, и поэтому они должны были предоставить корабль бурѣ, которая и понесла его съ бѣшеною быстротою¹⁹⁸²) по направленію къ маленькому острову Клавдѣ¹⁹⁸³), на разстояніи сорока верстъ, гдѣ они и поплыли подъ его защитой. Къ счастью направленіе вѣтра, а также и то обстоятельство (и въ немъ нельзя не видѣть явной руки Промысла), что буря разразилась надъ ними вскорѣ по минованіи мыса Маталы, а не поздне немного на ихъ пути, избавили ихъ отъ неминуемаго крушенія на скалахъ и рифахъ, которые лежатъ далѣе къ сѣверо-западу между островами Кандіей и Клавдой; но положеніе ихъ въ другихъ отношеніяхъ было если и не совсѣмъ безнадежно, то всетаки крайне опасно. Въ древности корабли имѣли только одну большую мачту и одинъ большой парусъ; всѣ другія мачты или снасти были сравнительно малы и незначительны. Поэтому напоръ на корабль отъ рычага мачты былъ страшный, и было немыслимо, чтобы александрийскій корабль, какъ бы онъ ни былъ крѣпко построенъ, могъ идти на своемъ огромномъ

парусѣ подѣ напорами тифона, не выворачивая балокѣ. Онѣ очевидно имѣли уже серьезную течѣ. На маленькомѣ островѣ не было сносной гавани, и поэтому капитанѣ, который повидимому выказалѣ лучшую морскую опытность, какая только возможна была въ то время, воспользовался краткимѣ и временнымѣ затишьемѣ, которое дало имѣ возможность подѣ прикрытиемѣ острова сдѣлать два въ высшей степени необходимыхѣ и настоятельныхѣ дѣла, именно во-первыхѣ—обезпечить средства спасенія, по крайней мѣрѣ хотѣ для нѣкоторой части экипажа, въ случаѣ потопленія судна, и затѣмѣ насколько возможно отдалить катастрофу. Поэтому онѣ отдалѣ приказаніе сразу же поднять лодку на бортѣ и такимѣ образомѣ предохранить ее отѣ возможности увлеченія бурей. Но эта задача была отнюдѣ не легкая. Лодка, которую они спустили на буксирѣ, надѣясь безопасно проплыть до порта Феникса, во время ихѣ бѣшеннаго плаванія должна была потерпѣть значительныя поврежденія и быть можетѣ была полужатоплена водой; и хотя теперь повидимому сдѣлалось потише, но вѣтерѣ рвалѣ все еще съ такою силой, что трудно было дѣлать самое простое дѣло. Имѣ удалось однако же (и св. Лука между прочимѣ помогалѣ при этомѣ ¹⁹⁸⁴) поднять лодку на бортѣ какѣ послѣднее убѣжище отѣ грозящей опасности; и затѣмѣ матросы приступили къ первобытному и неуклюжему способу, употребившемуся у древнихѣ съ цѣлю не дать развалиться судну. Онѣ состоялѣ въ обвязываніи судна—крѣпкими канатами, которые нѣсколько разѣ закручивались у носа и затѣмѣ крѣпко накрѣпко завязывались по срединѣ остова корабля ¹⁹⁸⁵). Этими они обезпечили себя противѣ двухѣ наиболѣе настоятельныхѣ опасностей; но оставалась еще третья: не было нигдѣ мѣста, гдѣ бы они могли найти защиту отѣ вѣтра; въ то-же время имѣ нельзя было долго пользоваться прикрытиемѣ, отчасти дававшимся береговой полосой островка, и они слишкомѣ хорошо знали, что вѣтерѣ гналѣ ихѣ прямо къ Гудвиновымѣ мелямѣ Средиземнаго моря—къ страшному заливу Большой Сирты ¹⁹⁸⁶). Имѣ оставался только одинѣ способѣ спасенія—направивѣ носѣ корабля на штирбортѣ, насколько возможно ближе къ направленію вѣтра, опустить главный парусѣ и снасти, спустить тяжелую райну на такую высоту, чтобы можно было дать возможность главному парусу уравновѣшивать корабль ¹⁹⁸⁷), поднять артемо или бурный парусѣ, и такимѣ образомѣ—сдѣлавѣ все это съ такою поспѣшностью, какѣ только позволяли обстоятельства, предоставить ему, придерживаясь нѣсколько береговой защиты, плыть по волѣ вѣтра и волнѣ. Такѣ они и поступили, и такѣ окончился злополучный день, который начался было такимѣ пріятнымѣ вѣтеркомѣ, внушавшимѣ самыя увѣренныя надежды ¹⁹⁸⁸).

Буря бушевала въ теченіе всей ночи, и корабль, не смотря на обвязку, продолжалѣ течѣ. На слѣдующій день поэтому они время отѣ времени выбрасывали за бортѣ все что было возможно, чтобы только сколько нибудѣ облегчить корабль ¹⁹⁸⁹); но даже и это не помогало. Слѣдующая ночь не принесла облегченія;

корабль все текѣ и текѣ, и всѣ труды при выкачиваніи были напрасны. Имѣ грозила очевидно судьба, обыкновенно постигавшая корабли въ древности—именно затопленіе. На третій день поэтому стало необходимымѣ принять еще болѣе рѣшительную мѣру. Въ новѣйшее время это значило бы срубить мачты; на древнихѣ корабляхѣ, на которыхѣ мачты не имѣли теперешней высоты, мѣра эта состояла въ выбрасываніи за бортѣ огромной главной райны, что, какѣ видно, эта состояла въ выбрасываніи за бортѣ огромной главной райны, что, какѣ видно, потребовало дружнаго усилія всѣхѣ способныхѣ рукѣ на кораблѣ ¹⁹⁹⁰). Она съ громаднымѣ всплескомѣ рухнула въ море, и корабль получилѣ большое облегченіе. Но теперь сильная боковая качка корабля—тѣмѣ болѣе чувствительная при сыпучемѣ грузѣ—сдерживалась только ничтожнымѣ штурмовымѣ парусомѣ. Тифонѣ правда превратился въ обыкновенную бурю, но корабль теперь находился въ самомѣ жалкомѣ состояніи, свирѣпыя пѣнистые валы то и дѣло окачивали его яростной влагой, и никто не зналъ, куда его уносило, подѣ свинцовыми и безлунными небесами. Мрачное отчаяніе начало болѣе и болѣе овладѣвать матросами и пассажирами. На кораблѣ не было никакой возможности ни готовить пищи, ни зажигать огня; кухонныя принадлежности и посуда навѣрно давно уже были смыты волнами за бортѣ; провизія навѣрно была испорчена соленой водой, свободно гулявшей по кораблю; и вообще при видѣ надвигающейся гибели никто и не думалѣ о ѣдѣ. Голодные и нравственно убитые, на быстро заливающимся кораблѣ, при ежедневномѣ уменьшающихся надеждахѣ они беспомощно неслись туда, гдѣ имѣ казалась неизбежно ужасная смерть.

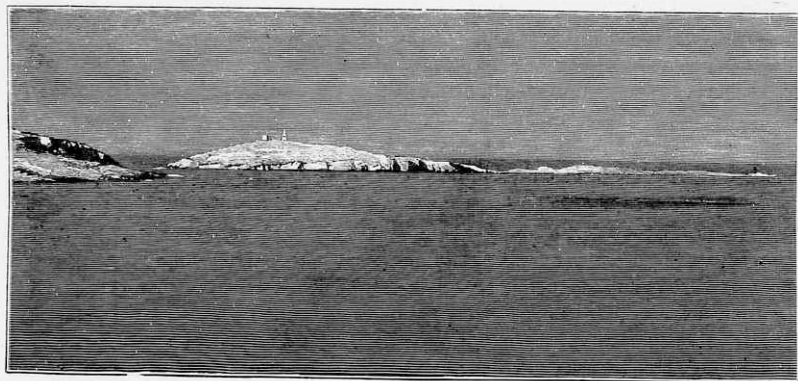
Но среди общаго отчаянія одинѣ человекѣ сохранилѣ спокойствіе и мужество. Это былѣ ап. Павелѣ, узникѣ, который какѣ слабѣйшій вѣроятно по физическому здоровью и страдалѣ больше всѣхѣ. Но въ такіе именно моменты мужество благороднѣйшихѣ душѣ выступаетѣ во всемѣ своемѣ блескѣ, и душа ап. Павла была внутренне озарена. Когда онѣ со всѣмѣ спокойствіемѣ безпорочной совѣсти молился, ему открыто было, что Богѣ исполнитѣ обѣтованное ему назначеніе побывать въ Римѣ и что, сохраняя ему жизнь, Богѣ даруетѣ ему также и жизни тѣхѣ несчастныхѣ страдальцевѣ, къ которымѣ его человѣколюбивое сердце, не смотря на все недостоинство, которое скоро доказали иные изѣ нихѣ, чувствовало глубокую жалость. Въ то время какѣ остальные предавались отчаянію, апостолѣ поднялся на палубу, и кротко упрекнувъ ихѣ за отверженіе даннаго имѣ совѣта, который бы избавилѣ ихѣ отѣ этого бѣдствія и убытковѣ, онѣ убѣждалѣ ихѣ ободриться, такѣ какѣ, даже если корабль погибнетѣ и они будутѣ выброшены въ море у какого нибудѣ острова, изѣ нихѣ никто не потеряетѣ жизни. Вѣдь имѣ извѣстно было, что онѣ узникѣ, апеллировавшій къ кесарю, а въ эту ночь ему явился ангелѣ Бога, служителемѣ котораго былѣ онѣ, и не только увѣрилѣ его, что ему придется предстать предѣ кесаря, но что также Богѣ, въ знакѣ особенной милости, даровалѣ ему и жизнь всѣхѣ плавшихѣ съ нимѣ. Онѣ убѣждалѣ ихѣ поэтому ободриться и раздѣлять его собственное убѣжденіе, что видѣніе это оправдается.

Кто может сказать, сколько эти спокойные увѣренные слова предназначены были свыше къ тому, чтобы способствовать ихъ дѣйствительному исполненію? Многое еще оставалось сдѣлать; много еще энергичныхъ мѣръ нужно было предпринять для отвращенія гибели; а Богъ помогаетъ тѣмъ, которые принимаютъ всѣ мѣры самопомощи. Гордые слова *Caesarem vehis* ¹⁹⁹¹⁾ могли одушевить матроса къ напряженнымъ усилиямъ въ открытой лодкѣ достичь берега Иллиріи, и несомнѣнно безбоязненное ободреніе ап. Павла именно вдохновило въ этихъ голодныхъ, измученныхъ и отчаявающихся морякахъ рѣшимость употребить усилія, которыя окончательно обезпечили имъ безопасность. Черезъ четырнадцать дней, въ теченіе которыхъ разрушающійся корабль какъ цепку било и бросало яростными волнами Адриатики ¹⁹⁹²⁾, вдругъ на четырнадцатую ночь матросы, среди монотоннаго рева бури, слышали какъ будто грохотъ берегового прибоя. Подозрѣвая, что они приближаются къ землѣ, и быть можетъ даже замѣчая свѣтящійся отблескъ песчаного берега, виднющагося издалика даже въ самую темную ночь, они бросили лотъ и глубина оказалась въ двадцать сажень. Вымѣривъ еще разъ, они нашли глубину въ пятнадцать сажень ¹⁹⁹³⁾. Ихъ подозрѣнія и опасенія теперь стали несомнѣнны, и теперь имъ представилась новая опасность наскочить на какую нибудь прибрежную скалу. Въ виду этой новой опасности оставалось только одно—бросить якорь. Если бы они стали на якорь обычнымъ образомъ—съ носа ¹⁹⁹⁴⁾, то корабль могъ бы при поворотѣ удариться о рифъ; да они, слыша необычайный шумъ берегового прибоя, и не могли предположить, что въ этотъ моментъ находятся еще въ полуверстѣ отъ земли. Поэтому они бросили четыре якоря ¹⁹⁹⁵⁾ черезъ клюзы, въ которыхъ обыкновенно двигались два большихъ лопастеобразныхъ руля, такъ какъ эти послѣдніе, давно уже ставъ бесполезными вслѣдствіе гонки по направленію бури, наполовину поднялись изъ воды и били въ корму ¹⁹⁹⁶⁾. Сдѣлавъ это, они могли только съ крайнимъ напряженіемъ ожидать разсвѣта дня. Въ теченіе всѣхъ оставшихся часовъ этой длинной зимней ночи они стояли лицомъ къ лицу съ агоніей смерти. При своемъ теперешнемъ состояніи, когда течъ все болѣе и болѣе усиливалась и волны постоянно заливали палубу, корабль каждую минуту могъ затонуть, даже еслибы сдержали якоря. Но они не знали, какъ знаемъ это мы теперь, что якоря ихъ застѣли въ чрезвычайно цѣпкой глинтѣ, что и было единственнымъ обстоятельствомъ, избавившимъ ихъ отъ безнадѣжнаго крушенія.

Но вотъ чрезъ непроглядную мглу дождя и бури началъ разсвѣтать надъ бѣдствующимъ экипажемъ сумрачный день. Лишь только они получили возможность въ сумракѣ различать другъ друга съ испугами и искаженными отъ бѣдствія и лишеній лицами, какъ замѣтили, что они стоятъ неподалеку отъ низменнаго берега, на который съ яростною силою накатывались огромныя волны. Не зная, что это коса Кура, на сѣверо-восточномъ берегу Мальты ¹⁹⁹⁷⁾, и не имѣя возможности составить какое либо представленіе о мѣстѣ своего нахож-

денія, матросы-язычники только и могли придумать одинъ исходъ — оставить корабль и пассажировъ на произволъ судьбы, спасаясь сами на лодкѣ, которая съ такими усиліями была поднята на бортъ. Поэтому, подъ предлогомъ сбросить больше якорей съ цѣлю уменьшенія килевой качки ¹⁹⁹⁸⁾, они начали отвязывать лодку и спускать ее въ море. Если бы имъ удалось осуществить свой планъ, то вѣроятно волной ихъ выбросило бы на косу, а всѣ оставшіеся на кораблѣ, не имѣя никакихъ средствъ противодѣйствія потопленію корабля, неизбѣжно погибли бы. Отъ этой опасности какъ пассажиры, такъ и матросы опять избавлены были быстрой энергіей и смѣтливостью ап. Павла. Видя худой замыселъ, онъ спокойно замѣтилъ Юлію, который былъ самымъ властнымъ лицомъ на кораблѣ: «если матросы не останутся на кораблѣ, то вы не можете спастись». Онъ говоритъ «вы», а не «мы». Твердо упоная на обѣтованіе Божіе, онъ нисколько не сомнѣвается въ собственномъ спасеніи, но обѣтованіе касательно спасенія всѣхъ остальныхъ пассажировъ зависѣло отъ исполненія всѣми своихъ обязанностей. Воины, столпившіеся съ своими узниками на палубѣ, слышали это замѣчаніе апостола, и такъ какъ въ этотъ страшный моментъ опасности онъ одинъ сохранялъ спокойствіе и былъ поэтому истиннымъ начальникомъ и капитаномъ, то безъ всякаго замедленія они извлекли свои мечи и обрубили канаты лодки, вслѣдствіе чего она рухнула въ бѣнящееся море. Невѣроятно, чтобы матросы особенно возстали противъ этого. Замыселъ ихъ былъ крайне низокъ, да притомъ и давалъ лишь сомнительную надежду на спасеніе. Но вотъ съ разсвѣтомъ стало яснѣе, и приближался часъ, когда все должно было зависѣть отъ ихъ ловкости и искусства, а также и отъ присутствія духа всѣхъ находящихся на кораблѣ. Еще разъ поэтому апостолъ ободрилъ ихъ и побуждалъ всѣхъ хоть сколько нибудь подкрѣпить себя пищей. «Сегодня, сказалъ онъ, четырнадцатый день, какъ вы, въ ожиданіи, остаетесь безъ пищи, не вкушая ничего. Потому прошу васъ принять пищу; это послужитъ къ сохраненію вашей жизни; ибо ни у кого изъ васъ не пропадетъ волосъ съ головы». И давъ имъ такое ободреніе, онъ самъ показалъ имъ примѣръ. «Сказавъ это и взявъ хлѣбъ, онъ возблагодарилъ Бога предъ всѣми и, разломивъ его, началъ ѣсть». Поддавшись этой спокойной увѣренности, промокшая и жалкая толпа пассажировъ въ 276 душъ, такъ долго изнывавшихъ въ страшныхъ бѣдствіяхъ и неудобствахъ, ежеминутно ожидая смерти на своемъ разбитомъ и бросаемомъ свирѣпыми волнами кораблѣ подъ нависшими надъ нимъ огромными тучами, вновь ободрилась, и всѣ они принялись за пищу; зная, что это была уже послѣдняя ихъ трапеза на разрушающемся кораблѣ и что уже не было никакой возможности спасти груза, они начали съ цѣлю облегченія и выправленія корабля выбрасывать за бортъ пшеницу, которая во время продолжительнаго бурнаго плаванія отъ Клавды на разстояніи 830 верстъ навѣрно слишкомъ ссыпалась на одинъ бокъ и въ опасной степени усиливала качку. Когда полный разсвѣтъ далъ имъ возможность изслѣдовать берегъ, они не видѣли

ни одного знакомаго пункта, такъ какъ теперешняя Валетта, гавань на о. Мальтѣ, въ которую часто заходили корабли, находится въ двѣнадцати верстахъ къ востоку-сѣверо-востоку отъ того мѣста, гдѣ они потерпѣли крушеніе; но они увидѣли заливъ, въ одной оконечности котораго скалы спускались въ отлогій берегъ, и единственно, на что можно было разсчитывать, это какъ нибудь вывести корабль изъ его теперешняго направленія и посадить его на мель въ этомъ мѣстѣ. Направлять разбитый корабль вопреки вѣтра было дѣло отнюдь не легкое, но всетаки необходимо было попытаться. Поэтому они обрубали якорные канаты, бросивъ ихъ съ обрубками въ море ¹⁹⁹⁹), развязали и привели въ бездѣйствіе рули ²⁰⁰⁰), подняли артемо или малый парусъ ²⁰⁰¹), — который одинъ только и

Островъ Салмона, близъ косы Кура, на Мальтѣ.

остался у нихъ, — по вѣтру и направили корабль прямо по направленію къ берегу. Но ихъ маневръ, не смотря на всю его рѣшительность, потерпѣлъ полную неудачу. Они, сами не зная того, стояли на якорѣ у Расъ-эл-Куры. Противъ нихъ виднѣлось нѣчто въ родѣ другаго мыса, но въ дѣйствительности это былъ островъ Салмонетта, отдѣленный отъ материка глубокимъ, узкимъ и стремительнымъ каналомъ. По этому каналу, имѣющему около сорока пяти саженъ въ ширину, проходило теченіе, и въ бурномъ водоворотѣ, гдѣ этотъ потокъ сталкивался съ водами залива, корабль ²⁰⁰²) не повиновался рулю, и все, что имъ оставалось дѣлать, это — сразу же направить его на берегъ. Къ счастью корабль набѣжалъ не на скалу, а на тинистую мель, какая еще и теперь существуетъ въ этомъ самомъ мѣстѣ. Здѣсь носъ глубоко засѣлъ въ тинѣ и остался недвижимъ, между тѣмъ какъ корма оставалась на свободѣ. Всѣ бросились къ носовой части, между тѣмъ какъ волны, яростно налегая на корму, сразу же начали разбивать ее въ

куски. Тутъ, даже въ этой крайности, ап. Павлу и другимъ узникамъ предстоила новая, неожиданная и тѣмъ болѣе ужасная опасность. Воины по закону отвѣчали за своихъ узниковъ жизнью. Римскій законъ былъ строгъ, суровъ и непреклоненъ, не допускалъ никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Пока смерть угрожала всѣмъ и при отвращеніи гибели полезны были руки всѣхъ

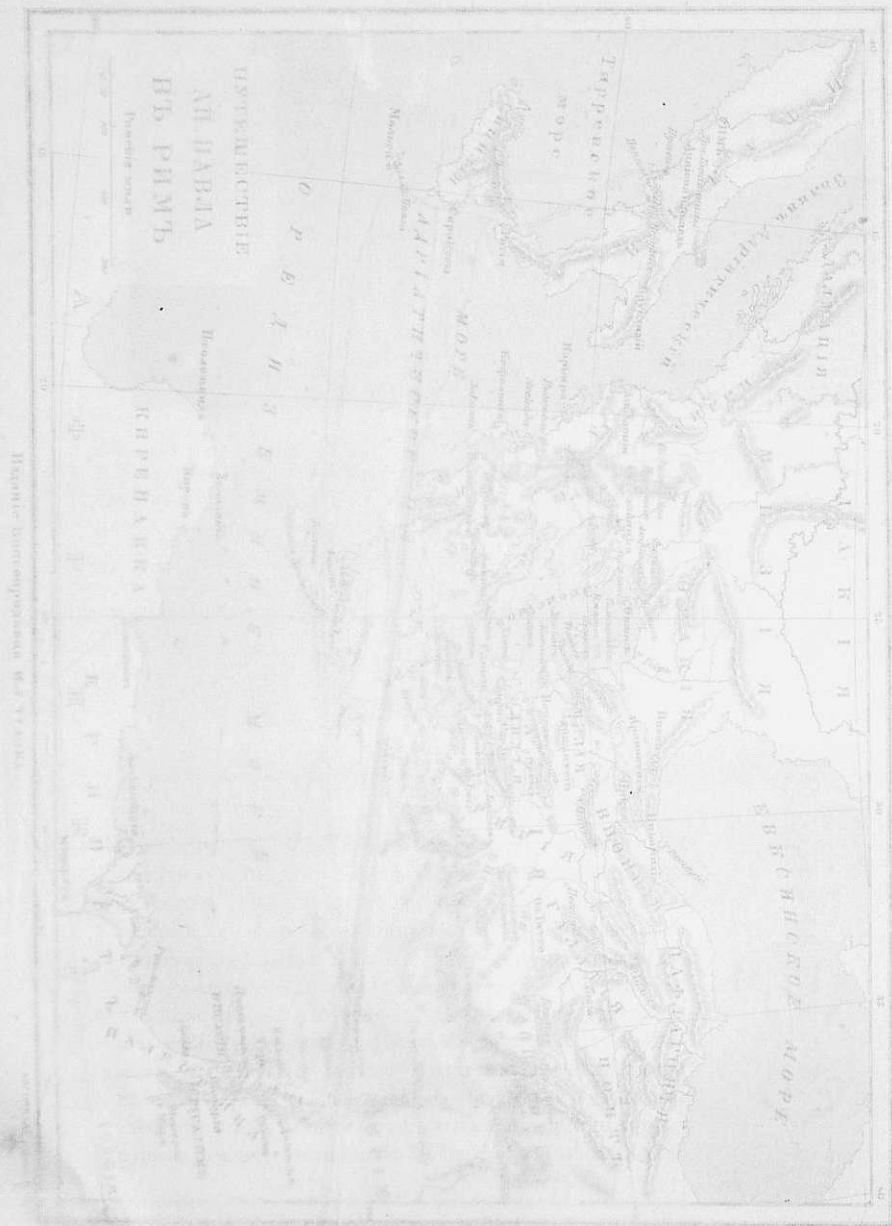

Высадка римлянъ съ корабля
(съ Траяновой колонны въ Римѣ).

находившихся на кораблѣ, то узники вѣроятно были раскованы; но при теперешнемъ положеніи что могло помѣшать кому нибудь изъ нихъ броситься въ воду и такимъ образомъ убѣжать? Поэтому воины согласились умертвить ихъ. Было бы ужасно, если бы кровію и убійствомъ запятнана была палуба потерпѣшаго крушеніе корабля въ тотъ самый моментъ, когда повидимому достигнуто было спасеніе, и это жертвоприношеніе человѣческихъ жизней, избавленныхъ Промысломъ, было бы единственнымъ благодареніемъ со стороны спасшихся

Еще болѣе ужасно было бы то, еслибы люди, которые во время крушенія въ виду смотрѣвшей имъ въ лицо смерти невольно подружились и побратались между собою, вонзили свои мечи въ сердца, которыя столь долго бились взаимнымъ страшнымъ сочувствіемъ въ испытанныхъ ужасахъ и надеждахъ. Отъ этой опасности узники опять были избавлены человѣкомъ, совѣтъ и ободреніе котораго во все время были прямымъ источникомъ ихъ спасенія. Если нужно было умерщвлять узниковъ, то въ этомъ отношеніи справедливость или несправедливость требовала одинаковой участи для всѣхъ, и Юлій чувствовалъ, что было бы вопіющею неблагодарностью убить человѣка, которому, по промыслу Божію, они обязаны были избавленіемъ своей собственной жизни. Онъ поэтому запретилъ имъ прибѣгать къ этой крайней мѣрѣ, и далъ приказаніе, чтобы всѣ, умѣвшіе плавать, первыми бросились въ воду иплыли къ берегу ²⁰⁰³⁾. Остальные должны были спастись на доскахъ, обломкахъ корабля, какъ только кто могъ ²⁰⁰⁴⁾. Вѣтеръ прибавалъ ихъ къ берегу, и наконецъ при помощи умѣющихъ плавать всѣ они были спасены, и вотъ на пустынномъ, обдаваемомъ пѣнистыми брызгами берегу, въ знобящее и бурное ноябрьское утро, въ томъ мѣстѣ острова Мальты, которое благодаря правдивой точности повѣствованія легко узнать еще и теперь, стояла пестрая группа почти изъ трехсотъ человѣкъ промокшихъ до костей и трясущихся отъ холода матросовъ, воиновъ, узниковъ и пассажировъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы можемъ быть увѣрены, сердечно присоединились къ ап. Павлу въ глубокое благодареніи Богу, который хотя и не совершилъ чуда для прекращенія бури, однако же благополучно доставилъ ихъ на сушу при всѣхъ опасностяхъ этого бурнаго мѣсяца.

Мысъ Кура на о. Мальтѣ.

БНИГА Х.

РИМЪ.

ГЛАВА XLIV.

ПРИБЫТІЕ АП. ПАВЛА ВЪ РИМЪ.

Павелъ въ Римъ — торжество Евангелія.

Бенгель.

ТѢСНО окончилось четвертое кораблекрушеніе ап. Павла. Видъ корабля привлекъ туземцевъ острова²⁰⁰⁵), простую пуническую народность, смѣшанную съ греческими поселенцами и находившуюся подъ римскимъ владычествомъ. Даже въ болѣе недавнія времена и на болѣе близкихъ къ центрамъ цивилизаціи берегахъ бывали случаи, когда несчастные, спасшіеся съ потерпѣвшаго крушеніе корабля, должны были скорѣе опасаться быть ограбленными и убитыми, чѣмъ рассчитывать на гостепріимство и состраданіе прибрежныхъ жителей; но эти мальтійскіе финикійцы почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ привѣтствовали потерпѣвшихъ кораблекрушеніе съ необычайнымъ радушіемъ. Наступили страшные ливни и

злополучные крушенники цѣпенѣли отъ изнеможенія и холода. Сжалившись надъ ихъ положеніемъ, туземцы разложили огромный костеръ изъ хвороста и валежника, такъ что они могли осушить свои одежды, и вообще отнеслись къ нимъ съ немалымъ человѣколюбіемъ. Ап. Павелъ, съ его неукротимою дѣловитостью и самоотверженіемъ, которыхъ не могли остановить ни истомленіе, ни холодъ, съ усердіемъ собиралъ хворостъ. Онъ собралъ большую охапку терновника²⁰⁰⁶⁾ и

Ап. Павелъ и ехидна
(съ древняго изображенія по слоновой кости).

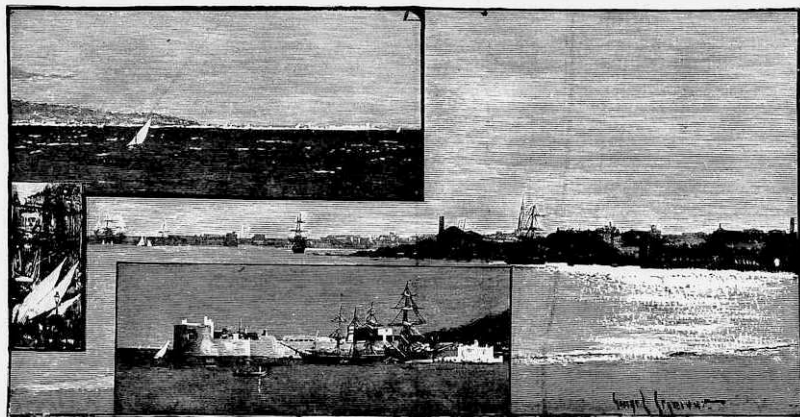
только что бросилъ ее въ огонь, какъ ехидна, лежавшая въ оцѣпенѣніи и теперь отогрѣвшаяся вѣдствіемъ огня, выскочила изъ связки и «повисла на рукѣ» апостола. Увидѣвъ висящую у него на рукѣ ядовитую змѣю и замѣтивъ, что онъ колодникъ, простодушные островитяне начали переговариваться другъ съ другомъ, что это должно быть какой-нибудь убійца, когда его спасагагося отъ моря праведное мщеніе преслѣдуетъ и на сушѣ. Апостолъ же, нисколько не встревоженный, спокойно стряхнулъ гадюку въ огонь, не потерпѣвъ никакого вреда²⁰⁰⁷⁾.

Туземцы ожидали, что онъ сейчасъ же упадетъ замертво²⁰⁰⁸⁾. Долго они съ тревогой наблюдали за нимъ, и когда замѣтили, что не послѣдовало никакого вреда, то подобно грубымъ жителямъ Листры постепенно переимѣнили свой взглядъ, и говорили, что онъ Богъ.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, до начала февраля, когда открывалась навигація, кораблекрушенники жили на Мальтѣ, и въ продолженіе этого періода, благодаря опять вліянію ап. Павла, какъ съ нимъ, такъ и съ его сотоварищами жители обращались съ крайнею добротою. Неподалеку отъ мѣста кораблекрушенія лежалъ городъ, называемый теперь Алта Веччія, резиденція Публія, правителя острова, который былъ вѣроятно легатомъ претора Сициліи. Такъ какъ сотникъ Юлій былъ знатною личностью, то этотъ римскій сановникъ, носившій титулъ *протоса* («первый») — мѣстное названіе, точность котораго подтверждается надписями²⁰⁰⁹⁾, — оказалъ сотнику любезное гостепріимство, въ которомъ дозволено было принять участіе и ап. Павлу съ его друзьями. Случилось, что въ это время отецъ Публія лежалъ въ горячкѣ, осложнявшейся болѣю въ животѣ (диссентеріей). Св. Лука былъ врачъ, но его искусство было не такъ дѣйствительно, какъ сила ап. Павла, который вошелъ въ комнату больного, помолится у его постели, возложилъ на него руки и исцѣлилъ его. Слухъ объ этомъ исцѣленіи распространился по всему острову, и вѣдствіе этого жители отовсюду начали приводить къ нему больныхъ, и они получали исцѣленіе. Мы можемъ быть увѣрены, что ап. Павелъ, хотя и не основалъ здѣсь церкви, не упустилъ благоприятнаго случая для проповѣди евангелія. Онъ произвелъ глубокое и въ высшей степени благоприятное впечатлѣніе, и со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ знаками почтенія. Во время кораблекрушенія они навѣрно потеряли все, кромѣ быть можетъ тѣхъ денегъ, которыя они могли спасти на себѣ; поэтому они крайне нуждались въ помощи²⁰¹⁰⁾ и въ изобиліи получали ее отъ любви и благодарности островитянъ, которымъ невольное пребываніе ихъ на островѣ привнесло столько благодѣяній.

Въ гавани Валетты зимовалъ и другой александрійскій корабль «Диоскуры», болѣе счастливый, чѣмъ его подвергшійся крушенію сотоварищъ; и когда опять открылась навигація, Юлій съ своими воинами и узниками съѣлъ на него, и онъ направился въ Сиракузы, отстоявшія отсюда на сто сорокъ верстъ. Во время этого путешествія ап. Павелъ впервые могъ любоваться исполинскимъ остовомъ Этны, перваго дѣйствующаго вулкана, какой только когда-либо онъ видѣлъ. Въ Сиракузахъ имъ пришлось пробыть въ теченіе трехъ дней, въ ожиданіи болѣе благоприятнаго вѣтра. Такъ какъ его однако же не наступало, то они отплыли по круговому направленію²⁰¹¹⁾, которое и привело ихъ въ Регіумъ (Ригію). Тутъ опять имъ пришлось прождать одинъ день, и когда подулъ южный вѣтеръ, котораго они только и желали, то они быстро понеслись чрезъ Мессинскій проливъ между хребтами сѣверныхъ горъ, и миновавъ слѣва огромный и вѣчно сверкающій конусъ Стромболи, на слѣдующій день, послѣ великолѣпнаго плаванія

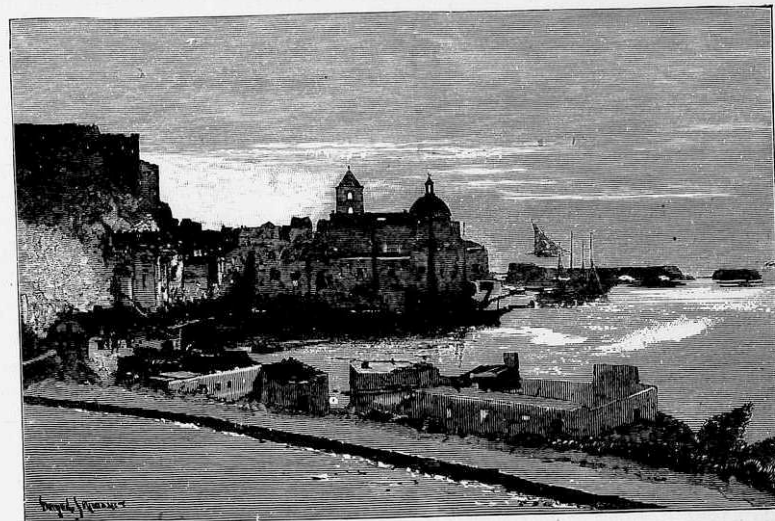
на пространствѣ 320 верстѣ, бросили якорь въ прелестномъ заливѣ Путеолъ. Развернутый верхній парусъ могъ издали дать знать о прибытіи александрійскаго хлѣбнаго корабля всѣмъ досужимъ людямъ и празднолюбцамъ этого веселаго порта, которые сотнями собирались на набережной пристани и съ криками привѣтствовали корабли, привозившіе хлѣбъ въ эти житницы Рима. Здѣсь ап. Павелъ встрѣтилъ неожиданную радость, именно нашелъ маленькую христіанскую общину, и братья просили его побыть у нихъ семь дней. Это дало ему возможность провести вмѣстѣ съ ними субботу и воскресенье, на что вполне согласился добрый и признательный Юлій. Здѣсь, такимъ образомъ, они могли отдохнуть въ одной изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей на землѣ,

Виды въ Мессинскомъ проливѣ.

особенно когда Везувій еще не былъ дѣйствующимъ вулканомъ и до самой вершины зеленѣлъ виноградниками и садами. Ап. Павелъ не могъ безъ восторга взглянуть на роскошь и великолѣпіе окружающихъ городовъ. Вотъ были Баи, гдѣ къ негодованію Горація римскіе нобилистроили дворцовъ надъ самымъ моремъ, и гдѣ кесарь, на судѣ передъ которымъ апостолу предстояло защищать свое дѣло, совершилъ гнусную трагедію умерщвленія своей матери, и преслѣдуемый ея фуріями бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто вдоль берега²⁰¹². Въ отдаленіи видѣлась Пандатарія и другіе отдаленные скалистые островки, переполненные ссыльными изъ знатнѣйшихъ классовъ, гдѣ Агриппа Постумъ, послѣдній изъ истыхъ кесарей, пытался остановить муки голода жеваніемъ набивки своего матраца и гдѣ дочь великаго Августа въ невыразимой бѣдственности закончила свою позорную

жизнь. Неподалеку были Кумы, съ ихъ сивиллинской славой, Павзилипъ съ гробницей Виргилія, и Капрея, гдѣ двадцать три года передъ тѣмъ Тиверій довлѣчилъ до гроба свою жалкую старость. Неподалеку также находились небольшіе города Геркуланъ и Помпея, которые, блистая грекоподобною роскошью и веселостью жизни, конечно и не подозрѣвали, какъ скоро сосѣдняя гора похоронитъ ихъ подъ своей разрушительной лавой.

Заливъ Путеолскій.

Здѣсь, на свободѣ, среди братьевъ по вѣрѣ, ап. Павелъ провелъ семь мирныхъ дней. На восьмой день они отправились въ Римъ, который находился отсюда лишь въ 245 верстахъ. Извѣстіе о ихъ прибытіи дошло до христіанъ, и когда они прошли около 175 верстѣ, миновавъ Капую и пройдя богатыми виноградниками Италіи, а также Помптинскими болотами, ап. Павелъ, Лука и Аристархъ среди барочниковъ и торговцевъ, тѣснившихся на Анпиевой площади²⁰¹³, встрѣтили группу христіанъ, которые ѣхали почти на семьдесятъ верстѣ, чтобы привѣтствовать ихъ. Дальше этого они не могли идти, такъ какъ отъ Арріи Forumъ въ Римъ можно было идти двумя путями, и сотникъ могъ предпочесть менѣе утомительный путь—каналомъ. Чрезъ семнадцать верстѣ дальше, въ Трехъ Тавернахъ, они встрѣтили другую группу христіанъ, которые также ожидали ихъ. Хотя въ Римѣ не много было преданныхъ ап. Павлу людей,

но онъ зналъ могущество, многочисленность и мятежность огромнаго собранія синагогъ въ большомъ городѣ, а отъ ихъ благосклонности или враждебности должна была зависѣть, говоря по-человѣчески, въ значительной степени его будущая судьба. Естественно поэтому, что когда онъ увидѣлъ эту небольшую толпу христіанъ, то возблагодарилъ Бога и ободрился вслѣдствіе такого доказательства ихъ любви. Его ничто такъ не ободряло и не вдохновляло, какъ именно человѣческое сочувствіе, и привѣтствіе со стороны этихъ собратій должно было озарить счастливымъ предзнаменованіемъ его приближеніе къ городу, въ который онъ, при всемъ своемъ давнемъ желаніи видѣть его, вступалъ теперь при гораздо болѣе печальныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ когда-либо могъ ожидать.

И вотъ среди все болѣе и болѣе интересныхъ картинъ, вдоль дороги, по которой все болѣе учащались великолѣпные памятники благаго, подвигалось впередъ смиренное триумфальное шествіе раба и узника Христова. Ап. Павлу приходилось видѣть много великолѣпныхъ городовъ въ своей жизни, но онъ не видѣлъ еще никогда города, къ которому бы вела столь прямая и дорогая по своему сооруженію дорога. Проходя мимо извѣстныхъ достопримѣчательностей, радужные собратья могли обращать его вниманіе на гробницы Сципіоновъ и Цециліи Метеллы, а также и тысячи другихъ гробницъ съ ихъ архитектурной красотой, поразительными барельефами и трогательными надписями; низкія сидѣнья для отдыха путниковъ черезъ каждые сорокъ футовъ; безчисленные статуи Dei Viales; придорожныя таверны и безчисленный потокъ повозокъ для путешественниковъ всякаго класса—убогія birotae, удобныя rhedae и красивыя carpenta,—а также lecticae или носившіяся на плечахъ рабами носилки, съ которыхъ знатные путешественники высокомерно озирали массы пѣшихъ, взадъ и впередъ двигавшихся по дорогѣ къ могущественной столицѣ древняго мира. Кого только не было здѣсь! Преторы и проконсулы спѣшили къ своимъ провинціямъ или возвращались въ столицу въ своихъ государственныхъ формахъ, съ ликторами и другими знаками своей власти; легіоны и когорты двигались взадъ и впередъ, обгоняемые конными и летучими отрядами; посольства изъ отдаленныхъ странъ изумленно проходили по Аппіевой дорогѣ—въ своихъ разнообразныхъ костюмахъ, вплоть до бѣлыхъ шелковыхъ торбановъ на головахъ смуглыхъ лицъ...

Сколько взглядовъ презрительнаго любопытства навѣрно бросалось на скопаннаго узника и его іудейскихъ друзей, когда они проходили подъ конвоемъ солдатъ! Но ап. Павлу все это было ничто, когда онъ зналъ, что ему не придется быть одинокимъ среди громадной и тѣсной пустыни человѣческихъ жилищъ, которыя онъ завидѣлъ впервые, когда они поднялись на склонъ Албанской горы. Быть можетъ, когда они оставили у себя слѣва Албанскую гору, собратья рассказали апостолу мрачную лѣтопись маленькаго храма Ариціи, построеннаго у берега очаровательнаго зеркальнаго, какбы дремлющаго озера, подъ сумрачной тѣнью деревъ котораго совершались ужасныя кровавыя боины жрецовъ. И такимъ

образомъ по все удлинявшимся рядамъ пригородныхъ виллъ и чрезъ все увеличивавшуюся толпу народа они достигли дѣйствительныхъ предѣловъ города, завидѣли Капитолій и императорскій дворецъ, прошли по рощѣ и мимо источника Эгеріи, съ его колоніей нищенствующихъ іудеевъ²⁰¹⁴), миновали пирамиду Цестія, и пройдя аркой Друза, Капенскими воротами²⁰¹⁵), слѣва мимо «великаго цирка» и среди множества храмовъ, статуй и триумфальныхъ аркъ, достигли наконецъ Excubitorium или казармъ той части преторіанскихъ когортъ, обязанностью которыхъ было содержать стражу непосредственно у личности императора. Такъ то исполнилась давняя мечта ап. Павла, и вотъ въ мартѣ 61 года по Р. Х., въ седьмой годъ царствованія Нерона, въ консульство Цезеннія Пета и Петронія Турпиліана, онъ вступилъ въ Римъ.

Здѣсь оканчивалось служебное порученіе сотника Юлія, хотя мы едва ли можемъ предполагать, чтобы онъ совершенно забылъ и оставилъ безъ вниманія своего благороднаго узника, которому по Божію промыслу онъ обязанъ былъ своею собственною жизнью и безопасностью другихъ порученныхъ ему узниковъ. Официально однако же его связь съ узниками окончилась, когда онъ передалъ ихъ въ вѣденіе префекта преторіанской гвардіи. Съ этого времени, да и раньше, было всегда два praefecti praetorio, но въ этомъ именно году эту чрезвычайно важную должность занимало одно лицо—честный и солдатски-прямодушный Афраній Бурръ²⁰¹⁶). Въ этомъ отношеніи ап. Павелъ былъ счастливъ, такъ какъ прямой и гуманный офицеръ едва ли могъ съ ненужною суровостью обращаться съ узникомъ, который не обвинялся въ какомъ либо страшномъ преступленіи, и во всякомъ случаѣ не въ такомъ, которое бы стоило особаго вниманія высокаго римлянина, и который притомъ имѣлъ за себя прекрасные отзывы какъ отъ прокураторовъ Іудеи, такъ и отъ сотника, приведшаго его подъ конвоемъ изъ Іерусалима. Грубый и безпечный тиранъ могъ бы оглуломъ заключить, что это какой нибудь сикарій (тайный убійца), которыми кишѣла въ то время Іудея, и такимъ образомъ подвергъ бы его безнадежному и невыносимому тюремному заключенію. Но доброе слово, замолвленное за него Юліемъ, и прямая честность Бурра оказали апостолу неоцѣнимую услугу: онъ былъ подвергнутъ только такого рода custodia militaris, кака я извѣстна была подъ названіемъ observatio (военнаго надзора). Въ теченіе первыхъ трехъ дней онъ пользовался гостепріимствомъ какого то члена изъ христіанской общины²⁰¹⁷), и вслѣдствіи ему позволено было нанять даже собственное помѣщеніе, съ полнымъ правомъ свободно сношиться съ своими друзьями—какъ письменно, такъ и лично. Правда, по римскому тюремному правилу его продолжали приковывать къ солдату, но это уже было неизбежное явленіе въ римской системѣ. Въ задобриваніи этого-то невыносимаго сотоварища его тюремнаго заключенія и могло сказываться наиболѣе благотворнымъ образомъ благорасположеніе его римскихъ друзей. Во всякомъ случаѣ, это было испытаніе, которое требовало не мало мужества и терпѣнія, а

для иудея оно было еще гораздо мучительнѣе, чѣмъ для язычника. Два язычника могли имѣть много у себя общаго, могли интересоваться общими предметами, руководиться общими началами и привычками; но иудей и язычникъ отдѣлялись взаимной антипатіей и могли постоянно приходить къ раздражительнымъ столкновеніямъ. Что на ап. Павлѣ тяжело отзывалось такое невольное сообщничество, это можно видѣть изъ его намековъ на «узы» или «двойственную цѣпь» въ каждомъ посланіи изъ узъ. Когда Агриппа впервые заключенъ былъ въ темницу Тиверіемъ, Антонія, изъ дружбы къ его роду, подкупомъ склонила преторіанскаго префекта Макрона, чтобы онъ отдалъ его въ вѣденіе добраго сотника, и насколько возможно заручилась тѣмъ, чтобы его приковывали къ добрымъ солдатамъ. Нѣчто подобное могло быть сдѣлано и для ап. Павла; но самая служба была раздражительна, и навѣрно были такіе солдаты, которые своимъ глупымъ и сварливымъ нравомъ причиняли ужасную пытку узнику. Однако даже на этихъ грубыхъ, необразованныхъ язычниковъ любезная, мягкая и обаятельная разсудительность апостола оказывала облагораживающее вліяніе. Если его приковывали къ солдату, то и солдата приковывали къ нему; и въ теченіе скучныхъ часовъ этой службы до смѣны не мало воиновъ могли съ радостью слушать изъ его устъ высокія истины христіанской вѣры — во всей ихъ безсмертной новизнѣ для нихъ. Бодрая вѣра апостола изъ самыхъ худшихъ испытаній дѣлала полезнѣйшее употребленіе, и слѣдствіемъ его продолжительнаго тюремнаго заключенія было распространеніе евангельскихъ истинъ въ средѣ лучшаго полка той арміи, которая менѣе столѣтія спустя имѣла въ своей средѣ «громозднѣйшій легіонъ», а менѣе чѣмъ черезъ три столѣтія послѣ этого замѣнила на своемъ знамени императорскаго серебрянаго орла ненавистнымъ дотолѣ орудіемъ пытки раба и казни убійцы — крестомъ.

Одною изъ самыхъ первыхъ заботъ апостола было созвать главныхъ членовъ іудейскаго населенія въ Римѣ и объяснить имъ свое положеніе. Обращаясь къ нимъ, какъ къ «братьямъ», онъ увѣрялъ ихъ, что не враждебенъ ихъ народу и не разрушаетъ ихъ учрежденій. Не смотря на это, онъ былъ схваченъ въ Іерусалимѣ и преданъ римскимъ властямъ. Однакоже римляне, по разслѣдованіи дѣла, объявили его совершенно невиннымъ и готовы были освободить, если бы противодѣйствіе іудеевъ не принудило его перенести свое дѣло на рѣшеніе кесаря. Но онъ всячески старался дать имъ понять, что онъ отнюдь этимъ не имѣлъ въ виду возстановить римской власти противъ своего народа, и что причина его оковъ была его вѣра въ исполненіе той мессіанской надежды, которую питалъ весь Израиль.

Отвѣтъ іудеевъ былъ очень дипломатиченъ. Раздѣленія въ ихъ собственной средѣ, возникшія, какъ мы видѣли, въ связи съ именемъ Христа, возбудили во всѣхъ такое негодованіе противъ нихъ, что менѣе чѣмъ десять лѣтъ предъ тѣмъ они подверглись разорительному и позорному изгнанію изъ Рима, по указу императора

Клавдія. Указъ этотъ, правда, не былъ со всею строгостью приведенъ въ исполненіе; но іудеямъ не хотѣлось опять подвергаться столь унижительному бѣдствію. Поэтому они дали неопредѣленный отвѣтъ, заявивъ (насколько истинно — мы не знаемъ), что ни письменно, ни словесно не получали никакого худаго извѣстія объ апостолѣ. Если бы кто либо изъ іудеевъ и отправились съ цѣлью поддерживать предъ кесаремъ обвиненіе противъ него со стороны синедриона, то они могли отправиться въ путь только въ одно время съ Юліемъ и такимъ образомъ могли быть задержаны тѣми же бурями. Іудеи однако желали узнать отъ ап. Павла сущность его религиозныхъ воззрѣній, а въ виду того, что онъ былъ завѣдомый христіанинъ, они могли сказать только, что *объ этомъ ученіи вездѣ спорятъ* ²⁰¹⁸). Такимъ отвѣтомъ они очевидно хотѣли сказать только какъ можно менѣе. Немыслимо, чтобы іудеи въ Римѣ никогда ничего не слышали противъ ап. Павла, но, будучи тонкими политиками, и видя, что къ ап. Павлу благосклонно относились знатныя лица, они не хотѣли сразу становиться къ нему во враждебныя отношенія. Кажущееся ихъ невѣденіе въ то же время не служило доказательствомъ противъ существованія въ Римѣ такой важной христіанской общины, къ какой ап. Павелъ обращается въ своемъ посланіи къ Римлянамъ ²⁰¹⁹). Іудеи могли гордиться двумя-тремя знатыми прозелитами; и возможно, что Помпонія Грецина, жена Павла, одного изъ покорителей Британіи, была христіанкой. Но если и такъ, то она давно уже была подвергнута строжайшему заключенію ²⁰²⁰), а обращеніе консула Флавія Клемента и его жены, Флавіи Домициллы, замученныхъ Домиціаномъ, произошло лишь нѣкоторое время спустя. Христіанская церковь состояла изъ самаго низкаго населенія, и ея іудейскіе и языческіе члены вѣроятно составляли двѣ почти отдѣльных общины, подъ главенствомъ отдѣльных пресвитеровъ ²⁰²¹). Конечно, съ необрѣзанными христіанами изъ язычниковъ низкаго разбора представители іудеевъ не могли входить въ какое-либо общеніе, даже если бы они знали о ихъ существованіи. Но нужно помнить, что Римъ въ это время былъ городомъ съ болѣе чѣмъ двухмилліоннымъ населеніемъ. Поэтому, нѣтъ ничего невѣроятнаго, еслибы среди такого огромнаго населенія одна небольшая «секта» была совершенно неизвѣстна постороннимъ, какъ это часто и теперь бываетъ въ большихъ городахъ.

Такъ какъ однако же римскіе іудеи выразили желаніе получить дальнѣйшія свѣденія о христіанствѣ, то ап. Павелъ просилъ ихъ назначить особый день для выслушанія того, что онъ изложитъ имъ. Они собрались къ нему въ значительномъ числѣ. Что тутъ могли быть приглашены только главнѣйшіе представители ихъ общины, это ясно само собою. Помѣщеніе ап. Павла могло принять только маленькое число іудеевъ, которыхъ въ это время въ Римѣ было до 60,000 чело-вѣкъ. Въ Римѣ, какъ думаютъ, было семь синагогъ ²⁰²²) и однихъ начальниковъ въ нихъ было столько, что вѣроятно къ нимъ только и могъ ап. Павелъ обратиться съ рѣчью. Въ теченіе цѣлаго дня, отъ разсвѣта до вечера, онъ изла-

галь предъ ними свое личное свидѣтельство и приводилъ доводы изъ св. писанія. Что бесѣда его не прошла безслѣдно, это видно изъ самой ея продолжительности; но все таки лишь немногіе убѣдились, а всѣ другіе остались при своемъ невѣріи. Бесѣда къ концу приобрѣла даже нѣсколько бурный характеръ, и прежде ея окончанія ап. Павелъ обратился къ невѣрующимъ съ рѣчью, напоминающего его прежнюю энергическую пылкость, причѣмъ онъ приложилъ къ нимъ мѣсто изъ пророка Исаи, нѣкогда приводившееся и Спасителемъ, именно, что они не узрятъ и не услышатъ, ибо не *хотятъ* ни видѣть, ни слышать, и что ихъ слѣпота и глухота есть карающее слѣдствіе огрубѣнія сердецъ ихъ. И затѣмъ оно сурово предостерегало ихъ, что спасеніе Божіе теперь посылалось язычникамъ, и что они услышатъ предлагаемое имъ благовѣстіе ²⁰²³.

Съ этихъ поръ ап. Павелъ пошелъ своей собственной дорогой, не дѣлая никакихъ дальнѣйшихъ сношеній съ своими упорными соотечественниками. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ онъ оставался въ Римѣ закованнымъ узникомъ, но жилъ на своемъ собственномъ иждивеніи ²⁰²⁴, ободряемый посѣщеніями своихъ наиболѣе преданныхъ и возлюбленнѣйшихъ соратниковъ. Тихій и набожный Тимофей навѣрно служилъ ему въ качествѣ писца и, конечно, оказывалъ ему чисто сыновнюю любовь (Фил. і, 1; и, 19 сл.; Кол. і, 1; Филим. 1); высокообразованный Лука былъ его исторіографомъ и врачомъ (Кол. iv, 14, Фил. 14); Аристархъ такъ неотступно ухаживалъ за нимъ, что получилъ названіе его союзника (Кол. iv, 10; Фил. 24); Тихикъ приносилъ ему извѣстія изъ Ефеса (Еф. vi, 21; Кол. iv, 7); Епафродитъ ободрялъ его сердце приношеніями, показывавшими благородную привязанность къ нему церкви Филиппійской (Фил. ii, 25; iv, 18); Епафрасъ приходилъ къ нему совѣтоваться касательно ересей, начинавшихъ закрадываться въ церкви Лаодикии, Иераполя и Колоссъ (Кол. і, 7, iv, 12); Маркъ, любезный апостолу какъ племянникъ Варнавы, болѣе чѣмъ вознаграждалъ за прежнюю нетвердость своимъ теперешнимъ постоянствомъ (Кол. iv, 10; Фил. 24; 2 Тим. iv, 11), и Димасъ еще не поколебалъ того добраго мнѣнія, которымъ онъ пользовался на первыхъ порахъ (Кол. iv, 14; Фил. 24 2; Тим. iv, 10). Время отъ времени какой-нибудь интересный случай изъ его служенія, вродѣ посѣщенія и обращенія Онисима, облегчалъ скучное однообразіе его узничества (Кол. iv, 9; Фил. 10). Да и вообще время заключенія не проводилось безслѣдно, какъ это отчасти было въ Кесаріи. Въ теченіе всего этого періода апостолъ продолжалъ проповѣдывать царствіе Божіе, открыто уча о Господѣ Иисусѣ Христѣ «невозбранно».

Этимъ вѣскимъ словомъ *ἀνεκκάλως* заканчивается повѣствованіе книги Дѣяній Апостольскихъ. Изъ посланій, написанныхъ въ узакъ, мы узнаемъ, что несмотря на свою скованность въ одной комнатѣ апостолъ своимъ изустнымъ ученіемъ приобрѣлъ многихъ обращенцевъ, изъ которыхъ иные по крайней мѣрѣ были люди вліятельные, и такъ какъ воины одинъ за другимъ приковывались къ нему, то

не только его узы, но и его благовѣстіе стали извѣстны всей преторіанской гвардіи. Кромѣ того Богъ обратилъ это двухлѣтнее тюремное заключеніе ап. Павла и ко благу всего міра. Два тюремныхъ заключенія вдали отъ книгъ, вдали отъ всякой возможности публичной проповѣди, каждое продолжавшееся въ теченіе двухлѣтняго періода и раздѣленные между собою лишь ужаснѣйшимъ кораблекрушеніемъ — какимъ печальнымъ бѣдствіемъ были бы они для большинства людей! И однако же во время перваго изъ этихъ тюремныхъ заключеній, даже помимо всего другаго, мы видимъ, что мысли ап. Павла все болѣе и болѣе созрѣвали какбы въ безмолвномъ возрастаніи; а во время этого втораго тюремнаго заключенія онъ написалъ посланія, которыя дали ему возможность оказывать на весь міръ гораздо болѣе сильное вліяніе въ пользу церкви Христовой, чѣмъ если бы онъ все это время посвятилъ бесѣдамъ въ синагогахъ и миссіонерскимъ путешествіямъ по всѣмъ странамъ земли.

Гладиаторы
(съ скульптурнаго изображенія въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XLV.

ПРЕБЫВАНІЕ АП. ПАВЛА ВЪ РИМѢ.

Городъ этотъ—какъ вселенная въ сокращеніи.
Аэниагоръ.
Fumus et opes strepitumque Romae.
Горацій.

РИБЫТІЕ ап. Павла въ Римѣ во многихъ отношеніяхъ было поворотнымъ пунктомъ въ его апостольской дѣятельности, и такъ какъ онъ трудился тамъ столь долгое время, то важно и интересно изслѣдовать то состояніе вещей, съ которымъ ему пришлось сталкиваться во время его долгаго пребыванія тамъ.

Самаго города онъ вѣроятно мало или вовсе не видѣлъ до самаго освобожденія, кромѣ, разумѣется, тѣхъ летучихъ видовъ, которые представились ему по пути къ мѣсту заключенія. Хотя его друзьямъ и былъ свободный доступъ къ нему, но самому ему не позволялось посѣщать ихъ, и притомъ скованный іудейскій узникъ не могъ свободно ходить по городу съ своимъ караульнымъ воиномъ. Тѣмъ не менѣе, по пути

къ преторіанскимъ казармамъ онъ долженъ былъ отчасти видѣть узкія и кривыя улицы, равно какъ и большія открытыя площади древняго Рима; видѣлъ сколько-нибудь блескъ общественныхъ зданій и убожество бѣднѣйшихъ кварталовъ, какъ и вообще поражающій контрастъ между показною роскошью неистощимаго богатства и жалкимъ ниществомъ хроническаго пауперизма²⁰²⁵). И въ теченіе своего пребыванія въ столицѣ міра онъ навѣрно часто видѣлъ или слышалъ о томъ, какимъ опасностямъ отовсюду подвергались тамъ густыя массы человѣческихъ существъ²⁰²⁶), о томъ, какъ люди подвергались искалѣченію отъ неуклюжихъ саггисае, громающихъ по улицамъ съ массой огромныхъ камней или брусевъ, какъ рушились дома, не выдерживавшіе на своихъ непрочныхъ основаніяхъ вздымавшіеся на нихъ этажи надъ этажами; какъ женщины и дѣти задавливались потокомъ празднаго люда, стремившагося присутствовать при ужасающей кровавой бойнѣ въ амфитеатрѣ; слышалъ о насиліяхъ ночныхъ разбойниковъ, о непреодолимой ярости частыхъ пожаровъ²⁰²⁷). Само собой понятно, что ему не позволили бы искать себѣ помѣщенія въ іудейскомъ кварталѣ за Тибромъ, такъ какъ ему необходимо было сообразоваться съ удобствами смѣны воиновъ, на обязанности которыхъ было стеречь его. Возможно, правда, что онъ могъ помѣщаться гдѣ-нибудь по близости казармъ, но кажется болѣе вѣроятнымъ, что помѣщавшіеся тамъ преторіанцы были слишкомъ обременены караулами во дворцѣ, чтобы имъ оставался досугъ для содержанія подъ стражей неограниченнаго числа отдѣльныхъ узниковъ. Поэтому мы заключаемъ, что помѣщеніе ап. Павла находилось гдѣ-нибудь въ ближайшихъ предѣлахъ самихъ преторіанскихъ казармъ. Среди заключенныхъ тамъ узниковъ онъ могъ видѣть іудейскихъ священниковъ, которые были отправлены въ Римъ Феликсомъ и которые заслужили отъ своего народа высокое одобреніе за воздержаніе, наложенное ими на себя въ рѣшимости не осквернить себя никакимъ видомъ нечистой пищи²⁰²⁸). Здѣсь также онъ могъ видѣть Карадока, британскаго принца, геройское сопротивленіе и простое благородство котораго вызывали похвалу даже у его римскихъ враговъ²⁰²⁹). То обстоятельство, что апостолъ находился не въ тѣсныхъ городскихъ предѣлахъ, давало ему возможность съ меньшей платой достать лучшее помѣщеніе, тѣмъ какой-нибудь душный чердакъ, которые, по выразительному описанію Ювенала, были въ одно и то же время и до разорительности дороги и до безобразія неудобны. Имѣя въ виду его положеніе въ качествѣ узника, нужно допустить, что жизнь его не была особенно тяжела. Если ему и приходилось страдать отъ тяжелыхъ огорченій, то въ то же время онъ могъ и благодарить Бога за разныя счастливыя облегченія его доли. Правда, ему приходилось болѣть душой при видѣ долгаго неосуществленія его надеждъ и испытывать огорченія отъ тяжелыхъ проволочекъ судебной процедуры. Разборъ его дѣла отложенъ быть на неопредѣленное время—быть можетъ вслѣдствіе потери во время кораблекрушенія сдѣланнаго о немъ Фестомъ *elogium*'а, вслѣдствіе неявки его обвинителей, вслѣдствіе затягиванія

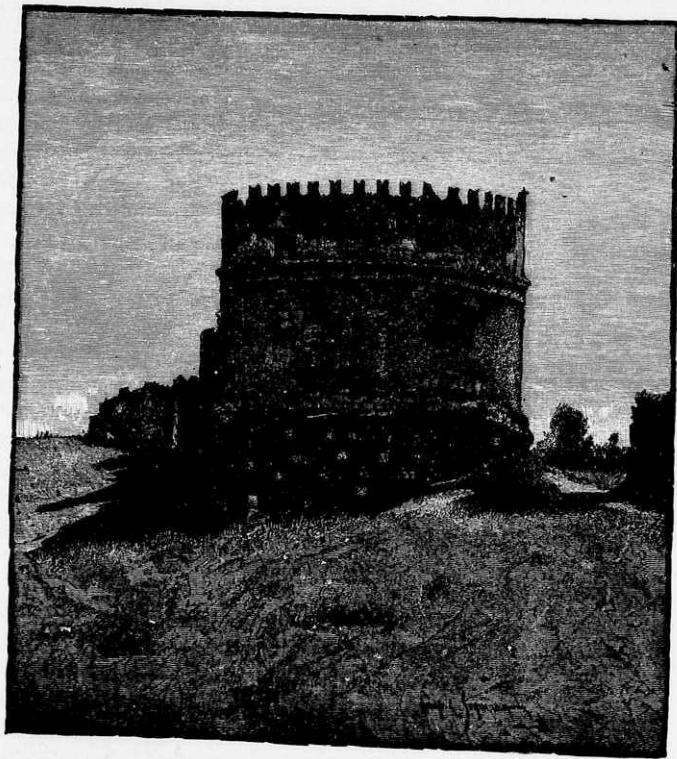
ими дѣла съ цѣлью выиграть время для того, чтобы достать необходимыхъ свидѣтелей, или, быть можетъ, вслѣдствіе легкомысленной и безчеловѣчной безпечности того жалкаго юноши, который въ то время былъ императоромъ міра. Онъ былъ опечаленъ отверженіемъ его ученія со стороны его нейтрующихъ соотечественниковъ, а также враждебностью и подозрительностью іудействующихъ христіанъ. Онъ не могъ не чувствовать унынія при видѣ того, какъ иные проповѣдывали Христа съ низкими и злобными цѣлями увеличить тяжесть его узъ (Фил. 1, 16). Сердце его должно было иногда обливаться кровью при видѣ выростанія тонкихъ ересей въ младенчествующей церкви ²⁰³⁰). Но, съ другой стороны, теперь онъ былъ по крайней мѣрѣ свободенъ отъ опасностей и тревоженій минувшихъ двадцати лѣтъ; и въ то же время онъ былъ лишенъ возможности, а слѣдовательно и избавленъ отъ тяжелой необходимости непрерывнымъ трудомъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ. И затѣмъ, если имъ пренебрегали іудеи и іудействующие, то зато благосклонно относились многіе язычники; если его благовѣстіе и искажалось недостойными проповѣдниками, то всетаки Христосъ проповѣдывался; если его узы были тяжки, то всетаки они вдохновляли другихъ ревностью и мужествомъ; если одинъ видъ дѣятельности по волѣ Божіей прекратился, зато другіе все еще были открыты ему, и укрѣпляя отдаленныя церкви своими посланіями и посланниками, онъ въ то же время все шире распространялъ благовѣстіе Божіе въ императорскомъ Римѣ. Онъ лишь съ малыми успѣхами проповѣдывалъ въ Афинахъ, которыя были по преимуществу сѣдалищемъ челоѣческаго разума; но онъ ежедневно пожиналъ плоды своихъ трудовъ въ столицѣ имперіи, — въ городѣ, который вырвалъ скипетръ изъ рукъ своего старшаго брата, — въ столицѣ того народа, который былъ представителемъ закона, порядка и величія міра.

Чтобы многіе изъ знатныхъ классовъ обращались къ его ученію, это едва ли вѣроятно, равно какъ нѣтъ ни капли истины въ томъ преданіи, поддерживавшемся подложными письмами, будто философъ Сенека былъ однимъ изъ его друзей и велъ съ нимъ переписку. Мы видѣли, что Галліонъ съ надменностью игнорировалъ даже самое его существованіе; а Сенека какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, несомнѣнно раздѣлялъ чувства своего брата. Въ своихъ обширныхъ сочиненіяхъ онъ едва намекаетъ на христіанъ, и даже въ этихъ случаяхъ говорить совершенно тѣмъ же языкомъ, который употребляли на много лѣтъ позднѣе и слѣдовательно съ гораздо меньшею извинительностью даже такіе просвѣщенные умы какъ Плиній, Тацитъ, Эпиктетъ и Маркъ Аврелій. Ничего не можетъ быть менѣе сроднаго съ внутреннимъ духомъ христіанства, чѣмъ пышное и пустое высокомеріе этого дилеттантскаго стоицизма, который Сенека проповѣдывалъ въ каждомъ своемъ письмѣ и трактатѣ и который онъ ниспровергалъ всѣмъ тономъ своей жизни. Правда, онъ умѣлъ постигнуть нѣкоторыя великія нравственныя начала, которымъ онъ и давалъ краснорѣчивое выраженіе; но они принадлежали духу того вѣка, когда христіанство носилось

въ воздухъ и когда возвышеннѣйшія натуры, измученныя омерзительностью или пресыщеніемъ всеобщаго порока, находили убожище въ коллективныхъ мысляхъ мудрецовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Сомнительно, чтобы Сенека когда либо могъ слышать о христіанахъ что нибудь больше простаго ихъ имени; объ іудеяхъ онъ говоритъ только съ неискоренимымъ презрѣніемъ. Заурядная жизнь богатаго и знатнаго римлянина во время ап. Павла была слишкомъ подѣлена между отвратительнымъ страхомъ и невыразимымъ распутствомъ, чтобы ее помимо почти чудеснаго озаренія можно было тронуть добромъ.

Положеніе низшихъ классовъ дѣлало ихъ болѣе способными къ воспріятію облагораживающаго вліянія вѣры Христовой. Правда, что они жили также среди всевозможныхъ мерзостей растлѣнія. Но для нихъ порокъ представлялся во всей своей наготѣ и возмутительной гнусности, и у нихъ не было богатства для прикрытія его мерзостей внѣшней позолотой. Жизнь и ея искушенія представлялись въ совершенно иномъ видѣ для господина, который могъ свободно располагать душами и тѣлами тысячи безпомощной челяди, и для жалкаго раба, который былъ жертвою его капризовъ и тиранніи. Какъ и во всякомъ городѣ, гдѣ рабы далеко превосходили своею численностью свободное населеніе, ихъ приходилось поддерживать въ подчиненіи законами ужасающей жестокости. Неудивительно, что обращаясь съ письмомъ къ церкви, столь многіе члены которой находились въ этомъ печальномъ состояніи, ап. Павелъ считалъ необходимымъ внушать имъ долгъ послушанія и почтенія къ предержащимъ властямъ (Рим. хпч, хіѳ). Въ домѣ богатаго римлянина были рабы всякаго званія, всякой народности и всякаго образованія, и считались не десятками, а сотнями. Господинъ могъ убить или замучить своего раба безнаказанно; но если кто нибудь изъ нихъ, доведенный невыносимою несправедливостью до запальчиваго мщенія, осмѣливался поднять руку противъ своего владѣтеля, то всѣ члены его familia, съ ихъ женами и дѣтьми, какъ бы онѣ ни были невинны, предавались смерти ²⁰³¹). Римская дама великолѣпно выглядѣла на пиру, но предъ этимъ она заклеивала раскаленнымъ желѣзомъ злополучную дѣвушку-рабыню, которая невѣрно сдѣлала ей локоть ²⁰³²). Триклиніи пира блистали драгоценностями и муринами чашами; но если рабъ случайно ронялъ какую нибудь хрустальную вазу, то его могли тотчасъ же бросить въ пищу рыбамъ въ увеселительномъ пруду его господина. Сенаторъ и всадникъ, благодушно развалившись на мягкихъ подушкахъ въ амфитеатрѣ, съ наслажденіемъ смотрѣли на отчаянную борьбу гладиаторовъ; но для гладиатора это значило выносить всю омерзительную дикость lanista и принимать страшную клятву, что онъ «какъ истый гладиаторъ» позволяетъ себя вязать, жечь, бить или убивать — по желанію его собственника ²⁰³³). Въ Римѣ, конечно, было много и добрыхъ господъ; но система рабства была сама по себѣ безнадежно развращенной, и мы не можемъ удивляться, а можемъ только радоваться, что начиная съ дома кесаря и ниже въ этомъ состояніи было много такихъ,

которые находили въ христіанскомъ ученіи свѣтъ и миръ небесный. Какъ ни была низка ихъ земная доля, они такимъ образомъ получали столь надежную и утѣшительную вѣру, что въ самыхъ катакомбахъ они окружали мрачные памятники смерти эмблемами мира и красоты и въ своихъ причудливыхъ, безграмотныхъ надписяхъ выражали сіяющее блаженство и безграничную надежду.

Гробница Цециліи Метеллы въ Римѣ.

Отъ римской аристократіи такимъ образомъ ап. Павлу нечего было ожидать, равно какъ нечего и бояться; вся жизнь этихъ классовъ — физическая, нравственная и умственная — шла совершенно по чуждому для него пути. Среди народныхъ массъ главнымъ образомъ онъ могъ рассчитывать на обращеніе изъ язычества, а отъ іудеевъ съ одной стороны и отъ императора съ другой ему

приходилось лишь наиболѣе опасаться за себя. Первый страшный ударъ, направленный на церковь среди язычниковъ, былъ нанесенъ императоромъ, и рука императора, какъ вѣроятно, направлялась тайнымъ коварствомъ іудеевъ. Этого удара — взрыва Неронова гоненія — ап. Павелъ правда избѣгъ на время, благодаря промыслу, освободившему его изъ тюремнаго заключенія какъ разъ передъ великимъ пожаромъ Рима; но такъ какъ онъ избѣгъ его только на время и такъ какъ оно обрушилось на многихъ, кого онъ поучалъ и любилъ, то мы и укажемъ эти двѣ главные силы антихриста въ императорской столицѣ.

I. Іудеи начали приобрѣтать значеніе въ Римѣ, какъ мы видѣли, со времени Помпея²⁰³⁴). Юлій Цезарь, какъ сообщаетъ Филонъ, питалъ нескрываемое удивленіе къ той мужественной независимости, съ которой они держались вдали отъ идолопоклонническаго раболѣпства, охватившаго все выродившееся римское общество, и позволилъ имъ селиться на большомъ участкѣ за Тибромъ и ежегодно отправлять депутаціи и храмовую подать въ свой святой городъ. Съ этого времени они стали постоянной мишенью полупрезрительнаго и полутревожнаго остроумія и негодованія римскихъ писателей. Отведенный имъ участокъ, по своей близости къ пристанямъ, гдѣ обыкновенно разгружались барки изъ Остіи, былъ чрезвычайно удобенъ для той мелочной торговли, которою они главнымъ образомъ занимались²⁰³⁵). Они увеличивались въ численности почти съ невѣроятною быстротою. Особые корзины съ клочками сѣна, бывшія ихъ неразлучною принадлежностью и предназначенныя для предохраненія ихъ отъ опасности вкушенія нечистой пищи, были известны повсюду. Марціалъ описываетъ, какъ іудейскіе разносчики своимъ завываньемъ прерывали его утренній сонъ, а Ювеналъ жалуется на тѣ способы, которыми ихъ женщины, подобно цыганкамъ, пробирались въ будuary богатыхъ и глупыхъ римскихъ дамъ для истолкованія ихъ сновъ²⁰³⁶). Иные изъ нихъ, съ тонкою изворотливостью, сдѣлавшею бы честь самимъ грекамъ, вторгались во всякій домъ и принимались за всякое дѣло, съ полнѣйшимъ безстыдствомъ погружались въ языческіе пороки и дѣлались полезными орудіями богатаго разврата и беззащитными довѣренными «золотой молодежи»²⁰³⁷). Нѣкоторые дѣлались фаворитами при дворѣ и приобрѣтали номинальных прозелитовъ изъ знатныхъ дамъ, которыя подобно Понпеевѣ обладали всѣмъ кромѣ добродѣтели²⁰³⁸). Но каково бы ни было ихъ положеніе, они одинаково были ненавидимы массою населенія. Если они измѣняли своей религіи, ихъ поносили какъ вѣроотступниковъ; если они оставались вѣрны ей, то ихъ субботы, ихъ обрѣзаніе и ихъ отвращеніе къ свиньѣ, ихъ формы клятвы, ихъ иллюминаціи и торжественныя празднества подвергались злобнымъ издѣвательствамъ²⁰³⁹), какъ признаки отвратительнѣйшаго суевѣрія. Если римлянинъ видѣлъ группу іудейскихъ нищихъ, то онъ съ омерзеніемъ отворачивался отъ нихъ; замѣтивъ статую какого нибудь іудейскаго царя или Алабарха, онъ съ негодованіемъ проходилъ мимо нея,

видя въ ней доказательство развращенности вѣка. Богатый или бѣдный, иродіанскій князь, или жалкій продавецъ спичекъ—іудей для латинскихъ расъ былъ предметомъ отвращенія и презрѣнія. Къ нимъ относились съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ гражданинъ Санъ-Франциско относится къ китайскому переселенцу, какъ вторженцу, конкуренція котораго опасна, — какъ къ чужеземцу, обычаи котораго омерзительны. И не смотря на это, іудеи страшно заставляли чувствовать свое присутствіе. Римъ, столь терпѣливый и равнодушный въ своихъ собственныхъ религиозныхъ вѣрованіяхъ, иногда былъ поражаемъ изумленіемъ при яростной буйности ихъ внутреннихъ споровъ. Цицеронъ, за сто двадцать лѣтъ до этого періода, гордился своею смѣлостью при защитѣ Флакка противъ ихъ обвиненій, хотя былъ вынужденъ говорить свою рѣчь пониженнымъ тономъ въ голосъ, изъ опасенія возбудить мятежъ среди тысячъ іудеевъ, осаждавшихъ судъ съ цѣлю изобличенія своего врага. Здравомыслящіе квиниты съ изумленіемъ слушали ихъ дикіе вопли вокругъ погребальной колесницы ихъ покровителя Юлія Цезаря²⁰⁴⁰). Даже поэты и сатирики показываютъ, что тѣ, которые, увлекаемые суевѣріемъ, усвоивали нѣкоторые изъ ихъ обычаевъ, далеко не были малочисленны по количеству, или незначительны по положенію²⁰⁴¹).

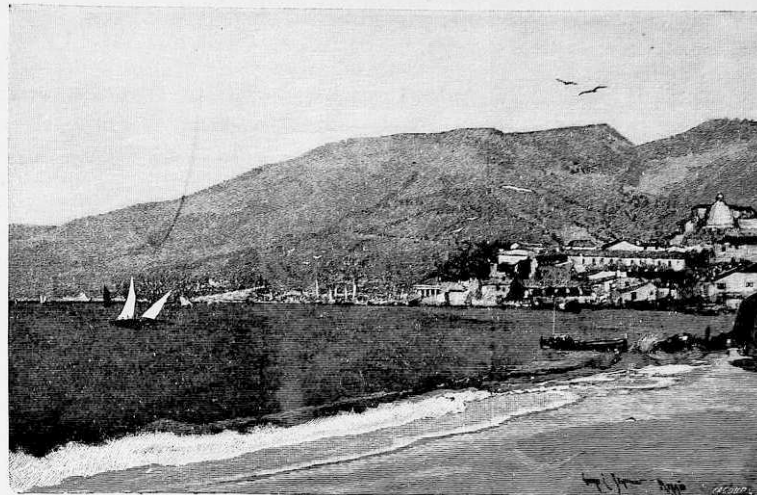
При императорѣ Августѣ ихъ положеніе въ сущности не измѣнилось. Тиверій, считая ихъ опаснымъ элементомъ въ населеніи, пытался задерживать увеличеніе ихъ численности безпощадными военными наборами и высылками. Кай, съ другой стороны, при всей грубости своего отношенія къ самымъ почтеннымъ ихъ посланникамъ, настолько былъ привязанъ къ старшему Агриппѣ, что уважалъ ихъ религиозныя и политическія права. Положеніе иродіанскихъ князей при дворѣ давало имъ достаточную возможность покровительствовать іудеямъ въ теченіе большей части царствованія Клавдія. Въ царствованіе Нерона и, слѣдовательно, въ самое время тюремнаго заключенія ап. Павла, они втайнѣ пользовались могущественнымъ покровительствомъ, такъ какъ Понпея никогда не задумывалась заступаться за нихъ и отдала даже приказаніе, чтобы послѣ ея смерти тѣло ея, согласно съ іудейскимъ обычаемъ, было погребено, а не сожжено.

II. Если ап. Павлу немного можно было ожидать отъ іудейской общины въ Римѣ, то еще меньше у него было основанія полагаться на справедливость, милосердіе или даже простую внимательность кесаря, съ аппеляціей къ которому онъ обратился по своему дѣлу. Первые три кесаря были истинные государственные люди и умные правители. Для Кая смягчающимъ обстоятельствомъ могло служить природное упомянутое выше. Клавдій освобождался отъ презрѣнія извѣстною долею образованія и природнаго благодушія. Но Неронъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ хуже всѣхъ своихъ предшественниковъ. При безнадежной порочности, неисцѣлимой легкомысленности, при отсутствіи всякаго образованія, кромѣ смѣшной или жалкой выложенности, его самолюбіе настолько воспалось отъ неограниченнаго самовластия, что не было такого преступленія, къ которому бы

онъ не былъ способенъ, не было такой низости, къ которой бы онъ не готовъ былъ снизойти. Человѣчество никогда еще не вручало императорскаго самовластия болѣе презрѣнному члену своего рода. Это былъ балаганный актеръ, надѣленный безотвѣтственной властью. Во всякой благородной душѣ онъ возбуждалъ ужасъ, облегчавшійся лишь презрѣніемъ. Первые пять лѣтъ его царствованія, то «золотое quinquennium», которое считалось идеаломъ счастливаго управленія—были простой иллюзіей²⁰⁴²). Внѣшній успѣхъ и благополучіе этихъ лѣтъ зависѣли исключительно отъ мудрыхъ совѣтовъ Бурра и Сенеки, такъ какъ Неронъ, которому было только семнадцать лѣтъ, когда его отчимъ Клавдій былъ отравленъ его матерью Агриппиной,—былъ слишкомъ невѣжественъ, безпеченъ или преданъ личнымъ удовольствіямъ, чтобы оспаривать ихъ. Но въ отношеніи его личнаго поведенія и поведенія Агриппины даже и эти пять лѣтъ ознаменовались страшными жестокостями и низостями, худшія изъ которыхъ и передать невозможно. Самый первый его годъ ознаменовался не только открытою неблагодарностью къ его друзьямъ, но также умерщвленіемъ Юнія Силана и отравленіемъ юнаго сына Клавдія Британника, четырнадцатилѣтняго мальчика, у котораго онъ похитилъ престолъ. Второй годъ ознаменовался безобразными подвигами ночнаго маскированного мародерства среди мирныхъ подданныхъ. Затѣмъ онъ, пройдя всю бездну порока и преступленія, дошелъ до убійства своей матери, публичной игры въ театрѣ²⁰⁴³), бѣгства изъ одного мѣста въ другое подъ ужасающимъ гонительствомъ мучимой совѣсти, и наконецъ, когда онъ нашель, что даже и такихъ преступленій было недостаточно для того, чтобы омерзить раболѣпство или поколебать преданность своего народа, онъ предался самому отвратительному распутству. Это послѣднее обстоятельство дало ему смѣлость сбросить всякую тѣнь внѣшняго контроля. Вскорѣ послѣ прибытія ап. Павла Бурръ умеръ—не безъ подозрѣнія, что онъ былъ отравленъ своимъ царственнымъ властелиномъ. Неронъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы лишить Сенеку его высокаго положенія. Чтобы занять освободившуюся со смертію Бурра вакансію, онъ возвратился къ прежнему порядку и назначилъ двухъ преторіанскихъ префектовъ. Это были Феній Руфъ, человѣкъ безъ всякаго личнаго значенія, но пользовавшійся популярностью ради своего благодушнаго характера²⁰⁴⁴), и Софоній Тигеллинъ, одинъ изъ худшихъ людей того худшаго вѣка. Тигеллинъ былъ милъ Нерону по необычайной жестокости и порочности своей натуры, и практически ему была ввѣрена вся власть²⁰⁴⁵). Ссылка и затѣмъ умерщвленіе жены Нерона Октавіи, несчастной дочери Клавдія, совершились въ томъ самомъ году, когда ап. Павелъ прибылъ въ Римъ.

Таковы то были обстоятельства, о которыхъ ап. Павлу быть можетъ приходилось слышать по секрету отъ содержавшихъ надъ нимъ караулъ преторіанцевъ; и если его положеніе стало болѣе тяжелымъ съ возвышеніемъ такого негодяя, какъ Тигеллинъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ также сознавать, что его надежды на будущее еще болѣе омрачились съ паденіемъ Сенеки, и особенно

вслѣдствіе того, что теперь тираннія гнуснаго матерубійцы, передъ судилищемъ котораго ему надлежало скоро предстать, сдѣлалась совѣтъ необузданною. Но если мрачныя опасенія касательно исхода предстоящаго суда чередовались съ мимолетной надеждой, то всетаки ни естественный страхъ, ни земныя надежды нисколько не нарушали тихой безмятежности его души. Онъ спокойно продолжалъ исполнять свой долгъ, насколько это возможно было для него въ состояніи узничества, а обо всемъ остальномъ онъ зналъ, что жизнь его въ рукахъ Божіей, и что ожидала ли его жизнь или смерть — все было его, какъ настоящее, такъ и будущее, а самъ онъ Христовъ, а Христосъ Божій. Какъ на сценѣ бурной общественности, такъ и въ уединенности своего печальнаго заключенія его жизнь одинаково была сокрыта со Христомъ въ Богѣ.

Реджіо (древній Періумъ или Ригія).

ГЛАВА XLVI.

ПОСЛАНІЯ, НАПИСАННЫЯ ВЪ УЗАХЪ.

Павелъ—ученикъ Іисуса Христа.

Филип. 1.

СТОРОНУ перваго тюремнаго заключенія ап. Павла, равно какъ и занимавшія его тогда мысли, можно извлечь только изъ посланій, написанныхъ въ узахъ. Существующія посланія ап. Павла естественно распадаются на четыре связанныхъ между собою группы, «отдѣленные одна отъ другой какъ хронологическими промежутками, такъ и внутренними особенностями». Это именно, во-первыхъ, посланія втораго миссіонерскаго путешествія (1 и 2 Фесс.); во-вторыхъ, посланія третьяго миссіонерскаго путешествія (1 и 2 Кор., Галат., Рим.); въ-третьихъ, посланія во время перваго тюремнаго заключенія (Филип., Колос., Филим., Ефес.) и наконецъ посланія втораго тюремнаго заключенія (1 и 2 Тим., Тит.). Изъ этихъ группъ первую составляютъ посланія эсхатологическія (1 и 2 Фесс.); вторую—посланія, имѣющія противоудейскій по-

мическій характеръ (1 и 2 Кор., Галат., Рим.); третью—послания противъ зарождающагося гностицизма (Колос., Ефес.) и четвертую—пастырскія послания (1 и 2 Тим., Тит.). Послания къ Филиппійцамъ и къ Филимону во многихъ отношеніяхъ стоятъ отдѣльно отъ той группы, къ которой они относятся.

1. Первые послания, къ Фессалоникійцамъ, самыя простыя по своему содержанию и изложенію и занимаются главнымъ образомъ (какъ мы видѣли) вопросомъ о второмъ пришествіи Христа. Они написаны были около 52 г. по Рокд. Хр.

2. Слѣдующая большая группа посланій можетъ быть названа въ одномъ отношеніи полемическими письмами, направленными противъ іудеевъ. Эта группа содержитъ два посланія къ Коринѳянамъ, которыя показываютъ методъ ап. Павла въ разсмотрѣніи вопросовъ ученія и дисциплины въ безпокойной, умственно дѣятельной и отчасти недовольной церкви, и посланія къ Галатамъ и Римлянамъ. Они были написаны между 57 и 58 годами по Рокд. Хр., въ періодъ, отличавшійся особенной бурностью и напряженіемъ въ жизни апостола, физическимъ страданіемъ и умственнымъ безпокойствомъ, слѣды которыхъ глубоко напечатѣлись на самомъ слогѣ посланій.

Изъ нихъ посланія къ Коринѳянамъ по преимуществу занимаются личнымъ вопросомъ касательно апостольства Павла. Его іудейско-христіанскіе противники находили гораздо легче подрывать его авторитетъ, чѣмъ опровергать его доводы. Поэтому для него сдѣлалось долгомъ и необходимою доказывать даже свое право въ качествѣ учителя, имѣющаго равный авторитетъ съ верховнѣйшими изъ двѣнадцати апостоловъ.

Послания къ Галатамъ и Римлянамъ содержатъ защиту его главнаго положенія въ отношеніи закона, опредѣленіе отношеній между христіанствомъ и іудействомъ, и изложеніе и доказательство Евангелія, ввѣреннаго ему особымъ откровеніемъ. Изъ нихъ послѣднее имѣетъ болѣе спокойный, полный и болѣе примирительный тонъ и служить лучшимъ комментариемъ для перваго.

Посланіе къ Филиппійцамъ беретъ свой главный мотивъ въ совершенно отличномъ порядкѣ идей. Въ немъ мы только слышимъ замирающіе отголоски великой борьбы, и если одинъ взрывъ сильнаго негодованія противъ противниковъ (II, 3—6, 18) напоминаетъ намъ о пылкости посланія къ Галатамъ, то съ другой стороны здѣсь апостолъ подавляетъ въ себѣ естественное чувство глубокаго личнаго оскорбленія и даже произноситъ выраженіе радости, что эти самыя противники, каковы бы ни были ихъ побужденія, все еще остаются проповѣдниками Евангелія Христова (I, 14—20).

3. Слѣдующія два посланія—послания къ Колоссянамъ и Ефесиянамъ—отмѣчаютъ собою возникновеніе новаго фазиса заблужденія. Они составляютъ полеміку съ зарождающимся гностицизмомъ. Отсюда также они являются главнымъ образомъ какъ посланія христологическія и церковныя, посланія христіанской догматики, посланія вселенской церкви. Идея и организація церкви Христовой

должна была стать оплотомъ противъ всякой ереси, и ученіе Христа было единственной охраной противъ вторженія заблужденія. Главная мысль въ посланіи къ Колоссянамъ есть Христость, господствующій надъ всѣмъ; главная мысль въ посланіи къ Ефесиянамъ есть вселенская церковь во Христѣ.

Посланіе къ Филимону, нѣчто въ родѣ прибавленія къ посланію къ Колоссянамъ, стоитъ отдѣльно, какъ письмо, адресованное единственно къ личному другу, хотя оно заключаетъ въ себѣ изложеніе одного общаго безсмертнаго начала.

4. Въ послѣдней группѣ находятся три пастырскихъ посланія, содержащихъ, какъ и должно было ожидать, доказательства того, что въ то время съ одной стороны развивалась гностическая тенденція, а съ другой — церковная организація. Во второмъ посланіи къ Тимоѳею мы имѣемъ послѣднія слова и мысли великаго апостола предъ его мученичествомъ²⁰⁴⁶⁾.

Если пойти дальше и попытаться сдѣлать краткую характеристику каждого посланія въ отдѣльности, то можно сказать, что первое посланіе къ Фессалоникійцамъ есть посланіе утѣшенія въ надеждѣ на возвращеніе Христа, и второе трактуетъ о непосредственныхъ препятствіяхъ къ этому возвращенію и о нашихъ обязанностяхъ по отношенію къ нему. Первое посланіе къ Коринѳянамъ есть рѣшеніе практическихъ задачъ въ свѣтѣ вѣчныхъ началъ; второе посланіе къ нимъ есть горячая защита его подвергавшагося сомнѣнію апостольскаго авторитета, его *apologia pro vita sua*. Посланіе къ Галатамъ есть манифестъ свободы отъ рабства закону; посланіе къ Римлянамъ есть трактатъ объ оправданіи вѣрою; посланіе къ Филиппійцамъ есть урокъ христіанской благодарности и христіанской радости въ скорби; посланіе къ Колоссянамъ есть посланіе Христа, вселенскаго Господа; посланіе къ Ефесиянамъ, столь богатое и многостороннее, есть посланіе о «небесномъ», посланіе благодати, посланіе вознесенія съ вознесшимся Христомъ, посланіе Христа въ Его единой и вселенской церкви; посланіе къ Филимону есть великая хартія освобожденія; первое посланіе къ Тимоѳею и посланіе къ Титу суть руководства для христіанскаго пастыря; второе посланіе къ Тимоѳею есть послѣднее завѣщаніе христіанина передъ смертью²⁰⁴⁷⁾.

Ап. Павелъ несомнѣнно писалъ и другія посланія кромѣ этихъ; но какъ бы ни былъ великъ для насъ богословскій и психологическій интересъ даже самыхъ незначительныхъ его писаній, мы можемъ быть вполне увѣрены, что тѣ посланія, которыя мы имѣемъ теперь, были сохраниены для насъ особымъ providentemъ Божиимъ и составляютъ самое драгоценное и самое важное изъ всего, что написалъ онъ.

Что четыре посланія, которыя мы теперь будемъ изслѣдовать, были написаны въ Римѣ, а не въ Кесаріи, какъ воображали нѣкоторые критики, можно считать безусловно достовернымъ. Хотя Римъ и не упоминается ни въ одномъ изъ нихъ, однако факты, на которые они указываютъ, и намеки, которыми они изобилуютъ, совершенно согласуются съ древнимъ и единогласнымъ преданіемъ, что они напи-

саны были во время его римскаго заключенія ²⁰⁴⁸⁾, менѣе всего въ тоже время согласуясь съ новою и фантастическою гипотезою, что они были посланы изъ Кесаріи ²⁰⁴⁹⁾. Если бы для этого преданія требовалось какое либо особое подтвержденіе, то, насколько дѣло касается посланія къ Филиппійцамъ, его можно пайти въ привѣтствіи, которое ап. Павелъ посылаетъ отъ обращенцевъ «изъ Кесарева дома». Что касается другихъ трехъ посланій, то достаточно сказать, что внутреннія данныя рѣшительно доказываютъ, что всѣ они три были написаны въ одно и тоже время, равно какъ и отправлены были съ тѣми же самыми посыльными, и что между тѣмъ какъ во время своего заключенія въ Кесаріи ап. Павелъ выражалъ желаніе посѣтить Римъ (Дѣян. xix, 21; xxiii, 11), тутъ, во время писанія этихъ посланій, онъ уже желалъ посѣтить, во-первыхъ, Македонію, а затѣмъ Колоссы (Филип. ii, 24; Филим. 22). Мало того, намеки въ этихъ посланіяхъ указываютъ, что не смотря на то, что онъ былъ узникомъ, онъ всетаки былъ способенъ оказывать сильное вліяніе въ дѣлѣ распространенія Евангелія въ имѣвшемъ величайшее значеніе городѣ (Ефес. vi, 19, 20; Колос. iv, 3, 4). Мейеръ, правда, съ тою черезчуръ критическою остроумностью, которая, подобно неумѣренному честолюбію, такъ часто переходитъ всякія границы и перескакиваетъ чрезъ здравый смыслъ,—доказываетъ, что Онисимъ скорѣй могъ бѣжать изъ Колоссъ въ Кесарію, чѣмъ въ Римъ; но объ этомъ доводѣ мы можемъ только сказать, что Кесарія—простая прокураторская резиденція, наполненная іудеями—менѣе всего могла быть тѣмъ городомъ, который естественно могъ бы представиться въ качествѣ убѣжища для бѣжавшаго азіатскаго раба. Мейеръ съ такою же основательностью могъ бы доказывать, что лондонскій карманникъ вѣроятно могъ бы скрыться въ Біаррицѣ, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ. Другіе его доводы, основанные на томъ, что имя Онисима не упоминается въ посланіи къ Ефесянамъ, и на случайномъ выраженіи «вы также» въ этомъ посланіи, слишкомъ незначительны чтобы подвергать ихъ серьезному обсужденію.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ, въ какомъ порядкѣ написаны были эти посланія? и первое впечатлѣніе, что посланіе къ Филиппійцамъ повидимому было писано при приближеніи судебнаго рѣшенія его дѣла, принималось какъ достаточное доказательство того, что оно было написано послѣ другихъ трехъ. Съ другой стороны тоже самое ожиданіе приближавшагося освобожденія находится и въ посланіи къ Филимону, такъ что на этомъ обстоятельстве нельзя построить никакихъ заключеній. Мнѣніе, что это посланіе выдаетъ слѣды болѣе глубокаго унынія, чѣмъ другія, и что это можетъ быть объяснено перемѣной, происшедшей въ его положеніи вслѣдствіе вліянія Тигеллина и Поппеи, отчасти не подтверждается дѣйствительностью, такъ какъ основной нотой посланія является духъ святой радости; и отчасти несообразно само по себѣ, такъ какъ если и дѣйствовали противъ него враждебныя вліянія, то вѣдь они дѣйствовали такъ же при началѣ тюремнаго заключенія ап. Павла въ Римѣ, какъ и въ концѣ его ²⁰⁵⁰⁾.

Правда, что письмо это не могло быть написано въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ заключенія въ Римѣ, такъ какъ нужно допустить извѣстное время для того, чтобы извѣстіе о прибытіи ап. Павла могло достигнуть филиппійцевъ; для отправленія Енафродита съ ихъ приношеніями; для его болѣзни въ Римѣ; для прибытія извѣстія касательно этого въ Филиппы и для возвращенія ихъ выраженій скорби и сочувствія ²⁰⁵¹⁾. Путешествіе изъ Рима въ Филиппы—на разстояніи 1220 верстъ—при обычныхъ обстоятельствахъ заняло бы около мѣсяца. Но такъ какъ мы не предполагаемъ, чтобы какое-либо изъ этихъ посланій было писано въ теченіе перваго года тюремнаго заключенія, то такимъ образомъ оказывается достаточное время для этихъ путешествій, и въ этомъ отношеніи не можетъ быть высказано никакого возраженія противъ подтверждаемаго преданіемъ первенства посланія къ Филиппійцамъ.

Еще менѣе можно ссылаться на отсутствіе привѣтствій отъ Луки и Аристарха или на намекъ на Тимофея, какъ представлявшаго единственное исключеніе изъ общаго себоялюбія, которое апостолъ съ сожалѣніемъ замѣчалъ въ окружающихъ его лицахъ. *Присутствіе* извѣстныхъ именъ въ привѣтствіяхъ того или другаго посланія можетъ доставлять вѣроятное или даже положительное доказательство для опредѣленія времени его написанія, но *отсутствіе* ихъ есть указаніе крайне неопредѣленнаго свойства. Достаточно самаго зауряднаго ежедневнаго опыта для того, чтобы доказать крайнюю ошибочность «аргумента изъ молчанія», и мы знаемъ слишкомъ мало о непрестанныхъ миссіяхъ и движеніяхъ изъ церкви въ церковь, съ континента на континентъ, о спутникахъ ап. Павла, чтобы имѣть возможность на основаніи неупоминанія имени дѣлать то или другое заключеніе о нихъ. Такъ какъ поэтому нѣтъ достаточныхъ основаній противъ того, чтобы считать посланіе къ Филиппійцамъ самымъ раннимъ изъ четырехъ посланій, написанныхъ въ узѣхъ—хотя оно могло быть написано только нѣсколькими мѣсяцами раньше другихъ трехъ,—то полное значеніе должно быть придано внутреннимъ доказательствамъ, которые вполнѣ благоприятствуютъ этому предположенію. Эти внутреннія данныя состоятъ въ общемъ сходствѣ этого посланія съ посланіями прежней группы,—особенно съ посланіемъ къ Римлянамъ, — которое даетъ намъ возможность смотрѣть на него какъ на непосредственное звено между посланіями изъ узъ и посланіями третьяго апостольскаго путешествія ²⁰⁵²⁾. Съ посланіемъ къ Римлянамъ оно имѣетъ много близкихъ параллелей въ мысли и языкѣ, между тѣмъ, какъ общій тонъ его и духъ, сравнительное спокойствіе, духовная радость, дышащая свѣтымъ самоотреченіемъ, отсутствіе пылкихъ доводовъ и стремительной аргументаціи, указываютъ на его родство съ тѣми тремя, которыя непосредственно слѣдовали за нимъ. Хотя прошло не болѣе четырехъ лѣтъ съ того времени, какъ Павелъ—свободный человѣкъ и дѣятельный апостолъ—выработалъ въ Коринѣ великій аргументъ, съ которымъ онъ обращался къ язычникамъ и прозелитамъ, составлявшимъ главную массу въ церкви Рима, его полемика съ іудей-

ством до нѣкоторой степени отступила на задній планъ. Всѣ основанныя имъ церкви теперь вполне знакомы были съ его воззрѣніями касательно тѣхъ вопросовъ, которые служили предметомъ спора между защитниками іудейской строгости и евангельской свободы. Въ посланіи къ Филиппійцамъ не было надобности останавливаться на этихъ спорахъ, такъ какъ какія бы опасности ни угрожали имъ—опасности достаточно серьезныя, чтобы вызвать одинъ энергическій взрывъ, напоминающій намъ о болѣе раннемъ тонѣ апостола,—до сего времени они однако же доказали свою вѣрность его ученію и до сихъ поръ ихъ совѣсть не была возмущена никакимъ вмѣшательствомъ пришельцевъ изъ Иерусалима. Іудействующіе могли достаточно слышать о преданности филиппійцевъ ап. Павлу, чтобы понять неразумность преслѣдованія его по стопамъ въ христіанскихъ церквяхъ Македоніи. Они могли представить эту роль тѣмъ необращеннымъ іудеямъ, которые никогда не задумались бы въ пользу своихъ воззрѣній пустить въ дѣло преслѣдованія всякаго рода. Такимъ образомъ ап. Павлу не было надобности входить въ разсмотрѣніе вопросовъ, которымъ такъ недавно онъ посвящалъ всѣ свои силы, и въ посланіи къ Филиппійцамъ мы видимъ только замирающіе отголоски этой борьбы. Тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, въ его чувствительной душѣ извѣстныя струны продолжали долго трепетать и послѣ того, какъ по нимъ былъ произведенъ ударъ плектромъ извѣстнаго чувства. Ему вспомнилось о бывшихъ преніяхъ, о холодности и пренебреженіи общины, въ которой нѣкоторые «проповѣдывали Христа даже по любопренію, думая увеличить тяжесть его узъ». Если же онъ и останавливается на разсмотрѣніи догматическихъ вопросовъ въ посланіи, переполненномъ любящими привѣтствіями общинъ, которая была наиболѣе дорогою его сердцу, то естественно это были тѣ вопросы, которые болѣе всего занимали его мысли. Въ то время, когда онъ садился диктовать посланіе къ Колоссянамъ, на него обрушился новый рядъ испытаній. Его религиозныя думы были обращены въ совершенно иномъ направленіи вслѣдствіе посѣщенія его Епафрасомъ Колосскимъ. Онъ получилъ извѣстіе о новыхъ заблужденіяхъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, съ которыми онъ уже боролся, и церкви проконсульской Азіи очевидно нуждались въ томъ, чтобы его ученіе направилось на тѣ вопросы, которые совершенно не входили въ предметъ полемики послѣднихъ восьми лѣтъ. Съ другой стороны мы считаемъ психологически достовернымъ то, что если бы посланіе къ Филиппійцамъ было написано, какъ думаютъ многіе критики, послѣ посланій къ Ефессянамъ и Колоссянамъ, то оно не могло бы не отражать на себѣ нѣкоторыхъ слѣдовъ полемики съ тою смѣшанною философіею—тою іудейскою формою зарождающагося гностицизма, съ которой ему такъ недавно приходилось имѣть дѣло. Эти соображенія, какъ намъ кажется, и рѣшили истинный порядокъ посланій, написанныхъ въ узлахъ, и придаютъ единственную важность вопросу, который иначе имѣлъ бы мало значенія.

Посланіе къ Филиппійцамъ ²⁰⁵³⁾ возникло прямо вслѣдствіе одного изъ тѣхъ

немногихъ счастливыхъ случаевъ, которые разнообразили скучную неувѣренность заключенія ап. Павла. Это было посѣщеніе Епафродита, главнаго пресвитера церкви филиппійской, съ четвертымъ денежнымъ приношеніемъ, которыми эта любящая и великодушная церковь облегчала его въ нуждѣ. Въ Римѣ ап. Павелъ не имѣлъ возможности своими скованными руками зарабатывать себѣ пропитаніе, и очень возможно, что онъ не могъ бы найти сбыта для произведеній своего ремесла. Можно бы думать, что члены римской церкви были достаточно многочисленны и достаточно богаты для того, чтобы имѣть возможность легко удовлетворять его нужды; но непонятное равнодушіе, съ которымъ они повидимому относились къ нему, и на которое онъ жалуется какъ во время этого, такъ и послѣдняго своего тюремнаго заключенія, показываетъ, что многого нельзя было ожидать отъ ихъ любви, что стояло въ такомъ странномъ противорѣчій съ ревностнымъ почтеніемъ, съ которымъ они вышли за шестьдесятъ или семьдесятъ верстъ встрѣчать и привѣтствовать его. Возможно конечно и то, что они имѣли желаніе помочь ему, но онъ самъ отклонялъ эту помощь, къ которой онъ вообще относился съ крайнею осторожностью. Но филиппійцы знали и цѣнили то благо, которымъ они, и быть можетъ они только, обязаны были своему отцу во Христѣ, чтобы пользоваться особой привилегіею въ оказаніи пособія ему въ нуждѣ. По всей имперіи было въ обычаѣ облегчать тяжкую судьбу узниковъ дружескими приношеніями ²⁰⁵⁴⁾; и мы можемъ быть увѣрены, что когда филип-

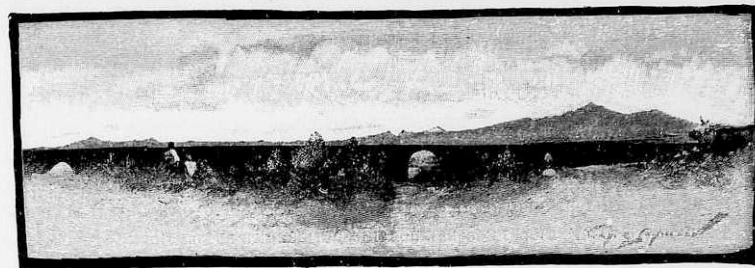
Арка Друза въ Римѣ.

пийцы слышали о его положеніи, то друзья его, въ родѣ Лидіи и другихъ обращенцевъ, располагавшихъ извѣстными средствами, воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ для облегченія его участи. Епафродитъ прибылъ около осенняго времени и, сердечно отдавшись на служеніе Евангелію, — которое въ такомъ городѣ, какъ Римъ, навѣрно требовало величайшей энергіи отъ всякаго труженика, — былъ подавленъ тяжкимъ трудомъ въ это нездоровое время и подвергся опасной и почти роковой болѣзни. Извѣстіе объ этой болѣзни дошло до Филиппъ и возбудило большую тревогу въ церкви (Филип. II, 26). При всѣхъ своихъ цѣлительныхъ дарахъ, апостолы повидимому не считали себя вправѣ пользоваться ими въ своемъ непосредственномъ кругу или въ цѣляхъ личныхъ удобствъ. Кромѣ тѣхъ ежедневныхъ чудесъ, которыя происходили изъ пламенныхъ молитвъ, чудесъ совершалось немного²⁰⁵⁵). Самъ ап. Павелъ долженъ былъ выносить множество испытаній, и смерть «его брата Епафродита», какъ онъ нѣжно называетъ его, повергла бы его въ еще болѣе глубокую скорбь. Мы не можемъ сомнѣваться, что онъ молился Богу о жизни своего болящаго друга и Богъ помиловалъ его. Епафродитъ выздоровѣлъ; и какъ бы ни былъ радъ ап. Павелъ, при своемъ одинокомъ и грустномъ положеніи, имѣть его около себя, однако же онъ съ своимъ обычнымъ самоотверженіемъ уступилъ желанію Епафродита отправиться домой и желанію христіанъ филиппійскихъ опять видѣть своего отсутствующаго пастыря. Поэтому онъ послалъ его обратно, а съ нимъ и письмо съ выраженіемъ своей благодарности за ту постоянную любовь, которая такъ ободрительно вліяла на его душу.

Вотъ почему именно посланіе къ Филиппійцамъ наименѣ систематично, наименѣ специально по характеру изъ всѣхъ посланій ап. Павла. Но это именно и ставитъ подлинность письма выше всякаго разумнаго и конечно непридирчиваго сомнѣнія. Тюбингенская школа, въ своемъ раннемъ періодѣ, нападала на него съ обычными доводами своего легковѣрнаго скептицизма. У этихъ критиковъ если извѣстное посланіе касается пунктовъ, въ которыхъ оно согласно съ повѣствованіемъ Дѣяній, оно является измышленнымъ въ соотвѣтствіе съ нимъ; если оно повидимому разногласитъ съ нимъ, то это разногласіе показываетъ его подложность. Если извѣстное изреченіе носить на себѣ характеристическую особенность стиля ап. Павла, то оно выставляется какъ несомнѣнное подражаніе; если оно не имѣетъ этой особенности, то оно-де не могло выйти отъ этого апостола. Мнѣніе, что оно подложно, сочинено для того, чтобы ввести имя Климента, такъ какъ онъ былъ смѣшиваемъ съ Флавіемъ Климентомъ и такъ какъ Климентъ былъ сотрудникомъ ап. Петра, а это могло привести его въ связь съ ап. Павломъ, — и мнѣніе, что въ Филип. II, 6—8 слова «образъ» и «видъ» выражаютъ гностическія понятія и что стихи эти указываютъ на валентиніанскій Эон-Софію, стремившійся къ равенству съ Богомъ, — основаны отчасти на полномъ извращеніи текста и отчасти свидѣлствуютъ объ

извращенности критицизма, который напрягъ свое зрѣніе до такой степени, что потерялъ способность видѣть²⁰⁵⁶). Посланіе это подлинно и стоитъ выше всякой тѣни подозрѣнія или сомнѣнія. Филиппійская церковь была по преимуществу свободна отъ заблужденій въ ученіи и отъ безпорядковъ въ жизни. Никакой расколъ не раздѣлялъ ее, никакія ереси не подрывали вѣры въ ней, никакіе ложные учителя не колебали ея преданности апостолу. Одинъ только недостатокъ — и только одинъ — повидимому нуждался въ исправленіи, и онъ имѣлъ столь личный и ограниченный характеръ, что, вмѣсто обличенія его, ап. Павелъ считаетъ нужнымъ только мягко и съ любящею просьбою указать на него. Это именно недостатокъ единства между нѣкоторыми изъ ея женскихъ членовъ, особенно между Еводіей и Синтихией, которыхъ ап. Павелъ проситъ примириться другъ съ другомъ, и вражду которыхъ, а вмѣстѣ и возбуждавшійся ею партійный духъ, онъ молчаливо и осторожно укоряетъ постояннымъ повтореніемъ слова «всѣ» въ отношеніи тѣхъ, которыхъ онъ можетъ считать только однимъ нераздѣльнымъ тѣломъ. Въ дѣйствительности можно сказать, что разъединеніе и уныніе были главною угрожающею имъ опасностью; отсюда «всѣ» и «радуйтесь» — два господствующіхъ въ немъ слова и понятія. Но это отсутствіе всякой специальной цѣли дѣлаетъ это посланіе менѣ отличительнымъ въ ученіи, чѣмъ тѣ, которыя имѣютъ болѣе полемическій характеръ. Оно даже было бы безцвѣтно, если бы не получало нѣкоторой окраски отъ богатой индивидуальности писателя. Это не есть, подобно первому посланію къ Фессалоникийцамъ, утѣшеніе скорбящимъ, заключающееся въ напominаніи о близкомъ пришествіи Господа²⁰⁵⁷); и не есть рядъ отвѣтовъ на вопросы, подобно бѣльшей части перваго посланія къ Коринѣянамъ; оно не есть также грозное обличеніе могущественныхъ и нападающихъ на него противниковъ, какъ посланіе къ Галатамъ, не есть также и богословскій трактатъ, подобно посланію къ Римлянамъ; но представляетъ собою теплое, свободное изліяніе любящаго сердца, неудержимо выражающаго благодарность и нѣжность въ отношеніи къ возлюбленнѣйшимъ чадамъ его служенія. Если въ немъ излагается менѣ чѣмъ въ другихъ посланіяхъ ап. Павла сущность его ученія, то все-таки оно имѣетъ высокій интересъ для насъ потому, что оно болѣе показываетъ намъ его характеръ и чувства. Въ этомъ отношеніи оно нѣсколько походитъ на второе посланіе къ Коринѣянамъ, исключая того, что въ немъ ап. Павелъ пишетъ къ тѣмъ, которые были наиболѣе добры и наиболѣе преданы ему, между тѣмъ какъ въ отношеніи къ коринѣянамъ онъ имѣлъ мало причины для благодарности и много нужды въ снисхожденіи. Среди испытаній и тягостей мрачнаго заключенія, оно открываетъ намъ не прямо, но какъ бы несознательно существованіе неизсякаемой радости, какъ бы миръ въ утробѣ океана при всей бурной возбужденности его поверхности. Оно диктовано было изможденнымъ и скованнымъ іудеемъ, жертвой грубаго предубѣжденія и добычей самодовольной вражды; диктовано въ то время,

когда онъ раздражаемъ былъ сотнями противниковъ и утѣшаемъ лишь немногими, которые любили его; и однако же сущность его можетъ быть выражена въ двухъ словахъ *χαίρω, χαίρετε* (я радуюсь, радуйтесь вы). Если сравнить духъ знаменитѣйшихъ классическихъ писателей въ ихъ несчастіи съ тѣмъ, который былъ обыченъ въ гораздо болѣе глубокихъ тягостяхъ и болѣе ужасныхъ страданіяхъ ап. Павла, — если сравнить посланіе къ Филиппійцамъ съ «*Tristia*» Овидія, съ посланіями Цицерона изъ изгнанія или съ трактатомъ, который Сенека посвятилъ Полибію изъ своей ссылки въ Корсикѣ, то вполне станетъ очевидно та разниа, которую христіанство произвело въ счастіи человѣка.

Водопроводъ въ Каминани.

ГЛАВА XLVII.

ПОСЛАНІЕ КЪ ФИЛИППІЙЦАМЪ.

Радуюсь и сорадуюсь всѣмъ вамъ. И вы радуйтесь и сорадуйтесь мнѣ. Филип. II, 18.

НО начинается привѣтствіемъ отъ «Павла и Тимофея, рабовъ Иисуса Христа, всѣмъ святымъ во Христѣ Иисусѣ, находящимся въ Филиппахъ, съ епископами и діаконами». Тимофей естественно упоминается съ нимъ какъ лицо, трудившееся съ нимъ въ Филиппахъ. Но этимъ такъ мало указывается на какое-либо участіе его въ самомъ посланіи, что ап. Павелъ впоследствии говоритъ о немъ въ третьемъ лицѣ. «Епископамъ» (т. е. пресвитерамъ) и «діаконамъ» высказывается особенное привѣтствіе, быть можетъ потому, что они принимали дѣятельное участіе въ сборѣ приношенія. Онъ не называетъ себя апостоломъ, потому что для нихъ не было надобности въ подтвержденіи его авторитета²⁰⁵⁸).

Слѣдующее затѣмъ благодареніе отличается необычайною полнотою. Въ немъ говорится что онъ благодаритъ Бога при всякомъ воспоминаніи о нихъ, *всегда во всякой молитвѣ своей за всѣхъ ихъ съ радостью принося свою молитву за ихъ участіе въ благовѣствованіи* отъ перваго дня, когда онъ посѣтилъ ихъ — десять лѣтъ тому назадъ — доннынъ; и онъ увѣренъ въ томъ, что начавшій въ нихъ доброе дѣло будетъ совершать его даже до дня Иисуса Христа²⁰⁵⁹); каковое убѣжденіе возникаетъ изъ его искренняго сознанія, что *всѣ* они соучастники благодати, дарованной ему Богомъ, о чемъ они и засвидѣтельствовали своею сочувственною помощью въ его узахъ, при защитѣ и

утвержденіи благовѣствованія. Богъ — свидѣтель, какъ онъ любитъ всѣхъ ихъ любовію Іисуса Христа; и онъ молится о томъ, чтобы любовь ихъ еще болѣе и болѣе возрастала въ познаніи истины и въ прозорливости касательно ея приложенія, такъ чтобы они могли познавать все лучшее и высочайшее²⁰⁶⁰), быть чистыми предъ Богомъ и непорочными предъ людьми въ день Христовъ, исполнены плодовъ праведности Іисусомъ Христомъ, въ славу и похвалу Божію (1, 3—11).

Они не должны предполагать, говорить онъ имъ, что онъ апостолъ погибшаго дѣла, или что его тюремное заключеніе есть знакъ гнѣва Божія къ его дѣлу и что это дѣло близится къ уничтоженію; напротивъ, онъ желаетъ, чтобы они знали, что его бѣдствія направляются къ большому успѣху благовѣствованія. Само то обстоятельство, что онъ былъ сковываемъ цѣпями съ сторожившими его однимъ за другимъ воинами, изъ дня въ день и изъ ночи въ ночь, содѣйствовало увеличенію извѣстности его положенія, какъ узника ради Христа, среди всѣхъ преторскихъ когортъ²⁰⁶¹) и всѣхъ прочихъ; и большая часть изъ братьевъ въ Господѣ, ободрившись его узами, начали съ большею смѣлостью, безбоязненно проповѣдывать слово Божіе. Нѣкоторые изъ нихъ проповѣдуютъ Христа съ добрымъ расположеніемъ, но нѣкоторые, увы! рассказываютъ исторію Христа не искренно²⁰⁶²), просто по зависти и любопытствію. Первые вдохновляются любовью къ нему, зная, что онъ назначенъ для защиты Евангелія; послѣдніе возвыщаютъ Христа изъ привязанности къ худымъ побужденіямъ, думая увеличить тяжесть узъ его²⁰⁶³). Было время, когда ап. Павелъ могъ обличать ихъ тономъ пылающаго укора; но теперь онъ уже Павелъ узникъ, хотя еще и не Павелъ старецъ. Онъ болѣе и болѣе познавалъ, что гнѣвъ человѣческій, даже не въ святомъ дѣлѣ, не составляетъ правды Божіей; онъ поднялся и болѣе и болѣе поднимается выше всякихъ личныхъ соображеній. Что до того, если даже эти проповѣдники хотятъ только оскорбить его и еще болѣе отягчаютъ его узы? Въ концѣ концовъ «какъ бы ни проповѣдали Христа, притворно, или искренно, я и тому радуюсь», и какія бы гнѣвные чувства ни пытались подняться въ моемъ сердцѣ — «я буду радоваться»²⁰⁶⁴).

Такимъ образомъ ап. Павелъ прежде всего попираетъ змѣя всякой чистоты человѣческой досады, могущаго заползти въ его скорбное сердце, и поражаетъ его тѣмъ рѣшительнѣе, если змѣй этотъ пытается сдѣлать внятнымъ свое шипѣнье. Въ это время апостолъ достигъ полноты святаго самоотреченія.

«Ибо знаю, что это послужить мнѣ во спасеніе по вашей молитвѣ и содѣйствіемъ²⁰⁶⁵) Духа Іисуса Христа, при увѣренности²⁰⁶⁶) и надеждѣ моей, что я ни въ чемъ посрамленъ не буду: но при всякомъ дерзновеніи, и нынѣ, какъ и всегда — онъ хотѣлъ сказать: «я возвеличу Христа», но съ своею обычною чувствительностью, устранившись отъ всякаго самовозношенія, онъ поставляетъ третье лицо²⁰⁶⁷) и говоритъ: «возвеличится Христосъ въ тѣлѣ моемъ, жизнию ли то или смертію. Ибо для меня жизнь — Христосъ, и смерть — приобрѣтеніе²⁰⁶⁸)». Если же жизнь во плоти доставляетъ плодъ моему дѣлу, то не знаю, что избрать. Вле-

четъ меня то и другое; имѣю желаніе разрѣшиться²⁰⁶⁹) и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше²⁰⁷⁰); а оставаться во плоти нужнѣе для васъ. И я вѣрно знаю, что останусь и пребуду²⁰⁷¹) со всѣми вами, для вашего успѣха и радости въ вѣрѣ, дабы похвала ваша во Христѣ Іисусѣ умножилась чрезъ меня, при моемъ вторичномъ къ вамъ пришествіи»²⁰⁷²).

Только во всякомъ случаѣ онъ проситъ ихъ жить достойно не только римскихъ, но и христіанскихъ гражданъ²⁰⁷³), чтобы онъ, прійдя ли самъ и видя ихъ состояніе, или только слыша о немъ издали, могъ узнать, что они твердо стоятъ въ единомъ духѣ съ единымъ сердцемъ, подвизаясь за вѣру евангельскую и не страшась ни въ чемъ противниковъ, — что для этихъ противниковъ было бы предназначеною погибели, а для нихъ спасенія, и это отъ самого Бога, потому что имъ дано ради Христа не только вѣровать въ Него, но и страдать за Него, какъ участникамъ подвига, какой они видѣли въ ап. Павлѣ, когда онъ былъ среди нихъ, и какимъ, какъ они слышали, онъ былъ занятъ и теперь (1, 27—30).

И это приводитъ его къ одной изъ главныхъ цѣлей его посланія, которая состояла въ сдѣлывающей важной просьбѣ къ нимъ:

«Итакъ если есть какое утѣшеніе во Христѣ, если есть какая отрада любви, если есть какое общеніе духа, если есть какое милосердіе и сострадательность²⁰⁷⁴): то дополните мою радость, имѣйте однѣ мысли, имѣйте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны. Ничего не дѣлайте по любопытствію, или по тщеславію, но по смиренномудрію²⁰⁷⁵) почитайте одинъ другаго высшимъ себя. Не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другихъ²⁰⁷⁶). Ибо въ васъ должны быть тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ. Онъ будучи образомъ (εἰκὼν) Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ²⁰⁷⁷) быть равнымъ Богу; но уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ²⁰⁷⁸), и по виду (εἰδὼς) ставъ какъ человѣкъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной».

Слова эти составляютъ высшій пунктъ посланія; стараясь внушить филиппійцамъ примѣръ смиренія и несебялюбія, какъ единственно возможныхъ основъ единства, онъ излагаетъ предъ ними божественное самоуничиженіе, которое постепенно снизошло до самой бездны униженія. Онъ говоритъ имъ о предвѣчномъ обладаніи Христомъ свойствами Бога; объ отреченіи Имъ отъ всякаго права на это равенство; о добровольномъ отверженіи всякой славы; о принятіи Имъ свойствъ раба и о томъ, что во всей своей внѣшности Онъ сталъ человѣкомъ; о послушаніи Его Отцу даже до смерти, и не просто смерти, но (и это трепетомъ поражаело сердца тѣхъ, которые обладали правомъ римскаго гражданства и были поэтомъ изъятъ отъ возможности столь ужаснаго униженія) смерти чрезъ распятіе.

Таковы степени самоуничиженія Христа! Однако же это самоуничиженіе приобрѣло Ему безконечную награду, потому что «посему и Богъ превознесъ Его, и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось

всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдалъ²⁰⁷⁹), что Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца» (II, 9—11).

Можно ли было дать имъ болѣе сильное побужденіе? Въ своемъ отсутствіи, какъ и въ своемъ присутствіи, онъ увѣщаетъ ихъ быть послушными и совершать свое спасеніе со страхомъ и трепетомъ, потому что Богъ производитъ въ нихъ и хотѣніе и дѣйствіе, по Своему благоволенію²⁰⁸⁰). Пусть же они оставятъ всякій ропотъ и всѣ раздоры, бывшіе главнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы они могли стать неукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными среди строптивого и развращеннаго рода, въ которомъ они сіяютъ, какъ свѣтила въ мірѣ²⁰⁸¹), содержа слово жизни, къ похвалѣ его въ день Христовъ, что онъ не тщетно подвизался и не тщетно трудился. «Но если я и содѣлываюсь жертвою за жертву и служеніе вѣры вашей²⁰⁸²), то радуюсь и сорадуюсь всѣмъ вамъ. О семъ самомъ и вы радуйтесь и сорадуйтесь мнѣ»²⁰⁸³).

Быть можетъ однако же онъ никогда не придетъ къ нимъ: «надѣюсь же въ Господѣ Иисусѣ скорѣ послать къ вамъ Тимофея, дабы и я, узнавъ о вашихъ обстоятельствахъ, утѣшился духомъ. Ибо, съ печалію прибавляеть онъ, я не имѣю никого равно усерднаго, кто бы столь искренно заботился о васъ: потому что всѣ ищутъ своего, а не того, что угодно Иисусу Христу. А его вѣрность вамъ извѣстна, потому что онъ, какъ сынъ отцу, служилъ мнѣ въ благоувѣствованіи. Итакъ я надѣюсь послать его сейчасъ же²⁰⁸⁴), какъ скоро узнаю, что будетъ со мною. Я увѣренъ въ Господѣ, что и самъ скоро прииду къ вамъ. Впрочемъ я почелъ нужнымъ послать къ вамъ Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего (2 Тим. II, 3; Филим. 2), а вашего посланника и служителя въ нуждѣ моей; потому что онъ сильно желалъ видѣть всѣхъ васъ, и тяжело скорбѣлъ о томъ, что до васъ дошелъ слухъ о его болѣзни. Ибо онъ былъ боленъ при смерти; но Богъ помиловалъ его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мнѣ печаль къ печали. Посему я скорѣ послалъ его, чтобы вы, увидѣвъ его снова, возрадовались, и я былъ менѣе печаленъ. Примите же его въ Господѣ со всякою радостію, и такихъ имѣйте въ уваженіи. Ибо онъ за дѣло Христово былъ близокъ къ смерти, подвергая опасности жизнь²⁰⁸⁵), дабы восполнить недостатокъ вашихъ услугъ мнѣ (II, 19—30). Впрочемъ, братія мои, радуйтесь о Господѣ²⁰⁸⁶)). Писать вамъ о томъ же для меня не тягостно, а для васъ назидательно» (III, 1).

Тутъ наступилъ внезапный перерывъ²⁰⁸⁷). Апостолъ очевидно намѣревался въ этомъ пунктѣ закончить письмо и заключить его повтореніемъ уже часто повторявшагося увѣщанія (въ чемъ онъ отчасти какъ бы извиняется) къ большому миру и единству ихъ между собою²⁰⁸⁸). Вполнѣ возможно, что эти послѣднія слова могли бы, какъ въ первомъ посланіи къ Фессалоникийцамъ, получить значительную распространенность (1 Фесс. IV, 1). Но здѣсь случилось нѣчто такое, что нарушило послѣдовательность въ мысляхъ апостола. Когда онъ снова приступилъ къ диктовкѣ, онъ сдѣлалъ отступленіе, въ которомъ виднѣтъ гораздо

болѣе суровый и взволнованный тонъ, чѣмъ въ остальной части его посланія, и онъ возвращается къ прерванной нити своего прежняго предмета только уже во 2 стихѣ IV главы, гдѣ, вмѣсто всякаго общаго увѣщанія, онъ дѣлаетъ прямое личное обращеніе.

Что касается причины перерыва, то мы не можемъ даже и предположить ее. Она могла состоять просто въ перемѣнѣ воина, стоявшаго на стражѣ; но въ условіяхъ жизни, которая, не смотря на заключеніе, была однако же полна занятій, многія обстоятельства могли причинять небольшія задержки, прежде чѣмъ могло быть все готово и переписчикъ могъ опять занять свое мѣсто. А между тѣмъ въ это время случилось нѣчто такое, что взволновало апостола и даже возмутило его до глубины души. Это нѣчто могло быть только столкновеніемъ въ той или другой формѣ съ іудействующими учителями. Что нибудь или поставило его въ прямое соприкосновеніе или довело до его свѣденія особенности ученія лжеапостоловъ того же

Монета города Тарса
(съ вазмилара въ Британскомъ музеѣ).

самаго рода, которыхъ онъ встрѣчалъ въ Коринѣ и о которыхъ слышалъ, въ церквахъ Галатіи. Еще разъ мысли и тонъ посланія къ Галатамъ истины и доводы посланія къ Римлянамъ въ бурномъ волненіи пронеслись по его душѣ; и съ взрывомъ негодованія, охватившаго его въ этотъ моментъ еще сильнѣе, чѣмъ когда либо прежде, онъ, приступивъ къ продолженію своего письма, диктуетъ Тимофею писать все еще неукротенной церкви такіа слова: «берегитесь псовъ²⁰⁸⁹), берегитесь злыхъ дѣлателей (сн. 2 Кор. XI, 13; Матѣ. XXII, 15), берегитесь обрѣзанія»²⁰⁹⁰)!

Слова эти чрезвычайно суровы. Апостолъ разумѣетъ: «они называютъ насъ псами, но они, а не мы, истинные псы; мы, а не они, истинно обрѣзанные; ихъ обрѣзаніе есть лишь порѣзаніе, простое уродство плоти; мы служимъ Духомъ Божиимъ²⁰⁹¹), мы величаемся во Христѣ Иисусѣ, а они лишь уповаютъ на плоть». И почему они выступаютъ съ соперничествомъ противъ него? Если только можно полагаться на внѣшнее, то онъ могъ въ этомъ отношеніи имѣть даже больше правъ, чѣмъ кто либо иной. Онъ былъ обрѣзанъ, когда ему было восемь дней отъ рожденія; онъ былъ израильтянинъ и притомъ одного изъ благороднѣйшихъ колѣнъ израильскихъ, не простой еллинствъ, а еврей и притомъ еврей изъ евреевъ²⁰⁹²); затѣмъ если перейти отъ вопроса о наслѣдственномъ и плотскомъ преимуществѣ къ личному, то въ отношеніи закона онъ былъ фарисей; что касается іудейской ревности, то онъ даже преслѣдовалъ церковь; что касается законной праведности, то онъ стоялъ выше всякаго упрека въ этомъ отношеніи. Все это въ одно время онъ считалъ величайшимъ приобрѣтеніемъ своей жизни, но теперь ради Христа онъ признаетъ все это потерей для себя.

«Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего. Для Него я отъ всего отказался²¹⁰³), и все почитаю за сорь²¹⁰⁴), чтобы приобрести Христа, и найтись въ Немъ не съ своею праведностью, которая отъ закона, но съ тою, которая чрезъ вѣру во Христа, съ праведностью отъ Бога по вѣрѣ²¹⁰⁵); чтобы познать Его, и силу воскресенія Его, и участіе въ страданіяхъ Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресенія (разумѣя не общее воскресеніе, но воскресеніе тѣхъ, которые во Христѣ) мертвыхъ»²¹⁰⁶).

И однакоже, какъ онъ продолжаетъ предостерегать ихъ, — хотя онъ самъ имѣлъ всѣ эти преимущества для упованія на вѣшность, хотя онъ отвергъ все это ради Христа, какъ простой соръ и ненужную ветошь, хотя все упованіе его теперь было на праведность Христа, а не на его собственную, — онъ всетаки былъ еще такъ далекъ отъ полной и высокоумной увѣренности своихъ враговъ, что не считалъ себя достигнувшимъ всей полноты награды или совершенства. «Говорю такъ не потому, чтобы я уже достигъ или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли и я, какъ достигъ меня Христосъ Иисусъ²¹⁰⁷). Братія, я не почитаю себя достигшимъ, а только забываю заднее, и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Иисусѣ».

Онъ подобенъ одному изъ тѣхъ пылкихъ всадниковъ, о которыхъ его стражники такъ часто говорили ему, когда они возвращались съ состязаній въ *circus maximus*, гдѣ они вмѣстѣ съ тысячами зрителей криками привѣтствовали своихъ любимыхъ наѣзтниковъ, которые наклонившись, съ распущенными удилами на своихъ бодрыхъ коняхъ, забывая все — всякія опасности, всякаго соперника, всѣ препятствія на своемъ пути, стремглавъ летѣли къ цѣли, у которой сидѣли судьи съ пальмовыми вѣнками, составлявшими призъ²¹⁰⁸).

«Итакъ, кто изъ насъ совершенъ, такъ долженъ мыслить; если же вы о чемъ иначе мыслите²¹⁰⁹), то и это Богъ вамъ откроетъ; впрочемъ до чего мы достигли, такъ и должны мыслить и по тому правилу жить»²¹¹⁰).

И въ качествѣ дальнѣйшаго предостереженія противъ всякой опасности злоупотребленія съ ихъ стороны ученіемъ о свободномъ дарѣ благодати въ беззаконной жизни, онъ прибавляетъ:

«Подражайте, братія, мнѣ, и смотрите на тѣхъ, которые поступаютъ по образу, какой имѣете въ насъ. Ибо многіе, о которыхъ я часто говорилъ вамъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ какъ враги креста Христова. Ихъ конецъ погибель, ихъ богъ чрево, и слава ихъ въ срамѣ; они мыслятъ о земномъ. Наше же жителство на небесахъ, откуда мы ожидаемъ и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, который униженное тѣло наше преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его²¹¹¹), силою, *которою* Онъ дѣйствуетъ и покоряетъ себѣ все. И такъ, братія мои возлюбленные и возжеланные, радость и вѣнецъ мой, стойте такъ въ Господѣ, возлюбленные» (III, 17—IV, 1).

Затѣмъ послѣ этого длиннаго отступленія, которое, начинаясь сильнымъ негодованіемъ, нисходитъ до патетическаго увѣщанія, онъ еще разъ обращается съ увѣщаніемъ къ единству, которымъ и намѣревался заключить посланіе. Онъ убѣждаетъ двухъ женщинъ Евودیю и Синтихію къ единству духа во Христѣ и съ любовью проситъ также Сизига²¹¹²), — изъ имени котораго (соузнникъ) онъ дѣлаетъ игру словъ, называя его истиннымъ сотрудникомъ, сотрудникомъ въ сердцѣ, какъ и въ имени²¹¹³), — помочь этимъ женщинамъ въ улаженіи ихъ взаимной распри, которая была тѣмъ болѣе печальна, что обѣ онѣ были достойными членами церкви, подвизались въ благоустроеніи вмѣстѣ съ нимъ, и съ Климентомъ и съ прочими сотрудниками, которыхъ имена въ книгѣ жизни²¹¹⁴).

«Радуйтесь всегда въ Господѣ, и еще говорю, радуйтесь. Кротость ваша да будетъ извѣстна всѣмъ челоуѣкамъ. Господь близко. Не заботьтесь ни о чемъ, но всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ открывайте свои желанія предъ Богомъ; и миръ Божій, который превыше всякаго ума, соблюдетъ сердца ваши и помышленія ваши во Христѣ Иисусѣ. Наконецъ, братія мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель²¹¹⁵) и похвала, о томъ помышляйте. Чему вы научились, что приняли, и слышали, и видѣли во мнѣ, то исполняйте; и Богъ мира будетъ съ вами» (IV, 4—9).

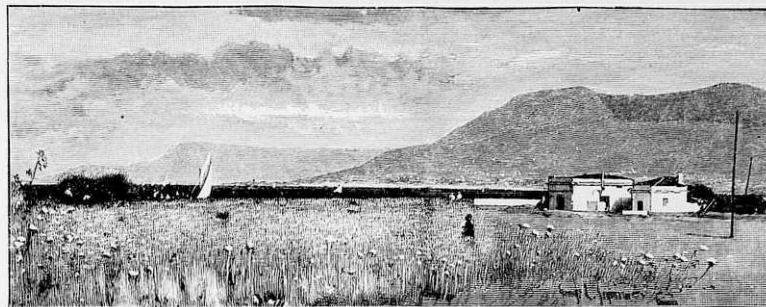
Затѣмъ слѣдуетъ теплое и однако же деликатное выраженіе его искренней благодарности имъ за денежное приношеніе, которымъ теперь уже въ четвертый разъ они, и только они, помогали ему въ нуждахъ, которыхъ теперь онъ не могъ удовлетворять своимъ собственнымъ трудомъ.

«Еще одно слово: я весьма возрадовался въ Господѣ, что вы уже вновь начали заботиться о мнѣ²¹¹⁶); вы и прежде заботились, но вамъ не благопріятствовали обстоятельства. Говорю это не потому, что нуждаюсь: ибо я научился быть довольнымъ тѣмъ, что у меня есть. Умѣю жить и въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи, научился всему и во всемъ, насыщаться и терпѣть голодъ, быть и въ обиліи, и въ недостаткѣ. Все могу въ укрѣпляющемъ меня Иисусѣ Христѣ. Впрочемъ вы хорошо поступили, принявъ участіе въ моей скорби. Вы знаете, филиппійцы, что въ началѣ благоустроенія, когда я вышелъ изъ Македоніи, ни одна церковь не оказала мнѣ участія подаваніемъ и принятіемъ, кромѣ васъ однихъ. Вы и въ Фессалонику и разъ и два присылали мнѣ на нужду. Говорю это не потому, чтобы я искалъ даянія; но ищю плода, умножающагося въ пользу вашу. Я получилъ все²¹¹⁷), и избыточествую; я доволенъ, получивъ отъ Епафродита посланное вами, какъ благовонное куреніе, жертву пріятную, благоугодную Богу (Быт. VIII, 21). Богъ мой да восполнитъ всякую нужду вашу, по богатству Своему въ славѣ, Христомъ Иисусомъ. Богу же и Отцу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь (IV, 10—20).

«Привѣтствуйте всякаго святаго во Христѣ Иисусѣ. Привѣтствуютъ васъ

находящиеся со мною братія. Привѣтствуютъ васъ всѣ святые, а наипаче ²¹⁰⁸⁾ изъ Кесарева дома ²¹⁰⁹⁾. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всѣми вами. Аминь».

Филиппійскую церковь не ожидала великая будущность. Полстолѣтія спустя св. Игнатій прошелъ чрезъ Филиппы съ своими «десятью леопардами» на своемъ пути къ мученичеству; и св. Поликарпъ писалъ этой церкви посланіе, которое, подобно посланію ап. Павла, наполнено похвалами. Кромѣ этого мы мало что слышимъ о ней впослѣдствіи. На мѣстѣ ея теперь стоитъ бѣдная деревня Филибиджекъ. Но, не смотря на свѣтлое обѣтованіе при ея рожденіи, «церковь Филиппійская по неизслѣдуемому совѣту Божію жила безъ исторіи и погибла, не оставивъ памятника» ²¹¹⁰⁾.

Мессинскій проливъ.

ГЛАВА XLVIII.

ГНОСТИЦИЗМЪ ВЪ ЗАРОДЫШѢ.

Посланъ людямъ не ангелъ или служитель,
а самъ Деміургъ вселенной.

Посл. къ Діогнету.

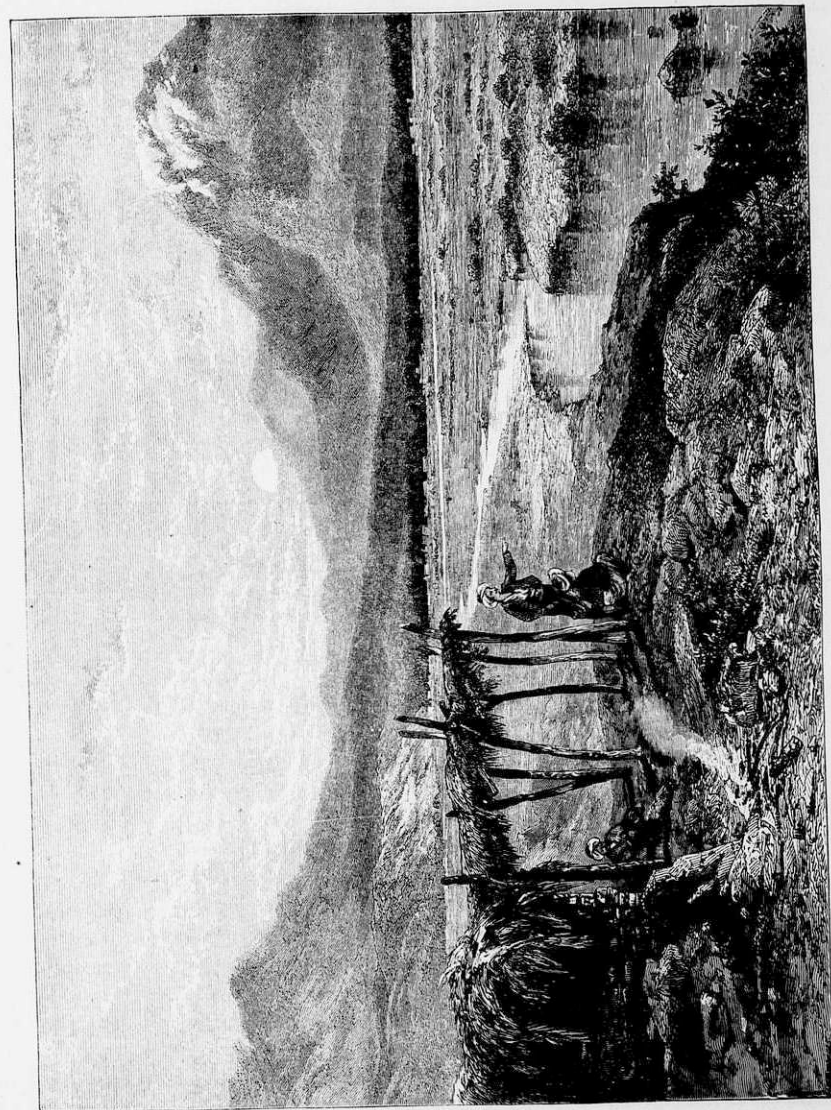
СТАЛЬНЫЯ три посланія изъ узъ были написаны на короткомъ разстояніи одно отъ другаго и отправлены были съ тѣми же посыльными. Тихикъ былъ посланъ съ посланіями къ Ефесянамъ и Колоссянамъ; Онисимъ, который естественно взялъ съ собою письмо къ Филимону, былъ посланъ въ одно и то же время съ нимъ, какъ это видно изъ упоминанія его имени въ посланіи къ Колоссянамъ. Въ обоихъ изъ этихъ послѣднихъ посланій есть также обращеніе и къ Архиппу.

Какое изъ этихъ посланій было написано первымъ, для рѣшенія этого нѣтъ ничего кромѣ внутреннихъ данныхъ. Посланіе къ Филимону было однако же просто частнымъ прибавленіемъ къ посланію къ Колоссянамъ, которое могло быть написано во всякое время. Письмо къ этой церкви должно было предшествовать окружному посланію, которое вообще извѣстно какъ посланіе къ Ефесянамъ. Основаніе для такого мнѣнія очевидно: посланіе къ Колоссянамъ было вызвано особенною нуждою, чего нельзя сказать о другомъ посланіи. Вслѣдствіе этого было бы въ точномъ психологическомъ согласіи съ особенностями душевнаго настроенія и стиля ап. Павла, если, написавъ письмо, вызванное особыми обстоятельствами и поведшее къ изложенію особыхъ истинъ,

онъ воспользовался случаемъ отправления его для того, чтобы послать и другое письмо, которое не имѣло такой непосредственной цѣли и на которомъ однако же могъ еще отзываться тонъ перваго посланія. Когда онъ исполнилъ свой непосредственный долгъ въ отношеніи церкви Колосской, то предметы, на которыхъ онъ останавливался въ посланіи къ соедѣнимъ церквамъ, естественно могли имѣть близкое сходство съ тѣми, которые только что предъ тѣмъ занимали его мысли. Даже помимо спеціальнаго назиданія, ап. Павелъ могъ находить желательнымъ предостеречь Ефесъ и прилегающія къ нему мѣста противъ опасности, которая чувствовалась на столь близкомъ разстояніи отъ нихъ; и поэтому было вполне естественно, что рѣчь его къ нимъ должна была отличаться тѣми именно особенностями, которыя отдѣляютъ посланіе къ Колоссянамъ отъ посланія къ Ефессянамъ. Первое имѣетъ специфическій, конкретный и полемическій характеръ; послѣднее—отвлеченный, дидактический и общій. Тѣ же самыя слова и выраженія преобладаютъ въ обоихъ; но сходство гораздо болѣе замѣтно и часто въ практическихъ наставленіяхъ, чѣмъ въ догматическомъ изложеніи. Въ посланіи къ Колоссянамъ апостолъ главнымъ образомъ занимается опроверженіемъ заблужденія; въ посланіи къ Ефессянамъ онъ весь поглощенъ восторженнымъ раскрытіемъ возвышенной истины. Главная тема посланія къ Колоссянамъ есть личность Христа; въ посланіи къ Ефессянамъ—жизнь Христа, проявляющаяся въ живучей энергіи Его церкви (Колос. ii, 19; Ефес. iv, 16). Въ первомъ Христосъ есть «полнота», синтезъ и цѣлостность всякаго свойства Божія; въ послѣднемъ идеальная церковь, какъ тѣло Христово, есть полнота, воспринимающая отъ всей полноты того, Который наполняетъ все всѣмъ²¹¹). Личность Христа есть господствующій пунктъ въ посланіи къ Колоссянамъ; тѣло Христа—церковь Христова—въ посланіи къ Ефессянамъ.

Подлинность этихъ двухъ посланій часто подвергалась сильному нападенію, и основанія для этого нападенія отнюдь не такъ фантастичны, какъ тѣ, въ виду которыхъ были отвергаемы другія посланія какъ подложныя. Подробно останавливаться на вѣщныхъ доказательствахъ не входитъ въ нашу задачу, и основанія, на которыхъ вѣщныя данныя повидимому рѣшительно склоняются въ ихъ пользу, даже при полномъ и самомъ добросовѣстномъ признаніи всѣхъ встрѣченныхъ затрудненій, лучше всего будутъ видны, когда мы рассмотримъ событія, изъ которыхъ они возникли и которыя придали имъ и съ достаточностью объясняютъ отличающія ихъ особенности.

Къ концу римскаго тюремнаго заключенія ап. Павла, когда приближеніе освобожденія казалось столь несомнѣннымъ, что онъ даже проситъ Филимона имѣть наготовѣ для него помѣщеніе, онъ былъ посѣщенъ Епафрасомъ изъ Колоссъ. Ему быть можетъ принадлежала высокая честь основанія церкви не только въ своемъ родномъ городѣ, но также въ Лаодикіи и Иераполѣ, которые лежатъ на разстояніи двадцати восьми верстъ одна отъ другаго въ долинѣ

Долина р. Месигра съ Иераполемъ въ отдаленіи.

рѣки Лика. Эта замѣчательная рѣка похожа на Аніонъ тѣмъ, что покрываетъ всю мѣстность, по которой она протекаетъ, известковыми отложениями; и въ нѣкоторыхъ частяхъ своего теченія, въ особенности близъ Колосся, она протекала подъ естественными мостами—изъ сверкающихъ бѣлизной известковыхъ глыбъ, наложенныхъ ея собственными водами, теченіе которыхъ часто видоизмѣнялось какъ вслѣдствіе этой особенности, такъ и вслѣдствіе ужасныхъ землетрясеній, которыми всегда была подвержена эта долина. Предъ путешественникомъ, слѣдовавшимъ по теченію Лика въ юго-восточномъ направленіи отъ долины Меандра, въ которую она течетъ, прежде всего открывался на полянѣ, высоко поднимающейся надъ ея сѣвернымъ берегомъ, большой и великолѣпный городъ Іераполь, знаменитый въ качествѣ родины того, кто въ Никополѣ «училъ Арріана, когда жестокій сынъ Веспасіана очистилъ Римъ отъ того, что было для него наибольшимъ позоромъ»²¹¹²), и славившійся также чудесными свойствами зловоннаго источника, испаренія котораго могли быть безопасно вдыхаемы только одними жрецами Цибелы. На десять верстъ дальше, на южномъ берегу рѣки, расположена была Лаодикія, людная и гордая метрополія «кивирійской юрисдикціи», которая одна изъ городовъ проконсульской Азіи была достаточно богата и независима, чтобы возстановить свои улицы и храмы на свои собственные средства, когда черезъ годъ послѣ того, какъ были написаны эти письма, она была разрушена землетрясеніемъ²¹¹³). Пройдя по долинѣ верстъ семнадцать дальше, путешественникъ до солнечнаго заката могъ достигнуть Колосся, города, который былъ наиболѣе древній изъ нихъ, но находился въ сравнительномъ упадкѣ и теперь былъ совершенно затѣненъ своими промышленными и честолюбивыми сосѣдями²¹¹⁴).

Эту замѣчательную долину и эти величественные города ап. Павелъ, странно сказать, никогда не посѣщалъ. Какъ ни широко распространялись по Азіи плоды его проповѣдничества въ Ефесѣ, его труды для Ефесской церкви были такъ непрерывны и неусыпны, что не давали ему досуга для болѣе широкихъ миссіонерскихъ предпріятій (Дѣян. хх, 31). И хотя въ этихъ городахъ было много иудеевъ, но божественное руководство при его прежнихъ трудахъ не привело его въ эту мѣстность. Правда, св. Лука неопредѣленно говоритъ, что во второмъ миссіонерскомъ путешествіи ап. Павелъ прошелъ чрезъ «Фригію и Галатійскую страну»²¹¹⁵), а въ неустойчивомъ этнологическомъ смыслѣ этого термина города Ликійской долины могли считаться принадлежащими къ Фригіи. Но выраженіе это повидимому скорѣе означаетъ, что путь его лежалъ по худо избраннымъ дорогамъ этихъ двухъ областей—дальше къ сѣверу и востоку отъ рѣки Лика. Въ его третьемъ путешествіи естественный путь отъ городовъ Галатіи въ Ефесъ шелъ по долинамъ рѣкъ Герма и Кайстера и къ сѣверу отъ горной цѣпи Мессогиса, отдѣляющей ихъ отъ Лика и Меандра. Изъ собственного выраженія ап. Павла кажется вѣроятнымъ, что церкви въ этихъ трехъ городахъ были основаны трудами Епафраса, и что онъ никогда «не видѣли лица его въ плоти» въ то время, когда онъ

писалъ эти посланія, хотя не невозможно, что впослѣдствіи онъ и посѣтилъ ихъ (Колос. i, 4, 6, 9; ii, 1).

И однако же, онъ не могъ не чувствовать глубочайшаго интереса къ ихъ благосостоянію, потому что если и не прямо, то косвенно онъ все-таки былъ осно-

Домъ въ Тарсѣ.

вателемъ ихъ.

Ефесъ, какъ мы видѣли, былъ центромъ торговли, культа и политической жизни страны; и среди тысячъ, какъ иудеевъ, такъ и грековъ, «почти по всей Азіи»

слышавшихъ его проповѣдь слова Господня (Дѣян. хix, 10—26), вѣроятно были и Филимонъ (Филим. 1, 2), его домочадецъ Архиппъ, Епафрасъ и Нимфанъ, которые были главными представителями Ликійскихъ церквей (Колос. iv, 12, 13, 15).

Писать къ колосскимъ христіанамъ у ап. Павла была особая причина. Жившій тамъ Филимонъ имѣлъ негоднаго раба, Онисима, имя котораго при данныхъ обстоятельствахъ естественно давало поводъ къ сатирической игрѣ словъ, потому что вмѣсто того, чтобы быть «благотворительнымъ», онъ былъ какъ разъ обратнаго свойства: сначала обокралъ своего господина и затѣмъ убѣжалъ отъ него. Римъ въ древнія времена былъ наиболѣе удобнымъ мѣстомъ, гдѣ всякій преступный бѣглець могъ найти себѣ безопасное убѣжище, и туда то, даже болѣе чѣмъ въ новѣйшій Лондонъ, неизбѣжно стекалось все, что было преступнаго и жалкаго въ мірѣ. Филимонъ былъ христіанинъ, и какое нибудь бѣдствіе или опасность умереть съ голода могли заставить бѣглаго раба отдаться на состраданіе христіанскаго учителя, котораго бытъ можетъ онъ видѣлъ, когда ему приходилось сопровождать своего господина на большія празднества въ Ефесѣ. Доброе сердце ап. Павла всегда было открыто; онъ всегда питалъ глубокое

сочувствіе къ самымъ низкимъ и бѣднымъ членамъ человѣческаго рода, потому что въ самыхъ низкихъ и бѣдныхъ онъ видѣлъ тѣхъ, «за которыхъ умеръ Христосъ». Его собственныя страданія также научили его понимать цѣну помощи въ страданіяхъ другихъ, и онъ радушно принялъ жалкаго безчестнаго бѣглеца и послужилъ орудіемъ, посредствомъ котораго была произведена въ немъ та перемѣна, которая превратила «non tressis agaso» въ брата возлюбленнаго. Но Онисимъ юридически все еще оставался должникомъ и рабомъ Филимона; и ап. Павелъ, всегда строгій въ исполненіи закона, считалъ своимъ долгомъ отослать его назадъ. Онъ отдалъ его подъ заботливое покровительство Тихика Ефесскаго и послалъ его съ письмомъ, которое не могло не обезпечить ему прощенія. Ему поэтому приходилось писать гражданину колосскому, а другое обстоятельство заставило его написать также и церкви Колосской.

Отъ Епафраса онъ услышалъ странное и печальное извѣстіе. Имъ часто представлялась возможность сноситься между собой, потому что буквально или иносказательно Епафрасъ раздѣлялъ его узы и не сразу возвратился въ свой родной городъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ ап. Павломъ онъ разсказалъ ему о коварной формѣ заблужденія, непохожей на тѣ, съ которыми доселѣ приходилось встрѣчаться апостолу. Виноградникъ насажденія Господня—увы! — былъ повидимому похожъ на виноградникъ земли по множеству опасностей, которыя ему приходилось преодолѣть прежде чѣмъ онъ могъ принести плодъ свой. То лисцы портили его лозы; то дикій вепрь подрывалъ его корни; то вслѣдствіе преступнаго пренебреженія уходомъ почвы или ея неплодія неподрѣзанныя вѣтви приносили только грозды Гоморры. Ложное направленіе, теперь еще только что зарождавшееся и неразвитое, но такое, въ которомъ зоркій глазъ ап. Павла сразу же увидѣлъ опасность для будущаго, незамѣтно проникало въ эти юныя церкви. Хотя онъ знали апостола только по имени, онъ считалъ себя вынужденнымъ употребить всю силу своего авторитета и аргументаціи для подавленія столь опаснаго зла. Епафрасъ несомнѣнно настойчиво просилъ у него совѣта и сочувствія и побудилъ апостола открыто обличить и ясно опровергнуть новыя заблужденія, справиться съ которыми самъ онъ не чувствовалъ себя въ силахъ.

Эта новая форма заблужденія имѣла отчасти іудейскій характеръ, потому что она дѣлала различіе въ пищѣ, придавала важность новолуніямъ и субботамъ (Колос. II, 16) и настаивала на высокомъ значеніи обрѣзанія, если только не на полной его необходимости (Колос. II, 11). Однако же въ общемъ она не похожа была на галатійское іудейство и не вытекала, въ родѣ оппозиціи въ Антиохіи, изъ партіи іерусалимской, равно какъ не связывалась, подобно коринѣскимъ расколамъ, съ личною враждебностью къ авторитету ап. Павла. Іудейскимъ характеромъ она отличалась не столько по существу, сколько по вѣншему проявленію; не вслѣдствіе какого либо особаго сочувствія національному и левитскому еврейству, но скорѣе вслѣдствіе того, что въ самомъ іудействѣ были нѣкоторыя черты,

которыя близко сходны были съ чертами другихъ восточныхъ религій и которыя поэтому возбуждали широкое сочувствіе къ ней въ восточномъ мірѣ.

Объ отличительной особенности зарождавшейся ереси мы должны судить столько же по тѣмъ истинамъ, которыми ап. Павелъ старается остановить ея развитіе, сколько и по тѣмъ ея положеніямъ, которыя онъ прямо затрогиваетъ²¹¹⁶). Предостерегая колоссянъ касательно этой ереси, онъ проситъ ихъ быть на-сторожѣ противъ увлеченія со стороны такого учителя, котораго такъ называемая философія и пустое обольщеніе скорѣе согласовались съ человѣческими преданіями и мірскими элементами, чѣмъ съ истиной Христа. Пустая и ложная система этого учителя, помимо важности придаваемой ею обрядности, которая въ лучшемъ смыслѣ имѣла значеніе только какъ тѣнь символа,—пыталась затѣмъ лишить своихъ приверженцевъ награды за ихъ христіанскіе подвиги, представляя Бога существомъ настолько отдаленнымъ отъ нихъ, что они могли приближаться къ Нему только чрезъ цѣлый рядъ ангеловъ-посредниковъ. Она такимъ образомъ затемняла драгоцѣнную истину, что единый посредникъ есть Христосъ, и самое смиреніе обращала въ порокъ, дѣлая его покровомъ для вздутаго и плотскаго уметованія. Въ дѣйствительности это было не болѣе, не менѣе какъ гордость, которая такимъ образомъ надѣвала маску смиренія; и стараясь внушить недостойное самоотреченіе въ отношеніи прямого общенія съ Богомъ чрезъ Христа, составляющаго драгоцѣннѣйшее преимущество христіанина, она не только ставила всевозможныя низшія посредства между Имъ и душой, но также постановляла множество правилъ и положеній, которыя составляли нѣчто въ родѣ новаго Моисеева закона безъ истинной Моисеевой санкціи. Эти правила по самой своей сущности были ложны, призрачны и ничтожны. Они выставили на показъ ненужное самоуниженіе и настаивали на жестокомъ аскетизмѣ, но въ то же самое время они опасно льстили душѣ призракомъ запутанной учености, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они были такъ же бесполезны противъ самопослабленія, какъ и всякое средство. Что эти аскетическія привычки и фантастическія мечты сопровождались гордостью, высокомерно приписывавшей себѣ, въ качествѣ исключительнаго владѣнія, нѣкоторыя истины, которыя были недоступны для всякаго простаго ума; что исповѣдуя вѣру въ Христа колосскій мистикъ представлялъ Его въ качествѣ одного изъ многихъ существъ, находящихся между Богомъ и человѣкомъ; что онъ считалъ матерію вообще и тѣло въ особенности какъ нѣчто такое, чему присуще было зло²¹¹⁷), — все это повидимому можно вывести изъ христологіи этого посланія, которое въ этомъ особомъ направленіи развито гораздо болѣе, чѣмъ мы находимъ въ какомъ либо изъ прежнихъ посланій ап. Павла. Уже въ посланіи къ Коринѣянамъ онъ сказалъ, что «если онъ и зналъ когда либо Христа по плоти, то нынѣ уже не знаетъ Его болѣе», и въ этомъ посланіи личность Спасителя, какъ вѣчнаго сосуществующаго Сына, изображается съ той божественной стороны, разумнѣе которой есть даръ безконечно болѣе возвы-

щенный, чѣмъ человѣческое и внѣшнее познаніе Іисуса въ Его земномъ униженіи. И однако же,—какбы во избѣжаніе всякой Керинеовской попытки различія между Іисусомъ — человѣкомъ скорбей, и Христомъ—воскресшимъ Господомъ, между Іисусомъ распятымъ и Іисусомъ вѣчнымъ Словомъ,—онъ даже въ этомъ посланіи выразительно заявляетъ, что это одно и тоже (1. 20, 22; 11, 6). Сказать, что тутъ замѣчается нѣкоторая перемѣна въ основномъ воззрѣніи ап. Павла на Христа, было бы явною ложью, такъ какъ даже сопоставленіе Господа Іисуса Христа съ Богомъ Отцомъ, какъ источникомъ всякой благодати, и заявленіе, что все, и между прочимъ мы сами, существуетъ только чрезъ Него,—такія положенія касательно Его божественности въ раннихъ посланіяхъ ап. Павла²¹¹⁸) такъ сильны, что не много уже можно было впоследствии прибавить къ нимъ. Но доселѣ ап. Павелъ имѣлъ возможность говорить о Немъ главнымъ образомъ какъ о Судіи живыхъ и мертвыхъ — въ посланіи къ Фессалоникийцамъ; какъ о невидимомъ главѣ и правителѣ церкви — въ посланіяхъ къ Коринтянамъ; какъ виновникъ всякой духовной свободы отъ обрядоваго рабства и Искушитель міра отъ ига грѣха и смерти — въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ; какъ о Спасителѣ, воскрешающемъ изъ мертвыхъ, какъ о жизни всякой жизни, источникъ всякой радости и мира—въ посланіи къ Филиппійцамъ. Теперь нужно было выставить новую сторону Его величія, ту, которая хотя и заключалась уже во всякомъ ученіи, какое только ап. Павелъ излагалъ касательно Его, какъ часть благоговѣнія, полученнаго имъ чрезъ откровеніе, но къ объясненію которой во всей ея полнотѣ не приводило еще никакое внѣшнее обстоятельство. Это именно ученіе о Христѣ, какъ вѣчномъ, предсуществуемъ и однако же воплощенномъ Словѣ. Теперь онъ долженъ былъ говорить о Немъ, какъ о томъ, въ которомъ и чрезъ котораго божественно освящается вселенная, и не только въ ея существующемъ положеніи, но и въ самой матеріи и ея сущности, такъ что нѣтъ ничего неискупимаго, ничего внутренне враждебнаго святости ни въ матеріи, ни въ тѣлѣ человѣка; какъ о томъ, въ которомъ живетъ «полнота» божественныхъ совершенствъ, такъ что никакое другое ангельское существо не можетъ завладѣть какимъ либо участіемъ въ Богѣ, котораго бы не было въ Немъ; какъ о томъ, который есть единый владыка, единый посредникъ, единый Спаситель, глава тѣла, которое есть церковь, и источникъ ея жизни во всякомъ членѣ. Выраженіе этой истины стало необходимымъ вслѣдствіе заблужденія. Колосскіе учителя пытались дополнить христіанство теоретически болѣе глубокою мудростью, практически болѣе воздержною святостью. У ап. Павла былъ прекрасный методъ бороться съ ложнымъ ученіемъ, насколько возможно меньше посредствомъ обличенія и полемики (хотя объ эти формы во временахъ имѣютъ свое необходимое мѣсто) и насколько возможно больше выставленіемъ соответствующей истины. Мы можемъ поэтому видѣть богословскія заблужденія колоссянъ, какъ они отражаются въ положи-

тельномъ богословіи, которое здѣсь развивается въ противовѣсъ имъ. Въ нравственныхъ и практическихъ разсужденіяхъ этого посланія мы видимъ истинную замѣну того чрезмѣрнаго и дутаго аскетизма, который имѣлъ свое происхожденіе отчасти въ своевольномъ богослуженіи, въ показномъ смиреніи, упованіи на дѣла, и отчасти въ ошибочныхъ представленіяхъ касательно присущности зла въ тѣлѣ человѣка. Ап. Павелъ доказываетъ имъ, что освобожденія отъ грѣха нужно искать не въ мертвыхъ правилахъ и аскетической суровости, которыя имѣютъ роковую тенденцію ослаблять волю, съ такою силою направляя воображеніе на тѣ самые грѣхи, противъ которыхъ они выставляются въ качествѣ цѣлебнаго средства, что часто придаютъ этимъ самымъ грѣхамъ гораздо болѣе роковое обаяніе,—но въ той смерти для грѣха, которая необходимо заключается въ жизни, сокрытой со Христомъ въ Богѣ. Отъ этой новой жизни, отъ этого воскресенія отъ смерти грѣха, повиновеніе нравственнымъ законамъ Божиимъ и добросовѣстность въ обычныхъ отношеніяхъ жизни являются не какъ трудные и имѣющие значеніе заслуги подвиги, но какъ естественная сила живаго импульса въ сердцѣ, которое бьется уже не своею собственною жизнью, но жизнью во Христѣ.

Такимъ образомъ, какъ изъ ясныхъ замѣчаній, такъ и изъ отрицательныхъ указаній посланія, мы можемъ съ удовлетворительною ясностью воспроизвести черты колосской ереси, и мы сразу видимъ въ ней вліяніе той восточной теософій, тѣхъ мистическихъ умозрѣній, тѣхъ туманныхъ космогоній и нравственныхъ заблужденій, которыми отличалась многоглавая гидра системы, обозначавшейся впоследствии однимъ словомъ «гностицизмъ». Это именно обстоятельствомъ было главнымъ основаніемъ, вслѣдствіе котораго подвергалась сомнѣнію подлинность посланія. Утверждали, что гностицизмъ принадлежитъ болѣе позднему поколѣнію и что эти предостереженія направляются противъ послѣдователей Керинеа, который училъ уже только послѣ смерти ап. Павла, или даже противъ послѣдователей Валентина, основателя гностической системы во второмъ столѣтіи. Въ подтвержденіе такого взгляда указываютъ на то, что посланіе это изобилуетъ несвойственными ап. Павлу выраженіями и словами, которыя не встрѣчаются ни въ какомъ другомъ посланіи, и техническими гностическими выраженіями, какъ полнота, тайна, премудрость, знаніе, сила, свѣтъ, тьма. Что гностицизмъ, какъ вполне развитая система, относится къ болѣе позднему періоду, это допускается всемі; но мнѣніе, что принятіе подлинности этого посланія заключаетъ въ себѣ анахронизмъ, зависить единственно отъ предположенія, что гностическія выраженія²¹¹⁹) не могли употребляться и гностическія тенденціи не могли тайно существовать задолго до того, какъ они окончательно сложились въ формальную ересь. Что касается до этихъ выраженій, то нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ не имѣютъ технического характера, пока не придается имъ гностическое значеніе, а другія, въ родѣ «знаніе» (γνῶσις), «полнота» (πλήρωμα), хотя и начинали принимать техническій характеръ, здѣсь употреблены въ совершенно отличномъ смыслѣ отъ того,

который впоследствии связывался с ними. Что касается до предполагаемых *слюдовъ* воззрѣній, имѣющихъ явный и систематически гностическій характеръ, то вполне доказано, что они, какъ отдѣльно, такъ и вмѣстѣ, встрѣчались уже и во время апостольскаго вѣка, какъ раньше, такъ и послѣ. Эзотерическая исключительность, ревниво охранявшая тайну этихъ учений отъ общаго знанія; дуализмъ, который сдѣлался почти манихейскимъ въ попыткѣ различенія между добрыми и злыми побужденіями; мнѣніе, что «полнота» Божія могла истекать только во множествѣ несовершенныхъ изліяній; послѣдующая тенденція возвеличивать и боготворить постепенность ангельской іерархіи; правила и очищенія, предназначенныя для возможнаго уменьшенія всякой заразы отъ неизбежнаго соприкосновенія съ матеріей; попытка объяснять присущность зла въ матеріи пустыми и мечтательными космогоніями; сложность обрядности; низведеніе пищи и питія на самыя скудныя вещества, съ исключеніемъ всѣхъ формъ животной жизни; подозрительное уклоненіе отъ брака или неохотная терпимость въ отношеніи къ нему, какъ гибельной и возмутительной необходимости,—все это встрѣчается въ различныхъ восточныхъ религіяхъ и можно прослѣдить въ философскихъ ученіяхъ, получившихъ свое происхожденіе среди грековъ Азіи. Эти воззрѣнія находятъ явное выраженіе въ ученіи ессеевъ²¹²⁰). Появленіе ихъ въ лонѣ христіанской общины было правда новымъ, но не было ничего новаго въ самомъ ихъ существованіи, не было ничего такого въ нихъ, съ чѣмъ, какъ внѣшними формами заблужденія, ап. Павелъ при своемъ изученіи іудейской и языческой религіи, даже при своемъ только знаніи ессейскихъ воззрѣній и александрійскаго умозрѣнія, не былъ бы совершенно знакомъ. Что они появились во фригійской церкви, вполне подлежавшей іудейскимъ влияніямъ и однако же состоявшей изъ язычниковъ, воспитанныхъ среди мистерій и церемоніальнаго культа природы, и привыкшихъ къ выраженіямъ умозрительной философіи²¹²¹), — это должно было огорчить ап. Павла, но не могло поразить его неожиданностью. Доказательство, что онъ могъ ожидать появленія этой ереси, дѣлается еще болѣе принудительнымъ при знаніи того, что въ этотъ же короткій періодъ времени она дѣйствительно появилась въ опредѣленной и систематической формѣ въ ереси Керинеа, съ которымъ самъ ап. Іоаннъ, по преданію, входилъ въ личное столкновеніе²¹²²). А при такихъ обстоятельствахъ, не только не види въ этомъ признака подложности, мы скорѣе выводимъ случайный доводъ въ пользу подлинности посланія изъ самаго свойства заблужденій, обличеніе которыхъ, какъ мы видимъ, онъ при этомъ имѣлъ въ виду. Многіе критики старались доказать, что ап. Павелъ не могъ написать его, потому, что они отвергаютъ то основное ученіе о вѣчномъ божествѣ Христа, для котораго эта группа посланій служитъ столь сильнымъ оплотомъ; однако же это было очевидно настолько главнымъ членомъ въ символѣ вѣры ап. Павла, что доказательство въ пользу этого едва ли было бы ослаблено даже и тѣмъ, еслибы эти посланія могли быть исключены изъ канона,

принадлежность ихъ къ которому враждебному критицизму противъ воли пришлось только доказать самымъ рѣшительнымъ образомъ.

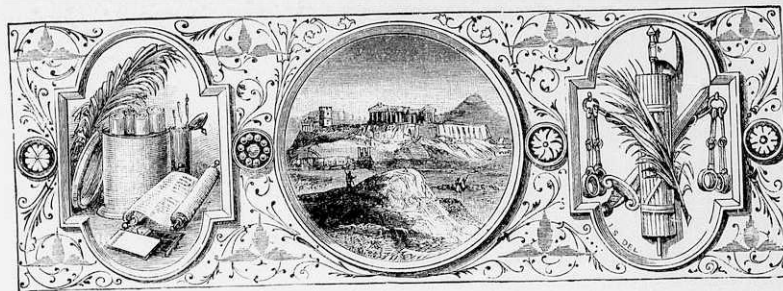
Хринологія этихъ посланій такимъ образомъ есть не что иное, какъ систематическое изложеніе того откровенія касательно природы Христа, которое скрытно содержится во всемъ, что писано о Немъ въ новомъ завѣтѣ²¹²³); и такъ называемый «гностицизмъ», съ которымъ имѣютъ дѣло эти посланія, есть не болѣе, какъ форма заблужденія, — фазисъ коварной дѣятельности систематическаго обольщенія, которое свойственно умственнымъ, нравственнымъ и духовнымъ заблужденіямъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Она находится въ Зендъ-Авестѣ, встрѣчается у Филона, есть въ неоплатонизмѣ, находится въ каббалѣ, наконецъ у Валентина. Чрезмѣрное жречество, суевѣрная обрядность, чрезвычайный аскетизмъ, крайнее безвѣріе, заставляющее людей отвергать преимущества непосредственнаго доступа къ Богу и безъ разбора поставлать между душой и ея единымъ Посредникомъ всевозможныхъ человѣческихъ и небесныхъ посредниковъ; честолюбіе, строящее на крайней боязливости своихъ приверженцевъ свое собственное тираническое возвышеніе; вытѣсненіе религіи сердца легко исполнимою внѣшнею церемоніальностью; мнѣніе, что Богу пріятно даже бесплодное самоотреченіе, которое, не углубляя нашей собственной духовной жизни, не приноситъ и блага нашимъ ближнимъ; тщательная выработанность бессмысленныхъ системъ, которыя придаютъ пышное названіе богословія пустословнымъ умозрѣніямъ, выводимымъ посредствомъ мелочныхъ и несостоятельныхъ заключеній изъ отдѣльныхъ выраженій, противорѣчія которыхъ неразрѣшимы и истинная экзегетическая исторія которыхъ преднамѣренно игнорируется; отупляющія реакціи, которыя, въ одной и той же сектѣ и даже въ одномъ и томъ же лицѣ, приводятъ къ противоположнымъ крайностямъ суровой строгости и беззаконной распущенности²¹²⁴): — вотъ зародыши не одной, а всѣхъ ересей; это болѣе или менѣе элементы почти всякой ложной религіи. Тяжеловѣсныя техническія выраженія систематика; своекорыстныя самовозвышенія жреца; фантастическія умозрѣнія мистика; фарисейское самомнѣніе обрядника; полемическіе шибболеты сектанта; духовная гордость и узкая односторонность самоистязателя; гибельное отождествленіе той спасающей вѣры, которая есть единеніе со Христомъ и сопричастіе въ Его жизни, съ теоретическимъ принятіемъ извѣстнаго числа формулъ: — всѣ эти элементы съ самой ранней заріи христіанства смѣшивались въ мутномъ потокѣ ересей съ элементами невѣжества, своекорыстія и заблужденія. Гностицизмъ былъ во времена ап. Павла, какъ есть гностицизмъ и теперь, хотя ни тогда, ни теперь онъ не выступаетъ подъ своимъ собственнымъ именемъ.

Мы можемъ поэтому приступить къ изложенію этого посланія съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ немъ нѣтъ ни одного выраженія, которое, по этимъ по крайней мѣрѣ основаніямъ, опровергало бы его подлинность. Никто кромѣ ап. Павла не могъ написать его. Говорить, что оно не Павлово по своему ученію, значитъ

дѣлать произвольное утверждение, такъ какъ оно не излагаетъ ни одной истины, которая бы не заключалась въ его прежнемъ ученіи. То обстоятельство, что оно представляетъ собою великолѣпное развитие этого ученія или вѣрнѣе болѣе распространенное изложеніе его въ соответствии съ новыми потребностями, свидѣтельствуется только въ его пользу. Да мы и не видимъ, какъ кто-либо знакомый съ слогомъ и умственнымъ характеромъ ап. Павла можетъ не замѣтить его отраженія въ этомъ посланіи. Что слогу здѣсь недостаетъ огня и страсти — *megas hammas* — посланія къ Галатамъ и свободного пламеннаго изліянія мысли и чувства, которымъ отличаются посланія къ Фессалоникійцамъ, Кориноянамъ и Филиппійцамъ, — это совершенно естественно. Изъ всѣхъ обращенцевъ, къ которымъ писалъ ап. Павелъ, одни только колоссяне были совершенно незнакомы ему. Правда, онъ не посѣщалъ и церкви Рима, но многіе члены этой церкви были извѣстны ему лично, и онъ писалъ имъ на знакомую тему, которая въ теченіе многихъ лѣтъ занимала его мысль. Одно то обстоятельство, что онъ уже писалъ о томъ же предметѣ къ Галатамъ, могло заставлять его мысли изливаться легче и свободнѣе. Но въ посланіи къ Колоссянамъ онъ имѣлъ дѣло съ новою темою, опровергалъ новое заблужденіе, съ которымъ среди христіанъ онъ еще не входилъ въ личныя столкновенія и особенности котораго онъ зналъ только изъ вторыхъ рукъ. Когда въ посланіи къ Ефесіянамъ онъ обращается къ тому же порядку понятій ²¹²⁵⁾, рѣчь у него летитъ съ гораздо болѣею легкостью. Слогъ человѣка никогда не дѣлается стереотипнымъ и менѣе всего это бываетъ съ человѣкомъ столь многостороннимъ, столь пылкимъ и самобытнымъ, какимъ былъ ап. Павелъ. Его приемы, какъ мы уже не разъ замѣчали, въ необычайной степени отражаютъ впечатлѣнія времени, мѣста, настроенія, въ которомъ онъ писалъ. Тысячи неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ могли придать этому посланію тотъ суровый характеръ, тотъ недостатокъ подвижности въ мысляхъ, которые привели даже Эвальда къ невѣроятному предположенію, что текстъ посланія принадлежалъ Тимоѳею, хотя предметъ и мысли были высказаны ап. Павломъ. Но различіе въ слогѣ между этимъ и другими посланіями не больше, чѣмъ мы находимъ въ твореніяхъ другихъ авторовъ въ различные періоды ихъ жизни и чѣмъ мы ежедневно наблюдаемъ въ сочиненіяхъ и рѣчахъ живыхъ людей, которые обсуждаютъ различные предметы при различныхъ настроеніяхъ духа.

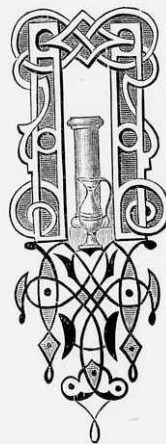
Монета города Ефеса.

ГЛАВА XLIX.

ПОСЛАНІЕ КЪ КОЛОССΙΑНАМЪ.

Въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества
тѣлесно. Кол. II, 9.

ОСЛѢ краткаго привѣтствія «находящимся въ Колоссахъ святымъ и вѣрнымъ братьямъ во Христѣ Иисусѣ» ²¹²⁶⁾, апостолъ переходитъ къ своему обычному «благодаренію», говоря имъ, какъ въ своихъ молитвахъ онъ всегда благодаритъ за нихъ Бога, Отца нашего ²¹²⁷⁾, услышавъ о вѣрѣ ихъ во Христа и о любви ко всѣмъ святымъ, въ надеждѣ на уготованное имъ на небесахъ. Объ этой надеждѣ они слышали, когда Евангеліе было прежде проповѣдано имъ въ его истинной подлинности; и какъ это Евангеліе возрастало и приносило плодъ ²¹²⁸⁾ во всемъ мірѣ, такъ оно дѣйствовало и между ними съ того дня, какъ они услышали благодать Божію и познали ее во всей ея полнотѣ, научившись отъ Епафраса, возлюбленнаго союзника апостола и вѣрнаго для нихъ пастыря ²¹²⁹⁾. Епафрасъ извѣстилъ его о ихъ любви въ духѣ, и съ того дня, какъ онъ услышалъ о ихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, онъ не переставалъ молиться о нихъ и просить, чтобы они усовершенались познаніемъ воли Божіей во всякой премудрости и разумѣніи духовномъ, въ практической святости, «принося плодъ во всякомъ дѣлѣ благомъ, возрастая въ познаніи Бога, укрѣпляясь всякою силою по могуществу славы Его, во всякомъ терпѣніи и великодушіи съ радостію, постоянно благодаря Бога, призывавшаго насъ къ участию въ наслѣдіи святыхъ во свѣтѣ, избавившаго насъ отъ власти тьмы и введшаго въ царство возлюблен-

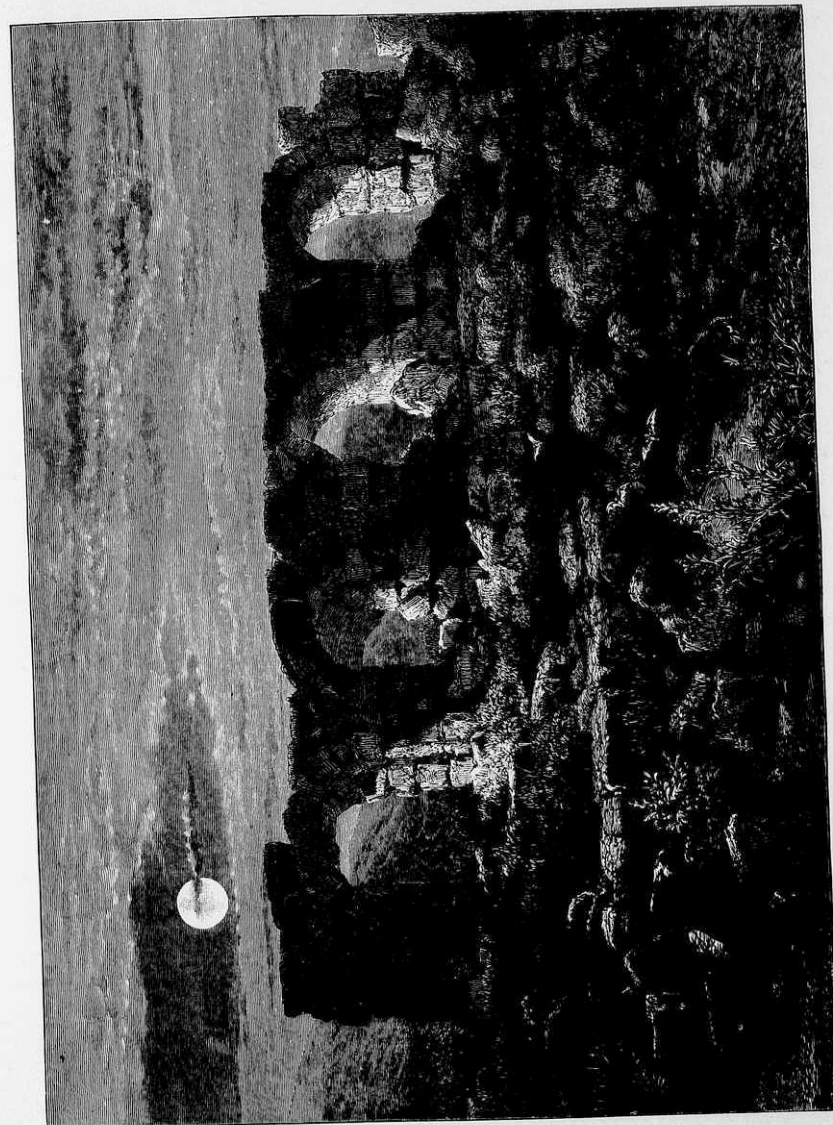
наго Сына Своего, въ которомъ мы имѣемъ искупленіе кровію Его и прощеніе грѣховъ» ²¹³⁰).

О природѣ Сына Божія, искупительнаго дѣла котораго онъ такимъ образомъ коснулся, апостолъ продолжаетъ говорить въ слѣдующихъ пяти стихахъ. Они составляютъ одно изъ двухъ знаменитыхъ мѣстъ, въ которыхъ содержится богословская сущность этого посланія. Они представляютъ полное изложеніе тѣхъ истинъ въ отношеніи лица Христа, которыми только и можно было опровергнуть заблужденія, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, къ которымъ подъ вліяніемъ нѣкаго ессейскаго учителя склонялись колоссяне. Ученіе о Христѣ, какъ божественномъ Словѣ, подобіи Бога явившагося людямъ, предсуществующемъ Господѣ сотвореннаго міра, одно могло только отвратить ихъ отъ дуализма и аскетической суровости, которыя ихъ фригійскій мистицизмъ и умственные наклонности заставляли ихъ вводить въ систему христіанства. И поэтому, сказавъ о Христѣ, онъ показываетъ «Его безусловное господство въ отношеніи къ вселенной,—естественному творенію (15—17), и въ отношеніи къ церкви,—новому нравственному творенію» (18) ²¹³¹).

«Онъ есть образъ Бога невидимаго, рожденный прежде всякой твари. Ибо Имъ создано ²¹³² все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли ²¹³³: все Имъ и для Него создано ²¹³⁴). И Онъ есть ²¹³⁵ прежде всего, и все Имъ стоитъ. И Онъ есть глава тѣла Церкви; Онъ начатокъ, первенецъ изъ мертвыхъ, дабы имѣть Ему во всемъ первенство: ибо благоугодно было *Отцу*, чтобы въ Немъ обитала ²¹³⁶ всякая полнота ²¹³⁷), и чтобы посредствомъ Его примирить съ Собою все, умиротворивъ чрезъ Него, кровію креста Его, и земное и небесное. И васъ, бывшихъ нѣкогда отчужденными и врагами, по расположенію къ злымъ дѣламъ, нынѣ примирилъ ²¹³⁸ въ тѣлѣ плоти Его, смертію *Его*, чтобы представить васъ святыми и непорочными и неповинными предъ Собою; если только пребываете тверды и непоколебимы въ вѣрѣ, и не отпадаете отъ надежды благовѣствованія, которое вы слышали, которое возвѣщено всей твари поднебесной, котораго я, Павелъ, сдѣлался служителемъ» ²¹³⁹).

Неизмѣримое величіе этого откровенія и мысль, что оно ввѣрено *его* служенію, въ одно и тоже время и возвышаетъ, и уничижаетъ его, и онъ чрезвычайно характеристически (сн. Ефес. III, 2—9; 1 Тим. I, 11) продолжаетъ:

«Нынѣ радуюсь въ страданіяхъ моихъ за васъ, и восполняю недостатокъ въ плоти моей скорбей Христовыхъ за тѣло Его, которое есть Церковь ²¹⁴⁰), которой сдѣлался я служителемъ по домостроительству Божію, ввѣренному мнѣ для васъ, чтобы исполнить слово Божіе, тайну ²¹⁴¹), сокрытую отъ вѣковъ и родовъ, нынѣ же открытую святымъ Его, которымъ благоволилъ Богъ показать, какое богатство славы въ тайнѣ сей для язычниковъ, которая есть Христосъ въ васъ, упованіе славы, котораго мы проповѣдуемъ, вразумляя всякаго человѣка, и научая

Развалины гимназіи въ Лаодикіи

всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христѣ Исусѣ²¹⁴²); для чего я и тружусь, и подвизаюсь силою Его, дѣйствующею во мнѣ могущественно (1, 24—29). Желая, чтобы вы знали, какой подвигъ²¹⁴³) имѣю я ради васъ и ради тѣхъ, которые въ Лаодикии и Иеранолѣ, и ради всѣхъ, кто не видѣлъ лица моего во плоти; дабы утѣшились сердца ихъ, соединенныя²¹⁴⁴) въ любви для всякаго богатства совершеннаго разумѣнія, для познанія тайны Бога и Отца и Христа²¹⁴⁵), въ которомъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія», — сокрыты, но намъ, какъ показываетъ весь смыслъ рѣчи, теперь уже открыты (Притч. II, 4; Матѣ. XIII, 44; 1 Кор. II, 7; IV, 5). «Это говорю я (т. е. говорю о возможности для васъ всѣхъ знать откровенную премудрость Божию) для того, чтобы кто нибудь не прельстилъ васъ вкрадчивыми словами; ибо хотя я и отсутствую тѣломъ, но духомъ нахожусь съ вами, радуясь, и видя ваше благоустройство и твердость вѣры вашей во Христа. Посему какъ вы приняли Христа Исуса Господа, такъ и ходите въ Немъ, будучи укоренены и утверждены²¹⁴⁶) въ Немъ, и укрѣплены въ вѣрѣ, какъ вы научены, преуспѣвая въ ней съ благодареніемъ» (II, 1—7).

Такимъ образомъ онъ высказалъ общее предостереженіе противъ увлеченія ложнымъ ученіемъ. Онъ изложилъ для нихъ твердою рукою и съ безусловною опредѣленностью истину, что полнота постоянно пребываетъ во Христѣ — единомъ Господѣ сотворенной вселенной, и поэтому есть гарантія того, что въ матеріи нѣтъ присущаго элемента неистребимаго зла; единомъ главѣ церкви; единомъ искупителѣ міра; единомъ центрѣ, источникѣ и открывателѣ премудрости одинаково всѣмъ, какъ они и научены были давно. Но теперь была пора приступить къ болѣе частнымъ предостереженіямъ, къ болѣе непосредственному приложенію этихъ великихъ вѣчныхъ началъ, и онъ продолжаетъ:

«Смотрите, братія, чтобы кто²¹⁴⁷) не увлекъ васъ философіею²¹⁴⁸) и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра²¹⁴⁹), а не по Христу; ибо въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества²¹⁵⁰) тѣлесно. И вы имѣете полноту въ Немъ, который есть глава всякаго начальства и власти» (II, 7—10).

Изъ этой великой истины вытекаютъ различныя практическія слѣдствія. Напр. ессейскій мистикъ, который увлекалъ ихъ пустой и своеобразной софистикой, которую онъ называлъ философіей, выставилъ предъ ними значеніе обрѣзанія, хотя, какъ кажется, и не съ тою настойчивостью, какъ христіанскіе фарисеи, вторгшіеся въ Галатію. Но какая польза могла быть имъ отъ обрѣзанія? Ихъ обрѣзаніе духовное и уже было совершено надъ ними не человѣческими руками, но самимъ Христомъ; не какъ нѣкоторое искаженіе одного члена, но какъ полное совлеченіе съ нихъ всего тѣла плоти²¹⁵¹). Это именно ихъ крещеніе, въ которомъ они были погребены со Христомъ, а также и воскресли съ Нимъ чрезъ свою вѣру въ силу Бога, который воскресилъ Его изъ мертвыхъ (сн. Филип. III, 10).

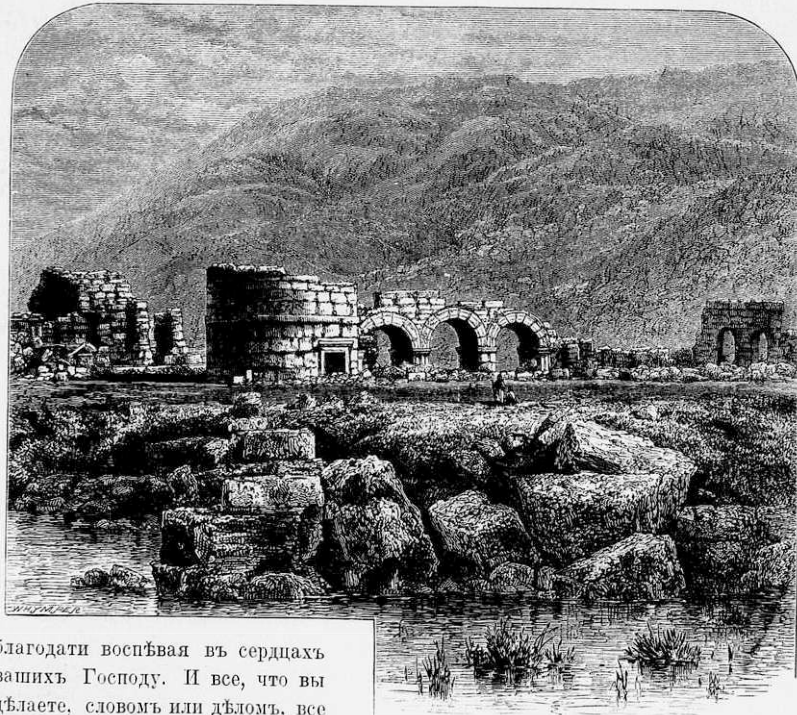
«И васъ, которые были мертвы во грѣхахъ и въ необрѣзаніи плоти вашей, Богъ оживилъ вмѣстѣ съ Нимъ, простивъ намъ всѣ грѣхи, истребивъ ученіемъ бывшее о насъ рукописаніе²¹⁵²), которое было противъ насъ, и Онъ взялъ его отъ среды и привоздиль ко кресту. Отнявъ силы у начальствъ и властей (грѣховности²¹⁵³), властно подвергъ ихъ позору, восторжествовавъ надъ ними Собою²¹⁵⁴), дѣлая такимъ образомъ висѣлицу раба своимъ feretrum, чтобы нести добычу своего триумфа въ качествѣ вѣчнаго побѣдителя послѣ смертельной борьбы съ дерзкими силами духовной злобы.

Такъ какъ затѣмъ простыя законныя обязательства составляютъ часть мертвцаго договора — изорванныхъ и разбитыхъ узъ, которые теперь привожены къ кресту Христа, то «никто да не осуждаетъ васъ за пищу, или питіе²¹⁵⁵), или за какой нибудь праздникъ, или новомѣсячіе, или субботу²¹⁵⁶): это есть тѣнь будущаго, а тѣло во Христѣ. Никто да не обольщаетъ васъ самовольнымъ смиренномудріемъ²¹⁵⁷) и служеніемъ ангеловъ²¹⁵⁸), вторгаясь въ то, чего не видѣлъ²¹⁵⁹), безразсудно надмеваясь плотскимъ своимъ умомъ, и не держась главы, отъ которой все тѣло, составами и связями будучи соединяемо и скрѣпляемо, растетъ возрастомъ Божиимъ²¹⁶⁰). Итакъ, если вы со Христомъ умерли для стихій міра, то для чего вы, какъ живущіе въ мірѣ, держитесь постановленій: не прикасайся, не вкушай, не дотрогивайся (что все истлѣваетъ отъ употребленія, Марк. VII, 1—23), по заповѣдямъ и ученію человѣческому? Это имѣетъ только видъ мудрости въ самовольномъ служеніи²¹⁶¹), смиренномудріи и изнуреніи тѣла, въ нѣкоторомъ небреженіи о насыщеніи плоти»²¹⁶²).

Истинное средство противъ этого, какъ онъ продолжаетъ показывать, совершенно различно:

«Итакъ, если вы воскресли со Христомъ, то ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога. О горнемъ помышляйте, а не о земномъ. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христомъ въ Богѣ. Когда же явится Христосъ, жизнь ваша, тогда и вы явитесь съ Нимъ во славу. Итакъ умертвите земные члены ваши: блудъ, нечистоту, страсть, злую похоть и любостыжаніе, которое есть идолослуженіе, за которыя гнѣвъ Божій²¹⁶³) грядетъ на сыновъ противленія, въ которыхъ и вы нѣкогда обращались, когда жили между ними. А теперь вы отложите все: гнѣвъ, ярость, злобу, злорѣчіе, сквернословіе устъ вашихъ; не говорите лжи другъ другу, совлеки ветхаго человека съ дѣлами его, и облечись въ новаго, который обновляется въ познаніи по образу создавшаго его: гдѣ нѣтъ ни елиина, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, скива²¹⁶⁴), раба, свободнаго; но все и во всемъ Христосъ. Итакъ облечитесь, какъ избранные Божіи, святые и возлюбленные, въ милосердіе, благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, снисходя другъ другу и прощая взаимно, если кто на кого имѣетъ жалобу: какъ Христосъ простилъ васъ, такъ и вы. Болѣе же всего облечитесь въ любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествуетъ въ сердцахъ вашихъ миръ

Божій, къ которому вы и призваны въ одномъ тѣлѣ, и будьте дружелюбны. Слово Христово да вселяется въ васъ обильно, со всякою премудростію; научайте и вразумляйте другъ друга псалмами, славословіемъ ²¹⁶⁵) и духовными пѣснями, во

Развалины Иерополя.

благодати воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу. И все, что вы дѣлаете, словомъ или дѣломъ, все *дѣлайте* во имя Господа Иисуса Христа, благодаря чрезъ Него Бога и Отца» (ш, 1—17).

Затѣмъ слѣдуютъ различныя практическія увѣщанія: женамъ любить своихъ мужей, какъ подобаетъ въ Господѣ ²¹⁶⁶); мужьямъ любить своихъ женъ и не поступать съ ними жестоко; дѣтямъ повиноваться своимъ родителямъ; родителямъ не раздражать своихъ дѣтей, чтобы они не унывали ²¹⁶⁷). Рабамъ, объ обязанности положенія которыхъ ему навѣрно часто приходилось думать недавно вслѣдствіе его заботы объ Онисимѣ, онъ даетъ правило повиноваться своимъ земнымъ господамъ, какбы имѣя постоянно предъ собою око своего великаго Госпо-

дина, ожидая награды за вѣрность тому, кто также воздастъ и дѣлающему злое. Господамъ онъ внушаетъ справедливость и снисходительность къ своимъ рабамъ, замѣчая, что они имѣютъ также Господа на небесахъ ²¹⁶⁸).

Затѣмъ онъ внушаетъ имъ быть въ постоянной молитвѣ и благодареніи и просить ихъ молитвъ, дабы Богъ даровалъ успѣхъ тому служенію, за которое онъ теперь быть въ узакъ. Въ отношеніи внѣшняго міра онъ наставляетъ ихъ вести себя съ мудростію, пользуясь временемъ и обращаясь другъ съ другомъ съ благодатию и пріятностію, такъ чтобы слово ихъ было «приправлено солью» (iv, 1—6).

Апостолъ не посылаетъ никакихъ личныхъ извѣстій, потому что все это будетъ передано Тихикомъ, его возлюбленнымъ братомъ, вѣрнымъ служителемъ и соратникомъ въ Господѣ, котораго онъ посылаетъ съ этою цѣлію ²¹⁶⁹), для укрѣпленія ихъ сердецъ, съ Онисимомъ, ихъ согражданиномъ, а *теперь* ихъ вѣрнымъ и возлюбленнымъ братомъ, чѣмъ бы онъ ни былъ раньше. Онъ посылаетъ имъ привѣтствія отъ Аристарха, своего союзника ²¹⁷⁰), отъ Марка, племянника Варнавы ²¹⁷¹), о возможности посѣщенія которыхъ они быть можетъ получили особыя извѣстія; отъ Иисуса прозываемаго Іустомъ, —единственныхъ трехъ іудейскихъ христіанъ, которые трудились съ нимъ въ дѣлѣ распространенія царства Божія и сдѣлались такимъ образомъ источникомъ утѣшенія для него. Привѣтствуетъ ихъ также Епафрасъ ихъ, рабъ Иисуса Христа, всегда подвизающійся за нихъ въ молитвахъ, чтобы они пребыли совершенны и исполнены всѣмъ, что угодно Богу, —человѣкъ, который глубоко интересовался состояніемъ ихъ церкви. Привѣтствуетъ ихъ также Лука, врачъ возлюбленный, и Димасъ ²¹⁷²). Онъ проситъ ихъ привѣтствовать Лаодикійскихъ братьевъ, Нимфана и церковь въ домѣ его и его друзей ²¹⁷³). Онъ повѣлываетъ прочесть свое посланіе всенародно, не только въ Колосской, но также и въ Лаодикійской церкви, и повѣлываетъ имъ прочесть окружное посланіе, которое они могли получить изъ Лаодокіи ²¹⁷⁴). «Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебѣ исполнить служеніе, которое ты принялъ въ Господѣ» ²¹⁷⁵). Посланіе заканчивается его собственноручнымъ привѣтствіемъ, къ которому онъ кратко прибавляетъ: «примите мои узы. Благодать со всѣми вами. Аминь» ²¹⁷⁶).

Въ нашу теперешнюю задачу не входитъ изслѣдованіе послѣдующей исторіи церквей въ долинѣ Лика. Послѣдователи Баура въ Германіи и Ренана во Франціи пытались представить дѣло такъ, что ученіе ап. Павла въ Азіи сопровождалось реакціей, въ которой его имя злословилося и его ученіе отвергалось. Теорія эта весьма сомнительна. Ученіе и предостереженія ап. Іоанна семи церквамъ весьма близко похожи и иногда почти буквально тождественны съ ученіемъ и предостереженіями ап. Павла; и сущность ученія обоихъ апостоловъ о всѣхъ важнѣйшихъ сторонахъ христіанства почти до точности одна и таже. Несостоятельное заключеніе выводили изъ предполагаемаго молчанія Папія объ

ап. Павлѣ. Сколько мы можемъ судить изъ указаній Евсевія, цѣлью Папія было собирать свидетельства *преданій* отъ различныхъ апостоловъ и учениковъ, а ап. Павелъ *не могъ* быть однимъ изъ нихъ. Папій былъ епископомъ Іераполя, въ который ап. Павелъ никогда не могъ заносить свою ногу. Но даже если онъ и былъ тамъ, то посѣщеніе его было кратковременно и совершилось задолго до того, какъ писалъ Папій, между тѣмъ какъ послѣ разрушенія Іерусалима ап. Іоаннъ провелъ много лѣтъ въ Ефесѣ и тамъ около него собраны были Андрей, Филиппъ, Аристіонъ и другіе лично знавшіе Спасителя. Къ этимъ то источникамъ Папій и обращался за своими нѣсколько неопредѣленными и легковѣрными преданіями, и онъ могъ сослаться также и на ап. Павла, какъ это дѣлаетъ Поликарпъ, хотя Евсевію и не случилось упомянуть объ этомъ обстоятельстве. Тутъ не только нѣтъ доказательства общаго отступленія отъ началъ ап. Павла, но въ опредѣленіяхъ собора, происходившаго въ Лаодикіи около половины четвертаго столѣтія, мы читаемъ тѣ же самыя предостереженія противъ боготворенія ангеловъ, іудейства и восточнаго умозрѣнія, которыя находятъ себѣ мѣсто въ этихъ посланіяхъ, написанныхъ въ узакъ. Самыя Колоссы, подвергавшіяся постояннымъ землетрясеніямъ, дѣлавшимся еще болѣе разрушительными вслѣдствіе особенностей Лика съ его каменѣющими водами,—были постепенно оставлены, и церкви Азіи наконецъ погибли подъ мертвящимъ тѣнѣмъ ислама съ его жестокостью, разложеніемъ и безпечностью.

Монета гор. Филадельфіи.

ГЛАВА I.

АП. ПАВЕЛЪ И ОНИСИМЪ.

Какъ будто боги несутся о рабахъ!..

МАКРОВІЙ.

In servos superbissimi, crudelissimi, contumeliosissimi sumus.

СЕНЕКА.

Въ посланіи къ Колоссянамъ ап. Павелъ не посылалъ привѣтствія Филимону — который былъ знатнымъ членомъ этой церкви, — потому что онъ намѣренъ былъ написать ему особое письмо. Такому человѣку, какъ ап. Павелъ, сильно любящее сердце котораго пріобрѣтало ему столь много глубоко преданныхъ друзей, вѣроятно часто приходилось сноситься съ ними краткими письмами; но посланіе къ Филимону есть единственное частное письмо, сохраненное намъ изъ этой корреспонденціи, — единственное частное письмо въ канонѣ новаго завіта, за исключеніемъ краткаго посланія ап. Іоанна къ возлюбленному Гаію²¹⁷⁷). Мы не можемъ не пожалѣть объ этой потерѣ. До насъ дошли сотни писемъ Цицерона, Сенеки и Плинія, и хотя нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ образецъ изящества и краснорѣчія, съ какою радостью мы отказались бы отъ всѣхъ ихъ даже ради одного или двухъ писемъ, написанныхъ этимъ апостоломъ! По стилю своему это письмо, правда, совершенно небрежно и необработано; но въ то время какъ письма великихъ римлянъ, при всей ихъ литературной художественности и законченности, часто оставляютъ въ насъ невольное впечатлѣніе тщеславія, неискренности, даже въ иныхъ случаяхъ полной нравственной неустойчивости ихъ авторовъ, это краткое письмо ап. Павла съ другой стороны открываетъ намъ еще новую сторону въ его характерѣ, достойную благороднѣйшихъ изреченій, какія только мы находимъ въ другихъ посланіяхъ. Эти многія строки въ одно и то же время столь теплыя и дышащія такимъ достоин-

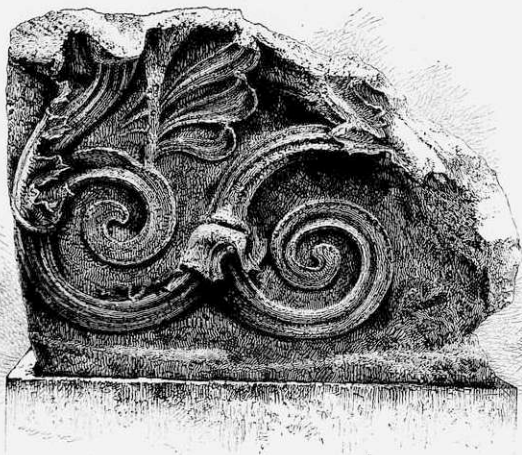
ствомъ, которыя однакоже критическое изувѣрство нѣкогда склонно было презрительно третировать даже какъ неимѣющія никакого значенія, выражаютъ такіа вѣчныя начала, которыя даже до позднѣйшихъ временъ оказывали не мало вліянія на ходъ развитія всемірной исторіи. При всей небрежности слога и сравнительной незначительности вызвавшего его случая, письмо это есть образецъ такта, сочувствія, высокаго нравственнаго благородства. Эта маленькая «идиллія прогресса христіанства»²¹⁷⁸) показываетъ, что подъ изношеннымъ и заплятаннымъ плащомъ странствующаго миссіонера билось сердце истинно благороднаго чловѣка, высоко благовоспитанное обхожденіе котораго сдѣлало бы честь при всякомъ дворѣ²¹⁷⁹).

Мы видѣли, что во время своего тюремнаго заключенія ап. Павелъ былъ приведенъ «тѣмъ невидимымъ провидѣніемъ, которое люди часто называютъ случаемъ», въ соприкосновеніе съ бѣглымъ рабомъ изъ Колоссы, имя котораго было Онисимъ т. е. «благодѣтельный». Онъ бѣжалъ въ Римъ—эту общую sentina міра²¹⁸⁰)—для того, чтобы скрыться отъ послѣдствій своихъ преступленій, за которыя языческій господинъ безъ малѣйшаго сокрушенія могъ осудить его на ergastulum или крестъ; и въ подвалѣ одного изъ огромныхъ римскихъ insulae, или въ хижинѣ какого нибудь товарища по преступленію и бѣдственности, въ этой огромной массѣ чловѣческаго убожества, которое гибло подобно взбитой пѣнѣ на окраинѣ блистающаго прилива цивилизаціи, онъ скорѣе могъ рассчитывать на укрытіе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Что именно избавило его отъ страшнаго паденія, которое и могло быть единственно возможнымъ результатомъ такой худо начатой жизни, мы не знаемъ. Онъ вѣроятно скоро истратилъ все, что укралъ у своего господина, и такъ какъ Римъ былъ переполненъ рабами и всякими празднолюбцами, такъ какъ занятій для содержанія себя даже въ крайней бѣдности было очень мало, то трудно видѣть, какой источникъ жизни могъ оставаться ему кромѣ преступленій. Быть можетъ въ этомъ положеніи онъ встрѣтился съ своимъ колосскимъ согражданиномъ Епафрасомъ, который, какъ пресвитеръ колосскій, могъ быть хорошо извѣстенъ Филимону. Быть можетъ Аристархъ или кто другой изъ тѣхъ, которые были сотоварищами ап. Павла въ Ефесѣ, встрѣтивъ его, узнали въ немъ слугителя Филимона, бывшаго при немъ во время обращенія его ап. Павломъ. Быть можетъ и самъ онъ присутствовалъ при нѣкоторыхъ изъ тѣхъ ежедневныхъ бесѣдъ и разсужденій въ школѣ Тиранна, которыя, не тронувъ его сердца въ то время, во всякомъ случаѣ показали ему все благородство проповѣдника и открыли инстинктивному чувству чловѣка, принадлежавшаго къ угнетенному классу, присутствіе души, которая могла сочувствовать всякому страданію. Какъ это случилось, мы не знаемъ, но знаемъ только, что онъ не обманулся въ своихъ надеждахъ. Апостолъ принялъ его ласково, съ сочувствіемъ и даже нѣжностью. Равнины говорили: «не позволительно учить раба закону»²¹⁸¹). «Какъ будто небо печется о рабахъ!» говорилъ заурядный язычникъ съ насмѣшкой²¹⁸²). Не такъ думалъ ап. Павелъ. Въ христіанствѣ нѣтъ

ничего эсотерическаго, ничего исключительнаго. Онисимъ сдѣлался христіаниномъ. Сердце, которое было твердо какъ алмазъ противъ фарисейства и тиранніи, было въ тоже время нѣжно какъ сердце матери ко всякой скорби и покаянію. Ап. Павелъ учился въ школѣ Того, кто позволялъ кающейся блудницѣ омыwać свои ноги слезами и отирать ихъ волосами своей головы; въ школѣ Того, который сказалъ осужденной блудницѣ: «и я не осуждаю тебя; иди и впредь не грѣши». Ап. Павелъ отнюдь не раздѣлялъ того антихристіанскаго лицепріятія, которое заставляло нѣкоторыхъ лицъ во времена блаженнаго Іеронима²¹⁸³) доказывать, что заботиться о бѣгломъ рабѣ было ниже его достоинства. Онъ понималъ лучше, чѣмъ всякіе позднѣйшіе учителя, что религія Христа есть великая хартія чловѣчества. Неводъ Его «ловцовъ людей» опускался до самой глубины социального моря. Вотъ былъ чловѣкъ, положеніе котораго было самымъ низкимъ, какое только можно себѣ представить. Это былъ рабъ; рабъ страны, рабы которой считались самыми худшими; рабъ, который сначала обокралъ своего добраго господина и затѣмъ убѣжалъ отъ него; рабъ, на котораго ходячія пословицы указывали какъ на исключительно негоднаго²¹⁸⁴), заслуживающаго только палокъ и нестоющаго даже ихъ²¹⁸⁵). Однимъ словомъ, это былъ рабъ, фригійскій рабъ, воровской азіатскій бѣглый рабъ, который не имѣлъ никакихъ признанныхъ правъ и въ отношеніи къ которому никто не имѣлъ никакихъ признанныхъ обязанностей. Онъ былъ просто «живою собственностью»²¹⁸⁶), простымъ «орудіемъ съ голосомъ»²¹⁸⁷), безправною и какбы бездушною вещью. Но ап. Павелъ обладалъ его и этотъ рабъ сдѣлался христіаниномъ, братомъ возлюбленнымъ и полезнымъ, наслѣдникомъ безсмертія, сыномъ царства, членомъ царственнаго рода святаго священства. Сатирикъ Персій съ крайнимъ негодованіемъ говоритъ о той быстротѣ, съ которою рабъ становился отпущенникомъ и гражданиномъ: «вотъ стоитъ какой-нибудь Дама — грошевый конюхъ мальчикъ, негодный ворипшка; преторъ касается его своимъ волшебнымъ жезломъ, поворачиваетъ его кругомъ въ знакъ освобожденія, и вотъ въ одно мгновеніе онъ становится римскимъ гражданиномъ и важной персоной — Маркомъ Дамой»²¹⁸⁸). Но различіе между Дамой, негоднымъ рабомъ, и Маркомъ Дамой, важнымъ и знатнымъ гражданиномъ, было до безконечности ничтожно въ сравненіи съ дѣйствительнымъ и несравненнымъ различіемъ, которое отдѣляло Онисима, негоднаго фригійскаго бѣглеца, отъ Онисима—возлюбленнаго и вѣрнаго брата.

Такимъ образомъ посланіе къ Филимону становится въ дѣйствительности манифестомъ христіанства противъ ужасовъ и беззаконія древняго и новѣйшаго рабства²¹⁸⁹). По самой сущности христіанской церкви, потому именно, что она была «царствомъ не отъ міра сего»—она не могла быть революціоною. Господство при помощи физическаго насилія или провозглашеніе посредствомъ меча никогда не было свойственно ея духу. Она была откровеніемъ вѣчныхъ началъ, а не разработкой практическихъ подробностей. Она не вмѣшивалась и не пыта-

лась вмѣшиваться въ явленія установившагося порядка. Если бы она вмѣшалась въ нихъ, то должна была бы погибнуть въ бурѣ смятенія, которую она неизбежно возбудила бы противъ себя. Открывая истину, протестуя противъ преступленія, она тѣмъ самымъ обезпечила себѣ окончательную, хотя и безмолвную побѣду. Она знала, что гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода. Она была вѣрна властямъ предержавнымъ. Она не возвышала голоса и не отказывалась отъ подати даже Гаію или Нерону. Она не поносила рабства и не проповѣдывала роковой или гибельной рабской войны. Она не возбуждала своихъ Онисимовъ играть роль какого нибудь Евна или Артемія, и однако же она вдохнула чувство свободы, которое на всѣ вѣка стало грознымъ врагомъ тиранинъ, и провозгласила бже-

Отломокъ отъ храма Діаны Ефесской
(теперь въ Британскомъ музеѣ).

ственное равенство и братство, которое, оставляя неприкосновеннымъ обычное общественное различіе, сдѣлало рабство невозможнымъ въ просвѣщенныхъ странахъ христіанскаго міра ²¹⁹⁰).

Это деликатное отношеніе къ существующему строю общества великолѣпно иллюстрируется посланіемъ къ Филимону. Безпокойство, всегда производимое существованіемъ рабскаго населенія, чрезвычайно преобладающаго своею численностью, чувствовалось въ это время съ особенною напряженностью. Менѣе чѣмъ за два года предъ тѣмъ, какъ ап. Павелъ писалъ къ Филимону, одинъ консулъ, префектъ города, по имени Педаній Секундъ, былъ убитъ рабомъ при гнусѣйшихъ обстоятельствахъ, которыми вообще отличалась вся эта эпоха. Вопреки сожалѣнію народа,

сенатъ опредѣлилъ, чтобы на этотъ разъ приведенъ былъ въ исполненіе древній безпощадный законъ, возстановленный Силанскимъ указомъ при Августѣ, и вся familia рабовъ была предана смерти. Не смотря на угрозы населенія, Неронъ приказалъ, чтобы приговоръ этотъ былъ приведенъ въ дѣйствіе при помощи военной силы, и 400 человѣческихъ существъ всякаго возраста и пола были отведены среди солдатъ къ мѣсту своего избіенія, не смотря на несомнѣнную невинность огромнаго большинства изъ нихъ. Это ужасное событіе вмѣстѣ съ бурнымъ дебатомъ, происшедшимъ вслѣдствіе этого въ сенатѣ, сдѣлало предметъ рабства «жгучимъ вопросомъ» въ Римѣ и придадо больше значенія общему сознанію, которое давно уже нашло свое выраженіе въ пословицѣ, что «чѣмъ больше рабовъ, тѣмъ больше враговъ». Во время этого знаменитаго дебата Кассій Лонгинъ утверждалъ, что единственное средство, при которомъ богатые могли съ нѣкоторою безопасностью жить въ Римѣ (немногіе среди массъ, погрязавшихъ въ ужасающемъ состояніи голодной бѣдности и нищеты), заключалось въ безпощадномъ примѣненіи этого древняго и кроваваго закона.

Таково то было состояніе вещей, при которомъ ап. Павелъ сѣлъ писать свое письмо съ цѣлью заступиться за фригійскаго бѣглеца. Онъ не могъ обличать самаго рабства; онъ не могъ даже освободить Онисима; но подобно тому, какъ Моисей «по жестокосердію вашему» (Матѣ. хіх, 8) не могъ отвергнуть lex talionis, многоженство или существованіе кровавой мести, но, по возможности лишилъ ихъ почвы, отнявъ у нихъ, насколько возможно было, ихъ роковое жало посредствомъ видоизмѣненія и ограниченія, такъ и ап. Павелъ установилъ истины, которыя дѣлали рабство сноснымъ и поднимали раба до такой степени достоинства, которое самое освобожденіе дѣлало какбы второстепеннымъ дѣломъ и даже неимѣющимъ особаго значенія. Рабству былъ нанесенъ ударъ въ самый корень, когда Спаситель сказалъ: «вы всѣ — братья». Въ христіанской общинѣ рабъ могъ быть епископомъ, а его господинъ — только оглашеннымъ; и ап. Павелъ въ посланіи къ Коринѣянамъ проситъ ихъ оказывать должное почитеніе и подчиненіе дому Стефана, хотя нѣкоторые изъ коринѣянъ были люди высокаго положенія, а это семейство были рабы ²¹⁹¹). За неосѣненный даръ своего избавленія отъ нравственной и духовной смерти Онисимъ заплатилъ благодарностью, любовью, дѣятельными и преданными услугами престарѣлому узнику. Ап. Павелъ, удручаемый столькими огорченіями и видя такъ мало вокругъ себя преданныхъ лицъ, съ радостью удержалъ бы у себя этого сердечно преданнаго ему юношу, качества котораго, какъ они ни были испорчены прежнею жизнью, были по природѣ такъ нѣжны и любвеобильны, что апостолъ чувствовалъ къ нему всю привязанность какъ отецъ къ сыну ²¹⁹²). И если бы онъ удержалъ его у себя, онъ былъ увѣренъ, что Филимонъ не только извинилъ бы его въ этомъ, но даже обрадовался бы, что принадлежавшій ему человѣкъ исполнялъ нѣкоторыя изъ тѣхъ добрыхъ обязанностей въ отношеніи апостола въ его тяжеломъ положеніи,

которыхъ онъ не имѣлъ возможности исполнить самъ ²¹⁹³). Но ап. Павелъ былъ слишкомъ благороденъ ²¹⁹⁴), чтобы рассчитывать на доброту даже возлюбленнаго обращенца. И кромѣ того совершенный Онисимомъ проступокъ не долженъ былъ остаться безъ нѣкотораго возмездія. Необходимо было показать примѣромъ, что, гдѣ только возможно, за покаяніемъ должно слѣдовать прощеніе, но что виновный въ большомъ проступкѣ не долженъ быть неправильно защищаемъ отъ его законныхъ послѣдствій. Если бы Филимонъ былъ язычникомъ, то послать къ нему Онисима значило бы осудить бѣднаго раба на вѣрную пытку, быть можетъ даже на распятіе ²¹⁹⁵). Онъ несомнѣнно сдѣлался бы съ этихъ поръ «заклейменнымъ бѣглецомъ» ²¹⁹⁶), или былъ бы ввергнутъ въ рабскую темницу для работы въ цѣпяхъ. Но Филимонъ былъ христіанинъ, а «Евангеліе Христа, христіанизировавъ господина, освобождало раба» ²¹⁹⁷). Ап. Павелъ былъ вполне увѣренъ, что онъ посылалъ бѣглеца (который сдѣлался его возлюбленнымъ сыномъ и съ которымъ онъ не могъ теперь разстаться безъ усилій) для прощенія, внимательной ласки и по всей вѣроятности для свободы въ будущемъ; но право во всякомъ случаѣ было правомъ, и апостолъ сознавалъ, что онъ не долженъ былъ отступать и предъ личной жертвой при разставаніи съ нимъ. Онъ поэтому отослалъ его назадъ подъ добрымъ попеченіемъ Тихика и — къ счастью для насъ — съ «рекомендательнымъ» письмомъ, въ отверженіи котораго извиняется даже Бауръ, и которое съ восторгомъ цѣнитъ весь міръ ²¹⁹⁸). Гроцій и др. сравнивали его съ изящнымъ и трогательнымъ письмомъ Плинія младшаго къ своему другу Сабиніану съ цѣлью заступничества за провинившагося отпущенника, который со слезами умолялъ его о заступничествѣ. Это до изящества естественное и прекрасно составленное письмо дѣлаетъ честь какъ сердцу, такъ и головѣ Плинія; и однако же, при всей обработанности своего стиля, оно въ красотѣ и значеніи далеко уступаетъ письму къ Филимону, хотя послѣднее написано было ап. Павломъ съ нѣкоторою благородною небрежностью въ выраженіяхъ. Прежде всего оно написано въ защиту отпущенника, который пользовался глубокою любовью, а не въ защиту бѣглаго раба. Затѣмъ оно имѣетъ чисто личный характеръ, и въ немъ совершенно нѣтъ того великаго божественнаго начала, которое лежитъ въ основѣ письма ап. Павла. Между ними есть и другія важныя различія. Ап. Павелъ нисколько не сомнѣвается касательно будущаго добраго поведенія Онисима; Плиній думаетъ, что юный отпущенникъ можетъ совершать проступки и опять. Плиній допускаетъ, что Сабиніанъ сердится и будетъ сердиться; ап. Павелъ нисколько въ этомъ отношеніи не опасается касательно Филимона. Ап. Павелъ въ своей защитѣ опирается на широкую основу искупленія человечества во Христѣ; Плиній ссылается на слезы и юность отпущенника и на ту привязанность, которую нѣкогда чувствовалъ къ нему его господинъ. Ап. Павелъ не считаетъ необходимымъ просить Филимона не наказывать своего бѣглаго раба; Плиній вынуждается просить своего друга не прибѣгать къ пыткамъ. Ап. Павелъ

не дѣлаетъ никакихъ упрековъ Онисиму; Плиній сурово бранилъ своего юнаго просителя и говорилъ ему, — не думая сдержать своего слова, — что онъ никогда не заступится за него опять. Письмо Плинія есть письмо прекраснаго язычника; но различіе, отдѣляющее язычника отъ христіанина, явственно выступаетъ въ каждой строкѣ ²¹⁹⁹).

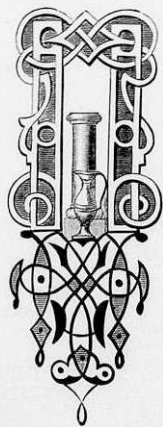

Древнее изображение ап. Павла на стеклѣ.
из Британскаго музея; вѣроятно самое раннее изображение апостола.

ГЛАВА LI.

ПОСЛАНИЕ КЪ ФИЛИМОНУ.

Послание это написано съ евангельскою
красотою. Бл. Геронимъ.
Servi sunt? immo conservi. СЕНЕКА.

АВЕЛЪ, узникъ Иисуса Христа, и Тимоевъ братъ, Филимону возлюбленному и сотруднику нашему, и Анфимъ (сестрѣ) ²²⁰⁰) возлюбленной, и Архиппу, сподвижнику нашему, и домашней твоей церкви: благодать вамъ и миръ отъ Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.

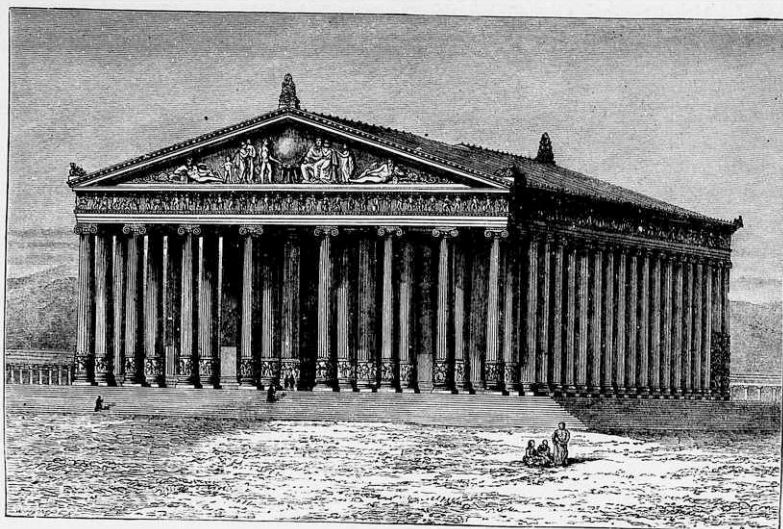
«Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебѣ въ молитвахъ моихъ, слыша о твоей любви и вѣрѣ, которую имѣешь къ Господу Иисусу и ко всѣмъ святымъ ²²⁰¹), дабы общеніе вѣры твоей оказалось дѣятельнымъ въ познаніи всякаго у васъ добра во Христѣ Иисусѣ, ибо мы имѣемъ великую радость и утѣшеніе въ любви твоей; потому что тобою, братъ, успокоены сердца святыхъ.

«Посему, имѣя великое во Христѣ дерзновеніе приказывать тебѣ, что должно, по любви лучше прошу, не иной кто, какъ я, Павелъ старецъ ²²⁰²), а теперь и узникъ Иисуса Христа; прошу тебя о сынѣ моемъ Онисимѣ, котораго родилъ я въ узахъ моихъ. Онъ былъ нѣкогда негоденъ для тебя ²²⁰³), а теперь годенъ тебѣ и мнѣ ²²⁰⁴); я возвращаю его. Ты же прими его, какъ мое сердце ²²⁰⁵). Я хотѣлъ при себѣ удерживать его, дабы онъ вмѣсто тебя послужилъ мнѣ въ узахъ за благовѣствованіе: но безъ твоего согласія ничего не хотѣлъ сдѣлать, чтобы доброе дѣло твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, можетъ быть, онъ для того на время отлучился, чтобы тебѣ принять его навсегда, не какъ уже раба, но выше раба, брата возлюбленнаго, особенно мнѣ, а тѣмъ больше тебѣ, и по плоти, и въ Господѣ. Итакъ, если ты имѣешь общеніе со мною, то прими его, какъ меня. Если же онъ чѣмъ обидѣлъ тебя, или долженъ, считай это на мнѣ. Я, Павелъ, написалъ моею рукою: я заплачу ²²⁰⁶); не говорю тебѣ о томъ, что ты и самимъ собою мнѣ долженъ. Такъ, братъ, дай мнѣ воспользоваться отъ тебя въ Господѣ ²²⁰⁷): успокой мое сердце въ Господѣ. Надѣясь на послушаніе твое, я написалъ къ тебѣ, зная, что ты сдѣлаешь и болѣе, нежели говорю. А вмѣстѣ приготви для меня и помѣщеніе; ибо надѣюсь, что по молитвамъ вашимъ я буду дарованъ вамъ.

«Привѣтствуетъ тебя Енафрасъ, узникъ вмѣстѣ со мною ради Христа Иисуса, Маркъ, Аристархъ, Димасъ, Лука, сотрудники мои.

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духомъ вашимъ. Аминь» ²²⁰⁸).

Когда Плиній заступался предъ Сабиніаномъ за сдѣлавшаго проступки отпущенника, онъ имѣлъ возможность скорѣ затѣмъ писать: «ты хорошо сдѣлалъ, принявъ своего отпущенника въ свой домъ и къ своему сердцу. Это доставить тебѣ удовольствіе, какъ оно доставляетъ удовольствіе и мнѣ; во-первыхъ потому, что оно доказываетъ мнѣ твое самообладаніе, и во-вторыхъ потому, что ты достаточно уважаешь меня, чтобы уступать моему авторитету и дѣлать снисхожденіе на мои просьбы». Каковъ былъ результатъ посланія ап. Павла, намъ не сообщается; но мы можемъ быть вполне увѣрены, что довѣріе того, кто съ такою проницательностью читалъ человѣческіе характеры, не пострадало; что Филимонъ принялъ своего раба съ такою же добротою, какъ Сабиніанъ принялъ своего отпущенника; что онъ простилъ его и не только возвратилъ ему свою прежнюю благосклонность, но сдѣлалъ также и то, чего не просилъ, но очевидно желалъ ап. Павелъ, именно отпустилъ его на свободу ²²⁰⁹). Мы можемъ быть также вполне увѣрены, что если ап. Павелъ когда-либо имѣлъ возможность совершить свое предполагаемое посѣщеніе Колоссе, то Филимонъ приготвилъ ему не просто «помѣщеніе», но истиннорадужный домъ подъ своей собственной и Анфимовой кровлей, гдѣ они и нѣсколько нетвердый Архиппъ, а также и община, собиравшаяся въ ихъ домъ, могли наслаждаться обществомъ и назидаться безсмертными словами своего возлюбленнаго учителя.

Храм Діаны въ Ефесѣ.

ГЛАВА ІІ.

ПОСЛАНИЕ КЪ ЕФЕСΙΑНАМЪ.

Ни въ одномъ посланіи ап. Павла не
заключено столько многозначительныхъ тайнъ.

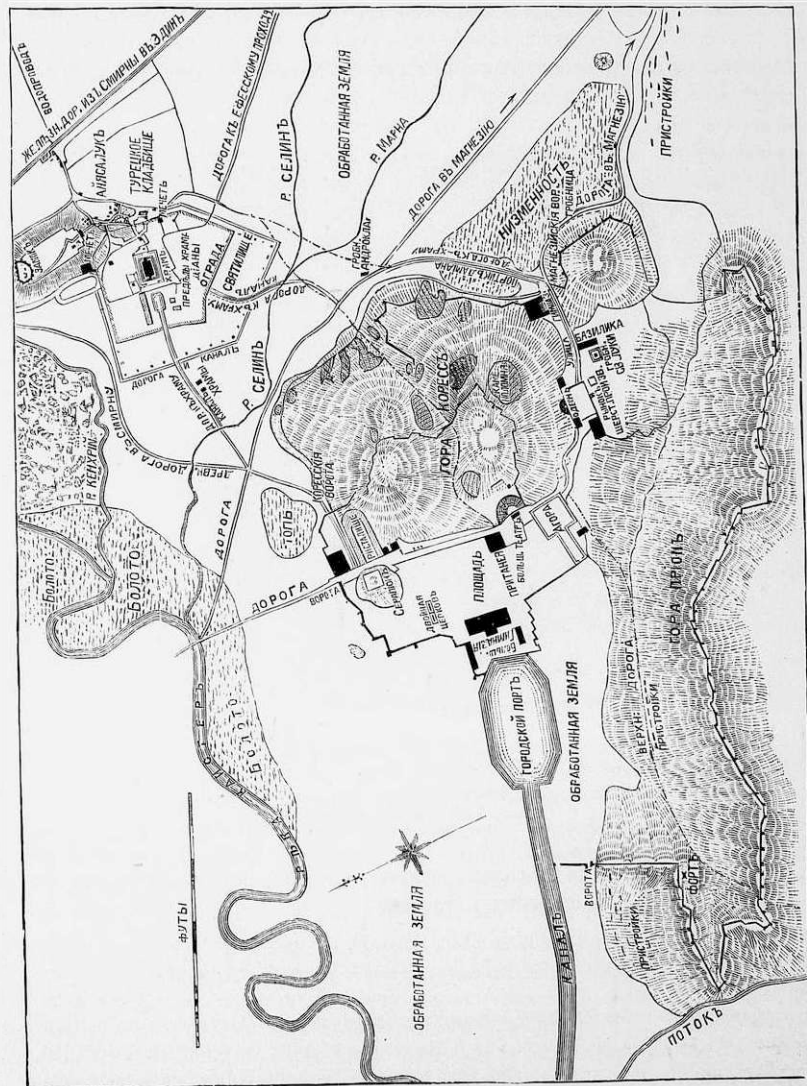
Бл. Иеронимъ.

Одно тѣло и одинъ духъ. Ефес. IV, 4.

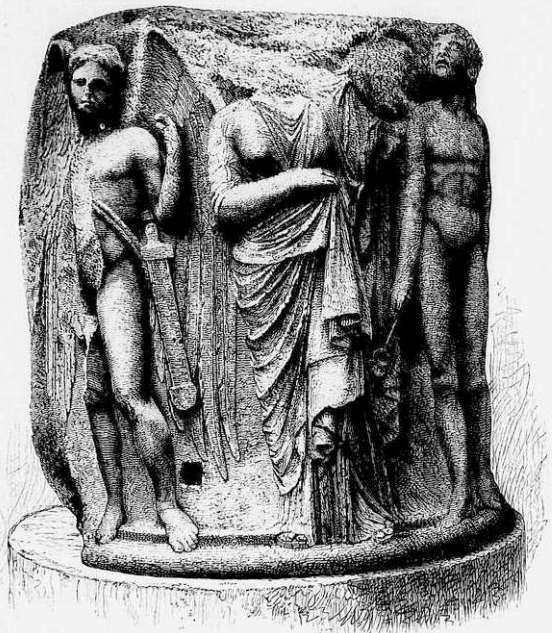
ВЪ посланіи къ Колоссянамъ полемическая, и изъ сравненія его съ посланіемъ къ Ефессянамъ²²¹⁰), первыя главы котораго отличаются гораздо болѣе величественною общностью великихъ истинъ, повидимому (какъ мы уже и замѣтили) вытекаетъ рѣшительное доказательство того, что послѣднее, до нѣкоторой степени, возникло изъ перваго, и что оно было написано потому, что апостолъ желалъ воспользоваться отбытіемъ Тихика съ письмомъ, которое вызвано было ересями въ Колоссахъ.

Касательно подлинности этого посланія, не смотря на всѣ выставившіеся противъ него доводы, мы не можемъ имѣть ни тѣни сомнѣнія. Мы изслѣдуемъ этотъ вопросъ безъ малѣйшей предвзятости. Если бы доводы противъ принадлежности

Планъ города Ефеса.

его ап. Павлу оказались достаточно сильными, то мы не стали бы бороться против них, да и глубочайшія истины посланія не сдѣлались бы для насъ менѣе глубокими или священными отъ того обстоятельства, что преданіе неутѣрно указало его автора ²²¹¹⁾.

Скульптурная группа съ подножія колонны отъ храма Діаны Ефесской (теперь въ Британскомъ музеѣ).

На доводы, которыми старались доказать, что «Федонъ» не былъ написанъ Платономъ, считалось достаточнымъ отвѣтить:

Εἰ μὲν Πλάτων οὐ γράφει δὴ ἐγγενὸς Πλάτωνος
(Если писалъ его не Платонъ, то значить два было Платона).

Несомнѣнно, если посланіе къ Ефессянамъ писалъ не ап. Павелъ, то надо предположить, что было два ап. Павла. Бауръ презрительно говоритъ о такомъ доводѣ ²²¹²⁾, но можетъ ли кто нибудь серьезно думать, чтобы поддѣльщикъ, способный произвести посланіе къ Ефессянамъ, могъ прожить и умереть безвѣстно среди свя-

тыхъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ очень заурядныхъ людей и посредственныхъ писателей, которые обратили на себя вниманіе въ церкви перваго столѣтія? Правда, Де-Ветте и его послѣдователи ²²¹³⁾ трактуютъ это посланіе съ высоты своего величія какъ пустословное и безцвѣтное произведеніе, стоящее совершенно ниже подлинныхъ посланій ап. Павла и отличающееся бѣдностью мыслей и обиліемъ словъ. На это мы можемъ отвѣтить только, что это предметъ вкуса. Даже яркославный цвѣтъ не производитъ никакого впечатлѣнія на чело-вѣка, страдающаго неспособностью различать цвѣта; и для нѣкоторыхъ читателей это посланіе казалось столь же мало безцвѣтнымъ, какъ и сводъ небесный въ своемъ ясномъ состояніи. Св. Златоустъ — отнюдь не плохой судья въ отношеніи стили и риторики — находилъ въ немъ благородную возвышенность чувствъ. Теофилактъ останавливается на этомъ посланіи совершенно съ такою же характеристикой. Гроцій говоритъ, что ап. Павелъ здѣсь выражаетъ возвышенность своихъ мыслей словами болѣе возвышенными, чѣмъ какія когда-либо изрекалъ языкъ человѣскій. Лютеръ считалъ его среди возвышеннѣйшихъ книгъ Новаго Завета. Витей называетъ его божественнымъ посланіемъ, пламенѣющимъ огнемъ христіанской любви и блескомъ святаго свѣта, бьющимъ фонтаномъ живой воды. Кольриджъ говорилъ о немъ: «въ этомъ божественнѣйшемъ произведеніи чело-вѣка заключается всякое ученіе христіанства: во-первыхъ — доктрины, составляющія особенность христіанства, и во-вторыхъ — начала, общія ему съ естественной религіей». Наконецъ Альфордъ называетъ его «величайшимъ и божественнѣйшимъ произведеніемъ того, самое воображеніе котораго населено небеснымъ и самая фантазія котораго восхищена въ видѣніяхъ Бога». Пфлейдереръ, отвергая даже подлинность этого посланія, говоритъ, что «изъ всѣхъ формъ, чрезъ которыя павлинизмъ прошелъ на пути своего перехода къ каеволичности, посланіе къ Ефессянамъ есть самое развитое и самое богатое въ догматическомъ отношеніи».

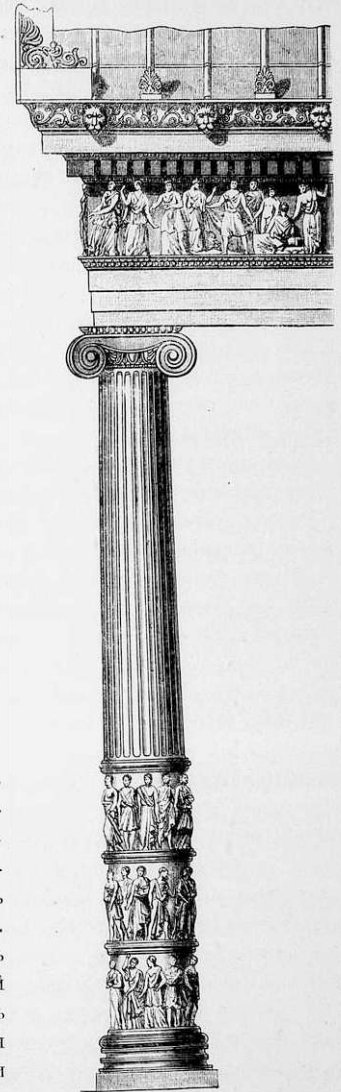
Близкое сходство въ выраженіи и въ многихъ мысляхъ съ посланіемъ къ Колоссянамъ, вмѣстѣ съ существенными отличіями ²²¹⁴⁾, отдѣляющими между собою эти два посланія, кажется намъ безусловно неотразимымъ доказательствомъ въ пользу подлинности ихъ обоихъ, даже если бы внѣшнія данныя были слабѣе, чѣмъ какъ они есть. Говоря вообще, мы можемъ сказать, что слогъ посланія къ Колоссянамъ отличается «богатою краткостью»; слогъ посланія къ Ефессянамъ — болѣе расплывчатою полнотою. Посланіе къ Колоссянамъ имѣетъ опредѣленный и логическій характеръ; посланіе къ Ефессянамъ — лирическій и азіатскій. Въ первомъ ап. Павелъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду заблужденіе, во-второмъ онъ воинъ, въ посланіи къ Ефессянамъ — онъ строитель. Въ первомъ онъ ратуетъ противъ тщетной и обманчивой философіи; во-второмъ онъ открываетъ небесную премудрость. Въ посланіи къ Колоссянамъ апостолъ выступаетъ со стороны своего

выдается въ каждомъ предложеніи въ томъ способѣ, которымъ великія истины перешлепаются одна съ другою и однако же всѣ соподчинены одной главной и величественной идеѣ. Можно воспроизвести внѣшній приѣмъ стили; но пусть кто нибудь попытается поддѣлаться подъ языкъ искренняго чувства, и всякій читатель скажетъ ему, до какой смѣшной степени онъ потерпѣлъ неудачу. Критики, доказывавшіе подложность нѣкоторыхъ посланій ап. Павла, намъ думается, совершенно не понимаютъ необычайной трудности навязать міру даже самое успѣшное подражаніе самому живому, самому задумчивому стилю, какой когда либо былъ извѣстенъ міру. Тотъ духъ, съ которымъ поддѣльщикъ принялся бы за письмо, не былъ бы духомъ, который могъ бы излить столь величественный свхаристическій гимнъ, какъ посланіе къ Ефесѣянамъ²²¹⁸). Пыль, напряженность, возвышенность, единящая — или, если можно употребить такое выраженіе, — всемпластическая сила воображенія надъ многими соподчиненными истинами, стремящимися къ выраженію; ревность, которая неудержимо влечетъ ап. Павла къ его главной цѣли, вопреки глубоко важныхъ мыслей, вторгающихся въ длинныя вставки и почти безконечныя параграфы, — все это по самой сущности литературнаго творенія стояло гораздо выше силъ всякаго, который, преднамѣренно вооружившись ложью, сталъ бы писать ложную надпись и съ трепещущимъ смиреніемъ похваляться несравненными духовными преимуществами, вѣренными ему какъ апостолу народовъ.

Сильная предубѣжденность особенно сказывается по отношенію къ излагаемому въ этомъ посланіи догматическому ученію. Но есть ли въ дѣйствительности что нибудь необычайное въ христологіи позднѣйшихъ лѣтъ ап. Павла? Что его воззрѣнія касательно верховной божественности Христа никогда не колебались—это, намъ думается, не будетъ отрицать ни одинъ добросовѣстный критикъ. Они столь же ясно, хотя и не столь открыто, выступаютъ въ первомъ посланіи къ Фессалоникійцамъ, какъ и во второмъ посланіи къ Тимофею. Ни одинъ мыслящій человекъ не можетъ сомнѣваться въ подлинности посланія къ Римлянамъ; и однако же Павлово благовѣстіе, логически развиваемое въ этомъ посланіи, совершенно тождественно съ тѣмъ, которое онъ съ такою торжественностью излагаетъ въ настоящемъ. Тутъ, какъ замѣтилъ Рейссъ, не двѣ системы, а два метода изложенія. Въ посланіи къ Римлянамъ точка зрѣнія ап. Павла *психологическая* и его богословіе построено на нравственныхъ явленіяхъ — всеобщности грѣха и безсилія человека, и отсюда спасеніе благодатію Божіею, чрезъ единеніе вѣрующаго съ умершимъ и воскресшимъ Христомъ. Въ посланіи же къ Ефесѣянамъ его точка зрѣнія есть богословская—идея осуществленія вѣчныхъ плановъ Божіихъ въ теченіе вѣковъ и единство во Христѣ искупленнаго человечества съ родомъ небеснымъ. Есть ли въ посланіи къ Ефесѣянамъ хотя одно такое слово касательно возвышенія Христа, которое бы указывало на иной смыслъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ ап. Павелъ въ пятнадцатой главѣ

перваго посланія къ Коринѣянамъ говорить о Христѣ какъ о конечномъ побѣдителя? Можно думать, что когда апостолъ началъ диктовать это окружное посланіе церквамъ Азій, преобладающею мыслью въ его душѣ было идеальное величіе и совершенство церкви Христовой и вытекающей отсюда долгъ святости, лежащій на всѣхъ ея членахъ. Мысль о человечествѣ, возрожденномъ во Христѣ по вѣчному домостроительству и вытекающей изъ нея долгъ всѣхъ жить согласно съ этимъ божественнымъ озареніемъ — вотъ тѣ крылья, которыя поддерживаютъ его на одномъ уровнѣ въ теченіе всего его восхищеннаго полета. Отсюда посланіе это естественно распадается на два большихъ отдѣла—догматическій и практический, заключающихъ въ себѣ идею и ея осуществленіе, чистое богословіе и прикладное богословіе, славное единство церкви во Христѣ какъ ея живомъ главѣ и нравственное увѣщаніе, которыя съ непреодолимою силою вытекаютъ изъ этой божественной тайны. Но такъ какъ онъ во всякомъ своемъ ученіи закладывалъ основаніе для жизни и повсюду основывалъ правила дѣятельности на ученіи, то два эти элемента не настолько рѣзко отдѣляются между собою, чтобы не смѣшиваться и не сочетаться въ общей цѣли. Слава призванія христіанина неразрывно связана съ возникающими изъ нея практическими обязанностями, на которыя и имѣлось въ виду указать посланіемъ. Великія начала находятъ свое полное осуществленіе въ ревностномъ исполненіи малыхъ обязанностей.

Вполнѣ естественно, что въ первыхъ трехъ главахъ ап. Павелъ подавленъ величіемъ своей темы. Всеобщее примиреніе во Христѣ, какъ центральномъ существѣ вселенной, есть главная мысль какъ посланія къ Ефесѣянамъ, такъ и посланія къ Колоссеянамъ. Ап. Павелъ старается напечатлѣть въ умахъ всѣхъ христіанъ,

Колонна отъ храма Діаны въ Ефесѣ.

что они вступили въ новый періодъ домостроительства Божія, періодъ идеальной церкви Божіей, которая должна обнять все на небѣ и на землѣ. Вокругъ этого центрального понятія, какъ вокругъ фокуса напряженнаго свѣта, лучеобразно исходятъ соображенія, которыя онъ и желаетъ особенно внушить намъ: именно, что эта совершенная идея есть произведеніе предвѣчно предположенной цѣли; что домостроительство ²²¹⁹⁾ всѣхъ прошлыхъ событій исторіи было прежде всѣхъ вѣковъ предназначено для достиженія ея осуществленія; что это тайна, т. е. тайна сокрытая отъ прежнихъ вѣковъ и открытая теперь; что каждое лицо божественной Троицы принимало прямое участіе въ немъ; что этотъ планъ есть результатъ свободной благодати; что онъ не измѣримъ ни по широтѣ и по долготѣ, ни по высотѣ и глубинѣ, такъ какъ есть проявленіе любви, богатство которой неизсякаемо и превосходитъ всякое знаніе; что блага его распространяются какъ на іудея, такъ и на язычника; что онъ сосредоточивается въ личности воскресшаго Христа, и что самому апостолу, при всемъ его недостоинствѣ, вручена страшная отвѣтственность проповѣди о немъ среди язычниковъ.

Непрестанное повтореніе господствующихъ словъ въ связи съ этими различными мыслями есть замѣчательная черта первыхъ трехъ главъ ²²²⁰⁾. Такимъ образомъ, стараясь выразить, что вся великая схема искупительной любви есть часть божественной «воли» и «опредѣленія», онъ часто повторяетъ эти два слова. Благодать (*χάρις*) занимаетъ настолько выдающееся мѣсто въ умѣ апостола, что слово это употреблено тринадцать разъ и можетъ считаться основной нотой всего посланія ²²²¹⁾. Мысли писателя настолько заняты воскресшимъ и вознесшимся Христомъ, какъ главою, центромъ и жизнью церкви, что онъ шесть разъ употребляетъ выраженіе «небесное» безъ ограниченія временемъ или мѣстомъ ²²²²⁾. Онъ такъ глубоко чувствуетъ необходимость духовной прозорливости для противопоставленія ея безумію воображаемой мудрости, что дѣятельность Духа Божія въ духѣ человеческомъ здѣсь выставляется съ особенною силою ²²²³⁾. Слова «богатство» ²²²⁴⁾ и «слава» ²²²⁵⁾, «тайна» ²²²⁶⁾ и «полнота» ²²²⁷⁾ показываютъ также господствующія ноты, звучащія въ его душѣ, между тѣмъ какъ частыя сложныя слова съ предлогами *ἐν*, *ἐν* и *ἐν* ²²²⁸⁾ показываютъ, какъ глубоко онъ пораженъ возвышенностью, предопредѣленностью и плодами этого благовѣстія въ объединеніи іудея и язычника въ одномъ великомъ духовномъ храмѣ, средостѣіе котораго было разрушено навсегда. «Самое продолжительное изученіе», говоритъ Морисъ, «было бы вполне вознаграждено изслѣдованіемъ того, въ какомъ порядкѣ вводятся эти подробности, въ какомъ отношеніи онѣ стоятъ одна къ другой, какъ всѣ онѣ относятся къ одному основанію—благоволенію Божію, и къ одной цѣли—собиранію всего въ Христѣ ²²²⁹⁾. Но какъ ни желательно подробное изслѣдованіе такого рода въ отношеніи этого посланія, читатель долженъ всецѣло послѣдовать за апостоломъ въ его быстромъ и возвышенномъ полетѣ,

если онъ хочетъ знать что либо о той высотѣ, съ которой апостолъ нисходитъ и къ которой возвращается» ²²³⁰⁾.

Послѣ своего обычнаго привѣтствія святымъ, апостолъ восторженно начинать предложеніемъ, которое есть «не только вступленіе въ посланіе, но также и объявленіе его цѣли»:

«Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, благословившій насъ во Христѣ всякимъ духовнымъ благословеніемъ въ небесахъ; такъ какъ Онъ избралъ насъ въ Немъ прежде созданія міра, чтобы мы были святы и непорочны предъ Нимъ въ любви, предопредѣливъ усыновить насъ Себѣ чрезъ Иисуса Христа, по благоволенію воли Своей, въ похвалу славы благодати Своей, которою Онъ облагодатствовалъ насъ въ Возлюбленномъ» ²²³¹⁾.

Это приводитъ его къ мѣсту, въ которомъ главнымъ образомъ выступаетъ дѣятельность Сына въ этомъ великомъ предустановленномъ планѣ:

«Въ Немъ мы имѣемъ искупленіе кровію Его, прощеніе грѣховъ, по богатству благодати Его, каковую Онъ въ неизбыткѣ даровалъ намъ во всякой премудрости и разумѣніи, открывъ намъ тайну Своей воли по Своему благоволенію, которое Онъ прежде положилъ въ Немъ, въ устроеніе полноты временъ, дабы все небесное и земное соединить подъ главою Христомъ. Въ Немъ мы и сдѣлались наслѣдниками, бывъ предназначены къ тому по опредѣленію Совершающаго все по изволенію воли Своей, дабы послужить къ похвалѣ славы Его намъ, которые ранѣе уповали на Христа» (1, 7—12).

Этимъ повтореніемъ выраженія «къ похвалѣ славы Его» вводится дѣятельность третьяго лица Божественной Троицы: «въ Немъ (Христѣ) и вы (равно какъ и іудейскіе христіане, которые прежде уповали на Христа), услышавъ слово истины, благовѣствованіе вашего спасенія, и увѣровавъ въ Него, запечатлѣны обѣтованнымъ Святымъ Духомъ, который есть залогъ наслѣдія нашего, для искупленія удѣла Его, въ похвалу славы Его» (1, 13, 14).

Такъ какъ слѣдов. это есть опредѣленное предустановленіе Божіе отъ вѣчности, что именно человѣкъ долженъ чрезъ искупленіе Христова принять похвалу славы предвѣчной Троицы и принять печать Духа, какъ залогъ полного и окончательнаго вступленія въ свое наслѣдство, то ап. Павелъ говоритъ намъ, что, слыша о ихъ вѣрѣ и любви, онъ непрерывно молился, дабы Богъ—Богъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ славы—даровалъ имъ полное познаніе ²²³²⁾ Его, «просвѣтитъ очи сердца ихъ», дабы они познали, въ чемъ состоитъ ихъ призваніе, богатство и слава ихъ наслѣдства, и безмѣрное величіе державной силы, которою Онъ воздѣйствовалъ во Христѣ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ и посадивъ одесную себя на небесахъ, какъ верховнаго и вѣчнаго правителя всякой духовной и земной силы, и поставивъ Его выше всего главою Церкви, которая есть тѣло Его, «полнота (т. е. наполненное содержаніе, переполненный сосудъ) Наполняющаго все во всемъ» ²²³³⁾.

Но для кого предназначены были эти великія преимущества и какъ они были дарованы? Полный отвѣтъ на это содержится во второй главѣ. Они предназначались для всѣхъ, какъ для іудея, такъ и для язычника, и были дарованы свободою благодатию. Въ этомъ отдѣлѣ господствующая мысль есть единство человѣчества «на небесахъ, во Христѣ». Язычники были мертвы, по преступленіямъ и грѣхамъ своимъ, поглощены временнымъ и вѣшнимъ²²³⁴), показывая въ своемъ непослушаніи вліяніе князя силы воздушныя; и іудеи также всецѣло заняты были похотями плоти, исполняя вѣдѣнія плоти и помысловъ, и были по природѣ чадами гнѣва²²³⁵), какъ и прочіе; но Богъ, богатый милостію, по своей великой любви, оживотворилъ какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ, еще мертвыхъ въ своихъ преступленіяхъ, воскресилъ ихъ, и посадилъ на небесахъ во Христѣ Иисусѣ,—какое выраженіе повторяется въ стихѣ за стихомъ, будучи въ самомъ сердцѣ мыслей апостола. Совершающая сила этого великаго спасенія есть благодать, дѣйствующая чрезъ вѣру; и цѣль новаго домостроительства состоитъ въ томъ, чтобы «явить въ грядущихъ вѣкахъ прензобильное богатство благодати Божіей въ благодти къ намъ», и чтобы мы, какъ заново созданные такимъ образомъ во Христѣ и не имѣя поэтому возможности хвалиться²²³⁶) тѣмъ, что достигаемъ своего спасенія добрыми дѣлами, однакоже ходили въ добрыхъ дѣлахъ, которыя Богъ предназначилъ намъ исполнять²²³⁷). Язычники поэтому должны помнить, что ихъ прежде необрѣзаніе, насколько оно имѣло значеніе, было духовнымъ необрѣзаніемъ, которое состояло въ крайнемъ отчужденіи отъ Христа, Его царства и Его обѣтованія. Но теперь во Христѣ они, нѣкогда бывшіе далеко, стали близки кровію Христовою. Ибо Онъ нашъ миръ; Онъ разрушилъ средостѣніе—вражду между двумя членами Его великой человѣческой семьи,—отмѣнивъ законъ постановленій и опредѣленій²²³⁸), чтобы пересоздать ихъ обоихъ—іудея и язычника—въ новое человѣческое существо, водворить миръ, и въ одномъ тѣлѣ примирить ихъ обоихъ съ Богомъ посредствомъ креста, убивая такимъ образомъ вражду между ними обоими и между ними и Богомъ. Результатъ Его пришествія есть такимъ образомъ миръ всѣмъ—далекимъ и близкимъ; потому что чрезъ Него мы всѣ имѣемъ доступъ чрезъ одного Духа къ Отцу. Язычники «уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ и свои Богу, бывъ утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣи Самого Иисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе, слагаясь строино²²³⁹), возрастаетъ въ святыи храмъ въ Господѣ» (п, 1—22).

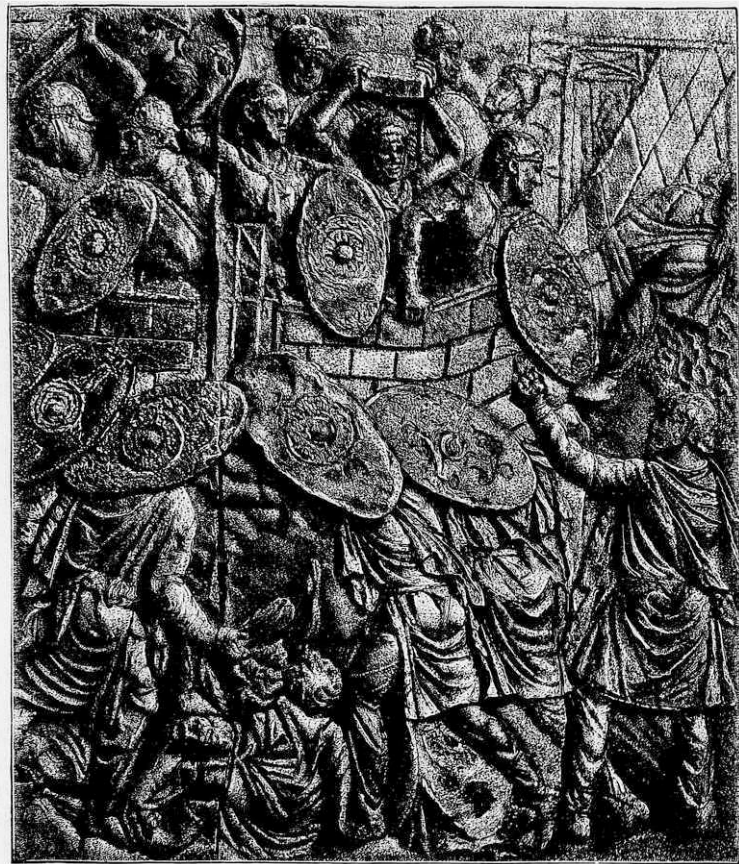
Затѣмъ слѣдуетъ глава вставокъ или скорѣе мыслей, наводящихъ на мысли и примыкающихъ одна къ другой, какъ и во всемъ посланіи, посредствомъ отдѣльныхъ связей²²⁴⁰). Возвращаясь къ молитвѣ (і, 17), нить которой была прервана полнымъ изліяніемъ великихъ истинъ, которыми онъ хотѣлъ просвѣтить ихъ, апостолъ говоритъ: «для сего-то»—именно для всей этой великой тайны, которую онъ излагалъ и которая вытекаетъ изъ ихъ единенія во Христѣ—

«я, Павелъ, сдѣлался узникомъ Иисуса Христа за васъ, язычниковъ»,—и затѣмъ молитва вновь прерывается вставкой, которая тянется на тринадцать стиховъ. Имѣя въ виду, что посланіе это обращено было не только къ ефесіанамъ, изъ которыхъ большинство были вполне извѣстны ему, но также и къ другимъ азиатскимъ церквамъ, изъ которыхъ нѣкоторые онъ даже не посѣщалъ и которыхъ едва ли зналъ болѣе чѣмъ по имени²²⁴¹), онъ останавливается на возвышенномъ характерѣ порученной ему миссіи и выражаетъ въ то же самое время собственное чувство крайняго личнаго недостойнства. Назвавъ себя «узникомъ Иисуса Христа за васъ, язычниковъ», онъ продолжаетъ:

«Какъ вы слышали о домостроительствѣ благодати Божіей, данной мнѣ для васъ, потому что мнѣ чрезъ откровеніе возвѣщена тайна (о чемъ я и выше писалъ кратко); то вы, читая, можете усмотрѣть мое разумѣніе тайны Христовой, которая не была возвѣщена прежнимъ поколѣніямъ сыновъ человѣческихъ, какъ нынѣ открыта святымъ апостоламъ Его²²⁴²) и пророкамъ Духомъ Святымъ, чтобы и язычникамъ быть сонаслѣдниками, составляющими одно тѣло, и сопричастниками²²⁴³) обѣтованія Его во Христѣ Иисусѣ посредствомъ благовѣствованія, котораго служителемъ сдѣлался я по дару благодати Божіей, данной мнѣ дѣйствіемъ силы Его. Мнѣ, наименьшему²²⁴⁴) изъ всѣхъ святыхъ, дана благодать сія, благовѣствовать язычникамъ неизслѣдимое²²⁴⁵) богатство Христово, и открыть всѣмъ, въ чемъ состоитъ домостроительство тайны, сокрывавшейся отъ вѣчности въ Богѣ, создавшемъ все Иисусомъ Христомъ, дабы нынѣ содѣлалась извѣстною чрезъ Церковь начальствамъ и властямъ на небесахъ многообразная премудрость Божія²²⁴⁶), по предвѣчному опредѣленію, которое Онъ исполнилъ во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, въ которомъ мы имѣемъ дерзновеніе и надежный доступъ чрезъ вѣру въ Него. Посему прошу васъ не унывать при моихъ ради васъ скорбяхъ, которыя суть ваша слава. Для сего преклоняю колѣна мои предъ Отцемъ Господа нашего Иисуса Христа²²⁴⁷), отъ котораго именуется всякое отечество на небесахъ и на землѣ, да дастъ вамъ по богатству славы Своей крѣпко утвердиться Духомъ Его во внутреннемъ чловѣкѣ²²⁴⁸), вѣрою вселиться Христу въ сердца ваши; чтобы вы, укорененные и утвержденные въ любви, могли постигнуть со всѣми святыми, чтѣ широта и долгота, и глубина и высота, и уразумѣть превосходящую разумѣнію любовь Христову, дабы вамъ исполниться всею полнотою Божіею²²⁴⁹). А Тому, кто дѣйствующею въ насъ силою можетъ сдѣлать неслышанно больше²²⁵⁰) всего, чего мы просимъ, или о чемъ помышляемъ, Тому слава въ Церкви во Христѣ Иисусѣ во всѣ роды, отъ вѣка до вѣка. Аминь» (ш, 2—21).

Этимъ онъ заключаетъ догматическую часть посланія; остальная половина имѣетъ строго практическій характеръ. Ап. Павелъ не дѣлалъ ни какого пониженія въ мысли при переходѣ отъ самыхъ возвышенныхъ истинъ къ самымъ скромнымъ нравственнымъ обязанностямъ. Онъ зналъ, что святость есть сущность бытія Божія и въ святости христіанъ видѣлъ превосходный резуль-

татъ той предопредѣленной цѣли, которая, вырабатываясь до постепеннаго совершенства въ домостроительствѣ прошлыхъ *эпохъ*, теперь вполне проявилась и открылась во Христѣ. Онъ знаетъ, что возвышеннѣйшія начала составляютъ необхо-

Осада
(съ Трапной колонны въ Римѣ).

димую основу для самыхъ простыхъ актовъ добродѣтельности, и что все, что есть наиболѣе чистаго, любвеобильнаго и добраго въ христіанской жизни, единственно есть результатъ всего, что есть самаго возвышеннаго въ вѣрѣ христіанина.

Блескъ планетъ можетъ быть слабымъ и тусклымъ, и однако же онъ составляетъ отраженіе общаго солнца. Такъ и добродѣтель искупленнаго человѣка, какбы она ни была блѣдна сама по себѣ, всетаки священна, потому что она есть отраженіе солнца правды. Отраженный свѣтъ нравственности есть ничто помимо свѣта той религіи, изъ которой онъ истекаетъ. Въ честности мало добродѣтельнаго, когда она просто является результатомъ хорошей расчетливости; равнымъ образомъ и въ цѣломудріи, когда оно поддерживается единственно изъ боязни наказанія, даже вообще въ добродѣтели, когда она усвоится на основаніи холоднаго расчета, что она приводитъ къ величайшему счастью наибольшее число людей. Не такъ смотрѣлъ на нравственность ап. Павелъ. Многія изъ положеній, которыя онъ излагаетъ въ практическихъ отдѣлахъ своихъ посланій, могли бы также быть изложены не безъ достоинства какимъ-либо Эпиктетомъ или Маркомъ Авреліемъ; но то, что полагаетъ неизмѣримое разстояніе между ученіемъ ап. Павла и ихъ ученіемъ, есть обстоятельство, что по взгляду ап. Павла святость не есть несовершенный результатъ личной самодисциплины, но естественное слѣдствіе божественной жизни, внушаемой Тѣмъ, Кто есть общая глава всего рода человѣческаго и при участіи въ полнотѣ котораго самый скромный актъ самопожертвованія приобретаетъ священную цѣну и священное значеніе. Между возвышеннымъ ученіемъ стоицизма и божественными увѣщаніями христіанства находятся между многими другими и слѣдующіе пункты различія. Стоицизмъ обращался только къ немногимъ благородно-возвышеннымъ сердцамъ, относясь съ презрѣніемъ и отчаяніемъ къ заурядному стаду человѣчества во всѣхъ его классахъ, какъ къ неспособному къ философскому воспитанію или нравственному возвышенію. Христіанство, во имя Бога нелицепріятнаго, обращалось ко всѣмъ самымъ слабымъ и худшимъ людямъ, считая ихъ всѣхъ искупленными во Христѣ. Затѣмъ стоицизмъ помрачался и затемнялся до самой своей сердцевины со стороны его недостойнѣйшихъ приверженцевъ глубокою недоумѣнностью и неизлечимою мрачностью; христіанство во всякомъ изреченіи дышетъ радостнымъ духомъ побѣды и надежды. Даже лучшіе изъ стоиковъ смотрѣли на жизнь окружающихъ ихъ людей съ отвращеніемъ, къ которому примѣшивалось презрѣніе, и это презрѣніе ослабляло чувство взаимности и питало гордость. Но ап. Павелъ обращается съ откровеніемъ несравненно болѣе возвышеннымъ, болѣе глубокимъ, болѣе духовнымъ, чѣмъ какое могъ предлагать стоицизмъ, къ людямъ, которые, какъ онъ хорошо знаетъ, жили въ узахъ худшихъ грѣховъ язычества и едва ли даже еще вполне освободились отъ этихъ узъ. Онъ обращается съ увѣщаніями о безпорочной чистотѣ и сознательной добродѣтельности завѣдомо къ людямъ, которые были ворами и прелюбодѣями, а часто и хуже того; и при этомъ онъ, будучи совершенно далекъ отъ всякаго самовозношенія въ отношеніи своего собственнаго нравственнаго превосходства, хотя и считаетъ свою собственную жизнь сокрытою со Христомъ въ Богѣ, но признаетъ ее такъ мало способною вдохновлять

чувство удовлетворения, что теряется в убеждении относительно своего собственного недостатка в сравнении с богатством милосердия Божия и касательно неизреченного величия той, так долго бывшей сокровенною, тайны, которую открыты теперь в надлежащее время и поручено было ему. Смѣна молитвы и гимна в этом величественном послании обуславливается «чувством противоположности — единения слабости и силы, скорби и славы, всего что было и что будет, безусловной любви Божией, откровения этой любви человеку в Ходатаѣ, дѣйствія этой любви в человекѣ чрезъ Духа Святаго, соприсчастія ничтожнѣйшей плотской твари на землѣ съ духами на небѣ, покровы любви вверху и бездны любви внизу, обнимающей всякую тварь».

«Итакъ я», продолжаетъ апостолъ — и какъ много заключается в этомъ «итакъ», по отношенію ко всѣмъ тѣмъ величественнымъ истинамъ, которыя были изложены имъ! — «итакъ я, узникъ в Господѣ, умоляю васъ поступать достойно званія, въ которое вы призваны». Это основная нота всего, что слѣдуетъ затѣмъ. Земной успѣхъ или счастье такъ ничтожны в сравненіи съ безконечною и вѣчною славой, которой они достигли посредствомъ скорбей, что, убеждая ихъ не падать духомъ при видѣ его невзгодъ, онъ дѣлаетъ самыя эти невзгоды предметомъ увѣщанія, сознавая, что онъ можетъ говорить имъ тѣмъ съ большимъ вліаніемъ, что онъ «узникъ в Господѣ» и «посланникъ в узахъ». Достойное возвышеніе на степень своего призванія они должны были показывать добродѣтелями, которыя въ ихъ языческомъ состояніи они почти относили къ презрѣннымъ порокамъ, — именно, самоуничиженіемъ, смиреніемъ, терпѣніемъ и снисходительностью, взаимнымъ самопочтеніемъ. Запальчивые споры, безумная зависть, непримиримые раздоры, яростный духъ мщенія, которыми они отличались въ своемъ языческомъ состояніи, должны были пыломъ любви расплавиться въ одно великое и духовное единство и миръ. Единство, результатъ любви, есть господствующая мысль этого отдѣла (iv, 3—13). «Одно тѣло и одинъ духъ, какъ вы и призваны къ одной надеждѣ вашего званія; одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, который надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ»²²⁵¹). Это единство однако же не есть мертвый уровень однообразности. Каждый имѣетъ свою особую мѣру благодати, данной Тѣмъ, Кто, восходя въ торжествѣ надъ грѣхомъ и смертію, «далъ дары людямъ»²²⁵²), сначала низводя для того, чтобы восхожденіемъ «превыше небесъ» Онъ могъ наполнить все. Поэтому апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учителя, всѣ назначены, въ силу данныхъ имъ даровъ, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія для созиданія тѣла Христова, пока всѣ окончательно не прійдемъ²²⁵³) въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова. Но чтобы содѣйствовать этому совершенному возрастанію, мы должны отложить всякое нравственное и духовное младенчество; мы должны твердою рукою держаться за руль, чтобы не колебаться и не увлекаться всякимъ

вѣтромъ ученія по лукавству человекѣвъ, по хитрому искусству обольщенія. Быть истинно любящими — вотъ тайна христіанскаго возрастанія²²⁵⁴). Искренность и человеколюбіе составляютъ жизненную кровь въ жилахъ той Церкви, для которой Христосъ есть глава и сердце, «изъ котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви» (iv, 1—16).

Послѣ изложенія обязанности стремиться къ единству, апостолъ возвращается къ своему увѣщанію; и какъ прежде онъ увѣщевалъ ихъ ходить достойно своего званія, такъ теперь онъ убеждаетъ ихъ не поступать, какъ поступаютъ прочіе народы, которые, по суетности ума своего будучи помрачены въ разумѣ, отчуждены отъ жизни Божіей, по причинѣ ихъ нечѣстности и ожесточенія сердца ихъ²²⁵⁵); вслѣдствіе чего они, потерявъ всякое чувство сокрушенія о грѣхѣ²²⁵⁶), предались распутству такъ, что дѣлаютъ всякую нечистоту съ ненасытимостью²²⁵⁷). «Но вы не такъ познали Христа; потому что вы слышали о Немъ и въ Немъ научились, такъ какъ истина во Иисусѣ²²⁵⁸), отложить прежній образъ жизни ветхаго человека, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, а обновиться духомъ ума вашего, и облечься въ новаго человека, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины» (iv, 17—24).

Затѣмъ слѣдуетъ много практическихъ приложений, которыя являются результатомъ этого облеченія души въ новосозданное челоѣчество. Отвергнемъ всякую ложь, потому что мы члены другъ друга²²⁵⁹). Пусть праведный гнѣвъ нашъ не вырождается въ хроническое ожесточеніе, и солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ нашемъ, такъ чтобы не давать мѣста діаволу. Пусть честная работа, приобрятающая достаточно даже для милостыни, выступитъ на мѣсто воровства; никакое гнилое слово²²⁶⁰) да не сходитъ изъ устъ нашихъ, а только доброе для назиданія въ вѣрѣ, дабы оно доставляло благодать слушающимъ, такъ какъ словесная нечистота есть оскорбленіе Святаго Духа, которымъ мы запечатлѣны въ день искупленія. Затѣмъ, возвращаясь къ своему главному предмету — единству, онъ говоритъ: «всякое раздраженіе, и ярость, и гнѣвъ, и крикъ, и злорѣчіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ; но будьте другъ ко другу добры, сострадательны, прощайте другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ. И такъ подражайте Богу, какъ чада возлюбленные, и живите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ, и предалъ Себя за насъ въ приношеніе и жертву Богу, въ благоуханіе пріятное» (iv, 25—v, 2).

Затѣмъ, переходя къ другимъ практическимъ обязанностямъ, онъ запрещаетъ всякую форму нечистоты или безстыдства въ словѣ или въ дѣлѣ, а также и ту свѣтскую заносчивость²²⁶¹), которая иногда средна съ ними, такъ какъ все это неприлично христіанину; виновные въ нихъ не имѣютъ наслѣдства въ царствѣ Божіемъ, такъ какъ эти пороки составляютъ постоянный источникъ

гнѣва Божія ²²⁶²). Пусть благодареніе у нихъ выступитъ на мѣсто сквернословія, потому что хотя они и были тьмой, теперь они свѣтъ въ Господѣ. Пусть же они поступаютъ какъ чада свѣта, потому что плодъ свѣта ²²⁶³) состоитъ во всякой благодати, праведности и истинѣ. Свѣтъ есть господствующее здѣсь понятіе, какъ любовь въ предыдущей главѣ ²²⁶⁴). Пусть же они не принимаютъ участія въ безплодныхъ дѣлахъ тьмы, «но обличайте, ибо о томъ, что они дѣлаютъ тайно, стыдно и говорить; все же обнаруживаемое дѣлается явнымъ отъ свѣта, ибо все, дѣлающееся явнымъ, свѣтъ есть» ²²⁶⁵). Таковъ то именно смыслъ изреченія, которое быть можетъ взято изъ христіанскаго гимна:

Εὐχαίρε ὁ καθύδων
Ἀνάστα ἐκ τῶν νεκρῶν
Ἐπιφάνσει σοι ὁ Χριστός.

•Встань спящій,
•И воскресни изъ мертвыхъ,
•И освѣтитъ тебя Христосъ» ²²⁶⁶).

«Итакъ смотрите, поступайте осторожно, не какъ неразумные, но какъ мудрые, дорожа временемъ, потому что дни лукавы. Итакъ не будьте неразумительны, но познавайте, чтѣ есть воля Божія» (v, 3—17).

Такимъ образомъ, перемѣшивая частныя увѣщанія съ общими началами, апостолъ переходитъ къ предостереженію ихъ отъ пьянства и, какбы припоминая то одушевление, съ которымъ они, быть можетъ вмѣстѣ съ нимъ, пѣли только что приведенныя имъ слова, онъ проситъ ихъ искать духовнаго возвышенія въ томъ святомъ энтузіазмѣ, который проявляется въ мелодіяхъ христіанскихъ пѣснопѣній и въ благородной музыкѣ сердца, когда въ тоже время всѣ они взаимно подчиняются другъ другу въ страхѣ Божіемъ (v, 18—21).

Упомянувъ такимъ образомъ случайно объ обязанности взаимнаго послушанія, онъ затѣмъ разъясняетъ и подтверждаетъ ее въ трехъ главныхъ общественныхъ отношеніяхъ ²²⁶⁷). Жены должны повиноваться своимъ мужьямъ, какъ Церковь повинуется Христу; мужья должны любить своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водою, посредствомъ слова; чтобы представить ее Себѣ славною Церковію, не имѣющею пятна или порока или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна, какъ часть Его Самого въ неразрывномъ единствѣ. Дѣти должны повиноваться своимъ родителямъ и родители не должны раздражать своихъ дѣтей. Рабы должны служить съ усердіемъ, будучи какбы рабами своего невидимаго Господина—Христа, и поэтому должны честно исполнять обязанности того положенія въ жизни, въ которое Онъ поставилъ ихъ. Сами господа въ обращеніи съ рабами также должны умѣрять свою строгость, зная, что и надъ ними есть на не-

бесахъ Господь, у котораго нѣтъ лицепріятія и предъ лицомъ котораго всѣ равны (v, 22—vi, 9).

Изложивъ главныя обязанности домашней и общественной жизни, какъ онѣ представляются въ свѣтѣ ученія Христова, онъ проситъ ихъ наконецъ «укрѣпляться Господомъ и могуществомъ силы Его» ²²⁶⁸). Это увѣщаніе приводитъ ему на память образъ оружія, съ которымъ былъ такъ знакомъ изможденный и престарѣлый узникъ. Каждый день тяжелая цѣпь, которою его правая кисть была прикована къ лѣвой кисти руки римскаго легіонера, звучала при всякомъ движеніи его или воина. Военный кушакъ, военная обувь, продолговатый щитъ, шлемъ, латы и мечъ преторіанскаго стража — все это онъ видѣлъ предъ собою изо дня въ день. Но мы не можемъ сомнѣваться, что при своемъ глубоко гуманномъ отношеніи къ жизни и юности вообще апостолъ, который знаетъ, что языческій міръ былъ также искупленъ во Христѣ, дѣтство котораго прошло въ языческомъ городѣ, который любилъ человѣка какъ человѣка, потому что онъ видѣлъ образъ всего человѣчества въ Богѣ,—часто бесѣдовалъ съ усталыми солдатами, которые стерегли его, стараясь полезной и ласковой бесѣдой разсѣять ихъ скуку; такъ что, какъ легко вообразить, легіонеры, исполнившіе эту непріятную обязанность, не смотря на крайнее національное отвращеніе, стали при сковываніи предпочитать Павла, іудейскаго узника, всякому, кто только по капризу ли, справедливости, или тираніи поручался ихъ военному надзору. Солдаты несомнѣнно разсказывали ему, въ какихъ странахъ они стояли лагеремъ, какихъ варваровъ они усмиряли или покоряли римской власти. Онъ навѣрно спрашивалъ ихъ, въ какой битвѣ былъ попорченъ шлемъ, въ какой стычкѣ нанесены были замѣтные на щитахъ удары и вслѣдствіе чего произошли зазубрины на мечахъ ²²⁶⁹). Они навѣрно разсказывали ему о страшной борьбѣ съ врагами въ отчаянныхъ стычкахъ и о *falaricae* ²²⁷⁰)—стрѣлахъ, обернутыхъ горящей паклей, отъ которой только щиты и могли спасать ихъ во время осады. Переносясь мыслью при этомъ къ болѣе ожесточенной брани противъ болѣе смертельныхъ враговъ, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ ²²⁷¹),—брани, которую ведутъ всѣ чада Божіи, онъ проситъ христіанскихъ обращенцевъ облечься во всесоружіе Божіе, чтобы можно было стать противъ козней діавольскихъ. Итакъ, пусть станутъ они, препоясавъ ²²⁷²) чресла свои истиною, и облечшись въ броню праведности, и обувь ноги въ готовность благовѣствовать миръ ²²⁷³); и вдобавокъ къ этому пусть они возьмутъ щитъ вѣры, которымъ и могутъ угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго. Единственное ихъ оружіе есть мечъ духовный, который есть слово Божіе ²²⁷⁴). Пусть они постоянно пребываютъ въ молитвѣ и бодрствованіи; и кромѣ молитвъ о всѣхъ святыхъ онъ проситъ также и молитвъ о себѣ самомъ, не о томъ, чтобы онъ былъ избавленъ отъ узъ, отъ цѣпей, но чтобы ему дерзновенно и мужественно проповѣдывать тайну благовѣствованія, для котораго онъ и есть посланникъ—не непрекосновенный

по своему положению, не блистательный посланник, но «посланник въ узахъ»²²⁷⁵).

Въ этомъ посланіи апостолъ не посылаетъ никакихъ извѣстій или личныхъ привѣтствій, потому что онъ посылаетъ съ нимъ своего вѣрнаго и возлюбленнаго Тихика, который лично передастъ имъ, равно какъ и другимъ городамъ, все касательно его; но онъ заканчиваетъ свое посланіе особенно полнымъ благословеніемъ: «миръ братіямъ и любовь съ вѣрою отъ Бога Отца и Господа Иисуса Христа. Благодать со всѣми, неизмѣнно любящими Господа нашего Иисуса Христа. Аминь» (vi, 21—24).

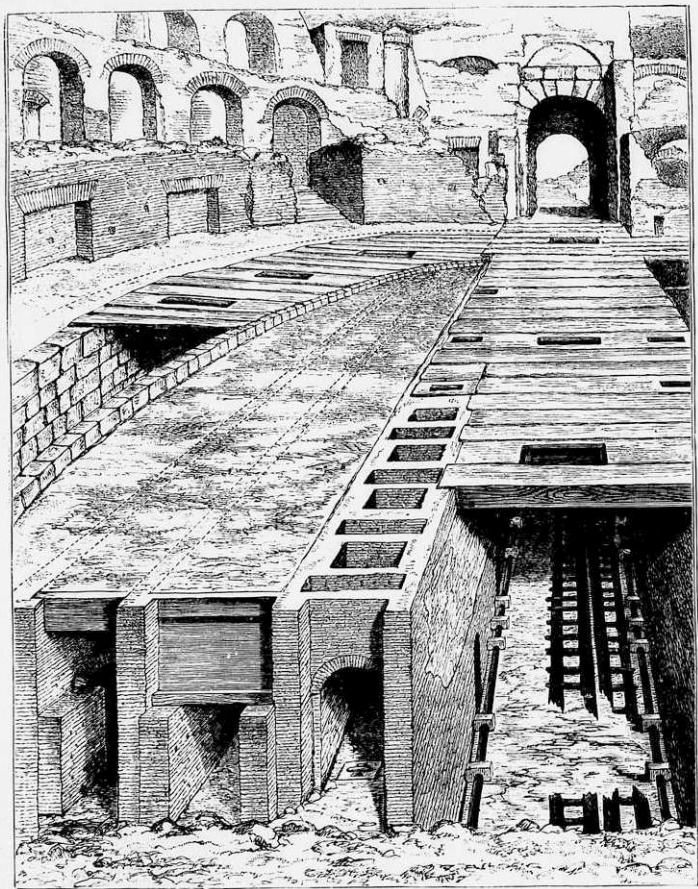
Теперь мы изслѣдовали всѣ посланія ап. Павла, кромѣ послѣдней группы ихъ, именно трехъ посланій, адресованныхъ къ Тимоѳею и Титу. Они обыкновенно называются пастырскими посланіями, потому что въ нихъ излагаются обязанности христіанскаго пастыря. Мы ничего не говоримъ о посланіи къ Евреямъ, такъ какъ надѣмся говорить о немъ впоследствии, тѣмъ болѣе, что оно ничего не прибавляетъ къ нашимъ познаніямъ касательно жизни и дѣятельности апостола. Если бы намъ не сохранилось пастырскихъ посланій, то мы кромѣ этого не знали бы ни одного новаго факта, кромѣ тѣхъ конечно, которые мы можемъ получить изъ неопредѣленныхъ и колеблющихся преданій.

Книга Дѣяній Апостольскихъ оканчивается заявленіемъ, что ап. Павелъ «жилъ цѣлыхъ два года на своемъ иждивеніи и принималъ всѣхъ, кто приходилъ къ нему, проповѣдуя царство Божіе и уча о Господѣ Иисусѣ Христѣ со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно»²²⁷⁶). Вопросъ, почему св. Лука какъ бы намѣренно закончилъ свой очеркъ жизни апостола въ этомъ именно пунктѣ, такого рода, что никогда не можетъ получить рѣшительнаго отвѣта. Онъ изложилъ только такіа обстоятельства, которыхъ онъ самъ былъ очевидцемъ или которыя онъ зналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, и вслѣдствіе этого его повѣствованіе, не смотря на его замѣтные пробѣлы, становится гораздо болѣе цѣннымъ, чѣмъ если бы оно было составлено на основаніи менѣе достовѣрнаго матеріала. Можно однако же спокойно утверждать, что такъ какъ онъ находился съ ап. Павломъ въ теченіе по крайней мѣрѣ нѣкоторой части его тюремнаго заключенія въ Римѣ, то онъ довелъ свою исторію до того періода, въ который онъ началъ писать свою книгу. Тысячи обстоятельствъ могли препятствовать ему продолжать свою лѣтопись; во всякомъ случаѣ немислимо, чтобы ап. Павелъ почти непосредственно послѣ этого потерпѣлъ мученичество и чтобы св. Лука, зная объ этомъ до опубликованія своей книги, не сдѣлалъ ни малѣйшаго указанія на это событіе²²⁷⁷). То мнѣніе, что Теофилу извѣстно было все остальное, такъ что не было надобности передавать всего этого въ книгѣ, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ кто бы ни былъ этотъ Теофилъ, во всякомъ случаѣ ясно, что св. Лука

писалъ не для него только. Имѣетъ нѣкоторую вѣроятность и то соображеніе, что вскорѣ послѣ окончанія этихъ дѣлъ въ состояніи узника могла произойти какая нибудь замѣчательная перемена. Что такая перемена дѣйствительно произошла, объ этомъ свидѣлствуетъ почти единогласно преданіе церкви. Какъ бы ни были незначительны основанія для этого въ прямыхъ свидѣтельствахъ, но во всѣ вѣка господствовало общее убѣжденіе, что (около начала 64 года по Р. Хр.) ап. Павелъ былъ подвергнутъ суду, оправданъ и освобожденъ; и что спустя уже два года свободы, въ теченіе которыхъ онъ продолжалъ свои миссіонерскіе труды, онъ былъ арестованъ опять и послѣ втораго тюремнаго заключенія былъ преданъ смерти въ Римѣ. Это мнѣніе по крайней мѣрѣ согласуется съ предчувствіемъ, выраженнымъ въ его собственныхъ посланіяхъ. Хотя онъ былъ еще узникомъ, когда писалъ посланіе къ Филиппійцамъ, но дѣло его, очевидно, находилось уже близко къ судебному разбирательству, и общая послать Тимоѳею разузнать касательно своей судьбы, онъ прибавляетъ: «я увѣренъ въ Господѣ, что и самъ скоро прииду къ вамъ»; и это совсѣмъ не случайная надежда, такъ какъ онъ даже проситъ Филимона «приготовить для него помѣщеніе, ибо надѣется, что онъ будетъ дарованъ имъ по ихъ молитвамъ». Конечно, вполне возможно, что свѣтлыя ожиданія ап. Павла могли и не осуществиться²²⁷⁸), но онъ навѣрно не выразилъ бы ихъ такъ явно, не имѣя достаточныхъ основаній думать, что за него хлопотали вліятельные друзья. Употребляли ли въ его пользу свое вліяніе Фестъ, Агриппа, Лизій или Публий, или быть можетъ онъ имѣлъ основаніе рассчитывать на благоприятное впечатлѣніе, произведенное имъ среди преторскихъ воиновъ, или быть можетъ онъ получилъ извѣстіе, что іудеи видѣли основаніе отстать отъ безосновательнаго и злобнаго преслѣдованія его, — судить объ этомъ намъ нѣтъ никакой возможности²²⁷⁹); но его сильное убѣжденіе въ томъ, что онъ будетъ освобожденъ, по крайней мѣрѣ служить подтвержденіемъ многихъ данныхъ, заставляющихъ насъ думать, что онъ и дѣйствительно былъ освобожденъ. Если такъ, то это навѣрно было очень скоро по истеченіи двухъ лѣтъ его пребыванія въ Римѣ, которымъ такъ неожиданно и заканчиваетъ свое повѣствованіе св. Лука.

Въ іюлѣ 64 года въ Римѣ разразилось противъ христіанъ страшное гоненіе, котораго конечно не избѣгъ бы и ап. Павелъ, если бы онъ находился еще въ Римѣ. Если поэтому допустить, что пастырскія посланія не подлинны, то значить это были послѣднія слова ап. Павла, и въ послѣднемъ стихѣ Дѣяній завѣса навсегда закрывается отъ насъ остальную часть его жизни. Но обратимъ вниманіе на то, что говорить преданіе, и посмотримъ, можно ли признавать подлинными посланія къ Тимоѳею и къ Титу. Если свѣденія, извлекаемые изъ этихъ источниковъ, въ какой бы то ни было степени правдоподобны, то намъ представляется возможность познакомиться съ дальнѣйшими мыслями и воззрѣніями апостола. Мы получимъ возможность по крайней мѣрѣ отчасти прослѣдить за его послѣдними движеніями и

получимъ вполне вѣрное представленіе о его душевномъ состояніи до самаго момента его смерти. Если преданіе заблуждается и если посланія эти подложны, тогда

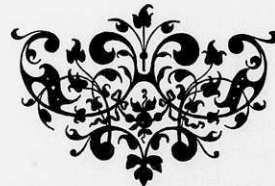
Нижнія помѣщенія Колизея въ Римѣ (Stagnum и Arena).

мы должны примириться съ фактомъ, что мы ничего не знаемъ больше объ апостолѣ и что онъ погибъ среди того «огромнаго множества» христіанъ, которыхъ въ 64 году худшій изъ императоровъ, худшій почти изъ всѣхъ человѣ-

ческихъ существъ, принесъ въ жертву слѣпому бѣшенству, возбужденному противъ нихъ чудовищнымъ обвиненіемъ. Если дѣйствительно ап. Павелъ погибъ среди этой массы безыменныхъ мучениковъ, то конечно едва ли могло быть обращено какое-нибудь вниманіе на его право римскаго гражданства. Онъ могъ погибнуть, подобно имъ, посредствомъ распятія; быть можетъ былъ завернутъ подобно имъ въ шкуру дикаго звѣря и разорванъ собаками, или, быть можетъ, стоя на кострѣ, бросалъ умирающіе взгляды на преступнаго императора торжествующаго язычества, когда живой факель ужаснаго мученичества мрачнымъ отблескомъ освѣщаль сады золотого дворца²²⁸⁰). Отъ всего этого однако же, какъ мы можемъ быть вполне увѣрены, онъ, по милости Божіей, былъ избавленъ на время²²⁸¹).

Правда, не сходя съ почвы прямыхъ данныхъ, мы можемъ только сказать, что изъ собственныхъ словъ ап. Павла становится вѣроятнымъ, что онъ былъ освобожденъ, и эта вѣроятность находитъ нѣкоторую поддержку въ общемъ преданіи, подтверждаемомъ авторитетомъ нѣкоторыхъ отцевъ. Но самое преданіе не идетъ дальше голаго факта. Если искать дальнѣйшихъ свѣденій для біографіи ап. Павла, то они должны быть извлекаемы изъ пастырскихъ посланій и только изъ нихъ однихъ. Если же они не подлинны, то у насъ не имѣется ни одной болѣе подробности касательно его судьбы.

Нужно допустить, что много критиковъ, сильныхъ какъ своей ученостью, такъ и единодушіемъ, приходили къ заключенію, что посланія къ Тимоѳею и Титу написаны не ап. Павломъ²²⁸²). Ихъ доводы заслуживаютъ почтительнаго вниманія, и они несомнѣнно указываютъ на тѣ трудности, устранить которыя, въ виду незнакомства со всѣми подробностями исторіи этихъ раннихъ вѣковъ, дѣло отнюдь не легкое. Тѣмъ не менѣе, тщательно и безпристрастно взвѣсивъ всѣ данныя, мы пришли къ рѣшительному убѣжденію, что посланія эти подлинны и что первыя два изъ нихъ были написаны въ теченіе тѣхъ двухъ лѣтъ, которыя прошли между освобожденіемъ ап. Павла и его мученичествомъ въ Римѣ.

Входъ на арену въ амфитеатръ въ Путоолѣ.

ГЛАВА ЛIII.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ ТИМОФЕЮ.

Тимофею, истинному сыну въ вѣрѣ.

1 Тим. II, 2.

Вѣдѣ лишь въ немногихъ чертахъ раскроемъ тотъ періодъ въ жизни апостола, который начался съ окончаніемъ его тюремнаго заключенія въ Римѣ. Мы сознаемъ, что наши свѣденія касательно его дѣятельности дѣлаются крайне неопредѣленными съ того момента, какъ св. Лука оставляетъ насъ своимъ руководствомъ. Трудно думать, чтобы онъ имѣлъ возможность осуществить свое намѣреніе касательно посѣщенія Испаніи. Біографическія указанія въ двухъ его пастырскихъ посланіяхъ, повидимому, не оставляютъ мѣста для такого путешествія; а если бы оно дѣйствительно осуществилось, то можно ли вообразить, чтобы о немъ не сохранилось ни одной подробности? Но даже если апостолъ дѣйствительно совершилъ это новое миссіонерское путешествіе, мы все таки не имѣемъ возможности упомянуть ни одной церкви, которую бы онъ основалъ, ни одного порта, въ которомъ бы онъ приставалъ тамъ. Говорить о его дѣ-

тельности въ Испаніи поэтому значило бы производить неправильное впечатлѣніе. Если только онъ вообще путешествовалъ туда, то это навѣрно вскорѣ послѣ своего тюремнаго заключенія, такъ какъ первоначальнымъ его намѣреніемъ было просто посѣтить Римъ на своемъ пути «къ предѣламъ запада». Въ посланіи къ Римлянамъ онъ выражалъ надежду, что онъ въ ихъ помощи найдетъ содѣйствіе въ этомъ своемъ путешествіи. Судя по равнодушію, съ которымъ они относились къ нему во время его обоихъ тюремныхъ заключеній, мы имѣемъ слишкомъ много оснований опасаться, что ему суждено было въ обоихъ случаяхъ разочароваться въ своихъ надеждахъ. Слѣдующее указаніе на его жизнь находится въ первомъ посланіи къ Тимофею. Это посланіе имѣетъ менѣе органической характеръ, т. е. отличается меньшимъ единствомъ въ построеніи, чѣмъ всякое другое изъ посланій ап. Павла. Время и мѣсто его написанія совершенно неизвѣстны, потому что единственное содержащееся въ немъ историческое указаніе состоитъ въ томъ, что «отходя въ Македонію, Павелъ просилъ Тимофея пребыть въ Ефесѣ» ²²⁸³).

«Павелъ, апостолъ Иисуса Христа, по повелѣнію Бога, Спасителя нашего, и Господа Иисуса Христа, надежды нашей, Тимофею, истинному сыну въ вѣрѣ. благодать, милость, миръ отъ Бога, Отца нашего ²²⁸⁴), и Христа Иисуса» (I, 1, 2)

Это привѣтствіе замѣчательно приложеніемъ названія «Спаситель» къ Богу Отцу, что вѣроятно произошло вслѣдствіе недавняго предъ тѣмъ изученія псалма LXII, 7, причѣмъ оно употребляется во всѣхъ пастырскихъ посланіяхъ; замѣчательно также приложеніемъ эпитета «надежда наша» къ Христу, что вѣроятно заимствовано изъ того же самаго стиха; и наконецъ словомъ «милость», которое такъ естественно у изможденнаго и удрученнаго старца, поставляющаго это слово между словами «благодать» и «миръ» (сн. Гал. VI, 16).

«Отходя въ Македонію, я просилъ тебя пребыть въ Ефесѣ и увѣщевать нѣкоторыхъ, чтобы они не учили иному, и не занимались баснями и родословіями безконечными ²²⁸⁵), которыя производятъ больше споры, нежели Божіе назиданіе ²²⁸⁶) въ вѣрѣ» ²²⁸⁷). Предложеніе здѣсь, что весьма характеристично, остается неоконченнымъ; но ап. Павелъ очевидно хотѣлъ сказать: «я повторяю увѣщаніе, которое я преподалъ тогда».

Въ противоположность этимъ ложнымъ учителямъ, онъ говоритъ ему, что цѣль Евангелія есть любовь отъ чистаго сердца и доброй совѣсти и нелицемѣрной вѣры, отъ чего отступивъ нѣкоторые уклонились въ пустословіе, желая быть законоучителями, но неразумѣя ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ.

Намекнувъ здѣсь на іудейскій законъ, апостолъ переходитъ къ указанію его истиннаго назначенія ²²⁸⁸). Для тѣхъ, которые оправдались вѣрой, онъ не ну- жень, будучи поглощенъ высшимъ закономъ жизни въ единеніи со Христомъ. Но истиннымъ его назначеніемъ было предостерегать и воздерживать тѣхъ, ко-

торые жили подъ господствомъ страсти въ языческомъ нечестіи²²⁸⁹). Для этихъ, а не для возрожденныхъ, необходимы громы Синая «по славному благовѣстію блаженнаго Бога, которое мнѣ вѣрено» (I, 8—11).

Затѣмъ онъ, отступая отъ своего предмета, сразу переходитъ къ выраженію сердечной благодарности Богу за ту благодать, которая восторжествовала надъ его прежнимъ невѣжественнымъ невѣріемъ, — невѣріемъ, приводившимъ его къ насилиямъ и преступленіямъ, которыя только и можно оправдать невѣденіемъ. «Вѣрно²²⁹⁰) и всякаго принятія достойно слово, что Иисусъ Христосъ пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ, изъ которыхъ я первый²²⁹¹). Но для того я и помилуванъ, чтобы Иисусъ Христосъ во мнѣ первомъ показалъ все долготерпѣніе въ примѣръ тѣмъ, которые будутъ вѣровать въ Него въ жизни вѣчной. Царю же вѣковъ²²⁹²) неслѣбному, невидимому, единому, премудрому Богу²²⁹³) честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь»²²⁹⁴).

«Преподаю тебѣ, сынъ мой, Тимоею, сообразно съ бывшими о тебѣ пророчествами²²⁹⁵), такое завѣщаніе, чтобы ты воинствовалъ согласно съ ними какъ добрый воинъ²²⁹⁶), имѣя вѣру и добрую совѣсть, которую нѣкоторые отвергнувъ потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ. Таковы Именей и Александръ, которыхъ я предаль сатанѣ, чтобы они научились не богохульствовать»²²⁹⁷).

Въ этомъ отдѣлѣ какъ видно онъ начинаетъ съ рѣчи о ложныхъ учителяхъ и послѣ двухъ отступленій—одного, подсказаннаго упоминаніемъ о законѣ. и другаго—личнымъ врученіемъ ему проповѣди Евангелія, опять возвращается къ нимъ.

Вторая глава содержитъ правила для общественнаго богослуженія, обязанность молиться за предержавныхъ властей и о взаимныхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ въ религиозныхъ собраніяхъ, правила, прерываемыя краткими и естественными отступленіями касательно всеобщности божественной благодати и касательно его собственной апостольской должности. Онъ постановляетъ прежде всего «совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія²²⁹⁸) за всѣхъ чело-вѣковъ, за царей²²⁹⁹) и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную, во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, который хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины. Ибо единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и чело-вѣками, чело-вѣкъ Христосъ Иисусъ²³⁰⁰), предавшій себя для искупленія всѣхъ. Таково было въ свое время свидѣтельство, для котораго я поставленъ проповѣдникомъ и апостоломъ (истину говорю во Христѣ²³⁰¹, не лгу²³⁰²), учителемъ язычниковъ въ вѣрѣ и истинѣ» (II, 1—7).

Послѣ этого двойкаго отступленія, апостолъ выражаетъ желаніе, чтобы на всякомъ мѣстѣ произносили молитвы мужи²³⁰³), «воздѣвая чистыя руки²³⁰⁴) безъ гнѣва и сомнѣнія; чтобы также и жены въ приличномъ одѣяніи, со стыдливостью и цѣломудріемъ, украшали себя не плетеніемъ волосъ, ни золотомъ, ни жемчугомъ, ни многоцѣнною одеждою, но добрыми дѣлами, какъ прилично

женамъ, посвящающимъ себя благочестію». Пусть онѣ учатся въ безмолвіи со всякою покорностью. Это правило онъ подкрѣпляетъ исторіей паденія, какъ показывающей родовое различіе между полами²³⁰⁵), прибавляя однакоже, что, не смотря на большую возможность подчиненія обману и грѣху, женщина «спасется чрезъ чадородіе, если пребудетъ въ вѣрѣ и любви и въ святости съ цѣломудріемъ»²³⁰⁶).

Третья глава переходитъ къ опредѣленію качествъ для занятія должности въ церкви. Она предваряется какбы христіанскимъ афоризмомъ: «вѣрно слово: если кто епископства²³⁰⁷) желаетъ, добраго дѣла желаетъ». Качества, которыя указываютъ для этого ап. Павелъ, состоятъ въ непорочности, домовитости²³⁰⁸), трезвости, цѣломудріи, благочиніи, страннолюбии и учительности. Ищущій епископства «долженъ быть не пьяница, не бійца, не сварливъ, не корыстолюбивъ, но тихъ, миролюбивъ, не сребролюбивъ, хорошо управляющій домомъ своимъ, дѣтей содержащій въ послушаніи со всякою честностью; ибо кто не умѣетъ управлять своимъ собственнымъ домомъ, тотъ будетъ ли пещись о церкви Божіей? Не долженъ быть изъ новообращенныхъ²³⁰⁹), чтобы не возгордился и не подпалъ осужденію съ діаволомъ²³¹⁰). Онъ долженъ также пользоваться хорошимъ мнѣніемъ и у своихъ языческихъ сосѣдей, чтобы не впасть въ нареканія и сѣть діавольскую» (III, 1—7).

«Діаконы также должны быть честны, не двуязычны, не пристрастны къ вину, не корыстолюбивы, хранящіе таинство вѣры въ чистой совѣсти», и въ своихъ качествахъ они должны быть предварительно испытываемы, прежде чѣмъ допускать ихъ до служенія²³¹¹).

Діакониссы²³¹²) должны быть также честны, не клеветницы, трезвы, вѣрны во всемъ. Домашнія отношенія діаконовъ и діакониссъ должны быть безупречны; потому что почетное діаконство обезпечиваетъ почетное положеніе (III, 11—13) и великое дерзновеніе въ вѣрѣ²³¹³).

«Сіе пишу тебѣ, надѣясь скорѣ прійти къ тебѣ²³¹⁴); чтобы, если замедлю, ты зналъ, какъ должно поступать въ домѣ Божіемъ, который есть Церковь Бога живаго, столпъ и утвержденіе истины»²³¹⁵).

«И безпрекословно, великая благочестія тайна: Богъ²³¹⁶)

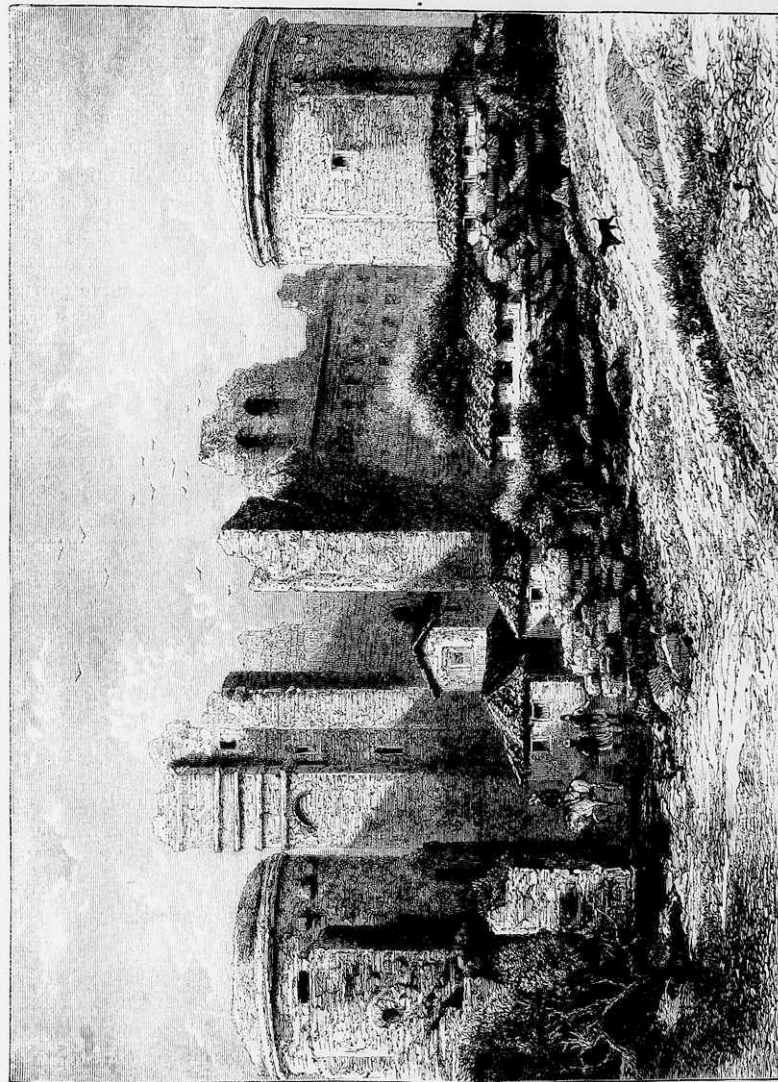
«Явился во плоти,
«Оправдалъ Себя въ Духѣ,
«Показалъ Себя Ангеламъ,
«Проповѣданъ въ народахъ,
«Принятъ вѣрою въ мірѣ,
«Вознесенъ во славу»²³¹⁷).

Истинное ученіе опять приводитъ его къ вопросу о ложныхъ учителяхъ. Кромѣ настоящей опасности, «Духъ ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступать нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ

бѣсовскимъ, чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей». Это отступленіе отчасти въ настоящемъ, отчасти въ будущемъ отличается дуалистическими тенденціями. Лжеучители запрещаютъ вступать въ бракъ²³¹⁸) и употреблять въ пищу то, что сотворено Богомъ (сн. Рим. xiv, 1—4; 1 Кор. viii, 8; x, 20), забывая, что благодарность и молитва освящаютъ все. Другая черта зарождающейся ереси есть склонность къ «негоднымъ и бабьимъ баснямъ». Третья есть тѣлесный аскетизмъ. Это послѣднее имѣетъ нѣкоторое значеніе; но вообще «тѣлесное упражненіе мало полезно; а благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей (слово сіе вѣрно и всякаго принятія достойно): ибо мы для того и трудимся и поношеніе терпимъ²³¹⁹), что уповаемъ на Бога живаго, который есть Спаситель всѣхъ человѣковъ, а наипаче вѣрныхъ»²³²⁰). Эти истины Тимофей долженъ проповѣдывать, показывая собою образецъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ, такъ чтобы никто не относился пренебрежительно къ его юности²³²¹). Пока не придетъ самъ ап. Павелъ, онъ долженъ заниматься чтеніемъ²³²²), наставленіемъ, ученіемъ, не пренебрегая пребывающимъ въ немъ дарованіемъ, которое дано ему по пророчеству съ возложеніемъ рукъ священства²³²³).

Затѣмъ преподается совѣтъ, какъ относиться къ различнымъ лицамъ своей церкви. Онъ не долженъ укоризненно обращаться къ старцу, но увѣщевать его какъ отца; младшихъ какъ своихъ братьевъ; старыхъ женщинъ какъ матерей; молодыхъ какъ сестеръ, но со всякою чистотою²³²⁴). Особенныя указанія даются въ отношеніи вдовъ (Дѣян. ii, 44; vi, 1). Тѣ только истинныя вдовы, которыя какъ слѣдуетъ воспитываютъ своихъ дѣтей или внуковъ, которыя исполняютъ свою обязанность въ отношеніи къ родителямъ и пребываютъ въ постоянной молитвѣ. Слостолюбивый же характеръ во вдовицѣ есть живая смерть; потому что въ христіанинѣ пренебреженіе домашними обязанностями и отношеніями гораздо хуже, чѣмъ язычество. Вдовица должна быть избираема поэтому не менѣе какъ шестидесятилѣтняя, бывшая женою одного мужа²³²⁵), извѣстная по добрымъ дѣламъ, т. е. если она воспитала дѣтей, принимала странниковъ, умывала ноги святымъ, помогала бѣдствующимъ и была усердна ко всякому добродѣлю. Но Тимофей не долженъ ничего говорить молодымъ вдовамъ, желающимъ опять вступить въ бракъ, когда онѣ начинаютъ становиться нетерпимыми къ игу Христа. Онѣ подлежатъ осужденію, потому что отвергли прежнюю вѣру²³²⁶). Для избѣжанія опасности поощренія праздности и непристойныхъ сплетенъ, лучше всего избѣгать всякаго повода къ соблазну, спокойно опять вступая въ брачную жизнь. Поэтому всѣ болѣе молодыя вдовы должны получать содержаніе отъ своихъ родственниковъ и не обременяли бы церкви (v, 1—16).

Возвращаясь къ пресвитерамъ, апостолъ приводитъ мѣсто изъ Второзаконія: «не заграждай рта у вола молотящаго» и прибавляетъ положеніе: «трудящійся достоинъ награды своей»²³²⁷), въ подкрѣпленіе своего правила, что «сугубая честь» должна

Базиллика св. Петра.

быть оказываема преданнымъ и трудолюбивымъ пастырямъ ²³²⁸). Если они поступаютъ неправильно, то они должны понести укоръ за это, но не иначе, какъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ. «Предъ Богомъ и Господомъ Иисусомъ Христомъ и избранными ангелами ²³²⁹) заклиная тебя сохранить сіе безъ предубѣжденія, ничего не дѣлая по пристрастію». Тимоѳею не долженъ никого посвящать слишкомъ поспѣшно, чтобы не навлечь на себя отвѣтственности за ихъ грѣхи, и эта осторожность тѣмъ болѣе необходима, что есть такіе вопіющіе грѣхи, которые приводить человека къ суду, и скрытые грѣхи, которые украдкой слѣдуютъ за ними. Равнымъ образомъ и добрыя дѣла у иныхъ явны, а у другихъ скрыты, хотя въ концѣ концовъ все должно открыться въ своемъ истинномъ свѣтѣ.

Въ самой срединѣ этихъ мудрыхъ и важныхъ постановленій вставляется два личныхъ увѣщанія. Одно изъ нихъ: «храни себя чистымъ» — естественно могло быть подсказано мыслью, что тотъ, обязанности котораго заключаются въ тщательномъ надзорѣ за другими, долженъ быть особенно строгъ къ самому себѣ, чтобы быть свободнымъ отъ всякаго упрека. Другое — «впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ» ²³³⁰), — имѣетъ настолько случайный характеръ, что хотя мы сразу же видимъ, какъ оно могло представиться уму апостола Павла — такъ какъ иначе первое правило могло бы повести къ еще болѣе суровому ²³³¹) и даже вредному для здоровья самоотреченію, — но оно слишкомъ естественно и самопроизвольно, слишкомъ не связано со всѣмъ, что предшествуетъ и что слѣдуетъ, чтобы могло явиться въ умѣ какого либо подражателя. Подражатель, даже при всей своей способности къ естественной игрѣ мысли, которой обязано своимъ происхожденіемъ положеніе «храни себя чистымъ», съ гораздо болѣею вѣроятностью, особенно въ посланіи, которое съ такою строгостью запрещаетъ невоздержаніе въ винѣ всѣмъ должностнымъ лицамъ церкви, прибавилъ бы: «и чтобы поддерживать свою чистоту принимай вина какъ можно меньше или избѣгай его совсѣмъ» (v, 17—23).

Затѣмъ онъ переходитъ къ обязанностямъ рабовъ ²³³²). Обращеніе ихъ въ христіанство не должно служить для нихъ предлогомъ для ниспроверженія общественнаго порядка или давать извиненіе для злоупотребленія Евангеліемъ. Къ христіанскимъ господамъ нужно всетаки относиться какъ къ господамъ и служить имъ тѣмъ съ болѣею сердечностью, что они «вѣрные и возлюбленные и благодѣлательствуютъ имъ». Здѣсь апостолъ опять обращается къ ложнымъ учителямъ (которые быть можетъ извратили истину христіанскаго равенства въ лже-соціализмъ) и изобличаетъ ихъ напыщенное невѣжество и вредную болтливость какъ источникъ зависти и раздоровъ испорченныхъ людей, смотрящихъ на благочестіе какъ на источникъ прибытка ²³³³). Оно дѣйствительно становится приобритеніемъ, когда сопровождается довольствомъ ²³³⁴), возникающимъ изъ сознанія наготы нашей въ рожденіи и смерти и ограниченности нашихъ дѣйстви-

тельныхъ нуждъ (Фил. iv, 11—13). Между тѣмъ желаніе богатства возбуждаетъ многія безразсудныя и вредныя похоти, которые погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу. «Корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе ²³³⁵), предавшись которому нѣкоторые уклонились отъ вѣры и сами себя подвергли многимъ скорбямъ». Апостолъ увѣщаетъ своего сына по вѣрѣ убѣгать всего этого, преуспѣвать ²³³⁶) въ правдѣ, благочестіи, вѣрѣ, любви, терпѣніи, кротости; подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры; держаться вѣчной жизни, «къ которой ты и призванъ и исповѣдалъ доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтелями». Самымъ торжественнымъ образомъ онъ заклиняетъ его «предъ Христомъ Иисусомъ, который засвидѣтельствовалъ предъ Понтіемъ Пилатомъ ²³³⁷) доброе исповѣданіе, соблудности заповѣдъ чисто и неукоризненно даже до явленія Господа нашего Иисуса Христа, которое въ свое время откроетъ блаженный и единый сильный Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единый, имѣющій безсмертіе, который обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, котораго никто изъ человековъ не видѣлъ и видѣть не можетъ. Ему честь и держава вѣчная. Аминь». (vi, 6—16).

Можно бы думать, что этимъ величественнымъ описаніемъ божественныхъ свойствъ и закончится посланіе. Поддѣльщикъ такъ естественно поступилъ бы. Но ап. Павелъ никогда не руководился такими стилистическими соображеніями. Исполненный мыслью объ опасностяхъ богатства въ такомъ городѣ какъ богатый Ефесъ, онъ еще разъ, въ видѣ приписки къ письму ²³³⁸), совѣтуетъ Тимоѳею увѣщевать богатыхъ, «чтобы они не высоко думали о себѣ и уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живаго, дающаго все обильно для наслажденія»; и пользовались своимъ богатствомъ мудро и благородно, «собирая себѣ сокровища, доброе основаніе для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной жизни» ²³³⁹).

Затѣмъ какбы съ прощальнымъ указаніемъ на ложныхъ учителей ап. Павелъ заканчиваетъ свое посланіе словами: «о, Тимоѳею! Храни преданное тебѣ, отвращаясь негоднаго пустословія и преклословія лжеименнаго знанія, которому предавшись нѣкоторые уклонились отъ вѣры. Благодать съ тобою» ²³⁴⁰).

«Аминь» ²³⁴¹) вѣроятно есть благочестивое прибавленіе; и различныя надписи, которыя говорятъ намъ, что посланіе это было писано изъ Лаодикии, «митрополіи Фригіи Пакатіанской», или «изъ Никополя», или «изъ Аѳинъ, руками его ученика Тита», или «изъ Македоніи», — суть не что иное какъ празднаыя догадки, изъ которыхъ только послѣдняя имѣетъ нѣкоторую правдоподобность, хотя и она представляетъ собою лишь сомнительный выводъ изъ стиха, подавшаго къ ней нѣкоторый поводъ.

Долина рѣки Меандра.

ГЛАВА LIV.

ПОСЛАНИЕ КЪ ТИТУ.

Явилась благодать Божія, спасительная для
всѣхъ человѣковъ. Тит. п, 11.

ЗЪ посланія ап. Павла къ Филимону мы видимъ, съ какою поспѣшностью онъ, по своемъ освобожденіи, посѣтилъ Ефесъ и города долины Лика. Даже если бы онъ отложилъ это посѣщеніе до того времени, какъ привелъ въ исполненіе свой нѣкогда ледѣнный планъ посѣщенія Испаніи, мы всетаки знаемъ, что въ тотъ самый моментъ, какъ рѣшена была его судьба, онъ послалъ Тимофея въ Филиппы, намѣреваясь и самъ послѣдовать за нимъ чрезъ непродолжительный промежутокъ времени (Филип. п, 19—23), когда именно Тимофеемъ опять присоединился къ нему, вѣроятно, въ Ефесѣ. Онъ оставилъ его тамъ, какъ мы видѣли, для окончательнаго улаженія дѣлъ въ церкви и самъ отправился на второе обѣщанное путешествіе въ Македонію. Невѣроятно, чтобы онъ чувствовалъ какое нибудь желаніе опять побывать въ Иерусалимѣ и подвергнуться второму риску быть разорваннымъ на куски разъяренными фарисеями. Въ этомъ злополучномъ городѣ новый взрывъ гоненія окон-

чился за годъ предъ тѣмъ (въ 63 году) убіеніемъ Іакова «брата Господня»²³⁴²). Вскорѣ послѣ занятія Гессіемъ Флоромъ мѣста прокуратора, по всей Іудеѣ происходили сильныя возмущенія. Война, закончившаяся полнымъ разрушеніемъ іудейскаго государства, правда, началась только въ 66 году, но общій духъ мятежа, глубоко затаенное недовольство управленіемъ Агриппы II и чрезвычайное размноженіе сикариевъ показывали, что все было готово для окончательнаго возстанія²³⁴³). Мы можемъ быть увѣрены, что когда корабль адрамитскій отплылъ изъ Тира, ап. Павелъ въ послѣдній разъ видѣлъ святую землю. Изъ Македоніи онъ несомнѣнно отправился въ Коринфъ и затѣмъ могъ побывать съ Титомъ на островѣ Критѣ.

На южныхъ берегахъ этого богатаго легендами острова ему невольно приходилось быть во время бѣдственнаго путешествія изъ Миры, окончившагося

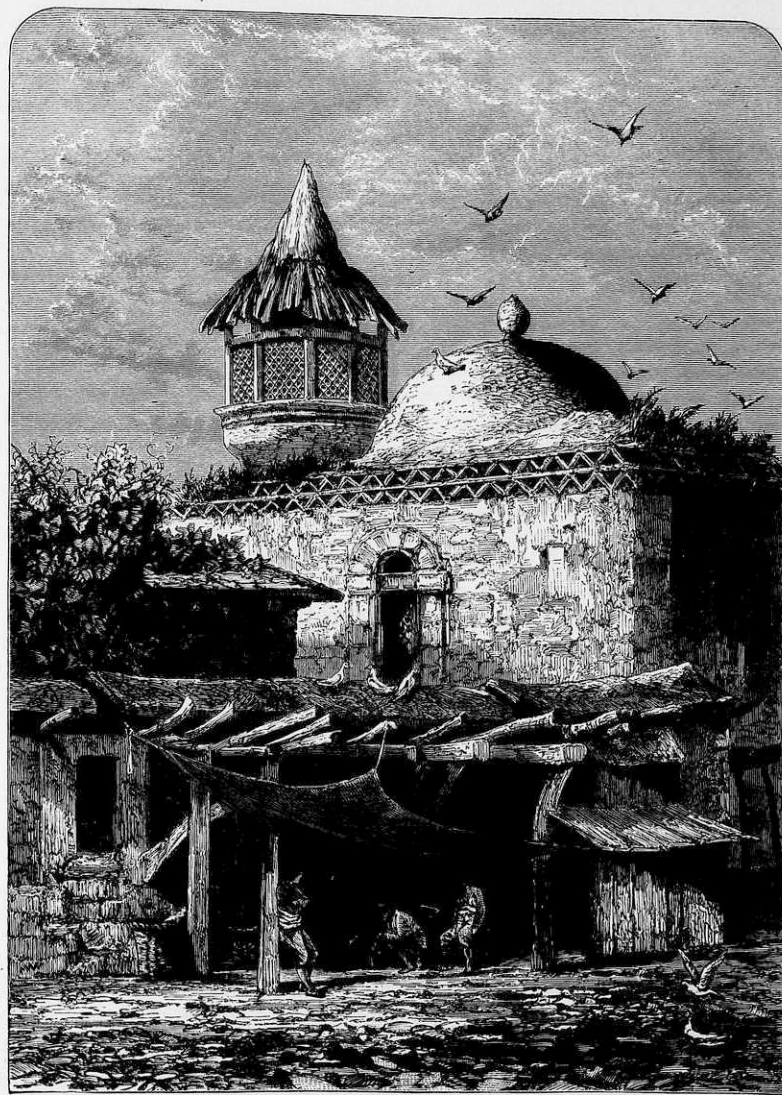
Карта острова Крита.

полнымъ кораблекрушеніемъ у Мальты. Но въ положеніи узника, на пути къ судебному разбирательству, на переполненномъ народомъ александрийскомъ хлѣбномъ кораблѣ, ждавшемъ только перваго удобнаго случая для отплытія, онъ имѣлъ лишь мало случаевъ для проповѣди Евангелія даже въ Хорошихъ Пристаняхъ и Ласеѣ, такъ что сразу же можно отвергнуть праздное предположеніе, что церковь Критская тогда впервые была основана имъ. Первое благовѣстіе христіанства вѣроятно было занесено на этотъ островъ тѣми критскими іудеями, которые слышали чудесную проповѣдь ап. Петра на праздникъ Пятидесятницы; и недостаточность знакомства этихъ церквей съ евангеліемъ можетъ быть объяснена отчасти этимъ обстоятельствомъ, а отчасти и врожденными недостатками въ характерѣ критянъ. Бурные берега Крита и дурная репутація его обитателей съ самаго миическаго періода могли даже быть причиною уклоненія ран-

нихъ проповѣдниковъ христіанства отъ посѣщенія его съ миссіонерскою цѣлью. То обстоятельство, что младенческая вѣра обращенцевъ на Критѣ переплетена была съ іудейскими суевѣріями, въ точности подтверждаетъ это предположеніе. Короткое пребываніе ап. Павла на этомъ островѣ съ Титомъ было, вѣроятно, первой серьезной попыткой утвердить юныя борющіяся и подвергающіяся опасности церкви; и не трудно вообразить, что именно необходимость въ окончаніи этого неотложнаго дѣла и заставила апостола вопреки желанія оставить своего путника позади. Для этого нельзя было найти болѣе мудраго и болѣе твердаго человѣка, чѣмъ тотъ, кто уже счумѣлъ заставить чувствовать свое вліяніе и уважать свой авторитетъ даже среди сварливыхъ и сомнящихся софистовъ буйнаго Коринеа. Тѣ, кто доказываютъ, что, такъ какъ ап. Павелъ лишь недавно расстался съ Титомъ, то совѣтъ, содержащійся въ посланіи къ нему, былъ бы де излишенъ, выставляютъ чисто воображаемое затрудненіе, призрачность котораго доказывается постоянными опытами обыденной жизни. Возраженія этого рода просто изумительны. И когда намъ говорятъ, что даваемые въ немъ наставленія слишкомъ неопредѣленны и общи, чтобы имѣть какую либо цѣну, и что «неопредѣленность указаній должна была дѣлать ихъ совершенно бесполезными для проповѣдника»²³⁴⁴), мы можемъ только отвѣтить, что христіанская церковь во всѣ вѣка, не смотря на непрерывную тенденцію поставить догматъ выше простой дѣятельности, однако же принимала пастырскія посланія какъ руководство, которое никогда не было превзойдено послѣ.

Изъ Крита ап. Павелъ могъ возвратиться чрезъ Ефесъ и Троаду въ Македонію и оттуда въ Далматію и Иллирію (Рим. хv, 19). И изъ посланія къ Титу мы знаемъ, что онъ былъ сопровождаемъ нѣсколькими друзьями, для которыхъ онъ нашелъ полезное употребленіе въ миссіонерской дѣятельности для различныхъ церквей. Онъ намѣревался провести зиму въ Никополѣ, который, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ извѣстнымъ и цвѣтущимъ городомъ Эпира, построеннымъ императоромъ Августомъ въ воспоминаніе его побѣды при Акціумѣ. Когда онъ писалъ посланіе къ Титу, онъ намѣренъ былъ послать Артему или Тихика къ нему въ Критъ для продолженія организаторской дѣятельности тамъ, давая въ то же время Титу повелѣніе присоединиться къ апостолу въ Никополѣ до наступленія зимы.

Какъ мало въ дѣйствительности мы знаемъ относительно Тита, лучше всего видно изъ теорій, которыя пытаются отождествить его съ Титомъ (или Титіемъ) Лутомъ (Дѣян. хviii, 7), съ Силой и даже съ Тимофеемъ! Хотя о немъ не упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (вѣроятно потому, что ему никогда не приходилось быть спутникомъ апостола въ то самое время, когда былъ съ нимъ св. Лука) онъ, повидимому, былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ и самыхъ возлюбленныхъ членовъ благороднаго кружка друзей и учениковъ ап. Павла. Такъ какъ онъ былъ грекъ по рожденію, то ап. Павелъ,

Большая мечеть въ Тарсѣ.

обращенцем которого онъ былъ, нашелъ нужнымъ взять его съ собою въ Иерусалимъ, во время того достопамятнаго посѣщенія, которое закончилось признаніемъ свободы язычниковъ отъ иго Моисеева закона (Гал. II, 3; Тит. I, 4). Если вѣрно наше предположеніе, что благородное самоотверженіе Тита при этомъ случаѣ избавило ап. Павла отъ печальной борьбы, если и не отъ страшной опасности, то можно вообразить, какъ тѣсна была личная связь между ними. Титъ находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ съ Коринѳомъ, въ который апостолъ и посылалъ его три раза во время беспорядковъ въ этой легкомысленной общинѣ (2 Кор. VII, VIII). Та теплота, съ которою ап. Павелъ всегда говорилъ о немъ какъ о своемъ братѣ, сотоварищѣ и сотрудникѣ, а также тоскливое безпокойство, которое дѣлало его положительно несчастнымъ, когда ему не удавалось встрѣтить его въ Троадѣ, показываютъ, что онъ не былъ зауряднымъ человекомъ; а отсутствіе въ этомъ посланіи личныхъ предостереженій и увѣщаній, которыя находятъ въ посланіяхъ къ Тимофею, заставляютъ насъ думать, что если Тимофей былъ болѣе нѣжно любимъ апостоломъ, то Титъ былъ гораздо болѣе глубоко уважаемъ имъ. Последнее извѣстіе о немъ связывается съ его посѣщеніемъ Далматіи во время втораго тюремнаго заключенія, и мы можемъ чувствовать полную увѣренность, что путешествіе это было предпринято во исполненіе особаго долга и что онъ недобровольно оставилъ своего друга и учителя, которому онъ такъ долго и вѣрно служилъ. Посланіе, съ которымъ обращается къ нему ап. Павелъ, трактуется почти о томъ же самомъ, какъ и посланіе къ Тимофею, но съ добавочными подробностями и совершенно инымъ способомъ. Оно возбуждало теплое восхищеніе толкователей, изъ которыхъ одинъ говоритъ о немъ: «посланіе это краткое, но оно настолько заключаетъ въ себѣ сущность христіанскаго ученія и изложено такимъ мастерскимъ образомъ, что содержитъ все, что необходимо для христіанскаго познанія и жизни». Предметы затрогиваются здѣсь въ томъ же свободномъ и естественномъ порядкѣ, какъ и въ другихъ пастырскихъ посланіяхъ, и случайное упоминаніе о такихъ мало извѣстныхъ въ кругу друзей апостола личностяхъ, какъ Артема и Зина законникъ, вмѣстѣ съ замѣтными варіаціями въ начальныхъ и заключительныхъ привѣтствіяхъ, среди многихъ другихъ случайныхъ обстоятельствъ, чрезвычайно сильно подтверждаютъ аргументъ въ пользу его подлинности.

Привѣтствіе, которымъ апостолъ открываетъ свое посланіе, нѣсколько темно и запутано, благодаря неопредѣленности точнаго значенія различныхъ употребленныхъ здѣсь выраженій. Оно отличается отъ всѣхъ другихъ привѣтствій выраженіемъ «рабъ Божій», вмѣсто «рабъ Іисуса Христа», и особенностью его является также то, что названіе «Спаситель» прилагается какъ къ Богу, такъ и ко Христу²³⁴⁵.

«Павелъ, рабъ Божій, апостолъ же Іисуса Христа, по вѣрѣ избранныхъ Божіихъ и познанію истины, относящейся къ благочестію, въ надеждѣ вѣчной

жизни, которую обѣщалъ неизмѣнный въ словѣ Богъ прежде вѣковыхъ временъ, а въ свое время явилъ Свое слово въ проповѣди, вѣтренной мнѣ по повелѣнію Спасителя нашего, Бога, Титу, истинному сыну по общей вѣрѣ: благодать, милость и миръ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа, Спасителя нашего».

Послѣ этого торжественнаго привѣтствія апостолъ сразу переходитъ ко многимъ практическимъ указаніямъ, которыя составляютъ цѣль его письма. Онъ оставилъ Тита въ Критѣ для завершенія всѣхъ необходимыхъ установленій и особенно для рукоположенія пресвитеровъ въ каждомъ городѣ, которые должны быть людьми безупречнаго характера, имѣть хорошее хозяйство, такъ какъ «епископъ» долженъ быть непороченъ, какъ Божій домостроитель, не дерзокъ, не гнѣвливъ, причѣмъ перечисляются другія положительныя и отрицательныя качества, которыя уже перечислены въ посланіи къ Тимофею, съ прибавленіемъ, что онъ долженъ любить доброе и держаться истиннаго слова, согласно съ полученнымъ имъ наставленіемъ, чтобы имѣть возможность наставлять въ здоровомъ ученіи и обличать противящихся (I, 5—9).

Эти противящіеся описываются какъ непокорные, пустословы и обманщики, особенно изъ обрѣзанныхъ (іудейскихъ христіанъ), которые, ради гнусной корысти, готовы перевернуть вверхъ дномъ всякое семейство. Къ нимъ, какъ и вообще къ критянамъ, ап. Павелъ прилагаетъ колкую строку изъ ихъ соотечественника Эпименида:

«Критяне всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивыя»²³⁴⁶).

Вслѣдствіе чего ихъ нужно строго обличать, дабы они были здоровы въ вѣрѣ, не внимая іудейскимъ баснямъ и постановленіямъ людей, отвращающихся отъ истины²³⁴⁷). Подъ этими постановленіями, повидимому, разумѣются отчасти тонкія различія между чистымъ и нечистымъ, что апостолъ отвергаетъ рѣшительнымъ образомъ, говоря, что для чистыхъ все чисто, между тѣмъ какъ для оскверненныхъ и не-вѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, такъ какъ осквернены самые ихъ умъ и совѣсть, именно для тѣхъ, которые, исповѣдуя Бога на словахъ, въ дѣлахъ отрицаютъ Его, будучи гнусны, и непокорны, и неспособны ни къ какому добродѣлю (I, 10—16).

«Ты же говори то, что сообразно съ здоровымъ ученіемъ». Основная нота всего этого ученія есть здравомысліе. Старцы должны быть бдительны, степенны, цѣломудренны, здоровы въ вѣрѣ, въ любви, въ терпѣніи. Старицы должны одѣваться какъ прилично святымъ, не быть клеветницами, не порабощаться пьянству²³⁴⁸), учить добру, чтобы вразумлять молодыхъ женщинъ также быть здравомыслящими, внушая имъ поддерживать честь своего христіанскаго исповѣданія смиреннымъ, прилежнымъ, покорнымъ исполненіемъ своихъ домашнихъ обязанностей. Титъ долженъ также увѣщавать юношей быть цѣломудренными и во всѣхъ отношеніяхъ показывать собою образецъ добрыхъ дѣлъ, въ учительствѣ чистоту, степенность, неповрежденность. Рабы должны повиноваться своимъ господамъ и

быть «украшением учению Спасителя нашего, Бога», безмолвным послушанием и открытою честностью.

«Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирския похоти, цѣломудренно, праведно и благочестиво жили въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ожидая блаженнаго упования и явленія славы великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа²³⁴⁹⁾, который далъ Себя за насъ, чтобы избавить насъ отъ всякаго беззаконія; и очистить Себѣ народъ особенный, ревностный къ добрымъ дѣламъ. Сіе говори, увѣщавая и обличая со всякою властію, чтобы никто не пренебрегалъ тебя»²³⁵⁰⁾.

Послѣ этого быстрого и совершеннаго обзора христіанской жизни, какъ въ ея матеріальныхъ, такъ и духовныхъ отношеніяхъ, апостолъ обращается къ необходимымъ предметамъ практическаго назиданія. Критицамъ, какъ мятежнымъ по природѣ, нужно постоянно напоминать о долгѣ подчиненія во всемъ справедливомъ и добромъ. Какъ по природѣ свирѣпыя, они должны быть увѣщаемы къ кротости въ словахъ и дѣлахъ по отношенію ко всемъ людямъ, ибо и Богъ показалъ къ намъ Свое человеколюбіе, когда мы жили въ бессмысленномъ и непослушномъ заблужденіи, будучи рабами различныхъ страстей и живя въ ожесточенной взаимной ненависти. «Когда же» — и здѣсь слѣдуетъ другое сосредоточенное изложеніе ученія ап. Павла, несравненное по красотѣ и законченности — «когда же явилась благодать и человеколюбіе Спасителя нашего, Бога, Онъ спасъ насъ не по дѣламъ праведности, которыя бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрожденія и обновленія Святымъ Духомъ, котораго излилъ на насъ обильно чрезъ Іисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатію, мы по упованію содѣлались наслѣдниками вѣчной жизни».

Вѣрно слово это²³⁵¹⁾, и согласно съ нимъ онъ желаетъ, чтобы Титъ училъ объ этомъ съ должною настойчивостію, дабы увѣровавшіе въ Бога старались быть прилежными къ добрымъ дѣламъ. Ученіе это хорошо и полезно, между тѣмъ какъ глупыя состязанія²³⁵²⁾ и родословія, споры и распри о законѣ совершенно бесполезны и суетны. Но если послѣ одного или двухъ увѣщаній человекъ не откажется отъ своего заблужденія и развращенія, тогда Титъ не долженъ ничего больше говорить ему²³⁵³⁾.

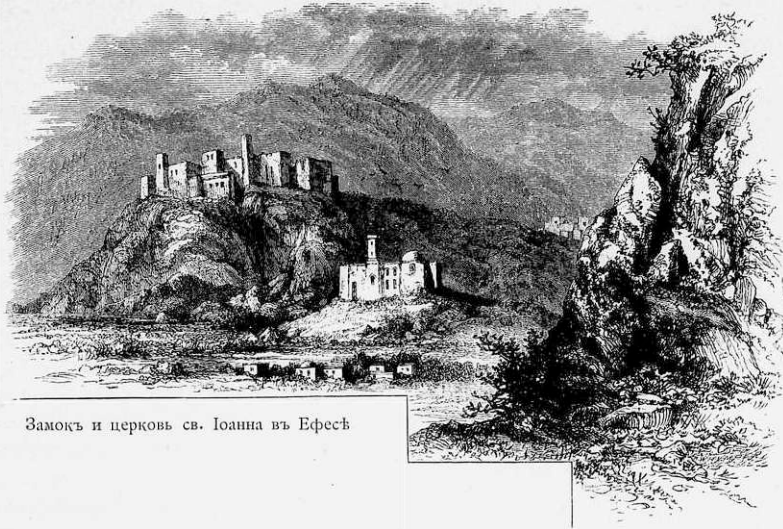
Это краткое посланіе заканчивается немногими личными сообщеніями. Титъ могъ скоро ожидать прибытія Артемы или Тихика²³⁵⁴⁾, и по прибытіи кого нибудь изъ нихъ онъ долженъ со всею поспѣшностію отправиться къ нему въ Никополь, гдѣ апостолъ положилъ провести зиму. Апостолъ проситъ его также позаботиться о снабженіи всемъ необходимымъ Аполлоса и Зину законника²³⁵⁵⁾ въ ихъ путешествіи, и выражаетъ желаніе, чтобы *все наши* учились слѣдовать примѣру этихъ добрыхъ услугъ по отношенію ко всемъ, кто нуждается въ нихъ, дабы не быть бесплодными. «Привѣтствуютъ тебя все находящіеся со мною. Привѣтствуй любящихъ насъ въ вѣрѣ. Благодать со всеми вами».

Эти послѣднія три привѣтствія заключаютъ нѣсколько интересныхъ особенностей. Они показываютъ намъ, что ап. Павелъ, которому предстояло вскорѣ быть такъ печально и недостойно оставленнымъ, все еще продолжалъ свою разнообразную миссіонерскую дѣятельность въ обществѣ преданныхъ друзей. То обстоятельство, что они по своему выраженію отличаются отъ всехъ другихъ заключительныхъ привѣтствій, есть признакъ подлинности, потому что поддѣльщикъ навѣрно ограничился бы рабскимъ, неподдающимся подозрѣнію повтореніемъ одной изъ формъ, встрѣчающихся гдѣ-либо раньше. Но что разумѣть ап. Павелъ подъ замѣчательнымъ выраженіемъ: «пусть и *наши* учатся упражняться въ добрыхъ дѣлахъ»? Оно обыкновенно объясняется въ смыслѣ «другіе вѣрующіе, равно какъ и ты». Но это объясненіе, очевидно, недостаточное. Съ другой стороны мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для объясненія его въ томъ смыслѣ, что у Аполлоса были свои обращенцы, составлявшіе отдѣльную общину отъ обращенцевъ ап. Павла. Самая неясность этого выраженія служитъ признакомъ того, что оно составляетъ намекъ на какое то обстоятельство, которое было извѣстно Титу, но неизвѣстно намъ.

Титъ затѣмъ совершенно сходитъ со страницъ христіанской исторіи. Остальная часть его біографіи расплывается въ туманныхъ очертаніяхъ позднѣйшихъ сказаній, едва ли заслуживающихъ того, чтобы называть ихъ даже преданіемъ.

Монета города Тарса.

Замокъ и церковь св. Іоанна въ Ефесѣ

ГЛАВА IV.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ.

Въ послѣдніе дни наступать времена тяжкія.
2 Тим. III, 1.

АЖЕ нѣкоторые изъ критиковъ, наиболѣе враждебныхъ къ подлинности пастырскихъ посланій, чувствовали крайнее смущеніе, когда имъ приходилось отнести въ область вымысла второе посланіе къ Тимоѳею и такимъ образомъ лишить міръ этого въ высшей степени благороднаго и нѣжнаго завѣщанія умирающаго воина Христова. Иные, даже отвергая два другихъ пастырскихъ посланія, дѣлали исключеніе въ пользу этого. Мы съ своей стороны можемъ выразить только изумленіе, что кто-либо, будучи настолько знакомъ съ христіанской литературой первыхъ двухъ вѣковъ, чтобы видѣть, какъ мало въ то время было писателей, выказывавшихъ хотя отдаленную способность къ произведенію такого письма,—можетъ чувствовать какое-либо затрудненіе въ признаніи того, что посланіе это написано ап. Павломъ. Тюбингенскіе критики доказываютъ, что эти три посланія неразрывны между собою и потому должны быть вмѣстѣ или признаны или отвергнуты, и думаютъ, что такъ какъ первое посланіе къ Тимоѳею показываетъ при-

знаки подложности, то это влечетъ одинаковую судьбу и для другихъ двухъ посланій. Принимая тѣсную связь между этими тремя посланіями и видя достаточно оснований въ первомъ посланіи къ Тимоѳею и въ посланіи къ Титу для признанія по крайней мѣрѣ весьма сильной вѣроятности ихъ подлинности, мы думаемъ, что вѣроятность эта восходитъ на степенъ достовѣрности въ виду несомнѣнной подлинности втораго посланія къ Тимоѳею. Если дѣйствительно ап. Павелъ никогда не былъ освобожденъ отъ своего перваго тюремнаго заключенія въ Римѣ, то пастырскія посланія должны быть признаны подложными, такъ какъ попытка Визелера и другихъ доказать, что они могли быть написаны въ теченіе какой нибудь части періода, входящаго въ повѣствованіе книги Дѣяній,—въ теченіе напр. трехлѣтняго пребыванія въ Ефесѣ, или полуторагодичнаго пребыванія въ Коринѣ,—падаетъ сама собою не только подъ тяжестью произвольности этихъ предположеній, но даже еще болѣе въ виду состоянія церкви и духа, а также и вообще обстоятельствъ апостола, которые явно обнаруживаютъ эти посланія. Но такъ какъ освобожденіе и второе тюремное заключеніе ап. Павла находятъ рѣшительное подтвержденіе въ преданіи и даютъ самое легкое и естественное объясненіе всѣмъ намекамъ въ этихъ и въ болѣе раннихъ посланіяхъ, и такъ какъ нельзя выставить противъ этого предположенія ни одного сильнаго возраженія, то мы думаемъ, что критики никогда не пытались бы опровергнуть возможность его, если бы при этомъ не руководились худо скрываемымъ желаніемъ отвергнуть какъ эти посланія, такъ и истины, для которыхъ они служатъ столь поразительнымъ свидѣтельствомъ.

Намеки во второмъ посланіи хотя слишкомъ отрывочны и незначительны, чтобы къ нимъ могъ прибѣгнуть какой либо подражатель, всетаки только намеки, и совершенно понятно, что они не могутъ доставить намъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы имѣть возможность получить связанное повѣствованіе о событіяхъ въ исторіи жизни апостола между его первымъ и вторымъ тюремными заключеніями, такъ что и останавливаться на этихъ событіяхъ съ нѣкоторою подробностью поэтому не безопасно; но въ тоже время конечно возможно построить предположеніе, которое, будучи просто само по себѣ, сообразуется со всѣми обстоятельствами, на которыя дѣлается здѣсь указаніе. Вѣроятность этого предположенія и естественность, съ которою оно сообразуется со всѣми подробностями, на которыя указываетъ ап. Павелъ, есть еще одно изъ многихъ доказательствъ того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ подлинными письмами.

Если мы поэтому сдѣлаемъ сводку всѣхъ личныхъ указаній этого посланія, то они дадутъ намъ возможность прослѣдить дальнѣйшую судьбу ап. Павла послѣ той зимы, которую онъ провелъ въ Никополѣ въ обществѣ съ Титомъ. При его преклонномъ возрастѣ и возрастающихъ недугахъ, при невольномъ сознаніи также нерѣдко появляющихся внутреннихъ предчувствій, что его жизнь клонится къ концу, въ высшей степени невѣроятно, чтобы онъ выступилъ на новую миссію.

нерскую дѣятельность, тѣмъ болѣе, что болѣе чѣмъ достаточное поприще для своей дѣятельности онъ могъ найти въ утвержденіи многихъ основанныхъ имъ греческихъ и восточныхъ церквей и въ стараніяхъ защитить ихъ отъ тонкой закваски распространяющихся ересей. Главная часть его труда была закончена: въ Иерусалимѣ и Антиохіи онъ навсегда обезпечилъ свободу язычниковъ отъ ига левитскаго закона. Въ своихъ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ онъ объявилъ какъ іудеямъ, такъ и язычникамъ, что мы не подѣ закономъ, но подѣ благодатию. Онъ избавилъ христіанство отъ опасности превращенія въ іудейскую секту, отличающуюся отъ іудейства только принятіемъ исполненія мессіанскихъ надеждъ. Трудясь, какъ не трудился ни одинъ еще апостолъ, онъ проповѣдалъ Евангеліе въ главныхъ городахъ міра отъ Иерусалима до Рима и быть можетъ даже до Испаніи. Въ теченіе краткаго періода въ двадцать лѣтъ онъ возвѣстилъ Христа распятаго простодушнымъ язычникамъ Ликаоніи, вѣтренымъ фанатикамъ Галатіи, мечтательнымъ мистикамъ Фригіи, мужественнымъ колонистамъ Македоніи, поверхностнымъ диллетантамъ Аѳинъ, чувственнымъ и самодовольнымъ промышленникамъ Коринѳа, полуварварскимъ жителямъ Далматіи, пользовавшимся худою славою островитянамъ Крита, рабамъ, воинамъ и необъятной массѣ населенія Рима. Онъ создалъ богословскую терминологию, формулировалъ истины христіанства. Ему выпало рѣдкое счастье служить Евангелію въ одно и то же время и въ качествѣ дѣятельнаго миссіонера, и въ качествѣ глубокаго мыслителя. Главная часть его труда теперь была совершена. Теперь уже не было опасности «отъ тѣхъ, которые отъ обрѣзанія» или «отъ тѣхъ, которые пришли отъ Іакова». Правда, возникали новыя опасности, но худшіе результаты ихъ находились еще въ далекомъ будущемъ²³³⁶). Какъ Карлъ Великій, уже закончивъ главное дѣло своей жизни, именно покореніе ломбардовъ и саксонцевъ, зарыдалъ, увидѣвъ на открытомъ морѣ суда норманскихъ пиратовъ, хотя былъ увѣренъ, что они не сдѣлаютъ много зла во время его жизни, и плакалъ только вслѣдствіе мысли о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя они причинятъ впослѣдствіи: такъ и ап. Павелъ глубоко предчувствовалъ будущія опасности отъ есеевскихъ элементовъ, которымъ суждено было созрѣть въ гностицизмъ, хотя и не дожилъ до того, чтобы быть личнымъ свидѣтелемъ ихъ полного развитія. Его желаніемъ было не основывать новыя церкви, но предостеречь и укрѣпить тѣ возлюбленныя церкви, которыя уже были основаны имъ.

Поэтому, по оставленіи Никополя, онъ естественно могъ отправиться назадъ въ Верею, Фессалонику, Филиппы и такимъ образомъ чрезъ Неаполь въ Троаду, гдѣ онъ остановился въ домѣ ученика по имени Карпа. Здѣсь повидимому засталъ его послѣдній кризисъ его судьбы. Можно по крайней мѣрѣ предположить, что онъ не оставилъ бы въ домѣ Карпа своихъ драгоценныхъ книгъ и плаща, который былъ такъ необходимъ ему, еслибы его отбытіе не было посѣшнымъ и быть можетъ невольнымъ. Его дѣятельность и сопровождавшій его успѣхъ въ этомъ городѣ были достаточно замѣтны, чтобы привлечь общее

вниманіе, а это былъ такой городъ, въ которомъ онъ болѣе всего могъ подвергнуться внезапному аресту. Со времени гоненія Нерона на христіанъ, они неизбѣжно болѣе или менѣе стади предметомъ ненависти и подозрѣнія по всей имперіи и особенно въ провинціальныхъ городахъ Малой Азіи, которые всегда

Развалины Пергама.

склонны были льстить императору, такъ какъ ихъ благосостояніе, а иногда почти и самое существованіе зависѣли отъ его личнаго благорасположенія. Всякій чиновникъ, желавшій выставиться чѣмъ нибудь, всякій злобный іудей, нескателный житель востока, могли послужить причиной ареста апостола; и если

онъ произведенъ былъ въ Троадѣ, особенно если по какому нибудь поводу, представленному Александромъ мѣдникомъ или имѣвшему отношеніе къ продолжительной и извѣстной дѣятельности ап. Павла въ Ефесѣ, то при обычномъ порядкѣ дѣла его могли отправить подѣ конвоемъ въ Ефесъ на судъ къ прокон-

сулу. До окончательного суда надъ нимъ онъ, конечно, былъ заключенъ въ тюрьму; и то обстоятельство, что мѣсто его тюремнаго заключенія еще до сихъ поръ указывается среди развалинъ Ефеса, хотя о тюремномъ заключеніи въ Ефесѣ прямо нигдѣ не упоминается въ Священномъ Писаніи, придастъ быть можетъ новую вѣроятность этимъ предположеніямъ. Здѣсь именно онъ испыталъ отъ рукъ Онисифора доброту, которая не оставила его и въ Римѣ²³⁵⁷) и на которую онъ намекаетъ тѣмъ съ большею сердечною благодарностью, что Онисифоръ повидому очень скоро послѣ этого умеръ.

Послѣ суда въ Ефесѣ, гдѣ его дѣло могло страдать отъ мѣстныхъ предубѣждений, онъ еще разъ могъ найти необходимымъ апеллировать къ кесарю. Марій Соранъ, тогдашній проконсулъ, былъ конечно радъ, какъ въслѣдствіи Плиній въ Вивиніи, отправить это дѣло на высшее судилище. Тимофеев естественно выразилъ желаніе сопровождать его, но въ это время апостолъ все еще пылкій, все еще сопровождаемый другими друзьями, все еще склонный думать, что его жизнь, которая столь долго была бесполезна для него, могла быть спасена отъ человѣческаго насилія, какъ ни близокъ могъ быть ея естественный конецъ,—считалъ необходимымъ оставить своего друга въ Ефесѣ для противодѣйствія опасностямъ и исполненія обязанностей пастырства, касательно котораго послѣдній недавно получилъ столь много важныхъ назиданій. Естественно, что они должны были разстаться съ глубокою грустью въ это столь опасное и тяжелое время. Ап. Павелъ, сидя въ своемъ скучномъ и уединенномъ заключеніи въ Римѣ, съ благодарностью воспоминаетъ о потокахъ слезъ во время этого прощанія, доказывавшихъ, какъ глубоко чувствовалась сыномъ его сердца его привязанность къ нему. Во всѣхъ его странствованіяхъ, при всякой болѣзни, во всѣхъ гоненіяхъ, во всѣхъ его тюремныхъ заключеніяхъ, при всѣхъ его частыхъ и горькихъ невзгодахъ, неизмѣнно отрадой для него, постояннымъ утѣшеніемъ, постоянною земною радостью было для него благородное сотоварищество, вѣрная преданность, неизмѣнная любовь этого ликаонійскаго юноши. Ради ап. Павла, ради Евангелія, онъ оставилъ свою мать, свой домъ, друзей своего отца, и съ радостью отдался тяжелой жизни презрѣннаго и гонимаго миссіонера. Грекъ по происхожденію, онъ по обрѣзанію соединилъ свою долю съ іудеемъ, по вѣрѣ — съ христианиномъ; и его высокой наградой на землѣ была не тѣнь безсмертной чести, но сущность возвышеннаго служенія въ дѣлѣ истины, которой суждено было покорить себѣ весь міръ. Тѣсное содружество между нимъ и апостоломъ началось въ духовномъ сыновствѣ обращенія и закрѣплялось общеніемъ надеждъ и опасностей, пока оно не сдѣлалось одною изъ самыхъ сильныхъ связей въ жизни. Въ теченіе тяжкихъ лѣтъ невзгодъ они утѣшали другъ друга въ скорбяхъ среди самыхъ тяжелыхъ трудовъ. Самое различіе въ ихъ возрастѣ, самое несходство въ характерахъ дѣлали ихъ взаимную любовь еще болѣе священной и болѣе глубокою. Пылкій, порывистый, властный характеръ

и неотступная настойчивость одного находили свое завершеніе и успокоеніе въ робкомъ, уступчивомъ, застѣнчивомъ характерѣ другаго.

Можно надѣяться, что апостолъ, сдѣлавшись опять узникомъ, былъ не одинъ, когда онъ оставилъ Ефесъ для того, чтобы въ послѣдній разъ переплыть Средиземное море. Изъ Никополя его вѣроятно сопровождали Титъ и Тихикъ²³⁵⁸); Димасъ могъ присоединиться къ нему въ Фессалоникѣ, Лука въ Филиппахъ, и Трофимъ, неустранный прежними опасностями въ Іерусалимѣ, выразилъ желаніе сопровождать его изъ Іонійской столицы. Но добрыя намѣренія послѣдняго не осуществились, такъ какъ онъ заболѣлъ въ Милетѣ, и тамъ маленькая община христіанъ должна была со скорбію оставить его, когда корабль отправился въ путь²³⁵⁹). Ерастъ, если только онъ находился съ нимъ въ Ефесѣ, оставилъ ихъ, когда они достигли его роднаго Коринфеа.

О подробностяхъ этого путешествія мы ничего не знаемъ. Очень возможно, что оно направлялось изъ Ефеса въ Кенхреи чрезъ Діолкъ въ Лехейскій заливъ и затѣмъ вдоль Коринфскаго залива и чрезъ Адриатическое море въ Брундизій откуда узникъ, его сторожа и его спутники направились сухимъ путемъ по большой Аппіевой дорогѣ въ Римъ. На этотъ разъ никакіе ученики не встрѣтили его въ Арріи Forum или Трехъ Тавернахъ, и вообще не случилось ничего такого, что бы требовало особаго мужества ап. Павла. Ужасное Нероново гоненіе подавило, разсѣяло и быть можетъ въ большинствѣ уничтожило малую христіанскую общину; а іудеи, которые принимали ап. Павла во время его перваго тюремнаго заключенія съ видимымъ равнодушіемъ, превратились съ того времени—частію несомнѣнно вслѣдствіе слуховъ, разсѣваемыхъ эmissарями изъ Іерусалима, а частію вслѣдствіе взаимныхъ обвиненій послѣ пожара въ Римѣ—въ ожесточеннѣйшихъ и нахальнѣйшихъ враговъ. При прежнемъ случаѣ, послѣ короткой задержки въ преторіанской казармѣ, ап. Павлу позволено было жить въ своемъ собственномъ помѣщеніи, и даже если оно находилось на самыхъ убогихъ окраинахъ Трастевра среди іудейскихъ продавцовъ сѣрныхъ спичекъ и разбитой посуды²³⁶⁰), то все-таки оно было собственное и давало ему возможность, конечно въ ограниченномъ кругу, продолжать свои труды миссіонерской проповѣди. Но теперь христіанство подозрѣвалось въ политическихъ дѣлахъ и поэтому практически было низведено на степень religio illicita. Въ это время у апостола уже не было благорасположеннаго Лизія, который бы могъ замолвить за него доброе слово, не было дружескихъ свидѣтельствъ Феста или Агриппы въ его пользу. Правленіе Нерона, худое почти съ самаго начала, ухудшалось изъ года въ годъ съ тревожною быстротою, и въ это время оно представляло зрѣлище ужасной жестокости и страшнаго паденія, какое рѣдко бывало въ цивилизованномъ мірѣ. Въ то время, когда высокій постъ преторіанскаго префекта занималъ честный солдатъ въ родѣ Бурра, политическій узникъ могъ по крайней мѣрѣ быть увѣренъ, что съ нимъ не будутъ обращаться съ безумною жестокостью; но чего можно было ожидать,

когда эту должность занимал Тигеллинъ,—тотъ Тигеллинъ, грязныя руки котораго еще были обгажены христіанскою кровію и гнусная жизнь котораго была запятана всевозможными видами мерзости и порока? Въ это послѣднее тюремное заключеніе апостола, прежде чѣмъ окончательно падеть завѣса надъ нимъ, мы можемъ проникнуть только однимъ взглядомъ, но этотъ взглядъ съ достаточностью

Базилика св. Константина въ Римѣ.

показываетъ намъ, какъ жестоко было оно. Среди быть можетъ еще чернѣющихъ развалинъ города и вопіющей бѣдственности его обитателей, среди быть можетъ многихъ яростныхъ взглядовъ, бросаемыхъ на ненавистнаго христіанина, Павла вели къ его темницѣ, и тамъ, когда дверь захлопнулась за нимъ, онъ сидѣлъ закованный въ цѣпи денно и ночью, не имѣя уже ни малѣйшей надежды на будущее, сидѣлъ какъ завѣдомо осужденный на смерть.

Посѣщать его теперь уже не значило болѣе посѣщать человѣка, противъ котораго не было никакихъ серьезныхъ обвиненій и который производилъ самое благоприятное впечатлѣніе на лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ. Это значило посѣщать человѣка, носившаго имя, которое ненавидѣли императоръ и его приближенные; это значило посѣщать коновода тѣхъ, на которыхъ указывали какъ на виновниковъ бѣдствія гораздо болѣе ужаснаго, чѣмъ какое когда либо обрушивалось на городъ со времени разрушенія его галлами. Просто быть добрымъ къ такому человѣку значило навлекать на себя позоръ и подозрѣніе. Этого нельзя было сдѣлать, не подвергаясь грубымъ оскорбленіямъ со стороны солдатъ²³⁶¹). Мало того, это могло повлечь за собою прямую политическую опасность. Римъ кишѣлъ шпионами, которые готовы были обвинять всякаго въ оскорбленіи величества при всякомъ возможномъ случаѣ. А кто кромѣ христіанина могъ посѣщать христіанина? Какой почтенный гражданинъ могъ имѣть дѣло съ самымъ дѣятельнымъ пропагандистомъ вѣры, которую сначала съ презрѣніемъ игнорировали, но которую даже спокойные и образованные люди начинали считать оскорбленіемъ человѣчества²³⁶²)? И если какой нибудь христіанинъ былъ обвиняемъ въ приверженности къ христіанству на томъ основаніи, что онъ посѣщалъ ап. Павла, то какъ онъ могъ оправдываться въ этомъ обвиненіи и какъ, не опровергнувъ его, могъ избавиться отъ страшной опасности?

При такихъ обстоятельствахъ положеніе апостола было совершенно отличнымъ отъ того, въ какомъ онъ находился три года предъ тѣмъ. Въ то время друзья его имѣли свободный доступъ къ нему, и онъ могъ учить о Христѣ Иисусѣ съ полною свѣдѣтельностью и невозбранностью. Теперь лишь немногіе или даже никто изъ его друзей не могли посѣщать его, а учить объ Иисусѣ Христѣ значило навлекать на себя вѣрную смерть. Онъ слишкомъ хорошо зналъ человѣческое сердце, чтобы не понимать, какъ естественно большинство людей должны были избѣгать общенія съ нимъ и участія въ его узахъ. Одинъ за другимъ его азіатскіе друзья стали оставлять его²³⁶³). Первыми оставили его Фигеллъ и Ермогенъ²³⁶⁴). Затѣмъ искушенія настоящаго положенія дѣлъ, прелесть свободной и безопасной жизни увлекли Димаса, и онъ также, послѣ долгаго сотоварищества, теперь оставилъ его. Крискентъ отправился быть можетъ по какому нибудь необходимому миссіонерскому дѣлу къ церквамъ Галатіи, а Титъ—къ церквамъ Далматіи. Тихика онъ самъ отправилъ въ Ефесъ не задолго предъ тѣмъ, какъ написать это посланіе. Съ нимъ остался только одинъ другъ—возлюбленный врачъ, преданный, скромный, образованный Лука²³⁶⁵). Жестокость положенія ничего не значила для ап. Павла; вся его жизнь состояла изъ безконечныхъ жестокостей, и онъ научился совершенно обходиться безъ всякихъ внѣшнихъ удобствъ; но въ положеніи человѣка, подверженнаго постояннымъ мукамъ, остаться совершенно безъ всякихъ сотоварищей было бы испытаніемъ, которое было слишкомъ тяжело сносить даже и для ап. Павла.

Одно счастливое неожиданное посещение нарушило тяжесть его одиночества и утѣшило его среди скорбей. Въ Римѣ прибылъ добросердечный ефесянинъ Онисифоръ, который уже выдавался среди христіанъ своего родного города по своей необычайной добротѣ. Онъ зналъ, что ап. Павелъ находился гдѣ-то въ этомъ городѣ въ качествѣ узника и рѣшился стать выше боязливого себялюбія своихъ соотечественниковъ: онъ отправился искать апостола, и въ городѣ, переполненномъ узниками, при правительствѣ, готовомъ съ самою циническою безастѣнчивостью привязываться къ каждому подозрѣнію, было отнюдь не безопаснымъ дѣломъ искать безвѣстнаго, престарѣлаго и глубоко огорченнаго узника. Если бы Онисифоръ былъ менѣе преданъ апостолу, то ему легко было бы найти извиненіе въ глазахъ другихъ христіанъ и предъ своею собственною совѣстью, что онъ не зналъ, гдѣ находился ап. Павелъ, что онъ искалъ его, но нигдѣ не могъ найти. Но онъ не хотѣлъ оставить своихъ усердныхъ поисковъ, пока не нашелъ апостола ²³⁶⁶). Да онъ и не удовольствовался однимъ посѣщеніемъ. Будучи радъ выносить позоръ и презрѣніе ради своего искренняго дружелюбія къ узнику, положеніе котораго было такъ жестоко, онъ нѣсколько разъ приходилъ къ апостолу и ободрялъ его душу тѣмъ самымъ утѣшеніемъ—чувствомъ человѣческаго сочувствія,—котораго больше всего жаждала душа его ²³⁶⁷). Смерть этого истиннаго и добросердечнаго ефесянина, вѣроятно, случилась въ Римѣ, такъ какъ ап. Павелъ выражаетъ пламенное желаніе, чтобы онъ могъ найти милость Господню въ великій день, и въ посланіи къ Тимофею онъ посылаетъ привѣтствіе его семейству, а не ему самому (2 Тим. iv, 19). Тонъ необычайной благодарности, которымъ дышатъ эти немногіе стихи, гдѣ апостолъ намекаетъ на него, даетъ намъ чувствовать, что мужественная и любящая дружба этого истиннаго брата, въ противоположность трусливому духу другихъ азіатцевъ, была самымъ яркимъ лучемъ свѣта, который только падалъ на глубокій мракъ его втораго тюремнаго заключенія въ Римѣ.

Наконецъ настало время, когда апостолъ долженъ былъ предстать предъ великимъ римскимъ трибуналомъ. Наступило то, что въ римскомъ законѣ называлось *prima actio* ²³⁶⁸). Св. писаніе писалось не съ тою цѣлію, чтобы удовлетворять наше любопытство подробностями историческихъ сценъ, какъ бы онѣ ни были знамениты или важны. То, что Богъ открываетъ намъ въ писаніи, есть скорѣе домостроительство Его предвѣчнаго плана спасенія человѣчества, чѣмъ полное жизнеописаніе тѣхъ, которые сподобились славы и чести служенія Его намѣреніямъ. Съ какимъ живымъ интересомъ мы конечно прочитали бы подробности этого процесса, но ап. Павелъ передаетъ намъ только единственную частности. Его молчаніе еще разъ показываетъ неизмѣримое различіе между древней и новѣйшей перепиской. Въ настоящее время въ письмѣ къ другу всякій конечно передалъ бы нѣсколько подробностей, что онъ не могутъ не интересоваться его. Въ данномъ случаѣ эти подробности могли быть конечно переданы тѣми,

съ кѣмъ было отправлено письмо. Можетъ быть и такъ; но если судить объ ап. Павлѣ по его собственнымъ посланіямъ и по аналогіи съ другими великими, духовно-настроенными людьми, то мы должны заключить, что многія дѣла этого рода лишь мало интересовали его. Часто ссылаясь на свои высокія духовныя преимущества, постоянно указывая на фактъ своего особаго апостольства, ап. Павелъ однако же очень мало и никогда въ подробности не говоритъ о внѣшнихъ событіяхъ своей жизни. Они относились къ преходящему зрѣлищу міра, къ тому, что являлось и исчезало. Двумя только живыми чертами раскрываются предъ нами обстоятельства дѣла. Одна изъ нихъ есть тотъ плачевный фактъ, что у него не оказалось ни одного друга, который бы имѣлъ достаточно смѣлости выступить рядомъ съ нимъ на защиту общаго дѣла. Онъ долженъ былъ защищаться самъ одиноко. Не было при немъ ни *patronus* для ободренія его, ни *advocatus* для защиты его дѣла, ни *deprecator*, который бы замолвилъ слово въ его пользу. «Никого, говорить онъ, не было со мною; но всѣ меня оставили. Да не вымѣнится имъ!» Но съ другой стороны даже въ этой крайности, предъ лицомъ страшнаго тирана, въ упоръ обращеннымъ на него, при сверканіи топоромъ въ пучкахъ прутьевъ ликторовъ передъ глазами—мужество его не поколебалось. Если люди оставили его, то Богъ укрѣплялъ его. Если даже Лука оставилъ его одного въ судѣ, то съ нимъ былъ самъ Господь. Апостолъ говорилъ на судѣ, и говорилъ достойнымъ своего дѣла образомъ. Какой массой языческой литературы охотно пожертвовали бы мы даже за краткій очеркъ этой рѣчи, какой напр. могъ бы намъ дать св. Лука, если-бы только онъ присутствовалъ при этомъ! Сколько величайшаго интереса могло бы заключаться въ защитительной рѣчи, произнесенной ап. Павломъ въ римскомъ форумѣ или въ римской базиликѣ! Увы! отголоски его словъ замерли навсегда. Мы знаемъ о ней лишь то, что передаетъ намъ самъ произнесшій ее. Но онъ передаетъ весьма мало. Онъ чувствовалъ, что Господь укрѣпилъ его, чтобы всѣ язычники услышали ее. И онъ успѣлъ въ защитѣ своего дѣла, успѣлъ несомнѣнно не просто для того, чтобы продлить свои дни въ бесплодной и безнадежной бѣдственности, но для нѣкоторой высшей цѣли. и быть можетъ между прочимъ для того, чтобы имѣть возможность оставить намъ свои послѣднія драгоценныя думы во второмъ посланіи къ его любезнѣйшему сыну по вѣрѣ. Но опасность все еще угрожала, и неизбежный результатъ былъ только отсроченъ. «Я избавился, говорить онъ, изъ львиныхъ челюстей». Всякій присяжный засѣдатель получалъ три голосовальныхъ таблички: одну съ буквой А (*absolvo*—признаю невиновнымъ), другую съ буквой С (*condemno*—обвиняю) и третью съ буквами N. I. (*non liquet*—обвиненіе не доказано). На этотъ разъ большинство голосовъ очевидно было третьяго рода, и результатомъ голосованія было *ampliatio*, т. е. отсрочка суда съ цѣлію приведенія дальнѣйшихъ доказательствъ по дѣлу. Но ап. Павелъ не поддавался какимъ-либо обманчивымъ надеждамъ. «Я изба-

вился изъ львиныхъ челюстей. И избавить меня Господь» — не отъ смерти или опасности, но — «отъ всякаго злаго дѣла»²³⁶⁹), и сохранить для своего небеснаго царства». Смерть чрезъ мученичество не была такимъ «злымъ дѣломъ»²³⁷⁰); отъ нея онъ не ожидалъ избавленія, — нѣтъ, онъ зналъ и быть можетъ даже надѣялся, что этими узкими вратами онъ скорѣе всего проникнетъ въ небесное царство Христа. Но ему вѣроятно пришлось пережить нѣсколько опасныхъ и страшныхъ часовъ, такъ какъ иначе онъ едва ли употребилъ эту метафору (2 Тим. iv, 17), подсказанную быть можетъ воспоминаніемъ сильного образа, употребленнаго пастухомъ-пророкомъ: «какъ иногда пастухъ исторгаетъ изъ пасти львиной двѣ голени или часть уха»²³⁷¹).

Но кто этотъ левъ? Разумѣется ли подъ нимъ сатана (1 Петр. v, 8), или Гелій, префектъ города, или самъ Неронъ²³⁷²? Или это просто лишь общее выраженіе? Даже если и такъ, то всетаки нѣтъ ничего невозможнаго, что онъ защищалъ свое дѣло передъ самимъ Нерономъ. Право рѣшенія дѣлъ римскіе императоры всегда ревниво удерживали за собою; и если судъ надъ апостоломъ происходилъ весной 66 года, то это было еще до путешествія Нерона въ Грецію, и почти вѣроятно, что онъ могъ лично обратить вниманіе на дѣло человѣка, который больше всѣхъ сдѣлалъ для распространенія имени Христа. Неронъ крайне старался о томъ, чтобы свалить на неповинныхъ христіанъ тяжелую вину въ томъ ужасномъ пожарѣ, въ которомъ онъ подозрѣвался самъ, причемъ одно это подозрѣніе, не будучи отклонено на кого нибудь другаго, могло привести даже къ низверженію его съ императорскаго трона. И вотъ теперь передъ нимъ стоялъ въ оковахъ величайшій изъ христіанъ, самый корифей ненавистной ему секты. Тотъ, для кого популярность, подорванная отчасти ужасающими преступленіями и пороками, стала дѣломъ чрезвычайной важности, видѣлъ, какъ дешево онъ могъ бы возстановить ее, принеся съ жертву болѣзненнаго, покинутаго всѣми, престарѣлаго узника, за котораго никто не замолвитъ добраго слова и къ которому, очевидно, относились съ крайнею ненавистью язычники изъ Азіи, столичная чернь и іудеи со всѣхъ концовъ свѣта. Цицеронъ передаетъ намъ живописную картину того, какъ около полутора вѣка предъ тѣмъ огромная толпа іудеевъ съ криками, воплями и отчаянными жестами, отгнѣсивъ солдатъ и ликторовъ, окружила трибуналъ, гдѣ разбиралось дѣло ихъ притѣснителя Флакка, и своими угрозами до того устранила всѣхъ, что самъ онъ, какъ адвокатъ обвиняемаго, будучи притомъ такимъ высокопоставленнымъ лицомъ какъ римскій консулъ и «отецъ своего отечества», вынужденъ былъ произносить свою защитительную рѣчь пониженнымъ голосомъ — изъ боязни ихъ отчаянной ярости. Если въ 89 г. до Р. X. римскіе іудеи вслѣдствіе своего озлобленія на Флакка могли навести такой страхъ даже на Цицерона, то вѣроятно ли, чтобы они воздержались отъ враждебныхъ демонстрацій противъ столь ненавистнаго имъ и въ тоже время столь беззащитнаго своего врага, какимъ былъ въ то время ап. Павелъ?

Ап. Павелъ передъ Нерономъ!.. Если это было дѣйствительно такъ, то какой контрастъ представляетъ это сопоставленіе двухъ такихъ характеровъ, — изъ которыхъ одинъ порочнѣйшій и гнуснѣйшій, а другой лучшій и святѣйшій въ человѣчествѣ! Тутъ мы поистинѣ видимъ лицомъ къ лицу двѣ расы, двѣ цивилизаціи, двѣ религіи, двѣ исторіи и двѣ міровыхъ эпохи. Неронъ представлялъ въ своемъ лицѣ могущество легионовъ, новидимому непобѣдимыхъ; ап. Павелъ олицетворялъ ту еще болѣе непреодолимую немощь, которая потрясла міръ. Одинъ представлялъ собою вѣнецъ и цвѣтокъ пышнаго порока и преступнаго блеска; другой — земную бѣдственность блаженнѣйшихъ святыхъ Божіихъ. Въ одномъ мы видимъ воплощенную Немезиду или кару за прошлую преступность; въ другомъ славный образецъ христіанской святости. Одинъ былъ обоженнымъ самодержцемъ языческаго міра; другой — смиреннымъ посланникомъ Христа. Діадема императора теперь впервые стала лицомъ къ лицу съ крестомъ жертвы, предъ которымъ менѣе чѣмъ чрезъ три вѣка она должна была смиренно уступить.

Неронъ, не имѣя еще и тридцати лѣтъ отъ роду, былъ уже запятнанъ всевозможными пороками и преступленіями и по горло утопалъ въ мерзости самаго гнуснаго разврата. Изъ всѣхъ гнусныхъ и смертныхъ грѣховъ, противъ которыхъ, какъ часто напоминаетъ своимъ языческимъ обращеніемъ ап. Павелъ, всегда пылаетъ гнѣвъ Божій, едва ли оставался хоть одинъ, въ которомъ не былъ бы виновенъ Неронъ. Безобразный грабитель, безжалостный деспотъ, интриганъ, отравитель, убійца, матерубійца, лжецъ, трусъ, пьяница, обжора, гнусный, невыразимо грязный и омерзительный развратникъ, о низкой натурѣ котораго даже язычники говорили, что она составляетъ «смѣсь крови и грязи», искалъ чудовищныхъ средствъ для утоленія, если уже не утоленія своей ненасытной склонности къ пороку. Это былъ наихудшій образецъ человѣческаго нечестія, человѣкъ, который, не довольствуясь всѣми существующими формами порока и грѣха, какими только когда-либо пятнала себя человѣческая природа, сдѣлался «изобрѣтателемъ злыхъ дѣлъ». Онъ похитилъ тронъ; онъ отравилъ, подъ маской нѣжной любви, благороднаго мальчика, который былъ законнымъ наслѣдникомъ римскаго престола; онъ женился на сестрѣ этого мальчика съ единственною цѣлю измучить ее своимъ звѣрствомъ и наконецъ отдать приказъ умертвить ее; онъ сначала самъ составилъ, а затѣмъ приказалъ исполнить — планъ убійства своей родной матери, которая, при всей своей собственной преступности, совершала однакоже большинство своихъ преступленій изъ любви къ нему; онъ вѣроломно погубилъ великаго полководца, побѣды котораго дали хоть какой-либо блескъ его царствованію; среди другихъ убійствъ, перечислять которыхъ было бы слишкомъ долго, онъ приказалъ умертвить храбраго воина и багетательнаго философа, которые старались хоть сколько нибудь сдерживать его распутное и нетерпимое сердце; онъ опозорилъ императорскій авторитетъ всѣми видами удручающей и чудовищной глупости; красоту юности и естественное достоинство

возмужалости онъ проволочилъ въ самой омерзительной грязи; онъ убилъ пинкомъ недостойную, но красивую женщину, которую онъ отнял у мужа, чтобы сдѣлать ее своей второй женой; онъ превратилъ въ пепелъ свою собственную столицу; фиглярствовалъ, игралъ и пѣлъ, своимъ хриплымъ голосомъ въ публичныхъ театрахъ, не обращая вниманія на бѣдственность и голодъ тысячъ ея разоренныхъ гражданъ; онъ свалилъ свою вину въ пожарѣ на неповинныхъ христіанъ, и сотнями замучивалъ ихъ до смерти самыми ужасными видами мученичества; онъ сдѣлалъ все возможное для него, чтобы обезславить свое положеніе, свою страну, своихъ предковъ, самое имя римлянина, и наконецъ — даже имя человѣка вообще.

А ап. Павелъ всю свою жизнь провелъ въ распространеніи истины и водвореніи святости. Будучи съ самаго дѣтства серьезнымъ и ревностнымъ изслѣдователемъ закона Божія, онъ превосходилъ ученостью и преданностью всѣхъ другихъ «учениковъ мудрыхъ» въ школѣ величайшаго законника; и если стремительная пылкость его натуры и самая обыкновенная немощъ даже возвышеннѣйшихъ умовъ, — именно гордость ложнаго убѣжденія, не терпящаго сознанія въ заблужденіи, — на-время направили его на путь безпощадной нетерпимости, въ которой онъ въ послѣдствіи раскаявался со всею пылкостью своей натуры; то даже и этотъ грѣхъ происходилъ у него изъ слѣпой, ложно направленной ревности къ дѣлу, которое онъ принималъ, или по крайней мѣрѣ на время думалъ, что принималъ — за дѣло Божіе. Кто первымъ бросить въ него камень? Не бросать даже и тѣ ученые и великіе мужи, вся обыденная жизнь которыхъ показываетъ, какъ трудно отречься отъ престола непогрѣшимаго невѣжества, и послѣ жизни зауряднаго заблужденія смиренно идти учиться въ школу истины. Но если онъ и заблуждался на-время, зато какъ величественно, какою жизнью геройскаго самопожертвованія онъ искупилъ свою вину! Кто изъ людей потрудился такъ, какъ потрудился этотъ человѣкъ? Поднимался ли когда кто-либо до болѣе благородной высоты надъ заурядными предметами человѣческихъ желаній? Посвящалъ ли когда-либо человѣкъ полнѣе и безропотнѣе всю свою жизнь Богу? Удавалось ли когда-либо какому-нибудь другому человѣку, не смотря на всѣ испытанія, препятствія, гоненія, вопреки скрежету зубовому всякаго сопротивленія, добиться столь полного совершенія божественнаго, порученнаго его попеченію, дѣла? Устраняясь отъ всякой враждебности съ тѣлою чувствительностью натуры, всегда жаждущей человѣческой любви, онъ однакоже смѣло выступалъ противъ ненависти и вражды всякаго рода, — ненависти не только враговъ, но и друзей, не только отдѣльных лицъ, но и цѣлыхъ партій; не только чужеземцевъ, но и своихъ собственныхъ соплеменниковъ; не только іудеевъ, но даже тѣхъ, которые исповѣдывали одну и ту-же вѣру съ нимъ²³⁷³). Съ робкою чувствительностью страшась всякаго страданія, онъ однакоже въ теченіе двадцати лѣтъ вынесъ всевозможныя формы мучительнаго страданія въ своемъ ослабленномъ непрестанными трудами и невзго-

дами тѣлѣ. Многочисленныя опасности и невзгоды, описанныя нами, составляютъ только часть того, что претерпѣлъ онъ. А что онъ сдѣлалъ? Онъ обезпечилъ торжество, установилъ вселенскость, создалъ языкъ, упорядочилъ доктрины, превозмогъ препятствія на пути къ той вѣрѣ, которая есть существенный источникъ надежды, любви и нравственнаго возвышенія міра.

И вотъ эти два человѣка были поставлены лицомъ къ лицу — императорское могущество и апостольская немощъ; юность растлѣнная порочностью, и старость увѣнчанная святостію; тотъ, вся жизнь котораго была возрастающимъ грѣхопадениемъ, и тотъ, жизнь котораго совершила освобожденіе человѣчества. Они стояли лицомъ къ лицу какъ представители двухъ расъ — семитической во всемъ ея славномъ блескѣ, арійской — во всемъ ея ужасающемъ паденіи; какъ представители двухъ системъ воспитанія — жизни полного самопожертвованія и жизни неизмѣримаго самоуслажденія; какъ представители двухъ религій — христіанства въ его ярко разгорающейся зарѣ и язычества въ его изможденномъ отчаяніи; какъ представители двухъ теорій жизни — простоты, самоотверженнаго терпѣнія, готоваго самую душу положить на благо другихъ, и роскоши безстыднаго идонизма, который ни во что не ставилъ всякія божескія или человѣческія начала въ сравненіи съ новой формой грубочувственнаго наслажденія; какъ представители двухъ духовныхъ силъ — рабъ Христа и воплощеніе антихриста. И ихъ сравнительное положеніе показывало, насколько въ это время ходъ міра сего находился подъ дѣйствіемъ князя силы воздушныя, такъ какъ гнусность и матерубійство были одѣты въ пурпуръ и возсѣдали на царственномъ тронѣ среди эмблемъ безпредѣльнаго блеска и неограниченной власти; а тотъ, вся жизнь котораго представляла все, что есть великаго и благороднаго въ сердцѣ человѣческомъ, стоялъ въ опасности смертной казни — презираемый, ненавидимый, въ оковахъ и лохмотьяхъ.

Но римскій законъ все-таки еще былъ римскимъ закономъ, такъ что исключая отдѣльных случаевъ, гдѣ вмѣшивались до крайности необузданныя страсти, все еще оказывалось нѣкоторое уваженіе къ формамъ справедливости. На-время, по крайней мѣрѣ, ап. Павелъ избавился отъ пасти львиной. Могъ оказаться какой-нибудь пробыль въ обвинительномъ актѣ или какой-нибудь недостатокъ въ доказательствахъ; и хотя ап. Павелъ хорошо зналъ, что это лишь отсрочка окончательнаго рѣшенія его участи, онъ все-таки на-время опять былъ отосланъ въ свою темницу. И Неронъ, если только онъ разумѣется подо «львомъ», предъ которымъ происходилъ этотъ первый судебный отвѣтъ великаго апостола, не имѣлъ уже болѣе случая для своего покаянія въ этой жизни. Не трепеталъ ли онъ, когда ап. Павелъ говорилъ ему объ умѣренности, праведности и грядущемъ судѣ? Не съ тревогой ли онъ слушалъ все это, какъ слушалъ Иродъ Антипа суровыя рѣчи Іоанна Крестителя? Не обнаружилъ ли онъ хоть тѣни мимолетной краски стыда на своемъ обрюзгломъ лицѣ, обезображенномъ слѣдами гнусной страсти, какъ

покрасяѣлъ на констанцскомъ соборѣ императоръ Сигизмундъ, когда Іоаннъ Гуссъ укорялъ его въ нарушеніи даннаго имъ слова? Императоръ, который ближе всѣхъ по гнусному распутству стоялъ къ Нерону и, подобно ему самъ будучи невыразимо грязнымъ и безнравственнымъ, былъ глубоко убѣжденъ, что всѣ люди въ сущности таковы же, обыкновенно обращаясь къ серьезнымъ людямъ съ самыми оскорбительными вопросами, и если негодующая кровь у кого бросалась въ лицо, то онъ обыкновенно восклицалъ: *Erubuit, salva res est*—«покрасяѣлъ, значитъ все ладно»²³⁷⁴). Но о Домиціанѣ прямо говорится, что онъ *не могъ* красяѣтъ, что его пылавшія щеки были непроницаемой броней для всякаго приступа стыда²³⁷⁵). И Неронъ, по всей вѣроятности, ушелъ уже слишкомъ далеко, чтобы красяѣтъ. Гораздо болѣе вѣроятно, что онъ подобно Галліону слушалъ защитительную рѣчь изможденнаго и престарѣлаго апостола-іудея только съ худо скрываемымъ нетерпѣніемъ и глубочайшимъ презрѣніемъ, смотря на такого чловѣка какъ на болѣе презрѣнную вещь, чѣмъ самый прахъ подъ его ногами. Онъ могъ только предполагать, что ап. Павелъ считалъ для себя величайшимъ счастьемъ самую честь хоть подышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ съ императоромъ Рима. Больше ему уже не представлялось случая послушать словъ истины. Около этого времени онъ отправился въ свою легкомысленную экспедицію въ Грецію; и затѣмъ, почти до невѣроятной степени опозоривъ и самое имя римлянина публичнымъ пѣніемъ своихъ жалкихъ самодѣльных куплетовъ и призрачными побѣдами, которыми ловкіе и безстыдные греки одурачили его до самой маковки, онъ по возвращеніи въ Римъ нашелъ, что мятежъ Галльбы получилъ полную силу, такъ что онъ принужденъ былъ ночью передѣтымъ бѣжать изъ своего дворца, утоляя свою жажду изъ лужи и вообще обнаружилъ такую трусость, что сталъ презрѣннымъ въ глазахъ самыхъ своихъ нижайшихъ клеврецовъ, и закончилъ тѣмъ, что дрожащей рукой помогъ своему рабу вонзить себѣ въ горло кинжалъ.

Но неудивительно, что когда ап. Павелъ среди развалинъ улицъ, повергнутыхъ пожаромъ въ пепелъ, возвращался въ свою одинокую темницу, у него явилось одно земное желаніе, исполненія котораго онъ все еще жаждалъ. Это—еще разъ повидать дорогаго друга своихъ раннихъ лѣтъ,—тѣхъ лѣтъ, въ которыя при всей тяжести испытанныхъ въ теченіе ихъ страданій надежда на пришествіе Христа во славу судить міръ казалась столь близкой и предзнаменованія тяжкой смерти и, повидимому, полной неудачи всего дѣла еще не тяготѣли надъ его головой. Онъ жаждалъ еще разъ повидѣть Тимофея, освѣжиться сердечною преданностью и благочестіемъ этого молодаго чловѣка, ободриться и утѣшиться дружественнымъ общеніемъ этого истиннаго сына во Христѣ, сердце котораго всецѣло билось заодно съ нимъ; побыть съ чловѣкомъ, который съ такою полнотою раздѣлялъ его симпатіи и надежды, который изъ долгаго и дружескаго общенія зналъ, какъ лучше всего ободрить его духъ и удовле-

творить его нужды. Это-то именно и заставило его написать второе письмо къ Тимофею, которое такъ сказать было его «лебединою пѣснью»; и въ немъ среди многихъ другихъ совѣтовъ и наставленій онъ настоятельно и неоднократно проситъ своего друга придти къ нему, придти скоро, придти до зимы (2 Тим. IV, 9, 21), придти пока не поздно, повидать его и помочь ему, а также и получить отъ него благословеніе предъ ожидающей его смертью.

Римскій орелъ
(въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА LVI.

ПОСЛѢДНЕЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА.

Да будетъ совершенъ Божій человекъ, ко вселенному добродѣлу приготовленъ. 2 Тим. iii, 17.

ПОСТОЛЪ началъ это посланіе своей обычной формой: «Павелъ, волею Божіею ²³⁷⁶) апостолъ Иисуса Христа, по обѣтованію жизни во Христѣ Иисусѣ, Тимоѳею, возлюбленному сыну, благодать, милость, миръ отъ Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего. Благодарю Бога, которому служу отъ прародителей съ чистою совѣстію, что непрестанно воспоминаю о тебѣ въ молитвахъ моихъ днемъ и ночью, и желаю видѣть тебя, вспоминая о слезахъ твоихъ ²³⁷⁷), дабы мнѣ исполниться радости ²³⁷⁸); приводя на память ²³⁷⁹) нелицемѣрную вѣру твою, которая прежде обитала въ бабкѣ твоей Лойдѣ и матери твоей Евникѣ; увѣренъ, что она и въ тебѣ» ²³⁸⁰).

Быть можетъ печаль Тимоѳея, слезы о своемъ отсутствующемъ и заключенномъ въ темницу учителѣ затрудняли его въ дѣятельности и повергали его въ слишкомъ крайнее уныніе; и поэтому ап. Павелъ, напоминая ему о вѣхъ надеждахъ, которыя онъ высказывалъ въ началѣ своего служенія, продолжаетъ:

«По сей причинѣ ²³⁸¹) напоминая тебѣ возгрѣвать даръ Божій, который въ тебѣ чрезъ мое рукоположеніе. Ибо далъ намъ Богъ духа не боязни, но силы и любви и цѣломудрія ²³⁸²). Итакъ не стыдись свидѣтельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай съ благовѣстіемъ Христовымъ силою Бога, спасаго насъ, и призваннаго званіемъ святымъ, не по дѣламъ нашимъ, но по своему изволенію и благодати, данной намъ во Христѣ Иисусѣ прежде вѣковыхъ временъ, открывшейся же нынѣ явленіемъ Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившаго смерть, и явившаго жизнь и нетлѣніе чрезъ благовѣстіе, для котораго я поставленъ проповѣдникомъ и апостоломъ и учителемъ язычниковъ. По сей причинѣ я и страдаю такъ; но не стыжусь. Ибо я знаю, въ Кого увѣровалъ, и увѣренъ, что Онъ силенъ сохранить залогъ мой на оный день» (1, 6—12). Послѣ этого двойнаго отступленія, вызваднаго словомъ «благовѣстіе», подсававшимъ ему, что означаетъ это слово (9, 10), и затѣмъ напомнившимъ ему о его собственной миссіонерской дѣятельности, апостолъ, возвращаясь къ своему увѣщанію, говоритъ: «держи образъ здраваго ученія ²³⁸³), которое ты слышалъ отъ меня; съ вѣрою и любовію во Христѣ Иисусѣ. Храни добрый залогъ Духомъ Святымъ, живущимъ въ насъ» (1, 13, 14). Затѣмъ онъ касается нѣсколько печальныхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы уже говорили—оставленія его азіатскими обращенцами ²³⁸⁴), а также ревностной ободряющей доброты Онисифора, за котораго онъ возсылаетъ сердечную молитву (1, 15—18).

«Итакъ укрѣпляйся, сынъ мой, въ благодати Христомъ Иисусомъ; и что слышалъ отъ меня, при многихъ свидѣтеляхъ, то передай вѣрнымъ людямъ, которые были бы способны и другихъ научить. Итакъ переноси страданія, какъ добрый воинъ Иисуса Христа». Условія этого воинства онъ поясняетъ тремя подобіями, взятыми изъ жизни воина, атлета и труженика, чѣмъ несомнѣнно хотѣлъ подсказать Тимоѳею качества, которыя въ этотъ тяжелый періодъ болѣе всего были необходимы для него. Воинъ долженъ оставить всѣ свои житейскія дѣла, чтобъ угодить военачальнику. Атлетъ, если онъ желаетъ получить вѣнецъ, долженъ соблюдать всѣ правила борьбы. *Трудящійся* земледѣлецъ первый долженъ вкусить отъ плодовъ (п, 1—6). Такимъ тонкимъ путемъ онъ внушалъ Тимоѳею обязанности самоотверженія, вниманія къ условіямъ христіанской жизни и напряженнаго труда, и чтобы онъ не упустилъ изъ вида значенія этихъ уподобленій, апостолъ прибавляетъ: «разумѣй, что я говорю. Да дастъ ²³⁸⁵) тебѣ Господь разумѣніе во всемъ». Примѣромъ своихъ собственныхъ страданій онъ напоминаетъ ему, что главные истины Евангелія достаточны для того, чтобы вдохновлять терпѣніе и трудъ.

«Помни», говоритъ онъ, «Господа Иисуса Христа, отъ сѣмени Давидова воскресшаго изъ мертвыхъ, по благовѣствованію моему, за которое я страдаю даже до узъ, какъ злодѣй; но для слова Божія нѣтъ узъ. Посему я все терплю ради избранныхъ, дабы и они получили спасеніе во Христѣ Иисусѣ съ вѣчною славою. Вѣрно слово:

«Если съ Нимъ мы умерли, то съ Нимъ и оживемъ»²³⁸⁶).

«Если терпимъ, то съ Нимъ и царствовать будемъ»;

«Если отречемся, и Онъ отречется отъ насъ».

«Если мы невѣрны, Онъ пребываетъ вѣренъ»;

«Ибо Себя отречься не можетъ»²³⁸⁷).

«Сіе напоминай»; и съ этого стиха до конца главы апостолъ обращается къ ложнымъ учителямъ, между которыми трудился Тимоѳеѣ и противъ которыхъ онъ предостерегалъ его въ первомъ посланіи, «заклиная предъ Господомъ, не вступать въ словопренія, что ни мало не служить къ пользѣ, а къ разстройству слушающихъ»²³⁸⁸); «старайся представить себя Богу достойнымъ, дѣлателемъ неукоризненнымъ»²³⁸⁹), вѣрно преподающимъ слово истины». Онъ долженъ удалиться непотребнаго пустословія людей, въ родѣ Именея и Филита²³⁹⁰), съ ихъ возрастающимъ нечестіемъ и распространяющимся заблужденіемъ ихъ ученія, которое отождествляло воскресеніе съ духовнымъ освобожденіемъ отъ смерти грѣха и отрицало всякое другое воскресеніе²³⁹¹), къ пагубному разрушенію вѣры другихъ, хотя и безплодно, «потому что твердое основаніе Божіе стоитъ съ двойною надписью на себѣ (сн. Откр. хх, 14): «позналъ Господь своихъ» и: «да отступитъ отъ неправды всякій, исповѣдающій имя Господа» (сн. Числ. хvi, 5, 26). Однако же не нужно удивляться, что такіа заблужденія возникаютъ въ видимой церкви. Она подобна большому дому, въ которомъ есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные, и одни въ почетномъ, а другіе въ низкомъ употребленіи. Все, что каждый долженъ дѣлать, это очистить себя отъ всякой оскверняющей связи съ худыми и низкими сосудами и стараться быть «сосудомъ въ чести, освященнымъ и благопотребнымъ Владыкѣ, годнымъ на всякое доброе дѣло»²³⁹²). Поэтому онъ долженъ убѣгать юношескихъ похотей²³⁹³), а держаться правды, вѣры, любви и мира, «въ единеніи со всѣми призывающими Господа отъ чистаго сердца»; долженъ уклоняться отъ глупыхъ и невѣжественныхъ состязаній, способныхъ возбуждать только ссоры, недостойныя кроткаго и терпѣливаго смиренія раба Господня, которому должно быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ, съ кротостію наставлять противниковъ (Мат. хii, 19, 20), въ надеждѣ, что Богъ дастъ имъ покаяніе къ познанію истины, «чтобы они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю»²³⁹⁴).

Въ третьей главѣ продолжается рѣчь объ этихъ злыхъ учителяхъ и объ успѣхѣ ихъ ученія въ будущія трудныя времена. Рисуется до суровости

печальная картина того, до чего люди дойдутъ тогда при своемъ самолюбіи, сребролюбіи, гордости, надменности, злорѣчивости, непокорности родителямъ, неблагодарности, нечестіи и недружелюбіи, предательствѣ, безбожии и сластолюбіи. Апостолъ проситъ Тимоѳея удалиться отъ такихъ учителей съ ихъ лицеѣрной набожностью. Ихъ пресмыкающимся интриганствомъ, ихъ гибельнымъ влияніемъ, такъ какъ они вкрадываются въ дома и обольщаютъ женщинъ²³⁹⁵), утопающихъ въ грѣхахъ, водимыхъ различными похотями, всегда учащихъ и никогда не могущихъ дойти до познанія истины. Они противятся истинѣ, какъ Іанній и Іамврій, древніе египетскіе чародѣи²³⁹⁶), противились Моисею. Но они немного успѣютъ, ибо ихъ безуміе обнаружится предъ всѣми, какъ случилось и съ тѣми²³⁹⁷). Но Тимоѳеѣ, который слѣдовалъ всему, чѣмъ былъ ап. Павелъ въ ученіи, стремленіяхъ и страданіяхъ жизни, и хорошо знаетъ, какъ Господь спасалъ его отъ многихъ испытаній и гоненій во время его перваго путешествія²³⁹⁸), долженъ ожидать преслѣдованія и быть мужественнымъ и стойкимъ, не уподобляясь въ своей жизни обманщикамъ, быть вѣрнымъ воспитанію, полученному еще въ дѣтствѣ въ священныхъ писаніяхъ, которыя могли умудрить его во спасеніе вѣрою въ Христа Иисуса: «такъ какъ все Писаніе богодухновенно и полезно для наученія²³⁹⁹), для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій человекъ, ко всякому добродѣлу приготовленъ» (п. 1—17).

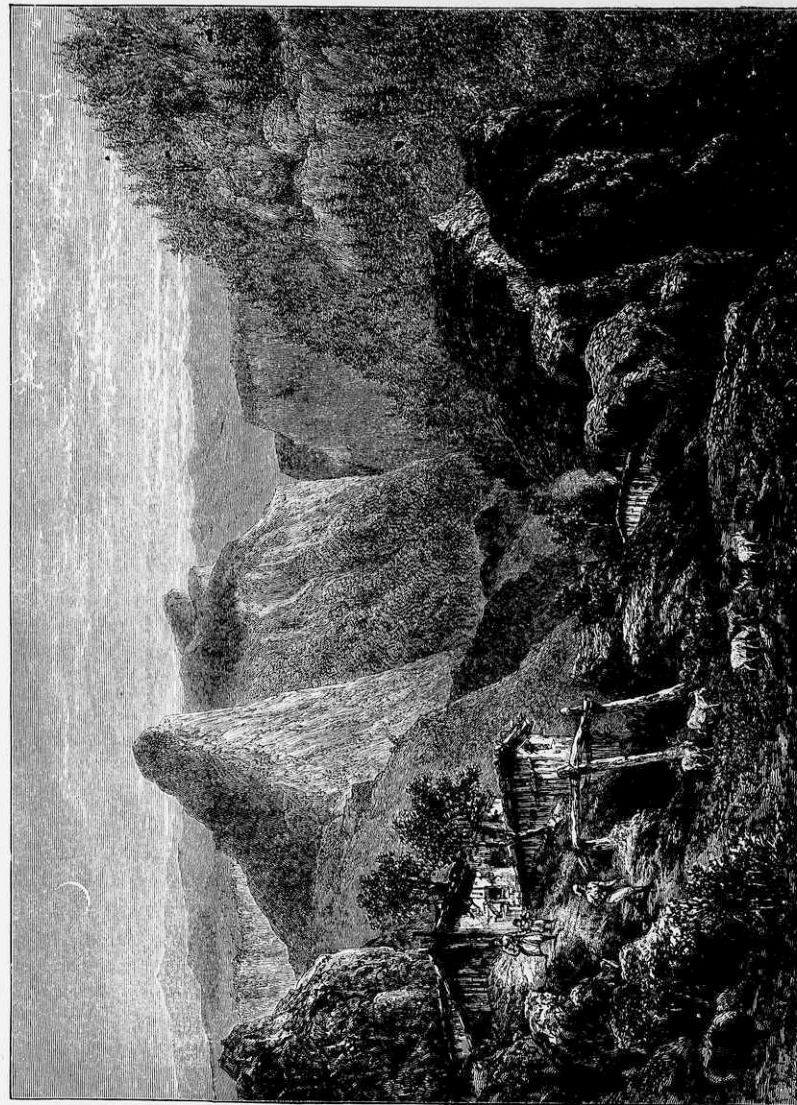
Четвертая глава начинается торжественнымъ увѣщаніемъ его исполнять свой долгъ въ качествѣ пастыря «во время и не во время»²⁴⁰⁰), потому что скоро настанетъ время, «когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху».

«Но ты будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби, совершай дѣло благовѣстника, исполняй служеніе твое. Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествія²⁴⁰¹ настало. Подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія, въ день оный; и не только мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его»²⁴⁰²).

Въ практическомъ отношеніи это послѣднее слово ап. Павла. Остальная часть посланія занимается личными сообщеніями, передаваемыми въ естественномъ, свободномъ, случайномъ порядкѣ частнаго письма, и содержитъ просьбу къ нему, чтобы онъ пришелъ поскорѣй: «постарайся прийти ко мнѣ скоро». Димасъ, Крискентъ, Титъ—всѣхъ ихъ уже не было съ нимъ; Ерастъ сопровождалъ его только до Коринѳа; Трофимъ заболѣлъ въ Милитѣ; оставался только одинъ Лука. Маркъ полезенъ ему для услуженія—быть можетъ потому, что онъ зналъ латинскій языкъ,—и поэтому Тимоѳеѣ долженъ найти его гдѣ нибудь по пути и привести къ нему²⁴⁰³); Тихикъ уже находился на пути въ Ефесъ²⁴⁰⁴), такъ что онъ по своемъ прибытіи могъ занять мѣсто Тимоѳея. Тимоѳеѣ долженъ остере-

гаться явной враждебности Александра мѣдника²⁴⁰⁵). Затѣмъ слѣдуетъ трогательное указаніе на его первый судъ и освобожденіе, о которыхъ мы уже говорили. Привѣтствіе посылается Прискиллъ, Акиллъ и дому Онисифора. Еще разъ повторяется просьба: «постарайся прийти до зимы»; если онъ прибѣдетъ позже, то быть можетъ будетъ уже слишкомъ поздно. «Привѣтствуетъ тебя Еввуль и Пудъ, и Линъ, и Клавдія, и всѣ братія. Господь Іисусъ Христосъ со духомъ твоимъ. Благодать съ вами. Аминь»²⁴⁰⁶).

Мы намѣренно опустили одну простую, трогательную просьбу, высказанную случайно и съ неподражаемою естественностью. «Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставилъ въ Троадѣ у Карпа, и книги, особенно кожанья»²⁴⁰⁷). Стихъ этотъ не разъ подвергался критикѣ какъ слишкомъ обыденный и недостойный высшаго вдохновенія. Но свое мнѣніе о вдохновеніи должно составлять по фактамъ, а не приводить факты въ соотвѣтствіе съ своими теоріями. Даже на этихъ основаніяхъ стихъ этотъ имѣетъ свою собственную цѣну для всѣхъ тѣхъ, которые не хотятъ затемнить божественнаго вдохновенія или искажать истиннаго значенія и святости писанія подставленіемъ невольной непогрѣшимости вмѣсто свободнаго движенія человѣческихъ чувствъ въ душѣ, глубоко подвинутой Святымъ Духомъ Божиимъ. Но даже и въ другомъ отношеніи какъ много потеряли бы мы безъ этого стиха! Какой потокъ свѣта проливаетъ онъ на послѣдніе печальные дни гонимаго апостола! То обстоятельство, что эти необходимыя принадлежности (быть можетъ все, что апостолъ могъ назвать своею собственностью въ этомъ мірѣ) были оставлены въ домѣ Карпа, можетъ, какъ мы видѣли, указывать на внезапный его арестъ или въ Троадѣ, или на пути въ нее. Узнанію, котораго влекутъ изъ одного мѣста въ другое недружелюбные стражники, некогда заботиться о своей собственности. Но теперь апостолъ опять нашелъ постоянное мѣстопребываніе, хотя и въ темницѣ, и онъ ясно чувствуетъ, что это пойдетъ для него на всю остальную жизнь. Наступила зима, а зимой въ римской темницѣ, какъ онъ хорошо зналъ по опыту, могло быть очень холодно. Онъ желаетъ поэтому, чтобы ему доставили его старый фелонь. Это была широкая безрукавная одежда, которую можно назвать плащомъ. Быть можетъ ап. Павелъ самъ выткалъ его изъ черной козьей шерсти своей родной области. И такъ какъ апостолъ былъ бѣднымъ человѣкомъ, то несомнѣнно это былъ его старый товарищъ, много разъ намокавшій въ потокахъ Азии, убиравшійся пылью римскихъ дорогъ, забрызгивавшійся пѣною во время кораблекрушенія, когда эвродиконскій ураганъ вспѣнивалъ Адриатическое море. Подъ его теплымъ покровомъ онъ быть можетъ спалъ на ледянистыхъ фригійскихъ высотахъ подъ звѣзднымъ сводомъ неба, и имъ же онъ, быть можетъ, прикрывалъ свои израненные и трепещущіе члены въ темницѣ въ Филиппахъ. Онъ конечно мало-цѣненъ; но теперь старецъ-апостолъ, сидя сгорбившись въ какомъ нибудь мрачномъ холодномъ подвалѣ подъ дворцомъ или на скалистомъ каменномъ полу Тулліанума,

Видъ долины рѣки Килна
(съ верш. Джебелъ).

въ виду приближенія зимнихъ ночей, невольно воспоминаетъ о своемъ старомъ плащѣ въ домѣ Карпа и проситъ Тимофея, чтобы онъ принесъ его съ собою. «Принеси фелонь, который я оставилъ въ Троадѣ, у Карпа». «И книги, особенно кожаныя» ²⁴⁰⁸). Книги—папирусныя книги—немногія конечно, но также бывшія его старыми друзьями. Онъ быть можетъ купилъ ихъ, когда еще учился въ школѣ Гамалиила въ Иерусалимѣ; или онѣ могли быть даны ему его болѣе богатыми обращенцами ²⁴⁰⁹). Папирусныя книги поэтому пусть принесетъ Тимофей, но особенно кожаныя книги—пергаменты. Что же это такое? Быть можетъ между ними былъ дипломъ егона право римскаго гражданства, или это были драгоценныя свитки книгъ пророка Исаи и псалмовъ, а также и малыхъ пророковъ, которыми отецъ или мать снабдили его какъ сокровищемъ въ тѣ отдаленные счастливые дни, когда, мало еще думая о всемъ, что могло случиться съ нимъ, онъ игралъ счастливымъ мальчикомъ въ дорогомъ домѣ роднаго Тарса. Скучны и длинны дни, а еще длиннѣе и скучнѣе вечера въ этой римской темницѣ; и поэтому съ какимъ удовольствіемъ онъ почиталъ бы еще разъ, какъ Давидъ и Исаія при своихъ глубочайшихъ невзгодахъ научались, какъ научился и онъ, страдать и мужаться. Просьба такимъ образомъ о старомъ плащѣ и нѣкоторыхъ книгахъ проста, но очень трогательна. Они хоть немного облегчили бы его въ странно томительной скукѣ этихъ послѣднихъ тяжелыхъ дней. Ему быть можетъ думается, что онъ будетъ имѣть возможность отдать ихъ какъ завѣщаніе при разставаніи самому Тимофею или скромному и преданному Лукѣ, чтобы въ своихъ преданныхъ сердцахъ они воспоминали о немъ, когда море жизни спокойно закроется надъ его безмолвной могилой. Это было бы совершенно подобно тому, какъ столѣтія спустя отшельникъ Антоній завѣщалъ свой плащъ изъ овчинной шкуры архіепископу Афанасію,—правда, малый даръ, но въ немъ состояло все, что онъ имѣлъ. Какъ же бѣденъ инвентаръ имуществъ апостола! Онъ не стоялъ и сотой доли того, что получалъ какой нибудь шутъ за одну удачную шутку во дворцѣ кесаря, или акробатъ за ловкій пріемъ въ амфитеатрѣ; но промѣнялъ ли бы онъ ихъ на драгоценности авантюриста Агриппы или на пурпуръ ужаснаго Нерона? Нѣтъ, онъ болѣе чѣмъ доволенъ. Его душа радуется въ Богѣ. У него есть плащъ для того, чтобы прикрыться имъ отъ стужи, книги и пергаменты для того, чтобы поучаться и ободряться духомъ; если при немъ будетъ Маркъ, чтобы помогать ему во всемъ, и если, главнѣе всего, придетъ къ нему Тимофей, тогда жизнь пролетитъ на него свои послѣдніе свѣтлые лучи; и въ маломъ, какъ и во многомъ, онъ съ благодарностью, даже съ восхищеніемъ будетъ ожидать жертвеннаго изліянія тѣхъ послѣднихъ капель крови своего сердца, богатый и полный потокъ которой въ теченіе многихъ лѣтъ изливался на алтарь Божій въ добровольномъ жертвоприношеніи ²⁴¹⁰).

Въ послѣднихъ словахъ ап. Павла нѣтъ никакихъ жалобъ, нѣтъ никакого ропота, нѣтъ ничего страждущаго или угнетеннаго. Если пастырскія посланія,

и главнѣе всего это именно, не подлинны, необходимо предположить, что они написаны лицомъ, которое не только обладало въ высшей степени совершеннымъ литературнымъ искусствомъ, но также съ изумительною прозорливостью проникало въ характеръ и сердце ап. Павла,—Павла, а не обывательныхъ людей, даже не обыкновенныхъ великихъ людей. Угасающая жизнь обыкновенно отличается разочарованіемъ, чувствомъ неотразимой тягости, неизбежнаго унынія. Мы видимъ его въ Илиѣ, Іоаннѣ Крестителѣ; мы видимъ его въ Маркѣ Авреліѣ и другихъ величавыхъ личностяхъ исторіи. «Все суета! Мы жили, говоря почеловѣчески, почти безцѣльно и бесполезно». «Мы не лучше нашихъ отцевъ». «Ты ли Тотъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другаго»? «Я долженъ умереть и народъ скажетъ: мы рады избавиться отъ этого учителя». «Мое повелѣніе выше монаховъ собственныхъ силъ». «Люди недостойны той заботы, которую я имѣлъ о нихъ». «Мы должны принимать людей, какъ находимъ ихъ, и не можемъ измѣнять ихъ натуры». Въ такомъ именно родѣ высказывались всѣ эти и многіе другіе великіе люди. Они пришли къ крайнему разочарованію и скорби были уже склонны останавливать ревность, охлаждать энтузіазмъ, омрачать тѣнью опытности блистательныя надежды своихъ юныхъ послѣдователей. Если такое чувство разочарованія, такое убѣжденіе, что жизнь слишкомъ тяжела для насъ и что мы не можемъ низвергнуть подавляющей тяжести ея судебъ, можетъ быть извинительнымъ во всякомъ человѣкѣ, то оно можетъ быть извинительно и въ ап. Павлѣ. Какого видимаго успѣха достигъ онъ? Единственно основанія немногихъ церквей, изъ которыхъ большинство уже холодно относились къ нему; въ которыхъ, какъ онъ видѣлъ, его труды постепенно подрывались еретическими учителями; которыя всѣ подвергались страшному испытанію ужасныхъ гоненій. Онъ видѣлъ, что міръ былъ крайне враждебенъ вѣрѣ Христа. Князь міра сего направлялъ противъ креста весь свой разумъ и всю свою силу. Христосъ еще не возвращался, и что же могли дѣлать Его голуби среди змѣй, Его овцы среди волковъ? Самое имя «христіанинъ» теперь считалось однозначнымъ съ названіемъ «преступникъ»; іудей и язычникъ, соединившись подобно водѣ съ огнемъ въ ужасающемъ разрушеніи во время какой нибудь великой бури, съ враждебностью обрушивались на истины, которыя проповѣдывалъ онъ. А чего достигъ онъ лично? Богатства? Но онъ даже въ хлѣбѣ насущномъ зависѣлъ отъ случайныхъ даровъ другихъ. Силы? Въ его тягчайшей нуждѣ у него остался всего лишь одинъ преданный другъ. Онъ горькимъ опытомъ узналъ, какъ мало было людей, которые не стыдились признаваться въ своемъ знакомствѣ съ нимъ во время его бѣдственнаго положенія. И теперь, послѣ всего этого, послѣ всего, что онъ перенесъ, и всего, что онъ сдѣлалъ, каково было его положеніе? Онъ былъ одинокій узникъ, какъ злодѣй ожидающій смерти. Какія же земныя блага принесли ему его долгія страданія и долгіе труды его жизни? Всего одинъ старый плащъ и нѣсколько книгъ! И однако же въ какомъ настроеніи духа пишетъ онъ къ Тимофею? Жалуются ли онъ на

свое тяжелое положеніе? Сожалѣетъ ли онъ о своей жизни? Охлаждаетъ ли онъ мужественную ревность своего юнаго друга заявленіемъ, что почти всякія земныя надежды обречены на гибель и что борьба противъ человѣческаго нечестія безплодна?—Нѣтъ. Его послѣднее письмо есть скорѣе восторженный гимнъ, чѣмъ скорбная жалоба. Для него борьба уже миновала, состязаніе окончено, сокровище окончательно заручено. Дѣятельность въ виноградникѣ его Учителя почти уже закончена. Когда она совсѣмъ будетъ закончена, когда онъ вступитъ въ присутствіе своего Господа, тогда и тамъ, а не теперь и не здѣсь, онъ получитъ вѣнецъ праведности и неизреченную награду. И вслѣдствіе этого его посланіе къ Тимоѳею все проникнуто радостью и ободреніемъ даже среди естественной скорби. Унывало скорѣе сердце юноши, чѣмъ апостола-старца. Тимоѳею, а не Павлу, угрожала опасность поддаться робости и унынію и забыть, что духъ, сообщаемый Богомъ, не есть духъ страха, а духъ силы, любви и здравомыслія. «Переноси же скорби вмѣстѣ со мною. Будь крѣпокъ въ благодати Иисуса Христа. Раздувай пламя этихъ горящихъ углей ревности и мужества. Будь добрымъ воиномъ, истиннымъ атлетомъ, прилежнымъ труженикомъ. Ты думаешь о моихъ цѣпяхъ и о моихъ тягостяхъ? Не думай о нихъ, онѣ не стоятъ того. Будь мужественъ. Не стыдись. Мы слабы и можемъ потерпѣть поражение; но тѣмъ не менѣе краеугольный камень Божій твердо стоитъ, имѣя двойную печать на себѣ, печать утѣшенія и печать назиданія. Будь крѣпокъ и вѣренъ, сынъ мой, Тимоѳею, даже до смерти». Такъ передаетъ онъ возлюбленному, но робкому сотруднику, факель истины, который въ его собственныхъ рукахъ, въ теченіе всей его жизни, не укрывала никакая трусость, не затемняла безпечность, не гасила никакая буря. «Славный апостолъ! О, если бы голосъ всякаго вождя, при его паденіи, могъ гремѣть такимъ трубнымъ звукомъ, проникая юныя сердца, что подвизаются въ славной битвѣ, и они никогда бы не отчаивались въ окончательной побѣдѣ!»²⁴¹¹⁾

Монета города Тарса
(съ эвangelіаріа въ Британскомъ музеѣ).

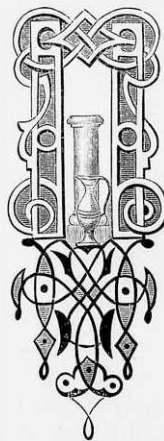

Tre Fontane, близъ Рима.

ГЛАВА LVII.

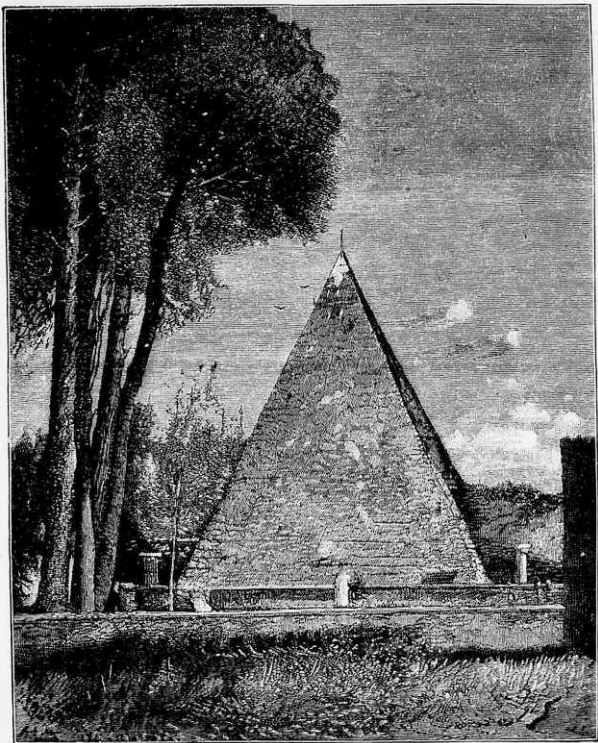
К О Н Е Ц Ъ.

Кто желаетъ разрѣшиться и быть со Христомъ, тотъ живетъ съ терпѣніемъ и умираетъ съ радостью. Бл. Августинъ.

ОЛУЧИЛЪ ЛИ ап. Павелъ свой старый плащъ и книги, и особенно дорогіе ему пергаментные свитки? Прибылъ ли къ нему и самъ Тимоѳею?²⁴¹²⁾ Никто не можетъ отвѣтить на это. Въ послѣднемъ стихѣ втораго посланія къ Тимоѳею мы слышимъ послѣднее слово ап. Павла. Въ какой нибудь римской базиликѣ, быть можетъ передъ Геліемъ отпущенникомъ императора, въ присутствіи тѣсной толпы любопытныхъ или враждебныхъ іудеевъ и язычниковъ, дѣло его было разобрано еще разъ, по случаю его второй защиты или втораго изложенія обвиненія противъ него; и на этотъ разъ большинство засѣдателей опустили въ голосовальную урну табличку съ буквою С—табличку осужденія, — и предсѣдательствующій судья произнесъ приговоръ на обезглавленіе, такъ какъ узникъ, хотя и обвинялся въ приверженности къ опасному и незаконному суевѣрію, былъ всетаки римскій гражданинъ. Былъ ли онъ одинъ при этомъ второмъ своемъ процессѣ, какъ и при первомъ? Слышали ли язычники отъ него

опять объ Иисусѣ и воскресеніи? Не доказывалъ ли онъ имъ, какъ и апостоламъ, что Богъ, евангеліе котораго ему поручено было проповѣдывать, есть тотъ самый Богъ, котораго несознательно и ошущую искали ихъ предки, не найдутъ ли Его въ пошленные вѣка невѣденія, еще прежде чѣмъ, съ исполненіемъ временъ, стрѣлка вѣчности указала, что наступилъ предназначенный часъ? Тщетно задаются

Пирамида Цестія, близъ Рима.

все такіе вопросы. Въ одномъ только мы можемъ быть увѣрены, что великій апостолъ выслушалъ произнесенный надъ нимъ приговоръ не безъ чувства радости. Но никакихъ подробностей ни о томъ, какъ онъ держалъ себя на судѣ, ни о послѣдующей судьбѣ его у насъ не имѣется. Если какой нибудь робкій, унылый христіанинъ и стоялъ гдѣ нибудь тайно въ толпѣ, слушая судопроизводство надъ великимъ христіанскимъ учителемъ; если изъ развалинъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ

были магазины и дворцы передъ тѣмъ какъ пожаръ подобно свирѣпой бурѣ пронесся по узкимъ и худопостроеннымъ улицамъ, или изъ бѣднѣйшихъ окраинъ Трастevera и изъ мрачныхъ убожищъ катакомбъ и осмѣливался проникнуть въ судебную палату какой нибудь обращенный рабъ, или бѣдствующій азіатецъ, вѣровавшій въ Иисуса, то все-таки никто не оставилъ никакого повѣствованія объ этомъ, даже не разсказалъ о судѣ надъ апостоломъ своимъ сотоварищамъ съ такою ясностью, чтобы разсказъ этотъ могъ сохраниться въ преданіи. Мы ничего болѣе не знаемъ о судьбѣ апостола. Завѣса навсегда опустилась надъ жизнью благороднѣйшаго и величайшаго изъ людей.

Можно конечно въ своемъ воображеніи слѣдовать за апостоломъ до послѣдней заключительной сцены его мученичества, но всякая подробность должна быть заимствуема единственно изъ области воображенія. Возможно однако же, что описаніе его смерти въ сказаніяхъ соответствуетъ дѣйствительности. Если такъ, то подъ конвоемъ сотника и солдатъ, которымъ приказано было наблюдать за совершеніемъ казни, онъ оставилъ Римъ чрезъ тѣ ворота, которыя теперь называются по его имени. Близъ этихъ воротъ, неподалеку отъ англійскаго кладбища, стоитъ пирамида Цестія, и подъ сѣнію ея лежатъ смертные останки многихъ, оставившихъ по себѣ возлюбленное или славное имя. Но даже и среди этихъ трогательныхъ памятниковъ путешественникъ съ болѣе глубокимъ интересомъ взглянетъ на древнюю пирамиду, потому что это былъ послѣдній предметъ, на которомъ становился взоръ ап. Павла. Печальное шествіе продолжалось почти шесть верстъ, и подонки населенія, обыкновенно утѣшающіеся ужасными зрѣлищами, несомнѣнно толпою слѣдовали за нимъ. Верстахъ въ пяти отъ Рима, неподалеку отъ Остійской дороги, находится зеленая, ровная поляна, съ низкими холмами кругомъ, извѣстная въ древности подъ названіемъ Aquae Salviae, а теперь Tre Fontane. Тамъ приказано было остановиться; осужденный сталъ на колѣна, сверкнулъ мечъ, и жизнь величайшаго изъ апостоловъ погасла ²⁴¹³)...

Разсуждая по земному, едва ли могло быть что нибудь безславнѣе этой кончины. Никакимъ ореоломъ славы не были озарены послѣдніе часы жизни великаго апостола; не было и многочисленнаго собранія народа, который бы съ умиленіемъ и благоговѣніемъ окружалъ его въ послѣдніе дни, приготовляя къ принятію вѣнца мученичества. Близъ того самаго мѣста, гдѣ онъ потерпѣлъ мученіе, робкіе послѣдователи вѣроятно похоронили его въ безвѣстной могилѣ—въ какомъ-нибудь мѣстѣ, о которомъ помнили двое-трое знавшихъ и любившихъ его учениковъ. Какъ мало они знали, какъ мало понималъ даже и самъ онъ, что кажущаяся неудача трудовъ его жизни въ дѣйствительности была безконечнымъ успѣхомъ! Кому изъ тѣхъ, что присутствовали при этой безславной и жалкой кончинѣ, могло придти на умъ, что самый Римъ не только приметъ бла-

Св. ап. Павелъ
(Снимокъ съ изображенія по слоновой кости XI или XII в.).

говѣстіе этого жалкаго отщепенца, но даже получить отъ его мученичества, вмѣстѣ съ мученичествомъ его соополста, свою главную священную славу въ глазахъ христіанскаго міра; что надъ его останками воздвигнется храмъ—блестательнѣе всякой древней базилики, и что надъ городомъ болѣе обширнымъ чѣмъ Римъ золотой крестъ будетъ сіять на главѣ величественнаго собора, посвященнаго его имени?

А люди—какъ мало они сознавали его величіе! Вотъ былъ человѣкъ, къ которому никто не можетъ быть приравненъ изъ когда либо жившихъ людей на землѣ—ни раньше его, ни послѣ. Если мы взглянемъ на него только какъ на писателя, то какъ безконечно превосходитъ онъ въ своихъ совершенно случайныхъ посланіяхъ величайшихъ авторовъ—языческихъ ли то, или христіанскихъ—какъ своей, такъ и послѣдующихъ эпохъ! Плиніи младшій славился мастерствомъ своихъ писемъ, и однакоже Пли-

ній младшій не написалъ ни одного столь изящнаго письма, какъ посланіе къ Филімону. Сенека, какъ моралистъ, стоялъ почти на недостигаемой высотѣ, и однакоже у него къ золоту не только значительно примѣшивается глина, но даже его прекраснѣйшіе нравственные афоризмы по широтѣ и силѣ ниже совершенно случайныхъ изреченій ап. Павла. Эпиктетъ и Маркъ Аврелій даютъ намъ чистѣйшіе и благороднѣйшіе образцы стоической возвышенности мысли, и однакоже глава ап. Павла о челоѣколюбіи стоитъ несравненно выше всего, что когда либо они написали всѣ. Если мы взглянемъ на христіанскій міръ, то величайшій дѣятель въ каждой области христіанскаго служенія представляетъ лишь низшую сторону одного только фазиса изъ разностороннихъ преимуществъ ап. Павла. Какъ богослова, формулировавшаго ученіе христіанства, мы можемъ сравнить его съ бл. Августиномъ или Ѳомой Аквинатомъ; и однакоже какъ чужды ему мечтательная риторика и догматическая жесткость одного, и схоластическая сухость другого! Если мы взглянемъ на него какъ на нравственнаго преобразователя, то можемъ приравнить къ нему Савонаролу; но въ практическомъ самообладаніи даже въ высшей степени неудержимыхъ духовныхъ порывовъ, въ подчиненіи пророческаго духа пророку—въ какомъ величавомъ свѣтѣ выступаетъ онъ передъ увлекающимся флорентинцемъ! Тоже самое окажется, если мы подыщемъ ему сравненіе въ величайшихъ проповѣдникахъ, преобразователяхъ, миссіонерахъ и устроителяхъ церковной жизни христіанскаго міра: всѣ они блѣднѣютъ предъ блистающимъ образомъ великаго апостола народовъ. Многимъ и другимъ святымъ давалъ Богъ великія дарованія, но ни одинъ еще святой Божій не достигалъ такой высоты въ столькихъ дарованіяхъ, никогда не получалъ даровъ Св. Духа въ столь щедромъ изліаніи, не носилъ въ своемъ смертномъ тѣлѣ столь очевидную печать Господа. Въ теченіе своей жизни онъ былъ отнюдь не позади верховнѣйшихъ изъ апостоловъ, и несомнѣнно величаво вздымается надъ величайшими изъ всѣхъ святыхъ, которые когда-либо съ того времени старались слѣдовать его примѣру въ служеніи и преданности Господу.

«Богъ погребаетъ своихъ дѣятелей, но продолжаетъ ихъ дѣло». Не земной награды ищутъ герои Божіи, и даже не награды упованія на посмертный успѣхъ дѣла, которому они посвятили свою жизнь. Всякій успѣхъ или неудачу они вполне предоставляли въ руки Божіи. Единственнымъ ихъ желаніемъ было остаться совершенно вѣрными тому, что только знали они лучшаго; всѣ ихъ молитвы сводились къ одному: «Научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Богъ мой; Духъ Твой благій да ведетъ меня въ землю правды». О своемъ земномъ благосостояніи они не заботились и все упованіе свое возлагали на Бога. Св. ап. Павелъ не выразилъ ни единой жалобы на удручавшія его внѣшнія неудачи и напасти, и непоколебимо вѣрилъ, что подвергаться тому, что могло казаться неудачей, въ дѣлѣ Божіемъ—значило имѣть успѣхъ, превосходящій всякія мечты земнаго честолюбія.

Вѣра его никогда не колебалась среди жесточайшихъ испытаній, и его надежда не отуманивалась среди самыхъ горькихъ разочарованій; и когда онъ отъ темницы и мученичества перешелъ къ своему вѣнцу праведности, то оставилъ позади себя жизнь, которая посѣяна была для того, чтобы силою Божіею возродиться на нивѣ міровой исторіи, гдѣ она будетъ продолжать приносить плодъ свой до скончанія времени среди всевозрастающей благодарности поколѣній еще нерожденныхъ. Къ нему вполне приложимо то, что сказано вообще о великихъ труженикахъ на нивѣ Божіей: «Все сіи умерли въ вѣрѣ, не получивъ обѣтованій, а только издали видѣли оныя, и радовались и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ; ибо тѣ, которые такъ говорятъ, показываютъ, что они ищутъ отечества. И если бы они въ мысляхъ имѣли то *отечество*, изъ котораго вышли, то имѣли бы время возвратиться. Но они стремились къ лучшему, то есть къ небесному; посему и Богъ не стыдится ихъ, называя себя ихъ Богомъ: ибо Онъ приготовилъ имъ городъ».

Погребальная урна изъ катакомбъ, въ Римѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

И

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

УЧЕНЫХ ИЗЫСКАНИЙ ПО ОТДѢЛЬНЫМЪ ВОПРОСАМЪ ИЗЪ ЖИЗНИ

СВ. АП. ПАВЛА.

ПРИЛОЖЕНИЕ I (къ стр. 18).

Слогъ ап. Павла какъ выразитель его характера.

Для читателя быть можетъ безъинтересно будетъ слѣдующее собраніе нѣсколькихъ различныхъ отзывовъ о слогѣ великаго апостола:

Лонгинъ (ап. Павелъ какъ образецъ догматическаго слога):

Κερωνίς δ'ἔστω λόγου παντός καὶ φρονήματος Ἑλληνικοῦ Δημοσθένους κ. τ. λ. πρὸς τοῦτοις Παῦλος ὁ Ταρσεύς ὄντινα καὶ πρῶτόν φημι προῖστάμενον δόγματος ἀνυποδείκτου.

Св. Златоустъ (Ап. Павелъ ратоборецъ и его посланія стѣна адамантова вокругъ церкви):

ὥςπερ γὰρ τεῖχος ἐξ ἀδάμαντος κατασκευασθὲν οὕτω τὰς παντῶν τῆς σιλουμένης ἐκκλησίας τὰ τούτου τευχίζει γράμματα καὶ καθάπερ τις ἀριστεύς γενναϊότατος ἔστηκε, κ. τ. λ. (привод. 2 Кор. X, 5). О священствѣ, 1, IV, 7.

Вл. Иеронимъ (слова ап. Павла подобны молніи и грому):—«Paulum proferam quem quotiescunque lego, video mihi *non verba audire sed tonitrum*... Videntur quidem verba simplicis et quasi innocentis hominis et rusticani et qui nec facere nec declinare noverit insidias, *sed quotiescunque respexeris fulmina sunt*. Haeret in causa; capit omne quod tetigerit; tergum vertit ut superet; fugam simulat ut occidat» (Epist. ad Pammach. 68, 13).

Дантъ. — Vidi due vecchi in abito dispari

Ma pari in atto ognuno onesto e sodo.

L' un ¹⁾ si monstrava alcun de famigliari

Di quel sommo Ippocrate, che natura

Agli animali fe'ch'ella ha piu cari.

Monstrava l'altro ²⁾ la contraria cura

¹⁾ Св. Лука „возлюбленный врачъ“.

²⁾ Ап. Павелъ.

Con una spada lucida ed acuta ¹⁾

Tal che di qua del rio mi fe' paura.

Purgatorio, xxix, 134.

Andovvi poi lo *Vas d'elezione* ²⁾

Per recarne conforto a quella Fede

Ch'è principio alla via di salvazione.

Inferno, II, 28.

ЛЮТЕРЪ: «Paulus meras flammās loquitur tamque vehementer ardet ut incipiat etiam quasi Angelis maledicere» (in Gal. I).

«In S. Paulo und Johanne ist eine sonderliche fürtreffliche Gewissheit und Plerophoria; sie reden davon als sey es schon allbereit vor Augen» (Tischreden, IV, 399, ed. Forstemann).

Епископъ ГЕРБЕРТЪ ДЕ-ЛОЗИНГЪ:—«Certe, fratres, verba Pauli, non verba hominis, sed aetheris tonitrua esse videntur» (Life and Sermons, II, 309).

ЭРАЗМЪ (слогъ ап. Павла подобенъ громовой бурѣ):—«Non est cujusvis hominis Paulinum pectus effingere; tonat, fulgurat, meras flammās loquitur Paulus» (ad Col. IV, 16).

И еще (риторическое искусство ап. Павла подобно течению потока): «Sudatur ab eruditissimis viris in explicandis poetarum ac rhetorum consiliis, at in hoc rhetore longe plus sudoris est ut deprehendas quid agat, quo tendat, quid velit; adeo stropharum plenus est undique, absit invidia verbis. Tanta vafrities est, non credas eundem hominem loqui. Nunc ut turbidus quidam fons sensim ebullit, mox torrentis in morem ingenti fragore devolvitur, multa obiter secum rapiens, nunc placide leniterque fluit, nunc late velut in lacum diffusus exspatiatur. Rursum alicubi se condit ac diverso loco subitus emicat; cum visum est miris maecandris nunc has nunc illas lambit ripas, aliquoties procul digressus, reciprocat flexu in sese redit (Id. Paraph. *Dedicat.*).

КАЗАВОНЪ:—«Ille solus ex omnibus scriptoribus non mihi videtur digitis, calamo et atramento scripsisse, verum ipso corde, ipso affectu, et denudatis visceribus» (Adversaria, ap. Wolf, p. 135).

Съ другой стороны Кальвинъ, указавъ на его анаколуонъ, эллипы и пр., говоритъ: Quae sunt quidem orationis vitia sed quibus nihil majestati decedit caelestis sapientiae quae nobis per apostolum traditur. Quin potius singulari Dei providentia factum est, ut sub contemptibili verborum humilitate altissima haec mysteria nobis traderentur, ut non humanae eloquentiae potentia, sed sola spiritus efficaciam niteretur nostra fides».

Гемстергуизъ (характеръ цвѣтовъ краснорѣчія ап. Павла):—«Eloquentia ejus non in floculis verborum et ratiocinis calamistrata pigmentis... sed indolis excelsae notis et pondere rerum... In ejus epistolis nullae non extant oratorum figurae, non illae quidem et rhetorum loculis et myrotheis depromptae... Verum affectus animi coelesti ardore inflammatus haec scriptionis lumina sponte sub manum praevenientia pergingebat».

Рейссъ: «Обыкновенно онъ начинаетъ фразами какъ нельзя больше озадачивающими... Но лишь только вступаетъ въ настоящую колею, какъ его слогъ вполне становится вѣрнымъ зеркаломъ его индивидуальности. Онъ не отличается ни правильностью, ни классичностью; въ немъ нѣтъ звучнаго ритма. Парадоксальные антитезы, поразительные переходы, настоящие вопросы, пылкія восклицанія,

¹⁾ Послания.

²⁾ Σκευος ἐκλογης, „сосудъ избранія“ (Дѣян. IX, 15). Другія указанія см. *Parad.* XVIII, 131; XXI, 119.

неотразимыя ироніи, оживленная быстрота, наконецъ, не дающая отдохнуть читателю,—все это перемежается съ наивными и трогательными изліаніями, которыя увлекаютъ сердце» (Theol. Chret. II, 11).

Гёттгопъ: «Кто, изучавшій ап. Павла, не замѣчалъ смѣло парящей діалектики, съ которою онъ поднимается надъ формами нашей конечной земной мысли къ безконечной духовной жизни, воплощенной въ нихъ? Какая свобода, быстрота и сила замаха въ этомъ негодующемъ полетѣ, въ которомъ онъ уносится въ высъ отъ мелочныхъ распрій въ церкви коринфской; въ полетѣ, который прекращается лишь тогда, когда жалкіе предметы спора, хотя однимъ изъ нихъ является онъ самъ, повидному теряются подобно песчинкамъ подъ вздымающимися небесами!.. До расточительности щедрая и богатая натура, заставлявшая ап. Павла то прибѣгать къ дипломатіи, то въ порывѣ своего проповѣдничества метать перуны, есть источникъ всѣхъ его прекраснѣйшихъ чертъ; когда онъ напр. желаетъ быть даже отверженнымъ отъ Христа, еслибы только этимъ можно было спасти его іудейскихъ братьевъ» (R. H. Hutton, Essays, 321—330).

Авторъ сочиненія «Савль Тарсійскій»: «Апостолъ какбы не выдерживаетъ величія предмета своей проповѣди, какбы развлекается безконечностью обсуждаемыхъ интересовъ, каждое слово, сходящее съ его устъ, какбы подсказываетъ рой глубочайшихъ и обширнѣйшихъ ассоціацій, попеченіе обо всѣхъ церквяхъ какбы даетъ всѣмъ фактамъ разнообразное, но осязательное значеніе... Человѣческую рѣчь нужно порицать за ея бѣдность; человѣческую опытность, развивающую рѣчь, за ея узкость. Его жизнь всегда была въ его рукѣ, его сердце всегда на его устахъ. Сердце это часто было слишкомъ переполнено, чтобы свободно изливаться въ рѣчи» (Saul of Tarsus, стр. 229).

МАРТИНЪ: «Что можетъ быть болѣе свободнаго и зыбучаго, чѣмъ его посланія при всемъ ихъ разнообразіи? Властнѣе, отрывистыя, стремительныя какъ горный только что наполнившійся потокъ, успокаивающіеся и утихающіе лишь предъ тѣмъ, какъ дѣлать какой-нибудь смѣлый скачокъ, бурный только передъ тѣмъ, какъ вступать въ бассейнъ зеркальнѣйшей прозрачности, они повсюду представляютъ образъ здоровой игривости. Подъ формами ихъ теософическихъ разсужденій и ихъ намековъ глубокой философіи можно слышать тайный лирический тонъ славной хвалы, прорывающійся иногда открыто и требующій присоединенія къ этому хору и другихъ... Его жизнь была битвой, въ которой во времена добраго успѣха слова его звучали пѣснью побѣдной» (Martineau, Hours of Thought, p. 156).

Проф. Джэкеттъ говоритъ о немъ, что онъ преподаетъ свое великое ученіе «въ ломаныхъ словахъ и несвязной формѣ рѣчи, безъ всякой красоты или изящества слога».

Бауръ, указавъ, насколько его слогъ до избытка переполненъ формами и элементами мысли, и что мысли не только съ трудностью слѣдуютъ за мыслями, но что эти мысли слѣдуютъ одна за другой, какъ опредѣленія и моменты какой-нибудь одной идеи, своимъ величіемъ превосходящей всѣ ихъ, такъ что мысль развивается такъ сказать изъ своей собственной глубины и опредѣляется воспринятіемъ своихъ собственныхъ моментовъ, прибавляетъ: «отсюда своеобразная печать на языкѣ апостола; онъ съ одной стороны отличается точностью и сжатостью; съ другой стороны—онъ поражаетъ своею шероховатостью и необдѣланностью, которая заставляетъ думать, что мысль слишкомъ тяжела для языка и едва можетъ найти надлежащую форму для точнаго выраженія итѣющагося въ избыткѣ матеріала» (Baur, Paul, II, 281).

Гаусратъ: «Трудно охарактеризовать эту индивидуальность, въ которой такъ чудесно смѣшиваются христіанское любвеобиліе, раввинская проникательность и античная сила воли. Какъ все волнуется, стремится и напираетъ въ его посланіяхъ! Какая смѣна пылкихъ изліаній и острой аргументаціи! Тутъ онъ побѣждаетъ язычество любвеобиліемъ Іисуса. Тамъ онъ поражаетъ іудейство—во

всеоружий самых тонких раввинских доводов из писания. Менее всего участия в его внутреннем мире имеют фантазия. Язык часто труден и шероховат, потому что он только что развился от бремени мыслей. Употребляемые им образы большею частью безцветны... Вот предель его духовной жизни. Тут он всегда оставался раввином» (*Hausrath, Der Apostel Paulus*, стр. 502).

Ренан (слог ап. Павла подобен разговорной речи): «Эпистолярный слог ап. Павла самый личный, какой только может быть; язык его, если можно так выразиться, растрепанный; нет ни одной фразы последовательной. Невозможно с большею смелостью нарушать — не скажу гений греческого языка, но логику вообще человеческого языка; это можно бы сказать быстрый разговор, записанный стенографом и переданный без исправлений... Его преследует одно слово... Это не от скудости, а от избытка духа и полной беззаботности о правильности слога» (*Renan, St. Paul*, стр. 232).

Менее благоприятные из приведенных выше отзывов отчасти прикрываются положением, что сам ап. Павел признавал за своим слогом популярный и заурядный характер. Но такие места, как 2 Кор. xi, 6, не подтверждают этих замечаний. Его язык, правда, не был таков, чтобы вызывать восторг у педантических пуристов и рабски гонящихся за античными формами профессоров; он находится в таком же отношении к греческому языку Цицерона, в каком латинский язык Мильтона к языку Цицерона. Но эта особенность и составляет самую суть его жизни. Этот слог слишком жизнен, слишком проникнуть и увлечен личным чувством, чтобы требовать от него полировки сообразно с искусственными образцами и тщательными правилами школы. Он скорее походит на слог Оукидида, чем какого-либо другого великого писателя древности¹⁾. Что в нем можно много указать недостатков, это верно; но с одной важной точки зрения эти недостатки гораздо лучше, чем всякие красоты, так как они вытекают из личного характера ап. Павла. Во всех отблках его посланий самый недостаток его слога изобличает его слог. Его слог, как и всякого великого человека, имеет недостаток в своих качествах. «Le style, сказал Бюффон не (как обыкновенно приводится это изречение) *c'est l'homme*, но «*c'est de l'homme*»²⁾. Он, как и всякий великий писатель, имеет «le style de sa pensée»; он имеет стиль гения, если и не имеет гения стиля³⁾.

После изложения столь замечательных и разнообразных отзывов, нам нет надобности писать особый трактат о слог апостола. Что он, когда это нужно было, мог владеть слогом замечательного изящества и красноречия, не уменьшая его естественной силы, это доказывается непрестанными созвучиями и равновесием предложений и выражений (*парексисы, парисосисы, парамисосисы*) в таких местах, как 2 Кор. vi, 3—11. И однако же с такою вообще благородною небрежностью относится он к внешней красоте слога и до такой степени простое изящество выражения находится у него в соподчинении цели точного выражения мысли, что он никогда, даже в величе-

¹⁾ См. хорошие замечания Баура: «Такие места как 1 Кор. iv, 12, 13; vii, 29—31; 2 Кор. vi, 9, 10; звучат истинно Оукидидом не только в выражении, но и в стиле мысли. Истинный диалектический дух проявляется у того и другого в любви к антитезам и контрасту, доходящей нередко до парадоксальности... У обоих этих писателей связи национального партикуляризма уступают место обобщающей тенденции их мысли и космополитизм занимает место национализма» (*Baur, Paul*, II, 281). Он ссылается на *Bauer, Philologia Thucideae-Paulina*, 1773, которого мы не видели.

²⁾ *D'Alembert, Oeuvres*, VI, 13. Частица *de* в изречении Бюффона встрбачается уже в позднейших изданиях.

³⁾ *Grimm. Corresp.* 1788.

ственный потоках ритмического красноречия, не останавливается пред употреблением слова, как бы оно ни было разговорно, которое точно выражает оттенок значения¹⁾.

Все, что было писано об особенностях слога ап. Павла, можно, нам кажется, выразить в двух словах — напряженная индивидуальность. Его слог, это — он сам. Его природный темперамент и обстоятельства, при которых приходилось постоянно действовать этому темпераменту; его воспитание как иудейское, так и эллинистическое; его обращение и освящение, превратившие всю его жизнь и все его мысли, — все это вместе и составляет слог ап. Павла, каким мы его знаем. И все это в отдаленности оказывало замечное влияние на его слог.

1. Поглощенность одною предносящею ему мыслью, заставляющею его без упорядочения излагать истины, которые, взятые во всем объеме его слов, кажутся взаимно непримиримыми; драматические, быстрые, подавляющие ряды вопросов, которые показывают, что на своих полемических страницах он мысленно всегда стоит лицом к лицу с возражением²⁾; центробежная сила умственной деятельности, принуждающая его непрерывно отступать и привязываться к слову, происходящая вследствие живости его представления; центростремительная сила воображения, сдерживающая все эти отступления под контролем одной господствующей мысли³⁾; величественная запутанность иносказаний⁴⁾; бурность, заставляющая его любить самые сильные словосложения⁵⁾; ирония⁶⁾ и сарказм⁷⁾; рыцарски деликатная любезность⁸⁾; преизбыточное сочувствие к иудею, язычнику и варвару, к святому и узнику, царю и рабу, мужчине и женщине, юному и старому⁹⁾; страстность, заставляющая его голос то греметь негодованием¹⁰⁾, то прерываться рыданиями¹¹⁾; скудность и разнообразие слов — из желания изложить истины, которые он провозглашает во всевозможных видах¹²⁾; чувствительная восторженность и личная окраска его слога¹³⁾; подавленная уничиженность, переходящая в беспредельное самовозношение¹⁴⁾ — все это зависело от его природного темперамента, от той атмосферы полемики и противоблестия с одной стороны, и глубокой преданности с другой, — в которой приходилось действовать ему.

2. Риторические фигуры, игра слов, созвучия, оксимороны, антитезы его стиля, подробно рассматриваемые в следующем Приложении; постоянное расширение его горизонта¹⁵⁾; замечное влияние городов и даже отдельных спутников на его словарь¹⁶⁾; указания на эллинистическую жизнь¹⁷⁾;

¹⁾ Напр. форму и переправки: в 1 Кор. xiii, 3, 4; *κατενάρκισι* 2 Кор. xi, 8; *ἀποκρίφοντι*, Гал. v, 12.

²⁾ Рим. x; 2 Кор. vi, xi, по местам.

³⁾ 2 Кор. ii, 14—16; xii, 1—3; 12—16; Ефес. iv, 8—11; v, 12—15; *Paley, Hor. Paulinae*.

⁴⁾ 2 Кор. iii, 1; Кол. ii, 6.

⁵⁾ Особенно сложения с *πλεον*. См. ниже, прим. 1152.

⁶⁾ 1 Кор. iv, 8; 2 Кор. xi, 16—20 и по местам.

⁷⁾ Филип. iii, 2; Гал. iv, 17; v, 12 и по местам.

⁸⁾ 1 Кор. i—iii; Филип. и Филип. по местам; Дян. xxvi, 29 и пр.

⁹⁾ Рим. i, iv, и во всех посланиях по местам.

¹⁰⁾ Галат., Корин., Филип., 2 Тим. *passim*.

¹¹⁾ Все послания по местам.

¹²⁾ Все послания по местам.

¹³⁾ Все послания по местам.

¹⁴⁾ 2 Кор. ii, 14; Рим. vii, 25 и пр.

¹⁵⁾ „Его (ordine Epistolarum chronologico) constituto... incrementum Apostoli spirituale cognoscitur“ (*Bengel, ad Rom. i, 1*).

¹⁶⁾ См. выше стр. 810 и ниже прим. 846.

¹⁷⁾ См. Приложение III.

метод цитирования св. Писания; раввинский стиль толкования, уже исследованный нами ¹⁾, — все это было следствием его воспитания в Тарсе и Иерусалиме, его жизни в Коринфе, Ефесе и Риме.

3. Дерзновенная вѣра, никогда не боящаяся затруднения ²⁾; неразрѣшенная антиномія, которая однакоже не беспокоит его и при своей неразрѣшенности ³⁾; «смѣло парящая диалектика, съ которой онъ поднимается надъ формами одной конечной и земной мысли до безконечной и духовной жизни, воплощенной въ нихъ»; «языкъ экстаза», который у него былъ, какъ онъ предполагалъ и въ отношеніи своихъ обращенцевъ, языкомъ его обиденнаго труда; тотъ «трансцендентальный абсурдъ», какъ онъ кажется міру, составлявшій самую жизнь какъ его совѣсти, такъ и его разума, и дѣлавшій его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ; тотъ способъ, какимъ онъ, какъ бы могучимъ взмахомъ крыла, уносится отъ мелочныхъ земныхъ распрій къ духовному и безконечному; «боязливая немощь и самопрезрѣніе, скрывающіяся въ чѣмъ-то въ родѣ ореола откровения, прензбыточнаго чрезъ мѣру» ⁴⁾ — все это зависѣло отъ того, что его гражданство было на небѣ, а его жизнь сокрыта со Христомъ въ Богѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ II (къ стр. 18).

Риторика ап. Павла.

Характеризуя греческій языкъ ап. Павла какъ эллинистически греческій, переполненный гебраизмами и сирийскими оборотами, дѣлавшими его едва понятнымъ образованному читателю того періода, Ренанъ говоритъ, что если апостолъ получилъ даже элементарные уроки въ грамматикѣ или риторикѣ въ Тарсѣ, то непонятно, какъ онъ могъ писать такимъ *bizarre*, неправильнымъ, не-эллинистическимъ слогомъ, какимъ написаны его посланія.

Мы однакоже не думаемъ, чтобы ап. Павелъ могъ сдѣлать относительно своихъ познаній въ греческомъ языкѣ тоже замѣчаніе, какое дѣлаетъ И. Флавій, который говоритъ, что ему стоило много труда одолѣть греческую ученость и правила греческаго языка. Ап. Павелъ изучилъ греческій языкъ совершенно естественно въ греческомъ городѣ, и намъ думается мы рѣшительно доказали, что онъ обладалъ лишь неполнымъ и поверхностнымъ знакомствомъ съ греческой литературой. Но мы почти не сомнѣваемся въ томъ, что онъ, подобно И. Флавію, сказалъ бы, что онъ такъ привыкъ говорить по-сирийски, что не могъ произносить греческихъ словъ съ достаточною точностью, и что іудеи не поощряли настойчивыхъ стараній къ приобрѣтенію изящнаго греческаго стиля, на который они смотрѣли какъ на дѣло рабовъ и отпущенниковъ ⁵⁾. Однако же прочитавъ прилагаемый списокъ образцовъ *syntaxis ophta* ап. Павла, немногіе, намъ думается, будутъ въ состояніи противиться убѣжденію, что онъ во время пребыванія въ Тарсѣ посѣщалъ какіе-нибудь начальные классы греческой риторики. Мы ограничимся здѣсь лишь краткими ссылками; и если читателю желательно получить дальнѣйшія свѣдѣнія по этому предмету, то отсылаемъ его къ своей статьѣ въ *Expositio*, за 1879 годъ.

Фигуры (*σχήματα*) у греческихъ и латинскихъ раторовъ раздѣляются на «фигуры языка»

¹⁾ См. также Приложение IV.

²⁾ См. Посл. къ Римлянамъ, по мѣстамъ.

³⁾ См. Приложение xxi: «Антиномія ап. Павла».

⁴⁾ См. 2 Кор. x—xiii, по мѣстамъ, и нѣкоторые прекрасныя замѣчанія въ *Hutton, Essays*, I, 325—330.

⁵⁾ I. Флав. *Antt.* xx, 11, § 2.

(*figurae verborum, elocutionis, λέξεις*) и «фигуры мысли» (*sententiae, διανοίαι*). Они дѣлали между ними то различіе, что фигуры языка большею частью исчезаютъ, когда измѣняются слова или ихъ порядокъ; между тѣмъ какъ фигуры мысли все еще остаются ¹⁾. Различіе это недостаточное и поверхностное и быть можетъ было бы гораздо точнѣе раздѣлить фигуры на 1) фигуры *цѣпта*, зависящаго отъ воображенія, какъ метафора, подобіе, аллегорія, олицетвореніе, *метонимы*, *катахриси* и пр. 2) фигуры *формы*, идущія на огромномъ пространствѣ отъ естественнаго выраженія страстей, каковы: *иронія*, *апосиопесисъ*, *эротесисъ* и пр. до простой изысканности словеснаго украшенія и варіаціи слога (каковы *зевгма* и пр.) или порядка (каковы *хиазмъ*, *истеронъ-протеронъ* и пр.); 3) фигуры *звука*, зависящія отъ аналогіи словъ, сходства звуковъ, несознательныхъ ассоціацій идей и пр., каковы *аллитерація*, *парисосисъ*, *параміосисъ*, *парехесисъ*, *параномасія*, *оксиморонъ*, игра именами и пр.

1) Фигуръ *цѣпта* мы уже касались ²⁾. Въ качествѣ примѣровъ двухъ другихъ классовъ въ посланіяхъ ап. Павла, мы можемъ взять слѣдующіе (причемъ за объясненіемъ техническихъ терминовъ отсылаемъ къ своему сочиненію *Brief Greek Syntax* или къ другимъ подобнымъ книгамъ):

2) Фигуры формы:

Хиазмъ—перекрестное расположеніе словъ или предложений, какъ въ Рим. II, 6, 10 (Эта фигура еще болѣе свойственна посланію къ Евреямъ). Хорошій примѣръ ея:

1 Кор. III, 17—*εἴ τις τὸν ναὸν τοῦ Θεοῦ φθειρεῖ, φθερεῖ αὐτὸν ὁ Θεός.*

Евфимизмъ:

1 Кор. V, 1, 2—*ἔχειν... ὁ τὸ ἔργον τοῦτο ποιήσας.*

2 Кор. VII, 11—*ἐν τῷ πράγματι.*

1 Осс. IV, 6, см. прим. 1110.

Литотисъ:

Рим. I, 28—*ποιεῖν τὰ μὴ καὶ ὀφειλόντα.*

Ефес. V, 4—*τὰ οὐκ ἀνήκοντα.*

1 Кор. XI, 22—*ἐπαίνεσω ὑμᾶς ἐν τούτῳ; οὐκ ἐπαίνω.*

Филим. 18 *εἰ δέ τι ἠδίκησέ σε ἡ ὀφείλει.*

Филим. 11 *τὸν ποτέ σοι ἄχρηστον.*

Міосисъ ³⁾:

(Рим. III, 9, *сὺ πάντως* (ср. 1 Кор. XVI, 12).

1 Кор. I, 29, *ὅπως μὴ καυχῆσται πᾶσα σὰρξ.*

Рим. III, 20 *ἐξ ἔργων νόμου οὐ δικαιοῦσθεται πᾶσα σὰρξ.*

Антитезъ, *парисосисъ*, *параміосисъ* ⁴⁾, *парадоксъ*, *аллитерація*, *эротесисъ*, *эпексеріасія*—всѣ выступаютъ въ такихъ глубокопрочувствованныхъ мѣстахъ, какъ 2 Кор. VI, 3—16; XI, 22—28; 1 Кор. IV, 8—11.

Эпаноморфы:

Филип. IV, 8 *ὅσα... ὅσα... κ. τ. λ. εἴ τις, κ. τ. λ.*

¹⁾ Такъ Аквилла, Рутлліи и пр. вслѣдъ за *Cicero, De Orat.* 3. См. *Voss, Instt. Orat.* v, 1; *Glass, Philologia Sacra*, p. 953 и пр.

²⁾ См. выше, стр. 10—14.

³⁾ Употребленіе здѣсь однакоже имѣетъ идиоматическій характеръ (*Winer, § 26*).

⁴⁾ См. *Arist. Rhet.* III, 9, 9.

Филип. п, 1, εἴ τις... εἴ τι... κ. τ. λ.

2 Кор. vii, 11, ἀλλὰ... ἀλλὰ... κ. τ. λ.

Аноσιонесис:

2 Θεсс. п, см. прим. 1110, 1170 и сл.

Пропаретесис, *проверсия*, *captatio benevolentiae* и пр.:

«Благодарение» въ началѣ каждого посланія, кромѣ посланія къ Галатамъ.

Римл. ix, 1—5.

Дѣян. xxiv, 10 (передъ Феликсомъ) и xxvi, 2, 3 передъ Агриппой.

Парамисис (praeterita):

Филим. 19 ἵνα μὴ λέγω σοι.

1 Θεсс. iv, 9, οὐ χρεῖαν ἔχετε ὑμῖν γράφεσθαι (сн. v, 1; 2 Кор. ix, 1).

Намѣренный *анаколуф*:

Гал. ii, 6 ἀπὸ δὲ τῶν δοκούντων εἶναι τι...

2 Θεсс. ii, 3, ὅτι ἐάν μὴ ἔλθῃ ἡ ἀποστασία πρῶτον...

2 Θεсс. ii, 7, μόνον ὁ κατέχων ἄρτι...

(Анаколуфы отъ простаго недосмотра, зависящіе отъ стремительной быстроты мысли, встречаются постоянно у ап. Павла, какъ въ Рим. п, 17—21; xvi, 25—27 и пр. и пр.)

Climax:

Римл. v, 3—5.

Римл. viii, 29, 30.

Римл. x, 14, 15 и пр.

Зевима:

1 Кор. iii, 2 γὰρ ὑμᾶς ἐπότισα καὶ οὐ βρώμα.

1 Тим. iv, 3, κωλύοντων γυμνῆν, ἀπέχεσθαι βρωμάτων.

Оксиморонъ:

2 Кор. vi, 9 θανατούμενοι καὶ ἰδοὺ ζῶμεν (будучи убиты, мы однако же живы).

1 Тим. v, 6 ζῶσα τεθνήκεν (заживо умерла).

Римл. i, 20 τὰ ἀόρατα αὐτοῦ... καθοράται (невидимое Его .. ясно видимо).

Римл. xii, 11 τῇ σπουδῇ μὴ ὀκνηροί (въ усердіи не лѣнны).

1 Θεсс. i, 6 ἐν ἐλπίσει πολλῇ μετὰ χαρᾶς (при скорбяхъ съ радостію).

1 Θεсс. iv, 11 φιλοτιμεῖσθαι ἡσυχάζειν (усердно стараться жить тихо).

1 Кор. viii, 10 οἰκοδομηθήσεται.

Римл. i, 22 φάσκοντες εἶναι σοφοί ἐμωράνθησαν.

Ефес. vi, 15 евангеліе мира какъ часть всеоружія борьбы.

2 Кор. viii, 2 нищета ихъ превзыществуетъ въ богатствѣ ихъ радудіи.

2 Кор. xii, 10 «когда я немощенъ, тогда силенъ».

Что касается другихъ фигуръ, то достаточно будетъ просто указать на нихъ, какъ *анадиплосис* (Рим. ix, 30; Филип. ii, 8), *эпанодъ* (Гал. ii, 16), *эпаноросис* (Рим. viii, 34; Гал. ii, 20; iii, 4 и пр.), *асиндетонъ* (1 Кор. xv, 43; 1 Тим. i, 17; 2 Тим. iii, 2—5, 10, 11 и пр.); *антипитосис* (Кол. iv, 17; Гал. vi, 1; iv, 11), *ипербатонъ* (2 Θεсс. ii, 5 и пр.); *аллитерация* (1 Кор.

п, 13; 2 Кор. viii, 22; ix, 8 и пр.); *constructio praegnans* (2 Θεсс. ii, 4 и пр.) и многія меньшія фигуры.

3) Переходя къ фигурамъ третьяго класса—къ фигурамъ *звука*, мы находимъ, что ап. Павелъ дѣлаетъ наиболѣе замѣчательное и частое употребленіе *парономасіи*.

Напр. а) Парономасія, зависящая отъ перемѣны одной или двухъ буквъ ¹⁾:

Рим. i, 29 πορνεία πονηρία... φθόνου, φόνου.

Римл. i, 30 ἀσυνέτους, ἀσυνδέτους.

Римл. xi, 17 τινες τῶν κλάδων ἐξεκλάσθησαν.

Сн. Евр. v, 8 ἔμαθεν ἀφ' οὗ ἐπαθεν.

б) Парономасія, зависящая отъ игры словъ одинаковыхъ по звуку или производству. Это наиболѣе частая риторическая фигура ап. Павла.

2 Кор. iii, 2 γυνωσκομένη καὶ ἀναγνωσκομένη ²⁾.

Римл. i, 28 οὐκ ἐδοκίμασαν... ἀδόκιμον νοῦν.

Филип. iii, 2, 3 κατατομή (порѣзание)... περιτομή (обрѣзание).

Римл. ii, 1 κρίνεις... κατακρίνεις.

1 Кор. xi, 29 и сл. διακρίσις... κρίμα... κατακρίμα.

Римл. xii 3: «не *думайте* (ὑπερφρονεῖν) о себѣ болѣе нежели должно *думать* (φρονεῖν); но *думайте* скромно» (σωφρονεῖν). Сн. *Тим.* ii, 62 οὐ φρονήματι μόνον, ἀλλὰ καὶ καταφρονήματι.

1 Кор. vii, 31 χρόμενοι... καταχρόμενοι.

2 Кор. vi, 10 ἔχοντες... κατέχοντες.

2 Кор. iv, 8 ἀπορούμενοι... ἐξαπορούμενοι.

2 Тим. iii, 4, φιλήδονοι... φιλόθεοι.

2 Θεсс. iii, 11 ῥυαζομένους... περιεργαζομένους ³⁾.

1 Тим. v, 13 οὐ μόνον δὲ ἀργαί, ἀλλὰ καὶ περιεργαί.

Корнелій а-Липиде и другіе находили скрытую парономасію въ 1 Кор. i, 23, 24. Если ап. Павелъ мыслитъ при этомъ по-сирійски, то мѣсто это могло читаться такъ: «для іудеевъ *мисколь*, а для эллиновъ *машкаль*, для самихъ же призванныхъ—Христосъ *секель* Божій». Но это вѣроятно просто остроумная догадка ⁴⁾.

в) Третій классъ парономасій состоитъ въ игрѣ именами, которой у ап. Павла три примѣра:

Филим. 11—'Ονήσιμον... ἄχρηστον ⁵⁾.

Филим. 20—Ναὶ, ἐγὼ σου ἀναίμην.

Филип. iv, 3, Σύζυγε γυναιε «сояремникъ по имени и сояремникъ по природѣ».

¹⁾ См. *Cic. De Orat.* ii, 63; *Auct.*, ad Herenn. iv, 24; *Quint. instt. Orat.* ix, 3, 66 и пр.

²⁾ Ср. Дѣян. viii, 30 и замѣчаніе Василія Великаго импер. Юліану ἀνέγνως οὐκ ἔγνως εἰ γὰρ ἔγνως οὐκ ἂν κατέγνως.

³⁾ См. *Domitius Afer*: Non agentes sed satagentes (*Quint. vi, 3, 54*).

⁴⁾ См. въ толкованіи это мѣсто, гдѣ я указалъ возможность второй парономасіи въ ἄχρηστον.

⁵⁾ См. ad loc.

Блаженный Иеронимъ находить еще въ Гал. 1, 6, гдѣ по его мнѣнію μεταίθεσσε есть игра именемъ «Галаты» и еврейскимъ *галалъ* «перекачиваться», переходить.

Такъ какъ мы поэтому находимъ у ап. Павла до пятидесяти примѣровъ почти до тридцати греческихъ риторическихъ фигуръ, и такъ какъ ихъ гораздо больше въ его посланіяхъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Новаго Завета и нѣкоторые находятся только у него, то не можемъ ли мы заключить, что во время дѣтства въ Тарсѣ онъ посѣщалъ какой нибудь элементарный классъ по греческой риторикѣ, что быть можетъ отчасти входило въ его образованіе при грамматическомъ изученіи греческаго языка? Въ Тарсѣ было много профессиональных раторовъ, и если отецъ ап. Павла, видя блестящія способности своего сына, предназначалъ его для школы Гамалиила, то онъ могъ думать, что элементарное знакомство съ греческой риторикой могло проложить ему дорогу къ его будущему высокому положенію среди гиллелитовъ Иерусалима; такъ какъ такое знаніе, какъ мы видимъ изъ Талмуда, открывало нѣкоторымъ раввинамъ блестящую карьеру. Если такъ, то уроки, выученные юнымъ Савломъ, не пропали даромъ, хотя они обращены были въ направленіи совершенно отличныхъ цѣлей, чѣмъ какія могли когда либо придти въ голову человѣку, который предназначалъ мальчика къ тому, чтобы онъ былъ подобно ему самому — фарисеемъ изъ фарисеевъ и евреемъ изъ евреевъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ III (къ стр. 25).

Классическія цитаты и ссылки ап. Павла.

I. Тѣ, кто признають за ап. Павломъ высокое классическое образованіе, ссылаются на то, что онъ цитуетъ греческихъ и римскихъ писателей или намекается на нихъ.

Постоянно приводятся три цитаты. Одна изъ нихъ есть экзаметръ, написанный критскимъ поэтомъ Эпменидомъ въ суровое и презрительное изобличеніе характера своихъ соотечественниковъ:

Κρίτες ἀεὶ ψεύσται, κακὰ θηρία, γαστέρες ἀργαὶ ¹⁾
(«Критяне всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивы»).

Другая есть полужаметръ, въ которомъ онъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, въ рѣчи въ Ареопагѣ, что нѣкоторые изъ нихъ родныхъ поэтовъ говорили:

Τοῦ γὰρ καὶ γένος ἐσμέν ²⁾
(«Ибо мы Его и родъ»).

Третья цитата есть нравственное предостереженіе коринфянамъ:

Φθείρουσιν ἡδὴ χρηστὰ ὀφιλία καὶ ³⁾
(«Худыя сообщества развращаютъ добрые нравы»).

Если мы теперь внимательно рассмотримъ эти цитаты, то увидимъ, какъ мало доказательства составляютъ онѣ въ пользу чего нибудь болѣе, чѣмъ самое поверхностное знакомство съ греческими

¹⁾ Тит. 1, 12.

²⁾ Дѣян. xvii, 28.

³⁾ 1 Кор. xv, 33.

писателями. Первая изъ нихъ есть какъ разъ такая ходячая національная характеристика ¹⁾, какаю могла переходить вездѣ изъ устъ и которую ап. Павелъ могъ повторять, не прочитавъ ни строки поэмы Эпменида объ *Оракулахъ* или поэмы Каллимаха *Гимнъ къ Зевсу*, въ обѣихъ изъ которыхъ она встрѣчается ²⁾. Вторая цитата есть общепризнанное ходячее выраженіе языческой мудрости, въ параллель которому можно бы привести много примѣровъ, но у Клеана находится ³⁾ почти въ той формѣ, въ которой приводитъ его ап. Павелъ. Настоящая цитата взята изъ одной изъ тѣхъ скучныхъ поэмъ, которыя въ это время были въ большомъ ходу, именно изъ *Феноменъ* Арата ⁴⁾. Съ сочиненіями этого писателя ап. Павелъ могъ познакомиться какъ потому, что они были совершенно безвредны, — что едва ли можно сказать о другихъ языческихъ произведеніяхъ, бывшихъ популярными въ это время, — а также потому, что Аратъ былъ кликианнинъ и очень вѣроятно тарсанинъ ⁵⁾. Третья цитата была однимъ изъ тѣхъ ходячихъ нравоучительныхъ изреченій, которыя превратились въ пословицу и которыя, по всей вѣроятности, Менаандръ въ своей *Гандѣ* заимствовалъ изъ какой-нибудь потерянной трагедіи Эврипида. Гораздо вѣроятнѣе, что ап. Павелъ слышалъ это изреченіе въ ходячемъ разговорѣ, или видѣлъ его въ надписи на одной изъ Эрмъ въ Тарсѣ или въ Аоннахъ, чѣмъ прочиталъ его у Менаандра или даже, какъ повидимому думаютъ Сократъ ⁶⁾ и Златоустъ, у одного изъ греческихъ трагиковъ. Въ этихъ цитатахъ затѣмъ замѣчательно то, во-первыхъ, что *все три* изъ нихъ были ходячія, такъ какъ онѣ встрѣчаются каждая по крайней мѣрѣ у двухъ поэтовъ; и затѣмъ то, что двѣ изъ нихъ встрѣчаются въ самомъ началѣ *Гимновъ къ Зевсу*. Если можно было въ какой-нибудь книжной лавкѣ въ Аоннахъ найти какой-нибудь сборникъ *Гимновъ къ Зевсу*, то это была бы какъ разъ та книга, къ которой вѣроятнѣе всего могъ обратиться ап. Павелъ съ своимъ гуманнымъ сочувствіемъ для того, чтобы подтвердить ею свой свободный и просвѣщенный взглядъ, что Богъ открылся даже язычникамъ въ достаточной степени для ихъ блаженства и спасенія, если бы только они хотѣли воспользоваться этимъ благомъ ⁷⁾. Третій весьма замѣчательный пунктъ состоитъ въ томъ, что въ цитатѣ изъ Менаандра или Эврипида громадное большинство лучшихъ манускриптовъ читаютъ *χρηστὰ*, а не *χρηστὴ* ⁸⁾, — чтеніе, которое можно поэтому считать достоверно подлиннымъ, такъ какъ никому бы не пришло на умъ измѣнить правильный метръ, если бы онъ находился въ подлинномъ манускриптѣ. Если же такъ, то это повидимому указываетъ, что слухъ ап. Павла былъ незнакомъ или, что было бы тоже самое, былъ безразличенъ даже къ такому

¹⁾ См. касательно Критянъ *Leonidas*, Anthol. iii, p. 369; Polyb. vi, 47; Diod. Sic. xxxi, Fr.; Wetst. ad loc.

²⁾ *Callim*, Hymn. in Jov. 8. Κρίτες ἀεὶ ψεύσται, καὶ γὰρ, τάφον δ' ἂν οἷο Κρίτες ἐπετήρυγαντο. См. Златоустъ и Иеронимъ на Тит. 1, 12. Кромѣ того, строка эта послужила поводомъ къ одному изъ самыхъ ходячихъ загадочныхъ силлогизмовъ, называемыхъ «лжецы». «Эпменидъ сказалъ, что Критяне — лжецы; но Эпменидъ былъ Критянинъ; поэтому Эпменидъ былъ лжецъ; поэтому Критяне не были лжецы; следовательно Эпменидъ не былъ лжецъ», и пр. и пр. (Diog. Laert. ii, 108). Силлогизмъ этотъ былъ изобрѣтенъ Еввулидомъ; см. Cic. Div. ii, 4, «mentiens».

³⁾ *Cleanthes*, Hymn. in Jov. 5.

⁴⁾ Аратъ процвѣталъ около 270 года до Р. Хр. Его поэмы пользовались изумительною популярностью. Онѣ переводились, между прочимъ, Цицерономъ и Цезаремъ Германикомъ.

⁵⁾ *Buhle*, Aratus, ii, 429.

⁶⁾ Hist. Ecc. iii, 16.

⁷⁾ Дѣян. xiv, 17; xvii, 27; Рим. 1, 20.

⁸⁾ S, A, B, D, E, F, G и проч. *ἐμψέτω τραγικῶν*. Clem. Alex. Strom. i, 14, 59; *Meineke*, Fr. Com., p. 75.

обыкновенному ритму, как ритм ямбического стиха. Отсюда мы заключаем, что отдельные цитаты ап. Павла доказывают его ученость в греческой литературе не больше, чем цитата такой национальной эпиграммы, как

„Inglese italiano, Diavolo incarnato“

или цитата такой строки, как

„Lasciate ogni speranza voi ch'entrate“,

служили бы необходимым доказательством, что приводящий их английский писатель есть полный знаток итальянской литературы или читал поэмы Данта. Ап. Павел был человек замечательной восприимчивости и, как мы видели, любитель цитат. Кроме посланий, предназначенных для читателей, для которых цитаты из Ветхого Завета были бы непонятны, он едва может написать пять предложений без того, чтобы не сослаться на Библию. Полное отсутствие чего-нибудь подобного в отношении даже возвышеннейших классических писателей служит доказательством или того, что он намеренно пренебрегал ими, или что во всяком случае они мало производили впечатление на ум, столь отзывчивый ко всякому среднему влиянию. А что его обширная память сохраняла в себе не одно только свящ. писание иудейского канона, это видно из того свободного употребления, которое он делает из книги Премудрости и быть может из других книг иудейских апокрифов¹⁾. Это можно проследить также в той степени, в какой он постоянно преследуется тем или другим словом²⁾, и в новых и часто редких выражениях, которые находятся в каждом из его посланий³⁾ и которые показывают нам ум крайне восприимчивый к впечатлениям, получаемым от окружающих его обстоятельств и даже от сношения с лицами, среди которых он обыкновенно вращался.

2. Но хотя греческая образованность Тарса имела мало или совсем не имела никакого влияния на ход мыслей ап. Павла, было бы ошибочно предполагать, что она совсем не произвела никакого влияния на его жизнь или на его слог. Кроме прямых цитат, у него есть несколько отдельных мест, которые могут быть отдаленным отголоском классических воспоминаний. Такова напр. апология запозывших членов в 1 Кор. хii, которая сразу напоминает нам глубокомысленную басню Меценция Агриппы⁴⁾; и укасная метафора в Рим. vii, 24, которая, хотя и с меньшей вероятностью, могла относиться к истинному рассказу о семействе Регула⁵⁾. При этом далеко не невѣ-

¹⁾ См. Hausrath, p. 23. Он сравнивает 1 Кор. vi, 2 с Премудр. iii, 8, образ христианского всеоружия с Премудр. v, 17, метафору о горшечниках, действующих один сосуд для высокого и другой для низкого употребления с Премудр. xv, 7. Замечательное, три раза повторенное изречение „не имейте силы ни обрѣзание, ни необрѣзание“ (Гал. v, 6; vi, 15; 1 Кор. vii, 19), по мнѣнію Фотія, Синкелла и других, есть цитата из „Откровения Моисея“. Лайфутъ (въ толкованіи на Гал. vi, 17) показывает, что есть нѣкоторое основаніе сомнѣваться въ этомъ, и говорить, что „крайне невѣроятно, чтобы мысль эта, служащая самой основой ученія ап. Павла, была выражена въ какомъ-нибудь болѣе раннемъ иудейскомъ сочиненіи; и если она дѣйствительно встрѣчалась въ названномъ апокрифическомъ произведеніи, то это произведеніе или было написано или интерполировано послѣ уже времени ап. Павла“ (см. Lücke, Offenb. d. Iohann. i, p. 232).

²⁾ Напр. *ῥινοει* въ 1 Фесс. i; *τά ἐπορεύοντα* въ Ефес. i; *χαίρω* и *χαρίζ* въ Фил.; *μή γένοιτο* въ Рим.; *φωτισμός* въ 1 Кор. iv; *καυχῶσθαι* во 2 Кор. xi; *περικυλίω* во 2 Кор. i; *λόπη* во 2 Кор. ii и пр.

³⁾ Какъ напр. *κατακρινόμεν* и *ἡμέρα* въ 1 Кор.; *πλήρομαι* въ посланіяхъ изъ умъ; *ὄψις* въ пастырскихъ посланіяхъ и проч.

⁴⁾ Лив. ii, 32. Замѣчательная параллель находится также у Сенеки De ira, ii, 31.

⁵⁾ Предлогъ *ἐξ* говоритъ противъ этого предположенія. Съ другой стороны *περικυλίωμαι* и *περιφύω* въ 1 Кор. iv, 13 были бы могли составлять намекъ на древнія умилоостивительныя жертвоприношенія.

роятно, что въ какомъ-нибудь «классѣ риторики» въ Тарсѣ апостолъ приобрѣлъ зародышъ по крайней мѣрѣ того аргументативнаго склада ума, того дара экстенсивной рѣчи и той любви къ хіазму, паронимасіи, параллелизму, оксиморону и другимъ риторическимъ фигурамъ, которыми отличается его слогъ¹⁾. Тамъ же онъ могъ научиться и той оборотливости, той общественной деликатности, той замѣчательной выразительности, той обширной опытности и способности въ отношеніи къ различнымъ интересамъ и самымъ запутаннымъ дѣламъ, которые дѣлали его въ высшемъ и лучшемъ смыслѣ слова истинно благороднымъ, христианскимъ человекомъ въ мірѣ семь. Онъ въ своемъ сердцѣ и чувствѣ былъ идеальнымъ образцомъ того, что греки называютъ *καλὸς καὶ ἀγαθός* — «прекраснымъ и добрымъ человекомъ» — и его обращеніе съ образованными греками могло повести къ озаренію его отличающегося «совершенно истой аттической деликатностью»²⁾ духа — болѣе глубокаго и болѣе очаровательнаго, чѣмъ естественное семитическое достоинство, — которымъ дышетъ каждая строка посланія къ Филимону.

3. Замѣчательнымъ свойствомъ этого природнаго дарованія служить то, что, не смотря на явленную ненависть къ идолопоклонству, которую, какъ мы видимъ, онъ былъ одушевленъ, онъ былъ въ то же время способенъ смотрѣть съ сочувствіемъ и даже восхищеніемъ на нѣкоторые изъ болѣе благородныхъ и болѣе невинныхъ сторонъ языческой жизни, которую его соотечественники осуждали всю безъ различія³⁾. Освященіе языческихъ символовъ, употребленіе метафоръ, заимствованныхъ изъ языческой жизни для иллюстраціи христианскихъ истинъ и христианскихъ обязанностей, есть весьма замѣчательная черта въ стилѣ ап. Павла. Строгіе фарисеи къ немногимъ изъ преступленій Прода относились съ болѣе нескрываемымъ ужасомъ и ненавистью, чѣмъ къ построенію имъ театра въ Кесаріи. Однако же ап. Павелъ, совершенно свободно и безъ всякаго смущенія, усвоивъ метафору, которая бы породила ужасъ во всякомъ палестинскомъ фарисѣ, сравниваетъ переходящій образъ міра съ мимолетной сценой театральнаго представленія, и въ другихъ мѣстахъ представляетъ всю вселенную театромъ, на сценѣ котораго изображались страданія апостоловъ какъ зрѣлище ангеламъ и людямъ⁴⁾. Мы видимъ въ немъ также болѣе свободнаго духомъ сына разсѣянія — человека, мысли котораго были расширены путешествіемъ и сношеніемъ съ людьми иного воспитанія и иныхъ народовъ, — именно въ томъ живомъ сочувствіи, съ которымъ ап. Павелъ беретъ нѣкоторые изъ своихъ любимыхъ метафоръ изъ здоровыхъ состязаній въ греческихъ играхъ⁵⁾. Эти игры составляли самую свѣтлую и самую

¹⁾ Напр. хіазмъ, Рим. ii, 7—10; паронимасія, 2 Фесс. iii, 11 (см. выше, ad loc); параллелизмъ, 1 Фесс. iv, 9; v, 1; оксиморонъ, Рим. i, 20; Филип. ii, 11; литотисъ, 1 Кор. xi, 22 и проч. (См. приложение II: „Риторика ап. Павла“).

²⁾ Krenkel, p. 12. Arist. M. Mor. ii, 9, 2.

³⁾ Тамудъ изобилуетъ мѣстами, которые выражаютъ не что иное какъ безграничное презрѣніе къ язычникамъ, даже къ самымъ ихъ добродѣтелямъ. Въ трактатѣ Babla Bathra, f. 10, 2 есть замѣчательное разсужденіе на Притч. xiv, 34. Оно переводится: „праведность возвышаетъ народъ, и доброта народовъ есть грѣхъ“. Раввинъ Елеазаръ объяснялъ его въ такомъ смыслѣ: „праведность возвышаетъ Израиль; но доброта другихъ народовъ есть грѣхъ, такъ какъ она происходитъ только отъ ихъ самовозношенія“. Раввинъ Гамалиэль сказалъ: „они имѣли значеніе только въ видѣ укора для недостатковъ Израиль“; а раввинъ Нехунія Бенъ Гакана давалъ такую пунктуацию этому стиху: „праведность возвышаетъ народъ (Израиль) и доброту: но народы есть приношеніе за грѣхъ“. Это объясненіе было принято раввиномъ Иохананомъ Бенъ Закаемъ.

⁴⁾ 1 Кор. vii, 31, *παράγει το σκήμα τοῦ κόσμου*. 1 Кор. iv, 9, *Θεάτρον ἐγγυφόμεν* (см. Евр. x, 33, *θεατροζόμενοι*).

⁵⁾ 1 Кор. ix, 24; Филип. iii, 14; 1 Тим. vi, 12; 2 Тим. iv, 8; ii, 5; 1 Фесс. ii, 19.

невинно привлекательную черту эллинской жизни. В течение своего долгого пребывания в Ефесе и Коринфе, он несомненно не раз бывал зрителем тех рукопашных схваток, тех высокохудожественных состязаний в борьбе, тех быстрых бегов с целью получения выпущенных лавровых венок, которые для некоторых из его языческих обращенцев и особенно для более молодых из них не сразу могли потерять свою прелесть. Мы вполне можем вообразить, как какойнибудь юный ефесянин или коринфянин мог настаивать, чтобы ап. Павел пошел с ним посмотреть на борьбу и состязание; и как тот, который отличался в своих чувствах столь живою гуманностью с трепещущим интересом мог посмотреть на зрелище этого многотысячного собрания народа на обширном ристалище, мог с любопытством наблюдать за необычайною напряженностью глаз и лиц, а также и за напряженностью слуха, с которою они слушали провозглашение герольда, на отважных всадников на колесницах с развевающимися позади их волосами, а также и слышать громоподобные восклицания, с которыми народ приветствовал юного победителя, который с краскою смущения выступал для получения своего приза. Если эти прекрасные юноши трудятся так много и выносят так много для того, чтобы получить жалкий венок себе на голову, свежесть которого увядала даже раньше захода солнца, то неужели они не употребят никаких усилий, никакой борьбы для того, чтобы приобрести венок праведности, который никогда не увянет? И затѣм также здѣсь побѣда одного была позором и разочарованием для всѣх остальных, между тѣмъ въ этомъ другомъ состязаніи каждый и всѣ вмѣстѣ могли быть одинаково побѣдителями, и побѣда каждого будетъ новою славой для всѣхъ, которые подвизались для достиженія той же высокой награды¹⁾. И когда такіе мысли проходили по его душѣ, то у него не было іудейской злостности, а были лишь благородное сочувствіе и готовность восхищаться тѣмъ, что было невиннаго и прекраснаго въ человѣческихъ обычаяхъ, когда онъ писалъ своимъ обращенцамъ въ Коринфѣ: «не знаете ли, что бѣгущіе на ристалищѣ бѣгутъ всѣ, но одинъ получаетъ награду? Такъ бѣгите, чтобы получить²⁾. Всѣ подвижники воздерживаются отъ всего: тѣ для получения вѣнца тлѣннаго, а мы—нетлѣннаго. И потому я бѣгу не такъ, какъ на невѣрное, боюсь не такъ, чтобы только бить воздухъ; но усмиряю и порабошаю тѣло мое, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ³⁾».

4. Но ап. Павелъ во время своего пребыванія въ Тарсѣ познакомился не съ греческими обычаями только. Онъ очевидно долженъ былъ также обладать нѣкоторымъ знаніемъ и римскаго закона. Его мысли часто имѣютъ юридическую форму. Онъ говоритъ о наслѣдствѣ по закону, о законномъ меньшинствѣ, о правахъ женъ и дочерей⁴⁾. Привилегіи и права, которыми онъ обладалъ вслѣдствіе своего права *Civitas*, неизбежно должны были обращать его мысли въ этомъ направленіи. Законы «двѣнадцати таблицъ» опредѣляли власть, которую отцы могли имѣть надъ своими сыновьями даже послѣ достиженія ими зрѣлаго возраста (*patria potestas*) такимъ способомъ, который, какъ говорить Гай, былъ стовѣстивъ римской юриспруденціи, съ единственнымъ исключеніемъ его существованія среди *Galatae*. Если здѣсь разужить «галаты», то это придало бы особое значеніе иллюстраціи

въ Гал. iv, 1, которая во всякомъ случаѣ доказываетъ знакомство ап. Павла съ римскими учрежденіями, не существовавшими среди іудеевъ. Равнымъ образомъ Мэнь говоритъ, что «истинное значеніе завѣщанія» нигдѣ не опредѣлялось въ іудейскомъ кодексѣ законовъ, и что римляне «изобрѣли завѣщаніе». Между тѣмъ на правила завѣщанія по наслѣдству и неотъемлемость ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ ап. Павелъ, повидимому, дѣлаетъ явный намекъ (Гал. iii, 15). Затѣмъ онъ явно выставляетъ римскую идею искусственнаго «усыновленія» даже до такой степени, что дѣлаетъ видимое указаніе на тотъ фактъ, что сынъ, воплотившись усыновленный, оставляетъ домашніе обычаи (саста) своего собственнаго семейства и прививается къ обычаямъ своего новаго родителя (Гал. iv, 5; Ефес. i, 5)¹⁾.

5. Мы можемъ взять еще одно мѣсто—хотя въ этомъ случаѣ оно не заключаетъ въ себѣ никакого восторга или сочувствія—для того, чтобы показать, какъ тщательно обычаи языческой жизни были наблюдаемы ап. Павломъ въ томъ разнообразномъ опытѣ, который дѣлалъ его въ лучшемъ смыслѣ этого слова гражданиномъ всего міра. Вслѣдствіе полнаго незнанія этого, это мѣсто часто совершенно не понималось. Оно находится во 2 Кор. ii, 14—16: «но благодарение Богу, который всегда ведетъ насъ повсюду въ триумфѣ²⁾ во Христѣ, и благоуханіе познанія о Себѣ распространяетъ нами во всякомъ мѣстѣ. Ибо мы Христово благоуханіе Богу въ спасаемыхъ и въ погибающихъ. Для однихъ запахъ смертоносный на смерть; а для другихъ запахъ животельный на жизнь».

Здѣсь также (хотя подробности метафоры крайне запутаны) общая идея, которая была въ мысляхъ апостола и руководила его выраженіемъ, заимствована изъ обычая римскаго триумфа. Главною чертою такого «оскорбительнаго тщеславія» было то, что главные плѣнники торжественно водились передъ колесницей побѣдителя и на улицахъ курились сладостныя благоуханія въ то время, какъ колесница его поднималась къ Капитолію³⁾. Но когда онъ достигалъ подомы капитолійскаго холма, тамъ дѣлалась роковая остановка, которая, при крайнемъ отсутствіи всякаго чувства сожалѣнія, быть можетъ была моментомъ новаго торжества для побѣдителя, но которая была смертью для плѣнника: такъ какъ въ этомъ мѣстѣ плѣнники переставали составлять часть процессіи, ихъ отводили въ сторону въ скалистые подвалы *Tullianum*, и тамъ въ этихъ мрачныхъ и сырыхъ пещерахъ они подвергались задушенію отъ руки палача. И такимъ образомъ сладостныя благоуханія, которыя для побѣдителя—какогонибудь Марія или Юлія Цезаря—и для зрителей были символомъ славы, успѣха и счастья, для несчастныхъ жертвъ—какогонибудь Югурты или Верцингеторикса—были запахомъ смерти. Приведемъ себѣ на память эту сцену по поводу словъ «ведетъ насъ въ триумфѣ», ап. Павелъ тотчасъ же воображаетъ себя плѣнникомъ предъ колесницей Бога—плѣнникомъ въ связи со Христомъ; и затѣмъ воображеніе его поражаетъ другая мысль. Провѣдники Христа подобны тому дымящемуся куренію, запахъ котораго наполняетъ торжествующія улицы⁴⁾, но это не былъ запахъ жизни и въ немъ не заключалась на-

¹⁾ Эти приѣмры указываются у Merivale, Boyle Lectures, p. St. Paul at Rome, pp. 172—180. Указанія мѣста *Gaia* см. въ Inst. I, 55 (ср. Caesar, B. G. VI, 19), 189; Digests, XXVI, 3; но я не могу утверждать, что эти заключенія безспорны.

²⁾ Переводъ: «который всегда даетъ намъ торжествовать во Христѣ» невозможенъ философски (ср. Колос. ii, 15) и смутывается иносказаніемъ до такой степени, что оно становится совершенно непонятнымъ. Ап. Павелъ быть можетъ слышалъ о знаменитомъ триумфѣ Клавдія надъ британцами за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ (въ 51 году по Р. Хр.), въ которомъ Карактакъ шелъ въ качествѣ плѣнника (Θραυκευθεῖς), но «перешелъ изъ рядовъ погибшихъ въ ряды спасенныхъ» (Tac. Ann. xii, 36) (См. Plumptre ad loc.). Клеопатра гордо сказала: ὁ θραυκευθεῖς ἦν ἐγώ.

³⁾ Dion Cass. LXXIV; Hor. Od. IV, ii, 50; Plut. Aemil., p. 272.

⁴⁾ Ап. Павелъ стоитъ выше вульгарнаго предразсудка равниновъ, которые говорили, что «тотъ человѣкъ грѣшникъ, который, проходя частью города, обитаемой идолопоклонниками, намѣренно вдыхаетъ въ себя запахъ приносимаго ими куренія» (Berachôth). f. 53, 1).

¹⁾ См. близкую параллель въ Sen. Ep. Mor. LXXVIII, 16.

²⁾ Καταλάρητε. Ср. Филип. iii, 12—14, κατὰ σκοπόν... ἐπὶ τὸ βραβεῖον.

³⁾ 1 Кор. ix, 24—27; ἀδελφοί; vocabulum agonisticum (Beng.; Philo, de Cherub. § 22). Об ограниченномъ воспитаніи состязателей см. Hor. A. P. 412; Epict. Enchir. 35; Dissert. iii, 15; Tert. ad Mart. 3. ἀερα δέρεαι значить вести σκιμαχία (т. е. дѣлать одно подобіе борьбы). (Eustath. ad Il. XX, 446; Athen. 154, A, и проч.; Virg. Aen. V, 376). Κρεῖττος быть можетъ «возвышавшая законы состязанія» (Aesch. Eum. 566).

⁴⁾ Гал. iii, 17, 18; iv, 1, 2; Рим. vii, 2 и проч.

дежда. Какъ ни пріятенъ свѣтъ, но онъ причиняетъ боль больному глазу, какъ ни сладокъ мѣдъ, но онъ кажется горькимъ для болѣзненнаго вкуса¹⁾, такъ и благоволеніе, при всей своей естественной пріятности, могло быть всетаки для многихъ, — благодаря ихъ собственнымъ грѣхамъ и пороночности, — только запахомъ смерти. Вѣсть о спасеніи была истиннымъ благовѣстіемъ, но для преступно ожесточеннаго и злославно порочнаго человѣка оно могла быть приговоромъ нѣтъ и осужденія²⁾.

Ап. Павлу быть можетъ и не приходило на умъ, когда онъ писалъ эти слова, что триумфъ Божій, въ которомъ онъ былъ водимъ изъ мѣста въ мѣсто, какъ добровольная жертва, могъ окончиться для него также въ подвалахъ того самого тулліанума³⁾, описаніе котораго въ его мысляхъ быть можетъ смѣшивалось съ другими подробностями римской пышности, и что если не изъ Мамертинской, то изъ какой нибудь другой римской тюрьмы ему также придется пойти на страшную смерть.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV (къ стр. 38).

Ап. Павелъ какъ гагадистъ: ап. Павелъ и Филонъ.

Иудейская ученость распадается на два большихъ отдѣла, которые могутъ быть подведены подъ рубрики *гагадовъ*, т. е. незаписанныхъ легендъ, и *галаховъ*, т. е. правилъ и прецедентовъ въ объясненіи сомнительныхъ или неопредѣленныхъ пунктовъ законной обрядности⁴⁾. Естественно немного слѣдовъ послѣдней могло быть въ писаніяхъ апостола, явную цѣлью котораго было освободить язычниковъ отъ невыносимаго ига законническаго иудейства. Но хотя въ его писаніяхъ мало слѣдовъ этого отдѣла, самъ онъ выразительно говоритъ намъ, что онъ нѣкогда былъ ревностнымъ въ его исполненіи⁵⁾. «Я», пишетъ онъ галатамъ, «преусиѣвалъ въ иудействѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ, будучи неукрѣпленнымъ ревнителемъ отеческихъ моихъ преданій»⁶⁾. И его посланія изобилуютъ признаками, что съ *гагадовыми* онъ былъ чрезвычайно знакомъ и что онъ постоянно ихъ имѣетъ въ виду въ своей мысли. Такъ во 2 Тим. III, 8 онъ по преданію упоминаетъ имена Іаннія и Іамврія,

¹⁾ См. Оеофилактъ, ad Іос.

²⁾ Равнымъ образомъ раввины говорили о законѣ, какъ «ароматѣ жизни» для тѣхъ, которые идутъ на право, и «ароматѣ смерти» для тѣхъ, которые идутъ на лѣво (Shabbath, f. 88, 2).

³⁾ Тулліанумъ, согласно древнему преданію, есть мѣсто послѣдняго тюремнаго заключенія предъ мученичествомъ какъ ап. Петра, такъ и ап. Павла. Это была выстѣпная въ скалѣ низкая тюрьма, присоединенная Сервіемъ Тулліемъ къ саггер Анка Марція, произведенная въ послѣднее время, доказываютъ, что она была гораздо больше, чѣмъ предполагалось доселѣ.

⁴⁾ Я пытался вполнѣ изложить сущность *галахи* и *гагады* въ Expositor за октябрь 1877 г. Первая имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ пятокинижемъ, послѣдняя съ правоучительными книгами (Hagiographa). Дейтчъ (библ. словарь Смита, подъ сл. «Versions») говоритъ: «если *галаха* пользовалась словомъ св. писанія какъ послѣднимъ и наиболѣе страшнымъ доказательствомъ, послѣ котораго не могло быть дальнѣйшаго протеста, то *гагада* пользовалась имъ какъ золотымъ гвоздемъ, на который можно было вѣшать ея собственное пышное руководство. Если первая была желѣзнымъ оплотомъ вокругъ національности Израиля, то послѣдняя была изумительнымъ цвѣтикомъ среди крѣпостныхъ стѣнъ».

⁵⁾ Галат. I, 14.

⁶⁾ *Паравосъ* не означало писаннаго закона, но усѣный законъ, *патрихъ їѣт*, о которомъ такъ много говоритъ Іосифъ Флавій; это въ дѣйствительности зародышъ *галаховъ*, мишны и гемары.

двухъ египетскихъ волхвовъ, которые противодѣйствовали Моисею. Онъ принимаетъ ходячую иудейскую хронологию въ Дѣян. III, 20, 21. Онъ намекаетъ на мнѣніе, что Адамъ Быт. I есть идеальный или духовный, а Адамъ Быт. II — конкретный и грѣховный Адамъ¹⁾. Понятіе о послѣдней трубѣ²⁾, о томъ, что законъ при Синѣ данъ былъ ангелами³⁾, что сатана есть богъ міра сего и князь силы воздушныя⁴⁾, о небесной и адской іерархіи⁵⁾ — все это встрѣчается въ талмудическихъ сочиненіяхъ. Когда въ 1 Кор. XI, 10 онъ говоритъ, что «жена должна имѣть на головѣ своей покрывало»⁶⁾ (дѣла ангеловъ), то здѣсь, намъ кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ непредубѣжденной душѣ всякаго читателя, знакомаго съ тѣми иудейскими взглядами на этотъ предметъ, въ которыхъ воспитывался ап. Павелъ, что онъ здѣсь имѣетъ въ виду общее раввинское толкованіе Быт. II, 2 (Iхх, кодексъ А, «ангелы»), гдѣ Таргумъ, и вообще всѣ иудейскіе авторитеты, даже авторъ книги Еноха (приведенный въ посланіи Іуды)⁷⁾, приписываетъ надѣніе ангеловъ ихъ преступной любви къ земнымъ женщинамъ. Ап. Павелъ не могъ не быть знакомъ съ мнѣніемъ, которое въ теченіе многихъ вѣковъ повидимому господствовало въ иудейской душѣ⁸⁾, съ мнѣніемъ, которое то и дѣло встрѣчается въ Талмудѣ и которое еще настолько сильно ереди восточныхъ иудеевъ, равно какъ и среди магометанъ⁹⁾, что они никогда не позволяютъ своимъ женщинамъ съ непокрытой головой появляться публично изъ опасенія, чтобы *шедимъ*, т. е. злые духи, не нанесли вреда имъ и другимъ¹⁰⁾.

¹⁾ 1 Кор. XV, 47. Оно встрѣчается также у Филона, De Opif. Mund. I, 32.

²⁾ 1 Кор. XV, 52; 1 Фесс. IV, 16.

³⁾ Галат. III, 19.

⁴⁾ Ефес. II, 2.

⁵⁾ Ефес. I, 21; III, 10; VI, 12; Колос. I, 16; II, 15.

⁶⁾ Таковъ, повидимому, очевидный смыслъ *ἐξουσία* въ 1 Кор. XI, 10, каковъ бы ни былъ спеціальнѣйшій оттѣнокъ мысли въ употребленіи этого слова, — что можетъ быть и простымъ провинциализмомъ. Ап. Павелъ даетъ три основанія для этого правила: 1) наше истинническое чувство, что непокрытая голова, подобно бритой головѣ, есть безчестіе для женщины, волоса которой есть слава для нея; 2) тотъ фактъ, что волоса женщины указываютъ на ея соподчиненное положеніе по отношенію къ мужчине, какъ покрытая голова мужчиною означаетъ его соподчиненіе Богу; 3) «для ангеловъ».

⁷⁾ 2 Петр. II, 4; Іуд. 6, 14.

⁸⁾ То доказательство, что слово *ἄγγελοι* никогда не употребляется въ Новомъ Завѣтѣ, кромѣ какъ въ отношеніи добрыхъ ангеловъ, совершенно не имѣетъ цѣны, такъ какъ падшіе ангелы, по предположенію, были добрыми ангелами до своего надѣнія, и если они такимъ образомъ пали, то ничто не доказываетъ невозможности, чтобы не могли подобнымъ же образомъ пасть и другіе. Такое толкованіе безъ всякаго смущенія даетъ Tertullianъ de Virg. VI, 7, «propter angelos, scilicet quos legimus a Deo et coelo excidisse ob concupiscentiam feminarum». Я тщательно изслѣдовалъ этотъ вопросъ въ статьѣ Homiletic Quarterly 1878 г. и привелъ тамъ много раввинскихъ иллюстрацій (Tanchuma, f. 51, 4; Abhōth of Rabbi Nathan, c. 34).

⁹⁾ См. весьма замѣчательный разсказъ Хаджи, который заявляетъ, что именно Гавриилъ, который являлся Магомету, тотчасъ же улетѣлъ, когда она сняла съ себя покрывало, «зная отъ Варака, что добрый ангелъ долженъ улетѣть отъ лица непокрытой женщины» (Weil, Mohamed, 48). (См. обстоятельное примѣчаніе декана Стэнлея, Кор. стр. 187).

¹⁰⁾ См. Berachōth, f. 6, 1: «Авва Бапиамиръ говоритъ, что если бы намъ было позволено было видѣть ихъ, то ни одинъ бы не устоялъ предъ этими вредоносными бѣсами. Равъ Гуна говоритъ, что каждый изъ насъ имѣетъ 1000 на лѣвой и 10000 на правой рукѣ (Пс. XC, 7) и проч. и проч. Причина, почему постель Соломона была охраняема 605 тѣлохранителями съ извлеченными мечами, заключается въ боязни ночи» (Пѣсн. III, 7, 8). «Не ходи одинъ ночью, потому что Етраа, дочь Махиаа, бродитъ кругомъ — вмѣстѣ съ 180,000 разрушительныхъ ангеловъ, и каждый изъ

Затѣмъ въ Римл. iv, 5, 13 ап. Павелъ, очевидно, принимаетъ преданіе, указываемое также св. Стефаномъ, что Авраамъ былъ необрѣзаннымъ идолопоклонникомъ, когда онъ впервые послушался призванія Бога, и что онъ тогда получилъ обѣтованіе—неизвѣстное тексту св. Писанія—«что онъ будетъ наслѣдникомъ міра»¹⁾. Въ Рим. ix, 9, вслѣдствіе формы цитаты, предполагали намекъ на раввинское мнѣніе, что Исаакъ былъ сотворенъ въ утробѣ творческою силою Бога; въ Гал. iv, 29—на *чадоу*, что Измаилъ не только смѣялся надъ Исаакомъ, но оскорблялъ, поносилъ и вѣсело обижалъ его²⁾, и во 2 Кор. xi, 14—на мнѣніе, что ангелъ, боровшійся съ Иаковомъ, былъ злымъ ангеломъ, принявшимъ подобіе ангела свѣта. Эти три послѣднихъ примѣра незначительны и сомнительны; но есть замѣчательный намекъ на источенную скалу въ пустынь, которая въ 1 Кор. x, 4 называется «духовнымъ *послѣдующимъ* камнемъ». Выраженіе это можетъ имѣть лишь одинъ смыслъ. Среди многихъ чудовищныхъ измышлений, созданныхъ умомъ іудейскихъ учителей, занимавшихся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій исключительнымъ изученіемъ своихъ священныхъ книгъ, была одна мысль, къ которой они постоянно обращаются, именно, что скала, изъ которой истекла вода, была круглою подобно пчелиному улью и катилась за израильтянами во все время ихъ странствованія. Когда основана была скинія, камень этотъ подкатился и сталъ въ притворѣ. Тогда пришли князья и, ставъ близъ него, воскликнули: «наполняйся водою, о, колодезь; пойте ему»,³⁾ и онъ заструился и наполнился водою. Какъ смотрѣть на эти странныя легенды? Можемъ ли мы предполагать, что мудрые и разумные раввины, въ родѣ Гиллеля и Гамалиила, понимали ихъ буквально? Нѣтъ ни малѣйшаго основанія для такого предположенія, и въ дѣйствительности рѣшительно невозможно предполагать, чтобы кто-нибудь принималъ буквально всѣ басни Талмуда, которыя во многихъ случаяхъ не только безсмысленны, но и самопротиворѣчивы. Многія изъ нихъ несомнѣнно считались простою игрою благочестиваго воображенія, простымъ упражненіемъ ума, любящаго силлогистику. Другія, представляя только восточный способъ выраженія таинственныхъ истинъ,—были въ дѣйствительности намѣренными аллегоріями. Иныя въ своихъ общихъ чертахъ были національными преданіями, которыя могли часто соотвѣтствовать дѣйствительности и во всякомъ случаѣ пользовались общимъ и несомнѣннымъ довѣріемъ въ тѣ вѣка, которые мало смущались духомъ историческаго критицизма⁴⁾. Хотя ап. Павелъ могъ совершенно естественно намекать, указывать и даже пользоваться нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ, всетаки было бы крайне ошибочно предполагать, что онъ непремѣнно придавалъ имъ какую-нибудь объективную важность. Если онъ и намекаетъ на простѣйшія и наиболѣе разумныя изъ нихъ,

нихъ имѣть особое позволеніе разрушать» (Pesahim, 112; 2). Они называются *рукины*, *шедими*, *лими*, *тигарим* и проч. (Гамбургеръ подъ словомъ „Gespenster“). Изъ другихъ взглядовъ на это мѣсто единственно возможнымъ (исторически) мнѣ кажется только взглядъ св. Златоуста: „потому что добрые ангелы, присутствующіе при христіанскомъ богослуженіи, радуются при видѣ того, что все дѣлается прилично и въ добромъ порядкѣ“.

¹⁾ Рим. iv, 13; см. Инс. Нав. xxiv, 15.

²⁾ Sanhedr. f. 89, 2.

³⁾ Числ. xxi, 17.

⁴⁾ Сами раввины дѣлаютъ различіе между мѣстами, которыя нужно понимать буквально וְשֵׁנִי (לֵב) и тѣми, которыя имѣютъ „гиперболическій характеръ, по обычаю восточнаго слово-выраженія (לֵב הַבְּנֵי)“ (Reland, Antt. Hebr. p. 140). Нужно затѣмъ помнить, что многое въ Талмудѣ состоитъ изъ криптографовъ, которые преднамѣренно скрываютъ смыслъ פְּנִינֵי סוּפֵּרוֹת отъ „гонимыхъ и еретиковъ“. Недостатокъ мѣста преніяствуетъ намъ подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ здѣсь, но я могу отослать интересующихся этимъ предметомъ къ моимъ статьямъ о галахъ и гагадъ, талмудическихъ криптографахъ и проч. въ Expositor за 1877 годъ.

то онъ дѣлаетъ это случайно, въ смыслѣ украшенія или поясненія своей рѣчи, и по всей вѣроятности не придавалъ имъ никакого другаго значенія, кромѣ того, которое они имѣли въ связи съ прекрасными воспоминаніями о томъ, чему онъ учился въ аудиторіи Гамалиила или въ своемъ старомъ родительскомъ домѣ. Въ этомъ самомъ мѣстѣ посланія къ Коринтянамъ слово «послѣдующій» (ἀκολουθούτης) есть только прекрасный намекъ на наименѣе фантастическій элементъ легенды, способный имѣть духовное значеніе; и ап. Павелъ немедленнымъ прибавленіемъ словъ «камень же былъ Христосъ» показываетъ, какъ легко и случайно это указаніе на чисто гагадистическіе элементы, которые въ національномъ сознаніи перемѣшались съ великою исторіей о странствованіи въ пустынь¹⁾. Въ виду этого—такъ какъ въ мысляхъ ап. Павла нѣтъ въ виду духовный, а не матеріальный камень—можетъ ли кто нибудь держаться столь рабскаго и противнаго писанію взгляда на боговдохновеніе, чтобы думать, что такой мимолетный намекъ или требуетъ отъ насъ буквальнаго принятія указываемаго факта, или, если мы отвергнемъ его, ослабляетъ весь апостольскаго авторитета? Если новѣйшій богословъ-писатель укажетъ мимоходомъ на какую-нибудь ходячую легенду изъ новѣйшей или древней исторіи, то будетъ ли это значить, что онъ имѣетъ въ виду доказать ея историческую достовѣрность? Если онъ сошлется на Мильтона, гдѣ онъ говоритъ, что нагрудникъ Аарона «сверкалъ драгоценными оракулами», то неужели это значить, что онъ держится раввинской теоріи касательно свѣта, исходящаго изъ нихъ? Считалъ ли кто нибудь себя обязаннымъ буквально понимать семь небесъ на томъ основаніи, что ап. Павелъ, въ полномъ согласіи съ іудейскимъ понятіемъ, говоритъ намъ, что онъ былъ восхищенъ въ рай даже до третьяго неба²⁾?

Эти слѣды іудейскаго воспитанія особенно интересны въ одномъ отношеніи. Они показываютъ необычайно сильный здравый смыслъ въ апостолахъ и показываютъ также его боговдохновенное превосходство надъ всеми вліяніями его прежняго воспитанія. Что онъ иногда прибѣгаетъ къ аллегоріи, это вполнѣ понятно и интересно; но когда мы изучаемъ то употребленіе, которое онъ дѣлаетъ изъ аллегорическаго метода въ отношеніи Сарры и Агари, мы сразу же видимъ его безконечное превосходство надъ фантастическимъ отношеніемъ къ тѣмъ же фактамъ со стороны ученаго Филона. На сколько трезвѣ ап. Павелъ относится къ человѣческимъ и историческимъ элементамъ въ этомъ разсказѣ и на сколько проще и естественнѣе дѣлаемые имъ изъ него выводы! Затѣмъ когда онъ указываетъ на легенды и преданія своего народа, то съ какою мудростью онъ относится къ нимъ! Стоить только сравнить ап. Павла съ Филономъ, съ талмудистами, съ кѣмъ-нибудь изъ учителей церкви въ первые три вѣка, и мы тогда яснѣе увидимъ ту пропасть, которая отдѣляетъ апостола отъ величайшихъ писателей какъ его собственнаго народа, такъ и первенствующей христіанской церкви.

На вопросъ, читалъ ли ап. Павелъ Филона, или нѣтъ, отвѣтить не легко. Сочиненіе Гфрѣрера о Филонѣ могло служить повидимому рѣшительнымъ доказательствомъ, что онъ читалъ. Изъ обширныхъ сочиненій краснорѣчиваго александрійца несомнѣнно могутъ быть приведены многія мѣста, которыя могли бы заставить насъ повторить старое замѣчаніе, что «или Павелъ послѣдователь Филона, или Филонъ христіанинъ». Филонъ, подобно ап. Павлу, говоритъ о словѣ Божіемъ какъ противоположності манны, источеннаго камня и столповъ облачнаго и огненнаго; какъ о посредникѣ, какъ рожденномъ прежде

¹⁾ На семь такихъ ходячихъ національныхъ преданій указывается въ рѣчи св. Стефана (См. ниже, прим. 279).

²⁾ 2 Кор. xii, 2, 4; Ефес. iv, 10. Многія другія мѣста и выраженія ап. Павла находятъ иллюстрацію въ Талмудѣ—напр. 1 Кор. xv, 37, 45 ὡς ὁ κίρκος; Ефес. ii, 14 (ἑλεῖ); 1 Кор. v, 2 (ἀρακοὶ, „другія земли“); 2 Кор. ii, 16, ὡς ὁ θνατός; 2 Кор. v, 2, ἐπεὶ ὁ καταδύμενος и проч. (См. объясненіе Мейера на эти мѣста).

всѣхъ міровъ и какъ небесномъ человѣкѣ. Онъ говоритъ о борьбѣ между плотскою и разумною душою; о вспомоществующей благодати Божіей; о молодѣи ученія; о видѣніи Бога, какбы въ зеркалѣ; объ истинныхъ богатствахъ и о вѣрѣ Авраама. Кромя согласія въ отдѣльныхъ фразахъ, Филовъ близко сходится съ ап. Павломъ также въ указаніи на непреодолимые откровенія ¹⁾, въ способахъ цитирования и толкованія Св. Писанія, въ употребленіи аллегорій, въ важности, которую онъ придаетъ духовному значенію постановленій сравнительно съ плотскимъ, и во многихъ другихъ особенностяхъ. Но когда мы всмотримся ближе, то увидимъ, что многія изъ этихъ выраженій и точекъ зрѣнія не были исключительной особенностью Филона. Онѣ, такъ сказать, носились въ воздухѣ. Онѣ относятся къ той же самой категоріи, какъ и сходныя съ христіанскими чувства и мысли, которыя можно привести изъ сочиненій Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелія, и могутъ быть объяснены поэтому скорѣй преобладающимъ теченіемъ нравственно-религіознаго чувства, чѣмъ какимъ либо подражаніемъ или сознательнымъ взаимобмѣномъ мысли. Рядомъ съ этими сходствами между ап. Павломъ и Филономъ громадны также и различія. Главное понятіе Филона есть понятіе Логоса, а это именно понятіе, которое въ этомъ смыслѣ никогда не употребляется ап. Павломъ. Ап. Павелъ дѣлаетъ лишь одинъ или два отдаленныхъ и легкихъ намека на древнюю греческую философію, которой Филовъ придавалъ чрезвычайное значеніе. Ап. Павелъ дѣлаетъ лишь второстепенное употребленіе изъ аллегорическаго метода, который для Филона составляетъ все. У Филона патриархи дѣлаются просто олицетворенными добродѣтелями; для ап. Павла они живые люди. Филовъ обращается съ своимъ эзотерическимъ эклектизмомъ къ немногимъ просвѣщеннымъ; ап. Павелъ смотритъ на всѣхъ одинаково, какъ на равныхъ чадъ Бога, не взирающаго на лица. Филовъ рѣзко держится іудейской обрядности, хотя онъ придаетъ ей таинственное значеніе; ап. Павелъ считаетъ ее отчужденною для язычниковъ; ап. Павелъ учитъ, что во Христѣ Иисусѣ нѣтъ ни іудея, ни язычника. Въ Филонѣ мы видимъ безсиліе эллинистическаго рационализма; въ ап. Павлѣ силу духовной истины. Филовъ объясняетъ и любознательствуетъ въ каждомъ направленіи; ап. Павелъ никогда не отступаетъ предъ парадоксомъ и оставляетъ рядомъ неразрѣшенныя антиноміи. Филовъ, подобно ап. Павлу, много говоритъ о вѣрѣ; но *вера* Филона есть нѣчто далеко непохожее на преобразующее начало ²⁾, между тѣмъ какъ вѣра ап. Павла есть возрожденіе всего существа человѣка чрезъ таинственное единеніе со Христомъ. Сочиненія Филона представляютъ собою собраніе холодныхъ отвлеченностей, между тѣмъ какъ сочиненія ап. Павла есть живой источникъ духовной мудрости. «Филовъ, говоритъ проф. Джукеттъ, былъ іудей, ап. Павелъ христіанинъ. Филовъ эклектикъ, ап. Павелъ говорилъ какъ бы духомъ Божіимъ. Филовъ былъ восточный мистикъ, ап. Павелъ проповѣдывалъ воскресеніе тѣла. Филовъ идеализировалъ, ап. Павелъ одухотворялъ ветхій заветъ. Филовъ былъ философъ, ап. Павелъ проповѣдникъ; одинъ преподавалъ систему для іудеевъ, другой проповѣдывалъ вселенскую религію. Одинъ былъ можетъ нѣсколько увеличить число отшельниковъ на берегахъ Нила, другой измѣнилъ міръ. Одинъ былъ представителемъ жертвой безмысленной литературы, равнодушной къ прогрессу человѣчества, другой былъ началомъ жизни для разума, равно какъ и для сердца. Между тѣмъ какъ одинъ пересталъ существовать, другой пережилъ, безъ увиданія, пережилъ въ правленіи и перевороты въ мысли въ теченіе 18 вѣковъ» ³⁾.

¹⁾ De Cherubim, г. 443.

²⁾ По высшему опредѣленію Филона вѣра есть «улучшеніе во всемъ души, всецѣло подогнанный на помощь Творца всего» (De Abraham, II, 39).

³⁾ Romans, I, 416.

Изъ неканоническихъ книгъ ап. Павелъ почти съ несомнѣнностію былъ знакомъ по крайней мѣрѣ съ одной, именно съ книгой Премудрости. Намъ думается, что едва ли кто усомнится въ этомъ, сравнивъ его взгляды на идолопоклонство и способъ, какъ онъ выражаетъ ихъ, съ тѣми главами, въ которыхъ эта распорѣчивая книга относится къ культу язычества съ сосредоточеннымъ презрѣніемъ, едва ли уступающимъ въ этомъ отношеніи пророку Исаіи; или кто сопоставитъ мѣста, на которыя мы указывали въ одномъ изъ прежнихъ прижѣваній. Если среди книгъ, о которыхъ ап. Павелъ писалъ во время своего послѣдняго тюремнаго заключенія, были и неканоническія, то мы можемъ быть вполне увѣрены, что между ними была и книга Премудрости ¹⁾.

ПРИЛОЖЕНІЕ V (къ стр. 77).

Гамалииль и Тюбингенская школа.

Мы не находимъ нужнымъ часто останавливаться для опроверженія того, что намъ кажется безосновательнымъ возраженіемъ; но такъ какъ имя Гамалиила всегда будетъ связываться съ именемъ ап. Павла, то быть можетъ стоитъ на этотъ разъ сдѣлать нѣкоторое исключеніе. Намъ кажется однако же, что обвиненіе противъ св. Луки основано на массѣ ошибокъ ²⁾. Гамалииль, подобно ап. Павлу, былъ фарисей, сынъ фарисеевъ, и несомнѣнно, что его благородство и открытость душевнаго склада выдѣлили въ апостола лучшіе элементы фарисейства. Пламенная ревность юнаго тарсійца могла на время побудить его усвоить болѣе суровый тонъ школы Шаммаи, что однако же никоимъ образомъ не могло изгладить впечатлѣній прежняго воспитанія. Но въ дѣйствительности даже Гиллель и Гамалииль, несмотря на ихъ общую мягкость, не затруднились бы назвать себя «крайними ревнителями отеческихъ преданій». Ихъ уступчивость обстоятельствамъ была или уступчивостью въ ихъ отношеніяхъ къ язычникамъ, или уступчивостью въ виду необходимости и общей пользы ³⁾. Различіе между двумя этими фарисейскими школами было не такъ велико, какъ между двумя великими іудейскими сектами. Фарисеи безспорно примыкали къ зилотамъ въ политическомъ сочувствіи, между тѣмъ какъ саддукеи естественно льнули къ продіанамъ. Во всемъ, что мы знаемъ о Гамалиилѣ, мы видимъ духъ, тонъ, точку зрѣнія, которые явно выдаютъ сходство съ духомъ, тономъ и точкой зрѣнія его великаго ученика. Его постановленіе, чтобы солдаты въ военное время и всѣ люди, занятые дѣлами милосердія, долга и необходимости, могли быть изъяты отъ болѣе строгихъ субботскихъ постановленій; признаніе имъ права собранія колосеевъ для бѣднѣйшихъ братій ⁴⁾; его постановленіе, чтобы при-

¹⁾ Срав. Рим. v, 12; xi, 32; 1 Кор. vi, 2; 2 Кор. v, 4 и проч. съ Премудр. II, 24; xi, 23—26; III, 8; ix, 15 и пр.

²⁾ Правило Гамалиила: «приобрѣсти себѣ учителя, избѣгая того, что сомнительно, и не увеличивать ненадежныхъ десятиновъ» (Pirke Abhōth, I, 15) могло произойти отъ самого Шаммаи. Въ дѣйствительности различіе между двумя школами существовало гораздо болѣе въ мелочныхъ подробностяхъ, чѣмъ въ основныхъ началахъ.

³⁾ מִצְוַת הַיָּדֵי «для добраго порядка міра» (Derenbourg, Palestine, p. 189). Трудно однако же объяснить тотъ фактъ, что Гамалииль имѣлъ на своей печати выгравированную фигуру, если этотъ разсказъ принадлежитъ ему.

⁴⁾ См. Ginsbourg, s. v. in Kittō's Cycl. и Grätz, Gesch. d. Juden, III, 274, sq.; Jost, Gesch. d. Judenthums, I, 281; Frankel, Hodegetica in Mischnam, 57; Derenbourg, Palestine, 239, sq.

вѣтствіе «миръ вамъ» было обращено даже къ язычникамъ въ ихъ праздничные дни ¹⁾—все это въ точности согласно съ известными намъ воззрѣніями апостола; въ тоже время справедливы, гуманныя и свободныя постановленія, которыя онъ сдѣлалъ съ цѣлью устранить возможность недобросовѣстнаго отношенія мужей къ ихъ разведеннымъ женамъ и непослушныхъ дѣтей въ отношеніи къ ихъ матерямъ, тождественны, по своему духу, съ тѣми, которыя ап. Павелъ постановляетъ въ подобныхъ же случаяхъ. Разсказъ, что онъ купаясь, въ банѣ въ Птолемаидѣ, украшенной статуей Афродиты, на укоры мима отвѣтилъ замѣчаніемъ, что статуя эта очевидно была сдѣлана для бани, а не бани для статуи,—принадлежитъ не ему, а его внуку, съ которымъ его часто смѣшиваютъ ²⁾. Последнему также принадлежитъ доброе и мудрое правило о погребеніи мертвыхъ въ простомъ бѣломъ одѣяннѣ вмѣсто дорогихъ одеждъ. Впрочемъ единство ученія, связывающее между собою слѣдовавшихъ одинъ за другимъ президентовъ школы Гиллея было такъ велико, что мы можемъ смотрѣть на всякій анекдотъ, относящійся къ болѣе позднему Гамалиилу, какъ на вѣрную характеристику взглядовъ старшаго; и аргументъ Гамалиила II, что еслибы ему удалось отъ всякаго мѣста, которое было освящено правами идолопоклонства, то ему нельзя было бы найти ни одного мѣста, гдѣ бы вообще жить, напоминаетъ намъ болѣе чѣмъ одно мѣсто въ аргументаціи ап. Павла касательно яденія идоложертвеннаго. Поэтому можно считать знаменательнымъ тотъ фактъ, что, не смотря на эти либеральныя начала, Гамалиилъ іамскій санкціонировалъ «проклятіе противъ еретиковъ» ³⁾, каковое постановленіе стоитъ двѣнадцатымъ по порядку въ молитвѣ *Шемоне Езре* ⁴⁾. Его дѣдъ, который былъ

¹⁾ Въ трактатѣ Jer. Berachôth, ix (Schwab, p. 159) есть разсказъ, что, встрѣтивъ красивую языческую женщину, онъ обратился къ ней съ привѣтствіемъ *шаломъ алаихъ*. «Возможно ли это?» удивленно замѣчаетъ Гемара. «Не сказалъ ли раввинъ Зефра, на основаніи раввина Йозе баръ Р. Гаина и Р. Ба или Р. Гіи, на основаніи раввина Йоханана, что никто не долженъ выражать восхищенія въ отношеніи къ язычникамъ?» (правило это основано на нѣкоторой игрѣ словъ, замѣстимой изъ Втор. vii, 3). На это слѣдуетъ отвѣтъ, что Гамалиилъ отнесся къ ней лишь только съ такимъ восторгомъ, съ какимъ онъ могъ отнестись напр. къ красивой лошади или верблюду, восклицая, что какія прекрасныя вещи Іегова создалъ во вселенной. Талмудистъ затѣмъ переходитъ къ оправданію Гамалиила въ гнѣвности смотрѣнія на женщину на томъ основаніи, что это могло случиться лишь печально въ узкой улицѣ.

²⁾ Abhoda Zara, f. 44, 2. Копиберъ и Гаусонъ, Кренкель, Левинъ и другіе смѣшиваютъ анекдоты, относящіеся къ этому Гамалиилу (*га-закенъ* или «старшему») и Гамалиилу II, чему также не чужды Otho, Lex. Rabb., s. v. (Etheridge, Hebr. Lit., p. 45).

³⁾ Berachôth, f. 28, 2. Первое изреченіе этого трактата таково: «пусть не будетъ упованія тѣмъ, которые отступаютъ отъ истинной религіи; и пусть еретики (*минимъ*), сколько бы ихъ ни было, все погибнутъ какъбы въ одинъ мигъ». Дѣйствительный авторъ этой молитвы былъ Самуилъ Малый (Га-катонъ) (Grätz, iv, 105, 434). Минимѣ, что этотъ Самуилъ Малый (это имя, вѣроятно, дано было ему въ отличіе его отъ пророка Самуила: слав. *ѡ мѣчѣ*, какъ титулъ Ирода, «жизнь Іисуса Христа», прим. 89) имѣеть нѣкоторое соотношеніе съ Савломъ (Шаулъ есть сокращеніе имени Самуилъ, а Павелъ, по предположенію, означаетъ *малый*; Altling, Schilo, iv, 28; Basnage, iii, 1, pp. 12, 13) есть нелѣпность, едва заслуживающая мимоходнаго упоминанія (Eisenmeng. Emdt. Judenth. ii, 107; Buxtorf, Lex. Talm., 1, 201, 2, 662; Wolf, Bibl. Hebr. i, 1, 119).

⁴⁾ Въ дѣйствительности молитва эта окружена значительною неясностью. *Шемоне-езре* или *амиды* есть молитва, читаемая послѣ *Шеми*. Она называется такъ вслѣдствіе «восьмнадцати благословеній» или отдѣловъ, изъ которыхъ она состоитъ, и читается три раза въ день, а въ праздничные дни и чаще. Въ дѣйствительности она содержитъ девятнадцать отдѣловъ, изъ которыхъ 12-тый (въ сущности считающійся 11 bis) есть знаменитая *Birkath ha-Minim*, т. е. мо-

одинаково свободомыслящимъ въ многихъ своихъ воззрѣніяхъ, былъ бы вѣроятно совершенно склоненъ признать подобную же молитву. Его разсчитывая политика имѣла такъ мало общаго съ какимъ-либо равнодушіемъ къ чистому Моисееву закону, что когда онъ умеръ, то въ народѣ говорили, что чистота и праведность фарисейства исчезли и слава закона прекратилась ¹⁾. Такимъ образомъ ни въ первоначальной ревности ап. Павла объ устномъ и писанномъ законѣ, ни въ свободѣ его послѣдующихъ взглядовъ и рѣшеній касательно Моисеевой обрядности мы не находимъ никакого основанія сомнѣваться въ изложенномъ его отношеніи къ Гамалиилу, и напротивъ находимъ, что оно подтверждается многими мелкими и на первый взглядъ противорѣчащими указаніями. На сколько дѣло касается известной рѣчи Гамалиила, то его терпимость вѣроятно имѣла ограниченный предѣлъ. Такъ какъ отнюдь не видно, чтобы онъ *впослѣдствіи* не санкціонировалъ попытки подавить христіанъ, то никоимъ образомъ не вѣроятно, что до этого времени даже Савлъ Тарсійскій, если онъ присутствовалъ на этомъ собраніи, могъ соглашаться съ полутерпимыми, но въ то же время и полупрезрительными взглядами своего великаго учителя. Хотя фарисеи въ своей смертельной враждѣ къ саддукеямъ всегда были готовы смотрѣть съ удовольствіемъ на ту часть христіанства, которая основывалась на вѣрѣ въ воскресеніе, событія слѣдующихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ весьма много измѣнили общее отношеніе церкви не только къ нимъ, но также и ко всему вообще іудейскому народу, изъ котораго до этого времени весьма многіе относились къ его раннимъ проявленіямъ съ изумленіемъ и радостью.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI (къ стр. 113).

Смертная казнь: побіеніе св. Стефана камнями.

Говоря вообще, синедріонъ не былъ кроваваго судилищемъ. Члены его содрогались при всякой необходимости кровопролитія и пытались избѣгнуть этой необходимости безчисленными постановленіями. Такъ великъ былъ ихъ ужасъ, когда приходилось предавать израильтянина смерти, что для нихъ казалось желательнымъ всякое средство для избѣжанія этого. Симеонъ Бенъ Шатахъ есть единственно выдающійся раввинъ, который, какъ говорили о немъ, вслѣдствіе его жестокости при рѣшеніи дѣлъ, «былъ горячъ на руку». Иосифъ Флавій прямо считаетъ позоромъ для саддукеевъ, что они, вопреки остальнымъ членамъ народа, были жестоки въ своихъ наказаніяхъ. Мы имѣемъ свѣде-

литва противъ *минимъ* или еретиковъ. Въ трактатѣ Jer. Berachôth, iv, § 3 однако же явно говорится, что эта молитва была присоединена къ *Амидѣ* въ Іамніи и слѣдовательно Гамалииломъ II во второмъ столѣтіи долго спустя послѣ разрушенія Іерусалима (Cohen, Hist. de la Prière, p. 30, sq. и Megillah, f. 17, 2). Какъ примирить это съ положеніемъ, что смерть Самуила Малаго была раньше разрушенія Іерусалима, это лишь одинъ примѣръ той путаницы и противорѣчій, которыя постоянно встрѣчаются въ талмудической литературѣ. Галлель (приводимый Швабомъ) говоритъ, что молитва эта иногда называется «благословеніемъ (въ смягчающемъ смыслѣ) саддукеевъ», и она предназначается въ качествѣ протеста фарисеевъ противъ смѣшенія неустойчивости и жестокости, которыми саддукеи разорили свою страну. Хронологія показываетъ, что это весьма сомнительно.

¹⁾ Sotah, f. 49, 1. Онъ или его внукъ съ большимъ уваженіемъ цитуются въ отношеніи различныхъ мелкихъ постановленій въ трактатѣ Berachôth (См. Schwab's Traité des Berachôth, pp. 1, 11, 12 и проч.).

ния, что даже если *один* раз в течение семи летъ (раввицъ Бенъ Азарія говорилъ даже, что если однажды въ семьдесятъ летъ) синедрионъ произнесетъ смертный приговоръ, то онъ заслуживалъ уголовнаго названія «кровожаднаго»¹⁾. Переселение синедриона за сорокъ летъ до разрушенія Иерусалима изъ его «палаты четырехугольниковъ», находившейся рядомъ съ великимъ дворомъ храма въ Хануфоу т. е. «лавки», находившейся подъ двумя кедрами на горѣ Елеонской, было несомненно вызвано ихъ желаніемъ возможно болѣе удалиться отъ священныя предѣловъ храма, чтобы членамъ синедриона чувствовать себя свободнѣе при присужденіи къ строгимъ наказаніямъ по закону²⁾. Но если послѣ строгаго и торжественнаго голосованія человекъ осуждался на какой-нибудь изъ четырехъ видовъ смертной казни, то принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы лишить это наказаніе всякаго подобія мстительной поспѣшности. Въ дѣлѣ осужденнаго богохульника законъ присуждалъ смертную казнь посредствомъ побіенія камнями, и въ книгѣ Левитъ постановлено, что свидѣтели должны возложить свои руки на его голову и все собраніе побить его камнями³⁾. Во Второзаконіи мы читаемъ дальнѣйшія постановленія, что рука свидѣтеля должна быть первою на него⁴⁾ — и эта ужасная обязанность была однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ, удерживавшихъ отъ ложныхъ или легкомысленныхъ обвиненій. Но если мы примемъ свидѣтельство Мишны, то процессъ былъ тщательный. Послѣ провозглашенія приговора, осужденнаго передавали въ руки *шотеримовъ* или ликторовъ синедриона и вели его къ мѣсту казни. Одно должностное лицо стояло у дверей палаты судилища⁵⁾, держа въ своей рукѣ платокъ; другое лицо, верхомъ на лошади, становилось какъ разъ въ виду перваго, и если даже въ послѣдній моментъ какой-нибудь свидѣтель могъ явиться съ показаніемъ въ пользу невинности осужденнаго, то первый давалъ знакъ своимъ платкомъ, и второй, съ возможною быстротою, скакалъ къ мѣсту казни для того, чтобы возвратитъ осужденнаго, которому и самому позволялось требовать возвращенія четыре или пять разъ, если только онъ могъ привести хотя одно сносное доказательство въ свою пользу. Если онъ не могъ привести никакого доказательства, то его уведили, причежь предъ нимъ шелъ герольдъ, провозглашавшій его имя, его преступленіе и имена свидѣтелей, по показаніямъ которыхъ онъ былъ осужденъ. На разстояніи десяти шаговъ отъ мѣста смерти ему предлагали признаваться, такъ какъ іудейскій законъ не менѣе римскаго цѣнилъ достоинство, получаемую изъ «*confitemetur reum*», и іудеи изъ исторіи Ахана выводили то заключеніе, что его наказаніе, въ отношеніи будущаго міра, будетъ достаточно полнымъ исполненіемъ за его преступленіе⁶⁾. Затѣмъ ему давался горькій напитокъ, содержащій въ себѣ круинцу ладона съ цѣлю притупить его чувства и такимъ образомъ ослабить ужасъ смерти. На разстояніи четырехъ локтей отъ роковаго мѣста съ него снимали верхнее одѣяніе и, согласно болѣе древнему и простому плану дѣйствія, его затѣмъ побивали камнями, причежь свидѣтели первыми бросали въ него камни⁷⁾. Но

1) *הבולנית* Maccoth, f. 7, 1; Berenbourg, p. 201.

2) *Дини кенасотъ* или карательныя опредѣленія (*Abhōda Zara*, f. 8, 2; *Shabbath*, f. 15, 1). Раши заключалъ изъ Втор. xvii, 10, что малые синедрионы въ Иерусалимѣ не могли произносить смертныхъ приговоровъ (*дини нефашотъ*), если только большій синедрионъ не засѣдалъ на горѣ храма.

3) Лев. xxiv, 14.

4) Втор. xvii, 7.

5) Всѣ эти особенности я беру изъ трактата *Sanhedrin Mishna*, cap. vi. (Surenhus. II, p. 234, seqq.).

6) *Tanchuma*, f. 39, § 3; *Schöttg. Hor. Hebr. ad Dñm*, vii, 58.

7) *Tanchuma*, ubi sup.; *Броп.* xvii, 7.

позднѣйшій обычай повидимому былъ болѣе сложный. Мѣсто казни¹⁾ возвышалось на двѣнадцать футовъ, и одинъ изъ свидѣтелей stalkивалъ виновнаго, болѣею частью задомъ, съ этой возвышенности внизъ, и другой немедленно бросалъ тяжелый камень на его грудь. Если это не причиняло смерти, то всѣ присутствующіе присоединялись къ побіенію его камнями, и его тѣло послѣ этого вѣшалось за руки на деревѣ до наступленія вечера²⁾.

Мы можемъ быть вполне увѣрены, что ни одно изъ этихъ тщательныхъ предписаній не было исполнено вполне во время мученической смерти св. Стефана. Онъ былъ убитъ въ одинъ изъ тѣхъ внезапныхъ взрывовъ ярости, опасности отъ которыхъ нѣсколько разъ подвергалась жизнь Спасителя.

ПРИЛОЖЕНІЕ VII (къ стр. 114).

Власть синедриона предавать смерти.

Часто поднимался вопросъ, какимъ образомъ у синедриона въ это время оказалась власть предавать смерти? Извѣстное мѣсто Евангелія Іоанна: «намъ не позволено предавать смерти никого» повидимому стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ этимъ повѣствованіемъ. Объясненіе этого мѣста въ томъ смыслѣ, что «намъ не позволено во время праздника», — несостоятельно какъ филологически, такъ и исторически. И повидимому едва ли можно сомнѣваться въ истинѣ положенія Талмуда, что около сорока летъ — извѣстный неопредѣленный терминъ у іудейскихъ писателей — до паденія Иерусалима синедрионъ отказался (вѣрнѣе бы сказать, былъ лишенъ) власти предавать смерти³⁾. Это лишеніе было результатомъ прямого вмѣшательства римлянъ, которые не хотѣли оставлять высшія судебныя функціи въ рукахъ людей столь легко поддававшихся злоупотребленію ими для мятевныхъ цѣлей. Когда они приписывали уменьшеніе славы ихъ «Дома суда» своей собственной уступчивости, своему отвращенію отъ прелитія крови всякаго потомка Авраама, послѣдующему увеличенію преступленій и переселенію изъ палаты четырехугольниковъ въ «лавки» Бени Хананъ, то это быть можетъ есть лишь только попытка раввиновъ прикрыть свое національное униженіе. Но съ другой стороны мы знаемъ то хитрое потворство, съ которымъ римляне всегда готовы были относиться къ дѣйствіямъ, происшедшимъ изъ религіознаго возбужденія, а не изъ общественнаго возмущенія⁴⁾. Они рѣдко вмѣшивались въ національныя суетнѣя. Даже Пилатъ, хотя никоимъ образомъ не лишенный чувства справедливости, былъ совершенно готовъ предать Іисуса всякому крайнему фанатическому мнѣнію, если бы только не падала на него прямая отвѣтственность. Мало того, есть всѣ основанія думать, что мученичество св. Стефана находится въ близкомъ соотношеніи съ убійствомъ Іакова, брата Господня. Оно было совершено младшимъ Хананомъ во время его трехмѣсячнаго первосвященства, когда онъ воспользовался краткимъ междуцарствіемъ, послѣдовавшимъ по смерти Феста и предшествовавшимъ прібытію его преемника Албина. Въ такое именно междуцарствіе, какъ можно думать, и совершилась смерть св. Стефана. Понцій Пилатъ былъ отправленъ въ Римъ своимъ официальнымъ начальникомъ

1) Оно называлось *בית הכרית*.

2) *Броп.* xxi, 22, 23.

3) *Abhōda Zara*, f. 8, 2.

4) Политика Рима въ отношеніи къ его восточнымъ подданнымъ была политикой презрительной терпимости во всемъ, что касалось ихъ мѣстнаго культа.

Вителлием, префектом Сирии, къ отвѣту предъ императоромъ по поводу жалобъ, принесенныхъ на его жестокости и оскорбленія жителями всѣхъ областей, входившихъ въ его прокуратурство. До его прибытія императоръ Тиверій умеръ. Такое великое событіе ослабило строгость правительства во всѣхъ провинціяхъ имперіи¹⁾, и хотя Вителлій назначилъ Марцелла въ качествѣ временнаго *locum tenens* до прибытія Марулла, который былъ назначенъ на мѣсто прокуратора императоромъ Гаіемъ²⁾, синедрионъ могъ однако же собраться въ то время, когда совѣтъ не было прокуратора, и во всякомъ случаѣ могъ легко убѣдить такого временнаго начальника, какъ Марцелла, или такого новичка какъ Марулла, что для нихъ было бы бесполезно вмѣшиваться въ простой мятежъ, окончившійся совершенно заслуженнымъ наказаніемъ богоульнаго эллиниста. Однимъ словомъ мы находимъ, что возможность мятежныхъ взрывовъ, которые могли оканчиваться смертю чрезъ побіеніе камнями, постоянно признается въ Новомъ Заветѣ³⁾; и синедриону было бы весьма легко выставить побіеніе камнями св. Стефана въ такомъ именно свѣтѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII (къ стр. 122).

Дамаскъ при Аретѣ.

Арета былъ тестъ Ирода Антипы; но съ того времени, какъ слабость этого жалкаго царька привела его къ связи, въ одно и тоже время и прелюбодѣйной, и гнусной, съ Иродіадой, женой его брата Филиппа, Арета сдѣлался неумолимымъ врагомъ четверовластника Галилеи. Вражда ихъ окончилась битвой, въ которой войска Ареты одержали замѣчательную побѣду. Послѣ своего пораженія, въ которомъ іудеи видѣли мщеніе за убіеніе Іоанна Крестителя⁴⁾, Антипа обратился съ жалобой къ императору Тиверію, который послалъ Вителлія для наказанія дерзкаго эмира, осмѣливагося поразить союзника Рима. Но когда Вителлій прибылъ въ Іерусалимъ, то услышалъ извѣстіе о смерти Тиверія. Смерть римскаго императора часто влекла за собою столь огромную перемѣну въ политикѣ, что Вителлій не осмѣлился безъ новыхъ инструкцій возобновить войну. Подробности о томъ, что послѣдовало за этимъ, до насъ не дошли. Чтобы Арета осмѣлился взять Дамаскъ, это не вѣроятно. Вителлій былъ слишкомъ сильнымъ легатомъ, и арабскій князь слишкомъ боялся императорскаго Рима, чтобы осмѣлиться на столь дерзкій актъ возмущенія. Съ другой стороны не невозможно, что императоръ Гаій—который

¹⁾ Что въ это время было особенное желаніе упротворить іудеевъ, которые были такъ сильно раздражены жестокостями Пилата, это ясно изъ того обстоятельства, что Вителлій, послѣ величественнаго приѣма въ Іерусалимѣ, тотчасъ же возстановилъ іудеямъ право храненія первовищенническихъ одѣяній, которая со времени Ирода Великаго содержались въ башнѣ Антоніи (Флав. Antt. xv, 11, § 4; xviii, 4, § 2). Привиллегія эта затѣмъ опять была отнята и опять возвращена имъ императоромъ Клавдіемъ по просьбѣ Агриппы II (id. xx, 1, § 2). Власть налагать меньшее наказаніе, повидимому, всегда оставалась у іудеевъ, какъ она остается у многихъ религіозныхъ общинъ *раи* даже подъ тираническимъ господствомъ турокъ (Renan, Les Apôtres, p. 144).

²⁾ I. Флав. Antt. xviii, 6, § 10 (сп. 4, § 2).

³⁾ Іоан. viii, 59; x, 31—33; Матѣ. xxiii, 37; Дѣян. v, 26 См. Orig. ad African. § 14, apud Wordsworth.

⁴⁾ I. Флав. Antt. xviii, 5, §§ 1, 2.

любилъ распределять царства между любимыми имъ князьями¹⁾ и душа которого была ожесточена противъ Антипы его другомъ и фаворитомъ Агриппой I—отдалъ назадъ Аретѣ городъ, который въ старыя времена принадлежалъ Навусеевой династіи²⁾. Предположеніе это получаетъ нѣкоторое независимое подтвержденіе. Найдены дамасскія монеты, которыя носятъ изображенія Августа, Тиверія и затѣмъ Нерона, но ни одна изъ нихъ не носитъ изображенія Гаія или Клавдія. Это заставляетъ заключать, что въ теченіе этихъ царствованій Дамаскъ находился подъ мѣстнымъ правительствомъ³⁾.

ПРИЛОЖЕНІЕ IX (къ стр. 146).

Савль въ Аравіи.

Немного такихъ географическихъ названій, которыя бы у древнихъ писателей употреблялись въ болѣе неопредѣленномъ смыслѣ, чѣмъ «Аравія»; и нѣкоторые видѣли объясненіе молчанія св. Луки касательно удаленія ап. Павла въ возможности того, что онъ едва ли уходилъ дальше собственно области Дамаска. Густинъ Философъ влагасть въ уста Трифона отрипаніе, что Дамаскъ «принадлежитъ и принадлежалъ Аравіи, хотя теперь онъ причисленъ къ тому, что называется Сирофиникіи». Нѣкоторая тѣнь вѣроятности можетъ быть придана мнѣнію, что ап. Павелъ не отправился далеко отъ Сирии, въ виду того, что арабскій переводчикъ посланія къ Галатамъ передаетъ мѣсто въ Гал. i, 17 и проч. «немедленно я оправился въ *Эл-Балку*»; и въ Галат. iv, 25, неправильно понимая значеніе слова *τοῦτοῦ* (которое означаетъ «отвѣчаетъ на», «соотвѣствуетъ чеху», «относится къ тому же классу»), онъ говоритъ, что «гора Синай или Эл-Балка соприкасается съ Іерусалимомъ»⁴⁾. Но такъ какъ Синай, конечно, находится не въ Эл-Балкѣ, которую только мы знаемъ — именно въ мѣстности къ сѣверо-востоку отъ Мертваго моря, — то этотъ любопытный переводъ не заслуживаетъ какого либо особеннаго вниманія. Несомнѣнно, при тогдашнихъ смутныхъ и неустойчивыхъ отношеніяхъ между римской имперіей и различными восточными княжествами, ап. Павелъ могъ легко достигнуть какого нибудь для себя убѣжища, предпринявъ лишь короткое путешествіе изъ предѣловъ Дамаска.

Но не болѣе ли вѣроятно и то, что когда ап. Павелъ говоритъ о своемъ посѣщеніи Аравіи, онъ разумѣетъ Аравію въ томъ еврейскомъ смыслѣ, въ которомъ это слово понималось большинствомъ его читателей? Мы правда не можемъ принять того доказательства его знакомства съ этими странами, которое берется изъ чтенія принятаго текста: «ибо Агарь означаетъ гору Синай въ Аравіи», и изъ предположенія, что Агарь было мѣстнымъ названіемъ для самой горы⁵⁾. Истинное чтеніе этого стиха,

¹⁾ Такъ въ 38 году по Р. Хр. онъ отдалъ Игурею—Согейму, Малую Арменію—Ротису, часть Фракіи—Реметалку; Понтію и проч.—Полеону II (Dion. Cass. lxx, 12). Кеймъ думаетъ, что Арета могъ имѣть отчасти юрисдикцію въ Дамаскѣ.

²⁾ I. Флав. Antt. xiii, 5, §§ 2, 3; Wieseler, Chron. des Apost. Zeitalt. 174.

³⁾ Визелеръ въ своей статьѣ объ Аретѣ въ Herzog Encycl. ссылается на Мюннета, стр. 204, какъ на свой авторитетъ въ отношеніи существованія монеты Ареты, носящей число 101 (по Р. Хр. Если это число относится къ Помпеевой эрѣ, то монета эта должна относиться къ 37—38 годамъ по Р. Хр., къ тому самому времени, къ которому относилась и миссія Савла въ Дамаскъ.

⁴⁾ Lightfoot, Galatians, p. 81.

⁵⁾ Галат. iv, 25.

повидимому, таково: «ибо Синай есть гора въ Аравии»; притомъ, какъ показали Лийтфутъ, нѣтъ достаточнаго основанія для утверждения—быть можетъ происшедшаго первоначально влѣдствіе ошибки Златоуста,—что гора Синай когда либо называлась горою Агарь. Кромя того сомнительно, могъ ли ап. Павелъ, даже путемъ аллегорической параномази, отождествить *Агарь*—«странницу» съ *гад-жаръ*—«камень», особенно въ виду того, что Филонъ, у котораго также есть аллегорія касательно Агари и Сарры, всегда извлекалъ нравственное значеніе отъ правильного производства. Но съ устраненіемъ этого древняго аргумента ничего, повидимому, не можетъ быть болѣе естественно, чѣмъ то, что ап. Павелъ, будучи въ положеніи уже отчасти бѣднца и почти несомнѣнно страдающа душою и тѣломъ, увлекаемый непреодолимою потребностью уединенія, направилъ свои стопы въ ту страну, гдѣ онъ могъ быть и безопасенъ, и свободенъ отъ всякаго бремени, и въ уединеніи съ Богомъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ X (къ стр. 151).

„Жало въ плоть“ ап. Павла.

Имѣется два главныхъ мѣста, на которыхъ мы должны основывать наше заключеніе касательно «жала въ плоть», и производимое ими впечатлѣніе только усиливается болѣе изолированными указаніями. Эти два мѣста въ ихъ хронологическомъ порядкѣ суть слѣдующія: 2 Кор. xii, 1—10¹⁾ и Гал. iv²⁾.

I. Первое изъ нихъ читается слѣдующимъ образомъ:—показавъ, что при всей своей слабости и недостойнствѣ, онъ всетаки трудился и страдалъ болѣе, чѣмъ «первоверховные Апостолы»,—похвала, самую тѣнь которой онъ ненавидитъ, но къ которой онъ постоянно долженъ былъ прибѣгать, влѣдствіе интригъ и злословія его враговъ,—онъ упоминаетъ о своемъ опасномъ побѣгѣ изъ Дамаска, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на его память, и затѣмъ продолжаетъ: «неполезно хвалиться мнѣ; ибо я приѣду къ видѣніямъ и откровеніямъ Господнимъ³⁾. Знаю человѣка во Христѣ, который назадъ тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли, не знаю, виѣ ли тѣла, не знаю, Богъ знаетъ), восхищенъ былъ до третьяго неба. И знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю, въ тѣлѣ или виѣ⁴⁾ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай, и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать. Такимъ человѣкомъ могу хвалиться; собою же не похваляюсь, развѣ только немощами моими. Впрочемъ, если захочу хвалиться, не буду неразуменъ; потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумалъ о мнѣ болѣе, нежели сколько во мнѣ видѣть, или слышать отъ меня. И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровеній, дано мнѣ жало въ плоть, ангельскія сатаны⁵⁾, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молилъ я Господа о томъ, чтобы удалить его отъ меня. Но Господь сказалъ мнѣ: довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совер-

¹⁾ Написано не ранѣе осени 57 года по Р. Хр.

²⁾ Написано быть можетъ весною 58 года по Р. Хр.

³⁾ Чтеніе этого стиха крайне сомнительно; см. выше, ad Ios.

⁴⁾ Χωρίς B, D, E, которое съ большою вѣроятностью было измѣнено въ ἐκτός предыдущаго стиха (S, F, G).

⁵⁾ 1 Кор. v, 5.

шается въ немощи¹⁾. И потому я гораздо охотѣе буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мнѣ сила Христова. Посему и благодарствую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа: ибо когда я немощенъ, тогда силенъ²⁾.

II. Другое мѣсто есть Гал. IV, 12—16. Ап. Павелъ настойчиво убѣждалъ галатовъ не падать на низкій уровень ихъ прежняго рабства отъ свободы Евангелія, и среди своихъ доводовъ и увѣщаній онъ вставляетъ такое нѣжное увѣщаніе:—«прошу васъ, братія, будьте какъ я; потому что и я, какъ вы. Вы питѣмъ не обидѣли меня. Знаете, что хотя я въ немощи плоти благодарствую вамъ въ первый разъ: но вы не презрѣли искушенія моего во плоти³⁾ моей, и не возгнушались имъ, а приняли меня какъ Ангела Божія, какъ Христа Иисуса. Какъ вы были блаженны! Свидѣтельствую о васъ, что если бы возможно было, вы исторгли бы⁴⁾ очи свои и отдали мнѣ. И такъ, неужели я сдѣлался врагомъ вашимъ, говоря вамъ истину?»

III. Наиболѣе выдающіеся намеки на тотъ же самый тѣлесный недугъ находятся въ Гал. vi, 17: «впрочемъ, никто не отягощай меня: ибо я ношу язвы Господа Иисуса на тѣлѣ моемъ⁵⁾; 2 Кор. iv, 10: «всегда носимъ въ тѣлѣ мертвость Господа Иисуса»; и быть можетъ косвенно, Колос. i, 24: «нынѣ радуюсь⁶⁾ въ страданіяхъ моихъ за васъ, и восполняю недостатокъ въ плоти моей скорбей Христовыхъ за тѣло Его, которое есть Церковь». Когда мы также вспомнимъ, что слово «жало» есть только болѣе презрительная форма для выраженія слова «крестъ»,⁷⁾ то новый намекъ на это особенное испытаніе заключается въ словахъ: «я сораспялся Христу»⁸⁾.

а) Изъ перваго изъ этихъ мѣстъ мы видимъ, что ап. Павелъ, будучи далекъ отъ похвалы своими исключительными откровеніями, упоминаетъ о нихъ только потому, что они находятся въ связи съ столь тяжкими недугами, которые дѣлаютъ смѣшною и преступною для него вообще всякую похвалу, если только онъ не можетъ хвалиться тѣмъ, что самая его слабость была лишь болѣе знаменательнымъ доказательствомъ той силы Христовой, которая давала ему возможность дѣлать и страдать болѣе, чѣмъ самые верховные апостолы.

б) Мы видимъ, что его испытаніе было чѣмъ то въ родѣ агоніи, иначе онъ не называлъ бы его «жаломъ въ плоть»⁹⁾; таинственное по своей сущности, иначе онъ не называлъ бы его «ангеломъ сатаны»; перемежающееся, какъ можно заключать изъ слова «удручать», и какъ также видно изъ различныхъ частныхъ припадковъ, на которые указываетъ ап. Павелъ, и есть прямое слѣдствіе или во всякомъ случаѣ находится во внутренней связи съ его наиболѣе возвышенными моментами откровенія и восхищенія.

¹⁾ мод опущено въ кодексахъ S, A, B, D, F, G.

²⁾ 2 Кор. xii, 1—10.

³⁾ Истинное чтеніе: τὸν παρρησιᾶν ὄντων ἐν τῇ σαρξὶ μου.

⁴⁾ Опушеніе частицы ἐν (ср. Иоан. xix, 11, Мате. xxvi, 28) даетъ гораздо болѣе живости этому выраженію (См. Brief Greek Syntax, § 137).

⁵⁾ Чтеніе τοῦ ἰγροῦ во всѣхъ кодексахъ кромѣ прописныхъ.

⁶⁾ Ἦν χαίρων (A, B, C).

⁷⁾ Lipsius de Cruce, i, 4. Отсюда σχολήζω—σκαρδω (ср. stipes).

⁸⁾ Гал. ii, 19, Χριστὸς συνσταύρωται. Это посланіе переполнено указаніями на «крестъ» и было написано подъ живымъ впечатлѣніемъ (по крайней мѣрѣ) этого «жала». Намекъ 1 Фесс. ii, 18 «но сатана воспренятствовалъ намъ» слишкомъ неопредѣленъ, чтобы съ нѣкоторою вѣроятностью относить его къ этому недугу.

⁹⁾ Ἀκύνθη καὶ σκόλεπας ὀδύνας συμπαίνομεν διὰ τὸ ὄψι (Artemid. iii, 33, Meyer); (ср. Числ. xxxiii, 55; I. Пав. xxiii, 13; Иезек. xxviii, 24; σκόλεψ πικρίας, Ос. ii, 6 по LXX).

в) Во втором жѣстѣ мы имѣемъ добавочныя подробности, что испытаніе это было слѣдствіемъ какого-то рѣзкаго припадка его болѣзни, удержавшей его въ Галатіи; что эта болѣзнь была такого свойства, что составляла истинное испытаніе для галатовъ и естественно располагала ихъ смотрѣть на него съ презрѣніемъ, если не съ положительнымъ отвращеніемъ; но что они настолько побѣдили въ себѣ это чувство, что даже приняли его почти съ божескими почестями, и настолько обрадовались его прибытію, что были бы готовы, если бы только это было возможно, вырвать свои собственные глаза и отдать ихъ своему страждущему учителю.

г) Другія жѣста подтверждаютъ это заключеніе. Въ одномъ изъ нихъ мы видимъ, что ап. Павелъ смотрѣлъ на свои физическіе недуги какъ на священное клеймо, которымъ Іисусъ заклеилъ его какъ своего раба, чтобы обезпечить его противъ отягощенія¹⁾; и въ другихъ жѣстахъ мы видимъ, что онъ считалъ удручающую его заживо смерть какъ бы продолженіемъ распятія своего Господа и дополненіемъ къ тѣмъ страданіямъ ради Его церкви, участія въ которыхъ Христосъ сподобилъ своихъ слугъ посредствомъ взятія или своего креста и слѣдованія за Нимъ въ дѣлѣ служенія человѣчеству²⁾.

Эти жѣста, какъ видно, сразу же исключаютъ девять десятыхъ тѣхъ предположеній, которыя такъ свободно высказывались и которыя не могли бы быть совѣмъ высказаны тѣми, кто тщательно разсмотрѣлъ бы данныя этого вопроса. Многія изъ этихъ предположеній не заслуживали бы даже мимолетнаго упоминанія, если бы они съ одной стороны не имѣли нѣкотораго археологическаго интереса, какъ относящіеся къ исторіи экзегетики, и съ другой стороны не представляли бы собою нѣкоторыхъ отрывковъ древняго преданія или не указывали бы на нѣкоторыя черты въ характерѣ апостола.

1. Напр. вполне ясно, что это жало въ плоть не было чѣмъ-нибудь духовнымъ по своему существу. Если такіе люди, какъ Жанъ Жерсонъ³⁾, Лютеръ, Кальвинъ, съ большою или меньшею увѣренностью рѣшаютъ, что выраженіе это намекаетъ на *высокія духовныя искушенія*, каковы напр. уклоненіе отъ обязанностей какъ апостола, мучительныя сомнѣнія и угрозынія совѣсти за прошлое, то рѣшеніе это интересно только какъ доказательство, что эти толкователи могли сочувственно относиться къ этимъ мучительнымъ препятствіямъ. Однако же такое объясненіе совершенно невозможно. Оно сразу же устраняется указаніемъ на немощь, какъ имѣющую физическій характеръ. Оно также исключается характеромъ ап. Павла и обстоятельствами его жизни. Въ его посланіяхъ мы видимъ много утомленія и скорби, внѣшней борьбы и внутреннихъ страховъ, но нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, чтобы огонь его ревности погасалъ на алтарѣ его сердца даже въ моменты самыхъ сильныхъ неудачъ. Притомъ мучительныя сомнѣнія едва ли могли имѣть много значенія въ душѣ того, который видѣлъ воскресшаго Христа и который постоянно сподоблялся личныхъ откровеній, не только рѣшавшихъ для него различные вопросы, но даже руководившихъ движеніями его жизни⁴⁾.

2. Но отвергая этотъ взглядъ великихъ реформаторовъ, мы съ такой же рѣшительностью должны отвергнуть и установившееся мнѣніе большинства знаменитыхъ римскихъ католиковъ. Неопредѣленные выраженія у блж. Иеронима, Августина и Григорія Великаго, повидимому, дали поводъ къ мнѣнію, что жало въ плоть есть *нѣкоторая форма плотскаго искушенія*⁵⁾. Этого взгляда, повто-

реннаго Ветдой достопочтеннымъ, продолжали держаться Аквинатъ, Велларминъ, Корнелій Аляпиде и другіе римско-католическіе писатели вплоть до Ванъ-Эста въ шестнадцатомъ столѣтіи, пока онъ не сдѣлался почти стереотипнымъ въ экзегетикѣ римско-католической церкви. Онъ возникъ вслѣдствіе двусмысленнаго перевода выраженія « жало въ плоть » словами *stimulus carnis* въ Вульгатѣ. Въ этомъ случаѣ также (хотя съ печальнымъ интересомъ можно замѣтить, что борьба отшельниковъ съ плѣью подавленія своихъ плотскихъ страстей заставляла ихъ утѣшаться вѣрой, что даже въ лицѣ ап. Павла такая немощь никогда не была совершенно устранена) мы тѣмъ не менѣе принуждены рѣшительно отвергнуть это объясненіе. Оно никоимъ образомъ не удовлетворяетъ общему тону выраженія ап. Павла. Это во всякомъ случаѣ не такая немощь, которой бы онъ могъ хвалиться. Мы не можемъ представить себѣ столь возмутительнаго пятна на характерѣ апостола, которое вызывается предположеніемъ, что такая слабость, если бы онъ только былъ удрученъ ею, могла проявиться на столько, чтобы служить препятствіемъ для его служенія и источникомъ отвращенія для тѣхъ, кто слушали его. Еще возмутительнѣе воображать, что такое преступное сластолюбіе было наложено на него какъ противовѣсъ духовной гордости, которая въ противномъ случаѣ могла бы происходить вслѣдствіе его особахъ откровеній. Но кромѣ всего этого оно приписываетъ апостолу слабость, которой, какъ можно думать, онъ былъ до исключительности чуждъ. Правда, что въ посланіи къ Римлянамъ онъ чрезвычайно трогательно описываетъ борьбу въ душѣ между добрыми и злыми побужденіями—*Исцериа-тобѣ* и *Исцериа-ра*, о которыхъ онъ столь много слышалъ въ Бетъ Мидрашъ въ періодъ своего воспитанія. Но напрасно воображать, что столь разнообразную борьбу должно относить только къ одному изъ ея проявленій. И мы думаемъ, что ап. Павелъ очень рано подавилъ въ себѣ всѣ движенія чувственности, не только потому, что не было еще человѣка, который бы изрекалъ слова болѣе возвышенной чистоты; не только потому, что на его началахъ, болѣе чѣмъ на началахъ всякаго другаго моралиста, покоятся самыя основы христіанскаго воздержанія; не только потому, что онъ съ безпримѣрною въ литературѣ силою заклеилъ позоръ нечистоты, не оскорбляя деликатности христіанской мысли¹⁾; но болѣе всего потому, что онъ былъ способенъ увѣщавать другихъ, чтобы они учились изъ его примѣра, какъ жить по правиламъ святаго воздержанія. Допуская, какъ это онъ дѣлаетъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, что лучше жениться, чѣмъ разжигаться медленно внутреннимъ огнемъ сладострастія²⁾, онъ однако же говоритъ безбрачнымъ: «хорошо имъ оставаться какъ я», и что онъ «желалъ бы, чтобы всѣ люди были какъ и я»³⁾. Въ этихъ словахъ было бы лицемеріе и даже нѣчто худшее чѣмъ лицемеріе, если бы « жало въ плоть », которое еще не было устранено, когда онъ писалъ второе посланіе, было тѣмъ, что подъ нимъ разумѣли указанныя комментаторы⁴⁾.

3. Можно такимъ образомъ считать за достовѣрное, что « жало въ плоть » была какая-нибудь

¹⁾ Рим. 1, Ефес. 4 и проч.

²⁾ 1 Кор. VII, 9, *καὶ ἐάν τις τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα ὡς ἑαυτόν*.

³⁾ 1 Кор. VII, 7, 8

⁴⁾ Трудно думать, что во 2 Кор. VII, 2; XI, 8 и 1 Ефес. II, 3 имѣется въ виду опровергнуть обвиненія, которыя изводились даже противъ самого ап. Павла. Тутъ быть можетъ имѣлось въ виду противопоставить его собственный образъ дѣйствія съ образомъ дѣйствія другихъ учителей, и въ дѣйствительности первыя два жѣста даже и не указываютъ непременно на нецѣломудріе. *Ἀλλὰ ἡ ἀρετὴ* въ 1 Ефес. II, 3 объясняется даже Златоустомъ въ смыслѣ худыхъ и шарлатанскихъ искусствъ, а Ольсгаузенъ, Люнеманъ, Альфордъ, Эликоттъ и другіе всѣ предполагаютъ, что оно относится первоначально къ *αἰσχροκέρδεια* и подобнымъ нечистымъ мотивамъ.

¹⁾ Гал. VI, 17.

²⁾ 2 Кор. IV, 10; Колос. I, 24; Филип. III, 10; Гал. II, 20.

³⁾ Быть можетъ авторъ, или отчасти авторъ, известнаго сочиненія *Imitatio Christi* (См. *Companions of the Devout Life*, p. 8, sq.).

⁴⁾ Дѣян. XVI, 7; XXI, 4; XXII, 17; Гал. II, 2 и проч.

⁵⁾ *Greg. Moral.* X, 8, 315. См. ссылки въ Tillemont, I, 222 (ed. 1693).

физическая болѣзнь; такъ какъ мнѣніе, сначала упоминаемое Златоустомъ и затѣмъ принимаемое другими греческими отцами, равно какъ Иларіемъ и Августиномъ, что подъ нимъ разумѣется *вражда и юнение*, которыя ап. Павелъ терпѣлъ отъ рукъ иудействующихъ и быть можетъ особенно отъ вождя ихъ, который былъ «шиномъ въ его боку»¹⁾, слишкомъ не соответствуетъ условіямъ вопроса, чтобы заслуживать дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Но когда въ желаніи понять и, на сколько возможно, сочувствовать личности апостола, мы всетаки спросимъ, что же это была за болѣзнь, то мы не можемъ дать рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Не говоря уже о болѣе сомнительныхъ предположеніяхъ, ни припадки головной боли, ни ушная боль, упоминаемая по преданію Тертуллианомъ и Геронимомъ, ни каменная болѣзнь, какъ предполагаетъ Аквинатъ, не представляютъ тѣхъ чертъ внѣшней омерзительности, на которыя ап. Павелъ очевидно указываетъ какъ на неразлучныя съ его недугомъ. Единственное соображеніе, которое имѣетъ за себя сильную вѣроятность, заключается въ предположеніи, что онъ страдалъ или отъ энцефалита, или отъ офталміи.

4. Въ пользу того взгляда, что это была энцефалія, можно сказать кое-что. Она мучительна; она переменяющаяся; она поставяетъ чрезвычайное затрудненіе для всякой усиленной дѣятельности; она во всякое время можетъ послужить причиной временной приостановки дѣла; она крайне унижательна для лица, страдающаго отъ нея; она производитъ отталкивающее вліяніе на тѣхъ, которые бываютъ зрителями ея ужасныхъ проявленій. Кромѣ того, въ древнія времена она считалась сверхъестественною по своему характеру, окружалась суевѣрными вымыслами и прямо приписывалась іудеями бѣсовскому обладанію²⁾. Далѣе самъ ап. Павелъ связываетъ свою немощъ съ своими сновидѣніями и видѣніями, а душа человѣка такъ создана, что всякое прямое общеніе съ невидимымъ міромъ—даже въ низшемъ порядкѣ, всякое глубокое поглощеніе религіозною мыслью или припадокъ религіознаго чувства—ведетъ къ усиленному разстройству первнаго организма³⁾. Предположеніе это является весьма вѣроятнымъ въ отношеніи человѣка, темпераментъ котораго былъ столь чувствителенъ, какъ темпераментъ ап. Павла. Не невозможно, что изможденіе, слѣдовавшее за его обращеніемъ, могло произойти вслѣдствіе потрясенія, которое получено было его нервной системою отъ чудеснаго обращенія его на дорогѣ въ Дамаскъ; и что это потрясеніе влекущее за собою хроническую подверженность такимъ припадкамъ, повторилось также послѣ втораго видѣнія въ храмѣ, которое рѣшило его будущую судьбу въ качествѣ апостола языковъ. Третье изступленіе случилось съ нимъ за четырнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, какъ онъ писалъ второе посланіе къ Коринѳянамъ и слѣд. въ какой нибудь періодъ во время его втораго пребыванія въ Тарсѣ. Если принять слова «трижды просилъ я Господа» въ буквальный смыслъ, то мы можемъ затѣмъ думать, что именно при одномъ изъ этихъ скорбныхъ случаевъ при возобновленіи особыхъ откровеній онъ обращался съ наиболѣе усердною молитвой о томъ, чтобы быть избавленнымъ отъ нападеній этого ангела сатаны; и что только во время или

¹⁾ Определенное лицо можетъ быть указывается во 2 Кор. x, 7, 10, 11, 18; xi, 4, 20 и въ Гал. i, 9; iii, 1; vi, 7, 12.

²⁾ Morbus Comitialis, *Dion Cass.* xlv, 33; *Gell.* xix, 2. Кренкель, въ *Hilgenfeld's Zeitschr.* xvi (ii) 233—244, отмѣчаетъ любопытный фактъ, что худое предчувствіе энцефаліи отиражалось посредствомъ *плеванія*. Отсюда Плавтъ называетъ ее *morbus qui sputatur* (Сартів. iii, 4, 15; cf. *Plin.* H. N. x, 23, 33; xxviii, 4, 7). Онъ связываетъ ее съ *ἀετὶσμός* (какъ будто бы это означало «вы не плевали») Гал. iv, 14.

³⁾ Изступленія Сократа, припадки Магомета, сопровождавшіеся пѣною изо рта и глубокимъ истощающимъ сномъ, обмороки и экстазы св. Бернарда, Франсиска и Екатерины Сіенской приводятся въ качествѣ параллельныхъ случаевъ (*Hausrath*, pp. 52—56).

послѣ его третьяго и наиболѣе знаменитаго видѣнія Господь объяснилъ ему значеніе этого испытанія и сказалъ ему, что хотя оно не могло быть совершенно устраниено, но всетаки онъ будетъ укрѣпленъ благодатію, которая дастъ ему возможность выносить его¹⁾.

5. Но если даже въ этомъ именно заключалось «жало въ плоть», то есть всетаки сильное основаніе думать, что ап. Павелъ страдалъ затѣмъ отъ *острой офталміи*, которая также во всѣхъ отношеніяхъ соответствуетъ условіямъ этого факта. Это предположеніе находитъ подтвержденіе еще въ томъ, что оно наиболѣе аналогично съ дѣяніями Бога, такъ какъ было бы испытаніемъ не произвольно наложеннымъ, но такимъ, которое могло возникнуть естественно или, выражаясь болѣе точно, провиденціально—изъ самыхъ обстоятельствъ, чрезъ которыя прошелъ ап. Павелъ. Мы знаемъ, что онъ физически былъ ослабленъ блескомъ свѣта, окружавшаго его, когда онъ видѣлъ воскресшаго Господа. Всѣ обстоятельства этого событія—полуденное путешествіе подъ жгучимъ сирійскимъ солнцемъ, блескъ свѣта, превзошедшаго даже этотъ полуденный свѣтъ, и слѣпота, послѣдовавшая за нимъ—могли произвести воспаленіе и ослабленіе его глазъ. Его пребываніе въ пустынѣ и Дамаскѣ—странахъ, отличающихся распространенностью этой именно болѣзни—могло усилить этотъ разъ происшедшій недугъ; и хотя нигдѣ не говорится подробно, что апостолъ страдалъ отъ недостаточности зрѣнія, однако же въ этомъ отношеніи такъ много ненамѣренно совпадающихъ намековъ, что мы можемъ считать это вполне удостовѣреннымъ фактомъ. Помимо прямой вѣроятности, что глаза, разъ потерпѣвши столь сильное поврежденіе, могли быть подвержены и послѣдующимъ припадкамъ той же болѣзни, мы имѣемъ слѣдующія указанія:—I. Говоря о своей немощи галатамъ, ап. Павелъ разумѣетъ, что она могла сдѣлать его предметомъ отвращенія; а такъ именно особенно и бываетъ съ рѣзкою офталміей. Самыя жалкія существа рядомъ съ прокаженными, которыхъ путешественники постоянно видятъ на востокѣ,—люди, которые скорѣй всего заставляютъ его отвращать свое лицо съ ужасомъ сожалѣнія и почти невольнаго отвращенія—это какъ разъ именно жертвы этой болѣзни²⁾. II. И это въ свою очередь придаетъ болѣе глубокой паосъ и значеніе свидѣтельству, что галаты, въ первомъ порывѣ своей радости, когда взглянули на этого проповѣдника благовѣстія какъ на ангела Божія, готовы были, если бы было возможно, *вырвать свои собственные глаза*, чтобы отдать ихъ страдальцу. III. Самое выраженіе «жало въ плоть» наиболѣе подходило бы къ такой болѣзни, потому что всѣ, испытавшіе ее, знаютъ, что образъ, который она наиболѣе естественно вызываетъ, есть именно какъ бы острое жало, пронзающее глазъ³⁾. IV. Кромѣ того, она въ свою очередь могла причинить энцефалическіе и другіе симптомы, такъ какъ при сильныхъ припадкахъ она часто сопровождается мозговымъ разстройствомъ. V. Не смотря на сомнѣніе, которому въ недавнее время было подвергнуто обычно принимаемое значеніе выраженія, употребляемаго ап. Павломъ въ отношеніи къ галатамъ: «видите, какъ много написалъ я вамъ своею рукою», нужно во всякомъ случаѣ допустить, что оно вполне согласуется съ предположеніемъ состоянія, которое дѣлало для него мучительнымъ и труднымъ писать вообще. Что таково именно было обычное состояніе ап. Павла, это повидимому вытекаетъ изъ его почти постоянной практики, по которой онъ обыкновенно употреблялъ писца и

¹⁾ Срав. интересныя параллели изъ жизни Альфреда и св. Бернарда.

²⁾ Когда Лайтфутъ, отвергающій эту теорію, говоритъ, что выраженія ап. Павла заставляютъ разумѣть «болѣе сильныя страданія», онъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду болѣе слабыя формы офталміи, которыя только извѣстны въ Европѣ, а не тѣ жестокие припадки, которые обычны въ Сиріи и производятъ ужасное искаженіе на человѣческомъ лицѣ.

³⁾ Замѣчаніе Альфорта, что офталмическій недугъ обыкновенно не сопровождается мучительностью, крайне ошибочно.

собственноручно прибавлял только немногие последние слова приветствия или благословения, бывших необходимыми для удостоверения его посланий в тот язык, в котором религиозная подделка была отнюдь не неизвестна. VI. Очевидно также, что глазная боль, как бы она ни произошла, могла быть вполне сравнима с клеймом, налагаемым господином на раба. VII. Наконец, нет другого достаточного объяснения того обстоятельства, что когда ап. Павел высказал негодующий ответ первосвященнику и подучил укор за это, он сразу же откровенно, в оправдание свое сказал, что «он не мог рассмотреть, что сказавший это был первосвященник». Между тем, имея в виду положение первосвященника, как *наси* синедриона, сидевшего в конце палаты с *Аб-Бео-Дином* по одну его сторону и *Хахамом* по другую ¹⁾, почти непонятно, чтобы ап. Павел не знал его сана, если бы не страдал недостаточностью зрения. Все, что он видел своим омраченным зрением, это — бллая фигура, притом и этой фигуры он не видел с такою ясностью, чтобы иметь возможность различить, что этот дерзкий тирант был никто иной, как сам первосвященник ²⁾.

Но если все эти соображения верны — (нам они кажутся почти достоверными), — то как неизмеримо они в нашем мнении возвышают героизм ап. Павла; насколько они увеличивают изумление и восхищение, когда мы видим, сколько он вытерпел и сколько он совершил! Человек, который почти одних собственными руками пронес Евангелие Христа от Дамаска до Рима, так жестоко страдал от воспаления глаз, что на него часто жалко было смотреть; не мог писать, кроме как с мукой и притом крупными буквами; подвержен был припадкам жестокой агонии, сопровождавшейся по временам потерей сознания. Он был так слаб и болезнен, что при опасностях лично был совершенно безмогущ; что его нужно было другим переводить из места в место; что для него было почти невозможно, а не хочу сказать только проповедывать, но даже пройти обыкновенную рутину жизни без спутников, которые бы указывали ему пути, защищали и вели его за руку ³⁾. Мы можем отсюда видеть, как необходимо было для ап. Павла иметь кого-нибудь «кто бы служил ему»; как сильно он мог чувствовать необходимость, чтобы всегда во время его миссионерской деятельности его сопровождали верные друзья ⁴⁾; как много скорби могло заключаться в его замечании, что, благодаря своей сильной любви к ессалоникийцам, он был даже готов, ради них, расстаться с своим возлюбленным Тимоеем и остаться в Аониах *один* ⁵⁾. Как крестика

¹⁾ Дян. ххп, 5. Возможно, что присутствие римских чиновников нарушило этот порядок.

²⁾ Выражение «устремляя упорный взгляд» (*ἀναίτητος*) часто приводилось как новый признак, что зрение ап. Павла было слабо и поэтому он прибегал к упорному взгляду, столь обычному у близоруких людей. Этот аргумент однако же несостоятелен, так как слово это любимое у св. Луки (Дян. хп, 9; хп, 1) и прилагается не только к ап. Павлу, но также к ап. Петру, св. Стефану и даже к целым обществам людей (Лук. iv, 20; хп, 56; Дян. i, 10; iii, 2—4; VI, 15; vii, 55).

³⁾ Дян. ххп, 14, *τὸν Παῦλον ἐκπέστοιχον οἱ ἀδελφοί*; 15, *οἱ δὲ κληστάνοντες* (*κληστῶντες* в Е. Г. П.) *τὸν Παῦλον ἡγαγόντες ἕως Ἀθηνῶν*. Эти фразы, по видимому, имеют более специфический характер, чем фразы в Быт. ххп, 16; Рим. xv, 24 (*προπεμφέτημι*).

⁴⁾ Левинг (St. Paul, i, 189, третье издание), как я думаю, первый указал на эти места, как имеющие отношения к этому вопросу. Они не имеют в себе ничего решительного; но когда мы находим те же самые слова употребленными в Дян. ix, 30 (на которые не ссылается Левинг), когда мы можем вполне предполагать, что новый припадок следовал за новым откровением, то они с вероятностью могут указывать на то же состояние вещей, которое предполагается нами.

⁵⁾ 1 Есс. iii, 1.

поэтому и как нужна была связь взаимной благодарности и привязанности, которая неизбежно возникала при таких обстоятельствах между ним и малой общиной учеников, которые постоянно сопровождали его! С какими глубокими огорчениями мог он чувствовать жестокость пренебрежения и неблагодарности, когда при первом допросе его на суде с ним не было никого и все оставили его! ¹⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ XI.

Объ иудейских бичеваний.

Даже одного иудейского бичевания могло бы быть достаточно для того, чтобы дать человеку право считаться мучеником. Наказываемому обыкновенно давалось тридцать девять ударов, если только конечно не оказывалось, что силы наказываемого слишком истощились, чтобы он мог вынести полное число. Объ его руки привязывались к чему-то такому, что иногда называлось столбом, но в действительности было колом в полтора локтя вышины ²⁾. Особый чиновник затем разрывал на нем одежды, так чтобы совершенно обнажалась грудь. Палач становился на камне позади преступника. Бич состоял из двух ремней, из которых один состоял из четырех воловьих ремней и один из двух ослиных ремней, продернутых через отверстия в ручках. Палач, которым обыкновенно был *хазан* синагоги, мог таким образом укоротить или удлинить их по своему желанию, так чтобы не ударить слишком низко ³⁾. Узник сгибался для принятия ударов, которые наносились одной рукой, но из всей силы — тринадцать по груди, тринадцать по правому и тринадцать по левому плечу. В то время, когда происходило наказание, главный судья громко читал Втор. ххв, 58, 59: «если не будешь стараться исполнять все слова закона сего, написанные в книге сей, и не будешь бояться сего славного и страшного имени Господа Бога твоего: то Господь поразит тебя и потомство твое необычайными язвами, язвами великими, постоянными, и болезнями злыми и постоянными». Затем он читал Втор. ххх, 9: «соблюдайте же все слова завета сего и исполняйте их, чтобы вам иметь успех во всем, что вы будете делать»; и наконец Ис. lxxvii, 38, 39: «но Он милостивый прощаль грех и не истреблял их; многократно отирая гнев свой и не возбуждая всей ярости своей». Если наказание еще не кончилось во время чтения этих трех мест, то они повторялись, и чтение их так рассчитывалось, чтобы как раз закончилось с самым наказанием. Между тем второй судья считал удары, а третий пред каждым ударом восклицал: «*маккену*» (ударил его). Все эти подробности мы заимствуем из трактата о наказаниях (*מכות*, *Маккоот* в Мишн ⁴⁾). Жестокость такого мучения может быть лучше всего понята из краткого прибавления: «если преступник умрет от наказания, то палач не признается виновным, если только он по ошибке не даст одного удара лишнего, в каком случае он подвергается смятению».

¹⁾ 2 Тим. iv, 16.

²⁾ Мраморные «столбы», по преданию, назначавшиеся для этой цели, показываются среди священных останков римско-католических церквей; напр. столб бичевания в церкви Св. Гроба; столб бичевания ап. Павла в S. Paolo fuori de' Muri в Риме и проч.

³⁾ Это было не в строгом согласии с Втор. ххв, 2; но странно видеть, как традиционное потворство у иудеев мнилось с бессмысленным буквотдством.

⁴⁾ См. *Surenhusius*, Mishna, vol. iv, p. 286, seqq.

Эти факты имеют более глубокий интерес, чем просто археологический. Они не только показывают, как ужасны были испытания, которые приходилось переносить ап. Павлу, если даже такие испытания считаются едва достойными упоминания в повествовании, но в тоже время они чрезвычайно иллюстрируют ту мелочную тщательность, которая господствовала во всей обрядности иудейской. Если напр. наносилось только тридцать девять ударов вместо сорока, то это делалось не только для того, как обыкновенно думают, чтобы избежать возможности ошибки в счете, но также (так по крайней мере думает Маймонид¹⁾ и потому, что закон говорит «в числах сорок»²⁾, а не «сорок в числах»; отсюда они заключали, что они могли назначать меньшее, а не большее число ударов; и быть может также потому, что слово «твой брат» (רִיבִּי) по гематрии стоит вместо тридцати девяти³⁾. Другим основанием для этого считалось то, что место Псалма (LXXVII, 38, 39), читавшееся при этом случае, оканчивается стихом 39. Вичь делался отчасти из воловьей шкуры, отчасти из ослиной, на том изумительном основании, что немедленно после места во Второзаконии, которым предписывается наказание бичеванием, следует стих: «не ограждай рта волу, когда он молотит»⁴⁾; и что в Ис. I, 3 мы находим: «вол знает владыку своего и осел ясли господина своего; а Израиль не знает (Меня), народ Мой не разумеет». И таким образом считалось справедливым, чтобы те, которые знают, наказывали того, который не знает⁵⁾! Преступник должен был получить только тринадцать ударов по груди, но двадцать шесть по плечам, потому что из Втор. XXV, 2, выводилось, что только по спине должно было его бить⁶⁾, «смотря по вину его», так что спина получала двойное количество ударов. Обязанность громкого чтения во время продолжения бичевания выводилась также особым образом из слов св. Писания⁷⁾.

Человек подлежал этому наказанию, если он преднамеренно нарушал какое-либо из отрицательных постановлений закона, или по неосторожности одно из тех, которые, если бы он нарушил его преднамеренно, угрожали изгнанием из среды народа⁸⁾ или «смертию чрез посечение

¹⁾ Maimon. Sanhedr. 17.

²⁾ במספר ארבעים.

³⁾ Гематрия (геометрия) была одним из каббалистических методов толкования посредством числового значения букв. Много примеров ее я представил в своей статье Rabbinic Exegesis (Expositor, May, 1877). Так напр. в виду того, что מלחמה и נאחש «зми» численно означают 358, они делали заключение, что тут разумелся Мессия, который согрет главу змеи и проч.

⁴⁾ Втор. XXV, 4.

⁵⁾ Так Маймонид и раввин Ob. de Bartenora у Суренгузия I. с.

⁶⁾ Buxtorf, Synag. p. 523. См. также Praef. Libr. de Abbreviaturis. Это один из многочисленных примеров, в которых иудеи отличались обильным законничеством, чем сам закон. Подобным образом они растягивали субботу в маленькую субботу, состоящую из одного часа до настоящей субботы и одного часа после нее. Во время Пасхи им запрещено было иметь в своих домах квасный хлеб и они удерживались даже от употребления этого самого слова. В виду того, что им запрещено было свинное мясо, они избегали самого слова «свинья» и называют свинью דָּבָר אַחֶר, «иная вещь» и проч. (Godwin, Moses and Aaron, VIII, 12). Вот образчики «ограды закона».

⁷⁾ Втор. XXV, 4, בקרת תורה, hinc colligimus plagas infligi debere inter legendum (R. Ob de Bartenora, ap. Surenhus. Mishna, IV, 290).

⁸⁾ ברת.

Божие»¹⁾. За которое из бесчисленных преступлений, влекших это наказание, подвергался ему пять раз ап. Павел, решить это отнюдь не легко. Просматривая их все, как они изложены в трактате Маккоот²⁾ и развиты Маймонидом³⁾, мы не можем найти ни одного, в котором мог бы быть повинен апостол. Однако же при желании наказать его предлога не пришлось бы долго ожидать. Бичевание его было наизрядно тем же меньшим, но все таки ужасным наказанием, которое называлось «законным бичеванием» или «бичеванием сорока»⁴⁾, так как еще более ужасное бичевание палками, которое называлось раввинским бичеванием или бичеванием послушания⁵⁾, никогда не употреблялось в пределах святой земли, и оно очевидно было прямо бичеванием на смерть.

Если преступник понес бичевание, то этим наказанием устраивалась опасность «отсечения»⁶⁾, и на него смотрели даже так, как будто оно не оставляло по себе никакого бездействия. Гуманное выражение Моисея, что при наказании не должно было превышать сорока ударов, «дабы брат твой не показался безчестным пред тобою», истолковывалось в том смысле, что когда наказание кончилось, то наказанный «возстановился во всей своей прежней невинности». Это толкование принималось в таких обширных размерах, что даже сам первосвященник, если бы он подвергся бичеванию, впоследствии мог быть «возстановлен во всем его величии». Но хотя предполагалось, что он не понесет дальнейших оскорблений и скорби даже может быть уверен в приобретении наследия в будущем, однако же конечно если он делал преступление опять, то опять и подвергался бичеванию⁷⁾. Возможно было даже, что за одно преступление, если оно заключало невинование нескольких отрицательным постановлением, он мог подвергаться нескольким последовательным бичеваниям, причем заботились только о том, чтобы он достаточно поправился после первого бичевания, прежде чем наносить ему второе. Поэтому отнюдь не невозможно или даже вероятно, что в течение этих «многих дней», которые ап. Павел провел в Дамаске, пытаясь убить тех горячих полемистов, он подвергся этому наказанию несколько раз.

Отказ подвергнуться этому наказанию и попытка найти защиту от него в преимуществе своего римского гражданства повели бы к отлучению и окончательно лишили бы его права бывать в синагогах.

ПРИЛОЖЕНИЕ XII.

Апофеоза римских императоров.

Первые императоры скорби не одобряли, чем поощряли ластивую тенденцию преждевременного боготворения их. Если им строили храмы в течение их жизни, то эти храмы всегда предназначались для их «гениев», или по крайней мере связывались — как в Аоннах — с божь-

מיתה בידו שמים.

²⁾ II, 1, 2, 3, 4.

³⁾ Hilkoth Sanhedr. XVIII, XIX.

⁴⁾ Malkoth, דאורייתא или ארבעים.

⁵⁾ מורות См. Carpzov. App. Crit. p. 589. По-гречески τιμωρία.

⁶⁾ 2 Мак. III, 35.

⁷⁾ Они приводили Лев. XVIII, 29; 2 Мак. III, 15.

ством Рима¹⁾. Император Август с этими ограничениями уступил на усердные просьбы населения Пергам и Никомида, но выразительно запретил римлянам принимать какое либо участие в этом новом культе. Этот низкий примѣръ быстро распространился по провинціямъ, и хотя, какъ вѣроятно, Август въ душѣ своей не безъ удовольствія относился къ столь изумительному доказательству его собственнаго могущества, онъ однакоже съ виду смѣялся надъ всѣмъ этимъ, какъ вполне свѣтскій человекъ²⁾. Въ иступленіи рабской лести, составляющей необходимый недугъ деспотизма, это боготвореніе живаго человека вполне могло распространиться изъ провинцій на Италію, и, вопреки увѣренію Діона Кассія, что въ Италіи никто не осмѣливался боготворить Августа, изъ *Corpus Inscriptio-* num съ несомнѣнною видно, что во время его смерти, съ его ли позволенія или безъ всякаго его вмѣшательства, явились жрецы Августа въ Помпеѣ, фламены въ Пренестѣ, *Augusteum* въ Пизѣ, *Caesareum* въ Путеолахъ; и это—хотя и зависѣло гораздо болѣе отъ религіознаго унада вѣка, чѣмъ отъ иступленнаго высокомерія самодержца—сдѣлалось источникомъ ожесточенныхъ порицаній противъ него, когда онъ умеръ. Даже въ Римѣ³⁾, хотя до его смерти ему не воздвигнуто было ни одного храма, стоитъ только обратиться къ поэзи Виргілія, Горация и Овидія⁴⁾, чтобы видѣть, что къ нему вообще обращались какъ къ божеству (*numen*) и Богу, и что жертвы приносились или ему или его имени; и, какъ видно изъ надписей, даже въ Римѣ, если его и не боготворили прямо, то боготворили косвенно, воздвигая жертвенники его добродѣтелямъ и его законамъ и вознося его имя среди именъ древнихъ божествъ въ пѣсняхъ коллегіи «братевъ полей». Послѣ смерти Августа культъ его получилъ безграничное развитіе. Онъ былъ извѣстенъ всѣмъ подъ именемъ Августа божественнаго, — фраза, которая сдѣлалась столь же ходячею, какъ и *feu le roi*⁵⁾.

Тиверій изъ политическихъ видовъ поддерживалъ и даже до извѣстной степени усиливалъ этотъ новый культъ, но онъ также не одобрялъ крайности, когда старались божественныя почести приписывать и ему во время его жизни, чѣмъ онъ не только удовлетворялъ свой беззастѣливый цинизмъ, но и показавъ свой сильный здравый смыслъ. Но склонность къ апофеозу въ его время уже твердо установилась. Онъ конечно послѣ смерти былъ обоготворенъ, и его панегиристъ, Веллей Патеркулъ, передаетъ намъ разсказъ, что когда онъ находился въ походѣ въ странѣ Хавковъ, начальникъ варваровъ получилъ позволеніе видѣть его и, переѣхавъ чрезъ рѣку для исполненія своего желанія, долго смотрѣлъ на него въ молчаніи и, восклицая, что теперь онъ видѣлъ боговъ⁶⁾, просилъ позволенія прикоснуться къ его рукѣ и затѣмъ оттолкнулъ свою лодку къ противоположному берегу, до послѣд-

¹⁾ Dion Cass. l. 1, 20; *Suet.* Aug. 52. Хотя онъ зналъ, что даже проконсуламъ въ провинціяхъ посвящались храмы, однако же „nullâ provinciâ, nisi communi suo Romaeque nomine reseruit“. См. великолѣпную главу о „L'Apothéose Impériale“, in Boissier, La Religion Romaine, I, 123—205.

²⁾ *Quintil.* Inst. Orat. VI, 3, 77.

³⁾ Тац. Ann. I, 10, „Nihil deorum honoribus relictum, cum se templis et effigie numinum per flamines et sacerdotes coli vellet“; Aurel. Vict. de Caesar. 1, „Unicque, uti Deo, Romae provinciisque omnibus, per urbes celeberrimas vivo mortuoque templa sacerdotes et collegia sacravere“. Это однакоже положительная ошибка, такъ какъ Паний, Nat. Hist. XII, 19, упоминаетъ о храмѣ, который Ливія воздвигла ему послѣ его смерти (Divo) на Платинѣ. Светоній, весьма высокой авторитетъ по этому предмету, говоритъ, что онъ съ крайнимъ упорствомъ отказывался отъ этой почести въ Римѣ, когда ему настойчиво предлагали ее (Aug. 52, „In urbe quidem pertinacissime abstulit hoc honore“).

⁴⁾ См. примѣчанія Бентлея *Hor. Epp.* II, 1, 16; *Virg. Eccl.* I, 7; *Georg.* I, 42; *Hor. Od.* I, 2, 41; III, 5, 1; IV, 5, 16; *Ov. Trist.* II, 8, 9; IV, 9, 111 (Boissier, I, 153).

⁵⁾ Тац. Ann. I, 73, „Caelum decretum“.

⁶⁾ Vell. Patere. II, 107, „Quos ante audiebam hodie vidi deos“.

наго момента не спуская глазъ съ живаго божества. Недугъ низкой лести такъ быстро возростъ, что, согласно Светонію, у Доминіціана вошло въ обычай начинать свои письма словами: «Dominus et Deus noster sic fieri jubet» — такъ повелѣваетъ нашъ Господь и Богъ, Доминіанъ!¹⁾

ПРИЛОЖЕНИЕ XIII.

Бремя, налагавшееся на прозелитовъ.

Въ Талмудѣ говорится, что если язычникъ желалъ сдѣлаться прозелитомъ, то у него спрашивали о причинахъ этого желанія и заявляли ему, что Израиль теперь находится въ бѣдствіи, преслѣдуется и поражается всѣми родами страданій. Если онъ отвѣчалъ, что знаетъ это и не достоинъ принять участіе въ ихъ страданіяхъ, то его допускаютъ, но въ то же время достаточно говорятъ ему о «легкихъ» и «тяжелыхъ» постановленіяхъ для того, чтобы предостеречь его во-время воздержаться отъ этого шага, если онъ не искрененъ, такъ какъ, сказалъ Рабъ Хелбо, «прозелиты такъ вредны Израилю, какъ короста». Ему сообщаются правила касательно очищенія, десятинъ, касательно наказаній, налагаемыхъ за каждое преступленіе закона, и заявляются, что отнынѣ, если онъ осквернитъ субботу, онъ подлежитъ смерти чрезъ побіеніе камнями. Если онъ подчиняется всему этому, то его обрѣзываютъ и даже обрѣзываютъ во второй разъ, если допущена была какая нибудь небрежность при первомъ исполненіи этого обряда. Послѣ своего выздоровленія, онъ безъ замедленія погружается въ водѣ крещенія, и два «ученика мудрыхъ» стоятъ рядомъ съ нимъ, повторяя нѣкоторые изъ «легкихъ» и «тяжелыхъ» постановленій²⁾. Въ дѣйствительности язычникъ могъ сдѣлаться прозелитомъ, лишь подчинившись всему игу равенства, тиранніи отжившихъ, ребяческихъ и утомительныхъ *налахотъ*, которыя изъ года въ годъ все съ большею тяжестью ложились на іудейскія плечи, благодаря педантизму ихъ богословскихъ школъ. Что язычники обыкновенно сосредоточивали свое вниманіе на простыхъ преходящихъ іудейскихъ *обрядахъ*, а не на вѣчныхъ *началахъ*, открытыхъ имъ Богомъ, въ этомъ виноваты сами іудеи. Можемъ ли мы удивляться этому, встрѣчая изреченіе раввина Елеазара Бенъ Хасмы, что правила касательно птичьихъ гнѣздъ (*кинимъ*) и «нечистоты» женщинъ (*нидда*) составляютъ *сущность* закона?³⁾

ПРИЛОЖЕНИЕ XIV.

Ненависть къ іудеямъ въ классической древности.

И интересно, и вмѣстѣ тяжело видѣть, съ какимъ смѣшаннымъ чувствомъ любопытства, отвращенія и презрѣнія языческая древность относилась къ іудеямъ, начиная съ Маневова, египетскаго

¹⁾ *Suet.* Domit. 13.

²⁾ Yebhamôth, f. 47, 1.

³⁾ Pirke Abhôth, III, 28. Въ защиту іудеевъ отчасти можно сказать, что нѣкоторые склонны были къ прозелитству съ цѣлью избѣжать военной службы (*Tac. Ann.* II, 35; *Suet.* Tib. 36; *Ios. Antt.* XVIII, 3, § 5), другіе были прозелитами *шесемитами* — т. е. дѣлались прозелитами съ цѣлью жениться на богатыхъ іудейкахъ (*id.* XVI, 7, § 5; XX, 7, §§ 2, 3), иные наконецъ были «львами прозелитами» — т. е. изъ боязни (4 Цар. XVII, 26; I. Флав. В. I. II, 17, § 10). *Herzog*, Real-Enc., s. v.

жреца, который повидимому был первым виновником клеветы, что иудеи были народом прокаженных¹⁾, вплоть до Аннея Флора, который клеймил их названіем несчастнаго народа²⁾, указания на них въ свѣтской литературѣ представляютъ собою массу пелѣныхъ клеветъ или язвительныхъ сарказмовъ. Херемонъ говоритъ о нихъ, какъ о нечистыхъ и оскверненныхъ³⁾; Лизимахъ, какъ о болѣзненныхъ и необщительныхъ⁴⁾; Діодоръ Сицилійскій, какъ о приверженцахъ къ страннымъ обрядамъ и враждебныхъ къ чужеземцамъ⁵⁾; Апполоній Молонъ, греческій риторъ времени Цицерона, изображаетъ ихъ «безбожными и челоуконенавистными»⁶⁾; Цицеронъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ высказывается о нихъ въ своей рѣчи въ защиту прославившагося своимъ вымогательствомъ и тираніей Флакка⁷⁾, и въ рѣчи о консульскихъ провинціяхъ называетъ ихъ «народомъ, рожденнымъ для рабства»⁸⁾; Гораций надѣваетъ надъ ихъ прозелитизмъ, надъ ихъ обрѣзаніемъ и ихъ субботами⁹⁾; Сенека называетъ ихъ «самымъ отверженнымъ народомъ»¹⁰⁾; Марціалъ, кромѣ гнусныхъ намековъ на ихъ національный культъ, изливаетъ свое презрѣніе на ихъ бѣдность, ихъ нищенство, ихъ религію и ихъ низкое ремесло по продажѣ свѣчекъ и по покупкѣ разбитыхъ стеколъ, и онъ, повидимому, первый высказалъ ту клевету, которая повторена Томасомъ Брауномъ въ его «Popular Errors»¹¹⁾; Квинтиліанъ, при всей своей деликатности, однако же не воздерживается отъ ожесточеннаго замѣчанія противъ иудеевъ и Моисея¹²⁾; Луканъ намекаетъ на ихъ «невѣдомое божество»¹³⁾; Петроній Арбиніа противъ иудеевъ и Моисея¹⁴⁾; Тацитъ въ своей «Исторіи» упрекаетъ ихъ въ грубой чувственности, низкомъ коварствѣ и сильной ненависти ко всѣмъ націямъ, кромѣ своей, и во всей полнотѣ и съ полною важностью передаетъ нелѣпую исторію касательно почитанія ими осла¹⁵⁾. Въ своихъ «Анналахъ» онъ говоритъ съ одинаковымъ ужасомъ и одинаковымъ невѣжествомъ объ иудеяхъ и христіанахъ, и думаетъ, что если бы тысячи иудеевъ, отправленныхъ въ Сардинію, умерли, то эта была бы неважная потеря¹⁶⁾; Ювеналъ высказываетъ презрительный намекъ на ихъ сквалыжничество, нищенство,

¹⁾ Флавій с. Ap. I, 26.

²⁾ Говоря о Помпее, Флоръ говоритъ: „et vidit illud grande impiae gentis arcanum“.

³⁾ Ios. с. Ap. I, 32.

⁴⁾ Id. I, 34.

⁵⁾ Diod. Sic. XL.

⁶⁾ I. Флавій с. Ap. II, 14.

⁷⁾ Cic. pro Flacco, XLVIII.

⁸⁾ De Prov. Cons. V.

⁹⁾ Hor. Sat. I, IV, 143; V, 100; IX, 69.

¹⁰⁾ Ap. Aug. De Civ. Dei, VII, 36, „Usque eo sceleratissimae gentis consuetudo convaluit“ (Sabbath) ut“ и проч.

¹¹⁾ Mart. Ep. I, 42; XII, 30, 35, 57; IV, 4; VII, 82; XI, 94; I, 4. Cf. Stat. Silv. I, 6. Отношеніе Иродовъ къ кесарямъ обратило значительное вниманіе на иудеевъ въ императорскую эпоху. Pers. V, 179—184; Juv. VI, 157.

¹²⁾ De Inst. Orat. III, 7.

¹³⁾ Pharsal. II, 593, „incerti Judaea Dei“.

¹⁴⁾ Satiric. Büchler, p. 221, „Judaeus licet et porcinum numen, adoret“, и проч. (Cf. Plut. Synop. IV, 5).

¹⁵⁾ Tac. Hist. V, 2—5; Diod. Sic. I, 28; Plut. Synop. IV, 5. Объ этомъ разсказѣ см. Geiger, Juden und Judenthum, Illustr. Monatsch. d. Judeneth., Oct. 1865.

¹⁶⁾ Ann. XV, 44; II, 85, „si ob gravitatem caeli interissent, vile damnum“. (Cf. Suet. Tib. 36. Jos. Antt. XVIII, 3, § 5; Philo, Leg. 24).

мятежность, суетворіе, шарлатанство и празднолюбіе¹⁾; Цельсъ обзывалъ ихъ шарлатанами и бродягами²⁾; Амміанъ Марцелліанъ говоритъ о нихъ, какъ объ «отвратительныхъ и производящихъ шумъ»³⁾; Рутилій Пумацианъ заключаетъ длинный списокъ гнѣвныхъ поношеній взрывомъ издѣательства, въ которомъ онъ называетъ иудею «лучшей рабской клѣткой»⁴⁾. Іеремія призывалъ иудеевъ къ молитвѣ о мирѣ и благосостояніи города ихъ плѣна, «ибо при благосостояніи его и вамъ будетъ миръ»⁵⁾. Для древнихъ иудеевъ было бы гораздо лучше, еслибы они жили въ духѣ этого возвышеннаго увѣщанія. Но язычники хорошо знали, что въ иудейскихъ синагогахъ заключалось отступленіе отъ жертваго однообразія римской имперіи и что тамъ ихъ обычай поносились и трактовались съ открытымъ и ожесточеннымъ презрѣніемъ, за что они и возмѣщали десятирицей⁶⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ XV.

Отзывы древнихъ языческихъ писателей о христіанствѣ.

Светоній (умеръ около 110 г. по Р. Хр.).

«Judaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Româ expulit» (Claud. 25)⁷⁾.

«Afflicti supplicii Christiani genus hominum superstitionis novae et maleficae (Nero, 16).

«Percrebuerat Oriente toto vetus et constans opinio, esse in fatis, ut eo tempore. Iudaea profecti rerum potirentur» (Vesp. 4).

Т а ц и т ъ (Consul suffectus, умеръ въ 97 г. по Р. Хр.).

«Ergo abolendo rumori Nero subdidit reos, et quacitissimis poenis affecit, quos per flagitia invisus vulgus Christianos appellabat. Auctor ejus nominis Christus Tiberio imperitante per procuratorem Pont. Pilatum supplicio affectus est; repressaque in praesens exitiabilis superstitio rursus erumpebat non modo per Judaeam originem ejus mali, sed per urbem etiam quo cuncta undique atrocitas aut pudenda confluent celebranturque. Igitur primum correpti qui fatebantur, deinde indicio eorum multitudo ingens, haud perinde in crimine incendii quam odio generis humani convicti sunt. Et pereuntibus addita ludibria, ut ferarum tergis contexti laniatu canum interirent, aut crucibus affixi aut flammandi, atque ubi defecisset dies, in usum nocturni luminis urerentur... unde quamquam adversus fontes et novissima exempla meritos miseratio oriebatur tamquam non utilitate publicâ sed in saevitiam unius absumerentur» (Ann. XV, 44).

¹⁾ Sat. VI, 542—547, 156—160; XIV, 96—107. См. дрыіе намеки *id.* III, 13, 296.

²⁾ Orig. с. Cels. I, 33, γούτων.

³⁾ Ammian. Marc. XXII, 5, „fementes Judaei“. (См. „Gentiles“ in Kitto).

⁴⁾ Itinerar. I, 3, 89. Въ приведенныхъ выше цитатахъ и ссылаюсь я (съ нѣкоторыми прибавленіями) воспользовался сочиненіемъ Gall's Notices of the Jews by Classic. Authors (см. также Meier's Judaica, и статью Гейгера, указанную выше).

⁵⁾ Іерем. XXIX, 7.

⁶⁾ Ps. Hecclit. Ep. VII; Hausrath, N. T. Gesch. II, 79. Образчики этой презрительности можно видѣть у I. Флавія с. Ap. II, 34, 35.

⁷⁾ Согласно свидѣтельству Сулліція Севера (Hist. Sacr. II, 30), Титъ опредѣлялъ разрушить храмъ, чтобы христіанство и иудейство искоренить вмѣстѣ. Quippe has religiones, licet contrarias sibi, iisdem tamen auctoribus profectas; Christianos ex Judaeis exstittisse; radice sublata, stirpem facile peritaram. Бернейсъ думаетъ, что это цитата изъ Тацита.

Язычники въ посланіи церкви Вьенской и Лионской жалуются *ξένον τινα καὶ καὶνὴν ἡμεῖν εἰσαγούσι* *Ερσηκίαν* (ар. Euseb. H. E. v, 1).

Плиний Младшій (умеръ около 117 г. по Р. Хр.).

Его знаменитое письмо къ Траяну слишкомъ длинно, чтобы приводить здѣсь. Онъ спрашиваетъ въ немъ, наказывать ли ему людей просто за то, что они христіане, или за тѣ преступленія, которыя связываются съ обвиненіемъ въ этомъ (*nomen ipsum, si flagitiis careat, an flagitia cohaerentia nomen*). Онъ говоритъ, что онъ наказывалъ тѣхъ, которые, послѣ угрозы наказанія, все еще продолжали объявлять себя христіанами, такъ какъ онъ думаетъ, что ихъ «непреклонное упрямство» во всякомъ случаѣ должно быть наказано. Другіе равнымъ образомъ совѣтывали ему (*similis amentiae*), чтобы онъ отправлялъ въ Римъ тѣхъ, которые были римскими гражданами. Получивъ анонимное обвиненіе, въ которомъ обвинялись многие, онъ подвергалъ ихъ допросу, въ случаѣ отрицанія обвиненія въ принадлежности къ христіанству, заставляя ихъ призывать боговъ и приносить куреніе и вино изображенію императора и проклинать Христа. Если они исполняли все это, то онъ отпускалъ ихъ, такъ какъ ему говорили, что ни одинъ истинный христіанинъ не сдѣлаетъ этого. Нѣкоторые говорили, что они давно уже отказались отъ христіанства, но заявляли, что главная ихъ «вина» или «заблужденіе» просто состояло въ обычаѣ собираться до разсвѣта и пѣть антифоны Христу, какъ Богу, и связывать себя клятвою¹⁾ не воровать, не грабить, не прелюбодѣйствовать, не нарушать данного слова; не нарушать сдѣланнаго имъ довѣрія; послѣ чего они расходились, собираясь опять для безвредной трапезы,—обычай, который они оставили послѣ приказа Плинія, запрещавшаго всякіе союзы. Едва довѣрія этому странному разсказу объ ихъ невинной жизни, онъ предавалъ двухъ діаконовъ (*ex duabus ancillis quae ministras dicebantur*) пытки, но онъ не обнаружили ничего кромѣ безобразнаго и неприличнаго суетвѣрія (*pravam, immodicam*). Онъ поэтому обращается за совѣтомъ къ Траяну, такъ какъ въ числѣ обвиненныхъ было много людей всякаго возраста, сана и пола, какъ въ городѣ, такъ и въ провинціи. «Зараза этого жалкаго суетвѣрія» распространилась такъ широко, что храмы были почти пусты и едва оставался кто нибудь для покупки жертвъ (Ер. х, 97).

На это письмо Траянъ кратко отвѣчаетъ, что христіанъ должно наказывать, если они будутъ осуждены, но вообще не преслѣдовать ихъ; прощать, если они будутъ приносить жертвы, и не подвергать ихъ суду по анонимнымъ обвиненіямъ.

Эпиктетъ (умеръ въ 117 г. по Р. Хр.).

«При безуміи возможно для человѣка быть расположеннымъ къ этимъ вещамъ» (т. е. быть равнодушнымъ къ міру) «и къ галилеянамъ по привычкѣ» (Dissert. iv, 7).

М. Аврелій Автоинъ (умеръ въ 180 г. по Р. Хр.).

Говоря о готовности умереть, онъ говоритъ, что это благородное расположеніе, «такъ какъ оно выходитъ изъ собственнаго размышленія человѣка, а не изъ простаго упрямства (*διὰ ψυχὴν παράταξιν*) какъ у христіанъ, но съ разсудительностью и съ достоинствомъ» (Euseb. xi, 3).

Лукіанъ (умеръ около 200 г. по Р. Хр.).

Его издѣвательства и пародіи надъ тѣмъ, что онъ называетъ *Ουμαστή σοφία* христіанъ, можно найти въ его *Ver. Historia* i, 12, 30; ii, 4, 11—12 (*Alexand. (Pseudomantis)* xxv, 38). *Philopatris* принадлежитъ не Лукіану, а на сто лѣтъ позднѣйшаго происхожденія.

¹⁾ Этотъ фактъ интересенъ въ смыслѣ самаго ранняго христіанскаго употребленія слова «таинство» (*Waterland, On the Eucharist, 1*).

Галентъ, великій писатель по физикѣ (умеръ въ 200 г. по Р. Хр.).

Въ своей книгѣ *De different. pulsuum* онъ дважды указываетъ на упрямство христіанъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ XVI (къ стр. 241).

Проконсульство Сергія Павла.

Титулъ «проконсула», приданный этому правителю острова, составляетъ одну изъ тѣхъ мелкихъ чертъ точности, которыя на каждой страницѣ встрѣчаются въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ.

Могло бы показаться серьезнымъ затрудненіемъ здѣсь то обстоятельство, что имя Сергія Павла встрѣчается въ *Fasti* консуловъ только долгое время спустя уже послѣ этого періода¹⁾; но затрудненіе это исчезаетъ, когда мы видимъ, что титулъ проконсула давался губернатору сенаторской провинціи, каковъ бы ни былъ его прежній санъ²⁾. Но выставляется и другое, еще болѣе серьезное затрудненіе. Провинціи были двухъ родовъ: императорскія и сенаторскія, изъ которыхъ тѣ и другія назывались епархіями (*ἐπαρχίαι*). Императорскими были тѣ провинціи, въ которыя губернаторы посылались императоромъ, такъ какъ съ ихъ обязанностию соединялась обязанность командованія войскомъ. Августъ, подъ предлогомъ освобожденія сената отъ бремени болѣе беспокойныхъ провинцій, ловко предоставилъ своей личной администраціи тѣ страны имперіи, гдѣ требовалось присутствіе войска. Такъ какъ титулъ претора (погречески *Στρατηγός* т. е. генераль) все еще удерживалъ нѣкоторую тѣнь своего прежняго военнаго значенія, то губернаторы этихъ провинцій назывались пропреторами или *ἀντιστρατήγοι*, вмѣсто котораго въ Новомъ Завѣтѣ часто употребляется болѣе общій терминъ *ἡγεμόν*. Это греческое слово для обозначенія «губернаторъ» одинаково употребляется какъ для обозначенія «прокураторъ», такъ и для *praecons* или *legatus*, что напр. было обычнымъ названіемъ правителей Сиріи. Эти президы, легаты или пропреторы зависѣли въ своемъ положеніи отъ благорасположенія императора, и часто, особенно въ царствованіе Тиверія, по много лѣтъ оставались спокойно на своихъ постахъ. Проконсулы или *Ἀποστάται* съ другой стороны, назначавшіеся сенатомъ, занимали свои посты только въ теченіе одного года. Изъ Страбона однакоже видно, что когда въ 27 году до Р. Хр. Августъ подѣлялъ провинціи между собою и сенатомъ, Кипръ былъ оставленъ въ качествѣ одного изъ императорскихъ округовъ (*στρατηγικὴ ἐπαρχία*), съ чѣмъ согласенъ и Діонъ Кассій³⁾. Вслѣдствіе этого даже такіе извѣстные писатели, какъ Гроцій, думали, что св. Лука здѣсь впадетъ въ ошибку; и Вароній предполагаетъ, что Кипръ въ это время былъ почетнымъ прибавленіемъ къ проконсульству Киликіи, между тѣмъ какъ Гроцій высказываетъ предположеніе, что греческая льстивость могла часто придавать пропретору болѣе высокій титулъ проконсула, и что св. Лука могъ употребить этотъ титулъ въ согласіи съ разговорнымъ его употребленіемъ. Но болѣе тщательное изслѣдованіе повело къ открытію, что хотя Кипръ сначала былъ императорской провинціей, равно какъ и впоследствии считался такою, однако Августъ отдалъ его вмѣстѣ съ Галліей Нар-

¹⁾ Сергій Павелъ, *consul. suffectus*, въ 21 г. по Р. Хр. и другой *Consul.* въ 168 г. по Р. Хр.

²⁾ *Dion. Cass. l. III, 13, καὶ ἀνθυπάτους καλεῖσθαι μὴ εἶ τοὺς ὅμοιους τοὺς ὑπατευόντας* (экс-консуловъ) *ἀλλὰ καὶ τοὺς ἄλλους τῶν ἐστρατηγημένων* (экс-преторовъ) и проч.

³⁾ *Dion. Cass. l. III, 12; Strabo. xiv, 685; Suet. Aug. 47.*

бонской сенату взаимно Далмации, так как он находил, что они не нуждались в присутствии войск¹⁾. И в довершение всего найдены были медные монеты и надписи из этой самой эпохи в Курин и Цитин, где титулы проконсула даются Коминию Проклу, Юлию Корду и Авну Бассу, которые наверно были непосредственными предшественниками или преемниками Сергия Павла²⁾.

Имя Сергия Павла интересно само по себе. Об этом проконсуле, правда, мы не знаем ничего, кроме похвалы священного историка, что это был человек разумный³⁾ и что на него произвело глубокое впечатление учение ап. Павла. Но Плиний Старший в своей «Естественной Истории» три раза указывает на Сергия Павла как на личность, интересующуюся умственными изысканиями; и не невозможно, что этот Сергий Павел не кто иной, как этот именно кипрский проконсул⁴⁾. Если так, то характер, приданный ему одним мимоходом словом у св. Луки, вполне подтверждается, и мы чувствуем новое удовольствие, находя подобия же черты в других лицах того же имени, которые могли быть его потомками; напр. в Сергии Павле, который более ста лет спустя получает епископство от физика Галена за его известность в качестве как теоретического, так и практического философа⁵⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ XVII (к стр. 297).

Ап. Иоанн и ап. Павел.

Из трех «названных столпов» ап. Иоанн повидимому не принимал никакого участия в соборе Иерусалимском, или, если и принимал, то участие его было недостаточно решительным, чтобы оно могло найти место в повествовании. Ясно одно, что он в это время принадлежал к церкви обрзавания, и, насколько мы знаем, это было единственный случай, при котором он входил в общение с ап. Павлом. Но мы имеем ясное свидетельство ап. Павла (единственное место, где о нем упоминается в посланиях), что он признавал его апостольство; и Апокалипсис, его самое раннее произведение, не только не показывает непримиримой ненависти к учению ап. Павла, о чем с совершенно непонятным легкомыслием утверждает и с необычайною небрежностью твердит критики, но представляет с посланиями ап. Павла в мыслях и началах близкую параллель, которая тем более поразительна, что имеет заметное отличие в тон и выражении. Нам с уверенностью утверждают, даже не пытались представить скольконибудь удовлетворительное доказательство, что «ложный иудей», «ложный апостол», «ложный пророк», «Валаам», «Иезавель», «Николиты», «начальник синагоги сатаны», все эти названия, упоминаемые в Апокалипсисе⁶⁾, будто бы с несомнительностью относятся к ап. Павлу, равно как и враждебные намеки, при-

¹⁾ Dion. Cass. l. III, 13, τὴν Κύπρον... τῇ θυρῇ ἀπέδωκεν; l. IV, 4, καὶ οὕτω ἀνέβησαν καὶ ἐς ἐκείνην τὰ ἔθνη, πέρις αὐτῶν ἤρξαντο.

²⁾ Eckhel, III, 84; Akerman, Numism. Illustr. pp. 39, 42; Boeckh, Corp. Inscr. 2631, 2632.

³⁾ Деян. XIII, 7, ἀνδρὶ συνετῷ. Имя проконсула Павла найдено на надписи в Соли (Cesnola, Cyprus, p. 495).

⁴⁾ Plin. H. N. I. Плиний писал только двадцать лет спустя после этого периода.

⁵⁾ Renan, St. Paul, p. 15, который ссылается на Orelli, 2414, 4938. Galen, De Anatom., I (apud Wetstein), ἀνδρὸς τὰ πάντα πρωτεύοντος ἐργαίης τε καὶ λόγιος τοῖς ἐν φιλοσοφίᾳ.

⁶⁾ Откр. II, 2, 6, 9, 14, 15, 20, 24; III, 9 (см. Renan, St. P., 302—305, который спокойно утверждает это, как будто бы бесспорную истину). Однако же сам ап. Павел первый употребил это самое сравнение с Валаамом (1 Кор. X, 7, 8) и первый обличил крайнюю преступность полагать камень преткновения пред другими (Рим. XIV, 21; 2 Кор. XI, 29).

кровенно делаемые на него, под названием Симона волхва, в лже-кLEMENTинах. Однако же на каком основании построено все это заключение? Просто на сходстве в тон подложного эвонитского сказания (кLEMENTины) с фразами: «те, которые говорят, что они апостолы, не будучи апостолами», «те, которые говорят, что они иудеи, не будучи иудеями», и с намеками на тех, которые держались учения Валаама и «жены Иезавели», научавшей народ «совершать блуд и есть идоложертвенное». Правда, что были иудействующие, которые отвергали право ап. Павла на апостольство; но утверждать, что ап. Иоанн был одним из них, значит прямо лгать на ап. Павла, между тем как относить ап. Павла к одному разряду с теми, «которые говорят, что они иудеи, не будучи иудеями», значит ложно перетолковывать известнейшие факты касательно того, кто был фарисей из фарисеев и еврей из евреев. Зато мы смеем утверждать, что ап. Павел всегда учил «есть идоложертвенное, значит прямо противоречить его собственным словам, так как он явно предостерегал своих обращенцев не делать этого, и приводить в подтверждение своего предостережения то самое основание, что делать так — полагать камень преткновения пред сынами Израиля»¹⁾. В действительности, хотя ап. Павел отрицал, что «есть идоложертвенное есть преступление само по себе, его уступки в этом отношении однако же лишь немного шли дальше тех, которые допускаются в самом Талмуде²⁾. Зато могло ли быть хотя малейшее основание для того, чтобы говорить, что ап. Павел всегда учил людей «совершать блудодвигание?» — грех, против которого, в буквальном или иносказательном смысле, он высказывал увещания гораздо более глубокие и более способные тронуть сердце, более способные связать совесть, чем все другие писатели в Новом Завете взятые вместе. Что даже уже в раннее время возникали антиионистские секты, которые были повинны в таком гнусном учении, это мы знаем из церковной истории и находим намеки даже у священных писателей; и поэтому указания Апокалипсиса нужно понимать в таком же буквальном смысле, как и ветхозаветные аналогии, на которые ап. Иоанн ссылается часто также, как и ап. Павел³⁾. Что под «блудом» в Апокалипсисе разумеются «смешанные браки», это мнение не имеет ни тени основания для себя, да и не было никакого основания говорить, что ап. Павел одобрял их. Хотя он употреблял, как об этом, так и о других предметах, язык благоразумия и снисходительности, однако же все его учение направляется к неодобрению их⁴⁾. Кроме того, если здесь имелся в виду ап. Павел, и если ап. Иоанн, апостол любви, был действительно зловещим и извращенным иудействующим, как пришлось бы заключить тогда из этих намеков, то непонятно, что ни одного слова не сказано было касательно тех пунктов, в отношении которых в глазах иудействующего он должен был бесконечно более подвергаться укорам, именно касательно весьма невысокого взгляда ап. Павла на обрзание и его заведомого убеждения, что делами закона человек не может оправдаться пред Богом. В Апокалипсисе едва⁵⁾ даже упоминается об обрзании, закон, Моисей или устои предания,

¹⁾ 1 Кор. VIII, 12 (см. X, 32).

²⁾ Трактат Ketubhôth, f. 15, 1, почти в одинаковых выражениях с ап. Павлом, излагает правило, что если человек кушал мясо и сомневается касательно того, чисто ли оно по закону, то он не должен его есть; но если он случайно получил его, то он может, его есть без всякого смущения. Мясо, которое объявлялось чистым по закону (ma'aser), клеймилось оловянною печатью, на которой стояло слово *кашап* „позволительно“, *кашап* (I. D'Israeli, Senius of Judaism, p. 154).

³⁾ 1 Кор. X, 7, 8 (см. несколько превосходных замечаний у Лайтфута, Gal. pp. 290, 335).

⁴⁾ См. особенно 2 Кор. VI, 14.

⁵⁾ Это будет видно из объяснения Откр. XV, 3.

между тѣмъ какъ ученіе касательно искупленія кровію агнца и всеобщности этого искупленія, какъ простирающагося на «всякое колѣно и языки и народъ и племя»¹⁾, утверждается въ немъ съ такою рѣшительностью и безусловностью, какъ только могъ утверждать его самъ ап. Павелъ. Далѣе, достаточно лишь болѣе внимательнаго изученія ап. Іоанна и ап. Павла, чтобы видѣть, что «Иисусъ Христосъ» у обоихъ изъ нихъ есть божественная тайна и основная идея всего христіанства. Ап. Іоаннъ былъ въ это время болѣе созерцателенъ, менѣе дѣятеленъ, чѣмъ ап. Іоаннъ евангелій. «Скрытый огонь его натуры еще не разгорѣлся въ пламя». Два случая, рассказываемые намъ въ Евангеліяхъ, дѣйствительно показываютъ, что въ немъ былъ огонь²⁾; но не ранѣе того, какъ Іаковъ, братъ Господень, Петръ и самъ Павелъ уже сошли со сцены, онъ сдѣлался тѣмъ смѣлымъ и непреклоннымъ вождемъ, совѣты котораго были вѣщими для азіатской церкви. Тѣмъ не менѣе мы можемъ быть увѣрены, что ап. Іоаннъ не былъ среди противниковъ ап. Павла. Опозиція ему всегда связывается съ приверженцами ап. Іакова. Во время земной жизни Иисуса Христа Іаковъ не только принималъ Его служеніе и повидимому обратился только вслѣдствіе Его воскресенія. Онъ поэтому не жилъ, какъ другіе апостолы, въ ежедневномъ общеніи съ духомъ и вліяніемъ Иисуса и вслѣдствіе этого былъ болѣе глубоко проникнутъ воззрѣніями своего ранняго іудейскаго воспитанія и менѣе преобразованъ въ своемъ разумѣ дыханіемъ новой жизни. Но Петръ и Іоаннъ болѣе всѣхъ живущихъ людей должны были знать, въ чемъ заключался духъ Христа. Мы знаемъ, что они были единими въ своемъ сердцѣ, и мы должны быть увѣрены, что тѣ, которые ходили вмѣстѣ для посвѣщенія и утвержденія ненавидимыхъ самаритянъ и засвидѣтельствованія ихъ участія въ дарахъ Св. Духа, менѣе всего могли бы быть склонны съ низкою завистью смотрѣть на равную свободу еще болѣе широкаго распространенія царства Божія.

ПРИЛОЖЕНІЕ XVIII (къ стр. 301).

Нападенія на ап. Павла въ Клементинахъ.

Что ап. Павелъ, вслѣдствіе смертельнаго удара, нанесеннаго имъ іудейскому фарисейству, былъ преслѣдуемъ одной партіей іудейско-христіанской церкви съ непреклонной враждебностью,—это фактъ исторіи. Нѣтъ надобности въ другихъ доказательствахъ, кромѣ большихъ отдѣловъ въ его посланіяхъ, занимающихся аргументаціей противъ фарисейскаго или гностическаго іудейства, которое наводило церкви Коринѳа, Галатій, Колоссъ и Крита. Но если онъ и принужденъ былъ въ теченіе всей своей жизни бороться съ одной партіей, то во всякомъ случаѣ должно утвержденіе, что онъ оставался долго непризнаннымъ церковью вообще. Такое предположеніе возникло вслѣдствіе исключительной литературной дѣятельности особой партіи христіанскихъ эвонитовъ. Ляйтфутъ въ своей статѣ объ «ап. Павлѣ и трехъ главныхъ апостолахъ» тщательнымъ и совершенно откровеннымъ изслѣдованіемъ доказалъ, что даже церковь іудейская была не вся и не исключительно враждебна ап. Павлу, и что враждебная ему партія среди нея, насколько она представляла собою тенденціи всей христіанской церкви, не была представительницей даже всѣхъ христіанъ Палестины. Христіане изъ іудеевъ

Святой Земли естественно продолжали вообще соблюдать Моисеевъ законъ—какъ соблюдалъ и самъ ап. Павелъ, насколько это было возможно для него, безъ вреда для освобожденія язычниковъ,—пока паденіе Іерусалима не сдѣлало все такое соблюденіе предметомъ простаго издѣвательства и позора¹⁾. Если совершеніе Пасхи, центральнаго установленія Моисеева закона, сдѣлалось просто невозможнымъ, то самъ Богъ уже показывалъ этимъ, что *законъ* закончился. Удаленіе христіанъ въ Пеллу, вызванное воспоминаніемъ о предостереженіяхъ Иисуса, могло казаться іудеямъ тѣмъ-то въ родѣ непатрістическаго уклоненія отъ общаго народнаго дѣла; и яростныя поношенія на *минимовъ*, ведущія свое начало съ этого именно времени, были лишь признакомъ начала того отвращенія іудеевъ къ христіанамъ, которое завершилось варварскимъ избиеніемъ со стороны Варъ-Кохбы тѣхъ христіанъ, которые отказывались отъ отступничества и богохульства на Христа. Когда имя Іерусалима было замѣнено названіемъ Эліа Капитолина и христіанамъ было позволено жить тамъ, куда іудею нельзя было занести свою ногу, то церковь новаго города составила главнымъ образомъ изъ язычниковъ и на первый разъ управлялась епископомъ изъ язычниковъ²⁾. Только уже послѣ этого періода мы слышимъ о двухъ сектахъ, отличныхъ одна отъ другой, но часто смѣшиваемыхъ. Это были назорей и эвониты. *Назорей* были отнюдь не враждебны дѣлу и памяти ап. Павла и отличались отъ другихъ христіанъ только мнѣніемъ, что законъ былъ еще обязателенъ для іудейскихъ обращенцевъ. Книга «Завѣты двѣнадцати патріарховъ» (книга, которая написана ли она назореемъ или нѣтъ, вполне выражаетъ ихъ общія начала, на сколько они извѣстны намъ),—не только не противодѣйствуетъ ученію ап. Павла, но, хотя написанная съ іудейско-христіанской точки зрѣнія, влагаетъ въ уста Веніамина великолѣпную похвалу ап. Павлу, какъ человѣку, который возстанетъ изъ этого колѣна. «возлюбленнаго Господомъ, слушающаго Его голодъ, озаряющаго всѣхъ язычниковъ новымъ познаніемъ». *Эвониты*—съ другой стороны могущественная и фанатическая секта—дышали какъ разъ одинаковымъ духомъ съ іудействующими врагами ап. Павла и взгляды многихъ изъ нихъ были сильно окрашены гностическими тенденціями болѣе передовыхъ ессеевъ. Этому классу эвонитовъ мы обязаны подложными сочиненіями, извѣстными подъ названіемъ «Клементинскихъ бесѣдъ», «Признаній» (*Recognitiones*), существующихъ въ латинскомъ парафразѣ Руфина³⁾, и подложнымъ писмомъ Петра къ Іакову. Въ бесѣдахъ коварно дѣлаются нападенія на ап. Павла подъ видомъ Симона волхва⁴⁾. Намекъ на его укоръ ап. Петру въ Антиохіи слишкомъ ясенъ, чтобы не замѣтить его, и тутъ внушается недовѣріе къ его ученію, его откровеніямъ и его независимому положенію по отношенію къ Іакову. Въ писмѣ ап. Петра онъ поносится еще болѣе жестоко, хотя и болѣе скрытно, какъ «врагъ», ученіе котораго есть нечистое и антиноміанское, и который клеветнически утверждалъ, что ап. Петръ держался одного взгляда и осиянцалъ другой. Въ «Признаніяхъ» эти нападенія не выступаютъ такъ явно, но подъ «врагомъ», посланнымъ Каіафой арестовать Петра въ Антиохію и низвергающимъ ап. Іакова со ступеней храма, очевидно разумѣется ап. Павелъ, и эта извѣстная исторія будто бы заимствована изъ подложнаго сочиненія, называемаго «восхожденія Іакова», которое также есть источникъ злобной клеветы, будто бы ап. Павелъ былъ язычникъ, принявшій обрѣзаніе въ надеждѣ жениться на дочери первосвященника и отступившій отъ Моисеева закона только тогда, когда его надежды не оправдались⁵⁾.

На такихъ то совершенно слабыхъ, безчестныхъ и злыхъ основаніяхъ нѣкоторые утверж-

¹⁾ Grätz, Gesch. d. Juden, IV, 112.

²⁾ Marcus, B. C. 132. *Iust. Mart. Apol.* I, 31, p. 72.

³⁾ И отчасти на Сирійскомъ.

⁴⁾ Baur, First Three Centuries, I, pp. 89—98.

⁵⁾ Epiphanius. *Haeres.* xxx, 16. Ренанъ также ссылается на *Massechta Gêrim*, I, ed. Kirchheim.

¹⁾ Откр. V, 9; VII, 9.

²⁾ Лук. IX, 54; Матт. XX, 21.

дают мнѣніе, что между ап. Павломъ и Двѣнадцатой была смертельная вражда, и что его миссія совершенно не признавалась до конца второго столѣтія. Въ дѣйствительности же эти евангелистскіе клеветники и поддѣльватели были представителями лишь одной незначительной секты. Иустинъ Философъ жилъ въ Самаріи въ первой половинѣ второго столѣтія и не обнаруживаетъ ни слѣда этого взгляда. Египетъ былъ іудейскій христіанизмъ, который, путешествуя въ Римъ въ половинѣ второго столѣтія, посѣщалъ многія христіанскія церкви; и Евсевій, который знакомъ былъ съ его писаніями, свидѣтельствуетъ о его полномъ православіи¹⁾. Въ такомъ случаѣ едва ли даже необходимо доказывать, что другія церкви второго столѣтія никоимъ образомъ не были враждебны ап. Павлу. Вѣтъ можетъ правда, что нѣкоторое время въ церкви Рима существовали два класса—іудейскій и языческій, и даже каждый классъ имѣлъ своего особаго епископа, возможныхъ преемниковъ какъ апостоловъ обрѣзанія, такъ и апостоловъ необрѣзанія²⁾. Но если такъ, то эти два класса въ концѣ перваго столѣтія были уже объединены подъ правленіемъ кроткаго и преданнаго вѣрѣ Климента; и даже, допуская сомнительную гипотезу, что «Клементины» имѣли римское происхожденіе, ихъ косвенность (осторожный, подпольный, близкий способъ нападенія на великаго апостола) одна уже служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ, что поддѣльщикъ *никоимъ образомъ не могъ рассчитывать на общее сочувствіе читателей, въ руки которыхъ попали его сочиненія*. И однако же на этомъ то неустойчивомъ основаніи строится громадная, но вверхъ дномъ стоящая пирамида того заключенія, которое окончательно заявляетъ, что посланіе ап. Іуды есть образецъ одного изъ тѣхъ писемъ, дышащихъ крайнею ненавистью и вопиющею лживостью, которая будто бы были отправлены изъ Іерусалима отъ имени апостоловъ и при составленіи которыхъ (такъ какъ Іаковъ и Іуда вѣроятно не могли говорить по-гречески) они, вѣроятно, пользовались греческими секретарями³⁾. Пусть всякій прочитаетъ посланіе Іуды и разсмотритъ стихи за стихомъ, возможно ли прилагать его къ ап. Павлу и насколько эта теорія противорѣчитъ всякому достовѣрному факту его отношенія къ апостоламъ, равно какъ и характеру и дѣйствию самихъ апостоловъ, и онъ будетъ въ силахъ оцѣнить все значеніе критицизма, который спокойно выставляетъ въ качествѣ научной исторіи этотъ затемняющій туманъ выводовъ изъ ничтожныхъ данныхъ жалкаго измышленія.

¹⁾ Это нисколько не опровергается тѣмъ, что онъ заимствуетъ евангелистскій разсказъ о св. Іаковѣ; и его предполагаемое осужденіе ап. Павла за употребленіе выраженія „глазъ не видѣлъ“ и проч. повидному основывается на полномъ недоразумѣніи (Lightfoot, Gal. p. 311).

²⁾ Что нибудь въ родѣ этого факта можетъ лежать въ основѣ замѣчанія Тертуліана, что Климентъ былъ рукоположенъ во епископа ап. Петромъ, между тѣмъ какъ Ириней полагаетъ Лина и Аниклета раньше его.

³⁾ Renan, St. Paul, p. 300. „Оставляя Антиохію, агенты іерусалимской партіи поклонилисьπισпровергнуть основы Павла, разрушить церкви, уничтожить все, что онъ создалъ съ такими трудами. Повидному, при этомъ случаѣ даны были новыя посланія изъ Іерусалима отъ имени апостоловъ. Очень можетъ быть, что одинъ экземпляръ этихъ враждебныхъ писемъ сохранился до насъ въ посланіи Іуды, брата Іакова и подобно ему „брата Господня“, которое составляетъ часть канона“ и проч. Выставляемый рядъ авторитетовъ, приводимыхъ въ подтвержденіе такихъ выводовъ, въ дѣйствительности не имѣетъ отношенія къ нимъ и по болѣе тщательному изслѣдованію ограничивается тѣми узкими предѣлами, которые указаны ниже. Притомъ Ренанъ не приводитъ ни одного доказательства или чего-нибудь хоть нѣсколько похожего на доказательство въ пользу того, что подъ покровомъ Апокалипсиса и посланіе Іуды разумѣли ученіе ап. Павла (id. p. 300), или чтобы относительная умѣренность арх. Михаила (Іуд., 9) противопоставлялась заносчивости ап. Павла (!), или вообще въ пользу какаго либо изъ другихъ крайне дикихъ заключеній, до которыхъ дошло извращенное умничанье тюбингенскихъ теоретиковъ. См. далѣе приложение объ ап. Іоаннѣ и Павлѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIX (къ стр. 407).

Человѣкъ грѣха или «беззаконникъ».

„Ego prorsus quid dixerit fateor me ignorare“. —
Бл. Августинъ.

Различныя предположенія касательно «человѣка грѣха» и «того, который удерживаетъ», могутъ быть подведены подъ три отдѣльныхъ воззрѣнія, изъ которыхъ: I—почти современное, II—отдаленно-пророческое и III—субъективно-общее. И каждымъ изъ этихъ взглядовъ предполагаются прототипы или а) общій и безличный, или б) индивидуальный и специальный.

I. Принятіе перваго мнѣнія, конечно, будетъ значительно зависѣть отъ той степени, до которой разгромъ іудейства при разрушеніи Іерусалима можно разматривать «какъ пришествіе Господа». Тѣ, которые, согласно съ наиболее опредѣленными по времени пророчествами св. Писанія, думаютъ, что ап. Павелъ долженъ былъ намекать здѣсь на нѣчто *почти современное*, нѣчто такое, что уже появилось на горизонтѣ и слѣдов. нѣчто такое, что только одно могло бы имѣть прямое отношеніе къ жизни современныхъ христіанъ,—объясняютъ отступничество и человѣка грѣха въ томъ смыслѣ, что они представляютъ собою: а) вообще фарисеевъ, гностицизмъ или возростаніе ереси; или б) лично Нерона или какаго нибудь римскаго императора, Симона волхва или Симона сына Гіоры, и видятъ «задержку» вообще въ римскомъ императорѣ, или іудейскомъ законѣ, или духовныхъ дарахъ¹⁾, или во времени, назначенномъ Богомъ²⁾, или лично въ какомъ нибудь императорѣ (напр. Клавдіи = qui claudii = ὁ κλαύδιος³⁾, или въ Іаковѣ Праведномъ⁴⁾, или въ самомъ ап. Павлѣ!

II. Тѣ, которые принимаютъ *отдаленно-пророческій* взглядъ на это мѣсто, объясняютъ, что отступничество человѣка грѣха есть: а) вообще—папство, или реформація, или рационализмъ, или что нибудь еще неразвившееся; или б) лично—Магометъ, Лютеръ, Наполеонъ, или какой нибудь будущій личный антихристъ; между тѣмъ какъ «задержку» видятъ или, какъ выше, въ римской имперіи, или въ германской имперіи, или, еще въ болѣе общемъ смыслѣ, въ системѣ человѣческой политики.

III. Наконецъ тѣ, которые принимаютъ совершенно широкій и субъективный взглядъ на это мѣсто, видятъ въ немъ только неопредѣленное предчувствіе того, что находитъ свое исполненіе во всякой христіанской и даже во всякой гражданской исторіи, именно постоянной борьбы двухъ противоположныхъ силъ—добра и зла, Христа и антихриста, *Ісусърь тобъ* и *Ісусърь-ца-ра*, беззаконнаго наслія и ограничивающей власти.

Изъ всѣхъ этихъ объясненій, одно только можно считать съ нѣкоторымъ основаніемъ достовѣрнымъ—именно то, которое видитъ «задержку» въ римской имперіи⁵⁾ и «удерживающаго» въ рим-

¹⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ.

²⁾ Оеодоритъ (ὁ τοῦ Θεοῦ ἔργος).

³⁾ Гиттинъ—на очень недостаточныхъ основаніяхъ.

⁴⁾ Wieseler, Chron. 268—273.

⁵⁾ „Quis nisi Romanus status?“ (Tert. de Resurr. Carn. 24). „Clausulam saeculi acerbiter horrendas commentem Romanum imperium comitatu scimus ratardari“ (id. Apol. 32). Это было тѣмъ болѣе естественно, что римская имперія считалась четвертымъ царствомъ Давида. Профессоръ Джуэtti возражаетъ: 1) что апостолъ не могъ ожидать, чтобы она такъ скоро уничтожилась;

скомъ императорѣ. Это толкованіе можно считать достаточно установившимся и оно получило уже широкое распространеніе, во-первыхъ потому, что оно соответствуетъ условіямъ, предполагающимъ нѣчто отсутствующее и осязательное; во-вторыхъ потому, что мы видимъ очевидное основаніе, почему здѣсь на это только намекается, такъ какъ выразить это прямо значило бы подвергать положительной опасности какъ писателей, такъ и общину¹⁾; и въ-третьихъ потому, что, какъ указалъ епископъ Вордсвортъ, посланіе было сначала читано публично и оессалоникийцы должны были связывать съ нимъ какое-либо значеніе, и это значеніе перешло къ намъ по преданію съ самыхъ раннихъ временъ²⁾. Каковы бы ни были дикія блужданія критической мысли, выражающейся въ формѣ комментарія, ранніе отцы по крайней мѣрѣ почти единогласно разумѣли подъ «удерживающей силой» римскую имперію³⁾ и подъ «удерживающимъ» какого-нибудь римскаго императора⁴⁾. При этомъ кажется очевиднымъ, что одна главная черта въ богохульномъ самовозношеніи и протѣиводѣйстви Богу, отличающемъ человѣка грѣха, подсказана безумными и святотатственными дѣлами Калигулы (въ 40 году по Р. Хр.), бывшими тринадцать лѣтъ предъ тѣмъ, равно какъ и гоненіями Антіоха Епифана. Другія черты могли быть подсказаны притязаніями и цародѣйствомъ Симона волхва и подобнымъ пользовавшимся широкою вѣрой обманщиковъ. Неронъ сдѣлался для христіанъ нѣсколько лѣтъ спустя олицетвореніемъ самого антихриста.

Но чтобы составить какое-либо понятіе о томъ, что разумѣлъ ап. Павелъ, мы, руководясь его вѣрой въ вѣроятную близость втораго пришествія и необходимымъ предположеніемъ, что сказанное имъ должно было имѣть какое-нибудь значеніе для его слушателей, должны принять во вниманіе: а) умозрѣнія того вѣка; б) употребленные имъ символы и в) его собственное послѣдующее выраженіе, когда онъ говоритъ о подобномъ же предметѣ.

Обращаясь же къ этимъ фактамъ, мы находимъ, что а) ап. Павелъ исполнѣ сознавалъ, что при тогдашнемъ состояніи торжества Христа не могло быть окончательнымъ или полнымъ. Онъ могъ слышать о торжественномъ вопросѣ Христа: «но Сынъ Человѣческій придѣвши найдетъ ли вѣру на

и 2) что это предположеніе не *in pari materia*. Но (1) смотри 1 Фесс. 1, 10; в. 4; 1 Кор. хvi, 22 и проч.; и (2) ап. Павелъ ежедневно видѣлъ отношеніе имперіи къ распространенію и положенію христіанства.

¹⁾ Ап. Павелъ уже видѣлъ это по опыту, даже хотя его бесѣда съ оессалоникийцами и имѣла сравнительно частный характеръ. Но когда церковь возросла и язычники нерѣдко появлялись въ ея собраніяхъ, то для нихъ было бы въ высшей степени опаснымъ говорить о разрушеніи римской имперіи, какъ предстоящемъ въ недалекомъ будущемъ.

²⁾ Равнины держались подобнаго же взгляда. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Мессія не придетъ, пока весь міръ не побѣдитъ отъ проказы“ (Лев. xii, 13) вѣдѣствіе принятія христіанства римской имперіей“ (Sanhedrin, f. 97, 1. Sotah, f. 49, 2 (Amsterd. ed.).

³⁾ Такъ Tert. De Resurr. Carnis, 24; Iren. v, 25, 26; Aug. De Civ. Dei. xx, 19; Ier. Qu. XI ad Algas.; Lact. vii, 15 и проч.

⁴⁾ Императоромъ былъ Клавдій, когда было писано это посланіе, въ началѣ 54 года по Р. Хр. Есть ли какой нибудь намекъ на его имя въ словѣ *xxthx*, я не имѣю возможности сказать. Кернъ думаетъ, что подъ „беззаконникомъ“ разумѣется Неронъ, и поэтому (въ виду того, что первыя пять лѣтъ Нерона были тѣмъ „золотымъ пятилѣтіемъ“, которое такъ восхваляютъ римскіе писатели) заключаетъ, что посланіе это подложно. Откр. xvi, 10, 11 указываетъ на божье позднее время быть можетъ на преобладающее къ удивленію мнѣніе, что Неронъ въ дѣйствительности не умеръ, но явится вновь въ должное время. Употребленные здѣсь выраженія очевидно окрашены изображеніемъ Антіоха Епифана въ Дан. xi. Онъ называется „человѣкомъ грѣха“ (*ἀνὴρ ἁμαρτωλός*) въ 1 Макк. ii, 48, 62.

землѣ?»¹⁾). Даже такъ рано въ своей дѣятельности онъ своимъ проникающимъ взглядомъ могъ замѣтить слѣды той іудейской и антихристіанской партіи, которая въслѣдствіи столь много вредила его дѣлу и отравила столь многіе годы его жизни, и о нихъ то онъ говоритъ въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ. Онъ могъ уже замѣтить зародыши различныхъ формъ гностицизма, изъ которыхъ въ своемъ посланіи къ Тимофею онъ описываетъ «бсовскія ученія» языкомъ, напоминающимъ нѣкоторыя изъ его выраженій въ этомъ мѣстѣ²⁾. И взгляды раннихъ христіанъ, какъ они выражены другими апостолами, всѣ также основывались на предостереженіяхъ, высказанныхъ Христомъ, и всѣ указываютъ въ томъ же направленіи³⁾.

Что ап. Павелъ могъ своимъ предчувствіемъ придать конкретную форму, это было естественно для него, какъ знакомаго съ ветхозавѣтнымъ пророчествомъ⁴⁾, какъ склоннаго къ олицетворенію и воспитаннаго въ ожиданіи Мессіи, который долженъ былъ явиться личнымъ побѣдителемъ всякаго беззаконія въ лицѣ исконнаго врага, *раи*, антихриста. Что это олицетвореніе могло также отчасти позаимствовать свой цвѣтъ отъ чудовищнаго нечестія и богохульнаго безумства императоровъ, въ родѣ Тиверія и Калигулы, это совершенно естественно, тѣмъ болѣе, что и въ дѣйствительности надежды и опасенія іудеевъ вліяли на міръ язычества, который въ свою очередь воздѣйствовалъ на нихъ. Въ высшей степени интереснымъ подтвержденіемъ этого факта служить то, что іудеи придавали антихристу имя *Армиллусъ* (*אַרְמִלְלוּס*). Такъ въ Таргумѣ Ионаана на Ис. xi, 4 мы находимъ: «духомъ устъ Своихъ Онъ истребитъ нечестиваго Армиллуса»; и въ Иерусалимскомъ Таргумѣ на Числ. xi, 26 и Втор. xxxiv, 2 сообщается объ Армилусѣ нечестивомъ, Тутъ, повидимому, есть намекъ на извѣстные браслеты (*armilla*), которые съ полнымъ пренебреженіемъ ко всякому общественному достоинству публично носилъ Калигула⁵⁾. Мы видимъ отсюда, каковы были предчувствія ап. Павла въ этотъ моментъ. Онъ думалъ, что не долго спустя римская имперія, по крайней мѣрѣ какъ она представлялась царствующимъ императоромъ, будетъ уничтожена; что затѣмъ существующія тенденціи нечестія и отступничества въ іудействѣ или въ самой христіанской церкви сосредоточатся въ лицѣ какого нибудь страшнаго противника, и что уничтоженіе этого противника будетъ совершенно личнымъ пришествіемъ Господа. Въ это время въ воздухѣ носились знаменія и предсказанія въ высшей степени тревожнаго характера. Гнусныя тайны императорскаго двора шепотомъ рассказывались среди народа. Носились слухи о чудовищныхъ ожиданіяхъ, о кровавыхъ дождяхъ, о неестественныхъ предзнаменованіяхъ⁶⁾. Хотя Клавдій послѣднимъ узналъ о гнусныхъ оргіяхъ своей жены Мессалины и быть можетъ меньше всѣхъ подозрѣвалъ кровожадныя намѣренія своей жены и племянницы Агриппины, однакоже въ это время даже и онъ не могъ не сознавать, что жизнь его висѣла на волоскѣ. Какъ ни мало знали еще о Неронѣ въ провинціяхъ, но можно было ожидать, еще до обманчиваго обѣщанія первой части его царствованія, что сынъ такого отца и такой матери могъ сдѣлаться лишь такимъ чудовищемъ, какимъ ожидать его отецъ и какимъ онъ въслѣдствіи и сдѣлался въ дѣйствительности. Если ап. Павелъ предполагалъ, что настоящее

¹⁾ Лук. xviii, 8.

²⁾ 1 Тим. iv, 1—3 (см. 2 Тим. i, 15; iii, 1—9; Колос. ii, 8, 16—19; Дѣян. xx, 29).

³⁾ Лук. xviii, 8; 1 Иоан. iv, 3; 2 Петр. i, 1—2; iii, 3; Откр. xii и по мѣстамъ, и посланіе Іуды.

⁴⁾ Иезек. xxxviii, 16, 17.

⁵⁾ *Suet. Calig. 52* „*Armilla in publicum processit*“ (*Hitsig, Gesch. Is. 583*). Годовщина его смерти соблюдалась какъ праздникъ (*Derenbourg. Palest. 208*). Друіе однако же поставляють *Armilla* въ связь съ *Ερμιλλος* или „*Romulus*“ (*Hamburger. Talm. Wörterb. s. v.*).

⁶⁾ *Tac. Ann. xii, 64; Suet. Claud. 43; Dion Cass. l. x, 34, 35.*

состояние правления погибнуть вместе с Клавдием, царствующим императором, и что его преемник будет «человеком греха», то его предчувствие оправдалось. Если он затѣмъ предвидѣлъ, что это представительство беззаконной и уже дѣйствующей оппозиціи Богу и Его Христу будетъ уничтожено вторымъ пришествіемъ, онъ также былъ совершенно правъ, насколько дѣло касалось іудейскихъ элементовъ и насколько подъ вторымъ пришествіемъ подразумевалось разрушеніе Іерусалима; и его ожиданія не оправдались только по тому пункту, касательно котораго всякое знаніе завѣдомо было невозможно, именно по вопросу объ опредѣленіи времени личнаго втораго пришествія Христова, въ чемъ онъ мыслилъ одинаково со всѣми христіанами въ первомъ вѣкѣ христіанства. Нѣтъ надобности удивляться также, что онъ могъ смѣшивать іудейскіе и языческіе элементы въ тѣхъ краскахъ, которыми онъ изображалъ пришествіе антихриста. Въ этомъ отношеніи онъ поступалъ совершенно согласно съ тѣмъ, что и должно было быть, и съ туманными ожиданіями язычества, не менѣе какъ и съ раввинскими мнѣніями касательно соперника Мессіи¹⁾. Далѣе этого мы не можемъ идти; и въ виду этой невозможности—въ виду того, что всѣ попытки болѣе точнаго выясненія этого предмета терпѣли неудачу, равно какъ и въ виду того, что по явному намѣренію Божию мы, столь же, какъ и оессалоникійцы, не имѣемъ точнаго знанія о времени пришествія Христа—ясно, что мы не теряемъ *жизненной истины* Евангелія вслѣдствіе нашей неспособности найти точное истолкованіе загадки, которая доселѣ остается неразрѣшимой и точный смыслъ которой, если бы онъ былъ необходимъ для насъ, не былъ бы сокрытъ отъ насъ²⁾.

ПРИЛОЖЕНІЕ XX (къ стр. 466).

Богословіе и антиноміи ап. Павла.

Мы такъ полно изложили главныя черты богословія ап. Павла въ очеркѣ посланій къ Римлянамъ, что нѣтъ надобности входить подробно въ изложеніе его здѣсь, но быть можетъ читателю будетъ удобнѣе однимъ взглядомъ обнять два изъ его наиболѣе многозначительныхъ пунктовъ. Это Рим. iii, 21—26; Тит. iii, 3—7, болѣе полное изложеніе которыхъ сдѣлано на стр. 553 и 772.

Рим. iii, 21—26: «но нынѣ, независимо отъ закона, явилась правда Божія, о которой свидѣлствуетъ законъ и пророки; правда Божія чрезъ вѣру въ Іисуса Христа во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ: ибо нѣтъ различія; потому что всѣ согрѣшили, и лишены славы Божіей, получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христѣ Іисусѣ, котораго Богъ предложилъ въ жертву умилостивленія въ крови Его чрезъ вѣру, для показанія правды Его въ прощеніи грѣховъ, содѣланныхъ прежде, во время долготерпѣнія Божія, къ показанію правды Его въ настоящее время, да явится Онъ праведнымъ и оправдывающимъ вѣрующаго въ Іисуса».

Тит. iii, 3—7: «когда же явилась благодать и человеколюбіе Спасителя нашего, Бога, Онъ спасъ насъ не по дѣламъ праведности, которыя бы мы сотворили, а по Своей милости, банею воз-

¹⁾ Лишь немного дѣтъ спустя послѣ этого времени Балбилъ, ефесскій іудей, заявившій о своемъ знаніи астрологій, пользовался пророчествами ветхаго завета для утѣренія Нерона, что онъ будетъ царемъ въ Іерусалимѣ.

²⁾ Оессалоникійцы, говоритъ бл. Августинъ, знали, что разумѣлъ ап. Павелъ, но мы не знаемъ. „Nos qui nescimus quod illi sciebant pervenire labore ad id quod sensit Apostolus cupimus, nec valemus“.

рожденія и обновленія Святымъ Духомъ, котораго излилъ на насъ обильно чрезъ Іисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатію, мы по упованію содѣлались наследниками вѣчной жизни».

Подъ «антиноміями» мы разумѣемъ видимую противорѣчивость божественныхъ фактовъ человѣческому разуму. Такія антиноміи необходимо возникаютъ, когда разумъ старается узнать нѣчто изъ абсолютнаго, выступающаго за предѣлы опыта.

Между видимыми антиноміями, оставленными безъ всякой попытки—потому что тутъ и нѣтъ никакой возможности—ихъ примиренія съ нашими конечнымъ разумомъ, въ посланіяхъ ап. Павла являются слѣдующія:

1. Предопредѣленіе. Рим. ix (гдѣ объясняется отверженіе Израиля съ объективной и богословской точки зрѣнія).
(Абсолютная зависимость).
- Свободная воля. Рим. ix, 30—х, 21 (гдѣ объясняется отверженіе Израиля съ нравственной и антропологической точки зрѣнія).
(Нравственное самоопредѣленіе).
2. Грѣхъ чрезъ паденіе Адама, Рим. v, 12—21.
Грѣхъ, какъ присущій плоти, 1 Кор. xv, 50 и слѣд.
3. Христосъ, какъ судія *всѣхъ христіанъ* при своемъ второмъ пришествіи, Рим. ii, 16; xiv, 10; 1 Кор. iii, 13; 2 Кор. v, 10.
Богъ, какъ окончательно судящій *всѣхъ людей* чрезъ Христа, 1 Кор. iv, 5 (xv, 24, 25)
4. Воздаяніе *всѣмъ* по дѣламъ, Рим. ii, 6—10; 2 Кор. v, 10.
Свободное прощеніе искупленныхъ, Рим. iv, 4; ix, 11; xi, 6.
5. Всеобщее возстановленіе и блаженство, Рим. viii, 19—23; xi, 30—36.
Двойной конецъ, Рим. ii, 5—12. «Погибель», 2 Кор. ii, 15 и проч.
6. Необходимость человѣческаго подвига, 1 Кор. ix, 24. «Такъ бѣгите, чтобы получить».
Недѣйствительность человѣческаго подвига, Рим. ix, 16: «помилуваніе зависитъ не отъ желающаго и не отъ подвизающагося, но отъ Бога милующаго».
То и другое высказывается въ Филип. ii, 12, 13: «совершайте свое спасеніе... Потому что Богъ производитъ въ васъ и хотѣніе и дѣйствіе».

Къ этимъ примѣрамъ можно бы прибавить и другіе, но ни одна изъ этихъ антиномій не должна смущать христіанина. Съ одной стороны мы знаемъ, что *omnia exeunt in mysterium*, и что мы не можемъ и пяти минутъ размышлять о какомъ либо предметѣ, имѣющемъ связь съ духовною жизнью, не достигая того пункта, при которомъ крылья души тѣсно бьются противъ стѣны адамантовой. Съ другой стороны мы должны имѣть въ виду, что ап. Павелъ почти создалъ языкъ христіанскаго богословія; что онъ часто въ одномъ словѣ включаетъ цѣлый міръ идей и что онъ всегда отка- зывается слѣдовать за великими, спасающими истинами религій въ простыя умозрительныя крайности. Если мы не можемъ жить доселѣ въ области совершеннаго и всеобщаго свѣта, мы имѣемъ по крайней мѣрѣ свѣтильникъ, который бросаетъ кругъ свѣта вокругъ насъ при ежедневномъ нашемъ хожденіи.

	Вѣкъ.	Дѣянія Апостольскія.	Римл.	1 Кор.	2 Кор.	Гал.	Ефес.	Филипп.	Колос.	1 Тим.	2 Тим.	Тит.	Филим.		
Σ—Sinaiticus, въ С.-Петербурѣ, Имп. Публ. Библ.	IV	Всѣ.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.		
A—Alexandrinus, Британск. музей.	V	Всѣ.	Все.	Все.	1—iv, 13 xii, 7 до конца.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.		
B—Vaticanus, въ Римѣ, Ватиканск. библ.	IV	Всѣ.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.		
C—Ephraemi, въ Парижѣ (Импер. библ.), Палимпсестъ.	V	1, 2—iv, 3 v, 35—x, 43 xii, 1—xvi, 37 xx, 10—xxi, 31 xxii, 21—xxiii, 18 xxiv, 15—xxvi, 19 xxvii, 17—xxviii, 5	1, 1—ii, 5 iii, 21—ix, 6 x, 15—xi, 31 xiii, 10 до конца.	1, 1—vii, 18 ix, 7—xiii, 8 xv, 40 до конца.	1, 2—x, 8	1, 21 до конца.	1, 18—iv, 17	1, 22—iii, 5	1, 2 до конца.	1, 2—ii, 9	... iii, 9—v, 20	1, 3 до конца.	1, 4 до конца.	3 до конца.	
D ₁ —Bezae, въ Кембриджѣ (Универ. библ.)	VI	1, 1—viii, 29 x, 14—xxi, 2 xxi, 10—16 xxi, 18—xxii, 10 xxii, 20—29	
D ₂ —Claromontanus, Парижъ, Импер. библ.	VI	...	1, 7 до конца.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	
E ₂ —Laudianus, Оксфордъ, (Bodleian).	VI	1, 1—xxvi, 29 xxviii, 26 до конца.	
E ₂ —Sangermanensis, СПб. (Импер. библ.) копия съ D ₂ , испорч.	X	
F ₂ —Augiensis, Trinity College, Кембриджъ.	IX	...	iii, 19 до конца.	1, 1—iii, 8 iii, 16—vi, 7 vi, 16 до конца.	Все.	Все.	Все.	Все.	1, 1—ii, 1 ii, 8 до конца.	Все.	Все.	Все.	Все.	1—21	
F ₂ —Coislinianus, въ Парижѣ. G ₂ —Angelicus, Римъ (Август. мон.).	VII IX	... viii, 10 до конца. Тотъ же самый какъ и I ₂ . См. ниже.	Некоторые Послания ап. Павла въ этомъ MS изъ I ₂ .	отрывки пос- ланий находя- щихся въ за- пискахъ на поляхъ большаго семикинижия въ переводѣ lxxx, извѣст- наго подъ назв. Cod.	даній находя- щихся въ этомъ MS изъ I ₂ .	тсѣ въ запис- кахъ на поляхъ большаго семикинижия въ переводѣ lxxx, извѣст- наго подъ назв. Cod.	тсѣ въ запис- кахъ на поляхъ большаго семикинижия въ переводѣ lxxx, извѣст- наго подъ назв. Cod.	тсѣ въ запис- кахъ на поляхъ большаго семикинижия въ переводѣ lxxx, извѣст- наго подъ назв. Cod.	тсѣ въ запис- кахъ на поляхъ большаго семикинижия въ переводѣ lxxx, извѣст- наго подъ назв. Cod.	тсѣ въ запис- кахъ на поляхъ большаго семикинижия въ переводѣ lxxx, извѣст- наго подъ назв. Cod.	тсѣ въ запис- кахъ на поляхъ большаго семикинижия въ переводѣ lxxx, извѣст- наго подъ назв. Cod.	тсѣ въ запис- кахъ на поляхъ большаго семикинижия въ переводѣ lxxx, извѣст- наго подъ назв. Cod.	тсѣ въ запис- кахъ на поляхъ большаго семикинижия въ переводѣ lxxx, извѣст- наго подъ назв. Cod.	тсѣ въ запис- кахъ на поляхъ большаго семикинижия въ переводѣ lxxx, извѣст- наго подъ назв. Cod.	
G ₂ —Boernerianus, Дрезденъ, (Королев. библ.).	IX	...	1, 1 и далѣе.	Этотъ манускриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.	скриптъ родственъ съ MS F ₂ , восполняетъ начало посланий къ Римлянамъ. Значительно испорченъ.
H ₂ —Mutinensis, Модена, (великогерцогск. библ.).	IX	v, 28—ix, 39 x, 19—xiii, 36 xiv, 3—xxvii, 4
H ₂ —Coislinianus (12 листовъ въ Парижѣ, 2 въ СПб.).	VI	x, 23—29 xi, 9—17	...	1, 4—10 ii, 9—14	iii, 7—14	...	1, 1 1, 15—ii, 5 iii, 13 до конца.
I—Fragmenta, Palimpsesta Tischendorfiana. Семь фрагментовъ, въ СПб.	V—VII	ii, 6—17 xxvi, 7—18 xxviii, 8—17	...	xv, 53—xvi, 9	1, 1—13
K ₂ —Mosquensis, въ Москвѣ.	IX	...	1, 1—x, 18	1, 13—viii, 7 viii, 12 до конца.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.
L ₂ —Angelicus, Римъ. Тоже что G ₂ .	IX	viii, 10 до конца. См. G ₂ выше.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.
M ₂ —Ruber. Фрагменты въ Гамбургѣ и Брит. музей.	X	xv, 52 до конца.	1, 1—15 x, 13—xii, 6
P—Porphyrus, издавъ Tischendorfъ. Monumenta sacra inedita (см. Alford, Vol. II).	IX	ii, 14 до конца.	...	1, 1—xii, 23 xiii, 6—xiv, 23 xiv, 39 до конца.	Все.	Все.	Все.	Все.	1, 1—iii, 16 iv, 8 до конца.	1, 1—iii, 5 iv, 17 до конца.	Все.	Все.	Все.	Все.	Все.

Таблица эта любезно составлена для насъ достопочтен. Дж. С. Норткотомъ. — Читателю неспециалисту
 есть копия третьей редакци D (Claromontanus); 3) что F (Augiensis) въ большинствѣ случаевъ тождественъ
 ешине замѣтить: 1) что D и E означаютъ различные MSS для Дѣяній и Посланій; 2) что E (Sangermanensis)
 (Boernerianus).

ПРИЛОЖЕНИЕ XXII (къ стр. 691).

Отличительные слова, основные ноты и характеристическія особенности посланій.

На индивидуальность посланій ап. Павла быть можетъ быть обращено должное вниманіе, если мы постараемся указать, какъ нѣкоторыя изъ нихъ можно въ общемъ смыслѣ характеризовать руководящими словами или понятіями.

I. Эсхатологическая группа.

1-е посланіе къ Фессалоникийцамъ.—Это посланіе отличается чрезвычайною мягкостью своего тона. Основная нота его есть надежда. Руководящія слова въ немъ *παρουσία*, *ἐλπίς*. Главная тема есть утѣшеніе на основаніи надежды на второе пришествіе, iv, 17, 18, *ἡμεῖς οἱ ζῶντες ἀρπαγισομεθα*, и проч. *παράκαλεῖτε ἀλλήλους ἐν τοῖς λόγοις τούτοις*¹⁾.

2-е посланіе къ Фессалоникийцамъ.—Основная нота есть п, 1, 2, *μὴ τάχως σαλευθῆναι*... *ὥς ὅτι ἐνέστηκεν ἡ ἡμέρα τοῦ κυρίου*. Характеристическій отдѣлъ есть ученіе о чловѣкѣ грѣха.

II. Противоудейская группа.

1-е посланіе къ Коринѳянамъ.—Любовь и единство среди разногласія мнѣній. Мелкія подробности, рѣшасмы великими началами. Жизнь *въ* мірѣ, но не *по* міру.

2-е посланіе къ Коринѳянамъ.—*Apologia pro vitā suā* ап. Павла. Руководящія слова съ I—VI «скорбь» и «утѣшеніе». Въ VIII и до конца главная идея «похвала не заслугами, но немощами».

Посланіе къ Галатамъ.—Независимый авторитетъ Апостола. Христіанская свобода отъ ига закона. Ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но...

Посланіе къ Римлянамъ.—Всеобщность грѣха и всеобщность благодати (*πᾶς* — руководящее слово). Оправданіе вѣрою. Это посланіе выражаетъ сущность богословія ап. Павла и Рим. I, 16, 17 есть сущность самаго посланія.

III. Христологическая или антигностическая группа.

Посланіе къ Филиппійцамъ.—Радость въ скорби. «*Summa Epistolae, gaudeo, gaudeo*» (Bengel).

Посланіе къ Колосссянамъ.—Христосъ все во всемъ. Полнота. Руководящая идея, п, 6, *ἐν αὐτῷ περιπατεῖτε*. «*Nic epistolae scorpus est*» (Bengel).

Посланіе къ Филимону.—Можетъ ли христіанскій господинъ относиться къ своему собрату какъ къ рабу? Главная идея, 12, *προσλαβὸν αὐτόν*.

Посланіе къ Ефессянамъ.—Христосъ въ Своей церкви. Посланіе вознесенія. Руководящія слова *χαρίς*, *τὰ ἐπουράνια*, *ἐν Χριστῷ*.

¹⁾ Habet haec epistola meram quandam dulcedinem, quale lectori dulcibus affectibus non assueto minus sapit quam ceterae severitate quadam palatum stringentes (Bengel) „Im Ganzen ist es ein Trostbrief“. Hausrath, p. 299).

IV. Пастырская группа.

1-е посланіе къ Тимофею и посланіе къ Титу.

Руководства для христіанскаго пастыря въ его отношеніи къ вѣрнымъ пасомымъ и ложнымъ учителямъ. Руководящія идеи; *цѣломудріе* въ поведеніи, *здравость* въ вѣрѣ.

2-е посланіе къ Тимофею.—Послѣднія слова. Будь бодръ и вѣренъ, какимъ и я старался быть. Приходи скорѣе, приходи до зимы; приходи прежде чѣмъ я умру. iv, 6, *ἐγὼ γὰρ ἤδη σπένδομαι*.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXIII (къ стр. 732).

Письмо Плинія къ Сабиніану въ защиту провинившагося отпущенника.

«C. Plinius Sabiniano suo S.

«Libertus tuus, cui succensere te dixeras, venit ad me advolutusque pedibus meis tanquam tuis haesit. Flevit multum, multum etiam rogavit, in summa fecit mihi fidem paenitentiae. Vere credo emendatum, quia deliquisse se sentit. Irasceres, scio, et iraceris merito, id quoque scio: sed tunc praecipua mansuetudinis laus, cum irae causa iustissima est. Amast hominem et, spero, amabis: interim sufficit ut exorari te sinas. Licebit rursus irasci, si meruerit, quod exoratus excusatus facies. Remitte aliquid adulescentiae ipsius, remitte lacrimis, remitte indulgentiae tuae: ne torseris illum, ne torseris etiam te. Torqueris enim, cum tam lenis iraceris. Vereor ne videar non rogare, sed cogere, si precibus eius meas iunxero. Jungam tamen tanto plenius et effusius, quanto ipsum acrius severiusque corripui, districte minatus numquam me postea rogaturum. Hoc illi, quem terreri oportebat; tibi non idem. Nam fortasse iterum rogabo, impetrabo iterum: sit modo tale ut rogare me, ut praestare te deceat. Vale!».

Переводъ.

«К. Плиній своему Сабиніану, привѣтствіе:

Твой отпущенникъ, который, какъ ты говорилъ мнѣ, причинилъ тебѣ большую досаду, пришелъ ко мнѣ и, бросаясь мнѣ въ ноги, не отставалъ отъ нихъ, какъ будто бы это были твои ноги. Онъ много плакалъ, много умолялъ меня, но въ то же самое время оставилъ многое невысказаннымъ и, однимъ словомъ, увѣрилъ меня, что онъ искренно раскаивался. Я вѣрю, что онъ дѣйствительно исправился, потому что онъ сознаетъ свою виновность. Я знаю, что ты гнѣваешься; что ты гнѣваешься справедливо, это я тоже знаю; но кротость какъ разъ наиболее похвальна тамъ, гдѣ гнѣвъ наиболее справедливъ. Ты любилъ этого жалкаго чловѣка, и я надѣюсь, полюбишь его опять; достаточно только уступить этому заступничеству. Если онъ когда-либо заслужитъ того, ты можешь опять разгнѣваться на него, и тѣмъ извинительнѣе, если уступишь теперь. Сдѣлай нѣкоторое извиненіе его юности, его слезамъ, уступи своему собственному доброму расположенію. Не мучь его, чтобы не мучить и себя, такъ какъ вѣдь дѣйствительно мука для чловѣка, когда онъ, будучи твоей доброй натуры, принужденъ гнѣваться. Я боюсь, какъ бы ты не подумалъ, что я не прому тебя, а принуждаю,

присоединяя мои просьбы кь его мольбѣ; но я дѣлаю это тѣмъ съ большею полнотою и охотностью, что сначала я отнесся къ нему съ строгостью и суровостью, угрожая, что никогда не замолвлю опять ни слова въ его пользу. Это я сказалъ ему потому, что его нужно было хорошенько напугать; но этого я не говорю тебѣ, потому что мнѣ быть можетъ опять придется замолвить слово за него и опять добиваться того же; если только, конечно, моя просьба выражаетъ лишь то, что мнѣ прилично просить, а тебѣ снисходить на эту просьбу. Прощай!»

ПРИЛОЖЕНИЕ XXIV (къ стр. 212 и 646).

Ироды въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ.

Если есть достаточное основаніе для правдоподобнаго предположенія, которое отождествляетъ Агриппу I и Кипру съ царемъ и царицей, выступающими въ двухъ слѣдующихъ анекдотахъ Талмуда, то мы увидимъ, что роль, которую ему приходилось играть, не всегда была легкою и даже повела къ серьезнымъ осложненіямъ.

I. Талмудъ рассказываетъ, что при одномъ случаѣ на праздникѣ въ царской кухнѣ найдена была ящерица. Она оказалась мертвою, вслѣдствіе чего весь пиръ долженъ былъ стать въ обрядовомъ отношеніи нечистымъ. Царь сообщилъ объ этомъ царицѣ, а царица раббану Гамалилу. Онъ спросилъ, гдѣ она была найдена, въ тепломъ или холодномъ мѣстѣ. «Въ тепломъ мѣстѣ», отвѣчали ему. «Такъ полейте холодной воды на нее». Они сдѣлали такъ. Ящерица ожила, и пиръ былъ объявленъ чистымъ. Такъ что, самодовольно прибавляетъ писатель, судьба цѣлаго праздника зависѣла въ концѣ концовъ отъ раббана Гамалила¹⁾.

II. Другой рассказъ болѣе серьезенъ. Во время одного праздника Пасхи царь и царица были извѣщены своими приближенными, что для нихъ были убиты два рода жертвъ—ягненокъ и козленокъ; такъ какъ оба соответствовали постановленіямъ закона, то они сомнѣвались касательно того, которую изъ двухъ жертвъ нужно было предпочесть. Царь, который думалъ, что нужно было предпочесть козленка и былъ менѣе преданъ фарисеямъ, чѣмъ его жена, послалъ спросить первосвященника Иссахара Кефаръ-Бархайскаго, думая, что такъ какъ онъ ежедневно приносилъ жертвы, то ему и лучше знать. Иссахаръ, который былъ человѣкомъ такого же надменнаго, буйнаго, склоннаго къ роскоши характера, какъ и всѣ многочисленные саддукейскіе первосвященники того времени, сдѣлалъ крайне презрительный жестъ въ лицо царю и сказалъ, что если козленокъ предпочтительнѣе, то законъ не постановлялъ бы, чтобы ягненокъ приносился въ ежедневномъ жертвоприношеніи. Негодуя на его грубость, царь приказалъ отсѣчь ему правую руку. Иссахаръ однако же подкупилъ палача и далъ отсѣчь ему лѣвую руку. Царь, узнавъ объ обманѣ, приказалъ ему отсѣчь также и правую руку²⁾. Такъ эта исторія рассказывается въ трактатѣ Песахимъ, и затѣмъ говорится, что когда воз-

никло сомнѣніе, то царь послалъ къ царицѣ, а царица къ раббану Гамалилу, который далъ совершенно резонный отвѣтъ, что такъ какъ и та и другая жертва была законная и такъ какъ царь и царица совершенно безразлично давали приказаніе объ убіеніи пасхальныхъ жертвъ, то они могли быть ту, которая была убита первую³⁾.

Такъ какъ этотъ рассказъ не былъ особенно благопріятенъ для Агриппы I, то мы находимъ достаточное основаніе для объясненія того, почему I. Флавій проходить молчаніемъ самое имя Иссахара въ своихъ замѣткахъ о первосвященникахъ⁴⁾. Его имя не было такижъ, которое бы могло пріятно звучать въ ушахъ Агриппы II. Старшій Агриппа, повидимому, на этотъ разъ прибѣгъ къ насилію, которое не было неестественно въ человѣкѣ, жившемъ при дворѣ Тиверія, но которое было грубымъ нарушеніемъ его плана угрожденія священнической партіи, между тѣмъ какъ Кипра принимала фарисеевъ подъ свое особое покровительство. Иссахаръ, повидимому, былъ между Оеофиломъ, сыномъ Ханаана, и Симономъ, сыномъ Канееры Воеузима⁵⁾. Каковы бы ни были склонности Кипры и его собственное расположеніе, для Агриппы было важно сохранить себѣ поддержку священническихъ аристократовъ; а имъ въ свою очередь было вполнѣ пріятно наслаждаться, въ быстрой послѣдовательности, въ качествѣ особаго наслѣдія подлужныя семействъ, тягостнымъ достоинствомъ преемника Ааронова.

Фарисеи съ другой стороны съ удовольствіемъ рассказывали фактъ, что лишь только Агриппа прибылъ въ Иерусалимъ, какъ онъ приказалъ вынести на колоннахъ *улама*, т. е. храмоваго притвора, массивную золотую цѣпь, полученную имъ отъ императора Кая, какъ вознагражденіе за его тюремное заключеніе⁶⁾; былъ въ высшей степени щедръ въ своихъ дарахъ народу; ежедневно присутствовалъ при жертвоприношеніяхъ въ храмѣ; обратилъ вниманіе легата Петронія на указъ Клавдія въ пользу іудейскихъ привилегій и этия навлекъ наказаніе на жителей Дора⁷⁾, которые оскорбили іудеевъ, воздвигнувъ въ ихъ синагогѣ статую императора. Они также съ одобреніемъ рассказывали, что онъ носилъ корзину съ первыми плодами въ храмъ, какъ всякій обыкновенный израильтянинъ⁸⁾, и что хотя каждый долженъ былъ уступать дорогу на улицахъ царю и его свитѣ, однако же Агриппа всегда уступалъ правую сторону дороги всякой свадебной или похоронной процессіи⁹⁾. Съ особеннымъ удовольствіемъ они останавливались на двухъ рассказахъ. По одному изъ нихъ, онъ въ одинъ день,—быть можетъ въ день своего прибытія въ Иерусалимъ,—принесъ къ жертву тысячу жертвъ. Когда онъ подвергались сожженію, то пришелъ бѣднякъ съ двумя голубями. Священникъ отказался отъ этой жертвы подъ предлогомъ, что въ тотъ день ему не приказано было приносить какихъ либо жертвъ кромѣ царскихъ; но онъ уступилъ усердной просьбѣ бѣдняка, когда узналъ, что голуби эти приносились во исполненіе обѣта, по которому онъ долженъ былъ приносить половину своего дневнаго заработка; и Агриппа съ сердечностью одобрилъ это неповиновеніе его приказанію¹⁰⁾. При другомъ случаѣ, въ праздникъ Кушъ, онъ получилъ изъ рукъ первосвященника свитокъ закона и не садясь прочиталъ дневное чтеніе, которое было Второзаконіе xvii, 14—20.

¹⁾ Id. 88 b. Когда я присутствовалъ при самарянской пасхѣ на вершинѣ горы Гаризима, то въ жертву принесено было шесть ягнятъ и одинъ козленокъ.

²⁾ Antt. xx, 10, § 1.

³⁾ Иродъ великій былъ женатъ на дочери Воеа.

⁴⁾ Middoth, iii, 7. Иос. Флавій (Antt. xix, 6, § 1) говоритъ, что она была повѣшена „надъ сокровищницей“.

⁵⁾ Jos. Antt. xix, 6, § 3.

⁶⁾ Bikkurim, iii, 4; Derenbourg. p. 217.

⁷⁾ Bab. Kethubboth, f. 17, 1; Munk. Palest. p. 571.

⁸⁾ Vayyikra—rabba, iii.

¹⁾ Pesachim, f. 88, 2.

²⁾ Pesachim, f. 57, 1. Въ трактатѣ Kerithoth, f. 28, 2 рассказывается объ этомъ съ нѣкоторыми варіаціями и царь называется Іапсеомъ. Однако же Талмудъ вообще придаетъ это имя Асмонойскимъ царямъ (Derenbourg, p. 211). Не возникъ ли этотъ дикій рассказъ вслѣдствіе негодованія іудеевъ противъ перваго первосвященника, который носилъ перчатки для того, чтобы не замарать своихъ рукъ во время жертвоприношенія?

Когда онъ дошелъ до словъ: «не можешь поставить надъ собою царемъ иноплеменца, который не братъ тебѣ», мысль о его собственномъ иудейскомъ происхожденіи промелькнула въ его душѣ, и онъ залился слезами. Но со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ: «не бойся, Агриппа, ты нашъ братъ, ты нашъ братъ» ¹⁾).

Агриппа прибѣгалъ и къ другимъ дѣйствіямъ, которыя могли приобрести ему одобрение народа, не менѣе чѣмъ и одобрение фарисеевъ. Такова была напр. ранняя отмена имъ домовой подати въ Иерусалимѣ, которая считалась особенно обременительною, а также и построение имъ новаго квартала святаго города, называвшагося Везеа ²⁾. Раввины, правда, отказались признать за новымъ округомъ святость стараго, потому что онъ открытъ былъ не въ присутствіи царя, пророка, Урима и Тумима, синедриона изъ семидесяти одного члена, двухъ процессій и хора ³⁾. Отнюдь не невѣроятно, что этимъ прибавленіемъ къ Иерусалиму имѣлось въ виду главнымъ образомъ усилить его естественныя средства защиты и что Агриппа питалъ тайное намѣреніе сдѣлаться независимымъ отъ Рима. Если такъ, то его планы были разстроены бдительною зоркостью Вибія Марса ⁴⁾, который былъ посланъ Петроніемъ префектомъ Сиріи. Онъ письменно извѣстилъ императора о подозрительныхъ дѣйствіяхъ Агриппы, и императорскимъ указомъ повелѣно было остановить работы по этимъ постройкамъ. Петроній находился въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Агриппой, но Марсъ не довѣрялъ ему и жестоко оскорблялъ его ⁵⁾. По окончаніи величественнаго театра и другихъ зданій, которыя онъ подарилъ Бериту, онъ былъ посѣщенъ множествомъ сосѣднихъ князей—Антиохомъ, царемъ Коммагенскимъ, Самсигерамомъ Емесскимъ, Котисомъ изъ Малой Арменіи, Полемономъ изъ Понта и его братомъ Иродомъ, царемъ Халкидскимъ. Эти царственные посѣщенія вѣроятно имѣли не просто характеръ любезности, но могли быть узломъ заговора противъ римской власти. Если такъ, то ихъ замыслы были разсѣяны презрительной энергіей префекта, который относился съ истинно римскимъ равнодушіемъ къ блестящему безсилію этихъ восточныхъ вассаловъ. Такъ какъ собраніе происходило въ Тиверіадѣ, то онъ отправился туда, и Агриппа, въ характерѣ котораго, равно какъ и въ характерѣ всего его рода, была большая склонность къ показному величію ⁶⁾, выѣхалъ на семьсотъ сажень изъ города, на встрѣчу ему, съ пятью другими царями въ своей колесницѣ. Марсу не понравилось зрѣлище этой комбинаціи, и онъ

¹⁾ Sota f. 41, 1, 2. Но, какъ показываетъ Деренбургъ, не было недостатка и въ строгихъ раввинахъ, которые безъ смущенія осуждали это „дѣлательство царю“ (См. также Jost, Gesch. d. Judenthums, 420. Неизвѣстно еще съ достовѣрностью, не можетъ ли этотъ анекдотъ относиться къ Агриппѣ II). Продолжая рассказъ касательно совѣта Бабы-Бенъ-Бути Ироду Великому касательно возобновленія храма, Талмудъ прибавляетъ, что римляне отнюдь не относились къ этому съ сочувствіемъ, но что дѣло было уже на половину сдѣлано до возвращенія посланника, которому намѣрено приказано было провести три года въ своей миссіи. Между прочимъ, римляне говорили: „если ты, благодаря насилію, успѣлъ у себя дома, то мы здѣсь имѣемъ генеалогію. Ты же царь, ты сынъ царя, но освобожденный рабъ“ (Babha Bathra, f. 3, 2).

²⁾ I. Флавій (B. J. v, 4, § 2) говоритъ, что это слово означаетъ „новый городъ“; но въ другихъ мѣстахъ (Antt. xii, 10, § 2; 11, § 1) онъ пишетъ его въ формѣ *Бео-Зео* или „домъ масличъ“. Въ Сирійскомъ переводѣ Дѣян. 1, 12, *ἐλθὼν ἐν τῷ ἐλαιῶνι*, передается *Бео-Зео*; и въ B. J. ii, 19, § 4 Иос. Флавій повидимому дѣлаетъ различіе между Везеа и новымъ городомъ (Munk, Palest., p. 45). Деренбургъ однако же думаетъ, что Везеа есть транскрипція халдейскаго *Бео-Гада*, и что Иос. Флавій правъ (Palest., p. 218).

³⁾ Jer. Sanhedr. i, 3; Иос. Флав. B. J. v, 4, § 2.

⁴⁾ Иос. Флав. B. J. ii, 11, § 6.

⁵⁾ Иос. Флав. Antt. xix, 7, § 2.

⁶⁾ Такъ на монетѣ, изображеніе которой дано Аккерманомъ въ его „Numism. Illustr.“, онъ называется βασιλεὺς μέγας.

послалъ своихъ слугъ къ царямъ съ холоднымъ приказаніемъ, что имъ лучше всего сразу же отправиться по домамъ. Вслѣдствіе этого то преднамѣреннаго оскорбленія, послѣ смерти Агриппы, Клавдій, въ уваженіе къ его памяти и вслѣдствіе просьбы, полученной отъ него, лишилъ Марса его положенія и на мѣсто его послалъ Кассія Лонгина ¹⁾.

Агриппа и Вереника.

Въ груди Агриппы II, повидимому, никогда не теплилась ни искры истиннаго патриотизма. Онъ былъ такимъ же полнымъ отступникомъ, какъ и его другъ Иосифъ Флавій ²⁾, но безъ его изворотливости и гения. Всѣ свои ранніе годы онъ провелъ въ отравленной атмосферѣ такихъ дворцовъ, какъ дворы импер. Кая и Клавдія, и теперь находился въ превосходныхъ отношеніяхъ съ Нерономъ. Уже то обстоятельство, что онъ былъ фаворитомъ у Мессалинъ, Агриппинъ и Поппей, и вообще двора, переполненнаго самыми низкими интригами, съ достаточностью осуждаетъ его. Дѣлавшіяся имъ назначенія на первосвященство были также худы, какъ и назначенія его предшественниковъ, и онъ навлекъ на себя неудовольствіе іудеевъ тою быстротою, съ которою онъ постоянно производилъ сдѣлки. Почти единственно выдающимся событіемъ, отмѣчающимъ его царствованіе, былъ споръ касательно одного вида изъ окна. Въ крайне непатриотическомъ и непочтительномъ духѣ онъ такъ устроилъ банкетный залъ во дворцѣ Ирода, въ Иерусалимѣ, что видъ изъ него открывался на дворы храма. Залъ этотъ предназначался для двойкой цѣли—удовлетворять дѣльное любопытство своихъ гостей при возлежаніи за столомъ, давая имъ зрѣлище на богослуженіе храма во всѣхъ его священнѣйшихъ подробностяхъ, а также поддерживать нѣкоторое шпіонство надъ движеніями Богомольцевъ, что во всякій моментъ дало бы ему возможность извѣстить римскихъ воиновъ, если только было произведено какое нибудь вмѣшательство. Негодуя на этотъ примѣръ презрительнаго любопытства и презрительнаго коварства, іудеи возвели стѣну, которая заградила этотъ видъ. Агриппа, не имѣя возможности самъ сдѣлать что нибудь, призвалъ на помощь прокуратора. Стѣна іудеевъ заграждала не только видъ Агриппы, но также и видъ коменданта башни Антоніи, и Фестъ приказалъ имъ снести ее. Іудеи воспротивились этому требованію съ своею обычною рѣшительною яростью, и Фестъ настолько уступилъ, что позволилъ имъ отправить посольство въ Римъ въ ожиданіи рѣшенія кесаря. Іудеи отправили Измаила Бенъ Фаба первосвященника, Хелкію казначея и другихъ знатныхъ посланниковъ, и, коварно склонивъ на свою сторону Поппею,—которая будто бы была прозелиткой (если вѣрно, то такой прозелиткой, которой искренно должны были бы стыдиться іудеи), добились рѣшенія въ свою пользу. Женщины въ родѣ Поппей, пантомимисты въ родѣ Алитуты—таковы были въ это время защитники храма для іудеевъ противъ ихъ нечистокровныхъ царей! Затѣмъ мы мало слышимъ что нибудь объ Агриппѣ II до самаго начала войны, закончившейся разрушеніемъ Иерусалима. Какъ и можно было ожидать, онъ, подобно Иосифу Флавію, подобно Тиверію Александру и другимъ знатымъ ренегатамъ, оказался въ рядахъ римскихъ завоевателей, начавшихъ войну противъ святаго города. Онъ вѣроятно видѣлъ, какъ храмъ погибалъ среди разрушительнаго пламени. Подобно Иосифу Флавію, онъ могъ изъ римскаго окна наблюдать величественную процессію, въ которой побѣдитель торжественно несъ священную добычу храма, въ то время какъ

¹⁾ Иос. Флав. Antt. xix, 8, § 1.

²⁾ Напр. онъ перемѣнилъ названіе Кесарія Филипповой на названіе Неронія; ограбилъ Іудею для украшенія Берита и даже снисшелъ до прозванія *Марка*, которое встрѣчается на одной изъ его монетъ (Antt. xx, 9, § 4; Eckhel, Doct. Num. Vet. iii, 493).

жалкие плѣнники изъ числа его соотечественниковъ угнетеннымъ шагомъ шли у высокой колесницы торжествующаго побѣдителя. Послѣ этого онъ подвергся заслуженной неизвѣстности и закончилъ свою легкомысленную жизнь опозоренной старостью.

Такимъ былъ князь, прибывшій для привѣтствія Феста, и онъ былъ сопровождаемъ своей сестрой, которая пользуется печальною извѣстностью даже среди наиболѣе худославныхъ знатныхъ женщинъ того развращеннаго времени. Вереника была Лукреція Вирджіа Иродова рода. Она была прекрасна, какъ и всѣ княжны этого дома. До шестнадцатилѣтняго возраста она вышла замужъ за своего дядю Ирода Халкидскаго и, оставшись вдовою менѣе чѣмъ двадцатилѣтняго возраста, отправилась въ Римъ, чтобы жить тамъ съ своимъ одинаково юнымъ братомъ. Ея красота, знатность, блескъ ея драгоценностей и интересъ и любознательность, привлекаемые ея родомъ и домомъ, сдѣлали ее выдающею личностью въ обществѣ столицы, и брилліантъ, какъ бы онъ ни былъ блестящъ и цѣненъ, увеличивался еще въ цѣнѣ, если было извѣстно, что онъ когда нибудь сверкалъ на пальцѣ Вереники и былъ подаркомъ ей отъ ея брата ¹⁾. Отношенія между ними давали поводъ къ самымъ грязнымъ толкамъ, которые находили полное довѣріе, такъ какъ въ поведеніи или характерѣ этихъ лицъ не было ничего такого, что бы могло противорѣчить этимъ толкамъ. Толки эти сдѣлались такъ настойчивы, что Вереника стала добиваться новаго брака. Она заключила брачный союзъ съ Полемономъ II, царемъ Халкидскимъ, настоявъ однако же, чтобы онъ избавилъ ее отъ всякаго нарушенія іудейскаго закона, подчинившись обряду обрѣзанія ²⁾. Обрѣзанія, а не обращенія, — вотъ все, чего она требовала. Обвиненіе, высказываемое какъ ап. Павломъ въ его посланіяхъ, такъ и писателями Талмуда, настолько истинно въ томъ отношеніи, что іудеи настаивали на обрѣзаніи единственно для того, чтобы имъ можно было похвалиться въ плоти ³⁾. Подчиненіе язычника этому требованію, въ знакъ внѣшняго почтенія, было все, о чемъ они заботились, и когда это было сдѣлано, то *геръ* могъ идти своей распутной дорогой — хоть даже въ геенну ⁴⁾. Обрѣзаніе для нихъ значило больше, чѣмъ всѣ положительныя постановленія, и поэтому ставилось даже выше любви къ Богу или любви къ ближнему ⁵⁾. Безъ сомнѣнія, Полемонъ стояло чего нибудь принятіе обрѣзанія съ цѣлью удовлетворить правотѣрпную тщательность распутной іудейки; но ея богатство было слишкомъ могущественной приманкой, чтобы можно было устоять противъ нея. Конечно нельзя было считать вѣроятнымъ, чтобы такой бракъ могъ быть прочнымъ. Онъ очень скоро былъ нарушенъ бѣгствомъ Вереники, послѣ чего Полемонъ немедленно сбросилъ всякую тѣнь приверженности къ іудейской религіи, и Вереника возвратилась въ домъ своего брата, пока ея хорошо сохранившаяся, но уже состарѣвшаяся красота вмѣстѣ съ щедростію ея подарковъ не покорила себѣ сначала стараго Веспасіана, а затѣмъ его сына Тита ⁶⁾. Покоритель Іудеи былъ такъ ослѣпленъ любовью къ этой безупрочной княгинѣ, что онъ взялъ ее съ собою въ Римъ и серьезно разсчитывалъ сдѣлать ее

¹⁾ „Adamas notissimus, et Verenices
In digito factus pretiosior; hunc dedit olim
Barbarus incestae, dedit hunc Agrippa sorori“.

Juv. Sat. vi, 156; Jos. Antt. xx, 6, § 3.

²⁾ Antt. xx, 7, § 3.

³⁾ Гал. vi, 13. Конечно іудеи считали торжествомъ для себя сдѣлать царя не только *геръ* *ошайбъ* или прозелитомъ вратъ (Исх. xx, 14), но даже и *геръ гаидекъ*, „прозелитомъ праведности“ или „завѣта“. Эти послѣдніе презирались какъ іудеями, такъ и язычниками (*Suet. Claud. 25; Domit. 12; Yebhamoth, xlvii, 4; см. Weistien on Matt. xxiii, 15*).

⁴⁾ См. *Mc. Caul, Old Paths*, pp. 63 seqq.

⁵⁾ Nedarim, f. 32, c. 2.

⁶⁾ *Jos. Antt. xx, 7, § 3.*

участницей своего императорскаго трона ¹⁾. Но это было болѣе, чѣмъ сколько могли вынести римляне, далеко превосходило все, чему могло уступить ихъ рабство и льстительство. Ропотъ и негодованіе, возбужденные этимъ предполагаемымъ бракомъ, были такъ сильны и открыты, что Титъ увидѣлъ, какъ было бы опасно жениться на іудейкѣ, имя которой обезчещено было самымъ худшимъ позоромъ. Онъ отпустилъ ее — *invitus invitam*, и мы ничего больше не слышимъ о ней. Такъ въ пятую поколѣніи солнце Иродова дома закатилось въ безвѣстной темнотѣ, взойдяши предъ тѣмъ въ крови; а вмѣстѣ съ нимъ померкъ также и болѣе древній и чистый блескъ Асмонейскихъ князей. Они смѣшали почетную кровь Іуды Маккавей съ кровью Идумейскихъ авантюристовъ, и наследники величественнѣйшихъ преданій іудейскаго патриотизма погибли вмѣстѣ съ представителями худшихъ интригъ времени іудейскаго паденія.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXV (къ стр. 745).

Фразеологія и ученіе посланія къ Ефесянамъ.

Въ этомъ посланіи есть нѣкоторыя новыя и рѣдкія выраженія; ²⁾ но они достаточно объясняются своеобразностью писателя и особенностью предметовъ, которыми ему приходилось заниматься. Чудовищно предполагать, чтобы въ сочиненіяхъ такого живаго и свѣжаго чловека, какъ ап. Павелъ, словарь не разнообразился широко на протяженіи почти двадцати лѣтъ въ сочиненіяхъ, писанныхъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ, весьма различнымъ общинамъ и по поводу весьма различныхъ богословскихъ споровъ. Большое несходство въ мысли и выраженіи между посланіями *допускаемой* подлинности должно съ достаточностью показывать, какъ неосновательно пренебрегать большими вѣроятностями и почти всеобщимъ свидѣтельствомъ на основаніи особенностей, многія изъ которыхъ можно усмотрѣть только при тщательномъ анализѣ. Нужно помнить, что въ этотъ періодъ фразеологія христіанства находилась въ пластическомъ, можно почти сказать, въ текучемъ состояніи. Ни одинъ апостолъ, ни одинъ писатель вообще не внесъ въ нее и десятой доли той связности и точности, сколько ап. Павелъ. Должны ли мы поэтому отвергать это посланіе и посланіе къ Колоссянамъ на такихъ непрочныхъ основаніяхъ, какъ тотъ фактъ, что въ нихъ въ первый разъ онъ говоритъ о прощеніи грѣховъ какъ *ἄφεσις* (Ефес. i, 7; Колос. i, 14) вмѣсто того, чтобы сказать *πάρεσις* (Рим. iii, 25); или что въ посланіи къ церкви, состоящей преимущественно изъ язычниковъ, онъ говоритъ «еллины и іудеи» (Кол. iii, 11) вмѣсто «іудеи и еллины» (Рим. i, 16 и проч.); или что онъ употребляетъ слово «церкви» въ болѣе отвлеченномъ и общемъ смыслѣ, чѣмъ въ своихъ прежнихъ посланіяхъ; или что онъ употребляетъ риторическое выраженіе, что Евангеліе было проповѣдано во всемъ мірѣ (Кол. i, 6, 23)? При такомъ способѣ разсужденія было бы возможно доказать въ отношеніи почти всякаго много писавшаго автора, что половина приписываемыхъ ему произведеній написана кѣмъ-нибудь другимъ. Такая аргументація только заваливаетъ бесполезнымъ мусоромъ поле критицизма. Въ нихъ есть правда одно весьма необычное выраженіе, своеобразность котораго допускается всѣми добросовѣстными критиками. Это именно замѣчаніе, что тайна Христа теперь открылась «святымъ апостоламъ и пророкамъ»

¹⁾ *Suet. Tit. 7; Tac. H. ii, 81.*

²⁾ Таковы или *ἀπὰς λεγόμενα*, необычныя выраженія какъ *τὰ ἐπουράνια, κοσμοκράτορες, πολυποίκιλος, περιποίησις, ἀφθάρτα, διάλογος*.

(ш, 5). Подъ пророками (какъ во и, 20; ив, 11) несомнѣнно разумѣются пророки Новаго Завѣта—тѣ, которые получили отъ Духа Святаго особенные дары озаренія; но знителъ этотъ является неожиданнымъ. Его можно объяснить только общимъ достоинствомъ и полнотою (*σεμνότης*) стиля, которымъ написано это посланіе; и этотъ знителъ, если онъ подлинный, есть, какъ едва ли нужно говорить объ этомъ, официальный и безличный.

Было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы отрицательная критика могла привести хотя одинъ рѣшительный примѣръ ученія несвойственнаго богословію ап. Павла. Демонологія посланія тождественна съ демонологіей раввинскаго воспитанія Павла¹⁾. Ученіе о первородномъ грѣхѣ, даже если бы оно и отнюдь не непременно выводилось изъ Ефес. и, 3 (чего однако же нѣтъ, такъ какъ слово *ἐν τῇ* не тождественно съ словомъ «по рожденію»), совершенно съ такою же ясностью заключается въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ. Сошествіе Христа во адъ не съ необходимостью заключается въ ив, 8; и даже если бы это было такъ, то вѣсело бы то обстоятельство, что ап. Павелъ нигдѣ не указываетъ на него, не представляетъ ни тѣни доказательства, что онъ не держался его. Методъ цитированія св. Писанія есть методъ всѣхъ иудейскихъ писателей въ вѣкѣ Павла, и воспоминанія Ветхаго Завѣта въ ив, 8 и в, 14 (если послѣднее мѣсто есть воспоминаніе) едва ли имѣютъ болѣе чисто буквальный характеръ, чѣмъ другія, встречающіяся въ посланіяхъ, касательно которыхъ никогда не высказывалось никакихъ сомнѣній. Съ другой стороны открыто допускается всѣмъ, что во всѣхъ существенныхъ особенностяхъ воззрѣнія этого посланія носятъ на себѣ явную печать воззрѣній ап. Павла. Отношенія христіанства къ иудейству; всеобщность человѣческаго растлѣнія черезъ грѣхъ; потопленіе язычества и иудейства въ высшемъ единствѣ христіанства; преимущество, даваемое вѣрѣ и любви; безусловная свобода благодати; недостаточность и однако же нравственная необходимость добрыхъ дѣлъ—все это находится въ абсолютномъ согласіи съ самыми основными воззрѣніями признанныхъ посланій ап. Павла. Если нѣкоторыя изъ этихъ великихъ истинъ богословія здѣсь получаютъ болѣе полное, болѣе зрѣлое и болѣе самостоятельное развитіе, то это лишь такого рода фактъ, котораго мы должны были ожидать отъ сильнаго ума, никогда не перестававшаго возрастать въ благодати и премудрости и считавшаго возростаніе въ благодати и премудрости естественнымъ преимуществомъ христіанской души. Съ другой стороны мы могли бы вполне изумляться, если бы первыя сто лѣтъ послѣ смерти Христа произвели такого совершенно неизвѣстнаго писателя, который, принимая имя Павла, раскрываетъ истину, порученную ему открытій, съ такою изумительною силою, которую рѣдко выказывалъ и самъ апостолъ и несомнѣнно никогда не превосходилъ ее. Пусть всякій изучитъ писанія мужей Апостольскихъ, и онъ вполне удивится той легкости, съ которою писатели Тюбингенской школы и ихъ послѣдователи допускаютъ существованіе Павловъ, которые жили и умерли въ полной безвѣстности, хотя въ умственномъ и духовномъ отношеніяхъ они были равными самому апостолу, если даже не превосходили его! Ни въ какомъ еще посланіи точка зрѣнія не имѣетъ такой ясности, возвышенности и законченности; ни въ одномъ другомъ посланіи ученіе не составляетъ столь очевиднаго результата и плода истинъ, которыя предъ тѣмъ были раскрыты менѣе полно и глубоко; нигдѣ не является такого полного цѣлѣнаправленія отъ ростковъ, при насажденіи которыхъ мы, такъ сказать, были свидѣтелями. Въ верховныхъ эпохическо-людовѣческаго просвѣщенія повидимому цѣлыя столѣтія мысли отдѣляютъ между собою сочиненія нѣсколькихъ годовъ. Вопросы, занимающіе апостола въ посланіяхъ къ Фессалоникийцамъ и къ Галатамъ, повидимому, лежатъ безконечно далеко за предѣлами цѣли, которой теперь достигли его мысли. Въ болѣе раннихъ посланіяхъ онъ занятъ былъ охраненіемъ свободы язычниковъ отъ тираннической

¹⁾ *Takkeifis*—общество бѣсовъ, и *Исбаанитъ* (см. Berachôth. f. 51, 1).

узкости иудейской обрядности: здѣсь, съ другой стороны, онъ останавливается на предопредѣленномъ величинъ равной и всеобщей церкви. Въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ онъ обосновываетъ права христіанства на «философіи исторіи религіи», показывая, что Христосъ есть второй Адамъ и обтѣлованное сѣмя Авраама; здѣсь онъ созерцаетъ планъ, предопредѣленный до начала вѣковъ земли, и стремленіе ихъ къ назначенной цѣли, такъ что зонъ за зономъ открываютъ новыя формы и виды много-различной премудрости, и язычники (*καὶ ἑθνεῖς*, 1, 13), равно какъ и иудеи, включаются въ предопредѣленное избраніе (*ἐκκλησίαν, προορισθέντες*, 1, 11) для искупленія удела Христова (*περιποίησις*, 14). Чтобы не останавливаться болѣе на изложеніи многообразныхъ сторонъ этого, такъ называемаго, «безцѣльнаго» посланія, достаточно сказать, что тотъ способъ, которымъ оно выражаетъ идею пораженія духовной смерти чрезъ единеніе съ воскресшимъ Христомъ (и, 1—6); настоящая реализація, имманентное сознаніе общенія съ Богомъ; всепроникающее верховенство Бога во Христѣ; важность чистаго духовнаго познанія; достоинство, придаваемое церкви какъ дому (и, 20—22); тѣлу (и, 12—16) и невѣстѣ (в, 25—27) Христа—все это дѣлаетъ его самымъ возвышеннымъ, самымъ глубокимъ и, если можно употребить такое выраженіе, самымъ развитымъ и законченнымъ выраженіемъ той тайны Евангелія, которую и дано было ап. Павлу впервые провозгласить во всей ея полнотѣ языческому міру.¹⁾ Неудивительно, что когда эти истины разъ нашли выраженіе, онѣ должны были оказывать нѣкоторое вліяніе на ученіе апп. Петра и Іоанна; но это отнюдь не составляетъ основанія для того, чтобы съ подозрѣніемъ относиться къ подлинности самаго посланія²⁾.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXVI (къ стр. 757).

Данный въ доказательство освобожденія ап. Павла.

Главныя мѣста касательно остальной жизни ап. Павла, имѣющія важное историческое значеніе, слѣдующія:

1. Климентъ Римскій, вѣроятно личный другъ и сотрудникъ ап. Павла, если только это тотъ Климентъ, который упоминается въ Филип. ив, 3³⁾, но несомнѣнно епископъ римскій и писатель перваго столѣтія, говоритъ слѣдующее:

«Вслѣдствіе зависти, Павелъ также получилъ награду за терпѣніе, семь разъ будучи заковываемъ въ цѣли, изгоняемъ и побиваемъ камнями. Послѣ того, какъ онъ проповѣдывалъ Евангеліе, какъ на востокъ, такъ и на западъ, онъ пріобрѣлъ высокую славу за свою вѣру, научивши праведности весь міръ и дошедши до предѣловъ запада, и свидѣтельство⁴⁾ предъ начальниками. Такъ

¹⁾ Не смотря на все мое разногласіе съ Пфлейдереромъ, его сочиненіе *Paulinismus* (и, 162—193, въ англійскомъ переводѣ) оказало мнѣ большую помощь при изученіи этого посланія.

²⁾ См. 1 Петр. 1, 14 (Ефес. ив, 14); 1 Петр. 1, 20 (Ефес. 1, 4); 1 Петр. 1, 7 (Ефес. 1, 6); 1, 5 (Ефес. ив, 5); и, 9 (Ефес. 1, 14); 1, 3 (Ефес. 1, 17); и, 11 (Ефес. ив, 3), ив, 7 (Ефес. ив, 6); в, 10 (Ефес. ив, 2) и проч. См. Weiss, *Petrinisch. Lehrbegr.* 434.

³⁾ Мы можемъ только сказать, что это древнее и не невозможное преданіе (См. *Lightfoot*, *Philippians*, pp. 166—169).

⁴⁾ Слово это въ этотъ періодъ еще не значило *непретѣнно* «посвоенное мученичество», но вѣроятно уже намекало на него.

онъ былъ освобожденъ отъ міра и отошелъ въ святое мѣсто, показавъ себя преимущественнымъ примѣромъ терпѣнія» ¹⁾).

II. Отрывокъ Мураторіева канона (около 170 года по Р. Хр.), хотя темень и испорченъ и даетъ возможность только къ неубѣренному предположенію и толкованію, однако же въ общемъ, повидимому, указываетъ на тотъ фактъ, что «ап. Павелъ отправился изъ города на своемъ пути въ Испанію» ²⁾).

III. Евсевій, въ четвертомъ столѣтіи, говоритъ:

«Есть преданіе, что послѣ своей защиты апостолъ опять отправился на служеніе своей проповѣди, и во второй разъ вступивъ въ тотъ же городъ (Римъ), завершилъ свое служеніе мученичествомъ предъ нимъ (Неронъ)» ³⁾.

IV. Св. Златоустъ (умеръ въ 407 году) говоритъ:

«Побывавъ въ Римѣ, онъ опять отправился въ Испанію. Но возвратился ли онъ оттуда въ эти страны (востока), мы не знаемъ» ⁴⁾.

V. Ва. Геронимъ (умеръ въ 420 году) говоритъ, что «Павелъ былъ освобожденъ Нерономъ, дабы онъ могъ проповѣдывать Евангеліе Христа также и въ странахъ запада» ⁵⁾.

Мы не обращаемъ вниманія на найденную, будто бы, въ Испаніи надпись (Gruter, pp. 238—9), которая признательно рассказываетъ, что Неронъ очистилъ эту провинцію отъ разбойниковъ и отъ приверженцевъ новаго суетвѣрія; потому что даже при предположеніи, что она подлинна, она не имѣетъ непрямоотношенія къ этому вопросу. Притомъ ни одинъ еще другой писатель, хотя бы малѣйшаго авторитета, не представляетъ никакихъ болѣе или менѣе важныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, такъ какъ нельзя думать, чтобы для рѣшенія его могли имѣть хотя нѣкоторую вѣроятность общія утвержденія Кирилла Іерусалимскаго и Теодорита, что ап. Павелъ посѣщалъ Испанію; равно какъ нельзя принимать въ смыслъ противоположнаго доказательства то, что Оригенъ не упоминаетъ Испаніи, когда онъ замѣчаетъ, что «онъ проповѣдывалъ Евангеліе отъ Іерусалима до Илірии и внослѣдствіи былъ замученъ въ Римѣ во время Нерона». Даже въ такой поздній періодъ, какъ четвертое столѣтіе, ни одинъ писатель не осмѣливается болѣе чѣмъ отдаленно намекать на предполагаемый фактъ, откуда можно заключать, что касательно этого предмета не существовало ни одной подробности и что преданіе ничего осизательнаго не можетъ прибавить къ тѣмъ даннымъ, которыя сообщаются

¹⁾ Διὰ τούτων [καὶ ὁ] Παῦλος ὑπομονῆς βραβεῖον ὑπέσχετο, ἐπτακίς δευρὰ φορέσας, πυγάζεσθαι, λιθοβολεῖς, κήρυξ γενόμενος ἐν ταῖς τῇ ἀντιόχει καὶ [τῇ] δόσει, τὸ γενναῖον τῆς πίστεως αὐτοῦ κλέος ἔλαβεν, δικαιοσύνην διδάξας ἕως τῆς κόσμου καὶ ἐπὶ τὰ τέμνη τῆς δόσεως ἐλθὼν, καὶ μαρτυρήσας ἐπὶ τὸν ἡγομένον οὕτως ἀπηλλάγη τοῦ κόσμου καὶ εἰς τὸν ἄγιον τόπον ἐπορεύθη, ὑπομονῆς γενόμενος μέγιστος ὑπογκριμῆς. Ep. 1 ad Cor. 5 (см. Lightfoot, Epistles of Clement, pp. 46—52).

²⁾ „Lucas obtine Theophile comprindit quia sub praesentia ejus singula gerebantur, sicuti et emote passionem Petri evidenter declarat, sed protectionem Pauli ab urbe ad Spaniam proficiscentis...“

³⁾ Τότε μὲν οὖν ἀπολογησάμενος, αὐθις ἐπὶ τὴν τοῦ κηρύγματος διακονίαν λόγος ἔχει στείλασθαι τὸν ἀπόστολον, δεύτερον δ' ἐπιβάντα τῇ αὐτῇ πόλει τῇ κατ' αὐτὸν (Νέρωνα) τελειοθῆναι μαρτυρίῳ (Euseb. H. E. II, 22, 25). Онъ приводитъ Діонисія Коринфскаго для того, что ап. Петръ и Павелъ оба были въ Римѣ (id. ib. 25), о чемъ говорить также Игнатій (ad Rom. iv).

⁴⁾ Μετὰ τὸ γενέσθαι ἐν Ρωμῇ πάλιν εἰς τὴν Σπανίαν ἀπῆλθεν· εἰ δὲ ἐκεῖθεν πάλιν εἰς ταῦτα τὰ μέρη οὐκ ἴσμεν (Злат. на 2 Тим. iv, 20).

⁵⁾ Sciendum est... Paulum a Nerone dimissum ut evangelium Christi in occidentis quoque partibus praedicaret... (Jer. Catal. Scrip.). См. также Tert. Scorp. 15, De Praescr. 36; Lactant De Mort. Persec. 2.

Новымъ Заветомъ, или къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ ведетъ онъ. Съ другой стороны свидѣтельство псевдо-Діонисія (въ 170 году по Р. Хр.), что ап. Петръ и Павелъ, послѣ основанія церкви въ Коринѣ, отправились въ Италію—повидимому выѣстъ (ἐμῆστε)—и были тамъ замучены около одного и того же времени, въ нѣкоторой степени неблагоприятно испанскому путешествію и во всякомъ случаѣ доказываетъ, что даже во второмъ столѣтіи преданіе старалось скрывать свое невѣденіе въ заблужденіи нескѣ ошибочныхъ общихъ предположеній.

Если насъ спросятъ, каково историческое значеніе этихъ данныхъ, то мы должны отвѣтить, что оно очень небольшое. Свидѣтельство Климента, который допускаетъ, что оно подлинно, имѣло бы важность вслѣдствіе своего ранняго происхожденія, если бы оно не было столь неопредѣленнымъ. Это чисто риторическое мѣсто, въ которомъ, повидимому, имѣется въ виду сравнить ап. Павла съ солнцемъ, восходящимъ на востокъ и заходящимъ на западъ. Выраженія, что «онъ училъ праведности весь міръ», показываетъ, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло скорѣе съ восторженными фразами, чѣмъ съ строгими фактами. Выраженіе «дошедшаго до предѣловъ запада» не говоритъ въ пользу путешествія въ Испанію. «Предѣлъ запада» (хотя несомнѣнно для автора, писавшаго изъ Рима, подъ этимъ разумѣлся бы Испанія, если бы онъ говорилъ простой и ясной прозой) не заключаетъ непремѣнно такого значенія въ нынѣшнемъ сравненіи и меньше всего при предположеніи, что родиной писателя были Филиппы. Если однако же здѣсь разумѣется Испанія и если слово «неся свидѣтельство» (μαρτυρήσας) означаетъ мученичество, то авторъ, понимаемый буквально, разумѣлъ бы, что ап. Павелъ погнѣ въ Испаніи. Аргументъ, что выраженіе «предъ начальниками» вѣроятно указываетъ на Гелія и Поликлета или Тигеллина и Имфидія Сабина или двухъ другихъ президентовъ, поставленныхъ въ качествѣ регентовъ во время экспедиціи Нерона въ Грецію, есть лишь паутинная нить натянутого заключенія. Авторитетъ Климента поэтому долженъ быть устраненъ, какъ слишкомъ неопредѣленный, чтобы имѣть здѣсь какое либо рѣшающее значеніе ¹⁾.

Не имѣть большаго значенія и изреченіе въ канонѣ втораго вѣка, открытѣ Мураторіемъ въ Миланѣ. Нужно еще подыскать глаголь, который бы имѣлъ близкое отношеніе къ такому значенію, и даже возможно, что писатель могъ имѣть намѣреніе указать на молчаніе Луки касательно путешествія въ Испанію въ доказательство того, что преданіе касательно его (что естественно подсказывалось Рим. xv, 24) не имѣетъ авторитета въ свою пользу.

Евсевій, правда, говоритъ болѣе ясно, но съ одной стороны онъ жилъ такъ поздно, что его свидѣтельство не можетъ имѣть значенія, если только оно не подтверждается ссылкой на болѣе древнія авторитеты; и съ другой стороны онъ настолько далекъ отъ своего постоянного обычая приводить въ пользу своего утвержденія какой либо авторитетъ, что явно приписываетъ его преданію. Онъ просто замѣчаетъ, что «такъ говорятъ», и затѣмъ переходитъ къ подтвержденію вѣроятности этого преданія чрезвычайно ложнымъ перетолкованіемъ 2 Тим. iv, 16, 17, гдѣ онъ находитъ доказательства въ пользу втораго заключенія апостола на томъ основаніи, что онъ говорилъ объ освобожденіи отъ перваго, когда сказали: «я избавился отъ пасти льва». Свидѣтельство его еще болѣе теряетъ свою цѣну вслѣдствіе того, что въ своей «Лѣтописи» Евсевій почти на десять лѣтъ ошибается во времени

¹⁾ См. однако же Döllinger, First Age, 78, seq.; Westcott, Hist. of Canon, p. 479, и Lightfoot, Ep. of Clement, p. 508, который ссылается на Strabo, II, 1, Vell. Paters. 1, 2, чтобы показать, что здѣсь, вѣроятно, разумѣется Испанія.

первого тюремного заключения, и его ошибочный вывод из 2 Тим. повидному показывает, что ходячий слух основывался на простом предположении, вытекавшем из самих посланий¹⁾. Действительные доказательства освобождения ап. Павла, как мы видели, совершенно различного характера.

ПРИЛОЖЕНИЕ XXVII (къ стр. 757).

Подлинность пастырских посланий.

Так как наши сведения о жизни ап. Павла послѣ его первого тюремного заключения всецѣло зависятъ отъ рѣшенія касательно подлинности пастырскихъ посланий, то мы вкратцѣ изслѣдуемъ здѣсь относящіяся сюда данныя.

I. Обращаясь прежде всего къ вѣдѣннымъ даннымъ въ ихъ пользу, мы находимъ почти безспорное указаніе на первое посланіе къ Тимофею у Климента Римскаго²⁾. Что они пользовались общимъ признаніемъ со стороны церкви во второмъ столѣтіи, это несомнѣнно, такъ какъ они находятся въ Сирійскомъ Пешито, упоминаются въ Мураторіевомъ канонѣ и цитуются Игнатіемъ, Поликарпомъ, Егезиппомъ, Аоннагоромъ, Иринеємъ, Климентомъ Александрійскимъ, Осифомъ Антиохійскимъ и быть можетъ Иустиномъ Философомъ. Послѣ второго столѣтія свидѣтельства о нихъ рѣшительны и полны, и Евсевій, въ четвертомъ столѣтіи, считаетъ ихъ среди омологуменъ или признанныхъ посланій ап. Павла. За исключеніемъ Маркіона и Таціана, отвергавшихъ два посланія къ Тимофею, повидному не было никакого сомнѣнія касательно ихъ подлинности, начиная съ первого столѣтія до времени Шмидта и Шлейерахера. На какомъ основаніи Маркіонъ отвергалъ ихъ, намъ неизвѣстно. Возможно, что Бауръ правъ въ предположеніи, что онъ не зналъ объ ихъ существованіи³⁾. Но это не было бы рѣшительнымъ доказательствомъ противъ нихъ, такъ какъ въ сохраненіи и распространеніи совершенно частныхъ писемъ, обращенныхъ къ отдѣльнымъ лицамъ, навѣрно было гораздо менѣе обезпеченія, чѣмъ въ отношеніи другихъ писемъ, обращенныхъ ко всемъ церквамъ. Но въ такомъ случаѣ авторитетъ Маркіона имѣетъ лишь немного значенія. Онъ относился къ Св. Писанію съ чисто субъективной точки зрѣнія. Отверженіе имъ Ветхаго Завета и всѣхъ Новозавѣтныхъ книгъ, кромѣ десяти посланій ап. Павла и искаженнаго Евангелія ев. Луки, показываетъ, что онъ не задумывался исключать изъ своего канона всякую книгу, противорѣчившую его своеобразному ученію. Не имѣетъ большаго значенія и авторитетъ Таціана. Единственное основаніе, почему онъ признавалъ посланіе Тита подлиннымъ, отвергая въ то же время посланіе къ Тимофею, повидному состояло въ томъ, что въ посланіи къ Титу фаза зарождающагося гностицизма, встрѣчающая себѣ осужденіе апостола, болѣе явно отождествляется съ іудейскимъ ученіемъ⁴⁾.

Но быть можетъ можно доказать, что пастырскія посланія были подложно сочинены во второмъ столѣтіи и что болѣе раннія мѣста, считающіяся намеками на нихъ или цитатами изъ нихъ, въ дѣй-

ствительности заимствованы у Климента, Поликарпа и Егезиппа писателемъ, который желалъ опереться на предполагаемый авторитетъ ап. Павла въ осужденіи распространявшагося гностицизма второго столѣтія. Никто не будетъ доказывать, что лишь случайная связь находится между 1 Тим. vi, 2) «отвращайся негоднаго пустословія и прекословія (аптитезъ) лежениннаго знанія (гносисъ)» и изреченіемъ Егезиппа: «сочетаніе нечестиваго заблужденія возникло вслѣдствіе обмана лежучихъ (ἐτεροδιδασκαλόν, срав. 1 Тим. i, 3, ἐτεροδιδασκαλείν), которые отсель старались проповѣдывать свое леженное знаніе¹⁾. Но Бауръ доказываетъ, что подложный сочинитель посланія заимствовалъ этотъ терминъ у Егезиппа и что имъ указывалось на маркіонитовъ, на которыхъ особенно намекается въ словѣ «аптитезы», подъ каковымъ названіемъ написана была Маркіономъ книга съ цѣлью показать противорѣчіе между Ветхимъ и Новымъ Заветомъ, равно какъ между тѣми частями Новаго Завета, которыя онъ отвергалъ, и тѣми, которыя онъ принималъ²⁾. Между тѣмъ «аптитезы» могутъ просто означать «противоположности», и изреченіе это, по объясненію Златоуста и Осифакта и даже Де-Ветте, означаетъ, чтобы Тимофей не занимался праздными и безплодными прекословіями. Но даже если предположить, что здѣсь разумѣются «аптілогіи», то есть ли хотя малѣйшее доказательство, что ничего подобнаго не существовало среди «негоднаго пустословія» есеейскаго умозрѣнія? «Егезиппъ», говоритъ Бауръ³⁾, «въ виду его эвонитскихъ взглядовъ, едва ли могъ заимствовать изъ посланія по предположенію принадлежавшаго Ап. Павлу». Трудно думать, чтобы это замѣчаніе было совершенно серьезнымъ⁴⁾; но если такъ, то мы спросимъ: не гораздо ли болѣе невѣроятно, чтобы falsarius⁵⁾ тотчасъ же бы осудилъ свое собственное произведеніе въ качествѣ подложнаго, вставляя въ него выдающіяся мѣста изъ Климента, Поликарпа и Егезиппа, что сразу узнали бы его просвѣщенные читатели и что было бы рѣшительно роковымъ для успѣха его намѣреній?

II. Перейдемъ затѣмъ къ внутреннимъ даннымъ. Доказываютъ, что эти три посланія не могли быть написаны ап. Павломъ—1) потому, что «они стоятъ гораздо ниже той самобытности, того богатства мысли и всей духовной сущности и значенія, которыми отличаются подлинныя посланія⁶⁾»; 2) потому, что они изобилуютъ словами и изреченіями, несвойственными Павлу; 3) потому, что богословіе ихъ отличается отъ богословія этого Апостола; 4) потому, что они занимаютъ порядками церковной организаціи, которая получила свое существованіе уже долго спустя послѣ вѣка апостольскаго; 5) потому, что въ нихъ заключаются намеки на позднѣйшее развитіе гностической ереси. Эти возраженія мы вкратцѣ и рассмотримъ.

¹⁾ Euseb. H. E. II, 32.

²⁾ Tert. Adv. Marc. I, 19; IV и проч. Бауръ также (Paul, II, 111) останавливается на употребленіи слова ὑγιής «здравый», «полезный» у Егезиппа и въ 1 Тим. I, 10.

³⁾ Paul, II, 101.

⁴⁾ Давидсонъ свободно допускаетъ, что «нѣтъ большаго затрудненія предполагать, что онъ читалъ пастырскія посланія, писанныя отъ имени Павла, и запомнилъ нѣкоторыя изъ нихъ выраженіями» (Introduct. II, 181).

⁵⁾ Допуская, что «псевдонимство и литературный обманъ» въ древности считались совершенно различными вещами, я охотно избѣжалъ бы слова «поддѣльникъ», если бы можно было съ удобствомъ замѣнить его чѣмъ нибудь другимъ. Я совершенно соглашаюсь съ Де-Ветте, Шлейерахеромъ, Бауромъ и друг., что слово это означаетъ болѣе, чѣмъ оно должно бы было означать въ приложеніи къ писателю первыхъ двухъ столѣтій, и что «о поддѣлкѣ такихъ посланій не должно судить согласно новѣйшему понятію о литературной честности, но согласно духу древности, который не придавалъ такого неопредѣленнаго значенія, какъ мы, литературной собственности и цѣнилъ вещь гораздо больше, чѣмъ личность» (Baur, Paul, II, 110).

⁶⁾ Baur, Paul, II, 106.

¹⁾ Прибытіе ап. Павла въ Римъ онъ полагаетъ въ 55 году по Р. Хр.

²⁾ «Будемъ же приближаться къ Нему въ святости души, воздѣвая къ Нему чистыя и незапятнанныя руки».—Ер. 1 ad Cor. 29; см. 1 Тим. II, 8.

³⁾ Baur, Pastoralbriefe, p. 138.

⁴⁾ Тит. I, 10, 14; III, 9. Таціанъ основалъ секту гностическихъ энкратитовъ къ концу второго столѣтія.

1. Что касается прежде всего слога этих посланий, то мы сразу же допускаем, что он ниже слога величайших произведений ап. Павла. По красноречию, сжатости, глубине, пылкости и логической цели, они никоим образом не могут идти в сравнение с посланиями к Коринфянам, Римлянам, Галатам или Ефессянам. Ап. Павел здесь является не в лучшем своем свете или не на величайшем своем пункте. «Его неутомимая энергия», говорит Альфорд¹⁾, «все еще в действии; но эта энергия переменяла свой характер; она перешла от диалектического характера его прежних посланий, от чудесной всеобъемлемости и разсудительности его последующих посланий к пастырственности, повторению и изложению истины, которая составляла пищу его жизни; в них замечается привязанность к прежним выводам, постоянная цитация *temporis acti*, что вводит нас в наиболее интересную фазу характера великого апостола. Мы видим здесь скорее последовательный ряд блестящих искр, чем ровное пламя, пылкие слова, правда, и глубокий пафос, но не цвет его твердости, как в его послании к Галатам; не подвиг его светлого теплого красноречия, как в неподражаемом Псалме любви»²⁾.

Но каким образом все это подрывает их подлинность? Мы совершенно несогласны с преувеличенным ослаблением их значения со стороны Баура; если мы допустим, что они так бедны содержанием, так безцветны по изложению, так недостаточны по мотивам и связности, так исполнены монотонности, повторений и подражания, как утверждает Баур, — то что же из этого? Неужели писатель должен являться всегда в своем величайшем свете? Не доказывает ли даже самое малое знакомство с историей литературы, что писатели подлежат чрезвычайным переживаниям в своей литературной способности? Не представляют ли их более короткая и менее важная сочинения во многих случаях крайне удивительный контраст с их более обработанными сочинениями? Разве сочинения Платона все одинаковой ценности? Разве в *Эпикониде* мы находим то же величие и ту глубину, которыми отличаются *Федон* и *Феетет*? Разве *Законы* так же богаты стилем его, как и *Федор*? Разве нет различия между *Анналами* Тацита и диалогом *De Oratoribus*? Разве не одна и та же рука писала «*Потерянный труд любви*» и «*Гамлета*»? Разве кто читал более прозаические части «*Возвращенная Рая*», узнал бы в них поэта первой или шестой книги «*Потерянная Рая*»? Разве стиль Борка в его *Essay on the Sublime and Beautiful* тот же самый, как и стиль в *трактате о французской революции*? Было бы совершенно излишне приводить еще больше примеров этого рода. Если утверждают, что пастырские послания не имеют цены или недостойны их автора, то нам нетрудно выдержать спор с возражающими, и независимо от нашего собственного суждения мы можем сказать, что в таком случае они не обманули бы критической прозорливости чужих вѣков мыслителей, из которых многие были величайшими знатоками литературы. Если с другой стороны просто указывают на то, что слог их не имеет жизненности и силы более ранних посланий, то мы отвечаем на это, что это как раз то, чего мы и должны были ожидать. Допуская, что «эти послания не имеют своей цели, как предыдущия послания, полно развить какую-нибудь существенно Павлову идею, которая еще требовала подтверждения доказательств и сообразно с которой должны были формироваться сознание и жизнь христиан, но скорее имеют в виду приложить содержание христианского учения к практической жизни в ее различных обстоятельствах», мы отвечаем, что ничего и не могло быть более естественного. Допуская, что в отличие от всех других посланий они не имеют истинного органического раз-

вития; что они не выходят из одной коренной идеи, которая бы проникала все их содержание и связывала бы внутренние части внутренним единством, потому что более глубокие отношения покрывают внешнюю несвязанность; что ни одна творческая мысль не определяет их содержания и построения; что они не проявляют настоящего диалектического движения, в котором бы мысль обладала достаточно присущей себе силой для того, чтобы самолично произвести все стадии своего развития¹⁾; допуская, мы говорим (и это без нужды большая уступка), что этой глубины концепции, этого методического развития, этого диалектического прогресса недостает в этих трех посланиях, мы в то же время совершенно отказываемся допустить, чтобы этот недостаток органического построения мог вести к отрицанию их принадлежности ап. Павлу. Почти нельзя предполагать, чтобы каждое из писем ап. Павла, как бы оно ни было кратко, случайно или частично, должно было отличаться теми же самыми качествами, как и послания к Римлянам или к Галатам. Мы осмеливаемся сказать, что всякое возражение этого рода сразу падает само собой, в виду того простого факта, что это были не величественные и торжественные творения касательно великих вопросов, нарушавших мир церкви, которым они предназначались для чтения, но заурядные частные письма, обращенные старшим и начальствующим к друзьям, которых он вероятно знал с раннего детства и которые были вполне знакомы с главными чертами его учения и его вѣры. Стоит только прибавить еще три обстоятельства — что одно из этих писем было написано во время жестокого тюремного заключения, во время которого жизнь апостола клонилась к своему концу; что они вероятно были написаны его собственной рукой, а не при помощи обычного у него писца²⁾; и что они на pewno были написаны в старческом возрасте — и мы сразу же увидим, как эти обстоятельства вполне объясняют общие особенности их слога особенно в отношении недостатка связности и сжатости. В этих посланиях есть неподражаемое указание, что мы читаем письма старца. В них нет старческой немощи, ни говорливости, но есть достоинство и опытность, которыми отличается *jucunda senectus*³⁾. Отступления становятся более распыленными, общие мысли более частыми, повторения более заметными⁴⁾. Формулы повторяются с настойчивостью, которая вызывается не столько нуждой настоящего, сколько воспоминаниями прошлого. Отступления по вопросу о личных делах в письмах к Тимotheю, который так долго был его любимейшим спутником, становятся более многочисленными и нормальными⁵⁾. И однако же невозможно не чувствовать, что автор их есть все-таки ап. Павел. В них есть проблески глубочайшего чувства, взрывы сильнейших выражений. В славословиях есть ритмическое движение и превосходная величавость, и идеал христианского пастыря начертывается не только твердою рукой, но и с красотой, полнотою и простотою, с которыми даже сравниваться

¹⁾ Baur. Paul. II, 107.

²⁾ Послание к Галатам и заключительное славословие послания к Римлянам были написаны также собственноручно; и декант Альфорд (с которым лишь немногие могут сравниться в близком знакомстве с стилем ап. Павла во всех его особенностях) указал целый ряд сходств между этими и пастырскими посланиями (Greek Test. III, 86).

³⁾ Даже в то время, когда он писал послание к Филимону, он уже называет себя Павлом старцем, а с того времени он еще испытывал многое. Предполагая, что он обратился тридцати лет от роду, ему теперь на pewno было около шестидесяти, и он едва мог выглядеть иначе, чем старцем, в виду той болезненности и тех испытаний, которые разбили и истощили его слабый организм.

⁴⁾ 1 Тим. I, 15; II, 4—6; III, 16 и проч.; 2 Тим. I, 9; II, 11—13; Тит. I, 15; II, 11; III, 3 и проч.

⁵⁾ 1 Тим. I, 11 и слѣд.; 2 Тим. I, 11 и слѣд.; 15 и слѣд. IV, 6 и слѣд.

¹⁾ Greek Test. III, 83.

²⁾ 1 Кор. XIII.

не может весь последующий тысячелетний опыт, а тем более превзойти их. В этих посланиях прямая логическая полемика в значительной степени оставляется как ненужная. Все, что нужно было апостолу сказать в видѣ аргументаціи, вѣроятно часто уже высказывалось его корреспондентамъ въ той или другой формѣ. Для нихъ, какъ получившихъ порученіе касательно надзора надъ важнѣйшими христіанскими общинами, излишне было развивать ученіе, съ которымъ они были знакомы. Гораздо болѣе необходимо было предостеречь ихъ касательно роковыхъ нравственныхъ тенденцій, порождавшихъ ереси, и роковыхъ нравственныхъ заблужденій, къ которымъ онѣ такъ часто приводили.

Что касается слога, то какъ много въ немъ заключается такого, что сразу же даетъ благоприятныя данныя для заключенія касательно подлинности этихъ посланій. Возьмемъ первое посланіе къ Тимофею только, на которое болѣе всего слышится нападеній и которое, будто бы, навлекаетъ сомнѣніе и на другія пастырскія посланія очевидностью своей подложности. Не находимъ ли мы въ немъ достаточныхъ слѣдовъ знакомаго намъ слога? Мыслимо ли даже, чтобы поддѣльщикъ могъ начать посланіе анаколуфомъ или незаконченнымъ періодомъ? Такихъ предложеній много въ слогѣ ап. Павла и подражать имъ съ совершенною естественностью было бы нелегкимъ дѣломъ. Но даже предполагая возможность подражанія, могъ ли бы поддѣльщикъ сразу начать такъ? Затѣмъ нетрудно было бы конечно копировать или грубо подражать той разсѣянности, которую мы приписываемъ знакомству и возрасту; но воспроизводить эту особенность такъ просто и естественно, какъ здѣсь—для этого требовалось бы высокое литературное искусство. Могъ ли бы подражатель намѣренно отступить отъ обычнаго пріѣмства ап. Павла, вставивъ «милость» между «благодатію» и «миромъ»? Легко понять на психологическихъ основаніяхъ, что ап. Павелъ могъ назвать себя первымъ изъ грѣшниковъ (I, 15); но могъ ли преданный послѣдователь такъ написать о немъ? Могъ ли онъ *намеренно и постоянно* терять главную нить своего предмета какъ во II, 3, 7? Писатель съ твердымъ убѣжденіемъ въ истинѣхъ, которыя, какъ онъ знаетъ, дополняютъ одна другую, никогда бы не смутился видимымъ противорѣчіемъ его прежнихъ мнѣній; тѣмъ менѣе смутился бы видоизмѣнить эти мнѣнія согласно съ обстоятельствами; но могъ ли бы поддѣльщикъ съ такою смѣлостью противорѣчить во II, 15 тому, что ап. Павелъ училъ въ I Кор. vii? Былъ ли бы онъ достаточно искусенъ въ томъ, чтобы подражать простому и естественному способу, которымъ нѣсколько разъ апостолъ вновь начинаетъ продолжать свое посланіе послѣ того, какъ повидимому готовъ уже былъ закончить его какъ въ II, 14, 15? Ап. Павелъ, подобно большинству знаменитѣйшихъ писателей, совершенно равнодушенъ къ запутанности метафоръ; но могъ ли подражатель слѣдовать ему съ такимъ властнымъ безразличіемъ, какъ въ vi, 19? Въ письмѣ къ близкимъ друзьямъ нѣтъ ничего естественнѣе, какъ совершенно случайная вставка мелкихъ и неважныхъ подробностей. Въ другихъ посланіяхъ ап. Павла нѣтъ ничего подобнаго, даже нѣтъ въ посланіи къ Филимону, и поэтому поддѣльщикъ не имѣлъ бы образца для себя въ этомъ отношеніи. Какимъ великимъ литературнымъ художникомъ поэтому долженъ былъ быть поддѣльщикъ, который,—ниша съ нѣкоторою теоріею боговдохновенности, подѣляя великаго имени и имѣя въ виду спеціальныя цѣли,—могъ давать случайныя подробности такъ естественно, такъ интересно, и даже такъ патетически, какъ въ I Тим. v, 23, или вводить въ видѣ предосторожности, такія особенности—«безпримѣрныя въ другихъ посланіяхъ апостола, не основанныя ни на какомъ событіи, не ведущія ни къ какому результату»—какъ просьба къ Тимофею принести съ собою въ Римъ, фелонъ, «который я оставилъ въ Троадѣ у Карна, и книги, особенно кожаныя». Намъ кажется, что подложное сочинительство, даже подъ господствующимъ вліяніемъ одной подавляющей истины и одной верховной идеи, есть отнюдь не легкая и не простая вещь, какою оно кажется приверженцамъ Тюбингенской критической школы. Сравнительно не трудно сдѣлать подражаніе напр. Клименту Рим-

скому или Игнатію, но едва ли вѣроятно, чтобы міръ долго оставался въ заблужденіи касательно сочиненій, ложно именуемыхъ подъ именемъ хотя бы Милтона, а тѣмъ болѣе ап. Павла.

2. Критики говорятъ, что посланія эти изобилуютъ необычными изолированными и несвойственными ап. Павлу выраженіями. Между ними указываются: «вѣрно слово это»¹⁾, «благодѣстие» и «благодѣстиво» (εὐσεβεία εὐσεβῶς), встрѣчающіяся восемь разъ въ этихъ посланіяхъ и нигдѣ еще въ другихъ книгахъ, кромѣ 2 Петр. ²⁾; знатѣль «здравый» (ὑγιής, ὑγιαίνειν), прилагаемый къ ученію девять разъ въ этихъ посланіяхъ и еще нигдѣ болѣе³⁾; употребленіе слова δεσπότης — «Господь» вмѣсто Κύριος ⁴⁾; употребленіе глагола ἀρνεῖσθαι: «отрицать», вмѣсто отверженія истиннаго ученія; и παρατεῖσθαι «избѣгать», изъ которыхъ послѣднее впрочемъ употреблено ап. Павломъ въ его рѣчи предъ Фестомъ, и которое равно какъ и προσέχειν съ дательнымъ надежемъ въ смыслѣ «ходить за кѣмъ», онъ, вѣроятно, усвоилъ во время бѣгства съ св. Лукой, которому свойственны оба эти слова⁵⁾. Никто, намъ думается, не будетъ серьезно озадаченъ этими необычными выраженіями и они не поколеблютъ нашего убѣжденія въ подлинности этихъ посланій, когда мы вспомнимъ, что нѣтъ ни одного посланія у ап. Павла, въ которомъ не было бы этихъ ἀπὲς λεγόμενα или изолированныхъ выраженій. Критики, тщательно изслѣдовавшіе сравнительно терминолוגію новозавѣтнаго писанія, говорятъ намъ, что въ посланіи къ Римлянамъ не менѣе 111 своеобразныхъ терминовъ, 186 во второмъ посланіи къ Коринтянамъ, 57 въ посланіи къ Галатамъ и 54 въ посланіи къ филиппійцамъ, 6 даже въ такомъ короткомъ письмѣ, какъ посланіе къ Филимону. Отнюдь поэтому неудивительно, что ихъ встрѣчается 74 въ первомъ посланіи къ Тимофею, 67 во второмъ и 13 въ посланіи къ Титу. Еще менѣе мы удивимся, когда изслѣдуемъ ихъ. Нужно помнить, что ап. Павелъ былъ главнымъ творцемъ богословскаго языка. Въ пастырскихъ посланіяхъ онъ имѣетъ дѣло съ новыми обстоятельствами, а новыя обстоятельства неизбежно должны были вызвать новыя термины. Всякій, кто прочтетъ списокъ необычныхъ выраженій въ посланіи къ Тимофею, сразу увидитъ, что огромное большинство ихъ прямо находится въ связи съ новой формой заблужденія, съ которой въ послѣднее время приходилось имѣть дѣло ап. Павлу. Люди, одаренные живою силою воображенія, чрезвычайно склонны усваивать новыя фразы, воплощающія ихъ собственныя мысли и убѣжденія, и эти фразы часто встрѣчаются въ различные періоды ихъ жизни и варьируются время отъ времени⁶⁾. Это простой фактъ психологическаго наблюденія, и онъ совершенно достаточно объяс-

¹⁾ 1 Тим. I, 15; II, 1; IV, 9; 2 Тим. II, 11; Тит. II, 8.

²⁾ 1 Тим. II, 2; III, 16; IV, 7; VI, 11; 2 Тим. III, 5, 12; Тит. I, 1; II, 12. Пфлейдереръ высказываетъ мнѣніе, что слово εὐσεβεία можетъ быть примасмо, какъ основная идея христіанской благодѣстивой жизни, такъ какъ слово «вѣра» постепенно получило болѣе вѣщное значеніе.

³⁾ 1 Тим. I, 10; VI, 3, 4; 2 Тим. I, 13; IV, 3; Тит. I, 9, 13; II, 1, 8. γάγγραινα и υοσέβη, какъ естественная антитеза, прилагаются къ ложному ученію.

⁴⁾ 1 Тим. VI, 1, 2; 2 Тим. II, 21; Тит. II, 9.

⁵⁾ Alford, I c. Не зависѣтъ ли употребленіе слова δεσπότης, вмѣсто Κύριος, отъ литературнаго неудобства, которое постепенно возникло вслѣдствіе того обстоятельства, что послѣднее слово стало болѣе и болѣе употребляться въ качествѣ титула Господа Иисуса Христа?

⁶⁾ Я убѣжденъ, что тюбингенскимъ методомъ, въ его приложеніи къ сочиненіямъ Карлейля (напримѣръ) или Рускина, самымъ очевиднымъ образомъ можно бы доказать, что нѣкоторыя изъ ихъ сочиненій подложны: а) вслѣдствіе ихъ сходства и б) вслѣдствіе ихъ несходства съ другими ихъ сочиненіями. Но Альфордъ удачно говоритъ: «въ свѣжѣмъ и сильномъ стилѣ всегда будутъ, такъ сказать, размахъ за строгіе предѣлы привычки; какіе только можно назначить; и о нихъ нужно судить не по ихъ простой чужденности, но по тому, находится ли ихъ субъективный характеръ въ согласіи или нѣтъ съ извѣстными особенностями давняго писателя» (Fest, II, 54).

яется упомянутые нами выражения и многія другія. Трудно представить себѣ устойчивость языка въ періодъ его созданія, и мы никогда не должны забывать, что ап. Павелъ самъ долженъ былъ находить правильное и естественное выраженіе для идей, которыя были еще крайне мало извѣстны. Съ каждымъ годомъ долженъ былъ увеличиваться его словарь, который на первыхъ порахъ былъ болѣе или менѣе условный, и жатва новыхъ выраженій всегда должна была быть наиболѣе богатою, гдѣ истины уже знакомыя приходили въ столкновеніе съ совершенно новыми ерессями. Списокъ новыхъ словъ въ примѣчаніи ¹⁾ показываетъ, что всѣ они зависятъ не отъ различія авторства, но отъ требованій времени.

3. Гораздо болѣе серьезнымъ — если даже не роковымъ — было бы возраженіе противъ подлинности этихъ посланій, если бы могло быть доказано, что богословіе ихъ отличается отъ богословія ап. Павла. Но немного пужно изслѣдованія, чтобы показать, что въ нихъ нѣтъ такого противорѣчія — нѣтъ ничего, что шло бы дальше различнаго выраженія истинъ, которыя дополняютъ, но не противорѣчатъ одна другой. Нѣкоторыя притомъ изъ предполагаемыхъ разногласій слишкомъ тонки, чтобы даже уловить ихъ. Если христіанство называется «ученіемъ» и «здравымъ ученіемъ» ²⁾; если слово «вѣра» приобрѣло болѣе объективное значеніе, такъ что иногда почти означаетъ сумму истинъ, противоположныхъ ереси ³⁾; если названіе «Спаситель» — рѣдкое у ап. Павла — прилагается къ Богу, а не ко Христу ⁴⁾; если «палингенесія» (возрожденіе) встрѣчается только въ посланіи къ Титу ⁵⁾; то все это — особенности языка, но не разногласіе въ богословіи. Въ этихъ посланіяхъ господствуетъ практическая тенденція; — то же самое, отвѣтимъ мы, и во всѣхъ посланіяхъ ап. Павла. Авторъ ихъ постоянно настаиваетъ на значеніи и важности добрыхъ дѣлъ ⁶⁾; — но можно ли называть это «утилитаризмомъ и релігиознымъ эвдемонизмомъ» и рѣшительно пѣтистическимъ разжиженіемъ ученія ап. Павла? Не настаиваетъ ли на нихъ апостолъ даже въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ, хотя тамъ онъ развиваетъ теорію, а здѣсь заведомо занимается нравственными наставленіями? Можетъ ли кто нибудь доказать, что ап. Павелъ — въ этихъ ли посланіяхъ или въ другихъ — держался какого-либо другаго взгляда на добрыя дѣла, а не того, что они хотя и мало важны для достиженія спасенія, но нравственно необходимы? ⁷⁾ Дальнѣйшее возраженіе Де-Ветте, что ап. Павелъ здѣсь дѣлаетъ апологію закона (1 Тим. I, 8), по его попытка провести тонкое различіе между универсальностью этихъ посланій и другихъ посланій ап. Павла не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Методъ и дѣла ап. Павла здѣсь совершенно отличны отъ метода и цѣли его посланій къ церквамъ, состоявшимъ изъ разнородныхъ и часто враждебныхъ элементовъ; но можно утверждать, не боясь противорѣчія, что въ виду не-теоретическаго обсужденія предметовъ,

¹⁾ Γενεολογία, 1 Тим. I, 4, 4. Тит. III, 9; ματιολογος, 1 Тим. I, 6, Тит. I, 10; κενοφωνία 1 Тим. VI, 20, 2 Тим. II, 16; λογιμαχία, παραθήκη, βιβλος, ἀστοχία, τυφωσθη и пр.

²⁾ 1 Тим. I, 10; VI, 1.

³⁾ 1 Тим. I, 19; II, 7; III, 9; IV, 1—6; VI, 10, 21. J Pfeiderer, Paulinism. II, 201.

⁴⁾ Пфлейдереръ говоритъ, что въ Тит. II, 13 Христосъ называется «нашимъ великимъ Богомъ и Спасителемъ» и что «это идетъ дальше всей прежней христологіи ап. Павла». Но не можетъ быть сомнѣнія, что фраза эта въ этомъ мѣстѣ прилагается къ Богу, какъ и въ 1 Тим. I, 1; II, 3; IV, 10; Тит. I, 3; II, 10. Употребленіе здѣсь слова Σωτήρ не составляетъ сильнаго грамматическаго возраженія.

⁵⁾ Тит. III, 5.

⁶⁾ Baur, Paul. II, 106; De Wette, Pastoralbr. 117, c.; Pfeiderer, Paulinism. 210; Reuss, Les Epîtres, II, 314.

⁷⁾ Рим. II, 6—10; XII, 3; Гал. V, 6 и проч.; Ефес. II, 8—10 и проч.

которыхъ онъ касается здѣсь, и того факта, что онъ пишетъ друзьямъ и ученикамъ, уже совершенно убѣдившимся въ главныхъ истинахъ его богословія, — въ этихъ посланіяхъ нѣтъ ни одного слова, которое бы противорѣчило или серьезно отступало отъ основныхъ идей ап. Павла. Даже Бауръ — добросовѣстный при всѣхъ его чрезмеръ критическихъ предразсудкахъ — видитъ въ нихъ «несомнѣнное нѣчто, свойственное специфической Павловой доктринѣ съ преобладающей практической тенденціей», «приложеніе содержанія христіанской доктрины къ различнымъ обстоятельствамъ практической жизни» ¹⁾.

4. Однако же пастырскія посланія подвергались наиболѣе серьезнымъ нападеніямъ не на вышеизложенныхъ основаніяхъ. Изложенныя соображенія, которыя, какъ мы видѣли, оказываются несостоятельными, въ дѣйствительности обязаны своимъ происхожденіемъ произвольнымъ выводамъ; а нападенія на подлинность этихъ посланій главнымъ образомъ возникли вслѣдствіе мнѣнія, что это «тенденціозныя сочиненія», имѣвшія въ виду служить двойкой цѣли возвышенія церковной организаціи и скрытаго нападенія на гностицизмъ, который получилъ распространеніе только уже долго спустя послѣ времени апостола. Эти два предмета отнюдь не находятся въ раздѣленіи. Гностики, какъ первые сретали въ собственномъ смыслѣ этого слова, будто бы впервые дали поводъ къ епископской организаціи церкви; и если бы въ это время не было такихъ еретиковъ, то эти церковныя установленія будто бы не имѣли бы никакого историческаго повода или связи! Мы изслѣдовали самыя сильныя и самыя полныя изъ этихъ возраженій и попытаемся изложить основанія, почему они кажутся намъ совершенно безосновательными. Мы вполне допускаемъ, что въ этихъ посланіяхъ есть нѣкоторыя замѣчательныя особенности; мы не отрицаемъ, что они представляютъ нѣкоторыя трудности, для которыхъ мы не можемъ представить вполне удовлетворительнаго объясненія; мы не можемъ идти такъ далеко, чтобы говорить, что возраженія, дѣлаемыя противъ нихъ, «несостоятельны даже на столько, чтобы возбудить хотя малѣйшее сомнѣніе на счетъ ихъ подлинности»; но вслѣдствіе этого именно мы можемъ сказать съ полнѣйшею искренностью, что каковы бы ни были второстепенныя недоумѣнія и сомнѣнія, главные аргументы тѣхъ, кто отвергаетъ эти посланія — не обращая вниманія даже на вышнія свидѣтельства и внутреннія доказательства въ ихъ пользу — были совершенно добросовѣстно взвѣшены и опровергнуты по всей линіи.

а) Разсмотримъ сначала вопросъ о церковной организаціи. Здѣсь мы сразу же встрѣчаемся съ предварительнымъ и основнымъ возраженіемъ Баура, что въ посланіяхъ, дающихъ намъ вѣрнѣйшій образецъ началъ ап. Павла, онъ нигдѣ не выдаетъ ни малѣйшаго интереса въ отношеніи церковныхъ учрежденій, ни даже тамъ, гдѣ они повидимому прямо подходили къ его предмету; и что этотъ недостатокъ интереса въ такомъ предметѣ не просто случайный, но глубоко лежитъ въ основѣ всего духа и характера Павлова христіанства.

Но это возраженіе ни на одну минуту не выдерживаетъ критики. Къ подробностямъ церковныхъ учрежденій, какъ вызывавшихся простыми партійными спорами, ап. Павелъ могъ и не чувствовать интереса; и ко всякому возвышенію человѣческихъ служителей онъ могъ даже относиться съ неодобреніемъ. Но говорить, что онъ считалъ излишнимъ давать указанія касательно организаціи нарождающихся церквей и былъ совершенно равнодушенъ къ обязанностямъ и качествамъ священнослужителей, было бы несомнѣнно ложно. Этому прямо противорѣчатъ историческіе факты. Его

¹⁾ Paul. II, 107. По взгляду нѣкоторыхъ враждебныхъ критиковъ азійскія посланія (Ефес. и Кол.) принадлежать Павлу, но имѣютъ чуждыя ап. Павлу вставки; пастырскія же посланія не принадлежать Павлу, хотя и имѣютъ Павлово содержаніе.

путешествия с целью утверждения церковью, его торжественное назначение пресвитеров с молитвами и пощением во время самого первого его миссионерского путешествия¹⁾ и призывы им Ефесских пастырей, чтобы они могли получить от него его последний совет и проститься с ним, — одних этих фактов было бы достаточно для доказательства того, что такие предметы занимали, да и необходимо должны были занимать значительную часть его внимания. Можно ли предполагать, что он не дал никаких пастырских наставлений Тимофею, когда он посылал его к церквам Македонии, или Титу, когда он назначил его как бы уполномоченным для улаживания беспорядков в церкви Коринфской?

Правда, что лже-клементины, апостольские постановления, некоторые части посланий св. Игнатия и, по всей вероятности, другие ранние сочинения были составлены с видимою целью дать раннюю и более возвышенную санкцию позднейшему церковному развитию и, главное всего, предполагаемому приматству Рима. Но может ли быть что более несходного с таким развитием, чем совершенно простые правила и установления пастырских посланий? При быстром возрастании христианской церкви и вместе с возрастанием заблуждений, установление дисциплины и управления почти с самого начала должно было сделаться предметом настоятельной нужды. Даже в посланиях к Коринфянам и Римлянам мы находим термины, которые указывают на существование диаконов, диакоиссы, учителей, пророков, апостолов, начальников, надзирателей, пресвитеров и евангелистов. Сравнение указанных мест покажет, что все эти названия, за исключением первого ²⁾, употреблялись неопределенно и до известной степени даже синонимически или только в смысле обозначения различных сторон одной и той же должности³⁾. Если возложение рук упоминается в посланиях к Тимофею, то о нем упоминается и в Дѣяніях Апостольских⁴⁾. Мнение, что формальное исповѣданіе вѣры требовалось при рукоположеніи, так мало вытекает из 2 Тим. I, 13, что самый слѣдующій стих съ достаточностью опровергает такое мнѣніе. Если бы пастырскія посланія содержали ясную защиту епископальной системы втораго столѣтія, то это можно бы считать достаточнымъ доказательствомъ ихъ неподлинности; но полное отсутствіе чего нибудь такого есть одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ, что они принадлежатъ апостольскому вѣку. Епископъ и пресвитеръ все еще синонимныя названія, какъ и вездѣ въ Новомъ Заветѣ⁵⁾. Если *ἐπίσκοπος* «надзиратель» или «епископъ» употреблено въ единственномъ числѣ, то это отчасти случайность языка въ общемъ родовомъ употребленіи греческаго члена и отчасти зависитъ отъ самой сущности дѣла вообще, какъ переходной ступени къ окончательному значенію этого слова, — такъ какъ даже въ пресвитерствѣ неизбежно какой-нибудь одинъ пресвитеръ долженъ былъ стоять во главѣ. Тимофей и Титъ исполняютъ обязанности, которые теперь

¹⁾ Дѣян. XIV, 23.

²⁾ 1 Кор. XII, 28; XVI, 15; Рим. XII, 7; XVI, 1; Филипп. I, 1; 1 Фесс. V, 12; Ефес. IV, 11; Дѣян. XX, 17, 28.

³⁾ До известной степени однакоже епископы, пресвитеры, диаконы, въ отношеніи своей должности, соотвѣтствовали *ιερείαις, ροις, ιεροκλήσεσιν* синагоги.

⁴⁾ 1 Тим. IV, 14; 5, 22; Дѣян. VI, 6; VIII, 17.

⁵⁾ Такъ въ 1 Тим. II ап. Павелъ сразу переходитъ отъ «епископовъ» (1—7) къ «диаконамъ» (8—13), и затѣмъ говоритъ о тѣхъ же самыхъ епископахъ какъ «пресвитерахъ», и въ Тит. I, 5—7 отождествленіе безспорно. Известно, что епископы и пресвитеры въ Новомъ Заветѣ не разграничиваются (Дѣян. XX, 17—28; Филипп. I, 1, 1 Петр. V, 2). Фактъ этотъ былъ вполнѣ известенъ апостолу, *οἱ πρεσβύτεροι τὸ παλαιὸν ἐκλήοντο ἐπίσκοποι... καὶ οἱ ἐπίσκοποι πρεσβύτεροι* (Злат. на Филипп. I, 1; Иерон. на Тит. I, 5). Более замѣтное отлеченіе между этими двумя названіями впервые встрѣчается у св. Игнатія ad Polyc. 6.

можно назвать епископскими; но они не называются «епископами»; ихъ обязанности временны и они дѣйствуютъ только въ качествѣ авторитетныхъ уполномоченныхъ апостола язычниковъ¹⁾. Предъявляемая къ нимъ требованія имѣютъ почти исключительно нравственный характеръ. Даваемая имъ указанія имѣютъ также «нравственный, а не іерархическій характеръ». И однако же критики утверждаютъ, что одною изъ главныхъ цѣлей перваго посланія къ Тимофею было «установить главенство епископовъ надъ пресвитерами»²⁾. Более произвольнаго мнѣнія едва ли можно высказать. Пусть всякій обратится отъ этого посланія къ посланіямъ св. Игнатія³⁾, гдѣ онъ прочтетъ: «оказывайте почтеніе епископу, дабы и Богъ такъже почтилъ васъ»; къ лже-Игнатію⁴⁾, который говоритъ, что «тотъ, кто дѣлаетъ что нибудь безъ вѣдома епископа, служить діаволу»; къ лже-клементинамъ, которые говорятъ, что «епископъ занимаетъ мѣсто Христа и долженъ быть почитаемъ какъ образъ Божій»⁵⁾; и онъ увидитъ, какой вопіющій анахронизмъ представляетъ собою предположеніе, что оно написано было въ срединѣ втораго столѣтія для противодѣйствія маркіонитамъ, и до какой степени отлеченъ мягкій и естественный авторитетъ, который апостолъ приписываетъ епископамъ, отъ гнета того неотвѣтственного авторитета, которому писатели втораго столѣтія охотно предавали свою христианскую свободу и который напелъ въ послѣдствіи свое полное и окончательное выраженіе въ системѣ «непогрѣшимого» папства.

Относясь сюда меньшія возраженія мы рассмотримъ, когда перейдемъ къ тѣмъ самымъ мѣстамъ, къ которымъ они относятся и гдѣ особенно находится трудное выраженіе, въ которомъ церковь видимо называется «столпомъ и утвержденіемъ истины»⁶⁾. Но другимъ основаніемъ для возраженія служатъ правила касательно вдовъ, которыя, какъ утверждаетъ Вауръ, «могутъ быть съ успѣхомъ объяснены только изъ церковнаго словаря втораго столѣтія», гдѣ терминъ *χήραι* прилагается къ классу, состоявшему не только изъ овдовѣвшихъ лицъ, но даже изъ молодыхъ дѣвицъ⁷⁾. Что такого употребленія этого слова еще не было въ время апостола, это можно вполнѣ допустить; но если въ указываемомъ мѣстѣ нѣтъ ни одного факта, который дѣлаетъ его необходимымъ, то возраженіе это падаетъ само собой. Единственный аргументъ Ваура заключается въ томъ, что если *χήραι* дѣйствительно вдовы, то апостолъ даетъ два прямо противорѣчивыхъ постановленія касательно ихъ, побуждая болѣе юныхъ вдовъ выходить замужъ опять (1 Тим. V, 11—14) и въ тоже время постановляя, что второй бракъ долженъ, въ случаѣ, если бы онъ опять сдѣлался вдовами, лишать ихъ права на содержаніе отъ церкви. Но гдѣ же противорѣчіе? Изъ Дѣяній Апостольскихъ мы знаемъ, что церковь продолжала держаться милосерднаго и полезнаго (принятаго ею отъ синагоги) обычая содержать

¹⁾ 1 Тим. I, 3; III, 14; 2 Тим. IV, 9, 21; Тит. I, 5; III, 12.

²⁾ Pfeiderer, Paulinism. II, 205. Однакоже онъ допускаетъ (стр. 203), что во второмъ посланіи замѣчанія, обращенныя къ Тимофею, «весьма далеки отъ позднѣйшихъ воззрѣній на положеніе епископа», и что даже въ первомъ посланіи «различіе между епископами и пресвитерами не имѣетъ еще установившагося характера какъ различныхъ должностей».

³⁾ Ad Polyc. 6. Если болѣе короткая форма семи посланій Игнатія подлинна, то они показываютъ, что даже вначалѣ втораго столѣтія церковное развитіе пошло гораздо дальше пастырскихъ посланій, что и доказываетъ подлинность послѣднихъ.

⁴⁾ Ad Smyrn. 9.

⁵⁾ Clem. Rom. III, 62, 66, 70. Эти и другія цитаты см. въ трактатѣ Лайтфута о христианскомъ священнослуженіи (Philippians, p. 209, seqq).

⁶⁾ 1 Тим. III, 15.

⁷⁾ τὰς παρθένους τὰς λεγόμενας χήρας (Ign. ad Smyrn. 13). Подлинность этого мѣста далеко недовѣрна.

тѣхъ вдовъ, которыя, вслѣдствіе особенныхъ условий восточнаго и древняго общества, были наиболѣе бѣдными членами и безпомощное положеніе которыхъ вызывало особенное сожалѣніе. Но вполне естественно, что каждая церковь должна была попытаться, насколько возможно утилизировать это учрежденіе, и что сами вдовы должны были желать оказывать какую-нибудь услугу собратьямъ, которымъ они были обязаны своими средствами къ жизни. Отсюда «вдовы» стали особо признанною степеню и приобрѣли полудерковное положеніе. Въ эту степенъ ап. Павелъ мудро запрещаетъ допускать вдовъ, которыя находятся еще въ возрастѣ, дающемъ имъ возможность опять вступать въ бракъ. О женскомъ характерѣ вообще онъ обыкновенно говоритъ не въ очень высокихъ терминахъ и въ этомъ отношеніи онъ поступаетъ лишь подобно большинству древнихъ писателей, хотя въ тоже время, вопреки окружающимъ условіямъ общества, видитъ нравственное возвышеніе всего этого пола во Христѣ. Онъ считалъ почти неизбежнымъ, чтобы религіозная обязанность «класса вдовъ», хотя и заключавшая въ себѣ нѣчто въ родѣ освященія целибата для остальной ихъ жизни, никогда не могли служить достаточнымъ препятствіемъ для ихъ желанія вновь вступить въ бракъ; и онъ думалъ, что нравственное вырожденіе и внѣшній соблазнъ послѣдовали бы за вторженіемъ такихъ мотивовъ въ исполненіе священныхъ обязанностей. Тутъ нѣтъ противорѣчія, и нѣтъ ни тѣни доказательства въ пользу того, чтобы въ языкѣ этого посланія разумѣлось какое-либо отождествленіе вдовъ съ классомъ дѣвственницъ или юныхъ монахинь¹⁾.

б) Теперь мы переходимъ къ послѣднему возраженію, самому сильному и самому настойчивому, равно какъ и самому раннему. Подложность пастырскихъ посланій главнымъ образомъ доказывается на томъ основаніи, что они указываютъ на существованіе гностицизма, который вполне развился только послѣ смерти ап. Павла. Но едва ли когда теорія строилась на болѣе неустойчивомъ основаніи²⁾. Одно слово *антихристосъ* въ 1 Тим. vi, 20 кажется Вауру яснымъ доказательствомъ, что первое посланіе къ Тимофею есть прикровенная полемика противъ Маркіона въ половинѣ второго столѣтія. На такую столь необычайную гипотезу болѣе чѣмъ достаточно отвѣтить, что еретическія тенденціи этихъ леучителей имѣли явно иудейскій характеръ, между тѣмъ какъ нѣтъ ни одной гностической системы, которая бы не считала иудейство или несовершеннымъ или пагубнымъ. Возраженія этого рода можно считать только фантастическими, пока не будетъ представлено какое нибудь доказательство того, что 1) зародыши гностицизма не существовали въ апостольскій вѣкъ и что 2) фразы гностицизма не были заимствованы изъ Новаго Завѣта или фразы Новаго Завѣта изъ гностическихъ системъ. Зная же въ дѣйствительности, что слово «Эонъ» заимствовано такимъ образомъ Валентиномъ³⁾ и что «гносисъ» начиналъ уже приобретать техническое значеніе уже въ то время, когда ап. Павелъ писалъ свое посланіе къ Коринѳянамъ⁴⁾, мы видимъ, что съ одной стороны гностическіе термины не составляютъ доказательства намека на гностическія ученія, и съ другой стороны, что гностическія тенденціи въ неразвитомъ состояніи существовали съ самой ранней эпохи христіанской церкви. Гораздо вѣрнѣе было бы сказать, что отсутствіе чего-нибудь похо-

¹⁾ 1 Кор. xiv, 34; 1 Тим. ii, 12—14; 2 Тим. iii, 6 и проч.

²⁾ Повидимому, употребленіе слова *ἑτεροδωκισμὸς* въ 1 Тим. i, 3 въ сравненіи съ *ἑτεροδωκισμὸς* у Егезиппа впервые дало поводъ Шлаейермахеру сомнѣваться въ подлинности перваго посланія.

³⁾ Ипполитъ (R. N. vi, 20) сообщаетъ, что Валентинъ далъ названіе эоновъ эмаціямъ, которыя Симонъ волхвъ называлъ корнями.

⁴⁾ 1 Кор. vii, 1. Прилагательное «гностическій» приписывается офитами или Карпократу (Jren. Haeg. i, 25; Euseb. H. E. iv, 7, 9).

жаго на опредѣленный намекъ, на дѣйствительно характеристическіе элементы маркіонитскаго или валентиніанскаго ученія есть рѣшительное доказательство, что эти посланія относятся къ гораздо болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ говорить, что они составляютъ попытку воспользоваться великимъ именемъ Павла для опроверженія этихъ тонкихъ ересей. Въ посланіи къ Колоссянамъ ап. Павелъ формально имѣлъ дѣло съ мнимой философіею и высокоумною прозорливостью, зарождающимся дуализмомъ, безосновательной ангелологіей и крайнимъ аскетизмомъ мѣстныхъ еретиковъ, теософическія измышленія которыхъ уже получили значительную распространенность¹⁾. Въ этихъ посланіяхъ онъ лишь слегка касается ихъ, потому что въ частныхъ письмахъ къ возлюбленнымъ сотрудникамъ не было надобности входить въ прямую полемику съ этими ложными доктринами. Но онъ намекаетъ на эти элементы съ явнымъ указаніемъ, что они иудейскаго происхожденія. Валентинъ отвергалъ Моисеевъ законъ; Маркіонъ былъ антиномистъ; но эти ефесскіе и критскіе учителя, хотя ихъ дуализмъ явно выступаетъ въ ихъ аскетическомъ неодобреніи брака, въ отрицаніи воскресенія и въ ихъ безконечныхъ «генеалогіяхъ» и мѣтахъ²⁾, не только сами были иудеи, но и свои измышленія и умозрѣнія основывали на Моисеевомъ законѣ³⁾. Въ дѣлѣ съ этими послѣдними ап. Павелъ далеко оставилъ позади себя эпоху своей борьбы съ фарисейскими обрядниками Иерусалима. Мысль движется съ сильною быстротой; въ эпоху сильнаго религіознаго возбужденія системы развиваются въ постоянно разнообразящихся комбинаціи въ изумительно короткое пространство времени, и такъ какъ зарождающийся гностицизмъ апостольскаго вѣка обнаруживаетъ многіе изъ элементовъ, которые впоследствии вполне созрѣли при позднѣйшемъ развитіи, то это уже показываетъ опасную наклонность безпокойнаго умозрѣнія къ вырожденію въ нечестивую гордость и чрезмѣрнаго аскетизма къ сочетанію съ нетерпимымъ распушенностью⁴⁾. Эти умозрѣнія и наклонности принадлежатъ не одной только какой нибудь странѣ и не одному какому нибудь вѣку. Системы и идеи, близко родственныя съ гностицизмомъ, находятся въ религіяхъ и философскихъ системахъ Греціи, Персіи, Индіи, Китая, Египта, Финикіи; онѣ находятся у Платона, Зороастра, въ Ведахъ, въ писаніяхъ буддистовъ, у Филона, въ неоплатонизмѣ и въ иудейской каббалѣ. Во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ странахъ онѣ производили тѣ же самыя умственные комбинаціи и тѣ же самыя нравственные результаты. Писатель второго столѣтія никоимъ образомъ не могъ задаться цѣлію написать подложное сочиненіе, которое въ его время имѣло бы слишкомъ неопредѣленный характеръ, чтобы получить какое нибудь полемическое значеніе⁵⁾. Съ другой стороны, апостолъ 65 или 66 года, знакомый съ есеейскими и восточными воззрѣніями, современникъ Симона волхва, пресловутаго основателя всякаго гностицизма, и Керноа, его первѣйшаго ересера, могъ имѣть полное основаніе, даже помимо божественнаго руководительства и пророческаго вдохновенія, предостерегать своихъ учениковъ,

¹⁾ См. Колос. i, 16—17; ii, 8, 18 и Mansel, The Gnostic Heresies, p. 54.

²⁾ 1 Тим. i, 4; iv, 4; 2 Тим. ii, 18.

³⁾ 1 Тим. i, 7; Тит i, 10, 14; iii, 9.

⁴⁾ 1 Тим. i, 7, 19; iv, 2; 2 Тим. ii, 17; iii, 1—7; Тит i, 11, 15, 16.

⁵⁾ Неопредѣленность эта все еще зависитъ отъ неустановившихся особенностей еретическаго ученія. Указываемый здѣсь «гностицизмъ» различными критиками отождествлялся съ каббализмомъ (Баумгартенъ), съ фарисействомъ (Визингеръ), съ есеействомъ (Мангольдъ), съ маркіонизмомъ (Вауэръ). Но будемъ ли мы рассматривать гностицизмъ какъ богословское умозрѣніе (Гизелеръ), или аристократическую и исключительную философію религіи (Неандеръ), или аллегорическій дуализмъ (Бауэръ), если «еще трудна задача узловъ среди такой массы неопредѣленныхъ, туманныхъ, просто неясныхъ и только отчасти истинныхъ положеній тѣ пункты, которые даютъ ясное понятіе о немъ», то очевидно было бы напрасно говорить, что его духъ въ своемъ неразвитомъ состояніи не могъ существовать во дни апостоловъ.

которым он поручал заботу и устройство его церквей, против тенденций, которые уже начали обнаруживать опасную деятельность и производить опасное обаяние. Если там едва ли есть хотя одно предостережение, которое не могло бы быть приложенным к позднейшим гностикам, то одинаково верно и то, что там нет ни одного предостережения, которое одинаково не могло бы быть приложенным к заблуждениям, явственно облачаемым в посланиях к Филиппийцам, Коринфянам и Колоссянам, равно как в соборных посланиях к церквям апостолов Петра, Иуды и Иоанна¹⁾. Греческая тонкость, восточное воображение, иудейский мистицизм—одним словом присущее любопытство и присущий манихизм невожденной человеческой природы—стали с самого начала, подобно раку, раздвигать разветвляющийся бутон христианской веры.

Всякий, кто пожелал бы познакомиться со всевозможными доводами, какие только можно привести против принадлежности этих посланий ап. Павлу, может найти их все у Давидсона в последних изданиях его «Введения к изучению Нового Завета»²⁾. Отвечать на них пункт за пунктом было бы скучным делом, так как многие из них чрезвычайно мелочны³⁾; да это и не могло бы быть убедительным, так как критики порицают этот вопрос на более широких и общих началах, которые только что исследованы нами. Но чтобы выразить сущность дела, мы скажем, что хотя и не можем быть абсолютно уверены в подлинности этих посланий, как мы уверены в подлинности ранних посланий, однако же едва ли для принятия их подлинности останется хотя одно затруднение, если мы будем иметь в виду следующие соображения: 1) В такое время, как период раннего христианства, системы развиваются и учреждения организуются с необычайною быстротою. 2) Эти послания были написаны не с целью входить в прямую полемику, но с целью руководить общим поведением тех, на которых лежала эта особенность и которые были уже вполне знакомы с установившеюся суммою истин, составлявших основу апостольского учения. 3) Они изобилуют необычными выражениями, потому что новые формы заблуждения требовали нового способа изложения истины. 4) Единство их менее заметно и стиль их менее логичен потому, что они представляют собою частные и неформальные письма наставника, писанные во время упадка жизненных сил, когда жизнь его быстро приближалась к предѣлу, за которым прекращалась всякая земная полемика. В виду того, что в значительной степени их фразеология, их основное учение, их достоинство и святость тона, равно как их необходимость и вытекающая суровость, их отступления, построение и личный характер их стиля совершенно свойственны ап. Павлу, то подлинность двух из них мы можем принимать с абсолютным убеждением, а третье—первое послание к Тимotheю, которое более других подвергается сомнению,—по крайней мере с сильною верою, что, читая его, мы читаем слова величайшего из апостолов⁴⁾.

¹⁾ Филипп. III, 18; 1 Кор. XV.

²⁾ Том. II, стр. 137—195.

³⁾ Мы однако же касаемся некоторых из них при отдельном рассмотрении этих посланий. Указывалось на то, что Палей пользуется разпорядками между Деяниями Апостольскими и этими посланиями, в доказательство их независимости, и сходством для установления их правдивости. С достоверностью однако же можно сказать, что Тюбингенская школа приводит несвойственные Павлу выражения для доказательства не подлинности, а Павловы выражения для доказательства подложности.

⁴⁾ Даже Устери, Люкке, Неандер и Блеск не убеждены в подлинности первого послания. Отто, Визелер и Рейсслер сказали все, что можно сказать в пользу единичного тюремного заключения; но при предположении, что пастырские послания подлинны, такая теория возбуждает

ПРИЛОЖЕНИЕ XXVIII.

Хронология жизни и посланий ап. Павла.

Для подробного исследования хронологии этого периода потребовалась бы отдельная книга, и хотя теперь увеличивается возможность соглашения по этому предмету, однако же соглашение не идет дальше приблизительных цифр. Так как в книге Деяний Апостольских и в посланиях мало определенных хронологических указаний, то систему летосчисления приходится составлять при помощи вычислений назад или вперед (на основании часто весьма неопределенных данных) от тех немногих событий, которые в свящ. повествовании совпадают с какими-либо определенными событиями гражданской истории. Эти данные следующие:

Смерть Ирода Агриппы I, в 44 г. по Р. Хр.

Изгнание иудеев из Рима, в 52 г. по Р. Хр.

Прибытие Феста в качестве прокуратора в 60 г.

Нероново гонение в 64 г.

Как сильно расходятся между собой системы, принятые различными хронологами, можно видеть из прилагаемой таблицы, составленной по Мейеру.

массу несообразностей. Убеждение, к которому я пришел, может быть выражено так: если ап. Павел был предан смерти в конце своего первого тюремного заключения, то пастырские послания наверно должны быть подложными. Но есть сильнейшие данные, доказывающие, что два из них по крайней мере подлинны и есть большая вероятность в пользу остальных. Они поэтому дают нам доказательства в пользу ходячего предания, что суд над ним, как он и ожидал, закончился оправданием и что двухлетний период еще прошел между его освобождением и его последующим арестом, тюремным заключением и смертью.

СОБЫТИЯ.	Мейер.	Евсвий.	Геронимъ.	Пасхальная хроника.	Бароний.	Исидоръ.	Уперъ.	Шингеймъ.	Парсонъ.	Тальмонъ.
Вознесение Христа	31	33	32	31	32	31	33	33	33	33
Мученичество св. Стефана	33 или 34	Клавдій I	32	31	33	38?	34	33
Обращение ап. Павла	35	...	33	Клавдій II	34	33	35	40	35	34
Первое путешествие ап. Павла въ Иеру- салимъ	38	Клавдій III	37	36	38	43	38	37
Прибытие ап. Павла въ Антиохію . . .	43	Клавдій III	41	40	43	43?	42	43
Смерть св. Іакова	44	42	41	44	...	44	44
Голодъ	44	41	44	...	42	42	44	44	44	44
Второе путешествие ап. Павла въ Иеру- салимъ	44	46	42	41	44	44	44	44
Первое миссіонерское путешествие ап. Павла	45 до 51	Клавдій V	44 до 47	42 до 46	44 до 47	44 до 46
Третье путешествие ап. Павла въ Иеру- салимъ до апостольскаго собора . .	52	49	49	52	53	49	51
Ап. Павелъ начинаетъ второе миссіонер- ское путешествие	52	49	49	53	...	50	51
Изгнание іудеевъ изъ Рима	52	...	49	...	49	49	54	...	52	49 до 52
Ап. Павелъ прибываетъ въ Коринфъ . . .	53	50	50	54	54?	52	52
Четвертое путешествие ап. Павла въ Иеру- салимъ (ал. Кесарію), и третье мис- сіонерское путешествие	55	52	52	56	54?	54	54
Пребываніе ап. Павла въ Ефесѣ . . .	56 до 58	53 до 55	52 до 54	56 до 59	56 до 58	54 до 57	54 до 57
Пятое путешествие ап. Павла въ Иеру- салимъ, и тюремное заключеніе . . .	59	53 или 54	56	55	60	59	58	58
Отправка ап. Павла изъ Кесаріи въ Римъ.	61	55	57	При Неронѣ	56	56	62	60	60	60
Двухлѣтнее тюремное заключеніе ап. Пав- ла въ Римѣ	62 или 64	...	до Нерона IV	...	57 до 59	...	63 до 65	61 до 63	61 до 63	61 до 63

Васпакъ.	Бенель.	Михаилъ.	Экхориъ.	Киноль.	Винеръ.	Де-Ветте.	Шраеръ.	Ольсгаузенъ.	Аперъ.	Самуель и Исаиеръ.	Виссеръ.	Эмманъ.	Меллеръ.	Ворасбургъ.	Альфордъ.
33	30	33	32	33	30?	...	35	33	31	29 Ид.	30	33	...	30	30
37	30	...	37	37 или 38	37?	...	35	...	37	...	39?	38	...	33	37
37	31	37?	37 или 38	40	38?	37 или 38	39	35	38	35 или 38	40	38	между 37 и 41	34	37
40	33	...	40 или 41	43	41	40 или 41	42	38	41	38 или 41	43	41	...	37	40
40	39	...	42	43 или 44	43	41	43 или 44?	...	44	44	...	43	41
44	42	ОКОЛО 44	44	43 или 44	44	44	44	...	43 или 44	...	44	44	44
42	44	44	44 до 45	44	44	44 или 45 или 46?	...	45	45 до 46	между 41 и 45	44	44
42	41 до 44	44	44	44	45	44 или 45	44	44	44	44	45	45 до 46	...	44	44
45 до 47	45 до 46	...	45 ff.	44 до 46	до 49	около 48	...	45 до 47	48 до 51	46 до 48	45	45
50	47	...	52	52	51	50 или 51	47	52	51	52	около 50	52	...	49 до 50	50
50	47	...	53	51 или 52	47	52	51	...	около 50	52	...	51	51
51	...	54?	54?	52	52	между 52 и 54	49	...	51 или 52	...	52	52
51	48	54?	ОКОЛО 54	52	52	52 или 53	49	53	52	...	52	53	...	53	53
53	49	...	56	...	54	53 или 54	51	55	54	56	54	55	54 или 55	54	54
53 до 55	50 до 52	...	57 до 59	...	55 до 57	54 или 55 ff.	51 ff.	56 и 57	54 до 57	...	54 до 57	до 58	55 до 57	54 до 57	55
56	53	60	60	57	58	58 или 59	59	60	58	60	58	59	58	58	58
59	55	62	62	59	60	60 или 61	61	62	60	62	60	61	60	61	61
60 до 62	56 до 58	63 до 65	63 до 65	60 до 62	61 до 63	62 или 64	62 до 64	63 до 65	61 до 63	63 до 65	61 до 64	62 до 64	62 до 64	61 до 63	61 до 63

Прилагаемъ еще особую таблицу, показывающую годы написанія Посланий, какъ они приняты въ этой книгѣ. Основанія для нихъ изложены in loco, но читатель пойметъ, что годы въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть опредѣлены только *приблизительно*.

Время написанія посланій.

ПОСЛАНИЕ	ГДѢ НАПИСАНО	КОГДА
1 Фессалоникийцамъ.	Въ Коринѣ.	52 по Р. Хр.
2 Фессалоникийцамъ.	Въ Коринѣ.	52.
1 Коринѣанамъ.	Въ Ефесѣ.	57.
2 Коринѣанамъ.	Въ Филиппахъ (?).	58 (въ началѣ).
Галатамъ.	Въ Коринѣ.	58.
Римлянамъ.	Въ Коринѣ.	58.
Филиппийцамъ.	Въ Римѣ.	61 или 62.
Колоссянамъ } Филимону }	Въ Римѣ.	63.
Ефесянамъ.	Въ Римѣ.	63.
1 Тимофею.	Въ Македоніи (?).	65 или 66.
Титу.	Въ Македоніи (?).	66.
2 Тимофею.	Въ Римѣ.	67.

Слѣдующая таблица показываетъ вѣроятное время главныхъ событій жизни ап. Павла въ сопоставленіи съ тѣми событіями гражданской исторіи, съ которыми они совпадаютъ по времени.

Таблица современныхъ правителей и пр.

	Императоры.	Прокураторы	Легаты Сиріи.	Цари.	Первосвященники.	Событія изъ жизни ап. Павла.
14	Тиверій (одинъ императ.).	Понтій Пилать.	Каиафа.	
25	...					
26	...					
29	...					
30	Удаляется въ Капрею.	...	Вителлій.			
31	...					
32	...					
33	Видѣли будто бы феникса въ Египтѣ.					
34				
35	...					
36	...					

	Императоры.	Прокураторы.	Легаты Сиріи.	Цари	Первосвященники.	Событія изъ жизни ап. Павла.
37	Клай (Калигула) (марта 16).	Маруллъ (Ἰππάρχης).	Ионафанъ.	Мученичество св. Стефана.
38	Оеофилъ.	...
39	Петроній Турпилианъ.	Иродъ Агриппа I.	...	Первое посѣщеніе Іерусалима. Въ Тарсѣ.
40	Приказываетъ поставить свою статую въ храмѣ. Посольство Филона.
41	Клавдій (января 24).	Симонъ Каноева. Матоія.	Въ Антиохіи.
42	Ученики называются христіанами въ Антиохіи.	...	Виб Марсъ.	Иродъ Агриппа I. Расширенія владѣнія.
43	Эліоней, сынъ Капоеры.	...
44	Голодъ (I. Флав. Antt. XX, 5, § 2).	Куспій Фадъ.	Кассій Лонгинъ.	Смерть Ирода Агриппы I.	...	Второе путешествіе въ Іерусалимъ.
45	Иосифъ, Бенъ Камитъ.	Первое миссіонерское путешествіе.
46	...	Тиверій Александръ.
47	Аванія, сынъ Неведея.	...
48	...	Вентидій Куманъ.	Умидій Квадратъ.
49	Изгнаніе іудеевъ изъ Рима.	Агриппа II, царь Халкиды.
50	Карактакъ отводится въ Римъ.
51	Третье посѣщеніе Іерусалима и соборъ. Въ Коринѣ. 1 и 2 Фессал.
52	Агриппа II, (Батаней и Трохонитисъ).	Измаилъ, Бенъ Фаби.	...
53	...	Клавдій Феликсъ.	Четвертое посѣщеніе Іерусалима.
54	Сероръ (13 окт.).
55	Рожденіе Траяна.
56	Судъ надъ Помпоніей Грединной (какъ христіанкой?).	Ап. Павелъ въ Ефесѣ. 1 Коринѣ.
57	2 посл. къ Коринѣ. Посланіе къ Галатамъ.
58
59	Умерщвленіе Агриппины.	Порцій Фестъ.	Корбулонъ.
60

Прилагаемъ еще особую таблицу, показывающую годы написанія Посланій, какъ они приняты въ этой книгѣ. Основанія для нихъ изложены in loco, но читатель пойметъ, что годы въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть опредѣлены только *приблизительно*.

Время написанія посланій.

ПОСЛАНИЕ	ГДѢ НАПИСАНО	КОГДА
1 Фессалоникийцамъ.	Въ Коринѣ.	52 по Р. Хр.
2 Фессалоникийцамъ.	Въ Коринѣ.	52.
1 Коринѣянамъ.	Въ Ефесѣ.	57.
2 Коринѣянамъ.	Въ Филиппахъ (?).	58 (въ началѣ).
Галатамъ.	Въ Коринѣ.	58.
Римлянамъ.	Въ Коринѣ.	58.
Филиппийцамъ.	Въ Римѣ.	61 или 62.
Колоссянамъ } Филимону }	Въ Римѣ.	63.
Ефесиянамъ.	Въ Римѣ.	63.
1 Тимофею.	Въ Македоніи (?).	65 или 66.
Титу.	Въ Македоніи (?).	66.
2 Тимофею.	Въ Римѣ.	67.

Слѣдующая таблица показываетъ вѣроятное время главныхъ событій жизни ап. Павла въ сопоставленіи съ тѣми событіями гражданской исторіи, съ которыми они совпадаютъ по времени.

Таблица современныхъ правителей и пр.

	Императоры.	Прокураторы	Легаты Сиріи.	Цари.	Первосвященники.	Событія изъ жизни ап. Павла.
14	Тиверій (одинъ императ.).	Каиафа.	
25	
26	...	Понтій Пилать.	
29	
30	
31	
32	Удаляется въ Капрею.	
33	
34	Видѣли будто бы феникса въ Египтѣ.	...	Вителлій.	
35	
36	

	Императоры.	Прокураторы.	Легаты Сиріи.	Цари	Первосвященники.	Событія изъ жизни ап. Павла.
37	Калі (Калигула) (марта 16).	Марулъ ('Ιππάρχης).	Ионаанъ.	Мученичество св. Стефана.
38	Феофилъ.	...
39	Петроній Турпизіанъ.	Иродъ Агриппа I.	...	Первое посѣщеніе Іерусалима. Въ Тарсѣ.
40	Приказываетъ поставить свою статую въ храмѣ. Посольство Филона.
41	Клавдій (января 24).	Симонъ Канеера. Матоія	Въ Антиохіи.
42	Ученики называются христіанами въ Антиохіи.	...	Вибъ Марсъ.	Иродъ Агриппа I. Расширенія владѣній.
43	Эліоней, сынъ Канееры.	...
44	Голодъ (I. Флав. Antt. xx, 5, § 2).	Күспій Фадъ.	Кассій Лонгинъ.	Смерть Ирода Агриппы I.	...	Второе путешествіе въ Іерусалимъ.
45	Иосифъ Бенъ Камитъ.	Первое миссіонерское путешествіе.
46	...	Тиверій Александръ.
47	Анавіа, сынъ Неведея.	...
48	...	Вентидій Куманъ.	Уммидій Квадратъ.
49	Изгнаніе іудеевъ изъ Рима.	Агриппа II, царь Халкиды
50	Карактакъ отводится въ Римъ.
51	Третье посѣщеніе Іерусалима и соборъ. Въ Коринѣ. 1 и 2 Фессал.
52	Агриппа II, (Батанея и Трохонитисъ).	Измаилъ Бенъ Фаби.	...
53	...	Клавдій Феликсъ.	Четвертое посѣщеніе Іерусалима.
54	Неронъ (13 окт.).
55
56	Рожденіе Траяна.
57	Судъ надъ Помпоніей Грециной (какъ христіанкой?).
58	Ап. Павелъ въ Ефесѣ. 1 Коринѣ. 2 посл. къ Коринѣ. Посланіе къ Галатамъ.
59	Умерщвленіе Агриппины.
60	...	Порцій Фестъ.	Корбулонъ.

	Императоры.	Прокураторы.	Легаты Сиріи.	Царі.	Первосвященники.	Событія изъ жизни ап. Павла.
61	Возстаніе Боддикии	Иосифъ Каби.	Въ Римѣ.
62	Смерть Бурра, Октавіи и Паллады. Неронъ женится на Поппеѣ.	Албинъ.	Ананъ.	Посланіе къ Филиппіицамъ.
63	Могущество Тигеллина.	Исусъ, сынъ Дамнея.	Посланіе къ Колоссянамъ. Филимону и Ефесянамъ. Освобожденіе ап. Павла.
64	Большой пожаръ въ Римѣ. Гоненіе на христіанъ.	Гессій Флоръ	1 Посланіе къ Тимооею. Посланіе къ Титу.
65	Смерть Сенеки.	Второе посланіе къ Тимооею. Мученичество.
66	Начало іудейской войны. Неронъ въ Греціи.
67	Осада Іотанаты.
68	Самоубійство Нерона (іюнь). Галльба.	Веспасіанъ беретъ Іерихонъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ XXIX.

Свидѣтельства преданія о внѣшности ап. Павла.

Свидѣтельства преданія о внѣшности великаго апостола слишкомъ поздні, чтобы имѣть независимое значеніе, но очень вѣроятно, что гдѣ они совпадаютъ между собой, тамъ съ точностью сохраняютъ нѣкоторыя черты его. Въ виду этого читателю быть можетъ безынтересно видѣть ихъ въ переводѣ; но онъ долженъ помнить печальную вѣроятность, что въ жизни ап. Павла были періоды, когда онъ, обезображенный приступами его недуга, не представлялъ привлекательнаго вида.

Въ шестомъ столѣтіи Іоаннъ Антиохійскій, обыкновенно называемый Малала ¹⁾, пишетъ, что «Павелъ по внѣшности былъ круглолицъ (τὸ ὅμοιον κυκλοειδὲς), съ простѣю въ головѣ и бородѣ, съ орлинымъ носомъ, сѣроватыми глазами, сходящимися бровями ²⁾, блѣдно-краснымъ цвѣтомъ лица и полною бородой. При оживленномъ выраженіи лица, онъ былъ чувствителенъ, серьезенъ, общедоступенъ, радушенъ и вдохновенъ Духомъ Святымъ».

¹⁾ х, 257.

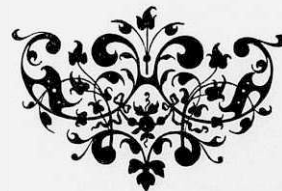
²⁾ Это στρογγύλιος и выраженіе ἀτενίζας могутъ быть единственнымъ основаніемъ для заключенія, что глаза у ап. Павла были сѣрые и свѣтлые.

Никифоръ Каллисть ¹⁾, историкъ XV вѣка, говоритъ: «Павелъ былъ малъ ростомъ, карликообразенъ по стану и какбы скорченъ повѣтшности и согбенъ. Лицо его было блѣдно, и его видъ располагающій въ свою пользу. Онъ былъ лысоголовъ, съ свѣтлыми глазами. Носъ выдающийся, орлиный, борода густая и довольно длинная, и какъ она, такъ и голова его покрыты были простѣю».

Въ «дѣяніяхъ Павла и Осклы», повѣсти третьяго вѣка, онъ описывается какъ «малый ростомъ, плѣшивый, кривоногий, съ сходящимися бровями, крючконосый, чрезвычайно пріятный» ²⁾.

Наконецъ въ Филопатридѣ псевдо-Лукіана ³⁾, подложномъ сочиненіи четвертаго вѣка ⁴⁾, о немъ презрительно говорится какъ «о плѣшивомъ, крючконосомъ галилеянинѣ, который ходилъ по воздуху до третьяго неба и узналъ прекраснѣйшія вещи».

Предоставляемъ самому читателю судить, могла ли хоть крупница истины сохраниться въ этихъ свидѣтельствахъ, отдѣленныхъ цѣлыми вѣками преданія. Такъ какъ они не противорѣчатъ, а скорѣе подтверждаютъ самыя раннія описанія, какія только сохранились до насъ, то быть можетъ мы можемъ на основаніи ихъ вывести то заключеніе, что ап. Павелъ былъ малъ ростомъ, — о чемъ упоминается также псевдо-Златоустомъ ⁵⁾ и на что быть можетъ онъ самъ съ нѣкоторымъ оттънкомъ горькой проны намекалъ во второмъ посланіи къ Коринѣянамъ ⁶⁾; что онъ былъ нѣсколько сутуловатъ, если не вовсе согбенъ, что носъ у него былъ орлиный и его рѣдкіе волосы уже рано блѣдѣли «серебромъ». Изъ этихъ свидѣтельствъ мы можемъ также заключить, что лицо у него было блѣдное, быстро вспыхивавшее и мѣнявшее свое выраженіе, и что когда онъ не былъ совершенно обезображенъ своею болѣзнию или когда получалъ возможность освободиться отъ мучительнаго самоуниженія, причинявшагося ею, то увлекательность и сладость его рѣчи, достоинство и живость его движеній, совершенно устранили первое неблагопріятное впечатлѣніе, производившееся его невзрачною внѣшностью. Что такъ именно и было, можно заключать изъ многихъ обстоятельствъ его сношенія съ людьми и церквами, а также и изъ того, что грубые жители Листры приняли его — когда еще онъ не достигъ средняго возраста и не былъ еще жестоко изможденъ послѣдующими недугами — за воплощеніе юнаго и красиво рѣчиваго Эрмеса.

¹⁾ Hist. Eccles. II, 37.

²⁾ Я ничего не могу вывести изъ Εὐκρίτος πῶς ἀγκύλος τὰς κνήμες.

³⁾ Philopat. 12.

⁴⁾ Таково мнѣніе Геснера въ его диссертаціи: De Aetate et Auctore Philopatridis.

⁵⁾ ὁ τριπλῆρος ἀνδρὸς.

⁶⁾ 2 Кор. х, 10—16, особенно стихъ 14.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ.

ГЛАВА I. 1) См. *Неандеръ*, Planting, англ. пер. стр. 78.

2) Aug. Confess. VIII. 12—18, *Krenkel*, Paulus der Ap. d. Heiden стр. 1.

3) Дѣян. Апост. XXIII. 6 (Фил. III. 5). Истинное чтеніе *ὁὗς Φαρισαίων* (S, A, B, C, Сир. пер. п Вульг.); онъ былъ фарисей третьяго поколѣнія, *τριφασικός*.

4) Дѣян. XXVI. 5. *θεράσκω* есть скорѣе „культъ“, „внѣшнее служеніе“, чѣмъ „религія“.

5) *תלמודי חכם* — похвалами и описаніями преимуществъ которыхъ наполненъ Талмудъ.

6) Гал. I, 14, *προέκοπτον ἐν τῷ Ἰουδαϊσμῷ* (т. е. въ иудейской обрядности) *ὑπὲρ* и пр., *περισσotέρως* *ζήλωτός* и проч.

7) *Bios* — *vita quam vivimus*, *ζωή* — *vita quā vivimus* (Гал. II. 20).

8) *Bossuet* (1 Kings. XV. 22). Дѣян. XIV. 15.

9) 2 Кор. XI. 24 — 33, написано около 57 года по Рожд. Хр., почти за 10 лѣтъ до его смерти.

10) *Ἐπτάκις δευρά φορέσας* (Ер. ad. Cor. 5).

11) По принятой авторомъ системѣ, посланіе къ Евреямъ не могло войти въ эту книгу и историко-экзегетическое изложеніе его отнесено къ слѣдующему сочиненію: „Первые дни христіанства“. *Прим. переводчи.*

ГЛАВА II. 12) Фил., ст. 9. Нужно, однако же, упомянуть, что будемъ-ли мы читать *προβύτης* или *προσβυτής*, значеніе можетъ быть: „Павелъ посланникъ, а теперь даже посланникъ въ узахъ Иисуса Христа“. Сравни прекрасный антитезисъ *ὑπὲρ* *ὁ προσβύτης ἐν αἰσέσει*, „для котораго я исполнилъ посольство въ узахъ“ (Еф. VI. 20). Тонъ его послѣднихъ посланій, однако же, выдаетъ старца.

13) „Онъ былъ палимъ жаромъ Сиріуса и колыхаемъ бурными волнами Эвродиклона“, какъ выражается Дж. Тэйлоръ.

14) Роджеръ Боконъ называетъ себя „senem“, повидимому 53 лѣтъ отъ роду, а Вальтеръ Скоттъ говоритъ о себѣ, какъ о „сѣдомъ старикѣ“ 55 лѣтъ (см. Ляйтфутъ, *Colossians*, стр. 404). По Филону человѣкъ былъ *νεανίας* между 21 и 28 годами; но его разграниченіе чисто искусственное. Человѣкъ, повидимому, могъ называться *νεανίας* и даже *νεανίσκος* до 40-лѣтняго возраста (*Xen. Mem.* I, 2,35; *Krüger*, *Vit. Xen.* 12).

15) Эти данныя довольно близко сходятся съ заявленіемъ Псевдо-Хризостома (*Orat. Encom. in Pet. et Paul.*, орр. VIII, ed. Montfaucou), что онъ былъ въ теченіе 35 лѣтъ служителемъ Христа и потерялъ мученичество 68 лѣтъ.

16) *Ier. de Viris Illustr.* 5: „de tribu Benjamin et oppido Judaeae Giscalis fuit, quo a Romanis capto, cum parentibus suis Tarsum Ciliciae commigravit“. Часто утверждали, что бл. Иеронимъ отвергаетъ или подвергаетъ сомнѣнію это преданіе въ своемъ комментарий на посл. къ Филим. (Орр. IV, 454), гдѣ онъ говоритъ, что нѣкоторые понимали терминъ „мой союзникъ“ въ томъ смыслѣ, что Епафрасъ взятъ былъ въ плѣнъ въ Гискалъ въ то же самое время, какъ и Павелъ, и былъ поселенъ въ Колоссахъ. Даже Неандеръ (*Planting*, p. 79) слѣдуетъ этому ходячему заблужденію на томъ основаніи, что Иеронимъ говоритъ: „quis sit Ephras captivus Pauli talem *fabulam* asserimus“. Но что эта *fabula* не означаетъ здѣсь „ложнаго разсказа“, какъ онъ переводитъ это слово, достаточно доказывается тѣмъ, что бл. Иеронимъ заключаетъ: „quod si ita est, possumus et Ephram illo tempore captum suspicari, quo captus est Paulus“.

17) Гискала, теперь Эл-Джинъ, долѣе всѣхъ другихъ мѣстъ въ Галилеѣ держалась противъ Римлянъ (J. Флав. В. J. II, 20 § 6; IV, 2, §§ 1—5).

18) Она взята была въ 67 году по Рожд. Христ.

19) I. Флав. В. Jud. II, 21, § 1; Vit. 10. Онъ называетъ его Πολίχυν.

20) „Parentum conditionem adolescentulum Paulum secutum, et sic posse stare illud, quod de se ipso testatur „Hebraei sunt? et nego“, etc., quae illum Judaeum magis indicant, quam Tarsensem“ (Jer.).

21) Незнаніе Филономъ еврейскаго языка допускается всѣми.

22) Дѣян. XXI. 40: τῷ Ἑβραϊσῷ *διλέκτο* т. е. конечно на сирійскомъ. Эти палестинскіе іудеи въ большинствѣ могли понимать Библію, если не въ еврейскомъ подлинникѣ, то во всякомъ случаѣ при помощи парафраста.

23) Напр. въ 1 Кор. III. 19; 2 Кор. VIII. 15; 2 Тим. PI. 19. Существовала ли какая нибудь народная Библія въ извѣстныхъ рядахъ съ переводомъ LXX, я не буду входить въ разсужденіе объ этомъ. См. Hilgenfeld, *Zeitschr.* XVIII (1875), p. 118.

24) Рѣка Кидъ, однако же, теперь уже не течетъ чрезъ Терсусъ, какъ это было раньше (*Strabo*, XIV. 5; *Plin.* Н. N. VI. 22; *Beaufort's Karamania*, 271).

25) Мнѣніе это было высказано Гумфри, *ad loc.*

26) Сравни удивленіе, выраженное аонскимъ юношей описанію Сократомъ прекрасной сцены въ началѣ Федра § 10 *Σὺ δὲ γὰρ ὁ θεομάσις ἀποπτότατος τῶν φαίνεσθαι*. Прекрасная глава объ этомъ предметѣ находится у *Friedländer*, *Sittengesch. Roms.*, VII. 5, § 3. Читатель припомнитъ аналогичные случаи изъ жизни св. Бернарда, который по цѣлымъ днямъ ѣздилъ вдоль берега Женевского озера и спрашивалъ по вечерамъ, гдѣ это было; извѣстно также, что Кальвинъ не выказывалъ ни малѣйшаго слѣда восторга въ отношеніи красотъ Швейцаріи, а Вайтфильдъ, проповѣдникъ методизма, повидимому не вынесъ ни одного впечатлѣнія изъ своихъ 13-ти переѣздовъ чрезъ Атлантическій океанъ и своихъ странствованій отъ штата Георгіи до Бостона.

27) „Вѣдь я воспитанъ въ большомъ городѣ, среди каменныхъ стѣнъ,

И не привыкъ къ красотѣ неба и звѣздъ“.

Колмриджъ.

28) Я разумно знаменитый примѣръ привітія дикой маслинны (Рим. XI. 16—25). По аргументу ап. Павла требуется, чтобы дикій отростокъ далъ цвѣтъ на плодоносномъ деревѣ, т. е. *ἀγριέλαιος* язычества на *ἐλαίᾳ* иудейства. Но едва ли нужно замѣчать, что этого никогда не дѣлалось, а совершалось какъ разъ противоположное, именно плодородная вѣтвь привилась на дикомъ стволѣ. Скорѣе отпрыскъ садовой маслинны могъ быть привитъ къ дикой маслинѣ, а не дикая маслина къ садовой (Авг. на Псал. LXXI). Правда, ап. Павелъ здѣсь заботится только объ общей аналогіи и былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что она не согласовалась съ обычнымъ способомъ *ἐγκεντρασμός*. При томъ, такъ какъ онъ говоритъ *παρὰ φύσιν* (XI. 24), то повидимому нѣтъ надобности показывать, практиковался ли когда въ дѣйствительности такой родъ

привития. Однако же при подобных же обстоятельствах такой примѣръ едва ли былъ бы употребленъ писателемъ болѣе знакомымъ съ явленіями природы. Мнѣніе, что ап. Павелъ здѣсь разумѣлъ болѣе рѣдкій африканскій обычай привитія дикой маслины (или эиопской маслины) къ садовой для укрѣпленія послѣдней (См. *Плм.* Ест. Ист. XVII, 18; *Colum.* De re Rust. V, 9; *Palladius* и пр.), крайне неправдоподобно даже на томъ основаніи, что оно уничтожаетъ всю силу истины, которую онъ и желаетъ сообщить (см. *Ewbank*, II, 112; *Tholuck*, Rom. 617, *Meyer*, 343). Ему быть можетъ была извѣстна пословица *ἀκαρπίαρον ἀγριελαιον*. Смотри однако же нѣсколько различныхъ взгляды у Томсона въ его *Land and Book*, 53.

29) Тарсъ противоѣздествовалъ партіи Брута и Кассія, но былъ покоренъ Люціемъ Руфомъ въ 43 г. до Рожд. Хр., и многіе тарсяне были проданы въ рабство для уплаты штрафа въ 1500 талантовъ, который онъ наложилъ на городъ (*Appian*, Bell. Civ. IV, 64). *Τάρσος... πὰρ αὐτοῖς τῶν πόλεων ἀξιολογώτατη μνητέριος ὄβρα* (*J. Павл.* I, 6, § 1).

30) 2 Кор. II, 17 *καπηλεύοντες*; IV, 2, *δολοῦντες*.

31) Еф. I, 13, IV, 30 *ἐσφαλμένους*.

32) 2 Кор. I, 22 *ἀρβύλον*.

33) *ἐκκλησία* 3 Цар. XII, 2 (по LXX). Слово „церковь“ въ его болѣе техническомъ новѣйшемъ смыслѣ (какъ въ посл. къ Ефес. и Колос.) развилось изъ болѣе простаго значенія *собранія* въ болѣе раннихъ посланіяхъ ап. Павла.

34) См. *Филонъ*, De Victim. 836; *Плм.* Nat. H. N. V, 32.

35) *Σκηνοποιός*, Дѣян. XVIII, 3; *σκηνοδότος*, *Ps. Chrysost.* Orat. Encom. (Opp. VIII, изд. Montfauc.). Когда Златоустъ называетъ его *σκυτάριος* „рѣзальщикомъ кожи“ (Hom. IV, 3, стр. 864 на 2 Тим. II), то это едва-ли можетъ быть правильно, потому что къ этому ремеслу не отнеслись бы благопріятно строіе фарисеи. Объ употребленіи *cilicium* вмѣсто пазатки см. *Veget.* Milit. IV, 6; *Serv. ad Virg. Georg.* III, 313. Они служили для многихъ другихъ цѣлей, какъ напр., садовыхъ чучелъ, обуви и постели (*Colum.* XII, 46; *Лук.* XXXVIII, 7; *Mart.* XIV, 140; *Ieron.* Ep. 108). Заниматься „olentis barba mariti“ не могло быть пріятнымъ ремесломъ. Она „добывалась отъ стада Тавра и продавалась греческимъ мореплавателямъ Леванта“. Слово *cilice* до сихъ поръ на французскомъ языкѣ означаетъ волосяную одежду.

36) Объ этомъ предметѣ смотри въ моемъ сочиненіи „Жизнь Иисуса Христа“, прим. 139. Самъ Гамалиилъ былъ авторомъ знаменитаго афоризма, что „ученіе всякаго рода *כל הורה* (т. е. даже изученіе закона), не сопровождаемое ремеслами, оканчивается ничѣмъ и приводитъ къ грѣху“ (*Pirke Abhoth*, II, 2). Раввинъ Иуда справедливо сказалъ, что „трудъ дѣлаетъ честь труженнику“ (*Nedarim*, f. 49, 2); раввинъ Мейръ сказалъ: „пусть человѣкъ всегда учитъ своего сына чистымъ и легкимъ ремесламъ“ (*Toseft*, въ *Kidd.* f. 82, 1); раввинъ Иуда говоритъ, что не учитъ своего сына ремеслу равносильно тому, какъ если бы учить его разбойничеству (*Kidduschin*, f. 30, 2).

37) Причина, почему онъ научился этому именно ремеслу, могла быть чисто мѣстной. Возможно, что его отецъ въ дѣтствѣ наученъ былъ тому же самому ремеслу. „Человѣкъ не долженъ мѣнять своего ремесла, ни ремесла своего отца“, говоритъ раввинъ Иохананъ, ибо сказано: „Хирамъ изъ Тира былъ сынъ вдовы... и отецъ его былъ.. мѣдникъ“ (3 Цар. VII, 13—14). (*Erechlin*, f. 16, 2).

38) Римл. XVI, 7; Андроникъ, Юнія или быть можетъ Юній (Юніанъ); 11, Иродіонъ; 21, Люцій, Ясонъ, Сосипатръ (*συγγενεῖς*).

39) См. ниже по вопросу о подлинности XVI главы посланія къ Римлянамъ.

40) Какъ напр. въ посланіи къ Римлянамъ IX, 3.

41) Когда греческое или римское имя звучало сходно съ іудейскимъ, то для іудея очевидно

было удобно сдѣлать маленькую въ немъ перемѣну. Такъ Досеай дѣлался Досиееємъ; Тарфонъ—Трифономъ, Еліакимъ—Алкимомъ и проч.

42) *Σαῦλ* — Шаулъ, Саулъ, Савлъ.

43) Оно встрѣчается въ качествѣ еврейскаго имени въ Пятонкижѣ (Быт. XXXVI, 37; XLVI, 10; Исх. VI, 15; Числ. XXVI, 13); но по смерти царя Саула оно не встрѣчается еще до времени апостола и позднѣе у Іосифа Флавія (Antt. XX, 9 § 4; B. Iud. II, 17, § 4; *Krenkel*, Paulus, 217).

44) Въ Новомъ Заветѣ имѣется до 278 цитатъ изъ Ветхаго Завета. Изъ нихъ 53 тождественны въ еврейскомъ LXX и въ Новомъ Заветѣ; въ 10 LXX правильно измѣненъ; въ 76 неправильно измѣненъ, т. е. болѣе удаленъ отъ еврейскаго; въ 37 онъ принятъ тамъ, гдѣ отличается отъ еврейскаго; въ 99 всѣ три текста отличаются между собою; и три цитаты сомнительнаго характера (см. *Turpie*, The Old Test. in the New, 267 и въ другихъ мѣстахъ).

45) Между многочисленными объясненіями выраженія *πηλίκους γράμματα* Гал. VI, 11 по одному его греческія буквы имѣли такое худое начертаніе по недостатку практики, что казались почти смѣшными.

46) См. ниже приложение I: „Слогъ апостола Павла“ и приложение II: „Риторика апостола Павла“.

47) „Multa sunt verba, quibus juxta morem urbis et provinciae suae, familiarius Apostolus utitur: e quibus exempli gratia pauca ponenda sunt“. Онъ указываетъ на *κατενάρκηρα* (2 Кор. XI, 9), *ἐπὶ ἀνθρωπίνης ἡμέρας* (1 Кор. IV, 3), и *καταβρεχέτω* (Кол. II, 18) и прибавляетъ „quibus, et aliis multis, usque hodie utuntur Cilices“ (*Ieron.* Ep. ad Algas. qu. 10). Вѣстгейтъ, однако же, выводитъ *ἀποναρκίω* изъ Плутарха De Liber. Eaus. p. 8 и *ναρκίω* встрѣчается у LXX (Быт. XXXII, 25, 32; Іов. XXXIII, 19), и у Іосифа Флавія Antt. VIII, 8 § 5; *ναρκή* есть torpedo или *gymnotus*. Такъ какъ *καταναρκίω* встрѣчается только у Гиппократъ, то Плюматръ думаетъ, что это могло быть медицинское слово, употреблявшееся въ школахъ Тарса. Григорій Нисскій, на 1 Кор. XV, 28, приводитъ *ἐκένωσεν* (Фил. II, 7); *ἐμειφόμενοι* (1 Θεсс. II, 8) *περπερεύεται* (1 Кор. XIII, 4), *ἐριθείας* (Рим. II, 8) и пр., какъ примѣры произвольнаго распоряженія апостола Павла словами.

48) См. *Gerodotus* I, 74; VII, 91; *Ксеноф.* Анаб. II, 26.

49) *Σολικισμός*. См. *Strabo*, 663; *Diog. Laert.* I, 51. Но произведеніе отъ *Soli* недостаточно.

50) De Def. Orac. 41; *Hausrath*, pp. 7—9. Смотри также Плутархъ *περί δεισιδαιμονίας καὶ ἀθεότητος*, II; *Neander*, Церк. Ист. I, 15 и сл.

51) *Strabo*, XIV, 4; *Athen.* XII, 529; *Циц.* Tusc. Disp. V, 35. Гаусратъ, стр. 7, находитъ слѣдъ этого въ 1 Кор. XV, 32, что однако же съ одинаковою вѣроятностью могло возникнуть вълѣдствіе распространенной басни объ эпикурейской мухѣ, умирающей въ горшкѣ съ медомъ: *καὶ βέβρωκα καὶ πέτωκα καὶ λέλουμαι καὶ ἀποθάνω οὐδὲν μέλει μοί*.

52) *Philostr. Vit. Apoll.* I, 7.

53) „Ὁ δὲ τὸν μὲν διδάσκαλον εἶχετο τὸ δὲ τῆς πόλεως ἡθὸς ἀποπὸν τε ἤγετο καὶ οὐ χρηστὸν ἐμφιλοσοφῆσαι. Τρωφῆς τε γὰρ οὐδὲμοῦ μάλλον ἀπτονται, σκοπεύουσι τε καὶ ὀρεῖται πάντες“ (*Philostr. Vit. Apoll.* изд. Olear. 1709).

54) *Strabo* XIV, 4, стр. 672, 673. См. также *Ксеноф.* Анаб. I, 2, 23; *Плм.* V, 22; Q. Curt. III, 5, 1. Стоики—Лоннодоръ, учитель Августа, и Несторъ, учитель Тиверія, жили въ Тарсѣ; упоминаются и другіе.

55) Потаміосъ те αὐτοῦς διαβρέξῃ Κόδρος, ὃ παρακάθηνται, κάθ' ἑαυτὸν τῶν ὀρνίθων αἱ ὑδροὶ (*Philostr. ubi supr.*).

56) 1 Кор. I, 21 *διὰ τῆς μορίας τοῦ κηρύγματος*.

57) *Hausrat*, 20.

58) Κτίζε, Гал. VI, 15; III, 28.

59) *Sanhedr.* f. 44, 1; Римл. III, 2; IX по мѣстамъ.

60) Всякій, кто желаетъ видѣть натяжки узкаго толкованія, съ цѣлю выпутаться изъ яснаго смысла, который simplestъ благороденъ для простаго пониманія, образчики его можно видѣть въ комментаріяхъ на этотъ текстъ. Это, увы! только доказательство того духа, который такъ часто чтеніе обыкновеннаго комментарія на апостола Павла дѣлаетъ однимъ изъ самыхъ скучныхъ, тяжелыхъ и бесполезныхъ занятій. Странно, что, имѣя примѣръ Христа предъ своими глазами, многие ученые христіанскіе комментаторы знаютъ такъ мало о высотѣ самоотверженія, что заставляютъ насъ искать примѣра въ Моисѣ, даже въ Дантонѣ, чтобы дать намъ возможность понять истинное благородство Павла! Въ нѣкоторыхъ случаяхъ всякій, желающій получить изъ посланій апостола Павла ихъ истинное и часто совершенно простое и очевидное значеніе, долженъ совершенно отвернуться отъ накопившагося мусора цѣлыхъ вѣковъ заблужденія.

61) Смотри *Schaff*, Hist. of Anct. Christianity, I, 68.

62) См. „Жизнь Иисуса Христа“, прилож. IV стр. 628. На изученіе греческой литературы, допускавшееся Гамалииломъ, раввинъ списочно-точно будто-бы смотрѣли на томъ основаніи, что имъ нужно было знаніе греческаго языка въ гражданскихъ и дипломатическихъ сношеніяхъ въ пользу ихъ соотечественниковъ (см. *Etheridge*, Heb. Lit. 45). Раввинъ Шимонъ Бенъ Гамалиилъ будто-бы сказалъ, что въ домъ его отца было 1,000 дѣтей, изъ которыхъ 500 изучали законъ и 500 — мудрость греческую и что изъ всѣхъ ихъ только двое погибли (въ мятежѣ Бар-кохбы?) (*Babha Kama* f. 83, 1). Авторомъ знаменитаго изреченія, что, „такъ какъ два сына Ноя, Симъ и Иафетъ, соединились для прикрытія одной одеждой наготы своего отца, то Симъ получилъ отороченный плащъ (*малии*), а Иафетъ — философскій плащъ (*маллиме*), которые должны были соединиться опять“, — былъ раввинъ Иохананъ Бенъ Нахуша (*Midr. Rabbah*, Быт. XXXVI; *Iep. Sotah*, ad. f.; *Selden*, De Synedr. II, 9, 2; *Biscoe*, 60). Съ другой стороны болѣе узкіе раввинъ отожествляли греческую ученость съ египетскимъ чародѣйствомъ; и когда раввинъ Елизеръ Бенъ Дама спросилъ своего дядю раввина Измаила, нельзя-ли изучать греческую мудрость послѣ изученія всего закона, то раввинъ Измаилъ въ отвѣтъ привелъ Ис. Нав. I, 8 и сказалъ: „иди и найди моментъ, который не былъ бы ни днемъ, ни ночью, и тогда посвяти себя въ него изученію греческой мудрости“ (*Menachoth*, 99, 2).

63) I Кор. VIII, 10, ἡ συνεισφορά αὐτοῦ ἀσθενὸς ὄντος οἰκοδομηθήσεται εἰς τὸ τὰ εἰσολέοντα ἐσθίειν. Ruinosa aedificatio, Кальвинъ ad loc.

64) См. Sota, 49, 6; и сильное осужденіе всѣхъ языческихъ книгъ у раввина Акибы, *Bab Sanhedr.* 99, а. *Gfrörer*, Jahrb. d. Heils, I, 114; *Philo* II, 350; *Grätz*, III, 502; *Derenbourg*, Palest. 114). Въ трактатѣ *Надаимъ*, IV, 6, саддукеи жалуются на нѣкоторыхъ фарисеевъ за мнѣніе, что книги Еккліастъ и Пѣснь Пѣсней „оскверняютъ руки“, между тѣмъ какъ „книги Гомера“ не оскверняютъ. Толкованіе на это замѣчаніе показываетъ однако же въ высшей степени поразительное невѣжество. Двое раввиновъ (*in loco*) принимаютъ „Меростъ“ собственное имя, предшествующее членомъ и, производя его отъ *rasas* — „разрушать“, выставляютъ поэмы Гомера книгами, которыя подкапываются подъ законъ и осуждены на истребленіе. Грець отрицаетъ, что *המירם* есть Гомеръ.

65) „Melius haec sibi convenissent“, говоритъ Фриче, намекая на одну изъ антиномій ап. Павла, „si Apostolus Aristotelis non Gamalielis alumnus fuisset“.

66) См. прил. I: „Слогъ ап. Павла“; прил. II: „Риторика ап. Павла“; и прил. III: „Классическія цитаты и ссылки ап. Павла“. Выводы этихъ изысканій можно выразить замѣчаніемъ, что ап. Павелъ имѣлъ лишь нѣкоторое знакомство съ греческой литературой, но что онъ по всей

вѣроятности посѣщалъ какіе нибудь элементарные классы въ Тарсѣ, въ которыхъ онъ приобрѣлъ познанія въ греческой риторикѣ и даже быть можетъ въ началахъ стоической философіи.

ГЛАВА III. 67) *Porcia lex virgas ab omnium civium Romanorum corpore amovet* (*Цим.* pro Rab. 3; *Лук.* X, 9).

68) Тогда апостолу было около 53 лѣтъ отъ роду.

69) О такомъ способѣ приобретенія этого права смотри *Свет.* Aug. 47; *I. Флав.* В. I. II, 14; *Дѣян.* XXII, 28. Право гражданства нужно было доказать дипломомъ и Клавдій за ложное присвоеніе его наказывалъ смертю (*Светон.* Claud. Calig. 28; *Nero* 12; *Epict.* Dissert. III, 24).

70) Гаусратъ, стр. 19.

71) Собственно Второзак. VI, 4—9; но также XI, 13—27; Числ. XV, 37—41.

72) *Bar Mitsvah*.

73) *Pirke Abhoth*, v, 21. См. великолѣпную статью Гинцбургъ о „Востаніи“ въ *Kitto*, Bibl. Cycl.

74) *Pirke Abhoth* I, 1. Двумя излюбленными словами фарисеевъ были *אֲרִיזָה* и *תָּא פָּאָרִיזָה*. См. *Дѣян.* XXVI 5, XXII, 3; *J. Флав.* В. I. II, 8, § 14; I, 5, § 2; *Antt.* XIII, 10, § 6, XVII, 2 ad fin.

75) *Дѣян.* V, 34; XXII, 3. См. *Graetz*, Gesch. d. Juden, III, 274.

76) Дальше (см. прил. V) я указываю на трудность достовѣрнаго рѣшенія вопроса, какой именно изъ Гамалииловъ разумѣется въ Талмудѣ. Это однакоже не имѣетъ особенной важности, такъ какъ всѣ они были одной и той же школы и всецѣло преданными Моисееву закону. Какаго вполнѣдствіи произошла перемѣна во взглядахъ ап. Павла, будетъ видно, если сравнимъ Римл. XIV, 5, Кол. II, 16, Гал. IV, 10, съ слѣдующимъ анекдотомъ: „оселъ раввинъ Гамалиила разъ былъ нагруженъ медомъ и найденъ былъ мертвымъ въ одинъ субботній день вечеромъ, потому что онъ не хотѣлъ развѣлочиться въ этотъ день“ (*Schabbat* f. 154. c. 2).

77) *Recogn.* Clem. I, 65; *Phot.* Cod. 171, стр. 199; *Thilo*, Cod. Apocr. p. 501 (*Meyer*, на *Дѣян* v, 34).

78) *Дѣян.* XXII, 3. Иудейскіе раввины сидѣли на высокихъ креслахъ, а ихъ ученики сидѣли у ихъ ногъ на полу или на скамейкахъ. Въ пользу преданія, что до времени смерти Гамалиила будто-бы былъ обычай для учениковъ стоять, не имѣется достаточныхъ основаній (4 Цар. II, 3; IV, 38; *Bab. Sanhedr.* VII, 2; *Biscoe* p. 77).

79) Напр Римл. I, 24; III, 6, IV, 17; IX, 33; X, 18, XI, 8; 1 Кор. VI, 2; IX, 7, XV, 45, и пр.

80) Римл. II, 24; III, 10—18; IX, 15; 1 Кор. X, 1—4; Гал. IV, 24—31 и проч. Это сущность позднѣйшей каббалы съ ея *Пардесъ* — имена, *Пешатъ* „объясненіе“, *Ремесъ* „намеки“, *Дерушъ* „бесѣда“ и *Содъ* „тайна“. Однако же у ап. Павла нѣтъ и слѣда методовъ (*Geneth*), Гематріи, Нотарикона или Темуры, которые иудеи уже очень рано прилагали къ ветхозавѣтному толкованію. Значеніе этихъ терминовъ я подробно объяснилъ въ статьѣ *Rabbinic Exegesis*, *Expositor*, May, 1877.

81) 2 Тим. III, 16 не есть исключеніе; даже если *θεσπις* считать тамъ какъ проповѣдь, ничего не могло-бы быть чудовищнѣе, какъ основывать на этомъ единственномъ прилагательномъ важную гипотезу буквальной диктатіи (см. ниже, *ad loc.*). По вопросу о боговдохновенности я полно и ясно изложилъ свой взглядъ въ *Bible Educator*, I, 190 sq.

82) *Reuss*, Theol. Chret. I, 268 и 408—421.

83) См. *Jowett*, Romans I, 353—362.

84) Цитатъ изъ св. Писанія нѣтъ въ 1, 2 посл. къ Фессалоник., Филим. и Колос.

85) Аввак. II, 4 (евр. *בְּיָמֵינוּ* по своей правдѣности. См. *Lightfoot* на Гал. III, 11 и стр. 149).

⁸⁶⁾ Гал. III, 11; Римл. I, 17; также Евр. X, 38. Ап. Павел опускает греческое *λοῦ* LXX, не имеющееся в еврейском.

⁸⁷⁾ Цитата эта предваряется замечанием: „написано в законѣ“, каковое название часто прилагалось ко всему Ветхому Завету.

⁸⁸⁾ Они издвигались надъ повторениями пророка Исаи, говоря, что пророчества его заключались только в следующих словах: *Цав ла-цав, цав ла-цав, цав ла-цав, цав ла-цав, и пр* (повелѣлъ и повелѣлъ, повелѣлъ и повелѣлъ; запретилъ и запретилъ, запретилъ и запретилъ). См. великодушную статью объ этомъ предметѣ у Кокса Expositor, I, стр. 101.

⁸⁹⁾ *וְיָ*.

⁹⁰⁾ См. *Лайтфутъ*, ad loc, стр. 139.

⁹¹⁾ Какъ въ Быт. III, 15. Иудеи не могли отрицать силы этого аргумента, такъ какъ они Быт. IV, 25 и пр. истолковывали въ смыслѣ указанія на Мессію. Но замечаніе бл. Иеронима, „Galatis, quos paulo ante stultos dixerat, factus est stultus“, какъ будто-бы Апостолъ нарочито употребляетъ аргументъ по „аккомодаци“, основано на ложныхъ началахъ.

⁹²⁾ Чисто пояснительный характеръ этого указанія кажется яснымъ изъ различнаго, хотя не менѣе одухотвореннаго смысла, даваемого этому тексту въ посланіи къ Римл. IV, 13, 16, 18; IX, 8; Гал. III, 28, 29.

⁹³⁾ Другіе примѣры толкованія, сходнаго въ результатахъ съ извѣстными взглядами раввиновъ, можно находить въ Римл. IX, 33 (сравни съ Ис. VIII, 14; XXVIII, 16; Лук. II, 34), такъ какъ раввины оба мѣста, указывающія на „камень преткновенія“ и „краугольный камень“, относили къ Мессіи; и въ I Кор. IX, 9, гдѣ по счастливой аналогіи (также встречаемой у Филона, De Victimis Offerentibus 1) запрещеніе налагать намордникъ волю молящему прилагается къ обязанности содержанія священнослужителей (I Кор. IX, 4, 11; Еф. IV, 8). Выраженія въ Римл. V, 12; I Кор. XI, 10; 2 Кор. XI, 14; Гал. III, 19; IV, 29) имѣютъ соотвѣствующія себѣ параллели въ Таргумахъ и пр. Къ нимъ можно присоединить еще различныя образы и выраженія, въ I Кор. XV, 36; 2 Кор. XII, 2; 1 Фес. IV, 16 (см. *immer*, Neut. Theol. 210; *Krenkel*, стр. 218).

⁹⁴⁾ „Quicquid evenit patribus signum filii“ и пр. (Ветштейнъ и Шеттгенъ на I кор. X 11). См. Премудр. XI, XVI—XVIII).

⁹⁵⁾ I Кор. X, 6, *Τὰὐτὰ δὲ τόποι ἡμῶν ἐγενήθησαν*. О мѣстѣ (== *ἡμεῖς λόγος*), ср. *Фил.* De Leg. Alleg. IV, 56; о скалѣ (== *σкала τοῦ θεοῦ*), id. II, 21.

⁹⁶⁾ Такъ Григорій Назіанзинъ Orat. 39. стр. 688; *Иерон.* Ер. ad. Fabiol. и большинство комментаторовъ. Но нужно замѣтить, что типологія здѣсь совершенно случайная и главное значеніе имѣетъ нравственный урокъ (I Кор. X, 6, 11).

⁹⁷⁾ См. прил. IV „Апостолъ Павелъ какъ гагадистъ“.

⁹⁸⁾ См. *Derenbourg*, Palest, стр. 397.

⁹⁹⁾ Даже раввинъ Измаилъ, который вмѣстѣ съ раввиномъ Акибой раздѣляетъ титулъ „отца міра“, допускаетъ, что онъ нашелъ въ случаѣ, въ которыхъ Галаха противорѣчитъ буквѣ Пятикнижія, но было бы не трудно найти и гораздо больше.

¹⁰⁰⁾ Menachoth, 29, 2.

¹⁰¹⁾ Pirke Abhoth, III, 8; *Graetz*, III, 79.

¹⁰²⁾ См. *Derenbourg*, Hist. de la Pal. гл. XXI, и XXIII, что кажется мнѣ проливающимъ много свѣта на взгляды и раннее воспитаніе ап. Павла.

ГЛАВА IV. ¹⁰³⁾ См. правила о смѣщеніяхъ (Erubhin) въ „Жизни Иисуса Христа“ прим. 716 и Прилож. IX.

¹⁰⁴⁾ См. *Schöttgen*, Hor. Hebr. стр. 7, 160, 204.

¹⁰⁵⁾ Yadayim.

¹⁰⁶⁾ Cholin.

¹⁰⁷⁾ Ozekin.

¹⁰⁸⁾ Jer. Berachoth, IX, 7 и пр. См. „Жизнь Иисуса Христа“ стр. 475, гдѣ имена эти объяснены.

¹⁰⁹⁾ См. „Жизнь Иисуса Христа“, стр. 470. Всѣ эти различія составляли часть *Сейма*, ограды закона, созиданіе которой и было главною задачею раввинизма. Цѣлью всей иудейской учености было дѣлать изъ *мишмеревъ* („постановленія“, Лев. XVIII, 30) Божій *мишмеревъ* (Yedhamoth, f. 21, 1).

¹¹⁰⁾ См. Дѣян. III, 19, гдѣ *ἡσποσ* ἄν=„чтобы“ (Schabbath, f. 118, b).

¹¹¹⁾ Eirechin, f. 10, 2.

¹¹²⁾ Раввины говорили: „все въ рукахъ неба, кромѣ страха неба“. „Все устроится Богомъ, но дѣйствія человека его собственныя“ (*Barclay*, Talmud, 18).

¹¹³⁾ *Virg.* Ecl. IV; *Светок* Aug. 94; Vesp. 4.

¹¹⁴⁾ Я привелъ множество примѣровъ изъ раввинскихъ писателей касательно необычайной важности, придаваемой ими всѣмъ подробностямъ въ устроении двухъ филактерій на рукѣ (Tephillin shel Yad) и на головѣ (Teph. shel Rôsh) въ журналѣ Expositor 1877, N XXVII.

¹¹⁵⁾ См. Bitsah, 1 ad in.

¹¹⁶⁾ Sanhedr. f. 17, 1.

¹¹⁷⁾ Erubhin, f. 13, 2.

¹¹⁸⁾ נררים סיי לפרשור, Pirke Abhoth, III, 10.

¹¹⁹⁾ *Yetser tobh* и *Yetser ha-râ* Талмуда.

¹²⁰⁾ См. Римл. VI, VII, VIII, по мѣстамъ.

¹²¹⁾ Римл. VIII, 1. Въ англійскомъ (и русскомъ) переводѣ послѣдняя часть этого стиха есть вѣроятно glossa или повтореніе, такъ какъ ея нѣтъ въ S, B, C, D, E, G.

¹²²⁾ „Догнавшій тебя человекъ“, сказалъ христіанинъ, „былъ Моисей. Онъ не щадитъ никого и не знаетъ милосердія къ тѣмъ, которые преступаютъ его законъ“ (*Pilgrim's Progress*).

¹²³⁾ Εἰ καὶ ἐγὼ ὡκισεν. Совершенно вѣрно, что *εἰ καὶ* (*quatquam*, „даже хотя“, *wenn auch*) у классическихъ писателей—хотя быть можетъ менѣе замѣтно у ап. Павла—допускаетъ фактъ, между тѣмъ какъ *καὶ εἰ* (*etiam si*, „даже если“) полагаетъ гипотезу; но объясненіе здѣсь зависитъ не отъ признаваемого за частичками значенія, но отъ того, что разумѣется подъ „знаніемъ Христа по плотнѣ“.

¹²⁴⁾ См. Дѣян. XVIII, 9; XXII, 18; 2 кор. XII, 1. Отсутствіе такихъ *личныхъ* указаній на Иисуса Христа въ посланіяхъ ап. Павла въ I Петр. II, 21 и слѣд., III, 18 и слѣд., I Иоан. I, 1—подтверждаетъ этотъ взглядъ (*Ewald*, Gesch. VI, 389).

¹²⁵⁾ Гал. I, 16. Я не могу согласиться съ Лайтфутомъ (слѣдующимъ Иерониму, Эразму и др.), что *ἐν ἐμοὶ* означаетъ „откровеніе, сообщенное черезъ Павла другимъ“, какъ въ стихѣ 24. I Тим. I, 16; 2 Кор. XIII, 3; потому что, какъ замѣчаетъ намъ одинъ другъ, тутъ есть точный параллелизмъ, выраженный между I, 11, 12 и 13—17, и ἀποκαλύψαι τὸν βίον αὐτοῦ ἐν ἐμοὶ составляетъ противовѣсъ *ἐν ἀποκαλύψεως Ἰησοῦ Χριστοῦ* въ стихѣ 12.

¹²⁶⁾ Дѣян. IX, 5 (XXII, 8, XXVI, 15) Нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности въ мнѣніи Эвальда, что ап. Павелъ былъ тѣмъ юношей, одѣтымъ въ *синдонъ*, о которомъ говорится въ евангелии Марк. XIV, 52.

¹²⁷⁾ Гал. I, 16 (см. *Krenkel*, стр. 18).

¹²⁸⁾ Мнѣніе, что „искренній сотрудникъ“ (γνήσιος σύνεργος) Фил. IV, 3, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ этому вопросу, есть заблужденіе, современное Клименту Александрійскому (см. Strom. III, 7; *Ps. Ignat.* ad Philad. 4, „Ὁς πέτρον καὶ παῦλον καὶ τὸν ἄλλον ἀποστόλων τὸν γάμοις ἐμίλησαν“).

¹²⁹⁾ Если такъ, то *Чосеръ* ошибался, говоря: „Я знаю, что апостолъ былъ холодушъ“, т. е. παρθένος, Откр. XIV, 4. Прологъ къ Wife of Bath's Tale. Стихъ 7 не противорѣчитъ этому взгляду,

потому что тамъ онъ намекаетъ не на свое состояніе, а на благодать воздержанія. Неправда, будто раннее преданіе единогласно свидѣтельствуєтъ, что онъ никогда не былъ женатъ. Тертуліанъ (De Monogam. 3) и Иеронимъ (Epist. 22) говорятъ такъ; но Оригенъ сомнѣвается, а Меодій (Conviv. 45), равно какъ Климентъ Александрійскій и Игнатій (см. выше), говорятъ, что онъ былъ вдовецъ.

¹³⁰⁾ „Иудей, который не имѣетъ жены, не есть человекъ“ (Быт. V, 2; Yebhamôth, f. 63, 1),

¹³¹⁾ Pirke Abhoth, V, 21.

¹³²⁾ Богъ, по ихъ вѣрованію, проклялъ всѣхъ, которые не были женаты въ 20 лѣтъ (Kid-dushin, 29, 1; 30; Yebhamôth, 62, 63. См. *Hamburger*, Talmud. Wörterb. подъ сл. Ehe, Verheirathung; *Weill*, la morale du Judaïsme 49 и сл.). Положеніе это выводилось изъ изреченія: „онъ назвалъ изъ нима человекъ“ (единственное число) и оно находится въ раввинскомъ изложеніи Tur-Schulchan Aruch.

¹³³⁾ См. Сирах. VII, 25, XLII, 9; снеси 1 Кор. VII, 36.

¹³⁴⁾ Ранніе браки и теперь составляютъ несчастье иудеевъ въ восточныхъ странахъ. Дѣвочки иногда выходятъ замужъ въ 10 лѣтъ, а мальчики женятся четырнадцати (*Frankl. Jews in the East*. II, 18, 84). Недавно одна иудейская дѣвочка въ Иерусалимѣ 14 лѣтъ, будучи спрошена въ школѣ, почему она опечалена, отвѣчала, что она уже три раза развелась съ мужьями.

ГЛАВА V. ¹³⁵⁾ Дѣян. I, 3, εἰ ἦμερὸν τῆς ἐκκλησίας ἀποκαταστήσεται αὐτοῖς. Это единственное мѣсто въ св. Писаніи, которое говоритъ намъ о промежуткѣ, протекающемъ между Воскресеніемъ и Вознесеніемъ.

¹³⁶⁾ Дѣян. II, 32; III, 15; IV, 33; V, 32; X, 40, 41; Лук. XXIV, 48 и пр. На этомъ предметѣ св. Лука останавливается часто и съ особенною выразительностью (См. Meyer on Acts I, 22).

¹³⁷⁾ Златоустъ, толкованіе на это мѣсто. «Numerus dierum non definitus exercebar fidem apostolorum» (Bengel). Чтеніе εὐς τῆς πεντηκостῆς кодекса D и синагидскій переводъ есть простая глосса.

¹³⁸⁾ Дѣян. I, 6, ἀποκαταστήσεται.

¹³⁹⁾ Дѣян. I, 7, χρόνους ἢ καιροὺς, «періоды или кризисы».

¹⁴⁰⁾ Мы увидимъ въслѣдствіи, что ап. Павелъ вмѣстѣ со всѣми древними христіанами (1 Θεсс. IV, 16, 17; 2 Θεсс. II, 8; Римл. XIII, 12; 1 Кор. XVI, 22; Фил. IV, 5; 1 Петр. IV, 5; Іак. V, 8; Евр. X, 37) надѣялся на близкое пришествіе Христа на землю.

¹⁴¹⁾ 2000 локтей разстоянія между скиніей и отдаленнѣйшею частью стана (См. Числ. XXXV, 5). Это единственное мѣсто, въ которомъ намекается на него въ Нов. Заветѣ.

¹⁴²⁾ Вѣроятно πύλῃ или верхняя комната дома, которая въ Марк. XIV, 15 называется ἀνώγειον.

¹⁴³⁾ Дѣян. I, 13, οἱ ἦσαν κατακείμενοι ὃ τε Πέτρος καὶ τ. д.

¹⁴⁴⁾ Здѣсь въ послѣдній разъ упоминается въ Нов. Заветѣ.

¹⁴⁵⁾ Яко-бы братъ Господень.

¹⁴⁶⁾ „Церковь, такъ сказать, только еще полународилась; другая половина еще оставалась въ утробѣ синагоги. Послѣдователи Иисуса находились подъ руководствомъ апостоловъ, но продолжали признавать авторитетъ Моисея въ Иерусалимѣ“ (Dr. Dollinger, *First Age*, p. 43).

¹⁴⁷⁾ Флав. Antt. XV, 11, § 5; Philo, II, 476.

¹⁴⁸⁾ Дѣян. I, 25 εἰς τὸν τόπον τὸν ἵδιον (al. δικαίον). Эта глубокая и почтительная мягкость выраженія есть одинъ изъ многихъ слѣдовъ той сдержанности, съ которою древняя церковь говорила о судьбѣ отпавшихъ братій. Сдержанность эта тѣмъ болѣе замѣчательна, если слово „мѣсто“ здѣсь намекаетъ на тоже самое слово въ первой части текста, гдѣ истинное чтеніе есть

τόπον τῆς διακονίας (A, B, C, D), а не κλήρον. Это поразительное выраженіе быть можетъ произошло изъ раввинскихъ толкованій на Числ. XXIV, 25, гдѣ „Валаамъ вошелъ въ свое собственное мѣсто“ объясняется въ смыслѣ „реенія“. Ср. Суд. IX, 55, מְרִיבוֹ וְלִפְרִיבוֹ и Targ. Екклес. VI, 6; *Schöttgen*, стр. 407 и сл. *Clem. Rom.* ad Cor. I, 5; *Polyc.* ad Phil. 9; *Ignat.* ad Magnes 5 (Meyer) См. также Дан. XII, 13.

¹⁴⁹⁾ Псал. XL, 9; CVIII, 8. Переимѣна въ переводѣ LXX αὐτὸν на οὗτοσ представляеть хорошій примѣръ свободы въ цитатахъ и въ толкованіи Ветхаго Завета, принятый вообще въ Нов. Заветѣ. Псаломъ CVIII назывался псалмомъ искаріотскимъ.

¹⁵⁰⁾ О нихъ ничего неизвѣстно, если только не правда, что они были среди 70 учениковъ (*Евсес* Церк. Ист. I, 12; *Енуф.* Наг. I, 20), и что Иосифъ выпилъ ядъ безъ всякаго вреда (Паній у *Евсес* II. Ист. III, 39). О неуверенномъ производствѣ Варсаввы (такъ въ S, A, B, E) см. *Lightfoot*. *Nor. Hebr.* ad loc. Въ Дѣян. XV, 22 упоминается Иуда Варсавва. О Матеевѣ говорится, что онъ былъ замученъ (*Никиф.* II, 60) и есть апокрифическія сочиненія, связанныя съ его племенемъ (*Евсес*. Церк. И. III, 23; *Елим. Алекс. Strom.* II, 163).

¹⁵¹⁾ ἀνάδειξον „указывать“, а не „показывать“. Лук. X, I, μετὰ δὲ ταῦτα ἀνέδειξεν ὁ Κύριος ἑτέρους ἑβδόμηκοντα. Слово это въ Нов. Заветѣ составляетъ особенность св. Луки. Касательно ἐξελέξω см. Дѣян. I, 2, τοὺς ἀποστόλους . . . οὓς ἐξελέξατο. Едва ли нужно указывать на странный взглядъ, что избраніе св. Матоею было жалкой ошибкой, сдѣланной до полученія дара Св. Духа, и что въ дѣйствительности Павелъ предназначенъ былъ быть двѣнадцатымъ Апостоломъ! (*Stier*, *Reden*, d. Apost. I, 15).

¹⁵²⁾ Спосობъ, какъ бросался жребій (см. Левит. XVI, 8; Іезек. XXIV, 6), неизвѣстенъ, но выраженіе ἐβόλαν въѣсто ἐβζλον κλήρους αὐτοῖς, какъ у Лук. XXIII, 34, говоритъ противъ мнѣнія, что тогда бросался жребій. „Жребій павъ на Матоею“ есть обычное выраженіе во всѣхъ языкахъ (См. *Илиад.* V, 316; *Одисс.* 209; ПС. XXI, 18; Іон. I, 7 и пр.; ut cujusque sors exciderat; *Лук.* XXI, 42). Отъ употребленія слова κλήρος въ этомъ мѣстѣ въ стихѣ 17 и въ VIII, 21, XXVI, 18, вѣроятно произошло латинское *clerus* и *clerici*, κλήρος = τὸ σύντημα τῶν διακόνων καὶ πρεσβυτέρων (*Ceuda*) *Wordsworth* ad loc.

¹⁵³⁾ Таково, очевидно, значеніе συμπληροῦσθαι, а не „приближался“ (снес. Ефес. I, 10), или „прошелъ“.

¹⁵⁴⁾ Правда, что на этотъ пунктъ не указываютъ ни Филонъ, ни Иосифъ Флавій. Заключение это однакоже съ такою очевидностью вытекаетъ изъ сравненія Исх. XII, 2; XIX, 1, что мы едва ли можемъ предполагать, что оно совершенно ложно (см. *Schöttgen* ad loc., *Иерон.* Ер. ad Fabiolam, XII; *Авугет.* с. Faustum XXXII, 12; *Маймон.* Мор. Nevoch. III, 41). *Симеонъ Тора* или „праздникъ ликованія закона“ совершается въ послѣдній день праздника кущей, когда читается послѣдняя *Гаотара* изъ Пятикнижія.

¹⁵⁵⁾ Т. е. въ 9 часовъ утра (см. Лук. XXIV, 53, Дѣян. II, 46; III, 1).

¹⁵⁶⁾ Дѣян. II, 2, οἶκον.

¹⁵⁷⁾ *Г. Флав.* Antt. VIII, 3, § 2.

¹⁵⁸⁾ Архіепископъ Лейтонъ, Іоан. I, 14, ὁ λόγος σὰρξ ἐγένετο καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν.

¹⁵⁹⁾ *Неандеръ*, стр. 3.

¹⁶⁰⁾ Дѣян. II, 2, 3 ὥσπερ πνοὴς . . . ὥσπερ πυρὶς (ср. Лук. III, 22 ὥσπερ περιστεράν; Іезек. I, 24; XLIII, 2; 3 Цар. XIX, 11).

¹⁶¹⁾ γλωσσαι διαμερίζμεναι. Выразеніе „огненный языкъ“ встрѣчается также въ Ис. V, 24, но тамъ говорится о пожирающемъ пламени.

¹⁶²⁾ Дѣян. II, 2, 3, ὥσπερ . . . ὥσπερ.

¹⁶³⁾ „Меня очень печалило то, что я не знала тогда, что возможно видѣть нѣчто иначе. чѣмъ глазами тѣла“ (St. Teresa, *Vida*, VII, 11).

164) Дѣян. II, 4. λαλεῖν „говорить“ въ отличіе λέγειν „сказать“ указываетъ скорѣе на самое произношеніе, чѣмъ на мысли, сообщаемыя словами; ἀποφθέγγεσθαι, eloqui, означаетъ краткое усиленное произношеніе. Ни ἐτερὰ, ни γλώσσαι не проливаютъ свѣта на сущность явленія, кромѣ какъ въ соотношеніи съ Ис. XXVIII, 11.

165) Противъ этого взгляда (который въ противоположность съ Вавилономъ и проч. не встрѣчается, мнѣ думается, раньше отцев IV и V столѣтій) см. Herder, Die Gabe d. Sprache; Bunsen, Hippol. II, 12; Ewald, Gesch. Jsr. VI, 110, Heander, Planting, 13, 14; De Wette, Einleit. 27—37. Hilgenfeld, Einleit. 275; Reuss, Hist. Apost. 50—55; Olshausen, ad loc; De Pressensé, Trois prem. Siècles. I, 355, и почти всякаго непредубѣжденного изъ повѣвшихъ толкователей. Мейеръ (ad loc.) говоритъ даже: „мгновенное сообщеніе дара говоренія на чуждыхъ языкахъ ни логически невозможно, ни психологически и нравственно непонятно“.

166) С, L, A, копт., арм. Независимо отъ этихъ вопросовъ неограниченная всеобщность этого обтѣнованія приводитъ насъ къ мнѣнію что Спаситель здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, употребляетъ языкъ духовнаго иносказанія. Многие великіе миссіонеры проповѣдники говорили „новыми языками“ въ высшемъ смыслѣ этого слова, хотя находили непреодолимую трудность въ приобрѣтеніи знанія чужихъ языковъ.

167) Напр. всѣ въ толгѣ изъ 15 странъ, представители которыхъ слышали апостоловъ говорящими „на ихъ собственныхъ языкахъ“ о чудесныхъ дѣлахъ Божіихъ, однакоже понимали рѣчь, съ которой ап. Петръ обращался къ нимъ погречески. Отсюда такая сила говоренія на невыученныхъ иностранныхъ языкахъ была бы „luxus-wunder“ (Immer, Neut. Theol. 195). Совершенно иначе было съ истинной глоссолазіей, которая въ предѣлахъ управленія ею заключала духовную силу до глубины возбуждать сердца невѣрующихъ (1 Кор. XIV, 22).

168) Middleton, Mirac. Powers, 120. Мѣсто Иринея (Haer. V, 6, 1), обыкновенно приводимое въ пользу такого взгляда, свидѣтельствуеть совершенно объ иномъ, такъ какъ цѣлѣ πάντοτε καὶ γλώσσαι тамъ выставляется τὰ κρύφα τῶν ἀνθρώπων εἰς φανερόν ἄγειν.

169) 1 Кор. XIV, 18 γλώσσαι (S, A, D, E, F, G).

170) Паній у Евсев. Церк. Ист. III, 39; см. Прич. III, 1; interpres. Tert. adv. Marc. IV, 5

171) Planting, 13, 14. Я не коснулся повѣвшихъ аналогій этимъ духовнымъ явленіямъ, но соглашаюсь со взглядомъ Деллингера, который говоритъ, что они совершались „въ низшей сферѣ и безъ всякаго чудеснаго дара . . . были необычайнымъ явленіемъ, но не выходящимъ изъ предѣловъ естественныхъ дѣйствій, которыя даромъ апостольскаго вѣка были возвышены и облагорожены“ (First Age of Church, 315).

172) Григор. Нисс. De Spir. Sanct. Martensen, Christl. Dogmatik, 381; Overbeck App. 26 и многие другіе. Часто повторяемое возраженіе Григорія Назіанзина (Orat. XLIV), что это значить переносить чудо на слушателей, не имѣеть особеннаго значенія. Дѣйствіе на слушателей было только слѣдствіемъ силы новаго духовнаго „языка“.

173) См. Chapters on Language, 63; Marsch, Lect. on Lang. 486—488; Цицер. de Orat. III, 216.

174) Γλώσσα иногда означаетъ „необыкновенное выраженіе“ (Apuet. Rhet. III, 2, 14). См. особенно Bleek, Stud. u. Krit. 1829. „Linguae esse cum quis loquatur obscuras et mysticas significationes“ (Apuet. de Gen. ad litt. XII, 8).

175) 1 Кор. XIII, 1, Χαλκός ἤχων, κύβηλον ἀλαλάζον.

176) XIV, 8, ἐὰν ἀγγέλων φωνὴν σάλπιγγε εἶη. Св. Златоустъ говоритъ совершенно неодобительно о подобныхъ же проявленіяхъ въ Константинополѣ (Hom. на Пс. VI; 12; см. интересную статью Плюмтру въ словарѣ Смита III т. 1560 стр.).

177) XIV, 7, ὅπως τὰ ἄφρα φωνὴν δίδοντα и пр., ἐὰν διαστολὴν τοῖς φθόγγοις μὴ εἶη.

178) XIV, 2 οὐκ ἀνθρώποις λαλεῖ, 4, αὐτὸν οἰκονομεῖ. Сн. II. Собственные значенія словъ

λαλεῖν, γλῶσσα, φωνή всѣ указываютъ въ этомъ направленіи. Въ словоупотребленіи св. Луки для обозначенія языка употребляется γλῶσσα, а не διάλεκτος.

179) XIV, 23 οὐκ ἐροῦσαν οὐκ μαρτυροῦσε.

180) Такъ мы заключаемъ изъ указаній ап. Павла, которыя находятъ иллюстрацію въ новѣйшихъ аналогическихъ случаяхъ. Стопфордъ описываетъ „неизвѣстный языкъ“ прландскихъ Ревивалистовъ 1859 года „какъ звуки, которыхъ я никогда не слышалъ прежде, какбы неземные и необъяснимые“.

181) Фактъ, когда народъ начиналъ вдругъ говорить при такихъ же обстоятельствахъ, нѣсколько разъ приводится въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ. Онъ былъ очевидно сходенъ, если быть можетъ не совсѣмъ тождественъ съ „глоссолазіей“—краснорѣчіемъ религіознаго восторга, звучащаго восхищенностью и убѣжденностью.

182) Сравни въ Ветхомъ Заветѣ примѣры Саула и пр. (1 Царс. X, 11; XVIII, 10, XIX, 23 24. „Это бурный и таинственный языкъ экстаза“ De Pressensé, I, 355).

183) Въ Дѣян. II, 6 слова γενομένης δὲ τῆς φωνῆς ταύτης означаютъ не „теперь, когда былъ шумъ“, но „когда этотъ шумъ произошелъ“ (Снес. ἡχος, ст. 2; Иоан. III, 8; Откр. VI, 1). Это очевидно намѣкъ на Βαμ-κολ (Bath-kol). (См. Herzog, Real Encycl. подъ эт. словомъ).

184) γλεῖκος не „новое вино“, потому что Пятидесятница была въ іюнь, а собраніе винограда въ августъ.

185) Дѣян. II, 15, ὃς ὑμεῖς ὑπολαμβάνετε. Нѣкоторое извиненіе въ этомъ оскорбленіи можно находить въ томъ, что духовная возбужденность часто появляется въ дѣйствїяхъ сходныхъ съ дѣйствїями отъ опьяненія (Ефес. V, 18; 1 Цар. X, 10, 11; XVIII, 10—евр. „неистовствовать“). Сравни итѣмецкое выраженіе: „Ein Gott—trunkener Mann“.

186) Дѣян. II, 14 σταθεῖς... ἐπὶ τὴν φωνήν.

187) Дѣян. II, 22. Ναζωραῖος, галилейская форма Ναζαρεῖος.

ГЛАВА VI. 188) Замѣчательно то, что въ первый разъ, когда апостолы Петръ и Іоаннъ были потребованы на судъ къ іерархамъ, они были отпущены съ угрозами и предостереженіями, но безъ всякаго наказанія, потому что совѣтъ былъ убѣжденъ (καταλαβόντες), что они были „не книжники и простые люди“ (Дѣян. IV, 13). Слова эти могутъ однако же звучать слишкомъ презрительно для новѣйшихъ читателей. Ἀγράμματοι просто означаетъ, что ихъ іудейское образованіе ограничивалось знаніемъ Св. Писанія; ἱδιῶται, что они никогда не учились въ раввинскихъ школахъ. Слово ἱδιῶται (ἱδιότης) часто встрѣчается въ Талмудѣ и подъ нимъ разумѣется человѣкъ, стоящій гораздо выше ам-гаареца. Подъ ἱδιῶται разумѣется тотъ, который хотя и не посѣщалъ школы, однако же признаетъ авторитетъ раввиновъ; ам-гаарецъ напротивъ тотъ, кто ненавидитъ и презираетъ этотъ авторитетъ. Гиллель отличался своею снисходительностью къ невѣжеству ἱδιῶτωνъ (Babha Metzia, f. 104, I). Сравни Иоан. VII, 15: „какъ Онъ знаетъ писаніе не учившись?“

189) „Populus sanior quam qui praesunt“ (Hengel). Употребленіе слова γερονσία въ Дѣян. V, 21 нѣсколько затруднительно, потому что мы не знаемъ ничего ни о какомъ іудейскомъ „сенатѣ“ помимо синедріона, и потому, что если γερονσία принимать скорѣе въ этимологическомъ, чѣмъ въ политическомъ смыслѣ, то синедріонъ включалъ въ себя старшинъ (IV, 8; XXV, 15). При неясности этого предмета невозможно сдѣлать различіе между политическимъ и талмудическимъ синедріономъ. См. у Деренбурга (Palestine, 213), который думаетъ, что Агриппа первый ввелъ раввиновъ въ синедріонъ.

190) Оба они упоминаются въ качествѣ присутствовавшихъ при первомъ собраніи и этимъ вѣроятно дается знать, что они присутствовали также и на этомъ собраніи.

191) О нихъ см. „Жизнь Иисуса Христа“ стр. 536 и сл.

192) Lightfoot, Cent. Chor. на Мат. гл. XV.

193) I. Флавиѣ, Antt. XVIII, 8, § 1.

¹⁹⁴) См. *Плат.* Apol. 29. *πεῖραξι δὲ θεῶν μάλλον ἢ ὄντι.* „Для меня лучше было бы называться глупцом во всё дни моей жизни, чѣмъ сдѣлаться злымъ предъ Га-Макомъ“, т. е. Богомъ; буквально „мѣстомъ“ (*Edioth*, гл. V, 6).

¹⁹⁵) По-испански и португальски *fulano* (отъ арабскаго). Название *otho haish*, „тогъ чело-вѣкъ“, еще болѣе презрительно. *יְשֻׁ* (*Yeshu*) употребляется какъ сокращеніе вмѣсто *יְשֻׁעַ*, и состоитъ изъ начальныхъ буквъ проклятій.

¹⁹⁶) „Синедрионъ имѣетъ своею цѣлью не разрушеніе жизни, но спасеніе“ (*Sanhedr.* 42 b). (См. „Жизнь Иисуса Христа“ стр. 550 и ниже прил. VII).

¹⁹⁷) Всѣ рабаны, кромѣ Иоханана Бенъ Заккаія, были потомками Гамалиіла.

¹⁹⁸) *Thilo*, Cod. Aposc., стр. 501.

¹⁹⁹) Выраженію *ἐὰν ἢ εἰ ἀνθρώπων* быть можетъ придавали слишкомъ много значенія въ противоположность съ выраженіемъ *εἰ δὲ ἐκ θεοῦ ἐστιν*, стихи 38, 39; см. Гал. I, 8, 9—(Бентель *ἐὰν ἢ si fit, conditionaliter, εἰ ἐστιν si est, categoricé*)—какъ будто Гамалиілъ склонялся къ послѣднему взгляду, „по которому данный *второй* случай кажется наиболѣе вѣроятнымъ Гамалиілу“ (Мейеръ). Оно просто означаетъ: „если оно отъ чело-вѣкъ, какъ покажутъ результаты“ и „если какъ я въ настоящее время предполагаю, отъ Бога“ (см. Винеръ).

²⁰⁰) Альфордъ, слѣдующій Шрадеру, въ своемъ сочиненіи „*Der Apostel Paulus*“.

²⁰¹) См. Мат. XV, 3. Въ этомъ именно смыслѣ Лютеръ внушалъ совѣтъ Гамалиіла Электру Тревскому.

²⁰²) См. *Baur*, Paul. I, 35; *Zeller*, Die Apostelgeschichte—стр. 134. Байръ утверждаетъ, что Гамалиілъ не могъ произнести приписываемой ему рѣчи вслѣдствіе „поразительной хронологической ошибки въ указаніи на примѣръ Овды“. И однако же онъ не приводитъ ни одного доказательства въ пользу ни того, что упоминаемый здѣсь Овда *тождественъ* съ Овдой Иосифа Флавія, ни того, что Иосифъ Флавій *непремѣнно правъ*, а св. Лука *непремѣнно неправъ*. Целлеръ, вхлѣбавшій въ болѣе полное обсужденіе этого предмета, повидимому былъ пораженъ только сходствомъ между двумя обманщиками, не отрицая однако же различія въ разсказахъ о нихъ; и онъ придаетъ необычайную важность молчанію Иосифа Флавія о томъ незначительномъ движеніи прежняго фанатика, на котораго повидимому указывалъ Гамалиілъ. Онъ не указываетъ также на возможность, допускаемую даже іудейскимъ писателемъ (*Jost*, Gesch. d. Jud. II, 76), что Овда Гамалиіла могъ быть Симономъ, рабомъ Ирода, о которомъ говоритъ Иосифъ Флавій (*Antt.* XVII, 10, § 6; *Tac.* Hist. V, 9). Объ этомъ тождествѣ см. *Sonntag*, Stud. u. Kritik. 1837, стр. 622, и *Hackett* ad loc. Затѣмъ критики тюрингенской школы указываютъ на предполагаемую неясность положенія, чтобы синедрионъ могъ допустить „общезвѣстное чудо“ и въ тоже время наказать людей, которые совершили его. Но это значить разсуждать съ точки зрѣнія новѣйшаго времени. Иудеи никогда не отрицали чудесъ Иисуса, но на этомъ основаніи они однако же не вѣрили въ Его миссію. Подобно тому какъ новѣйшій протестантъ, знакомый съ особенностями первой болѣзни, можетъ принять повѣствованіе о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершаемыхъ въ Ла-Саллетѣ, ни на моментъ не допуская въ тоже время дѣйствительности видѣнія, которое, будто бы, освѣтило это мѣсто, такъ и іудеи свободно допускали возможность чудесъ, которыя они приписывали *кишуреу* (т. е. чародѣйству, совершающему чудеса при помощи нечистой силы) или *עֲלִיזָה*, фантазмагоріи—обману глазъ (Деренбургъ, Palest. 106 п. 3; 361, п. 1). Такъ они признавали чудесную силу за идолами (*Abhoda Zara*, f. 54, 2). Въ Талмудѣ есть анекдотъ (быть можетъ родъ аллегоріи на Еклез. X, 8), который вполне разъясняетъ этотъ предметъ. Раввинъ Еліезеръ Бенъ Дама былъ укушенъ змѣей и Іаковъ *миш* (христіанинъ) *предложилъ исцѣлить его именемъ Иисуса*. „Бенъ Дама, это запрещено!“ сказалъ ему его дядя, раввинъ Измаиль. „Но дай миѣ сдѣлать это“, настаивалъ Іаковъ; „я докажу вамъ закономъ, что это позволительно“. Не успѣли они еще закончить споръ, какъ больной умеръ. „Счастливы Бенъ Дама!“ воскликнулъ его дядя; „ты предалъ свою душу

въ чистотѣ, не нарушивъ правила мудрыхъ“ (*Abhoda Zara*, см. 27, 6; 55, 1; Jer. Schabbath, 14, 4). Въ повѣствованіи св. Луки Гамалиілъ говоритъ объ „Іудѣ Галилейскомъ“, между тѣмъ какъ Іуда былъ рожденъ въ Гамалѣ и извѣстенъ былъ вообще подъ именемъ Іуды Гавлонита (*Γαυλωνίτης Ἰούδας*, *I. Флав.* Antt. XVIII, 1, § 1): эта ничтожная особенность была бы несомнѣнно выставлена итѣмъ критикомъ въ доказательство неисторическаго характера этой рѣчи, но по счастливой случайности Иосифъ Флавій, по сферѣ его дѣятельности, три раза называетъ его *Γαλιλαίος* (*Antt.* XVIII, 1, § 6; XX, 5, § 2; B. Jud. II, 8, § 1).

²⁰³) Га-закенъ, какъ онъ называется.

²⁰⁴) Обращаясь къ *Buddaeu Philosoph.* Hebraeorum (1720), я нахожу, что онъ давно уже отвѣтилъ на это возраженіе. Интересный анекдотъ въ трактатѣ *Berachoth*, f. 16, 2, показываетъ, что природная доброта Гамалиіла была слишкомъ велика для суровости его собственнаго ученія.

²⁰⁵) Jer. Shabbath, I, 7.

²⁰⁶) См. приложение V: „Гамалиілъ и тюрингенская школа“.

ГЛАВА VII. ²⁰⁷) Изъ всего народа возвратилось только 42,360 чело-вѣкъ, и такъ какъ отдѣльное количество возвратившихся семействъ, даваемое Ездрой и Нееміей, восходитъ только до 30,000, то іудеи съ малою вѣроятностью предполагали, что остальные состояли изъ членовъ 10 колѣнъ. Въ массѣ же своей эти 10 колѣнъ были окончательно и совершенно поглощены народами (быть можетъ семитическаго происхожденія), между которыми они были разсыяны (I. Флав. Antt. XI, 5, § 2; 2 Ездр. XIII, 45). Такія выраженія какъ: *τὸ θεδικαφύλον* Іак. I, 1; Дѣян. XXVI, 7, скорѣе указываютъ на прошлыя воспоминанія, на патристическія стремленія и на свято сохраняемыя генеалогическія лѣтописи немногихъ семействъ, чѣмъ на осязаемую дѣйствительность. Изъ священническихъ семействъ возвратились только четыре чреды изъ 24-хъ (Ездра, II, 36—39).

²⁰⁸) *Иос. Флав.* Antt. XIV, 7, § 2.

²⁰⁹) Слово это въ первый разъ встрѣчается въ этомъ смыслѣ во Второзак. XXVIII, 25; Пс. CXLVI, 2, „онъ собираетъ изгнанниковъ“ (*יְקַבֵּץ* по LXX *τάς διασποράς*) Израіля“. Оно встрѣчается также во 2 Маккав. I, 27, „собери разсыіаніе наше, освободи поработченныхъ язычниками“. Они сначала назывались *Beni Galootha* (Ездра VI, 16). Въ Іоан. VII, 35 *τὴν διασποράν* τῶν Ἑλλήνων означаютъ іудеевъ разсыіанныхъ среди греческаго міра. Единственныя мѣста, гдѣ оно еще встрѣчается въ Новомъ Заветѣ, суть Іак. I, 1; 1; 1 Петр. I, 1.

²¹⁰) *Shairp*, Modern Culture.

²¹¹) *Reuss*, Theol. Chret. I, 1, 93, и въ *Herzog*. Real-Enc. подъ слов. „Hellenism“. Объ этомъ космополитизмѣ см. I. Флав. С. Ap. II, 4.

²¹²) См. Юв. II, 149; *Boissier*, La Religion Romaine, I, 374—450 и contra *Friedländer*, Sittengeschichte Roms (который впрочемъ заходитъ слишкомъ далеко).

²¹³) Потому что эти болѣе туманныя понятія о Божественномъ гораздо легче обнять, чѣмъ величественные, конкретные образы (см. *Hausrath*, Neut. Zeitg. II, 76) и потому, что греческая религія была слишкомъ радостна для больного и страждущаго міра (*Apul.* Metam. XI, passim). См. Cat. X, 26; *Ov. F.* IV, 309; A. A. I. 78; *Juv.* VI, 489, 523; *Tac.* Ann. XVI, 6 и пр.

²¹⁴) Какую важную роль играли эти прозелиты (которые также назывались *σεβόμενοι*, *εὐσεβεῖς*, *εὐλαβεῖς*), можно видѣть въ Дѣян. X, 2; XIII, 43; XVI, 44 и проч. и въ другихъ мѣстахъ. Благодаря мучительному и, по эллискому представленію, возмутительному обряду обрѣзанія, женщины гораздо чаще обращались въ іудейство, чѣмъ мужчины. Иосифъ Флавій (B. J. II, 20, § 2) говоритъ, что почти всѣ женщины въ Дамаскѣ приняли іудейство; и даже въ первомъ столѣтіи

три знаменитых раввина были сыновья языческих матерей, принявших вѣру Моисея (*Derenbourg, Palest, 223*).

215) См. *Philo, Legat. 36; in Flacc. 7; I. Флавий, Antt. XVI, 6, § 3; XVIII, 9, § 1; Цим. pro Flacc. 28; Shecalim, 7, 4; Rosh Hashana 2, 4.*

216) Авторъ Пятонкии и *Танаимы* жили въ совершенно различныхъ сферахъ идей (*Kuenen, III, 291*).

217) Второзак. XVI, 16, 17; Лев. XXV; Ис. CVI, 23. См. *I. Флавий* с. Ар. I, 12. Глава эта начинается замѣчаніемъ: *ἡμεῖς τοῖνυν ὅτε χάραν οἰκοῦμεν παράλιον οὐτ' ἐμπορίαις χαίρομεν οὐδὲ ταῖς πρὸς ἄλλους διὰ τούτων ἐπιμιζοίμεν*. Мункъ (*Palest., стр. 393*) дѣлаетъ нѣсколько превосходныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, показывая, что торговля не только могла побуждать къ сношенію съ язычниками, но также разрушала общественное равенство, къ которому стремился Моисей, что было невозможно, пока строго соблюдался законъ (*Осія XII, 8; Амос. VIII, 4—6* и пр.).

218) Таргумъ Ионаана (*Зах. XIV, 21*).

219) Рабъ былъ современникомъ Равви (Иуды святаго) и былъ „главою плѣна“.

220) *Yebhamoth, f. 63, 1.*

221) *הוצא לארץ* „вынѣ земли“ (*Frankl, Jews in the East, II, 34*). Нѣчто въ родѣ французскаго *la-bas*.

222) Многие изъ раввиновъ считали язычниковъ немногимъ лучше, чѣмъ топливо для огней геенны. Раввинъ Іозія такъ толкуетъ Ис. XXXIII, 12: „И народы будутъ горѣть подобно извести“. Рабъ Баръ Шило объяснялъ это жѣсто въ томъ смыслѣ, что „они будутъ сжигаемы въслѣдствіе пренебреженія закона, который былъ написанъ на извести“. См. любопытную гагаду въ трактатѣ *Sotah, f. 35, 2*. Но эллинисты скоро могъ придти къ убѣжденію, что „не все знаніе заключено въ законѣ Моисея, Пятонкии или Пророкахъ, что и язычники знаютъ кое-что изумительное, научаемые свѣтомъ природы“. Мильтонъ „Возвращ. Рай“, IV, 225.

223) См. *Филоно* с. Fl. II, 523; *I. Флав. Antt. XIV, 7, § 2; Deutsch* въ *Kitto' Cycl.* подъ словомъ „Dispersion“, и кан. *Весткоттъ* въ библ. слов. *Смита*.

224) См. Дѣян. XVIII, 17; 1 Кор. I, 22, 23; Римл. I, 14. Посланники Авгаря (если только это были они), обращавшіеся къ Филиппу, когда они желали видѣть Иисуса, были греки, а не эллинисты (*Іоан., XII, 20*).

225) Римл. I, 16; II, 9; III, 9; 1 Кор. X, 32. Гал. II, 3 и пр. Такъ во 2 Мак. IV, 13 *Ἑλληνισμός* равносильно *ἑλληνισμός*; и въ IV, 10, 15; VI, 9 та *Ἑλληνικὰ ἔθνη* означаетъ „язычество“, а въ Ис IX, 12 „филистиняне“ переводятся у LXX *Ἑλληνες*.

226) Ср. *Ксеноф. Агзф. VII, 3, 12.*

227) Дѣян. VI, 1; IX, 29. Въ XI. 20 истинное чтеніе есть *Ἑλληνες*.

228) Нѣкоторые изъ гебраизирующихъ эллинистовъ ненавидѣли даже переводъ LXX (*Geiger, Urschr. 419, 439; Zunz, Gottesd. Vort. 95*). Различные классы христіанъ могутъ быть распределены въ слѣдующей таблицѣ:

229) См. 2 Мак. IV, 13 и слѣд. „Такъ явилась склонность къ эллинизму и сближеніе съ иноплеменичествомъ въслѣдствіе непомятаго нечестія Іасона, этого безбожника, а не первосвященника. . . . такъ что священники. . . . презирая храмъ. . . . спѣшили принимать участіе въ противныхъ закону играхъ палестры по призыву бросаемаго диска“ и проч. *מלכות יון הרשעה* „омерзительное царство Явана“—въ этомъ выраженіи обыкновенно выражалась ненависть къ греческимъ обычаямъ и порядкамъ.

230) *ἐπισκοπός* (1 Кор. VII, 18). Состояніе *ἐπίσκοπος* (1 Макк. I, 15; *I. Флав. Antt. XII, 5, § 1*). (Объ іудейскомъ эллинизмѣ смотри *Ewald, Gesch. V, § II, 4*).

231) Такъ нѣкій Езекииль написалъ трагедію о Моисеѣ; другой, Филоно, написалъ поэму объ Іерусалимѣ; Θεοδοτός—трагедію о похищеніи Дины; Димитрій Эвполомъ написалъ гражданскую исторію. Исторія Сусанны есть подобнаго же рода разсказъ. Но болѣе строгіе іудеи неодобрительно относились къ такимъ формамъ литературныхъ произведеній. Въ письмѣ Аристеевъ говорится, что Теономъ былъ пораженъ сумасшествіемъ, а Θεοδεκτός—слѣпотой за дѣла этого рода (*Hausrath, Neut. Zeitg. II, 130*).

232) Такова была главная цѣль Іосифа Флавія въ его „Древностяхъ“.

233) Взгляды этихъ либеральныхъ эллинистовъ можно видѣть въ трудахъ псевдо-Аристеевъ, псевдо-Аристовула, въ стихахъ Фокида (*Kuenen, Religion of Israel, III, 180*). Цѣлый циклъ литературы имѣлъ своею цѣлью доказать, что вслѣдствіе греческаго мудрости была заимствована изъ іудейскихъ источниковъ и имена Орфея и Сивиллы часто давались іудейскимъ измышленіямъ и поддѣлкамъ (*Лам. Алекс. Strom. V, 4; Евсев. Praep. Evang. VII, 14; VIII, 10; XII, 12*). Бель и драконъ, посланіе Іереміи, письма псевдо-Гераклита и проч. принадлежатъ къ этому роду сочиненій. Смотри также „премудрость Соломона“ X—XII; *I. Флав. с. Ар. II, 39, Hausrath. N. Zeitgesch. II, 100* и сл. Іосифъ Флавій говорить, что Пнеагоръ заимствовалъ изъ Моисея (*contr. Ар. I, 22*).

234) Къ такимъ гебраизирующимъ эллинистамъ принадлежатъ авторъ „посланія Іереміи“ и (вообще) Премудрости (см. VII, 22 и сл., XIII—XIX). „Либеральные эллинисты одухотворяли и испарили средостѣіе между іудеями и язычниками“, такъ что, хотя Филоно говорилъ, что стѣна должна еще держаться, неудивительно было встрѣтить, что его племянникъ прокураторъ Таверій Александръ отрекся отъ іудейства (*I. Флав. Antt. XX, 5, § 2; Kuenen, Rel. of Israel, III*).

235) *Shabbat, I, 7; Graetz, III, 494; Derenbourg, Palest. 274.*

²³⁶⁾ Shabbath, 116 a; *Derenbourg* 380.

²³⁷⁾ Эллинистские имена Филиппа и Андрея ничего не доказывают, потому что в эту эпоху такие имена были в ходу у иудеев. Но они могли иметь связи с греками (Иоан. XII, 20).

²³⁸⁾ 2 Мак. III, 10, „прероизвещеники“ (Илиодор) показали, что это есть вѣренное на сохранение имущество вдов и сиротъ“.

²³⁹⁾ Дѣян. VI, 2, *διακονεῖν τραπεζῆς*. Что *τραπεζῆς* не имеетъ здѣсь значенія „банка“ (I. Флаав. Antt. XII, 2, § 3; см. *τραπεζῆς* Матт. XXV, 27, *τραπεζῶν* Лук. XIX, 23), это ясно изъ контекста.

²⁴⁰⁾ Семь избранныхъ не были однакоже „діаконами“ въ повѣшемъ смыслѣ этого слова, а также и не простыми раздавателями милостыни. Специальный титулъ, даваемый имъ, есть евангелисты (Дѣян. XXI, 8). Какъ ихъ дары, такъ и ихъ обязанности гораздо возвышеннѣе, чѣмъ тѣ, которыя требуются отъ діаконовъ въ 1 Тим. III. Діаконы въ повѣшемъ смыслѣ находятъ себѣ ближайшее соотвѣтствіе въ *υπότακτοι* и *υπακούοντες* (Дѣян. V, 5, 10; см. Лук. XXII, 26) и въ *κατακλιμαζομενοι* синагоги (Лук. IV, 20). Эти семь избранныхъ мужей, какъ замѣчаетъ Златоустъ, скорѣе имѣли обязанности пресвитеровъ и ихъ нужно считать обществомъ, избраннымъ единственно для особой цѣли—*τὸς εἰς τὸ τοῦ ἐκκλησιαστικῶν*. Другое сходство съ этимъ назначеніемъ представляется въ существующемъ учрежденіи трехъ раздавателей милостыни (*нарнасимъ*), которые производили сборъ и распредѣленіе „милостыни чашъ“ (см. *Ginsburg* въ *Kitto* подъ слов. „Synagogue“) и „милостыни ящика“ въ иудейскихъ синагогахъ; и эти лица всегда были избираемы всѣмъ собраниемъ синагоги, какъ и здѣсь, по заявленію апостоловъ, должно бы быть при избраніи этихъ новыхъ должностныхъ лицъ.

²⁴¹⁾ Николай не составляетъ исключенія. Если, какъ утверждаетъ раннее преданіе, самъ Лука былъ „проведителемъ Антиохійскимъ“ (Евсев. Церк. И. III, 4; *Иерон.* De Virr. illustr. 7), то быть можетъ этотъ фактъ и подсказалъ данное выраженіе. Данные, по которымъ его связываютъ съ „сектой николаитовъ“ (Откр. II, 6, 15) и съ исторіей, что они усвоили какъ названіе, такъ и свое омерзительное ученіе, изъ превратнаго толкованія его замѣчанія, что мы должны *παρὰ ἑαυτοὺς τῇ σαρκί*, недостаточны. *Παρὰ ἑαυτοὺς* хотя и употребляется въ смыслѣ необузданной распущенности (Свида), имѣетъ также значеніе *διακρίσει* умерщвлять (*Иустин.* Фил. Apol. 49). Иринеи (с. Наг. I, 47), за которыми слѣдуютъ многие изъ отцевъ (*Ипполитъ*, R. H. VII, 36; Тертулл. De Praescr. Haeret. c. 46), принимаютъ преданіе о связи его съ этою сектою. Климентъ Александрійскій, защищая его отъ обвиненія въ личной безнравственности и допуская, что значеніе его словъ (которыя были лишь неудачно выбраны) было совершенно перетолковано (*τὴν ἐγκράτειαν τὸν περιστοχάστον ἥδονον τοῦ παρὰ ἑαυτοὺς τῇ σαρκί*“ *ἐκδιδάσκει*, Strom. III, IV, 26, ed. Pott. p. 523), однако же называетъ сомнительной и вѣроятно ошибочной исторію о его поведеніи, когда его обвинили въ ревности къ своей женѣ. Этотъ рассказъ повторяется у Евсевія и у другихъ отцевъ. Подробнѣе объ этомъ предметѣ и объ отождествленіи Коккеемъ Николая съ Балаамомъ въ Откр. II смотри *Gieseler*, Eccles. Hist. I, 86, англ. пер.; *Mansel*, Gnostic. Her. 72; *Derenbourg*, 363.

ГЛАВА VIII. ²⁴²⁾ Сн. Иоан. XII, 42. Комментаторы прибѣгали къ необычайнымъ уловкамъ для того, чтобы избавиться отъ этого простаго свидѣтельства, которое, какъ я показалъ въ текстѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Нѣкоторые хотѣли бы принять совершенно неизмѣнное никакого значенія чтеніе въ первомъ стихѣ *ἐσθλῶν*, встречаемое въ нѣкоторыхъ курсивныхъ манускриптахъ и Филоксеніевомъ сирійскомъ переводѣ. Другіе принимаютъ предположительную поправку *Βεσυ πολὺς τε ὁχλὸς καὶ ἱερέων* (с. *τινες*). Иные еще слѣдуютъ Гейнзиусу и Эльснеру въ предположеніи, что *ὁχλὸς τῶν ἱερέων* означаетъ „священниковъ низшаго разряда“, „плебейскихъ священниковъ“, что иудеи называли бы *קטנים* т. е. „священниками простонародья“ въ отличіе отъ *Thalmidi hachachamim* или „ученыхъ священниковъ“; но нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, чтобы существовало такое различіе, хотя само по себѣ вполнѣ вѣроятно, что ни одинъ изъ этихъ обращенцевъ не вышелъ изъ семейства аристократическихъ и высокоцерковныхъ Воеоузниковъ,

Камитовъ и проч. Но ни здѣсь, ни въ I, 15 *ὁχλὸς ἐνοματων*, слово *ὁχλὸς* не имѣетъ презрительнаго смысла.

²⁴³⁾ Съ Ездрой возвратились 4,289 человекъ (II, 36—39).

²⁴⁴⁾ *Еврѣи.* Наг. XI, стр. 60.

²⁴⁵⁾ Что онъ былъ эллинистъ—есть не только натянутое заключеніе изъ греческой формы его имени, что могло быть только передачею арамейскаго *Kelil*, но вытекаетъ изъ самаго повѣствованія и подтверждается характеромъ его рѣчи; но воспитывался ли онъ въ Римѣ или былъ римскимъ отпущенникомъ (Плутархъ и Дѣян. VI, 5) и что привело его въ Иерусалимъ—мы не знаемъ.

²⁴⁶⁾ *Χάριτος* (S, A, B, D и пр.), а не *πίστεως*, истинное чтеніе въ Дѣян. VI, 8.

²⁴⁷⁾ Дѣян. XXIV, 5; XXVIII, 22. *Αἰρεσις*.

²⁴⁸⁾ Названіе это возникло уже позже, но здѣсь употреблено ради удобства.

²⁴⁹⁾ Иудеи въ это время считали ихъ *хаберимимами*, обществомъ людей, собравшихся для особенной цѣли, совершенно безвредной.

²⁵⁰⁾ Часы эти назывались *שחרית*—*шахритъ*, въ 9 ч.: *מנחה* *минха* въ 3 ч. 30 м.; и *מעריב*—*меарибъ* почью (Дѣян. II, 1; III, 1; X, 30).

²⁵¹⁾ Дѣян. XXI, 20, 24. Въ подтвержденіе фактовъ въ предыдущихъ параграфахъ смотри Дѣян. X, 9, 14, 30, XIII, 2, 3; XVIII, 18, 21; XX, 6, 16; XXII, 3; Рим. XIV, 5; Гал. IV, 10; V, 2; Фил. III, 2; Откр. II, 9; III, 9; VII, 15; XI, 19 и пр. *Reuss*, Theol. Chret. I, 291, который приводитъ Sulpic. Sever. II, 31: „Christum Deum sub legis observatione credebant“.

²⁵²⁾ *Kuenen*, Rel. of Isr. III, 281.

²⁵³⁾ Утверженіе Талмуда (см. Sanhedr. f. 58, 1), что въ Иерусалимѣ было 480 синагогъ, въ дѣйствительности не имѣетъ значенія, потому что отзывы раввиновъ объ Иерусалимѣ, Вифрѣ и вообще о Палестинѣ крайне преувеличены; но, какъ замѣчаетъ Ренанъ (Les Apôtres, p. 109), это не можетъ показаться совсѣмъ невозможнымъ для тѣхъ, кто знакомъ съ безчисленными мечетями магометанскихъ городовъ. Мы знаемъ изъ Талмуда, что каждая синагога имѣла школу не только для обученія Св. Писанію, но также для изученія преданій (*גית הלמוד למורה*, Megillah, f. 73, 4).

²⁵⁴⁾ См. *Frankl*, Jews in the East, II, 21.

²⁵⁵⁾ Онъ быть можетъ былъ также либертинцемъ или отпущенникомъ.

²⁵⁶⁾ Дѣян. VI, 9 *ὁυζήτουντες*.

²⁵⁷⁾ *לחץ*.

²⁵⁸⁾ Втор. XXI, 23, *כחצתהוה* *бѣдѣ* *τὸν θεόν*. Последній взглядъ на это: „всякій повѣщенный есть оскорбленіе Богу“ возникъ изъ того обстоятельства, что иудейскіе патриоты въ иудейской войнѣ были распинаемы цѣлыми десятками. Ап. Павелъ, приводя этотъ стихъ, опускаетъ *бѣдѣ* (Гал. III, 13 и *Лайтфутъ*, стр. 133).

²⁵⁹⁾ Понятіе о страждущемъ Мессіи, Бенъ Иосифъ, въ отличіе отъ торжествующаго сына Давидова (*Пави* на Ис. XXIV, 18; Succah, 52, 1, 2, гдѣ дѣлается ссылка на Зах. XII, 10, Пс. II и проч. См. *Otho*, Lex. Rab. с. „Messiah“), не встрѣчается въ иудейской литературѣ до позднѣйшаго времени. Ссылка ап. Павла на Моисея и пророковъ—*εἰ παθὴν ὁ Χριστός*, Дѣян. XXVI, 23—вызвала только усмѣшку со стороны Агриппы II.

²⁶⁰⁾ Доказательство этого положенія можно найти у *Wünsche*, Die Leiden des Messias, а различныя цитаты изъ его книги можно найти въ *Speaker's Commentary*, ad loc.

²⁶¹⁾ См. Ис. XL, 3; Марк. I, 3; Малах. III, 1; Мат. XI, 10; Ис. VIII, 14; IX, 1; Мат. IV, 14; Ис. LXI, 1; Лук. IV, 18; Пс. LXXVII, 2; Мат. XIII, 35; Пс. CXVII, 22; Лук. II, 34; Дѣян. IV, 11; XIII, 41; Пс. XL, 9; Зах. XI, 12; Иоан. XIII, 18; Мат. XXVI, 15; XXVII, 9, 10;

Зах. XII, 10; Иоан. XIX, 37; Ис. LIII, 9; Пс. XV, 10; Мат. XII, 40; Дѣян. II, 27; Пс. CIX, 1; Дѣян. II, 33, Евр. I, 13 и проч. (см. *Davidson*, On Prophecy, по мѣстам; *Hausrath*, 112 и сл.).

²⁶² Дѣян. VI, 12, ἐπιστάτες, см. XVII, 5.

²⁶³ Дѣян. VI, 13, οὐ παύεται ῥήματα λαλῶν.

²⁶⁴ Дѣян. VI, 14, Ἰησοῦς, ὁ Ναζωραῖος οὗτος.

²⁶⁵ Дѣян. VI, 14, τὰ ἔθνη ἃ παρέδωκεν ἡμῖν Μωϋσῆς (см. *I. Флав.* Antt. XIII, 10, § 6 и 16, § 2).

²⁶⁶ *Maimon*. Pref. к *Yad Hachazakah*. *McCaul*, Old Paths, 335.

²⁶⁷ Дѣян. VI, 15, ἀτενίσαντες εἰς αὐτὸν πάντες.

²⁶⁸ Св. Златоустъ въ видимой мягкости этого вопроса видитъ указаніе на то, что первосвященникъ и синедрионъ были устрашены сверхъестественнымъ блескомъ вѣшняго вида мученика—*ὅς ὥς μετὰ ἐπαικείας ἢ ἐρώτησις καὶ οὐδὲν τέως φοβικὸν ἔχουσα* (Homil. XV на Дѣян.). Но заданный вопросъ былъ обычной формой вопроса. Это въ высшемъ иудейскомъ судѣ было тоже, что „виновенъ или невиновенъ“ въ нашихъ судахъ.

²⁶⁹ Противъ этого взгляда выставлялись, во-1-хъ, невѣроятность, чтобы св. Стефанъ защищалъ свое дѣло передъ синедриономъ погречески; во-2-хъ, употребленіе гебраизма *σβάνοι* въ Дѣян. VII, 56. Но что касается перваго пункта, то если даже Филонъ не зналъ еврейскаго языка, то конечно могъ не знать его и Стефанъ, а во-2-хъ, слово *σβάνοι* указываетъ лишь на особенное иудейское вѣрованіе независимо отъ языка.

²⁷⁰ См. *Jahn*, *Archeol. Bibl.* § 248. Онъ не указываетъ источника и я сначала нѣсколько сомнѣвался въ этомъ положеніи, но нахожу его въ Мишнѣ, *Sanhedr.* IV, 2.

²⁷¹ Какое впечатлѣніе на душу ап. Павла произвелъ этотъ аргументъ, можно видѣть изъ той выразительности, съ которою онъ останавливается на „вѣрѣ отца нашего Авраама, которую имѣлъ онъ въ необрѣзаніи“ (Рим. IV, 12). Насколько необходимо было указать на это, видно будетъ изъ мнѣній послѣдующихъ раввиновъ. „Авраамъ“, говоритъ Равви, какъ *кав' ἔξοχην* называется „Иуда Святой“, составитель Мишны, „не назывался совершеннымъ, пока онъ не былъ обрѣзанъ, и въ слѣдствіе обрѣзанія съ нимъ былъ заключенъ заветъ касательно дарованія земли“. (*Joreh Deah*, 260, ар. *McCaul*, old Paths, 451; *Nedarim*, f. 31, 2). Излишне прибавлять, что это послѣднее положеніе есть прямое противорѣчіе Быт. XV, 18.

²⁷² Быть можетъ тутъ есть мимолетный намекъ на выраженіе: „Иисусъ Назарянинъ“, которое они только что слышали изъ устъ лжесвидѣтелей.

²⁷³ Чтеніе LXX для еврейскаго *Χιμν*.

²⁷⁴ Должно остаться сомнительнымъ, разумѣется ли здѣсь нѣкоторый контрастъ между *σχήματα* (см. Свиды, подъ этимъ словомъ), предначертанной Давидомъ, и *οἶκος*, построеннымъ Соломономъ.

²⁷⁵ 3 Цар. VIII, 27; 1 Парал. XXIX, 11; чит. ап. Павломъ въ Дѣян. XVII, 24.

²⁷⁶ Дѣян. VII, 52; чит. ἐγένετο А, В, С, D, E.

²⁷⁷ Дѣян. VII, 53, ἐλάβετο τὸν νόμον εἰς διατάξεις ἀγγέλων; Гал. III, 19, ὁ νόμος διατάξεις δι' ἀγγέλων; Второз. XXXIII, 2; LXX, ἐκ θεῶν αὐτοῦ ἀγγελοι μετ' αὐτοῦ; пс. LXVI, 18; евр. II, 2. Въ пс. LXVII, 12 они читаютъ מַלְאָכִים „ангелы“, вмѣсто מְלָכִים „цари“ (*Шаббатъ*, f. 88, 2).

²⁷⁸ Равви (Иуда Святой) сказалъ, что „обрѣзаніе равносильно всѣмъ заповѣдямъ, заключающимся въ законѣ“ (*Недаримъ*, f. 32, 1).

²⁷⁹ О впечатлѣніи, которое произведено было этимъ на сердце ап. Павла, нигдѣ не говорить ни св. Лука, ни самъ апостолъ; но слѣдами этого впечатлѣнія служить рядъ совпаденій, которыя подтверждаютъ подлинность этой рѣчи. Въ своей самой ранней рѣчи въ Антиохіи ап. Павелъ прибѣгаетъ къ тому же самому риторическому методу, столь пригодному для внушенія истины, не затрогивая предразсудковъ; онъ приводитъ тѣ же самые тексты въ той же поразительной фразеології и въ томъ же приложеніи (ср. Дѣян. VII, 48, 51 съ Дѣян. XVII, 24; Рим. II, 29); намѣ-

каеть на то же преданіе (Дѣян. VII, 53; Гал. III, 19); пользуется тѣмъ же стилемъ рѣчи (Дѣян. VII, 2, XXII, 1) и придаетъ то же самое значеніе вѣрѣ Авраама (Рим. IV, 9, Гал. III, 7) и отношеніямъ Бога къ нему до заключенія завета обрѣзанія (Дѣян. VII, 5—8; Рим. IV, 10—19). Нельзя также сомнѣваться, что 2 Тим. IV, 16 было отголоскомъ послѣдней молитвы Стефана, въ примѣненіи отчасти къ нему самому. Въ рѣчи Стефана замѣчается по меньшей мѣрѣ семь *анадодовъ*—Дѣян. VII, 2 (призваніе Авраама); 4 (смерть Фарры); 14 (семьдесятъ пять душъ); 16 (погребеніе патриарховъ въ Сихемѣ); 23 (египетское воспитаніе Моисея); 23 (сорокъ лѣтъ); 42 (идолопоклонство въ пустынѣ); 53 (ангелы при Синаѣ). Что касается мелкихъ примѣтовъ *σφάλιν μνημονικόν* въ 6, 7, 14 и 16 стихахъ, то это просто „obiter dicta, auctoris aliud agentis“. Попытка привести ихъ въ строгое соотвѣтствіе съ Вѣтхимъ Заветомъ повела къ многимъ натяжкамъ въ толкованіи. Рѣчь св. Стефана называли „сокращеннымъ изложеніемъ Вѣтхаго Завета, сдѣланнымъ по отрывкамъ перевода LXX“ (*Greenfield*, Apol. for the LXX, 103). „Онъ обращаетъ вниманіе на значеніе, а не на слова“ (Геронимъ).

²⁸⁰ Дѣян. VII, 54, διεπρόνοτο τοὺς καρδίαις αὐτῶν, καὶ ἔβρουον τοὺς ὀδόντας ἐπ' αὐτόν.

²⁸¹ „Non fratri irascitur qui peccato fratris irascitur“ (Августинъ).

²⁸² Дѣян. VII, 56 чит. διανοημένων S, A, B, C.

²⁸³ Смотри однакоже Откр. I, 13; XIV, 14.

²⁸⁴ Дѣян. VII, 57, κράζοντες φωνῇ μεγάλῃ.

²⁸⁵ См. прилож. VI: „Смертная казнь“.

²⁸⁶ *I. Флав.* Antt. XVIII, 4, § 3; 5, § 3; XIX, 6, § 2; XX, 9 § 1.

²⁸⁷ Всякій изъ употребленныхъ мною эпитетовъ болѣе чѣмъ оправдывается тѣмъ, что мы знаемъ объ этомъ семействѣ изъ Нового Завета, изъ *I. Флавія*, изъ Талмуда. См. приложение VII: „Власть Синедриона предавать смерти“.

²⁸⁸ Ἐπικαλούμενον значить „призывая Иисуса“. Тутъ не представляется надобности въ остроумномъ предположеніи Бентли, что *ΩΝ* потерялось въ слѣдствіе созвучія съ *ΩΝ*.

²⁸⁹ Таковъ именно порядокъ этихъ словъ (S, A, B, C, D). „Saevire videbatur Stephanus: lingua ferox, cor lene“ (*Augustin.* Sermon. 315). „Si Stephanus non orasset ecclesia Paulum non habuisset“. Съ самымъ выраженіемъ ср. Откр. XIV, 13. Въ словѣ *στήθε* кажется можно видѣть намекъ на иудейское вѣрованіе, что грѣхи человѣка неотступно слѣдовали за нимъ и въ будущую жизнь (1 Тим. V, 24; *Sotah*, f. 3, 2).

²⁹⁰ Такъ въ прекрасной эпиграммѣ Аноэлогії мы находимъ строки: ἱερὸν ὄνον κομᾶται ἀνίσταται μὴ λέγει τοὺς ἀγαθούς. Это *пешика* иудеевъ (Второз. XXXIV, 8). Что торжественный ритмическій эпитетъ *ἐκασμῆθ* не совсѣмъ ненамѣренный, это повидимому ясно изъ одинаково тяжелого *ακολούτως*, которыми, какъ указываетъ епископъ Вордсвортъ, оканчиваются Дѣнія Апостольскія. Св. Лука очевидно любитъ созвучія, все равно какъ и ап. Павелъ (см. *κατηλώθησαν ἀντιστάθηναι*, Дѣян. V, 41). Это третій случай смерти въ христіанской общинѣ: первая была самоубійствомъ, вторая казнью и третья мученичествомъ.

²⁹¹ На этотъ обычай не указывается въ Мишнѣ или Гемарѣ.

ГЛАВА IX. ²⁹² *I. Флавій* употребляетъ слово *νεκρία* о Агриппѣ I, когда ему было по меньшей мѣрѣ сорокъ лѣтъ (Antt. XVIII, 6, § 7; см. выше стр. 9).

²⁹³ Дѣян. XXVI, 10 *ἀνακρουμένον* τὰ αὐτῶν κατήνεκα φήρον.

²⁹⁴ *Selden*, De Synedr. II, 7, 7. Въ Мишнѣ при опредѣленіи правоспособности на членство въ синедрионъ говорится только, что человѣкъ не долженъ быть игрокомъ въ кости, ростовщикомъ, голубятникомъ, или торговцемъ продуктами въ субботнемъ году (*Sanhedr.* III, 3); но въ Гемарѣ и у позднѣйшихъ иудейскихъ писателей мы находимъ, что, кромѣ упомянутыхъ качествъ въ Исх. XVIII, 21 и Втор. I, 13—16, кандидатъ долженъ быть свободенъ отъ всякаго физическаго порока, безупречнымъ въ характерѣ, ученымъ въ наукѣ, знакомымъ болѣе чѣмъ съ однимъ языкомъ и имѣющимъ свое собственное семейство, такъ какъ такіе будто бы были менѣе склонны

къ жестокости и могли болѣе сочувствовать семейнымъ привязанностямъ (*Horajoth*, I, 4; *Sanhedr.* f. 17, 1, 36, b; *Menachoth* f. 65, 1; *Маймонъ* Sanhedr. II; *Otho*, Lex. Rabb. подъ этимъ словомъ). Не говоря о другихъ качествахъ, послѣднее вѣроятно во всякомъ случаѣ строго соблюдалось, и это придаетъ новую силу нашему предположенію, что ап. Павелъ былъ нѣкогда женатъ (1 Кор. VII, 8; см. выше стр. 52 и сл. См. *Эвальдъ*, *Sendschr. d. Ap. Paulus*, 161; *Geschichte d. Apost. Zeitalt.* 371).

²⁹⁵⁾ См. *Surenhusius*, Мишна IV; Praef.

²⁹⁶⁾ *Sotah*, f. 47, 1.

²⁹⁷⁾ *Маймонъ* въ *Sotah*, с. 3. Въ пользу отмены числ. V, 18 привод. Ос. IV, 14. См. Матт. XII, 39; XVI, 4.

²⁹⁸⁾ *Babba Metzia* f. 82, 2; *Otho*, Lex. Rabb. подъ слов. *Synedrium*.

²⁹⁹⁾ Втор. XIII, 8, 9; *Sanhedr.* f. 29, 1; 32, 3.

³⁰⁰⁾ Въ трактатѣ *Abhoda Zara* т. е. о „чужихъ религіяхъ“ нѣтъ ни одного слова о христіанахъ.

³⁰¹⁾ Маркеллъ, который въ это время былъ губернаторомъ *ad interim*, занималъ постъ не прокуратора *ἡγεμών*, а только *ἐπιμελητής* (I. *Флав.* Antt. XVIII, 4 § 2).

³⁰²⁾ Дѣян. VIII, 2 *κοπητὸς μέγας*. Слово это находится у LXX, Быт. I, 10 и пр., но въ Нов. Зав. только здѣсь.

³⁰³⁾ Дѣян. VIII, 3 *Ἐλυμαίνετο τὴν ἐκκλησίαν*.

³⁰⁴⁾ Ис. LXXVIII, 14; *Callim.* Hymn. in Dian. 156, *οὐδὲ βῆρυξ οὐδὲ φυτὰ λυμαίνονται*.

³⁰⁵⁾ Эти враждебныя мѣры завершились въ *δὴ καὶ ἐπόνερε τοὺς ἀγίους* Ананія, который говорить, что слухъ этотъ доходилъ до него изъ многихъ источниковъ (Дѣян. IX, 13).

³⁰⁶⁾ Дѣян. IX, 21 *ὁ περιθίγας*.

³⁰⁷⁾ См. выше стр. 219 Краткое посѣщеніе Самаріи „утвердить церкви“ (Дѣян. VIII, 14) не противорѣчило этому повелѣнію.

³⁰⁸⁾ Гал. I, 13, гдѣ онъ также говорить, что онъ преслѣдовалъ ихъ жестоко (*κατ' ἐπερβολήν*); и I, 23.

³⁰⁹⁾ Дѣян. XXVI, 11 *ἡνάγκασεν βλασφημεῖν*. Возможно, что въ *ἀκρι θανάτου* предыдущаго мѣста и въ *κατήρυγχα φόρον* этого ап. Павелъ намекаетъ на свое собственное стараніе (см. Гал. VI, 12) добиться для нихъ смертной казни, не показывая, что приговоръ былъ совершенъ. Мы переводимъ *ἀνακρούμενον* въ этомъ именно смыслѣ, который быть можетъ получаетъ новую вѣроятность отъ Евр. XII, 4: „Вы еще не до крови сражались“, если только это посланіе специально адресовалось палестинскимъ иудеямъ.

³¹⁰⁾ *Лаци.* Ер. X, 97... „praeterea maledicere Christo; *quorum nihil cogi posse dicuntur qui sunt vera Christiani*“.

³¹¹⁾ Это вытекаетъ изъ *ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ* и изъ аориста *διεσπάρησαν* Дѣян. VIII, 1.

³¹²⁾ Домиціанъ и Максиміанъ чеканили медали Геркулеса и Гидры съ надписью: „*Deleta religione Christiana quae orbem turbabat*“.

³¹³⁾ Дѣян. XXVI, 11 *περισσὸς ἐπιμαίνεσθαι αὐτοῖς*.

³¹⁴⁾ Дѣян. IX, 1 *ἐμπνέων ἀπειλῆς καὶ φόβου*.

³¹⁵⁾ I. *Флав.* Antt. XVIII, 5, § 3.

³¹⁶⁾ Дѣян. IX, 2: „кто найдетъ послѣдующихъ *сему ученію*“. Слово *Χριστιανισμός* было изобрѣтено позднѣе (см. выше стр. 203). Иудейскіе писатели подобнымъ образомъ говорятъ о „деревѣ га-Ноцеримъ“ т. е. „ученіи (пути) назарянъ“.

³¹⁷⁾ Неоднократныя указанія на наказаніе женщинъ показываютъ не только безпощадность гоненія, но также и то, что женщины принимали большое участіе въ распространеніи религіи, которая впервые выводила ихъ изъ униженнаго состоянія въ гаремѣ и изъ заключенности тере-

мовъ. Эти женщины—мученицы великаго гоненія—были предшественницами свв. Екатерины, Варвары, Агнесы, Доротеи, Цециліи и Фелицитаты, которыя своими именами украшаютъ лѣтописи христіанскаго героизма.

³¹⁸⁾ См. Прилож. VIII: „Дамаскъ при Аретѣ“.

³¹⁹⁾ Существуетъ разсказъ, что однажды первосвященникъ Симеонъ Бенъ Каміонъ лишенъ былъ правоспособности отправлять свои первосвщ. обязанности въ день очищенія, вслѣдствіе того, что во время дружественнаго разговора съ Аретой капля слюны эмпра пала на одежду первосвященника (см. *Niddah*, f. 33, 2).

ГЛАВА X. ³²⁰⁾ См. Рим. VII, 8, 9, 10. Эта картина умственнаго состоянія Савла не есть просто плодъ воображенія; отъ всего такого я тщательно воздерживался какъ въ „Жизни І. Христа“, такъ и здѣсь. Она прямо и неизбежно вытекаетъ изъ его собственныхъ посланій и изъ укора Христа: „трудно тебѣ идти противъ рожна“. Эти слова вслѣдъ за вопросомъ: „что ты гонишь Меня?“ съ неподражаемою краткостью заключаютъ въ себѣ значеніе: „развѣ ты не видишь, что *Я* преслѣдующій, а *ты* преслѣдуемый?“ Что же это за роженъ? Противъ него не было другаго рожна, кромѣ рожна, подставляемаго его собственною совѣстью. Угрызенія совѣсти, муки постоянныхъ предчувствій наносили ему раны, которая давно уже говорили ему, что онъ идетъ по ложной дорогѣ. Они были аналогичны съ предостереженіями, какъ внутренними, такъ и внѣшними, которыя „запретили безуміе“ месопотамскаго кудесника. Валаамъ также изъ опыта узналъ, какая ужасная вещь „прать противъ рожна“. На настойчивую внутреннюю борьбу ап. Павла указывается также въ „призваніи“ Гал. I, 15, предшествующемъ „откровенію“. См. *Monod*, *Cinq Discours*, 168: *Stier*, *Reden d. Apost. II*, 299; *Pressensé*, *Trois Prem. Siècles I*, 434.

³²¹⁾ Ис. LII, 14; LIII, 4 „пораженный“ по евр., см. Лев. XIII, 13; *Sanhedr.* f. 98.

³²²⁾ Римл. IX, 31. Когда равв. Елеазаръ былъ боленъ и Акиба ликовалъ, такъ какъ боялся, что Елеазаръ получалъ заслуженное въ этой жизни, то страдалецъ воскликнулъ: „Акиба, есть ли что нибудь такое въ законѣ, чего бы я не исполнилъ?“—„Равви, отвѣчалъ Акиба,—ты училъ: нѣтъ праведнаго человѣка на землѣ, который бы дѣлалъ добро и не согрѣшилъ“. Екклес. VII, 20 (*Sanhedr.* f. 101, 1).

³²³⁾ См. *Porter*, *Syria*, стр. 435.

³²⁴⁾ См. *Ad. Monod*, проповѣдь *Les Larmes de St. Paul*.

³²⁵⁾ Дѣян. IX 3 *περίστραφεν* „заблестало кругомъ“. Слово это еще употреблено въ XXII, 6, но не встрѣчается у LXX и неизвѣстно въ классическомъ языкѣ.

³²⁶⁾ Дѣян. IX, 7 *ἐιστήκεισαν γύρην θειορροίας*. См. Дан. X, 7: „И только одинъ я, Даниилъ, видѣлъ это видѣніе, а другіе бывшіе со мною не видѣли этого видѣнія; но сильный страхъ напалъ на нихъ и они убѣжали, чтобы скрыться“. Такъ въ *Schemoth Rabba*, секц. 2, f. 104, 3, говорится, что съ Моисеемъ были и другіе, но только онъ одинъ видѣлъ пылающій кустъ (Исх. III, 2). Подобнымъ образомъ Раши, въ началѣ своего комментарія на книгу Левитъ, говорить, что когда Богъ звалъ Моисея, голосъ этотъ слышенъ былъ только ему одному.

³²⁷⁾ Мы находимъ слѣды сомнительной усмѣшки въ Клементинскихъ *Бесѣдахъ*, XVII, 13: „кто вѣритъ видѣнію... на самомъ дѣлѣ можетъ быть обольщенъ злымъ демономъ, ... который въ дѣйствительности есть ничто, и когда онъ спроситъ, кто это является ему (намекъ на *τὸς εἰ χύρις*; IX, 5), онъ можетъ отвѣчать, что ему угодно“,—и далѣе въ томъ же родѣ.

³²⁸⁾ Дѣян. XXVI, 19 *τῇ ὁρασίῳ ἐπαίσχ.* Когда Захарія вышелъ изъ храма нѣмымъ, народъ понималъ, что онъ видѣлъ *ἐπαίσχ.* (Лук. I, 22). Жены мѣроносицы, возвращаясь отъ гроба, говорить, что онѣ видѣли *ἐπαίσχ.* *ἀγγέλων* (Лук. XXIV, 23). Слово это такимъ образомъ составляетъ особенность св. Луки и книги Дѣяній Апостольскихъ, равно какъ и многія другія слова. Это слово однакоже употреблено въ только что приведенномъ мѣстѣ посланія къ Коринѳянамъ, и *ἐπαίσχ.* тамъ не даетъ ему полной увѣренности, каково оно было—тѣлесное или духовное. LXX

употребляют его (Дан. IX, 23 и пр.) для передачи еврейского **חַזְקָה**, которое в Быт. XLVI, 2 употреблено о ночном видении. Фаворит ясно говорит, что *εραυρα*, днем ли или ночью, отлично от *ἐνύπνιον* „сновидения“, и св. Лука повидимому разумеет под *εραυρα* во всяком случае нечто более объективное, чѣм то, что онъ разумеетъ подъ *εραυρα* (Дѣян. IX, 10—12; XI, 5; XII, 9; XVI, 9; XVII, 9) или *ἐκστασις* (Дѣян. XI, 5; XXII, 17). *Ορασις* въ Нов. Заветѣ встрѣчается только въ Откр. IV, 3; IX, 17 и въ цитатѣ, Дѣян. II, 17.

329) Въ такіе моменты живетъ только духъ, а *φύξι*, животная жизнь, какъ *εραυρον ληπτικόν*, едва ли способна постигать такіа откровения. См. *August. De Genesi ad Litt.* XII, 3. „Главное, мы не должны терять изъ вида великій евангельскій принципъ прямого соприкосновения между духомъ Божиимъ и духомъ человѣческимъ, соприкосновения, которое ускользаетъ отъ анализа разума... Евангельскій мистизмъ, открывая человѣческому чувству міръ непрерывныхъ чудесъ, избавляетъ его отъ труда заниматься малымъ количествомъ тѣхъ, которыя подвергаются противорѣчивому анализу со стороны критическаго рационализма и рационализма правовѣрнаго (*Reuss, Hist. Apostolique*, 114). „Христосъ стоялъ передъ мною“, сказала св. Тереза. „Я видѣла Его очами души гораздо яснѣе, чѣмъ я могла бы видѣть Его очами тѣла“ (*Vida*, VII, 11).

330) Излишне повторять примѣненіе этихъ небольшихъ разногласій, потому что всѣ они примирены и объяснены въ самомъ текстѣ повѣствованія. Если бы они имѣли хоть малѣйшую важность, если бы они были такого рода, что хоть на одинъ мигъ становились бы неразрѣшимыми для здраваго смысла, то такой тщательный писатель, какъ св. Лука, не оставилъ бы ихъ одно поддѣ другому.

331) Этого хотя въ повѣствованіи и не утверждается прямо, но оно съ очевидностью заключается въ *ᾠφθην σοι* XXVI, 16, въ противоположности *μηδὲνα θεωροῦντες* IX, 7, въ выраженіи ст. 17—*Ἥρωος ὁ ὀφθαλμὸς σοι ἐν τῇ ὁρῇ* въ *πῶς ἐν τῇ ὁρῇ εἶδεν τὸν κύριον* стиха 27, и въ уже приведенныхъ ссылкахъ (1 Кор. IX, 1; XV, 8). Замѣчаніе Златоуста *καὶ μὴν οὐκ ᾠφθη ἀλλὰ διὰ πραγμάτων ᾠφθη* повидимому совершенно искривленъ, но при сравненіи съ предыдущимъ мѣстомъ показываетъ менѣе тщательности и разсудительности, чѣмъ сколько свойственно великому оратору.

332) Въ другихъ мѣстахъ онъ всегда называется *Σάβλος*, а здѣсь *Σαούλ*.

333) Это прибавленіе подлинно въ Дѣян. XXVI, 14; и *ὁ Ναζωραῖος* несомнѣнно въ XXII, 8. Изъ многихъ поясненій, приведенныхъ Ветштейномъ и повторяемыхъ за нимъ послѣдующими комментаторами, наиболее удачны и интересны *Aesch. Agam.* 1633, *Prom.* 323, *Eurip. Bacch.* 791, *Ter. Phorm.* I, 22, 7. Замѣчательно однакоже, что хотя воловы рожи представляютъ собой заурядное явленіе на востокѣ, нельзя однакоже привести ни одной восточной или семитической параллели этому выраженію. Ссылка на Втор. XXXII, 15 совершенно не соответствуетъ дѣлу, хотя намекъ на роженъ дѣлается въ Суд. III, 31, Сирах. XXXVIII, 25. Ап. Павелъ былъ конечно знакомъ съ ходячими греческими пословицами, и только тѣ будуть удивлены тѣмъ, что Спаситель обратился къ нему съ греческой пословицей, которые никогда не будутъ способны понять простую истину, что вдохновеніе всегда говорить (какъ даже признавали раввины) „на языкѣ сыновъ человѣческихъ“.

334) Златоустъ прибавляетъ *τὸν μετ' αὐτοῦ συνανακρανέντα*, но это, намъ думается, ошибка.

335) *Fortia agere Romanum est; fortia pati „Christianum“* (Cornel. à Lap.).

336) Замѣчательная параллель находится въ Тов. XI, 13, — *καὶ ἐλεπίσθη ἀπὸ τῶν κἀνθρώπων τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ τὰ λευκώματα*.

337) Смотри между прочимъ Рим. VIII, 3, 11; 1 Тим. III, 16; Рим. IX, 5; 2 Кор. I, 5; Кол. I, 20 II; 1 Кор. I, 23; II, 2; V, 7; X, 16; Гал. VI, 19; Ефес. II, 13; Рим. V, 6; VI, 4, 9; VII, 11; XIV, 15; XV, 3; 1 Кор. XV въ разныхъ мѣстахъ; Рим. X, 6; Кол. III, 1; Ефес. II, 6; 1 Тим. III, 16 и пр.

ГЛАВА XI. 338) *Εὐθέως* Гал. I, 16 я понимаю въ смыслѣ—немедленно послѣ обращенія

ап. Павла; *εὐθέως* Дѣян. IX, 20 въ смыслѣ—немедленно по возвращеніи его въ Дамаскъ. Удаленіе въ Аравію должно быть истолковано въ качествѣ пробѣла или въ срединѣ Дѣян. IX, 19, или въ концѣ этого стиха, или послѣ стиха 21. Основанія, почему я принимаю первую изъ этихъ альтернативъ, приведены въ самомъ текстѣ. Въ пользу предположенія Ольсгаузена и Кинеля, что это было послѣ его бѣгства изъ Дамаска, ничего нельзя сказать, такъ какъ оно прямо противорѣчитъ или во всякомъ случаѣ дѣлаетъ излишнимъ *πάλιν* Гал. I, 17. Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что ап. Павелъ не много говорилъ объ этомъ періодѣ своей жизни. Ни одинъ человѣкъ, даже въ средѣ своихъ близкихъ друзей, не будетъ дѣлать наиболѣе торжественныхъ кризисовъ своей жизни предметомъ обыденнаго разговора; Павелъ никоимъ образомъ не былъ человѣкомъ, который бы носилъ свое сердце снаружи. Всѣ, читающіе это мѣсто, при малѣйшей вдумчивости замѣтятъ, что помимо писанныхъ записокъ и даже при помощи ихъ ни одинъ живой человѣкъ не могъ бы написать свою собственную біографію съ безусловною точностью. Какое же основаніе предполагать, что это могло быть иначе въ отношеніи ап. Павла? Какое же основаніе предполагать, что онъ передалъ св. Лукѣ всѣ важнѣйшіе факты, происшедшіе съ нимъ, когда мы видимъ, что то, что св. Лука могъ разсказывать касательно его, не изображаетъ и четвертой части его жизни и не сохраняетъ и одной десятой воспоминаній о его страданіяхъ? И нужно замѣтить, что въ Дѣян. XXII, 16, 17, гдѣ дѣло не касалось его непосредственнаго предмета, ап. Павелъ самъ опускаетъ всѣ указанія на свое удаленіе въ Аравію.

339) Они назвали бы его *כִּיֹּר*—открещившимся отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій.

340) Гал. I, 1, *οὐκ ἀπ' ἀνθρώπων, οὐδὲ δι' ἀνθρώπων*.

341) 1 Θεсс. IV, 15, *ἐν λόγῳ Κυρίου*.

342) *συγκληρονομία καὶ σύστημα καὶ συμμετοχή*.

343) 1 Петр. II, 2, *τὸ λογικὸν ἄλογον γάλα*.

344) См. прил. IX: „Савль въ Аравіи“.

345) Оно употреблено о трехъ годахъ въ 1 Цар. II, 38.

346) Въ выраженіи *ἐδόθη μοι* въ 2 Кор. XII, 7 нѣтъ ничего такого, чтобы исключало это значеніе. Болѣзнь не могла во всей силѣ развиваться до того періода, который былъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его обращенія около 43 г. по Р. Хр., когда ап. Павелъ находился въ Антиохіи, или Іерусалимѣ или Тарсѣ.

347) См. прил. I: „Слогъ ап. Павла, какъ выразитель его характера“.

348) 2 Кор. XI, 6, *ἐπιτόνη ἐν λόγῳ*.

349) *Hausrath*, стр. 51.

350) 2 Кор. V, 4, *οἱ ζῶντες ἐν τῇ σκῇ: στενάχωμεν βαρύνμενοι*.

351) 2 Кор. IV, 8—10, *θλιβόμενοι... ἀπορούμενοι... διωκόμενοι... καταβαλλόμενοι... πάντοτε τὴν νεκρώσει τοῦ Ἰησοῦ ἐν τῇ σκῇ περιφέροντες*.

352) *Id.* 11, *αἱ γὰρ ἡμεῖς οἱ ζῶντες, εἰς θάνατον παραβιβόμεθα*.

353) Гал. II, 6, *τῶν δοκούντων εἶναι, τι—ἵποιοι ποτε ἦσαν, οὐδὲν μοι διαφέρει*; 9, *οἱ δοκοῦντες στύλοι εἶναι*; 11, *καταγινωσκόμενος ἦν*. 1 Кор. XV, 9; 2 Кор. XI, 5, *τῶν ὑπερλίαν ἀποστόλων*. 2 Кор. XII, 11, *οὐδὲν ὑπέρβηκα τῶν ὑπερλίαν ἀποστόλων εἰ καὶ οὐδὲν εἴμι*.

354) Гал. IV, 19; 2 Кор. II, 4; Рим. IX, 1—3. Въ отношеніи этого предмета всякій съ удовольствіемъ прочтаетъ извѣстные стихи Ньюмана:

I dreamed that with a passionate complaint
I wished me born amid God's deeds of might,
And envied those who had the presence bright
Of gifted prophet or strong-hearted saint,

Whom my heart loves, and fancy strives to paint.
I turned, when straight a stranger met my sight,
Came as my guest, and did awhile unite
His lot with mine, and lived without restraint.
Courteous he was, and grave; so meek in mien,
It seemed untrue, or told a purpose weak;
Yet, in the mood, could he with aptness speak
Or with stern force, or show of feeling keen,
Marking deep craft, methought, and hidden pride;
Then came a voice: *St. Paul is at thy side!*

(„Мнѣ снилось, что я съ нетерпѣніемъ желалъ бы побывать тамъ, гдѣ можно бы во всемъ величій повидѣть дѣла могущества Божія, и завидовалъ свѣтлоликимъ пророкамъ и святымъ, которыхъ любить мое сердце и воображеніе стремится изобразить. Повернувшись, я вдругъ увидѣлъ предъ собою незнакомаго, который пришелъ ко мнѣ въ качествѣ гостя и запросто дѣлилъ мою житейскую долю. Онъ былъ любезенъ и серьезенъ; столь скромный по внѣшности, что нельзя и повѣрить, застѣчивъ въ разговорѣ; но въ хорошемъ настроеніи духа онъ могъ бойко говорить—складно и съ силой или глубокимъ чувствомъ, обнаруживая глубокое искусство и, какъ мнѣ думалось, прикровенную гордость. И голосъ свыше сказалъ: *это св. ап. Павелъ съ тобою!*“).

335) Ἐξέθῃ во 2 Кор. XII, 7 показываетъ, что „жало въ плоть“ не было чѣмъ нибудь природнымъ или органическимъ.

336) См. прил. X: „жало въ плоть“ ап. Павла“.

ГЛАВА XII. 337) Φιλ. III, 12 κατὰ ἡμέραν ὡς τοῦ Χριστοῦ Ἰησοῦ.

338) Ἰησοῦν, а не Χριστόν—истинное здѣсь чтеніе (N, A, B, C, E).

339) Дѣян. IX, 21, ἐξέστηντο.

340) Дѣян. IX, 23, ἡμέραι ἱκαναί.

341) См. Прил. XI: „Объ иудейскихъ бичеваніяхъ“.

342) Эти тайные разговоры достигли страшнаго развитія въ эти дни сикаріевъ (I. Флавій, Antt. XX, 8, § 5).

343) 2 Кор. XI, 32, ὁ ἐν ἀρχῇ ἐρρούρει τὴν πόλιν. Дѣян. IX, 24, οἱ Ἰουδαῖοι παρετήρουν τὰς πόλεις. Этнаръ, равно какъ и Алабархъ, былъ титулъ иудейскихъ правителей въ греческихъ городахъ.

344) Дѣян. IX, 25. Чтеніе οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ, хотя и имѣть за себя хорошія основанія, едва ли можетъ быть правильно.

345) Ο σκληρὸς см. въ моей „Жизни І. Христа“ прим. 667 и 781. Во 2 Кор. XI, 33 она названа σκληράνη, что опредѣляется у Исихія какъ πλέγμα τι ἐκ σχοίνων.

346) Такія окна еще и теперь можно видѣть въ Дамаскѣ. О подобныхъ же побѣгахъ смотр. Ис. Пав. II, 15; 1 Царе. XIX, 12.

347) 2 Кор. XI, 32. Обращеніе ап. Павла совершилось около 37 г. по Р. Хр. Второе посланіе къ Коринѳянамъ написано въ 57 г. или въ началѣ 58 г.

ГЛАВА XIII. 348) Дѣян. IX, 26, ἐπειρᾶτο κολλᾶσθαι τοῖς μαθηταῖς (прошедш. несоверш. указываетъ на неуспѣшность усилій) καὶ πάντες ἐφοβούντο αὐτόν, μὴ πιστεύοντες ὅτι ἔστιν μαθητὴς.

349) Ein recht strohern Epistel, denn sie doch kein evangelisch Art an ihn hat“ (Luther, Praef. N. T. 1522); но онъ въ послѣдствіи измѣнилъ свое мнѣніе.

37) Іак. II, 24. Едва ли будетъ парадоксальнымъ сказать, что ап. Іаковъ подѣлитъ „вѣрой“ разумѣлъ нѣчто аналогичное тому, что ап. Павелъ разумѣлъ подѣлами.

371) בְּרִיָּאָה בְּרִיָּאָה „сынъ пророчества“. Что онъ былъ однимъ изъ семидесяти учениковъ, это

вѣроятно простая догадка (Euseb. H. E. I, 12: *Clem. Alex. Strom.* II, 176). „Παράκλησις late patet: ubi desides excitat est hortatio, ubi tristitiae medetur est solatium (Bengel).“

372) Ап. Іоаннъ и другіе апостолы были, вѣроятно, въ отсутствіи, частью быть можетъ вслѣдствіе самаго преслѣдованія, въ которомъ Павелъ былъ главнымъ дѣятелемъ.

373) Дѣян. IX, 27; Гал. I, 19. Истинное чтеніе въ Гал. I, 18, повидному есть „*Кифа*“ (N, A, B и большинство важнѣйшихъ переводовъ); также и во II, 9, 11, 14. Эта еврейская форма этого примѣчанія встрѣчается также въ 1 Кор. IX, 5; XV, 5. Хотя и въ другихъ мѣстахъ (напр. II, 7, 8) ап. Павелъ употребляетъ „Петръ“ безразлично съ *Кифой*, какъ это доказывается согласіемъ манускриптовъ, ясно однако же, что въ мѣстѣ ап. Павла ап. Петръ гораздо болѣе отождествлялся съ иудейскою церковью, чѣмъ съ церковью вообще. Въ глазахъ ап. Павла Симонъ былъ особенно апостоломъ обрѣзанія.

374) Гал. I, 19, ἑτερον δὲ τῶν ἀποστόλων οὐκ εἶδον εἰ μὴ Ἰάκωβον... На основаніи формы этихъ словъ невозможно сказать, разсматривается ли здѣсь Іаковъ, какъ апостолъ въ *строжайшемъ* смыслѣ этого слова или нѣтъ. Прибавка „братъ Господень“—какъ называетъ ее св. Златоустъ,—отличаетъ его отъ Іакова, брата Іоаннова, и отъ Іакова *малого*, сына Алфеева.

375) Дѣян. IX, 29, ἐπεχείρουν αὐτὸν ἀνελεῖν. Мы знаемъ по крайней мѣрѣ о десяти такихъ опасностяхъ убійства въ жизни ап. Павла.

376) 1 Θεсс. II, 15, „вы убили и Господа Іисуса, и Его пророковъ и насъ *изнали*“ (ἡμεῖς ἐκδιώξαμεν).

377) Дѣян. XXII, 17—21. Опушеніе этого видѣнія въ прямомъ повѣствованіи Дѣян. IX есть доказательство, что молчаніе касательно того или другаго событія въ краткомъ повѣствованіи св. Луки не должно быть принимаемо какъ доказательство, что онъ не зналъ объ опускаемомъ событіи. Можно также отмѣтить въ этомъ мѣстѣ появленіе интереснаго слова *μάρτυς*. Здѣсь несомнѣнно оно имѣетъ свой первоначальный смыслъ „свидѣтеля“; но оно содержитъ въ себѣ зародышъ своего позднѣйшаго значенія въ смыслѣ того, кто исповѣдывалъ Христа добровольною смертию.

378) Что онъ не былъ посланъ въ Кесарію *Филиппову*, это настолько очевидно, что почти не требуетъ доказательствъ. Ни *κατήγαγον*, означающее шествіе внизъ, т. е. къ берегу, ни *ἐξαπέστειλαν* совсѣмъ неумѣстны были бы въ отношеніи долгаго путешествія къ сѣверу къ *Κεσάρειν Филипповой*; и вѣроятно также, чтобы Савлъ отправился въ Тарсъ сухимъ путемъ, идя въ направленіи опаснаго Дамаска, когда онъ легче могъ отправиться моремъ. Гораздо интереснѣе изслѣдовать, дѣйствительно ли, какъ высказывалось нѣкими предположеніе, эти слова *κατήγαγον* и *ἐξαπέστειλαν* означаютъ болѣе, чѣмъ обыкновенную *пассивность* въ движеніяхъ ап. Павла, и не происходила ли эта пассивность отъ приступовъ болѣзни, которая была слѣдствіемъ его недавняго видѣнія.

379) Гал. I, 21—24, ἦμιν ἀγνωστον... ἀκούοντες ἡρᾶν... ἐναγγελλίζεσθαι... ἐπὶ ῥῆματι.

380) Гал. I, 21. Выраженіе это не имѣетъ рѣшительнаго характера, такъ какъ Киликія могла считаться просто опредѣлительнымъ прибавленіемъ къ обозначенію той части Сиріи, въ которую онъ отправился (Ewald, Gesch. d. Apost. Zeitalt. p. 439).

381) St. Paul, I, 77.

ГЛАВА XIV. 382) Дѣян. IX, 31, ἡ μὲν οὖν ἐκκλησία (N, A, B, C. и главные переводы). Я слѣдую здѣсь той пунктуаціи стиха, которая кажется мнѣ лучше.

383) Жизнь Іисуса Христа“, стр. 557.

384) *Ιουδαίῳ Φιλανίῳ*, Antt. XVIII, 3, § 5; *Suet. Tib.* XXXVI.

385) *Suet. Calig.* 13. 14.

386) Сравни въ отношеніи всего этого повѣствованія *Suet. Caligula; Philo. Leg. ad Gaium* и in Flaccum; *I. Флавій*, XVIII, 6—8; B. J. II, 10, § 1; *Dion Cass.* I.X, 8 seq.; Grätz. III, 270—277; *Jahn*, Hebr. Commonwealth, 174.

387) Приключения Ирода Агриппы составляют один из бесчисленных романов, которые дают нам столь ясное понятие о состоянии общества во время первого периода империи. Посланный в Рим своим дядей, он с самой ранней юности дышал в душной и опьяняющей атмосфере императорского двора в качестве сверстника Друза, сына Тиберия. По смерти Друза он был исключен из двора и доведен был почти до самоубийства болезненностью, бывшего следствием крайнего распутства. Спасенный от своего злого намерения своею женой Кипрой, он прошел через целый ряд испытаний от долгов, безчестия и невольных укрывательств, пока наконец опять не вошел в милость у Тиберия на Капрее.

388) Деренбург поэтому ошибся (стр. 222), предполагая, что Агриппа „предался ребяческому самославлению, со всею царскою пышностью, развернув свою роскошь в местности, где его некогда трафовали презрительным бдйяком“.

389) *I. Phasii* Antt. XIV, 7, § 2; XIX, 5, § 2; XIV, 10, passim (указы Юлиа).

390) На эти смуты, по видимому, ясно указывается в 3 Макк. (по мѣстам).

391) Но невозможно, что Ирод Антиппа погиб вследствие этого самого повеления Каиа. Правда Светоний (Calig. 28) говорит только „Misit circum insulas qui omnes (exsules) trucidarent; но эта причина могла быть приложена также ко всем политическим изгнанникам, и Дион (LIX, 18) ясно говорит, что он предать Антиппу смерти (κατέσφαξε). Судь над Антиппой происходила в ПUTEOLI, вскоре послѣ Филонова посольства, в 39 г. по Рожд. Хр.

392) De Leg. 2.

393) См. прил. XII: „Апотеоза римских императоров“.

394) Синагога Діалевстонъ.

395) *Philo*, Lég. ad Gai, XXV.

396) Иудеи вѣрили, что *Бат-Кол* из свята святих возвѣстил его смерть первосвященнику (Симону Праведному) и годовщину его было запрещено соблюдать даже в качестве постаного дня (Megillath. Tsanith, § 26; Sotah, f. 33, 1; *Derenbourg*, Palest. p. 207).

397) См. указъ Клавдія против жителей Дора, которые поставили его статуя в іудейской синагогѣ.

398) *Dion. Cass.* LX, 5.

ГЛАВА XV. 399) Пс. II, 12, בְּרִשְׁתִּי „цѣлованіе сына“ или „чистое богопоклоненіе“. Какой перевод вѣренъ, споры объ этомъ идутъ со времени Иеронима (Adv. Ruf. I). См. *Perowne*, Psalms, I, 116.

400) Иоан. X, 16. В этомъ стихѣ надо дѣлать различіе между αὐτῶν и ποιμνῶν.

401) *Immer*, Neut. Theol. 206.

402) Я не имѣю мѣста для того, чтобы дать полный разсказъ о странной дѣятельности и мнѣніяхъ этого „романическаго героя ереси“, какъ онъ дается въ лже-кLEMENTИНОВЫХЪ *Besada*хъ и *Prizaniata*хъ, и поэтому удовольствуюсь ссылкой на *Hippolyt.*, Philosoph. p. 161 seq.; *Iren.* Haer. I, 23; *Meander*, Ch. Hist. I, 454; Planting. 51—64; *Gieseler*, Fecl. Hist. I, 49; *Mansel*, Gnostic Heresies, 91—94; De Pressensé I, 396 seq. Разсказы о немъ имѣютъ сказочный характеръ (*Arnob.* Adv. Gent. 11, 12), и предполагаемая статуя ему (*Iust. Mart.* Apol. I, 26, 56; *Iren.* Adv. Haer. I, 23; *Tert.* Apol. 13), какъ думаютъ на основаніи таблицы, найденной въ 1574 г. на Insula Tiberina, была статуей сабинскому богу Semo Sancus (*Baronius*, in ann. 44; *Burton*, Bampton Lect. 375). Типическимъ обманщикомъ этой эпохи былъ Александръ Абоноитихъ (см. *Lucian*, Pseudo-mantis, 10—51, и объ общемъ преобладаніи магіи и чародѣйства, *Döllinger*, Judenth. u. Heidenth. VIII, 2, § 7).

403) Πάσης ἀρέσκους εὐρετής (*Cyrl.* Iren. adv. Hoer. I, 27; II. praef.). „Гиттонъ“ очень возможно есть смѣшеніе съ Citium, откуда „Chittim“ и проч.

404) Отъ его старанія получить духовную должность подкупомъ произошло слово *симоніа*.

405) Выраженіе αὐτῶν ἐστὶν ἐρημος въ VIII, 26, вѣроятно, относится къ *доротъ*. Газа была разрушена лишь въ 65 г. по Рожд. Хр. (*Robinson*, Bibl. Res. II, 640). Мнѣніе Ланге (Apost. Zeit. II, 109), что ἐρημος означаетъ „нравственную пустыню“, не можетъ быть предметомъ вопроса. Хотя паронимасія такъ часто употребляется въ Новомъ Заветѣ, однако же я не могу думать, чтобы ꙗко намеренное заключалось въ выраженіяхъ εἰς Γαζανъ въ 26 и τῆς γαζης въ 27 стихахъ.

406) Титулъ царицы Мерос (*Pliny*, H. N. VI, 35, *Dion. Cass.* liv. 5). (О сокровищницѣ Эоіоніи см. Ис. XLV, 14). Эоіонское преданіе даетъ свнуху имя Индиа. Объ отношеніяхъ іудеевъ къ Эоіоніи см. Соф. III, 10; Пс. LXVII, 31, и о другомъ вѣрномъ эоіонскомъ свнухѣ, также „слугѣ царя“ (Эбедъ-мелехъ) см. Iep. XXXVIII, 7; XXXIX, 16.

407) *Renan*, Les Apôtres, p. 158.

408) Ис. LIII, 7, 8. Цитата въ Дѣяніяхъ VIII, 33 взята изъ LXX. Можно бы предполагать, что свнухъ читалъ древній эоіонскій переводъ, основанный на LXX, но въ такомъ случаѣ Филиппъ не понималъ бы его.

409) Это мѣсто во многихъ отношеніяхъ отличается отъ нашего еврейскаго текста.

410) Ис. Нав. XV, 58; Неем. III, 16; *Iep.* Ер. СП. Источникъ этотъ называется *Айна Эдъ-Джиревелъ*. Но Робинзонъ указываетъ его мѣсто вблизи Тел-Элл-Гаси (Bibl. Res. II, 641). Преданіе, указывающее его въ Айнъ Ганіехъ, близъ Іерусалима, гораздо позднѣйшаго происхожденія.

411) Втор. XXIII, 1. Что касается національности эоіонянина, то нужно имѣть въ виду, что даже некогда самъ Моисей женился на эоіонской женщинѣ (Числ. XII, 1).

412) Исповѣданія Дѣян. VIII, 37 не находится въ 8; А, В, С, G, H, и выраженіе τὸν Ἰησοῦν Χριστὸν вообще неизвѣстно св. Лукѣ. Поэтому едва ли оно было подлинное.

413) Значеніе этого акта на этихъ основаніяхъ есть вѣроятно главное, если не единственное основаніе для повѣствованія о немъ; если εὐδοχας просто означаетъ „царедворецъ“, то не было бы надобности прибавлять слово *δυνατὴς* въ ст. 27. Плосмпръ (New Testament Commentary, in loc.) приводитъ интересную параллель изъ перваго опредѣленія перваго вселенскаго собора (Conc. Nic. Can. 1).

414) Гал. III, 28. Св. Иринеи, Haer. III, 12, и Евсевій, H. E. II, 1, говорятъ, что онъ обратился въ христіанство свою страну.

415) Дѣян. XXI, 8, 9. Замѣчательно намеренное совпаденіе въ его привѣтствіи апостола языковъ. Въ этомъ пунктѣ онъ исчезаетъ со сцены христіанской исторіи. Этотъ Филиппъ, который умеръ въ Іерасолѣ (*Euseb.* H. E. III, 31), вѣроятно есть Филиппъ апостолъ.

416) Лидда и Іонія были исключительно іудейскими городами (Флав. В. J. II, 19, § 1).

417) *Ketubhóth*, f. 77, 1.

418) *Babha Bathra*, f. 25, 1, 16, 2 (гдѣ это замѣчаніе приписывается Баръ Каппарѣ) „Нп одно ремесло“, говоритъ Равви, „никогда не исчезнетъ съ лица земли; но счастливъ будетъ тотъ, родители котораго принадлежатъ къ почетному ремеслу. . . . Миръ не можетъ существовать безъ кожевниковъ. . . . по горе тому, кто кожевникъ“ (*Kiddushin*, f. 82, 2).

419) Лук. XIV, 1—6; Иоан. V, 10; Марк. II, 23; Матѣ. XII, 10; Иоан. IX, 14; Лук. XIII 14; XVI, 16 (см. „Жизнь Іисуса Христа“, стр. 386).

420) Иоан. X, 16, ποιμνῶν.

421) „Lo maggior Padre di famiglia“ (*Dante*, Parad. XXXII, 136).

422) Матѣ. X, 27; XXIV, 17; Лук. XVII, 31. Кровли домовъ въ древнія времена были обычнымъ мѣстомъ идолопоклонства (Iep. XIX, 13; Соф. I, 5 и пр.).

423) Дѣян. X, 10, ἐγένετο ἐπ' αὐτὸν ἑκστασις (8, A, B, C, E и пр.).

424) εὐδότης—(ср. Иоан. XIX, 40).

425) Это, по видимому, заключается въ выраженіи *αρχαῖς* (См. *Eur. Hippol.* 762, и *Wetst.*

ad loc). Но *ἀδελφόνων* *καὶ* *πῆν* въ *8*, *A*, *B*, *E*. Въ Вулгате читается „*quatuor initiis submitti de caelo*“.

⁴²⁶⁾ Дѣян. X, 12, *πάντα τα—*„всѣ“, а не „вѣки“, что было бы *πάντοτε*. Бл Августинъ употребляетъ сравненіе съ ковчегомъ (с *Faust*. XII, 15); опускается *καὶ τὰ θεία* въ *8*, *A*, *B*, и пр.

⁴²⁷⁾ О *Кашарѣ* см. ниже стр. 293 Примѣръ Данила (I, 8—16) дѣлаетъ иудеевъ болѣе разборчивыми. I. Флавій (Vit. 3) рассказываетъ, что нѣкоторые священники, заключенные въ тюрьмахъ въ Римѣ, жили только сными и орѣхами.

⁴²⁸⁾ Въ Талмудѣ (*Sanhedr.* f. 59, col. 2) есть любопытный рассказъ касательно нечистыхъ животныхъ сверхъестественнымъ образомъ представленныхъ раввину Шимону Бенъ Халифѣ, который *убиваетъ ихъ для ниши*. Это приводитъ къ замѣчанію: „*ничто нечистое не сходитъ съ неба*“. Не имѣемъ ли мы здѣсь косвеннаго аргумента противъ значенія видѣнія ап. Петра? Раввинъ Изамаилъ сказалъ, что стараніе Израиля избѣжать пресмыкающихся было бы одно достаточнымъ основаніемъ того, почему Богъ избавилъ ихъ изъ Египта (*Babha Metzia*, f. 61, 2). Однакоже всякій членъ синагоги долженъ былъ быть настолько остроуменъ, чтобы доказать, что пресмыкающееся чисто (*Sanhedrin*, f. 17, 1).

⁴²⁹⁾ См. прекрасное замѣчаніе Неандера, *Planting*, I, 73.

⁴³⁰⁾ Ср. Иоан. XIII, 8. Возрастающее знакомство съ иудейскими сочиненіями всегда углубляетъ наше убѣжденіе, что въ Новомъ Заветѣ мы имѣемъ дѣло съ правдивыми рассказами. Зная отношеніе иудеевъ къ божественнымъ внушеніямъ, мы можемъ вполне предположить, что даже и не въ изступленіи Петръ могъ бы возразить противъ вѣрнѣйшаго *Богъ Кола*, и однакоже къ какъ разъ тоже самое находимъ въ Св. Писаніи (3 Царст. XIX, 14; Иона IV, 1, 9; Иер. I, 6), въ предыдущихъ рассказахъ самого Петра (Матт. XVI 22), ап. Павла (Дѣян. XXII, 19) и въ талмудическихъ писаніяхъ. Немногіе рассказы Талмуда даютъ болѣе непоколебимое убѣжденіе въ неотразимой обязательности закона, чѣмъ рассказъ о противодѣйствіи даже голосу съ неба со стороны собранія раввиновъ, въ *Babha Metzia*, f. 59, 2 (я приводилъ его въ *Expositor* 1877 г.). Онъ не только поясняетъ этотъ именно фактъ, но болѣе чѣмъ все другое показываетъ намъ подавляющія силы, противъ которыхъ долженъ былъ бороться ап. Павелъ.

⁴³¹⁾ Такъ думаетъ Икуменій.

⁴³²⁾ Ис. LXV, 4; LXVI, 3; 2 Мак. VI, 18, 19; I. Флав. С. Ар. II, 14. Это отвращеніе къ свинѣ раздѣлялось многими восточными народами (*Hitt.* II, 47; *Pliny*, Н. Н. VIII, 52; *Koran*). Причиной этого отчасти были ея грязныя привычки (2 Петр. II, 22).

⁴³³⁾ Jer. Berachôth, IV, 1; *Derenbourg*, Palest. 114; Grätz, III, 480 (Исторія эта также рассказывается въ *Babha Kama*, f. 82, 2; *Menachôth*, f. 64, 2; *Sotah*, f. 49, 2).

⁴³⁴⁾ Sumen, in *Plaut. Cure*, II, 3, 44; *Pers.* I, 53; *Plin.* Н. Н. XI, 37.

⁴³⁵⁾ Марк. VII, 19. Это толкованіе, обязанное своимъ происхожденіемъ древнимъ отцамъ,—встрѣчающееся у св. Златоуста въ *Бесѣдѣ* на Евангеліе Матвея (LI, стр. 526), и Григорія Чудотворца,—было возобновлено 40 лѣтъ тому назадъ достопочтеннымъ Филдомъ въ примѣчаніи къ его изданію *Бесѣдъ* св. Златоуста (III, 112) (См. *Expositor* за 1876 г., гдѣ я подробно разоблачилъ это мѣсто). Здѣсь однако же оно было незамѣченнымъ, пока наконецъ совершенно недавно не обратило на себя вниманія, котораго оно заслуживаетъ. Истинное чтеніе навѣрно *καὶ ἀδελφόνων*, а не *καὶ ἀδελφόνων* нашего изданія,—чтеніе, происшедшее по всей вѣроятности вслѣдствіе невозможности согласовать *καὶ ἀδελφόνων* съ *ἀδελφόνων*. Потеря истиннаго толкованія этого мѣста была очень серьезной. Теперь оно однакоже къ счастью возобновлено. Оно имѣетъ болѣе прямое отношеніе, чѣмъ всякое другое, къ главному практическому затрудненію Апостольскаго вѣка.

⁴³⁶⁾ „Жизнь Иисуса Христа“, прим. 206.

⁴³⁷⁾ Эта итальянская когорта, вѣроятно, состояла изъ „*Velones*“, итальянскихъ волонтеровъ

„*Cohors militum voluntaria, quae est in Syria*“ (*Gruter*, *Inscr.* I, 434; *Akerman*, *Num. Illustr.* 34). Она особенно нужна была въ Кесаріи.

⁴³⁸⁾ Ср. Дѣян. X, 23 съ XI, 12.

⁴³⁹⁾ Кодексъ D и сирійскій имѣютъ прагматическое прибавленіе: „и когда Петръ приближился къ Кесаріи, одинъ изъ рабовъ, побѣждавъ впередъ, далъ знать о прибытіи; и Корнелій, вскочивъ и выбѣжавъ къ нему на встрѣчу, падая къ его ногамъ, поклонился ему“.

⁴⁴⁰⁾ См. I. Флав. *Antt.* XI, 8, § 5.

⁴⁴¹⁾ Исторія эта рассказывается у Беды, *Ecccl. Hist. Angl.* II, 12.

⁴⁴²⁾ Дѣян. X, 28, *ἀδελφόνων*: см. Иоан. XVIII, 28. *Lightf.* *Nor. Hebr. ad Matt.* XVIII, 17.

⁴⁴³⁾ Слова ап. Петра стоятъ въ крайне категорическомъ противорѣчій съ раввинскими толкованіями на Притч. XIV, 34, которые утверждали, что праведныя дѣла, совершаемые язычниками, были грѣхомъ для нихъ. Это положеніе поддерживалось даже послѣдователями Гиллея въ родѣ Гамалила II и раввина Елизера Модискаго (*Babha Bathra*, f. 10, 2) (См. ниже стр. 509 и 534).

⁴⁴⁴⁾ Дѣян. X, 36. Понимать *τὸν λόγον* здѣсь въ Иоанновомъ смыслѣ кажется мнѣ невыдерживающимъ критики.

⁴⁴⁵⁾ „Кто ѣстъ съ необрѣзаннымъ человѣкомъ, ѣстъ какбы съ собакой; кто касается его, касается какъ мертвѣго тѣла, и кто моется въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ нимъ, моется какбы съ прокаженнымъ“ (*Pirke Rabbi Eliezer*, 29).

⁴⁴⁶⁾ До сихъ поръ правобѣрные иудеи скорѣе готовы подвергнуться неудобствамъ, чѣмъ прикоснуться къ мясу, убитому языческимъ мясникомъ (*McCaul*, *Old Paths*, 397, seg). Это иногда приводитъ не только къ монополіи, но даже къ прямой тираніи со стороны мясника, имѣющаго *кадимю* (*Frankl*, *Jews in the East*, II).

⁴⁴⁷⁾ Дѣян. XI, 2 *ἀπεκρίνοντο πρὸς αὐτόν*. См. Іуд. 9.

⁴⁴⁸⁾ Дѣян. XI, 18, *ἀρχαὶ καὶ τοῖς ἑθνεσιν*.

ГЛАВА XVI. ⁴⁴⁹⁾ Дѣян. XI, 20. Не можетъ быть сомнѣнія, что истинное чтеніе есть „*Ἑλλήνας*“, а не „*Ἑλληστάς*“ (какъ принято англійскимъ переводомъ). 1) Внѣшнее доказательство въ пользу „*Ἑλλήνας*“ правда недостаточно, такъ какъ оно встрѣчается только къ кодексѣ A (который также имѣетъ „*Ἑλλήνας*“ даже въ IX, 29, гдѣ „*Ἑλληστάς*“ есть единственно *возможное* чтеніе) и D. *8* имѣетъ *ἐπαγγελιστάς*, которое было измѣнено въ „*Ἑλλήνας*“; но какъ *8*, такъ и B читаютъ *καὶ* *πρὸς ἐλάλουν*, которое указываетъ на новое и важное заявленіе. Нѣкоторые изъ важнѣйшихъ переводовъ не имѣютъ никакого значенія въ смыслѣ установленія чтенія въ этомъ мѣстѣ, потому что не имѣютъ специфическаго слова, которымъ бы можно было отличить „*Ἑλληστάς*“ и „*Ἑλλήνας*“. Икуменій и Теофилактъ читаютъ „*Ἑλληστάς*“, также дѣлаетъ и Златоустъ въ своемъ текстѣ, но въ своемъ толкованіи онъ принимаетъ „*Ἑλλήνας*“ какъ и Евсевій. Но, во 2) если мы обратимся къ внутреннимъ доказательствамъ,—то ясно, что „*ελληνικά*“, а не „*ελληνιστικά*“,—т. е. язычки, не говоряще по гречески иудеи,—есть единственно допустимое чтеніе; потому что а) *ελληνιστικά* были обыкновенныя иудеи, и такъ какъ совершенно достоверно, что *Ἰουδαίος* предыдущаго стиха не можетъ означать только гебранство, то этотъ 20 стихъ ничего бы не прибавилъ къ этому повѣствованію, если бы „*ελληνιστικά*“ было правильнымъ чтеніемъ. б) Указаніе это является заключительнымъ и завершающимъ пунктомъ повѣствованія, въ которомъ выразительною цѣлью было описаніе допущенія *язычниковъ* въ церковь. Чтеніе „*ελληνιστικά*“ затемняетъ стихъ, на которомъ вращается все повѣствованіе Дѣяній Апостольскихъ. в) Обращеніе множества *ελληνιστῶν* въ Антиохіи не возбуждало бы особеннаго вниманія и не потребовалось бы особой миссіи для изслѣдованія, въ виду того, что существующая церковь въ Иерусалимѣ сама состояла въ большинствѣ изъ *ελληνιστῶν*. Весь контекстъ поэтому рѣшительно доказываетъ, что „*Ἑλλήνας*“ есть правильное чтеніе и поэтому оно было принято въ текстѣ, не смотря на внѣшнія данныя противъ него, всеми лучшими изда-

телями: Грисбахомъ, Лахманомъ, Шольдомъ, Тишендорфомъ, Мейеромъ, Альфордомъ (русскимъ переводомъ) и др. Причиной искаженія текста было, повидимому, предположеніе, что это повѣствованіе имѣетъ ретроспективный характеръ и что предполагать допущеніе язычниковъ къ вѣрѣ, прежде чѣмъ Петръ открылъ имъ двери царства, значило бы посягать на его авторитетъ. Но эта проповѣдь въ Антиохіи могла быть послѣ обращенія Корнелія, и во всякомъ случаѣ авторитетъ Петра для большинства въ церкви далъ неоспоримое рѣшеніе въ отношеніи правъ язычниковъ.

⁴⁵⁰) Теперь это пятнадцатый турецкій городокъ съ 6000 жителей (*Porter's Syria*, p. 568).

⁴⁵¹) Въ 301 г. до Р. Хр., 23 апрѣля.

⁴⁵²) *Jos. Antt.* XVI, 5, § 3.

⁴⁵³) *Renan*, *Les Apôtres*, p. 228.

⁴⁵⁴) Сирія была обращена въ Римскую провинцію въ 64 г. до Р. Хр. Эмилиј Скавръ отпавилъ туда въ качествѣ Quaestor pro Praetore въ 62 г. до Р. Хр.

⁴⁵⁵) „Jam pridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes
Et linguam, et mores, et cum tibicine chordas
Obliquas, necnon gentilia tympana secum
Vexit, et ad circum jassas prostare puellas“.

Juv. Sat. III, 62—65.

⁴⁵⁶) *I. Флавій*, *B. Jud.* VII, 3, § 3.

⁴⁵⁷) Источники для описанія состоянія Антиохіи чрезвычайно богаты. Главные между ними *I. Флавій*, *B. J.* VII, 3, § 3; *Antt.* XII, 3, § 1; XVI, 5, § 3; *C. Ap.* II, 4; *1 Mak.* III, 37; XI, 13; *2 Mak.* IV, 7—9, 33; V, 21; XI, 36; *Philostr.* Vit. Apollon. III 58; *Libanius*, *Antioch.* pp. 355, 356; *Chrysost.* Homil. ad Pop. Antioch. VII, in Matth., et passim; *Julian*, *Misopogon*; *Pliny*, H. N. V, 18; и главнѣе всего *Chronographia* Іоанна Антиохійскаго, болѣе извѣстная подъ его сирійскимъ прозваніемъ Малады или оратора. Мюллеръ въ своихъ *Antiquitates Antiochenae* (Gött, 1830) тщательно изслѣдовалъ всѣ эти и другіе источники. Нѣкоторыя описанія повѣйшей Антиохіи со стороны путешественниковъ, посѣщавшихъ ее, можно найти у *Pocock's Descript. of the East* II, 192; *Chesney*, *Euphrates Expedition*, I, 425, seqq; *Ritter*, *Paläst.* n. Syria IV, 2. Ея безнадежное паденіе начинается съ 1268 г., когда она была завоевана магометанами.

⁴⁵⁸) Состояніе этого города было описано мастерской рукой. „Онъ былъ“,—говоритъ Ренапъ, особенно живописный въ своемъ описаніи, благодаря знакомству съ повѣйшимъ Парижемъ,—„небывалымъ сборищемъ паяцовъ, шарлатановъ, пантомимистовъ, маговъ, чародействъ, кудесниковъ и жрецовъ-обманщиковъ; городомъ скачекъ, игръ, плясокъ, процессій, праздниковъ, вакханалій, необузданной роскоши; всѣхъ излишествъ Востока, безобразнѣйшихъ суевѣрій, фанатическихъ оргій. Поочередно рабскіе и неблагодарные, безсовѣстные и дерзкіе, антиохійцы были прекраснымъ образчикомъ сбродной толпы, преданной цезаризму, толпы, не имѣющей своего отечества, своей національности, родовой чести или имени. Великолѣпный Корсо, прорѣзывавшій городъ, былъ подобенъ театру, въ которомъ въ теченіе всего дня разминались волны пустого, развращеннаго, мятежнаго, иногда остромунаго населенія, запятаго пѣнями, пародіями, удовольствіями и кутежами всякаго рода. Это было“—какъ продолжаетъ онъ послѣ описанія извѣстныхъ плясокъ и состязаній въ плаваніи, о которыхъ необходимо упомянуть, если мы хотимъ понять упадокъ азіатской нравственности, — „нѣчто въ родѣ упоенія, сна Сардапалла, въ которомъ всѣ удовольствія, всѣ безобразія развертывались въ странномъ смѣшеніи, не исключая нѣкоторой уточенности и изящества“ (*Les Apôtres*, p. 221). Оронть никогда не текъ болѣе гнилоу грязью, чѣмъ когда на его берегахъ началъ пробивать благодатный источникъ воды живой.

⁴⁵⁹) Авсоній говоритъ объ Антиохіи и Александріи:

„Turbida vulgo

Utraque et amentis populi malesana tumultu“ (*Ordo Nob. Urb.* III).

⁴⁶⁰) См. знаменитое мѣсто у Гиббона *Decline and Fall*, ch. XXIII.

⁴⁶¹) Теперь *Бейтъ-ал-Мад*—уединенная долина. Нѣсколько развитыхъ мельницъ обозначаютъ то мѣсто, гдѣ золотомъ и драгоценностями нѣкогда блистало святилище Аполлона. Когда Юліанъ отступникъ торжественно посѣтилъ его, онъ встрѣтилъ тамъ единственно только одного гуса! Баба Болъ или „врата Павла“ находятся на Алепской дорогѣ. Городъ все еще славится своею распущенностью и заключаетъ въ себѣ лишь нѣсколько сотъ христіанъ (См. *Carne's*, Syria, I, 5 и др.).

⁴⁶²) „Daphnici mores“.

⁴⁶³) *Jos. Флавій*, *Antt.* XII, 5, § 1.

⁴⁶⁴) Греческое прилагательное отъ *Χριστός* было бы *χριστός*. Правда, что *πυός* и *νός* суть греческія окончанія, но *анис* есть римское окончаніе, и едва ли можно сомнѣваться, что оно обязано своимъ происхожденіемъ—не дорическому діалекту конечно!—но преобладанію римской терминологіи въ Антиохіи, даже если допустить, что распространеніе Имперіи сдѣлало въ это время *анис* обычнымъ окончаніемъ по всему Востоку (ср. *Mariani*, *Pompeiani* и проч.). Слово „христіанство“ (*χριστιανισμός*) впервые встрѣчается у Игнатія (ad Philad. 6), какъ это и естественно было для епископа Антиохіи; и слово „каволическое“ (*Ignat. ad Smyrn.* 8) вѣроятно избрѣнено было въ томъ же самомъ городѣ (id. 78) (См. *Bingham*, *Antt.* II, I, § 4).

⁴⁶⁵) Или Назарининъ. Дѣян. XXIV, 5 (ср. Іоан. I, 46; Лук. XIII, 2). Кирил. *Catech.* X.

⁴⁶⁶) Дѣян. XXVI, 28. Это (что было на 20 лѣтъ поздне) есть первое послѣ этого упоминаніе этого имени. Епифаній (*Haer.* 29, п. 4) говоритъ, что древнѣйшимъ названіемъ христіанъ было *Ἰεροσολίται*.

⁴⁶⁷) Намекъ на него въ Іак. II, 7 по меньшей мѣрѣ сомнительный.

⁴⁶⁸) Дѣян. XIX, 9, 23. Сравни названіе „методистъ“.

⁴⁶⁹) Еф. I, 1 и проч. Позднѣ имена въ родѣ *pisciculi* и пр. имѣли также нѣкоторую распространенность.

⁴⁷⁰) *Greg. Naz.* Orat. III, 81; *Julian*, *Epp.* VII, IX; *Gibbon*, V, 312. cd Milman; *Renan* *Les Apôtres*, 235.

⁴⁷¹) *Suid.* II, 3930 a, ed. Gaisford; *Malala*, *Chronogr.* 10, p. 318, ed. Mill.—Плюмистръ (*Pau* in *Asia*, 74) предполагаетъ, что Еводій и Игнатій могли быть современными пресвитеро-епископами іудейскихъ и эллинистическихъ общинъ въ Антиохіи. Вавила мученикъ и Павелъ Самосатскій, ересеархи, оба были епископами антиохійскими, какъ и Мелетій, крестившій св. Златоуста.

⁴⁷²) *Christus non proprium nomen est, sed nuncupatio potestatis et regni*“ (*Lact. Div. Inst.* IV, 7; См. „Жизнь Иисуса Христа“, прим. 476. Названіе „христіанитъ“ выражало презрительное равнодушіе, а не рѣшительную ненависть. Тацитъ съ неудовольствіемъ употребляетъ его—„quos vulgus Christianos appellabat“ (*Ann.* XV, 44).

⁴⁷³) Въ 1 Петр. II, 3 нѣкоторые видѣли указаніе на то, что „Господь“ есть какъ *χριστός*, такъ и *κεφαλός*, все равно какъ нѣкоторая игра словъ *ἰάτης* и *ἰγρός* повидимому заключается въ Дѣян. IX, 34; X, 38.

⁴⁷⁴) См. *Julian*, *Misopogon* (отвѣтъ на ихъ оскорбленіе въ отношеніи его бороды); *Zosim.* III, 11; *Procop.* B. P. II, 8, *γελοίσις τε καὶ ἀταξίᾳ ἑκκαὶ ἑχονταί*. *Philostr.* Vit. Appolon. III, 16; *Conyb. and. Hows.* I, 130.

⁴⁷⁵) *Tert. Apol.* 50.

⁴⁷⁶) 1 Петр. IV, 16 *εἰ δὲ ὡς χριστιανός, μὴ ἀσχυρόσθω δοξαζέτω δε τὸν θεὸν ἐπὶ τῷ ὀνόματι* (А, В и пр., а не мѣры: какъ въ англ. и русск. перев.) *τοῦτο*. Самое названіе сдѣлалось преступленіемъ. *Διώκουσι τοὺν ἡμᾶς οὐκ ἀδικούς εἶναι καταλαβόντες, ἀλλ' αὐτὸς μόνον, τῷ χριστιανός εἶναι τὸν βίον ὑπολαμβάνοντες* и пр. (*Жизн. Алека*. Стрж. IV, II, § 81).

⁴⁷⁷) „Sed quum et perperam Chrestiani nuncupamur a vobis (nam nec nominis certa est

notitia penes vos) de suavitae et benegnitae compositum est (Tert. Apol. 3) Οἱ εἰς χριστὸν πεπιστευ-
хотас χριστοὶ τὰ σοὶ καὶ λέγονται (Clem. Alex. Strom. II, 4 § 18). См. Just. Mart. Apol. 2

478) Это было прекрасное дополнение к мысли. Τοῦτο ἐνεκεν καλοῦμεθα χριστιανοὶ εἶναι χρι-
меθα ἑλκων θεῶν. (Theoph. ad Autol. I, 12; Tert. Apol. 3). Ср. ижемоко Christen (Jer. Taylor, Disc.
of Confirm., 3). Подобное указание есть у Амвросия De Obi. Valent. и у Иеронима на Ис. CIV, 15
(„Nolite tangere Christen meos“). См. Pearson, On the Creed. Art. II.

479) Ренанъ (Les Apôtres 232) думаетъ, что даже у Эпиктета (Dissert. IV, 7, 6) и у Марка
Аврелия (XI, 3) „христиане“ означаютъ *sicarii*. Это кажется мнѣ очень сомнительнымъ. Суллийци-
Северъ (II, 30) сохраняетъ выражение, въ которомъ Тацитъ говорить о христианствѣ и иудействѣ:
„Has superstitiones, licet contrarias sibi, iisdem tamen auctoribus profectas“ Christianos a Judaeis
exstitisse (Bernays, Ueber die Chronik Sulp. Sev. p. 57). См. Spartianus Sept. Sever. 16; Cara-
calla, 1, Lampridius, Alex. Sev. 22—45, 51. Смишеніе это было крайне печально, и мирные хри-
стиане были постоянно преслѣдуемы, между тѣмъ какъ мятежные иудеи были защищаемы (Tert.
Apol. 2, 3; Ad Nat. I, 3; Justin. Apol. I, 4—7, n).

480) 1 Кор. VI, 11, τὰὐτὰ τινες ἦτε ἀλλ' ἀπελούσασθε и пр.

ГЛАВА XVII 481) „Третье небо“ называется „Зевуль“ у Раши (cf. Chagigah f. 12, 2).
„Въ такихъ видѣніяхъ душа не имѣетъ очей для того, чтобы видѣть, ушей для того, чтобы слы-
шать, и однако же видѣть и слышать, и вся есть глазъ, вся есть ухо“. Св. Тереза, описывая свои
видѣнія, какъ неописуемыя, говоритъ: „безпокойная маленькая бабочка памяти спалила теперь
свои крылышки и не можетъ летѣть“ (Vida, XVIII, 18).

482) По свидѣтельству Франкля (Jews in the East, II, 31), въ Иерусалимѣ ежегодно стекается
сумма въ 818,000 піастровъ для иудейскаго населенія въ количествѣ 5,700 душъ. Она распреде-
ляется частью какъ *халюка*, т. е. поголовно безъ различія возраста или пола, и частью какъ
кадима—по положенію и званію лицъ.

483) Derenbourg, p. 232, seq.

484) I. Флавій (Antt. XX, 2, § 1) приписываетъ это особенное пристрастіе пророческому
сновидѣнію.

485) Отсюда сообщается, что „царь Мумбаза сдѣлалъ золотыя ручки къ сосудамъ, употреб-
лявшимся въ храмѣ въ день покаянія“ (Yoma, 37 a).

486) См. ниже стр. 509.

487) Oros. VII, 6; Ios. Antt. XX, 2, § 5. Елена также будто бы пожертвовала въ храмъ
золотой свѣтильникъ и золотой столъ съ надписью „судъ ревности“ (Yoma, 37 a).

488) Приказъ Калигулы о поставленіи его статуи въ храмѣ былъ данъ въ 39 г. по Р. Хр.
Иродъ Агриппа умеръ въ 44 г.

489) Seekers after God, p. 76.

490) Dion. Cass. LX, 3, 5.

491) Jos. Antt. XIX, 5, §§ 2, 3.

492) Id. XVIII, 5, § 4.

493) Агриппа I былъ внукомъ Ирода Великаго и Маріамны. Маріамна была внучка Гир-
кана II, который былъ внукомъ Гиркана I, бывшаго сыномъ Симона, старшаго брата Иуды Мак-
кавея. Нѣкоторые раввины стараются однакоже отрицать всякую каплю асмонейской крови въ
Иродовомъ семействѣ. Они разсказываютъ, что Иродъ Великій былъ рабомъ у одного изъ асмо-
неянъ и однажды услышалъ голосъ бабъ Кола, говорящихъ: „всякій рабъ, что нынѣ возстаетъ,
будетъ наслѣдовать“. Согласно съ этимъ, онъ умертвилъ все семейство, кромѣ одной молодой дѣ-
вицы, которую онъ оставилъ себѣ для брака. Но она взошла на кровлю, закричала: „всякій кто
будетъ утверждать, что онъ изъ асмонейскаго дома, отселе будетъ рабомъ, потому что она одна
только осталась отъ этого дома“, и, бросившись внизъ, убила. Нѣкоторые говорятъ, что въ

теченіи 7 лѣтъ Иродъ сохранялъ ее тѣло въ меду для того, чтобы заставить народъ думать, что
онъ былъ женатъ на асмонейской княжнѣ. Разгнѣвавшись на раввиновъ, которые настаивали на
Втор. XVII, 15, онъ избилъ ихъ всѣхъ, исключая Бабы-Бентъ-Буты (котораго онъ ослѣпилъ,
обвязавъ его глаза щетиной свинной шкуркой), чтобы онъ могъ быть единственнымъ его совѣт-
никомъ. Переводившись и напрасно пытаясь склонить Бабу-Бентъ-Буту сказать что-нибудь дурное
о немъ, онъ открылся ему и спросилъ, что онъ долженъ сдѣлать въ вознагражденіе ему. Слѣ-
пецъ отвѣчалъ: „ты погасилъ свѣтъ міра (см. Матт. V, 14); зажги его построениемъ храма“
(Babha Bathra, f. 3, 2, seqq.).

494) Кипра было имя жены Антипатра и матери Ирода Великаго. Она происходила отъ
Навуосева рода; ея имя, которое вѣроятно имѣло связь съ כפר (Kephér), носилось нѣсколькими
продіанскими князьями (Derenbourg, Palest. p. 210).

495) См. прил. XXIV: „Ироды въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ“.

496) Jos. Antt. XX, 1, § 1.

497) Тамъ же, XIX, 7, § 3.

498) Jos. B. J. XIX, 8, § 1; Para, III, 5; Ben Hakkaiph; Derenbourg, p. 215.

499) Дѣян. XII, 2, ἀνέβλε ... μαχαίρα.

500) Климентъ Александр. у Евсев. Церк. Ист. II, 9. Апостолъ будто бы нѣсколько по-
смотрѣлъ на него и затѣмъ поцѣловалъ его съ словами: „миръ тебѣ“, какъ разъ предъ тѣмъ,
какъ они оба были убиты.

501) Дѣян. XII, 4, ἀνέβλεν.

502) I. Флав. Antt., XIX, 7, § 4.

503) Dion Cass. LX, 23; Suet. Claud. 17; Philo Leg. 45. См. Lewin, Fasti Sacri, §§ 1688, 1674;
and contra Wieseler, Chron. d. Apost. Zeit. 130.

504) ἐπὶ τοῦ κυβερνήτου—*cubicularius*, praefectus cubiculi.

505) См. I. Флавій Antt. XIX, 8, § 2, который въ точности подтверждаетъ повѣствованіе
Дѣян. XII.

506) Его доходъ, будто бы, доходилъ до 12.000.000 драхмъ или болѣе чѣмъ на 3.000.000 руб-
лей въ годъ.

507) См. сочиненіе Турлывалля Essay on the Irony of Sophocles.

508) Онъ говоритъ, что сова сидѣла на деревѣ въ день ареста Агриппы въ Капреѣ и что
германскій прорицатель предсказалъ, что онъ сдѣлается царемъ, но будетъ на краю смерти,
когда увидитъ эту сову опять. См. также Евс. Церк. Ист. II, 10, который замѣняетъ сову ангеломъ.

509) I. Флав. Antt. XIX, 8, § 2, γαστρός ἀλλήλων διερχομένων: Дѣян. XII, 23, σκυλήκροβρωτος
ἀπέθανεν. Такая болѣзнь, которую въ строгомъ смыслѣ можно назвать фенриасисъ, *morbus pedicu-
laris*, это, какъ я уже говорилъ въ „Жизни Иисуса Христа“, прим. 87, болѣе чѣмъ сомнительно.
Смерть Ирода Агриппы, подобно смерти его дѣда, приписывалась этой болѣзни, но не священ-
ными повѣствователями. Это однако же совершенно историческій фактъ, что многие жестокие ти-
раны умерли отъ язвъ, которые народная молва описывала также, какъ Лактанцій описываетъ
ихъ въ своемъ трактатѣ De moribus persecutorum. Таковы, напримѣръ—Феретима (Herod. IV,
205, εὐλέων ἐξέχευεν, гдѣ болѣзнь эта впервые указывается какъ возмездіе за тиранію); Антиохъ
Епифанъ (2 Макк. V, 9); Иродъ Великій (I. Флавій. Antt. XVII, 6, § 5, B. Jud. I, 33, §§ 8, 9);
Максимій Галерій (Euseb. N. E. VIII, 16); Максиминъ (id. IX, 10, 11; Lact. De Mort. persec.
XXXIII); Кладій Люцій Герминіанъ (Tertull. ad Scap. III, cum vivis vermibus ebullisset „Nemo
sciat“ dicebat „ne gaudeant Chistiani“); герцогъ Альвскій и проч.

510) I. Флавій, Antt. XIX, 9, § 1.

511) Савлъ и Варнава, повидимому, отправились изъ Антиохіи съ намѣреніемъ прибыть въ
Иерусалимъ къ Пасхѣ 1 Апрѣля 44 г. по Р. Хр. Мученичество Іакова непосредственно предъ

пешествовало Пасхѣ, и заключеніе Петра въ темницу произошло по время пасхальной недѣли (Дѣян. XII, 3—6). Непосредственно затѣмъ Иродъ отправился въ Кесарію, и если предметомъ его посѣщенія было торжество по случаю возвращенія Клавдія изъ Британіи, то это навѣрно было въ томъ же самомъ мѣсяцѣ. Такъ какъ Клавдій возвратился въ началѣ 44 года, и для того, чтобы извѣстіе объ этомъ достигло Иерусалима, не требовалось много времени. Затѣмъ І. Флавій говоритъ, что Агриппа царствовалъ семь лѣтъ (Antt. XIX, 8, § 2), и такъ какъ онъ назначенъ былъ въ апрѣлѣ 37 года, то эти семь лѣтъ оканчивались въ апрѣлѣ 44 года. Смотри полное изслѣдованіе этого вопроса у Левина, *Fasti Sacri*, p. 280.

⁵¹² Въ кодексахъ D упомянуто даже число ступеней отъ темницы Петра до улицы.

⁵¹³ См. Apollon. ap. Euseb. H. E. V, 18; *Clem. Alex. Strom.* VI, p. 762 ed. Potter.

ГЛАВА XVIII. ⁵¹⁴ Келос. IV, 10, ὁ ἀνέφικος—означаетъ „сынъ брата“, а не „сынъ сестры“ что было бы ἀνεψιός.

⁵¹⁵ „Eruditissimis hominibus liberalissimisque studiis affluens“ (*Cic. pro Archia*, III).

⁵¹⁶ Точное различіе между „пророками“ и „учителями“ нигдѣ не изложено, но ясно, что въ Апостольскомъ иѣзѣ оно вполне понималось (1 Кор. XII, 28; Ефес. IV, 11). Но естественно возникаетъ вопросъ: разумѣется ли здѣсь то, что Варнава и Савлъ были „пророки“ или „учители“, или, что они были то и другое. Последнее быть можетъ есть правильный взглядъ. Пророкъ стоялъ выше учителя, былъ болѣе непосредственно вдохновенъ, говорилъ съ болѣе возвышеннымъ авторитетомъ, но учитель, дѣятельность котораго была болѣе скромнаго и кроткаго характера, могъ въ великіе моменты и подъ сильнымъ вліяніемъ подниматься до силы пророчества, между тѣмъ, какъ пророкъ также могъ при обыденныхъ случаяхъ исполнять обязанности учителя (см. *Neander*, *Planting*, p. 133, seqq.).

⁵¹⁷ *Jos. Antt.* XV, 10, § 5.

⁵¹⁸ Случаи этого рода рассказываются также о Гальбѣ (*Tac. Ann.* VI, 20; *Suet. Gabb.* 4, *Jos. Antt.* XVIII, 6, § 9), о Генрихѣ VII и Людовикѣ Филиппѣ.

⁵¹⁹ Такъ какъ Манаилъ Есееянинъ долженъ былъ находиться уже въ среднемъ возрастѣ, когда Иродъ Великій былъ мальчикомъ, и такъ какъ мы теперь дошли уже до 45 г. по Р. Хр., то этотъ Манаилъ могъ родиться только тогда, когда другой былъ уже въ крайне преклонныхъ лѣтахъ.

⁵²⁰ Дѣян. XIII, 2 Ἀφ' ὧντα ἐγὼ „ну, отдѣлите мнѣ“. Значеніе λειτουργούντων (отсюда слово „литургія“) есть вѣроятно общее. Златоустъ объясняетъ его въ смыслѣ κηρυττόντων. Другіе примѣры этого слова см. Луки I, 23; Римл. XV, 16; 2 Кор. IX, 12; Фил. II, 30. Выраженіе ἐν προσηλύτοις αὐτοῦ, означаетъ конечно, что Варнава и Савлъ уже приняли призваніе къ дѣлу (См. Дѣян. IX, 15; XXII, 21; Римл. I, 1; Гал. I, 1). Гукеръ думаетъ, что Павелъ былъ сдѣланъ апостоломъ потому, что Іаковъ не могъ оставить Иерусалима, и Варнава для того, чтобы занять мѣсто Іакова, брата Іоаннова (*Eccle. Pol.* VII, IV, 2).

⁵²¹ О постѣ смотри *Bingham*, XXI, ch. 2.

⁵²² Инс. Нав., XXIV, 2. Аполлогія газели, пасущейся среди стада овецъ, встрѣчаемая въ Талмудѣ и приписываемая Гилелю, прекрасно выражаетъ терпимость мудрѣйшихъ и болѣе просвѣщенныхъ раввиновъ; но прозелитизмъ, конечно, считался дѣйствительнымъ приобретеніемъ при абсолютномъ согласіи съ іудейскими началами.

⁵²³ Раввины, для того, чтобы обойти этотъ поразительный фактъ, истолковывали *кусинозъ* („εὐοπλαγία“) посредствомъ *Гематріи*, выводили изъ него значеніе „прекрасная лицомъ“; такъ какъ *кусинозъ* = 736 = еврейскимъ словамъ для обозначенія „прекрасная очами“.

⁵²⁴ Подобнымъ образомъ говорилось, что Акиба происходилъ отъ Сисары.

⁵²⁵ Быт. XXVII, 39: „вотъ, отъ тука земли будетъ обитаніе твое, и отъ росы небесной выше“ (см. Калишъ, in loc.).

⁵²⁶ І. Флавій, *Antt.* XIII, 9, § 1; 11, § 3; 15, § 4; XVIII, 3, § 6; XX, 2, § 4; В. J. II, 17, § 10, С. Ар. II, 39; *Tac. Ann.* II, 85; Н. V, 5; *Hor.* Sat. I, IV, 142; *Dion Cass.* XXXVII, 17 и проч. *Iuv.* Sat. VI, 546. См. также Деренбургъ. *Palestine*, p. 223, и сл.

⁵²⁷ Уже въ 139 году до Р. Хр. іудеи были изгнаны изъ Рима за допущеніе прозелитовъ къ субботѣ (*Mommsen, Röm. Gesch.* II, 429). О широкомъ распространеніи субботства даже среди язычниковъ см. І. Флавій,—С. Ар. II, 11, § 29. Есть слѣды, указывающіе на то, что Іудеи принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы ежегодно приобрести одного прозелита (ἐν κατὰ τὸν Μάτθ. XXIII, 15), для *проброзованія* возможности спасенія язычниковъ (*Taylor, Pirke Abhōth.* p. 36).

⁵²⁸ См. прил. XIII: „Время, налагавшееся на прозелитовъ“.

⁵²⁹ См. прил. XIV: „Ненависть къ іудеямъ въ классической древности“.

⁵³⁰ У Діона (LXVII, 12 — 14) христіаннѣ (?) мученикъ Акилій Глабрионъ называется іудеемъ.

⁵³¹ *Marc. Aurel.* XI, 3; *Mart.* X, 25; *Epict.* Dissert. IV, 8.

⁵³² *Plin.* Ep. X, 97, „Superstitionem pravam et immodicam“; *Tac. Ann.* XV, 44, „exitibilis superstitio“; *Suet. Nero*, 16, „novae et malefice superstitionis“, См. прил. XV: „сужденіе древнихъ языческихъ писателей о христіанствѣ“.

⁵³³ См. *Friedländer, Sittengesch. Roms.* B. V. *Denis*, *Idées morales dans l'antiquité*, II, 218—236.

⁵³⁴ См. *Sall. Cat.* XXXVII, 5, „Hi Romam sicut in sentinam confuxerunt“.

⁵³⁵ *Juv.* III, 62; *Tac. Ann.* XV, 44.

⁵³⁶ См. *Tac. Ann.* II, 85; IV, 55, 56; *Suet. Tib.* 35; *Ov. Fast.* II, 497, seq.

⁵³⁷ Таковы были тавроболы и кріоболы—омерзительныя кровавыя бани.

⁵³⁸ Валерій Максимъ (I, III, 3) рассказываетъ, что когда сенатъ приказалъ разрушить Серапію въ Римѣ (въ 535 г. отъ основанія Рима), ни одного рабочаго нельзя было заставить повиноваться этому приказанію и самъ консулъ долженъ былъ открывать дверь топоромъ (См. также *Liv.* XXXIX, 8—18; *Cic. de Legg.* II, 8, *Dion. Halic.* II, 20; *Dion. Cass.* XL, 47; *Tert. Apol.* 6; *Adv. Nat.* I, 10, привод. у Ренана, *Les Apôtres* p. 316, и касательно культа Изиды *Appul. Metam.* XI).

⁵³⁹ Фирмицій Матеріи въ царствованіе Константина не считалъ стоящимъ опровергать греческую и римскую мѣлологію (*De errore profanae relig.*), а только обряды Изиды, Митры, Цибелы и проч.

⁵⁴⁰ Дѣян. XIII, 3, νηστεύσαντες... προσευξάμενοι.

⁵⁴¹ Дѣян. XXVI, 17, ἐξαιρούμενός σε ἐκ τοῦ λαοῦ καὶ τῶν ἀδελφῶν εἰς οὗς ἐγὼ σε ἀποστέλλω.

⁵⁴² Кромѣ немногихъ совершенно частныхъ строкъ, писанныхъ имъ къ Филимону, и въ посланіи къ своимъ возлюбленнымъ филиппійцамъ, которые не нуждались въ подтвержденіи его права.

⁵⁴³ См. тщательные планы изображенія древней и новѣйшей Антиохіи въ сочиненіи Левина. *St. Paul*, I, pp. 92—95.

⁵⁴⁴ Гал. I, 21; Дѣян. IX, 30; XI, 25. Что въ Киликіи были церкви, видно изъ Дѣян. XV, 41.

⁵⁴⁵ См. нѣсколько хорошихъ замѣчаній у Ренана, *Les Apôtres*, p. 280, seq; обстоятельный трактатъ по этому предмету у Герцфельда, *Gesch. d. jüdischen Handels*.

⁵⁴⁶ Полибій, V, 59.

⁵⁴⁷ Renan, *les Apôtres*, p. 386; cf. *St. Paul* p. 13. „Это была вторая поззія христіанства. Озеро Тиверіадское и лодки рыбаковъ доставили первую. Теперь болѣе могущественное вліяніе стремленій къ отдаленнѣйшимъ странамъ влечетъ насъ на открытое море“.

⁵⁴⁸) Эл-Джебел эл-Акра, „лысая гора“ (*Chesney*, *Euphrat*. I, 386; *Amm. Marcell.* XXII-14, § 8; *Julian.* *Misop.* 361).

⁵⁴⁹) 2 Кор. XI, 29, τὴν σκανδαλίζεσαι, καὶ οὐκ ἐγὼ πειροβήμι.

⁵⁵⁰) *Clem. Rom.* Ep. ad loc. I, 5.

⁵⁵¹) Маршалъ Тюрентъ.

⁵⁵²) Даже Лютеръ описываетъ ап. Павла: „ein armes dürres Männlein wie unzer Philippus“ (*Melanchton*).

⁵⁵³) См. 2 Кор. X, 10; Гал. IV, 13; 1 Кор. II, 3; 2 Кор. IV, 7; VII, 5; XI, 6; XII по мѣстамъ.

⁵⁵⁴) Ἀσθενής есть основная нота въ 2 Кор. XIII, 3—9.

⁵⁵⁵) Дѣян. XV, 25 и Дѣян. XIV, 14, гдѣ Варнава принятъ былъ за верховное божество.

⁵⁵⁶) Дѣян. XIII, 5, ὑπερέτης. Въ Лук. IV, 20 ὑπερέτης есть *gazzan* синагоги. Маркъ, подобно Варнавѣ, могъ имѣть также связь съ колѣномъ Левиннымъ; о названіи и о преданіяхъ касательно его см. Эвальдъ, *Gesch.* 445.

⁵⁵⁷) 1 Есс. III, 1; 2 Кор. II, 13; Фил. II, 19, 20; 2 Тим. IV, 11. Одинъ писатель говоритъ, что ап. Павелъ „имѣлъ тысячу друзей и любилъ каждого какъ свою собственную душу, и повидимому жилъ тысячами жизней въ нихъ и умиралъ тысячами смертей, когда онъ долженъ былъ оставлять ихъ“.

⁵⁵⁸) *Strabo*, XIV, 682; *Tac.* Н. II, 2, 4; *Jos. Antt.* XIII, 10, § 4; XVI, 4, § 5; XVII, 12, §§ 1, 2; В. J. II, 7, § 3; *Philo*, Leg. p. 587; *Milman*, Hist. of Jews, III, 111. О новѣйшей исторіи его см. *Meursius*, Opp. III; о новѣйшемъ состояніи его теперь, столь интересномъ для насъ, см. *General Cesnola's Cyprus*.

⁵⁵⁹) Дѣян. XIII, 5, κατήγγελλον.

⁵⁶⁰) Одиссея, 8, 362 ст.

⁵⁶¹) Виргилій, *Энеида*, I, 417.

⁵⁶²) Такъ какъ онъ былъ бѣлымъ (τὸ δὲ ἄγαλμα οὐκ ἂν εἰκότως ἄλλω τῷ ἢ περικρίδι λευκῷ), то нельзя много сомнѣваться касательно того, что онъ былъ изъ мрамора, хотя Максимъ Тиръ и прибавляетъ ἢ δὲ ὅλην ἀννοεῖται (Diss. 8, 8). „Apud Cyprios Venus in modum umbilici vel ut quidam volunt, Metae, colitur“. (*Serv. ad AEn.*, I, 724).

⁵⁶³) *Tac.* Н. II, 3; *Strabo*, XIV, 683; *Athen.* XV, 18. Полулуние и звѣзда, изображаемая на монетахъ въ качествѣ украшенія къ фронтоу храма, быть можетъ представляють собою слѣдъ финикійскаго происхожденія этого культа и указываютъ на связь между нафійской Венерой и финикійской Ашерой (*Movers*, *Phön.* 607). Солнце въ Эмессѣ имѣло подобное *κοινὸν δὲ σήμα* (*Negodan*, V, 3), вѣчто въ родѣ *ἐκτίλιον* *ἐκπατὲς*. Модели его были проданы (*ἀγαλμάτων πειραματιζόν.* *Athen.* XV, 18).

⁵⁶⁴) Дѣва Марія боготворится у кипріотовъ подъ именемъ Афродитиссы! (*Löhber*, *Cyprus*, p. 105).

⁵⁶⁵) Дѣян. XIII, 6, διαβόντες δὲ ὅλην τὴν νῆρον Ν, Α, Β, Γ, Δ, Ε.

⁵⁶⁶) „Пляска, музыка и пѣніе священныхъ процессій, совершавшихся 3000 лѣтъ тому назадъ, замѣнились криками совы и другихъ ночныхъ птицъ и жалостнымъ лаемъ голодныхъ собакъ, заброшенныхъ не менѣе голодными хозяевами, которые предоставили имъ бѣгать по восточной деревнѣ въ поискахъ за пищею. Вотъ Пафъ настоящаго времени“ (*Cesnola's*, *Cyprus*, p. 216).

⁵⁶⁷) См. прил. XVI: „Проконсульство Сергія Павла“.

⁵⁶⁸) Ренанъ однако же говоритъ: „Элима или мудрецъ... есть арабское слово, множественное число котораго есть *улема*. Слово это не существуетъ ни въ еврейскомъ, ни въ арамейскомъ; и это дѣлаетъ очень сомнительною эту этимологию Элимы“ (*St. Paul*, p. 15). Эвальдъ думаетъ, что онъ былъ набатеянинъ (*Gesch.* VI, 453).

⁵⁶⁹) *Juv.* III, 27. „Augur, schoenobates, medicus, magus“.

⁵⁷⁰) *Tac.* Н. V, 3; *Hor.* Sat. I, II, 1; *Od.* I, XI, 2; *Juv.* Sat. III, 42, 60; VI, 543, 553, 562; X, 93; *Suet.* Tib., 36, 69; *Aul. Gell.* I, 9; *Jos. Antt.* XVIII, 6, § 9; XX, 5, § 1; В. J. VI, 5, § 1. Ср. *Matth.* XXIV, 23, 24; Дѣян. VIII, 9; XVI, 16; XIX, 19; 2 Тим. III, 13 (γόνιτες); Откр. XIX, 20.

⁵⁷¹) См. I. Флавій, *Antt.* XX, 7, § 2.

⁵⁷²) Въ царствованіе Августа (*Dion. Cass.* LIV, 23).

⁵⁷³) См. выше стр. 180.

⁵⁷⁴) *Tac.* Н. V, 3. *Plin.* Н. N. XXX, 2, 6. „Est et alia factio a Mose et Janne et Jotape Judæis pendens, sed multis millibus post Zoroastrem. Tanto recentior est Cypria. Въ Іамнѣ и Іотапѣ, повидимому, есть смутное смѣшеніе предполагаемыхъ иудеевъ съ традиціонными египетскими магами, Іанніемъ и Іамвриемъ (2 Тим. III, 8).

⁵⁷⁵) Лук. I, 3, ἀκριβὲς παρακολουθήσεται.

⁵⁷⁶) Діонъ Кассій говоритъ, что эти сенаторскія назначенія были ἐπιστολαὶ καὶ κληροτολ (LIII, 13).

⁵⁷⁷) Вѣроятно въ намекъ на его имя Варъ Исусъ—какъ бы такъ онъ сказалъ: „называемый сыномъ спасенія Іеговы, но въ дѣйствительности сынъ дьявола и врагъ всякой правды“. О διαβολοςъ см. Іоан. VIII, 44. Чтеніе Пешито *Вар-Шума*, „сынъ раба“ или „сынъ имени“ едва ли объяснимо, если только не по благозвучію (*Castell.* *Lex.* Syr. S. V).

⁵⁷⁸) Дѣян. XIII, 11, ἄχρι καὶ τοῦ—буквально „до благопріятнаго времени“ или, какъ мы сказали бы, „на настоящее время“. „Sciebat Apostolus, sui memor exempli, de tenebris oculorum, mentis posse resurgere ad lucem“, Беда—слѣдующая намеку св. Златоуста, что οὐ καλῶς οὐτος ἦν τὸ ῥῆμα ἀλλ' ἐπιστρέφοντος.

⁵⁷⁹) „A primo ecclesiae spolio Proc. Serg. Paulo victoriae suae trophaea retulit, erexitque vexillum ut Paulus a Saulo vocaretur“ (*Jer. ad Philen.* 1). Въ трактатѣ *Толдоотъ Іеуу* названіе это ставится въ связи съ *לעז* „онъ работалъ“. Если такъ, то въ виду того, что оба эти слова суть причастія страдательнаго залога, измѣненіе, вѣроятно, произведено отъ „искалъ“ къ „работалъ“, и я не могу не думать, что истинное объясненіе заключается здѣсь. Гейнрихъ объясняетъ Σαῦλος δὲ, ὁ καὶ Παῦλος „der auch so wie der Proconsul, ebenfalls Paulus hieß“.

⁵⁸⁰) Paulus, сокращенное изъ Paulillus, означаетъ „малѣйшій“. „Paulus enim parvus“ (*Aug.* *Serm.* CLXIX). „Non ob aliud, quantum mihi videtur hoc nomen elegit nisi ut se ostenderet tantum minimum Apostolorum“ (*Aug.* *De Spir. et Lit.* XII). При своей обычной изысканности воображенія онъ противопоставляетъ „маленькаго“ Савла Беніамінова съ высокимъ царемъ гонителемъ. Но въ *Conf.* VIII, 4 онъ склоняется къ другой теоріи, „Ipse minimus Apostolorum tuorum, & c... Paulus vocari amavit ob tam magnae insignie victoriae“.

⁵⁸¹) *Ap.* *Aug.* *Append.* *Serm.* 204.

⁵⁸²) См. главу о древнихъ способахъ путешествія у *Friedländer*, *Sittengesch.* *Roms.*

⁵⁸³) Страбонъ XII, 6, 7. См. *Lewin*, I, 130 и сл.

⁵⁸⁴) *Con.* и *Nowson*, I, 177, которые ссылаются на *Spratt* и *Forbes*, *Travels in Lycia*, I, 48, 242, 248; *Fellowes*, *Lycia*, 238.

⁵⁸⁵) Поразительное описаніе такого переселенія среди киріизовъ можно найти въ *Travels* *Аткинсона*.

⁵⁸⁶) Ап. Павелъ былъ homo desideriorum по преимуществу; человекъ, который подобно всѣмъ лучшимъ иудеямъ жилъ надеждами на будущее (Рим. VIII, 24; XV, 4; Тит. II, 13 и пр.).

⁵⁸⁷) Прекрасныя замѣчанія объ этомъ предметѣ находятся у Фридлендера, *Sittengesch.* *Roms* VII, 6, 3. Онъ показываетъ, что древніе замѣчали скорѣе подробности, чѣмъ общія дѣйствія. Они никогда не намекаютъ на полусвѣтлые цвѣта, на синеву отдаленныхъ холмовъ, или

воздушную перспективу. Изображение ландшафтов, воспроизведение экзотических растений и поэзия естествознания развили в людях новейшего времени всё эти чувства (*Гумбольдт, Cosmos*, II).

588) Это близ незначительного новейшего города Ялобац, и отождествление его, благодаря монетам и надписям, дѣлается вполне достоверным. См. *Arundell, Asia Minor*, т. XII; *Hamilton, Researches in Asia Minor*, I, т. XXVII; у *Corn. and Hows*, I, 182.

589) ריבה.

590) Мат. XXIII, 6, *προτοκισθῆσαι*, פרוכררן. Филонъ часто указываетъ на порядокъ и обстановку богослужения въ синагогахъ въ это время.

591) שלח עבדך.

592) Berachoth, f. 3, 1; Sota, f. 21, 1.

593) Προσλθὼν δὲ ὁ πρεσβύτερος καὶ τῶν δογμάτων ἐπισκευάτο διελύχεται: (Филонъ, Quod Omn. Prob. 12). Франкль въ своемъ сочинении *Jews in the East* говоритъ, что его часто призывали для отправления этой обязанности. Полныя подробности синагогическаго богослужения можно найти у Маймонида, *Jad Hachezaka* (Hilch. Tephil. VIII, 10—12) и подъ словами *Naphtarah* и *Synagogue* въ *Kitto*, *Cyclopaedia*, ст. Гинсбургъ.

594) Мы едва ли можемъ вообразить, что онъ выказывалъ притворное отвращение, внушаемое раввинами (Berachoth, 34, 1).

595) Дѣян. XIII, 18, *ἐτροποδότησαν* (A, C, E) „носили ихъ, какъ человекъ носить своего маленькаго сына“. I.XX, Втор. I, 31; см. Ис. XIX, 4; Ис. LXIII, 9; Ам. II, 10 и проч. Онъ не упрекаетъ ихъ здѣсь, а только говоритъ о милости Божіей къ нимъ. Слово это встрѣчается также во 2 Мак VII, 27.

596) Дѣян. XIII, 17, *ἐψήσαν* — въ смыслѣ „онъ воспиталъ ихъ“ (Ис. I, 2; между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ оно означаетъ „возвысилъ“ или „поднялъ“ (Луки I, 52; 2 Кор. XI, 7). Въ стихѣ 19 онъ употребляетъ *κατεχληρόνησαν* (S, A, B, C, D, E, G, H и проч.) въ рѣдкомъ смыслѣ „раздѣлилъ какъ наследство“ (отсюда въ нѣкоторыхъ текстахъ есть поправка *κατεχληρόνησαν*), какъ напр. во Втор. I, 38.

597) Не нужно забывать, что ни одна рѣчь ап. Павла въ „Дѣяніяхъ Апостольскихъ“ не потребовала бы для своего произнесения болѣе пяти минутъ.

598) Она читаются въ субботу, которая отъ перваго слова главы у Исаи называется субботой *Газонъ*. Въ настоящемъ спискѣ іудейскихъ учений, Втор. I—III, 22 и Ис. I, 1—22 стоятъ сорокъ четвертымъ чтеніемъ по порядку подъ Мазоретскимъ названіемъ רב רב. Это блестящее соображеніе высказано Бенгелемъ.

599) Смотри (въ грескомъ текстѣ) Дѣян. XIII, 25, сравненное съ XX, 24, 2 Тим. IV, 7; 26 съ XX, 32; 27 съ XXIV, 21; 39 съ Рим. VI, 7; 39 съ Рим. V, 9, Гал. III 11 и др. въ смыслѣ Альфорда. Сравни также мысли и выраженія стиховъ 33, 34 съ Рим. I, 4, VI, 9; и 39 съ Рим. VIII, 3, Гал. III, 11.

600) Быть можетъ лучше гипотеза, что въ общемъ очертаніи три главныя части ея (Дѣян. XIII, 16—22, 23—31, 32—41) могли часто повторяться (*Ewald*, VI, 658).

601) Напр. въ стихѣ 20 онъ обозначаетъ періодъ судей продолжавшимся въ 450 лѣтъ. Правда, что здѣсь лучшіе прописные манускрипты относятъ *ἐπὶ τετρακισσὺς καὶ πεντήκοντα* къ предыдущему стиху (S, A, B, C и коптскій, синайскій и армянскій переводы). Но это какъ разъ одинъ изъ тѣхъ примѣровъ, въ которыхъ „парадипломатическія“ данныя совершенно перебиваютъ данныя манускриптовъ. Чтеніе текста встрѣчается въ E, G, H и многихъ другихъ манускриптахъ; и въ то время, какъ мы видимъ очевидное основаніе, почему онъ могъ бы быть измѣненъ, мы не видимъ основаній, почему могло бы быть вставлено другое чтеніе. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Хронологія, которая опредѣляетъ періодъ судей въ 450 лѣтъ, находится въ прямомъ противорѣчій съ 3 Цар. VI, 1, которая четвертый годъ царствованія Соломона отно-

ситъ къ 480 году по Исходѣ. Почему же новѣйшіе издатели принимаютъ его вопреки древнихъ прописныхъ манускриптовъ? Это, какъ говоритъ Вордсвортъ, совсѣмъ не „изъ произвольнаго каприза“, или не изъ-за неудовлетворенія аппетита скептицизма къ изобрѣтаемымъ имъ противорѣчіямъ и приписываемымъ Св. Писанію“, а также и не изъ „обычной любви къ открытію разногласій въ Св. Писаніи“; но по причинамъ, которыя онъ навѣрно хорошо сознавалъ, т. е. потому, что во-1-хъ эта самая ошибочная хронологія встрѣчается у I. Флавія (Antt. VIII, 3, § 1, а быть можетъ также въ XX, 10, § 1) и поэтому, очевидно, была ходячею среди іудеевъ; а была ходячею, во-2-хъ, потому, что это точный періодъ, даваемый *прибавленіямъ неопредѣленнымъ и часто синхроническимъ періодамъ, даваемымъ въ самой книжѣ судей*; въ 3, даже если мы примемъ правильное чтеніе, которое можетъ быть дано только вопреки правилу „*faciliori lectioni praesta arduat*“, мы создадимъ только новое хронологическое затрудненіе. О такихъ предметахъ познанія Павла и другихъ апостоловъ никогда не поднимались выше познаній ихъ времени. Приписывать имъ чудесное превосходство надъ познаніями ихъ времени въ предметахъ, которые могутъ быть постижимы человѣкомъ безъ высшей помощи, есть ошибка, которую величайшіе новѣйшіе богословы справедливо отвергли, какъ сопряженную со многими опасностями. Подобнымъ образомъ въ 33 стихѣ *ἐν τῇ πρώτῃ ψαλμῷ*, хотя находится только въ D, есть несомнѣнно правильное чтеніе противъ *δυστέρω*, которое встрѣчается S и другихъ прописныхъ, что есть просто лишь поправка, потому что цитата взята изъ Пс. II, 7; при этомъ упускается также изъ вида, что среди іудеевъ во времена ап. Павла второй псаломъ считался первымъ, а первый былъ введеніемъ въ Псалтирь“.

602) Ср. Дѣян. XIII, 35—37—съ рѣчь ап. Петра въ Дѣян. II, 27.

603) Дѣян. XIII, 41, „презрителя“ соответствуютъ „среди язычниковъ“ подлинника въ Авзак. I, 5, потому что I.XX, который ап. Павелъ приводитъ здѣсь, повидимому читалъ בְּיָדֵינוּ (богедимъ) „надменные“ вмѣсто בְּיָדֵינוּ (баиоимъ), представляя одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ разности чтенія въ еврейскомъ текстѣ, для чего греческій текстъ представляетъ столь поразительное доказательство.

604) Ап. Павелъ не высоко говоритъ о своемъ собственномъ краснорѣчій; но изъ записанныхъ образчиковъ его рѣчей къ варварамъ въ Псидіи, философамъ въ Афинахъ и іудеямъ въ Іерусалимѣ мы видимъ, какою силою отличался его методъ; и мы увѣрены также, что въ нихъ заключалось „*vividus vultus, vividae manus, vividi oculi, denique omnia vivida*“.

605) Дѣян. XIII, 42. Въ принятомъ текстѣ читается „язычники просили“; но τὰ ἔθνη есть простая глосса, не встрѣчаемая въ S, A, B, C, D, E и проч.

606) Εἰς τὴν μετὰ τὴν οὐρανὸν. Употребленіе *μετὰ τὴν*, вмѣсто „слѣдующій“, озадачивало комментаторовъ и вело ихъ къ такимъ ошибочнымъ переводамъ, какъ напр. „въ промежуточную недѣлю“; но оно встрѣчается въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ (Jos. B. J. V, 4, § 2; С. Ар. I, 21; *Phil. Inst.* Iас. 42) и есть простое расширеніе классическаго греческаго ідиoma (см. мой „краткій греческій синтаксисъ“, § 82, IV).

607) Дѣян. XIII, 43, „убѣждали ихъ пребывать въ благодати Божіей“; см. XX, 24. Выраженіе это вполне свойственно Павлу (1 Кор. XV, 10; 2 Кор. VI, 1 и проч.).

608) Дѣян. XIII, 45, ἀντέλεγον.

609) Дѣян. XIII, 46, οὐκ ἀξίους κρίνεται ἑαυτοὺς τῆς ἀλώσεως ζωῆς.

610) ὅτι ἡμεῖς τεταχμένους εἰς ζ. αἱ. Только тѣ найдутъ въ этомъ выраженіи суровый калыпинизмъ, которые упускаютъ изъ виду полусреднее употребленіе частицы, встрѣчающейся въ XX, 13 (см. II, 47) и у Филона. Въ калыпинистическомъ смыслѣ затѣмъ слово это находится въ прямой антиноміи съ XIII, 46. Близкое сопоставленіе этихъ двухъ фразъ показываетъ опасность построенія противныхъ Св. Писанію системъ на измѣнчивой перспективѣ отдѣльныхъ выраженій.

611) Дѣян. XIII, 49, διαφέρω.

⁶¹² Jos. B. J. II, 20, § 2; cf. Strab. VII, 2, πάντες τῆς βασιλευμένης ἀρχῆς οἰοῦνται τὰς γυναῖκες; cf. Luc. Sat. VI, 542. Въ Пс. LXVII, 12, „Господи дасть слово: провозвѣстникъ великое множество“ (ἐπαγγελιστὴς LXX), фантастическіе комментаторы буквоѣдскаго типа находятъ въ томъ обстоятельствѣ, что מִלְכָּה есть женскаго рода, указаніе на выдающуюся дѣятельность женщинъ въ распространеніи Евангелія.

⁶¹³ αὐτὰ δὲ καὶ τοὺς ἄνδρας προκαλοῦνται (Strabo, I. c.). Говоря объ отношеніи римлянъ къ іудеямъ въ провинціи, Ренантъ ссылается на Jos. Antt. XIV, 10, § 11; XIV, 6, §§ 2, 4, 6, 7; Cic. pro Flacco и пр.

⁶¹⁴ Antiochia была римскою колоніею подъ общою юрисдикціей пропретора Галатіи. Иконія была подъ властью мѣстнаго тетрарха (Plin. II, N. V, 27).

ГЛАВА XXI. ⁶¹⁵ Дѣян. XIII, 51, ἐξέρχων αὐτούς.

⁶¹⁶ Страбонъ, XII, 6. Упоминается въ Xen. Anab. I, 19; Cic. ad Fam. III, 8; V, 20; XV, 4, какъ лежащій на пересѣченіи важныхъ дорогъ между Ефесомъ и Тарсомъ и пр.

⁶¹⁷ Plin. N. H. V, 25. Нѣкоторое сомнѣніе, повидимому, связывается съ этимъ вѣдѣніемъ существованія монеты царствованія Нерона, въ которой онъ называется Claudionum, и монеты Галліена, въ которой онъ называется колоніей; но присвоеніе имени Клавдія могло быть просто выраженіемъ лести, а послѣднія привилегія была дана долго спустя.

⁶¹⁸ Хотя и неподлинное, это преданіе можетъ имѣть нѣкоторое основаніе, въ чтеніи D и отчасти на поляхъ сирійскаго перевода, οἱ δὲ ἀρχιερεῖς ἀγῶνι τοῦ Ἰουδαίου καὶ οἱ ἀρχόντες τῆς συναγωγῆς ἐπὶ τῶν αὐτῶν ζωγρίων κατὰ τὸν δικαίον ... ὁ δὲ κύριος ἔδωκεν ταχὺ εἰρήνην.

⁶¹⁹ Это повидимому подсказано контрастомъ Ἑλλήνων въ стихѣ 1 съ ἐθνῶν стиха 2.

⁶²⁰ Ренантъ сравниваетъ путешествіе апостоловъ отъ іудейскаго поселенія къ поселенію съ путешествіями Араб-Ибн-Батуты и средневѣковаго путешественника Беніамина Туделлы. Богѣ новѣйшую аналогію можно находить въ сочиненіи Франкля Jews in the East. Пріемъ этихъ христіанскихъ учителей отдаленными общинами іудеевъ въ точности повторялся въ новѣйшія времена когда новѣйшіе іудеи принимали миссіонеровъ въ нѣкоторыхъ изъ ихъ богѣ многочисленныхъ молдавскихъ общинъ взрывами яростныхъ проклятій, отлученій, нападений черни и побоевъ камнями. Вотъ какъ одинъ миссіонеръ описываетъ подобную сцену: „въ синагогѣ уже были произнесены страшныя отлученія, произносяція наиболѣе ужасный судъ на всякаго іудея, имѣющаго общеніе съ нами; или на тѣхъ, которые принявъ какое либо изъ нашихъ изданій, не предавали ихъ тотчасъ же пламени. Движеніе и волненіе среди нихъ было такъ велико, что мы должны были совѣщаться между собою, идти ли намъ противъ этого противодѣйствія или бѣжать изъ города. Мы рѣшились остаться и выступить противъ опасностей во имя Божіе, и такъ какъ слѣдующій день былъ іудейскою субботой, то мы отправились съ киной нашихъ изданій. Когда мы приблизились къ синагогѣ, то мы были прогнаны отъ нея кричащею, проклинаящею и богохульствующею толпою, которая буквально затмила воздухъ камнями, полетѣвшими въ насъ. Мы находились въ величайшей опасности быть убитыми. Въ концѣ концовъ мы однако же выступили противъ нихъ и мягкими доводами и доказательствами заставили ихъ слушать себя“ (Speech of the Rev. M. Wolkenberg at Salisbury, August 8, 1876).

⁶²¹ Acta Pauli et Theclae, въ которыхъ одна сцена полагается въ Иконіи, настолько апокрифичны, что едва ли заслуживаютъ даже упоминанія. Они напечатаны Грабе Spicileg. I; Tishendorf, Acta Apost. Aposcr. p. 40. Тертуллианъ говоритъ, что одинъ пресвитеръ въ Азій былъ низложенъ за сочиненіе этого разсказа изъ любви къ Павлу (De Bapt. 17); Иеронимъ прибавляетъ, что низложилъ его ап. Іоаннъ.

⁶²² Kinnear, Travels in Karamania, p. 212.

⁶²³ Дѣян. XIV, 9, ἤκουε τοῦ Παύλου λαλοῦντος.

⁶²⁴ Яблонскій въ своей монографіи De lingua Lycaonia пришесть къ заключенію, что это

былъ испорченный ассирійскій языкъ, а слѣдов. семитическій діалектъ; Гулингъ—что это былъ греческій, испорченный примѣсмью сирійскаго. Единственное ликаонійское слово, известное намъ, есть ζάββα, которое означаетъ можжевеловникъ, какъ это мы находимъ у Стефана Византійскаго.

⁶²⁵ Едва ли стоить приводить классическія цитаты для того, чтобы показать, что Эрмесь былъ богъ краснорѣчія (Hor. Od. I, 10; Macrob. Saturn. I, 8). Отсюда его эпитетъ Λέγιος (Orph. Hymn. XXII, 6). „Quo didicist culte lingua favente loqui. Ov. F. V, 668).

⁶²⁶ См. Злат. Hom. XXX. Мнѣніе бл. Иеронима, что способность апостоловъ говорить ликаонійцамъ на ихъ собственномъ языкѣ была одною изъ причинъ, почему народъ принялъ ихъ за боговъ, крайне безосновательна.

⁶²⁷ Нѣкоторыя замѣчательныя доказательства приводятся у Деллингера (Judenth. u. Heidenth. VIII, 2, § 5).

⁶²⁸ Напр. нѣчто въ родѣ смутнаго преданія о потоцѣ въ Апамеа Кивотосъ.

⁶²⁹ Ov. Met. VIII, 626 seq.; Fast. V, 495; Dio Chrysost. Orat. XXXIII, 408. Объ общемъ мнѣніи касательно этихъ богоявленій см. Hom. Od. XVI, 484; Hes. Opp. et. D. 247; Cat. LXV, 384.

⁶³⁰ Тиана, мѣсто рожденія современнаго чудотворца Аполлонія, который вездѣ былъ принимаемъ съ столь глубокимъ благоговѣніемъ, находится неподалеку къ востоку отъ Листры и Дервіи.

⁶³¹ Вторитю врата дома, см. XII, 13, Jul. Poll. Onomast. I, 8, 77 (cf. Virg. Ecl. III, 487; Tert. De Cor. Mil. XI).

⁶³² Менексенъ врачъ Александра, считалъ себя богомъ, какъ и Александръ Абонотихскій, не говоря уже о Divi Caesares.—Ἐξερθήσαν кодексовъ K, A, B, C, D, E и проч. Варнава ставится первымъ, потому что онъ почитался Zeus Poliouchos. Въ сказаніи о Бавкидѣ и Филимонѣ чудо точно такъ же повело къ жертвоприношенію.

⁶³³ Дѣян. XIV, 16, πάντα τὰ ἐθνῶν.

⁶³⁴ Сравни XIV, 15, ἀπὸ τούτων τῶν ματαίων ἐπιστρέφειν ἐπὶ θεῷ ζῶντα съ 1 Θεο. I, 9, ἐπιστρέφεται πρὸς τὸν θεόν ἀπὸ τῶν εἰδωλῶν и пр. и безчисленное Θεὸν ζῶντα съ Рим. IX, 26 и пр. Ср. также весьма замѣчательныя выраженія и мысли ст. 16 съ рѣчью въ Асинахъ, XVII, 30, Рим. I, 20, II, 15 и пр. и стихъ 17 съ Рим. I, 19, 20. Чтенія „насъ“ и „наши сердца“ (ἡμῶν и ἡμῶν—A, B, G, H, коптскій и эіонскій переводы) недостоверны, такъ какъ это именно тѣ пункты, въ которыхъ дипломатическія доказательства едва-ли могутъ имѣть значеніе; но они несомнѣнно гораздо болѣе свойственны ап. Павлу и иллюстрируютъ ту великую симпатію, съ которою онъ всегда готовъ былъ стать всѣмъ для всѣхъ и поэтому говорилъ язычникамъ, какъ бы и самъ будучи язычникомъ.

⁶³⁵ Гумфри принимаетъ это за отрывокъ какой-нибудь лирической пѣсни, и хотя большинство издателей отвергли его соображенія. мнѣ думается, что эта кажущаяся невѣроятность можетъ быть отчасти устранена высказаннымъ въ текстѣ предположеніемъ (см. ниже, приложение III стр. 817).

⁶³⁶ Разсуждая объ измѣнѣ Пандара въ II, IV, 88—92, схолиастъ приводитъ свидѣтельство Аристотеля нѣбрнаго характера Ликаонійцевъ; и см. также Cic. Err. ad. Att. V, 21 и пр., который говоритъ о жителяхъ этихъ странъ съ большимъ презрѣніемъ.

⁶³⁷ Это едва ли можно считать сомнительнымъ, если мы сравнимъ Тим. I, 2, 18 и 2 Тми. II, 1 съ Дѣян. XVI, 1.

⁶³⁸ Это ясно доказывается данными монетъ при сопоставленіи съ Dio Cass. LIX, 8, что какъ Дервіи, такъ и Листра находились подъ властью Антіоха IV Комматена (Eckhel, III, 255; Lewin, Fasti Sacri p. 250). Если это заключеніе правильно, то они не могли даже въ политическомъ смыслѣ называться „церквами въ Галатіи“.

⁶³⁹ Мѣстоименіе Дервіи еще и до сихъ поръ сомнительно. Страбонъ (XII, 6) называетъ

ее *ῥοδῖον Ἰακάρης καὶ λίμνη*, гдѣ, какъ долго думали, истиннымъ чтеніемъ должно быть *λίμνη*, и если это такъ, то это озеро должно быть Акъ Гюль или „бѣлое озеро“. Близъ этого мѣста Гамилтъонъ нашелъ мѣсто, называемое Дивле, что было бы легкимъ измѣненіемъ для имени *Δελφειν*, какъ иногда назывался этотъ городъ; но другое мѣсто, находящееся гораздо больше къ сѣверу, гдѣ онъ нашелъ развалины акрополя, кажется болѣе вѣроятнымъ. Это послѣднее, отмѣченное на картѣ Киперта, болѣе соотвѣтствуетъ даннымъ Страбона, XII, 6, такъ какъ оно находится на границѣ Исавринъ и Каппадокии на озерѣ и неподалеку отъ Ларанды (Караванъ). См. *Levin*, I 151.

⁶⁴⁰⁾ Дѣян. XX, 4. Гай, въ XIX, 29, былъ македонянинъ, а упоминаемый въ Рим. XVI, 23 и 1 Кор. I, 14, былъ коринфянинъ.

⁶⁴¹⁾ Онъ ссылается на Гамилтъона (*Researches*, II, 313), который нашелъ дорогу изъ Эгегли непреходимую влѣдствіе этой причины.

⁶⁴²⁾ Strabo, XII, vi, 2—5; *Tac.* Ann. III, 48; XII, 55; *Cic.* ad Att. V, 20, 5 и проч.

⁶⁴³⁾ Дѣян. XIV, 22. *Ἦναις* можетъ означать общехристіанское чувство. Въ этой связи на него нельзя полагаться, какъ на показаніе присутствія св. Луки.

⁶⁴⁴⁾ Дѣян. XIV, 23, *χειροτονήσαντες* имѣютъ совершенно общій характеръ, какъ во 2 Кор. VIII, 19.

⁶⁴⁵⁾ См. хронологическое приложеніе, XXVIII.

⁶⁴⁶⁾ Дѣян. XIV, 3, *ἱκανὸν χρόνον*. Это можетъ означать время отъ одного или двухъ мѣсяцевъ до года или болѣе. Эта фраза часто встрѣчается у св. Луки (см. Дѣян. VIII, 11; XXVII, 9; Луки VIII, 27; XX, 9).

⁶⁴⁷⁾ Что Антиохія Писидійская, Иконія, Дервія и Листра не были церквами Галатіи, какъ высказывали Бёттеръ (*Beiträge*, I, 28 sq.), Ренайтъ, Гаусратъ и др., это можетъ быть доказано. Галатія имѣла два значенія: первое—этнографическое, второе—политическое. Этнографическое употребленіе было популярнымъ и всеобщимъ. Оно означало тотъ небольшой центральный округъ М. Азии, около 350 верстъ въ длину, занимавшійся тремя галльскими племенами: трокмами, толястобогамъ и тектосагамъ съ тремя столицами: Тавіей, Пессинюмъ и Анкирой. Политически оно означало „департаментъ“ или „административную группу“, простое собраніе округовъ, связанныхъ между собою политическими случайностями. Въ этомъ политическомъ значеніи римская провинція Галатія была основана на царствѣ Аминты (*Dion Cass.* LIII, 26), богатаго скопотопрмышленника и грабителя, который получилъ отъ Марка Антонія царство Писидійское и благодаря послѣдующимъ пріобрѣтеніямъ сдѣлался владѣтелемъ Галатіи въ собственномъ смыслѣ, Ликаоніи, частей Памфилии и Киликии Асперы. По смерти его произошли многія перемѣны, но когда Павелъ и Варнава совершали свое первое путешествіе, то Памфилія находилась подъ властью пропретора; Иконія была отдѣльной тетрархіей, а Листра и Дервія принадлежали Антиоху IV Коммагену. Галатія, Писидія къ сѣверу отъ Пароріи и большая часть Ликаоніи составляли римскую провинцію Галатію. Но даже если мы допустимъ, что ап. Павелъ и св. Лука могли употреблять слово Галатія въ ея искусственномъ смыслѣ, даже тогда Антиохія Писидійская, повидимому, была единственнымъ городомъ, упоминаемымъ въ томъ округѣ, который дѣйствительно находился въ римской провинціи. Одного этого достаточно кажется для опроверженія гипотезы, что при первомъ путешествіи мы имѣемъ повѣствованіе объ основаніи Галатійской церкви. Затѣмъ, на сколько дѣло касается св. Луки, то въ отношеніи его при его тщательной точности было бы весьма запутаннымъ сначала употреблять слова Писидія, Ликаонія, Памфилія и позднѣе въ его повѣствованіи Мисія и другіе округи въ ихъ географическомъ смыслѣ и затѣмъ вдругъ, безъ всякаго замѣчанія о томъ, употреблять слово Галатія въ Дѣян. XVI въ ея политическомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ политическій смыслъ былъ измѣнителенъ и не имѣлъ значенія. Едва ли можно предполагать, что такъ какъ онъ сотни разъ навѣрно слышалъ отъ ап. Павла упомина-

ніе о церквахъ Галатіи, если бы это были галатійскія церкви, онъ ни разу бы не упомянулъ объ этомъ фактѣ и совершенно игнорировалъ римскую провинцію, говорилъ бы объ Антиохіи „Писидійской“, о Листрѣ и Дервіи, „городахъ Ликаонійскихъ“. На основаніи этихъ соображеній, равно какъ и на путаницѣ, которую она вводитъ въ хронологію жизни ап. Павла, можно придти къ полному отверженію этой гипотезы. Немногіе доводы, выставляемые въ пользу этого взгляда, какъ напр. намекъ на Варнаву въ посланіи къ Галатамъ, XII, 1, совершенно недостаточны для поддержанія его противъ многихъ встрѣчныхъ невѣроятностей. Въ самомъ дѣлѣ, почти единственное серьезное соображеніе, выставляемое въ ея пользу, именно весьма мимоетное указаніе въ Дѣян. XVI, 6 на то, что, какъ мы узнаемъ изъ посланія, было основаніемъ важнѣйшей изъ церквей—уничтожается встречающаюся намъ повсюду увѣренностью въ томъ, что Дѣян. Апостольскія не представляютъ намъ полной біографіи, и въ другихъ случаяхъ также, какъ напр. въ отношеніи церкви Сиріи и Киликии повѣствователь оставляетъ насъ также въ сомнѣніи касательно времени и способа перваго имъ благовѣстія. Другая форма этой теоріи, которая видитъ основаніе галатійской церкви въ словахъ *καὶ τὴν παρίχουρον* (Дѣян. XIV, 6) избѣгаетъ нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій, но представляетъ еще гораздо большія трудности, чѣмъ общее мнѣніе, которое вводитъ указаніе на благовѣстіе Галатіи въ летучемъ намекѣ въ Дѣян. XVI, 6.

⁶⁴⁸⁾ Раввинны, которые учили въ болѣе истинномъ и болѣе свободномъ духѣ, были рѣдки. Правда, мы находимъ въ Berachôth, f. 34, 2, замѣчательное объясненіе стиха: „миръ, миръ тому, кто далеко, и тому, кто близко“, которое состоитъ въ признаніи, что кающіеся и заблудшіе дорожке Богу (такъ какъ къ нимъ прежде всего дѣлается обращеніе здѣсь), чѣмъ фарисеи и старшіе братья; но при этомъ имѣются въ виду кающіеся изъ среды *Израиля*, подобно тому, какъ нѣкоторые изъ отцевъ распространяли упованіе блаженной жизни лишь на христіанъ (единственно на основаніи этого преимуществъ), отрица его для другихъ (*Jer.* in Isa. LXVI, 16, in Eph. IV, 12 и пр.).

⁶⁴⁹⁾ 2 Кор. V, 16; 1 Кор. XIII, 9—12. Бенгель говоритъ, что если посланія распредѣлить хронологически, „*incrementum apostoli spirituale cognoscitur*“ (p. 583).

⁶⁵⁰⁾ Іоан. I, 11, *εἰς τὰ ἔθνη ... οὐ ἔβη*.

⁶⁵¹⁾ Далѣе самаго крайняго предѣла іудейства они не могли проникнуть. Религіозная серьезность въ язычникѣ была преступленіемъ: „язычникъ, который изучаетъ законъ (кромя семи Поевыхъ заповѣдей), повиненъ смерти“; нбо сказано (Втор. XXXIII, 4): „законъ данъ намъ Моисею, наслѣдіе обществу Іакова“, а не язычникамъ и поэтому Раши прибавляетъ, что изученіе закона со стороны язычниковъ есть разбойничество (*Sanhedrin*, f. 59, 1). Смотри Маймонидъ *Dig. Hilchoth. Menachin*, X, 9).

⁶⁵²⁾ „Язычникъ, который предлагаетъ подчиниться всѣмъ словамъ закона, *кромя* одного, не принимается“. Раввинъ Іозе-Бенъ-Раббін-Іегуда сказалъ: „даже если онъ отвергаетъ одну изъ *галатовъ* книжниковъ“ (*Berachôrôth*, f. 30, 2).

ГЛАВА XXII. ⁶⁵³⁾ Рим. XIV, 1, *μὴ εἰς διακρίσεις βυλογοισμῶν*.

⁶⁵⁴⁾ Гал. II, 4, *παρεσιβήσαν*; см. Іуда 4, *παρεσιβήσαν* „вкратисъ“.

⁶⁵⁵⁾ Объ этомъ выразительно говорится на полѣ позднѣйшаго сирійскаго перевода и въ двухъ скоросенныхъ манускриптахъ, 8, 137. Епифаній говоритъ, что „ихъ предводители были Керинио, впоследствии гностическій противникъ св. Іоанна, и Эвионъ“ (*Haer.* 28, 30). Но Эвионъ есть просто „гноетическій соименикъ“ *Mansel*, *Gnostic. Her.* 125; *Tert. De praescr.* 33). Эвионитъ есть эпитетъ (*Epiphanius*, *Haer.* XXX) и означаетъ „бѣдный“ (*Orig.* C. Cels. II, 1; *Neander*, *Ch. Hist.* II, 14).

⁶⁵⁶⁾ Гал. II, 4, *κατακοπήρη*. Я предполагаю, что названіе *מִימָה* (*mymah*)—уполномоченный дипломомъ давать рѣшенія—технически могло бы быть приложимо къ этимъ почитаемымъ.

⁶⁵⁷⁾ Гал. II, 4, *τοὺς παρεσάκτους ψευδαέλους*, „*falsos et superinducticios fratres*“ (*Tert.*

ее *φρούριον* *Ἰασηρίδας* καὶ λιμὴν, гдѣ, какъ должно думать, истиннымъ чтеніемъ должно быть *λίμνη*, и если это такъ, то это озеро должно быть Актъ Гюль или „бѣлое озеро“. Вѣсть этого мѣста Гамилтъонъ нашелъ мѣсто, называемое Дивле, что было бы легкимъ измѣненіемъ для имени *Δελφειν*, какъ иногда назывался этотъ городъ; но другое мѣсто, находящееся гораздо ближе къ сѣверу, гдѣ онъ нашелъ развалины акрополи, кажется болѣе вѣроятнымъ. Это послѣднее, отмѣченное на картѣ Киперта, болѣе соответствуетъ даннымъ Страбона, XII, 6, такъ какъ оно находится на границѣ Исаврин и Каппадокин на озерѣ и неподалеку отъ Ларанды (Караванъ). См. *Levin*, I 151.

⁶⁴⁰⁾ Дѣян. XX, 4. Гай, въ XIX, 29, былъ македонянинъ, а упоминаемый въ Рим. XVI, 23 и 1 Кор. I, 14, былъ коринѳянинъ.

⁶⁴¹⁾ Онъ ссылается на Гамилтъона (*Researches*, II, 313), который нашелъ дорогу изъ Эрегли непроходимую вѣдѣніемъ этой причины.

⁶⁴²⁾ *Strabo*, XII, vi, 2—5; *Tac. Ann.* III, 48; XII, 55; *Cic. ad Att.* V, 20, 5 и проч.

⁶⁴³⁾ Дѣян. XIV, 22. *Ἦμας* можетъ означать общехристіанское чувство. Въ этой связи на него нельзя полагаться, какъ на показаніе присутствія св. Луки.

⁶⁴⁴⁾ Дѣян. XIV, 23, *χριστιανίζοντες* имѣть совершенно общій характеръ, какъ во 2 Кор. VIII, 19.

⁶⁴⁵⁾ См. хронологическое приложеніе, XXVIII.

⁶⁴⁶⁾ Дѣян. XIV, 3, *ἔκωνεν χρόνον*. Это можетъ означать время отъ одного или двухъ мѣсяцевъ до года или болѣе. Эта фраза часто встрѣчается у св. Луки (см. Дѣян. VIII, 11; XXVII, 9; Луки VIII, 27; XX, 9).

⁶⁴⁷⁾ Что Антиохія Писидійская, Иконія, Дервія и Листра не были церквями Галатіи, какъ высказывали Бейтеръ (*Beiträge*, I, 28 sq.), Ренанъ, Гауератъ и др., это можетъ быть доказано. Галатія имѣла два значенія: первое—этнографическое, второе—политическое. Этнографическое употребленіе было популярнымъ и всеобщимъ. Оно означало тотъ небольшой центральный округъ М. Азіи, около 350 верстъ въ длину, занимавшійся тремя галльскими племенами: трокмичи, толитобогамы и тектосагами съ тремя столицами: Тавіей, Пессиномъ и Анкирой. Политически оно означало „департаментъ“ или „административную группу“, простое собраніе округовъ, связанныхъ между собою политическими случайностями. Въ этомъ политическомъ значеніи римская провинція Галатія была основана на царствѣ Аминты (*Dion. Cass.* I, III, 26), богатаго скотопромышленника и грабителя, который получилъ отъ Марка Антонія царство Писидійское и благодаря послѣдующимъ приобрѣтеніямъ сдѣлался владѣтелемъ Галатіи въ собственномъ смыслѣ, Ликаоніи, частей Памфиліи и Киликіи Асперы. По смерти его произошли многія перемѣны, но когда Павелъ и Варнава совершали свое первое путешествіе, то Памфилія находилась подъ властью пропретора; Иконія была отдѣльной тетрархіей, а Листра и Дервія принадлежали Антиоху IV Коммагену. Галатія, Писидія къ сѣверу отъ Парорин и большая часть Ликаоніи составляли римскую провинцію Галатію. Но даже если мы допустимъ, что ап. Павелъ и св. Лука могли употреблять слово Галатія въ ея искусственномъ смыслѣ, даже тогда Антиохія Писидійская, повидимому, была единственнымъ городомъ, упоминаемымъ въ томъ округѣ, который дѣйствительно находился въ римской провинціи. Одного этого достаточно кажется для опроверженія гипотезы, что при первомъ путешествіи мы имѣемъ повѣствованіе объ основаніи Галатійской церкви. Затѣмъ, на сколько дѣло касается св. Луки, то въ отношеніи его при его тщательной точности было бы весьма запутаннымъ сначала употреблять слова Писидія, Ликаонія, Памфилія и поддѣлать въ его повѣствованіи Мисія и другіе округи въ ихъ географическомъ смыслѣ и затѣмъ вдругъ, безъ всякаго замѣчанія о томъ, употреблять слово Галатія въ Дѣян. XVI въ ея политическомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ политическій смыслъ былъ измѣничивъ и не имѣлъ значенія. Едва ли можно предполагать, что такъ какъ онъ сотни разъ наивно слышалъ отъ ап. Павла упомина-

ніе о церквяхъ Галатіи, если бы это были галатійскія церкви, онъ ни разу бы не упоминалъ объ этомъ фактѣ и, совершенно игнорируя римскую провинцію, говорилъ бы объ Антиохіи „Писидійской“, о Листрѣ и Дервіи, „городахъ Ликаонійскихъ“. На основаніи этихъ соображеній, равно какъ и на путаницѣ, которую она вводитъ въ хронологію жизни ап. Павла, можно придти къ полному отверженію этой гипотезы. Немногіе доводы, выставляемые въ пользу этого взгляда, какъ напр. намекъ на Варнаву въ посланіи къ Галатамъ, XII, 1, — совершенно недостаточны для поддержанія его противъ многихъ встрѣчныхъ нефронтностей. Въ самомъ дѣлѣ, почти единственное серьезное соображеніе, выставляемое въ ея пользу, именнo весьма мимоетное указаніе въ Дѣян. XVI, 6 на то, что, какъ мы узнаемъ изъ посланія, было основаніемъ важнѣйшей изъ церквей—уничтожается встрѣчающаюся намъ повсюду увѣренностью въ томъ, что Дѣянیا Апостольскія не представляютъ намъ полной біографіи, и въ другихъ случаяхъ также, какъ напр. въ отношеніи церквей Сиріи и Киликіи повѣствователь оставляетъ намъ также въ сомнѣніи касательно времени и способа перваго имъ благовѣстія. Другая форма этой теоріи, которая видитъ основаніе галатійской церкви въ словахъ *καὶ τὴν περίεσπον* (Дѣян. XIV, 6) избѣгаетъ нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій, но представляетъ еще гораздо большія трудности, чѣмъ общее мнѣніе, которое видитъ указаніе на благовѣстіе Галатіи въ летучемъ намекѣ въ Дѣян. XVI, 6.

⁶⁴⁸⁾ Равнины, которые учили въ болѣе истинномъ и болѣе свободномъ духѣ, были рѣдки. Правда, мы находимъ въ *Berachoth*, f. 34, 2, замѣчательное объясненіе стиха: „миръ, миръ тому, кто далеко, и тому, что близко“, которое состоитъ въ признаніи, что кающіеся и заблудшіе дорожке Богу (такъ какъ къ нимъ прежде всего дѣлается обращеніе здѣсь), чѣмъ фарисеи и старѣйшіе братья; но при этомъ имѣются въ виду кающіеся изъ среды *Израиля*, подобно тому, какъ нѣкоторые изъ отцевъ распространяли упованіе блаженной жизни лишь на христіанъ (единственно на основаніи этого преимуществъ), отрицая его для другихъ (*Jer.* in *Isa.* LXVI, 16, in *Eph.* IV, 12 и пр.).

⁶⁴⁹⁾ 2 Кор. V, 16; 1 Кор. XIII, 9—12. Бенгель говоритъ, что если посланія распредѣлять хронологически, „*incrementum apostoli spirituale cognoscitur*“ (p. 583).

⁶⁵⁰⁾ Иоан. I, 11, *εἰς τὰ ἔθνη ... οὐ ἔβηκεν*.

⁶⁵¹⁾ Далѣе самаго крайняго предѣла іудейства они не могли проникнуть. Религіозная серьезность въ язычницѣ была преступленіемъ: „язычникъ, который изучаетъ законъ (кромя семи Ноевыхъ заповѣдей), повиненъ смерти“; ибо сказано (Втор. XXXIII, 4): „законъ далъ намъ Моисей, наслѣдіе обществу Іакова“, а не язычникамъ и поэтому Раши прибавляетъ, что изученіе закона со стороны язычниковъ есть разбойничество (*Sanhedrin*, f. 59, 1). Смотри Маймонидъ *Dig. Hilechoth. Menachin*, X, 9).

⁶⁵²⁾ „Язычникъ, который предлагаетъ подчиниться всѣмъ словамъ закона, кромѣ одного, не принимается“. Раввинъ Іозе-Бенъ-Рабби-Іегуда сказалъ: „даже если онъ отвергаетъ одну изъ *алла-соотъ* книжниковъ“ (*Berachoth*, f. 30, 2).

ГЛАВА XXII. ⁶⁵³⁾ Рим. XIV, 1, *μὴ εἰς διακρίσεις διαλογισμῶν*.

⁶⁵⁴⁾ Гал. II, 1, *παρεστέλλον*: см. Іуда 4, *παρεστέλλον* „выкрался“.

⁶⁵⁵⁾ Объ этомъ выразительно говорится на полѣ позднѣйшаго сирійскаго перевода и въ двухъ скоросписныхъ манускриптахъ, 8, 137. Епифаній говоритъ, что „ихъ предводители были Керинотъ, влослѣдствіи гностическій противникъ св. Іоанна, и Эвионъ“ (*Haer.* 28, 30). Но Эвионъ есть просто „многочислѣйшій соименикъ“ *Mansel*, Gnostic. *Her.* 125; *Tert. De praescr.* 33). Эвионъ есть знитъ (*Eiphan*, *Haer.* XXX) и означаетъ „бѣдный“ (*Orig. C. Cels.* II, 1; *Neander. Ch. Hist.* II, 14).

⁶⁵⁶⁾ Гал. II, 4, *κατασκοπεῖν*. Я предполагаю, что названіе *מַטְרָח* (*mutrah*)—уполномоченный дипломомъ давать рѣшенія—технически могло бы быть приложимо къ этимъ постѣтелямъ.

⁶⁵⁷⁾ Гал. II, 4, *τοὺς παρεστέλλοντες ψευδελῶφους*, „*falsos et superinducticios fratres*“ (*Tert.*

adv. Marc. V, 3). Сильно негодующее значение *παραδόχῃ* может быть видно по 2 Петр. II, 1, „лжеучители, которые введут (*παραδόχῃ*) пагубные ереси“.

658) Прибавка в D и замѣтка на полѣ сирійскаго перевода, *καὶ τὸ εἶναι Μωυσεως περικατῆς* и вѣ „Постановленіяхъ Апостольскихъ“, *καὶ τοὺς εἶναι οὗς διατάχτο*, хотя не подписное, показываетъ, въ какомъ собственно смыслѣ понималось это мѣсто.

659) Дѣян. XV, 1, *περιτρυφῆτε* „когда либо обрѣжетесь“; N, A, B, C, D. Даже I. Флавій (см. слѣдующее примѣчаніе) повидимому думаетъ, что страшная смерть Аніона была нѣкоторымъ образомъ наказаніемъ за его насмѣшку надъ обрѣзаніемъ (С. Ар. II, 14). Въ виду такого разсказа, мы можемъ судить о мужествѣ ап. Павла и необычайной ненависти, возбужденной его взглядами.

660) I. Флавій, какъ либеральный фари́сей, держался того же самаго взгляда (Antt. XX, § 4; Vit. 23, 31). Талмудъ упоминаетъ о нѣкомъ Акилѣ (котораго нѣкоторые отождествляютъ съ Акилой, греческимъ переводчикомъ Библии), который будто-бы подвергся обрѣзанію, а также объ одномъ римскомъ сенаторѣ (Abhōda Zara 10; Hamburger s. v. „Beschneidung“). Римлянинъ Метвій спасъ свою жизнь принятіемъ обрѣзанія (Jos. B. J. II, 17, § 10). Антоній *запретилъ* его для языческихъ прозелитовъ (Gieseler, I, § 38).

661) „Обрѣзаніе такъ велико“, сказалъ рабѣн (Іегуда-Гаккодшъ), „что если бы не оно, то Святѣйшій, да будетъ Онъ благословенъ, никогда бы не сотворилъ міра; ибо сказано (Іер. XXXIII, 25): если бы не завѣтъ Мой (т. е. обрѣзаніе), то Я не создалъ бы ни дня, ни ночи, ни уставовъ неба и земли Я не утвердилъ бы“ (Nedarim. f. 31, 2). „Авраамъ не былъ названъ совершеннымъ, пока онъ не былъ обрѣзанъ. Оно такъ велико, какъ всѣ другія заповѣди“ (Исх. XXXIV, 27). (Id. f. 32, 1). Это былъ одинъ изъ тѣхъ законовъ, въ отношеніи которыхъ іудеи предпочитали смерть неповиновенію (Shabbath, f. 130, 1). „Добрый царь“ въ *псевдо-Варухѣ*, (§§ 61, 66) не допускаетъ существованія ни одного необрѣзаннаго человѣка на землѣ.

662) Изаѣи и Моисеѣвъ были бы названы „львами-прозелитами“, а Азизъ и Полемонъ— „шехемитскими прозелитами“.

663) „Какъ много законовъ имѣете вы?“ спросилъ язычникъ у Шаммаи. „Два“, отвѣчалъ Шаммаи, „писменный и устный“. „Я вѣрую въ первый“, сказалъ язычникъ, „но не въ послѣдній: прими меня въ качествѣ прозелита на основаніи изученія мною только писаннаго закона“. Шаммаи выгналъ его съ проклятѣмъ (Shabbath, f. 31, 1).

664) Дѣян. XV, 1, *ἐδιδρακον*.

665) *Circumcidere genitalia instituere ut diversitate noscantur* „говорить Тацитъ (Hist. V, 5) и прибавляетъ съ особеннымъ удареніемъ „transgressi in morem eorum idem usurpant“.

666) Вотъ образчикъ языка іудейскихъ раввиновъ въ отношеніи къ прозелитамъ: „прозелиты и тѣ, которые играютъ съ своими дѣтьми (значеніе сомнительное) замедляютъ пришествіе Мессіи. Что касается до прозелитовъ, то Рабъ Хелбо замѣчаетъ въ поясненіи этого, что они такъ же вредны для Израіля, какъ короста (такъ какъ въ Ис. XIV, 1 сказано, что иноплеменики будутъ присоединены къ нимъ (*הפסד*)), а *הפסד* означать „короста“; потому что, говоритъ Раши, не исполненіе постановленій и приписаніе оныхъ дѣйствіе Израілю“ (Niddah, f. 13, 2).

667) Ср. манускриптъ D, *ἐλεγεν γὰρ ὁ Παῦλος μένεν οὕτως καὶ οὗτοι ἐπιστασαν διαμαρτυρόμενος*.

668) Выраженіе Дѣян. XV, 2, *γενόμενης οὖν στασεως καὶ συζητήσεως οὐκ ὀλίγης* и пр. очень сильное. *Στασις* есть „возстаніе“ (Марк. XV, 7 Лук. XXIII, 19). Касательно *συζητήσεως* см. Дѣян. VI, 9; XXVIII, 29; Марк. IX, 14.

669) Какъ опять утверждается въ D, *παρήγγειλαν αὐτοῖς τῇ Παύλῳ καὶ τῇ Βαρναβᾷ καὶ τοῖς ἄλλοις ἀναβαίνειν πρὸς τοὺς ἀποστόλους* и пр., „Опосъ κριθῶσιν ἐπ' αὐτοῖς περὶ τοῦ ζητήματος τούτου“.

670) См. сдѣланное раньше извлеченіе изъ D.

671) Здѣсь я безъ колебанія предполагаю, что посѣщеніе въ Іерусалимъ, о которомъ гово-

рится въ Гал. II, 1—10, хотя тамъ упоминается о немъ, какъ бы уже о *второмъ* посѣщеніи, было тождественно съ посѣщеніемъ, упоминаемымъ въ Дѣян. XV, и поэтому въ сущности было *третьимъ* посѣщеніемъ. Въ Дѣян. Апостольскихъ говорится о *пяти* посѣщеніяхъ ап. Павломъ Іерусалима, именно: 1) послѣ его обращенія (IX, 26), 2) съ антиохійской милостыней (XI, 30); 3) для сообщанія съ апостолами касательно необходимости обрѣзанія для язычниковъ (XV, 2); 4) послѣ его втораго миссіонерскаго путешествія (XVIII, 22); 5) послѣ его тюремнаго заключенія въ Кесаріи (XXI). Это посѣщеніе, Гал. II, не могло быть никакимъ образомъ *первымъ*; а какъ доказывается Гал. II, 7 и всей хронологіей его жизни, оно не могло быть и *вторымъ*; но затѣмъ, какъ видно изъ присутствія Варнавы (ср. Гал. II, 1 съ Дѣян. XV, 39), оно не могло быть и *четвертымъ*, потому что нельзя предполагать его такимъ, не обвиняя ап. Павла въ преднамѣренномъ умолчаніи, когда онъ говорилъ Галатамъ объ этомъ единственномъ сношеніи, которое онъ имѣлъ съ апостолами; а что оно не было *пятымъ*, это совершенно ясно доказывается Гал. II, 11. Тщательно изслѣдовать поэтому, мы видимъ, что посѣщеніе, о которомъ говорится въ Гал. II, наифно было *третьимъ*. Можно бы, правда, думать, что это было какое нибудь посѣщеніе, о которомъ не разсказываетъ авторъ Дѣяній Апостольскихъ, если бы было какое нибудь основаніе для такого предположенія; но когда мы примемъ во вниманіе невозможность того, чтобы такое посѣщеніе случилось безъ вѣдома св. Луки и чрезвычайное согласіе связанныхъ съ нимъ событій со взглядами, которые онъ желалъ провести, а также и трудность найти какой нибудь другой случай, при которомъ это посѣщеніе могло бы естественно состояться, — мы не имѣемъ здравыхъ основаній для принятія такой гипотезы. Да и не можетъ быть въ самомъ дѣлѣ ничего яснѣе, какъ тождество обстоятельство въ описываемыхъ такимъ образомъ посѣщеніяхъ. Въ двухъ повѣствованіяхъ тѣ же самыя лица идутъ въ то же самое время въ то же самое мѣсто, съ тою же самою цѣлю, вслѣдствіе того же самаго вмѣшательства тѣхъ же самыхъ агитаторовъ съ тѣми же самими результатами. Противъ абсолютной несомнѣнности того заключенія, что описываемая здѣсь посѣщенія были однимъ и тѣмъ же, рѣшительно нельзя ничего выставить кромѣ незначительныхъ различій въ подробностяхъ, изъ которыхъ каждая объясняется въ текстѣ. Что касается неупоминанія ап. Павломъ такъ называемаго „опредѣленія“, то оно достаточно объясняется его мѣстнымъ, частнымъ, временнымъ и, насколько дѣло касалось принциповъ, нерѣшительнымъ характеромъ, тѣмъ фактомъ, что галаты не просили *спасхожденія*, а искали рабства; и рѣшимостью апостола не жертвовать для улаженія такихъ вопросовъ подчиненіемъ его апостольской независимости какому бы то ни было авторитету, который исходилъ бы отъ чело-вѣка или вообще чему либо, исключая началъ, открытыхъ самимъ Духомъ Божіимъ. Профессоръ Джруггъ (Gal. I, 233) говоритъ о ненарушимой гармоніи, представляемой повѣствованіемъ Дѣяній, стоящимъ въ противорѣчій съ тономъ Гал. II, 2—6; но „ненарушимая гармонія“ несомнѣнно согласна съ *πολλὴ συζήτης* Дѣян. XV, 7, что очевидно составляетъ продолженіе *στασις καὶ συζήτης οὐκ ὀλίγη* стиха 2. Та степенъ, до которой Дѣянія „бросаютъ завѣсу времени на разногласіе апостоловъ“, какъ мнѣ кажется, часто превеличивалась.

672) *Euclid*, Gesch. VI, 456.

673) *Παραβέβησαν ἀπὸ τῆς ἐκκλησίας* Дѣян. XV, 4 указываетъ на предварительное собраніе въ отлиціе отъ *συνήθισαν* те ст. 6.

674) Онъ теперь уже не называется здѣсь „братомъ Господнимъ“, потому что Іакова, сына Заведеева, не было уже въ живыхъ, а Іаковъ, сынъ Алфеевъ, былъ апостоломъ, о которомъ ничего неизвѣстно.

675) Гал. II, 7, *ιδόντες*; 9, *γνόντες*.

676) *πρὸς*.

677) Гал. II, 10. *ὃ καὶ ἐπορεύσθαι αὐτὸ τοῦτο ποιῶσι*, буквально „что и старался я дѣлать точъ въ точъ“. „*Quod etiam sollicitus fui hoc ipsum facere*“ (Вулгата).

⁶⁷⁸⁾ 1 Кор. XVI, 3; см. 2 Кор. VIII, IX; Рим. XV, 27. Даже много лет спустя мы находим, что ап. Павел искренно исполняет эту часть взаимного соглашения (Дѣян. XXIV, 17) Одна только Фригия, повидимому, не принимала участия въ пожертвованияхъ.

⁶⁷⁹⁾ Jowett, Romans. & c., I, 326. Въ этой статьѣ и въ статьѣ Лайтфута „объ ап. Павлѣ и трехъ другихъ Апостолахъ“ (Gal. 276—346) читатель найдетъ добросовѣстное изложеніе и тщательное изслѣдованіе этихъ фактовъ.

⁶⁸⁰⁾ „Соборъ“ Иерусалимскій былъ около 51 г. по Рожд. Хр.; посланіе къ Галатамъ написано въ 58 году.

⁶⁸¹⁾ Этотъ элементъ опредѣленія всегда упускался изъ вида. Язычники конечно были въ Иерусалимѣ, но для іудея свободно допустить необрѣзаннаго язычника, какъ полнаго участника всѣхъ религіозныхъ обрядовъ въ іудейско-христіанской общинѣ, было страшно опаснымъ испытаніемъ. Если все вліяніе и сила І. Фавія едва могли спасти отъ избіенія двухъ знаменитѣйшихъ и имѣвшихъ высокія связи язычниковъ, которые бѣжали къ нему, лица защиты, хотя при этомъ и не имѣлось въ виду предоставить имъ какія-либо религіозныя преимущества, а только потому, что въ толпѣ говорилось, что „ихъ не должно оставлять въ живыхъ, если они не перемѣнятъ своей религіи на религію тѣхъ, къ которымъ они бѣжали ради безопасности“ (Vit 31), то какъ могъ Павелъ отстоять за жизнь Тима?

⁶⁸²⁾ Таковъ взглядъ Лайтфута (Gal. p. 102), который говоритъ: „совѣщанія апостоловъ касательно обрѣзанія суть подводная скала, о которую разбивается грамматика предложения“; и „замѣтный отгѣнокъ чувствъ, развитыя грамматическія предложения, очевидный отгѣнокъ своеобразныхъ фразъ—все это производитъ впечатлѣніе, что хотя конечная побѣда была уже полная, она все-таки достигнута была не безъ борьбы, въ которой ап. Павелъ поддерживалъ иногда почти единолично дѣло языческой свободы“. Вслѣдствіи я привожу основанія, почему я принимаю различный выводъ. Сознаніе полной побѣды, имѣвшейся въ виду, тогда спустя едва ли бы произвело все это волненіе. На нее указывалось бы съ спокойною скромностью сознательной силой. Не такъ бываетъ съ ошибочнымъ сужденіемъ, заключающимъ въ себѣ серьезныя послѣдствія, хотя и не руководимымъ лучшими побужденіями. Если Тимъ былъ не обрѣзанъ, то почему Павелъ не говоритъ ясно объ этомъ?

⁶⁸³⁾ Гал. II, 1—6. Четырнадцать лѣтъ спустя послѣ его перваго посѣщенія.

⁶⁸⁴⁾ И нѣкоторые другіе, которыхъ онъ однако же едва ли могъ бы „взять съ собою“ (Дѣян. XV, 2).

⁶⁸⁵⁾ Ἀνεθέμην αὐτοῖς „сообщилъ“ или „донесъ имъ“, а не „вручилъ имъ“ (сн. Дѣян. XXV, 14), Тертуліанъ говоритъ „ad patrocinium Petri“ и проч. что слишкомъ сильно.

⁶⁸⁶⁾ Я принимаю τρεῖς, какъ изъяснительное, но оно можетъ быть сослагательнымъ, какъ въ 1 Фесс. III, 5, и о метафорѣ этой смотри Фил. II, 16.

⁶⁸⁷⁾ Лайтфутъ принимаетъ это въ такомъ смыслѣ: „мои прошлые и настоящіе труды не могутъ быть уничтожены противодѣйствіемъ или недоразумѣніемъ“. Такъ и Осеофилактъ ad loc., τὴν μὴ στάσις γεννᾷται καὶ ἐκ ἀρχῆς τὸ σκάνδαλον. Контекстъ, какъ мнѣ кажется, показываетъ, что онъ заключаетъ въ себѣ желаніе со стороны ап. Павла знать, можно ли что-нибудь серьезно выставить противъ его личнаго убѣжденія. Такъ понимаетъ Тертуліанъ adv. Marc. I, 20; V, 3; IV, 2. Допущеніе возможности недоразумѣнія касательно практическаго результата прибавляетъ только новую силу къ послѣдующему утвержденію. Неувѣренность и моментальное колебаніе ап. Павла можно сравнить съ неувѣренностью и колебаніемъ Іоанна Крестителя (Мат. XI, 3).

⁶⁸⁸⁾ Καταβολὴς αὐτοῦ (N, A, B, C, D, E). Здѣсь въ подлинникѣ—смѣлый солицизмъ, который не неизвѣстенъ былъ эллинистическому греческому языку и вслѣдствіе котораго выраженіе это выигрываетъ въ живости (сн. IV, 17 ἐκ γυλόσε).

⁶⁸⁹⁾ Вслѣдствіе вставки, опущенія или разночтенія этихъ двухъ словъ οὗς οὗτος манускрипты

и цитаты становятся столь же возбужденными и неувѣренными, какъ и стиль писателя. Если бы мы могли думать, что слово οὗτος—„даже не“ подложно, то мнѣ думается тогда было бы очевидно, что ап. Павелъ имѣлъ въ виду сказать слѣдующее: „благодаря этимъ жеобратіямъ, я правда сдѣлалъ временную уступку (προς ὅραον), но только съ цѣлью въ концѣ концовъ обезпечить за вами постоянную свободу (ἐκρίναται περὶ ὑμᾶς); „ostendens“, какъ говоритъ Тертуліанъ, *propter quid fecerit quod nec fecisset nec ostendisset, si illud propter quod fecit non accidisset* (adv. Marc. V, 3). Но данная манускриптовъ видимо склоняется въ пользу удержанія отрицательной частицы, хотя она опускается у Иринея, отсутствуетъ во многихъ латинскихъ спискахъ, объявляется на сомнительномъ авторитетѣ Викторина отсутствующей въ большинствѣ латинскихъ и греческихъ манускриптовъ и по увѣренію Тертуліана будто бы обманчивымъ способомъ вставлена еретикомъ Маркіономъ. Несомнѣнно, связанная съ нею неувѣренность вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что даже и самое *удержаніе* ся въ текстѣ никомъ образомъ не исключаетъ предположенія, что Павелъ къ своему великому, вслѣдствіи, сожалѣнію уступилъ протесту во время обсужденія этого вопроса,—составляютъ данныя въ пользу того, что это именно было такъ. Если этотъ взглядъ вѣренъ, то это придадо бы гораздо болѣе глубокое значеніе такимъ мѣстамъ, какъ Гал. I, 10; IV, 11 Въ такомъ случаѣ его колебаніе было ошибкой, не допуская возможность которой въ этомъ случаѣ значить не болѣе, чѣмъ допускать вообще нравственную ошибку въ чело-вѣкѣ, какою напр. была ошибка ап. Петра въ Antioch; но это была бы ошибка въ практическомъ дѣлѣ, а не въ установившемся принципѣ; ошибка благороднаго самоотреченія, а не робкой уступчивости. И наивѣрно, ап. Павелъ менѣе всѣхъ людей сталъ бы приписывать себѣ полную обезпеченность отъ возможности ошибки. „Полнота божественныхъ даровъ“, говоритъ Нюманъ, „не разрушала въ немъ того, что было чело-вѣческаго, а только одухотворяла и совершенствовала послѣднее“.

⁶⁹⁰⁾ Ἐκρίναται.

⁶⁹¹⁾ ὁκοδοῦντες.

⁶⁹²⁾ Ренанъ и другіе видятъ въ этомъ скрытый намекъ на прѣжнее невѣріе ап. Іакова. Но это крайне невѣроятно въ виду того, что такое указаніе дѣлается также и на ап. Петра и Іоанна. Оно означаетъ скорѣе: „какъ бы ни велико было ихъ прѣжнее преимущество вслѣдствіе близости къ живущему Христу“ (сн. 2 Кор. VI, 16). Правда, гораздо лучше присоединить *ποτα* къ *ἐποιοι*—*„qualescunque“*.

⁶⁹³⁾ „Это дѣло дорого стоило ап. Павлу, и фраза, въ которой онъ говоритъ о немъ, есть одна изъ наиболѣе оригинальныхъ, когда либо написанныхъ имъ. Слово это, повидимому, не могло сойти съ его пера. Фраза эта на первый взглядъ повидимому говоритъ, что Тимъ не былъ обрѣзанъ, между тѣмъ какъ она заключаетъ въ себѣ смыслъ, что онъ былъ обрѣзанъ“ (Renan, St. Paul. p. 92). Едва ли нужно говорить, что здѣсь не можетъ быть и вопроса объ умолчаніи, такъ какъ я предполагаю, что фактъ этотъ былъ вполне извѣстенъ. Мы находимъ подобную же особенность въ стилѣ и характерѣ въ Рим. IX. Базръ съ другой стороны (но на очень недостаточномъ основаніи) думаетъ, что „ничего не можетъ быть болѣе неглаго-“. Однако же таковъ былъ взглядъ и Тертуліана (с. Marc. V, 3), и Базръ одинаково не вѣритъ утверждаемому факту обрѣзанія Тимофея.

⁶⁹⁴⁾ См. объ этомъ разладѣ Hooker, Eccl. Pol. IV, xi, 4.

⁶⁹⁵⁾ О взглядахъ св. Іоанна см. приложение XVII „Св. Іоаннъ и св. Павелъ“.

⁶⁹⁶⁾ Дѣян. XV, 7—11. Здѣсь мы опять должны отмѣтить интересное обстоятельство, что въ этой краткой рѣчи языкъ имѣетъ всѣ отличительныя свойства языка Петра. Такіе мелкіе признаки подлинности стоятъ въ высочайшей возможности вымысла.

⁶⁹⁷⁾ Выраженіе ἀπ' ἐνερῶν ἀρχαίωνъ естественно относитъ къ ἀρχῇ Евангелія (сн. XI, 15; XXI, 16; Фил. IV, 15); но если обращеніе Коринтія произошло во время „покая“, наступившаго

для церкви вследствие всецелой поглощенности иудеев стараниями отстранить безумное кощунство имп. Кая в 40 г. по Р. Хр., то это было не раньше двенадцати лет до того времени.

698) Гал. V, 3. Закон был $\zeta\eta\gamma\acute{o}\varsigma \delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\iota\alpha\varsigma$, Евангелие $\zeta\eta\gamma\acute{o}\varsigma \chi\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$, $\varphi\omicron\rho\tau\iota\omicron\nu \epsilon\lambda\alpha\varphi\epsilon\rho\acute{o}\nu$ (Mat. XI, 29, 30).

699) „Вознесение Иакова“. Повествование Егезиппа пространно приводится у Евсевия, II. E. II, 23. Другия относящихся к нему места *Ephraim*, Haeг. LXXIII, 7, 13, 14; *Jer. De Virg.* Illustr. 2; Comm. in Gall. II, 19.

700) *Ephraim*, Haeг. XXIX, 4. Та же самая история рассказывается о ап. Иоанне на основании Поликрата, епископа Ефесского (*Euseb.* H. E. III, 31; V, 24). Или Поликратъ принялъ буквально какое нибудь метафорическое указание, или Иоаннъ действительно иногда принимал символъ христианскаго первосвященства. Первое предположение кажется болѣе вѣроятнымъ.

701) Это дѣлается сомнительнымъ вследствие I Кор. IX, 5, если только онъ не былъ исключенъ изъ другихъ *Desponsio*.

702) Дан. I, 8, 12; Тов. I, 11, 12. $\acute{o}\varsigma \epsilon\iota \pi\rho\omicron\varphi\eta\tau\alpha\iota \delta\eta\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota \pi\epsilon\rho\iota \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$ (Егезиппъ, тамъ же). Это быть можетъ относится къ Ис. III, 10. Если онъ Иаковъ изъ Кефара Сеханинъ, то на него смотрѣли какъ на *мина*, но однако же онъ изображается имѣющимъ различныя сношенія съ правовѣрными раввинами (*Gräts*, Gnostic. u. Judaism. p. 25). Имя Облія, עֲבִיָּיָה по объясненію Гаусрата, означаетъ „Иегова моя цѣль“ съ намекомъ на назорейскій обѣтъ. Гитцингъ (Kl. Propheten.) думаетъ, что имя это указываетъ на жезлъ, называемый „узами“ въ Захар. XI, 7. Возможно ли, чтобы это имя было нѣкоторымъ искаженіемъ имени *Аб-Леамъ*, „отца народа“.

703) Напр. „чтобы составить изъ нихъ народъ во имя свое“; см. Iак. II, 7.

704) Какъ во 2 Петр. I, 1. Это послѣднее упоминаніе Петра въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ.

705) Амос. XI, 11, 12. Истинное чтеніе здѣсь среди безчисленныхъ разночтеній повидимому есть $\gamma\iota\omega\tau\alpha\iota \acute{\alpha}\nu \alpha\iota\omega\varsigma$ (N, B, C), „это было извѣстно издревле“. Иаковъ утверждаетъ то, о чемъ пророчествовалъ Амосъ, но рѣчь его не свободна отъ затрудненій (см. *Baur*, Paul. I, 124).

706) $\acute{\epsilon}\gamma\omega \chi\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$, но онъ былъ только *primus inter pares* (см. Дѣян. XV, 6; XXI, 25).

707) Дѣян. XV, 20, $\alpha\lambda\iota\sigma\gamma\eta\mu\alpha\tau\alpha \tau\omicron\nu \epsilon\iota\delta\omicron\lambda\omicron\nu\epsilon\iota\sigma\tau\alpha$ (ст. 29; XXI, 25). $\alpha\lambda\iota\sigma\gamma\eta\mu\alpha\tau\alpha$ — „искупить кровью“ (Дан. I, 8; Малах. I, 7). Объ иудеяхъ времени Антиоха сообщается, что они скорѣе готовы были умереть, чѣмъ $\epsilon\iota\delta\omicron\lambda\omicron\nu\epsilon\iota\sigma\tau\alpha\iota \acute{\alpha}\nu\omega\tau\omicron\upsilon\sigma\theta\epsilon\iota$.

708) Эти два ограниченія практически тождественны, такъ какъ запрещалось только *пища*, потому что съ нею непремѣнно связывалось яденіе крови. $\acute{\alpha}\nu\omega\tau\omicron\upsilon\sigma\theta\epsilon\iota$ не можетъ означать „пролитіе крови“ — челоукоубійство, какъ предполагали нѣкоторые отцы. Объ „удавленіи“ и „крови“ смотри *Tert. Apol.* IX; *Schöttgen*, Hor. Hebr. in loc.; *Kalisch* on Gen. IX, 4.

709) $\pi\alpha\rho\epsilon\nu\chi\lambda\epsilon\iota\nu$ (ст. 19) встрѣчается только у LXX.

710) LXX повидимому ясно читали אָדָמָה (*адамъ*), „человѣкъ“, вмѣсто אָדָמָה (*адамъ*). Давидсонъ, *Sacr. Hermen*, p. 462, предполагаетъ даже, что иудеи измѣнили здѣсь еврейскій текстъ.

711) Упоминаемый въ Дѣяніяхъ Сила есть конечно Сильванъ для удобства имени этому приданъ былъ римскій характеръ посланій (1 Фесс. I, 1; 2 Фесс. I, 1) и быть можетъ 1 Петр. V, 12. О немъ не упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ послѣ перваго посѣщенія ап. Павломъ Коринфа и по ненамѣренному совпаденію съ этимъ его имя исчезаетъ въ надписи посланій послѣ этого времени (см. Вордсвортъ толкованіе на Фил. I, 1).

712) Хотя $\kappa\alpha\iota \epsilon\iota$ опускаются (N, A, B, C, Вульгата и армянскій переводъ, Ириней и Оригенъ и $\kappa\alpha\iota$ въ кодексахъ D), я всетаки считаю эти частицы подлинными. Дипломатическія данныя правда противъ нихъ, но значеніе названныхъ выше прописныхъ выше значенія E, G, H, большинства скоронисныхъ и сирийскаго, коптскаго и эфесскаго переводовъ. Но возраженіе касательно видимаго равенства, приписываемаго братіямъ, могло бы повести, даже въ раннее время, къ опущенію ихъ. Между тѣмъ если бы они не были подлинными, то не легко видѣть,

почему ихъ могли вставить. Они также лучше согласуются со ст. 22, „со всею церковью“ и ст. 24, „уходя изъ *среди насъ*“. Важность этого чтенія видна изъ его отношенія къ такимъ вопросамъ, какъ вопросъ о допущеніи мирянъ на церковныя собранія и проч. Вордсвортъ приводитъ изъ Бевериджа, *Codex Canonum Vindictus*, p. 20, правило „*Laici ad iudicium de doctrina aut disciplina Ecclesiastica ferendum nunquam admissi sunt*“.

713) $\chi\eta\rho\alpha\iota\nu$ буквально: „радоваться“. Любопытное обстоятельство, что греческое привѣтствіе — такъ какъ еврейскій привѣтствіемъ было бы „миръ“ — встрѣчается только въ письмѣ язычника Клавдія Лизія (XXIII, 26) и въ письмѣ того, который долженъ былъ принимать главное участіе въ написаніи этого письма (Iак. I, 1).

714) $\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\epsilon\kappa\epsilon\iota\nu\epsilon\iota\sigma\tau\alpha\iota$, буквально „подрывать въ самыхъ основахъ“ (*Thuc.* IV, 116).

715) Не смотря на это полное отрицаніе, существуютъ однако же цѣлыя рассказы касательно встрѣчныхъ посольствъ въ прямой противоположности ап. Павлу и организованныхъ, будто бы, Иаковомъ, очевидно построенные на выраженіи въ Гал. II, 12 $\tau\iota\nu\epsilon\varsigma \acute{\alpha}\pi\omicron \text{Ἰακώβου}$, хотя оно немного сильнѣе, чѣмъ $\tau\iota\nu\epsilon\varsigma \kappa\alpha\tau\epsilon\lambda\theta\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma \acute{\alpha}\pi\omicron \tau\eta\varsigma \text{Ἰουδαίας}$ XV, 1 и не такъ сильно, какъ $\tau\iota\nu\epsilon\varsigma \acute{\epsilon}\xi \eta\mu\acute{\omega}\nu \acute{\epsilon}\xi\epsilon\lambda\theta\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ здѣсь.

716) Съ тою цѣлю, конечно, чтобы не могло возникнуть сомнѣній въ отношеніи письма, какъ выраженія ихъ дѣйствительныхъ воззрѣній.

717) Въ подлинникѣ дѣлается различіе между $\acute{\alpha}\nu\eta\rho\alpha\varsigma$ и $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omicron\pi\omicron\varsigma$, но единственное различіе заключается въ томъ, что послѣднее выраженіе имѣетъ болѣе общій характеръ.

718) Они были мучениками, но крайней мѣрѣ добровольно (*Алффордъ*).

719) Сн. Иех. XIV, 31; 1 Цар. XII, 18. Отсюда „*Sancto Spiritu suggerente*“, обыкновенно прилагаемое къ опредѣленіямъ соборовъ.

720) Слово это (сн. 10), повидимому, указываетъ руку Петра (сн. Откр. II, 24).

721) Въ D, а за нимъ и въ нѣкоторыхъ переводахъ и многихъ скоронисныхъ манускриптахъ, есть любопытная прибавка: „и чего вы не желаете, чтобы вамъ дѣлали, не дѣлайте другому. Будьте здоровы, ходя въ Св. Духѣ“. Съ этими *минимальными* требованіями, которыми имѣлось въ виду поставить язычниковъ на одинъ уровень съ прозелитами вратъ, срав. Лев. XVII, 8—16; XVIII, 26.

722) См. Членъ XXI. Папа Бенедиктъ XIV говоритъ „*Speciem quandam et imaginem Synodi in praedicta congregatione eminere* (De Synod. I, 1—5; ap. Denton, Act. II, 82).

723) *Hooker*, Eccl. Pol. IV, xi, 5.

724) Гал. III, 1, V, 2 и въ др. мѣстахъ. Удивительно, что даже Иустинъ объявляетъ адеіе $\epsilon\iota\delta\omicron\lambda\omicron\nu\epsilon\iota\sigma\tau\alpha$ также дурнымъ, какъ идолопоклонство, и не хочетъ имѣть общенія съ тѣми, кто дѣлаетъ это (Dial. с. Tryph. 35); но причиной было то, что въ это время (какъ и во времена Маккавеевъ) оно принималось язычниками какъ свидѣтельство отсутствія (Ср. 1 Кор. X, 20, 21 (*Ritschl*, Alt. Kath. Kirch. 310, 2 ed.)).

725) Ап. Павелъ обсуждаетъ вопросъ объ идоложертвенномъ безъ малѣйшаго отношенія къ этому опредѣленію, и западная церковь никогда не считала себя обязанною воздерживаться отъ „удавленія“ и отъ крови (*Aug.* с. Faust. XXXII, 13). Молчаніе ап. Павла касательно этого опредѣленія, когда онъ пишетъ къ Римлянамъ, быть можетъ возникаетъ вследствие его временнаго и частнаго характера. Оно было направлено только къ языческимъ обращенцамъ „Антиохій, Сирій и Калкині“.

726) „Они видѣли, что единственнымъ средствомъ избѣжать великихъ вопросовъ было просто не рѣшать ихъ... предоставивъ этимъ вопросомъ самимъ по себѣ жить и умереть“ (*Renan*, St. P. 93).

727) *Abhōda* Zaza, f. 3, 1.

728) См. *Pfleiderer*, II, 13.

729) Дѣян. II, 39, $\epsilon\iota \epsilon\iota\varsigma \mu\epsilon\kappa\alpha\rho\acute{\alpha}\nu$; Кол. IV, 5, $\epsilon\iota \acute{\epsilon}\xi\omega$.

⁷³⁰⁾ Быт. IX, 4; Лев. XVII, 14. Также и Корант, Сура V, 4. См. Bähr. Symbolik, II, 207. Съ другой стороны „кровь“ была особенным закономъ въ язычниковъ (Hom. Od. III, 470; XVIII, 44; Ov. Tet. XII, 154); и поэтому „удавления“ была самымъ обыкновеннымъ предметомъ пищи. Рутиль называетъ иудея „Humanis animal dissocialis cibis“ (It. I, 384). Даже это запрещеніе влекло за собою крайне неудобную необходимость никогда не ѣсть другого мяса, кромѣ кошерна, т. е. мяса, приготовленного иудейскими мясниками въ полномъ согласіи съ законами объ убояхъ (שחיטה). Оно принуждало болѣе или менѣе къ тому, что для язычниковъ было во всякомъ случаѣ наиболѣе отвратительнымъ—*sophinus foenimque supellex*“ (Juv. Sat. III, 14), чѣмъ вслѣдствіе такихъ основаній было особенностью иудеевъ (Sidon. Ep. VII, 6).

⁷³¹⁾ Нѣтъ ли малѣйшей вѣроятности въ предположеніи Бендлея о *περνεи*. Въ то же самое время нужно обратить вниманіе, какъ на особенное свободомысліе со стороны иудействующихъ, на то, что они не требуютъ воздержанія отъ свинаго мяса со стороны своихъ языческихъ собратьевъ (Ἰουδαῖος φάσιν ὅτι ἀποφάνοι ἢ χοίρειον φάγοι, Sext. Emp. (см. Tac. H. V, 4; Sen. Ep. 108, 22; Macrob. Sat. II, 4). Это воздержаніе было общимъ на Востоцѣ (Dion. Cass. LXXIX, 11).

⁷³²⁾ Мнѣніе, что *περνεи* можетъ означать то, что продавалось (*πέρνυμι*) на рынкѣ послѣ идоложертвенныхъ пришествій, крайне также несостоятельно. См. изслѣдованіе этого вопроса у Баура, Paul. I, 146, Seq. Кромѣ того, эти четыре запрещенія соответствуютъ тѣмъ, которыя приписываются Петру у же-Климента Hom VII, 4, гдѣ *μὴ ἀκάρητος βρώμ* — *περνεи*.

⁷³³⁾ Въ дѣйствительности, иудеи вѣроятно относились къ другимъ тремъ вещамъ съ гораздо болѣе ужаломъ, чѣмъ къ этому. Практика даже ихъ собственныхъ раввиновъ, хотя и прикрываемая извѣстнымъ приличіемъ формъ, была гораздо свободнѣе, чѣмъ она должна бы быть, какъ это доказывается нѣкоторыми мѣстами въ Талмудѣ (Gittin, f. 30; Joma, f. 18, 2; Selden Ux. Hedr. III, 17).

⁷³⁴⁾ Xen. Mem. III, 13.

⁷³⁵⁾ Это мѣсто замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно исходитъ отъ одного изъ чистѣйшихъ въ нравственномъ отношеніи древнихъ писателей (Cic. pro Cael. XX: cf. Ter. Adelph. I, 2, 21). Старшій Катонъ считался образцомъ строгой римской добродѣтели; однако же, чтобы подумать во времена христіанства о человѣкѣ, который бы говорилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ говорилъ онъ (Hor. Sat. I, 2, 31)? Если Катонъ могъ такъ относиться къ этому грѣху, то какъ же относился вообще народъ къ нему? Не нужно также забывать, что письмо это было обращено къ иудеямъ и язычникамъ, какъ знакомымъ съ тою эпохой, въ которую въ теченіе многихъ предыдущихъ столѣтій этотъ грѣхъ и даже еще болѣе гнусные грѣхи составляли признанную часть религіознаго культа извѣстныхъ божествъ (ср. Варухъ VI, 43; Страбонъ VIII, 6) и когда страницы писателей, наполненные подобными предметами, составляли часть текущей литературы. Немного такихъ обстоятельствъ, которыя могли бы съ болѣею ясностью показывать ту перемену, которая была произведена христіанствомъ. Но всякому читателю письма могла бы быть слишкомъ очевидною непосредственная связь между *εἰσβολή* и *περνεи*. Затѣмъ нужно постоянно имѣть въ виду, что указанія—суровыя и въ то же время нѣжныя, непреклонныя и въ то же время милостивыя—въ собственныхъ посланіяхъ ап. Павла касательно преобладанія этого грѣха, въ высшей степени рѣшительно показываютъ, что если обращеніе сразу же открывало христіанамъ истинную гнусность его, то оно всегдѣ не всегда могло обезпечивать ихъ противъ искушенія къ его совершенію.

ГЛАВА XXIII. ⁷³⁶⁾ Истинное чтеніе есть не *πρὸς τοὺς Ἀποστόλους*, а „къ тѣмъ, которые послали ихъ“ (*πρὸς τοὺς ἀποστείλαντες αὐτούς*—S, A, B, C, D).

⁷³⁷⁾ Чтеніе нашего перевода стиха 34: „но Сила разрешилъ остаться тамъ“ есть прагматическая глосса немногихъ манускриптовъ, къ которымъ D прибавляетъ *μὴνός δὲ Ἰουδᾶς ἐπαρρώθη*. Его нѣтъ въ S, A, B, G, E, H. Конечно, въ ст. 40 имѣется въ виду или этотъ фактъ или воз-

вращеніе Силы, но отдѣльная вставка его какъ разъ есть одна изъ тѣхъ мелочей, которые древніе писатели были менѣе склонны отыскивать, чѣмъ новѣйшіе.

⁷³⁸⁾ Гал. II, 14, *ἐθνικῶς καὶ οὐχ Ἰουδαϊκῶς ζῆς*. Ничего опредѣленнаго нельзя вывести изъ преданія, что ап. Петръ былъ первымъ епископомъ Антіохіи.

⁷³⁹⁾ Еслибы чтеніе *ἔλαβεν* въ Гал. II, 12 было вѣрно, то оно указывало бы только на самого Иакова; но это было бы фактомъ, котораго преданіе не могло бы забыть, и Иаковъ, повидимому, никогда не оставлялъ Иерусалима.

⁷⁴⁰⁾ Гал. II, 12, *ὑπετάχεν καὶ ἀφώρισεν ἑαυτὸν*.

⁷⁴¹⁾ Насколько Иаковъ старался примирить возбужденную толпу, которая была „ревностна къ закону“, это очевидно изъ Дѣян. XXI, 24.

⁷⁴²⁾ Поддѣлывать письма отъ Петра къ Иакову, напечатаннаго въ 60 главѣ Клементинскихъ *Восходъ*, глубоко сожалѣть объ этомъ выраженіи, § 2. Но „лицемѣріе“ ап. Петра состояло въ „показаніи смущенія, котораго онъ въ дѣйствительности не чувствовалъ или котораго его прежніе обычай не оправдывали“ (Jowett. Gal. I, 245). Напрасно говорить, что это указывается на отсутствіе всякаго законнаго „опредѣленія“; соборъ, какъ я уже сказалъ, оставилъ вопросъ о сношеніи съ язычниками совершенно неопредѣленнымъ.

⁷⁴³⁾ См. Hausrath, стр. 252. „Смѣлость и боязливость—сначала смѣлость, потомъ боязливость—были характеристическими особенностями его натуры (Jowett, I, 243). См. также приложеніе XVII: „Апостолы Іоаннъ и Павелъ“.

⁷⁴⁴⁾ Гал. II, 11, *Κηφᾶς* (S, A, B, C).

⁷⁴⁵⁾ Гал. II, 11, *κατενωσμένους ἑν*. Это то самое слово, которое такъ претитъ поддѣлщику Клементинскихъ *Восходъ*, XVII, 18, 19. „Ты стоялъ противъ меня какъ оппонентъ (*ἐναντίας ἀνέστηκα*; *με*). Если ты называешь меня осужденнымъ (*κατενωσμένος*), ты обвиняешь Бога, который открылъ мнѣ Христа“ и т. д. въ томъ же родѣ.

⁷⁴⁶⁾ *τῷς* какъ, для чего.

⁷⁴⁷⁾ Гал. II, 14. Неправильное придыханіе въ выраженіи *οὐ Ἰουδαῖος* быть можетъ есть клипизмъ. Но, конечно, издатели должны были передать намъ *Ἰουδαῖος*. 'Εφ' ἑλπίδι: лучшихъ манускриптовъ въ 1 Кор. IX, 10 поддерживается тѣмъ, что *ἐλπίς* встрѣчается въ надписяхъ.

⁷⁴⁸⁾ *ἀναγκάζεις* „вы обязываетесь практически вашимъ теперешнимъ поведеніемъ“. „Онъ былъ полужычникъ и хотѣлъ сдѣлать язычникомъ совѣтъ иудеямъ“ (Jowett, Galat. I, 244).

⁷⁴⁹⁾ См. объясненіе на Гал. II, 15—21, стр. 516.

⁷⁵⁰⁾ См. нѣсколько великодушныхъ замѣчаній по этому предмету бл. Августина, Ep. LXXXII. Онъ доказываетъ, что послѣ открытія вѣры во Христѣ постановленія закона потеряли свою жизнь: но какъ тѣла мертвыхъ должны быть провожаемы къ могилѣ съ почетомъ, не съ притворною честью, но съ дѣйствительною торжественностью и не должны быть сразу же оставляемы на издѣвательство враговъ или предоставляемы собакамъ, — такъ необходимо было также относиться съ почетомъ и къ Моисееву закону, котораго не должно было сразу же и грубо отвергать. Но, говоритъ онъ, даже и для христіанъ изъ иудеевъ соблюдать то, что можно еще было бы соблюдать изъ закона, послѣ того, какъ онъ былъ отмѣненъ намѣреніемъ Божиимъ въ разрушеніи Иерусалима, значило бы играть роль не того, который почитаетъ мертваго, но того, кто вырываетъ изъ мѣста покоя погребенный прахъ убитаго.

⁷⁵¹⁾ Holstein, Protestantenbibel, 729. Этотъ разладъ, если только его можно назвать разладомъ, между двумя великими апостолами долженъ поразить тѣхъ, которые, вопреки св. Писанію, настаиваютъ на взглядѣ на апостоловъ какъ на образцы сверхъестественнаго совершенства. Конечно, ошибки добрыхъ людей, даже если бы онѣ были простыми ошибками боязни съ одной стороны и запальчивости — съ другой, всегда сдѣлаютъ ихъ предметомъ

издѣательства нефѣрныхъ. Но когда Цельсѣ говорить объ апостолахъ, что они „постыдно клеветали другъ на друга въ своихъ расприхъ“, то онъ, насколько Новый Заветъ показываетъ намъ характеръ апостоловъ, повиненъ въ грубой клеветѣ (др. Orig. с. Cels. V, 64). „Пятно заблужденія“, въ которомъ Порфирій обвинялъ ап. Петра, показываетъ только, что онъ былъ человѣкъ, и ни Евангелія, ни посланія не пытаются скрыть его слабости. „Дерзость языка“, въ которой обвиняетъ онъ ап. Павла, не находитъ оправданія въ строгомъ и торжественномъ тонѣ его укоровъ; и выводитъ изъ этого спора „ложь мнимаго опредѣленія“ значитъ просто злоупотреблять аргументомъ. Мы можемъ безъ малѣйшаго чувства стыда или скорби сразу же устранить мнѣніе (*Clem. Alex.* ap. Euseb. II. E. I, 12), что этотъ Кифа не былъ ап. Петръ, а одинъ изъ семидесяти, и чудовищную мысль — чудовищную, хотя высказанную такимъ человѣкомъ какъ Оригенъ (ар. Jer. Ep. CXII) и принятую такимъ человѣкомъ, какъ Златоустъ (ad loc.) и нѣкоторое время Иеронимомъ, — что вся эта сцена была просто разыграна двумя апостолами съ поучительною цѣлью! Какъ будто бы такое притворство было бы не бесконечно болѣе постыдно для нихъ, чѣмъ временное несогласіе въ дѣйствіяхъ! То, какъ смиренно ап. Петръ снесъ этотъ укоръ, и простилъ и забылъ того, кто высказалъ его, въ десять разъ болѣе дѣлаетъ ему чести, чѣмъ безчеститъ его временная непослѣдовательность.

⁷⁵² Въ такую переходную эпоху было неизбежно, чтобы обвиненія въ непослѣдовательности щедро сыпались на обѣ стороны и притомъ съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ. Сн. Гал. VI, 13.

⁷⁵³ Ср. 1 Петр. II, 16, 17 съ Гал. V, 1, 13, 14 и 1 Петр. II, 24 съ мѣстомъ этого самаго доказательства (Гал. II, 20).

⁷⁵⁴ „И я о Кифѣ“; но когда ап. Павелъ опять указываетъ на эти партіи, онъ, принимая во вниманіе его истинное благородство, деликатно опускаетъ нѣя Кифы.

⁷⁵⁵ Подробные рассказы о встрѣчномъ несогласіи, отравленномъ будто бы Іаковомъ, есть не что иное какъ грубая выдумка, основанная на единственномъ незначительномъ выраженіи (τις ἀπὸ Ιακώβου), приложимомъ лишь съ нѣкоторою вѣроятностью къ тому событію, къ которому оно относится. Въ Гал. II, 12; IV, 16; 1 Кор. I, 12; IX, 1, 3, 7; 2 Кор. III, 1; X, 7; Фил. I, 15, 17, мы видимъ слѣды продолжающейся оппозиціи ап. Павлу со стороны партіи, которая въ порядкѣ вещей должна была имѣть свое главное мѣстопробываніе въ Иерусалимѣ; и конечно вожаки ея въ Иерусалимѣ не могли устраниваться совершенно отъ вліянія со стороны направленія мысли кругомъ ихъ и отъ тѣхъ воззрѣній, которыя носились въ той самой атмосферѣ, которою они постоянно дышали. Однако же они открыто отреклись отъ назойливыхъ членовъ своей общины (Дѣян. XV, 24) и лично по отношенію къ ап. Павлу всегда, насколько мы знаемъ, относились съ совершенно братскою любезностью и добротою, и въ отношеніи ихъ лично онъ самъ никогда не высказываетъ ни одного непочтительнаго или небратскаго слова. Въ спорѣ между ними и имъ нѣтъ и слѣда того суроваго и ожесточеннаго тона, какой мы находимъ напр. въ спорѣ между Бернардомъ и Абеляромъ, Лютеромъ и Эразмомъ, Фелелонемъ и Боассютомъ, Весли и Вайтфильдомъ. Онъ всегда говоритъ о нихъ съ кротостью и почтеніемъ (1 Кор. IX, 5; Ефес. III, 5 и проч.).

⁷⁵⁶ Даже Praedicatio Pauli (сохраненное въ сочиненіяхъ Кипріяна, De Rebaptismate) показываетъ, что они примыслились въ Римѣ до своего мученичества. „Postremo in urbe, quasi tunc primum invicem, sibi esse cognitos“.

⁷⁵⁷ Объясненіе этого молчанія, которое однако же не исключаетъ видимыхъ указаній, см. Westcott Canon p. 135; Lightfoot, Galat. p. 310. Кто можетъ предположить, что выраженіе Густина γίνεσθαι ὡς εἰς ὅτι κατὰ ἤμην ὡς ὁρεῖς (Cohort. ad Graec. p. 40) носить только случайное сходство съ Гал. IV, 12?

⁷⁵⁸ Maurice, Unity 497.

⁷⁵⁹ См. приложение XVIII: „Нападенія на ап. Павла въ Клементидахъ“. Въ римской церкви ап. Павелъ всегда упоминается неразлучно съ Апостоломъ Петромъ. Въ дни праздниковъ, назначенные для каждаго святаго, послѣдній обыкновенно прославляется особеннымъ образомъ.

⁷⁶⁰ Истинное чтеніе Дѣян. XV, 37 есть ἐξολάτο; см. 8, A, B, C, E, сирійскій, коптскій эзеоискій, и проч. переводы (Vulg. volebat). Слово это особенно мягко въ сравненіи съ одинаково характеристическою рѣзкостью ἔξω... μὴ ап. Павла.

⁷⁶¹ Обращаетъ на себя вниманіе выразительный тонъ подлинника въ Дѣян. XV, 39. Слово παροξυσμός („exasperatio“, „раздраженіе“, „огорченіе“) означаетъ обильнѣе рѣзкими выраженіями; но оно также означаетъ временную вспышку, а не постоянный раздоръ. Въ другихъ мѣстахъ оно встрѣчается также въ Евр. X, 24; Втор. XXI, 28 (LXX).

⁷⁶² Viderint ii qui de Apostolis judicant; mihi non tam bene est, immo non tam malè est, ut Apostolos committam (*Tert. de Praescr.* 24).

⁷⁶³ Paulus severior, Barnabas clementior; uterque in suo sensu abundat; et tamen dissensio habet aliquid humanae fragilitatis (*Jer. Adv. Pelag.* II, 522).

⁷⁶⁴ Ὁ Παῦλος ἐξῆλθε τὸ δίκαιον, ὁ Βαρνάβας τὸ φιλόφρωνον (Злат.).

⁷⁶⁵ Оно изслѣдуется и отвергается между прочими у Гефеле, Das Sendschr. d. ap. Barnabas (Tübingen. 1840).

⁷⁶⁶ 1 Кор. IX, 6; Гал. II, 9. Изъ упоминанія о Маркѣ, какъ извѣстномъ церквамъ Воніи, Понта, Каппадокіи, Галатіи (1 Петр. I, 1; V, 13) и Колосѣ (Кол. IV, 10) и изъ его долгаго пребыванія въсплѣснѣвъ въ М. Азіи (2 Тим. IV, 11), заключали, что если онъ продолжалъ сопровождать своего двоюроднаго брата Варнаву, то М. Азія и особенно ея восточныя части могли быть мѣстомъ ихъ трудовъ (Lewin, I, 165). Намекъ въ Кол. IV, 10 принимался въ томъ смыслѣ, что въ это время (въ 63 г. по Р. Хр.) Варнава уже не былъ болѣе въ живыхъ. Болѣе достовѣрнаго ничего неизвѣстно касательно мѣста, способа или времени его смерти. Acta et Passio Barnabae in Сурго имѣютъ апокрифическій характеръ. Св. Маркъ, по преданію, потерпѣлъ мученичество въ Александріи.

⁷⁶⁷ 2 Тим. IV, 11, εἰς διακονίαν.

ГЛАВА XXIV. ⁷⁶⁸ 1 Петр. V, 12. Тождество не можетъ однако же считаться несомнѣннымъ.

⁷⁶⁹ Сила могъ быть семитическаго происхожденія. I. Флавій упоминаетъ о четырехъ восточныхъ лицахъ этого имени (*Krenkel*, p. 78).

⁷⁷⁰ См. Schleusner, подъ слов. στήριξω.

⁷⁷¹ Сирійскія ворота теперь называются проходомъ Бейланскимъ; Аманидскія ворота называются Кара-Кану.

⁷⁷² Теперь Кюлекъ-Богазъ.

⁷⁷³ О дальнѣйшихъ географическихъ подробностяхъ смотри Con. and Howson ch. VIII and Lewin, ch. X. Унизительно думать, что дороги во времена ап. Павла были несравненно лучше и содержались исправнѣе, чѣмъ въ настоящее время, когда простыхъ развалинъ ихъ бываетъ достаточно для народовъ, томящихся подъ растлѣвающимъ вліяніемъ турецкаго правленія.

⁷⁷⁴ προφήτης (Дѣян. XV, 32).

⁷⁷⁵ Имя Еники, какъ чисто греческое, могло указывать на прежнее общеніе ея съ язычниками.

⁷⁷⁶ Въ то же самое время смѣшанные браки были гораздо менѣе строго запрещены для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ. Друзилла и Вереника вышли за мужъ за языческихъ князей, но принуждены были сначала принять обрѣзаніе. Онуцеріе заветнаго обряда въ отношеніи Тимофея могло зависѣть отъ запрещенія, даннаго грекомъ отцемъ ребенка.

⁷⁷⁷) Фил. II, 22, ἐδούλευσεν εἰς τὸ εὐαγγέλιον.

⁷⁷⁸) Был ли Тимофей из Листры или из Дерви — это не важно, но что в действительности он был жителем Листры, это повидному настолько ясно из сравнения Дьян. XVI, 1, 2; XX, 4 и 2 Тим. III, 11, что даже странно, как могло быть столь много безразличных споров касательно этого предмета. Мнѣние, что „Гай“ в Дьян. XX, 4 не мог быть из „Дерви“, так как есть Гай из Македонии (в XIX, 29), который может и не быть Гаем (Рим. XVI, 23; 1 Кор. I, 14), — все это подобно доказательству, что если есть Смит из Портсмута, то не может быть уже другого Смита из Лондона; и передѣлка на этомъ основаніи эпистола Δερβίαιος на Τριόβιος, при отсутствіи всѣхъ данныхъ въ манускриптахъ, есть простое своеволие.

⁷⁷⁹) Фил. II, 20—21: οὐδὲνα γὰρ ἔχω ἰσχυρόν, ὅστις γνησίως τὰ περὶ ὑμῶν μεριμνήσει οἱ πάντες γὰρ τὰ ἑαυτῶν ζητοῦσιν, οὐ τὰ τοῦ Χριστοῦ Ἰησοῦ.

⁷⁸⁰) 2 Тим. III, 10, Σὺ δὲ παρηκολούθηκίς μου τῇ διδασκαλίᾳ τῇ ἀγαθῇ и пр.

⁷⁸¹) 1 Кор. IV, 17; XVI, 10, ἀφ' ὧν.

⁷⁸²) Около 51 г. по Р. Хр.

⁷⁸³) Около 66 г. по Р. Хр.

⁷⁸⁴) Гаусератъ, стр. 259. Онъ допускаетъ, что „они“ содержатъ важное историческое указаніе.

⁷⁸⁵) Въ поэмѣ Теннисона «бабушка» всѣ признаютъ въ высшей степени естественныя черты, что она говоритъ о своихъ пожилыхъ сыновьяхъ, какъ будто они еще мальчики. Но даже если Тимофей достигъ сорокалѣтняго возраста въ то время, когда онъ назначенъ былъ епископомъ Ефеса, то все-таки не было бы ничего несообразнаго сказать о немъ — Μηδεις σου τῆς νεότητος καταφρονεῖτω (1 Тим. IV, 12), или τὰς δὲ νεωτερικὰς ἐπιθυμίας σφύρει (2 Тим. II, 22), особенно если эти посланія были написаны немного лѣтъ спустя послѣ τῇ τις οὖν αὐτὸν ἐξουθενήσῃ въ 1 Кор. XVI, 11.

⁷⁸⁶) Оно не могло быть совершенно однако же нѣкимъ, исключая израильтянина (Ab-hoda Zara, f. 27, 1).

⁷⁸⁷) „Partus sequitur ventrem“ есть правило Талмуда (Bechoroth, 1, 4 и проч. Wetst. ad loc.). Если иудеи знали, что его мать была иудейка и однако же онъ не принялъ печати завѣта, то они относились къ нему какъ къ мамзеру (См. Ewald, Alterth. 257).

⁷⁸⁸) 1 Тим. VI, 12, ὁμιλοῦντας τὴν καλὴν ὁμολογίαν ἐν ὧν πολλῶν μαρτύρων.

⁷⁸⁹) 1 Тим. IV, 14, τὸ χάρισμα ὃ ἐδόθη σοι διὰ προφητείας μετὰ ἐπιθέσεως τῶν χειρῶν τοῦ προφетей. 2 Тим. I, 6, διὰ τῆς ἐπιθέσεως τῶν χειρῶν μου.

⁷⁹⁰) 1 Тим. I, 18, κατὰ τὰς προφητείας ἐπὶ σὲ προφητείας. Сравни удачное предсказаніе Стаушица касательно дѣятельности Лютера.

⁷⁹¹) 1 Тим. I, 18, ἵνα στρατεύῃ ἐν αὐαῖς τὴν καλὴν στρατείαν; см. IV, 14; VI, 12.

⁷⁹²) 2 Тим. I, 6 ἀναζωπυρεῖν (=«раздувать свѣжее пламя», κυρίως τοὺς ἀνδρακας φλογῶν, Свиди; σφοδρότερον τὸ πῦρ ἐργάζεσθαι, Θεοφιλάκης) τὸ χάρισμα τοῦ Θεοῦ, ὃ ἔστιν ἐν σοὶ и пр.

⁷⁹³) Въ неточномъ смыслѣ даже Антиохія и Иконія могли считаться церквами Виліи, такъ какъ Тарсѣ (какъ видно изъ монетъ, Lewin, I, 171) считался столицей Ликаоніи, Исавріи и даже Каріи. Затѣмъ окружное письмо было написано съ болѣе или менѣе яснымъ отношеніемъ къ тому, что происходило въ этихъ церквахъ (Дьян. XV, 12).

⁷⁹⁴) Истинное чтеніе есть τὴν Φρυγίαν καὶ Γαλατικὴν χώραν (N, A, B, C, D).

⁷⁹⁵) Изъ этого видно, что я принимаю выраженіе καλοῦθέντες и т. д. (Дьян. XVI, 6) въ ретроспективномъ смыслѣ, — т. е. въ смыслѣ причины, указываемой для ихъ удаленія во фригійскій и галатійскій округа. Если они имѣли намѣреніе проповѣдывать въ Азіи, т. е. въ Лидіи, то естественной дорогой туда могла бы быть дорога изъ Антиохіи Писидійской, и одна

ли вѣроятно, чтобы они *намеренно* свернули сначала въ сторону въ полуварварскія страны Фригіи и Галатіи; правда, мы имѣемъ явное указаніе самого ап. Павла (Гал. IV, 13), что его благовѣстіе въ Галатіи было результатомъ случайной болѣзни. Позволеніе проповѣдывать въ Азіи было только *отложено* (Дьян. XIX, 10).

⁷⁹⁶) Что пріобрѣтены были нѣкоторые обращенцы, это видно изъ Дьян. XVIII, 23. Отсутствіе определенной фригійской церкви доказывается молчаніемъ о какомъ либо сборѣ милостыни тамъ.

⁷⁹⁷) „Азія“ въ Дьян. Апост. (cf. Catull. XLVI, 5), повидному, всегда означаетъ страну около древняго „азиатскаго луга“, Гомеръ (Иліада, II, 2, 461), — т. е. всю длину и равнину Канстра, — т. е. Лидіи. Всѣ „семь церквей, которая въ Азіи“ (Откр. I, 3), находится въ Лидіи.

⁷⁹⁸) Названіе Малая Азія впервые употреблено Орозіемъ въ четвертомъ столѣтіи (Oros. I, 2).

⁷⁹⁹) О переселеніяхъ кельтовъ см. сочиненіе автора Families of Speech, второе изданіе (перепечатанное въ Language and Languages) стр. 329.

⁸⁰⁰) Въ 390 г. до Р. Хр. Слово Бреннъ есть латинизированная форма титула, который сохраняется въ Валлійскомъ *brenin*, „король“.

⁸⁰¹) Въ 279 г. до Р. Хр.

⁸⁰²) Ливій, XXXVIII, 16. Эти названія — кельтскія слова неизвѣстнаго происхожденія съ латинскими окончаніями — живо подхватываются нѣмецкими путешественниками и комментаторами и отождествляются съ Леонардомъ и Лотаремъ (Лютеръ), для того чтобы доказать, что народы Галатіи были не кельты, а тевтоны. Почему какъ французы, такъ и нѣмцы, съ такими рвеніемъ добиваются родства съ этими не очень заслуживающими довѣрія галатами, я не могу сказать; но между тѣмъ нужно считать несомнѣннымъ, что галаты были кельты и не только кельты, но Кимвріскіе кельты. Единственное доказательство для противоположной стороны, кромѣ этихъ двухъ именъ, приводимое Визелеромъ и другими нѣмецкими писателями, заключается въ слѣдующемъ: во 1) имя Германополь есть позднѣйшее и безобразное измышленіе, которое въ лучшемъ смыслѣ указываетъ лишь на поселеніе нѣкоторой Тевтонской общины среди галловъ; во 2) племя тевтободиаковъ, о которыхъ мы знаемъ такъ мало, что не можемъ сказать, что означаетъ это названіе; и въ 3) увѣреніе бл. Иеронима, что галаты (которыхъ онъ лично посѣщалъ) говорили на языкѣ, подобномъ языку тревовъ (Jer. in Ep. Gal. II, praef.). Этотъ аргументъ однакоже свѣдѣтельствуеетъ какъ разъ о противоположномъ, такъ какъ выраженія Цезаря и Тацита рѣшительно доказываютъ, что треверы были галлы (Tac. Ann. I, 43, N. IV, 71; Caes. B. G. II, 4 и проч.), хотя они и подражали тевтонскимъ обычаямъ (Caes. B. G. VIII, 25; Tac. Germ. 28). Всякая черта въ ихъ характерѣ, всякая несомнѣнная особенность ихъ языка, всякій доказанный фактъ ихъ исторіи выше всякаго сомнѣнія доказываютъ, что галаты или галлы были не славяне и не тевтоны, а кельты; и въ высшей степени вѣроятно, что самыя названія галаты и кельты этимологически тождественны. Умнчанье, которое старается всѣми способами испровергнуть принятая и доказанная заключенія, ведетъ лишь къ безконечной тратѣ времени и мѣста. Кому любопытно найти нѣчто болѣе касательно этого предмета, найдеть все нужное въ изслѣдованіи Лайфута Galatians, pp. 229—240.

⁸⁰³) Названіе толисобогіи или толосатобогіи, повидному, заключаетъ въ себѣ элементы Толоса (Тулуза) и Бойи. Этимологическое происхожденіе названія Тектосаги (которое встрѣчается также въ Аквитинѣ Caes. B. G. VI, 24; Strabo, p. 187) и Трокмъ — теперь неизвѣстно. Другіе города галатовъ были Абростолъ, Аморий, Толосохоріонъ — города толисобогіи; Корбей и Аспона — города тектосаговъ; Митрадацій и Данала — города трокмовъ.

⁸⁰⁴) Strabo, p. 567.

⁸⁰⁵) Liv. XXXVIII, 12: „Hi jam degeneres sunt; mixti et Gallograeci vere, quod appellantur“.

⁸⁰⁶) Теперь это простая куча развалин.

⁸⁰⁷) Объ этомъ предметѣ смотри ниже приложение X: „Жало въ плоть“.

⁸⁰⁸) Гал. IV, 12—14. Это мѣсто показываетъ, какъ необходимъ точный переводъ, основанный на лучшихъ чтеніяхъ. Только при тщательномъ изученіи характеристическаго греческаго подлинника ап. Павла мы получимъ, такъ сказать, возможность положить свои руки на грудь ему и подслушать всякое бѣненіе его сердца.

⁸⁰⁹) Сн. 2 Кор. II, 5, *ὅχι ἐμὲ λελόπηκεν*.

⁸¹⁰) Сн. 2 Кор. X, 10. Его тѣлесная внѣшность *ἀσθενής*, а его рѣчь *ἡσυχασμένη*.

⁸¹¹) Буквально: „вы не отнеслись съ презрѣніемъ и не поддались искушенію въ отношеніи моей плоти“; одно изъ тѣхъ благородно безпечныхъ выраженій писателя, который руководится чувствомъ, а не грамматикой. Оно означаетъ: „вы не презрѣли меня“ и проч., „хотя моя тѣлесная внѣшность была искушеніемъ для васъ“. „Grandis tentatio discipulis, si magister infirmetur“ (Primas). Касательно отношенія *ἐκπεσόντα* къ *ἐπιποσει* см. ниже стр. 838. Но это точно все, что могло бы быть объяснено офталміа.

⁸¹²) Страданія ап. Павла отъ путешествія при его болѣзненномъ состояніи тѣла удачно сравниваются Гаусономъ съ страданіями Злагоуста и Генриха Мартина въ Понтѣ. Они оба погребены въ Токаѣ (Команѣ) (Conib and How I, 295).

⁸¹³) Никто не оспариваетъ, что это само по себѣ можетъ быть метафорическимъ выраженіемъ, взятымъ съ какою нибудь жестокой жертвы, какъ напр. Cat. LXXXII:

Quinti si tibi vis oculos debere Catullum,
Aut aliud si quid carius est oculis.

Но какъ несравненно болѣе живымъ и поразительнымъ, несравненно болѣе соответствующимъ дѣлу становится это выраженіе, если это былъ припадокъ офталміа, отъ которой страдалъ ап. Павелъ!

⁸¹⁴) Нѣтъ сомнѣнія, что галаты, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, не были галльскіе крестьяне, которые были презираемы и невѣжественны (paene servorum loco habentur, Caes. B. G. VI, 13); галло-греки, не были болѣе образованные и эллинизированные Галлы городовъ (Long. in Dict. Georg. s. v.).

⁸¹⁵) Гал. III, 1. τῇ ἀληθείᾳ καὶ πνεύματι опушено въ *α, Α, Β, D, E, F, G*, и пр., а ἐν ὧν въ *α, Α, Β, C*.

⁸¹⁶) Гал. III, 1, *ὡς καὶ ὁφθαλμοῦς Ἰησοῦς Χριστός προσεγράφη ἐσταυρωμένος*. Правда, что *προσεγράφη* во всѣхъ другихъ мѣстахъ употребляется въ смыслѣ „писать раньше“ (Рим. XV, 4; Еф. III, 3), а не „прибавить къ столбу“ или „объявлять“ (Ar. Av. 450), даже въ эллинистическомъ и позднѣйшемъ греческомъ (1 Макк. X, 36; Иуда 4; Justin, Apol. II, 52, B); но смыслъ и контекстъ здѣсь понидому показываютъ, что ап. Павелъ употребилъ его — какъ часто употребляется въ новѣйшее время сложныя слова — въ иномъ смыслѣ (*προσεγράφη*). Величественная картина Иисуса Христа распятаго развертывалась предъ умственнымъ взоромъ этихъ духовныхъ чадъ Галатіи („Dicitur fascinus proprie infantibus posere“ — Primas.) для того, чтобы отвратить ихъ блуждающіе взоры отъ опаснаго чародѣйства, (т.е. *ὡς εἰς ἐξάσκαρον*) дурнаго глаза (ΠΥ У, Притч. XXIII, 6; Сирах. XIV, 6 и проч.; *βλάκωνι* Асман. Н. А. I, 53). При этомъ можно упомянуть объ огромномъ сверкающемъ знамени, по которому Августинъ и сопутствующіе ему монахи завидѣли Этельберта въ Кентерберіи.

⁸¹⁷) „Natio est omnis Gallorum admodum dedita religionibus“ (Caes. B. G. VI, 16).

⁸¹⁸) Гал. III, 5, *ὁ ἐπιχορηγῶν* (= съ преизбыткомъ снабжал; см. Фил. I, 19; 2 Петр.

I, 5) *ὅτι τὸ πνεῦμα καὶ ἐνεργεῖν δυνάμεις ἐν ὧν*. Последнее предложеніе несомнѣнно означаетъ: „совершая чудеса среди васъ“; но параллельныя мѣста 1 Кор. XII, 10; Матѣ. XIV, 2 повидимому показываютъ, что оно означаетъ: „совершая силы въ васъ“. См. также Ис. XXVI, 12; Евр. XIII, 21. *ἐνεργεῖν* означаетъ, какъ говоритъ епископъ Андриясъ, „дѣло совершенное въ насъ“. Въ 1 Кор. XII, 10 „чудотворенія“ отличаются отъ „даровъ исцѣленій“.

⁸¹⁹) Цезарь жалуется на ихъ „mobilitas“, „levitas“ и „infirmis animi“, и говоритъ: „in consiliis capiendis mobiles et novis plerumque rebus studentes“ (B. G. II, 1; IV, 5; III, 10; и Liv. X, 28).

⁸²⁰) Страбонъ, XII, 5, стр. 567, говоритъ, что они собирались на совѣщаніе въ Дри-неметѣ т. е. „святыя дуба“ (*drw* срав. *drō*; и *nemed* „храмъ“), въ родѣ того, какъ Vermetum = „великое святилище“ (Venant. Fortun. I, 9) и Augustonemetum = „святилище Августа“.

⁸²¹) Въ 204 г. до Р. Хр. См. Левит. XXIX, 10, 11. Названіе города ставилось въ весьма сомнительную связь съ *κασίον* (Herodian. I, 11).

⁸²²) Liv. XXXVIII, 18, Strabo p. 489; Diod. Sic. III, 58. Юліанъ намелъ, что культъ Цибелы все еще продолжалъ существовать въ Пессинѣ въ 363 г. по Р. Хр., и сдѣлалъ неудачную попытку возстановить его къ новой жизни (Amm. Marc. XXII, 9). Выгодный характеръ культа Цибелы — продажа оракуловъ и сборъ милостыни — могли имѣть притягательную силу для алчныхъ галловъ.

⁸²³) Страбонъ, XII, 5. Самое мѣстоположеніе Тапіи неизвѣстно.

⁸²⁴) Анкира, извѣстная тогда подъ названіемъ Себастія Тектосагумъ (въ честь Августа), теперь есть цѣлущій коммерческій городъ Ангора. Бавлосъ-Дагъ — Павлова гора — близъ Ангоры и теперь еще напоминаетъ путешественнику о посѣщеніи ап. Павломъ этихъ городовъ, что еще болѣе дѣлается вѣроятнымъ вслѣдствіе того, что они рано уже имѣли въ себѣ епископскія каноны.

⁸²⁵) Флав. Antt. XVI, 6, § 2. О боготвореніи Цезаря см. Tac. Ann. IV, 55, 56.

⁸²⁶) Themistius, Or. XXIII, p. 299; *ἰατρ. Wetstein* на Гал. I, 6. καὶ τριῶν τῶν παραγινόμε-
τος ἐκχρέμαται εὐθὺς; ὡς περ τῆς λήθου τὰ σιδήρια.

⁸²⁷) Гал. V, 7, 15, 21, 26. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что они были такіе пьяницы (*καίτοι καὶ ὑπερβολῶν*) что насыщались даже необдѣланнымъ виномъ, привозимымъ купцами, и пили съ такою жадностью, что или теряли сознание и засыпали или разъярялись до безумія (V, 26; срав. Ammian. Marc. XV, 12). Онъ также называетъ ихъ „чрезвычайно алчущими“ (V, 27; Liv. XXXVIII, 27) и рассказываетъ о ихъ безпорядочныхъ и буйныхъ припадкахъ ярости (V, 31; Ammian. Marc. I. c.).

⁸²⁸) Живучесть особенностей характера у нѣкоторыхъ народовъ необычайна, и всякій признаетъ нѣкоторыя изъ этихъ особенностей кельтовъ въ валлійцахъ, а другія — въ ирландцахъ. Древнія свидѣтельства о ихъ слабостяхъ и порокахъ собирались часто, но болѣе свѣтлыя черты, существовавшія тогда, какъ онѣ существуютъ теперь, главнымъ образомъ находятъ своего свидѣтеля въ ап. Павлѣ.

⁸²⁹) Гал. IV, 8; V, 2; VI, 12 и проч. Съ другой стороны IV, 9 приводится (Jowett, I, 187) какъ „почти явное свидѣтельство, что они были иудеи“; это однако же не слѣдуетъ съ полною необходимостью. Несомнѣнно, пиша о церкви, въ которой были какъ иудеи, такъ и язычники, ап. Павелъ могъ употреблять выраженія, которыя иногда болѣе применимы къ одному классу, а иногда къ другому, „по немощныя и бѣдныя вещественныя начала“, къ которымъ обращенцы „возвращаются“, могутъ относиться какъ къ иудейской, такъ и къ языческой общности, и нѣкоторые изъ нихъ быть можетъ прошли оба эти фазиса.

⁸³⁰) Ап. Петръ, обращаясь къ разсѣянными въ Галатіи и другихъ округахъ (1 Петр. I, 1),

вѣроятно имѣлъ въ виду какъ язычниковъ, такъ и иудеевъ. Частыя ссылки и примѣры изъ Ветхаго Завета въ посланіи къ Галатамъ быть можетъ представляютъ доказательство того, что нѣкоторые изъ обращенцевъ были первоначально прозелитами. Иначе невозможно было бы объяснить того обстоятельства, что „ни въ одномъ изъ посланій ап. Павла аргументація не имѣетъ болѣе иудейскаго характера“ (Jowett, I, 186). Гал. III, 27, 28 могутъ указывать на существованіе обращенцевъ изъ обоихъ классовъ.

⁸³¹⁾ Дѣян. XVI, 7. Это *ἀπὰς λαβόμενον*, которое есть несомнѣнно правильное чтеніе (N, A, B, C², D, E, и многие переводы и отцы церкви), быть можетъ указываетъ, что и св. Лука употребляетъ здѣсь нѣкоторый документъ, который доставилъ ему краткія замѣтки объ этой части путешествія ап. Павла. Тотъ замѣчательный фактъ, что въ полемикѣ о Риноке ни одна изъ сторонъ не ссылаясь на это выраженіе, показываетъ, какъ рано текстъ началъ подвергаться измѣненіямъ со стороны переписчиковъ.

⁸³²⁾ См. письмо Плинія къ Траяну (X, 97), когда онъ былъ проконсуломъ въ Вониніи и спрашивалъ совѣта, какъ ему поступать съ христианами.

⁸³³⁾ Таково должно быть значеніе *παρελθόντες* (= *ἀφίντες*, „пренебрегая“). Его нельзя переводить „проходя чрезъ“, что было бы *διελθόντες*, хотя взгляды на карту покажутъ, что они должны были проходить чрезъ Мисію безъ остановки. Причиной этого могло быть отсутствіе синагогъ и далеко неизвѣстный характеръ страны.

⁸³⁴⁾ Дѣян. XVI, 8, *κατέβησαν*.

⁸³⁵⁾ Дѣян. XX, 1, 2 въ сопоставленіи съ 2 Кор. II, 12; 1 Кор. XVI, 5—9; и Дѣян. XX, 6; 2 Тим. IV, 13.

⁸³⁶⁾ Дѣян. XVI, 10, *εὐθέως ἐκ-ἡγήσαντο* означаетъ, что они воспользовались первымъ удобнымъ, какой только могли найти для путешествія въ Македонію.

⁸³⁷⁾ Это видно изъ многихъ воинскихъ и атлетическихъ метафоръ въ его посланіяхъ.

⁸³⁸⁾ Дѣян. XIX, 21; срав. Рим. I, 13 — „я многократно намѣревался придти къ вамъ“; XV, 23 — „я съ давнихъ лѣтъ имѣлъ желаніе придти къ вамъ“. Эти мѣста были написаны въ Ахайю — вѣроятно въ Коринѣ — шесть или семь лѣтъ спустя послѣ этого.

⁸³⁹⁾ На это указываютъ *ἀνὴρ* и *ἑστώς*, а также и то что онъ сразу узнавъ въ немъ македонянина, видѣніе это называется *ὄραμα*, каковое слово употребляется о болѣе ясныхъ видѣніяхъ, чѣмъ сновидѣнію. Дѣян. X, 3, *ἐν ὁράματι φανερώς*. Матт. XVII, 9 (преображеніе).

⁸⁴⁰⁾ D, *διεγερθεὶς οὐκ ἐκ-ἡγήσατο τὸ ὄραμα ἡμῶν* (Дѣян. XVI, 10).

⁸⁴¹⁾ „Мы“ начинается въ Дѣян. XVI, 10; оканчивается, когда Павелъ оставляетъ Филиппы, XVII, 1. Оно вновь появляется въ Филиппинахъ къ концу третьяго миссіонерскаго путешествія, XX, 5, и продолжается до прибытія въ Иерусалимъ XXI, 18. Появляется опять въ XXVII, 1 и продолжается во все время путешествія въ Римъ. Лука находился апостоломъ также во время его перваго (Кол. IV, 14; Филим. 24) и втораго тюремнаго заключеній (2 Тим. IV, 11). Что 2 Кор. VIII, 18 относится къ нему, это далеко не несомнѣнно.

⁸⁴²⁾ Euseb. H. E. III, 4; Jer. De Virr. Illustr. Такие намеки, какъ „Николай, прозелитъ Антиохійскій“ и упоминаніе о христианахъ, важныхъ тамъ, но неизвѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ, придаютъ вѣроятность этому преданію (срав. XI, 20, XIII, 1 и проч.). Если бы мы хотѣли придать нѣкоторую важность чтенію D въ Дѣян. XI, 28 (*συνεστραμμένον δὲ ἡμῶν*), то оно показало бы намъ, что Лука былъ въ Антиохію въ теченіе того года, когда Павелъ и Варнава трудились тамъ до наступленія голода. Имя Lucas есть сокращеніе имени Lucanus, какъ Сила сокращеніе изъ Silvanus; но мнѣніе, что это было одно и то же лицо, совершенно негнѣно.

⁸⁴³⁾ Случайное подтвержденіе того, что онъ былъ язычникъ, Вордсвортъ (въ толкованіи на 1 Фесс. II, 9) замѣчаетъ въ томъ, что онъ говоритъ „день и ночь“ (Дѣян. IX, 24),

между тѣмъ какъ когда онъ передаетъ рѣчь ап. Павла (Дѣян. XX, 31; XXVI, 7, въ греческомъ подлинникѣ), онъ, подобно самому ап. Павлу (1 Фесс. III, 10; 2 Фесс. III, 8; 1 Тим. V, 5 и проч.), всегда говоритъ „ночь и день“, согласно съ иудейскимъ понятіемъ, что ночь предшествовала дню. Болѣе рѣшительное указаніе, что Лука былъ язычникъ, находится въ Дѣян. I, 19, въ выраженіи *τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ αὐτῶν*, проскользнувшимъ въ рѣчи ап. Петра. „Lucas, medicus Antiochenis, ut scripta ejus indicant“ (Jer.).

⁸⁴⁴⁾ См. великолѣпную статью Плюмтра о св. Лукѣ и ап. Павлѣ (The Expositor No. XX, Aug. 1876). Онъ приводитъ слѣдующее доказательство его медицинскихъ познаній: сочетаніе лихорадочныхъ припадковъ съ диссентеріей (Дѣян. XXVIII, 8) и употребленіе *τιμὴ* въ смыслѣ (?) honorarium; *ῥάσει* и *σφοδρὰ* въ Дѣян. III, 7 (ср. Hippocrates, p. 637); инкрустація, причиняемая офталміей (Дѣян. IX, 18); *ἐκστάσις* (Дѣян. X, 9, 10); *σκαληνὸς ὄφθαλμος* (Дѣян. XII, 23); „врачъ, пецил самъ себя“ находится только у Луки, IV, 23; *θρόμβος* (Лук. XXII, 44 и проч.).

⁸⁴⁵⁾ Смѣть, Voy. and Shipwreck, p. 15, показываетъ, что мореплаватели познания св. Луки хотя точны и однако же не показываютъ профессиональнаго знатока.

⁸⁴⁶⁾ Плюмтрь (тамъ же) пытается показать, что бесѣды съ Лукой врачемъ оставили свои слѣды на языкѣ и тонѣ мысли ап. Павла, какъ напр. въ частомъ употребленіи *ὁρᾶναι* (1 Тим. I, 10; VI, 3 и проч. въ восьми мѣстахъ), которое три раза встрѣчается у св. Луки и ни разу въ другихъ Евангеліяхъ; *νοσῶν* (1 Тим. VI, 4); *γὰγγραινα* (2 Тим. II, 17); *τοφθός* (1 Тим. III, 6; VI, 4 и проч.); *κεκοτηρισμένοι* (1 Тим. IV, 2); *κυρβόμενοι* (2 Тим. IV, 3); Гиннократъ, стр. 444; *γυνασία* (1 Тим. IV, 8); *στόμαχος* (1 Тим. V, 23); анти-аскетическій совѣтъ Кол. II, 23 (что означаетъ, что „аскетическія правила не имѣютъ значенія въ отношеніи тѣлесной полноты“, т. е. не могутъ служить средствомъ противъ ея послѣдствій отъ распухшихъ страстей); *κατατορῆ* (Фил. III, 2); *σκόβαλα* (Фил. III, 8 и проч.). Факты эти любопытны и замѣчательны, даже если бы они и не давали вполнѣ дѣлаемаго изъ нихъ вывода.

ГЛАВА XXV. ⁸⁴⁷⁾ См. Con. и Hews, I, 305. Описаніе путешествія у св. Луки, при всей своей краткости, однако же по обыкновенію чрезвычайно точно до малѣйшихъ подробностей.

⁸⁴⁸⁾ Св. Лука съ замѣчательною точностью опускаетъ *εὐδωρόμησαν* въ описаніи втораго для путешествія; ЮЮВ вѣтеръ — а такіе именно преобладаютъ по временамъ въ этой части Эгейскаго моря — быстро могъ нести ихъ прямо къ Самооракіи, но не въ столь же прямою направленіи отъ Самооракіи къ Неаполю.

⁸⁴⁹⁾ См. выше стр. 266.

⁸⁵⁰⁾ Arrian, IV, 105. На мѣстѣ, гдѣ теперь находится небольшая турецкая деревня Филебеджикъ.

⁸⁵¹⁾ Полное названіе „Colonia Augusta Julia Victrix Philippensium“ находится на надписяхъ (Miss. Archéol. p. 18). Много было писано касательно выраженія *ἥτις ἐστὶ πρώτη τῆς μερίδος τῆς Μακεδονίας πόλις κολωνία*. Обычное объясненіе состоитъ въ томъ, что оно означаетъ „первый городъ Македоніи, въ который они пришли“, считая Неаполь какъ находящимся технически во Фракіи. Обѣ части этого объясненія въ высшей степени невѣроятны: если *πρῶτη* означаетъ только „первый, куда они пришли“, то это было бы легкомысленное замѣчаніе и потребовало бы члена и несовершеннаго времени; и Неаполь, какъ портъ Филиппы, считался несомнѣнно македонскимъ городомъ. *Πρῶτη* можетъ быть оправдана политически — потому что Филиппы, хотя и не столица Первой Македоніи, были несомнѣнно важнѣе, чѣмъ Амфиполь. По мнѣнію Вордсворра оно означаетъ „главный городъ границы Македоніи“ (Срав. Иезек. XLV, 7).

⁸⁵²⁾ Ливій, XLV, 18—29. Мы не можемъ быть увѣрены, что эти раздѣленія еще существовали.

⁸⁵³) Дѣян. XVI, 13. Таковъ именно смыслъ, который я извлекаю изъ различныхъ чтеній κ , A, B (?), C, D и изъ переводовъ.

⁸⁵⁴) Дѣян. XVI, 13, $\pi\acute{o}\lambda\eta\varsigma$ въ κ , A, B, C, D и проч.

⁸⁵⁵) Быть можетъ отъ того же самого корня, какъ Гангъ (Reuan, стр. 145).

⁸⁵⁶) Она называлась Кимерь (Miss. Archéol. p. 118).

⁸⁵⁷) Эти молебны представляли собою кругообразныя загороди, совершенно открытыя сверху (*Epirrhon*, Нагс. LXXX, 1), часто строились на берегу моря или рѣкъ (*Phil. in Flacc.* 14; *Jos. Antt.* 10 § 23; *Tert. ad Nat.* I, 13; *Juv. Sat.* III, 12), для удобства частыхъ омовеній, которыя требовались иудейскимъ богослуженіемъ.

⁸⁵⁸) Дѣян. XVI, 13, $\epsilon\lambda\lambda\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu$; 14, $\tau\omicron\iota\varsigma$ $\lambda\alpha\lambda\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\iota\varsigma$.

⁸⁵⁹) Провинція Лидія славилась искусствомъ окраски въ пурпурный цвѣтъ (*Ном.* II, VI, 141; *Claud. Rapt. Proserp.* I, 270; *Strabo*, XIII, 4, 14). Уэллеръ нашелъ надпись въ $\Theta\iota\alpha\tau\iota\rho\acute{\iota}$, гласящую „красильщики“ ($\omicron\iota$ $\beta\alpha\phi\epsilon\iota\varsigma$).

⁸⁶⁰) Дѣян. XVI, 14, $\eta\kappa\omicron\upsilon\epsilon\nu\dots \delta\epsilon\acute{\iota}\gamma\omicron\iota\varsigma\epsilon\nu$. Какъ не похоже на вымыселъ погѣтованіе, что призванный видѣнъ въ Македонію онъ первымъ и самымъ важнымъ обращеніемъ своимъ имѣлъ женщину изъ Азіи, въ которой духъ запретилъ ему проповѣдывать!

⁸⁶¹) 1 Тес. II, 5, 7, 9; два раза въ Тессалоникѣ, Фил. IV, 16; разъ въ Афинѣхъ, 2 Кор. XI, 9; разъ въ Римѣ, Фил. IV, 10.

⁸⁶²) См. *Lightfoot*, Philip. p. 55.

⁸⁶³) Правда, что имя это еще нигдѣ не встрѣчается, но я не могу ни на моментъ думать выстѣ съ Климентомъ Александрийскимъ (*Strom.* III, 6, § 53) и Епифаніемъ (Н. Е. III, 30), что слово $\Sigma\upsilon\lambda\lambda\epsilon\iota\varsigma$ означаетъ „жена“. Лидія не упоминается въ посланіи, если только имя этой лидійской женщины не было Эводія или Синтихія. Она быть можетъ умерла или возвратилась въ свой родной городъ въ промежуточные годы. Она несомнѣнно была бы поименована, если бы посланіе это было подложнымъ.

⁸⁶⁴) Фил. I, 27, πολιτεύων ; III, 20, πολιτεύομαι .

⁸⁶⁵) Фил. I, 27, $\sigma\tau\acute{\iota}\chi\eta\tau\epsilon$; III, 12, $\delta\acute{\iota}\omega\kappa\omega$; 14, $\epsilon\pi\acute{\iota}$ $\tau\omicron$ $\beta\epsilon\alpha\beta\epsilon\iota\omicron\nu$; IV, 3, συνήλθοντες ; I, 27, συνελθόντες ; III, 16, $\tau\omicron\upsilon$ $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$ $\sigma\tau\omicron\iota\gamma\epsilon\iota\nu$.

⁸⁶⁶) См. превосходное замѣчаніе Гаусрата, стр. 281 и слѣд.

⁸⁶⁷) Дѣян. XVI, 16, πνεῦμα πύθωνα (κ , A, B, C, D и проч.). Соответствующее ветхозавѣтное выраженіе есть רוח — *объ* (Лев. XX, 6). Оно указываетъ на употребленіе чревоушнчанія, какъ я и показалъ подъ словомъ „Divination“ въ библейскомъ словарѣ Смита. Въ этотъ періодъ, какъ и задолго прежде, люди этого рода, обыкновенно женщины, считались пророчательницами, вдохновляемыми Пнейскимъ Апполономъ (πυθολητοῦ). Отсюда они назывались Πυθωνεῖς и Εὐρυκτεῖς , отъ древняго прорицателя по имени Эврика, и ἐγγαστρίμοχοι отъ конвульсивныхъ движеній и говоренія изъ глубины желудка, которыми сопровождался ихъ припадки (*Софокл.*, *Ιγ. στεργόμαντις*). См. *Паутарж.*, De Defect. Огас. 9; *Galen. Gloss.* Hippocr. ($\text{ἐγγαστρίμοχοι οἱ κεκληρισμένοι τοῦ στόματος φθεγγόμενοι διὰ τοῦ δοκεῖν ἐκ τῆς γαστρὸς φθεγγέσθαι}$). *Исих.* подъ этимъ словомъ *Schol.* ad Ar. Vesp. 1019. Тертуллианъ, *Apol.* 23, явно опредѣляетъ ихъ людьми, „qui de Deo pati existimantur, qui anhelando praefantur“. Неандеръ приводитъ изъ Эллиса интересный фактъ, что жрецъ Обо оказался неспособнымъ воспроизвести свои прежніе конвульсивные восторги предполагаемаго вдохновенія послѣ своего обращенія въ христіанство.

⁸⁶⁸) Мы знаемъ, что „идолъ ничто въ мірѣ“, и поэтому выраженіе, что эта дѣвица имѣла „Пнейскаго духа“, есть только ходячая языческая фразеологія касательно его. Гиппократъ приписывалъ эпилептическія болѣзни обладанію Апполономъ, Цибелой, Посейдономъ и проч., De Morbo Sacr. (Con. and H. I, 321).

⁸⁶⁹) Дѣян. XVI, 16, $\alpha\pi\alpha\tau\eta\tau\alpha\iota$; 17, $\kappa\alpha\tau\alpha\lambda\omicron\upsilon\theta\eta\tau\alpha\iota$.

⁸⁷⁰) Рабы; срав. Дѣян. IV, 29; Рим. I, 1; Тит. I, 1.

⁸⁷¹) Дѣян. XVI, 18, διαπονηθεῖς . Тоже самое слово употреблено въ сильныхъ угрозахъ священниковъ въ отношеніи ученія апостоловъ въ Иерусалимѣ (Дѣян. IV, 2).

⁸⁷²) Дѣян. XVI, 19, $\epsilon\beta\eta\lambda\theta\epsilon\nu$ η $\epsilon\lambda\pi\epsilon\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\epsilon\rho\gamma\alpha\sigma\iota\alpha\varsigma$ $\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$. Употребленіе того же самого слова послѣ $\epsilon\beta\eta\lambda\theta\epsilon\nu$ ($\tau\omicron$ πνεῦμα) $\alpha\upsilon\tau\eta$ $\tau\eta$ $\omega\rho\alpha$ быть можетъ намѣренно.

⁸⁷³) Это доказывается надписями, найденными въ Филиппахъ, которыя говорятъ о жертвователяхъ на храмъ Сильвана, изъ которыхъ почти всѣ были рабы или отпущенники (Miss. Archéol., p. 75).

⁸⁷⁴) Дѣян. XVIII, 2; Suet. Claud. 25. См. Ewald, VI, 488.

⁸⁷⁵) Иудейство было religio licita, но всякій дѣятельный прозелитизмъ подлежалъ строгому наказанію. См. *Paul. Sentent.*, 21; *Serv. Virg.* AEn. VIII, 187; и замѣчательный софизмъ Мецената Августу презирать и наказывать всѣхъ религіозныхъ нововодителей ($\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\delta\epsilon$ $\epsilon\nu\acute{\iota}\zeta\omicron\nu\tau\alpha\iota$ $\tau\iota$ $\text{περὶ αὐτῶ} [\tau\omicron$ $\theta\epsilon\iota\omega]$ $\kappa\alpha\iota$ $\mu\iota\sigma\epsilon\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\kappa\epsilon\lambda\epsilon\iota\varsigma$. *Dio. Cass.* VII, 36). „Quoties“, говоритъ Ливій, „hoc patrum avorumque aetate negotium est ut sacra externa fieri vetarent, sacrificulos vatesque foro, circo, urbe prohiberent“ (*Liv.* XXXIX, 16).

⁸⁷⁶) Быть можетъ aediles (Miss. Archéol. p. 71).

⁸⁷⁷) Дѣян. XVI, 19, $\epsilon\beta\eta\lambda\theta\omicron\upsilon\sigma\alpha\nu$ $\text{πρὸς τὴν ἀγορὰν ἐπὶ τοὺς ἄρχοντας}$; 20, $\kappa\alpha\iota$ $\text{προσάγο-νόντες τοῖς στρατηγοῖς}$. Различные глаголы, изъ которыхъ второй гораздо мягче, именно, и различные титулы ифроты, указываютъ на то, что сказано въ текстѣ.

⁸⁷⁸) Дѣян. XVI, 20, στρατηγός есть греческій переводъ первоначальнаго военнаго титула „Praetor“, и это былъ также греческій титулъ вообще для главныхъ властей въ маленькихъ городахъ (*Ar. Polit.* VII, 8). Обычай этотъ, повидимому, былъ введенъ въ Италію, гдѣ Цицеронъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ съ завистью отмѣчаетъ „cupiditas“, которая побуждала Капуанскихъ дуумвировъ величаться титуломъ „pretoribus“, и высказалъ предположеніе, что они скоро дойдутъ до такого безстыдства, что будутъ называть себя „консулами“. Онъ замѣчаетъ также, что ихъ „ликторы“ носили не только прутья (*bacilli*), но настоящіе пучки розогъ съ топо-рами внутри (*fusces*), какъ въ Римѣ (*De Leg. Agrar.* 34). Названіе „stradigo“ держалось въ нѣкоторыхъ городахъ до позднѣйшаго времени (*Welst.* in loc.).

⁸⁷⁹) Дѣян. XVI, 20, $\text{τοὺς αἰτοῦσιν ὑπάρχοντας}$; 21, Ρωμαίοις οἰσιν . Такъ какъ ни „заклинанія“, ни „иудейство“ (хотя они считали Иудею какъ „suspectiosa et maledica civitas“, *Cic. pro Flacc.* 28 и вообще *teterrima*, *Tac.* II, V, 8), не считались преступленіями, то владѣльцы рабыни должны были прибѣгнуть къ неопредѣленному обвиненію въ введеніи прозелитизма.

⁸⁸⁰) Miss. Archéol. p. 40.

⁸⁸¹) Иудей, къ которымъ такъ безчестно относился Флаккъ, считали это, какъ считалъ и самъ Павелъ (1 Тес. II, 2, $\text{ὀφρὲς θέντες, ὡς οἰδατε, ἐν Φιλίπποις}$), жестокииъ отягченіемъ ихъ страданій (*Philo.* in Flacc. 10, $\text{αἰκισθῆναι μάλιστα αἰς ἔθος τοὺς κακοῦργων πονηροτάτους προδικάζειναι}$).

⁸⁸²) Языкъ ап. Павла въ стихѣ 37 быть можетъ имѣетъ общій характеръ. Если такъ, то едва ли бы онъ сталъ настаивать на преимуществѣ, которое могло бы защитить его одного.

⁸⁸³) Объ этомъ разрываніи одежды см. *Liv.* VIII, 32, *Tac.* H. IV, 27; *Val. Max.* II, 7, 8; *Dion Halic.* IX, 39. Здѣсь употребленные глаголы scindere, spoliare, lacerare (также техническое слово для выраженія истерзанія спины розгами), περικατὰρρήζαναι , показываютъ, что бичеваніе произведено было съ жестокостью и полнымъ издѣвательствомъ.

⁸⁸⁴) Болѣе низкое положеніе, чѣмъ положеніе апостола, на половину уменьшило бы мучительность этого истязанія (cf. *Cic.* in Verr. II, V, 62, „Nunc se commemoratione civitatis omnia verbera depulsurum, cruciatumque a corpore dejecturum arbitrabatur“).

⁸⁸⁵) *Cato* ap. Aul. Gell. X, 3.

⁸⁸⁶) Пяти *иудейскимъ* бичеваніямъ онъ вѣроятно подвергся безъ всякаго протеста (см. выше стр. 28). Противъ четвертаго почти звѣрскаго бичеванія плетью (?) онъ защитилъ себя своимъ гражданскимъ преимуществомъ (Дѣян. XXII, 25). То и другое показываетъ, какъ легко, среди возбужденія, римскій гражданинъ могъ лишиться своего права быть выслушаннымъ или понятымъ; и примѣръ, упоминаемый Цицерономъ, который говоритъ, какъ безжалостно Верресъ бичевалъ одного гражданина изъ Мессины, хотя „inter dolorem crepitumque plagarum“ онъ не переставалъ восклицать „Civis Romanus sum“, показываетъ, что въ провинціяхъ грубая власть могла иногда издѣваться надъ правами тѣхъ, которые не имѣли возможности наставить на нихъ (Cic. in Verr. I, 47; V, 62 и проч.). Затѣмъ уваженіе къ этимъ правамъ тѣмъ болѣе ослаблялось еще безстыдной продажей ихъ отпущенникамъ и другимъ со стороны безчестной Мессалины (Dion Cass. LX, 676). А еще легче было растлѣнуть законъ на столько, чтобы истолковать его такъ, что будто бы они лишались этого своего права вслѣдствіе своихъ преступленій. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что во времена Имперіи не только граждане, но даже сенаторы подвергались бичеванію, были мучимы и предаваемы смерти, не находя ни малѣйшей защиты въ законахъ Порція и Валерія (Тис. Н. I, 6; II, 10 и проч.). И хотя ап. Павелъ добровольно, даже съ радостью, переносилъ неизбежныя пытанія, которыя встрѣчались ему при исполненіи долга (2 Кор. XI, 23), я не думаю, чтобы онъ принялъ обиду или несправедливость, которой имѣлъ полное право избѣгнуть.

⁸⁸⁷) Дѣян. XVI, 24, *ῥολον* или *ποδοκία* (см. Іовъ, XIII, 27). Въ латинскомъ текстѣ *pergens*. Колода эта имѣла пять отвертій и отсюда называлась *πεντεσόρυγγον* (Schol. Ar. Eq. 1046; см. Poll. VIII, 72; *Plant. Capt.* III, 79; *Enseb.* Н. Е. VI, 39; Job. XIII, 27; XXXIII, 11; Jer. XXIX, 26).

⁸⁸⁸) Если по Туллиану въ Римѣ мы можемъ судить и о другихъ тюрьмахъ, а имя это, повидимому, было нарицательнымъ для самой низкой тюрьмы или самой внутренней ея части, даже въ провинціальныхъ городахъ (*Appul. Met.* IX, 183; *Соп.* и Н. I, 326), — то есть основаніе думать, что это было ужасное мѣсто. И на самомъ дѣлѣ каковы должны были быть древнія языческія областныя тюрьмы, когда мы примемъ во вниманіе, что представляли собою англійскія, христіанскія, лондонскія тюрьмы какихъ нибудь 50 лѣтъ тому назадъ?

⁸⁸⁹) Нога „никого не чувствуетъ въ колодкахъ“, говоритъ Тертуліанъ, „когда душа находится на небѣ; хотя тѣло держится крѣпко, но духъ свободенъ“. Надъ христіанскимъ терпѣніемъ насмѣхались, какъ надъ „дикимъ упрямствомъ“. Въ язычницѣ оно восхвалялось бы, какъ величественное геройство.

⁸⁹⁰) См. De custodia et exhibitioe reorum, XLVIII, III, 12 и 16.

⁸⁹¹) *Sen. De Prov.* II, 6; Ep. 58; *Diog. Laert.* VII, 130; *Cic. de Fin.* I, 15, и проч.

⁸⁹²) Дѣян. XVI, 17, *ὁδὸν σωτηρίας*: ст. 30, *ὅτι σωθῶ*.

⁸⁹³) Дѣян. XVI, 33, *ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ*.

⁸⁹⁴) „Ἐλοῦσεν καὶ ἐλοῦθη — онъ омылъ и былъ омытъ“, говоритъ Златоустъ. О значеніи выраженія *οἱ αὐτοὶ πάντες* (Дѣян. XVI, 33) и *ὁ οἶκος αὐτῆς* (ст. 15), см. XVIII, 8; 1 Кор. I, 16. О крещеніи младенцевъ см. *Coleridge, Aids to Reflection*. Церковь англиканская не дѣлаетъ прямого употребленія этого аргумента въ членѣ XXVII. Но хотя замѣчаніе Бенгеля „*Quis credat in tot familiis nullum fuisse infantem?*“ не имѣетъ рѣшительнаго значенія, но остальная часть его замѣчанія „*Et Judaeos circumcidendis, Gentiles lustrandis illis assuetos non etiam obtulisse illos baptismo?*“ имѣетъ много вѣса.

⁸⁹⁵) Дѣян. XVI, 34, *ἡγγλίστα*, прошед. несоверш. С. D различныя переводы и проч. Καίτοι οὐδὲν ἦν ἀλλὰ ῥήματα μόνον καὶ ἐλπίδες χρησταί.

⁸⁹⁶) Дѣян. XVI, 35. D прибавляетъ *ἀναμνηθέντες τὸν σεισμόν τὸν γεγονότα*.

⁸⁹⁷) Дѣян. XVI, 37. Выраженіе *Ῥωμαῖοις ὑπαρχόντας* быть можетъ есть намекъ на дерз-

кихъ *Ῥωμαῖοις ὑπαρχόντες* и *Ῥωμαῖοις ὄντι* обвинителей (ст. 21). См. *Lex Cornelia, Dict. of Antt.* p. 638; *Paulus, Instt. let.* IV De incuriis § 8.

⁸⁹⁸) Целлеръ высказываетъ (*Hilgenfeld's Zeitschr.* 1864, p. 103) удивительную теорію, что это есть воспроизведеніе разсказа, находящагося въ сочиненіи Лукіана Тохаріс (27—34) касательно греческаго студента медика по имени Антифила, который заключенъ былъ въ тюрьму въ Египтѣ съ своимъ слугою по ложному обвиненію въ воровствѣ изъ храма. Кренкель (стр. 221) называетъ „перетопченными умищахъ“ теорію, что повѣствованіе Дѣяній есть подражаніе этому разсказу. И это называется критицизмом!

⁸⁹⁹) *Cic. in Verr.* II, 1, 9; *Plant. Curcul.* V, 3, 16; *Tac.* Н. I, 6.

⁹⁰⁰) *Cic. pro Rabir.* 3.

⁹⁰¹) „*Facinus est vinciri civem Romanum, scelus verberari*“, *Cic. in Verr.* V, 66.

⁹⁰²) Дѣян. XVI, 39, D, *παράγοντες μετὰ φίλων πολλῶν εἰς τὴν φυλακὴν*.

⁹⁰³) Все это въ высшей степени вѣроятно, иначе я конечно не привелъ бы этого на единственномъ и мечтательномъ авторитетѣ кодекса D, *εἰπόντες ἡγροῦσθαι τὰ καθ' ὅμους ὅτι ἔστε ἄνδρες δίκαιοι* и проч. и *μήποτε πάλιν συσταθῶσιν ἡμῖν ἐπακρόζοντες καθ' ὅμους*.

⁹⁰⁴) Третье лицо вновь употребляется въ Дѣян. XVII, 1, а первое лицо опять встрѣчается въ Дѣян. XX, 5.

⁹⁰⁵) Фил. I, 28—30. Хотя кое-гдѣ апостолы приобрѣтали обращенцевъ изъ высшихъ классовъ, но они считали своею славой, чтобы послѣдователи ихъ главнымъ образомъ были младенцы и дѣти человѣческаго разума, а не мудрецы, не знатные и богатые, а слабыя міра сего. „Философія“, говоритъ Вольтеръ, „никогда не имѣла значенія для народа. *Canaille* настоящаго времени совершенно похожъ на *canaille* послѣднихъ 4000 лѣтъ. Намъ нѣтъ дѣла до просвѣщенія чеботарей и служанокъ. Это дѣло апостоловъ“. Да, и это было дѣло Христа.

ГЛАВА XXVI. ⁹⁰⁶) Геродотъ, VII, 114.

⁹⁰⁷) Оукидитъ, IV, 103—107; V, 6—11.

⁹⁰⁸) Ливій, XLV, 30.

⁹⁰⁹) Городъ этотъ сдѣлался столь незначительнымъ, что Страбонъ даже не упоминаетъ о немъ.

⁹¹⁰) *Plin.* Н. N. IV, 17.

⁹¹¹) *Cic. pro Planc.* 41.

⁹¹²) 1 Оес. I, 8, *ἐξήχηται*.

⁹¹³) Дѣян. XVII, 1. *ἡ συναγωγὴ* вѣроятно правильное чтеніе, хотя *ἡ* и нѣтъ въ *κ*, *Α*, *Β*, *Д*. Во всякомъ случаѣ оно, очевидно, означаетъ, что тамъ была лишь одна синагога, и преданіе еще указываетъ на мечеть — нѣкогда христіанскую церковь св. Димитрія, которая будто бы стояла на этомъ самомъ мѣстѣ. Въ Салоникахъ теперь почти сорокъ иудейскихъ синагогъ.

⁹¹⁴) 1 Оес. II, 9, *νοκτὰς γὰρ καὶ ἡμέρας ἐργαζόμενοι, πρὸς τὸ μὴ ἐπιβῆσαι τετὰ ὁμῶν* и пр.

⁹¹⁵) Фил. III, 8, *τὰ πάντα ἐξημέρω*.

⁹¹⁶) Онъ едва ли бы премирнулъ тамъ побыть по долѣе, потому что Филиппы находились въ 175 верстахъ отъ Оессалоники и для полученія извѣстій туда и обратно потребовалось бы значительное время.

⁹¹⁷) На это указываетъ *Levin, Fasti Sacri*, p. 290; *St. Paul*, I, 231.

⁹¹⁸) 1 Оес. II, 2, *ἐπαρρησιασάμην*: Дѣян. XVII, 2, *διελέγοτο αὐτοῖς*. Ученіе въ синагогѣ допускало разсужденія и отвѣты (Іоан. VI, 25 и проч.), какъ это и теперь бываетъ въ раввинскихъ синагогахъ.

⁹¹⁹) Дѣян. XVII, 3, *διανοήτων καὶ παράτιθέμενος*.

⁹²⁰) Одинъ изъ нихъ былъ Секундъ (Дѣян. XX, 4) и быть можетъ Гаій (XIX, 29). Имена эти довольно ходячіе, но любопытно совпаденіе, что они, какъ и имя Сосинатра, находятся на надписи среди политарховъ на триумфальной аркѣ Оссалоники.

⁹²¹) Дѣян. XIX, 29; XX, 4; Кол. IV, 10, συναδικαίωτος; Флиим. 24.

⁹²²) Въ Дѣян. XVII, 4, даже если манускрипты не даютъ достаточныхъ данныхъ въ пользу чтенія τῶν τε σεβόμενων καὶ ἑλλήνων (А, D, Вулг., Контекст. переводъ), однако же посланія рѣшительно доказываютъ, что язычники преобладали среди обращенцевъ.

⁹²³) „Subversae Deorum arae, lares a quibusdam in publicum abjecti“ (Suet. Calig. 5). „Plures nusquam jam Deos ullos interpretabantur“ (Plin. Epp. VI, 20; см. выше стр. 19).

⁹²⁴) 1 Оес. III, 4. „Мы и тогда предсказывали вамъ, что будемъ страдать“. Ὁ ἐγὼς μοῦ ἐγὼς τοῦ πατρὸς (изреченіе Спасителя. Orig. Hom. in Jerem. III, 778).

⁹²⁵) Это съ достаточной очевидностью, будемъ ли мы читать ἡρώδης; въ Дѣян. XVII, 5 (А, В, Е, и многіе переводы), или нѣтъ.

⁹²⁶) „Iliberales autem et sordidi quaestus mercenariorum omniumque quorum operae non artes sunt; est enim ipsa merces auctoramentum servitutis“ (Cic. De Off. I, 42).

⁹²⁷) Subrostrani (Cic. Epp. Fam. VIII, 1, 2), subbasilicani (Plant. Capt. IV, 2, 35), turba forensis.

⁹²⁸) Дѣян. XVII, 5, τῶν ἀγοραίων ἄνδρες τινὰς ποιητοὺς. Сн. Ar. Eg. 181; Sen. De Benef. 7.

⁹²⁹) Названіе это неизвѣстно въ классической литературѣ. Это могло бы дать прекрасное поприще для подозрительной изобрѣтательности Баура и Целлера, если бы оно къ счастью не сохранилось въ титулѣ Оссалоникиѣйскихъ влостей на надписи, которую еще можно читать на триумфальной аркѣ въ Оссалоникиѣ, известной подъ названіемъ Вардарскихъ воротъ (Böckh. Inscr. 1967). Эта арка въ недавнее время была разрушена, но обломки ея были спасены англійскимъ консуломъ и перевезены въ Британскій музей въ 1876 году. Тамъ можно видѣть семь именъ и между ними имена Сосинатра, Гаія и Секунда. Въ Urbs Libera Оссалоникиѣ нѣтъ самозванныхъ стратѣговъ или ῥαβδοῦχοι какъ было въ колоніи въ Филиппахъ, но тамъ были δῆμος и πολιτάρχαι.

⁹³⁰) Выраженіе это показываетъ, какъ широко было распространено христіанство и быть можетъ указываетъ на недавнія событія въ Римѣ, которыя могли бы быть достаточнымъ основаніемъ для самихъ іудеевъ держаться нѣсколько въ сторонѣ и возбуждать язычниковъ къ изгнанію апостоловъ.

⁹³¹) Эта полупистина, которая дѣлала обвиненіе тѣмъ болѣе ложнымъ, заключается въ проповѣди апостола о второмъ пришествіи (въ 1 и 2 посланіяхъ въ Оссалоникиѣ) и о царствѣ Христа (1 Оес. II, 12; 2 Оес. II, 5), а также быть можетъ и въ нѣкоторомъ искаженіи того, что онъ говорилъ имъ о ὁ κατέχων и τὸ κατέχον (2 Оес. II, 6, 7). „Nec Caesaribus honor“ есть одна изъ жалобъ Тацита на іудеевъ (Hist. V, 5).

⁹³²) На страницахъ Тацита мы видимъ, что безконечная растяжимость этого обвиненія — въ crimen majestatis — и дѣлала именно столь страшнымъ систему тираніи (Ann. III, 38). Упоминаемые здѣсь факты поразительно подтверждаютъ это. Всякій, кому бы захотѣлось сдѣлаться delator, могъ бы погубить безвѣстнаго іудея также легко, какъ могъ бы погубить и какого нибудь знатнаго и снзйнаго человека.

⁹³³) Дѣян. XVII, 9, λαβόντες τὸ ἱκανόνъ звучитъ въ родѣ перевода латинской фразы „satisfactio accepta“. Срав. Левитъ XXV, 26 (LXX). По іудейскому мнѣнію Римляне любяли справедливость, и это-то тѣмъ охотнѣе заставляло іудеевъ принять ихъ иго (Jos. Antt. XVII, 0, § 4; 13 § 2; B. J. VI, 6, § 2; Dion. Cass. XXXVI, 37). Титъ лишилъ ихъ всѣхъ общихъ преимуществъ, которыми они надѣлены были въ Римѣ (I. Fl. B. J. VI, 2, § 4).

⁹³⁴) Я согласенъ съ Алффордъ въ томъ мнѣніи, что упоминаніе Тимофея въ надписаніи

обоихъ посланій и посольство его къ нимъ изъ Аѳинъ доказываютъ, что онъ былъ съ ап. Павломъ во время этого посѣщенія.

⁹³⁵) Верея быть можетъ македонское искаженіе названія Ферея (срав. Βέρεππος; см. Φέλιππος). Теперь она называется Кара Ферія.

⁹³⁶) Cic. in Pis. 36. Приведено у Wetstein ad loc.

⁹³⁷) Дѣян. XVII, 11 εὐγενέστεροι. Выраженіе это интересно, какъ примѣръ εὐγενής употребляемого (какъ въ новѣйшія времена) во второстепенномъ или нравственномъ смыслѣ. Лучшій комментарий на нее есть „Nobilitas sola est atque unica virtus“.

⁹³⁸) Дѣян. XVII, 13, σκευόντες τοὺς ὄχλους.

⁹³⁹) Дѣян. XVII, 14, ὡς ἐπὶ τῇ θάλασσῃ есть просто плеонастическая фраза для выраженія „въ направленіи моря“ (Страбонъ, XVI, 2 и проч.). Эосъ, чтеніе кодексовъ R, A, B, F и другія варіаціи текста, повидимому возникли вѣдѣствіе сравнительной рѣдкости его употребленія. Мнѣніе, что онъ будто бы только притворялся, что отправился къ морю и затѣмъ повернулъ, чтобы отправиться сухимъ путемъ, возникаетъ изъ ошибочнаго толкованія этой фразы.

⁹⁴⁰) Быть можетъ въ Аморъ или Мерону (Renan, St. Paul, p. 166; Strabo, VII pp. 20, 12; Leake, III, 435).

⁹⁴¹) Прибавка D παρὴν δὲ τὴν Θεσσαλίαν ἐκωλύθη γὰρ εἰς αὐτοὺς κυρῆσαι τὸν λόγον не проливаетъ никакого свѣта на этотъ вопросъ.

⁹⁴²) Отплылъ ли ап. Павелъ по Эврупу или къ востоку отъ Эвбеи, неизвѣстно. Первый путь былъ болѣе обыкновеннымъ.

⁹⁴³) Pausan. Attic. I, 28, 2; Herod. V, 77.

ГЛАВА XXVII. ⁹⁴⁴) О чувствѣхъ, испытанныхъ Цицерономъ, Сулпиціемъ, Плиніемъ, Аполлоніемъ Тианскимъ и другими, можно читать въ Cicero, Ep. ad Quint. frat. I, 1; Epp. Jam. IV, 5; ad Att. V, 10; VI; Tac. Ann. II, 56; Plin. Ep. VIII, 24; Philostr. Vit. Apoll. V, 41; Renan, St. Paul, 167; но, какъ прибавляетъ послѣдній, „Павелъ принадлежалъ иному міру; его святая земля была не здѣсь“.

⁹⁴⁵) Дѣян. XVII, 15, λαβόντες ἐντολήν πρὸς τὸν Σύλιν καὶ τὸν Τироῦθεν ἵνα ὡς τάχις ἐλθῶσιν πρὸς αὐτὸν.

⁹⁴⁶) Pausan. I, I, 4; Ψευδὴς подл. слов. Ἀγνώτες θεοί; см. стр. 356.

⁹⁴⁷) Они находились на дорогѣ между Фалерскимъ портомъ и городомъ, и ап. Павелъ быть можетъ присталъ къ берегу въ Фалерѣ, ближайшей, хотя и не самой обычной, пристани для кораблей, приходящихъ изъ Македоніи.

⁹⁴⁸) Дѣян. XVII, 23, διερχόμενος καὶ ἀναθεωρῶν τὰ σεράματα ὁμων.

⁹⁴⁹) Дѣян. XVII, 16, παροῦντος τοῦ πνεύματος αὐτοῦ. Сн. 1 Кор. XIII, 5 οὐ παροῦνται: „не раздражается“.

⁹⁵⁰) Petron. Sat. 17.

⁹⁵¹) Мартинъ, послѣ замѣчанія, что новѣйшія жизнеописанія ап. Павла очень много похожи на „пояснительныя руководства, столь богатыя свѣдѣніями, что большая часть ихъ была бы новою для самого ап. Павла“, прибавляетъ, что „въ окрестностяхъ Саламина или Мареоны онъ вѣроятно не болѣе вспоминалъ о прошедшемъ, чѣмъ браминъ, при путешествіи по полямъ Эдонгилла или Марстонской равнины“ (Studies in Christianity, p. 417).

⁹⁵²) Въ Талмудѣ ничто такъ не изумляетъ, какъ полное отсутствіе всякаго географическаго, хронологическаго и историческаго смысла. Истинъ іудей того фарисейскаго класса, въ средѣ котораго былъ воспитанъ ап. Павелъ, болѣе заботился о какой нибудь мелочной галахъ, о питіяхъ въ цинцѣ, чѣмъ о всей исторіи языческаго міра.

⁹⁵³) I. Phasiis, Antt. XIX, 8, § 5.

⁹⁵⁴) „Athenae simulacra deorum hominumque habentes omni genere et materiae et artium insignia“ (Ливий, XLV, 27).

⁹⁵⁵) Читатель припомнит порицание, выраженное Гамалиллу просто за то, что он вошел в баню, в которой находилась статуя Афродиты (См. ниже стр. 828).

⁹⁵⁶) Он повернулся назад и никогда не входил сюда больше (Symonds, Renaissance, стр. 347).

⁹⁵⁷) Renan, St. Paul, 172. Слово κατείδωλον однакоже принадлежит св. Лукѣ, а не ап. Павлу.

⁹⁵⁸) „Языческое боготворение красоты... облагораживало искусство и портит природу; извлекало чудеса из каменоломен Пентелики и ужасы из населения Рима и Коринфа; усовершенствовало мрамор храма, и унижало человеческое достоинство богомольца. Язычество выродилось в чудовищное сочетание физической красоты и нравственного безобразия“ (Martineau, Hours of Thought, p. 306).

⁹⁵⁹) См. Apollonius, Ep. LXX (там же). „Ἕλληνες οἶσθε θεῖν ὀνομαζέσθαι... ἀλλ' ὅρων γε οὐδὲ τὰ ὀνόματα μένει τοῖς πολλοῖς, ἀλλ' ὑπὸ νέας ταύτης εὐδαιμονίας (покровительства Рима) ἀπολωλέκασι τὰ τῶν προγόνων σύμβολα.“

⁹⁶⁰) Номинальная свобода Афин была сохраняема рядом завоевателей. Хотя они всегда были на победленной стороне с Митридатом, Помпеем, Брутом, Кассием и Антонием, но римские императоры всегда оставляли за ними презрительную привилегию нести-сяемой болливости. Это был период самого сильного упадка знаменитого города. „Это не был уже город Тезей, и это не был еще город Адриана“ (Renan, p. 178). Около этого самого времени город был посещен известным чудотворцем — Аполлонием Тианским, и, согласно Филострату, он сдѣлал очень неслестную ему оцѣнку... οὐ μένοντες Ἕλληνας ὅπως δὲ οὐ μένοντες ἐγὼ φράσω, Γέρων σοφός οὐδεις Ἀθηναῖος... ὁ κόλαξ παρὰ ταῖς πόλεις, ὁ συκοφάντης πρὸς ἡ θεὸς δὲ οὐδὲ Σούριον ἔχει (Opp. Philostr. ed. Olear. II, 406).

⁹⁶¹) Таковы напр. Μνήμα τὸδ' Ἰππαρχοῦ στείχε δίκαια φρόνων, или Μνήμα τὸδ' Ἰππαρχοῦ μη φρον ἐξαπατά.

⁹⁶²) Inscriptio aere non ita erat ut Paulus asseruit ignoto Dei; sed ita: Diis Asiae et Europae et Africae, Diis ignotis et peregrinis. Verum quia Paulus non pluribus Diis ignotis indigebat, sed uno tantum ignoto Deo, singulari verbo usus est. Герон. ad Tit. I, 12 (См. Biscoe, p. 210).

⁹⁶³) Дѣян. XVIII, 23 — „жертвенникъ, на которомъ написано“, φορόν φ' ἐπεγέγραπτο. Тотъ фактъ, что Павзаній (Attic. I, 1), Филостратъ (Vit Apollon VI, 3) и другіе. (Diog. Laert. I, X, 100 и пр.) упоминаютъ о жертвенникахъ — ἀγνώτων δαιμόνων, конечно не доказываетъ, что тамъ не было жертвенника съ надписью въ единственномъ числѣ; да и неизвѣстно еще, не означаютъ ли эти слова жертвенники, на каждомъ изъ которыхъ была надпись Ἀγνώστο θεῷ, какъ понимаетъ ихъ Виперъ. Плюмътъ склоняется къ мнѣнію, что надпись эта значитъ: „Непознаемому Богу“, и сравниваетъ ее съ знаменитой надписью на покрывалѣ Изиды, и съ митраической надписью, найденной на жертвенникѣ въ Остии: „Signum indepre-hensibilis Dei“ и 1 Кор. I, 21.

⁹⁶⁴) Мнѣніе Эйхгорна.

⁹⁶⁵) Мнѣніе I. Златоуста.

⁹⁶⁶) Язычники называли Иегову ὁ πάγκροφος (Iust. Филос. Parænet. ad. Græcos, 38; Apol. II, 10; Филозъ Leg. § 44).

⁹⁶⁷) Дѣян. XVII, 16. И однакоже его высокая самобытность проявляется въ томъ фактѣ, что онъ, вопреки обыкновенію своего народа, не изливъ своего негодованія въ оскорбленіяхъ: „Gens contumelia nimum insignis“ (Plin. Н. Н. XIII, 9; Cic. p. Flacc. 67). Клавдій, подтверждая ихъ привилегіи, предостерегалъ ихъ μὴ τὰς τῶν ἄλλων ἐθνῶν δεισιδαιμονίας ἐξουθενεῖν

(I. Флав. Antt. XIX, 5, § 3). κατείδωλον означаетъ „полный идоловъ“, „non simulacris dedita, sed simulacris referta“ (Herm. ad. Vig. p. 638), см. κατάματος, κατὰδινδρος. Слово это получаетъ въ высшей степени интересную иллюстрацію у Ветштейна, которымъ пользуются всѣ послѣдующіе комментаторы.

⁹⁶⁸) Дѣян. XVII, 17, διελέγετο.

⁹⁶⁹) Въ Афинахъ не найдено и слѣда такого строенія, которое могло бы служить синагогой. О существованіи ея дѣлаются заключенія изъ свѣдѣтельства Талмуда, что іудеи были многочисленны въ Афинахъ; но эти мѣста относятся уже къ гораздо болѣе позднему періоду и во всякомъ случаѣ Талмудъ не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ прямого историческаго указателя.

⁹⁷⁰) Сократъ умеръ въ 399 г. до Р. Хр.

⁹⁷¹) Κεχρηναῖοι. Ar. Eg. 1262. Демадъ сказалъ, что знаменемъ Афинъ долженъ бы быть длинный языкъ. „Alexander qui quod cuique optimum est eripuit Lacaedemona servire jubet, Athenas tacere“ (Sen. Ep. 94; см. Демосѳенъ, Phil. IV); τῇ πάλιν ἀπαντες τῶν Ἑλλήνων ὑπολαβάνουσιν ὡς φιλόλογός τε ἐστὶν καὶ πολόλογος (Plat. Legg. I, II).

⁹⁷²) Καίνωτερον (см. Матѣ. XIII, 52). „Nova statim sordebant noviora quarebantur“ (Bengel). Джилль говоритъ, что подобный вопросъ ἄρα γὰρ быль общимъ въ раввинскихъ школахъ (Bammidbar Rabba, f. 212, 4).

⁹⁷³) Прекрасно Мильтонъ въ своемъ „Возвращ. Раѣ“ говоритъ обо всѣхъ этихъ философахъ, „изъ устъ которыхъ медоточивыя рѣчи истекали и которые наводняли собою всѣ академіи и школы, — философовъ разныхъ оттѣнковъ отъ такъ называемыхъ перипатетиковъ до легкомысленныхъ эпикурейцевъ и строгихъ стоиковъ“.

⁹⁷⁴) См. Ренанъ, St. Paul, 186, который ссылается на Цицерона ad Jam. XVI, 21; Luciana, Dial. Mort. XX, 5; Just. Филос. Apol. V, 17.

⁹⁷⁵) Философовъ Ἑλλήνων λόγων φρόνος. Тертуллианъ спрашиваетъ: „Quid simile philosophus et Christianus?“ (Tert. Apol. 46); но ап. Павелъ, относившійся со всепенской широтой ко всякимъ истинамъ, пріѣтствовалъ бы и тѣ истинны, которыя могли открыть бы ему греческіе философы (Clem. Alex. Strom. VI, 8, § 65 и по мѣстамъ). Χρησίμη πρὸς θεοσεβείαν γίνεται προπεδεία τις οὐσα (Idem, I, 8, § 28; Aug. De Civ. Dei, II, 7).

⁹⁷⁶) Мы лучше можемъ понять это, прочитавъ такую книгу какъ Спин. Шнейдера Christliche Klänge aus den Griech. und Röm. Classikern (1865). Независимость, бодрость, царственность, богатство истиннаго христіанина напоминаютъ стоическую „царственность“ αὐτάρκεια — то самое слово, которое употребляетъ ап. Павелъ (2 Кор. IX, 8; Филип. IV, 11—18; 1 Кор. IV, 8—10 и пр., сравни съ Cic. De Fin. III, 22; Hor. Sat. I, III, 124—136; Sen. Ep. Mor. IX). Но какое различіе между этими повидимому сходными взглядами, если мы взглянемъ на стоическое и христіанское ученіе — 1) въ ихъ дѣйствительномъ значеніи и 2) въ ихъ практическомъ приложеніи.

⁹⁷⁷) Juv. Sat. XIII, 172; XIV, 319.

⁹⁷⁸) Еще не было на свѣтѣ философа такого,

Который бы съ терпѣньемъ снесъ зубную боль.

Шекспиръ.

⁹⁷⁹) Древніе философы во времена Римской имперіи (ἐκ πάγωνος σοφοί, Phoenicides ap. Meineke, Com. Fr., IV, 611; Lucian, Eun. 8; Lact. Inst., III, 25; Bactroperitae, Jer. на Матѣ. XI, 10 и пр.) въ качествѣ класса спустились почти до положенія дѣтскихъ и нищенствующихъ монаховъ въ средніе вѣка (см. Sen. Ep. Mor. V, 1, 2; Tac. Ann. XVI, 32; Juv. III, 116; Hor. Sat. I, 3, 35, 133). Укоры, высказываемые имъ римскими сатириками, очень похожи на

тѣ, которыми Чосерт бичевалъ нищенствующихъ проповѣдниковъ, и Ульрихъ фонъ Гуттенъ громилъ выродившихся монаховъ.

⁹⁸⁰) I. Флавій находилъ явную аналогію между фарисеями и стонками (Antt. XIII, 1, § 5; XVIII, 1, § 2; В Jud. II, 8, §§ 2—14); а „эпикурейца“ есть постоянное названіе для еретиковъ и пр. въ Талмудѣ.

⁹⁸¹) Когда Аполлоній присталъ въ Пирей, онъ нашелъ Аонины очень людными и жаркими. На пути къ городу онъ встрѣчалъ многихъ философовъ, изъ которыхъ нѣкоторые читали, другіе ораторствовали, третьи спорили, и все привѣтствовали его. Пирей же οὐδεις αὐτόν, ἀλλὰ τεκμηριόμενοι πάντες ὡς εἰς Ἀπολλώνιον συναναστρέφοντο τε καὶ ἡσυχάζοντο χαίροντες (Philostr. Vit. IV, 17).

⁹⁸²) Дѣян. XVII, 18. Слово „добродѣтель“ встрѣчается только разъ у ап. Павла (Фил. IV, 8), а ἡδονή въ классическомъ смыслѣ только въ Тит. III, 3. Мнѣніе, что философы приняли „воскресеніе“ за новую богиню Ἀνάστασις, хотя и принимается Златоустомъ, Теофилактомъ, Икумениемъ и проч., даже въ новѣйшее время Репаномъ („Большинство, говорятъ онъ, повидимому приняли Ἀνάστασις за имя богини, и думали, что Иисусъ и Анастасисъ были нѣкоей новой божественной четой, которую и проповѣдывали эти восточные мечтатели“ St. Paul, p. 190), кажется мнѣ совсѣмъ нелѣпнымъ. Это значило бы предполагать или крайнюю неясность въ проповѣди ап. Павла, или крайне невѣроятную тупость въ его слушателяхъ.

⁹⁸³) Почти невозможно предположить, чтобы св. Лука не имѣлъ при этомъ въ виду обвиненія противъ Сократа, ἀδικεῖ Σωκράτης... καὶ ἀ δαίμονια ἐσφέρων (Ксеноф. Мем. I, 1).

⁹⁸⁴) Σπερμολόγος — птица выклевывающая сѣмена; слово это въ смыслѣ презрительнаго прозвища прилагалось къ аэвскимъ лавочнымъ ворахъ и уличнымъ карманникамъ (Eustath. ad. Od. V, 490), а затѣмъ и къ болтунамъ вообще, толковавшимъ о предметахъ, въ которыхъ они ничего не понимали. Это то самое замѣчаніе, которымъ Демосенъ метнулъ противъ Эхпина (pro Corona, p. 269, ed. Reiske). Сравни термины gobemouch, engoulevent и пр.

⁹⁸⁵) Дѣян. XVII, 19 — Ἐπιβεβήμενι αὐτόν. Совершенно ошибочно предполагать при этомъ, что здѣсь разумѣется нѣкоторое насилие. Сн. IX, 27. Касательно λίθος ἀντικειμένος источникъ для насъ служитъ Павзаній (Attic. I, 28, 5).

⁹⁸⁶) Разсѣдываніе дѣлъ по введенію Ἐπίθετα ἱερά было главнымъ занятіемъ ареопага. Многие писатели думали, что это былъ судебный процессъ, а по мнѣнію Вордворта это былъ ἀνάκρισις. Повѣствованіе однакоже производитъ совершенно иное впечатлѣніе. Аоніане гораздо менѣе заботились о религіи, чѣмъ Афинѣ и Милетъ во время Сократа, а если тутъ имѣлось въ виду именно судебное слѣдствіе, то только, какъ мы замѣтили уже, въ видѣ преднамѣренной народн.

⁹⁸⁷) Aristid. Panathen. I, 99; С. и Н., I, 383.

⁹⁸⁸) Семны или Евмениды (Chem. Ner. 34).

⁹⁸⁹) Трудно конечно видѣть благочестіе въ людяхъ, которые смѣялись при издѣвательствахъ Аристофана надъ народной религіей (Lysistr. 750).

⁹⁹⁰) Ὑπαίθριος ἐδικάζοντο (Pollux. VIII, 118).

⁹⁹¹) Ἀνδρες Ἀθηναῖοι: и пр. Это было обычное начало ораторской рѣчи.

⁹⁹²) Дѣян. XVII, 22 — δεισιδαιμονιστέρος. „Quasi superstiores“ — по Вулгатѣ, „религіознѣйшій изъ народотъ“ по Репану и пр. Слово это пять разъ употребляется у I. Флавія и всегда въ почтительномъ смыслѣ, какъ и въ Дѣян. XXV, 19. Изъ многихъ неудачныхъ переводовъ этого выраженія переводъ „слишкомъ суевѣрный“ (allzu abergläubisch — Лютеръ) самый несостоятельный. Онъ сразу возмѣняетъ весь тонъ рѣчи и лишаетъ ее примирительнаго характера. Ап. Павелъ едва ли бы сталъ дѣйствовать вопреки предосторожности, которую Аполлоній

Тіанскій считалъ крайне необходимою: σωφρονέστερον καὶ τὸ περὶ πάντων θεῶν εὖ λέγειν καὶ τοῦτο Ἀθήνησι αὐτὸ καὶ ἀγνώστον δαιμόνων βοαὶ ἴδρυνται (Philostr. Vit., VI, 3).

⁹⁹³) Ὅλη βοαὴ δὴ ὅμα θεοῖς καὶ ἀνθρώποις (Ксен. De Rep. Athen; Alcib. II, 97; Pausan., Attici. 24) τοὺς εὐσεβεστάτους τῶν Ἑλλήνων (I. Флавій, с. Ар. II, 12; Isocr. Paneg. 33; Thuc. II, 38); Aelian, Var. Hist. V, 17; Павзан. XXIV, 3). Когда Аполлоній Тіанскій прибылъ въ Аонины, Филостратъ говоритъ: τὴν μὲν δὴ πρώτην διάλεξιν ἐπέβη φιλοθύτας τοὺς Ἀθηναίους εἰδέν, ὑπὲρ ἱερῶν διελέξατο (Vit. VI, 2). Φιλόθεοι μάλιστα πάντων εἰς (Jul. Misopogon).

⁹⁹⁴) Philostr. Vit. Apoll. IV, 19, стр. 156.

⁹⁹⁵) καὶ. Выбѣго ἀναθεορῶν D читаетъ διιστορῶν, perspicieus, d. Выраженіе ἐπιτέγραπτο означаетъ постоянно и быть можетъ древность.

⁹⁹⁶) Δ... τοῦτο, §, A, B, D, съ Оригеномъ и Иеронимомъ. Сн. Hor. Epod., V, I. „At O Deorum quicquid in caelo regit“; и частая умиловительная надпись: „Sei Deo sei Deae“. Неопредѣленное выраженіе „божественное“ — обычно у греческихъ писателей.

⁹⁹⁷) Ст. 23 ἀγνοοῦντες, не „невѣжественно“, что было бы несогласно съ деликатностью ап. Павла, а именно „не зная“, въ отношеніи къ ἀγνώστῳ (сн. Рим. I, 20). Слово εὐσεβεῖτε означаетъ также истинное благочестіе.

⁹⁹⁸) ὑπάρχων.

⁹⁹⁹) Очевидный отголосокъ рѣчи св. Стефана (VII, 48; сн. Eurip. Fragm. ap. Clem. Alex. Strom. V, II, 76).

¹⁰⁰⁰) Замѣчаніе, съ которымъ охотно согласились бы эпикурейцы.

¹⁰⁰¹) Θεραπεύεται. Разумѣется служеніе посредствомъ приношеній на жертвенникѣ и пр. (сн. Παῖδα I, 39, εἰ ποτέ τοι χαίρῃν ἐπὶ νῆδ' ἐρεψα).

¹⁰⁰²) αἵματος — выраженіе сомнительное, и его нѣтъ въ §, A, B. Контекстомъ, Сагидскомъ и др. переводахъ. Съ другой стороны, какъ справедливо замѣчаетъ Мейеръ, ἀνθρώπου было бы болѣе естественной глоссою, чѣмъ αἵματος; и иудеи обыкновенно говорили עַל שֶׁל מִדָּם „кровь mira“.

¹⁰⁰³) Ὑγλαφᾶν — идти опунью, подобно слѣпцу или въ темнотѣ (Arist. Pax 691; Бит. XXVII; Ис. LIX, 10; сн. Рим. I, 21; X, 6—8).

¹⁰⁰⁴) Онъ хочетъ сказать, что въ этомъ они сами были виноваты — величіе своего собственнаго удаленія отъ Бога, а не величіе удаленія Бога отъ нихъ.

¹⁰⁰⁵) Слова эти приведены изъ Арата Киликійскаго, быть можетъ даже Тарсійскаго, и строкой этой начинаются его Φαινόμενα:

παντὶ θεῷ καὶ κατὰ κράτος πάντες
τοῦ γὰρ καὶ γενὸς ἐσμέν.

Но ап. Павелъ говоритъ „нѣкоторые“ — τινες, потому что таже мысль, почти въ тѣхъ же словахъ, находится у Клезна, Нумм. in Jov. 3, ἐκ σοῦ γὰρ γενὸς ἐσμέν, и вообще нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что это было ходячее выраженіе и другихъ священныхъ и богослужебныхъ пѣсней. Сн. Virg. Georg. IV, 221—225. Бентлей замѣчаетъ, что „одна эта глава указываетъ, что ап. Павелъ былъ великій знатокъ всей греческой учености“ (Boyle Lectures, III). Это большое преувеличеніе. Сн. Приложение III, стр. 817 и сл.

¹⁰⁰⁶) „Judaea gens Deum sine simulacro colit“ (Varro, Fr. p. 229). Отсюда „Nil praeter nubes et caeli numen adorat“, Ювенала, XIV, 97 и „Dedita sacris Incerti Judaea Dei“ Лукіана II, 592; Тац. Н, V, 6.

¹⁰⁰⁷) Ап. Павелъ обладалъ тѣмъ прекраснымъ духомъ человеколюбія, который видѣтъ добрую душу даже въ худыхъ дѣлахъ. Какъ ни былъ онъ враждебенъ по отношенію къ себелюбивому идолитву эпикурейцевъ и къ жестокой безчувственности стонковъ, онъ всетаки видѣлъ добрую сторону въ философіи какъ Эпикура, такъ и Зенона, такъ какъ Эпикуръ

проповѣдывалъ о „блаженствѣ просвѣщенной и самодовольной души“, а Зенонъ содѣйствовалъ поднятію нравственности.

¹⁰⁰⁸) Слово *τοῦτον* нигдѣ не встрѣчается въ Н. Завѣтѣ.

¹⁰⁰⁹) 2 Парал. VI, 32, 33. Ποῖος δ' ἐν οἴκῳ τεκνῶν πλάσσει; ὑπο λέμας τὸ θεῖον περιβᾶλον τοῦτον περικαί; (Eвр. ар. Clem. Alex. Strom. V, XI, 76).

¹⁰¹⁰) Seneca, ар. Lact. Inst. VI, 25 и Ер. Mor. XXXI, 11.

¹⁰¹¹) Omnis enim per se Divom natura necesse est Immortali aeo summā cum pace fruatur...

Ipsa suis pollens opibus, nihil indiget nostri. Lucr. II, 650.

¹⁰¹²) Касательно языческаго взгляда см. Cic. de Nat. Deor. I, 18.

¹⁰¹³) Эпикурейское понятіе о счастьи какъ результатѣ грубѣйшихъ атомовъ такъ же материально, какъ и понятіе Палей, который считаетъ его „извѣстнымъ состояніемъ нервной системы въ той части этой системы, въ которой мы чувствуемъ радость и скорбь... и которая быть можетъ составляетъ верхнюю область желудка или тонкую сѣть, облегающую всю область предсердья“ (Paley, Moral Philos. гл. VI).

¹⁰¹⁴) Дѣян. XVII, 30 ὑπερδόν (сп. Рим. I, 24). Слово это встрѣчается еще въ I. Сирах. XXX, 11. „Времена невѣдѣнія“ — это было полутехническое выраженіе, въ родѣ арабскаго *ямауя* — для обозначенія времени до Магомета.

¹⁰¹⁵) Дѣян. XVII, 32. „Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, они насмѣхались“. Ἐχλεύαζον, только здѣсь встрѣчающееся въ Н. Зав., есть очень сильное слово. Оно означаетъ выраженія презрительности губами, какъ *μωχέρω* поздравляю. Оно употреблено Аквилой въ Притч. XIV, 9, въ выраженіи „лучше смѣяться надъ грѣхомъ“. Это не значить, что древніе вообще считали смѣшными мнѣнія о воскресеніи души; только ученіе о воскресеніи тѣла имъ казалось дѣтски наивнымъ. См. Плин. Nat. Hist. VII, 55; *Lucianus*, De Mort. Peregr. 13. Изъяснителю Цециліи у Минуція Фелікса (Oct. II, 34) говоритъ: *Oraculis fabulas adstruunt. Renasci se ferunt post mortem et cineres et favillas, et nescio qua fiducia mendacii invicem credunt*. См. Orig. с. Cels. V, 14; *Arnob.* II, 13; *Athenag.* De Resurr. III, 4; *Tert.* De Can. Christi, 15 и пр.

¹⁰¹⁶) Въ словѣ *εὐχαρίστων* (Дѣян. XVII, 21) слышится удачная игра словъ. Это не классическое слово, но оно означаетъ, что они были слишкомъ заняты важнымъ дѣломъ болтовни и сплетней, чтобы имѣть досугъ еще на что нибудь другое.

¹⁰¹⁷) „Педагогъ менѣе всѣхъ людей способенъ къ обращенію“ (Ренанъ, 199). „Необходимо болѣе чѣмъ чудо для того, чтобы обратить къ смиренію креста мудреца вѣка сего“ (Quesnel).

¹⁰¹⁸) Христіанское преданіе дѣлаетъ его епископомъ и мученикомъ (Евсев. Церк. Ист. III, 4; IV, 23; *Никиф.*, III, 11), и онъ постепенно превратился въ Сент-Дениса Франціи. Приписываемыя ему сочиненія о небесной іерархіи, объ именахъ Божіихъ и проч. относятся не ранѣе какъ къ пятому вѣку.

¹⁰¹⁹) *Δάρχλις*, „красная телица“ — было бы аналогичнымъ именемъ съ Дорка и пр. Дамаръ — еще не встрѣчается нигдѣ и вѣроятно есть только другое произношеніе того же имени. Оно не имѣетъ никакого отношенія къ *δάρμα*, хотя повело къ предположенію, что она была сирійскаго происхожденія. Достовернаго о ней ничего неизвѣстно.

¹⁰²⁰) И однако же скептическіе критики постоянно утверждаютъ, что св. Лука нарочито измышлялъ имена знаменитыхъ обращенцевъ — чтобы прославить ап. Павла!... Всякій, кто сравнитъ Филостратову „жизнь Аполлонія Тіанскаго“ съ Дѣянїями Апостольскими, скоро увидитъ всю разницу между туманною повѣстью панегирика и простымъ повѣствованіемъ правдиваго биографа.

¹⁰²¹) Какъ можно заключать изъ 1 Оесс. III, 2. Присоединялся ли къ нему въ Аонїахъ также и Сила и былъ ли отосланъ также назадъ (въ Верію)? *ἡμεῖς* въ пользу этого предположенія, а *ῥόνοι* противъ него.

¹⁰²²) Ренанъ указываетъ на указъ Юстиніана, закрывавшій аонїскую катедру философіи 474 года спустя послѣ этого событія.

¹⁰²³) Цицер. Legg. II, 10.

¹⁰²⁴) Публий, 179 г. по Р. Хр.; Квадратъ (Церк. Ист. Евсевія, IV, 23); Аристидъ въ 126 г. Аоннагоръ около 177 года по Р. Хр.

¹⁰²⁵) Это вѣроятно было уже въ VI столѣтіи, когда Юстиніанъ закрылъ школы философіи, Паренонъ былъ посвященъ Дѣвѣ Маріи, и храмъ Тезея св. Георгію Каппадокійскому.

ГЛАВА XXVIII. ¹⁰²⁶) *Stat.* Theb. VII, 106.

¹⁰²⁷) Въ 44 г. до Р. Хр. *Павзан.* II, 1, 3; *Плут.* Caes. 57; *Страбо* VIII, 6.

¹⁰²⁸) Мысль Матананъ. У грековъ была пословица: „Прежде чѣмъ плыть вокругъ Мален, сдѣлай завѣщаніе“ (*Страбо*, VIII, стр. 368). „Formidatum Maleae caput“ (*Stat.* Theb. II, 33).

¹⁰²⁹) 1 Кор. III, 12; *Hausrath*, 317.

¹⁰³⁰) Ἐποικίους τοῦ ἀπελευθεριχοῦ γένους πλείστους (*Страбо*, VIII, 6).

¹⁰³¹) Въ это время вѣроятно съ нимъ былъ второй припадокъ его болѣзни (1 Кор. II, 3).

¹⁰³²) 1 Кор. XV, 32; *Lucian*, Demonax, 57; *Philostr.* Apollon. IV, 22.

¹⁰³³) *Πειρ.* подъ слов. Κορνιδίζεσθαι. Ветштейнъ (пещернаемый источникъ классическихъ примѣровъ въ поясненіе Нов. Завѣта, запасомъ которыхъ щедро пользовались всѣ позднѣйшіе писатели) и другіе ссылаются на *Ar.* Plut. 149; *Hor.* Ерр. I, XVII, 36; *Athen.* VII, 13; XIII, 21, 32, 54; *Strabon*, VIII, 6, 20—21; XII, 3, 36; *Cic.* De Rep. II, 4 и *Aristid.* Or. III, 39 и пр.

¹⁰³⁴) О числѣ рабовъ въ древнее время см. *Athenaeus*, VI, стр. 275 (изд. Casaubon).

¹⁰³⁵) *Ювен.* VIII, 112; *Горач.* Ер. I, XVII, 36; *Страбо*, VIII, 6; *Атин.* XIII, стр. 573, изд. Casaubon. Намекъ на безправственность города можно еще и теперь слышать въ употребленіи слова „Коринѣе“ въ отношеніи распутныхъ празднотелюбцевъ.

¹⁰³⁶) На театральнй сценѣ коринѣе обыкновенно изображались пьяными. *Aelian.* V. II, III, 15; *Athen.* X, 438; IV, 137; 1 Кор. XI, 21; *Hausrath*, 323.

¹⁰³⁷) Аквила или Акила, иудей изъ Понта, переведшій Ветх. Зав. на греческій языкъ болѣе близко къ подлиннику, чѣмъ LXX, жилъ болѣе чѣмъ на столѣтіе позже, быть можетъ былъ внукомъ этого Аквила. Понтій Аквила — это было знатное римское имя (*Цицер.* ad Fam. X, 33; *Свет.* Jul. 78); но этотъ Аквила могъ быть отщепенникомъ этого дома, а чтобы св. Лука допустилъ здѣсь ошибку, ставя его въ связь съ Понтомъ — это мнѣніе не имѣетъ за себя и тѣни правдоподобія (см. Дѣян. II, 9; 1 Петр. I, 1). Его настоящее имя могло быть *Οικελος* (Deutsch, Lit. Rem. стр. 336), гебранизированное изъ Ἀκόλως, или быть можетъ נֶשֶׁר, латинизированное въ Аквила; но все это простыя соображенія, не имѣющія никакого значенія. Онъ былъ дѣлательмъ палатокъ, женатъ на дѣятельной и доброй женщинѣ, которая жила иногда въ Римѣ, иногда въ Коринѣ и иногда въ Ефесѣ (Дѣян. XVIII, 26, 1 Кор. XVI, 19; Рим. XVI, 3; 2 Тим. IV, 19); ап. Павелъ очень любилъ ихъ и они оказали чрезвычайно важныя услуги дѣлу христіанства. Прискилла вѣроятно была даже наиболѣе дѣятельною изъ нихъ, иначе она не была бы упомянута на первомъ мѣстѣ въ Дѣян. XVIII, 18, 26; Рим. XVI, 3; 2 Тим. IV, 19 (*Ewald*, VI, 489; *Plumptre*, Bibl. Studies, 417).

¹⁰³⁸) Въ 52 году по Р. Хр. отношенія Иудей къ Риму начали становиться крайне тревожными (*Тит.* Ann. XII, 54); вѣстѣ съ галлами и кельтами, изгнанными изъ Рима (въ 9 г. по Р. Хр.) по полученіи извѣстія о гибели Вара и его легионовъ, и иудеямъ было при-

казано оставить Римъ. Светоній говоритъ: „Judaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Româ expulsi“ (иудеи, крайне мятежных по наущеніямъ Хреста, изгнала изъ Рима). *Claud.* 25. Былъ ли этотъ Хрестосъ какой-нибудь неизвѣстный кононодъ мятежа среди безчисленнаго іудейскаго населенія въ Римѣ, — столь многочисленнаго, что изъ іудейскаго квартала (Ghetto) за рѣкой Тибромъ не менѣе 8,000 человекъ подписали петицію противъ носенія на престолъ Архелая (І. Флавій, *Antt.* XVII, 11, § 1), или это невѣжественное искаженіе имени Христа, — вопросъ этотъ невозможно рѣшить. Мы знаемъ, что христіанство очень рано было введено въ Римъ (Рим. XVI, 7; Дѣян. XXVIII, 14), и знаемъ также, что гдѣ оно ни вводилось, тамъ начинались іудейскіе бунты (Дѣян. XVII, 13; XIV, 19; XIII, 50), и что римляне никогда не давали себѣ труда дѣлать разграниченіе между іудеями и христіанами. Впрочемъ возможно поэтому, что эти непрестанные мятежи возникали вслѣдствіе споровъ о Мессіи. Діонъ Кассій дѣйствительно и поправляетъ Светонія, и говоритъ, что іудеи настолько были многочисленны, что ихъ нельзя было изгнать безъ опасности, и поэтому Клавдій ограничился закрытіемъ ихъ синагогъ (*Dio Cass.* LX, 6). Указъ быть можетъ былъ изданъ объ этомъ, но никогда не былъ приведенъ въ дѣйствіе; и Аккила быть можетъ былъ однимъ изъ тѣхъ іудеевъ, которые повиновались ему безъ особаго затрудненія по высказанной въ текствѣ причинѣ. Можетъ быть даже онъ предназначенъ былъ къ особому изгнанію въ качествѣ главнаго виновника возбужденія, если только, какъ предполагаютъ иные, онъ съ своей женой были основателями христіанства въ Римѣ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствіе указа было непродолжительно, такъ какъ вскорѣ потомъ мы опять встречаемъ іудеевъ въ большомъ количествѣ въ Римѣ (Рим. XVI, 3; Дѣян. XXVIII, 17). Не невозможно, что указъ этотъ былъ тождественъ или былъ частью указа De Mathematicis Italiâ pellendis, о которомъ Тацитъ говоритъ какъ о atrox et irritum. Несомнѣнно указъ этотъ изданъ былъ въ это именно время (*Tac.* Ann. XII, 52), и многіе изъ іудеевъ, занимавшіеся всевозможными безчестными промыслами и дѣлами (І. Флав. *Antt.* I, 1), легко могли быть отнесены въ одинъ разрядъ съ „Mathematici“ (См. *Levin.*, *Fasti Sacri*, 1774, 5).

¹⁰³⁹⁾ Несомнѣнное чтеніе въ Дѣян. XVIII, 5 есть *συνείζετε τῷ λόγῳ* „быль побуждаемъ словомъ“, какъ свидѣлствуетъ большинство кодексовъ S, A, B, D, E, G, а не *τῷ πνεύματι* (какъ въ русск. перекл.) „быль понуждаемъ духомъ“. См. касательно слова *συνείζετε* Лук. XII, 50; 2 Кор. V, 14. Де-Ветте придаетъ этому выраженію значеніе „быль озабоченъ“ (Вулг. *instabat verbo*), но едва ли вѣрно.

¹⁰⁴⁰⁾ Дѣян. XVIII, 6 *ἀντιστασθέντων... καὶ βλάστησάντων*. См. „Жизнь І. Христа“ стр. 470.

¹⁰⁴¹⁾ 1 Кор. XVI, 15 „начатокъ Ахаіи“ (въ Рим. XVI, 5 истинное чтеніе есть „Асін“). Фортунатъ и Ахавъ были вѣроятно рабы или отщепенцы, равно какъ и „семейство Хлои“; Терцій, который имѣлъ высокую честь быть писцомъ посланія къ Римлянамъ и Квартъ были вѣроятно потомки римскихъ ветерановъ, которые были первыми поселенцами города и быть можетъ младшими братьями Секунда. Луцій, Іасонъ и Сосинатръ были іудеи (Рим. XVI, 21).

¹⁰⁴²⁾ Нѣтъ достаточныхъ основаній называть его Титіемъ Юстомъ, хотя къ этому и даютъ поводъ нѣкоторые кодексы и переводы: это зависѣло просто отъ созвучія въ *ὀνόματι*. Еще менѣе основаній отождествлять его съ Титомъ.

¹⁰⁴³⁾ 2 Кор. X, 1, 10. Лютеръ, повидному, глубоко знавшій жизнь ап. Павла, такъ отзывается о немъ: „Ein armes düttes Männlein wie unser Philippus“ (Жалкій сухенькій человечекъ, какъ нашъ Филиппъ) (Меланхтонъ).

¹⁰⁴⁴⁾ 1 Кор. II, 1—5. *ἀνθρωπίνης* — есть пояснительная глосса нѣкоторыхъ кодексовъ. (А, С, I и др.).

¹⁰⁴⁵⁾ *Renan*, *St. Paul*, стр. 219.

¹⁰⁴⁶⁾ 2 Кор. I, 1; Рим. XVI, 1. Ближайшими ахейскими городами были бы Лехей, Схенгъ, Кенхрей, Кромэионъ, Сикіонъ, Аргосъ.

¹⁰⁴⁷⁾ Терминъ проконсулъ исторически точенъ. Правительство Ахаіи такъ часто мѣнялось, что была бы извинительна и ошибка. Ахаія была проконсульскою при Августѣ; императорскою, на время, при Тиверіѣ (*Tac.* Ann. I, 76); проконсульскою послѣ 44 года по Р. Хр. при Клавдіѣ (*Suet.* *Claud.* XXV); свободною при Неронѣ (*Suet.* *Nero*, 24); и опять проконсульскою при Веспасіанѣ (*Suet.* *Vesp.* VIII). См. выше стр. 241 и Приложение XVI.

¹⁰⁴⁸⁾ „Dulcis Gallio“ (*Stat.* *Sylv.* II, 7, 32). См. *Seekers after God*. 16—21. Нѣтъ надобности упоминать здѣсь о падѣномъ мѣтѣи, что Галліонъ посылалъ нѣкоторыя изъ писаній ап. Павла къ своему брату Сенека. Объ этомъ см. *Aubertin*, *Seneque et St. Paul*, стр. 117. Нѣтъ надобности также указывать на сходство между римскимъ философомъ и апостоломъ, о чемъ я уже говорилъ въ своемъ сочиненіи объ „искателяхъ Бога“, стр. 174—183, и вопросъ этотъ полно разработанъ у Лайфута (Фил. 268—331).

¹⁰⁴⁹⁾ *Nemo mortalium uni tam dulcis est quam hic omnibus* (Сенека. *Quaest. Nat.* IV, praef. § 11). Онъ посвящаетъ ему свои сочиненія *De Ira* и *De Vita Beata*, и намекаетъ на него въ *Ep. CIV.* *Consol. ad Helv.* 16.

¹⁰⁵⁰⁾ *Gallionem, fratrem meum, quem nemo non parum amat etiam qui amare plus non potest* (*Nat. Qu.* IV, praef. § 10).

¹⁰⁵¹⁾ Сефека (Ер. 104), въ знакъ его высшаго положенія, игриво называетъ его „Государь мой Галліонъ“. Онъ совершилъ самоубійство послѣ гибели его семейства въ заговорѣ противъ Нерона, хотя его жизнь была помилована при этомъ (*Tac.* Ann. XV, 73; *Dion Cass.* LXII, 25; *Euseb.* *Chron.* ad A. U. C. 818).

¹⁰⁵²⁾ *Dion Cass.* LX, 35.

¹⁰⁵³⁾ Отсюда, хотя *παρά τὸν νόμον* ст. 13, означаетъ „противно іудейскому закону“ (ст. 15), она могла такимъ путемъ сдѣлаться подосудной римскому закону.

¹⁰⁵⁴⁾ Ст. 14 *ἀδικημα* — гражданское преступленіе; *ῥάδιον ἥμισυ* — противоправственное дѣйствіе.

¹⁰⁵⁵⁾ *Ζητήματα*, какъ выражаются нѣкоторые кодексы. Римская презрительность къ этому *Gens sceleratissima* слышится въ каждомъ звукѣ „Государя Галліона“.

¹⁰⁵⁶⁾ Быть можетъ нигдѣ еще у древнихъ авторовъ, при всей ихъ нелюбви къ іудеямъ, не высказывается во всей полнотѣ и характерности тотъ взглядъ, съ которымъ римляне относились къ этому своеобразному народу, чѣмъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Тацитъ рассказываетъ, какъ импер. Тиверій сослалъ 4,000 отщепенцевъ, „зараженныхъ этимъ суевѣріемъ“, въ Сардинію съ цѣлю подавленія разбойничества на этомъ островѣ — но съ очевидной надеждой, что нездоровый климатъ поможетъ избавиться отъ нихъ — „et si, ob gravitatem caeli interissent, vile damnum“ (*Ann.* II, 85). Светоній съ еще болѣе жестокимъ равнодушіемъ рассказываетъ, что Тиверій подъ предлогомъ военной службы разсылалъ ихъ по всѣмъ нездоровымъ областямъ, изгоняя остальныхъ подъ страхомъ обращенія въ рабство (*Suet.* *Tib.* 36; *I. Флав.* *Antt.* XVIII, 3, § 5).

¹⁰⁵⁷⁾ Дѣян. XXIII, 29; XXV, 19. Невѣжественный провинциализмъ судей въ Филиппахъ былъ слишкомъ низкаго свойства, чтобы понимать римскій законъ.

¹⁰⁵⁸⁾ Дѣян. XVIII, 17. *πάντες, οἱ Ἕλληνες* нѣкоторыхъ кодексовъ есть глосса манускриптовъ D, E, хотя и правильная.

¹⁰⁵⁹⁾ Я высказываю взглядъ, который мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, минуя массу праздныхъ соображеній. Если этотъ Сосеенъ тождественъ съ Сосееномъ 1 Кор. I, 1, то онъ вѣроятно въслѣдствіи обратился въ христіанство; но это очень ходячее имя, и едва ли вѣроятно, чтобы послѣдовательно два начальника синагоги приняли новую вѣру.

¹⁰⁶⁰⁾ „Tunc Gallio fingeat enim non videre“ (Ms. d).

¹⁰⁶¹⁾ Павей (Hör. Paul.) обращает внимание на правдивость, сь которою св. Лука рассказывает о высокопоставленном равнодушном высокопоставленном лицъ къ обстоятельствамъ, касавшимся жизни апостола. Но то, о чемъ „ни мало не беспокоился Галлионъ“, было не „царство небесное“, а избіеніе іудея со стороны грековъ.

¹⁰⁶²⁾ Теперь уже никто не сомнѣвается въ подложности переноски между ап. Павломъ и Сенекой (Fleury, St. Paul and Sénèque, II, 300; Aubertin, Sénèque et St. Paul, 409; Lightfoot, Phil. 327; Boissier, La Religion Romaine II, 52—104). Касательно сходства между ними см. Seekers after God, стр. 270: и др. Тамъ видно будетъ, какъ мало основанія для выраженія Тертуллиана „Seneca saepe noster“.

ГЛАВА XXIX. ¹⁰⁶³⁾ Я высказываю это только какъ вѣроятное предположеніе. Что ап. Павелъ писалъ и другія посланія, изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ даже многія потеряны, это я считаю несомнѣннымъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы онъ (наприм.) не написалъ ни слова благодарности филиппійцамъ за пожертвованія, которыя они два раза послали ему въ Оссалонику, или чтобы ничего не написалъ самъ оссалоникиѣцамъ, когда посылалъ имъ Тимофея изъ Афинъ. Не показывается ли весь стиль этихъ посланій, что они были не первыми образцами этого рода сношеній? Нѣтъ ничего удивительнаго, если при смыслѣн тѣхъ временъ могли погибнуть письма, писанныя на непрочномъ матеріалѣ, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ могли и не имѣть отношенія къ ученію. Могъ ли бы ап. Павелъ сказать во 2 Осс. III, 17 ὅτι σήμερον ἐν πόλει ἐπιστολῇ, если бы онъ написалъ только одно передъ тѣмъ?

¹⁰⁶⁴⁾ Casanbon, Adversaria ap. Wolf. стр. 135.

¹⁰⁶⁵⁾ Jeron. ad Rammach Ep. 48.

¹⁰⁶⁶⁾ 1 Осс. Iб, μὲνται. См. приложение I: „Стиль ап. Павла какъ показатель его характера.“

¹⁰⁶⁷⁾ Что внѣшнія данныя вполне достаточны для доказательства подлинности посланія къ Оссалоникиѣцамъ, это можно видѣть у Альфорда III, Prolegom.; Davidson, Introd. I, 19—28; Westcott, On the Canon, 68, прим. 168 и пр. Внутреннія доказательства, выводимыя изъ слога и пр., непреодолимы (Jowett, I, 15—26). Противоположные доводы Керна, Шрадера, Баура и пр. основываются на обыкновеніи на разногласіяхъ и совпаденіяхъ, на дѣйствительныхъ сходствахъ и предполагаемыхъ разнорѣчіяхъ, на утверждаемыхъ смыслахъ и воображаемыхъ противорѣчіяхъ съ дѣяніями Апостольскими, — и они молчаливо опровергаются въ текстѣ. Они не имѣютъ убѣдительнои силы и находятъ немного послѣдователей; Бауръ (Paul, II, 85—97) въ значительной степени даетъ положительные аргументы противъ своихъ собственныхъ выводовъ. (См. Linnemann, Br. an die Thessal. I, 1—15). Гродіи, Эвальдъ, Бауръ, Вунценъ, Давидсонъ и др. думаютъ, что это первое посланіе есть въ дѣйствительности второе; но гипотеза эта идетъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ данныхъ, совершенно излишня и создаетъ очевидныя затрудненія. Потребовались бы цѣлые томы для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ теорій касательно каждаго посланія; но хотя у меня и нѣтъ мѣста для нихъ здѣсь, я все-таки съ должнымъ вниманіемъ отнесся къ возбуждаемымъ ими затрудненіямъ и во многихъ случаяхъ косвенно показалъ основанія, заставляющія меня не придавать имъ значенія. Одинъ изъ наиболѣе неподражаемыхъ признаковъ его подлинности есть общее сходство тона между этимъ посланіемъ и тѣмъ, что написано было на десять лѣтъ позже къ другой главной македонской церкви — въ Филиппахъ (См. Lightfoot, въ словарѣ Смирта).

¹⁰⁶⁸⁾ Такъ въ 1 и 2 Осс. I, 2 Кор. и Гал. Но въ другихъ посланіяхъ τοῖς ἀγαπ.

¹⁰⁶⁹⁾ Это прибавленіе быть можетъ неподлинно. Оно принадлежитъ къ 2 Осс. I, 2 и прибавлено было потому, что привѣтствіе слишкомъ коротко. Такъ какъ мы теперь дошли

до перваго посланія ап. Павла, то я долженъ отослать читателя къ тому приложенію, въ которомъ дается списокъ прописныхъ манускриптовъ посланій, см. приложение XX.

¹⁰⁷⁰⁾ Сила и Тимофей упоминаются вмѣстѣ съ нимъ въ 2 Осс.; Сосенъ въ 1 Кор.; Тимофей въ 2 Кор., Филипп., Кол. и Филим. Отъ своего собственного имени ап. Павелъ пишетъ только къ Римлянамъ и Лаодикийцамъ, каковыя церкви онъ не посѣщалъ лично. Оригенъ говоритъ, что сочетаніе Павла и Силы производило молнію этихъ посланій (Hom. V, in Ierem. 588 b.).

¹⁰⁷¹⁾ Въ 1 Осс. III, 2, 6, и въ Филипп. II, 19 говорится о Тимоѣѣ, хотя упоминается вмѣстѣ съ Павломъ въ привѣтствіи. 1 Осс. II, 18 „мы... я Павелъ“.

¹⁰⁷²⁾ „Мы“ — есть характеристическая черта обоихъ посланій къ Оссалоникиѣцамъ. Въ 2 Осс. единственное мѣсто, гдѣ оно переходитъ въ „я“ — есть II, 5.

¹⁰⁷³⁾ Это было бы неумѣстно въ частномъ письмѣ Филимону.

¹⁰⁷⁴⁾ Другая легкая особенность состоитъ въ томъ, что въ своихъ первыхъ двухъ посланіяхъ онъ говоритъ „церковь Оссалоникиѣцевъ“; между тѣмъ какъ въ слѣдующихъ трехъ онъ предпочитаетъ выраженіе „церковь въ“ такомъ-то и такомъ-то городѣ. Но это можетъ и не имѣть никакого значенія.

¹⁰⁷⁵⁾ Въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ онъ прибавляетъ слово ἔλεος „милость“. Мы можемъ такъ сгруппировать особенности привѣтствій: 1) „апостолъ“ во всѣхъ посланіяхъ кромѣ Филим. и Филипп.; 2) „церкви“ въ 1 и 2 Осс., 1 и 2 Коринф., Гал.; 3) „церкви“ такой-то 1 и 2 Осс.; но „церкви, находящейся въ“ такомъ-то городѣ 1 и 2 Кор. Гал. Во всѣхъ другихъ посланіяхъ „святымъ“; 4) „Благодать и миръ“ во всѣхъ кромѣ пастырскихъ посланій, въ которыхъ: „благодать, милость и миръ“.

¹⁰⁷⁶⁾ Χάρις, quae est principium omnis boni; εἰρήνη, quae est finale bonorum omnium (Оома Акв.).

¹⁰⁷⁷⁾ Посланіе это, имѣющее главнымъ образомъ личный и практической характеръ, можетъ быть анализировано слѣдующимъ образомъ: 1) I—III историческая часть. 2) IV, V — увѣщательная; каждая оканчивается молитвой: а) I, 1 Краткое привѣтствіе. I, 2—10. Благодареніе за ихъ обращеніе и святость. II, 1—12. Ссылка на нихъ въ отношеніи характера его служенія. II, 13—16. Новое выраженіе благодарности за ихъ твердость въ преслѣдованіяхъ и чорная жалоба на іудеевъ. II, 17—III, 10. Его личныя чувства къ нимъ и поощреніе Тимофея. III, 11—13. Его молитва за нихъ. б) IV, 1—18. Предостереженіе отъ нечистоты. IV, 9—10. Увѣщаніе къ братской любви, и 11, 12 почетное трудолюбіе. IV, 13—V, 11. Единственно догматическая часть Посланія; IV, 13—8. Утѣшеніе касательно умершихъ. V, 1—11. Обязанности быть наготовѣ, такъ какъ пришестіе Господа близко, и время его неизвѣстно. V, 12—15. Обязанности ихъ другъ къ другу. 16—22. Духовныя увѣщанія. 23, 24. Его молитва за нихъ. 25—28. Последнія слова и благословеніе. Посланіе отличается простотою слога и отсутствіемъ положеній и развитаго ученія. Основной тонъ его „надежда“, какъ основной тонъ посланія къ Филиппійцамъ есть „радость“.

¹⁰⁷⁸⁾ Euclid, „Die Sandschreiben des Ap. Paulus, 19, 39 и пр. Можно пожалуй сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ особенностей зависятъ отъ обыденной стереотипной формулы корреспонденціи въ низшихъ классахъ. Такъ въ напрусныхъ свиткахъ Британскаго Музея (изданныхъ Форшаллемъ) мы находимъ такіа фразы, какъ εἰς ἃν ὡς τοῖς θεοῖς εὐχόμενη διατελοῖ, и даже повидимому σοὶ διὰ παντὸς πνεύματι ποιοῦμενοι. Но постоянныя вариации ап. Павла называютъ, какъ мало склоненъ онъ былъ къ простымъ формуламъ.

¹⁰⁷⁹⁾ „Habet haec Epistola meram quandam dulcedinem (Bengel).“

¹⁰⁸⁰⁾ Сп. Гал. V, 6. Такимъ образомъ въ самыхъ первыхъ строкахъ, какія только вышли изъ-подъ его пера, мы встрѣчаемся съ его основной трилогіей христіанскихъ добродѣтелей —

вѣры, надежды, любви. Сн. V, 8; Кол. I, 4; Еф. I, 15, 18; III, 17, 18, 20 и пр. См. *Reuss*, Theol. Chrest. II, 240.

¹⁰⁸¹) Ап. Павелъ, подобно многимъ отличающимся глубиною чувства и впечатлительнымъ писателямъ, постоянно преслѣдуется однимъ и тѣмъ же словомъ, которое онъ и повторяетъ то и дѣло — *ἥτις ἀκούοντες νεώτερον ἀμφιπέληται ἀκούοντες*. Онъ употребляетъ слово *ἀκούω* не менѣе восьми разъ, хотя, какъ замѣчаетъ епископъ Элликоттъ, онъ встрѣчается только двѣнадцать разъ во всемъ Писемъ Завѣтъ, кромѣ цитатъ изъ LXX. „Къ нему привязывается одно слово и онъ приводитъ его на страницахъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Но это не отъ скудости словъ: это отъ самоудовлетворенія духа и полного пераждѣнія къ правильности стили“ (*Renan*, стр. 233).

¹⁰⁸²) *μεμνηται* „подражателъ“.

¹⁰⁸³) I, 6. Читатель замѣтитъ изысканную оригинальность мысли въ словахъ, *ἐν θλίψει πολλῇ μετὰ χαρᾶς Πνεύματος Ἀγίου*. Это не историческій оксморонъ, а знакъ новаго періода (эпика) въ исторіи міра.

¹⁰⁸⁴) I, 8, *ἐξήχθηται*. *ὡς ἐπὶ σκληρῶς λεπιδὸν ἐχρούσας* (Оеофил.). При допущеніи теплоты чувства, подсказавшей это выраженіе, оно не представляетъ никакого затрудненія, когда мы вспоминаемъ, что со времени его посѣщенія быть можетъ прошель уже годъ, и что Фессалоника была „posita in gremio imperii Romani“ (*Цицер.*), и стояла „на одномъ уровнѣ съ Коринѳомъ и Ефесомъ въ отношеніи торговли Леванта“.

¹⁰⁸⁵) I, 16. *Ἀλλήλων* (I Иоан. V, 20). *Ζῶντες* въ противоположность мертвымъ людямъ и идоламъ (Прем. XIV, 15; Гал. IV, 8), которые суть просто *λίαντες* „ничтожество“ (Лев. XIX, 4) и *καταλίαντες* „паръ“. Выраженіе это показываетъ, что Фессалоникская церковь состояла главнымъ образомъ изъ язычниковъ, что согласуется и съ Дѣян. XVII, 4, если читать *καὶ Ἑλλήνων* (см. выше стр. 340). Если мы опустимъ *καὶ*, то и тогда не будетъ еще противорѣчія, такъ какъ очевидно было обращено много язычниковъ, особенно женщинъ, а даже прозелиты нѣкогда были идолопоклонниками.

¹⁰⁸⁶) I Фесс. II, 5, 9. Эти фразы не объясняются противоположностью съ *языческими* обманами; *ὅτι τοὶ πιστεύουσιν* стиха 10 значить „хотя *другіе* не такъ относились къ нашему образу дѣйствія“.

¹⁰⁸⁷) *Hausrath*, стр. 300; *μάχοι καὶ γόητες* (Оеофил.); II, 3, *ἐν δόλῳ* (2 Кор. II, 17; IV, 2; XI, 13). *ἀκαθάρσια* можетъ означать только „нечистыя побужденія“ (напр. алчность; см. 2 Кор. XI, 8; 1 Тим. III, 8; Тит. I, 7); „Unlauterkeit, Beimischung menschlicher Begehrnisse“ (*Ewald*); стихъ 5, *πλεονεξία* (Дѣян. XX, 33; 1 Кор. IX, 15; 2 Кор. XII, 14).

¹⁰⁸⁸) II, 8, *चित.* *ὁμειρόμενοι* *α, A, B, C, D, E, F, G* „лыня къ вамъ“; *προσδεόμενοι* (Оеофил.); *ἀνταρόμενοι ὡδὼν* (Екумен.).

¹⁰⁸⁹) II, 7, *ἦτοι*, находитесь также во 2 Тим. II, 24. *ἦτοι* кодексовъ *α, B, C, D, F, G* есть очевидный прилѣтъ простаго совпаденія звуковъ.

¹⁰⁹⁰) II, 7 *θαλάττη*.

¹⁰⁹¹) *ἐν βάρει εἶναι* — „*oneri esse*“ (Вульг.). Оно можетъ означать — быть повелительнымъ (поллѣ; *ἀπολαύει* *τιμῆς*; Златоустъ), по см. стихъ 9; 2 Кор. XI, 9; XII, 16; 2 Фесс. III, 8.

¹⁰⁹²) II, 4, *δεδοκίμαμεθα*.

¹⁰⁹³) II, 9, *κόπος*, „дѣятельный трудъ“; *μόθος* „стойкая выносливость въ трудѣ“.

¹⁰⁹⁴) Ап. Павелъ употребляетъ обычное еврейское выраженіе (III, 10; 2 Фесс. III, 8 и пр.), которое возникло изъ мѣтѣнія, встрѣчаемаго въ древней пограничной клятвѣ, что „Богъ сотворилъ землю въ шесть дней и семь ночей“. Отсюда также слово *νυκτήμερον*. Св. Лука, пиша отъ собственного лица, говорить „день и ночь“ (Дѣян. IX, 24). Тотъ

фактъ, что среди прозелитовъ были богатія и знатныя женщины (Дѣян. XVII, 4), дѣлалъ это самоотреченіе еще болѣе поразительнымъ.

¹⁰⁹⁵) II, 11, *ἐν ἡσυχίᾳ ὡδὼν*. Златоустъ говорить: *βῆσαι ἐν τῷ σὺν πλῶνι μὴδὲν παραλείπειν*; но вѣроятно христіане въ Фессалоникѣ составили бы крайне малый по нашему времени приходъ.

¹⁰⁹⁶) *ἰδίους* опускается въ *α, A, B, D* и пр. „*Suos adjectio est haeretici*“ (т. е. Маркіона) — *Тертул.* adv. Marc. V, 15.

¹⁰⁹⁷) *μὴ ἀρεσκόντων*... *μὴ*, хотя и „преобладающая въ Новомъ Завѣтѣ частица“ (Элликоттъ), однакоже нѣсколько менѣе сурова, чѣмъ если бы онъ употребилъ *οὐ*.

¹⁰⁹⁸) Мгновенная огорченность противъ иудеевъ должна была быть необыкновенно сильною въ душѣ ап. Павла, если она заставила его прибѣгнуть къ такимъ словамъ. Мы какъ бы почти слышимъ отголосокъ здѣсь сильнаго негодованія, съ которымъ язычники относились къ иудеямъ, какъ ненавистникамъ рода человеческого („*Odium generis humani*“ — *Тис.* Н. V, 5; *Ювен.* Sat. XIV, 100), и такой взглядъ на нихъ (который Люпелану не удается опровергнуть здѣсь) долженъ былъ причиня глубокую скорбь тому, кто оставался истиннымъ патриотомъ (См. Рим. IX, 1—5). Но торжество иудеевъ надъ нечестивой попыткой Калигулы было причиной крайняго возбужденія фанатизма среди нихъ.

¹⁰⁹⁹) II, 14—16. Бауръ, доказывая, что это могло быть написано только послѣ разрушенія Иерусалима, дѣлаетъ двойную ошибку. Во-первыхъ онъ принимаетъ *ἐφθασεν* въ смыслѣ *ἐφθασεν*, что составляетъ ошибочную глоссу кодексовъ B, D; и во-вторыхъ онъ не видитъ нравственнаго смысла, который я старался выяснить. Гнѣвъ Божій нашель свое полное завершеніе въ полнотѣ ихъ преступности (Мат. XXVII, 25); приговоръ надъ ними тогда совершился. Онъ окончательно приведенъ былъ въ исполненіе въ паденіи Иерусалима, но восемнадцать лѣтъ позже, но были уже очевидны признаки, что исполненіе его не замедлитъ совершиться. Для прощательнаго взора ап. Павла начинавшіеся смуты въ Палестинѣ и недавнее предъ тѣмъ изгнаніе иудеевъ изъ Рима съ достаточностью могли оправдывать его выраженіе. Въ истиннопророческомъ духѣ онъ неизбѣжно разсматриваетъ какъ уже *дѣйствительное*. Возможно также, что ап. Павелъ имѣетъ въ виду великую бесѣду Христа (Мат. XXIII, 37—39; XXIV, 6, 16. Сн. Рим. I, 18. Дан. IX, 24).

¹¹⁰⁰) II, 17 *ἀποφανισθέντες ἀπ' ὡδὼν*.

¹¹⁰¹) Однажды повидимому въ Берин, однажды въ Аоннахъ. Сатанинскимъ препятствіемъ въ Берин могли быть иудейскія гоненія, въ Аоннахъ — слабость здоровья (Сн. Рим. XV, 22). Онъ пишетъ обращеніямъ изъ язычниковъ, и потому, нужно замѣтить, онъ не приводитъ ни одного мѣста изъ ветхаго завіта, съ которымъ они конечно тогда еще могли быть мало знакомы; но отнесеніе испытаній, болѣзней и разныхъ затрудненій на счетъ сатаны и теперь можно замѣтить на востокъ въ оборотахъ народной рѣчи. Даже въ Библии слово „сатана“ иногда прилагается ко „всякому противнику“ или „враждебному влиянію“ (Ср. 1 Парал. XXI, 1 с. 1 Цар. XXIV, 1). „Діаволь“ *ὁ διάβολος*, въ отличіе отъ нечистыхъ духовъ — *δαίμονες*, употреблено ап. Павломъ только въ Ефес. IV, 27; VI, 11; и три раза въ посланіяхъ къ Тимооею. Гдѣ онъ находилъ препятствія сатанинскимъ, онъ исполнялъ свое намѣреніе въ другой разъ; а гдѣ оно было божественнымъ запрещеніемъ (Дѣян. XVI, 6, 7), онъ окончательно оставлялъ его. Дѣян. XXI, 4 есть единственное кажущееся исключеніе.

¹¹⁰²) Онъ употребляетъ здѣсь метафору *σάβασθαι* — отъ ласкающей робости пугливыхъ животныхъ; въ другихъ мѣстахъ онъ употребляетъ метафору *στέλλεσθαι* „поднимать наурса для верхняго вѣтра“. Тимооею онъ называетъ „сороботникомъ Божиимъ“ (*συνεργὸν τοῦ Θεοῦ*), но выраженіе это измѣнено въ нѣкоторыхъ манускриптахъ вслѣдствіе его смѣлости (1 Кор. III, 9; 2 Кор. VI, 1).

¹¹⁰³) III, 5 *μή πως ἐπαύρασεν... καὶ εἰς χερὸν γένηται.*

¹¹⁰⁴) II, 17 — III, 13. *Παρουσία* встречается шесть раз в этих двух посланиях, и кроме их только в I Кор. XV, 23. Слово „пришествие“, „adventum“ впервые встречается будто бы в *Тертулл.* De Resurrect. 24. „Святые“ повидному относятся не к ангелам (См. IXXXVIII, 7; Матт. XVI, 27; Иуд. 14 и пр.), так как ап. Павел не употребляет такого названия в отношении к ангелам (*κεδοσίων*, не CXXXVIII, 7), а к упоминаемым в IV, 16; I Кор. VI, 2.

¹¹⁰⁵) *ἐρωτήσιν* как в V, 12; 2 Θεсс. II, 1; слово это употреблено только еще в послании к другой его македонской церкви (Филип. IV, 3).

¹¹⁰⁶) *Cic. pro Caelio*, 48; *Hor. Sat. I, II, 32; Ter. Adelph. I, II, 21; Jer. Ep. 77; Aug. De Civit. Dei XIV, 18.*

¹¹⁰⁷) Ст. 7, *οὐ... ἐπὶ ἀκαθαρσίᾳ ἀλλ' ἐν ἀγαθῶ.*

¹¹⁰⁸) IV, 4. Точное значение выражения *εἰδέναι ἑκατόν ὄρον τὸ ἐκ τοῦ σκεδῶς κτισθαι* и пр. остается неизвестным. Я придаю то, что было бы прекрасным и сильным значением этих слов, но нельзя считать за достоверное, что *σκεδῶς* означает „тѣло“ (см. 2 Кор. IV, 7, Злат., Теофил., Икумен., Теодор., Тертулл. и большинство позднейших писателей). Такое понимание я однако считаю как наиболее вероятное (см. 1 Пар. XXI, 5; 2 Кор. IV, 7). Так *ἀγγέλων* употребляется в смысле „тѣла“ у Филона, *vas* — у латинских писателей (см. *Cic. T. Disp. I, 22; Lucr. III, 44*). Теодор Монсуетский и Августин придают ему значение „его собственная жена“; в таком случае сохранило бы свое значение внушение к духу целомудрия и продолжалось бы в святом браке (Евр. III, 4). Этого взгляда в последнее время были приняты Шоттом, Де-Ветте и др., как раньше О. Аквинатом и Эрием. В пользу его еврейское *נָשָׂא* в смысле „жена“ (см. раввинские примѣры у Шеттена, *Hor. Hebr. ad loc.*) и фраза *κτισθαι γυναικα* (Сирах. XXXVI, 29; Сн. Еф. V, 28; I Кор. VII, 2; 1 Петр. III, 7). Но поняли ли бы ессалоникійцы, женщины которых занимали гораздо более высшее и свободное положение, чѣм женщины на востоке, этот нѣсколько отталкивающий ориентализм? Было ли бы употребление его достойно утонченности ап. Павла и не говорить ли онъ, как замѣчает Теодоритъ, не только к семейнымъ людям, но и к безбрачнымъ и женщинам?

¹¹⁰⁹) *Чит. διδόντα* S, B, D, E, F, G.

¹¹¹⁰) IV, 1—8. Греческіе комментаторы думаютъ, что онъ разумѣетъ здѣсь не только прелюбодѣяніе, но и болѣе глубокія бездны нечестія (См. *Döllinger, Judenthum und Heidenthum*).

¹¹¹¹) Этотъ видъ *παράλειψις* (или *praeteritio*), замѣченный здѣсь Оеофиласкомъ, есть риторическая фигура, составляющая отличительную черту любезности ап. Павла (см. V, 1; 2 Кор. IX, 1; Филип. 19). Но фраза эта означаетъ также, что *λέγε* учить христіанна добродѣтели, чѣмъ искоренять преступныя привычки.

¹¹¹²) Одинъ изъ счастливыхъ оборотовъ выраженія ап. Павла (*оксиморонъ*, Рим. XII, 11; ср. Ис. XXX, 7).

¹¹¹³) Это показываетъ, что ессалоникійскіе обращенцы были главнымъ образомъ ремесленники.

¹¹¹⁴) Что язычники въ это время обыкновенно мрачно смотрѣли на смерть, не смотря на пещия надежды и великолѣпныя гаданія, это несомѣнно. „*Mortuus nec ad Deos, nec ad homines acceptus est*“ (Сор. Inscr. I, 118; *Boissier, La Rel. Rom. I, 304* и сл.). См. болѣе древній греческій взглядъ. *Эск. Eum. 648* и пр. Тѣнь Ахиллеса говоритъ Одиссею въ аду: „Не говори о царствованіи въ этомъ печальномъ мракѣ; не думай, что пустяя слова облегчатъ мою долю; гораздо лучше сносить бремя скорбей и дышать свѣжимъ воздухомъ,

быть рабомъ послѣдняго поденщика, едва зарабатывающаго себѣ хлѣбъ, чѣмъ быть неограниченнымъ царемъ мертвыхъ“.

¹¹¹⁵) IV, 14. Если *διὰ τοῦ Ἰησοῦ* брать съ *κοιμηθέντας* „уснувшихъ о Иисусѣ“. Сн. Дѣян. III, 16; Рим. I, 8; V, 11; 2 Кор. I, 5 и пр.

¹¹¹⁶) „*Quasi eo ipso loquente*“ (Beza). Такъ какъ это едвали можетъ быть отнесено къ Матт. XXIV, 31 и должно быть сравниваемо съ еврейскою фразою (3 Пар. XX, 35 и пр.), то мы можемъ понять ее или въ отношеніи къ незаписанному изреченію Христа или къ особому откровенію апостолу. Эвальдъ однакоже говоритъ (*Sendschr. 48*) „*Aus Christusworten die ihnen gewiss auch schriftlich vorlagen*“.

¹¹¹⁷) Архангелъ упоминается только здѣсь и въ Иуд. 9.

¹¹¹⁸) Образъ этотъ заимствованъ изъ Исх. XIX, 16.

¹¹¹⁹) Эти слова будутъ объяснены ниже.

¹¹²⁰) IV, 13—18. Эти стихи составляютъ руководящій *motus* посланія.

¹¹²¹) V, 1, *περὶ δὲ τῶν χρόνων καὶ τῶν καιρῶν.*

¹¹²²) V, 2, *ἀκριβῶς.*

¹¹²³) V, 4, A, B читаютъ *κλέπτας*, что произвело бы нѣкоторое измѣненіе въ метафорѣ. „*Weil der Dieb nur in und mit der Nacht kommt, vom Tage aber überrascht wird*“ (Эвальдъ). Сн. Матт. XXIV, 37; Рим. XIII, 11—14.

¹¹²⁴) Зародышъ сильной и прекрасной фигуры всеоружія христіанна, исполнѣ развитой въ Ефес. VI, 13—17; Рим. XIII, 12 (Сн. Прем. V, 18; Варух. V, 12).

¹¹²⁵) *Pfleidever*, I, 275; Рим. VI, 23; 1 Кор. XV, 22 и пр. См. *Reuss, Theol. Chret. II, 214.*

¹¹²⁶) Эти неопредѣленные термины, повидному, показываютъ, что церковная организція церкви была еще неустойчива.

¹¹²⁷) V, 15, сопоставъ съ *Сор. Philoct. 679.*

¹¹²⁸) Быть можетъ „отъ всякаго зла явленія“, отъ всего, что имѣетъ худой видъ: быть можетъ относится къ худымъ *γένη* духовнаго ученія.

¹¹²⁹) Ст. 16—21. Въ чемъ они нуждались это — *διακρίσις πνευμάτων* (1 Кор. XII, 10; Евр. V, 14), и въ томъ, чтобы быть *δόκιμοι* *τραπέζῃται*.

¹¹³⁰) V, 23, *σῶμα* „тѣло“; *ψυχὴ* — вся человѣческая жизнь съ ея способностями; *πνεῦμα* — божественно вдунутый духъ, высшая область жизни. *Ὁλοτελεῖς, ἐδούληροι* (Як. I, 4). *Trench, Synop.*, p. 70.

¹¹³¹) *Τὸς ἀδελφοὺς πάντας* должно означать „однѣ другаго“ какъ въ Рим. XVI, 16; 1 Кор. XVI, 20; 2 Кор. XIII, 12; 1 Петр. V, 14, если только эти заключительныя строки не обращены спеціально къ старѣйшинамъ. О „цѣлованіи любви“ — восточномъ обычаѣ — см. *Bingham, Antiq. III, 3, 3; Hooker, Pref. IV, 4.*

¹¹³²) Это сильное заклинаніе быть можетъ стало необходимымъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ несогласій между обращенцами и руководящими членами общины, на которыя намекаетъ апостолъ въ V, 12—15. Нѣкоторыя вліятельныя личности, которымъ письмо было впервые передано, могли чувствовать склонность скрыть нѣкоторыя его части, съ которыми они несогласались или которыя повидному осуждали ихъ воззрѣнія или ихъ образъ дѣйствій. Тимоѣй могъ принести извѣстіе, что какое нибудь прежнее письмо апостола къ той или другой церкви не получило надлежащей гласности. Какъ легко это могло быть на самомъ дѣлѣ, мы видимъ изъ 3 Иоан. 9: „Я писалъ церкви; но любящій первенствовать у нихъ, Діотрефѣ, не принимаетъ насъ“ (см. *Эвальдъ, Sendschr. p. 51*). Діонисій Коринѣскій жалуется на искаженіе его собственнаго писемъ (*Евсев. Ц. И. IV, 23*). Ап. Павелъ вообще испрашивалъ молитвы о себѣ въ концѣ письма (Ефес. VI, 19; Кол. IV, 3; 2 Θεсс. III, 1).

¹¹³³⁾ Эта надпись или печать подлинности, с некоторыми вариациями, находится в конце всех посланий ап. Павла. Так:

а) В 1 Фесс. V, 23; 1 Кор. XVI, 23 мы имеем: „благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами“, к чему слово „всѣмъ“ прибавлено во 2 Фесс. III, 18; Рим. XVI, 24; Филип. IV, 23.

б) В Филип. II, 25; Гал. VI, 18 мы имеем: „благодать Господа нашего Иисуса Христа с духомъ нашимъ“ („братія“ Гал.).

в) В Кол. IV, 18; 1 Тим. VI, 21; 2 Тим. IV, 22 мы имеем самую коренную форму: „благодать с вами“ (тобою), к чему в Тит. III, 15 прибавлено „со всѣмъ“.

г) В Ефес. VI, 24 мы имеем вариацию: „благодать со всѣмъ, неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа“ и во 2 Кор. XIII, 14 только полное „апостольское благословение“.

Надписания, приданные посланиямъ въ гораздо позднѣйшій періодъ, по большей части не имѣютъ значенія (*Paley*, *Horae Paulinae*, гл. XV).

¹¹³⁴⁾ Бауръ (*Paul*, II), Кернъ (*Tüb. Zeitschr.* 1839), Вапъ-дербъ-Вайеръ (*Die beiden Briefen aan de Thessal.* De-Bette (Einleit.), Фолькмаръ, Целлеръ и др., и Тюбингенская школа вообще, кромѣ Гильгенфельда (*Die Thessalonicherbriefe*), отвергаютъ оба посланія къ Фессалоникийцамъ, какъ неподлинныя, и Бауръ называетъ первое посланіе „*mattes Nachwerk*“. Я тщательно изучилъ ихъ аргументы, но они кажутся мнѣ столь легкими, что едва ли заслуживаютъ серьезнаго опроверженія. Затрудненія, создаваемые отверженіемъ этихъ посланий, въ десять разъ болѣе, чѣмъ тѣ, которыя вызываются ими. Если не предубѣжденный ученый, знакомый съ предметомъ, не можетъ чувствовать бѣшенія сердца ап. Павла въ каждомъ предложеніи этихъ посланий, то едва ли можно убѣдить какимъ нибудь аргументомъ. Вѣншія данныя (*Gen.* Haer. V, 6, 1; *Clem. Alex. Paedag.* I, p. 109, изд. Potter; *Tert. De Resurr. Carnis*, гл. 24), хотя и достаточно сильны, едва ли даже требуютъ. Не только Бузенъ, Эвальдъ и др., но даже Гильгенфельдъ (I. c.), Гольдманъ (*Thessal.* у Шенкеля въ *Bibel-Lexicon*), Пфлейдереръ (*Paulinism.* 29), Гаусратъ, Вейссе, Шмидтъ и пр. принимаютъ первое.

¹¹³⁵⁾ Мы находимъ въ собственныхъ словахъ ап. Павла болѣе чѣмъ достаточное доказательство, что ученіе его искажалось и поносилося, и ап. Петръ даетъ намъ прямо положительное увѣреніе, что такъ и было (2 Петр. III, 16).

¹¹³⁶⁾ Преданіе должно бы имѣть нѣкоторый вѣсъ, и *πρός Θεσσαλονικείς*; з' есть чтеніе А, В, D, E, F, G. Внутреннія данныя также (мы обращали вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ) кажутся мнѣ имѣющими рѣшающее значеніе.

ГЛАВА XXX. ¹¹³⁷⁾ Читатель будетъ пораженъ близкой аналогіей этого искушенія съ тѣмъ, которое причинило столько бѣдъ среди анабаптистовъ и другихъ сектъ во времена Реформации. Фессалоникийская церковь могла также имѣть своихъ Карлштадтовъ, которыхъ ап. Павлу необходимо было предостерегать, со всею силою своего мужественнаго смысла, противъ грубыхъ религіозныхъ заблужденій, получившихъ свой источникъ въ извращеніи его собственнаго ученія.

¹¹³⁸⁾ Ἐπ' ἀφάνεια τῆς παρουσίας.

¹¹³⁹⁾ 1 Фесс. IV, 15 ἡμεῖς... οὐ περὶ αὐτοῦ φησὶν — ἀλλὰ τοὺς πιστοὺς λέγει (Злат.).

¹¹⁴⁰⁾ Онъ никогда въ своихъ объясненіяхъ не измѣняетъ своихъ изгладовъ — на томъ лишь основаніи, что они подверглись извращенію, а просто выставляетъ ихъ въ полномъ и собственномъ значеніи.

¹¹⁴¹⁾ μὴ ταχέως ἀπελθεῖν ἀπὸ τοῦ νοῦς (2 Фесс. II, 2).

¹¹⁴²⁾ ἐνέστηκεν.

¹¹⁴³⁾ Какъ справедливо замѣчаетъ Бауръ (*Paulus*, II, 94). Но полагать, что поэтому посланіе это не можетъ принадлежать ап. Павлу — въ высшей степени некритично. Кромѣ того, хотя въ немъ и нѣтъ другихъ „догматическихъ идей“, которыя выставлялись бы съ особенною выразительностью, но сами по себѣ „догматическія идеи“ предполагаются въ каждой строкѣ.

¹¹⁴⁴⁾ Указанія на второе пришествіе: 1 Фесс. I, 9, 10 — „вы обратились къ Богу... ожидать сѣ неба Сына Его“; 1 Кор. I, 7 — „ожида явленія Господа нашего Иисуса Христа“; (см. 2 Фесс. III, 5); 1 Кор. XV, 51 — „не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся“ (см. 1 Фесс. IV, 15—17); Іак. V, 8, 9 — „пришествіе Господне приближается... вотъ, судія стоитъ у дверей“; 1 Петр. IV, 7 — „близокъ всему конецъ“; 1 Іоан. II, 18 — „и теперь явилось много антихристовъ, то мы и познаемъ изъ того, что послѣднее время“; Откр. XXII, 20 — „ей, гряди скоро“. Объ изреченіяхъ Спасителя, на которыхъ быть можетъ было основано это ожиданіе (Матѣ. XXIV, 29, 30, 34), см. „Жизнь Иисуса Христа“ стр. 482 и сл. Съ другой стороны, если ап. Павелъ имѣлъ въ виду возможность дожить до дня Господня, то онъ видѣлъ также, что хотя день этотъ былъ близко, но наступалъ все-таки не немедленно (2 Кор. IV, 14; 2 Фесс. II; Рим. XI, 24—27) и въ позднѣйшій періодъ скорѣе ожидалъ уже своей смерти (Филип. I, 20 и 23).

¹¹⁴⁵⁾ *Judenth. u. Heidenth.* IX, ad. f.

¹¹⁴⁶⁾ Боязнъ какой-то угрожающей мировой катастрофы, предшествуемой чудовищными явленіями, въ это время была всеобщей (*Tac. Ann.* VI, 28; XII, 43, 64; XIV, 12, 22, XV, 22; *Hist.* I, 3; *Soc. Nero*, 36, 39; *Dion. Cass.* IX, 35; LXI, 16—18 и пр.). *Haus-rath*, *N. Zeitsch.* II, 108; *Reuss*, *L'Antechrist*, p. 36; „Въ народѣ только и говорили, что о чудовищныхъ явленіяхъ и бѣдствіяхъ“.

¹¹⁴⁷⁾ 1 Кор. XV, 51, о чтеніи см. стр. 467 съ относящимися примѣч.

¹¹⁴⁸⁾ 1 Кор. VI, 14. Здѣсь, какъ и во многихъ случаяхъ, одно мѣсто изъ Талмуда бросаетъ въ высшей степени важный свѣтъ на мнѣнія ап. Павла, который, на такую предмету — гдѣ всякое особое озареніе устранялось — неизбѣжно окрашены были тономъ возрѣній, господствовавшихъ въ его народѣ: „Когда придетъ Мессія?“ спросилъ равв. Іошуа Бенъ-Лавъ у Іаіи Фесвитянина. „Пойди и спроси его самого“. — „Но гдѣ же Онъ?“ — „У воротъ Рима“. — „Какъ же я узнаю Его?“ — „Онъ сидитъ среди больныхъ бѣдныхъ“ (Раши приводитъ Ис. LIII, 5). Всѣ другіе переменяютъ свои перевязки на своихъ „ранахъ“ сразу, а Онъ переменяетъ ихъ постепенно, чтобы, въ случаѣ зова, не могло замедлиться Его пришествіе“. Равв. Іошуа Бенъ-Лавъ пошелъ къ Нему и привѣтствовалъ Его словами: „Миръ тебѣ, раввини, мой учитель“, „Миръ тебѣ, сынъ Лавъ“ — былъ отвѣтъ Мессіи. „Когда придетъ Учитель?“ спросилъ раввинъ. „Сегодня“, былъ отвѣтъ. Въ то время какъ раввинъ окончилъ этотъ разговоръ Іаіи, солнце закатилось. „Какъ?“ спросилъ раввинъ: „Онъ не пришелъ! Развѣ онъ солгалъ мнѣ?“ — „Нѣтъ“, сказалъ Іаіи: „Онъ разумнѣе — сегодня, если вы услышите голосъ Его“ (Пс. XCIV, 7). *Sanhedr.* f. 98, 1. Разсказъ этотъ заключаетъ въ себѣ ту же истину, какъ и знаменитое замѣчаніе бл. Августина: „*Ergo latet ultimus dies, ut observetur omnes dies*“, что было сказано также равв. Елизееромъ.

¹¹⁴⁹⁾ См. *Reuss*, *Theol. Chret.* II, 11.

¹¹⁵⁰⁾ 1) Привѣтствіе, 2 Фесс. I, 1, 2; 2) Благодареніе, вмѣстѣ съ утѣшеніемъ, извлекаемымъ изъ пришествія Христа; I, 3—12; 3) догматическая часть, которую въ этомъ случаѣ составляетъ замѣчательный и единственный отдѣлъ о чловѣкѣ грѣшнѣ II, 1—12; новое благодареніе съ увѣщаніями, оканчивающееся молитвой, II, 13—17; 4) практическая часть, состоящая въ просьбѣ о ихъ молитвахъ, III, 1—5; 5) увѣщанія и извѣщенія, также оканчивающіяся молитвой, III, 6—16, 6) собственноручное заключеніе и благословеніе, III, 17,

18. Эти отрывки однако же не имѣютъ строгаго и формальнаго характера; одинъ отрывокъ естественно переходитъ въ другой безъ всякаго замѣтнаго скачка. Каждая изъ молитвъ (II, 16; III, 16) начинается тѣми же самыми словами, *Αὐτός δὲ ὁ Κύριος*.

¹¹⁵¹⁾ Этимъ точно обозначается время написанія этого посланія, какъ написаннаго въ Коринѣхъ вскорѣ послѣ перваго. Сила перестаетъ быть соработникомъ ап. Павла и видимо присоединяется къ ап. Петру, послѣ посѣщенія Иерусалима въ концѣ двухгодичнаго пребыванія въ Коринѣхъ. Умственные и религіозныя склонности Силы вѣроятно болѣе согласовались съ старыми апостолами, посплавшими его въ Антиохію, чѣмъ съ ап. Павломъ.

¹¹⁵²⁾ *ὑπερβαίνει*. Особенностью восторженнаго стиля ап. Павла отчасти является то, что онъ любилъ сложныя слова съ *ὑπερ*, какъ напр. *ὑπεροχή*, *ὑπερίκτιν*, *ὑπερβάλλω*, *ὑπερκεκρίστος* и проч.

¹¹⁵³⁾ 2 Фесс. I, 4 *ἡμεῖς αὐτοὺς*.

¹¹⁵⁴⁾ Это сильный аргументъ противъ взгляда Эвальда, что посланіе это было писано изъ Веріи; но оно не доказываетъ, какъ говоритъ I. Златоустъ, что должно было пройти значительное время. Такъ какъ онъ писалъ изъ Коринѣа, то были еще церкви какъ въ Македоніи, такъ и въ Ахаціи, на которыя и указываетъ ап. Павелъ. Едва ли можно сомнѣваться, что посланіе это было написано въ концѣ 53 или въ началѣ 54 года по Р. Х.

¹¹⁵⁵⁾ *ἀνεστίν*.

¹¹⁵⁶⁾ Исх. III, 2; XIX, 18; XXIV, 17; 2 Парал. VII, 1 и пр. *Σ*, *Α*, *Κ*, *Λ* имѣютъ — *πυρὶ φλογός*.

¹¹⁵⁷⁾ I, 9. Это единственное во всѣхъ посланіяхъ ап. Павла мѣсто, гдѣ его эсхатологія касается будущности перасканиныхъ. Когда I. Златоустъ торжественно спрашиваетъ: „Гдѣ же Оригенисты?“ Онъ называетъ разрушеніе *αἰώνων* его собственныя замѣчанія въ другихъ мѣстахъ показываютъ, что онъ едва ли самъ не могъ не видѣть, что эта его риторика о „домостроительствѣ“ могла звучать убѣдительно только для его слушателей, но нисколько не относилась къ серьезнымъ взглядамъ Оригена. Нужно замѣтить, что 1) *διδόναι ἐκτελέσκειν* (сн. 2 Парал. XXII, 48, LXX) не означаетъ „отомщать“. 2) Огонь не есть огонь наказанія, но Шехина — слава Прішествія (Дан. VII, 9; Исх. III, 2). 3) Тѣ, о комъ говорится, не грѣшники вообще, а злонамѣренные враги и гонители. 4) Возмездіе не есть „погибель“, а „погибель отъ лица Господня“, т. е. отстраненіе отъ блаженнаго видѣнія. 5) „Вѣчная погибель“ въ этомъ мѣстѣ происходитъ при первомъ явленіи Христа, а не въ послѣдній день Страшнаго суда.

¹¹⁵⁸⁾ Они будутъ вѣнчать удивленіе, потому что не будутъ въ тотъ день отражать его сіяніе.

¹¹⁵⁹⁾ I, II, *πληρώσει αὐτοὺς ἀγαθωσύνη*. „Εὐδονία“ часто относится къ Богу (Ефес. I, 5, 9 и пр.) по *ἀγαθωσύνη*, четыре раза употребленная ап. Павломъ, есть „праведная и человѣческая доброта“, классическая *χρηστότης*. Слово это заимствовано у LXX (См. Екклес. IX, 18).

¹¹⁶⁰⁾ Тутъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, переводы дѣлаются съ подлинника и въ терминахъ, которые дали бы возможность легче понять текстъ современному читателю.

¹¹⁶¹⁾ *ὑπερ* въ Нов. Завѣтѣ не есть заклинаніе, и однакоже нѣсколько сильнѣе *περί*.

¹¹⁶²⁾ Очевидный намекъ на 1 Фесс. IV, 17. Существительное *ἐπισυναγωγή* встрѣчается только въ Евр. X, 25, но глаголъ въ Мат. XXIII, 37. XXIV, 31 „какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья“ (сн. Иоан. XI, 20).

¹¹⁶³⁾ Т. е. посредствомъ изреченія, выдаваемого за вдохновенное. „Различіе духовъ“ или испытаніе, какія изреченія боговдохновенны, а какія нѣтъ, было однимъ изъ наиболѣе важныхъ *χρησμάτων* въ первенствующей церкви.

¹¹⁶⁴⁾ Комментаторы отъ Іоанна Златоуста до Θεодорита почти всѣ единогласно понимаютъ это въ томъ смыслѣ, что по этимъ предметамъ было составлено подложное письмо отъ имени ап. Павла и оно увеличило возбудженіе вессалоникійцевъ. Мнѣ кажется, будетъ вполнѣ соответствующимъ этому выраженію, если мы сдѣлаемъ болѣе вѣроятное предположеніе, что между ними ходило письмо—быть можетъ анонимное, а быть можетъ и съ совершенно честными намѣреніями—которое выдавало себя за точное воспроизведеніе его воззрѣній, въ дѣйствительности же перетолковывало ихъ.

¹¹⁶⁵⁾ *Ἐνέστηκεν* можетъ имѣть значеніе—наступилъ уже (Рим. VIII, 38; Гал. I, 4 и пр.). *Τινὲς γὰρ προφητεύειν ὑποκρινόμενοι ἐπὶ λαὸν ὡς ἡδὴ παρόντος τοῦ Κυρίου* (Θεодор.). *Τὰ ἐνεστώτα* означаетъ „настоящее“. См. Рим. VIII, 38; 1 Кор. III, 22.

¹¹⁶⁶⁾ Онъ намѣренно пропускаетъ слова „Господь не придетъ“. (Въ русск. переводѣ курсивомъ вставлены въ текстъ слова: *ибо день тотъ не придетъ*).

¹¹⁶⁷⁾ Откровеніе антихриста.

¹¹⁶⁸⁾ Конечъ котораго есть погибель (Филип. III, 19; Иоан. XVII, 12).

¹¹⁶⁹⁾ Человѣческій сатана или противникъ (*Renan*, р. 255).

¹¹⁷⁰⁾ *ὑπερκεκρίστος*... *ἐπί*, быть можетъ „чрезвычайно превозносится“ или „вѣлчается“.

¹¹⁷¹⁾ *Καθίστημι... εἰς*,—*constructio praegnans* (см. мой *Brief Greek syntax*, § 89). *Ἦς* *θεὸν* опущено въ *Σ*, *Α*, *Β*, *Δ* и пр. *Ναὺν* сильнѣе *Ἰερὸν*, чѣмъ и естественно могло быть понимаемо только о храмѣ іудейскомъ.

¹¹⁷²⁾ *Tantum qui nunc tenet (teneat) donec de medio fiat* (*Tert. De Resurr. Carn.* 25).

¹¹⁷³⁾ Ис. XI, 4; Прем. XI, 20, 21. Раввинское выраженіе: „*Prima adventus ipsius emicatio*“ (*Bengel*).

¹¹⁷⁴⁾ *Εν* вѣроятно подложно, потому что опущено въ *Σ*, *Α*, *Β*, *Δ*, *Γ*, *Θ*.

¹¹⁷⁵⁾ Чит. *Πέρι*: *Σ*, *Α*, *Β*, *Δ*, *Γ*, *Θ*. „Дѣйствіе заблужденія“—это карательная слѣпота, отнятіе разума передъ наказаніемъ.

¹¹⁷⁶⁾ 2 Фесс. II, 1—12. При переводѣ этого мѣста необходима тщательная справка съ манускриптами.

¹¹⁷⁷⁾ *ἀπ' ἀρχῆς* (Ефес. I, 4). *Β*, *Γ*, *Θ* имѣютъ *ἀπ' ἀρχῆν* „какъ начатокъ“; но это не такъ (Дѣян. XVI).

¹¹⁷⁸⁾ *εἰς περισποίησιν ὀφείας* „для достиженія славы“; сн. 1 Фесс. V, 9; Евр. X, 39.

¹¹⁷⁹⁾ Намекъ на его борьбу съ іудеями въ Коринѣхъ. „*Synagogas Iudaeorum fontes persecutionum*“ (*Tert. Scorp.* 10), *ἄτοκος* только въ Лук. XXIII, 41 и въ Дѣян. XXVIII, 6.

¹¹⁸⁰⁾ Т. е. въ терпѣніи, подобно Его терпѣнію.

¹¹⁸¹⁾ Эти внушенія болѣе выразительны, властны и точны, чѣмъ въ первомъ посланіи; другой знакъ, что это слѣдовало за тѣмъ. *περὶ γὰρ ἑλπίου* гораздо сильнѣе чѣмъ *ἐκ τῶν*, и въ этомъ посланіи встрѣчается четыре раза (III, 4, 6, 10, 12), а въ другихъ его посланіяхъ только въ 1 Фесс. IV, 11; 1 Тим. VI, 13; 1 Кор. VII, 10; XI, 17.

¹¹⁸²⁾ 2 Фесс. III, 11, *οὐκ ἐργαζόμενος ἀλλὰ περιεργαζόμενος* (сн. стр. 815 „Риторика ап. Павла“).

¹¹⁸³⁾ *Καλοποιοῦντες*—„ведя себя прекрасно“; „дѣлая добро“—будетъ *ἀγαθοποιούντες* (сн. 2 Кор. VIII, 21).

¹¹⁸⁴⁾ III, 17, 18. Эта удостовѣрительная собственноручная подпись, излишняя въ первомъ письмѣ, стала необходимою потому, что стало распространяться и принималось на вѣру не авторизованное имъ сообщеніе, на которое намекается во II, 2. Выразеніе „во всякомъ посланіи“ показываетъ, что апостолъ намѣренъ съ этихъ поръ часто писать церквамъ. Конечно, посланія, отправлявшіяся съ довѣренными посланниками (напр. 2 Кор. и Филип.), не нуждались въ удостовѣреніи.

вѣреніи. Обычным заключеніемъ писемъ было *ἔρρωσθε* „прощайте“. Касательно удостовѣрительной подписи см. *Cic.* ad Att. VIII, 1; *Suet.* Tib. 21, 32.

1185) „Со всѣми“ находится только во 2 Кор., Рим. и Тит. (сн. Ефес. VI, 24 и Евр. XIII, 25), но особенно выразительно здѣсь, такъ какъ послѣднія слова его были главнымъ образомъ укорительными.

1186) См. *Reuss*, Theol. Chret. II, p. 10

1187) „Никто не пишетъ съ намѣреніемъ непонятно“ (*Paley*, Ног. Paulinac). Онъ остроумно замѣчаетъ, какъ самая темнота этого мѣста даетъ одинъ сильный аргументъ въ пользу подлинности этого посланія, которое, замѣчу мимоходомъ въ качествѣ курьеза, Гилгенфельдъ считаетъ „маленькимъ Павловымъ апокалипсисомъ послѣдняго года царствованія Трояна“ (*Eisl.* 642).

1188) Эти таинственные и пеленные намеки (сн. Дан. XII, 10), ходившіе среди древнихъ христіанъ (въ родѣ привѣтствія и символа *ἰχθῆς*), а также загадочное звѣриное число (666=ϞϞϞ ϞϞ ϞϞ *Nero Caesar*: сн. *I. Flavii* B. Jud. VI, 5, § 1; *Suet.* Ner. 40, Vesp. 4; *Tac.* H. V, 13) въ Откровеніи XIII, 18 и въ Сивилинскихъ книгахъ были необходимы въ слѣдствіе окружающихъ отовсюду опасностей. Съ годами, протекавшими между этимъ посланіемъ и апокалипсисомъ, взгляды христіанъ касательно антихриста сдѣлались гораздо опредѣленнѣе (*Renan*, L'Antechrist, p. 157 и пр.).

1189) 2 Фесс. II, 6, 7 *ὁ κατέχων*—*το κατέχων*.

1190) См. поучительное мѣсто у *I. Flavii*, Antt. X, 10, § 4.

1191) Упоминаемый ап. Павломъ „беззаконникъ“ и „человѣкъ грѣха“, который будетъ уничтоженъ съ прішествіемъ Христа, долженъ имѣть нѣкоторую хронологическую аналогію съ „антихристомъ“ ап. Іоанна. Въ посланіяхъ же ап. Іоанна антихристъ есть главнымъ образомъ еретическій гностицизмъ („*omnis haereticus Antichristus*“) и отрицаніе прішествія Іисуса Христа во плоти (1 Іоан. IV, 3). Въ Апокалипсисѣ это—Неронъ. Въ Ветхомъ Заветѣ антихристъ есть Антиохъ Епифанъ.

1192) Если противъ этого возражать, что такого взгляда держались многіе извѣстные богословы прежняго времени (*Jewell*, *Hooker*, *Andrewes*, *Sanderson* и пр.), то можно отвѣтить, что знаніе церкви не стоитъ на одномъ уровнѣ. Духъ Божій живетъ въ ней и ведетъ ее все къ большому и полнѣйшему познанію истины. Если бы эти богословы жили теперь, то несомнѣнно расширили бы свои воззрѣнія соотвѣтственно успѣхамъ, сдѣланнымъ въ толкованіи св. Писанія. Немногіе менѣе сочувствуютъ, чѣмъ я, особенностямъ въ ученіи римской церкви; но, не смотря на многія важныя свои заблужденія, она все-таки церковь и притомъ христіанская церковь, и многіе изъ нѣхъ были добрые, благородные, святые люди, великіе благодѣтели человечества, блистательные хранители вѣры Христовой, и я отказываюсь смотрѣть на нихъ, какъ на „сыновъ погибели“ или представителей богохульства и беззаконія.

1193) См. приложение XIX: „Человѣкъ грѣха“. Касательно этихъ символовъ см. Іезек XXXVIII, 16, 17; Дан. VII, 10, 11, 23—26; XI, 31, 36.

ГЛАВА XXXI 1194) См. *I. Flavii*, B. Jud. II, 15, § 1 и мишну, трактатъ *Nazir*, II, 3. Спенсеръ (*De Leg. Hebr.* III, 6 § 1) съ крайнею невѣроятностью думаетъ, что это было сдѣлано съ цѣлью имѣть счастливое путешествіе. Сн. *Juv* Sat. XII, 81.

1195) *Καυχήματος* — „совлеченіи“, остригши (сн. 1 Кор. XI, 14; ап. Павелъ не любилъ длинныхъ волосъ). Мнѣніе, что обѣтъ, былъ принятъ не ап. Павломъ, а Аквилой, можетъ быть окончательно оставлено; оно возникло въ слѣдствіе того лишь, что Аквила упоминается послѣ своей жены; но это, какъ мы уже видѣли, повторяется также въ 2 Тим. IV, 19; Рим. XVI, 3 и есть ненамѣренное совпаденіе—быть можетъ благодаря ея большей ревности къ дѣлу.

1196) „Кто даетъ обѣтъ, тотъ какъ бы основываетъ частный жертвенникъ, и если онъ исполняетъ его, приносить какъ бы жертву на немъ“ (*Yebhamoth*, f. 109, 2; *Nedarim*, f. 59, 1). Возвѣ-

нія раввиновъ на обѣтъ можно найти въ *Erubhin* f. 64, 2; *Chagigah* f. 10, 1; *Rosch Hashanah* f. 10, 1; *Nedarim* f. 2, 1; f. 30, 2 и пр. Они собраны Гершономъ въ его еврейскомъ комментарий на книгу Бытія—исключительно изъ Талмуда, въ синонтическомъ примѣчаніи къ Быт. XXVIII, 20. Они мало проливаютъ свѣтъ на обѣтъ ап. Павла. По правилу всякіе обѣтные термины—*קורבאנ*, *קונעג*, *קונעג* или *קונעג*—всѣ одинаково имѣютъ обязательную силу (*Nedarim*, f. 2, 1). Быть можетъ ап. Павелъ придавалъ значеніе временному аскетическому элементу въ этомъ обѣтѣ (1 Кор. IX, 25; *I. Flavii*, B. Jud. II, 15, § 1).

1197) *I. Flavii*, Antt. XIV, 10.

1198) *Cveton*. Nero, 40; *Dion. Cass.* 66, 9.

1199) Св. Лука не болѣе какъ только упоминаетъ слово Іерусалимъ, но слово *ἀναβάς* опровергаетъ мнѣніе, будто ап. Павелъ ходилъ не дальше Кесаріи.

1200) Отъ Антиохіи до Киликійскихъ воротъ, черезъ Тарсъ, 720 верстѣ.

1201) *Ἀνατολικὰ* практически равносильно слову *ἀνατολικὰ*.

1202) 1 Кор. XVI, I, 2. Но сборъ этотъ, повидимому, не былъ посланъ вмѣстѣ со сборами греческихъ церквей (Рим XV, 25, 26). Быть можетъ іудейскіе посланцы захватили его.

1203) Теперь Кучюк-Мендере, или Малый Меандеръ.

1204) Hist. I, 142. Полныя свѣдѣнія объ Ефесѣ см. въ *Guhl*, Ephesiaca (Berl. 1843).

1205) *Strabo*, XIV, 642; *Cic.* ad Fam. VII, 24.

1206) *Cic.* pro Flacco, 27; *Plin.* H. N. V, 28; ap. *Hausrath*, 1. c.

1207) См. *Corpus. Inscr. Gr.* 2957, 2961 и пр. (*Renan*, p. 338, который приводитъ также *Phil.* Vit. Ant. 24). *Chandler*, *Travels*, I, 25; *Falkner*, Ephesus, 111; *φιλοξενία* и *φιλόκλεια* часто встрѣчается въ ефесскихъ надписяхъ.

1208) *Θεός* или *ἱεὺς* Συγγλητός на монетахъ и пр. (*Renan*, стр. 352).

1209) *Strabo*, XIV, стр. 947.

1210) *Tac.* Ann. III, 61.

1211) Дѣян. XIX, 35, *νεωκίερος*.

1212) Я уже указывалъ на этотъ фактъ, говоря о Дафѣ и Пафѣ, стр. 202 и 240. По этому Тиверій и старался закрыть всѣ эти „*asyla*“ (*Suet.* Tib. 37).

1213) На это указываетъ Филостратъ въ личности Аполлонія Тианскаго. Онъ хвалитъ ихъ за ихъ пиршества и обрядность, и прибавляетъ: *μαρτυροῦντες δὲ συνοικοῦν τῇ θεῷ νόμους τε καὶ ἡμέρας ἣ οὐκ ἂν ὁ κλέπτειν τε καὶ ληστὴς καὶ ἀνδραποδιότης καὶ πᾶς εἰ τις ἄδικος ἢ ἱερέυλος ἦν ἐρωμένους αὐτοῦ*. *τὸ γὰρ τῶν ἀποστατούντων τελεχὲς ἐστίν*. См. также *Strabo*, XIV, 1, 23.

1214) Отсюда пословица „іонійская извѣженность“. Объ ихъ нѣсныхъ нарядахъ см. *Athen.* стр. 525. „Наученный нѣжными іонійцами“ (*Dyer*, Ruins of Rome).

1215) *Philo*, Byzant. De Sept. Orbis miraculis, 7, *μόνος ἐστὶ θεῶν οἶκος*. *Falkener*, Ephesus, стр. 210—346.

1216) *Or.* Pont., II, X, 21.

1217) См. *Плини.* H. N. XXXVI, 21; *Диог. Лаерт.* II, 8; *Авг.* De Civ. Dei, XXI, 4. Старый Лондонскій мостъ былъ построенъ изъ доходовъ съ пошлины на шерсть. Анекдотъ объ открытіи бѣлаго мрамора Писидоромъ передается въ *Vitruv.* X, 7.

1218) *ματεροφανεῖς*.

1219) Одинъ великолѣпный экземпляръ украшеній этихъ „*columnae caelatae*“ (*Plin.*) находится теперь въ Британскомъ музеѣ. Полныя свѣдѣнія касательно этого храма и его отысканія см. у *Wood*, Ephesus, стр. 267 и сл.

1220) Теперь въ мечети св. Софій.

1221) Плиній (H. N. XVI, 79) и Аѳинагоръ (*Pro Christo*, 14) говорятъ, что она была сдѣлана—Евдеемъ, ученикомъ Дедала.

1222) *Vitruv.* II, 9; *Callim.* Hymn. Dian. 239.

1223) *Pausan.* IX, 24.

1224) См. стр. 240.

1225) *Pausan.* IX, 12. См. *Guhl*, Ephesiaca, стр. 185; *Falkener*, Ephesus. 287. Херонейский Зевес был египетск. (Pausan. IX, 40; Киммерийский Марс — назант (Геродот, IV, 62).

1226) Напр. в статуе, хранящейся в Museo Borbonico в Неаполе, которая, если можно судить по монетам, очень непохоже воспроизводит почтенное безобразия подлинной статуи.

1227) πολύμητρος, multimamma; „omnium bestiarum et viventium nutrix“ (Герон. Proem. in Ep. ad Eph.).

1228) Дѣян. XIX, 37, οὗτος βλάστησεν τὴν θεάν ὑμῶν.

1229) „Что случилось с храмом Дианы? Может ли чудо земли уничтожиться подобно при-видению, не оставив и следа? Напрасно мы ищем храм теперь; город умер и богиня ушла“ (Chandler; см. Sibyll. Orac. V, 293—305). Изумление увеличивается при виде массивности гор-дых обломков в Британском музее. Что турецкое название Айя Содук есть искажение названия Ἀϊὰ θεολόγος и поэтому напоминает об ап. Иоанне, это доказывается открытием монет, носивших эти надписи и найденных в Айясалук (Wood, стр. 183). Быть может ап. Иоанн первоначально получил это название как бы в противоположность Theologi этого храма.

1230) Сходство этого слова и характера с „есееями“ случайное. Оно означает: „царь или царица пчел“ (матка пчелиная).

1231) *Quint.* V, 12. Что это были за жалкие существа, можно видеть из *Luc.* VI, 512; *Prop.* II, 18, 15; *Appuleius*, Metamorph.

1232) Аполлоний Тианский, в своей первой рѣчи к ефесянам, сказанной с платформы храма, увещивал их оставить свою лѣность, глупость и бражничество, и обратиться к изу-чению философии. Он касается их пласок и говорит: αὐτῶν μὲν πάντα μεστόν ἐστιν, μεστό δὲ ἀνθρώπων, μεστό δὲ κούρων и т. д. (*Philosfr.* Vit. Apoll. IV, 2, стр. 141). Он хвалит их однако же за их интерес к философии и пр. (VIII, 8, стр. 339). Куртилы омиама, флейтики и трубы упоминаются в надписи, найденной Чандлером (Inscr. Ant. стр. 11).

1233) *Hausrath*, стр. 342.

1234) *Clem. Alex.* Strom. V, 46.

1235) *Cato*, De Re Rustica Fr. 160 (см. *Donaldson*, Varron. стр. 234).

1236) *Abhoda* Zara, f. 12, 2.

1237) Vit. Apoll. IV, 10, стр. 147. Александр Абонотих, гораздо более отвратительный обманщик чѣм Аполлоний Тианский, до старости жил тѣм богатством, которое он скопил на счет простодушных жертв своего обмана, и серьезно убеждал мир, что матерью его дочери была богиня луны!

1238) По теории Бернса письма эти были написаны язычником, но иудеям в них сдѣ-ланы вставки.

1239) Так значится в кодексе D.

1240) Дѣян. XVIII, 25—ξέων τῷ πνεύματι (сн. Рим. XII, 11).

1241) προτρεψάμενοι, т. е. αὐτὸν (Дѣян. XVIII, 27).

1242) οὐρακτικὴ ἐπιστολή (2 Кор. III, 1).

1243) 1 Кор. III, 6. Нѣкоторые видят различіе между учениками Аполлоса и Павла в Тит. III, 14 οἱ ἡμέτεροι, но смотри ad loc.

1244) Сабелле, Мендее и пр. (Псеандер, Церк. Ист. II, 57). Из Каменитских Ресо-gnitiones мы видим, что нѣкоторые из учеников Иоанна Крестителя продолжали проповѣды-вать о нем, как о Мессии.

1245) Еленет (Рим. XVI, 5, leg. Αἰνέε) был первым его обращенцем.

1246) I. Флавій, В. IX, 1, 26, § 3; 2 Макк. IV, 40. Крайне невѣроятно, чтобы это был Бес-Мидраш (Meuser), так как дѣло ап. Павла было устранилось от иудеев.

1247) Отсюда, 40 лѣтъ спустя, в Витонин, Паний (Ep. 96) пишет: „Neque enim civita-tes tantum, sed vicos etiam atque agros superstitionis istius contagio pervagata est“.

1248) Дѣян. XIX, 11, δυνάμεις οὐ τὰς τυχούσας.

1249) „Послание к ефесянам“, будучи окруженным посланием, естественно содержит лишь немного частных намеков, которые, будучи понятны одной христіанской общинѣ, были бы непонятны другой. Можно бы ожидать таких намеков в его рѣчи; но „omittit Doctor gentium narrare miracula, narrat labores, narrat aerumnas, narrat tribulationes quae Paulo Paulique imi-tatoribus ipsis miraculis sunt clariores“ (*Novarinus*).

1250) σουδάριον, sudaria; ἡμικίνθια, semicinctia.

1251) I. Флавій, Ant. VIII, 2, § 5. Об этом смѣшном шарлатанствѣ, повидному обма-нушемъ Веспасіана, см. в моей „Жизни I. Христа“, прим. 392. О многочисленности іудейских заклинателей свидѣлствуетъ Іустинъ Философъ в Dial. 85.

1252) Дѣян. XIX, 14, ἀρχαῖς—общее выраженіе; быть можетъ глава одной изъ двадцати четырехъ священническихъ чредъ.

1253) I. Флавій, Ant. I, с. Мы находимъ много слѣдовъ этого рода суевѣрія в талмуди-ческихъ трактатахъ: напр., вѣрованіе что *минимы* могли исцѣлять от укушенія змѣй именемъ Іисуса (см. прим. 202). В трактатѣ Toldoth Jeschu чудеса Спасителя объясняются в крайне нѣжномъ разсказѣ о тѣхъ средствахъ, какими онъ обладалъ *исемалефоресомъ* или священнымъ именемъ. Волшебство во все времена господствовало среди іудеевъ (Исх. XXII, 18; 1 Цар. XXVIII, 3, 9; Мих. V, 12). Тоже было и во время христіанской эры, такъ что оказывалось необходимымъ даже протестовать обращенцевъ отъ привязанности къ нему (Гал. V, 20; 2 Тим. III, 13, γόγγας).

1254) В ст. 16 чтеніе ἀποστόλων кодексовъ S, A, B, D почти несомнѣнно правильно. Они руководились совершенно тѣмъ же побужденіемъ какъ и Симонъ волхвъ, но высказывали менѣе искусства въ попыткѣ совершенія ихъ.

1255) Дѣян. XIX, 15, τὸν Ἰησοῦν γυνώσκον καὶ τὸν Παῦλον ἐπιστάτας; Вулг. „Jesum novi et Paulum scio“.

1256) Объ этихъ Ἐφέσια γραμμάτια см. пояснительные прилѣты, приведенные у Ветштейна. Нѣкоторые изъ нихъ представляли собой копія таинственныхъ словъ и именъ, вырѣзанныхъ въ загадочныхъ формулахъ (ἀνυχτῶδες—Евстаф. на Od. XIV, стр. 1864) на вѣщахъ, погахъ статуи Артемиды. Для объясненія ихъ писались дѣлѣе трактаты, напоминающіе собой нѣкоторые трактаты китайцевъ. Преданность магии поэтому почти неизбежно заключала въ себѣ тайную вѣру въ идолопоклонство. Однимъ изъ титуловъ Артемиды былъ Magos. Балбилъ (*Coem Nero*, 36) и Максимъ (*Gibbon*, II, 291, изд. Milman) были ефесскіе астрологи. Евстафій (I. с.—сн. *Philostr.* Vit. Apoll. VII, 39) сообщаетъ, что Крезъ былъ спасенъ тѣмъ, что читалъ ихъ на кострѣ и во время борьбы одинъ милетецъ, который не могъ побороть ефесянина, нашелъ, что у него на игральной кости были выгравированы ефесскія причитанія. Когда кость взята была у него, то милетецъ поборолъ его тридцать разъ подрядъ. Отсюда Ἐφέσια γραμμάτια иногда вырѣзывались на печатяхъ (*Athen.* XII, 684). Ренанъ говоритъ (стр. 345), что имена „семи спящихъ въ Ефесѣ“ доселѣ составляютъ обычное причитаніе на востокѣ.

1257) Почти съ несомнѣнностью можно предполагать, что эти „сребреники“ аттичскія драхмы цѣнностью около 25 коп. Если бы это были римскіе динарии, то цѣнность была бы 10,620 рублей. Классическія параллельныя мѣста къ этому публичному заклинанію магии приво-дятся изъ *Liv.* XI, 29; *Suet.* Aug. 31; *Tac.* Ann. XIII, 50; *Agric.* 2.

¹²⁵⁸) *κατέκαλον*, пром. несов.

¹²⁵⁹) Дѣян. XX, 31; но благодаря іудейскому способу вѣсчисления, по которому всякая часть времени считается за цѣлое, періодъ этотъ не превосходилъ непременно двухъ лѣтъ.

¹²⁶⁰) Главнымъ образомъ въ посланіяхъ къ Коринѳянамъ. О посланіи къ Ефесѳянамъ см. дальше.

¹²⁶¹) Онъ однако же не посѣтилъ Лаодикеи или Колоссы, гдѣ церкви основаны были Филимономъ и Епафрасомъ (Кол. I, 7; IV, 12—16). Но очень возможно, что онъ путешествовалъ въ Смирну, Пергамъ, Ѳіатиръ, Сардию, Филадельфію и пр. (см. 1 Кор. XVI, 19).

¹²⁶²) Дѣян. XX, 19; что опять показываетъ отрывочность повѣствованія въ отношеніи всѣхъ подробностей личныхъ страданій.

¹²⁶³) Было ли во время этихъ путешествій и короткое и неудовлетворительное посѣщеніе Коринѳа, это спорный вопросъ, рѣшеніе котораго зависитъ отъ толкованія, придаваемого 2 Кор. I, 15, 16; XIII, 1 и который никогда окончательно не можетъ быть порѣшенъ. Можно привести множество авторитетовъ за ту и другую сторону; но къ счастью и самый вопросъ не имѣетъ большой важности.

¹²⁶⁴) И это не смотря на то, что приготовлявшіеся въ Ефесѣ палатки пользовались особенно извѣстностью и вѣроятно были поэтому въ значительномъ спросѣ (*Plut. Alcib. 12; Athen. XII, 47*).

¹²⁶⁵) Іудейскіе христіане быть можетъ оставляли его въ покоѣ, когда онъ трудился въ Европѣ, и опять выступилъ противъ него, когда онъ вновь началъ свою дѣятельность въ Азіи (*Krenkel, Paulus*, стр. 183).

¹²⁶⁶) См. *Greg. Naz. Orat. II, 38—40*.

¹²⁶⁷) Дальнѣйшіе намеки находятся въ прощальной рѣчи къ ефесскимъ пресвитерамъ (Дѣян. XX, 18—35).

¹²⁶⁸) Рим. XVI, 23; 2 Тим. IV, 20; но касательно этого нельзя думать ничего достовернаго. Имя это было ходячимъ.

¹²⁶⁹) См. стр. 447.

¹²⁷⁰) Опрежденіе о посвященіи цѣлаго мѣсяца Артемидѣ найдено было Чандлеромъ на бюлѣмрамной плитѣ близъ водопровода и передано Беккомъ, *Corp. Inscript. 2954*. Оно почти совершенно ап. Павлу.

¹²⁷¹) Эти подробности главнымъ образомъ берутся изъ сообщенія Малахи.

¹²⁷²) *Achill. Tat. 5*.

¹²⁷³) Этому никто не удивится, прочитавъ разсказъ Плінія о крайнемъ пренебреженіи, въ которомъ находились языческія учрежденія послѣ этого времени, въ сосѣдней провинціи Воніиіи, и именно какъ прямое слѣдствіе христіанскаго ученія, и это не смотря на то, что христіане были гонимой общиной. Жалобы также слышались со стороны жрецовъ, поставщиковъ жертвъ и другихъ заинтересованныхъ денежно лицъ. Они имѣли настолько проницательности, чтобы видѣть, что опасность христіанства для нихъ заключалась въ его универсальности.

¹²⁷⁴) Такъ называемыя *ἀνδρόματα ναῖα*, *aediculae*. 1. Златоустъ говоритъ—*ὡς ὡς κίβητος*. О подобныхъ изображеніяхъ и ковчегкахъ упоминается въ *Ar. Nub. 598; Dio. Sic. I, 15; XV, 49; Dion. Cass., XXXIX, 20; Dion. Hal. II, 22; Amm. Marcell. XXII, 13; Petron. 29*. Обычай этотъ крайне древній. „Скинны Молоха и звѣзда бога Ремфала“, которые были приняты израильтянами въ пустынѣ, были того же рода. Маленькія изображенія Паллады (*παλλάδιον περιχρῆστος*), Деметры и др. были особенно въ спросѣ, и интересная глиняная *aedicula* Цибелы, найденная въ Аѳинахъ, изображена у Левина, I, 414. Аппуліи говоритъ (*Metam. XI*), что въ концѣ

празднества маленькія серебряныя изображенія Артемиды клались на ступеняхъ храма для дѣланія народу.

¹²⁷⁵) Изъ многочисленныхъ надписей мы узнаемъ, что въ Іоніи были въ ходу гилліи и ремесленные союзы (*συνεργαῖαι, συνδύσεις*). См. *Renan* стр. 355. „*Τεχνῖται*—*artifices nobiliores, ἐργαταί*—*operarii* (Bengel).

¹²⁷⁶) „*Diana Ephesia, cujus nomen unicum, multiformi specie, ritu vario, nomine multijugo, totus veneratur orbis*“ (*Appul. Metam. II*). Пліній называетъ этотъ храмъ „*orbis terrarum miraculum*“ (Н. Н. XXXVI, 14); изображеніе и храмъ ея найдены на монетахъ многихъ сосѣднихъ городовъ.

¹²⁷⁷) Сравни съ случаемъ въ Филиппахъ (Дѣян. XVI, 19).

¹²⁷⁸) Не Гаіи Дервяннѣ (XX, 4) или „страннопріимецъ мой“ (Рим. XVI, 23).

¹²⁷⁹) Аристархъ Ѳессалоникійскій упоминается въ XX, 4; XXVII, 2; Кол. IV, 10; Филим. 24. ¹²⁸⁰) См. Дѣян. XII, 21; *Tac. Н. II, 80; Cic. ad Fam. VIII, 2; Corn. Nep. Timol. IV, 2; I. Флавиі, B. Jud. VII, 3, § 3*. Театръ былъ обычнымъ мѣстомъ такихъ собраній.

¹²⁸¹) *Felloues, Asia Minor*, стр. 274. Вудъ говоритъ 25,000 (*Ephes. p. 68*).

¹²⁸²) Въ Смирнѣ азіархъ Филиппъ противодействовалъ крику черни, *ὡς ἐπαφῇ Πολυκάρπου λέοντα* (*Eusebii, Церк. Ист. IV, 15*).

¹²⁸³) См. 1 Кор. IV, 9; 1 Кор. XV, 32; *Act. Mart. Polycarp. 12*. Стадій, гдѣ были звѣробои (*Bestiarii*), былъ вблизи театра, и храмъ Артемиды былъ вполнѣ видѣнъ оттуда. Очень невѣроятно однакоже, чтобы ап. Павелъ дѣйствительно боролся со звѣрами. Выраженіе это считается метафорическимъ (2 Тим. IV, 17), *ἀπὸ Σωρίας μέχρι Ρώμης θηρισμῶν* (*Ignat. Rom. c. 5*); *ὡς θηρίους μαχόμεθα* (*Appian, Bell. Civ. стр. 273*). Съ выраженіемъ естественно связывалась легенда (*Niceph. Н. Е. II, 25*). Псевдо-Герасимъ (Ер. VII), пиша объ этомъ времени, говоритъ объ ефесѳянахъ—*ὡς ἀνθρώπων θηρία γυγόντας*. Кромѣ того, ап. Павелъ употреблялъ это выраженіе въ письмѣ, писанномъ раньше чѣмъ произошла эта дикая сцена въ Ефесѣ.

¹²⁸⁴) Я удерживаю греческое имя, потому что ихъ азіатскій идолъ, собственно Цибела, имѣлъ еще меньшія отношенія къ Діанѣ, чѣмъ къ Артемидѣ.

¹²⁸⁵) Они вѣроятно настолько были испорчены отъ соприкосновенія съ восточнымъ культомъ, что смотрѣли на „ихъ суетныя повторенія въ свѣтѣ религіознаго долга“ (см. 3 Пар. XVIII, 26; Матт. VI, 7). Кромѣ того, они явно вѣрили, что слава, благоденствіе и самое существованіе Ефеса зависѣли отъ поддержанія блистательнаго обряда. На открытой надписи опредѣленія о посвященіи цѣлаго мѣсяца мая Артемидѣ въ заключеніе говорится: *ὅτω γὰρ ἐπὶ τὸ ἄρκεινον τῆς θρησκείας γνωμένης ἡ πόλις ἦν ἐνδοξοτέρα τε καὶ εὐδαίμων εἰς τὸν πάντα διαμένει χρόνον* (*Boeckh, 2954*). Возможно, что ап. Павелъ читалъ эту самую надпись, которая повидимому относится къ вѣку Тиверія.

¹²⁸⁶) Проконсулъ Азіи практически имѣлъ неограниченную власть, и единственнымъ ограниченіемъ для него была боязнь попасть подъ судъ. Подчиненные его вѣдѣнію главные города Азіи были автономны, управляя своими хозяйственными и домашними дѣлами посредствомъ рѣшеній *Βουλῆς* и *Ἐκκλησίας*. Секретарь дѣйствовалъ въ качествѣ докладчика и занималъ важное положеніе. Историческая точность св. Луки находитъ поразительною иллюстрацію въ одной изъ ефесскихъ надписей у Бекка, № 2960, которая сообщаетъ, какъ „*Αὐγουστοβίωμης*“ (*φιλοτέκνους*) сенатъ ефесскій и его *храмобогостроительный* (*νεωκόρος*) народъ посвятили зданіе въ *проконсулство* (*ἐπὶ ἀνδράποτος*) Педусея Присцины и по опредѣленію Тиверія Клавдія Италійскаго, блюстителя порядка (*γραιμκτῆς*) народа“.

¹²⁸⁷) *νεωκόρον* „храмопоклонникъ“. Это былъ мѣстный титулъ, данный императорами разнымъ городамъ Азіи, и часто встрѣчающійся на монетахъ.

¹²⁸⁸) Дѣян. XIX, 36 *κατεσπλάμενους ὑπάρχειν καὶ μηδὲν προσητὲς ποιεῖν*. Цицеронъ (*pro Flacco*)

дать поразительную картину необдуманных несправедливых законодательных постановлений въ различныхъ городахъ, quum in theatro imperiti homines rerum omnium rudes ignarique considerant" (ср. *Tac.* II, 20).

¹²⁸⁹⁾ Wood, p. 14. Странно сказать, что это было обычное обвинение противъ иудеевъ (см. на Рим. II, 22).

¹²⁹⁰⁾ Другое поразительное указаніе, что ап. Павелъ при своей миссіонерской дѣятельности держался метода, которымъ избѣгалъ случаевъ затрогивать предразсудки идолопоклонниковъ. I. Златоустъ несправедливо обвиняетъ здѣсь блюстителя порядка въ ложномъ и бующемъ на эффектъ изложеніи дѣла.

¹²⁹¹⁾ *ἐκκλησίαι ἐκκλησίαι*, „Conventus peraguntur“. Каждая провинція была раздѣлена на округа (ἐκκλησίαι, conventus), представители которыхъ собирались въ какомъ нибудь опредѣленномъ городѣ. „Ephesum vero, alterum lumen Asiae, remotiores conveniunt“ (*Plin.* II, 31).

¹²⁹²⁾ При обыкновенныхъ обстоятельствахъ въ провинціи былъ только одинъ проконсулъ. Множественное число здѣсь можетъ имѣть общій характеръ, или означать проконсула съ его совѣтниками (Consiliarii), какъ *ἡγεμόνες* означаетъ „проконсулъ или его совѣтники“ у I. Флавія, B. Jud. II, 16, § 1. Но Баснажъ высказалъ остроумное мнѣніе, что указаніе это можетъ относиться къ совѣстной власти императорскихъ прокураторовъ, всадника П. Целера (P. Celer) и отпущенника Гелія. Въ первый годъ царствованія Нерона, въ 54 г. по Р. Хр., они по наущенію Агриппины отравили Юлія Силиана, проконсула Азіи, благородная натура котораго не предохранила его отъ опасности своей царской крови (*Tac. Ann.* XIII, 1). Такъ какъ П. Целеръ во всякомъ случаѣ не возвращался въ Римъ до 57 года по Р. Хр., то предполагаютъ, что онъ съ Геліемъ могли занимать должностъ вице-проконсуловъ до этого времени—въ качествѣ награды за свое преступленіе (*Levin, Fasti Sacri*, 1806, 1838; *Biscoe, On the Acts*, стр. 282—285).

¹²⁹³⁾ Въ каждомъ мѣсяцѣ было три регулярныхъ засѣданія собранія (*ἐννοχὸν ἐκκλησίαν*). См. Wood, стр. 50.

¹²⁹⁴⁾ Hackett, стр. 246. Ни къ чему такъ подозрительно не относились римляне, какъ къ мятежнымъ собраніямъ, „Qui coetum et consentum fecerit capitale sit“ (*Sen. Controv.* III, 8). Правило это едва ли бы применили къ Димитрію.

¹²⁹⁵⁾ Периодъ его пребыванія въ Ефесѣ былъ *τρεῖς ἐτὶ ἔτη* (Дѣян. XX, 31). Развалина называемая „темницей ап. Павла“, быть можетъ указываетъ на истинное преданіе, что онъ на нѣкоторое время заключенъ былъ, и тѣ, кто видятъ въ Рим. XVI, 3—20 отрывокъ письма къ Ефесянамъ, предполагаютъ, что его тюремное заключеніе раздѣляли съ нимъ его родственники Андроникъ и Юлія, которые были „прослаившіеся между апостолами“ и обратились къ вѣрѣ еще ранѣе его самого.

¹²⁹⁶⁾ Дѣян. XX, 1, *παρχὴ ἐκκλησίας* (A, B, D, E).

¹²⁹⁷⁾ Въ Милетѣ онъ видѣлъ только пресвитеровъ.

¹²⁹⁸⁾ Въ 431 г. по Р. Хр.

¹²⁹⁹⁾ См. стр. О теперешнемъ состояніи Ефеса см. *Arundell, Seven Churches of Asia*, стр. 27; *Fellows, Asia Minor*, 274; *Falkner, Ephesus and the Temple of Diana*, и особенно Wood, *Discoveries at Ephesus*. Мѣстоположеніе храма впервые было опредѣлено раскопками Вуда.

¹³⁰⁰⁾ См. *Chandler*, стр. 109—137.

ГЛАВА XXXII ¹³⁰¹⁾ Вѣроятно около апрѣля 57 г. по Р. Хр.

¹³⁰²⁾ Подложное письмо Коринтянъ къ ап. Павлу и его отвѣтъ, сохраняемые въ армянскомъ переводѣ, совершенно не имѣютъ никакой цѣны.

¹³⁰³⁾ Обмѣнъ такихъ писемъ (παραπαρα) по спорнымъ вопросамъ ученія между иудейскими синагогами былъ обычнымъ явленіемъ.

¹³⁰⁴⁾ Общественныя шествія при похоронахъ или идолопоклонническіе праздники и пр.

Cic. Off. II, 16; *Lic.* VIII, 32 и пр. Они играли важную роль въ удовольствіяхъ древней жизни *Arist. Eth.* VIII, 9, 5; *Thuc.* II, 38.

¹³⁰⁵⁾ Иудеи отличались строгими взглядами въ этомъ отношеніи (ср. Числ. XXV, 2, Пс. CV, 28; Tob. I, 10—14); но было бы чудовищнымъ сказать, что ап. Павелъ внушаетъ здѣсь насиліе къ этимъ взглядамъ, или что на него указывается въ Откр. II, 14. Напротивъ онъ говоритъ: Даже если въ какъ язычники не придаете никакого значенія этому предмету, *всѣмъ не дѣлайте его* ради другихъ; только уступка слабымъ не должна дѣлаться мучительною безразличностью. Сомнительно даже, не доходили ли до этого взгляда и ап. Петръ и Іоаннъ. Иудейскія понятія въ этомъ отношеніи были такъ строгі, что напримѣръ въ отношеніи вина чаша осквернилась для иудея не только отъ единичнаго языческаго возліанія изъ нея, но „даже одного прикосновенія съ минимымъ намѣреніемъ сдѣлать маленькое возліаніе изъ нея богамъ достаточно было для того, чтобы сдѣлать ее нечистою“. Это называется закономъ *ῥῥῥῥ*.

¹³⁰⁶⁾ Состояніе Коринѳа очень много походило на то, когда Климентъ писалъ его жителямъ свое первое посланіе. Ему приходилось тоже жаловаться на тотъ „странный и чуждый и для избранныхъ Божіихъ омерзительный и грѣховный духъ партійности, который нѣкоторые нахальныя и себялюбивыя личности (*πρόσωπα*) возбуждали до такой степени безумія, что ихъ святая и знаменитая репутація, столь достойная любви всѣхъ, сильно колебалась“ (Ер. ad Cor. I).

¹³⁰⁷⁾ Мы ни на мигъ не можемъ вѣрить, чтобы ап. Петръ и Іаковъ могли дѣйствительно одобрять приемы этихъ людей, такъ какъ это значило бы совершать вопиющее нарушеніе ихъ собственнаго соглашенія (Гал. II, 9). Но ежедневный опытъ показываетъ, что поддѣки извѣстной партіи всегда бываютъ безконечно менѣе благоразумны и благородны, чѣмъ ихъ предводители.

¹³⁰⁸⁾ Касательно Христовой партіи существуетъ три главныхъ мнѣнія: что 1-е) это были приверженцы Іакова (Шторръ и др.); 2) что это были нейтральные люди, стоявшіе поодаль отъ всѣхъ партій (Эйхгорнъ и др.); 3) что это было незначительное видоизмѣненіе партіи Петра (*Бауръ, Paul*, I, 272—292). Замѣчательно, что до сихъ поръ въ Англіи и Америкѣ есть секта, которая, отвергая всякій человѣчскій авторитетъ, исключительно себѣ присвоиваетъ имя „христіанъ“ (См. *Schaff, Apost. Ch.* I, 339).

¹³⁰⁹⁾ 1 Кор. XII, 3 (Ср. I Иоан. II, 22; IV, 1—3); *Ἀνδραγαθὶ Ἰησοῦ*.

¹³¹⁰⁾ „Est enim haec periculosa tentatio nullam Ecclesiam putare ubi non appareat perfecta puritas“ (Calvin). Отвѣтъ установившейся церковной организаціи видно изъ того, что онъ обращается ко всей общинѣ и не считаетъ „епископовъ“ отвѣтственными за безпорядки или за приведеніе въ исполненіе отлученія.

¹³¹¹⁾ 1 Кор. I, 1—3. Имя Христа встрѣчается не менѣе девяти разъ въ первыхъ девяти стихахъ.

¹³¹²⁾ Сословъ ли Дѣян. XVIII, 17, который могъ вполнѣ обратиться (*Welstein*, II, 576), или неизвѣстный соборъ, мы не знаемъ. Онъ могъ быть однимъ изъ тѣхъ, которые доставили письмо коринтянъ въ Ефесъ; „одинъ изъ семидесяти и вполнѣ епископъ колофонскій“ (*Евсев. II*, I, 12).

¹³¹³⁾ I, 4—9. Обращаетъ на себя вниманіе совершенная искренность апостола. Онъ, какъ и всегда, желаетъ благодарить Бога за своихъ обращенцевъ; здѣсь однако же онъ не можетъ воздать *правдивой* похвалы. Коринѳяне получили богатія духовныя блага и преимущества, но онъ не можетъ говорить о нихъ, какъ говорить о Ѳессалоникійцахъ или Филиппійцахъ.

¹³¹⁴⁾ Ст. *οὐ καὶ... ὑπομῆναι*, „intus in credendis, et sententiā prolata in agendis“ (*Bengel*).

¹³¹⁵⁾ Въ высшей степени поучительно наблюдать, что ап. Павелъ отказывается входить въ разсмотрѣніе причинъ партійнаго раздѣленія. Онъ не считаетъ нужнымъ рѣшать, какая партія права, и какая нѣтъ. Онъ обличаетъ самый *духъ* партійный какъ грѣхъ и позоръ, въ видѣ

того, что единство между христианами есть первая из обязанностей и величайшее из преимуществ.

1316) I, 20, *τὸν οὐρανὸν* и пр., но в Ис. XXXIII, 18 (сн. Ис. XLVII, 12), „гдѣ осматривающей башни?“.

1317) I, 21, *διὰ τῆς μοῖρας τοῦ κηρύσματος*. В 23, 24 „крестъ“, „соблазнъ“, „безуміе“, „сила“ — были бы *секкалэ, мискока, маискалэ, секкалэ*, и нѣкоторые видятъ въ этомъ признаки, что ап. Павелъ имѣлъ въ своихъ мысляхъ сирійское созвучіе въ названіяхъ (*Winer. N. T. Gramm.* англ. пер. стр. 658).

1318) Необходимое предостереженіе коринтянамъ, которые были „non minus lascivia, quam opulentia, et philosophiae studio insignes“ (*Cic. De Leg. Agr. II, 32*).

1319) Тѣмъ болѣе замѣчательно, что „коринтскій стиль“, значилъ „изящный стиль“ (*Wetstein, ad loc.*)

1320) I, 19; II, 5; сн. Ис. IX, 23, 24; Ис. XXXIII, 18, свободная цитата по LXX.

1321) Быть можетъ неясный отголосокъ Ис. LXIV, 4 (сн. ЛII, 15 и LXXV, 17); или изъ какойнибудь потерянной книги (Златоустъ), подобно „Откровенію Іаіи“, *ἐπὶ καρτίαν ἀνέβη* *בְּלִי עָלָהּ*. Оба объясненія возможны, потому что потерянная книга могла служить отголоскомъ пр. Исаіи. Новѣйшая теорія считаетъ эти слова литургическими.

1322) Ст. 10. Попытка отнести Откр. II, 24 къ этому совершенно безосновательна.

1323) Ст. 13, *πνευματικὸς πνευματικὰ συγγινώσκουσιν*, другіе переводятъ это мѣсто: „объясняя духовное духовнымъ людямъ“ (Быт. XI, 8; Дан. V, 12; LXX) или „въ духовныхъ словахъ“.

1324) Ст. 14 *φύσικος*, „homines solius animae et carnis“ (*Tert. De jejuni. 17*).

1325) II, 6—16. Онъ опровергаетъ александрійское ученіе принятіемъ самыхъ его терминовъ и начала „тайна“, „проникновеніе“, „духовный человекъ“ и пр., показывая въ тоже время, что это вѣчная вселенская реальность, а не идея нѣкоторыхъ людей (сн. *Maurice, Unity*, стр. 408).

1326) III, 2, *ἐκρίνω*; 4, *ἐκρίνω*. Жестокій ударъ александрійскому самолюбію. Онъ относится къ нимъ не какъ къ adeptамъ, а какъ къ новичкамъ, не какъ къ іерофантамъ, а какъ къ непосвященнымъ, не какъ къ „богословамъ“, а какъ къ оглашеннымъ; *потому именно*, что они такъ много думали о себѣ (сн. до точности аналогичный языкъ Спасителя въ Иоан. IX, 41).

1327) III, 13, *ἀποκαλύπτει*. Называя это *praesens futurascens* и не признавая нормального, непрерывнаго дѣйствія нравственныхъ законовъ Божіихъ, комментаторы упустили изъ вида великую истину (сн. Мат. III, 10; Кол. III, 6; Еф. V, 6).

1328) Ап. Павелъ не заботится о всѣхъ сторонахъ своего показанія. Ему достаточно его общаго значенія. (Сн. *Reuss, Les Epitres*, I, 169).

1329) IV, 3, *ἀνακρίσει*. „*Ἀνακρίσει*“ было предварительное слѣдствіе до судопроизводства; *ἡμέρας* — это выраженіе объясняли какъ гебранзмъ (Ис. XVII, 16), *киликизмъ* (*Teron. ad Algas*, 10), и латинизмъ (*diem dicere* и пр. *Grot.*).

1330) Ст. 4, *οὐδὲν ... ἐμνηστὶ σὺννοῶν* — „я не сознаю никакой вины“ („*Nil conscire sibi*“ *Hor. Ep. I, I, 61*).

1331) IV, 6. Слово *φρονεῖν* опущено въ главныхъ прописныхъ. Я считаю *μὴ ὑπερὶ ὃ γέγραπται* своего рода пословицей въ родѣ „держись написаннаго“. Во всемъ этомъ отдѣлѣ мыслей ап. Павла запата словомъ „превозношеніе“ (*φρονεῖν*; ст. 18, *ἐφροσώθησαν*; 19, *παρτισιμένον*; V, 2 *παρτισιμένον*; VIII, 1, *ἡ γνῶσις φρονεῖ*; XIII, 4 *ἡ ἀγάπη οὗ φρονεῖται*). Это потому, что ап. Павелъ опасается, когда онъ придетъ къ нимъ, встрѣтитъ у нихъ этотъ порокъ самоумианнаго богословствованія.

2 Кор. XII, 20 — *φρονεῖται*. Слово это встрѣчается еще только въ Кол. II, 18.

1332) IV, 7, *τίς γὰρ σὲ διακρίνει*;

1333) IV, 9, *ὡς ἐπιδυνατίων*; „*veluti bestiariorum*“ (*Tert. De Pudic. 14*).

1334) *περιχάρματα*, *purgamenta*, „негодное, что нужно выбросить“, а не *περίφρων* — умилостивительная жертва. Сколиастъ на *Ar. Plat.* 456 говоритъ, что во время голода и эпидемій у древнихъ грековъ и римлянъ былъ обычай заглаживать свою виновность выбрасываніемъ несчастныхъ въ море съ словами. „дѣлайтесь нашей *περίφρων*“. „*Εὐὸς περίφρωνος*“ сдѣбалось (отъ этого взгляда) общими христіанскимъ выраженіемъ (*Wordsworth, ad loc.*).

1335) IV, 15, *παλιγγνωστός*.

1336) Ап. Павелъ уже послалъ его, прежде чѣмъ возникла нужда въ немедленномъ отправленіи Тита; но онъ повидимому измѣнилъ свое повелѣніе, не будучи увѣренъ однако же, могъ ли посланный прибыть къ нему во время, или скорѣе, ожидалъ, что Тимофей придетъ къ нимъ раньше его самого („*Если же*“ придетъ къ вамъ Тимофей“, XVI, 10). Во всякомъ случаѣ коринтіане услышали бы, что Тимофей былъ посланъ къ нимъ чрезъ Македонію, и враги ап. Павла выводили изъ этого очень неблагоприятныя слѣдствія для него.

1337) Что касается этого факта, иллюстрируемаго почти мѣстной трагедіей Иннолита, то см. *Cic. pro Cluent. 5*, „*O mulieris scelus incredibile et praeter hanc unam in omni vita inauditum*“ (*Wetstein, ad loc.*).

1338) Это могло казаться немисланнымъ; но см. стр. 445.

1339) Последнимъ торжественнымъ заявленіемъ было, что „человекъ, добровольно избравшій зло своимъ господиномъ, долженъ чувствовать его рабство, дабы возненавидѣть его, и такимъ образомъ обратился къ своему истинному Господу“ (*Maurice, Unity*, стр. 414). О сравнительной слабости отлученія см. *Hooker, Eccles. Pol. III, 1—13*.

1340) V, 6, *ὁ καλὸν (αὐτομωγῶν), τὸ καύχημα ὄντων* (а не *καύχησις*).

1341) Ап. Павелъ писалъ незадолго до Пасхи; но указанія эти имѣютъ духовное значеніе.

1342) V, 7, *ἐπὶ τῷ* — „убить“, закланъ (Мат. XXII, 4; Дѣян. X, 13). „За насъ“ *ὑπὲρ ὧν* есть глосса, которой нѣтъ въ A, B, C, D, E, F, G.

1343) V, 10, *ἐπεὶ ἐφύλατε ἀρεὰν* и т. далѣе.

1344) Ст. 11 „или идолослужителямъ“. Очевидно какъ въ X, 7; Колос. III, 5; иначе какъ бы онъ могъ быть христіаниномъ? Если только конечно здѣсь не разумѣется какойнибудь полужизискій христіанинъ типа Константина, „который поклонялся въ храмѣ Риммона“.

1345) V, 9—13. „*Εἰράζει*“. Союзъ *καὶ* (опускаемый въ A, B, C, F, G) подложитъ, и скрываетъ характерную отрывистость рѣчи.

1346) VI, 11, *ταῦτά τινας ἦσαν*.

1347) VI, 1—20. Слова англійскаго перевода (и русскаго) *καὶ ἐν τῷ πνεύματι ὄντων, ἅτινά ἐστι τὸ θεῶν* („и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи“) опущены въ кодексахъ A, A, B, C, D, E, F, G.

1348) „Если мы сравнимъ письмо Григорія Великаго къ Августину (у Беда) въ отвѣтъ на сходный вопросъ касательно англосаксонскихъ обращенцевъ, то мы сразу же увидимъ, насколько папа относится къ дѣлу рѣшительнѣе и внимательнѣе, чѣмъ аностолъ“ (*Maurice, Unity*, стр. 423). Глава эта есть лучшее руководство для этого *ductor dubitanti*, потому что она учитъ его, что онъ не долженъ придавать себѣ вида увѣренности въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ увѣренности нельзя имѣть совсѣмъ“ (*id. стр. 429*). См. *Kienlen, Profeten*, II, 67 и сл. и статью лорда Литтлтона въ *Contempor. Rev.* XXI, стр. 917.

1349) VII, 1, *καλὸν ἀνθρώπου γυναικὸς μὴ ἀπασθῆναι*. По характерному толкованію бл. Иеронима это означаетъ, что „если хорошо человекъ не касается жены, то значить худо касаться ея, и поэтому бракъ по меньшей мѣрѣ стоитъ ниже безбрачія“. Собственное позволеніе ап. Павла и даже внушеніе его при слухѣ случаяхъ вступать въ бракъ, могло бы показатъ ему, какъ невѣрны могутъ быть и даже опасны выводы, возникающіе изъ насильственнаго толкованія случайныхъ словъ (Ефес. V, 24; 1 Тим. II, 15 и пр.). Ап. Павелъ говоритъ собственно не „добро“ (*ἀγαθόν*), но „прекрасно“ (что онъ въслѣдствіи ограничиваетъ въ виду настоятельной нужды

ст. 26), как мы могли бы сказать: „Въ святомъ безбрачїи есть некоторая нравственная красота“. Отсюда положение Иеронима: „Suspecta est mihi bonitas rei quam magnitudo alterius mali malum cogit esse inferius“ (adv. Jovin. I, 9) есть ошибка. Безбрачїе есть καλόν, но есть люди, для которыхъ бракъ есть даже καλλιον. Касательно употребленія καλός смотри Матт. XVIII, 8, XXVI, 24; 1 Тим. I, 8. Любопытно видѣть аскетическую тенденцію въ VII, 3 (ἐφελονέντων εὐνοϊάν, и 5 τῇ νηστειᾷ καί, и σχολάζετε и συνέρχεσθε вмѣсто ἡτά). Истинныя чтенія находятся въ кодексахъ A, B, C, D, F.

1350) VII, 7, 3ελω, но въ позднѣйшіе годы его свободнымъ рѣшеніемъ (βούλησι) было, чтобы молодыя вдовы выходили въ замужество (1 Тим. V, 14).

1351) τοῖς ἀγάμοις, см. выше стр. 52—54.

1352) Ст. 9, γὰρ ἔρα: (аор.), ἢ πορεύσθαι: (настоящ.).

1353) 1 Кор. VII, 18, 19. Выраженіе μὴ ἐπισπάσθω относится къ способу, который усвоить былъ отступниками іудеями во времена гоненія съ цѣлію изгладить и отгнѣнить печатъ завета, (1 Макк. I, 15; I. Флав. Antt. XII, 5, § 1) и къ усвоенію котораго могъ и христіанинъ испытывать искушеніе съ цѣлію избавиться отъ насмѣшекъ, обрушивавшихся на іудеевъ въ древности (Mart. XVII, 29). Раввини опредѣляли, что всякій сдѣлавшій это долженъ былъ обрѣзываться вновь. Равв. Iегуда отвергалъ это вслѣдствіе опасности; но мудрые мужи отвѣчали, что это часто дѣлалось безъ всякихъ пагубныхъ послѣдствій во времена Бар-Кохбы (Yebhamoth, f. 72, 1; Vilke-torf, Lex. Chald. подъ слов. ܡܫܘܟܝܡ=recutiti).

1354) 1 Кор. VI, 21. ἀλλ' εἰ καὶ δόναται ἐλευθέρους γινέσθαι, μᾶλλον χρεῖται. Слово δοῦναι и понимаю въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ его Златоустъ, Осодоритъ, Лютеръ, Бенгелъ, Де-Ветте, Мейеръ и пр. Сн. 1 Тим. VI, 2. Я принимаю этотъ взглядъ 1) потому, что вся аргументація вращается на желанности пребыванія въ настоящемъ состояніи, каково бы оно ни было, въ виду ожидаемой близости для Господня; 2) потому что къ этому взгляду приходили также возвышенные стоическіе моралисты, которые подобно Эпикету знали, что даже рабъ могъ жить благородною жизнью (Epictet. Dissert. III, 23, Ench. X, XXXII). Земныя состоянія суть только χρεῖς φαντασθῶν; см. Колосс. III, 22; 3) потому что ап. Павелъ въ этотъ моментъ быть можетъ имѣлъ въ виду христіанскихъ рабовъ христіанскихъ господъ, которые обращались съ ними какъ съ братьями; 4) потому что выраженіе χρεῖται скорѣе обозначаетъ продолженіе существующаго, чѣмъ принятіе новаго состоянія. Иначе едвали можно вообразить, чтобы онъ далъ такой совѣтъ, такъ какъ „человѣкъ долженъ пребывать въ своемъ званіи, если только оно не вредно для его вѣры и нравственности“ (Aug. ad Gal. II, 11); но едвали можно было сказать о рабствѣ. „Impudicitia.... in servo necessitas“ (Senec. Controv. IV, Praef.). Дѣти выросли въ безпорядочности; старцы умирали часто въ бѣдственности“ (Wallon. De l'Esclavage I, 332).

1355) VII, 10—24. Стихи 17—24 составляютъ маленькое отступленіе отъ общаго правила, что лучше всего оставаться довольнымъ нашей настоящей долей. Въ ст. 23 онъ говоритъ съ пренебреженіемъ игрою словъ: „Вы рабы въ одномъ смыслѣ; не дѣлаетесь ими въ другомъ смыслѣ“.

1356) Ст. 29 συνεσταλμένος.

1357) Ст. 31 κατὰ κράτος; см. IX, 12, 18. μετὰ τὴν, ἐν πάρεσσι, ἀπερισπάτως; см. Лук. X, 41.

1358) Среди народовъ одинъ іудей выражалъ святость брака во всѣхъ названіяхъ, которыя прилагались имъ къ нему. Киддушинъ отъ кадошъ „освященіе“; мекаденъ „женихъ“ и пр. Выраженіе „χαρὸς-αὐ-μεκιδεσөө-ли“—„вотъ ты освята для меня“ еще и теперь женихъ употребляетъ въ обращеніи къ невѣстѣ (Rabbinowicz. Legisl. crimenelle du Talmud, стр. 227).

1359) VII, 25. О правахъ іудейскихъ отцевъ надъ ихъ незамужними дочерьми см. Ketubhoth, f. 46, 2. Они были такъ неограничены, что онъ могъ даже продать свою дочь (Kidduschin, 3 b; Ketubhoth, 46, b). Когда однакоже она достигала „цвѣта своего возраста“, она могла отказать всякому мужу, данному ей прежде чѣмъ она была дѣйствительно nubile. Отказъ ея технически

назывался *міонъ* מִיּוֹן (Yebhamoth, 107 b). Она могла быть отдана въ замужество будучи еще *кетанага*, т. е. раньше двѣнадцатилѣтняго возраста. По достиженіи этого возраста она называлась *наарага* (נָאָרָה), черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого считалась достигнувшей своей полной зрѣлости и становилась *бароог* (בָּרוּה). См. талмудическіе источники у Раббиновича, Trad. des Traités Synhedrin и пр., Legislation criminelle du Talmud, стр. 214; Weill, La Femme juive, стр. 11—14. О пощеніи о вдовахъ см. id. стр. 72.

1360) Въ настоящее время іудейскій рѣзакъ, который долженъ пройти особый курсъ изученія, практически рѣшаетъ, что чисто (*тогъ*) и что нечисто (*тамѣ*). Когда онъ находитъ, что извѣстное животное не имѣетъ указаннаго закономъ порока, то приписываетъ къ нему оловянную печатъ съ словомъ „позволительно“ (*кашагъ*) на ней (*D'Israel, Genius of Judaism*, 156; Dict. Bibl. подъ слов. Pharisees; McCaul, Old Paths, 380—386, 396—402; см. выше стр. 293).

1361) Ст. 10. Такія празднества часто бывали въ храмахъ:

„Noc illis curia templum,
Hae sacris sedes epulis; hic ariete caeso
Perpetuis soliti Patres considerare mensis“
(Aen. VII, 174).

Сн. Геродотъ, I, 31; Суд. IX, 27; 4 Цар. XIX, 37.

1362) Терт. De Praesc. Негр. 8.

1363) VIII, 1—13. Здѣсь по обычаю ап. Павелъ является стоящимъ неизмѣримо выше раввиновъ. Въ трактатѣ Abhoda Zara f. 8, 1 равв. Измаилъ излагаетъ правило, что если израилитяне „виѣ земли“ приглашаются на языческія похороны, то они „бѣдятъ отъ жертвы мертвыхъ“, даже если они берутъ съ собой свою собственную пищу и пользуются услугами своихъ собственныхъ слугъ. Въ подтвержденіе этого жестокаго и фанатическаго рѣшенія онъ ссылается на Исх. XXXIV, 15, откуда онъ выводилъ, что принятіе приглашенія равносильно яденію такой жертвы. Равв. Іохананъ Хоронитъ не сталъ бы ѣсть сырыхъ маслинъ даже во время голода, если онъ подается *ам-наареиомъ*, такъ какъ онѣ могли выпить въ себя воду и такимъ образомъ сдѣлаться нечистыми (Yebhamoth, f. 15, 2).

1364) Я старался здѣсь сдѣлать ясную отнюдь неочевидную связь мысли, проходившей по этимъ главамъ. Тутъ могла быть и случайная переставка. Тѣ, которые думаютъ, что 2 Кор. VI, 14—VII, 1 поставлено не на своемъ мѣстѣ, находятъ для него надлежащее мѣсто именно здѣсь.

1365) Онъ описываетъ уступки (συγκατάβασις) любви. Paulus non fuit anomus, nedum antipomus (Bengel). „Беззаконникъ“ — имя, подъ которымъ на него дѣлается прикровенная клевета въ подложномъ письмѣ Петра къ Іакову (Клементинны, гл. II).

1366) Въ этихъ мѣстахъ утѣшанія къ общему долгу самоотверженія тѣсно связаны съ доводами въ пользу частнаго самоотверженія—сносхожденія къ немощнымъ,—къ которому онъ убѣждаетъ въ этомъ отдѣлѣ. „Въ одной партіи вѣра недостаточно была сильна для того, чтобы порождать свободомыслящее знаніе, а въ другой не довольно сильна для того, чтобы произвести братскую любовь“ (Kling).

1367) Его борьба не была лишь на показъ (εὐκταχίς); онъ наносилъ ударъ не по воздуху (ὅς οὐκ ἔραχ' ἐῆρον).

1368) ἐπωπιάζω; букв. „съ снѣжками подъ глазами отъ ударовъ, какъ въ борьбѣ“. *Lividum facio* corpus meum et in servitatem redigo (Iren. IV, 7).

1369) IX, 1—27; κηρύξας, христіанскій провозвѣстникъ законовъ борьбы, также кандидатъ въ ней.

1370) Fiducia verbi Mosis commiserant se aquis (Меланхтонъ).

1371) X, 1—XI, 1. Раздѣленіе на главы здѣсь неправильно на одинъ стихъ. Объ одухотво-

рени и практическомъ приложеніи ветхозавѣтной исторіи у ап. Павла см. выше стр. 32—38. Другіе примѣры см. V, 7; Гал. IV, 22; Евр. VII и пр.

¹³⁷²⁾ X, 8. „Двадцать три тысяч“. Быть может *εἰς τὴν μυριάδα* въ отношеніи 24,000 (Числ. XXV, 9).

¹³⁷³⁾ Сн. 2 Кор. VI, 14 и сл. Злые духи занимали важное мѣсто въ мысляхъ и ученіи иудейскихъ раввиновъ; напр. Лиллоа, первая жена Адама, была отъ него матерью всѣхъ демоновъ (Psachim, f. 112, 2). Какъ въ таинствѣ евхаристіи христіанинъ входитъ въ таинственное единеніе со Христомъ, такъ въ яденіи идоложертвеннаго человѣкъ вступаетъ въ символическую связь съ діаволами. Пфлейдереръ сравниваетъ греческую легенду, по которой чрезъ вкушеніе плода подземнаго міра человѣкъ дѣлался достойнымъ его (Paulinism. I, 239).

¹³⁷⁴⁾ Изымскіе боги какъ идолы были *εἰδωλά* — *эидолы*, предполагаемые, недѣйствительные, воображаемые; по съ другой стороны они были демоны. Равнины такимъ же образомъ смотрятъ на идоловъ съ двухъ точекъ зрѣнія, т. е. какъ на мертвыя матеріальныя вещи и какъ на демоновъ. „Называешь ли ты идоломъ собаку?“ спросилъ одинъ „мудрецъ“ у раба Гамалила. „Идолъ есть дѣйствительно нѣчто“. „Что такое?“ спросилъ Гамалилъ. „Нѣкогда въ нашемъ городѣ былъ пожаръ, сказалъ „мудрецъ“, и храмъ идола остался цѣлымъ, хотя сгорѣли всѣ другіе дома“. На это замѣчаніе раба онъ не далъ отвѣта (Abhoda Zara, f. 54, 2). Почти словами ап. Павла Зонаръ сказалъ однажды раввину Акибѣ: „какъ ты, такъ и я—мы оба знаемъ, что идолъ ничто въ себѣ“, но затѣмъ онъ спрашиваетъ, какъ же въ святилищѣ идола совершаются несомнѣнныя чудеса исцѣленія? Акиба считаетъ исцѣленіе простымъ случайнымъ совпаденіемъ съ тѣмъ временемъ, когда болѣзнь устранилась бы просто сама собою, естественнымъ путемъ (Abhoda Zara f. 55, 1).

¹³⁷⁵⁾ Касательно *ἐξουσίαν* см. Stanley, Corinth., ad loc. Попытки читать *ἐξουσία* и пр. негѣны. Слово это бытъ можетъ имѣть разговорный характеръ, и если такъ, то въ объясненіи его легко ошибиться. Если ап. Павелъ изобрѣлъ его, то это бытъ можетъ гебраизмъ, или бытъ можетъ означаетъ собственную власть жены, заключающуюся въ принятіи знака власти ея мужа надъ нею. Шардинъ говоритъ, что въ Персіи покрывало служило знакомъ того, что „замужняя женщина находится въ подчиненіи“. См. Term. De Vel. Virg. 7, 17; и въ разясненіи упомянутого взгляда св. Златоуста см. Тов. XII, 12; Ис. CXXXVII, 1 (LXX); Ефес. III, 10.

¹³⁷⁶⁾ Объясненіе этого намека см. выше Приложение IV.

¹³⁷⁷⁾ XI, 1—17. Послѣдняя фраза—интересная въ смыслѣ указанія на нелюбовь ап. Павла къ безполезнымъ и нарушающимъ порядокъ нововведеніямъ—похожа на раввинскую фразу: „наша *галла* иначе“; вашъ обычай есть *текана* т. е. новшество, *שטרק* (Babha Metzia, f. 112).

¹³⁷⁸⁾ Для яснаго пониманія текста необходимо различать эти понятія. „Недостойно“ есть вѣроитно глосса, хотя и правильная, *ἀλλοτρίων* „чуждое“ повидимому нечуждо догматическихъ основаній. Оно опущено въ 8, A, B, C, а D читаетъ *ὑποκείμενον*, бытъ можетъ на основаніи Иоан. XIX, 36.

¹³⁷⁹⁾ Въ 2 Кор. V, 16 повидимому разумѣется грубое и страшное злоупотребленіе самаго начала, что будто бы люди духовнаго озаренія освобождались отъ простаго признаванія Иисуса. Этого легко было ожидать въ виду того, что мы знаемъ о „вѣчномъ евангеліи“ въ XIII столѣтіи и о другихъ подобныхъ движеніяхъ въ различныя времена церкви (Maurice. Unity, 445). Какъ странно было бы для этихъ „озаренныхъ“ (illuminati) сказать, что *высшее* дѣйствіе Духа заключается въ признаваніи Иисуса!

¹³⁸⁰⁾ XII, 8—10. Въ текстѣ, не входя въ подробности, я указалъ возможную классификацію, на которую указываетъ выраженіемъ *ἐτέρω* (9, 10), какъ составляющемъ противоположность съ *φ. πῶν* и *ἄλλω*. „Знаніе“ (*γινώσκω*) какъ отличное отъ „мудрости“ имѣетъ дѣло съ „тайнами“ (XIII, 2; XV, 51; XIII, passim).

¹³⁸¹⁾ XII, 1—31. См. прекрасное мѣсто у Maurice, Unity, 469 и сл., гдѣ это пониманіе противопоставляется *искусственному* взгляду на общество въ Hobbes Leviathan. Абсолютное единство иудеевъ и азычниковъ (ст 13) въ крещеніи и евхаристіи,—откуда выходило, что иудеи отсель должны были составлять только „умаливающее большинство въ царствѣ Мессіи“,—выѣстъ съ крестомъ было главнымъ камнемъ преткновенія для иудеевъ.

¹³⁸²⁾ Ephrygeia aega (Virg. Georg. II, 464); коринфская бронза (Plin. H. N. 34, 2, 3).

¹³⁸³⁾ Ст. 4 *ὁ παρρησιαστής*. Регрегус — „хвастунъ“. „О небо! какъ я *рисовался*“ (*ἐνεπαρρησιαστήν*) передъ моимъ новымъ аудиторомъ, Помпей! (Cic. ad Att. I, 14).

¹³⁸⁴⁾ XIII, 5 „не мыслить зла“. Противоположно тому, когда строго замѣчаются всѣ недостатки и проступки.

¹³⁸⁵⁾ Ст. 7, *στέγει* означаетъ „терпѣть“, „сносить“. Классическое значеніе его „держитъ воду“; и это совершенно вѣрно въ отношеніи любви съ ея нѣжною застѣнчивостію и самоподавленностью, *οὐδὲν βάνυσεν ἐν ἀγάπῃ* (Clem. Rom.).

¹³⁸⁶⁾ Ст. 8 *οὐδέποτε ἐκπίπτει*. Такъ можно понимать это выраженіе, какъ и у Іак. I, 11 *ἐξέπεσε* (Ис. XXVIII, 4); другіе предпочитаютъ классическій смыслъ: „никогда не стоняется свѣтками со сцены“, должна всегда играть свою роль на сценѣ вѣчности.

¹³⁸⁷⁾ XIV, 16 *πὺξ ἐρεῖ τὸ Ἀμήν*. „Тотъ, кто говоритъ аминь, больше того, кто благословляетъ“ (Berachoth, VIII, 8).

¹³⁸⁸⁾ Почему онъ благодаритъ Бога за даръ, которому онъ придаетъ такое невысокое значеніе въ качествѣ элемента богослуженія? потому, что высшее его значеніе было *субъективное*. Тотъ, кто былъ способенъ къ нему, во всякомъ случаѣ не былъ мертвымъ: сердце его не окаменѣло; не былъ лишенъ чувства; могъ чувствовать прямое вліяніе Духа Божія на свой собственный духъ.

¹³⁸⁹⁾ „Лучше поддѣстка назидательнаго свойства, чѣмъ тысячу десятъ другихъ“ (Besser).

¹³⁹⁰⁾ XIV, 21 *ἐν τῷ νόμῳ*. Такъ Ис. LXXXI, 6 приводится въ Иоан. X, 34 какъ „законъ“. Объ этомъ мѣстѣ см. выше стр. 34, прим. 87.

¹³⁹¹⁾ XV, 8 *τῷ ἐκτερόματι* (сн. Числ. XII, 12, LXX; см. также Ис. LVII, 8).

¹³⁹²⁾ XV, 1—12 (сн. Epict. Diss. III, 1, 36).

¹³⁹³⁾ „Такъ именно *во Христѣ* есть оживуть“. Здѣсь заключается одна изъ антиномій, которыя ап. Павелъ оставляетъ одну подлѣ другой. Съ одной стороны „жизнь во Христѣ“ соразмѣрна съ „смертью въ Адамѣ“; съ другой—только тѣ, кто „во Христѣ“, оживуть. Жизнь здѣсь едва ли означаетъ менѣе чѣмъ спасеніе. Но это утверждается о всѣхъ вообще, а Адамъ и Христосъ противопоставляются какъ смерть и жизнь. Очевидно въ этомъ и другихъ мѣстахъ языкъ апостола подсказываетъ естественное заключеніе, что „принципъ, осуществившійся во Христѣ, имѣетъ достаточно энергіи, чтобы оживотворить всѣхъ людей для воскресенія къ блаженной жизни“ (Baur, Paul, II, 219). Но если мы хотимъ придти къ суровой эсхатологической доктринѣ, то должны сравнить одно мѣсто съ другимъ. См. Приложение XXI: „Богословіе и антиноміи ап. Павла“.

¹³⁹⁴⁾ Бытъ можетъ это лишь мимоletный *argumentum ad hominem*; если такъ, то это показываетъ на великодушную терпимость ап. Павла, не останавливающагося для изобличенія такого суетнаго обряда. Нѣтъ надобности доказывать, что здѣсь „крещеніе для мертвыхъ“ означаетъ именно „крещеніе для мертвыхъ“, а не имѣетъ того смысла, который влагали въ него разные комментаторы, старающіеся св. писаніемъ подтверждать преданіе, а не искать просто истины.

¹³⁹⁵⁾ Конечно метафорически; иначе онъ упомянулъ бы объ этомъ во 2 Кор. XI. Главныя пункты аргументаціи въ 29—34 ст. состоятъ въ слѣдующемъ: если нѣтъ воскресенія, то 1) зачѣмъ нѣкоторые изъ насъ крестятся въ пользу своихъ родственниковъ, умершихъ безъ крещенія?

2) зачѣмъ вы живете въ такомъ самоотреченіи? 3) какая надобность въ отверженіи эпикурейскаго взгляда на жизнь среди людей вообще?

¹³⁹⁶ XV, 35—50. Въ этой главѣ мы видимъ наибольшее приближеніе къ *естественнымъ* показаніямъ (какъ отличнымъ отъ архитектуральныхъ и агонистическихъ). Деканъ Гаусонъ (Charact. of St. Paul, 6) показываетъ, что образъ изъ естественныхъ явленій больше въ одномъ посланіи Іакова, чѣмъ во всѣхъ посланіяхъ ап. Павла, взятыхъ вмѣстѣ.

¹³⁹⁷ Ст. 52. „Мертвые воскреснутъ, мы (живущіе) измѣнимся“. Вопросы о промежуточномъ состояніи ап. Павелъ, при ожиданіи скорого пришествія Христа, почти совсѣмъ не касается. Смерть есть *κατάπαυσις*, воскресеніе *ἀνάστασις*. Думалъ ли онъ, что существуетъ промежуточное состояніе, ожидающее насъ на небѣ немедленно по разрушеніи нашей земной храмины? Наибольше близкое отношеніе къ этому вопросу имѣется 2 Кор. V, 1—4 (Pfeiderer, 1, 261).

¹³⁹⁸ *Θάνατος* (не *θάνατος*), S. A, B, C, D, E, F, G.

¹³⁹⁹ XV, 50—58. „Всёма очевидно, что апостолъ здѣсь разсматриваетъ всю исторію міра и людей какъ сцену столкновенія двухъ принциповъ, изъ которыхъ одинъ господствуетъ сначала, но затѣмъ ниспровергается и уничтожается другимъ. Первый изъ этихъ принциповъ есть смерть: имъ начинается исторія міра и завершается, когда смерть, а съ смертію и дуализмъ, который лежитъ въ основѣ развитія исторіи, совершенно исчезаетъ изъ него“ (Baur, Paul, II, 225). Въ этой главѣ подъ воскресеніемъ опредѣленно разумѣется воскресеніе „во Христѣ“. О *конечной* участи тѣхъ, которые погибаютъ теперь (*ἀπολλόμενοι*), ап. Павелъ нигдѣ не говоритъ съ опредѣленностью. Но онъ говоритъ о конечномъ пораженіи смерти, послѣдняго врага (гдѣ „смерть“ повидимому имѣетъ болѣе глубокой духовный смыслъ); онъ говоритъ (Рим. VIII, 19—23), что „вся тварь (*πάντα ἡ κτίσις*) освобождена будетъ отъ рабства тѣни въ свободу славы дѣтей Божіихъ“; онъ противопоставляетъ всеобщности непослушанія человѣка всеобщности милосердія Бога; говорить, что гдѣ умножился грѣхъ, тамъ стала преизобилывать благодать (Рим. V, 20); онъ говоритъ о *воленіи* Божіемъ милость свою соразмѣрить съ всеобщимъ грѣхомъ (Рим. XI, 32); останавливается на разрѣшеніи дуализма въ единствѣ и на направленіи всего къ Богу (*εἰς αὐτόν τὰ πάντα*, Рим. XI, 30—36); вся его великолѣпная философія исторіи состоитъ въ показаніи (Рим., Гал. *passim*), что всѣ низшія и скорбныя ступени въ состояніи человѣка составляютъ необходимое средство къ достиженію высшихъ; и онъ говоритъ, что Богъ наконецъ „будетъ все во всемъ“; какія бы антиноміи ни оставались не разрѣшенными, пусть христіане должнымъ образомъ извѣщаютъ эти истины.

¹⁴⁰⁰ XVI, 12 *ἐξουία* означаетъ не „волю Аполоса“, но (вѣроятно) „волю Божію“.

¹⁴⁰¹ Я не могу утверждать, что вполнѣ понимаю, что собственно разумѣетъ этимъ ап. Павелъ. Комментаторы называютъ это „проклятіемъ“; но такое проклятіе не въ духѣ ап. Павла. „Анаома“ есть еврейскій *херемъ*. Лев. XXVII, 29; Числ. XXI, 2, 3 (*горма*); I. Нав. VI, 17. Но позднѣйшіе иудеи употребляли его въ смыслѣ „отлученія“ — временнаго ли (*туду*), или строгаго. Самая строгая форма его называлась *шемаа*. Отцы большею частью принимаютъ его въ смыслѣ „отлученія“ здѣсь и въ Гал. I, 8, 9, и нѣкоторые въ *маранаа* видятъ намекъ на *шемаа* (имя грѣды). Но это вѣроятно лишь выводы изъ послѣдующихъ соображеній. Это есть внезапное выраженіе глубокаго чувства, и что то менѣе ужасно, чѣмъ звучитъ, это можно выводить изъ 1 Кор. V, 5; 1 Тим. I, 20, гдѣ нѣблю служить исправленіе, а не гнѣвъ. Объ анаоматствованіи см. Матт. XXVI, 74; Дѣян. XXIII, 12.

¹⁴⁰² Подпись по обычаю подложна. Она возникла изъ ошибочнаго вывода изъ XVI, 5. Самое посланіе показывать, что оно написано въ Ефесѣ (XVI, 8), и хотя быть можетъ оно было доставлено Стефаномъ, Фортунатомъ и Аханкомъ, но во всякомъ случаѣ не Тимоосемъ.

ГЛАВА XXXIII. ¹⁴⁰³ Употребленіе этого выраженія св. Лукою есть одинъ изъ интересныхъ слѣдовъ его личнаго сношенія съ ап. Павломъ (см. 1 Кор. XVI, 9).

¹⁴⁰⁴ VIII, 17. Что при этомъ на первыхъ порахъ Титъ выказывалъ нѣкоторую неохотность, это видно изъ того способа, какимъ ап. Павелъ чувствовалъ себя вынужденнымъ ободраить его въ миссіи.

¹⁴⁰⁵ 2 Кор. VIII, 1; IX, 2. Филиппы, съ другой стороны, были бы первымъ городомъ, котораго онъ могъ достигнуть.

¹⁴⁰⁶ *ἐλπίς*, *ἐλπίδα* (2 Кор. I, 4, 6, 8; II, 4; IV, 8; VIII, 13).

¹⁴⁰⁷ „Апостолъ изливаетъ имъ свое сердце, и проситъ ихъ въ свою очередь не о холодной, сухой, критической оцѣнкѣ своего краснорѣчія, или о сравненіи его ученія съ другими доктринами, но о сочувствіи какъ членовъ церкви, если не любви какъ дѣтей“. Отдѣльныя части посланія, взятія сами по себѣ, могли бы казаться „почти до мучительности личными“ и мы „могли бы думать, что человѣкъ въ нихъ замѣнилъ посланника. Но когда мы узнаемъ, какъ неразлучны здѣсь по существу человѣкъ и посланникъ, то „неразуміе“, похвалба, стыдъ станутъ не просто проявленіями характера, но проявленіями тѣсной связи, въ которой одинъ человѣкъ находился по отношенію къ другому“ (Maurice, Unity, 488).

¹⁴⁰⁸ Мнѣніе, что во второмъ посланіи разумѣется совершенно другой грѣшникъ, о которомъ говорилось въ какомъ нибудь затерянномъ письмѣ, кажется намъ несостоятельнымъ, несмотря на то, что его держатся многіе важные критики (De-Bette, Блэкк, Креднеръ, Олсгаузенъ, Неандеръ, Эвальдъ и др.), которые въ той или другой формѣ принимаютъ эту гипотезу. Я не нахожу ничего несообразнаго съ болѣе древнимъ взглядомъ ни въ тонѣ 1 Кор., ни въ произведенномъ имъ дѣйствіи, ни въ возбужденности ап. Павла, ни въ движеніяхъ Тита, ни въ языкѣ касательно самаго грѣха или преступленія. Но у меня не имѣется достаточно мѣста, чтобы подробно входить въ разсмотрѣніе этого вопроса.

¹⁴⁰⁹ См. Haurath, стр. 420.

¹⁴¹⁰ V, 13 *εἴτε γὰρ ἔξεστημεν* XI, 1, *ἔχελον ἡνείκεσθαί μου μικρόν τι τῆς ἀππορίνης* 16, *μή τις με ἐξῆλθῃ ἀππορίαν εἶναι* (см. XII, 6).

¹⁴¹¹ XII, 16, *ὑπάρχων πανόργος ὁλόφῃ ὑμῶς ἔλαβον* Очевидно ссылка на поносительную клевету, которую онъ опровергаетъ затѣмъ.

¹⁴¹² Теперь оно не существуетъ болѣе.

¹⁴¹³ Подлинность этого посланія никогда не возбуждала вопроса. Три главные отдѣла его: I—VII, увѣщательный и ретроспективный съ проходящимъ подъ нимъ теченіемъ апологій; VIII, IX, распоряженія касательно сбора приношеній; X—XIII, защита апостольскаго положенія. Болѣе подробный разборъ будетъ данъ въ своемъ мѣстѣ. Но посланіе это наименѣе систематическое, между тѣмъ какъ первое есть болѣе систематическое изъ всѣхъ посланій ап. Павла.

¹⁴¹⁴ Особенно въ 2 Кор. X, XI, XII. Это находитъ для себя иллюстрацію въ частомъ повтореніи слова „надмеваться“ въ 1 Кор. *passim*; но еще оно встрѣчается только въ Кол. II, 18.

¹⁴¹⁵ *Ps. Clement*, Hom. XVII, 13 и сл. *πῶς δὲ σοὶ καὶ πιστεύομεν αὐτόν...*; *πῶς δὲ σοὶ καὶ ὁμῶν, ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ τὰ ἐναντία τῇ διδασκαλίᾳ φρονεῖς*.

¹⁴¹⁶ Но, какъ замѣчаетъ Станлей (Cor. p. 348), „благодарствительность первой части ограничивается негодованіемъ третей, и даже распоряженія касательно дѣла по сбору приношеній окрашиваются отраженіями какъ его радости, такъ и его скорби. И во всѣхъ этихъ отдѣлахъ, хотя они имѣютъ сами по себѣ строго личный характеръ, апостолъ уносится въ высшую область, въ которой онъ постоянно жилъ, такъ что это посланіе дѣлается наиболѣе поразительнымъ примѣромъ проникающей болѣе или менѣе всѣ его сочиненія новой философій жизни, извиваемой не въ систематическихъ трактатахъ, но въ случайныхъ порывахъ человѣческаго чувства“.

¹⁴¹⁷ Нить посланія историческая, но переплетена отступленіями. Оборванные нити повѣствованія встрѣчаются въ I, 8, 15; II, 1, 12, 13; VII, 5; VIII, 1; IX, 2; XIII, 1.

¹⁴¹⁸ Ст. 6. Таково положеніе этихъ словъ въ большей части прописныхъ манускриптовъ.

¹⁴¹⁹⁾ „Communio sanctorum“ Филпп. II, 26 (Bengel).

¹⁴²⁰⁾ I, 1—11; I, 8. *ὅτις ἐξαπορεύων*, хотя вообще онъ былъ *ἀπορεύων* *οὐκ ἐξαπορεύων*, IV, 8. *ἀπόκριμα τοῦ θανάτου* на вопросъ: „какъ все это кончится“—единственный повидимому былъ отвѣтъ—„смертью“, *καὶ ὑπερβολὴν* IV, 17; Рим. VII, 13; 1 Кор. XII, 31; Гал. I, 13.

¹⁴²¹⁾ I, 12. *ἀπολογία*, въ отвѣтъ на обвиненіе въ двуличности, есть характеристическое слово этого посланія (VIII, 2; IX, 11, 13; XI, 3); но здѣсь *κ*, *α*, *β*, *γ*, *δ* читаютъ *ἀγύστη*.

¹⁴²²⁾ I, 14, *ἀπὸ μέρους*.

¹⁴²³⁾ Я нигдѣ не встрѣчалъ даже хоть сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія этого мѣста. По мнѣнію св. Златоуста оно означаетъ: „Выказалъ ли я легкомысліе, или предприимчивую ли я по плоти, такъ что *да* у меня должно быть всегда *да*, и *нѣтъ* всегда *нѣтъ*, какъ это бываетъ у челоѣка міра, который строитъ планы независимо отъ того, что Богъ можетъ измѣнить ихъ.“ Такъ какъ здѣсь нѣтъ выразительныхъ утвержденій, то Мато. V, 37 и Іак. V, 12 не проливаютъ свѣта на это мѣсто, если только какія нибудь подобныя слова не приводились противъ него въ томъ извращенномъ смыслѣ, что когда ты разъ сказалъ известную вещь, ты долженъ по что бы то ни стало исполнить ее, какъ бы ни измѣнились обстоятельства.

¹⁴²⁴⁾ Сравни *Ἀλή, ἀλήν* („истинно, истинно“), которыми изобилуютъ евангелія. Я читаю *καὶ οἱ δὲ αὐτοὶ* съ кодексами *κ*, *α*, *β*, *γ*, *δ*, *Ф*, *Г*.

¹⁴²⁵⁾ *ἀρραβών*, заработный деньги, уплата, *προκαταβολή*; древнее *ἄρραβ*, Быт. XXXVIII, 17, 18; *arrhabo*—*Plant. Rud. Prolog.* 46) и новое слово (фр. *arghes*) сдѣлалось ходячимъ въ семитской торговлѣ (сн. *ἀπαρχή* Рим. VIII, 23).

¹⁴²⁶⁾ I, 23. Здѣсь *и*, какъ мнѣ думается, во II, 1 и XIII, 1 гл. онъ говоритъ о своемъ *предположеніи* посѣщенія какъ о совершившемся. Въ англ. переводѣ ошибочно принимается *ὅτι* за *ὅτι*; но это выраженіе вполне уясняетъ эти возбуждавшіе много споры стихи и склоняетъ меня къ мнѣнію, что ап. Павелъ послѣ написанія этого посланія посѣщалъ Коринѳъ не болѣе одного раза.

¹⁴²⁷⁾ Букв. „разсудилъ не приходить къ вамъ опять съ огорченіемъ“, что было бы, *если* бы онъ еще разъ посѣтилъ ихъ въ огорченіи и былъ бы вынужденъ придти и во второй разъ въ томъ же настроеніи. Несомнѣнно слова эти буквально означаютъ, что онъ *уже* посѣтилъ ихъ *разъ* въ огорченіи, и это выраженіе едва ли было бы правильно въ отношеніи его *перваго* посѣщенія; но онъ употребляетъ его просто съ обычною у него живостью, какъ будто *предполагаемое* имъ посѣщеніе (которое, въ случаѣ осуществленія его, было бы въ огорченіи) было уже осуществившимся посѣщеніемъ. *ἄλλιν* опущено въ D, E, F, G. Теодоритъ, который долженъ бы знать дѣйствительное значеніе греческихъ выраженій, принимаетъ *ἄλλιν* *ἐλθεῖν* просто въ смыслѣ „повторенія посѣщенія“, совершенно отбѣлая его отъ *ἐν λόγῳ*.

¹⁴²⁸⁾ Это опять одно изъ тѣхъ двусмысленныхъ выраженій (происходящихъ отъ возбужденности писателя и деликатности затрогиваемыхъ предметовъ, а также отъ желанія быть добрымъ и справедливымъ, не смотря на то, что многое подлежитъ порицанію, по отношенію къ которымъ невозможно быть уврѣненнымъ въ точности толкованія. Я отчасти слѣдовалъ взгляду св. Златоуста.

¹⁴²⁹⁾ *Нѣкоторые* очевидно выказали свое омерзеніе къ нему. Во II, 6 „наказаніе“ выражается словомъ *ἐπιτίμια*, а не *κόλασις* или *τιμωρία*; но общее значеніе есть именно наказаніе (Прем. III, 10; Филонъ, *περὶ ἀθλῶν καὶ ἐπιτίμων* „о наградахъ и наказаніяхъ“).

¹⁴³⁰⁾ II, 10. Лучшее чтеніе повидимому есть *ἐκ καυχῆς*, *αἱ τὴ καυχῆς*, *κ*, *α*, *β*, *γ*, *δ*, *Ф*, *Г*. Здѣсь очевидно мы не знаемъ многихъ обстоятельствъ; но мы заключаемъ, что приговоръ ап. Павла объ отлученіи, какъ повелѣно было привести его въ исполненіе въ его прежнемъ посланіи, не былъ исполненъ, отчасти потому, что нѣкоторые воспротивились ему, но также отчасти и потому, что грѣшникъ раскаялся вслѣдствіе своего исключенія отъ общенія со стороны большинства членовъ въ церкви. Ап. Павелъ могъ бы разгнѣваться на то, что его приказъ не былъ исполненъ

церковію; но онъ напротивъ остался доволенъ тѣмъ, что ему оказано было отчасти повиновеніе, и отмѣняетъ свой приказъ, который вслѣдствіе благовременнаго покаянія сдѣлался излишнимъ.

¹⁴³¹⁾ Объ этой метафорѣ см. *выше*. Приложение III. Послѣднимъ большимъ триумфомъ въ Римѣ былъ триумфъ Клавдія, когда среди нѣжныхъ былъ Карадоктъ.

¹⁴³²⁾ II, 17. *οἱ πολλοὶ* есть сильное выраженіе, но *οἱ λοιποὶ* „остальные“, какъ читаютъ D, E, F, G, I, отличается еще болѣею горячностью. Возможно, что оно смягчено было измѣненіемъ въ другое чтеніе, все равно какъ *οἱ πολλοὶ* было смягчено въ *πολλοὶ*. Нужно помнитъ, какъ многочисленны и различны были элементы заблужденія, въ Коринѳѣ—обманъ, раздоръ, фарисейство, распущенность, надменность; и ап. Павелъ (Рим. V) повидимому чаще употребляетъ *οἱ πολλοὶ*.

¹⁴³³⁾ III, 1. Удивительно, что эвонитская ненависть пылаетъ противъ ап. Павла еще во II столѣтіи и прикованно поноситъ его за то, что онъ не имѣлъ *ἐπιστολὰς συστατικὰς* отъ Іакова. Вѣкъ, приходившій безъ такихъ писемъ, должны были считаться ложными пророками, ложными апостолами и пр. (сн. 2 Кор. XI, 13; Гал. II, 12). (*Ps. Clem. Recogn.* IV, 34; *Hom.* XI, 35).

¹⁴³⁴⁾ Чт. *καρδία*; въ *κ*, *α*, *β*, *γ*, *δ*, *Ф*, *Г*. Касательно метафоры ср. Притч. III, 3; VII, 2; Іезек. XI, 19; Исх. XVIII, 31.

¹⁴³⁵⁾ Сравни отождествленіе постыжнаго сѣмени съ принимающими его сердцами въ Марк. IV, 16.

¹⁴³⁶⁾ III, 6, *ἀποκτείνε*; Рим. IV, 15; VII, 6, 7, 10, 11; Гал. III, 10; Іоан. VI, 63. *ζωοποιεῖ*, Рим. VI, 4, 11; VIII, 2, 10; Гал. V, 2.

¹⁴³⁷⁾ III, 7. Моисей налагалъ покрывало на свое лицо не для того, чтобы ослабить блескъ, когда онъ говорилъ, но (какъ разумѣетъ здѣсь ап. Павелъ) чтобы прикрыть исчезновеніе блеска, когда онъ оканчивалъ рѣчь — *καταρῶν* (1 Кор. I, 28; П, 6; VI, 13; XIII, 8, 11; XV, 24—двадцать два раза въ этой группѣ посланій).

¹⁴³⁸⁾ III, 10, 11, *ὁ δαδὲξικτον τὸ δαδὲξικτον ἐν τούτῳ τῷ μέρῳ*.

¹⁴³⁹⁾ III, 16, *ἐπιστολῇ ... περιχρεῖται*.

¹⁴⁴⁰⁾ III, 18, *καταπορεύμενοι*. Св. Златоустъ и др. придаютъ этому смыслъ „отраженія“: но примѣромъ такого смысла повидимому нѣтъ.

¹⁴⁴¹⁾ IV, 2. Сн. 1 Кор. IV, 5. Отсюда частое употребленіе слова *φανερὸν* въ этомъ посланіи (II, 14; III, 8; IV, 10; V, 10, 11; VII, 12; XI, 6).

¹⁴⁴²⁾ Сн. Іоан. XIV, 30; Ефес. II, 2. *Grandis sed horribilis descriptio satanae* (Bengel).

¹⁴⁴³⁾ Объ былъ *σκαδὸς ἐκλογῆς* (Дѣян. IX, 15), но самый *σκαδὸς* былъ *δοτῆριον*. *Lo vas d'elezione* (*Dante*, *Inf.* II, 28).

¹⁴⁴⁴⁾ „Богъ проявляетъ смерть въ жизни, и жизнь въ смерти“ (Альффордъ).

¹⁴⁴⁵⁾ Сн. *Plat. Phaedo*, 79.

¹⁴⁴⁶⁾ Прем. IX, 15 „Земная храмина (*ὕψος σκῆνος*) отягощаетъ душу“.

¹⁴⁴⁷⁾ V, 3. Я понимаю это въ смыслѣ „бездѣлности“. Выразеніе это повидимому указываетъ на нѣкоторое состояніе, отличное отъ состоянія бездѣлныхъ духовъ—между смертію смертнаго и принятіемъ воскресшаго тѣла (ср. *Hdt.* V, 92; *Thuc.* III, 58).

¹⁴⁴⁸⁾ Опять и здѣсь обращаетъ на себя вниманіе странная спутанность иносказаній. Только величайшіе писатели могутъ рискнуть писать такъ; только тѣ, мысли которыхъ подобны пламени, что разрываетъ свѣтильникъ языка, чтобы излить болѣе теплоты и свѣта.

¹⁴⁴⁹⁾ Не легко усмотрѣть тѣсное соотношеніе между воздаяніемъ по дѣламъ и свободнымъ оправданіемъ вѣрою во Христа, полнымъ прощеніемъ грѣховъ и истребленіемъ бывшаго противъ насъ рукописанія — о чемъ именно ап. Павелъ говоритъ въ V, 19, 21; Рим. III, 25; Кол. II, 14. Но вѣра столь же мало безпокоится неразрѣшимыми антиміями въ царствѣ благодати, какъ и въ царствѣ природы (см. *выше* Приложение XXI, стр. 858 и 859).

¹⁴⁵⁰⁾ V, 11. Такъ понимаетъ это выраженіе св. Златоустъ и др., по это одинъ изъ тѣхъ

многих стиховъ въ этомъ посланіи, относительно которыхъ трудно установить вполнѣ достовѣрное толкованіе. Онъ можетъ означать: „зная, что страхъ Божій (timorem Domini, по Вульгатѣ) есть правило моей собственной жизни, я стараюсь убѣдить васъ въ этой истинѣ; что это именно такъ, Богу уже извѣстно“.

1451) „Мои откровенія, состоянія посхищенности, глоссолатія — суть фазисы сношенія моей души съ Богомъ; мой практический смыслъ и тактъ — для васъ“.

1452) 2 Кор. V, 16, ἀπὸ τοῦ νῦν. Въ Гал. I, 15, 16 ап. Павелъ сказалъ, что „Богъ благоволилъ открыть въ немъ Сына своего“, и по его возрѣнію „всѣмъ безусловная важность христіанства заключается въ личности Христа. Богъ открылъ ему въ качествѣ Сына Божія того Иисуса, которому онъ противодействовалъ какъ ложному Мессіи. Но воскресеніе поставило его историческаго Христа гораздо выше іудейскаго Мессіи (1 Кор. XV, 8). Смерть Христа порвала его связь съ простыми національными элементами, и Онъ затѣмъ проявился во вселенской и духовной области, въ которой терлось все абсолютное значеніе іудейства. Ап. Павелъ здѣсь говорить, что съ того времени, какъ онъ началъ жить для Христа, который умеръ и воскресъ, Иисусъ для него пересталъ быть Мессіей по плоти. Понятіе о Немъ теперь очистилось отъ всякихъ чувственныхъ, іудейскихъ, личныхъ ограниченій, и Христосъ становится не только тѣмъ, кто жилъ и умеръ въ Иудеѣ, но кто живетъ и царствуетъ въ сердцѣ каждаго христіанина по абсолютному принципу духовной жизни“ (Baur, Paul, II, 126). Когда ап. Павелъ освободился сначала отъ своего фарисейства и затѣмъ отъ іудейскохристіанской стадіи своихъ раннихъ убѣжденій, онъ понялъ истину, что воскресшій и вознесшійся Господь всѣхъ сталъ выше всѣхъ мѣстныхъ, семейныхъ и національных ограниченій.

1453) Значеніе этого стиха выяснено на стр. 552.

1454) Читатель замѣтитъ, какое важное значеніе имѣютъ въ этой величественной самозащитѣ эстетич. и эпистол. Изложеніе сущности и метода служенія Христа есть единственное рекомендательное письмо, которымъ только ап. Павелъ для нихъ покрайней мѣрѣ находитъ возможнымъ пользоваться. Однако, даже при самозащитѣ, столь непріятной ему, какъ возвышенны мысли, на которыхъ онъ останавливается, и какъ благородны принципы, которые онъ старается установить!

1455) Намекъ на законъ Лев. XIX, 19; Втор. XXII, 10, запрещающій сводить въ одно разнородныя вещи, запрягать напр. въ пашнѣ вола и осла вмѣстѣ. Я не нахожу, чтобы VI, 14—VII, 1 отличались особеннымъ характеромъ отступленій и вставокъ, какъ это находятъ другіе.

1456) VI, 15, βελίαρ. *Веліаръ* или *Веліагъ* по первоначальному значенію не есть собственное имя (Притч. VI, 12—человѣкъ лукавый есть *Адамъ беліагъ*); поэтому и не было особеннаго культа Веліару.

1457) Все это подтверждается цѣлымъ рядомъ цитатъ изъ 2 Пар. VII, 14, 8; Ис. XLIII, 6; и быть можетъ также имѣлось въ виду Іер. XXXI, 3—33; Іезек. XXXVI, 28.

1458) Сн. X, 1. Онъ трогательно принимаетъ этотъ прилагаемый къ нему терминъ.

1459) VII, 12. Чтеніе здѣсь повидимому τὴν σπουδὴν ὡς τὴν διὰ τὴν ἡμῶν πρός θεόν (C, E, I, K.).

1460) Станлей ссылается на Arnold, Rom. Commonwealth, II, 382.

1461) VIII, 20 (сн. Притч. III, 3 по LXX), ἀσροτής, букв. „зрѣлость“. Эти нарекъ legomena часто встрѣчаются въ безспорныхъ посланіяхъ ап. Павла. Онъ быстро усвоивалъ новыя слова. Напр. слово ἐκχερήσθω (впервые употребленное въ IX, 10 и затѣмъ въ Гал. III, 5; Колос. II, 19; Ефес. IV, 16) онъ могъ усвоить въ Афинахъ. Оно неизвѣстно LXX-ти въ Ветхомъ Заветѣ, и встрѣчается только въ Сирах. XXV, 22.

1462) Букв. „апостолы“, но здѣсь въ простомъ, нетехническомъ смыслѣ „уполномоченныхъ посланниковъ“. Кто именно были эти двое братьевъ, совершенно неизвѣстно;—быть можетъ Лука и Теофилъ.

1463) IX, 6 ἐπ' ἐνλογίας, т. е. въ великомъ, милостивомъ и любвеобильномъ духѣ (Притч. XI, 24; XXII, 9).

1464) Если бы такое предположеніе было вообще вѣроятно, то мы должны бы были скорѣе заключать изъ XII, 18, что этотъ отдѣлъ былъ особымъ посланіемъ, написаннымъ *послѣ* мисіи Тита и того брата, о которомъ упоминается въ VIII, 18. Но въ текстѣ разясняются встрѣчающіяся здѣсь затрудненія.

1465) Подобная же перемена тона — переходъ отъ болѣе мягкаго и косвеннаго къ суровому и властному стилю — заключается въ Рим. XIV, XV (см. стр. 532). У Демосоена также замѣчается большое различіе между апологетической и наступательной частью — въ De Corona (Hug). Землеръ первый высказалъ мнѣніе, что это посланіе составилось изъ соединенія трехъ, каковаго взгляда держится и Вейссе. Выраженіе Αὐτός δὲ ἐγὼ Παῦλος въ X, 1 (см. Гал. V, 2; Ефес. III, 1; Филим. 19) сразу же показываетъ перемену.

1466) Теодоритъ говоритъ о X, 12—18, что ап. Павелъ писалъ это темно (ἀσπρόως) изъ желанія не обличать преступниковъ слишкомъ открыто.

1467) X, 2, τινος; 7, εἰ τις πέποιθεν ἐκινεῖ; 10, φησὶ, „говоритъ онъ“; 11 ὁ τοιοῦτος; 12, τίς; 18, ὁ ἐκινεῖ; συνιστῶν; XI, 4 ὁ ἐρχόμενος.

1468) X, 2 κατὰ σάρκα, т. е. изъ просто земныхъ побужденій; что онъ былъ боязливъ, изъ любезности уступчивъ, непослѣдователенъ, самолюбивъ.

1469) XI, 16, 17, 19. Сравни грубое замѣчаніе Феста: „Безумствуешь ты, Павелъ!“

1470) XI, 4 ἄλλον ἰησοῦν... ἑτέρον πνεῦμα... εὐαγγέλιον ἑτέρον...

1471) Многія изъ этихъ выраженій, какъ думалъ св. Златоустъ, представляютъ собою воспроизведеніе насмѣшекъ его противниковъ—κατ' εἰρωνίαν φησὶ τὰ ἐκείνων εὐαγγέλιον. Слѣды подобной же ироніи см. въ 1 Кор. IV, 8—11; VI, 3—8; IX, 1—16; XV, 6.

1472) X, 1—11. Это сравненіе его посланій и его личнаго поведенія (ст. 10) приводится отъ лица іерусалимскаго посланнаго (φησὶν, онъ говоритъ; 7, τις; 11 τοιοῦτος).

1473) X, 12, ἐγκρίναι ἢ συγκρίναι, непереводаемая паронимасія.

1474) X, 12—18. Господствующее слово, какъ и во многихъ отдѣлахъ этого посланія, есть „похвала“ и „одобреніе“ (III, 1; IV, 2; V, 12; X, 12, 16, 17, 18; XI, 10, 12, 18, 30; XII, 1, 5, 6, 11) съ особеннымъ отношеніемъ къ одобрительнымъ письмамъ. Легко этимъ іудействующимъ кабы такъ говорить онъ, спокойно приходитъ съ „письмами“ изъ Іерусалима въ Коринѣ и тамъ содержится на счетъ благоговѣющихъ къ нимъ приверженцевъ, которые обращены его *трудами*; совсѣмъ иное дѣло исходить міръ въ качествѣ безпріютнаго мисіонера и снѣтъ сѣмена евангелія на дѣвственной почвѣ.

1475) XI, 1 μικρόν τι... ἀλλὰ καὶ. Это посланіе отличается множествомъ „преслѣдующихъ“ словъ, и господствующія слова этой главы ἀνέχουσι (1, 4, 19, 20) и ἄφρων (1, 16, 17, 19, 21; XII, 6, 11). Плюмтрь видитъ въ этомъ отголосокъ какого нибудь издѣательства, о которомъ могъ сообщить Титъ, въ родѣ того, что „его неразуміе становится невыносимымъ“.

1476) XI, 4, ὁ ἐρχόμενος.

1477) XI, 5, τῶν ὑπεράλιον Ἀποστόλων, буквально „наиверховныхъ апостоловъ“. Въ этомъ выраженіи несомнѣнно заключается нѣкоторое негодованіе, но во всякомъ случаѣ не противъ двѣнадцати, къ которымъ ап. Павелъ всегда относился съ почтеніемъ, а противъ чрезмѣрныхъ и чисто человѣческихъ притязаній (простаго верховенства, κατὰ σάρκα) въ ихъ пользу со стороны ихъ крайнихъ приверженцевъ. Онъ сравниваетъ себя съ ними въ знаніи (XI, 5), въ самоотверженіи въ дѣлѣ содержанія себя (XI, 6—21), въ преимуществѣ происхожденія (22), въ трудахъ и опасностяхъ (23—33), въ томъ фактѣ, что его немощность происходила отъ чрезвычайныхъ откровеній (XII, 1—10) и въ сверхъестественныхъ дарахъ апостольства (XII, 11, 12).

1478) XI, 6. Если *φανερόντες* (N, B, E, G) есть правильное чтение, то это значит: „они (знание) очевидно для нас“.

1479) XI, 10. чт. *φραγίσται*.

1480) Как долго продолжалась эта клевета, можно видеть из отождествления ап. Павла с Симоном волхвом в Клементинах.

1481) Здесь косвенно указывается на *γαλαδ* в отношении Иов. I, 6, или на ангела, борющегося с Иаковом (*Eisenmenger*, *Entd. Judenth.* I, 845).

1482) Очень вероятно, что голод при Клавдии вынудил многих бедных иудейских христиан из Иерусалима обходить церкви, для собирания милостыни. (*Халюки*).

1483) См. 3 Цар. XXII, 24; Матт. V, 39; Лук. XXII, 64; Дян. XXIII, 2. Даже учителя могли действовать так. 1 Тим. III, 3; Тит. I, 7.

1484) Едва ли можно думать, что эвонитская ложь, будто ап. Павел был язычник, принявший обрзание с целью жениться на дочери первосвященника, была уже измыслена в это время; однако происхождение его из Тарса и римское гражданство могли подавать повод к наущническим сплетням касательно его.

1485) Исх. XV, 5 (LXX). По мнению Оеофилакта, это означает „въ Вое“, близъ Австри, послѣ побѣды камнями.

1486) XI, 28 *ἐπιστάς* (N, B, D, E, F, G).

1487) XI, 1—33. О обрзѣ изъ Дамаска см. выше стр. 157.

1488) *ὅ* есть наиболее сильное и естественное чтение, и вариация здесь манускриптовъ (*ὅ* в N, D и *ὅ* в B, E, F, G) вероятно произошла вследствие неправильного понимания. *ὅ* означает: „вы можете видеть изъ уничижительнаго побѣга, о которомъ я такъ открыто рассказалъ теперь, что мнѣ хвалиться не особенно выгодно“. Если слѣдующее „ибо“ (въ D) правильно, то оно очевидно зависитъ отъ вступительныхъ течений чувства; но оно опущено въ A, B, G.

1489) XII, 3. чт. *χώρας* B, D, E. Физическое состояніе притомъ трудно опредѣляемо, хотя нѣчто подобное можно указать у индусовъ въ мистическомъ состояніи *турья*—какое то четвертое состояніе, особое отъ состояній бодрствованія, сна и дремоты. Индійскіе *йоги* называютъ его *Videha sthiti*, и съ восторгомъ говорятъ о немъ въ своихъ мистическихъ сочиненіяхъ и пѣсняхъ.

1490) „Третье небо“ упоминается только здѣсь. О раѣ см. Лук. XXIII, 43.

1491) О „жалѣ въ плоть“ см. выше, приложение X. *Κολατίζῃ* букв. „ударилъ бы въ лицо“.

1492) XII, 9, *ἐπισκρυφῶν ἐπ' ἑμὲ*.

1493) XII, 1—11. Тонъ и складъ рѣчи—свойственные ап. Павлу.

1494) *πᾶσι* (N, A, B, E, G, Вульг.).

1495) XII, 14. Онъ былъ уже разъ въ Коринѣ; теперь идетъ во второй разъ (*πάλιν*), и однажды намѣревался уже идти. Это похоже на дѣло, засвидѣтельствованное двумя-тремя свидетелями, и потому навѣрно будетъ исполнено. Я согласенъ съ Бауромъ въ его выраженіи: „Откажемся отъ фикціи путешествія, для котораго мы не можемъ найти резонныхъ основаній“ (*Paul.* II, 320).

1496) *ἀπορία* только въ Тит. I, 13, и не встрѣчается у LXX. Т. е. не поступить „по способу ампутиаціи“, отсѣченія или развѣянна, какъ въ Премудр. V, 23; *ἀπορία* (Рим. XI, 22).

1497) XIII, 11—13. Такъ какъ это послѣднія существующія слова ап. Павла въ посланіи къ Коринтіянамъ, то интересно взглянуть, каково было состояніе этой церкви, когда писалъ къ ней св. Климентъ Римскій тридцать-пять лѣтъ спустя. Мы находимъ, что коринтіане все еще нѣсколько волновались, страдали отъ развѣденія и сомнѣній, и Климентъ долженъ былъ напоминать имъ примѣры ап. Петра и Павла. Однакоже въ общемъ мы можемъ видѣть, что убѣжденія и доводы ап. Павла не прошли безплодно. Около 135 года церкви эта была посѣщена Еге-

зинномъ (*Евс.* II, IV, 22), который благопріятно отзывался о ихъ послушаніи и щедрости. Ихъ епископъ Дионисій пользовался обширнымъ вліяніемъ. Говоря о воскресеніи, св. Климентъ указываетъ на феникса (*ad Rom.* I, 24, 25), который въ это время возбуждалъ большой интересъ (*Тит.* Апп. VI, 28; *Плин.* II, N. X, 2).

ГЛАВА XXXIV. 1498) Такъ въ канонѣ Мураторіи: „*acta autem omni apostolorum sub uno libro scripta sunt lucas optime theophile compridit quia sub praesentia ejus singula gerebantur*“.

1499) „Титъ въ Далматію“ 2 Тим. IV, 10.

1500) И доселѣ *халюки* и *кадима* въ Иерусалимѣ составляютъ источникъ безконечныхъ распри и непріятностей, и принимаются евреями отнюдь не съ благодарностью, а лишь какъ свѣдѣтельство вышенаго значенія живущихъ въ святомъ городѣ.

1501) Рим. XV, 23, *μηκέτι τόπον ἔχων ἐν τοῖς κλήροις τούτοις*.

1502) Рим. XVI, 21. Точный смыслъ, который ап. Павелъ придаетъ слову *συγγενής*, неизвѣстенъ.

1503) Тонкій указаніи на то, что посланіе къ Галатамъ было написано почти одновременно съ 2 посл. къ Коринтіянамъ, состоитъ въ случайномъ совпаденіи тѣхъ же самыхъ выраженій, а также въ преобладаніи того же порядка мысли. Тонъ, чувство, слогъ и способъ аргументаціи обнаруживаютъ весьма большое сходство. Сравни напримѣръ—

2 Коринѣ.	Галат.	2 Коринѣ.	Галат.
I, 1 I, 1		XI, 2 IV, 17	
XI, 4 I, 6		XI, 20 V, 15	
V, 11 I, 10		XII, 20, 21 V, 20, 21	
XII, 11 II, 6		II, 7 VI, 1	
V, 15 II, 20		XIII, 5 VI, 4	
VIII, 6 III, 3		IX, 6 VI, 8	
V, 21 III, 13		V, 17 VI, 15	

Это лишь примѣры тѣхъ совпаденій въ мысли и выраженіи, которыхъ можно бы привести еще множество. Останавливаясь на близкомъ сходствѣ между посланіями къ Галатамъ и Римлянамъ нѣтъ надобности. Оно замѣчено было еще тысячу лѣтъ тому назадъ. Посланіе къ Галатамъ есть безыскусственный очеркъ, а посланіе къ Римлянамъ есть законченная картина. Первое есть горячее полемическое изложеніе вопроса объ отношеніи христианъ изъ язычниковъ главнымъ образомъ къ одной налагаемой закономъ обязанности — обрзанию; послѣднее есть спокойный, общій трактатъ объ отношеніи евангелія къ закону. Поучительное сравненіе Гал. III, 6—29 съ Рим. IV и пр. можно видѣть у Лайтфута, въ *Galatians*, стр. 44—46.

ГЛАВА XXXV. 1504) Элементы этого параграфа взяты отчасти изъ посланія къ Галатамъ и отчасти изъ посланія къ Коринтіянамъ. Касательно эвонитской клеветы противъ ап. Павла смотри *Gen. Adv.* Haer. I, 28; *Euseb.* H. E. III, 27; *Epiphan.* Haer. XXX, 25; *Ps. Clem.* Hom. II, 17—19.

1505) „Было необходимо, чтобы партикуляризмъ иудейства, который относился къ языческому міру съ такимъ оскорбительнымъ высокомеріемъ, былъ искорененъ, и безосновательность его предразсудковъ и претензій была вполне открыта предъ міромъ. Вотъ услуга, которую ап. Павелъ совершилъ для человѣчества своей великолѣпной діалектикой“ (*Baur*, *First three Centuries*, I, 73).

1506) *Abhōth* равнина Наваана, гл. II.

1507) „Если бы не обрзание, то не могли бы существовать небо и земля; ибо сказано: „если бы не заветъ Мой, то Я не сотворилъ бы дня и ночи и уставовъ неба и земли не утвердилъ бы“ (*Nedarim*, f. 32, col. 1, на Иерем. XXXIII, 25). То же самое замѣчаніе дѣлается о всемъ законѣ.

Равви (Иуда Гаккадош) говорить, как велико обрѣзание, так как оно равно всѣмъ заповѣдямъ закона, ибо сказано: „вотъ кровь завета, который Господь заключилъ съ вами о всѣхъ (по еврейски „выше всѣхъ“) славы сихъ“ (Исх. XXIV, 8) — Nedarim, f. 32, 1. Ангелы съ такимъ отвращеніемъ относятся къ необрѣзанному лицу, что когда Богъ говорилъ съ Авраамомъ до обрѣзанія, то онъ говорилъ съ нимъ на арамейскомъ языкѣ, котораго, повидимому, ангелы не понимаютъ (*Yalkuth Chadash*, f. 117, 3).

¹⁵⁰⁸) См. Haurath, p. 263.

¹⁵⁰⁹) И. Флавій имѣлъ достаточно здравого смысла, чтобы поступить такъ же, когда „два великихъ чековѣка“ пришли къ нему изъ Трахониты; но хотя на время ему удалось убѣдить иудеевъ не принуждать ихъ къ обрѣзанію, однако же впоследствии эти бѣглецы были почти убиты фанатической чернью и могли спасти свою жизнь только поспѣшнымъ бѣгствомъ. См. весьма поучительное мѣсто въ Vit. 23, 31.

¹⁵¹⁰) *Jos. Antt.* XX, 2, § 4. Это интересное царское семейство имѣло домъ въ Иерусалимѣ (*Jos. B. J. V*, 6, § 1; VI, 6, § 3).

¹⁵¹¹) Раввинъ Иуда Гаккадошъ называется такъ: *קכז' אֶסְרִיָּן*. Анекдотъ этотъ взятъ изъ Jer. Megillah, cap. I. Другой рассказъ касательно ихъ сношенія см. *Abhōda Zara*, f. 10, 2. Такъ какъ Талмудъ есть самая безысторическая и чуждая всякой правильной хронологіи книга, то трудно сказать, какой императоръ разумѣется здѣсь и во множествѣ другихъ сказаній касательно его предполагаемаго сношенія съ раввиномъ. Это не можетъ быть Антонинъ Пій, который никогда не выезжалъ изъ Рима; не можетъ быть также и Маркъ Аврелій, который неблагоприятно относился какъ къ иудеямъ, такъ и къ христіанамъ. Возможно, что здѣсь разумѣется Каракала, такъ какъ онъ однажды посѣтилъ Палестину. Гелиогабалъ, повидимому, разумѣется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Талмуда подъ именемъ „младшаго Антонина“, и онъ также будто бы принималъ обрѣзаніе.

¹⁵¹²) Въ самой ожесточенной полемикѣ ап. Павелъ никогда (даже въ Гал. V, 12) не доходитъ до тѣхъ рѣзкостей, которыя часто можно встрѣчать даже у великихъ полемистовъ.

ГЛАВА XXXVI. ¹⁵¹³) Общее расположеніе посланія таково: оно распадается на три отдѣла—1) личный (проходящій по всему посланію); 2) догматическій; 3) практический. Въ первой части (I—II) апостолъ доказываетъ свою личную независимость а) *отрицательно* показывая, что онъ былъ апостоломъ раньше всякаго сношенія съ двѣнадцатью (I, 17, 18), и б) *положительно* такъ, какъ онъ получилъ отъ апостоловъ торжественное признаніе своихъ собственныхъ началъ при трехъ случаяхъ, именно: а) въ общеніи на совершенно равныхъ основаніяхъ съ Петромъ (18, 19); б) когда они были вынуждены обстоятельствами признать равенство его миссіи (II, 9, 10) и с) когда онъ укорялъ Петра въ Антиохіи, что онъ былъ совершенно не правъ (II, 11—21). Во второмъ отдѣлѣ, естественно переходя къ догматической защитѣ оправданія вѣрою, онъ доказываетъ его: а) христіанскою совѣстью (III, 1—5) и б) изъ Вѣтхаго Завета (III, 6—18). Это приводитъ его къ вопросу касательно истиннаго значенія закона, въ отношеніи котораго онъ и показываетъ, что законъ имѣетъ лишь совершенно второстепенное значеніе, и это доказываетъ: а) *объективно*, самою сущностью христіанства (III, 19—29) и б) *субъективно*, свободною духовною жизнью христіанъ (IV, 1—11). Послѣ настоячивыхъ предостереженій ихъ въ отношеніи тѣхъ, которые увлекали ихъ въ ложную сторону (VI, 11—30), онъ переходитъ къ третьей части. Эта послѣдняя часть заключаетъ въ себѣ практическое увѣщаніе къ христіанской свободѣ (V, 1—12) и предостереженіе, какъ общее (13—18), такъ и спеціальное (V, 16—VI, 10) противъ злоупотребленія ею. Затѣмъ слѣдуетъ заключительное обообщеніе и благословеніе (VI, 11—18).

¹⁵¹⁴) Рим. XVI, 7; срав. Фил. II, 25; 2 Кор. VIII, 23. Подобнымъ образомъ титулъ императора былъ употребляетъ Цицерономъ и другими римлянами вплоть до Юлія Вѣзза, долго спусти

послѣ того, какъ онъ получилъ уже спеціальный смыслъ въ приложеніи къ самодержавной главѣ государства.

¹⁵¹⁵) Въ это время онъ былъ сопровождаемъ большимъ числомъ собратій, чѣмъ во всякое другое. Это одно изъ тѣхъ мелкихъ обстоятельствъ, которыя подтверждаютъ весьма вѣроятное предположеніе, что посланіе это писано было въ этотъ именно періодъ—во время трехмѣсячнаго пребыванія ап. Павла въ Коринѣ къ концу 57 г. по Р. Хр.

¹⁵¹⁶) ἡ δόξα гл. ἐστὶν Матѣ. VI, 13; 1 Петра IV, 11.

¹⁵¹⁷) I, 4, ἐξέληται. „Избавленіе“—есть основная нота посланія (Ляйтфутъ). „Евзѣтѣосъ“, „настоящій“, Рим. VIII, 38.

¹⁵¹⁸) Если μεταίθεοςъ есть дѣйствительно умственная острота (какъ думалъ блаженный Иеронимъ) въ отношеніи Галатъ и ἑλῶ, то мы можемъ почти переводить его словомъ—галатствовать. Касательно ἑταρον и ἄλλο см. 2 Кор. XI, 4. Отсюда ἑταροςъ стало значить „худой“, ὁ ἑταροςъ противоположно слову „добрый“.

¹⁵¹⁹) I, 8, ἀναθεμα; значеніе „отлученный“ болѣе позднее и не было бы уместнымъ въ связи съ ἄγγελοςъ.

¹⁵²⁰) Тутъ есть нѣчто въ родѣ *силлеппа*, и τὸν θεὸν гораздо выразительнѣе, чѣмъ ἀνθρώπου; ап. Павелъ, вѣроятно, былъ обвиняемъ въ освобожденіи язычниковъ отъ иудейства изъ простаго угодничества имъ.

¹⁵²¹) I, 1—10, ἐτι „послѣ всего, что вытерпѣлъ я“; V, 11; VI, 17; 1 Кор. XV, 30—32.

¹⁵²²) I, 13, καὶ ὑπερβολὴν, ἢ outrage.

¹⁵²³) Въ одномъ смыслѣ онъ былъ апостоломъ, а въ другомъ не былъ, такъ какъ не былъ однимъ изъ двѣнадцати.

¹⁵²⁴) См. выше стр. 162—6. Такъ какъ я уже вслѣдовалъ многія подробности этого посланія въ видахъ біографическихъ, то довольно будетъ указать на эти мѣста. Сильное обращеніе I, 20 показываетъ, что правдивость ап. Павла подвергалась сомнѣнію (см. 1 Фесс. V, 27).

¹⁵²⁵) См. выше стр. 280—4. Цѣль ап. Павла здѣсь не есть скучный педантизмъ хронологической точности.

¹⁵²⁶) II, 2, ἀναθέμεν, не для того, чтобы подвергнуться ихъ рѣшенію, но съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ добьется ихъ согласія (см. Дѣян. XXV, 14).

¹⁵²⁷) Филии. II, 16. Я уже объяснял вѣроятное значеніе этого выраженія—„чтобы я могъ чувствовать полную увѣренность въ истинѣ и практичности моихъ взглядовъ“.

¹⁵²⁸) См. выше, стр. 281—2.

¹⁵²⁹) II, 6, θεὸς ἀνθρώπων. Положеніе это весьма выразительное. Оно, повидимому, указываетъ на нѣкоторое обоснованіе *духовнаго* авторитета на простыхъ *родовыхъ* или *вѣстныхъ* признаніяхъ (см. Martineau, *Studies in Christianity*, p. 428).

¹⁵³⁰) II, 1—10. Это было, какъ говоритъ Тертуліанъ, *distributio officii*, а не *separatio evangelii* (De Praescr. Haer. 28). Онъ уже выказалъ свое попоченіе о бѣдныхъ (Дѣян. XI, 30).

¹⁵³¹) II, 11, κατὰ. Выраженіе это, очевидно, неѣдино. См. Рим. XIV, 23. Истолковывать κατὰ πρόσωπον въ смыслѣ „посредствомъ маски“ и видѣть здѣсь сцену (κατὰ σκηνὴν) происшедшую между апостолами—какъ это дѣлаютъ Оригенъ и Златоустъ, или предполагать, что Кифа здѣсь не означаетъ Петра,—какъ думаетъ Климентъ Александрійскій,—значитъ перетолковывать очевидный фактъ. Слабость ап. Петра приносила и другіе горькіе плоды. Она была послѣднею причиною эвонгелистскихъ нападеній на ап. Павла, гностическихъ нападеній на иудейство, клеветъ Порфирія на апостоловъ, и ссоры бл. Иеронима съ Августиномъ (см. Lightfoot, pp. 123—126).

¹⁵³²) II, 12, ἡ δὲ (S, B, D, F, G); если ап. Павелъ дѣйствительно писалъ это слово, то оно могло значить: „когда *Гавога* пришелъ“; такъ и понималъ его Оригенъ (C. Cels. II, 1).

¹⁵³³) Мы едва ли даже можемъ вообразить страшную обиду, причиненную этою смѣлостью,

обиду, которая чувствовалась столѣтіе спустя (*Iren.* Haer. I, 26; *Euseb.* Н. Е. III, 27; *Epiaph.* Haer. XXX, 16; *Baur.* Chr. Hist. 89, 98). Даже когда были писаны Лже-Клементинскія Бесѣды, иудейскіе христіане еще не забыли слова *καταγεγραμμένος*. Еі *καταγεγραμμένος* не λέγεις Θεοῦ ἀποκαλύφναι τοὺς τὸν Χριστὸν κατηγόρους (*Clem.* Rom. XVII, 19). И однако же, при всей своей борьбѣ съ иудействомъ ап. Павелъ всегда почтительно говорить о двѣнадцати. *Praedicatio Petri* (у Киприана, *De Rebapt.*) говоритъ, что Петръ и Павелъ не примирились между собою до самой смерти.

1534) См. Рим. IX, 30, *ἐθὼν τὰ μὴ διώκοντα δικαιοσύνην*; Лук. VI, 32, 33; Мат. V, 47; IX, 10, 11.

1535) Пс. CXLIII, 2. Прибавленіе ап. Павла *ἐργαὶς νόμου* есть, очевидно, выводъ. Акцентуація значенія на *обрядовомъ* или *правственномъ* соблюденіи должна зависѣть отъ контекста. Здѣсь имѣется въ виду *главнымъ образомъ* послѣднее (*Neander.* Planting, I, 211).

1536) Невозможно сказать, сколько именно изъ этой аргументаціи было дѣйствительно обращено къ Петру. *μὴ γένοιτο, ᾧ ἡμεῖς*; см. Быт. XLIV, 7, 17.

1537) Латинскіе отцы и Лютеръ понимаютъ это такъ: „закономъ (Христа) я умеръ для закона (Моисея)“. Лучшій комментарій есть Рим. VII, 1—11. Подобныя выраженія приводили къ обвиненію въ антиномизмѣ, который ап. Павелъ устраняетъ въ 1 Кор. IX, 21. Целься насмѣхается надъ апостолами за употребленіе такихъ выраженій, тогда какъ они носили другъ друга (ар. *Orig.* V. 64). Но они никогда не заявляли, что достигли своего *идеала* (Фил. III, 13).

1538) II, 11—21. Касательно этого параграфа см. стр. 299.

1539) III, 1, *ἀνύχτοι*, какъ въ Лук. XXIV, 25. Они не только не были бессмысленными въ духовныхъ предметахъ, но Тимотій называетъ ихъ *ἐξείς καὶ ἀγχοῖν καὶ εὐμαθήτερον τὸν ἄνθρωπον* (Plat. 23).

1540) Если *προφῶρ* имѣть здѣсь тотъ же смыслъ, какъ въ Рим. XV, 4, Еф. III, 3, Гуд. 4, то оно должно означать „пророчествовать“; но это дастъ гораздо болѣе слабый оборотъ всему предложенію.

1541) III, 4, *ἐπιβόητα*, повидимому, здѣсь имѣетъ свой болѣе общій смыслъ, какъ въ Марк. V, 26; если удерживать простой смыслъ „потеряли“, то оно, повидимому, указываетъ на несприятности, причиненныя иудействующими.

1542) Еврейское олицетвореніе. „Что видѣло писаніе?“ есть раввинская формула (*Schöttg.* ad loc.). Мѣста, на которыхъ основано это доказательство, Быт. XV, 6; XII, 3; Втор. XXVIII, 26; XXI, 23; Лев. XVIII, 5; Авв. II, 4. Доказательство это лучше всего будетъ понято изъ 2 Кор. V, 15—21; Рим. VI, 3—23.

1543) *Ἐκ πίστewος* „отъ вѣры“ какъ причины; или *διὰ τῆς πίστewος per fidem*, „посредствомъ вѣры, какъ орудія“; никогда *διὰ πίστewος propter fidem*, „вслѣдствіе вѣры“, какъ заслуги.

1544) Первоначальное значеніе этого мѣста указываетъ на выставленіе тѣла на эшафотѣ послѣ смерти (Втор. XXI, 23; Ис. Нав. X, 26). Ап. Павелъ опускаетъ слова „отъ Бога“ послѣ „проклятѣ“, что потребовало бы долгаго объясненія, потому что мнѣніе, что оно означаетъ „проклятѣіе или оскорбленіе противъ Бога“, есть позднѣйшая глосса. Отсюда Талмудъ говоритъ о Христѣ какъ „повѣшенномъ“ (*מורד*).

1545) III, 15, *κατὰ ἀνθρώπων*, т. е. *ἐξ ἀνθρώπων* *παράδειγμα* (Златоустъ).

1546) См. выше стр. 35—6.

1547) Въ Быт. XV, 13; Дѣян. VII, 6 и проч., періодъ пребыванія въ Египтѣ повидимому считается съ посѣщенія Авраама.

1548) III, 15, *ἐπιδικάζονται*; 19, *προστίθω*; Рим. V, 20, *παρεστήλθαι*. Законъ былъ 1) *τὸν παράδειγμα χάριν*, ограниченъ и условенъ; 2) *ἄχρις οὗ* и пр. временный и предварительный; 3) *διακρίτης* и пр. посредственно (а не непосредственно) данный Богомъ; 4) *ἐν χάρι* мѣст., посредственно (а не

непосредственно) полученный отъ Бога (Еликоутъ, ad loc.). Законъ есть суровый, неизбежный моментъ въ необходимомъ божественномъ воспитаніи человечества.

1549) III, 19, *παράδειγμα χάριν* означаетъ „довести преступленіе до конца“. См. Рим. V, 20; 1 Кор. XV, 56. Фактъ этотъ излагается здѣсь во всей его рѣзкости, но въ Рим. VII, 7, 13, апостолъ мастерскимъ психологическимъ анализомъ показываетъ, какимъ образомъ это именно было въ дѣйствительности, именно потому, что 1) законъ дѣйствительно ведетъ къ возбужденію невинности и 2) онъ придаетъ особенное жало непослушанію, дѣлая насъ вполнѣ сознательными въ его преступности. Законъ такимъ образомъ навлекъ язву грѣха на голову, чтобы она могла быть исцѣленной. Мы не могли бы вполнѣ понимать многозначительныхъ положеній этого посланія, если бы мы не имѣли въ посланіи къ Римлянамъ комментарія на него. Галаты могли понять его только при помощи воспоминаній объ устномъ ученіи ап. Павла.

1550) I. Флавій Antt. XV, 5, § 3; Дѣян. VII, 53; Втор. XXXIII, 2. Въ Талмудѣ часто указывается на этихъ ангеловъ на Синаѣ. Раввинъ Иосифъ Бенъ Леви переводилъ псаломъ LXVIII, 12: „ангелы (מלאכים) силъ подвигали“ сыновъ Израиля ближе къ Синаю, когда они удалялись отъ него“ (*Shabbath*, f. 88, 2).

1551) III, 19, 20. „Посредникъ“ въ еврейскомъ языкѣ означалъ того, кто стоитъ по срединѣ между двумя партіями. Моисей получаетъ законъ прямо отъ Бога (*ἐν χάρι*) и передаетъ его человѣку (Исх. XX, 19). Онъ поэтому не былъ одной изъ договаривающихся сторонъ; но Богъ есть одна изъ этихъ сторонъ, т. е. Онъ не есть посредникъ, а одна изъ сторонъ, принявшихъ завѣтъ (*διαθήκη*). Христосъ есть посредникъ только съ другой точки зрѣнія (1 Тим. II, 5). Мѣсто это не имѣетъ въ виду вѣчнаго единства Бога, которое совѣтъ и не входитъ здѣсь въ сферу вопроса, а только тотъ фактъ, что Онъ самъ по себѣ стоитъ какъ одна изъ договаривающихся сторонъ. „Законъ“ поэтому имѣетъ тоже самое подчиненное положеніе, какъ и „посредникъ“ Моисей. Обѣтованіе стоитъ выше его, какъ „завѣтъ“, въ которомъ Богъ стоитъ одинъ, и въ которомъ нѣтъ посредника. Таково, повидимому, ясное и простое значеніе этого подвергающагося безконечнымъ толкованіямъ мѣста (см. *Baur.* Paul. II, 198). Очевидно, что 1) обѣтованіе имѣетъ гораздо болѣе широкое и возвышенное значеніе, чѣмъ законъ; 2) законъ былъ временнымъ, а обѣтованіе вѣчнымъ; 3) законъ былъ данъ чрезъ ангеловъ, а обѣтованіе прямо Богомъ; но предоставляя эти три пункта различія выводить читателямъ, онъ прибавляетъ четвертый и наиболѣе важный, именно 4) что обѣтованіе было дано безъ всякаго человѣческаго посредства прямо Богомъ человѣку. Касательно источниковъ „трехъ соотъ объясненій“ этого отнюдь не необъяснимаго мѣста см. *Reuss.* Les Epîtres, I, 109.

1552) III, 19, 20. *Holsten.* Inhalt des Briefs an die Galater, p. 30.

1553) III, 24, *παῖδες* *ἐν Χριστῷ*. *Παῖδες* былъ часто самый бесполезный изъ рабовъ. Перикль назначилъ престарѣлаго Зонира въ качествѣ *παῖδος* Алкивиада. Этотъ фактъ однако же едва ли имѣлся въ виду ап. Павломъ. Миръ до пришествія Христа находился въ состояніи воспитанія, и законъ былъ данъ для того, чтобы держать его подъ дисциплиной пока не наступитъ новый періодъ духовной свободы. Болѣе внутреннее отношеніе между закономъ и грѣхомъ и его способностью болѣе приводить грѣхъ къ нашему сознанию, а равнымъ образомъ и уничтожать возможность его устраненія, изъяснено, какъ мы увидимъ, въ посланіи къ Римлянамъ.

1554) Сравни это съ иудейской утренней молитвой, въ которой въ трехъ благословеніяхъ человекъ благодаритъ Бога за то, что Онъ не сотворилъ его язычникомъ, рабомъ или женщиной.

1555) IV, 4, 5. Здѣсь въ подлинникѣ обращаетъ на себя вниманіе хіазмъ, который не поддается новѣйшему языку. Мѣсто это важно также въ томъ смыслѣ, что показываетъ, что люди не стали сынами Божиими съ того самаго момента, когда они были объявлены сынами Божиими. Все равно какъ римскій актъ освобожденія не дѣлалъ сыновей сыновьями, а просто давалъ имъ владѣніе ихъ правами (*Maurice.* Unity, p. 504).

1556) IV, 3, στοιχαις τοῦ κόσμου; 9, ἀσθενεῖ καὶ πτωχεῖ στοιχαις, вещественные элементы религии, символы, обряды (см. Кол. II, 8) и проч., которые придают естественным предметам религиозное значение. Какъ въ иудействѣ, такъ и въ язычествѣ, религія была такъ связана вещественнымъ и чувственными, что повергала самихъ людей въ рабство. Ни въ томъ, ни въ другомъ Богъ не признавался Духомъ (Baur, New Test. Theol., p. 171). Или быть можетъ выраженіе это означаетъ, что обрядность есть только начаточное обученіе, азбука религіи.

1557) Hausrath, p. 268.

1558) Т. е. свободный отъ рабства иудейства.

1559) IV, 14, ἐξελθόντες буквально, „выплонули“. Кренкель (см. приложение X) объясняетъ это въ смыслѣ „плеванія“ для отвращенія энцефали. „Despuimus comitiales morbos“ (Plin. XXVIII, 4, 7; Plant. Capt. III, 4, 18, 21).

1560) IV, 12—16. Объ этомъ мѣстѣ см. приложение X.

1561) IV, 17, τὸν—ζῆλον (зѣлав.), но вѣроятно имѣлось въ виду сослагательное наклоненіе; видный соленизмъ вѣроятно произошелъ вследствие трудности запомнить измѣненія сложнаго глагола; срав. 1 Кор. IV, 6.

1562) Онъ, повидимому, разубѣтъ; „я не порицаю ревностной привязанности, если только она (какъ моя по отношенію къ вамъ) исходить изъ благородныхъ побужденій и если она не оканчивается (какъ ваша по отношенію ко мнѣ) временнымъ отклоненіемъ“.

1563) Т. е. говорить вамъ въ болѣе мягкомъ тонѣ.

1564) Объ этой аллегоріи см. стр. 37.

1565) Это было не просто хорошее приложение разсказа. Это было раскрытіе въ одномъ особомъ случаѣ божественнаго закона, который можно было прослѣдить во всякомъ обстоятельстве божественной исторіи (Maurice, Unity, 508). Какъ это не похоже на аллегорію Филона, въ которой Харранъ означаетъ чувства, Авраамъ—душу, Сарра—божественную мудрость, Исаакъ—человѣческую мудрость, Имаамъ—коварство и проч.

1566) V, 10, ἐγὼ πέποιθα εἰς ὑμᾶς.

1567) V, 7—12, ἀποκρίσται: сн. ἀποκριμένοι. Втор. XXIII, 1. Я придаю единственно возможное значеніе. Рейссъ называетъ это выраженіе „ужасающей фразой, которая возмущаетъ наши чувства“. Это значить судить о писателѣ съ точки зрѣнія времени, отдаленнаго двумя тысячами лѣтъ. Зная методъ и темпераментъ ап. Павла, мы можемъ читать это мѣсто какъ черту рѣзкаго юмора, однако же съ глубокимъ значеніемъ, именно, что обрѣзаніе для язычниковъ было простымъ поруганіемъ (Фил. III, 2, 3), и если оно имѣло какое нибудь значеніе по этой именно внѣшней причинѣ, то тоже самое отчасти можно было бы сказать и о жрецахъ въ Иерусалимѣ.

1568) V, 14, παπλήρωται исполняютъ; Мат. XXII, 40; Рим. XIII, 8 (Лев. XIX, 18).

1569) V, 15—15. Предостереженіе апостола въ значительной степени осуществилось. Юліанъ Ер. 52, говоритъ о ихъ взаимныхъ раздорахъ. Галатія не только сдѣлалась оплотомъ монганизма, но и главнымъ очагомъ офитовъ, манихеевъ, насалоринхитовъ, аскрогитовъ, артотиритовъ, борборитовъ и другихъ подобныхъ еретиковъ; и бл. Иеронимъ говоритъ объ Анкирѣ, какъ Schismatibus dilacerata, dogmatum varietatibus constuprata (Lightfoot, Gal., p. 31).

1570) Грѣхи съ другими противъ Бога.

1571) Грѣхи противъ ближняго.

1572) Личные грѣхи (Бенгель).

1573) Дѣла плоти, потому что они возникаютъ отъ насъ самихъ; плоды духа, потому что они нуждаются въ помощи благодати Божіей (Златоустъ).

1574) VI, 2, ῥατὴ слабости, страданія, даже грѣхи.

1575) VI, 1—5. VI, 5, φορτίον бремя отвѣственности и нравственныхъ послѣдствій.

1576) Феодоръ Моисеутскій, думая, что только заключеніе писма было собственноручнымъ,

считаетъ объемъ писемъ какбы знакомъ того, что ап. Павелъ не стыдится ничего такого, что онъ сказалъ. Но стиль писма повидимому показываетъ, что оно не было диктовано писцу.

1577) Отсюда видно, что въ этихъ двухъ предложеніяхъ онъ изложилъ какъ полемическое (12, 13), такъ и догматическое положенія (14, 16) посланія; и что личная (17), равно какъ и догматическая истина (18), на которой онъ останавливался, встрѣчается въ послѣднихъ двухъ стихахъ. Такимъ образомъ отъ начала до конца посланіе отличается замѣчательнымъ единствомъ.

1578) Отсюда, какбы отмѣченный клеймомъ своего господина, онъ въ своемъ слѣдующемъ посланіи (Рим. I, 1) въ первый разъ называетъ себя „рабомъ Іисуса Христа“. Клейма обыкновенно были наказаніемъ, такъ что въ классическомъ греческомъ слово σκυριάζω означаетъ „негодный“. Основывается ли метафора ап. Павла на томъ, что онъ былъ до своего обращенія бѣглецомъ отъ службы Христовой, или на томъ, что онъ былъ іеродуломъ (Геродотъ, II, 13), вопросъ этотъ рѣшить трудно. Клейма повидимому употреблялись также и въ отношеніи неободранныхъ (Rönsch. Das N. T. Tertullian's, p. 700). Употребленіе слова σκυριάζω въ смыслѣ „пяти ранъ“ имѣло результатъ, аналогичный съ нѣмѣемъ о „неведомыхъ“ языкахъ.

1579) VI, 11—18. Одно необычное послѣднее слово „братія“ прекрасно умягчаетъ общую суровость тона.

1580) См. Sanhedrin, f. 58, c. 2; и Maimonides, Yad Hachezakah (Hilchoth Melachim § 10, Hal. 9).

1581) Ер. Ps. Barnab. IX.

1582) Ер. ad Philad. 6, ὁ τῆς χάριτος περιτομῆς φειδόμενος.

1583) ἀρετῶν καὶ ἠρώων. (Ps. Clem. Hom. III, 9).

ГЛАВА XXXVII. 1584) Jos. Antt. XIV, 4, §§ 1—5; В. J. I, 7; Florus, III, 5; Tac. H. V, 9 Cic. pro Flac. XXVII и проч.

1585) Я описалъ этотъ кварталъ Рима въ своемъ сочиненіи Seekers after God, p. 168.

1586) Mart. Ер. I, 42, 109; VI, 93; X, 3, 5; XII, 57; Јув. XIV, 134, 156, 201; Stat. Silv. I, VI, 72. Они оставались здѣсь въ теченіе многихъ столѣтій, но ихъ можно было найти также и въ другихъ частяхъ Рима. О ихъ нищенствѣ см. Јув. III, 14, 296; VI, 542. О ихъ преданности закону см. Hor. Sat. I, IX, 69; Suet. Aug. 76; Јув. XIV, 96; Pers. V, 184 и проч.

1587) Jos. Antt. XVII, 1.

1588) Tac. Ann. II, 35; Sueton. Tib. 36; Jos. Antt. XVIII, 3, 5.

1589) См. стр. 330 и прил. XV. Такъ какъ слово *Christus* не имѣло бы никакого смысла для классическаго слуха, то оно было переделано по своему (см. мое сочиненіе Families of Speech, p. 119). Chrestianus часто встрѣчается въ надписяхъ; Renan, St. Paul, 101.

1590) И быть можетъ также вследствие начинавшихся смутъ въ Іудеѣ въ началѣ 52 года по Р. Хр.

1591) Tac. Ann. XII, 52, „atrox et irritum“. И невозможно, что это были одни и тотъ же указъ, потому что „математики“ и обманщики, весьма похожіе на нихъ, часто были іудеями.

1592) Діонъ Кассій (LX, 6), намекая вѣроятно на этотъ указъ, говорить, что іудеи были не изгнаны, но имъ только запрещено было собираться въ общественныхъ собраніяхъ. Акція, однако же, какъ вліятельный христіанинъ, естественно могъ быть однимъ изъ тѣхъ, которые принуждены были покинуть городъ.

1593) Hor. Sat. I, ix, 70; Pers. Sat. V, 180; Ovid. A. A. I, 76; Јув. VI, 542; Suet. Aug. 76; Merivale, VI, 257 и проч.

1594) Ap. Aug. De Civ. Dei, VI, 11; см. приложение XIV.

1595) Tac. Ann. XV, 40, 41; Suet. Nero, 38.

1596) Упомянутіе этихъ двухъ именъ являлось доказательствомъ того, что шестнадцатая глава въ дѣйствительности относится къ римскому писму, такъ какъ Аристотель, сынъ Ирода

и другие христианские князья этого времени воспитывались в Риме, рабами и отпущенниками которого они и могли быть. Затѣмъ, хотя Наркиссъ, знаменитый отпущенникъ Клавдія, былъ казнѣнъ въ 54 году по Р. Хр. (*Ист. Анн.* XIII, 1), за четыре года до этого письма, „нѣкоторые изъ семейства Наркисса“ могли быть нѣкоторыми изъ его рабовъ. Съ другой стороны ни одно изъ этихъ именъ не было рѣдкостью, и гораздо менѣе нечуждою въ томъ, что какой нибудь Наркиссъ и Аристоулъ могли быть въ Ефесѣ, чѣмъ чтобы могло быть столько азиатскихъ друзей и іудейскихъ родственниковъ у ап. Павла въ Римѣ. Мураторій (№ 1328) и Орелли (№ 720) даютъ надписи, найденную въ Ферраріи съ доски, воздвигнутой въѣзнымъ Tib. Claud. Narcissus предкамъ (manes) своей жены, *Dicaosine* (праведность). См. интересное замѣчаніе объ этомъ у *Plumptre*, *Bibl. Stud.* p. 428.

1597) *Recognit.* I, 6.

1598) *Евсепій*, Церк. Ист. II, 14, 25 (приводится Діонисій Коринѣскій); *Id. Dem. Ev.* III, 3; *Origen* (ар. *Euseb.* III, 1); *Justin Martyr*, *Apolog.* II, 26; *Tert. De Præscr. Hæc.* 36; с. *Marc.* IV, 5; *Gaius* ар. *Euseb.* II, 25. Истинно и можетъ быть другіе введены были въ заблужденіе надписью Сабинскому божеству *Semo Sancus*, которую они читали *Simoni Sancto*. Ап. Петръ также постанавляется въ связь съ ап. Павломъ, при основаніи христіанства въ Римѣ, Климентомъ, Ер. *ad Cor.* 5; въ сочиненіи *Körner's Petrus*; *Lactant.* *Inst.* Div. IV, 21; *Iren.* *Hæc.* III, 3; *Epiphani.* *Hæc.* I, 27; *Oros.* VII, 7; *Constt. Apost.* VII, 46, и проч.

1599) Дѣянія Апостольскія доказываютъ, что ап. Петръ былъ въ Іерусалимѣ около 49 года по Р. Хр. (Дѣян. XV) и въ Антиохіи около 53 года (Гал. II, 11); а посланіе вмѣстѣ съ Дѣяніями рѣшительно доказываютъ, что онъ не былъ въ Римѣ во время перваго или втораго тюремнаго заключенія ап. Павла. Если подѣ „Вавилономъ“ въ 1 Петр. V, 13 разумѣется именно Вавилонъ, а не Римъ—вопросъ, который не можетъ быть рѣшенъ съ положительностью—тогда ап. Петръ былъ въ Вавилонѣ на десять лѣтъ позже этого (см. *Baur*, *Paul*, II, 291 seqq.). Слангеимъ въ своей знаменитой *Dissertatio* (1679 г.) особенно останавливается на Гал. II, 9, какъ сильномъ доказательствѣ противъ вѣроятности посѣщенія ап. Петромъ Рима. Элендорфъ (римско-католическій писатель) допускаетъ, что его нельзя доказать; но даже Неандеръ и Гизелеръ допускаютъ его вѣроятность.

1600) *Tert. Apolog.* V, 21 (*Just. Mart. Apolog.* I, 35, 48).

1601) Неандеръ, Мейеръ, Де-Ветте, Ольсгаузенъ, Толюккъ, Рейссъ и др. вполне увѣрены, что оно главнымъ образомъ предназначалось для язычниковъ; Бауръ, Швейгеръ, Тиритъ, Давидсонъ, Вордсвортъ и др. думаютъ, что для іудеевъ.

1602) I, 13. „У васъ, какъ и у прочихъ народовъ“ (ср. 5, 6).

1603) X, I, „желаніе моего сердца и молитва къ Богу о нихъ“ (*ὅτι ἐπεὶ αὐτῶν*—N A, B, D, E, F, G—не *ὅτι ἐπεὶ τοὺς Ἰσραήλ*).

1604) Выраженіе *καὶ θὺς ὑπερῆκεν* встрѣчается не менѣе девятнадцати разъ въ этомъ одномъ посланіи, равно какъ почти и на каждой страницѣ Талмуда.

1605) *Jowett*, *Romans*, vol. II, 23.

1606) *Tac.* H. V; *Cic. pro Flacco*, 28 и проч. Мы читаемъ, что іудейскіе рабы были въ самыхъ благородныхъ домахъ. Такъ Акмъ находился въ домѣ Ливіи; самаритянинъ по имени Оаллъ былъ отпущенникомъ Тиверіа; Алитуръ былъ любимымъ шутъ Нерона и проч. Іудейская правдивость этихъ іудеевъ доказывается надписями на ихъ гробницахъ; *Garucci*, *Cimitero*, 4; *Grals.* IV, 125, 506; и указаніями классическихъ писателей. *Suet.* Aug. 57, 76 и проч. Замѣчательно, что между іудейскими прозелитами оказывается много такихъ именъ, какъ Фулвія, Флавія, Валерія и пр., между тѣмъ какъ христіане носили главнымъ образомъ имена Трифена и Трифола, рабскія имена („проскошныя“, „дустой“,) которая никто не сталъ бы носить добровольно. Изъ надписей, сообщенныхъ Грутеромъ и Орелли, видно, что въ Римѣ было много іудейскихъ синагогъ, напр. *Synagoga*

Campi, *Augusti*, *Agrippae*, *Subarrae*, *Oleae*. Эпитеты *φιλάνθρωπος* и *φίλος* на ихъ могилахъ многозначительно указываютъ на ихъ правотворіе и патріотизмъ (см. также *Hor. Sat.* II, II, 288).

1607) 1) Посольство Фивы въ Ефесъ болѣе вѣроятно, чѣмъ посольство въ Римъ, который почти въ три раза былъ дальше; притомъ ап. Павелъ не могъ обратиться къ чуждой для него церкви съ такою настойчивою просьбою касательно ея посѣщенія (Рим. XVI, 1, 2). 2) Странно, что ап. Павелъ привѣтствуетъ двадцать шесть лицъ въ церкви, которой онъ никогда не посѣщалъ, и обращается къ нимъ съ выраженіями особенной дружбы и любви, между тѣмъ какъ онъ привѣтствуетъ только одного или двухъ, или даже совсѣмъ никого въ церквяхъ, которыя онъ самъ основалъ. 3) Акила и Прискилла были въ Ефесѣ, когда писалъ ап. Павелъ 1 Кор. XVI, 19, и опять въ Ефесѣ, когда онъ писалъ 2 Тим. IV, 19. Странно находить ихъ поселившимися въ Римѣ съ ихъ домашнею церковью между этими двумя моментами. („Какъ! неужели вся ефесская церковь собралась въ Римѣ?“ *Renan*, *St. Paul*, LXVIII). 4) Почему здѣсь нѣтъ привѣтствій Еввулу, Пуду, Лину, Клавдію (2 Тим. IV, 21)? 5) Какимъ образомъ оказывается, что „Еленетъ, начатокъ Асій“ (Ахαιа) находится въ Римѣ? Равно какимъ образомъ оказываются тамъ и многіе другіе, которые въ другихъ мѣстахъ (и между ними, какъ естественно въ данномъ случаѣ, Ефесъ выдвигается больше другихъ) трудились и страдали такъ много для ап. Павла и даже раздѣляли его частія тюремнаго заключенія (XVI, 7, 9, 12, 13)? 6) Если въ Римѣ было такъ много лицъ, которыя заслуживаютъ особеннаго названія „возлюбленныхъ“, „испытанныхъ“, „избранныхъ“, „родственниковъ“ и „сотрудниковъ“, то какимъ образомъ оказывается, что они всѣ оставили его въ часъ нужды (2 Тим. IV, 16)? Неужели церковь въ Римѣ была такою ничтожною, что всѣ члены ея разсѣялись изъ Рима? Или неужели они всѣ были преданы смерти во время гоненія 64 года? Какимъ образомъ оказывается, что ни одно изъ этихъ примѣрныхъ двадцати-шести лицъ не находится въ числѣ трехъ единственно оставшихся ему вѣрными іудейскихъ друзей, даже прежде чѣмъ начались нероновскія гоненія, и только немного лѣтъ спустя послѣ того, какъ было отправлено это письмо (Кол. IV, 10, 11)? 7) Затѣмъ, почему суровая и однако же братская укорительность въ XVI, 17—20 такъ не похожа на апологетическую и тонкую деликатность XV, 15—20? 8) Какимъ образомъ Тимофей и другіе друзья ап. Павла, привѣтствія которыхъ были бы вполне естественны въ отношеніи Оссалоники или Ефеса, могли посылать ихъ съ такою щедростью отдаленному и не посѣщаемому ими Риму? 9) Даже если эти соображенія не имѣютъ особенной важности, то почему же они находятъ такое подтвержденіе въ видномъ различныхъ окончаніяхъ посланія въ XV, 33 и XVI, 20, 24, равно какъ и XVI, 27? Почему заключительнаго славословія нѣтъ въ кодексахъ F, G и нѣкоторыхъ манускриптахъ, упоминаемыхъ б. Іеронимомъ? Почему оно полагается послѣ XIV, 23 въ кодексахъ L, въ большинствѣ строчныхъ, въ греческихъ сборникахъ чтеній, у Златоуста, Теодорита и др? Почему оно встрѣчается дважды въ кодексахъ A (XIV, 24 и XVI, 25)? Почему Маркіонъ безъ всякаго очевиднаго догматическаго основанія совсѣмъ опустилъ двѣ послѣднія главы? Почему наконецъ такой неважный манускриптъ, какъ G, несмотря на то, что онъ основывается на очень древнемъ манускриптѣ, опускаетъ слова *ἐν Ρώμῃ* въ I, 7, 15? Ни одинъ добросовѣстный критикъ, намъ кажется, не будетъ утверждать, что эти затрудненія въ общемъ не имѣютъ никакого значенія; и они находятъ совершенно простое и удовлетворительное разрѣшеніе, если, не принимая теоріи Ренана во всѣхъ ея подробностяхъ, мы предположимъ вмѣстѣ съ нимъ (*St. Paul*, LXIII—LXXV), что главная часть посланія была послана не только въ Римъ, но также въ Ефесъ, Оссалонику и былъ можетъ въ нѣкоторыя другія церкви, съ различными заключеніями, которыя всѣ сохранились въ настоящей формѣ посланія. Съ другой стороны можно сослаться на замѣчаніе Страбона (XIV, 5), что многіе Тарсые находились въ Римѣ и что Римъ кишѣлъ азіятами (*Friedländer*, *Sittengesch. Roms.* I, 59); можно указать также на то, что даже во времена Сципиона, и еще болѣе въ послѣдующіяхъ поколѣніяхъ, большинство жителей Рима—*faex populi*—были лишь „насынками Италіи“ (*Sen. ad Helv.*, *Cons.* 6, „Non possum

ferre Quirites Graccam urban“, *Juv. Sat. III, 61, 73* и сл. „St! tacete quibus nec pater nec mater est“ и по преимуществу греки (см. *Lightfoot, Philippians, p. 20*); и что имена Ампаий, Урбанъ, Стахисъ, Апеллесъ, Нерей, Гермесъ, Герма, всё находятся, какъ показываетъ Ляйтфутъ (тамъ же, 172—175 стр.), въ надписяхъ *Columbaria* среди работъ въ домахъ различныхъ императорскихъ семействъ; и не только эти, но изрѣдка даже имена Трифена, Трифоза, Патроба и даже Филологъ и Юлія *вмѣстѣ*, что во всякомъ случаѣ составляетъ любопытное совпаденіе. Но когда мы приедемъ во вниманіе, сколько сотенъ работъ было въ каждомъ большомъ римскомъ домѣ, а также и крайнюю однородность именъ, которыми они большею частью назывались, и то обстоятельство, что Гаруччи нашелъ, что латинскія имена вдвое многочисленнѣе греческихъ на древнемъ иудейскомъ кладбищѣ въ Римѣ, то мы должны будемъ считать еще болѣе вѣроятнымъ, что глава XVI, вся или часть ея, была обращена къ Ефесу въ качествѣ посланія къ Римлянамъ, которое едва ли могло быть не послано столь важной церкви (См. *Schulz, Stud. u. Krit. 1829; Ewald, Sendschr. 428; Reuss, Les Epîtres, II, 19*). Изъ всѣхъ теорій, теорія Баура, что глава эта была подложно сочинена съ цѣлью показать, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ ап. Павелъ находился съ римскою церковью, кажется мнѣ наиболее пустою и произвольною.

¹⁶⁰⁸) *Reuss, Les Epîtres, II, 11.*

¹⁶⁰⁹) Фил. I, 16. Это были, очевидно, иудействующіе (III, 2; Кол. IV, 11).

¹⁶¹⁰) Единственный слѣдъ ихъ находится въ XVI, 17—20; *τὰς διχοστασίας, τὰ σκάνδαλα*. Но это одно изъ доказательствъ противъ того, что глава эта есть часть посланія къ Римлянамъ.

¹⁶¹¹) Смотри гораздо болѣе нѣжный тонъ по отношенію къ иудеямъ, а также и въ отношеніи закона въ Рим. IV, 16; XI, 26 и проч., въ сравненіи съ Гал. IV, 3; 2 Кор. III, 6 и проч. Въ выраженіи „не только—но и“ въ IV, 16 отражается весь примирительный характеръ посланія къ Римлянамъ (*Pfleiderer, II, 45*).

¹⁶¹²) „Мы видимъ“, говоритъ Давидсонъ, „постоянное столкновеніе между его убѣжденіями и чувствами; первыя слишкомъ глубоки, чтобы подлежать измѣненію, послѣднія слишкомъ сильны, чтобы можно было подавить ихъ, слишкомъ пылки, чтобы могли потухнуть отъ противодѣйствія лицъ, которыхъ онъ любилъ“ (*Introd. I, 127*).

¹⁶¹³) О томъ, какъ высоко иудеи цѣнили эти преимущества, можно видѣть изъ такихъ мѣстъ. Таламуда, какъ *Yebhamoth, f. 47, 2*; см. выше стр. 275.

¹⁶¹⁴) Нѣтъ болѣе поразительнаго контраста со всей аргументаціей посланія къ Римлянамъ, чѣмъ слѣдующее весьма замѣчательное мѣсто въ *Abhōda Zara (f. 3, col. 1—3)*, которое можетъ показать, насколько ап. Павелъ стоялъ безконечно выше общаго равниства своего народа. Я предлагаю на судъ всякаго добросовѣстнаго неученаго иудея, что благородіе, правдивіе, возвышеніе и мужественіе—тонъ ли и аргументація посланія къ Римлянамъ, или изувѣрство и кощунственный произволъ слѣдующаго мѣста:

„Во дни Мессіи, Святѣйшій—да будетъ онъ благословенъ!—держа свитокъ закона на своемъ лонѣ, призываетъ изучавшихъ его прійти и получить свою награду. Точнѣе же идолопоклонническіе народы явятся всѣ вмѣстѣ (Ис. XLIII, 9), но имъ сказано будетъ, чтобы они явились отдѣльно съ своими книжниками во главѣ, дабы они могли понять отвѣты, которые будутъ обращены къ нимъ къ каждому особо. Первыми явятся римляне, какъ наиболѣе знатные изъ всѣхъ. „Какое было ваше занятіе?“ будетъ спрошено у нихъ. Они укажутъ на свои бани и форумы, на золото и серебро, которыми они обогатили міръ, прибавляя: „все это мы сдѣлали *для того, чтобы Израиль илиль досугъ для изученія закона*“.—„Глупцы!“ послѣдуетъ имъ суровый отвѣтъ: „развѣ вы не дѣлали всего этого для вашего собственнаго удовольствія, какъ рыночныя площади, такъ и бани, ради вашихъ собственныхъ наслажденій? А что касается золота и серебра, то оно Мое (Агг. II, 8). Кто изъ васъ можетъ возвѣстить этотъ законъ?“ (Ис. XLIII, 9).

„Римляне удаляются удрученные, и затѣмъ приступаютъ персы; они также указываютъ на

то, что они строили мосты, брали города, вели войны для того, чтобы дать Израилю досугъ изучать законъ; но, получивъ тотъ же самый укоръ, какъ и римляне, они также удаляются отверженными“.

„Подобнымъ образомъ и всѣ другіе народы, по порядку своего званія, приступаютъ для того, чтобы выслушать себѣ приговоръ; удивительно, что они не будутъ удержаны неудачей другихъ, но все будутъ продолжать настаивать на своихъ пустыхъ заслугахъ. Но затѣмъ персы будутъ доказывать, что они строили храмъ, между тѣмъ какъ римляне разрушили его; и другіе народы будутъ думать, что такъ какъ они не то, что римляне и персы, никогда не угнетали иудеевъ, то они могутъ ожидать большей свисходительности къ себѣ.

„Народы затѣмъ будутъ говорить: „когда законъ былъ предложенъ намъ и мы отказались отъ него? Въ отвѣтъ имъ будетъ указано на основаніи Втор. XXXIII, 2, Авв. III, 3, что законъ былъ предлагаемъ каждому по очереди, но что они не хотѣли принять его. Затѣмъ они спросятъ: „почему же Ты не поставилъ насъ также у подошвы горы (Исх. XIX, 17), какъ Ты поставилъ Израиль, повѣлявая намъ принять законъ или быть задавленными горою?“ Иегова отвѣтитъ имъ: „выслушаемъ во-первыхъ (Ис. XLIII, 9), содержали ли вы Ноены заповѣди?“ Они отвѣчаютъ: „соблюдали ли иудеи законъ, хотя они и приняли его?“ Богъ отвѣчаетъ: „да, Я самъ свидѣтель того, что они соблюдали его“.—„Но не есть ли Израиль Твой первородный, и справедливо ли допускать свидѣтельство отца?“—„Небо и земля будутъ свидѣтельствовать о нихъ“.—„Но и они не заинтересованные ли свидѣтели?“—(потому что они существуютъ только ради закона, *Nedarim, f. 32, col. 1*).—„Въ такомъ случаѣ вы сами будете свидѣтельствовать“, и вслѣдствіе этого Нимродъ будетъ свидѣтельствовать объ Авраамѣ, Лаванъ объ Іаковѣ, жена Пен-тефрія объ Іосифѣ. Навуходоносоръ о трехъ отрокахъ, Дарій о Даниилѣ, друзья Іова объ Іовѣ. Тогда народы будутъ просить: „дай намъ *теперь* законъ и мы соблюдаемъ его“.—„Глупцы. Хотите ли вы воспользоваться субботой, не приготовившись къ ней? Однако же Я дамъ вамъ одно легкое правило—соблюдайте праздникъ Кушъ“ (*Зах. XIV, 16*). Тогда всѣ они устремятся дѣлать себѣ кущи на кровляхъ своихъ домовъ. Но Святѣйшій, да будетъ благословенъ Онъ, заставитъ солнце сіять съ лѣтнимъ жаромъ и они оставятъ свои кущи съ презрительнымъ восклицаніемъ: „расторгнемъ Его узмы и свергнемъ съ себя Его оковы“ (Ис. II, 3). Тогда Господь, сядиціи на небесахъ, посмѣется имъ. Единственный случай, при которомъ Онъ смѣется надъ своею тварью, хотя Онъ смѣется каждый день съ своими тварями, особенно съ *Левіааномъ*“.

¹⁶¹⁵) *Baur, Paul, I, 349; Olshausen, Romans, Introd. § 5*. Филиппи называетъ это „связнымъ, систематическимъ изложеніемъ специально Павлова благовѣстія“.

¹⁶¹⁶) Во всякомъ случаѣ такое опредѣленіе было бы слишкомъ широко. Если посланіе къ Римлянамъ есть полное изложеніе того, что можетъ быть названо „сотеиологіей“ ап. Павла, то оно совсѣмъ не содержитъ или мало содержитъ въ себѣ эсхатологіи, отличающей его посланіе къ Осессаоникійцамъ, или христологіи посланія къ Колоссянамъ, или экклезіологіи посланія къ Ефессянамъ. Едва ли стоитъ указывать на мнѣніе, что это есть простая защита его апостолства (Мангольдъ), или описаніе и оправданіе Павловой системы миссіонерскихъ трудовъ (Шоттъ). См. *Lange's, Romans, p. 38*, англ. перев.

¹⁶¹⁷) Подобно тому, какъ во дни Христа, мытари и блудницы прежде фарисеевъ допускались въ царство Божіе (Мат. XXI, 31, 32).

¹⁶¹⁸) См. *Baur, Paul, II, 328*.

¹⁶¹⁹) *Maurice, Unity, p. 477*.

¹⁶²⁰) Если бы оказалось нужнымъ выбрать одну фразу, какъ наиболѣе выражающую главную идею посланія, то это было бы: „какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ“ (1 Кор. XV, 22). „Нравственныя наставленія этого посланія естественно возникаютъ изъ его догматическихъ положеній, что 1) всѣ виновны передъ Богомъ; что 2) всѣ нуждаются въ Спасе-“

тебѣ; 3) Христосъ умеръ за всѣхъ; что 4) мы всѣ едино тѣло въ Немъ (*Wordsworth's Epistles*, p. 200).

¹⁶²¹) ὁ δὲ διχῶς ἐκ πίστος (μου) ζῆσται. Мою опущено ап. Павломъ, да и многими манускриптами перевода LXX (см. выше объясненіе къ Гал. III, 11).

¹⁶²²) Это мѣсто содержитъ самую сущность богословія ап. Павла. Прекрасное изложеніе и развитіе его см. *Reuss*, Théol. Chrét. II, 18—107.

¹⁶²³) См. Lange, ad loc.

¹⁶²⁴) Это наиболѣе раннее письмо, какое онъ адресуетъ къ „святимъ“. Его прежнія письма были адресованы „церкви“ или „церквамъ“ (1, 2 Тесс., 1, 2 Кор., Гал.). Это также первое посланіе, въ которомъ онъ называетъ себя „работъ Иисуса Христа“.

¹⁶²⁵) ἀποκριμένους. См. Дѣян. XIII, 2, ἀπορίστας.

¹⁶²⁶) Γραφαὶ ἁγία, не просто святія книги, но подобно ἐργὰ γραμμάτων собственное имя для Св. Писанія, и потому безъ члена.

¹⁶²⁷) Форма выраженія есть, конечно, антитетическая, но мнѣ кажется, что Форбестъ, въ своемъ „Аналитическомъ комментарий“, доводитъ этотъ антитезъ до крайности.

¹⁶²⁸) 1—7. Въ ст. 4, ἀνάστασις νεκρῶν, не „изъ“ (ἐκ), но просто воскресеніе мертвыхъ, разсматриваемое, какъ совершенное Христомъ. Понятія χάρις и εὐαγγέλιον соединены въ Числ. VI, 25, 26.

¹⁶²⁹) „Epistola tota sic methodica est, ut ipsum quoque exordium ad rationem artis compositum sit“ (Calvin).

¹⁶³⁰) Выраженіе ἐν ᾧ τῷ κόσμῳ конечно значить—между убогими и разсѣянными христіанскими обществами, и поэтому не противорѣчить истинѣ. Дѣян. XXVIII, 21, 22.

¹⁶³¹) Выраженія въ этихъ стихахъ (ἐπιποθεῖ 11; συμπαρακληθήσεται 12; προσθέμην, ἐκκολύθη, καρπὸν 13; ἐφελέτης; 14) весьма близко сходны съ выраженіями въ XV (ἐνεκποθέμην 22; ἐπιποθεῖν 23; ἐφελέται 27; συναπαλαστήσεται 32).

¹⁶³²) См. XV, 24. Эразмъ заходитъ слишкомъ далеко, когда называетъ это „sancta adulatio“.

¹⁶³³) οὗ θελοῦ δὲ ὑμᾶς ἀγαγεῖν XI, 25; 1 Тесс. IV, 13; 1 Кор. X, 1; XII, 1; 2 Кор. I, 8.

¹⁶³⁴) Какой поводъ онъ могъ бы имѣть къ тому, чтобы стыдиться взглядовъ болѣе высокочерныхъ и болѣе образованныхъ язычниковъ, можно видѣть изъ замѣчанія Тацита (Ann. XV, 44), который относитъ христіанство къ тѣмъ „cuncta atrocia aut pudenda“, что стекалось отвсюду въ водоворотъ римской жизни.

¹⁶³⁵) Прѣтѣи, первенство по времени, общее и историческое (Іоанн. IV, 22; Дѣян. I, 8).

¹⁶³⁶) Нужно замѣтить, что истинное объясненіе значенія этихъ словъ есть одно дѣло и притомъ такое, которое можно считать приблизительно несомнѣннымъ; а достаточное объясненіе ученія есть совершенно иное дѣло, и всякая попытка сдѣлать его сразу же приводить насъ въ область неразрѣшимой тайны. „Мы не можемъ измѣрять руку Божию перстомъ человѣческимъ“.

¹⁶³⁷) ἀποκαλύπτεται — „прогрессивное откровеніе“, но ἐκκαυχώμεθα означаетъ, что оно было открыто сразу для всѣхъ; или скорѣе πεφανέρωται (III, 21) было открыто *теперь* и *навсегда*.

¹⁶³⁸) Pfeiderer, Paulinism. I, 178.

¹⁶³⁹) Тридентскій соборъ говорить о славѣ и вѣчной жизни Божіей, какъ *конечной*, о Богѣ какъ о *производящей*, о Христѣ, какъ о *заслуженной*, о крещеніи, какъ объ *инструментальной*, о правдѣ Божіей, какъ о *формальной* причинѣ оправданія.

¹⁶⁴⁰) ἔργων ληπτέων. Мы оправдываемся *per*, но не *propter* fidem (Дѣян. X, 1, 2).

¹⁶⁴¹) „Отъ вѣры къ вѣрѣ“, т. е. „что начинается вѣрою и оканчивается вѣрою, чего вѣра есть начало, середина и конецъ“ (Бауръ, который сравниваетъ ἐκ τῆς ζωῆς εἰς ζωὴν 2 Кор. II, 16). Въ первомъ мѣстѣ Glaube переходитъ въ Treue.

¹⁶⁴²) Объ этомъ преимущественномъ употребленіи слова „вѣра“ см. 1) Рим. IV, 18, Евр. XI, 1; 2) Рим. X, 9, Фил. III, 7; 3) Фил. I, 21, Гал. II, 20; 4) 1 Кор. VI, 17 (Бауръ, N. Test.

Theol. 176). Нужно замѣтить, что въ своихъ раннихъ посланіяхъ ап. Павелъ не употребляетъ этого слова совсѣмъ въ новѣйшемъ смыслѣ „вѣроисповѣданнаго ученія“, хотя это значеніе слова начинаеть появляться въ пастырскихъ посланіяхъ. Съ низшей ступени этого слова, въ которой оно просто означаетъ „вѣрованіе“ и „вѣрность“, онъ сразу же поднимается до болѣе высокаго смысла „крѣпкой привязанности къ невидимой силѣ благочестія“ и затѣмъ постепенно восходитъ до того значенія этого слова, въ которомъ оно получаетъ своеобразный у него смыслъ, именно таинственнаго единенія, безусловнаго совоплощенія со Христомъ.

¹⁶⁴³) Рим. XII, 3; 2 Кор. X, 15. Я не имѣю возможности входить здѣсь въ разсмотрѣніе предполагаемаго противорѣчія между ап. Павломъ и ап. Іаковомъ. Достаточно будетъ замѣтить, что они имѣютъ дѣло съ совершенно различными областями религіозной жизни и употребляли каждое изъ этихъ трехъ словъ—„вѣра“, „дѣла“ и „оправданіе“—въ совершенно различныхъ смыслахъ. Подъ „вѣрой“ ап. Іаковъ разумѣетъ вѣншее исповѣданіе іудейской религіозности. Подъ „дѣлами“ ап. Павелъ разумѣетъ левиство и даже нравственныя дѣйствія, разсматривая ихъ съ вѣншей стороны; между тѣмъ какъ Іаковъ разумѣетъ *реальность* нравственной и религіозной жизни. Встрѣчный пунктъ ихъ ясно можно видѣть во 2 Кор. V, 10; Рим. II; 1 Кор. XIII, 1. Въ кажущейся противоположности заключается дѣйствительное совпаденіе. „Царственный законъ Іакова (I, 25; II, 8) есть законъ свободы въ посланіи къ Галатамъ. Оба они ниспровергаютъ іудейское тѣлеславіе и фарисейство. Только задачей ап. Іакова было опровергать фарисея указаніемъ на то, что было истиннымъ служеніемъ Богу, а задачей ап. Павла было показать, какое основаніе было заложено для духовнаго и вселенскаго домостроительства послѣ разрушенія іудейской обрядности“ (Maurice, Unity, 511). См. Wordsworth, Epistles, p. 205; Hooker, Eccl. Pol. I, xi, 6.

¹⁶⁴⁴) См. два очень цѣнныхъ отдѣла о вѣрѣ и оправданіи у Pfeiderer's Paulinism. § 5. По другимъ объясненіямъ выраженіе „отъ вѣры въ вѣру“ означаетъ: 1) „отъ ветхаго завета къ новому“ (Оригенъ, Златоустъ и др.); 2) „Ex fide legis in fidem evangelii“ (Тертуліанъ); 3) „отъ вѣры къ *отверженію*“ (II, 22; Ольсгаузенъ и др.); 4) „отъ слабой вѣры къ сильной“ (см. 2 Кор. III, 18; Ис. LXXXIII, 7, Лютеръ и др.); 5) „сильное выраженіе—mera fides; вѣра proga et ruppis (Бенгель и др.); 6) отъ божественной вѣрности къ человѣческой вѣрѣ (Эвальдъ). См. Евр. XII, 2, „начальникъ и совершитель вѣры“ (Ланге, ad loc.).

¹⁶⁴⁵) κατεχόντων (τὴν ἀλήθειαν) I, 18. Въ 19 τὸ γνωστόν есть „то, что извѣстно“, а не „то, что можетъ быть извѣстно“. Ἀποκαλύπτεται, открывается. „Образы новаго завета приближаются къ настоящему моменту“ (Jowett).

¹⁶⁴⁶) Въ стихѣ 20 εἰς τὸ εἶναι очевидно выражаетъ скорѣе слѣдствіе, чѣмъ дѣло.

¹⁶⁴⁷) ἀόρατα καθόραται, „invisibilia videntur“—превосходный оксиморонъ. „Deum non vides, tamen Deum agnoscis ex ejus operibus“ (Cic. Q. T. I, 29. Cf. De Div. II, 72). Міръ былъ для язычниковъ θεογνωσίας παθευτήριον (Василій Великій). Объ этомъ пунктѣ см. Гумбольдтъ, Cosmos, II, 16.

¹⁶⁴⁸) Какъ въ Египтѣ. Египетскій культъ въ это время распространился по Италиі: — Nos in templa tuam Romana recepimus Isim Semideosque canes“ (Luc. Phars. VIII, 83).

¹⁶⁴⁹) Стихъ 24, παρέδοκα, „non permissivē, nec ἐκβατικῶς sed διχατικῶς, т. е. не какъ простой результатъ, но какъ своего рода сужденіе.“

¹⁶⁵⁰) Это тотъ самый періодъ, о которомъ Сенека говоритъ, что женщины считали свои годы по числу своихъ разведенныхъ мужей (De Benef. III, 15).

¹⁶⁵¹) На все это есть слишкомъ ужасное и слишкомъ полное доказательство и, если возможно, на болѣе худшее, чѣмъ все это, у Dellinger, Heidenthum und Judenthum, 684. Но „ostendi debent scelera dum puniuntur abscondi flagitia“.

¹⁶⁵²) I, 28 καθὼς οὐκ ἐδοκίμασαν... παρέδωκεν... εἰς ἀδοκίμον νοῦν, „такъ какъ они *отреклись*... то Богъ предалъ ихъ *отреченной* душѣ“ (Vaughan, ad loc.). На ап. Павла было произве-

дено глубокое впечатление (24, 26, 28) нравственным законом возмездия, как наказания грѣха грѣхом. Онъ признавался какъ иудеямъ, такъ и язычникамъ (Pirke Abboth, IV, 2; Sen. Ep. 16).

1653) I, 30, ἐπερετὰς καὶ ὁν (2 Макк. VII, 31). Плиний (Н. Н. XV, 5) прилагаетъ тоже самое выражение къ грекамъ. *Никоторыя* изъ этихъ словъ встрѣчаются въ рѣчи о нестроенияхъ *внутри* церкви (2 Тим. III, 2); „такъ мало пользы въ номинальномъ христіанствѣ“ (Vaughan); ἐπερετὰς ἀγαθῶν (Притч. XVI, 20).

1654) I, 32, τὸ δικαίωμα „праведное опредѣленіе“; ποιοῦσιν „единичные акты“; πράσσουσιν „обычное состояніе“. Быть можетъ частица *ὅτι* выпала предъ ἐπιγινώσκεις („они не *вполнѣ* знали“), слѣды которой можно замѣчать въ нѣкоторыхъ чтеніяхъ.

1655) I, 16—32. Апостолъ любитъ эти большіе перечни (συναριθροῦν) добра и зла (2 Кор. XII, 20; Гал. V, 19; Еф. V, 3, 4; 1 Тим. I, 9; 2 Тим. III, 2). Удовлетворительной классификаціи этого порядка нельзя сдѣлать. Бенгель говоритъ: „per membra novem, in affectibus; duo in sermone; tria respectu Dei et sui, et proximi; duo in rebus gerendis; sex respectu necessitudinum“. На стихахъ 27, 28 лучший комментарий можно найти у Аристофана, Ювенала и Сетонія; на стихахъ 29—31—у Овидіа, III, 82—84. См. также современное свѣдѣтельство Сенеки De ira, II, 8. Omnia sceleribus ac vitiis plena sunt... nec furtiva jam scelera sunt“. Особенные ужасы вѣка изображаются у Тацита въ его исторіи I, 2 и въ другихъ мѣстахъ. „Первый вѣкъ нашей эры носитъ на себѣ адскую печать, которая принадлежитъ только ему; одинъ только вѣкъ Борджіа можетъ быть сравненъ съ нимъ по степени преступности“ (Renan, Melanges, p. 167).

1656) I, 27, ἐξεκαθάρσεν.

1657). Это *ἀπό* во II, 1 имѣетъ очевидно значеніе предусмотрительное.

1658) Гал. II, 15, ἡμεῖς φύσει Ἰουδαῖοι, καὶ ὅχι ἐξ ἐθνῶν ἀρχιστοῦλοι. Мейеръ справедливо говоритъ, что такое сужденіе объ язычникахъ (о которыхъ они, конечно, не думали, что оно будетъ поставлено имъ въ самообвиненіе однимъ изъ нихъ) было отличительною особенностью иудеевъ.

1659). Такъ первосвященникъ говорилъ надъ козломъ отпущенія: „твой народъ не исполнилъ заповѣди, согрѣшилъ и преступилъ предъ тобою“ (Yoma, 66 а).

1660) Ст. 4, ἀγνοῶν. Ἀγνῆς „Deus ducit volentem duci... non cogit necessitate“ (Бенгель).

1661) Видимое противорѣчіе основной темѣ посланія, очевидно, зависитъ оттого, что здѣсь онъ говоритъ объ обыкновенной нравственности. „Божественная оцѣнка людей помимо искушенія“ (Толюккъ). Объясненіе Фритче, что „Апостолъ здѣсь выказываетъ непоследовательность и открываетъ *semita* per honestatem рядомъ съ *via regia* оправданія“ очень легкомысленное и поэтому не имѣетъ никакого значенія.

1662) Эта фигура рѣчи называется *хиазмъ* или сосредоточенный параллелизмъ. „Слава и честь, и безсмертіе—драгоценные перлы; вѣчная жизнь—хорошій перлъ, Мато. XIII, 46“ (Ланге).

1663) II, 16 κρίνει: „судить“, а не κρίνει „будетъ судить“.

1664) II, 1—16. Ап. Павелъ прибавляетъ κατὰ τὸ εὐαγγέλιόν μου. Это означаетъ, конечно, Евангеліе свободной благодати, которое онъ проповѣдывалъ язычникамъ (Гал. II, 7). Въ стихѣ 14: „по природѣ законное дѣлають“, ап. Павелъ (который здѣсь говоритъ не съ богословскою точностію, а излагаетъ общіе вѣщныя факты) признаетъ даже въ язычникахъ существованіе болѣе благой природы и лучшихъ побужденій. См. замѣчательное выраженіе Аристотеля ἐλευθέρως οὕτως ἔχει: ὁλον νόμος ὅν ἐκὼν (Eth. Nic. IV, 14, 9). Странно видѣть, что такой великій комментаторъ, какъ Бенгель, связываетъ φύσει съ τὰ μὴ νόμον ἔχοντα и истолковываетъ его въ такомъ смыслѣ: „дѣлають тоже самое, что дѣлаетъ законъ“, т. е. повелѣніе, осужденіе, наказаніе и проч.! Для ап. Павла было поистинѣ изумительнымъ слышать мнѣніе, что онъ подрывалъ значеніе добрыхъ дѣлъ. Выраженіе это встрѣчается не менѣе четырнадцать разъ въ его трехъ послѣднихъ короткихъ посланіяхъ.

1665) II, 17, αἶ δὲ, а не ἡ δὲ есть безспорно истинное чтеніе, S, A, B, D, K, „oratio vehemens et splendida (Est.).

1666) ἐπονομαζῶ.

1667) Стихъ 17, ἀπαπαύω.

1668) Стихъ 18, δοκιμάζεις τὰ διαφέροντα. См. Евр. V, 14. Διαστολή ἁγίων καὶ βαβίλων (Филонъ) было главною обязанности раввина; а фарисей былъ сепаратистъ, влѣдствіе своей тщательности въ отношеніи къ этимъ постановленіямъ.

1669) Стихъ 21, о нравственности фарисеевъ и раввиновъ, см. Суренгузіи, мишна II, 290—293, и см. Іак. IV, 4—13; V, 1—6; Мато. XIX, 8; XXIII, 13—25. Іосифъ Флавій называетъ свое собственное поколѣніе нечестивѣйшимъ изъ всѣхъ, и говоритъ, что землетрясеніе и молнія должны были бы уничтожить его, если бы не пришли Римляне. В. Jud. IV, 3, § 3; V, 9, § 4; 10, § 5; 13, § 6. Укажемъ хотя на одинъ фактъ, что „испытаніе ревности“ было отмѣнено, влѣдствіе крайней распространенности прелюбодѣнія, раввиномъ Іохананомъ Бенъ Заккаемъ, ссылающимся на Осію IV, 14 (Sotah, f. 47, 1).

1670) Стихъ 22, ὁ βελοσώμενος. Они называли идоловъ *βελύμα*, βελούμα 4 Царс. XXIII, 13 и проч. LXX *ισορροῦντες*. Ссылка эта неясна, но см. Втор. VII, 25; Дѣян. XIX, 36, 37; I. Флавій Antt. IV, 8, § 10; XX, 9, § 2. Или не относится ли это къ хищническому ихъ отношенію къ своему собственному храму? (Малах. I, 8; III, 8—10). σπῆλαιον ληστῶν (Мато. XXI, 13). I. Флавій приводитъ греческаго историка Лизимаха, что влѣдствіе ограбленія иудеями храма, городъ этотъ назывался Hierosyla (святотатецъ), и впоследствии названіе это измѣнено было въ Hierosolyma; разсказъ этотъ онъ съ негодованіемъ отвергаетъ (с. Ар. I, 34).

1671) II, 17—24. Въ стихѣ 24 слова Ис. LII, 5 интересно связываются со смысломъ Іезек. XXXVI, 21—23.

1672) Необходимость доказательства этого можетъ быть видна изъ того обстоятельства, что нѣкоторые изъ талмудистовъ считали совершенство возможнымъ. Они отрицали грѣховность *замыслъ* мыслей, истолковывая Ис. LXV, 18 въ смыслѣ: „если я помышляю нечестіе въ сердцѣ моемъ, Господь не замѣчаетъ этого“ (Kiddushin, f. 40, 1). Раввинъ Іерошуа бенъ Леви, допущенный въ рай безсмертія, былъ спрошенъ, являлась ли радуга въ его дни, и отвѣтилъ: „да“. „Въ такомъ случаѣ“, сказали ему, „ты не сынъ Левія, потому что радуга никогда не является, когда въ мірѣ есть одинъ совершенно праведный человѣкъ“. „Въ дѣйствительности же никакая радуга не являлась, но онъ сказалъ такъ по своей скромности!“ (Kiddushin, f. 40, 1).

1673) Это съ неохотою допускается даже въ Талмудѣ Раввинъ вообще училъ, что „ли одинъ обрѣзанный человѣкъ не можетъ видѣть ада“ (Midr. Tillin, 7, 2); но они устраняли нравственную опасность такого ученія заявленіемъ, что когда преступный иудей приходитъ въ геенну, то ангелъ передѣлываетъ его *перитотъ* въ *акробатіа* (Shem. Rabbah, 138, 13; см. I. Макк. I, 15; I. Флавій, Antt. XXII, 6, § 2), и они входили въ подробности, чтобы показать, какъ это совершалось.

1674) Фордъ приводитъ подражаніе изъ Тиллотсона — если мы поступаемъ противно Евангелію, *наше крещеніе не есть крещеніе и наше христіанство есть язычество*“ (проповѣдь на 2 Тим. II, 19).

1675) III, 2. „In Vetere Testamento Novum latet, in Novo Testamento Vetus patet“.

1676) Десять разъ въ этомъ посланіи (III, 4, 6, 31; VI, 2, 15; VII, 13, 18; IX, 14; XI, 1, 11) и въ 1 Кор. VI, 15; Гал. II, 17; III, 21.

1677) III, 5. Существуетъ интересное чтеніе κατὰ ἀνθρώπων. „Не будетъ ли Богъ несправедливъ, когда изъявляетъ гнѣвъ на людей?“ (Манускрипты, упоминаемые Руфинъ). Τί ἐροῦμεν; см. VI, 1; VII, 7; IX, 14, 30. Оно не встрѣчается нигдѣ въ другихъ посланіяхъ.

1678) Подобные же примѣры запутаннаго возраженія и отвѣта Толюккъ указываетъ въ VII и въ Гал. III. См. также приложеніе III „Объ антиноміяхъ ап. Павла“.

1679) III, 9, *προσέρχεται* собственно означает „употребляется как предлог“; чтение *προσέρχεται* *περισσότερον* кодексов D, G и сирского перевода есть глосса с целью придать значение „имеем ли мы преимущество?“ что гораздо лучше соответствует смыслу. Ветштейн передает его: „превосходить ли нас (иудеи) язычники?“ Но так как греческие отцы понимали его в смысле „имеем ли мы преимущество?“ (*Vulg. præcellimus*), то этот смысл можно допустить и здесь.

1680) III, 19. *λέγει* говорит, *λάλει* произносить: см. Иоан. VIII, 43, *λαλῶν, λέγον*.

1681) *Ἐργα νόμου*, дѣла закона вообще, обрядового ли, Моисеева или общего, и дѣла какъ *предписываемыя*, такъ и *производимыя* имъ.

1682) III, 9—20. *Ἐπιγνώσις ἀμαρτίας*.

1683) Стихъ 25. Этотъ стихъ есть „акрополь христіанской вѣры“ (Ольсгаузенъ). *Ἀπολύτρωσις* (но не у LXX) обозначаетъ—1) рабство; 2) выкупъ; 3) освобождение (Ефес. I, 7). Многие наиболее знаменитые богословы (Оригенъ, Θεοδωρίτης, Θεοφιλάκης, Αυγουστίνος, Ερασμύς, Γροцій, Καλвіν, Ольсгаузенъ, Толюккъ и др.) понимаютъ *ἀπολύτρωσις* в смыслъ „сдѣлание милосердія“, такъ какъ *ἀναστήριον* неизмѣнно употребляется у LXX для обозначенія *каппоретъ* (Исх. XXV, по мѣстамъ), и никогда не употребляется у нихъ в смыслъ искупительной жертвы (Ѣзмъ). Филоны (Vit. Mos. p. 668; cf. I. Флава. Antt. III, 6, § 5) называетъ также сдѣлание милосердія символомъ, *ἡνὸς ἀντίστοιχον*. Поэтому трудно предполагать, чтобы Еллинисты, читатели этого посланія, могли придать этому выраженію какое либо другое значеніе. Каппоретъ между шехина и скрижалями закона, окропляемый умилюстивительною жертвою первосвященникомъ, стоящимъ позади поднимаягося куренія, есть поразительный образъ Христа (Евр. IX, 25). Я совершенно согласенъ съ Ланге, который называетъ замѣчаніе Фритче „*Valcat absurda explicatio*“—„невѣжественно презрительнымъ“; но такъ какъ Христосъ нигдѣ еще въ Новомъ Заветѣ не сравнивается съ умилюстивительнымъ жертвенникомъ и сравненіе здѣсь ограничивается только единственнымъ словомъ, то я не могу не думать, что слово это, хотя и двусмысленное, должно имѣть здѣсь значеніе, сходное съ *ἀπολύτρωσις*, переводимымъ также „умилюстивленіе“ въ I Иоан. IV, 10.

1684) III, 22—27. Бенгелъ обращаетъ вниманіе на величіе этого евангельскаго парадокса. Въ законѣ Богъ справедливъ и осуждаетъ; въ Евангеліи Онъ справедливъ и прощаетъ. Правда Божія какъ обвиняетъ, такъ и прощаетъ. О Божьемъ „прощеніи“ прежнихъ грѣховъ (III, 25, *ἀφ᾽ ἡμῶν*, *praetermissio*, а не *ἄφεσις* *remissio*) срав. Пе. LXXX, 12; Дѣян. XIV, 16; XVII, 30; Лев. XVI, 10. Толюккъ называетъ искупленіе „божественной теодиціей для минувшей исторіи міра“.

1685) „Здѣсь основаніе для Ансельмовой теоріи удовлетворенія, но не для ея грубо антропологическаго исполненія“. Шаффтъ, ad. Ios. (Ланге, Romans, 2—7). И это единственно *выпущенная* сторона смерти Христовой, просто юридическій взглядъ, относящійся къ сферѣ закона. Внутренній мотивъ—элементъ, въ которомъ открывается существо Бога,—есть благодать Божія (Рим. III, 24).

1686) Стихъ 28—„поэтому (но γὰρ 8, A) мы признаемъ, что человекъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣлъ закона“. Въ этомъ стихѣ Лютеръ вставилъ слово „только“—*Vox Sola tot clamoribus lapidata* (Erasm.). Отсюда названіе Солифидіантъ. Добавленіе это уже существовало въ Нюрнбергской Библии (1483 г.) и Генуэзской (1476). Но оно становилось въ видимое противорѣчіе съ *οὐκ ἐκ πίστεως μόνον* (Іак. II, 24).

1687) III, 27—30, *περιτομήν ἐκ πίστεως... ἀκροβυστίαν διὰ τῆς πίστεως*, повидимому, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую разницу во взглядѣ апостола, хотя Мейеръ и отрицаетъ его здѣсь. Бенгелъ, вѣроятно правъ, говоря, что выраженіе это означаетъ первенство иудеевъ и принятіе Евангелія отъ нихъ язычниками; первенство иудеевъ какъ произведеніе вѣры, — язычниковъ *черезъ* вѣру (см. Гал. III, 22—26).

1688) IV, 1. Если мы не опустимъ *ἐθελήματα* (съ кодексомъ B), то *κατὰ σάρκα* должно согла-

соваться съ *ἐθελήματα*. Оно означаетъ: „что пріобрѣтъ онъ чисто человѣческими усиліями?“ т. е. обрѣзаніемъ (Бауръ); *propriis viribus* (Гроцій); *Nach rein menschlicher Weise* (De-Bette). Ап. Павелъ здѣсь нападаетъ на положеніе, которое впоследствии сдѣлалось ослѣдомъ талмудистовъ.

1689) Ап. Павелъ здѣсь слѣдуетъ переводу LXX, который измѣняетъ дѣйствительную форму въ страдательную. Вѣра Авраама была обычнымъ предметомъ обсужденія въ иудейскихъ школахъ. См. нѣкоторыя замѣчательныя параллели въ I Макк. II, 52; Филонову еллогію вѣры, De Abrahamo, II, 39; De Mut. Nom. I, 586. Мало того, такъ какъ въ Быт. XXVI, 5, употреблено множественное число „законы“, то Рабъ думалъ, что онъ содержалъ какъ писанный, такъ и устный законъ (Yoma, f. 28, 2).

1690) Kiddushin, f. 82, 1.

1691) IV, 11. Слово „печать“ (ΓΥΝ) встрѣчается въ формулѣ обрѣзанія (Berachoth, XIII, 1). Обрѣзанное дитя называлось „женихомъ крови“ и проч. Богу (Исх. IV, 26).

1692) Въ IV, 19 съ должно бы быть опущено (8, A, B, C, Сирскій и др.). Онъ замѣчалъ и принималъ во вниманіе слабость своего собственнаго тѣла и однако же имѣлъ вѣру.

1693) IV, 1—25. Въ стихѣ 25 первое *διὰ* есть ретроспективное, второе, проспективное; *διὰ τὰ παραπτώματα* „вслѣдствіе нашихъ преступленій“; *διὰ τὴν δικαιοσύνην* „обезпечить намъ оправданіе“.

1694) V, 1, *ἔχωμεν* есть чтеніе, которое больше находить подтвержденій (8, A, B, C, D, K, L); но *ἔχωμεν* даетъ гораздо лучшій смыслъ, и другое чтеніе быть можетъ обязано своимъ происхожденіемъ пѣтистической тенденціи придать этимъ выраженіямъ увѣщательный смыслъ.

1695) V, 7. Златоустъ, Θεοδωρίτης, Ερασμύς, Мейеръ и др. не дѣлаютъ различія между *ἀγαθός* „добрый“ и *δικαιός* „справедливый“, какъ будто бы ап. Павелъ разумѣлъ: „едва ли кто умереть за добраго человека, хотя бы и могъ кто-нибудь“. Вѣроятнѣе, однако же, что ап. Павелъ разумѣлъ: „никто не умереть за человека обидной честности, а только за истинно добраго человека кто-нибудь рѣшился бы умереть“ (см. Cig. De Off. III, 15).

1696) V, 11, *ἀλλὰ καὶ κληρονομήσω*.

1697) I Кор. XV, 45. Различіе между Адамомъ и Евой (I Тим. II, 14) не имѣло большаго значенія для судьбы человѣческаго бытія—мужскаго или женскаго.

1698) Цѣлыя страницы и почти томы полемики были написаны на 12 стихѣ: *ἐφ' ᾧ πάντες ἡμαρτάνομεν*. Многие придаютъ ф значеніе мужскаго рода и, относя его къ Адаму, переводятъ „въ которомъ“ (Августина), или „посредствомъ котораго“ (Гроцій), или „вслѣдствіе котораго“ (Златоустъ). Однако же не можетъ быть сомнѣнія, что ф есть средняго рода (см. 2 Кор. V, 4; Фил. III, 12; IV, 10), и что оно не означаетъ ни „въ которой (смерти)“, какъ *конечной причинѣ*, ни что-нибудь въ этомъ родѣ, но „такъ какъ“. Такъ какъ однако же аргументъ ап. Павла повидимому просто состоитъ въ томъ, что грѣхъ былъ всеобщимъ и что всеобщность смерти есть *доказательство этого*, то повидимому можно понимать въ общемъ смыслѣ: „согласно съ тѣмъ, что“. Здѣсь оно употребляется въ гораздо болѣе широкой и неопредѣленной причинной связи, чѣмъ обыкновенно. Грѣхъ и смерть всеобщі и неразрывно связаны между собой; можно бы предполагать, что гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ и грѣха; правда, что грѣхъ не *исполнитъ* *вмѣняется*, гдѣ нѣтъ закона; но смерть вошла въ міръ чрезъ грѣхъ, и такимъ образомъ „смерть вошла во всѣхъ людей—что показывается, что (какъ это предполагается само собой) всѣ согрѣшили“. Таковъ взглядъ Баура, и если онъ состоятеленъ, то разсужденія касательно „первороднаго грѣха“, „врожденной беззаконности“ и проч. не имѣютъ отношенія къ этому мѣсту (Бауръ, Paul, II, 183—186). Будемъ во всякомъ случаѣ подражать ап. Павлу, останавливаясь болѣе на положительной, чѣмъ на отрицательной сторонѣ, болѣе на Христѣ, чѣмъ на Адамѣ, болѣе на преизбыточествѣ благодати, чѣмъ на происхожденіи грѣха.

1699) Такъ понимаютъ большинство комментаторовъ. „Sine lege potest esse quis iniquus sed non pravificator“ (Бл. Августинъ).

1700) Стих 14, „даже надъ тѣми, кто не согрѣшили, по подобію преступленія Адама“, — т. е. которые не нарушили прямой положительной заповѣди, — *ἀμαρτίαι* которыхъ не было опредѣленнымъ *παράνομος*. Шаффъ (Lange, Romans, стр. 191, англ. перев.) даетъ хорошій очеркъ теорій касательно первороднаго грѣха и вѣщенія. 1) Пантеистическая и фаталистическая теорія дѣлаетъ грѣхъ присущимъ нашей конечной природѣ, необходимымъ результатомъ матеріи. 2) Пелагианская разсматриваетъ грѣхъ Адама какъ просто *худой примѣръ*. 3) Преадамитская объясняетъ грѣхъ предсуществованіемъ, переселеніемъ душъ и проч. 4) Августиніанская — что всѣ люди согрѣшили въ Адамѣ (см. Евр. VII, 9, 10). „*Persona corrumpit naturam, natura corrumpit personam*“ — т. е. грѣхъ Адама былъ причиною грѣховной природы и грѣховная природа производитъ личный грѣхъ. Она имѣетъ много подраздѣленій, подобно тому, какъ вѣнность грѣха Адамова разсматриваема была, какъ а) непосредственная; б) посредственная и в) предшествующая. 5) Федеральная — соподчиненное представительство человечества въ Адамѣ въ силу односторонняго (*προσώπου*) договора Бога съ человекомъ (*foedus operum* или *naturae*), съ подраздѣленіями а) августинио-федеральная; б) чисто федеральная или юридическая. 6) Теорія кальвинистовъ Новой Англіи, которые отрицаютъ вѣнность и дѣлаютъ различіе между естественною способностью и нравственною неспособностью сохранять невинность. 7) Арминіанская, которая считаетъ наслѣдственную испорченность не грѣхомъ или преступленіемъ, а слабостью, блаженнымъ состояніемъ и проч. Я спрашиваю, имѣлъ ли ап. Павелъ намѣреніе входить во всѣ эти вопросы? Сдѣйствовали ли они хотя сколько нибудь дѣлу христіанства и усиливали ли жизнность религіи? Могутъ ли они имѣть первостепенную важность, такъ какъ слѣды ихъ въ св. Писаніи такъ незначительны, что едва два богослова могутъ быть вполне согласны касательно ихъ? Способны ли они производить смиреніе, человеколюбіе и назиданіе, или вѣрѣе не составляютъ ли они пустыхъ словоперенъ?

1701) Контрастъ между множественностью и единствомъ; выраженіе „многіе“ не заключаетъ въ себѣ исключенія (напр. Енохъ или Ілія). Оно просто зависитъ отъ того обстоятельства, что „несъ“ иногда могутъ быть „немногіе“ (Августинъ). „*Adamus et Christus*“, говоритъ Бенгель, „*secundum rationes contrarias, convenient in positivo, differunt in comparativo*“. См. Бентли, проповѣдь о папетѣ. Опп. III, 244. Обращаетъ на себя вниманіе параллель между *κρίμα*, *κατάκριμα*, *ἁμαρτία*, *δικαιώσις* стиха 16 и *παράνομος*, *κατάκριμα*, *δικαιώσις* и *δικαιοσύνη* стиха 18. Различіе между этими словами повидимому слѣдующее: 1) *δικαιώσις* actio justificativa, Rechtsfertigungsthat, актъ, который объявляетъ насъ праведными; 2) *δικαιοσύνη*, процессъ оправданія; 3) *δικαιοσύνη*, состояніе оправданности. Роте ссылается на *Arist. Eth. Nic. V, 10*, гдѣ *δικαιοσύνη* опредѣляется какъ *παύσις* *τοῦ ἀδικήματος*. Въ стихѣ 16, кодексомъ D, E, F, G читаютъ *ἀμαρτίας*.

1702) Пелагій въ своемъ толкованіи на посланіе къ Римлянамъ (сохраненномъ въ трудахъ Августина) передаетъ *ἡ ἀνὸς ἀνθρώπου* „*per unum hominem, Evam*“. Взгляды Филона касательно паденія можно видѣть въ его *Legg. Alleg. II, 73—106*. Онъ считаетъ чреутоудіе и похоть источникомъ всякаго зла и думаетъ, что всѣ люди рождены въ грѣхѣ, т. е. подъ господствомъ чувственности (De Mundi Opif. 37; Vit. Mos. III, 675) „Богъ не сотворилъ смерти... нечестивые привлекли ее и руками и словами, сочили ее другомъ, и исчахли, и заключили союзъ съ нею, ибо они достойны быть ея жребіемъ“ (Премудр. I, 13—16).

1703) Какимъ способомъ они дѣлались грѣшниками, ап. Павелъ нигдѣ не опредѣляетъ.

1704) V, 20, *παρεστῆθεν* по Вульгатѣ *subintravit*, см. *προσέβη*, Гал. III, 19. Въ Гал. II, 4 подложное мнѣніе о *παρά* извлекается изъ контекста. Понятіе между „*medio tempore subingressa est*“ совсѣмъ не заключается въ этомъ словѣ.

1705) V, 20, 21. Старые протестантскіе богословы такимъ образомъ излагали употребленіе закона: 1. *Usus primus*, гражданское или политическое — для управленія государствами. 2. *Usus secundus*, увѣщательное или педагогическое — для убѣжденія насъ въ грѣхѣ. 3. *Usus tertius*, дидактическое или образовательное — для руководства въ жизни вѣрующаго (Formula Concordiae,

р. 594). Шаффъ, въ своихъ полезныхъ прибавленіяхъ къ переводу сочиненія Ланге *Romans*, указываетъ, что эти три пункта соответствуютъ нѣмецкому изреченію, что законъ есть *Zügel* (1, ограниченіе); *Spiegel* (2, зеркало) и *Riegel* (3, жезлъ). Законъ умножаетъ преступленіе, потому что 1) „*Nititur in vitium semper, cupimus que negata*“. „*Ignoti nulla cupido*“. 2) „Потому что желаніи, подавленные насильственно совѣтъ, усиливаются внутренно“ (Оома Аквинатъ). 3) „Потому что насильственные правила возжигаютъ гнѣвъ противъ Бога“ (Лютеръ). Но дѣйствительная цѣль закона была не умноженіе преступленій *per se*, но чтобы ускореніе грѣха могло повести къ его уничтоженію; чтобы достиженіе грѣхомъ своей вершины могло послужить поводомъ къ появленію благодати. „*Non crudeliter hoc fecit Deus sed ratione medicinae*—*auebatur morbus, crescit malitia, quaeritur medicus, et totum sanatur*“ (Aug. in Ps. CII).

1706) VI, 5, *ἐμπροσθεν*. „*complantati*“ *Vulg.* есть слишкомъ сильное выраженіе. Оно происходитъ отъ *φύω*, а не отъ *ψάω*.

1707) VI, 13, *παραστήσετε ... παραστήσετε*. Въ Новомъ Заветѣ *ἐπὶ* всегда означаетъ „оружіе“. См. Рим. XIII, 12; 2 Кор. VI, 7.

1708) VI, 16. Выраженіе „рабъ для послушанія“ странное. Быть можетъ онъ употребилъ *ὑπακούω* вмѣсто *δικαιοσύνη*, вслѣдствіе заключающагося въ этомъ словѣ двойкаго смысла „правда“ и „оправданіе“.

1709) VI, 18, *ἰσοκύβητος*. „*Deo servire vera libertas est*“ (Aug.). „Служеніе которому есть совершенная свобода“.

1710) Воля въ намордникѣ, 1 Кор. IX, 9; Саппа и Агарь, Гал. IV, 24; исчезновеніе свѣта на лицѣ Моисея, 2 Кор. III, 7—13; „послѣдующій камень“, 1 Кор. X, 4; облако и море 1 Кор. X, 1, 2.

1711) *Pfeiderer*, Paulinismus, I, 73, англ. пер.

1712) *ἀρχή* есть не только вѣщественное тѣло, но и дѣятельное внутреннее начало, которое оказываетъ вліяніе не только на *φύσιν* или естественную жизнь, но даже и на *νόος* т. е. человѣческій духъ (*Baur*, Paul. II, 140).

1713) Гал. V, 17; *Pfeiderer*, I, 54. Этому писателю, равно какъ и Бауру и Рейссу, между многими другими, я обязанъ очень много при изложеніи богословія ап. Павла. Я долженъ ограничиться выраженіемъ этой общей признательности, потому что они пишутъ съ точки зрѣнія совершенно отличной отъ моей и потому, что я нахожу на страницахъ всѣхъ этихъ трехъ писателей очень много такого, съ чѣмъ я совершенно не соглашаюсь.

1714) Гал. III, 19, *ἡ ἀρχὴ παραβάσεων* *προσέβη*.

1715) *Usus primus* или *politicus* закона см. прим. 1705. Это обозначеніе противъ дѣйствій, которыя, съ провозглашеніемъ закона, становятся преступленіями.

1716) „Быть нагимъ и не стыдиться“ есть прежде всего преимущество невинности; но вслѣдствіи оно становится завершеніемъ преступности.

1717) *Pfeiderer*, I, 81. „Кто отдаляетъ себя отъ словъ закона, тотъ пожирается огнемъ“ (*habba Bathra*, f. 79, 1).

1718) „Сила грѣха есть законъ“ (1 Кор. XV, 56), потому что онъ есть то, чѣмъ существенно становится чрезъ сознаніе его человекомъ. Онъ усиливаетъ понятіе грѣха и ослабляетъ сознаніе силы воли для противоудствія ему. Прекрасно говоритъ объ этомъ Мильтонъ:

„Законъ былъ данъ имъ для того, чтобы обнаруживать ихъ естественную грѣховность возбужденіемъ грѣха противъ закона; такъ чтобы, когда они увидятъ, что законъ можетъ лишь обнаруживать грѣхъ, а не устранивъ его—своими призрачными дѣлами искупленія кровію воловъ и козловъ, они могли придти къ убѣжденію, что для искупленія человека требуется болѣе драгоценная кровь“. *Потер. Рай*, XII, 285.

Послѣднія три строки заключаютъ въ себѣ аргументъ, изложенный въ посланіяхъ къ Евреямъ.

1719) 2 Кор. II, 17, *ὅς κηρύσσοντας*; 2 Кор. IV, 2, *μηδὲ δολοῦντας*.
 1720) Иер. XXXI, 29. Иезек. XVIII, 2; XX, 25: „И попустили имъ учреждение не доброе и постановления, отъ которыхъ они не могли быть живы“. Ос. VI, 6: „Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и боговъденія болѣе нежели всесоженій“. Иер. VII, 22, 23: „Ибо отцамъ вашимъ Я не говорилъ и не давалъ имъ заповѣди о всесоженіи жертвы, но такую заповѣдь далъ имъ: слушайте гласа Моего“.

1721) Дѣян. XXI, 21. „А о тебѣ слышали они, что ты всѣхъ иудеевъ, живущихъ между язычниками, учини отступленію отъ Моисея“.

1722) Гал. I, 1, *ὅς ἀπ' ἀνθρώπων, οὐδὲ δι' ἀνθρώπου*.

1723) VII, 1—6. Самая шероховатость построения рѣчи *ἀποθανόντες ἐν φ* („умирая для того, чѣмъ были связаны“) повидимому дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ это значеніе, чѣмъ то *θανάτου* кодекс. D, E, F, G.

1724) Эта мысль находитъ много интересныхъ параллелей у классическихъ писателей *Liv.* XXXIV 4: „Parricide cum lege coeperunt, et illis facinus posna monstravit“. *Sen.* De Clem. I, 23: „Gens humana ruit per vetitum et nefas“. *Hor.* Carm. I, 3, 26: „Quod licet ingratum est, quod non licet acris urit“. *Ov.* Amor. II, 19 и проч.: „законъ вызываетъ размышленіе о запрещенномъ предметѣ, любопытство, сомнѣніе, недоброіе, воображеніе, похоть, воспримчивость къ зародышу искушенія и соблазна и наконецъ возмущеніе—*παράστασις* (Ланге).“

1725) „Подъ *ἱερεὺς-ἡ-ρα*“ (злое побужденіе), говоритъ раввинъ Симеонъ Бенъ Лакишъ „разумѣется ангелъ смерти“ (Толчокъ).

1726) Святой по своему происхожденію, справедливый по своимъ требованіямъ, добрый по своей цѣли.

1727) VII, 14. *σαρκινός* „плотинной“, *carneus*; *σαρκικός* „плотскій“, *carnalis*. Первое здѣсь есть истинное чтеніе и означаетъ (конечно) меньшую подверженность плоти, чѣмъ послѣднее.

1728) Наилболѣе часто приводится классическая параллель изъ Овидія: „Video meliora proboque, deteriora sequor“ (*Met.* VII, 19). Но ближе всего подходитъ *ὁ μὲν θέλει (ὁ ἀμαρτάνων) ὁ ποιῇ, καὶ ὁ μὴ θέλει ποιῇ. Δὸ γὰρ σαρξὸς ἔχω ψυχῆς* (*Хен.* Сур. VI, 1). Златоустъ называетъ стихъ 21 *ἀσκήσις ἐντολῶν*, но неясность происходить только вслѣдствіе перестановки *ἐν*, что влечетъ за собою повтореніе *ἐν*. Онъ означаетъ: „Я нахожу поэтому законъ, что злое постоянно находится у меня подъ рукою, когда моя воля должна дѣлать доброе“.

1729) Сл. 1 Петр. III, 4. *ὁ καρπὸς τῆς καρδίας ἀνθρώπου*. Нѣмецкіе писатели говорятъ о „псевдо-плазматическомъ человѣкѣ“ съ его *νὸς τῆς σαρκὸς*, *φρόνησις τῆς σαρκὸς*, *σῶμα τῆς ἀμαρτίας*, *νόμος ἐν τοῖς μέλεσι*, *σάρξ* и пр. *Schulh.* Pathologie und Therapie des Pseudo-plasmen, 18. „Эта двойная личность есть низверженіе *ἐγὼ* въ пользу *ἀμαρτίας*“.

1730) Въмѣсто „благодарю Бога“ (*εὐχαριστῶ*) болѣе легкое и поэтому менѣе вѣроятное чтеніе кодекс. D, E, F, G есть *ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ*, или *χάρις τοῦ Θεοῦ* кодекса B и синайскаго перевода.

1731) VII, 25, *αὐτὸς ἐγὼ* Я признаю это значеніе истиннымъ, хотя многіе отвергаютъ его. Ап. Павелъ говоритъ отъ своего собственнаго лица, а не посредствомъ *μεταχρηματισμός* (см. 1 Кор. IV, 6). „Зараженность природы остается даже въ возрожденіи“ (Art. IX).

1732) Въ плоти есть опредѣляющая сила, которую ап. Павелъ называетъ „закономъ въ членахъ“ и которая, получая преобладаніе, становится „закономъ грѣха“. Противъ него выступаетъ разумный принципъ *νὸς* или человѣчскій *πνεῦμα*—т. е. *ἔσω ἀνθρώπου*—высшее духовное сознаніе, которое однако же само по себѣ никогда не можетъ побѣдить плоти. Сила его скорѣе потенциальная, чѣмъ дѣйствительная. Разумъ есть лучшее начало въ человѣкѣ, а плоть есть сильнѣйшее. Онъ не есть божественный *πνεῦμα*. Только единеніе со Христомъ можетъ доставить *νὸς* побѣду надъ *сάρξ* (*Baur*, Paul. II, 146).

1733) VIII, 1. „Christus in homine, ubi fides in corde“ (Aug.). Истинное чтеніе есть: „итакъ, нѣтъ *νῦν* никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Іисусѣ“. Остальная часть стиха есть глагола.

1734) *Περὶ ἀμαρτίας* „какъ приношеніе за грѣхъ“ *ἡ ἁμαρτία* *chattath*. Лев. XVI, 5: *λῆψεται δὸς ἡμαρτίας περὶ ἀμαρτίας*. Ис. XXXIX, 7: *περὶ ἀμαρτίας οὐκ ἤγγαζας* (Евр. X, 5). Лев. IV, 25: *ἀπὸ τοῦ ἁμαρτίας τοῦ τῆς ἀμαρτίας*.

1735) *Κατέκρινεν* „осудилъ на казнь“. Мат. XXVII, 13.

1736) Ст. 6. Касательно *φρόνησις τῆς σαρκὸς* см. Art. IX. Филонъ также много останавливается на безсиліи человѣка, помимо божественной благодати (Legg. Alleg. I, 48, 55, 101).

1737) VII, 13—VIII, 11. Замѣчательно измѣненіе выраженія *τοῦ ἐγείραντος Ἰησοῦν καὶ ὁ ἐγείρας τὸν Χριστόν*. „Appellatio Jesu spectat ad ipsum, Christi refertur ad nos“ (Bengel, VIII, 11) отчасти резюмируетъ предметъ V, 11 послѣ изложенія отдѣльных пунктовъ въ VI, 12—21; V, 1—23; VII, 1—6, 7—25.

1738) Срав. взрывъ чувствъ въ 1 Кор., XV, 54. Если стихи 19—23 можно назвать священной элогіей, то 31—39 можно назвать священной одой; какъ первые нѣжны и пламенны, такъ эти сѣмьи и возвышенны; тѣ составляютъ пояснительное изложеніе выраженія „мы воздыхаемъ подъ бременемъ“ (2 Кор. V, 4); эти составляютъ комментарий на выраженіе „сія есть побѣда, побѣдившая міръ“ (1 Иоан. V, 4). *Philippi*, ad loc.

1739) VIII, 39, *χρηρίζω*.

1740) Срав. эту восторженность вѣры и надежды съ болѣзненнымъ отчаяніемъ материализма. „Для новѣйшаго философскаго невірія начало міра, равно какъ и конецъ его, находится во мракѣ ночи, потому что для него центръ міра — историческій Христосъ — находится во мракѣ ночи“ (Ланге). Время уже созрѣло для признанія избавителя. Платонъ и Сенека ясно сознавали и явно заявляли, что человѣкъ былъ безсиленъ помочь самому себѣ въ своей бѣдственности и грѣховности (*Sen.* Ep. 53. Cf. *Tac.* Ann. III, 18; *Cic.* De Off. I, 4, 18).

ГЛАВА XXXVIII. 1741) „*Ἀποδοῦναι*“ (Рим. II, 6; 2 Тим. IV, 8); *ἀνταπόδοσις* (Кол. III, 24); *μισθός* (1 Кор. III, 8, IX, 17) и проч.

1742) *Baur*, Paul. II, 259.

1743) Равнины, чтобы избѣжать даже и тѣни непочтительнаго антропоморфизма, часто говорили о Богѣ, какъ *Га-Макомъ*, „мѣсто“; и по одному изъ ихъ величественныхъ изреченій „вселенная не есть мѣсто Бога, но Богъ есть мѣсто вселенной“.

1744) *Baur*, Three Centuries, p. 32.

1745) *ἡ* *ἁμαρτία* *Втор.* VII, 46; *Зах.* XIV, 11; Гал. I, 8, 9; 1 Кор. XII, 3; XVI, 22. Сильныя натуры всегда были способны терпѣть даже крайнее лишеніе для достиженія великой цѣли. „Изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую Ты вписалъ“ (Исх. XXXII, 32). „Пусть мое имя уничтожится“, сказалъ Дантонъ, „только бы Франція была свободна“.

1746) Рим. IX, 1—5. О пунктуаціи послѣдняго стиха происходило много споровъ. Многіе издатели со времени Эразма (и между ними Лакманъ, Тишендорфъ, Рюккеръ, Мейеръ, Фритче) и дѣлаютъ остановку на словѣ „плоть“; другіе — на словѣ „всѣмъ“ (Локкъ, Баумгартенъ, Крузе); и считаютъ заключительныя слова какъ словословіе Богу за величайшее изъ преимуществъ Израіля. Въ пользу этой пунктуаціи говоритъ то обстоятельство, что ап. Павелъ даже въ своихъ величественнѣйшихъ христологическихъ мѣстахъ нигдѣ не называетъ Христа „Богомъ надъ всѣми“ и никогда не прилагаетъ къ Нему слова *ἐλογητός* (см. I, 25; 1 Кор. III, 23; VIII, 6; 2 Кор. I, 3; XI, 31; Ефес. I, 17; IV, 6; 1 Тим. II, 5 и проч.). Но съ другой стороны догматическое *ἀπαξ λεγόμενον* можетъ, какъ говоритъ Ланге, отмѣчать завершающіе пункты; и имѣя въ виду 1) употребляемый ап. Павломъ языкъ (Фил. II, 6; Кол. I, 15; II, 9; 1 Кор. VIII, 6; 2 Кор. IV, 4); 2) грамматическое построеніе предложенья; 3) положеніе *ἐλογητός* (которое въ словосло-

вѣхъ Новаго Завѣта всегда стоитъ первымъ); 4) единогласіе всѣхъ древнихъ толкователей и 5) то обстоятельство, что предположеніе это вѣроятно намекаетъ на Пс. LXXVII, 19 въ переводѣ LXX, такъ какъ въ Ефес. IV, 8 ап. Павелъ приводитъ предыдущій стихъ этого псалма и прилагаетъ его къ Христу, — едва ли можно отвергать принятую пунктуацію. Однако же не лишено значенія замѣчаніе Баура, что *κατά σάρκα* прибавлено для того, чтобы показать, что только по плоти іудеи могли имѣть притязаніе на рожденіе Мессіи и что „сущій надъ всѣми Богъ благословенный во вѣки“ слишкомъ много потворствовалъ бы іудейскому партикуляризму (см. Гал. IV, 4, *υπερβαίνοντες ἐκ γυναικός*). Полное изложеніе этого вопроса можно найти въ моихъ статьяхъ объ этомъ текстѣ въ *Expositor*, 1879 г.).

1747) *Ἐπιπέτομαι* „опалъ подобно цвѣту“, Іов. XIV, 2; но см. 1 Кор. XIII, 8; Іак. I, 11.

1748) IX, 6—9; срав. *Nedarim*, f. 31, 1. „Развѣ Измаилъ не иноплеменникъ и однако же отъ сѣмени Авраама?“ Написано: „въ Исаакѣ назовется сѣмя твоѣ“. „Но развѣ Исаакъ не чужеземецъ и однако же отъ сѣмени Исаака?“ „Нѣтъ, въ Исаакѣ, но не *всѣ* Исаакъ“.

1749) Мал. I, 2, 3. Невидимый = „менѣе любимый“ (Быт. XXIX, 31; Матт. VI, 24; X, 37, срав. съ Лук. XIV, 26); и слѣдующій стихъ показываетъ, что здѣсь разумѣется *временное* положеніе.

1750) „Эти доводы апостола основаны на двухъ предположеніяхъ. Первое, что Св. Писаніе есть слово Божіе, и второе, что то, что дѣйствительно дѣлаетъ Богъ, не можетъ быть несправедливымъ“ (Hodge). Въ то же самое время крайне необходимо, какъ говоритъ Вордсвортъ, „не позволять уму останавливаться исключительно или главнымъ образомъ на единичныхъ выраженіяхъ, встрѣчающихся здѣсь или тамъ, но разсматривать ихъ въ отношеніи къ контексту, ко всей цѣли посланія, къ другимъ посланіямъ ап. Павла и къ общему ученію Св. Писанія“ (Epistles, p. 201).

1751) IX, 14—18. Можно сказать, что эта глава противорѣчитъ слѣдующей, и Фриче заходить такъ далеко, что говоритъ даже, что „Павелъ лучше согласовался бы самъ съ собою, если бы былъ ученикомъ Аристотеля, а не Гамалиила“, но это противорѣчіе, или скорѣе антиномія, заключается не въ доводахъ ап. Павла, но въ самой сущности вещей.

1752) IX, 19—22. Это обычныя метафоры (Іер. XVIII, 6; Ис. XLV, 9; Премудр. XV, 7; Сир. XXXIII, 13).

1753) IX, 22—30. Стихъ 28 есть экзегетическій переводъ, который ап. Павелъ замѣчаетъ у LXX. Такъ какъ форма цитаты имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ этому доводу, то читатель для объясненія его долженъ обратиться къ специальнымъ комментаріямъ.

1754) Въ IX, 33 выраженіе „не постыдится“, взятое ап. Павломъ у LXX, есть экзегетическій переводъ выраженія „дѣлать поспѣшно“ или „бѣжать поспѣшно“.

1755) X, 4 *τάλος* т. е. правда, къ которой стремится законъ, совершенъ во Христѣ и законъ приводитъ къ Нему. Онъ есть его исполненіе и его завершеніе. Слава Закона переходитъ, но Онъ остается, потому что Его вѣчная слава есть *τάλος τοῦ καταργουμένου* (Гал.).

1756) N, A, B, *ἐν αὐτῇ*.

1757) X, 4—12. Замѣчательно, что въ стихѣ 11 важнаго слова *πᾶς* не находится ни въ еврейскомъ подлинникѣ, ни въ переводѣ LXX. См. IX, 33.

1758) Физически это, конечно, былъ невозможный методъ *ἐγκυκλιτισμός*; другой, если только практиковался вообще, былъ крайне рѣдкій (См. выше прим. 28).

1759) Осія XIII, 14: „Отъ власти ада я искупию ихъ, отъ смерти избавлю ихъ: смерть! гдѣ твое жало! адъ, гдѣ твоя побѣда? раскаяніи въ томъ не будетъ у Меня“.

1760) XI, 31. Если, какъ въ этомъ объясненіи, запятую поставить послѣ *ἡπαίσθησαν*, то согласованіе *τῶν ὑπετέρων ἑλπίων* будетъ очень неловкимъ и почти безпримѣрнымъ. Съ другой стороны теряется антитезисъ, если мы поставимъ запятую послѣ *ἐλπίων* и переведемъ такъ: „такъ и они теперь не послушны (или не вѣруютъ) милосердію, оказанному вамъ“.

ГЛАВА XXXIX. 1761) Ст. 2, *συνχρηματίζεσθε* „сообразуйтесь“; *μεταμορφώσεσθε* „преобразуйтесь“. *Σχήμα* какъ въ Фил. II, 8, означаетъ вѣшнюю, временную форму; *μορφή* постоянную и существенную форму.

1762) Ст. 3, *μὴ ὑπερφρονεῖν παρ' ὃ θεσπεζομένον, ἀλλὰ φρονεῖν εἰς τὸ σωφρονεῖν*.

1763) Ланге ad loc.

1764) Въ стихѣ 6 „пророчество (т. е. высокое христіанское ученіе), по мѣрѣ вѣри“ (*κατά τὴν ἀναλογίαν τῆς πίστεως*) означаетъ, что христіанскій учитель долженъ держаться въ предѣлахъ своего дара, опредѣленныхъ его индивидуальностью (Толюккъ), т. е. не выставлять неомѣрно своего *χάρισμα* какъ проповѣдника (Втор. XVIII, 18). Объективный смыслъ *πίστις*, какъ кодекса ученія, есть позднѣйшаго происхожденія. Отсюда обычное правило при объясненіи Св. Писанія „по аналогіи вѣри“, хотя наиболѣе истинное и необходимое, есть неправильное примѣненіе первоначальнаго значенія этого выраженія.

1765) Ланге. Понятіе христіанскаго сообщества заключаетъ какъ единство, такъ и различіе. „Духъ раздѣляетъ различіе въ единство, вводитъ различіе въ единство и примиряетъ единство съ самимъ собою чрезъ различіе“ (Бауръ).

1766) XII, 1—21. Что касается частныхъ выраженій въ этой главѣ, то можно замѣтить — стихъ 9, *ἀποστύγοντες* означаетъ „отвращеніе“; *κολώμενοι* „брачную интимность съ“. Ст. 10 *τῇ φιλαδέλφῃ φιλόστοργον* „любите вашихъ братьевъ по вѣрѣ какъ бы они были вашими братьями по крови“; *προηγούμενοι*, Вулг. *invicem praevenientes* — „предупреждая другъ друга въ оказаніи почтенія“ (ст. 11). Данныя въ пользу чтеній *κκίρф* и *Κκίρф* довольно равносильны, но первое чтеніе вѣроятно возникло вслѣдствіе сокращенія послѣдняго въ *κρф*. Слѣдующее предположеніе: „въ усердіи не ослабѣвайте, духомъ пламенѣйте (см. *ἡρῶν*)“ (ст. 14 *διώκοντες* „преслѣдую (ревнуя) страннопорочество“ быть можетъ подсказало мысль о *διώκοντες* „гонителяхъ“; ст. 16, *ταπεινός συνεπαγόμενος* есть или „modestissimorum exempla sectantes“ (Гроцій) „слѣдую примѣру смиреннѣйшихъ“ (*μυροῦ*), или „humilibus rebus obsecundantes“ — „поступая по смиренному“ (*среди*.) Ст. 19 *ὅτε τόπον τῇ ὀργῇ* или 1) дайте мѣсто проявиться Божію гнѣву (Заат., Августинъ и др.), или 2) „дайте мѣсто вашему собственному гнѣву“ т. е. отстраняйте его взрывъ, что однакоже было бы латинизмомъ: *irae spatium dare* (см. *Virg. Aen. IV, 433*; или 3) „дайте мѣсто, уступите гнѣву вашего врага“. Первое вѣрнѣе. Ст. 20 „горящіе уголья“ (Притч. XXV, 21, 22) — чтобы расправить къ покаянію и благотѣльному стыду. Глава эта изобилуетъ прекрасными трилогіями въ выраженіи.

1767) XIII, 5, *ἀνάγκη* (7, 8, Августинъ) *ὑποτάσσοντες* (D, E, F, G, Вулгата, пер. Лютера) „уступайте необходимости“. „Молитесь объ установленномъ правительствѣ“, сказалъ раввинъ Ханина, „потому что безъ него люди пожрали бы одинъ другаго“ (*Abhōda Zara*, f. 4, 1). І. Флавій называетъ Іуду Гавлонита „основателемъ четвертой секты іудейской философіи“, которая имѣетъ „незрушимую привязанность къ свободѣ“, и говоритъ, что Богъ слишкомъ высокъ для того, чтобы быть единственнымъ правителемъ (Antt. XIII, 1. § 6).

1768) XIII, 6, *ταπεινά* изъявительнаго наклоненія, а не повелительнаго (Матт. XXII, 21). Въ стихѣ 4 *μάχηρα* указываетъ на *jus gladii*. Областной правитель, отправляясь на мѣсто своего служенія, получалъ въ даръ отъ императора княжаль. Траянъ, давая его, употреблялъ слова: „Pro me; si merear, in te“.

1769) Такъ позднѣйшіе раввини находили нужнымъ говорить съ Шемуелемъ: „законъ иудейскаго царства имѣетъ значеніе“ (*Babha Kama*, f. 113, 1).

1770) Іоан. XII, 31, *ὁ ἄρχων τοῦ κόσμου τούτου*; Ефес. II, 2, *τὸν ἀρχοντα τῆς ἐξουσίας τοῦ ἀέρος*.

1771) XIII, 12, или „дѣла свѣта“ (*ἔργα*, A, D, E).

1772) См. Гал. III, 27, *Χριστὸν ἐνεδύσασθε*.

1773) Рим. XIV, 6. Слова: „и кто не различаетъ дней, для Господа не различаетъ“, опу-

щени в *8, A, B, C, D, E, F, G, Vet., It., Vulg.* и контекстом перевода. Сь другой стороны сирский перевод заключает эти слова, и опущение их могло произойти вследствие созвучия сь *φρονεῖ* или догматических предубеждений, вследствие которых предложение это считалось опасным. Предложение это не такого свойства, чтобы оно могло быть внесено перенесчиком второго столетия. Но если бы даже оно было опущено, то содержащийся в нем принцип очевидно заключается в первой половине стиха и в предыдущем стихе.

1774) Сенека говорит, что в своей юности он перенимал от своего пифагорейского учителя Сотона обычай вегетаризма, но отец его заставил его отстать от него, потому что вследствие этого обычая он подвергнулся подозрению в приверженности к чуждым суевериям (вероятно иудейским). См. Seekers. after God, p. 15.

1775) Евониты считали постановление о субботе самой святой заповедью иудейской религии.

1776) *Eriph.* Haer. XXX, 18.

1777) *Eriphan.* Haer. XXX, 15.

1778) *Hom.* XII, 6.

1779) *Paedag.* II, 1; *Euseb.* H. E. II, 23; *Baur.* Paul. I, 358.

1780) XIV, 1—12, *προσληψάντες* „берите рукой“; *μή τις διακριθεὶς διαλογισμῶν* „не посредством критикования для них их тщательных мелочей“ (Толлюк).

1781) *Συγχιτάραις* (см. Рим. XV, 1), *ἐκαστοῦ* (Иоан. III, 30), *ὁσπερ* (Фил. IV, 12; 1 Кор. VI, 7); три великих христианских понятия, которые в жизни религиозных общин часто затеваются.

1782) Положение Августина „omnis infidelium vita peccatum est“ представляет примѣры многих крайних выводов, обременяющих богословие и возникающих вследствие простого вырывания слов из контекста и придавания им болѣе, чѣм заключающагося в них значения. Мы не имѣем права примѣнять текст помимо тѣхъ обстоятельств, на которые онъ непосредственно указывает. Какъ всеобщее правило оно приложимо только къ той партіи, о которой говоритъ ап. Павелъ. Прилагаемая аналогически, „вѣра“ можетъ здѣсь значить только „правственное убеждение въ примѣтъ способа дѣйствія“ (Златоустъ, де Ветте, Мейеръ и др.). Извращать значение текстовъ, какъ это дѣлается часто, значить производить худую игру словами. Если блаж. Августинъ разумѣлъ, что даже нравственность и добродѣтель язычники, еретики и проч. есть грѣхъ, то его положение не только мрачно и несимпатично, отзывается фарисействомъ и противорѣчитъ св. Писанію, но должно въ историческомъ, духовномъ и нравственномъ смыслѣ.

1783) XIV, 22, 23. Въ этомъ именно пунктѣ нѣкоторые манускрипты полагаютъ славословіе XVI, 25—27; но это былъ бы въ высшей степени неумѣстный перерывъ между четырнадцатою и пятнадцатою главами, а основаніи для того, чтобы считать пятнадцатую главу подложной, кажутся мнѣ совершенно недостаточными.

1784) XV, 16, *ἡρώου*.

1785) XV, 24 *ἐλπίσιν* *πρὸς* *ἡμᾶς* опускается во всѣхъ лучшихъ манускриптахъ. „Съ давнихъ лѣтъ имѣя желаніе придти къ вамъ, какъ только предприму путь въ Испанію“.

1786) *ἀπὸ μέρους* „non quantum vellem sed quantum liceret“ (Grot).

1787) XV, 32 *καὶ συναναπτύσσονται* *ἑμὶν* опускается въ кодексахъ B.

1788) Предположение это впервые высказано Шульцемъ.

1789) Мы можемъ быть очень благодарны за сохраненіе его, такъ какъ оно имѣетъ глубокій личный интерес. О диакониссахъ см. Bingham, I, 334—366. Фива была, вѣроятно, вдова. Стихъ 4, *ἐπεθῆκαν* „положили свои шеи подъ топоръ“, есть, вѣроятно, намекъ на какой нибудь рискъ въ Коринѣ (Дѣян. XVIII, 12; XIX, 32). Въ стихѣ 5 истинное чтеніе есть *Ἀσίζας*. Стихъ 7, *συγχιτάραις* — вѣроятно въ Ефесѣ, *ἐπιστολὴν ἐν τοῖς ἀποστόλοις*, „прославившіеся между миссіонерами истинны“

(2 Кор. VIII, 23; Дѣян. XIV, 4), въ менѣе ограниченномъ смыслѣ слова. Едва ли бы ап. Павелъ ставилъ въ заслугу то, что апостолы знали ихъ и имѣли о нихъ высокое мнѣніе (Гал. I, II) — стихъ 13. Руфь, быть можетъ, одинъ изъ сыновей Симона Кириейскаго (Марк. XV, 22) — стихъ 14. Ерма не авторъ „Пастыря“, который едва ли могъ быть рожденъ въ это время. Стихъ 16, *φίληρον* 1 Осс. V, 26; 1 Петра V, 14; Лук. VII, 45. Попытка отождествленія Тертія съ Силою, такъ какъ еврейское слово, обозначающее Тертія (*תרתי*), звучитъ сходно съ Силою, есть одна изъ нелѣпностей безпринципнаго толкованія. О такихъ именахъ, какъ Трифонъ и Трифоза, пишущихъ по звукамъ и низкихъ по значенію, которыя могли подсказать ап. Павлу *κοπίωσας ἐν Κυρίῳ*, какъ родъ деликатной игры словами, см. *Merivale*, Hist. VI, 260 и *Wordsworth*, ad loc.

1790) „Вышло ли это посланіе въ двухъ формахъ изъ рукъ апостола, изъ которыхъ одна оканчивалась главой XIV и славословіемъ, а другая имѣла прибавленіе двухъ послѣднихъ главъ, или какое либо другое болѣе удовлетворительное объясненіе можетъ быть предложено касательно опущенія, повторенія, перемѣненія, подлинности — это должно быть предоставлено дальнѣйшему изслѣдованію“. Westcott (Vaughan's Romans, p. XXV). По одной теоріи XII—XIV были позднѣе вставлены вмѣсто XV, XVI, и затѣмъ то и другое было собрано вмѣстѣ въ одномъ спискѣ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями.

1791) Сн. Еф. III, 20, 21. Текстъ этотъ, какъ онъ существуетъ теперь, заключаетъ въ себѣ непоследовательность, такъ какъ *φ* должно бы быть собственно *ἐκείνῳ*. Толлюкъ и др. думаютъ, что апостолъ посредствомъ парентезиса перешелъ отъ славословія Богу къ славословію Христу. Быть можетъ онъ хотѣлъ вставить слово *χάρις*, но потерялъ его изъ виду вследствие длинноты періода. Здѣсь, какъ и въ Авв. III, 6, слово *ἀιώνος* употребляется въ двухъ послѣдовательныхъ предложеніяхъ, гдѣ, какъ всѣ согласны, въ первомъ предложеніи, оно не можетъ означать „безконечный“, такъ какъ говорить о предметахъ, которые уже пришли къ своему концу.

Перев. Въ русскомъ переводѣ это славословіе находится въ концѣ Рим. XIV гл.

ГЛАВА XL. 1792) Онъ оставилъ Ефесъ предъ Пятидесятницей 57 года по Р. Хр.

1793) Дѣян. XX, 3, *μέλλοντι ἀναγερᾶν*. *γενόμενης*.

1794) См. выше стр. 322, 452, 480; ниже 598, 819.

1795) Стихъ 3, *ἐγένετο γνῶμη*.

1796) Въ стихѣ 4 чтеніе *ἀρχὴ τῆς Ἀσίας* есть не вполне достовѣрное, такъ какъ оно опущено въ *8, B*, контекстомъ (оба перевода) и эвонитскомъ переводахъ. Нѣкоторые, во всякомъ случаѣ, изъ обращенцевъ — Лука, Аристархъ и Трофимъ — сопровождали его въ теченіе всего пути въ Иерусалимъ — XXI, 29, XXVII, 2, 1 Кор. XVI, 3, 4. Какимъ образомъ случилось, что тутъ не было коринфскихъ уполномоченныхъ? Неужели большія общанія Коринеа закончились однимъ словомъ? Или они вручили свою милостыню кому нибудь изъ другихъ депутатовъ?

1797) *Πρόβος* было вѣроятно прибавлено для того, чтобы отличить его отъ Сосипатра, Рим. XVI, 21, *8, A, B, D, E*.

1798) Стихъ 5. Если *προσληθόντες* (*8, A, B, E*) правильное чтеніе, то Тихикъ и Трофимъ должны были встрѣтить Павла въ Троадѣ.

1799) Первое лицо множественнаго числа опять появляется въ повѣствованіи XX, 5, послѣ того какъ было оставлено въ XVI, 17. Теперь оно продолжается до конца Дѣяній Апостольскихъ, и св. Лука, повидимому, до послѣдняго момента оставался съ ап. Павломъ (2 Тим. IV, 11).

1800) *Lowin*, Fasti Sacri, § 1857.

1801) Для переплыванія изъ Троады въ Неаполь, портъ Филиппійскій, требовалось только два дня при прежнемъ случаѣ, XVI, 11.

1802) Онъ уже рано назывался днемъ солнца, даже христианами: *τῇ τοῦ ἡλίου λεγομένη ἡμέρᾳ* (*Just. Mart. Apol. II, 228*).

1803) *Plin.* Ep. X, 96. „Quod essent soliti stato die ante lucem convenire... quibus peractis

morem sibi discedendi fuisse rursusque cœundi ad capiendum cibum, promiscuum tamen et innoxium¹⁸⁰⁴.

1804) На это указывает выражение *συνγηγμένον ἡμῶν κλάσκι ἄρτον*. См. слово *ἐπισυναγωγή*, Евр. X, 25, и *σύναις*.

1805) Этот случайный факт, упоминаемый св. Лукой, указывает на очевидца, на души которого живо напечатлелась эта сцена. Свѣтильники достаточно объясняются темнотою, но упоминание о них дѣлно, потому что оно показывает, какъ мало таинственности или безпорядка бывало въ этихъ послѣднихъ собраніяхъ. Они еще не сдѣлались предметомъ подозрѣнія, но они должны были скоро, очевидно, сдѣлаться такими.

1806) Это обычное рабское имя, но болѣе ничего неизвѣстно о немъ.

1807) Ст. 9, *διαλεγόμενος τοῦ Πάβλου ἐπὶ πλείον.*

1808) Ст. 9, *καταφρόνιστος ὡς πρὸς ἀπὸ τοῦ ὅπου ἐπαρῶν. καταφρόνιστος* есть *vox solennis* de hac re. *Aristot. de Inomniis*, III, и проч.

1809) *ἀνὰ θυμῷ*.

1810) Такъ какъ было уже поздно ночью, то вѣроятно на небѣ показывался серпъ луны.

1811) De Bette, Ольсгаузенъ, Мейеръ, Эвальдъ и многіе другіе принимаютъ *νεκρός* въ смыслъ „какъ бы мертвымъ“, „повидимому мертвымъ“, „въ мертвенномъ обморѣ“, истолковывая это слово на основаніи выраженія ап. Павла *ἢ θορυβήσῃς ... γὰρ, ποὶ ἤγγιστον ... ζῶντα* стиха 12 повидимому указывает на истинное значеніе св. Луки.

1812) *ἐπιπαρόντων ... συμπεριλαβόντων*, 3 Цар. XVII, 21; 4 Цар. IV, 34.

1813) Ст. 11, *κλάσας τὸν ἄρτον, καὶ γευσάμενος.*

1814) *παρεῖσεν*—возможно, но не непременно, пѣшкомъ.

1815) Иліада, VI, 143. Острога эта свободно можетъ быть переведена такъ: „иди въ Асѣ, если ты хочешь встрѣтить свою судьбу“. Вульгата также смѣшиваетъ названіе Асѣ съ партичемъ *ἄστρον* („блнзъ“) въ XXVII, 13.

1816) *Τυφλὸς ἀνὴρ οὐκ ἔστι Χρὶς ἐν πικρῷ λόγῳ* (ар. *Thus*, III, 104).

1817) Невозможно опредѣлить, было ли судно нарочито нанято Павломъ и его спутниками, или они находились въ зависимости отъ его собственныхъ движеній. Стихъ 16 не даетъ рѣшительнаго отвѣта.

1818) Извѣстно, что слова „пресвитеръ“ и „епископъ“ употребляются одно вмѣсто другаго въ Новомъ Завѣтѣ. *Ἐπισκόπος* τῶν προσβυτέρων καλεῖται, ἀμφότερα γὰρ εἶχεν κατ' ἐκείνον τὸν καιρὸν τὰ ὀνόματα (*Theodor. ad Phil.* I, 1).

1819) О нихъ не упоминается въ повѣствованіи. Это одно изъ многихъ случайныхъ указаній, что св. Лука знаетъ гораздо болѣе подробностей, чѣмъ сколько входило въ планъ его повѣствованій.

1820) Стихъ 20, *ὑπεστειλάμην* (буквально: „скрутилъ“—о парусѣ). Это мореплавательное слово (срав. *πληροφόρια* Кол. II, 2, IV, 12; *στελλόμενος* 2 Θεсс. III, 6; 2 Кор. VIII, 20), столь естественное въ устахъ человека, который каждый день долженъ былъ слышать это слово при своихъ путешествіяхъ, весьма характерно для ап. Павла, который постоянно беретъ свои метафоры изъ видовъ и обстоятельствъ, непосредственно окружающихъ его. Затѣмъ онъ опять употребляетъ его въ стихѣ 27. Эти мелкія особенности стила совершенно неподражаемы и, какъ говоритъ Эвальдъ, „сомнѣваться въ подлинности этой рѣчи есть сама негѣность“. Кромѣ многихъ другихъ указаній подлинности, повѣствованіе содержитъ по крайней мѣрѣ дюжину фразъ и построеній рѣчи, которыя болѣе или менѣе исключительно свойственны ап. Павлу.

1821) Ст. 22. Хотя истинный порядокъ есть *ἑταρμένους ἐγώ, S, A, B, C, E*, но рѣчи становится выразительнѣе, когда „я“ ставится первымъ.

1822) При крайнемъ разнообразіи манускриптовъ въ этомъ предположеніи лучше всего сдѣлать донать *S, οὐδενός λόγους—οὐδὲ ἔχω*.

1823) *μετά χροῶς* опускается въ *S, A, B, D*. Оно вставлено изъ Фил. I, 4; Колос. I, 11; см. 2 Тим. IV, 7.

1824) Этотъ глаголъ въ третій разъ встрѣчается въ этихъ немногихъ стихахъ. Совершенно вѣрно замѣчаніе объ ап. Павлѣ, что „его преслѣдуетъ слово“. Это интересный признакъ подлинности рѣчи.

1825) Ап. Павелъ отчасти говорить въ отношеніи опасностей, которыя ему предстоить встрѣтить, а отчасти о своемъ намѣреніи идти на далекий Западъ. Его *εἰς* не было необходимо непорѣшимымъ (срав. Фил. I, 25 съ II, 24), и дѣйствительно, вѣроятно, что онъ посѣтилъ Ефесъ опять (1 Тим. I, 3; III, 14; IV, 12—20). Но это было долго спустя, и вполне достоверно, что старѣйшими всѣ вмѣстѣ (*πάντες ὁμας*) никогда не видѣли его опять.

1826) Я принимаю здѣсь чтеніе *Κορίνθ* съ *A, C, D, E*, констскимъ, сахитскимъ, армянскимъ переводами, съ Иринеємъ, Дидимомъ, Кирилломъ, Иеронимомъ, Августинномъ и др., вмѣсто *Θεός*, замѣчательнаго чтенія *S, B*. Вульгаты, Сирійскаго, Златоуста, Василія Великаго, Амвросія и др., потому что „кровь Бога“ есть выраженіе, котораго, хотя и усвоенное—быть можетъ вслѣдствіе варіаціи въ этомъ самомъ текстѣ—нѣкоторыми изъ Отцовъ (*Tert. ad Uxor.* II, 3), церковь всегда избѣгала. Афанасій Великій явно говорить *οὐδαμῶς δὲ αἷμα Θεοῦ διὰ σαρκὸς παραδεδοκῶμεν αἱ γράφαί*. Что ап. Павелъ въ безсловѣишемъ смыслѣ признавалъ божество Вѣчнаго Сына, это не сомнѣнно; но онъ никогда бы не сказалъ и никогда дѣйствительно не сказалъ чего нибудь въ родѣ „кровь Бога“, и я не могу не считать гораздо болѣе вѣроятнымъ, что онъ употребилъ не обычное, но совершенно естественное выраженіе „церковь Господа“, чѣмъ освѣщать весьма странное выраженіе „кровь Бога“. Я не могу придавать большаго значенія тому обстоятельству, что „церковь Господа“ есть менѣе обычное сочетаніе, чѣмъ „церковь Божія“; такъ какъ ап. Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ такимъ же совершенно образомъ оставляетъ свое любимое выраженіе „день Господень“ и употребляетъ вмѣсто этого „день Христовъ“ (Фил. I, 10; II, 16). Если бы онъ написалъ *Θεός*, то мнѣ кажется весьма невѣроятнымъ, чтобы чтеніе это такъ рано подверглось измѣненіямъ. Такая фраза стояла бы на одномъ уровнѣ съ выраженіями въ родѣ *ἀνελψόθεος* и *Θεοτόκος*, которыя, хотя не встрѣчаются въ св. Писаніи, однако же приняты церковью, между тѣмъ какъ если бы ап. Павелъ сказалъ *Κορίνθ*, то вставленное какимъ нибудь прагматическимъ переписчикомъ на поляхъ, *Θεός* легко могло проникнуть въ текстъ. И дѣйствительно, самъ фактъ, что „церковь Господа“ не есть обычное выраженіе ап. Павла, могъ подсказать эту глоссу. Если однако же *Θεός* есть истинное чтеніе, то именительный падежъ къ глаголу *περιπαύωμαι* могъ просто быть пропущенъ, вслѣдствіе грамматической неаккуратности апостола или его переписчика (см. далѣе Scrivener, *Introd.* 540). Таинственное ученіе о *περιχώρησις* есть одно изъ тѣхъ, которыя апостолъ всегда всегда разсматриваетъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, и такое выраженіе, какъ *αἷμα Θεοῦ* дало бы по крайней мѣрѣ на первый взглядъ противовѣтъ всевозможнымъ савелліанскимъ, евтихіанскимъ и патристасіанскимъ ересямъ (Болѣе подробное замѣчаніе объ этомъ чтеніи сдѣлано мною въ *Expositor*, май, 1879 года).

1827) Это печальное предсказаніе скоро исполнилось (1 Тим. I, 20; Откр. II, 6; 1 Иоан. II, 19).

1828) Несомнѣнно это выраженіе—хотя его и нельзя понимать буквально—говоритъ противъ теоріи, по которой онъ будто бы посѣтилъ Коринѳъ въ теченіи этого періода.

1829) Слезы трижды упоминаются въ этомъ краткомъ мѣстѣ—слезы страданія (19), пастырскаго утѣшанія (31) и личной любви (37). *Monod, Cinq Discours* (Les Larmes de St. Paul).

1830) Единственное „незаписанное изреченіе“ (*ἀγράφον λόγος*) Спасителя въ Новомъ Завѣтѣ, несохранившееся для насъ въ Евангеліяхъ.

1831) *καταφύλλον, deosculabantur* (см. Матѣ. XXVI, 49).

1832) Ст. 38, θεωρεῖν. Онъ сказалъ только θεωρεῖ (сн. Иоан. XX, 5, 6). Слово это обозначаетъ то чувство, на которое указываетъ здѣсь.

1833) XXI, 1, ἀποκρυφέντας ἀπ' αὐτῶν (Сн. Лук. XXII, 41).

1834) Strab. XIV, 2; Hor. Od. IV, xiii, 13; Athen. X, 688 (Alf).

1835) Plin. H. N. XXXIV, 18; Strab. XIV, 2.

1836) Cedrenus, Hist. p. 431.

1837) Пноиф.

1838) Sprat and Forbes, I, 30; ap. C. and H. II, 232.

1839) XXI, 3, ἀναρχνέντες срав. aperire (сн. Ps. Lucian, Ver. Hist. § 38, p. 687); противоположный техническій терминъ есть ἀποκρύπτειν, abscondere (Thuc. V, 65; Virg. Aen. III, 275, 291).

1840) XXI, 4, ἀναρχνέντες τοὺς μαθητάς, „лица учениковъ“.

1841) XXI, 5, ἐξαίρεσις обыкновенно означаетъ „вновь снабжать“, но здѣсь въ связи съ словомъ ἡμέρας оно повидимому означаетъ „завершать“. Исихій дѣлаетъ его равнозначущимъ съ τελειώσει, и также понимали его Теофилактъ и Экумений Мейеръ, вѣроятно, ошибся, придавая этому слову здѣсь его первое значеніе.

1842) Ст. 5, αἰγιαλόν. Сн. XXVII, 39. Здѣсь дѣйствительно между Тиромъ и Сидономъ находится длинная полоса песчаного берега, но вблизи города находятся также и скалистые мѣста. Гаккетъ, ad loc., приводитъ поразительно сходный опытъ американскаго миссіонера Шнейдера въ Анитабѣ, близъ Тарса: „болѣе ста обращенцевъ сопровождали насъ изъ города; и тамъ, близъ мѣста, гдѣ одинъ изъ насъ нѣкогда былъ побитъ камнями, мы остановились, и вознесена была молитва со слезами. Отъ тридцати до сорока человѣкъ сопровождали насъ на двухъ часовомъ пути дальше... Затѣмъ была вознесена другая молитва, и съ опечаленными лицами и съ плачемъ они насильственно оставили насъ. (Сн. ἀποκρυφέντας, ст. 1). Казалось, будто они не могли возвратиться назадъ“.

1843) Сн. Plin. Ep. X, 96.

1844) Fasti Sacri, № 1857.

1845) Ст. 15. Чтеніе ἐπισκευασάμενοι: K, A, B, E, G, и масса курсивныхъ. Сн. Судей XVIII, 21; 1 Царс. XVII, 22; Ис. X, 28. „Мы сложили наши ноши“. Женев. перев.

1846) Что ап. Павелъ прибылъ только наканунѣ праздника это можно выводить изъ Дѣян. XXIV, 11.

1847) Такъ какъ тутъ не упоминается ни одинъ изъ двѣнадцати, то вѣроятно никто изъ нихъ не присутствовалъ. Двѣнадцать лѣтъ, которые, какъ говоритъ преданіе, назначены были Христомъ для ихъ пребыванія въ Иерусалимѣ, давно уже истекли, и они разсѣлились по своимъ различнымъ миссіямъ для благовѣстія міру. Св. Лука знаетъ о милостыняхъ, принесенныхъ ап. Павломъ (XXIV, 17), хотя онъ и не упоминаетъ здѣсь о нихъ.

1848) Свидѣтельствомъ этого можетъ быть извѣстіе о томъ, какъ отнеслись въ повѣйшее время къ сѣру Монтефіоре и доктору Франкляу послѣ того, какъ они вручили имъ большое денежное приношеніе.

1849) XXI, 19, καὶ ἐν ἑκάστῳ.

1850) Стихъ 21, κατηχήθησαν. Слово это гораздо сильнѣе, чѣмъ „наслышались“.

1851) I. Флав. Antt. XIX, 6, § 1, εἰς Ἱεροσόλυμα ἐλθὼν χρηστηρίους ἐξεπλήρωσε θυσίας οὐδὲν τῶν κατὰ νόμον ἀπολιπόν. διὸ καὶ Ναζιραίων ὑπαρῶσαν διέταξε μάλα σχυροῦς.

1852) Ни Талмудъ, ни Пятоникіе не упоминаютъ этого обстоятельства. Числ. VI, 9, 10 указываетъ только на факты случайнаго оскверненія въ теченіи періода такого обѣта. Быть можетъ по аналогіи съ этимъ правиломъ была назначена особая недѣля, какъ время очищенія.

1853) Гаусеръ (стр. 453), который однако же ошибочно воображаетъ, что будто ап. Павелъ самъ имѣлъ на себѣ при этомъ случаѣ обѣтъ назорей. Лицо, платившее издержки назорей, не

должно было, какъ мнѣ кажется, дѣлать приношенія за самого себя, — по крайней мѣрѣ нигдѣ не говорится такъ—хотя мы заключаемъ, что онъ жилъ съ Назарейми въ теченіи періода ихъ заключенія и нѣкоторымъ образомъ раздѣлялъ ихъ очищеніе.

1854) Праздникъ Пятидесятницы продолжался только одинъ день.

1855) Такъ я понимаю темныя и спорныя выраженія стиха 26; но даже, не смотря на талмудическій трактатъ Nazir, мы мало знаемъ о подробностяхъ, чтобы быть увѣренными въ точной процедурѣ этого или въ точномъ значеніи употребленныхъ здѣсь выраженій. Нѣкоторые понимаютъ ἀγισθεῖς и ἀγχιος въ томъ смыслѣ, что ап. Павелъ приялъ на себя обѣтъ назорей вмѣстѣ съ ними (ср. Числ. VI, 3, 5 по LXX). Это, повидимому, невозможно, такъ какъ тридцать дней есть самый короткій періодъ, упоминаемый Мишною для временнаго обѣта. Левинъ и другіе предполагали, что онъ самъ былъ назорей, принявъ этотъ обѣтъ послѣ своей опасности въ Ефесѣ, какъ и при прежнемъ случаѣ послѣ своей опасности въ Коринѣ; и вотъ основаніе, почему онъ съ такимъ рвеніемъ стремился достигнуть Иерусалима. Но если такъ, то почему же Св. Лука не упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ, какъ онъ упоминалъ объ этомъ раньше? И если такъ, то почему необходимо было платить издержки этихъ четырехъ назорей, когда исполненіе его личнаго обѣта было бы достаточнымъ и болѣе поразительнымъ доказательствомъ его желанія подчиниться Моисеевымъ установленіямъ въ своемъ личномъ образѣ дѣйствій? Кромѣ того, предложеніе старѣйшинъ было для ап. Павла очевидно неожиданнымъ.

1856) I. Флавій называетъ его θωμασιώτατος (с Ар. I, 2).

1857) Jos. B. J. II, 12, § 1; Antt. XX, 5, § 3.

1858) Лук. IX, 53; Jos. Antt. XX, 6, § 1.

1859) Разногласіе въ этомъ разсказѣ, какъ онъ излагается у I. Флавія въ B. J. II, 12, § 5, и Antt. XX, 6, § 2, очевидно, и однако же никто не сомнѣвается ни въ честности I. Флавія, ни въ общей истинности разсказа. Съ какимъ презрѣніемъ отвергли бы его какъ мнѣ или вымыселъ, если бы нѣчто подобное случилось въ Евангеліяхъ!

1860) Если бы онъ сдѣлалъ это, то навлекъ бы на себя порицаніе, на которое указываетъ въ Іезек. XLIV, 7; сн. Ефес. II, 14. Слѣдующее замѣчательное мѣсто изъ Талмуда есть самосужденіе со стороны іудейскихъ учителей: „что“, спрашивается тамъ, „было причиной разрушенія перваго храма? Господство идолопоклонства, прелюбодѣвія и убійства... Но что было причиной разрушенія втораго храма, въ виду того, что этотъ вѣкъ отличался изученіемъ закона, соблюденіемъ его правилъ и благотвореніемъ? Это была безпричинная ненависть; и это показываетъ, что безпричинная ненависть по своей преступности равна идолопоклонству, прелюбодѣвію и убійству, взятымъ вмѣстѣ“ (Joma, f. 9, 2). Образцы безосновательной и безграничной ненависти талмудистовъ къ христіанамъ см. Abhōla Zarah, f. 26, 1, 2 (Amsterdam edition); Maimonides, Hilch. Accum. § 9.

1861) I. Флав. B. J. V, 5, § 2; VI, 2, § 4; Antt. XV, 11, § 5) Открытіе одной изъ этихъ надписей Клермономъ Ганно—надписи, на которую навѣрно часто падали взоры какъ самого Спасителя, такъ и всѣхъ Его учениковъ—очень интересно. Онъ нашелъ ее въдланною въ стѣны маленькой мечети на Via Dolorosa (Palestine Exploration Fund Report, 1871, p. 132). Ап. Павелъ въ собственномъ смыслѣ не вводилъ никакого язычника внутрь Хела; но дѣлать такъ идеально и въ духовномъ смыслѣ было самою цѣлью его жизни. См. ниже толкованіе на Ефес. II, 14.

1862) XXI, 30, ἐκινήθη ἡ πόλις ὅλη, καὶ ἐγένετο συνδρομή.

1863) Jos. B. J. VI, 5, § 3; с. Ар. II, 9.

1864) XXI, 33, τίς ἂν εἴη, καὶ τί εἴστιν πεποιηκός.

1865) παρεμπολή.

1866) Крѣпость Антонія была четырехугольной башней въ сѣверозападномъ углу площади храма съ маленькой башенкой въ пятьдесятъ локтей высоты на каждомъ углу, кромѣ южнаго,

гдѣ башенка была въ семьдесятъ локтей въ высоту съ цѣлью доставить возможность видѣть все, что происходило въ дворахъ храма. Лѣстницы изъ этихъ башенъ сообщались съ кровлями двухъ притворовъ, на которыхъ въ промежуткѣ (διάστημα) стояли вооруженные римскіе солдаты во времена большихъ праздниковъ для предупрежденія всякихъ мятежныхъ движеній. (I. Флав. В. J. V, 5, § 8; Antt. XX, 5, § 3).

1867) См. Лук. XXIII, 18, и крикъ языческой черни; αἶρε τοὺς ἀθέους.

1868) Ст. 38, οὐκ ἄρα οὐ εἰ δ' Ἀιγύπτιος... Едва ли можно понять, почему Лизій дѣлалъ заключеніе, что египтянинъ не могъ говорить по-гречески, но навѣрно онъ зналъ, что это именно было такъ. Такъ какъ этотъ египтянинъ бѣжалъ только нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, и масса народа, никогда не относившаяся къ нему благопріятно, охвачена была бы яростью, узнавъ объ его обманѣ, то предположеніе Лизія не было удивительнымъ.

1869) ἀνιστάμενος. См. XVII, 6; Гал. V, 12.

1870) Ст. 38, τοὺς τετρακισχίλους ἀνδρας τῶν σικαρίων. I. Флавій (Antt. XX, 8, § 6) говоритъ, что Феликсъ, напавъ на нихъ, убилъ 400 человекъ и взялъ въ плѣнъ 200. Въ В. J. II, 13, § 5 онъ говоритъ, что онъ собралъ 30.000 послѣдователей и повелъ ихъ на гору Елеонскую изъ пустыни, и что большинство изъ нихъ были избиты или взяты въ плѣнъ. Большинство критиковъ придаютъ значеніе лишь такимъ разногласіямъ, когда они находятъ ихъ или воображаютъ, что находятъ у священныхъ писателей. О сикаріяхъ см. I. Флав. В. J. II, 13, § 3. Онъ говоритъ, что они убивали людей среди бѣлаго дня и на открытыхъ улицахъ, особенно во время большихъ праздниковъ, и что они носили книжки подъ покровомъ своихъ одеждъ.

1871) οὐκ ἀσήμερον πόλεως (Eur. Ion. 8) Это былъ ἀντόνομος, а не μητρόπολις, и имѣлъ знаменитый университетъ.

1872) Кюкель, который думалъ, что ап. Павелъ, принимая этотъ обѣтъ, погрѣшалъ противъ своихъ правилъ, говоритъ: „онъ былъ поставленъ въ необычайную опасность, чѣмъ Богъ предполагалъ показать, дабы мы не дѣлали зла, даже съ цѣлью, чтобы изъ него вышло доброе“.

1873) Ст. 40, κατέσβεσε τὴν χεῖρ. См. XII, 17; XIX, 33; XXI, 40. См. Pers. IV, 5, „Calidus fecisse silentia turbae Majestate minús“.

1874) См. вступленіе въ рѣчь св. Стефана (VII, 2).

1875) XXII, 3, ἀνὴρ Ἰουδαῖος. Въ рѣчи къ Лизію онъ употребилъ общее выраженіе ἀνθρώπος Ἰουδ. (XXI, 39).

1876) XXII, 3, κατὰ ἀκρίβειαν τοῦ πατρίου νόμου. См. XXVI, 5; I. Флав. В. J. II, 8, § 14 Эта „тщательность“ соотвѣтствуетъ еврейскому *цедака* и талмудическому *дикдукей* (דקדק).

1877) Разсказы объ обращеніи ап. Павла въ IX, XXII, XXVI достаточно разсмотрѣны и „соглашены“ (хотя они въ дѣйствительности и не нуждаются въ особомъ соглашеніи) на стр. 130—135.

1878) „Праведный“. См. рѣчь Стефана (VII, 52).

1879) μάρτυς, не въ смыслѣ еще „мученикъ“, какъ въ Откр. XVII, 6 (Климентъ Ер. I Кор. V). Но ап. Павелъ употребилъ бы здѣсь слово *едх*, „свидѣтель“.

1880) XXII, 22, ἤκουον δὲ αὐτοῦ ἄχρι τούτου τοῦ λόγου, καὶ ἐπύθον τὴν φωνὴν αὐτῶν λέγοντας, и пр.

1881) Стихъ 22, οὐ κατήκταν. S, A, B, C, D, E, G.

1882) XXII, 23. О мгновенной воспламеняемости восточной черни и о мгновенномъ же успокоеніи ея см. Palest. Explor. Fund за апрѣль 1879 г., стр. 77.

1883) Ап. Іаковъ говоритъ о „многихъ тысячахъ“ (Дѣян. XXI, 20) іудеевъ, которые, хотя и ревнители закона, приняли вѣру. Какже случилось, что ни одинъ изъ этихъ „многихъ тысячъ“ не поднялъ руку или не возвысилъ голоса для освобожденія ап. Павла отъ опасностей, которымъ онъ подвергнутъ былъ религіозною ненавистью, съ жадностью усвоивавшю обвиненія?

1884) XXII, 25, προέτεινεν αὐτὸν τοῖς ἱμασίν, „растянули его ремнями“, чтобы приготовить его къ пыткамъ посредствомъ бичеванія μάστιγες. Слово ἱμάς видимо никогда не означало бича.

1885) См. нашу „Жизнь Иисуса Христа“, прим. 313, и стр. 568.

1886) Cic. in Verr. V, 63.

1887) По крайней мѣрѣ при нѣкоторыхъ случаяхъ. Suet. Claud. 25.

1888) Ст. 26, τὴν μέλλειν, слово *ερχ* опущено въ S, A, B, C, E.

1889) Лѣтъ за десять передъ тѣмъ временемъ оно сдѣлалось однако же гораздо дешевле. Мессалина, гнусная жена Клавдія, умерщвленная въ 48 г. по Р. Хр., открыто продавала его сначала на очень высокихъ условіяхъ, а затѣмъ такъ дешево, что Діонъ Кассій (LX, 17) говоритъ, что его можно было купить за одинъ или за два разбитыхъ стакана.

1890) Ст. 28, Ἐγὼ εἶδα πόσον, D. Хотя этотъ разговоръ и не подтверждается еще ничѣмъ, но звучитъ весьма правдоподобно. Лизій быть можетъ подкупилъ одного изъ отпущенниковъ Клавдія, который паживалъ этимъ деньгами.

1891) Ст. 29. Нѣкоторою неясностью окружено значеніе словъ ἐπεβήθη... ἐτι τὴν αὐτὸν δεδεκώς. Если это означать, что его сковали двумя цѣпями (XXI, 33), то Лизій во всякомъ случаѣ не считалъ необходимымъ отмѣнить того, что было уже сдѣлано, такъ какъ ясно, что ап. Павелъ оставался скованнымъ (XXII, 30, ἐλυσεν αὐτόν). Поэтому я отношу это выраженіе къ связыванію его ремнями (ст. 25), чѣмъ Лизій видимо нарушилъ два закона: 1) Lex Porcia (Cic. Pro Rabirio, 3; in Verr. V, 66); 2) „Non esse a tormentis incipiendum Div. Augustus constituit (Digest. Leg. 48, tit. 18, c. 1).“

1892) См. Lightfoot, Hor. Hebr. I, 1, 105.

1893) См. выше, стр. 106, 114. „Жизнь Иисуса Христа“ прим. 131, стр. 540. Jost, Gesch. I, 145; Herzfeld, Gesch. I, 394. Въ это время, въ 58 г. по Р. Хр., несомнѣнно произошла перемѣна.

1894) Безконечныя ошибки, видимо, возникали изъ смѣшенія председателя синагогіона съ председателемъ школы. Предметъ этотъ очень темный; но въ то время, какъ несомнѣнно, что титулъ *наси*, или председателя синагогіона, былъ носимъ великими раввинами, въ родѣ Гиллеля, Симеона и Гамалила, не менѣе несомнѣнно и то, что первосвященникъ—если только онъ пожелалъ не быть неспособенъ къ тому—предсѣдательствовалъ въ качествѣ *наси* при судебныхъ собраніяхъ синагогіона, разсматриваемаго какъ правительственное учрежденіе.

1895) XXIII, 1, ἀτανίζας. См. Лук. IV, 20; Дѣян. X, 4; XIII, 9.

1896) πεπολιτισμένοι (Фил. I, 27; I. Флав. Vit. § 49; 2 Макк. VI, 1) Кромѣ общаго заявленія о своей невинности, онъ могъ разумѣть подъ этимъ, что, чего бы онъ ни проповѣдывалъ язычникамъ, самъ онъ жилъ какъ набожный іудей.

1897) Объ этомъ человекѣ см. I. Флав. Antt. XX, 5, § 2; 6, §§ 2, 3; 8, § 8; 9, § 2; В. I II, 17, § 9.

1898) Неудивительно, что въ это время надъ іудеями тяготѣло постоянное сознаніе божественнаго гнѣва противъ ихъ народа. Неудивительно, что Талмудъ передаетъ легенды, какъ въ это время священный огонь, который долженъ былъ всю ночь горѣть на свѣтилиникѣ (неръ ма'араби), часто потухалъ передъ разсвѣтомъ; какъ красная полоса матерій вокругъ шеи козла отпущенія въ день очищенія не превращалась чудесно въ бѣлую; какъ огромные бронзовые Никаноры воротъ храма, требовавшія двадцати левитовъ, для того чтобы затворять ихъ каждый вечеръ, открывались сами собой; и какъ Іохананъ Бенъ Захкай воскликнулъ, услышавъ эту вѣсть: „зачѣмъ ты устрашаешь насъ, о храмъ? Мы знаемъ, что ты осужденъ на разрушеніе“.

1899) Талмудъ передаетъ, что когда этотъ человекъ былъ первосвященникомъ, то жертвоприношенія всегда сѣдальны, такъ что никакихъ остатковъ не было для боаѣ бѣдныхъ священниковъ (Pesachim, 57, 1; Grätz, III, 279).

1900) P. sachim, ubi supra. Ап. Павелъ могъ бы спросить его, ὁ βελευσόμενος τὰ εἰδωλα, ἱεροσυλεῖς (Рим. II, 22; см. выше).

- 1901) Отъ 48 до 59 г. по Р. Хр. Путешествіе въ Римъ въ качествѣ узника было въ 52 году.
- 1902) Wieseler Chron. d. Ap. Zeit. 76.
- 1903) Jos. Antt. XX, 9, § 2; В. I. II, 17, § 9.
- 1904) Къ подобному способу аргументаціи іудеи, повидимому, были особенно склонны (сн. Лук. VI, 29; Иоан. XVIII, 22; 2 Кор. XI, 20; 1 Тим. III, 3; Тит. I, 7). Это звѣрство поясняетъ замѣчаніе въ Јома, 23, 1, Sota, 47, 2, что въ этотъ періодъ никто не заботился ни о чемъ, кромѣ внѣшности, и что іудеи болѣе придавали значенія оскорбленію храма, чѣмъ убійству (Grätz, III, 322).
- 1905) XXIII, 3, *тогда же хижинахъ*. Сн. Матт. XXIII, 27, *тѣмъ же хижинахъ*.
- 1906) Для іудея приказъ іудею бить его по щекѣ было особенно оскорбительно. „Тотъ, кто ударяетъ по щекѣ израильянина, ударяетъ какъ бы по щекѣ Шехину“, ибо сказано (Притч. XX, 25): „ударяющій челоука (т. е. израильянина, который одинъ заслуживаетъ этого названія; Раши приводитъ Babha Metsia, f. 114, col. 2) ударяетъ святого“. Sanhedr. f. 58, col. 2, *у* — скула, и *שׁוּר* = „ударять“, по-сирійски (collidere, сн. Дан. V, 6, *Buxtorf*, Lex Chald. подъ этимъ словомъ), равно какъ и *נִסְבָּחָתָא*.
- 1907) Adv. Pelag. III, 1.
- 1908) Исх. XXII, 28 по LXX (сн. 2 Петр. II, 10). Изъ этого отвѣта мы замѣчаемъ, какимъ удивительнымъ искусствомъ обладалъ ап. Павелъ, показывая сразу и свое знаніе, и свое повиновеніе закону, за предполагаемое отступленіе отъ котораго онъ обвинялся.
- 1909) Лайфутъ, Шöttгенъ, Киноль, Баумгартенъ.
- 1910) Бенгель (non veniebat mihi in mentem), Ветштейнъ, Сандерсонъ (non poveram, non satis attente consideravi), Вордсвордъ и др.
- 1911) Сами іудеи смотрятъ на нихъ такъ. Грѣцъ (III, 322) ссылается на Pesachim, 57, 1, Јома, 23, 1, которые говорятъ объ ихъ узкости, зависти, насиліи, любви къ преимуществу и проч.; I. Флавій (Antt. XX, 8, § 8, 9, § 4) говоритъ объ ихъ безстыдствѣ и мятежности (сн. „Жизнь Иисуса Христа“, стр. 536 и сл.).
- 1912) Это взглядъ Іоанна Златоуста.
- 1913) Матт. XXII, 28; I. Флав. В. I. II, 8, § 14; Antt. XVIII, 1, § 4.
- 1914) Рейссъ, сочиненіе котораго Actes des Apôtres я не успѣлъ прочитать, когда писалъ эти страницы, смотритъ подобнымъ же образомъ, стр. 218. Однако же, конечно, возможно, что восклицаніе ап. Павла могло находить оправданіе въ какихъ нибудь обстоятельствахъ разсужденія, несохранныхъ въ повѣствованіи.
- 1915) Тѣ, кто, не смотря на св. Писаніе, не хотятъ вѣрить, что ап. Павелъ можетъ дѣлать ошибку, вывели печальное заключеніе объ этомъ дѣйстви ап. Павла, приводя его въ смыслѣ санкціи маккавеевской политики римлянъ: „Divide et impera“. Корнелій à Lapide говоритъ объ этомъ мѣстѣ: „Bellum hæreticorum est pax ecclesie“ — правило, по которому дѣйствовала иногда римская церковь (сн. Вордсвортъ, ad loc.).
- 1916) Дѣян. XXIV, 21, что я считаю признаніемъ его ошибки въ этомъ случаѣ.
- 1917) Derenbourg, Palest. § 31.
- 1918) Выраженіе это есть *anocionesis* или уничтоженіе *anodoses*, по не обычное послѣ частицы *εἰ*, какъ подсказывающей альтернативу. Сн. мое сочиненіе Brief Greek Syntax, § 309. Златоустъ передаетъ это выраженіе словами *ποῖον ἐγκλημα* — „какого рода обвиненіе?“.
- 1919) Примѣры подобнаго *херема* см. 1 Царс. XIV, 24; I. Флав. Antt. 8, § 3 и проч.
- 1920) Sanhedr. 9; Jos. Antt. XII, 6, § 2; Philo, De Sacrif. p. 855.
- 1921) Подробность повѣствованія быть можетъ указываетъ на то, что св. Лука, который собиралъ свѣдѣнія изъ всѣхъ источниковъ, получилъ этотъ разсказъ отъ самого мальчика.
- 1922) *θεῖος λόγος*, *lancearii* по Вульгатѣ. Единственное мѣсто, которое можетъ пролить свѣтъ на это слово, приводится Мейеромъ изъ Константина Порфиророднаго, который однако же не-

доказываетъ ничего. Кодексъ А читаетъ *θεῖοι λόγοι*. По одному объясненію это gens du train — люди, которые держали вторую лошадь правой рукой.

1923) Jos. Antt. XX, 6, § 3; В. J. II, 12, § 7.

1924) Одинъ изъ курсивныхъ манускриптовъ (137) дѣйствительно прибавляетъ *ἐφορήθη γὰρ μηποτε ἀπάσαντες οὐτόν οἱ Ἰουδαῖοι ἀποκτείνωσι καὶ αὐτὸς μετὰβῇ ἐγκλημα ἐχθρῶς χρημάτων εἰληφώς*.

1925) Кефр-Саба; I. Флав. Antt. X, VI, 5, § 2.

1926) „Qui cum elogio mittuntur ex integro audiendi sunt“.

ГЛАВА XLI. 1927) XXIV, 2. *διορθωμάτων*, *κ*, *Α*, *Β*, *Ε*. Другое чтеніе *κιορθωμάτων* есть болѣе общее выраженіе.

1928) Jos. Antt. XX, 8, § 5; В. J. II, 13, § 2; *Euseb.* Н. Е. II, 20—22.

1929) Jos. Antt. XX, 8, § 9; *Tac. Ann.* XII, 54, „*quies provinciae reddita*“.

1930) Все это предложеніе (Дѣян. XXIV, 6—8) опущено отъ *καὶ κατὰ* до *ἐπὶ οἷς* въ кодексахъ *κ*, *Α*, *Β*, *Γ*, *Η*, въ коптскомъ, сагидскомъ, латинскомъ и другихъ переводахъ. Если это вставка, то *παρ'* об. должно относиться къ ап. Павлу. Но тутъ встрѣчаются большія затрудненія въ обоихъ случаяхъ, и стихъ 22 говоритъ въ пользу его подлинности. Съ другой стороны если оно подлинно, то почему оно могло быть опущено? Кодексъ D, имѣющій столь много прибавокъ, здѣсь отстываетъ отъ своего обычнаго правила.

1931) Ст. 9, *συμπεθέμενο*. Кодексы *κ*, *Α*, *Β*, *Ε*, *Γ*, *Η*.

1932) XXIV, 10, *ἐκ πολλῶν ἐτών*, съ 52 г. по Р. Хр., т. е. въ теченіе шести лѣтъ. „Non ignoravit Paulus artem rhetoricum *movere laudando*“ (Grot.).

1933) 1. Прибытіе.—2. Свиданіе съ Іаковомъ и проч.—3 7. Обѣтъ и арестъ.—8. Синедрионъ.—9. Заговоръ.—10. Прибытіе въ Кесарію.—11, 12. Подъ стражей.—13. Судъ.

1934) XXIV, 22, *ἀκριβέστερον*.

1935) Ст. 23, *τῷ ἐκχτοντάρχῃ* — сотникъ, который присутствовалъ на судѣ; а не непременно, или даже вѣроятно, тотъ сотникъ, который сопровождалъ его изъ Антипатриды въ Кесарію.

1936) Повидимому, около этого времени Феликсъ пользовался чародѣйствомъ Симона волхва для того, чтобы соблазнить Друзиллу, младшую сестру Агриппы II, бѣжать отъ своего супруга Азиза и сдѣлаться его женою. Это было странное дѣло, и оно должно было требовать всего искусства Симона для достиженія того, чтобы эта молодая и прекрасная принцесса, которой было въ это время только двадцать лѣтъ отъ роду, оставила всѣ свои іудейскіе предразсудки и, рискнувъ смертельнымъ отравленіемъ своего народа, покинула князя, который любилъ ее и даже склоненъ былъ принять обрѣзаніе для устраненія ея національных взглядовъ, — съ цѣлью вступитъ въ преступную связь съ жестокимъ и престарѣлымъ развратникомъ, который былъ ничто иное, какъ рабъ. Феликсъ, конечно, никогда и ни на одинъ моментъ не думалъ сдѣлать, ради ея, безконечной жертвы, принятой Азизомъ, и отъ которой отказался ея прежній любовникъ, князь Коммагенскій. Однако же такъ ловки были чары кипрійскаго волшебника и такъ искусны маневры соблазнителя, что онъ достигъ своей цѣли, и такимъ образомъ, женившись на третьей принцессѣ, еще болѣе сгладилъ воспоминаніе о своемъ рабскомъ происхожденіи. „*Trium reginarum maritum aut adulterum*“ (Suet. Claud. 28). Другая изъ его женъ была также Друзилла, дочь Юбія, царя Мавританіи, и внучка Антонія и Клеопатры. Третья невістка.

1937) Среди нихъ не было іудеевъ, такъ какъ ни одинъ іудей не могъ служить въ арміи, невынуждаясь постоянно нарушать правила своей религіи, такъ что на этомъ основаніи они всѣ были изъяты отъ воинской повинности.

1938) Происшедшія при этомъ случаѣ сцены похожи на тѣ, которыя происходили въ Александріи при Флаккѣ.

1939) *Philo* in Flacc. XVI.

1940) Въ 79 г. по Р. Хр. I. Флав. Antt. XX, 7, § 2.

ГЛАВА XLII. 1941) Это доставляет одно из немногих верных данных для точной хронологии Деяний Апостольских. Он умер в следующем году.

1942) *Jos. Antt.* 8, § 9; 9, § 1; *B. I. II*, 14, § 1.

1943) Деян. XXV, 24, *ἔπειτα τὸ πλῆθος τῶν Ἰουδαίων . . . ἐνθάδε.*

1944) Там же ἐπιβοῶντες.

1945) Он назначен был Агриппой II в 59 году.

1946) *Sm. Sota*, f. 47, 2; *Tosifita Sota*, c. 14; *Joma*, f. 23, 1; *Jos. B. I. passim.* (Grätz, III, 321, seqq.).

1947) Таково должно быть значение. ἐπ' ἐμοῦ XXV, 9. Трудно понять цель приведения ап. Павла в Иерусалим, если только не предполагалось еще раз подвергнуть его суду Синаedriona; но, конечно, Фест не мог председательствовать в собрании синедриона, хотя он мог присутствовать (как это было с Лизием) и видеть, что к обвиняемому относились добросовестно.

1948) По *Lex Julia De appellatione.* См. *Plin. Err.* X, 97.

1949) Римляне отгнали бы за всякое пренебрежение к их представителю.

1950) XXV, 19 Употребление фразы *περὶ τῆς ἰδίας διακονίας* „об их религиозных делах“ (см. XVII, 22) с достаточностью показывает, что между язычниками Агриппа обыкновенно говорил о своей религии совершенно в тонх еврейского человека.

1951) Св. Лука и древние христиане были слишком серьезны в своей вере, чтобы по крайней мере прибегать в повествовании указаний на презрительные, с которыми говорили о ней.

1952) XXV, 22, *ἑβραϊστικῇ καὶ αὐτῷ;* см. Гал. IV, 20. Оно однако же может означать: „я также чувствовал личное желание“.

1953) В 44 г. по Р. Хр. Теперь было около 60 года.

1954) *Suet.* Oct. 59; *Tiber.* 27; *Domit.* 13.

1955) *Plut.* Caes., p. 729; *Appul* *Metam.* II, „porrigit dextram et ad instar oratorum conformat articulum“.

1956) Премудр. V, 4; 2 Кор. V, 13. В выражении Феста есть ямбический ритм, вследствие чего оно звучит в родх цитаты.

1957) *Ἐν ὀλίγῳ* „вкратце“, „в немногих словах“ (см. *προέγραφα ἐν ὀλίγῳ* Елс. III, 3). „tout d'un coup“. Это не может означать „почти“, что было бы *παρ' ὀλίγον* или *ὀλίγον δευ.* *Osonatus*, заключающемся в настоящем *παῖδες*, см. *Brief Greek Syntax*, § 136. Но весьма сомнительно, имеем ли мы здесь действительное замечание Агриппы. Кодекс А читает *παῖδῃ* (*Lachm.*), и *παῖδες* быть может произошло от первоначального *παῖδε*—„вы убеждаетесь“ (см. *ὁ παῖς* см. ст. 26); так как вместо *γενέσθαι* кодексы N, A, B читают *ποιῆσαι*, что вместе с *παῖδες* непонятно. Из смещения этих чтений мы можем почти заключать, что Агриппа иронически сказал *μεῖς χριστιανὸν ποιῶμεν*—„ты скоро пожалуй сдѣлаешь и меня—Христианином!“.

1958) Св. Златоуст думает, что ап. Павел не понял значения слов Агриппы и, по незнанию разговорного греческого языка (?), предположил, будто бы он разумел „почти“. Но Ефес. III, 3 достаточно опровергает этот взгляд.

ГЛАВА XLIII. 1959) XXVII, 1. *Ἐτέρου* не всегда употребляется с классическою точностью для обозначения „узики“ различного класса“ (Лук. VIII, 3; Марк. XV, 41).

1960) Это, конечно, была не корота „*Sebasteni*“, т. е. уроженцев Сенаста,—название, данное Иродом Самария (I. Флав. B. I. II, 12, § 5).

1961) *Pliny*, H. N. VI, 35 (*Lewin*, II, 183).

1962) Больше строго „прокураторства“. Св. Лука употребляет однако же общее слово *ἐπαρχία*.

1963) *Tac. Hist.* II, 92: IV, 11. „*Pudore magis quam necessitate*“.

1964) Св. Лука, как врач, легко мог получить даровой проезд.

1965) XXVII, 3, *ἐπιτελεῖς ταχῆς.*

1966) *ὁπλοεὐστρεμεν*, „мы плыли под защитой“, т. е. в данном случае, „мы оставили Кипр сѣва“. Нужно замѣтить, что в одномъ этомъ повествованіи заключается не менѣе тринадцати различныхъ выражений для „плаванія“.

1967) См. *Thuc.* VIII, 35.

1968) Императоръ Титъ (*Suet. Vit.* 5) тоже самое дѣлалъ по своему возвращеніи изъ Палестины (см. *Jos. B. I. VII*, 2, § 1; *Tac.* H. IV, 81). Въ это время эта часть Средиземнаго моря почти всегда бурная (*Falconer*, *Dissert.* p. 16).

1969) Нужно, конечно, имѣть въ виду, что 1) они не имѣли компаса; 2) не могли идти противъ вѣтра. Киликійскій сухопутный вѣтеръ, который помогъ Адриатическому кораблю достигнуть Мұры, былъ совершенно мѣстный. СРАВ. *Socr.* H. E. II, 24; *Sozomen*, VI, 25 (говорится о путешествіи Аванасія Великаго изъ Александрии въ Римъ). Вѣштейнъ.

1970) XXVII, 7, *μὴ προσέωντος τοῦ ἀνέμου*. Тутъ не говорится, что они достигли Кипра, но что они достигли до противоположной стороны его и притомъ съ затрудненіемъ.

1971) Обрядъ очищенія соблюдался въ десятый день мѣсяца Тисри, что въ этомъ году (въ 60 по Р. Хр.) было въ осеннее равноденствіе.

1972) Сентября 28. См. *Lewin*, *Fasti Sacri*, § 1899 и *L'Art de vérifier les dates*, IV, p. 51.

1973) См. *Schoettgen*, *Hor. Hebr.* ad. loc; *Plin.* H. N. II, 47; *Veget.* De Re Milit. V, 9.

1974) *Ἄνδρες*—„мужья“, въ родѣ нашего gentlemen (милостивые государи), какъ въ XIV, 15; XIX, 25; не *κύριοι*, какъ въ Деян. XVI, 30.

1975) См. даѣе объ этомъ, *Smith*, стр. 49.

1976) Ст. 10, *θεωρεῖ*.

1977) Ст. 13, *ἀραντες ἄστρον παραλέγοντο τὴν Κρήτην*.

1978) Словомъ *τοφωνικός* описывается вихреобразное вращеніе облаковъ, причиняемое вѣтрѣмъ Ю. и В. С. В. вѣтровъ. См. *Plin.* H. N. II, 48, „*praecipua navigantium pestis*“; *A. Gell.* XIX, 1. Эта перемена вѣтра есть какъ разъ то, чего и можно было ожидать (*Purdy*, *Sailing Directory*, II, 61; *Smith.* *Voy.* and *Shipwreck*, p. 412).

1979) Собственно *Εὐερκίδων*, А. В. Сагид., *Конт. Smith*, p. 59. Это былъ такимъ образомъ вѣтеръ въ опредѣленномъ направленіи. Если что нибудь можно сказать въ пользу чтенія *Εὐερκίδων* Сирийскаго перевода (принятаго и въ русскомъ переводѣ), то развѣ въ смыслѣ передѣлки этого слова со стороны греческихъ матросовъ (см. *Language and Languages*, p. 119).

1980) Ст. 14, *ἔβαλεν κατ' αὐτῆς* можетъ означать или „*ринулся противъ нея*“, т. е. противъ корабля, названіе котораго въ греческомъ языкѣ (*γυνή*) женскаго рода; или „отбросилъ отъ него“, т. е. отъ острова Крита. Но первый переводъ правильнѣе, такъ какъ глаголъ *ἔβαλεν* не употребляется безъ слѣдующаго дополненія. Читателю легко будетъ слѣдить за подробностями этого путешествія, если онъ сопоставитъ карту съ направленіями, указанными на помѣщенномъ въ текстѣ компасѣ.

1981) *ἀντοφθαλμῆεν* На носу корабля рисовались глаза (*Eustath.* ad *Iliada*, XIV, 717).

1982) Одинъ изъ прописныхъ манускриптовъ (137) прибавляетъ *οὐστειλάντες τὰ ἱστιά*.

1983) Клавдія; В. Клавдія; *Plin.* IV, 20; *Gaudus*, *Gozzo*.

1984) Повѣствованіе св. Луки удивительно жгто и выразительно, и изъ него легко видѣть, въ какихъ именно трудахъ на кораблѣ могъ принять участіе какъ онъ, такъ и ап. Павелъ и другіе узники. Они помогали напр. въ удерживаніи лодки (ст. 16), въ облегченіи корабля (ст. 19), чт. *ἔρριπνεν*; но они не могли оказать никакой помощи въ такихъ техническихъ дѣлахъ какъ обвязываніе корабля, опусканіе лота, бросаніе якорей и пр.

1985) *ὑποζώματα*, *mitrae*, *Vitrue*, X, 15, 6; *Thuc.* I, 29; *Plato*, *Rep.* X, 616; *Hor.* *Od.* I, 14, 6. „Они (матросы испанскаго военнаго корабля) принуждены были выбросить за бортъ всѣ свои палубныя пушки и шесть разъ обойти корабль канатомъ, чтобы предотвратить опасность

разрушения" (*Anson, Voyage Round the World*). Корабль *Albion* был обязан желѣзными цѣпями послѣ Наваринскаго сраженія.

1986) Ст. 17 ἐκπέσει, т. е. чтобы не быть выброшенными на берег (*Hdt VIII, 13*).

1987) χαλάσαντες τὸ σκάφος, здѣсь „спустили большую раину“ (*Smith*).

1988) Ст. 13 δόξαντες τῆς προθέσεως κερκτῆρένα.

1989) Ст. 19 ἐκβολὴν ἐποιοῦντο, *jacturam faciebant*, между тѣмъ какъ то, что они дѣлали днемъ позже, было единичнымъ актомъ, ἐξέφικενъ.

1990) Ст. 19 τὴν σκαῦν ἐξέφικενъ (Таково чтеніе G, H, большинства прописныхъ, обонихъ Сирійскихъ переводовъ, Контскаго, Еоіонскаго и пр. Я схожусь съ De-Bette во мнѣніи, что ἐξέφικενъ S, A, B, C, Вульгаты есть ошибочное измѣненіе, происшедшее вслѣдствіе ἐποιοῦντο предыдущаго стиха). Значеніе этого выраженія спорно, но странно, что никто не обращалъ вниманія на то, что аористъ требуетъ *какого нибудь единичнаго акта*. Отсюда мнѣніе Альфорда, что подъ ἡ σκαῦν разумѣются постели, мебель, разныя запасныя снасти и пр., и мнѣніе Ветштейна, что подъ ними разумѣется багажъ пассажировъ, падаютъ сами собою, и получается новое значеніе предположенія Смита, что подъ этими словами разумѣется главная раина. По его замѣчанію, этимъ достигнуто было бы тоже, что на новѣйшихъ корабляхъ достигается выбрасываніемъ за бортъ пушекъ.

1991) *Plut. Caes. 38; De Fort. Rom. 6; Florus, IV, 2; Dion Cass. XLI, 46*. „Et Fortunam Caesaris“ есть позднѣйшее прибавленіе.

1992) Средиземное море между Греціей, Италіей и Африкой. *Strabo, II, 123*. Ἰόνιον πέλαγος, ὃ νῦν Ἀβρίας (*Nesych*). διαφερόμενον, „носимый туда и сюда“. Такъ конечно могло казаться находящимся на кораблѣ, но въ дѣйствительности они вѣроятно неслись въ восточно-сѣверовосточномъ направленіи на пространствѣ, сдѣлавъ 477 миль (около 850 верстъ) въ тринадцать дней, съ естественною скоростью въ 1½ миль въ часъ (*см. Smitt, p. 101*).

1993) Смитъ говорить, что одни измѣренія капитана Стюарта „доставили бы рѣшительное удостовѣреніе истинности этого повѣствованія“ (*p. IX*); и что при помощи этихъ и подобныхъ изслѣдованій мы имѣемъ возможность „въ точности указать мѣсто кораблекрушенія, происшедшаго восемнадцать вѣковъ тому назадъ“ (*p. XIII*).

1994) „Anchora de proga jacitur“ (*Virg. Aen. III, 277*). Лордъ Нельсонъ, прочитавъ эту главу какъ разъ передъ битвой при Копенгагенѣ, приказалъ нашимъ кораблямъ бросить якоря съ кормы.

1995) *См. Caes. Bell. Civ. I, 25*.

1996) Какъ видно изъ XXVII, 40.

1997) Тамъ, гдѣ потерпѣлъ кораблекрушеніе въ 1810 году англійскій фрегатъ *Lively*.

1998) XXVII, 30, ἐκτελεῖν.

1999) Ст. 40, ἀγκύρας περιελόντες εἰς τὴν θάλασσαν.

2000) *Eur. Hel. 1536*.

2001) „Levato artemone“ по Вульгатѣ; „Vestibus extensis, et quod superaverat unum Velo proga suo“. *Juv. XII, 68, Artemone Solo. Sch.*

2002) Такъ θάλασσαν употреблено Страбономъ о *Босфорѣ*, *Strabo, 124*.

2003) Ап. Павелъ вѣроятно былъ среди нихъ (2 кор. XI, 25).

2004) Ст. 41, ἐλθετο, „корабль разбивался на куски“. „Dissolutum navigium“ (*Cic. Antt. XV, 11*).

ГЛАВА XLIV. 2005) Константиномъ Порфиророднымъ было высказано мнѣніе, что островъ, у котораго ап. Павелъ потерпѣлъ кораблекрушеніе, былъ не Мальта, а маленькій островокъ въ Адриатикѣ—Мелеца, у береговъ Далматин. Но оно основано на ошибочномъ взглядѣ на Адриатическое море (XXVII, 27), иноплеменниковъ (XXVIII, 2) и ехидну (—3), вмѣстѣ съ разными мореплавателями соображеніями. Мнѣніе это поддерживали Георгій Меледоніи, Яковъ Браанти,

Фальконеръ и наконецъ Ниль, въ его *Notes on Dalmatia, p. 161*. Все, что можетъ быть сказано въ пользу этого мнѣнія, можетъ быть найдено у Фальконера въ его *Dissertation* (3 изд., съ дополнительными примѣчаніями, 1872 г.).

2006) φρυγάνων (*см. Theophrast. Hist. Plant 1, 4*) Отсюда возраженіе, что *Bosquetta*, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ залива св. Павла есть единственное мѣсто, гдѣ есть на Мальтѣ строевой лѣсъ, падаетъ само собою, еслибы оно и имѣло за себя какія либо другія основанія.

2007) Исчезновеніе ехидны съ о. Мальты, если только она дѣйствительно исчезла тамъ, есть не болѣе странное явленіе, какъ и исчезновеніе ея въ Арранѣ. Въ греческой анекдотіи есть любопытная параллель этому случаю („Ἐκτανα λυγρὸς ἔχει· τι μάτην πρὸς κόμας· ἐμύχθει τὴν ἐπὶ γῆς φεύγων μοῖραν ἐφαλομένην“) (*Anthol.*).

2008) Такъ, когда укушена была Хармиана, „въ трепетѣ стояла она, и вдругъ упала“ *Ант. и Kleon. V, 2* (*Humphry*).

2009) *Bochart, Phaleg., II, I, 26*. Πρώτος Μελιταίων, *Corp. Inscr. Graec. 5754*.

2010) Τυχαῖς. *См. Сирах. XXXVIII, 1; „honos“ Cic. ad Divv. XVI, 9*.

2011) XXVIII, 13. Περιελθόντες; 2 Цар. V, 33; 4 Цар. III, 9.

2012) Въ 59 г. по Р. Хр. Διὸς καὶ ἄλλοις ἦεν καὶ ἐπειδὴ, κἀνταῦθα τὰ αὐτὰ αὐτῶν συνέβαινε, ἄλλοις ἐμπλήρωτος μεθίστατο. *Dion LXI, 13, 14; Tac. Ann. XIV, 8; Suet. Nero, 34*.

2013) *Hor. Sat. I, V, 4*.

2014) *Juv. Sat. III, 12*.

2015) *Porta di S. Sebastiano*.

2016) Дѣян. XXVIII, 16, τῷ στρατοπεδάρχῃ. Траян. у *Павл. Epp. X, 65*. „Vinctus mitti ad praefectos praetorii mei debet“.

2017) XXVIII, 23,—εἰς τὴν ξανίαν. *См. Филим. 22; Дѣян. XXI, 16*.

2018) Сказать это—было совершенно въ ихъ духѣ. *См. Tac. Ann. XV, 44; Suet. Ner. 16; и graffiti катакомбъ несомнѣнно лишь продолженіе безконечныхъ клеветъ, противъ которыхъ вынуждены были протестовать христіанскіе апологеты (Tert. Apol. 16 и сл.).*

2019) Въ Рим. I, 8 ап. Павелъ говоритъ римскимъ христіанамъ, что вѣра ихъ возмѣщается во всемъ мірѣ. Всякій, знакомый съ его слоюзомъ, не увидитъ въ этомъ чего нибудь больше того, что апостолъ разсказывалъ о нихъ въ благоприятномъ смыслѣ среди разсѣянныхъ христіанъ, посѣщавшихся ими церквей. Для ап. Павла, какъ и для всякаго другаго человека, „міръ“ означаетъ тотъ именно міръ, въ которомъ онъ жилъ, т. е. маленькія христіанскія общины, основанныя имъ. Ренанъ замѣчаетъ, что при чтеніи Веніамина Тудема трудно вообразить, чтобы въ мірѣ былъ еще кто нибудь, кромѣ евреевъ, а при чтеніи Ибн-Батутты, чтобы въ немъ были еще кто нибудь, кромѣ мусульманъ.

2020) Она была частнымъ образомъ судима своимъ мужемъ, и освобождена въ 57 году по Р. Хр.

2021) *Lightfoot, Philippians, p. 219*. Во всякомъ случаѣ въ высшей степени замѣчательны факты, что когда ап. Павелъ писалъ посланіе къ колоссянамъ, только двое изъ иудействующихъ христіанъ были при немъ, именно Маркъ и Исусъ, прозваніе котораго Густомъ, если только имъ переводится слово ὁ δίκαιος, показывается, что онъ, подобно „Іакову праведному“, былъ вѣрнымъ исполнителемъ закона (*Кол. IV, 11*).

2022) *Friedländer, III, 510*.

2023) Ст. 29 не имѣется въ S, A, B, E.

2024) Μισθῶν собственнo meritorium conductum, нанято помѣщеніе.

ГЛАВА XLV. 2025) *Juv. Sat. III, 126—189*.

2026) *Juv. Sat. III, 235; Tac. Ann. XV, 38*.

2027) *Juv. Sat. III, 254—261; Mart. V, 22; Juv. III, 197 и сл. 239 и сл. 190—231*.

2028) *Jos. Met.* 3.

2029) *Tac. Ann.* XII, 38; *H. III*, 45.

2030) См. позднейшие послания, в разных местах.

2031) Необходимость этого закона открыто доказывалась в сенате, и он приведен был в исполнение в том самом году, именно в 61, когда Педаний Секунд, префект города, был убит одним из его рабов (*Tac. Ann.* XIV, 42). Вследствие этого убийства (вынужденного ужасным развратом) было казнено не менее 400 рабов, и не невозможно, что между ними были и некоторые христиане. О числе их смотри *Juv.* III, 141; VIII, 180; XIV, 305. *Mancipiorum legiones. Plin. H. N.* XXXIII, 6, § 26.

2032) *Juv.* XIV, 24; *Becker, Charicles*, II, 53; *Gallus*, II, 124.

2033) *Petron. Satyr.* p. 117 (*Sen. Ep.* 7).

2034) *Cic. pro Flacc.* 28; *Jos. c. Apion.* I, 7; *Tac. Ann.* II, 85; *Philo, Leg. ad Gaium*, p. 568.

2035) *Jos. Antt.* XVII, 11, § 1; *Tac. Ann.* II, 85. См. вообще об этом предмете у Фридрихсена, *Sittengesch. Roms*, III, 500; *Hausrath*, p. 474 и сл.

2036) *Mart.* I, 41, 3; X, 5, 3; *Juv.* IV, 116; V, 8; XIV, 134.

2037) *Mart.* XI, 94; VII, 30.

2038) *Tac. Ann.* XIII, 44: „*Nulli mulieri cuncta alia facere praeter honestum animum*“.

2039) См. *Pers.* V, 180; *Hor. Sat.* II, 3, 288.

2040) *Sueton. Caes.* 84.

2041) *Hor. Sat.* I, IX, 20.

2042) Нерон наследовал Клавдию 13 октября, 54 года.

2043) В праздник Ювеналиа, установленный Нероном по случаю первого бритья своей бороды, Галлион должен был подвергнуться унижению публичного объявления об его появлении в театре, а Бурр и Сенека должны были действовать в качестве суфлеров и руководителей, „с похвалами на устах и с болью на сердцах“ (*Dion. LXI*, 20, 19; *Tac. Ann.* XIV, 15).

2044) *Tac. Ann.* XIV, 51.

2045) „*Validior Tigellinus in animo Principis et iatimis libidinibus ossumptus*“ (*Tac. l. c.* *Τιγελλίνον δὲ τινὲς Σωφρόνιον ἀπελαίειν τε καὶ μιμνήσκειν πάντας τοὺς κατ' αὐτὸν ἀνθρώπους ὑπερβίοντες* (*Dion. LXII*, 13).

ГЛАВА XLVI. 2046) Были дѣлаемы и другія классификаціи, какъ напр. классификація Баура, который раздѣляетъ ихъ на *ἐπιλογούμενα* (четыре), *ἀντιλεγόμενα* (шесть) и *νόθα* (три). Подобнымъ образомъ Ренанъ дѣлитъ посланія слѣдующимъ образомъ: — 1) Безспорныя — Галат., 1, 2 Кор., Рим. 2) Подлинныя, оспариваемыя — 1, 2 Оесс., Филипп. 3) Вѣроятно подлинныя, хотя открыты для серьезныхъ возраженій — Колос. и Филипп. 4) Сомнительныя — Ефес. 5) Подложныя — пастырскія посланія (St. Paul, V).

Ланге раздѣляетъ посланія на: 1) Эсхатологическія (1, 2 Оесс.) 2) Сотериологическія (Гал., Рим.). 3) Церковныя (1 Кор., полемическое; 2 Кор. апологетическое). 4) Христологическія (Кол., Ефес.). 5) Правдоучительныя (Филипп.). 6) Пастырскія (Филипп., 1, 2 Тим., Тит.). (Введеніе въ посланіе къ Римлянамъ).

Ольсгаузенъ классифицируетъ ихъ такъ: — 1) Догматическія; 2) Практическія; 3) Дружескія. Но эта классификація неудачна.

2047) См. приложение XXII: „Отличительныя слова, основныя поты и характеристическія особенности посланій“.

2048) *Chrys. Prooem. ad Epist. ad Ephes.*; *Jerome, ad Eph.* III, 1; IV, 1; VI 20; *Theodoret, Prooem. ad Epist. ad Eph.* и проч. Если я не упоминаю теоріи Одера (?), что посланіе къ Филиппійцамъ было написано изъ Коринфе (см. *Schenkel, Der Brief an die Philipppier*, p. 110), то это

потому, что, какъ говоритъ Бауръ, „не стоитъ обсуждать неопредѣленныя гипотезы, которыя не имѣютъ основы въ исторіи и несостоятельны сами по себѣ“.

2049) Я могу выразить только мое удивленіе, что эта теорія могла быть принята съ благосклонностью не только Шульцемъ и Шнекенбургеромъ, но даже Гольцманомъ, Рейссомъ, Шенке-лемъ и Мейеромъ.

2050) Смерть Бурра и назначеніе Тигеллина произошли въ началѣ 62 года по Р. Хр., чрезъ какихъ нибудь девять мѣсяцевъ послѣ прибытія ап. Павла. Женитба Перона на Понпеей произошла около этого же времени и вообще имѣетъ мало отношенія къ этому дѣлу. такъ какъ ея вліяніе какъ любовницы Перона было вѣроятно гораздо больше, чѣмъ то, которое она оказывала въ качествѣ его жены.

2051) Ляйтфутъ (*Philipp.* p. 34) думаетъ, что Аристархъ могъ оставить ап. Павла въ Мурѣ и могъ принести въ Филиппы извѣстіе о путешествіи ап. Павла въ Римъ, на своемъ пути въ Фессалонику; но я не вижу достаточныхъ основаній для того, чтобы думать, что Аристархъ, который въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ „соучникомъ“ ап. Павла въ Римѣ (Колос. IV, 10), отправился домой изъ Адромиттіа (Дѣян. XXVII, 2). Во всякомъ случаѣ онъ могъ только принести извѣстіе, что ап. Павелъ находился на пути въ Римъ, а не о томъ, что онъ уже прибылъ.

2052) *Lightfoot, Philippians*, pp. 40—45. l. g.

Филипп.	Рим.	Филипп.	Рим.
I. 3, 4, 7, 8	I. 8—11	III. 4, 5	XI. 1
I. 10	II. 18.	III. 9	X. 3
II. 8, 9, 10, 11	XIV. 9, 11	III. 21	VIII. 29
II. 4	XII. 10.	III. 19	XVI. 18

Къ этому можно прибавить еще Фил. III, 3, Рим. XII, 1, и употребленіе слова *φρονέειν* въ Филипп. I, 7, II, 2, 5, III, 15, съ Рим. XII, 3, 16, XIV, 6. Посланіе это представляетъ также нѣсколько интересныхъ пунктовъ сравненія съ послѣднимъ, какое только онъ писалъ: Филипп. I, 23, *ἐπιθυμῶν ἔχειν εἰς τὸ ἀναλίσκειν*, 2 Тим. 4, 6, *καρὸς τῆς ἐμῆς ἀναλίσσεως ἐφέστηκον*. Фил. II, 17, *εἰ καὶ σπένδομαι*, 2 Тим. IV, 6, *ἐγὼ γὰρ ἤδη σπένδομαι*. Фил. III, 14 *κατὰ σκοπὸν διώκω ἐπὶ τὸ βραβεῖον*, 2 Тим. IV, 7, 8, *τὸν θρόνον τετάλεικα, ἀποκείται μοι ὁ τῆς δικαιοσύνης στέφανος*.

2053) Муѣніе, что это посланіе представляетъ собою въ дѣйствительности два посланія, а не одно, повидимому возникло вследствие Филипп. III, 1 и ошибочнаго предположенія, что Поликарпъ въ своемъ посланіи къ Филиппійцамъ упоминаетъ болѣе чѣмъ объ одномъ посланіи ап. Павла къ нимъ (*ὅς καὶ ἀπὸν ὁμῶν ἔγραψεν ἐπιστολάς*, ad *Philipp.* c. 3). Что *ἐπιστολάς* однако же можетъ отличаться отъ *ἐπιστολῆς* только болѣею выразительностью термина, это рѣшительно доказывается *Thuc.* VIII, 51; *Jos. Antt.* XII, 4, § 10. Что ап. Павелъ писалъ и другія письма къ Филиппійцамъ въ теченіи десяти лѣтъ, протекшихъ съ того времени, какъ онъ посѣтилъ ихъ, и что онъ могъ писать другія письма послѣ этого, это не только возможно, но даже вѣроятно; но если бы какое нибудь изъ такихъ писемъ дошло до времени Поликарпа, то совершенно невѣроятно, чтобы они не сохранились и впоследствии.

2054) Такъ друзья Агриппы оказали ему помощь въ томъ, что снабдили его лучшимъ содержаніемъ и большими удобствами, когда онъ былъ заключенъ въ темницу Тиверіемъ; и Лукіанъ рассказываетъ о теплотѣ и щедрости, съ которою христиане уменьшали тягости и даже изъ ночи въ ночь дѣлили самое тюремное заключеніе Перергина.

2055) Сравни, что Лютеръ говоритъ о болѣзни и выздоровленіи Меланхтона.

2056) *Baur, Paul* II, 50, seqq. *Schwegler, Nachapostol. Zeital.* II, 133, seqq. Въ пользу этого выставляются три аргумента: 1) гностическія понятія во II, 6—9; 2) отсутствіе того, что можно бы назвать явно характеристическимъ и отличающимъ посланія ап. Павла; 3) сомнительность нѣкоторыхъ изъ историческихъ данныхъ.

2057) Вопрос о *гении* выступает только в посланиях к македонским церквям. Онъ привл. Филиппийцев к унынию, а Фессалоникийцев к ошибочным ожиданиям.

ГЛАВА XLVII. 2058) Филип. I, 1, 2. Это послание может быть резюмировано таким образом: I, 1, 2, приветствие; I, 3—11, благодарение и молитва; 12—26, личные подробности; I, 27—II, 16, увещания к единству примѣромъ Христа; II, 17—30, личные подробности; III, 1, 2, последнее внушение, внезапно прерываемое отступлениемъ, въ которомъ обличаются иудейство и антиномизмъ; III, 3—IV, 1, увещание к единению; IV, 2, 3, увещание к христіанской радости; 4—9, благодарение за ихъ помощь; IV, 10—20, заключительное приветствие и благословение, 21—23. Единство посланія (не смотря на мнѣіе Гейнриха, Вейссе и др.) допускается вообще всѣми.

2159) „Богу несвойственно дѣлать что нибудь на половину“ (Неандеръ).

2060) Ст. 10, *δοκιμάζειν τὰ διαφέροντα*, см. Рим. II, 18. „Non modo prae malis bona, sed ex bonis optima“ (Bengel). „Ut probetis potiora“ (Vulg.).

2061) Ст. 13, *ἐν ἑλφὶ τῷ πρωτοφίλῳ*. Слово это, хотя употреблявшееся въ отношеніи царскихъ резиденцій въ провинціяхъ (Марк. XV, 16; Дѣян. XXIII, 35), намѣренно избѣгалось въ Римѣ, гдѣ тщательно избѣгалъ всякой выставки военнаго деспотизма (Meivall, VI, 268, n.). Употребленіе слова *Prætorium* (собственно „генеральская ставка“) въ отношеніи дома императора на Палатинѣ было бы оскорбленіемъ для Римлянъ. Контрастъ съ *τοῖς λοιποῖς πᾶσι* показываетъ, что здѣсь разумѣются *личности* (Lightfoot, pp. 97—99; Schleusner, s. v.).

2062) I, 15, *κηρύσσουσιν*; 16 *καταγγέλλουσιν*. Сомнительно, означаетъ ли перемѣна слова именно то, что думаетъ деканъ Блексли (Dict. of Bible, s. v. Philippi). *Ἐκδησις*: 1) работа за наемную плату; 2) добываніе наемныхъ партизановъ; 3) „духъ мятежа“ (Arist. Polit. V, 3).

2063) Чт. *ἐγείρειν* (S, A, B, D, F, G).

2064) I, 12—18. Быть можетъ *χαρίσμαι* означаетъ: „съ теченіемъ времени я буду имѣть хорошій случай ликовать; ибо“ и проч.

2065) Ст. 19, *ἐπιχορηγίζω*; Гал. III, 5; 2 Кор. IX, 10; Ефес. IV, 16; 2 Петр. I, 5.

2066) Ст. 20, *ἀποκαταβολή*; Рим. VIII, 19; *ἐπιτεταμένη προσδοκία*, Злат. (см. Jos. B. J. III, 7, § 26 и Schleusner, s. v.).

2067) Lightfoot, Phil. I. 20.

2068) „Quicquid vivo, Christum vivo... In Paulo non Paulus vivit, sed Iesus Christus“ (Bengel).

2069) 2 Кор. V, 1; IV, 6—8. О непосредственномъ состояніи умершихъ смотри 1 Кор. XV, 51, 52.

2070) Ст. 23, *πολλὸν μᾶλλον κρείσσον*.

2071) *μενὸν καὶ παραμένον*. (Lightfoot, Phil. I, 25).

2072) I, 19—26. *κλύχην* „основаніе для похвалы“.

2073) Ст. 27, *πολιτεύσθε*.

2074) II, 1, *εἰ τις σπλάγγην καὶ σίκερσι*. Къ этому чтенію кодексовъ S, A, B, C, D, E, F, G, K обыкновенно относились какъ къ простому варваризму. Таково оно и есть въ грамматическомъ отношеніи; но величайшіе писатели, тѣ, которые глубже всего затронули сердце постоянно приносятъ грамматикѣ въ жертву риторикѣ чувства; и если ап. Павелъ въ своемъ бурномъ порывѣ слова дѣйствительно сказалъ такъ, то писецъ его былъ совершенно вправѣ такъ и записать это. Возможно также, что слово *σπλάγγην* вошло въ употребленіе въ разговорномъ языкѣ въ родѣ собирательнаго единственнаго члена (см. *sproglia*, *dérouille*, библия и проч.). Какъ оно совершенно могло потерять свой первоначальный смыслъ, можно видѣть изъ смѣлаго выраженія *ἐνδοσσε... σπλάγγην* въ Колос. III, 12.

2075) Слово это взято изъ перечня пороковъ (Колос. II, 18; Plato, Legg. IV, p. 774; Epict. I, 3) и перенесено въ перечень добродѣтелей.

2076) II, 1—4, leg. *σχοπόντες* (S, A, B, F, G).

2077) Это толкованіе греческихъ отцевъ предпочтительно предъ толкованіемъ большинства

латинскихъ отцевъ. Оно дѣлаетъ *ἀρπαγὴν ἡγεσθαι* тождественнымъ по значенію съ обыденной фразой *ἀρπαγὴ ἔγχει* — „съ жадностью хватать“. Кромѣ того, этотъ смыслъ вызывается и всѣмъ контекстомъ (*μὴ τὰ ἑαυτῶν σκοπεῖν*). Это то мѣсто, которое будто бы заимствовано изъ идеи Валентиніанскаго Эона *Софія*, который показывалъ эксцентрическое и страстное желаніе *προδύλασθαι*, „устремляться впередъ“; *κακονομήσθαι τῷ πατρὶ τῷ ταλειφ*, „находиться въ общеніи съ совершеннымъ отцемъ“; *καταλαβεῖν τὸ μέγεθος αὐτοῦ* захватить его величіе! (Iren. Adv. Haer. I, 2, 2).

2078) Здѣсь Бауръ видитъ докетизмъ, какъ онъ видѣлъ валентиніанизмъ въ ст. 6 (Paul. II, 15—21); *μορφή* — постоянная существенная форма (Рим. VIII, 29; Гал. IV, 19); *σχήμα* внѣшній подходящій образъ (III, 21; Рим. XII, 2; 1 Кор. VII, 31).

2079) *Ἐξομολογήσθαι*. См. Матѳ. XI, 25; Лук. X, 21.

2080) Ст. 12, 13, *κατεργάζεσθε . . . ὁ Θεὸς γὰρ . . .* Здѣсь мы видимъ соотношеніе божественной благодати и человѣческаго усилія. См. 1 Кор. IX, 24, *τρέχετε, ἵνα καταλάβητε*. Рим. IX, 16, *οὐδὲ τοῦ τρέχοντος, ἀλλὰ τοῦ ἐλεούντος Θεοῦ*.

2081) *Φωστῆρες*. Быт. I, 14; Откр. XXI, 11. Вордсвортъ понимаетъ это въ смыслѣ „факеловъ въ темныхъ узкихъ узцахъ“.

2082) Сл. 2 Тим. IV, 6. Сравни поразительную параллель въ смерти Сенеки, Тас. Ann. XV, 64. По мнѣнію нѣкоторыхъ, *ἐπί* означаетъ не „чрезъ“, но „вдобавокъ къ“, потому что иудейскія воззрѣнія возманились не „на“ жертвенникъ, но „вокругъ“ его (Jos. Antt. III, 9, § 4). Но намекъ этотъ могъ относиться къ языческимъ обычаямъ.

2083) II, 14—18. „Мы невольно вспоминаемъ о вѣстникѣ, который принесть извѣстіе о битвѣ Марафонской, причемъ онъ на первомъ порогѣ умеръ съ слѣдующими словами на устахъ: *χαίρετε καὶ χαίρομεν*“ (Phut. Mor., p. 347). (Lightfoot, ad loc.).

2084) *Ἀγίθα*.

2085) *Παράβολοι ἐν αὐτῷ* (S, A, B, D, E, F, G). Оно обыкновенно употребляется въ отношеніи того, кто подвергаетъ свою жизнь опасности ухаживая за больными (*perabolani*). (Wetst. ad loc.).

2086) Въ этомъ выраженіи заключается два значенія: „прощанія“ и „радости“.

2087) Ewald, Sendschr., p. 438.

2088) Это самое простое и самое основательное объясненіе выраженія *τὰ αὐτὰ γράφειν* и оно вполне согласно съ обычными у ап. Павла заключительными предостереженіями (1 Кор. XVI, 22; Галат. VI, 15 и проч.), или оно можетъ относиться къ предмету радости (I, 18, 25; II, 17; IV, 4). Оно дало поводъ къ различнымъ гипотезамъ. Ап. Павелъ несомнѣнно писалъ и другія письма къ Филиппійцамъ (что составляетъ естественное и необходимое заключеніе изъ *καὶ ἀπὸν ὑμῖν ἔγραψεν ἐπιστολάς*—*Polyc.* ad Phil. 3), но эти слова не показываютъ этого (см. выше, прим. 2053).

2089) Выраженіе это обыкновенно употреблялось въ отношеніи язычниковъ и иудеевъ эллинистовъ (Матѳ. XV, 26), и означаетъ суровый укоръ (Втор. XXIII, 18; Откр. XXII, 15). Мы въ точности не знаемъ значенія имѣющагося здѣсь въ виду намека.

2090) *Περικτομή*, *κατατομή* въ переводѣ на латинскій языкъ было бы „circumcisi“, „decisi“ (Curti, Hor. Sat. I, 9, 70); на нѣмецкомъ языкѣ *Beschnittene*, *Zerschnittene*. „Обрѣзаніе“ здѣсь разумѣется въ смыслѣ простаго порѣзанія или уродованія. См. Дѣян. VII, 51; Рим. III, 25—29; Колос. II, 11; Іезек. XLIV, 7; Втор. X, 16.

2091) III, 3, *λατρεύοντες*, Лук. II, 37; Дѣян. XXVI, 7.

2092) III, 5. Прозелитъ, сынъ прозелита, назывался *Геръбенъ-геръ*, но Павелъ былъ *בן עברי* (Pirke Abbôth, V).

2093) Не можетъ ли это относиться къ какой нибудь внезапной потерѣ имъ всѣхъ земныхъ средствъ жизни при обращеніи?

2094) Ст. 8, *σκόβαλα*. Оно производится быть можетъ отъ корня *схат*, но въ употребленіи =

κοῖτα (Suida). Некоторые предпочитают технический смысл этого слова = „excrementa“ (Теодорит).

2005) Ст. 9, διὰ πίστεως... ἐκ Θεοῦ... ἐπὶ τῇ πίστει.

2006) III, 2—11, чт. τὴν ἐκ νεκρῶν (N, A, B, D, E).

2007) ἐφ' ᾧ можете означать также „потому что“ (2 Кор. V, 4); или это может быть эллинизм винительного падежа послѣ κατὰ λόγον.

2008) „Non progredi est regredi“ (Aug).

2009) ἐτέρως употребилось въ смягчительномъ смыслѣ (=κακῶς, Од. I, 234, ἄτερον=τὸ κακόν). Также еврейское слово „azur“. Значение этой фразы таково: „если вы прилежите къ этому дѣлу, то Богъ просвѣтитъ васъ въ несущественномъ“.

2100) III, 12—16, καὶ νῦν, τὸ αὐτὸ φρονεῖν (N, A, B).

2101) Ст. 21, μεταχωρήσασιν... οὐρανῶν; II, 6.

2102) IV, 3, γνήσια Σόφρων. Климентъ Александрийскій принималъ это слово въ смыслѣ *жены* ап. Павла, οὗκ οὐκεί τὴν αὐτοῦ προσηγορίαν οὐδ' αὖτε τὴν οὐ περιεχόμενεν (Strom. III, 6, 53), см. Euseb. H. E. III, 30. Ренанъ (стр. 145) думаетъ, что это была Индія. Почему ей не высказано привѣтствіе? Если Индія было просто языческимъ именемъ, то она могла быть одною изъ этихъ двухъ женщинъ или ей могло уже не быть въ живыхъ.

2103) Швепгеръ думаетъ, что здѣсь будто бы дѣлается намекъ на ап. Петра! Игра именами вполне въ обычаѣ у ап. Павла. Единственное затрудненіе заключается въ томъ, что Сизигъ нигдѣ еще не встрѣчается въ качествѣ имени.

2104) IV, 2, 3. Дикое предположеніе Баура (?) касательно Климента, что вся исторія его римскаго епископата изобрѣтена съ цѣлью придать болѣе достопочтенности древнимъ христіанамъ посредствомъ отождествленія его съ консуломъ Флавіемъ Климентомъ, и что все это посланіе изобрѣтено въ соотвѣтствіи съ этою мыслию, — кажется почти правдоподобнымъ рядомъ съ гипотезой (?) Фолькмара касательно Еводія и Спитихія, — именно, что Еводія = „православіе“, Петрова партія, и Спитихія, „отщепенство“ = Павлова партія! Климентъ, хотя и филиппецъ, могъ быть тождественъ съ *Климентомъ Римскимъ* (Orig. in Ioann. I, 29; Euseb. H. E. III, 15 и проч.); мы не можемъ сказать даже „вѣроятно“, потому что имя это было крайне распространеннымъ.

2105) IV, 8, ἀρετὴ здѣсь только употреблено у ап. Павла.

2106) Ст. 10, ἀνεθάρτα буквально: „вы раздѣли опять думать обо мнѣ“. Златоустъ говоритъ: ἐτι πρότερον ὄντας ἀνδρῶν ἐξηγῶνθησαν, что значить коснуться этой метафоры Итуріадовымъ конемъ. Repullulastis Aug.; Refloruistis, Vulg.).

2107) Ст. 18, ἀπέχω (Мат. VI, 2). Слово это употребляется въ смыслѣ „выдачи росписки въ полученіи сполна“.

2108) Почему особенно? Сказать невозможно.

2109) Нужно имѣть въ виду, что рабы считались тысячами — atrienses, cubicularii, secretarii, lectores, introductores, nomenclatores, dispensatores, silentiarii (держатъ другихъ въ покоѣ) и пр. и пр., и даже рабы, которымъ должны были говорить господину имена его другихъ рабовъ! Мы читаемъ о римлянахъ, которые имѣли по 20,000 рабовъ. Четыре тысячи не считалось особенно большимъ числомъ (Sen. De Vit. beat. 17; Plin. H. N. XXXIII, 10; Athen. VI, p. 272).

2110) Lightfoot, p. 64.

ГЛАВА XLVIII 2111) Колос. I, 19; II, 9; Ефес. I, 23; III, 19; IV, (13 Иоан. I, 14, 16). Нѣмецкіе писатели выражаютъ различіе это, говоря, что Christlichkeit болѣе выступаетъ въ посланіи къ Колоссянамъ, Kirchlichkeit — въ посланіи къ Ефессянамъ.

2112) Эпиктетъ былъ современникъ апостола. Что касается до христіанскаго отгнана его стоическаго умозрѣнія, см. мое сочиненіе Seekers after God.

2113) Tac. Ann. XIV, 27, „propriis oribus revaluit“. Откр. III, 14. Цицеронъ, который жилъ тамъ въ качествѣ проконсула Киликіи, часто указываетъ на это въ своихъ письмахъ.

2114) Теперь Хонось. Лийфутъ называетъ этотъ городъ „наименѣе важною церковью, къ какой только обращено было посланіе ап. Павла“ (Col. p. 16).

2115) Дѣян. XVI, 6. Въ Дѣян. XVIII, 23 порядокъ таковъ: „страну Галатійскую и Фригію“. Въ прежнемъ случаѣ онъ путешествовалъ изъ Антиохіи Писидійской въ Троаду; въ последнемъ изъ Антиохіи Сирійской въ Ефесъ.

2116) Это были „гностическіе эвониты“, по Бауру; „кериноіане“, по Майергофу; „христіанскій эссенизмъ въ его развитіи къ гностицизму“, по Лилсію; „связующее звѣно между эссеянами и кериноіанями“, по Нитчу; „аскеты и теософисты ессейской школы“, по Гольцману; „предтечи христіанскихъ ессеевъ“, по Ричау (Pfleiderer, II, 98).

2117) Такъ и Филозъ считалъ тѣло своего рода Египтомъ для души (Ques. rer. div. haec 518).

2118) 1 Есс. I, 1; V, 28; 1 Кор. VIII, 6; 2 Кор. IV, 4; V, 19; Рим. IX, 5. Даже Ренанъ вполне допускаетъ это (St. Paul, X, 274).

2119) Употребленіе этихъ выраженій чрезвычайно хорошо поясняется нѣкоторыми замѣчаніями Тертуліана, Adv. Praxeas, 8. Онъ употребилъ слово *προβολή* и, предвидя возраженіе, что слово это отзывается валентиніанизмомъ, отвѣчаетъ, что ересь эта заимствовала это слово у истины для того, чтобы самой преобразоваться по ея подобію.

2120) Неандеръ (Planting, p. 323, seq.) указываетъ на предрасположеніе фригійцевъ къ мистическому и волшебному, какъ это и доказывается культомъ Цибелы, монтеизмомъ, тенденціями осужденными на соборѣ Лаодикійскомъ, и существованіемъ аэнигініанъ въ девятую столѣтіи и проч. Быть можетъ зарождающіяся ереси Азіи можно короче всего характеризовать какъ зародышъ гностицизма, развившагося изъ эссеянскихъ и восточныхъ умозрѣній касательно происхожденія зла. Эти умозрѣнія повели къ безосновательнымъ ученіямъ объ ангелахъ, несовѣстимымъ съ верховенствомъ Христа; къ эсotericкой исключительности, несовѣстимой съ вселенскою Евангеліею; и къ ошибочному аскетизму, опасному для христіанской свободы. За туманными теоріями слѣдовала неразумная жизнь. Интересно замѣтить, что нѣкоторыя по крайнѣй мѣрѣ изъ этихъ самыхъ тенденцій можно прослѣдить въ укоряхъ ап. Иоанна семи церквамъ. Срав. Окр. III, 14 и Колос. I, 15—18; Окр. III, 21 и Кол. III, 1, Ефес. II, 6. Нѣкоторыя интересныя параллели изъ Зороастра приводятся изъ Бэзика Дэвисомъ въ его трактатѣ о слѣдахъ чуждыхъ элементовъ въ этихъ посланіяхъ (Ephes. pp. 141—9) Онъ говоритъ: „унадокъ и смѣшеніе древнихъ исповѣданій въ азіатскомъ умѣ создали рыхлую, но плодородную почву, на которую достаточно было ступить, чтобы дать возможность возникнуть различнымъ теософіямъ“.

2121) Lightfoot, Col. pp. 114—179.

2122) Neander, Planting, I, 325; Ch. Hist. II, 42; Lightfoot, Col. p. 107, seq.

2123) „Наиболѣе энергическія выраженія посланія къ Колоссянамъ лишь немного превосходятъ выраженія прежнихъ посланій“ (Renan, St. P. X).

2124) Clem. Alex. Strom. III, 5; 2 Тим. III, 1—7; Іуд. 8; Откр. II, 14, 20—22.

2125) См. ниже прим. 2210. „Эти два посланія какбы близнецы между собой, одинаковы по внѣшней фizioноміи, одинаковы по характеру, но не настолько тождественны, чтобы исключать строгій отпечатокъ индивидуальности“ (Davies, Eph. and Col., p. 7). Онъ говоритъ, что стиль здѣсь довольно тяжелъ, но „сущность поражаетъ своею правдивостью и силой“. Поддѣльникъ сталъ бы копировать фразы; но кто могъ скопировать въ высшей степени „характеристическія и внутреннія концепціи апостола?“ Даже критики, недопускающіе подлинности всего посланія, видятъ, что его чувства и большинство его фразеологій на столько безспорно Павловы, что они приписываютъ къ теоріи вставокъ (Гитцигъ, Вейсесъ, Гольцманъ) или совместнаго авторства ап. Павла съ Тимоеемъ (Эвальдъ).

ГЛАВА XLIX. ²¹²⁶ Ст. 2, *Κολοσσαίς*, код. A, B, D, F, G, L; но вѣроятно *πρὸς Κολοσσαίς* въ позднѣйшемъ надписаніи.

²¹²⁷ Если чтеніе B, D, Оригена и др. правильно, то это единственный примѣръ, гдѣ Богъ Отецъ стоитъ одинъ въ начальномъ благословеніи. Въ краткомъ обзорѣ посланіе представляется такимъ: I. Введение: I, 1, 2, прѣвѣствіе; благодареніе I, 3—8; молитва I, 9—13. II. Догматическая часть: личность и дѣло Иисуса Христа, I, 13—II, 3. III. Полемиическая часть: предостереженія противъ заблужденія и практическіе выводы изъ соответствующихъ истинъ—II, 4—III, 4. IV. Практическая часть: общія правила III, 5—17; частныя правила III, 18—IV, 6. V. Личныя сообщенія и прощаніе IV, 7—18.

²¹²⁸ Ст. 6, *καρποφοροῦντες* „самопроизвольно приносить плоды“ (ст. 10, *καρποφοροῦντες*) и однако же при этомъ все болѣе усиливается (*καὶ ἐκτενέστερον*).

²¹²⁹ Ст. 7, *ὅτι ἐκείνους*, A, B, D, F, G. Это можетъ только означать, что Епафраза проповѣдывалъ за ап. Павла, т. е. вмѣсто него, и если это чтеніе правильно, то оно даетъ другое рѣшительное доказательство, что самъ апостолъ никогда не проповѣдывалъ въ этихъ церквяхъ.

²¹³⁰ I, 9—14. Чтеніе: „кровію Его“ вставлено изъ Ефес. I, 7.

²¹³¹ Ляйтфутъ въ своемъ важномъ примѣчаніи (стр. 209) показываетъ, что здѣсь о Христѣ говорится, во первыхъ, въ отношеніи къ Богу (слово *ἐκείνους* заключаетъ двѣ идеи: представленія и явленія) и во вторыхъ, въ отношеніи къ тварямъ, причемъ слова *πρωτόκοκκος πάσης κτίσεως* заключаютъ идею посредничества между Богомъ и твореніемъ, и *πρωτόκοκκος* прилагается къ Логосу у Филона и къ Мессіи въ Псал. LXXXVIII, 27. Оно означаетъ первенство и господство надъ всякою тварью. Повидимому, были уже нѣкоторыя тенденціи видѣть въ крестѣ соблазнъ и различать между Иисусомъ распятымъ и Христомъ прославленнымъ (I, 19, 20—22; II, 6—9).

²¹³² Ст. 16, *ἐκτίσθη*, „создано однимъ словомъ“.

²¹³³ Изъ этихъ словъ нельзя извлечь никакого опредѣленнаго ученія объ ангелахъ (сн. II, 18; Ефес. I, 21). Иерархія псевдо-Дионисія совершенно произвольна. Но говоритъ, что мѣсто это имѣетъ гностицескій характеръ, совершенно негѣно въ виду такихъ мѣстъ, какъ Рим. VIII, 38; I Кор. XV, 24.

²¹³⁴ Ст. 16, *ἐκτίσται*, „создано и еще существуетъ“.

²¹³⁵ Онъ *εἶναι*—*ἔστιν*, а не *ἔστιν* (какъ думаетъ Ляйтфутъ), такъ какъ время и повтореніе мѣстоименій означаютъ предсуществованіе и личность (Іоан. VIII, 58; Исх. III, 14).

²¹³⁶ Ст. 19, *κατοικῆσαι*, не *παροικῆσαι*—проходящее, но *κατοικῆσαι* постоянное обитаніе. Сн. Быт. XXXVI, 44, LXX; *κατοικῆσαι*, *בָּנִי*; *παροικῆσαι*, *גֵּר* и пр.

²¹³⁷ „Полнота“ въ смыслѣ законченнаго исполненія соответствуетъ всѣмъ употребленіямъ этого слова у ап. Павла, какъ въ его обыкновенномъ смыслѣ (I Кор. X, 26; Рим. XI, 12, 25; XIII, 10; XV, 29; Гал. IV, 4; Ефес. I, 10), такъ и въ его позднѣйшемъ квази-техническомъ смыслѣ въ приложеніи къ „цѣлокупности божественныхъ свойствъ и дѣйствій“ (Колос. I, 19, II, 9; Ефес. I, 23; III, 19; IV, 13). Оно прямо заимствовано изъ употребленія въ ветхомъ заветѣ (Іерем. VIII, 16 и проч.); и позднѣйшее локализованное употребленіе Керина и Валентина въ свою очередь заимствовано отсюда. Если его производить отъ *πληρῶς* скорѣе въ смыслѣ „исполнять“, чѣмъ въ смыслѣ „наполнять“, то затрудненія у ап. Павла уменьшаются; хотя и нельзя сказать, чтобы они совсѣмъ исчезли. *Lightfoot*, Col. 323—339. Тѣ, которые желаютъ познакомиться съ другими взглядами касательно этого, могутъ найти ихъ въ *Baur*, Paul. II, 93; *Pfeiderer*, II, 172; *Holtmann*, Eph. Col. 222 seq.; *Fritzsche* on Rom. X, 1. О связи *πληρῶς* съ еврейскимъ *קָדַם* нѣсколько цѣнныхъ указаній находится въ *Taylor*, Pirque Aboth, p. 54. *Макомъ*, „мѣсто“=186, и по гематріи оно отождествляется съ Іегова, такъ какъ квадраты буквъ тетраграмматона (10²+5²+6²+5²) даютъ ту же сумму (*Buxt.* Lex Chald. 2001). Не будучи исключительно гностикомъ, Филонъ уже говорилъ (*De Somniis*, I), что слово это имѣетъ три значенія,

изъ которыхъ третье есть *Богъ*. Отсюда интересный александрианизмъ въ переводѣ LXX Исх. XXIV, 10, *εἶδον τὸν τόπον ὃ ἐστήκει ὁ Θεός*. „Богъ“, говорила знаменитая іудейская пословица, „находится не въ Га-Макомѣ („мѣсто“, „вселенная“), но весь Га-Макомъ находится въ Богѣ“.

²¹³⁸ Ст. 21, *ἀποκατάστασις* (B). „Апѣ, какъ въ *ἀποκαταστήσειν υἱοθεσίαν* (Гал. IV, 5) и *ἀποκατάστασις*“ указываетъ на *возстановленіе* потеряннаго состоянія.

²¹³⁹ I, 15—23. Въ стихѣ 20 начинается очеркъ дѣятельности Христа сначала вообще (20), затѣмъ въ частности для Колоссаевъ (21—23).

²¹⁴⁰ *τὰ ὑστερήματα*. Эти послѣднія слова проливаютъ свѣтъ на прежнія. Жертва Христа есть конечно „полная, совершенная и достаточная жертва, возношеніе и удовлетвореніе за грѣхи всего міра“, и страданія святыхъ не могутъ поэтому имѣть удовлетворяющаго значенія. Но они могутъ быть полезны и важны, даже нужны для продолженія дѣла Христова на землѣ; и въ этомъ смыслѣ ап. Павелъ и всякій „участникъ страданій Христовыхъ“ (2 Кор. I, 7; Филипп. III, 10) можетъ „лично восполнять вмѣсто Христа (*ἀντὶ Χριστοῦ*)“, то что въ страданіяхъ Христа недостаетъ для Его тѣла, Церкви“. Штейгеръ, Морисъ, Гуть и др. читаютъ: „страданія Христа въ моей плоти“; но *Χριστός* не можетъ быть въ *σάρξ*, которую разрушаетъ Христосъ.

²¹⁴¹ Таппа равнаго допущенія язычниковъ (I, 27; IV, 3; Ефес. I, 10; III, 3, 8 и въ другихъ мѣстахъ).

²¹⁴² Повтореніе слова *πάντα* есть ясное предостереженіе противъ эсotericескихъ доктринъ и исключительной записчивости умственнаго спиритуализма, служащаго зародышемъ для многихъ ересей. Это естественно любимое слово апостола, который долженъ былъ провозгласить всеобщность Евангелія (I Кор. X, 1; XII, 29, 30 и проч.). *Τέλειος* употреблялось о лицахъ, которые посвящались въ мистеріи.

²¹⁴³ Ст. 1, *ἀγῶνα* указываетъ на *ἀγωνιζόμενος*, I, 29.

²¹⁴⁴ Чт. *συνβιβασθέντες*.

²¹⁴⁵ Ст. 2. Чт. *τοῦ Θεοῦ, Χριστοῦ* (*Lightfoot*, Col. p. 318).

²¹⁴⁶ Ст. 7. Нужно замѣтить различіе между *ἐργαζόμενοι*, въ смыслѣ постоянного прочнаго результата, и *ἐποικοδομοῦντες*, въ смыслѣ продолжающагося процесса назиданія. Обращаетъ на себя вниманіе также спутанность метафоры, которая однако же не есть спутанность мысли: „ходите“, „укоренены“, „утверждены“, „укрѣплены“.

²¹⁴⁷ Ст. 8, *τις*, въ самой своей неопредѣленности опредѣленно (сн. Гал. I, 7).

²¹⁴⁸ Выраженіе это замѣчательно, какъ единственное мѣсто, гдѣ ап. Павелъ употребляетъ слово „философія“, все равно какъ онъ однажды только употребляетъ слово „добродѣтель“ (Филипп. IV, 8). Оба эти слова замѣняются болѣе возвышенными понятіями.

²¹⁴⁹ См. выше стр. 519 (Гал. IV, 3, 9).

²¹⁵⁰ *θεότης*, *deitas*; сильнѣе чѣмъ *θειότης*, *divinitas*.

²¹⁵¹ Ст. 11, *ἀπεκδυσας*.

²¹⁵² Втор. XXVII, 14—26; Галат. II, 19; IV, 9; *ὑπακούετε*. Здѣсь разумѣется постановленіе Моисеева и естественнаго закона. *Δόγματι* трудно для объясненія; переводъ этого выраженія „состоящій въ постановленіяхъ“ повидимому требуетъ *ἐν*, какъ въ Ефес. II, 15. Греческіе отцы также понимали его въ смыслѣ „устраненія посредствомъ отъѣмъ опредѣленіями Евангелія“.

²¹⁵³ Вырываясь на свободу отъ нападеній злыхъ духовъ, которые иначе одѣлись бы Имъ какъ одеждой (сн. I Петр. V, 5, *ἐκπορεύεσθε*; Евр. XII, 1, *ἐπερίστειτος*; Ис. XI, 5 и проч.). Онъ унесъ ихъ добычу, какъ трофей, на своемъ крестѣ.

²¹⁵⁴ II, 11—15. Касательно *φραγέουσας* сн. 2 Кор. II, 14, стр. 821.

²¹⁵⁵ „Таковъ путь Торы. Кусокъ съ солью долженъ ты ѣсть; ты долженъ пить также воду мѣрою“ (*Perek. R. Meir*).

²¹⁵⁶ Если по истеченіи девятнадцати столѣтій христіанская церковь не уразумѣла священ-

ной свободы этого языка, мы можем вообразить, какая пронизательность требовалась для того, чтобы изречь его во времена ап. Павла, и как иудеи должны были скрежетать зубами, когда они слышали его. Когда „император“ спросил раввина Акибу, как он узнавал субботний день, он сказал: „рѣка Самбатіонъ (такъ называемая „субботствующая рѣка“) доказываетъ это; некромансеръ (кто не имѣетъ никакого отношенія къ субботѣ) доказываетъ это; могила твоего отца (которая въ знакъ того, что находящіеся въ ней пребываютъ въ аду, дымится исключая субботы, когда даже адъ успокоивается) доказываетъ это“. Sanhedrin, f. 65, 2. Можно привести тысячи мѣстъ, которые показываютъ, что это именно было основнымъ тономъ всей иудейской системы: см. Babha Kama, f. 82, 1; Abhoda Zara, f. 64, 2, и проч. Законъ субботы, какъ Спаситель часто старался убѣдить иудеевъ, есть законъ святой свободы, а не мелочнаго рабства.

2157) Θεῶν ἐν, LXX. 2. ὅτι, 1 Цар. XVIII, 22 и проч. См. въ сочиненіяхъ бл. Августина, Бенгеля, Олстаузена, Ляйтфута.

2158) Вполнѣ развитое учение объ ангелахъ существовало въ иудейской церкви задолго до появленія гностицизма. См. Gfröger, Jahr. des Heils. I, 124, seq. Я собралъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда данныхъ въ трактатѣ объ иудейскомъ ученіи объ ангелахъ и демонахъ („Жизнь Иисуса Христа“, стр. 632). Неандеръ указываетъ на κήρυγμα Πέτρος и Clem. Alex. Strom. VI, 635. Θεοδωρίτис (II, 18) упоминаетъ, что даже въ его время были молитвенныя обращенія къ архангелу Михаилу.

2159) α ἑρριαν (S, A, B, D). Ляйтфутъ и др. дѣлаютъ весьма простую предположительную поправку α ἑρριαν κενερίαν. Ея правда не встрѣчается нигдѣ въ манускриптахъ, но исчезновеніе ея легко объяснить — 1) созвучностью и 2) рѣдкимъ употребленіемъ самаго глагола. Глаголъ κενερίαν (въ родѣ ἀεροβῶντι καὶ περιερῶντι τὸν ἥλιον — „я ступаю по воздуху и озирю солнце“, у Arist. Nub. 225, и αἰθεροβῶντις у Philo, I, 465) могъ быть подсказанъ однимъ изъ еретическихъ теософическихъ терминовъ, еслибы κενερίαν когда либо было употреблено какимъ нибудь начинающимъ гностикомъ того времени (какъ и впоследствии) въ видѣ антитезы Παιρμόν, или „полнотѣ“. Но нельзя ли α ἑρριαν ἐρριανъ принять (метафорически) въ смыслѣ „обитая на томъ, что онъ видѣлъ“?

2160) Согласіе этого мѣста съ высшимъ научнымъ развитіемъ того вѣка замѣчательно, и оно могло зависѣть отъ св. Луки.

2161) Ст. 23, ἀποδοθήσεται счастливое изобрѣтеніе самого ап. Павла, которое Елифаній передѣлываетъ въ ἀποδοθήσεται (Наег. I, 16).

2162) II, 16—23. Это замѣчательное мѣсто есть аргументъ противъ утомительныхъ мелочностей преувеличеннаго аскетизма на основаніи того, что онъ бесполезенъ для имѣющей въ виду дѣлаи

2163) Ст. 6, выраженіе ἐπὶ τοῦς πόδες τῆς ἀπειθείας вѣроятно вставлено изъ Ефес. V, 6.

2164) Ст. 11. Скны были самымъ низкимъ типомъ варваровъ (Гал. III, 28).

2165) Христианская гимнологія началась очень рано, хотя гимны не всегда имѣли метрической характеръ (Откр. XV, 3; Дѣян. XVI, 25; Ефес. V, 19, 20; Рим. Ер. 97; Mart. S. Ign. VII, 202; ἀπ' ἀρχῆς ὑπὸ πιστῶν ᾠροῦνται. Euseb. H. E. V, 28) Ритмическія мѣста находятся въ Ефес. V, 14; 1 Тим. III, 16; VI, 15, 16; 2 Тим. II, 11—13 (Dict. Christ. Antt. s. v. Hymns).

2166) ὡς ἀνῆλθεν, „какъ всегда было, такъ всегда и есть прилично“ (Сп. Дѣян. XXII, 22) (См. мое сочиненіе Brief Greek Syntax, § 140).

2167) Обращаетъ на себя вниманіе рѣдкая оригинальность этого увѣщанія. Можно ли бы было ожидать этого въ подложномъ сочиненіи?

2168) III, 18—25. Изъ такихъ мѣстъ извлечены были такія благородныя предостерегающія правила феодализма, какъ „Entre toi vilain, et toi seigneur, il n'y a juge fors Dieu“, „Le seigneur qui prend des droits injustes de son vilain, les prend au péril de son âme“ (Beaumanoir). Эти скромныя практическія правила были тѣмъ болѣе необходимы для тѣхъ, которые смотрѣли на высшія семейныя обязанности какъ на вульгарныя и препятствующія духовному созерцанію (Maurice

Unity, 587). Какъ не похоже это на οὕτως προσηλῶν βούλους 'Αριστοτέλης εἰς ποτα (Clem. Alex. Strom. III, 12, § 84).

2169) IV, 8, χτ. ἐν γυνὴ τὰ περί ἡμῶν (A, B, D, F, G).

2170) Ст. 10, συναρχαῖος. Собственно „соуправникъ взятый на войну“. То же слово употребляется въ отношеніи Енафраса (Филим. 23), Андроника, Луція (Рим. XVI, 7). Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ мы не можемъ сказать, на что собственно намеряется, или въ какомъ смыслѣ употребляется это слово, въ буквальный или метафорическомъ.

2171) Варнавы вѣроятно уже не было въ живыхъ, и такимъ образомъ Маркъ могъ быть свободенъ. Ап. Павелъ, повидимому, мало опасался касательно его приѣма.

2172) Пронизательность ап. Павла въ характерѣ быть можетъ доказывается его нѣсколько зловѣщимъ молчаніемъ касательно Димаса (2 Тим. IV, 10).

2173) Ст. 15, αὐτῶν (S, A, C), αὐτῆς (B, Lachm.); οὕτως (F, G, K и пр.).

2174) τὴν ἐκ Λαοδικείας, „писанное изъ Лаодикіи и пришедшее къ намъ изъ Θρακίи“. Constructio praegnans (Brief Greek Syntax, § 89; Winer, § LXVI, 6). Не можетъ быть много сомнѣнія въ томъ, что это было посланіе къ „Ефесянамъ“. Апокрифическое посланіе къ Лаодикіи есть жалкій сборникъ разныхъ стихотвореній (См. Lightfoot, Col. 340—366; Westcott, Canon. p. 542).

2175) Архимитъ, какъ признается вообще, былъ сынъ Филимона и главный пресвитеръ Лаодикіи. Если такъ, то Тихикъ могъ видѣть его на своемъ пути въ Колоссы. Любопытно по крайней мѣрѣ то, что недостатокъ ревности, который здѣсь кротко укоряется, есть отличительный признакъ Лаодикійской церкви, какъ она представляется ея „ангеломъ“ въ Откр. III, 15 (Trench, Seven Churches, 180).

2176) Эта болѣе короткая форма есть характеристическая черта въ позднѣйшихъ посланіяхъ ап. Павла—Колос., 1, 2 Тим., Титу. Болѣе пространная форма находится во всѣхъ посланіяхъ, написанныхъ до этого времени.

ГЛАВА L. 2177) Подъ „избранной госпожей“ во 2 Иоан. I, 1 разумѣется не отдѣльная личность, а церковь.

2178) Довѣсь.

2179) Даже Бауръ, повидимому, стыдится необходимости, которая заставила его объявить это посланіе подложнымъ. Онъ дѣлаетъ это потому, что оно болѣе или менѣе связано съ другими тремя и поэтому вполнѣ зависить отъ нихъ. „Какое дѣло критицизму до этого краткаго, привлекательнаго, дружескаго и граціознаго письма, вдохновленнаго каковы благороднѣйшимъ христианскимъ чувствомъ и къ которому однако же никогда не прикасалось дыханіе сомнѣнія?“ (Paul. II, 80)

2180) Sall. Cat. XXXVII, 5.

2181) Ketubboth, f. 28, 1.

2182) Macrob. Saturn. I, 11. Лучшіе стоики представляютъ благородное исключеніе изъ этого общаго тона.

2183) In Ep. ad Philem.

2184) Μουσῶν ἐσχητός. Menand. Androg. 7; Plat. Theaet. 209. B.

2185) Cic. pro Flacc. 27.

2186) Arist. Pol. I, 4, ἐμφόχον ὄργανον.

2187) Varro, de Re Rust. I, 17. „Instrumenti genus... vocale“.

2188) Pers. Sat. V, 76—80.

2189) „Omnia in servum licent“ (Sen. Clem. I, 18). Живой очеркъ этихъ ужасовъ и нечестія см. Dollinger, Judenth. u. Heidenth. IX, 1, § 2; Wallon, Hist. de l'esclavage dans l'antiquité. Различіе между мудростью отъ міра и мудростью Божіею можетъ быть измѣряемо различіемъ между посланіемъ къ Филимону и чувствами язычниковъ, даже столь просвѣщенныхъ какъ Аристотель (Polit. I, 3; Eth. Nic. VIII, 13) и Платонъ (Legg. VI, 777, seq.; Rep. VIII, 549).

Различие между христианскою нравственностью и нравственностью даже таких язычников, которые считались образцами добродетели, может быть видно из сравнения совѣта ап. Павла христианскимъ господамъ и отвратительной жестокости и алчности Катона старшаго въ его обращеніи съ своими рабами (*Plut. Cat. Maj. X, 21; Plin. H. N. XVIII, 8, 3*). См. также у Павла, по мѣстамъ; Сенека Ер. XLVII; *Juv. Sat. VI, 219, seq. Tac. Ann. XIV, 42—45; Plut. Apophthegm. VI, 778* (въ разсказѣ Ветія Полліона).

2190) Обь отношеніи христианства къ рабству см. *Lecky, Hist. of Rationalism, II, 258; Troplong, De l'Influence du Christ sur le Droit civil, и проч., Gold. Smith, Does the Bible sanction American Slavery? De Broglie, L'Eglise et L'Emp. VI, 498, seq.; I, 162, 306; Wallon, De l'esclavage, II, ad fin., и проч.* На взглядъ этотъ указывается въ Откр. XVIII, 13.

2191) См. *Hausrath, Neut. Leitg. II, 405*.

2192) Въ посланіи не говорится, что Онисимъ былъ молодъ, но употребляемое касательно его выраженіе повидимому ясно показываетъ, что это именно было такъ (Филим 10, 12 и проч.). Выраженіе *σπλάγχνα* подобно латинскому *viscera*, употребляется о сыновьяхъ—*οἱ παῖδες σπλάγχνα λέγονται* (*Artemid. Oneirocr. I, 44; cf., V, 57*).

2193) Филим. 13, *ὅτι ὁ παῖς τοῦ μοι δούλου*. Невѣроятно, чтобы *δούλου* здѣсь означало религиозное служеніе.

2194) Многие писатели сознавали, что ни однимъ еще словомъ, кромѣ благородства, въ его древнемъ и истинномъ значеніи, нельзя обозначить истиннаго характера, открываемаго въ этомъ посланіи (*Stanley, Cor. 391; Newman, Sermon on Various Occasions, 133*).

2195) *Juv. Sat. VI, 219; Plin. Ep. IX, 21, „Ne torseris illum“*.

2196) *δραπέτης ἐπιτιμωτός* (*Ar. Av. 759. (Becker, Charikles, p. 370)*).

2197) Епископъ Вордсвортъ.

2198) Отверженіе его Бауромъ основано на не-Павловыхъ выраженіяхъ, т. е. выраженіяхъ, которыя встрѣчаются только въ другихъ отвергаемыхъ имъ посланіяхъ; на предположеніи, что обстоятельства были невѣроятны, и что слово *σπλάγχνα*, — которое онъ признаетъ Павловымъ и которое, по его словамъ, могло бы встрѣтиться *два* раза, — употреблено *три* раза! Посланіе поэтому въ его глазахъ есть „Embryo einer Christlichen Dichtung“. Admissi risum teneatis? „Vorwurf der Hyperkritik, eines übertriebenen Misstrauens, einer alles angreifenden Zweifelsucht“ однако же приложимъ не только къ его критицизму этого посланія, но и вообще къ его методу; только въ настоящемъ случаѣ, какъ говоритъ Визингеръ, это не только Hyperkritik, но прямо Unkritik.

ГЛАВА LI. 2199) Переводъ письма Плінія помѣщенъ въ приложеніи XXIII (Ер. IX, 21).

2200) Чтеніе здѣсь собственно неопредѣленно, но кодексы *α, A, D, E, F, G* (В здѣсь не полно) читаютъ *ἀνελψή* и, какъ можно судить на основаніи Теодорита Мопсуетскаго, *ἀγαπήτη* въ его время и во время самого апостола могло подавать поводъ къ грубымъ замѣчаніямъ со стороны грубыхъ умовъ.

2201) Ст. 5, *πρός... εἰς*.

2202) Ст. 9, *ταπεινός* *ὅτι ὡς* не есть неклассическое, какъ утверждаетъ Мейеръ (см. примѣры у Лайфута, Col. p. 404). Ап. Павлу въ это время навѣрно было около шестидесяти лѣтъ отъ роду, и люди этого возраста, особенно когда они подвергались, какъ это было съ нимъ, всѣмъ бурямъ житейскаго моря, естественно говорятъ о себѣ какъ старцахъ. Я не могу думать, чтобы это означало „посланиникъ“ (Ефес. VI, 20). Не говоря уже о томъ обстоятельстве, что чтеніе есть *πρεσβύτερος*, а не *πρεσβυτήс*, и допуская, что эти два слова часто могли смѣшиваться между собою (все равно какъ *πρεσβυς* и *πρεσβυτής* смѣшиваются въ своемъ значеніи въ множественномъ числѣ), однако же сказать ли бы ап. Павелъ „посланиникъ“, не сказавъ чей?

2203) *ἀγρ. Litotomis; erat enim noxius* (Bengel).

2204) Ст. 11. Здѣсь, какъ тонко замѣчаетъ Бауръ, повидимому есть двойная паронимасія. *Χριστός* и *Χρηστός* часто смѣшивались одно съ другимъ, и христиане не чуждались этого. „Ех тоῦ

κατηγοροῦμένου ἡμῶν ὁνόματος χρηστότατος ὑπάρχοντες, *христианοὶ γὰρ εἶναι κατηγοροῦμεθα*, τὸν δὲ *χρηστόν* μεταβολὴ εἰς *εὐχαιον* (*Justin, Apol. I, 4; Tert. Apol. 3*). См. выше, стр. 205.

2205) „Сынъ мой утробы, Анзальмъ!“ (*Browning, The Bishop's Tomb.*) *σπλάγχνα* = *corculum*, „самое мое сердце“; „самые глаза мой“; *עין עין*. Эллиптическая форма этого предложенія, столь характеристическая у ап. Павла, дополняется въ нѣкоторыхъ манускриптахъ выраженіемъ *Σὺ δὲ αὐτόν, τοῦτοτι τὰ ἐνὰ σπλάγχνα προσλαβὼν*.

2206) „*Ἀντὶ γραμματίου τῆνδε κατέχευε τὴν ἐπιστολήν*“ *πάσαν αὐτὴν γέγραφα* (Теодоритъ). Нѣкоторые предполагали, что ап. Павелъ здѣсь взялъ перо у писца, и что это единственное его автографическое выраженіе. Устерзее и др. относятся къ этому какъ къ „благодушной шуткѣ“, а другіе считаютъ это выраженіе непохожимъ на деликатность, которая никогда еще не напоминала иудействующимъ о *шалюкѣ*, о сборѣ которой усилеио заботился ап. Павелъ. Но рабъ имѣлъ дѣлу, и къ этому замѣчанію могло повести нѣчто въ характерѣ самого Филимона. Бенгель справедливо говоритъ: „*Vinctus scribit serio*“, какъ отецъ платитъ долги своего сына. Шрадеръ, Ларднеръ, Блэкъ, Гаккетъ считаютъ выраженіе, что Онисимъ украсть нѣчто, просто клеветой.

2207) Ст. 20, *ἐνείκην*. „Я посылаю тебѣ назадъ Онисима, теперь достойнаго своего имени; будешь ли ты мнѣ Онисимомъ?“ Напрасно критики протестуютъ противъ подобной игры именами. Она свободно употреблялась во все время, у всѣхъ писателей и во всѣхъ странахъ, какъ я и доказалъ это множествомъ примѣровъ въ моихъ *Chapters on Language, ch. XXII*.

2208) Ап. Павелъ былъ воспитанъ какъ раввинъ. Для того, чтобы видѣть, чему его научило христианство, достаточно только сравнить его ученіе съ ученіемъ его прежнихъ учителей. Сопоставьте напр. раввинское мнѣніе о рабѣ съ тѣмъ нѣжнымъ отношеніемъ къ человѣческому достоинству, съ тѣмъ высокимъ понятіемъ о человѣкѣ, какъ человѣкѣ, которое такъ прекрасно вырисовывается въ этомъ его краткомъ писмѣ. Раввинъ училъ, что по смерти раба не нужно было произносить благословенія для печальнаго о немъ или предлагать утѣшеніе имъ. Случилось, что однажды умерла рабыня раввина Еліезера, и когда его ученики пришли пособолѣзновать ему, онъ удалился отъ нихъ изъ комнаты въ комнату, изъ горницы въ нижнее помѣщеніе, пока наконецъ не сказалъ имъ: „я думаю, что вы почувствуете теплую воду, но вы не чувствуете даже и кипятка. Не училъ ли я васъ, что эти знаки почтенія не нужно выражать при смерти рабовъ?“ „Что же“ спросили ученики, „ученики въ такихъ случаяхъ должны говорить своимъ учителямъ?“ „То же самое, что говорится, когда умираютъ ихъ вола и ослы“, отвѣчалъ раввинъ:—„Господь да восполнитъ твой убытокъ“. О нихъ не сдѣлало печалиться даже ихъ господамъ; раввинъ Іозе однажды позволилъ господину сказать:—„увы! добрый и вѣрный человѣкъ, и притомъ человѣкъ, который жилъ своимъ трудомъ!“ Но даже противъ такого заявленія возражали, какъ излишняго (*Berachoth, f. 16, 2; Maimonides, Hilch. Aval. § 12; Hal. 12*).

2209) Преданія касательно епископства, мученичества Филимона и проч. слишкомъ поздняя происхожденія, чтобы имѣть какое либо значеніе; то же самое можетъ быть сказано о преданіи касательно Онисима. На сколько касается времени, то онъ *могъ* быть Онисимомъ, епископомъ Ефесскимъ, упоминаемымъ сорокъ четыре года спустя св. Игнатіемъ. Прибавка въ двухъ манускриптахъ говоритъ, что онъ потерпѣлъ мученичество въ Римѣ, причѣмъ ему ноги были перебиты на пыткѣ.

ГЛАВА LII. 2210) Что посланіе это предназначалось *между другими* и для ефесянъ, это признается всѣми, и Альфордъ указываетъ на приложимость этого „посланія благодати Божіей“ къ церкви, гдѣ ап. Павелъ спеціально проповѣдывалъ „благовѣстіе благодати Божіей“ (Дѣян. XX, 24, 32). И патетическое обращеніе, содержащееся въ словахъ *ὁ εἰς ἡμᾶς* (III, 1; IV, 1), было бы совершенно ясно для тѣхъ, которые слышали пророчества Дѣян. XX, 22. Другими пунктами параллели между этимъ посланіемъ и бесѣдой съ ефесскими пресвитерами является рѣдкое употребленіе словъ *σουλή* (I, 11; Дѣян. XX, 27) *περιποιεῖς* (I, 14; см. Дѣян. XX, 28) и *κλῆρονομία* (I, 14, 18; V, 5, Дѣян. XX, 32; *Maurice, Unity, 512—514*). Но не входя въ подробности этого часто приводимаго аргумента, просто вышшія особенности посланія—относительно простое опуше-

ние приветствий и имени Тимофея, — но недостаток интимности и специальности, общность благодарения, отсутствие слова „братия“ (см. VI, 10), отдаленность, так сказать, во всем тонк обращении, вместе с дважды повторенным *εὔχ* (III, 2; IV, 21), и принужденное отсутствие чисто личного обращения в III, 2—4, — все это было бы необъяснимо, если бы даже не было вышних оснований сомневаться в подлинности слов *ἐν Ἐφέσῳ*. Но когда мы видим, что эти слова без всякого видимого основания опускаются в кодексах *K*, *B*, и знаем, на основании свидетельств Власия Великого, что он по преданию знал о их опущении и находил, что они были опущены, *ἐν τοῖς παλαιοῖς τὸν ἀντιγράφων*, равно как находили это Маркион, Тертуллиан и Иероним, то мы невольно приходим к решительному заключению, что письмо это не было обращено исключительно к ефесянам. Взгляд, который считает его окружающим посланием, между другими мѣстами, и Лаодикий, в высшей степени вѣроумен (Колос. IV, 16). В ефес. VI, 21, слова *καὶ ὑμεῖς* в высшей степени легко объяснимы на основании предположения, что послание это должно было пойти в различные города. Во всяком случае, отсутствие приветствий и проч. есть явный знак подлинности, потому что подделщик навѣрно вставил бы их. Послание это отнюдь не имѣет недостатка во вышних доказательствах своей подлинности. Иринеи (Haer. V, 2, 3), Климент Александрийский (Strom. IV, 8), Поликарп (ad Phil. I, XII), Тертуллиан (adv. Marc. V, 1, 17) и быть может даже Игнатий (ad Eph. VI) все или ссылались или намекали на него. Оно же упоминается в Мураториевом каноне. Отвергающие его подлинность должны считать с широким и ранним его принятием не менее чем с трудностью его подделки. Послание это принималось бесспорно Павловым от времени св. Игнатия до Шлейермахера. Ренан сводит возражения против его подлинности к следующим рубрикам: 1) встречающиеся фразы и *ἀπλὴ λευκότης*; 2) слабый, расплывчатый и запутанный стиль; 3) слѣды развивающегося гностицизма; 4) развитое понятие о церкви, как живом организме; 5) несвойственный Павлу экзегезис; 6) выражение „святые апостолы“; 7) несвойственные Павлу взгляды на брак. Я надѣюсь показать, что возражения эти несостоятельны.

2211) Церковь также не абсолютно ставит вопрос о значении известной св. книги в зависимости от вопроса о его подлинности, определѣние которой есть дѣло ученой критики.

2212) Paul. II, 2.

2213) Davidson, Introd. II, 388. В своем раннем изданіи Давидсон думал, что „нѣтъ ничего болѣе безосновательнаго“, как такіа утверждения, и тогда онъ говорил: „языкъ богат и обилит, но онъ вездѣ изобилуетъ мыслью“. См. Gloag, Introd., p. 313.

2214) Общее сходство заключается в томъ, что в обоихъ (Колос. III; Ефес. IV, 1) тотъ же самый переходъ приводитъ къ тому же самому приложенію — причѣмъ смиреннѣйшая нравственность основывается на возвышеннѣйшихъ истинахъ. Есть также и спеціальныя сходства а) в христологическихъ взглядахъ; б) в фразеології, причѣмъ 78 стиховъ изъ 155 выражаются тѣми же фразами в обоихъ посланіяхъ. Съ другой стороны есть замѣтныя отличія: а) в обоихъ есть *ἀπλὴ λευκότης*; б) руководящее слово *τὰ ἐπουράνια* составляетъ особенность посланія къ Ефесянамъ; в) посланіе къ Ефесянамъ отличается глубокими мыслями и имѣетъ цѣлыя отдѣлы (I, 3—14; IV, 5—15, V, 7—14; 23—31; VI, 10—17), которыхъ нѣтъ в посланіи къ Колоссянамъ; г) въ посланіи къ Ефесянамъ находится семь ветхозавѣтныхъ цитатъ и только одна в посланіи къ Колоссянамъ (II, 21).

2215) Отсюда критики совершенно не въ силахъ рѣшить, написаны ли эти посланія двумя авторами или однимъ авторомъ; и былъ ли ап. Павелъ отчасти авторомъ какого-нибудь изъ нихъ или никакого; не составляетъ ли посланіе къ Колоссянамъ извлеченіе изъ посланія къ Ефесянамъ, или посланіе къ Ефесянамъ — распространенная редакція посланія къ Колоссянамъ.

2216) Сходство выражений (Davidson, Introd. I, 384) часто тѣмъ сильнѣе выставляется несходство въ основныхъ идеяхъ. Это другой поразительный признакъ слѣпоты, затемняющей острую прозорливость Баура въ другихъ отношеніяхъ, именно что онъ сказалъ, будто содержаніе

обоихъ этихъ посланій „настолько существенно одно и то же, что они не могутъ быть различаемы одно отъ другаго“ (Paul. II, 6). Метафизическая христологія, которая полемически разсматривается въ посланіи къ Колоссянамъ, только предполагается и указывается въ посланіи къ Ефесянамъ; и выдающиеся понятія предопредѣленія и единства, отличающія догматическую часть посланія къ Ефесянамъ, находятъ мало или совсѣмъ не находятъ мѣста въ посланіи къ Колоссянамъ. Совпаденіе какого-нибудь слова *ἡμεῖς ἀσθενήσαντες νεκρὰν ἀφ' ἡμῶν* есть обычное литературное явленіе, и всякій, тщательно изучавшій Эхила, знаетъ, что разъ онъ встрѣтилъ поразительное слово или метафору, то онъ можетъ встрѣтить его опять въ слѣдующихъ ста строкахъ, если даже его не встрѣчается ни въ какой другой драмѣ. Ничего поэтому не было естественнѣе какъ то, что между ними должно было оказаться близкое сходство, особенно въ нравственныхъ отдѣлахъ обоихъ посланій, написанныхъ быть можетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней одно отъ другаго; и что хотя догматическія части содержатъ различные предметы и предназначались для различныхъ читателей, мы вполнѣ естественно можемъ находить соответствующія разясненія или сокращенія однихъ и тѣхъ же мыслей и повтореніе такихъ многозначительныхъ фразъ какъ *ἐκ πλῆθος τῆς ἐξῆς* (Ефес. I, 18; Колос. I, 27); *τὸ πλῆρωμα* (Ефес. I, 23, Колос. I, 19) *περιτομὴ ἀχειροποιήτος* (Ефес. II, 11; Колос. II, 11) и *ὁ παλιὸς ἄνθρωπος* (Ефес. IV, 22; Колос. III, 9). Когда Шнекенбургеръ говоритъ „о механическомъ употребленіи матеріала“, онъ употребляетъ одну изъ тѣхъ фразъ, которыя выдаютъ сильное предубѣжденіе и дѣлаютъ его результаты менѣе правдоподобными, какъ они были бы при другихъ обстоятельствахъ. „Какъ можемъ мы опускать изъ виду важный фактъ, замѣчаемый всеми читателями посланія, что идея кающагося здѣсь въ первый разъ поднимается до степени догматической опредѣленности и господствующаго значенія?“ (Pfleiderer, II, 164).

2217) „Всякій долженъ сознавать чрезвычайную полноту въ стилѣ этого посланія, какъ будто бы душа апостола не могла сдерживать дѣйствовавшихъ въ немъ мыслей, какъ будто бы каждая выражаемая имъ мысль оставляла впереди себя и позади себя лучезарный свѣтъ, отъ котораго она не могла освободиться“ (Maurice, Unity of the New Testament, p. 535).

2218) Davies, Eph. p. 19.

2219) *οἰκονομία*, Ефес. I, 10; III, 2.

2220) *θέλημα*, Ефес. I, 1, 5, 9, 11 (V, 17; VI, 6); *βουλὴ* I, 11; *ἐδοκίμα* I, 9; *πρόθεσις* III, 11.

2221) *χάρις* I, 2, 6 (bis), 7; II, 5, 7, 8; III, 2, 7, 8; IV, 7, 32; VI, 24.

2222) *τὰ ἐπουράνια* I, 3, 20; II, 6; III, 10; VI, 12. „Апостолъ уноситъ насъ въ небеса, въ область свободныхъ существъ духовъ, руководящихся духовнымъ закономъ, обладающихъ духовнымъ благословеніемъ“ (Maurice, Unity of the New Testament, p. 523).

2223) *πνεῦμα* и *πνευματικός* встрѣчаются тринадцать разъ въ этомъ посланіи (I, 3, 13, 17; II, 18, 22; III, 5, 16; IV, 3, 4, 23, 30; V, 18; VI, 17, 18) и только однажды въ посланіи къ Колоссянамъ (I, 8, 9) (Baur, Paul, II, 21).

2224) *πλοῦτος*, *πλούσιος* I, 7, 18; II, 4, 7; III, 8, 16. Это слово употреблено въ этомъ смыслѣ только св. Іаковомъ (II, 5). См. Paley, *Notes Paulinae*, Ephes. II. Нѣм. 2 Кор. VIII, 9; Филипп. II, 7.

2225) *ἐξῆς*, I, 6, 12, 14, 17, 18; III, 16, 21 и проч.

2226) *μυστήριον* Ефес. I, 9; III, 3, 4, 9; (V, 32); VI, 19. Ни въ одномъ другомъ посланіи, исключая посланій къ Колоссянамъ и 1 Кор., оно не встрѣчается болѣе двухъ разъ.

2227) *πλήρωμα* I, 23; III, 19; IV, 10—13 (I, 10). Въ якобы-техническомъ смыслѣ оно встрѣчается только въ посланіи къ Колоссянамъ, I, 19; II, 9.

2228) *ἐπέρβαλλον* I, 19; *ἐπέραν* 21. Сн. III, 19, *ἐπερπερισσοῦ* 20; IV, 10 и проч.

Эти сложныя слова характеристически свидѣтельствуютъ о выразительной энергіи слога ап. Павла.

προορίσας, I, 5; *πρόθετο* I, 9; *προητοίμασεν* II, 10, *πρόθεσις* III, 11.

συνεκκοινωνεῖς II, 5; *συνήγαγε*, *συνεκάθισεν* 6; *συνπολιταί* II, 19 (позднѣйшее худо составленное

слово *Phryn.* p. 172); συνκοινωνεῖσθε 22; συζητήσονται, οὐρανοῦ, οὐρανόθεν III, 6; σύνθεσος IV, 3; συμβιβάζομενον, συναριθμοῦμενον, 16.

2229) Послание может быть кратко суммировано так: Приветствие (I, 1, 2). Благодарение за избрание церкви и единение, произведенное искуплением Христа и призванием как иудеев так и язычников (I, 3—14). Молитва о их возрастании в полном познании Христа (15—23). Единение человечества в небесном во Христе (II, 1—22). Более полное изъяснение этой истины с молитвой о полном разумении ея, и славословие (III, 1—21). Утешение жить достойно идеального единства католической церкви в любви IV, 1—16). Утешение жить достойно идеальными новой жизни в побѣдѣ надъ грѣхомъ (IV, 17—V, 21) и въ общественныхъ отношеніяхъ (V, 22—VI, 9). Всеоружіе Божіе (VI, 10—17). Заключительныя просьбы и прощаніе (VI, 10—24).

2230) Unity of the New Testament, p. 525. См. приложение XXV: „Фразеология и учение посланія къ Ефесѣнамъ“.

2231) I, 3—6. Обращаетъ на себя вниманіе удивительная сжатость и пространная полнота этого великаго очерка богословія.

2232) Ἐπίγνωσις I, 17; IV, 13. Я уже намекалъ на важность, придаваемую истинному знанію въ этихъ посланіяхъ, написанныхъ въ противѣстѣ зарождавшемуся, но уже губительному вліянію „ложнаго знанія“. Отсюда мы имѣемъ также γινώσκει III, 19; σύνεσις III, 4; φρόνησις, σοφία, I, 8; ἀποκαλύψας III, 3, φωτίζειν III, 9 и пр.

2233) I, 15—23. См. IV, 10. См. Xen. Hell. VI, 2, 14, τὰς νύξας ἐπληροῦτο. О различномъ приложеніи слова „полнота“ здѣсь и въ Колос. I, 19, см. выше. Вглядѣвъ, что она здѣсь означаетъ „завершеніе“, подобно παραλήρημα, кажется мнѣ гораздо менѣе вѣроятнымъ. Касательно выраженія „Бога нашего Господа Иисуса Христа“ см. ст. 3; Иоан. XX, 17. Въ своеобразномъ выраженіи „Отецъ славы“, ὁ πατήρ τῆς δόξης, каноникъ Барри видитъ намекъ на иудейское отождествленіе „слова“ съ „шехиною“. Срав. употребленіе слова δόξα въ Іак. II, 1; Тит. II, 13; Евр. I, 3.

2234) II, 2, κατὰ τὸν αἰῶνα τοῦ κόσμου τοῦτου.

2235) Переводъ Мориса „чада импульса“ несостоятеленъ.

2236) II, 9. Последнее появленіе слова „хвалиться“ у ап. Павла.

2237) II, 10. Интересно видѣть, какъ эпоха полемики о великомъ предметѣ этихъ стиховъ здѣсь предполагается законченною ἐπ' ἐργατοῦ ἀγαθοῦ, εἰς προητοίμασεν ὁ θεὸς ἵνα ἐν αὐτοῖς περιπατήσωμεν. Нигдѣ сочетаніе добрыхъ дѣлъ съ свободною благодатію не объясняется лучше, чѣмъ здѣсь. Добрыя дѣла здѣсь включаются въ предопредѣленную цѣль благодати, такъ что они составляютъ цѣль для насъ и дѣлаются осуществимыми при благоволеніи Божіемъ.

2238) Срав. Колос. I, 20—22. Приложеніе этого слова здѣсь нѣсколько иное, но различіе здѣсь именно такого рода, которое могло быть сдѣлано авторомъ, независимо относящимся къ своимъ собственнымъ выраженіямъ, на которое никакъ не осмѣлился бы поддѣльщикъ. Разрушеніе *хела* (средостѣния) составляло ту часть дѣла Христова, продолжать которую выпало главнымъ образомъ на долю ап. Павла. Обвиненіе, что онъ бралъ Трофима съ собою во дворъ израильтянъ, буквально ложное, въ идеальномъ смыслѣ было въ высшей степени истинно. Павелъ—апостолъ былъ самымъ успѣшнымъ разрушителемъ той „ограды“, созданіе которой вокругъ закона Савль—фарисей считалъ своимъ главнымъ дѣломъ.

2239) Это слово, употребленное бл. Иеронимомъ, можетъ выражать необыкновенную συναριθμοῦμενον.

2240) См. *Ellicott*, ad III, 5.

2241) Хотя несомнѣнно εἴτε ἡκούσατε, равно какъ и подобное же выраженіе въ IV, 21, Галат. III, 4 и проч., означаетъ, что здѣсь фактъ этотъ предполагается, однако же это не такое выраженіе, которое бы согласовалось вполне съ посланіемъ, адресованнымъ только къ церкви, въ которой писатель долго трудился.

2242) Серьезныя возраженія дѣлались противъ этой фразы, какъ будто бы доказывающей,

что она не могла быть написана перомъ, написавшимъ Гал. II. Возраженіе это безосновательно. Допуская, что ἡκούσατε вѣрно (хотя оно находится не во всѣхъ манускриптахъ; см. Колос. I, 26), нужно допустить: 1) что оно имѣетъ совершенно общій, а не индивидуальный характеръ; см. ст. 8 и II, 20; 1 Кор. XVI, 1, 15. 2) Апостолы и пророки являются какбы въ вводномъ предложеніи, и эпитетъ „святой“ означаетъ „освященный“, титулъ, который они раздѣляютъ со всѣми святыми. 3) „Апостолы“ здѣсь не означаютъ непременно апостоловъ въ точномъ смыслѣ этого слова.

2243) III, 6, συζητήσονται, οὐρανοῦ, οὐρανόθεν. Дѣйствительно—иудей и язычники должны сдѣлаться однимъ тѣломъ, тѣломъ Христовымъ, христіанской церковью (II, 16). Эти странныя греческія слова избрѣтены ап. Павломъ для выраженія этой новооткрытой истины въ возможно сильнѣйшей формѣ, какъ будто бы въ существующихъ словахъ не было достаточно такихъ, которыми бы можно было съ достаточною силою выразить его главную мысль о единеніи во Христе тѣхъ, которые помимо Его раздѣлены между собою.

2244) III, 8, ἀλαχιστοτέρη. Могъ ли бы поддѣльщикъ заставить ап. Павла написать такъ? Выраженіе это сравнивали съ 1 Кор. XV, 9, но оно выражаетъ гораздо болѣе глубокое смиреніе, потому что оно употребляется, когда писатель намекаетъ на гораздо болѣе возвышенное состояніе. Тѣ, которые критиковали это выраженіе, какъ слишкомъ преувеличенное, навѣрно лишены глубочайшей духовной опытности. Исповѣданія святѣйшихъ лицъ всегда бывають наиболѣе смиренны и нетерпимы, потому что самая ихъ святость даетъ имъ возможность во всей полнотѣ видѣть гнусность грѣха. Самоосужденіе Купера или Фенелона гораздо сильнѣе, чѣмъ самоосужденіе Байрона или Вольтера. „Величайшій грѣшникъ, величайшій святой находятся на равномъ разстояніи отъ цѣли, гдѣ душа успокоивается въ полномъ самоудовлетвореніи. Съ возрастаніемъ доброты, возрастаетъ и чувство грѣха. Одинъ исполненный законъ показываетъ тысячу неисполненныхъ“ (*Mosley Essays*, I, 327).

2245) III, 8, ἀνεξήγητος. Іов. V, 9, ἡρῶν. См. Рим. XI, 33, ἀνεξερεύνητα τὰ κρίματα αὐτοῦ καὶ ἀνεξήγητοι αἱ ὁδοί.

2246) πολυποίκιλος. См. στεφάνου π. ἀνθέων. *Eubulus*, Ath. XV, 7, p. 679.

2247) Прибавленіе „нашего Господа Иисуса Христа“, не смотря на свою древность, вѣроятно, подложно, такъ какъ не находится въ кодексахъ A, B, C, коптскомъ, египетскомъ и др. переводахъ.

2248) III, 16, εἰς τὸν ἕω ἀνθρώπων.

2249) III, 1—19. Другими словами: „дабы намъ исполниться всею полнотою, которую исполненъ Богъ“ (*Fritzsch*).

2250) Изъ двадцати восьми словъ сложныхъ съ предлогомъ ἐν въ Новомъ Заветѣ, не менѣе двадцати находятся у одного ап. Павла.

2251) ἦν опущено въ A, B, C и проч.

2252) Объ этой своеобразной ссылкѣ на Пс. LXVII и объ измѣненіи выраженія ἑλπίς δόματα ἐν ἀνθρώποις, см. *Davies*, p. 44. Сомнительно по крайней мѣрѣ, есть ли тутъ хотя малѣйшій намекъ на нисхождение въ адъ. Сущность заключается въ тождествѣ Того, который сошелъ на землю (т. е. историческаго Иисуса) съ Тѣмъ, который восшелъ (т. е. превѣчнымъ и воплощеннымъ Христомъ).

2253) Опущеніе ἄν означаетъ вѣрный результатъ.

2254) IV, 15, ἀληθεύοντες δὲ ἐν ἀγάπῃ.

2255) Πῶρος „тѣфный камень“, употреблявшійся при сильной опухоли, или *callus* въ оконечности поврежденныхъ костей.

2256) ἀπληγῆτες. „Qui postquam recesserint, non dolent“. „Грѣхъ, совершонный во второй разъ, не кажется грѣхомъ“.

2257) πλεονεξία.

2258) Эта форма выраженія могла указывать на предостереженіе противъ начинающейся

докетической тенденции (ср. 1 Иоан. IV, 2, 3) дѣлать разграниченіе между Христомъ и Иисусомъ, между вѣчнымъ Христомъ и Иисусомъ человѣкомъ.

²²⁵⁹) Необходимость слѣдующихъ нравственныхъ увѣщаній не возбудитъ удивленія въ душѣ тѣхъ, которые изучали посланіе къ Коринѳянамъ или которые достаточно знаютъ человѣческое сердце, чтобы видѣти, что злая привычка языческой жизни не могли сразу прекратиться во всѣхъ обращенцахъ въ моментъ ихъ духовнаго пробужденія или принятія христіанскихъ истинъ, которыя во многихъ случаяхъ могли имѣти главнымъ образомъ умственный характеръ.

²²⁶⁰) IV, 29, *σκληρόν* „гнѣвое“ (Мат. VII, 17) противоположно *εὐχέλ* „здоровое“ во 2 Тим. I, 13 и проч., и „приправлено солью“, Колос. IV, 6.

²²⁶¹) Ст. 4, *ἐντρέψαλις*. Аристотель опредѣляетъ это слово, какъ „образованное нахальство“ (Rhet. II, 12), и полагаетъ изначальнаго свѣтскаго человѣка (*ἐντρέπταλος*, *facetos*) между мужланомъ (*ἀγροίκος*) и низкимъ льстецомъ (*βουκολέχος*) (Eth. N. II, 7). Мягкое выраженіе *τὰ οὐκ ἀνήκοντα* обуславливается не сравнительно безвредною „изначальностью“, о которой было упомянуто, но формой *litotica*, — причѣмъ употребленіе мягкаго выраженія (подобно Виргиліевому — Georg. III, 5 — „*illaudati* Busiridis aras“) должно быть исправлено негодующей умственной заимкой его болѣе сильнымъ словомъ (См. стр. 813).

²²⁶²) Ст. 6, *ἐρχεται*, всегда приходитъ.

²²⁶³) Таково именно истинное чтеніе (*φωτός*), а не „плодъ духа“, какъ въ нѣкоторыхъ переводахъ. Чтеніе это несомнѣнно было измѣнено для смягченія шероховатости метафоры; но ап. Павелъ равнодушно относится къ простой словесной запутанности метафоръ, когда самъ по себѣ ясенъ смыслъ. Видѣть здѣсь намекъ на Ормузда и Аримана, конечно, нельзя.

²²⁶⁴) Палей (Hog. Paul.) говоритъ, что ап. Павелъ здѣсь „привязывается къ слову свѣтъ“; но это не столь хорошій примѣръ этой его литературной особенности, какъ IV, 8 съ словомъ „восшель“.

²²⁶⁵) Дѣла тьмы должны перестать быть дѣлами тьмы, когда свѣтъ озаритъ ихъ. Свѣтъ *убиваетъ* ихъ. Все, на что изливается свѣтъ, есть свѣтъ, потому что оно отражаетъ свѣтъ.

²²⁶⁶) Ис. LX, 1, 2. Версификація здѣсь еврейскаго типа. О христіанской гимнологіи см. выше, на Колос. III, 16. Антифонное пѣніе было введено очень рано (Откр. XIX, 1—4).

²²⁶⁷) Всѣ комментаторы сознавали затрудненіе найти связь между пѣніемъ и подчиненіемъ. Я думаю, что она заключается въ воспоминаніи о тѣхъ неприличныхъ суетныхъ раздорахъ, о которыхъ ап. Павелъ слышалъ и даже быть можетъ лично присутствовалъ въ Коринѳѣ, гдѣ такой безпорядокъ былъ причиненъ назойливымъ честолюбіемъ, съ которымъ каждый желалъ выставить свое особенно *χρήσιμα*. Если такъ — или даже если связь эта была нѣсколько иномъ, — то мы имѣемъ другой неподражаемый признакъ подлинности. Ни одному поддѣльщику никогда бы не пришло и въ голову привязать наиболѣе важный отдѣлъ своего нравственнаго ученія къ чистотѣ случайной мысли.

²²⁶⁸) VI, 10. Слова *ἀδελφοί* нѣтъ въ кодексахъ *8*, *B*, *D*, *E*, и оно не встрѣчается также въ посланіяхъ къ Ефесѳянамъ и Колоссянамъ.

²²⁶⁹) *Pilum*, или тяжелое копьѣ, котораго солдатъ не могъ бы принести съ собою въ компанію, опущено.

²²⁷⁰) Или *malleoli* (Ис. VII, 13).

²²⁷¹) Раввинское *רוחניות*. Подобнымъ образомъ во 2 Кор. IV, 4 ап. Павелъ называетъ „князя силы воздушныя“ *ὁ θεός τοῦ αἰῶνος τούτου* (Ср. 1 Иоан. V, 19; Иоан. XIV, 30; XVI, 11).

²²⁷²) „*Veritas astringit hominem, mendaciorum magna est laxitas*“ (Grot.).

²²⁷³) Ср. Рим. III, 17; X, 15; *ἐτοιμασία* можетъ однако же означать „основаніе“, „почву“ (עֲדָרָא, Ездра III, 3; Ис. LXXXVII, 15, переводъ LXX). Евангеліе *мира* даетъ твердую почву даже въ *войнѣ*.

²²⁷⁴) Давидсонъ находитъ это скучнымъ и безвкуснымъ разъясненіемъ 1 Фесс. V, 8, 2 Кор.

X, 3, 4, и высказываетъ много подобныхъ критическихъ замѣчаній (Introd. I, 388, 390). Съ такимъ критицизмомъ нѣтъ возможности имѣти какое-либо дѣло, когда онъ относится къ вопросу о подлинности. Общая метафора не необычна (Ис. LIX, 16—19; 1 Фесс. V, 8; Премудр. V, 17—20; Bleeck, Zend Avesta, p. 90; Davies, p. 61).

²²⁷⁵) VI, 10—20. Въ стихѣ 18 говорится *περί πάντων τῶν ἁγίων καὶ ὑπὲρ ἑαυτοῦ*. „Paradoxon: mundus habet splendidos legatos“ (Bengel).

²²⁷⁶) Выразеніе это показывается устойчивостью, движеніе, за которымъ слѣдуетъ покой; дѣйствіе, заканчивающееся покоемъ. „Это эмблема исторіи церкви Христа и жизни каждаго истинно вѣрующаго въ Него“ (Вордсвортъ).

²²⁷⁷) Все, что можно съ вѣроятностью сказать среди общей неуверенности — это то, что досугъ пребыванія св. Луки вмѣстѣ съ ап. Павломъ во время его римскаго тюремнаго заключенія далъ ему возможность начертать главную часть своего труда; что онъ закончилъ его какъ разъ въ томъ пунктѣ, въ которомъ ап. Павелъ ожидалъ немедленнаго освобожденія, и что онъ опубликовать его при первомъ благоприятномъ случаѣ послѣ этого времени, или что-нибудь — даже быть можетъ смерть — пожелало ему продолжать или закончить свой трудъ.

²²⁷⁸) На этомъ основаніи я не останавливаюсь особенно на этомъ предполагаемомъ посѣщеніи имъ Испаніи (Рим. XV, 24, 28). Изъ Филим. 22, повидному, ясно, что онъ или оставилъ это намѣреніе или во всякомъ случаѣ отложилъ его до тѣхъ поръ, пока онъ опять посѣтитъ Азію.

²²⁷⁹) Весьма нежелательно умножать неуверенныя предположенія, но все-таки не излишне сказать, что быть можетъ іудеи отправили свои документы, свидѣтельства и проч. съ Иосифомъ Флавіемъ, когда онъ отправлялся въ Римъ въ 64 г. по Р. Хр. Онъ говоритъ намъ, что, благодаря вліянію іудейскаго пантомимиста Алітуса и Поппея, онъ получилъ возможность достигнуть освобожденія нѣкоторыхъ іудейскихъ священниковъ, своихъ друзей, которыхъ Фестъ, на незначительныхъ, по отзыву Иосифа Флавія, основаніяхъ, отправилъ въ оковахъ въ Римъ. Иосифъ Флавій былъ несомнѣнно однимъ изъ членовъ комиссіи, отправленныхъ съ этою цѣлью, и очень возможно, что доведеніе до конца суда надъ ап. Павломъ могло быть, между прочимъ, цѣлью этой комиссіи, и что процессъ его могъ прекратиться по недостатку свидѣтелей и доказательствъ вслѣдствіе кораблекрушенія, которому подвергся Иосифъ Флавій. Его корабль погибъ во время пути и изъ двухсотъ душъ было спасено только восемьдесятъ кораблемъ Киренскимъ послѣ того, какъ они плыли въ волнахъ въ теченіе всей ночи. Иосифъ Флавій затѣмъ отправился въ Путеолы на другомъ кораблѣ. Онъ дѣлаетъ лишь нѣсколько сухихъ намековъ на эти обстоятельства (Vit. 3), что находится въ такомъ контрастѣ съ живою подробностью повѣствованія св. Луки; но общія обстоятельства такъ похожи на обстоятельства кораблекрушенія ап. Павла, что нѣкоторые предположали тождественность этихъ двухъ событій. Хронологія и другія соображенія дѣлаютъ это невозможнымъ, да и нѣтъ основанія предполагать, что Иосифъ Флавій дѣлаетъ здѣсь заимствованіе изъ исторіи ап. Павла.

²²⁸⁰) Tac. Ann. XV, 44 (ср. Mart. X, 25; Juv. Sat. VIII, 235); Sen. Ep. 14, 4; Schol. in Juv. I, 155; Tert. Apol. 15; ad Nat. I, 18; ad Mart. 5.

²²⁸¹) См. приложение XXVI: „Данныя въ пользу освобожденія ап. Павла“.

²²⁸²) Шмидтъ, Шлейермахеръ, Эйхгорнъ, Креднеръ, Де-Ветте, Бауръ, Целлеръ, Гильгенфельдъ, Шенкель, Эвальдъ, Гаусратъ, Ренанъ, Пфлейдереръ, Кренкель, Давидсонъ и др.

ГЛАВА LIII. ²²⁸³) Общее содержаніе посланія таково: привѣтствіе (I, 1, 2). Цѣль посланія ободрить Тимофея въ противоѣдствіи лжеучителямъ и твердо держаться вѣры (3—11, 18—20), вмѣстѣ съ благодарностью апостола Богу за милосердіе, сдѣлавшее его служителемъ Евангелія (12—17). Обязанность молиться съ правителями вмѣстѣ съ правилами касательно поведенія женщинъ въ общественномъ богослуженіи (II). Качества „епископовъ“ (пресвитеровъ) и диаконовъ (III). Новые предостереженія противъ лжеучителей и способъ, какъ Тимоѣй долженъ былъ обращаться

съ ними (IV). Его отношенія къ старѣйшинамъ (V, 1, 2); къ общинѣ „вдовъ“ (3—16); къ пресвитерамъ съ правилами касательно ихъ избранія (17—25). Указанія касательно рабовъ особенно въ отношеніи къ лжеучителямъ; предостереженія противъ похотливости съ окончательными увѣщаніями и благословеніемъ (VI).

²²⁸⁴) Въ кодексахъ Σ , A, D, F, G, фрив опущено (кодексъ В здѣсь недостаточенъ).

²²⁸⁵) Хотя Сефироомъ Каббалы принадлежать гораздо болѣе позднему періоду, а Зогаръ есть вѣроятно средневѣковая книга, однако же иудейскія умозрѣнія того же рода повидимому были прототипомъ Валентиніановыхъ эманаций съ ихъ послѣдовательными брачными сочетаніями основъ.

²²⁸⁶) I, 4; чт. $\sigma\kappa\omicron\nu\sigma\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\nu$ (Σ , A, B, F, G и проч.). Вопросы эти не содѣйствуютъ божественному домостроительству, которое дѣйствуетъ не въ сферѣ туманной неуверенности, а въ сферѣ вѣры.

²²⁸⁷) 3, 4. Подобные анаколуфы см. Гал. II, 4, 5; Римл. V, 12 и проч.

²²⁸⁸) I, 8, 9, сривос... сривос .

²²⁸⁹) Объ истинномъ употребленіи закона и ограниченіи его значенія см. Римл. VII, 12; Гал. III, 19; Филип. III, 9. Напрасно претендовать, что въ этомъ чувствѣ есть нѣчто несвойственное ап. Павлу. Съ этимъ спискомъ преступленій, — который однако же варьируется съ совершенною независимостью — сравн. Римл. I, 29; 1 Кор. VI, 9, Галат. V, 19.

²²⁹⁰) Эта формула естественно могла возникнуть съ возникновеніемъ христіанскихъ аксіомъ; сравн. „слова эти вѣрны и истинны“ (Откр. XXI, 5; XXII, 6).

²²⁹¹) Сн. „Боже, милостивъ будь ко мнѣ грѣшному“ (Тук. XVIII, 13; $\text{πρότις, } \mu\epsilon\tau\epsilon\pi\omicron\sigma\epsilon\delta\epsilon\iota\mu\epsilon\tau\epsilon\iota\varsigma$ *sed malignitate*) (Aug. in Ps. LXX, 1).

²²⁹²) Здѣсь разумѣется не техническій смыслъ „эононь“, см. Пс. CXLIV, 13, „царство всѣхъ вѣковъ“.

²²⁹³) $\Sigma\omicron\text{ф}$ опущено въ кодексахъ Σ , A, D, F, G и проч.

²²⁹⁴) Подобныя личныя отступленія см. въ Галат. I, 12; 1 Фесс. II, 4; 2 Кор. III, 6; IV, 1 и проч.; славословіе же см. Рим. XV, 33; XVI, 27; 2 Кор. II, 14; IX, 15; Филип. IV, 20 и проч. Мѣсто это имѣетъ выразительный личный характеръ, такъ какъ „все богословіе ап. Павла въ его окончательномъ анализѣ есть отраженіе его личнаго опыта“ (Reuss, Les Epîtres, II, 352).

²²⁹⁵) Быть можетъ тутъ заключается намекъ на его торжественное посвященіе, какъ въ IV, 14, когда Сила, который былъ пророкъ (Дѣян. XV, 32), присутствовалъ между другими (Дѣян. XIII, 3).

²²⁹⁶) $\Sigma\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\alpha$, не $\acute{\alpha}\gamma\omicron\nu\alpha$, какъ во 2 Тим. IV, 7. Это любимая метафора ап. Павла (Римл. XIII, 12, 2 Кор. X, 5; 1 Фесс. V, 8 и проч.).

²²⁹⁷) I, 12—20. Невозможно знать, на какія собственно обстоятельства здѣсь указывается. О Гимниѣ см. 2 Тим. II, 17; объ Александрѣ, 2 Тим. IV, 14; Дѣян. XIX, 33; но даже и эти отождествленія очень скудны. Касательно преданія сатанѣ см. 1 Кор. V, 5. Было ли это отлученіе, или вообще удаленіе отъ всякаго церковнаго общенія, и предоставленіе сатанѣ свободно располагать имъ, или преданіе сверхъестественнымъ тѣлеснымъ страданіямъ, во всякомъ случаѣ *намереніе*, какъ мы видимъ, здѣсь было собственно милосердное и воспитательное (παιδεύειν).

²²⁹⁸) Это синонимы главнымъ образомъ собирательные, хотя быть можетъ ἐκείνους означаетъ спеціальныя, προσευχὰς общія и ἐντεύξεις усердныя молитвы (см. Филип. IV, 6).

²²⁹⁹) Бауръ видитъ во множественномъ числѣ указаніе, что посланіе это было написано во время Антониновъ, когда императоры брали соучастниковъ въ управленіи имперіей. Можетъ ли быть что-нибудь безосновательнѣе этихъ теорій? Слово „пары“ не указываетъ непременно только на мѣстныхъ намѣстниковъ и проч., подобно Иродамъ, но въ провинціяхъ вообще прилагалось къ императорамъ, какъ это мы постоянно и видимъ въ Талмудѣ. Какъ для иудеевъ, такъ и для христіанъ было особенно важно, чтобы ихъ не подозревали въ общественной мятежности (Jos. B. J. II, 10, § 4; Bingham, XV, 8, 14). Отсюда мы видимъ, какъ безосновательно предположеніе Пфлейдерера (Protestantenbibel), что оно было написано во времена Адриана, который благосклонно относился къ христіанамъ (Euseb. H. E. IV, 8, 9).

²³⁰⁰) Ново самое слово μαρτύρως въ приложеніи къ Христу, а не понятіе (Рим. V, 10; 2 Кор. V, 19). Въ словѣ ἀνθρώπος можетъ заключаться молчаливое осужденіе зарождающагося докетизма, какъ въ εἰς предполагаемое посредничество ангеловъ (Колос. II, 15, 18).

²³⁰¹) Въ кодексахъ A, D, F, G и проч. ἐν Χριστῷ опущено.

²³⁰²) Естественное воспоминаніе о случаяхъ, когда такіа клятвенныя увѣренія были такъ необходимы, что они сдѣлались совершенно обычными (2 Кор. IX, 31; Римл. XI, 1).

²³⁰³) τοῦς ἀνδρας (II, 8).

²³⁰⁴) Древнее положеніе во время молитвы (Bingham, Antiq. XIII, 8, 10; Пс. XXXIII, 4; XXV, 6).

²³⁰⁵) Это совершенно независимо, хотя въ точности и сходно съ его разсужденіемъ въ 1 Кор. XI, 8, 9 (см. 2 Кор. XI, 3; Премудр. XXV, 24).

²³⁰⁶) II, 8—15. Отсюда видно, что онъ смотритъ здѣсь на вопросъ съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ въ 1 Кор. VII, и она прилагается не ко всему полу, а къ немногимъ избраннымъ. Также и въ предыдущихъ стихахъ онъ разсматриваетъ конкретные факты, а не отвлеченныя уничтоженія всѣхъ половыхъ различій во Христѣ (Гал. III, 28). ἡ τακτοῦντα имѣетъ вѣроятно не специфическое („чадородіе“—т. е. воплощеніе—въ высшей степени темное указаніе), но общее значеніе,—т. е. святая брачная жизнь, въ рожденіи и воспитаніи дѣтей, есть главный назначенный для женщины путь, и онъ заканчивается ихъ спасеніемъ, не смотря на ихъ природную слабость, если этотъ путь будетъ смиренно и вѣрно пройденъ ими. Ап. Павелъ несомнѣнно имѣлъ здѣсь въ виду Быт. III, 16.

²³⁰⁷) Собственно епископство развилось послѣ смерти ап. Павла, но еще до смерти ап. Іоанна, сдѣлавшись оплотомъ противъ ереси.

²³⁰⁸) Я не убѣжденъ, чтобы выраженіе $\text{μὴς ὑμῶν κὶς ἀνδρῶν}$ дѣйствительно означало что-нибудь больше этого, съ указаніемъ на преобладаніе разводовъ и проч. Раннее предубѣжденіе противъ вторыхъ браковъ естественно заставляло древнихъ толкователей принимать его исключительно въ одномъ смыслѣ; но замѣчаніе Златоуста— $\text{τὴν ἀρετὴν καλεῖται}$ —кажется мнѣ наиболѣе близкимъ къ истинѣ. Мнѣніе ап. Павла не было по крайней мѣрѣ мнѣніемъ Аоннагора, что второй бракъ есть „своего рода прелюбодѣніе“, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже рекомендуетъ его (V, 14; 1 Кор. VII, 39; Рим. VII, 2, 3), но онъ быть можетъ былъ одного мнѣнія съ Ермой („Пастырь“ II, 4), что хотя второй бракъ и не есть грѣхъ, но лучше и благороднѣе избѣгать его. Это, какъ говоритъ Григорій Назіанзинъ, есть „ослабленіе“ (συνωχέρησις , Orat. XXXI).

²³⁰⁹) Здѣсь впервые встрѣчается слово „неофитъ“—„новонасажденный“—недавно обратившійся. Касательно этой метафоры см. 1 Кор. III, 6. Въ Ефесѣ, вѣроятно, въ пресвитеры избирались лица, которые не были „неофиты“. Быть можетъ причина, почему это условіе опускается въ Тит. I, 6, заключается въ томъ, что въ болѣе новыхъ церквахъ Крита исполнить его было бы гораздо труднѣе.

²³¹⁰) Эти посланія отличаются особымъ употребленіемъ слова „дѣволъ“. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ, кромѣ Ефес. IV, 27; VI, 11, ап. Павелъ употребляетъ слово „сатана“.

²³¹¹) III, 8—10. Кромѣ „семи“, такъ называемые диаконы упоминаются еще въ 1 Кор. XII, 28; Рим. XII, 7; 1 Петр. IV, 11, равно какъ въ Филип. I, 1.

²³¹²) ὑπηρετὰς вѣроятно означаетъ „діакониссъ“ (Рим. XVI, 1. „Ancillae quae ministræ dicebantur“—Илин. IX, 27), потому что жены діаконовъ несомнѣнно не избирались церковью.

²³¹³) καλὸς βραβείος можетъ означать только почетное положеніе, на которомъ приходится благородно исполнять христіанскія обязанности. Мнѣніе, что оно означаетъ высшую степень по содержанию, было бы анахронизмомъ. Сн. VI, 19: πάλιν θερμέλιον .

²³¹⁴) ἐλπίον непереводимый эллипсисъ. Иоан. XIII, 27; Евр. XIII, 23.

²³¹⁵) Помимо недочетовъ предположенія, чтобы церковь въ одномъ и томъ же стихѣ называлась и домоу Божиимъ, и столпомъ, и утвержденіемъ истинны, выраженіе это одно изъ самыхъ трудныхъ и удивительныхъ во всемъ посланіи. Отдѣльныя метафоры встрѣчаются въ Гал. II, 9 и Ефес. II, 20, но только о *личностяхъ*. Поэтому много можно сказать за поставленіе ихъ въ связь съ

ἀναστρέφειν и приложение ихъ къ Тимофею (см. Stanley, Sermons on the Apostolic Age, p. 115). Слова эти прилагаются къ мученику Атталу въ посланіи церкви Лионской, с. 5. Другіе относятъ ихъ къ слѣдующему предложению, что было бы крайне неестественно и несвязно. Если однако же прилагать ихъ къ церкви, то значеніе довольно ясно, именно, что безъ церкви истина евангельская не имѣла бы того земнаго учрежденія, отъ котораго, по установленію Христа, зависитъ ея устойчивость и постоянство.

2316) ὅς читается кодексами A, A, C, F, G (Сначала существовало предположеніе, что чтеніе A есть ΘC, но епископъ Эллиотъ доказываетъ, что кажущаяся линия поперекъ O произошла вслѣдствіе черты отъ буквы ε въ словѣ ὁμοεισιν на другой сторонѣ страницы. См. его Pastora Epistles, p. 103). Съ другой стороны оно съ такой безспорностью подтверждается всякимъ канономъ критизма, что теперь можетъ считаться достовѣрнымъ чтеніемъ.

2317) III, 14—16. Эти послѣднія фразы отличаются такимъ ритмомъ и размѣреннымъ параллелизмомъ, что онѣ, какъ съ значительною вѣроятностью предполагаютъ (подобно Ефес. V, 14), взяты изъ какого нибудь другаго гимна или символа. Необычайная древность христіанскихъ гимновъ доказывается Ефес. V, 19 и Рим. Ерр. X, 97. „Оправдалъ Себя въ Духѣ“ означаетъ, что Христосъ явилъ Себя Сыномъ Божиимъ (Рим. I, 4) посредствомъ дѣйствій своей высшей духовной жизни; „показалъ Себя Ангеламъ“ указываетъ на различныхъ ангельскихъ свидѣтелей событій Его земной жизни.

2318) Не „запрещаетъ“ однако, но какбы „не одобряетъ“. См. Jos. В. J. II, 8, 2 и I3.

2319) Чт. ἀποκρίματα код. A, A, F, C, G, K.

2320) Универсализмъ выраженія здѣсь даже болѣе замѣчательнѣе, чѣмъ во II, 4.

2321) Издѣвательства, что Тимофеемъ „является будто бы одареннымъ въ христіанской легендѣ даромъ безсмертной юности“, весьма безосновательны. Если онъ былъ обращенъ въ 45 году по Р. Хр. шестнадцати лѣтъ отъ роду, то теперь (въ 66 году) ему было только тридцать семь лѣтъ—весьма юный возрастъ для столь ответственного положенія. Когда Тьеръ былъ уже первымъ министромъ Франціи и навѣстилъ своего стараго учителя, то нашелъ, что тотъ помнилъ его лишь какъ „маленькаго шаловливаго Адольфа“.

2322) Это быть можетъ самое раннее указаніе на обязанность читать св. Писаніе.

2323) IV, 1—16. Дѣян. XVI, 1, и 2 Тим. I, 6, гдѣ онъ получаетъ подобное внушеніе.

2324) „Omnes puellas et virgines Christi aut aequaliter ignora aut aequaliter dilige“ (Иеремія) Но на сколько это внушеніе ниже наставленія ап. Павла!

2325) См. Тит. I, 6. Замѣчательнымъ признакомъ положенія вдовъ въ церкви служить выраженіе св. Поликарпа, который называетъ ихъ θυσιαστήριον Θεοῦ, „жертвенникомъ Божиимъ“ (ad Phil. 4). На основаніи суровости нѣкоторыхъ замѣчаній ап. Павла, Рейссъ думаетъ, что онъ могъ имѣть въ виду вступленіе нѣкоторыхъ христіанскихъ вдовъ во второй бракъ съ язычниками. что было бы позорнымъ дѣломъ послѣ того, какъ онѣ получали пособіе отъ церкви. Онѣ могли быть „діакониссами“ раньше шестидесяти лѣтъ, но не „вдовами“.

2326) При занесеніи въ officialный списокъ вдовъ, онѣ давали практической залогъ не вступать въ бракъ опять.

2327) 1 Кор. IX, 9. Тѣ, кто прилагаютъ ἡ ὑπερβλήν къ обоимъ предложеніямъ, должны допустить, что Евангеліе св. Луки было уже опубликовано, и ему придавался уже божественный авторитетъ раньше этого посланія (Лук. X, 7). Но заключеніе это крайне произвольное, такъ какъ Спаситель часто ссылался на ходячія пословицы, и ἡ ὑπερβλήν здѣсь можетъ относиться только къ цитатѣ изъ Втор. XXV, 4.

2328) Διπλή τιμή есть совершенно общее выраженіе. Духъ нелѣпнаго оукнованія повелѣтъ къ предположенію о двойныхъ порціяхъ для пресвитеровъ на вечерахъ любви.

2329) См. 1 Кор. XI, 10; 1 Петр. I, 12. Точный отглаголъ значенія въ словѣ „избранные“ невозможно объяснить. Они вѣроятно называются такъ „excellentes causa“. См. τοὺς ἁγίους ἀγα-

λούς въ заклинаніи Агриппой іудеевъ не возставать противъ Рима (Jos. В. J. II, 16, § 4 и Тов. XII, 15).

2330) Эти „частые недуги“ быть можетъ объясняютъ робость характера Тимофея (1 Кор. XVI, 10, 11). Нѣкоторые видѣли отголосокъ этого въ упрекахъ, обращенныхъ, среди похвалы, „къ ангелу церкви Ефесской“.

2331) Рим. XIV, 2. Паутархъ говоритъ объ ἁγίους ἀγνεῖς (De Isid. et Osir, § 6).

2332) Нѣкоторые воображали съ весьма малою степеню вѣроятности, что предметъ этого подкажанъ былъ упоминаніемъ о тѣхъ, добрыхъ дѣла которыхъ не могутъ быть окончательно скрыты, но весьма мало замѣчаются въ этомъ мірѣ.

2333) Гал. III, 28. Признаніе существующей основы общества находится во всѣхъ посланіяхъ (1 Кор. VII, 21; Кол. III, 22 и проч.).

2334) Αὐτάρκεια самодостаточная независимость (2 Кор. IX, 8; Филип. IV, 11). См. Притч. XIV, 14, „добрый человекъ насытится отъ путей своихъ“.

2335) Ρίζα. Ап. Павелъ, конечно, разумѣетъ не то, что это единственный корень, изъ котораго возникаетъ зло, но корень, изъ котораго можетъ возникать всякое зло. Такъ Диогенъ Лаэртій называетъ это „метрополіей всѣхъ золъ“ (Vit. Diogen. VI, 50); а Филозъ (De Spec. Legg. 346) называетъ οὐρανίου πάντων παραουρημάτων. (См. Лук. XII, 15—21).

2336) Δίωξις, ἐπιδιωξή.

2337) Тутъ очевидный намекъ въ καλή ἐκλογία Христа на „доброзъ исповѣданіе“ предыдущаго стиха, но въ послѣднемъ случаѣ оно повидимому означаетъ вѣрное исполненіе воли Божіей даже до смерти.

2338) Reuss, Les Epîtres, II, 378.

2339) VI, 17—19. Чт. ὅπως, A, D, E, F, G.

2340) A, A, F, G читаютъ μεθ' ὧν, какъ во 2 Тим. IV, 22; Тит. III, 15.

2341) Опускается кодексами A, A, D, F, G.

ГЛАВА LIV. 2342) Jos. Antt. XX, 9, §§ 1, 2; Дѣян. XII, 1—11.

2343) Jos. В. J. II, 14, § 2.

2344) Davidson. Introd. II, 129; Reuss, Les Epîtres, II, 333.

2345) Если-бы идея Бога Отца, какъ Спасителя, не встрѣчалась какъ въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и въ посланіяхъ ап. Павла, то выраженіе это можно бы назвать несвойственнымъ ап. Павлу. Но идея эта ясно находится въ 1 Кор. I, 21.

2346) Строка эта есть гекзаметръ изъ поэмы объ „Оракулахъ“ Эпименида, критскаго поэта и философа. Оно было приведено Каллимахомъ въ его „гимнѣ Зевсу“, 8, и хорошо было извѣстно въ древности, потому что послужило поводомъ къ происхожденію силлогистической ловушки, извѣстной подъ названіемъ „лажецъ“.

Они относились къ числу трехъ худшихъ К древности.

Κρήτης, Καππάδοκι, Κίλικες τρία κάππα κάκιστα.

Что касается ихъ лживости, то выраженіе κρητίζειν означаетъ „говорить ложь“; въ отношеніи ихъ дикости, обжорства, пьянства и чувственности, и, главнѣе всего, ихъ жадности, свидѣтельствомъ извѣстныя мѣста—„Cretenses spem pecuniae secuti“ (Liv. XLIV, 45); τοὺς κρητικούς, ὡς περ κηρίους μέλιττα, προσλαμβάνοντες (Plut. Paul. Aemil. 23); Polyb. VI, 46 и проч. и замѣчательная эпиграмма Леонида:

Αἰεὶ ληϊστοὶ καὶ ἀλιψόροι οἷς δικαιοί

Κρήτης· τίς Κρητὸν οἷς δικαιοσύνην.

(См. Meursius, Creta и Wetstein, ad loc.).

2347) Вѣроятно Титъ пытался относиться къ этимъ „мноамъ“ какъ къ безвреднымъ.

2348) II, 3, „не поработались пьянству“. Касательно вошедшей въ пословицу нетрезвости женщинъ у древнихъ, см. Antholog. XI, 298; Aristoph. Thesur. 735; Athen. X, 57.

²³⁴⁹⁾ Вопрос касательно того, как передавать точные эти слова, есть вопрос чисто критический. Аналогия других мест в этих и других посланиях (1 Тим. I, 1; V, 21; VI, 13 и главнее всего, II, 3—5; 2 Петр. I, 1; 2 Фес. I, 12; Иуд. 4 и проч.), и несомненность, что этот перевод не требуется ни стоящим без члена *Σωτήρ*, ни словом *ἐπαφάνη*, показывают, что этот перевод, принимаемый многими древними переводами, верен.

²³⁵⁰⁾ Какой из всех отцов и учителей церкви первого или второго столетия был бы, хотя в малейшей степени, способен написать столь мастерскую формулу христианского учения и жизни, какая заключается в этих стихах (II, 11—14), или совершенно независимое и однако же не менее знаменитое изложение евангельской истины—статью слишком многостороннюю для сект и партий—как в III, 5—7? Может ли ктонибудь найти у Климента, Ермы, Иустина Философа, Игнатия, Поликарпа и Иринея, может ли даже ктонибудь найти у Тертуллиана, Златоуста, Василия Великого и Григория Нисского—хотя одно место, которое можно было бы сравнить по силе прозорливости и мастерству с каким-нибудь из этих мест? Только боговдохновенная мудрость величайшего из апостолов могла дать столь дивное изложение столь твердою рукой. Если одного хора Софокла было достаточно для того, чтобы простить ему старость,—если одна тонкая черта свидетельствовала о присутствии Аполлона, если безупречный круг Джотто, начертанный одним мановением его руки, был достаточно для удостоверения в его работ и доказательства его таланта,—то несомненно такие места должны быть больше чем достаточны для защиты пастырских посланий от обвинения в безцельности. Не было ли бы несколько странным, если бы все великие христианские отцы и учителя церкви трех первых столетий были на столько превзойдены в силе красноречия предполагаемыми *falsarii*, которые написали послания, относящиеся ко времени первого и второго тюремного заключения ап. Павла?

²³⁵¹⁾ П. 6 λόγος здесь относится к тому, что предшествовало, и замечательно, что эта любимая формула вообще прилагается, как и здесь, к выражениям, которые имеют нечто торжественное и почти ритмическое в форме своего выражения (1 Тим. I, 15; III, 1; 2 Тим. II, 11—аналогичны с 1 Тим. III, 16). Не были ли эти цитаты из гимна? Противоположность между возрожденным настоящим и возрожденным прошедшим есть обычное явление у ап. Павла (1 Кор. VI, 11; Гал. IV, 3; Ефес. II и проч.). Если бы кого-нибудь попросили указать на два места, содержащая сущность всего Павлова богословия, то он несомненно бы избрал Рим. III, 21—26 и Тит. III, 5—7; и последнее место, хотя менее полемическое, в некоторых отношениях более полно. И опять мы спросим, не было ли бы странным, если бы самое краткое и однако же самое полное изложение его полного благовестия исходило из подложного послания?

²³⁵²⁾ Ап. Павел клеймил эти софистические разсуждения названиями *κεκοί* и *ματαιοί*, т. е. пустыми по своей сущности и совершенно безплодными.

²³⁵³⁾ Слово *ἀνέστις* встречается только в 1 Кор. XI, 19; Гал. V, 20 и означает не „ереся“, но „церковная раздвения“.

²³⁵⁴⁾ „Артема или Тихик“. Кто был Артема или Артемидор? Что он был, подобно Трофиму и Тихику (Дян. XX, 4; XXI, 29), ефесянин, это быть может мы можем заключить из его имени, и ап. Павел мог встретиться с ним при своем последнем посещении Ефеса; но что могло бы заставить поддлинника вставить столь неизвестное имя, как имя Артемы? или вообразить некоторую неуверенность в душе ап. Павла касательно того, кого из двух послать ему? (О Тихик см. Кол. IV, 7; Ефес. VI, 21).

²³⁵⁵⁾ Означает ли это „законник“ в том же самом смысле, как и *νομολογιστής* в Лук. V, 17? Был ли он иудейский книжник, или греческий или римский законовѣд? Ответить на это совершенно невозможно; и кто был этот Зина или Зинадор? Что бы могло заставить поддлинника прибавить к таким именам и к таким намекам?

ГЛАВА LV. ²³⁵⁶⁾ 2 Тим. III, 1, *νότηρονται ἐκ κειροί χαλεποί*.

²³⁵⁷⁾ 2 Тим. I, 18, *ἔσα ἐν Ἐφέσῳ διηκόνησε*, „сколько послужил он“ ап. Павлу и другим.

Заключение Визелера, что Онисифор был диакон, едва ли подтверждается столь общим глаголомъ.

²³⁵⁸⁾ Отсюда мы заключаемъ, что Артема, а не Тихикъ, былъ посланъ для замѣщенія Тита въ Критѣ; и упоминаніе имени Артемы впервые въ Тит. III, 12 есть новый изъ безчисленныхъ тонкихъ слѣдовъ подлинности.

²³⁵⁹⁾ Этотъ случайный намекъ (крайне нефройтный для поддлинателя) проливаетъ важный свѣтъ, равно какъ почти роковая болѣзнь Епафродита въ Римѣ, на то ограниченіе, которому апостолы подвергали употребленіе ими сверхъестественныхъ даровъ исцѣленія. Это затѣмъ непреодолимый камень преткновенія на пути всякой возможной теоріи, отрицающей второе тюремное заключеніе. Нѣкоторые прибѣгали къ грубому измѣненію текста на *Μελίτι*, и Шрадеръ доволенъ измышленіями какого-то Милета въ Критѣ! Но почему ап. Павелъ долженъ былъ говорить Тимооею, что Трофимъ боленъ въ Милетѣ? Потому же самому, почему личность, пишущая въ Лондонѣ, могла бы, даже въ наши дни быстро сообщенія, передать своему корреспонденту, что ихъ общій другъ боленъ въ Саутендѣ. Милетъ отстоялъ отъ Ефеса болѣе чѣмъ на пятьдесятъ верстъ, и Трофимъ могъ быть боленъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, чего однако же могъ совершенно не знать Тимооей.

²³⁶⁰⁾ Но см. выше стр. 681.

²³⁶¹⁾ См. *Juv. Sat.* XVI, 8—12.

²³⁶²⁾ „*Odio generis humani convicti sunt*“ (*Tac. Ann.* XV, 44; см. Н. V, 5).

²³⁶³⁾ 2 Тим. I, 15, „ты знаешь, что все Асііе оставили меня“.

²³⁶⁴⁾ О нихъ совершенно ничего неизвѣстно. Въ позднѣйшіе дни христіане, подъ гнетомъ гоненія, лучше научились цѣнить взаимность, такъ что ихъ нѣжная преданность одного другому въ бѣдствіи возбуждала завистливое удивленіе язычниковъ (*Lucian, De Morte Peregr.* § 13).

²³⁶⁵⁾ Гдѣ былъ Аристархъ (Дян. XXVII, 2; Колос. IV, 10; Филим. 24)? Мы не можемъ сказать; но его имя не было бы опущено догадливымъ подражателемъ.

²³⁶⁶⁾ 2 Тим. I, 17, *σπουδαίστερον ἐζητήσεν με καὶ εὔρεν*.

²³⁶⁷⁾ 2 Тим. I, 16, *πολλάκις με ἀνέψυξεν*.

²³⁶⁸⁾ Таково, повидимому, естественное значеніе *πρώτη ἀπολογία* (2 Тим. IV, 16), и неизвѣстно, былъ ли этотъ методъ проведуръ и *ampliatio* или *comperendinatio* совершенно оставленъ. Въ этихъ дѣлахъ нужно было сообразоваться единственно съ капризомъ императора. Возможно однакоже, что *πρώτη ἀπολογία* можетъ относиться къ первому слушанію обвиненія, такъ какъ Неронъ ввелъ обычай выслушивать каждое показаніе отдѣльно.

²³⁶⁹⁾ Отъ всего, что можетъ быть *δυσχευεταῖο* названо *πονηρόν*. „*Liberabit me ne quid agam*“ (и мы можемъ прибавить: *ne quid patiar*). „*Christiano, ne quid Apostolo indignum*“ (*Grot.*).

²³⁷⁰⁾ „*Decollabitur? liberabitur, liberante Domino*“ (*Bengel*). Мнѣ трудно было бы преувеличить мое благодареніе къ этому великому истинному комментатору. О слѣдующихъ словахъ „комутому слава во вѣки“ онъ замѣчаетъ: „*Doxologiam parit spes, quanto majorem res*“.

²³⁷¹⁾ Амос. III, 12. См. *ἐνώπιον τοῦ λέοντος*, относящееся къ Ксерксу (*Apoc.* Esth. XIV, 13).

²³⁷²⁾ *Λέοντα γὰρ τὸν Νέρωνα φησὶ διὰ τὸ θηριώδες* (Златоустъ). *τέθηγγεν ὁ λέων* (въ отношеніи смерти Тиверія) (*Jos. Ant.* XVIII, 6, § 10); но здѣсь *λέοντος* стоитъ безъ члена. Иносказаніе это, вѣроятно, имѣть общій характеръ, какъ въ Пс. XXI, 21. Есепрь будто бы закричала: „спасите меня отъ пасти льва“, когда она отправилась къ Арабфегу (*Megillah f. 15, 2*).

²³⁷³⁾ „Тѣ, кто вредятъ мнѣ больше всѣхъ, мои дорогія чада—мои братья—*fraterculi mei, aurei amicuuli mei*“ (Luther, Cochlearius, 146).

²³⁷⁴⁾ Импер. Гелиогабалъ.

²³⁷⁵⁾ *Tac. Agric.* 45; *Suet.* Dom. 18; *Plin.* Paneg. 48.

ГЛАВА LVI. ²³⁷⁶⁾ *διὰ θελήματος*. Попытка вывести нѣкоторое особенное заключеніе изъ того

обстоятельства, что он употребляет это выражение вместо κατ' ἐπιστολὴν первого послания, кажется мне столь же произвольной, как и положение Макка, что употребление ἀγκυρῆς вместо ἡμετέρας в слѣдующем стихѣ есть знакъ, что это послание показываетъ больше любви, но меньше довѣрія.

2377) Слезы при прощаніи. Сл. Дѣян. XX, 37.

2378) Не указываетъ ли это многовѣстительное предложение, съ мозанкой вставочныхъ мыслей, на руку ап. Павла?

2379) Почему приводя на память? Мы не знаемъ; но таково собственно значеніе ἐμνήσθη—ἐκινε τὴν ὅψ' ἐτέρου εἰς μνήμην προσηχθῆναι.

2380) I, 1—5, πέπεισμαι δὲ. Придавать частицѣ δὲ значеніе, „не смотря на наружность“, какъ дѣлаетъ Альфордъ, было бы слишкомъ сильно; но частица δὲ, хотя и не замѣчается большинствомъ комментаторовъ и опускается во многихъ переводахъ, повидимому означаетъ нѣкоторую преходящую тѣнь сомнѣнія касательно ревности Тимофея по вѣрѣ.

2381) Выраженіе — ἐν τῷ αἰτίῳ вместо ἐκ—составляетъ особенность пастырскихъ посланій.

2382) Σοφροσύνη. Эта форма слова, повидимому, означаетъ не только „цѣломудріе“, но и наставленіе другимъ быть цѣломудренными.

2383) Выраженіе οἱ ἐν τῇ Ἀσίᾳ πάντες „все находящіеся въ Азіи“ затруднительно. Оно, повидимому, означаетъ, что они оставили ап. Павла въ Римѣ и теперь возвратились въ Азію, такъ что они находились въ „Азіи“ въ то время, когда прибыло это письмо.

2384) Для точнаго пониманія этого мѣста необходимо различать между καλὸς и ἀγαθός.

2385) II, 7, чтеніе δόξα.

2386) Сл. 1 Кор. XV, 31; 2 Кор. IV, 18; Рим. VI, 8.

2387) II, 7—13. Последнія слова имѣютъ ритмическій характеръ, быть можетъ взяти изъ гимна

2388) II, 14. Логомахія есть вѣрный знакъ софистическаго ученія, и между гностиками и софистами есть сходство въ многихъ отношеніяхъ.

2389) ῥητορικὸν „правильно рѣзнящимъ“ или „прямо разсѣкающимъ“. Nihil praetermittere, nil adicere, nil mutilare, discernere, potius (Beza). Но не ясно, откуда собственно заимствована эта метафора, отъ разсѣченія ли жертвъ, или рѣзанія хлѣба, или плотническаго мастерства, а также отъ проведенія дорогъ и бороздъ. Лучше считать ее общей въ смыслѣ правильнаго отношенія къ дѣлу, подобно тому, какъ καὶ ὁριστὸν стало означать просто „нововведеніе“. Въ патристическомъ языкѣ ῥητορικὸν сдѣлалось другимъ словомъ для обозначенія „православія“.

2390) О нихъ ничего неизвѣстно (Тим. I, 20).

2391) Такъ какъ указаніе на совершенно такую же ересь находится въ 1 Кор. XV, 12, то Бауръ напрасно предполагаетъ здѣсь намекъ на Маркіона. Предостереженіе ап. Павла противъ взгляда на воскресеніе, какъ на простое иносказаніе, было тѣмъ болѣе необходимо, что этотъ взглядъ являлся искаженіемъ его собственныхъ выраженій (Рим. VI, 4; Колос. II, 12 и проч.).

2392) 2 Тим. II, 21. Общее значеніе этого мѣста понятно, хотя оно и выражено неясно; объ ἐκκλ-ῳ Μελанхтонъ замѣчаетъ: „Haec mundatio non est desertio congregationis, sed conversio ad Deum“.

2393) ἐπιθυμίαις—не исключительно чувственныя страсти.

2394) II, 14—26. Дьяволъ уловляетъ ихъ въ свои сѣти, когда они унижалися виномъ; пробуждаясь, они пользуются восстановленіемъ своей трезвости (ἀγκυρῶν—старulam excentio) для того, чтобы разорвать эту сѣть и возвратиться къ повиновенію воли Божіей. Αὐτοὶ вѣроятно относятся къ сатанѣ, ἐκείνῳ къ Богу, хотя такое объясненіе и не есть абсолютно необходимое.

2395) Бауръ (Pastoralbriefe, p. 36) видитъ здѣсь намекъ на гностическія пророчія Приску, Максимилу, Квинтилу и др. и приводитъ Epiphani. Haer. XXVI, 11. Но съ одной стороны эти несомнѣнно не заслуживаютъ того, чтобы ихъ клеймить названіемъ γυναικάρικ (см. Тертуліанъ), и съ другой стороны нецѣло предполагать, чтобы женщины были менѣ восприимчивы ко всякому фазису религіознаго вліянія въ апостольскія времена, чѣмъ онѣ были во все вѣка (см. I. Флав. Antt. XVII, 2, § 4). Такою γυναικάρικ была Елена, которую Симон возхвъ повсюду бралъ съ собою (Justin, Apol. I, 26, Iren. c. Haer. I, 23). Когда Иеронимъ говоритъ съ такимъ пре-

зрѣніемъ и повошеніемъ о Николаѣ Антиохійскомъ (choros duxit femineos), Маркіонѣ и его спутникѣ, Апеллестѣ и Филиментѣ, Аріѣ и его сестрѣ, Донатѣ и Луциллѣ, Епидіи и Аганіи, Прискилліонѣ и Галлѣ, то развѣ онъ забылъ извѣстныхъ женщинъ по имени Павла и Евстохіа?

2396) Іанній и Іамврій упоминаются Оригеномъ и даже Плиніемъ (H. N. XXX, 1), который называетъ ихъ Iannes и Iotapes, и Нумениемъ (Orig. c. Cels. IV, 199). Имена эти принадлежать къ циклу іудейскихъ *magi*довъ. Они упоминаются въ Таргумѣ Іонавана на Исх. VII, 11 и были будто бы сыновьями Валаама.

2397) Это будто бы противорѣчитъ II, 16 и III, 13. Но оно противорѣчитъ только неразумному буквѣдству. Заблужденіе можетъ имѣть успѣхъ, но самый успѣхъ его закончится его изобличеніемъ. „Non proficiunt amplius, quamquam ipsi et eorum similes proficiant in rebus (Bengel); или, какъ замѣчаетъ Златоустъ, καὶ πρότερον ἀνδρῶν τὰ τῆς πλάνης εἰς τέλος οὐ διαμνεῖ.“

2398) Ставился вопросъ, почему онъ указываетъ именно на эти испытанія. Быть можетъ потому, что они тяжѣе всего отзывались на немъ, такъ какъ были первыми, которыя ему пришлось перенести. Быть можетъ потому, что Тимофей былъ ликаоніецъ, и у ап. Павла живо пробудилось воспоминаніе объ этихъ старыхъ временахъ.

2399) Такъ понимается это мѣсто Оригеномъ, Теодоритомъ, Эразмомъ, Гроціемъ и др.; оно такъ переведено въ арабскомъ, сирскомъ переводахъ, Вульгатѣ и во многихъ другихъ. О введеніи предиката посредствомъ союза καὶ см. Гал. IV, 7; Лук. I, 36; Рим. VIII, 29 и пр.

2400) IV, 2, εὐκρίτος, ἀκρίτος; во время и не во время, „opportune, importune“ (Августинъ). Малѣйшаго присутствія литературнаго смысла достаточно для того, чтобы избавить этотъ стихъ отъ фанатическаго злоупотребленія, которое извратило столь многія мѣста священнаго Писанія. Если нуженъ антидотъ для этого злоупотребленія, то см. Матт. VII, 6.

2401) ἀνελύσας, „отшестіе“, а не „разрѣшеніе“ (Филипп. I, 23). Ἀνελύσειν значитъ „поднять паруса“.

2402) IV, 1—8. „Нѣтъ ничего лучше“, говоритъ Златоустъ, „этого подвига. Нѣтъ предѣла для этого вѣнца. Это не вѣнецъ награды и онъ присуждается не какимъ-либо земнымъ посредникомъ, и не люди зрители награжденія имъ; зрѣлище переполнено ангелами—свидѣтелями“. Безполезно спорить съ тѣми, которые видятъ здѣсь духъ похвалы, что противорѣчитъ 1 Кор. IV, 3; Филипп. III, 12; 1 Тим. I, 16. „Distingue tempora et concordabit scriptura“. Тотъ же самый человекъ можетъ въ различные моменты въ различномъ настроеніи духа и съ различною точкою зрѣнія сказать: „я первый изъ грѣшниковъ“ и „я подвигомъ добрымъ подвизался“.

2403) Маркъ въ послѣднее время сопутствовалъ ап. Петру въ его служеніи. Ап. Петръ, хотя мы не имѣемъ ничего достовернаго въ этомъ отношеніи, могъ уже въ то время потерпѣть мученичество. Во всякомъ случаѣ, въ высшей степени интересно замѣтить, какъ св. Маркъ вновь пріобрѣлъ то глубокое почтеніе къ себѣ въ дунѣ апостола, которое онъ поколебалъ было своимъ прежнимъ непостоянствомъ (Дѣян. XV, 38).

2404) ἀπέσταλκ. Находить нѣкоторое затрудненіе въ томъ обстоятельствѣ, что ап. Павелъ упоминаетъ объ этомъ Тимофее, который, по предположенію, долженъ былъ находиться въ Ефесѣ. Но даже если ἀπέσταλκ не можетъ быть экзистенціальнымъ аористомъ и такимъ образомъ равнозначущимъ „я посмѣялъ“, ап. Павелъ не могъ быть увѣренъ, чтобы Тимофей не посѣтилъ какихъ нибудь изъ сошедшихъ церквей; а Тихикъ могъ пойти какой нибудь болѣе длинной дорогой. Даже помимо этого нѣтъ ничего необычнаго въ письмахъ, чѣмъ упоминаніе о фактахъ, которые должны быть совершенно извѣстны адресату; и во всякомъ случаѣ, такъ какъ Тимофей едва ли могъ выбыть, не передавая своихъ обязанностей на время въ руки Тихика, то онъ могъ обрадоваться личному увѣренію отъ ап. Павла, что онъ послалъ его.

2405) Значеніе выраженія πολλὰ μοι κακὰ ἐνεβέβητο неизвѣстно съ достоверностью, но вѣроятно оно есть не что иное какъ „относился ко мнѣ самымъ худымъ образомъ“. Слѣдующія слова: „да воздастъ ему Господь (ἀποδώσει, под. S, A, C, D, E, F, G) по дѣламъ его“ подвергались укорамъ какъ злословіе. Но выраженіе μὴ ἀποδῶκεν λόγους вѣ въ стихѣ 16 съ достаточностью показываетъ, что совершенно не таково было настроеніе духа ап. Павла; и совершенно не будетъ

злословіем сказать о врагѣ: „я долженъ предоставить тебя на волю Божию“, такъ какъ Богъ безконечно милосерднѣе человѣка.

²⁴⁰⁶) IV, 9—22. Лишь по преданію былъ первымъ епископомъ Рима (Iren. с. Наг. III, 33; Euseb. Н. Е. III, 4); но мнѣ удивительно, что нѣкоторые принимаютъ остроумную попытку отождествить Пуда съ распутнымъ сотникомъ эниграмомъ Марціала (IV, 13; XI, 53) и съ Пудомъ, который построилъ въ Чичестерѣ храмъ Нейтуну и Минервѣ; а Клавдію съ британской Клавдіей Руфиной, на которой онъ женился, и съ дочерью британскаго царя Когидубна или Карактака. Основанія для этого отождествленія были высказаны архидіакономъ Вильямсомъ въ трактатѣ о Пудѣ и Клавдіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Пудъ Марціала *можетъ* быть Пудомъ Чичестерской надписи, такъ какъ онъ женился на британкѣ; и эта Клавдія *могла* быть дочерью Когидубна, и *могла* быть посланною въ Римъ въ качествѣ гостыи или для воспитанія, и *могла* получить имя Руфины, потому что она *могла* быть поручена надзору Помпоніи, жены Авла Павла, который былъ правителемъ Британіи и семейство котораго было вѣтвю такъ называемыхъ Руфій. Возможно также, что Помпонія *могла* быть тайной христіанкой (Iac. Ann. XIII, 32), и такимъ образомъ эта Клавдія Руфина *могла* также сдѣлаться христіанкой; но даже если мы допустимъ возможность всѣхъ этихъ предположеній, вѣстанъ ничего еще не остается для отождествленія Пуда и Клавдіи, здѣсь отдѣленныхъ одинъ отъ другой другимъ именемъ, съ Пудомъ и Клавдіей, о которыхъ мы говоримъ. Клавдія было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ именъ, и вся эта теорія есть тщательная веревка изъ песка.

²⁴⁰⁷) Что *ψάλλον*, если это чтеніе вѣрно, означаетъ плащъ, это почти несомнѣнно. Таково было мнѣніе греческихъ отцовъ, которые только различно понимаютъ значеніе *ὑλινισμός*, т. е. книжный ящикъ. Но если бы это именно разумѣлось здѣсь, то онъ былъ бы упомянутъ послѣ книгъ, а не раньше ихъ. Мы можемъ предположить, что слово это есть буквальный переводъ латинскаго *ponna* и означаетъ длинный толстый плащъ. Форма буквального перевода можетъ удивлять насъ, но это новый случайный признакъ подлинности, такъ какъ происходитъ отъ формы, которую это произведение получало въ сирійскомъ *ܡܢܢܐ*. Даже если *ܡܢܢܐ* есть *rallium*, то мы видимъ, что въ сирійскомъ *ܡܢܢܐ* представляетъ собою П. Новѣйшіе толкователи видятъ въ фелоніи даже церковное облаченіе.

²⁴⁰⁸) Многие припомнятъ поразительную и патетическую параллель этой просьбы въ письмѣ, написанномъ Вильямомъ Тиндалемъ изъ сырыхъ позваловъ Вильворда, вespно предъ своею смертью, гдѣ онъ, ради Христа, проситъ болѣе теплой шапки и чего нибудь для заплаты его чулокъ и шерстяной рубашки, и главнѣе всего его еврейской Библии, грамматики и словаря: „quamobrem tuam dominationem rogatum habeo, idque per Dominum Jesum, ut si mihi per hiemen hic mandandum sit, sollicitus apud dominum commissarium, si forte dignari velit, de rebus meis quas habet mittere calidiorem birethum. Frigus enim patior in capite nimium... calidiorem quoque tunicam, nam haec, quam habeo, admodum tenuis est. Item ponnum ad caligas defendendas. *Duplois* (sic) *detrita est*, camiseae detritae sunt etiam. Camiseam laneam habet si mittere velit... Maxime autem omnium tuam clementiam rogo atque obsecro ut ex animo agere velit apud dominum commissarium quatenus dignari mihi velit *Bibl. Hebraicam, Grammaticam Hebraicam et Vocabularium Hebraicum*, ut eo studio tempus conteram... W. Tindalus“ (Life, by Demaus, p. 475).

²⁴⁰⁹) См. Ewald, Gesch. IV, 626; VI, 391. Ап. Павелъ повидимому занимался наукой въ теченіе всей своей жизни, какъ только позволяли обстоятельства. Дѣян. XXVI, 24, *τὰ πολλὰ ἐκ ῥημάτων ἐκ ῥαββίν περιτρέτων*.

²⁴¹⁰) См. Филипп. II, 17. Сенека, умирая, окроплялъ близъ стоящихъ своею кровью, говоря: „Libere se liquorem illum Jovi Liberatori“ (Iac. Ann. XV, 64). См. также *Thrasea*, „Libemus, inquit, Jovi Liberatori“ (Id. XVI, 35).

²⁴¹¹) Martineau, Hours of Thought, p. 89.

ГЛАВА LVII. ²⁴¹²) Что онъ получилъ, объ этомъ можно предполагать съ основаніемъ, я не повѣротно, что оно повело къ тому тюремному заключенію, объ освобожденіи отъ котораго упоминается въ посланіи къ Евреямъ (XIII, 23).

²⁴¹³) Я не нашелъ возможнымъ излагать на этихъ страницахъ средневековыя легенды о смерти ап. Павла, которыя желающіе могутъ найти у *Fabrizius*, Cod. Aproc. III, 632; *Ordericus Vitalis*, II, 3.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Аввакумъ, цитата изъ него ап. Павла, стр. 544.
Августъ кесарь—его покровительство іудеямъ, стр. 584.

Авернеригъ, царь—влияніе Ананіи на его семейство, стр. 508 (см. Ананія).

Авраамъ—его жены какъ прообразы, стр. 37.
Аврелій Антоній Маркъ, отзывъ его о христіанствѣ, стр. 848.

Агавъ, его пророчества, стр. 209, 603.

Агавы—установленіе ихъ, стр. 61; совершеніе ихъ за закрытыми дверями—120, въ отношеніи къ обрѣзанію Тита—283; злоупотребленіе ими въ Коринѣ, — 446—7.

Агриппа Иродъ (см. Иродъ).

Агриппа I и II, стр. 864—9.

Агриппа II—его желаніе послушать проповѣдь ап. Павла, стр. 648; ап. Павелъ передъ нимъ—648 и сл.; употребленіе имъ слова „христіанинъ“—652.

Адиавена—область, стр. 210; царское семейство, какъ оно было уловлено сѣтями іудействующихъ—509.

Адрианъ VI, папа, его замѣчаніе о классическихъ статуяхъ въ Ватиканѣ, стр. 353.

Акиба, его 33 правила, стр. 38.

Акила и Прискилла, ихъ отношеніе къ ап. Павлу, стр. 374.

Александрія, ученость іудеевъ въ ней, стр. 85—6.

Азизія великая—изучалась ап. Павломъ въ дѣтствѣ, стр. 29.

Ананія (въ Дамаскѣ)—его сомнѣнія касательно Савла, стр. 137; его сношеніе съ Савломъ, — 138.

Ананія—іудейскій купецъ—его влияніе на царя Авернерига и его семейство въ Адиавенѣ, стр. 508.

Ананія—первосвященникъ, его несправедливая жестокость по отношенію къ ап. Павлу, стр. 624—5.

Ананія и Сапфира—ихъ грѣхъ и внезапная смерть, стр. 73.

Андрей—Андрей и Филиппъ хотя греческія

имена, но бывшія ходячими среди іудеевъ, прим. 237.

Анна—первосвященникъ, его обращеніе съ ап. Петромъ и Иоанномъ, стр. 60—73.

Антиохія Писидійская—описаніе ея, стр. 251—2; ап. Павелъ и Варнава въ ней—252; синагога и богослуженіе—252; проповѣдь ап. Павла въ синагогѣ, —254.

Антиохія (въ Сиріи)—миссія въ ней ап. Павла и Варнавы въ 44 г. по Р. Хр., стр. 197; описаніе города, —197—8; землетрясеніе въ 37 г. по Р. Хр., —201; происхожденіе имени „христіанинъ“—202; церковъ и релігіозныя чувства въ ней, —202; состояніе церкви—272—3; ап. Петръ и Павелъ въ ней—295 и сл.

Антиноміи ап. Павла, стр. 858—9.

Антихристъ—іудейскія и языческія силы его въ Римѣ, стр. 685—8.

Антоній (императоръ) и рабъ. Иуда Гаккадошъ, стр. 510.

Аполлосъ—въ Ефесѣ, путешествіе его въ Коринѣ, проповѣдь тамъ, стр. 421; ненамѣренная причина раздѣленія въ церкви Коринѣ—421—2; его доношеніе о церкви коринѣской ап. Павлу—439; слѣдствія его проповѣди въ Коринѣ—444.

Апостолъ—любви, Иоаннъ, стр. 1; краеугольный камень—Петръ—1; апостолъ народовъ—Павелъ—2; источникъ ап. Павла—478 и сл.; властно-апостольскій языкъ, впервые употребленный апост. Павломъ въ посланіи къ Галатамъ—512—13; сравненіе ихъ дѣятельности съ дѣятельностью ап. Павла—2; смѣлость послѣ слабости—54; общеніе ихъ съ Господомъ послѣ Его воскресенія и влияніе Его воскресенія на нихъ—55; возродители міра—55; ихъ послѣдній вопросъ Господу касательно обѣтованнаго царства—56; ихъ состояніе послѣ вознесенія Господа—58; все еще іудей, только съ вѣрою во Христа—58; общеніе женщинъ въ молитвенныхъ собраніяхъ—58; восполненіе вакансіи Иуды Искаріота—59 и 60;

стр. 181; следствие этого крещения для младенческой церкви—196.

Еврейский язык — знание его ап. Павлом, стр. 11.

Евтих, падение и возвращение его к жизни, стр. 594—6.

Единение—увещание ап. Павла к единению, как главный предмет послания к Филиппийцам, стр. 697, 701.

Елена царица, ее прозелитизм и обыты, стр. 509—10.

Елеонская гора (см. гора Елеонская).

Еллингизм и Гебранизм, стр. 78 и сл.

Енафраст из Колоссы — посещение им ап. Павла и следствие этого, стр. 694; его сообщения ап. Павлу о церкви в Колоссах—712.

Енафродит из Филипп, посещение им ап. Павла и следствие этого, стр. 695; его труды в Риме, болель, выздоровление и возвращение в Филиппы—695—6.

Ефес — Ефесияне — посещение их ап. Павлом, стр. 411—2; описание города—412—3; развитие христианства—411; очерк его истории—413—4; репутация его жителей—414; храм Артемиды—414—7; суеты—418; сожжение черных книг, как следствие трудов ап. Павла—425; мятеж, послуживший причиной удаления ап. Павла—429—438; очерк церкви в нем—438; послание ап. Павла к Римлянам втройно было послано и в Ефес—532; бежда ап. Павла с пресвитерами ефесскими—598, 600; очерк послания к ефесцам—736 и сл.; фразеология и впроушение этого послания—869—71.

Жало в плоть, стр. 147; 834—41 и сл.

Женщины — их участие в распространении евангелия, стр. 327.

Жертвенник, — иже, воздвигнутые по совету Эпименида в Афинах, стр. 356; взгляд ап. Павла на жертвенник неведомому Богу—356.

Жизнь — торжество ее над смертью, стр. 558—9; во Христе—569; ее сила—569.

Закон — праведности и что зависело от него, стр. 42; его 248 заповедей и 365 запрещений—42; устный — его ничтожество—43; его предание и введное толкование—43—4; требования пред Богом—44; требования, которые невозможно удовлетворить человеку—46; лицемерие в его исполнении—46; объяснение Спасителя касательно назначения закона Моисеева—104; употребление и дла Моисеева закона—557, 759; его положение в плане спасения—559 и сл.; почему не может оправдывать—561—2; умножает преступлений—562; различие между оправданием законом и оправданием втрою—566; дальнейшее определение его положения—566; примты из области брака—566; его отношение ко греху—567 и сл.

Здравомысленность — основная мысль послания к Титу, стр. 771—2.

Землетрясение в Антиохии в 37 г. по Р. Хр., стр. 201.

Златоуст св. — его отзыв о ап. Павле, стр. 4, 807.

Идоложертвенное, стр. 455, 457.

Идопоклонство — влияние его на иудейскую и другие общины, стр. 83.

Изать сыг, даря Авенирига, принимает обрзаание, стр. 210, 508—9.

Избранный народ (ср. Иудей).

Измаил раввин — 13 правил его, стр. 38, прим. 99.

Израиль — возстановление его, стр. 579 (см. Иудей).

Икония — посещение ее ап. Павлом и Варнавой, стр. 259—60.

Императоры римские, их апофеоза, стран. 843—5.

Ирод Агриппа — его характер, стр. 171; заключение в тюрьму Тиверием, освобождение им. Каем по восшествии его на престол и назначен преемником Ироду Филиппу и Лизанию в качестве четвертовластника—171; начало его царствования, прием ему в Александрии—171—2; его влияние и возвышение—211—2; соблюдение Моисеева закона—212—3; убивает ап. Иакова, арестует ап. Петра—214 и сл.; его смерть—217.

Ироды в книге Дяний Апостольских, стр. 864—9.

Искусство, его отношение к христианству, стр. 354—5.

Исахар первосвященник, стр. 865.

Иаков меньший, причина уважения к нему народа, сравнение его с ап. Павлом, стр. 162—3; убеждает ап. Павлом в вопросах об обрзаании—278; описание его—286—7; обрзаание—287—8; отношение его к деятельности ап. Павла—504; с пресвитерами церкви принимает ап. Павла в Иерусалиме—605—7.

Иаков старший — смерть его, стр. 214.

Иасон — имя тождественное с Иисусом, стр. 17; обвинение против Иасона со стороны иудеев Оссалоник — 343.

Иероним бл. — предание его об ап. Павле, стр. 10; отзыв о Павле—807.

Иерусалим, переполненный народом в первую пятидесятницу, стр. 69; колыбель христианства—411; опасности в нем для ап. Павла—524—5; отношение иудейского населения в нем к ап. Павлу—611.

Исус Христос — говорить с ап. Павлом по-еврейски во время его обращения, стр. 11; имя тождественное с Иасоном—17; любовь, проявленная в Его смерти, воскресение, прославление, известие ап. Павлу чрез откровение—50; сношения с учениками после воскресения не непрерывные—56; возстановление Духа Св. апостолам и сила Его воскресения—56; вознесение—56; Его миссия основать царство—97; Его дла отнять закон незаметно в соблюдении его Им—97; всеобщность поклонения духом—97; исполнение закона в одухотворении его—97; как Мессия — камень преткновения для

иудеев—101—2; почему Он назвал Себя Савлу Иисусом Назарянином—134; все во всем для ап. Павла—138; глубочайшее значение, лежащее в основе многих его слов—185; предание, что 12 апт назначены были Им для пребывания Его учеников в Иерусалиме—219; свтты для язычников—223; оппичный взгляд на него Светония—226; основная идея всего христианства по учению ап. Иоанна и Павла—852; дла всякой проповеди—450—1; единственное основание—451; общее основание для иудей и язычника—536; связь человеческого общества—536; основа всех посланий ап. Павла—536; сила жизни во Христе—569; Его жертва и прославление—701, 702; божественное слово как длаебное средство против фригийского мистицизма среди колосских христиан—720; как судия—859.

Иоанн и Петръ — два главные апостола, стр. 1; пред лицом главных священников—60; знание им духа Христова—724.

Иоанн как „сын Громова“, стр. 1; печать его личности на первенствующей церкви—1; мученическая жизнь, его чудеса—73; описание Рима в Апокалипсисе—227; склонился ко взгляду ап. Павла на обрзаание—278; сравнение с ап. Павлом—850—2.

Иоанн Марк (см. Марк).

Ионл — исполнение его пророчества в день Пятидесятницы, стр. 66.

Ионафан — первосвященник во время смерти св. Стефана, стр. 107, 113.

Иосиф Варсавя, прозываемый Иустом, избран вместе с Матеем при избрании апостола, стр. 60.

Иосиф левит с о. Кипра, его раннее отношение к ап. Павлу, стр. 163—4.

Иосиф Флавий — его свидетельство о смерти Ирода Агриппы, стр. 217.

Иуда ап. — неправильный взгляд на его послание, стр. 854.

Иуда Гаккадош, раввин, и импер. Антонин, стр. 510.

Иуда Искарот — его падение и кончина, стр. 58; отобраз Ахитофела—59.

Иудей — как гонитель ап. Павла, стр. 6; охранение ими оишоства от „сомнительного чтеия“—25; брачные обычаи—30, 54, 115; значение св. Писания между ними—34; их литература—37—8; обыты—48; как виновники несогласия между христианами—50; умаление ими апостольского достоинства ап. Павла—50; порядки христианских иудеев в синагогах—58; гонение на апостолов—73 и сл.; разбывание—78 и сл.; следствие разбывания для них самих, греков и римлян—79; результат соприкосновения с греками—80; варны буйства—82; причины, поведения их развитием в них коммерческого духа—84—5; в Александрии, их ученость, успехи в литературе, большая просвещенность в сравнении с раввинами Иерусалима в отношении предназначения даров Божиих—85—6; перемтна языка среди вновь разбывания и последствие соприкосновения с

арийской расой—86; постановления с длаю запрещения сношения с язычниками и бывшее результатом их кровопролитие—88—9; их греческая имена—90; их мессианская надежда—101—2; их благоговение к Моисею—104; их ярость вследствие высказанных св. Стефаном воззрений на закон Моисеев—105; в Дамаске — их отношение к христианам, прием проповеди ап. Павла—155—6; бичевание ап. Павла—156; облегчение со смертью Тиверия—170; преданность им. Каю—171; варварское отношение к ним в Александрии—171—2; приношения для соборы в Иудей—209; помощь иудейским христианам от язычников в благодарности за духовное благо—209; в Антиохии Сирйской—221; условия, на которых только они могли принять христианство—223—4; два иудея (Павел и Варнава) на пути обращения мира ко Христу—230; на острове Кипр и Саламине—238; их служебник—253—4; неприязнь иудеев в Антиохии Писидийской против язычников вследствие проповеди ап. Павла—257; побивание ап. Павла камнями в Листрф от иудеев Антиохии и Иконии—264; их ненависть к ап. Павлу—265; их ненависть к ап. Павлу и Христу—342—3; возмущение, поднятое ими против ап. Павла в Оссалоник—343 и сл.; втра иудеев в Верии—345; сношение ап. Павла с иудеями в Афинах—357; жалобы ап. Павла на иудеев в Коринфе—378; их враждебность против христиан, доходящая до ложных обвинений против них—381; в Оссалоник—390; их клеветы против ап. Павла—390; гонения их на ап. Павла—391; в Ефесе—420; их противодельные ап. Павлу—420—1; введение их в Рим Помпеем—526; его отношения к ним—526—7; бесполезность их как рабов—526; последующее освобождение—527; размножение и процветание—526—7; синсходительная терпимость христиан из иудеев в Риме к язычникам, когда ап. Павел писал послание к Римлянам—533; отношение иудеев к язычникам, извлечение из трактата Abhoda Zara примты. 1614; попытки Сеция и Клавдия изгнать из Рима—527; обвинение их со стороны ап. Павла в том же грехе как и язычников, именно в оставлении и отрицании их Бога—547 и сл.; одинаково испулены с язычниками, но тщна их надежда, когда покоится на ложном основании—571—2; лишение их особых преимуществ—574—5; любовь к ним ап. Павла—576; насдники обтываний не по крови, а по духу только—576—7; недостаток в них веры, как причина отвержения ими евангелия—576—7; отвержение их Богом неокончательное—578—9; их возстановление—579; покровительство им со стороны римского закона—584; их заговор против жизни ап. Павла—593; причины их заговора—593; открытие и предупреждение его—593; обряды, связанные с назорейскими обттами, и предложение ап. Павлу со стороны пресвитеров в Иерусалиме исполнить их—607—8; состояние иудеев в Иерусалиме во время па-

того посещения его ап. Павлом, различные мятежи—611 и сл.; в. Ефес, мятеж их против ап. Павла—616 и сл.; обвинение против ап. Павла в осквернении храма—616 и сл.; разделение между ними вследствие отвѣта ап. Павла касательно воскресения—628; спор с греками на рыночных площадях в Кесарии—639—41; указ Клавдия об изгнании их—676—7; отвѣтъ на аппеляцію ап. Павла к Кесарию—677—8; численность их в Риме—677; выслушивают ап. Павла—677—8; их влияние и промышленность в Риме—685—7; бичевания—841—3; ненависть к ним в классической древности—845—7.

Иудействующие—учители—борьба ап. Павла с ними во 2 корин., гал. и рим., стр. 478; успех их в разрушении дѣла ап. Павла в Антиохии, Коринфе и Галатии, отсюда послание к галатам—502; их обвинение против ап. Павла—506; обрѣзание—предмет их спора с ап. Павлом—506—7; их побуждения къ защите обрѣзания—510; их враждебность въ Иерусалиме, опасная для ап. Павла—524—5.

Кай (Калигула)—наследовал Тиверию въ качестве римскаго императора, стр. 169—70; друг Прола Агриппы—170; предполагавшееся изъ осквернение храма иерусалимскаго, и его смерть стр. 174 и сл.

Каиафа—ап. Петр и Иоанн передъ ним, стр. 73; повинецъ въ Иови Христа—113.

Калигула (см. Кай).
Карп въ Трояде, фелонь, книги и пергаменты ап. Павла, оставленные въ его домѣ, стр. 275, 794 и сл.

Кенхрен, церковь тамъ, стр. 378.
Кесарь (см. отдѣльныя ихъ имена).
Кипр—ап. Павел и Варнава тамъ, — участие его въ дѣлѣ распространения христіанства, стр. 238; иудей на о. Кипр—238.

Кифа (см. Петр).
Клавдій, императоръ, востановление его на престолъ и внимательность къ иудеям, стр. 177; попытка его изгнать иудеевъ изъ Рима—527; его преслѣдованіе иудеевъ—554.

Клементини, нападенія ихъ на ап. Павла, стр. 852—4.

Климентъ, св. — сочиненіе объ ап. Павлѣ, стр. 6.

Книги и пергаменты ап. Павла въ Трояде, стр. 25, 83 и сл.

Колоссы, стр. 710.

Колоссияне, посланіе къ нимъ, стр. 711 и сл.; причины—711; состояние церкви, какъ оно описано было ап. Павлу Епафрасомъ—712; ложные учителя въ церкви въ Колоссахъ—712; цѣль посланія—714; подлинность его—717—8; содержаніе посланія—719 и сл.; Исусъ какъ цѣлительная сила противъ фригійскаго мистицизма—720; предостереженіе ихъ противъ ложныхъ учителей—722; будущность церкви—725—6.

Кораблекрушеніе, которому подвергся ап. Павелъ, стр. 664—8.

Коринф, посещение его ап. Павломъ, стр. 369;

описание его—370; основаніе въ немъ церкви ап. Павломъ—376; безправственность города—446—7; опасность для церкви—440 и сл.; результаты ученія Аполона—444; ложные учителя въ церкви—445—6; дальнѣйшія раздѣленія въ ней—446; споры въ церкви—445—6; безпорядки и нравственные нестроения—446—7; здѣсь ап. Павелъ написал посланія къ галатамъ и римлянамъ—500; радость апост. объ этой церкви стр. 500.

Коринфяне—посланіе къ нимъ, стр. 402; различіе его отъ другихъ посланій въ слогѣ и планѣ—402; впаденіе христіанъ въ Коринфѣ въ чувствительность—440—1; причины перваго посланія къ нимъ—442 и сл.; безпорядки на вечерахъ любви—446; положеніе 1 посланія къ Коринфянамъ—449—50; предостереженія ихъ противъ ложныхъ учителей и раздѣленій въ церкви—450—1; мѣры ап. Павла противъ нравственной распущенности—454; о цѣломудріи, целомудренности и воскресеніи изъ мертвыхъ—455 и сл.; соблазны, какъ причина возникновенія безпорядковъ въ церкви—464—5; самозащита ап. Павла—474; наказанія за профанію евхаристіи—475; изложеніе 2 посланія къ Коринфянамъ—472—494; 2 посланіе къ Коринфянамъ какъ самооправданіе, а не саморекомендованіе ап. Павла—481—3; несохотный сборъ милостыни—487.

Коринфій, сотникъ, обращеніе его въ христіанство, стр. 193.

Краугольный камень, ап. Петръ какъ апостолъ краеугольнаго камня, стр. 1.

Крещеніе ефесскаго епископа и его слѣдствія, стр. 181, 196.

Крестъ, крещеніе его ап. Павломъ, стр. 376.

Критяне, отзывъ о нихъ Эпименида, стр. 771.

Кровосмѣшникъ въ Коринфской церкви—мѣры противъ него ап. Павла, стр. 454.

Левантіецъ, морской вѣтеръ, стр. 661.

Lex Roisla, стр. 28.

Лидія — крещеніе ея, стр. 326; предлагаетъ угощеніе ап. Павлу—326; ея филиппійскіе друзья, ихъ попеченіе объ ап. Павлѣ во время его тюремнаго заключенія въ Римѣ—695—6.

Лизій—его судейское безпристрастіе, стр. 380; энергическая защита ап. Павла—581; спасаетъ ап. Павла отъ ярости иудеевъ въ храмѣ—618; его ошибка въ отношеніи ап. Павла—618; позволяетъ ап. Павлу говорить къ иудеямъ—618—9; извѣщенный племянникомъ ап. Павла о заговорѣ иудеевъ лишить ап. Павла жизни спасаетъ его и отправляетъ изъ Иерусалима въ Кесарию—530 и сл.

Листра—послѣщеніе ея ап. Павломъ и Варнавой, стр. 261; страданія ап. Павла тамъ возмущены обращеніемъ Тимофея—264; послѣщеніе ея опять ап. Павломъ—303.

Лонда и Ениска — послѣщеніе ихъ ап. Павломъ, стр. 308.

Лонгинъ—мысли его о слогѣ ап. Павла, стр. 18, 807.

Лука—точность его повѣствованія, стр. 76;

не пыталъ въ виду дать полную біографію ап. Павла—140; спутникъ ап. Павла изъ Трояды при второмъ миссіонерскомъ путешествіи—321; его преданность ему—321; его медицинское занятіе—322; съ ап. Павломъ въ Филиппахъ—593; спутникъ его во время путешествія въ Римъ—656; какъ историкъ апостоловъ—754; внезапное окончаніе книги Дѣяній—754—5; его преданность ап. Павлу во время тюремнаго заключенія—781.

Луканъ—его родство съ Галлономъ, стр. 378.

Луканъ—о христіанствѣ, стр. 848.

Любовь, стр. 463.

Любовь—Иоаннъ апостолъ любви 1, безконечная любовь Божія разрѣшаетъ затрудненія въ вопросѣ о предопредѣленіи, стр. 574; она есть догмъ всѣхъ—585.

Македонія — наплывъ иудеевъ и грековъ, но безъ смѣшенія ихъ между собою, стр. 80; посещение ея ап. Павломъ во время втораго его миссіонерскаго путешествія—323 и сл.; положеніе женщинъ въ ней—326—7.

Мальта—въ отношеніи къ кораблекрушенію ап. Павла, стр. 664—8.

Мананлъ (Менегемъ)—молочный братъ Прола Антипы, стр. 222.

Манускрипты — главные прописные манускрипты Дѣяній Апостольскихъ и посланій ап. Павла, стр. 860.

Марія — владѣлица дома, въ горницѣ котораго собрались апостолы и гдѣ вѣроятно совершена была Тайная Вечеря, стр. 220.

Маркъ Аврелій Антонинъ—о христіанствѣ, стр. 848.

Маркъ, какъ переводчикъ для ап. Петра, стр. 66; спутникъ ап. Павла и Варнавы—220, 237; родство съ Варнавой—246; оставляетъ ап. Павла и Варнаву въ Пергѣ—246—7; какъ причина разногласія между ап. Павломъ и Варнавой—303; послѣдствія для него отъ разногласія между ап. Павломъ и Варнавой—303; опять приписанъ ап. Павломъ въ качествѣ сотрудника—303—4.

Матой избранный апостоломъ, стр. 60, 61.

Мелита (см. Мальта).

Мессія,—равнинское представленіе объ условіяхъ Его прішествія, стр. 43; исполненіе многихъ пророчествъ—104.

Мечъ, какъ результатъ дѣла 1. Христа на землѣ, стр. 383.

Милетъ—бѣсѣда ап. Павла въ немъ съ епископами церкви Ефесской, стр. 598, 600.

Милостыня—сборъ ея и забота о немъ ап. Павла, стр. 487, 493, 496, 497, 524.

Миръ и надежда—плоды оправданія вѣрою, стр. 555—6.

Минна—правила касательно браковъ, стр. 53; бракъ—первое изъ ея 613 постановленій—53.

Миссонъ—его гостеприимство по отношенію къ ап. Павлу въ Иерусалимѣ, стр. 604.

Моисеевъ законъ (см. законъ).

Моисей — иудейское благоговѣніе къ нему, стр. 104; значеніе его для человѣчества—104—5;

отношеніе къ нему ап. Павла до и послѣ его обращенія—146; его бракъ—223.

Монобазъ—сынъ Авенперига и Елены,—его обрѣзаніе, стр. 508—9.

Монобазъ—царь Адіанскій и его семейство, стр. 210.

Мясоедъ и другая пища, правила ап. Павла касательно ихъ употребленія, стр. 585—6.

Надежда и миръ, результатъ оправданія вѣрою, стр. 555—6; ея значеніе для спасенія, ея отношеніе къ вѣрѣ—569—70.

„Назарянинъ“ — попытка Юліана замѣнить этимъ словомъ названіе „христіанинъ“, стр. 204—5.

Назорей и Евониты, стр. 853.

Назорейскіе обѣты—исполненіе ихъ ап. Павломъ въ Иерусалимѣ, стр. 607—8.

Наказанія—смертью, стр. 829—31.

Народъ избранный (см. иудей).

Невѣдомый Богъ—жертвенникъ Ему въ Асинахъ, стр. 351, 356; взглядъ ап. Павла на этотъ жертвенникъ—356; проповѣдь ап. Павла по поводу надписи на жертвенникѣ—363 и сл.

Невѣрующіе—не должны судить въ церковныхъ дѣлахъ, стр. 455.

Неронтъ—благопріятное доношеніе ему касательно ап. Павла, стр. 653; гоненіе—685, 779; направленіе его влияния въ Римѣ—687—8; его правленіе—779; ап. Павелъ предъ лицомъ Нерона—782 и сл.; его характеръ—785.

Никодимъ какъ фарисей, стр. 31.

Николай—значеніе его избранія діакономъ, стр. 90; недостаточность данныхъ для поставленія его въ связь съ Николаидами, прим. 241.

Обрѣзаніе—спорный пунктъ въ церкви антиохійской, стр. 273; споры опасныя для церкви—275—6; отнесеніе вопроса на рѣшеніе церкви и апостоловъ, знавшихъ Христа на землѣ—276; соборное рѣшеніе и окружающее посланіе апостоловъ—290; обрѣзаніе Тимофея и Тита—312; отсутствие необходимости для него—основная мысль посланія къ Галатамъ—506—7; защита его со стороны иудействующихъ—507; значеніе его для иудейства—510; требованіе его со стороны иудеевъ—868.

Обѣты, стр. 48; назорейскіе обѣты—607 и сл.

Описанія—послѣщеніе имъ ап. Павла и обращеніе, стр. 711; предметъ посланія ап. Павла къ Филимону—711—2; его преступленіе и связанное съ нимъ юридическое послѣдствіе—727 и сл.

Описанія—старанія его найти ап. Павла для посещения его во время тюремнаго заключенія въ Римѣ, стр. 778; его доброты по отношенію къ ап. Павлу—782.

Оправданіе вѣрою (см. вѣра).

Павелъ апостолъ—апостолъ народовъ, стр. 1.; „часто при смерти“, 1; распространитель христіанства—2; значеніе его посланій—2 и 3; его характеръ—2—4; его воспитаніе—3, 9; исторія его жизни, составленная на основаніи Дѣяній

Апостольских и его посланий—5, 7; подлинность его посланий—5—7; рассказ его о своих страданиях—6; достаточность материалов для изображения его жизни и характера—8; „Павел старец“—9; мисторождение и дѣтство—10 и сл.; родъ его и происхождение—10, 24; извѣстные ему языки—11; его внутренняя жизнь—12; равнодушіе къ красотамъ природы—13—14; первое впечатлѣніе въ Тарсѣ—14 и сл.; естественное происхождение его ремесла—15; влияние его ремесла на его характер—16; его родители—17; ихъ права какъ римскихъ гражданъ переданы ему по наследству—17; его родственники—17; его воспитание у ногъ Гамалила—18; гебранскіе, хотя и писавшіе по гречески—17; критика Лонгина касательно его слога—18; кликизмы въ его слогахъ—18; влияние на него его пребыванія въ Тарсѣ—19 и сл.; предпочтеніе, какое онъ оказывалъ неразумію съ Богомъ сравнительно съ мудростію язычества—22; человекъ не эллинской культуры, его слогъ своеобразный и его греческій провинциальный; мышленіе сирийское; диалектический методъ раввинскій—24—25; его книги и пергаменты въ Троицѣ—25, 794 и сл.; эти книги не изъ греческой литературы—25; знакомство съ греческой литературой—25—26; классическіе цитаты и намеки—26; римское гражданство—27; бичеванія—28; римское гражданство не несомнѣтельное съ иудейскимъ происхожденіемъ—29; раннее образование—30; считаетъ себя фарисеемъ—31; знаніе Ветхаго завета цитуетъ по LXX—32; знаніе для него ученія Гамалила—32—33; его воззрѣнія на боговдохновенность—33; употребленіе имъ Ветхаго завета и св. Писанія вообще—33—35 и сл.; стиль его аргументація по отношенію къ иудеямъ—33; какъ еврей и эллинистъ—38; старается исполнять законъ—43; неправильный взглядъ на устный законъ—43; степень его послушанія закону—44; раннее безпокойство—46; ранняя внутренняя борьба—48—9; видѣлъ Господа І. Христа—49—51; знаніе Господа І. Христа чрезъ вѣру—51; отсутствіе изъ Іерусалима во время служенія и распятія Спасителя, влияние на него словъ умирающаго Стефана—51, 97; братъ его—52—54; раннее отношеніе къ младенческой церкви—56; причина ненависти къ нему народа—96; участіе его въ спорѣ со Стефаномъ въ синагогѣ отпущениковъ—100; охраненіе имъ одеждъ тѣхъ, которые побивали камнями св. Стефана—114; тридцатилѣтній его возрастъ во время мученичества св. Стефана—115; членъ Синедриона и слѣдовательно женатый человекъ—115; его ярость противъ христіанъ—116; сознаніе имъ своего заблужденія въ преслѣдованіи церкви—118; самъ подъ преслѣдованіемъ—119; данное ему порученіе въ Дамаскъ—122; размышленіе по пути въ Дамаскъ—обращеніе—123—133; внутренняя борьба—128—9; увѣренность, что съ нимъ говорилъ Богъ—132; слѣдствіе видѣнія имъ І. Христа—132, 133; его слѣдствіе—132; два рассказа объ его обращеніи—134—5; немедленно по обращеніи отведенъ слѣпымъ въ Дамаскъ—136—7;

вступленіе въ Дамаскъ и выходъ изъ него—136 его обращеніе какъ доказательство истинности христіанства—138; Христосъ для него все во всемъ и его свидѣтельство о Христѣ—138; проповѣдникъ креста и Распятаго—139; назаринъ—140; необходимая подготовка для его великаго дѣла—143; нужда въ уединеніи и удаленіе въ Аравію—141; источникъ его апостольства—143—4; состояніе его духа послѣ обращенія—145—6; его отношеніе къ Моисею и Моисееву закону—146; его „жала во плоть“—147 и сл.; слѣды его „жала во плоть“—148 и сл.; цѣль его „жала во плоть“—151; возвращеніе и проповѣдь въ Дамаскъ—153 и сл.; какъ его проповѣдь была принята иудеями въ Дамаскъ—154—5; бичеваніе отъ иудеевъ—156; бѣгство изъ Дамаска—157; путешествіе изъ Дамаска въ Іерусалимъ и оказанный ему тамъ пріемъ—157—62; встрѣча съ ап. Петромъ въ Іерусалимѣ—161; сравненіе съ Іаковомъ—162—3; раннее отношеніе съ Іосифомъ, Варнавой и Маркомъ—163—6; раннее испытаніе—167; дважды сохраненъ Варнавой для дѣла христіанства—166, 197; признаніе его со стороны апостоловъ чрезъ посредство Варнавы—166; раннее служеніе, опасности, побѣды—второе видѣніе и назначеніе на дѣло проповѣди язычникамъ—167 и сл.; опять въ Тарсѣ—168; кораблекрушеніе—168; какъ апостолъ народовъ—178 и сл.; значеніе для успѣха церкви дѣятельности ап. Павла, Стефана и Филиппа—196; начало дѣятельности ап. Павла съ Варнавой въ Антиохіи Сирийской—196—7; проповѣдь въ Антиохіи Сирийской и ея результаты—202 и сл.; назначеніе его съ Варнавой Духомъ Св. на дѣло обращенія міра—230; апостолъ язычниковъ—230; первое апостольское путешествіе—231, 266; описаніе ап. Павла—234—5; поражаетъ Елиму слѣпотой—243; его чудеса—243, 261; вдовецъ и бездѣтный—236; недостатки и восполненіе ихъ преизбыточествующими дарами—235—7; на Кипрѣ—238 и сл.; въ Саламинѣ—240—1; причина перемѣны его имени—244; Маркъ оставляетъ ап. Павла въ Пергѣ—246—7; въ Антиохіи Писидійской—251—2; проповѣдуетъ тамъ—254 и сл.; результаты проповѣди—257—8; по отверженіи Евангелія иудеями обращается къ язычникамъ—258; въ Иконіи—258, 259; проповѣдуетъ въ Иконіи—261; результаты проповѣди—261 и сл.; въ Листрѣ—261; проповѣдуетъ тамъ—261; испытываетъ калѣку—261; ап. Павелъ и Варнава принимаются за боговъ—261—2; отверженіе предлагаемыхъ имъ почестей—262; побѣненіе ихъ камнями со стороны иудеевъ въ Листрѣ—264; обращаетъ Тимофея—264; съ Варнавой оставляетъ Листру—265; въ Дерви—265; дѣятельность и ея успѣшность—265; Гаій и другіе друзья и обращеніе—265; возвращеніе изъ Дерви въ Антиохію Сирийскую, конецъ перваго апостольскаго путешествія—267—8; убѣжденія послѣ перваго апостольскаго путешествія—268—9; сознаніе особаго предназначенія для проповѣди язычникамъ—270—1; съ Варнавой отправляется въ Іерусалимъ по вопросу объ

обрѣзаніи—276; обращаетъ Тита, который отправляется съ нимъ въ Іерусалимъ—277; убѣждаетъ Іоанна, Петра и Іакова въ томъ, что обрѣзаніе не необходимо—278; заботливость о бѣдныхъ въ церкви іерусалимской—279; обрѣзываетъ Тимофея—280; назорейскій обѣтъ—282; съ Петромъ въ Антиохіи Сирийской—295 и сл.; выдающийся руководитель церкви—296; вліаніе его въ Антиохіи, гдѣ къ нему присоединяется Сила—296; укоряетъ Петра за перемѣну отношеній къ язычникамъ—298 и сл.; результатъ укора Петру—299 и сл.; разладъ съ Варнавой по поводу Марка—302—3; разлученіе ихъ—303; взаимная потеря для ап. Павла и Варнавы, хотя дружба ихъ и не прекратилась—303; принятіе Марка опять въ качествѣ сотрудника—303—4, 793, прим. 2403; второе апостольское путешествіе—305—410; посѣщеніе церковей Сиріи и Киликии, Тарса, Дерви и Листры—306 и сл.; любовь къ Тимофею—310; любовь къ церквамъ—310; обрѣзаніе Тимофея и Тита—312; проходитъ Фригію и Галатію—313; посѣщаетъ Иконію—313; Антиохію Писидійскую—313; посѣщаетъ иудеевъ на берегахъ Евфрата, Галатію и слѣдствія этого посѣщенія—313—4; болѣзнь въ Галатіи—315; причина болѣзни—316; доброта галатовъ—316—7; церкви, основанныя въ Галатіи—319; посѣщаетъ Воніонію, Троицу, Александрию—319 и сл.; встрѣчается съ Лукой—321; вѣрность ему Луки—321; отношенія съ Лукою—322; въ Филиппахъ—324 и сл.; служеніе въ Филиппахъ—326; крещеніе Лидіи изъ Фатиръ—326; пользуется гостеприимствомъ Лидіи—326; причина принятія денежной помощи отъ одной только церкви Филиппійской—326; сотрудники его въ Филиппахъ—327—8; изгоняетъ духа проповѣдательнаго изъ одержимой имъ дѣвочки—329—30; гнѣвъ ея владѣтелей—330; обвиненіе противъ ап. Павла и Силы—330; заключеніе въ темницу и бичеваніе—332—3; обращеніе и крещеніе начальника тюрьмы—333—4; описаніе начальника города—334; ап. Павелъ и Сила оставляютъ Филиппы—335; оставляютъ Луку въ городѣ—335; въ Оссалоникѣ—336 и сл.; ихъ бѣдность во время пребыванія тамъ—339; служеніе тамъ—339 и сл.; проповѣдуетъ Христа въ синагогѣ—339; вѣрующіе главнымъ образомъ среди язычниковъ—339—40; посланія къ Оссалоникѣцамъ—341 и сл.; опасности—343; ненависть къ ап. Павлу со стороны иудеевъ—343; ап. Павелъ скрывается—344; бѣгство изъ Оссалоникъ—344—5; вѣсть съ Силою оставляютъ Оссалоннику и отправляются въ Верію—345; Аонны—348 и сл.; его душевное состояніе въ Аоннахъ—350, 355; сношенія съ иудеями Аонны—357; жертвенникъ неведомому Богу—356; проповѣдуетъ въ Аоннахъ—360; результатъ проповѣди—359 и сл.; взглядъ на него въ обществѣ—359—60; отвѣщаетъ на вопросъ аоннянъ—362—3; проповѣдуетъ объ истинномъ Богѣ и воскресеніи мертвыхъ—363—6; тактъ въ обращеніи къ аоннянамъ—364; оставляетъ Аонны—367; каждающаяся неудача проповѣди—367; зародышъ по-

были въ самой неудачѣ—367—8; въ Коринѣ—369; посланія къ Коринѣянамъ и Оссалоникѣцамъ—372; скорбь по случаю нравственныхъ нестроений въ Коринѣ—373 и сл.; не желаетъ ничего принимать отъ коринѣянъ, чтобы не дать повода къ клеветѣ на себя—374; отношенія къ Акилѣ и Прискиллѣ—374; работаетъ въ качествѣ дѣлателя палатокъ—375; къ нему присоединяются Сила и Тимофей—375; принимаетъ приношенія отъ филиппійскихъ христіанъ—375; основываетъ церковь въ Коринѣ—376—7; жалобы на ап. Павла со стороны иудеевъ Коринѣянъ—379—80; Галлатіонъ не позволяетъ ему сказать защитительную рѣчь—380; освобожденіе его Галлатіонъ—380; его предположеніе о перепискѣ съ Сенекой—подложно—383; пишетъ первое посланіе къ Оссалоникѣцамъ, второе посланіе къ Оссалоникѣцамъ—384; изложеніе 1 Осс.—384 и сл.; выраженіе въ его посланіяхъ возмущенныхъ его чувствъ—386; безпокойство касательно того, какъ были принимаемы его посланія—386; пріятельствіе и вступленіе въ его посланія—387; благодареніе за оссалоникѣйскихъ христіанъ въ 1 Осс.—388; опасности въ Оссалоникѣ и Филиппахъ—390; клеветы отъ иудеевъ и язычниковъ—390; отвѣтъ на оссалоникѣйскія клеветы, опровергаемыя его жизнью и безпокойствомъ—390; ничего не беретъ отъ нихъ—390; гоненіе отъ иудеевъ—391; радость по случаю добрыхъ извѣстій о христіанахъ Оссалоникъ—391; посѣщеніе Оссалоникъ Тимофеемъ—391; его сообщеніе о найденіи тамъ вѣры—391; внушаетъ оссалоникѣцамъ правила нравственной христіанской обязанности—392; о воскресеніи мертвыхъ—393 и сл.; исправляетъ ошибочные взгляды касательно близости втораго прішествія Господня—397; изложеніе 2 Осс.—397 и сл.; взглядъ на время втораго прішествія—398; цѣль 2 Осс.—400, 402; пребываніе въ Коринѣ—408; въ Ефесѣ—409, 411 и сл.; временный назорейскій обѣтъ и связанное съ нимъ условіе—409; проповѣдуетъ Христа въ Ефесѣ—409; отправляется въ Іерусалимъ въ четвертый разъ—410; перечисленіе его четырехъ посѣщеній Іерусалима—410; конецъ втораго апостольскаго путешествія—410; пріемъ ему въ Іерусалимѣ—410; третье апостольское путешествіе—411—604; опять отправляется въ Антиохію и опять посѣщаетъ церкви Фригіи и Галатіи—411; опасность въ Ефесѣ—419; свидѣтельство объ Аполосѣ—421; труды въ Ефесѣ—421—2; отдѣляетъ своихъ учениковъ отъ иудеевъ Ефеса и ведетъ ежедневныя бесѣды въ школѣ Тиранны—422; успѣхъ проповѣди въ Ефесѣ—423; опасности—матей въ Ефесѣ со стороны поклонниковъ Діаны—432 и сл.; оставляетъ Ефесъ—438; присоединеніе къ нему двоихъ ефесянъ—Тихика и Трофима—438; пощеніе о коринѣйскихъ церквахъ—439—41; печаль по случаю извѣстій изъ Коринѣянъ—444—5; начинаетъ первое посланіе къ Коринѣянамъ—448; объясненіе коринѣянамъ цѣль его мисіи—450; провозглашеніе ученіе о распятіи Спасителя—450; увѣщаваетъ къ единенію во Христѣ—451; осу-
жа-

дасть раздѣленія въ церкви—451; предостерегаетъ противъ ложныхъ учителей—451—2; дѣло кровосмѣшника въ коринѣ—454; о цѣломудріи—456—7; идоложертвенное—457; воскресеніе мертвыхъ—465—8; о бракъ и дѣвствѣ—456; его собственная борьба—458; призывъ тѣхъ, кто пали по недостатку самоограниченія—458; о покрывтіи или непокрывтіи головы при богослуженіи—460—1; осужденіе безпорядковъ въ Коринѣ во время совершенія еucharистіи—461; о любви—463 и сл.; изъ Ефеса отправляется въ Троаду и оттуда (вспѣхъ видѣнія) направляется въ Македонію—471; предметы содержанія различныхъ посланій—474; самозащита предъ коринѣянами—474 и сл., 480 и сл.; борьба (въ трехъ фазисахъ) съ иудействомъ въ посланіяхъ—2 Корин. Галат. и Римл.—478; источникъ его апостольскаго авторитета—478 и сл.; характеръ его проповѣди, какъ онъ опредѣленъ имъ самимъ—483 и сл.; его служеніе есть служеніе примиренія—485; самъ онъ какъ посланникъ Христа—485; не составляетъ бремени для коринѣянъ—487; простота рѣчи, негодованіе и пропія и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкость и кѣжость 2 Корин. съ конца IX—487 и сл.; предостереженіе противъ ложныхъ учителей—489—90; его собственные труды и опасности—491 и сл.; видѣнія и откровенія—492 и сл.; путешествіе и труды въ Македонію—495 и сл.; залогъ апостоламъ въ Иерусалимѣ—497; оставляетъ Македонію и возвращается въ Коринѣ—498; его спутники—500; отсутствіе извѣстій касательно его сношенія съ церковью въ Коринѣ по возвращеніи туда—501—2; основаніе для заключенія касательно успѣшности его борьбы съ коринѣйскими затрудненіями—502; раскрытіе задушевныхъ мыслей въ посланіяхъ къ Галатамъ и Римлянамъ—502; печаль по случаю успѣха иудействующихъ учителей въ Антиохіи и Коринѣ и въ Галатіи—503—4; отсюда посланіе Галатамъ—504; обвиненія противъ него со стороны иудействующихъ учителей и его отвѣты—506; противодѣйствіе защитниковъ необходимости обрѣзанія—507 и сл.; апостольскій авторитетъ, впервые заявленный и доказанный въ посланіи къ Галатамъ—513; рѣшимость идти въ Иерусалимъ не смотря на всѣ опасности и затѣмъ въ Римъ—524; его вѣрванъ Бога—524—5; сомнѣнія касательно разсказовъ объ его мученичествѣ—530; защитники ученія, что духовное сѣмя Авраама есть только истинный Израиль Божій—538; объясненіе изреченія пр. Аввакума о жизни вѣрою—544; причина нѣкоторыхъ логическихъ недостатковъ въ его положеніяхъ—556; возраженія на его доводы въ посланіи къ Римлянамъ—564—5; употребленіе имъ различныхъ методовъ аргументаціи—565; кажущееся противорѣчіе въ его писаніяхъ—565—6; ревность къ истинѣ—566; равнодушіе къ кажущимся логическимъ несообразностямъ въ его ученіи—565—6; скорбь объ ожесточеніи сердца—575; любовь къ иудеямъ—576; покровительство отъ римскаго безпристрастія въ лицѣ Галліана, Лизія, Феликса и Феста—584; заговоръ иудеевъ противъ его

жизни—591; Сосипатръ, Аристархъ, Секундъ, Гай, Тимофей, Тихикъ, Трофимъ и Лука—его сотоварищи—593; въ Филиппахъ—593; въ Троадѣ—593 и сл.; путешествіе мимо Лесбоса, Хиоса, Самоса и Трогазіи въ Милетъ—597; свиданіе съ пресвитерами ефесской церкви въ Милетѣ—598, 600; путешествіе изъ Милета мимо Коса, Кинды, Родоса, Патары и Кипра въ Туръ—600—1; въ Турѣ—602; посѣщаетъ Филиппа евангелиста въ Кесарію—602; пятое посѣщеніе Иерусалима и конецъ третьяго апостольскаго путешествія—604; пріемъ ему отъ Іакова и пресвитеровъ церкви иерусалимской—ихъ предложеніе ему—605—7; принимаетъ предложеніе касательно назорейскаго обѣта—611; взрывъ ярости противъ него со стороны иудеевъ въ храмѣ—616; обвиняется иудеями въ оскверненіи храма—616; извѣщается Лизіемъ отъ иудеевъ въ храмѣ—618; обращается къ иудеямъ съ рѣчью—618—9; приказъ бичевать его и заявленіе имъ своихъ правъ римскаго гражданства—621—2; передъ синедриономъ, грубое отношеніе къ нему первосвященника, его протестъ и самозащита—623 и сл.; получаетъ ободреніе въ видѣніи—629; спасается своимъ племянникомъ отъ заговора иудеевъ противъ его жизни—630 и сл.; отсылается Лизіемъ въ Кесарію подъ военнымъ коноводомъ—632—3; образъ дѣйствій Лизія—630; письмо Лизія къ Феликсу—631—2; приговора къ суду предъ Феликсомъ—634 и сл.; защита предъ Феликсомъ—637; ап. Павелъ вновь требуется лично къ Феликсу—638; сила его доводовъ предъ Феликсомъ—638—9; попытка Феликса вынудить отъ ап. Павла взятку за освобожденіе—639; предъ Фестомъ—апелляція къ Кесарю—643 и сл.; предъ Фестомъ и Агриппой—650; его защитительная рѣчь—650 и сл.; отсылается подъ надзоромъ Юлія сотника въ Римъ съ Лукою и Аристархомъ, какъ его спутниками—654—6; путешествіе въ Римъ мимо Силона, Кипра, Меры, Кинды, Хоронихъ Пристапей, его мужество въ опасности.—Мелита—656 и сл.; кораблекрушеніе при Мелитѣ—665 и сл.; Ехидна на Мелитѣ—670; объявляется Богомъ—671; исцѣляетъ отца Публия—671; путешествіе въ Римъ съ о. Мелиты чрезъ Сиракузы, Регію, Путеолы, Бай, Капуя, Аппіевъ плацъ, Три Гостиницы—671—5; обращеніе съ нимъ въ Римѣ—675 и сл.; его узмы—676; апелляція къ Кесарю—676; обращается съ рѣчью къ иудеямъ въ Римѣ—677; его сотоварищи и друзья въ Римѣ—Тимофей, Лука, Аристархъ, Тихикъ, Енафродитъ, Енафрасъ, Маркъ, Димасъ—678; два года пребыванія и невозбранной проповѣди въ Римѣ—679; его помѣщеніе—680—1; опасенія и неудачи—681; отсрочка суда надъ нимъ—681; средства къ жизни—682; успѣхъ его проповѣди—682 и сл.; положеніе въ Римѣ—684—5; разнообразіе чертъ въ его посланіяхъ—689 и сл.; посланія, написанныя въ узлахъ—689 и сл.; любящее попеченіе о немъ Лидія и другихъ филиппійскихъ друзей во время тюремнаго заключенія въ Римѣ—695—6; равнодушіе римскихъ христіанъ—695; разсказъ филиппійцамъ о себѣ—

700; смиреніе въ его служеніи и предостереженіе церкви Колосской противъ ложныхъ учителей—722; судъ, оправданіе, освобожденіе и ходъ дѣльнѣйшихъ событий до смерти—735; предполагаемое посѣщеніе имъ Испаніи—758; посѣщаетъ о. Критъ—767; основываетъ церковь на о. Критѣ—767; послѣдніе дни—774 и сл.; опасенія гностицизма—776; желаніе укрѣпить церковь противъ гностицизма—776; отношенія между ап. Павломъ и Тимофеемъ—778; сотоварищи во время послѣдняго тюремнаго заключенія—779; пишетъ Тимофею о своей одинокости въ тюрьмѣ, о помощи Божіей и о судѣ—783; трудности втораго тюремнаго заключенія въ Римѣ и перемѣны въ его положеніи—779—81; остается въ своей одинокости своимъ друзьями и только кѣрный Лука съ нимъ—781; сердечное расположеніе къ нему Онисифоръ, посѣтившаго его въ темницѣ и благодарности ему—778, 782; послѣдній судъ надъ нимъ, немногія о немъ свѣдѣнія, упованіе на Бога—782—3, 787; желаніе его еще разъ повидать Тимофея—788; послѣднее посланіе—790 и сл.; прощаніе съ Тимофеемъ—793; личная дѣла—793; просьба о присылкѣ фелоніи, книги и пергаментовъ изъ Троады—794—6; окончательный судъ, осужденіе, смерть—799 и сл.; кажущаяся неудача и величіе дѣйствительнаго успѣха дѣла—681—2; плоды его жизни и трудовъ—803—4; вѣнецъ праведности—803—4; слогъ, какъ выразитель его характера—807—12; отзывы различныхъ писателей объ его слогѣ—807 и сл.; риторика—812—16; классическія цитаты и ссылки—816—22; гагадисты—822—27; ап. Павелъ и Филонъ—822 и сл.; въ Аравіи—833—4; „жала въ плоть“—834—841; ап. Павелъ и Іоаннъ—850—2; нападенія на ап. Павла въ Клементинахъ—852—4; богословіе и антиноміи—858—9; доказательство его освобожденія—871—4; хронологія его жизни и посланій—887—9; годы написанія его посланій—890—2; свидѣтельство преданія объ его наружности—892—3.

Павелъ Сергій проконсулъ о. Кипра, стр. 241, 849—50.

Пана Адрианъ (см. Адрианъ VI).

Паревонъ—повѣщеніе его Пресвятой Дѣвѣ Маріи, стр. 368.

Пастырскія посланія ап. Павла, подлинность ихъ, стр. 774 и сл., 874 и сл.

Пасха—горница, гдѣ она была совершена, стр. 58, 220.

Павъ, предсказатели въ немъ, стр. 241—2.

Пергаменты и книги ап. Павла въ Троадѣ, стр. 25, 794 и сл.

Петръ, апостолъ краеугольного камня, стр. 1; первая пятидесятница—55 и сл.; рѣчь его и ея дѣйствіе—70—1; чудеса—73, 182; пріемъ его ап. Павлу въ Иерусалимъ—161—2; допущеніе имъ язычниковъ въ церковь—179—80; укоряетъ Симона волхва—180; въ домѣ Симона коженника—182; видѣніе въ Юппи и его значеніе—188—90; посланіе отъ Корнелія сотника—191; рѣчь къ язычникамъ въ Кесаріи и ея вліяніе—192—3; рѣчь въ Иерусалимѣ и ея результаты—

193—4; въ темницѣ—214; освобожденіе изъ темницы ангеломъ—215, склоняется къ возрѣнію ап. Павла на обрѣзаніе—278; рѣчь его по вопросу объ обрѣзаніи—285; независимость иудейства и свободное общеніе съ язычниками—297; укоряетъ его отъ ап. Павла за перемѣну въ отношеніи къ язычникамъ—298 и сл.; духъ, съ которымъ онъ отнесся къ этому укорю—299, 300; сомнѣнія касательно обстоятельности его мученичества—530; онъ не есть основатель римской церкви—530.

Петръ и Іоаннъ—два главные апостола, стр. 1; передъ главными священниками—73; знаніе ими духа Христова—852.

Петръ и Павелъ апостолами въ Антиохіи Сирійской, стр. 296.

Пилатъ—его судейское безпристрастіе, стр. 380.

Писаніе св.—дѣлаемое изъ него употребленіе ап. Павломъ, стр. 32—3.

Пшца, правила ап. Павла касательно пищи, стр. 585—6.

Планий—о христіанахъ въ Вионніи, стр. 226; писмо его къ Сабиніану—863.

Планий младшій о христіанахъ, стр. 848.

Покрѣпѣ головы женщинами, стр. 460—1. Помпей—поселеніе имъ иудеевъ въ Римѣ, стр. 526; отношеніе его къ нимъ и слѣдствія этого—526—7.

Помпея—нравственное состояніе ея передъ погубелью, какъ показывающее степень нравственнаго состоянія такихъ городовъ, какъ Тарсъ, Ефесъ, Коринѣ и Милетъ, стр. 297. Понцій Пилатъ (см. Пилатъ).

Porcia Lex, стр. 28.

Порцій Фестъ (см. Фестъ).

Посланіе—посланія ап. Павла, ихъ значеніе, стр. 2; подлинность—5—7; сравненіе ихъ съ поэзіей въ псалмахъ Давида—12; ихъ свидѣтельство касательно „жала въ плоть“—147 и сл.; посланія ап. Павла въ сравненіи съ нагорною проповѣдью Спасителя—386; ихъ характеръ—386; пріветствія и вступленія—387—8; особенности 1 посл. къ Фессалоникійцамъ—388 и сл.; 2 Фесс. изложеніе его—397 и сл.; дѣла этого посланія—400, 402; особенность въ планѣ и раздѣленіи 1 и 2 посланій къ Коринѣ—402; объясненіе 2 Фесс. II гл. 1—12, ст. 403 и сл.; 1 Кор. написано въ послѣднее пребываніе ап. Павла въ Ефесѣ—439; поводъ къ этому посланію—442 и сл.; изложеніе его—449 и сл.; содержаніе нѣсколькихъ посланій—474; 2 къ Коринѣянамъ, изложеніе его—478 и сл.; посланія къ Галатамъ и Римлянамъ написаны въ Коринѣ—500; причина посланія къ Галатамъ—504; дѣло его—доказать, что обрѣзаніе не необходимо—506—7; важныя слѣдствія посланія къ Галатамъ—510—11; изложеніе его—512 и сл.; поводъ къ написанію посланія къ Римлянамъ—525; изложеніе его—526 и сл.; заключеніе, какъ оно вѣроятно предполагалось первоначально—590; дѣйствительное заключеніе—590; посланія, написанныя въ Коринѣ, составляли предметъ проповѣди ап. Павла въ этомъ городѣ—592; ихъ отношеніе къ

жизни апостола—раздѣленіе на группы—689 и сл.; порядокъ, въ которомъ написаны—692; посланія изъ узъ—693 и сл.; къ Колоссянамъ—711 и сл.; къ Филимону—727 и сл.; хронологія посланій, написанныхъ въ узѣхъ—717—8; посланіе къ Ефессянамъ—736 и сл.; поводъ къ этому посланію, его подлинность, предметъ, слогу, въ сравненіи съ посланіемъ къ Колоссянамъ—736 и сл.; пастырскія посланія—754 и сл.; 1 Тимофею—758 и сл.; къ Титу—770 и сл.; подлинность пастырскихъ посланій—774—5, 874 и сл.; сообщеніе ап. Павла Тимофею о его одиночествѣ въ темницѣ и приближеніи конца—788—9; главные прописные манускрипты—860—1; раздѣленіе посланій на группы—862—3; фразеологія и ученіе посланія къ Ефессянамъ—869—71; хронологія посланій ап. Павла—887—9; время написанія каждого изъ нихъ—890—2.

Правители гражданскіе, обязанности по отношенію къ нимъ—583—4; ихъ назначеніе—584; ученіе ап. Павла о повиновеніи имъ—584—5.

Праведность Божія—ея дѣйствіе на человѣка—542; праведность закона и что зависѣло отъ нея—43 (см. Богъ).

Правители, современные ап. Павлу, таблица ихъ—890—2.

Преданіе о двѣнадцати годахъ какъ предѣлъ, назначенномъ Спасителемъ для пребыванія Его учениковъ въ Иерусалимѣ, стр. 219.

Предопредѣленіе—смыслъ его, стр. 572; совѣстимость съ свободною волею человѣка—572—3; связанныя съ нимъ затрудненія разрѣшаются безконечною любовью Божіей—574; взглядъ на него ап. Павла—858—9.

Прискилла и Акила, ихъ отношенія къ ап. Павлу, стр. 374.

Прозелиты, греки—ихъ обращеніе, стр. 196; налагавшеся на нихъ бремя—845.

Проборазы, стр. 37.

Прописные манускрипты книги Дѣяній Апостольскихъ и посланій ап. Павла, стр. 860—1. Проводъ нагорная въ сравненіи съ посланіями ап. Павла, стр. 386.

Пророки—предсказывали призваніе язычниковъ, стр. 185.

Пророчество—исполненное на Мессіи, стр. 102—3.

Прощеніе испущенныхъ, взглядъ ап. Павла, стр. 858.

Псалмы—поэзія ихъ въ сравненіи съ посланіями ап. Павла, стр. 12.

Публій, исцѣленіе отца его ап. Павломъ въ Мелитѣ, стр. 671.

Путешествіе ап. Павла въ Римъ, стр. 654 и сл. (см. Павелъ).

Путешествія—апостольскія ап. Павла (см. апостольскія путешествія).

Пятидесятница—первая послѣ воскресенія Спасителя, стр. 61; начало окончательнаго періода въ отношеніи Бога къ людямъ—61; наплывъ народа въ Иерусалимъ—69; событія во время праздника—69—71.

Раввъ—мѣсто ея въ родословіи Спасителя, стр. 223.

Раббанъ, Равви, стр. 30.

Рабы и господа—въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, стр. 764—5.

Раввинъ, раввины—школы ихъ, стр. 27 и сл.; неправильное отношеніе ихъ къ устному закону—42; оцѣживали комаровъ и проглатывали верблюдовъ—46; иерусалимскіе, негѣдѣніе ихъ въ отношеніи духа даровъ Божіихъ—85.

Разсѣяніе избраннаго народа, стр. 78—9; слѣдствія его для іудеевъ, грековъ и римлянъ—80 и сл.

Римляне—посланіе къ нимъ, поводъ къ нему, стр. 525; изложеніе его—526 и сл.; обращеніе къ іудеямъ, такъ и къ язычникамъ—531; вѣроятное сдѣлано съ него копій и разослано другимъ церквамъ какъ напр. въ Ефесъ и Бессалонику—532; цѣль его—532 и сл.; характеръ и стиль—532 и сл.; характеръ церкви, когда апостолъ писалъ посланіе—533; причины его—533; духъ, въ которомъ написано посланіе—533—4; вѣроятное происхожденіе посланія—535; Иисусъ Христосъ какъ общее основаніе для іудей и язычника—сущность какъ этого такъ и другихъ посланій ап. Павла—536; очеркъ посланія—536 и сл.; привѣтствіе и вступленіе—539—40; благодареніе за вѣру римлянъ—540; римскіе христіане—540; правда Божія, открытая въ евангеліи Креста какъ іудею, такъ и язычнику—541; основная истина посланія—541—2; правда Божія—различныя источники и откровенія ея—542 и сл.; грѣхъ язычества—546—7; іудей, какъ одинаково повинные выѣсть съ язычниками—547; бесполезность обрѣзанія—550—1; оправданіе—свободный даръ Божій—554; всеобщность грѣха и оправданія—556; единымъ грѣхъ, единымъ и оправданіе—556—7; цѣль закона—557—8; отношенія грѣха и благодати—558; почему законъ безсиленъ оправдывать—559—60, 561—2; христіанитъ мертвъ для своего прежняго нравственнаго состоянія, возсталъ къ новому бытію, ибо Христосъ въ своемъ распятіи тѣлѣ разрушилъ силу грѣха—566—7; предопредѣленіе и свободная воля не несомѣстимы между собою—572 и сл.; іудей и ихъ паденіе—574 и сл.; ихъ надежды на возстановленіе—576 и сл.; поставленіе повинности гражданской власти—583—4; почтеніе ап. Павла къ гражданскими властями, доказываемое опытами его жизни—584; наставленія касательно поста и утробленія пищи—585—6; слабые и сильные—586 и сл.; защита ап. Павломъ своихъ посланій—589; вѣроятный конецъ посланія, какъ оно предполагался сначала—509; его дѣйствительное заключеніе—509—10.

Римлянинъ, римляне—вліяніе на нихъ разсѣянія іудеевъ, стр. 80; ихъ первоначальные взгляды на христіанъ—380; ихъ іудейское безпристрастіе къ обвиняемымъ христіанамъ—380; апофеозъ ихъ императоровъ—843—5.

Римъ—состояніе его во времена апостоловъ, какъ оно описано ап. Иоанномъ, Сенекой и Ювеналомъ, стр. 227—9; поселеніе въ немъ іудеевъ

Помпейскъ—526; введеніе христіанства—528; іудейскіе и языческіе элементы въ ранней церкви Рима—528—532; безпристрастіе его законовъ по отношенію къ ап. Павлу—584; увѣренность ап. Павла въ римскихъ христіанахъ—589; ап. Павелъ въ Римѣ—675 и сл.; его общественное состояніе, первые христіане въ немъ—681 и сл.; главныя вліянія въ немъ во время пребыванія ап. Павла въ немъ—685; равнодушіе римскихъ христіанъ къ нуждамъ ап. Павла сравнительно съ почитательною любовью филиппійцевъ—695—6, 759.

Рубо какъ праматерь Христа, стр. 223.

Сабиніанъ, письмо Плинія къ нему, стр. 863.

„Савль—гонимый“, стр. 115 и сл. (см. Павелъ).

„Савль—фарисей“, стр. 40 и сл.

Саддукеи—тщательное соблюденіе ими субботы, стр. 46.

Саламинъ—іудей въ немъ, стр. 240; ап. Павелъ и Варнава въ немъ—240—1.

Салпирга (см. Ананія).

Сардапалъ, статія его въ Анхальѣ, стр. 20.

Светоній—его ошибка въ отношеніи І. Христа, стр. 226; его взглядъ на христіанство—226, 847.

Свободная воля, взглядъ на нее ап. Павла, стр. 558.

Святій Духъ—обѣтованіе Его апостоламъ, стр. 56; сошествіе на апостоловъ—стр. 64; слѣдствіе этого дара—65.

Священники—главные—судъ ихъ надъ апп. Петромъ и Иоанномъ, стр. 73; многіе іудейскіе, „послужные вѣрѣ“ Христовой—92.

Семьдесятъ—переводъ Библии семидесятью толковниками, какъ самыми учеными лицами изъ іудеевъ разсѣянія, стр. 88.

Сенека—описаніе изъ Рима, стр. 227; отношеніе къ Галліону—379; подложное предпологаемой перенесеніи его съ ап. Павломъ—383; отзывъ объ іудеяхъ въ Римѣ—527—8; попалъ въ неволю у Нерона—687.

Сергій Павелъ, проконсулъ о. Кипра, стр. 241, 849—50.

Сениъ—его попытка изгнать іудеевъ изъ Рима, стр. 527; преслѣдованіе іудеевъ—584.

Сила—присоединяется къ ап. Павлу въ Антиохіи Сирійской, стр. 296; спутникъ ап. Павла въ его путешествіяхъ—305—6; (см. Павелъ).

Сильванъ (см. Сила).

Симоонъ—его предсказаніе о Спасителѣ какъ Светѣ для язычниковъ, стр. 223.

Симоонъ Нигеръ—положеніе его въ церкви въ Антиохіи Сирійской, стр. 222.

Симонъ волхвъ, стр. 180, 242.

Симонъ Петръ (см. Петръ).

Синедрионъ—не боявшійся Господа Иисуса Христа, убоялся двухъ учениковъ Его, стр. 73; ярость его въ слѣдствіе рѣши Св. Стефана—111; обвинялся въ слабости власти во время мученичества Св. Стефана—116; бракъ какъ условіе членства въ немъ—115; ап. Павелъ членъ его—115—6.

Синтихія и Еводія—вліятельныя женщины въ церкви Македонской, стр. 327; (см. Еводія).

Скева ефесскій, чернокниже его синовей въ Ефесѣ и пораженіе ихъ духомъ въ слѣдствіе употребленія ими имени Иисуса, стр. 424—5.

Смерть побѣжденная жизнью, стр. 556—7.

Совѣсть, блаженство чистой совѣсти, стр. 588.

Сосуды гнѣва и милости, стр. 576.

Софонія—пророчество его о всеобщемъ богопоклоненіи Іеговъ, стр. 223.

Сосевъ—произведенное надъ нимъ побоище предъ глазами Галліона, стр. 381.

Спаситель (см. Иисусъ).

Синноза, стр. 3.

Стефанъ св.—вліяніе послѣднихъ словъ его на ап. Павла, стр. 51; Стефанъ и еллинасты—78; избраніе его однимъ изъ семи диаконъ—90; вліяніе его на ап. Павла—91; онъ былъ болѣе ученикомъ ап. Павла, чѣмъ Гамалиилъ—91; вѣроятно слышалъ проповѣдь Самого І. Христа, хотя преданіе, что онъ былъ однимъ изъ семидесяти учениковъ, не имѣетъ достаточныхъ основаній—93; избранъ въ диаконы за свою вѣру—93; самый выдающійся изъ семи диаконъ—94; по своимъ дѣламъ среди народа равный апостоламъ—94; его великое участіе въ распространеніи церкви—94; не только диаконъ, но и благовѣстникъ—94; сравненіе его съ двѣнадцатымъ—94; его разсужденіе въ синагогѣ либертинцевъ—100; его торжество въ аргументаціи—100; результатъ этого—101; его взглядъ на законъ Моисеевъ, какъ богоухуство для іудеевъ—105; вліяніе его на судъ синедриона—105; его взглядъ на устный законъ—106; обвиненія противъ него со стороны жесевидцевъ—106; его отвѣтъ—сокращенное изложеніе исторіи іудейскаго народа до распятія Христа—108; видѣніе имъ славы Божіей—113; мученичество 113 и сл.; его молитва за своихъ убійцъ—114; погребеніе—116; сравнительное значеніе св. Стефана, апп. Филиппа и Павла въ дѣлѣ распространенія церкви—196.

Стояны, стоянцы, стр. 229.

Суббота—субботство фарисеевъ и саддукеевъ, стр. 46.

Субботній годъ—соблюденіе его, стр. 46.

Судъ—ученіе о немъ ап. Павла стр. 858 и 859.

Тавноа—воскресеніе ея изъ мертвыхъ, стр. 182.

Тайная вечеря, горница, въ которой она совершилась, стр. 58, 220.

Талмудъ—благородные характеры въ немъ, стр. 31; обрядовыя правила—38, 39; аллегоріи—43; разказы изъ него—865.

Тарсъ—родина ап. Павла, стр. 10; описаніе его и черты окружающей природы—12; торговля и политическія выгоды мѣстоположенія—14—15; торговое процвѣтаніе—15; его нравственное состояніе во время ап. Павла, 20—21; нравственное состояніе Тарса и соблазны городовъ судя по даннымъ, представляемымъ Помпейей—24.

Тацитъ—его взглядъ на христіанство, стр. 226, 847.

Тертий—писецъ посланія ап. Павла къ Римлянамъ, стр. 333.

Тертулль адвокатъ, его обвинительная рѣчь противъ ап. Павла на судѣ передъ Феликсомъ, стр. 635.

Тиберій, императоръ, смерть его, стр. 170.

Тигеллинъ, преторианскій префектъ, его характеръ, стр. 780.

Тимофей—1 посланіе къ нему: изложене его, стр. 758 и сл.; цѣль посланія—759; предостереженіе противъ ложныхъ учителей—759—60; внушеніе о молитвѣ, спокойствіи, трезвости—761—2; качества необходимыя для занятія священныхъ должностей въ церкви—761; отправленіе съ ап. Павломъ въ его путешествіе—310; возвращается съ Силою къ ап. Павлу въ Коринѣ изъ Фессалоники—384; посылается ап. Павломъ въ Фессалонику—391; его сообщеніе о вѣрѣ Фессалоникійцевъ—391; личные совѣты ему ап. Павла—764—5; его отношеніе къ ап. Павлу—778; сообщеніе ему ап. Павла о своемъ одиночествѣ въ темницѣ—783; о помощи Божіей—783; о судѣ—783 и сл.

Тимофей—обращенъ ап. Павломъ въ Листръ, стр. 264; обрѣзанъ—280, 312; любовь къ нему ап. Павла—310; посланія къ нему ап. Павла—310; характеръ Тимофея—310; качества пресвитеровъ и диаконовъ—761 и сл.; правила касательно управленія тѣломъ—762; бракъ—762; вдовство—762; рукоположеніе—762, 764; 2 посланіе къ Тимофею—изложене его—774 и сл.; благодарность за доброту Онисифора—778, 782; новое предостереженіе противъ ложныхъ учителей, съ характеристикой ихъ—791 и сл.; личныя наставленія—какъ пастырю—793; просьба ап. Павла придти къ нему, принести его фелонь и книги изъ Троицы, и заключеніе—794 и сл.

Титъ—обращенъ ап. Павломъ на о. Кипрѣ, стр. 277; ходилъ съ ап. Павломъ и Варнавою на соборъ іерусалимскій по вопросу объ обрѣзаніи—277; вопросъ о его обрѣзаніи—280, 312; присоединяется къ ап. Павлу въ Македонію—472; посланіе къ нему ап. Павла, изложене его—766 и сл.; руководящая мысль посланія—здоровствъ въ учени—771—2.

Тихикъ Ефесскій присоединяется къ ап. Павлу—438; сотрудникъ ап. Павла, стр. 772.

Троада—фелонь и книги ап. Павла, оставленныя тамъ у Карпа, стр. 25, 794 и сл.

Трофимъ Ефесскій—присоединяется къ ап. Павлу, стр. 438; болѣзнь его въ Милетѣ—779.

Узы, посланія ап. Павла, написанныя въ узлахъ, стр. 689 и сл.

Устный законъ (см. законъ).

Утѣшитель (см. Св. Духъ).

Ученики (см. апостолы).

Фараонъ—объясненіе ожесточенія его сердца, стр. 573.

Фарисеи—ихъ жизнь и законничество, стр. 40 и сл.; тонкости законническаго благочестія—46; соблюденіе субботы—46; крестились, но пони-

мали Христа менѣе, чѣмъ саддукеи, которые и предали его гражданской власти—104.

Фарисейство—различныя его стороны, стр. 31.

Феликсъ, его судейское безпристрастіе, стр. 380, 584; сдѣланъ прокураторомъ Іудей въ 52 г.—614; взгляды на него среди іудеевъ—635; отложилъ окончаніе суда надъ ап. Павломъ въслѣдствіе данныхъ, представленныхъ Лизиемъ—638; трепещетъ въслѣдствіе разсужденій апостола—638—9; его попытка добиться вытѣки отъ ап. Павла за его освобожденіе—639; его послѣдній актъ несправедливости по отношенію къ ап. Павлу—640—1.

Фелонь ап. Павла и книги и пергаменты, оставленные въ Троадѣ, стр. 25, 794 и сл.

Фестъ—его судейское безпристрастіе, стр. 380, 584; насильствуетъ Феликсу въ качествѣ прокуратора Іудей въ 60 г. по Р. Хр.—642; приводитъ ап. Павла предъ лицо Агриппы—648 и сл.; его отношеніе къ ап. Павлу—643—6.

Филмонъ—причина посланія къ нему ап. Павла, стр. 727—33; предметъ и изложене посланія 734 и сл.

Филиппійцы—материальная помощь ихъ ап. Павлу въ Коринѣ, стр. 375; посланіе къ нимъ—693; причины его—695—6; поощреніе объ ап. Павлѣ—695—6; посланіе къ нимъ—утѣшеніе къ сохраненію единенія—697, 701; особенности его—696—8; изложене—699 и сл.; ободренія филиппійцамъ—700—1; различныя предостереженія—703 и сл.; заключеніе—705—6; благодарность за пособіе—705; будущность церкви филиппійской—706.

Филиппъ (евангелистъ) избранный диакономъ, стр. 90; диаконъ и проповѣдникъ евангелія—94; его служеніе—94.

Филиппъ (апостолъ) и Андрей—греческія имена, но распространенныя среди іудеевъ, прим. 237; крещеніе имъ Симона волхва, стр. 180; крещеніе еоионскаго свнуха—181; значеніе въ дѣлѣ развитія церкви Филиппа вмѣстѣ съ св. Стефаномъ и ап. Павломъ—196; пощеніе его ап. Павломъ въ Кесаріи—602.

Филиппы—описаніе ихъ, стр. 324 и сл.; церковь филиппійская одна только оказываетъ матеріальное пособіе ап. Павлу—326; сотрудники ап. Павла тамъ—326—7.

Философія аоніискіе, стр. 357 и сл.

Флаккъ, правитель Александріи, арестъ его и смерти, стр. 172—3.

Храмъ іерусалимскій—во время первой пятидесятницы по воскресеніи Христа, стр. 61; разрушеніе его—400; обвиненіе ап. Павла въ оскверненіи его—616.

Христианнъ и христіанинъ, стр. 205—6.

Христіане—происхожденіе этого имени и гдѣ впервые оно появилось, стр. 202—3; „христіанинъ“ и „назарянинъ“—205—6; христіанство какъ противоположность іудейству—478; противоположность между ними, какъ она выставлена въ посланіи ап. Павла къ Коринфянамъ—478; христіанское единство (см. единство), отношеніе его къ фарисеямъ и саддукеямъ—93—4;

ихъ положеніе и обряды—95; обвинялись скорѣе въ богохульствѣ, чѣмъ идоолоклонствѣ—116; такъ названы впервые въ Антиохіи Сирийской—202; ихъ стойкость во время гоненій—226; требованіе живой жертвы—581; опасность христіанъ въ Римѣ—583; жизнь христіанина есть жизнь во Христѣ—588.

Христіанство—распространеніе его ап. Павломъ, стр. 2; христіанство—его отношеніе къ іудеямъ—224; взгляды на него Плинія, Тацита и Светонія—226; сравненіе съ стоицизмомъ—229; отношеніе къ искусству—354—5; отзывы о немъ раннихъ языческихъ писателей—847—9; введеніе его въ Римъ—528 и сл.

Христосъ (см. Исусъ).

Хронологія жизни и посланій ап. Павла, стр. 887—9.

Царство Божіе—ошибочное понятіе о немъ, стр. 42—3; основаніе его, цѣль служенія Христа—97; опредѣленіе его—587.

Церковь—ея жизненности съ первыхъ временъ, стр. 56; первые дни ея—72 и сл.; ап. Павелъ дважды обезпеченъ Варнавою для дѣла церкви—197; покой и успѣхъ ея—178; дѣло начатое св. Стефаномъ, подвинутое Филиппомъ и завершенное ап. Павломъ—196; ранняя церковь въ Антиохіи Сирийской—222; ложные братья въ церкви въ Антиохіи Сирийской—273; опасность для церкви отъ разногласія по вопросу объ обрѣзаніи—340; успѣхъ церкви въ Аоніяхъ—367—8; церковь, основанная ап. Павломъ въ Коринѣ—376; церковь въ Кеухреяхъ—378; опасность для церкви въ Коринѣ—440; язычники не судятъ въ церковныхъ вопросахъ—455; качества, необходимыя для занятія церковныхъ должностей—761 и сл.; правила для пастырей и управителей церкви—761, 764 (см. имена отдѣльныхъ церквей).

Цицеронъ—его отзывъ объ аоніиской философіи, стр. 358.

Цѣломудріе, стр. 456—7.

„Человѣкъ грѣха“, стр. 855—8.

„Человѣкъ—три великія эпохи въ его религиозной исторіи, стр. 556; четыре фазиса ея—564; не подъ закономъ, но подъ благодатію—562 и сл.

Чтенія—іудейская книга дневныхъ чтеній, стр. 253.

Чудеса, совершенныя апостолами, стр. 73, 74, 182, 235, 243, 261.

Шаммаи, школа его, стр. 30; его происхожденіе—223; взглядъ его на устный законъ—274.

Шема—изучалась ап. Павломъ въ дѣтствѣ, стр. 29.

Школа раввиновъ, стр. 27 и сл.

Эвроклидонтъ—Эвроклидонтъ, стр. 661—2.

Элима, его противодѣйствіе ап. Павлу, стр. 243; его сѣяніе—243.

Эней, исцѣленіе его, стр. 182.

Эпиктетъ о христіанствѣ, стр. 848.

Эпикурейцы, стр. 358—9.

Эпимениды—жертвенники, основанные въ Аоніяхъ по его совету, стр. 356; цитата ап. Павла изъ него въ посланіи къ Титу—771.

Этезіеискіе вѣтры, стр. 656, 658.

Ювеналь—его описаніе Рима, стр. 227.

Юлианъ—попытка его замѣнить названіе „христіанъ“ названіемъ „назаряинъ“, стр. 204—5.

Юлій Цезарь—покровительство его іудеямъ, стр. 584.

Юлій сотникъ—его безпристрастіе, стр. 380; ап. Павелъ подъ его надзоромъ на пути въ Римъ—634 и сл.; окончаніе порученія по отношенію къ ап. Павлу, 675.

Языки—говореніе на невѣдомыхъ языкахъ, стр. 65; знаменіе дара Духа Св. во время Пятидесятницы—65; различныя взгляды на этотъ даръ—65—8; въ Іерусалимѣ и Коринѣ—68; употребленіе языковъ апостолами—69 и сл.

Языкъ, понятный народу, внушается употреблять въ проповѣди, стр. 464—5.

Язычество во времена апостоловъ, стр. 227.

Язычество и его слѣдствія, стр. 546.

Язычники—допущеніе ихъ въ церковь Христову, стр. 178 и сл.; первое принятіе ихъ въ Церковь—196; ихъ великодушная помощь іудейскимъ христіанамъ—209; пророчество Симеона—223; въ Писидіи радостно принимали евангеліе, проповѣданное ап. Павломъ, по отверженіи его іудеями—258; предметъ будущаго пощенія ап. Павла—270; миролюбіе между христіанами изъ язычниковъ въ Римѣ и христіанами изъ іудеевъ, когда ап. Павелъ писалъ посланіе къ Римлянамъ—533; ихъ грѣхъ отрицанія и оставленія Бога, наказаніе имъ—545—6; язычники и іудеи одинаково повинны предъ Богомъ и одинаково испулены—550.

Фарра—сказаніе о немъ, стр. 222.

Феофилъ первосвященникъ—122.

Фессалоника, описаніе ея, стр. 338; голодъ во время пощенія ея ап. Павломъ—339; служеніе ап. Павла—339 и сл.; посланіе ап. Павла къ Римлянамъ послано вѣроятно и Фессалоникійцамъ—532.

Фессалоникійцы—отправились для возстановленія вѣрійцевъ противъ ап. Павла—340; посланія къ нимъ ап. Павла—341—2; 1 Фесс.—изложене этого посланія—387—8; похваля ихъ вѣрѣ и христіанскому духу—388; особенности посланія 388, 390—5; радость ап. Павла ради ихъ—391; сообщеніе Тимофея о состояніи ихъ вѣры ап. Павлу—391; внушеніе имъ братской любви и душевнаго мира—392; второе пришествіе Христа и страшный судъ—393; и сл. результаты 1 Фесс.—395; тревога отъ мыслей о близости втораго пришествія Христа—397 и сл.; 2 Фесс.: цѣль его—400, 402; самое важное мѣсто въ этомъ посланіи—403—4; объясненіе 2 Фесс.—405—7.

ученических библиотек средних и низших учебных заведений.

19) УЧЕНИЕ ЕВАНГЕЛИСТА ИОАННА О СЛОВѢ. **Филарета**, архіеписк. Чер. Черниговъ. 1869 г. Ц. 1 р. 25 к.

20) ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОРЪ ПСНОПѢВЦЕВЪ и пснопѣвныя греческой Церкви (Большой томъ, 464 стр.). **Филарета**, арх. Изд. 2-е, съ дополненіями. Черниговъ. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

21) ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ на посланіе Апостола Павла къ Галатамъ. **Филарета**, ахр. Черниговъ, 1862 г. Ц. 75 к.

22) НОВАЯ СКРИЖАЛЬ или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ, **Веніаміна**, арх. Нижегород. Въ 4-хъ частяхъ, съ рисунками, гравированными на деревѣ Л. Сряжковымъ. Изданіе 14-е. Отпечатано на велевой бум. Спб. 1884 г. Ц. 2 р.

23) СВЯЩЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ первыхъ вѣровъ ира и человечества, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ. **Георгія Властова**. Въ 3-хъ томахъ. Изданіе второе, исправленное. Всѣ три тома «Священная лѣтопись» опредѣленіемъ Святейшаго Синода одобрены для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библиотеки духовныхъ семинарій. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведений. Рекомендованы для всѣхъ церквей. Спб. 1878 г. Ц. 8 р. 50 к.

14) ИСТОРИЧЕСКОЕ, ДОГМАТИЧЕСКОЕ И ТАИНСТВЕННОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ Основано на священномъ писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и на писаніи св. отцевъ Церкви. Сост. **Иваномъ Дмитріевскимъ**. Вновь пересмотрѣнное и исправленное изданіе, съ рисунками Академія **В. Г. Солнцева**. Отпечатано на велевой глазированной бумагѣ. Спб. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к., въ издѣльномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

25) СВЯТАЯ БЛАГОЧЕСТІЯ, или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ Протоіерея **Василія Нордова** (Съ портретомъ автора). Въ 2-хъ томахъ, 1200 страницъ убористаго шрифта. Томъ первый. I. Бесѣды на Божественную Литургію. II. Бесѣды на блаженства Евангельскія. III. Бесѣды на воспоминаніе священныхъ событій. IV. Катехизическія поученія. V. Слова на великіе праздники, на дни воскресные, воскресные дни Великаго поста. Томъ второй. Церковнопроповѣдическое тресхлѣтіе, заключающее въ себя слова и поученія на разные случаи. С.-Петербургъ, 1883 г. Ц. 5 р. Въ красивомъ коленк. переплетѣхъ 7 р.

26) СЛОВА, БЕСѢДЫ И РЪЧИ **Филарета** (Гумилевскаго), архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. Въ 4-хъ ч. Изданіе 3-е. Спб. 1886 г. Ц. 3 р. 50 к. Въ роскошномъ переплетѣ 4 р. 50 к.

27) ДОКАЗАТЕЛЬСТВА истинны христианской вѣры, основанныя на буквальному исполненіи пророчествъ. **А. Нейта**. Переводъ съ 38 изданія багана Отто Эльснера. Спб. 1870 г. Ц. 2 р.

28) ДНИ БОГОСЛУЖЕНІЯ православной католической восточной Церкви. Протоіерея **Г. С. Дебольскаго**. 2 большихъ тома въ 6 частяхъ. Изданіе 7-е. Спб. 1882 г. Цѣна 3 р.; въ роскошномъ коленкоромъ переплетѣ 4 руб. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведений.

29) ПОПЕЧЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О СПАСЕНІИ МІРА, выраженное въ ея Богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ

рожденія до смерти, или объясненіе обрядовъ, требъ, таинствъ и Богослуженія православной Церкви. Протоіерея **Г. С. Дебольскаго**. Съ рисунками къ текстѣ. Изданіе третье. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведений. Спб. 1885 г. Ц. 2 р., въ издѣльномъ коленкоромъ переплетѣ 3 р.

30) НЕОБХОДИМОСТЬ И ВАЖНОСТЬ христіанскаго поведенія и послушанія православной Церкви. Протоіерея **Г. С. Дебольскаго**. Изд. 2-е. Спб. 1885 г. Ц. 50 к.

31) О ГОВѢНІИ по уставу Православной Церкви. Протоіерея **Г. С. Дебольскаго**. Изд. 2-е. Спб. 1882 г. Цѣна 50 к.

32) СЕДМИЦА ГОВѢНІЯ, исповѣди и причащенія. Протоіерея **Г. С. Дебольскаго**. Изданіе 2-е. Спб. 1882 г. Цѣна 20 коп.

33) РАЗМЫШЛЕНІЯ КАЮЩАГОСЯ ГРѢШНИКА О СТРАШНОМЪ СУДѢ, или о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа на землю и всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ. Спб. 1886 г. Ц. 15 к.

34) РАЗГОВОРЪ СВЯЩЕННИКА съ прихожаниномъ противъ леченія заговорами. Соч. **Свящ. Мих. Гранікова**. Включена въ каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ въѣдѣнства Министерства Народнаго Просвѣщенія въ отд. III для ученическихъ библиотекъ и для народнаго чтенія. Спб. 1885 г. Ц. 15 к.

35) СЕМЕЙСТВО ВИФАНІИ. Размышленія о болѣзни, смерти и воскресеніи Лазаря. Спб. 1871 г. Ц. 50 к.

36) ПОУЧЕНІЯ КЪ ПРОСТОМУ НАРОДУ. **Іоанна Архангельскаго**, священника Саратовской Срѣтской церкви. Изд. 5-е. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ красив. переплетѣ 2 р. 25 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведений.

37) БОЖЕСТВЕННОЕ ЛИЦО И ДѢЛО Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Спб. 1882 г. Цѣна 1 руб.

38) ПОУЧЕНІЯ СЕЛЬСКАГО ПАСТЫРЯ. Священника **П. Боброва**. Изд. 2-е. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ красив. переплетѣ 2 руб.

39) ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПОУЧЕНІЙ Протоіерея **Р. Путятіна**. Съ портретомъ его. Изд. 20-е. Спб. 1884 г. Цѣна 2 р. Въ коленк. переплетѣ 3 р.

40) ПОУЧЕНІЯ НА ВЕЛИКІЕ ПРАЗДНИКИ православной Церкви и на 1-ю недѣлю Великаго поста. Составленные архимандр. **Іосифомъ**. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. Въ красив. коленк. пер. 1 р. 50 к.

41) ОТЕЧНИКЪ. Избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ житій ихъ, собранныя епископомъ **Игнатіемъ** (Брянчаниновымъ). Съ приложеніемъ портрета преосв. **Игнатія** и снимка съ его рукописи: «Предисловіе» къ первому тому (аскетическихъ опытовъ). Большой томъ въ 8-ю д. 651 стр. четкой печати. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. Въ красив. коленкор. пер. съ золотымъ тисненіемъ 4 р.

42) О ТЕРПѢНІИ СКОРБЕЙ Ученіе святыхъ отцовъ. Собранные епископомъ **Игнатіемъ** (Брянчаниновымъ). Изд. 2-е. Спб. 1882 г. Ц. 75 к. Въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ 1 р. 25 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведений.

43) О КОНЧИНѢ МІРА. 3 поученія изъ соч. Еписк. **Игнатія** (Брянчанинова). Изд. 2-е. Спб.

1881 г. Ц. 20 к. Ученымъ Комитетомъ **Министерства Народнаго Просвѣщенія** одобрено для ученическихъ библиотекъ средн. и низ. учеб. заведеній.

44) ПРИГOTOВЛЕНІЕ къ таинствамъ поспѣши и святаго причастія. Изъ соч. еп. **Игнатія** (Брянчанинъ). Изд. 2-е. Спб. 1883 г. Ц. 30 к.

45) АКАФІИСТЪ СВЯТОМУ АНГЕЛУ, неусыпаемому хранителю человѣческой жизни. Изданіе пятое. Съ изображеніемъ святаго Ангела. Гражданской печати. Роскошное изданіе, отпечатано на велевовой бумагѣ, двумя красками, крупной печати. Спб. 1885 г. Цѣна 30 к., въ крас. пер. 75 к.

46) ХАРАКТЕРЪ ПРОТЕСТАНТСТВА и его историческое развитіе. Ректора (бывшаго) С.-Петербургской духовной семинаріи, Архимандрита **Хрисанфа**. Изд. 2-е. Спб. 1871 г. Ц. 75 к.

47) БЕСѢДЫ О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ архимандрита **Макарія** (Троицкаго). Бывшаго законоучителя Орловскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., въ красномъ переплетѣ 1 р.

48) СЛОВА, БЕСѢДЫ И ПОУЧЕНІЯ архимандрита **Макарія** (нынѣ епископа). Говоренныя имъ въ бытность священникомъ въ городѣ Орлѣ и законоучителемъ въ Орловскомъ Александровскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 1856—1879 г. Спб. 1881 г. 261 стр. Изящное изд. Ц. 1 р. 50 к. Въ красив. перепл. съ золот. тиснен. 2 р. Ученымъ Комитетомъ **Министерства Народнаго Просвѣщенія** одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

49) ТОЛКОВАНІЕ НА ПСАЛМЫ. Составилъ Паладій, епископъ Саранскій. Изданіе 2-е, испр. и дополн. Вятка, 1874 г. Ц. 2 р.

50) ОТВѢТЫ НА ГЛАВНѢЙШИЯ ВОЗРАЖЕНІЯ противъ вѣры истинной. Спб. 1860 г. Цѣна 50 коп.

51) ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ. Поэма **Мильтона**. Перевелъ стихами **С. И. Писаревъ**. Напечатано въ 8-ю долю листа, 500 страницъ, съ подробною біографіею **Мильтона** и съ рисункомъ съ картины: **Мильтонъ**, диктующій своей дочери поэму «Потерянный рай». Спб. 1871 г. Ц. 2 р.

52) МЕССИАДА. Божественная поэма. Сочиненіе **Волынского**. Перевелъ стихами **С. И. Писаревъ**. Въ 3-хъ частяхъ, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора, посвящена Его Величеству Государю Императору **Александру II-му**. Въ 8 д. л., 900 стр., Спб. 1868 г. Ц. 4 р.

53) КАТЕХИЗИЧЕСКІЯ ПОУЧЕНІЯ (къ простому народу), на символъ вѣры, Молитву Господню, блаженства Евангельскія и на десять заповѣдей Божіихъ. Составлены священникомъ **Петромъ Макаровымъ**. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р. 50 к. Въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 25 к. Ученымъ Комитетомъ **Министерства Народнаго Просвѣщенія** одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

54) ОБЪ ИСТИННОМЪ ХРИСТІАНСТВѢ. Съ присокупленіемъ райскаго вертограда, испол-

неннаго христіанскихъ добродѣтелей, или собранія почитательныхъ и утѣшительныхъ молитвъ, Сочиненіе **Іоанна Арида**. Два тома въ 5-ти частяхъ. Одобрено Ученымъ Комитетомъ **Министерства Народнаго Просвѣщенія** для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ школъ. 1240 страницъ. Спб. 1875 г. Цѣна 4 рубля.

55) ПИСЬМА О ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ. Въ 4-хъ частяхъ. Епископа **Веофана** Большой томъ, въ 8 д. л., 787 страницъ убористой печати. Спб. 1880 г. Цѣна 3 р. Въ хорошемъ коленкор. переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 р.

56) БЕСѢДЫ ПРАВОСЛАВНАГО СЯЩЕННИКА СЪ СТАРООБРЯДЦАМИ. Священника **Тимофея Твердынского**. Спб. 1876 года. Ц. 1 р. 75 к.

57) ДУХОВНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ЗДѢШНЯГО съ эпиграфомъ «Пою Богу моему дондеже семь». Изданіе третье, дополненное 20-ю новыми стихотвореніями. Цѣна 75 к.

58) ВѢЧНОЕ БЛАЖЕНСТВО СЯЩИХЪ. Соч. **Ричарда Банстра**. Переводъ съ франц. **А. Свѣтланова**. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р.

59) ПРАВИЛА СЯЩОЙ ЖИЗНИ. Изложены **Аввою Бернардомъ**. Спб. 1872 г. Ц. 50 коп., въ роскошн. коленк. переплетѣ 1 р.

60) ЛѢТОПИСЬ ЦЕРКОВНЫХЪ СОБЫТІЙ и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Рождества Христова до 1879 года, Архимандрита **Арсенія**. Спб. 1880 г. Ц. 4 р.

61) ПРОПОВѢДИ арх. **Анастасія**, инспектора Манской Семинаріи. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ крас. перепл. 2 р.

62) СЛОВА О СЯЩЕНСТВѢ святаго отца нашего **Іоанна Златоустаго**. Перевелъ съ греческаго прот. **Іоаннъ Колоколовъ**. 2-е исправлен. изд. Спб. 1874 г. Ц. 50 к.

63) ПРАВСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ святаго отца нашего **Ісаака Сиріина**. Спб. 1874 г. Ц. 50 к.

64) СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ дѣйствующихъ постановленій по счетоводству и отчетности мѣстн. и властей вѣдомства св. Синода. Сост. **Аленскій**. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

65) ПРАВСТВЕННЫЯ БЕСѢДЫ НА ВОСКРЕСЕНІЯ ЕВАНГЕЛІЯ. Перев. съ греческ. архим. **Неофита** (Пагидаса). Спб. 1884 г. Ц. 75 к.

66) ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ православнаго христіанина. Изданіе второе. Спб. 1886 г. Ц. 30 к., въ изящн. переплетѣ 75 к.

67) ОБОЗРѢНІЕ Пророческихъ книгъ Вѣтхаго Завета. По утвержденной программѣ составилъ **Аленскій Хергозерскій**. Изданіе третье, исправленное. Спб. 1885 г. Ц. 1 р.

68) ПОУЧЕНІЯ, сказанныя воспитанникамъ Смольнаго Александровскаго училища законоучителемъ ихъ, протоіереемъ **І. К. Романовымъ**. (Съ портретомъ автора). Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ **Министерства Народнаго Просвѣщенія** одобрено для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

69) ПОУЧЕНІЯ И НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ. Протоіерея **І. Романова**. Новый третій выпускъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣе проситъ прилагать по 15 коп. на каждый рубль. Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ. Требовапія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтой.

Только-что отпечатанъ **Полный каталогъ книжнаго магазина на 1887 г.** (преимущественно книгъ религіозно-нравственнаго содержанія). Цѣна 35 к.

присл
не